АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

РЕДАКЦИЯ
А.М.ЕГОЛИН (глав.ред.), Н.Ф.БЕЛЬЧИКОВ,
И.С.ЗИЛЬБЕРШТЕЙН и С.А.МАКАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 2

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО – ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ПУШКИН
ЛЕРМОНТОВ
ГОГОЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 2

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ПУШКИН

ПУШКИН В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ (1815—1837)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ В. С., Г. С. и О. С. АКСАКОВЫХ, Е. А. БАРАТЫНСКОГО, А. П. БОЧКОВА, К. П. БРЮЛЛОВА, И. Г. БУТОВСКОГО, Е. ВЕЙКАРТ, А. Ф. ВЕЛЬТМАНА, А. В. ВЕНЕВИТИНОВА, А. Ф. ВОЕЙКОВА, З. А. ВОЛКОНСКОЙ, М. С. ВОРОНЦОВА, Б. А. ВРАСКОГО, П. А. ВЯЗЕМСКОГО, П. А. ГАББЕ, Ф. Н. ГЛИНКИ, Н. И. ГНЕДИЧА, А. П. и Н. П. ГОЛИЦИНЫХ, И. И. ГРАФФА, Н. И. ГРЕЧА, В. П. ДАВЫДОВА, В. И. ДАЛЯ, Д. В. ДАШКОВА, А. А. ДЕЛЬВИГА, М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ, О. А. ДОЛГОРУКОВОЙ, А. П. ДУРНОВО, В. А. ЖУКОВСКОГО, А. В. ЗРАЖЕВСКОЙ, А. А. ИВАНОВСКОГО, А. Е. и В. В. ИЗМАЙЛОВЫХ П. П. КАВЕРИНА, А. Н., Е. А., Е. Н. и С. Н. КАРАМЗИНЫХ, М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ, П. А. КАТЕНИНА, И. В. КИРЕЕВСКОГО, С. Д. КИСЕЛЕВА, Д. М. КНЯЖЕВИЧА, П. Б. КОЗЛОВСКОГО, Ф. Ф. КОКОШКИНА, А. А. КРАЕВСКОГО, Н. И. КРИВЦОВА, В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА, М. И. ЛЕКСА, И. В. МАЛИНОВСКОГО, П. В. НАЩОКИНА, Я. М. НЕВЕРОВА, В. И. ОБОЛЕНСКОГО, В. Ф. ОДОЕВСКОГО, М. Ф. ОРЛОВА, Н. Г. ОСОКИНА, К. А. ОХОТНИКОВА, П. А. ПЛЕТНЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Н. В. ПУТЯТЫ, В. Л. ПУШКИНА, М. П. РОЗБЕРГА, Е. Ф. РОЗЕНА, А. Г. РОТЧЕВА, Я. И. САБУРОВА, П. С. САНКОВСКОГО, П. П. СВИНЬИНА, О. И. СЕНКОВСКОГО, К. С. СЕРБИНОВИЧА, А. С. СИРКУР, А. О. СМИРНОВОЙ, И. М. СНЕГИРЕВА, С. А. СОБОЛЕВСКОГО, Е. А. СОЛОМИРСКОЙ, О. М. СОМОВА, С. В. СТРОГАНОВОЙ, В. Г. ТЕПЛЯКОВА, Е. А. ТИМАШЕВОЙ, В. П. ТИТОВА, Ф. И. и Я. Н. ТОЛСТЫХ, А. И. ТУРГЕНЕВА, М. А. УРУСОВА, Е. А. УШАКОВОЙ, Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН, А. И. и Е. И. ФИЛОСОФОВЫХ, А. А. ФУКС, Д. И. ХВОСТОВА, Е. М. ХИТРОВО, А. С., С. А. и Ф. С. ХОМЯКОВЫХ, А. А. и Ф. П. ШАХОВСКИХ, С. П. ШЕВЫРЕВА, Б. С. ШЕРЕМЕТЕВА, Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА, А. М. и Н. М. ЯЗЫКОВЫХ

Публикации К. Богаевской, Л. Добровольского, В. Ерофеева, Р. Заборовой, И. Зильберштейна, Л. Катанской, Е. Коншиной, Л. Ланского, Л. Назаровой, С. Недумова, В. Нечаевой, Ф. Приймы, С. Рейсера, Н. Розенблюма, Т. Цявловской

Вступительная статья Д. Благого

Над собиранием и публикацией фактических материалов о Пушкине трудилось много поколений пушкинистов. Иные представители старого буржуазно-дворянского литературоведения стремились придать этой подсобной собирательской работе, вырождавшейся к тому же порой в чистейшее крохоборчество, вид подлинной «науки», что вызывало резкие и вполне законные насмешки со стороны революционно-демократической критики. Однако решительно отвергая претензии на самодовлеющее значение и ценность этой предварительной изыскательской работы и, в особенности, попытки подменить ею действительное научное исследование, критики — революционные демократы нисколько не отрицали необходимости и полезности тщательного и строгого изучения фактических материалов. Собирание и изучение этих материалов Добролюбов образно уподоблял возведению лесов строющегося здания; точное знание их считал необходимым для создания больших, обобщающих, пронизанных передовой идейностью трудов о выдающихся писателях прошлого.

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые открыла свободный доступ исследователям во все секретные правительственные и дворцовые архивы, в многочисленные частные собрания, запрятанные в дворянских и купеческих особняках. Благодаря этому за последнее тридцатилетие было опубликовано и введено

в научный оборот очень большое количество новых историко-литературных материалов, в том числе и материалов о Пушкине. Среди них видное место занимали материалы эпистолярного характера — многочисленные письма родственников, друзей, знакомых Пушкина, содержавшие те или иные упоминания о нем. В частности,в специальном пушкинском томе «Литературного наследства», вышедшем в 1934 г.,было напечатано в ряду других материалов, более двухсот пятидесяти выдержек из писем современников, извлеченных в результате предпринятого по инициативе редакции обследования некоторых архивных эпистолярных собраний.

После многочисленных публикаций советского времени стало казаться, что дальнейший приток новых неизвестных данных о Пушкине уже вряд ли возможен, что, конечно, еще могут быть случайные единичные находки, но в целом собирательская работа по Пушкину должна считаться законченной. Однако организованные редакцией «Литературного наследства» для настоящего тома новые архивные разыскания обнаружили, что эта точка зрения не соответствует действительности. Почин 1934 г., уже давший значительные результаты, был повторен на еще более широкой основе. Сотрудниками редакции и привлеченными ею к этой работе исследователями-архивистами был произведен сквозной просмотр более тридцати эпистолярных фондов, находящихся в основных архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Путем длительной и чрезвычайно трудоемкой работы, при которой просмотр целого большого фонда давал подчас всего лишь несколько мелких выдержек, удалось обнаружить свыше 270 неопубликованных писем современников Пушкина, заключающих в себе различные упоминания и сообщения о поэте.

В итоге образовалось еще одно, весьма значительное количественно и очень разнообразное по своему содержанию, собрание документов, которое обогащает нас новыми многочисленными данными о Пушкине.

От мемуаров письма современников отличаются своей непосредственностью, тем, что они написаны, так сказать, «по горячим следам», чаще всего сразу же после событий, о которых в них рассказывается. В силу этого публикуемые выдержки не только дают возможность исследователю внести ряд поправок и уточнений, порой достаточно существенных, в летопись трудов и дней Пушкина (датировки некоторых биографических эпизодов, даты написания некоторых произведений), не только сообщают немало новых и иногда весьма ценных сведений, касающихся истории творчества Пушкина, его политической биографии, его литературных отношений, его личной жизни и т. п. В некоторых из печатаемых выдержек ярко отражается живой облик поэта, его непосредственная реакция на то или иное событие жизни или явление искусства; воспроизводятся самые его жесты, запечатлены только что сказанные им по тому или иному поводу и еще совсем свежие в сознании слушателя слова; порой, кажется, что звучат даже самые интонации его голоса.

Конечно, публикуемый здесь материал отнюдь не может быть полностью принят на веру и требует к себе не меньшего критического отношения, чем любой другой исторический документ. В некоторых выдержках имеются подчас и неточные или даже прямо неверные сведения; звучат, наряду с голосами друзей, и недоброжелательно-пристрастные голоса завистников поэта, его личных, литературных, политических врагов. Но и это живо вводит нас в реальную обстановку жизни Пушкина, в атмосферу общественно-политической и литературной борьбы его времени.

Письма, выдержки из которых здесь печатаются, охватывают двадцать два года, то есть почти всю сознательную жизнь Пушкина, начиная с лицейских лет и кончая дуэлью и смертью. Однако по отдельным периодам биографии Пушкина они распределяются неравномерно.

К лицейскому периоду жизни Пушкина относится всего лишь один отрывок из письма В. А. Жуковского к П. А. Вяземскому, датированного 19 сентября 1815 г., т. е. годом первого триумфа Пушкина как поэта — чтения им на публичном экзамене в присутствии Державина своих «Воспоминаний в Царском селе». Зато эта единственная выдержка представляет для нас первостепенный интерес. О Пушкине-лицеисте мы знаем в основном лишь по позднейшим воспоминаниям его лицейских товарищей или по характеристикам лицейских профессоров и воспитателей, относящимся к его школьным

успехам и поведению и поражающим подчас (как, например, пресловутая запись о нем директора лицея Е. А. Энгельгардта) полным и грубым непониманием гениального юноши-поэта. В мимолетной, но исключительно живой и непосредственной зарисовке Жуковского, очевидно сделанной им сразу же после первого знакомства с Пушкиным, шестнадцатилетний поэт, в прямую и полную противоположность отзыву Энгельгардта, который писал о «поверхностности» его ума и «пустоте и холодности» его сердца, предстает перед нами пылким, сильно и глубоко чувствующим юношей: «Я был у него на минуту в Сарском селе. Милое, живое твореньe! Он мне обрадовался и к р е п к о п р и ж а л р у к у м о ю к с е р д ц у» (разрядка моя.— *Д. Б.*). Именно таким образ юного поэта возникает перед нами и в дошедших до нас отрывках из записей Пушкина в его лицейском дневнике, относящихся как раз к этому времени (ноябрь—декабрь 1815 г.). Искрометный талант Пушкина уже был в эту пору замечен и оценен многими; в частности, как известно, Державин отозвался об авторе «Воспоминаний в Царском селе», как о растущем «втором Державине». Но отзыв Жуковского о «молодом чудотворце» выделяется в ряду всех других своей точностью и проницательностью: «Это надежда нашей словесности ⟨...⟩ Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему г и г а н т у, к о т о р ы й в с е х н а с п е р е р а с т е т» (разрядка моя.— *Д. Б.*).

Встречей, о которой рассказывается в данном письме, и должно датироваться начало прочных, проходящих через всю жизнь Пушкина дружеских отношений старшего и младшего поэтов.

«Помочь» Пушкину, то есть повернуть великого вольнолюбца, протестанта и реалиста на путь пассивно-романтического «примирения» с действительностью — к этому Жуковский будет бесплодно стремиться в течение многих и многих лет. Именно такой характер «помощи» Жуковского сказывается и в данном письме. Из лицея, который, несмотря на ряд существенных недостатков, присущих системе лицейского преподавания, являлся одним из очагов и питомников преддекабристского вольнолюбия, Жуковский хотел бы «переселить» Пушкина на несколько лет в Геттингенский или «в какой-нибудь другой немецкий университет», оторвать его от родной русской почвы, превратить в того отвлеченно-восторженного романтика «с душою прямо геттингенской», тип которого будет позднее гениально обобщен Пушкиным в Ленском. В этом смысле Жуковский, очевидно, тогда же говорил о Пушкине и другим своим литературным друзьям-арзамасцам. По крайней мере с этим местом из письма Жуковского полностью перекликаются слова Батюшкова в написанном им три года спустя письме к А. И. Тургеневу, датированном 10 сентября 1818 г., то есть относящемся к периоду интенсивной работы Пушкина над своей первой большой поэмой «Руслан и Людмила»: «Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою» (Сочинения Батюшкова, т. III. СПб., 1886, стр. 533).

К сожалению, никаких других ранее неизвестных писем, относящихся к лицейскому периоду жизни Пушкина, обнаружить не удалось. Скупы новые данные и о периоде между окончанием лицея и ссылкой на юг, ограничивающиеся всего лишь выдержками из трех писем — двух писем дяди поэта В. Л. Пушкина к Вяземскому и письма Е. А. Энгельгардта к одному из бывших товарищей Пушкина по лицею — А. М. Горчакову.

В выдержке из письма В. Л. Пушкина от 2 августа 1818 г. следует отметить сообщение о смерти бабушки поэта — М. А. Ганнибал. У некоторых биографов имелась тенденция преувеличивать влияние бабушки на мальчика-Пушкина в ущерб действительно большому и очень важному влиянию на него няни — Арины Родионовны. В связи с этим замечательные строки из лицейского стихотворения Пушкина «Сон», в которых поэт вспоминает о сказках, рассказывавшихся ему в детстве и дает яркий образ старушки-сказительницы, стали относить не к няне, а к бабушке, тем самым существенно ослабляя значение элемента народности в развитии мальчика-Пушкина. Между тем, в программе автобиографических записок Пушкина в разделе о «первых впечатлениях» детства на одном из первых мест стоит весьма характерно и выразительно слово «няня», а о бабушке в этой связи вовсе не упоминается. О достаточной далекости отношений Пушкина к М. А. Ганнибал свидетельствуют и

слова из письма В. Л. Пушкина о том, что поэт, который находился в это время в Петербурге, «узнав о кончине бабушки своей <...> м о ж е т б ы т ь, поедет к отцу», то есть в Михайловское, где умерла бабушка (разрядка моя.— *Д. Б.*). Еще показательнее в этом отношении, что в Михайловское Пушкин так и не поехал.

Значительно больше новых данных связано с периодом южной ссылки поэта (выдержки из 19 писем). В них имеется ряд штрихов, несомненно представляющих то биографический, то историко-литературный интерес.

В письме поэта-баснописца А. Е. Измайлова, издателя журнала «Благонамеренный», написанном 13 сентября 1820 г. и адресованном одному из сотрудников журнала — П. Л. Яковлеву, брату лицейского товарища Пушкина, слова о том, что поэму «Руслан и Людмила», вышедшую с месяц назад, «хвалят и хулят без милосердия», живо вводят нас в атмосферу ожесточенных литературных боев, которые, отражая борьбу различных общественно-политических лагерей, вспыхнули вокруг первой поэмы Пушкина.

Выдержка из письма поэта Н. И. Гнедича, который издал вторую поэму Пушкина — «Кавказский пленник», к Вяземскому (от 12 июля 1822 г.) восполняет уже хорошо известную нам картину тех исключительно трудных условий, в которых приходилось печататься в это время Пушкину. «„Кавказский пленник",— пишет Гнедич,— вышел из цензуры, как обыкновенно выходят из когтей, не без царапин». Очевидно, о том же и даже, примерно, теми же словами писал Гнедич и самому Пушкину в недошедшем до нас письме. Это видно из ответного письма Пушкина к Гнедичу от 27 сентября того же года. Извещая в нем о получении печатного экземпляра «Кавказского пленника» и иронизируя по поводу нелепых и мелочных придирок цензуры, нашедшей неприличным эпитет «д о л г и й поцелуй разлуки» и потребовавшей замены слова «ночей» на «ей дней» в стихах «Не много сладостных ночей судьба на долю ей послала», Пушкин добавляет: «... признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах и беспокоился — например, если б она переменила стих: „П р о с т и т е в о л ь н ы е с т а н и ц ы", то мне было бы жаль. Но слава богу!<...> „Ей дней" ей-ей не благозвучнее ночей». Задумав два года спустя новое издание «Кавказского пленника», Пушкин требовал изъятия получившегося нелепого и неуклюже-какофонического стиха и восстановления прежнего текста: «*Не много.... ей дней — ночей* — ради бога»,— писал он брату 13 июня 1824 г. (XIII, 48, 98). Во втором издании поэмы, вышедшем в 1828 г., первоначальный текст удалось восстановить.

Характерны слова о Пушкине в письме К. А. Охотникова (от января 1821 г.): «Я сам вручу письмо Ваше в степях живущему Сверчку и уверен, что он будет петь и прыгать от радости». Выдержанные в шутливо-ласковых «арзамасских» тонах слова эти дают наглядное представление о самом благожелательном отношении к Пушкину со стороны одного из активных деятелей Кишиневской управы Союза Благоденствия и тем пополняют историю дружеских и приятельских связей между поэтом и членами тайного общества.

Еще одним подтверждением самого широкого распространения в списках новых произведений Пушкина и, в особенности, его вольнолюбивых стихов, является письмо близкого к литературным кругам Н. В. Путяты к известному впоследствии библиофилу и библиографу С. Д. Полторацкому (от 19 июня 1823 г.). Н. В. Путята сообщает, что «несколько новых рукописей Пушкина разгуливают по свету» и выражает уверенность, что они уже известны его адресату, хотя последний и жил тогда далеко от обеих столиц, в Белоруссии, в Могилеве. Действительно, отрывок из поэмы «Братья разбойники» служил в это время предметом оживленного обмена мнений и в Петербурге, и в Москве (см. майскую переписку 1823 г. между Вяземским и А. И. Тургеневым в «Остафьевском архиве», т. II, стр. 322, 324, 325, 327, и выдержку из письма Я. И. Сабурова к А. И. Сабурову от 15 июня 1823 г., впервые публикуемую здесь). Особенно интересно, конечно, упоминание о пушкинском «Кинжале» (Путята называет это стихотворение «Кинжал Занда»), список которого имелся у Путяты и с которого он, видимо, охотно делал копии и посылал их знакомым.

История отношений Пушкина с новороссийским генерал-губернатором гр. М. С. Воронцовым, к канцелярии которого он был прикомандирован в период одесской ссылки, дополняется письмом Воронцова (от 28 марта 1824 г.) к начальнику штаба 2-й армии,

ПУШКИН

Портрет маслом (на меди) Горюнова (?) 1850-е гг.

Дата «1835», поставленная на портрете, неверна

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

П. Д. Киселеву, лично знавшему поэта. Свое неблаговидное и резко враждебное отношение к Пушкину Воронцов, решительно требовавший его удаления из Одессы и в то же время игравший в либерализм, маскирует в письме к Киселеву желанием поэту «добра». Подобным же лицемерием проникнут и обещанный в этом же письме и, действительно, в тот же день написанный Воронцовым, «хороший отзыв» о Пушкине, предназначавшийся для К. В. Нессельроде, стоявшего во главе министерства иностранных дел (к этому министерству поэт был приписан по окончании лицея). Письмо к Нессельроде, в котором Воронцов также ссылается на то, что «собственный интерес молодого человека», то есть Пушкина, требует перемещения его «в какую-нибудь другую губернию», по существу имеет характер прямого политического доноса. Хитрость и лицемерие Воронцова по отношению к Пушкину обманули не только многих современников и даже некоторых друзей поэта, но и его позднейшего биографа, П. В. Анненкова. Однако сам поэт полностью разгадал подлинную сущность натуры Воронцова, заклеймив его несмываемым позором в концовке направленной против него эпиграммы: «Полуподлец, но есть надежда, что станет полным, наконец».

В своем творческом и духовном развитии Пушкин шел семимильными шагами, стремительно опережая подавляющее большинство выдающихся современников.

Одной из ярких иллюстраций к этому является письмо бывшего арзамасца и будущего николаевского министра Д. В. Дашкова к Вяземскому от 24 июня 1824 г., в котором он выражает надежду, что Пушкин откликнется стихами на только что полученное известие о смерти Байрона: «Смерть Бейрона поразила меня точно так же, как Вас; он умер в ту минуту, когда становился в первый раз интересным — как человек ‹...› На Жуковского надеяться нечего; авось Пушкин (не Василий Львович) напишет что-нибудь достойное умершего». Еще раньше (в письме от 26 мая) сам Вяземский писал о том же А. И. Тургеневу: «Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину. Вот случай Жуковскому!.. Надеюсь и на Пушкина» («Остафьевский архив», т. III, стр. 48—49). А через некоторое время, 6 июня, через жену, В. Ф. Вяземскую, находившуюся в то время в Одессе и непрерывно общавшуюся с Пушкиным, он обратился с призывом к самому поэту: «Заставь его тотчас писать на смерть Байрона». О том же он настойчиво твердил и в письмах от 16 и 21 июня. Снова обращаясь к этой же теме в письме от 6 июля, Вяземский упоминает и о письме к нему Дашкова: «Кланяйся Пушкину. Что же Байрона? И Дашков‹...› надеется на него» («Остафьевский архив», т. V, вып. 1, стр. 11, 15, 17, 26). В ответ на это Вяземская сообщала (в письме от 27 июня): «Пушкин ни за что не хочет писать на смерть Байрона» — и объясняла это тем, что он не может «заниматься чем-нибудь, кроме своего „Онегина“»; «Не говори ему о Байроне раньше, чем он кончит своего „Онегина“; он ничего не сделает, даже если и обещает тебе»,— повторяет она снова в письме от 4 июля («Остафьевский архив», т. V, вып. 2, стр. 115). О величайшей увлеченности, с которой Пушкин работал в это время над своим романом в стихах, пишет 16 июня 1824 г. Вяземскому и декабрист С. Г. Волконский: «Пушкин пишет „Онегина“ и занимает собою и стихами всех своих приятелей» (см. ниже, стр. 166). Но дело было не только в поглощенности работой над «Евгением Онегиным».

Пушкин чрезвычайно высоко ценил гениального вольнолюбца-романтика Байрона, что и доказал написанными несколько позднее, уже в Михайловском, строками, посвященными его памяти в стихотворении «К морю». Но, в противоположность ряду русских поэтов-современников (Рылееву, Кюхельбекеру, Веневитинову и др.), стихотворения на смерть Байрона Пушкин не написал. Объясняется это, несомненно, тем, что автор уже начатых в то время «Цыган» — поэмы по существу своему антибайронической,— автор первых глав «Евгения Онегина», в которых неоднократно критически упоминается имя Байрона, «поэт действительности», прямо противопоставляемой им «Британской музы небылицам», Пушкин уже ушел далеко вперед от романтического субъективизма и эгоистического индивидуализма Байрона и вместе с тем проницательно провидел возможные перспективы его дальнейшего развития.

«Тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии»,— писал Пушкин Вяземскому 24—25 июня, то есть одновременно с выше-

цитированным письмом Дашкова: «Гений Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях <...> он уж не тот пламенный демон, который создал „Гяура" и „Чильд Гарольда". Первые 2 песни „Дон Жуана" выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был на выворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились. После 4-й песни Child-Harold Байрона мы не слыхали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом» (XIII, 99).

О гениальной проницательности этого суждения Пушкина можно судить, сопоставив только что цитированные строки с воспоминаниями Элеоноры Маркс. По ее словам, Карл Маркс сказал, что, возможно, Байрон умер во-время, ибо дальнейшее развитие его творчества могло бы пойти по иному пути. А о том, что мысль Пушкина двигалась в этом же направлении, показывают его позднейшие, года два спустя, размышления в шестой главе «Евгения Онегина» о двух возможных вариантах судьбы Ленского, при чем наиболее вероятным выглядит превращение вольнолюбивого поэта-романтика в мещанина-обывателя («А может быть и то: поэта обыкновенный ждал удел...» и т. д.).

Десять публикуемых эпистолярных отрывков связаны с периодом михайловской ссылки Пушкина. Выдержка из письма А. И. Тургенева к московскому почтдиректору А. Я. Булгакову (от 28 мая 1825 г.), близкому к литературным кругам, заставляет существенно передатировать пушкинскую эпиграмму на Каченовского «Литературное известие»: в академическом издании она помещена под 1829 г.; теперь выясняется, что она была написана на целых четыре года ранее — в 1825 г. Представляет интерес весьма живописное сообщение А. Е. Измайлова П. Л. Яковлеву (в письме от 11 сентября 1825 г.) о том, как Пушкин появился на ярмарке в Святогорском монастыре «в красной рубашке с косым воротом <...> и в таковых же портах», окруженный «друзьями его нищими» и стал смеяться над местным представителем власти — капитан-исправником, который было заметил ему, что такое поведение «не прилично для благородного человека». Многочисленные рассказы о тесном и любовном общении Пушкина с простым народом в период михайловской ссылки поэта, в том числе и об его столкновении на ярмарке с исправником, дошли до нас в значительно более поздних записях, сделанных много лет спустя после смерти Пушкина со слов очевидцев, среди которых были и местные крестьяне, надолго запомнившие это столкновение. Здесь рассказ ведется сразу же после описываемого происшествия, что, естественно, повышает его точность и достоверность. Равным образом письмо Измайлова показывает, что о появлении Пушкина на ярмарке в русском платье скоро стало известно и в Петербурге.

Новым подтверждением огромной популярности творчества Пушкина у передовых людей того времени является письмо от 7 ноября 1825 г. к Вяземскому близкого к декабристским кругам офицера и литератора П. А. Габбе, резко выступавшего против жестокого обращения с солдатами. В связи с этим с июля 1822 г. за ним был установлен тайный полицейский надзор, а в феврале 1823 г. «за дерзкие суждения высших себя в чине и даже о начальниках своих» он был разжалован в солдаты. В сентябре того же года Габбе был возвращен офицерский чин, но он продолжал находиться под подозрением; вскоре после декабрьского восстания, в марте 1826 г., он был уволен со службы с запрещением въезда в столицы. В 1833 г., при невыясненных обстоятельствах, Габбе, как три года спустя автор «Философического письма» П. Я. Чаадаев, был объявлен сумасшедшим, и ему было разрешено уехать за границу «с тем, чтобы впредь не въезжать в Россию ни под своим, ни под чужим именем» — условие, по существу равносильное высылке. «Он, один он живит нашу литературу!»,— пишет Габбе Вяземскому о Пушкине в письме, написанном за месяц с небольшим до восстания 14 декабря. См. также выдержку из более позднего письма от 23 декабря 1827 г. из сибирской ссылки декабриста Ф. П. Шаховского, восторженно отзывающегося о сцене в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова».

Наиболее обширен раздел новопубликуемых эпистолярных материалов, относящийся ко второй половине двадцатых годов — с момента возвращения Пушкина из ссылки и до болдинской осени 1830 г. включительно.

Вторая половина двадцатых годов — разгар николаевской реакции в ответ на первое открытое выступление против царизма дворянских революционеров-декабристов — была одним из самых мрачных и тяжелых периодов в истории русской общественности. «Первые годы, следовавшие за 1825, были ужасающие», — вспоминал А. И. Герцен, переходивший как раз в эти годы от отрочества к юности, «разбуженный», по его собственным словам, к сознательной жизни грохотом картечи на Сенатской площади и казнью декабристов: «Только лет через десять общество могло очнуться в атмосфере порабощения и преследований. Им овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил» (Полн. собр. соч. и писем, т. VI. Пг., 1919, стр. 364). Пушкин сумел пронести свое вольнолюбие, свой полный веры в великое будущее русского народа жизнеутверждающий оптимизм и через эту «моровую полосу» (выражение Герцена): «Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему» (там же, стр. 365). Но этот жизнеутверждающий оптимизм Пушкина дался ему не легко, был в полном смысле этого слова «выстрадан» поэтом. Об этом свидетельствуют хотя бы такие лирические признания Пушкина этой поры, как «Три ключа», «Воспоминание», «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» и др.— яркое и наглядное отражение тягчайшего общественного кризиса, который был и личным кризисом самого поэта, вынужденного жить в атмосфере недоверия властей, непрестанной жандармской слежки, судебных угроз и преследований (дело о стихах из «Андрея Шенье», дело о «Гавриилиаде»), цензурных притеснений. Кроме того, после возвращения из ссылки в Михайловское Пушкин попал в общественную среду, резко изменившуюся по сравнению с тем, чем она была до его высылки из Петербурга и в годы его южной ссылки. «Пушкин,— рассказывает Герцен,— возвратился и не узнал ни московского, ни петербургского общества. Он не нашел больше своих друзей,— не смели даже произносить их имена; только и говорили, что об арестах, обысках и ссылке; все были мрачны и устрашены» (там же, стр. 358).

Больше того, «всеобщее раболепие» последекабристских лет с особой силой давало себя знать именно ~~в кругах так называемого~~ «высшего света»: «Высшее же общество с подлым и низким рвением поспешило отречься от всех гуманных чувств, от всех цивилизованных мыслей. Не было почти ни одной аристократической семьи, не насчитывавшей близких родственников в числе сосланных, и почти ни одна из них не осмелилась носить по ним траур или выказывать сожаление» (там же, стр. 364). Эти слова Герцена являются превосходным реальным комментарием к тем гневным осуждениям блестящего по внешности, но в существе своем «ничтожного» и «тупого», «холодного», «бесчувственного», надменно-суетного, бессмысленно-равнодушного, светского общества — аристократической «черни», которые так настойчиво звучат в последекабристском творчестве Пушкина. Естественно, что, оставшись без своих «братьев, друзей, товарищей», как называл Пушкин декабристов, задыхаясь в светском «омуте», в «мертвящем упоенье света», поэт начинает жадно искать людей, близких ему и в духовном и в политическом отношении. Этим и объясняется его сближение с кружком бывших московских любомудров, к которым был близок до 14 декабря Кюхельбекер и с которыми тесно сошелся появившийся через некоторое время в Москве ссыльный Адам Мицкевич. Кружок, в составе которого наряду с дворянами имелись и разночинцы, вызывал к себе самое пристальное и недоброжелательное внимание властей. В документах III Отделения члены кружка аттестовались «истинно бешеными либералами» («Русская старина», 1902, № 1, стр. 34), «отчаянными юношами», «исповедание веры» которых «составляют правила якобинства» (Б. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. Л., 1925, стр. 81—82). Все эти жандармские характеристики были крайне преувеличены. Но, действительно, кружок, группировавшийся вокруг молодого поэта Дмитрия Веневитинова, по свидетельству Герцена, «полного фантазий и идей 1825 года», был в то время единственным литературно-дружеским объединением, отличавшимся вольнолюбивой настроенностью и продолжавшим в какой-то степени, по крайней мере на первых порах, традиции декабризма. Именно это-то привлекло к членам кружка сочувственное внимание Пушкина, который вполне поддержал их намерение иметь свой печатный орган — журнал «Московский вестник» — и согласился принять в нем самое

близкое участие, даже рассчитывая взять его полностью в свои руки («Может быть, не Погодин, а я — буду хозяин нового журнала»,— писал он Вяземскому 9 ноября 1826 г.— XIII, 305).

Наоборот, представители «благонамеренных» литературных кругов, безусловно и с самого начала ставших в период восстания декабристов на сторону правительства, энергично стремились воздействовать в этом же направлении и на автора «Вольности» и «Кинжала». Это чувствуется в первом же из публикуемых писем, относящихся к послессыльному периоду жизни и творчества Пушкина,— письме (от 17 сентября 1826 г.) к П. Л. Яковлеву А. Е. Измайлова, назначенного как раз в это время, очевидно в связи с проявленной им политической лояльностью, вице-губернатором в Тверь. Сообщая о приезде Пушкина из ссылки в Москву и об его «представлении» Николаю I, Измайлов добавляет: «Дай бог, чтобы такая неожиданная милость подействовала на шалуна-поэта и послужила к совершенному его исправлению». Следует отметить, что в слово «шалун» вкладывался тогда особый политический оттенок.

Еще более характерна во всех отношениях, чем только что приведенные слова о Пушкине Измайлова, большая выдержка из письма Жуковского к Вяземскому от 26 декабря 1826 г. (так как письмо написано из Германии, из Дрездена, где тогда находился Жуковский, то весьма вероятно, что он датировал его по новому стилю; тогда письмо написано как раз в первую годовщину восстания 14 декабря).

Сближение Пушкина с кружком журнала «Московский вестник», который вскоре после этого (с января 1827 г.) начал выходить в свет, не только насторожило жандармов, но крайне встревожило и консервативно настроенного Жуковского. Жуковский был недоволен как ближайшим участием Вяземского в передовом журнале того времени «Московский телеграф», издававшемся купцом Н. А. Полевым, так и, в особенности, дошедшими до него известиями об участии Пушкина в «Московском вестнике», издателем которого был сын крепостного крестьянина, М. П. Погодин. В связи с этим он призывает Вяземского начать издавать новый журнал вдвоем с Пушкиным: «Ты заправлял бы всем журналом, а Пушкин шпаклевал бы его своими стихами, и журнал бы при вашем аристократическом правлении мог бы быть порядочный. Но демократия, с которой связался Пушкин, едва ли что-нибудь путное сделает». (Кстати, стоит отметить, что объединиться в общей журнальной работе, но, понятно, совсем с иными целями, призывал Вяземского около этого же времени и сам Пушкин, усиленно убеждая его отойти от «Московского телеграфа» и принять участие в «Московском вестнике». См. уже упоминавшееся выше письмо к нему Пушкина от 9 ноября 1826 г.)

Но особенный интерес представляет то место из письма Жуковского, которое не только имеет в виду Пушкина, но по существу прямо к нему обращено: «Нет ничего выше как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: „Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников! Пойми свою высокость и будь достоин своего назначения! Заслужи свой гений благородством и чистою нравственностию! Не смешивай буйства с свободою, необузданности с силою! Уважай святое и употреби свой гений, чтобы быть его распространителем. Сие уважение к святыне нигде так не нужно, как в России». В этих патетических призывах еще раз наглядно раскрывается смысл той «помощи»— стремления повернуть творчество Пушкина на консервативно-карамзинские пути,— о необходимости оказывать которую Жуковский писал в уже известном нам письме 1815 г. к тому же Вяземскому о Пушкине-лицеисте. В то же время только что цитированное место прямо напрашивается на сопоставление с знаменитым, написанным двадцать лет спустя, зальцбруннским письмом Белинского к Гоголю. Белинский также, как известно, подчеркивает в письме то величайшее и особое значение, которое литература и писатели имеют именно в России. Но выводы великого критика из этого знаменательного факта, объяснение причин его и, наконец, понимание того, чем должен быть писатель в настоящем смысле, конечно, диаметрально противоположны пониманию Жуковского: «Только в одной литературе,

несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно <...> Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров». И к диаметрально же противоположному—не к «уважению к святыне», то есть к устоям самодержавно-крепостнического строя, укреплявшегося раболепной поддержкой церкви, а к продолжению беспощадной борьбы с ним — призывает Белинский гениального наследника Пушкина, автора «Ревизора» и «Мертвых душ» — Гоголя. Призывы Жуковского к Пушкину и страстные обращения Белинского к Гоголю находятся на двух противоположных полюсах русской общественной мысли. И сопоставление их в этом плане тем закономернее, что в последние месяцы своей жизни Пушкин все отчетливее стремился отойти от тех литературно-аристократических позиций, которые намечал в данном письме Жуковский и которые были в какой-то мере реализованы сперва в «Литературной газете», а затем и в «Современнике», и одновременно настойчиво хотел сблизиться на общей журнально-литературной работе с резко осуждавшим эти позиции Белинским (замечательный эпизод с приглашением Пушкиным Белинского тайком от своих литературно-аристократических друзей к участию в «Современнике», чему осуществиться помешала неожиданная трагическая гибель поэта). Сопоставление это дает наглядное и отчетливое представление о тех двух общественных лагерях, выражавших прямо противоположные общественно-политические тенденции, которые вели борьбу за Пушкина. О том же, что Пушкину уже и во вторую половину двадцатых годов была чужда литературно-аристократическая точка зрения Жуковского, лучше всего показывает несколько более поздняя пушкинская статья «Отрывок из литературных летописей», написанная в марте 1829 г., в защиту Н. А. Полевого, которого издатель «Вестника Европы» Каченовский попрекал тем, что он купец: «Тут уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого<...> в мирной республике наук, какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор и странствующий купец равны перед законами критики» (XI, 180).

Объединиться в издании журнала с Пушкиным, отнять поэта у Погодина призывает Вяземского, но с иных, левых позиций, и давний знакомец обоих поэтов, один из вождей Союза Благоденствия — генерал М. Ф. Орлов, сосланный после 14 декабря в свое имение и живший там под надзором полиции (письмо от 6 июня 1827 г.).

Но независимо от всего этого, сближение Пушкина с группой «Московского вестника» и само по себе оказалось непрочным и недолговечным. Сами участники группы приписывали это только материальным недоразумениям между ними и поэтом. Именно этой теме и посвящено публикуемое впервые коллективное обращение петербургской группы участников журнала, подписанное В. Ф. Одоевским и переводчиком И. С. Мальцовым и написанное рукой В. П. Титова, к основной московской группе — «московской братии» (от 25 октября — 7 ноября 1827 г.).

В действительности, причины охлаждения Пушкина к «Московскому вестнику» и постепенного от него отхода были куда глубже. Пушкину было не только совершенно чуждо увлечение членов кружка немецкой идеалистической метафизикой, в особенности реакционной идеалистической философией Шеллинга, но он считал это увлечение общественно вредным, уводящим от реальных нужд и потребностей жизни русского народа. Об этом еще 2 марта 1827 г. он прямо писал Дельвигу: «Ты пеняешь мне за „Московский вестник“ и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... „Московский вестник“ сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем, на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да *NB*). А время вещь такая, которую с никаким „Вестником“ не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают» (XIII, 320). Смысл этих слов вполне ясен. Почувствовав и осознав, в результате горького и трагического опыта 14 декабря 1825 г., невозможность осуществления в данное время — период первого десятилетия после восстания декабристов — необходимых преобразований в стране путем насильственного государственного переворота, предпринимаемого в отрыве от широких народных масс, Пушкин ставил своей задачей

МИХАЙЛОВСКОЕ. БОЛЬШОЙ ПРУД

Фотография М. А. Величко, 1949 г.

писателя-гражданина «сеять просвещенье»— служить делу просвещения народа, «неминуемым следствием» чего, как он писал об этом еще в своих кишиневских заметках по русской истории XVIII в., должна явиться «народная свобода», то есть освобождение от пут крепостничества. Именно этот лозунг «просвещения» настойчиво выдвигал Пушкин и в своих политических призывах к Николаю I (стихотворения «В надежде славы и добра», «Друзьям», записка «О народном воспитании»). Точно так же и в своих отношениях с кружком «Московского вестника» Пушкин противопоставлял бесплодным метафизическим отвлеченностям — переливанию «из пустого в порожнее» — необходимость всяческого насаждения «положительных познаний» и стихом из Хемницера резко напоминал сидящим «в яме» метафизикам «Московского вестника» о суровой русской действительности. Гневно-иронические слова о том, что он мог бы отвечать на «метафизический вопрос», «какая вещь» веревка, сопровождаемые многозначительным нотабене, несомненно имеют в виду казнь декабристов, имевшую место всего за полгода с небольшим до этого письма (кстати всего за месяц до него Пушкиным было написано и его «Послание в Сибирь»). О том, что Пушкин и в самом деле настойчиво убеждал участников «Московского вестника» бросить пустые и бесплодные занятия метафизикой, наглядно свидетельствует запись в дневнике Погодина от 4 марта, как раз через день после цитированного письма Пушкина к Дельвигу. Погодин записывает о посещении им в этот день Пушкина, который «декламировал против философии», «а я,— признается Погодин,— не мог возражать дельно и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного» («Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, 1914, стр. 84). Будущее довольно скоро показало, что замечательные по своей прозорливости слова Пушкина: «Им же хуже, если они меня не слушают»,— полностью оправдались. Реакционное шеллингианство, действительно, ввергло ведущих участников «Московского вестника» — Погодина, Шевырева — в «яму», в лагерь реакционнейшей уваровско-бенкендорфовской «официальной народности». Всем этим и было вызвано все усиливающееся охлаждение Пушкина к «Московскому вестнику».

Публикуемые выдержки из писем второй половины двадцатых годов дают много новых данных о литературных связях и отношениях Пушкина этих лет. Особенно насыщены материалами этого рода выдержки из писем Вяземского к жене. Так, мы знали до сих пор о самом факте общения Пушкина с Грибоедовым во время короткого, всего трехмесячного, пребывания последнего в Петербурге в 1828 г., но не располагали почти никаким конкретным материалом, иллюстрирующим это общение. Было лишь известно о чтении Пушкиным в мае 1828 г. «Бориса Годунова» в доме гр. Лаваль в присутствии Грибоедова, Мицкевича и Крылова (отрывок из письма Вяземского, от 17 мая 1828 г., адресованного его жене, а не А. И. Тургеневу, как это считалось). Сам Пушкин в одном из писем упоминал о критическом замечании, сделанном ему Грибоедовым в связи с тем, как изображен в трагедии патриарх Иов. Теперь, по впервые публикуемым здесь новым выдержкам из писем Вяземского, мы узнаем еще о двух встречах Пушкина с Грибоедовым — на обеде у композитора и известного любителя музыки М. Ю. Виельгорского (письмо от 27 марта 1828 г.) и у Жуковского, у которого дружески сошлись три величайших русских писателя-реалиста того времени—Пушкин, Грибоедов и Крылов (письмо от 17—19 апреля того же года). Особенно живо рисует «воздух» этих встреч первое письмо, в котором не только дана острая зарисовка Грибоедова и Пушкина, но и рассказывается об оживленной беседе и шумных спорах—«сшибках задорных»—между собеседниками (на обеде, кроме самого Вяземского, присутствовал еще и Жуковский) и, в особенности, судя по контексту, между Пушкиным и Грибоедовым. К сожалению, Вяземский ничего не сообщает о темах этих «сшибок», но ясно одно: сколь бы ни были они «задорны», они ни в малейшей мере не уменьшали, а, вероятно, еще более увеличивали то высокое уважение Пушкина к автору «Горе от ума», которым проникнуты знаменитые некрологические строки о Грибоедове в «Путешествии в Арзрум». Очень выразительно и сообщение (во втором письме) о планах совместной заграничной поездки Пушкина, Грибоедова, Крылова и Вяземского, продиктованных, конечно, стремлением хотя бы на время вырваться из удушающей атмосферы николаевской реакции. Планам этим, мы знаем, не суждено было сбыться: мечтавший о выходе в отставку Грибоедов меньше чем

через два месяца после этой встречи, 6 июня, вынужден был отправиться в Персию, где его ждала трагическая гибель. Попытки же Пушкина получить разрешение на поездку за границу неизменно встречали решительный отказ со стороны царя.

Немало новых сведений в письмах Вяземского и о встречах Пушкина с Крыловым, Мицкевичем, Жуковским, с второстепенным литератором того времени В. С. Филимоновым, близким, как это выясняется из недавно обнаруженных документов, к декабристским кругам, и др. Подробно в ряде писем рассказывает Вяземский и о своем весьма разнообразном времяпрепровождении вместе с Пушкиным. Здесь и посещение музыкального концерта, и поездки в мастерские художников, и ранняя — на рассвете — прогулка по Неве, и прогулка по валам Петропавловской крепости, и рассеянное «онегинское» светское существование — визиты, балы, вечера и т. п.

В то же время из многих, впервые печатаемых здесь писем, мы снова и снова убеждаемся в том, как трудно и тяжело жилось Пушкину в эти первые последекабристские годы, как одиноко чувствовал он себя без своих «братьев, друзей, товарищей» — декабристов, как задыхался он в светском «омуте», как презирал то «высшее общество» — надменную и раболепную, блестящую по внешности, но холодную, равнодушную и пустую великосветскую толпу, которую всячески стремился избегать и с которой по своему социальному положению, связям, привычкам не мог не сталкиваться. В высшей степени характерен для душевного состояния Пушкина этой поры рассказ Вяземского о поездке с ним и с семьею Олениных в Кронштадт 25 мая 1828 г. На пароходе их застигла сильнейшая гроза. Вяземский сообщает в комических тонах о суете, которая поднялась, шуме, криках, давке и т. п. Но и это не развеселило Пушкина: «Пушкин дуется, хмурится, как погода...»,— замечает Вяземский. Это наблюдение приобретает особенную выразительность, если мы вспомним, что как раз на следующий день после этой поездки — день рождения Пушкина, которому исполнилось двадцать девять лет,— он пишет одно из самых мрачных и пессимистических своих стихотворений: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?»

Не менее характерно в этой же связи и письмо (ст конца 1826 — начала 1827 г.) Зинаиды Волконской, хозяйки непомерно прославленного дворянскими мемуаристами модного великосветского салона. Приглашая Вяземского придти на один из ее традиционных «литературных обедов» и захватить с собой «неуловимого» Пушкина, Волконская, в явное успокоение последнего, добавляет: «Быть может, он думает, что найдет у меня многочисленное общество, как в последний раз, когда он был. Он ошибается, скажите ему это, и приведите его обедать». Выдержка эта является весьма красноречивым пояснением к одному из позднейших писем Пушкина к Вяземскому, в котором он, давая весьма саркастическое описание светских петербургских «раутов» («в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора<...> Ходишь по ногам, как по ковру, извиняешься—вот уж и замена разговору»), добавляет, что отдыхает на них от проклятых обедов Зинаиды». Все это делает понятным и следующий рассказ одного из современников. Однажды в салоне Волконской Пушкина настойчиво просили прочесть что-нибудь: «В досаде он прочел „Чернь" и, кончив, с сердцем сказал: „В другой раз не станут просить"».

Резкая неприязнь, которую испытывал Пушкин к модному светскому салону Зинаиды Волконской, в значительной мере характеризует его отношение к светскому обществу вообще. Если после возвращения из ссылки, истомившись в своем вынужденном деревенском уединении, Пушкин, по выражению Вяземского, «запоем впился в московскую жизнь» (публикуемое здесь письмо к Жуковскому и Тургеневу от 25 февраля — 12 марта 1827 г.), то есть в то шумное и рассеянное светское времяпрепровождение, яркое представление о котором дают выдержки из тех же писем Вяземского, как и других современников-очевидцев, то довольно скоро он начинает явно тяготиться всем этим. Так, года полтора спустя, в бытность в Петербурге, Пушкин избегает бывать в светской гостиной даже таких близких ему людей, как семья покойного Н. М. Карамзина. «С самого отъезда из Петербурга,— пишет Вяземский Пушкину 28 июля 1828 г.,— не имею о тебе понятия, слышу только от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести...». Действительно, жалобы эти неоднократно звучат в публикуемых здесь выдержках

из писем самих Карамзиных к Вяземскому. Мало того, Пушкин одно время, видимо, начинает чуждаться и аристократа Вяземского: «Вот уже почти два месяца здесь живу. Пушкина почти совсем не видим: я с ним встречаюсь на площадях мощеных и паркетных, но у нас он никогда не бывает, а сначала бывал каждый день» (из письма Вяземского к жене от 17 апреля 1828 г.). «Он стал неприятно угрюмым в обществе,— пишет Вяземским дочь историографа С. Н. Карамзина,— проводя дни и ночи за игрой, с мрачной яростью, как говорят» (из письма от 20 марта 1829 г.).

«Кто из нас не предавался всем страстям, чтоб забыть этот замороженный ад, чтоб получить несколько мгновений опьянения или развлечения»,— вспоминал о годах николаевской реакции Герцен. Слова эти могут служить лучшим историческим комментарием к многочисленным свидетельствам современников Пушкина о «разгульном» образе его жизни в эту пору, о безудержной карточной игре и т. п.— свидетельствам, которые широко приведены, без всякого критического отбора, в монтаже В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», и которые порой встречаются в публикуемых здесь новых материалах. Не говоря уже о том, что весьма многое в этих сообщениях явно и несомненно преувеличено, читая их следует не забывать об одной свойственной Пушкину черте, которую подчеркивает во впервые публикуемой выдержке из письма к В. Ф. Одоевскому близкий приятель поэта С. А. Соболевский: «Любит себя показывать не в пример худшим, чем он на деле» (письмо от 27 сентября 1826 г.).

Острое чувство общественного одиночества, которое испытывает Пушкин, оказавшийся без наиболее близкой ему декабристской среды, объясняет многое в его биографии этого периода. Поэт словно бы нигде не находит себе места: из Москвы едет в Петербург, оттуда в Михайловское, снова в Петербург, опять в Москву.

«Вы все время на больших дорогах»,— саркастически замечает Пушкину неусыпно следивший за ним своим жандармским оком А. Х. Бенкендорф. «На большой мне, знать, дороге умереть господь судил»,— горько иронизирует сам Пушкин в стихотворении «Дорожные жалобы». Ксенофонт Полевой, вспоминая в своих «Записках» о проводах уезжавшего в Петербург поэта многочисленным обществом друзей и знакомых, оставил весьма выразительную зарисовку его облика, дающую наглядное представление об его душевном состоянии этой поры. Провожавшие собрались на подмосковной даче Соболевского, откуда должен был уехать Пушкин. Но самого поэта очень долго не было: «Уже поданы были свечи, когда он явился, рассеянный, невеселый, говорил, не улыбаясь (что всегда показывало у него дурное расположение), и тотчас после ужина заторопился ехать. Коляска его была подана, и он, почти не сказавши никому ласкового слова, укатил в темноте ночи».

К чувству общественного одиночества присоединялось чувство одиночества личного. Поэта все больше удручала бесприютность и неприкаянность его кочевого быта, его скитания по гостиницам или «трактирам», как их тогда называли, отсутствие у него своего дома, семьи. Мы знаем о некоторых попытках поэта создать себе семью. Но в те годы они ни к чему не привели. Из посвящения к «Полтаве» видно, что в душе Пушкина все еще продолжал ярко гореть героический образ М. Н. Раевской-Волконской. Ни одно из многочисленных сердечных увлечений поэта этих лет кокетливыми светскими красавицами не могло погасить этот образ, не перешло в большое и глубокое чувство.

Тем интереснее сообщение Вяземского о Пушкине в связи с пребыванием последнего в Москве в течение декабря 1828 г.— начала января 1829 г.: «Пушкин на днях уехал <...> Он что-то во все время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было или чего не было» (из письма к жене от 9 января 1829 г.). Сейчас мы знаем, что произошло с Пушкиным: как раз в это время поэт познакомился в Москве с семнадцатилетней девушкой — Н. Н. Гончаровой, которую он полюбил.

Известие о том, что Пушкин женится, вызвало огромный интерес у всех его друзей и знакомых. Отклики этого рода имеются и в публикуемых здесь выдержках из писем, относящихся к 1830 г. (см. письма В. Л. Пушкина, В. П. Титова, Ек. Н. Ушаковой, Е. Ф. Розена и др.). Сообщения о предстоящем браке поэта быстро распространились, дойдя не только до Риги, но и до Рима (письмо З. А. Волконской к Вяземскому от 23 августа 1830 г.). Среди всех этих многочисленных откликов наиболее любопытна выдержка из письма бывшего лейб-гусара и давнего, еще с лицейских времен, зна-

комца Пушкина, Я. И. Сабурова к А. И. Сабурову, написанного 3 марта <?> 1831 г., полмесяца спустя после свадьбы поэта: «Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина; склонится ли он под супружеское ярмо <...> Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный ритм своей жизни? Впрочем, мы ничего не теряем. Во всяком случае, на худой конец, больше будет прекрасных строф; итог писателя — это его книга, а как он к ней приходит — его дело. Пусть брак, семья станут лишним томом в его библиотеке материалов — я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее...». Так, видимо, рассуждал не один Сабуров. И несомненно, что именно холодно-эгоистические рассуждения подобного рода «любителей искусств» имел в виду Пушкин, когда с горечью писал за несколько месяцев до этого в своем «Ответе анониму» (датировано 26 сентября 1830 г.) — египтологу А. И. Гульянову, приславшему Пушкину стихотворное приветствие в связи с его женитьбой:

К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой,—
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,—
«Тем лучше! — говорят любители искусств,—
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст»...

Строки из письма Я. И. Сабурова, наряду с письмом П. А. Катенина к неизвестному лицу от конца января — начала февраля 1831 г., открывают большую серию новонайденных материалов эпистолярного характера, связанных с тридцатыми годами — последним периодом жизни поэта.

Пушкин в своем стремительном духовном и творческом развитии все дальше уходил в это время от большинства своих современников, которые оказывались все менее в состоянии понять и оценить его.

Ярким образцом такого непонимания является упомянутое письмо Катенина, содержащее в себе резко отрицательные суждения о только что вышедшем «Борисе Годунове», и дополняющее уже ранее известные нам неприязненные высказывания автора «Андромахи» о пушкинской трагедии. Непониманием все углубляющегося историзма Пушкина проникнуты строки из письма А. В. Веневитинова (брата поэта) к Е. Е. и С. В. Комаровским: «Я расскажу Вам кое-что, что Вас насмешит — Пушкин пишет историю Петра Великого» (письмо от 6 октября 1831 г.) Характерно и письмо поэта Н. М. Языкова к брату с весьма сдержанной оценкой «Северных цветов» на 1832 г., хотя в них был опубликован «Моцарт и Сальери»— первый появившийся в печати образец созданного Пушкиным нового жанра «маленьких трагедий» — и такие замечательнейшие образцы пушкинской лирики, как «Анчар», «Бесы», «Эхо», «Дорожные жалобы». Зато в том же письме (от 6 января 1832 г.) Языков не скупится на похвалы Марлинскому, которого готов противопоставить «всем иным прочим, знаменитым и простым».

Непонимание Пушкина его современниками сказалось и в реакции различных общественных кругов на его остро политически злободневные стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», которые Белинский позднее, в своих знаменитых одиннадцати пушкинских статьях, относил к числу «лучших мелких пьес Пушкина». Представителям правительственного лагеря страстные патриотические выступления Пушкина совершенно неправильно почудились свидетельством давно и тщетно чаемого ими перехода поэта в стан реакции, а потому были приняты с полным

восторгом. Красноречивым выражением этого явился стихотворный перевод пушкинского «Клеветникам России» на французский язык, почти сразу же предпринятый не кем иным, как реакционнейшим насадителем пресловутой «официальной народности» С. С. Уваровым, соответственным образом и перетолковавшим пушкинское стихотворение. Наоборот, представители либеральничающих и вместе с тем космополитически настроенных дворянских кругов отнеслись к пушкинским стихам с безусловным осуждением (А. И. Тургенев, Вяземский). «Не будем подражать дикарям, которые пляшут и поют вокруг костров своих врагов»,—писал в связи с этим Вяземский дочери Кутузова и близкой знакомой Пушкина, Е. М. Хитрово, восхитившейся «прекрасными стихами» последнего.— «Станем снова европейцами, чтобы искупить стихи, совсем не европейского рода». Подобные же отклики на пушкинские стихи имеются и в публикуемых впервые выдержках из писем современников. Так, очень характерно заявление близкого ко дворцу, и впоследствии сделавшего блестящую придворную карьеру, адъютанта великого князя Михаила Павловича, полковника А. И. Философова, участника подавления польского восстания 1831 г. Типичный представитель реакционно-монархических дворянских кругов, Философов, считавший, что со стороны Николая I было величайшей неосторожностью делать Пушкина, вслед Карамзину, историографом, прочитав «Клеветникам России» («первое стихотворение Пушкина после „Руслана и Людмилы", которое мне пришлось по нраву») и «Бородинскую годовщину», готов полностью переменить свое мнение: «Говорят, государь сделал его историографом. Прежде двух последних его пьес я бы сказал: пустили козла в огород,— теперь начинаю думать противное» (письмо от 14 октября 1831 г.).

Наоборот, дочь Е. М. Хитрово, жена австрийского посланника в Петербурге, Д. Ф. Фикельмон, в письме к Вяземскому, высказывает, возможно отражая мнение иностранных дипломатических кругов, свое полное согласие с отрицательной оценкой им этих пушкинских стихов. «В с е, что вы говорите, я думала с первого мгновения, как я прочла эти стихи. Ваши мысли были до такой степени м о и м и в этом случае, что благодаря одному этому я вижу, что между нами непременно есть сочувствие» (письмо от 13 октября 1831 г.). Непонимание истинного смысла пушкинских стихов 1831 г. сказывается и в письме к Вяземскому его близкого приятеля, хорошо знавшего Пушкина, Г. А. Римского-Корсакова, который прямо заявляет, что отказывается после написания их Пушкиным, приобретать «произведения русского Парнасса» (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2658, л. 5).

На самом деле оба пушкинских стихотворения — и «Клеветникам России» (здесь это сразу же подчеркнуто самим заглавием) и «Бородинская годовщина», бóльшая часть которой также относится все к тем же «клеветникам, врагам России» — направлены не столько против Польши, сколько по другому адресу. Пушкину, поэту-мыслителю исключительно широкого исторического кругозора, автору «Полтавы» и замечательных стихов о героическом отражении наполеоновского нашествия в 1812 г., были ясны давние захватнические планы и намерения в отношении России со стороны агрессивных кругов ряда западноевропейских держав, стремившихся так или иначе закабалить русский народ. Отсюда и характерная аналогия, которую Пушкин делал в сравнительно незадолго до того написанной «Полтаве», между походом на Москву, задуманным Карлом XII, и осуществленным московским походом Наполеона. В резко антирусских выступлениях буржуазных западноевропейских и, в особенности, французских журналистов и парламентариев, прямо призывавших в связи с польским восстанием 1830 г. к новой войне с Россией, Пушкин увидел все те же, снова проснувшиеся, вожделения и аппетиты, направленные к расчленению и наивозможному ослаблению, а, тем самым, и закабалению России, лишь прикрывавшиеся видимостью защиты польских интересов. Один из современников рассказывает о характерном разговоре его с Пушкиным как раз в эту пору: «Отчего не веселы, Александр Сергеевич? — Да всё газеты читаю. — Что же такое? — Разве вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году?» («Русский архив», 1879, кн. 1, стр. 385). Против этих-то «ненавистников» русского народа («И ненавидите вы нас»), которые, облыжно считая его «азиатским» и «варварским» и кичась своим мнимым, «европейским», над ним превосходством, помышляли о новом военном вторжении

в Россию, и направлены пламенные и глубоко-патриотические строки поэта, напоминающего о гибельном для захватчиков исходе наполеоновского нашествия и предвещающего от лица всей великой и могучей «русской земли» точно такие же неизбежные результаты в случае его повторения. Сам Пушкин прямо указывает именно эту направленность своих стихов в написанном им пять лет спустя и уже совсем незадолго перед смертью письме к Н. Б. Голицыну, который также перевел стихотворение «Клеветникам России» на французский язык. Сочувственно противопоставляя этот перевод переводу Уварова («высокопоставленного лица из числа м о и х д р у з е й», как иронически пишет Пушкин), поэт добавляет: «Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время,— я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов» (письмо от 10 ноября 1836 г. — XV, 184). Именно это, а вовсе не Польшу, как неверно понимали некоторые современники, и имеет в виду Пушкин, говоря в своих стихах о «тяжком похмелье»:

И что ж? Свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Мало того, никакой «кровожадности» по отношению к самой Польше в стихах Пушкина не было; и здесь тоже проходила резкая черта между поэтом и реакционно-правительственным лагерем.— «Я не доволен нашими официальными статьями ⟨...⟩ Совершенно излишнее возбуждать русских против Польши»,— писал Пушкин Е. М. Хитрово 21 января 1831 г., в самый разгар польского восстания. Этим же объясняется и то, что в своем, внешне изысканно-вежливом, но по существу насквозь ироничном, ответе Уварову по поводу уже упоминавшегося перевода им стихотворения «Клеветникам России» на французский язык Пушкин спешит решительно отмежеваться от уваровского текста: «Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остается от сердца Вас благодарить за внимание, мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами» (письмо от 21 октября 1831 г.). «Для торжества одного нужна смерть другого» («Pour que l'un d'eux triomphe, il faut que l'autre expire»),— писал о борьбе России и Польши в своем «вольном подражании» Пушкину Уваров. Такие «мысли», действительно, не имели ничего общего с пушкинским текстом. И не к «смерти» польского народа призывал Пушкин в своей «Бородинской годовщине», а, наоборот, к забвению старых обид и к великодушию по отношению к побежденным:

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Горячо выступая против захватнических устремлений польской шляхты, Пушкин не смог увидеть и понять объективно освободительной стороны восстания.

Этим и определилась его позиция 1830—1831 гг. Однако, никак не затушевывая этой позиции, при оценке ее не следует забывать, что имевший уже тогда большую и сложную историческую давность русско-польский вопрос,— «домашний, старый спор славян между собою» (именно так и воспринимал его Пушкин),— смог быть правильно и справедливо разрешен только сто с лишним лет спустя, в рамках социалистической действительности, в результате мудрой ленинско-сталинской национальной политики, сумевшей не только затушить вековую вражду, но и поставить на ее место великое содружество братских народов, согласно идущих к единой цели — торжеству коммунизма.

В речи при подписании Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Республикой товарищ Сталин сказал: «Отношения между нашими странами в течение последних пяти веков, как известно, изобиловали элементами взаимной отчуждённости, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов ⟨...⟩

Значение настоящего Договора заключается в том, что он кладёт конец и заколачивает в гроб эти старые отношения между нашими странами и создаёт реальную базу для замены старых недружелюбных отношений отношениями союза и дружбы между Советским Союзом и Польшей» («Большевик», 1945, № 7-8, стр. 1—2).

Что же касается того, как Пушкин оценивал польское восстание 1830—1831 гг., то этот сложный вопрос может быть по-настоящему понят только в свете соответствующих высказываний классиков марксизма. Маркс и Энгельс в связи с 50-й годовщиной польской революции 1830 г. указывали на ее объективное положительное значение для развития европейского революционного движения. «...клич: „Да здравствует Польша!“,— писали они, — означает сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 548). Вместе с тем польское восстание 1830—1831 гг., по известному определению Ф. Энгельса, который подчеркивал существенное отличие его от позднейшей демократической краковской революции 1846 г., «не было ни национальной революцией (оно исключало три четверти Польши), ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265). Больше того, шляхетские консервативные деятели 1830—1831 гг., нимало не помышляя об интересах своего народа, о социальных преобразованиях в стране, требовали установления границы между Польшей и Россией там, где она пролегала до Андрусовского перемирия 1667 г., то есть присоединения к Польше Украины до Днепра, включая Киев. Собравшийся в Варшаве сейм вынес решение о присоединении к Польше Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Со всем этим Пушкин, как раз около этой поры вдумчиво изучавший историю Украины и знавший, как до времен Богдана Хмельницкого стонала она под польской панской пятой, никак согласиться не мог. (См. ниже статью Ю. Г. Оксмана «Неосуществленный замысел истории Украины».)

Ряд новопубликуемых выдержек из писем 30-х годов свидетельствует о большом интересе, который был вызван выходом в свет пушкинской «Истории Пугачева», провозглашенной С. С. Уваровым крамольной книгой, «возмутительным сочинением». Любопытны сообщения А. И. Тургенева о том, как оживленно читалась (переходит из «рук в руки») «История» за рубежом членами русской колонии в Вене, русскими в Париже (письма к Жуковскому от 15/27 февраля и к Вяземскому около 1/13 декабря 1835 г.). Интересно известие о переводе ее на французский язык (письмо к Вяземскому от 26 мая 1836 г.). Характерен отклик на книгу Пушкина, о которой Белинский позднее замечал, что она писана «на меди и мраморе», одной из великосветских любительниц литературы, гр. С. В. Строгановой, которая небрежно роняла в письме к дочери, кн. Е. П. Салтыковой: «Пушкин выпустил только что „Историю Пугачева“; по моему, это плохо; написано с наивной простотой, безо всяких размышлений».

Еще больший интерес в литературных кругах вызвало известие о том, что Пушкин получил разрешение на издание «Современника» и «сделался журналистом».

ТРИГОРСКОЕ. ЛУГА

Фотография М. А. Величко, 1949 г.

Издавать «Современник» Пушкину пришлось в исключительно тяжелых условиях — при резко отрицательном отношении и к нему самому, и к его журналу со стороны того же С. С. Уварова, в молодости игравшего в либерализм, бывшего одним из виднейших участников «Арзамаса», а теперь ставшего весьма влиятельным министром народного просвещения, главой цензурного ведомства и, наряду с Бенкендорфом, одним из основных столпов николаевской реакции. В самом конце 1835 г., то есть непосредственно перед началом издания «Современника», Пушкин смело нанес Уварову страшный удар, напечатав свое стихотворение «На выздоровление Лукулла», в котором он публично разоблачил провозвестника «исконно русских охранительных начал» — «самодержавия, православия и народности» — как морально нечистоплотного человека и к тому же мелкого воришку-казнокрада. Удар по Уварову был косвенным, но несомненным ударом и по всей уваровщине — по пышно и лицемерно проповедовавшейся им теории «официальной народности». «В стихах „На выздоровление Лукулла" гораздо больше п о л и т и к и, чем в моих невинных донесениях о Фиэски»,— писал А. И. Тургенев Вяземскому 7 мая 1836 г. (Фиэски покушался в 1835 г. на жизнь французского короля Людовика-Филиппа). Поэтому немудрено, что стихотворение Пушкина, в котором, несмотря на маскирующий подзаголовок «Подражание латинскому», современники сразу же узнали Уварова, произвело впечатление разорвавшейся бомбы и вызвало восхищение всех идейных противников всесильного министра. Новое свидетельство этому — еще одна впервые публикуемая выдержка из письма Тургенева к Вяземскому (оба они также были старыми арзамасцами) от 21 марта 1836 г.: «Спасибо переводчику с л а т и н с к о г о. (Жаль, что не с г р е ч е с к о г о!). Биографическая строфа будет служить эпиграфом всей жизни арзамасца-отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеймил его бессмертным поношением.— Поделом вору и вечная мука!» Под «биографической строфой» Тургенев, очевидно, разумеет четвертую строфу пушкинского стихотворения, перечисляющую некоторые весьма неприглядные факты из жизни Уварова, о которых было достаточно широко известно в обществе, но о которых никто не отваживался гласно заявить:

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож,
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Говоря: «Жаль, что не с г р е ч е с к о г о», — Тургенев, очевидно, не только имеет ввиду то, что Уваров был знатоком греческого языка и переводил с него, но и намекает на известный гнусный порок Уварова, который Пушкин около этого же времени заклеймил в эпиграмме на Дондукова-Корсакова («В академии наук заседает князь Дундук»); поэтому такой подзаголовок сделал бы пушкинскую адресовку еще более очевидной.

Неудивительно, что после появления стихотворения «На выздоровление Лукулла» неприязнь Уварова к Пушкину, которая все нарастала после того, как он убедился в тщете своих замыслов привлечь поэта на стезю официальной «народности», превратилась в неукротимую и яростную ненависть. И Уваров, и его клеврет, председатель петербургского цензурного комитета, Дондуков-Корсаков делали все от них зависящее, чтобы повредить «Современнику». В то же время сам Пушкин настойчиво стремился придать своему журналу широкий просветительный характер, стараясь сделать его рассадником тех «положительных познаний», необходимость которых для русского общества он, как мы уже видели, горячо отстаивал еще в годы своих споров с «метафизиками» из «Московского вестника». Как показывает публикуемая здесь выдержка из письма А. И. Тургенева к Вяземскому (от 26 апреля/8 мая 1836 г.), этого не понимали даже близкие приятели поэта. Сообщая о желании одного литератора, И. Г. Бутовского (двоюродного брата известной «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой),

сотрудничать в пушкинском «Современнике», Тургенев добавлял: «Я заметил ему, что он работает более по технологической части, а Пушкина Review вряд ли охотно будет принимать статьи подобного содержания». Тургенев явно ошибался. Пушкин не только охотно напечатал в первом и третьем томах своего журнала две научно-популярных статьи П. Б. Козловского по математике, но и настойчиво просил у него же статью о паровых машинах, что удивило, как видно из публикуемой здесь выдержки, даже и самого Козловского: «Спроси у Пушкина, надобна ли ему необходимо статья о паровых машинах, о которой говорил мне граф Виельгорский...» (письмо от 26 ноября 1836 г.). Вяземский, очевидно, именно в связи с этим письмом обратился к Пушкину с соответствующим вопросом на балу у гр. Разумовской 26 января 1837 г., как раз накануне роковой дуэли с Дантесом, и поэт снова подтвердил свое настойчивое желание иметь эту статью, которая и появилась в «Современнике», но уже после смерти Пушкина и, очевидно, в исполнение его воли. Однако стремление к насаждению «положительных познаний» и, в особенности, все отчетливее проступавшая передовая общественно-политическая тенденция Пушкина-журналиста, в существе своем явно оппозиционная реакционной уваровщине, — стали вызывать решительное неодобрение со стороны некоторых сотрудников журнала.

Во главе этой скрытой и все усиливавшейся оппозиции стал бывший председатель общества любомудров и деятельный член кружка «Московского вестника», романтик-идеалист В. Ф. Одоевский, помогавший Пушкину в редакционной работе по «Современнику». Одновременно Одоевский был близок к журналу «Московский наблюдатель», в котором принимали участие многие бывшие сотрудники «Московского вестника» во главе с Шевыревым, все больше переходившие к этому времени на явно реакционные уваровские позиции. Одоевский и его единомышленники задумали или подорвать пушкинский «Современник» изданием другого журнала такого же типа, в который, как они рассчитывали, должен был бы перейти, но уже в качестве простого сотрудника и Пушкин, или овладеть пушкинским журналом изнутри, сведя по возможности на-нет идеологическое руководство Пушкина. Последний вариант нашел выражение в интереснейшем документе, также впервые публикуемом в настоящем томе «Литературного наследства» — письме к Пушкину А. А. Краевского и В. Ф. Одоевского, авторы которого предлагают ему предпринять в 1837 г. совместное издание «Современника» с тем, чтобы за Пушкиным осталось только руководство подбором материала для отдела художественной литературы и художественной критики («суд над книгами по чисто литературной части»); они же были бы «полными хозяевами» во всем остальном, то есть определяли бы идеологическое лицо журнала.

Другой вариант плана Одоевского раскрывается во впервые публикуемом в настоящей подборке документов письме Краевского к археологу и фольклористу И. М. Снегиреву, в котором он, рассчитывая, что «Современник» не сможет долго существовать, как в силу общеполитической обстановки, так и в силу того, что поэт, при полном отсутствии у него практического опыта, не сумеет справиться с хозяйственной стороной дела, по «с е к р е т у» сообщает о намерении издавать в 1837 г. вместе с Одоевским журнал «Северный зритель». Характерно, что в упомянутом письме к Пушкину Краевский и Одоевский соглашаются взять на себя и все «хозяйственные хлопоты» по предполагаемому изданию «Современника» в 1837 году (см. подробнее в комментариях Ю. Г. Оксмана к этому письму, публикуемому ниже).

О крайне тяжелых материальных условиях, в которых, действительно, Пушкину приходилось осуществлять издание своего журнала, дает наглядное представление публикуемая выдержка из письма содержателя типографии, в которой печатался «Современник», Б. А. Враского к Одоевскому. Враский сообщает, как встревожен был Пушкин, получив счет типографских расходов: «Вчера Пушкин прибегает в типографию со счетом и говорит, что будто Вы его уверяли, что более 35 р<ублей> за лист не возьмут с него». В ответ на это Враский перечисляет фактические расходы по изданию и угрожающе заканчивает: «Вот счет Пушкина, — у меня нет ни копейки — не на что даже купить бумаги на обвертку лупы. Если Вы не достанете фактора, то я все брошу, несмотря на издержки, весьма для меня значительные, употребленные на типографию» (письмо от 30 октября — 2 ноября 1836 г.).

Из других многочисленных эпистолярных материалов, относящихся к периоду издания Пушкиным «Современника» и здесь публикуемых, наибольший историко-литературный интерес представляет приводимый в письме В. П. Давыдова к Краевскому (от 7/19 мая 1836 г.) отзыв Пушкина о стихах Кольцова («Пушкин и Жуковский говорят, что ничего не читали выше его стихотворений»), еще раз свидетельствующий об очень высокой оценке им творчества молодого поэта. Просьба к Пушкину (в письме Шевырева к И. С. Гагарину от 2 ноября 1836 г.) посмотреть корректуру предполагавшегося тогда отдельного издания стихотворений Тютчева («Хорошо, если бы Пушкин в корректуре взглянул на стихотворения Тютчева») — новое свидетельство о несомненном интересе Пушкина к тютчевской поэзии, который некоторые литературоведы пытались было оспаривать.

Последний публикуемый здесь документ из прижизненной переписки современников Пушкина выразительно показывает, какое широкое распространение стала приобретать гнусная сплетня о семейных неурядицах Пушкина, из петербургских великосветских салонов начавшая расползаться и по стране. Автор заказанной Пушкиным для «Современника» статьи о паровых машинах, П. Б. Козловский, пишет Вяземскому из Варшавы 15 января 1837 г., то есть за двенадцать дней до роковой дуэли: «Что делает наш Александр Сергеевич? Здесь разнеслись какие-то странные слухи; но стоустая клевета не знает ни границ, ни пространств».

До настоящего времени мы располагали очень большим числом откликов современников на страшное известие о дуэли и смерти Пушкина. Фонд их казался исчерпанным. Если за последние десять-пятнадцать лет и бывали изредка находки документов этого рода, то они носили совершенно единичный характер. Редакции «Литературного наследства» удалось пополнить ранее известные свидетельства больше чем тридцатью новыми. В этих впервые публикуемых материалах содержатся новые фактические данные. Некоторые сведения, связанные с дуэлью и смертью Пушкина, передаются здесь авторами писем по слухам или из вторых рук и поэтому не всегда достоверны, а то и прямо фантастичны. Но в то же время в публикуемых письмах имеются и весьма ценные сообщения, пополняющие существенными подробностями историю трагической гибели поэта.

Такова, например, выдержка из письма, относящегося, правда, к значительно более позднему времени, современника Пушкина, библиографа И. П. Быстрова, в которой рассказывается со слов библиотекаря, служившего у А. Ф. Смирдина, Ф. Ф. Цветаева, о посещении им Пушкина за несколько часов до дуэли. Цветаев отличался исключительной любовью к книге и необыкновенной памятью, был, по свидетельству знавших его, «живым каталогом и справочной энциклопедией не только по отделу изящной литературы и журналистики, но и по всем отраслям науки». С ним общался «весь читающий Петербург». Однако об отношениях его с Пушкиным нам до сих пор ничего не было известно. «В достопамятный 27-й день января 1837 года,— пишет И. П. Быстров, — Ф. Ф. Цветаев в 12-м часу утра был у Пушкина и говорил с ним о новом издании его сочинений. Пушкин был весел» (письмо С. Д. Полторацкому от 24 февраля 1848 г.). В. А. Жуковский сохранил нам описание утра Пушкина перед отъездом его на место дуэли: «Встал весело в 8 часов — после чаю много писал — часу до 11-го. С 11 обед. — Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни — потом увидел в окно Данзаса, в дверях встретил радостно.— Вошли в кабинет, запер дверь. Через несколько минут послал за пистолетами. — По отъезде Данзаса начал одеваться; вымылся весь, все чистое; велел подать бекешь; вышел на лестницу.— Возвратился.— Велел подать в кабинет большую шубу и пошел пешком до извощика.— Это было в 1 час» (П. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, стр. 308).

Рассказ Цветаева вносит еще одну ранее неизвестную нам деталь в описание этого преддуэльного утра Пушкина и притом деталь в высшей степени выразительную и характерную. Мы знаем, что в утро перед дуэлью Пушкин, кроме записки секунданту Дантеса, д'Аршиаку, написал свои последние строки— письмо детской писательнице А. О. Ишимовой. Поэт извиняется в нем, что не сможет быть у Ишимовой в этот день, как она о том просила, дает весьма сочувственный отзыв об ее «Истории России в рассказах для детей» («Сегодня я нечаянно открыл Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как

надобно писать!») и одновременно посылает томик английского поэта-драматурга Барри Корнуола (некоторые его пьесы, тут же отмеченные Пушкиным карандашом, она должна была перевести для «Современника»). Все письмо дышит удивительным самообладанием, полным спокойствием, свидетельствующими о том, что великий национальный поэт даже в самую грозную минуту своей жизни не переставал думать о родной литературе, о своем журнале.

Беседа с Цветаевым, который, очевидно, явился к Пушкину вскоре п о с л е написания им письма к Ишимовой («писал —часу до 11-го») и до появления Данзаса, дает еще одно свидетельство этого же рода. Пушкин не только был «весел» (вспомним, что то же слово настойчиво употребляет и Жуковский) — весел потому, что должен был выйти «на смертный бой, на последний бой», чтобы разом разрубить тот узел, который все туже на нем стягивался Николаем и Бенкендорфом, иностранными проходимцами и отечественными великосветскими мерзавцами, утратившими в своей душе все русское,— в разговоре с Цветаевым поэт продолжал, как и в письме к Ишимовой, жить в мире творческих помыслов и забот («говорил с ним о новом издании его сочинений», повидимому, того однотомника лирики, над подготовкой которого Пушкин как раз около этого времени начал работать).

Имеются в ранее неизвестных письмах современников и некоторые дополнительные данные по вопросу о непосредственных виновниках гибели Пушкина. «Но кто же эта известная нам женщина и как стала она орудием этой жестокости?»,— спрашивает служивший тогда при русской миссии в Константинополе поэт В. Г. Тепляков в ответном письме гр. Р. С. Эдлинг (от 5 марта 1837 г.), сообщавшей ему, что в качестве «орудия ужасного злодеяния» (то есть убийства Пушкина) «указывают на одну даму, известную нам обоим». Из следующего письма Эдлинг выясняется, что она имела в виду распространившиеся было слухи об участии в интриге против Пушкина Е. М. Хитрово. Слухи эти были тогда же опровергнуты, но почва у них имелась—в интриге против поэта, действительно, принимала ближайшее участие весьма высокопоставленная дама — жена управляющего министерством иностранных дел, гр. К. В. Нессельроде, «австрийского министра русских иностранных дел», по ядовитому и довольно точному слову одного из современников. Действительно, немец по происхождению, ярый приверженец идей реакционного Священного Союза, «верный слуга Меттерниха» («История дипломатии», т. I, 1941, стр. 388) и, наряду с Бенкендорфом и Уваровым, один из трех столпов николаевской реакции, Нессельроде «не любил русских и считал их ни к чему не способными» (см. П. Щ е г о л е в, указ. соч., стр. 459). Под пару мужу была и его жена гр. М. Д. Нессельроде, крайняя реакционерка, ненавистница декабристов. Властная, высокомерная и жестокая «Нессельродиха» пользовалась огромным влиянием и авторитетом в высшем свете и при дворе; ее петербургский космополитический салон — своего рода филиал министерства иностранных дел ее супруга — был одним из очагов не только русской, но и общеевропейской реакции. П. Е. Щеголев в третьем издании своей книги «Дуэль и смерть Пушкина» высказал весьма правдоподобное предположение о близком участии в преддуэльной интриге ненавидевшей Пушкина графини Нессельроде, в числе завсегдатаев салона которой были Геккерн и его приемный сын Дантес.

В неопубликованных до сих пор письмах брата Николая I и бывшего члена следственной комиссии по делу декабристов, великого князя Михаила Павловича к его жене Елене Павловне мы находим прямое подтверждение гипотезы Щеголева.

Жуковский в первоначальной редакции своего известного письма о последних минутах Пушкина, опубликованного в пятом томе «Современника», указывал, между прочим, что сейчас же после распространения известия о дуэли и тяжелом ранении поэта он получил несколько записок от Елены Павловны, «очень любившей Пушкина», и давал на них «подробный отчет <...> согласно с ходом болезни».

Как известно, письмо Жуковского было проникнуто тенденциозным стремлением всячески идеализировать отношения между Пушкиным и царем, придать систематическим преследованиям поэта видимость «отеческого» о нем попечения. Поэтому и к его словам о «любви» к Пушкину со стороны Елены Павловны следует отнестись с немалой долей скептицизма. Но, действительно, Пушкин, который был «представлен»

Елене Павловне в 1834 г., примерно, полгода спустя после получения им пресловутого камер-юнкерства, неоднократно общался с ней. Упоминания об этом встречаются и в его письмах, и в записях дневника. В частности, Пушкин отмечает, что при первой же встрече Елена Павловна заговорила с ним о Пугачеве, а под 8 января 1835 г. записывает в свой дневник: «Великая княгиня взяла у меня Записки Екатерины II и сходит от них с ума». Этот интерес Елены Павловны к запретным тогда запискам бабки ее мужа, список которых имелся у Пушкина, не случаен. До замужества захудалая немецкая принцесса, Елена Павловна, попав в Россию, пыталась и сама играть роль маленькой Екатерины II. Если Михаил Павлович, по словам Ф. Ф. Вигеля, «ничего ни письменного, ни печатного с малолетства не любил, из музыкальных инструментов признавал только барабан и презирал занятия искусствами», в чем его вкусы вполне совпадали со вкусами его коронованного брата и других членов семьи Романовых, то Елена Павловна была образована, много читала, проявляла некоторый интерес к литературе, искусствам. Повидимому, она занимала несколько особую позицию и по отношению к реакционному курсу николаевщины и даже была не прочь поиграть в либерализм. Это несколько выделяло ее среди остальных представителей императорской фамилии: «она опять здесь не заживется, ибо не уживется»,— писал о положении Елены Павловны по отношению к императорскому двору Вяземский в письме к жене от 2 января 1832 г. и объяснял это тем, что «разногласие ее с прочими слишком резко» («Звенья», IX, 1951, стр. 237).

Ответы Жуковского на записки Елены Павловны до нас не дошли, но ее записки к нему теперь удалось обнаружить, и они публикуются в данном томе.

Елена Павловна выражает свое сочувствие, осведомляется о состоянии «бедного больного», предлагает врачебную помощь, наконец, пишет о том, как она глубоко огорчена известием о смерти поэта. Трудно сказать, насколько все это искренно и насколько подсказывалось взятою ею на себя ролью «высочайшей» покровительницы литературы и искусств.

Гораздо проще обстоит дело с также впервые публикуемыми здесь выдержками из писем ее мужа — великого князя Михаила Павловича, разъезжавшего тогда по заграничным курортам. Михаил Павлович совсем в тон жене сообщает о своем огорчении «ужасной дуэлью», правда, даже и тут не удержавшись от того, чтобы упомянуть о «недостатках» Пушкина. Однако циничное лицемерие всего этого наглядно проступает в свете одного весьма красноречивого документа — записи в дневнике В. Ф. Одоевского, в которой со слов очевидца тоже рассказывается о том, как «три дня был расстроен» Михаил Павлович, но не тем, что был убит Пушкин, а тем, что его убийца, Дантес, был разжалован в солдаты (П. Щеголев, указ. соч., стр. 450). Но письма Михаила Павловича интересны для нас другим. Он настойчиво твердит в них, что причиной дуэли между Пушкиным и Дантесом была «работа клики злословия» (из письма Елене Павловне от 27 февраля), «мерзкие и гнусные сплетни» (из письма Николаю I от 23 апреля). «Не является ли это еще одним последствием происков этого любезного комитета общественного спасения, который хочет во все вмешиваться и все улаживать, а делает одни глупости», пишет он Елене Павловне 23 февраля. «Пусть, наконец, разберутся в махинациях этой конгрегации, которую я называю комитетом общественного спасения, и для которой злословить значит дышать», снова повторяет он в письме от 27 февраля. Михаил Павлович не поясняет, кого он имеет в виду под «комитетом общественного спасения», и это показывает, что его жена в таком пояснении и не нуждалась, хорошо и без того понимая, что под этим разумеется. Можем раскрыть смысл этого саркастического наименования и мы. В воспоминаниях о графине М. Д. Нессельроде одного из близких ей лиц, бывшего лицейского однокашника Пушкина, пошедшего совсем другим путем, ставшего преданным слугой николаевской реакции, бар. М. А. Корфа, говорится, что Михаил Павлович «никогда не жаловавший графини, говоря о ней, называл ее в шутку „ce bon monsieur de Robespierre“» («Русская старина», 1900, № 4, стр. 50). Тождество этого прозвища и вышеупомянутого наименования не вызывает сомнения: «Комитет общественного спасения» — это и есть пресловутый салон «Нессельродихи» во главе с его презренной хозяйкой. С этим салоном, как уже указывалось, был тесно связан

молодой Дантес — этот, по горькому слову одного из любимейших лицейских товарищей Пушкина, И. В. Малиновского, «клеветник России», который «повалил автора „Клеветников России“» (из письма И. В. Малиновского к М. А. Корфу от 26 февраля 1837 г.). Здесь открыто плелась та липкая паутина гнусных сплетен, лжи, клеветы, которая опутала и погубила великого поэта.

Другие впервые публикуемые здесь многочисленные отклики на смерть Пушкина весьма разнообразны. В них звучат голоса друзей поэта, его близких знакомых, писателей и литераторов, представителей дворянско-светского общества и, наконец, широкой читательской массы вроде студента петербургского Главного педагогического института Н. Г. Осокина или саратовского гимназиста А. И. Артемьева.

Наряду с повторением уже известных рассказов об обстоятельствах дуэльной истории, пересказами ходивших слухов, в частности, созданной Жуковским и другими ложной легенды о «благодеяниях» царя в отношении поэта и его семьи, расспросами о причинах дуэли и т. п., новые материалы содержат ценные и значительные сведения и сообщения, дополняющие уже знакомую нам картину новыми живыми штрихами и деталями.

«Сегодня целый день перед домом Пушкина толпились пешеходы и разъезжали экипажи: весь город принимает живейшее участие в поэте, беспрестанно присылают со всех сторон осведомляться, что с ним делается»,— пишет С. П. Шевыреву 28 января 1837 г. член кружка Станкевича, литератор Я. М. Неверов, живший как раз рядом с домом, в котором помещалась последняя квартира Пушкина («нас разделяет одна только стена»), и потому бывший непосредственным свидетелем-очевидцем того, что он описывает. «Три дня позволено было ходить к нему всем прощаться, и все эти три дня бездна народу и знатных и незнатных около дому и в доме, и плач, и стоны, раздирающие душу»,— сообщает в письме к отцу уже упомянутый студент петербургского Главного педагогического института Н. Г. Осокин со слов брата, будущего ректора Казанского университета, а тогда тоже студента Е. Г. Осокина, ходившего прощаться с телом поэта.

Характерна в этой связи и публикуемая запись из дневника воспитателя великого князя Константина Николаевича, а впоследствии знаменитого ученого и мореплавателя, Ф. П. Литке, очевидно, отражающая толки придворных кругов: «1 февраля. Сегодня похоронен Пушкин. Он производит смуту и по смерти». Именно из боязни этой «смуты» царь, говоря словами Герцена, «конфисковал у публики похороны поэта: в морозную ночь тело Пушкина, окруженное жандармами и полицейскими, тайком перевезли не в его приходскую, а в совершенно другую церковь; там священник поспешно отслужил заупокойную обедню, и сани отвезли тело поэта в монастырь Псковской губернии, где находилось его именье. Когда обманутая таким образом толпа направилась к церкви, куда был отвезен покойник, снег уже замел все следы погребального вывоза» (Полн. собр. соч. и писем, т. VI, Пг., 1919, стр. 359).

Той же боязнью народного возмущения и гнева было продиктовано и запрещение сообщать в печати о том, что Пушкин погиб на дуэли. Первое упоминание об этом смогло появиться только десять лет спустя в «Словаре достопамятных людей» Д. Н. Бантыша-Каменского (1847, ч. 2). Этим объясняется, в частности, и вопрос П. П. Каверина в письме к Вяземскому: «Здесь носится слух об какой-то дуэли — неужели он справедлив? Ужасно, если правда. Умоляю, напишите два слова об этом» (письмо от 25 февраля 1837 г. из М. Почаева).

Ужасное известие о гибели Пушкина потрясло не только Петербург, но и Москву; прокатилось оно страшным эхом и по всей России. «В Москве все так огорчены и поражены смертью Пушкина, что только и говорят об нем. О, это потеря общая, она не принадлежит исключительно нам, русским, это потеря для всего человечества...»,— пишет В. С. Аксакова, дочь писателя С. Т. Аксакова, его племяннице М. Г. Карташевской.

«Здесь в Саратове получили известие о дуэли А. С. Пушкина, известного прекрасного поэта <...> Это был вельможа русской словесности!.. Спрашиваешь: кто заступит его место? И не знаешь, что отвечать!<...> Мир, мир праху твоему!..»,— заносит в свой дневник ученик саратовской гимназии, впоследствии археолог, этнограф и

статистик А. И. Артемьев. Интересна и запись его дневника от 14 марта: «Кстати, здесь носится слух, будто какой-то капитан написал стихи на смерть А. С. и зацепил там вельмож; его отправили на Кавказ». Запись эта показывает, что слухи о стихах Лермонтова на смерть Пушкина и о каре, постигшей их автора, стали быстро распространяться по стране (приказ Николая I о ссылке Лермонтова на Кавказ датирован 25 февраля). О большом впечатлении, которое смерть Пушкина произвела и за рубежом, свидетельствует выдержка из письма А. И. Тургенева к Вяземскому из Киссингена от 4/16 августа 1837 г.: «Удивительно, как слава Пушкина универсализировалась в Европе: почти нет порядочного, образованного человека, из встречаемых мною здесь, в Галле, в Берлине и пр., который бы не спросил меня о нем, не пожалел о нашей потере».

Тем гнуснее и кощунственнее выглядит рядом с этим сообщением отношение к гибели Пушкина со стороны космополитствующих русских, образчик чего находим в письме к Вяземскому кн. О. А. Долгоруковой. Долгорукова проводила летний сезон на излюбленном русской знатью немецком курорте Баден-Бадене, где печаловался о разжаловании Дантеса в солдаты великий князь Михаил Павлович. «Кто вернет нам нашего любимого поэта?» патетически восклицает кн. Долгорукова, явно стараясь попасть в тон Вяземскому, что нисколько не мешает ей несколькими строками ранее сомневаться в том, кто же виноват в происшедшем, и, совсем в духе огорчения Михаила Павловича, в качестве второй жертвы, наряду с Пушкиным, ставить его убийцу: «Эта грустная история рассказывалась в стольких различных вариантах, что поистине остаешься без собственного мнения о том — кто же виноват? Решить это — трудная задача, и я думаю — это тайна для света. Жертвы нам известны: во-первых, Ваш несчастный друг и, во-вторых, молодой Дантес» (из письма от 14/26 марта 1837 г.).

О стремлении официальных кругов обвинить во всем самого же Пушкина с явным осуждением сообщает поэт В. Г. Тепляков, в молодости близкий к декабристам и даже посаженный было в Петропавловскую крепость: «Следует заметить, что дипломаты сговорились обвинять самого несчастного в его смерти». Криком неподдельной боли и подлинного отчаяния звучат слова самого Теплякова: «О фатум! Почему я, самое бесполезное из всех созданий, не погиб лучше на месте Пушкина, славы и чести своей родины» (из письма к гр. Р. С. Эдлинг от 5/17 марта 1837 г.).

Публикация неизданных писем современников о Пушкине завершается строками из письма Вяземского от 30 декабря 1841 г. (хронологически выпадающего из круга публикуемых ниже материалов) к самому близкому из друзей Пушкина тридцатых годов, П. В. Нащокину. В печати давно известно свидетельство дочери Н. М. Карамзина, Е. Н. Мещерской, о том, с каким глубоким волнением была встречена смерть Пушкина представителями самых широких народных масс: «В течение трех дней, в которые его тело оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснились пестрою толпою вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта».

Новонайденное письмо Вяземского к Нащокину свидетельствует о том, что и пять лет спустя проявления народной любви к поэту были не менее глубоки, чем в дни его гибели: «Я провел нынешнюю осенью несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено „Онегиным“ и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине».

Из всех публикуемых здесь откликов на смерть Пушкина это, конечно, самый знаменательный.

Крестьяне и крестьянки из окрестных сел и деревень, многие из которых, несомненно, лично знали поэта, первыми начали прокладывать ту поистине «народную тропу», о которой, как о высшей награде, сужденной писателю, писал Пушкин в предсмертном обращении к потомству — стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Д. Благой

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1934 г. по инициативе «Литературного наследства» были обследованы четыре эпистолярных фонда современников Пушкина (письма, адресованные Погодину, письма, адресованные Соболевскому, письма родных поэта и письма П. А. Вяземского к жене, 1830 — 1838 гг.). Материалы этих разысканий, в части, имеющей отношение к Пушкину, были напечатаны в специальном пушкинском томе «Литературного наследства» (№ 16-18), выпущенном к столетию со дня гибели поэта.

За прошедшие семнадцать лет после выхода пушкинского тома «Литературного наследства» обследование переписки современников Пушкина с целью извлечения новых материалов о нем почти прекратилось. И только в 1951 г. редакцией «Литературного наследства» был произведен новый тщательный, систематический просмотр и изучение некоторых фондов, хранящихся в московских и ленинградских архивохранилищах: в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ЛБ — Москва); в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ — Москва); в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА — Москва); в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда (ЦГИАЛ); в Центральном государственном литературном архиве (ЦГЛА—Москва) в Отделе рукописей Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ — Ленинград)

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР АКАДЕМИК С. И. ВАВИЛОВ И АКАДЕМИК И. В. ГРЕБЕНЩИКОВ НА ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВАХ В ЧЕСТЬ СТОПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА ВОЗЛАГАЮТ ВЕНОК НА МОГИЛУ ПОЭТА

Пушкинские горы, 12 июня 1949 г.

Фотография

в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ — Ленинград)*.

Сотрудниками редакции и привлеченными редакцией исследователями и работниками архивов было обследовано около тридцати фондов, в том числе: Аксаковых (ИРЛИ); Вяземских (ЦГЛА); А. Е. Измайлова (ИРЛИ); А. А. Краевского (ГПБ); Мухановых (ГИМ); В. Ф. Одоевского (ГПБ); С. Д. Полторацкого (ГПБ); П. П. Свиньина (ИРЛИ); Тургеневых (ИРЛИ); Ушаковых (ЛБ); Хомяковых (ГИМ); С. П. Шевырева (ГПБ); Языковых (ИРЛИ); собрание А. Ф. Онегина (ИРЛИ) и других. В результате просмотра названных фондов оказались выявленными свыше 270 неизданных писем, содержащих в себе сведения о Пушкине. Для того чтобы придать публикации более стройный характер, некоторые выдержки, тесно связанные с основным публикуемым отрывком, помещаются в комментариях. Сюда же включена часть неизвестных упоминаний о Пушкине второстепенного значения.

Основными фондами, которые дали наиболее значительный по количеству материал, являются два фонда: Вяземских и Тургеневых. Из остальных фондов извлечены только отдельные письма.

К Остафьевскому архиву Вяземских — источнику огромного количества документальных сведений о Пушкине и его времени — исследователи обращались неоднократно. Публикации писем В. А. Жуковского, В. Л. Пушкина, Д. В. Дашкова и других к П. А. Вяземскому появились на страницах «Русского архива» еще в шестидесятых годах. В 1899—1901 гг. В. И. Саитов издал четыре тома переписки П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым под названием «Остафьевский архив князей Вяземских». В 1909—1913 гг. в V томе этого издания (вышли только выпуски 1 и 2) П. Н. Шеффером были помещены письма В. Ф. Вяземской к мужу за 1824 г. и письма П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской за 1811—1812, 1824—1826 гг. В начале девятисотых годов Н. П. Барсуков в «Старине и новизне» опубликовал несколько десятков писем Пушкина, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, А. А. Дельвига, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, П. А. Плетнева, С. П. Шевырева и М. П. Погодина к П. А. Вяземскому, хранившихся в Остафьевском архиве. Во всех этих публикациях содержалось множество разнообразных сведений о Пушкине. Но в последние годы Остафьевский архив был недоступен и открылся только несколько лет назад, после того как был разобран сотрудниками Центрального государственного литературного архива.

Первый настоящий систематический просмотр писем Вяземского и к Вяземскому в Остафьевском архиве, организованный редакцией «Литературного наследства» (было просмотрено около четырех тысяч писем), дал плодотворные результаты. Интереснейшие упоминания о Пушкине (числом около ста) оказались в неизданных письмах к Вяземскому — Е. А. Баратынского, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Н. И. Гнедича, Н. М. Языкова, З. А. Волконской, семьи Карамзиных, декабристов М. Ф. Орлова, С. Г. Волконского, Ф. Н. Глинки и других.

П. Н. Шеффер, собиравшийся продолжать издание писем Вяземского к жене (из Остафьевского архива), перевез их накануне первой мировой войны в Петербург. Местонахождение этой отколовшейся от основного фонда Вяземских части выяснить не удалось. В 1936 и 1951 гг М. С. Боровковой-Майковой в сборниках «Звенья» (выпуски VI и IX) были напечатаны письма Вяземского к жене за 1830—1832 гг. Письма Вяземского за 1827—1829 гг. остались неизданными. В настоящей подборке из них публикуется более двадцати выдержек о Пушкине по копиям, принадлежавшим М. С. Боровковой-Майковой. До сих пор также не установлено местонахождение ответных писем В. Ф. Вяземской к П. А. Вяземскому. Кроме писем за 1824 г., помещенных в V томе «Остафьевского архива», известен только один отрывок о Пушкине из письма ее к мужу 1827 г. (см. «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 803). Найти эти письма В. Ф. Вяземской к П. А. Вяземскому, в которых, несомненно, должно быть много интереснейших свидетельств о Пушкине,— ближайшая задача архивных работников.

---

* Приводимые нами в скобках сокращенные названия архивов повторяются в дальнейшем в комментариях к каждому письму при обозначении места его хранения.

По типу названных выше публикаций, напечатанных в пушкинском томе, построены и другие публикации в томах «Литературного наследства» за последние годы: «Белинский в неизданной переписке современников (1834—1848)» в 56-м томе и «Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853)» (печатается в настоящем томе и содержит в себе свыше пятисот выдержек из писем о Гоголе). К тому же типу относится и данная публикация о Пушкине.

Все выдержки из неизданных писем, в которых имеются сведения о Пушкине, расположены в настоящей публикации в хронологическом порядке и сопровождаются комментарием после каждого письма. В комментариях использованы и позднейшие письма 1840—1870-х гг. с воспоминаниями о Пушкине и неизданные дневники современников, связанные с дуэлью и смертью поэта (А. И. Артемьева, А. Фон-Габленц, Ф. П. Литке, С. В. Филатьевой).

Многие письма написаны на французском языке. Те случаи, когда тексты даются в переводе на русский язык, оговорены в комментариях. Письма, недатированные их авторами, датируются по содержанию, а даты приводятся в ломаных скобках. Все указания на время выхода в свет произведений Пушкина взяты из книги Н. Синявского и М. Цявловского «Пушкин в печати. 1814—1837» (М., 1938). Все цитаты и указания на произведения и переписку Пушкина делаются на Полное собрание его сочинений издания Академии Наук СССР в 16-ти томах (1936—1949 гг.), причем ссылки делаются только на тома (римские цифры) и на страницы (арабские цифры).

Условные сокращения печатных источников в настоящей публикации:

«Летопись» — М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I, М., 1951. Изд. Акад. Наук СССР.

ОА—Остафьевский архив князей Вяземских. Под ред. В. И. Саитова. Тт. I—V, СПб., 1899—1913.

Публикаторами и авторами комментариев являются:

К. П. Богаевская — письма А. Ф. Воейкова (в прим. к № 19), П. А. Вяземского (№№ 7, 128, 136 и в прим. к №№ 7, 117), Ф. Н. Глинки (в прим. к № 69), А. П. Голицыной (№ 52), Н. И. Греча (№ 8), Д. В. Дашкова (№ 16 и в прим. к № 16), О. А. Долгоруковой (№ 124), В. А. Жуковского (№№ 11, 18, 134 и в прим. к №№ 11, 78), В. В. Измайлова (№ 63), П. П. Каверина (№ 121), И. В. Киреевского (в прим. к № 83), Ф. Ф. Кокошкина (в прим. к № 5), Н. И. Кривцова (№ 129 и в прим. к № 129), В. К. Кюхельбекера (№ 92), В. Ф. Одоевского (№ 132), К. А. Охотникова (№ 6), А. О. Смирновой (№ 98), Е. А. Тимашевой (№ 75), В. П. Титова (в прим. к № 36), Я. Н. Толстого (в прим. к № 30), С. П. Шевырева (№ 114), Н. М. Языкова (в прим. к № 83) и комментарии к этим письмам, а также к ряду других писем (№№ 3, 5, 13, 23, 25, 28, 30—32, 36, 38, 49, 61, 62, 65, 68, 70, 73, 79, 83, 89, 90, 95, 101, 102, 105, 108, 110, 122, 131).

Л. М. Добровольский — письма П. А. Вяземского (в прим. к №№ 128, 134, 136), В. И. Даля (№ 133), П. П. Свиньина (№№ 32, 34 и в прим. к № 34), А. И. Тургенева (№№ 79, 95, 100, 102, 105, 108, 110, 112 и в прим. к №№ 79, 81, 95, 100, 102, 108, 112, 128).

В. В. Ерофеев — письма И. Г. Бутовского (в прим. к № 106), В. П. Давыдова (№ 107), П. Б. Козловского (в прим. к № 115), М. П. Погодина (№ 111 и в прим. к № 111), К. С. Сербиновича (№ 99), И. М. Снегирева (в прим. к № 104), А. И. Тургенева (№№ 97, 103, 106, 131 и в прим. к №№ 100, 105, 108) и комментарии к №№ 106, 107, 115.

Р. Б. Заборова — письма Б. А. Враского (№ 113), И. И. Граффа (в прим. к № 113), В. И. Даля (№ 126), М. Ф. Де-Пуле (в прим. к № 107), В. Ф. Одоевского (№ 36), Е. Ф. Розена (№ 109), С. А. Соболевского (№№ 26, 30), О. М. Сомова (№ 66), А. И. Тургенева (№ 20), А. С. Хомякова (в прим. к № 31) и комментарии к № 20.

И. С. Зильберштейн — письма Е. А. Баратынского (№ 51), А. П. Бочкова (№ 27), М. С. Воронцова (№ 14 и в прим. к № 14), А. А. Дельвига (в прим. к № 21), М. И. Лекса (в прим. к № 14), Н. Г. Осокина (№ 119), П. А. Плетнева (№ 21), О. М. Сомова (№№ 50, 58) и комментарии к ним.

Л. А. Катанская — письма В. Л. Пушкина (№№ 61, 62, 69 и в прим. к №№ 61, 68).

Е. Н. Коншина — письма А. А. Ивановского (№ 35), П. А. Катенина (№ 76), Е. Ф. Розена (№ 74), дневник С. В. Филатьевой (в прим. к № 128) и комментарии к ним.

Л. Р. Ланский — письма В. С., Г. С. и О. С. Аксаковых (№ 120 и в прим. к №№ 99, 120), Е. В. Аладьина (в прим. к № 68), Е. А. Баратынского (в прим. к № 74), А. В. Веневитинова (№ 78 и в прим. к № 76), З. А. Волконской (№№ 25, 72 и в прим. к № 72), П. А. Габбе (№ 23), Н. И. Гнедича (прим. к № 7), А. А. Дельвига (№ 13 и в прим. к № 13), В. А. Жуковского (в прим. к № 83), А. Н. Карамзина (№ 91), М. Г. Карташевской (в прим. к № 120), П. Б. Козловского (№№ 115, 116, 127), В. Ф. Одоевского (в прим. к № 83), В. Л. Пушкина (№№ 3, 4), М. П. Розберга (№ 73), А. Г. Ротчева (№ 64), О. М. Сомова (в прим. к № 64), А. А. Фукс (№ 94), Д. И. Хвостова (№ 84), А. С., С. А. и Ф. С. Хомяковых (в прим. к №№ 31, 69), А. М. и Н. М. Языковых (№№ 83, 88, 89 и в прим. к № 83).

Л. Н. Назарова — письма А. Е. Измайлова (№№ 5, 19, 24 и в прим. к № 19).

С. А. Недумов — письма В. А. Жуковского (в прим. к № 86), Е. А. Карамзиной (№ 53 и в прим. к №№ 11, 38, 53, 69), Е. Н. Карамзиной (№№ 38, 48), С. Н. Карамзиной (№№ 49, 60 и в прим. к №№ 38, 69), П. С. Санковского (№ 65 и в прим. к № 65), А. И. Философова (в прим. к № 82).

В. С. Нечаева — письма П. А. Вяземского (в прим. к №№ 61, 79, 81), Н. П. Голицыной (в прим. к № 7), А. В. Зражевской (№ 90), Ф. И. Толстого (в прим. к № 69).

Ф. Я. Прийма — письма И. П. Быстрова (в прим. к № 118), Н. В. Путяты (№№ 10, 12 и в прим. к №№ 10, 11), В. Л. Пушкина (№ 17), А. А. Шаховского (№ 67), дневник А. И. Артемьева (в прим. к № 121) и комментарии к №№ 10, 67.

С. А. Рейсер — письмо П. А. Вяземского и Е. А. Баратынского (№ 29) и комментарии к нему.

Н. Г. Розенблюм — письма Г. С. Аксакова (в прим. к № 120), А. В. Веневитинова (№ 68), Д. М. Княжевича (в прим. к № 120), Я. М. Неверова (№№ 101, 118), В. П. Титова (№ 70), А. А. Шаховского (в прим. к № 69), С. П. Шевырева (в прим. к № 64).

Т. Г. Цявловская — письма О. А. Долгоруковой (в прим. к № 124), С. Д. Киселева (№ 87), М. Ф. Орлова (№ 33 и в прим. к № 33), Я. И. Сабурова (№№ 9, 15, 77), А. С. Сиркур (№ 135), Е. А. Соломирской (в прим. к № 124), С. В. Строгановой (№ 96), В. Г. Теплякова (№ 123), М. А. Урусова (в прим. к № 118), Е. Н. Ушаковой (№ 71 и в прим. к № 71), Д. Ф. Фикельмон (№ 82), Е. И. Философовой (№ 85), Е. М. Хитрово (в прим. к № 74), Б. С. Шереметева (в прим. к № 118), дневник Ф. П. Литке (в прим. к № 118) и комментарии к ним, а также к №№ 1, 48, 91, 97, 125.

Т. Г. Цявловская принимала также ближайшее участие в библиографических разысканиях, связанных с подготовкой к печати настоящей подборки документов.

Кроме того, в настоящей публикации участвовали:

М. Г. Ашукина — письма А. П. Дурново (в прим. к № 121), в. к. Елены Павловны (в прим. к № 117), в. к. Михаила Павловича (в прим. к № 117), Е. А. Энгельгардта (№ 2 и в прим. к № 2) и комментарии к № 2. Ею же выполнены переводы французских текстов в настоящей подборке документов.

А. С. Блазер — письма В. А. Жуковского (№№ 28, 86 и в прим. к № 86).

Э. Э. Найдич — письмо А. А. Краевского (№ 104) и комментарии к нему.

К. В. Пигарев — письмо Е. А. Баратынского (№ 59) и комментарии к нему.

В. М. Федорова — письма К. П. Брюллова (№ 130), А. В. Веневитинова (№ 81 и в прим. к №№ 69, 80), В. А. Жуковского (№ 80) и комментарии к ним.

Е. М. Хмелевская — письмо Д. И. Хвостова (в прим. к № 84).

Н. К. Шварбе — письма А. Ф. Вельтмана (№ 125 и в прим. к № 125), П. В. Нащокина (в прим. к № 128), В. И. Оболенского (в прим. к № 118).

Н. В. Швецова — письмо О. И. Сенковского (№ 93) и комментарии к нему.

Комментарии к остальным письмам принадлежат редакции «Литературного наследства».

1. В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург.> 19 сентября 1815 г.

...Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. Ему надобно непременно учиться и учиться не так, как мы учились! Боюсь я за него этого убийственного лицея — там учат дурно! Учение, худо предлагаемое, теряет прелесть для молодой, пылкой души, которой приятнее творить, нежели трудиться и собирать материал для солидного здания! Он истощит себя. Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Геттинген или в какой-нибудь другой немецкий университет! [1] Даже Дерпт лучше Сарского села. Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки — прекрасное! Это лучшее его произведение! [2] Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасется собственными — увидишь, что из него выйдет! Послание доставлю тебе после...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1909, л. 7).

В Остафьевском архиве хранится пачка писем Жуковского к Вяземскому. В научный оборот настоящей публикацией они вводятся впервые. Письмо от 19 сентября 1815 г.— первое из них (печатаемый нами отрывок был приведен с небольшим пропуском А. С. Б л а з е р в «Огоньке», 1949, № 23, стр. 9).

Публикуемое письмо Жуковского — один из самых замечательных документов о Пушкине-лицеисте.

Ко времени встречи с Жуковским Пушкин был уже автором двадцати напечатанных стихотворений, среди которых — вызвавшие восторг Жуковского «Воспоминания в Царском селе», «Наполеон на Эльбе», два послания к Батюшкову, «Городок» и, наконец, послание «К Лицинию».

В послании «К Жуковскому» (1816) Пушкин вспоминал об их знакомстве:

Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела...

[1] Тяга Жуковского к западноевропейской, в особенности германской, культуре объясняет его высокую оценку немецких университетов.

[2] Это послание Пушкина к Жуковскому неизвестно. Правда, мы знаем, что в подготовлявшееся в 1816—1817 гг. собрание стихотворений Пушкин предполагал включить два послания к Жуковскому: послание 1816 г. («Благослови, поэт») и второе — неизвестное. Но так как о втором послании никаких свидетельств больше не было, то исследователи сомневались в самом его существовании. Теперь можно считать окончательно установленным: в 1815 г. Пушкин написал недошедшее до нас послание к Жуковскому.

2. Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ — А. М. ГОРЧАКОВУ

Царское село. 18 января 1818 г.

...Я получил Ваше письмо от 16 января, дорогой Горчаков, и спешу ответить на него, не потому, что оно требует ответа, а чтобы сказать Вам, что эпитет драгоценные (précieuses)*, данный новым стихотворениям Пушкина, должен быть принят в лучшем его значении; это слово употребил Тургенев, говоря о последних произведениях Пушкина. Правда, он

* Слово «précieux» во французском языке имеет два значения: 1) драгоценный и 2) жеманный. Горчаков, очевидно, понял его во втором смысле. Это и заставило Энгельгардта разъяснить, что эпитет надо понимать в «лучшем значении», т. е. в первом.

добавляет то, о чем я столько раз вздыхал: «ах, если бы этот повеса хотел учиться, это был бы выдающийся человек в нашей литературе»[1]. Я, кажется, говорил Вам, что он перенес довольно серьезную болезнь и что ему лучше...[2]

Автограф. ЦГИА. Фонд А. М. Горчакова (№ 828, оп. 1, ед. хр. 136, л. 18).— Подлинник на французском языке.

Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт (1775—1862) поддерживал до своей смерти переписку с лицеистом первого выпуска А. М. Горчаковым. В письмах к нему он сообщал все, что узнавал о лицейских товарищах Горчакова. Большинство сведений, даваемых им о Пушкине, уже опубликованы («Красный архив», 1936, № 6, стр. 175—206; Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха.— «Звезда», 1949, № 1, стр. 185).

[1] Первая часть отзыва Тургенева о Пушкине была сообщена (без указания, что она взята из письма Энгельгардта) Горчаковым в письме к Пещуровым от 9 февраля 1818 г. («Летопись», стр. 149). Вторая же часть отзыва Тургенева воспроизведена с такой купюрой, что имя Тургенева выпало совсем и отзыв оказался приписанным Энгельгардту (Л. Майков. Пушкин в изображении М. А. Корфа.— «Русская старина», 1899, № 9, стр. 520).

[2] Публикуемое письмо уточняет время болезни Пушкина. В «Летописи» она датируется «Январь. 20 <?>— Март. 3 <?>» (стр. 147). А между тем Энгельгардт 18 января сообщает уже об улучшении состояния здоровья Пушкина, следовательно поэт заболел или в самом начале января 1818 г. или в конце декабря 1817 г.

Приводим еще выдержки из писем Е. А. Энгельгардта к А. М. Горчакову, оставшихся неизданными.

10 декабря 1817 г. из Царского села: «Пушкин ничего не делает в Коллегии, он даже там не показывается. Мне говорили, что теперь он болен» (ЦГИА, ф. 828, оп. 1, ед. хр. 129, л. 15 об.— Подлин. на франц. яз.).

1 января 1818 г.: «Вы вполне правильно угадали, прочитав Пущин вместо Пушкин, ибо о последнем я ничего не знаю, разве, что он ничего не делает в Коллегии <...> и что, говорят, он не пишет больше красивых стихов, но драгоценные стихотворения» (там же, ед. хр. 136, л. 16 об.— Подлин. на франц. яз.— В письме от 3 декабря 1817 г. Энгельгардт ошибочно назвал Пущина Пушкиным).

13 января 1818 г.: «Ищите время от времени общества литераторов старше вас <...> Блудов, Пушкин, Жуковский очень хороши, но мне хотелось бы наряду с этим видеть для вас более серьезный кружок, менее блестящий по уму, но более д е л ь н ы й <...> Пушкин перенес очень серьезную болезнь — горячку, но ему лучше» (там же, ф. 828, оп. 1, ед. хр. 136, л. 20 об.— Подлин. на франц. яз. за исключением слова ц е л ь н ы й, написанного по-русски).

Сохранился еще незначительный отзыв Энгельгардта о Пушкине в письме от 30 августа 1835 г. (там же, лл. 46 об.— 47).

3. В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Москва. 30 января 1818 г.>[1] Середа в 10 часов вечера.

...Сегодня я получил пренеприятное письмо[2]: наш поэт Александр был отчаянно болен, но, благодаря бога, ему легче. Последние дни твоего пребывания в Москве я хочу быть с тобою и на тебя наглядеться. Не лиши меня этого удовольствия.

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5082, т. 1, л. 71 об.).

[1] Основания датировки: отъезд Вяземского из Москвы в Варшаву в начале февраля 1818 г. и данные о болезни Пушкина в январе 1818 г. (см. *ОА*, т. I, стр. 92 и письмо № 2). Кроме того, среда в конце января 1818 г. приходилась на 30 января.

[2] Письмо это, как и весь архив В. Л. Пушкина, до нас не дошло.

4. В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

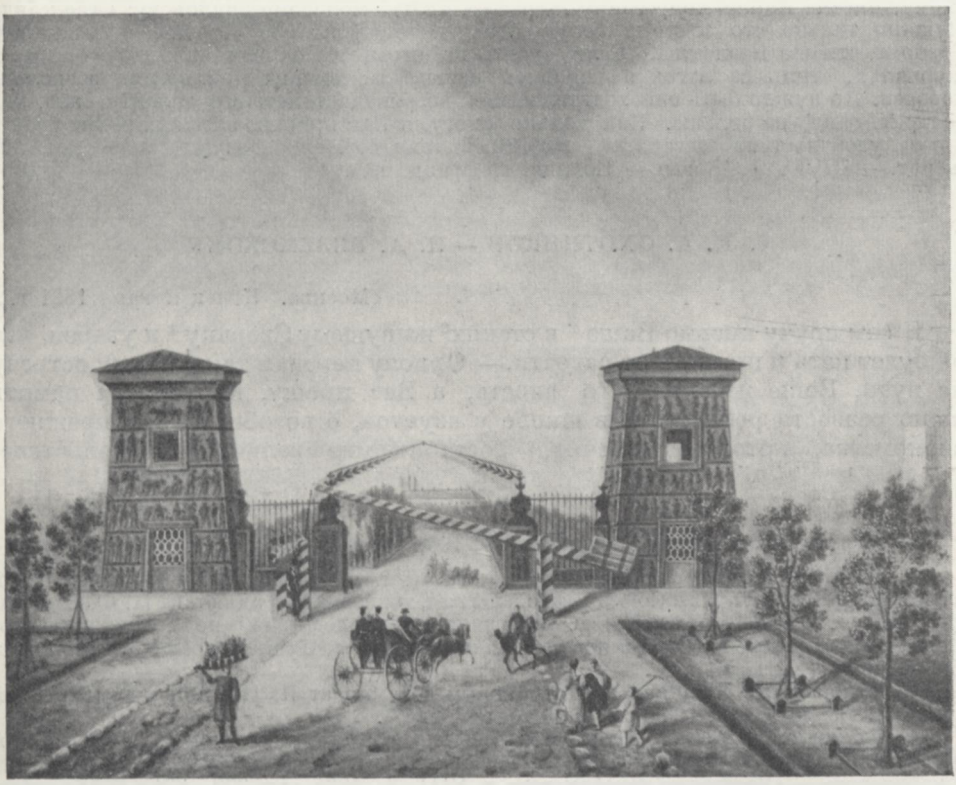
с. Березичи Козельского у<езда> 2 августа 1818 г.

...Брат Сергей Львович живет в Опочке, на границе Белорусских губерний. Он приехал в свою деревню[1] 27 июня, а 28-го, то есть на другой день, умерла его теща[2]; Надежда Осиповна и Оленька[3] в большом огорчении. Покойница была со всячинкой, и мне ее вовсе не жаль, но здоровье

Оленьки очень худо, и я о том сокрушаюсь. Александр остался в Петербурге; теперь, узнав о кончине бабушки своей, он, может быть, поедет к отцу [4]. Я о нем знаю только по слуху, около года я от нашего поэта не получал ни строки...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5082, т. 1, л. 75).

[1] Михайловское Псковской губ.
[2] Мария Алексеевна Ганнибал, рожд. Пушкина (1745—1818) — мать Надежды Осиповны Пушкиной.
[3] Мать и сестра Пушкина.
[4] Лето и осень 1818 г. Пушкин провел в Петербурге и в Михайловское не ездил.



ЕГИПЕТСКИЕ ВОРОТА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ
Живопись на фарфоре по оригиналу В. Е. Галямина, 1835 г.
Эрмитаж, Ленинград

5. А. Е. ИЗМАЙЛОВ — П. Л. ЯКОВЛЕВУ

Петербург. 13 сентября <1820 г.>

...Нового в литературе ничего у нас нет, кроме поэмы Пушкина: «Руслан и Людмила», которую хвалят и хулят без милосердия. Воейков делает ей разбор, или, лучше сказать, составляет из ней выписку [1]...

Автограф. ИРЛИ (№ 14163/LXXVIII, ед. хр. 7, л. 16 об.).

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) — романист и баснописец, издатель журнала «Благонамеренный» (1818—1826). В Рукописном отделе ИРЛИ хранится переписка Измайлова с Павлом Лукьяновичем Яковлевым (см.: письма №№ 19, 22, 24), журналистом, сотрудником «Благонамеренного», братом лицейского товарища Пушкина (о П. Л. Яковлеве см.: И. Медведева. Павел Лукьянович Яковлев и его альбом.— «Звенья», VI, 1936, стр. 101—133).

[1] Поэма «Руслан и Людмила» вышла в свет между 24 июля и 10 августа 1820 г. Разбор поэмы, сделанный А. Ф. Воейковым, был напечатан в №№ 34—37 «Сына отечеств» за август — сентябрь 1820 г. В статье Воейкова приведены обширные выдержки из «Руслана и Людмилы».

Драматург Ф. Ф. Кокошкин писал 29 апреля 1820 г. П. А. Вяземскому: «Ничего почти не читаю кроме приносимых ко мне худых драматических переводов и еще худших сочинений и совсем бы потерял вкус в прекрасном, если б хоть изредка, как больной майским утром, не лечился произведениями Жуковского, Гнедича, Пушкина м‹ладшего› и любезного варшавского поэта ‹Вяземского›» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2067, л. 1 об.). Произведения «Пушкина младшего» — это появившиеся в печати в апреле 1820 г. отрывки из «Руслана и Людмилы».

Некая Елизавета Вейкарт, вероятно дочь А. Вейкарта, лица, близкого Сперанскому, писала Карлу Андреевичу Жерве (р. 1801), молодому дипломату: «Александр Пушкин только что сочинил новую поэму, озаглавленную „Руслан и Людмила“. Говорят, что она прелестна. Если судить по отрывкам, напечатанным в некоторых журналах, стиль ее легок и исполнен изящества, хотя на мой взгляд несколько неровен. Но нужно быть снисходительным к восемнадцатилетнему таланту, ибо, как говорят, ‹ему› не больше. Как только смогу, я Вам пришлю экземпляр. Вы будете иметь удовольствие заставлять эхо Швейцарии повторять звуки Вашей родины» (неизд.— ЦГЛА, ф. Жерве. — Подлин. на франц. яз.).

6. К. А. ОХОТНИКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

‹Москва. Конец января 1821 г.›[1]

Я сам вручу письмо Ваше [2] в степях[3] живущему Сверчку [4] и уверен, что он будет петь и прыгать от радости.— Орлову передам также, если встречу на пути, Ваше желание его видеть, а Вас прошу, приведя на память наши резвости ребяческие в школе у езуитов, о возобновлении прежнего знакомства, которое, конечно, доставит мне великое удовольствие.

Охотников.

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2493, л. 1).

Константин Алексеевич Охотников (ум. в начале 1824 г.) — деятельный член кишиневской управы Союза Благоденствия, дивизионный адъютант М. Ф. Орлова, друг В. Ф. Раевского, с 1822 г. находился под следствием по делу Раевского. Когда в апреле 1823 г. Охотников уезжал из Кишинева, Пушкин послал с ним письма Вяземскому (XIII, 61).

Об отношениях Пушкина с Охотниковым вспоминает И. П. Липранди («Русский архив», 1866, № 9, стб. 1249, 1251; № 10, стб. 1447).

[1] Публикуемое письмо датируется условно, так как Охотников, Вяземский и Орлов были одновременно в Москве и в начале 1821 г. и в апреле 1823 г. (см. «Алфавит декабристов».— «Восстание декабристов», т. VIII. Л., 1925, стр. 370—371 и публикацию писем Охотникова Ю. Оксманом в «Красном архиве», 1925, № 13, стр. 297—307).

[2] Письмо Вяземского до нас не дошло.

[3] Поэт в это время находился в Кишиневе в ссылке.

[4] Арзамасское прозвище Пушкина.

7. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Н. И. ГНЕДИЧУ

Москва. 25 мая 1822 г.

...Я сегодня получил старое письмо [1] от молодого Пушкина; он говорит мне о «Кавказском пленнике», уже оконченном; хотел бы печатать, но говорит: лени много, а денег мало. Не присылал ли он Вам своей поэмы с тех пор?[2] Можно заняться бы ее напечатанием и позаботиться о доставлении ему выгод [3]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1242, л. 6).

[1] Вяземский имеет в виду письмо Пушкина из Кишинева от 2 января 1822 г. (XIII 34—35).

[2] 29 апреля 1822 г. Пушкин послал Гнедичу из Кишинева рукопись «Кавказского пленника»: «Завещаю Вам скучные заботы издания ‹...› — писал он.— Назовите это

стихотворение сказкой, повестию, поэмой или вовсе никак не называйте, издайте его в двух песнях или только в одной, с предисловием или без; отдаю Вам его в полное распоряжение» (XIII, 37). В письме от 27 июня Пушкин горячо благодарил Гнедича за его заботы об издании поэмы и просил внести в текст некоторые исправления, вызванные требованиями цензуры.

Вяземский спрашивал Гнедича в письме от 3 июля 1822 г. из Остафьева: «Скоро ли выйдет „Кавказский пленник", и каков вышел он из алжирского плена цензуры? Нельзя ли порадовать меня хотя отрывками?» («Летопись», стр. 347).

12 июля Гнедич отвечал Вяземскому из Петербурга: «„Кавказский пленник" вышел из цензуры, как обыкновенно выходят из когтей, не без царапин: он уже под станком и в августе пустится по белому свету. Вот почему не имею способа удовлетворить желанию Вашему присылкою рукописи» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 5082, т. 1, лл. 100 об.— 101).

«Кавказский пленник» поступил в продажу на квартире Гнедича около 1 сентября 1822 г.

4 сентября Вяземский писал Гнедичу из Остафьева: «С радостию возьму на себя раздачу нескольких экземпляров „Пленника", которого еще не успел прочесть; пришлите мне его» (неизд.— Там же, ед. хр. 1242, л. 7 об.).

Н. П. Голицына в письме к Вяземскому от 18 марта <1823 г.> спрашивала: «Что Вы скажете о „Кавказском пленнике"? Мне кажется, что он очень хорош. Жаль только, что прекрасная черкешенка расточает свои чувства ради такого пресыщенного героя. Скажите мне Ваше мнение, умоляю Вас и верьте, что буду почитать себя счастливой иметь Вас своим оракулом!!» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1713, л. 1 об.— Подлин. на франц. яз.).

[3] Вопреки ожиданиям друзей, Гнедич выдал Пушкину очень скромную сумму гонорара (см.: С. Гессен. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930, стр. 33—41).

8. Н. И. ГРЕЧ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 31 октября 1822 г.

...Признаюсь, мне и для пользы литературы, и для выгод моего журнала, и для А. Пушкина желалось бы видеть Вашу статью в «Сыне отечества» [1]<...>

Рукою А. И. Тургенева:

Писать некогда. Уведомь, есть ли у Вас послание Пушкина к цензору? [2] Если нет — пришлю.

3 ноября.

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1782, л. 1).

[1] Греч имеет в виду статью Вяземского «О „Кавказском пленнике"», которая и была напечатана в «Сыне отечества», 1822, № 49 (декабрь).

13 октября 1822 г. Вяземский послал статью из Остафьева в Петербург А. И. Тургеневу со словами: «Вот и моя статья о „Кавказском пленнике". Перечтите ее в дружеском ареопаге, но не слишком обтесывайте ее, чтобы не задрать за живое. Отдай ее Гречу» (*ОА*, т. II, стр. 276).

[2] Речь идет о сатирическом «Послании цензору» Пушкина, направленном против А. С. Бирукова. В качестве цензора Бируков прославился тупостью и трусостью. Это послание по цензурным соображениям не могло быть напечатано при жизни поэта, но уже тогда распространялось в большом количестве списков.

На публикуемое письмо Вяземский 9 ноября отвечал А. И. Тургеневу: «Пришли послание Пушкина; здесь его нет» (*ОА*, т. II, стр. 278).

В академическом издании сочинений Пушкина «Послание цензору» датировано апрелем — ноябрем 1822 г. (II, кн. 2, 1119). На основании приписки А. И. Тургенева к публикуемому письму, можно утверждать, что «Послание цензору» было написано не позднее начала октября 1822 г.

9. Я. И. САБУРОВ — А. И. САБУРОВУ

Москва. 15 июня 1823 г.

...Вышли новые Пушкина стихи «Разбойники»; одни не хвалят, что нет цели; другие за то, что есть цель — не разберешь. Дело однако же в том, что Пушкина узнаешь, разбойником быть не захочешь — но и не обвинишь. Он отказался первый камень бросить — мы не так скромны: в чужую голову и сотню пустим, не заикнувшись...

Автограф. ЦГИА. Фонд Соллогуб-Сабуровых (№ 1074, оп. 1, ед. хр. 74, л. 11 об.).

Хранящиеся в ЦГИА письма, адресованные Александру Ивановичу Сабурову, считаются письмами Андрея Ивановича Сабурова. Однако, единственная, находящаяся в пачке, записка, подписанная Андреем Сабуровым, не совпадает по почерку с двадцатью девятью письмами, лишенными подписи. Принадлежать эти 29 писем Андрею Сабурову не могут еще и потому, что в письме от 12 мая 1824 г. автор его говорит об Андрее в третьем лице (л. ненум., между лл. 19 и 20).

Автором этих писем является троюродный брат Александра Ивановича Сабурова — Яков Иванович Сабуров, факты жизни которого, отраженные в письмах, соответствуют известным фактам его биографии. А именно: служба в Одессе при М. С. Воронцове в 1825 г., участие в комиссии по делам Варфоломея в Кишиневе в 1827 г. и пребывание в Париже в 1828 г. (см. Пушкин, XIII, 163, 201, 301; «Николай Полевой». Ред., вступ. статья и коммент. В. Орлова, Л., ⟨1934⟩, стр. 525; ср. письма Я. И. Сабурова от 7 апреля 1825 г., 28 апреля 1827 г. и 17 февраля/1 марта 1828 г., лл. 17—18, 35—36, 40).

Яков Иванович Сабуров (1798—1856)— лейб-гусар (1816—1821), служивший в 1825 г. в Одессе при Воронцове, а в 1826—1827 гг. в Кишиневе. Сабуров много выступал в печати в 1830—40-х гг. Отзывы о нем сходятся в одном — все признают в нем незаурядный ум и талант. «Он малый умный, добрый и благородный»,— рекомендует его Вяземский Жуковскому («Русский архив», 1900, № 2, стр. 193). Б. Н. Чичерин утверждал, что Сабуров был «видное лицо в свое время», человек «весьма неглупый, образованный, все читавший, с разнообразными сведениями, хотя несколько шаткими мыслями и характером» («Из воспоминаний Б. Н. Чичерина».— «Русский архив», 1890, № 4, стр. 514).

«Шаткий характер» это вероятнее всего именно та черта, которая заставляла Пушкина уговаривать брата «отвыкать» от Сабурова (XIII, 119), заранее просить Сабурова «ничего не врать» о нем в Одессе (XIII, 163) и, наконец, вызвала стихи Пушкина «Сабуров, ты оклеветал мои гусарские затеи» (II, 350).

В письмах же, отрывки из которых нами публикуются, мы не видим нигде проявления страсти Сабурова к сплетням. Автор писем предстает перед читателем как большой любитель искусства, с живым наблюдательным умом, отмеченным безысходным скептицизмом. Зная о том, что Пушкин приятельствовал с ним в Петербурге, до ссылки, мы можем даже поставить вопрос, не являлся ли Я. И. Сабуров, наряду с П. Я. Чаадаевым и А. Н. Раевским, тем ярким представителем молодых людей конца 1810-х гг., впечатления от которых сложились в собирательный образ Евгения Онегина первой главы?

Адресат писем Я. И. Сабурова — Александр Иванович Сабуров (1799— ум. не ранее 1897 г.)— лейб-гусар (1816—1826), член Северного общества. Так же, как и Я. И. Сабуров, вероятно, знакомый Пушкина по Царскому селу и Петербургу.

Публикуемое письмо от 15 июня 1823 г. очень любопытно. Сабуров говорит о еще не изданных «Братьях разбойниках»; впервые отрывок из поэмы был напечатан Воейковым без разрешения Пушкина в июльской книжке «Новостей литературы». Сам поэт предложил Бестужеву напечатать поэму полностью в «Полярной звезде» на 1824 г. (XIII, 64). Но из-за цензурных затруднений печатание «Братьев разбойников» в 1824 г. не состоялось и полный текст поэмы появился лишь в «Полярной звезде» на 1825 год. Таким образом, выясняется, что и «Братья разбойники», как позднее «Бахчисарайский фонтан» и «Евгений Онегин», распространялись, как только рукопись выходила из рук поэта. «Братья разбойники» были посланы Пушкиным Н. Н. Раевскому в конце 1822 г. 9 мая 1823 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому в Москву: «Есть ли у тебя отрывок Пушкина „Братья разбойники“? Я вчера только достал его. Если нет, то пришлю...» («Летопись», стр. 367, 381).

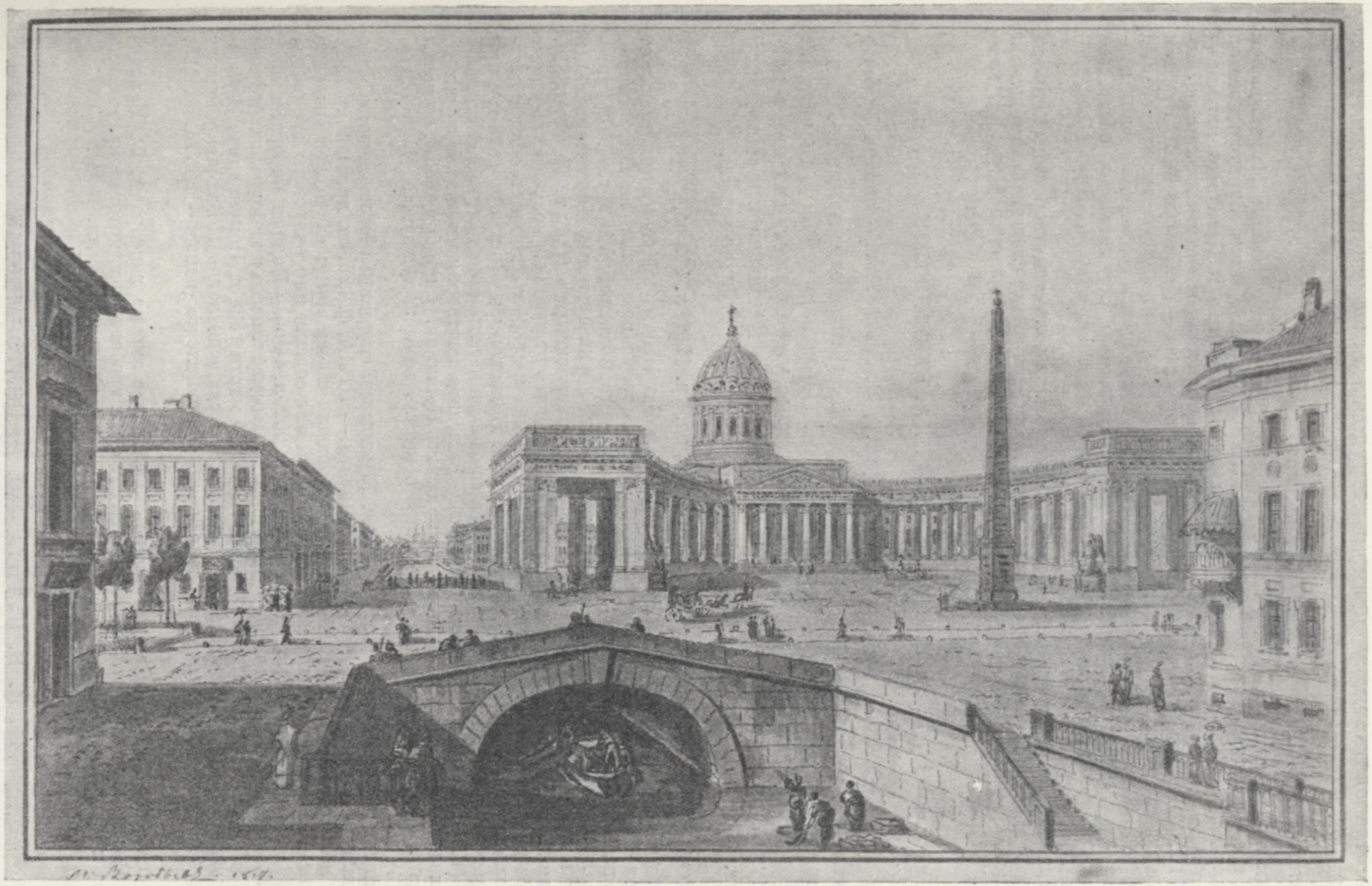
Вероятно, Вяземский отрывок получил и показал его Я. И. Сабурову, с которым часто встречался.

10. Н. В. ПУТЯТА — С. Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

⟨Петербург.⟩ 19 июня 1823 г.

...Несколько новых рукописей Пушкина разгуливают по свету, между прочим, отрывок из поэмы «Братья разбойники». Полагая, что они Вам известны, не посылаю их, ибо Вы, как я замечаю, физически только живете в Могилеве-Белорусском, а морально в какой-либо просвещенной столице Европейской ⟨...⟩ Однакоже наудачу посылаю и я Вам стишки автора «Руслана и Людмилы», они коротки и удобопоместимы в письме, и я надеюсь, что Вам понравятся. Вот они.

⟨*Далее следует текст стихотворения «Птичка»*⟩.



НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ У КАЗАНСКОГО СОБОРА
Акварель М. Н. Воробьева, 1817 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Если Вы не читали еще его «К и н ж а л З а н д а» и других пиэс, то можете требовать их у меня, я за удовольствие поставлю доставить Вам их[1]...

Автограф. ГПБ. Фонд С. Д. Полторацкого.

Николай Васильевич П у т я т а (1802—1877) — воспитанник Муравьевской школы колонновожатых, в которой учился и Полторацкий. Через Баратынского он познакомился с Пушкиным. Сохранилась записка Пушкина к Путяте от января — декабря 1828 г.: поэт просил его быть секундантом в предполагавшейся дуэли с де Лагрене (XIV, 32). Об отношениях Полторацкого с Пушкиным — см. статью Ф. Я. Приймы в настоящем томе, стр. 298—307. В бумагах С. Д. Полторацкого находится еще записка Н. В. Путяты, возможно, 1828 г.: «Тьфу пропасть, опять наша партия не состоялась, а хуже всего, что мы с Пушкиным остались без обеда. Мы ожидали тебя очень долго и решились ехать на твой счет к Яру» (неизд.— Там же).

[1] Популярность и огромная революционизирующая роль стихотворения «Кинжал» (написано, предположительно, в марте 1821 г.) подтверждается следственными делами декабристов. Сохранился список «Кинжала», принадлежавший Н. В. Путяте (II, кн. 2, 1090).

11. В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Петербург. Декабрь 1823 г.— январь 1824 г.〉

...«Бакчисарайский фонтан» — прелесть. Напечатай получше. Я думаю надобно печатать у Семена. Прости! Обнимаю тебя. Для чего бы при нем не напечатать и тех мелочей, которые уже были до сих пор в разных журналах: в «Сыне отечества», в «Новостях» Воейкова и в «Полярной звезде». Подумай об этом. Это не помешает полному изданию[1]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1909, л. 232 об.).

«Бахчисарайский фонтан» Пушкин прислал Вяземскому в Москву при письме от 4 ноября 1823 г. Он просил провести поэму через цензуру и написать к ней предисловие. Но еще раньше отрывки из поэмы дошли до Петербурга. 26 сентября 1823 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Я достал два отрывка (стихов 30) из Пушкина „Бахчисарайского ключа“ и две пиески, присланные им для „Полярной звезды“» (*ОА*, т. II, стр. 352). Очевидно, Пушкин сначала предполагал опубликовать отрывки из поэмы в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда» на 1824 год; об этом свидетельствует и неизданное письмо Н. В. Путяты к С. Д. Полторацкому (октябрь 1823 г.), при котором тот посылал два отрывка из поэмы, «назначенные для помещения» в «Полярной звезде» (ГПБ, архив С. Д. Полторацкого). Последнее подтверждается и тем фактом, что Рылеев имел в своих руках отрывки из поэмы Пушкина. 1 ноября 1823 г. он читал один из отрывков на заседании Вольного общества наук и художеств («Летопись», стр. 414).

В письме от ноября — декабря 1823 г. Жуковский спрашивал Вяземского: «Скоро ли пришлешь „Бакчисарайский фонтан“?» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1909, л. 231).

27 декабря 1823 г. Е. А. Карамзина сообщала Вяземскому: «Тургенев недавно читал нам „Бахчисарайский фонтан“, который нас совершенно очаровал: это очень, очень красиво» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2002, л. 44 об.—Подлин. на франц. яз.).

[1] «Бахчисарайский фонтан», отпечатанный в Москве именно в типографии Августа Семена (без всяких приложений), вышел в свет 10 марта 1824 г. Получив его, Жуковский в конце марта 1824 г. писал Вяземскому: «За твое предисловие к „Бахчисарайскому фонтану“ обнимаю тебя; оно мне очень, очень понравилось» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1909, л. 181).

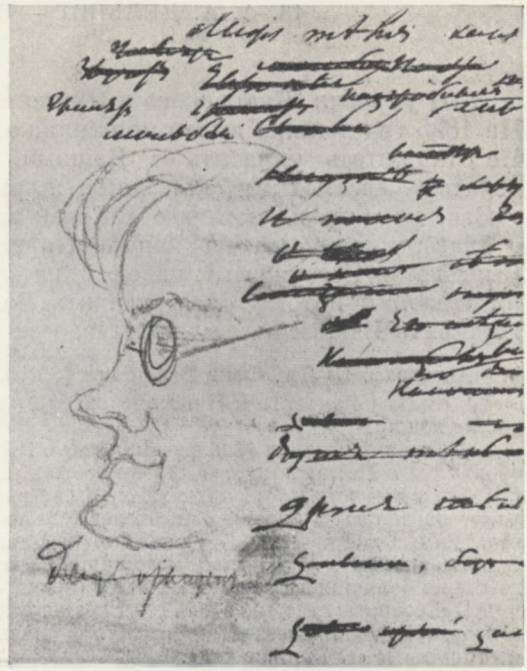
В Остафьевском архиве сохранились неизданные письма цензора А. Ф. Мерзлякова к Вяземскому от 20 и 26 февраля 1824 г. о тех требованиях, которые предъявила цензура к предисловию Вяземского (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2305, лл. 1—4).

12. Н. В. ПУТЯТА — С. Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

〈Петербург.〉 9 января 1824 г.

...Согласно непременному закону нашей переписки поговорю с Вами теперь о новостях литературных. «П о л я р н а я з в е з д а» на 1824-й год

А. М. ГОРЧАКОВ (?)
Рисунок Пушкина, 1826 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



превосходит типографическим достоинством прошлогоднюю; формат ее довольно красив, и издание украшено виньетками, не отличными, но лучше тех, коими обыкновенно украшаются у нас книги. Литературное ее достоинство соответствует сему первому; долго было бы исчислять Вам содержание сей книжки, которую Вы, верно, уже сами прочитали — или скоро прочтете: скажу только, что мне особенно нравятся из стихотворных сочинений пиэсы А. Пушкина [1], Ф. Н. Глинки, переложенный псалом, отрывки из поэмы «Войнаровский», «Лгун» басня Измайлова, elle a surtout le mérite de l'à propos*, и вместе с «Извозчиком», «Метафизиком» и друг. наносит решительные удары издателю «Отечественных записок» [2]. Проза также вообще хороша, хотя А. Бестужевым и написана большая часть прозаических пиэс, а он иногда коверкает язык по-своему.

Вы знакомы с князем Вяземским, и так, верно, в бытность Вашу в Москве читали у него новую поэму А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», которую он теперь и печатает [3]; я имел случай прочесть ее в рукописи и, оставляя холодным рецензентам замечать недостатки в плане и др., восхищался прелестными описаниями гарема и заключенных красавиц; вообще поэзия тут дышит какою-то восточною роскошью и негою. Это неоцененный подарок любителям отечественного слова.

Автограф. ГПБ. Архив С. Д. Полторацкого.

[1] В «Полярной звезде» было напечатано девять стихотворений Пушкина, в том числе элегии: «Редеет облаков летучая гряда», «Простишь ли мне ревнивые мечты» и отрывки из «Кавказского пленника».

[2] Павел Петрович Свиньин (1787—1839) — издатель «Отеч. записок», известный своей лживостью. В 1830 г. Пушкин высмеял его в сказочке «Маленький лжец» (см. письма Свиньина №№ 32, 34).

[3] О «Бахчисарайском фонтане» см. предыдущее письмо.

* ее главное достоинство в том, что она кстати (франц.).

13. А. А. ДЕЛЬВИГ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург.> 4 февраля 1824 г.

...Я упросил Жуковского и Пушкина [1] у Вас ходатайствовать за меня. На 1825 год должна выйти моя книжка, под названием «Северные цветы». Не откажитесь украсить ее Вашими сочинениями [2]. Виноват, начинаю делаться бесстыдным, как наши журналисты: не одних стихов прошу у Вас, но и прозы, которою Вы, так же как и стихами, добыли высокое и благородное место на нашем Парнасе. Не имея личных достоинств Рылеева и Бестужева [3], надеюсь на дружбу некоторых лучших наших писателей и потому смею уверить Вас, что я всё употреблю старание доставить Вашим пьесам достойное их общество...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5084, т. 3, л. 16—16 об.).

[1] Письма Дельвига к Пушкину об участии Вяземского в «Северных цветах» до нас не дошли.

[2] Дельвиг издавал «Северные цветы» с 1825 по 1830 г. 10 сентября 1824 г. он снова обратился к Вяземскому: «Если бы все так были немилостивы к моим „Северным цветам", как Вы: то и я бы запел: „Если бы на цветы да не морозы" и пр., но, слава Аполлону, из ж и в ы х хороших писателей только Вы еще их не украсили своими сочинениями. Самые ленивейшие — Жуковский и Дашков — пышно одарили меня. Пушкин, Баратынский, И. А. Крылов — доставили мне каждый по четыре, по шести и по семи довольно больших и прекрасных пьес» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 5084, т. 3, л. 14).

В «Северные цветы» на 1825 год Вяземский дал шесть своих стихотворений: «Младый певец», «Недовольный», «К журнальным близнецам», «Простосердечный ответ», «Черта местности» и «К княжне ***».

Кроме двух впервые вводимых нами в научный оборот писем, в Остафьевском архиве хранится еще пять писем Дельвига к Вяземскому, опубликованных в «Старине и новизне», кн. 5, 1902, стр. 36—40.

[3] Здесь Дельвиг говорит о К. Ф. Рылееве и А. А. Бестужеве как об издателях альманаха «Полярная звезда» на 1823 и на 1824 гг., где были напечатаны стихотворения Пушкина и многих других поэтов.

14. М. С. ВОРОНЦОВ — П. Д. КИСЕЛЕВУ

Одесса. 28 марта 1824 г.

...Я говорил здесь с людьми, желающими добра Пушкину, и результат тот, что я напишу Нессельроде, чтобы просить его перевести Пушкина в другое место. Здесь слишком много народа и особенно людей, которые льстят его самолюбию, поощряя его глупостями, причиняющими ему много зла. Летом будет еще многолюднее, и Пушкин, вместо того, чтобы учиться и работать, еще более собьется с пути. Так как мне не в чем его упрекнуть, кроме праздности, я дам о нем хороший отзыв Нессельроде и попрошу его быть к нему благосклонным. Но было бы лучше для самого Пушкина, я думаю, не оставаться в Одессе...

Автограф. ИРЛИ. Собрание П. Д. Киселева (29. 6. 91. Кис. 12, лл. 21 об.—22). — Подлинник на французском языке.

Граф Михаил Семенович В о р о н ц о в (1782—1856) — новороссийский генерал-губернатор (1823—1844). Памфлетные характеристики Воронцова даны в известных эпиграммах Пушкина: «Полу-милорд, полу-купец», «Сказали раз царю» и в «Воображаемом разговоре с Александром I».

Публикуемое письмо Воронцова к другу его — Павлу Дмитриевичу К и с е л е в у (1788—1872), в то время начальнику штаба 2-й армии, восполняет одно из недостававших звеньев в ряду ранее опубликованных документов о высылке Пушкина из Одессы.

Первый по времени из этих документов — письмо Воронцова к П. Д. Киселеву от 6 марта 1824 г. В нем Воронцов отзывается о поэте крайне высокомерно и с большим пренебрежением («Летопись», стр. 444—445). Следующее по времени из опубликованных документов — письмо Воронцова к гр. К. В. Нессельроде от 28 марта 1824 г. (в «Летописи» оно ошибочно датировано: 24 марта). Но, оказывается, между этими двумя письмами Воронцов написал на ту же тему еще одно, публикуемое нами.

ДОМ гр. М. С. ВОРОНЦОВА В ОДЕССЕ

Рисунок (сепия) неизвестного художника, 1830-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

Характерен отклик Воронцова на смерть Пушкина в письме от 12 февраля 1837 г. к М. И. Лексу, знакомому Пушкина еще по Кишиневу и Одессе, а в то время крупному чиновнику министерства внутренних дел:

«Покорнейше благодарю за письмо Ваше. Мы все здесь удивлены и огорчены смертию Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе. Еще более горестно думать, что несчастия этого не было бы, если бы не замешались в этом деле комеражи, которые, вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали его и довели до бешенства» (неизд.— ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, ед. хр. 102).

Несомненно, что лицемерно-сочувственные строки Воронцова о гибели поэта вызваны были желанием хитрого царедворца отделить себя в глазах общества от врагов Пушкина. Это предположение подтверждает записка М. И. Лекса к В. А. Жуковскому от 25 февраля 1837 г.: «Имею честь препроводить при сем выписку из письма графа М. С. Воронцова. Он достойно чтит память незабвенного Пушкина и чрез то усиливает свои права на общее уважение» (неизд.— Там же).

15. Я. И. САБУРОВ — А. И. САБУРОВУ

Петербург. 12 мая 1824 г.

...Что касается до умных людей — то ты представить себе не можешь, как они глупы, что доказывается теперь журнальной бранью — ветеран в остроте и литературе Вяземский побранился с малыми и старыми москвичами — и война — и за него, и против него, отовсюду загорелась. Посыпались пасквили, эпиграммы, рассуждения, насмешки, личности — одна другой злее и одна другой глупее,— а куда спрятался ум — и не отгадаешь; вот например, Пушкина, которая еще всех действительнее:

Охотник до журнальной драки
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки.

Она за Вяземского. Суди же о прочих.

Они точно живут со дня на день — в твердой надежде, что вчерашнюю глупость забудут, на будущую не надеятся — и рады, что за настоящую не бьют...

Автограф. ЦГИА. Фонд Соллогуб-Сабуровых (№ 1074, оп. 1, ед. хр. 74, л. ненумерованный — между лл. 19—20).

Публикуемое письмо является самым ранним свидетельством об эпиграмме Пушкина «Охотник до журнальной драки», и относит эпиграмму к определенным литературным событиям.

Эпиграмма была напечатана Пушкиным лишь в 1826 г. в его первой книге стихотворений и перепечатана во второй части его стихотворений изд. 1829 г. (среди стихотворений «Разных годов»). На основании положения белового автографа в тетради, эпиграмма датирована в академическом издании Пушкина «предположительно сентябрем — ноябрем 1824 г.». Повод написания эпиграммы до сих пор известен не был. Общепринята была лишь точка зрения, что эпиграмма направлена против М. Т. Каченовского. Основанием этому служило то, что в «Капнистовской тетради» эпиграмма записана в таком контексте:

«1) Надпись к портрету

Клеветник без дарованья и проч.

2) Другая

Охотник до журнальной драки».

Поэтому считали, что обе эпиграммы относятся к одному и тому же лицу, то есть к Каченовскому.

Я. И. Сабуров утверждает, что эпиграмма связана с «журнальной бранью» за и против П. А. Вяземского. Близость Сабурова к Вяземскому и литературному миру Петербурга, самый факт, что у него в руках оказался текст новой эпиграммы Пушкина — внушает доверие к его словам. «Журнальная брань», о которой говорит Сабуров, это — известная полемика, вызванная анонимной статьей Вяземского «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», помещенной им «Вместо предисловия» в издании «Бахчисарайского фонтана» 1824 г. Статья Вяземского, поднимающая на щит романтиков и атакующая классиков,

ОДЕССА
Акварель М. Н. Воробьева, 1821 г.
Музей А. С. Пушкина, Ленинград

действительно, положила начало «войне». В № 5 «Вестника Европы» появился «Второй разговор между классиком и издателем Бахчисарайского фонтана». Автором его был начинающий журналист М. А. Дмитриев, скрывшийся под буквой «N». В той же книжке была напечатана и другая статья, названная «Особая переписка» и подписанная «Бывший журнальный клеврет». Контрответом Вяземского послужила его статья «О литературных мистификациях по случаю напечатания в 5-й книжке Вестника Европы второго и подложного разговора между классиком и издателем Бахчисарайского фонтана» («Дамский журнал», № 7).

Для того, чтобы приурочить эпиграмму Пушкина к тому или иному выступлению в печати, надо прежде всего учесть, что почта между Москвой и Одессой шла дней пятнадцать. Таким образом, эпиграмма, полученная в Петербурге не позднее 12 мая, была послана Пушкиным не позднее 24 апреля (к пятнадцати дням движения почты из Одессы в Москву присчитываем три дня на движение из Москвы в Петербург). Какой из московских журналов мог иметь в руках Пушкин к 24 апреля? Лишь тот, который вышел не позднее 9 апреля, а именно № 5 «Вестника Европы» с двумя статьями, направленными против предисловия к «Бахчисарайскому фонтану». Книга вышла в Москве 26 марта и могла попасть в Одессу около 10 апреля.

Иначе говоря, эпиграмма «Охотник до журнальной драки» была написана между 10 и 24 апреля 1824 г. и вызвана напечатанной в № 5 «Вестника Европы» статьей «Второй разговор между классиком и издателем Бахчисарайского фонтана».

Подписанная буквой N статья, принадлежащая еще не выступавшему в печати М. А. Дмитриеву, была, вероятно, принята Пушкиным за статью издателя «Вестника Европы» Каченовского. Таким образом, осмеивая автора статьи, Пушкин метил в своего давнишнего врага, Каченовского. (Об аналогичном случае см. в сообщении О. Билинкис в настоящем томе.)

16. Д. В. ДАШКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 24 июня <1824 г.>

...Смерть Бейрона поразила меня точно так же, как Вас; он умер в ту минуту, когда становился в первый раз интересным — как человек. Всё, что касается до Греции и до греков, дышит поэзиею сердца. Знаете ли, что сверх значительных пожертвований при жизни, Бейрон в завещании своем отказал греческому правительству 200 тысяч талеров, т. е. более миллиона рублей?[1]. На Жуковского надеяться нечего; авось Пушкин (не Василий Львович) напишет что-нибудь достойное умершего...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1820, л. 26 об.).

Дмитрий Васильевич Дашков (1788—1839) был знаком с Пушкиным со времени их общего участия в литературном обществе «Арзамас» (см. о нем в кн.: М. Боровкова-Майкова. Арзамас. Л., 1933, по указателю).

Не один Дашков, узнав о гибели Байрона, вспомнил о Пушкине. 26 мая 1824 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Завидую певцам, которые достойно воспоют его <Байрона> кончину. Вот случай Жуковскому!... Надеюсь и на Пушкина» (*ОА*, т. III, стр. 48—49). 6 июня Вяземский, через жену, обратился к самому поэту: «Кланяйся Пушкину и заставь его тотчас писать на смерть Байрона». 27 июня 1824 г. Вяземская отвечала мужу: «Пушкин ни за что не хочет писать на смерть Байрона; мне кажется, что он слишком занят и, главное, слишком увлечен, чтобы заниматься чем-нибудь, кроме своего Онегина» (там же, т. V, вып. 1, стр. 11 и вып. 2, стр. 112).

В свою очередь, А. И. Тургенев писал Вяземскому 3 июня: «Смерть его <Байрона> в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент сей и воспользуется случаем» (*ОА*, т. III, стр. 51).

О письме Дашкова (публикуемом нами) и о своих надеждах на Пушкина Вяземский упоминает в письме к жене от 6 июля (*ОА*, т. V, вып. 1, стр. 26). Смерти Байрона посвятили стихотворения — К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, Д. В. Веневитинов и другие. Пушкин откликнулся на смерть Байрона в четырех строфах второй редакции стихотворения «К морю» (26 сентября — 10 октября 1824 г.).

В Остафьевском архиве сохранилось еще одно письмо Дашкова к Вяземскому с упоминанием о Пушкине от 28 декабря <1824 г.>: «Литература спит; Жуковский умер и похоронен; немногие копышутся — но Пушкин в Одессе, а Вы в Москве» (неизд. — ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1820, л. 32 об.).

[1] Незадолго до смерти Байрон распорядился продать свое родовое имение и вырученные деньги передал на дело освобождения Греции. Сумма, указанная Дашковым, значительно преувеличена.

17. В. Л. ПУШКИН — Н. И. КРИВЦОВУ

〈Москва.〉 31 июля 〈1824 г.〉

...Я получил вчера известие, которое меня очень огорчило, и я должен сообщить его Вам, ибо я знаю, кем Вы для всех нас являетесь. Александр, мой племянник, впав в немилость графа Воронцова, только что отстранен от службы [1]. Это внезапный удар для его родителей и истинное огорчение для меня. Мой брат, который находится теперь в Опочке, еще не знает об этом происшествии. Я узнал о нем от Александра Булгакова [2], до которого эта новость только что дошла [3]...

Автограф. ГПБ. Альбом С. Н. Батюшковой (л. 18).— Подлинник на французском языке.

О Кривцове см. примеч. к письму № 129.

[1] Пушкин был исключен из службы «высочайшим повелением» от 8 июля 1824 г.

[2] Об А. Я. Булгакове см. примеч. к письму № 20.

[3] Подразумевается, очевидно, письмо К. Я. Булгакова к брату из Петербурга от 25 июля 1824 г.: «Я слышал, что он 〈Пушкин〉 исключен из списков служащих, и велено жить в деревне у отца. Вот и таланты без поведения плохое дело» («Летопись», стр. 496).

18. В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Петербург.〉 22 сентября 〈1824 г.〉

Я получил приказание Вашего сиятельства [1], но не мог исполнить его тотчас. Надобно было для этого съездить в Петербург (я был в Павловске), а мне прежде субботы ехать было невозможно. Удивляюсь, как Вы, умный князь, не вздумали прямо написать в Псков к Сергею Львовичу, а решились взвалить хлопоты переписки на такого человека, который давно забыл, как пишутся письма и прочее [2]. Но вот в чем дело. Сергея Львовича в Петербурге нет. Но Дельвиг сказывал мне, что никто не думал давать Ольдекопу перепечатывать Пушкина поэму и что никакой сделки по этому предмету не было. Дельвиг ожидает от Пушкина доверенности и полномочия чтобы остановить литературный грабеж. И так можешь с своей стороны действовать в Москве через Оболенского [3]; а когда получишь ответ от Пушкина (к которому Дельвиг обещался написать), то можешь с журнальным объявлением обличить хищничество...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1909, л. 225).

Это письмо Жуковского — новый документ, освещающий бесчестную проделку Е. Ольдекопа. В 1824 г. Ольдекоп напечатал «Кавказского пленника» вместе с переводом на немецкий язык. Незаконная перепечатка помешала Пушкину переиздать, как он намеревался, поэму в 1824 г. В июле С. Л. Пушкин подал на Ольдекопа жалобу в Петербургский цензурный комитет, но безрезультатно. Друзья поэта столь же безрезультатно пытались добиться от Ольдекопа материальной компенсации. Этому эпизоду посвящена статья: Ю. О к с м а н. Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (Сб. «Пушкин. Статьи и материалы», вып. I. Одесса, 1925, стр. 6—11).

[1] Письмо Вяземского к Жуковскому от 9 сентября 1824 г. (см. 〈П. Б а р т е н е в〉. А. С. Пушкин, II. М., 1885, стр. 25).

[2] Вяземский писал об этом деле П. И. Шаликову, который всё перепутал и сообщил, что Сергей Львович разрешил Ольдекопу продавать издание (там же).

[3] Председатель Московского цензурного комитета.

19. А. Е. ИЗМАЙЛОВ — П. Л. ЯКОВЛЕВУ

〈Петербург.〉 19 февраля 〈1825 г.〉

...На сих днях вышла новая поэма Пушкина, или роман, или только первая глава романа: «Евгений Онегин» [1]. Плана вовсе нет, но рассказ — прелесть. Булгарин не хотел возвестить об «Онегине», потому что... Плетнев держал корректуру 〈...〉

Спрашиваешь ты меня: быть или не быть альманаху? Быть, быть! Право, это будет для нас хорошо — по крайней мере достанется тысячи по две барыша на брата за всеми издержками. «Невский альманах» дрянной, но и тот хорошо разбирают. В течение года ужели не напишу я пяти или шести порядочных басен или сказок?—Дадут нам хорошеньких пиесок и другие, например: ⟨В. И.⟩ Панаев, А. Крылов, Межаков, Языков Н., Остолопов и пр. и пр. В мае или в июне объявим и отобьем чрез то охоту у литературных спекуляторов. Верно не откажутся дать пиесок и Крылов и Жуковский, а может быть и А. Пушкин[2]. Чем же мы с тобою хуже Рылеева, Бестужева и Дельвига? [3]...

Автограф. ИРЛИ (№ 14163/LXXVIII, ед. хр. 7, л. 81—81 об.).

[1] Первая глава вышла отдельным изданием 14—16 февраля 1825 г.

[2] В 1826—1827 гг. Измайлов издавал альманах «Календарь муз», о нем и шла речь. Пушкин в «Календаре муз» не участвовал. В письме к М. П. Погодину от 31 августа 1827 г. поэт резко отозвался об этом альманахе (XIII, 341).

О повышенном интересе к произведениям Пушкина со стороны издателей альманахов и сборников свидетельствует и письмо А. Ф. Воейкова к П. А. Вяземскому от 21 января 1824 г.: «Твой портрет будет приложен к XVII части или к IX стихотворений собрания образцовых русских сочинений и переводов, кои не будут уже названы образцовыми, а просто новыми, вышедшими в продолжение 1821-го и 1822-го годов: частичка в прозе и при нем ⟨!⟩ твоя харя, частичка в стихах — и лицо А. Пушкина» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1602, л. 22).

Издание Воейкова вышло в свет с большим запозданием, в январе 1826 г., под заглавием «Собрание новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 год, служащее дополнением к собранию образцовых русских сочинений и переводов», ч. I (СПб., 1824). В нем были помещены отрывки из «Кавказского пленника» и стих. «Гречанке», но никаких портретов приложено к нему не было.

[3] Измайлов имеет в виду альманахи «Полярная звезда» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, «Северные цветы» А. А. Дельвига и «Невский альманах» Е. Ф. Аладьина. 16 апреля 1825 г. он писал тому же П. Л. Яковлеву: «Надеюсь получить хоть по пиесе от И. И. Дмитриева, И. А. Крылова, Жуковского, Пушкина и так далее» (неизд.— ИРЛИ, № 14163/LXXVIII, ед. хр. 7, л. 92 об.).

25 ноября 1824 г. Измайлов послал в письме к П. Л. Яковлеву ходившую по рукам эпиграмму Пушкина на министра народного просвещения А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель») (неизд.— ИРЛИ, там же, л. 57 об.).

22 февраля 1826 г. Измайлов сообщал П. Л. Яковлеву: «На прошедшей неделе прочел я в рукописи вторую главу „Онегина". Прелесть!»

В том же письме Измайлов приводит полностью (с некоторыми искажениями) эпиграмму Пушкина-лицеиста 1815 г., направленную против Шаховского, Ширинского-Шихматова и Шишкова («Угрюмых тройка есть певцов») (неизд. — ИРЛИ, там же, лл. 147, 148 об.).

20. А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. БУЛГАКОВУ

⟨Петербург.⟩ 28 мая ⟨1825 г.⟩

Пушкин прислал к Козлову стихи. Сообщи их Вяземскому и другим: ⟨*Далее следует текст стихотворения*: «*Певец, когда перед тобой*»⟩ [1]. Он послал, чрез брата, Вяземскому две эпиграммы с позволением напечатать, где угодно. Кажется, в одной собрал он всех дурных литераторов и заставил издавать журнал для мертвых, и кончил ее так:

И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайла Каченовский![2]

Я не читал ее; но Вяземский может вытребовать их от Льва Пушкина — всё это более для него пишу, а для тебя нового ничего нет ⟨...⟩ Скажи Вяземскому, чтобы не печатал нигде двух маленьких пиес в списке стихов Пушкина, вчера посланных. Он их отдал Дельвигу [3]...

Автограф. ГПБ. Фонд П. А. Вяземского.

Александр Иванович Тургенев (1784—1845)— историк, археограф, член «Арзамаса», близкий друг Пушкина (см. его письма №№ 79, 95, 97 и далее); Александр

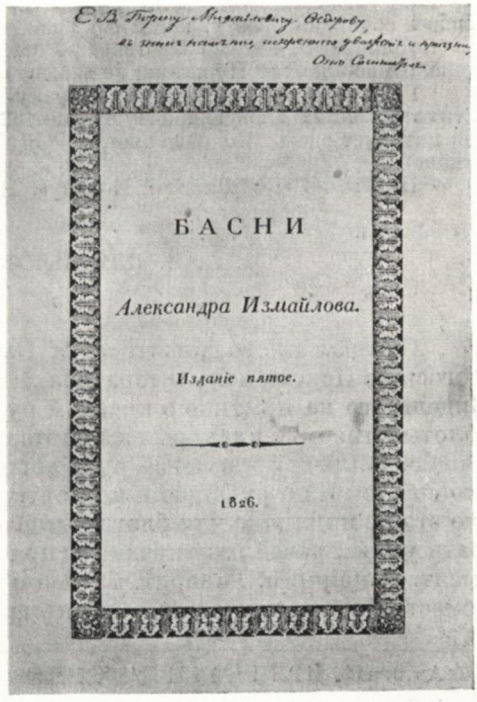
Яковлевич Булгаков (1781—1863) — московский почт-директор, близкий к литературным кругам.

[1] Стихотворение это написано 15 мая 1825 г. как ответ на поэму «Чернец», присланную Пушкину Козловым. 25 мая 1825 г. Козлов записал в своем дневнике: «Лев ⟨Пушкин⟩ принес мне чудное послание ко мне своего брата Александра, что мне доставило чрезвычайное удовольствие» («Старина и новизна», кн. 11, 1906, стр. 48).

Приведенный Тургеневым текст является копией с беловогоавтографа, ныне хранящегося в ИРЛИ.

[2] В начале 1825 г. Пушкин неоднократно посылал Вяземскому через брата свои новые стихотворения. Так, 27 марта 1825 г. поэт писал Л. С. Пушкину: «Перешли ему ⟨Вяземскому⟩, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня» (XIII, 157).

Благодаря публикуемому письму точно устанавливается, когда именно была написана эпиграмма «Литературное известие», ошибочно датируемая в академическом



ЭКЗЕМПЛЯР БАСЕН А. Е. ИЗМАЙЛОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Б. М. ФЕДОРОВУ, 1826 г.

Собрание И. С. Зильберштейна. Москва

издании сочинений Пушкина 24 февраля 1829 г. Эпиграмма направлена против М. Т. Каченовского (1775—1842), профессора истории, редактора «Вестника Европы», нападавшего на Пушкина с первых лет его литературной деятельности. Впервые она была напечатана в апреле 1829 г. в альманахе «Подснежник», а затем перепечатана в «Стихотворениях А. Пушкина», ч. III, 1832 (в отделе стихотворений 1829 г.).

В Остафьевском архиве сохранился листок, на котором, рукою А. И. Тургенева, переписаны эпиграммы: «Жив, жив курилка» и «Литературное известие». Его же рукой сделана приписка: «Вот Вам еще стихи б. брата сего дня полученные. Не решили ль чего об отъезде в Петербург 9-го? Пятница, вечер» (Пушкин. Акад. изд., III, кн. 2, 1178). Эта приписка свидетельствует о том, что на другой день после публикуемого письма Тургенев послал Вяземскому и самый текст эпиграммы, полученный от брата поэта (пятница в конце мая 1825 г. приходилась на 29 число). Известно, что к письму Пушкина к брату от первой половины мая 1825 г. была приложена эпиграмма «Жив, жив курилка». «Литературное известие», так же, как и упомянутая эпиграмма, несомненно, написано было в первой половине мая 1825 г.

[3] Под двумя «маленькими пьесами», отданными Дельвигу, очевидно подразумевались короткие послания к Баратынскому («Сия пустынная страна» и «Я жду обещанной тетради»), появившиеся в «Северных цветах» на 1826 год.

21. П. А. ПЛЕТНЕВ — А. А. ДЕЛЬВИГУ

<Царское село. Май 1825 г.>

Прелесть моя Дельвиг! Посылаю тебе сияющий Коран:

Да притечешь и ты ко Свету,
И да падет с очей туман![1]

Поправок в нем я сделать не мог на память; ты лучше сам поправь или читай так, как нам

С небесной книги список дан[2].

Автограф. ИРЛИ. Архив села «Мары» (№ 26313/CLXXXIX б 6).

Петр Александрович Плетнев (1792—1865) — писатель, друг Пушкина, издававший сочинения поэта, когда тот находился в ссылке.

Публикуемое письмо Плетнева — ответ на записку Дельвига: «Милый Плетнев, пришли мне алкоран Пушкина, не забыв сперва поправить описки» (неизд.— Там же).

[1] Речь идет о «Подражаниях Корану» Пушкина (1824), впервые напечатанных в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г. (вышли в свет 30 декабря 1825 г.). Плетнев цитирует здесь «Подражание», V («Да притечем и мы ко свету И да падет с очей туман»).

[2] Цитата из «Подражаний Корану», III.

22. А. Е. ИЗМАЙЛОВ — П. Л. ЯКОВЛЕВУ

Петербург. 11 сентября 1825 г.

...Слышал много нового об А. Пушкине от одного недавно возвратившегося из Пскова полулитератора. Проказничает наш Пушкин да и только. Видели его на ярманке в красной рубашке с косым воротом (обложенным золотым газом) и в таковых же портах. Перед ним и за ним были друзья его нищие. В правой и в левой руке держал он по апельсину и так сдавил их, что сок тек и по рубашке и по порткам[1]. Капитан-исправник заметил ему, что это не прилично для благородного человека. Вместо того, чтобы послушать умных речей г. капитана-исправника, он (такой разбойник!) стал еще смеяться над ним. Говорят, будто он доставил его благородию бессмертие, поместив его в своем описании ярманки[2]...

Автограф. ИРЛИ (№ 14163/LXXVIII, ед. хр. 7, л. 119 об.).

[1] До нас дошло несколько рассказов о посещении Пушкиным Святогорской ярмарки 29 мая 1825 г. (сводку которых см. в кн.: В. Вересаев. Пушкин в жизни, т. I. М.—Л., 1936, стр. 272—274).

В четвертой главе «Евгения Онегина», в пропущенной XXXV строфе, читаем:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский на распашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный.— Сим убором чудным
Безнравственным и безрассудным
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина.
А с ней Мизинчиков — Евгений,
Быть может, толки презирал,
А вероятно их не знал,
Но всё ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им,—
За что был ближним нестерпим (VI, 598).

Строфа автобиографическая. «Дама Дурина» — действительно соседка Пушкина по Михайловскому; «Мизинчиков»—помещик Пальчиков. Необычный костюм, в котором сосланный поэт явился на ярмарку, произвел на окружающих сильное впечатление.

Пошли толки и слухи, дошедшие до Петербурга. В «Записке о Пушкине», составленной секретным агентом Бошняком, подтверждается интерес властей к злополучной рубашке поэта. Там сообщается: «1-ое. Что на ярмарке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовою лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке» (см. подробнее стр. 205—208 настоящего тома).

[2] Сведения Измайлова лишены основания. Никакого описания ярмарки у Пушкина нет.

23. П. А. ГАББЕ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

с. Городок. 7 ноября 1825 г.

...Известия Ваши о трудах Пушкина меня обрадовали: он, один он живит нашу литературу! Да ниспошлет Аполлон более глубины, нежели протяжения его Гению. Вот всё, чего остается желать молодому сподвижнику Бейрона! Где он теперь? Кажется, более не в Одессе?...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5084, т. 3, л. 47 об.).

Петр Андреевич Г а б б е (р. 1796 — умер после 1833) — офицер-литератор, близкий к декабристским кругам.

В 1822—1823 гг. Габбе находился под тайным полицейским надзором, а в феврале 1823 г. за «дерзкие рассуждения о начальстве» был разжалован в солдаты. В марте 1826 г. его простили, но с запрещением въезда в столицы.

Вяземский, подружившийся с Габбе в Варшаве в 1820—1821 гг., поддерживал с ним переписку, и в конце двадцатых — начале тридцатых годов, в Москве, познакомил его с Пушкиным (см. записки Н. В. Веригина.— «Русская старина», 1893, № 2—3; о знакомстве с Пушкиным — № 4, стр. 115).

17 августа 1829 г. Габбе писал Вяземскому из Пензы о своей встрече с бывшим сослуживцем А. Афросимовым: «Мы перетолковали обо всем и про все: Хозрой Мирза и поэмы Пушкина, палата депутатов и русская барщина являлись попеременно на сцене» (В. Н е ч а е в а. В. Г. Белинский. М., 1949, стр. 151).

А. Я. БУЛГАКОВ
Рисунок К. Гампельна, 1820-е гг.
Музей А. С. Пушкина, Ленинград

24. А. Е. ИЗМАЙЛОВ — П. Л. ЯКОВЛЕВУ

〈Петербург.〉 17 сентября 1826 г.

...Обрадую тебя известием об А. Пушкине. С неделю назад слышал я, что приехал к нему фельдъегерь и увез его в Москву. Теперь слышу — и это верно, достоверно,— что в Москве представлен он был доброму и умному нашему государю, который (как г о в о р я т) говорил с ним целый час и простил его.— Дай бог, чтобы такая неожиданная милость подействовала на шалуна-поэта и послужила к совершенному его исправлению...

Автограф. ИРЛИ (№ 14163/LXXVIII, ед. хр. 7, л. 171 об.).

В ночь на 4 сентября 1826 г. в Михайловское к Пушкину прибыл офицер с приказом немедленно явиться к псковскому губернатору, Б. А. Адеркасу. Губернатор получил «высочайшее повеление» разрешить поэту выехать в Москву «в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря». По этому поводу Пушкин писал П. А. Осиповой 4 сентября 1826 г.: «Без фельдъегеря у нас, грешных, ничего не делается; мне также дали его, для большей безопасности» (XIII, 294). 8 сентября поэт приехал в Москву, где был представлен Николаю I, прямо в дорожном костюме. Об этой аудиенции сохранились многочисленные воспоминания (см. сводку их в кн.: В. В е р е с а е в. Пушкин в жизни, т. I, стр. 314—318).

25. З. А. ВОЛКОНСКАЯ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Москва. 20 сентября 1826 г.— 17 мая 1827 г.〉

Дорогой князь, приходите в воскресенье обедать ко мне, непременно; я кое-что прочту, что Вам, надеюсь, понравится.— Если мотылек Пушкин уловим, приведите его ко мне. Быть может, он думает, что найдет у меня многочисленное общество, как в последний раз, когда он был. Он ошибается, скажите ему это, и приведите его обедать. То, что я буду читать, ему тоже понравится...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 165, л. 3).— Подлинник на французском языке.

Письмо написано вскоре после возвращения Пушкина из ссылки. С 8 сентября 1826 г. по 19 мая 1827 г. поэт жил в Москве все время (только ноябрь — первую половину декабря 1826 г. он провел в Михайловском). В этот период он познакомился с З. А. Волконской (урожд. Белосельской), бывал у нее и пользовался особым успехом и вниманием в московских литературных и светских кругах. До нас дошло письмо Волконской к Пушкину от 29 октября 1826 г. (XIII, 299) с восторженным отзывом о его поэзии (см. ниже письмо № 71).

Тридцать с лишком лет спустя С. П. Шевырев вспоминал в письме к сыну З. А. Волконской — А. Н. Волконскому: «Я печатаю свой старый грех, который вполне никогда не был издан, „Валленштейнов лагерь“; перевод был еще читан на Тверской, в доме княгини Белосельской, после одного из литературных обедов у твоей матушки, в присутствии Пушкина и Мицкевича» («Благонамеренный», журнал русской литературной культуры, кн. 1, 1926, Брюссель, стр. 148).

26. С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

〈Москва.〉 27 сентября 1826 г.

...Здесь Пушкин, не Лев и не Василий Львович, а Alexandre, с которым мы сделались неразлучны. С тех пор, как я с ним сблизился, он мне нравится более прежнего, ибо он в моем роде. Любит себя показывать не в пример худшим, чем он на деле...

Автограф. ГПБ. Архив В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 1003).

Сергей Александрович С о б о л е в с к и й (1803—1870) — товарищ Л. С. Пушкина по петербургскому Благородному пансиону, впоследствии друг поэта. Познакомился с ним через Л. С. Пушкина в 1818 г.

27. А. П. БОЧКОВ — А. А. ИВАНОВСКОМУ

<Петербург.> 28 октября 1826 г.

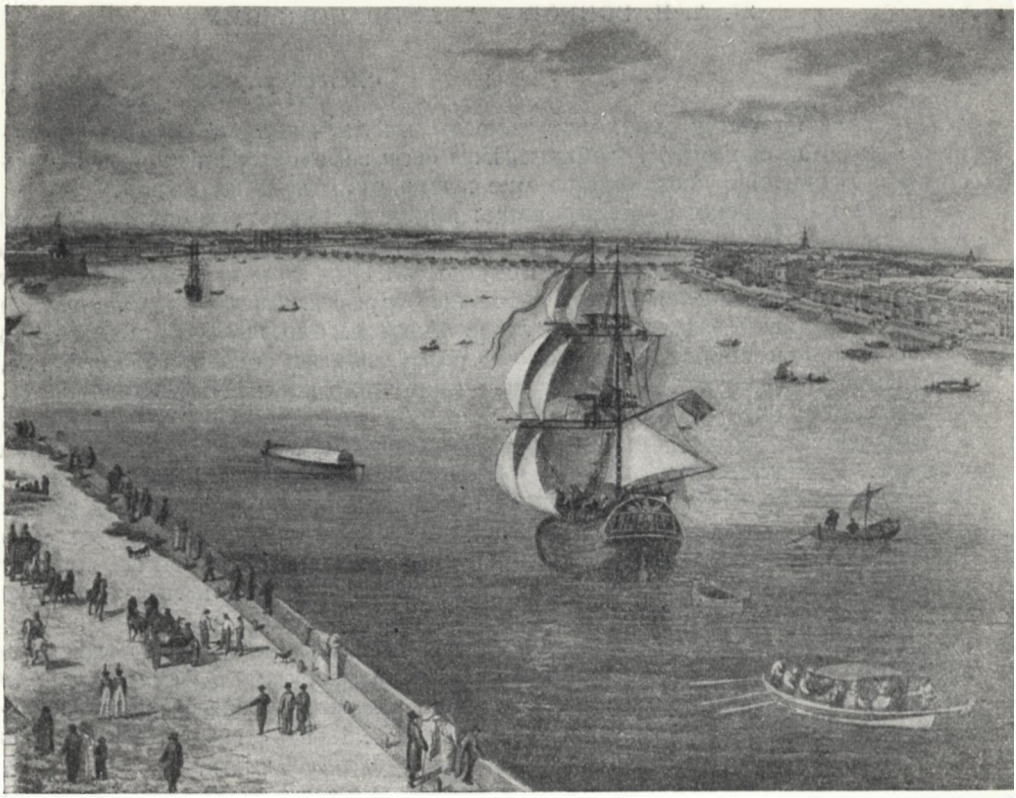
Надеясь на Вашу снисходительность, мой любезнейший друг, я осмеливаюсь, по старой памяти, сообщить Вам свои замечания на письма Вяземского и Пушкина, доставившие мне много приятнейших минут.

Письма Вяземского — сокровище: живость, игра ума, богатые мысли и сравнения. Но я досадую на его упрямство. Дмитриева предпочитать Крылову?[1] Крылов — поэт, поэт природный! При этом выражении скалят зубки и перемигиваются между собою некоторые критики; Вяземскому ли к ним приставать? «Пускай идут люди с людьми, а прочее — с прочим». Это его собственные слова. Положим, что с его мнением согласятся немногие, но мнение Вяземского не безделица в трибунале российской словесности.

Крылов у нас один из первых поэтов — это доказано; этому нельзя противустать. Восторженные и тупоголовые — все одно и то же об нем скажут. Его слава утверждена общественным нераздельным мнением. Сей поток в своем течении увлекает вместе с кедрами и дубами — жерди и дубины. «У Дмитриева более чистого и высшей пробы золота», — говорит Вяземский. Следовательно, Крылов ниже Дмитриева? Пушкин говорит другое: Дмитриев, по его мнению, «напрасно причислен к лику великих поэтов, а Крылов, несомненно, выше Лафонтена»[2].

Досадуя на несправедливое суждение Вяземского и увлекаясь мнением Пушкина в первом движении и не спросясь рассудка в фанатизме, так сказать, я написал следующее. Дмитриев, правда, писатель очень любезный, приятный, но где же у него вдохновение? Представьте себе светского человека, чисто одетого, гладко причесанного, со знаками отличия на груди; он сидит пред письменным столиком и пишет на веленевой бумаге; по временам он встает, прохаживается по своему кабинету, изредка скоропреходящий восторг заставляет его вздохнуть и оживляет его физиономию; он снова садится, пишет, пробегает свое произведение — и улыбка гордости и самодовольствия блистает на его лице. «Прекрасно! — говорит он, — какой жар, какая сила! Как будут восхищаться этими стихами! Однако ж (п о г л я д е в н а ч а с ы) я забылся с музами; эта беседа приятна, но пора ехать с докладом. Карету!» — Это Дмитриев! Теперь, «п о д ш у м н ы м д о ж д е м и п р и в е т р е н о ч н о м» видите ли вы этого человека, который, как беснующийся, ходит скорыми и неровными шагами; глаза его горят, грудь вздымается, как море; мучительное удовольствие волнует ее; одежда в беспорядке, и ч у д н ы й т р е п е т в д о х н о в е н ь я в л а с ы п о д ъ е м л е т н а ч е л е[3]. Он редко бросает свои мысли на бумагу; он не боится потерять счастливого выражения, удачного стиха — это сокровище в его пламенной голове. Молча и с каким-то туманом на челе он читает свое стихотворение. «Не дурно, — говорит он, — но я с трудом могу изъяснить то, что скрывается в этой бунтующей груди; не всегда вырывается огонь, который сожигает мою внутренность». Вот истинный поэт!

Написав это, зову к себе на суд совесть и рассудок. «Ты не прав, — говорит мне совесть, — желая блеснуть красивым сравнением, ты откидываешь справедливость. В первом портрете я вижу Дмитриева-лирика и автора в высоком роде без восторга и огня, но не милого поэта, подарившего нас „Голубком“ и мелкими стихотворениями, душистыми, как роза». «К какому разряду причислишь ты Крылова, — говорит мне улыбаясь рассудок, — он, верно, не беснуется как Пиндар, Шекспир, Байрон и Пушкин. Пред нашим баснописцем летают легкие веселые призраки, и не судорожный трепет, а громкий простодушный смех обнаруживает, что он видит своего гения. Скажи лучше, что вы все не правы, что поэт — Протей: везде



ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА
Акварель Антонио Тозелли, 1817—1820-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

и всегда разнообразен. Пушкин увлек тебя так, как порывистый вихрь подымает на воздух сор и щепки».

И к чудаку Измайлову Вяземский не совсем справедлив. Господин остроумный критик! вспомните о Теньере и Остаде: их картины висят наряду с Гвидом и Албаном. В первых баснях Измайлова найдется столько хорошего, забавного, что его по справедливости не выключают из числа наших баснописцев.

Пленительный Пушкин не ищет отличиться в прозе. Это поприще не для его быстрого бега; он отдыхает здесь, как пифия на треножнике. Комический гнев на издателей его элегий[4] и на Воронцова[5] очень забавен. Повторю прежде мною сказанное: радуюсь, что он высоко ценит свой талант и им не шутит. Хотя почитаю за честь себе встретиться с Пушкиным в суждениях о Грибоедове, но у меня другое мнение об этой комедии.

Чацкий, точно, заговаривается иногда; разве только его молодость, горячий нрав и досада на дурной прием могут извинить его? Он мог забыться, увлечься своим благородным порывом и чувством, недостижимым для черствых душ, на минуту им поверить, но этому надлежало бы не долго продолжаться. Автор в конце 3-го действия поставил его в самое неприятное положение — это говорун, а не Чацкий. «Мечтатель», скажете вы. — Да. А Софья? Что она такое? Почему ее характер не резко обозначен? — спрашивает Пушкин.— Она человек!— вот мой ответ. Человек духовный: у ней обширный ум, тонкое чувство; телесный: сильные страсти, слепая любовь! Дух бодр, а плоть немощна.

ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

Ужели смертный может быть всегда одинаков? Не покорствует ли он обстоятельствам, случаям непредвиденным, изменяющим нашу философию? Пушкин был в Тавриде не как Овидий, а как изгнанник, почти добровольный, и он — теперь в Москве. Сколько этому примеров между людьми. Французы только, а за ними и мы, нарекли театр школою нравов, а не картиною наших деяний. Сами же говорят: «учите примерами, не рассказами!», а не хотят применять этого к своей школе. До сих пор не осмеливались вывести на сцену характер, подобный Софьину, опасаясь соблазна. Нет! он лучше всякого мольерова резонера, рассудка во французском кафтане, даст почувствовать, как опасно повиноваться страстям и к чему это ведет! Ежели б Софья была совершенная б....—всякая благовоспитанная женщина постыдилась бы мысленно поставить себя на ее место, но она идеал Чацкого, добра, чувствительна, умна и она... вот пример!!! она предается Молчалину!

Где же цель комедии? говорят все. Погодите, господа! «Горе от ума» вас переживет. Итак, дайте пролететь хоть нескольким десяткам лет, когда Чацкого перестанут уподоблять одному только Грибоедову[6], тогда и цель пьесы обнаружится. Чацкий — поэт в обществе. Автор представляет вам, как опасно для человека с таким характером, умом, чувствительностию выражаться прямо там, где нет ушей для голой правды, а есть только ослиные— для ласкательства. Чацкий обманут в своей надежде; призрак совершенства, прежде им боготворимый, для которого пролетел он горы и степи, его кумир, божество — пред ним, а он не желает его видеть в изменяющемся образе человеческом, не хочет верить своим глазам, нетерпеливо желает разоблачить его, и вот—он является ему в настоящем виде, и призраки,

ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

надежды, мечты — улетели! Человек слабый, сам Чацкий предает всех, без разбора, проклятию за то только, что надежда пред ним виновата и что идеал, им добровольно для себя начертанный, не таков в натуре, как в его мечтах. Ежели и сам автор не предназначал этой цели, то она открывается сама по ходу пьесы. Чацкий — милый мечтатель, остроумный сатирик, поэт в своих суждениях,— вот что соблазняет всякого; сам автор увлекся прелестью подобного характера и виноватого делает судиею надо всеми. Виноватого? Он дурной человек общественный, когда сердится на Россию, не хочет служить своему отечеству своими талантами; безрассудный любовник, когда три года не осведомляется об своей любезной и рыскает по белому свету, сам не зная для чего; не может приневолить себя щадить слабости других и истину облекать одеждою угождения. Сам он, верно, бы оскорбился, если б кто-нибудь напрямик, как и он, дал ему заметить его собственные недостатки и, верно, бы улыбнулся тому, кто скажет: «Вы несправедливы к людям, мой милый, зачем сравниваете их с собою, зачем придаете всем ваш благородный и возвышенный характер?»

Одним словом, это избалованное дитя, Жан-Жак, не твердый и не постоянный, как большая половина великих поэтов. Какой это муж? Какой отец? Теперь рассмотрим опять прежнее: почему он заговаривается? Все поэты таковы: говорят кстати и некстати, а дела не делают и собою примера не подают. Почему его не слушают? Он говорит с намерением унизить других и потешить себя — будут ли его слушать?

Вот мое мнение. Ежели оно покажется несправедливым для других, по крайней мере я убежден в его справедливости, и упреки Чацкому сделаны

ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

по чистой совести. Эти укоры я повторяю самому себе, а оправдать себя не могу ни умом, ни остротою Чацкого.

Не буду повторять несколько раз мною сказанного, как утешали меня острые слова, забавные положения, комические характеры, восхитительные картины, естественность сей пьесы. Это верх остроумия и наблюдательности...

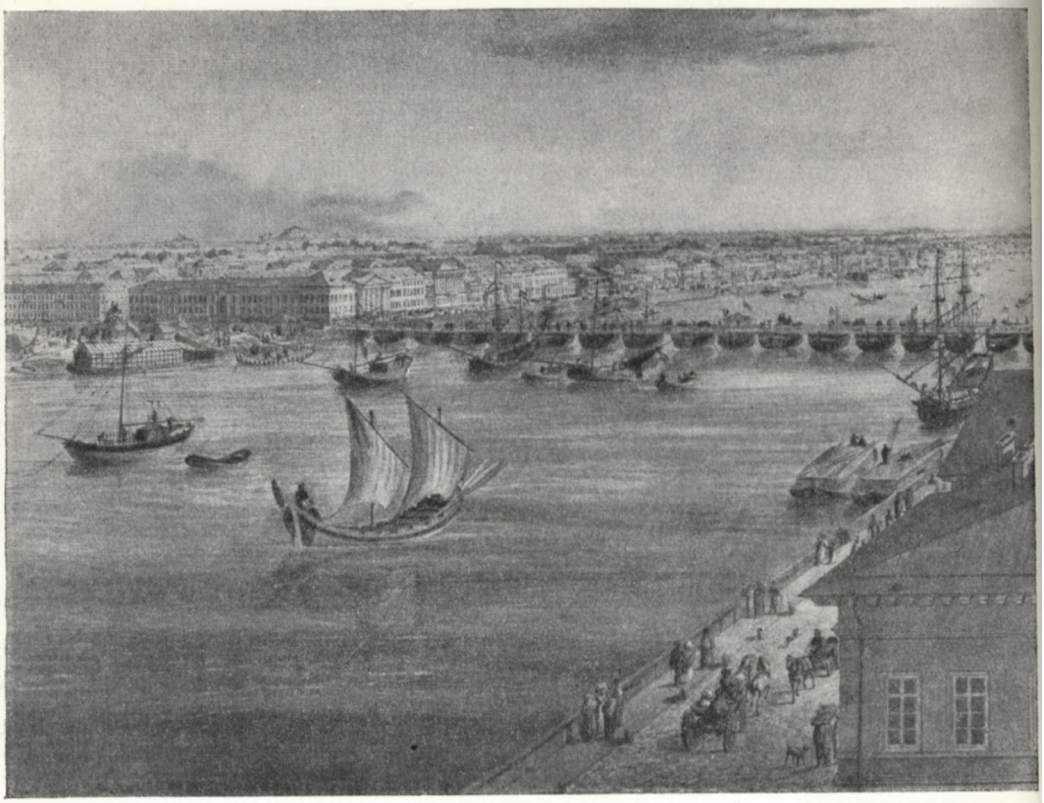
Автограф. ЦГИА. Фонд (коллекция) Е. И. Якушкина (№ 279, оп. 1, ед. хр. 1002).

Алексей Поликарпович Бочков (1807—1872?) — литератор, сотрудничавший во второй половине двадцатых годов в «Календаре муз» и в «Благонамеренном».

Интересны обстоятельства возникновения публикуемого письма.

В декабре 1825 г. делопроизводителем в «Следственный комитет» по делу декабристов был откомандирован служащий канцелярии военного министра, «страстный любитель литературы» А. А. Ивановский, автор нескольких повестей, близкий знакомый А. А. Бестужева, А. С. Грибоедова, А. О. Корниловича, Ф. Н. Глинки и др. К арестованным декабристам-литераторам Ивановский относился с «непритворным сочувствием» и пытался облегчить их судьбу. «Ивановский, благороднейший человек, в крепости говорил мне самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожден»,— писал о нем Грибоедов в записке, посланной тайком на волю. И далее: «Он член Вольного общества любителей словесности и много во мне принимал участия».

Случилось так, что Ивановскому удалось изъять из дел «Следственного комитета» рукописи Бестужева и Рылеева, а также письма, адресованные им. Зная, что Бочкова живо интересуют вопросы современной литературы, Ивановский в конце 1826 г., когда следствие по делу декабристов закончилось, передал ему для ознакомления рукописи Бестужева, а также письма Пушкина и Вяземского к Бестужеву. По мере прочтения этих материалов Бочков возвращал их Ивановскому, всякий раз сопровождая возвращаемые рукописи письмом, в котором излагал собственные мысли о прочитанном, а подчас присоединялся к суждениям Пушкина и Бестужева. Три подобных письма Бочкова, адресованные Ивановскому, были напечатаны в 1889 г. в «Русской старине» (№ 7, стр. 113—118). В одном из них имеются такие строки: «Письма Бестужева я читал почти со слезами. Мысль, что он погиб навсегда для нас и что эта потеря не скоро воз-



ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

наградится, убивала меня <...> Бестужевы, Рылеев, Корнилович, Кюхельбекер — сколько надежд погибло!» И далее: «Бедные наши писатели! Как немилосердно клюет вас цензура!». В другом письме Бочков писал: «Повести Бестужева — удивленье и загляденье <...> Прошу Вас <...> для славы родины сохранить все, что осталось от нашего молодца вожатого».

Письмо Бочкова от 28 октября 1826 г., публикуемое нами впервые, хронологически самое раннее из его писем, адресованных Ивановскому. Оно было написано после того, как Бочков ознакомился с письмами Пушкина и Вяземского к Бестужеву, и посвящено, главным образом, разбору письма Пушкина к Бестужеву от конца января 1825 г., того самого письма, в котором Пушкин, сделав несколько существенных критических замечаний о «Горе от ума», писал, что, слушая комедию, он «наслаждался», что половина стихов «должны войти в пословицу». Бочков в своих суждениях не до конца последователен и кое в чем сам противоречит себе, но в целом дает комедии высокую оценку, утверждая, что «это верх остроумия и наблюдательности», что «Горе от ума» переживет тех критиков, которые не видят «цели комедии».Тут Бочков в известной мере повторяет мысль Бестужева,— в статье, напечатанной в «Полярной звезде» на 1825 г. Бестужев писал: «Будущее оценит достойно сию комедию». Письмо Бочкова интересно как восторженное суждение о «Горе от ума», высказанное современником в ту пору, когда после разгрома восстания декабристов вокруг великого произведения наступило полное молчание.Следует отметить, что через того же Ивановского Бочков в 1828 г. познакомился с Пушкиным (см. «Русская старина», 1874, № 2, стр. 395—399).

[1] В руках Бочкова было, повидимому, восемь писем П. А. Вяземского к А. А. Бестужеву 1823—1825 гг., которые Ивановский сохранил у себя и которые позже были напечатаны в «Русской старине» (1888, № 11, стр. 312—319, 322—325, 329—331; 1889, № 2, стр. 321).

В письме к Бестужеву от 9 марта 1824 г. Вяземский писал: «Крылова уважаю и люблю, как остроумного писателя, но в эстетическом, литературном отношении всегда поставлю выше его Дмитриева» (там же, № 11, стр. 329—330).

[2] Бочков имел возможность ознакомиться со всеми письмами Пушкина, сохранившимися в бумагах А. А. Бестужева (их было девять). Они относятся к 1822—1825 гг. и ныне полностью опубликованы.

ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

Мысли Пушкина о Дмитриеве и Крылове изложены в письме к Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г. (XIII, 178).

[3] Искаженная цитата из стихотворения Пушкина «Жуковскому» («Когда, к мечтательному миру», 1818).

[4] Бочков имеет в виду письма Пушкина к Бестужеву от 12 января и 29 июня 1824 г., в которых поэт выражал свое негодование по адресу издателей «Полярной звезды»: вопреки его просьбе, элегия «Таврическая звезда» была напечатана с последними тремя стихами, а в других его произведениях оказалось немало опечаток (XIII, 84 и 100—101).

[5] В письме к Бестужеву от конца мая— начала июня 1825 г. Пушкин писал о «подлеце Воронцове», который «воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою» (XIII, 179).

[6] В письме к Бестужеву от конца января 1825 г., которое было в руках Бочкова, Пушкин писал: «В комедии Горе от ума кто умное действ⟨ующее⟩ лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малой, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями» (XIII, 138).

28. В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Дрезден. 26 декабря 1826 г.

Ты очень обрадовал меня своим намерением приняться за издание журнала и тем, что это намерение будет исполняться. Жаль только, что ты розно с Пушкиным и что участвуешь в таком журнале, который потерял кредит своею сухостию. «Телеграф» не изменяет своему имени. В известиях телеграфических не заботятся о слоге. Если бы ты выступил на сцену с Пушкиным и если бы вы выступили только вдвоем, то ты не остался бы в рядовых. Ты заправлял бы всем журналом, а Пушкин шпаклевал бы его

ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

своими стихами, и журнал бы при вашем аристократическом правлении мог бы быть порядочный. Но демократия, с которой связался Пушкин, едва ли что-нибудь путное сделает [1]〈...〉

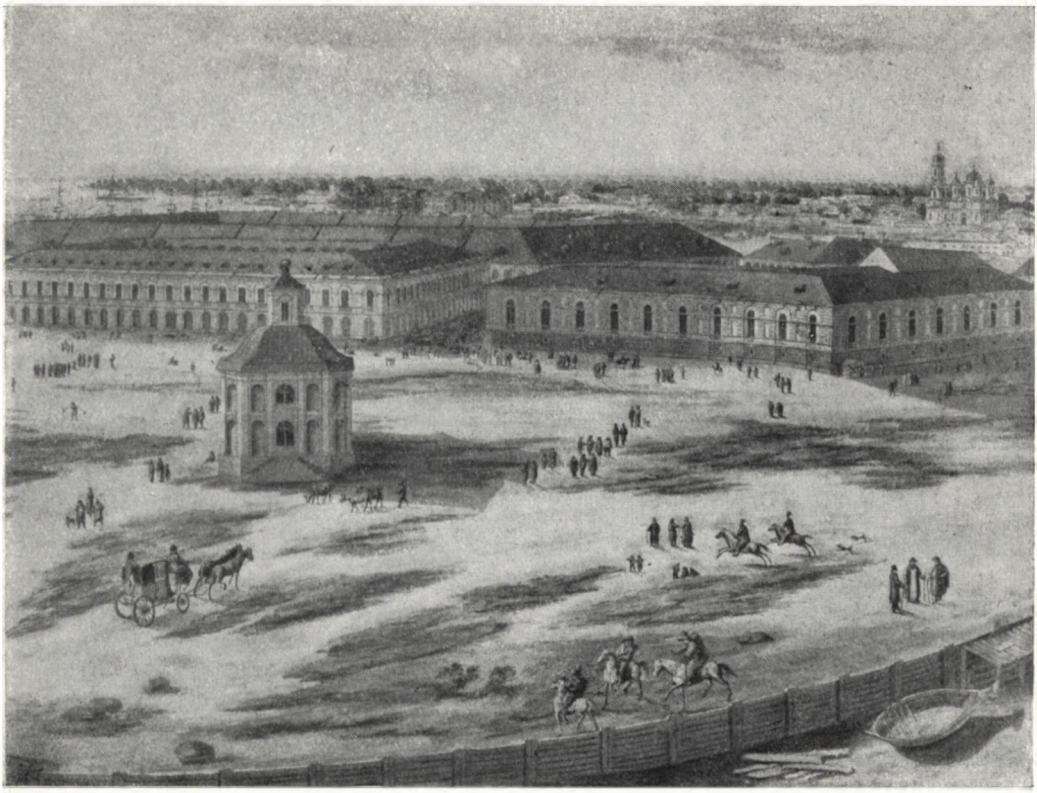
Нет ничего выше как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: «Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников! Пойми свою высокость и будь достоин своего назначения! Заслужи свой гений благородством и чистою нравственностию! Не смешивай буйства с свободою, необузданности с силою! Уважай святое и употреби свой гений, чтобы быть его распространителем. Сие уважение к святыне нигде так не нужно, как в России»[2]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1909, лл. 29 и 30).

[1] В октябре 1826 г. группа молодых поэтов и литераторов, во главе с Д. В. Веневитиновым, М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым, задумала издавать журнал «Московский вестник». Пушкин дал свое согласие постоянно сотрудничать в новом журнале. Но Вяземский, связанный с «Московским телеграфом», отказался поддерживать «Московский вестник». (См. письмо Пушкина к Вяземскому от 9 ноября 1826 г.— XIII, 304).

Подробнее об отношениях Пушкина с «Московским вестником» см. кн.: «Николай Полевой». Ред., вступ. статья и коммент. В. Орлова. Л., 〈1934〉, а также «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 680—690.

«Московский вестник» начал выходить с января 1827 г. Официальным издателем его являлся М. П. Погодин. Под словом «демократия» Жуковский подразумевал московскую молодежь, скомпрометированную в глазах правительства доносами Булгарина и заподозренную в «политической неблагонадежности».



ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

[2] С подобными призывами Жуковский обращался непосредственно и к самому Пушкину (XIII, 120, 271).

Подробный анализ публикуемого письма см. во вступительной статье Д. Д. Благого, стр. 11—12.

Ответ Вяземского на это письмо — см. № 29.

29. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ и Е. А. БАРАТЫНСКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ и А. И. ТУРГЕНЕВУ

〈Москва. 25 февраля — 12 марта 1827 г.〉

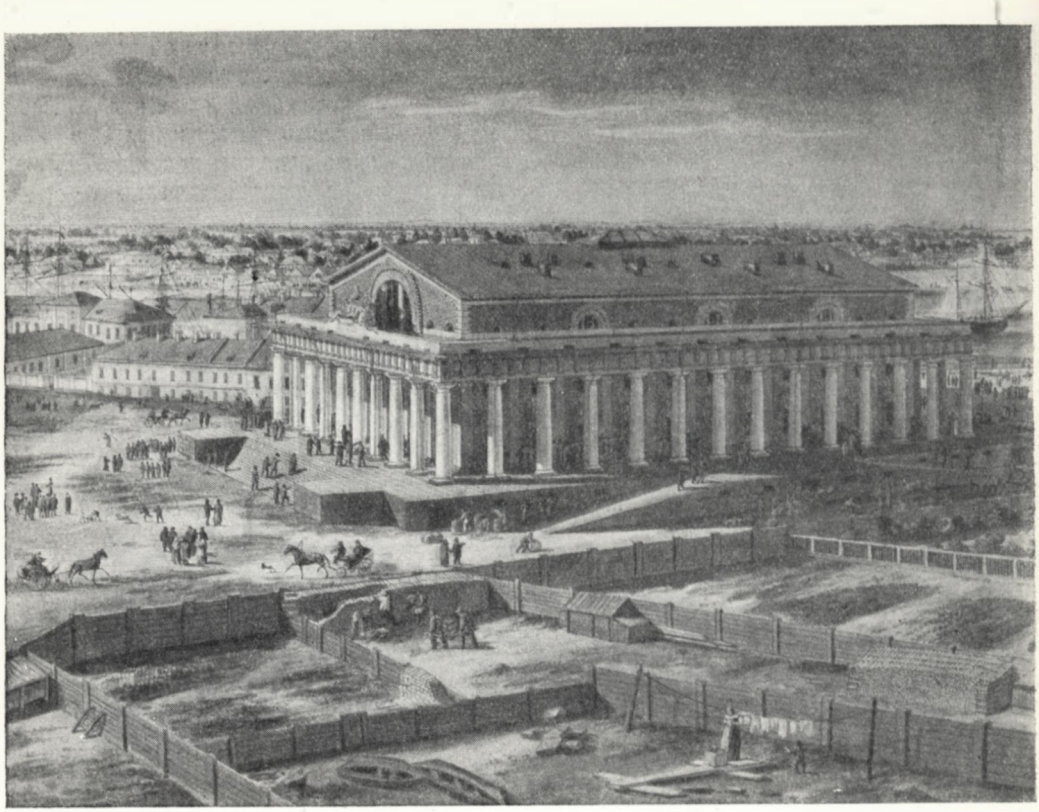
Рукою П. А. Вяземского:

Благодарю тебя, друг Жуковский, за твое письмо от 26-го декабря. Жаль мне, что нельзя его напечатать. Я теперь сделался журнальная душа: у меня же всякое лыко в строку, а всякую строку бы в печать [1].

Рукою Е. А. Баратынского:

Грузинский князь, газетчик русской
Героя трусом называл:
Не эпиграммою французской
Ему наш воин отвечал.
На глас войны летит он к Куру,
Спасает родину князька;
А князь наш держит корректуру
Реляционного листка [2].

Позвольте, почтенный Василий Андреевич, напомнить Вам о Баратынском, у которого Вы живете в сердечной памяти. Примите уверение



ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

в неизменившейся любви его к Василью Андреевичу и к Жуковскому. Неужели нет надежды на скорое возвращение Ваше в отечество? Увидим ли Вас когда-нибудь в Москве, где между прочим нахожусь и я, но в другом положении, нежели то, в котором Вы мне оказали столько дружбы [3]. День, в который я Вас увижу, будет для меня истинным сердечным праздником.

Препоручаю себя Вашему воспоминанию.

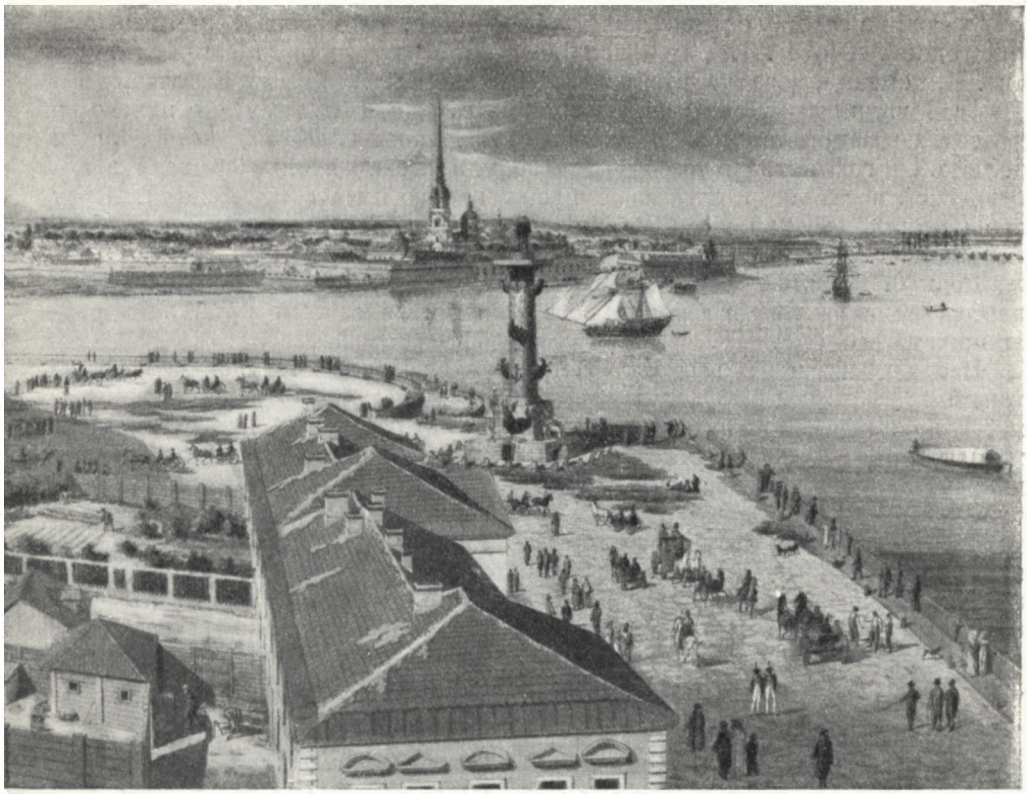
Душевно Вам преданный
Е. Боратынский.

Сейчас узнаю от князя Вяземского, что Александр Иванович живет вместе с Вами. Я должен вспомнить о нем всякий раз, как вспоминаю о самом себе. Прошу Вас засвидетельствовать ему мое почтение и сказать, что я пользуюсь семейственным счастием и независимостью, которые он столько желал мне доставить и наконец доставил. Всегда я буду хранить о нем признательное воспоминание. Ничего счастливого не случится в моей жизни без того, чтобы он и Вы не пришли мне на память.

Е. Б.

П. А. Вяземский—А. И. Тургеневу:

Баратынский прервал мое письмо. Вот история эпиграммы его. Князь Шаликов назвал где-то и как-то в своем «Дамском журнале» Дениса Давыдова трусом, а Денис воюет теперь с персианами. Баратынский женился на дочери Энгельгардта-московского. Брак не блестящий, а благоразумный. Она мало имеет в себе элегического, но бабенка добрая и умная. Я очень полюбил Баратынского: он ума необыкновенного, ясного, тонкого.



ПАНОРАМА ПЕТЕРБУРГА

Боюсь только, чтобы не обленился на манер московского Гименея и за кулебяками тетушек и дядюшек [4].

Обратимся к тебе и твоему письму. Жалею, что ты не даешь мне больших надежд на участие свое в «Телеграфе», но между тем понимаю и уважаю твой развод с музами. Учись и выучи: я «Телеграф» люблю, но Россию люблю еще более. Только смотри не оставайся entre deux chaises, le Télégraphe et la Russie, le cul par terre*⟨...⟩ Сделай одолжение, Тургенев, пересылай после ⟨прочтения⟩ «Телеграф» и «Вестник» в редакцию «Revue encyclopédique» от моего имени. Геро написал в «Revue» известие о «Телеграфе» довольно лестное [5]. Нельзя ли от него выманить письмо ostensible** о литературе французской или одних журналах для напечатания [6]. Сделай это, а не то я напишу, да тебе ближе, и вернее дойдет и письмо твое и ответ его. Как трудно у нас издавать журнал. Вовсе нет сотрудников, а все сотрутни. Иностранные журналы доходят поздно, не верно, разрозненные, оборванные в цензурной драке. Чужих материалов нет: своих не бывало. Пишущий народ безграмотен; грамотный не пишет. Наши Шатобрианы, Беранжи, Дарю гнушаются печати, и вертишься на канате перед мужиками в балагане журнальном, под надзором полицейского офицера, один с Булгариными, Каченовскими и другими паяцами, которые, когда расшумятся, начнут — на публику. Вот портрет автора в России, il n'est ni fini, ni flatté***, а всё черт дергает руку. От пера к чернильнице, от чернильницы к бумаге,

* между двумя стульями, «Телеграфом» и Россией, задом на земле (франц.).
** открытое (франц.).
*** он не закончен и не льстит (франц.).

от бумаги на съезжую ума и мысли. Ради бога, ради бога пришлите прошлогодний «Globe». Ну, прислал же афиши: но лучше-ка прислать бы его. И, конечно, досадно, что мы не соединены с Пушкиным и Боратынским. Да с Пушкиным никак не сговоришься, да и к тому он ничего не делает. Он запоем впился в московскую жизнь, влюблен, истаскался и только. Он говорит, что только раз в году, а именно осенью, бывает в поэтической расходке, а остальное время ничего писать не может[7]. Брат его на-днях проехал через Москву унтер-офицером и отправился воевать персиан[8] ⟨...⟩

Бедный Василий Львович ⟨Пушкин⟩ также плох. Машина расстраивается: подагра уже в сообществе с другими болезнями принялась развинчивать его ⟨...⟩

Вчера провели мы вечер у «Телеграфа»[9] с Иваном Ивановичем ⟨Дмитриевым⟩, который был очень мил и повествователен. Право, нет времени, а должно непременно описывать бы его беседы: живая история миниатюрная. Эти дополнительные словесные записки даже и нужны для составленных им записок, которые слишком голы. Не давай Жуковскому умничать с Реке[10] и давай мне стихи его. Пушкина печатали в ребячестве, но это не помешало ему расти и вырасти. Здесь теперь польский поэт Мицкевич — едва ли не первый из польских: в следующей книжке «Телеграфа» познакомлю русских сочинителей с сонетами, им здесь изданными[11]. Он сослан в Москву по делам Виленского университета ⟨...⟩

Пожалуйста, войди в сношение с Геро и поблагодари его от издателей «Телеграфа» за его mention honorable * о нем.

Автограф. ГПБ. Собрание автографов.

[1] Письмо Жуковского к Вяземскому от 26 декабря 1826 г. (см. письмо № 28).

[2] Эпиграмма на Шаликова ранее приписывалась Денису Давыдову (см. Д. Давыдов. Полн. собр. стих. Л., 1933, стр. 116, 256—257). Она вызвала ответный выпад Шаликова («Дамский журнал», 1827, № 17, сентябрь, стр. 212):

ГЕРОЙ

Когда кипит с врагами бой,
И росс вновь лавры пожинает;
Усатый, грозный наш герой,
В Москве на дрожках разъезжает.

«Реляционный листок» — «Московские ведомости», в которых Шаликов печатал сообщения о военных действиях.

[3] В 1821—1824 гг. Жуковский, так же как и А. И. Тургенев, принимал ближайшее участие в освобождении Баратынского от подневольной военной службы разжалованного офицера.

[4] 9 июня 1826 г. Баратынский женился на Анастасии Львовне Энгельгардт (1804—1860).

[5] Известие о «Московском телеграфе» было напечатано в «Revue encyclopédique», t. 32, oct. 1826 г. и перепечатано в «Московском телеграфе», 1827, № 4.

[6] Сотрудничество Геро в «Московском телеграфе» не состоялось.

[7] С 8 сентября 1826 г. до середины мая 1827 г. Пушкин жил в Москве. В связи с участием в «Московском вестнике» он отошел от «Московского телеграфа», и это вызывало некоторое раздражение Вяземского.

[8] Л. С. Пушкин был зачислен 14 марта 1827 г. юнкером в Нижегородский драгунский полк, находившийся в то время на Кавказе.

[9] Издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой.

[10] Шарлотта фон дер Реккe (1754—1833) — немецкая писательница. Жуковский часто встречался с ней в Дрездене (см. «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, стр. 13—14).

[11] В приложении к своей рецензии на «Крымские сонеты» Мицкевича («Sonety» М., 1826) Вяземский в «Московском телеграфе», 1827, № 7, напечатал прозаические переводы этих сонетов.

* лестный отзыв (франц.).

30. С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

⟨Москва. Февраль ? 1827 г.⟩

...Узнай мне непременно и немедленно от Дельвига, что стоила ему рисовка и гравировка каждой его картинки из «Северных цветов». Ради Шеллинга, скорее, ибо мне крайне нужно, но не говори ему для кого. Я теперь в таких обстоятельствах, что могу издать альманах, в котором будет и «Годунов»[1] Пушкина, и «Ермак»[2] Хомякова, и «Степи»[3], Грибоедова и «Горе от ума»[4], и проч., и проч. Вот случай добыть денег и заплатить долги. Но не говори ни одной душе об этом: ни Льву Пушкину, ни Дельвигу, ни кому иному [5].

Автограф. ГПБ. Архив В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 1003).

Написано в феврале 1827 г., так как Л. С. Пушкин, упоминаемый в письме, не позже начала февраля выехал из Петербурга в Грузию (см. Б. Модзалевский. Пушкин. Л., 1929, стр. 203 и письмо Пушкина к А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 г.— XIII, 320).

[1] «Борис Годунов» печатался в отрывках в «Московском вестнике» и в «Северных цветах» на 1827 год. Полностью вышел в свет в конце 1831 г.

Я. Н. Толстой писал П. А. Вяземскому из Парижа 31 августа 1827 г.: «Много обяжете, ежели найдете случай прислать мне последние №№ „Телеграфа", а также лучший альманах и „Бориса Годунова", трагедию Пушкина, которому прошу от меня пожать руку» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2863, л. 1 об.).

[2] «Ермак» — трагедия А. С. Хомякова; печаталась в 1828 и 1830 гг. в отрывках, полностью вышла в 1832 г.

[3] «Степи» — стихотворение Хомякова; появилось в «Московском вестнике», 1829, ч. I.

[4] «Горе от ума», как известно, полностью было напечатано только в 1833 г.

[5] Задуманное Соболевским издание альманаха не состоялось. Шесть лет спустя Соболевский снова задумал издавать альманах вроде «Северных цветов» и просил Пушкина принять в нем участие прозой и стихами (письмо от 2 октября 1833 г.— XV, 84).

31. Ф. С. ХОМЯКОВ — А. С. ХОМЯКОВУ

Липицы. 27 мая ⟨1827 г.⟩

...Я хочу порадовать тебя...* рассказами: Александру Пушкину прочли «Желание покоя» [1]; он...* в тот же день прочел в другой раз, останавливался...* говорил, что прелестно; «но на что этот проклятый...* конце; верно, кто-нибудь другой это вклеил; это не его чувства ⟨и⟩* портит всю пиэсу».— Д. В. Давыдов говорит, что раз прочел и запомнил до одного стиха...

Автограф. ГИМ. Фонд Хомякова (№ 178, ед. хр. 33, л. 290).

Федор Степанович Хомяков (ум. 1829) — брат писателя.

Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) — писатель, впоследствии один из виднейших идеологов славянофильства.

В семье Хомяковых относились к творчеству Пушкина с большой любовью. Отец А. С. и Ф. С. Хомяковых, С. А. Хомяков, в письме от 14 октября 1828 г. спрашивал Н. А. Муханова: «Нет ли еще каких новых ненапечатанных сочинений Пушкина?» (неизд.— ГИМ, ф. 117, ед. хр. 121, л. 60). А 15 ноября 1828 г. он писал тому же Муханову: «Желательно, чтобы Пушкин в деревне опять сблизился с музами и что-нибудь лучше нам подарил, нежели маленькие его пиески» (неизд.— Там же, л. 61 об.).

А. С. Хомяков 22 м⟨ая⟩ 1828 г. просил А. В. Веневитинова: «Если увидишь Пушкина (а вероятно, увидишь), поклонись от меня, как племяннику от дядюшки, и отдай честь, как солдат своему полковнику» (неизд.— ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, ед. хр. 1665).

[1] Речь идет, видимо, о стихотворении Хомякова «Желание», напечатанном в июньском номере «Московского вестника» 1827 г. (№ 12). Издатели журнала, М. П. Погодин или С. П. Шевырев, могли познакомить Пушкина со стихотворением Хомякова еще в рукописи, в марте 1827 г. (в это время и Пушкин и Д. В. Давыдов были в Москве). Критическое замечание Пушкина относится к последней строфе стихотворения, идущей логически несколько вразрез с общим его содержанием.

* Письмо повреждено. Пропуск.

32. П. П. СВИНЬИН — А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

Петербург. 30 мая 1827 г.

...Ах! когда я буду в состоянии подражать Вам, буду в состоянии оставить

Неволю душных городов,
Где люди в кучах, за оградой [1] ‹...›

A propos! Ancelot*, бывший в Москве с Мармоном, выдал «Six mois à Moscou»**, где оказал всю благонамеренность француза и остроту площадного гаера [2].

Например, говорит, что в день народного праздника раздавлено мужиков на 5000 рублей, что русские разделяются на battants et battus***, что Пушкин дал ему сам стихи свои «Кинжал» [3], и рассказывает анекдоты о 14 декабря. Говорит, что французский король выгнал его за сие творение из дворца, лишил звания своего Lecteur****, а книгопродавцы осыпаны деньгами...

Автограф. ИРЛИ (№ 527, ед. хр. 101, л. 4 об.).

Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790—1848)— генерал-лейтенант, известный военный писатель.

[1] Далее следует 10 стихов. Цитата из «Цыган».

[2] Жак-Франсуа Ансело (1794—1854) — французский драматург и публицист; приехал в 1826 г. в Россию на коронацию Николая I в свите представителя Франции маршала Мармона. Книга Ансело «Шесть месяцев в России» вышла в Париже в 1827 г. и была переведена на несколько европейских языков. В своей книге Ансело давал поверхностное и искаженное представление о русской жизни. Против нее выступали в печати П. А. Вяземский, Я. Н. Толстой и П. П. Свиньин. Пушкин упомянул об Ансело в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» 1827 г. (Литературу о книге Ансело см. в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Письмам» Пушкина, т. II. М.— Л., 1928, стр. 160—161).

[3] В книге Ансело приведен прозаический перевод пушкинского «Кинжала» и дана его характеристика как стихотворения революционного.

33. М. Ф. ОРЛОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

с. Милятино ‹Калужской губ.›. 6 июня 1827 г.

...Ежели б я был в Москве, ежели б я был свободен жить, где хочу, ежели б не обращали на меня особенного надзора, и я бы сделался твоим сотрудником и я бы счастлив был, ежели б видел хоть один порядочный журнал в отечестве. Постарайся исправить «Телеграф» и придать ему еще несколько более полезности, и я предвещаю, что никто из читающих не будет жить без «Телеграфа». Как ты Пушкина отдал на сожрание Погодину [1] и не причел‹?› его к твоим сотрудникам [2].

Le combat d'Argant et de Tancrède a beaucoup de bon et les vers à Zéneide sont charmants ***** [3]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2480, лл. 34 об.—35).

Михаил Федорович Орлов (1788—1842) — один из вождей Союза Благоденствия, возобновивший политические связи с деятелями Северного общества накануне 14 декабря. В Сибирь он не попал только благодаря хлопотам брата, генерал-адъютанта А. Ф. Орлова. Двусмысленное положение декабриста, оставленного на воле, но в ссылке (в своем имении), под надзором, и вызвало первую, приводимую нами фразу из письма Орлова. Она ярко иллюстрирует слова Герцена: «Бедный Орлов был похож на льва в клетке. Везде стукался он в решетку, нигде не было ему ни простора, ни дела, а жажда деятельности его снедала» (Полн. собр. соч. Герцена, т. XII. Пб., 1919, стр. 199).

---

* Кстати! Ансело (франц.).

** «Шесть месяцев в России» ‹*Свиньин ошибочно написал*: в Москве› (франц.).

*** бьющих и битых (франц.).

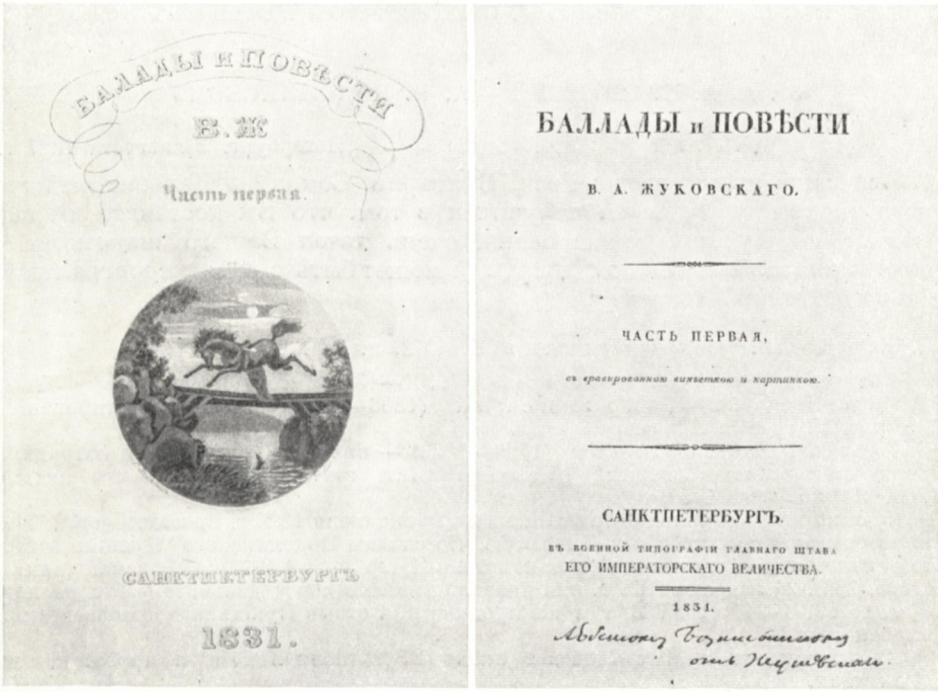
**** Чтеца (франц.).

***** В единоборстве Арганта с Танкредом много хорошего, а стихи Зинаиде прелестны (франц.).

Вопросы журналистики издавна привлекали внимание Орлова. Именно этому и посвятил он свою речь при вступлении в «Арзамас» (22 апреля 1817 г.). Желание участвовать вместе с Вяземским в «Московском телеграфе» надо понимать в том смысле, что Орлов чувствовал в себе недюжинный дар публициста. Вступительная речь в «Арзамасе», речь при открытии Библейского общества в Киеве (в августе 1819 г.), два письма к военному историку Бутурлину, бичующие крепостное право и знаменитые приказы 1822 г. по 16-й пехотной дивизии,— яркие образцы публицистического таланта Орлова.

[1] Речь идет о «Московском вестнике» (см. письмо № 28).

[2] Имеется ввиду «Московский телеграф».



ЭКЗЕМПЛЯР «БАЛЛАД И ПОВЕСТЕЙ» В. А. ЖУКОВСКОГО С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Е. А. БАРАТЫНСКОМУ, 1831 г.

Собрание К. В. Пигарева, Москва

[3] Отрывок «Единоборство Арганта с Танкредом (Из шестой песни Освобожденного Иерусалима)» Тассо в переводе С. Е. Раича и стихотворение «Княгине З. А. Волконской» Пушкина были напечатаны в № 10 «Московского вестника» за 1827 г.

О Пушкине, вернее о его творчестве, находим еще одно высказывание в письмах Орлова к Вяземскому.

18 февраля 1828 г., прочитав в «Северных цветах» на 1828 г. поэму «Граф Нулин», Орлов пишет из Милятина: «Как хорош граф Нулин! Только жаль, что по вступлению я думал, что жена — старуха, а после только увидел, что она молода и хороша собою. Молодые женщины нашего времени и в деревне не встают с постели, когда мужья их едут на охоту с восхождением солнца» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2480, л. 36 об.).

34. П. П. СВИНЬИН — А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

Петербург. 12 июня 1827 г.

...Третьего дня обедал у меня Пушкин и читал две новых главы из «Онегина» [1]. Прелесть, особенно 4-я глава, где описывает портреты соседей. Какая наблюдательность, сколько остроты, сколько знания человеческого сердца! Он очень не жалует Булгарина [2] и при Грече открыто воевал против него — вероятно по убеждению Вяземского...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (№ 527, ед. хр. 101, л. 5 об.).

[1] Четвертая и пятая главы «Евгения Онегина», оконченные в 1826 г., выпущены были в свет одной книжкой в начале 1828 г.

[2] Об отношениях Пушкина с Булгариным см. также письмо № 70.

В бумагах Михайловского-Данилевского сохранилось еще одно письмо Свиньина из Петербурга с такими строками: «У меня вчера было примирение петербургских журналистов с московскими, но вряд ли чистосердечное. Обедали Пушкин, Полевой, Греч, Булгарин, Крылов <?> и проч. здешние и наезжие литераторы. Много шумели и читали острого и забавного. В том числе два экспромта на Шаликова, с коих копию при сем прилагаю» (неизд.—Там же, лл. 7 об. — 8). Письмо датировано 30 августа 1827 г. Пушкин в это время находился в Михайловском (см. прим. к письму № 35). Очевидно, Свиньин ошибся в месяце или годе.

35. А. А. ИВАНОВСКИЙ — А. И. ПОДОЛИНСКОМУ

Петербург. 25 августа 1827 г.

...Вся наша премудрость: Греч, Булгарин, Сомов [1] и Дельвиг жаждут Вашего знакомства, а я им поручился в том, что Вы доставите им сие удовольствие. Пушкин также очень, очень хотел Вашего знакомства [2]; теперь он укатил в деревню с досады (а может быть с горя), проиграл всё, что налицо было: 7 тысяч!! [3]

Автограф. ЛБ. Фонд Подолинского (М. 4072, п. IV).

Об Андрее Андреевиче Ивановском (1791—1848) см. в прим. к письму № 27. Андрей Иванович Подолинский (1806—1886) — поэт, дебютировал в 1827 г. поэмой «Див и Пери».

[1] Орест Михайлович Сомов (1793—1833) — писатель, ближайший сотрудник Дельвига по изданию «Северных цветов» и «Лит. газеты». См. далее его письма к Н. М. Языкову (№№ 50, 58).

[2] Пушкин познакомился с Подолинским в конце июля 1824 г. проездом через Чернигов из одесской ссылки в михайловскую. По словам Подолинского, Пушкин забыл об этом знакомстве. Вторично их познакомили в Петербурге в 1827 г. («Русский архив», 1872, стб. 863). 24 февраля 1829 г. они провели вместе вечер у Дельвига («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 703; там же иронический отзыв Пушкина о произведениях Подолинского).

[3] Пушкин уехал в Михайловское около 27 (?) июля 1827 г. и пробыл там до 12 (?) октября.

36. В. Ф. ОДОЕВСКИЙ, И. С. МАЛЬЦОВ и С. А. СОБОЛЕВСКИЙ В «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»

<Петербург. 25 октября — 7 ноября 1827 г.>[1]

Московской братии.

Пушкин приехал в Питер, и следствиями его приезда были два случая, которые мы считаем долгом сообщить вам, ибо они требуют с вашей стороны мер, столько же скорых, сколько и осторожных.

1) Соболевский, в противность нашим увещаниям, показал Пушкину счет, писанный Погодиным, и рассказал ему о мнении требовать с него расчета в 5 тысяч р.; хотя оно не было утверждено большинством и, следовательно, оставалось делом келейным; на наши укоризны за этот поступок Соболевский отзывался, что исполнял тем поручение Погодина!! Пушкин, как мы предвидели, изъявил готовность возвратить все 5 т. р.; теперь должно опасаться, что слух об этом требовании разнесется по городу. Следствия, которых можно ожидать от сего, гибельны будут для «Московского вестника» и более чем неприятны для всех его участников, особенно для нас, которые в них вовсе не виновны.

2) По словам Соболевского, Пушкин сказал, что понимает обещание участвовать безусловно в «Московском вестнике» так, что он,

В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ
Акварель А. Молинари, 1817 г.
Местонахождение оригинала неизвестно

не объявляя себя вовсе участником Вестника, будет присылать в оный сколько стихов ему вздумается [2].

Спасая добрую славу всех участвующих в «Московском вестнике» и будущие его выгоды, мы рекомендуем написать к Пушкину письмо в смысле того, как Титов уже писал к вам, что будет согласно с принятым вами правилом сноситься с Пушкиным непосредственно. Содержание письма по нашему мнению должно быть следующее: «Мы благодарим его за участие прошлогоднее и просим на будущий год подкрепить „Московский вестник" своим именем и исключительным участием, но притом просим объявить решительно, на каких условиях он хочет приступить к сему; с своей же стороны объявляем, не желая обманывать его неисполнимыми обещаниями, что до выручки всех издержек издания и редакции не можем ничего платить ему; а начиная с первой выручки отсчитываем ему первому деньги до тех пор, пока составится сумма, по 10 р. с подписчика. За верность же имеющего быть показанным счета издержек за 1828 год не отвечаем. С тем, чтоб он сказал да или нет решительное»[3].

Решайтесь скорее, немедленно; соединитесь в один совет в с е без страстей и самолюбия. Показанные условия нам кажутся самыми рассудительными; впрочем, если б вы их передумали, то напишите, какие хотите. Это ваше дело. Мы повторяем только требование, чтоб, не упоминая о прошлогодних деньгах, как о деле конченном, но, что говорится, было бы положено Пушкину в рот, что с него не думают требовать расчета за прошедшее. Говорим откровенно: этого требует ваша ч е с т ь и следственно ваши выгоды.

О д о е в с к и й.
Переводчик М а л ь ц о в.

Вчера получил я письмо Шевырева и Погодина, т. е. дружелюбное [4]. Вследствие чего я говорил вторично с Пушкиным, который изъявил мне следующее:

1) Он очень рад, что дело за нынешний год кончено и обещал вам выслать со мною, т. е. на-днях уже, обещанного «Фауста» [5].

2) Всякое, могущее еще быть о счетах на 1827 год прение, предоставляется мне.

3) Намерен написать вам письмо следующего содержания: «М〈илостивые〉 г〈осудари〉. Предоставляю за прошлый год Соболевскому и проч. На будущий год безусловно, т. е. и проч.» [6].

Написано рукой В. П. Титова (со слов: «Вчера получил я» — рукой С. А. Соболевского).— ГПБ. Архив В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 133).

Иван Сергеевич Мальцов (1807—1880) — переводчик, сотрудник «Московского вестника».

Владимир Павлович Титов (1807—1891) — сотрудник «Московского вестника», впоследствии дипломат.

В Остафьевском архиве сохранилось письмо Титова к Вяземскому из Штутгарта от 28 января/9 февраля 1861 г., вызванное выходом в свет берлинского сборника стихотворений Пушкина, составленного Н. В. Гербелем: «Едва ли я с молода когда-нибудь живее наслаждался Пушкиным и глубже дивился его гению, как перелистывая это 〈...〉 собрание мелких его стихов. Только теперь я понял давнюю мысль Гёте, что в сущности нет ничего выше и важнее мелкого стихотворения 〈...〉: тут мы видим вольные и невольные искры души поэта, не то что искусственный фейерверк, обдуманный для эфекта и публики под заглавием трагедии, поэмы и т. п. Страх берет, как вчитаешься: чего не проходило сквозь этот богатейший мозг, чему не билось это пылкое, суровое, своенравное, но во всем и всегда сильное сердце, чем не горело богатырски бурное и ребячески игривое воображение, чего не подмечала быстрая, злая, неумолимо зоркая наблюдательность, и что за стих, и что за русский язык, словно у Данта, сильный, как молот, гибкий, как змея, нежный, как дух и отливы свежего цветка. Просто упоение. Не оторвался бы и годы провел над разгадкою всего, что еще таилось в этой неуловимой мысли, едва успевшей высказать миллионную долю того, что в ней росло и кипело. Такие дарования подлинно родятся веками. Мелкие стихи — бесценный запас для биографии Пушкина, для изучения его личности, для верного суда над веком и средою, где жил. Дай бог только найтись достойному, влюбленному в его силу и своебытных причуд толкователю. Если бог наградит его память таким счастием, как Ахиллеса и Трою наградил Гомером, то наши внуки, не чета нам, будут любоваться Пушкиным и славить в нем один из лучших венцов русской народности и речи» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2853, лл. 128—130 об.).

[1] Основания для датировки — приезд Пушкина в Петербург из Михайловского около 17 октября 1827 г. и письмо Титова (см. примеч. 6).

[2] Об отношении Пушкина к «Московскому вестнику» см. примеч. 1 к письму № 28 и переписку М. П. Погодина за 1826—1829 гг. («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 681—697).

Во втором пункте «Обязательства» между Погодиным и сотрудниками «Московского вестника» было сказано: «Платить с проданных тысячи двухсот экземпляров десять тысяч А. С. Пушкину» (там же, стр. 681). Публикуемое письмо вызвано финансовыми недоразумениями, возникшими между Пушкиным и Погодиным. Об этом дошла до нас целая серия писем (см. письмо Соболевского к Погодину от 10 сентября 1827 г. и сентябрьские письма Н. М. Рожалина, Погодина и Шевырева к Соболевскому — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 695, 733—741).

Пушкин жаловался Соболевскому в письме от ноября 1827 г.: «У Вас в Москве — хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу» (XIII, 348—349).

После объяснений и просьб редакции «Московского вестника» неудовольствие Пушкина, видимо, рассеялось, так как в 1828 г. он продолжал быть постоянным сотрудником журнала.

[3] Это письмо редакции «Московского вестника» к Пушкину не дошло до нас.

[4] Письмо это неизвестно.

[5] «Сцена из Фауста» была напечатана в «Московском вестнике», 1828, № 9, май.

[6] Об этом несохранившемся письме Пушкина было известно из письма В. П. Титова к Погодину от 17 декабря 1827 г.: «Посылаю Вам письмо и стихи Пушкина 〈...〉 Тон письма мне не нравится, и нельзя снова не сердиться на болтливость Соболевского» («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 696). Теперь, благодаря публикуемому письму Одоевского, содержание несохранившегося письма поэта к Погодину становится понятным: Пушкин поручал Соболевскому выяснить свои финансовые дела с «Московским вестником» за 1827 г.

37. Ф. П. ШАХОВСКОЙ — Н. Д. ШАХОВСКОЙ

Енисейск. 23 декабря <1827 г.>

...Гений Пушкина избрал что-то высокое и необыкновенное в новом творении своем; как сцена Пимена и Григория[1] полна мыслей и заключает уже будущую историю происшествий! Если сия трагедия вышла в свет, то ты, верно, скоро доставишь мне удовольствие получить ее полную[2]...

Автограф. ЦГИА. Фонд Ф. П. Шаховского (№ 635, без ед. хр., лл. 95 об.—96).

Федор Петрович Шаховской (1796—1829) — один из учредителей Союза Спасения и Союза Благоденствия, осужденный по VIII разряду на вечное поселение в Сибири. О личном знакомстве его с Пушкиным сведений не имеется.

Письмо адресовано его жене Наталье Дмитриевне Шаховской, рожд. Щербатовой (1795—1885).

[1] Речь идет о сцене из «Бориса Годунова», открывшей первый номер журнала «Московский вестник» 1827 г.

[2] О «Борисе Годунове» см. письмо № 76.

38. Е. Н. КАРАМЗИНА-МЕЩЕРСКАЯ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург.> 2 февраля 1828 г.

...Нам нехватает с некоторого времени нашего насущного хлеба — Пушкина, прежде всего потому, что он уверяет, как и Вы, что он не любит, когда его любят, и еще потому, что его амазонка-сестра умудрилась вступить в необыкновенно, исключительно быстрый даже для женщины брак[1], и, наконец, потому, что он вывихнул себе ногу и лежит в постели[2]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2313, лл. 9—10).— Подлинник на французском языке.

Екатерина Николаевна Карамзина, с 27 апреля 1828 г. Мещерская (1809—1867) — дочь историка, приятельница Пушкина. Поэт посвятил ей стихотворение «Акафист Е. Н. Карамзиной» (1827).

Незадолго до этого, 8 января 1828 г., мать ее, Е. А. Карамзина, писала Вяземскому: «Я очень уговаривала Пушкина написать Вам красивое послание, это лентяй, не знаю, соберется ли он это сделать» (неизд.— Там же, ед. хр. 2002, л. 1.— Подлин. на франц. яз.).

В архиве Вяземского сохранилось письмо Е. А. и С. Н. Карамзиных из Царского села от 28 июня 1828 г., где имеются следующие строки: «Что касается Пушкина, я утратила после Вас к нему привычку, так как я даже не слышу о нем и понятия не имею, что с ним делается» (Е. А. Карамзина) <...> «Говорят, что Пушкин, чтобы утешиться в превратностях любви, играет и проигрывает все свои деньги. У него дух поэтический, но не характер» (С. Н. Карамзина) (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2002, л. 3 об.— Подлин. на франц. яз.).

Получив это письмо Карамзиных, Вяземский пенял Пушкину 26 июля 1828 г.: «С самого отъезда из Петербурга не имею о тебе понятия, слышу только от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несется один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть» (XIV, 23).

[1] Ольга Сергеевна Пушкина (1797—1868) 27 января 1828 г. тайно обвенчалась с Н. И. Павлищевым, чем вызвала возмущение родителей. Об отношении поэта к свадьбе сестры см. в «Воспоминаниях» А. П. Керн (Л., 1929, стр. 289—290).

Для характеристики семейной обстановки в доме Пушкиных приведем отрывок из письма П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 9 апреля 1828 г.: «Вчера посидел я, или посидели мы с Пушкиным и Ломоносиком <С. Г. Ломоносовым>, у племянничка-сенатора <А. Д. Гурьева> <...> Сегодня обедаю на лоне Авраама, то есть у Сергея Львовича, празднующего именины своего Льва <...> Я сейчас обедал у Божией росы <С. Л. Пушкина> <...> Моя приятельница Павлищева, кажется, очень жалка. Семейство ее никак не может решиться раскрыть объятия мужу» (неизд.).

[2] О своей болезни Пушкин писал Е. М. Хитрово 6 и 10 февраля 1828 г. (XIV, 1—2).

39. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

〈Петербург.〉 Пятница 〈2 марта 1828 г.〉

...Пушкину отдал я твою подушку, он каждый день здесь, обещался писать к тебе, а раз уже и писал в письме Карамзиных. Получила ли?[1]〈...〉 Пушкин поедет в след за армиею, без службы и, кажется, получил на то царское соизволение [2]. Он всё такой же и смешит барышень и Катерину Андреевну [3]. Сергей Львович забрызгал меня сегодня слезами и слюнями, рассказывая о побеге дочери, которую он, впрочем, простил [4]. Я ее еще не видал...

О местонахождении автографов писем П. А. Вяземского к жене см. вступительную заметку «От редакции», стр. 30.

Первое упоминание о Пушкине в неизданных письмах Вяземского к жене 1827—1828 гг. относится к 25 октября 1827 г. и вызвано появлением третьей главы «Евгения Онегина». Это была первая книжка поэта, вышедшая в свет после того, как Николай I объявил себя его цензором.

«Посылаю тебе новую часть „Онегина“,— писал Вяземский,— Тут между прочим замечательно, что напечатано с д о з в о л е н и я п р а в и т е л ь с т в а, а не обыкновенное дозволение цензуры. В этой главе пропасть прелестей. Говорят, что Пушкин и Жуковский в Петербурге» (неизд.).

Интересен отклик П. А. Вяземского в письме к жене от 23 января 1828 г. на отрывки из седьмой главы «Евгения Онегина», появившиеся в «Московском вестнике»:

«В „Московском вестнике“ есть Москвы описание Пушкина, не совсем ознаменованное талантом его. Как-то вяло и холодно, хотя, разумеется, есть много и милого. Он, шут, и меня туда ввернул:

У скучной тетки Таню встретя,
К ней как-то В.... подсел
И душу ей занять успел».

[1] В приписке, сделанной Пушкиным к письму Вяземского жене от 26 апреля 1828 г., поэт благодарил Веру Федоровну за подаренную ему подушку (XIV, 15).

Письмо Карамзиных и Пушкина к Вяземской не дошло до нас.

[2] Это сообщение Вяземского неверно: Пушкин получил через Бенкендорфа отказ в ответ на свою просьбу разрешить ему отправиться в действующую армию.

В письме к жене от 19 апреля 1828 г. Вяземский восклицал: «Мне душно здесь, я в лес хочу. Мне душно здесь, в Париж хочу. Пушкину отказали ехать в армию. И мне отказали самым учтивым образом» (неизд.).

В письме от 24 апреля Вяземский снова возвращался к той же теме: «Шенелев едет на войну, для него настоящий в о е н н ы й пир, со всею горячностью буйной молодости. А меня на этот пир не пустили, от того-то я на других скалю зубы. Пушкин с горя просился в Париж: ему отвечали, что как русский дворянин имеет он право ехать за границу, но что государю будет это неприятно. Грибоедов же вместо Парижа едет в Тегеран чрезвычайным посланником» (неизд.).

В мае 1829 г. Пушкин все-таки поехал на Кавказ без разрешения (см. письмо № 60).

[3] Е. Н., С. Н. и Е. А. Карамзины.

О времяпрепровождении Пушкина у Карамзиных рассказывается в письме Вяземского к жене от 22 марта 1828 г.: «Вот тебе плод нашего ума однажды вечером: Пушкина, двух барышень 〈Е. Н. и С. Н. Карамзиных〉, Тибо и меня. Отгадывай по вопросу и ответу, чей он.— Весна ли у вас, или зима? Здесь грязная весна. Пушкин говорит, что русская весна похожа на русскую красавицу...» (неизд.).

[4] См. предыдущее письмо.

40. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

〈Петербург.〉 7 〈марта 1828 г.〉

Вчера утром ездили мы с Шимановскими [1], с Пушкиным и Малевским [2] к польскому живописцу [3], написавшему портреты Жуковского и Пушкина. Первым я доволен, но во втором глаза так вытаращены, что ни на что не похоже. Потом были мы у Орловского [4]; покои его — любопытнейший музей всяких редкостей, оружий всех веков и всех народов: есть древний

ВИД НА НЕВУ

Акварель А. Е. Мартынова, 1809 г.

Эрмитаж, Ленинград

римский щит, изображающий содержание одной песни Енеиды, щит крестовых походов, много драгоценностей азиатских, стенные часы, стоявшие в кабинете Марии Антуанеты. Он сам музейное лицо: рост и выражение суровое в чертах рыцаря средних веков. Показывал он нам два свои новейшие произведения: киевский солдат пошел с сыном в лес рубить дрова; бешеный волк кинулся на мальчика, отец — на волка, схватив его за уши и одолев, говорит сыну: «Сережа, возьми топор и руби его». Это происшествие недавно случилось. На картине мальчик замахивается топором. Выражение в лицах отца и сына хорошо, но волк, кажется, не довольно смотрит волком, хотя окровавленный рот его и страшен. Он у отца искусал руку. В другой картине — борьба или схватка материнской любви между орлицею и женщиною. Сцена в Шотландии: орлица похитила младенца и занесла его на верх скалы, к гнезду орлят своих; мать взобралась на скалу, ухватила ребенка охраняющею рукою — поднялась тревога в орлином гнезде: орлица кидается стремглав на мать и впилась в рукав ее рубашки; видно, как тащит она мать, но видно и полотно крепко, а то по-настоящему она должна была бы вырвать лоскуток. Жаль также, что эта мать — толстая и рыжая прачка.

Вообще, Орловский не отличается отделкою: его мастерство видно в работе на скорую и на смелую руку. После был я с Пушкиным у Крылова: со всем умом и дарованием его он на меня производит действие какого-нибудь сибирского с и р о к к о: охлаждает и сушит. От него на меня пышет душным холодом. Были мы и у Малышева, который, кажется, не долголетен. Обедали с Карамзиными у Лаваль [5] в седьмом часу. Обед ее похож на ее разговор: видно хлебосольство, приготовление, подчивание, но ничего нет сочного, и уезжаешь от нее с голодным брюхом, и с голодным умом, хотя и с благодарностью за доброе намерение и ласковое гостеприимство. Муж также довольно или очень сухая котлетка в нравственном и физическом отношении...

[1] Мария Ш и м а н о в с к а я, рожд. Воловская (1790—1831) — польская пианистка, приезжавшая в Петербург, и ее дочери: Целина (1812—1855), на которой впоследствии женился Мицкевич, и Елена (позднее жена Малевского).

[2] Франтишек М а л е в с к и й (1800—1870) — друг Мицкевича и товарищ его по обществу «филаретов». См. о нем стр. 263—268 настоящего тома.

[3] Валентин Мельхиорович В а н ь к о в и ч (1799—1842) — художник. Окончил петербургскую Академию художеств. О портрете Пушкина работы Ваньковича см. статью: П. Э т т и н г е р. Станислав Моравский о Пушкине.— «Московский пушкинист», II. М., 1930, стр. 248—250.

[4] Александр Осипович О р л о в с к и й (1777—1832) — батальный и жанровый живописец. В дневнике Н. Малиновского (написанном по-латыни) запечатлена встреча Пушкина с Орловским и Мицкевичем 8 января 1828 г. на завтраке у Булгарина: «Некоторых мы застали уже в доме, другие скоро потом собрались: Пушкин Александр, никому не уступающий первенства русский поэт, Мицкевич, Фок Петр, Жандр, Семенов цензор, Погодин Михаил, московский профессор, Сербинович, цензор, Смаковский, художник Малевский. После завтрака пришел Друв и Сенковский. За столом велись разнообразные разговоры». И далее: «После обеда Орловский начал рисовать, но сегодня не всё выходило у него удачно: портрет Фока он сделал довольно удачно, а портрет Мицкевича вышел плохо, так что нельзя было усмотреть сходства» (см. И. З и л ь б е р ш т е й н. Неизвестный портрет Мицкевича.— «Огонек», 1948, № 51, стр. 16).

[5] Иван Степанович Л а в а л ь (ум. 1846) — французский эмигрант, состоявший на русской службе, член Главного правления училищ. Жена его — Александра Григорьевна Козицкая (1772—1850). Родители Е. И. Трубецкой.

41. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

‹Петербург.› 13 марта ‹1828 г.›

Вечер один провел я у Жуковского. Пушкин читал нам несколько глав романа своего в прозе, о предке своем Аннибале — воспитаннике Петра.

В описании двора и житья-бытья петровых вельможей много истины, живости и занимательности. Желательно видеть продолжение романа [1]...

[1] «Арап Петра Великого» был начат Пушкиным 31 июля 1827 г. IV глава романа появилась в «Северных цветах» на 1829 год.

42. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

⟨Петербург.⟩ 27 марта ⟨1828 г.⟩

...Имели мы приятный обед у Вьельгорского [1], с Грибоедовым, Пушкиным, Жуковским.

В Грибоедове есть что-то дикое, de farouche, de sauvage* в самолюбии: оно, при малейшем раздражении, становится на дыбы, но он умен, пламенен, и с ним всегда весело. Пушкин также полудикий в самолюбии своем, и в разговоре, в спорах, были у него сшибки задорные [2]...

[1] Михаил Юрьевич Виельгорский (1788—1856) — композитор, приятель Пушкина; написал ряд романсов на слова поэта. В доме Виельгорского в Петербурге постоянно собирались представители культурного общества столицы.

[2] О своих встречах с Грибоедовым Пушкин вспоминал в «Путешествии в Арзрум» (гл. вторая —VIII, кн. 1, 461—462).

43. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

Петербург. 17 апреля ⟨1828 г⟩.

...Недавно, после пьяной ночи у Филимонова [1] с Пушкиным, Жуковским, Перовским [2], на которой смеялся я, как во время оно,

Как не смеются в наши лета,
Как пьяная душа поэта
Одна смеяться суждена [3],

пошли мы на рассвете с Пушкиным к Неве и отпустили ночной красавице несколько влюбленных мадригалов ⟨...⟩

Вот уже почти два месяца здесь живу. Пушкина почти совсем не видим: я с ним встречаюсь на площадях мощеных и паркетных, но у нас он никогда не бывает, а сначала бывал каждый день...

18-го ⟨апреля⟩

Вчера немного восплясовали мы у Олениных. Ничего, потому что никого замечательного не было. Девица Оленина довольно бойкая штучка: Пушкин ее называет драгунчиком и за этим драгунчиком ухаживает ⟨...⟩

Сегодня праздник Преполовения [4], праздник в крепости. В хороший день Нева усеяна яликами, ботиками и катерами, которые перевозят народ. Сегодня и праздник ранее, и день холодный, и лед шел по Неве из Ладожского озера, то есть не льдины, а льдинки, или, если хочешь, леденцы, но однако-же народа было довольно. Мы садились с Пушкиным в лодочку, две дамы сходят, и одна по-французски просит у нас позволения ехать с нами, от страха ехать одним. Мы, разумеется, позволяем. Что же выходит? Это была сводня с девкою. Сводня узнала Пушкина по портрету его, выставленному в Академии [5]. И вот как русский бог подшутил над нашим набожным и поэтическим странствованием. У пристани крепости расстались мы avec notre vile prose**, у которой однакоже Пушкин просил

* суровое, дикое (франц.).
** с нашей презренной прозой (франц.).

позволения быть в гостях, а я, вот-те Христос, не просил, и пошли бродить по крепости и бродили часа два. Крестный ход обходит все стены крепости и народ валит за ним. В церкви видели мы царские гробницы: над гробницею Александра две медали 1812-го года и парижская ⟨...⟩ Много странного и мрачно- и грозно-поэтического в этой прогулке по крепостным валам и по головам сидящих внизу в казематах. Мы с Пушкиным, встреча с девкою в розовом капоте, недавно приехавшей из Франкфурта, и прочее, и прочее, все это послужить может для любопытной главы в записках наших...

19-го ⟨апреля⟩

...Смерть хочется, приехав, с вами поздороваться и распроститься, возвратиться в июне в Петербург и отправиться в Лондон на пироскафе, из Лондона недели на три в Париж, а в августе месяце быть снова у твоих саратовских прекрасных ножек ⟨...⟩ Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах, как жирафы, или осажи [6]: не шутка видеть четырех русских литераторов. Журналы, верно, говорили бы об нас. Приехав домой, издали бы мы свои путевые записки: вот опять золотая руда. Право, можно из одной спекуляции пуститься на это странствие. Продать заранее ненаписанный манускрипт своего путешествия, которому-нибудь книгопродавцу или, например, Полевому, деньги верные...

Частично опубликовано М. С. Боровковой-Майковой в «Литературно-художественном сборнике Красной панорамы», 1929, ноябрь, стр. 48.

[1] Владимир Сергеевич Филимонов (1787—1858) — поэт, близкий к декабристским кругам.

В том же 1828 г. Пушкин написал послание «В. С. Филимонову при получении его поэмы Дурацкий колпак».

12 апреля ⟨1828 г.⟩ Вяземский писал жене: «Я еще ни раза и навеселе не был. Надеюсь оного завтра у отца и благодетеля Филимонова, у которого будем вечерять с Пушкиным и Жуковским. За тебя выпью бутылочку» (неизд.).

[2] Очевидно, Алексей Алексеевич Перовский.

[3] Перефразировка стихов XX строфы второй главы «Евгения Онегина».

[4] Публикуемое письмо объясняет запись Вяземского на сохранившемся в Остафьеве ящичке с мелкой щепой: «Праздник преполовения за Невой. Прогулка с Пушкиным 1828 года» (см. «Русский вестник», 1903, № 1, стр. 126). В семье Вяземских существовало предание, что эти пять щепочек связаны с памятью пяти казненных декабристов.

[5] На выставке в Академии художеств был портрет Пушкина работы О. А. Кипренского.

[6] Краснокожие индейцы. В 1827 г. нескольких осажей за деньги показывали в Париже.

44. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

⟨Петербург.⟩ 2 мая ⟨1828 г.⟩

...Воскресенье утром был я на прекрасном концерте у скрипача Маурера [1]: лучшим местом был квартет, на скрипке, игранный Маурером, Бемом [2], Ромбергом-сыном [3] и Бианки, учеником Паганини [4]. Народа было множество, но в зале темно, и глаза не могли жуировать. Мы стояли с Пушкиным у оркестра. В первом ряду сидели бог весть, что за рожи. Я говорил Пушкину: сколько перлов должно быть там в глубине, а у нас на берегу одни раковины. И в числе раковин старуха Куракина [5] ⟨...⟩

Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем, Плетневым и Николаем Мухановым [6]. Мицкевич импровизировал на французской прозе и поразил нас, разумеется, не складом фраз своих, но силою, богатством и поэзиею своих мыслей. Между прочим он сравнивал мысли и чувства свои, которые нужно выра-

А. А. ОЛЕНИНА
Рисунок Пушкина. 1828 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

жать ему на чужом языке, avec un enfant mort dans le sein de sa mère, avec des matériaux enflammés qui brûlent sous terre, sans avoir de volcan pour leur erruption*. Удивительное действие производит эта импровизация. Сам он был весь растревожен, и все мы слушали с трепетом и слезами [7]...

Частично опубликовано в «Звеньях», III—IV, 1934, стр. 219—220.

[1] Людвиг-Вильгельм Маурер (1789—1878) — композитор и скрипач-виртуоз.
[2] Иосиф Бем (1795—1876) — скрипач.
[3] Бернар Ромберг (1767—1841) — известный виолончелист.
[4] Бианки, очевидно, играл на альте.
[5] Наталья Ивановна Куракина, рожд. Головина (1768—1831) — статс-дама.
[6] Николай Алексеевич Муханов (1802—1871) — адъютант петербургского генерал-губернатора Голенищева-Кутузова.
[7] Об импровизациях Мицкевича см. статью Вяземского «Мицкевич о Пушкине» (Полн. собр. соч. Вяземского, т. VII, стр. 328—329).

45. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

〈Петербург.〉 7 〈мая 1828 г.〉

...День кончил я балом у наших Мещерских [1]. Там не было южных звезд [2], а была утренняя заря Обрескова с плешивым своим Титоном [3]. Вечер очень удался, и плясали мы до утра, так что ни одной свечи в зале не было 〈...〉 С девицею Олениною [4] танцевал я pot-pourri и хвалил я кокетство: она просила меня написать ей что-нибудь на опахале; у вас в Пензе еще не знают этого рода альбомов. И вот что я написал:

Любви я рад всегда кокетство предпочесть:
Любовь — обязанность и может надоесть;
Любовь как раз старье: оно всегда новинка.
Кокетство — чувства блеск и опыт поединка,

* с младенцем, умершим во чреве матери, с огненной массой, пылающей под землей и не имеющей вулкана для извержения (франц.).

Где вызов — нежный взор, оружие — слова,
Где сердце — секундант, а в деле голова[5].

Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен, и вследствие моего pot-pourri играл ревнивого. Зато вчера на бале у Авдулиных[6] совершенно отбил он меня у Закревской[7], но я не ревновал ⟨...⟩

Перед Авдулинским балом были мы с Пушкиным у Багреевой[8]. В первый раз удалось мне немного сблизиться с Сперанским, то есть слушать его. Он более говорил по-французски и давал любопытные сведения о письмах Екатерины к Вольтеру...

Частично опубликовано М. С. Боровковой-Майковой в «Литературно-художественном сборнике Красной панорамы», 1929, ноябрь, стр. 49.

[1] Екатерина Николаевна и Петр Иванович (1802—1876) Мещерские.

[2] Вяземский имеет в виду А. О. Россет (по мужу Смирнову).

[3] Наталья Львовна Обрескова, рожд. Соллогуб, и ее муж — Александр Михайлович Обресков (1790—1885) — дипломат.

[4] Анна Алексеевна Оленина, впоследствии Андро (1808—1888) — дочь А. Н. Оленина, президента Академии художеств. В 1827—1828 гг. Пушкин был к ней неравнодушен. Ей посвящены стихотворения: «Ее глаза», «Город пышный», «Ты и вы», «Предчувствие» и др.

В письме к жене от 3 мая Вяземский описал бал у Олениных: «Мы с Пушкиным играли в кошку и мышку, т. е. волочились за Зубовой-Щербатовой, сестрою покойницы Юсуповой, которая похожа на кошку, и за малюткою Олениною, которая мила и резва, как мышь. Рябчик Голицын пел, и вот как передает он слова:

Apprends moi comme il faut trahir,
Comme on séduit sans rien sentir *.

а у него

Apprends moi comme il faut trahir,
Comment aimer sans rien sentir? **

И лучше всего, что поет это с чувством. Это стоит моей Дороховой, которая стих

Однажды я созвал веселых гостей

пела: „Однажды я созвал нежданных гостей"».

21 мая Вяземский сообщает В. Ф. Вяземской о своей поездке к Олениным в Приютино: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню, в Приютино, верст за 17. Там ⟨нашли⟩ мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места сущий ад. Я никогда не видал подобного множества. Нельзя ни на минуту не махать руками: поневоле пляшешь Камаринскую. Я никак не мог бы прожить тут и день один. На другой я, верно, сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Mickiewiez говорил: que c'est une journée sanglante ***.

Пушкин был весь в прыщах и осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко. («Литературно-художественный сборник Красной панорамы», 1929, ноябрь, стр. 49).

[5] Эти стихи Вяземского не вошли в собрание его сочинений.

[6] Авдулины — Алексей Николаевич (1776—1838), генерал-майор, и Екатерина Сергеевна, рожд. Яковлева (ум. в 1832 г.).

[7] Аграфена Федоровна Закревская, рожд. Толстая (1799—1879). Ей посвящены стихотворения Пушкина: «Наперсник» и «Портрет».

[8] Жена Александра Алексеевича Багреева, управляющего государственным заемным банком.

46. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

⟨Петербург.⟩ 12 мая ⟨1828 г.⟩

...Вчера ездили мы с Карамзиными Невою на биржу есть устрицы и слушать тысячи птиц, которые в клетках расставлены на несколько этажей. Кораблей, однако же, еще немного. То-то было бы тебе объядение на

* Научи меня, как нужно изменять, как обольщают, ничего не чувствуя (франц.).
** Научи меня, как нужно изменять, как любить, ничего не чувствуя (франц.).
*** что это кровавый день (франц.).

бирже: устрицы, сыры, разные сласти. После биржевых устриц поехал я обедать к Перовскому [1] также на устрицы. Там были сверх того: Карбонье [2], Филимонов, Нечаев [3], Крылов, Пушкин, Мицкевич. Крылов на таких сходках очень приятен. С ним не должно говорить о поэзии, о высоком, потому что он положительная проза, но как проза он очень мил. Он слышал трагедию Пушкина [4], и — классик присяжный — он не может не протестовать против романтизма ее. Пушкин спрашивал его: «Признайтесь, что моя трагедия вам не нравится».— Нет, не могу сказать этого: в своем роде она очень хороша. Один проповедник говорил, что всё в мире совершенно и лучше быть не могло. — «Неужели вы то скажете и обо мне? — спросил его горбатый.— А почему же нет,— возразил проповедник,— для горбатого вы очень хороши».

Вечером были мы с Пушкиным у Голицыной Michel. Она, право, очень мила, и я подобной ей здесь не знаю, хотя и слывет она princesse de Charenton. Но в таком случае предпочту общество Шаратонское всем нашим обществам. Она очень забавно говорила Пушкину о его Онегине и заклинала его не выдавать замуж Татьяны за другого, а разве за Евгения, и входила в эти семейные дела со всем жаром и нежною заботливостью доброй родственницы [5]...

15-го ⟨мая⟩.

...После было у меня в виду два вечера голицынские: у князя Ряпчика [6] и у княгини Полуночной [7]: первый был музыкальный, второй танцовальный; первый с г-жею Бартолуччи [8], Шоберлекнер [9], но при них и с несколькими дворянскими лицами; второй, украшенный Юсуповою [10], к. Голицыною Мери, Суворовою [11]. На первом были мы с Пушкиным два раза, то есть им начали и кончили; на втором провертелись час и возвратились к ужину и шампанскому. Мы разочли, что у князя Ряпчика будет сытее и пьянее, чем у княгини Древней [12]...

17-го ⟨мая⟩[13].

Вчера Пушкин читал свою трагедию у Лаваль [14]: в слушателях были две княгини Michel [15], Одоевская-Ланская[16], Грибоедов, Мицкевич, юноши [17], Балк [18], который слушал трагически. Кажется, все были довольны, сколько можно быть довольным, мало понимая. В трагедии есть красоты первостепенные. Я несколько раз слушал ее со вниманием, и всегда с новым, то есть свежим, удовольствием. Иные сцены, в особенности из последних, не достаточно развиты, и только des sommaires de scènes*. Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствие. Автора почти нигде не видишь. Перед тобою не куклы на проволоке, действующие по манию закулисного фокусника. Но за то, может быть, мало создания ⟨...⟩ А старуха Michel бесподобная. Мало знает по-русски, вовсе не знает русской истории, а слушала, как умница...

[1] Алексей Алексеевич Перовский (Погорельский) (1787—1836) — писатель.

[2] Лев Львович Карбоньер д'Арсид (1770—1836) — председатель Главного цензурного комитета.

[3] Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860) — поэт и литератор; впоследствии обер-прокурор Синода.

[4] «Борис Годунов».

[5] Прасковья Андреевна Голицына, рожд. Шувалова (1767—1828) — писательница. О ее беседе с Пушкиным Вяземский вспоминал в статье «Мицкевич о Пушкине» (Полн. собр. соч. Вяземского, т. VII, стр. 319).

Charenton — предместье Парижа, где находился дом для душевнобольных.

[6] Василий Петрович Голицын (1800—1863) — впоследствии харьковский предводитель дворянства.

---

* краткое содержание сцен (франц.).

[7] Евдокия Ивановна Голицына, рожд. Измайлова (1780—1850), называемая «la princesse Nocturne».

[8] Бартолуччи — певица (контральто) из Итальянской оперы в Петербурге.

[9] Софья Филипповна Штаубер лекнер, рожд. Даль-Окка (1807—1864) — певица (драматическое сопрано).

[10] Зинаида Ивановна Юсупова, рожд. Нарышкина (1810—1889).

[11] Мария Аркадьевна Голицына, рожд. Суворова-Рымникская (1802—1870). Ей посвящено стих. Пушкина «Давно об ней воспоминанье».

[12] Она же «la princesse Nocturne» (см. примеч. 7).

[13] Приводимые ниже строки были опубликованы как отрывок из письма к А. И. Тургеневу в кн.: ‹П. Бартенев›. А. С. Пушкин, П. М., 1885, стр. 39.

[14] Иван Степанович и Александра Григорьевна Лаваль.

[15] Прасковья Андреевна и Марья Аркадьевна Голицыны.

[16] Ольга Степановна Одоевская, рожд. Ланская (1797—1872) — жена В. Ф. Одоевского.

[17] Андрей и Александр Николаевичи Карамзины.

[18] Петр Федорович Балк-Полев (ум. 1849) — посланник в Бразилии.

47. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

‹Петербург.› 26 ‹мая 1828 г.›

...Наконец, вчера совершил я свое путешествие в Кронштадт с Олениными [1], Пушкиным и проч. В два часа ночи возвратился я из Царского села, в девятом утра был я уже на пристани. Вот деятельность. В Кронштадте осматривали мы флот или часть флота, которая выступает в море сначала под командою Сенявина [2], но он доплывет с ним только до Копенгагена, а там возвратится; начальником же останется Рикорд [3], известный своими японскими приключениями и пребыванием в Камчатке и женою, балладною Людмилою [4], которая печаталась в журналах. На корабле у меня опять закипел демон мятежный и волнующий, но я от него скоро отмолился. Туда поехали мы при благоприятной погоде; но на возвратном пути, при самых сборах к отплытию, разразилась такая гроза, поднялся такой ветр, полил такой дождь, что любо. Надобно было видеть, как весь народ засуетился, кинулся в каюты, шум, крики, давка; здесь одна толстая англичанка падает с лестницы, но не в воду, а на пол, там француженку из лодки тащут в окошко, на пароход; толстый Шиллинг [5] садится в тесноте и в темноте возле какой-то немки, и какой-то немец по этому случаю затевает une querelle d'allemand*; во всех углах истории. Прелесть! Старик Оленин ссорится с англичанином ‹...› Оленин-сын выпивает портера и водки на одну персону на 21 рубль [6]. C'est sublime**. Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь. У меня в глазах только одна картина: англичанка молодая, бледная, новобрачная, прибывшая накануне с мужем из Лондона, пострадавшая во всё плавание, страдает и на пароходе. Удивительно милое лицо, выразительное. Пушкин нашел, что она похожа на сестру игрока des eaux de Ronan [7]. Они едут в Персию, он советник посольства, недавно проезжал через Москву к Персии...

[1] Алексей Николаевич, Алексей Алексеевич и Анна Алексеевна Оленины. А. А. Оленина вспоминала об этой поездке в письме к Вяземскому от 18 апреля 1857 г. (см. «Лит. наследство», т. 47-48, 1946, стр. 237).

[2] Дмитрий Николаевич Сенявин (1763—1831) — адмирал.

[3] Петр Иванович Рикорд (1776—1855) — адмирал. В 1807—1809 гг. совершил кругосветное путешествие под начальством В. М. Головина (1776—1831). В 1811 г. Головин при обследовании острова Кунашира был захвачен в плен японцами, из плена его освободил через полтора года Риккорд. В 1816 г. Головин выпустил в свет книгу воспоминаний о своем пребывании в плену у японцев. О японских приключениях Головина и упоминает в своем письме Вяземский.

[4] Людмила Ивановна Риккорд, рожд. Короставцева (1794—1883) — писательница, печатала свои стихи в «Украинском вестнике» 1820-х гг.

---

* ссору на немецкий лад ‹т. е. из-за мелочей› (франц.).

** Восхитительно (франц.).

[5] Павел Львович Шиллинг (1786—1837) — востоковед, член-корреспондент Российской Академии Наук, изобретатель первого в мире электрического телеграфа (1835). Шиллинг был в приятельских отношениях с Пушкиным, который намеревался ехать с ним в Китай, в составе миссии.

[6] Этим письмом разъясняется, в частности, непонятное место в письме Вяземского к Пушкину от 18 сентября 1828 г., относящееся к Оленину-сыну: «спроси у „Junior", менее ли он сладко блаженствовал на пароходе от водки и пива, чем за роскошным столом» (XIV, 27).

[7] Роман Вальтера Скотта «Сен-Ронанские воды». Сестра игрока — Клара — одна из героинь романа. Через два года после поездки в Кронштадт Пушкин написал очерк «Участь моя решена: я женюсь». Во второй половине очерка Пушкин дает картину отъезда, напоминающую изображенную в публикуемом письме поездку вКронштадт. Описание наружности путешественницы, сделанное Пушкиным, интересно сопоставить с теми строками, которые посвятил ей Вяземский.

48. Е. Н. КАРАМЗИНА-МЕЩЕРСКАЯ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

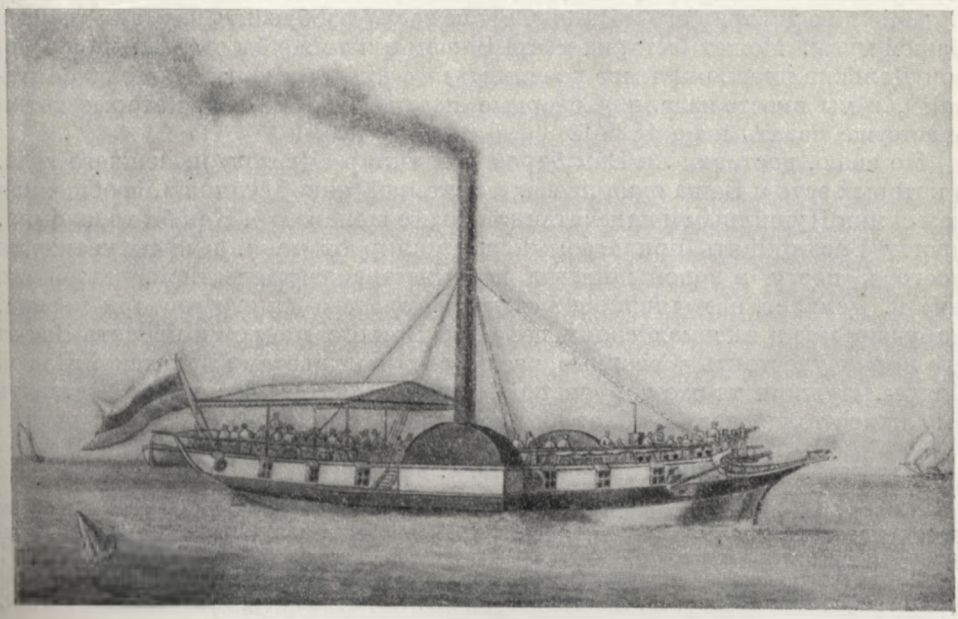
Лотошино <?>. 12 июля 1828 г.

...Слыхали ли Вы о похищении г-жи Корсаковой[1] каким-то черкесским князем? [2] Об этом здесь рассказывают, но не думаю, чтобы этот слух стоил доверия. Вы об этом должны знать больше, находясь ближе к Кавказу.— Если б это была правда, какой прекрасный сюжет для Пушкина как поэта и как поклонника...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2313, л. 10 об.). — Подлинник на французском языке.

[1] Александра Александровна Римская-Корсакова (с 1832 г. кн. Вяземская) — дочь Марии Ивановны Римской-Корсаковой (см. об этой семье в кн.: М. Гершензон. Грибоедовская Москва. М., 1915). В мае 1827 г. она с матерью была на кавказских минеральных водах. По словам Вяземского, Пушкин в 1827—1828 гг. был к ней неравнодушен.

Шамхал Тарковский Мехти (1797—1833)—владетельный князь Тарковского владения Дагестанской области, генерал русской службы. Он «покупал Корсакову дочь, потом хотел увезти, потом сватался», «предлагая тотчас 300 т. рублей задатку»



ПАССАЖИРСКИЙ ПАРОХОД НА НЕВЕ
Литография с гравюры С. Карделли, 1822 г.
Исторический музей Москва

(«Письма А. Я. Булгакова к брату».—«Русский архив», 1901, № 10, стр. 190 и № 11, стр. 359).

[2] До нас дошел план незавершенного произведения Пушкина 1831 г. «Роман на кавказских водах», сюжет которого был основан на слухах о похищении А. А. Римской-Корсаковой черкесами (см. статью: Н. И з м а й л о в. Роман на кавказских водах.— «Пушкин и его современники», вып. XXXVII. Л., 1928, стр. 68—99).

49. С. Н. КАРАМЗИНА — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Царское село. 29 сентября <1828 г.>

...Несомненно, Пушкин получит свою долю удовольствия[1], заслуженного им его образцовым поведением с нами, начиная с осени — времени года, которое пробуждает в нем благородные и поэтические чувства; однако он еще не отправился в деревню, но собирается провести там октябрь, и, чтобы положить начало своему вдохновению, сочинил маленькую балладу «Утопленник», которая порядком наводит страх [2]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2006, лл. 38—39).—Подлинник на французском языке.

Софья Николаевна К а р а м з и н а (1802—1856) — старшая дочь историка.

[1] С. Н. Карамзина имеет в виду письмо к ней Вяземского с забавным анекдотом, который она обещала передать Пушкину.

[2] В ночь с 19 на 20 октября 1828 г. Пушкин уехал из Петербурга в Малинники, имение П. И. Вульфа, в Тверской губ., где пробыл до конца ноября. В Малинниках им написано посвящение к «Полтаве» и окончена седьмая глава «Евгения Онегина».

«Утопленник» датирован в академическом издании предположительно июнем — первой половиной сентября 1828 г. Дату эту, на основании публикуемого письма, можно несколько уточнить: «Утопленник» написан не раньше августа 1828 г.

50. О. М. СОМОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Петербург. 2 октября 1828 г.

...В прошлом году затевал я издать Альманах и просил Вас украсить его Вашими стихотворениями, но, думаю, не коротко зная издателя encyclopédie и не доверяя его изданию, Вы не захотели бросить наудачу досугов Вашей музы. Может быть, на месте Вашем и я то же бы сделал. После барон Дельвиг предложил мне соединиться с ним de coeur, d'âme et de travail*, и мы вместе издали «Северные цветы» на 1828 год, которые хотим вместе же издать и на 1829-й.

Не знаю, доставил ли Вам барон экземпляр «Цветов» нынешнего года, в которых есть и Ваша одна пьеса, к покойной няне Пушкина, сообщенная нам самим Пушкиным и напечатанная по его желанию [1]. Как бы то ни было, прошу Вас принять прилагаемый экземпляр от меня, в знак уважения моего к поэту и новой попытки волокитства за прелестной, резвой его музой. Дельвиг, находящийся в отлучке отсюда с самого генваря месяца, поручает мне в письмах своих передать Вам его поклон и просить Вас от его имени удостоить «Северные цветы» свежими цветами дерптской Вашей флоры. Пушкин также поручает Вам кланяться; он просит Вас доставить ему какое-то послание об арабах [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 81).

Сомов (см. о нем примеч. к письму № 35) помогал Пушкину издавать «Северные цветы» после смерти Дельвига и, кроме того, был редактором «Лит. газеты» до прекращения ее 30 июня 1831 г.

[1] Стихотворение «К няне А. С. Пушкина» («Свет Родионовна, забуду ли тебя...») в автографе имеет помету: «17 мая 1827 г. Дерпт». Из письма Сомова мы впервые узнаем, что стихотворение это было напечатано в «Северных цветах» по желанию Пушкина.

[2] Послание, о котором идет речь, неизвестно.

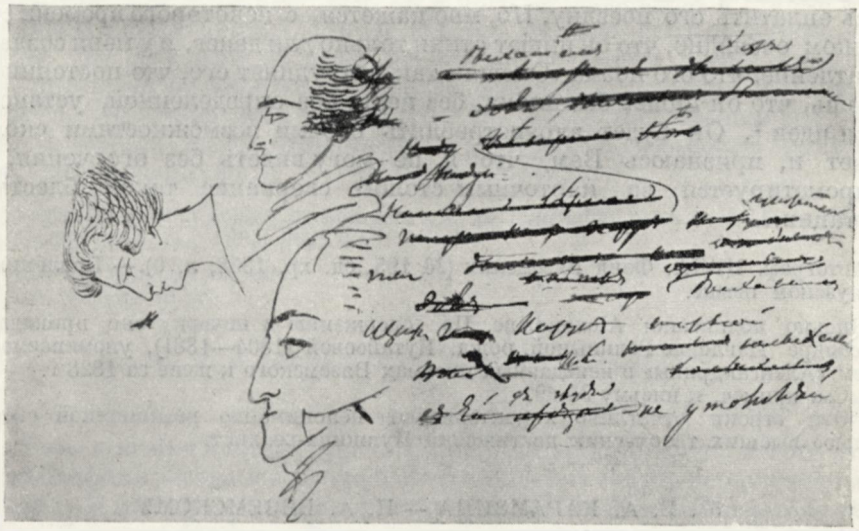
---

* сердцем, душой и трудом (франц.).

51. Е. А. БАРАТЫНСКИЙ — А. А. ДЕЛЬВИГУ

⟨Москва. Октябрь — начало ноября 1828 г.⟩

Нет, душа моя Дельвиг: исключение фамилии и исключение пьес не все равно. Я читал их некоторым, ты, вероятно, тоже; следственно, автор будет известен, и у каждого на языке естественный вопрос: для чего вы скрыли ваше имя? Верно потому-то и потому-то. Потешь меня, мой ангел, уничтожь вовсе эти две пьесы. Я тебе в замену пришлю на будущей неделе новое стихотворение под названием «Бесенок»: ежели не затейливо творение, то заглавие задорно[1].«Северные цветы» твои будут великолепны. Приложишь ли мой портрет, как имел намерение? [2] Признаюсь, это было бы приятно моему самолюбию. Что ты помещаешь в «Цветах»? Последнюю



С. Л. ПУШКИН
Рисунок Пушкина, 1824 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

эпоху Золотого века или что другое? [3] Надеюсь, что первое. Я получил письмо от Пушкина, в котором он мне говорит несколько слов о моем «Бале». Ему, как тебе, не нравится речь мамушки. Не защищаю ее; но желал бы знать, почему именно она не хороша, ибо, чтобы поправить ее, надобно знать, чем грешит она. Ты мне хорошо растолковал комический эффект моей поэмы и утешил меня. Мне бы очень было досадно, ежели б в «Бале» видели одну шутку, но таково должно быть непременно первое впечатление. Сочинения такого рода имеют свойство каламбуров: разница только в том, что в них играют чувствами, а не словами. Кто отгадал настоящее намерение автора, тому и книгу в руки [4]...

Автограф. ИРЛИ. Архив села «Мары» (№ 13963/LXXVI б 16).

[1] Речь идет, повидимому, о стихотворениях Баратынского, посвященных А. Ф. Закревской — «Уверение» и «Фея», которых поэт не хотел печатать в «Северных цветах» по личным соображениям. Баратынский исполнил свое обещание, и «Бесенок» появился в «Северных цветах» на 1829 год.

[2] Портрет Баратынского не был приложен к «Северным цветам».

[3] Из стихотворений Дельвига в «Северных цветах» на 1829 год были напечатаны: «Сон», «Хор для выпуска воспитанниц имп. института» и «Романс» («Одинок месяц плыл»). Идиллия «Конец золотого века» появилась в «Стихотворениях» Дельвига 1829 г.

[4] Письмо Пушкина к Баратынскому с отзывом о «Бале» не дошло до нас (как и вся их переписка за 1828 г.). Возможно, что суждение о «Бале» было высказано Пушкиным в том письме к Баратынскому, о котором Пушкин упоминает в письме к Дельвигу из Малинников от середины ноября 1828 г. («Жду ответа от Баратынского» — XIV, 34).

Известен черновик незаконченной статьи Пушкина о «Бале», написанной примерно в это же время (1828 г., до 15 декабря). В нем нет ни слова о речи мамушки.

52. А. П. ГОЛИЦЫНА — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 28 ноября <1828 г.>

...Я уверена, что Вы часто получаете известия о г-не Пушкине; чем занимается он в своем одиночестве? Говорят, что он уехал туда, чтобы запереться и посвятить себя целиком поэзии [1]; я хотела бы этого от всего сердца, ибо, несомненно, каждый из нас от этого выиграл бы, даже если б пришлось оплатить его поездку. Но, мне кажется, с некоторого времени стало слишком очевидно, что он пишет стихи только для денег, и у меня создается впечатление, что его поэма «Онегин» так затрудняет его, что постоянно замечаешь, что он пишет без плана, без цели, без определенной, установившейся идеи [2]. Он будет злоупотреблять своими возможностями сколько сможет и, признаюсь Вам, что я не могу видеть без огорчения, как компрометируется за карточным столом сверкание такой блестящей репутации...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1358, л. 6).— Подлинник на французском языке.

Письмо подписано: Alexandrine. По содержанию и почерку оно принадлежит Александре Павловне Голицыной, рожд. Кутайсовой (1804—1881), упоминаемой под именем «Александрины» в неизданных письмах Вяземского к жене за 1828 г.

[1] См. примеч. к письму № 49.

[2] Эти строки отчетливо характеризуют непонимание реакционной светской «чернью» высших творческих достижений Пушкина-реалиста.

53. Е. А. КАРАМЗИНА — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Петербург. 28 ноября 1828 г.

...Вы просите новостей о Пушкине,— он в деревне [1] и, как говорят, по собственной воле и желанию. Жуковский мне сообщил, что, еще будучи здесь, он написал поэму в нескольких песнях — «Мазепу» [2], которая, по мнению Жуковского,— самое прекрасное его произведение; надо надеяться, что деревня вдохновит его еще на что-нибудь прекрасное, хотя я огорчена, что он отправился провести всё это время в деревню к своей приятельнице, а не в свою собственную, где уединение оказало бы большее действие на его воображение, чем общество некоей доброй провинциалки [3], которое могло бы доставить не больше чем несколько сцен для «Онегина», а их так много уже [4].

Софья Вам расскажет об увлечениях, успехах и неудачах его, т. е. Пушкина, если, конечно, она соберется Вам написать, потому что с некоторого времени она ничего не делает [5]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2002, л. 7).— Подлинник на французском языке.

[1] См. примеч. к письму № 49.

[2] Пушкин работал над «Полтавой» в течение сентября — первой половины октября 1828 г. Первоначально поэт назвал свою поэму «Мазепа» (см. также письмо № 62).

[3] Очевидно, Карамзина имеет в виду П. А. Осипову, находившуюся в это время в Малинниках.

[4] К этому времени были закончены семь глав «Евгения Онегина» (из десяти).

[5] Речь идет о дочери Н. М. Карамзина — Софье Николаевне.

18 декабря 1828 г. Е. А. Карамзина писала Вяземскому: «Я выхожу мало, время от времени вижу кое-кого у себя; Пушкин не в их числе, ибо он разъезжает по деревням; говорят даже, что в настоящее время он в Москве» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2002, л. 9 об.— Подлин. на франц. яз.).

В письме Е. А. Карамзиной к П. А. Вяземскому от 15 января 1830 г. содержатся такие строки: «Я редко встречаю тех, кого Вы называете в Ваших письмах: Жуковского, Дашкова, Блудова — никогда; Пушкина постоянно, но все при каждой встрече осведомляются о Вас» (неизд.— Там же, л. 19 об.— Подлин. на франц. яз.).

54. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

⟨Москва.⟩ 12 декабря ⟨1828 г.⟩

...Здесь Александр Пушкин, я его совсем не ожидал. Он привез славную, новую поэму «Мазепу», но не байроновского, а своего [1]. Приехал он недели на три, как сказывает; еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись. Вчера должен он был быть у Корсаковой [2], не знаю еще, как была встреча. Я его всё подзываю с собою в Пензу, он не прочь, но не надеюсь, тем более, что к тому времени, вероятно, он влюбится. Он очень тебе кланяется. Он вовсе не переменился, хотя, кажется, не так весел. Кончил он также и седьмую песню «Онегина», но я еще не слыхал...

Опубликовано как отрывок из письма к А. И. Тургеневу в кн.: ⟨П. Бартенев⟩. А. С. Пушкин, II. М., 1885, стр. 40.

[1] См. предыдущее письмо.
[2] См. письмо № 48.

55. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

⟨Москва.⟩ 19 декабря ⟨1828 г.⟩

...Твоя критика на Боратынского слишком христианская, а в его стихах нет философии христианской: он на смерть смотрит совсем не христианскими глазами [1]. И потому примеры, приведенные им, не должны казаться неуместными. Фивские братья и Федра тут представители двух идей, двух страстей: ненависти и любви исступленной, примеры эти всем знакомы и, следовательно, более кстати, чем другие. Впрочем, чтобы потешить тебя, скажу, что Пушкин с тобою согласен. Я вчера говорил ему и Боратынскому о твоем замечании, мы были одного мнения, а он твоего. Какое же хочешь слово другое, а не п е с т р о т а, когда говорится о к р а с к е ж и з н и б е с п о к о й н о й, c'est le mot propre*, и тем слово и разительно, а с прилагательным н е в о з д е р ж н о й оно полно поэзии. Мы вчера ужинали у Василья Львовича [2] с Ушаковыми, пресненскими красавицами [3], но не подумай, что это был ужин для помолвки Александра. Он хотя и влюбляется на старые дрожжи, но тут сидит Долгорукий горчаковский [4] и дело на свадьбу похоже. Он начал также таскаться и по Корсаковым [5], но я там с ним не был и не знаю, как идет там его дело. По словам его, он опять привлюбляется. Вообще, кажется, нет в нем прежней т о с к и, и он менее играет комедию...

[1] Речь идет о стихотворении Баратынского «Смерть». Впервые напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. I, стр. 45—46.
[2] Пушкина.
[3] Об Ушаковых см. примеч. к письму № 72.
[4] Александр Иванович Д о л г о р у к и й (1783—1868) — сын писателя И. М. Долгорукова. Ему покровительствовал военный министр А. И. Горчаков.
[5] См. письма №№ 48 и 54.

* это подходящее слово (франц.).

56. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

<Москва.> 2 января <1829 г.>

...Вчера для открытия нового года было и открытие французского спектакля; по одному дню, как по одному представлению, нельзя ничего решительного заключить, ни сказать ничего ни добра, ни худа, ни о годе, ни о театре. Начали большой комедией Детуша «Le dissipateur»*, под которую я дремал. Развеселил меня немного водевиль: «Le comédien d'Etamps» [1]. Мы с Пушкиным жалели, что там, где недавно раздавались звуки Россини, теперь хрипят в flon, flon** французской музыки. Под конец пели французские куплеты, сочинения одного из актеров, приветствие России и московской публике. Иван Александрович Нарышкин [2] был тронут до слез. Кажется, есть актеры порядочные, хотя решительного таланта нет. Зало подчищено, подкрашено, почти все ложи абонированы, и, следовательно, на первый год будет прок. Директриса Карцова, победительница всех препятствий в лице Волконского [3], Кокошкина и траура [4], торжественно сидела в какой-то торжественной прическе в ложе бывшей Юсупова, и к ней приходили на поклонение благодарные чины московские — военные и гражданские. Одним словом, празднество было совершенное...

[1] «Комедиант Этампа» — комедия-водевиль Моро и Серовена.
[2] Иван Александрович Нарышкин (1761—1841) — богач, славившийся широким образом жизни, впоследствии был посаженным отцом Н. Н. Гончаровой.
[3] Петр Михайлович Волконский — министр двора. В его ведении находились казенные театры.
[4] Траур был по императрице Марии Федоровне (1759—1828).

57. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

<Москва.> 9 января <1829 г.>

...Пушкин на-днях уехал [1]. Он всё собирался писать к тебе письмо вроде разговора у камина при каштанах или моченых яблоках. Он что-то во всё время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было или чего не было, mais il n'était pas en verve***. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у цыганок; и в том и в другом месте видел я его редко, но видал с теми и другими, и всё не узнавал прежнего Пушкина...

Со слов: «Он что-то во всё время» — опубликовано как отрывок из письма к А. И. Тургеневу в кн.: <П. Бартенев>. А. С. Пушкин, II. М., 1885, стр. 41.

[1] Пушкин уехал 7 января 1829 г. из Москвы в Петербург.
30 января 1829 г. Вяземский отвечал жене на какие-то ее расспросы о Пушкине: «Я тебе уже писал, что Пушкин давно уехал, а я с ним не в переписке без какого-нибудь особенного дела и потому не могу передать ему твои слова. Напиши о том Карамзиным, у которых он, вероятно, часто бывает» (неизд.).

58. О. М. СОМОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Петербург. 15 января 1829 г.

...Скажу Вам, что мы затеваем к светлому празднику еще небольшую книжечку: «Подснежник», une espèce de piquenique littéraire****. Там будет и Пушкин, и Баратынский, и Грибоедов, и Вяземский, et tutti quanti*****: надобно, чтоб и Вы там были. Если Вам полюбится цель сего издания, то

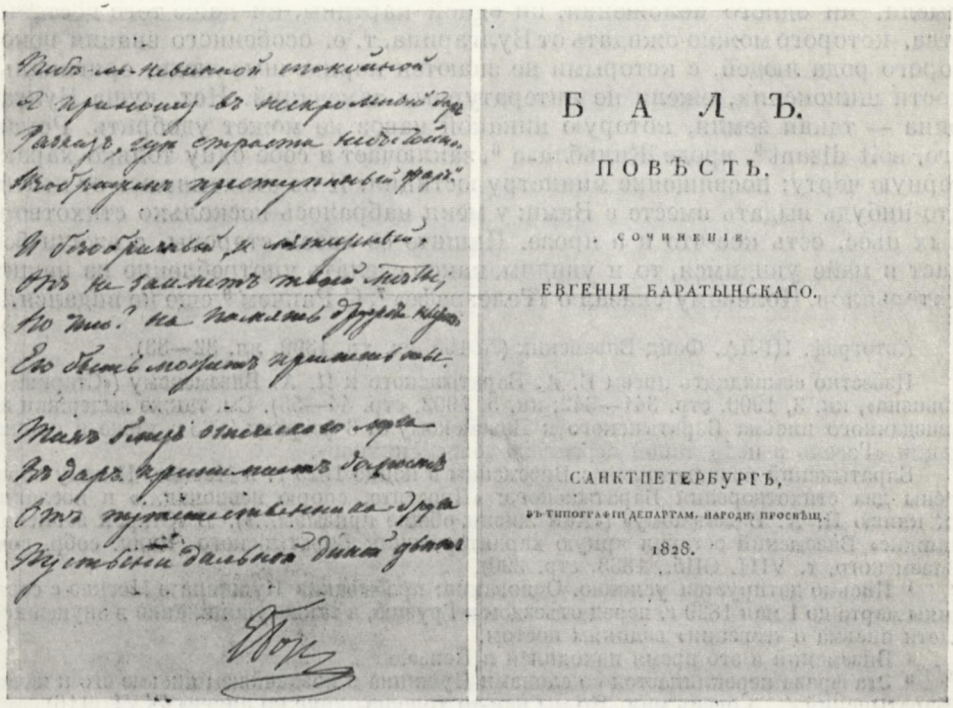
* Расточитель (франц.).
** Припев песни.
*** но он был не в ударе (франц.).
**** род литературного пикника (франц.).
***** и все прочие (итал.).

пришлите нам несколько стихотворений, в нынешнем или будущем месяце, но не позже начала марта: ибо к 1-му апреля книжка совсем будет отпечатана и выдана [1]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языкова (19. 4. 81).

Письмо Сомова было послано вместе с альманахом «Северные цветы» на 1829 год и с указанием адресов его и Дельвига («Адрес мой: у Круглого рынка, в д. Паульсона, на Мойке.— Б<арона> Дельвига: по Владимирской улице, в д. Алферовского, бывшем Кувшинникова»).

[1] О «Подснежнике», альманахе, специально задуманном Дельвигом для того, чтобы напечатать «Станцию» Вяземского и другие произведения, не попавшие в «Северные цветы», Дельвиг писал Вяземскому 30 августа 1829 г. («Старина и новизна», кн. 5,



Б А Л Ъ.

ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕВГЕНІЯ БАРАТЫНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМ. НАРОДН. ПРОСВѢЩ.

1828.

ЭКЗЕМПЛЯР ПОВЕСТИ «БАЛ» Е. А. БАРАТЫНСКОГО С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА С. Л. ЭНГЕЛЬГАРДТ, 1828 г.
Собрание К. В. Пигарева, Москва

стр. 38). «Подснежник» вышел в свет 4 апреля. Пушкин дал туда только два стихотворения: «Приметы» и «Литературное известие» (см. также письмо С. П. Шевырева к М. П. Погодину об обеде литераторов, который предполагали устроить на деньги, вырученные от продажи «Подснежника».— «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 703).

59. Е. А. БАРАТЫНСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Москва. 18 марта — 1 апреля 1829 г.>[1]

Вы предупредили меня, любезный князь, но только делом, а не намерением. Давно собирался я к Вам писать, хотя, имея мало сношений как с грамотным, так и с безграмотным светом, не мог сообщить Вам ничего занимательного; но мне хотелось сказать Вам, сколько я дорожу Вашим добрым расположением и, ежели позволите,— дружбою. Вы не можете себе представить, как Москва для меня без Вас опустела [2]! При Вас я видался со многими людьми, с которыми теперь не вижусь, потому что уже

не надеюсь встретить Вас между ними. Вы были лентою, которая связывала пук, а без Вас он распался. Пушкин здесь, и я ему отдал Ваш поклон. Он дожидается весны, чтобы ехать в Грузию. Я с ним часто вижусь, но Вы нам очень недостаете. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух математических линий [3]. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и Вы были ею. Вы мне очень лестно советуете приняться за прозу, и, признаюсь, Ваше одобрение для меня очень искусительно. Ваши разговоры произвели уже на меня свое действие, и я уже планировал роман [4], который напишу, ежели станет у меня терпения, а в особенности дарования. Кстати о романах, вышел роман Булгарина «Выжигин» [5]. Неимоверная плоскость! Четыре тома, в которых Вы не найдете не только ни одной мысли, ни одного положения, ни одной картины, ни даже того достоинства, которого можно ожидать от Булгарина, т. е. особенного знания некоторого рода людей, с которыми не знаются порядочные люди, оригинальности шпионских, ежели не литературных замечаний. Нет, душа Булгарина — такая земля, которую никакой навоз не может удобрить. Роман его, soit disant*, вроде Жильблаза [6], заключает в себе одну только характерную черту: посвящение министру юстиции. Я не отказываюсь от мысли что-нибудь выдать вместе с Вами: у меня набралось несколько стихотворных пьес, есть кое-что и в прозе. Пишите со своей стороны, а ежели бог даст в майе увидимся, то и увидим, какое сделать употребление из наших матерьялов. Полевому сказал о «Телеграфе» [7]. С Раичем [8] еще не видался...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1399, лл. 32—33).

Известно семнадцать писем Е. А. Баратынского к П. А. Вяземскому («Старина и новизна», кн. 3, 1900, стр. 341—342; кн. 5, 1902, стр. 44—55). См. также выдержки из неизданного письма Баратынского к Вяземскому от 3 февраля 1833 г. ниже в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников».

Баратынский познакомился с Вяземским в конце 1825 г. в Москве. К нему обращены два стихотворения Баратынского: «Простите, спорю невпопад...» и послание «К князю П. А. Вяземскому» («Как жизни общие призывы...»). В «Старой записной книжке» Вяземский оставил яркую характеристику Баратынского (Полн. собр. соч. Вяземского, т. VIII. СПб., 1883, стр. 290).

[1] Письмо датируется условно. Основания: пребывание Пушкина в Москве с середины марта до 1 мая 1829 г. перед отъездом в Грузию, а также упоминание в опущенной части письма о «говении» великим постом.

[2] Вяземский в это время находился в Пензе.

[3] Эта фраза перекликается со словами Пушкина в позднейшем письме его к жене: «Баратынский ⟨...⟩ очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу» (XVI, 116).

[4] Никаких следов этого плана в черновых рукописях Баратынского не сохранилось.

[5] О романе Булгарина «Иван Выжигин» Баратынский упоминает еще раз в письме к Вяземскому от мая 1829 г. Сообщая ему о том, что «Полтава» встречена публикой более холодно, чем другие произведения Пушкина, Баратынский пишет: «Я, право, уже не знаю, чего надобно нашей публике? Кажется, Выжигиных! Знаете ли вы, что разошлось 2000 экземпляров этой глупости» (Е. Боратынский. Стихотворения.— Поэмы.— Проза.— Письма. М., 1951, стр. 492). См. также письмо № 63.

[6] Знаменитый плутовской роман Лесажа «Похождения Жиль Бласа из Сантильяны».

[7] Вяземский и Баратынский сотрудничали в «Московском телеграфе».

[8] Семен Егорович Раич (1792—1855) — поэт-переводчик, издатель журнала «Галатея».

60. С. Н. КАРАМЗИНА — В. Ф. и П. А. ВЯЗЕМСКИМ

⟨Петербург.⟩ 20 марта 1829 г.

...Вы, вероятно, знаете, что Пушкин в настоящую минуту карабкается по Кавказу; это новое безумство, которое взбрело ему в голову [1]; что касается нас, то мы мало сожалели о его отъезде, потому что он стал неприятно угрюмым в обществе, проводя дни и ночи за игрой, с мрачной

* так сказать (франц.).

яростью, как говорят. И хороша же была его осанка и бледное лицо Беверлея[2]. Каждое новое известие о нем доказывает, что он никогда не вернется на хорошую дорогу, и вызывает огорчение. Вслед за этим философским и филантропическим размышлением я вам желаю доброго дня или доброго вечера, дорогие, дорогие друзья...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2313, л. 16 об.).— Подлинник на французском языке.

[1] Как известно, Пушкин отправился на Кавказ, не получив на то разрешения Бенкендорфа; потому Карамзина и называет его поездку «безумством». Слежка за Пушкиным началась уже с 21 марта (см. донесение А. Н. Мордвинова Бенкендорфу об отъезде Пушкина на Кавказ.—Н. Лернер. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, стр. 185).

[2] Беверлей — игрок, герой одноименной драмы Сорена.

61. В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 21 марта 1829 г.

...В Тегеране случилось ужасное происшествие. Люди нашего посланника А. С. Грибоедова, поссорившись с персианами, сии азиятцы так ожесточились, что ворвались к посланнику в дом и умертвили Грибоедова, Аделунга и всю свиту. Один молодой человек Мальцов, брат Нечаевой, скрывшись во дворце у хана, избавился от смерти. Персидское правительство не имело участия в сем деле. Хан надел траур по Грибоедове, но от этого не легче. Его нет, и заменить его будет трудно. Полученное о сем известие, к несчастью, достоверно[1] ⟨...⟩ Александр Пушкин здесь, и едет в Тифлис, к брату[2]. Вчера он избран в члены пресловутого нашего Английского клуба[3]. Он, по возвращении своем из Грузии, будет печатать все свои сочинения[4]. «Мазепа» уже печатается в Петербурге[5]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2611, лл. 84 об.—85).

[1] Грибоедов был убит 30 января 1829 г.

Версия о его убийстве, рассказанная В. Л. Пушкиным, неверна: убийство Грибоедова, спровоцированное английской миссией в Тегеране, было актом политической борьбы с Россией.

[2] Через несколько дней, 26 марта, В. Л. Пушкин писал Вяземскому: «Александр Сергеевич, кажется, до летнего пути, то есть, еще месяц, пробудет с нами. Да и как теперь отправляться в Тифлис? Никакого на это способа нет. Он жалуется на свое здоровье и говорит, что он стареет. Вчера он у меня был и сидел долго. Я его ласкою доволен» (неизд.— Там же, л. 86 об.). 11 апреля он сообщал: «А. Пушкин здесь, и, кажется, не так скоро отправится в Грузию» (неизд.— Там же, л. 90—90 об.).

Пушкин выехал на Кавказ 1 мая (см. письмо № 59). 27 мая он прибыл в Тифлис, где прожил до 10 июня. Л. С. Пушкин находился в это время на Кавказе, в Нижегородском драгунском полку, и участвовал в военных действиях против турок. Поэт встретил его в лагере на берегу Карс-Чая. В первоначальной редакции предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин писал, что ему захотелось съездить туда «для свидания» с некоторыми из «приятелей и с братом» (VIII, кн. 2, 1021—1022). Под приятелями Пушкин подразумевал сосланных на Кавказ декабристов.

[3] П. А. Плетнев шутливо поздравлял Пушкина 29 марта 1829 г. с «почетным званием» члена Английского клуба (XIV, 41).

22 мая ⟨1831 г.⟩ П. А. Вяземский сообщал Ф. И. Толстому: «Пушкин уехал в Питер ⟨...⟩ Корсаков продолжает бушевать в клубе. Пушкин говорит, что если Долгоруков всё еще господствует в клубе de droit*, то господство de fait** уже перешло в руки Корсакова» (неизд. — ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1318, л. 48). О П. М. Долгорукове как завсегдатае Английского клуба Пушкин упоминает в письме к жене от 27 августа 1833 г. (XV, 75).

[4] В начале 1829 г. Пушкин предполагал издать трехтомное собрание своих сочинений, но издание это не состоялось. Вместо него в том же году начало выходить в свет

---

* по праву (франц.).

** фактическое (франц.).

собрание его стихотворений в четырех частях (см. письмо П. А. Плетнева к Пушкину от 29 марта 1829 г.— XIV, 41).

28 марта В. Л. Пушкин писал Вяземскому: «⟨С. С.⟩ Ланской мне сказывал, что племяннику-поэту предлагают 75 000 ⟨асс.⟩ за все его стихотворения. Он мне, однако, об этом не говорил. Желаю искренно, чтоб эта весть была справедлива! ⟨...⟩ На этих днях объявляли матери Грибоедова о кончине ее сына. Она в отчаянии, рвет на себе волосы и кричит, что гораздо бы лучше было, еслиб умерла у нее ее дочь» (неизд. — ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2611, л. 110).

[5] «Полтава» вышла 27—28 марта 1829 г.

62. В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 4 апреля 1829 г.

...Новая поэма А. Пушкина показалась в свет, но под названием «Полтавы», а не «Мазепы». Я нахожу, что А. Пушкин напрасно переменил ее название, но, как бы то ни было, поэма его есть превосходное творение. Характер Мазепы, описание казни Кочубея, Полтавское сражение — всё это написано мастерски. Он употребил новое слово: дрема долит вместо одолевает [1]; он говорит, что сие слово находится в старинных русских песнях, равномерно и топ, вместо топот, но я много читал песен старинных, и иные переводил на французский язык; признаюсь, однако, что сих слов нигде не заметил [2]. Впрочем, что значит одно слово пред множеством красот, коими наполнена его поэма? Еще повторяю, она есть превосходное творение, и я несколько раз ее перечитывал сряду...

5-го апреля.

В 6 № «Телеграфа» напечатана величайшая похвала Мицкевичу, и мои стихи к А. Пушкину [3]. Ты забыл их отдать Полевому, и он получил их от меня самого...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2611, лл. 88—89).

[1] «Дрема долит» — ст. 139 второй песни «Полтавы» (V, 39).

[2] В черновике статьи «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830) Пушкин возражал критику «Евгения Онегина»: «Топ вместо топот столь же употребительно, как и шип вместо шипение ⟨...⟩ На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

„И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь".

Бова Королевич.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» (XI, 146—147).

[3] В № 6 «Московского телеграфа» за 1829 г. напечатана анонимная восторженная рецензия на «Стихотворения Адама Мицкевича» и стихотворение В. Л. Пушкина «К А. С. Пушкину» («Поэт-племянник, справедливо...»).

63. В. В. ИЗМАЙЛОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 3 июня 1829 г.

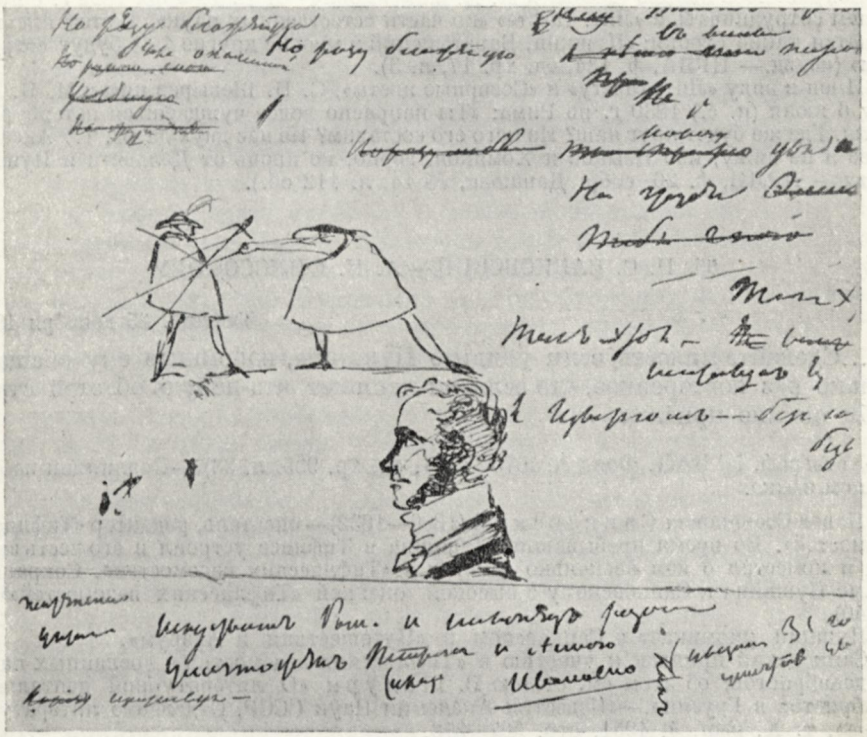
...Что сказать Вам о Москве? У нас старое по-старому; ничто не расшевеливает умов; это стоячая, как сонная, вода, которая было всколыхалась от процесса Качановского [1], от романа «Выжигина» (дающего, однакож, не чистую выжигу литературную) [2], от «Полтавы» Пушкина, от Вашей «Станции» [3], но только не надолго; и теперь на поверхности, как и на дне нашего общества, то же безветрие. Изредка перебранки журналистов. Эти перебранки бессольные и безвкусные будят сонные умы, которые бредят впросонках о журнальных статейках à tort et à travers*.

* вкривь и вкось (франц.).

Каково же дышать в этой стихии? Она же лишена и последнего животворного воздуха: Вас нет, Дмитриев уехал в Симбирск, Баратынский в деревне; Пушкин на полете к югу и, вероятно, к новой славе литературной [4]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1957, л. 9 об.).

Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830) — писатель карамзинской школы. Первое выступление Пушкина в печати в «Вестнике Европы» 1814 г. произошло в ту пору, когда Измайлов исполнял обязанности редактора вместо Каченовского, а в 1815 г. Измайлов охотно помещал стихотворения молодого поэта в своем журнале «Российский музеум».



Н. И. ГНЕДИЧ

Рисунок Пушкина, 1830 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

До нас дошло письмо Измайлова к Пушкину от 19 мая 1826 г. В ответном письме от 9 октября 1826 г. поэт называет Измайлова «первым почтенным покровителем» своей музы (XIII, 299).

[1] М. Т. Каченовский подал жалобу в Московский цензурный комитет на цензора С. Н. Глинку, пропустившего статью Н. А. Полевого, направленную против Каченовского. Измайлов, член Цензурного комитета, выступал против Каченовского. На этот инцидент Пушкин отозвался статьей «Отрывок из литературных летописей» и эпиграммой — «Журналами обиженный жестоко».

[2] Роман Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» вышел в 1829 г. О том же из Петербурга в Москву писал Пушкину 29 марта 1829 г. Плетнев: «А у нас теперь одна занимает всех литературная сплетня, под названием: И. Выжигин. Верно и у вас она скоро займет всех. Не скажешь ли ты чего-нибудь о ней дельного? Это, кажется, не хуже процесса С. Глинки» (XV, 141). См. письмо Н. М. Языкова к А. Н. Очкину из Дерпта от 20 апреля 1829 г. также с упоминанием «Ивана Выжигина» и «Полтавы» («Русская старина», 1903, № 3, стр. 484—485) и письмо Баратынского (№ 59).

[3] «Станция. (Глава из путешествия в стихах...) «Вяземского была напечатана в альманахе «Подснежник» на 1829 г., вышедшем 4 апреля.

[4] См. примеч. 1 к письму № 60.

64. А. Г. РОТЧЕВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Петербург.⟩ 5 декабря ⟨1829 г.⟩

...Здесь затевается штука: журнал — пятидневная «Литературная газета» — она будет издаваема Дельвигом, Сомовым, Вяземским, Пушкиным, Жуковским; я назвал многих, но думаю, что газета не устоит, потому что главный редактор очень ленив. Но давай бог!...

Автограф. ЛБ. Фонд ГАИС (раздел III, п. I, № 37).

Александр Гаврилович Ротчев (1807?— 1873) — поэт и переводчик.

Сохранилось письмо Сомова к М. А. Максимовичу от 12 декабря 1829 г. с приглашением сотрудничать в «Лит. газете» «по части естественных наук». В этом письме содержатся такие строки: «Пушкин, Баратынский и многие другие ⟨...⟩ будут сотрудниками» (неизд.— ЦГЛА, ф. 134, ед. хр. 17, л. 3).

Имея в виду «Лит. газету» и «Северные цветы», С. П. Шевырев писал М. П. Погодину 6 июня (н. с.) 1830 г. из Рима: «Ты напрасно вовсе чуждаешься петербургской шайки. Где же будет круг наш? Из кого его составим? Из нас двух да ⟨С. Т.⟩ Аксакова? Более я не вижу, ибо Языков и Хомяков, верно, не прочь от Дельвига и Пушкина» (неизд.— ИРЛИ, ф. 26, собр. Дашкова, № 14, л. 112 об.).

65. П. С. САНКОВСКИЙ — А. И. ФИЛОСОФОВУ

Тифлис. 25 декабря 1829 г.

...Сделайте милость, если увидите Пушкина, напомните ему обещание, столько раз повторенное, что если он напишет что-нибудь об этой стране, чтобы он мне прислал...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд № 1075 (оп. 1, ед. хр. 935, л. 33).—Подлинник на французском языке.

Павел Степанович Санковский (1800—1832)— писатель, редактор «Тифлисских ведомостей». Во время пребывания Пушкина в Тифлисе устроил в его честь званый обед и поместил о нем несколько заметок в «Тифлисских ведомостях». Сохранилось письмо Пушкина к Санковскому с высокой оценкой «Тифлисских ведомостей» (XV, 39—40).

Пушкин упоминает о Санковском в «Путешествии в Арзрум».

Санковский привлек к участию в «Тифлисских ведомостях» сосланных на Кавказ декабристов; об этом см. статью В. Шадури «О литературной деятельности декабристов в Грузии».—«Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», т. X, вып. 4, 1951, стр. 367—373.

14 ноября 1829 г. Санковский просил А. И. Философова: «Повидайте, если возможно, Пушкина. Напомните ему обо мне и попросите его прислать мне „Калмычку", которую он обещал» (неизд.— Там же, л. 27.— Подлин. на франц. яз.). Но Пушкин не исполнил своего обещания и ничего не дал в «Тифлисские ведомости». Стихотворение «Калмычке» появилось в «Лит. газете», 1830, № 38 от 5 июля.

66. О. М. СОМОВ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

⟨Петербург.⟩ 28 декабря 1829 г.

Князь! Господин Пушкин составил для «Литературной газеты» маленькую заметку о переводе романа Бенжамена Констана «Адольф», который князь Вяземский хочет напечатать в Москве; но как наш цензор упорно считает, что названный роман имеется в индексе к списку иностранных книг и по этой причине отказывается подписать заметку, я прошу Вас, князь, быть добрым известить меня, действительно ли находится указанный роман в списке запрещенных произведений, и, если это возможно, написать мне несколько строк по этому поводу сегодня же [1]...

Автограф. ГПБ. Архив В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 1016).— Подлинник на французском языке.

[1] Заметка Пушкина о переводе романа Бенжамена Констана «Адольф» появилась без подписи в «Лит. газете» от 1 января 1830 г. Принадлежность этой заметки Пушкину была доказана анализом ее содержания («Пушкин и его современники», вып. XII. СПб., 1909, стр. 126—127).

Письмо Сомова подтверждает авторство Пушкина.

67. А. А. ШАХОВСКОЙ — М. Н. ЗАГОСКИНУ

⟨Петербург.⟩ 4 января 1830 г.

...Я уже совсем оделся, чтобы ехать на свидание с первоклассными нашими писателями, как смотритель дилижанса принес мне твой роман [1]; я ему обрадовался и понес с собою мою радость к гр. Пушкину [2]; но там меня ею же встретили. Первое действующее лицо авторского обеда, явившееся на сцену, был А. Пушкин, который просил графа нас свести вместе; после обниманий и некоторых полуизвинений, тотчас заговорил о тебе; Пушкин восхищен от отрывка твоего романа, который он читал в журнале; входит Крылов, из дворца, где он пробовал в новом маскарадном сюрпризе (который дают сегодня) роль Талии; расспросы о тебе и улыбательное ободрение отрывка твоего романа; входит Гнедич; восклицание: прекрасно! твоему же роману; наконец является Жуковский ⟨...⟩ он объявляет, что не спал вчера всю ночь, от чего же? всё тож от твоего романа, который он получил, развернул, хотел прочесть начало и, не сходя с места и не ложась спать, не мог не прочесть всех трех томов; а это самая лучшая похвала, которую он умеет сделать твоему сочинению; хоть, впрочем, он заметил, верно, все лучшие места и даже смерть ⟨Ярышки⟩ от него не ускользнула — он просил меня тотчас к тебе написать о действии, которое ты над ним произвел, о своей благодарности ⟨...⟩ Он также хотел, чтобы я сообщил тебе его дружеский совет: сочинить роман из содержания самого богатого, интересного и дающего средство вывести в большом свете представленные уже тобою важные исторические лица — прошу угадать, какое это содержание... а? Жуковский хочет, чтоб ты сочинил Ивана Сусанина — подумай-ка хорошенько? и заключи из этого дружеского совета, что хочешь ⟨...⟩ Я объявил почтенному обществу, что ты начал «Русских 1812 года»; все обрадовались этой мысли и желают тебе счастливых вдохновений и успеха, даже и сам Василий Андреевич согласился, что это, может быть, хорошо, однако Сусанин лучше: я вздумал было доказывать противное, но дело было к концу обеда, который уленил мне досужий язык, и взгляды прочих собеседников показали мне, что мое красноречие ни к чему не послужит; тут разговор обратился на «Литературную газету», в которой участвовать я дал слово Пушкину; цель ее самая похвальная: она будет розыском наших парнасских шишилиц [3], для унятия всех литературных напастников. Приезд мой, кажется, очень был приятен моим собеседникам: они предложили мне попрежнему сбираться у меня по вечерам и назначать для того непременный день в неделе, что я и сделаю, как скоро переезду на новую квартиру ⟨...⟩, а между тем положено видеться у графа и Жуковского, у которого в будущий вторник будут слушать моих «Смольян» [4], и я уверен только в одном, что мне В. А. Жуковский не предложит сделать историческую драму или Сусанина, ибо я уже из него сделал оперу. Вот тебе, любезный друг, повествование о первом действии твоего романа ⟨...⟩ Граф Пушкин с утра уж его начал читать, а просто Пушкин вчера взял его у Жуковского. Сейчас явился ко мне Олин [5]; я его послал отыскивать твой роман и растолковал, что нужно для объявления о нем в его журнале: а в «Литературной газете» будет написано о появлении настоящего первого русского исторического романа и нечто о Дмитрии Самозванце, яко Самозванце [6]...

Автограф. ГПБ. Архив М. Н. Загоскина.— Частично использовано с искажениями С. Т. Аксаковым в его «Биографии М. Н. Загоскина» (Разные сочинения С. Т. Аксакова. М., 1858, стр. 269—270).

Александр Александрович Шаховской (1777—1846) — драматург, активный член литературного общества «Беседа любителей российского слова». Пушкин, несмотря на расхождение в политических и литературных взглядах, встречался с Шаховским в 1819 г. и в тридцатых годах. Об отношениях Пушкина к Шаховскому см. «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 636 и 646—647.

[1] «Юрий Милославский» Загоскина. Пушкин восторженно приветствовал выход романа письмом к автору от 11 января 1830 г. (XIV, 57) и рецензией в «Лит. газете» (1830, № 5).

[2] Вероятно, гр. Василий Валентинович Мусин-Пушкин (1773—1836).

[3] Слово, образованное Шаховским, надо полагать, от слова «шиши» (партизаны), взятого им из романа Загоскина.

[4] Драма Шаховского.

[5] Валериан Николаевич Олин (1788—1840-е гг.) — мелкий литератор; издавал в 1830 г. «Карманную книжку для любителей русской старины и словесности».

[6] См. примеч. к письму № 70.

68. А. В. ВЕНЕВИТИНОВ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

Петербург. 26 апреля 1830 г.

...Если до тебя доходит шум, произведенный нашими литераторами-самозванцами, то, верно, ты знаешь, как Булгарин и Полевой уже смело восстают против корифеев нашей словесности и ругают Пушкина и Жуковского уже не в бровь, а в глаз, самым наглым образом. Вот до чего мы здесь дожили! Как эти люди ни глупы и ни жалки, но все-таки они совершенно останавливают всякое движение в нашем ленивом литературном мире, ибо имеют свою партию, составленную из всех тех, которые не умеют порядочно повязать галстуха...

Автограф. ГПБ. Архив С. П. Шевырева.

С начала выхода «Лит. газеты» (1830) Полевой из номера в номер помещал в «Московском телеграфе» статьи, содержавшие выпады против Пушкина и его друзей. В №№ 4 и 8 «Нового живописца» (приложения к журналу) появилась целая серия стихотворных пародий — «Литературное зеркало». Шуточные подписи под стихотворениями давали возможность угадывать, кого пародирует автор: Обезьянин — Пушкин, Шолье Андреев — Вяземский, Гамлетов — Баратынский, Феокритов — Дельвиг, Буршев — Языков. Кроме того, в «Московском телеграфе» было напечатано несколько отрицательных рецензий на альманахи «Северные цветы» (№ 1) и «Подснежник» (№ 7), а в № 6 — резкая рецензия на седьмую главу «Евгения Онегина».

28 июня 1830 г. В. Л. Пушкин жаловался П. А. Вяземскому: «От Полевого житья нет. Читал ли ты „Утро в кабинете знатного барина“? Князь Юсупов обруган, да и племяннику моему достается от злого и бранчивого журналиста. Его проучить должно не эпиграммами, а чем-нибудь другим» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2611, л. 96 об.).

«Утро в кабинете знатного барина» — пасквиль на Пушкина и на его «Послание к вельможе» (адресованное кн. Н. Б. Юсупову и напечатанное 26 мая 1830 г. в «Лит. газете»). В этом пасквиле, появившемся в № 10 «Нового живописца» (май 1830 г.), поэт был представлен низким льстецом, который «пробавляется богатыми обедами» у вельможи.

О выступлении Булгарина против Пушкина в марте 1830 г. см. письмо № 70.

19 июля 1828 г. издатель «Невского альманаха» Е. В. Аладьин писал Н. М. Языкову: «Пушкин Вам кланяется и просит Вас порядком наложить руку на журналистов, особенно на „Телеграф“» (неизд.— ИРЛИ, ф. Языковых, 19. 4. 40).

69. В. Л. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 27 апреля <1830 г.>

...Александр женится [1]. Он околдован, очарован и огончарован [2]. Невеста его, сказывают, милая и прекрасная [3]. Эта свадьба меня радует, и должна утешить брата моего и невестку. Лев [4] в Петербурге и,

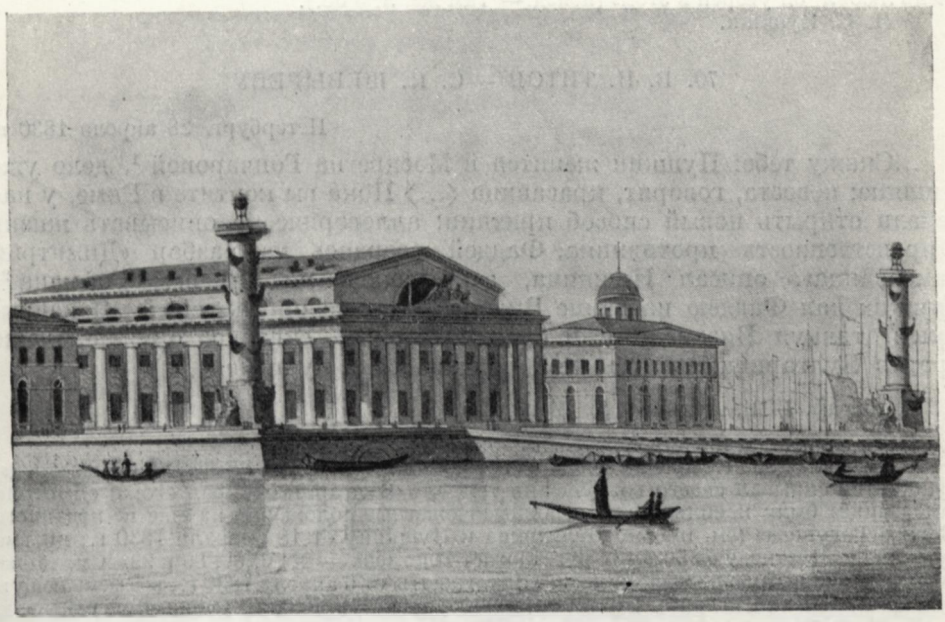
верно, бывает у тебя нередко. Он также малый добрый и умный ⟨...⟩ Вчера я был именинник. У меня обедали мои родные, а Александр был по утру...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2611, лл. 112 и 113).

[1] Пушкин женился 18 февраля 1831 г. в Москве.

[2] Этот экспромт принадлежит Л. С. Пушкину. Вот что рассказывает Ек. Н. Ушакова в письме из Москвы от 28 апреля 1830 г. к брату Ивану: «Его брат Лев приехал с Кавказу и был у нас; он очень мил и любезен и кампанию сделал отлично, весь в крестах. Вот его bon mot про Александра Сергеевича, когда он его увидел бегущего на гулянье под Новинским за коляской Карсов ⟨Гончаровых⟩:

Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован».



ПЕТЕРБУРГ. НЕВА У ЗДАНИЯ БИРЖИ
Акварель В. С. Садовникова, 1830 — 1840-е гг.
Музей истории и развития Ленинграда

(«Литературный архив», т. I. М.— Л., 1938, стр. 224). Пушкину, очевидно, понравился этот экспромт, и он охотно повторял его от первого лица из-за чего и возникло ложное представление, будто бы каламбур принадлежал самому поэту (см. об этом в примечаниях С. Коцюбинского к письму Ушаковой.— Там же, стр. 224—226).

[3] О сватовстве Пушкина к Гончаровой и о первых месяцах семейной жизни поэта встречается немало упоминаний в неизданной переписке современников. Так, Ф. И. Толстой, отвечая Вяземскому на его совет взять у Пушкина или у В. Ф. Вяземской романы «Мертвый осел и гильотинированная женщина» и «Фраголетта» (письмо от 21 мая 1830 г.), сообщал 7 июня 1830 г. из Глебова: «Княгини я видеть не могу, ибо из деревни своей не выезжаю. Пушкин с страстью к картам и с нежностию к Гончаровой,— для меня погиб; следовательно, я должен отложить, может быть до твоего приезда, удовольствие прочесть назначенные тобой книги» (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1318, лл. 45 и 46 об.).

А. С. Хомяков просил Н. А. Муханова 24 декабря 1830 г.: «Пожалуйста словечко ⟨...⟩ об свадьбе Пушкина» (неизд.— ГИМ, ф. 117, ед. хр. 121, л. 69 об.).

Драматург А. А. Шаховской спрашивал 27 июня 1830 г. С. Т. Аксакова: «Сделайте одолжение, напишите мне, каков Пушкин в мужьях, похож ли хоть несколько на порядочного человека. Сбросил ли с себя хоть немного блажи; я признаюсь, что меня пугает не одна голова его, но и сердце; оно, как мне помнится, было прежде добрым» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 111, л. 8).

23 мая 1831 г. Е. А. Карамзина писала из Петербурга П. А. Вяземскому: «Мы видели Пушкина и его красивую жену, они выглядят очень хорошо вместе» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2002, л. 33 об.— Подлин. на франц. яз.).

С. Н. Карамзина также сообщала Вяземскому 25 мая 1831 г.: «Мы несколько раз видели здесь Александра Пушкина, который, кажется, образумился и очень счастлив, и только раз — его очень красивую жену ⟨...⟩ Александрина Россети очень радуется, что они проведут лето в Царском селе» (неизд.— Там же, ед. хр. 2006, лл. 42—43. — Подлин. на франц. яз.).

А. В. Веневитинов, описывая в письме к Е. Е. и С. В. Комаровским от 21 декабря 1831 г. бал у кн. Кочубея, сообщал: «Самой красивой женщиной на балу была, бесспорно, Пушкина, жена Александра, хотя среди 400 присутствующих были все те, кто славится здесь своей красотой» (неизд.— ЛБ, ф. Веневитиновых, М. 6628, № 2).

Очевидно, известием о свадьбе Пушкина были вызваны и строки в письмах Ф. Н. Глинки к Вяземскому от 22 марта 1831 г.: «Если увидите А. С. Пушкина, прошу обнять его сладкими объятиями поэзии и дружбы; я всегда любил и люблю его от души» (ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 1731, л. 1 об.). И от 13 апреля 1831 г.: «Александра Сергеевича Пушкина прошу за меня обнять. Желаю ему много, много счастия — я всегда его очень любил; он уверен в этом» (неизд.— Там же, л. 3 об.).

[4] Л. С. Пушкин.

70. В. П. ТИТОВ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

Петербург. 28 апреля 1830 г.

...Скажу тебе: Пушкин женится в Москве на Гончаровой [1], дело уже в шляпе; невеста, говорят, красавица ⟨...⟩ Пока вы коптите в Риме, у нас успели открыть новый способ критики: аллегорически описывать жизнь и нравственность противника. Фаддей, осердясь на разбор «Димитрия Самозванца», описал Пушкина, закрывшись под именем Гофмана [2]; Пушкин дал Фаддею название Видока и также описал его [3]. Я надрывался, толкуя Вяземскому и братии, что это скверное оружие, даже против Булгарина; но глас мой раздавался в пустыне...

Автограф. ГПБ. Архив С. П. Шевырева.

[1] См. примеч. к письму № 69.

[2] В начале 1830 г., после выхода в свет романа Булгарина «Дмитрий Самозванец», Пушкин не скрывал своего возмущения тем, что Булгарин обокрал его: в «Дмитрии Самозванце» были использованы основные сюжетные положения из еще не изданного «Бориса Годунова» (см. письмо Булгарина к Пушкину от 18 февраля 1830 г., письмо Пушкина к Плетневу от 5 мая 1830 г. и ответ Плетнева — XIV, 67, 89 и 93. См. также анонимную заметку в разделе «Смесь» «Лит. газеты» от 6 апреля 1830 г., высмеивающую Булгарина как плагиатора). Булгарин, приняв неблагоприятную анонимную рецензию на «Дмитрия Самозванца», помещенную в «Лит. газете» (1830, №14, от 7 марта), за пушкинскую, ответил непристойным выпадом против поэта. В заметке «Анекдот» (в № 30 «Северной пчелы» от 11 марта) он поместил письмо вымышленного иноземца — писателя Гофмана, якобы живущего во Франции и горячо любящего свою новую родину (здесь Булгарин пытался оправдаться от обвинений в перемене отечества, которые постоянно адресовали ему самому). В своем письме Гофман противопоставляет себя поэту, по его словам, бессердечному, суетному, чванящемуся вольнодумством и в то же время ползающему в ногах сильных мира.

[3] В анонимной заметке «О записках Видока» (парижского сыщика), напечатанной в № 20 «Лит. газеты» от 6 апреля 1830 г., Пушкин изобразил Булгарина, смело дав понять, что предприимчивый журналист связан с III Отделением.

71. ЕК. Н. УШАКОВА — И. Н. УШАКОВУ ⟨?⟩

⟨Москва. Июнь 1830 г.⟩

СОБРАНЬЕ НАСЕКОМЫХ

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где не рылся я?
За то какая сортировка!
Вот** — божия коровка,
Вот **** — злой паук,

Вот и** — российский жук,
Вот ** — тощая пиавка,
Вот **— мелкая козявка,
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

А. Пушкин[1].

Эти стихи написаны на Глинку, Каченовского, Свиньина, Раича, последнего позабыла — но как дело идет о насекомых, то ботаники и энтомологи велят загадочные стихи читать следующим образом:

Полтава — божия коровка,
Кавказский пленник — злой паук,
Вот Годунов — российский жук,
Онегин — тощая пиавка,
Граф Нулин — мелкая козявка.

Вестник Европы
№ 8. 1830 года

Каков Каченовский — отделал самодержавного поэта, который вздумал завести натуральный кабинет,— да и завел на свою голову; его, моего батюшку, без звездочек поместили с чадами[2]. Он очень сердит; говорит, что очень глупо, что не понимают никаких критик — но, бывши у нас (то есть спровадя свою невесту в деревню)[3], сказал, что сам съел.

Автограф. ЛБ. Фонд Киселевых (Кис. III 131/3).

Листок с публикуемым текстом является, повидимому, отрывком из письма, не сохранившегося полностью. Судя по почерку и по содержанию, автор его — Екатерина Николаевна Ушакова (1809—1872), впоследствии Наумова. Очень возможно, что письмо адресовано брату Ушаковой, Ивану Николаевичу (р. 1806), с которым Екатерина Николаевна состояла в дружеской переписке.

Ушакова была очень увлечена Пушкиным, и он предполагал одно время жениться на ней. Ей посвящены стихотворения: «Когда, бывало, в старину» (1827), «В отдалении от вас» (1827), «Я вас узнал, о мой оракул» (1830). Письма Пушкина сожжены Ушаковой перед смертью.

Интересно письмо Ушаковой-Наумовой к племяннику ее Н. С. Киселеву (относящееся к 1858—1863 гг.):

«...Когда-нибудь я примусь за это повествование давно минувших дней, преданья старины глубокой, и много кое-чего сообщу любопытного, но теперь ничего не могу писать: забота о месте, дурные обстоятельства, дети — всё это кружит голову; иногда и вспомнишь счастливые минуты молодости, улыбнесся да в тот же миг махнешь рукой: да и надуесся... Мое повествование о Пушкине будет очень любопытно, в особенности описание его женитьбы...» (неизд.— ЛБ, Кис., I/5. 21/2).

Об Ушаковых и Пушкине см. статью Л. Н. Майкова «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых» в его кн.: «Пушкин». СПб., 1899, а также статьи С. Д. Коцюбинского: «Новые данные к творческой биографии А. С. Пушкина. По материалам Ушаковского архива Алупкинского дворца-музея» («Литература и искусство Крыма», 1936, № 2, стр. 119—128) и «Пушкин по документам архива Ушаковых» («Лит. архив», т. I, Л.— М., 1938, стр. 222—229).

[1] Копия представляет собою раннюю редакцию эпиграммы Пушкина, напечатанную в альманахе «Подснежник» 1830 г. К сожалению, Ушакова не объяснила, к кому относится стих 10; строка эта до сих пор точно не расшифрована.

[2] Речь идет о статье (подписанной Л. С.) в № 8 «Вестника Европы», посвященной разбору «Подснежника». В статью включена ответная эпиграмма на «Собрание насекомых» Пушкина. Начиная со слов «как дело идет о насекомых» и кончая стихами, Ушакова цитирует, с небольшими отступлениями, статью из «Вестника Европы», 1830 г., № 8.

Очень любопытна первая реакция Пушкина, возмущенного эпиграммой и статьей в «Вестнике Европы». Первый разговор поэта с Ушаковой о статье состоялся, очевидно,

между 10 мая (когда вышел № 8 «Вестника Европы») и 24 мая, когда Пушкин на несколько дней уехал из Москвы. Как известно, поэт ответил на эпиграмму пародийным выступлением в «Лит. газете» (1830, № 43, от 30 июля, стр. 56). Под заглавием «„Собрание насекомых" стихотворение А. С. Пушкина» был повторен текст эпиграммы с вариантами в 9 — 10 стихах, опять, конечно, без имен журналистов; но число звездочек точно соответствовало числу слогов в каждой фамилии и, таким образом, читатели заменяли звездочки фамилиями без особого труда. За стихами следовал прозаический текст (XI, 131).

Слова «сам съел», сказанные Пушкиным во втором разговоре с Ушаковой, объясняются его заметкой «Сам съешь» 1830 г. (XI, 151—152).

В этой заметке Пушкин писал: «„С а м с ъ е ш ь". Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: о б р а т и т е э т о н а с е б я. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. Сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики <...> Поэту вздумалось описать любопытное собрание б у к а ш е к. — Сам ты букашка, закричали бойкие журналисты, и стихи-то твои букашки и друзья-то твои букашки. Сам съешь». Второй разговор (со словами «сам съел») произошел, очевидно, вскоре после возвращения Пушкина в Москву — в последних числах мая — первых числах июня. Письмо Ушаковой датируется, таким образом, июнем 1830 г. (14—15 июля Пушкин уехал из Москвы в Петербург).

[3] Около 28 мая поэт возвратился в Москву из Полотняного завода Калужской губ., куда он ездил знакомиться с дедом своей невесты. Гончарова осталась у деда. Этим объясняются слова Ушаковой «спровадя свою невесту в деревню».

72. З. А. ВОЛКОНСКАЯ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Рим. 23 августа/4 сентября 1830 г.

...Мы все читали «Литературную газету» с непритворным интересом, и Вы сильно ошибаетесь, говоря, что она бледна; это очень хорошенькая, элегантная женщина, обладающая хорошими манерами и хорошим тоном цивилизованной России, и бесконечным остроумием, здоровыми суждениями и свежестью черт, что делает ее совсем г е н и а л ь н о й (итальянское слово, которое я люблю без памяти). Продолжайте мне ее присылать, прошу Вас. Шевырев, Александр [1] — все Вас просят о той же любезности; это чтение драгоценно для всех и особенно в Риме, вдалеке от родины. Не знаю что бы Вы могли нам предложить лучшего в этом роде <...> Пушкин очень хорошо делает, что женится...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1651, л. 15).— Подлинник на французском языке.

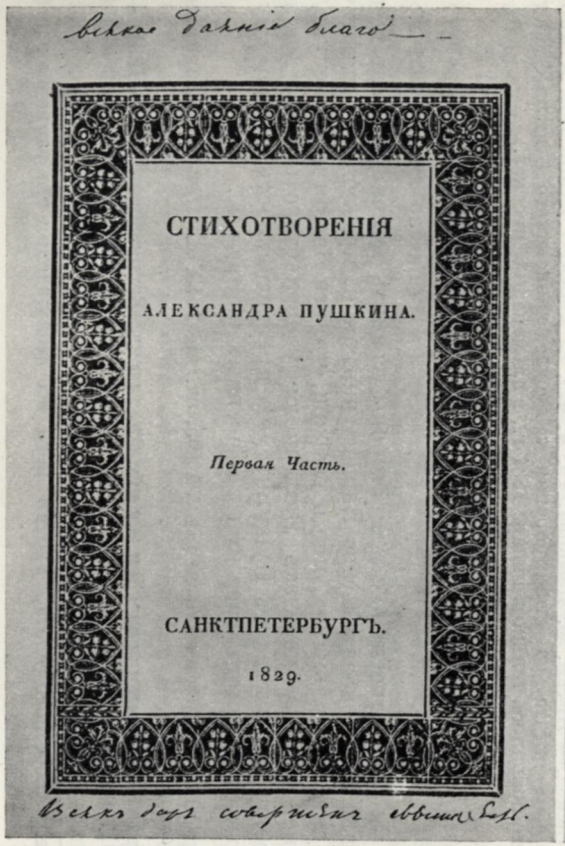
4 марта 1830 г. Волконская писала из Рима Вяземскому: «Что поделывает наш Пушкин? Добрейший Баратынский? Передайте им мой привет <...> Милый князь, подпишите меня на Вашу газету — Жуковского, Вашу, Дельвига, Пушкина <«Лит. газету»> и передайте ее моему мужу для меня» (неизд.— Там же, л. 3).

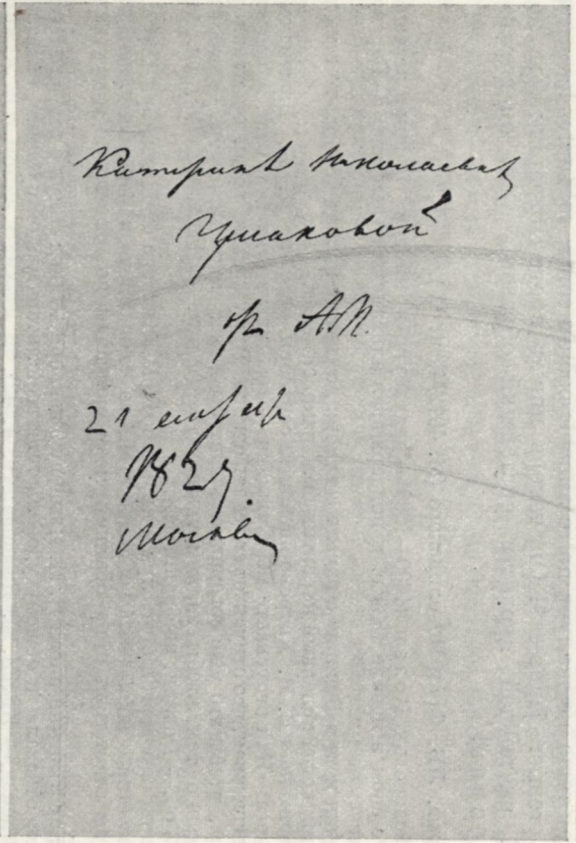
[1] Кн. Александр Никитич В о л к о н с к и й (1811 — 1878) — сын З. А. Волконской, ученик С. П. Шевырева.

73. М. П. РОЗБЕРГ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Одесса. 16 октября 1830 г.

...В торговой, вовсе не литературной Одессе, где после пламенных звуков Пушкина и слишком воздушных мечтаний Туманского [1], мгновенно согревших здешние расчетливые сердца, погасла всякая любовь к изящному и долго хлор, уксус и марганцовый окисл заступали место всякого вдохновения, мало-помалу родилась и созрела мысль — издать литературный альманах. Его предполагается напечатать к 1-му генваря 1831 года, но медленность типографии нашей заставляет меня в этом сомневаться. Впрочем, месяц позже или раньше не делает никакой разницы. Альманах сей намереваются назвать «Евксинскими цветами» и продавать в пользу Одесской публичной библиотеки <...>





ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ПУШКИНА Ек. Н. УШАКОВОЙ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «СТИХОТВОРЕНИЙ» ИЗДАНИЯ 1829 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Я имею намерение писать к А. С. Пушкину; но, полагаю, он уже женился, и я не знаю, в Москве ли он и где он живет [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 78).

Михаил Петрович Розберг (1804—1874) — писатель; с 1 января 1830 г. служил в канцелярии гр. Воронцова и был главным редактором «Одесского вестника».

[1] Пушкин уехал из Одессы 30 июля 1824 г. Поэт В. И. Туманский (1800—1860) жил в Одессе с лета 1823 до 1828 г.

[2] Письмо Розберга к Пушкину от 5 декабря 1830 г. с приглашением участвовать в «Одесском альманахе на 1831 год» сохранилось (XIV, 131—132). Но ничего пушкинского в этом альманахе не появилось.

74. Е. Ф. РОЗЕН — А. И. ПОДОЛИНСКОМУ

Петербург. 24 ноября 1830 г.

...В Москве все еще свирепствует холера; руки опустились у тамошних поэтов. Пушкин живет в своей нижегородской деревне [1], а невеста его в Москве! Его женитьба, как говорят, расстраивается [2]; невеста его любит, но будущая теща не жалует notre aimable poëte a contre soi toutes les erreures de sa premiere jeunesse*! Он теперь пишет вроде Петрарки: «Ты, моя Мадонна! чистейшей прелести чистейший образец!»[3] Уж он вправду о г о н ч а р о в а н!

Автограф. ЛБ. Фонд Подолинского (М. 4072/4, п. IV).

Егор Федорович Розен (1800—1860)— драматург и критик. Пушкин познакомился с Розеном в начале 1829 г. и поддерживал альманахи «Альциона» и «Царское село», издаваемые им.

[1] Пушкин жил в Болдине с начала сентября до конца ноября 1830 г., то есть до того времени, когда холерный карантин был, наконец, снят.

Встревоженная Е. М. Хитрово писала 12 сентября 1830 г. П. А. Вяземскому из Петербурга: «Как отпускаете Вы Пушкина — среди всех этих болезней. А невеста его — сумасшедшая, что отпускает его ехать одного. Раз уж надо, чтобы он женился, я бы хотела, чтобы это уже совершилось и чтобы жена, мать и сестра — всё это думало лишь о том, чтобы за ним ухаживать» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2939, л. 163 об.— Подлин. на франц. яз.).

[2] Пушкин опровергал этот слух в письме к Е. М. Хитрово от 11 декабря 1830 г.: «Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям» (XIV, 134).

Е. А. Баратынский писал Н. М. Языкову 9 декабря 1830 г.: «Слух о том, что Пушкину невеста отказала, к общему удовольствию всей литературной публики, оказался ложным!» (неизд.— ИРЛИ, ф. Языкова, 19. 4. 42).

[3] Неточная цитата из стихотворения «Мадона», написанного 8 июля 1830 г. В печати оно появилось только в январе 1831 г., в альманахе «Сиротка».

75. Е. А. ТИМАШЕВА — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Начало января 1831 г.>[1]

Было бы непростительно с моей стороны хранить молчание после того как Вы дали мне доказательство Вашего внимания, предложив Пушкину прислать мне свой альманах, ибо я уверена, что без Вас он и не подумал бы обо мне. Не могу передать Вам, какое удовольствие это мне доставило! Прошу Вас выразить Пушкину мою признательность, сказав ему, что я горжусь, встретив свое имя в «Северных цветах» [2]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2843, л. 10).— Подлинник на французском языке.

Екатерина Александровна Тимашева, рожд. Загряжская (1798—1881) — поэтесса. Пушкин посвятил ей стихотворение «Я видел вас, я их читал» (20 октября 1826 г.).

---

* нашего любезного поэта, против него все заблуждения его ранней юности (франц.).

[1] Основание для датировки: выход в свет «Северных цветов» на 1831 год.

[2] В «Северных цветах» на 1831 год после стихотворения Вяземского «Святочная шутка» был напечатан стихотворный «Ответ» ему Тимашевой (за подписью: К....а Т...шева). Очевидно, именно Вяземский передал стихи поэтессы Пушкину.

76. П. А. КАТЕНИН — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

⟨Шаево. Конец января — начало февраля 1831 г.⟩

...Никогда не жил я так уединенно и независимо, как в нынешнюю зиму, и от того много мыслей, чтений, писаний, планов накопилось. Все это en bloc* хотел бы предать на суд Ваш — но сегодня много писать не хочу ⟨...⟩ На сей раз ограничусь новостью: «Годуновым», которого при сем посылаю [1]. Нетерпеливо желаю знать, как об нем посудите.

Меня здесь совсем с толку сбили. Не знаю, что думать не только о «Годунове», но даже об самом себе. Или в моем организме какой-нибудь недостаток скрывает от меня красоты «Годунова», или же вся, стихами и прозою пишущая, братия ошибается.— Вот в чем дело: Вяземский, Давыдов, Баратынский etc., etc. (коих мнения мне известны от Муханова) восхищены и решают, что Пушкин себя превзошел и мир изумил [2]. Мое же мнение совершенно этому противоположное. Полагаю, что чрез несколько месяцев суждение об нем установится. Но, тем не менее, и на такой срок оставаться в сомнении скучно. Освободите меня от оного, если можете.

Вот некоторые замечания.

Испытание, которому я и всякий, впрочем, подвергает новое поэтическое произведение,— это первоначальное, почти физическое впечатление, в котором по крайней мере ум наш весьма мало участвует. Когда никакой теплоты, никакой тревоги, никакой живости не производит чтение, это обыкновенно худой признак.

После двух и трех громкогласных чтений «Годунова» — я остался совершенно ⟨спокоен?⟩ и ежели приуныл, так разве только от обманутой надежды. Стал думать, чего же в нем нет. Кажется, главные недостатки:

1. Стихосложение.— Думаю, что из всех систем для сочетания русских слов это самая невыгодная. Она утрачивает и полноту, точность, непринужденность прозы и благозвучие стихов более скандованных или звучной рифмой заплетенных. Подозреваю, что это можно строго вывести из метафизики нашей грамматики, из природных качеств нашего языка, который, как и всё наше, отнюдь не сходствует со всеми языками европейскими, которые, напротив того, имеют большое между собою сходство. Я на эту мысль напущу и напустил уже кой-кого.

2. Отсутствие всякого действия и, следовательно, того интереса, которое от него происходило бы в сих исторических сценах. Сцены между собою ничем не связываются. Говорят, характеры выдержаны; да им некогда держаться. Так легки, неполны абрисы, что невозможно отыскать ни одной картины. Представлять характеры — два способа: или (и это, конечно, лучший) заставлять людей действовать, когда они волнуемы страстями, но для сего необходимо какое-либо пространство и время. В «Годунове» в том и другом отказано всем действующим лицам.— Или просто описывать характер, но это не принадлежит драме. Что же в «Годунове»? Между сими двумя способами какая-то средина, самый неприятный compromis. Каждому лицу, за недостатком времени и пространства, автор влагает в уста описание собственного характера; так, например, всё, что говорит Марина, вариации на текст: я женщина, не в пример прочим честолюбивая. Годунов: я честолюбец, мучимый совестью. Шуйский: я придворный и хитрейший etc., etc. От сего много чего-то грубого, обнаженного,

* целиком (франц.).

неестественно неловкого (qui blesse*) и производящего какое-то самое неприятное чувство — почти стыд.

3. Наконец мелкие недостатки: разных родов анахронизмы. В слоге. Славянский и новейший, высокий и площадной — соединяются в одних лицах, на одной странице, часто в одной строчке.— В чертах характера.— Выход Димитрия — прочтите описание о выходе (petit lever**) Наполеона, когда он возвратился с Эльбы.— Подлые слова. Многие сцены ледяные ⟨?⟩, наполнены общими местами.

Черновой автограф. ЛБ. (О. Р. 138, № 34). Принадлежность публикуемого письма Катенину устанавливается по почерку.

Павел Александрович Катенин (1792—1853) — поэт, переводчик и критик, член Союза Спасения. Характеристику его отношений с Пушкиным см. во вступительной статье и примечаниях Ю. Г. Оксмана к «Воспоминаниям о Пушкине» Катенина («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 619—656).

Переворот в драматургии, совершенный Пушкиным, остался недоступен пониманию архаиста Катенина. Из-за отсутствия классических пяти актов, единства времени и места, Катенин видел в «Борисе Годунове»— трагедии глубоко реалистической — лишь нагромождение сцен, как ему казалось, ничем не связанных между собой. Тот же взгляд был высказан им в письме к неустановленному лицу (В. А. Каратыгину?), опубликованном впервые в сборнике «Помощь голодающим» (М., 1892). Это письмо общим характером суждений о «Борисе Годунове» совпадает с публикуемым в настоящем издании, но в деталях расходится с ним и даже кое в чем ему противоречит.

Основания для датировки: Катенин говорит о «Борисе Годунове» как о «новости» (трагедия вышла в январе 1831 г.), упоминает о карантинах, окружавших Петербург и Москву по случаю холеры 1830—1831 гг., высказывает о «Борисе Годунове», в общем, те же мысли, что и в письме к неизвестному лицу от 1 февраля 1831 г. Зиму 1830—1831 г. Катенин проводил в своей деревне Шаево, Костромской губернии.

Адресат же письма остался неустановленным, хотя в обращении имеются его инициалы: «Лю⟨безный⟩ Я. И.» ⟨Я. Н.?⟩. Из текста ясно, что адресат живет не в Петербурге («мне удобнее будет оттуда [из Петербурга] прислать Вам такого рода [о своих планах] отчет»), и не в Москве (Катенин сообщает ему мнение москвичей-писателей), а где-то, куда Катенин находит нужным послать ему из деревни только что вышедшего «Бориса Годунова». Катенин очень считается с мнением и оценкой адресата. Можно предположить, что это был или Яков Иванович Ростовцев или Яков Николаевич Толстой. Оба, как и Катенин, в двадцатых годах служили в гвардии, оба были причастны к общественно-литературным кругам, в которых вращался и Катенин. Я. Н. Толстой — член кружка «Зеленой лампы», издал в 1821 г. сборник своих стихотворений. Я. И. Ростовцеву принадлежит несколько пьес, отрывки из которых появились в «Полярной звезде» и в «Московском вестнике».

[1] Трагедия Пушкина вышла в свет в последних числах декабря 1830 г.

[2] Друзьями и единомышленниками поэта «Борис Годунов» был встречен восторженно (см. сводку отзывов в примечаниях Л. Б. Модзалевского к изд.: Пушкин. Письма, т. III. М.— Л., 1935, стр. 146). Но далеко не все поняли пушкинскую трагедию. «Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали „Годунова", творец коего во времена Петрарки и Тасса был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования»,— писал в июле 1831 г. Е. Ф. Розен С. П. Шевыреву («Русский архив», 1878, кн. II, стр. 47).

А. В. Веневитинов в письме к А. С. Хомякову от 5 мая 1832 г. советовал ему не продавать дорого трагедию «Ермак» и добавлял: «А если „Ермак" не разойдется, то это в продаже может повредить „Самозванцу" Пушкина; последняя часть ⟨стихотворений Пушкина⟩ очень мало покупается, потому что она так дорога. У нашей братьи чиновников в Петербурге денег мало. Для кондитерских и для книг отделяем мы самую малую часть сего малого числа, а потому мы любим покупать дешево и потом уже дорожим своею покупкою» (неизд.— Копия. ГИМ, ф. 178, ед. хр. 33, л. 44—44 об.).

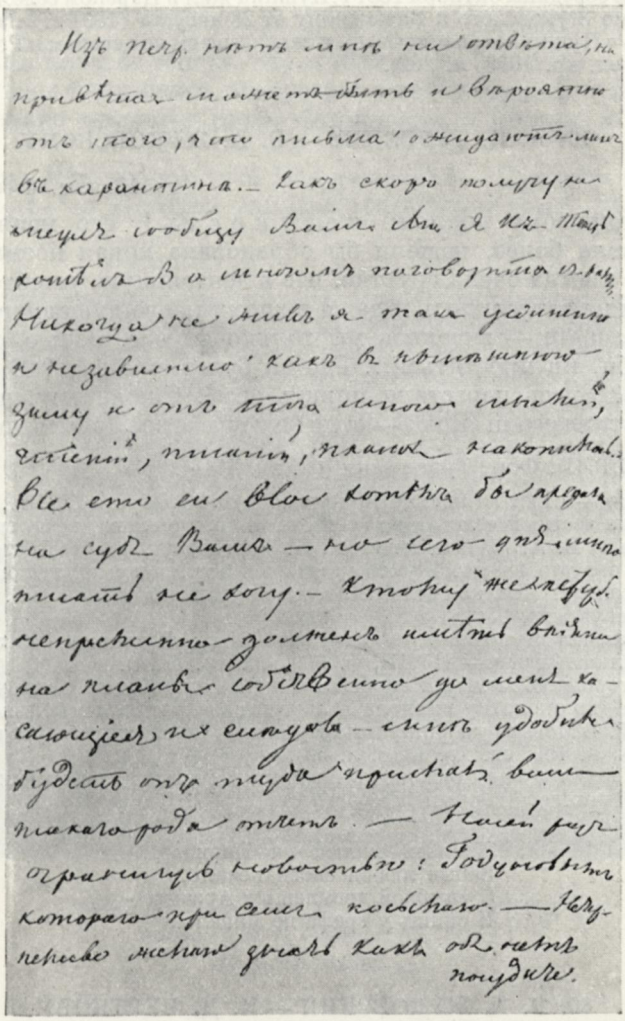
77. Я. И. САБУРОВ — А. И. САБУРОВУ

⟨(Петербург⟩. 3 марта ⟨?⟩ ⟨1831 г.⟩.

...Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина; склонится ли он под супружеское ярмо, которое — не что иное, как pool pure*** и часто не слишком верная. Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный

* что оскорбляет (франц.).
** малый выход (франц.).
*** ставка игрока (англ.).

ритм своей жизни? Впрочем, мы ничего не теряем. Во всяком случае на худой конец, больше будет прекрасных строф; итог писателя — это его книга, а как он к ней приходит — его дело. Пусть брак, семья станут лишним томом в его библиотеке материалов — я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее...



ПЕРВАЯ СТРАНИЦА АВТОГРАФА ПИСЬМА
П. А. КАТЕНИНА К НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
ОТ КОНЦА ЯНВАРЯ — НАЧАЛА ФЕВРАЛЯ 1831 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Автограф. ЦГИА. Фонд Соллогуб-Сабуровых (№ 1074, оп. 1, ед. хр. 74 лл. 58 об.—59).—Подлинник на французском языке.

О Я. И. и А. И. Сабуровых см. прим. к письму № 9.
Об этом письме см. во вступительной статье Д. Д. Благого, стр. 16—17.

78. А. В. ВЕНЕВИТИНОВ — А. С. ХОМЯКОВУ

Царское село. 13 июня <1831 г.>

...Пушкин, которого я, между прочим, часто вижу и который тебе кланяется, ничего не продолжает из предпринятого им, именно, по его словам,

потому, что он отстал теперь от духа тогдашнего времени, не имея теперь досуга им заниматься. Жена его премиленькая, и он покаместь с нею очень нежен[1]...

Копия. ГИМ. Фонд Хомяковых (№ 178, ед. хр. 33, л. 48—48 об.).

[1] С 25 мая до середины октября 1831 г. Пушкин жил в Царском селе. К этому времени относится письмо Жуковского к Вяземскому от 23 августа <1831 г.> из Царского села: «А мы здесь <?> с Пушкиным пописываем и заглядываем по вечерам к Россети» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1909, л. 292).

79. А. И. ТУРГЕНЕВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 4 сентября 1831 г.

...Поэту смуглому поклон: ч е с т н о с т ь[1] его меня обрадовала, хотя не удивила более, нежели бы обрадовала новая поэма. Помнит ли он меня? Мне иногда очень грустно, что в деятельную, решительную эпоху его жизни мы не встретились и даже в эпоху моего душевного и интеллектуального возраста — виделись мы только на час, ночью, не успели ни высказать себя, ни проститься... Где он будет зимовать? В Царском или в Петербурге? Здесь перестали морить его[2]. Скажи ему, что я всё еще оправдываю стихи его «и сплю» — если не у графа де Лаваль, то в театре[3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 4714).

[1] Это письмо — ответ на письмо Жуковского от 23 августа 1831 г., где были такие строки: «Пушкин честный человек во всем смысле этого слова, несмотря на минувшие проказы» («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу». М., 1895, стр. 257—259).

[2] В начале августа 1831 г. Жуковский писал Тургеневу: «Вы хлопочете о том, не съела ли меня холера? Нет, не съела! Жив, жив курилка!» («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», стр. 255).

Тургенев отвечал Жуковскому 29 августа 1831 г.: «Пушкина морят здесь ежедневно, а жив курилка» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

Со своей стороны Вяземский сообщал Ф. И. Толстому из Остафьева 1 сентября 1831 г.: «У нас по околотку рыскала холера и перехватала несколько жертв; теперь не слыхать о ней. В Москве уморили было Пушкина, но он здравствует в Царском селе» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1318, л. 52).

[3] Тургенев имеет в виду строки из послания Пушкина, не опубликованного при жизни поэта («Тургенев, верный покровитель», 1817):

Ленивец милый на Парнассе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль.

80. В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. Д. ЧЕРТКОВУ

<Царское село.> 5 сентября 1831 г.

...Удивительное очарование заключено в чувстве отечественной славы. Как хорошо помянули Вы Бородинскую битву! Но вот беда! мне говорить с Вами некогда: курьер едет через минуту. Посылаю Вам и мои стихи и Пушкина, которые вылились у обоих нас из души при первой вести о великом деле, подлинно великом.

Автограф. ЛБ. Фонд Боде-Колычева (Б. К., п. I, № 2).

Иван Дмитриевич Ч е р т к о в (1797—1865) — полковник, адъютант вел. кн. Михаила Павловича, участник польской кампании 1831 г.

Письмо Жуковского, как и стихотворение его «Старая песня на новый лад» и «Бородинская годовщина» Пушкина, были вызваны известием о взятии Варшавы русскими войсками. Это событие, происшедшее 26 августа 1831 г., совпало с днем годовщины Бородинского сражения. См. вступительную статью Д. Д. Благого, стр. 17—20.

Стихи Пушкина «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России» А. В. Веневитинов послал 14 сентября 1831 г. Е. Е. и С. В. Комаровским со словами: «Прилагаю

две пьесы Пушкина. Я говорил Вам об одной из них при последнем нашем свидании на таможне — читайте и судите. В ней есть вдохновение» (неизд.— ЛБ. Из бумаг Веневитиновых, М. 6628, № 13.— Подлин. на франц. яз.).

81. А. В. ВЕНЕВИТИНОВ — Е. Е. и С. В. КОМАРОВСКИМ

⟨Москва?⟩ 6 октября 1831 г.

...Мне известно уже теперь, что к 1832 году готовятся несколько работ, которые должны быть очень интересны в историческом отношении. Я назову Вам только мемуары Бера, фармацевта в России. в эпоху Бориса Годунова [1].

Я расскажу Вам кое-что, что Вас насмешит — Пушкин пишет историю Петра Великого [2], а Погодин написал трагедию о нем [3]. Вы подумали бы наоборот...

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ У АНИЧКОВА ДВОРЦА
Акварель В. С. Садовникова, 1839 г.
Эрмитаж, Ленинград

Автограф. ЛБ. Из бумаг Веневитиновых (М. 6628, № 2, письмо № 28). Подлинник на французском языке. — Приписка к письму А. Н. Веневитиновой.

Софья Владимировна Комаровская (урожд. Веневитинова) (1808—1876) — сестра А. В. Веневитинова. Жена Е. Е. Комаровского.

Егор Евграфович Комаровский (1803—1873) — знакомый Пушкина. Его воспоминания о встрече с Пушкиным см. в «Русском архиве», 1879, кн. 1, стр. 385.

[1] Воспоминания политического деятеля Конрада Буссова о событиях 1584—1612 гг. ошибочно приписывались Мартину Беру. Они были напечатаны в переводе Н. Устрялова в «Сказаниях современников о Дмитрие Самозванце» (т. I, СПб., 1831).

[2] Около 21 июля 1831 г. Пушкин обратился к Николаю I через Бенкендорфа с просьбой разрешить ему доступ в государственные архивы с тем, чтобы, изучив документы, написать «Историю Петра Великого» (XIV, 256). Разрешение было получено в те же дни (см. его письмо к Плетневу от 22 июля 1831 г.— XIV, 199).

13 сентября 1831 г. Вяземский писал Ф. И. Толстому: «Сказывают, что Пушкин назначен историографом Петра Великого» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1318, л. 54).

А. И. Тургенев с большим вниманием относился к замыслу Пушкина. 16 сентября 1831 г. он сообщал В. А. Жуковскому: «Для биографа Пушкина нужен и журнал Шотландца ⟨Патрика Гордона?⟩, служившего у нас с младенчества и вряд ли не до

кончины Петра. У меня копия с него в Лондоне, здесь в Архиве оригинал и в Петербурге у меня оглавление оного» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714). В конце августа 1832 г. Тургенев снова писал Жуковскому: «После ссылки Шафирова и даже прежде, при жизни Петра, он занимался его биографией и, отклоняясь притворно от дел, говорил, что он посвятил жизнь свою истории Петра Великого, которую начал еще при жизни его. Известна ли она в нашей библиографии? Знает ли о ней Пушкин?» (неизд.—Там же, ед. хр. 4713).

[3] М. П. Погодин к началу августа 1831 г. закончил трагедию «Петр I». Пушкин высоко ценил ее (см. письмо его к Погодину от 11 июля 1832 г.— XV, 27).

82. Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

‹Петербург›. 13 октября 1831 г.

...Если бы Вы были для меня чужим, безразличным, если бы я не имела к Вам тени дружбы, дорогой князь, все это исчезло бы с тех пор, как я прочла Ваше письмо к мама, по поводу стихов Пушкина на взятие Варшавы. Все, что Вы говорите, я думала с первого мгновения, как я прочла эти стихи. Ваши мысли были до такой степени моими в этом случае, что благодаря одному этому я вижу, что между нами непременно есть сочувствие ‹...› Когда Вы вернетесь, мы вволю поговорим обо всем, что эта неожиданная поэзия внушила Вам...

ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2939. л. 22—22 об.).— Подлинник на французском языке.

Дарья Федоровна Фикельмон, рожд. Тизенгаузен (1804—1863) — дочь Е. М. Хитрово, внучка М. И. Кутузова, жена австрийского посланника в России. Друг Пушкина, Вяземского, Козлова. Сохранилось одно письмо Пушкина к Фикельмон от 25 апреля 1830 г. (XVI, 429—430).

Фикельмон имеет в виду стихотворение Пушкина «Бородинская годовщина», напечатанное в кн.: «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». СПб., 1831 (вышла в свет 11—12 сентября 1831 г.; см. также примеч. к письму № 80).

Стихотворения Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» произвели на общество большое впечатление, но восприняты были по-разному. О позиции Вяземского и о политическом звучании этих стихотворений в условиях 1831 г. см. во вступительной статье Д. Д. Благого, стр. 17—20.

В том же архиве П. А. Вяземского находится неизданное письмо к нему Г. А. Римского-Корсакова от 20 января 1832 г. с отрицательным отзывом о названных стихотворениях Пушкина (ед. хр. 2658, лл. 5—6 об.).

Существует еще один неизвестный отклик современника на упомянутые стихи Пушкина. А. И. Философов (см. о нем письмо № 85) сообщал родителям — И. Н. и П. А. Философовым из Варшавы 14 октября 1831 г.:

«... Дела в Польше, по крайней мере военные, совершенно окончены сдачею Модлина и Замостья,— следовательно, если теперь и ждать новой грозы и войны, то уж не семейной, как говорит Пушкин, в прелестном стихотворении своем „К клеветникам“. Вы читали эти стихи верно с тем же самым восхищением, которое ощущал и я; первое стихотворение Пушкина после „Руслана и Людмилы“, которое мне пришлось по нраву. Какое богатство мыслей самых отвлеченных, выраженных пиитическим образом. Какие возвышенные, прямо русские чувства, помните ли эти два стиха:

Славянские ль ручьи сольются в русском море,
Оно ль иссякнет — вот вопрос.

Говорят, государь сделал его историографом. Прежде двух последних его пьес я бы сказал: пустили козла в огород,— теперь начинаю думать противное...» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 1075, оп. 1, ед. хр. 1101, л. 52).

83. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Москва. 6 января 1832 г.

...«Северные цветы» к тебе едут: они не очень задорны, несмотря на всё старание их издателя — Пушкина и на то даже, что это тризна по Дельвиге [1]. Всего лучше в них песня сего последнего: «Как за реченькой слободушка стоит». А что же наше собирание русских песен? «Европеец» будет разнообразнее впредь: теперь у издателя еще нет заграничных журналов.

Н. Н. ГОНЧАРОВА
Рисунок Пушкина, 1830 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Пушкин что-то чванится с Киреевским, стихов не дает, а только обещает всего, всего и проч. и проч.[2] Статья Киреевского об «Горе от ума» задорит и сердит многих москвичей — и немцев ⟨...⟩ «Стрельцы», как мне кажется, вздорное произведение, а Мосальский — наследник бездушия и пошлости Булгарина в романе. Жаль, что у нас исторические предметы — и самые важные, своехарактерные и действительные — попадаются в руки бесталанных головушек! Но это должно же скоро пройти, потому что пора— и потому что есть сильная и благая надежда на Марлинского, который, ей-богу, и пишет лучше и имеет больше таланта романического, чем все иные прочие знаменитые и простые. И «Вечера на Диканьке», славу богу...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 12/Яз. А. I, 12, лл. 3—4).

[1] «Северные цветы» на 1832 год были изданы Пушкиным вместе с О. М. Сомовым.

Как известно, Языков ценил очень немногие из произведений Пушкина. Так, например, 23 апреля 1833 г. он писал братьям: «Прозаическая часть „Новоселья" гораздо лучше стихотворной; в последней, кроме сказки Жуковского, басен Крылова и „На смерть Гете",—всё вздор, начиная от Пушкина до барона Розена» (неизд.— Там же).

После смерти Дельвига Н. М. Языков сообщал братьям 28 января 1831 г.: «Вчера совершилась тризна по Дельвиге. Вяземский, Баратынский, Пушкин и я многогрешный обедали вместе у Яра⟨...⟩ „Лит. газета" кончается, а взамен ее вышепоименованные (кроме меня, разумеется, потому что я не могу решиться ни на что решительное) главы нашей словесности предпринимают, хотя с 1832-го года, издавать общими силами журнал—„Денница"; выйдет в половине февраля, она будет несравненно пуще прошлогодней. Обозрение русской словесности за 1830-й год пишет сам Максимович» (неизд.— Копия. ЛБ, Чиж. 66/1—6).

[2] С публикуемым письмом перекликается письмо Языкова к Вяземскому от 29 января 1832 г.: «Вы вовсе небрежете о „Европейце“—и Пушкин тоже, а обещались много и много ему содействовать! Да что ж вы в самом деле?» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 3122, л. 1—1 об.).

«Европеец» издавался под редакцией И. В. Киреевского в сотрудничестве с Языковым и Баратынским. После выхода 2-й книжки он был закрыт (22 февраля 1832 г.) за статью Киреевского «XIX век».

В письме к Н. М. Языкову от 18 ноября 1831 г. Пушкин приветствовал новый журнал: «Поздравляю всю братию с рождением „Европейца“. Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами» (XIV, 240). До нас дошло и письмо Пушкина к Киреевскому (от 4 января 1832 г.) с высокой оценкой вышедших номеров. При письме поэт послал Киреевскому отрывок из «Домика в Коломне» для 3-й книжки журнала.

О внимании Пушкина к «Европейцу» свидетельствуют и строки в письме В. Ф. Одоевского к И. В. Киреевскому (начало 1832 г.):«Говорил ли тебе Пушкин,что Т р и л у н н ы й - С т р у й с к и й просится к тебе в сотрудники; советую взять» (неизд.— ЦГЛА, ф. Киреевских, № 236, ед. хр. 104, л. 27).

После закрытия журнала Киреевский писал Вяземскому: «...при случае я пришлю Вам мой разбор последней главы Онегина, который был было напечатан в третьей книжке. Поправьте его как угодно и передайте Сомову в его сборники для напечатания без имени» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2031, л. 13 об.).

В письмах Языкова к родным, относящихся к началу тридцатых годов, встречаются незначительные упоминания о Пушкине. Так, 30 сентября 1831 г. он сообщает: «Наш Парнас просыпается: Жуковский написал целый том новых стихотворений, Пушкин — повесть в стихах и еще пишет» (неизд.— ЛБ, Чиж. 66/1—6). А 14 апреля 1832 г.: «Замечательно глупо толкование Булгарина о Пушкине — пошлость нестерпимая» (неизд.— Там же).

Киреевскому принадлежит одна из первых статей, содержавших обобщенную характеристику творчества Пушкина: «Нечто о характере поэзии Пушкина» («Московский вестник», 1828, № 6).

В. А. Жуковский писал об этой статье А. П. Елагиной 15 апреля 1828 г.: «Я читал в „Московском вестнике“ статью Ванюши о Пушкине и порадовался всем сердцем. Благословляю его обеими руками писать — умная, сочная, философическая проза. Пускай теперь работает головою и хорошенько ее омеблирует — отвечаю, что у него будет прекрасный язык для мыслей» (неизд.— ЦГЛА, ф. 193, ед. хр. 6, л. 7).

84. Д. И. ХВОСТОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

〈Петербург.〉 18 января 1832 г.

...Прилагаю у сего мое последнее сочинение в стихах, доселе еще не напечатанное, к знаменитому Пушкину. Я высоко ценю дарование сего современника нашего, но послание мое ему, нимало не оскорбительное, доказывает только, что мы с одной точки зрения видели вещи. Я никогда не утаю о том, что́ постигаю и чувствую...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 87/Яз. II, 481).

Дмитрий Иванович Х в о с т о в (1757—1835) — бездарный поэт-графоман. Для Пушкина и его друзей Хвостов был постоянным предметом насмешек.

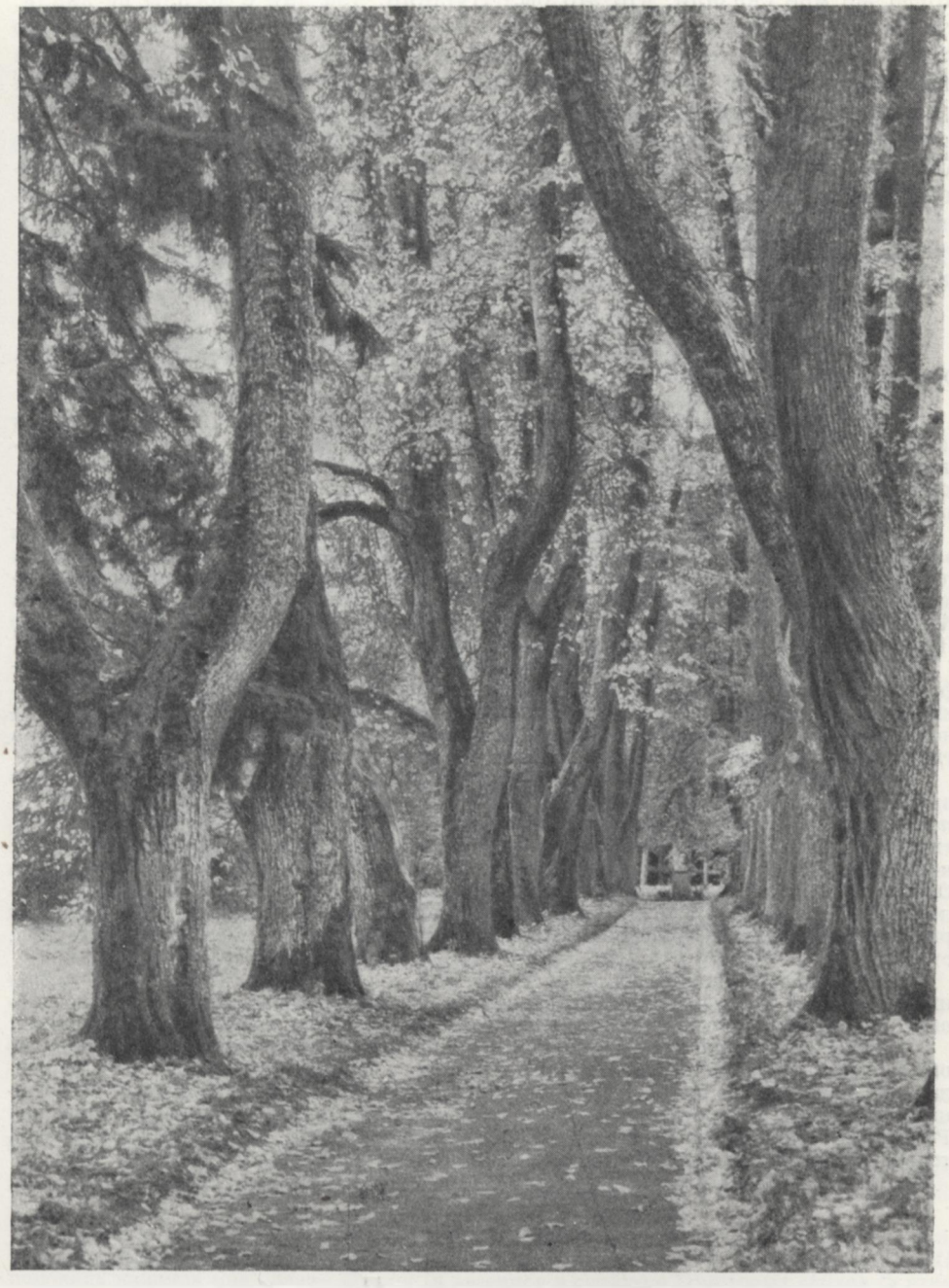
В том же фонде хранится стихотворение Хвостова «Послание к А. С. Пушкину, сочинение 1831 года сентября 20 дня, отправленное к творцу Годунова 29 октября в ответ на его стихи: „Клеветникам России“» («Когда кипела в жилах кровь») (19. 4. 88—Яз. II, 19).

24 марта 1832 г. Хвостов послал П. А. Плетневу еще какое-то свое произведение: «Сие-то стихотворение мое, как духовную состарившегося певца, к Вам посылаю,— писал он.— Прошу принять благосклонно отголосок мой при смерти и, в одолжение мне, при свидании, из числа приложенных экземпляров отдать один В. А. Жуковскому, другой — А. С. Пушкину, третий — князю П. А. Вяземскому» (неизд.— ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 702).

85. Е. И. ФИЛОСОФОВА — И. Н. и П. А. ФИЛОСОФОВЫМ

С. Петербург. 〈1—25 марта?〉 1832 г.[1]

...Нас теперь беспрестанно тревожат приходящие смотреть квартиру, и это доставило нам случай познакомиться с Пушкиным. В первый раз как он приходил, мы были одни дома; я, не взглянув на него и увидя, что шляпа



МИХАЙЛОВСКОЕ. ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

Фотография М. А. Величко, 1949 г.

у него очень затаскана, приняла его за лакея и отвечала сухо, не смотря на него, что и заставило его, не оглядев горниц, скорей убираться вон. Когда же мне сказали, что это был Пушкин, два дня с досады не знала, что делать, не могла себе простить низкого чувства — судить людей по платью. Третьего дня он еще пришел, и братец [2] был дома, уже принял его получше меня; я же отвесила ему пренизкий поклон за вину свою и не знаю сколько еще должна ему отвесить таковых же, за приятные часы, доставленные мне его стихами⟨...⟩ С большим удовольствием его читаешь. Какая-то гармония, какая-то прелесть, которой не могу, впрочем, дать себе толку, меня всегда утешают в его стихах. Он мне очень понравился — il est naturel* и совсем без претензий. Кажется, он сошелся с братцем и просил, чтоб ему назначили день, притти посмотреть Рембрандта [3], которого он очень любит [4]...

Автограф. ИРЛИ. (Фонд № 244, оп. 17, ед. хр. 109).

Екатерина Илларионовна Философова — сестра Алексея Илларионовича Философова (см. ниже).

Письмо адресовано родителям Философовой — И. Н. и П. А. Философовым.

[1] Дата, следовавшая за обозначением «С. Петербург», истлела. Письмо датируется на основании следующих признаков: упоминание приближающейся «страстной недели» (которая начиналась в 1832 г. 4 апреля) и поиски Пушкиным квартиры весной 1832 г. (он переехал из дома Брискорн на Галерной, где жил с октября 1831 г., в дом Алымова на Фурштадтскую в мае 1832 г.).

[2] Алексей Илларионович Философов (1800—1874) — полковник, участник ряда войн — персидской (1827), турецкой (1828—1829), польской (1831), впоследствии генерал-от-артиллерии. Известен как первый издатель поэмы Лермонтова «Демон» (см. о нем статью: А. Михайлова. Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова.— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 661—690). О знакомстве Пушкина с А. И. Философовым до сих пор известно не было (см. также письмо № 82).

[3] Вопрос, о какой картине Рембрандта мог сговариваться Пушкин с А. И. Философовым, довольно сложен. Специалистам по Рембрандту имя Философова не известно— ни как коллекционера вообще, ни как владельца картины Рембрандта. В капитальном труде В. Боде («L'oeuvre complet de Rembrandt», tt. I—VIII. P., 1897—1906), где прослежена судьба картин Рембрандта, — фамилия Философова не встречается.

Но семья Философовых была дружественно связана с семьей известного в свое время мецената и коллекционера А. Р. Томилова. Томилову принадлежала «коллекция гравированных эстампов Рембрандта, в числе 334-х листов», а также картина, приписывавшаяся Рембрандту,—«Женщина на коленях над гробницею в церковном склепе» (см. литограф. изд.: Некрология покойного члена выс. утвержденного Общества поощрения художников, колл. сов. и кавалера Алексея Романовича Томилова. СПб., 1849, стр. 5 и 6). В собрании Томилова находился также замечательный рисунок Рембрандта «Св. Иероним» (воспроизведен в «Старых годах», 1908, февраль, стр. 98/99).

Быть может, Пушкин собирался посмотреть произведения Рембрандта в собрании Томилова? В таком случае разъяснилось бы, почему поэт, придя к Философовым, должен был просить «чтоб ему назначили день, притти посмотреть Рембрандта».

[4] Известны только два упоминания о Рембрандте в произведениях Пушкина, но они свидетельствуют об интересе поэта к творчеству великого художника. Так, неожиданное сопоставление ручьев в Дарьяльском ущелье со струей, испускаемой напуганным мальчиком, которого уносит орел, говорит о знакомстве Пушкина с картиной Рембрандта «Похищение Ганимеда» («Путешествие в Арзрум», гл. I). Столь же выразительна в «Домике в Коломне» (октава XIII) характеристика старушки:

Старушка (я стократ видал точь-в-точь
В картинах Рембрандта такие лица)
Носила чепчик и очки...

86. В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Верне близ Веве. $\frac{27 \text{ января}}{8 \text{ февраля}}$ 1833 г.

...Радуюсь, что Пушкин не выдает газеты; он принялся было за это дело слишком коммерчески и, возможно, попал бы в одну лужу с Булгариным [1]⟨...⟩ Обними Пушкина. Неужели он, собака, ко мне не напишет? [2]...

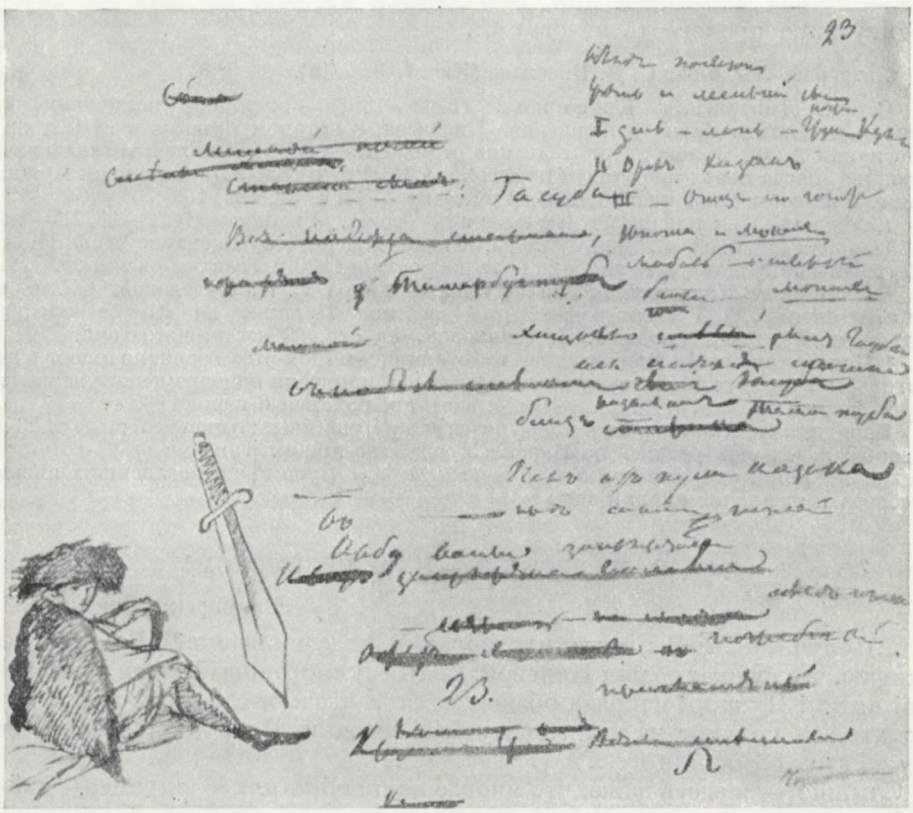
* он естественен (франц.).

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1909, л. 56—56 об.).

[1] В течение 1831—1832 гг. Пушкина занимала мысль об издании политической и литературной газеты «Дневник». Проект Пушкина остался неосуществленным ввиду противодействия III Отделения.

В словах Жуковского выражено пренебрежение, свойственное ему, как консервативному романтику, к профессионально-журнальной работе вообще и к журнальной деятельности Пушкина, в частности.

[2] В неопубликованных письмах Жуковского к Вяземским, хранящихся в том же фонде, встречается еще несколько упоминаний о Пушкине.



АВТОИЛЛЮСТРАЦИЯ ПУШКИНА К ПОЭМЕ О ТАЗИТЕ 1829 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

<29 января 1834 г.> в письме к В. Ф. Вяземской Жуковский, приглашая на день своего рождения семью Вяземских, сообщал:

«Просил я также и господина Александра Сергеевича Пушкина, стихотворца, с его собственною музою, Натальей Николаевною» (неизд.—ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 3303, л. 25).

Впоследствии, сообщая в письме к Вяземскому от 19 февраля/3 марта 1849 г. о том, что он закончил перевод второй части «Одиссеи», Жуковский вспоминал: «Вторая половина кажется мне свежее первой: я врезался в свойство Гомеровых стихов (и этим обязан я Пушкину, то есть, его критике на некоторые стихи мои в первых опытах подражания Гомеру)» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1909, л. 112). Первые опыты перевода «Илиады» относятся к 1828 и 1829 гг.; этим временем и датируется критика их Пушкиным.

С другой стороны, в письме П. А. Плетнева к П. И. Бартеневу от 25 апреля 1862 г. сохранился следующий отзыв Пушкина:

«Пушкин повторял же всякий день: „а не выучи писать нас Жуковский, ни я, ни все мы не умели бы совладать ни с одной фразой как следует“» (неизд.— ЦГЛА. Письма к П. И. Бартеневу 1860—1864 гг., ф. 46, оп. 1, ед. хр. 557, л. 351 об.).

87. С. Д. КИСЕЛЕВ — Е. Н. КИСЕЛЕВОЙ

Петербург. 19 мая 1833 г.

...Под моими окошками на Фонтанке проходят беспрерывно барки и разного рода лодки, народ копышится, как муравьи, и между ими завидел Пушкина (при сем имени вижу, как вспыхнула Катя [1]). Я закричал, он обрадовался, удивился и просидел у меня два часа. — Много поговорили и о новом и об старинке, вспомнили кой-что [2] и окончили тем, что я зван в семейственный круг, где на-днях буду обедать; мне велено поторопиться избранием дня, ибо барыня обещает на-днях же другого орангутанца произвесть на свет [3]...

Автограф. ЛБ. Фонд С. Д. Киселева (Кис. I. 3. 7/1а).

Сергей Дмитриевич Киселев (1793—1851) — отставной полковник, брат генерал-адъютанта Павла Дмитриевича Киселева, о котором Пушкин в 1819 г. писал в послании А. Ф. Орлову. Приятельские отношения с С. Д. Киселевым завязались у Пушкина, когда поэт возвратился из ссылки в Москву в 1826 г. (см. записки Пушкина к нему и их совместное письмо Н. С. Алексееву — XIV, 51, 136, 159).

Елизавета Николаевна Киселева, рожд. Ушакова (1810—1872) — жена (с 30 апреля 1830 г.) С. Д. Киселева. Ей посвящено стихотворение Пушкина «Вы избалованы природой»; в ее альбоме поэт набросал в 1829 г. десятки рисунков.

[1] Екатерина Николаевна Ушакова — сестра Е. Н. Киселевой. См. о ней прим. к письму № 71 и воспроизведение надписи Пушкина на «Стихотворениях» 1829 г., подаренных поэтом Е. Н. Ушаковой, на стр. 99 настоящего тома.

[2] Подчеркнутые Киселевым слова «об старинке» и «кой-что» вероятно имеют в виду разговоры о сестрах Ушаковых, за которыми оба приятеля одновременно ухаживали.

[3] Второй ребенок Пушкина, сын Александр, родился 6 июля 1833 г.

Повидимому, Киселеву не удалось побывать у Пушкиных: в письме к жене от 23 мая он сообщал, что «возвратился из Царского села, где пробыл три дня», а 27-го он уже выехал в Кронштадт для отплытия за границу. О Пушкине в позднейших письмах Киселева к жене упоминаний нет.

88. Н. М. ЯЗЫКОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Симбирск. 3 июня 1833 г.

...Получили ли Вы мои стихотворения от сочинителя?[1] Великодушно ожидаю, что скажет об них Полевой, сей безумноречивый, хотя громогласный вития! Пушкин некогда обещался отстаивать честь моей музы; если, дескать, он получит на то литературные ерыжки. Потрудитесь напомнить ему об этом обещании [2] ⟨...⟩

Слышно — и здесь даже, что многие наши обратились к драме,— дай-то бог! Пора, пора, рога трубят!...[3]

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5084, л. 97—97 об.).

[1] «Стихотворения Н. Языкова». СПб., 1833.

[2] Отзыв Пушкина об этом сборнике стихотворений Языкова до нас не дошел.

[3] Цитата из «Графа Нулина».

89. А. М. ЯЗЫКОВ — СЕСТРАМ

⟨Москва? Октябрь 1833 г.⟩

...Пушкин заезжал к В⟨есселю⟩ [1] из Оренбурга и Уральска, прожил у нас два дня почти, рассказывал много литературных новостей [2]; в обществе он очень забавен, и время с ним мы провели весело; зимой обещал быть в Симб⟨ирске⟩, он просидит до января в Нижегородской деревне близ Абрамова [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (Яз. А. I/13).

[1] Семейное прозвище Н. М. Языкова.

[2] Пушкин провел в Языкове, под Симбирском, 29 и 30 сентября 1833 г., где застал всех трех братьев (см. письмо к жене от 2 октября 1833 г.— XV, 83).

[3] Пушкин приехал из Языкова в Болдино 1 октября 1833 г. и, пробыв там до середины ноября, вернулся в Петербург. А б р а м о в о — станция в 12-ти верстах от Болдина.

90. А. В. ЗРАЖЕВСКАЯ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург. Январь 1834 г.— декабрь 1836 г.>

Если б Вы знали, князь, нетерпение мое получить ответ В а ш и узнать об участи моих блажных малюток, которых Вы так приголубили и обещали подвести под благословение нашего архи-поэта! [1] Вы обещали меня порадовать несколькими строками, и я ни за что не отступлюсь от этой драгоценной моей собственности: пожалуйте ее, непременно пожалуйте [2]...

Наверху рукой Вяземского:

Сделай милость, напиши что-нибудь и пришли мне.

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1941, л. 1).

Приписка Вяземского, безусловно, адресована Пушкину.

Александра Васильевна З р а ж е в с к а я (1805—1867) — писательница и переводчица. В 1828 г. она переписывалась с Жуковским. Печататься Зражевская начала с 1833 г. (см. отзывы Белинского о ее творчестве в Полн. собр. соч. Белинского. Под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 96, 97; т. VIII, стр. 31, 307; т. IX, стр. 126).

[1] Речь идет, вероятно, о произведениях Зражевской, которые Вяземский обещал передать Пушкину.

В библиотеке Пушкина сохранились две книги Зражевской: «Картины дружеских связей» (СПб., 1833) и «Лорнет. Перевод с французского» (СПб., 1834) (См. Б. М о д з а л е в с к и й. Библиотека Пушкина.— «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 42). Не их ли послала Зражевская Пушкину через Вяземского?

[2] Никаких строк Пушкина, адресованных Зражевской, до нас не дошло; мы не располагаем также никакими сведениями об отношении к ней поэта.

Несомненно, что письмо Зражевской к Вяземскому с припиской последнего не попало в руки Пушкина, так как оно осталось в семейном архиве Вяземских. Не лишено вероятия, что Вяземский лично говорил Пушкину о просьбе Зражевской.

91. А. Н. КАРАМЗИН — В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

<Петербург. 17—18 октября 1834 г.> [1]

...Пушкин, приехавший сюда два дня тому назад, был у нас вчера; он ожидает прибытия царя, чтоб выпустить в свет своего «Пугачева» [2] <...> Г-жа Пушкина, которая здесь со своими двумя сестрами, расспрашивала о Вас и поручила мне передать Вам множество всяких новостей. Она сердится на Мари [3] за молчание и за дружбу с графиней Соллогуб; постоянство ее в ненависти к последней заставляет хохотать до слез [4]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1653, л. 4 об.). — Приписка к письму П. П. Вяземского. Подлинник на французском языке.

Андрей Николаевич К а р а м з и н (1814—1854) — сын историка, офицер, известный своими замечательными письмами о смерти Пушкина («Старина и новизна», кн. 17, стр. 291—300).

[1] Основания для датировки: приезд Пушкина из Москвы в Петербург 14—15 октября 1834 г.

4 октября 1834 г. в 10 ч. утра Пушкин приехал в Москву из Лукоянова. Точная дата этого приезда устанавливается по «Ведомостям о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ» (Моск. Обл. архив, ф. 16, св. 1678, оп. 9, № 110920, л. 140.— Сообщено В. С. Нечаевой).

[2] «История Пугачева», названная по требованию Николая I «Историей Пугачевского бунта» и печатавшаяся «с дозволения правительства в типографии II Отделения собственной е. и. в. канцелярии», вышла в свет около 28 декабря 1834 г. (см. также письмо № 93).

[3] Мария Петровна В я з е м с к а я, с 1836 г. Валуева (1813—1849) — дочь П. А. и В. Ф. Вяземских.

[4] О том, что Н. Н. Пушкина ревновала мужа к Надежде Львовне Соллогуб (ок. 1815—1903), впоследствии Свистуновой, свидетельствуют ответы в письмах поэта к жене 1834 г. (см. XV по указателю). Н. Л. Соллогуб Пушкин посвятил стихотворение «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу» (1832).

В архиве Киселевых сохранились письма С. Д. Киселева к жене, из которых мы узнаем, что на пароходе «Николай I», на котором он 27 мая 1833 г. выехал из Кронштадта за границу, среди пассажиров была Н. Л. Соллогуб (ЛБ, Кис. 1/3/7. Письма от 26 мая и 5 июня 1833 г.).

В связи с этим следует вспомнить один документ, осмыслить который до сих пор не удавалось. Это — билет, выданный Пушкину на проезд из Петербурга в Кронштадт, с датой «26 мая 1833 года» («Лит. архив», т. I, М.— Л., 1938, стр. 7). Теперь имеется основание предположить, что Пушкин брал позволение в Министерстве иностранных дел «отправиться на два дня в Кронштадт», для того, чтобы проводить Н. Л. Соллогуб.

92. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР — Б. Г. и Н. Г. ГЛИНКАМ

<Свеаборгская крепость.> 18 октября 1834 г.

...Успел я прочесть <...> — «Гусара» Пушкина [1]: что скажете? По моему мнению, журналисты с ума сходили, когда было начали нас уверять будто Пушкин остановился, даже подался назад. В этом «Гусаре» гётевская зрелость таланта. Если Полевые этого не чувствуют, тем хуже для них...

Автограф. ЦГЛА. Фонд В. К. Кюхельбекера (№ 256, оп. 2, ед. хр. 4, л. 2).

Борис Григорьевич и Николай Григорьевич Глинки — племянники Кюхельбекера, сыновья его сестры Юстины Карловны.

[1] Стихотворение «Гусар» (1833) было напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834, т. I. Отклики Кюхельбекера на другие произведения Пушкина, напечатанные в этом же журнале, см. в «Дневнике В. К. Кюхельбекера» (Л., 1929, стр. 213, 214, 217, 222).

93. О. И. СЕНКОВСКИЙ — А. В. НИКИТЕНКО

<Петербург. 18—20 октября 1834 г.>[1]

...Мы в ужасных хлопотах по случаю критики: постарайтесь, ради бога, чтобы нам скорее решили; очень желательно, чтоб можно было напечатать такой любопытный акт, тем более, что если мы не напечатаем его по случаю Пугачева, отдельно печатать его, ex abrupto*, я сам не нахожу приличным. Но если нельзя скоро решить, то, сделайте милость, вычеркните то, в чем состоит затруднение и подпишите остальное: я переделаю и свяжу концы, и станем печатать так, потому что нельзя же нам явиться без критики [2].

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. В. Никитенко (№ 18671/CXXIV б. 2, ед. хр. 43).

Осип Иванович Сенковский (1808—1858) — ориенталист, реакционный критик и журналист, издатель «Библиотеки для чтения».

Александр Васильевич Никитенко (1805—1877) — профессор русской словесности, член Петербургского цензурного комитета. В круг обязанностей Никитенко входил просмотр всех материалов, печатавшихся в «Библиотеке для чтения».

[1] Основание для датировки — день выхода 11-й (ноябрьской) книжки «Библиотеки для чтения» 1834 г.—1 ноября.

[2] Письмо свидетельствует об особом интересе Сенковского как редактора «Библиотеки для чтения» к возможности опубликования на страницах журнала двух основных биографических документов о Пугачеве, обнаруженных Пушкиным в архиве Военного министерства: 1) показания жены Пугачева («Описание известному злодею и самозванцу, какого он есть свойства и примет, учиненное по объявлению жены его, Софьи Дмитриевой»); 2) показания атамана Фомина («Показания бывшего в 1771 году Зимовецкой станицы атаманом, отставного казака Трофима Фомина»).

---

* без всяких рассуждений (лат.).

ТРИГОРСКОЕ. «СКАМЬЯ ОНЕГИНА»
Фотография М. А. Величко, 1949 г.

Цензура временно задержала названные документы, но все же они были опубликованы (в № 11 «Библиотеки для чтения») со следующим примечанием издателя: «Спеша воспользоваться особою вежливостью А. С. Пушкина, сообщившего нам из своей книги два весьма примечательные документа, мы помещаем их здесь, еще до выхода „Истории Пугачева", ожидаемой публикою с таким нетерпением».

Оба документа вошли в примечания к IV главе первой части «Истории Пугачева». Трудно сказать, какой из них вызвал возражения цензуры.

94. А. А. ФУКС — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Казань. 13 ноября 1834 г.

...Пушкин возвратился в Петербург, обещает скоро прислать мне историю Пугачева и, кажется, будет моим защитником у жестоких журналистов...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (II, 19. ¡4. 85/Яз. II, 46).

Александра Андреевна Ф у к с, рожд. Апехтина (ум. 1853) — писательница, жена казанского профессора медицины и литератора К. Ф. Фукса. Свое знакомство с Пушкиным она описала в воспоминаниях «А. С. Пушкин в Казани» («Русская старина», 1899, № 5, стр. 257—262).

Публикуемые строки Фукс вызваны письмом к ней Пушкина от 19 октября 1834 г. (XV, 197).

95. А. И. ТУРГЕНЕВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Вена. 15/27 февраля 1835 г.

...Экземпляр Орлова [1] Пугачевщины читал посол [2] и переходит из рус ских рук в руки. Я ожидал здесь получить другой экземпляр для себя. Скажи поэту-историку, что его помнит сонманитая <!> графиня (урожд. Урусова) [3] <...> Пушкиным, Гончаровым поклон [4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 4714).

17 декабря 1834 г. из Москвы Тургенев писал Жуковскому: «Скажи Пушкину, что ожидают здесь все его Пугачевщины, и я со всеми. Мне нужно иметь ее прежде отъезда, а 3-го генваря надеюсь или страшусь не быть здесь. Красавицам его сердечное приветствие» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

[1] Алексей Федорович О р л о в (1786—1861) — генерал-адъютант. В начале 1835 г. был послан в Вену на похороны императора Франца в качестве представителя Российской империи. Интерес будущего шефа жандармов к «Истории Пугачева» весьма симптоматичен. Возможно, что подобных читателей имел в виду Пушкин, когда писал в своем дневнике об Уварове: «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении» (февраль 1835 г.— XII, 387).

[2] Дмитрий Павлович Т а т и щ е в (1767—1845) — русский посол в Вене в 1826—1841 гг.

[3] Мария Александровна М у с и н а - П у ш к и н а, рожд. Урусова (1801—1853). Пушкин бывал в семье Урусовых в Москве в 1826 г., после возвращения из ссылки. Ю свидетельству Вяземского, поэт был влюблен в Урусову («Старина и новизна», кн. 8, стр. 38). Ей посвящено стихотворение «Кто знает край, где небо блещет» (1828).

[4] 9 апреля 1835 г. Тургенев писал из Рима Жуковскому: «Посылаю тебе и Пушкину по черепаховой лире из-под неба Виргилия от Эоловой Арфы» (арзамасское прозвище Тургенева) (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

96. С. В. СТРОГАНОВА — Е. П. САЛТЫКОВОЙ

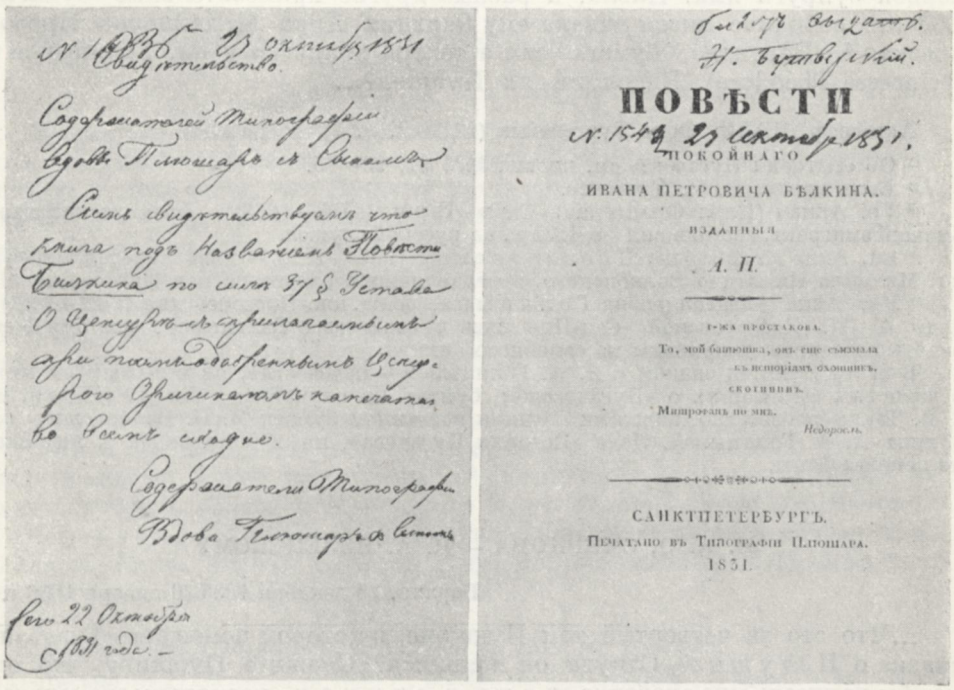
Петербург. 5 марта 1835 г.

...Я хочу тебе сказать два слова о моем чтении, не перечисляя всего, что я прочла,— это было бы длинно <...> Вышли прекрасные работы на русском языке; не говорю тебе о них; то, что я скажу, не представит никакого интереса для тебя: ведь ты их не знаешь. Могу еще добавить к этому, что Пушкин выпустил только что «Историю Пугачева»; по-моему, это плохо;

написано с наивной простотой (simplicité niaise), безо всяких размышлений. Говорят, это модный род сочинений, и то, что мне кажется наивным, расценивается как превосходное (sublime). Вчера у меня обедали Крылов и Жуковский; первый, кажется, моего мнения, но, как писатель, он щадит собрата; другой же откровенно восхищается этим простодушием...

Автограф. ЦГЛА.— Подлинник на французском языке.

Гр. Софья Владимировна Строганова, рожд. Голицына (1775—1845) — вдова Павла Александровича Строганова, генерал-лейтенанта, активного деятеля «негласного комитета» при Александре I, сторонника освобождения крестьян.



ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА.

ИЗДАННЫЯ

А. П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛЮШАРА.

1831.

ЭКЗЕМПЛЯР «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» С ЦЕНЗОРСКИМ РАЗРЕШЕНИЕМ НА ВЫПУСК ИЗДАНИЯ В СВЕТ, 1831 г.

Библиотека Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова

С. В. Строганова была сестрой московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына и дочерью известной Н. П. Голицыной, так называемой «princesse Moustache»*. Смерть в бою, на глазах у отца, единственного сына Строгановых — Александра Павловича (1795—1814) вызвала лирические строки Пушкина в «Евгении Онегине», в строфе, не вошедшей в окончательный текст романа (VI, 412; см. Ю. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер.— «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 369—370).

Письмо адресовано дочери С. В. Строгановой — кн. Елизавете Павловне Салтыковой (1802—1863), жившей в 1835 г. в Италии.

По единодушному свидетельству современников, С. В. Строганова была женщиной разносторонних интересов. В ее петербургском салоне сходились представители не только высшей знати, но также ученые и писатели. Державин воспевал ее. Строганова перевела на русский язык поэму Данте «Ад».

Точность языка, краткость, простота, совершенство стиля мудрого художника, за каждым словом которого таится «бездна пространства»,— воспринимались только самыми чуткими из современников. Отзыв С. В. Строгановой об «Истории Пугачева» — любопытный образец суждений светских читателей, наглядная иллюстрация к записи поэта в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева» (февраль 1835 г.— XII, 337).

* Усатая княгиня (франц.).

97. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Париж. 〈Около 1/13 декабря 1835 г.〉

...Наконец добился я здесь Пушкина «Пугачева» [1]: его читает теперь мой сожитель [2]. Где автор, и не высидел ли чего на псковском пепелище? 〈...〉 Я забыл сказать о других документах, о коих рассказывал мне отец St.-Priest, бывший в Петербурге [3]. Вот и для Пушкина: St.-Priest читал и переписал для себя собрание писем (у него пропавших) Екатерины II к разным особам, во время Пугачева: предписания к. Михаилу Никитичу Волконскому и другим, и длинное письмо о кончине и о болезни первой супруги имп. Павла, и разные другие примечательные бумаги. Всё это собрание писем давала ему княгиня Анна Михайловна Прозоровская [4]. Вероятно, бумаги сии и теперь хранятся у кн. Голицыной [5] (princesse Théodore). Видел ли их Пушкин?...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (№ 2459, л. 7).

[1] Об «Истории Пугачева» см. письма №№ 91, 93—95.

[2] Быть может, Н. И. Тургенев.

[3] Гр. Арман (Карл Францевич) Сен-При (1782—1863) — французский пэр, бывший эмигрант, состоявший до 1822 г. на русской службе.

[4] Кн. Анна Михайловна Прозоровская (1747—1824) — дочь генерал-аншефа кн. Михаила Никитича Волконского, возглавлявшего следствие над Пугачевым.

[5] Кн. Анна Александровна Голицына, рожд. кж. Прозоровская (1782—1863), дочь А. М. Прозоровской. Сен-При был в свойстве с Голицыной, поэтому мог видеть названные документы из семейного архива.

Был ли Пушкин знаком с А. А. Голицыной — неизвестно, он называет ее имя в черновых замечаниях о «Пугачевском бунте» по случайному поводу (IX, кн. 1, 478). Также неизвестно, видел ли Пушкин названные бумаги М. Н. Волконского из архива А. А. Голицыной. Ни в «Истории Пугачева», ни в материалах к ним они не использованы.

98. А. О. СМИРНОВА — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Берлин. 25 декабря 1835 (6 января 1836 г.)

...Что это за четвертый том Пушкина, в котором помещены «Гузла» и сказка о Петушке? Откуда он появился?[1] Скажите Пушкину, что он мог бы написать мне словечко, хоть в стихах, поскольку это ему гораздо удобней. Я читаю Гейне, он сущий дьявол, скажите это Пушкину...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2761, лл. 3 об.— 4).— Подлинник на французском языке, кроме слов, выделенных разрядкой.

Александра Осиповна Смирнова, рожд. Россет (1809—1882) — приятельница Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Жуковского. Пушкин познакомился с ней в 1828 г. и особенно подружился летом 1831 г. в Царском селе.

[1] 4-й том «Стихотворений Александра Пушкина» вышел в свет в сентябре 1835 г. Здесь были напечатаны «Песни западных славян» (связанные с текстами песен из книги Мериме «Гузла») и «Сказка о золотом петушке».

99. К. С. СЕРБИНОВИЧ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

Петербург. 27 января 1836 г.

...В нашей литературе, кроме Бенедиктова [1], нет новостей. Журналы выходят всё те же 〈...〉 Энциклопедический лексикон продолжается: печатают 5-й том.— Греч хочет издавать еще Военный энциклоп〈едический〉 лексикон и даже выпросил на то позволение: оный состоять будет из 6 томов. Всего интереснее то, что Пушкин получил позволение издавать журнал [2]. Нельзя не пожелать ему возможного успеха, который, однакож, зависит не от одного его..

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 2125).

Константин Степанович Сербинович (1795—1874) — историк, переводчик, цензор. В это время редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (см. о нем стр. 243—262 настоящего тома).

[1] Первое собрание стихотворений В. Г. Бенедиктова, имевшее огромный успех, вышло в свет в конце 1835 г.

[2] Издавать «Современник» было разрешено Пушкину 14 января 1836 г. Интересно письмо Г. С. Аксакова к отцу, С. Т. Аксакову, от 18 апреля 1836 г.: «Здесь появился новый журнал „Современник", издаваемый Пушкиным, который, я думаю, много подорвет „Библиотеку ⟨для чтения⟩". Первый номер его очень хвалят. В нем есть повесть Гоголя, критика Пушкина на Сенковского. Желал бы прочесть, но, я думаю, не удастся, потому что негде взять» (неизд.— ИРЛИ, ф. Аксаковых, № 3, оп. 12, ед. хр. 3).

100. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ и В. А. ЖУКОВСКОМУ

Париж. 22 февраля/ 5 марта 1836 г.

...Последнее письмо мое с Д'Андре [1] было от 29 февраля. Ему отдали его, когда уже он садился в коляску; другое было писано с ним же накануне. Если бы я знал тогда, что Пушкин сделался журналистом, то уладил бы письмо так, чтобы он мог выбрать из него несколько животрепещущих крох с богатой трапезы европейской. Годятся ли ему эти крохи, т. е. мои письма? Мы бы могли и отсюда перекликиваться и потом из Германии, на которую взгляну пристально, хотя и мимоездом, и — из Москвы, где надеюсь найти прежние письма и привести и собрать свежие впечатления. Передавать ли их журналисту Пушкину? Ожидаю от него скорого и откровенного ответа и, в случае согласия,— условия о том, что ему нужно и на каком основании и чего он преимущественно желает. Чего я не должен присылать — я и без него знаю. Молчание приму за доказательство, что предложение мое не может быть принято [2]. Если же и из прежних писем он захочет выбрать годное в журнал, то я его делаю заживо наследником «Наблюдателя», который не наблюл со мною условия и ничего, т. е. ни одного №, не выслал ко мне. Я бы мог выписать и из Москвы всё, что «Наблюдателю» передано не было [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 1217, лл. 1—2 об.).

[1] Письмо от 17/29 февраля 1836 г., посланное Тургеневым с Д'Андре — курьером русского министерства иностранных дел, см. в *ОА*, т. III, стр. 301—302.

[2] Письма А. И. Тургенева из-за границы к друзьям — живая хроника политической и культурной жизни Европы — были напечатаны Пушкиным в I томе «Современника» анонимно под заглавием: «Париж. (Хроника русского)». Отклики на них Вяземского и Пушкина см. в *ОА*, т. III, стр. 281, 305—306. 25 марта 1836 г. Вяземский отвечал Тургеневу: «Пушкин ожидает твоих ⟨писем⟩ для „Современника"» (там же, стр. 311).

Тургенев, предлагавший Пушкину использовать его письма в печати, был, однако, недоволен опубликованием их без купюр: он опасался, как бы они не повредили политической репутации его парижских знакомых (см. письмо № 110).

1 апреля 1836 г. Тургенев писал Вяземскому о своих «Хрониках»: «При моих теперешних занятиях мне почти невозможно здесь, где сверх занятий так много и развлечения, составлять особенные статьи, но из сообщаемых мною сведений, комеражей и выписок Пушкин может составить особенные статьи и по отдельным предметам. Можно отметить чертою на листах то, что не должно итти в журнал его, а остальное привести в порядок, то есть разобрать по предметам. Так ли? Если бы он издавал журнал, то письма мои могли бы оставаться в настоящем виде, или с незначительными изменениями; но Review — дело иное! Она требует обозрений» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 2461, л. 14). «Кажется, я на все пункты письма твоего отвечал в этом 24-дневном и 24-листовом письме; советую отметить то, что относится до других, а если дать для чтения и выборки Пушкину, то те места, из коих выбрать не следует, лучше зачеркнуть карандашом. Эту операцию можно делать по субботам у Жуковского, ибо в одну субботу, не задремав, не дочитаете с начала до конца...»,— добавлял Тургенев 2/14 апреля (неизд.— Там же, л. 24).

После смерти Пушкина А. И. Тургенев писал Вяземскому 4/16 февраля ⟨1838 г.⟩: «Спасибо за письма и за книги, но досадно, что ты, продержав у себя мои некогда интересные письма, ни слова прежде не сказал мне, ⟨что⟩ они не годятся для

„Современника". Пушкин не так думал, и одна тетрадь была им самим приготовлена к изданию. Какое же право имели издатели отбросить ее?» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 127, л. 2).

[3] В «Московском наблюдателе» 1835 г. были напечатаны только два письма Тургенева (чч. I и II).

101. Я. М. НЕВЕРОВ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

Петербург. 24 февраля <1836 г.>

...В литературе, кажется, штиль, но готовится много кое-чего, по крайней мере, в планах. Ждем «Современника», который должен выйти в марте. Я, кажется, писал Вам, что Пушкин подробно разбирает там Вашу книгу и следит ее шаг за шагом [1]...

Автограф. ГПБ. Архив С. П. Шевырева.

[1] В «Современнике» статья Пушкина не появилась. До нас дошел только черновик начала этой статьи об «Истории поэзии» Шевырева, вышедшей в 1835 г. В академическом издании Пушкина статья об «Истории поэзии» датируется первой половиной 1836 г. (XII, 446). На основании письма Неверова можно уточнить датировку: статья писалась в январе — феврале 1836 г.

102. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Париж. 9/21 марта 1836 г.

...Спасибо переводчику с латинского. (Жаль что не с греческого!). Биографическая строфа будет служить эпиграфом всей жизни арзамасца-отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеймил его бессмертным поношением.— Поделом вору и вечная мука! [1] <...>

«Dominicale» посмотрите сами для проповедей Лакордера [2] и для других статей, в коих может быть Пушкин найдет покормку и для своей Review-котомки [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 2454, лл. 88, 93—94).

[1] Тургенев имеет в виду стихотворение Пушкина «На выздоровление Лукулла» (с подзаголовком «Подражание латинскому»), напечатанное в 11-й кн. «Московского наблюдателя» 1835 г., появившейся в последних числах декабря. Этот стихотворный памфлет произвел большой шум в общественных и светских кругах, так как был направлен против всемогущего министра народного просвещения и президента Академии наук (бывшего «арзамасца») С. С. Уварова. 20 января 1836 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Весь город занят „Выздоровлением Лукулла". Враги Уварова читают пьесу с восхищением» («Моя повесть о самом себе». СПб., 1904, стр. 271).

[2] Жан-Батист-Анри Лакордер (1802—1861) — католический проповедник и писатель, ратовавший за отделение церкви от государства. Тургенев писал о нем в своей первой серии писем («Современник», 1836, т. I, стр. 285—287).

[3] Здесь идет речь о «Современнике» Пушкина.

Находясь за границей, Тургенев не переставал заботиться о журнале Пушкина. 24 апреля он писал Вяземскому: «Ламартин обещал мне прислать экземпляр своей речи для „Review" Пушкина. Я все еще не мог достать ему чернового перевода стихов Пушкина. Не пришлете ли Вы?» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 2460, л. 5). Но никакой речи Ламартина в «Современнике» не появилось.

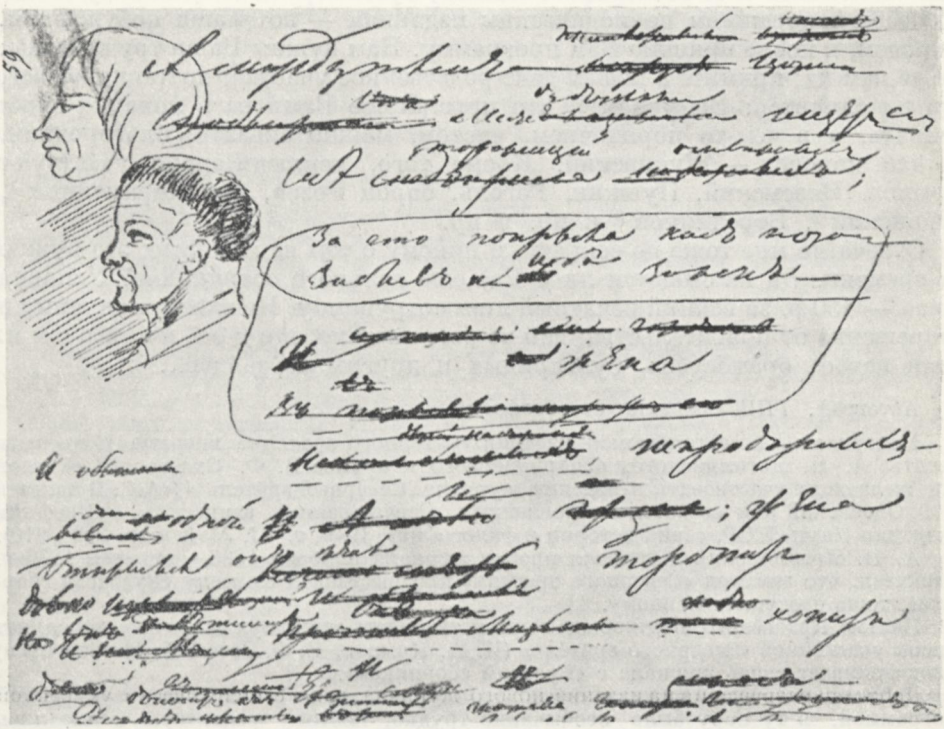
103. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Париж. 22 марта/3 апреля 1836 г.

Я прошел к Эйгофу <...> он издает «Сравнение языков европейских и особенно германского, словенского и пр. с языками Индии и особенно с санскритом»: «Parallèle des langues de l'Europe et de l'Inde, ou étude des principales langues romanes, germaniques, slavonnes et celtiques compares entre elles et à la langue sanscrite». Книга еще не отпечатана, но он дал мне заглавный лист, оглавление материи и предисловие, а я обещал ему доставить сведения в один из русских журналов о скором появлении его книги, так, чтобы в России, где славянские лингвисты могут

найти в ней новые материалы для соображений своих, узнали о ней прежде, нежели даже в отечестве Аделунгов, Гримов и Антона — в Германии [1]. Если Пушкин захочет воспользоваться сею литературною, ученою новинкою, то он может оставить эти листы у себя; если же предмет сей для него сух, то отошлите листы сии, с выпискою из письма, в «Московский наблюдатель» ⟨...⟩

4 апреля ⟨...⟩ Если Пушкину не годятся письма мои [2], то отошлите и сии последние, через сестрицу, Чаадаеву...



РИСУНКИ ПУШКИНА НА ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ ПОЭМЫ «ПОЛТАВА» 1828 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 2461, лл. 14 об. и 15 об.).

[1] Фредерик Э й х г о ф (1799—1875) — французский филолог. Пушкин не воспользовался листами рекомендованной ему книги. В его библиотеке сохранился экземпляр книги Эйхгофа (Париж, 1836), в неразрезанном виде («Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1909, стр. 229). 15 декабря 1836 г. Тургенев писал Пушкину о том, что Эйхгоф хотел бы получить «Слово о полку Игореве», необходимое ему для его лекций в Сорбонне (XVI, 197).

[2] См. примеч. к письму № 100.

104. А. А. КРАЕВСКИЙ — И. М. СНЕГИРЕВУ

Петербург. 3 апреля 1836 г.

...Теперь слушайте с е к р е т. Мы с Одоевским предпринимаем с будущего 1837 года журнал, под названием «Северный зритель»—журнал энциклопедический и эклектический. Все отрасли человеческого вѣдения войдут в него; мнения, принадлежащие всем системам и партиям, лишь бы только они были высказаны с добросовестностью и внутренним убеждением, примутся; одним словом, простор и полная воля уму мыслить вслух; все ученья и литературные (может быть, и важнейшие политические) новости Европы

и России; критика, по возможности беспристрастная и полная, всех русских и важнейших иностранных книг; статьи и серьезные и приятные — вот состав журнала; цель его—искоренить в литературе нашей это жалкое и пагубное направление, которое добрые люди постарались ей дать в недавнее время, на безлюдьи. Чистая, бескорыстная любовь к русской литературе и желание видеть русский ум светлее всех умов, существующих на земном шаре, а также и необходимость иметь издание, в котором можно бы было высказать свое собственное мнение, противоречащее и потому негодное всем теперешним периодическим изданиям — вот наши побуждения. Впрочем, я после пришлю Вам программу. Нам нужны Ваши труды и мне; дайте нам их; примите в нашем деле родственное участие; доставляйте всё, что ни случится: Вы увидите, что присланное Вами не в лоханке будет плавать, а в чем-то порядочном, чистом, можно сказать, благородном. У нас коновод — Жуковский. Кроме того, исключительно участвуют Крылов, Вяземский, Пушкин, Гоголь, барон Розен, два Карамзиных [1], Сидонский [2], Бередников [3] и пр. и пр.

Отвечайте мне тоже по секрету, и никому о том не говорите; это нужно до времени. Да не сыщется ли у Вас еще дельного сотрудника? Условия у нас — 150 р. за всякий печатный лист сотруднику. Не знаем, получим ли разрешение от правительства; дай то бог; настало подобно время: мочи нет от брамбеусов, булгариных и других мерзавцев...

Автограф. ГПБ. Собрание автографов.

Материалы о несостоявшемся издании «Северного зрителя» впервые приведены в статье А. П. Могилянского, обнаружившего в архиве В. Ф. Одоевского «Список лиц, желающих участвовать в издании журнала „Северный зритель“» («А.С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных „Отечественных записок“».— «Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 209—210).

А. П. Могилянский датировал проект журнала ноябрем 1835— январем 1836 г. и доказал, что замысел «Северного зрителя» предшествовал замыслу «Русского сборника», тоже неосуществленному.

Письмо Краевского, подтверждая преемственность этих двух замыслов, дополняет список участников «Северного зрителя» (И. А. Крылов, Е. Ф. Розен, И. М. Снегирев) и подчеркивает связь журнала с «Русским сборником».

Добиться разрешения на издание нового журнала, даже с политически умеренной программой, в ту пору было необычайно трудно, поэтому редакторы попытались изобразить журнал не периодическим изданием, а сборником. Однако Уваров легко разгадал маневр издателей. «Это — просто журнал, а программа сходствует со всеми программами журналов»,—написал он. Как известно, «Русский сборник» не был разрешен царем.

Стремление привлечь к участию в «Северном зрителе» И. М. Снегирева (1793—1868) — автора исследования о русских пословицах и поговорках, объясняется интересом редакторов к народному творчеству. В ту пору Снегирев работал над новым исследованием: «Русские простонародные праздники и суеверные обряды».

В ответном письме от 9 апреля 1836 г. Снегирев рекомендовал Краевскому, очевидно, для сотрудничества в «Северном зрителе», «почтенного сочинителя „Истории Малороссии“ Д. Н. Бантыша-Каменского»: «Он благороднейший человек, достойный Вашего внимания. Многие им пользовались безотчетно, и никто не отдал должной ему чести и хвалы, коей он не домогается по своей скромности, ныне весьма редкой. Пушкин немного его знает» (неизд. — ГПБ, архив Краевского, т. Р—С, л. 298).

[1] Александр Николаевич (1816—1888) и Андрей Николаевич Карамзины— сыновья писателя. Первый — поэт, сотрудник пушкинского «Современника»; о втором см. примеч. к письму № 91.

[2] Федор Федорович Сидонский (1805—1873) — писатель и философ.

[3] Яков Иванович Бередников (1793—1854) — историк и археограф, впоследствии академик.

105. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Париж. 25 апреля/7 мая 1836 г. Полночь.

...Хотя я давно знал, что наша журналистика, как девица-красавица, во селе, селе Покровском «без политики росла», но как-то странно будет, если Пушкин совершенно исключит этот элемент из своего «Современника»: ли-

тература без политики не будет уже современною нам литературою, и я думаю, что и в этом случае «est modus in rebus»*. Биографическая статья о Тьере, прием в Академию Сальвинди, академическое торжество Гизо: всё это, хотя и прикосновенно политике, может, однакож, войти в состав петербургского Review [1].

В стихах «На выздоровление Лукулла» [2] гораздо больше политики, чем в моих невинных донесениях о Фиэски [3] <...>

Я не забыл пушкинского журнала, и Мармье обещал мне написать письмо из «ultima Thule»** (не из Тулы), сообщить впечатления Скандинавского Севера, во всей их свежести, и позволил передать их Пушкину. Не судите о Мармье по его книге о немецкой литературе, олицетворенной в Гете, это был первый его опыт, когда он еще более угадывал, нежели знал Германию и литературу ее [4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 2454).

[1] Вяземский писал Тургеневу 8 апреля 1836 г.: «Пушкин просит тебя, Христа и публики ради, быть отцом-кормилицею его „Современника“ <...> Разумеется, пуще всего нужно литературности и невинной уличной и салонной жизни. Политика, то есть газетная политика, не годится, или умеренно, потому что дозволен только журнал литературный, но историческую политику милости просим» (*ОА*, т. III, стр. 312—313).

[2] См. примеч. к письму № 102.

[3] В первой серии писем Тургенева, напечатанных в «Современнике», встречаются упоминания о судебном процессе и казни Жозефа Фиески (1790—1836), покушавшегося на жизнь короля Людовика-Филиппа (т. I, стр. 267, 269—270).

О цензурных затруднениях, возникших в связи с хроникой Тургенева, Пушкин писал Вяземскому около 17 марта 1836 г.: «Бедный Тургенев!.. Все политические комеражи его остановлены. Даже имя Фиески и всех министров вымараны» (XVI, 92; см. также письма Пушкина к М. А. Дондукову-Корсакову и А. Л. Крылову от марта 1836 г.— Там же, стр. 93, 94).

[4] Ксавье Мармье (1809—1892) —писатель и путешественник. В 1835—1837 гг. Мармье участвовал в экспедиции по изучению северных морей; об этой экспедиции он и обещал написать для «Современника». Однако статья Мармье в «Современнике» не появилась. В 1834 г. вышла его книга, о которой упоминает Тургенев: «Руководство к истории немецкой национальной литературы» («Manuel de l'histoire de la littérature nationale allemande»). Впоследствии переводил Пушкина (см. стр. 301—302 настоящего тома).

Тургенев постоянно посылал книжные новинки друзьям и особенно часто Пушкину.

8 марта 1836 г. Тургенев писал из Парижа Вяземскому: «Лерминье издал еще два тома о литературе и философии. Если удастся, пошлю их <...>, а вы прочитайте; но не знаю, найду ли их в книжной лавке сегодня? Чего новее для журнала Пушкина и верно богатая покормка для критики» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 1217, л. 2 об.).

Жан-Луи-Эжен Лерминье (1803—1857) — французский публицист, философ и историк права. Тургенев, очевидно, имеет в виду его книгу «Etudes d'histoire et de philosophie», Paris, 1836 (Этюды по истории и философии).

В письме к Вяземскому от 1/13 апреля 1836 г. Тургенев упоминает о том, что им послан для Пушкина № 1 «National» и афиша в «Dominicale» (неизд.— Там же, л. 22), а 2/14 апреля сообщает: «Сегодня же вышел 1-й лист „The Paris satirist“. Он будет выходить каждый четверг, и я получаю его. Буду пересылать всегда к вам, для Пушкина, если найду его интересным» (неизд.— Там же, л. 23).

Тургенев занимался за границей розысками документов, связанных с историей России. С этой целью он внимательно осматривал архивные хранилища Европы: архив Ватикана, Королевской библиотеки в Лондоне, Королевский архив в Париже и др. Таким хранилищем был и архив Арсенала в Париже. В середине мая 1836 г. Тургенев писал Вяземскому: «Теперь остается мне архив Арсенала — и потом разбор и приведение в порядок собранного, а там и — в Москву. Если бы Пушкина журнал издавался в Москве или если бы я жил в Петербурге с бумагами московскими и парижскими, то можно бы посвятить в журнале особое отделение — одной истории и другим политическим (старым), историческим и литературным редкостям, мне принадлежащим. По литературе также много любопытного, например: письма Бонштетена к M-me Stahl, письма Боннета о Мюллере, самого J. Мюллера и всякая всячина литературы 18-го столетия, нигде не напечатанная. Будет ли программа журналу его?» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 1217, л. 2 об.).

---

* есть мера вещей (лат.).

** крайней Фулы <то есть крайнего Скандинавского Севера> (лат.).

106. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Париж. 26 апреля/8 мая 1836 г.

У меня сидел Бутовский [1] и просил написать к тебе или Пушкину о желании его быть сотрудником в его журнале, о чем уже писал к нему по поручению Пушкина его приятель из Петербурга. Бутовскому недостает жалования на приятное житье в Париже, и он хочет из своей литературной деятельности сделать себе маленький доходец. Он уже писал для «Библиотеки для чтения», но дух ее ему не нравится, и он предпочитает Пушкина. «Библ⟨иотека⟩» дает 200 руб. за печатный лист, а Бутовский, обещая поставлять от 4-х до 5 листов ежемесячно, хочет, чтобы журнал или Reviеw положил ему оклад; напр. 200 ⟨р. ассигнациями⟩ в месяц. Не имея понятия о сих расчетах и не зная таланта Бутовского, я ничего не мог сказать ему, кроме того, что Пушкин еще начинает дело свое и, вероятно, не обеспечил еще себя вполне подписчиками; я предложил Бутовскому написать проект условий своих и доставить ко мне для отправления к Вам; вместе с тем, для образца он обещал приложить статью свою, кажется, о картинной выставке. Я заметил ему, что он работает более по технологической части, а Пушкина Reviеw вряд ли охотно будет принимать статьи подобного содержания; но он уверяет, что он может писать и о литературе и об искусствах. Тем лучше! и что, сверх того, может служить Пушкину комиссионером и высылать скоро и удобно книги и журналы, кои Пушкин желал бы отсюда выписывать ⟨...⟩ Перешлю Вам его записку, а Вы или через меня, или через других, или сами можете войти с ним в сношение. Я вряд ли уже буду в Париже, когда ответ на это предложение может быть сюда прислан...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 2454, л. 3).

[1] Иван Григорьевич Бутовский (1785 — после 1872). Сотрудничество его в «Современнике» не состоялось. Вяземский дал о Бутовском резко отрицательный отзыв в письме к Тургеневу от 27 июля 1836 г. (*ОА*, т. III, стр. 330). 24 сентября/6 октября 1836 г. Бутовский писал Тургеневу: «Я и сам никогда не полагал большой надежды на „Современника“; жаль очень, что этот журнал, который мог бы принести великую пользу нашей словесности, вдается в котерию*. К чему выставлять себя противниками частной лести? Мне кажется, это не соответствует достоинству журнала, украшенного именами Пушкина, Вяземского, Жуковского и т. п. Единственное средство выиграть шаг перед „Библиотекой для чтения“,—превзойти ее в богатстве, новизне и исправности издания, а этого нельзя сделать без пожертвований» (неизд. — ЦГЛА, ф. Тургеневых, № 501, ед. хр. 78, л. 1).

107. В. П. ДАВЫДОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Берлин. 7/19 мая 1836 г.

...Присылаю к Вам недавно вышедшую переписку и мысли ⟨...⟩ Шиллера об литературе, художествах, статистике и пр.— в надежде, что она может послужить основанием интересной статье «Современника» [1]. Эту книгу очень хвалят, но она мне, признаюсь, известна только по наслышке.

Признаюсь также, что не чувствую всего достоинства поэзии Кольцова, и если Пушкин и Жуковский говорят, что ничего не читали выше его стихотворений [2], не могу не ставить их самих гораздо выше, но, надеюсь, что это до них не дойдет, чтоб не оскорбились мнением, противным своему...

Автограф. ГПБ. Архив А. А. Краевского (т. Д— К, л. 11).

Владимир Петрович Давыдов (1809—1882) — писатель и путешественник, племянник поэта Д. В. Давыдова.

[1] Никаких сведений об этой книге в «Современнике» не появилось.

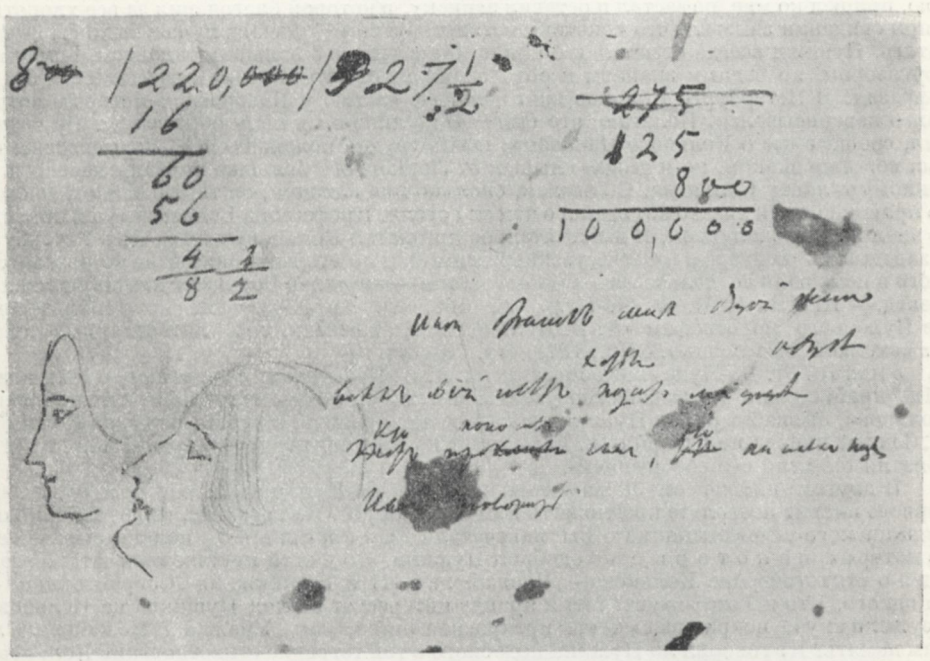
[2] Речь идет о первом сборнике стихотворений А. В. Кольцова, вышедшем в 1835 г. Пушкин и Жуковский познакомились с Кольцовым в январе 1836 г. О том, что Пушкин

* От французского «coterie» — группировка, кружок.

поддерживал молодого поэта, рассказывает, со слов Кольцова, товарищ его А. М. Юдин («Опыты в сочинениях студентов имп. Харьковского университета», т. I, 1846, стр. 221). Ни один отзыв Пушкина о творчестве Кольцова до нас не дошел,— если не считать мимолетного упоминания об успехе его стихотворений в статье «Письмо к издателю» в третьем томе «Современника». Поэтому письмо Давыдова, являющееся ответом на несохранившееся письмо к нему Краевского (от 30 апреля 1836 г.), представляет большой интерес.

Здесь уместно привести выдержки из неопубликованной переписки М. Ф. Де-Пуле, биографа Кольцова, с А. А. Краевским (ГПБ, архив А. А. Краевского, т. Д—К, лл. 75—88).

В ответ на письмо Де-Пуле от 2 апреля 1877 г. с вопросами о петербургской жизни Кольцова, Краевский писал 29 апреля того же года:



А. О. СМИРНОВА

Рисунок Пушкина, 1835 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

«В 1835 г. Кольцов приехал в Петербург и остановился у Януария Михайловича Неверова (ныне попечитель Кавказского округа). Он привез из Москвы письмо от Станкевича, сына богатого воронежского помещика и откупщика. Кольцов приехал хлопотать по тяжебному делу о землях и пастбищах, на которых отец его пас свои стада. Решение этого дела зависело от петербургских властей. Не знакомый ни с какими властями, но, пользуясь расположением В. А. Жуковского и князя Одоевского, я представил им Кольцова, а они по своим связям содействовали тому, что дело было выиграно. Кольцов был среднего роста, с мелкими чертами лица, с густыми, русыми, жирно напомаженными волосами, причесанными щеголевато, с пробором. Он ходил в поношенном сертуке, но с претензиями на щеголеватость, в цветном галстуке. У него был широкий, четвероугольный лоб, густые брови, серые глаза, смотревшие всегда исподлобья и придававшие ему вид русского плутоватого человека. Ни один портрет Кольцова, ни бюст его на памятнике в Воронеже не дают об нем никакого понятия. Манеры его были робки, мягки, застенчивы в высшей степени; но в приятельской беседе он часто горячился и в довольно грубой форме высказывал мнения, которые не годились бы для печати. Тогда же он привез с собою маленькую книжку своих стихотворений и целую рукописную тетрадь. Многие из них мне очень понравились, и я прочел их Жуковскому, который от его „Думы“ пришел в восторг. Тогда у Жуковского собирались по субботам литераторы и знакомые. Он жил в части Зимнего дворца, называвшейся Шепелевским домом, где теперь Эрмитаж. Почти постоянными посетителями этих вечеров были Пушкин, Крылов, Гоголь,

Плетнев, Одоевский, Вяземский, граф Михаил Виельгорский, Соболевский, Вигель, М. И. Глинка и молодые люди, в числе которых был и я. Памятником этих вечеров осталась картина, изображающая большую часть посетителей, между которыми изображен и Кольцов, приглашенный Жуковским. Тут он познакомился с Пушкиным, взявшим тетрадь его стихов для „Современника". Первая книжка этого журнала вышла в январе 1836 г., а в феврале Пушкин уехал в Москву, прожил там до мая и как бы забыл о „Современнике". Плетнев, принимавший близкое участие в его делах, просил меня помочь ему в этом случае, так как Пушкин не отвечал на письма, а типография требовала оригиналу для второй книжки (журнал выходил в четырех книгах). Пушкин не оставил ни строки для набора. Я с Плетневым отправился к нему на квартиру и попросил у его жены позволения порыться в его кабинете. Там мы набрали статей и стихотворений и, в том числе, тетрадь Кольцова, из которой я взял несколько пьес и напечатал во второй книжке „Современника". Возвратясь из Москвы, Пушкин нашел эту книжку уже изданною, пришел ко мне, не застал и оставил записку, в которой благодарил за все хлопоты, а при свидании заметил, что некоторые стихотворения Кольцова лучше было бы не печатать. Пушкин всегда отзывался о нем как о человеке с большим талантом, широким кругозором, но бедным знанием и образованием, отчего эта ширь рассыпается более в фразах. В Петербурге Кольцов жил большею частью у Неверова, с которым потом долго переписывался. Полагаю, что было бы не лишним к нему обратиться. На сведения, сообщаемые о Кольцове Панаевым, очень трудно положиться. С Лермонтовым он был вовсе не знаком, но я всегда слышал от Лермонтова большие похвалы непосредственному таланту Кольцова. С Гоголем, сколько мне кажется, он также знаком не был; по крайней мере я ничего не слыхал о нем от Гоголя. Профессора Вельяминова я никогда не знал и не слыхал о нем. Я действительно предлагал Кольцову переехать в Петербург и заведывать конторою „Отечественных записок"; но его домашние дела не позволяли этого и помешали воспользоваться моим советом—открыть в Воронеже книжную лавку» (неизд.— ИРЛИ, ф. М. Ф. Де-Пуле, № 569, ед. хр. 286; частично использовано Де-Пуле в его монографии «А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке». СПб., 1878, стр. 79—81).

5 мая 1877 г. Де-Пуле снова обратился к А. А. Краевскому с вопросами о Кольцове: «Мне крайне было бы любопытно узнать: что же сталось с тетрадкой стихотворений Кольцова, бывшей в руках Пушкина и какие именно из напечатанных стихов Кольцова в „Современнике" не одобрял он. Если ответ на этот вопрос не затруднит Вас, крайне обязали бы меня его сообщением».

В другом письме от 30 мая того же года Де-Пуле писал: «По поводу Вашего первого письма позвольте предложить Вам один вопрос. Вы говорите, что во 2-й книжке пушкинского „Современника" Вы напечатали несколько кольцовских пиес, из которых некоторые не одобрил Пушкин. Но в этой книжке напечатано всего одно стихотворение Кольцова—„Урожай", а в III и IV книжках „Современника" — ни одного. Что же это значит? Меня крайне интересует взгляд Пушкина на Кольцова. Неужели ему не понравилась такая прекрасная пиеса, как „Урожай"? Не изменила ли Вам память? Не говорил ли Пушкин подобного о той тетрадке стихотворений Кольцова, которую Вы ему передали? Порывшись в своих воспоминаниях, сделайте одолжение, разъясните мне эти недоумения...».

Ответ Краевского на эти вопросы до нас не дошел.

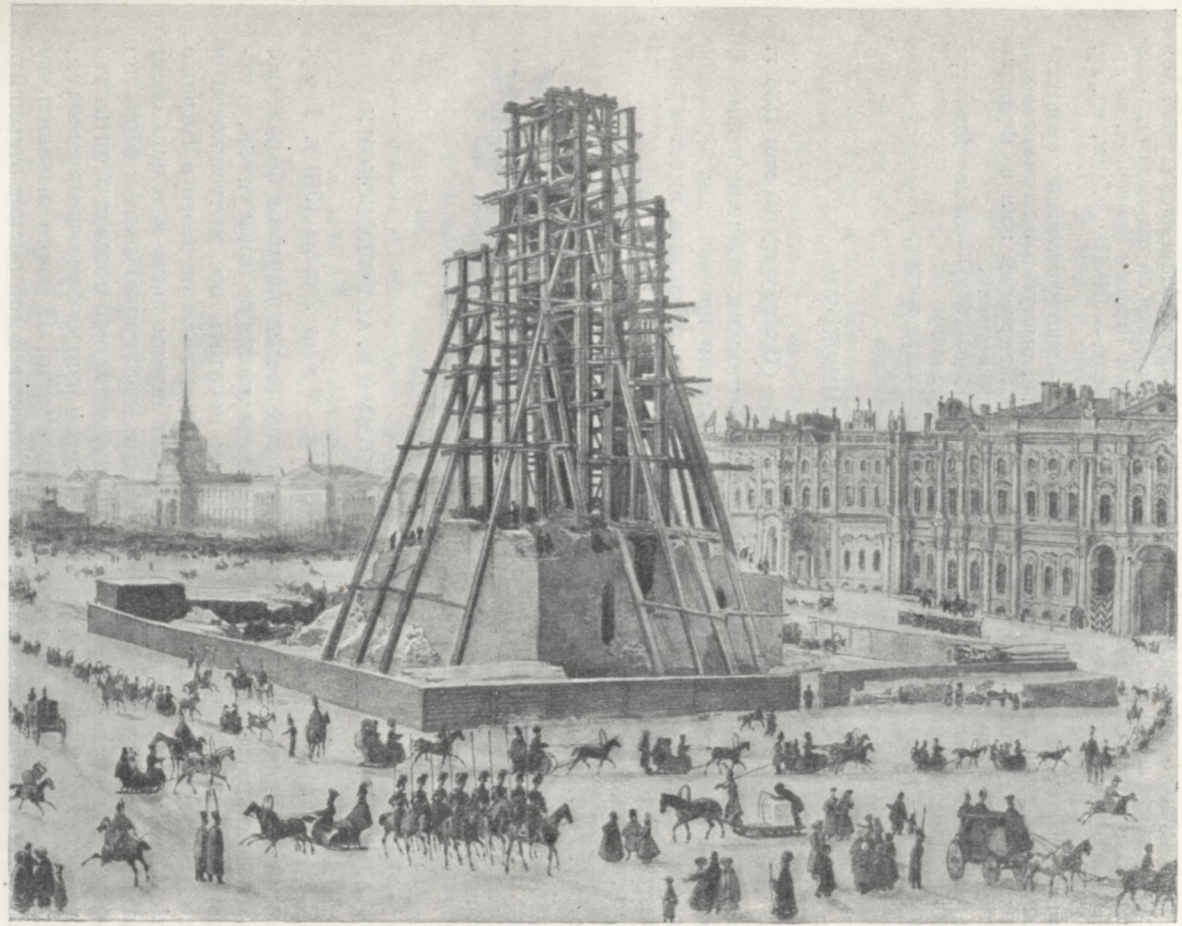
108. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Париж 14/26 мая 1836 г.

...Сегодня или завтра приедет ко мне Лейв-Веймар [1] за письмами. Я уже тебе и в твоем лице к Пушкину и Жуковскому писал о нем [2]. Примите его благосклонно и дружески и покажите ему Россию и с вашей стороны: с других сторон увидит он ее в очки к. Мещерского [3], с коим приедет, и графини Нессельроде, которой пишут о нем другие [4].

Он пробудет недолго в Петербурге и отправится в Москву и Нижний Новгород на ярмарку, а потом во-свояси — вас и ярмарку описывать... вероятно! ⟨...⟩

Скажи Пушкину, что здесь давно лежит перевод его «Пугачева» на французский язык и, как говорят, очень хороший [5] ⟨...⟩ Книгопродавцы полагают, что в «Истории Пугачева» нет ничего нового, что всё давно уже известно и для того неохотно берутся печатать перевод! Я старался уверить их в противном, хвалил достоинства автора и необыкновенный интерес книги. Не знаю, состоится ли издание на французском; а переводчику очень этого хочется, но его здесь нет...



ПОСТРОЙКА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ КОЛОННЫ

Акварель Г. Г. Гагарина, 1832 г.

Эрмитаж, Ленинград

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 2454).

[1] Франсуа-Адольф Л ё в е - В е й м а р (1801—1854) — французский писатель. О встречах его с Пушкиным в Петербурге в июне — июле 1836 г. см. в настоящем томе сообщение В. К. Архангельской.

[2] Тургенев писал Вяземскому 6/18 мая: «Лейв-Веймар был у меня и велел присылать письма 20-го, т. е. послезавтра. Он отправится в Гавр, к 11-му июня будет в Любеке, оттуда вместе с князем Мещерским приедет в Петербург, 15 июня н. с. Я ему говорил о тебе и Жуковском, о Пушкине; надеюсь, что вы его радушно примете; впрочем, он и в Мещерском имеет верного спутника, но я бы желал, чтобы он не только его глазами взглянул на Петербург. Он надеется побывать в Москве и Нижнем-Новгороде, на ярмарке. Не знаю, удастся ли кое-что послать с ним» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 2454, л. 12 об.).

[3] Элим Петрович М е щ е р с к и й (1803—1844) — один из активных пропагандистов идеологии николаевской монархии за границей, выступал в качестве поэта, преимущественно на французском языке. В эти годы Мещерский жил во Франции в качестве корреспондента Министерства народного просвещения.

[4] Мария Дмитриевна гр. Н е с с е л ь р о д е (1786—1849) — жена министра иностранных дел, участница травли Пушкина перед дуэлью.

[5] Этот перевод нам неизвестен. Очевидно, он не вышел в свет.

109. Е. Ф. РОЗЕН — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

‹Петербург.› 19 мая 1836 г.

...Я обещал Пушкину статью для второй книжки «Современника» [1]. Вот Вам статья! Если годится, напечатайте! если же нет, так бросьте! Само собою разумеется, что в случае помещения редакция имеет право переменить всё то, что не соответствовало бы ее духу.

Скоро ли приедет Пушкин? [2]...

Автограф. ГПБ. Архив В. Ф. Одоевского (карт. 4).

[1] «Статьей» в то время назывался всякий прозаический материал, помещавшийся в журнале. Розен, несомненно, имеет в виду свой драматический отрывок «Иоанн III и Аристотель. (Из трагедии „Дочь Иоанна III“)», который был напечатан во втором томе «Современника».

[2] Пушкин с 29 апреля по 23 мая 1836 г. находился в Москве.

110. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ и В. А. ЖУКОВСКОМУ

‹Париж. 20 мая› 1 июня 1836 г. Вечер.

Сию минуту прочел я «Современник»: я еще весь в жару и в бешенстве. Никогда я не ожидал от вас такой легкости, едва ли не преступной, и неосмотрительности — разве я позволял вам печатать все ничтожности и личности? Разве вы не могли обдумать, что̀ для меня от этого в Париже выйти может? Разве могу я явиться пестрым шутом даже и в ваш свет? Разве имена и комеражи позволяются? Теперь я объясняю многое: вероятно сюда писали уже о напечатанных комеражах, о том, что̀ и мне перечитывать стыдно и тошно. Вы виной, что мне сюда долго нельзя будет возвратиться.

Не воображаю себе как это исправить можно! Я точно выразить не в силах моего негодования: на стр. 277 сказано: «все мои письма отсылайте к *** (т. е. на хранение, а не в публику). Я их пишу более для себя, чем для вас».— Если возможно, оправдайте меня, скажите правду, что этого письма я никогда не позволял вам печатать; а писал п р о себя и через вас отсылал в свой архив, на х р а н е н и е; что касается до других писем, то ни под каким предлогом не позволяю вам печатать их, ни в виде выписок, ни вполне,—и требую, чтобы вы их отправили, запечатав, в Москву к сестрице [1]. Одно можете сказать в следующей книжке, что вы сделали непростительный поступок, что я принял это с справедливым негодованием и запретил вам печатать и то, что и не так ничтожно, и где дело идет не о глупых

комеражах... То, что я мог говорить Вяземскому, не сказал бы я публике, не сказал бы я даже знакомым своим, ибо я почитал Вяземского другом своим, коему честь моя дорога, а в каком виде являюсь я теперь и здесь и везде?

Это заставит меня здесь избегать всех и ускорить отъезд из Парижа! Спасибо. Так как я ничего, кроме досадного для тебя (так как и для Пушкина), написать не могу, то я перестану совершенно писать к тебе. Еще раз спасибо. Неужели Жуковский читал это и знал, что это готовится в печать?

⟨21 мая⟩ 2 июня. Вчера надеялся я послать это письмо чрез Лейв-Веймара, но он уже уехал. Я решился послать его по почте, на твое имя, с тем, чтобы ты немедленно доставил его Вяземскому и Пушкину. Я всю ночь не спал от внутреннего сильного движения, прочитав это глупое извлечение из моих писем, наполненное ошибками всякого рода и комеражами, за кои меня здесь не пустят ни в один салон, если не узнают, что всё напечатано против моей воли. Как печатать то о Броглии, что я говорил бы вам. Est-ce clair? * Да и смыслу нет: ce qui n'est (вместо est) далее «первым министром юстиции». Мог ли я сказать такую глупость — 1-м министром и министром юстиции. Как можно объявлять, что я переписал и то, чего не позволяли: это мне повредит ужасно; да оно и не совсем так. Я бы объяснил, если бы думал, что вы это напечатаете. Я уверен, что Барант писал или напишет об этом. Зачем именовать лица? Особливо Свечину [2], можно ли это позволять себе, о тех, кои не имеют европейской гласности. Мне совестно показать глаза ей и я, не простясь, уеду. Зачем о Мейендорф? Что тут интересного и как вы не вздумали пощадить меня; я писал журнал про себя, а не в печать. Зачем всё то, что никого не интересует. Зачем упреки Московскому наблюдателю? О Лазареве, которого возил на бале. Можно ли заставлять меня давать отчет публике в таких мелкостях? И что скажут обо мне люди меня не знающие? Перемешано на стр. 263 о статье Араго и всё ему приписано, чего он не писал! — «Преодолев лень» и пр. 265 стр. кого это интересует? Все имена салона Свечиной. Я вообразить себе не могу такой неделикатности. Записка от 11 февраля! Можно ль такой вздор печатать! и конец 12-го февраля! От 14 февраля. О Киселевой, Мейендорф и Мортемар! О Шуваловой обеде; можно ли это печатать! О Гансе и Шленкуре!!! О Буонароти; знаете ли, что он здесь под другим именем и что его могут выгнать из Парижа, если официально узнают о том, что известно под рукою? Сердце мое обливается кровию от вашего преступного легкомыслия на стр. 277!! и далее о Б. М. Ф.— от 19 февраля! от 22 февраля и далее — стр. 287 о Лукулле Тюфякине.

Конец 288 стр. наделает мне много неприятностей. Вспомните заключение этого письма: «всё — в Москву, когда сами прочтете или недочтете».

Теперь ваша обязанность, обязанность Пушкина и Вяземского спасти меня от дальнейших неприятностей, сказав, что это я посылал к себе мой дневник, не скрывая ни дел, ни мнений от друзей, но никогда не желая о других мыслить вслух с публикой. Я не могу опомниться от такого чтения! Как же вам было не подумать: и в тех письмах нужно бы было избрать, исправить; а вы и то, что я не позволял вам печатать, напечатали целиком, исказили и пустили меня пестрым шутом в свет. Спасибо! Последствия для меня могут быть очень худые. Подумайте об исправлении сколько возможно вашей обидной для меня ветренности. Повторяю запрещение печатать что-либо во второй книжке, кроме объяснения в мою пользу. Но чтобы объяснение не повредило мне более и не обратило более еще внимания и здешних и ваших дипломатов и пр. ...

---

* Это ясно? (франц.).

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 1217).

В первом томе «Современника» были напечатаны письма Тургенева под заглавием «Париж. (Хроника русского)» (см. также примеч. к письму № 105).

В частных письмах к своим друзьям Тургенев откровенно сообщал о политических новостях и настроениях в парижских салонах. Появление его писем в полном виде в печати выносило напоказ эти настроения, что могло политически скомпрометировать многих парижских знакомых Тургенева и его самого. Это глубоко взволновало Тургенева и вызвало публикуемое письмо, по существу адресованное также и Пушкину.

Во втором томе «Современника» Вяземский поместил заметку «От редакции», начинающуюся такими словами: «Для очистки совести нашей и для предупреждения всех возможных толков и недоразумений, вольных и невольных, почитаем обязанностью сознаться, что напечатание в 1-й книжке журнала нашего „Хроники русского в Париже" есть не что иное, как следствие нашей нескромности, что сии отрывки из дружеских писем или, лучше сказать, домашнего журнала, никогда не были предназначены к печати». Далее «Хронике русского» дана высокая оценка. Тургенев был тронут и «незаслуженной похвалой» и «скорым исполнением» его просьбы (*ОА*, т. III, стр. 323).

[1] Александра Ильинишна Н е ф е д ь е в а — двоюродная сестра А. И. Тургенева.

[2] Софья Петровна С в е ч и н а, рожд. Соймонова (1782—1857) — приятельница Тургенева. С 1815 г. она жила в Париже, где салон ее посещали все французские знаменитости. Свечина как «С. П. С-на» часто упоминается в письмах Тургенева, опубликованных в «Современнике».

111. М. П. ПОГОДИН — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈Москва. Август — декабрь 1836 г.〉

...Статью «Об историческом поветрии» Пушкин, верно, не помещает в «Современнике». Возьмите ее и напечатайте в журнале Министерства 〈просвещения〉. Бранчивого в ней нет ничего, кроме заглавия. Можете переменить его на следующее: «О последних исторических толках»...

Автограф. ГПБ. Архив А. А. Краевского (т. Н — П, л. 458—458 об.).

Письмом от 14 апреля 1836 г. Пушкин приглашал Погодина участвовать в «Современнике» (XVI, 104). Погодин 23 июня послал в «Современник» «кипку статей» (XVI, 128). Но при жизни поэта ни одна из статей Погодина в журнале не появилась.

1 апреля 1837 г. Погодин писал Краевскому: «„Об историческом поветрии" не годилась „Современнику" по предмету может быть, министерскому журналу — по тону. Напечатайте, а если и Вам не годится (я и сам думаю, что не годится), то верните мне поскорее 〈...〉 Было еще у Пушкина несколько мелких библиографических известий. Напечатайте их, соблюдая строгое incognito. Но некоторые уже устарели 〈...〉 Журналисты должны бы отнестись в журналах своих ко всем о сохранении писем Пушкина» (неизд.— ГПБ, архив Краевского, там же).

По этому вопросу см. также письмо Краевского к Погодину от 16 апреля 1837 г. («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 722).

112. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ

〈Петербург.〉 12 октября 〈1836 г.〉

...Скажи Чаадаеву о моем сожалении, что не видел его пред отъездом, но готовлюсь сегодня увидеть его в «Телескопе» [1]. Бумаги твои отдал я Пушкину, и ты, вероятно, будешь сидеть в 4-м № [2].

Он тебя жалует 3-м «Современником», а жена его тебя разжаловала. Прочти славные стихи о Барклае [3].

Копия. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (№ 309, ед. хр. 4715, л. 9).

[1] Вяземский имеет в виду знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, напечатанное в «Телескопе», 1836, № 15. Пушкин ознакомился с этим «письмом» еще в рукописи. 10 августа 1831 г. Тургенев писал Жуковскому: «Скажи Пушкину, чтобы возвратил мне тетрадь французскую Чаадаева. Он велел мне ее выписать от него» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

[2] В четвертом томе «Современника» снова после перерыва появились письма Тургенева: «Париж. (Хроника русского)» (см. примеч. к письмам №№ 105 и 110).

[3] Стихотворение Пушкина «Полководец», посвященное Барклаю де Толли, было напечатано в «Современнике», 1836, т. III.

113. Б. А. ВРАСКИЙ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

〈Петербург. 30 октября — 2 ноября 1836 г.〉

Вчера Пушкин прибегает в типографию [1] со счетом и говорит, что будто Вы его уверяли, что более 35 р. за лист не возьмут с него. Мы платили 13 р. за набор и 16 р. за печатание и то 29 р.— притом рассылка корректур, остановка станов, которые по неделе стояли праздны за недостатком оригинала и за цензором и пр., переборка, переверстка некоторых статей — это всё не считается — что ж тогда останется нам на квартиру, на наем людей, на употребленный капитал,— менее 40 или 45 р. не берите — если 40 р., тогда никакого барыша не будет.

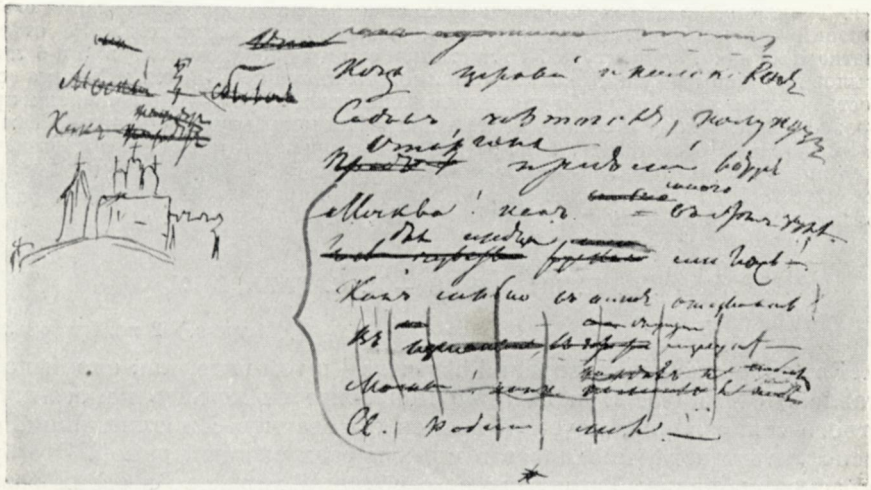


РИСУНОК ПУШКИНА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ ГЛАВЫ СЕДЬМОЙ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (ПРОТИВ СТРОК «МОСКВА, КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...») 1827 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Вот счет Пушкина,— у меня нет ни копейки — не на что даже купить бумаги на обвертку лупы.

Если Вы не достанете фактора, то я всё брошу, несмотря на издержки, весьма для меня значительные, употребленные на типографию [2].

Автограф. ГПБ. Архив В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 363).

Борис Алексеевич Враский — содержатель «Гуттенберговой типографии», в которой печатался «Современник».

[1] 29 октября 1836 г. Враский прислал Пушкину письмо с приложением счета за печатание «Современника» более чем на 5000 р.— вот почему Пушкин был сильно встревожен и сам пришел в типографию.

[2] О близком участии Одоевского в издании «Современника» и реальной деловой помощи, которую он оказывал Пушкину, свидетельствуют письма сотрудника типографии И. И. Граффа к Враскому и Одоевскому. Так И. И. Граффа писал Враскому о втором томе «Современника» 1 мая 1836 г.: «По записке Плетнева, не спросите ли Вы кн. Одоевского о порядке пиес, в каком оные должны набираться одна за другою; пиесы суть: 1) Предисловие к битве при Тивериаде (не цензировалось). 2) О вражде к просвещению. 3) Мифология Вотяков. 4) Иоанн III и Аристотель. 5) Статис〈тическое〉 описание Нахичеванской провинции (не цензировалось), а равно понастоять, чтоб подписывали корректуры в печать до приезда Пушкина — станы остановятся и наборщики заберутся шрифту только на 8 листов — 4 уже набраны — записку Плетнева возвратите 〈...〉 Прошу ответ в типографию — завтра люди просят жалованье» (неизд.— ГПБ, архив Одоевского, оп. 2, ед. хр. 1593).

2 мая он же сообщает уже самому Одоевскому: «Типография, препровождая при сем корректуры первых трех листов 2-й кн. „Современника“ с запискою г. Плетнева,

всепокорнейше просит содействия Вашего сиятельства о подписке оных к печатанию, в противном случае наборщики, добрав 8 листов, остановятся, и самые станы без дела. К понедельнику оные нужны» (неизд.— Там же, ед. хр. 436).

4 мая И. И. Граффа снова писал Одоевскому о втором томе «Современника»: «При сем оригинал, в порядке от Вашего сиятельства полученном — как угодно благоволите, пометя, возвратить с подателем.— „Урожай" не получен от цензора.— Пиесы в печати: 1) Российская Академия. 2) Французская Академия. 3) Записки Дуровой (продолжаются набором)».

А 8 мая 1836 г.: «В записках Дуровой кончики сначала были уничтожаемы,— и потому и в последующих листах оные не ставятся (в 4 чистом листе усмотреть можно). Испрашивается разрешение, ставить ли показанные в подписной корректуре Вашего сиятельства также и тире — г. Плетнев вымарывает».

«Могу уверить Ваше сиятельство, что ни оригинал, ни корректуры „Современника" не были показываемы никому, кроме лиц, уполномочиваемых г. Издателем,— писал Одоевскому на следующий день тот же Граффа,— видел же оригинал и самые корректуры г. Тепляков, по частому его посещению типографии во время печатания его стихотворений — оные кончены, и, вероятно, посещения прекратятся. За отъездом г. Плетнева на дачу, корректура 7-го листа при сем препровождается; в 5 и 6 листах г. Крылов по Вашим №3 уничтожил строки и собственные имена Энгель и Сиверса сократил, оставя весь остальной у себя для уничтожения имен и проч.— Покорнейшая просьба о разрешении, к кому отсылать после типографии корректуры?» (неизд.— Там же).

В письме от 9 мая 1836 г. Граффа пишет о записках Дуровой, которые печатались на листах 4—9. Там заменены фамилии Сиверса и Энгеля буквами. Названный в листе 6 (стр. 83) граф С., вероятно,— Владимир Карлович Сиверс (1790—1862), адъютант Барклая де Толли.

114. С. П. ШЕВЫРЕВ — И. С. ГАГАРИНУ

〈Москва.〉 2 ноября 〈1836 г.〉

...Вот собрание стихотворений Тютчева [1] в том виде, как оно было мне доставлено от Раича. При издании призовите на помощь какого-нибудь опытного стихотворца, который взялся бы сверить с подлинником, чтоб не испортить текста, писанного в иных местах связной рукой. Это будет прекрасное собрание: Тютчев имеет особенный характер в своих разбросанных отрывках.

Письмо Чадаева наделало много шуму и привело к неприятным последствиям 〈...〉

Поклонитесь Одоевскому, Вяземскому и Пушкину. Хорошо, если бы Пушкин в корректуре взглянул на стихотворения Тютчева.

Копия. Гос. литературный музей.

Иван Сергеевич Гагарин (1814—1882) — дипломат, друг Тютчева.

[1] В конце 1835 г. Гагарин приехал из Мюнхена в Петербург и привез с собою стихотворения Тютчева. Он показал их Жуковскому, Вяземскому и Пушкину. 12 июня 1836 г. Гагарин, сообщая Тютчеву о судьбе стихов, писал ему, что Пушкин «ценит их как должно и отзывался мне о них весьма сочувственно» («Русский архив», 1879, № 5, стр. 121). Пушкин поместил в III и IV томах «Современника» двадцать четыре стихотворения Тютчева. Позднее Гагарин намеревался издать сборник стихотворений Тютчева, но издание это не состоялось.

115. П. Б. КОЗЛОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Варшава. $\frac{26 \text{ ноября}}{8 \text{ декабря}}$ 1836 г.

...Спроси у Пушкина, надобна ли ему необходимо статья о паровых машинах, о которой говорил мне граф Виельгорский, и будет ли она довольно новою, чтобы заманить читателей, ибо печальная вещь ломать себе голову и писать без надежды некоторой пользы 〈...〉

Что делает Александр Сергеевич? Я о нем думаю гораздо больше, нежели о граните Английской набережной. Этот человек был рожден на славу и просвещение своих соотечественников...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5084, лл. 346 об. и 347 об.).

Петр Борисович Козловский (1783—1840) — дипломат, проведший почти всю жизнь за границей. Друг Чаадаева, Вяземского и В. Ф. Одоевского. В 1834 г. он познакомился с Пушкиным. Сохранился черновой набросок послания Пушкина Козловскому 1836 г. — «Ценитель умственных творений исполинских». Пушкин высоко ставил широту интересов и энциклопедическую образованность Козловского.

В первом томе «Современника» Пушкин поместил статью Козловского «Разбор парижского математического ежегодника на 1836 год» (см. стр. 288—289 настоящего тома); в третьем томе — статью «О надежде» (о теории вероятности).

В. А. ЖУКОВСКИЙ
Медаль (бронза) работы Ф. П. Толстого, 1843 г.
Собрание В. А. Десницкого, Ленинград

Пушкин возлагал на Козловского, как на сотрудника «Современника», большие надежды. 19 октября 1836 г. он писал П. Я. Чаадаеву: «Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором» (XVI, 173). Напечатав две статьи Козловского, поэт заказал ему третью — о паровых машинах и очень желал получить ее. Вяземский сообщал, что еще накануне дуэли, 26 января 1837 г., на балу у гр. Разумовской, Пушкин просил его «написать к кн. Козловскому и напомнить ему об обещанной статье для „Современника"» («Современник», 1837, т. VII, стр. 52).

Посылая В. Ф. Одоевскому 4 июля 1837 г. из Тёплица статью «Краткое начертание теории паровых машин», Козловский писал: «Вот, мой дорогой князь, nascitur ridiculus mus*; однако, если бы это оказалось не так, если, в самом деле, я выполнил задачу быть одновременно кратким, ясным и занимательным, не откажите порекомендовать прочесть это другу, Михаилу Виельгорскому, так как он, конечно, не может забыть того великолепного и грустного завтрака по случаю моего отъезда, завтрака, на котором

* родившийся смешной мышонок (лат.).

он уговаривал меня еще более, чем это делал поэт, дать что-нибудь ясное и известное о паровых машинах. Скажите ему, что я был бы очень польщен, если убедившись сам (прочтя мой трактат дважды), что он может отдать себе отчет о всем процессе, как с механической, так и с физической стороны, он порекомендовал бы его преподавателям гимназии, как дополнение к курсу экспериментальной физики. В Лондоне и в Париже из этого сделали предмет специального курса в несколько лекций, но, однако, было бы лучше свести всё это самое большее к двум занятиям, а я могу вас уверить, что ничего важного не опущено» (неизд.— ЦГЛА, ф. № 450, т. VII, 1837 г.— Подлин. на франц. яз.). Названная статья Козловского появилась в «Современнике» т. VII, 1837 г., стр. 51—86.

116. П. Б. КОЗЛОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Варшава. $\frac{15}{27}$ января 1837 г.

Барон Мальтиц, наш поверенный в делах Бразилии, бывший моим секретарем в посольстве в Стутгарде, писал ко мне из Берлина, что он едет в Петербург ⟨...⟩ Познакомьте его с Пушкиным и с Виельгорским ⟨...⟩

Что делает наш Александр Сергеевич? Здесь разнеслись какие-то странные слухи; но стоустая клевета не знает ни границ, ни пространств [1]. «Современника» нынешнего года я еще не читал; но надеюсь, что найду в нем тот роман «Капитанской дочери» [2], о котором извещал меня ⟨М. Ю.⟩ Виельгорский...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5083, л. 349).

[1] Судя по этому письму, к середине января 1837 г. до Варшавы уже дошли слухи о тех событиях в жизни Пушкина, которые привели к дуэли.

[2] «Капитанская дочка» была напечатана в «Современнике», 1836, т. IV.

117. Вел. кн. ЕЛЕНА ПАВЛОВНА — В. А. ЖУКОВСКОМУ

⟨1⟩

⟨Петербург. 27 января 1837 г.⟩

Добрейший г. Жуковский!

Узнаю сейчас о несчастии с Пушкиным — известите меня, прошу Вас, о нем, и скажите мне, есть ли надежда спасти его. Я подавлена этим ужасным событием, отнимающим у России такое прекрасное дарование, а у его друзей — такого выдающегося человека. Сообщите мне, что происходит и есть ли у Вас надежда, и, если можно, скажите ему от меня, что мои пожелания сливаются с Вашими.

Е л е н а.

⟨2⟩

⟨27—28 января 1837 г.⟩

Я еще не смею надеяться по тому, что Вы мне сообщаете, но я хочу спросить Вас, не согласились бы послать за Мандтом, который столь же искусный врач, как оператор. Если решатся на Мандта, то, ради бога, поспешите и располагайте ездовым, которого я Вам направляю, чтобы послать за ним. Может быть, он будет в состоянии принести пользу бедному больному; я уверена, что вы все решились ничем не пренебречь для него.

Е.

⟨3⟩

⟨27—28 января 1837 г.⟩

Тысяча благодарностей за внимание, с которым Вы, мой добрый г. Жуковский, делитесь со мною Вашими надеждами, они становятся также моими, и я прошу Вас сообщить мне, хотя бы на словах, длится ли улучшение. Если бы это было угодно богу!

Е.

⟨4⟩

⟨29 января 1837 г.⟩

Итак, свершилось, и мы потеряли прекраснейшую славу нашего отечества! Я так глубоко этим огорчена, что мне кажется, что во мне соединяются сожаления и его друзей, и поклонников его гения. Тысяча прочувствованных благодарностей Вам, мой добрый г. Жуковский, за заботливость, с которою Вы приучали меня то надеяться, то страшиться. Как она тягостна, эта скорбь, которая нам осталась!

Когда сможете, Вы сообщите мне, как чувствует себя его бедная жена, о которой я не забываю и которую жалею от глубины души!

Е.

ГОСТИНАЯ В ПОСЛЕДНЕЙ КВАРТИРЕ ПУШКИНА В ДОМЕ НА МОЙКЕ В ПЕТЕРБУРГЕ
Ныне музей-квартира Пушкина
Фотография М. А. Величко, 1951 г.

Автограф. ИРЛИ. Собрание А. Ф. Онегина.— Подлинники на французском языке

Елена Павловна, рожд. принцесса вюртембергская (1806—1873) — жена вел. кн. Михаила Павловича.

Пушкин записал в своем дневнике о встречах с Еленой Павловной и чтении ею запретных записок Екатерины II (XII, 330, 336). Сама Елена Павловна сообщала 26 декабря 1836 г. мужу из Петербурга в Лозанну: «Я видаю иногда Вяземского, как и твоих протеже — семью его, и я приглашала два раза Пушкина, беседа которого кажется мне очень занимательной» (неизд.— ЦГИА, ф. 647, оп. 1, ед. хр. 559, л. 70 об.— Подлин. на франц. яз.).

Жуковский вспоминал: «Великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчет ее высочеству согласно с ходом болезни» (Соч. Жуковского, изд. 8-е, т. VI, СПб., 1885, стр. 17). Записки Жуковского не дошли до нас.

В бумагах Елены Павловны сохранилось несколько писем Михаила Павловича 1837 г. с откликами на гибель Пушкина. Узнав из французских газет о дуэли, он

писал 23 февраля/7 марта: «Не является ли это еще одним последствием происков этого любезного комитета общественного спасения, который хочет во все вмешиваться и все улаживать, а делает одни глупости» (неизд.— ЦГИА, ф. 647, оп. 1, ед. хр. 559, л. 22—22 об.— Подлин. на франц. яз.). А 27 февраля 11 марта из Генуи отвечал на письмо Елены Павловны с подробностями о преддуэльной истории: «Увы, мои предвидения слишком осуществились и работа клики злословия привела к смерти человека, имевшего несомненно наряду с недостатками большие достоинства. Пусть после такого примера проклятие поразит этот подлый образ действия; пусть, наконец, разберутся в махинациях этой конгрегации, которую я называю комитетом общественного спасения, и для которой злословить значит дышать...» (неизд.— Там же, ед. хр. 559, л. 117.— Подлин. на франц. яз.). В письме от 23 апреля/5 мая к Николаю I Михаил Павлович снова упоминает о дуэли, как о катастрофе, вызванной «мерзкими и гнусными сплетнями» (там же).

Политическую характеристику позиций Елены Павловны и ее мужа в последние дни жизни Пушкина и после его кончины см. во вступительной статье Д. Д. Благого, стр. 25—27.

Об отношении светских кругов к гибели Пушкина свидетельствует еще один новый документ — запись П. А. Вяземского о гр. П. Д. Киселеве от 18 ноября 1847 г.: «Со смерти Пушкина я у него не был. До того времени мы с юношества были дружны с Киселевым и на ты. Но после истории и кончины Пушкина мне показалось, что он держался противной стороны и не довольно патриотически принял это дело — я тут же круто развязал все сношения с ним. Позднее они возобновились, но, разумеется, уже подогретые» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2036, л. 7.— Строки эти написаны Вяземским на письме к нему П. Д. Киселева).

118. Я. М. НЕВЕРОВ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

Петербург. 28 января <1837 г.>

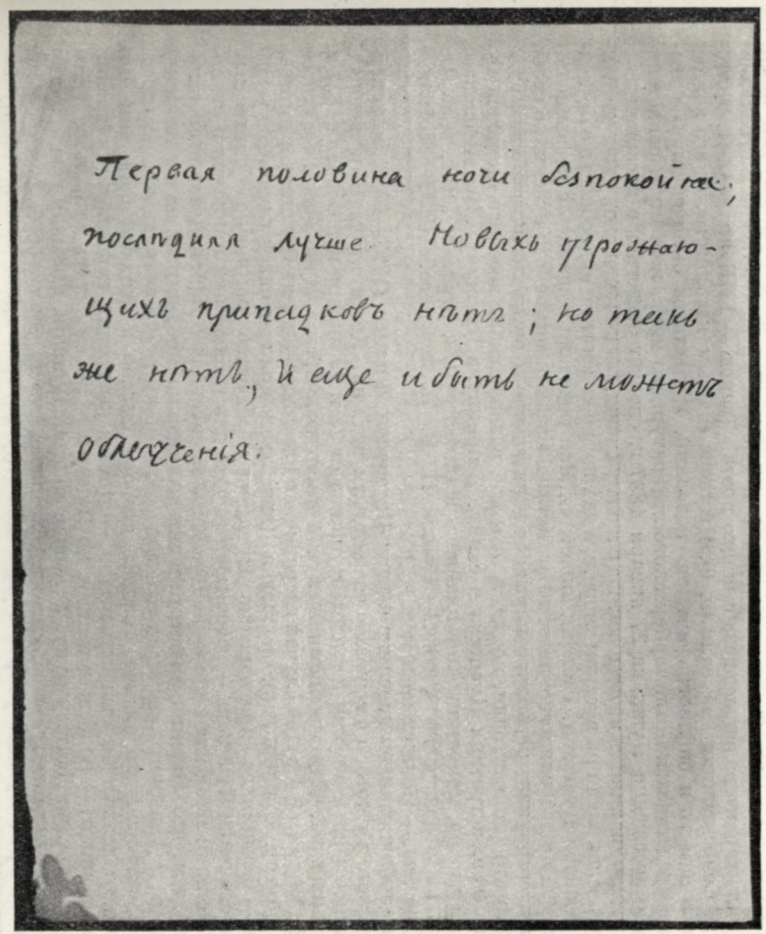
...Первое письмо мое к Вам по приезде из Москвы принесет грустную весть о происшествии, возбудившем сочувствие в целом городе. Наш поэт, наш бедный Пушкин борется со смертию и, может быть, в эту минуту уже более не существует. Вчера вечером он имел жестокую дуэль с своим свояком Дантесом — и ранен смертельно пулею в левый бок. Причины этого страшного приключения еще не известны [1], но по всему видно, что то была оскорбленная честь супруга; впрочем, зачем оскорблять, может быть, невинных — рассказываю факт и умолчу о толках, разнесшихся по городу. Не прошло трех недель, как Пушкин выдал сестру жены своей за Дантеса,— и вот он на смертном одре! Дантес также ранен, но не опасно. Стрелялись в шести шагах — и два раза [2]. Сегодня вечером Арендт делал операцию Пушкину — отчаянную операцию — и, бог знает, какие будут следствия. Я живу возле самого того дома, который занимает Пушкин, и нас разделяет одна только стена, так что получаю через человека известия о всех переменах с больным. Он приобщился перед операциею — и теперь лежит весь опухший и охладевший. Государь принимает в нем большое участие — писал к нему собственноручно письмо, в котором успокаивал его, что в случае выздоровления он не должен опасаться не только наказания, но даже и немилости, что он останется к нему попрежнему расположенным, а если уже должна Россия его лишиться, то царь берет на себя обязанность заменить отца его детям [3]. Сегодня целый день перед домом Пушкина толпились пешеходы и разъезжали экипажи: весь город принимает живейшее участие в поэте, беспрестанно присылают со всех сторон осведомляться, что с ним делается.

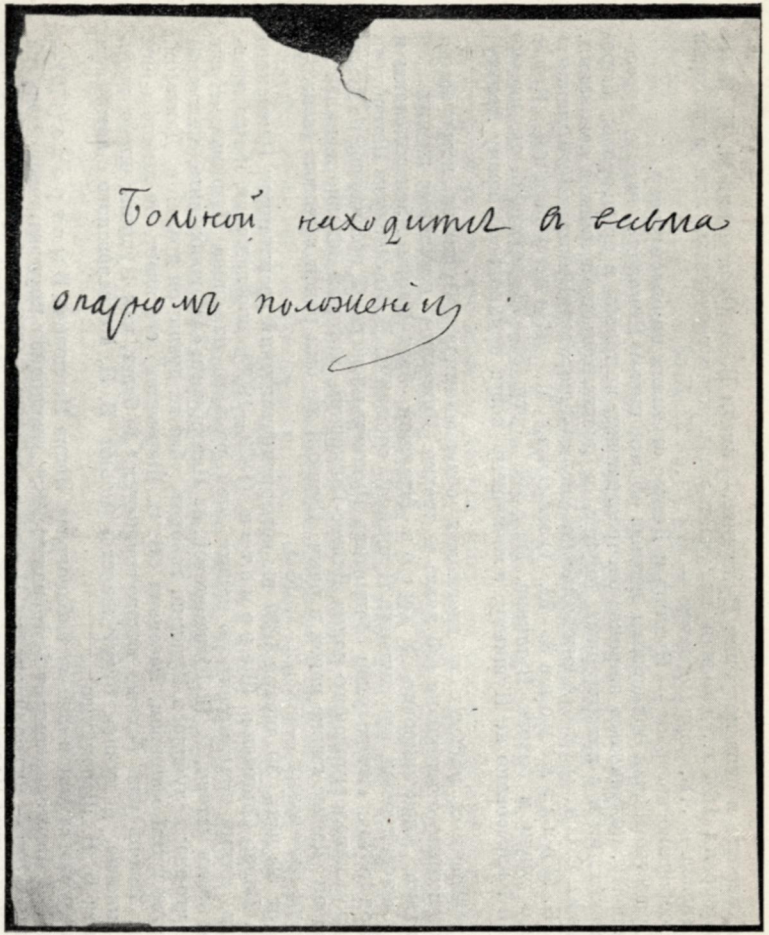
Вот, любезнейший Степан Петрович, Вам печальная новость! Кто бы ожидал такого конца для Пушкина!...

ГПБ. Архив С. П. Шевырева.

Январий Михайлович Неверов (1810—1893) — литератор, помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения».

До нас дошло письмо Неверова к Т. Н. Грановскому от 29 января 1837 г., близкое по содержанию к публикуемому письму (см. «Моск. пушкинист», вып. I, 1927, стр. 42—45).


Первая половина ночи безпокойна;
последняя лучше. Новыхъ угрожающихъ припадковъ нѣтъ; но тѣхъ
же нѣтъ, и еще избыть не можетъ
облегченія.


Больной находится в весьма
опасном положении

БЮЛЛЕТЕНИ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ПУШКИНА

Написаны рукою Жуковского. Вывешивались на дверях квартиры Пушкина в дни его предсмертной болезни 28—29 января 1837 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[1] «Хитрость и сила погубили Пушкина»,— писал В. И. Оболенский М. П. Погодину 3 февраля 1843 г., намекая на участие высокопоставленных лиц в истории дуэли (неизд.— ЛБ, фонд Погодина.— Пог./II, п. 22, № 68).

[2] Сообщение неверное — Пушкин и Дантес стреляли по одному разу.

[3] Существовавшая официозная легенда об этом письме Николая I, якобы, адресованном поэту, получившая широкое распространение не только в придворных, бюрократических, но и в литературных кругах, в действительности лишена основания. В статье Ю. Г. Оксмана «Апокрифическое письмо императора Николая I к Пушкину» (в кн.: Б. Модзалевский, Ю. Оксман, М. Цявловский. Новые данные о дуэли и смерти Пушкина. Пб., 1924, стр. 51—72) доказано, что письмо Николая I адресовано не Пушкину, а лечившему поэта придворному врачу Арндту.

В неизданных письмах и дневниках современников Пушкина встречаются многочисленные отклики на его дуэль и смерть. Приводим некоторые из них.

Михаил Александрович Урусов (старший брат Марии Александровны и Софьи Александровны, приятельниц Пушкина) сообщал С. Д. Киселеву из Петербурга 30 января 1837 г.: «Вчера умер сочинитель Пушкин после раны, полученной на дуэли с офицером кавалергардского полка Дантес-Геккерном, который недавно женился на Гончаровой. Дантес также ранен в руку; Пушкин же был ранен в живот» (неизд.— ЛБ, Фонд Киселевых — Кис./п. 7, № 1).

В тот же день, 30 января 1837 г., четырнадцатилетний воспитанник Пажеского корпуса Борис Сергеевич Шереметев (1822—1906), впоследствии композитор-дилетант, автор популярного до наших дней романса на слова Пушкина «Я вас любил», писал матери, В. П. Шереметевой, из Петербурга: «Ах, вообразите, милая маменька, что здесь случилось. Пушкин, говорят, убит на дуэли; он дрался с Дантесом, кавалергардским офицером. Васенька ⟨В. С. Шереметев⟩ его знает, он вместе с ним служил. Теперь уже больше такого сочинителя не будет, как Пушкин; право, жаль его, и многие, я думаю, будут жалеть» (копия Б. Л. Модзалевского с автографа из архива Б. Б. Шереметева).

Интересны строки в письме библиографа Ивана Павловича Быстрова (1797—1850) к С. Д. Полторацкому от 24 февраля 1848 г., вводящие в круг знакомых Пушкина новое лицо. Это — Федор Фролович Цветаев (1798—1859) — библиофил, библиотекарь библиотеки Плавильщикова, после перехода ее в руки А. Ф. Смирдина. Вот эти строки: «В достопамятный 27-й день января 1837 года Ф. Ф. Цветаев в 12-м часу утра был у Пушкина и говорил с ним о новом издании его сочинений. Пушкин был весел. А ввечеру того же числа Тургенев пришел к нему с известием, что Пушкин стрелялся! Какова сила характера нашего незабвенного поэта!» (неизд.— ГПБ, архив С. Д. Полторацкого). Современники называли Ф. Ф. Цветаева «живым каталогом», за его исключительную память и библиографические познания. У Цветаева были обширные знакомства с представителями петербургского литературного мира, поэтому к свидетельству его о посещении Пушкина 27 января 1837 г. следует отнестись с доверием.

В воспоминаниях Августы фон-Габленц (рожд. фон-Люцероде), дочери саксонского посланника при русском дворе, мы находим неизвестные подробности о последних днях жизни Пушкина. Габленц пишет: «...Мои родители общались с разными писателями ⟨...⟩ в особенности с поэтом Пушкиным. Пушкин сам не был красив, но очень любезен и остроумен, несколько порывист в разговоре и очень легко возбудим ⟨...⟩ Как будто это было сегодня, помню я. как мы, возвращаясь с веселого оживленного катания с гор, встретили Пушкина в санях. Я крикнула Пушкину: „Но вы опаздываете“, на что он, приветливо мне кланяясь и махая рукой, ответил: „Нет, м-ль Августа, я не опаздываю“» (неизд.— Копия П. В. Жуковского. ИРЛИ, собрание А. Ф. Онегина.— Подлин. на немец. яз.).

В неопубликованном дневнике Федора Петровича Литке (1797—1882), крупнейшего русского ученого, а в то время воспитателя вел. кн. Константина Николаевича, сохранились записи о дуэли и смерти Пушкина от 28 и 29 января и 1 февраля 1837 г.

«28 января. Два трагические случая в короткое время. В ночь на 26-е сгорел дом П. Ф. Анжу ⟨...⟩ Другой случай несравненно плачевнее— дуэль Пушкина и Дантеса сегодня поутру. Пушкин давно ревновал Дантеса; месяца три назад глупая, гнусная история — безымянное приглашение Пушкина в общество рогоносцев. Дантес женится на свояченице Пушкина — говорят, что будто для соблюдения приличия и отклонения внимания Пушкина и что m-me Пушкина продолжала с Дантесом кокетировать. Кончается тем, что Пушкин пишет ругательное письмо на Дантеса, но не к самому Дантесу, а к Геккерну (нидерландскому посланнику), усыновившему Дантеса. Государь, читавший это письмо, говорит, что оно ужасно и что если б он сам был Дантесом, то должен бы был стреляться. — Дантес выстрелил первый и прострелил Пушкина в живот, — подбежал к нему, но Пушкин велел ему стать на барьер, долго целил и прострелил Дантесу руку. Услышав об этом, Пушкин, имевший всю причину считать свою рану смертельною, сказал: „Сожалею, что не убил его“ ⟨...⟩

29 января. Пушкин умер в 3 часа дня ⟨...⟩ Говорят много вещей, но лучше забыть их и думать только о том, что померкла на горизонте литературы нашей звезда первой величины! ⟨...⟩

1 февраля. Сегодня похоронен Пушкин. Он производит смуту и по смерти. Жене его дано 5 тысяч пенсии, 2 дочерям — по тысяче, 2 сына — в пажи. Жуковскому приказание собрать все его бумаги; вздор сжечь, не показывая государю; остальное издать роскошно на казенный счет, в пользу детей...» (ЦГИА, ф. 790, оп. 1, ед. хр. 2).

Эти незначительные на первый взгляд строки дают ценные сведения. Какая-то часть их исходила непосредственно от Николая I (это очевидно из записи от 28 января), другая, возможно, от Жуковского. Прежде всего останавливает на себе внимание сообщение о чтении Николаем письма Пушкина к Геккерну. Записано это в контексте первой же записи о «трагическом случае». Литке сделал первую запись 28 января, на другой день после дуэли, ошибочно полагая, что дуэль состоялась «сегодня поутру».

Существенно то, что запись о чтении Николаем письма сделана 28 января; тем самым выясняется, во-первых, что посланные Геккерном царю при письме на имя Нессельроде документы, которыми он хотел оправдать Дантеса, включали в первую очередь письмо Пушкина; и, во-вторых, то, что Нессельроде передал эти бумаги Николаю в день получения их от Геккерна еще при жизни поэта, 28 января (см. П. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, стр. 320).

Из дневника Литке мы впервые узнаем слова Пушкина, сказанные им после выстрела в Дантеса: «Сожалею, что не убил его». Известна та же мысль, выраженная Пушкиным в другой форме: «Как только мы поправимся, начнем снова». Вяземский, передававший эти слова в письме к вел. кн. Михаилу Павловичу, сообщил их в следующем контексте: «услыхав от д'Аршиака, что Дантес не убит, а лишь ранен, Пушкин сказал: „Странно, я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, начнем снова“».

119. Н. Г. ОСОКИН — Г. ОСОКИНУ

Петербург. 1 февраля 1837 г.

...Спешу сообщить Вам новость самую неприятную для русских: у нас нет Пушкина — несчастное происшествие лишило Россию лучшего литератора. Пушкин убит на дуэли. Расскажу Вам подробности этого дела, тем больше, что я узнал их от самых верных людей. Александр Степанович [1] слышал от князя Вяземского. Князь Вяземский был друг Пушкина и узнал об этом происшествии от секунданта пушкинского, который обедал у него на другой день дуэли. Пушкин был знаком одному кавалерийскому офицеру, сыну голландского посланника; этот офицер часто посещал жену Пушкина — молоденькую, из первых красавиц Петербурга — и имел на нее не слишком благородные виды; чтобы прикрыть эти преступные намерения, он притворился влюбленным в сестру жены Пушкина, придворную даму и, вынужденный обстоятельствами, женился на ней, но через шестнадцать дней после свадьбы возобновил опять свои виды на жену Пушкина и, вероятно, не имея успеха, расславлял в обществе, что он имеет связи с его женой,— и был столько бесстыден, что однажды приглашал его ехать на бал этими словами: «Поедем к графине, там сегодня будет много рогоносцев, тебе кстати быть там». Обиженный Пушкин пишет к его отцу самое пасквильное письмо,— сын посланника вызывает его на дуэль, и 29 числа дуэль состоялась. Стрелялись из пистолетов на близком расстоянии, и Дантес стрелял первый и ранил Пушкина под сердце,— тот упал, но, поднятый секундантами, раздробил руку Дантеса; тотчас его привезли домой, с два часа жил после дуэли, получил прощение императора и умер с словами: «Ах! пуля дура». Три дня позволено было ходить к нему всем прощаться, и все эти три дня бездна народу и знатных и незнатных около дому и в доме, и плач и стоны, раздирающие душу. Брат мой [2] был также, мне не суждено было видеть великого литератора и поплакать над его гробом. Сегодня его похороны — его везут в Псковскую губернию, в его село...

Копия с подлинника из бумаг Н. Я. Агафонова в Казани.

Николай Григорьевич Осокин — студент Главного педагогического института в Петербурге, сын священника, родом из г. Грязова Вологодской губ.

Письмо Осокина основано на городских слухах, потому и изобилует неточностями. Неверно то, что Вяземский узнал о поединке от Данзаса, не таковы были последние

слова поэта, и т. д. Но письмо это ценно как свидетельство подлинного народного горя, вызванного гибелью Пушкина.

[1] Александр Степанович Жиряев (1815—1856) — двоюродный брат Осокина, студент Педагогического института, впоследствии профессор Дерптского и Петербургского университетов.

[2] Евграф Григорьевич Осокин (1819—1880) — студент Педагогического института, впоследствии профессор и ректор Казанского университета.

120. О. С. АКСАКОВА — Г. С. АКСАКОВУ

Москва. 3 февраля 1837 г.

...Нас поразила смерть Пушкина так, что мы не опомнимся, и вся Россия, верно, станет горько сожалеть о нем. Несчастная литература! Ждем подробностей о его смерти..

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/177-в).

Об Аксаковых см. ниже: «Гоголь в неизданной переписке современников».

Публикуемое письмо вызвано сообщением Г. С. Аксакова родителям о дуэли Пушкина: «Больше уже он не будет писать ни стихов, ни повестей. Очень жалко» (неизд.—ЦГИА, ф. 883, ед. хр. 7, лл. 1—2).

2 февраля 1837 г. Г. С. Аксаков писал К. С. Аксакову: «Пушкина отпевали в церкви, и было до 12 000 карет (!), но еще не похоронили. Как мне кажется, то Пушкин поступил в этом случае, как должно честному человеку; Дантес (офицер, с которым он дрался) отдан под военный суд. Я думаю, в Москве много различных рассказов о причинах этой дуэли» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 9, ед. хр. 4, л. 84).

В архиве Аксаковых сохранилось неизданное письмо М. Г. Карташевской к К. С. Аксакову из Петербурга от 31 января 1837 г.: «В четверг узнали мы очень неприятное известие, которое разнеслось уже по всему Петербургу, которое Вы, может быть, уже знаете, милый Костенька. В середу, 27, Пушкин убит на дуэли! Причина дуэли, конечно, была очень важная, потому что Пушкин был сильно взволнован, как я слышала. Итак, не существует уже того, кто так прекрасно, так верно описал, передал нам столько глубоких, сильных, нежных чувств. Теперь про него можно сказать:

Сокрылся он... и проч.
Кругом него глубокой сон
И хлад могилы безмятежной».

Дочь С. Т. Аксакова, В. С. Аксакова, сообщала М. Г. Карташевской 10 февраля 1837 г.: «Вчера после обеда мы сидели все в гостиной, и отесенька читал вслух стихи о Пушкине (...) В Москве все так огорчены и поражены смертью Пушкина, что только и говорят об нем. О, это потеря общая, она не принадлежит исключительно нам, русским, это потеря для всего человечества, в том она ужасна. Как могла бы я не сожалеть о нем, моя милая Машенька, после тех счастливых минут, какие доставило нам чтение „Онегина“ в Богородском. Помнишь ли ты, милая Машенька, то время? У нас в Москве пишут стихи о Пушкине, хотят их читать в обществе, хотели сделать торжественную панихиду по нем. У вас в Петербурге не все так понимают эту потерю» (неизд.— ИРЛИ, 10. 610. XV, л. 7).

Знакомый Пушкина по Одессе, Д. М. Княжевич, 23 февраля 1837 г. писал С. Т. Аксакову из Петербурга: «Пушкина жаль, очень жаль! А еще более жаль, что почти все наши отличные таланты кончают подобным образом: вспомните о Грибоедове, Рылееве, Батюшкове, Милонове, Озерове и пр. и пр. и пр.» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 83, л. 2—2 об.).

121. П. П. КАВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

М. Почаев. 25 февраля 1837 г.

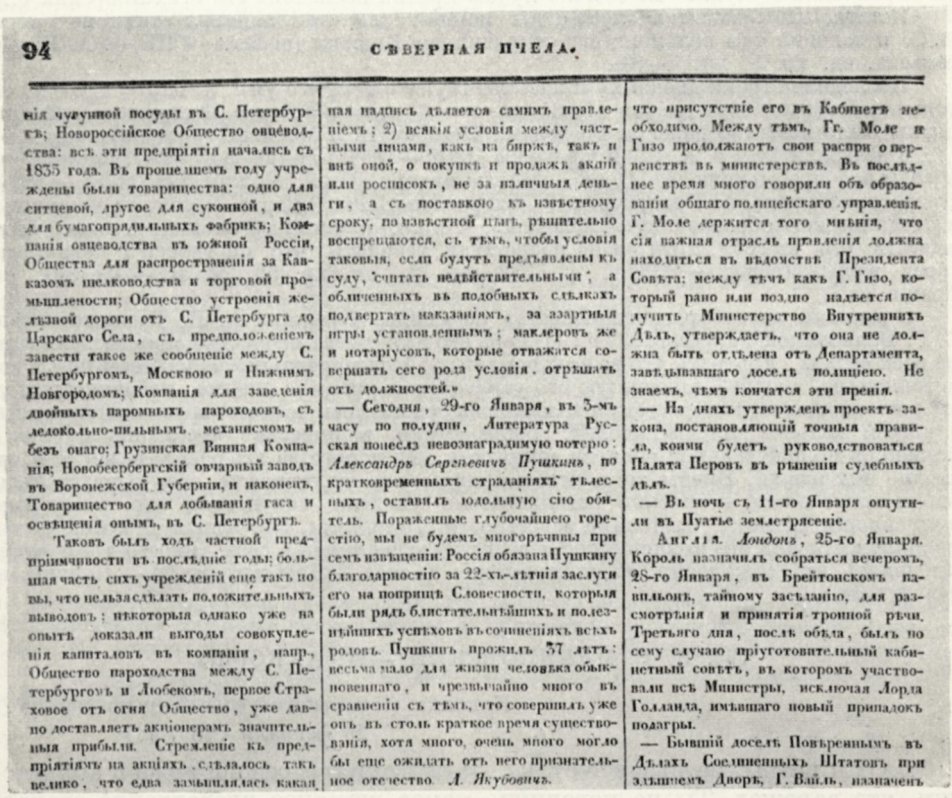
...Смерть Пушкина поразила меня. Как рано он умер для своей славы! И неужели он не достоин, чтобы об нем кто-нибудь сказал более, чем то, что мы, провинциалы, читали в «Пчеле» и «Петербургских ведомостях»[1]. Неужели Вы не уделите несколько времени от Ваших занятий — почтить память, смею сказать, бессмертного [2]. Вы знали его коротко и с дурной и с хорошей стороны, а свет во многом порицает его. Мне кажется, что с славой поэта неразлучны достоинства нравственные. Шалости — не пороки,

а Пушкин много в молодости шалил; неужели современники и потомство только на них оснуют свое мнение о нравственности нашего поэта?

Здесь носится слух об какой-то дуэли — неужели он справедлив? Ужасно, если правда. Умоляю, напишите два слова об этом. Вы знаете, что Пушкин мне был близок — и я душевно грущу...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1977, л. 3—3 об.).

Петр Павлович Каверин (1794—1855) — офицер, член Союза Благоденствия, приятель юности Пушкина (1816—1818). Ему посвящены послание «К Каверину» (1817) и «Надпись к портрету Каверина» (1817).



94 СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

нія чугунной посуды въ С. Петербургѣ; Новороссійское Общество овцеводства: всѣ эти предпріятія начались съ 1835 года. Въ прошедшемъ году учреждены были товарищества: одно для ситцевой, другое для суконной, и два для бумагопрядильныхъ фабрикъ; Компанія овцеводства въ южной Россіи, Общества для распространенія за Кавказомъ шелководства и торговой промышлености; Общество устроенія желѣзной дороги отъ С. Петербурга до Царскаго Села, съ предположеніемъ завести такое же сообщеніе между С. Петербургомъ, Москвою и Нижнимъ Новгородомъ; Компанія для заведенія двойныхъ паромныхъ пароходовъ, съ ледокольно-пильнымъ механисмомъ и безъ онаго; Грузинская Винная Компанія; Новобеербергскій овчарный заводъ въ Воронежской Губерніи, и наконецъ, Товарищество для добыванія гаса и освѣщенія онымъ, въ С. Петербургѣ.

Таковъ былъ ходъ частной предпріимчивости въ послѣдніе годы; большая часть сихъ учрежденій еще такъ новы, что нельзя сдѣлать положительныхъ выводовъ; нѣкоторыя однако уже на опытѣ доказали выгоды совокупленія капиталовъ въ компаніи, напр., Общество пароходства между С. Петербургомъ и Любекомъ, первое Страховое отъ огня Общество, уже давно доставляетъ акціонерамъ значительныя прибыли. Стремленіе къ предпріятіямъ на акціяхъ сдѣлалось такъ велико, что едва замышлялась какая

ная надпись дѣлается самимъ правленіемъ; 2) всякія условія между частными лицами, какъ на биржѣ, такъ и внѣ оной, о покупкѣ и продажѣ акцій или росписокъ, не за наличныя деньги, а съ поставкою къ извѣстному сроку, по извѣстной цѣнѣ, рѣшительно воспрещаются, съ тѣмъ, чтобы условія таковыя, если будутъ предъявлены къ суду, считать недѣйствительными; а обличенныхъ въ подобныхъ сдѣлкахъ подвергать наказаніямъ, за азартныя игры установленнымъ; маклеровъ же и нотаріусовъ, которые отважатся совершать сего рода условія, отрѣшать отъ должностей.»

— Сегодня, 29-го Января, въ 3-мъ часу по полудни, Литература Русская понесла невознаградимую потерю: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*, по кратковременныхъ страданіяхъ тѣлесныхъ, оставилъ юдольную сію обитель. Пораженные глубочайшею горестію, мы не будемъ многорѣчивы при семъ извѣщеніи: Россія обязана Пушкину благодарностію за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ Словесности, которыя были рядъ блистательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ успѣховъ въ сочиненіяхъ всѣхъ родовъ. Пушкинъ прожилъ 37 лѣтъ: весьма мало для жизни человѣка обыкновеннаго, и чрезвычайно много въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ уже онъ въ столь краткое время существованія, хотя много, очень много могло бы еще ожидать отъ него признательное отечество. *Л. Якубовичъ.*

что присутствіе его въ Кабинетѣ необходимо. Между тѣмъ, Гг. Моле и Гизо продолжаютъ свои распри о первенствѣ въ министерствѣ. Въ послѣднее время много говорили объ образованіи общаго полицейскаго управленія. Г. Моле держится того мнѣнія, что сія важная отрасль правленія должна находиться въ вѣдомствѣ Президента Совѣта; между тѣмъ какъ Г. Гизо, который рано или поздно надѣется получить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, утверждаетъ, что она не должна быть отдѣлена отъ Департамента, завѣдывавшаго доселѣ полиціею. Не знаемъ, чѣмъ кончатся эти пренія.

— На дняхъ утвержденъ проектъ закона, постановляющій точныя правила, коими будетъ руководствоваться Палата Перовъ въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ.

— Въ ночь съ 11-го Января ощутили въ Пуатье землетрясеніе.

Англія. *Лондонъ*, 25-го Января. Король назначилъ собраться вечеромъ, 28-го Января, въ Брейтонскомъ павильонѣ, тайному засѣданію, для разсмотрѣнія и принятія тронной рѣчи. Третьяго дня, послѣ обѣда, былъ по сему случаю пріуготовительный кабинетный совѣтъ, въ которомъ участвовали всѣ Министры, исключая Лорда Голланда, имѣвшаго новый припадокъ подагры.

— Бывшій доселѣ Повѣреннымъ въ Дѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ при здѣшнемъ Дворѣ, Г. Вайль, назначенъ

НЕКРОЛОГ ПУШКИНА

Написан Л. А. Якубовичем

«Северная пчела», 1837 г., № 24 от 30 января

[1] В «Северной пчеле» № 24 от 30 января 1837 г. был помещен некролог Пушкина, написанный Л. Якубовичем; в «С.-Петербургских ведомостях» от 31 января, № 25— краткое сообщение.

[2] В то время Вяземский не мог выступить в печати со статьей о Пушкине. Взрывы народного горя и возмущения, вызванные убийством Пушкина, дали правительству повод обвинить Пушкина и его близких друзей в политической неблагонадежности.

В эти же недели саратовский гимназист А. И. Артемьев (1820—1874), будущий археолог, этнограф и географ, записал в своем дневнике:

«Февраль 12. Здесь в Саратове получили известие о дуэли А. С. Пушкина, известного прекрасного поэта. Толкуют различно; среднее пропорциональное: какой-то гвардеец ездил к его жене; он подозревал, но гвардеец открылся, что он влюблен в его свояченицу, сестру жены А. С., и просил ее (жену А. С.), чтоб она поговорила своей сестре об этом. Что долго думать? Веселым пирком да за свадебку ⟨...⟩ Но после свадьбы А. С. застал гвардейца у жены своей и вызвал его. Гвардеец убит; А. С. смертельно ранен ⟨...⟩

18 февраля <...> Смерть А. С. Пушкина и здесь занимает <...> некоторых, в том числе и <...> меня! Невольно призадумаешься при смерти важного лица. Это был вельможа русской словесности!.. Спрашиваешь: кто заступит его место? И не знаешь, что отвечать! <...> Мир, мир праху твоему!...

Сны замогильные непонятны людям!

Когда-то явится другой Пушкин?!

Когда похороняли, то народу было премножество. 2 февраля у саксонского посланника был бал, но не танцовали из уважения к горести русских...

14 марта <...> Увы! Пушкин под конец был не то, что прежде <...> После красноречивого, сильного возражения, угрожения „Клеветникам России" он умолк, оглушенный шумом „Бородинской годовщины". Изредка он брался писать, но с каким-то небрежением, и его последние стихотворения некрасивы <...> Один „Гусар", да еще „На выздоровление Лукулла" несколько лучше прочих последних его стихотворений <...>

Кстати, здесь носится слух, будто какой-то капитан написал стихи на смерть А. С. и зацепил там вельмож; его отправили на Кавказ» (неизд.— ГПБ, ф. А. И. Артемьева, ед. хр. 5, лл. 9—10).

Последние строки дневника свидетельствуют о том, что уже в марте 1837 г. не только обстоятельства смерти Пушкина, но и стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» было известно даже за пределами Петербурга и Москвы.

6 февраля 1837 г. А. П. Дурново (1804—1859), лично знавшая Пушкина еще в годы его пребывания в Одессе, писала матери, С. Г. Волконской (1785—1868), сестре декабриста, из Петербурга во Флоренцию: «Эта смерть <Пушкина> приводит в отчаяние всю образованную молодежь. Толки, анонимные письма должны были вывести его из себя, хотя он не переставал твердить, что он уверен в невинности своей жены» (неизд.— ЦГИА, ф. 732, оп. 1, ед. хр. 53, л. 10.— Подлин. на франц. яз.).

О реакции петербургского общества на смерть Пушкина А. П. Дурново писала С. Г. Волконской 7 апреля 1837 г.: «Теперь его имя у всех на устах, произведения его на всех столах, портреты его во всех домах <...> Подозрительные характеры по-своему истолковали скорбь, вызванную его утратой, ибо рядом с личной преданностью за доброе отношение, которое ему оказывалось, уживалось жгучее воображение поэта, слишком вольное для мыслителей. Были тут и излишества чрезмерно бурной и лишенной положительной религии молодости. Он дорого за это расплатился, т. к. это стоило ему жизни. Вместо того, чтобы понять, что оплакивали его выразительное вдохновение поэта, несносные истолкователи увидели сочувствие его поступкам, получившим огласку, благодаря известности его таланта. Это влечет за собой частые неприятности для его поклонников и вынуждает их таить в себе, вместо того, чтобы проявлять их, сожаления об этой потере» (неизд.— Там же, л. 18.— Подлин. на франц. яз.).

122. И. В. МАЛИНОВСКИЙ — М. А. КОРФУ

Каменка <Изюмского уезда Харьковск. губ.>.
26 февраля <1837 г.>

...Ох, братцы, не уходите от нас. Наш круг все реже и реже и кончится тем, что зарежет. Ты не поверишь, какое грустное впечатление сделала мне смерть Пушкина.— «На кобылку недруг сел» (из его «Ворона»): Беда![1] А утешился лишь тем, что с рыжим пламенем во взоре был наш лицеян, не на одно же веселье ожидай наших.—Клеветник России повалил автора «Клеветников России»[2]. Я с сей пьесы начал уважать в особенности патриотизм его— и доказал бы сие уважение на месте! Не знаю как у вас о сем рассуждают, а у нас едва ли и прокурор бы пропустил[3]. Прости, что увлекся сим важным впечатлением...

Автограф. ЦГИА. Фонд М. А. Корфа (№ 728, ед. хр. 1624, ч. II, л. 12—12 об.)

Иван Васильевич Малиновский (1796—1873) — один из любимых лицейских товарищей Пушкина, в это время предводитель дворянства Изюмского уезда. Пушкин вспоминал Малиновского перед смертью: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского: мне бы легче было умирать» (А. Аммосов. Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. СПб., 1863, стр. 35).

Модест Андреевич Корф (1800—1876) — лицейский товарищ Пушкина, в это время крупный чиновник. Пушкин переписывался с Корфом в октябре 1836 г. по поводу исторической литературы о Петре (XVI, 164—165, 168).

[1] Цитата из стихотворения Пушкина «Ворон к ворону летит».

[2] См. примеч. к письму № 82.

[3] Очевидно, Малиновский имеет в виду суд над Дантесом.

123. В. Г. ТЕПЛЯКОВ — Р. С. ЭДЛИНГ

Пера. 5/17 марта 1837 г.

...Но довольно обо всех этих неудачах. Поговорим о другом. О, фатум! Почему я, самое бесполезное из всех созданий, не погиб лучше на месте Пушкина, славы и чести своей родины. Следует заметить, что дипломаты сговорились обвинять самого несчастного в его смерти. Но кто же эта известная нам женщина и как стала она орудием этой жестокости [1]? Я хотел бы знать до малейшей подробности об этой кровавой трагедии, чтобы попытаться направить признательность моей души тому, кто соблаговолил так по-христиански утешить благородного поэта на пороге вечности...

Копия из бумаг Б. Л. Модзалевского.— Подлинник на французском языке.

Виктор Григорьевич Теплякоов (1804—1842) — поэт; на книгу его стихотворений («Фракийские элегии») Пушкин написал одобрительную рецензию.

Роксандра Скарлатовна гр. Эдлинг, рожд. Стурдза (1786—1844) — сестра А. С. Стурдзы (дипломата и идеолога реакции александровского царствования, заклейменного эпиграммой Пушкина «Холоп венчанного солдата...»), знакомая и корреспондентка Жозефа де Местра, Сент-Бева и др. Пушкин бывал у нее в Одессе.

Письмо Теплякова к Эдлинг — ответ на ее письмо к нему от 18 февраля 1837 г. из Одессы («Русская старина», 1896, № 8, стр. 415—417).

Письма Теплякова о смерти Пушкина см. в «Русской старине», 1896, № 4, стр. 200—207 и № 9, стр. 661—662.

[1] Этот вопрос Теплякова вызван следующим местом из упомянутого письма Эдлинг: «Указывают на одну даму, известную нам обоим; говорят, что она была орудием этого ужасного злодеяния. Мне не верится в это». В следующем письме, от 17 марта, Эдлинг разъяснила: «Хитрово, которую хотели очернить в общественном мнении, приписывающем большое участие ей в этой интриге, ухаживала за Пушкиным до его последней минуты, и я нахожу, что это обстоятельство служит ее оправданием» («Русская старина», 1896, № 8, стр. 417—418).

Оба утверждения Эдлинг неверны. Елизаветы Михайловны Хитрово не было среди близких друзей, дежуривших в квартире умирающего Пушкина. Что же касается ее мнимого участия в интриге, опутавшей поэта в последние месяцы его жизни — то эта клевета была в свое время опровергнута еще Вяземским: «Хотя Елизавета Михайловна по семейным связям своим и примыкала к дипломатической среде, но здесь она безусловно и исключительно была на русской стороне. В Пушкине глубоко оплакивала она друга и славу России» («Из старой записной книжки».— «Русский архив», 1877, т. I, стр. 514).

124. О. А. ДОЛГОРУКОВА — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Баден-Баден. 14/26 марта 1837 г.

...Не знаю, как приступить к печальному событию, которое нас так потрясло; печальному особенно для Вас, друга Пушкина. Словно под влиянием предчувствия, Вы писали нам в Вашем письме от 12 числа, говоря о женитьбе Дантеса: «Сижу у моря и жду погоды» [1]. Бедный князь, дождались! Эта грустная история рассказывалась в стольких различных вариантах, что поистине остаешься без собственного мнения о том — кто же виноват? [2] Решить это — трудная задача, и я думаю — это тайна для света. Жертвы нам известны: во-первых, Ваш несчастный друг и, во-вторых, молодой Дантес. Здесь находится несколько родственников этого молодого человека, и они с большой тревогой ожидают решения суда над ним, однако не принимая сторону Дантеса, который, по мнению многих, и моему собственному, дал значительные доказательства своей вины, вступив в брак с Гончаровой, у которой нет теперь никакой надежды на счастье, особенно если она его любит, как говорят. Мы все отдали должное памяти несчастного Пушкина и, конечно, ни одно русское сердце не выслушало без волнения известие о

печальной гибели, которая так рано похитила его у нас. Я и не пытаюсь, дорогой князь, сколько-нибудь утешать Вас, ибо я нахожу, что в жизни бывают минуты, когда этого нельзя делать; друг еще может быть заменен (хотя и очень редко), но будет ли существовать другой Пушкин для его друзей? А нам? Кто вернет нам нашего любимого поэта?

Если Вы в состоянии мне отвечать, милый князь, ⟨...⟩ сообщите мне, прошу Вас, что Вы думаете об этой ужасной драме. Нужно ли говорить Вам, что это будет только для меня и моего мужа?...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1855, л. 3).— Подлинник на французском языке (кроме слов, выделенных разрядкой).

Ольга Александровна кн. Долгорукова (1813 или 1814—1865)—младшая дочь А. Я. Булгакова. Три письма Булгакова к дочери о смерти Пушкина опубликованы (см. «Красный архив», т. 33, 1929, стр. 222—235).

[1] Это письмо Вяземского к Долгоруковой до нас не дошло.

[2] Вяземский 7/19 апреля 1837 г. отвечал Долгоруковой: «Бедный Пушкин был, прежде всего ⟨...⟩ жертвою своего положения в обществе, которое, льстя его тщеславию, временами раздражало его,— жертвою своего пламенного и вспыльчивого характера, недоброжелательства салонов и в особенности жертвою жестокой судьбы ⟨...⟩ Достоверно лишь то, что меньше всего виноват сам Пушкин». Вяземский послал Долгоруковой, кроме того, копию своего письма о смерти Пушкина к А. Я. Булгакову («Красный архив», т. 33, 1929, стр. 231).

Еще ранее, 25 февраля 1837 г., Долгорукова писала отцу: «Трагическая кончина бедного Пушкина все еще продолжает быть предметом всех разговоров у Вас, и я это хорошо понимаю, так как даже нас, столь отдаленных от места действия этого трагического события, это очень занимает; даже иностранцев, знающих его только благодаря его широкой известности. Все газеты говорят про эту дуэль, и „Le Temps", поместивший на своих столбцах биографию покойного, не преминул рассказать всякие глупые небылицы. Но как грустно для его бедной вдовы сделаться известной всей Европе вследствие смерти мужа. По-моему, очень трудно судить об этом печальном деле ⟨всё ?⟩* так покрыто мраком, что один бог знает виновного. Тем не менее, бедная женщина будет, быть может, всегда упрекать себя в смерти мужа» (неизд.— ЛБ. Булг./II, 38/3, № 30.— Подлин. на франц. яз.).

В архиве Булгаковых сохранились еще два письма о смерти Пушкина. Это— письма к А. Я. Булгакову от второй его дочери, Екатерины Александровны Соломирской. 30 января 1837 г. она писала отцу из Царского села: «Представьте себе, дорогой папенька, что бедный Пушкин умер вчера в самых ужасных страданиях ⟨...⟩ Все ужасно жалеют Пушкина, не говоря уже о таланте, но как хорошего приятеля» (неизд. — Там же).

В письме от 6 февраля 1837 г. Соломирская снова возвращается к гибели Пушкина: «Позавчера Паолино ⟨П. Д. Соломирский⟩ был в Петербурге и говорит, что разговоры только о смерти этого бедного Пушкина, тело которого уже увезли в Псков, в одно из его имений, чтобы там его похоронить» (неизд.— Там же).

125. А. Ф. ВЕЛЬТМАН — М. П. ПОГОДИНУ

⟨Петербург. Март — июнь 1837 г.⟩

...Посылаю при сем «Волшебную ночь» — пиесу, которую я еще по совету Пушкина переобразовал из «A Midsummer Night's dream»[1]. Я думал ее печатать вместе с прочими моими драматическими грехами [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (Пог./II, п. 6, № 63).

Александр Фомич Вельтман (1800—1870) — писатель и археолог, знакомец Пушкина по Кишиневу.

[1] «Сон в летнюю ночь» Шекспира.

Публикуемое нами свидетельство Вельтмана окончательно раскрывает смысл слов Пушкина: «Что Вельтман? ⟨...⟩ и что его опера?» (письмо от 2 декабря 1832 г. — XV, 37). Строки эти имели в виду либретто Вельтмана на тему пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» (ср. П. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855, стр. 37). Музыку к этой опере писал композитор

---

* Одно слово истлело.

А. П. Есаулов, в судьбе которого Пушкин принимал большое участие (см. также П. Бартенев. Девятнадцатый век. Т. I. М., 1872, стр. 305; Пушкин. Письма, т. III, Ред. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., 1935, стр. 307—310). Можно предположить, что именно ради Есаулова Пушкин и побуждал Вельтмана писать либретто. Как теперь выясняется, сюжет для сказочной оперы Вельтмана и Есаулова был выбран Пушкиным.

[2] В предыдущем письме (без даты) Вельтман писал Погодину: «Я никак не отказываюсь даже на коленях принести малую жертву от крох моих тени любимого нашего поэта, но еще не успел ничего сделать доброго и достойного помещения в „Современнике“» (неизд.— Там же). Однако в «Современнике» 1837 г. не появилось ни одного произведения Вельтмана.

126. В. И. ДАЛЬ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Оренбург. 5 апреля <1837 г.>

...Перстень Пушкина, который звал он — не знаю почему — талисманом, для меня теперь настоящий талисман — Вам я это могу сказать. Вы меня поймете. Как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное [1]. У меня давно

Вчера, 29-го Января, въ 3-мъ часу по полудни, скончался *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*. Русская Литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ПУШКИНА
«С.-Петербургские ведомости», 1837 г., № 25 от 31 января

на уме уральский роман; быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинами и жизнью — самородою; это заветный уголок, который должен быть свят каждому русскому...

Автограф. ГПБ. Архив В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 467).

Владимир Иванович Даль (1801—1872) — писатель и врач, составитель знаменитого «Толкового словаря». Даль дежурил у постели умирающего Пушкина и был свидетелем его последних минут. Сводку литературы об отношениях между Далем и Пушкиным см. в кн.: «Рукою Пушкина». М.— Л., 1935, стр. 725—726.

[1] В своих «Воспоминаниях о Пушкине» Даль пишет: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом» (Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 419).

О том, какое влияние оказал Пушкин на Даля и какие советы давал ему, прочитав его первые литературные опыты,— см. в тех же «Воспоминаниях» (стр. 418).

127. П. Б. КОЗЛОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Варшава. Апрель 1837 г.>

...Теперь, когда противник Пушкина за пределами нашей страны [1], нет нужды так пристально рассматривать смягчающие вину обстоятельства. Тогда для меня имело значение высказать свою мысль о вине этого человека, потому что он был под ударом законного наказания. Предоставим его угрызениям его совести, ибо, поверьте мне, это самая страшная кара <...>

Это фатовство, когда оно сопровождается убийством, уже не является источником мелких утех тщеславия. Наш бедный друг незаменим, ибо без этой неуравновешенности (instabilité), приведшей его к могиле, он не был бы, как Вы очень остроумно замечаете, человеком, которого мы любили...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5083, л. 350 — 350 об.). — Подлинник на французском языке.

[1] Дантес был выслан из России 22 марта 1837 г.

128. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — П. В. НАЩОКИНУ

⟨Петербург.⟩ 24 мая ⟨1837 г.⟩

...Вы, говорят, имеете прекрасный бюст незабвенного нашего друга [1]. Если поступили уже в продажу слепки с него, то пришлите сюда их несколько, а в особенности один на мое имя. У меня есть картина, изображающая его в гробе, не та, что литографирована, а другая, в которой более сходства [2]. Если хотите, рублей за 150 можно списать ее для Вас. 1-ая книжка «Современника» подходит к концу. Я еще не могу опомниться от нанесенного нам удара. Понимаю и Вашу скорбь. Он Вас так любил...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1282, л. 1 об.).

Павел Воинович Нащокин (1800—1854) — один из самых близких и любимых друзей Пушкина.

В архиве М. П. Погодина сохранились два письма Нащокина 1837 г. Первое (как письмо неизвестного) опубликовано в «Лит. наследстве», т. 16-18, 1934, стр. 724; из второго приводим заключительные слова: «Я к Вам хотел быть и уведомить Вас о многом весьма для Вас интересном касательно друга нашего Пушкина.— Я же был всё время у него, т. е. у жены его. Уведомьте меня, могу ли завтра утром застать Вас дома» (неизд.— ЛБ, ф. Пог./II, п. 21, № 119).

[1] В 1831—1833 гг. Нащокин настойчиво просил Пушкина заказать для него свой портрет. Но Пушкин так и не удосужился исполнить просьбу друга. В первые же дни после смерти поэта Нащокин заказал скульптору И. П. Витали бюст покойного. 29 апреля 1837 г. М. П. Погодин писал Вяземскому: «Какой бюст у нас вылеплен! Как живой! Под надзором Нащокина делал Витали» («Старина и новизна», кн. 4, 1901, стр. 34).

31 мая 1837 г. мастерскую И. П. Витали посетила С. В. Филатьева. Вот что записано у нее в дневнике: «Среди скульптур мы заметили бюст писателя Пушкина, похищенного у нас смертью 28 января и утрата которого всегда будет непоправимой для нашей литературы. Он был смертельно ранен на дуэли с Дантесом (или вернее с Геккерном). Письмо, написанное Жуковским отцу поэта и любезно предоставленное нам Ярцевым, ознакомило нас с подробностями последних часов его страданий, в течение которых он проявил терпение и безропотность истинно христианские. Ревность и яд анонимных писем были причиной несчастья этого поэта, столь дорогого русским» (неизд.— ЛБ. Фил., 2, л. 55—55 об.).

В 1839 г. Нащокиным же был заказан художнику К. Мазеру портрет Пушкина (см. о нем: «Пушкин и его друзья». Ред. и вступ. статья И. Зильберштейна. М., 1937, стр. 17—21).

Слепки с бюста Витали 1837 г.— неизвестны (см. статью: М. Беляев и П. Рейнбот. Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга.— «Пушкин и его современники», вып. XXXVII, Л., 1928, стр. 200—204).

8/20 декабря 1837 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому из Парижа: «Принесли мне из Министерства иностранных дел бюстик Пушкина, и я уже справлялся, где заказать, но мраморный: уложу всё и отдарю тебя лучшим экземпляром курчавого поэта, убавив несколько кудрей его. Сходство удивительное. Я роздал в Пруссии все портреты его, кои взял с собою; у брата не очень сходный; Любский обещал мне другой; но всё лучше пришли самый сходный, по коему исправят его волосы, ибо в чертах лица и в скорбном выражении оного я бы не хотел ничего переменять: я так его помню, как он в бюсте» (неизд. — ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 2252). Вяземский, в свою очередь, сообщал Тургеневу 17/29 декабря 1837 г.: «Я послал тебе бюстик Пушкина, по коему хорошо бы тебе заказать хорошенький скульптору, который изваял статуйки Тальони и Фанни Эльснер. Если бедный Пушкин был бы жив, то можно было бы заказать карикатуру его Дантану. Она и его рассмешила бы и потешила. Но теперь не до шутки. Вот скоро год будет, что его не стало» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 71).

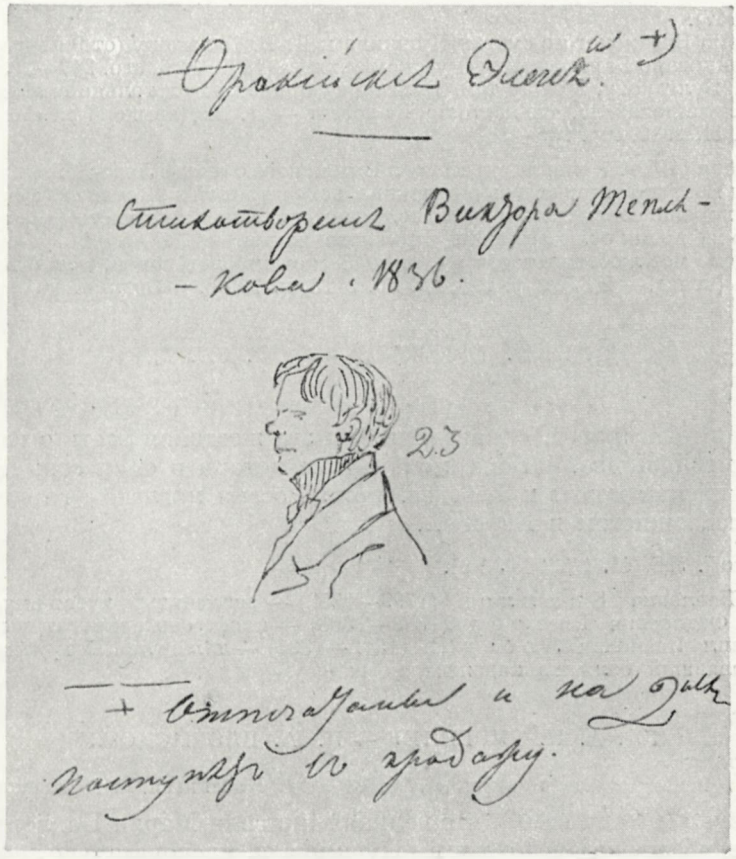
О каком бюстике Пушкина сообщали Вяземский и Тургенев в 1837 г. — неизвестно. Может быть была исполнена копия в миниатюре с бюста работы Витали или Гальберга.

[2] Имеется в виду литография, сделанная с рисунка Ф. А. Бруни, изображающего Пушкина в гробу. Вяземский заказал художнику А. А. Козлову, рисовавшему Пушкина в гробу, исполнить на основе этого рисунка картину маслом (см. о ней: «Пушкин и его друзья», стр. 21—22).

129. Н. И. КРИВЦОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Любичи. 5 июня 1837 г.

Вот 25 руб. на Сочинения Пушкина. Подпишись за меня [1], а получать я приеду сам в Петербург. Вот еще и стихи его, вероятно неизвестные, написанные им на экземпляре de la Pucelle de Voltaire*, которыми он благословил меня на дорогу при отъезде моем в Англию в 1818 [2]. Ежели православная цензура пропустит, то и этою безделкою пренебрегать грешно бы! C'est toujours de Pouchkine, ⟨tant⟩ pur encore!** Кстати о нем: как не



В. Г. ТЕПЛЯКОВ
Рисунок Пушкина, 1836 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

стыдно было тебе ⟨...⟩ прислать мне копию с классико-академико-чопорного описания смерти Пушкина, статьи по чести достойной лишь князя Шаликова для Московских ведомостей [3]. Евгений Баратынский, который провел с нами последние 2 недели, сказывал, что ты написал другое к Д. Давыдову, достойное и тебя и покойного [4]; но копии с того видно ты разослал по умным людям, а нас отпотчевал булгаковским блюдом: так вот тебе наше глупое и спасибо...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2113, л. 68–68 об.).

* «Девственницы» Вольтера (франц.).
** Это всё же Пушкина, и притом самого настоящего (франц.).

Николай Иванович К р и в ц о в (1791—1843) — участник войны 1812 г., приятель Пушкина с 1817 г. Ему адресовано два послания: «Не пугай нас, милый друг» (1817) и «Когда сожмешь ты снова руку» (1818).

[1] Речь идет о подписке на так называемое посмертное издание сочинений Пушкина, задуманное друзьями поэта вскоре после его гибели. Оно выходило с 1838 по 1841 гг.

[2] Послание Пушкина Кривцову «Когда сожмешь ты снова руку» было напечатано в IX томе посмертного издания (1841), несомненно, по копии с автографа, присланной Кривцовым при публикуемом письме. Автограф послания воспроизведен в «Лит. наследстве», т. 16-18, 1934, стр. 989.

[3] Кривцов имеет в виду письмо Вяземского к А. Я. Булгакову от 5 февраля 1837 г., в котором Вяземский защищал память Пушкина от нападок представителей высшей знати, считавших поэта виновником дуэли с Дантесом, тем, что пытался представить поэта верноподданным и религиозным человеком (см. «Русский архив», 1879, № 6, стр. 243—247).

[4] Письмо Вяземского о смерти Пушкина к Д. В. Давыдову (от 9 февраля 1837 г.) было опубликовано Бартеневым в «Русском архиве» (1879, № 6, стр. 247—253) как письмо к А. Я. Булгакову. Между тем, Булгакову принадлежал только список с письма. М. К. Светлова доказала, что настоящий адресат — Д. В. Давыдов (см. «Моск. пушкинист», вып. II, 1930, стр. 155—162).

12 ноября 1837 г. Кривцов спрашивал Вяземского о статье Леве-Веймара: «Скажите мне, прошу Вас, кто автор статьи о Пушкине, напечатанной в „Revue des Deux mondes“? Она очень хорошо составлена и очень толкова; написана она в чисто французской манере и в то же время обличает знание русского языка, что необычно у иностранцев. Все это задело мое любопытство, и я был бы Вам очень благодарен, если б Вы его удовлетворили» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2113, л. 72 об.— Подлин. на франц. яз.).

130. К. П. БРЮЛЛОВ — Ф. Ф. РИХТЕРУ

Петербург. 3 августа 1837 г.

...Скажите поскорее, справедлива ли эта жестокая весть о нашем добром, милом Лебедеве? [1] Боже мой! Какие потери в один год: Пушкин и Марлинский как поэты и Лебедев, коим Россия могла бы гордиться как лучшим пейзажистом в Европе...

Автограф. ЛБ (М. 1/3253, № 9).

Карл Павлович Б р ю л л о в (1799—1852) — знаменитый художник.
Федор Федорович Р и х т е р (1808—1868) — профессор архитектуры.

[1] Михаил Иванович Л е б е д е в (1812—1837) — талантливый художник-пейзажист, подававший большие надежды, но рано умерший.

131. А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Киссинген. 4/16 августа 1837 г.

...Я узнал (между нами), что великая княгиня Мария Павловна [1] была очень предубеждена п р о т и в Пушкина и, следовательно, сначала не очень жалела о нем, но, кажется, письмо Жуковского к отцу [2] и мои разговоры о нем, особенно анекдот о стихах после холеры [3], переменили мнение 〈...〉 Теперь она и сочинения и журнал его выписывает. Удивительно, как слава Пушкина универсаливизировалась в Европе: почти нет порядочного, образованного человека, из встречаемых мною здесь, в Галле, в Берлине и пр., который бы не спросил меня о нем, не пожалел о нашей потере...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (ед. хр. 2454, л. 2).

В начале письма Тургенева имеются любопытные строки, дополняющие известные нам сведения о Дантесе: «Я узнал и о его происхождении, об отце и семействе его: всё ложь, что он о себе рассказывал и что мы о нем слыхали: его отец — богатый помещик в Эльзасе — жив и кроме его имеет шестерых детей; каждому достанется после него по 200 тысяч франков. С Беррийской дюшессой он никогда не воевал и на себя налгал. Об о т н о ш е н и я х его к Геккерну и она слыхала; но NN не могла о б ъ я с н и т ь мне их; и я о главном должен умолчать».

П. Е. Щеголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина» (изд. 3-е, М.— Л., 1928, стр. 17) приводит, со слов внука Дантеса, сведения о том, будто Дантес участвовал

МЕСТО ДУЭЛИ ПУШКИНА
Фотография М. А. Величко, 1951 г.

в Вандейском восстании 1830 г., руководимом герцогиней Беррийской. Теперь можно считать, что это выдумка Дантеса.

[1] Мария Павловна (1786—1859) — старшая сестра Николая I, герцогиня саксен-веймар-эйзенахская. С 1804 г. жила в Веймаре.

[2] Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину с описанием последних минут великого поэта было опубликовано в V томе «Современника» 1837 г. В этом письме Жуковский сознательно фальсифицировал мысли и чувства умирающего Пушкина, надеясь примирить правительство с его памятью.

[3] Тургенев имеет в виду стихотворение Пушкина «Герой» 1830 г., напечатанное анонимно в «Телескопе», 1831, № 1.

132. В. Ф. ОДОЕВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург.> 15 августа <1837 г.>

Батюшка! Ваше сиятельство! помилуйте! ни в чем не виноват! ни одного корректурного листа не видал во 2-й книжке [1], потому что был болен и потому что не я смотрел за корректурою. Шутки в сторону — мне самому жаль, что в 2-м № не держались пушкинского правописания, хотя, по совести, и сам принадлежу к новопринятой системе [2]. В 3-й книжке я, разумеется, сохраню пушкинское правописание или, лучше, постараюсь его сохранить, ибо худо его понимаю. Воля Ваша, я чту Карамзина, Жуковского, Пушкина и Вас с ними, но убежден, что в правописании должен быть ригоризм, существующий во всех образованных языках, как-то: в латинском, немецком и итальянском; в французском нелепость правописания застыла, как китайское просвещение,— я не желаю, чтоб то же случилось и с нами, ибо мы должны пользоваться ошибками наших предшественников; от того я вечный защитник всех исправлений в правописании, в номенклатуре наук и проч. т. п., и я не вижу причины зачем, если бы сам господь бог держался неловкого, сбивчивого правописания, зачем подражать ему? <...> Нет ли у Вас экземпляра Дон-Жуана[3] Пушкина? Один из них у меня потерян или украден...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2450, лл. 12—13).

[1] Речь идет о второй книжке «Современника» 1837 г. (т. VI), вышедшей в июле. В ней было опубликовано несколько произведений Пушкина: «Русалка», «Арап Петра Великого», «История села Горюхина» и др.

[2] О правописании Пушкина см.: В. Чернышев. Замечания о языке и правописании А. С. Пушкина. (По поводу академического издания).— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. VI, М.—Л., 1941, стр. 433—461; Г. Винокур. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений. (Ответ В. И. Чернышеву).—Там же, стр. 462—494.

[3] О «Каменном госте» см. примеч. к письму № 134.

133. В. И. ДАЛЬ — П. И. ШЛЕЙДЕЛЬ

Оренбург 4 октября <1837 г.>

...Марлинский не умер, а убит горцами [1]. Он недавно был произведен в офицеры, находясь беспрерывно в стычках и сражениях, и был уже раза два или три ранен; при нападении ночью на горцев переправился он с командою через какую-то речку и едва успел выскочить из лодки, погорячившись кинулся в толпу и был изрублен шашками на месте. Дар его был силен, но он попал не на ту тропу; проза его так вычурна, изыскана и кудревата, что природа остается у него в одном только этом слове, которое он часто повторяет. Жаль также, что нравственная половина его не отвечает умственной: сердце отлетело <?> от головы, если не силою чувств своих, то по крайней мере благородством.

Между ним и Пушкиным, о котором ты поминаешь в то же время, в этом отношении была большая разница: этот грешил в свое время порывами молодости, легкомыслия и как бы назло судьбе и людям, которые его

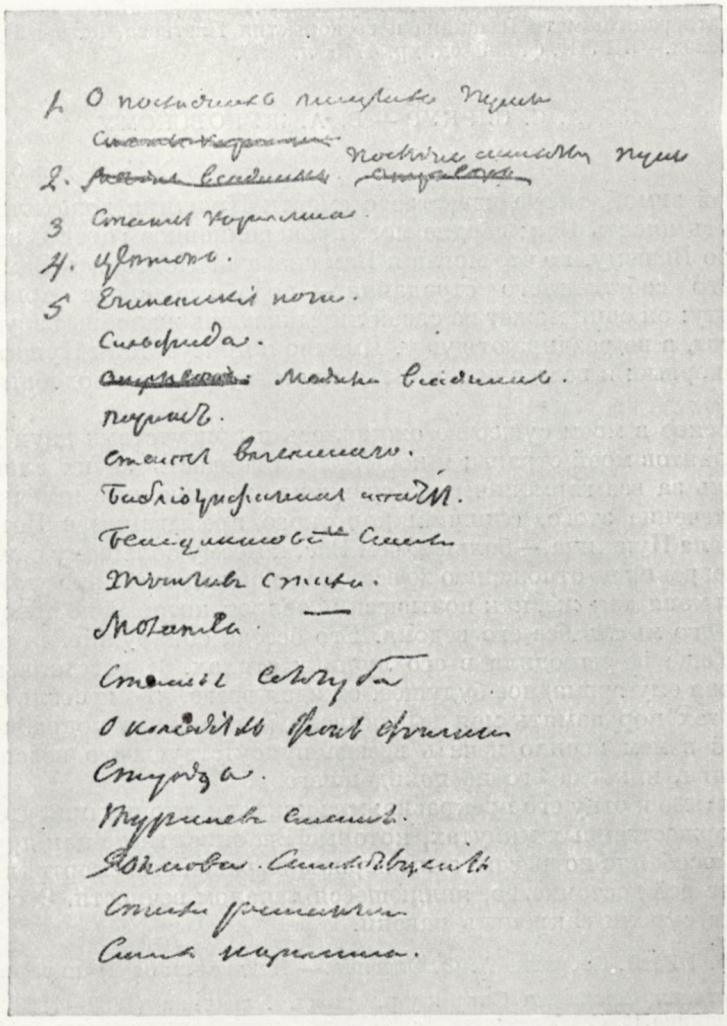
огорчали и не понимали; тот готов был посягнуть на всё. От этого они и не сошлись, и Пушкин его не жаловал...

Автограф. ИРЛИ (Фонд № 27416/CXCV1 б. 10).

Паулина Ивановна Шлейдель — сестра В. И. Даля.

[1] А. А. Бестужев-Марлинский был убит 7 июня 1837 г. в сражении на мысе Адлер.

Замечание Даля о том, что Пушкин будто бы «не жаловал» Бестужева, не подтверждается документальными материалами.



ПЛАН ПЯТОГО ТОМА ЖУРНАЛА ПУШКИНА «СОВРЕМЕННИК», ИЗДАННОГО ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОЭТА

Автограф В. А. Жуковского, февраль — март 1837 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

134. В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Москва?> 10 ноября 1837 г.

...«Дон Жуана» не надобно печатать в «Современнике». Мы порешили продать его Смирдину за семь или восемь тысяч и еще один отрывок в прозе [1]. Это решится по моем возвращении. Прочие бумаги для

«Современника» Вам оставлены. Они должны быть у каждого из издателей по принадлежности. Что же касается до «Современника», то его хочет издавать Плетнев, на что, вероятно, уже получил и позволение[2]. Переговори с ним...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1909, л. 59).

[1] «Каменный гость» Пушкина вместе с незаконченной повестью «Гости съезжались на дачу» были опубликованы друзьями поэта в альманахе А. Ф. Смирдина «Сто русских литераторов», 1839, т. I.

[2] 5 мая 1841 г. Вяземский просил А. И. Тургенева: «Не забывай и не обижай „Современника", хотя ради памяти Пушкина и бескорыстия Плетнева, который выдает его в убыток» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 127).

135. А. С. СИРКУР — В. А. ЖУКОВСКОМУ

<Париж.> 11/23 декабря 1837 г.

Прошлой зимой, когда известие о смерти Пушкина докатилось сюда, я собиралась писать Вам; сердце мое, преисполненное горечи, вполне сочувствовало Вашему, но что могла я Вам сказать? Повторять Вам выражения Вашего собственного страдания,— подобные слова принадлежат одному поэту: он один может из своей лиры извлечь жалобные звуки, которые утешают, а не раздирают душу. Именно в присутствии Пушкина я видела Вас впервые; я всегда вспоминала эту минуту; мало подобных бывает в жизни.

Всё русское в моем существе оживилось в присутствии двух прекраснейших талантов моей страны; я испытывала гордость за их славу, признательность за все гармонические созвучия, извлеченные ими из нашего языка. В течение этого, слишком короткого пребывания в Петербурге, я часто видела Пушкина,—больше, чем Вас, к моему большому сожалению. Его дар прозрения по отношению ко всему, что он видел только умозрительно, поразил меня так же, как поэтический оборот, который по поводу всего принимала его мысль без его ведома. Его беседа обнаруживала зрелость, которую я еще не находила в его лучших стихах. Я рассталась с ним, предсказывая ему громадное будущее, ожидая всего, кроме столь близкого конца... С тех пор память моя выискивала мельчайшие подробности его беседы. Всё в нем носило печать всегда присутствующего неоспоримого превосходства, никогда его не покидавшего.

Ваше письмо к отцу его прекрасно; мне кажется, что и я присутствовала при этих торжественных минутах, которые Вы описываете как друг и как историк. Я особенно потрясена этим первым выражением смерти, которому Вы придаете всё достоинство, являющееся началом вечности. Это молния, которую Вы сумели закрепить навеки.

Автограф. ИРЛИ. Собрание А. Ф. Онегина.— Подлинник на французском языке.

Гр. Анастасия Семеновна Сиркур, рожд. Хлюстина (1808—1863) — сестра приятеля Пушкина С. С. Хлюстина, с 1830 г.— жена французского публициста, гр. Адольфа де Сиркура (1801—1879). В числе ее друзей были Мицкевич, Бонштеттен, Сисмонди, Манцони, Розини и Ксавье де Местр. Хлюстиной принадлежит несколько статей о русской литературе, напечатанных в женевском журнале «Bibliothèque universelle des sciences, belles lettres et arts», в том числе статья «Александр Пушкин» (1837 г.).

Однако, указание о принадлежности ей статьи о «Борисе Годунове» Пушкина в «Revue française et étrangère», 1837, t. II (см. М. Алексеев. Пушкин на Западе.—Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. III, М.—Л., 1937, стр. 118) не подтверждается: автором статьи «Boris Godounoff. Drame historique par Alexandre Pouchkin» является «Comte de Circourt», как значится на отдельном оттиске из «Revue française et étrangère» (ГПБ. Отдел Rossica. 13.IX.1.992).

С Пушкиным Сиркур познакомилась в 1835 г., когда она ненадолго приезжала с мужем в Россию (см. *ОА*, т. III, стр. 274). Вероятно, к этому времени относится и записка Пушкина к Хлюстину с просьбой об адресе Сиркура (XVI, 28).

МОГИЛА ПУШКИНА В СВЯТОГОРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Литография из издания «Галлерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым, ч. 1, 1837 г.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В публикуемом письме А. С. Сиркур к Жуковскому обращают на себя особенное внимание ее слова о вдохновенном разговоре Пушкина. Они полностью соответствуют наблюдениям брата поэта: «...Он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-либо близком его душе» (Л. С. Пушкин. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года.—В кн.: С. Гессен. Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, стр. 35).

136. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — П. В. НАЩОКИНУ

Петербург. 30 декабря 1841 г.

...Н. Н. Пушкина сказала мне, что на-днях писала к Вам. Она Вам сердечно предана, и часто с нею говорим об Вас. Я провел нынешнею осенью несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где всё так исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине [1]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 1282, л. 3—3 об.).

[1] 24 октября 1841 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «В конце сентября я ездил на поклонение к живой и мертвому, в знакомое тебе Михайловское к Пушкиной. Прожил у них с неделю, бродил по следам Пушкина и Онегина» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 133).

НОВОЕ О ПУШКИНЕ И ДЕКАБРИСТАХ

Статья М. Нечкиной

Доселе известный пушкинистам комплекс документальных свидетельств о взаимоотношениях Пушкина и декабристов ныне обогащается еще двумя текстами первостепенного значения, разысканными редакцией «Литературного наследства».

Первое из них принадлежит декабристу Ивану Николаевичу Горсткину, не особенно известному в декабристоведении[1]. Объясняется эта неизвестность прежде всего ранним отходом Горсткина от дел Союза Благоденствия и малой изученностью внутренней жизни Северного общества и московской группы декабристов, сконцентрировавшейся около И. И. Пущина, к которой примкнул Горсткин вновь в 1825 г. Он появляется, таким образом, и в начале и в конце декабристского движения, входя в него тогда, когда был создан Союз Благоденствия, и отходя в период основных программных споров и роста революционной идеологии в 1821—1824 гг., чтобы вновь примкнуть к нему в самый последний год его существования. Уже одна эта своеобразная эволюция делает интересной фигуру Горсткина. Отойдя от тайной организации в ее ранние годы, он, оказывается, сохранил в себе нечто такое, что вновь заставило его примкнуть к «Практическому союзу», основанному И. И. Пущиным в Москве незадолго до восстания. Следовательно, интерес Горсткина к вопросам революционного преобразования России, подготовлявшегося дворянскими революционерами его поры, был довольно стойким.

Иван Николаевич Горсткин, сын тульского помещика Николая Петровича Горсткина, женатого на Елизавете Ивановне Озеровой[2], вступил в революционное движение, как и подавляющее большинство декабристов, будучи военным. Судя по его формуляру, военную карьеру он начал портупей-юнкером лейб-гвардии Егерского полка, а 24 января 1818 г., когда двор и гвардия еще находились в Москве по случаю торжеств закладки храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в честь 1812 г., Горсткин был произведен в прапорщики. Из «дела» Горсткина мы можем заключить, что он был в это время с гвардией в Москве и, значит, входил в состав одного из двух пехотных сводных гвардейских полков (сформированных из первых батальонов шести гвардейских пехотных полков), которые и были двинуты на празднества из Петербурга в Москву пешим передвижением — вышли из Петербурга 5 августа 1817 г. Это было не совсем обыкновенное «путешествие из Петербурга в Москву», о котором стоит упомянуть. Кто читал Радищева (а кто из молодых передовых офицеров в то время не читал его?) тот, проходя мимо деревень, мелькавших на пути в той же последовательности, что и в радищевском взволнованном повествовании, не мог не вспомнить его книги, поднимающей на протест и борьбу. Блестящие пехотинцы останавливались на ночлег и квартировали в тех же местах, где жили задавленные крепостническим гнетом герои книги Радищева. Нет сомнений, что передовая гвардейская молодежь могла видеть то же, что Радищев; разве что еще хуже стало во всех этих местах в александровские времена.

Среди направлявшихся в Москву пехотинцев двигался почти весь основной состав только что образовавшегося тайного общества. В Москву передовая военная молодежь вошла, обогащенная новыми мыслями и наблюдениями.

Дворянская Москва, подобострастно ожидавшая императора и его семью, захлебывалась от восторга, предвкушая непрерывную вереницу невиданных балов и увеселений, а главное дополнительный поток крестов, наград и назначений.

Гвардейцев в Москве встретили с восторгом, превышавшим все вообразимое. Именно этот момент с убийственным сарказмом запечатлел Грибоедов в «Горе от ума»: «Когда из гвардии иные от двора сюда на время приезжали, кричали женщины „ура" и в воздух чепчики бросали». Эта картина дворянского ликования вступала в резкий контраст с только что виденными ужасами крестьянской жизни в Любани, Спасской полести, Зайцове, Валдае, Едрове, Хотилове, Медном, Городне, Пешках, Черной грязи...

Это путешествие, несомненно, способствовало формированию передового мировоззрения будущих декабристов.

Гвардия расположилась в Москве в Хамовнических казармах, у Девичьего поля. Тут-то, на квартире Александра Муравьева, основателя тайного общества, и происходили собрания декабристов. Александр Муравьев, немного позже принявший Горсткина в тайное общество, был оберквартирмейстером гвардии, то есть начальником штаба всего пришедшего в Москву гвардейского отряда. По должности он занимал в казармах хорошую квартиру—она-то и сделалась местом сборищ тайного общества.

Александр Муравьев в те годы пленял окружающих своим благородством и производил своими моральными качествами неотразимое впечатление. Под блестящим гвардейским мундиром у него билось сердце декабриста: в прошлом, 1816 году — именно он и пятеро его друзей—Никита Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Якушкин и Сергей Трубецкой — положили начало декабристской организации, основав общество Союз Спасения в Петербурге. Нечто от этого обаяния сохраняет характеристика Александра Муравьева, сделанная во время следствия Горсткиным. А ведь она писалась в тюремных стенах Петропавловской крепости и по расчету ее автора должна была создать впечатление о его, Горсткина, «благонамеренности». Он показывает, что принявший его в общество Александр Муравьев «владел всеобщею доверенностью, был привлекателен и во всей гвардии имел репутацию отличнейшую, уважаем был не только равными и младшими, но и начальники некоторым образом всегда в нем видели (как мне казалось) образцового офицера. Одно знакомство такого человека уже восхищало. Мне все в нем нравилось».

На квартире Александра Муравьева в Хамовнических казармах, а также в Староконюшенном переулке в доме Фонвизиных и развернулись все бурные события, последовавшие за гвардейским «путешествием из Петербурга в Москву»: московский заговор 1817 г.— предложение Якушкина о цареубийстве, бурные споры о программе и, наконец, ликвидация Союза Спасения и основание Союза Благоденствия. Союз Благоденствия начал действовать, вербовать новых членов, проводить свои заседания («сходки»—называет их Пушкин в десятой главе «Евгения Онегина»). Горсткин и был одним из первых, вступивших в Союз Благоденствия именно в Москве, в наиболее ранний период деятельности Союза— в первую половину 1818 г. Горсткин показывает на следствии, что он был на совещании у Александра Муравьева (то есть на его квартире в Хамовнических казармах) еще до выступления гвардии из Москвы в Петербург. Это могло быть лишь в начале 1818 г. На следствии Горсткин, разумеется, изо всех сил подчеркивает якобы «легальный» характер Союза Благоденствия, но нас это

не должно вводить в заблуждение. Горсткин спешит даже передать слова Муравьева: если бы «государю императору о сем нашем Обществе и предполагаемой цели стало известно, то и его величество верно не запретил бы оного». Почему-то все-таки к его величеству предпочли не обращаться с просьбой о признании Союза Благоденствия...

Анализ документального материала и многочисленных свидетельств о программе Союза доказывает, что введение конституционного устройства (а стало быть, ликвидация абсолютизма) были его «сокровенной целью». «Зеленая книга» проектировала такое широкое участие всех членов Союза в подготовке передового общественного мнения к перевороту, такое глубокое внедрение в государственные дела и учреждения членов тайного общества, что «легальной» нельзя назвать и первую часть «Зеленой книги», не говоря уже о ее написанной, но еще не утвержденной Обществом второй «сокровенной» части. Горсткин, несомненно, знал и читал «Зеленую книгу». Он, несомненно, дал и расписку в верности Обществу и хранении тайны — это было обязательным при вступлении любого члена в Союз Благоденствия. Как известно из его «дела», Горсткин примкнул к «отрасли» правосудия, которая должна была наблюдать за ходом судебных дел в царском суде, спасать невинных, разоблачать притеснителей народа, направлять дела в нужном смысле до последней верховной инстанции — Сената — и даже наблюдать за тюрьмами. Целью этой работы было установление в России передового общественного мнения в пользу переворота. Горсткин показывает: «Я принадлежал к отрасли правосудия, которая предписывала мне разыскивать злоупотребления разного рода, стараться выставлять их на вид начальства, дурных, пустых людей всячески унижать, пускать их в огласку при всяком случае, хороших же превозносить, дабы чрез то, сколько можно, способствовать к установлению общего мнения в России. Наблюдать, где случится быть, чтобы помещики крестьян своих не мучили, о таковых также доводить до сведения начальства». Тут же Горсткин пояснял и в чем состояла цель Общества: «Настоящая цель Общества, мне объявленная: соединение нескольких молодых людей пообразованнее для единодушных занятий в пользу отечества, что и должно было начать с своего собственного образования и усовершенствования; потом улучшение нравов, распространение просвещения, чтоб каждый член подавал в своем кругу пример благочестия <!>, кротости, благородства и строгого исполнения возложенных на него обязанностей, мог со временем склонить все в сторону справедливости, благоразумия, чести».

Праздники отшумели, двор возвращался в середине 1818 г. в Петербург, не подозревая, что в рядах гвардии направляется обратно в северную столицу вновь образовавшееся тайное общество — Союз Благоденствия.

В своих показаниях Горсткин утверждает, что по возвращении гвардии в Петербург в Обществе наступило некоторое затишье: «Прошло, может быть, полгода, об Обществе и слуху не было». Это неточно — собрания уже начались, но неравномерное стягивание полков в Петербург и естественный период собирания сил вокруг нового Общества, налаживание и возобновление старых связей — требовали времени. «Потом стали у некоторых собираться человек десять»,— свидетельствует Горсткин, сообщая далее, что был «раза два-три» у кн. Ильи Долгорукова. Следуя его собственным хронологическим указаниям, мы должны отнести эти собрания скорее к началу 1819 г., нежели к более раннему времени.

Илья Долгорукий и есть тот «осторожный Илья», о котором говорится в десятой главе «Евгения Онегина». «Блюститель» Союза Благоденствия и в то время чрезвычайно активный его член, он, несмотря на всю свою отмеченную Пушкиным «осторожность», принял самое деятельное участие в том знаменитом совещании начала 1820 г. на петербургской квартире Ф. Н. Глинки, где Пестель читал доклад о том, какая форма правления

желательна — конституционно-монархическая или республиканская. Пестель решил вопрос в пользу республики. Последовало поименное голосование, в котором все единогласно высказались за республику. Это было знаменитое в истории русского революционного движения совещание, на котором впервые было вынесено решение, что будущая Россия должна быть республиканской.

«Два-три» собрания у Ильи Долгорукова, о которых показывает Горсткин, и происходили, повидимому, в 1819 г., то есть незадолго до знаменитого совещания на квартире Ф. Н. Глинки. Решение в пользу республики еще не было принято на этих собраниях, но оно начало вызревать в сознании членов, и движение всего тайного общества к радикализации его взглядов не вызывает сомнений. Вопросы программы остро занимали Общество — о многих серьезных вещах, в первую очередь о крепостном праве и «зле существующего порядка вещей» (И. Пущин) и должна была итти в те дни речь на этих собраниях. Горсткин, прочно принявший на следствии позу равнодушного человека, случайно увлекшегося «модой» на тайные общества, всячески хочет снизить значение собраний у Ильи Долгорукова. Но все же его показания об этих собраниях свидетельствуют, что это были не случайные пирушки, а именно с о б р а н и я тайного общества. Горсткину приходится признать, что Долгоруков («блюститель» Союза Благоденствия) был одним «из главных в то время» и что члены «съезжались как бы по должности», то есть по обязанности членства в тайном обществе. Следовательно это были организованные Союзом Благоденствия собрания. Вот на этих-то собраниях тайного общества и встречал Горсткин Пушкина у «осторожного Ильи» — у Долгорукова.

Предоставим слово Горсткину. Не будем забывать, что оно произнесено за решеткой Петропавловской крепости. Приказ об аресте Горсткина был отдан 15 января 1826 г.; 19 января он был арестован в Москве и 23 января был заключен сначала на главной гауптвахте генерального штаба (там же, куда был доставлен арестованный Грибоедов), а затем на следующий день, 24 января, Горсткин уже сидел в арестантском «покое» № 3 в Невской куртине Петропавловской крепости. Отсюда через день-два его с завязанными глазами (как и всех декабристов) привели на заседание Следственного комитета, где учинили устный допрос всем торжественным синклитом следствия. После допроса его отправили обратно в «покой» № 3, где 28 января 1826 г. вручили точно сосчитанные листы бумаги, гусиное перо и чернила и предписали письменно повторить ответы на вопросы, дававшиеся в Комитете в устной форме. От уменья дать показание, сохранить видимость малой причастности к делу зависело если не все, то, во всяком случае, очень многое.

Комитет спрашивал (это был четвертый по порядку вопрос следственной анкеты): «4. Когда и у кого бывали вы на совещаниях общества? В чем заключались сии совещания? Кто разделял их и кто вообще были известные вам члены общества?»

В тюремной камере, за решеткой Петропавловской крепости, арестованный узник, всячески стремившийся скрыть суть происходившего в тайном обществе, все же написал 28 января следующие строки в ответ на приведенный вопрос:

> «4. Одно совещание я помню у Александра Муравьева, когда мне предложено было вступить; тут было толковано о том, что я имел честь изложить выше, с таким прибавлением, что если б (уверял г-н Муравьев) государю императору доложили о сем нашем обществе и предполагаемой цели, то и его величество верно б не запретил оного. Вскоре потом гвардия выступила в С. П. Бург, где прошло может быть полгода, об обществе и слуху не было. Потом стали у некоторых

собираться сначала охотно, потом с трудом соберется человек десять, я был раза два-три у К. Ильи Долгорукого, который был кажется один из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало; съезжались как бы по должности, под конец и вовсе не съезжались; — бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частенько лица отнюдь не принадлежавшие обществу; скоро все это надоело и понемногу совсем свидания прекратились»[3]

Приведенное показание многое дает для комментария к десятой главе «Евгения Онегина». Тут речь идет о «сходках» у «осторожного Ильи» и об участии Пушкина в этих собраниях. Напомним общеизвестные строки:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

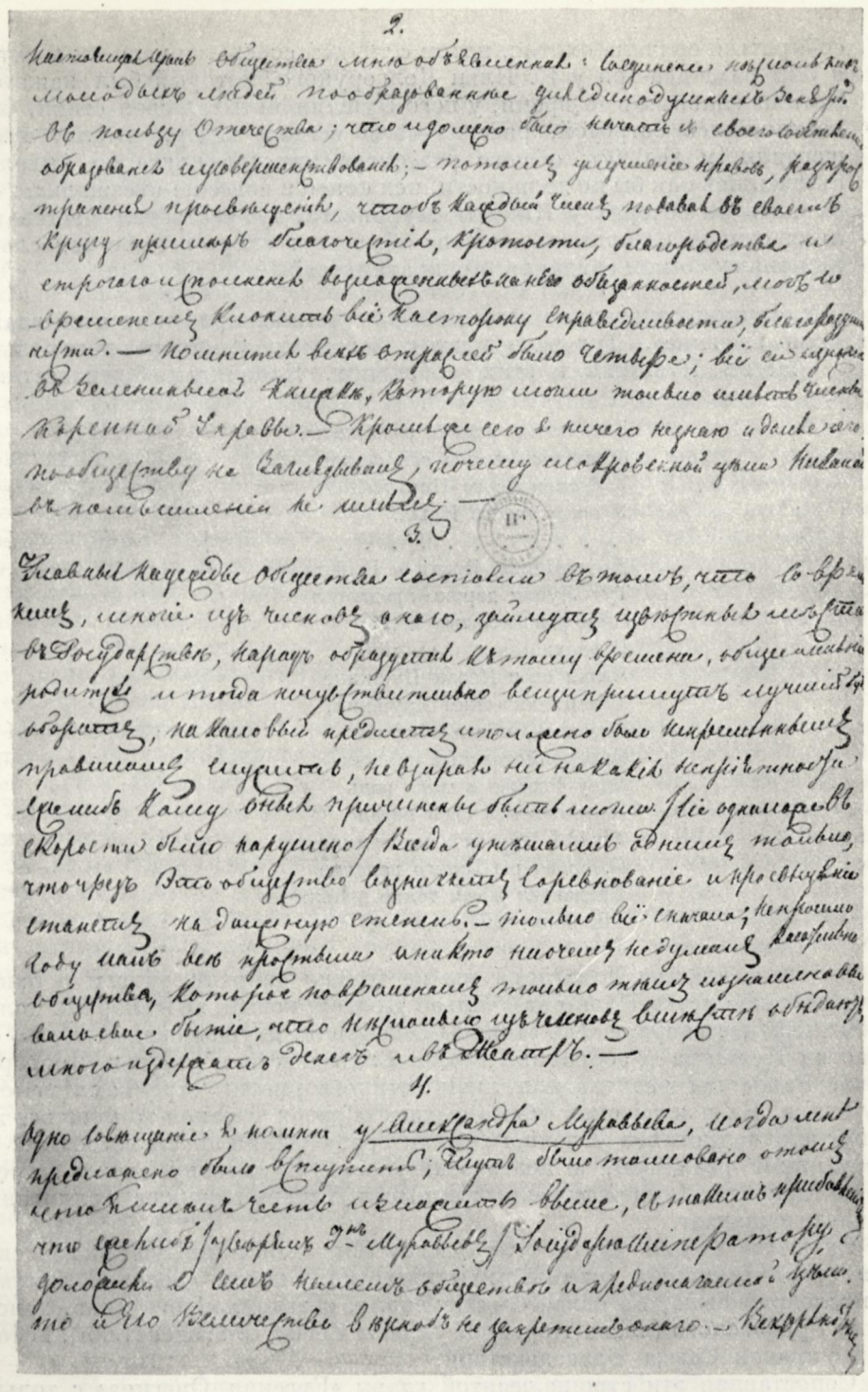
. . . . . .

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал,
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И, слово р а б с т в о ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Из свидетельства Горсткина мы не только впервые узнаем о факте личного знакомства Пушкина с Ильей Долгоруковым, но и впервые получаем здесь достоверное и со стороны декабриста идущее свидетельство об участии Пушкина в собраниях Союза Благоденствия у Ильи Долгорукова. Ранее мы располагали лишь стихотворными строчками самого Пушкина. Их поэтическая форма и язык образов в какой-то мере все же допускали толкование условного характера: Пушкин якобы воссоздает не какую-либо реальную, а поэтически-условную картину своих встреч, он мог допустить художественный вымысел. Теперь подобное толкование начисто отпадает.

Существенно напомнить, что с Союзом Благоденствия Пушкин был связан организационно: он был, как известно, членом «Зеленой лампы», а последняя была, по свидетельству вполне осведомленного лица, доносчика Грибовского (члена Коренной управы Союза Благоденствия), побочной управой Союза Благоденствия.

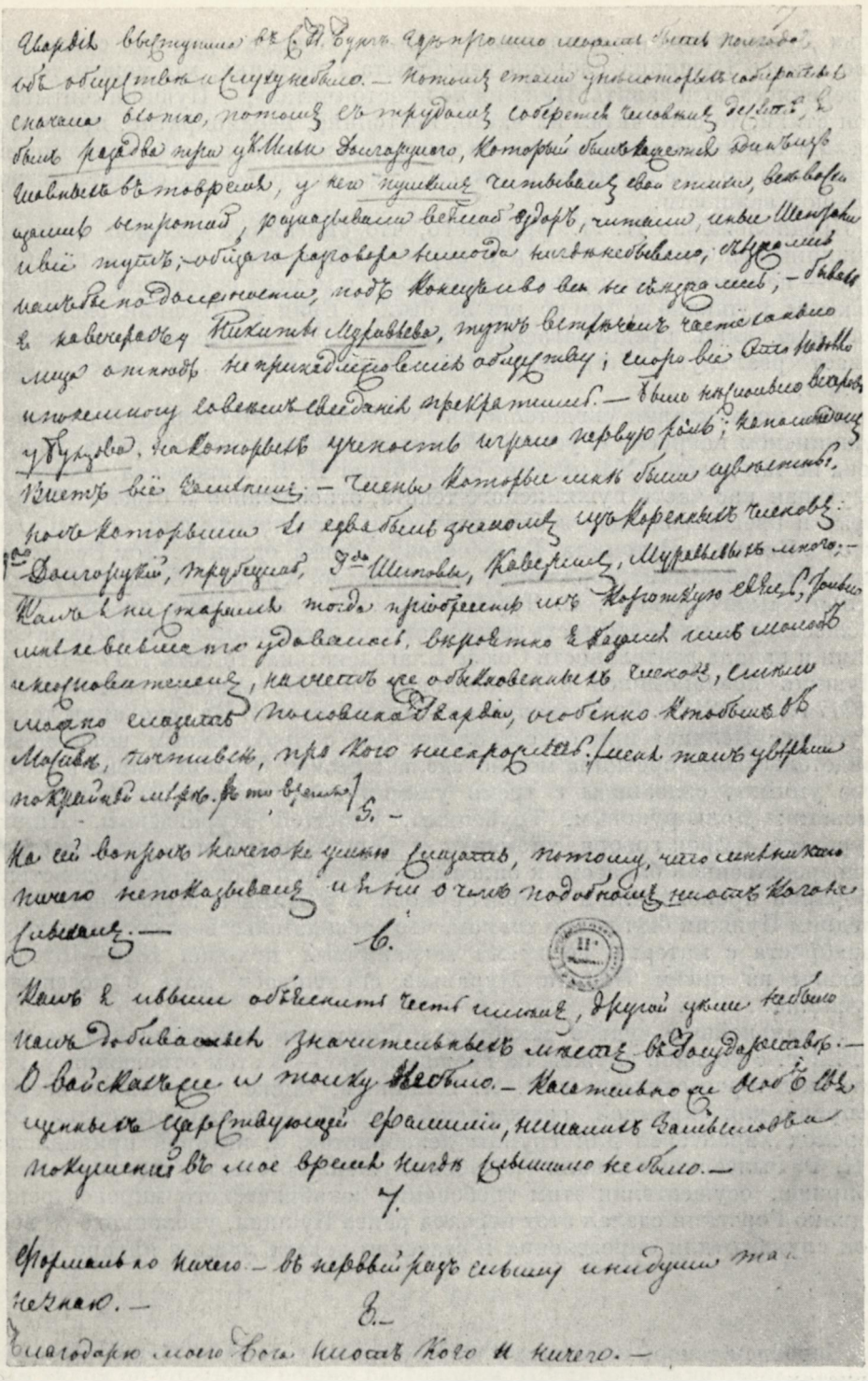
Сопоставляя эти строки десятой главы «Евгения Онегина» с только что приведенным свидетельством Горсткина, мы можем задать себе вопрос: когда же и в какой обстановке «читал свои ноэли Пушкин»? Поскольку свидетельство Горсткина явно относится к тому же, о чем говорят и строки Пушкина, можно с достаточным основанием ответить: Пушкин «читал свои ноэли», повидимому, зимою 1819—1820 гг. и читал их не на случайных пирушках, а на совещаниях Союза Благоденствия у «блюстителя» Союза



ПОКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТА И. Н. ГОРСТКИНА ОТ 28 ЯНВАРЯ 1826 г. С УПОМИНАНИЕМ О ВСТРЕЧАХ С ПУШКИНЫМ НА СОБРАНИЯХ У И. А. ДОЛГОРУКОВА

Ответы на вопросы Следственного комитета (автограф). Лист 6 оборот

Центральный исторический архив, Москва



ПОКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТА И. Н. ГОРСТКИНА ОТ 28 ЯНВАРЯ 1826 г.

Лист 7

Ильи Долгорукова — «осторожного Ильи». Комментируя это свидетельство самого Пушкина словами декабриста Горсткина, мы можем теперь с уверенностью добавить: Пушкин не просто «читал»,— Пушкин «читывал» свои стихи, то есть читал их часто, постоянно, неоднократно, привычно. Эта замечательная русская глагольная форма многократного обычного действия сама по себе является в данном случае историческим свидетельством большой важности.

Предположение Н. Л. Бродского, что описанные «сходки» и чтение Пушкиным «ноэлей» относится к периоду Северного общества декабристов[4]— не может быть принято, поскольку в момент основания Северного общества Пушкина в Петербурге не было [5]. Вряд ли Пушкин рисует тут условную, лишь предполагаемую картину — он, несомненно, восстанавливает реальную обстановку 1819 — начала 1820 г., до своей южной ссылки.

Для комментария свидетельства Горсткина важно вспомнить также о пушкинском наброске «Русский Пелам», рукопись которого была обнаружена не так давно в Ульяновске среди бумаг П. В. Анненкова. Вот интересующая нас часть пушкинского текста, относящаяся к отделу «Характеры» и представляющая собою план будущего изложения: «Кн. Шаховск⟨ой⟩. Ежова — Истомина. Гриб⟨оедов⟩. Завад⟨овский⟩. Дом Всеволожских. Котляревский. Мордвинов, его общество. Хрущев. Общество умных: И⟨лья⟩ Долг⟨оруков⟩, С. Труб⟨ецкой⟩, Ник⟨ита⟩ Мур⟨авьев⟩ etc.» [6] «Общество умных»—это и есть декабристская организация эпохи Союза Спасения и начала деятельности Союза Благоденствия, то есть 1817—1818 гг. (Пушкин познакомился с Грибоедовым по собственному свидетельству в 1817 г., а в 1818 г. Грибоедов уже уехал на Восток). На основании текста «Русского Пелама» при сопоставлении его с приведенным выше новым свидетельством Горсткина можно сделать вывод: Пушкин бывал в «обществе умных», связанном с тремя упомянутыми им же декабристскими именами: Долгоруковым, Трубецким, Никитой Муравьевым. Никита Муравьев, кстати говоря, упомянут и Горсткиным в его свидетельстве в непосредственной близости к описанию собраний Союза Благоденствия. Собрания происходили и у Долгорукова, и у Никиты Муравьева. С последним Пушкин был давно знаком, что засвидетельствовано перепиской декабриста с матерью во время заграничных походов 1814—1815 гг.: в одном из писем Никита Муравьев спрашивает мать о посещении Пушкина.

В дальнейшей судьбе декабриста Горсткина интересен его переход в 1821 г. с военной службы на гражданскую — в этом отношении у него есть некоторое сходство с И. И. Пущиным, также оставившим военное поприще для скромной гражданской службы — должности судьи. Этот переход характерен для группы декабристов, к которой принадлежал и К. Ф. Рылеев: они искали способов служения отечеству на гражданском поприще, осуществляя этим требования декабристского мировоззрения. Однако Горсткин сделал этот переход ранее Пущина, уволенного от военной службы «для определения к статским делам» лишь в январе 1823 г.

* * *

Перейдем теперь ко второму новому свидетельству о Пушкине и декабристах.

Если первое относится ко времени Союза Благоденствия, к 1819—1820 гг., то второе надо с несомненностью отнести к фактам, касающимся периода южной ссылки Пушкина. Оно принадлежит сыну декабриста С. Г. Волконского и находится в письме его к академику Л. Н. Майкову. Письмо написано 8 июля 1899 г. в связи с присланными Волконскому

Майковым первым томом сочинений Пушкина в издании Академии Наук и сборником статей Л. Н. Майкова о Пушкине. Михаил Сергеевич Волконский, как известно, родился в Сибири (1832). Там он провел в семье отца-декабриста детство и юность. Связь с отцом не прерывалась и в последующее время. Декабрист С. Г. Волконский умер в ноябре 1865 г. (в с. Воронках); следовательно, период тесного общения отца с сыном чрезвычайно длителен: около тридцати трех лет. Это — дополнительный довод для оценки приводимого ниже свидетельства как вполне достоверного. Михаил Волконский действительно мог многократно слышать рассказы отца, вновь возвращаться к ним, задавать вопросы, спрашивать о подробностях. Живая форма передачи сохраняет непосредственность восприятия. Вот этот текст из письма М.С. Волконского—Л. Н. Майкову:

> «Пушкин, гений которого освещал в Сибири мое детство и юность, был мне близок по отношениям его к отцу и к Раевскому, так что я всю жизнь считал его близким себе человеком. Не знаю, говорил ли я Вам, что моему отцу было поручено принять его в Общество и что отец этого не исполнил. „Как мне решиться было на это,— говорил он мне не раз,— когда ему могла угрожать плаха, а теперь что его убили, я жалею об этом. Он был бы жив, и в Сибири его поэзия стала бы на новый путь". И действительно, представьте себе Пушкина в рудниках, Чите, на Петровском заводе и на поселении — что бы он создал там» [7].

Свидетельство М. С. Волконского чрезвычайно интересно. Сведения о сообщаемом тут факте уже были в декабристской литературе. Об этом «драгоценном предании» упоминал внук декабриста [8]. Теперь мы можем уверенно заменить это воспоминание свидетельством сына, в котором в точной и ясной форме донесены до нас слова самого декабриста. Они говорят, повидимому, о событиях, относящихся к периоду Каменки. Можно выдвинуть предположение, что замысел принять Пушкина в члены тайного общества мог возникнуть у декабристов после известного заседания в Каменке, описанного в «Записках» И. Д. Якушкина. Как известно, осенью 1820 г. совещание в Каменке совпало с приездом туда декабриста Якушкина, посланца из Москвы для созыва в начале 1821 г. московского съезда Союза Благоденствия: «Приехав в Каменку, я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие» [9]. Совещания декабристов возбудили подозрение Н. Н. Раевского. Желая разуверить генерала в его подозрениях, декабристы, как известно, инсценировали при нем заседание тайного общества. Тут-то и выявилось горячее желание Пушкина вступить в Общество. Общеизвестный рассказ Якушкина, который невозможно читать без волнения, сообщает об этом следующее:

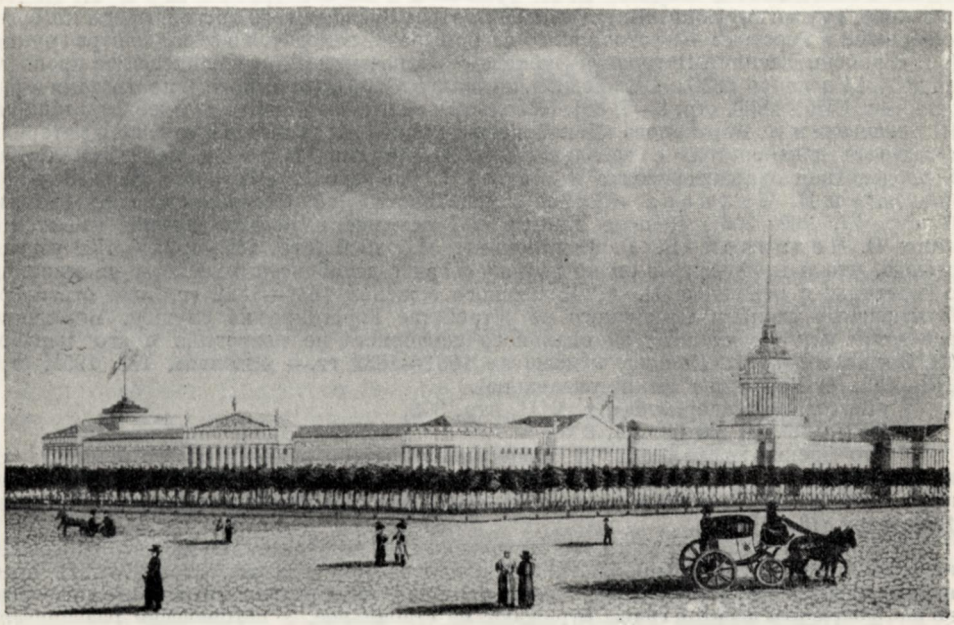
«В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к Тайному обществу или нет. Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и полуважным видом он управлял общим разговором. Когда начинали очень шуметь, он звонил в колокольчик; никто не имел права говорить, не просив у него на то дозволения и т. д. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение Тайного общества в России. Сам он высказал все, что можно было сказать за и против Тайного общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова;

Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести Тайное общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: „Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало Тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?" — „Напротив, наверное бы присоединился",—отвечал он.— „В таком случае давайте руку",— сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: „Разумеется, все это только одна шутка". Другие также смеялись кроме А. Л. Давыдова, рогоносца величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед тем уверился, что Тайное общество или существует, или тут же получит свое начало и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка". В эту минуту он был, точно, прекрасен» [10].

Комментируя свидетельство декабриста С. Г. Волконского о намерении декабристов принять Пушкина в члены общества, дошедшее до нас через передачу его сына, надо прежде всего отметить, что оно может быть подтверждено рядом косвенных данных. Декабрист Волконский был действительно столь близок с семьей Раевских и с Пушкиным, что кому же как не ему было взять на себя такое поручение? Заметим, что речь идет не о личном замысле декабриста принять Пушкина в общество, а о данном ему п о р у ч е н и и это сделать, которое по установленным на юге правилам могло исходить лишь от директории Общества. Сам Волконский был принят в Союз Благоденствия в 1819 или 1820 г. Если речь идет о Союзе Благоденствия, то такое поручение могла дать, повидимому, лишь Тульчинская управа. Но Союз распадался — московский съезд распустил тайную организацию, ликвидировал ее; Южное общество декабристов организовалось в марте 1821 г. в Тульчине. И в Южном обществе по правилам приема, член общества, задумавший принять новое лицо, не мог сделать этого самовольно. Он должен был сначала испросить разрешения у руководства, то есть после образования Южного общества — у директории в лице Пестеля и Юшневского [11]. Только получив разрешение, декабрист мог пригласить намеченное лицо ко вступлению в Общество. Нарушение этого порядка вызывало еще в Союзе Спасения, как известно по «Запискам» Якушкина, строгие замечания и недовольство руководства [12]. Поэтому допустимо предположение, что в обоих случаях,— относится ли описанный замысел непосредственно к самому последнему периоду существования Союза Благоденствия или ко времени после марта 1821 г., то есть ко времени возникновения Южного общества,— в обоих случаях надо предположить, что в поручении принять Пушкина в Общество не могли в какой-то мере не участвовать руководители Общества (в обоих случаях — Пестель и Юшневский). Равным образом и об отказе от замысла принять поэта в члены Общества и о мотивировке отказа (опасение загубить Пушкина «плахой» или Сибирью) также должны были быть осведомлены руководители организации.

Свидетельство Волконского помогает правильно оценить и смущавшее многих пушкинистов показание члена общества Соединенных Славян декабриста И. И. Горбачевского, утверждавшего в письме к Мих. Бестужеву от 12 июня 1861 г. (из Петровского завода), что «славянам» будто бы даже было запрещено «от Верховной Думы» знакомиться с Пушкиным.

Причиной запрета служило опасение, чтобы поэт случайно не выдал общество. Горбачевский вместе с другими членами общества Соединенных Славян узнал о существовании Южной организации лишь осенью 1825 г., когда Славянское общество и присоединилось к южным декабристам. Пушкина в это время на юге уже не было. Слова Горбачевского явно не отражают действительного положения дела. Его память могла сохранить какую-либо не имевшую практического значения, а может быть и неправильно понятую фразу декабриста Бестужева-Рюмина о поэте. Для Горбачевского Бестужев-Рюмин представлял «Верховную Думу», поскольку имел полномочия на соединение обществ, но в директорию Южной организации он



ПЕТЕРБУРГ. АДМИРАЛТЕЙСТВО
Литография неизвестного художника, 1820-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

никогда не входил. Данное Волконскому поручение принять Пушкина в общество вносит ясность в вопрос о том, каково было действительное отношение к Пушкину руководителей Южного общества. Кишиневские беседы Пестеля с Пушкиным на политические темы еще раз подтверждают, что никакого «запрета» общаться с Пушкиным не было. О том же говорят многочисленные свидетельства о постоянном общении Пушкина с южными декабристами.

Дружеское отношение декабриста С. Г. Волконского к Пушкину видно и из письма его к поэту от 18 октября 1824 г. Заметим, что упоминание о Волконском в пушкинском письме к Вяземскому от 8 марта 1824 г. свидетельствует вовсе не о начале знакомства: слова «С. Волконского здесь еще нет» скорее говорят о продолжающемся знакомстве.

Мы располагаем еще ценным неопубликованным свидетельством о знакомстве декабриста с Пушкиным. С. Г. Волконский пишет П. А. Вяземскому из Умани 3 апреля 1824 г.: «...Пушкин с нетерпением Вас ожидает...»[13]. Как видим, это также говорит о продолжающемся знакомстве, начало которого должно быть отнесено к более раннему времени. В другом письме к Вяземскому, которое было послано из Николаева 16 июня 1824 г., имеется

свидетельство С. Г. Волконского о встречах его с поэтом в Одессе: «Пушкин пишет Онегина и занимает собою и стихами всех своих приятелей»[14]. Волконский, очевидно, виделся с поэтом в самое последнее время перед новой ссылкой Пушкина в Михайловское.

Оба публикуемые свидетельства — показание декабриста И. Н. Горсткина и сообщение М. С. Волконского — являются значительным вкладом в дело дальнейшего исследования взаимоотношений Пушкина и декабристов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Литература о И. Н. Горсткине крайне немногочисленна. О нем имеются упоминания в «Записках» декабриста В. П. Зубкова и в комментариях к ним Б. Л. Модзалевского. Тут же опубликован групповой портрет Зубкова и его друзей, среди которых изображен и Горсткин — из стоящих он второй слева, находится в самом центре группы (см. «Записки Василия Петровича Зубкова о заключении в Петропавловскую крепость по делу 14 декабря 1825 г.». С предисл. и примеч. Б. Модзалевского, с портретами и рисунками. СПб., 1906, стр. 6—7, 86). Небольшая заметка о Горсткине имеется в книжке В. Арсеньева и И. Картавцова «Декабристы-туляки»; здесь дается в основном материал «Алфавита декабристов» с небольшими добавлениями. Горсткин как член Союза Благоденствия охарактеризован в статьях С Чернова «Из работ над „Зеленой книгою"» и Н. Чулкова «Москва и декабристы» (сб. «Декабристы и их время», II, стр. 57, 299—306). Ценные данные о Горсткине в период ссылки имеются в книге В. Нечаевой «В. Г. Белинский», М., 1949 (стр. 146—152), — мы узнаем отсюда, что и в это время он не порвал связи с декабристами. Часты упоминания о Горсткине в переписке П. А. Вяземского с женой 1831—1832 гг., они отражают безуспешные хлопоты Вяземского об устройстве Горсткина на службу. Вяземский опасается как бы хлопоты за опального декабриста не повредили и его карьере (П. Вяземский. Письма к жене за 1831—1832 гг.— «Звенья», IX, 1951, стр. 213—469. О Горсткине см. по указателю).

[2] «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 308.

[3] ЦГИА, ф. 48, № 68, лл. 6 об.— 7.

[4] Это мнение высказал Н. Л. Бродский в третьем издании своего комментария к «Евгению Онегину» (см. Н. Бродский. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. Изд. 3, переработанное. М., Учпедгиз, 1950, стр. 373—374).

[5] Н. Л. Бродский отмечает это обстоятельство, но считает все же, что описанная картина относится к жизни Северного общества (см. там же, стр. 374). С этим нельзя согласиться. Вместе с тем основная мысль Н. Л. Бродского о том, что дошедшие до нас фрагменты десятой главы отражают не стабильное, а исторически развернутое представление Пушкина о существовании тайного общества на разных его этапах, несомненно правильна.

[6] А. Пушкин. Русский Пелам. Вновь открытые автографы Пушкина. Транскрипция и комментарий М. Цявловского.— «Труды Публичной библиотеки им. Ленина», вып. III. М., 1934, стр. 11, 13, 37.

[7] ЦГИА, ф. 1146, № 68, л. 1. Черновик.

[8] О том, что С. Г. Волконскому было поручено принять Пушкина в тайное общество впервые в печати сообщил в качестве «предания», сохранившегося в их «семействе», внук декабриста, С. М. Волконский, в своей книге «О декабристах. (По семейным воспоминаниям)». Пг., 1922, стр. 43. Вот это свидетельство: «Здесь уместно упомянуть подробность, которая кажется в литературу не проникла, но сохранилась в нашем семействе как драгоценное предание. Деду моему Сергею Григорьевичу было поручено завербовать Пушкина в члены Тайного Общества, но он, угадав великий талант, предвидя славное его будущее, и не желая подвергать его случайностям политической кары, воздержался от исполнения возложенного на него поручения».

[9] «Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина». Ред. и примеч. С. Я. Штрайха, М., 1951, стр. 40.

[10] Там же, стр. 42—43.

[11] Пестель и Юшневский занимали эти выборные в тайном обществе должности и в Южной управе Союза Благоденствия и в Южном обществе декабристов.

[12] Ср. у Якушкина: «С первой почтой я известил Никиту Муравьева о важном приобретении, какое сделал для нашего Общества в лице полковника Фонвизина и надеялся получить за это от них от всех благодарность; но, напротив, получил строгий выговор за то, что поступил против условий между нами, в силу которых никто не имел права принимать никого в Тайное общество без предварительного на то согласия прочих членов, и я чувствовал, что по всей справедливости своей опрометчивостью я заслужил такой выговор» («Записки... И. Д. Якушкина», цит. изд., стр. 12).

[13] Неизд. Автограф. ЦГЛА, ф. Вяземских, № 195, ед. хр. 1648, л. 2.

[14] Неизд.— Там же, л. 4.

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ВООБРАЖАЕМОГО РАЗГОВОРА С АЛЕКСАНДРОМ I»

Статья С. Бонди

I

Последние месяцы 1824 г. были самым тяжелым временем михайловской ссылки Пушкина. Оставшись один в деревне после крупной ссоры с отцом и отъезда всей семьи в Петербург, Пушкин тосковал и рвался на свободу. Он пытался действовать одновременно и легальными и нелегальными способами. Подготовляя свой тайный отъезд за границу, он, в то же время, просил друзей хлопотать за него перед Александром I.

На свою внезапную высылку из Одессы в Михайловское Пушкин смотрел как на вопиющую несправедливость; он видел в ней результат интриг своего личного врага — Воронцова.

Ближайшим поводом к этой ссылке было, как известно, распечатанное полицией письмо Пушкина к кому-то из его друзей, где он непочтительно говорил о библии и о ее «авторе» — святом духе, «кощунственно» сравнивая его с другими, земными писателями. До нас дошел только отрывок этого письма: «...читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира». Далее в этом же письме Пушкин признавался в своем атеизме, которому он обучается у глухого философа-англичанина, исписавшего «листов 1000, чтобы доказать невозможность бытия разумного существа, являющегося создателем и промыслителем, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души». (Предпоследняя часть фразы в подлиннике по-французски: «...qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur»). «Система не столь утешительная, как обыкновенно думают,— прибавляет Пушкин,— но, к несчастию, более всего правдоподобная» (XIII, 92).

Сопоставляя свою новую ссылку в глухую деревню без права выезда с первой, южной ссылкой, вызванной действительным участием его в политической борьбе, сочинением и распространением антиправительственных, революционных стихов, Пушкин считал, что новое, гораздо более суровое наказание совершенно не соответствовало тяжести нового «преступления» — нескольким атеистическим фразам в частном письме. Именно эта несоразмерная строгость наказания и давала ему некоторые надежды.

В первой половине ноября 1824 г. Пушкин писал брату, прося его поговорить с Карамзиным и Жуковским о заступничестве перед царем. «Зная его твердость и, если угодно, упрямство,— писал Пушкин,— я бы не надеялся на перемену судьбы моей, но со мной он поступил не только строго, но и несправедливо. Не надеясь на его снисхождение — надеюсь на справедливость его» (XIII, 121).

Таким образом, в это время, в ноябре 1824 г., Пушкин, повидимому, считал возможным добиться своего освобождения, взывая к чувству справедливости Александра, несмотря на его «твердость и, если угодно, упрямство».

Через месяц после этого письма к брату, в декабре 1824 г., Пушкин написал в одной из своих черновых тетрадей своеобразное произведение, начинающееся словами: «Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему...». Далее идет «воображаемый разговор» Александра I с Пушкиным. В этом разговоре автор, поставив себя на место Александра, показывает, как следовало бы царю разговаривать с Пушкиным.

Разговор ведется со стороны «царя» в тоне в высшей степени «милостивом», благожелательном. Он хвалит поэта за прекрасные стихи, задает ему вопросы о его действиях и убеждениях и спокойно выслушивает горячие и взволнованные ответы и объяснения Пушкина.

Речь идет сначала об оде «Вольность» (причине первой ссылки Пушкина), затем о ссоре его с Воронцовым и, наконец, об его атеизме. Весь разговор ведется так, что неизбежно должен кончиться полным «прощением» поэта. В рукописи так и было сначала:

«Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие? — Это не было бы оскорбительно вашему величеству (или иначе: Хоть бы то было и правда, ужели тем оскорбил я ваше величество?).— Я бы тут отпустил А. Пушкина».

Повидимому, этими словами первоначально заканчивался «Разговор». Но затем Пушкин резко изменил окончание: к словам поэта «Это не было бы оскорбительно вашему величеству» он приписал: «но вы видите, что я бы ошибся в своих расчетах». И далее «милостивая аудиенция» неожиданно заканчивается новой ссылкой: «Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне *много лишнего (зачеркнуто: «хотя отчасти и правды»)*, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму „Ермак“ или „Кочум“ разными 〈?〉 размерами с рифмами».

Таким неожиданным поворотом Пушкин завершает свой «Разговор» [1].

Как видим, новая ссылка поэта вызвана здесь вовсе не враждебностью к Пушкину царя, его несправедливостью, «упрямством»,— ведь, не забудем, что здесь Пушкин себя ставит на место царя («когда б я был царь...»),— а поведением самого поэта, который даже в такой ответственный момент, в мирном разговоре с царем, готовящемся его отпустить на свободу, не может удержаться от того, чтобы не «разгорячиться» и не наговорить царю «много лишнего», то есть дерзостей.

В этом, в высшей степени интересном произведении Пушкина есть одно место, смысл и даже самый текст которого до сих пор вызывает споры. Это место — обмен репликами между царем и Пушкиным по поводу оды «Вольность».

Об этих репликах и будет итти речь в настоящей статье.

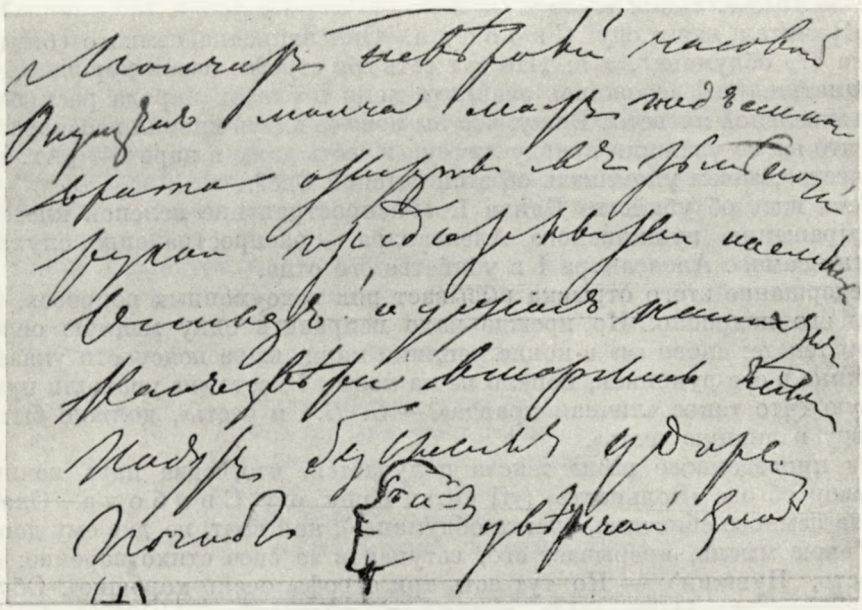
Текст их, в том виде, как он печатался во всех изданиях до 1948 г., находится в резком противоречии со всем смыслом, характером и тоном воображаемой беседы и вызывает ряд неразрешимых недоумений.

Прежде чем обратиться к этим репликам, перечитаем все остальные речи воображаемого «царя». Мы увидим, насколько все они носят мирный и благожелательный характер. (Сокращенные написания Пушкина даются в полном виде без особых оговорок.)

> «Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: „Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи“. (Далее зачеркнуто: „я читаю с большим удовольствием“) Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал...»

Тут следует разговор об оде «Вольность», который подробно будет разобран дальше. После него «милостивая беседа» продолжается:

«— Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской Оде? Лучше бы вы прочли хоть третью или шестую песнь „Руслана и Людмилы", ежели не всю поэму, или первую часть „Кавказского пленника", „Бахчисарайский фонтан". „Онегин" печатается; буду иметь честь отправить два экземпляра в библиотеку вашего величества, к Ивану Андреевичу Крылову, и, если ваше величество найдете время...— Помилуйте, Александр Сергеевич! Наше царское правило:



КАРИКАТУРА НА ПАВЛА I. РИСУНОК ПУШКИНА В РУКОПИСИ ОДЫ «ВОЛЬНОСТЬ» ПЕРЕД СЛОВАМИ «УВЕНЧАННЫЙ ЗЛОДЕЙ», 1819 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

дела не делай, от дела не бегай». (Зачеркнутый вариант: «Чтение ваших стихов доставит нам приятное занятие». Далее зачеркнуто: «Скажите, неужто вы всё не перестаете писать на меня пасквили? Это не хорошо. Вы не должны на меня жаловаться; если я вас и не отличал еще, дожидаясь случая, то вам и жаловаться не на что. Признайтесь, любезнейший наш товарищ король Гишпанский или император Австрийский с вами не так бы поступили — за все ваши проказы вы жили в теплом климате».)

Вместо этого зачеркнутого монолога царь у Пушкина задает поэту краткий вопрос:

«Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?»

В ответ Пушкин произносит горячую филиппику против Воронцова. Выслушав ее, царь продолжает:

«Но вы же и афей ⟨то есть атеист⟩? Вот что уж никуда не годится».

Выслушав оправдания Пушкина («как можно человека судить по письму, писанному товарищу») и его встречные упреки («ваш последний поступок со мною ⟨то есть ссылка в Михайловское⟩ противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей»), царь, как уже сказано выше, отвечает весьма благожелательно:

«Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие».

Трудно в более милостивом тоне вести царю разговор с поэтом, сосланным за революционные стихи и безбожие! Самые «сильные» упреки царя: «Это не хорошо!», «Вот что уж никуда не годится»[2].

И вот в самом начале этого мирного разговора мы читаем во всех изданиях до 1948 г. такой текст [3]:

«„Я читал вашу оду С в о б о д а. Она написана немного сбивчиво, слегка ⟨?⟩ обдумана", а я: „Но тут есть три строфы очень хорошие..." — „Я заметил, [вы] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, что вы не уважили правду личную и честь даже в царе".— „Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской Оде?.."»

Речь идет об убийстве Павла I. «Распространение нелепой клеветы», по выражению пушкинского Александра,— распространение слуха об участии самого Александра I в убийстве его отца.

Содержание этого отрывка вызывает ряд недоуменных вопросов. Разберем его подробно. Но прежде надо исправить одну мелкую ошибку в этом тексте: слово «и» в конце реплики царя, из-за неясности указания Пушкина в его рукописи, попало не на место. Вместо «не уважили правду личную ⟨что такое «личная правда»?— *С. Б.*⟩ и честь», должно быть — «правду и личную честь».

Из приведенного выше текста получается, что, едва царь начинает разговор об оде «Вольность» («Я читал вашу оду С в о б о д а. Она написана немного сбивчиво, слегка обдумана»), как поэт, не дав ему договорить свою мысль, прерывает его, вступаясь за свое стихотворение: «а я ⟨то есть, Пушкин⟩· — Но тут есть три строфы очень хорошие». Обычно под «тремя строфами, очень хорошими» подразумеваются строфы, где говорится об убийстве Павла I и где поэт клеймит его эпитетами «тиран», «Калигула», «увенчанный злодей» [4]. Впрочем, уже в следующей фразе Пушкин словно забывает о своем горячем заступничестве за свою оду и говорит о ней с пренебрежением: «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой д е т с к о й Оде?..» Непонятное противоречие. Еще большее недоумение вызывают слова «а я». Не говоря уже о том, что подобный сокращенный оборот (вместо «а я бы ответил») Пушкин никогда не употреблял в прозе, существеннее другое: кто этот «я» в данной ремарке? Ведь в «Воображаемом разговоре» «я» не Пушкин, а царь...

Новые затруднения встречают нас при попытке разобраться в смысле и форме следующей реплики царя: «Я заметил, [вы] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, что вы не уважили правду и личную честь, даже в царе». Оставив в стороне необычайную тяжеловесность, искусственность построения этих двух фраз («я заметил, вы старались»; «вы можете иметь мнения неосновательные»), а также странную мягкость выражений царя, который клевету на него, неуважение к его личной чести называет всего лишь... «мнениями неосновательными», остановимся на самом содержании этой реплики, вызывающем ряд вопросов. Оно никак не вяжется ни с предыдущим, ни с последующим.

Александр I в этой редакции текста ведет себя совершенно бессмысленно, совершенно непоследовательно. Похвалив Пушкина за прекрасные стихи, он вдруг начинает предъявлять поэту самые грозные обвинения: Пушкин

старается очернить царя в глазах народа, он оклеветал царя (ложно обвинив его в цареубийстве и отцеубийстве), он не уважил правду, он оскорбил личную честь царя... Предположим, что ласковым началом разговора царь хотел усыпить бдительность поэта (хотя тогда непонятно, почему Пушкин приписывает *себе* эту коварную тактику: «когда б *я* был царь...»),— но как же дальше развивается действие? Что же отвечает поэт на эти тяжкие обвинения в лжи, клевете, «оскорблении величества»? Ведь обвинение в «неуважении личной чести» приводило к дуэли между простыми смертными, а тут речь идет о царе! Как же оправдывается Пушкин? Оказывается, никак. Вместо того, чтобы отрицать свою вину, каяться, он с необыкновенным легкомыслием просто отбрасывает эти обвинения: «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли „Руслана и Людмилу“» и т. д. Это совершенно неправдоподобно!

Но еще неправдоподобнее то, как у Пушкина реагирует сам Александр на последние слова поэта. Оказывается, он мгновенно забывает о клевете, об оскорблении и необыкновенно любезно заявляет поэту: «Помилуйте, Александр Сергеевич! Наше царское правило — дела не делай, от дела не бегай» (или — в зачеркнутом варианте — «Чтение ваших стихов доставит нам приятное занятие»).

Наконец, следует задать себе вопрос, о каком «распространении нелепой клеветы» в оде «Вольность» говорит пушкинский Александр? Где в этой оде говорится об участии Александра в убийстве Павла I? Приведем полностью соответствующее место оды:

...Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары ...
Погиб увенчанный злодей.

Здесь говорится о пьяных офицерах, физических исполнителях убийства, о предательстве часовых, впустивших во дворец убийц, *но об Александре не сказано ни слова*. М. А. Цявловский в 1936 г. следующим образом думал разъяснить это недоумение. Он писал:

«В стихах

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...

Александр читал обвинение его в участии в убийстве Павла I, так как убийство было совершено в ночь, когда часовые и караул на гауптвахте Михайловского замка были от Семеновского полка, шефом которого был Александр, очень любимый солдатами и офицерами этого полка.

Что приведенные стихи Александр принял на свой счет, доказывается еще и тем, что в пушкинском „Воображаемом разговоре с Александром I“

последний говорит: „Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные“»[5] и т. д.

Эти соображения мне кажутся совсем неубедительными.

Даже если представить себе, что Пушкин, неизвестно почему, вздумал в бесцензурном революционном стихотворении так далеко запрятать «намек» на Александра, что его с трудом обнаруживают только через сто лет,— даже и в этом случае все же невозможно, внимательно читая оду Пушкина, найти в ней то, что видел М. А. Цявловский.

В самом деле, дойдя до стиха «Молчит неверный часовой», читатель должен вспомнить (если вообще ему это известно), что этот часовой — солдат Семеновского полка (у Пушкина об этом не сказано). Далее, ему должно прийти в голову, что шефом этого полка был Александр (и об этом Пушкин не упоминает в своей оде), что его любили солдаты и офицеры... И из всего этого читатель должен сделать совершенно произвольный вывод, что часовые действовали в эту ночь по прямому приказанию Александра. Ведь только в этом случае можно было бы говорить об участии Александра в цареубийстве. Если бы часовые нарушили свой долг и впустили убийц в замок из любви к своему шефу, из желания увидеть его на престоле, но без его ведома, без его приказа,— то никакой вины на Александре не было бы. Но как раз о таком приказе Александра, о сговоре с ним в стихах Пушкина нет ни слова.

Если бы хоть какой-нибудь намек на роль Александра был в стихах оды «Вольность», то Пушкин был бы прав, вкладывая в уста своего воображаемого царя слова о «клевете», о «неуважении к правде». Действительно, не обнаруживший открыто своего участия в перевороте 11 марта, Александр так и должен был бы квалифицировать всякое упоминание, всякий намек на это его участие. Но есть ли в оде «Вольность» повод для Александра употреблять подобные выражения? В стихах, на которые указывал М. А. Цявловский, перечисляются только точные факты, сопровождавшие убийство Павла. В них речь идет вовсе не о тайных намерениях и сговорах, а о событиях, происходивших при свидетелях:

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный.

Мог ли Александр это назвать клеветой и ложью? Независимо от участия или неучастия Александра в заговоре, часовой, молча впустивший заговорщиков в замок, был «неверным» часовым.

Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...

Где в этих словах клевета, неуважение к правде и личной чести царя, с точки зрения Александра?

Конечно, само упоминание об убийстве Павла (да еще в такой живой и эмоциональной форме) было крайне неприятно Александру, участнику этого заговора. Конечно, все это описание цареубийства было явно крамольным — недаром больше ста лет цензура запрещала говорить об этом событии. Но совершенно несомненно, что если Александр, читая оду «Вольность», нашел там резкое осуждение Павла («Калигула», «злодей», «тиран»), нашел там при описании убийства резкое осуждение его непосредственных убийц:

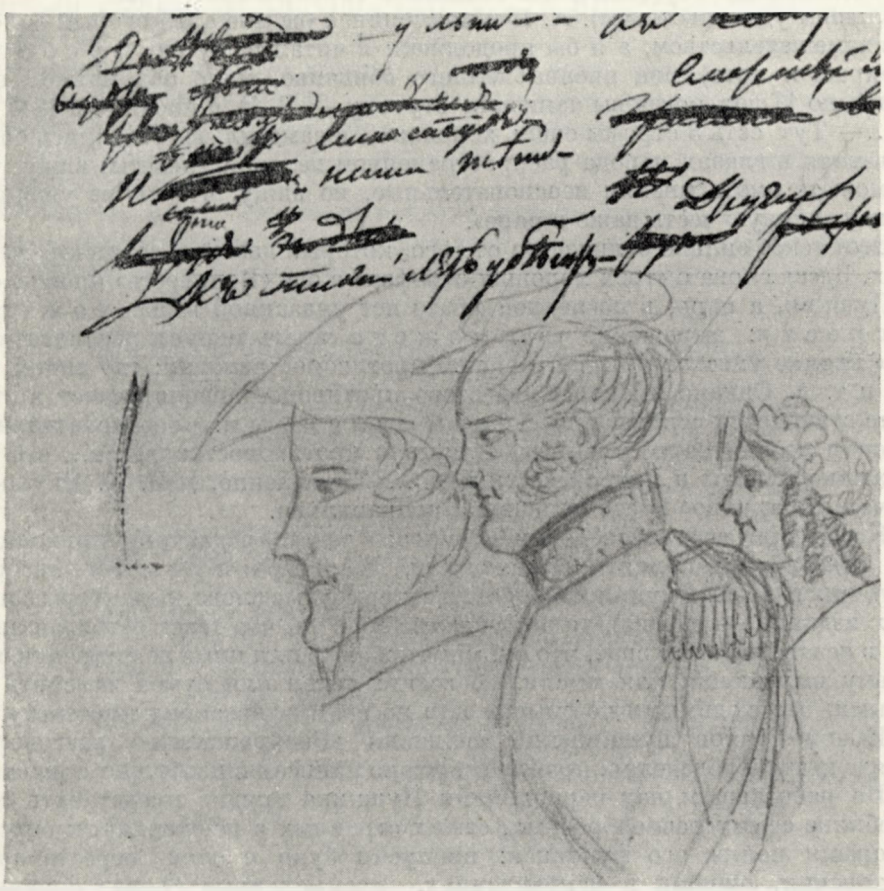
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...

если он нашел в оде осуждение предательства часовых, молча пропустивших во дворец убийц,— то он, во всяком случае, не нашел ни сло-

в а о своем участии в этом деле, не нашел того, что должен был бы назвать «нелепой клеветой», ложью и оскорблением его личной чести.

А между тем, именно эти слова он произносит в старом, известном тексте «Воображаемого разговора».

Все эти противоречия и несообразности в содержании и в стиле «Воображаемого разговора с Александром I» заставляют усомниться в точности и правильности воспроизведения его текста в прежних изданиях.



АЛЕКСАНДР I
Рисунок Пушкина, 1822—1824 гг.
«О радуйся, народ, я сыт, здоров и тучен...» (из поэля Пушкина «Сказки»)
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

II

Рукопись «Воображаемого разговора» представляет собой очень небрежный черновик, написанный на трех страницах одной из пушкинских записных тетрадей (№ 2370 по нумерации Московского румянцовского музея).

Впервые полностью он был напечатан В. Е. Якушкиным в 1884 г. в его описании пушкинских рукописей Румянцовского музея [6]. В тексте этой публикации есть ряд ошибок. В. Е. Якушкин кое-чего в рукописи не разобрал, кое-что прочел неверно, в нескольких случаях ввел в текст

зачеркнутое Пушкиным, не всегда обозначая скобками, что данные слова зачеркнуты. В последующих публикациях, в собраниях сочинений Пушкина, текст «Разговора» постепенно исправлялся.

Вот как передает В. Е. Якушкин начало «Воображаемого разговора» (квадратными скобками [ ] он обозначает слова, добавленные им самим в текст Пушкина, по смыслу, круглыми ( ) — зачеркнутое Пушкиным):

«Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал [бы] ему: Александр Сергеевич, вы сочиняете (прекрасные) стихи, (я читаю с большим удовольствием). А. П-ъ поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: я читал вашу оду С в о б о д а, (прекрасно, хоть) она писана немного сбивчиво, мало обдуманно (вам ведь было 17 лет, когда вы написали эту оду.— В. В. я писал ее в 1817 году)...— Тут есть 3 строфы очень хорошие... я заметил, вы старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы; вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже в царе».

Этот текст сильно отличается от того, который дается в советских изданиях. Здесь слова о «трех хороших строфах» в оде «Вольность» произносит не Пушкин, а царь; в последней фразе нет указанной выше т я ж е л о в е с н о с т и: выражение «в ы м о ж е т е иметь мнения неосновательные» вполне уместно при дальнейшем противопоставлении: «но вижу, что вы» и т. д. Однако именно из-за этого противопоставления текст в этом месте становится совершенно б е с с м ы с л е н н ы м: «неосновательным (с точки зрения царя) мнениям» Пушкина противопоставляется... его неуважение правды и личной чести царя... Несомненно, и В. Е. Якушкин прочел это трудное место черновика неправильно.

Когда при воспроизведении чернового текста редактору приходится для связности дополнять его словами, з а ч е р к н у т ы м и автором в рукописи (В. Е. Якушкин брал одни зачеркнутые слова, редакторы советских изданий — другие), то это указывает на то, что текст оставлен автором в незавершенном виде, что он, уничтожая те или иные не понравившиеся ему выражения или мысли, не всегда успел или сумел заменить их новыми, необходимыми по смыслу или по грамматическому контексту.

Именно таков пушкинский черновик «Воображаемого разговора». В ряде мест он недоделан, крайне небрежно написан и изобилует описками.

Не работавшим над черновиками Пушкина трудно представить себе то обилие самых разнообразных, самых странных и неожиданных описок, которыми полны его рукописи: пропуски букв и слов, перестановки, повторения, ошибки в исправлениях, бессмысленные слова, попавшие в текст по каким-то боковым ассоциациям, вроде «Матерь господа гневу» (вместо «господа Христа»), «Он на женщиной не смотрелой» и т. п. Об этих описках, возникавших у Пушкина в процессе его быстрого, взволнованного, творчески напряженного письма, мне приходилось писать в статье «О чтении рукописей Пушкина» (глава «Об описках черновика») [7].

На первых двух страницах рукописи «Воображаемого разговора» Пушкин сделал до д е с я т и бесспорных описок: «неблагозумно» (вместо «неблагоразумно»), «ближих» (вместо «ближних»), «мнение неосновательныя», «объявлъ» (вместо «объявлялъ»); сначала было: «лучше бы вы прочли‹...› „Руслана и Людмилу“ ‹...› заглянули бы в „Кавказский пленник“ в „Бахчисарайский фонтан“»; затем, зачеркнув «заглянули бы в», Пушкин написал «или 1 часть» («Кавказского пленника») — и забыл зачеркнуть «в» перед «Бахчисарайским фонтаном». «Окончательное» чтение: «лучше бы вы прочли ‹...› „Руслана и Людмилу“ или 1 часть „Кавказского пленника“ *в* „Бахчисарайский фонтан“»; зачеркнутое слово «удостои‹те›» написано: «удотои‹те›»; слова «дела не делай, от дела не бегай», после того как были написаны, «исправлены» Пушкиным так: сначала буква «б» в слове «бегай»

переправлена на «д» («дегай») [8], а затем вовсе зачеркнуто слово «не бегай». Получился такой «окончательный», «исправленный» текст: «дела не делай от дела». Вместо «присылал мне» написано: «прислал мне». В фразе «Генерал Инзов добрый и почтенный старик» слово «старик» зачеркнуто и н и ч е г о в м е с т о н е г о н е н а п и с а н о (вероятно, Пушкин имел в виду слово «человек»). Вспомним также, что отброшенный первоначальный конец «Разговора»: «Я бы тут отпустил А. Пушкина» — остался по ошибке незачеркнутым (см. примеч. 1).

В этом длинном перечислении приведены описки явные, сразу бросающиеся в глаза. Не мудрено будет, если в том же тексте обнаружатся описки менее заметные с первого взгляда и потому более опасные.

Приводим транскрипцию первой страницы рукописи «Разговора» (в частности, то место, о котором идет речь в данной статье).

Зачеркнутое Пушкиным в рукописи поставлено в транскрипции в квадратные скобки [ ].

Вписанное между строками набрано мелким шрифтом.

Предположительная расшифровка слов, очень неразборчиво написанных Пушкиным, сопровождается в транскрипции знаком ⟨?⟩.

ь
Когдабъ я былъ Цар[емъ] то позвалъ бы А. П и
прек ⟨?⟩
сказалъ ему. *А. С.* [я чи] вы сочиняете [прекрасные]
стихи, [я читаю съ большимъ удовольств] [А.] Пъ
нѣкоторымъ
поклонился бы мнѣ [съ какимъ] скромнымъ за-
бы
мѣшательствомъ — а я продолжалъ — [Ваше сочиненіе]
[то — какъ бишь оно — Русл. и Л. — да точно —] я чи-
она вся [она] ⟨?⟩ [она]
талъ вашу Оду *свобода*, [прекрасно хоть] [и]
немн ⟨?⟩ [потому] [что] слегка обдумано
писано* сбивчиво, [мысли [незрѣлы]] [отъ т]
[но это прости]
[молодо, зелено] — [вамъ вѣдь было 17 лѣтъ когда]
ее [В. В.] [В. И. В.] а я
[вы написали [эту Оду]] — [это было въ 1817 году [когда]]
но [къ стати]
тутъ есть 3 строфы очень хорошія — [благодарю]
[не щадя моихъ ближихъ]
оче
[васъ что] [конечно вы поступили** неблагозумно]***
я замѣтилъ [благо] [я видѣлъ]
[зато не повторили нелѣпой клеветы], [не]
[вы однакожъ не]
старались очернить меня въ глазахъ народа
разпространеніемъ нелѣпой клеветы — [это]
[вамъ] вижу что
[дѣлаетъ честь], вы можете имѣть мнѣніе
и [въ сатирѣ]
неосновательныя, [но вижу] что вы не
[ист] правду личную зачемъ
уважили и Честь — Ах В В. [что гово] упоми
даже в Царѣ объ этой детск

Одъ

---

* *Переделано на*: писана
** *Переделано на*: поступивъ
*** *Слова*: поступив неблагозумно *подчеркнуты, то есть восстановлены.*

Если в этой рукописи читать просто, «не мудрствуя лукаво», всё, что в ней оставлено Пушкиным, то есть всё незачеркнутое им, а также зачеркнутое, но затем восстановленное (прерывистой чертой под строкой), то для разбираемого места мы получим такой текст:

«Я читал вашу Оду С в о б о д а, она вся писана немн⟨ого⟩ ⟨?⟩ сбивчиво, слегка обдумано ее а я но тут есть 3 строфы очень хорошие — поступив очень ⟨?⟩ неблагоразумно я заметил старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы — вижу что вы можете иметь мнения неосновательные, что вы и не уважили правду и личную Честь даже в Царе».

Сразу видно, что этот текст дефектный. Бесспорно лишние слова «ее» (перед «а я»), «и» (перед «не уважили»). Нет сомнения, что они оставлены не зачеркнутыми второпях, по ошибке. Так и понимали все редакторы и никогда не вводили их в окончательный текст. Далее, так же бесспорно испорчено синтаксически место: «поступив очень ⟨?⟩ неблагоразумно, я заметил, старались очернить меня» и т. д. Выходит, по контексту, что не Пушкин, а сам Александр I поступил неблагоразумно; кроме того, пропущено «вы» перед словом «старались».

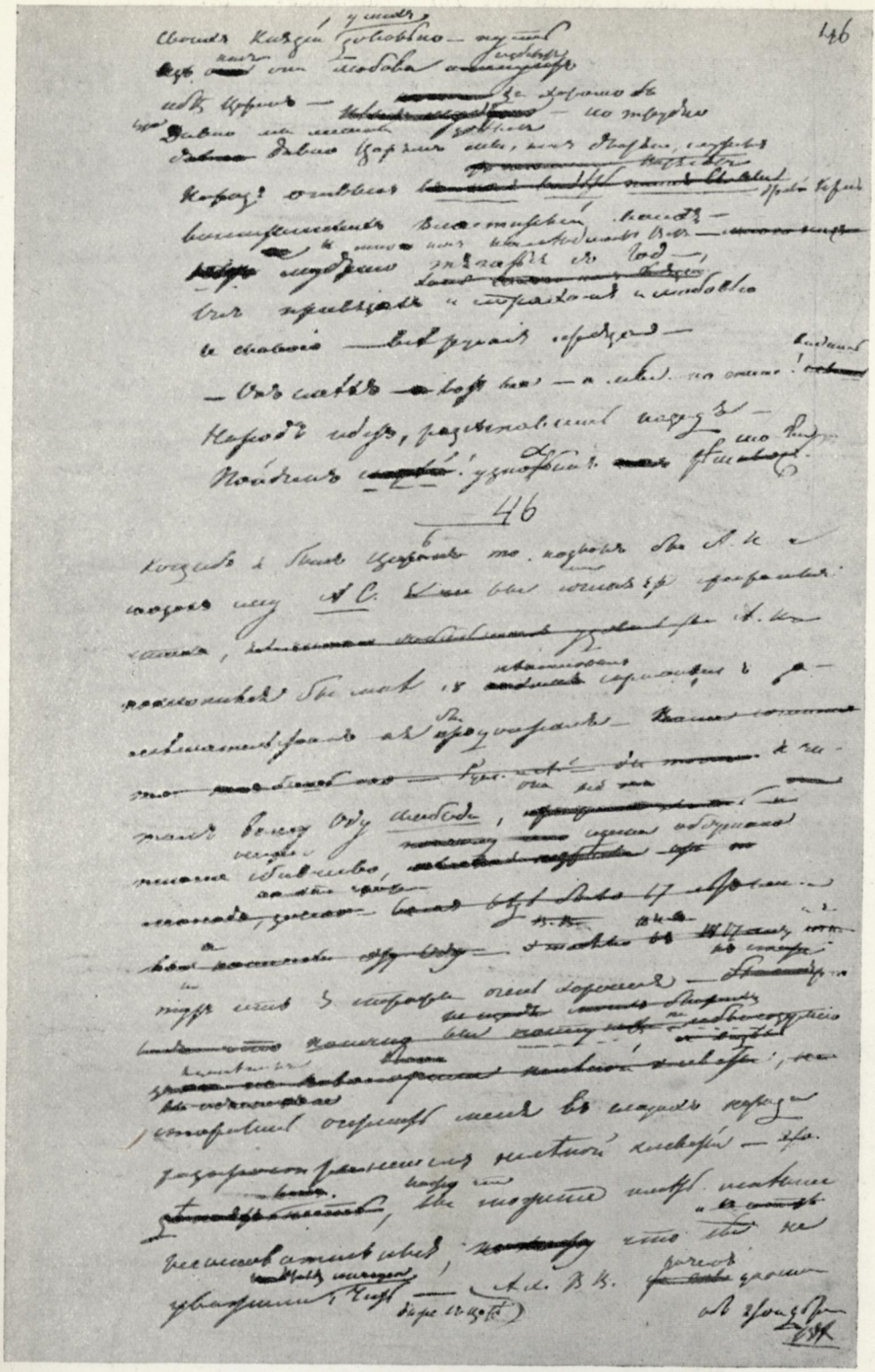
И в этом месте редакторы никогда не воспроизводили буквально пушкинский текст, а давали его в таком виде: пропуская вовсе слова «Поступив очень неблагоразумно», они печатали: «Я заметил, вы старались очернить меня».

Таким образом, перед нами сложный черновик с рядом зачеркнутых вариантов, след большой работы писателя над текстом и, притом, работы не доведенной до конца, не дающей в окончательном виде, то есть в незачеркнутых автором словах, связного, грамматически законченного текста.

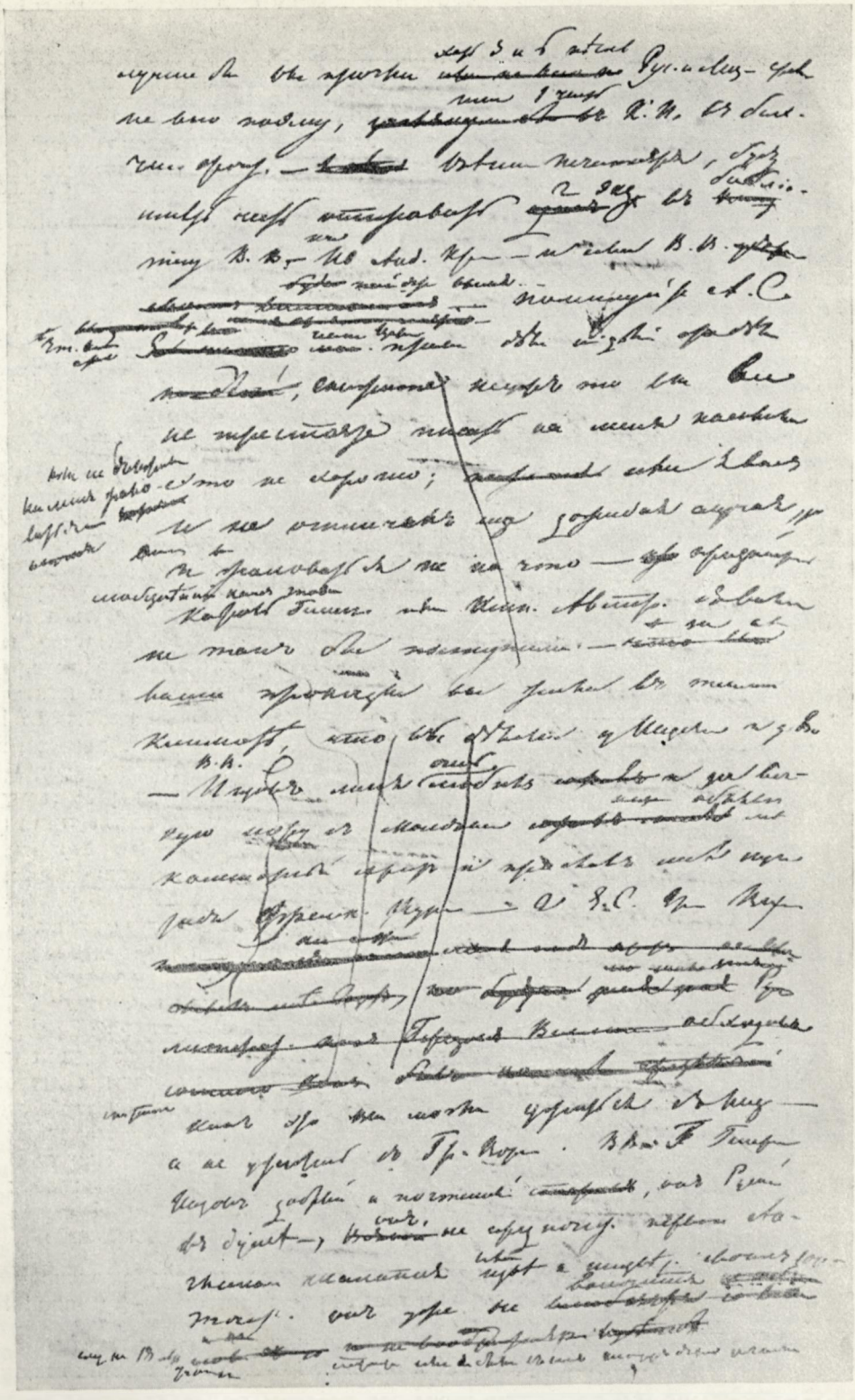
Подобных текстов (и прозаических и стихотворных) довольно много в рукописях Пушкина. Для того, чтобы дать в публикации верный, подлинно-пушкинский и, притом, связный, законченный текст, неправильно, ненаучно было бы просто отбрасывать одни из незачеркнутых слов, лишние, п о м н е н и ю р е д а к т о р а, и сохранять другие; извлекать из зачеркнутых автором вариантов слова и фразы, нужные, п о м н е н и ю р е д а к т о р а, для связности контекста. Все эти операции открывают широкое поле для редакторского произвола.

Вместо этого в советской текстологии давно уже принят определенный метод.

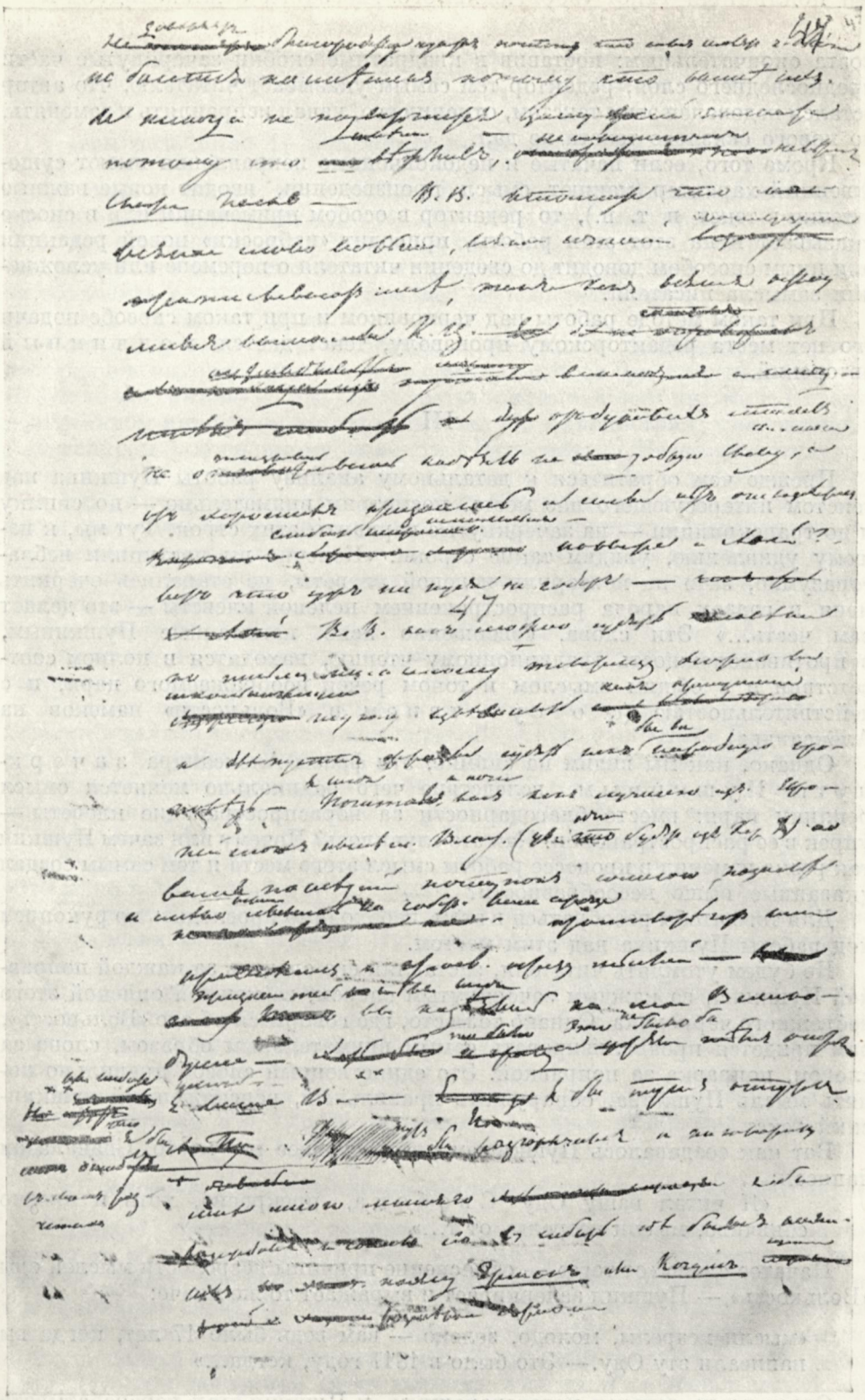
Редактор должен внимательно проследить весь ход работы писателя над текстом в данной рукописи, проследить все варианты текста в т о й п о с л е д о в а т е л ь н о с т и, в к а к о й о н и с о з д а в а л и с ь и о т м е н я л и с ь (з а ч е р к и в а л и с ь) а в т о р о м. Текстолог должен вслед за писателем пройти все стадии создания им данного текста, он должен точно уяснить себе, в какой момент работы возник данный вариант, какой текст этот вариант заменил в рукописи и (в случае, если он сам оказался зачеркнут автором) что написано было вместо него. Дойдя, таким образом, до конца работы писателя над данным местом, до последнего слоя его поправок, текстолог (в черновике, подобном разбираемому) убедится, что автор бросил свою работу незавершенной, то есть, отменив, зачеркнув в рукописи п р е д п о с л е д н и й с л о й и начав вместо этого текста записывать придуманный новый, он не довел до конца этой последней работы и оставил вместо связного текста только, так сказать, наброски создаваемого им последнего слоя. Так как редактор не имеет права заканчивать, доделывать за автора недоделанную им работу, то он обязан дать в своей публикации последний з а к о н ч е н н ы й автором текст, то есть предпоследний слой работы писателя. При этом он обязан показать в своей публикации, что даваемый им текст не явился для самого



РУКОПИСЬ «ВООБРАЖАЕМОГО РАЗГОВОРА С АЛЕКСАНДРОМ I» ПУШКИНА, 1824 г.
Лист первый
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



РУКОПИСЬ «ВООБРАЖАЕМОГО РАЗГОВОРА С АЛЕКСАНДРОМ I» ПУШКИНА, 1824 г.
Лист второй
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



РУКОПИСЬ «ВООБРАЖАЕМОГО РАЗГОВОРА С АЛЕКСАНДРОМ I» ПУШКИНА, 1824 г.
Лист третий
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

поэта окончательным: поставив в квадратные скобки зачеркнутые части предпоследнего слоя, редактор тем самым указывает читателю, что автор остался недоволен этим текстом, отменил его, начал исправлять и заменять, но нового связного текста не дал.

Кроме того, если начатые и недоконченные исправления имеют существенный характер (меняют смысл произведения, вводят новые важные оттенки в текст и т. п.), то редактор в особом примечании или в сноске указывает и на этот этап работы, приводит «наброски» новой редакции или иным способом доводит до сведения читателя о перемене или усложнении замысла писателя.

При таком методе работы над черновиком и при таком способе подачи его нет места редакторскому произволу, текст дается п о д л и н н ы й авторский.

III

Прежде чем обратиться к детальному анализу работы Пушкина над текстом интересующего нас места, посмотрим внимательно — по снимку и по транскрипции — на зачеркнутые варианты этих строк. Тут мы, к нашему удивлению, увидим такие строки: «Конечно вы поступили неблагоразумно, зато не повторили нелепой клеветы, не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы — это делает вам честь...» Эти слова, совершенно ясно написанные Пушкиным, в противоположность традиционному чтению, находятся в полном соответствии и с общим смыслом и тоном речей воображаемого царя, и с действительностью (с о т с у т с т в и е м в «Вольности» намеков на Александра).

Однако, как мы видим на снимке, эти фразы Александра з а ч е р к н у т ы П у ш к и н ы м, вследствие чего радикально меняется смысл реплики царя: вместо благодарности за нераспространение клеветы — упрек в ее распространении. Как это случилось? Почему или зачем Пушкин так резко изменил в процессе работы смысл этого места и тем самым создал указанные выше несообразности?

Для того чтобы разобраться в этом, необходимо проследить по рукописи ход работы Пушкина над этим местом.

Не будем утомлять читателя, заставляя его следить за каждой поправкой Пушкина, за каждым зачеркнутым словом, за каждой опиской этого небрежного черновика. Однако то место, где говорится об оде «Вольность», нам придется проанализировать самым внимательным образом, слово за словом, поправка за поправкой. Это единственный способ правильно понять мысль Пушкина, обнаружить правильный, неискаженный пушкинский текст.

Вот как создавалось Пушкиным интересующее нас место. Сначала он написал:

> «Я читал вашу Оду С в о б о д а, прекрасно, хоть и писано сбивчиво, мысли незрелы, от т...»

Начатое слово «от того» — объяснение причины незрелости мыслей оды «Вольность»,— Пушкин зачеркивает и выражает то же иначе:

> «мысли незрелы, молодо, зелено — вам ведь было 17 лет, когда вы написали эту Оду.— Это было в 1817 году, когда...»

Ответ поэта остался недоговоренным, и Пушкин стал перерабатывать только что написанное, говоря о том же другими словами.

Повидимому тут же (а может быть, и позже — в данном случае это не имеет значения) Пушкин поправил конец реплики царя: он зачеркнул

слова «эту Оду» и надписал между словами «вы» и «написали» слово «ее». Вместо «вам ведь было 17 лет, когда вы написали эту Оду», получилось:

«вам ведь было 17 лет, когда вы ее написали».

Обратим внимание, что в этой стадии работы пушкинский Александр I, говоря о «Вольности», не адресует Пушкину никаких упреков. Он характеризует это произведение словом «прекрасно» и только оговаривает, что содержание его «сбивчиво» и что мысли в нем незрелы. Но и тут он старается объяснить и оправдать это крайней молодостью автора («молодо, зелено», «ведь вам было 17 лет»).

Кстати, Пушкин имел основания приписывать Александру противопоставление высокого поэтического качества стихов оды незрелым мыслям. Почти то же сказано об оде «Вольность» в официальном письме к Инзову, подписанном министром иностранных дел гр. Каподистрия, утвержденном Александром и, повидимому, известном Пушкину: «...Несколько стихотворений и особенно ода к свободе обратили внимание правительства на г-на Пушкина. Это последнее сочинение обнаруживает, наряду с величайшими красотами содержания и стиля, опасные принципы, почерпнутые из современных учений или, лучше сказать, из той системы анархии, которую недобросовестность называет системой прав человека, свободы и независимости народов» [9].

Во всяком случае мы видим, что воображаемый разговор Александра с Пушкиным, по его замыслу, с самого начала носит самый дружелюбный характер.

Пушкин попробовал исправить недоконченную реплику поэта. Он вставил в начало ее обращение к царю «В. В.» (то есть «Ваше Величество») или «В. И. В.» («Ваше Императорское Величество»), а затем начал изменять ее строение. Было написано: «Это было в 1817 году, когда...» Повидимому, имелось в виду «когда я только что окончил Лицей», или «когда мне было 17 лет», или что-нибудь подобное. Пушкин зачеркнул слово «когда» и надписал сверху (и, следовательно, вместо этого слова) «а я». То есть: «Это было в 1817 году, а я»... «родился в 1799 г.» или что-нибудь в этом роде. Недокончив фразы, Пушкин зачеркнул всю реплику поэта. Слова «а я», написанные над строкой, Пушкин по небрежности оставил незачеркнутыми.

Много потрудился Пушкин и над репликой царя («Прекрасно, хоть и писано сбивчиво, мысли незрелы, вам ведь было 17 лет, когда вы ее написали»). Начало фразы он изменил так: «Прекрасно, хоть она писана немного 〈?〉 сбивчиво».

Далее он зачеркнул выражение «мысли незрелы» и заменил его другим: «потому что слегка обдумано», а затем зачеркнул слова «потому что»:

«Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, слегка обдумано».

Странное впечатление производит выражение «слегка обдумано», очевидно, в смысле «поверхностно обдумано», «мало обдумано». Можно было бы думать, что здесь неверно прочитано не очень разборчиво написанное Пушкиным слово. Но, взглянув на снимок, читатель увидит, что больше всего это написание похоже на слово «слегка» (ср. написание буквы «к» выше, в словах «сказал», «скромным»). Продолжая работать над репликой царя, Пушкин зачеркнул слова «молодо, зелено» и надписал сверху «но это прости...» — недописанное слово «простительно». Вместе с последующим получилось:

«но это прости〈тельно〉— вам ведь было 17 лет, когда вы ее написали».

Ответ Пушкина (указание, что «Вольность» была написана им в 1817 г.) остался, как мы видели, недописанным и зачеркнут. Далее Пушкин продолжал:

«тут есть 3 строфы очень хорошие — благодарю вас что...»

Затем Пушкин приписал сверху «к стати»:

«к стати благодарю вас, что...»

Не дописав этой фразы, Пушкин решил изменить смысл слов царя об оде «Вольность». Он убрал все ссылки его на молодость поэта: слова «но это прости⟨тельно⟩» «вам ведь было 17 лет, когда вы написали» — зачеркнуты. Слово «ее» (написанное над строкой) опять (как и выше «а я») второпях осталось незачеркнутым.

Вместо этого, в тексте появилось противопоставление «сбивчивости», необдуманности оды в целом—отдельным «очень хорошим» ее строфам. В результате ряда поправок (не буду их анализировать) реплика царя получила в конце концов такой вид:

«Я читал вашу оду С в о б о д а. Она вся писана немного ⟨?⟩ сбивчиво, слегка обдумано, но тут есть 3 строфы очень хорошие».

Совершенно ясно, что слова о трех очень хороших строфах говорит у Пушкина Александр, а не поэт. И не только в новом контексте, когда сведены в одну фразу и противопоставлены друг другу сбивчивость в с е й оды и очень хорошие три строфы, заключающиеся в ней. Рукопись ясно и несомненно показывает, что и с самого начала, когда Пушкин писал фразу «тут есть три строфы очень хорошие», эти слова у него принадлежали Александру. Ведь после них непосредственно, как мы видели, идут слова «благодарю вас что...» Каким образом мог бы царь сказать это в ответ на дерзкое заявление Пушкина о том, что лучшие строфы в его оде — это три строфы об убийстве Павла? Нужны ли еще какие-нибудь доказательства?

Таким образом, старое чтение этого места («а я: „но тут есть три строфы“» и т. д.), отнесение этих слов к Пушкину, причем «я» здесь оказывается Пушкиным, хотя на протяжении всего «Разговора» «я» — это царь,— всё это нагромождение ошибок, натяжек и противоречий должно быть окончательно отвергнуто вместе с тем психологическим комментарием, которым пытается спасти это чтение Д. Д. Благой в своей книге «Творческий путь Пушкина»: «...в ответ на воображаемые слова царя: „Я читал вашу оду С в о б о д а. Она вся писана немного сбивчиво, слегка обдумано“, Пушкин я д о в и т о, я в н о п о д д р а з н и в а я с в о е г о в о о б р а ж а е м о г о с о б е с е д н и к а, замечает: „Но тут есть три строфы очень хорошие...“».

Александр в «Разговоре» Пушкина противопоставляет всей оде, сбивчивой, плохо обдуманной, три очень хорошие ее строфы. Нетрудно решить, о каких строфах говорит царь. В оде «Вольность» есть, действительно, три строфы (точнее, две с половиной), о которых Пушкин мог думать, что они понравились Александру I. Это те три строфы (6, 7 и 8-я), где говорится о французской революции и о Наполеоне.

Дело в том, что ода «Вольность» — произведение, действительно, очень молодое, «сбивчивое», внутренне противоречивое. В нем соединяются горячий, заражающий революционный пафос с довольно умеренной конституционно-монархической положительной программой. С одной стороны — чудесные поэтические формулы, выражающие революционный дух всего замысла:

...гроза царей,
Свободы гордая певица...
. . . . . .

Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок...
. . . . . .
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!
. . . . . .
Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу!
и т. д.

А с другой стороны — чисто идеалистическая концепция отвлеченного Закона, стоящего выше царей и выше народа, заставляет поэта, наряду с решительным осуждением «тиранов», столь же решительно осуждать народ, нарушающий «вечный Закон», осуждать французскую революцию, в особенности в ее якобинском периоде, в эпоху террора. Пушкин в своей оде с осуждением говорит о казни Людовика XVI, самого Людовика называет «мучеником ошибок славных», сложившим голову за предков; гильотину он называет «кровавой плахой вероломства», «преступной секирой». Этот эпизод занимает вторую половину 6-й строфы и 7-ю. Он заканчивается стихами о Наполеоне:

И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Следующая строфа (8-я) целиком посвящена Наполеону:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу
и т. д.

Это — третья из строф, которые должны были, по мнению Пушкина, понравиться Александру — «победителю Наполеона».

Продолжая работу, Пушкин, как сказано выше, зачеркнул следующее непосредственно за словами о трех строфах начало новой фразы царя: «Кстати, благодарю вас, что» и стал писать о том же по-другому:

«Конечно вы поступили неблаго⟨ра⟩зумно зато не повторили нелепой клеветы».

Последние четыре слова Пушкин зачеркнул и построил фразу иначе:

«не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы — это делает вам честь».

Пропущенное было слово «вам» Пушкин вписал над строкой.

Между строк Пушкин вписал объяснение к словам «вы поступили неблаго⟨ра⟩зумно»:

«не щадя моих ближ⟨н⟩их»

— то есть, так резко выражаясь об отце Александра, Павле I. В полном виде вся фраза стала звучать так:

«Конечно, вы поступили неблагоразумно, не щадя моих ближних, зато не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Это делает вам честь».

В такой редакции, отчетливо написанной самим Пушкиным в его рукописи (см. снимок и транскрипцию),— всё ясно и всё соответствует

действительности и основному замыслу произведения. Вот как надо бы Александру говорить с Пушкиным («Когда б я был царь...»). Пригласив поэта, чтобы после милостивого разговора освободить его, царь ищет даже в отношении криминальной оды «Вольность» того, что могло бы смягчить вину Пушкина. Сначала он указывает на молодость поэта; затем автор отказывается от этого мотива и вводит новый, гораздо более убедительный. Говоря в своей оде об убийстве Павла, поэт имел все основания и по смысловому контексту и по революционному характеру стихотворения упомянуть каким-нибудь образом об участии в этом убийстве Александра. Но он этого не сделал. И эту сдержанность поэта должен был, по мнению Пушкина, заметить и оценить Александр («Это делает вам честь», а в зачеркнутом варианте «благодарю вас»). Таков совершенно ясный смысл этой реплики царя в пушкинском «Разговоре».

Написав это место, Пушкин начал его переделывать. После колебаний и поправок он остановился на таком тексте: «Поступив очень <?> неблагоразумно, вы однакож не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы».

Обратим внимание, что Пушкин второй раз повторяет совершенно отчетливо и сознательно формулу, в которой говорится об отсутствии в оде «Вольность» намеков на участие Александра I в цареубийстве 11 марта; зачеркнув «не» в словах «зато не старались», он снова пишет это слово в фразе: «вы однако ж не старались очернить меня» и т. д. Это вполне понятно, так как и в самом деле в пушкинской оде нет этих намеков, как мы убедились выше.

Пушкин не считал законченной переделку этого места. Он стал пробовать еще по-иному сконструировать фразу, наметил три варианта ее начала и бросил не доведя работы до конца. Он зачеркнул строку «вы однакож не» (см. снимок) и стал набрасывать новые варианты начала фразы. Справа между строками он написал: «я видел», зачеркнул, написал левее «благо» (очевидно, возвращение к прежнему варианту — «благодарю») и, наконец, не дописав этого слова и зачеркнув его, еще левее — «я заметил». Вероятно, что-нибудь вроде: «я заметил, что вы, поступив неблагоразумно, однакож не старались очернить меня» и т. д. На этом он и бросил переделку, не доведя ее до конца.

Выше уже было указано, что в случаях, когда последний слой поправок в рукописи не доведен автором до конца, брошен в незавершенном виде, приходится брать для публикации предпоследний слой, законченный в смысловом и грамматическом отношении, иначе говоря, то подлинное авторское чтение, которое предшествовало последним незаконченным (вернее, только начатым) поправкам. Таким чтением, в данном случае, будет приведенный выше текст:

> «Поступив очень неблагоразумно, [вы однакож не] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы».

Следующие за этой фразой слова: «это делает вам честь» — Пушкин зачеркнул. Далее он продолжает речь царя, который вслед за противопоставлением «неблагоразумия» поэта в отношении Павла I и сдержанности в отношении Александра, строит новое противопоставление:

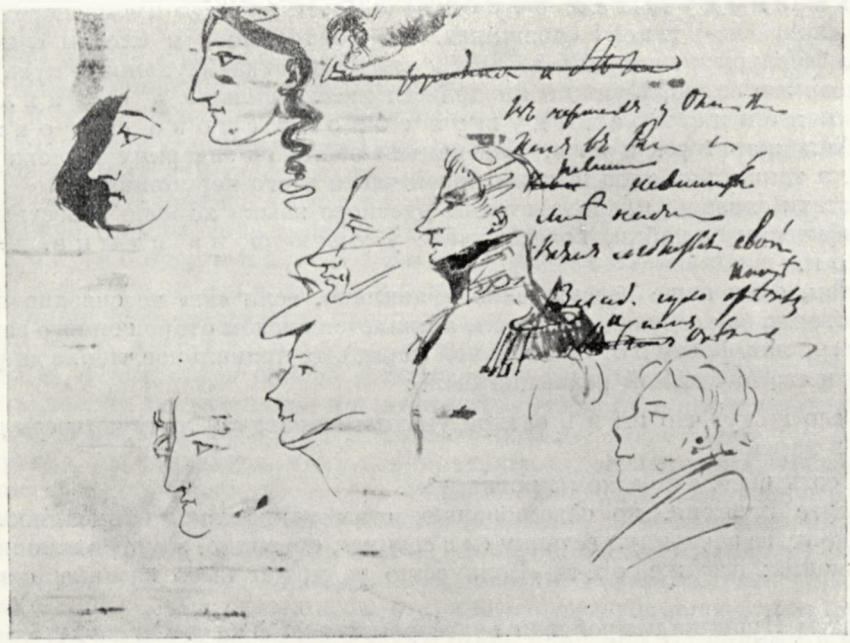
> «вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы не...»

Здесь кончается строчка в рукописи Пушкина, и видно, что он тут остановился, несколько задержался, не переходя еще на следующую строчку. Прежде чем продолжать следить за дальнейшей пушкинской работой, поставим себе вопрос, что хотел сказать Пушкин в этой фразе? Что должен был противопоставить в его «Разговоре» царь «неосновательности мнений» Пушкина — его революционным убеждениям, выраженным в «Вольности»?

Весь предшествовавший контекст ведет к тому, что здесь «неосновательным мнениям» поэта противопоставлялась лойяльность его по отношению к личности царя. Такой смысл этого места подкрепляется тем, что тут же, не перейдя еще на следующую строку, Пушкин вставляет, усиливая контраст, после слов «что вы» — слова «и в сатире»:

> «вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы и в сатире не»

«И в сатире» значит «д а ж е в сатире». Таким образом, по словам Александра, Пушкин, несмотря на неосновательность своих политических мнений, даже в сатире... очевидно, сохраняет корректное отношение



М. С. ВОРОНЦОВ (В МУНДИРЕ)

Рисунок Пушкина, 1824 г.

«...Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой...»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

к личности царя, не затрагивает, не оскорбляет его, не «клевещет» на него. Такой смысл естественно вытекает из всего предыдущего.

А между тем, в рукописи после слов «но вижу, что вы и в сатире не» читаем н а с л е д у ю щ е й с т р о к е: «уважили честь», а затем вставлено сначала «личную честь», потом начато и зачеркнуто «ист» (то есть «истину») и, наконец, «правду и личную честь». Далее приписано: «даже в царе». Получается такой текст:

> «Но вижу, что вы и в сатире не уважили правду и личную честь, даже в царе».

Эта фраза, в связи с предыдущим, почти бессмысленна. «Неосновательные мнения» и «неуважение к правде» противопоставлять невозможно!

Кроме того, со словами «не уважили» никак не вяжется вставка «и в сатире», то есть «даже в сатире». В самом деле, как раз в сатирическом жанре естественнее всего ожидать оскорбления личной чести. Естественно

было бы сказать: «вижу, что вы даже в сатире сохранили уважение к л и ч н о с т и вашего противника, хотя бы это и был царь, против которого направлена ваша ода». Нет сомнения, что здесь Пушкин снова допустил описку. Произошло это, вероятно, таким образом. Пушкин написал: «вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу что вы не...». Прежде чем перейти на следующую строку и написать соответствующий глагол, сказуемое этой фразы, Пушкин остановился и вписал над строкой «и в сатире», а затем стал придумывать нужный глагол. Это могло быть «не оскорбили личную честь», «не затронули личную честь», «не нарушили правду» или тому подобное. Не придумав подходящего слова, Пушкин решил о т р и ц а т е л ь н ы й о б о р о т заменить у т в е р д и т е л ь н ы м и написал н а с л е д у ю щ е й с т р о к е (то есть не видя прямо перед глазами слова «не») глагол «уважили», что подходило и к словам «личная честь» («уважили личную честь») и к слову «правда» («уважили правду»). Написав это слово, Пушкин продолжал писать дальше, а о с т а в л е н н о е в к о н ц е п р е д ы д у щ е й с т р о к и с л о в о «н е» о п я т ь з а б ы л з а ч е р к н у т ь, как раньше забыл он зачеркнуть слова «ее», «а я», а также ряд слов в дальнейшей части этого черновика.

Кстати сказать, преподавателям русского языка хорошо известны эти специфические ошибки, возникающие у учеников н а с т ы к е д в у х с т р о к.

Итак, если наше рассуждение правильно, если «не» не связано непосредственно со следующим словом, а является следом отброшенного замысла (построить фразу в отрицательной форме), то правильное чтение данного места в его начальной редакции было:

> «но вижу, что вы и в сатире уважили правду и личную честь даже в царе»

— то есть в политическом противнике.

Далее Пушкин, по обыкновению, стал исправлять написанное. Он прежде всего зачеркнул вставку «и в сатире», очевидно, заметив неточность выражения: все же о д а «Вольность» не может быть названа с а т и р о й.

Затем Пушкин попробовал перестроить всю фразу. Он начал ее словами «Вижу, что...»:

> «Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные...»

Этому новому началу уже не соответствовало продолжение — «но вижу» («В и ж у, что вы можете..., но в и ж у...»), и Пушкин зачеркнул эти два слова. Однако он не заменил их ничем, и переработка осталась недоконченною.

Если во всех предыдущих случаях подобные клочки незавершенных замыслов, отдельные слова, оставшиеся в рукописи не зачеркнутыми («ее», «а я», «я заметил старались»), своей н е с в я з н о с т ь ю ясно указывали на случайность и оторванность их от контекста, то в данном случае эти обрывки разных контекстов сложились в сочетание, вполне осмысленное с первого взгляда: «вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, что вы не уважили правду...» и т. д.

Эта в и д и м о с т ь гладкого текста и вводила в заблуждение редакторов, не взявших на себя труд внимательно вдуматься в пушкинский текст и проследить ход работы Пушкина, понять ход его мыслей.

Таким образом, ввиду незаконченности последнего слоя поправок, для публикации текста и здесь приходится взять предыдущее, законченное в грамматическом и смысловом отношении чтение:

> «Вы можете иметь мнения неосновательные, [но вижу], что вы уважили правду и личную честь даже в царе».

Вполне естественным продолжением этих «милостивых» слов «царя» является следующая за ними реплика «Пушкина»: «Ах, Ваше Величество, зачем упоминать об этой детской Оде? Лучше бы вы прочли хоть третью или шестую песнь „Руслана и Людмилы“» и т. д.

Эту же линию любезного разговора продолжает и ответ царя: «чтение ваших стихов доставит нам приятное занятие» и т. д. При таком чтении в этой части разговора между поэтом и царем отсутствуют указанные выше странности, внутренние противоречия, психологические и драматические неправдоподобности. Каждая фраза вытекает естественно из предыдущей и влечет за собой последующую.

IV

Наша задача в настоящей статье состоит вовсе не в том, чтобы защищать новое чтение пушкинского черновика и свое толкование его смысла во что бы то ни стало, а в том, чтобы выяснить истину, то есть самым внимательным и добросовестным образом разобраться в одном из труднейших казусов пушкинской текстологии.

Поэтому остановимся на легко могущем возникнуть возражении против приведенного выше хода доказательств, построенного на предположении о двух соседних описках, радикально меняющих смысл написанного.

В самом деле, нельзя ли предположить, что Пушкин не по ошибке, а вполне сознательно зачеркнул «не» в словах «не старались очернить», и также не по ошибке оставил «не» в словах «не уважили правду», то есть вполне сознательно изменил смысл написанного им на прямо противоположный?

Правда, мы убедились, что в первоначальных, зачеркнутых Пушкиным вариантах текста смысл, несомненно, был именно тот, что царь не упрекает Пушкина за «распространение нелепой клеветы» и неуважение царской чести, а, наоборот, хвалит его за то, что он не поддался этому соблазну. «Благодарю вас», «зато не повторили нелепой клеветы», «не старались очернить меня», «вы однакож не старались очернить меня», «это делает вам честь» — все эти слова ясно и отчетливо написаны Пушкиным в рукописи. Но они же и зачеркнуты им. Почему не предположить, что Пушкин в какой-то момент в процессе писания отказался от прежней своей мысли и решил заменить ее противоположной? Ведь изменил же он конец «Разговора» — вместо «Я бы тут отпустил А. Пушкина» написал: «Я бы рассердился и сослал его в Сибирь».

Если остановиться на этой мысли, то нужно пойти и дальше: попробовать установить, в какой же момент работы Пушкин отказался от прежнего своего замысла, переменил его на прямо противоположный и зачеркнул ранее написанное. Или, иначе говоря, с какого же места в рукописи начинается новый, измененный смысл речи Александра: со слов «что вы не уважили правду и личную честь», или раньше, со слов «вы можете иметь мнения неосновательные», или еще раньше? Это нам будет нужно для решения вопроса о правдоподобности нашей гипотезы. Вид рукописи дает возможность совершенно точно установить этот момент предполагаемой перемены смысла реплики царя.

Как видно на снимке и на транскрипции, слово «не» в фразе «не старались очернить меня в глазах народа» и слова «вы однакож не» во второй редакции этой фразы — зачеркнуты Пушкиным. Однако нельзя думать, что предполагаемая перемена замысла произошла именно в этот момент, то есть, что Пушкин дважды зачеркнул «не» тотчас после того, как написал эту фразу, а дальше продолжал уже, имея в виду новый смысл. Нельзя потому, что после приведенной фразы идут слова «это делает вам честь».

Итак, пока еще Пушкин пишет в прежнем смысле (не упрек, а похвала Пушкину). Но и фраза «это делает вам честь» также зачеркнута. Может быть именно тут, только что написав эти слова, Пушкин решил изменить смысл реплики, зачеркнул ее, зачеркнул «вы однакож не» в предыдущей фразе и затем уже продолжал по-новому? Нет, оказывается и это не подтверждается рукописью. Вслед за словами «это делает вам честь» идет начало фразы: «вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы» с противопоставлением («но вижу»), которое, как уже сказано, может иметь смысл лишь в том случае, если «мнениям неосновательным» противопоставлено во второй части фразы какое-нибудь положительное (с точки зрения Александра) действие Пушкина.

Итак, когда Пушкин писал слова «вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы...», он также не подразумевал еще нового, упрекающего смысла реплики царя. Однако и слова «но вижу» зачеркнуты и тем самым уничтожено противопоставление «мнениям неосновательным» чего-то положительного в поведении Пушкина. Может быть, в этот-то момент Пушкину и пришло в голову переосмыслить реплику царя, почему он и зачеркнул только что написанное «но вижу» и продолжал, имея в виду новый смысл речи царя,— «что вы не уважили честь». Нет, оказывается и этому предположению противоречит вид рукописи. Дело в том, что уже после того как Пушкин написал слово «не», он вписал «и в сатире» (то есть «что вы и в сатире не...»). Этот оборот также предполагает прежний «положительный» смысл слов царя: «вижу... что вы и в сатире ‹то есть, даже в сатире!› не...» ...«оскорбили честь», «не затронули честь», «не нарушили правду».

Но может быть «и в сатире» не значит «даже в сатире»? Может быть, эти слова обозначают — и в сатире, и в другом каком-нибудь жанре, «и в сатире, как и в оде», например (или в поэме или т. п.) [10]?

Однако такое понимание выражения «и в сатире» совершенно исключается данным контекстом. Оно могло бы иметь место лишь при сопоставлении по крайней мере двух произведений или жанров: вы и в сатире так же не уважаете правду, как и... в чем же? Где же это другое произведение или жанр? В «Разговоре» речь идет только об одном произведении — о революционной оде «Вольность», которую пушкинский Александр называет здесь сатирой. «И в сатире» может значить здесь только — «даже в сатире».

Итак, написав «вижу, что вы не», Пушкин еще не изменил смысла речи царя. И тут только, уже после написания частицы «не», происходит изменение: Пушкин пишет слово «уважили»... Таким образом, если думать, что Пушкин изменил сознательно смысл реплик царя (а не в результате совпадения описок и недосмотра возник этот новый «смысл»), то это изменение могло произойти только в этот момент: между «не» (относящимся к прежнему смыслу) и «уважили» (дающим новый измененный смысл).

А это значит, что Пушкиным вовсе не было просто написано: «вы не уважили». Нет! Эти слова явились в результате сочетания двух разных мыслей, они относятся к двум разным словесным контекстам. Сначала Пушкин написал «не», подразумевая что-нибудь вроде «не оскорбили», а затем уже написал слово «уважили». Как мало правдоподобия в том, что именно в этот момент Пушкин, неизвестно почему, решил изменить простой и естественный смысл речи царя на прямо противоположный и создать массу несообразностей в тексте! Насколько проще, естественнее, правдоподобнее увидеть в этом месте текста, написанного в высшей степени небрежно, торопливо, взволнованно, изобилующего ошибками и недоделками — еще одну небрежность, описку [11].

Наконец, зададим себе вопрос, как могло случиться, что Пушкин в процессе работы так резко изменил смысл в очень ответственном месте? Почему или зачем он это сделал? Когда в «Разговоре» царь несколько раз, в разных вариантах, выражает удовлетворение, что в оде «Вольность» нет ничего об его участии в убийстве Павла, соответствует ли это утверждение действительности, или Пушкин хочет сказать, что намек на царя у него был, но Александр не заметил этого намека? Мы уже видели, с помощью каких сильных натяжек можно выискать в «неверном часовом» «грозное обвинение» Александру в отцеубийстве... Итак, если там нет этого намека, если Александр действительно мог благодарить Пушкина за то, что он в данном стихотворении не оскорбил его честь, то зачем бы Пушкину менять смысл реплики царя и придумывать небывалое обвинение? Так ли должен был вести себя царь со ссыльным поэтом, по мнению Пушкина? Так ли он сам, «когда б он был царь», вел бы себя с Пушкиным?

Если же предположить, что намек на Александра все же был в оде «Вольность», тогда непонятно, почему же в первых редакциях реплики царя Пушкин заставляет его благодарить поэта именно за отсутствие намеков на него? Неужели Пушкин думал, что вот он написал (хотя и в очень завуалированной форме) об участии Александра в убийстве, все читатели сразу поняли, какой это часовой и кто нанимал предательскую руку (иначе зачем было бы писать?), а один Александр не понял, ничего не заметил и благодарит поэта, как ни в чем не бывало? И, только написавши чуть не страницу своего «Разговора», Пушкин вдруг спохватился, что пишет бессмыслицу, и стал исправлять: к «не» приписал «уважили» (вместо «оскорбили», «нарушили») и зачеркнул выше все остальные «не»?.. Насколько все это мало правдоподобно!

V

Подведем кратко итог сказанному.

Рукопись «Воображаемого разговора» дает две редакции диалога Александра I с Пушкиным на тему об оде «Вольность». В одной — царь хвалит поэта за отсутствие в оде намеков на его участие в убийстве Павла, в другой — упрекает за наличие этих намеков.

Подлинность этих двух редакций далеко не одинакова. Вопрос состоит не в том, которая из них создана Пушкиным и которая явилась в результате «произвола» или ошибок редакторов. Сомнения в подлинности, принадлежности Пушкину первой редакции не может возникнуть, стоит взглянуть на рукопись. Под сомнение может быть поставлена только подлинность, принадлежность Пушкину второй редакции. Вопрос идет только о ней, и состоит он в том, является ли эта редакция плодом сознательной отмены Пушкиным созданной им первой редакции и заменой ее противоположной по смыслу или же она возникла чисто «графически», в результате стечения в одном месте ряда описок Пушкина, случайно сложившихся во внешне осмысленный текст.

Все предыдущее должно было показать, что, останавливаясь на первом предположении, мы попадаем в такую сеть противоречий, несообразностей, натяжек, что вероятность этой идеи становится почти равна нулю. В то же время осмысленное совпадение ряда обычных у Пушкина описок ничего невероятного или невозможного собой не представляет, тем более, что происхождение каждой из этих описок может быть вполне удовлетворительно объяснено.

Вот почему редакторский комитет при Главной редакции юбилейного академического издания сочинений Пушкина, выслушав наши соображения, разобравшись по снимку в автографе Пушкина, признал правильным

дать в качестве основного текста этого места «Воображаемого разговора» текст бесспорно и безусловно подлинный пушкинский, но являющийся предпоследним слоем автографа (поскольку последний недоработан Пушкиным) [12].

Следует поставить еще один вопрос. Утверждая, что ни в оде «Вольность», ни в «Разговоре» нет указаний на то, что Пушкин публично обвинял Александра в отцеубийстве, не умаляем ли мы революционного значения этих двух произведений, не делаем ли Пушкина менее беспощадным к Александру, чем это думали до сих пор?

Ответ может быть только один: новое чтение текста «Воображаемого разговора» и новое объяснение смысла двух строф оды «Вольность» не вносит никаких изменений в общепринятый взгляд на отношения Пушкина к Александру I. Действительно, едва ли не с лицейских дней и до смерти Александра, и даже после его смерти, Пушкин, по собственному выражению, «подсвистывал ему». В лицейской, еще полудетской эпиграмме «Двум Александрам Павловичам» он вышучивает претензии императора на полководческий талант и катастрофические неудачи его на этом поприще. Александр в этой эпиграмме «хромает головою», «нос переломил под Австерлицем». В ноэле «Сказки» Александр назван «кочующим деспотом», высмеивается его дипломатическая деятельность, организация Священного Союза, его лицемерные демагогические обещания дать «из доброй воли» «людям все права людей», его мелкое тщеславие («меня газетчик прославлял, я пил, и ел, и обещал»), даже его жирная фигура («о, радуйся народ, я сыт, здоров и тучен»). В эпиграмме на Стурдзу Пушкин называет Александра «венчанным солдатом», ту же фрунтоманию вышучивает в стихотворении «Воспитанный под барабаном». Здесь, кроме кличек «лихой капитан», «фрунтовой профессор», мы снова находим напоминания о трусости и бездарности царя в военном деле («под Австерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал»), презрительную характеристику его дипломатической деятельности («теперь коллежский он асессор по части иностранных дел»).

Отхлестав в своей эпиграмме Аракчеева, Пушкин не забывает попутно хлестнуть и Александра. Аракчеев — «всей России притеснитель», полный злобы и мести, «без ума, без чувств, без чести», личной своей жизнью вызывающий в памяти похабную солдатскую песенку — и в то же время — «царю он друг и брат». Даже в трудно разбираемых набросках негодующего стихотворения, адресованного умеренно-либеральным друзьям поэта («Заступники кнута и плети»), читается в конце обещание — «я дам царю свой первый кнут...» И после смерти Александра Пушкин продолжал разоблачать его. В стихотворении «К бюсту завоевателя» он называет Александра «в лице и в жизни арлекином» (то есть клоуном, ломакой).

Наконец, развернутый, сатирический портрет Александра I Пушкин дал в стихах, к величайшему сожалению, дошедших до нас только в отрывках — в начальных строфах десятой главы «Евгения Онегина». По крайней мере две первые строфы (то есть двадцать восемь строк!) были посвящены Пушкиным характеристике Александра. Какова была эта характеристика легко можно представить себе по дошедшим до нас отрывкам — двум начальным четверостишиям I и II строф. Начинается она четырьмя яркими стихами, где с пушкинской силой, лаконичностью и точностью врезано неуничтожимое клеймо на лбу царя. Спокойно-презрительным тоном Пушкин говорит сразу и о характере Александра, и о его внешности, и о случайности его военно-политических успехов:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Можно себе представить, как продолжались и развивались эти мотивы в не дошедших до нас десяти стихах первой строфы! Что все эти десять стихов посвящены были личности Александра, видно из контекста: следующая, II строфа прямо продолжает эту тему —

Его мы очень смирным знали...

Эта строфа говорила о трусливом поведении Александра в период от 1805 до 1812 г. и, вероятно, о народном недовольстве, «ропоте» народа (см. начало IV строфы) на царя и его неудачную политику. Дошедшее до нас начало говорит об унизительном смирении царя в период военных неудач в борьбе с Наполеоном:

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.

Пушкин писал в 1825 г. в письме к А. А. Бестужеву: «У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры» (XIII, 155). Вот здесь Пушкин, наконец, в полную силу «коснулся сатиры», и она была направлена на Александра I [13].

Какими жалкими рядом с этими выступлениями Пушкина против Александра, выступлениями прямыми, смелыми, дерзкими, кажутся приписываемые Пушкину «тонкие намеки» на Александра в оде «Вольность», трусливо припрятанные так далеко, что даже сам Александр (по первой редакции «Разговора») не замечает их и благодарит Пушкина за отсутствие упоминаний о нем в оде!

VI

«Воображаемый разговор с Александром» написан Пушкиным, конечно, не для печати. Но для чего же? На какого читателя рассчитывал Пушкин, когда писал это своеобразное произведение? Считать его разновидностью дневника или автобиографии, которая пишется писателем «для себя», а по существу, для потомства, нельзя. Ведь в «Разговоре» передаются не подлинные события, а «воображаемые», слишком заметна в нем полемическая, публицистическая направленность.

Можно высказать предположение, что «Разговор» предназначался для друзей Пушкина, принимавших то или иное участие в устройстве его судьбы. Целью его было, возможно, с одной стороны, показать несправедливость и бесцельную жестокость царя в обращении с ним, а с другой — разъяснить ложность обвинений против него. Не забудем, что в это время далеко не все друзья Пушкина, несмотря на любовь к нему и к его таланту, были на его стороне в тяжбе поэта с правительством. Не говоря уже о Жуковском и Карамзине, которые всю вину возлагали на Пушкина и восхищались «великодушием» Александра, оставившего на свободе революционера-поэта, почти так же думал и Александр Тургенев (см. его переписку с Вяземским). Даже Вяземский в письмах к Пушкину уговаривал Пушкина не «проказничать», успокоиться, не дразнить правительство. Известно, как Пушкин сердился на своих друзей, по его мнению неловко, бестактно хлопотавших о его судьбе: «...дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его, отвратить негодование ⟨...⟩ лишают меня права жаловаться ⟨...⟩, а там не велят и беситься. Как не так!» (письмо к Вяземскому от 13 сентября 1825 г.— XIII, 226). Особенно нелегкой казалась Пушкину задача объяснить друзьям свою правоту в ссоре с Воронцовым. В письме к Казначееву в июне 1824 г. он пишет: «Нет

сомнения, что граф Воронцов, как умный человек, сумеет сделать меня виноватым в глазах общественного мнения» (XIII, 96). Он не раз запрашивает брата, что говорят о нем и Воронцове... И вот, желая показать, что не так следовало бы царю обращаться с поэтом, Пушкин пишет диалог «Когда б я был царь...». По мнению Пушкина, царь должен был бы призвать его к себе, выяснить все недоуменные вопросы, проверить правдивость враждебных информаций Воронцова — и отпустить его на свободу. Несомненно в этом диалоге Пушкин, отвечая царю, разъясняет свою позицию и читателям «Разговора» (т. е. друзьям).

Царь, по мнению Пушкина, прежде всего должен был помнить, что он имеет дело не просто с «либералом», автором «возмутительных стихотворений», но с крупнейшим русским поэтом. Поэтому он и начинает разговор с заявления: «Вы прекрасно сочиняете стихи». После молчаливого скромного поклона поэта царь переходит прямо к делу — к вопросу об оде «Вольность». В этом криминальном произведении, помня свою цель,— поговорив с поэтом, отпустить его,— царь указывает, наряду с ошибочными мнениями поэта, а также неосторожным затрагиванием запретного вопроса (убийство Павла), два смягчающих вину обстоятельства: строфы, осуждающие якобинскую революцию и Наполеона, и осторожность поэта, удержавшегося в революционном стихотворении от обвинений царя в отцеубийстве.

Так как Александр в этой реплике не столько обвиняет Пушкина, сколько стремится оправдать его, то поэту незачем самому оправдываться; он соглашается с мнением о незрелости «этой детской оды» — и, конечно, соглашается вполне искренно: Пушкин к концу 1824 г. настолько политически созрел по сравнению с 1817 г., что на оду «Вольность» с ее противоречием между революционностью ее пафоса и умеренностью конституционных выводов должен был смотреть, как на д е т с к о е произведение. «К чему упоминать об этой детской оде?» Пушкин предлагает царю познакомиться с его позднейшими произведениями — лучшими главами «Руслана и Людмилы», романтическими поэмами, первой главой «Онегина».

Царь не возражает и переходит ко второму существенному вопросу: «как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?» — то есть с европейски-образованным, славящимся своим либерализмом вельможей? Горячий и взволнованный ответ поэта, мне кажется, был для Пушкина ц е н т р а л ь н ы м м е с т о м всего «Разговора», возможно, что именно из-за него и было написано произведение. Пушкин в форме похвалы Инзову осыпает Воронцова градом обвинений: он не русский в душе; он «предпочитает первого английского шелопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам»; он, несмотря на свой возраст, продолжает заниматься волокитством; он, не имея сам благородных чувств, не доверяет благородству чувств в других; он из-за своей невежливости и опрометчивости постоянно подвергается заслуженным насмешкам и колкостям; он дает веру тайным пасквилям...

Царь, повидимому, удовлетворившись таким объяснением расхождения Пушкина с Воронцовым, подымает, наконец, вопрос об атеизме Пушкина: «Но вы же и афей? Вот что уж никуда не годится». Пушкин, возражая, выдвигает с в о ю п р е т е н з и ю: как можно наказывать человека за его мысли, если он не стремится их р а с п р о с т р а н я т ь в о б щ е с т в е, проповедовать их? «Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление и две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь?»

Удовлетворившись и этим объяснением, Александр готовится отпустить Пушкина на свободу и, подводя к этому, задает последний вопрос: «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?»

Но тут в окончательной редакции «Разговора» происходит неожиданный поворот. Вместо того, чтобы смиренно согласиться с этим и получить свободу из рук «милостивого» царя, Пушкин, у которого слишком много накипело в душе против его гонителя, не удерживается...

По поводу надежд на «великодушие» царя он заявляет: «Вы видите, что я бы ошибся в своих расчетах» — и далее: «Тут бы Пушкин р а з г о р я ч и л с я и наговорил мне много лишнего...» В результате милостивая аудиенция заканчивается ссылкой в Сибирь.

Такое неожиданное окончание «Разговора» у Пушкина носит, как видно по его тону, характер шутки.

Но почти всякая шутка Пушкина заключает в себе серьезную мысль. Так и здесь. В воображаемом «Разговоре» царя с Пушкиным ясно обнаруживается, что враждебные отношения их не основаны только на недоразумениях, которые легко рассеять в спокойном разговоре при личном свидании. Если ц а р ь может забыть и простить «преступления» Пушкина, то Пушкин н е м о ж е т т а к л е г к о п р о с т и т ь. У него есть свои обиды, которые не позволят ему, встретившись с царем глаз-на-глаз, смиренно принять свободу из рук «смилостивившегося» царя. Так легко не может закончиться борьба между представителем самодержавной власти и поэтом, борцом против самодержавия и крепостного права.

С этим новым окончанием, пришедшим в голову Пушкину, как мы видели, уже в процессе работы, «Разговор», естественно, не мог служить своей первоначальной цели (если она верно нами указана). Поэтому Пушкин никому и не показывал это произведение, даже, повидимому, не переписал его набело, а оставил в виде недоработанного, не приведенного в порядок черновика.

Таково содержание и смысл пушкинского «Воображаемого разговора с Александром I».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заметим, кстати, что слова: «Я бы тут отпустил А. Пу⟨шкина⟩» — по недосмотру Пушкина остались незачеркнутыми. Он зачеркнул только слова «А. Пу⟨шкина⟩».

[2] В приведенной выше зачеркнутой части реплики царя есть фраза: «... неужто вы всё не перестаете писать на меня пасквили?». После этого вопроса можно было бы ожидать резких упреков царя. Однако и тут он ограничивается лишь словами: «это не хорошо», а затем начинает оправдываться («...вы не должны на меня жаловаться», «король Гишпанский и император австрийский с вами не так бы поступили») и даже уверяет, что он только дожидался случая, чтобы наградить («отличить») поэта.

[3] Приводим текст по шеститомному Собр. соч. Гос. изд. худ. лит. М., 1936, т. VI, стр. 396.

[4] См., напр., в кн.: Д. Б л а г о й. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., 1950, стр. 166—167: «Пушкин ядовито, явно поддразнивая своего воображаемого собеседника, замечает: „Но тут есть три строфы очень хорошие“». Что поэт имеет в виду именно строфы об убийстве Павла, доказывается не только тем, что их действительно три, но и последующей репликой царя: «[вы] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы».

[5] М. Ц я в л о в с к и й. Заметки о Пушкине.— «Звенья», VI, 1936, стр. 50.

[6] См. В. Я к у ш к и н. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве.— «Русская старина», 1884, № 7, стр. 21—23.

[7] См. «Известия Отделения общественных наук Академии Наук СССР», 1937, № 2, стр. 593 и след.

[8] Вероятно, Пушкин, просматривая это место, подумал, не вчитавшись внимательно в слово «бегай», что это — слово «делай» с опиской в первой букве и исправил эту «описку».

[9] «Русская старина», 1887, № 1, стр. 238.— Подлинник на французском языке.

[10] Такое мнение высказывал Д. Д. Благой во время обсуждения моего доклада о тексте «Воображаемого разговора» в Институте мировой литературы Академии Наук СССР в 1941 г.

[11] Можно спросить, встречаются ли в других черновиках Пушкина подобные, искажающие смысл ошибочные пропуски или, наоборот, ошибочные написания частицы

«не». Приведем несколько примеров: «И в имени твоем звук чуждый взлюбя» — вместо «не взлюбя» (III, 963, «Полководец»); «Мой друг, доколе я увяну» — вместо «не увяну» (II, 785, «Иностранке»); «Это кони Асан-аги» — вместо «не Асан-аги» (III, 955, «Что белеется...»); «Запрещено было купцам продавать и портным не шить русского платья»— вместо «портным шить» (X, 46, «История Петра»).

[12] Д. Д. Благой, говоря в своей книге «Творческий путь Пушкина» (стр. 553, примеч. 17) о тексте «Разговора» в академическом издании, утверждает, что новое чтение этого места составлено мною в результате произвольного, с его точки зрения, обращения с текстом: «редактор добавляет зачеркнутое в рукописи отрицание „не“ <...> а дальше, наоборот, то же отрицание „не“, на этот раз в рукописи имеющееся, снимает». Д. Д. Благой сам является членом Главной редакции академического издания Пушкина, и ему хорошо известны все аргументы, приводившиеся мною при обсуждении этого вопроса (они, в основном, воспроизведены в настоящей статье). Он мог говорить о своем несогласии с этими аргументами, об ошибочности их с его точки зрения, но не о произвольном добавлении одних слов в пушкинский текст и снятии других.

Прежний текст, который теперь отстаивает Д. Д. Благой, ввиду его полной неверности, ошибочности, целиком был отвергнут редакцией академического издания Пушкина. Он даже не введен в издание в качестве варианта основного текста.

Трудно понять, почему Б. В. Томашевский, редактор десятитомного академического издания Пушкина, являющегося почти точным воспроизведением большого академического издания Пушкина, привел в примечаниях к «Воображаемому разговору» старый текст разбираемого места; неверность его, вводящая в заблуждение читателей, никогда не оспаривалась Б. В. Томашевским.

[13] Положительно оценивал Пушкин только один момент в деятельности Александра I: его роль в заграничном походе русских войск в 1813 г., закончившемся взятием Парижа. Эта мысль отразилась в ряде стихотворений Пушкина.

ПУШКИН И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ 1826 ГОДА

Статья Г. Дейча и Г. Фридлендера

Среди произведений Пушкина 1826 года одно из центральных мест занимают три замечательные песни о Степане Разине. По предположению Д. Д. Благого эти три песни, в которых поэт проникновенно выразил грозное величие, красоту и мощь народного мятежа, созданы в конце июля или начале августа 1826 г.[1]

Мы знаем, что Пушкин интересовался Разиным и образами волжских «разбойников» еще в 1821—1822 гг., в период создания поэмы «Братья разбойники». В ноябре 1824 г. поэт записывает в Михайловском народные песни о Разине [2]. В то же время он просит брата прислать ему «историческое, сухое известие» о Степане Разине, «единственном поэтическом лице русской истории» (XIII, 121). Но что послужило дополнительным толчком, вызвавшим через два года новое обращение Пушкина к Разину,— обращение, приведшее к созданию им оригинальных песен в народном духе? Что помогло поэту гениально уловить и передать грозные раскаты народного мятежа, его могучее движение?

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается... (III, 24—25).

Совершенно прав Д. Д. Благой, когда он связывает создание песен о Разине с восстанием декабристов: после разгрома восстания, явственно показавшего слабость дворянских революционеров, далеких от народа, Пушкин с новым интересом и вниманием обращается к образам вождей народного, крестьянского движения [3]. Однако привлечение нового исторического материала позволяет значительно дополнить и уточнить этот — правильный сам по себе — вывод Д. Д. Благого и других исследователей творчества великого поэта.

В настоящей статье мы ставим своей задачей показать, что интерес Пушкина к волнению народных масс уже в двадцатые годы в значительной степени определялся самой исторической действительностью — крестьянским движением того времени.

I

В 1826 г. по всей России прокатилась широкая волна крестьянских восстаний. В существующих исследованиях по истории крестьянского движения приводятся данные о 48 волнениях 1826 г.[4] Однако данные эти, как мы полагаем, устарели и нуждаются в проверке. На деле крестьянских волнений в 1826 г. было, несомненно, больше. Из материалов, хранящихся

в Государственном архиве Псковской области и в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, видно, что в одной только Псковской губ. (где жил в это время Пушкин) в 1826 г. насчитывалось 20 волнений крепостных крестьян и очень значительные волнения государственных крестьян [5]. Крестьянские восстания происходили в 1826 г. почти во всей Европейской России, но особенно много их было в северных губерниях (Псковской, Новгородской, Ярославской) и на Украине [6].

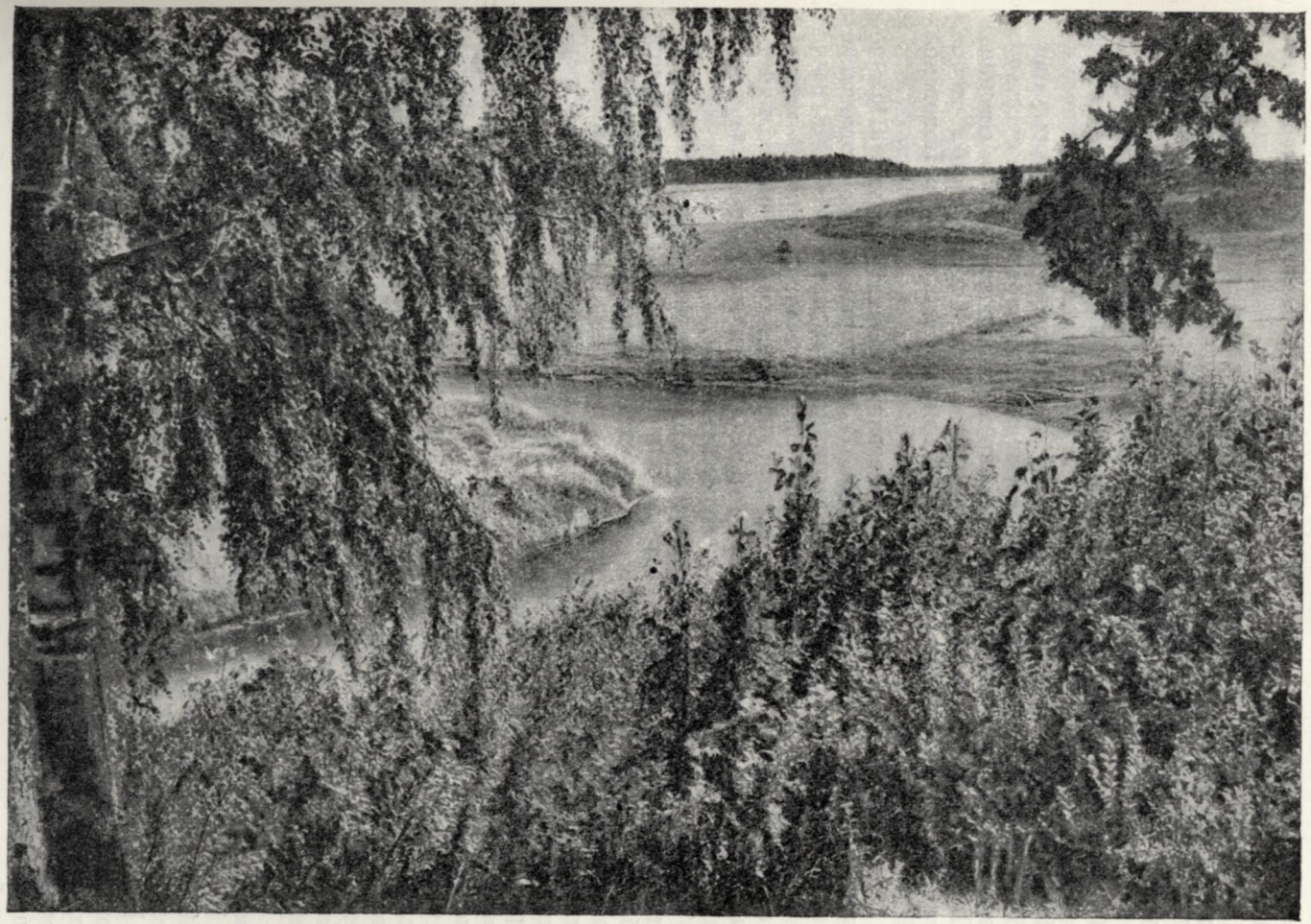
Рост числа крестьянских выступлений в 1826 г. был связан с усилением среди крестьян слухов о близком освобождении. Эти слухи о предстоящем уничтожении крепостного права порой отражали наивные надежды, вызванные смертью Александра I и восшествием на престол нового царя. Известное влияние на развитие крестьянского движения в 1826 г. могло оказать и восстание декабристов. Значительнее это влияние было на Украине, где восстание Черниговского полка встретило, как известно, отклик в среде крепостного крестьянства. Восстание 14 декабря в столице оказало также воздействие на крестьян близко расположенных к Петербургу губерний.

5 мая 1826 г. ярославский губернатор Безобразов писал в Петербург гр. Строганову (в связи с восстанием крестьян ярославской фабрики кн. Гагарина): «Со времени бывших происшествий в С.-Петербурге в декабре месяце, различные нелепые слухи в народе беспрерывно распространялись и доселе распространяются. Слухи эти в Ярославской губернии более, нежели в другой, имеют возможность доходить и сосредоточиваться во мнении народа, ибо треть жителей губернии, находясь беспрестанно в отлучке по торговле и промыслам, большею частью проживает в С.-Петербурге и Москве; из сих мест, возвращаясь в домы свои, приносят вести, часто самые нелепые, среди собратий своих доверие заслуживающие. Сии-то люди, приходящие из столиц, распространили слухи между помещичьими крестьянами о мнимо ожиданной к весне вольности, а между казенными крестьянами и прочими состояниями, что все недоимки прощены будут» [7].

В Государственном архиве Псковской области сохранился другой интересный документ, свидетельствующий о влиянии, которое имели на крестьян ближайших к Петербургу губерний вести о восстании 14 декабря. Это — всеподданнейшая просьба псковского помещика А. И. Ноинского, представленная 9 марта 1826 г. на имя Николая I [8]. Ноинский объясняет в ней причины недовольства своих крестьян, подавших на него жалобу царю, и просит принять решительные военно-полицейские меры.

«Осмеливаюсь представить истинную причину оной ‹жалобы› и последствия сего их ‹крестьян› поступка,— пишет он.— После происшествия, случившегося в половине декабря прошедшего года в здешней столице, неблагонамеренные распустили и между крестьянами разные ложные слухи, которые достигли и моего имения. Несколько крестьян буйного нрава и приобыкшие к своевольству, злобствуя на вотчинное управление, коего надзором они тяготятся, распустили по вотчине разные нелепые и возмутительные толки, а между прочим и то, что стóит только подать вашему величеству жалобу на помещика и они будут вольными...» «В результате,— продолжает Ноинский,— уже не только никто почти не повинуется приказаниям конторы, не вносят ни оброка, ни барщины, ни казенные подати, но многие угрожают ужасным буйством, которое, конечно, последует, если не приняты будут скорые и решительные со стороны правительства меры».

Мы знаем, что вести о восстании 14 декабря достигли Тригорского уже через три дня [9]. Близость Псковской губ. к столице и постоянные сношения псковских крестьян с Петербургом способствовали тому, что крестьянское движение приобрело здесь в 1826 г. особенно широкий размах.



ТРИГОРСКОЕ. ВИД НА СОРОТЬ И МИХАЙЛОВСКИЙ ЛЕС

Фотография М. А. Величко, 1949 г.

II

Оставляя в стороне другие крестьянские волнения 1826 г. (частично освещенные в исторической литературе), мы в дальнейшем остановимся лишь на волнениях в Псковской губ., имевших непосредственное отношение к биографии Пушкина.

Как уже говорилось выше, мы располагаем в настоящее время данными о двадцати крестьянских волнениях 1826 г. в Псковской губ. Фактически их было, вероятно, больше, но о некоторых из них, в связи с утратой архивных дел, имеются лишь косвенные сведения.

Волнения крепостных крестьян происходили в 1826 г. в семи уездах Псковской губ. из восьми. Наибольшее число волнений было в Порховском уезде (тринадцать), три волнения — в Новоржевском уезде, по одному — в Псковском, Островском, Опочецком и Великолуцком уездах, кроме того, в Холмском уезде были крупные волнения государственных крестьян. Серьезные крестьянские волнения одновременно происходили в соседних с Псковской губ. уездах Новгородской и Петербургской губ., что не могло не оказать влияния и на политическую обстановку в Псковской губ.[10]

Волнения крестьян начались в Псковской губ. в начале марта 1826 г. и продолжались в течение всего года. В некоторых местах подавление «непокорных» крестьян и расправа над ними затянулись до 1827 г.

Большое число крестьянских волнений и затяжной характер многих из них объяснялись тяжелой эксплуатацией крепостных. Архивные материалы об этих событиях содержат множество данных, указывающих на невыносимое положение псковского крестьянства.

Так, из жалобы крестьян помещика Сергиевского (Порховского у.) видно, что в его имении крестьяне платили по 100 руб. оброка с «души» или работали до 5 дней на барщине. Кроме уплаты денежного и натурального оброка или регулярной работы на барщине, крестьяне должны были выполнять еще особые, сезонные работы в пользу помещика (вывозка дров, строительные работы и т. д.). Особое возмущение крестьян вызывала система штрафов и жестоких истязаний. В крестьянских жалобах говорится о присвоении помещиками собранных с них податей, о полном разорении многих семей и участившихся побегах.

О нищете и разорении псковских крестьян свидетельствуют данные о числившихся за ними недоимках по уплате государственных податей и земских сборов [11]. Еще более красноречиво говорят об этом сведения о рождаемости и смертности. По официальным данным (которые сохранились только за тридцатые годы), смертность населения в Псковской губ. в некоторые годы превышала рождаемость [12].

Первыми по времени возникновения (и едва ли не крупнейшими по своему масштабу) были волнения в имениях помещиков Порховского у. А. И. Ноинского и А. Б. Цеэ [13].

Толчком для начала волнений здесь, как и во многих других местах, послужили слухи об ожидаемой вольности, принесенные возвратившимися из Петербурга крестьянами. Под влиянием этих слухов в имениях Ноинского и его соседа Цеэ на состоявшихся сходках крестьянами были приняты решения написать жалобы на помещиков Николаю I. В феврале 1826 г. в столицу были посланы с жалобами ходоки. Как и следовало ожидать, к царю их не допустили и отправили под стражей обратно на родину; жалобы же крестьян переслали на расследование псковскому губернатору.

Возвратившиеся домой ходоки распространяли среди односельчан слух, будто бы «всех тех крестьян, кои объявят неудовольствие на своих помещиков, государь император отпустит на волю». Рассказы ходоков послужили толчком к открытому выступлению. Волнение охватило мно-

жество деревень. Восставшие двумя отрядами двинулись к конторе помещика, намереваясь разбить ее и выгнать управляющего. Вскоре в район восстания прибыл для расправы заседатель земского суда Култашев с командой солдат. Войдя в деревню Малышево, Култашев потребовал выдачи зачинщика Кирсана Алексеева. Но в ответ, как доносил Култашев, «вся шайка воскликнула: „берите нас всех, а одного мы не дадим!“». Култашев был вынужден отступить.

Восставшие собрались в деревне Дудино, вызвали туда Култашева и потребовали (как пишет он в своем донесении) объяснения: «зачем де я приехал и имею ли бумагу от самого государя, в противном случае, ежели тебе приказал помещик, не имеющий над нами никакой власти, то мы тебя кольями проводим». При этом они угрожали кольями и дубинами. Култашев, изрядно струсив, сделал попытку «ласковым образом вразумить им заблуждение их и худые оного последствия, но ничто не помогло: они оставались твердыми в убеждении, что им дарована будет свобода» [14]. «Видя всех ⟨крестьян⟩ напитанных духом вольности» и готовых «в случае какого-либо» «употребления силы ⟨дать⟩ жесточайший отпор»,— Култашев решил отступить. В своем донесении он просил прислать в имение Ноинского два батальона войск для подавления восстания, так как в имении было более 3000 крепостных.

Псковский губернатор Б. А. фон-Адеркас, получив сообщение о волнениях в имении Ноинского, распорядился, чтобы к месту восстания немедленно выехал весь состав Порховского земского суда. Одновременно он просил командира военного поселения, квартировавшего в Порхове, послать в имение Ноинского два батальона войск.

Восстание тем временем принимало все более грозный характер. Из имения Ноинского движение перекинулось в имение Цез. Култашев бросился туда, но отряд крестьян в 40 человек, вооруженных вилами, кольями и огнестрельным оружием, собрался в деревне Липовцы и оказал ему вооруженный отпор. 10 марта Култашев с батальоном солдат двинулся на приступ дома, где засели крестьяне. Однако овладеть домом не удалось, и Култашев решил взять засевших измором. Окружив со всех сторон дом, он распорядился не пропускать туда ни одного человека, надеясь голодом вынудить осажденных сдаться. 13 марта большая группа крестьян (в том числе и женщины) предприняла попытку выручить осажденных товарищей. Воспользовавшись тем, что возле осажденного дома находился сарай с сеном, они подожгли этот сарай в надежде, что военная команда бросится тушить пожар, и это даст возможность осажденным бежать. Однако Култашев распорядился не снимать осады дома. Тогда осажденные, выломав ворота, вступили в бой с солдатами, открывшими по ним стрельбу. В ходе столкновения несколько крестьян было тяжело ранено, три или четыре человека сгорели в осажденном доме, остальные были схвачены.

О событиях в Порховском у., где к движению примкнули крестьяне соседних имений (гр. Завадовской и Вильбоа), стало известно не только губернатору фон-Адеркасу, но и самому царю. 18 марта фон-Адеркас лично отправился к месту восстания. Одновременно Николай I отправил туда же в качестве уполномоченного полковника Германа. Из доклада губернатора министру внутренних дел мы узнаем, что 20 марта он прибыл в одну из деревень помещика Ноинского, Крутец, уже успев по дороге «внушить повиновение» в двенадцати деревнях. Почти одновременно с Адеркасом к месту восстания прибыл полковник Герман, а еще до их прибытия в Крутец подошли спешно затребованные войска.

21 марта крепостным Ноинского был отдан приказ собраться на следующий день в селе Крутец. Однако крестьяне не подчинились приказу и вместо этого начали собираться большими группами в соседних деревнях. Как указано в донесении губернатора, около 60-ти крестьян были

вооружены ружьями и пиками[15]. Увидев, что им не удастся справиться с войсками, восставшие отступили, но отказались выполнить требование Адеркаса. 23 марта силою оружия значительная часть «непокорных» была все же доставлена в Крутец. Однако наиболее стойкие скрылись, захватив с собою оружие. Когда участников движения удалось собрать, полковник Герман велел солдатам окружить их и потребовал, чтобы крестьяне «покаялись и изъявили покорность». Тут же был отдан приказ арестовать наиболее деятельных участников восстания. Крестьяне попытались заступиться за своих товарищей, но, по распоряжению Германа и губернатора, некоторые из них были наказаны розгами.

Арестовав часть крестьян и оставив солдат для окончательного усмирения восставших, карателя двинулись в имение Цеэ. После снятия допроса с раненых, они собрали 25 марта всех крепостных Цеэ. Крестьяне были наказаны розгами, после чего еще двое участников волнения были арестованы и вместе с ранеными отправлены в Порховскую тюрьму. Часть войска и здесь была оставлена для полного подавления «беспорядков». Войска были отозваны только 14 мая 1826 г., спустя два месяца, по просьбе самих помещиков[16].

Волнения в имениях Ноинского и Цеэ оказали непосредственное влияние на крестьян соседних имений — помещиков Вильбоа, гр. Завадовской и Корсакова. Здесь также происходили выступления крестьян, для подавления которых местным властям пришлось прибегнуть к помощи солдат.

Весной 1826 г. вспыхнуло волнение в имении порховского помещика гр. Н. А. Апраксина, доведшего своих крестьян до полной нищеты. Крестьяне написали на Апраксина жалобу и послали в Петербург ходоков — Степанова и Филатова. Из Петербурга жалобу крестьян переслали для «расследования» приятелю Апраксина — порховскому предводителю дворянства кн. Васильчикову, который поспешил написать, что она не соответствует действительности.

В результате, по приказанию генерал-губернатора Паулуччи, несколько крестьян Апраксина были преданы суду за якобы ложную жалобу на помещика. Однако суд, стремясь в интересах Апраксина, боявшегося более глубокого расследования, замять дело, постановил «простить» крестьян, сделав им при этом строгое предупреждение о тяжком наказании в случае нового неповиновения.

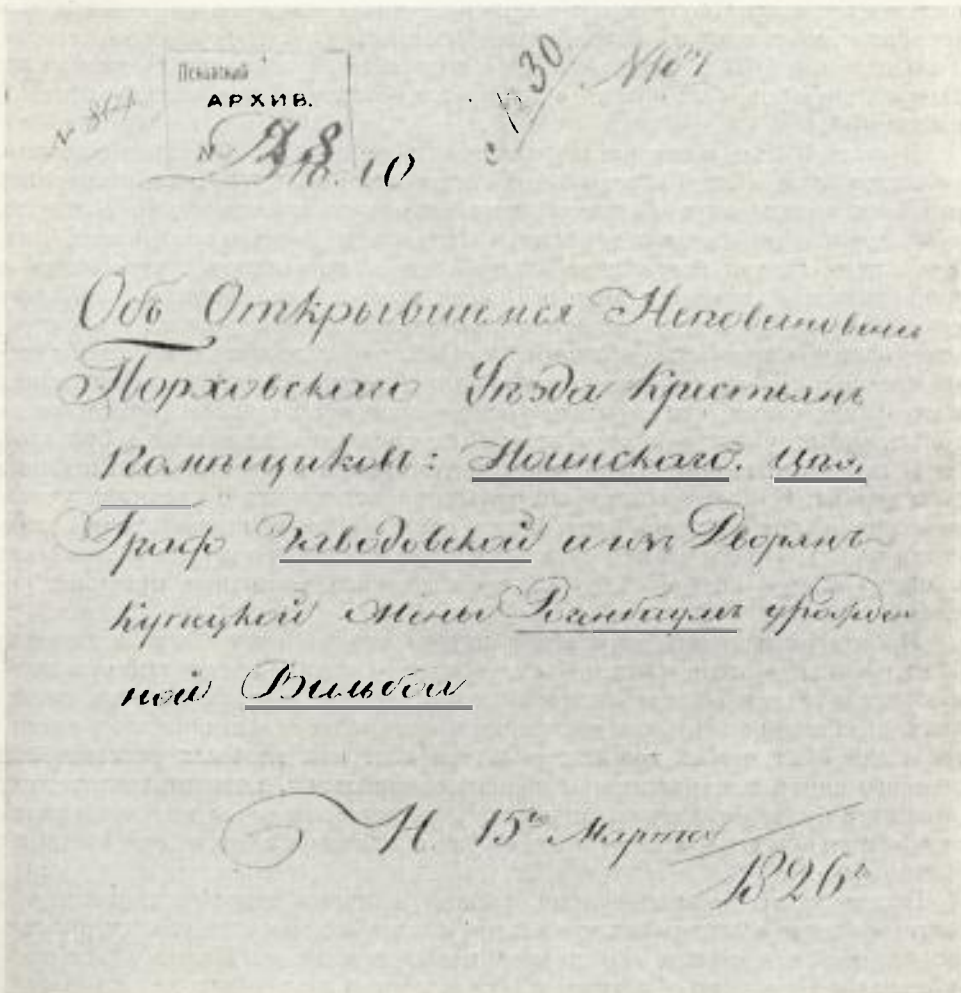
Выпущенные из тюрьмы ходоки явились в деревню и принялись убеждать крестьян не подчиняться помещику. Порховскому земскому исправнику и судье, прибывшим для усмирения восставших, крестьяне заявили, что казенные налоги они платить согласны, но платить оброк помещику не будут, пока не получат из Петербурга ответа на свою жалобу. Исправник и судья угрожали крестьянам военным судом, но большинство крестьян остались твердыми в своем решении.

После того, как войскам удалось подавить восстание, в конце января 1827 г. по этому делу была создана комиссия военного суда. 7 февраля комиссия присудила Изота Михайлова — к смертной казни, Ефима Ларионова — к наказанию шпицрутенами, остальных крестьян — к наказанию палками. Два главных руководителя движения — Федор Григорьев и Иван Степанов — бежали, и их должны были предать суду после поимки.

Жестокая расправа с крестьянами Апраксина вызвала протест неизвестного нам современника. В апреле 1827 г. начальнику III Отделения Бенкендорфу была послана анонимная «Записка о бунте, последовавшем в имении графа Николая Александровича Апраксина в Псковской губернии».

Записка представляет большой интерес, и мы приводим ее целиком: «Сие имение, состоящее из 300 душ, с давнего времени находится в самом бедственном положении. Граф Апраксин, проматывая в С. Петербурге втрое противу суммы, вносимой оброчными его крестьянами, велел своему

управляющему заставлять их, сверх платимого ими оброка, работать барщину и разорил их до того, что они все приведены были в нищету. Это его не остановило: он приказал управителю наказать их за неуплату повинностей, но тщетно, ибо они лишены были, отнюдь, всех средств к заработку. Месяца за три пред сим граф Апраксин приезжал в свое



ОБЛОЖКА ДЕЛА О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В ПОРХОВСКОМ УЕЗДЕ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1826 г.
Государственный архив Псковской области, Псков

имение; несчастные крестьяне, приписывая вину своих бедствий управителю, обрадовались в надежде на исправление их участи, но ошиблись: Апраксин вынудил у них 10 000 рублей бесчеловечным с ними обращением, вывел их вовсе из терпения, и они взбунтовались. Он приехал в Псков, и тамошний суд усмирил ⟨крестьян⟩. Многие приговорены к наказанию и один даже к виселице. Известно, что граф Апраксин истратил все имевшиеся у него наличные деньги на производство сего дела в псковских правительственных местах. Утверждают, что следствие по оному сделано несправедливое, что сего поступка доведенных до крайности крестьян невозможно назвать бунтом и проч.»[17]

В апреле 1826 г. возникло движение крестьян в имении новоржевских помещиков Конюшевских (деревня Боскина-Грива). Здесь также началось с того, что крестьяне подали жалобу, в которой писали, что помещик их совершенно разорил тяжелыми платежами и даже забрал у них скот, земли и постройки [18]. Как и следовало ожидать, псковские власти ответили, что жалоба не соответствует действительности. Это вызвало среди крестьян сильное волнение. По донесению новоржевского земского исправника, они «совершенно вышли из повиновения законной власти помещика своего». Только в мае 1827 г. движение было подавлено. Руководитель движения, Никита Федоров, был сослан в Сибирь, а остальные участники наказаны плетьми [19].

В июле 1826 г. в том же Порховском у. вспыхнуло волнение в имении полковника Ю. В. Татищева — Батаногово, где крестьяне отказались отбывать трехдневную барщину, установленную помещиком [20]. В имение немедленно был послан исправник Мягков и несколько полицейских. Исправник сделал попытку захватить одного из активных участников и руководителей движения, Матвея Исаева, но крестьяне заявили, что Исаева они не выдадут. Когда же исправник сделал попытку взять его силой, крестьяне вооружились кольями. Увидев, что с наличными силами ему не справиться, исправник затребовал воинскую команду, подчеркивая в своем донесении, что «кроткие убеждения и меры от меня зависящие не токмо, что не укрощают возмущения, но паче утверждают их в буйстве».

В августе в имение Татищева для усмирения волнений была послана рота солдат. Одновременно было отдано распоряжение о предании участников движения военному суду. В деле сохранились не все материалы следствия и суда. Но о решении суда мы узнаем из Особого журнала Комитета министров от 6 ноября 1826 г., посвященного волнению крестьян Татищева.

Из сохранившихся документов видно, что к суду был привлечен 61 человек. Несмотря на то, что суд признал причиной волнений чудовищную эксплуатацию крестьян помещиком, комиссия военного суда постановила: «Тридцати четырем человекам крестьян за неповиновение и произведенный бунт отсечь головы; семь человек, как главных рассевателей ложного слуха и нарушителей общего спокойствия, повесить; десятерых, бывших в бунте без кольев, прогнать шпицрутеном через тысячу человек каждого по три раза, а десятерых, не участвовавших в бунте, от наказания освободить» [21].

Приговор, требовавший такой суровой расправы над крестьянами, вызвал смущение самих помещиков и представителей местной власти, опасавшихся, что следствием его явятся новые волнения. Поэтому генерал-губернатор Паулуччи обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о пересмотре решения военного суда. Ходатайство было удовлетворено. Несколько вожаков восстания было отдано в солдаты, остальные сосланы в Сибирь.

Под влиянием волнений крестьян Татищева в июле 1826 г. вспыхнуло волнение в расположенном поблизости имении помещицы Порховского у. Лихачевой (деревня Захонье) [22].

Как видно из следственных материалов, в некоторых местах восставшие крестьяне не ограничивались отказом от барщины и уплаты оброка, но стремились к расправе с помещиками или их управляющими. Так, 4 августа 1826 г. крепостные крестьяне помещицы Великолуцкого у. Ланской напали на управляющего имением и избили его до смерти [23]. Хотя псковский губернатор фон-Адеркас направил в имение Ланской не только полицейские части, но и солдат, движение крестьян было подавлено лишь в сентябре 1826 г. По приказанию губернатора, 12 наиболее активных участников были преданы военному суду [24].

ТРИГОРСКОЕ. БОЛЬШОЙ, ИЛИ ВЕРХНИЙ, ПРУД

Фотография М. А. Величко, 1949 г.

В июне 1826 г. вспыхнуло волнение среди крестьян деревни Шилово, принадлежавшей порховскому помещику генерал-майору Баранову. Докладывая об этом волнении губернатору, порховский земский исправник Мягков сообщал, что крестьяне Баранова намеревались убить своего помещика [25]. Из другого донесения о волнениях крестьян деревни Павлово, принадлежавшей новоржевскому помещику Нагорному, видно, что крестьяне Нагорного собирались сжечь его поместье, а его самого убить, но помещик, узнав об этом, донес властям, и волнение было подавлено [26].

В Опочецком уезде Псковской губ., в непосредственной близости от Михайловского, произошло нападение крестьян на управляющего. Здесь в мае 1826 г. вспыхнуло волнение в деревне Поляна, принадлежавшей гр. Коновницыной. Сама помещица в письме губернатору следующим образом описывала события: «Крестьяне мои вышли из послушания, предвещая себе какую-то вольность, не повинуются и не исполняют обязанностей своих, а 5-го числа сего ⟨мая⟩, когда управитель приказал всей вотчине вывести на работу по две лошади с тягла для вспахивания земли, то некоторые не исполнили сего, при взыскании же с них за свое непослушание, воспользуясь сим случаем, бросились на него крича: убьем и в реку бросим, а также выборного и писаря при вотчине, имея у себя в руках топоры, а некоторые с дубьем; однако они успели уйти от них, хотя и гнались за ними с ругательствами и грозили их убить» [27]. По приказанию губернатора крестьяне Коновницыной были преданы суду [28].

III

Крестьянское движение 1826 г. вызвало сильное беспокойство правительства, поспешившего принять ряд чрезвычайных мер для подавления восстаний.

Уже в апреле 1826 г. министр внутренних дел разослал губернаторам циркуляр, в котором указывалось, что местные власти не всегда вызывают достаточное количество войск для ликвидации «неповиновений», поэтому действия их не приводят к нужным результатам. Циркуляр разъяснял, что «в подобных случаях гораздо полезней требовать воинские команды в достаточном числе людей, дабы можно было действительно приступить к усмирению неповинующихся» [29].

В то же время на рассмотрении Комитета министров находился проект закона, предлагавшего всем крепостным крестьянам принести присягу своим помещикам в том, что они не будут бунтовать [30].

Наконец, 12 мая 1826 г. Николай I издал манифест, в котором говорилось, что в России распространились слухи, будто бы правительство собирается дать помещичьим крестьянам вольность, а казенных крестьян освободить от платежей. Манифест разъяснял ложность этих слухов и требовал от крестьян, под страхом сурового наказания, полного повиновения. Кроме того, предлагалось предавать суду всех «распространителей и сочинителей» этих слухов [31].

Не прошло и трех месяцев со времени издания манифеста, как был издан суровый закон (9 августа 1826 г.), согласно которому все крестьяне, принимавшие участие в «неповиновении», должны были предаваться военному суду в случае, если для их подавления употреблялись военные силы [32].

Одновременно с мерами правительства, карательные меры принимали и местные власти. Так, псковский губернатор еще 11 мая (следовательно, до появления манифеста от 12 мая 1826 г.) разослал по уездам секретный циркуляр с указанием, что до него доходят сведения о распространении в губернии «неблагонамеренными и неблагомыслящими» людьми слухов о вольности крестьян, а также известия о неповиновении крепостных своим поме-

щикам. Губернатор предписывал полиции ловить «распространителей» слухов и подавлять малейшие признаки волнений. От самих помещиков губернатор требовал, чтобы они следили за всеми посторонними людьми, если таковые появятся у них в вотчине [33].

Изучение деятельности правительства и местных властей по усмирению крестьянских волнений 1826 г. проливает свет на один не вполне разъясненный до сих пор эпизод биографии Пушкина.

19 июля 1826 г. из Петербурга, по распоряжению начальника Главного штаба личной е. и. в. канцелярии гр. И. О. Витта был послан в Новоржевский и Опочецкий уезды Псковской губ. тайный полицейский агент А. К. Бошняк. В 1824—1825 гг. Бошняк был использован тем же Виттом в качестве провокатора для наблюдения над членами Южного общества декабристов, за что он был представлен к высочайшей награде. «Командирование» Бошняка в Псковскую губ. было строго секретным и имело чрезвычайный характер. «Целью моего отправления в Псковскую губернию,— писал Бошняк в записке, поданной Витту после своего возвращения в Петербург,— было сколь возможно тайное и обстоятельное исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к вольности крестьян, и в арестовании его и отправлении куда следует, буде бы он оказался действительно виновным» [34].

Как свидетельствует рапорт Бошняка, вместе с ним из Петербурга ехал фельдъегерь, который должен был, в случае подтверждения дошедших до правительства слухов об участии Пушкина в возмущении крестьян, сопровождать арестованного поэта в Петербург.

Прибыв 20 июля в Порхов, Бошняк оставил фельдъегеря на станции Бежаницах, а сам, под видом путешествующего ботаника, отправился в Новоржевский и Опочецкий уезды Псковской губ., чтобы на месте собрать сведения о Пушкине. В течение трех дней он посетил Новоржев, имения соседних помещиков и Святые горы, собирая повсюду сведения об образе жизни поэта. Бошняк успел расспросить о Пушкине хозяина гостиницы в Новоржеве, Д. С. Катосова, новоржевского уездного судью Толстого, уездного заседателя Чихачева, бывшего псковского губернского предводителя дворянства А. И. Львова, святогорского игумена Иону (на которого была возложена обязанность надзора над ссыльным Пушкиным) и знакомого Пушкина, отставного генерал-майора, П. С. Пущина, жившего с семьей в своем имении в селе Жадрицах Новоржевского у. Кроме того, Бошняк расспрашивал о Пушкине крестьян в Святых горах, в соседней с Михайловским удельной деревне Губино и других ближайших к имению Пушкина деревнях.

Бошняк, как свидетельствует его донесение, стремился проверить правильность дошедших до Петербурга известий о том, что Пушкин распространял в народе «слухи» против правительства, «возбуждал» крестьян «к вольности» и что им сочинены «возмутительные песни», получившие распространение среди окрестных крестьян [35].

Бошняку удалось собрать некоторые интересные факты, живо рисующие свободолюбие и демократизм великого поэта. Так, в доме Пущиных Бошняк услышал выразительный рассказ о том, что Пушкин «иногда ездит верхом и, достигнув цели своего путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу». В той же семье Пущина, Бошняк узнал, что поэт «дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними». Святогорский игумен Иона сообщил Бошняку, что крестьяне Пушкина «не могут нахвалиться своим барином», а крестьянин И. Н. Столяров заверил, что Пушкин «ведет себя весьма просто и никого не обижает». Агенту не удалось найти «возмутительных» песен, сочиненных Пушкиным, или установить факты, подтверждающие подозрение правительства о

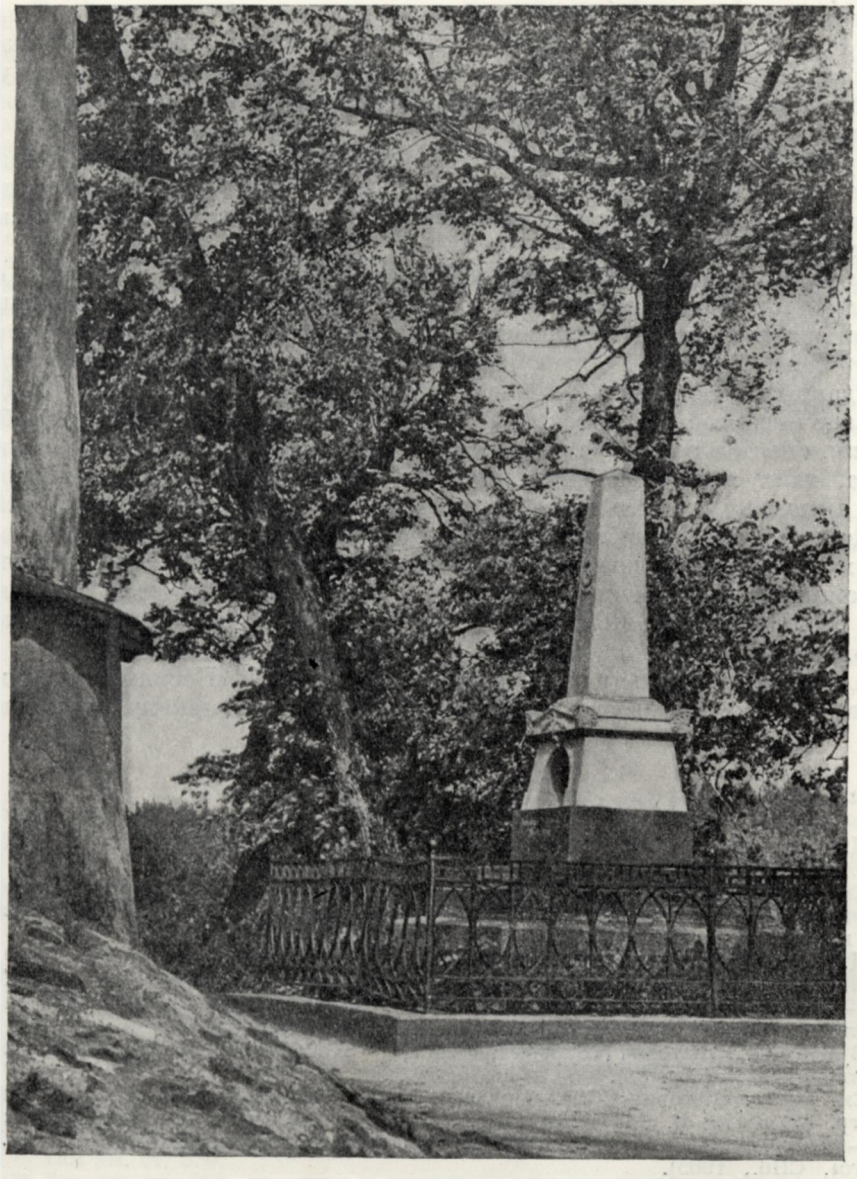
подстрекательстве Пушкиным окрестных крестьян к мятежу. На прямые вопросы Бошняка: «не возмущает ли Пушкин крестьян?» — святогорский игумен и соседи Пушкина отвечали отрицательно, ссылаясь на замкнутый образ жизни поэта и его близкое общение лишь с одним семейством П. А. Осиповой. Из-за отсутствия улик Бошняк должен был придти к выводу, что Пушкин «не действует решительно к возмущению крестьян», и отказаться от ареста поэта [36].

Что же заставило правительство Николая I в июле 1826 г., вскоре после казни вождей декабрьского восстания, срочно начать тайное расследование поведения Пушкина в ссылке и даже готовить немедленный его арест? Из донесения Бошняка мы узнаем только, что слухи об участии Пушкина в возмущении крестьян вышли из дома П. С. Пущина: «Поелику все сии известия ⟨собранные Бошняком в Новоржеве и его окрестностях⟩ были неудовлетворительны, я решился ехать к отставному генерал-майору Павлу Сергеевичу Пущину, от которого вышли все слухи о Пушкине, сделавшиеся причиною моего отправления» [37].

Имя П. С. Пущина хорошо известно каждому, знакомому с биографией поэта. Пущин (1785—1865) принадлежал к близким знакомым Пушкина еще в Кишиневе, где он стоял во главе масонской ложи «Овидий», на заседаниях которой бывал Пушкин. К нему обращено шуточное послание поэта («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел»). Пущин был одно время членом Союза Благоденствия, но в дальнейшем в движении декабристов не участвовал. В 1826 г. он жил в своем имении, селе Жадрицах Новоржевского у. Псковской губ. После восстания его имя было внесено в официальный «алфавит декабристов» [38], но так как после 1821 г. Пущин не принимал участия в тайных обществах, к следствию по делу декабристов он не привлекался.

У нас нет никаких оснований предполагать, что донос в Петербург, послуживший причиной отправления Бошняка в Псковскую губ., исходил от самого Пущина; из донесения Бошняка скорее можно сделать заключение прямо противоположное. Во время пребывания Бошняка у Пущина агент не только не получил от последнего или членов его семьи каких-либо сведений, которые могли бы быть использованы правительством против поэта, но, наоборот,— Пущин, его жена и сестра явно стремились в разговорах с Бошняком снять с поэта возможные обвинения в «неблагонадежности» (так, они утверждали, что Пушкин чаще всего бывает в Святогорском монастыре, что «ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего; что он говорун, часто взводящий на себя небылицу» и т. д.[39]). Автором доноса был, скорее всего, какой-нибудь правительственный агент, которому был поручен надзор за самим Пущиным как за причастным к декабристскому движению; может быть, кто-то из соседей Пущина, согласившийся, по требованию властей, принять на себя этот надзор. На Пущина же автор доноса лишь ссылался, очевидно как на источник своих сведений о Пушкине [40].

Изучение крестьянских волнений 1826 г., мероприятий правительства Николая I и местных властей, вызванных страхом дворянства перед растущим движением, помогает нам уяснить те причины, которые привели к возникновению летом 1826 г. у тайной полиции Николая I подозрений об участии Пушкина в возмущении крестьян [41]. «Слухи», на которые ссылается Бошняк в своем донесении и которые вызвали отправление агента для расследования «поведения» Пушкина, были связаны, как мы можем заключить из предыдущего, с крестьянскими волнениями в Псковской губ. Неизвестный автор доноса о Пушкине приписывал поэту определенную роль в развернувшихся в Псковской губ. событиях, обвинял его в распространении среди крестьян недовольства против помещиков и царя, в возбуждении их к мятежу. И правительство Николая I, которое только что,



МОГИЛА ПУШКИНА У СТЕН СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ
Фотография М. А. Величко, 1949 г.

во время следствия над декабристами, успело убедиться в огромном влиянии поэзии Пушкина на революционное движение дворянства, нашло дошедшие до него слухи о Пушкине заслуживающими доверия. Так велика была пропасть, отделявшая великого русского национального поэта от дворянской массы и правящей верхушки дворянства, так глубоки были (даже по признанию этих последних) свободолюбивые настроения поэта, что ни правительство Николая I, ни неизвестный нам автор доноса на Пушкина не усумнились приписать поэту влияние на псковских крестьян, поднявшихся против помещиков.

Изучение крестьянских волнений 1826 г. позволяет таким образом внести новые существенные черты в политическую биографию поэта, в характеристику его взаимоотношений с помещичье-крепостнической монархией.

Мы знаем, что интерес Пушкина в тридцатых годах к Пугачеву, его замыслы «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» были в значительной степени связаны с холерными «бунтами» и крестьянскими восстаниями начала тридцатых годов. То же самое мы можем, на основании приведенных выше данных, утверждать теперь и о замысле пушкинских песен 1826 г. о Степане Разине. Крестьянские волнения 1826 г., свидетелем которых был Пушкин, способствовавшие углублению интереса великого поэта к образу Разина, дали ему те впечатления и тот жизненный материал, который помог Пушкину гениально выразить в песнях мятежные настроения и свободолюбивый, героический дух русских народных масс. Рассказы о различных подробностях волнений псковских крестьян, услышанные поэтом в Михайловском, помогли ему также впоследствии создать реалистические сцены расправы крестьян над помещиками в «Дубровском» и «Капитанской дочке».

На волнения крестьян в 1826 г. Пушкин отозвался «Песнями о Стеньке Разине», отразившими его глубокий интерес к народному движению.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.— Л., 1950, стр. 517.

[2] См. планы «Братьев разбойников» (IV, 372—373) и записи народных песен («Рукою Пушкина». Подгот. к печати М. Цявловский, Л. Модзалевский, Т. Зенгер. М.— Л., 1935, стр. 453—454).

[3] Д. Благой. Ук. соч., стр. 530—531.

[4] И. Игнатович. Борьба крестьян за освобождение. М.— Л., 1924, стр. 57—58 (в этой же книге литература вопроса). Ср. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в.— «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49 и 67.

[5] В книге И. Игнатович («Борьба крестьян за освобождение») учтены из этих волнений лишь девять (стр. 58).

[6] См. также: «История СССР». Под ред. М. В. Нечкиной, т. II. Госполитиздат, 1949, стр. 150 и 179; В. Иконников. Крестьянское движение в Киевской губ. в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени (Оттиск из «Сборника в честь В.И. Ламанского». СПб., 1905).

[7] И. Игнатович. Борьба крестьян..., стр. 50.

[8] Гос. архив Псковской обл. (ГАПО), ф. 20, 1826, д. 28, лл. 60—64.— А. И. Ноинский был впоследствии тайным советником и директором аудиториатского департамента Военного министерства (1838—1852), в 1826 г. он служил в генеральном штабе.

[9] М. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I. М.— Л., 1951, стр. 660.

[10] О большом масштабе крестьянских волнений в Псковской и других близких к Петербургу губ. было хорошо известно в столице. В ответ на донесение П. Д. Киселева о мятеже крестьян в Уманском у. в апреле 1826 г. главнокомандующий П. Х. Витгенштейн писал ему из Петербурга: «Наиболее неповиновений мужиков в С.-Петербургской, в Нижегородской, в Псковской, Рязанской и еще некоторых других губерниях; правительство берет меры в некоторых местах и усмирило оных...» (В. Иконников. Ук. соч., стр. 81).

[11] К началу 1826 г. за помещичьими крестьянами по всей империи числилось недоимок по государственным податям 16 400 000 р.; из них — за небольшой Псковской губ.— 809 682 р. 74 к. (ГАПО, ф. 20, 1826, д. 10, лл. 4—5).

По земским сборам на ноябрь 1826 г. недоимок за крепостными крестьянами Псковской губ. числилось 548 313 р. (там же, лл. 154—155).

[12] «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. III, ч. 2, Псковская губерния. СПб., 1852, стр. 245; ср. «Материалы для статистики Российской империи», СПб., 1839, отд. I, стр. 150. Здесь общие данные о приросте населения по сословиям с 1816 по 1834 г.

[13] Центр. гос. ист. архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1286, 1826, д. 329, л. 46. Описание волнений в имениях Ноинского и Цеэ дано в кн.: И. И г н а т о в и ч. Борьба крестьян..., стр. 80—90 (первоначально в журн. «Рус. богатство», 1912, № 6-7).

[14] ЦГИАЛ, ф. 1286, 1826, д. 329, л. 8.

[15] Там же, л. 41.

[16] В 1827 г. Псковская уголовная палата приговорила шесть человек из арестованных к наказанию плетьми и ссылке в Сибирь. Трех крестьян, ввиду их раскаяния, суд приговорил высечь плетьми, 86— подвергнуть наказанию по указанию помещика и земской полиции. Это решение суда не удовлетворило псковского губернатора фон-Адеркаса и генерал-губернатора Паулуччи, которые требовали более тяжелого наказания для всех участников движения. Сурового приговора для последних требовали и помещики — Ноинский и Цеэ. В письме министру внутренних дел они писали, что слишком «мягкое» решение суда таит опасность для всего государства, так как может создать у крестьян впечатление, что участие в восстании может остаться безнаказанным. Ввиду расхождения между судом и местными властями в определении меры наказания участников движения, Николай I приказал передать дело на рассмотрение Сената, настаивая, чтобы оно было решено «в скорейшем времени» (там же, лл. 44, 73—74).

[17] ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции, 1831, д. 431, лл. 2 и 60. Бенкендорф переслал записку псковскому генерал-губернатору, оставив приговор суда без изменения.

[18] Там же, ф. 1286, 1826, д. 353, л. 64.

[19] Там же, л. 93.

[20] См. также И. И г н а т о в и ч. Борьба крестьян..., стр. 105—108.

[21] ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 17 (56), 1826, д. 460, лл. 107—108.

[22] ГАПО, ф. 20, 1826, д. 46; ЦГИАЛ, ф. 1286, 1826, д. 339, лл. 15—18, 72.

[23] ЦГИАЛ, ф. 1286, 1826, д. 360, л. 2.

[24] Там же, л. 3.

[25] ГАПО, ф. 20, 1826, д. 58, л. 1.

[26] Там же, д. 53.

[27] Там же, д. 62, л. 1.

[28] Кроме охарактеризованных выше выступлений, мы располагаем архивными материалами еще о следующих крестьянских волнениях 1826 г. в Псковской губ.: а) государственных крестьян Троицкой и Немчиновской волостей Холмского у. (сентябрь 1826 г.) — ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции, 1826, д. 365; б) крестьян помещика Островского у. Голуба (апрель 1826 г.) — ЦГИАЛ, ф. 1286, 1826, д. 334; в) крестьян деревни Болчино помещиков Порховского у. Сергиевских (первая половина 1826 г.) — ЦГИАЛ, ф. 1286, 1826, д. 339.

Не сохранилось специальных дел, но имеются косвенные данные о следующих волнениях: а) крестьян помещиков Порховского у. Кожина, Брылкина и Рындиной — ГАПО, ф. 20, 1826, д. 46, лл. 207—211; б) крестьян помещицы Зуевой Александровского посада Псковского у.— ГАПО, ф. 20, 1826, д. 56; в) дворовых помещика Пущина (?)— ГАПО, ф. 20, 1826, д. 34. (О последнем волнении известно лишь из старой описи дел за 1826 г., хранившихся в архиве; поэтому трудно установить, о каком Пущине идет речь.)

[29] ГАПО, ф. 20, 1826, д. 63.

[30] Правительственный свод законов, 1826, ст. 300.

[31] Там же, ст. 330.

[32] Там же, ст. 515.

[33] ГАПО, ф. 20, 1826, д. 74, лл. 1—2.

[34] Донесение Бошняка было впервые опубликовано в статье: А. Ш и л о в. К биографии Пушкина («Былое», 1918, № 2 (30), стр. 72—77); перепечатано в кн.: Б. М о д з а л е в с к и й. Пушкин под тайным надзором.— Мы ссылаемся в дальнейшем на 3-е изд. книги Модзалевского (Л., «Атеней», 1925, стр. 20—34).

[35] Б. М о д з а л е в с к и й. Ук. соч., стр. 23 и 26.

[36] Там же, стр. 25—29.

[37] Там же, стр. 25.

[38] «Восстание декабристов», т. VIII, Л., 1925, стр. 158 и 382.

[39] Б. М о д з а л е в с к и й. Ук. соч., стр. 26.

[40] Возможно, что «слухи» о Пушкине, вызвавшие «командировку» Бошняка, дошли до III Отделения через агента последнего — С. Н. Висковатова, который был родом пскович и имел в Псковской губ. родственные связи и знакомства. Б. Л. Модзалевский

опубликовал другое, более раннее донесение Висковатова о поэте — от февраля 1826 г.: «Прибывшие на сих днях из Псковской губернии достойные вероятия особы удостоверяют, что известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин <...> ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и по получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича, он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: „Наконец не стало тирана, да и оставший род его недолго в живых останется!" Мысли и дух Пушкина бессмертны: его не станет в сем мире, но дух, им поселенный, навсегда останется, и последствия мыслей его непременно поздно или рано произведут желаемое действие» (Б. Модзалевский. Ук. соч., стр. 15).

[41] Весьма показательно, что при рапорте, адресованном его покровителю гр. Витту одновременно с запиской о Пушкине, Бошняк по возвращении в Петербург 12 августа 1826 г. представил и донесение «о возмущениях крестьян в 1826 г.» в Лужском, Порховском и Гжатском у. (см. статью: А. Шилов. Ук. соч., стр. 77). Это служит дополнительным подтверждением того, что «командировка» Бошняка для расследования «поведения» Пушкина была связана с деятельностью правительства по подавлению крестьянских восстаний в Петербургской, Псковской и Смоленской губ. Следует отметить, что о посылке Бошняка для наблюдения над Пушкиным знал еще П. В. Анненков (хотя содержание донесения Бошняка не было ему доступно). Анненков высказал предположение, что о посещении Бошняком Псковской губ. было известно и самому Пушкину (см. П. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 320).

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О ПУШКИНЕ

Статьи Ю. Оксмана

I. НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

«Пушкин собирается писать историю Малороссии»,— сообщал историк М. П. Погодин 28 апреля 1829 г. С. П. Шевыреву [1].

При всей широте творческих интересов, художественных планов и научных начинаний Пушкина замысел, о котором сообщал Погодин, представлялся и современникам поэта и позднейшим исследователям случайным и мало достоверным слухом. Между тем Погодин, литератор и ученый, в эту пору весьма близкий Пушкину, писал о планах последнего на основании очень точных данных. Работа великого русского поэта над «Историей Украины», предшествуя двум позднейшим его историческим исследованиям — «Истории Пугачева» и «Истории Петра»,— непосредственно следовала за окончанием «Полтавы» и, как мы полагаем, может быть подтверждена документально — рукописями самого Пушкина.

Однако, прежде чем апеллировать к документам, часть которых к тому же до недавнего времени была неизвестна, постараемся осветить эту страницу творческой биографии Пушкина на основании и других источников.

«Полтава» вышла в свет весною 1829 г. В том же году, в статье М. А. Максимовича «О поэме Пушкина „Полтава" в историческом отношении» («Атеней», 1829, № 6) опубликовано было в цитатах и в пересказе, но без указания первоисточника, несколько строк из «Истории Русов», интереснейшего памятника украинской письменности XVIII в. Самая находка этой исторической хроники, автором которой в течение многих лет ошибочно считался Георгий Конисский, обычно датируется 1828 г., когда появились якобы первые сведения о наличии ее манускрипта в усадебной библиотеке стародубского помещика кн. Лобанова-Ростовского [2]. Данные эти, однако, не точны. Об открытии «Истории Русов» в петербургских литературных кругах хорошо осведомлены были еще в 1825 г., и Рылеев, работавший в это время над поэмами «Наливайко» и «Хмельницкий», тогда же просил о доставлении необходимых ему «выписок из Истории Конисского» своего товарища по Северному тайному обществу, полковника А. Ф. Бриггена. Последний проживал с лета 1825 г. в селе Пануровка, Стародубского у. Черниговской губ., то есть в том самом районе, в котором, по позднейшим сведениям, найдена была «История Русов». Это случайное обстоятельство и ускорило популяризацию рукописи.

«Если бы не был вреден Север,— писал А. Ф. Бригген 21 октября 1825 г. Рылееву, посылая просимые поэтом «выписки»,— то я бы непременно приступил к критическому изданию Конисского, в коем много неизвестно хорошего даже и самому Карамзину» [3].

События, связанные с 14 декабря, не позволили ни Рылееву, ни Бриггену использовать в печати исторические материалы, оказавшиеся в их распоряжении осенью 1825 г. На некоторое время «История Русов»

исчезает из поля зрения исследователей, и только весною 1829 г. мы вновь нападаем на ее след, благодаря одной из записей в дневнике известного украинского историка, этнографа и поэта Н. А. Маркевича.

«Максимович, Мих⟨аил⟩ Ал⟨ександрович⟩ возвращает мне рукопись Конисского,— отмечал Н. А. Маркевич 4 апреля 1829 г.— Давал ее читать Киреевскому» [4].

Таким образом, М. А. Максимович, впервые использовавший в «Атенее» 1829 г. страницы «Истории Русов» для обоснования правильности общих исторических позиций Пушкина в «Полтаве», опирался на список Н. А. Маркевича, но, не располагая согласием последнего ни на публикацию, ни на цитацию «Истории Русов», не мог указать даже названия своего первоисточника.

Первая прямая ссылка на «Историю Русов» сделана была в печати самим Пушкиным. Мы имеем в виду его ответ критикам «Полтавы» («Habent sua fata libelli...»). Именно здесь, защищая от нападок критики мотивировку мести Мазепы Петру («Царь, вспыхнув, чашу уронил /И за усы мои седые/ Меня с угрозой ухватил. /Тогда, смирясь в бессильном гневе,/ Отмстить себе я клятву дал...» — V, 55), Пушкин писал: «Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет ⟨...⟩ Дернуть ляха или козака за усы всё равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летоп. Конисского)».

Эта отповедь, непосредственно свидетельствующая о знакомстве Пушкина с еще никем не обследованным рукописным памятником украинской историографии, появилась в альманахе М. А. Максимовича «Денница» на 1831 г.[5]

* * *

В своих позднейших воспоминаниях М. А. Максимович довольно подробно рассказал о том, как и когда он познакомил Пушкина в Москве с «Историей Русов».

«Приятно мне вспомнить,— писал он в 1845 г. М. П. Погодину,— что о „Полтаве" Пушкина я первый (1829) в „Атенее" писал, как о поэме народной и исторической. Незабвенно мне, как Мерзляков журил меня за мою статью и как благодарил потом Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия, где набирался он впечатлений войны под руководством своего друга Н. Раевского.— Тогда же, узнав от Пушкина, что он написал „Полтаву", не читавши еще Конисского, я познакомил его с нашим малороссийским историком и подарил ему случившийся у меня список „Истории Русов", об которой он написал потом прекрасные страницы» [6].

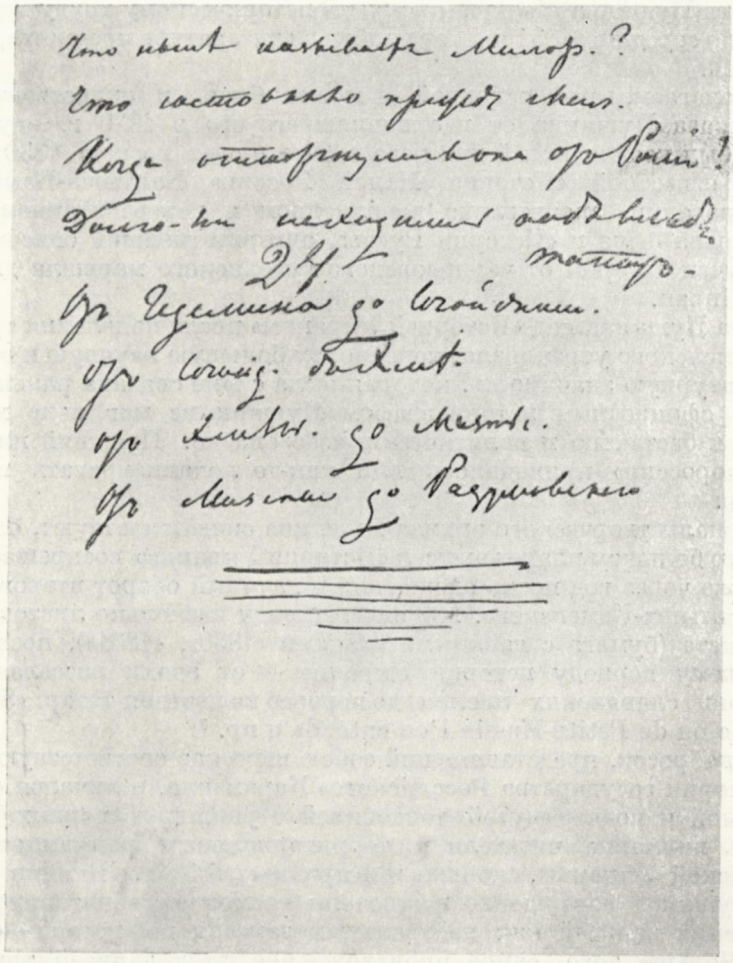
Встреча Пушкина с М. А. Максимовичем после возвращения поэта из «путешествия в Арзрум» датируется первой половиной октября 1829 г.[7] Мы не знаем, какими источниками определялся план «Истории Малороссии», задуманный весною этого года, но можем утверждать, что после получения «Истории Русов» Пушкин в основу своего труда предполагал уже положить материалы именно этой хроники.

В бумагах Пушкина сохранился набросок, точно фиксирующий схему какой-то периодизации истории Украины. Набросок этот давно известен в печати, но до сих пор почти не привлекал внимания исследователей:

Что ныне называется Малор⟨оссией?⟩
Что составляло прежде Мал⟨ороссию?⟩
Когда отторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владыч⟨еством⟩ татар—

От Гедемина до Сагайдачного,
От Сагайд⟨ачного⟩ до Хме⟨льницкого,⟩
От Хмельн⟨ицкого⟩ до Мазепы,
От Мазепы до Разумовского [8].

Мы связываем этот набросок, с одной стороны, с пушкинским замыслом «Истории Украины», с другой — с «Историей Русов». Характерные



АВТОГРАФ НАБРОСКА ПУШКИНА «ЧТО НЫНЕ НАЗЫВАЕТСЯ МАЛОРОССИЕЙ...», 1829 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

именно для последней особенности периодизации исторического прошлого Украины и были усвоены Пушкиным. С наибольшей выразительностью об этом свидетельствуют пятая и шестая строки плана. В самом деле, и Карамзин в «Истории государства Российского» (1818—1821), и Д. Н. Бантыш-Каменский в «Истории Малой России» (1822), отрицая возможность завоевания Гедемином Киева и Северских городов, относили литовское владычество к более позднему времени. Пушкин же принимал, очевидно, точку зрения автора «Истории Русов», описывавшего «приход Гедемина в пределы Малороссийские» еще в 1320 г.; для Бантыша-Каменского

гетманат Сагайдачного, «обнажившего в 1618 г. меч свой против соотечественников», не является вехой истории Украины. Пушкин же, вслед за автором «Истории Русов», целый исторический период именует: «От Сагайдачного до Хмельницкого».

Трудно сказать, был ли набросан пушкинский план «Истории Украины» сразу же после его ознакомления с «Историей Русов» или его надлежит отнести к более позднему времени. Этот вопрос можно было бы разрешить гораздо легче, если бы мы располагали хотя бы одним свидетельством об интересе Пушкина к задуманному им историческому труду после осени 1829 г. и до середины 1831 г. Этот пробел в «литературе предмета», конечно, не случаен.

Мы полагаем, что основной, а может быть, и единственной, причиной отказа Пушкина от вдохновлявшего его в 1829 г. научного начинания был неожиданный для него выход в свет весною 1830 г. нового издания известной «Истории Малой России» Бантыша-Каменского [9]. В этом издании, значительно дополненном и переработанном, широко использована была и «История Русов», авторитетнейший список которой был получен автором от черниговского губернского маршала дворянства С. М. Ширая.

Работа Пушкина над «Историей Украины» после появления труда Бантыша-Каменского утрачивала, конечно, ту большую научную и общественно-литературную значимость, которая была с нею связана раньше. Состязаться с официозным историографом Пушкин не мог и не хотел. Это было бы и бестактно и политически небезопасно. Прежний план «Истории Малороссии» приходилось или как-то локализировать или вовсе отставить.

Материалы творческого архива Пушкина свидетельствуют, однако, что в каком-то большом плане замысел «Истории Украины» воскрешается Пушкиным уже через год после вхождения в научный оборот второго издания труда Бантыша-Каменского. Мы имеем в виду несколько листов французского текста (бумага с водяными знаками «1830», «1831»), посвященного древнейшему периоду истории Украины — от эпохи расселения на ее территории славянских племен до первого нашествия татар: «Sous le nom d'Ukraine ou de Petite-Russie l'on entend» и пр. [10]

Этот набросок, представлявший собою пересказ соответствующих страниц «Истории государства Российского» Карамзина, отличался от последней прямой и подчеркнутой тенденцией Пушкина с первых же строк привлечь внимание читателя к территориальным рамкам столько же исторической Украины, сколько и Украины 1831 г. Именно эти установки Пушкина совершенно исключали возможность интерпретации его французских записей как нейтральных заметок по истории «Киевской Руси». Больше того, самое происхождение этих записей трудно было бы мотивировать, если бы мы не истолковали их как непосредственную реализацию того плана пушкинской «Истории Украины», который был охарактеризован нами выше. На первые же «вопросы», которые выдвигались в «плане» («Что ныне называется Малороссией?», «Что составляло прежде Малороссию?») Пушкин отвечал в своих набросках на французском языке: «Sous le nom d'Ukraine ou de Petite-Russie l'on entend une grande étendue de terrain réunie au colosse de la Russie et qui comprend les gouvernements de Tchernigov, Kiev, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk ⟨...⟩ Les slaves ont de tout temps habité cette vaste contrée»* и пр. (XII, 196).

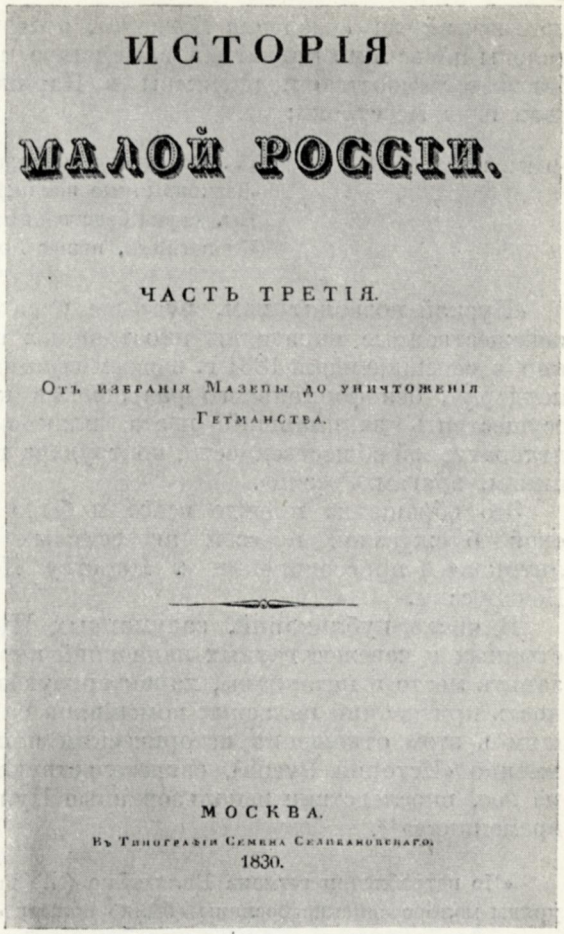
---

* Под именем Украины или Малороссии разумеют большую территорию, соединенную с колоссом Россией и заключающую в себе губернии Черниговскую, Киевскую, Харьковскую, Полтавскую и Подольскую ⟨...⟩ Славяне — исконные обитатели этой страны (франц.).

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ «ИСТОРИЯ МАЛОЙ РОССИИ» Д. Н. БАНТЫША-КАМЕНСКОГО ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПУШКИНА

Титульный лист части третьей второго издания книги, 1830 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



ИСТОРІЯ

МАЛОЙ РОССІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Отъ избранія Мазепы до уничтоженія Гетманства.

МОСКВА.

Въ Типографіи Семена Селивановскаго.

1830.

* * *

Оживление интереса Пушкина к проблемам истории Украины датируется 1831 годом, годом продолжавшегося польского восстания. Возвращение великого поэта к работе над «Историей Русов» в это время следует поставить в прямую и непосредственную связь с его тирадами, тоже 1831 г., об исторических судьбах Украины — в «Бородинской годовщине» и в ответе «Клеветникам России»:

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?

Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?[11]

Обращение к «кровавым скрижалям» многовековой борьбы украинского казачества и крестьянства с шляхетской Польшей должно было, по замыслу Пушкина, исторически документировать беспочвенность тех

притязаний на «наследие Богдана», которые с таким «шумом» были заявлены польскими магнатами в Варшаве и с еще большею политическою безответственностью поддержаны в Париже теми, кому поэт адресовал свои гневные строки:

... вы, мутители палат,
Легкоязычные витии;
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!

«Пускай позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных газет» (XIV, 283)—писал Пушкин в середине июля 1831 г. в своем официальном обращении к А. Х. Бенкендорфу, без формального разрешения которого никак нельзя было бы осуществить занимавший поэта план организации, силами русской литературной общественности, контрудара по западноевропейским «клеветникам, врагам России».

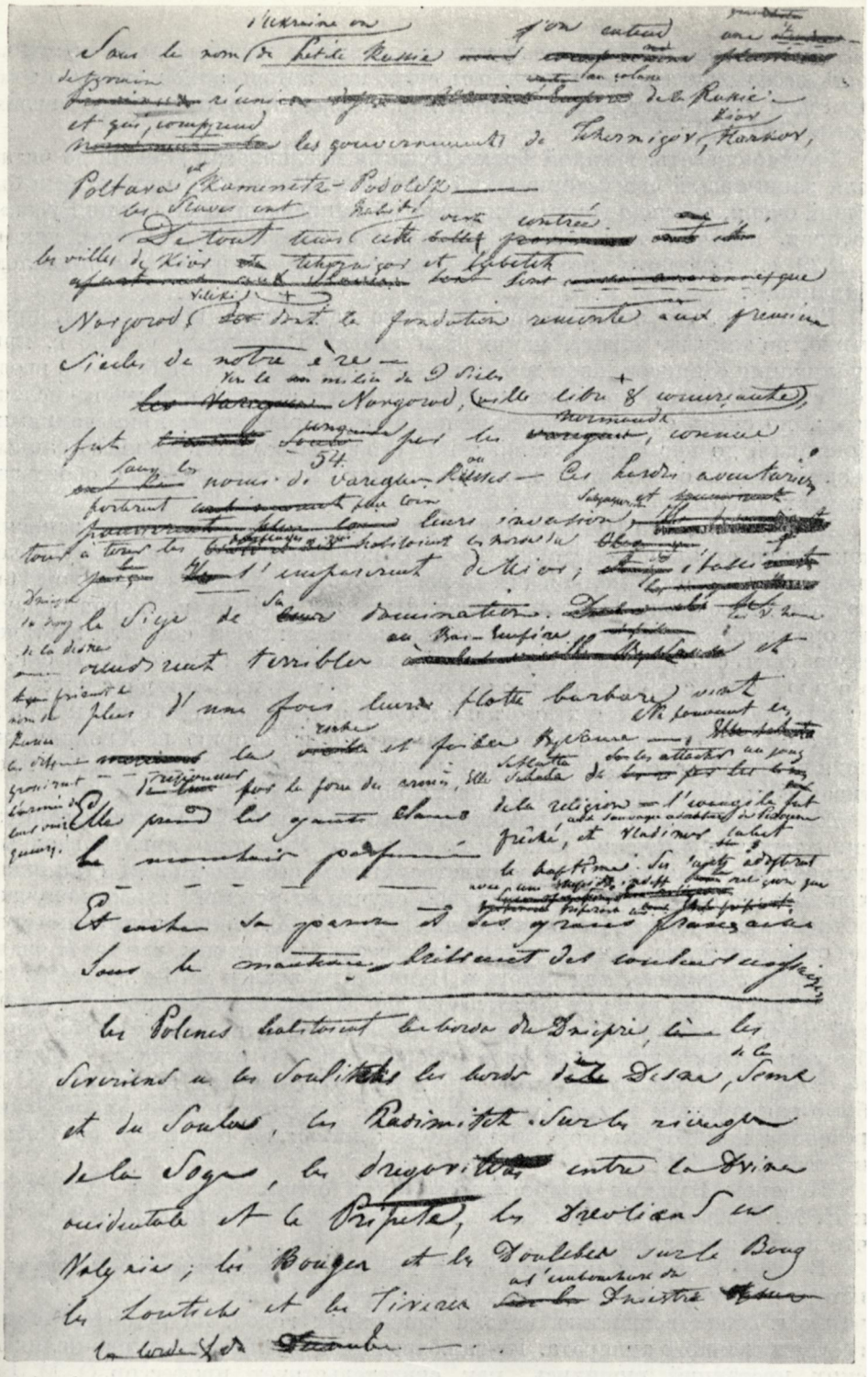
Это обращение прежде всего и было вызвано поддержкой французской буржуазной прессой агрессивных требований «шляхетских политиков» о присоединении к Царству Польскому Украины, Литвы и Белоруссии.

В числе публикаций, задуманных Пушкиным для отражения «бесстыдных и невежественных нападений иностранных газет», должны были занять место и материалы, характеризующие историческую несостоятельность притязаний польских помещиков на Украину. Насколько подходящим в этом отношении историческим и политическим документом была именно «История Русов», свидетельствуют хотя бы следующие выписки из нее, впоследствии использованные Пушкиным в первой книжке «Современника»[12].

«По истреблении гетмана Наливайко <...> во все правительственные и судебные уряды малороссийские посланы <были> поляки с многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами, а другие селения их же войсками; им дана власть все то делать народу русскому, что сами захотят и придумают, а они исполняли сей наказ с лихвою, и что только замыслить может своевольное, надменное и пьяное человечество, делали то над несчастным народом русским без угрызения совести; грабительства, насилие женщин и самых детей, побои, мучительства и убийства превзошли меру самых непросвещенных варваров. Они, почитая и называя народ невольниками или ясыром польским, все его имение признавали своим <...>

Страдание и отчаяние народа увеличилось новым приключением, сделавшим еще замечательную в сей земле эпоху. Чиновное шляхетство малороссийское, бывшее в воинских и земских должностях, не стерпя гонений от поляков и не могши перенесть лишения мест своих, а паче потеряния ранговых и нажитых имений, отложилось от народа своего <...> сие шляхетство, соединяясь с польским шляхетством свойством, сродством и другими обязанностями, отреклось и от самой породы русской, и всемерно старалось изуродовать природные названия свои, приискать и придумать к ним польское произношение и назвать себя природными поляками. Почему и доднесь между ними видны фамилии совсем русского названия, каковых у поляков не бывало, и в их наречии быть не могло <...> Следствием переворота сего было то, что имения сему шляхетству и должности их возвращены <...> В благодарность за то приняли и они в рассуждении народа русского всю систему политики польской, и, подражая им, гнали преизлиха сей несчастный народ <...>

И таким образом Малороссия доведена была поляками до последнего разорения и изнеможения, и все в ней подобилось тогда некоему хаосу или смешению, грозящему последним разрушением. Никто из жителей не знал и не был обнадежен, кому принадлежит имение его, семейство и самое бытие их, и долго ли оно продлится?» (XII,19—24).



АВТОГРАФ НАБРОСКА ПУШКИНА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ «SOUS LE NOM D'UKRAINE OU DE PETITE-RUSSIE L'ON ENTEND...» 1831 г.

«Под именем Украины или Малороссии разумеют...»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Эти выписки из «Истории Русов» красноречиво подтверждали правильность особо отмеченного Пушкиным суждения автора этой хроники о том, что «одна только история народа может объяснить истинные требования оного» (XII, 18).

Трудно сказать, в какой форме Пушкин предполагал довести до читателя занимавший его исторический материал. Возможно, что это был бы общий очерк, обильно документированный выписками из «Истории Русов», которая, конечно, и в 1831 г. продолжала оставаться для него, как и в 1829 г., основным источником сведений об историческом прошлом Украины[13].

Возможно, что это было бы и издание памятника, построенное, примерно, по тому же плану, какой был избран Пушкиным в 1835 г. при публикации «Записок Моро де Бразе» — текст, снабженный большой вводной статьей (характеристика памятника и его автора) и немногочисленными, но очень острыми политическими и историческими примечаниями. Дошедший до нас французский текст его заметок по «Истории Украины» с одинаковым основанием и эффектом мог быть реализован в обоих вариантах работы.

Характерно, что Пушкин корректировал и дополнял в своих записях как раз те страницы «Истории Русов», которые особенно его не удовлетворяли. Об этом с полной определенностью мы можем судить хотя бы по тем оговоркам, которые сделал Пушкин в 1836 г., характеризуя автора этой хроники в своем «Современнике»: «Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в Истории. Не говорю здесь о некоторых этнографических и этимологических объяснениях, помещенных им в начале его книги, которые перенес он в Историю из Хроники, не видя в них никакой существенной важности и не находя нужным противоречить общепринятым в то время понятиям»[14].

Если по самому своему материалу и методам его оформления французский текст пушкинских заметок по «Истории Украины» явился вводным деловым коррективом к не удовлетворявшим его начальным страницам хроники, то отказ Пушкина в данном случае от русского языка получает объяснение в аспекте того же обращения к А. Х. Бенкендорфу, которое мы отметили выше. Нам представляется весьма вероятным, что тот вариант «Истории Украины», над которым Пушкин работал в 1831 г., предназначался уже не для русских читателей, а для западноевропейской аудитории, той самой, до которой не дошли «кровавые скрижали» многовековой борьбы украинского народа за свое освобождение. В самом деле, отражать «бесстыдные и невежественные нападения иностранных газет» в 1831 г. было рационально только на их же языке, учитывая именно европейский резонанс полонофильской пропаганды, а никак не опасность ее успеха в России.

Недаром Пушкин прямо признавал в одном из писем этой поры к Е. М. Хитрово: «Более всего интересует меня в настоящий момент то, что происходит в Европе»[15].

В своей борьбе с «клеветниками России» на политическом и научно-историческом фронте Пушкин не был, как известно, поддержан ни печатью и общественностью начала тридцатых годов, ни руководителями государственного аппарата. Из-за возражений высших цензурно-полицейских инстанций рушились, как свидетельствует профессор О. М. Бодянский[16], редактировавший в 1846 г. первое издание «Истории Русов», и все попытки публикации этого памятника Пушкиным.

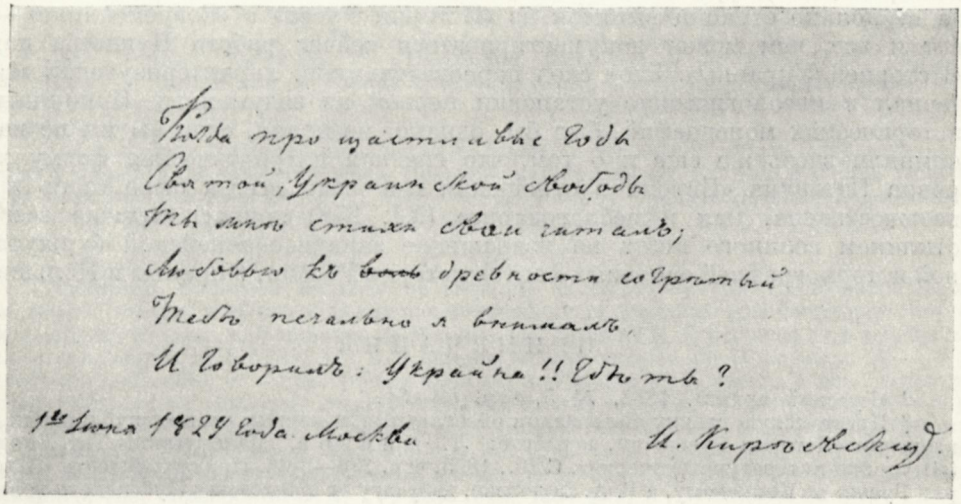
Некоторое время принадлежавший Пушкину список «Истории Русов» находился у генерала Н. Н. Раевского. Материал для этого предположения дают две строки в письме Пушкина к жене, в котором он сообщал, что

встретил 28 августа 1833 г. Н. Н. Раевского упреком: «Qu'avez vous fait de mon manuscripte, Petit-russien?»*. Мало вероятно, чтобы речь шла о каком-нибудь другом украинском манускрипте[17].

* * *

Дважды потерпев неудачу в своих планах работы над «Историей Украины», Пушкин все же не сложил оружия.

Получив в 1836 г. разрешение на издание «Современника», он в первой же книжке своего журнала печатает (в статье «О сочинениях Георгия Конисского») несколько страниц из занимавшей его рукописи «Истории



ЗАПИСЬ И. В. КИРЕЕВСКОГО В АЛЬБОМЕ Н. А. МАРКЕВИЧА, 1829 г.
Стихи, посвященные Украине
Собрание Ю. Г. Оксмана, Саратов

Русов» (широкие картины положения Украины в эпоху унии и польской оккупации XVI—XVII вв., восстание Остраницы) и в нескольких пояснительных строках с исключительным блеском характеризует не только «поэтическую свежесть» этой замечательной исторической хроники, но и классовую специфику ее национально-политических тенденций: «Смелый и добросовестный в своих показаниях, Конисский не чужд некоторого невольного пристрастия. Ненависть к изуверству католическому и угнетениям, коим он сам так деятельно противился, отзывается в красноречивых его повествованиях. Любовь к родине часто увлекает его за пределы строгой справедливости. Должно заметить, что чем ближе подходит он к настоящему времени, тем искреннее, небрежнее и сильнее становится его рассказ. Он любит говорить о подробностях войны и описывает битвы с удивительною точностию. Видно, что сердце дворянина еще бьется в нем под иноческою рясою».

В условиях цензурно-полицейского режима тридцатых годов публикацию Пушкиным нескольких листов запретной «Истории Русов» можно рассматривать только как литературную контрабанду, ибо, во-первых, никакой связи «История Русов» с богословскими «Сочинениями Георгия

* Что вы сделали с моей рукописью об Украине? (франц.).

Конисского» не имела; во-вторых, гипотеза о принадлежности «Истории Русов» тому же автору не давала никаких оснований для включения нескольких неизданных страниц этого памятника в статью о материалах совсем иного порядка и, наконец, в-третьих, политические тенденции «Истории Русов» исключали возможность самостоятельной журнальной публикации ее подлинных текстов без нарочитой «дымовой завесы» в виде пересказа биографии Георгия Конисского и цитат из его проповедей. Разумеется, не будь в распоряжении Пушкина запретной рукописи «Истории Русов», он едва ли бы счел нужным приобщать аудиторию «Современника» к старозаветным упражнениям в элоквенции белорусского князя церкви [18].

Таким образом, черновые наброски плана («Что ныне называется Малороссией?»), фрагменты вводных заметок («Sous le nom d'Ukraine...») да несколько страниц выписок из «Истории Русов» в «Современнике» — вот и все, чем может документироваться сейчас работа Пушкина над «Историей Украины». Этот свод первоисточников, характеризующий материал и идеологические установки первой из задуманных Пушкиным исторических монографий, был бы, однако, не полон, если бы мы не напомнили здесь же еще и о том, что гневная патриотическая формулировка Пушкина «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» (XI, 258) явилась прежде всего откликом великого поэта на извращение западноевропейской буржуазной историографией основных фактов истории России, Украины и Польши.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русский архив», 1882, № 5, стр. 80—81.

[2] Критическую сводку материалов об открытии и первых опытах публикации и изучения «Истории Русов» см. в работе: Л. Майков. Малорусский Тит Ливий («Историко-литературные очерки». СПб., 1895, стр. 273—291). Принадлежность «Истории Русов» не Конискому, а Г. А. Полетике, депутату от шляхетства Лубенского полка в Екатерининской комиссии для составления проекта нового уложения, впервые научно обоснованная А. Лазаревским («Киевская старина», 1891, кн. IV), в настоящее время не вызывает сомнений. Ср. Е. Опацький. Ще за автора «Истории Русов» («Наше минуле», 1918, № 1, стр. 146—148) и М. Горбань. Кілька уваг про питання про автора «Истории Русов» («Червоний шлях», 1923, № 6-7, стр. 146—150).

[3] Письмо А. Ф. Бриггена (впервые опубликованное в кн.: В. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. Прилож., стр. 97—98) в специальной литературе об «Истории Русов» до сих пор остается неучтенным. Цитата из только что появившейся тогда первой главы «Евгения Онегина» («Но вреден Север для меня») имеет в виду цензурно-полицейский террор кануна «14 декабря».

[4] Записки Н. А. Маркевича (ИРЛИ).— Вопрос о том, кто именно из Киреевских читал в 1829 г. в Москве «Историю Русов», широко использованную после Рылеева и Пушкина в «Тарасе Бульбе» Гоголя и в «Гайдамаках» Шевченко, разрешается одной из неизданных записей в альбоме Н. А. Маркевича:

Когда про щастливые годы
Святой украинской свободы
Ты мне стихи свои читал,—
Любовью к [воль] древности согретый
Тебе печально я внимал,
И говорил: Украйна!! Где ты?

И. Киреевский

1-го июня 1829 года. Москва

[5] «Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем». М., 1831, стр. 127 (ценз. разр.— 20 января 1831 г.). Ср. XI, 164—165.— Беловой автограф заметок Пушкина о Полтаве, принадлежавший М. А. Максимовичу, передан был последним в 1858 г. в библиотеку Общества любителей российской словесности («Московские ведомости», 1859, № 21). См. об этом же в статье: С. Д. Полторацкий. М. А. Максимович.— «Журнал Мин. нар. просв.», 1871, кн. XI, стр. 187.— Нынешнее местонахождение этого автографа неизвестно.

[6] М. Максимо́вич. О народной исторической поэзии в древней Руси (Письма к М. П. Погодину).— Собр. соч. М. Максимовича, т. III. Киев, 1880, стр. 496 (впервые: «Москвитянин», 1845, № 7-8, стр. 51). Ср. глухую ссылку на этот эпизод в кн.: А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, изд. 2-е. СПб., 1879, стр. 366.

[7] Н. Лернер. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, стр. 197—198.

[8] Автограф Пушкина — клочок белой плотной бумаги (без водяных знаков) хранится ныне в ИРЛИ (собрание И. А. Шляпкина). Впервые напечатан (неполно и неточно) в кн.: П. Анненков. Материалы для биографии Пушкина. СПб., 1855, стр. 266—267 (ср. XII, 422).

[9] В библиотеке Пушкина сохранился 3-й том этого издания (ценз. разр.—30 ноября 1829 г.). См. Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина. СПб., 1910, стр. 5.

[10] Впервые опубликовано в Полн. собр. соч. Пушкина. Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 г., кн. 11, стр. 470—471 (текст в редакции Б. Томашевского. Ср. XII, 196). Первый опыт историко-литературного осмысления этих записей см. в наших комментариях к Полн. собр. соч. Пушкина, т. V. Под ред. Ю. Оксмана и М. Цявловского. М.—Л., изд. «Academia», 1936, стр. 664. Краткий пересказ этих примечаний см. в Полн. собр. соч. Пушкина в десяти томах, М.—Л., 1949, т. VIII, стр. 550—551. Тонкие замечания об отклонении Пушкина в набросках по истории Украины от Карамзина в оценке такого важного момента его повествования, как крещение Руси, сделал Б. Греков в статье: «Исторические воззрения Пушкина» («Ист. записки», т. I, 1937, стр. 23—24).

Текст заметок Пушкина по истории Украины — беловой, с поправками, переходящий в черновой, на четырех листах. Водяной знак бумаги «А. Г. 1830» и «1831». Описание автографа (из собрания Л. Н. Майкова) см. в кн.: «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание». Составили Л. Модзалевский и Б. Томашевский. М.— Л., 1937, стр. 123.

[11] «Бородинская годовщина» — III, 274—275.

Претензии польской шляхты на Украину, особенно обострявшие политическую позицию Пушкина этой поры, до сих пор не привлекали внимания комментаторов «Бородинской годовщины» и «Клеветникам России». Ср. справку К. Пушкаревича «Польская революция 1830—1831 гг. и Пушкин» («Путеводитель по Пушкину». М.— Л., 1931, стр. 288—290), а также библиографические сводки: Н. Пиксанов. Лирическая трилогия на Польское восстание («Пушкинская студия». Пг., 1922, стр. 67—68); М. Беляев. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Л., 1927, стр. 257—300) и А. Комаров. Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века («Ученые записки Ленингр. гос. университета», т. IV, 1939, стр. 125—158).

[12] «Современник», 1836, т. I, стр. 98—101 (ср. XII, 19—21).

[13] В библиотеке Пушкина сохранилась известная книга Лезюра «Histoire des Kosaques, précédée d'une introduction ou coup d'oeil sur les peuples qui ont habité le pays des kosaques, avant l'invasion des tartares». Paris, 1814.

[14] «Современник», 1836, т. I, стр. 96—97 (ср. XII, 18—19).— Выделяем разрядкой строки, свидетельствующие о том, что началом хроники Пушкин был особенно не удовлетворен. В отмену ошибочных «этнографических и этимологических» объяснений автора «Истории Русов» Пушкин и набросал страницы «Sous le nom d'Ukraine».

[15] Письмо от 11 декабря 1830 г. (XIV, 134). Ср. письмо Пушкина от 8 мая 1831 г. к ней же: «Роман Загоскина еще не вышел. Он был вынужден переделать несколько глав, где говорилось о поляках 1812 г. Поляки 1831 г. причиняют гораздо более хлопот, и их роман еще не кончен» (там же, стр. 164). О настроениях и замыслах Пушкина этой поры см. наши примечания к «Рославлеву» в Полн. собр. соч. Пушкина, т. IV. М.— Л., изд. «Academia», 1936, стр. 730—731.

Для характеристики позиций Пушкина необходимо учесть и суждения П. И. Пестеля — Русская правда, гл. I: «О земельном пространстве государства», § 2 («Декабристы. Отрывки из источников». Составил Ю. Оксман. М.—Л., 1926, стр. 146—147).

[16] «Издания печатью „Истории Русов“,— отмечает О. М. Бодянский,— напрасно добивались Устрялов, Пушкин, Гоголь» («Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», кн. 1. М., 1871, стр. 221—222).

[17] Письмо от 2 сентября 1833 г. (XV, 77). Предположение Л. Н. Майкова, что рукопись «История Русов», подаренная Пушкину М. А. Максимовичем, увезена была поэтом в 1829 г. на Кавказ, где и осталась у Н. Н. Раевского («Историко-литературные очерки». СПб., 1895, стр. 286), должно отпасть, так как М. А. Максимович передал Пушкину свой манускрипт после возвращения поэта с Кавказа (см. об этом выше, стр. 212).

[18] Белинский, рецензируя первую книжку «Современника», очень чутко реагировал на явную неслаженность материала статьи о «Сочинениях Георгия Конисского»: «Суждение о Георгии Кониском, как об историке и историческом лице, нам кажется справедливым, но чтобы он был хорошим проповедником — с этим мы не согласны; его красноречие — схоластическое и тяжелое» («Молва», 1836, ч. XI, № 7, стр. 568—576. Ср. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1901, стр. 3).

II. ПУШКИН В РАБОТЕ НАД «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКОЙ»

1. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ПУГАЧЕВА

10 апреля 1834 г. автор «Истории Малой России» и собиратель материалов для «Словаря достопамятных людей русской земли», Д. Н. Бантыш-Каменский, обратился к Пушкину с предложением прислать ему «верное описание примет, обыкновенной одежды и образа жизни Пугачева», почерпнутое «из писем частных особ» к его, Бантыша-Каменского, «покойному родителю» (XV, 125). Пушкин реагировал на это предложение очень живо и в середине мая получил уже от Бантыша-Каменского не только сводку данных о Пугачеве, но и специально подобранные биографические материалы о крупнейших деятелях восстания 1773—1774 гг. и об его усмирителях.

«Поспешаю представить Вам,— писал Бантыш-Каменский 7 мая 1834 г.—1) Биографию Пугачева; 2) разные краткие биографии, числом двадцать, отличившихся в сие смутное время верностию к престолу и содействовавших самозванцу; 3) биографию графа Петра Ивановича Панина, из коей, может быть, Вы что-либо почерпнете любопытное.— Первою (то-есть Пугачевскою) бью Вам челом, предоставляя оную в полное Ваше распоряжение» (XV, 143—144).

Все эти материалы Пушкин получил уже после того как работа над основным текстом «Истории Пугачева» была доведена им до конца и даже успела пройти через цензуру Николая I[1]. Тем не менее поэт с большим вниманием отнесся к бумагам Бантыша-Каменского и в письме к последнему от 3 июня 1834 г. высоко оценил их значение: «Не знаю, как Вас благодарить за доставление бумаг, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных матерьялов, я тут нашел неизвестные, любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь» (XV, 155).

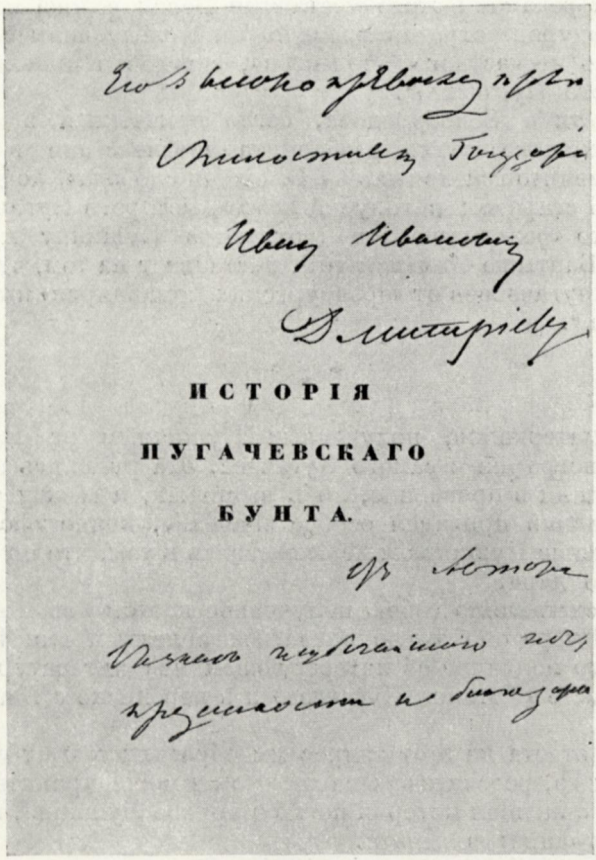
Чем же Пушкин воспользовался из этих материалов в своей монографии? В печатном тексте «Истории Пугачева» ссылка на бумаги Бантыша-Каменского сделана однажды, и то по весьма случайному и мало значительному поводу,— мы имеем в виду справку в седьмой главе об убитом в Казани генерале Кудрявцеве: «Извлечено из неизданного Исторического словаря, составленного Д. Н. Бантышом-Каменским» (IX, кн.1, 115).

Можем ли мы заключить на основании единственной печатной ссылки Пушкина на «Словарь» Бантыша-Каменского, что в других случаях он в своей «Истории» к этому источнику не обращался? Разумеется, нет.

Об активном интересе Пушкина к материалам Бантыша-Каменского свидетельствуют, помимо отмеченного выше письма поэта, многочисленные выписки из «Словаря», сохранившиеся в литературном архиве Пушкина. На особых листках Пушкин проконспектировал биографические справки об Аристове, Белобородове, Перфильеве, Хлопуше, Чике, Шелудякове, Рейнсдорпе, Кудрявцеве и Толстом[2], причем на некоторых листках сделал ссылки на Бантыша-Каменского, как на первоисточник. Самое количество этих выписок является лучшим доказательством того, что данные эти, во-первых, представляли для Пушкина интерес новизны, и во-вторых, предназначались не для вставок в уже законченную рукопись «Истории Пугачева», а для использования в следующем ее издании или в будущем романе.

Бумаги Бантыша-Каменского, как было отмечено выше, оказались в распоряжении Пушкина уже после того, как его работа прошла через царскую цензуру[3]. В силу этого поэт не имел больше права ни на какие дополнения и поправки, выходящие за пределы обычной литературно-технической корректуры. Разумеется, это обстоятельство не означало, что

Пушкин вовсе отказался от возможности уточнения тех или иных деталей своего повествования в процессе печатания книги, но всю эту правку приходилось делать с величайшей осмотрительностью, чтобы не итти на риск вторичного цензурного просмотра «Истории», разрешение которой к печати было, очевидно, чистой случайностью. И все же внимательный читатель может установить следы использования Пушкиным биографических справок Бантыша-Каменского не только в примечании о генерале Кудрявцеве в седьмой главе, но и в более ответственных частях «Истории Пугачева». Сошлемся, например, на строки о Белобородове в


ИСТОРІЯ

ПУГАЧЕВСКАГО

БУНТА.

ЭКЗЕМПЛЯР «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПУШКИНА И. И. ДМИТРИЕВУ, 1834 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

перечне сподвижников Пугачева, который Пушкин дает в третьей главе. Ни в черновых рукописях «Истории Пугачева», ни в беловой рукописной ее редакции мы не найдем имени Белобородова в ряду «главных сообщников» самозванца — Зарубина, Перфильева, Падурова, Овчинникова, Шигаева, Лысова, Чумакова, Хлопуши. Имя Белобородова появляется здесь только в печатном тексте, то есть лишь п о с л е т о г о как Пушкин познакомился с биографией Белобородова, составленной Бантышом-Каменским, и сделал из нее следующую выписку:

«Иван Наумов сын Белобородов, отставной канонер, пристал к Пугачеву ⟨в⟩ 1773 году, пожалован им в полковники и в походные атаманы,

а потом в начале 1774 в старшие войсковые атаманы и в фельдмаршалы. Был жесток, знал грамоту, соблюдал в шайках строгую дисциплину» и пр. (IX, кн. 2, 776).

На основании этих данных Пушкин дополнил перечень «главных сообщников» Пугачева самым именем Белобородова и оттенил в его характеристике именно те черты, которые Бантыш-Каменский считал для Белобородова основными. «Отставной артиллерийский капрал Белобородов пользовался полною доверенностию самозванца,— писал Пушкин.— Он вместе с Падуровым заведывал письменными делами у безграмотного Пугачева, и ввел строгий порядок и повиновение в шайках бунтовщиков». В рукописной редакции этого места имя Белобородова не упоминалось, а строка о Падурове отредактирована была следующим образом: «Падуров, предатель несчастного Чернышева, заведовал письменными делами у безграмотного Пугачева»[4].

Характеристика Белобородова, бегло намеченная в «Истории Пугачева», была художественно развернута впоследствии в «Капитанской дочке», в знаменитой сцене главы «Мятежная слобода», когда «тщедушный и сгорбленный старичок в голубой ленте», которого Пугачев называет то «Наумычем», то «фельдмаршалом» (вот, когда Пушкину пригодилась его выписка из Бантыша-Каменского!), настаивает на том, что Гринев подослан в лагерь пугачевцев от «оренбургских командиров» и требует поэтому его повешения [5].

* * *

В числе материалов, полученных Пушкиным от Бантыша-Каменского, была биография и самого Пугачева. Эта рукопись не сохранилась в архиве поэта ни в оригинале, ни в выписках, а между тем именно ей Бантыш-Каменский придавал особое значение, полностью предоставляя ее в распоряжение Пушкина и не сомневаясь в том, что он сумеет оценить значение этого дара.

Что же представляло собою полученное поэтом жизнеописание Пугачева? В какой мере оно могло оказаться полезным для Пушкина и чем объясняется его молчание об интересующем нас литературном документе в печатном тексте «Истории Пугачева» и в переписке с Бантышом-Каменским?

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к публикациям Бантыша-Каменского, рассчитывая на то, что он мог сохранить у себя копию той рукописи, оригинал которой погиб в архиве Пушкина, и даже использовать этот дубликат в печати.

Разумеется, предоставляя в мае 1834 г. Пушкину свои материалы о Пугачеве, Бантыш-Каменский никак не рассчитывал на то, что он сможет когда-нибудь и сам их напечатать. Однако выход в свет «Истории Пугачева» на некоторое время снял запрет с этой не подлежавшей популяризации темы — и Бантыш-Каменский, закончив свой «Словарь достопамятных людей русской земли», получил осенью 1836 г. цензурное разрешение на публикацию в этом издании жизнеописаний не только усмирителей пугачевского восстания, но и его вождей. В ряду биографий последних в четвертом томе «Словаря» оказалась и широко развернутая (на 22 страницах) характеристика Пугачева («Пугачев, Емельян Иванов») [6].

Едва ли можно сомневаться в том, что текст этого жизнеописания Пугачева точно соответствовал его рукописи, бывшей в распоряжении Пушкина. Тождество обоих литературных документов подтверждается прежде всего той характеристикой, которую давал Бантыш-Каменский своим материалам, подчеркивая в письме к Пушкину наличие в них «верного описания примет, обыкновенной одежды и образа жизни Пугачева». Тождество это

МАРСОВО ПОЛЕ
Рисунок Г. Г. Чернецова, 1830-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

подтверждается еще и тем, что если бы Бантыш-Каменский, составляя «Словарь достопамятных людей русской земли», не располагал готовой биографией Пугачева, то он не мог бы обойтись в новом варианте этого жизнеописания без материалов «Истории пугачевского бунта». Между тем с начала и до конца биография Пугачева в «Словаре достопамятных людей» ориентирована была на допушкинскую концепцию пугачевского восстания, а документальной своей основой имела только небольшую часть тех материалов, которыми располагал Пушкин. Опираясь на такие источники как официальное «Описание происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельяна Пугачева», как сентенция «О наказании смертною казнию самозванца Пугачева и его сообщников», как «Летопись» Рычкова[7], Бантыш-Каменский, вопреки его уверениям, не располагал для своего труда никакими «письмами частных особ о Пугачеве», если не считать тех, которые опубликованы были в «Записках о жизни и службе А. И. Бибикова» (СПб., 1817). Из официальных источников Бантыш-Каменский механически перенес в свою компиляцию все их тенденциозно-памфлетные измышления о Пугачеве и многочисленные фактические ошибки при изложении событий 1773—1774 гг. Ни одна деталь повествования Бантыша-Каменского не представляла для Пушкина интереса новизны, чем и объясняется его молчание об этой биографии как в основном тексте «Истории Пугачева», так и в примечаниях и приложениях к ней.

Однако, отвергая какую-бы то ни было связь монографии Пушкина с рукописной биографией Пугачева, вошедшей впоследствии в «Словарь достопамятных людей русской земли», мы не можем не признать разительного сходства одной из страниц этой биографии с пушкинской зарисовкой Пугачева в начальных главах его «Истории». Это была именно та страница, которую Бантыш-Каменский характеризовал как «верное описание примет» и «образа жизни Пугачева». К чему же сводилось описание этих «примет»?

«Пугачев имел лице смуглое, но чистое, сухощавое,— гласила эта справка,— глаза быстрые и взор суровый; левым глазом щурил и часто мигал; нос с горбом; волосы на голове черные, на бороде такие же с проседью; роста был менее среднего; в плечах хотя широк, но в пояснице тонок; говорил просто, как донские казаки. Платье его состояло из плисовой малиновой шубы, под которою носил панцырь, и из таких же шаровар и казачьей шапки. С любимцами своими за обедом часто напивался допьяна; они сидели часто в шапках, а иногда в рубахах, пели бурлацкие песни, не оказывая ему никакого почтения; но когда он выходил на улицу, следовали за ним с открытыми головами. Являясь среди народа, Пугачев всегда бросал в толпу деньги...»[8]

Нет надобности напоминать сейчас общеизвестные строки «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки», чтобы доказать совпадение их даже в деталях с этими зарисовками Пугачева и его быта. Однако не будем спешить с выводами, ибо все то, о чем повествовал Бантыш-Каменский, принадлежало не ему, а его первоисточникам, хорошо известным Пушкину в подлинниках.

В основном тексте «Истории Пугачева» Пушкин не дал или, точнее, не мог еще дать той портретной и речевой характеристики своего героя, которую он с таким мастерством развернул через несколько лет в «Капитанской дочке». Но, даже не ставя себе в 1834 г. этих задач, великий поэт уже в «Истории Пугачева» полностью использовал все первоисточники Бантыша-Каменского. В самом деле, первые краткие сведения о внешнем облике Пугачева Пушкин дает во второй главе своей работы, показывая будущего вождя крестьянского восстания после его бегства из казанской тюрьмы: «Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и

худощав. Черная борода его начинала седеть. Он был в верблюжьем армяке, в голубой калмыцкой шапке и вооружен винтовкою» (IX, кн. 1, 15). В главе четвертой Пушкин закрепляет это изображение, относящееся к лету 1773 г., деталями более раннего портрета Пугачева (1771 г.): «Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел темнорусые, бороду черную, небольшую и клином» (IX, кн. 1, 41).

В обеих этих справках Пушкин опирается не на рассказ Бантыша-Каменского, а на подлинные документы: в первом случае на показания яицкого казака Кожевникова, у которого скрывался Пугачев после своего бегства из казанской тюрьмы, во втором — на описание примет Пугачева, сделанное со слов его жены [9].

В приложениях к «Истории Пугачева» Пушкин печатает «Летопись» П. И. Рычкова, в которой находим еще один источник Бантыша-Каменского — показания о Пугачеве писаря оренбургского соляного правления Полуворотова: «Рост его ⟨Пугачева⟩ небольшой, лицо имеет смуглое и сухощавое, нос с горбом; а знаков он ⟨Полуворотов⟩ на лице его не приметил, кроме сего, что левый глаз щурит и часто им мигает. Волосы на голове черные, борода черная же, но с небольшою сединою. Платье имеет: шубу плисовую малиновую, да и шаровары такие ж; шапку казачью. Речь его самая простая и наречия донских казаков; грамоте или очень мало, или ничего не знает» (IX, кн. 1, 235).

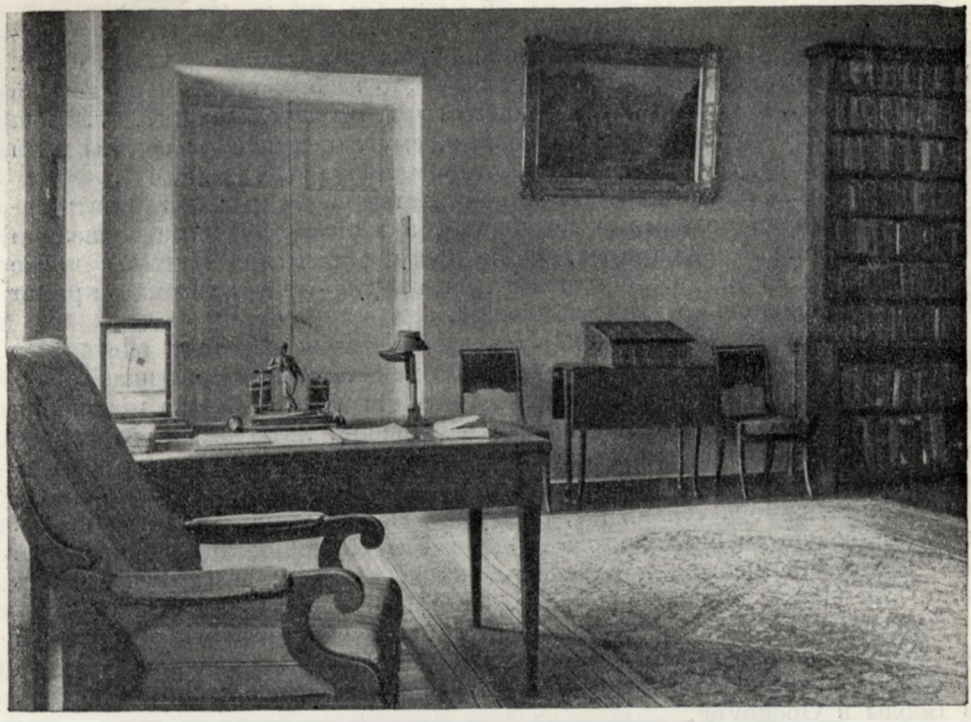
Пушкин полностью перепечатывает первоисточник и основной части отмеченного выше рассказа Бантыша-Каменского — показания корнета Пустовалова, бывшего в плену у Пугачева и бежавшего 16 марта 1774 г. из Берды в Оренбург.

«Лицо имеет он,— сообщал Пустовалов о Пугачеве,— смуглое, но чистое, глаза острые и взор страховитый; борода и волосы на голове черные; рост его средний или и меньше; в плечах хотя и широк, но в пояснице очень тонок; когда случается он в Берде, то все распоряжает сам и за всем смотрит не только днем, но и по ночам; с сообщниками своими, которых он любит, нередко вместе обедает и напивается допьяна, которые обще с ним сидят в шапках, а иногда-де и в рубахах и поют бурлацкие песни без всякого ему почтения; но когда-де выходит он на базар, тогда снимают шапки и ходят за ним без шапок, а он сам, когда публично ходит, то почти всегда бросает в народ медные деньги» (IX, кн. 1, 324).

Показания Пустовалова, широко использованные Пушкиным в тексте третьей главы «Истории», извлечены были им из «Летописи» Рычкова и вместе с последней перешли в «приложения» к «Истории Пугачева» [10].

Мы напомнили об основных документальных источниках, с помощью которых Пушкин реконструировал в своей «Истории» портретные черты Пугачева, вовсе не для того, чтобы показать несоизмеримость исторической эрудиции Пушкина с эрудицией даже самого осведомленного из его предшественников. Для раскрытия пушкинского понимания образа Пугачева гораздо существеннее другой вывод, который позволяют нам сделать его первоисточники. И в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке» портрет Пугачева является не простым обобщением впечатлений от его живого образа, зарегистрированных в тех или иных документах и мемуарах, а результатом большой работы по изучению, критическому отбору и политическому переосмыслению всех этих исторических материалов.

Бантыш-Каменский смотрит на Пугачева глазами его классовых врагов, глазами его судей. Поэтому их свидетельства биографом только суммируются, а не анализируются. Если, например, в показаниях корнета Пустовалова отмечается в ряду других признаков самозванца его якобы «страховитый взор», то составитель «Словаря достопамятных людей» закрепляет этот штрих в справке о Пугачеве как основной («взор суровый»),



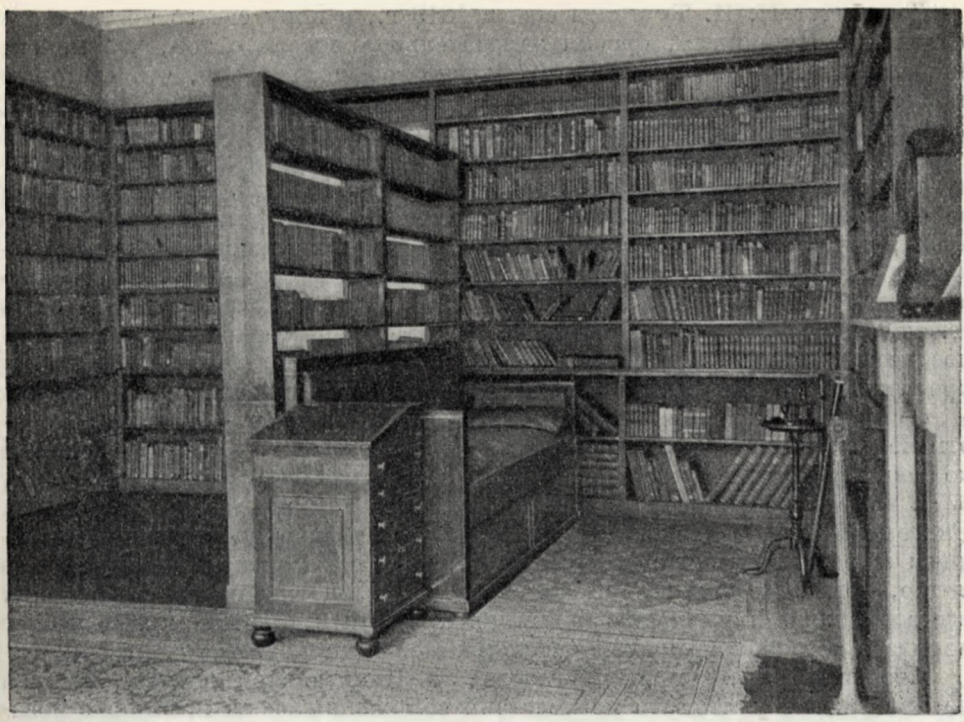
КАБИНЕТ ПУШКИНА В ЕГО ПОСЛЕДНЕЙ КВАРТИРЕ, В ДОМЕ НА МОЙКЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Ныне музей-квартира Пушкина. Левая сторона комнаты

Фотография М. А. Величко, 1949 г.

несмотря на то, что в других свидетельствах о Пугачеве эта «примета» отсутствует. Решительно отбрасывает ее и Пушкин. Почти во всех показаниях о Пугачеве подчеркивается его неграмотность («грамоте или очень мало, или ничего не знает», «безграмотный Пугачев», «он же вовсе и грамоте не умеет»). Повторяется об этом не раз и в биографической справке Бантыша-Каменского. Разумеется, не может обойти эту характерную деталь и Пушкин. Но уже в «Замечаниях о бунте», представленных Николаю I в дополнение к печатному тексту «Истории», великий поэт утверждал, что эта «безграмотность» Пугачева нисколько не мешала ему в его воззваниях к народу находить именно те слова, образы и формулировки, соперничать с которыми никак не могли ни правительственные манифесты, ни «публикации» высокообразованного начальства на местах: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам,— писал Пушкин,— есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или п у б л и к а ц и и, Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов» (IX, кн. 1, 371).

И все же подлинный исторический образ вождя крестьянского восстания не получил яркого художественного воплощения на страницах «Истории Пугачева». Не имея возможности полным голосом говорить о Пугачеве по соображениям цензурно-тактического порядка, Пушкин еще в большей степени был стеснен в этих страницах своего труда усвоенной им политической концепцией событий 1773—1774 гг. Эта концепция, уходящая своими корнями еще в пору изучения Пушкиным событий периода крестьянских войн и польской интервенции начала XVII в. и истории первого



КАБИНЕТ ПУШКИНА
Правая сторона комнаты

самозванца, закреплена была известной недооценкой личности самого Пугачева в «Путешествии из Петербурга в Москву» и теми соображениями, которые Пушкин нашел об этом в письмах генерала А. И. Бибикова к Д. И. Фонвизину: «Пугачев,— утверждал Бибиков,— не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: н е П у г а ч е в в а ж е н: в а ж н о о б щ е е н е г о д о в а н и е» (IX, кн. 1, 45.— Разрядка наша).

Эти строки, которые Пушкин с таким сочувствием выдвигал в пятой главе своей «Истории», дают ключ к его толкованию взаимоотношений Пугачева и его атаманов в третьей главе («Пугачев не был самовластен» и проч.). Эти же установки определяют позицию исследователя в восьмой главе: «Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции. Довольно было появления двух или трех злодеев, чтоб взбунтовать целые области. Составлялись отдельные шайки грабителей и бунтовщиков; и каждая имела у себя своего Пугачева» (IX, кн. 1, 69).

Вот почему в «Истории Пугачева» оказались только мастерские этюды к портрету Пугачева, но не цельный и законченный образ вождя крестьянского движения.

Не менее далек от оригинала был и тот вариант нарочито суженной характеристики Пугачева, который дал Пушкин в своем обращении в 1835 г. к поэту-партизану Д. В. Давыдову при посылке ему «Истории пугачевского бунта»:

Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой;
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой

Декабрист Н. И. Тургенев еще в 1819 г., в пору своего постоянного общения с Пушкиным, бросил замечательную мысль о том, что многие пробелы русской историографии объясняются только тем, что «историю пишут не крестьяне, а помещики»[11]. Работая над «Историей Пугачева», Пушкин сделал все, что только было в его силах, чтобы избежать этих упреков. Едва закончив в Болдине новую редакцию своего труда (в отмену той, которая сложилась в первой половине 1833 г.), Пушкин в одном из черновых набросков письма к Бенкендорфу от 6 декабря 1833 г. отмечал, что «по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни господствующему образу мыслей» (XV, 226). Как известно, рупором этого «господствующего образа мыслей», то есть общественного мнения крепостников, явился, тотчас по выходе в свет «Истории Пугачева», министр просвещения и начальник Главного управления цензуры С. С. Уваров.

«В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают,— отмечал Пушкин в своем дневнике в феврале 1835 г.— Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении» (XII, 337). Уваров реагировал на работу Пушкина так же, как в свое время Екатерина II на «Путешествие из Петербурга в Москву», назвав его страницы «совершенно бунтовскими»: «Намерение сей книги на каждом листе видно,— писала царица.— Сочинитель ⟨...⟩ ищет всячески и защищает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства»[12].

Переходя от «Истории Пугачева» к «Капитанской дочке», Пушкин не мог уже не учитывать последствий сближения своей позиции с позицией Радищева, тем более, что сближение это подсказывалось не только мнительностью и злонамеренностью тех или иных его критиков, но самым существом дела — особенностями пушкинской трактовки крепостнической общественности с «великими отчинниками» во главе и его же оценкой перспектив крестьянской революции. Трудности показа в этих условиях образа вождя крестьянского движения не упрощаются, а увеличиваются. В период между «Капитанской дочкой» и «Историей Пугачева» Пушкину приходится работать над особыми полемическими примечаниями к «Путешествию из Петербурга в Москву» и над статьей «Александр Радищев». Этот предварительный политический комментарий к роману оказывается особенно необходимым потому, что поэт решительно отказывается от своего прежнего подхода к Пугачеву, как к человеку более или менее случайному, как к слепому орудию в руках яицких казаков, как к «прошлецу, не имевшему другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной» (IX, кн. 1, 27). В окончательной редакции романа от этой трактовки его героя почти не остается уже и следа. Мы говорим «почти», ибо образ Пугачева дан в «Капитанской дочке» не однолинейно, а в разных профилях и аспектах, в речах и действиях, о которых передает читателю не только автор романа, но и Гринев, от имени которого ведется повествование, человек совсем иных интеллектуальных масштабов и политических горизонтов, чем Пушкин. В подчеркнуто-наивных философско-исторических сентенциях и моралистических репликах Гринева, комментировавших события романа, окончательно определился тот метод художественного письма, который не удался перед тем Пушкину ни в набросках «Путешествия из Москвы в Петербург», ни в статье «Александр Радищев»[13]. Это метод не только новых форм «эзоповского языка», но и функционально связанных с последним некоторых других приемов литературной экспозиции. Мы имеем в виду прежде всего создание Пушкиным образа бесхитростного выразителя охранительной идеологии, который «с важностью забавной» то судит о перспективах крестьянской революции в «Капитанской дочке» (Гринев), то полемизирует с Радищевым (московский барин,

член «английского клоба», едущий из Москвы в Петербург), то откликается на «Историю Пугачева» (образ престарелого провинциального «критика» в ответе на замечания Броневского об «Истории пугачевского бунта»), то громит всю современную мировую литературу с позиций мракобесов Российской академии, не замечая комического эффекта своих претензий («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной»). Все это образы, созданные в период 1833—1836 гг.

Однако еще в середине 1825 г. в дискуссии Пушкина с Рылеевым, пытавшимся спасти свою поэму «Войнаровский» от цензурного запрета путем обесцвечивания и даже искажения ее образов и деклараций, Пушкиным теоретически нащупаны уже были возможности того самого решения этих проблем, которое художественно документировано было в охранительных политических афоризмах персонажей «Капитанской дочки» и «Путешествия из Москвы в Петербург». Письмо Пушкина не сохранилось, но ответ на него Рылеева известен: «Ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он точно истукан. Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирукова» (XIII, 182).

Пушкину не пришлось смягчать впечатления от Пугачева автокомментариями, писанными не столько для читателей, сколько для цензоров — «говорить за Войнаровского для Бирукова». Пушкин не пошел ни на романтизацию своего героя, ни на снижение исторического образа крестьянского вождя по тем рецептам, которые рекомендовались ему реакционной критикой[14]. Но, для сохранения в романе с в о е й концепции Пугачева и пугачевского восстания, Пушкин вложил в уста Гринева два-три «политических афоризма», демонстрировавших осуждение с моралистических позиций правящего класса крестьянского движения и его вождя. Принадлежность Гринева к стану врагов восставшего народа оттенялась и особенностями его фразеологии («Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями»; «Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности»; «Тотчас толпа злодеев окружила нас и с криком потащила к воротам» и т. п.).

Для усыпления органов надзора этой дымовой завесы было совершенно достаточно, но внимательный читатель с условными «верноподданническими филиппиками» прапорщика Гринева мог не считаться[15]. Язык образов и логика фактов были гораздо убедительнее сентенций их комментатора.

* * *

Пушкин, конспектируя летом 1833 г. рукописную хронику П. И. Рычкова «Осада Оренбурга», обратил внимание на рассказ о поведении пленного Пугачева в ставке графа П. И. Панина: «В Синбирск привезенный на дворе гр. Панина Пугачев отвечал ему дерзко и смело (хотя и признавался в самозванстве), за что граф ударил его несколько раз по лицу»[16].

Поэт И. И. Дмитриев, рассказывая Пушкину об этом же эпизоде, вспомнил еще одну страшную деталь: «Панин вырвал клок из бороды Пугачева, рассердясь на его смелость» (IX, кн. 2, 498).

В окончательном тексте «Истории Пугачева» Пушкин тщательно учел оба эти свидетельства. Но самый факт развертывания в самостоятельный эпизод кратких мемуарных данных о бессудной расправе графа Панина с Пугачевым не мог бы, конечно, иметь место, если бы в распоряжении Пушкина не оказалось еще одного источника. Мы имеем в виду то предание о Панине и Пугачеве, которым Пушкин это столкновение политически и психологически мотивировал в восьмой главе «Истории

Пугачева»: «Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом.— Кто ты таков? спросил он у самозванца.— Емельян Иванов Пугачев, отвечал тот.— Как же смел ты, вор, назваться государем? продолжал Панин.— Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает ⟨...⟩ Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды» (IX, кн. 1, 78).

Кто же из симбирских старожилов (а сцена эта едва ли могла быть записана в другом месте) познакомил Пушкина с преданием о бесстрашной реплике Пугачева, которую не мог вспомнить Дмитриев и которую не записал Рычков? Естественнее всего предположить, что на помощь Пушкину здесь пришел П. М. Языков, старший брат поэта, один из интереснейших представителей симбирской интеллигенции тридцатых годов, знаток местного края и ревнитель его преданий, этнограф, историк и натуралист, с которым Пушкин провел несколько часов на пути в Оренбург и вновь увидался на обратном пути в Болдино. О нем Пушкин 12 сентября 1833 г. писал жене из Симбирска: «Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с ним вечер»(XV, 80 и 83)[17].

В пользу симбирско-языковской локализации предания о смелой пугачевской шутке, вызвавшей кулачную расправу с ним графа Панина, свидетельствует и тот факт, что именно в Симбирской губернии записана была А. М. Языковым, другим братом поэта, народная песня о беседе Пугачева с его тюремщиком:

Судил тут граф Панин вора Пугачева.
— «Скажи, скажи Пугаченька, Емельян Иваныч,
Много ль перевешал князей и боярей?»
— Перевешал вашей братьи семьсот семь тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину то прибавил, спину то поправил
За твою то бы услугу повыше подвесил[18].

Предание, рассказанное Языковым, оставило след не только в «Истории Пугачева». Слова из живой речи пленного крестьянского вождя, записанные Пушкиным в Симбирске в 1833 г., явились тем зерном, из которого выросла вся речевая характеристика Пугачева в «Капитанской дочке».

* * *

Радищев, характеризуя мотивы или, как он говорил, «голоса русских народных песен», в них, в этих «голосах», предлагал искать ключи к правильному пониманию «души нашего народа»[19]. Пушкин с исключительным вниманием отнесся к этим творческим заветам автора «Путешествия из Петербурга в Москву» и уже во время своей поездки в Заволжье, Оренбург и Уральск именно в фольклоре нашел недоставший ему материал для понимания Пугачева как подлинного вождя крестьянского движения и свойств его характера как типических положительных черт русского человека. Это было открытием большой принципиальной значимости, ибо без него было бы невозможно и новаторское разрешение задач воскрешения подлинного исторического образа Пугачева.

В процессе работы над монографией и романом Пушкин явился и первым собирателем и первым истолкователем устных документов народного творчества о Пугачеве, памятью о котором более полувека продолжало жить крестьянство и казачество Поволжья и Приуралья. Подобно тому, как еще в пору своей михайловской ссылки великий поэт в «мне-

нии народном» нашел разгадку успехов первого самозванца и гибели царя Бориса, так и сейчас, в осмыслении образа нового своего героя он опирался не только и не столько на свои изучения памятников крестьянской войны в государственных архивах, сколько на «мнение народное», запечатленное в преданиях, песнях и рассказах о Пугачеве. В 1825 г. Пушкин считал Степана Разина «единственным поэтическим лицом русской истории» (XIII, 121); пугачевский фольклор позволил ему эту формулу несколько расширить.

«Уральские казаки (особливо старые люди),— осторожно удостоверял Пушкин в своих замечаниях о восстании, представленных царю 31 января 1835 г.,— доныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-тилетняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал.— Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович» (IX, кн. 1, 373).

Без учета этих ярких и волнующих рассказов свидетелей восстания, непосредственно воздействовавших на Пушкина своей интерпретацией личности Пугачева, как подлинного вождя крестьянского движения, как живого воплощения их идеалов и надежд, «Капитанская дочка» не могла бы, конечно, иметь того политического и литературного звучания, которое она получила в условиях становления русского критического реализма, как новой фазы искусства. Мастерство Пушкина, как и мастерство Толстого, это мастерство раскрытия самых существенных сторон действительности, самых существенных черт национального характера, показываемого не декларативно, не статично, а в живом действии, в конкретной исторической борьбе.

В своих суждениях по поводу «Путешествия из Петербурга в Москву», оформившихся, примерно, за два года до «Капитанской дочки», Пушкин с гордостью отмечал высокий интеллектуальный и моральный уровень русского трудового народа: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны»[20].

Этот перечень положительных свойств русского крестьянина как черт т и п и ч е с к и х, закрепленных в самых неблагоприятных условиях его политического и экономического быта, был полностью повторен, углублен и дополнен в знаменитой формулировке Белинского. «Какие хорошие свойства русского человека, отличающие его не только от иноплеменников, но и от других славянских племен?» — спрашивал великий критик в статье о «Деяниях Петра Великого» и тут же отвечал: «Бодрость, смелость, находчивость, сметливость, переимчивость,— на обухе рожь молотить, зерна не обронить, нуждою учиться калачи есть,— молодечество, разгул, удальство, и в горе и в радости море по колено»[21].

Всеми этими качествами в избытке наделен в «Капитанской дочке» именно Пугачев. Именно он является воплощением неиссякаемой творческой энергии и высоких моральных и интеллектуальных качеств русского народа (ясный ум, свободолюбие, великодушие, справедливость, бесстрашие, находчивость, удаль и широта натуры).

Эти особенности склада русского человека родились в конкретных материальных условиях и закрепились в многовековой исторической борьбе, ибо, как учит нас И. В. Сталин, «что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды?»[22]

Образ Пугачева Пушкин заново освещает не только пониманием лучших свойств русского человека. Вся речевая его характеристика строится по тем же принципам.

Еще в 1825 г., определяя Крылова как «представителя духа» русского народа, Пушкин «отличительными чертами в наших нравах» признал «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» (XI, 34). Неслучайно именно эти признаки выдвигаются как основные в повадках и речах Пугачева, начиная от первой встречи с ним Гринева во время бурана до вдохновенной передачи Пугачевым сказки об орле и вороне в одиннадцатой главе романа.

«Сметливость его и тонкость чутья меня поразили»,— рассказывает Гринев о первой встрече своей с Пугачевым (VIII, кн. 1, 288). «Наружность его показалась мне замечательна; он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское» (VIII, кн. 1, 290). В главе восьмой эта характеристика дополнялась: «Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец, он засмеялся, и с такой непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему» (VIII, кн. 1, 331).

Вот когда Пушкину пригодилось его знание документальных описаний «примет» Пугачева, вот когда возвратился он к показаниям Пустовалова и Полуворотова, едва затронутым им на страницах «Истории Пугачева». В главе «Вожатый» Пушкин заставляет Гринева быть свидетелем замечательного разговора Пугачева с хозяином умета. Будущий самозванец дает понять, что яицкому войску, утесненному после восстания 1772 г., не следует унывать, что оно еще даст себя знать правительству.

«Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: „Эхе,— сказал он,— опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?“ — Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: „В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?“ — Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор.— Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. — „Молчи, дядя,— возразил мой бродяга,— будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...“» (VIII, кн. 1, 290).

Этот метод речевой характеристики Пугачева выдерживается Пушкиным до конца романа, поскольку именно пословицы, сказки, шутки и прибаутки, лукавые намеки и иносказания окрашивают юмор Пугачева в национальные русские тона. Характеризуя использование Пушкиным в одной из последних глав «Истории Пугачева» народной песни о Пугачеве и графе Панине, мы определили самый ранний опыт демонстрации поэтом «веселого лукавства ума» Пугачева и его «живописного способа выражаться». Сцена в умете, спор с Хлопушей и Белобородовым, беседа с Гриневым в кибитке во время поездки в Белогорскую крепость — являлись иллюстрацией тех же приемов письма. Все действия Пугачева одухотворены его волей к победе, сознанием правоты его исторической миссии. Он уверенно ждет своего часа. Как свидетельствует уже сцена в умете, он терпелив, но знает и то, что всякому терпению есть предел.

Пушкин, оттеняя в Пугачеве и эту черту характера русского человека, хорошо помнил, видимо, наблюдения Радищева: «Я приметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив: и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать»[23].

Итак, великий поэт, образно осмысляя положительные черты русского народа, близко подошел к тому гениальному определению трех важнейших свойств русского национального характера, которое дано было И. В. Сталиным: «Ясный ум, стойкий характер и терпение»[24].

2. «СЧЕТ САВЕЛЬИЧА»

Предметные уроки крестьянского восстания 1773—1774 гг., его противоречия и их социально-политический смысл волновали Пушкина в «Капитанской дочке» не в меньшей степени, чем в «Истории Пугачева».

Естественно поэтому, что роман, вытесненный на некоторое время из творческого календаря Пушкина научно-исследовательской работой, вновь оказывается в центре его внимания тотчас же после выхода в свет «Истории Пугачева».

Документальная и мемуарная база романа прочно обеспечивается материалом, собранным и критически освещенным Пушкиным в его исторической монографии, но нет никаких оснований предполагать, что Пушкин в процессе работы над «Капитанской дочкой» не выходил из круга первоисточников «Истории Пугачева». Более правильно было бы прямо противоположное утверждение, ибо чем внимательнее вглядываемся мы в материалы литературного архива Пушкина, тем явственнее определяется изначальный параллелизм его не только творческих, но и собирательских интересов. Из многих тысяч документов, просмотренных Пушкиным в архивах Петербурга, Москвы, Казани, Оренбурга и Нижнего-Новгорода, он отбирает для копировки лишь наиболее значительные, наиболее колоритные, наиболее характерные, причем этот отбор с самого начала производится не только под специальным углом зрения историка и источниковеда, но с учетом потребностей исторического романиста. Так, явно для будущего романа, а не для «Истории Пугачева» Пушкин копирует в 1833 г. такой выразительный бытовой документ, как «реестр» убытков, понесенных некиим надворным советником Буткевичем во время захвата пугачевцами пригорода Заинска[25]. Приводим этот неопубликованный документ полностью (с сохранением основных особенностей орфографии подлинника):

РЕЕСТР ЧТО УКРАДЕНО У НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА БУТКЕВИЧА ПРИ ХУТОРЕ В ПРИГОРОДЕ ЗАИНСКЕ

Кобыл больших 65 ценою на 780 рублей
Трех и дву лет 21 ценою на 5 р.
Коров больших нетельных 58— на 230 ру⟨блей⟩
Три седла черкасских с кожаными подушками, с хометами, войлоками и подметками, и 3 узды ямских и сыромятных ремней с медными пряжками — на 8 рублей
Котлов медных 3, в 43 а 1 ведро весом 1 п. на 10 р. 70 к.
Гусей 20, 4 уток, 45 кур русских на 8 р. на 80 к.
Людской одежды пять шуб бараньих на 7 р. на 50 ⟨коп.⟩
Епанечь валеных на 3 р.
3 пары суконных онучь на 1 р.
5 п. шерстяных чулок на 60 коп.
Три шапки в 60 коп.
Холстов на 3 р. посконных
Сена поставленного 38 стогов на 76 рубл.
Овса 30 четв. на 25 р.
Два человека дворовых
Спасителев образ в ризе и серебряном окладе
Казанская богоматерь в окладе с жемчугом на 330 рублей.
Экипажу: сундук окованный железом с внутренним замком на 5 рублей; в нем: три п. кафтанов немецких 1) люстриновая, вторая кофейная— на 25 р.
Епанча суконная, алая, обложенная золотым прорезным позументом 65 р.
Два тулупа, один мерлущетой, второй из беличьего меху 60 руб.
Два халата, один хивинский, другой полосатый на 20 рубл.

Женского платья. Два лаброна, один люстриновый, другой гризетовый на 100 р.
Три кофты с юбками тафтяных на 90 р.
Салоп штофный на лисьем меху в 50 р.
Мантилья черная на сибирских белках 26 р.
Платков штофных три, тальянских пять на etc, ситцевых па 46 р.
Косынок шелковых на 10 р.
Черевиков, шитых золотом 9 руб.
Башмаков шит. зол. 2 л. на 4 руб.
12 рубах мужских полотняных с манжетами на 60 р.
Скатерти и салфетки на 45 р.
Одеяло из лисьих хвостов, другое из барсучьих 26 руб.
Одеяло ситцевое, другое на хлопчатой бумаге 19 руб. etc.

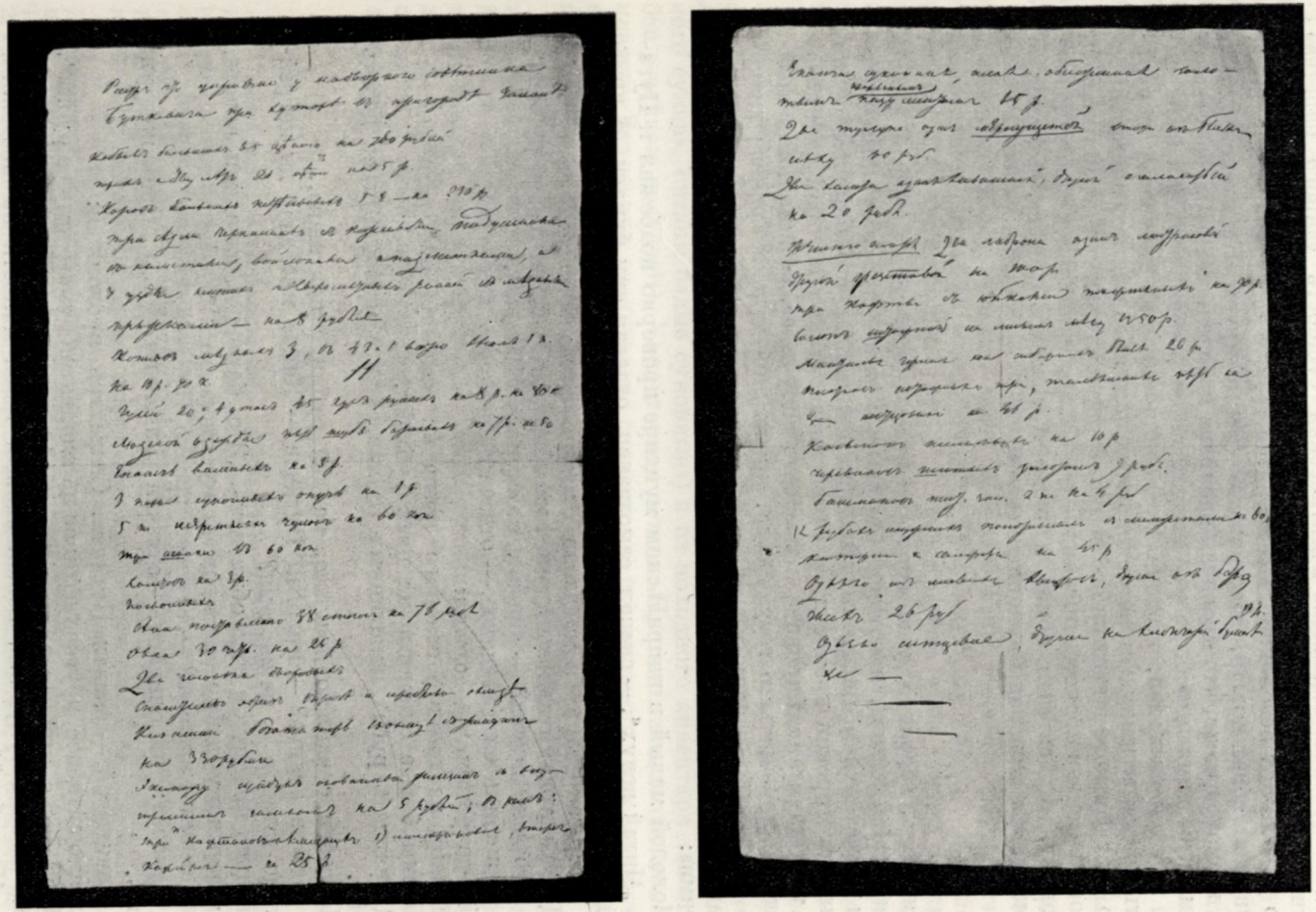
О том, что реестр этот, обнажавший с большой яркостью своекорыстие, мелочность и жадность правящего класса, предназначался уже в момент его копировки для будущего романа, свидетельствуют и некоторые формальные признаки копии, снятой Пушкиным собственноручно, но без обычной для него археографической тщательности. Так, переписывая документ, Пушкин не обозначил ни места его хранения, ни даты, а самый текст подлинника воспроизвел с сокращениями, о которых говорят две его же отметки «etc» в самой концовке реестра и в перечне «платков штофных» и «тальянских». Копия писана была чернилами, на двух сторонах полулиста бумаги обычного канцелярского формата (размер 220 × 342 мм) фабрики Гончаровых. Водяной знак — «1829». В момент смерти поэта «реестр» находился в его личном архиве — автограф хранит след той самой жандармской нумерации (цифра «11» красными чернилами в середине листа), которую прошли все бумаги, опечатанные по распоряжению Николая I в кабинете Пушкина 29 января 1837 г.

* * *

Историкам пугачевского восстания хорошо известен «пригород Заинск», откуда вышел заинтересовавший Пушкина «реестр». Заинск — это старинный укрепленный пункт, входивший в Закамскую линию пограничных постов Московского государства. В конце 1773 г. Пугачев без боя взял Заинск, где встречен был «с честью» не только народом, но и всем городским начальством с комендантом во главе.

В «Истории Пугачева» Пушкин очень точно передал содержание официальных документов как об этом эпизоде, так и о позднейших действиях полковника Бибикова, который, на пути из Бугульмы в Мензелинск, вырвал буйный пригород «из злодейских рук». Боям под Заинском уделено было внимание и в одном из приложений к «Истории Пугачева» — в «Экстракте из журнала генерал-майора и кавалера кн. П. М. Голицына». Ни в печатном тексте «Истории Пугачева», ни в приложениях и дополнениях к ней, не нашли мы имени «надворного советника Буткевича». Но другие члены, видимо, этой же большой помещичьей семьи, неоднократно упоминаются в материалах, собранных Пушкиным. Так, один из Буткевичей (секунд-майор, «воеводский товарищ») вместе с женою был убит пугачевцами в г. Петровске, а другой — отставной прапорщик, перешедший на сторону самозванца,— претендовал на пост заинского коменданта.

«Реестр», представленный начальству третьим из этих Буткевичей, находился, возможно, в числе приложений к тому самому рапорту Бибикова о взятии Заинска, точная копия с которого сохранилась в бумагах Пушкина и частично была использована в «Истории Пугачева»



«РЕЕСТР ЧТО УКРАДЕНО У НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА БУТКЕВИЧА ПРИ ХУТОРЕ В ПРИГОРОДЕ ЗАИНСКЕ» — ДОКУМЕНТ ВРЕМЕН ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ, СОБСТВЕННОРУЧНО СКОПИРОВАННЫЙ ПУШКИНЫМ, 1833 г.

Собрание Ю Г. Оксмана, Саратов

Рапорт Бибикова учтен был в «Истории Пугачева», реестр Буткевича Пушкин оставил для «Капитанской дочки»[26].

Счет Буткевича исключительно выразителен. Не только духовный облик, но и вся социально-политическая сущность «дикого барства» получала выражение в этой деловитой бухгалтерской справке Буткевича о его убытках от революции. Несмотря на то, что «состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно» (мы цитируем «Капитанскую дочку»), несмотря на то, что кровавая расправа карательных отрядов с «виноватыми и безвинными» была еще единственной формой решения гражданских и уголовных дел, господа Буткевичи спешили по-своему использовать предоставленную им историей передышку. Без всяких претензий на юмор счет Буткевича механически регистрировал все, что вспоминалось его составителю в процессе писания — «кобыл больших 65» и «два человека дворовых», «Спасителев образ в ризе» и сена «38 стогов», «казанскую богоматерь» и «три пары суконных онуч».

* * *

Читатель, вероятно, уже вспомнил знаменитую сцену девятой главы «Капитанской дочки», в которой Савельич с таким простодушным упорством домогается возмещения убытков, понесенных его барином в дни взятия Белогорской крепости. У самой виселицы, на которой еще качаются тела капитана Миронова и «кривого поручика», официальных представителей помещичьего государства, крепостной дядька Гринева хлопочет о том, чтобы вождь крестьянской революции немедленно обратил внимание на представленный ему «реестр барскому добру, раскраденному злодеями»:

«Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. „Читай вслух“,— сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

„Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей“.

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачев.

— Прикажи читать далее,— отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

„Мундир из тонкого зеленого сукна на семь рублей“.

„Штаны белые суконные на пять рублей“.

„Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами на десять рублей“.

„Погребец с чайною посудою, на два рубля с полтиною...“

— Что за вранье? — прервал Пугачев.— Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объяснять. „Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями...“

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачев.

— Виноват: обмолвился,— отвечал Савельич <...> Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай,— сказал Пугачев. Секретарь продолжал:

„Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге четыре рубля“.

„Шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей“.

„Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей“.

— Это что еще! — вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами».

Знакомство с «реестром» Буткевича подсказало Пушкину одну из самых знаменательных сцен «Капитанской дочки». Изучение этого документа позволяет сейчас и нам значительно расширить и углубить понимание

социально-политической функции счета Савельича, как художественного документа, которым оперирует в романе старый слуга только потому, что ни обычная цензура, ни, тем более, цензура Бенкендорфа и Николая I, не могли бы допустить использование «реестра» в его прямой исторической значимости.

Но и при переводе этого документа из поля зрения Пушкина-историка в рамки «семейной» хроники Гриневых, поэт, устами разгневанного Пугачева, выхватывающего из рук Савельича его нелепый «реестр», политически очень точно определял отношение вождя крестьянского восстания, конечно, не к Савельичу, а к его господам. И не только к Гриневым, но и к Буткевичам:

«Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно бога молить за меня да за моих ребят, за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками...» (VIII, кн. 1, 336).

Формы использования в «Капитанской дочке» материалов документа, скопированного Пушкиным, были многообразны. Реестр Буткевича, предопределив сценарий и идейную нагрузку девятой главы, оказался учтенным и в самой завязке романа (глава вторая). «Два тулупа — один мерлущетой, второй из беличьего меху», отмеченные в документе, подсказывают ход и к «тулупчику заячьему», который так облегчил Пушкину долго не дававшуюся ему, судя по начальным планам «Капитанской дочки», мотивировку отношений его героев.

Дословно или с самыми незначительными уточнениями переключено было из реестра Буткевича в реестр Савельича все то, что могло найти себе место в гардеробе молодого офицера. К этому добавить пришлось лишь кое-что из офицерского обмундирования («мундир из тонкого зеленого сукна», «штаны белые суконные») и из походного инвентаря («погребец с чайною посудою»). Характерная деталь: Пушкин, используя номенклатуру Буткевича, значительно снижает все его расценки, как бы противопоставляя этим преувеличенные претензии жадного заинского помещика бескорыстию крепостного слуги.

Такие человеческие документы крестьянской войны 1773—1774 гг., как «реестр» Буткевича, художественно преображенный в «Капитанской дочке», с исключительною выразительностью конкретизировали в живой ткани романа крепостническую действительность [27]. Реалистическая сила художественного воплощения в гениальном романе Пушкина звала не к спокойному созерцанию «действительности» крепостнического государства, а к ожесточенной борьбе с ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы, характеризующие конкретные исторические условия обращения Пушкина к проблематике крестьянской войны 1773—1774 гг., а также первую стадию его работы над «Историей Пугачева», были собраны и критически освещены в нашей статье «Пушкин в работе над „Историей Пугачева“» («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 443—466) и в комментариях к «Капитанской дочке» и к «Истории Пугачева» — Пушкин, Полн. собр. соч., т. IV, М.—Л., изд. «Academia», 1936, стр. 746—758 и 797—799. Данные эти требуют ныне существенных уточнений и дополнений.

[2] В бумагах Пушкина сохранились выписки из материалов, сообщенных ему Д. Н. Бантышом-Каменским («Об Аристове», «О Белобородове и Перфильеве», «Хлопуша, Чика, Шелудяков», «О Кудрявцеве», «О полковнике Толстом», «О Рейнсдорпе»). Первые две выписки (с отметками Пушкина: 1. «Из бумаг о Пугачеве Б. Каменского»; 2. «Б. Каменский») опубликованы впервые нами в «Лит. наследстве», т. 16-18, стр. 457—463; прочие — В. Л. Комаровичем в т. IX, кн. 2, 1940, стр. 775—777. Можно не сомневаться в том, что выписок этих было значительно больше, но фонды черновых материалов, относящихся к работе Пушкина над «Историей Пугачева» и «Историей Петра», сохранились далеко не полностью.

[3] Первая часть рукописи «Истории Пугачева», представленная Пушкиным Николаю I 6 декабря 1833 г., возвращена была ему через Жуковского 29 января, а вторая

часть — через Бенкендорфа 8 марта 1834 г. Печатание «Истории Пугачева» началось 4 июля 1834 г., но работа над примечаниями продолжалась еще в конце этого месяца. См. письмо Пушкина к жене (около 26 июля): «Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания» (XV, 182). Об окончании печатания «Истории Пугачева» Пушкин довел до сведения Бенкендорфа 23 ноября 1834 г. Резолюция Николая I о разрешении выпуска книги в свет положена была на докладе об этом начальника III Отделения 18 декабря. Фактически книга поступила в продажу 29 декабря 1834 г. Цензурная история книги освещена в статьях: Т. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина («Лит. наследство», т. 16-18, стр. 524—536); Н. Чхеидзе. «История Пугачева» Пушкина и царская пензура («Труды Тбилисского гос. ун-та им. И. В. Сталина», т. XXX-XXXI, 1947, стр. 135—175).

[4] «История Пугачева», IX, кн. 2, 405. Другие редакции и варианты. Печатную редакцию этих строк см. там же, стр. 28.

[5] «Капитанская дочка», гл. XI (VIII, 347—350). Используя в «Капитанской дочке» биографию Белобородова, написанную Бантышом-Каменским, Пушкин ориентируется не только на свои выписки, но и на полный ее текст, где справка о «жестокости» Белобородова мотивирована была данными о том, что он «предал мучительной смерти многих помещиков». Ср. «Словарь достопамятных людей русской земли», ч. I, М., 1836, стр. 237.

[6] «Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Дмитр<ием> Бантыш-Каменским», ч. IV, Москва. В типографии Лазаревых. 1836, стр. 231—253. Дата ценз. разр. 30 октября 1836 г.

[7] Все эти свидетельства о Пугачеве, положенные в основание биографической справки Бантыша-Каменского, перепечатаны в «Истории Пугачева» (IX, кн. 1, 175—179, 180—184, 235, 324).

[8] «Словарь достопамятных людей русской земли», ч. IV, стр. 252—253.

[9] Показания жены Пугачева см. в примеч. к главе четвертой «Истории Пугачева» (IX, кн. 1, 107).

Копия показаний Кожевникова сохранилась в архиве Пушкина (IX, кн. 2, 692—695).

[10] Показания Пустовалова, включенные в хронику П. И. Рычкова и опубликованные в приложениях к «Истории Пугачева», легли в основу характеристики Пугачева в главе третьей (IX, кн. 2, 27). Выписки из этих же показаний сохранились в архиве Пушкина (IX, кн. 2, 769).

[11] Н. Тургенев. Нечто о состоянии крепостных крестьян в России (1819). Впервые опубликовано в «Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива собственной его имп. в. канцелярии», вып. IV. СПб., 1891, стр. 441—450. Перепечатано в изд.: «Декабристы. Отрывки из источников». Сост. Ю. Оксман. М.—Л., 1926, стр. 50—58.

[12] «Архив князя Воронцова», кн. V, М., 1872, стр. 407—422.

[13] Вопрос об «эзоповском языке» в статьях Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» и «Александр Радищев», поставленный А. И. Герценом еще в 1858 г., явился предметом специального рассмотрения в следующих работах: В. Якушкин. Радищев и Пушкин («Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете», 1886, кн. 2, стр. 1—58); П. Сакулин. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса». М., 1920.

Первый из них утверждал, что Пушкин под видом полемики с Радищевым пытался пропагандировать его общественно-политические взгляды, а второй рассматривал отмеченные выше статьи Пушкина лишь как выражение полного несогласия великого поэта с идеями «Путешествия из Петербурга в Москву».

В советском пушкиноведении утвердилась точка зрения В. Е. Якушкина (с некоторыми оговорками, имевшими в виду учет Пушкиным того «опыта истории», которым не мог располагать Радищев). Самая возможность споров о толковании замыслов обеих статей, свидетельствует о том, что Пушкин в своем стремлении «перехитрить» цензуру не нашел пути к правильному пониманию читателями его подлинных политических позиций, затемненных условностями эзоповского языка.

[14] Пушкин реагировал на эти советы в специальных заметках «Об истории Пугачевского бунта. Разбор статьи, напечатанной в „Сыне отечества“ в январе 1835 г.» (IX, кн. 1, 379—393). Ср. его письмо от 26 апреля 1835 г. к И. И. Дмитриеву: «Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону» (XVI, 21).

[15] Политические «филиппики» Гринева наиболее широко были развернуты в его размышлениях, вызванных воспоминаниями о жестокостях допроса «башкирца», схваченного в Белогорской крепости с «возмутительными листами» Пугачева: «Когда вспомню, что это случилось на моем веку, и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые проис-

ходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» (VIII, кн. 1, 318—319).

Эти сентенции переключены были Пушкиным в уста Гринева из набросков «Путешествия из Москвы в Петербург» (XI, 258), где они были использованы в той же условной функции заслона от цензуры в размышлениях мнимого «путешественника» — московского барина, члена «английского клоба», пытавшегося полемизировать с Радищевым.

В высказываниях Гринева Пушкин явно пародировал язык и стиль политических афоризмов В. Б. Броневского, выступившего против «Истории пугачевского бунта» в «Сыне отечества» (см. прим. 14). Об этих афоризмах Пушкин писал в то самое время, когда работал над «Капитанской дочкой»: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий» (IX, кн. 1, 392). Положительная же часть программы Гринева являлась простой перефразировкой сентенций Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «У т о п и я будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов <...> Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот» (Н. К а р а м з и н. Соч., т. IV, М., 1803, стр. 193).

В устах Гринева эта убогая «философия истории» не производила впечатления анахронизма, тем более, что она документировалась в его же обращении к читателям ссылкой на «кроткое царствование императора Александра». Как известно, сам Пушкин, по собственным его словам, не принадлежал к числу «подобострастных поклонников» XIX столетия, не верил в особые успехи «распространения правил человеколюбия», свой век считал «жестоким веком» и не имел никаких оснований идеализировать Александра I, которому «подсвистывал» до самой его смерти. Тем не менее, как в реакционно-дворянской, так и в либерально-народнической историографии было широко распространено толкование афоризмов Гринева как политической декларации самого Пушкина (см., напр. Н. Ч е р н я е в. Капитанская дочка. М., 1897, стр. 50; П. С а к у л и н. Пушкин и Радищев. М., 1920, стр. 57).

[16] IX, кн. 2, 772. Этот эпизод отсутствует в биографии П. И. Панина, составленной Д. Н. Бантышом-Каменским и вошедшей в «Словарь достопамятных людей русской земли» (ч. IV, М., 1836, стр. 108—126). Сам Панин в письме от 2 октября 1774 г. к кн. М. Н. Волконскому отмечал: «Пугачев, на площади, скованный, перед всем народом велегласно признавался и каялся в своем злодеянии, и отведал тут от моей распалившейся крови на его произведенные злодеяния несколько моих пощечин» (Н. Д у б р о в и н. Пугачев и его сообщники, т. III. СПб., 1884, стр. 307). Основываясь на этом официальном письме и забывая о том, что Панин вовсе не был заинтересован в точной передаче интересующего нас эпизода, Н. Ф. Дубровин не преминул отметить, что рассказ Пушкина о встрече графа Панина с Пугачевым ему представляется «плодом позднейшей фантазии. Слова, приписанные Пугачеву, несообразны ни с характером, ни со складом ума бывшего самозванца, никогда не отличавшегося остротою и находчивостью. Свидетели-современники, присутствовавшие при этом свидании, не упоминают ни слова о таких ответах» (там же, стр. 307—308). Разумеется, все эти «доказательства» настолько явно подчинены официальной помещичье-дворянской концепции восстания, настолько примитивны в своей оценке первоисточников и лживы в своих заключениях о характерах конкретных исторических лиц, что ни в какой мере не могут подорвать версии Пушкина. Если эта версия покоилась и на предании, то предание это было связано с тем, что запечатлелось в Симбирске в памяти народа о Пугачеве.

[17] Биографические сведения о *П. М. Языкове (1798—1851)* и о встречах его с Пушкиным осенью 1833 г. см. в сводке Л. М о д з а л е в с к о г о в примечаниях к «Письмам Пушкина», т. III, М.—Л., 1935, стр. 634—635.

[18] «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». Вступ. статья, ред. и примеч. А. Лозановой. М.—Л., 1935, стр. 186 и 386—387.

[19] «Путешествие из Петербурга в Москву». СПб., 1790, стр. 7 («София»).

[20] «Русская изба» (XI, 258). Впервые этот набросок опубликован был в «Сочинениях Александра Пушкина», т. XI. СПб., 1841, стр. 49.

[21] В. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1903, стр. 185. Впервые в «Отеч. записках» 1841, № 5. Белинский писал под непосредственным впечатлением только что опубликованных набросков статьи Пушкина. См. примеч. 20.

[22] И. В. С т а л и н. Сочинения, т. 2, М., 1946, стр. 300 («Марксизм и национальный вопрос»).

[23] «Путешествие из Петербурга в Москву», стр. 128—129 («Зайцово»).

[24] И. В. С т а л и н. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е, М., 1949, стр. 196.

[25] «Реестр что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске» скопирован был Пушкиным с архивного оригинала, местонахождение и полный текст которого историкам неизвестны. Связь этого документа с «Реестром

барскому добру, раскраденному злодеями» в главе девятой «Капитанской дочки» впервые была отмечена нами в примечаниях к Полн. собр. соч. Пушкина, изд. «Academia», т. IV, М.—Л., 1936, стр. 755.

[26] «Капитанская дочка», гл. девятая (VIII, кн. 1, 335—336). В беловой рукописи этой главы строки, посвященные «реестру», не имеют сколько-нибудь существенных отличий от печатной его редакции (VIII, кн. 2, 883).

[27] Время выхода в свет четвертой книжки «Современника» за 1836 г., в которой опубликована была «Капитанская дочка», точно не установлено. На это литературное событие не откликнулся ни один из журналов, ни одна из петербургских и московских газет. Даже «Северная пчела», регулярно отмечавшая в своей хронике или в объявлениях книгопродавцев поступление в продажу очередных номеров всех литературных журналов, обошла молчанием появление «Капитанской дочки». В переписке Пушкина сохранилось два упоминания о четвертом томе «Современника», но оба эти свидетельства не имеют дат. Неудивительно, что и библиографический справочник Н. Синявского и М. Цявловского «Пушкин в печати», определяя время выхода в свет последней книжки «Современника», ограничился условной датировкой: «Во второй половине ноября — в декабре» («Пушкин в печати 1814—1837», изд. 2, исправл. М., 1938, стр. 132). Эта справка базировалась на дате цензурного разрешения четвертого тома, подписанного к печати цензором А. Крыловым 11 ноября 1836 г. Вероятно, на этой же дате основано было полвека спустя и глухое упоминание П. И. Бартенева о том, что последняя книжка пушкинского «Современника» вышла «в исходе ноября» («А. С. Пушкин», вып. II, М., 1885, стр. 84).

Отсутствие точных данных о времени выхода в свет «Капитанской дочки» заставляет нас с особым вниманием учесть косвенные свидетельства об этом. В их ряду наиболее авторитетными являются отметки в дневниках и в письмах А. И. Тургенева, который, день за днем, в течение последних двух месяцев 1836 г. регистрировал все новости великосветской, литературной и научной жизни Петербурга. Как старый друг Пушкина и один из ближайших сотрудников его журнала, А. И. Тургенев раньше и точнее, чем кто-либо другой, должен был откликнуться и на выход в свет четвертой книжки «Современника».

И действительно, записи в дневнике А. И. Тургенева от 24, 25 и 26 декабря являются самыми ранними из известных нам свидетельств о последней книжке «Современника» (П. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3, М.—Л., 1928, стр. 281). 24 декабря А. И. Тургенев беседовал о ней с П. А. Вяземским и тогда же приступил к чтению «Капитанской дочки»; 25 декабря он поделился впечатлениями от нового номера «Современника» с самим Пушкиным; 26 декабря он рекомендовал познакомиться с четвертой книжкой «Современника» К. А. Булгакову и в тот же день отправил этот том журнала в Москву («Письма А. Тургенева Булгаковым». М., 1939, стр. 202).

Все эти записи свидетельствуют о том, что четвертая книжка «Современника» явилась между 24 и 26 декабря самой злободневной новинкой, известной ближайшему окружению Пушкина и еще не успевшей дойти до Москвы. Поэтому мы и полагаем, что, если А. И. Тургенев получил свой авторский экземпляр четвертого тома «Современника» 24 декабря, то временем выхода в свет «Капитанской дочки» можно считать или этот самый день или день предшествующий. Таким образом, и недатированная записка Пушкина к В. Ф. Одоевскому с запросом: «Получили ли вы 4 № Современника и довольны ли им?» — должна быть отнесена к последним числам декабря 1836 г. К этим же дням должны быть приурочены и известные критические замечания В. Ф. Одоевского о «Капитанской дочке», посланные им Пушкину в ответ на его запрос о четвертом томе «Современника» (XVI, 195—196).

Эту датировку подтверждает и рассказ А. А. Краевского о том, как он вместе с Пушкиным присутствовал 29 декабря 1836 г. на годовом акте в Академии наук («Русская старина», 1880, № 9, стр. 220).

В тот же день, то есть 29 декабря 1836 г., Пушкин дал письменное распоряжение о выдаче 25 экземпляров четвертой книжки «Современника» для книжного магазина А. Ф. Смирдина («Читатель и писатель», 1928, № 4-5, стр. 2). Первая же печатная информация о новой книжке «Современника» появилась лишь месяц спустя. Мы имеем в виду две строчки в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1837 г. о публикации «в IV томе „Современника“ на 1836 г. превосходной повести Пушкина „Капитанская дочка“» (№ 5 от 30 января 1837, стр. 48). Эти строки помещены были в разделе «Замечательные явления в русской журналистике» и дошли до читателя уже после смерти поэта. Других откликов на «Капитанскую дочку» в печати до 1838 г. не было.

ПУШКИН В ДНЕВНИКЕ К. С. СЕРБИНОВИЧА

Публикация В. Нечаевой

Если представить себе Молчалина, прошедшего школу у иезуитов и снискавшего себе покровительство не у Фамусова, а среди приближенных Николая I и высшей политической полиции в годы после разгрома декабрьского восстания, то облик такого Молчалина будет вполне соответствовать образу Константина Степановича Сербиновича[1].

Он был сыном мелкого чиновника, вырос и учился в Полоцке. Биограф Мицкевича (Мицкевич был на два года моложе Сербиновича) так охарактеризовал этот центр иезуитской пропаганды: «В Литве очагом либерализма служил Виленский университет, тогда как клерикальная реакция свила себе крепкое гнездо в Полоцкой иезуитской академии»[2]. К. С. Сербинович был православным, но учился в иезуитской коллегии, у «отцов-пиаров», которых много раз вспоминал в своем дневнике. Прекрасное знание латинского, греческого, польского языков, а также духовной католической литературы и литературы по истории Литвы и Польши, приобретенное Сербиновичем в Полоцке, сыграло большую роль в его дальнейшей карьере. Но еще больше содействовали ей те основы поведения, которые он твердо усвоил от своих наставников. В его дневнике, среди записей ханжеского морально-религиозного содержания неоднократно встречаются наставления самому себе, вроде следующего: «Р а з г о в о р. Ни о ком худо не говорить — избегать философских и богословских споров, равно и политических — оные могут навлечь великую неприязнь от людей, разнящихся с нами мнением; сверх того неблагонамеренные могут каждый политический разговор перетолковать худо. Лучше стараться говорить о вещах обыкновенных — о происшествиях, кои никого не задевают, о учености вообще и о словесности — только и в последней лучше наперед спрашивать, как что кому нравится, словом: выведать мысли и мнения и потом уже объяснять свое»[3].

Сербинович неуклонно следовал этому правилу поведения, судя по следующей характеристике М. П. Погодина: «Наружность Сербиновича и вообще обращение носило следы Полоцкого иезуитского воспитания, которое и помогало ему держаться при всех начальниках, самых противоположных. Умеренность и осторожность, исправность и благоразумие — его достоинства ⟨...⟩ Резких суждений, порицаний ни лиц, ни вещей от него нельзя было услышать»[4].

К тому же выводу приводит изучение его дневника за десятилетие с 1820 по 1830 г.: и бумаге не поверял он «резких суждений» и тут был сугубо осторожен. В самодельные тетради, сшитые из осьмушек толстой, грубой бумаги, мельчайшим почерком, он каждый вечер записывал события дня, записывал лаконично, ставя вместо имен одни инициалы, не позволяя себе никаких распространенных повествований. Но во всем сообщенном он был чрезвычайно точен и часто отвратительно педантичен в записях, касавшихся его ежедневного быта. Не ограничиваясь дневником, он вел

еще записи в разграфленных таблицах, в которых по многим графам разносил сведения о погоде, встречах, здоровье, настроении, событиях личных и общественных, о занятиях и развлечениях и т. п.

Несмотря на чрезвычайно лаконичный и осторожный характер записей Сербиновича, на их однообразие и загроможденность мельчайшими бытовыми и хозяйственными подробностями, всё же многие сообщаемые им сведения представляют большую ценность и для историков и для историков литературы. Случай ввел этого маленького иезуита-Молчалина в круг людей, имена которых связаны с политической и культурной историей России. Будучи первоначально совершенно ничтожным винтиком в бюрократической машине николаевской империи, он по роду своей службы все время находился вблизи от ее главных двигателей. Вечером, скупыми словами он регистрировал в дневнике свои встречи, темы слышанных разговоров, события, привлекавшие общее внимание и интерес. Но свое отношение и к событиям и к людям, о которых он писал, он проявлял лишь в исключительных случаях.

С деятелями русской литературы Сербиновича связал его первый «благодетель» — Карамзин. Карамзину он был обязан началом своего преуспевания. Приехав из Полоцка в Петербург, он в 1818 г. поступил без жалованья на службу в Иностранную коллегию. В том же году он был привлечен к переводу на французский язык «Истории государства Российского», стал известен Карамзину и скоро сделался для него незаменимым человеком. Вяземский назвал его «чиновником, так сказать, по особым поручениям историческим» при Карамзине.[5]. Но Сербинович не только раздобывал для Карамзина нужные исторические источники, выписывал, сравнивал и т. д. Он оказывал ему десятки других услуг: отыскивал учителей и дворников, сам занимался с детьми, развлекал барышень-дочерей, исполнял десятки денежных и бытовых поручений. Ухаживать за «благодетелем» входило в программу его поведения. В дневнике он записал следующее наставление себе: «Б л а г о д е т е л и. К благодетелям быть благодарну даже и в малейших вещах. Усердствуй им — трудись для них, еще больше нежели для себя» [6].

Труд Сербиновича окупался сторицей. У Карамзиных, сидя за обеденным столом, где-нибудь рядом с гувернерами и детьми, он слышал беседы Сперанского, Жуковского, Вяземского, братьев Тургеневых и многих других лиц, имена которых вошли в историю этого десятилетия.

Литература особенно интересовала Сербиновича: он сам в эти годы кропал стишки, что-то начинал прозой и очень внимательно следил за журналами и литературными новинками. Он начал бывать у известных писателей — Жуковского, Козлова и других, сперва по поручениям, а потом и как приглашенный гость.

Карамзин свел Сербиновича с его вторым «благодетелем» А. И. Тургеневым. Последний был правой рукой министра просвещения и духовных дел кн. А. Н. Голицына в его борьбе с иезуитами. Весной 1820 г. иезуиты были изгнаны из России и их полоцкое гнездо было уничтожено. В этот момент А. И. Тургеневу был чрезвычайно нужен такой чиновник, как Сербинович, который прекрасно знал и прошлое и современное положение иезуитов, легко мог разобраться в их архивах и библиотеках. Сербинович перешел в министерство Голицына и под руководством Тургенева помогал разоблачению деятельности своих бывших учителей. Уже в это время наметилась его двойственная предательская позиция. Помогая на службе обличению иезуитов, он встречался дома с приезжавшими в Петербург «отцами-пиарами», посещал костелы и т. д.

Когда весной 1824 г. министерство Голицына пало и А. И. Тургенев должен был уйти в отставку, Сербинович (после нескольких недель волнений) оказался в выигрыше от происшедшей перемены. Он чрезвычайно

быстро стал совершенно незаменим для нового министра, А. С. Шишкова, при котором занял пост чиновника особых поручений. Он ежедневно обедал, почти жил у него и сблизился с его семейством. В 1824—1826 гг. он делил свое усердие между обоими «благодетелями» своими, когда-то возглавлявшими два враждебных литературных лагеря,— Карамзиным и Шишковым. 16 февраля 1827 г., одетый в шубу, подаренную ему покойным Карамзиным, он ехал домой в карете Шишкова и записал по этому случаю

ПУШКИН

Миниатюра неизвестного художника (по портрету Кипренского), 1830—1840-е гг.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

в дневнике: «возвращаюсь домой, лелеемый, так сказать, благорасположением и памятью моих благодетелей».

Однако служебные успехи Сербиновича в 1818—1825 гг. были лишь прологом к расцвету его деятельности, который был связан с разгромом декабрьского восстания.

Но сперва остановимся на дневниках первого пятилетия, времени, когда Сербинович еще интересовался литературой и даже не был чужд некоторых связей с дворянскими революционерами—декабристами.

Для правильного понимания характера записей, сделанных Сербиновичем о Пушкине, его произведениях и окружении, необходимо более широкое знакомство с дневником Сербиновича.

В первых же дошедших до нас записях (март 1820 г.) мы встречаем имя кн. Александра Ивановича Одоевского. Сербинович и его друг Д. Н. Васьков[7] в 1820 г. почти ежедневно бывали у Одоевских. А. И. Одоевский еще брал уроки у учителей, держал экзамены. Записи Сербиновича о темах бесед за обедом с учителями, с отцом, сообщения о смерти матери Одоевского и его переживаниях, несомненно, представят интерес для биографа декабриста.

Отъезд Одоевского из Петербурга, военная служба не охладили дружбу, завязавшуюся между молодыми людьми. С необычной для стиля его дневников эмоциональностью, Сербинович описал 11 июля 1822 г. их случайную радостную встречу: «Идучи по Садовой, встретил едущего на дрожках князя А. И. Одоевского. Более полутора года мы не видались и тем свидание было восхитительнее. Мы смотрели друг на друга, перебивая взаимно речи вопросами и видя, что от радости друг друга не понимаем, условились увидеться завтра, чтобы наговориться вдоволь. Я спешил между тем к Дмитрию Николаевичу ⟨Васькову⟩ известить его о сей нечаянной встрече». 12 июля Сербинович отметил в дневнике, что «не мог наговориться» с Одоевским, а 13 июля записал следующее: «Будучи у кн. Одоевского, имел с ним славный спор о монахах. Я утверждал, что это сословие принесло государству великую пользу сохранением в России света наук и словесности, не говоря о религии; что нынешние монахи не все и не везде добродетельны, но чрез то учреждение монашества не теряет цены своей и пользы, что они небесполезные члены общества. Князь не соглашался со мною, при прощании желал мне всех благ — и перемены в образе мыслей — я ему тоже.— Прекрасно!— возразил он,—так после этого каждый из нас будет утверждать противное тому, чего теперь держится».

Как видим из этой записи, на теме о монахах вскрылся разный образ мыслей двух друзей — будущего декабриста и будущего чиновника Следственной комиссии по делу о декабристах. Дружеские отношения Сербиновича с Одоевским продолжались до конца 1825 г., хотя встречи становились все реже. Обычно Сербинович отправлялся обедать к Одоевским, но иногда и Одоевский посещал его и его приятеля Васькова. Темы бесед были по преимуществу литературные — «о поэзии скандинавской», о прочитанных книгах и журналах, о современных писателях.

5 января 1823 г. Сербинович записал: «...поспел я на обед к кн. А. И. Одоевскому. Говорили с ним о „Полярной звезде“, беседовали подле камина о поэзии, о правиле qui miscuit utile dulce*, о Байроне; князь читал мне стихи свои „К товарищам“, мы заговорили о службе, о молодых людях, о поведении...».

2 февраля 1824 г. Сербинович лаконично записал: «Зашел к Дмитрию Николаевичу и кн. Одоевскому. Стихи его „К юности“».

Ни стихотворение «К юности», ни упомянутое выше «К товарищам» до нас не дошли.

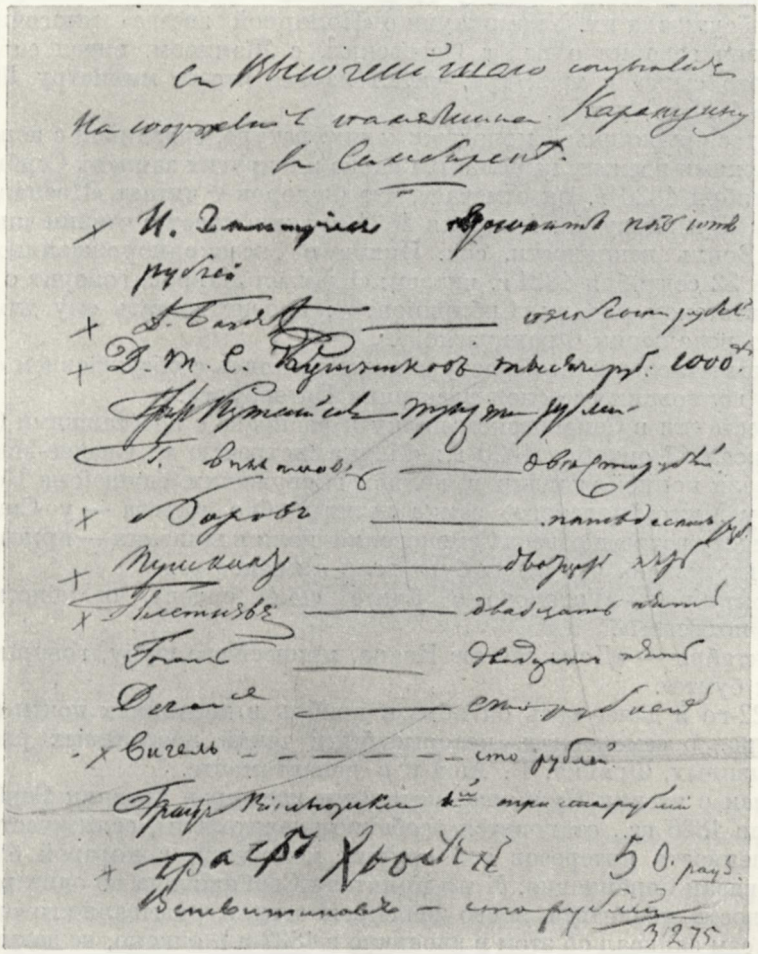
Последняя запись о встрече Сербиновича с Одоевским относится ко времени, когда Одоевский был уже принят в члены тайного общества: «Был у князя Одоевского; он хвалил мне „Горе от ума“»,—записал Сербинович 28 сентября 1825 г.

Можно предположить, что частое общение с А. И. Одоевским способствовало повышенному интересу Сербиновича к творчеству Рылеева и издававшейся им «Полярной звезде». О встрече с Рылеевым имеется лишь одна запись. Сербинович видел Рылеева 20 октября 1823 г. в «Обществе соревнователей просвещения и благотворения» (Вольное общество любителей словесности), где были «Измайлов, Остолопов, Рылеев, Сомов, Булгарин» и др. Упоминаний же о чтении произведений Рылеева и «Полярной

* кто смешивает полезное с приятным (итал.).

звезды» в дневнике очень много: они показывают, как популярна была литература декабристов в среде мелких чиновников, к которым принадлежал тогда Сербинович, и именно с этой стороны нас интересуют названные упоминания. Приведем некоторые из них.

15 января 1821 г. Сербинович записал, что В. Еф. ⟨Веселовский⟩ читал «Сатиру Рылеева» (то есть «К временщику»)[8]. В записи 14 октября



ПОДПИСНОЙ ЛИСТ НА СООРУЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА Н. М. КАРАМЗИНУ С АВТОГРАФИЧЕСКИМИ ЗАПИСЯМИ ПУШКИНА, ГОГОЛЯ И ДР., 1833 г.

Заголовок рукою Д. Н. Блудова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

1822 г. отметил, что сам он читал «прекрасную думу: „Волынский“ — соч. Рылеева» [9], а в записи 28 ноября того же года: «Восхищаюсь прекрасной думою „Державин“» [10]. (Наименованием «прекрасное» Сербинович, как мы увидим далее, не удостоил ни одного произведения Пушкина.)

В 1823 г., как видно из записи в дневнике, Сербинович прочел думу «Иван Сусанин» [11], а 22 марта 1824 г. записал: «У меня были П. А. Сварик и Шепелевич. Читали „Бахчисарайский фонтан“, оду Рылеева „Гражданское мужество“ [12], стихи Жуковского „В альбом“ и после главу XI тома

Российской истории о властвовании и смерти Отрепьева». Ода Рылеева, не разрешенная цензурой, читалась, следовательно, в списке. 9 марта 1825 г. Сербинович внес следующую запись: «Дома нашел А. П. читающего „Думы" и „Войнаровского" Рылеева» [13]. В дневнике «Думы» фигурируют как частая тема бесед и в кругу товарищей по службе, и с А. И. Одоевским. Еще чаще встречается упоминание альманаха Рылеева и Бестужева. Чиновничья молодежь стремилась достать его еще в декабре до официального выхода в свет, выписывала отдельные произведения и горячо обсуждала их. Упоминания о «Полярной звезде» многочисленны: Сербинович говорил о ней с Одоевским, с Жандром, видел ее в руках «купецкого сына» в трактире, читал из нее что-то министру Шишкову (в конце 1825 г.) и т. д.

Интерес чиновничьей молодежи к литературе, связанной с передовыми гражданскими идеями, нашел выражение и в других записях Сербиновича.

1 октября 1820 г. он отмечает, что Федоров [14] читает «Послание Фонвизина к Шумилову» [15]; 1 апреля 1821 г. записывает о чтении «писанной» книги «Вопль невинности, соч. Пнина о „незаконнорожденных"» [16], а в записи 22 сентября 1821 г. читаем: «Пришел Лавров, говорит о языках, университетском учении, Сибирякове [17]; просит достать ему для чтения Историю революции Французской».

Беседы молодежи о литературе переплетались с обсуждением событий, которые волновали все слои населения Петербурга.

О восстании в Семеновском полку и расправе с восставшими Сербинович записал 17 октября 1820 г.: «Идучи, встречаю на Средне-Мещанской целый полк конной гвардии в полном вооружении, едущей на Кокушкин мост — у Мих⟨айловского⟩ замка летит шибко карета — у Симион⟨овского⟩ мосту встречаю весь Семеновский полк в шинелях — пришед в Д⟨епартамент⟩ узнаю, что их за бунт вели в крепость».

19 октября — «Говорено о бунте семен⟨овцев⟩, о конституциях, о сейме польском».

20 октября — «Дома застаю Ивана, принесшего шубу, говорит о семеновском бунте».

21, 22-го и далее весь октябрь и ноябрь в дневниках почти ежедневные записи о семеновцах, которые были темой постоянных разговоров у Карамзиных, Франка, Б. Аша и в департаменте.

Записи о чтении Пушкина, которыми испещрен дневник Сербиновича с 1820 по 1826 гг., становятся особенно значительны, если учесть общую направленность интересов той группы молодежи, с которой был в это время связан Сербинович. Хотя приятели Сербиновича не один раз имели возможность убедиться в его неискренности и называли его «иезуитом» (как он сам записал об этом в дневнике в 1822 г.), однако, не задумываясь, делились с ним и своими мыслями и попадавшими в их руки произведениями, не подлежавшими цензуре. Внимание Сербиновича к Пушкину, нашедшее отражение в его дневниках, важно для нас не как его личный интерес к творчеству поэта, а как выявление массового увлечения поэзией Пушкина среди молодежи, принадлежавшей к мелкому чиновничеству этого времени.

Приводим записи Сербиновича за четыре месяца 1820 г.:

22 августа — «Кн. Одоевский появился — идем к нему — обед — говорено о Пушкине».

24 августа — «Читаю „Руслана и Людмилу", соч. Пушкина».

29 августа —«Пришел кн. А. Одоевский, с ним читаем Капниста, Федорова, Пушкина и пр.».

30 августа — «Кн. Ал. Одоевский показывает стихи „Графу Толстому"» [18].

31 августа — «Говорю с Федоровым о Пушкине».

Л. С. ПУШКИН
Рисунок Пушкина, 1835 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

13 сентября — «Выписываю из Руслана».

18 сентября —«Читаю стихи Пушкина о Мих⟨айловском⟩ замке и из Кавказа» [19].

14 октября — «Иду к кн. Одоевскому ⟨...⟩ говорили о переводах, Гомере, о стихотворцах, Державине, Ломоносове, Пушкине, Ламартине, о Шопене [20], о версификации».

21 октября — «⟨В департаменте⟩ говорю с В. Е. Веселовским и П. И. Закревским о семеновцах — великих князьях — ⟨нрзб.⟩ и Пушкине — стихах — песнь младенца и пр.».

22 октября — «Читаю Пушкина и Lamartine à Byron».

30 октября—«С Д. Н. ⟨Васьковым⟩ к кн. Одоевскому — приносим ему Lamartine, „Сын отечества“.— Обед, за коим П. И. Соколов и Н. Н. Телегин (вольнодум⟨ец⟩ Лагарп — повесть об обратившемся — о попах). Читаем из „Сына отечества“ критику о „Руслане“ и эпитафию Батюшкова на смерть малютки» [21].

15 ноября — «Б. М. ⟨Федоров⟩ приносит „Сын отечества“ ⟨...⟩ Элегия Пушкина „Волнуйся море“» [22].

18 ноября — «Переписываю стихи Пушкина ⟨...⟩ читаю Пушкина, „Dzien“ и др.».

19 ноября — «Захожу к Б. Ашу — чай — говорено о коллежских — о семеновцах — о математике — о Пушкине — Смоленске — Monsiorovski. Захожу к кн. Одоевскому — Monsiorovski, кн. Иван Сергеевич — чай — о кресте на Казанской церкви — об оде „Свобода“ — о крестьянах— о Сен-Тома — с кн. Александром о душе».

Из приведенных записей особенное внимание обращает на себя запись о чтении стихов Пушкина «о Михайловском замке», то есть очевидно о «Вольности». Запись 21 октября о семеновцах, великих князьях и «Пушкине — стихах — песнь младенца» не должна ли быть раскрыта как запись о «Сказках» (Noël, 1818) Пушкина? Сербинович явно старался замаскировать и «Вольность» названием «о Михайловском замке».

Запись 19 ноября о разговоре с отцом А. И. Одоевского об «оде „Свобода" — о крестьянах» скорее может обозначать радищевскую оду; в пользу этого предположения говорит упоминание о крестьянах и возраст И. С. Одоевского, современника Радищева.

В 1821—1824 гг. записи о чтении и обсуждении произведений Пушкина постоянно встречаются в дневнике Сербиновича. «Говорено о Пушкине» — обычная запись автора дневника.

В 1822 г. отметим запись 4 января: «„К Жуковскому" соч. Пушкина: „и хладный пот воображенья власы подъемлет на челе"» [23].

С 23 сентября 1822 г. в дневнике появляются записи о чтении «Кавказского пленника» и о критике на него П. А. Плетнева. 14 декабря 1824 г. запись о критике Вяземского на «Кавказского пленника» в «Сыне отечества» [24] и далее: «К кн. Одоевскому — первые восторги после долгого несвидания. Заговорили о Пушкине. — Пишу „Слезу" под диктант князя» [25].

С конца 1824 г. на страницах дневника появляются упоминания о «Евгении Онегине»:

25 декабря — «Ал. Сем. ⟨Шишков⟩ спросил меня: читал ли я „Онегина"?»

28 декабря — «Был В. А. Жуковский и читал А. С. ⟨Шишкову⟩ „Онегина"».

Наконец, в записях 1825 г. отметим следующие заметки о чтении Пушкина:

4 января — «Застал А. Н-ча, переписывающего „Прозерпину" Пушкина».

9 января — «Я читал Ал. Сем. ⟨Шишкову⟩ „Песнь о вещем Олеге"».

20 января — «Читали „Онегина". За обедом зашла речь о хандре — спор между Ал. Гр. и Ф. И. Заезжаю домой отдать „Онегина" Комовскому» [26].

26 января — «Пишу письмо к Васькову длинное — о литературе, „Онегине", журналах».

9 марта — «Вечер провел у Геннади — читали „Онегина" — послание Пушкина к... Messéniennes, Byron» [27].

23 марта — «Купил „Полярную звезду" и „Онегина" у Смирдина».

Выше мы отметили записи о чтении произведений Пушкина и о разговорах о нем в среде, для которой Пушкин был только писателем. Между тем Сербинович в это пятилетие постоянно общался с людьми, лично знавшими Пушкина, состоявшими с ним в постоянной переписке. Они могли много рассказать о Пушкине-человеке, о его убеждениях, взглядах, поступках.

Прежде всего частые посещения Карамзиных, где постоянно бывали братья Тургеневы, Вяземский, Жуковский, давали Сербиновичу возможность много раз слышать их разговоры о Пушкине и, вероятно, очень откровенные. Вряд ли кого-нибудь могло стеснять присутствие малозаметного, незначительного чиновника, ставшего своим человеком у Карамзиных. В своих дневниковых записях Сербинович, перечисляя темы, которые были предметом разговора у Карамзиных, неоднократно называет Пушкина, однако без раскрытия содержания разговора. Только однажды, уже в 1826 г., Сербинович записал приведенные кем-то слова Пушкина:

9 апреля 1826 г.— «⟨у Карамзиных были А. И. Тургенев, П. И. Полетика⟩ Читано письмо государя к Н. М. ⟨Карамзину⟩. Говорено об истории, о мнении молодых людей насчет самодержавия — о суждении о книгах⟨...⟩ Толстой, удалившийся в Америку, сказал об Истории Российской Н. М. ⟨Карамзина⟩: „Прочитав ее, узнаю достоинство моего отечества", а А. Пушкин в письме к одному из приятелей: „C'est la gazette d'hier"*»[28].

Другой дом, где лично знали Пушкина и имели о нем последние сведения, был дом гр. Екатерины Марковны Ивелич, родственницы Пушкиных. Сербинович бывал в этом доме, хотя и редко, уже с 1820 г. Почти каждое посещение дома Ивелич отмечено в дневнике разговором о Пушкине.

Две такие записи имеются в дневнике 1822 г.:

14 апреля — «Сижу у Ивелич, чай, речь о Пушкине, Катенине, Панаеве».

24 сентября — «Был у Ивеличевых ⟨...⟩ отдал для прочтения „Кавказского пленника"».

Среди записей 1824 г. имеются следующие:

27 июля — «Воскресенье. Обед у гр. Ивеличевой — известие о безвестности судьбы Пушкина».

5 октября — «Иду обедать к Ивеличев⟨ым⟩. Гр. Катерина Марковна в переписке с Пушкиным».

15 ноября — «Иду к гр. Ивеличам. Говорили ⟨...⟩ об авторах — думах — журналах — „Пленнике", „Узнике" и пр.»[29].

Еще более сведений, чем в домах Карамзина и Ивелич, Сербинович мог получить о Пушкине из частых бесед с его братом, Львом Пушкиным, с которым познакомился в феврале 1823 г. в доме Карамзиных. В конце 1824 г. Л. С. Пушкин был определен на службу в департамент, где служил Сербинович, и поручен ему для обучения. Множество записей Сербиновича о Л. С. Пушкине как чиновнике свидетельствуют, что последний относился очень небрежно к своим обязанностям: опаздывал, не всегда являлся на дежурства, при переписке бумаг пропускал целые листы и т. д. Всё это с неудовольствием отмечал Сербинович в дневниках, так как ему приходилось исправлять ошибки Л. С. Пушкина, дежурить за него и пр.

Очень возможно, что именно Сербинович и был причиной тех неприятностей Льва Пушкина по службе, которые вызвали его намерение подать в отставку[30]. Пушкин писал брату из Михайловского 14 марта 1825 г.: «Ради бога, погоди в рассуждении отставки. М. б. тебя притесняют без ведома царя. Просьбу твою могут почесть следствием моего внушения etc, etc, etc.— Погоди хоть Дельвига» (XIII, 153).

К началу 1825 г. относятся две записи в дневнике Сербиновича о том, что он говорил по поводу Льва Пушкина с начальником канцелярии Г. И. Карташевским и с самим министром, А. С. Шишковым.

Недовольство Львом Пушкиным как чиновником не мешало Сербиновичу поддерживать с ним приятельские отношения, выспрашивать его о брате, узнавать через него о новых произведениях Пушкина.

Сведения о том, что Лев Пушкин читал направо и налево неизданные стихотворения брата, вполне подтверждаются дневником Сербиновича. Приведем несколько его записей, связанных с именем Льва Пушкина.

Вот записи 1824 г.:

17 ноября — «Достальное время провожу у Н. М. ⟨Карамзина⟩ ⟨...⟩ у него Северин. После чая Л. С. Пушкин читает наизусть новое стихотворение брата „Цыгане"».

22 декабря — «Говорил с Пушкиным о цензорах».

---

* Это — вчерашняя газета (франц.).

Вот записи 1825 г.:

28 января — «Докладывал Гр. Ив. ⟨Карташевскому⟩ о Пушкине, чтобы его назначить в дежурные ⟨...⟩ разговариваю с Шепелевичем и Пушкиным о критиках Булгарина и Греча».

4 февраля — «Зашел ко мне Пушкин, с ним иду в департамент».

12 февраля — «Пушкин объявляет надобность свою ехать домой по случаю смерти тетки ⟨...⟩ говорю Ал. С. ⟨Шишкову⟩ о Пушкине».

17 февраля — «Вечером у Карамзина — Жуковский, Л. Пушкин, Плещеев [31] читал французскую комедию».

18 февраля — «⟨у А. С. Шишкова⟩ Воейков, Аладьин с альманахом [32] и Пушкин с „Онегиным"».

27 февраля — «Пушкин дает мне пересмотреть стихотворения брата».

7 апреля — «Заезжаю к Пушкину и познакомился с его отцом и матерью — наконец, отправился с Львом Сергеевичем к Карамзиным».

20 апреля — «Пушкин показывает мне письма брата».

2 мая — «Пушкин показывает мне „Подражание Корану" своего брата».

13 мая — «К Пушкину зашел Б. Дельвиг» [33].

5 августа — «Пушкин присылает ко мне записку, что не может дежурить за болезнию».

11 сентября — «Говорят о вчерашней дуэли Новосильцова с Черновым ⟨...⟩ Поручаю Л. С. Пушкину отвезти Н. М. ⟨Карамзину⟩ 667 руб.» и т. д.

Приведенные записи показывают, как сблизился Сербинович со Львом Пушкиным, ежедневно встречаясь в департаменте, вместе посещая Карамзиных. Именно в 1824—1825 гг. Пушкин довольно часто писал брату, посылал ему рукописи стихотворений, поручая их издание. И письма, и стихотворения, и,— очень вероятно,— многие подробности о жизни брата сообщал Лев Пушкин Сербиновичу, вводя его в тот интимный мир, который мог быть известен лишь родственникам и ближайшим друзьям поэта. Последняя запись разговора с Львом Пушкиным об А. С. Пушкине внесена Сербиновичем в дневник 2 марта 1826 г.: «Пушкин сказывает о расстроенном здоровье брата».

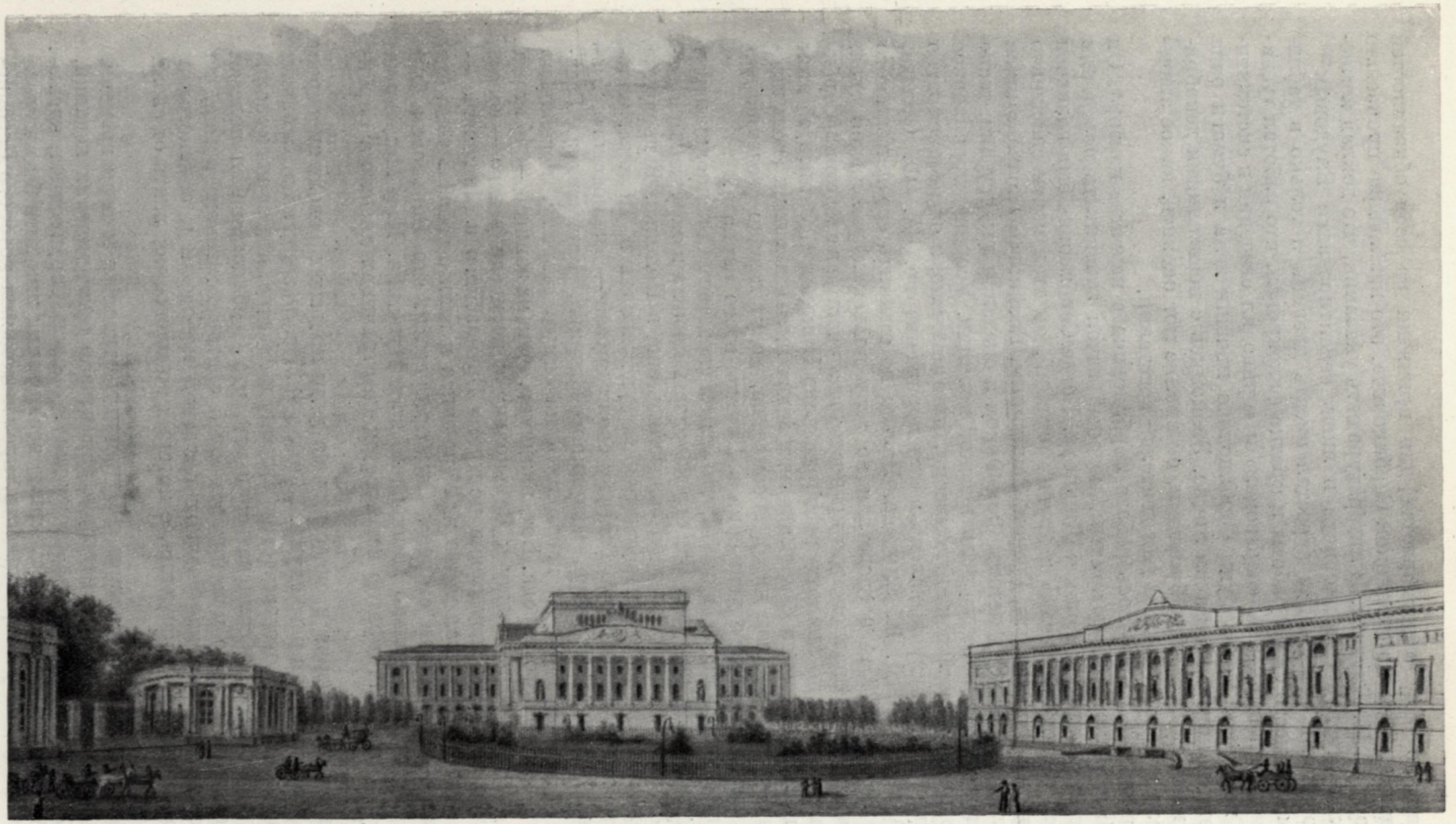
В дошедших до нас письмах Пушкина этого времени нет никаких сведений о его болезни. Не надо ли здесь видеть какое-то свидетельство о расстроенном состоянии духа, в котором находился Пушкин после получения известия о восстании на Сенатской площади и его разгроме?

Приятельские отношения с Львом Пушкиным кончились, когда весной 1826 г. прекратилась служба Сербиновича в департаменте.

14 декабря 1825 года Сербинович отметил в дневнике довольно длинной записью, вполне согласовавшейся с правительственной оценкой событий. 16 декабря он был у Карамзиных и здесь услышал в разговоре «о поступке князя Одоевского», то есть о его выступлении на Сенатской площади и аресте. Запись «о поступке Одоевского» — последнее упоминание в дневнике Сербиновича имени прежнего друга.

Записи конца декабря 1825 г. и начала 1826 г. содержат неоднократные упоминания о разговорах по поводу происшедших событий, но не раскрывают содержания этих разговоров. Лишь 2 января Сербинович записал о привозе из Херсона арестованного Александра Ардалионовича Шишкова, а 16 января о его освобождении из крепости и встрече с ним у дяди А. А. Шишкова — министра. Неоднократные записи о встречах с А. А. Шишковым, соучеником Пушкина по лицею и его приятелем, надо также учесть как один из источников заочного знакомства Сербиновича с Пушкиным [34].

Обычные ежедневные записи Сербиновича оборвались 24 апреля 1826 г., когда ему было приказано явиться в «Секретную комиссию» (в Следственную



«ВИД ПЛОЩАДИ МЕЖДУ БИБЛИОТЕКОЙ И ПАВИЛЬОНОМ АНИЧКОВСКОГО ДВОРЦА ПЕРЕД НОВЫМ КАМЕННЫМ ТЕАТРОМ ПО ПРОЕКТУ К. И. РОССИ 1828 г.»

Акварель неизвестного художника

Эрмитаж, Ленинград

комиссию по делу о декабристах) для принятия на себя обязанностей переводчика. Судя по дневникам Сербиновича, это назначение произошло по выбору Д. Н. Блудова. В литературе есть указания, что доклад комиссии был составлен Сербиновичем и лишь редактировался Блудовым [35]

Осторожный Сербинович перестал писать дневник и только в таблицах помечал место своей работы и кратко фиксировал, что работал «уединенно», «делал выписки», «переводил» и «приводил сведения в систематический порядок». Через руки Сербиновича прошли дела и бумаги ряда обвиняемых, которых он знал лично. Знакомясь с показаниями декабристов, с найденными у них бумагами, он вполне мог оценить, какое значение имела поэзия Пушкина для деятелей восстания.

С конца 1826 г. началась работа Сербиновича в качестве цензора. Он давно был знаком с Булгариным, который начал заискивать перед ним со времени его приближения к Шишкову. Когда Сербинович был назначен цензором «Северной пчелы» и других изданий, он стал почти ежедневно встречаться с Булгариным, Гречем, Свиньиным, Воейковым, познакомился с управляющим III Отделением Фон-Фоком и оказался в кругу лиц, тесно связанных с деятельностью политической полиции. Усердие, проявленное Сербиновичем в Следственной комиссии, было замечено, и он неоднократно экстренно откомандировывался в распоряжение гр. А. Ф. Орлова, В. Ф. Адлерберга, Д. Н. Блудова. Нельзя не отметить его длительного участия летом 1827 г. в следствии по делу польских революционеров, заточенных в Петропавловскую крепость; для участия в следствии Сербинович был вызван по личному распоряжению Николая I. Записи об этом в дневнике Сербиновича с упоминанием многочисленных имен (хоть и записанных в сокращенном виде), несомненно, дадут немало сведений для истории революционного движения в Польше этого периода.

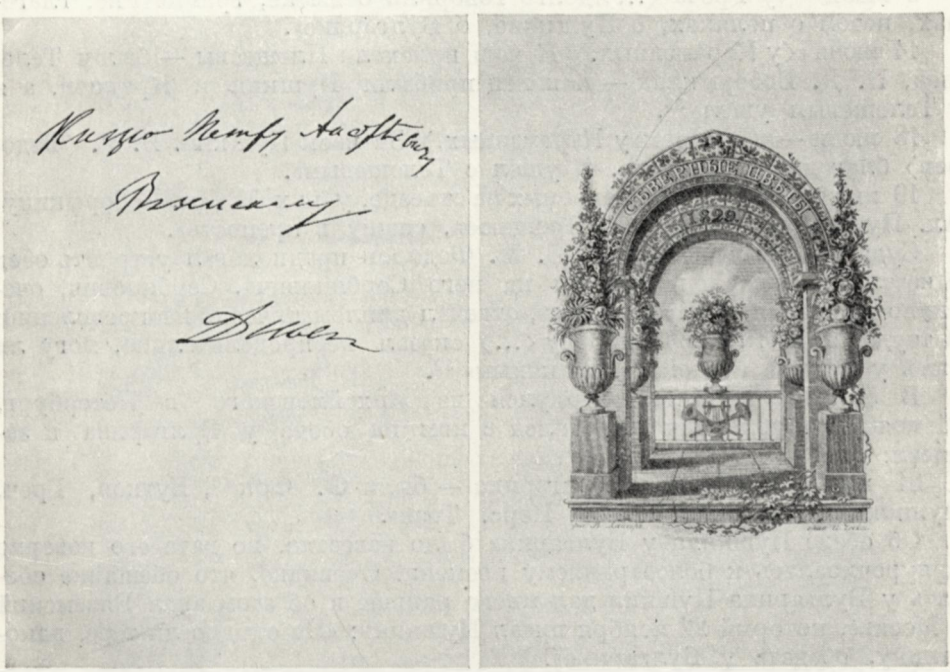
Можно с уверенностью сказать, что в этом следствии Сербинович играл роль не только переводчика. Вся его молодость прошла в окружении польской молодежи, связи с которой завязались еще в Полоцке. В дневнике Сербиновича встречаются многочисленные упоминания о Польше, польской литературе, Мицкевиче. В кругу своих друзей — Витковского, Шепелевича, Руско, Мельхиора, Сварицкого-Сварика, Ваньковича, Гаевского — Сербинович любил вспоминать полоцкую старину, поговорить о характере польского народа. Вот, например, одна из записей — 14 марта 1826 г.: «После обеда захожу к Ваньковичу и посидели у него — видел работу его: портреты государя и портреты Витковского и Мицкевича — напился чаю — выслушал нечто из Мицкевича и взял с собой 2 тома его сочинений — вспоминали старое». Отметим кстати, что Ванькович был автором портрета не только Мицкевича, но и Пушкина. Имя Мицкевича в 1826—1829 гг. многократно встречается на страницах дневника Сербиновича» [36].

Участие Сербиновича в следствии по делу польских революционеров вызвало нелестные для него слухи. 28 июля 1827 г. он записал в дневнике, что жена Шишкова [37] отозвала его в сторону и сказала, что на него «поляки жалуются». Нельзя сомневаться в том, что Сербинович был полезен следователям не только как превосходный знаток польского языка, но и как осведомитель о настроениях польской молодежи и о некоторых лицах польского происхождения, о которых он многое мог знать от своих друзей.

Первые встречи Сербиновича с Пушкиным относятся к тому времени, когда Сербинович уже был известен как цензор булгаринских изданий, как участник следствия по польскому делу. Записи Сербиновича, касающиеся Пушкина, не только не содержат восхищения или хотя бы интереса к крупнейшему поэту современности, произведениями которого Сербинович недавно зачитывался, но отражают скорее холодное любопытство авто-

ра записей. Он точно старался поймать в поэте отрицательные черты, которые бы отвечали тому представлению о Пушкине, которое у Сербиновича сложилось уже ранее. Эта настороженность Сербиновича кажется нам теснейшим образом связанной с его участием в следствии по делу декабристов и с теми сведениями о политическом облике Пушкина, которые были получены Сербиновичем в III Отделении.

К 6—19 июня 1827 г. относится несколько записей Сербиновича о его встречах с Пушкиным у Карамзиных. О первой из них Сербинович говорил в дневнике довольно подробно; далее он лишь упоминает о присутствии Пушкина, причем ясно, что он не только



ЭКЗЕМПЛЯР «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ» НА 1829 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. А. ДЕЛЬВИГА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

не искал общества поэта, но, может быть, сознательно избегал его. Приводим записи Сербиновича за июнь 1827 г.

6 июня — «у Карамзиных нашел Кочубея и пр., но, не оставаясь в гостиной, занялся перебиранием книг трех достальных ящиков. За чаем были Б. Шиллинг и — как я после узнал — поэт Пушкин. Он говорил о Ламартине: qu'il n'a pas beaucoup d'esprit *, что он хотел только отличиться противоположностью Бейрону, что вторые медитации его лучше первых. Говоря о подражателях, сказал он по-латыни pecus imitator...**, но не кончил слова, за незнанием языка — расспрашивал о Батюшкове (которого нет надежды вылечить) — рассказывал о морском купанье, об Одессе, о Воронцове, Инзове и как высидел у последнего под арестом — вообще я нашел его не таким, как воображал. Одет он был опрятно, может быть из приличия в обществе дам. Волосы темно-русые и бакенбарды — взор не пылкий — жесты умеренные — была маленькая небреж-

* что он не очень умен (франц.).
** грех подражания (лат.).

ность в них — часто облокачивался на стол и длинными ногтями стучал по красному дереву — смех, взгляды точно как у брата его, Льва — говоря о чем-то либеральном, весь краснел — обманчивая наружность!»

7 июня — «Ненароком зашел к Карамзиным, у коих были Плещеевы, Кривцов и А. Пушкин. Последний без меня читал свою Трагедию. За чаем Екатерина Андреевна указала ему на меня, как на цензора. Он отозвался, что не может жаловаться на цензуру. Скоро ушел».

8 июня — «Худо цензору — избегает Скиллы, впадает в Харибду. Едва не опоздал к обеду к Карамзиным. После играли в волан. Ждали Пушкина, но напрасно».

9 июня —«у Греча ⟨...⟩ долго говорили о языке, грамматике, глаголах, потом о поляках, о Пушкине, о Булгарине».

14 июня «⟨у Карамзиных.⟩ К чаю приехали Плещеевы — был и Телешев, Н. Д. Боборыкина — наконец прибыли Пушкин и Кривцов, а я с Телешевым ушел»[38].

18 июня —«⟨Вечером у Карамзиных.⟩ За чаем Пушкин. Б. М. ⟨Федоров⟩ благодарит за стихи. Я ушел с Телешевым».

19 июня —«Застаю Карамзиных на отъезде, у них М. Дм. Боборыкину, Ал. Пушкина и Телешева. Прощаюсь, спешу в крепость».

Судя по записи 30 июня, Б. М. Федоров предполагал устроить обед в честь Пушкина и пригласил на него Сербиновича. Сербинович, очевидно не желая присутствовать, отвечал дипломатически неопределенно: «Оттуда я к Б. М. Федорову ⟨...⟩ сказал неопределительно, могу ли быть у него за обедом с Пушкиным»[39].

В октябре Пушкин вернулся из Михайловского в Петербург. 21 ноября Сербинович встретился с ним на обеде у Булгарина и записал:

21 ноября —«Обед у Булгарина — были Ф. Фок[40], Бутков, Греч, Пушкин, Сенковский, Сомов, Перс. Този».

Об обеде Пушкина у Булгарина было известно, но дата его неверно приурочивалась к более раннему времени. Очевидно, что обещание обедать у Булгарина Пушкин дал много раньше и об этом знал Вяземский в Москве, который 22 ноября писал Пушкину: «Не стыдно ли тебе, пакостнику, обедать у Булгарина».

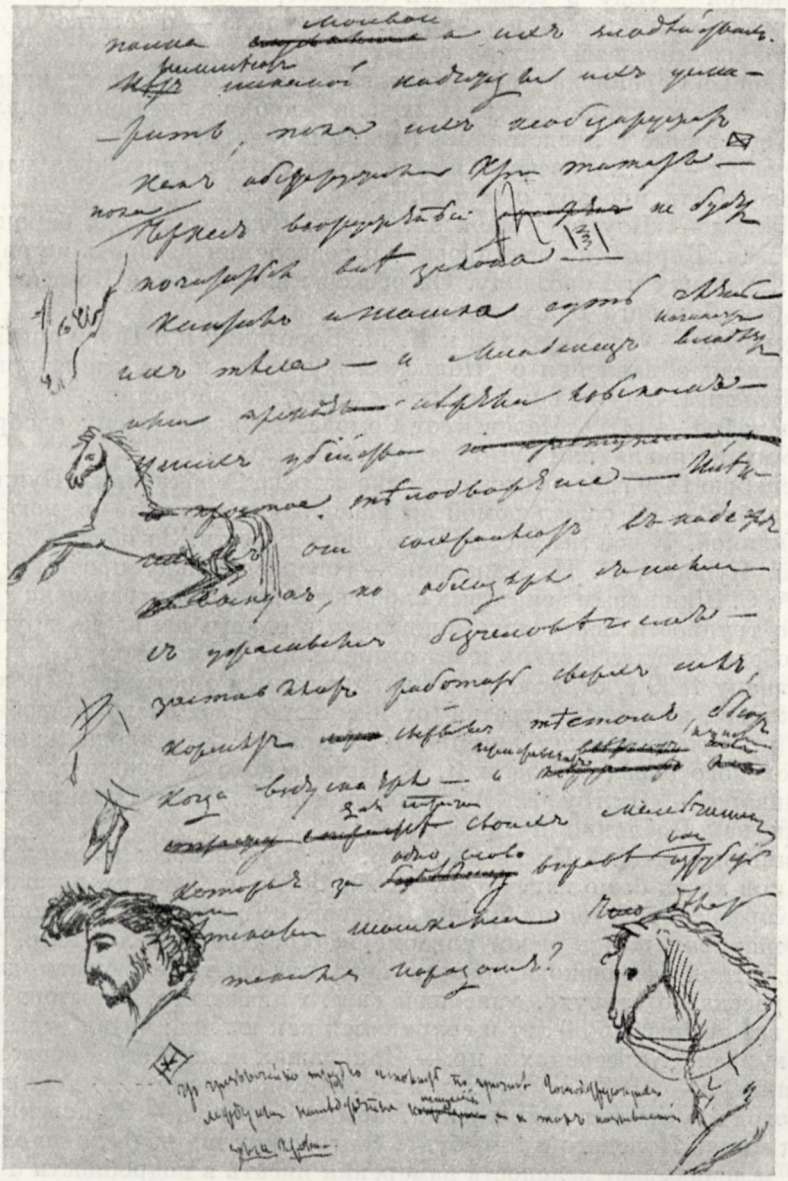
О ранее данном обещании свидетельствует письмо самого Пушкина к Булгарину в день обеда: «Напрасно думали Вы, любезнейший Фаддей Венедиктович, чтоб я мог забыть свое обещание — Дельвиг и я непременно явимся к Вам с повинным желудком сегодня в $3^1/_2$ часа» (XIII, 346). В перечне гостей Булгарина Сербинович не назвал Дельвига. Но вряд ли возможно допустить, что Пушкин был дважды в ноябре на обеде у Булгарина; следовательно, и обед и письмо Пушкина Булгарину, написанное в день обеда, надо датировать 21 ноября 1827 г.

Дневник 1828 г. не сохранился полностью. Отсутствуют записи за первые два месяца. Между тем 8 января 1828 г. Сербинович вновь встретился с Пушкиным у Булгарина, о чем мы узнаем из записи в дневнике Николая Малиновского[41].

8 марта 1828 г. Сербинович записал о встрече с Пушкиным у Карамзиных: «Спешу на урок к Карамзиным — кн. Вяземский зашел на урок. За чаем представляю Катерине Андреевне альманах Ивановского. Зашел Пушкин — в сертуке, был весел — прыгал — твердил и свои стихи: приезжай ко мне зимой пострелять из пистолета; там же: все мертвецки пьяны и смертельно влюблены. Я иду к Смирдину»[41].

Упоминания о Пушкине в 1829—1830 гг. в дневнике Сербиновича тесно связаны с его цензорской деятельностью. С ноября 1829 г. в дневнике появляются записи о замысле Сомова и Дельвига издавать «Литератур-

ную газету». В записи 18 ноября читаем: «Поутру были у меня Олин и б. Розен; последний читал разные пьесы Пушкина и свою для „Царского Села“ [43]〈...〉 Еду к Сомову, он сообщает мне мысль свою и Дельвига об



РИСУНКИ ПУШКИНА НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ «ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК» 1829 г.
Институт русской литературы АН СССР Ленинград

издании журнала, в коем участвовали бы Пушкин, Баратынский, Языков etc. Говорил, что ждут Вяземского из Москвы».

Записи 2—3 декабря отражают роль Сербиновича как цензора Пушкина. Интересно отметить, что он считал нужным советоваться о цензуре пушкинских статей с Д. Н. Блудовым.

2 декабря — «Отправился к Д. Н. Блудову; показал ему статью Пушкина о распре между двумя журналистами и рассказал о прожекте Дельвига издавать журнал.— Был у б. Дельвига, который показывал мне свой прожект».

3 декабря — «Еду в Цензурный комитет; в заседании представлено Гаевским о записках Нащокина ⟨...⟩— а мною — о статье Пушкина „Отрывок из летописей литературных“» [44].

В декабре Сербинович провел через Цензурный комитет программу будущей «Литературной газеты». С начала декабря в дневнике появляются записи, связанные с предстоящим изданием газеты:

5 декабря — «⟨...⟩ ввечеру был у меня Сомов: спрашивал наставления, как подать просьбу о журнале».

9 декабря — «Поутру у меня был Олин. Немного погодя барон Дельвиг и Розен. Первый принес просьбу о дозволении издавать журнал или газету⟨...⟩ спешу к Бороздину. Он обещает внести сие в Комитет вместе с просьбой Дельвига о журнале».

13 декабря — «⟨...⟩ проехал к К. М. Бороздину и в Цензурный комитет, подписал объявления о „Польском журнале“ и о „Литературной газете“ Дельвига. Забежал к сему последнему, но не застал».

14 декабря — «⟨...⟩ Человек от Сомова, возвращаю ему одобренную программу журнала или „Литературной газеты“».

К декабрю 1829 г. относится еще одна встреча Сербиновича с Пушкиным.

9 декабря — «Я зашел домой за Машенькою и вместе с нею пошел к Карамзиной. У ней мы застали фрейлину Розетти. За обедом были Жуковский, Пушкин, В. Н. Карамзин — говорено между прочим о толковании А. С. Шишковым некоторых слов греческих, о эпиграмме на гр. Хвостова, о трудности переводить буквально с одного языка на другой etc. После обеда приехал Вигель и мы отправились к Гаевскому».

К началу 1830 г. относятся еще четыре записи о встречах Сербиновича с Пушкиным, из которых третья (от 16 января) дает очень подробный перечень присутствовавших лиц и тем разговора. Это прощальный вечер у Жуковского перед отъездом И. В. Киреевского за границу.

9 января — «Был у Е. А. Карамзиной ⟨...⟩ Там Пушкин говорил отрывки из „Послания к Цензору“».

14 января — «⟨...⟩ После был у В. А. Жуковского; показал ему его стихи, кои хотел было напечатать у себя Воейков. Туда же пришли Пушкин и Киреевский. Пушкин бранил Полевого и Выжигина. Василий Андреевич показывал нам в своем альбоме надпись Гете, Жан-Поля, Тика и других, стихи Батюшкова; рассказывал любопытные сюжеты для поэзии — рассказ о старухе, узнавшей своего любезного, отрытого в рудокопне, где он пробыл 50 лет и сохранился как юноша; читал отрывки детского журнала Киреевских и пр.— Приглашал меня к себе послезавтра».

16 января — «В 8 часу поехал к В. А. Жуковскому ⟨...⟩ хвалит Милославского ⟨...⟩ пришел Киреевский, потом Кошелев.— Жуковский опровергает мысль Полевого о том, будто бы государства не было до единодержавия, и доказывает нелепость намерения писать в подробности о каждой провинции. Потом прибыли кн. Одоевский, Титов, Пушкин, В. А. и А. А. Перовские, Крылов, Плетнев.— Жуковский восхищается музыкою Россини и хвалит „Семирамиду“ — в ней что-то дикое ⟨...⟩ А. А. ⟨Перовский⟩ с Титовым разбирают Полевого.— А. А. объяснял своего „Магнетизера“ — стали подавать чай. Мы перешли в гостиную. Там начался жаркий разговор о Милославском — порицают в нем недостатки, но вообще хвалят роман. Все экземпляры первого издания разошлись. А. А. ⟨Перовский⟩ с Жуковским говорят потом о Выжигине, о Маковнице, о Черной Курице.— Крылов перезвал всех в диванную.— Там Жуковский прочел нечто из журнала маленьких Елагиных; сказано наизусть несколь-

ко басней Сумарокова и стали говорить о старине, о толковании Костенецким разных слов иностранных: кабинет, domestique, Париж, Сена, Дрезден, Юпитер, о ссоре Сумарокова с Ломоносовым, о упрямстве Державина против цензуры за стихи: жезл железный etc., о митрополите Платоне, когда Жуковский написал ему стихи, вышедши из пансиона: пойте русские, хочу плакать; его пророческий вид при выходе из царских дверей в верхней вифанской церкви.— Об обеде Кострова у Потемкина, о сатире Державина на Сумарокова, приписанной сим последним кому-то в Ц. Селе.— О фон Визине, как его перестал Потемкин пускать к себе.— О духовенстве нашем, слишком отделенном от прочих классов» [45].

Последняя запись о встрече с Пушкиным помечена 5 февраля 1830 г.: «⟨...⟩ вспомнив, что меня требовали в Духовный департамент, заезжаю туда. Ал. Ст. ⟨Иванов⟩, а потом и Вигель занимают меня рассказами о библиотеке Полоцкой — к Вигелю пришел и Пушкин: бранит цензора» [46].

Вряд ли случайно, что в присутствии Сербиновича в январе Пушкин читал отрывки из своего послания цензору, а в феврале просто ругал цензора. Как раз в это время пушкинские статьи проходили через руки Сербиновича, бывшего цензором «Литературной газеты». Выше мы назвали «Отрывок из летописей литературных», о котором Сербинович в декабре советовался с Блудовым; в январе Сербинович, очевидно, переживал большие затруднения с отрывком из «Путешествия в Арзрум» [47].

17 января Сербинович записал: «Читаю цензурные бумаги: „Путешествие в Арзрум“, статьи для „Славянина“, „Литературной газеты“».

18 января — «С трудом собираюсь к Д. Н. Блудову: спрашиваю совета о некоторых местах „Путешествия Пушкина в Арзрум“. Наконец, говорю, что хочу душевно оставить ценсорскую должность».

Этот разговор Сербиновича с Блудовым очень скоро привел к желанным результатам. Через несколько дней он уже сообщил Олину, что более не цензурует и, хотя еще продолжал бывать на заседаниях Цензурного комитета, очевидно, новых рукописей для цензуры не принимал. Под руководством Блудова Сербинович занимался делом, которое, может быть, до некоторой степени было связано с будущей работой Пушкина — Сербиновичу было поручено заняться разбором и описанием бумаг Петра Великого [48].

Дневник Сербиновича обрывается 19 июня 1830 г. сведениями о его работе над планом донесения, которое Блудов предполагал представить Николаю об организации «Кабинета» для работы над архивными документами.

Что же нового в итоге дает дневник Сербиновича о Пушкине?

Записи Сербиновича — ценное свидетельство широкой популярности поэзии Пушкина и дают, начиная с 1820 г., много точных указаний о том, когда то или иное произведение его начинало становиться в Петербурге предметом всеобщего внимания и обсуждения.

Дневник сообщает двенадцать новых дат для летописи жизни Пушкина. Каждое из сообщений повествует, в каком кругу вращался Пушкин, какие темы обсуждались при нем и, очевидно, при его участии. В нескольких сообщениях приводятся суждения Пушкина о литературе, темы его рассказов о себе, сведения о чтении им своих произведений, а в некоторых случаях даже точно его выражения. Дано описание его наружности, его манеры держать себя в обществе. Ряд сведений относится к его работе как журналиста (история создания «Литературной газеты»), к цензуре его статей.

Однако этими конкретными сведениями значение дневника Сербиновича для изучающих жизнь Пушкина, по нашему мнению, не ограничивается. Ближайшее знакомство с личностью автора дневников, с его

двурушническим поведением на протяжении всего десятилетия наводит на мысль — не играл ли этот иезуит-Молчалин провокаторской роли и по отношению к Пушкину?

Известно, что грозные тучи неоднократно собирались над головой Пушкина во второй половине двадцатых годов, известен и тот интерес, который проявляло в это время по отношению к поэту III Отделение. Сербинович, накопивший о Пушкине еще до декабрьского восстания много самых интимных сведений от его друзей и родственников, продолжавший и после 14 декабря бывать в среде людей, близко знавших Пушкина, наконец, разбиравший показания и бумаги декабристов,— не был ли он осведомителем о поэте в своих постоянных сношениях с Булгариным, Фон-Фоком, Блудовым, гр. Орловым и Адлербергом? [49]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дневник К. С. Сербиновича за 1820—1830 гг. находится в ЦГЛА, ф. Вяземских, № 195, ед. хр. 5581—5587.— В части, относящейся к знакомству Сербиновича с Карамзиным, дневник был подготовлен к печати самим автором и опубликован в год его смерти в «Русской старине», 1874, сентябрь («Воспоминания К. С. Сербиновича»). Отдельные упоминания о Пушкине были опубликованы в «Огоньке», 1949, № 23, стр. 22. Архив Сербиновича был приобретен у его вдовы П. П. Вяземским и хранился в составе Остафьевского архива. В настоящее время архив Сербиновича, кроме его дневников, хранится в ЦГИА, ф. 1066. Дневник сохранился не полностью: некоторые тетради представляют собой разрозненные листы, имеются пропуски в записях.

[2] А. Погодин. Адам Мицкевич, его жизнь и творчество. М., 1912, т. I, стр. 144.

[3] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 5584, л. 53.

[4] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV. М., 1891, стр. 149.

[5] Письмо П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву от 10 мая 1833 г.— «Русский архив», 1868, стр. 629.

[6] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 5584, л. 19.

[7] Дмитрий Николаевич Васьков — сын ярославского помещика, сослуживец Сербиновича по Иностранной коллегии. Судя по дневникам, был очень близок с А. И. Одоевским.

[8] Стихотворение К. Рылеева «К временщику» было напечатано в «Невском зрителе», 1820, т. IV, кн. X, стр. 26—28.

[9] Дума К. Рылеева «Волынский» была напечатана в «Новостях литературы», 1822, ч. II, № 16, стр. 42—46.

[10] Дума К. Рылеева «Державин» была напечатана в «Сыне отечества», 1822, ч. 82, № 47, стр. 31—33.

[11] Дума К. Рылеева «Иван Сусанин» была напечатана в «Полярной звезде» на 1823 г., стр. 370—374.

[12] Ода К. Рылеева «Гражданское мужество», запрещенная к печати цензурой, датируется 1823 г. или началом 1824 г.

[13] Кого обозначил Сербинович инициалами А. П.— не установлено. Вероятно, имеются в виду отдельные издания «Дум» и «Войнаровского», печатавшиеся в Москве, в типографии Селивановского и вышедшие в свет в начале 1825 г.

[14] Борис Михайлович Федоров — посредственный писатель. Совместная служба и интерес к литературе сблизили его с Сербиновичем. Они вместе посещали Карамзиных. С конца 1820 г. Федоров, как и Сербинович, стал близок с Булгариным и причастен к деятельности III Отделения.

[15] «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» было написано Фонвизиным в начале шестидесятых годов XVIII в., напечатано в 1770 г. и несколько раз перепечатывалось еще в XVIII в.

[16] «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1803) И. П. Пнина был напечатан лишь в 1889 г.

[17] Иван Семенович Сибиряков — крепостной поэт, дворовый рязанского помещика Маслова, выкупленный из крепостной неволи на средства, собранные Жуковским, Вяземским и др. После освобождения служил в театре (актер-комик и суфлер).

[18] Или «Стансы Толстому» (1819) Пушкина, или «Графу Ф. Н. Толстому» (1818) Вяземского.

[19] «Читаю стихи ‹...› из Кавказа» — повидимому, эпилог к «Руслану и Людмиле» (см. М. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, стр. 244). Эпилог был напечатан в «Сыне отечества», 1820, № 38, сентябрь.

[20] Шопен (J. M. Chopin) — секретарь кн. Куракина. Вернувшись в Париж, писал о России, переводил Пушкина («Бахчисарайский фонтан», 1826), помещал статьи о русской литературе в «Revue encyclopédique».

[21] В «Сыне отечества» (1820, № 34-35, август-сентябрь) был напечатан «Разбор поэмы: „Руслан и Людмила, сочинение А. Пушкина"». Автор—А. Ф. Воейков. В №№ 38 и 41 опубликована полемика по поводу этого разбора. Эпитафия Батюшкова на смерть малютки — «Надгробие русскому младенцу, умершему в Неаполе» (Малышевой), напечатана в «Сыне отечества», 1820, № 35; в № 36 и № 37 — полемика по поводу неточной публикации стихотворения.

[22] Стихотворение Пушкина «Погасло дневное светило» было напечатано в «Сыне отечества», 1820, ч. LXX, октябрь.

[23] В стихотворении Пушкина «Жуковскому» (1818) строки, которые в искаженном виде приводит Сербинович, читаются так:

И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе.

[24] Критика П. А. Плетнева на «Кавказского пленника» была помещена в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1822, № 10, стр. 24—44, а П. А. Вяземского — в «Сыне отечества», 1822, № 10—11, стр. 115—126.

[25] Стихотворение Пушкина «Слеза» (1815).

[26] Сергей Дмитриевич Комовский — сослуживец Сербиновича по департаменту. Учился с Пушкиным в лицее. А. Н-ч, Ал. Гр., Ф. И.— лица неустановленные.

[27] Николай Александрович Геннади служил переводчиком в канцелярии Министерства иностранных дел. «Les Messéniennes» — сборники стихотворений Казимира Делавиня, выходившие в 1818—1827 гг.; наполнены откликами на политические события этих лет.

[28] Федор Иванович Толстой, прозванный Американцем. Эта характеристика «Истории» Карамзина находилась в письме Пушкина к Н. Н. Раевскому; о ней Пушкин писал Жуковскому 17 августа 1825 г.: «Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писал я Раевскому» (XIII, 211). Восторженная оценка Пушкина у Сербиновича звучит как ироническая.

[29] У Е. М. Ивелич Пушкин часто бывал до ссылки на юг. Из Михайловского он посылал письма брату и сестре на адрес Ивелич. 20 ноября 1824 г. Пушкин писал Л. Пушкину: «Скажи сестре, что я получил письмо к ней от милой кузины гр. Ивл. и распечатал, полагая, что оно столько же ответ мне, как и ей» (XIII, 123). Запись 27 июля 1824 г.—«о безвестности судьбы Пушкина»—связана, конечно, с полученными в Петербурге сведениями об отставке Пушкина. Переписка Пушкина с Е. М. Ивелич до нас не дошла.

[30] В воспоминаниях о Сербиновиче есть указания, что он был особенно неприятен и тяжел в роли начальника: «Хитрый, придирчивый, раздражительный и до крайности мелочной, а как начальник—невыносимый» (Н. Т<ерпигорев>. Рассказы из прошлого.— «Ист. вестник», 1890, № 8, стр. 340).

[31] Александр Алексеевич Плещеев — родственник Карамзина по его первой жене, член общества «Арзамас», автор стихов и пьес на французском яз., заведывал французской труппой в Петербурге.

[32] Егор Васильевич Аладьин издавал «Невский альманах» (1825—1833).

[33] Ср. письмо Рылеева Пушкину от конца апреля 1825 г. о чтении Л. С. Пушкиным отрывков из «Подражаний Корану» и «Цыган» и письмо Пушкина брату 28 июля 1825 г. о посланных ему рукописях. На письме Пушкина приписка Дельвига: «В феврале месяце твой брат прислал свои сочинения для переписки» (XIII, 168, 195).

[34] А. А. Шишкову посвящено стихотворение Пушкина 1816 г. «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой». Судя по тону записей Сербиновича о А. А. Шишкове, ему был неприятен этот поэт-романтик, заподозренный в сношениях с декабристами.

[35] См. примечание от редакции «Русской старины» к «Воспоминаниям Сербиновича» (1874, сентябрь, стр. 269—270): «Утверждают, что весь известный доклад Следственной комиссии по делу декабристов, в первой его редакции, принадлежит К. С. Сербиновичу и что Д. Н. Блудов исправил только местами изложение и придал ему окончательную форму. Когда пишущий эти строки спросил покойного г. Сербиновича об этом обстоятельстве в 1872 г., г. Сербинович промолчал и перевел разговор на другой предмет».

[36] До 1809 г. семья Сербиновича жила в Вильне, где старший брат его учился в университете вместе с Лелевелем. Очевидно и позднее Сербинович бывал в Вильне и имел сведения об университетской молодежи. В одной из записей есть его неодобрительное замечание «о фанфаронстве виленских». К 1828 г. относятся записи о встречах с Мицкевичем: 20 января, 7 июня (за обедом у А. С. Шишкова, разговор о Крылове), 13—15 декабря (13 декабря Мицкевич был у Сербиновича и не застал его, 14 — Сербинович был у Мицкевича, 15 — Мицкевич у Сербиновича) (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 5586).

[37] Вторая жена Шишкова — Юлия Осиповна. С. Т. Аксаков писал в воспоминаниях, что видел в 1829 г. Шишкова, окруженного поляками, которыми его «новая супруга наводнила его дом» («Русский архив», 1882, кн. III, стр. 85).

[38] Иван Телешев — чиновник Министерства внутренних дел.

[39] В опубликованных отрывках из дневника Б. М. Федорова есть запись очевидно о том же посещении Карамзиных с сыном: «Был у Карамзиных, виделся там с Пушкиным. Коля сидел на коленях его и читал ему его стихи» («Русский библиофил», 1911, № 5, стр. 33). Записей о том, что Пушкин обедал у Федорова, в дневнике нет.

[40] Вероятно, Петр Фон-Фок, племянник управляющего III Отделением М. Я. Фон-Фока.

[41] См. И. Зильберштейн. Неизвестный портрет Мицкевича.— «Огонек», 1948, № 51, стр. 16.

[42] Сербинович приводит в искаженном виде цитату из стихотворения Пушкина, посланного А. Н. Вульфу из Михайловского 20 сентября 1824 г. («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»).

[43] Валериан Николаевич Олин — сотрудник многих периодических изданий и издатель нескольких журналов; Егор Федорович Розен издал вместе с Н. М. Коншиным в 1830 г. альманах «Царское село».

[44] Статья Пушкина «Отрывок из литературных летописей» 1829 г. была напечатана в «Северных цветах» на 1830 г. Написана в связи с жалобой Каченовского на цензора С. Н. Глинку за разрешение опубликовать статью Полевого, направленную против Каченовского. Главное управление цензуры Глинку оправдало. Однако статья Пушкина, которая осуждала метод борьбы Каченовского с Полевым, была пропущена цензурой с большими сокращениями.

[45] О вечерах 14 и 16 января 1830 г. у Жуковского, на которых присутствовал Пушкин, подробно писал родителям И. В. Киреевский. Однако он не упоминал о темах разговора, перечисленных Сербиновичем («Русский архив», 1909, № 12, стр. 586—588; см. также: В. Лясковский. Братья Киреевские, жизнь и труды их. СПб., 1899, стр. 26—27).

[46] А. С. Иванов и Ф. Ф. Вигель—чиновники департамента духовных дел.

[47] Отрывок из «Путешествия в Арзрум» был помещен в «Лит. газете», 1830, № 8.

[48] Отметим, что К. С. Сербинович был привлечен к цензурованию работы Пушкина о Петре I, когда в 1840 г. встал вопрос о ее издании. В архиве Сербиновича имеются относящиеся к этому вопросу бумаги, озаглавленные: «О рукописи Пушкина: Материалы для истории Петра Великого» (ЦГИА, ф. 1066).

[49] В дневниковых записях К. С. Сербиновича, а также в составленных им таблицах имеются сведения о встречах со многими выдающимися историческими лицами и писателями двадцатых годов, которые не могли быть внесены в данную публикацию, ограниченную определенной темой. Выше упоминались частые записи о Мицкевиче. Под датой 7 июня 1828 г.— большая запись о беседе Сербиновича с И. А. Крыловым по поводу работы Крылова в Публичной библиотеке и о новом цензурном уставе. В таблицах под датами 5, 6 и 11 мая 1829 г. имеются указания, что Сербиновича посетил «Гоголь-Яновский».

ПУШКИН
В ДНЕВНИКЕ ФРАНТИШКА МАЛЕВСКОГО

Публикация Т. Цявловской

Франтишек Малевский (1800—1870) был близким другом Мицкевича со студенческих лет, его товарищем по кружку филоматов («друзей науки»); к нему обращено дидактическое послание Мицкевича «Шашки» (1819—1822); он был одним из четырех друзей поэта, которым Мицкевич посвятил свою первую книгу стихов (1822), и адресатом многочисленных его писем за долгие годы.

После раскрытия в 1823 г. польского свободолюбивого общества филаретов («друзей добродетели») среди арестованных, бывших студентов Виленского университета, оказался и сын ректора Ф. Малевский, привезенный под конвоем из Берлина, где он продолжал курс наук. Малевский разделил судьбу Мицкевича. Вместе были они высланы в Петербург, вместе провели около года в ссылке в Одессе и вместе приехали в Москву (в конце 1825 г.). Здесь Малевский был не только сослуживцем Мицкевича (оба числились чиновниками особых поручений при московском генерал-губернаторе кн. Д. В. Голицыне), но и жил — с Ежовским и Дашкевичем — вместе с Мицкевичем.

Высококультурный человек, живо интересовавшийся литературой, владевший многими европейскими языками, ссыльный Малевский завоевал всеобщие симпатии в среде передовых писателей России.

У декабриста А. А. Бестужева встречал Малевский вместе с Мицкевичем и Ежовским новый, 1825 год[1]. Рылеев как своих единомышленников рекомендовал поэту Туманскому высылаемых в Одессу поляков: «Полюби Мицкевича и друзей его, Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем, и писать лишнее: по чувству и образу мыслей они уже друзья»[2].

Ксенофонт Полевой, вспоминая, что «образованный и любезный» Малевский на первых порах произвел на него с братом «более приятное впечатление», чем Мицкевич, характеризовал Малевского как «благородного, ученого и любезного человека», «приятнейшего собеседника»[3]. Братья Полевые привлекли Малевского к участию в «Московском телеграфе»; здесь Малевский напечатал ряд анонимных заметок. Установить, какие именно принадлежат ему — пока не удалось[4].

Особенно близко сошелся Малевский с Вяземским, который в таких выражениях писал о друзьях Жуковскому, когда Мицкевич и его товарищи переезжали в 1827 г. из Москвы в Петербург: «Мицкевич — прекрасная поэзия; товарищ его Малевский — прекрасная проза. Приласкай их: они жертвы чванства и подлости Новосильцева»[5].

В Петербурге Малевский был приглашен Мицкевичем в соредакторы задуманной им польской литературной газеты «Iris», однако она не была разрешена царским правительством (1827)[6]. Вскоре приятели и породнились: они женились на двух сестрах, дочерях пианистки Марии Шимановской.

В дальнейшем жизненные пути Мицкевича и Малевского разошлись. Малевский остался в Петербурге, где— юрист по специальности — он был одним из самых деятельных сотрудников М. М. Сперанского при составлении им Свода законов (начало тридцатых годов). Одновременно Малевский (совместно с Николаем Малиновским) основал польскую газету «Tygodnik Petersburgski» (выходившую два раза в неделю в Петербурге), которую он редактировал шесть лет (1830—1835) и где печатал свои статьи. Позднее он был директором Литовской метрики (архива) в Петербурге.

Об интересе Малевского к Пушкину и об их личном общении кое-что было известно. Так, в письме к сестрам от 15 сентября 1826 г. из Москвы Малевский сообщает о возвращении из ссылки Пушкина, «молодого и известного поэта», который «за свои стихи был сослан в свою деревню»[7]. М. А. Максимович рассказывал П. И. Бартеневу о встречах Пушкина с Мицкевичем и его друзьями в Москве [8]. Известен и рассказ С. Моравского об обеде, данном Мицкевичем в Екатерингофе, где были Пушкин и Малевский [9]. Но эти мелочи, по своему значению, даже отдаленно нельзя сопоставить с ниже публикуемыми записями Малевского.

Дневник Малевского за 1827—1829 гг. посвящен в основном Мицкевичу. Но тут находятся и записи о Вяземском, Дмитриеве и Пушкине.

Дневник Малевского передает всегда содержание бесед писателей. Так, в записи о вечере у Полевого 19 февраля 1827 г. Малевский дает не только точную дату вечера и имена гостей редактора «Московского телеграфа», но главное — приводит их беседы; чрезвычайно любопытны рассказы И. И. Дмитриева о Державине, Суворове, Потемкине, Хвостове: эти характерные рассказы должны были особенно остро восприниматься страстным собирателем воспоминаний, ценителем и мастером этого жанра Пушкиным, угадывавшим за яркими чертами изображаемых лиц живое дыхание истории.

Но особенно значительны записи Малевского о рассказах самого Пушкина и о его критике одного из стихов Мицкевича, которая бьет в самую цель: она указывает на неточность образа, недостаток, который Пушкин считал недопустимым в поэзии.

Очень интересна, к сожалению слишком лаконичная, запись Малевского: «Трагедия Павла. Мельник». Эти три слова говорят о задуманных Пушкиным драмах «Павел I» и «Русалка». Мы узнаем, что драма о Павле I (заглавие которой было известно по записи самого Пушкина в перечне задуманных им драм[10]), не только смутно рисовалась великому поэту, но как-то уже воплощалась в его сознании; иначе едва ли бы стал он говорить о своем замысле в широком писательском кругу. Существенна и точная ранняя дата для истории создания этой драмы Пушкина.

То же самое относится и к «Русалке», замысел которой, оказывается, намного опередил ее написание[11].

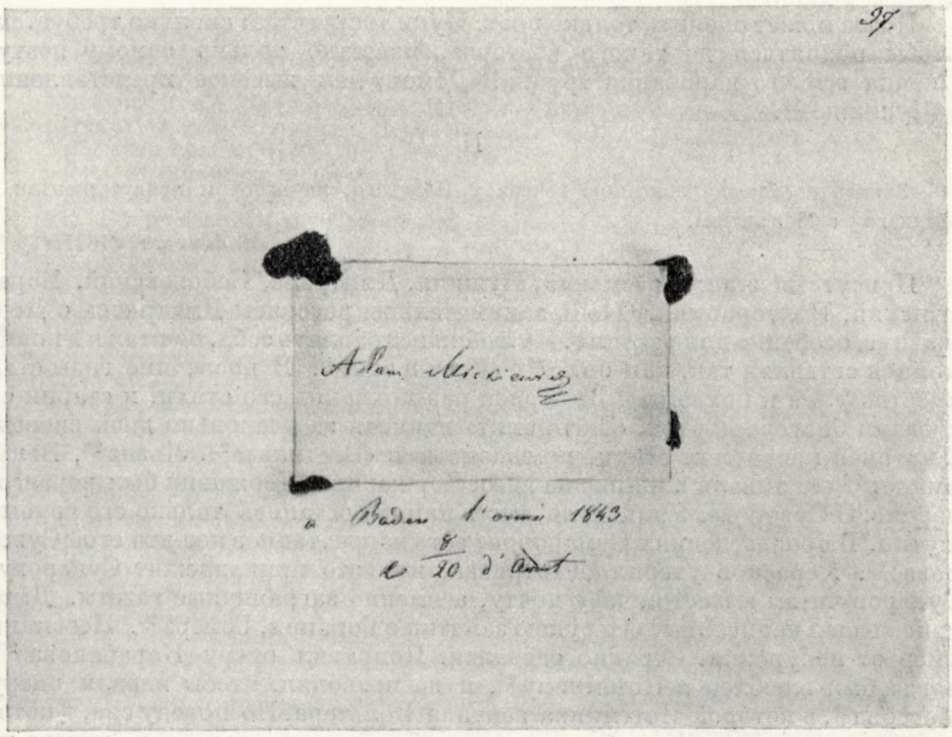
Однако главная ценность публикуемых отрывков из дневника Малевского состоит в том, что они раскрывают замысел казавшегося до сих пор загадочным произведения Пушкина. Изумительные по суровой сдержанности проникновенные стихи «В еврейской хижине лампада» оказываются началом поэмы об Агасфере[12].

Нам представляется, что интересу Пушкина к средневековой легенде о человеке, несущем бремя вечной жизни, можно найти объяснение.

Знаменитая легенда понадобилась Пушкину как поэту для выражения его мыслей о мрачности окружающей его николаевской действительности. Лучше образа Агасфера — символа тяжести жизни — никто не мог бы выразить тоски, томившей в эту пору Пушкина. Вспомним, что поэт подошел к этой теме в конце 1826 г. (стихотворение датируется предположительно ноябрем-декабрем 1826 г.)[13], вернувшись в Михайловское после первого выезда оттуда, прекратившего его ссылку.

Глубокие раздумья Пушкина были безрадостны. Из ссылки был он освобожден (он не мог еще знать в это время, насколько призрачной окажется эта свобода); получил он и всеобщее признание.

Но общественная атмосфера, реакция, наступившая после разгрома декабризма, была невыносима. С этого времени в творчестве Пушкина начинают появляться несвойственные ему пессимистические ноты: стихотворения «В степи мирской», «Дар напрасный, дар случайный», некоторые строфы «Евгения Онегина». Хронологически этот ряд открывается началом поэмы об Агасфере. Но пессимизм был чужд гению Пушкина.



АВТОГРАФИЧЕСКАЯ ПОДПИСЬ АДАМА МИЦКЕВИЧА НА ЛИСТОЧКЕ, ВКЛЕЕННОМ В АЛЬБОМ И. С. ГОЛИЦЫНОЙ

Внизу рукою владелицы альбома отмечена дата встречи ее с Мицкевичем

Собрание А. Б. Гольденвейзера, Москва

Поэма об Агасфере осталась недописанной. И поэт вновь творил жизнеутверждающие произведения, к которым можно отнести и послание декабристам «Во глубине сибирских руд».

Записи о Пушкине из дневника Малевского извлечены из польской публикации. Изданные более полувека назад во Львове[14] и перепечатывавшиеся в Польше[15], записи эти оставались вне кругозора русского читателя и настоящим сообщением вводятся в пушкиниану впервые.

Автограф дневника Малевского утерян[16]. Единственным источником текста дневника является неполная публикация его, сделанная Владиславом Мицкевичем (сыном и биографом поэта). По собственному признанию, он опускал некоторые непонятные ему записи, которые «потребовали бы комментария Франтишка Малевского»[17]. Среди них могли быть и заметки, связанные с Пушкиным, подобно непонятой публикатором дневника записи о двух трагедиях великого поэта.

Кроме записей, посвященных непосредственно Пушкину, мы публикуем и запись рассказов И. И. Дмитриева о русских деятелях XVIII в.: слушателем Дмитриева был и Пушкин.

I

Первая запись о Пушкине, помещенная в польской публикации дневника[18], разъясняется следующими словами комментатора: «Повидимому, какое-то упоминание о Пушкине вызвало очень справедливое возражение ⟨Мицкевича⟩ против посредственностей, которые с такой самонадеянностью высказываются о гениях».

⟨1827 г. ?⟩

Поэта может оценить только поэт. Муки творчества; сколько требуется, чтобы подняться до такого восторга, известно только самому поэту. Оценка всякого дарования трудна. «Демон» дал высокое представление о Пушкине [19].

II

Запись посвящена описанию вечера у Полевого, на котором присутствовали и Мицкевич с Малевским.

19 февраля ⟨1827 г.⟩ [20]

Присутствовали: Вяземский, Пушкин, Дмитриев, Соболевский, Баратынский, Полторацкий. Очень занимательны рассказы Дмитриева о Державине, особенно для русских. Не любил исправлять себя, шептал и в конце концов оставлял так, как было[21]. «Идет и так» *. В последние годы стал чувствителен к похвалам. Дмитриев раз похвалил его стихи, и старик со слезами благодарил его. «Экспромпт» написан за несколько дней вперед. Дмитриев исправлял стихи, помещенные в «Вестнике»[22]. Львов[23], Вельяминов[24] оказывали влияние на язык Державина. Державин был неразговорчив. О Суворове. Удивлялся, что в памяти остались только его грубые шутки. В произведениях Сумарокова есть напечатанное кое-что его ⟨Суворова⟩[25]. Херасков уверял Дмитриева, что это принадлежит Суворову. Суворов читал в шестом часу почту, а именно заграничные газеты. Дмитриев видел написанные его рукою заметки о Горации, Гомере[26]. Потемкин умер от изнурения. Странно одевался. Поправил оперу Карабанова [27], когда был влюблен в Потемкину[28], и не позволял, чтобы играли оперу Массона[29], в которой Потемкина венчала Вольтера. По поводу сна, в котором два солнца[30]: «Если бы кончил на бутылке шампанского, ничего не было бы удивительного, что у него бы в глазах двоилось».

О Хвостове. Хемницер и Муравьев читали и поправили «Свинья веприца»[31]. Дон Жуана не мог дочитать ⟨...⟩

Пушкин. О своем «Juif errant»**. В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: «Не плачь. Не смерть, жизнь ужасна. Я скитающийся жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался». При нем умирает стодвадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение римской империи.

Трагедия Павла. Мельник[32].

III

Публикатор дневника Малевского разъясняет: «Видимо Пушкин критиковал один стих из сонета „Аккерманские степи"—„Kędy wąż ślizką piersią dotyka się zioła"»***. Запись Малевского гласит:

⟨Март — май 1827 г. ?⟩ [33]

Пушкин упрекал потому, что змея не имеет груди («nie ma piersi»).

---

* Эти слова Державина в польском тексте дневника приведены на русском языке.
** «Вечном жиде» (франц.).
*** Как змея дотрагивается до растения скользкой грудью.

IV

«В мае есть запись о другом выступлении Адама»,— сообщает Владислав Мицкевич:

〈Май 1828 г.〉

Подобная импровизация у Пушкина: мысль на чужом языке, как младенец, умирающий во чреве матери[34].

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1] Н. Измайлов. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г.— «Памяти декабристов», вып. 1. Л., 1926, стр. 70.

[2] К. Рылеев. Полн. собр. соч. М.— Л., 1934, стр. 477.

[3] «Николай Полевой. Материалы для истории русской литературы и журналистики 30-х годов». Ред., вступ. статья и коммент. В. Орлова. Л., 〈1934〉, стр. 205.

[4] Письмо Ф. Малевского сестрам (1825).— Собр. соч. Адама Мицкевича в переводе русских писателей. Под ред. П. Н. Полевого, т. IV, СПб., 1902, стр. 260.

[5] «Русский архив», 1900, № 2, стр. 194.

[6] *Евг. Л.* Мицкевич и журнал «Iris».— «Русское богатство», 1901, № 1, стр. 99.

[7] Ladislas Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa vie et son oeuvre. P., 1888, стр. 81.

[8] П. Б〈артенев〉. Адам Мицкевич. (Записано со слов покойного М. А. Максимовича).— «Русский архив». 1898, № 7, стр. 480.

[9] П. Эттингер. Станислав Моравский. (Из записок польского современника поэта).— «Московский пушкинист», вып. II, 1930, стр. 257.

[10] М. Цявловский, Л. Модзалевский и Т. Зенгер. Рукою Пушкина. М.— Л., 1935, стр. 276—278. См. также статью С. Бонди «Драматургия Пушкина и русская драматургия» (Сб. «Пушкин родоначальник новой русской литературы». М.— Л., 1941, стр. 398—399), где впервые поставлена задача «наметить, хотя бы гадательно, приблизительно, содержание задуманных трагедий». Относительно «Павла I» автором высказано такое предположение: «Скорее всего, Пушкин имел в виду взять темой убийство Павла и развернуть трагедию самодержавной власти».

[11] «Русалка» написана в промежуток между осенью 1829 г. и апрелем 1832 г.

[12] Польские литературоведы (см. ниже, примеч. 14 и 15) не сопоставили рассказа Пушкина в записи Малевского со стихами Пушкина.

[13] Пушкин. Акад. изд., III, кн. 2, 1135.

[14] Władysław Mickiewicz. Ziteki Franciszka Malewskiego.— «Przewodnik naukowy i literacki», rocz. XXVI, Lwów, 1898, s. 1138—1149.

[15] Точная перепечатка в издании: «Rok Mickiewiczowski», rocz. I, Lwów, 1899, s. 60—269.— Перепечатано в извлечениях в библиографии о Пушкине в Польше: Marian Toporowski. Puszkin w polskies krytyce i przekladach. Zary bibliograficzno-literacki.— «Puszkin. 1837—1937», Kraków, 1939, t. II, s. 278.

[16] См. названную польскую библиографию, стр. 278 («Autograf niestety zaginal»).

[17] Władysław Mickiewicz. Ziteki Franciszka Malewskiego, s. 1147.

[18] В первой польской публикации (см. примеч. 14) первый отрывок находится на стр. 1144, второй — на стр. 1146, третий — на стр. 1147, четвертый — на стр. 1148.

[19] Ни одно из лирических стихотворений Пушкина не встретило, повидимому, такого единогласного восторженного одобрения критики и читателей, как «Демон». А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому, что эту пьесу «хвалят более всех других его произведений» («Остафьевский архив», т. II, стр. 368). Известен восторженный отзыв Жуковского об этом стихотворении (XIII, 94) и хвалебные высказывания Плетнева («Соревнователь просвещения и благотворения», 1825, № 1, стр. 105), Д. Р. К. 〈Греча?〉 («Сын Отечества», 1825, № 3, стр. 310), рецензента «Московского телеграфа» А — й (1825, № 4, стр. 334), А. А. Бестужева (см. «Летопись», стр. 582), анонимного рецензента «Московского телеграфа» («Летопись», стр. 637), В. Ф. Одоевского («Мнемозина», 1824, ч. IV, стр. 35), М. П. Погодина (см. «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 742).

Сам поэт особенно ценил своего «Демона» (см. XIII, 126, а также заметку Пушкина «О стихотворении „Демон“», где он говорит о цели этого произведения — XI, 30).

[20] Владислав Мицкевич называет 1828 г., что является несомненной ошибкой: в 1828 г. (так же, как и в 1829 г.) 19 февраля Пушкин был в Петербурге; вечер у Полевого с Мицкевичем и Пушкиным 19 февраля мог происходить только в 1827 г.

Это был не единственный «литературный вечер» у Н. А. Полевого, на котором присутствовал Пушкин. Ксенофонт Полевой подробно рассказал о вечере у его брата «весною 1827 года», где Пушкин был в особенном подъеме (см. «Николай Полевой...»,

---

* Примечания 21—30 принадлежат К. В. Пигареву.

стр. 234). Дата этого вечера — 16 мая 1827 г.—устанавливается записью в дневнике И. М. Снегирева (см. «Пушкин и его современники», вып. XVI, стр. 52—53).

[21] Биограф Державина и издатель его сочинений Я. К. Грот пишет: «... Державин так ценил вкус и мнение Дмитриева, что ничего не выпускал в свет без предварительного его просмотра...» (Г. Державин. Соч., т. III, СПб., изд. Академии наук, 1866, стр. 512).

[22] Известно, что Дмитриев исправлял стихотворение Державина «Память другу», напечатанное в «Вестнике Европы» 1805 г. (ч. XIX, № 4, стр. 299). «Благодарю тысячу раз за примечания и поправки,— писал ему по этому поводу Державин.— Видите, как худо без друзей писать: не увидишь, как ошибешься...» (Г. Державин. Соч., т. VI. СПб., 1871, стр. 167). Дмитриев был причастен и к тем исправлениям, с которыми появился в том же журнале державинский перевод оды Ж.-Б. Руссо «Цирцея» (1806, ч. XXV, № 3, стр. 164).

[23] Николай Александрович Львов (1751—1803)— свойственник Державина и один из его ближайших друзей, поэт, архитектор, художник и музыкант. В рукописях Державина неоднократно встречаются исправления, сделанные рукой Львова.

[24] Петр Лукич Вельяминов (ум. 1804) — приятель Державина, стихотворец и переводчик. Ему посвящены стихотворения Державина «Гостю» (1795) и «Зима» (1805).

[25] Имеются в виду два «Разговора в царстве мертвых», впервые напечатанные в «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих» (1755, ч. II, август, стр. 156—161; 1756, ч. II, июль, стр. 18—30) и включенные Н. И. Новиковым в изданное им Полн. собр. соч. Сумарокова (изд. 2, т. IX, М., 1787, стр. 227—245). В «Ежемесячных сочинениях» первый разговор подписан: «Сочинения А. С.», второй — «Сочинения С.». С. Н. Глинка неоднократно указывал, ссылаясь на лично слышанное им свидетельство М. М. Хераскова, что «Разговоры в царстве мертвых» принадлежат не А. П. Сумарокову, а А. В. Суворову (см. «Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова», ч. I, СПб., 1841, стр. 11; «Записки», СПб., 1895, стр. 34). Ту же версию повторил со слов И. И. Дмитриева Н. А. Полевой («Московский телеграф», 1828, ч. XX, № 7, апрель, стр. 301). Это указание прочно вошло в суворовскую литературу. Однако в наше время Л. Б. Модзалевский обнаружил рукопись, с которой производился набор первого «Разговора в царстве мертвых» для «Ежемесячных сочинений». Рукопись эта, по определению Л. Б. Модзалевского, является автографом Сумарокова, что заставляет отнестись с недоверием к показанию Хераскова, хотя и переданному независимо друг от друга двумя современниками — С. Н. Глинкой и И. И. Дмитриевым (см. Л. Модзалевский. Ломоносов и его литературные отношения в Академии Наук. Л., 1947, рукопись диссертации, стр. 132—134).

[26] В печати эти заметки неизвестны. Устное высказывание Суворова о Гомере записано Е. Б. Фуксом: «Люблю Гомера, но не люблю десятилетней троянской осады. Какая медленность! Сколько бед для Греции! Не могу быть Агамемноном; я бы не поссорился с быстроногим Ахиллесом. Люблю друга Патрокла за его быстроту; где он появится, там врага нет» (Е. Фукс. Собрание разных сочинений. СПб., 1827, стр. 101).

[27] Петр Матвеевич Карабанов (1764—1829)— поэт. Из «опер» (т. е. стихотворных текстов для опер) Карабанова известна «Искренность пастушки», положенная на музыку в XVIII в. и вновь Чайковским (введена им в «Пиковую даму»).

[28] Г. А. Потемкин был влюблен в жену своего дальнего родственника П. А. Потемкину.

[29] А.-П. Массон (1759—1820) — французский поэт, эмигрировавший в Россию, полковник русской службы.

[30] Шутка Дмитриева, может быть, относится ко сну Святослава в «Слове о полку Игореве»: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста...»

[31] Имеются в виду метроман Д. И. Хвостов, баснописец И. И. Хемницер и писатель И. М. Муравьев-Апостол. Басня «Кабан, веприца и лисица», о которой упоминает в своей записи Малевский, помещена в третьей части Полн. собр. стих. Д. И. Хвостова (СПб., 1822, стр. 200—201).

[32] Владислав Мицкевич не понял, что под словами «Трагедия Павла. Мельник» подразумеваются замыслы Пушкина и ошибочно начал ими абзац, посвященный Мицкевичу.

[33] Вероятно, замечание Пушкина было сделано в связи с прозаическим переводом сонетов Мицкевича, сделанным Вяземским и напечатанным в «Московском телеграфе», 1827, ч. XIV, № 7, стр. 203—219 (вышел в свет 30 апреля 1827 г.), откуда нами взят перевод стиха Мицкевича.

[34] Об этой импровизации Мицкевича (30 апреля 1828 г. у Пушкина в Петербурге) см. в письме Вяземского (от 2 мая 1828 г.) к жене (стр. 76—77 настоящего тома).

ПУШКИН И ХУДОЖНИК Г. Г. ГАГАРИН

ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Сообщение Э. Найдича

Жизнь и художественное творчество Г. Г. Гагарина долгое время оставались неизученными. И только в работах советского искусствоведа А. Н. Савинова произведениям Гагарина впервые дана заслуженная оценка и выяснены в основных чертах отношения художника с Пушкиным и Лермонтовым [1]. В работах Савинова освещены тридцатые-сороковые годы, т. е. ранний период творчества Гагарина, действительно заслуживающий наибольшего внимания.

«Один известный любитель, скрывший свое имя,— не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию»,— писал в 1845 г. Белинский о Гагарине по поводу исполненных им иллюстраций к «Тарантасу» В. А. Соллогуба. Белинский отмечал глубоко национальный характер творчества Гагарина. «Этому карандашу,— писал он,— так повинуется русская действительность, русская природа!..».

Публикуемые нами письма Г. Г. Гагарина к матери его Е. П. Гагариной (1832—1834) [3] дают возможность полнее осветить один из важных моментов биографии художника. Они содержат неизвестные ранее сведения о людях, окружавших Гагарина в эти годы, и об его отношениях с Пушкиным. Из писем выясняется, что некоторые из молодых людей — товарищей Гагарина — позднее вошли в «кружок шестнадцати» и уже в это время общались с Лермонтовым. В одном письме приведены слова Пушкина о «Моцарте и Сальери», дополняющие известную заметку поэта на ту же тему.

I

9 (21) ноября 1832 г. Гагарин сообщал матери: «Я познакомился с Пушкиным-автором. Мы в очень хороших отношениях. Я ему рисую виньетки для „Руслана и Людмилы“».

Таким образом устанавливается, что Пушкин познакомился с Гагариным осенью 1832 г. Летом 1833 г. Гагарин исполнил литографию на тему пролога «Руслана и Людмилы» (Государственный музей А. С. Пушкина). В альбоме Государственного Русского музея сохранилось несколько иллюстративных набросков к поэме, объединенных в указанной выше литографии. Не случайно выбор Гагарина пал именно на пролог к юношеской поэме Пушкина. Текст пролога давал простор фантазии и вполне соответствовал тогдашним романтическим устремлениям художника.

Литография 1833 г., повидимому, понравилась Пушкину. 19 (31) июля 1833 г. Гагарин сообщал матери: «Пушкин написал новые сказки в стихах для того, чтобы я сделал к ним виньетки. Издание 1-й сказки принесет нам 30 000 р., которые мы разделим между собой. Он так восхищен

моими виньетками, что это вернуло ему вдохновение и он будет писать роман — только для виньеток».

Конечно, утверждение Гагарина, будто Пушкин написал сказки и собирается писать роман «только для виньеток», нельзя принимать всерьез. Но виньетки, очевидно, и в самом деле понравились Пушкину, и он решил издать свои произведения с иллюстрациями молодого художника.

Сообщение о виньетках к «новым сказкам в стихах» обогащает наше представление о Гагарине-иллюстраторе Пушкина. Известна виньетка Гагарина к «Сказке о царе Салтане» («Три девицы и царь» — ИРЛИ). «Сказка» была написана Пушкиным в августе 1831 г. и напечатана в 1832 г., в третьей части его стихотворений. Но в тексте письма говорится не об одной, а, по крайней мере, о двух сказках в стихах и, безусловно, новых — еще не изданных. Речь здесь может итти только о «Сказке о рыбаке и рыбке» и «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях». «Сказка о рыбаке и рыбке» была окончена Пушкиным несколько ранее, чем «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Когда Гагарин говорит об «издании 1-й сказки», он подразумевает, очевидно, «Сказку о рыбаке и рыбке».

К сожалению, иллюстрации Гагарина к указанным сказкам не сохранились; зато письмо Гагарина дает возможность уточнить время написания сказок.

Принято считать, что обе сказки написаны Пушкиным в Болдине, осенью 1833 г. Под текстом «Сказки о рыбаке и рыбке» стоит дата «14 октября 1833 г.», а под текстом «Сказки о мертвой царевне...»— «4 ноября 1833 г.». Это даты окончания сказок. Начало же работы поэта над ними падает на лето 1833 г. Уже в июле, до отъезда Пушкина в Оренбургскую губернию, Гагарин сообщал, что «Пушкин написал новые сказки в стихах».

В опубликованном письме к отцу от 6 (18) сентября 1833 г. Гагарин пишет: «Я уже говорил Вам о нашей с Пушкиным затее насчет виньеток, которая должна была принести нам много денег: она отложена на три месяца, Пушкин уехал в Оренбург с Соболевским, где он займется историческими разысканиями; пока что он доверил мне несколько неизданных стихотворений, которые смогут послужить для очень оригинальных рисунков» [4].

В числе стихотворений, переданных Гагарину Пушкиным в сентябре 1833 г., были «Гусар» и «Пред испанкой благородной» — «сюжетные» стихотворения, открывающие перед иллюстратором богатые возможности. Рисунок Гагарина «Гусар» находится в альбоме в собрании Государственного Русского музея [5]; там же — рисунок «La Terrasse» — иллюстрация к стихотворению «Пред испанкой благородной» [6], и на отдельном листе — акварель к этому стихотворению.

2 октября 1833 г. С. А. Соболевский писал Пушкину: «Так как об Ваших „Северных цветах“ ни слуху, ни духу, то издам я таковой ⟨альманах⟩, да издам на славу, с рисунками à l'eau forte, genre de Rembrandt Гагарина. Он малый с истинным талантом ⟨...⟩ У него прелестные рисунки к „Contes nocturnes de Hoffmann“ ⟨...⟩ Желал бы стихотворную пьесу повествовательную, способную к рисунку, ибо на нее-то напустил бы Гагарина» (XV, 84—85) [7].

Еще до отъезда Пушкина в Оренбургскую губернию, 19 (31) июля 1833 г., Гагарин сообщал матери, что Пушкин «собирается написать роман».

В июле 1833 г. Пушкин работал над повестью «Капитанская дочка». 5-м августа этого года помечено черновое предисловие к повести. О своих замыслах Пушкин, повидимому, рассказывал Гагарину, предложив ему

иллюстрировать повесть (или роман, как мог он выразиться в разговоре с художником). Но работа Пушкина над «Капитанской дочкой» затянулась; повесть была окончена уже после отъезда Гагарина в Турцию.

Из рисунков Гагарина к прозе Пушкина до нас дошли только два — оба к «Пиковой даме»: офорт «Германн у графини» и рисунок «Германн у гроба графини» (ИРЛИ). На офорте сделана надпись: «Повести А. П. MDCCCXXXIV»; его можно рассматривать как проект обложки или

ИЛЛЮСТРАЦИЯ Г. Г. ГАГАРИНА К СТИХОТВОРЕНИЮ ПУШКИНА «ПРЕД ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ»

Акварель, 1833 г.

Русский музей, Ленинград

титульного листа к изданию повестей Пушкина 1834 г. Повидимому, Гагарин предполагал исполнить серию рисунков к повестям Пушкина, но замысел этот остался неосуществленным.

Из дел опеки над детьми и имуществом Пушкина известно, что в 1844 г. было задумано иллюстрированное издание сочинений великого поэта. Тридцать иллюстраций для этого несостоявшегося издания, по словам Г. А. Строганова, были принесены Гагариным «в дар памяти» Пушкина. Из тридцати иллюстраций до нас дошло только три рисунка [8].

II

6 (18) марта 1834 г. Гагарин писал матери: «...Я очень благодарен папа за добрый совет больше искать общества зрелых и достойных людей, хотя его довольно трудно найти здесь; я рассчитываю следовать этому совету возможно чаще и по этому поводу могу сказать, что я нахожусь в самых лучших отношениях с Пушкиным, Жуковским, Одоевским...» [9]

В 1834 г. встречи Пушкина с Гагариным, несомненно, участились, так как 30 декабря 1833 г. Пушкин получил звание камер-юнкера (на девять месяцев позже Гагарина) — и оба они должны были присутствовать на балах и приемах в Зимнем дворце. В письмах Гагарина встречаются жалобы на светскую жизнь — она тяготит его, мешает творческой работе: «Единственное, чего я страстно желал бы, — это иметь время и не иметь никаких обязанностей в обществе».

В письме от 6 (18) марта 1834 г. Гагарин рассказывает матери о том, как он провел масленицу (масленица в 1834 г. приходилась на 25 февраля — 4 марта), о прогулках, завтраках с блинами, о костюмированном бале в доме Энгельгардта и большом бале в Зимнем дворце в последний день праздника.

В дневнике Пушкина за 1834 г. мы находим краткие записи, близкие по содержанию к письму Гагарина:

«28 ф е в р а л я. Протекший месяц был довольно шумен.— Множество балов, роутов etc. Масленица».

«6 м а р т а. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы (4-го марта) даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцовали мазурку, коей окончился утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд» (XII, 320).

В тот же день, 6 марта, Гагарин писал матери: «...и затем, чтобы достойно завершить время безумий, был большой день в Зимнем дворце, где только и делали, что танцовали, за исключением времени, которое было употреблено на завтрак, на обед и на маленький получасовой спектакль. Я спросил Пушкина, почему он позволил себе заставить Сальери отравить Моцарта; он мне ответил, что Сальери освистал Моцарта и что касается его, то он не видит никакой разницы между „освистать" и „отравить", но что, впрочем, он опирался на авторитет одной немецкой газеты того времени, в которой Моцарта заставляют умереть от яда Сальери (que Saliéri avait sifflé Mozart, et que pour lui il ne voyait point de différence entre siffler et empoisonner, que d'ailleurs il s'était appuyé de l'autorité d'une gazette allemande de l'epoque ou l'on fait mourir Mozart empoisonné par Saliéri)».

Тот разговор с Пушкиным, о котором пишет Гагарин, произошел 4 марта 1834 г. Достоверность переданных Гагариным слов поэта подтверждается сохранившейся в бумагах Пушкина заметкой о Сальери (1832). Заметка эта при жизни Пушкина не печаталась и не могла быть известна Гагарину. Ответ поэта Гагарину в основных чертах совпадает с текстом заметки, написанной Пушкиным в качестве возражения на сделанный ему упрек в том, что сюжет «Моцарта и Сальери» исторически не достоверен:

«В первое представление „Дон Жуана", в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта,— раздался свист; все обратились с негодованием, и знаменитый Салиери вышел из залы — в бешенстве, снедаемый завистию

Салиери умер 8 лет тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.

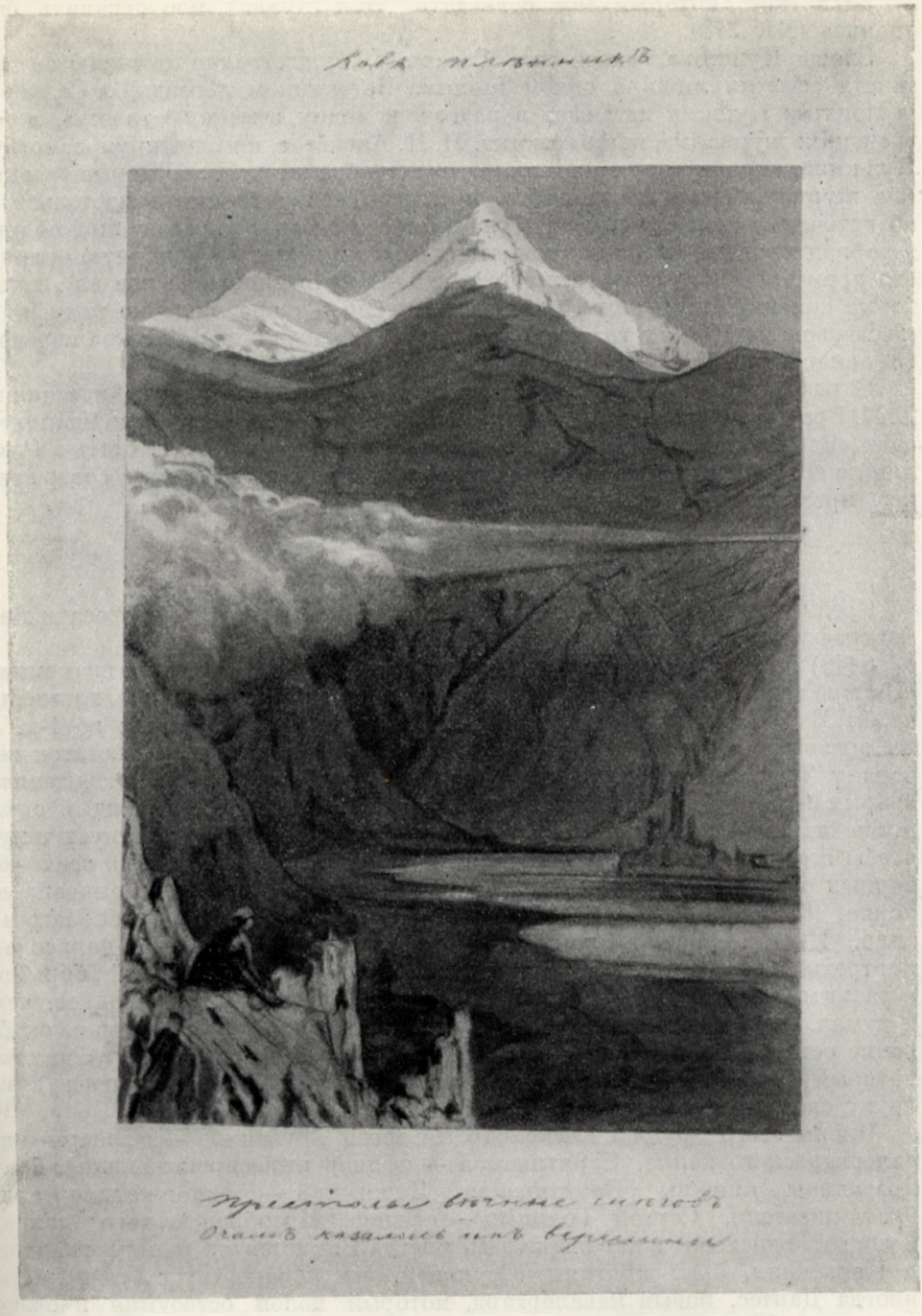


ИЛЛЮСТРАЦИЯ Г. Г. ГАГАРИНА К «КАВКАЗСКОМУ ПЛЕННИКУ» ПУШКИНА

Рисунок 1844 г.

Литературный музей, Москва

Завистник, который мог освистать „Дон Жуана", мог отравить его творца» (XI, 218).

Слова Пушкина, сказанные Гагарину, существенно отличаются от текста заметки лишь в одном пункте. Источником легенды о Сальери и Моцарте Пушкин называет в разговоре «одну немецкую газету», а не «немецкие журналы», как в заметке. М. П. Алексеев, комментируя заметку Пушкина, справедливо определил, что «...указание на „некоторые немецкие журналы" нельзя принимать в смысле непреложного свидетельства об источнике замысла пьесы; Пушкин мог и здесь с определенной целью дезориентировать своих оппонентов, критикующих легендарную основу его драматического сюжета, и перенести ответственность за нее на „некоторые немецкие журналы", не указанные более точно, подобно тому, как и всю свою маленькую трагедию он хотел первоначально выдать за перевод „с немецкого"» [10].

В разговоре с Гагариным Пушкин дал точную ссылку на источник. Е. М. Браудо указал в свое время, что источником легенды была лейпцигская «Всеобщая музыкальная газета», поместившая в 1825 г. статью Рохлица с сообщением, что Сальери на смертном одре признался в совершенном преступлении [11].

III

Среди писем Гагарина встречается одно, не лишенное интереса и для биографов Лермонтова.

6 (18) марта 1834 г. Гагарин сообщал матери о круге своих знакомых: «Вы мне говорите часто об обществе молодых людей. Мне бы не хотелось, чтобы Вы составили себе неправильное представление о нем; во 1-х, я им посвящаю очень мало времени; но иногда я иду провести остаток вечера у Трубецких, где собирается небольшое общество исключительно добрых и честных юношей, очень дружных между собой. Каждый сюда приносит свой небольшой талант и, в меру своих сил, способствует тому, чтобы весело и свободно развлечься, значительно лучше, чем во всех чопорных салонах. Однажды мы там пропели оперу „Немая" [12], от начала до конца, со всеми хорами; за роялем — Бахметев, а я в роли Мазаньелло. Иногда рисуют, и каждый по очереди позирует, я нарисовал портреты всего общества. Иной раз мы занимаемся гимнастикой, борьбой и разными упражнениями. Я здесь открыл, что я гораздо сильнее, чем я думал. После десятиминутной напряженной борьбы, под громкое одобрение остального общества, я бросил на пол Александра Трубецкого, который считается самым сильным из всей компании. Рассказываем друг другу свои приключения и т. д. и т. д.

Члены этого кружка Александр и Сергей Трубецкие — офицеры кавалергардского полка, Барятинский — офицер кирасирского полка, брат красавицы княжны Барятинской, Перовский — офицер-кавалергард, брат писателя, Сергей Голицын — офицер Преображенского полка, который переходит в кавалергарды, иногда Бахметев из конной гвардии и Нарышкин, брат княгини Юсуповой, из кавалергардского полка и иногда Дантес, новый кавалергард, который полон остроумия и очень забавен, и Жерве, тоже кавалергард.

Милая мама! Вы всегда меня упрекали в непостоянстве. Так вот я не изменился характером. Не так давно я писал Вам, что мои лучшие друзья Василий Кочубей и Огарев, а теперь кого я люблю больше всех, так это Сергей Трубецкой и Александр Барятинский».

Свидетельство Гагарина о содружестве молодых людей, собиравшихся у Трубецких, чтобы «весело и свободно развлечься», указывает, что связь Гагарина с некоторыми членами будущего «кружка шестнадцати» —

ИЛЛЮСТРАЦИЯ Г. Г. ГАГАРИНА К «БАХЧИСАРАЙСКОМУ ФОНТАНУ» ПУШКИНА

Рисунок 1844 г.

Литературный музей, Москва

близкими знакомыми Лермонтова — завязалась еще в 1834 г. К этому времени относится дружба Гагарина с Сергеем Васильевичем Трубецким и его знакомство с Николаем Андреевичем Жерве. Как известно, Трубецкой был впоследствии секундантом в дуэли Лермонтова с Мартыновым, а Жерве в 1837 г. служил вместе с Лермонтовым в Нижегородском драгунском полку. Оба они участвовали в 1840 г. вместе с поэтом в сражении при р. Валерик, а Жерве — в осенней экспедиции в Большую и Малую Чечню[13].

Гагарин называет в своем письме офицеров-кавалергардов, собиравшихся у Трубецких,— Бориса Алексеевича Перовского (1815—1881), брата писателя Антония Погорельского, командированного в 1839 г. на Кавказ и участвовавшего в экспедиции ген. Граббе; Дмитрия Ивановича Нарышкина (1812—1875), а также Сергея Федоровича Голицына (1812—1849), который вскоре (через двадцать дней) был переведен из Преображенского полка в кавалергарды, а в 1836 г. — откомандирован на Кавказ.

Членом этого содружества Гагарин называет и Александра Ивановича Барятинского (1815—1879), находившегося в 1832—1833 гг. вместе с Лермонтовым в школе гвардейских подпрапорщиков и выпущенного в 1833 г. корнетом в Гатчинский кирасирский полк.

А. Л. Зиссерман в статье «Фельдмаршал князь А. И. Барятинский» рассказывает о споре Лермонтова с А. И. Барятинским: «В 1834 или 1835 году, раз вечером, у кн. Т. было довольно большое собрание молодых офицеров, кавалергардов и из других полков. В числе их были Александр Ив. Барятинский и Лермонтов, бывшие товарищи по юнкерской школе. Разговор был оживленный, о разных предметах; между прочим, Лермонтов настаивал на всегдашней его мысли, что человек, имеющий силу для борьбы с душевными недугами, не в состоянии побороть физическую боль...»[14]

В приведенном нами отрывке, без сомнения, речь идет о вечере у кн. Трубецких, о том же собрании молодых офицеров, о котором пишет Гагарин[15].

При сопоставлении письма Гагарина с этим отрывком выясняется, что Лермонтов в 1834—1835 гг. бывал на собраниях у Трубецких и, следовательно, уже в это время был знаком с С. В. Трубецким и Н. А. Жерве.

Тот вечер у Трубецких, на котором присутствовали одновременно Лермонтов и Барятинский, состоялся, по всей вероятности, между 22 ноября 1834 г. (когда Лермонтов окончил юнкерскую школу и был произведен в корнеты лейб-гвардии гусарского полка) и апрелем 1835 г. (время отъезда Барятинского на Кавказ). Гагарина в эти дни уже не было в Петербурге.

Однако связь между юнкерской школой и кавалергардским полком была настолько тесной[16], что Гагарину, имевшему среди кавалергардов много друзей, и к тому же приятелю Барятинского, несомненно было известно имя Лермонтова. Возможно, что к 1834 г. относится и личное знакомство Гагарина с Лермонтовым.

В числе посетителей Трубецких был, как отмечает Гагарин, и «новый кавалергард» Дантес (определенный в кавалергарды 8 февраля 1834 г.). Здесь Лермонтов мог встречаться с будущим убийцей Пушкина. Вполне вероятно, что в характеристике Дантеса:

Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы... и т. д.

отразились личные впечатления Лермонтова.

ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА ОПЕРЫ «ФЕНЕЛЛА» ОБЕРА В ПОСТАНОВКЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА, 14 ЯНВАРЯ 1834 г.

Литография с рисунка Ив. П. Брюлло

Изображены актеры М. Д. Новицкая и К. Голланд

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. Савинов. Иллюстрации Г. Г. Гагарина к произведениям А. С. Пушкина.— «Архив опеки Пушкина» («Летопись Гос. лит. музея», кн. 5). М., 1939, стр. 422—426; А. Савинов. Лермонтов и художник Г. Г. Гагарин.— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 433—472.— В указанных статьях содержатся сведения о публикациях иллюстраций Гагарина к произведениям Пушкина.

[2] В. Белинский. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. VIII, СПб., 1907, стр. 280.

[3] Письма находятся в собрании П. Л. Вакселя № 1033 (Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Публикуются нами в извлечениях. — Подлин. на франц. яз.

[4] «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 441.

[5] Воспроизведен в «Архиве опеки Пушкина». М., 1939, стр. 424.

[6] Предположение о том, что рисунок «Le Terrasse»—иллюстрация к стихотворению «Пред испанкой благородной», выдвинуто А. Н. Савиновым («Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 441).

[7] О близком знакомстве Гагарина с Соболевским свидетельствует письмо Гагарина к матери от 19 (31) июля 1833 г.: «Соболевский нам еще ничего не прислал; он в Ревеле, я жду его с самым большим нетерпением».

[8] «Архив опеки Пушкина». М., 1939, стр. 418, 421, 422, 424—426.

[9] В архиве В. Ф. Одоевского (Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) хранятся два письма Гагарина к Одоевскому (повидимому, 1832 г. и 1850-х годов). К периоду 1832—1834 гг. относится рисунок Гагарина «Библиоман и Пиранези»—иллюстрация к повести Одоевского «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi».

[10] А. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. Л., изд. Акад. Наук СССР ⟨1-е изд.⟩, 1935, стр. 525.

[11] Е. Браудо. Моцарт и Сальери.— «Столица и усадьба», 1915, № 45, стр. 13—14; то же — сб. «Орфей. Книги о музыке», кн. 1. Пг., 1922, стр. 102—107. См. также цитированные выше комментарии М. П. Алексеева, стр. 525—526.

[12] Опера Обера «Немая из Портичи», или «Фенелла», была очень популярна в Петербурге в тридцатых годах, особенно среди гвардейских офицеров; упоминается в «Княгине Лиговской» Лермонтова. (Подробнее о ней см. в статье: Б. Нейман. Лермонтов и театр.— «Октябрь», 1938, № 12, стр. 236—237.) Хор из «Фенеллы» был исполнен на благотворительном концерте в доме Энгельгардта 13 апреля 1834 г., при участии братьев Гагариных (Григория и Евгения), В. Ф. Одоевского и др. На этом вечере был Пушкин (см. об этом заметку в «Северной пчеле», 1834, № 86, от 16 апреля, а также «Дневник Пушкина». Под ред. Б. Модзалевского. М.—Пг., 1923, стр. 155—156).

[13] Фактические сведения о С. В. Трубецком и Н. А. Жерве приведены в статье: Э. Герштейн. Лермонтов и кружок шестнадцати. — «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова». Сб. статей под ред. Н. Бродского и др. М., Гослитиздат, 1941. См. также «Сборник биографий кавалергардов». Под ред. С. Панчулидзева, т. IV, 1826—1908. СПб., 1908.

[14] «Русский архив», 1888, кн. I, стр. 113; то же — П. Щеголев. Книга о Лермонтове, т. I. Л., 1929, стр. 159.

[15] М. Ашукина-Зенгер в сообщении «О воспоминаниях В. В. Бобарыкина о Лермонтове» («Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 741—745, 755), давая характеристику отношений Лермонтова и Барятинского, цитирует А. Зиссермана и указывает, что «кн. Т.», несомненно, А. В. Трубецкой, что «другого князя Т. в 30-х годах в кавалергардском полку не было». Между тем, в указанных выше воспоминаниях речь идет о вечерах у братьев Трубецких (А. В. Трубецкого и С. В. Трубецкого, который также служил в кавалергардском полку и был приятелем Гагарина и Лермонтова).

[16] С. Панчулидзев. История кавалергардов, т. IV. СПб., 1912, стр. 92.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА «В ГОЛУБОМ НЕБЕСНОМ ПОЛЕ»

Публикация Т. Цявловской

Необычна судьба этого автографа. Пушкин случайно заложил листок в какой-то словарь, где он оказался как бы погребенным. Книга случайно оказалась потом не в библиотеке Пушкина, а среди книг его брата. Перелистывая спустя долгие годы словарь, Лев Сергеевич увидал листок с черновыми стихами, узнал руку поэта и с волненьем стал разбирать написанное.

Выйдя на следующий день на прогулку (дело было в Одессе, в 1850 г., где доживал свой век нестарый, но больной Лев Сергеевич), он зазвал к себе встретившихся ему молодого чиновника Б. М. Маркевича, впоследствии известного реакционного публициста и романиста, и молодого поэта Н. Ф. Щербину, только что выпустившего в Одессе свой первый сборник стихов, положительно встреченный критикой. Экспансивному Льву Сергеевичу не терпелось поделиться своей находкой; к тому же, он рассчитывал, что молодые люди помогут ему разобрать трудный черновик.

«Мы пришли втроем к нему на дом,— вспоминал через тридцать лет Маркевич.— На письменном столе его кабинета лежали два пожелтевшие листка: один величиною в четвертушку, другой несколько подлиннее и с оборванным углом.

— Вообразите,— сказал он, взяв последний из них в руки,— вчера в старом словаре нашел у себя неизвестный оригинал брата!

Щербина кинулся к нему.

— Автографы в е л и к о г о! — воскликнул он восторженно,— позвольте прикоснуться благоговейными устами!..

Он склонился над бумагою. Лев Сергеевич был видимо тронут этим и поцеловал его в голову.

— Четыре стиха разобрал,— прелесть! — заговорил он опять.— А дальше не мог, перемарано очень; да и глаза ослабели; не поможете ли вы, господа?

Мы, разумеется, поспешили приняться за работу.

Четыре начальные, разобранные Львом Сергеевичем, быстрою рукою написанные стиха известны теперь всем:

Ночь темна. В небесном поле
Ходит Веспер золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...

Затем следовало десять или двенадцать строк, с приписками на полях, но и те и другие были, действительно, так помараны широкими, очевидно нетерпеливыми размахами пера, что, кроме нескольких отрывочных слов,

которые привести в связь между собою мы никакой не находили возможности, ничего разобрать было нельзя. А между тем, судя по началу, какое обещалось тут новое сокровище!..

Побились мы втроем с полчаса времени и отступились!» [1]

Познакомил Лев Сергеевич с найденным им автографом и молодого чиновника, сотрудника плюшаровского энциклопедического словаря, театрального переводчика М. Н. Лонгинова, впоследствии литератора-библиографа, эволюционировавшего от умеренного либерализма своей молодости к самой крайней реакции. Лонгинов опубликовал «это бесподобное четверостишие» [2] через несколько лет в таком чтении:

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой...

Тексту предшествовало объяснение: «...отрывок найден был братом поэта Л. С. Пушкиным, от которого я узнал его. Кажется, это начало стихотворения под заглавием: „Марино Фальеро“» [3].

Вскоре после открытия автографа — 19 июля 1852 г.— Лев Сергеевич умер. П. И. Бартенев, начинающий пушкинист, будущий редактор «Русского архива», собиравший материалы для биографии Пушкина, обратился с просьбой к опекуну детей Л. С. Пушкина, С. А. Соболевскому,— «поискать в его ⟨Льва Сергеевича⟩ бумагах писем Пушкина. Из нижегородской деревни прислана была пачка писем, всего 34» [4]. В октябре 1853 г. Бартенев снял с писем Пушкина к брату копии, пометив под ними: «Эти письма пришли из Болдина от супруги Льва Сергеевича. При них было еще: 1) клочок бумаги, весь измаранный черновыми стихами Пушкина, из которых можно разобрать:

есса
Догар[ала] молодая
В голубом эфире
Светит месяц молодой
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой,

да и эти зачеркнуты, кроме пятого; еще около 10 стихов совсем нельзя прочесть».

Сбоку Соболевским написано: «приложение № IV (у Соб⟨олевского⟩)» [5].

Дело в том, что Соболевский переплел письма Пушкина к брату в сафьяновый переплет и в конце подклеил несколько приложений, среди которых был и автограф стихотворения о доже и догарессе.

В 1858 г. Соболевский, с разрешения вдовы Льва Сергеевича, передал письма Пушкина к брату в новый журнал «Библиографические записки», который и открылся их публикацией. В примечании редакция сообщала, что подлинники хранятся у Соболевского, и перечисляла приложения к письмам, соединенным в одну тетрадь. Среди приложений назывался и знакомый нам «клочок бумаги» с почти таким же чтением текста, как у Бартенева [6].

В 1870 г. автографы писем Пушкина к брату были переданы в Румянцевский музей; но «приложения IV» — «клочка бумаги» со стихами — при них уже не было [7].

Как мы видели, еще в 1856 г. М. Н. Лонгиновым было высказано предположение, что это — «начало стихотворения под заглавием „Марино Фальеро“».

Марино Фалиери (Фальеро) был избран венецианским дожем в середине XIV столетия (1354), в эпоху, когда в республике господствовал олигархический режим купеческой патрицианской верхушки и роль

дожа как главы исполнительной власти была ничтожна. Готовилось восстание демократических слоев, к которому примкнул и восьмидесятилетний Фалиери. Накануне дня, назначенного для выступления, заговор был раскрыт, дож арестован и приговорен к смертной казни — вместе с заговорщиками. Через два дня, 17 апреля 1355 г., с «лестницы гигантов» дворца дожей скатилась голова Марино Фалиери, отсеченная палачом. Такова история.

Предание говорит, что Фалиери вошел в заговор по личному поводу. Один патриций позволил себе оскорбить молодую жену дожа а затем и его самого. Разгневанный старик подал жалобу в сенат, который наложил на обидчика ничтожное взыскание.

Трагическая судьба Марино Фалиери вдохновляла художников во всех областях искусства. Гофман написал о нем новеллу (1819), Байрон — драму (1820), Казимир Делавинь — трагедию (1829), Кольбе (младший), Делакруа, Ш.-О. Гэ и Робер-Флери — картины (1816, 1829, 1833 и 1845), Доницетти — оперу (1835). И позднее, во второй половине XIX века, немецкие писатели — Крузе, А. Линднер, Мурад Эффенди, Валлот — интерпретировали трагедию венецианского дожа в драматической форме; английский поэт Свинбэрн посвятил ему лирико-дидактическое стихотворение».

Что именно направило мысль Пушкина к образу старого венецианского дожа Марино Фалиери, государственная деятельность которого обрывается трагической смертью, — неизвестно.

Несомненно лишь то, что образ злосчастного Марино Фалиери под пером Пушкина должен был озариться новым светом, как наполнялись глубоким психологическим содержанием образы Дон Жуана и Клеопатры, Мазепы и Дмитрия Самозванца, Анджело и Изабеллы, и других трагических героев мировой литературы — от обращения к ним гения Пушкина.

* * *

Прошло сто лет с того дня, когда случайная находка автографа, затерянного Пушкиным, сделала стихотворение достоянием читающей России. За это время ученые писали статьи о сюжете стихотворения, о его датировке [8], поэты дописывали за Пушкина его стихотворение [9]. Недоставало только одного — текста Пушкина.

И вот, в 1951 г. черновой автограф Пушкина обнаружила студентка Историко-архивного института, Оксана Эрастовна Богданова, в альбоме автографов из собрания М. П. Полуденского (редактора «Библиографических записок») в Государственном историческом музее в Москве [10]. Молодая исследовательница натолкнулась на черновой автограф, вклеенный в альбом; на обороте полоски, на которой держался автограф, было написано: «А. С. Пушкин».

Нахождение места листка в тетради Пушкина дало бы возможность точнее датировать текст. По почерку и по черным чернилам автограф напоминает черновики «Медного всадника» и в особенности стихотворения «Чу! пушки грянули». Тем самым, его можно предположительно датировать осенью 1833 г.[11] Последние слова инородного текста отчеркнуты от черновика стихотворения штриховкой; внизу страницы один из стихов заштрихован характерной для рукописей Пушкина тридцатых годов формой удлиненного эллипсиса. Оборот листа — чистый.

Отрезан текст стихотворения от листа был, бесспорно, самим поэтом. Отсутствие на нем нумерации красными чернилами, делавшейся жандармами на рукописях Пушкина после его смерти, подтверждает то, что он не попался им на глаза; иначе говоря, он, очевидно, покоился в словаре.

Вот транскрипция текста новонайденного автографа:

[Ночь тиха] небесномъ
[воздушномъ]
[Догаресса молодая] полѣ
[въ голубомъ] [эѳирно⟨мъ⟩]
свѣтитъ Весперъ
[блещетъ] [мѣсяцъ] золотой —
[я]
Старый Дожъ плыве[тъ] въ гондолѣ
- -
Съ догарессой молодой — —
[Неб⟨о⟩] [Море тихо], [Ночь безмолвна]*
[Внемлютъ] [море блещетъ]
[Ночь] Не [вечеръ⟨?⟩]
[Вѣтеръ] [Ночь] [не] [трепещетъ]
[Не вiется⟨?⟩]
[Флагъ не трепещетъ]
[Вед⟨...⟩] [всюду] [слышенъ] [запахъ розъ]
[Бучентавра гордый флагъ]
[и лав⟨ра⟩]
[Ночь] [Вол⟨....⟩] [Возд⟨ухъ⟩] [дышитъ]
[за⟨пахъ⟩⟨?⟩]
[Запахъ мирта], [запахъ лавра]
[Воздухъ полнъ] [дыха⟨нья⟩]
[Флагъ] [Воздухъ] Ночь полна ⟨дыханья лавра⟩**
[Запахъ розъ] дремлютъ флаги
[Флагъ надменый]
темное [Буче⟨нтавра⟩]
[вiется] [вi⟨ется⟩] Буче⟨нтавра⟩
Море [Не и⟨граетъ⟩ ⟨?⟩] [играетъ]
молчитъ [мгла]
[Ночь безмолвна и тепла]
[дремлетъ] морская мгла
[Ноч⟨ь⟩] [Н⟨очь⟩ ⟨?⟩]
[морская мгла]

Повидимому, текст возникал под пером поэта в следующей последовательности; первым был записан стих:

Догаресса молодая

Затем он был зачеркнут, и были написаны два стиха:

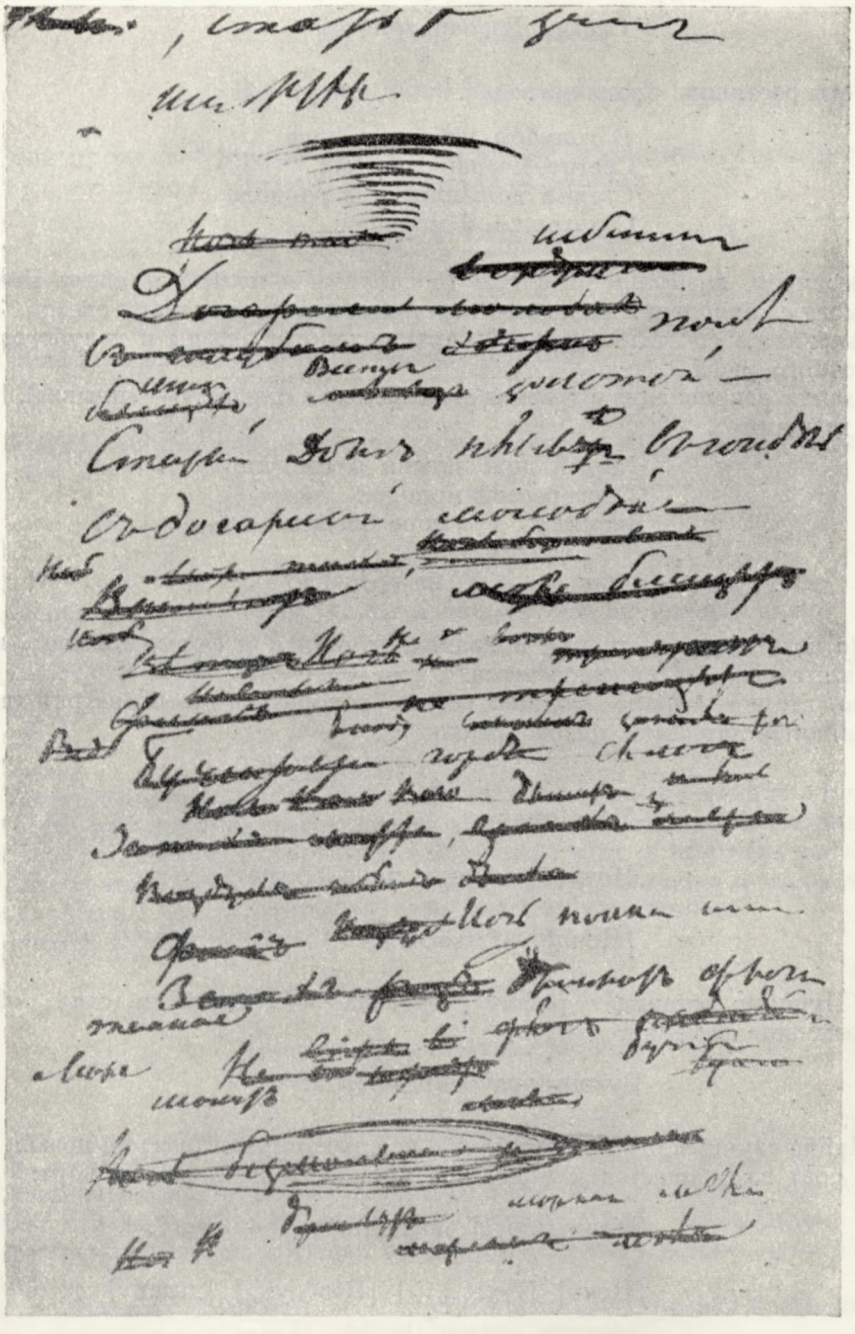
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой

Выше были записаны к ним рифмы «поле» и «золотой», к которым подбирались стихи:

В голубом эфирном поле
*
В голубом воздушном поле
*
В голубом небесном поле

---

* Ночь безмолвна *зачеркнуто, восстановлено и вновь зачеркнуто.*
** *В рукописи условный значок.*



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «В ГОЛУБОМ НЕБЕСНОМ ПОЛЕ», 1833 г. (?)

Исторический музей, Москва

Блещет месяц золотой
*
Светит Веспер золотой

Четверостишие сложилось:

В голубом небесном поле
Светит Веспер золотой,
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Веспером называли римляне (а за ними и поэты) планету Венеру, в момент ее появления после заката солнца; иначе — вечерняя звезда. Этим и объясняется сочетание в одной картине золотой звезды и голубого, еще не ночного, неба.

Сделав исправление в третьем стихе (вместо «плывет» — «плывя»), Пушкин продолжал:

Старый дож плывя в гондоле
С догарессой молодой
Внемлют море блещет
〈 〉
Флаг не трепещет

Но поэт тут же отменил поправку, вернулся к форме «плывет» и закончил строфу и синтаксически.

Во второй строфе должно было говориться о безветрии ночи; появляются варианты пятого стиха:

Море блещет
*
Море тихо
*
Ночь безмолвна море блещет
*
[Ночь] [Неб〈о〉]

Тут Пушкин оставляет рифму «трепещет — блещет» и стих «Флаг не трепещет» заменяет стихом:

Бучентавра[12] гордый флаг

Найдя звучный стих с новым, еще не слыханным в русской поэзии словом, поэт возвращается к описанию ночи в Адриатическом море:

Запах мирта, запах лавра
*
[Ночь] [Вол〈....〉] [Воз〈дух〉] [дышит]
*
Слышен запах роз и лав〈ра〉
*
Всюду запах роз и лав〈ра〉
*
Воздух полн дыха〈нья лавра〉
*
[Флаг] [Воздух]

Возникает другое окончание стиха:

флаг надменный
*
Не играет флаг надменный
*
Не виется флаг надменный

Стих принимает другой вид. Новое слово переносится в конец стиха, рифмуя со стихом: «Воздух полн дыханья лавра»:

Флаг надменный Буче⟨нтавра⟩

Но мысль и образ концентрируются в одном стихе:

Дремлют флаги Бучен⟨тавра⟩.

Строфа завершается гармоническим стихом:

Ночь безмолвна и тепла

К нему пишется рифма: «мгла» и сочиняются неполные варианты стиха:

Дремлет мгла
*
морская мгла

Но стих: «Воздух полн дыханья лавра» еще не удовлетворяет поэта, и он записывает начало стиха: «Ночь полна», ставя после него условный значок, служащий указанием: и так далее, как уже было написано, то есть:

Ночь полна ⟨дыханья лавра⟩

Тем самым стих: «Ночь безмолвна и тепла» уже не может оставаться в строфе, поэт вычеркивает его (как вычеркивает и возникшее в каком-то повороте мысли начало первого стиха: «Ночь тиха, в небесном поле»).

Вместо этого второго стиха второй строфы он записывает опору нового стиха: «Море молчит», а затем и эпитет: «темное».

Вторая строфа получает, наконец, такой вид:

Ночь полна ⟨дыханья лавра⟩
⟨ ⟩
Дремлют флаги Бучентавра.
Море темное молчит.

Тут — вся картина, вернее — ощущенье южной ночи: и запах, и тепло, и, может быть, неверный, таящий в себе тревогу, покой моря.

Однако вводить в «окончательный» текст стихотворения эту строфу нельзя: она недоработана, нехватает целого стиха. Приходится брать предыдущую редакцию строфы, в которой нехватает только одного полустишия.

Эта редакция не несет в себе ощущения надвигающейся трагедии, которая чувствуется в стихе: «Море темное молчит».

Музыкальность этих строк достигается сочетаниями плавного звука *л* с гласными, особенно с *а*, звучащими во всей строфе: *ла*вра, мг*ла*, фл*а*ги, теп*ла*.

Эта строфа невольно вызывает в памяти слова Пушкина о стихах Батюшкова: «Слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна» (XII, 274)

Вот этот «окончательный» текст стихотворения, или, лучше сказать, начала стихотворения, как оно вычитывается по черновому автографу:

[В голубом] небесном поле
Светит Веспер золотой —
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.
[Воздух полн] [дыха‹нья лавра›],
морская мгла,
Дремлют флаги буче‹нтавра›,
[Ночь безмолвна и тепла].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Б. Маркевич. Письмо к редактору «Варшавского дневника» Н. Н. Голицыну. — «Варшавский дневник», 1880, № 110, от 26 мая. Вторично (уже после смерти Маркевича) напечатано в «Русском вестнике», 1888, № 9, стр. 426—430.

[2] Этими словами определил Лонгинов текст в своем рукописном «Собрании разных стихотворений и прозаических статей А. С. Пушкина, не вошедших в издания его сочинений». Местонахождение подлинного сборника Лонгинова нам неизвестно. Мы пользовались в качестве одного из рукописных источников текстов стихотворений Пушкина для академического издания копией этого сборника, сделанной по заказу С. Д. Полторацкого и им выправленной (см. II, кн. 2, 1012).

[3] М. Лонгинов. Библиографические записки. XVIII. Два неизданных отрывка Пушкина (1827).— «Современник», 1856, № 7, отд. V, стр. 11.

[4] Примечание П. Бартенева к статье «Пушкин в Южной России».— «Русский архив», 1866, стб. 1194.

[5] М. Цявловский. Из пушкинианы П. И. Бартенева. I. Тетрадь 1850-х годов.— «Летописи Гос. лит. музея», кн. 1. Пушкин. М., 1936, стр. 499.

[6] Лишь первое слово в печати осталось без исправления: «Догорала молодая».— Да в третьем стихе глагол «светит» был заменен — «блещет» (см. «Библиографические записки», 1858, № 1, стб. 1). Очевидно, публикация эта принадлежала П. И. Бартеневу. Возможно, что ему принадлежит и вся публикация писем Пушкина к брату.

[7] См. М. Цявловский. Ук. соч., стр. 499.

[8] См. Н. Лернер. Стихи Пушкина о Марино Фальери.— «Русский библиофил», 1913, № 2, стр. 25—31; Ю. Оксман. К вопросу о дате стихов Пушкина о старом доже и догарессе молодой.—«Русский библиофил», 1915, № 3, стр. 92.

[9] А. Н. Майков пытался закончить стихотворение Пушкина. См. «Старый дож» («Нива», 1888, № 17, стр. 426—427); вошло в собрание сочинений Майкова. Второй поэт, написавший продолжение стихотворения Пушкина, был М. Славинский («Догаресса» — «Север», 1896, № 29, стр. 998—999).

[10] Гос. истор. музей в Москве. Отдел письменных источников. Фонд А. Д. Черткова (№ 445), ед. хр. 105, ч. 151 г, л. 40.

Автограф представляет собой небольшой листок (174 × 114 мм) плотной белой бумаги без водяных знаков. Правый и нижний края являются фабричными краями листа обрезанной бумаги. По верхнему краю листок отрезан от большого листа (являясь, очевидно, восьмушкой фабричного листа), причем конец находившегося там текста (четыре слова) попал на отрезанную часть; по левому краю листок оборван. Может быть, по бумаге и по линиям обреза и обрыва удастся установить, не вырезан ли листок из какой-либо рабочей тетради Пушкина. Однако утверждение Б. Маркевича, что листок был с оборванным углом, затемняет картину. Сейчас он ровный. Не обрезал ли его Соболевский, монтируя альбом писем Пушкина к брату? Или, может быть, Полуденский, монтируя свой альбом?

[11] В академическом издании собрания сочинений Пушкина отрывок «Ночь светла; в небесном поле» датирован 1824—1836 гг. (III, кн. 2, 1294).

[12] Бучентавром (или буцентавром) называлась длинная галера, нос которой был украшен фигурой бучентавра — мифологического быка с человеческим туловищем. Галера эта, роскошно отделанная золотом и скульптурой, служила только для празднества обручения венецианского дожа с морем — в знак господства Венеции над Адриатическим морем. Празднования эти, начавшиеся в XIV в., оборвались в конце XVIII в. вместе с потерей Венецией самостоятельности.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ПУШКИНУ

ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО, К. Ф. КАЛАЙДОВИЧА, А. А. КРАЕВСКОГО и В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публикация В. Ерофеева, Ю. Оксмана и Ф. Приймы

1. К. Ф. КАЛАЙДОВИЧ — ПУШКИНУ

⟨Москва. 3 ноября 1827 г.⟩

М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩
Алекс⟨андр⟩ Сергеев⟨ич⟩!

Извините безвестного любителя отечественной истории, который решился написать несколько строк к поэту, которого [славное имя] талант давно уже приводит в восторг современников, обещая в грядущем неувядаемую славу певцу всеми любимому.

Склонитесь на моление археолога-журналиста и украсьте первую книжку предполагаемого издания Вашим образцовым произведением; а что у Пушкина не образцовое?

Содержание моего журнала, если знать желаете, историческое и литературное. Название: «Русский Зритель», журнал истории, археологии, словесности, критики и..... мод.

Поручая себя благосклонности Вашей, остаюсь всегда с чувством признательности к Вам [восторга], удивления.

К. К.

Москва
3 ноября 1827 г.

Мой адрес: К. Ф. К⟨алайдовичу⟩ в Арх⟨иве⟩ Иностр⟨анной⟩ кол⟨легии⟩ в Москве.

На обороте: Александру Сергеевичу Пушкину.

Черновой автограф. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив К. Ф. Калайдовича. Беловой текст неизвестен.

Константин Федорович Калайдович (1792—1832) — известный исследователь древнерусской письменности, деятельный член Общества истории и древностей российских и знаменитого Румянцовского кружка, один из основателей русской археографии и палеографии. В 1827 г. Калайдович предпринял попытку издания собственного журнала «Русский зритель». В этом же году он тяжело заболел и руководство «Русским зрителем» (который начал выходить в 1828 г.) взяли на себя друзья и родственники издателя, в том числе почитатель его и ученик — М. П. Погодин.

Участие Пушкина в «Московском вестнике», несомненно, укрепило в Калайдовиче надежду основать собственный журнал по примеру Погодина, «при благословении Пушкина», и могло послужить непосредственной причиной его обращения к поэту. Не исключена возможность, что перед отправлением письма Калайдович заручился соответствующей рекомендацией Погодина. Из письма Пушкина к Погодину, написанного не позднее 17 декабря 1827 г., видно, что письмо Калайдовича было получено

адресатом. Хорошо зная о научных заслугах Калайдовича, Пушкин был все же вынужден ответить ему отказом. «Извините меня перед Калайдовичем,— писал он Погодину,—у меня чисто ничего не осталось после здешней альманашной жатвы, а писать еще некогда» (XIII, 350).

В библиотеке Пушкина сохранились две книги Калайдовича: «Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских» (М., 1821) и «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей» (М., 1825) (Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина. — «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1909, №№ 170—171).

Никаких других документов об отношениях Калайдовича с Пушкиным до нас не дошло.

Ф. Прийма

2. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — ПУШКИНУ

〈Петербург. 10—17 марта 1836 г.〉

Вот статья Козловского. Он позволяет переправить ее в языке как угодно. Какие же будут требования от цензуры, то нужно его уведомить.— Не худо было бы тебе приложить к ней от себя мадригальное объяснение, особенно и для того, чтобы обратить на нее внимание читателей, которые могли бы испугаться сухого заглавия.

Что письмо Тургенева?

Автограф. ЦГИА. Фонд П. Б. Козловского (№ 955, оп. 1, ед. хр. 9).

Записка не датирована. Написана на клочке простой бумаги без водяных знаков. Адресат ее устанавливается на основании упоминаемых в ней статьи Козловского и письма Тургенева. Авторство Вяземского устанавливается по его характерному почерку.

П. Б. Козловский находился в России со второй половины 1835 г. — до середины 1836 г. и, как известно, сотрудничал в «Современнике» Пушкина. В публикуемой записке речь идет об одной из трех статей Козловского, напечатанных в «Современнике». Две из них редактировались Пушкиным в 1836 г., третья — В. Ф. Одоевским в 1837 г. Однако записка Вяземского не может быть адресована к Одоевскому, потому что редактированная последним статья «О теории паровых машин» была получена им непосредственно от Козловского, о чем свидетельствует письмо автора к Одоевскому от 4 июля 1837 г. (см. стр. 133—134 настоящего тома).

Не может записка Вяземского относиться и к статье Козловского «О теории вероятности», помещенной во II томе «Современника» 1836 г., так как в ней не было острого политического материала, способного вызвать цензурные затруднения. В записке Вяземского говорится, несомненно, о статье Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника», напечатанной Пушкиным в «Современнике», 1836, т. I. В этой статье, насыщенной острыми замечаниями политического характера, Козловский выступил сторонником популяризации науки в России не только в привилегированных классах, но и в «нижних» слоях общества. В ней он приветствовал промышленное развитие России и отстаивал самобытность русской науки, указывая на русского ученого Эйлера как на одного из ученых мирового значения. Низкопоклонникам перед иностранной наукой Козловский напоминал также о славянском ученом Гевелиусе, который участвовал в вычислении знаменитой кометы Галля. Статья была направлена целиком против политики правительства в области науки и давала достаточно поводов для придирок цензуры. Вот почему Вяземский проявляет беспокойство. Он пишет: «Какие же будут требования от цензуры, то нужно его 〈Козловского〉 уведомить».

Связь записки Вяземского с названной статьей подтверждается и упоминанием «письма» Тургенева. Действительно, одновременно со статьей Козловского готовилась к печати в первом томе «Современника» и статья А. И. Тургенева под названием «Париж. (Хроника русского)» (ее историю см. на стр. 119, 123, 127—130 настоящего тома).

Характерно, что, боясь «сухого» заглавия статьи Козловского, Вяземский советует своему адресату предпослать ей небольшое вступление («мадригальное объяснение»), «для того, чтобы обратить на нее внимание читателей». Заглавие статьи «Разбор Парижского математического ежегодника» Вяземский называл «сухим» и в письме к И. И. Дмитриеву (от 13 апреля 1836 г.), давая положительный отзыв о статье уже после выхода в свет номера журнала («Русский архив», 1868, № 4-5, стр. 647).

Таким образом, адресатом записки Вяземского является, бесспорно, Пушкин — редактор первого тома «Современника».

Дата написания записки устанавливается с точностью до одной недели — 10—17 марта 1836 г.

7 марта 1836 г. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу в Париж, что «письмо» его «получено исправно, прочтено с благодарностью и с жадным вниманием, отдано переписывать для „Современника“ и скоро будет напечатано» («Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, стр. 305). А около 17 марта (не ранее) Пушкин отвечал Вяземскому явно на публикуемую нами записку: «Ура! Наша взяла. Статья Козловского прошла благополучно; сейчас начинаю ее печатать. Но бедный Тургенев! ... все политические комеражи его остановлены» (XVI, 92).

Найденная записка свидетельствует о том, что статья П. Б. Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника» поступила в «Современник» через Вяземского, принимавшего горячее участие в судьбе статьи А. И. Тургенева «Париж» и помогавшего Пушкину в собирании и организации материала для журнала.

В. Ерофеев

3. А. А. КРАЕВСКИЙ и В. Ф. ОДОЕВСКИЙ — ПУШКИНУ

<Петербург. Начало августа 1836 г.>

Убежденные в том, что существование двух Журналов в одном и то<м> же духе издаваемых может только вредить им обоим, мы предлагаем следующие условия:

1-е. Испросить к 1837-му году * дозволение на издание Современника в 12 книжках.

2-е. Александру Сергеевичу взять на себя выбор статей, суд над книгами по чисто литературной части; нам же все сие вполне предоставить по чисто ученой части.

3-е. Такое разделение не снимает с нас обязанности участвовать и в литературной части Современника доставлениями в оную ** повестей и разборов литературных *** книг, но в сем случае принятие или непринятие даже наших собственных статей предоставляем суду Алекс<андра> Сергеевича. Мы желаем быть полными хозяевами лишь в ученой части.

4-е. Набор, печатание, своевременный выход книжек, словом, все хозяйственные хлопоты мы берем на себя — а в конце года составляем в оных отчет ****.

5-е. Александр Сергеевич обязывается в каждый № поместить хотя одну свою статью стихотворную или прозаическую.

6-е. Денежный расчет делается следующим образом: из общей суммы отсчитываются издержки на Типографию, бумагу, выписку Журналов и плату книгопродавцам за комиссию. За сим [издержки] вся остальная сумма делится на 3 ровных части; из коих одна Александру Сергеевичу, две другие нам; на покупку литературных статей [Алек.] употребляет деньги Александр Сергеевич, на покупку ученых — мы.

---

* к 1837-му году — *вписано над строкой.*
** *Первоначально:* в оный
*** литературных — *вписано слева на полях.*
**** *Со слов:* а в конце — *вписано позднее.*

В силу такого распоряжения ни одна из высоких договаривающихся сторон не имеет более права требовать особенного * возмездия за свои статьи в какую бы часть они ни попали.

NB. Таким образом, полагая подписную цену Современника в 50 и полагая на напечатание 240 листов (по 20 в книжке) 15 000 р., и на книгопродавцев 5000 р. при тысяче подписчиков, каждый может получить 10 000 р., при 2000-х подписчиков — по 25 000 р. Учреждение своей книжной лавки, что уже приготовляется, значительно уменьшит издержку ** на плату книгопродавцам за комиссию.

[С] согласие[м] Александра Сергеевича на сии условия будет иметь следствием деятельное участие нас обоих в Современнике нынешнего года (и по самой сходной цене) — как для составления статей, так и для хозяйственных распоряжений, корректуры и проч. и проч.

Краевский. Одоевский.

⟨Приписано карандашом рукою Краевского:⟩

Если печатать 1200 экз., то,
полагая по 75 р. за лист = 11700
переплет 1500
книгопрод. 6000
иностр. журналы 2000
картинки

21200 ***
[переводы 3000]
36400

[Если это вычесть из 60 000, останется 23 600].

Автограф. ИРЛИ. (Фонд 244, оп. 17, № 116). Из собрания бумаг Пушкина, изъятых из архива поэта П. В. Анненковым и оказавшихся затем в семье симбирского литератора В. Н. Назарьева; в 1931 г. эта коллекция была приобретена Гос. библиотекой СССР им. В. И. Ленина («Труды Публичной библиотеки им. Ленина», т. III. М., 1934, стр. 11—13). Первая информация о находке неизвестного письма к Пушкину дана была нами в «Лит. наследстве», т. 16-18, 1934, стр. 1136. (См. также «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 234.)

Все письмо писано рукою В. Ф. Одоевского (не исключая и подписи «Краевский») на двух полулистах бумаги обычного канцелярского формата, без водяных знаков. Текст занимает правую половину листа, левая же оставлена свободной, очевидно для замечаний Пушкина. Письмо не датировано, но время его написания определяется довольно точно, ибо угроза противопоставить Пушкину новый журнал в случае несогласия поэта на коренную реорганизацию «Современника» осуществлена была В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским 16 августа 1836 г. подачей министру народного просвещения и начальнику Главного управления цензуры С. С. Уварову особой докладной «Записки об издании книги под названием Русский сборник». Записка эта уточняет, однако, не только дату письма, посвященного проекту делового соглашения о будущем «Современника»; она свидетельствует и о том, что Пушкин не принял предложенных ему условий.

Самый план организации Одоевским и Краевским большого журнала энциклопедического типа, который мог бы, учитывая опыт «Библиотеки для чтения», успешно с нею конкурировать в деле завоевания массового читателя, не являлся для Пушкина новостью[1]. Больше того, великий поэт сам деятельно участвовал в обсуждении проектов этого издания осенью 1835 г. (XVI, 28) и обещал, видимо, его инициаторам свое монопольное участие на тех же, примерно, условиях, которые положены были в основу его соглашения с О. И. Сенковским и А. Ф. Смирдиным при организации «Библиотеки

---

* особенного — *вписано позднее.*

** *Переправлено из*: уменьшится издержка

*** *Итог этот повторен в последней строке после цифры 23 600 и зачеркнут.*

для чтения». Однако отсутствие денежных средств для создания прочной материальной и технической базы будущего издания не позволило приступить к его реализации ни в 1835, ни в 1836 г. Поэтому, вероятно, и Пушкин, не рассчитывая на «Северный зритель», вынужден был 31 декабря 1835 г. обратиться к царю через Бенкендорфа с просьбой о разрешении ему «в следующем, 1836, году издать 4 тома статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Reviews» (XVI, 69). Характерно, что Пушкин в своем письме не пользуется еще термином «журнал», ничего не говорит о его названии, а, самое главное, ограничивает будущее издание рамками одного лишь 1836 г. Первая печатная информация о «Современнике», сделанная, очевидно, со слов самого Пушкина, была исключительно лаконична: «Александр Сергеевич Пушкин, в нынешнем 1836 году, будет издавать литературный журнал под названием: „Современник“»[2]. Неудивительно поэтому, что недели две спустя после объявления о подписке на «Современник» один из ближайших его сотрудников, В. Ф. Одоевский, писал С. П. Шевыреву: «Краевский думает с 1837 года издавать большой Энциклопедический журнал (но это секрет) — и „Наблюдатель“ хорошо бы сделал, если бы к нам присоединился. Мы вам доставим нашу программу и наши условия»[3]. После того как программа будущего журнала была получена и обсуждена московскими друзьями Одоевского и Краевского, В. П. Андросов 4 марта 1836 г. писал последнему: «Секрет ваш я принял к сердцу. Дай бог, чтобы ваша затея не походила на многое другое на нашей святой Руси... На „Современник“ вам надеяться не должно.—Если „Современник“ будет хорош и пойдет удачно, т. е. выгодно, то едва ли Пушкин выпустит его из рук; если же обманет общие ожидания, то такое приготовление почвы будет для вас не прибыльно. Мой опытный совет — не надеяться ни на кого, заготовить самим или приготовить бедную трудящуюся молодежь»[4].

Советы В. П. Андросова пригодились. Печатаемое в настоящем томе письмо Краевского к И. М. Снегиреву от 3 апреля 1836 г. (см. стр. 121—122) представляло собою широко развернутую программу «Северного зрителя» и ни одним словом не касалось «Современника», первый том которого должен был выйти в свет через несколько дней.

Первая книга «Современника» выпущена была Пушкиным в свет при ближайшем участии Гоголя, взявшего на себя все редакционно-технические и типографские хлопоты по изданию[5]. При комплектовании и печатании второй книги функции Гоголя перешли к Одоевскому и Краевскому, участие которых в «Современнике» было особенно деятельным во время пребывания Пушкина в первой половине мая 1836 г. в Москве (XVI, 107, 114, 117).

Поездка Пушкина в Москву, основной целью которой было расширение общественно-литературных связей и укрепление материальной базы журнала, не привела к положительным результатам. «Современник», замалчиваемый или дискредитируемый в петербургских газетах и журналах, не встретил сочувствия ни в Москве, ни в широких кругах провинциальных читателей. Как журнал чисто литературный и выходящий притом только четыре раза в год, «Современник» мог рассчитывать на успех лишь в сравнительно узком кругу передовой интеллигенции, но и последняя, горячо откликнувшись на первую книжку журнала, отрицательно реагировала на альманашный характер второй книги и на салонно-академическое толкование в ней сотрудниками Пушкина самых актуальных общественно-политических и литературно-философских проблем. (См. статьи Белинского о «Современнике» в «Молве» от 30 апреля и 3 августа 1836 г.) Критики «Современника» не располагали сведениями о том, что сам Пушкин еще не мог вплотную заняться своим журналом, а наиболее значительные и актуальные произведения, намеченные для журнала, не доходили до читателя, оставаясь в портфеле редакции или в цензурном комитете. Журнал Пушкина состоял на особом учете не только в Главном управлении цензуры, но и в III Отделении: «Тяжело, нечего сказать,— писал Пушкин в августе 1836 г. Д. В. Давыдову,— и с одною цензурою наплящешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели <...> Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче» (XVI, 160).

Чем больше втягивался Пушкин в практическую работу журналиста, тем явственнее обозначалась пропасть, отделявшая его от идеологов крепостнической государственности, тем резче определялись его ненависть и презрение к ним. Самым большим врагом Пушкина и его журнала был министр народного просвещения, начальник Главного управления цензуры и президент Академии Наук С. С. Уваров. Выдвинувшийся в первые ряды николаевской администрации благодаря своей близости к Бенкендорфу[6], Уваров в докладной записке от 4 декабря 1832 г. о деятельности Министерства народного просвещения прокламировал «православие, самодержавие и народность» как «истинно-русские охранительные начала», подлежащие закреплению во всех областях идеологической работы. Утверждая в этой же своей записке, что «в нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, умственных плотин», Уваров в 1835 г., как свидетельствует А. В. Никитенко, еще более откровенно определил свою политическую миссию: «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»[7].

Певец разума и свободы, автор «Медного всадника» и «Истории Пугачева», Пушкин был, конечно, глубоко ненавистен Уварову и много терпел от его сателлитов. В свою очередь, однако, и Пушкин немало сделал для дискредитации всесильного министра, публично заклеймив его в сатире «На выздоровление Лукулла». Против Уварова и его фаворита Дондукова-Корсакова направлена была и знаменитая эпиграмма Пушкина «В Академии наук заседает князь Дундук». Таким образом, приступая к изданию своего журнала, Пушкин не имел никаких оснований рассчитывать на то, что его политические враги не сведут с ним заодно и личные счеты: Уваров был начальником Главного управления цензуры, а Дондуков-Корсаков — председателем Петербургского цензурного комитета. Силы противников были настолько неравными в этой борьбе, что на долговечность «Современника» не надеялись даже ближайшие его сотрудники. Они уверены были в том, что Пушкин или вовсе откажется от продолжения «Современника» в следующем году или вынужден будет пойти на коренную его реорганизацию.

Потребность в реорганизации «Современника» диктовалась, однако, не только причинами материального или тактического порядка. Тотчас же после выхода в свет первой книжки журнала определилась неудовлетворенность Пушкина той платформой прогрессивного литературного фронта, задачи которого сформулированы были в статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и вполне отвечали интересам как старых литературных друзей Пушкина (Жуковский, Вяземский, Плетнев), так и молодых сотрудников «Современника», враждебных «Библиотеке для чтения» и «Северной пчеле». Еще более болезненно воспринято было всем окружением Пушкина его решительное отчуждение после поездки в 1836 г. в Москву от той литературно-общественной группировки, лидеров которой некоторое время и сам он ошибочно рассматривал как своих, если не единомышленников, то союзников. Мы имеем в виду журнал «Московский наблюдатель», объединявший в эту пору Шевырева, Погодина, Андросова, Баратынского, Киреевских, Хомякова, Языкова, Павлова и других литераторов, в оценке позиции которых Пушкин неожиданно сошелся не с своими товарищами по работе в «Современнике», а с Белинским, громившим «Московский наблюдатель» за его реакционную апологию салонной дворянской культуры, за его идеализацию докапиталистических форм политической и экономической жизни, за его презрение к демократии, за его мессианистическую философию, за его фальшиво-претенциозный православный пиэтизм, за его антинародную эстетику. Не случайно в «Современнике» не нашлось места для статей Шевырева, Погодина, Андросова, в то время как именно с этими литераторами Одоевский и Краевский сговаривались за спиной Пушкина о создании нового журнала.

Если Краевского прежде всего возмущала бесхозяйственность Пушкина, его неумение организовать распространение издания и наладить правильные отношения с нужными для журнала людьми[8], то у Одоевского были гораздо более серьезные основания для недовольства Пушкиным. Так, например, несмотря на высокую оценку его участия в «типографических хлопотах» по «Современнику» (XVI, 93, 107, 114), Пушкин не очень дорожил им как автором и консультантом, не раз отклонял предлагаемые им

публикации (XVI, 100, 210, 211) или откладывал их из номера в номер (XVI, 100. Ср. «Современник», 1836, т. III, стр. 48—53). В свою очередь, и Одоевский не мог быть на стороне Пушкина ни в его борьбе с Уваровым, ни в его спорах с сотрудниками «Наблюдателя», а «Современник» он уже в середине 1836 г. открыто называл неудавшимся и даже «дурным журналом»[9].

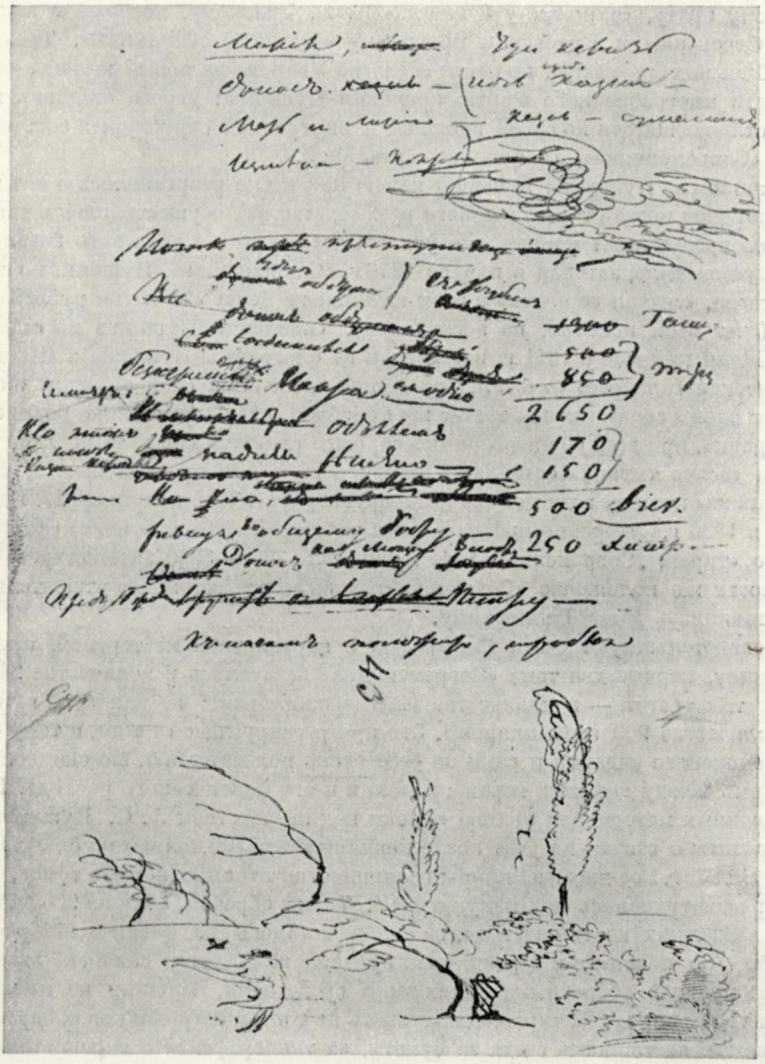


РИСУНОК ПУШКИНА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ ПОЭМЫ «ПОЛТАВА», 1828 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Переговоры Одоевского и Краевского о замене или реорганизации «Современника» вступили в новую фазу после того, как их планы получили покровителя в лице самого Уварова. И Одоевский, и Краевский являлись чиновниками его министерства. Первый из них работал в Комитете иностранной цензуры, а второй состоял помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Поняв, что реализацией нового журнала будет нанесен самый сильный удар «Современнику», и притом не извне, а изнутри, министр потребовал, однако, внесения в проект «Северного зрителя» некоторых изменений, гарантировавших, на его взгляд, согласие царя на новое издание

Под воздействием Уварова Одоевскому и Краевскому пришлось перестроить задуманный ими большой журнал на трехмесячник под названием «Русский сборник».

Издание это проектировалось при деятельном участии Б. А. Враского, чиновника III Отделения и владельца типографии, в которой печатался «Современник». Не имея права, по роду своей службы, быть официальным редактором журнала, Враский поручает представительство своих интересов в редакции «Русского сборника» своему двоюродному брату, «чиновнику 8 класса» А. В. Враскому, который и подписывает вместе с Одоевским и Краевским программу «Русского сборника»[10]. Трехмесячник не сулил больших барышей[11], но самое согласие Уварова на новый журнал открывало возможности многообразного шантажирования Пушкина: угроза создания журнала, почти не отличающегося по своей внешней и внутренней структуре и составу сотрудников от «Современника», становилась реальной.

Этот нажим на Пушкина, имевший целью не только реорганизацию его журнала, но и отстранение поэта от фактического руководства им, осуществлялся в такой тяжелый для «Современника» момент, что успех Одоевского и Краевского казался несомненным. В самом деле, затевая в начале 1836 г. «Современник», Пушкин, по свидетельству Плетнева, «считал верными» в этом издании не менее «25 тысяч рублей» годового дохода[12] (счет был, конечно, на ассигнации). Ожидания Пушкина не оправдались. Правда, Белинский еще в 1841 г. в рецензии на биографию Пушкина в «Портретной и биографической галлерее» отметил, что Пушкин, начиная свой журнал, «без всякой программы одним своим именем тотчас же приобрел себе более тысячи подписчиков»[13]. Но эта справка, при всей ее категоричности, была слишком обща, тем более, что слова «тотчас» и «более тысячи» оставляли широкое поле для предположений, что тираж «Современника» к концу года мог значительно возрасти. Так, например, М. Гус в статье «Пушкин в 1836 г.» уверенно информировал читателей «Красной нови» сто лет спустя о том, что «тираж „Современника“ не превышал 2000—3000 экземпляров»[14]. В действительности же положение «Современника» было гораздо менее утешительным, чем это представлялось даже Белинскому.

Как свидетельствуют счета типографии и переплетной мастерской, представленные Пушкину, первые два тома «Современника» печатались в количестве 2400 экземпляров[15], том третий — в количестве 1200 экземпляров[16] и, наконец, четвертый — всего в количестве 900 экземпляров[17]. Это прогрессирующее от тома к тому снижение тиража подписного издания и само по себе очень показательно. Но еще более характерен разрыв между цифрами тиража издания и его фактического расхода. В недавно опубликованных материалах архива «Опеки над имуществом А. С. Пушкина» оказались документы о взятии на учет после кончины поэта 109 полных комплектов «Современника» за 1836 г. Все же экземпляры излишне отпечатанных первых томов, не попав в опись, рассматривались как макулатура[18]. Таким образом, если из 900 экземпляров IV тома, вышедших из типографии, на складе осталось 109, фактический расход «Современника» по подписке и в розничной продаже не достигал даже 800 экземпляров.

Не располагая оборотными денежными средствами, Пушкин не имел возможности при таком скромном тираже оплачивать не только сотрудников «Современника», но даже самые неотложные счета за бумагу, за типографские и переплетные работы. Долговые обязательства по изданию журнала росли изо дня в день, подрывая и без того тяжелое материальное положение поэта. Для выхода из финансового тупика Пушкин вынужден был 8 августа 1836 г. пойти на заем 7000 р. у ростовщика Шишкина под залог шалей, жемчуга и столового серебра[19]. Характерно, что когда какие-то слухи о возможности реорганизации «Современника» дошли до такого ловкого и осведомленного журнального предпринимателя, как А. Ф. Воейков, он в письме к Краевскому от 29 августа 1836 г. не выражал никаких сомнений в том, что Пушкин пойдет на любое соглашение с Одоевским и Краевским для спасения «Современника», «не имеющего,— как он замечал,— и полутораста иногородних подписчиков»[20].

Как же реагировал Пушкин на предложенные ему условия? Материальная их сторона не могла вызвать с его стороны никаких возражений, особенно после неудачного опыта его единоличного руководства изданием. Не мог протестовать Пушкин и против освобождения его от «всех хозяйственных хлопот» по журналу. Но совер-

шенно неприемлемо для Пушкина разрешался его будущими товарищами по работе вопрос о его участии в редактировании всего того материала, который не входил в «чисто литературную часть» журнала. В печатаемом нами письме Одоевского и Краевского этот пункт условий формулирован был на первый взгляд весьма деликатно: «Александру Сергеевичу взять на себя выбор статей, суд над книгами по чисто литературной части; нам же все сие вполне предоставить по чисто ученой части». Что же входило в «чисто литературную часть» журнала и что называлось в нем «ученой частью»? Четкий ответ на этот вопрос давал детально разработанный в этих разделах план «Русского сборника», согласно которому предстояло перестроиться и «Современнику». В литературную часть «Русского сборника» входили стихотворения и художественная проза. В разделе же «науки» должны были печататься «статьи по всем без исключения отраслям человеческого ведения, изложенные языком общепонятным». При отсутствии специального общественно-политического отдела в рубрику «науки» должны были войти все статьи по русской и мировой истории, статьи политико-экономические, статьи по всем разделам философии, статистические обзоры и т. п. Специальная оговорка в письме Одоевского и Краевского: «мы желаем быть полными хозяевами лишь в ученой части» (как характерно это «лишь»!)— не оставляла никаких сомнений в том, что Пушкин отстранялся от контроля за общественно-политической частью издания. Это отстранение было глубоко продуманной тактической операцией; этим покупалось благосклонное отношение к будущему журналу и III Отделения, и Главного управления цензуры, и Министерства народного просвещения. Недаром в записке об издании «Русского сборника» его инициаторы просили Уварова принять их журнал «под особенное покровительство и давать ему по временам направление, как изданию, назначаемому действовать в духе благих попечений правительства о просвещении в России, изданию бескорыстному, чуждому неблагонамеренных расчетов, а тем менее каких-либо сторонних несогласных с духом правительства видов»[21].

Таким образом, именем Пушкина Одоевский и Краевский рассчитывали прикрыть официозный характер будущего «Современника», а гарантией 25 тысяч в год за участие в журнале купить его безоговорочную капитуляцию перед Уваровым.

Разумеется, Пушкин отверг эти условия. Он ответил на них прежде всего усилением своей работы для «Современника», чтобы сделать этот журнал достойным своего имени. К августу 1836 г. относятся статьи Пушкина «Джон Теннер», «Вольтер», «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности». В то же время (около 14 августа) он заканчивает свое замечательное «Письмо к издателю», в котором впервые дает определение литературно-политического курса «Современника». В это письмо Пушкин включает блестящую характеристику молодого Белинского и своим демонстративным приветом автору статей «Литературные мечтания», «О русской повести и повестях Гоголя», «Стихотворения В. Бенедиктова», «Ничто о ничем», «О критике и литературных мнениях Московского наблюдателя» — отмежевывается от его врагов даже в кругу ближайших сотрудников «Современника». Перед Пушкиным встает вопрос о союзе с Белинским[22]. Ни Одоевский, ни Краевский в этих условиях его журналу были не нужны. Им же ничего больше не оставалось, как уйти из «Современника», передав Уварову все материалы, необходимые для утверждения их в правах редакторов-издателей «Русского сборника». И лишь циническая резолюция Николая I: «И без того много», положенная 16 сентября 1836 г. на докладной записке Уварова о желательности разрешения издания «Русского сборника»,— избавила Одоевского и Краевского от противопоставления «Современнику» Пушкина затеянного ими рептильного органа[23].

Ю. Оксман

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы об организации «Северного зрителя» и «Русского сборника» см. в статье: А. Могилянский. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок».—«Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии», 1949, № 3, стр. 209—214.

[2] «Северная пчела», 1836 № 27 от 3 февраля. (Разрядка наша.)

[3] А. Могилянский. Ук. статья, стр. 214.

[4] ГПБ. Архив Краевского, т. А, лл. 270—272.

[5] «Атеней», 1924, кн. I-II, стр. 15—17.

[6] «Русский архив», 1885, № 3, стр. 366—376. О тесном контакте Уварова с руководителями III Отделения см. также в кн.: М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., изд. 2. СПб., 1909, стр. 82—85, 425, 443—447.

[7] А. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1904, стр. 267. Ср. письмо П. А. Вяземского от 24 мая 1832 г.: «По здешним слухам Уваров всплыл на воду и попал в товарищи министра составлением mémoire против освобождения крестьян, который он поднес государю. От Уварова все станется» («Звенья», IX, 1951, стр. 370).

[8] Позиция Краевского в «Современнике» определяется его высказываниями, опубликованными в журн. «Русская старина», 1889, № 9, стр. 709—710; там же, 1904, т. 118, стр. 570; «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 716—717.

[9] «Русский архив», 1864, стб. 1021 (статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», предназначавшаяся к печати в 1836 г.). В четвертой книжке «Современника» В. Ф. Одоевский уже не участвовал, а статья его «Как пишутся у нас романы», напечатанная в книжке третьей, в портфеле Пушкина была еще с весны 1836 г. (XVI, 100). О невозможности для Одоевского сотрудничать в «Современнике» после истории с «Русским сборником» свидетельствует его письмо от 28 сентября 1836 г. к Шевыреву: «Мне Волконский сказывает, что вы, господа, хотите прекратить издание „Наблюдателя". Бога ради, не делайте этого; я хотел издавать журнал, но мне не позволили, следственно все мои труды, приготовлявшиеся для моего журнала, пойдут к вам и я буду прилежно трудиться. Издавайте только аккуратнее — за успех можно ручаться. „Наблюдатель" входит в моду. Если вы прекратите его, тогда в нашей литературе некуда плюнуть будет. Возьмите меня в пайщики вашего журнала, и я вам обещаю много сотрудников. Или же переведите ваш „Наблюдатель" сюда, в Петербург, или будемте издавать пополам — одну книжку вы, другую мы, или же одну часть вы, а другую мы». (Письмо это опубликовано А. П. Могилянским, указ. соч., стр. 220.) Не добившись соглашения с «Московским наблюдателем», Одоевский деятельно участвует в реорганизации «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», взятых в аренду Краевским с 1 января 1837 г. Охлаждение отношений Пушкина с его недавними сотрудниками не было тайною для ближайших друзей поэта. Так, М. Л. Яковлев, рекомендуя Пушкину 15 января 1837 г. своего племянника Л. А. Якубовича как дельного редакционно-технического работника, писал: «Завербовали его покамест Краевский с братьею, да кажется хотят его надуть; и не велят даже и подписываться в статьях прозаических. По-моему уж если работать за деньги, так уж лучше для „Современника", нежели для „Инвалида"» («Лит. архив», М.— Л., 1938, стр. 30).

[10] Как влиятельного сотрудника III Отделения Враского характеризует Погодин (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, 1890, стр. 344). Ср. А. Могилянский. Ук. статья, стр. 219; «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 252.

[11] Компромиссный характер «Русского сборника» уясняется материалами переписки В. П. Андросова с А. А. Краевским в «Ученых записках Ленингр. гос. университета», вып. 2, 1941, стр. 33—34.

[12] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, 1896, стр. 294.

[13] «Отеч. записки», 1841, № 2, отд. VI, стр. 77. Ср. В. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1901, стр. 529.

[14] «Красная новь», 1936, № 11, стр. 132.

[15] «Литературный архив», т. I. М.—Л., 1938, стр. 24 и 27.

[16] «Прожектор», 1929, № 11, от 17 марта, стр. 22.

[17] «Пушкин и его современники», вып. XIII, СПб., 1910, стр. 97 и 105.

[18] «Архив опеки Пушкина». М., 1939, стр. 117.

[19] «Пушкин и его современники», вып. XIII, стр. 98.

[20] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 г.». СПб., 1894, прилож., стр. 3.

[21] А. Могилянский. Ук. статья, стр. 218.

Ошибочное представление о том, что проект «Современника» Одоевского и Краевского якобы «отвечал интересам Пушкина», получило выражение в докладе В. В. Ерофеева о «Современнике» на Третьей пушкинской конференции в июне 1951 г. («Известия Отделения литературы и языка Академии Наук СССР», 1951, № 5, стр. 522). Полагая почему-то, что Одоевский и Краевский в этой операции (одобренной Уваровым и Бенкендорфом!) являлись «представителями растущего в русском обществе либерализма», Ерофеев не понял литературного и политического смысла печатаемого выше письма.

[22] Об этом см. «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 233—235.

[23] Публикуемое нами письмо Одоевского и Краевского к Пушкину, формулируя условия только одной из договаривающихся сторон, никак нельзя толковать как проект некоего двустороннего договора, хотя бы и чернового. Это не деловой документ, а письмо. Эпистолярный характер обращения к Пушкину подтверждается не только подписями Одоевского и Краевского, но и шутливой сентенцией о «высоких договаривающихся сторонах», невозможной, разумеется, в деловом документе.

ПУШКИН ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ 1820—1840 гг.

I. С. Д. ПОЛТОРАЦКИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ.— II. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ.—III. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ИМЕНИ ПУШКИНА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статьи В. Нечаевой и Ф. Приймы

Изучение вопроса о проникновении в западноевропейские литературы сведений о русской литературе первой половины XIX в. не привлекало достаточного внимания наших исследователей.

Какими путями и при посредстве каких лиц шла пропаганда русской литературы на Западе?

Каково значение той довольно многочисленной журнальной информации о русской литературе, которая в те годы появилась в иностранной прессе?

Какими представали русская литература и русские писатели указанного времени перед западноевропейской читающей публикой?

Как освещалось на Западе творчество Пушкина и его великая роль?

Серьезных, обобщающих исследований, отвечающих на эти вопросы, у нас пока еще нет.

Большинство работ, посвященных теме «Пушкин на Западе», являются по своему характеру библиографическими и описательными. Исключение представляет работа М. П. Алексеева, которая, однако, по указанию самого автора, не претендует на исчерпывающее разрешение темы, а лишь стремится к тому, «чтобы ввести в оборот некоторые забытые или малоизвестные источники и попутно поставить ряд вопросов, подлежащих более углубленному исследованию» (М. Алексеев. Пушкин на Западе.— «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 3. М.—Л., 1937, стр. 105).

Предлагаемые статьи ставят себе ограниченные цели: во-первых, раскрыть роль двух русских пропагандистов Пушкина в Западной Европе — С. Д. Полторацкого и П. А. Вяземского; во-вторых, показать некоторые этапы острой полемики, которая велась во французской критике первой половины XIX в. вокруг имени Пушкина. Эта полемика являлась отражением борьбы за и против признания национальной самобытности русского народа, его культуры и литературы, за и против признания той великой роли, которую ему предстояло играть в дальнейшей истории Европы.

Редакция

I. С. Д. ПОЛТОРАЦКИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ

Роль С. Д. Полторацкого — пропагандиста русской литературы на Западе и в особенности во Франции — не получила до настоящего времени надлежащей оценки. А между тем мимо его литературной деятельности не может пройти исследователь, изучающий вопрос о мировой известности русской литературы в первой половине XIX в.

Среди многочисленных работ Полторацкого особенную ценность представляют его статьи во французской прессе, которыми он стремился возбудить в иностранных читателях интерес к творчеству Пушкина, а порою вынужден был опровергать клевету, распространяемую вокруг имени великого русского поэта.

Статьи Полторацкого в «Revue encyclopédique» (за подписью S. P. и S. P—y) появились в начале 1822 г.[1] Однако его литературная деятельность началась несколько ранее. Первое упоминание имени Пушкина во французской прессе, анонимная заметка в февральском номере «Revue encyclopédique» за 1821 г., обратившая на себя внимание самого поэта, который собственноручно переписал ее в свою тетрадь,— повидимому, также принадлежит перу Полторацкого.

«Недавно изданное в нашем городе произведение,— сообщалось в заметке, якобы полученной из Петербурга,— привлекло внимание всех друзей словесности; это романтическая поэма в 10 песнях[2], озаглавленная „Руслан и Людмила". Автору ее, г. Пушкину, бывшему воспитаннику Царскосельского лицея, ныне состоящему при генерал-губернаторе Бессарабии, всего 22 года. Эта поэма составлена из народных сказок времени великого князя Владимира. Она полна первостепенных красот; язык ее, то энергический, то грациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора».

М. А. Цявловский правильно заключил, что написать приведенную заметку мог только русский, притом хорошо знакомый с русской литературной жизнью. Мы вправе предположить в авторе этой заметки также стремление установить контакт с радикальным «Revue encyclopédique» и содействовать международной известности пребывавшего в изгнании молодого поэта. В 1821 г. С. Д. Полторацкий в полной мере обладал названными данными.

Еще юношей, находясь в Одесском Ришельевском лицее (1817—1820), Полторацкий выделялся среди других воспитанников большими способностями и общим развитием[3]. В 1818 г. из Петербурга в Одессу приехал Арман Сен-При, отец одного из воспитанников лицея. 6 июля этого года в письме к А. Н. Оленину он сообщал: «Я приехал сюда, чтобы присутствовать на экзамене в Лицее. По истечении шести месяцев, прошедших со времени его открытия,— успехи поразительные. Один из Ваших племянников, молодой Полторацкий, подает самые прекрасные надежды»[4].

В архиве Полторацкого (Государственная публичная библиотека в Ленинграде) хранится письмо к нему помощника директора Одесского Ришельевского лицея Жилле Реми от 10 января 1820 г. Реми дает воспитанникам разрешение учредить литературное общество («La Societé littéraire du Licée-Richelieu») и обещает им свое содействие. Нам не известен полностью ни состав членов этого общества (точнее сказать — кружка), ни его направление. Несомненно, однако, что помимо Полторацкого и Михаила Петковича, членом его был Алексис Сен-При (1805—1851), находившийся в дружеских отношениях с молодым Полторацким. В 1823 г. в Париже, Алексис Сен-При издал книгу своих переводов из Озерова, Фонвизина, Крылова и Шаховского («Chefs d'oeuvres du théâtre russe»),

Из переписки Пушкина известно, что в 1827—1828 гг. между великим поэтом и Полторацким существовали довольно тесные, можно даже сказать дружеские, отношения. Но вопрос о том, при каких обстоятельствах и когда именно встретились и подружились Пушкин и Полторацкий, до сих пор не решен. Между тем не исключена возможность, что еще до своего отъезда из Петербурга в Одессу (то есть до конца 1817 г.) пятнадцатилетний Полторацкий в доме у своего дяди А. Н. Оленина мог не только слышать о талантливом молодом поэте-лицеисте, но даже встречаться с ним.

С. Д. ПОЛТОРАЦКИЙ
Литография Г. Гауптэнгеля, 1846 г.
Исторический музей, Москва

Трудно, наконец, представить себе, что прибытие Пушкина на юг в мае 1820 г. не вызвало у воспитанников Ришельевского лицея желания познакомиться с опальным поэтом. Встречи отдельных лицеистов с Пушкиным могли происходить не только в самой Одессе, но и за ее пределами, на юге России. Воспоминания Е. М. Маркевича, А. Сумарокова, Н. Г. Тройницкого, равно как и статья Александра де Рибаса «Ареопаг о Пушкине» [5], рассказывают о восторженной любви воспитанников Одесского лицея к великому поэту. Культ Пушкина, установившийся среди одесских лицеистов, несомненно, имеет свою историю, к сожалению, до сих пор не изученную. В специальной литературе мы не находим никаких достоверных свидетельств о том, что Пушкин посещал Одесский лицей ранее июля 1823 г. или познакомился до этого времени с кем-нибудь из воспитанников лицея. Однако существует указание, что знакомство Полторацкого с Пушкиным началось в годы южной ссылки поэта [6].

Вот, например, что писал в 1851 г. П. В. Анненков в неопубликованном письме к Полторацкому:

«Уделите часть Ваших воспоминаний о нем и особенно о времени пребывания его на Юге России — на Кавказе, в Кишиневе и в Одессе, которое составляет совершенный пробел в воспоминаниях его здешних друзей. Собственное мое убеждение и общий голос всех интересующихся этим изданием указывают на Вас, как на человека, который один может сообщить необходимую полноту биографии Пушкина. Примите участие в этом деле. История Вашего знакомства с Пушкиным и заметки Ваши о его сочинениях, обстоятельствах его жизни и мнениях составят драгоценнейшее приобретение для биографии» [7].

Воспоминаний о Пушкине Полторацкий не оставил. Возможно, что его отказ выполнить просьбу Анненкова объяснялся соображениями цензурного характера.

Отъезд Полторацкого из Одессы, по его собственным словам (см. стр. 306), относится к 1820 г. и, следовательно, познакомиться с Пушкиным в Одессе он не мог. Но, быть может, память изменила ему и в действительности он пробыл в Одессе не до 1820 г., а до мая 1821 г., когда поэт провел там две недели [8]. Не исключена, наконец, возможность кратковременного приезда С. Д. Полторацкого в Одессу в мае 1821 г.

Упомянутая выше анонимная заметка в февральском номере «Revue encyclopédique» за 1821 г., повидимому, явилась для Полторацкого началом его участия в названном журнале, длившегося целый ряд лет. Автором ее был именно он: новое упоминание о творчестве Пушкина в октябрьском номере «Revue encyclopédique» за 1822 г., в статье, которая уже бесспорно принадлежит Полторацкому, не только содержит ссылку на анонимную заметку, но в известном смысле представляет собою развитие ее содержания.

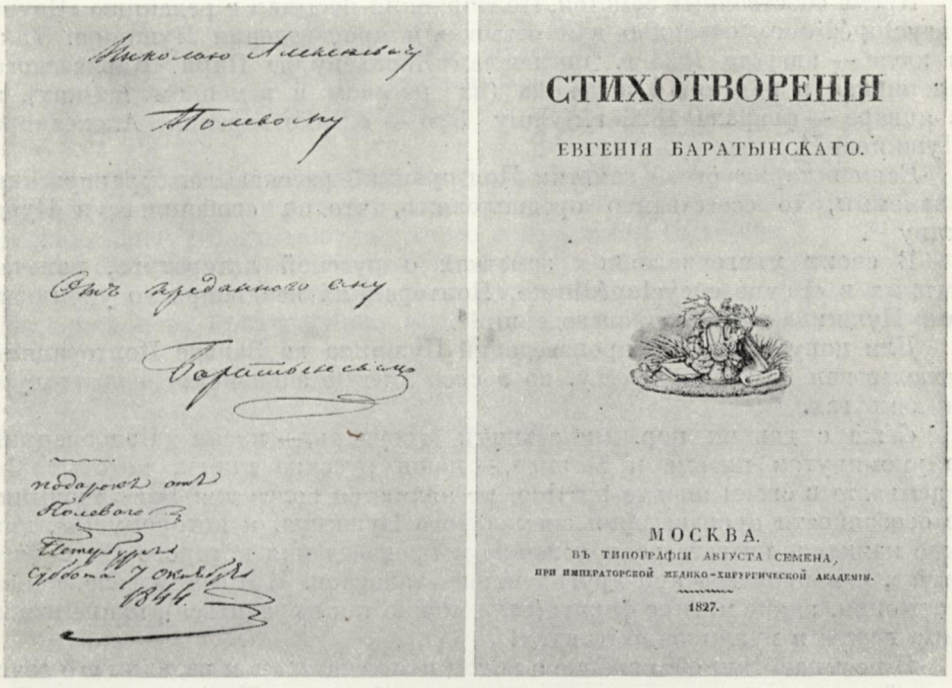
Перечислив в этой статье имена тех из русских писателей, чьи произведения встречаются на страницах «Сына отечества», Полторацкий заканчивал перечень именем Пушкина: «...наконец, Александр Пушкин, юный воспитанник Аполлона, автор поэмы „Руслан и Людмила“ (см. т. IX, с. 382), исполненной вдохновения, поэзии и возвышенных идей оды „Вольность“ и очаровательной пьесы в стихах под названием „Деревня“, в которой вслед за восхитительной и правдивой картиной природы и деревенских наслаждений он скорбит о печальных последствиях крепостного права и варварства, выражая в проникнутых силой и энергией стихах сладостную надежду на восхождение над своей родиной прекрасной зари свободы. Эти оставшиеся не изданными два последние произведения послужили для правительства поводом для преследований этого молодого поэта, отправленного в ссылку в Бессарабию» [9].

Статья подписана «S. P—y». Эта подпись никаких трудностей для расшифровки не представляла. А между тем не только писать статьи, в которых восхвалялись запрещенные произведения Пушкина, но и вообще сотрудничать в передовом парижском органе — «Revue encyclopédique» было для русских корреспондентов в то время небезопасно. Недаром П. А. Вяземский в письме от 21 мая 1824 г. просил редактора «Revue encyclopédique», Марка-Антуана Жюльена де Пари, не называть его открыто своим корреспондентом: «Можно, кажется, утверждать, что один из Ваших корреспондентов уже потерпел по службе за те сведения о литературе, которые он Вам посылал. По крайней мере, такой слух прошел у нас при немилостях, обрушившихся на одного молодого офицера» [10].

Согласно предположению С. Н. Дурылина, молодым офицером, пострадавшим по службе за участие в «Revue encyclopédique», был Петр Андреевич Габбе. Однако доводы С. Н. Дурылина следует признать неосновательными, так как никаких данных о связи П. А. Габбе с «Revue ency-

clopédique» С. Н. Дурылин привести не мог. Мы полагаем, что в названном письме к Жюльену Вяземский имел в виду не Габбе, а Полторацкого, который в это время был уже на военной службе (с 1821 г. по 1823 г. он учился в Московской школе колонновожатых; вышел в отставку в 1827 г.).

Данные из архива Полторацкого делают наше предположение убедительным. 31 марта 1855 г. Полторацкий писал французскому писателю и переводчику Ксавье Мармье: «Дали ли Вам в Москве познакомиться (в рукописи, разумеется) с знаменитой одой Пушкина „Вольность", которая послужила причиной высылки его из Петербурга в распоряжение



ЭКЗЕМПЛЯР «СТИХОТВОРЕНИЙ» Е. А. БАРАТЫНСКОГО ИЗ БИБЛИОТЕКИ С. Д. ПОЛТОРАЦКОГО, ИЗДАНИЕ 1827 г.

На форзаце книги дарственная надпись поэта Н. А. Полевому и помета Полторацкого, свидетельствующая, что он получил книгу в подарок от Полевого в 1844 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

генерала Инзова, губернатора Бессарабии? Несколько строк на эту тему Вы найдете в „Revue encyclopédique" (октябрь, 1822 г., том 16, стр. 119—120); они причинили много неприятностей и огорчений тому, кем они были написаны» [11].

Естественно предположить, что тот, кто написал эти строки и кому они «причинили много неприятностей», и был сам Полторацкий. Дополнительно выясняется, что не сотрудничество в «Revue encyclopédique» само по себе, а именно упоминание о Пушкине и о запрещенных стихотворениях поэта навлекло на автора заметки гнев правительства.

В чем состояли «неприятности» — во «внушении» или в чем-нибудь ином,— сказать мы не можем. Вместе с тем возможно, что в какой-то мере этот эпизод повлиял на отставку Полторацкого в 1827 г. и отъезд его в 1830 г. за границу, где он, после участия в июльской революции 1830 г., долго жил на положении полуэмигранта [12].

Имя S. P—у на несколько лет (1825—1828) совершенно исчезло со страниц «Revue encyclopédique». Причиной этого исчезновения могли быть репрессии, которым подвергло Полторацкого начальство. Любопытно отметить, впрочем, что, отказавшись от явного участия в журнале, Полторацкий продолжал поддерживать с ним нелегальную связь. Через доверенных лиц он снабжал «Revue encyclopédique» русскими журналами и посылал туда свои заметки, которые печатались там за подписью «R. E.». О том, что псевдоним «R. E.» принадлежит Полторацкому, мы узнаем из его переписки с Жюльеном де Пари и Эдмом Эро. Господином R. E. («Monsieur R. E.») называет Полторацкого редакция «Revue encyclopédique», начиная с 1825 г., в своих письмах к нему [13].

Кроме собственных заметок, Полторацкий посылал в редакцию «Revue encyclopédique», очевидно для отзывов, и произведения Пушкина. Так, в июле — августе 1824 г. он послал Жюльену де Пари «Кавказского пленника» в издании Ольдекопа (на русском и немецком языках), а в январе — феврале 1826 г. Эдму Эро — «Стихотворения Александра Пушкина» [14].

Если историю своей заметки Полторацкий рассказывал французским знакомым, то естественно предположить, что он сообщил ее и Пушкину [15].

В своих многочисленных заметках о русской литературе, напечатанных в «Revue encyclopédique», Полторацкий неоднократно упоминал имя Пушкина или его произведения [16].

Для популяризации произведений Пушкина на Западе Полторацкий использовал не только прессу, но и свои личные знакомства в литературных кругах.

«Уже с давних пор, милостивый государь,— писал Полторацкий в упомянутом письме к Мармье,— наши русские книги, которые Вы называете в своем письме terrible, не являются более для Вас таковыми, в особенности произведения знаменитого Пушкина, к которому Вы, как мне кажется, питаете расположение и произведения которого Вы цените выше, чем произведения других наших талантов. И в самом деле, какая гармония, какие мягкие формы (если можно так выразиться), какие изящные перлы в пушкинских стихах!

Я посылаю Вам объявление о новом и замечательном издании его сочинений, которое совсем недавно выпущено в свет г. П. Анненковым. Вот необходимое украшение Вашей библиотеки!».

«Сколько раз,— продолжал далее Полторацкий,— в тишине своего кабинета мечтал я увидеть лучшие отрывки из Пушкина в поэтических переводах Ваших собственных, Мериме, Гюго, Ламартина и Барбье! Каким образом устояли Вы до сих пор от соблазна перевести на Ваш прекрасный язык такие замечательные стихотворения Пушкина, как „Наполеон", „Андре Шенье", „Деревня" (конец которой остался в рукописи по цензурным соображениям), „Послание к Лицинию", так называемый перевод с латинского и другие, каждое из которых лучше другого».

Напомнив Мармье о существовании французских переводов из Пушкина, вошедших в книгу Дюпре де Сен-Мора «Anthologie russe» (Paris, 1823), Полторацкий характеризовал их как примитивные и совершенно искажающие творческий облик великого русского поэта. Затем Полторацкий писал о «запрещенном» Пушкине и цитировал две «нецензурные» строфы из «Вольности» и четырнадцать стихов из «Деревни».

Пояснения Полторацкого помогали французскому писателю понять творчество великого русского поэта. Вышедшая в 1862 г. статья Мармье о Пушкине своим появлением была до некоторой степени обязана Полторацкому [17].

3 августа 1853 г. Ферри де Пиньи, автор сборника переводов произведений Пушкина на французский язык, вышедшего в свет в те годы, послал Полторацкому свой перевод стихотворения «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю»).

Перевод пушкинского стихотворения Ферри де Пиньи сопроводил собственным четверостишием.

Вот оно:

Helas! la poésie
S'est envolée avec l'oiseau!
Sous l'étiquette: «Malvoisie»
Je ne puis offrir que de l'eau.

⟨Увы, поэзия улетела вместе с птицей!
Под этикеткой «Мальвазия»
Я могу предложить
Только воду.⟩

Это откровенное признание Ферри де Пиньи удачно передает то ощущение беспомощности перед самобытностью и глубиной пушкинской поэзии, какое испытывают почти все переводчики Пушкина.

На протяжении многих лет своей литературной деятельности Полторацкий тщательно следил за появлявшимися на Западе переводами из Пушкина и за критическими статьями о нем. Об этом свидетельствуют

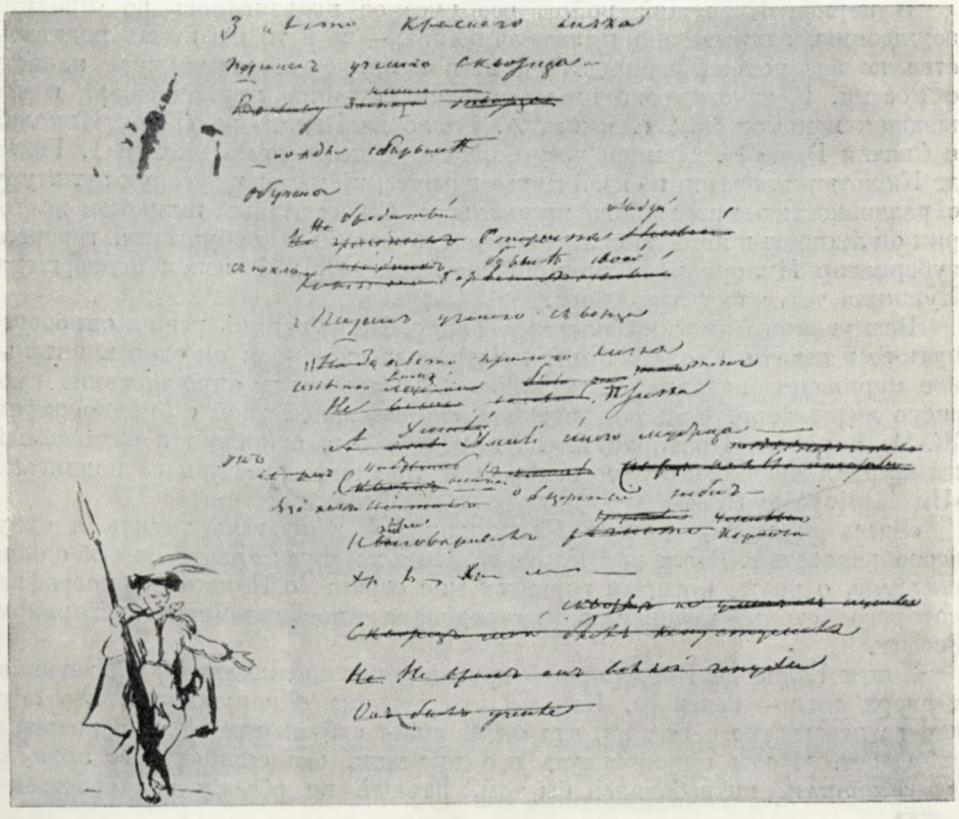


РИСУНОК ПУШКИНА НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ «СКАЗКИ О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ», 1834 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

отдельные заметки в архиве Полторацкого и сохранившаяся рукопись под названием «Мой общий сборник» (библиография иностранных переводов и статей о Пушкине занимает в ней несколько листов) [18]

В неопубликованных письмах Полторацкого к Вяземскому, относящихся к концу сороковых — шестидесятым годам, встречаются упоминания произведений Пушкина. В одном письме Полторацкий посылает Вяземскому «статью m-me Minzloff» о Пушкине — предисловие к переводу «Евгения Онегина», сделанному ею. В другом — возмущается переводом Дюпона: «Как смел Dupont (профессор de литературы <...>) напечатать в предисловии к Oeuvres de Pouchkine, что ты его „honoré de vos bons conseils“ * на издание его дрянного перевода?» [19]

Пропаганда произведений Пушкина и русской литературы вообще в середине прошлого века во Франции была сопряжена с большими трудностями. Политическая обстановка была чрезвычайно неблагоприятна. Так, например, из материалов архива Полторацкого мы узнаем, что в пятидесятых годах он не мог появиться в Париже без риска быть немедленно высланным. Многие статьи Полторацкого, несмотря на довольно широкую известность его имени на Западе, продолжали лежать без движения в портфелях французских периодических изданий. «Для меня понятно,— писал Полторацкому 25 декабря <1855 г.> его парижский корреспондент Ж.-М. Керар,— почему пропускают мало Ваших статей: все они восхваляют Россию, а Россия в настоящее время у нас не в моде (если выражаться вежливо)».

В период Крымской войны все русское подвергалось во Франции осуждению, запрещению и замалчиванию,— и в то же время издательства не без успеха распространяли в публике всевозможную клевету о России. К такого рода клеветнической стряпне принадлежала и вышедшая в конце 1854 г. книга А. Галле де Кюльтюра «Царь Николай и Святая Русь» [20]. Приняв позу борца с деспотизмом Николая I, Галле де Кюльтюр клеветал в своей книге на русский народ и русскую культуру с развязностью продажного журналиста. С бесстыдным цинизмом повторял он лживую и подлую сплетню о том, будто бы петербургский генерал-губернатор Милорадович по приказу Александра I велел подвергнуть Пушкина телесному наказанию.

Возмущенный мерзкой клеветой Галле, Полторацкий решил опровергнуть ее в печати. Сделать это было почти невозможно: ни одно влиятельное парижское издание не решилось бы напечатать опровержение русского литератора. Воспользовавшись своим знакомством с библиографом Ж.-М. Кераром, Полторацкий 23 марта 1855 г. отправил в издаваемый им журнал письмо, которое вскоре и было напечатано там за подписью: «Un bibliophile russe».

«Здесь не место,— писал Полторацкий,— вскрывать тысяча и одну несообразность г. Галле де Кюльтюра. Но я хочу рассказать Вам об одном писателе, о поэте, которым гордится моя страна, о Пушкине, биография которого столь чудовищно изуродована новоявленным историком России.

Книга Галле де Кюльтюра — произведение пасквилянта, клеветника и сверх того — невежды. Каждая его строчка обнаруживает, что ему ничего неизвестно о России, что он не знает азбуки предмета, о котором он пишет. Чтобы опровергнуть его промахи, его ошибки, его ложь и его нелепости, потребовался бы том, равный по объему его собственному».

---

* Буквальный перевод: удостоили вашими добрыми советами (франц.).

Опровергая злобный вымысел Галле де Кюльтюра, Полторацкий возмущался тем, что эта «постыдная ложь, эта безвкусная клевета была повторена „La Presse“, „Le Mousquetaire“ и знаменитым и достойным журналом г. Лалана „L'Atheneum“, который является всеобщим обозрением

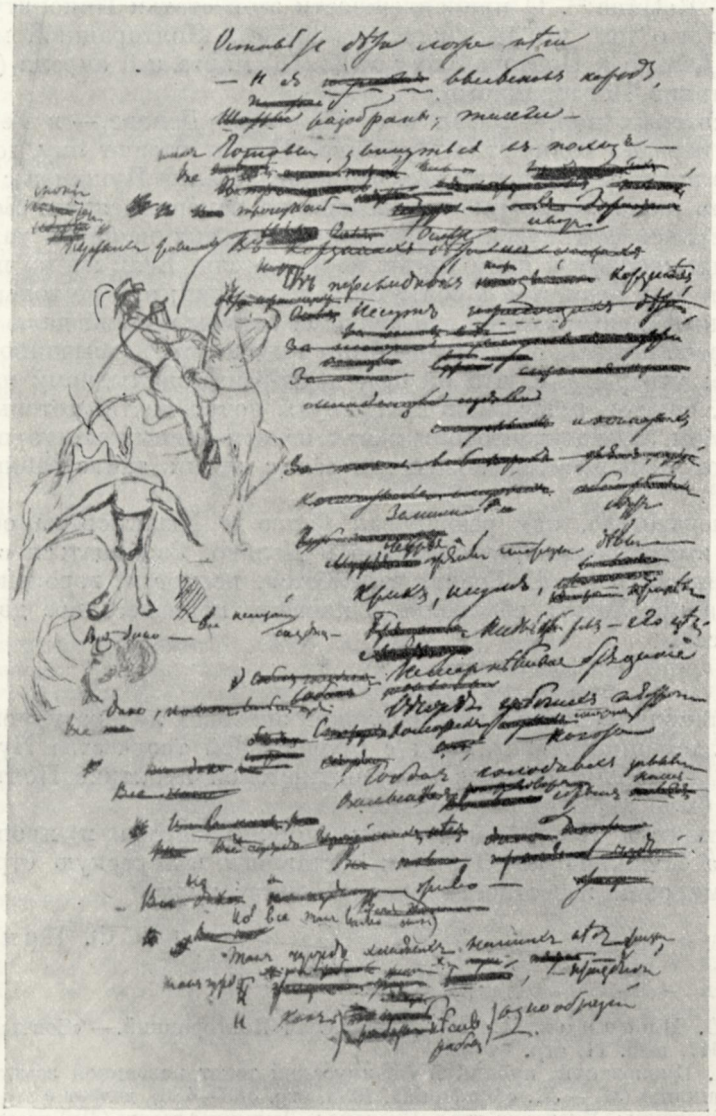


РИСУНОК ПУШКИНА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ ПОЭМЫ «ЦЫГАНЫ», 1824 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

наук и литературы. И в самом деле, это целая наука распространять в ученом и литературном мире подобную грязь и ложь» [21].

Удовлетвориться напечатанием письма Полторацкий не мог — журнал Керара был изданием малораспространенным. Он обратился к знакомым французским литераторам с просьбой опровергнуть клевету Галле на Пушкина. Один из парижских писателей, Ипполит Делаво, радикально настроенный (переводивший впоследствии на французский язык «Былое

и думы» Герцена), откликнулся на просьбу Полторацкого. Однако, учитывая придирчивость цензуры, Делаво не решился выступить против Галле прямо: он включил свое опровержение в большую статью, представлявшую собою якобы присланный из Москвы обзор русской культурной жизни, и напечатал ее в журнале «L'Atheneum français» под псевдонимом H. Del. — Ratkine [22]. О принадлежности этой статьи Ипполиту Делаво, равно как и о том, что вдохновителем ее был Полторацкий, мы узнаем из писем Делаво к Полторацкому от 28 (16) марта и 6 апреля (25 марта) 1855 г. (архив Полторацкого).

«С некоторых пор,— писал в своей статье Делаво,— в Германии и Франции нередко толкуют о Пушкине. Немцы отдают ему должное, и их мнение имеет тем больший вес, что произведения Пушкина с таким же изяществом как и точностью переведены на немецкий язык. Более строгими оказались французские критики; среди них нашлись даже такие, которые прикрепили к нему эпитет подражателя. Если же их поприжать немного, то они окажутся в большом затруднении; они не только не изучали Пушкина, но, кажется, не знают его произведений даже по названиям. Совсем недавно против него было выдвинуто необычайно серьезное обвинение: утверждали, что он был подвергнут постыдному наказанию. Из каких, однако, источников почерпнуты подробности, которые нам излагают? Нам отвечают, что они взяты из неизданных мемуаров; многие сгорают от любопытства познакомиться с этими таинственными страницами» [23].

Нам неизвестно, как реагировал Галле де Кюльтюр на обдуманное и смелое выступление Полторацкого и Делаво. Защищаться с фактическими данными в руках Галле, разумеется, не мог и, вероятно, должен был молча проглотить обвинение в клевете, произнесенное двумя органами прессы.

* * *

Мы остановились лишь на нескольких эпизодах литературной деятельности Полторацкого, связанных с пропагандой творчества Пушкина во Франции. Подобных случаев в журналистской практике Полторацкого, конечно, было значительно больше.

Деятельность Полторацкого как популяризатора и пропагандиста творчества Пушкина во Франции составляет интересную страницу из истории мировой известности русской литературы.

Ф. Прийма

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. Ю. Масанов. Сергей Дмитриевич Полторацкий.— «Советская библиография», 1947, вып. II, стр. 61—90.

[2] М. А. Цявловский, публикуя французский текст названной заметки в книге «Рукою Пушкина» (М.— Л., «Academia», 1935, стр. 485—486), делает в этом месте следующее примечание: «Указание, что в „Руслане и Людмиле" десять (dix) песен, очевидно, опечатка, вместо six (шесть). Пушкин обратил на это внимание и подчеркнул слово „dix"».

[3] Так, например, в письме к П. А. Вяземскому (без даты) Полторацкий вспоминал, что, учась в Ришельевском лицее (1817—1820), он знал наизусть «от первой строки до последней» предисловие к «Истории государства Российского» Карамзина (неизд.— ЦГЛА, ф. Вяземских, № 195, ед. хр. 2571, л. 7).

[4] Архив А. Н. Оленина в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[5] См. Б. Маркевич. Полн. собр. соч., т. XI (Из прожитых дней), стр. 368—372; «Ришельевский лицей и имп. Новороссийский университет. Сборник, издаваемый бывш. воспитанниками Лицея и Университета», ч. I. Одесса, 1898, стр. 81—84; «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева, вып. I. Одесса, 1925, стр. 63—68.

[6] Б. Л. Модзалевский высказал предположение, что Пушкин, о котором в письме к Полторацкому упоминает воспитанник Ришельевского лицея Михаил Петкович,—

поэт. Письмо Петковича датировано 10 мая 1821 г. На этом основании Модзалевский счел годом знакомства Пушкина с Полторацким — 1821-й (П у ш к и н. Письма, т. II. М.— Л., 1928, стр. 247). Вслед за Модзалевским это предположение, уже как несомненный факт, повторил в своей статье о Полторацком Ю. И. Масанов («Советская книга», 1947, вып. II, стр. 62). Между тем, это предположение неверно. Вот отрывок из названного письма: «В Одессу к брату ⟨А. Петковичу⟩ я уже писал и скоро надеюсь получить ответ. Я ему кланялся от тебя, от Рошфора и от Пушкина. Любезнейшим друзьям: Рошфору и Пушкину свидетельствую свою дружбу и прошу от меня им кланяться» («Русская старина», 1887, № 10, стр. 131). Совершенно ясно, что в этом письме речь идет не о поэте Пушкине, а о его однофамильце, возможно о Бобрищеве-Пушкине. Правда, в списках воспитанников лицея (см. в кн.: И. М и х н е в и ч. Сорокалетие Ришельевского лицея. Одесса, 1857) фамилия П у ш к и н не встречается, но дело в том, что в этих списках значатся не все, учившиеся в лицее юноши, а лишь те, кто его окончил.

Очень вероятно, что членом лицейского кружка был также и А. Г. Тройницкий, в письме которого к С. Д. Полторацкому от 7 апреля 1852 г. мы находим следующее признание: «С искренним и душевным удовольствием получил я недавно, адресованную Вами на мое имя из Москвы книжку: „Essai sur la littérature russe“, как память бывшего нашего некогда товарищества в лицее. Этот истинно дорогой для меня подарок привел мне на память молодые наши годы, о которых никто не вспоминает без волнения, но которые для меня, по крайней мере, давным-давно ушли» (Архив С. Д. Полторацкого в Гос. публичной библиотеке им. М Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

[7] Письмо П. В. Анненкова к Полторацкому от 24 ноября 1851 г. (Архив С. Д. Полторацкого).

[8] См. М. Ц я в л о в с к и й. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. М., 1951, стр. 297—298.

[9] «Le Fils de la Patrie».— «Revue encyclopédique», 1822, t. 16, oct., p. 119—120.

[10] С. Д у р ы л и н. П. А. Вяземский и «Revue encyclopédique».— «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 96.

[11] Черновой автограф этого письма хранится в архиве Полторацкого. Во втором, зачеркнутом, варианте последнее предложение читалось так: «которые были весьма гибельны для того, кем они были написаны» («qui ont été bien funestes pour celui qui les a écrits»).

[12] Об этом см.: «Николай Полевой». Л., 1934, стр. 522.

[13] См., напр., интересное письмо редакции журнала «Revue encyclopédique» к Полторацкому от 15 ноября 1825 г. (архив Полторацкого). Здесь уместно отметить, что в названной выше статье Ю. Масанова, в перечне статей Полторацкого, напечатанных в «Revue encyclopédique», остались не учтенными статьи, подписанные инициалами R. E. (13 статей 1825—1826 гг.). Не обратил внимания Ю. Масанов и на двенадцать напечатанных в том же журнале за 1827—1829 гг. статей, подписанных псевдонимом P. R. E., которые тоже, вероятно, принадлежат Полторацкому.

[14] См. «Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale», t. CXLI. P., 1937, стб. 751, 757; М. Ц я в л о в с к и й. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I. М., 1951, стр. 500—501, 678.

[15] Об отношениях Пушкина и Полторацкого см.: «Рукою Пушкина». Подготовка к печати и комментарии М. Ц я в л о в с к о г о, Л. М о д з а л е в с к о г о и Т. З е н г е р. М.— Л., 1935, стр. 344, 715; П у ш к и н. Письма, т. II. М.— Л., 1928, стр. 247—248, 260, 303, 322, 335; П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XIII. М.—Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 332, 341; т. XIV, 1948, стр. 40; М. Ц я в л о в с к и й. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, стр. 500—501, 678, 686; «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 491; «Памяти Полторацкого».— «Новое время», 1903, № 9658, от 23 янв. (5 февр.).

[16] См., напр., «Revue encyclopédique», 1823, t. XVIII, avr., p. 121; t. XX, nov., p. 358; 1824, t. XXII, avr., p. 136—138; mai, p. 383—386; juin, p. 651.

[17] Статья К. М а р м ь е о Пушкине напечатана в кн.: «Voyages et littérature». P., 1862.

[18] Архив Полторацкого. (Шифр: Разнояз. Q XVIII. № 107, стр. 30—31, 38, 58, 114, 186, 192 и др.).

[19] ЦГЛА, ф. Вяземских, № 195, ед. хр. 2571. Об издании Дюпона см. ниже, стр. 318—320.

[20] A c h. G a l l e t d e K u l t u r e. Le tzar Nicolas et la Sainte Russie. P., 1855.

[21] L e Q u e r a r d. Journal de Bibliographie, d'Histoire littéraire et de Biographie françaises. P., 1855, № 13, стр. 92.

[22] Не только И. Делаво, но также и отец его, Лекуант Делаво, был знатоком русской литературы. Кстати сказать, Лекуант Делаво явился одним из первых переводчиков Пушкина на французский язык. Его переводы: «Черная шаль», «Братья разбойники», «Граф Нулин», «Полтава», были напечатаны в «Bulletin du Nord» (Москва) за 1828 и 1829 гг.

[23] «L'Athenеum français», 1855, № 16, 21 avr., p. 329.

II. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ

Не преувеличивая значения Вяземского как пропагандиста творчества Пушкина во Франции, надо признать, что ему должно быть в этом отношении отведено видное место. Однако, обращаясь к его высказываниям и суждениям, мы должны помнить об изменении его политических взглядов в течение первой половины XIX в.

Воспитанный преимущественно на французской литературе, он рано проникся идеями французских просветителей. Острая наблюдательность, с которой Вяземский подмечал уродливость феодально-бюрократического режима, а также серьезный интерес к русской литературе XVIII в., особенно к Фонвизину, способствовали развитию и укреплению в нем отрицательного отношения к политическому и социальному строю России. Критическая направленность его ума нашла выражение в его сатирической литературной деятельности 1810—1820-х годов. Обличительные стороны творчества Вяземского сближали его с декабристами, но в своих положительных идеалах он был далек от них. Он был лишен их революционного патриотизма. Его взгляды были устремлены в это время к деятельности французских оппозиционеров начала двадцатых годов и либералов типа Бенжамена Констана. В своем увлечении ими он мечтал о «европеизации» России и был готов всячески ей способствовать.

Двукратное посещение Европы в тридцатых годах сильно разочаровало Вяземского. Заметно охладел его интерес к политической жизни Франции, к борьбе ее партий, к парламентским прениям. Июльская революция 1830 г. поставила у власти финансовую и промышленную олигархию, страной правили банкиры и биржевые короли. Франция стала оплотом буржуазной реакции. Дух наживы, стяжания, продажности пронизывал политику, журналистику, частный быт. Вяземский не мог узнать во Франции конца тридцатых годов «обетованную землю» своей вольнодумной молодости. Не менее чужда была аристократу Вяземскому и политическая активность французской радикальной мелкой буржуазии. В сороковых годах страх перед все явственнее ощущавшимся приближением революции вызвал резкое поправение его политических взглядов.

Сближение Вяземского с Пушкиным в тридцатых годах и огромное значение, которое имело творчество последнего для роста национального самосознания России, оказало некоторое влияние на Вяземского. Хотя ему оставался непонятен подлинный народный характер творчества Пушкина, но он не мог не чувствовать всей самобытности русского гения и его великой роли в истории русской культуры. Он лелеял мысль ознакомить Европу с Пушкиным и литературой его эпохи как национальным богатством, которым он гордился. Внимательно прислушиваясь к откликам в западной литературе, касавшимся Пушкина, Вяземский был готов всеми силами служить пропаганде его творчества и вступить за него в бой с теми из иностранных журналистов, которые позволяли себе сомневаться в его оригинальности и значении.

Многочисленные высказывания как русских, так и иностранных журналистов первой половины XIX в. приводят нас к убеждению, что информация о русской литературе в странах Европы в эту эпоху была весьма невысокого качества. Появлявшиеся в печати отзывы и обозрения отличались в большинстве поверхностным характером, а иногда поражали невежеством. Стремление представить русскую литературу как подражание литературам Запада было, конечно, прямым следствием пропаганды определенных политических партий, которые всячески укрепляли представление о России как стране отсталой, невежественной, слабой, угне-

тенной азиатским владычеством царя и кнута и потому лишенной даже возможности иметь свою оригинальную культуру.

Лишь немногие журналисты, более дальновидные и передовые, сознавали необходимость серьезного знакомства с восточным соседом, военную мощь которого Европа недавно испытала. Их не удовлетворяли те убогие и недоброкачественные сведения о России, которые преподносили своим читателям европейские журналы. Они делали попытки более

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ
Акварель П. Ф. Соколова, 1821 г.
Собрание А. Г. Миронова, Москва

удовлетворительно поставить информацию о русской литературе и приглашали для этой цели русских литераторов.

Особенную заботу проявлял в этом отношении издатель-редактор французского журнала «Revue encyclopédique», бывший якобинец, соратник Робеспьера Марк-Антуан Жюльен де Пари. Называя свое издание «центральным журналом цивилизации», он видел цель его в том, чтобы отразить самобытные черты каждого народа и в то же время содействовать сближению наций друг с другом, наперекор разделяющим их барьерам.

В поисках корреспондентов для своего журнала Жюльен обращался к русским путешественникам в Париже: он приглашал и бывшего министра внутренних дел В. П. Кочубея, и молодого казанского профессора И. М. Симонова, и представителей аристократической молодежи, близкой по убеждениям к декабристам,— Г. А. Римского-Корсакова и Н. И. Кривцова. С 1824 г. Жюльен де Пари вступил в переписку по этому поводу с Вяземским.

Находящиеся в архиве Вяземского документы раскрывают историю этого эпизода, несомненно представляющего большой интерес в деле пропаганды русской литературы в одном из лучших журналов Франции первой четверти XIX в.

Предложение сотрудничать в «Revue» было сделано Вяземскому еще в конце 1821 г. одним из участников («un des coopérateurs») журнала, Ф. Бернгардом, находившимся в Варшаве. Бернгард просил от имени редакции журнала сообщать ему время от времени сведения о русской литературе и просветительных учреждениях в России [1]. 1 марта 1822 г. Бернгард получил благоприятный ответ от Вяземского, но, судя по второму письму Бернгарда от 6 января 1823 г., обменом любезными письмами и ограничилась их переписка.

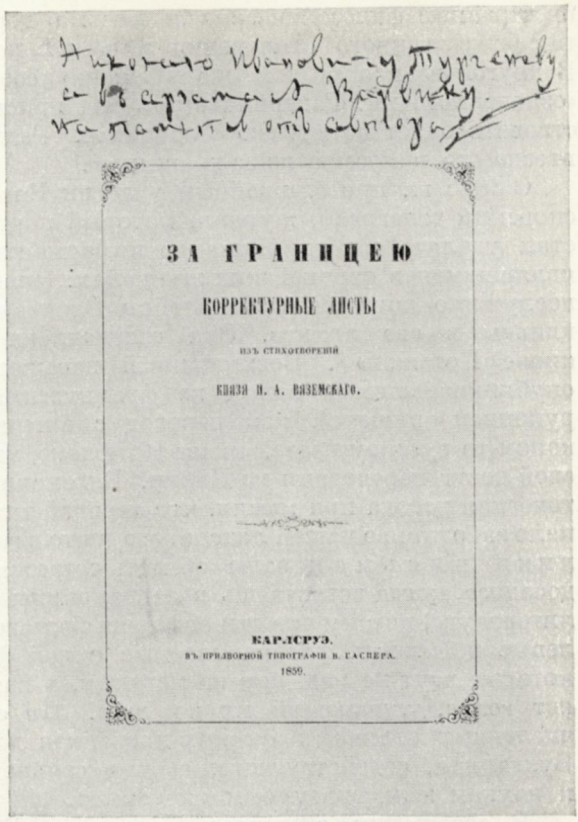
В начале 1824 г. Вяземский с кем-то из русских послал в Париж Жюльену письмо, в котором писал о своем интересе к «Revue encyclopédique» и обещал присылать в журнал материалы для публикации. Об этом предложении Вяземского мы узнаем из письма Жюльена от 1 марта 1824 г , сохранившегося в архиве Вяземского в двух экземплярах, текст которых идентичен. Вероятно, беспокоясь, что письмо может не дойти до Вяземского, Жюльен послал его двумя разными путями. В этом большом послании дана характеристика журнала и отражены заботы Жюльена о получении удовлетворительных корреспонденций из России. В письме перечислены также сведения, которые Жюльен хотел бы иметь от Вяземского [2].

На это письмо Жюльена, отвечая почти пункт за пунктом, Вяземский откликнулся письмом, датированным 21 мая 1824 г.[3] В письме Вяземского была дана чрезвычайно резкая характеристика самодержавного режима, насильно державшего Россию «в пеленках кормилицы» и препятствующего ее росту. Вместе с письмом Вяземский послал Жюльену статью («bulletin») о новинках русской литературы. Письмо доставил Жюльену брат В. Ф. Вяземской — В. Ф. Гагарин. При его посредстве, а также при посредстве Г. А. Римского-Корсакова, Вяземский продолжал общение с Жюльеном, которое просил держать в строгой тайне. 26 октября 1824 г. Жюльен ответил Вяземскому еще более длинным и очень откровенным письмом, которое содержит много интересных сведений для характеристики этого выдающегося деятеля прогрессивной французской журналистики. Вызванный письмом Вяземского на свободное выражение своих мыслей о политике деспотизма, Жюльен вспоминал факты из своей биографии: преследования, которые он терпел от Наполеона за то, что «был другом людей и общественного блага», проекты, которые он представлял Александру I в 1803 г., и т. д. Одчако резкий, обличающий тон корреспонденции Вяземского очевидно смутил Жюльена, и он несколько раз указывал в письме, что его журнал никоим образом не хочет становиться во враждебные отношения к правительствам и законным учреждениям и ставит своей задачей исключительно содействовать просвещению и способствовать постепенному проведению реформ. Жюльен идеализировал Александра I, ошибочно видя в нем либерала, каким представлялся он многим в начале века, и приписывая все отрицательные стороны его правления министрам и придворному окружению [4].

По опубликованному письму Г. А. Корсакова к Вяземскому из Парижа, относящемуся к тому же времени, можно тоже заключить, что Жюльена

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ П. А. ВЯЗЕМСКОГО «ЗА ГРАНИЦЕЮ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Н. И. ТУРГЕНЕВУ

Собрание К. В. Пигарева, Москва



ЗА ГРАНИЦЕЮ

КОРРЕКТУРНЫЕ ЛИСТЫ

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

КАРЛСРУЭ.

ВЪ ПРИДВОРНОЙ ТИПОГРАФІИ В. ГАСПЕРА.

1859.

испугал обличительный тон статьи Вяземского и он оттягивал ее помещение в журнале [5].

Третье и последнее дошедшее до нас письмо Жюльена к Вяземскому от 2 апреля 1826 г. вновь содержало приглашение сотрудничать в журнале. Но, отдавая себе отчет в напряженном политическом положении России после разгрома восстания декабристов, Жюльен и на этот раз подчеркивал, что его журнал «чужд злободневных политических страстей» и что его задача «их успокаивать благодетельной пропагандой просвещения, проливающего свет в различные области человеческих знаний».

Приглашение Жюльена было Вяземскому совсем не ко времени: за несколько месяцев до этого, 13 декабря 1825 г., он писал Гагарину с просьбой взять у Жюльена или Корсакова его бюллетень и письма, опасаясь, что они попадут в руки правительства. В апреле 1826 г. эти опасения стали реальной опасностью. Работала Следственная комиссия по делу декабристов, и Вяземский ни одной минуты не был спокоен за свое будущее. Поддерживать далее секретные отношения с Жюльеном он, конечно, не мог.

Отметим один любопытный факт, который до некоторой степени проливает свет на В. Ф. Гагарина, одного из доверенных лиц в общении Вяземского с Жюльеном, и может быть имеет и прямое отношение к бумагам Вяземского, посланным им Жюльену. В «Список лицам, состоящим под надзором полиции в Москве» 15 августа 1827 г. был внесен «отставной из Изюмского гусарского полка, ротмистр князь Василий Гагарин» по секретному предписанию обер-полицеймейстера «с изъяснением высочайшей воли, за вывоз из-за границы: запрещенные газеты французские о переведенных на французский язык стихах известного преступника Рылеева,

пространные философические и весьма дерзновенные рассуждения против божественного откровения и самых коренных истин христианства». В другой записи в том же «Списке» сообщается о приказе Николая «означенного кн. Гагарина иметь под присмотром везде, где он жительствовать будет по случаю отобранных Радзивилловской таможнею при въезде его в Россию из-за границы»[6].

С 1825 г., при ближайшем участии Вяземского, начал выходить «Московский телеграф», журнал, который почти с момента своего основания стал уделять особое внимание информациям о русской литературе, появлявшимся в европейских журналах. Низкое качество этих информаций послужило поводом для статейки Вяземского, рукопись которой сохранилась в его архиве. Она озаглавлена «Известие о русском поэте, князе Потожон»[7]. Возмущенный невежеством европейских критиков, опубликовавших в одном из французских журналов (его название в рукописи опущено), как перевод с английского, нелепое сообщение о каком-то русском поэте, князе Потожоне, казацком гетмане, услаждавшем свой досуг переводами из Парни, Вяземский писал: «Часто берет патриотическая досада при мысли, что европейские литературные журналы так мало заботятся о нашей литературе и что в географической карте р е с п у б л и к и п и с ь м е н наша область остается пробелом <...> Но еще бывает досаднее, когда встречаешь в заграничных сочинениях сведения о нашей литературе, потому что эти сведения большею частию не что иное, как нелепые небылицы, рассказываемые о ней фантастическими гулливерами, которые лгут на нас, как на мертвых, в надежде, что из гроба не восстанет голос, уличающий их во лжи. По словам автора впереди многочисленных отличных русских прозаиков должно поставить Карамзина и Булгарина, содействующих своими сочинениями распространению любви к наукам и литературным занятиям».

В сообщении о «князе Потожоне» Вяземский не видел злостной клеветы, подобной появлявшимся в печати политическим известиям о России:

«Политические клеветы, рассеваемые об нас некоторыми европейскими журналами, понятны. Тут действует недобросовестность, неприязненность, страсти и предубеждения, сии главные стихии и вспомогательные силы большей части европейского журнализма, особенно во Франции, но разглашение подобных литературных басней вовсе непостижимо». Вяземский предполагал, что кто-то мистифицировал легковерных иностранцев, и негодовал на мистификатора: «Но что тут забавного и остроумного распустить слух, что у нас Карамзин и Булгарин — имена равного литературного значения и достоинства и что у нас есть поэт — князь Потожон, он же гетман казацкий, он же и переводчик Парни»[8].

В письме к Жюльену от 21 мая 1824 г. Вяземский писал, посылая только что вышедший «Бахчисарайский фонтан» со своим предисловием: «Я присоединяю к этому немецкий перевод одного предисловия, написанного мною в форме диалога к новой поэме Пушкина, экземпляр которой я прошу Вас принять как легкий дар нашей северной музы. Удастся ли мне когда-нибудь явиться к Вам, чтобы прочесть ее и приучить Ваш взыскательный слух к звукам языка, который вовсе не такой варварский, как то думают в Европе?»[9]

Вяземский попал в Париж лишь в 1838 г., когда еще была свежа недавняя утрата Пушкина. В его письме, написанном через две недели после гибели поэта, читаем: «Смерть Пушкина вызвала во мне тяжелые и глубокие переживания. Я потерял в нем друга. Мы все потеряли в нем самую прекрасную славу литературы, человека, представляющего одну из интеллектуальных вершин эпохи, имя которого каждый, искренно преданный своей родине, называет с любовью и гордостью»[10].

ОНЕГИН

Рисунок Пав. П. Соколова из альбома иллюстраций к «Евгению Онегину», 1855—1860-е гг.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

В Париже Вяземский познакомился со многими представителями французской литературы, встречи с которыми ему живо напомнили о Пушкине. С Пушкиным он беседовал о них, но с ними говорить о Пушкине он не мог,— его произведений они не знали. В салоне m-me Рекамье он познакомился с Шатобрианом. Вяземский отнесся довольно критически и к личности и к поведению Шатобриана. «Шатобриан не носит на себе вывески своей», «разговор был довольно посредственный», «Шатобриан со мной кокетничал»,— писал он жене из Парижа о встречах с знаменитым писателем [11].

Не покидавшая Вяземского память о Пушкине подсказала ему мысль познакомить Шатобриана с отзывом Пушкина о последнем труде французского писателя — переводе «Потерянного рая» Мильтона. Перевод Шатобриана появился в печати в 1836 г., а статья Пушкина о нем осталась в рукописи и только после смерти его была напечатана в «Современнике» (1837, т. V). В начале 1839 г., находясь в Париже вместе с женой, Вяземский при ее участии перевел статью Пушкина на французский язык, и, сопроводив перевод письмом, послал Шатобриану. В архиве Вяземского сохранились черновики как перевода статьи, так и письма [12].

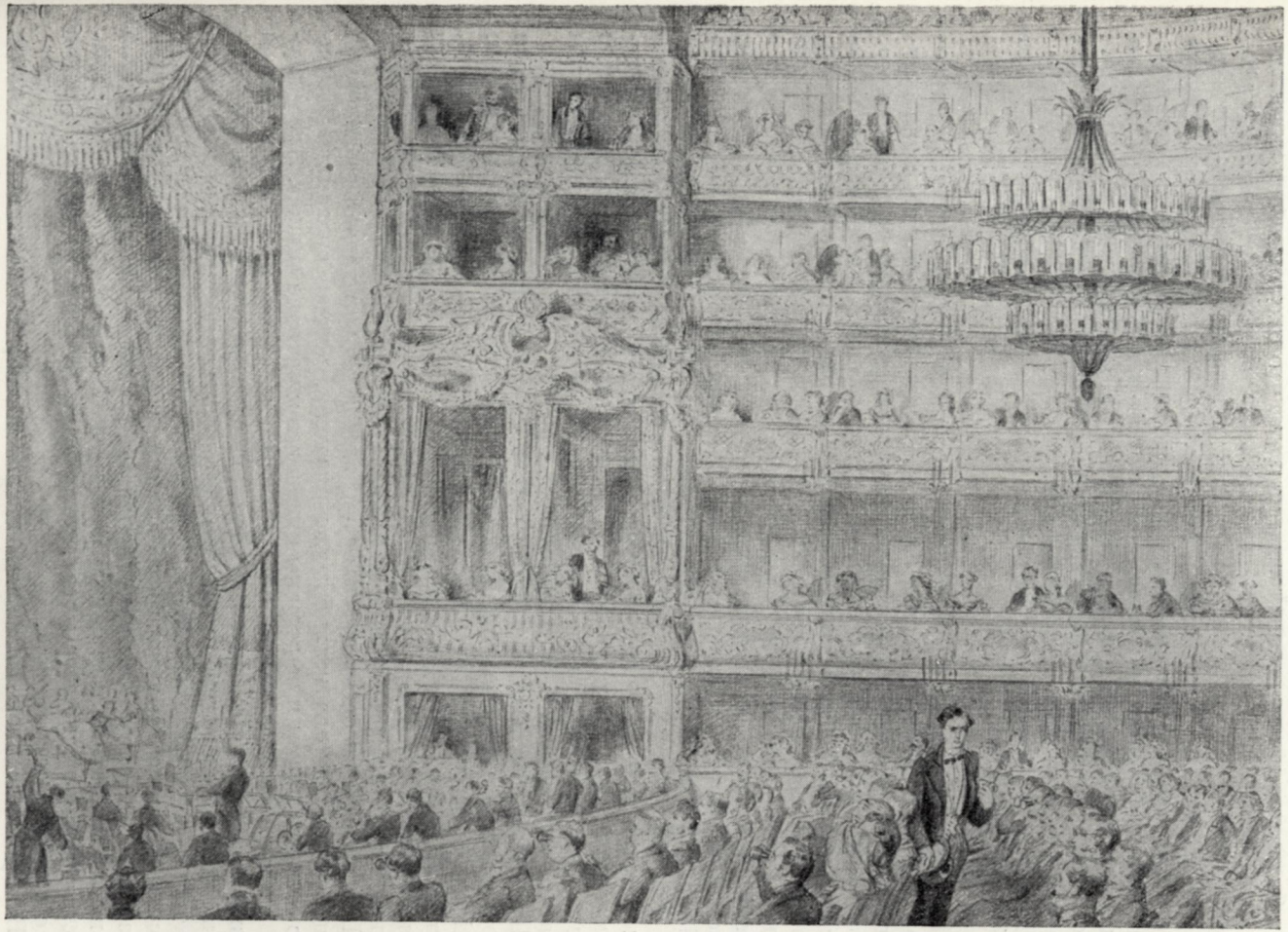
Перевод статьи Пушкина довольно точен и полон. Цитаты из Шатобриана, встречающиеся у Пушкина, в черновую рукопись не внесены, а на их месте поставлены условные знаки вставок. Вяземский нисколько не смягчил резкую характеристику современной французской литературы, которую Пушкин дал в статье. В полной мере Вяземский продемонстрировал перед французами прекрасное знание Пушкиным современной французской литературы и его критическое, самостоятельное суждение о ней. Только в последней части статьи, где Пушкин непосредственно говорил о Шатобриане и говорил довольно резко, Вяземский, считаясь с самолюбием Шатобриана, заменил некоторые выражения, носящие оттенок осуждения, более мягкими и немного усилил положительные отзывы [13]. Несомненный интерес представляет письмо Вяземского к Шатобриану, отправленное с переводом статьи и датированное 5 марта 1839 г. Приводим его полностью (в переводе):

Господин Виконт,

В бумагах нашего знаменитого поэта, Александра Пушкина, найдена статья о переводе «Потерянного рая», которую он приготовил для своего литературного журнала «Современник». Эта статья была опубликована лишь после его смерти, в журнале, им основанном и продолжаемом его друзьями в пользу его вдовы и его сирот.

Я подумал, г. Виконт, что может быть Вы проявите некоторый интерес и оцените по достоинству суждение о Вашей работе человека, которого Вы не знали, но который не может быть Вам вполне чужд: тайная симпатия сближает наперекор расстоянию и обстоятельствам всех выдающихся людей одной эпохи. Может ли первый писатель Франции быть безразличным к голосу первого поэта России? Если даже оставить в стороне всякий личный интерес, все же Вам, мне кажется, будет любопытно получить представление о руководящем направлении критики у народа, который знают в Европе лишь по его штыкам и очень мало по его перу; я думаю, что Вы также не без удовольствия увидите, с какой точки зрения рассматривается Ваша литература человеком с умом и талантом, находящимся вне того круга увлечений, в котором ныне действует французская критика.

Принимая во внимание эти соображения, я позволил себе, г. Виконт, предложить Вам перевод статьи моего знаменитого друга, который из глубины могилы поблагодарит меня за то, что я установил между Вами



ОНЕГИН В ТЕАТРЕ

Рисунок Пав. П. Соколова из альбома иллюстраций к «Евгению Онегину», 1855—1860-е гг.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

связь, что я познакомил Вас с тем уважением и восхищением, которые он к Вам питал. Он питал их к Вам как к писателю и общественному деятелю, равно, по достоинству ценя их в Вас.

Я не буду просить Вашего снисхождения к тем недостаткам, которые могут быть в моем переводе. Я знаю заранее, что оно мне обеспечено, потому что благожелательность — качество, неотделимое от человека возвышенного. К тому же в моем переводе, в противоположность системе, которой следовали Вы в Вашем и которую одобрил Пушкин, Вы должны более уделять внимания смыслу, чем букве перевода. Вы легко поймете, что тайная мысль моего перевода — это выполнить священную обязанность ради памяти моего друга, которого родина оплакивает вместе со мной,— это отдать долг преданности и почтения великому гению, произведения которого стали у нас национальными.

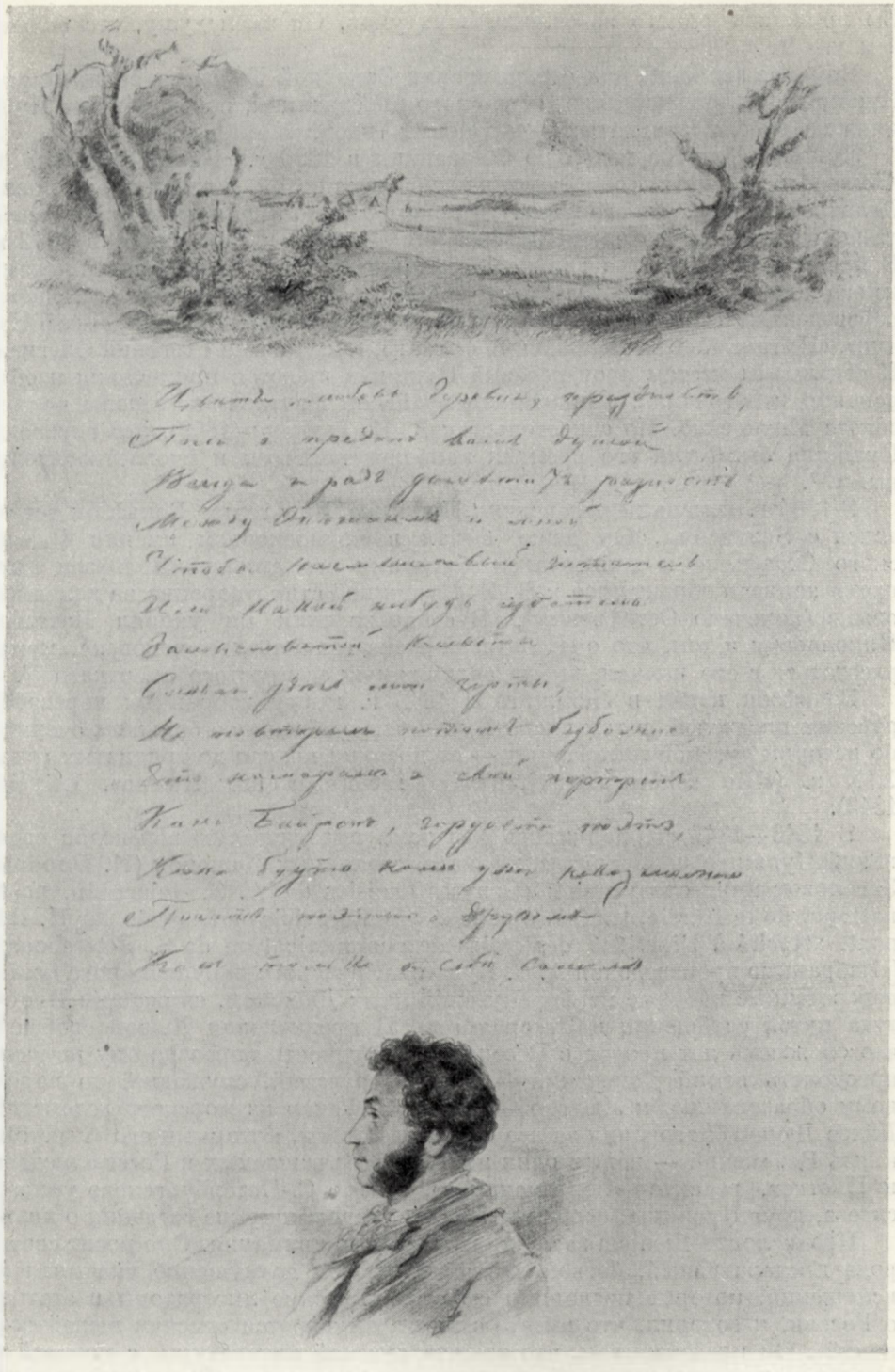
Примите, г. Виконт, это скромное подношение и выражение моего глубокого уважения.

Шатобриан ответил Вяземскому короткой любезной запиской, в которой сквозь светский тон пробивается брюзжание старика, давно ощутившего свой разрыв с современностью и потерявшего к ней интерес. Может быть, он и здесь несколько «кокетничал» с Вяземским, как выразился последний о своей личной беседе с ним. Во всяком случае, к темам, которые глубоко взволнованно затронул Вяземский в письме, Шатобриан остался холоден. В своем ответе Вяземскому он сообщал, что с живейшим интересом прочел статью, что отнюдь не искал в ней себя, а «искал знаменитого поэта, которого Франция оплакивает вместе с Россией». Одобрение Пушкина преисполнило бы его гордостью, если бы он еще придавал какую-нибудь цену своей скромной особе. «Но при настоящем разложении общества,— писал Шатобриан,— мне казалось бы ребячеством придавать какую-либо важность мнениям политическим или литературным: там, где не существует более ничего, смешно было бы пытаться выставлять свою личность» [14].

Пытался ли Вяземский еще переводить Пушкина? В архиве сохранился автограф его перевода статьи Пушкина о Сильвио Пеллико с заголовком: «Article, écrit par feu Alexandre Pouchkine, éxtrait du „Contemporain", journal littéraire, qu'il publiait en 1836» (<«Статья, написанная покойным Александром Пушкиным, выдержка из литературного журнала „Современник", который он издавал в 1836 г.»>) [15].

Перевод статьи очень точен, но переведена только первая ее половина с оценками Пушкина итальянского писателя, кончая словами: «Мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей». Продолжение статьи, которое имело полемический характер и касалось отзыва Шевырева о книге Пеллико, Вяземский не перевел. И этот перевод предназначался для того автора, о котором шла речь в статье Пушкина. О своем знакомстве с Сильвио Пеллико Вяземский писал так: «Проездом через Турин в 1835 г. познакомился я с Пеллико. Все наше знакомство, за скорым выездом моим, ограничилось несколькими часами откровенной беседы<...> Но и в этом кратком и мимоходном знакомстве зародилось, смею сказать, чувство взаимной привязанности, которое сохранилось и заочно. Письма его о том свидетельствуют».

В опубликованном Вяземским письме к нему С. Пеллико от 7 июля 1846 г. читаем: «Много благодарен Вам, князь, за то, что Вы благоволили перевести для меня статью Пушкина о моей небольшой книжке Dei doveri degli Uomini. Вы мне советуете напечатать ее в каком-нибудь итальянском или французском журнале. Мне кажется Вам вздумалось пошутить со мною. Мне лестно благорасположение Вашего доброго Пушкина; я ценю его, и тем более не следует мне самому говорить о том. В этом писателе



СТРАНИЦА ИЗ АЛЬБОМА ИЛЛЮСТРАЦИЙ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»
Рисунок Пав. П. Соколова, 1855—1860-е гг.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Вы лишились одного из отличнейших умов. Он имел душу, это больше чем ум» [16].

Немалое значение для ознакомления Западной Европы с сочинениями Пушкина имело содействие Вяземского иностранцам, переводившим Пушкина на рубеже тридцатых — сороковых годов.

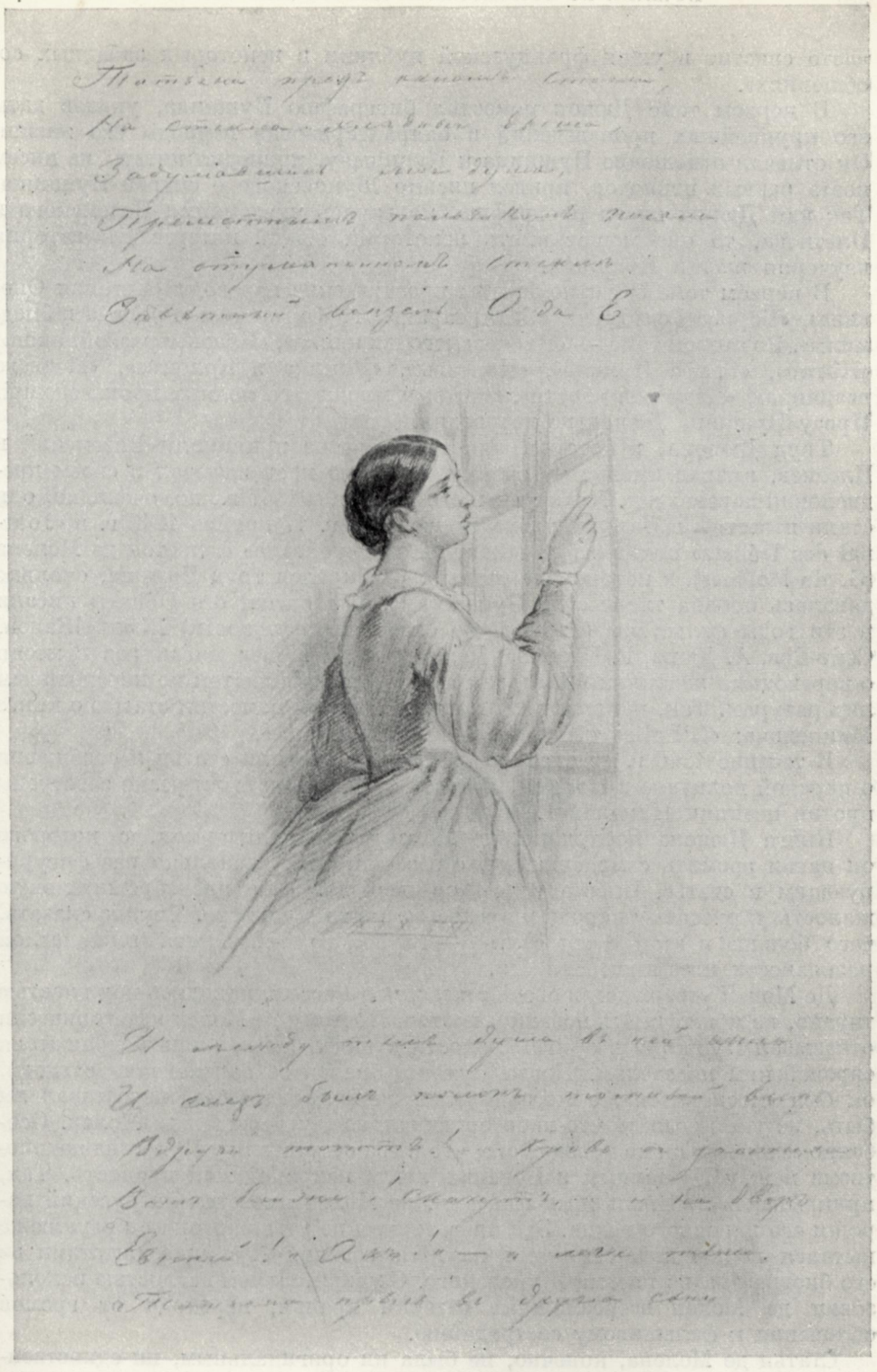
Луиджи Делатре издал во Флоренции в 1856 г. «Racconti poetici di Alessandro Puschkin, poeta russo» в переводах прозой. В своем предисловии Делатре сообщал, что его переводы исполнены по инициативе и при содействии Вяземского во время пребывания Делатре в Петербурге в 1842 г. В предисловии Делатре дал краткую биографию Пушкина с выписками из его писем и письма Жуковского о смерти Пушкина. В книге помещены переведенные очень близко к подлиннику «Кавказский пленник», «Граф Нулин», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава» и «Евгений Онегин». К отдельным местам произведений Пушкина имеются примечания и объяснения переводчика. При «Бахчисарайском фонтане» помещены четыре сонета Мицкевича. По свидетельству Г. Н. Геннади (1859), эти переводы Пушкина были для его времени наиболее полными и удовлетворительными [17].

В 1884 г. немецкий переводчик Пушкина Вильгельм Вольфзон встречался с Вяземским. Он даже бывал в подмосковном имении Вяземского Остафьеве и пользовался бумагами его архива. Вольфзон в это время написал обращенное к Н. Н. Пушкиной стихотворение на немецком языке (помечено Остафьевым). В стихотворении он укорял Наталью Николаевну в том, что она, бывшая жена гениального человека, могла расстаться с его именем, выйдя вновь замуж за простого смертного [18].

Вольфзон издал в Лейпциге в 1843 г. книгу избранных переводов русских писателей, в том числе Пушкина, снабженную большим очерком по истории русской литературы — от древних времен до тридцатых годов XIX в. («Die schönwissenschaftliche Litteratur der Russen». Leipzig, 1843).

В 1846—1847 гг. появились два тома прозаических переводов сочинений Пушкина на французский язык, сделанных Дюпоном (H. Dupont). Заголовок книг следующий: «Oeuvres choisies de A. S. Pouchkin, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont, attaché à l'institut des voies de communication de S. Petersbourg» («Избранные произведения А. С. Пушкина, русского национального поэта, переведенные впервые на французский язык Дюпоном, служащим Института путей сообщения в Петербурге»). В предисловии Дюпон сообщал, что он восемь лет провел в России, что трудности перевода ему помогли преодолеть некий Деменский — молодой русский, служащий по народному образованию, и Людгер — молодой офицер из морского ведомства. Далее Дюпон благодарил за все хорошие советы, которыми его «удостоил князь Вяземский — поэт и один из наиболее уважаемых в России людей», и Плетнев, редактор «Современника», ректор С.-Петербургского университета, друг Пушкина, сообщивший ему биографические сведения о поэте.

Предисловие Дюпона заслуживает особого внимания. Оно носит своего рода декларативный, боевой характер. Дюпон возмущенно указывал на искажения, которые позволяли себе французские литераторы в статьях о России, и говорил, что вместе с ним возмущаются «тысячи людей всех наций». Он предсказывал, что защита русской литературы, с которой он выступал в своих книгах, будет известными кругами Франции встречена враждебно. «Я знаю заранее судьбу, которая меня ждет,— писал он.— Я знаю, что скажут мои противники: „он продался России, он сделался русским"». Дюпон заявлял, что он всегда останется французом, но что он ненавидит ложь и требует серьезного изучения великого русского народа: «Ничто не заставит меня писать ложь, даже к н у т, который так



ТАТЬЯНА

Рисунок Пав. П. Соколова из альбома иллюстраций к «Евгению Онегину» 1855—1860-е гг. Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского. Москва

часто свистит в ушах французской публики в некоторых забавных сообщениях».

В первом томе Дюпон поместил биографию Пушкина, указав даты его крупнейших произведений и охарактеризовав периоды его жизни. Он отмечал отношение Пушкина к Куницыну, приводил цитаты из писем поэта разных периодов, привел письмо Жуковского о смерти Пушкина. Так как Дюпон писал биографию, пользуясь указаниями Вяземского и Плетнева, то она может иметь некоторый общий интерес для истории изучения жизни Пушкина.

В первом томе были помещены прозаические переводы «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Бахчисарайского фонтана» и «Руслана и Людмилы». Во втором томе — «Кавказского пленника», «Братьев разбойников», «Цыган», «Графа Нулина», «Полтавы», «Домика в Коломне», «Медного всадника», «Каменного гостя», сказок и множества мелких произведений. Прозу Пушкина Дюпон не переводил.

Труд Дюпона, в котором какое-то участие принимали Вяземский и Плетнев, вызвал именно ту оценку, которую предсказывал в своем предисловии переводчик. Хотя книги его помечены 1847 г., но, очевидно, они стали известны в Париже уже в конце 1846 г. 17 ноября 1846 г. в «Journal des Débats» появился занимавший два «подвала» фельетон де Молена (G. de Molènes), в котором не столько разбирался труд Дюпона, сколько давалась оценка творчества Пушкина [19]. В «Journal des Débats» писали в эти годы фельетоны (каждый по своей специальности) Жюль Жанен, Сент-Бев, А. Дюма, Г. Берлиоз, Делеклюз. Де Молен писал раз в месяц о переводных изданиях и был, так сказать, специалистом по иностранным литературам. Так, например, 17 марта 1846 г. он поместил статью о книге Мицкевича: «L'Eglise officielle et le Méssianisme».

В течение 1846 г. со страниц газеты не сходили статьи и сообщения о царской политике в Польше, и все высказывания были резко заострены против позиции Николая I.

Книга Дюпона послужила де Молену тем плацдармом, с которого он начал громить самодержавие, с его «кнутом», несколько раз фигурирующим в статье. Вместе с тем он позволял себе пренебрежительную жалость к русскому народу и презрение к его культуре. Трудно сказать, чего больше в этой части статьи — глубокого невежества или наглой развязности и самоуверенности.

Де Молен утверждал в своей статье, что Россия, находясь под властью тирана, не может иметь поэзии и поэтов. Поэтому де Молен категорически отказывал Пушкину в оригинальности и видел в нем лишь подражателя европейским писателям. Когда Пушкин брался за европейские сюжеты, он был «московитом», а когда брался за национальные, переставал им быть, не умея создать что-либо оригинальное, утверждал де Молен. Особенно «скорбел» он по поводу того, что из-за отсутствия у Пушкина патриотизма между Пушкиным и Беранже легла непроходимая пропасть. Так, прикрываясь либеральными фразами, де Молен клеветал на русский народ и его народного певца. Эти клеветнические утверждения он неуклюже пытался подкрепить ссылками на произведения Пушкина, цитатами из его биографии, из письма Жуковского. С удивительной наглостью использовал де Молен всевозможные оттенки вранья, переходя от громов обличения к фальшивому состраданию.

Статья де Молена, конечно, не была ни оригинальным, ни единственным явлением во французской критике, как об этом можно судить хотя бы по предисловию к переводам Дюпона. Статьи, подобные статье де Молена, были рупором политических кругов Франции, готовивших будущее наступление на Россию. Еще в 1840 г. вышла книга маркиза де Кюстина «La Russie en 1839» («Россия в 1839 г.»), в которой автор, с одной

БАЛ У ЛАРИНЫХ

Рисунок Пав. П. Соколова из альбома иллюстраций к «Евгению Онегину», 1855—1860-е гг.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

стороны, разоблачал деспотизм самодержавия и порочность русской аристократии, а с другой — в совершенно извращенном виде представлял русский народ и русскую культуру. Беззастенчивая ложь и явное невежество автора, не знавшего ни русского народа, ни его культуры, не помешали широкому распространению книги, которая использовалась как политическое оружие против России и способствовала соответствующей «обработке» французских обывателей. Русский путешественник В. Соломицын, приехавший в Париж в 1843 г., писал в Москву: «Какие глупости говорят и думают иностранцы об России, так это ужас. Во Франции всякий, заговорив с русским, тотчас спросит что-нибудь о казаках, здесь еще помнят казацкие подвиги в войну с Наполеоном ⟨...⟩ Вы знаете книгу Кюстина. Она наделала за границей ужасного шуму, в Брюсселе было три издания, да в Париже два» [20].

Отзыв Кюстина о Пушкине по смыслу тот же, что и в статье де Молена: ничего оригинального, самобытного в России быть не может, и Пушкин только подражатель иностранных писателей.

Вяземский написал большую статью на французском языке, в которой разоблачал невежество и ложь де Кюстина. Поводом послужил фельетон о книге Кюстина Марка Жирардена в том же «Journal des Débats» от 4 января 1844 г.[21] Так как эта статья Вяземского не имеет прямого отношения ни к Пушкину, ни к русской литературе, мы не будем на ней останавливаться и обратимся к его ответу на статью де Молена. В архиве сохранились четыре листа его черновиков, набросков статьи или письма в редакцию на французском языке [22]. Даже внешний вид этих листов с их нервным, неразборчивым почерком, приписками на полях, вписываньем между строк, вычерками, говорит о том, что автор писал их в порыве сильного раздражения. Действительно, Вяземский был глубоко возмущен бесстыдством наглеца и невежды, поднявшего руку на русского национального поэта.

Вяземский отказался с самого начала от опровержения общих разглагольствований в статье де Молена, касавшихся возможности существования оригинальной и национальной литературы при самодержавном режиме. Вопрос этот был слишком щекотлив для Вяземского конца сороковых годов. Его консервативные политические взгляды этой поры, положение крупного сановника, сложные и неприязненные отношения с царем, не забывавшим его прошлого,— все это мешало ему отвечать по существу на вопросы, поднятые в статье де Молена. Только в ответ на его лживые и наглые утверждения о невозможности патриотических чувств у русского народа Вяземский предлагал ему навести справку в бюллетенях армии Наполеона за 1812 год.

Вяземский ограничил свою задачу выявлением тех ошибок и той лжи в статье, которые прямо касались Пушкина как личности и как поэта, и именно с этой стороны нам интересны наброски Вяземского. В них он отразил личные воспоминания о Пушкине, пытался бегло очертить некоторые его литературные симпатии и антипатии и запечатлеть черты гения, как они врезались в его память.

Наибольшее негодование Вяземского вызвали утверждения де Молена, что Пушкин был лишен творческого воображения, оригинальности и был лишь подражателем европейских писателей. «Если бы г. де Молен мог лично знать Пушкина, он не был бы в состоянии приписать ему пассивную роль подражателя, он был бы потрясен независимостью и свободой его воображения»,— писал Вяземский.

В рассуждениях Вяземского о характере воображения и оригинальности Пушкина нельзя не слышать отголоска боев русской журналистики за реализм, против выродившегося романтизма. Вяземский писал: «Г. де Молен готов отказать Пушкину и всем русским в даре оригинальности

ДУЭЛЬ ОНЕГИНА С ЛЕНСКИМ

Рисунок Пав. П. Соколова из альбома иллюстраций к «Евгению Онегину», 1855—1860-е гг.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

и воображения: есть подлинная оригинальность и есть оригинальность выдуманная, как есть воображение верное и здоровое и воображение ложное и болезненное. Воображение поэта часто не что иное, как инстинктивная и могучая способность отгадывать истину и отражать ее блестяще и выпукло в своем поэтическом зеркале...» Далее Вяземский говорил о том, что Пушкин питал самое глубокое и острое отвращение ко всему неестественному, всяким нагромождениям, театральным эффектам, фантасмагориям, которые свойственны так называемой романтической школе. Характерными чертами творчества Пушкина он называл скромность, свежесть и выразительность. Пушкин, по словам Вяземского, следил с интересом за каждым шагом развития новой французской школы, и его произведения, которые становились все более трезвыми и мужественными, можно противопоставить романтической школе.

В ответ на слова де Молена о том, что Пушкин не умел быть русским в своих произведениях на русские темы, Вяземский возмущенно писал: «В подтверждение этого мнения, по меньшей мере странного под пером писателя, который не имеет ни малейшего представления о России, о ее обычаях, о ее нравах, о ее языке, г. де Молен говорит нам, „что он не знает ничего более бледного и скучного, чем длинное драматическое творение о Борисе Годунове, одном из наиболее жестоких тиранов, проливавших человеческую кровь на снега России“». «Прежде чем произносить суд над исторической драмой,— продолжал Вяземский,— нужно по меньшей мере иметь хоть какое-нибудь представление об эпохе и главном действующем лице, изображенном поэтом». Затем Вяземский дал французскому фельетонисту, смешавшему Бориса Годунова с Иваном Грозным, представлявшимся ему тираном, урок русской истории и охарактеризовал эпоху, изображенную Пушкиным.

Горячо реагировал Вяземский на сопоставление имен Беранже и Пушкина, сделанное де Моленом с упреком Пушкину в отсутствии патриотизма. Для Вяземского, когда-то страстного поклонника Беранже, в сороковых годах политическая поэзия Беранже была неприемлема, и Пушкина он старался изобразить как поэта, которому чужда политическая поэзия. Но в характеристике отношения Пушкина к Беранже он был близок к действительности. «Пушкин, который знал наизусть стихи Виктора Гюго, Ламартина, Альфреда Мюссе,— писал Вяземский,— не имел никакой симпатии к таланту Беранже. Может быть он даже был слишком суров по отношению к нему <...> Что касается песенок Беранже не политического содержания, то Пушкин предпочитал им Панара и других старых песенников, в которых он находил более естественности, откровенной веселости и непринужденности». «В конце концов,— с явной насмешкой продолжал Вяземский,— чтобы умилостивить г. де Молена и дать право Пушкину потребовать у него обратно звание поэта и патриота, можно сообщить ему, что Пушкин в молодости создавал поэтические произведения на манер Беранже и что он попал за них хотя и не под замок одной из тюрем, но в деревню, куда он был сослан в изгнание в последние годы царствования императора Александра».

На последней странице набросков Вяземского читаем следующие строки: «Мы судим, может быть, слишком сурово талант Пушкина,— говорит де Молен. Он должен был бы сказать — с большой дерзостью. Суровым может быть правосудие, но произвол всегда несправедлив... И как этот суд может не быть произволом, когда судят вслепую...»

К сожалению, нам осталась неизвестной судьба набросков статьи Вяземского. Кончил ли он эту замечательную статью в защиту Пушкина, послал ли ее в Париж, была ли она напечатана? Или так она и осталась погребенной в архиве Вяземских более чем на сто лет?

В. Нечаева

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1446.— Полная подпись Бернгарда: «F. Bernhard, ancien censeur royal honoraire, membre de la societé royale Académie des sciences à Paris». Бернгард жаловался Вяземскому на то, что ему до сих пор не удавалось установить литературных связей с Россией, хотя и Жюльен и он сознают недостаточность сведений о России у его соотечественников. Он выражал надежду, что Вяземский не откажет им в помощи своими знаниями, так как «ученые связи одновременно послужат и прогрессу просвещения и славе его родины». Бернгард уверял, что для журнала будут чрезвычайно драгоценны сообщения Вяземского о литературе и искусстве. Но если Вяземский соблаговолит распространить свои сообщения на народное образование, судебные и благотворительные учреждения и т. п., то его корреспонденции еще более будут соответствовать целям журнала Жюльена. Письмо от 1 декабря 1821 г.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СКУПОМУ РЫЦАРЮ» ПУШКИНА
Рисунок М. С. Башилова, 1850–1860-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[2] Там же, ед. хр. 1915.— Жюльен изображал в этом письме свой журнал как «средоточие и обобщение цивилизации всего мира». Он желал бы отразить в своем журнале литературу и просвещение всех стран, но вместе с тем спешил предупредить, что деятельность его журнала безопасна для правительств, потому что она поставлена вне «бурной сферы страстей и современных политических движений». Жюльен уверял, что редакционная правка может коснуться только формы, но не затронет мысли статей. «Мы любим,— писал он,— ощущать и воспроизводить черты оригинальной физиономии каждого народа и знакомить нации друг с другом, опрокидывая барьеры, которые их разделяют». Жюльен выражал надежду, что участие Вяземского расширит недостаточные сведения, получаемые из России. Между прочим он упоминал, что ему обещал присылать корреспонденции «молодой профессор Казанского университета Симонов».

И. М. Симонов (1799—1855) — астроном; в 1819—1821 гг. участвовал в кругосветном путешествии Лазарева и Беллинсгаузена.

[3] С. Дурылин. П. А. Вяземский и «Revue encyclopédique».—«Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 94—98.— Исследователь не знал о переписке Вяземского с Бернгардом и предполагал, что инициатором приглашения Вяземского был Э. Эро

(стр. 94). Письмо Вяземского к Жюльену напечатано по копии из бумаг Полторацкого. В архиве Вяземского хранится черновик этого письма.

[4] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1915.— В этом письме Жюльен наивно выражал удивление по поводу того, что русские, обещавшие ему во время пребывания в Париже сотрудничество в журнале, уезжая на родину, не выполняли обещаний. Между тем, по мнению Жюльена, их корреспонденции могли бы способствовать сближению стран. Он выражал уверенность, что Александру I доставило бы удовольствие видеть изображение России в «Revue encyclopédique», и не мог себе представить, чтобы высшие классы в России были против просвещения и видели «революцию» в тех заботах о реформах в общественной жизни, о которых печется его журнал. Жюльен проводил параллель между Александром и Наполеоном и писал, что последний был постоянно окружен ядовитой атмосферой лести и находился в разрыве с народом, которым правил.

[5] «Лит. наследство», т. 47-48, 1946, стр. 238—239.— Возмущенный осторожностью Жюльена, не желавшего печатать ничего «оскорбительного для правительств», Г. А. Римский-Корсаков писал о нем Вяземскому: «Мы в Москве слишком хорошо думали об его особе, читая ⟨его⟩ „Revue Encyclopédique"».

[6] С. Дурылин. Ук. соч., стр. 102. О надзоре за В. Ф. Гагариным см. Московский областной архив. Ф. 46, св. 18, № 111, лл. 190 и 235 за 1827 г.

[7] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1028.— Статья переписана писцом и выправлена рукой Вяземского. Есть пропуски мест, где должны были быть вставлены иностранные слова, поэтому наименование журнала, из которого берет сведения Вяземский, не указано.

[8] Сообщение о Потожоне, по словам Вяземского, было помещено «в июньской книжке ⟨...⟩ одном из лучших и благонамереннейших французских журналов» «в статье о периодической литературе в России, взятой с английского».

[9] «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 95—96.

[10] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 947.— Письмо Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 г. Черновой автограф на франц. яз.— В эти же траурные дни Вяземским было написано стихотворение «На память», посвященное смерти Пушкина (П. В я з е м с к и й. Избранные стихотворения. М.— Л., 1935, стр. 219). Имя Пушкина, скорбь и память о нем звучат напутствием для русской, покидающей родину. До сих пор не было известно, кто эта русская. Находящееся в архиве Вяземского письмо к нему Л. Засецкой от 8 февраля 1837 г. позволяет предполагать, что стихотворение было написано ей в альбом (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1928).

[11] «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 127, 130 (письма к В. Ф. Вяземской от 3 сентября и 19 ноября 1838 г.).

[12] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1330.— Перевод статьи на четырех листах рукой В. Ф. Вяземской, с правкой П. А. Вяземского. Его рукой заглавие: «De Milton et de la traduction de m-r de Chateaubriand». Письмо — автограф Вяземского на франц. яз., со вставками рукой В. Ф. Вяземской и позднейшей пометкой старческим почерком Вяземского на первой странице: «Должен быть у меня ответ его».

[13] Приводим для примера перевод двух отрывков, касающихся Шатобриана:

«...несомненные красоты ⟨...⟩ спасут его книгу от пренебрежения читателей, несмотря на все ее недостатки».

«В ученой критике Шатобриан не тверд, робок, и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал; судит о них вскользь и понаслышке и кое-как отделывается от скучной должности библиографа».

«Des beautés d'un ordre supérieur ⟨...⟩ sauveront cet ouvrage de l'indifférance des lecteurs, en depit de ce qu'il peut avoir de repréhensible».

«Il est possible, que la critique de M. de Chateaubriand soit par fois peu incisive, timide et légère, qu'il juge de quelques écrivains en passant et plutôt par oui dire, qu'avec une étude approfondie, et que souvent il s'échappe aux ennuyeuses obligations du bibliographie».

[14] Письмо Шатобриана было опубликовано в «Лит. наследстве», т. 16-18, 1934, стр. 811 и т. 31-32, 1937, стр. 146.

[15] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1058. Автограф Вяземского на франц. яз.— Переписка Вяземского с Пеллико хранится в ИРЛИ.

[16] «Выдержки из бумаг Остафьевского архива».— «Русский архив», 1868, стб. 446.

[17] Г. Геннади. Переводы сочинений Пушкина. (Библиографический указатель). М., 1859, стр. 15—16.

[18] ГПБ. «Ein Hochzeitslied dem Weibe Pouschkin's» с пометой: «Astafiewo, bei Moskau, August 1844». О Вольфзоне см. в статье М. Алексеева. Белинский и славянский литератор Я.-П. Иордан.— «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 461—462, 469.

[19] «Feuilleton du Journal des Débats du 17 novembre 1846. Revue littéraire. Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, traduites par H. Dupont».

[20] Письмо В. А. Соломицына к Е. Ф. Коршу от 12 ноября 1843 г. из Парижа (ЛБ).

[21] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1036. «Encore quelques mots sur l'ouvrage de m-r de Custine: La Russie en 1839 à propos de l'article du Journal des Débats du 4 Janvier 1844». Рукопись черновая на 47 лл.

[22] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 996.

III. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ИМЕНИ ПУШКИНА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Достойную отповедь на свои клеветнические измышления де Молен и его единомышленники получили в статье французского журналиста, которая появилась в «Revue des Deux mondes» 1 октября 1847 г. и называлась так: «Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans. (Oeuvres choisies de Pouchkine, traduites par m. H. Dupont)» (<«Пушкин и литературное движение в России за сорок лет. (Избранные произведения Пушкина, переведенные г. Дюпоном)»>).

Автор статьи Шарль де Сен-Жюльен (Charles de Saint-Julien) также не был оригинален и одинок в своей защите Пушкина от нападок де Молена, как и последний в своих нападках. Еще в двадцатых годах в «Revue encyclopédique» французы читали почти из номера в номер похвалы «живости и правдивости» гения Пушкина, поэта «независимого и оригинального», талант которого вырастает тем более, чем более встречает препятствий. В одной из заметок Шопена интересно прямое указание на то, что сила гения Пушкина обнаруживалась вопреки гнету самодержавия. «Чтобы как следует понять и оценить Пушкина,— писал Шопен,— не следует забывать режим абсолютизма, который управляет этой обширной империей» [1].

Высокие оценки гения Пушкина можно найти и в позднейших журнальных статьях. Особенно интересна статья в «L'Illustration» 1845 г., в которой Пушкин назван был первым русским национальным поэтом. «Натура чисто русская всегда и везде, в самой мансре чувствовать, мыслить и любить»,— писал автор статьи. В произведениях Пушкина он видел высшее поэтическое выражение русской жизни с ее радостями и печалями. Редкий поэт обладает таким живым чувством действительности, такою способностью воспроизведения реальной жизни во всех ее подробностях,— писал он. Критик особенно отмечал в произведениях Пушкина отсутствие культа своего я, какого бы то ни было эгоизма, неприятно вторгающегося во все современные произведения, и видел в этом отличительное свойство пушкинской музы. «Пушкин бесспорно заслуживает всеобщей известности, и мы твердо убеждены в том, что его прекрасные произведения такие, как „Евгений Онегин" и некоторые повести (особенно удивительная „Капитанская дочка"), понравились бы,— заканчивал критик «L'Illustration»,— французским читателям, которые не могли бы отказать в чувстве симпатии этому мужественному, пламенному, свободному и правдивому таланту» [2].

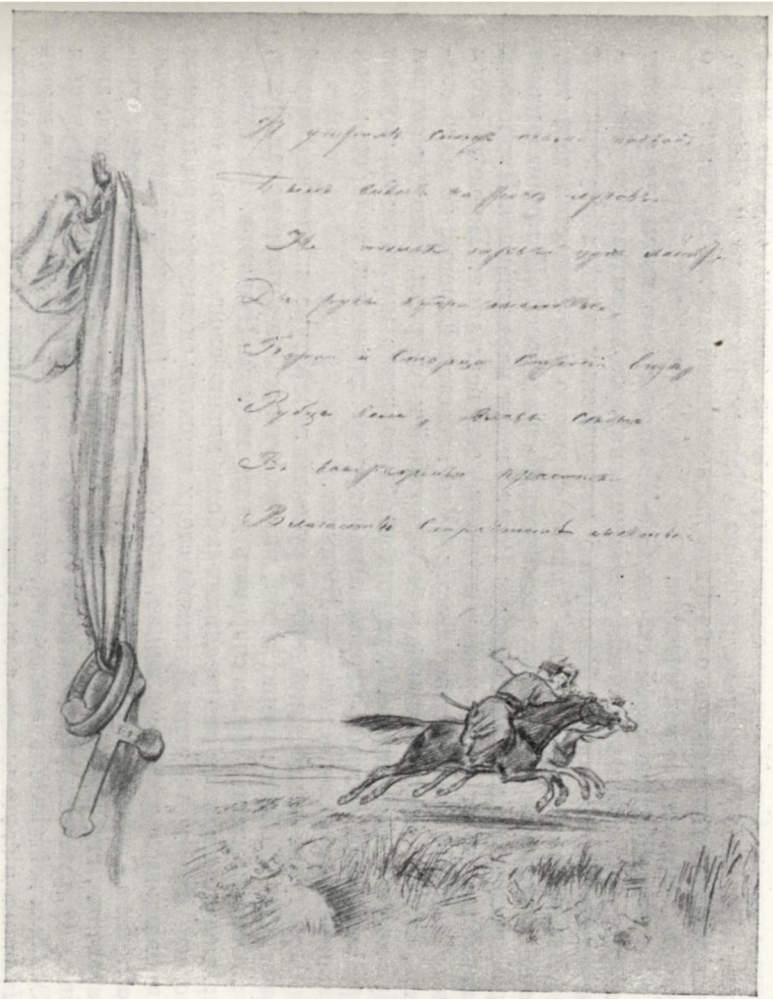
Статья Сен-Жюльена в «Revue des Deux mondes» не ограничивалась рассмотрением творчества Пушкина, но поставила себе задачей показать движение русской литературы за сорок лет, то есть от первых лет XIX в. до текущего 1847 г.— года написания статьи. Сен-Жюльен провел пятнадцать лет в России (1831—1846), владел русским языком и, будучи преподавателем французской литературы в Петербургском университете, имел возможность общаться с представителями русской науки и литературы. Историк университета характеризует его как поклонника Ламартина и В. Гюго, почитателя Огюстена Тьерри и сообщает, что он в молодости слушал лекции Гизо и Вильмена. Преподавание Сен-Жюльена в Петербургском университете было проникнуто «идеями, поражавшими новостию слушателей Толмачева и Бутырского». Сен-Жюльен издал несколько сборников своих стихов, учебных руководств, путеводитель по Петербургу и сотрудничал в парижских изданиях, помещая в них статьи о русских писателях. Осенью 1846 г. он вышел в отставку, получив звание члена-корреспондента Петербургского университета, и уехал в Париж [3].

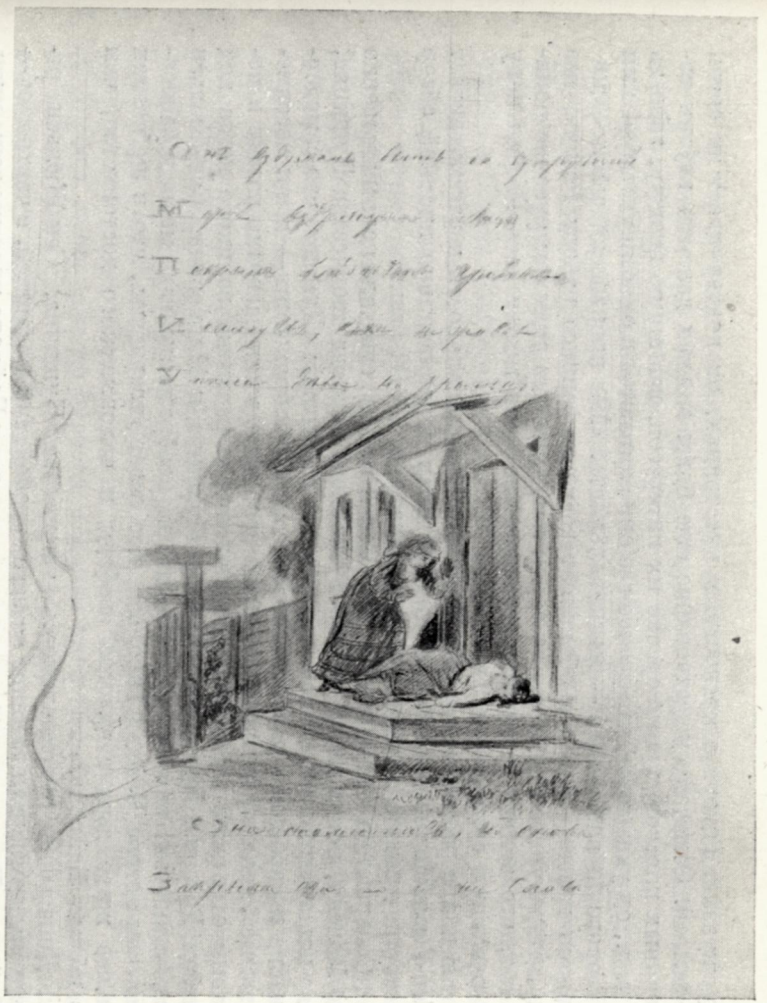
В статье Сен-Жюльена о Пушкине много и крупных и мелких промахов, ошибок, заблуждений, свидетельствующих, что о России судит иностранец с чужих слов и со слов людей разных идеологий и литературных взглядов. Особенно слаб обзор русской литературы до Пушкина, да и в рассказе о Пушкине есть такие суждения, которые, не имея в себе ничего злостного, все же искажают образ поэта и историю развития его гения. Но, читая статью Сен-Жюльена, особенно ее последнюю часть, нельзя не заметить, что автор оказался не чужд вопросам, обсуждавшимся передовой русской журналистикой сороковых годов, более того — не чужд идеям, проводившимся в статьях Белинского. Однако ни имени Белинского, ни даже названия журнала «Отечественные записки» в статье нет, хотя другие журналы и критики упоминаются.

Сен-Жюльен мало уделил внимания Дюпону и его переводам. Жалея о том, что французские писатели не пытаются переводить Пушкина, он объяснял это исключительной трудностью глубоко проникнуть в дух русского языка, овладеть его богатством и своеобразием. «Русский язык,— писал Сен-Жюльен, — это язык, реальный смысл выражений которого варьируется бесконечно, а поэтический смысл еще более; это язык мягкий и суровый, богатый и образный, которого общие основы и частности, характер, обороты, выражения не находят никакой аналогии в языках западноевропейских». Знания грамматики и словаря слишком мало, чтобы решиться на перевод такого поэта, как Пушкин,— утверждал Сен-Жюльен; пока переводчик не проникнет во все богатства русского языка, от чего Дюпон очень далек, до тех пор по переводам произведений Пушкина нельзя судить о достоинствах и оригинальности русского поэта.

Задача статьи Сен-Жюльена заключалась в том, чтобы дать представление об интенсивной жизни русского общества на протяжении первых сорока лет XIX столетия, жизни, которая отразилась на творчестве Пушкина и на которую это творчество, с своей стороны, оказало сильнейшее влияние. Зная, что ему приходится обращаться к читателям, привыкшим к суждениям о России, подобным суждениям де Моленов, Сен-Жюльен начинал с того, что разбивал примитивное и грубо невежественное представление французов о русском обществе и о составляющих его классах.

«Народ, который в течение девяти веков, наперекор самым чудовищным превратностям истории, показывал наиболее блестящие примеры храбрости и патриотизма, такой народ заслуживает, чтобы о нем не судили так поверхностно...»,— эти строки обращены к тем из французов, которые не видели в русской нации ничего, кроме массы «рабов», согнувшихся под «татарским» кнутом самодержавия. «Русская нация,— писал он, — имеет свое существование, совершенно независимое от политики своего правительства, и, вместо того, чтобы судить о нации à priori, надо присмотреться к ее общественной жизни, изучить ее характер, нравы и обычаи». «У нас совершенно не представляют тех многочисленных и противоположных элементов, которые составляют в совокупности ткань русской нации. Мы считаем, например, что существуют всего два класса в русском обществе— дворяне и рабы». Жюльен указывает, что недостаточно судить о первых по нескольким титулованным московитам, приезжающим из любопытства в Европу, или дипломатам, забывшим русский язык и обычаи. «Что касается рабов, то мы имеем для них совершенно готовую модель: рабы нашего средневековья». Далее Сен-Жюльен говорит о многослойности русского дворянства, от потомков древних бояр до недавно выслужившихся чиновников. Он сообщает о классе «чиновников» (он так и пишет латинскими буквами — tchinovniki), которые представляют в обществе элемент робкий, но недовольный. Затем он говорит о растущем влиянии класса купцов и о мещанстве, которому предстоит в будущем слиться с купечеством и образовать класс русской





ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОЭМЕ «ПОЛТАВА» ПУШКИНА

Рисунки Пав. П. Соколова, 1850–1860-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

буржуазии. Говоря о крепостных крестьянах, он подчеркивает их связь с землей. Отмечая существование еще более мелких делений внутри названных классов, противоречие их интересов, взаимную вражду, зависть и т. д., он указывает, что все же все они сливаются в одном чувстве — имя которого la nationalité — национальность. «Мы произнесли слово,— писал он далее,— которое объясняет всю внутреннюю работу России, все ее литературное движение за сорок лет. Здравым смыслом русские понимают, что только национальное сознание одно может дать России цену и реальную силу перед Европой».

В плане развития и укрепления идей национальности и рассматривает Сен-Жюльен творчество Пушкина, сделав первоначально краткий обзор истории древней литературы и литературы XVIII века.

Совершенно несомненно, что Сен-Жюльен отвечал непосредственно де Молену, когда писал по поводу раннего периода творчества Пушкина, его вольнолюбивых стихов и кары, его постигшей: «Думают, что самодержавие и свободное развитие поэтического воображения — вещи несовместимые», что «политическая свобода необходима для развития поэзии и поэтому отрицают возможность появления и развития великого поэта под небом России». Приводя в пример Пушкина и Мицкевича, Сен-Жюльен восклицает: «Кто смеет сказать, что их воображение было менее независимо, чем автора Чайльд Гарольда, кто смеет утверждать, что в их поэмах менее живо дышит чувство свободы и человеческого достоинства, чем в поэмах Байрона?»

Доказывая оригинальность творчества Пушкина, Сен-Жюльен решительно отвергал влияние на него европейских писателей, в частности — Байрона. По его мнению, в восточных поэмах Байрона представлены лишь ловко костюмированные герои, а в поэмах Пушкина выведены реальные, живые люди. Сен-Жюльен отвел много места анализу «Цыган» и их идее, «Евгению Онегину» и особенно «Борису Годунову» и «Полтаве», восторженно отозвавшись о глубине национальной мысли Пушкина и о художественности ее воплощения.

Во второй главе своей статьи Сен-Жюльен много внимания уделяет истории русского языка и тому значению, которое имела для его обновления пушкинская проза. Говоря об исторических трудах Пушкина и о «Капитанской дочке», Сен-Жюльен серьезно задумывается над тем, как бы разрешил Пушкин вопрос о роли Петра в своей «Истории» и какое громадное значение для познания России имеет нарисованная Пушкиным «жакерия», т. е. изображение пугачевского восстания. Подводя итоги своего обзора, Сен-Жюльен писал: «Что касается Европы, то надо сказать, что она остается слишком безразличной к той роли, которую сыграл Пушкин в своей стране. Франция особенно долго имела лишь смутное представление о том большом литературном движении, которое начал и направлял один человек — Пушкин».

Приступая к повествованию о русской литературе послепушкинской поры, Сен-Жюльен говорит о том, как изменилась та литературная среда, в которой суждено было созревать далее мыслям Пушкина. Из аристократических верхов они проникли «в более низкие слои», где дали могучие побеги. Еще при жизни Пушкина стали появляться литераторы в классе чиновников и в тех сословиях, которые могут быть названы средним сословием России. Для развития литературы большое значение имели университеты, где студенты — не-дворяне — с жадностью приобщались к знанию. О русских университетах тридцатых годов Сен-Жюльен писал: «Это был действительно источник, откуда умственные течения несли мысли Пушкина в более низкие слои общества, питали ими их и оплодотворяли. Так рождалась современная литература России, которую мы не назовем буржуазной, так как в России этот термин не может иметь того

смысла, как у нас; которую мы не можем назвать народной, потому что ее влияние еще очень ограниченно, но которую мы без страха назовем национальной».

Однако Сен-Жюльен понимал, что проблема осознания национальности к сороковым годам уже не являлась основной. Национальность,— писал он,— была уже осознана, и начался новый период в русской литературе. Две тенденции — одна сатирическая и комическая, другая — возвышенная и серьезная господствуют в настоящее время в ней. Первая олицетворяется в Гоголе. Смелость его сатиры показывает, как далеко ушла вперед со времен Пушкина русская литература. Прямым наследником Пушкина явился Лермонтов, основную идею творчества которого Сен-Жюльен видит в «страстном порыве к свободе», проникающем его творчество.

Характеристику литературы сороковых годов, литературы демократизирующейся, пронизанной, с одной стороны, сатирическим началом, а с другой — возвышенными мыслями о свободе, Сен-Жюльен заключил ссылкой на писателя, имя которого дает нам ключ к некоторым суждениям Сен-Жюльена, изложенным в статье. Это Аполлон Майков[4]. Сен-Жюльен привел в статье цитаты из письма Майкова к нему и закончил статью разбором поэмы Майкова «Две судьбы», присланной ему автором.

Прежде чем коснуться этой последней части статьи Сен-Жюльена, необходимо сказать несколько слов об Аполлоне Майкове этого раннего периода. В своих произведениях второй половины сороковых годов А. Майков очень заметно отразил влияние идей Белинского. В старости он признавался сам, что не включал в собрания своих сочинений произведения этого периода, так как они слишком явно носили следы воздействия того литературного направления, к которому в конце жизни он относился враждебно.

Поэма Майкова «Две судьбы» вызвала большую рецензию Белинского. Он назвал ее «прекрасной по мыслям» и говорил о ней как о произведении, идеи которого близки ему самому. Выбором цитат из поэмы Майкова Белинский как бы раскрывал, развивал свои мысли. Он привел большой отрывок о патриотических раздумьях героя поэмы. Владимир в Италии, вдали от родины, вспоминает ее как «богатыря в цепях», как резкий контраст «дымных изб» и барского дома с его «европейским лоском» и «татарским варварством». Особенно интересна вторая цитата Белинского, взятая им из поэмы Майкова, осуждающая космополитизм. Она может служить иллюстрацией к идеям самого Белинского о патриотизме.

Именно автором поэм «Две судьбы» и «Машенька», учеником Белинского, надо представлять себе Ап. Майкова, корреспондента Сен-Жюльена, передавшего французскому журналисту свое понимание задач современной русской литературы. Сен-Жюльен привел следующую цитату из письма Майкова, посланного ему в конце 1846 г. («около года тому назад»,— как пишет он в статье): «Нация, которая стремится к цивилизации, должна делать два дела, выполнять две обязанности: нужно, чтобы она одной рукой сеяла семена своих новых учений, своих новых идей, своих новых нравов, в то время как другою рукой она должна разрушать все, что тяготело над нею и сковывало в прошлом; она должна вести подкоп под предрассудки, вкоренившиеся в умы, вырывать последние тернии веков невежества и угнетения; сатира должна быть ее оружием и орудием!»

Давая характеристику героя поэмы Майкова, Владимира, Сен-Жюльен противопоставлял его Онегину и отмечал, что новый русский герой не разочарован, не пресыщен, а угнетен судьбою своей родины, к которой устремлены все его помыслы и помыслы его поколения: «Обратимся к моему герою, говорит нам г. Майков. Захватим его среди его сокровенных мыслей, мечтаний самых дорогих; послушаем его: таким образом мы нащупаем пульс всего молодого поколения моих соотечественников».

Заканчивая свою статью, Сен-Жюльен еще раз подчеркнул значение Пушкина для создания национальной литературы и общественного мнения, значение Гоголя и последующих писателей в деле демократизации русской литературы. «В этом заключается,— писал он,— плодотворность пути, по которому идет русский творческий гений. Это честь Пушкина, первого открывшего этот путь, и это честь современных русских писателей, сумевших достойно продолжать его дело».

В критической литературе Франции первой половины XIX в., посвященной русской литературе и Пушкину, среди злопыхательских статей господ де Моленов, среди невежественных сообщений о русских поэтах Потожонах, статья Сен-Жюльена занимает особое место, и не приходится сомневаться в том, что в ней нашел отклик голос передового отряда современной русской литературы. Ее стремительное развитие, начатое гением Пушкина и продолженное революционным демократом Белинским, получило оценку и признание на страницах французского журнала уже в 1847 г.

Статьи и архивные документы, о которых идет речь в двух печатаемых нами работах, далеко не исчерпывают материалы по данному вопросу. Вот почему работы эти нисколько не претендуют на полное освещение борьбы вокруг имени Пушкина, которая велась во Франции уже в первой половине XIX в. Однако и приведенные здесь страницы, полные полемического жара, отражают разные идеологии, борьбу разных политических партий.

То, что писалось в «подвалах» газет, являлось сгустком тех политических статей и отчетов о парламентских прениях, которые печатались в верхней части газеты. Вопрос о том, признать или не признать Пушкина великим поэтом, ставился в тесную связь с вопросом — признать или не признать Россию великой страной, имеющей право на свой исторический путь. Только немногие дальновидные критики понимали, какая могучая сила зрела в России в эти годы в лице ее передовых писателей, ее передовой интеллигенции. Они стремились привлечь к ней внимание соотечественников, сигнализировали им, указывая на великое явление Пушкина, на плоды работы Белинского.

В. Нечаева

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Revue encyclopédique», 1828, т. 37, кн. 109, январь.— Шопен провел годы молодости в России секретарем кн. Куракина. В 1821 г. он издал в Париже анонимно сочинение о современном состоянии России, в котором резко высказывался о крепостном праве и самодержавии.

[2] «L'Illustration», 1845, № 125 от 19 июля. По поводу этой анонимной статьи «О русской литературе.— Пушкин. Лермонтов. Гоголь», приписываемой Л. Р. Ланским Тургеневу,— см. ниже в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников» (примечания к письму М. Г. Карташевской от 20 августа 1845 г.).

[3] См. В. Григорьев. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 77, 139—140.

С 1836 г. Сен-Жюльен совмещал работу в университете с работой библиотекаря в Румянцовском музее. См. приказ о его назначении в «Журнале Министерства народного просвещения», 1836, № 8, стр. XXXVI.

[4] Сен-Жюльен мог знать братьев Майковых по университету, где они учились в 1839—1842 гг. Еще живя в Петербурге, он обращался к Ап. Майкову как к авторитету в вопросах русской литературы. Сохранилось его письмо к последнему от 29 января 1846 г., в котором он просил сведений о героических периодах русской истории, отразившихся в русской эпической поэзии и, выражая восхищение патриотизмом русских, перечислял ряд исторических событий, достойных стать предметом эпопеи. Аполлона Майкова он называл «poète national si distingué» (ИРЛИ, ф. Майкова, 16 927/с VIII б 4).

ВОКРУГ ПУШКИНА

I. НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КИРДЖАЛИ.— II. ОБ ЭПИГРАММЕ ПУШКИНА «ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!».— III. ИСТОЧНИКИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, ПЕРЕВЕДЕННЫХ ПУШКИНЫМ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК.— IV. О ПОРТРЕТЕ ПУШКИНА РАБОТЫ ТРОПИНИНА.— V. ЗАМЕЧАНИЯ М. П. ПОГОДИНА НА «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА» П. В. АННЕНКОВА

Сообщения В. Архангельской, О. Билинкис, Л. Ивановой, Е. Коншиной, Б. Трубецкого и М. Цявловского

I. НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КИРДЖАЛИ

В повести «Кирджали» Пушкин создал яркий образ участника греческого национально-освободительного движения, болгарина Кирджали. О Кирджали упоминается и в незаконченных стихотворных отрывках Пушкина: «Чиновник и поэт» и «В степях зеленых Буджака».

Исследователей давно интересовал вопрос: кто послужил прототипом для пушкинского Кирджали и существовал ли он в действительности как историческое лицо?

И. П. Липранди, кишиневский знакомый Пушкина и знаток истории Молдавии и Оттоманской империи, в своих воспоминаниях высказывает сомнение в исторической достоверности повести. Он утверждает, что повесть «за весьма малыми исключениями неверна», ибо была написана Пушкиным со слов чиновника канцелярии Инзова — М. И. Лекса, «который, как всем известно, не остановился бы объяснять и историю праадамитов и санскритскую литературу» [1]. Однако в другом месте Липранди сообщает о существовании основателя «шайки кирджалей» — «Георгия Кирджала, родом болгара из окрестностей Охриды»[2]. В. Язвицкий, опираясь на ряд документальных данных, указывает, что кирджали — это не только нарицательное имя, но и собственное имя действительно существовавшего исторического лица — Георгия Кирджали, болгарина, гетериста, бежавшего после разгрома гетерии в Бессарабию, где он был схвачен, выдан туркам и повешен ими в Яссах 24 сентября 1824 г.[3] Язвицкий утверждает, что «среди воевод, присоединившихся к Ипсиланти, французские и румынские историки, а также рапорты прусских консулов в Бухаресте и Яссах упоминают и о Кирджали, герое повести Пушкина»[4]. Наконец, о Кирджали пишет молдавский писатель и знакомый Пушкина по Кишиневу Костаки Негруцци в предисловии к своему переводу повести Пушкина на молдавский язык (1837): «Кирджали, созданный г. Пушкиным на подобие Сальватора Роза, был, напротив, разбойником весьма непоэтичным. Просил ли он пять тысяч лей (в чем сомневаюсь) и были ли они ему выданы (чему не верю),— не знаю. Зато мне достоверно известно, что грозный Кирджали, который избежал турецкого кола, не миновал молдавскую виселицу, на которой он погиб весьма прозаично в 1824 году».

Нужно иметь в виду, что отрицательная характеристика Кирджали объясняется реакционными взглядами Негруцци.

Однако ряд исследователей выражает сомнение в существовании Кирджали как исторической личности. Так, И. Оксёнов считает, что Кирджали — это не собственное имя, а нарицательное (как, скажем, «хайдуки») народных мстителей в Молдавии [5]. Академик В. А. Гордлевский в докладе «Кто такой Кирджали? (Историко-фольклорный комментарий)» [6], хотя и упоминает о гетеристе Георгии Кирджали, как прототипе пушкинского Кирджали, но указывает, что это имя не является собственным данного гетериста, а перешло к нему как нарицательное от «кирджалей», которые, в свою очередь, восприняли его от имени первого вождя кирджалей Кырджа Али (XIV в.), а затем другого вождя — Кырджали (конца XIV в.). Так,— говорит В. А. Гордлевский,— «нарицательное слово — кирджали вторично вернуло себе исконные права собственного имени». И, отмечая ряд неясностей в прежних исследованиях о Кирджали, заключает: «Но, кажется, и мы немного знаем о Кирджали».

В результате архивных разысканий, предпринятых в Центральном государственном историческом архиве Молдавской ССР (ЦГИА МССР), нами обнаружен ряд интересных документов, неопровержимо свидетельствующих, в совокупности с уже опубликованными данными, что Кирджали действительно исторически существовавшая личность, один из выдающихся деятелей гетерии, а, главное, один из народных мстителей в Молдавии, перед которым трепетали царские чиновники. Кирджали жил в Молдавии и пойман был там именно в период пребывания в Молдавии Пушкина (1820—1823).

В бумагах канцелярии Бессарабского гражданского и военного губернаторов и наместника Бессарабского края сохранились любопытные документы, связанные с поисками гетериста «Еоргия Киржали» [7]. Так, в деле «Об отобрании от этеристов оружия и о прочем и о продаже оного по высочайшему повелению» имеется отпуск предписания от 21 апреля 1822 г. за № 2044 от имени Бессарабского гражданского губернатора К. А. Катакази:

ОТКРЫТОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Отряжаемый с сим Ясского цынута ⟨округа⟩ в м⟨естечко⟩ Теленешты член Кишиневской градской полиции Павлов имеет тот час по прибытии туда отыскать и взять для доставления под особым присмотром в Кишинев 3-х человек из находящихся там по билетам этеристов, именно: К и р ж а л и Е о р г и я, К а л а у с а Е о р г и я и к а п и т а н а К о с т а, а прочих всех оставить на месте под надзором смотрителя в местечке, дабы не отлучались никуда без воли начальства, воспрещающего им сие, по причине замеченного ненадежного их поведения. Оружие же, какое у тех и у других сыщется, отобрав, доставить в земское исправничество для удобнейшего сохранения, тем более, что никто из сих людей не должен носить при себе какое-либо оружие. Всем таковым людям и оружию у них найденному составить и подать мне верный список. Впрочем, если кто из них отлучился в другие ближние места того же цынута, то пристав Павлов немедля последует за ними туда и исполнит в точности по выше сказанному с осторожностью и благоразум⟨ием⟩. Для успешного же по сему поручению действия, подтверждаю давать скорое полицейское пособие за предъявлением сего Г. Павловым, по требованию коего ⟨здесь черта — пропуск букв⟩ и от военных команд прошу в нужном случае оказывать законную помощь. По окончании же всего сего, пристав Павлов имеет наискорее возвратиться в Кишинев и мне рапортовать.

Кишинев. 21 апреля 1822 [8].

23 апреля (через два дня после отправленного от Катакази предписания) частный пристав Павлов в рапорте на имя Катакази доносил:

Его Превосходительству!
Господину Действительному Статскому Советнику
Бессарабскому гражданскому Губернатору,
Константину Антоновичу Катакази

1-й части частного пристава Павлова

РАПОРТ

Вследствие открытого предписания, данного мне Вашим превосходительством от 21-го числа текущего года‹!› с № 2044-м последовавшего,

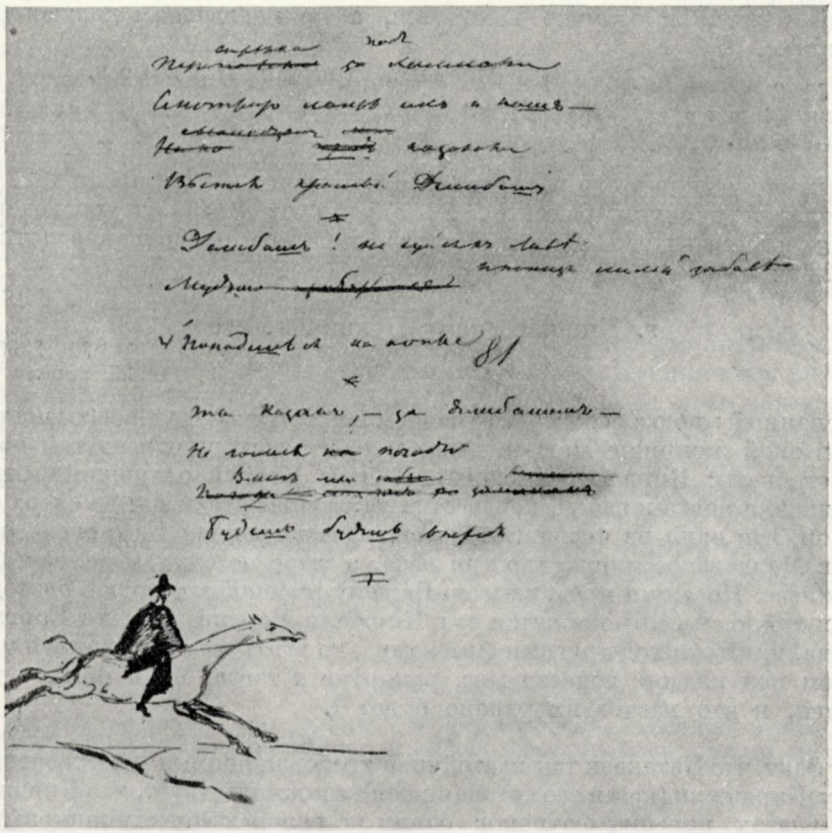


РИСУНОК ПУШКИНА НА АВТОГРАФЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ДЕЛИБАШ», 1829 г.
(В СКАЧУЩЕМ ВСАДНИКЕ ПУШКИН ИЗОБРАЗИЛ СЕБЯ САМОГО)
Институт русской литературы АН СССР Ленинград

насчёт отыскания и доставления под особым присмотром буди отыщутся в местечке Теленештах три человека, находившиеся там по билетам этеристов и именно: Киржали Еоргия, Калауса Еоргия и капитана Коста, а прочих всех оставить на месте под надзором смотрителя оного местечка, о чем Вашему превосходительству сим честь имею донесть, по прибытии моем в местечко Теленешты, осведомился я от посторонних людей и самых отыскиваемых этеристов семейств, кои и ныне там на жительстве находятся, что Киржали Еоргий

и Калаус Еоргий] по сие время находились на жительстве в местечке Теленештах, ныне же отлучились, то есть до приезда моего туда, в город Кишинев, а когда именно и зачем им неизвестно; под названием же Коста отыскан мною в оном местечке, только не сознается, что его называют капитаном, взят мною под присмотр и отдан тамошней исправничии купно с отысканными у него письменными видами, для доставления Вашему превосходительству, и прочие тоже этеристы, какие только мною найдены, отданы под надзор исправничества до разрешения Вашего превосходительства, докладывая притом, что находящийся на жительстве в местечке Теленештах бывший сербский воевода М-ш [9] словесно объявил мне, что со времени случившегося между греками и турками в Молдавии возмущения с числа Этеристов часто приезжает в Теленешты называющийся Каприцею, который до сего времени отлучался в Молдавское княжество три раза, а зачем именно и с каким письменным видом, это неизвестно, который и ныне в отлучке находится, а по наслышкам должен быть в Кишиневе.

Частный пристав Павлов.

№ 2
апреля 23 дня
1822 года[10].

После получения этого рапорта (дата получения — 27 апреля 1822 г.— проставлена, на самом рапорте), 29 апреля от Катакази последовало на имя кишиневского полицмейстера секретное предписание (отпуск) за № 2206:

Секретно

г. Кишиневскому Полициймейстеру

№ 2206
29 апреля 1822

Посланный мною с особым поручением в м⟨естечко⟩ Теленешты частный пристав оной полиции Павлов донес мне, что находившиеся там по билетам етеристы: Киржали Еоргий и Калаус Еоргий отлучились оттуда в Кишинев, а когда и зачем, неизвестно даже семействам их; да сверх того узнал он, что один из числа Етеристов, называющийся Каприцею, отлучался в Молдавское княжество три раза, а ныне по слухам должен быть в Кишиневе. Посему я предписываю Вашему высокоблагородию разведать скоро и тайно, и если окажутся тут Киржали Еоргий, Калаус Еоргий и Каприца, или хотя под другими ⟨именами⟩, то взять их с имеющимся у них оружием под надзор, донести мне, рапортуя и тогда, будь оных тут не окажется, и что насчет их узнано будет [11].

Тот факт, что Катакази так настойчиво требовал поимки и заключения в тюрьму Кирджали (как и его сотоварищей), свидетельствует, что Кирджали был в глазах царских сатрапов одним из важных «преступников» и не только как гетерист, но и как один из народных мстителей.

Других архивных документов, касающихся деятельности Кирджали, нам не удалось обнаружить. Но о дальнейшей судьбе Кирджали свидетельствует рапорт наместника Бессарабского края И. Н. Инзова на имя Александра I от 29 марта 1823 г., в котором Инзов сообщал следующее: «Главнейший из числа молдавских разбойников есть тот самый Георгий Кирджали, который в минувшем феврале месяце ограбил молдавское местечко Скуляны, но, перейдя Прут в Бессарабию тайно, был здесь пойман и передан в Молдавию, где, содержась в тюрьме, вместе с караульными турками бежал и, собрав свою партию, производит новые грабительства» [12]. Затем Кирджали был пойман, передан туркам и казнен 24 сентября 1824 г.

Таким образом, новые архивные данные подтверждают с полной очевидностью, во-первых, историческую достоверность существования ге-

териста и народного мстителя Георгия Кирджали (Еоргия Киржали) как прототипа героя пушкинской повести; во-вторых, что поисками Кирджали царские сатрапы занимались и в апреле 1822 г. (новый штрих в биографии Кирджали), и, наконец, в-третьих (последнее для нас особенно важно), что поиски и поимка Кирджали происходили в 1822—1823 гг., то есть в тот период, когда Пушкин жил в Молдавии. Невозможно, чтобы Пушкин не знал об этом от Инзова и Катакази (с последним он был хорошо знаком). Да, наконец, и М. И. Лекс, будучи начальником в канцелярии Инзова, мог знать о Кирджали из официальных бумаг и рассказать Пушкину о нем еще в Кишиневе. Кроме того, новые архивные документы дают дополнительные факты для истории хайдутского движения в Молдавии, классовой борьбы молдавского народа со своими угнетателями в 1-й четверти XIX в. А это, в свою очередь, дает нам право утверждать, что если первоначальным толчком к созданию «Братьев разбойников» послужил побег в Екатеринославе двух заключенных, то крестьянские восстания в Екатеринославской губернии, на Дону, и наконец, непосредственно хайдутское движение в Молдавии — вот что дало Пушкину материал для создания поэмы «Братья разбойники».

Нельзя не отметить и тот факт, что данные Пушкина о поимке Кирджали в Кишиневе вполне соответствуют архивным материалам (вспомним, что частный пристав Павлов сообщал об отъезде Кирджали в Кишинев). Не был ли Кирджали и пойман в Кишиневе так, как это описано Пушкиным в его повести? «Узнали, что Кирджали в самом деле находится в Кишиневе. Его поймали в доме беглого монаха, вечером, когда он ужинал, сидя в потемках с семью товарищами».

Однако в повести есть и существенное расхождение с архивными данными. Речь идет о дате поимки Кирджали, которую Пушкин, как известно, в своей повести относит к сентябрю 1821 г. Но поэт явно запамятовал точную дату ареста своего героя, ибо в архивных данных и донесениях Инзова точно указано время поисков (апрель 1822 г.), поимки и побега (февраль 1823 г.) Кирджали. Поэтому и создание стихотворного отрывка «Чиновник и поэт» нужно относить, как нам кажется, к 1822—1823 гг. Что же касается того факта, что Пушкин не указал в своей повести имени героя, то это можно объяснить тем, что Пушкин вывел его как собирательный образ гетериста и молдавского народного мстителя.

Б. Трубецкой

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. Липранди. Из дневника и воспоминаний.— «Русский архив», 1866, стб. 1395. — Этой же ошибочной точки зрения придерживался и автор этих строк в книге «Пушкин в Молдавии» (Кишинев, 1949, стр. 35).

[2] «Из записок И. П. Липранди».— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1877, кн. 3, стр. 64.

[3] В. Язвицкий. Кто был Кирджали, герой повести Пушкина? — «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 45—60.

[4] Там же, стр. 50.

[5] И. Оксёнов. Кирджали. — «Пушкин. 1834 год», Л., 1934, стр. 50—64.

[6] «А. С. Пушкин. 1799 — 1949. Материалы юбилейных торжеств». М.— Л., изд. АН СССР, 1951, стр. 261—281.

[7] Все гетеристы, перешедшие через Прут в Бессарабию после разгрома их войск в битвах при Драгошанах (19 июня 1821 г.) и Скулянах (29 июня 1821 г.), были разоружены и размещены на жительство под надзором и по особым документам (билетам), выданным наместником Бессарабского края.

[8] ЦГИА МССР, ф. 2, ед. хр. 696, л. 2—2 об. (черновой набросок).

[9] «Милош»? Слово закрыто пятном.

[10] ЦГИА МССР, ф. 2, ед. хр. 696, л. 14—14 об.

[11] Там же, л. 15—15 об. (черновик).

[12] В. Селінов. До питання про джерела повісти Пушкіна «Кірджалі». (За архівними матеріялами).— «Записки історико-филологичного відділу Української Академії наук», кн. XIII—XIV, Киев, 1927, стр. 106.

II. ОБ ЭПИГРАММЕ ПУШКИНА «ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!»

Адресат эпиграммы Пушкина «Жив, жив курилка!» был раскрыт самим поэтом. Посылая эпиграмму брату в первой половине мая 1825 г., Пушкин писал: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского» (XIII, 174).

Истолкование повода для эпиграммы впервые дал в 1880 г. П. А. Ефремов в комментариях к изданию сочинений Пушкина. Ефремов связывал эпиграмму со статьями Мих. Дмитриева о предисловии П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану», появившимися в журнале Каченовского «Вестник Европы» в 1824 г. [1] Это толкование вслед за Ефремовым повторялось комментаторами сочинений Пушкина до последнего времени.

Однако повод для создания эпиграммы был иной.

В февральском номере «Вестника Европы» 1825 г., за подписью «Юст Веридиков», был напечатан ряд отдельных высказываний полемического характера, объединенных под общим названием «Мысли и замечания». Среди этих высказываний были и следующие, содержавшие нападки на Пушкина:

«Сколько смешны ненавистники словесности, столько забавны мнимые обожатели ее. „В о т д а р о в а н и я, в о т у с п е х и!“ кричат поклонники рифм и стихотворных безделок и затягивают на разлад ш а л ь н у ю кантату. Между тем как люди благонамеренные трудятся во всю жизнь свою, собирают истины, как пчелы мед, жертвуют мудрости благами жизни вещественной, мнимые уставщики вкуса даже не ведают и не осведомляются, есть ли такие люди на свете: они ищут случая повергнуть венок свой к стопам рифмача или томного воздыхателя.

*

Истинный литератор не решится издать в свет сочинения, из которого ничего больше не узнаете, кроме того, что н е к т о был взят в плен; что к а к а я - т о молодая девушка влюбилась в пленника, который не мог полюбить ее взаимно, у т р а т и в ж и з н и с л а д о с т р а с т ь е, и наконец, что та же девушка освободила его и сама утопилась. — Стихи, которые с таким жаром называют м у з ы к о ю, для потомства и даже для современников не значат почти ничего; а истина, которую писатели ученые представляют в лучезарном свете, была и будет спасительна для рода человеческого.

*

Весьма ошибаются, кои думают, будто бы можно заниматься словесностию, не имевши ни правильного образа мыслей, ни привычки упражняться в науках. Поле словесности было бы похоже на кладбище, если бы мелькали на нем одни сверкающие метеоры» [2].

В первом из приведенных отрывков «шальною кантатою» названа «Черная шаль» Пушкина. Впервые напечатанная в 1821 г. с подзаголовком «Молдавская песня», «Черная шаль» была положена на музыку А. Н. Верстовским и исполнялась в 1823 г. под названием «кантаты» на московской сцене. В словах же о «мнимых обожателях» словесности, повидимому, имелся в виду Н. А. Полевой, который как раз незадолго до появления «Мыслей и замечаний» Юста Веридикова в подстрочном примечании к своей статье «Обозрение русской литературы в 1824 году» писал: «Песни Пушкина сделались народными: в деревнях поют его Черную шаль. А. Н. Верстовский с большим искусством сделал на сию песню музыку, и доныне жители Москвы не наслушаются очаровательных звуков, вполне выражающих силу стихов Пушкина» [3].

Во втором отрывке совершенно очевидно речь шла о «Кавказском пленнике», в третьем—Пушкин подразумевался под «сверкающими метеорами» словесности.

Нападение Юста Веридикова на «Черную шаль» было не первым на страницах «Вестника Европы». Еще в начале 1824 г. об этом стихотворении высказал свое мнение критик «Вестника Европы», скрывшийся за подписью Н. Д. Считая «Черную шаль» лишь «красивой безделкой», он писал: «В песне г-на Пушкина представляется нам к а к о й - т о молдаванин, убивший к а к у ю - т о любимую им красавицу, которую соблазнил к а к о й - т о армянин. Достойно ли это того, чтобы искусный композитор изыскивал средства потрясать сердца слушателей, чтобы для песни тратил сокровища музыки?» [4].

Совершенно явно стилистическое сходство этого отзыва с пародийным изложением содержания «Кавказского пленника» в «Мыслях и замечаниях», где эта пародия занимает центральное место. На фоне благоприятных статей, посвященных «Кавказскому пленнику», в этих новых нападках на поэта можно было усмотреть возобновление той резкой критики, какою встретил «Вестник Европы» появление «Руслана и Людмилы».

На отзыв о «Кавказском пленнике» Юста Веридикова обратил внимание П. А. Плетнев, сообщивший 3 марта 1825 г. Пушкину в Михайловское: «Не знаю, отчего журналисты тебе не присылают своих непотребностей. Верно ждут от тебя послания. Каченовский всё хлопочет о „Кавказском пленнике“, а его, бедного, уж нет и в лавках» (XIII, 148).

Затем из «Прибавления» к № 5 «Московского телеграфа» за 1825 г. Пушкин мог узнать, что в «Вестнике Европы» «Г-н Юст 〈...〉 вдруг ни с того, ни с сего атакует и „Кавказского пленника“, и кантату, и всех молдаван и черкесов» (стр. 84. Ценз. разр. номера — 26 февраля 1825 г.).

Желая узнать, в чем заключалось выступление против него Каченовского, его давнишнего литературного врага, Пушкин спрашивал брата 14 марта 1825 г.: «Каченовский восстал на меня. Напиши мне, благопристоен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму» (XIII, 152) [5].

Анонимные или подписанные псевдонимом статьи «Вестника Европы» современниками обычно приписывались Каченовскому. Поэтому Плетнев и Пушкин считали его автором «Мыслей и замечаний», подписанных: Юст Веридиков [6].

Ответного письма Л. С. Пушкина не сохранилось. Между тем, в письме к брату от первой половины мая 1825 г., Пушкин послал текст эпиграммы, прибавив при этом: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского».

Таким образом, непосредственной причиной для эпиграммы «Жив, жив курилка!» явились «Мысли и замечания» Юста Веридикова в «Вестнике Европы».

О. Билинкис

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] П у ш к и н. Сочинения. Под ред. П. А. Ефремова, т. II. СПб., 1880, стр. 407.

[2] «Вестник Европы», 1825, № 3, стр. 227—228.

[3] «Московский телеграф», 1825, № 1, стр. 86.— Статья без подписи. Авторство Н. А. Полевого устанавливается его собственным свидетельством («Особенное прибавление» к № 13 «Московского телеграфа» за 1825 г., стр. 34).

[4] «Вестник Европы», 1824, № 1, стр. 70—71.

[5] Комментируя эти слова Пушкина, Б. Л. Модзалевский причиной их считает напечатанную в № 17 «Вестника Европы» 1825 г. статью Рожалина «Нечто о споре по поводу Онегина» (П у ш к и н. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I. М.—Л., 1926, стр. 410). Так же эта фраза прокомментирована в издании: П у ш к и н. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X, М.— Л., 1949, стр. 676. Подобное утверждение опровергается тем, что письмо написано в марте 1825 г., а статья Рожалина вышла в сентябре.

[6] С. И. Пономарев в статье «Материалы для словаря псевдонимов» («Русский календарь А. Суворина на 1881 г», стр. 294) указал, что Юст Веридиков является псевдонимом Мих. Дмитриева. Однако никаких положительных доводов он не привел.

III. ИСТОЧНИКИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, ПЕРЕВЕДЕННЫХ ПУШКИНЫМ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

В июне 1836 г. Пушкин перевел на французский язык одиннадцать русских народных песен. Перевод был им сделан по просьбе приезжавшего в Петербург известного французского литератора и дипломата Лёве-Веймара.

Об этой работе поэта стало известно только в 1885 г., когда П. И. Бартенев опубликовал по автографу в «Русском архиве» французские тексты песен, приобретенных на одном из аукционов в Париже коллекционером автографов И. И. Курисом. К шести переводам Бартенев дал «самые подлинники» из сборника И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (М., 1836), а поисками оригиналов для остальных пяти песен предложил заняться «любителям», не отрицая возможности и того, что такой знаток и собиратель народных песен, как Пушкин, мог переводить их на французский язык и по памяти [1].

Через пятнадцать лет после статьи Бартенева нашелся «любитель», который занялся изучением источников, послуживших великому поэту оригиналами для его переводов. Это был Н. Н. Трубицын, тогда еще студент Петербургского университета. В 1900 г. он напечатал статью «О русских народных песнях, переведенных А. С. Пушкиным на французский язык» [2].

Статья Н. Н. Трубицына — самая значительная работа по данному вопросу. Однако в отдельных местах она грешит не только неясностью, но иногда и неверными утверждениями, вытекающими из недостаточно хорошего знания автором песенника Новикова. Тем не менее, работа Н. Н. Трубицына обычно принимается без оговорок. В 1935 г. М. А. Цявловский в книге «Рукою Пушкина» [3], повторив и суммировав основные положения статьи Н. Н. Трубицына, нашел, что для перевода девяти песен (№№ 1—4, 6, 8—11) Пушкин пользовался текстами песен, напечатанными в песеннике Новикова [4], для одной — текстом, полученным от Н. М. Языкова (№ 5), песню же № 7 переводил по памяти.

Вопрос об источниках пушкинских переводов может быть разрешен, однако, гораздо проще, чем это представлялось Н. Н. Трубицыну и М. А. Цявловскому.

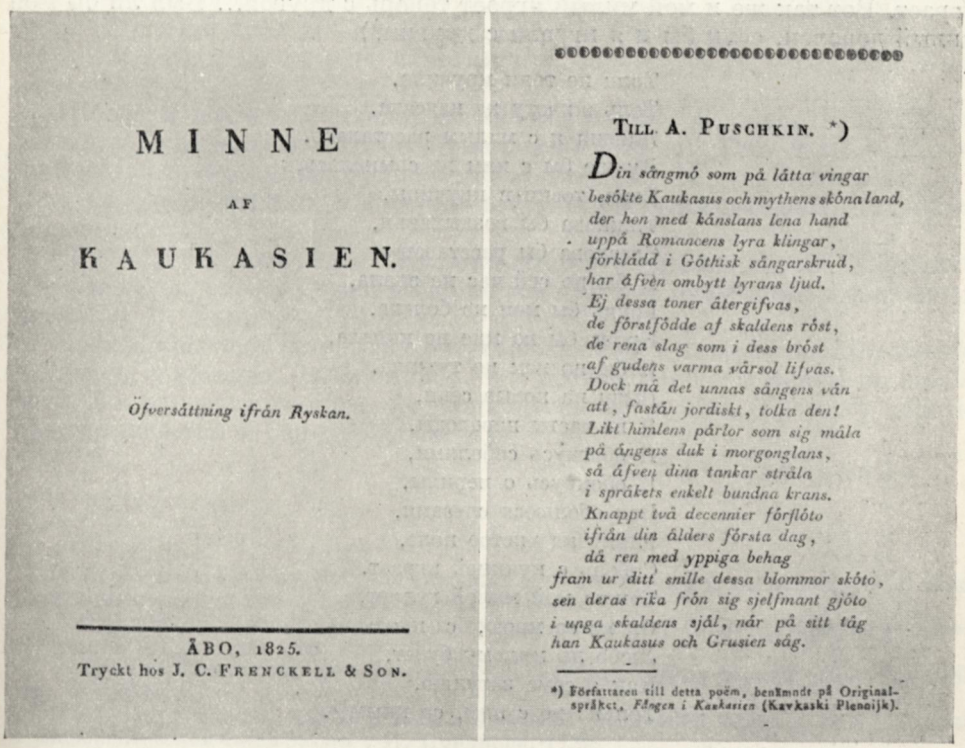
Прежде всего уточним вопрос об оригинале песни № 6: «Lune brillante, notre père!» («Ах! ты батюшка светел месяц!»). Н. Н. Трубицын считает, что текст этой песни взят Пушкиным из сборника И. П. Сахарова, хотя ниже пишет о том, что последний перепечатал ее «из песен Чулкова или Новикова» [5].

Проще и вернее было бы предположить, что Пушкин и в этом случае воспользовался всё тем же песенником Новикова, в котором он нашел большинство песен, послуживших ему оригиналами для его переводов. Повторяем, что Пушкин пользовался именно песенником Новикова, потому что в собрании Чулкова [6] нет этого варианта плача о Петре. Н. Н. Трубицын, отыскивая первоисточники французских переводов Пушкина, по всей вероятности, пользовался песенником Новикова. На соответствующий же номер песенника Чулкова он сослался потому, что был уверен в полном совпадении текстов обоих песенников. Так поступил и Киреевский, у которого в восьмом выпуске напечатан этот вариант плача со ссылкой на песенники Чулкова и Новикова [7]. Вообще песенник Новикова почти повторяет чулковский сборник, по крайней мере в первых четырех частях, но в данном случае в обоих песенниках в первых частях под одинаковым номером (122) напечатаны были р а з н ы е в а р и а н т ы песни-плача о Петре: в собрании Новикова — «петербургский» вариант,

в песеннике Чулкова — «московский». В последнем есть и «петербургский» вариант (ч. III, № 80), но не тот, который напечатан Новиковым и которым пользовался Пушкин как оригиналом для своего перевода.

Для песни № 7 оригинал до сих пор не был найден, поэтому принято считать, что поэт переводил ее по памяти. Н. Н. Трубицын так и писал: «...в вопросе о том, что Пушкин здесь справлялся именно собственными силами и притом не оставил нам никакого следа, мы твердо убеждены» [8].

Это предположение было поддержано и М. А. Цявловским: «Что касается оригинала седьмой песни, то он до сих пор не найден. Трубицын высказал,



MINNE

AF

KAUKASIEN.

Öfversättning ifrån Ryskan.

ÅBO, 1825.
Tryckt hos J. C. FRENCKELL & SON.

TILL A. PUSCHKIN. *)

Din sångmö som på låtta vingar
besökte Kaukasus och mythens skönaland,
der hon med känslans lena hand
uppå Romancens lyra klingar,
förklädd i Göthisk sångarskrud,
har äfven ombytt lyrans ljud.
Ej dessa toner återgifvas,
de förstfödde af skaldens röst,
de rena slag som i dess bröst
af gudens varma vårsol lifvas.
Dock må det unnas sångens vän
att, fastän jordiskt, tolka den!
Likt himlens pärlor som sig måla
på ångens duk i morgonglans,
så äfven dina tankar strâla
i språkets enkelt bundna krans.
Knappt två decennier förflöto
ifrån din ålders första dag,
då ren med yppiga behag
fram ur ditt smille dessa blommor skôto,
sen deras rika frön sig sjelfmant gjöto
i unga skaldens själ, när på sitt tåg
han Kaukasus och Grusien såg.

*) Författaren till detta poëm, benämnde på Original-språket, Flugen i Kaukasien (Kavkaski Plennoijk).

ИЗДАНИЕ «КАВКАЗСКОГО ПЛЕННИКА» НА ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ, 1825 г.
Титульный лист и первая страница со стихами переводчика (А. Платена), посвященными Пушкину
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

по нашему мнению, вероятное предположение, что Пушкин „мог на память воспроизвести этот варьянт плача“» [9].

Однако русский оригинал перевода этой песни есть в первой части песенника Новикова.

Приводим для сравнения все три текста песни: французский перевод Пушкина, ее прозаический перевод на русский язык [10] и, наконец, текст из песенника Новикова, который никогда не публиковался рядом с французским переводом поэта.

N'est-ce pas bien triste et bien endêvant? Mon amant me quitte. Ne valait-il pas mieux que nous ne fussions jamais connus? Je n'aurais connu ni les chagrins, ni les pénibles soupirs, ni les larmes de la séparation; ma poitrine ne m'aurait pas fait mal; mon sang n'aurait pas bouilloné,

je ne l'aurais pas regretté. J'irai sur le nouveau perron, je m'appuirai sur la balustrade, je m'enveloperai de fourrures, je m'inonderai de larmes, je regarderai la plaine déserte. Dans la plaine déserte l'hermine joue avec la zibeline. C'est ainsi que mon amant joue avec une autre que moi... Mon amant serait-il content si je jouais avec un autre que lui?

(Как ни грустно мне и ни горько мне? Мой милый меня покидает. Не лучше ли было бы нам никогда не знать друг друга? Я не ведала бы ни горя, ни тяжких вздыханий, ни слез разлуки; моей груди не было бы так больно, моя кровь не кипела бы, и я не сожалела бы о нем. Пойду я на новое крыльцо, обопрусь на перила, прикроюсь шубкой, зальюсь слезами и стану смотреть на пустую равнину. А в пустой равнине соболь с куницею играет. Вот так же и мой милый играет теперь с другой... Был ли бы мой милый доволен, если бы и я играла с другим?)

Толи не толи кручина,
Толь животу не надсада.
Живши я с милым рассталась.
Лучше бы с ним не свыкалась,
Горя, тоски и кручины,
Тяжкова бы воздыханья,
Слезнова бы расставанья
Я бы по сей час не знала,
Грудь бы моя не болела,
Кровь бы во мне не кипела,
Я бы по нем не тужила.
Выду на новые сени,
Я на часты переходы,
Я обогнусь соболями,
Я обопрусь о перилы,
Вся обольюся слезами,
Гляну на чистое поле,
Соболь с куницей играет.
Так-то мой милой гуляет,
Он не со мною, с иною.
Любо ль милому будет,
Как я сама загуляю,
Только не с ним, со иным[11].

Нам кажется, что напрасно усложнен исследователями и вопрос об источнике песни № 5: «C'etait sur la Kamischenka» («Вниз то было по матушке Камышенке реке...»).

Н. Н. Трубицын считает, что «извод, послуживший поэту подлинником для перевода, мог быть сообщен г. Языковым» [12]. М. А Цявловский уточняет: «Оригиналом для пятой из переведенных Пушкиным песен, как показал Трубицын <...>, послужила запись песни, сделанная Н. М. Языковым в Симбирской губернии и переданная им П. В. Киреевскому. От одного из них Пушкин, очевидно, и получил эту запись» [13].

Источник знакомства и перевода был ближе — тот же песенник Новикова (ч. I, № 127, стр. 144), где напечатан почти тождественный с приведенным Трубицыным из собрания Киреевского вариант, безусловно, послуживший Пушкину оригиналом для его перевода этой песни.

Нельзя не указать на одно интересное разночтение во французском переводе и русском тексте.

Пушкин переводил: «Ils pointèrent u n p e t i t c a n o n de cuivre» — «Становили они п у ш е ч к у медную».

В тексте Новикова: «Становили они п у ш к у, братцы, медную» [14].

Пушкин употребил слово «пушку» с ласкательным суффиксом — «пушечку», что очень характерно для народной поэзии, и в данном случае его перевод более выдержан в народном духе, чем текст песенника. Интересно, что в первоисточнике собрания Новикова — в песеннике Чулкова — именно так напечатана эта строка, как переводил ее Пушкин [15].

У Пушкина был песенник Чулкова [16], именно первая часть его (а может быть и остальные), но едва ли он, переводя русские песни для Лёве-Веймара, пользовался то одним, то другим песенником. В данном случае он подметил и выдержал соответствие одной строки другой, чего не было в самом оригинале — в тексте песенника Новикова.

Итак, Пушкин, работая над переводом русских песен на французский язык, не прибегал к своей памяти, не пользовался и собственными записями: оригиналы для всех одиннадцати переведенных им песен находятся в первой части песенника Новикова.

«Новое и полное собрание российских песен», изданное Н. И. Новиковым, у Пушкина было, он его купил еще в 1827 г.[17] Оно дало ему возможность познакомить французского читателя и с шедеврами русской народной лирики, и с редкими и прекрасными песнями о народной вольнице.

Для своих переводов Пушкин отбирал песни очень обдуманно, а вовсе не те, «какие случайно попались ему под руку», как в свое время писал П. И. Бартенев.

Выбор тематики песен еще раз характеризует интерес поэта к песням о Разине, о казаках, разбойниках,— к песням наиболее ярким по своему социальному содержанию, по заключенному в них протесту против крепостничества и самодержавия.

В. Архангельская

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] П. Б <артенев>. Русские народные песни во французском переводе А. С. Пушкина.— «Русский архив», 1885, № 3, стр. 451—460.

[2] «Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета», ч. LVII, 1900, стр. 351—388.

[3] «Рукою Пушкина». Несобранные и неопубликованные тексты. М.— Л., 1935, стр. 616—618.

[4] Н. Новиков. Новое и полное собрание российских песен..., ч. I. В Москве, в университетской типографии у Н. Новикова, 1780.

[5] Н. Трубицын. Ук. соч., стр. 370.

[6] М. Чулков. Собрание разных песен, ч. I. СПб., 1770; Сочинения М. Чулкова, т. I. СПб., 1913.

[7] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. VIII. 1868, стр. 284—285.

[8] Н. Трубицын. Ук. соч., стр. 376.

[9] «Рукою Пушкина», 1935, стр. 618.

[10] Французский и русский тексты приводятся по книге «Рукою Пушкина», стр. 614 и 622.

[11] Н. Новиков. Ук. соч., ч. I, № 99, стр. 115.

[12] Н. Трубицын. Ук. соч., стр. 367.

[13] «Рукою Пушкина», 1935, стр. 618. По записи Языкова песня напечатана П. А. Бессоновым в «Песнях, собранных П. В. Киреевским», вып. VII, 1868, стр. 132—133.

[14] Так же и в тексте Н. М. Языкова.

[15] М. Чулков. Собрание разных песен, ч. I, № 127, стр. 158.

[16] Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина. СПб., 1910, стр. 114.

[17] Ни в описи библиотеки Пушкина, произведенной Б. Л. Модзалевским, ни в опекунской описи (см.: Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. Новые материалы.— «Лит. наследство», т. 16-18, 1934) не значится песенника Новикова.

Но в 1938 г. был опубликован «счет» неизвестного букиниста, представленный Пушкину в 1836 г. Судя по этому счету, поэт купил все шесть частей песенника Новикова еще в июне 1827 г. (см. «Лит. архив», т. I. Л.— М., изд. АН СССР, 1938, стр. 39).

IV. О ПОРТРЕТЕ ПУШКИНА РАБОТЫ ТРОПИНИНА

1. <ЗАМЕТКА С. А. СОБОЛЕВСКОГО ОБ ИСТОРИИ ПОРТРЕТА, НАПИСАННАЯ ИМ ДЛЯ М. П. ПОГОДИНА В 1868 г.>

Вот история портрета.

Портрет Ал<ександр> С<ергеевич> заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память в золоченой великолепной рамке.

Уезжая за границу, я оставил этот портрет одному приятелю (И. В. К и р е е в с к о м у), имевшему собственный дом.

Приятель давал его крепостному чьему-то маляру (не знаю имени маляра или имени его хозяина [1]) для добывания копиями барышей (сей маляр жил до моего отъезда у Ш е в ы р е в а). По возвращении моем из-за границы (где я провел 5 лет) оказалось:

1) Что приятель дом продал, а портрет и библиотеку (далеко не всю) передал другому приятелю, который между тем завелся своим домком (Ш е в ы р е в у).

2) Но тут очутилось, что в великолепной рамке был уже не подлинный портрет, а скверная копия с оного, которую я и бросил в окно.

О том, кто дал зевка, К<и р е е в с к и й> или Ш<е в ы р е в> — следы простыли.

Между тем подлинник нашелся у к. Оболенского [2], который купил его за 50 руб. у Бардина, известного плута и мошенника. Осталась у меня только очень уменьшенная копия, сделанная для меня А в д о т ь е й П е т р о в н о й Е л а г и н о ю [3], для того, чтобы иметь возможность возить оную с собою за границей.

Очень обяжете, если, переделав, напечатаете это известие, расписав оное, как следует, н о з а и с к л ю ч е н и е м с о б с т в е н н ы х п о д ч е р к н у т ы х и м е н.

2. <ПИСЬМО С. А. СОБОЛЕВСКОГО К М. П. ПОГОДИНУ ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ ЗАМЕТКИ ПОСЛЕДНЕГО В ГАЗЕТЕ «РУССКИЙ» 1868 г.>

Батюшка Михаил Петрович — генерал, а повираете не хуже нашего брата, обер-офицера!

1) Портрет Тропинину заказал с а м Пушкин тайком и поднес мне его в виде сюрприза с разными фарсами. (Стоил он ему 350 руб.).

2) О портрете, яко мне принадлежащем, было сказано в 18 номере Телеграфа за 1827-ой г. [4]; итак, это было не в 30-х годах, как Вы изволите глаголить.

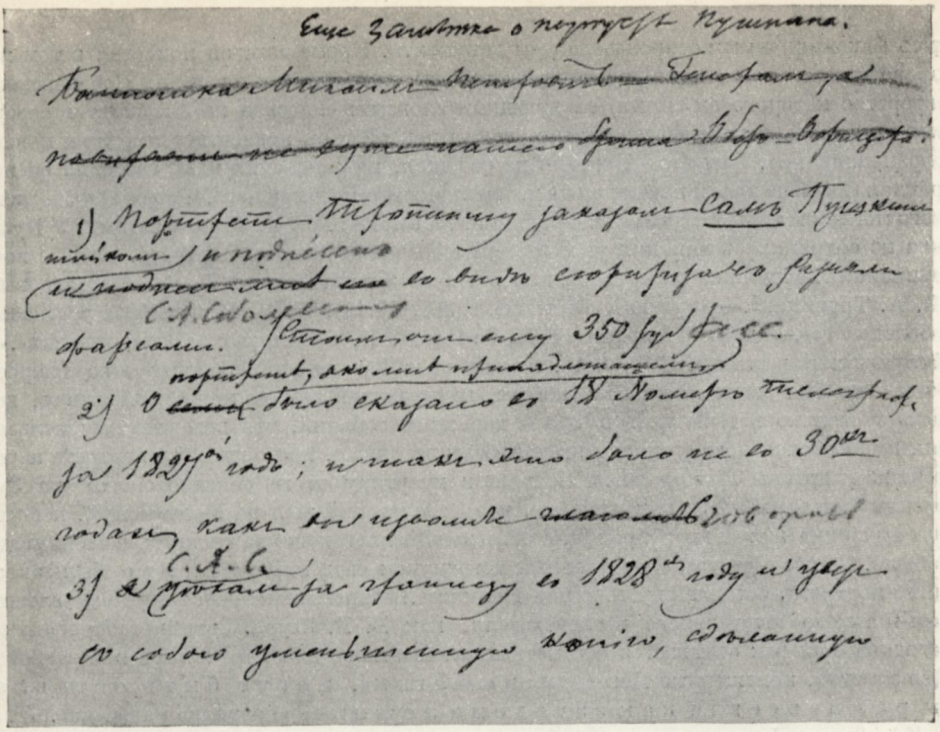
3) Я уехал заграницу в 1828-м году [5] и увез с собою уменьшенную копию, сделанную нарочно на сей предмет Авдотьею Петровною.

М е ж д у н а м и. Основываясь на статье «Телеграфа» 1827-го года и имея свидетелей, что портрет был у меня похищен, — не учинить ли мне иск о возвращении украденной у меня собственности. Как Вы думаете??

Автографы, ЛБ. Фонд Погодина (Пог./III, п. 9, № 59—60).

Первая заметка С. А. Соболевского была прислана М. П. Погодину как материал для его отзыва в газете «Русский» 1868 г. (№ 116) о выставке портретов, устроенной Обществом любителей художеств, на которой впервые демонстрировался портрет Пушкина работы Тропинина.

Погодин воспользовался сведениями, но изменил основное сообщение Соболевского о том, что п о р т р е т б ы л з а к а з а н х у д о ж н и к у П у ш к и н ы м и приписал заказ самому Соболевскому. Это изменение и ряд других неточностей (в частности, указание, что портрет писался «в тридцатых годах») вызвали возражение Соболевского, публикуемое выше. Печатая его в № 119 газеты «Русский» за 1868 г., Погодин также подверг его редакторской переработке, характер которой показан

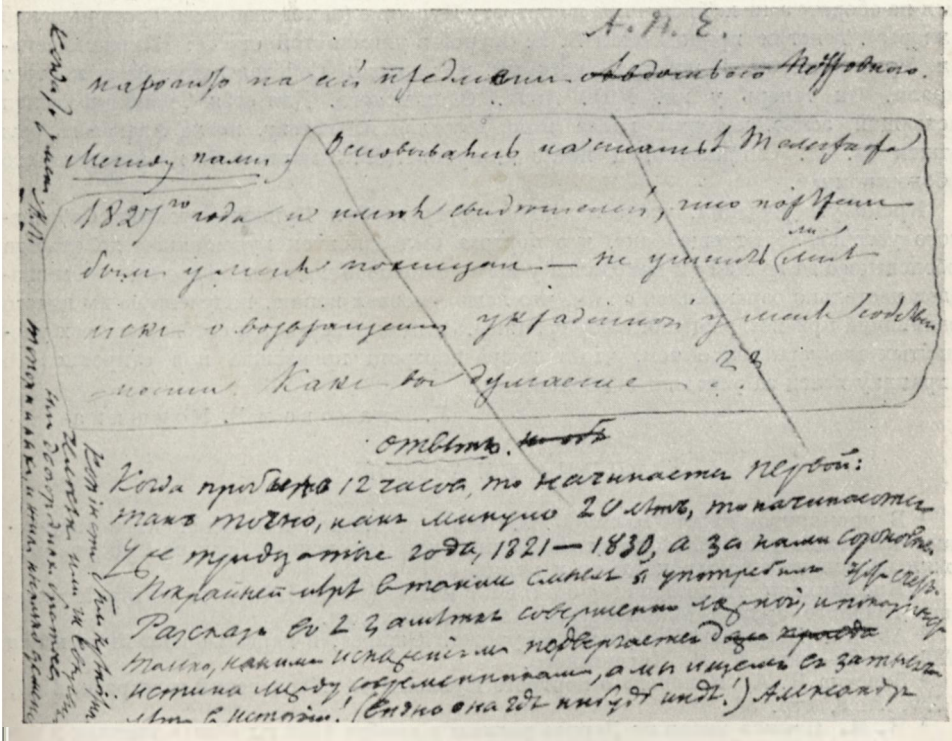


Еще замѣтка о портретѣ Пушкина.

~~Ваниотка Михаилъ Петровичъ Генералъ за~~

~~повѣрить не хуже нашего брата Обер-Офицера.~~

1) Портретъ Тропинину заказалъ самъ Пушкинъ тайкомъ и поднесенъ ~~и поднесъ мнѣ~~ во видѣ сюрприза съ разными фарсами. С. А. Соболевскому Стоилъ отъ ему 350 руб. ассиг.



2) О ~~семъ~~ портретѣ, яко мнѣ принадлежащемъ, было сказано въ 18 Номерѣ Телеграфа за 1827ой годъ; и такъ это было не во 30ыхъ годахъ, какъ вы изволите ~~глаголить~~ говорить

3) ~~Я~~ С. А. С. ~~уѣхалъ~~ за границу въ 1828ой году и увезъ съ собою уменьшенную копію, сдѣланную

А. П. Е.

нарочито на сей предметъ ~~Авдотьею Петровною~~.

Между нами. Основываясь на статьѣ Телеграфа 1827го года и имѣя свидѣтелей, что портретъ былъ у меня похищенъ — не учинилъ ли мнѣ искъ о возвращеніи украденной у меня собственности. Какъ вы думаете?

Отвѣтъ. ~~[illegible]~~

Когда пробьетъ 12 часовъ, то начинается первой: такъ точно, какъ минуло 20 лѣтъ, то начинается уже тридцатые годы, 1821—1830, а за нами сороковые. Покрайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ я употребилъ [illegible]. Разсказъ въ 2 замѣткѣ совершенно ложной, и показываетъ только, какими искаженіями подвергается ~~[illegible]~~ истина между современниками, а мы ищемъ въ затѣхъ лѣтъ въ исторіи! (Видно она гдѣ нибудь индѣ!) Александръ

ПИСЬМО С. А. СОБОЛЕВСКОГО К М. П. ПОГОДИНУ О ПОРТРЕТЕ ПУШКИНА РАБОТЫ В. А. ТРОПИНИНА

Внизу ответ Погодина

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

здесь факсимильным воспроизведением документа. Кроме того он поместил в том же номере газеты свой «Ответ», в котором опорочил публикуемые сведения Соболевского (авторство которого он скрыл) следующими словами: «Рассказ во 2-й заметке совершенно ложный, и показывает только, каким искажениям подвергается истина между современниками». При этом Погодин не сообщил, на основании чьих сведений он исправлял Соболевского и почему он не доверял указанию последнего. Исправить Соболевского могли бы только Пушкин и Тропинин, но в 1868 г. их не было в живых. У Пушкина не сохранилось никаких упоминаний о создании данного портрета. Устные воспоминания Тропинина воспроизводились тремя мемуаристами: Н. А. Рамазановым («В. А. Тропинин».— «Русский вестник», 1861, № 11), Н. В. Бергом («Из рассказов Соболевского».— «Русский архив», 1871, № 1) и П. П. Соколовым («Воспоминания».— «Исторический вестник», 1910, № 9). Рамазанов и Берг не останавливаются на вопросе о том, кто был заказчиком; Соколов же, называющий заказчиком Соболевского, допускает столько неточностей в своем пересказе событий, что доверять ему нельзя. Так, имя Соболевского он превращает в «Базилевского», место писания портрета переносит из квартиры Тропинина на Ленивке в квартиру этого «Базилевского» на Зубовском бульваре (тогда как известно, что Соболевский жил на Молчановке), и поселяет Пушкина в этой квартире после отъезда «Базилевского» за границу, чего никогда не было. Таким образом, единственным источником сведений о том, к т о был заказчиком портрета, остались публикации Погодина. Безапелляционный тон его заявления сбил и такого тщательного исследователя, как В. В. Згура. Загипнотизированный Погодиным он так отзывается о заметках неизвестного для него автора в «Русском»: «Две заметки, помещенные Погодиным в своей газете, м о г у т б ы т ь о с т а в л е н ы р а з н а в с е г д а к а к з а в е д о м о л о ж н ы е» (Разрядка наша.—*Л. И.* и *Е. К.*). Автографы этих заметок Соболевского, найденные в архиве Погодина, заставляют иначе отнестись к сообщаемым в них сведениям и принять их за вполне достоверные. К тому же эти сведения были повторены Соболевским и в собственноручной надписи на обороте эскиза Тропинина к портрету Пушкина (находящегося в Третьяковской галлерее). Текст ее приводится и В. В. Згурой в упомянутой статье: «Пушкин заказал Тропинину свой портрет, который и подарил Соболевскому. Этот портрет украли. Он теперь у кн. Мих. Андр. Оболенского. Для себя Тропинин сделал настоящий эскиз, который после него достался Алексееву, после Алексеева был куплен Н. М. Смирновым, а после Смирнова (ок. 3 марта 1870 г.) подарила его Соболевскому» [6].

Кроме утверждения, что заказчиком портрета был Пушкин, заметки Соболевского устанавливают еще факт, что портрет был закончен художником до отъезда Соболевского за границу и находился у него достаточно длительное время, чтобы владелец настолько ознакомился с ним, что легко опознал копию, полученную им вместо подлинника при возвращении из-за границы. Этим опровергается сообщение трех упомянутых мемуаристов о том, что подмена портрета произошла при отправке его за границу вслед за уехавшим Соболевским.

Л. Иванова и Е. Кошина

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В упомянутом ниже «Ответе» М. П. Погодина имеется приписка: «Александр-копиист был крепостной человек или же сводных или двоюродных братьев Топорниных, и жил несколько времени когда-то у меня».

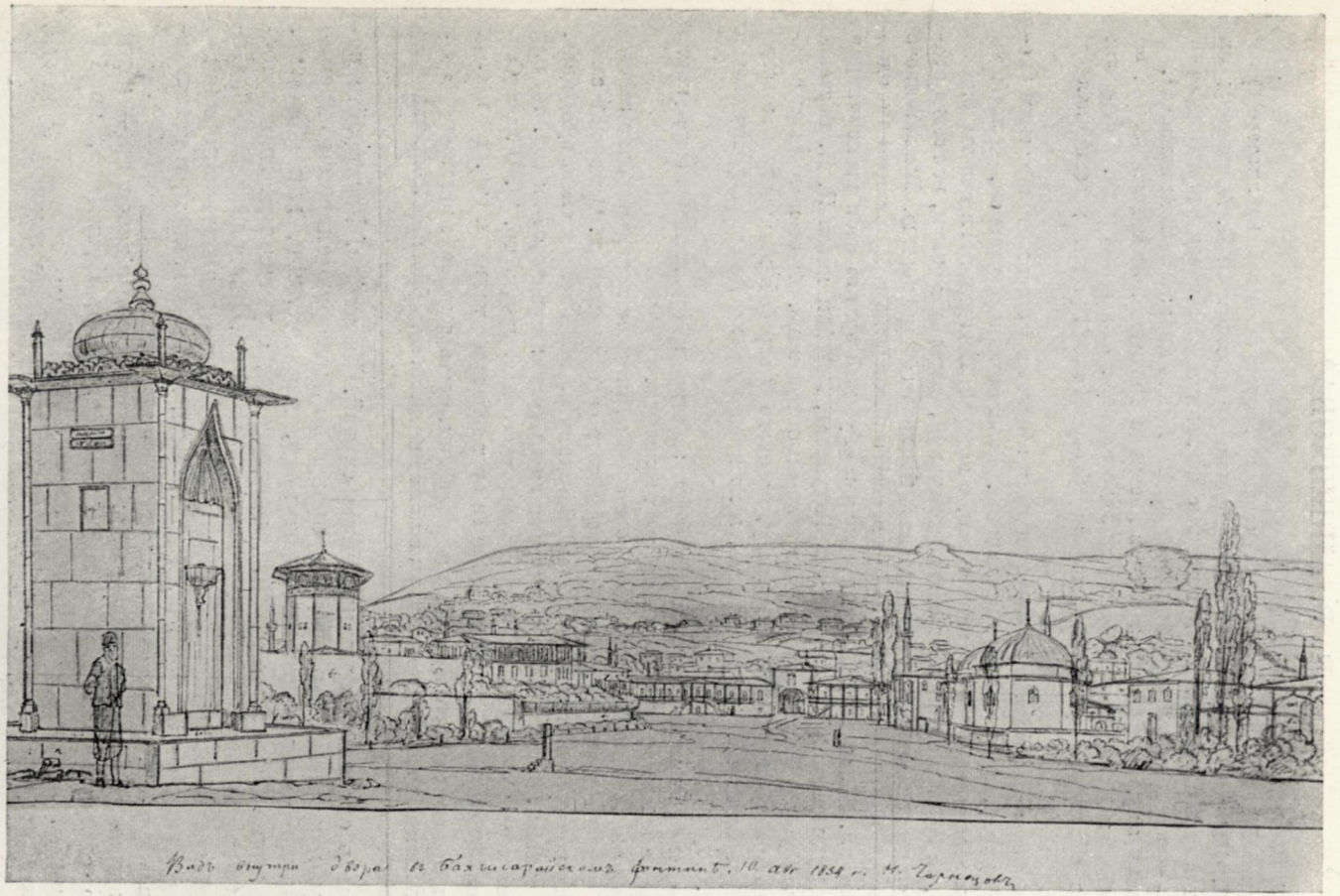
[2] Кн. Михаил Андреевич О б о л е н с к и й (1805—1873)— директор Московского главного архива Министерства иностранных дел.

[3] Авдотья Петровна Е л а г и н а, урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская (1789—1877)—мать И. В. Киреевского.

[4] Заметка Н. А. Полевого о портрете Пушкина.— «Московский телеграф», 1827, ч. XV, № 9, стр. 33.

[5] Н. М. Языков писал из Дерпта родным в ноябре 1828 г.: «Здесь проехал в чужеземию некий Соболевский, московский юноша, приятель, обожатель, бирюч и Gastfreund Пушкина» («Московский пушкинист», вып. II, 1930, стр. 75).

[6] В. З г у р а. Портреты Пушкина работы Тропинина.—«Московский пушкинист», вып. II, 1930, стр. 77, 88.



БАХЧИСАРАЙ

Рисунок пером Н. Г. Чернецова, 1834 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

V. ЗАМЕЧАНИЯ М. П. ПОГОДИНА НА «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА» П. В. АННЕНКОВА*

В архиве М. П. Погодина, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, имеется черновик письма Погодина к П. В. Анненкову; он заключает в себе замечания на присланные последним «Материалы для биографии Пушкина» — первый том собрания сочинений Пушкина издания Анненкова[1].

О чтении этого тома есть записи в дневнике Погодина. 31 января 1855 г. он записал: «Читал Пушкина и приписывал, что помнил. Был очень рад». 1 февраля: «Всё утро с великим удовольствием за биографиею Пушкина; вспоминал и плакал»[2].

Публикуемое ниже и является черновыми записями Погодина при чтении биографии Пушкина, написанной Анненковым. Взволнованный чтением, вызвавшим в сознании воспоминания о великом поэте, с которым Погодин имел счастье близко общаться, он набросал несколько общих замечаний, частью намеками, не всегда поддающимися расшифровке. Это «вступление» мы печатаем полностью. Высказанного здесь намерения написать очерк истории своего знакомства с Пушкиным Погодин не осуществил. Через десять лет, посылая в «Русский архив» свои воспоминания о чтении Пушкиным в 1826 г. «Бориса Годунова», Погодин писал П. И. Бартеневу: «Вы требуете у меня настоятельно записок о Пушкине. Я обещал их уже несколько лет тому назад П. В. Анненкову, которого биография доставила мне тогда большое удовольствие. Но что делать, я не имел времени до сих пор приняться за них»[3].

После «вступления» Погодин набросал заметки к отдельным местам книги в порядке ее страниц, проставляя цифры последних.

Чтение книги Анненкова вызвало со стороны Погодина пятьдесят одно замечание. Из них мы печатаем семнадцать наиболее содержательных. Остальные замечания или чисто стилистические (так, Погодину не понравилось слово «утеряна», «потому что мысль очень хорошо выражается глаголом: затерятся»—к стр. 19) или замечания вроде: «Желательны подробности о его матери» (к стр. 3), «Ольга Сергеевна должна помнить, писал ли дома ее брат русские стихи» (к стр. 15) и т. п.

Публикуемые заметки Погодина при всей их, часто досадной, краткости, дают ряд любопытных мелочей, которыми не может пренебрегать биограф Пушкина.

Лейтесь сладостные звуки, теките струей. Утешайте. Разливайте радость, удовольствие, веселие. Это биография, которую слишком скромно Вы назвали материалами, литературная, для публики, для общества. Нужно другое издание — ученое, критическое, с указанием всех источников. Слезы не раз показывались на глазах моих. Благодарность, благодарность, честь Вам и слава. Превосходное издание, превосходен порядок — в типографском отношении, в литературном, в общественном, в историческом, в научном.

Об эпиграммах его надо заметить: это литературные вспышки — и для острого словца; если Карам⟨зин⟩, Жук⟨овский⟩, Пушк⟨ин⟩, то Качен⟨овский⟩, Надежд⟨ин⟩, Раич, Глинка, Свиньин...

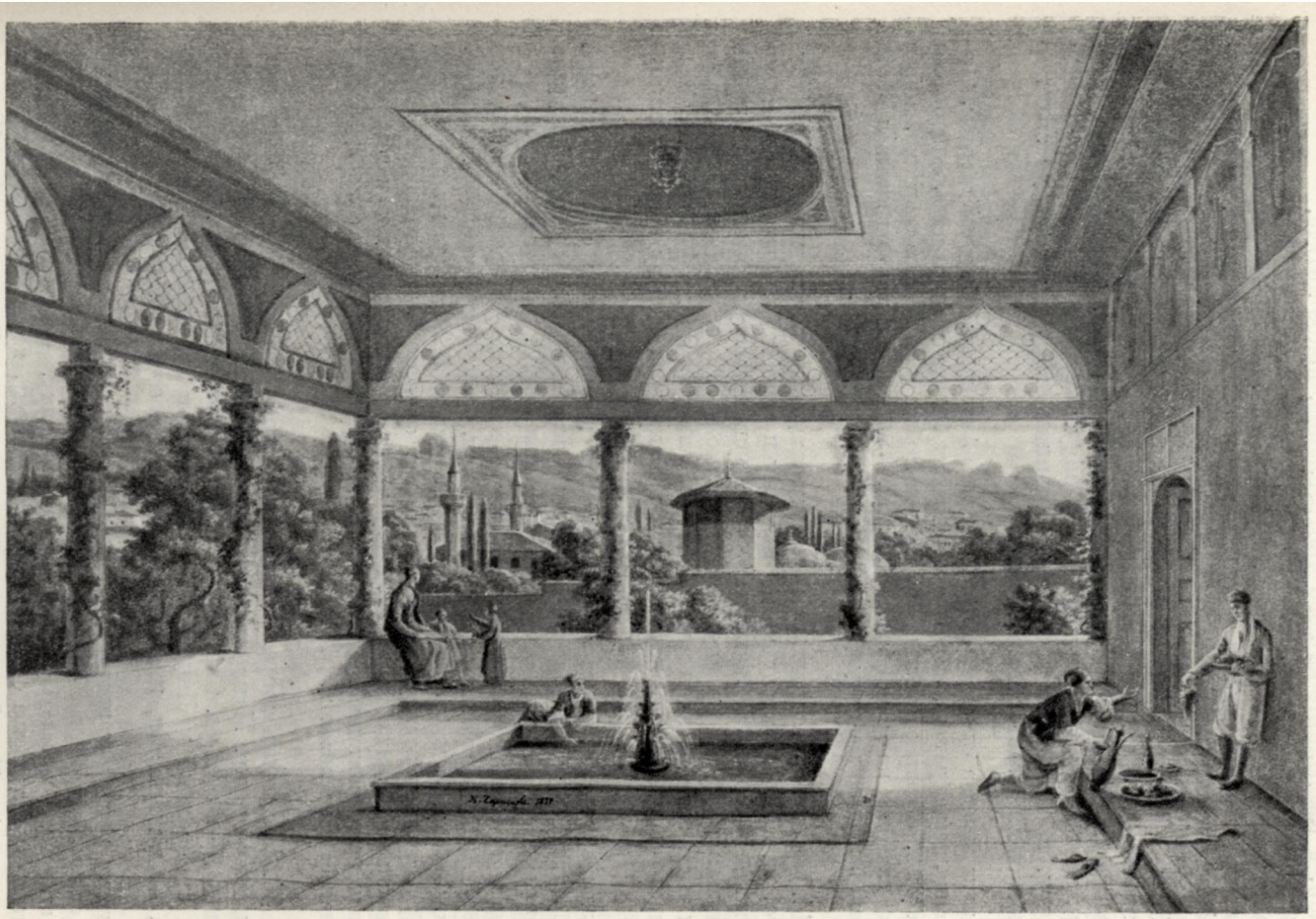
Я не исполнил своего обещания и потому что было некогда и потому что не хотел на рынок...

Помнится, что Пушкин сказал в письме ко мне: Теперь еще ведь хуже. Нет никакого уважения, нет никакого чувства справедливости, одни отношения, часто самые...[4]

Я «Москвитянина» тяну только для того.

---

* Настоящая работа покойного М. А. Цявловского была выполнена им в 1946 г.



ВНУТРЕННИЙ ВИД БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА
Картина маслом Н. Г. Чернецова, 1837 г.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Охота же явственная <?>, а говоря о знакомстве со мною П<ушкина>, я не мог ведь уклониться, как бы не стал жеманиться. Теперь видя доказательства и опыта Вашей деликатности, я передам Вам верно всё как материал, а Вы делайте из него употребление, какое хотите.

Я оставил свои занятия. Юбилей послужил мне переходом от политики [5]. Вы заставляете меня изменить. Бросаю всё. Я очень рад. Сперва замечания по порядку. Потом что припомню о стихотворениях. Потом о писательских сношениях.

С. 8. <...> Повар Василья Львовича Власий умер не в первую холеру, а гораздо после. Он готовил еще в 1838 году тот ужин, который давали мы Жуковскому, в проезд его через Москву с [государем]. По окончании стола мы представили повара Василью Андреевичу. Умер Влас — верный своему искусству, и отнюдь не торговцем. Ученики его услаждают до сих пор вкус московских гастрономов.

Заметка вызвана следующим местом в книге Анненкова: «С другой стороны, Сергей Львович, как и брат его, поэт Василий Львович, были душею общества, неистощимы в каламбурах, остротах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания, а брат его даже славился по Москве своим поваром, Власием, которого он называл Blaise и который в первую холеру умер в Охотном ряду, торговцем».

С. 14. Пушкин с сестрою учился танцовать в семействе князя И. Д. Трубецкого, на Покровке, близком к их дому и семейству. Княжны, ровесницы Пушкиным, рассказывали мне, что Пушкин всегда смешил их своими эпиграммами, сбирая их около себя в каком-нибудь уголку. В этом доме я имел честь видеть часто мать и сестру Пушкина около 1820 года. Сестра славилась своим умом, живостью и характером, между своими подругами.

О знакомстве Пушкиных с Трубецкими в воспоминаниях сестры Пушкина, О. С. Павлищевой, сказано лишь: «Между тем родители возили их <детей> на уроки танцевания к Трубецким (князю Ивану Дмитриевичу)»[6].

Речь идет о семье «действительного камергера» кн. Ивана Дмитриевича Трубецкого (ум. в 1827 г.) и жены его Екатерины Александровны, рожд. Мансуровой (ум. в 1831 г.), живших зимой в своем доме «комоде» на Покровке (теперь № 22), а летом под Девичьим[7]. И. Д. Трубецкой приходился троюродным братом отцу поэта, так что близость семей Пушкиных и Трубецких объясняется не только тесным знакомством, но и родством, которым в то время считались. Погодин в качестве учителя младшего сына Трубецких был у них своим человеком.

С. 34. Надеждам современников по поводу первых опытов Пушкина, по свидетельству г. Макарова, я не верю. Могли стихи нравиться более или менее — и только. Слава Пушкина, по крайней мере в Москве, начинается с «Руслана и Людмилы». До «Руслана и Людмилы», ни в университете, ни в гимназии, имя его не было даже слышно.

Погодин возражает против следующего места Анненкова: «Всем известно, что первые опыты Пушкина возбудили толки и ранние надежды современников. Г. Макаров в статье „О детстве Пушкина“ („Современник“, 1843, № 3) собрал весьма любопытные свидетельства о мнениях по этому поводу, ходивших в обществе. „Кто не помнит там (в „Российском музеуме“), говорит он, „Воспоминания в Царском Селе“, „Послание к Батюшкову“ „К ***“ и проч. Тут светились дарования Пушкина ясно и проч.“».

Возражение Погодина нельзя признать основательным. В 1815 г., когда печатались в «Российском музеуме» эти стихотворения, он был гимназистом, с кругом писателей не общался и отзывов их о Пушкине знать не мог.

С. 45. Об этом предсказании я слышал от самого Пушкина. В 1827 г. дал он мне эпиграмму для напечатания в «Московском вестнике». Встретясь со мною вскоре по выходе книги, где эпиграмма была напечатана, он был очень доволен и сказал: «Однакож, чтоб не вышло чего из этой эпиграммы. Мне предсказана смерть от белого человека или белой лошади, а NN — и белый человек и лошадь».

О разговоре с Пушкиным по поводу эпиграммы на А. Н. Муравьева «Лук звенит, стрела трепещет» Погодин напечатал заметку «К предсказаниям о Пушкине» («Русский архив», 1870, № 10, стб. 1947).

С. 48. Пушкин, говоря о Карамзине, рассказывал мне однажды: часто находил я его за письменным столом с вытянутым лицом — вот так (при этом слове он вытягивал сам свое лицо). Он отыскивал какое-нибудь выражение для своей мысли. Так, Карамзин затруднялся выражением... Мудрено по русски писать хорошо и проч.

Замечание сделано по поводу следующего места в книге Анненкова: «Сам незабвенный Н. М. Карамзин, принимавший Пушкина часто в кабинете своего царскосельского дома, прочитывал ему страницы своего труда, беседовал с ним об отечественной истории и выслушивал мнения юноши, с снисхождением и свойственным ему добродушием».

Запись Погодина, еще раз подтверждая самое тесное общение Пушкина-лицеиста с Карамзиным, допускавшим юношу к себе даже в часы своей работы, интересна тем, что говорит о живописующей мимике Пушкина. Слова: «мудрено по русски писать хорошо» — могли принадлежать и Карамзину, и Пушкину.

С. 52. Напрасно автор считает Каченовского представителем противоположного направления: Каченовский сам не написал никогда ни одной статьи — его доставало только на примечания, иногда забавные и острые. Против баллад и нового тона вооружился Мерзляков, о предисловии к «Бахчисарайскому фонтану» писал М. А. Дмитриев, на Пушкина нападал Надеждин. Каченовский сам разобрал, слабо, односторонне, придирчиво, только предисловие Карамзина, и то с помощью двух французских переводов. Впрочем, надо заметить, что все нападения устремлены были против злоупотребления, преувеличения, излишков нового направления и несправедливости к старому, которое как будто забывалося и недостаточно уважалося. Истина была в средине.

Погодин возражает против следующего места у Анненкова: «Когда в двадцатых годах стали обнаруживаться в литературе нашей идеи романтизма, в противоположность идеям классицизма, то Арзамас и враждебное ему направление отделились еще резче и явственнее. Можно сказать, что идеи романтизма находились уже в Арзамасе прежде появления их в нашей литературе.

Сторона противудействующая нашла тогда представителя в „Вестнике Европы", М. Т. Каченовского, и в столкновениях ее с новыми теориями искусства обнаружила последовательность, какой не было прежде. Споры происходили теперь уже преимущественно по поводу произведений Александра Сергеевича, как прежде предметом их были Карамзин и Жуковский».

С. 54. Надпись на портрете Жуковского была следующая: ученику-победителю от побежденного учителя в день окончания поэмы «Руслан и Людмила». Этот портрет висел в комнате Пушкина над письменным столом, во флигеле, что по переулку, дома г-жи Лобковой на Собачьей площадке, ныне этот дом принадлежит г. Левенталю. Портрет я видел в 1827 году, во время пребывания Пушкина в Москве.

Замечание вызвано следующим местом в книге Анненкова: «Известно, что после чтения последней из них ⟨песни «Руслана и Людмилы»⟩, Жуковский подарил автору свой портрет, украшенный надписью: „ученику от побежденного учителя“».

Надпись Жуковского была еще значительнее; вот ее текст: «Победителю ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму „Руслан и Людмила“. 1820. Марта 26. Великая пятница». Впервые сообщение об этом подарке напечатано в статье Плетнева «А. С. Пушкин» («Современник», 1838, № 2, стр. 27)[8]. Подаренный Пушкину портрет Жуковского в настоящее время находится в Гос. музее Пушкина.

С. 65. О «Руслане и Людмиле» писал в «Вестнике Европы» А. Г. [Гавр] Глаголев, тогда магистр Университета, учитель ⟨А. С.⟩ Хомякова и князя Репнина [9], человек ученый и образованный.

Замечание Погодина сделано по поводу следующего места в книге Анненкова: «Когда появился в „Сыне Отечества“ 1820 года (№№ XV и XVI) первый отрывок из „Руслана и Людмилы“, „Вестник Европы“ сделался эхом ужаса, возбужденного в некоторых людях этим вводом сказочного русского мира в область поэзии:

„Обратите ваше внимание на новый ужасный предмет, говорил он, возникающий посреди океана российской словесности... Наши поэты начинают пародировать Киршу Данилова... Просвещенным людям предлагают поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу“. Критик „Вестника Европы“ еще допускает собирание русских сказок, как собирают и б е з о б р а з н ы е с т а р ы е м о н е т ы, но уважения к ним не понимает. Выписав сцену Руслана с головой, критик восклицает: „ Но увольте меня от подробного описания и позвольте спросить: если бы в Московское Благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал зычным голосом: здорово ребята! неужели бы стали таким проказником любоваться?... Зачем допускать, чтоб плоские шутки старины снова появлялись между нами?“ („Вестник Европы“, 1820 г., № XI)».

Замечание Погодина вскрывает, наконец, автора чрезвычайно нашумевшей в свое время статьи, вторую половину которой Пушкин привел в предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы», часто цитируемой в наши дни. Издавна принято считать, что статья была написана Каченовским, но, как выше сообщил Погодин, Каченовский статей не писал. Утверждение Погодина, близкого в эти годы к «Вестнику Европы», не подлежит сомнению. Наконец, мы узнаем имя первого «гонителя» Пушкина.

Названный Погодиным А. Г. Глаголев — Андрей Гаврилович Глаголев (ум. в 1844 г.) — по окончании в 1816 г. словесного отделения Московского университета был избран членом-сотрудником Общества любителей российской словесности при Московском университете, а в 1821 г. — действительным членом этого общества. В этом же году Глаголев получил степень магистра, а в 1823 г. — степень доктора словесности. В 1823—1827 гг. он путешествовал по Западной Европе, результатом чего явилась книга «Записки русского путешественника» (СПб., 1837 и 1845 гг.). По возвращении в Россию служил в департаменте иностранных исповеданий. Глаголевым написан ряд книг и статей по теории словесности, этнографии, археологии и статистике (см. «Русский биографический словарь»). С А. Г. Глаголевым Погодин был близко знаком.

С. 86. Я, кончив только курс студенческий в университете, написал рецензию «Кавказского пленника» в «Вестнике Европы», без имени. Лет через десять, в разговоре, он упомянул об одном замечании, там помещенном: вот, сказал он, меня обвиняли за перестановку эпитетов — это несправедливо, и проч. Тогда я признался ему, что вина принадлежит мне. Приведу здесь заключение моей рецензии, которое не напечатал Каченовский:

Кажется, из нее и автор приводит несколько примеров, с. 101.

Речь идет о статье «О Кавказском пленнике» в «Вестнике Европы», 1823, № 1. Начинающий литератор Погодин подписал свою рецензию лишь инициалами: М. П. В конце большой статьи с весьма положительной оценкой поэмы, но с решительной и подробной критикой характера пленника — «странного и вовсе непонятного», автор указывает «некоторые погрешности касательно языка» и среди них:

«Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины.

Слова расставлены, кажется, не ясно».

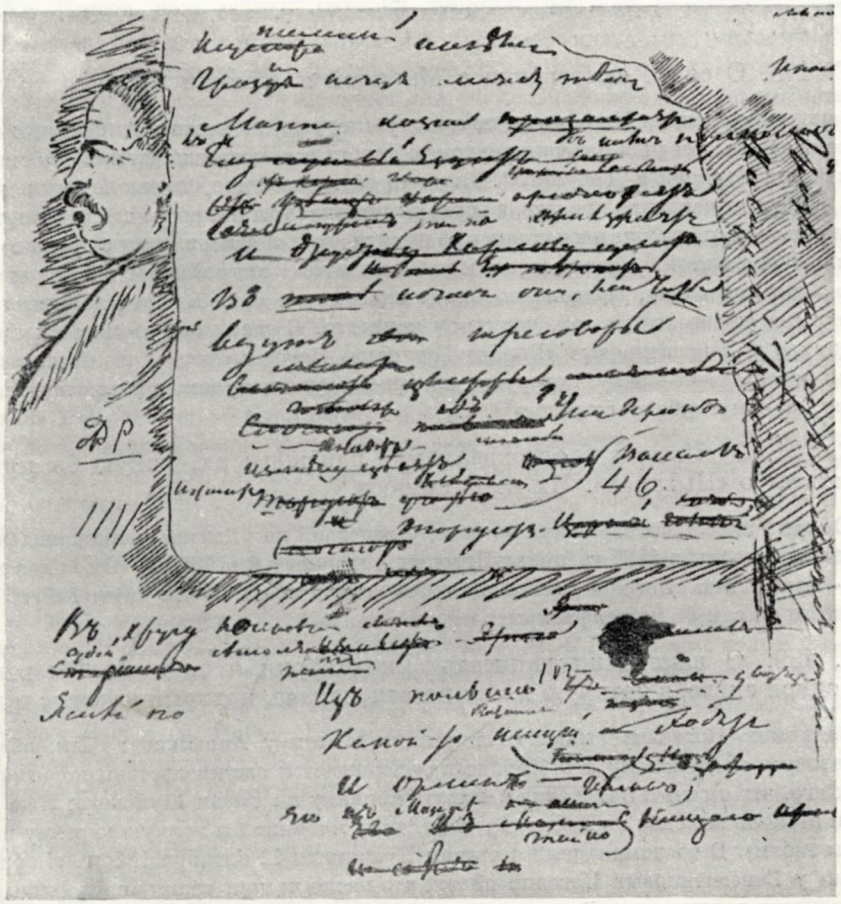


РИСУНОК ПУШКИНА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ ПОЭМЫ «ПОЛТАВА», 1828 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Любопытно, что критику характера пленника Пушкин предвидел и даже принял «Надеюсь, что критики не оставят в покое характера Пленника, он для них создан, душа моя»,— писал поэт брату в октябре 1822 г. (XIII, 51). В предисловии ко 2-му изданию «Кавказского пленника» Пушкин писал: «Автор также соглашается с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.» (IV, 367). Мелкий же упрек в непонятной инверсии, как видим, задел поэта и запомнился ему.

Заключение своей рецензии, не напечатанное Каченовским, Погодин не выписал, оставив в рукописи пробел. Анненковым приведены три указанные именно в статье Погодина «погрешности языка» Пушкина.

С. 103. О «Бахчисарайском фонтане» Пушкин сказал мне однажды: знаете ли, что я больше всего люблю в Фонтане — эпиграф. Одних уже нет, а другие странствуют далече.

Пушкин не раз утверждал, что эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану» несравненно лучше самой поэмы. Так, в письме от 14 октября 1823 г. он писал Вяземскому: «„Бахчисарайский фонтан", между нами,— дрянь, но эпиграф его прелесть» (XIII, 70). Даже в печати, в заметке, появившейся под названием «Отрывок из рукописи Пушкина (Полтава)» в альманахе «Денница на 1831 год», поэт писал: «Так и „Бахчисарайский фонтан" в рукописи назван был харемом, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (XI, 165).

С. 118. О сцене самозванца с Мариной я слышал от него это самое.

Замечание сделано Погодиным по поводу следующего места у Анненкова: «...раз, возвращаясь из соседней деревни верхом, обдумал всю превосходную сцену свидания Димитрия с Мариной в „Годунове". Какое-то обстоятельство помешало ему положить ее на бумагу тотчас же по приезде, а когда он принялся за нее через две недели, многие черты прежней сцены уже изгладились из памяти его. Он говорил потом друзьям своим, восхищавшимся этой встречей страстного Самозванца с хитрой и гордой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная в уме его, была несравненно выше, несравненно превосходнее той, какую он написал». В своих воспоминаниях о чтении Пушкиным у Веневитиновых «Бориса Годунова» Погодин писал, что Пушкин после чтения рассказывал «сцену, которую написал он, гуляя верхом, а потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел»[10].

С. 131. О «Цыганах» он сказал мне однажды: ах, какую бы критику я написал о «Цыганах». Их не понимают.

Об этих же словах Пушкина по поводу рецензий на «Цыган», появившихся вслед за изданием поэмы в 1827 г., писал Погодин Анненкову и в 1874 г. «Он видно досадовал,— прибавляет Погодин, вспоминая эти слова поэта, — что читатели его не понимают, а он сам не может раскрыть им свои цели»[11].

С. 139. О намерении написать Лжедмитрия я слышал. Он говорил и об одной сцене, в которую хотел ввести палача, который шутит с толпою.

Замечание Погодина вызвано следующим местом у Анненкова: «Так, обещание возвратиться к Шуйскому и к Марине подтверждается свидетельством коротких знакомых его, что он имел намерение написать хронику из жизни Шуйского, Лже-Димитрия и нескольких сцен из междуцарствия, что составило бы полную картину избранной им эпохи». В воспоминаниях о чтении Пушкиным 12 октября 1826 г. «Бориса Годунова» у Веневитиновых Погодин писал, что после чтения трагедии Пушкин «начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского»[12].

О стихах:

Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покатилась голова...

в поэме Рылеева «Войнаровский» Пушкин писал Вяземскому (25 мая 1825 г.): «У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал» (XIII, 184). Палача, который шутит, ожидая жертвы, Пушкин ввел в «Полтаву», см. стихи:

Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:

То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой (V, 47).

С. 152. Несколько песен о Стеньке Разине он читал нам после «Бориса Годунова» в 1826 г. Они были посланы к графу Бенкендорфу в 1828 г., что значится в ответном письме графа, которое отдал мне Пушкин [для пред] и которое верно цело у меня где-нибудь в бумагах. Песни о Разине написаны были, кажется, Пушкиным на основании народных песен.

Говоря об одном из списков стихотворений, составлявшихся Пушкиным при подготовке к печати сборника «Стихотворения А. Пушкина» изд. 1829 г. (список напечатан в книге: «Рукою Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 238), Анненков писал: «Но для нас всего важнее в этой записке перечет утерянных или, по крайней мере, еще скрывающихся его стихотворений, которые и в бумагах его не находятся. Таковы послания: к гр. О*, к Р* и, наконец, коллекция песен о С. Разине, обозначенная в записке просто: „Песни о С. Разине". Вероятно, что она принадлежала к тому собранию песен, часть которых послана была П. В. Киреевскому». Последнее предположение Анненкова неверно: собрание записей песен, сделанных Пушкиным и переданных им Киреевскому, теперь нам полностью известно. В этом собрании песен о Разине нет. Речь идет, конечно, о написанных самим Пушкиным песнях о Разине. О чтении этих песен 12 октября 1826 г. у Веневитиновых писал Погодин в воспоминаниях, напечатанных в «Русском архиве»: «Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге на востроносой своей лодке»[13]. Три песни о Степане Разине: «Как по Волге реке, по широкой», «Ходил Стенька Разин» и «Что ни конский топ, ни людская молвь» — были представлены Бенкендорфу при письме от 20 июля 1827 г., а не в 1828 г., как ошибочно утверждает Погодин. В ответном письме от 22 августа 1827 г. Бенкендорф извещал Пушкина: «„Песни о Стеньке Разине", при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева» (XIII, 336). В своем дополнении к заметке Соболевского «Квартира Пушкина в Москве» Погодин писал: «Там ⟨на квартире Соболевского.— *М. Ц.*⟩, при мне, получил он письмо от ген. Бенкендорфа с разрешением напечатать некоторые стихотворения и отложить другие. В этом письме упоминались песни о Стеньке Разине. Пушкин отдал его мне, и оно у меня цело». Письмо Бенкендорфа от 22 августа 1827 г. не могло быть получено Пушкиным на квартире Соболевского, так как Пушкин уехал из Москвы в Петербург 19 мая 1827 г. При Погодине Пушкин получил, очевидно, письмо Бенкендорфа от 4 марта 1827 г., где тоже идет речь о разрешении к печати стихотворений Пушкина, но среди них нет «Песен о Стеньке Разине».

К с 165 могу прибавить многое.

Замечание вызвано следующим местом в книге Анненкова: «Под действием этого снисходительного взгляда на людей, и внешние формы жизни должны были приобресть и особенное достоинство, и особенную прелесть. В обхождении Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человека, и с первого раза установлявшая самые благородные отношения между собеседниками». Далее Анненков рассказывает о том, как принял Пушкин у себя Кольцова. В примечании на стр. 165—166 Анненков приводит ряд примеров, как Пушкин поощрял молодых поэтов (бар. Розена, Ершова, Губера).

С. 266. Точно так. Я сам слышал.

Замечание Погодина сделано, надо думать, по поводу слов Анненкова: «Позднее мы увидим, что Пушкин называл французов народом антипоэтическим, оставляя за ними только качество положительного народа. Особенно к новым поэтам их не имел

он никакого расположения, но для писателей Франции 17-го столетия было у него исключение».

С. 359. П⟨ушкин⟩ читал мне статью о возмущении на Сенной площади и в Старой Руссе.

Воспоминание Погодина связано с рассказом Анненкова о намерении Пушкина издавать газету и со следующим сообщением его: «Некоторое время еще оставались в руках его друзей статейки, приготовленные им для газеты в виде образчика. Эти последние свидетели намерения его теперь сохраняются в бумагах его, как примеры мастерского изложения событий». И Анненков и Погодин имеют в виду «⟨Материалы для заметок в газете „Дневник“⟩», занятые главным образом описанием возмущения в Новгородских военных поселениях; там упоминается и возмущение в Старой Руссе (XII, 199—200).

М. Цявловский

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЛБ. Пог./I. 28, 19. В Отчете Румянцовского музея за 1909 г. М., 1910, стр. 16, рукопись № 3510 (41) неправильно названа как дополнения и поправки к статье П. И. Бартенева.

До нас дошло письмо Анненкова к Погодину от 4 февраля 1855 г. следующего содержания: «...Теперь Вы уже имеете экземпляр нового издания Пушкина, который я приказал Вам доставить. С нетерпением и волненьем ожидаю, что вы скажете о лице биографией ⟨!⟩, которое вам так было известно. Узнаете-ли или смутно оно? Для меня это важный вопрос» (ЛБ. Пог./II. 2.24/3). Сообщено Е. Н. Коншиной.

[2] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, стр. 170.

[3] «Русский архив», 1865, стб. 95.

[4] Возможно, Погодин имеет в виду письмо к нему Пушкина от апреля 1834 г., кончающееся иронической оценкой журнальной полемики (XV, 124).

[5] Разумеется столетний юбилей Московского университета в январе 1855 г. Об участии Погодина в юбилее см.: Н. Барсуков. Ук. соч., кн. 13. СПб., 1899, стр. 326—366.

[6] «Летописи Гос. лит. музея», кн. I. Пушкин. М., 1936, стр. 454.

[7] Там же, стр. 460.

[8] См. также газ. «Русский», 1867, от 3 апреля, л. 7 и 8 и М. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 283—285.

[9] Василий Николаевич Репнин (1806—1880) — сын генерал-губернатора Саксонского королевства (1813—1814), военного губернатора в Малороссии (1816—1834).

[10] «Русский архив», 1865, стб. 99.

[11] Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 349.

[12] «Русский архив», 1865, стб. 99.

[13] Там же, стб. 98—99.

ЛЕРМОНТОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭПИГРАММЫ ЛЕРМОНТОВА

Публикация Э. Найдича

I

В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде среди бумаг Е. П. Ростопчиной нам удалось обнаружить автограф четырех неизвестных эпиграмм Лермонтова, написанных на двух сторонах небольшого листка бумаги: три эпиграммы писаны чернилами, последняя — карандашом на остававшемся свободным крае листка. С одной стороны листка две эпиграммы на Булгарина; с другой — две эпиграммы [1] на другое лицо. Установить имя этого лица пока не удалось.

Приводим новонайденные тексты:

〈1〉

Россию продаёт Фадей
— Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль — заложена в казну.

〈2〉

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.

〈3〉

Се Макавей-водопийца кудрявые речи раскинул, как сети.
Злой сердцелов! ожидает добычи 〈в〉 реках, в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил, и корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный, щелкая.

〈4〉

Остаться бе́з носу — наш Макавей боялся,
Приехал на́ воды — и с носом он остался.

Бумаги Ростопчиной в 1872 г. были проданы в Публичную библиотеку цензором Вильямом Вильямовичем Юзом (1838—1888) [2]. Юз, очевидно, не подозревал, что среди принадлежавших ему рукописей был и автограф Лермонтова. Не знали об этом и сотрудники библиотеки [3]. Сохра-

нившаяся среди вновь поступивших бумаг копия одной из приведенных выше эпиграмм Лермонтова, сделанная рукой поэтессы, была принята за список уже известного стихотворения, и на нее не обратили внимания.

С Е. П. Ростопчиной (тогда еще Сушковой) Лермонтов познакомился в юношеские годы в Москве. Ей, повидимому, посвящено стихотворение «Крест на скале» (1830), а также мадригал на новый 1832 год («Додо»). В этот период Сушкова писала вольнолюбивые стихи, близкие по настроению юноше-Лермонтову [4].

Знакомство с Ростопчиной Лермонтов поддерживал и позднее. В своей «Записке о Лермонтове» писательница указывала, что она познакомилась с ним будто бы только в феврале 1841 г., во время последнего приезда поэта в Петербург. Тогда же Лермонтов подарил Ростопчиной альбом, в который вписал посвященное ей стихотворение: «Я верю: под одной звездою Мы с Вами были рождены». Когда Лермонтов уехал на Кавказ, Ростопчина передала бабушке поэта сборник своих стихотворений с надписью: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову, в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому. Петербург. 20 апреля 1841 г.». В своих воспоминаниях Ростопчина сообщала, что в феврале—апреле 1841 г. она чуть ли не ежедневно встречалась с поэтом: «Он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам ⟨то есть к Е. П. Ростопчиной, В. Ф. Одоевскому, Карамзиным⟩ читать их вечером» [5].

Мемуары Ростопчиной содержат немало свидетельств, существенных для биографии Лермонтова, но относиться к ним следует весьма критически, так как написаны они в 1858 г., в ту пору, когда Ростопчина уже окончательно перешла на реакционные позиции. Направление юношеского творчества Лермонтова мемуаристка пыталась объяснить подражанием Байрону и неограниченным честолюбием поэта. Искажая факты, Ростопчина писала, будто в эти годы она «даже не имела желания познакомиться с Лермонтовым».

Трудно определить, каким образом и когда листок с эпиграммами попал к Ростопчиной. В мемуарах и в переписке тридцатых—пятидесятых годов отсутствуют упоминания об этих эпиграммах; Ростопчина не стремилась ознакомить с ними кого бы то ни было. Этому препятствовали, повидимому, приятельские отношения, установившиеся между нею и Булгариным. В сороковых годах Ростопчина печаталась в «Северной пчеле», а в одном из писем к Булгарину расточала комплименты газете и ее издателю [6].

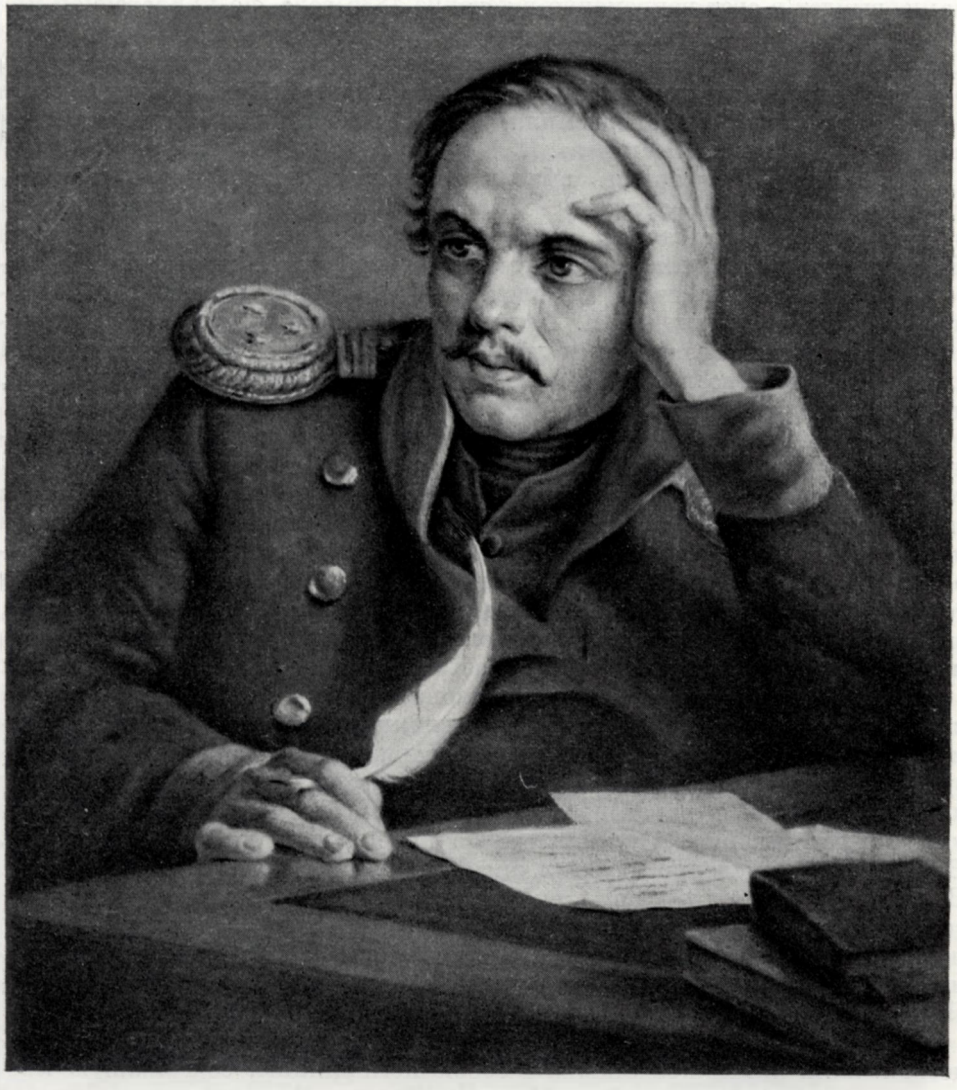
II

Пушкин в эпиграммах и памфлетах заклеймил Булгарина как предателя, перебежавшего в 1811 г. в наполеоновскую армию, как шпиона и доносчика, как бездарного литератора.

Лермонтовские эпиграммы продолжают пушкинскую традицию. Лермонтов прежде всего подчеркивает антипатриотический, продажный характер деятельности «Видока Фиглярина». Еще в юношеские годы Лермонтов, внимательно следивший за журнальной полемикой, писал о Булгарине как о «низком клеветнике» [7].

Что же послужило непосредственным поводом для лермонтовских эпиграмм?

30 октября 1835 г. «Северная пчела» сообщила, что редактор газеты собирается издать книгу (в восьми частях) — «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении». К этому номеру было приложено соответствующее объявление. Однако уже через день в отделе «Смесь» появилось новое объявление: «По переменившимся ныне обстоятельствам, подписка на сию книгу не принимается» (№ 247, от 1 ноября). Не прошло и месяца, как объявление о подписке снова появилось («Северная пчела»,



ЛЕРМОНТОВ

Портрет маслом Б. В. Щербакова, 1949 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1835, № 265, от 22 ноября): «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях, ручная книга для русских всех сословий, сочинение Фаддея Булгарина, в 8 частях, с географическими и археологическими картами, рисунками и палеографическими таблицами, выйдет в свет непременно в течение 1836 года, по прилагаемой при сем нумере „Северной пчелы" программе и на условиях в ней изложенных». Далее сообщались условия подписки: «Деньги (по пяти рублей за часть) будут выплачиваться по выходе в свет книжек. По числу подписчиков будет напечатано число экземпляров. По отпечатании сочинения цена на него должна возвыситься».

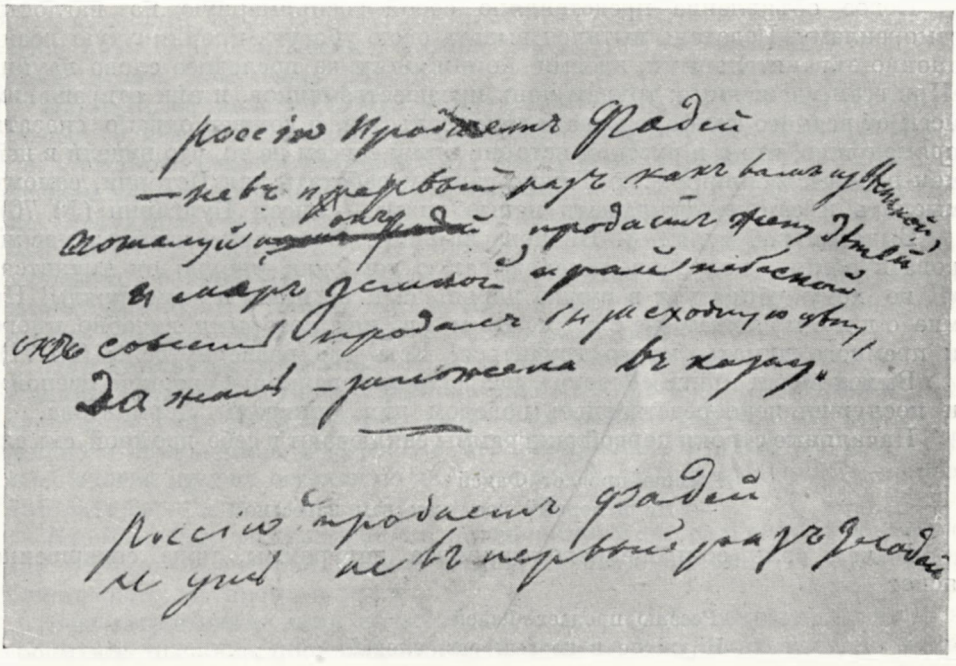
Объявление Булгарина вызвало заметку Белинского — «Литературные известия» («Телескоп», 1835, т. 29). Заметка эта была написана в духе знаменитых статей Феофилакта Косичкина (Пушкина) против Булгарина, печатавшихся в «Телескопе» в 1831 г.: «... занимательнее всего,— иронически замечает Белинский,— давно уже известное объявление о новом творении Ф. В. Булгарина: „Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях, ручная книга для русских всех сословий". Знаменитый наш нравописатель и романист, по примеру отца всех романистов, великого Шотландца, хочет замкнуть свое блистательное поприще большим историческим творением, и в скромном своем объявлении уверяет, что всякий истинный патриот, не-предатель, не-ренегат, должен непременно подписаться на его книгу, которая скоро выйдет, смотря по деятельности сотрудников; и так как подписка на эту книгу безденежная, то, слышали мы стороною, г. Булгарин приобрел уже до десяти тысяч подписчиков... У нас в Москве А. А. Орлов готовит полное издание своих романов... Боже мой! сколько надежд, сколько сладостных надежд!.. Если они исполнятся, пусть тогда ренегаты и безбородые Шеллинги и Гегели доказывают, что у нас нет литературы» [8].

Таким образом, со страниц «Телескопа» зазвучал голос, напомнивший приятеля А. А. Орлова, Феофилакта Косичкина. Остроумный прием, примененный Пушкиным в полемике с Булгариным, позволял, обходя цензуру, разоблачать редактора «Северной пчелы». Белинский вскрывал наглый, рекламный характер булгаринского объявления, жульнические уловки, рассчитанные на привлечение наибольшего числа подписчиков. Весьма недвусмысленно называл он Булгарина ренегатом и предателем. В словах о том, что книга «скоро выйдет, смотря по деятельности сотрудников» содержался намек на то, что вовсе не Булгарин — автор подготовляемой к печати книги. Как известно, автором в действительности был сотрудник «Северной пчелы», кандидат философских наук — Н. А. Иванов [9].

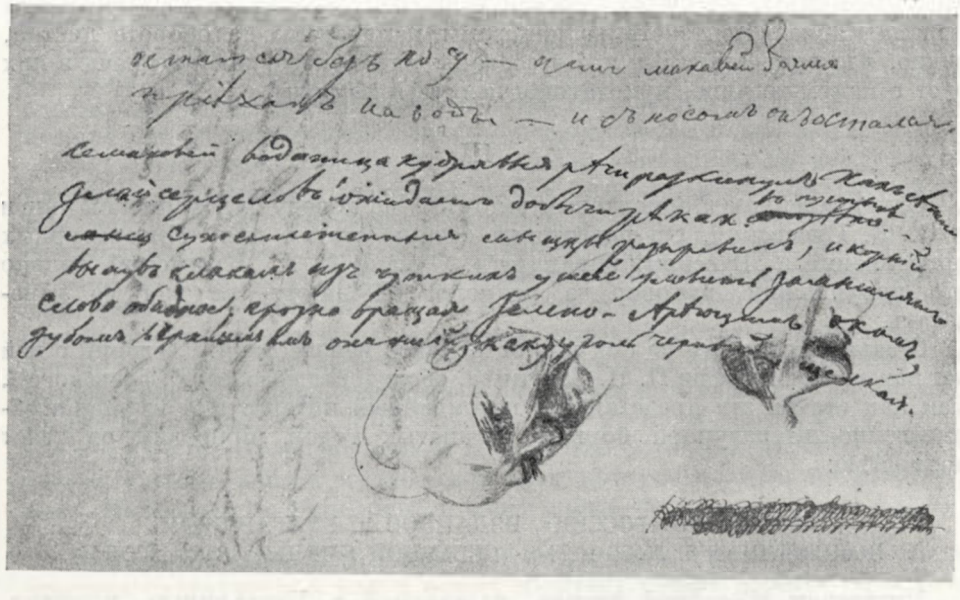
К началу 1837 г. вышли три части булгаринского издания. Историческая часть книги представляла собою компиляцию, содержащую множество фактических ошибок. История России была доведена только до 1054 г.; первая часть посвящена целиком всеобщей истории.

Книга Булгарина не находила сбыта и залеживалась в книжных лавках. Позднее Белинский замечал, что булгаринский «Выжигин» «уже ни для кого не годится и не читается даже простым народом, хотя и дешево продается на Апраксином дворе вместе с „Россиею" того же автора» [10]. Белинский рассматривал булгаринское издание как предприятие коммерческое: «...удачная подписка на неоконченную доселе „Историю русского народа" имела следствием неудачную, и тоже неоконченную, „Россию" г. Булгарина» [11].

После выхода в свет трех частей книги Булгарин, для того чтобы спасти положение, напечатал в «Северной пчеле» 30 и 31 марта 1837 г. обширное объявление «От издателя книги „Россия" <...> к читателям этого сочинения» (№№ 70 и 71).



АВТОГРАФ ЭПИГРАММ ЛЕРМОНТОВА НА БУЛГАРИНА, 1837 г. (?)
Лицевая сторона листка
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ленинград



АВТОГРАФ ЭПИГРАММ ЛЕРМОНТОВА НА «МАКАВЕЯ», 1837 г. (?)
Оборотная сторона листка
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ленинград

Новое объявление представляло собой беспримерную по наглости саморекламу. Издатель пытался выдать свою убогую, проникнутую реакционно-охранительными идеями компиляцию за последнее слово науки: «При всем уважении к трудам моих предшественников, и при отвращении моем от всякого фанфаронства и самохвальства, я должен однако сказать прямодушно, что я в русской истории вижу совсем не то, что видели в ней мои предшественники <...> Тяжко самому работать для Истории, самому мыслить и самому открывать новые виды»,— писал Булгарин (№ 70).

Выдавая работу Н. А. Иванова за свою, Булгарин, чтобы замаскировать обман, подробно рассказывал о том, как упорно он трудится: «Я не хочу убираться в чужие перья, да и не имею в этом нужды! На мне о д н о м лежат д е с я т ь т о м о в, над которыми надобно много и премного думать, много трудиться! Есть где развернуться!» (№ 71).

Выход в свет книги «Россия», разрекламированной «Северной пчелой», и послужил непосредственным поводом для эпиграмм Лермонтова.

Начальные строки первой эпиграммы заключают в себе двойной смысл:

Россию продает Фадей
— Не в первый раз, как вам известно.

В чем соль сокращенного варианта эпиграммы, тоже совершенно ясно:

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.

Среди многочисленных эпиграмм на Булгарина эти лермонтовские эпиграммы по своей остроте и мастерству безусловно занимают, после пушкинских, первое место.

Изложенное выше позволяет предположительно датировать эпиграммы 1837 годом. «Северную пчелу» от 30 и 31 марта с объявлением Булгарина Лермонтов, очевидно, прочел в Москве, откуда он 10 апреля выбыл на Кавказ. Из текста же эпиграмм, написанных на обороте листка, видно, что эпиграммы 3-я и 4-я созданы на Кавказе, так как речь в них идет о каком-то лице, приехавшем лечиться на воды.

III

Одновременно с Лермонтовым выступил по поводу булгаринской книги и В. Ф. Одоевский. Он подготовил особую статью для «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“». Однако А. А. Краевский, только что получивший выговор за некролог Пушкину, не мог ее напечатать.

Статья Одоевского до сих пор оставалась неизвестной. Сведений о ней нет даже в монографии П. Н. Сакулина, обследовавшего фонд Одоевского[12]. Так как статья эта представляет несомненный интерес для изучения общественно-литературной борьбы тридцатых годов, приводим ее текст полностью:

СТАТЬЯ ОБ «РОССИИ», ИЗДАННОЙ г. БУЛГАРИНЫМ, ПОМЕЩЕННАЯ В № 70 и 71-м «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ» 1837-го ГОДА

Читателям «Северной пчелы», издаваемой г. Булгариным, известно, сколько в ней было говорено о беспримерных заслугах г. Булгарина, о беспримерной к нему благосклонности публики и о беспримерном ожесточении критиков, завидующих его славе и успехам; все это было говорено с таким искренним жаром и с такою силою, что мы долго не знали, как приступить к разбору книги, изданной г. Булгариным под назва-

нием «Россия», не подвергнувшись, неумышленно, по неопытности, негодованию «Северной пчелы», которой мнение, как всякий легко рассудит, может стоить нам очень дорого.

Наконец, объявление г. Булгарина, помещенное в 70 и 71 № «Северной пчелы» об изданной им книге, совершенно запугало нас, и мы решились с надлежащим уважением обойти эту книгу мимо и ограничиться рассмотрением лишь вышеозначенного объявления, к чему понуждают нас наиболее следующие обстоятельства: в книге «Россия» (извините!), изданной (извините!) г. Булгариным (извините!), могут (извините!) встретиться (извините! извините!) недостатки,— и тогда долго ли нам до беды, но объявление об этой книге есть такое мастерское произведение, которому всякий принесет искренно дань невольного удивления.

Дарования бывают различны; многие умеют написать книгу и не в состоянии написать о ней объявления; таков, например, был Пушкин — он никогда не умел об издаваемых им книгах написать порядочного, красноречивого объявления, которое бы могло вкрасться в душу читателя. Но зато многие другие составили из объявлений самый цветущий у нас род литературы,— а известно — tous les genres sont bons*.

Кто ежегодно не восхищается объявлениями об издании «Библиотеки для чтения», «Северной пчелы» и других произведений гг. Булгарина, Сенковского, и проч. и проч.

Рассматриваемое нами объявление г. Булгарина далеко оставило за собой все прежние произведения сего класса; оно показывает, до какой степени совершенства может быть доведен этот род литературы под рукою человека с различными талантами.

Посмотрите, какая глубина в каждом слове, какое подробное знание сердца читателей объявлений, их маленьких страстей, их причуд, какое мастерство удовлетворять их тщеславию [13], какое мастерство возбуждать их любопытство и участие, какое мастерство сказать многое, ничего не говоря, и много говорить, ничего не сказав, что́, как известно, есть самое трудное и самое необходимое дело в объявлении. С искренним изумлением мы приступаем к разбору столь чудного произведения; что́ поэт созидает вдохновением, то критик замечает после долгих трудов,— что́ сочинителю объявления стоило одного почерка пера, то мы могли открыть только после долгих усилий, но мы не пожалели наших трудов (слог объявлений), ибо думаем, что такой разбор будет самым поучительным уроком для молодых писателей, приготовляющихся прославить себя на поприще объявлений, следуя по стопам великих образцов наших.

Для того, чтобы совершенно вникнуть во все неподражаемые красоты сего творения,— сам читатель нуждается в некоторых приготовлениях; он должен преобразиться в помещика, который после сытного обеда ложится на софу и заставляет Ваньку читать себе «Ведомости», или же в петербургского барина, который в ожидании партнера для виста, любопытствует узнать, что новенького и как бранятся сочинители. Преобразившись в существо того или другого рода, читатель удобнее поймет чудное действие, которое должно произвести на него объявление г. Булгарина о своей книге [14].

Намекая на связь Булгарина с III Отделением, Одоевский заметил, что критика булгаринской книги может обойтись «очень дорого». И действительно, в журналистике тридцатых годов книга Булгарина не могла быть подвергнута критическому разбору [15].

Одновременные выступления Лермонтова и Одоевского против Булгарина не были случайностью. К 1837 г. Лермонтов установил связи

* все жанры хороши (франц.).

с передовыми журналами — с пушкинским «Современником» и «Литературными прибавлениями к „Русскому инвалиду“». На страницах этих журналов велась борьба с реакционной печатью, и в частности — с Булгариным. Соредактор пушкинского «Современника» В. Ф. Одоевский, как это установлено в новейших исследованиях [16], являлся также фактическим соредактором «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“», а затем «Отечественных записок». Именно в этих журналах Лермонтов и печатал свои произведения.

Стихотворения Лермонтова 1836—1837 гг.— «Бородино», «Великий муж...», «Умирающий гладиатор», «Смерть поэта», «Песня о купце Калашникове» — поднимали самые жгучие вопросы современности. В этих произведениях, проникнутых патриотизмом и народностью, беспощадно разоблачалась николаевская действительность, моральные вопросы, столь волновавшие поэта, рассматривались в нерасторжимой связи с вопросами социальными и политическими.

В обнаруженных ныне эпиграммах на Булгарина, несмотря на их краткость, в полной мере проявились эти замечательные черты творчества Лермонтова.

IV

Вспоминая о своей встрече с Лермонтовым на Кавказе в 1837 г., Н. М. Сатин отмечал, что поэт был знаком со всем «водяным» обществом; «он писал тогда свою „Княжну Мери“ и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями» [17].

К числу этих «личностей» принадлежал и тот, кого Лермонтов изобразил в своих эпиграммах под именем «Макавея». Обе эпиграммы воссоздают отталкивающий облик одного из представителей «водяного» общества.

При этом надо иметь в виду, что Кавказские воды охотно посещались столичной аристократией и, весьма вероятно, что Лермонтов изобразил человека, знакомого ему по Петербургу.

Кто этот «Макавей», сказать определенно пока не представляется возможным. Из лиц, с которыми Лермонтов встречался в те годы, прежде всего приходит на память А. Л. Элькан, послуживший прототипом Шприха в драме «Маскарад», над которой поэт работал в 1835—1836 гг. Так же, как и «Макавей» в эпиграммах, Шприх в «Маскараде» — злобный интриган и сплетник. «Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно», «слух завидный»,— говорится о нем в «Маскараде» (VI, 249, 251).

Третьестепенный литератор, постоянный посетитель аристократических салонов, Элькан состоял агентом III Отделения. Личность эта была настолько заметной и характерной, что не раз привлекала внимание писателей. Работая над «Горем от ума,» Грибоедов в образе Загорецкого воспроизвел черты Элькана. Об Элькане идет речь в фельетонах М. А. Бестужева-Рюмина, напечатанных в альманахе «Сириус» (1826 г.) и в газете «Северный Меркурий» (1830 г.), в повести О. И. Сенковского «Предубеждение» (1834 г.), в водевиле П. А. Каратыгина «Ложа первого яруса на последний дебют Тальони» (1838 г.), и, наконец, в повести Т. Г. Шевченко «Художник» (1856 г.).

Называя имя Элькана в качестве возможного адресата лермонтовских эпиграмм, следует помнить, что «Маскарад» пропущен на сцену не был и образ Шприха, заключающий в себе портретное сходство с Эльканом, оставался широкой публике неизвестным. Это и могло побудить Лермонтова заклеймить Элькана в эпиграммах.

Впрочем, можно назвать и другое, хорошо известное Лермонтову, лицо, другого завсегдатая петербургских гостиных, темного дельца, негласного

Е. П. РОСТОПЧИНА

Рисунок Е. А. Мертваго (рожд. Сомоновой), 1849 г.

Исторический музей, Москва

сотрудника III Отделения Н. И. Тарасенко-Отрешкова. Изобразив его в «Княгине Лиговской» под фамилией Горшенко, Лермонтов подробно описал его внешность, напоминающую отчасти портрет неизвестного нам Макавея». «Он был порядочного роста,— пишет Лермонтов о Горшенко,— и так худ, что английского покроя фрак висел на его плечах, как на вешалке. Жесткий атласный галстух подпирал его угловатый подбородок. Рот его, лишенный губ, походил на отверстие, прорезанное перочинным ножичком в картонной маске». Далее в описании упоминаются «впалые и смугловатые щеки», и глаза «серые и маленькие», имевшие «дерзкое выражение» (V, 152).

В нашем распоряжении не имеется данных о том, находились ли Элькан или Тарасенко-Отрешков в 1837 г. на Кавказских водах. Установить это теперь уже трудно, так как списки посетителей Минеральных вод были уничтожены на Северном Кавказе в 1942 г. немецко-фашистскими захватчиками.

Не предрешая вопроса о том, кого имел в виду Лермонтов в своих эпиграммах на «Макавея», мы можем констатировать, что при несомненном портретном сходстве, они, в то же время, воссоздавали характерные черты и других «злых сердцеловов», обладателей «чутких ушей» и зорких очей, ожидавших «добычи» в надежде уловить «слово обидное».

Прозвище «Макавей» служило удобным иносказанием: оно вызывало в памяти имя библейского Маккавея — Иуды, а имя Иуды у каждого ассоциировалось с понятием о предательстве Иуды-христопродавца, который, согласно евангельской легенде, продал совесть за тридцать сребренников. «Макавей» — это высмеянный Лермонтовым шпион III Отделения.

Несомненно, что эти эпиграммы, так же, как и вновь обнаруженные эпиграммы Лермонтова на Булгарина,— имели злободневный политический смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На обороте листка находятся также два карандашных рисунка Лермонтова, не имеющих отношения к тексту: голова запорожца и мужской профиль. Здесь же в правом нижнем углу можно с трудом прочитать тщательно зачеркнутую надпись Е. П. Ростопчиной: «Manuscrit de Lermontoff».

[2] См. Реестр книгам за 1872 год. Раздел: Рукописи.— Архив Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[3] См. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1872 г.», стр. 46.

[4] См. об этом подробнее в кн.: Н. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, ч. I (1814—1832). М., 1945, стр. 157—162.

[5] Е. Ростопчина. Записка о Лермонтове.— В кн.: Е. А. Сушкова. Записки. Л., 1928, стр. 351.

[6] «Журнал Ваш самый народный,— писала Ростопчина,— он является и в петербургских гостиных, и в уездных закоулках, и в уединенных деревнях ⟨...⟩ С уверением моего уважения, прошу Вас принять изъявление желания моего, чтоб успех всегда и везде награждал почтенные труды Ваши на поприще нашей литературы и заслуги долголетнего и неистощимого таланта, известного всякому русскому» («Русская старина», 1901, № 2, стр. 407—408).

[7] См. комментарии к стихотворению «Романс» 1829 г. («Коварной жизнью недовольный») в Полн. собр. соч. Лермонтова, т. I. М.— Л., изд. «Academia», 1936, стр. 423—426*.

[8] В. Белинский. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. III. СПб., 1901, стр. 32.

[9] См. Русский биографический словарь, т. Ибак — Ключарев, стр. 26.

[10] В. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1903, стр. 220.

[11] Там же, т. VIII. СПб., 1907, стр. 99.

[12] См. П. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 1—2. М., 1913.

[13] Одоевский имеет в виду пространное разъяснение Булгарина на тему о том, почему его издание названо «ручной книгой для русских всех сословий».

[14] Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. В. Ф. Одоевского, переплет 10, лл. 97—98.

[15] В статье о «Воспоминаниях Фаддея Булгарина» Белинский рассказывал об одном из «блистательных подвигов г. Булгарина по части литературной тактики и любви к правде». В 1838 г. Полевой в «Сыне отечества» напечатал снисходительный отзыв о книге Булгарина и «только заметил что-то о недостатках приложенных к этой компиляции карт. А перед этим, г. Булгарин, разбирая „Уголино", поставил автора этой драмы если не выше Шекспира и Шиллера, то рядышком с ними. И вдруг — о ужас! — через несколько недель, если не дней, г. Булгарин сам протестовал против своей собственной статьи, объявив, что в ней похвалы драме Полевого были следствием camaraderie!... Вот до чего доводит людей излишняя любовь к правде!» (В. Белинский. Полн. собр. соч., т. X. СПб., 1914, стр. 368).

[16] См. А. Могилянский. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок».— «Известия Академии Наук СССР», серия истории и философии, т. VI, № 3, 1949, стр. 202—226.

[17] Сб. «Почин», М., 1895, стр. 239.

---

* В дальнейшем при ссылке на это издание в тексте публикуемых ниже работ указываются только том (римской цифрой) и страницы (арабской).

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА И В. А. СОЛЛОГУБА

Публикация Р. Заборовой

В архиве В. Ф. Одоевского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде сохранилось стихотворение, написанное Лермонтовым совместно с В. А. Соллогубом. До сих пор оно не было известно в печати. Приводим его текст:

О как прохладно и весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам.
Солнце погасло в туманной дали,
Звезды лампады ночные зажгли.
Резво играя в вершинах холмов,
Ветер приносит дыханье цветов.
О как чудно, прохладно с песнями плыть
И влажные кудри над морем сушить.

Остался ли кто в морской глубине?
Луна, улыбаясь, глядится в волне.
И звезды, украсив чертог голубой,
Сверкают и гаснут одна за другой.
Радостно, весело поплывем по волне,
Видишь в водах, как дрожат и как гаснут оне.

Далее запись обрывается словами: «Ох! Не буду».

Сверху над текстом стихотворения надпись, адресованная, повидимому, В. Ф. Одоевскому:

«Сей час сделано.

Produit d'une colique poétique de Lermontoff en combinaison avec une diarrhée épouvantable littéraire de moi.

NB. Arrangez les vers comme vous pourrez avec la musique»*.

И стихи и записка написаны рукой В. А. Соллогуба на белом листе бумаги, повидимому вырванном из тетради. Листок исписан с обеих сторон. На лицевой стороне сверху — какой-то арифметический подсчет; на обороте под текстом — неопределенные начертания карандашом.

Утверждение Соллогуба, что стихи написаны им вместе с Лермонтовым, сомнений не вызывает. Ничего противоречащего лермонтовской манере в этом стихотворении нет. В стихах Лермонтова часто встречаются аналогичные образы. Ср., например, строки: «Звезды лампады ночные

---

* Продукт поэтической колики Лермонтова в соединении с моим ужасающим литературным поносом.

NB. Сочетайте эти стихи, как сможете, с музыкой (франц.).

зажгли», «Луна, улыбаясь, глядится в волне», «И звезды, украсив чертог голубой» хотя бы со строфой из «Еврейской мелодии» (1830):

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее рассыпаясь бежит.

Ср. также строку: «И влажные кудри над морем сушить» со строкой из «Баллады» 1829 г.— «И влажные кудри бегут по плечам».

Ритмические перебои в публикуемом стихотворении (переход от дактилических строк к анапестической строке — «О как чудно» и т. д.) и амфибрахической («И влажные кудри» и т. д.) тоже характерны для поэтики Лермонтова.

Публикуемое стихотворение не датировано. Повидимому, оно было написано в 1839 г.: Лермонтов вошел в петербургский литературный и светский круг зимой 1838/1839 г., а Соллогуба с апреля 1838 г. по январь 1839 г. не было в Петербурге [1].

Соллогуб рассказывает в своих воспоминаниях еще об одном случае, когда Лермонтов помогал ему в его стихотворных опытах. «Елизавета Михайловна Хитрово,— пишет он,— вдохновила мое первое стихотворение. Оно, как и другие мои стихи, не отличается особенным талантом, но замечательно тем, что его поправлял и перевел на французский язык Лермонтов» [2].

Хотя воспоминания Соллогуба о Лермонтове и не вполне достоверны, но данному сообщению мемуариста можно поверить, так как у него, действительно, хранилась рукопись каких-то стихов с поправками Лермонтова. В шестидесятых годах Соллогуб писал В. Ф. Одоевскому, приглашая его к себе в Дерпт: «Если ты приедешь, я подарю тебе разные автографы. Между прочим, мои стихи, поправленные рукою Лермонтова» [3].

Стихи, вдохновленные Е. М. Хитрово, могли быть написаны в Петербурге не ранее февраля 1839 г. (как сказано, Соллогуба с апреля 1838 г. в Петербурге не было) и не позднее апреля 1839 г.: 2 мая этого года Е. М. Хитрово умерла.

В своих «Воспоминаниях» Соллогуб описывает дружеские встречи с Лермонтовым и в 1840 и в 1841 гг. Но рассказы его полны неточностей и заставляют думать, что Соллогуб в эти годы не был близок с Лермонтовым и многие факты сообщал с чужих слов, приукрашивая их по-своему (например, явно с чужих слов сделано описание прощального вечера у Карамзиных, когда Лермонтов уезжал на Кавказ в 1840 г., или «неуместного», по мнению начальства, появления Лермонтова на балу у гр. Воронцовой-Дашковой в феврале 1841 г.).

Известно, что в 1839 г. Соллогуб написал повесть, в которой высмеял Лермонтова, представив поэта в унизительной роли в аристократическом обществе.

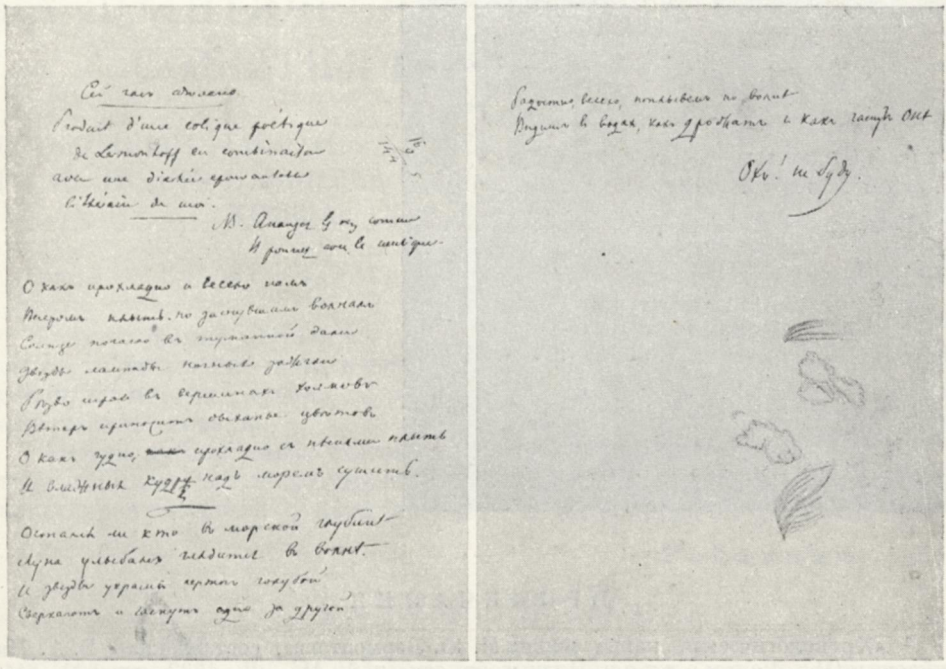
Весной этого года еще в рукописи он читал свою повесть императрице и ее двум дочерям. Слушательницы одобрили новое произведение. Повесть была напечатана в марте 1840 г., но Лермонтов уже в конце 1839 г. знал о повести.

Мог ли он после этого дружески встречаться с Соллогубом и вместе с ним сочинять стихи?

Приведенные соображения заставляют предполагать, что стихи «О как прохладно и весело нам...» написаны в середине 1839 г., в начале которого, повидимому, и завязались литературные и личные отношения между Лермонтовым и Соллогубом. И тот и другой сотрудничали в «Оте-

чественных записках», дружески встречались у Е. М. Хитрово, у Карамзиных, у В. Ф. Одоевского и М. Ю. Виельгорского.

Соллогуб нередко выступал на салонных литературно-музыкальных вечерах: читал, декламировал и пел. Часто исполнял он и собственные произведения. «Он как-то умел шевелить и развеселять общество,— вспоминал кн. Д. Д. Оболенский.—Остроумный и веселый, он являлся невзначай читать какую-либо новую свою пьесу, или стихотворение, или рассказ; он внезапно устраивал театр, чтобы сыграть эту пьесу, или литературный вечер, чтобы прочесть свое стихотворение» [4].



СТИХОТВОРЕНИЕ «О КАК ПРОХЛАДНО И ВЕСЕЛО НАМ...», НАПИСАННОЕ СОВМЕСТНО ЛЕРМОНТОВЫМ И В. А. СОЛЛОГУБОМ, 1839 г.

Автограф В. А. Соллогуба

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Стихи «О как прохладно и весело нам...» Соллогуб, повидимому, намеревался исполнить на одном из подобных музыкальных вечеров — вероятнее всего в салоне братьев Михаила и Матвея Виельгорских. Неизменными участниками этих вечеров бывали «ученый музыкант» В. Ф. Одоевский и В. А. Соллогуб, женившийся в 1840 г. на дочери Михаила Юрьевича Виельгорского. Бывал здесь и Лермонтов; на это указывает его неоконченная повесть «Штосс», открывающаяся описанием музыкального вечера «у графа В〈иельгорского〉». Первоначально по замыслу Лермонтова вечер, описанный в повести, должен был происходить у Соллогуба (см. варианты к повести: «17 сентября 1839 года у гр. С〈оллогуба〉 был музыкальный вечер» и «У гр. С〈оллогуба〉 был музыкальный вечер»).

Не сохранилось никаких сведений о том, написал ли Одоевский музыку на стихи, сочиненные Лермонтовым и Соллогубом. В бумагах Одоевского нот на слова «О как прохладно и весело нам...» не обнаружено.

В. А. СОЛЛОГУБ
Фотография 1850-х гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Хронологическая канва жизни М. Ю. Лермонтова», составленная В. А. Мануйловым (М. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. V. М.— Л., 1937, стр. 602—611). См.: ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. № 3, ед. хр. 2109, формуляр № 10 — гр. В. А. Соллогуба, 1848 г. (здесь зарегистрированы этапы прохождения службы в Министерстве внутренних дел с 19 января 1835 г. по 8 августа 1845 г.). Приводим сведения о службе Соллогуба, взятые из этого документа.

Начало 1838 г. он провел в занятиях при канцелярии министра, но уже 19 апреля 1838 г. ему было «поручено сделать статистическое обозрение Симбирской губ.». Командировка Соллогуба была прервана в начале 1839 г. и описание было завершено в сентябре 1839 г. А 26 февраля 1839 г. он был направлен для расследования дела о противозаконной порубке казенных лесов в Устюжском и Весьегонском уездах. Это поручение Соллогуб закончил 12 апреля 1839 г. На короткое время он возвратился в Петербург, так как из неопубликованного письма его к Одоевскому видно, что он в конце мая снова находился в Устюжне и предполагал быть там и в июне. Вернулся из этой поездки Соллогуб, повидимому, в июле — августе 1839 г. (31 августа 1839 г. он опять командирован в Симбирскую губернию и отмечен в списке выехавших из Петербурга 12, 13 и 14 сентября 1839 г. («СПб. ведомости», 1839, № 211).

[2] В. Соллогуб. Воспоминания. М.— Л., 1931, стр. 301—302.

[3] Архив Одоевского. Поступление 1869 г., оп. 2, ед. хр. 1009.

[4] Д. Оболенский. Наброски из воспоминаний.— «Русский архив», 1885, № 3, стр. 357.

ОТКЛИКИ ЛЕРМОНТОВА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ 1820—1830-х ГОДОВ

I. «ВЕСЕЛЫЙ ЧАС». II. «10 ИЮЛЯ (1830)». III. «ИЗ ПАТКУЛЯ». IV. «О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТ». V. «ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША». VI. «БЛАГОДАРНОСТЬ»

Статьи Б. Бухштаба, Э. Герштейн, Н. Любович и Э. Найдича

Стихотворения Лермонтова, представляющие собою отклики на события общественно-политической и литературной жизни 1820—1830-х годов, во многих случаях не расшифрованы совсем или же расшифрованы совершенно неверно.

Авторы публикуемых статей имели целью раскрыть конкретный политический смысл некоторых произведений Лермонтова и тем самым расширить наши представления о пути идейного и литературного развития поэта.

Редакция

I. «ВЕСЕЛЫЙ ЧАС»

Это стихотворение до сих пор не привлекалось для характеристики раннего творчества Лермонтова. А между тем оно представляет несомненный интерес в плане развития творчества поэта этой поры [1].

Что натолкнуло Лермонтова на тему о веселом французском поэте, который «бранит» и «хвалит» кого хочет в стихах, написанных углем на стене тюремной камеры?

Таким толчком могло быть событие, ставшее известным Лермонтову, вероятно, в начале 1829 г. Это был судебный процесс и приговор по делу Беранже, осужденного на девятимесячное тюремное заключение, после выхода четвертого сборника его стихов, за оскорбление «общественной и религиозной морали» и «возбуждение ненависти и презрения» к правительству Карла X. Приговор был вынесен судом исправительной полиции 10 декабря 1828 г. и опубликован в парижских газетах вместе с речью прокурора и другими подробностями этого заседания на другой же день. В Петербурге о нем кратко сообщили «Северная пчела» 20 декабря и «Journal de St. Pétersbourg» 18 и 27 декабря (ст. ст.). В Москве приговор, очевидно, стал известен несколько позже, через неделю, а то и через десять дней.

Этот процесс, как и первый, 1821 г., вызвал значительный рост популярности Беранже, которого Белинский впоследствии назвал «великим и истинным поэтом современной Франции» [2]. «Знаете ли вы, что в кафе на площадях,— всюду моим процессом интересуются больше, чем Пруссией, Россией и Турцией?» — писал Беранже в то время одному из своих

друзей [3]. Судебное заседание происходило при огромном наплыве публики. В «Journal de St. Pétersbourg» сообщалось, что огромная толпа осаждала двери суда. В автобиографии поэт рассказал о том, что в день оглашения приговора все его песни, подвергшиеся осуждению, были опубликованы в вечерних газетах. «В результате в провинциальных изданиях и за границей получило распространение за какие-нибудь две недели несколько миллионов экземпляров песен, и как раз тех, которые хотело убить запрещение» [4].

Тюремная камера Беранже, как и во время первого заключения, была местом паломничества не только друзей и знакомых поэта, но и вообще всех желавших выразить ему свое сочувствие и солидарность. Здесь впервые представились ему Виктор Гюго, Сент-Бев, Александр Дюма. Беранже записал 350 человек в свой список посетителей, но считал его неполным. Поэты и песенники Франции воспевали Беранже и адресовали ему стихотворения, посвященные его пребыванию в тюрьме.

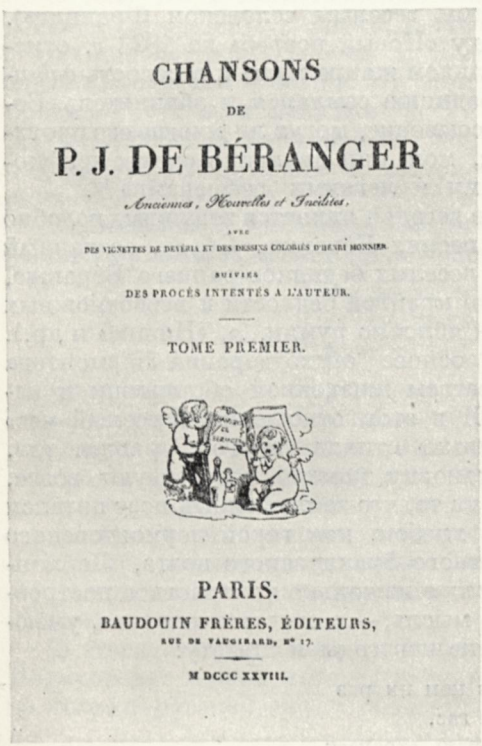
Весть о таком широко известном, шумном событии не могла не обсуждаться в общественных и литературных кругах Москвы. Имя Беранже было уже знакомо в России двадцатых годов. «Московский телеграф» поместил в 1828 г. «Отрывок из письма из Парижа» Я. Т⟨олстого⟩ со следующими словами: «Лучшие нынешние поэты, как вам небезызвестно, суть Казимир Делявинь, Ламартин и Беранже» [5]. В России были известны и сборники его стихотворений и ежегодные альманахи французских песен, в которых печатался Беранже. Некоторые из них рецензировались в русских журналах, как например, «Новый погреб» и «Ужины Мома» на 1828 г. В рецензии на эти альманахи Беранже был назван в числе поэтов Франции, «имена коих делают фортуну альманаху» [6].

Горячим пропагандистом поэзии Беранже в России был П. А. Вяземский. Его письма к А. И. Тургеневу свидетельствуют не только о его большом интересе к творчеству французского поэта, но также о стремлении заинтересовать им других, например, молодого Пушкина [7]. Принимая одно время активное участие в «Московском телеграфе», Вяземский не раз использовал его страницы для популяризации имени Беранже. В одной из статей конца 1826 г. он писал, в частности, о заключенном в тюрьму французском «песельнике», слагающем стихи «под затворами тюремными». Статью эту, в целях большей живости впечатления, автор назвал «Письмом из Парижа» [8]. В этом «Письме» Беранже рассматривался как представитель поэзии, которая «делает политику». Вяземский относился положительно к такому «сродству» политики и литературы, и его развернутая характеристика творчества Беранже проникнута большой симпатией и глубоким пониманием произведений французского поэта, хотя он и вынужден был отказаться от рассмотрения его песен «в отношении политическом, которое до нас не касается». Многозначительное многоточие заканчивало фразу Вяземского: «в куплетах сатирических он Ювеналовыми стрелами клеймит своих противников...». Вместе с тем, Вяземский подчеркнул, что Беранже не только «клеймит», но и прославляет: «В своих патриотических песнях он от шутки вдруг взлетает до высшей степени отваги и лиризма», «думая писать простые песни, пишет оды возвышенные». Говоря о том, что Беранже иногда «заходит в тюрьму Святой Пелагеи и там постится за нескромности музы, не во-время откровенной»,— Вяземский прибавлял: «Но, впрочем, он и там живет припеваючи и многие из песен его, писанных под затворами тюремными, так же свободны и милы, как и прежние».

Строки Вяземского настолько близки к содержанию стихотворения Лермонтова, что вполне возможно допустить знакомство молодого поэта со статьею «Московского телеграфа». Очень может быть, что не прошла мимо его внимания и небольшая заметка Вяземского, напечатанная в 1827 г.

Автор говорил в ней о том, что традиционная французская «веселость» уже «начинает морщиться», так как куплеты и эпиграммы, бывшие в старой Франции «единственными орудиями оппозиции, то есть публики», уступают место иным поэтическим формам. Но на этом фоне автор выделял Беранже как единственного представителя «веселости» среди признанных поэтов Франции: «Один Беранже в песнях своих держится повадок водевиля» [9].

Таким образом, обе статьи Вяземского давали материал для характеристики личности и творчества Беранже. Но даже и в том случае, если поэт не читал их, он мог составить собственное мнение на основании чтения самих песен Беранже и материалов о его процессах.


CHANSONS

DE

P. J. DE BÉRANGER

Anciennes, Nouvelles et Inédites.

AVEC

DES VIGNETTES DE DEVÉRIA ET DES DESSINS COLORIÉS D'HENRI MONNIER.

SUIVIES

DES PROCÈS INTENTÉS A L'AUTEUR.

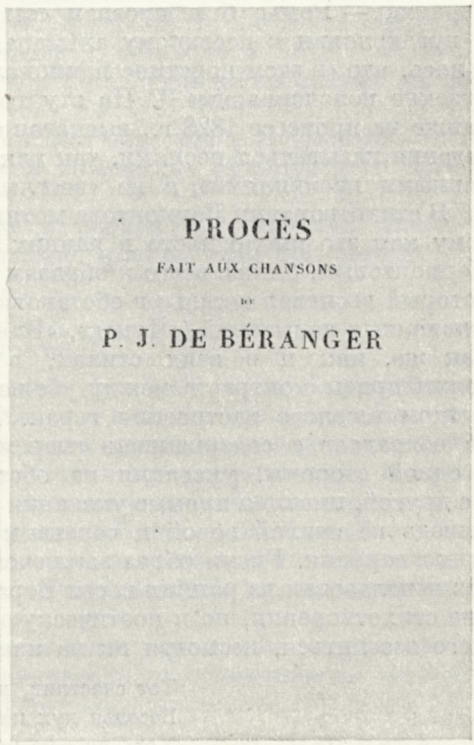
TOME PREMIER.

PARIS.

BAUDOUIN FRÈRES, ÉDITEURS,

RUE DE VAUGIRARD, N° 17.

M DCCC XXVIII.


PROCÈS

FAIT AUX CHANSONS

DE

P. J. DE BÉRANGER

ПЕСНИ БЕРАНЖЕ. ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ 1828 г.

В приложении к этой книге были помещены отчеты о судебных процессах, возбуждавшихся против Беранже за его свободолюбивые песни

Под впечатлением вести об осуждении французского поэта Лермонтов мог вспомнить или перечитать его стихи, а среди них и те, которые Беранже создал в тюрьме, во время первого заключения, после выхода сборника песен 1821 г. К этим стихам Беранже делал специальные приписки, свидетельствующие о том, что они были созданы во время заключения; эти приписки воспроизводились в издании произведений поэта. Беранже написал в тюрьме песни: «Свобода», «Друзьям-охотникам», «Мое исцеление», «Предательский напиток», «Мой карнавал», «Тень Анакреона», «Эпитафия моей музе». Тон этого «тюремного» цикла стихов шутливо-жизнерадостный, вполне соответствующий строчкам из автобиографии поэта: «Я очень весело провел трехмесячное заключение в Сент-Пелажи» [10]. В них — обычная для раннего Беранже страстная апология наслаждения, веселья, свободы и славы отечества. Поэт то и дело обращается в них к своим

многочисленным друзьям, скрасившим его заключение. По выходе из тюрьмы, в годовщину произнесения приговора (8 декабря 1822 г.), он пропел друзьям песню «Дружба», в которой благодарил их за то, что они не забыли его в темнице.

Очевидно, что эти песни и подсказали Лермонтову тему его стихотворения, которое, отнюдь не повторяя ни одной из них, дает обобщенный образ веселого французского певца. Быть может, Лермонтову было известно, что в тюрьме Сент-Пелажи побывал не только Беранже, но и другие известные песельники Франции, и Лермонтов стремился, таким образом, создать обобщенный образ французского поэта.

Веселость всегда считалась основной особенностью творчества французских песельников (один из второстепенных песельников, последователей Беранже,— Ромье был прозван «самым веселым человеком Франции»). В предисловии к песенному альманаху «Новый погреб» на 1822 г. отмечалось, что «в этом поистине национальном жанре музы и веселость французские неисчерпаемы» [11]. На эту традицию ссылался и обвинитель Беранже на процессе 1828 г., высказав сомнение, могут ли многие его произведения называться песнями, так как, мол, они являются скорее «рифмованными пасквилями», а не «веселыми и легкими рефренами» [12].

В стихотворении Лермонтова мотив веселья является ведущим, подобно тому как это имело место в ранних песнях Беранже. Образ, созданный Лермонтовым, ближе всего к образам веселых бедняков раннего Беранже, который воспевал веселье в обстановке крайней бедности и всевозможных жизненных испытаний («Чудак», «Как яблочко румян...», «Нищие» и др.). Так же, как и в этих стихах, в основе стихотворения Лермонтова лежит прием контраста между убожеством жизненной обстановки и избытком веселого настроения героя. И в этом отношении «Веселый час» не совпадает с содержанием «тюремных» стихов самого Беранже, где, с одной стороны, указания на обстановку камеры отсутствуют вовсе, а с другой, имеются прямые указания на то, что заключенный поэт питался отнюдь не гнилой водой и черствым хлебом, как герой лермонтовского стихотворения. Рисуя образ заключенного французского поэта, Лермонтов использовал из ранних песен Беранже не только контрастное построение стихотворения, но и поэтическую мысль,— о счастье человека, умеющего веселиться, несмотря ни на какие невзгоды и нищету:

Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час! (I, 10)

Таким образом, Лермонтов переносит созданный Беранже образ веселого бедняка в тюремную обстановку и дополняет его рядом штрихов, напоминающих тюремные стихи самого французского поэта: таковы обращения к друзьям, пирующим в отсутствие заключенного (ср. стихотворение Беранже «Мой карнавал»), или намек на то, что дружба надежнее любви, когда человек оказывается за тюремной решеткой, «кляня любовь былую» (ср. стихотворение Беранже «Дружба»).

Не раскрывая политического содержания творчества заключенного поэта, Лермонтов делает общее указание на самый факт создания им стихов в тюрьме и на их свободный характер, как в обличении, так и в воспевании:

Браню, кого придется,
Хвалю, кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Эти строки очень близки по духу таким песням Беранже, как «Цензура» и «Новый Диоген», прославляющим смех и свободное слово.

Многозначительные четыре строчки точек — намек на цензурные изъятия — придают остроту всему тексту стихотворения:

. . . . . .
. . . . . .
Тогда я припеваю
. . . . . .
. . . . . .
«Тот счастлив, в ком ни раз»... и т. д.

О том, что в представлении современников образ Беранже ассоциировался с тюремной камерой, с тюремной решеткой, наглядно свидетельствует портрет поэта работы А. Шеффера, с которого в 1828 г. К. Кузеном была сделана гравюра. На этом портрете Беранже изображен на фоне тюремной стены и решетки [13].

Не исключена возможность, что он был известен и Лермонтову, и дополнил его впечатления о личности и творчестве французского песельника.

Упоминание о тюремной решетке в первых же строчках стихотворения Лермонтова может быть подсказано именно этим портретом:

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?

Факт обращения Лермонтова к теме «Веселого часа» безусловно заслуживает внимания. Он свидетельствует о том, что реальная общественная жизнь уже в этот момент подсказывала ему произведения, выходящие далеко за пределы узко-личных лирических тем и настроений, и приводила его к представлению о поэте, далекому от того, которое нашло отражение в его раннем стихотворении «Поэт». Стихотворение «Веселый час» — первое произведение (если придерживаться последовательности, в которой поэт расположил стихи в тетради 1829 г.), имеющее политическое звучание.

В создании этого стихотворения сказалась характерная черта юноши-Лермонтова: живой интерес к современности, к общественной жизни,— не только русской, но и общеевропейской.

Н. Любович

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Комментарий к Полн. собр. соч. Лермонтова, т. I, М., 1936, стр. 423.—В последнем издании сочинений Лермонтова (1947) это стихотворение оставлено без комментария.

[2] В. Белинский. Собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 243.

[3] П.-Ж. Беранже. Полн. собр. песен, т. II. М.— Л., 1936, стр. 542—543.

[4] П.-Ж. Беранже. Избранные песни. М., 1950, стр. 459.

[5] «Московский телеграф», 1828, № 5, стр. 113.

[6] Там же, 1829, № 1, стр. 84—85.

[7] См., напр., «Остафьевский архив», СПб., 1899, т. I, стр. 149 и 159.

[8] «Московский телеграф», 1826, ч. XII, стр. 63—64; П. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1878, стр. 230—231. — В «Московском телеграфе» статья была напечатана анонимно.

[9] «Московский телеграф», 1827, ч. XIV, стр. 42—43; П. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 286—287.— В «Московском телеграфе» заметка напечатана за подписью: «Журнальный сыщик».

[10] П.-Ж. Беранже. Избранные песни, стр. 457.

[11] «Le Nouveau Caveau pour 1822», p. I.

[12] «Le Moniteur universel», 1828, от 11 декабря.

[13] «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 675.

II. «10 ИЮЛЯ (1830)»*

Интерес Лермонтова к событиям не только русской, но и иностранной общественной жизни ярко обнаружился и в стихотворении «10 июля (1830)».

Прежде всего, должен быть уточнен самый текст стихотворения. Дело в том, что его шестая строка, повидимому, печатается неправильно; изучение автографа, воспроизведенного в собрании сочинений Лермонтова (I, 138—139), в частности изучение особенностей написания поэтом букв «м», «п», «о» и «а» (как в этом автографе, так и в других, например, в автографе «Предсказания»), приводит к выводу, что вместо слова «мрачный», как печаталось до сих пор, правильнее читать «п р о ч н о й» (буква «п» слегка смазана чернилами). Стихи, вернее всего, читаются так:

И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы прочной знак...

Это придает обобщающее значение всему стихотворению, смысл которого, таким образом, очевидно, сводится к следующему: снова явившееся знамя вольности — знак неизбежной прочной победы свободы. Мысль поэта оптимистична: знамя вольности может исчезать на время, но оно неизменно является снова (это подчеркнуто троекратным настойчивым повторением, которое дает тон всему тексту: «Опять...», «И снова...», «И снова...»). И в этом неизменном появлении — залог будущей прочной победы вольности.

Итак, отправляясь от конкретного факта народного восстания, Лермонтов подошел к поэтическому обобщению. Отсутствие конца стихотворения не мешает нам представить общее направление его мысли.

Первая строфа имеет в виду восстание за национальную независимость в стране, которая уже в прошлом боролась за свою свободу, одержав какую-то важную победу над «сынами самодержавия»; тема борьбы за национальную независимость, таким образом, переплетается здесь с темой борьбы с «тиранством» (черновой вариант). Во второй же строфе поэт, отталкиваясь от этого современного ему события и делая вывод о конечной победе «знамени вольности», переходит к историческому прошлому, имея в виду европейские события конца XVIII в.: военную «славу» трехцветного французского знамени (символа великой революции) и победы Суворова, одержанные в 1799 г. над французскими войсками.

Какое же конкретное историческое событие могло вызвать эти строки?

Стихотворение имело сначала два варианта толкований до такой степени спорных, что в комментариях к последнему изданию полного собрания сочинений Лермонтова оба они взяты под сомнение: «В стихотворении Лермонтова приветствуется народное восстание. Неоконченный, черновой характер стихотворения и отсутствие каких-либо материалов не позволяет с достоверностью определить, о каком восстании идет речь. Обычно стихотворение комментируется как отклик на июльскую революцию во Франции. По другому предположению оно связано с восстанием горцев на Кавказе» [1].

Первый вариант комментария, восходящий к Висковатову, был обоснован Б. М. Эйхенбаумом, высказавшим предположение, что Лермонтов ошибочно написал «10 июля» вместо «10 августа» и что дата 10 августа является датой написания стихотворения, а не события, о котором идет

* Печатая эту статью, редакция «Литературного наследства» полагает, что гипотеза, выдвинутая Н. А. Любович, требует дополнительных аргументов.—*Ред.*

СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

№ 93.

ВТОРНИКЪ, АВГУСТА 5-го 1830.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СООБЩЕНИЯ ОТ 2 И 10 ИЮЛЯ 1830 г. О ВОССТАНИИ В АЛБАНИИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В ГАЗЕТЕ «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»

«Северная пчела» № 85 от 17 июля и № 93 от 5 августа 1830 г.

речь. Правда, слова «за независимость страны» при этом кажутся неподходящими к случаю, но автор комментария истолковал их «в общегражданском смысле — за освобождение от тиранства Бурбонов» (I, 458). Едва ли может внушить доверие комментарий, построенный на предположении описки и весьма натянутом толковании строки, которая имеет вполне определенный смысл.

Другое истолкование стихотворения содержится в биографии поэта, написанной Н. Л. Бродским, где оно связывается с восстанием лезгин летом 1830 г., когда 17 июня «в первой же стычке русские потерпели неудачу...»[2]. На это событие, по мнению биографа, Лермонтов откликнулся 10 июля, когда узнал о нем из рассказа кого-либо из Хастатовых или Шан-Гиреев, наезжавших в Москву.

Но это предположение, не подкрепленное, кстати сказать, достоверными фактами приезда кого-либо из указанных лиц в Москву, не согласуется ни с содержанием этого стихотворения, ни с лермонтовскими оценками борьбы горцев.

Стычка 17 июня, о которой говорит биограф, была слишком маловажным событием; она свелась к тому, что грузинский разъезд в составе 17 человек был окружен и взят в плен лезгинской конницей. А следующая неудача (19 июня), выразившаяся в том, что казаки были атакованы в ущелье и разбиты наголову, отнюдь не помешала царским войскам уже в бою 1 июля нанести такой удар противнику, который сразу же подавил начинавшееся восстание. О каком поражении царских войск может итти речь, когда восстание горцев было ликвидировано в две недели? Строки Лермонтова должны были относиться к событию большего масштаба и значения, как в настоящем, так и в прошлом, а не к удачному исходу одного или двух сражений.

Но все восстания на Кавказе до 1830 г., при отдельных неуспехах царских войск, всегда кончались поражением горцев и ни разу не принесли им сколько-нибудь длительной победы. Лермонтов никак, конечно, не мог придавать большого значения успеху одного сражения. А самое главное, он не мог бы приветствовать поражение русских войск. Мы ведь знаем, что Лермонтов с чувством большой национальной гордости говорил о русских солдатах, о казаках — «сынах неустрашимых Дона», которых видели на своих берегах реки Германии и Франции («Черкесы»), о непобедимости русского оружия («Измаил-бей»). Мы не имеем оснований считать, что в 1830 г. Лермонтов был в этом отношении совершенно иного мнения, чем в 1828 и в 1832 гг., т. е. что он мог приветствовать поражение русского оружия.

Это соображение является аргументом и против третьего варианта истолкования, содержащегося в однотомнике сочинений Лермонтова (изд. «Московский рабочий») 1949 г. Автор комментария И. Л. Андроников развил замечания Б. М. Эйхенбаума о том, что слова «за независимость страны» и упоминание о Суворове могут относиться к Польше, хотя этому и противоречит заглавие стихотворения (польское восстание началось в ноябре 1830 г.). Считая, что стихотворение относится все-таки к этому событию, Андроников категорически утверждает, что поэт написал заглавие «спустя долгое время и легко мог допустить ошибку» (стр. 475). Однако исследование автографа, проведенное Б. В. Томашевским, привело его к заключению, что «надпись над стихотворением сделана одновременно со стихами». Об этом свидетельствует расположение надписи: трудно предположить, чтобы поэт оставил пробел, в точности необходимый для будущего заглавия, переписывая это стихотворение вслед за другим, занимающим верхнюю часть листа.

Еще труднее связать стихотворение с польскими событиями, исходя из его содержания. Против этого предположения остается в силе аргумент,

приведенный выше по поводу «кавказской» версии. О том, что Лермонтов не мог воспевать поражение русского оружия в борьбе с поляками свидетельствуют те строки в поэме «Измаил-бей», которые, в сущности, и являются косвенным откликом на польское восстание 1830—1831 гг.,— откликом, близким к пушкинскому:

Какие степи, горы и моря
Оружию славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! И запад и восток,
Быть может, скоро твой разделят рок (III, 235).

Поэма, датированная 10 мая 1832 г., написана в то время, когда воспоминание о польском восстании (ликвидированном в сентябре 1831 г.) было еще достаточно свежо в памяти современников. Взгляды Лермонтова, выраженные в цитированных строчках, несомненно, исключают возможность посвящения им своего стихотворения польскому восстанию.

Вместе с тем имеются исторические факты, с которыми несравненно более естественным образом могут быть связаны лермонтовские строчки. Это — восстание в Албании против турецкого владычества летом 1830 г., довольно подробно освещавшееся в русской и западноевропейской печати.

Первые краткие сведения о нем появились в России в середине июня. «Северная пчела» 14 июня извещала о том, что «в Румелии, Македонии и большей части Албании возникают прежние возмущения, кои уже за несколько лет перед сим причиняли великое опасение...». Не только в этой заметке, но и в ряде других, появившихся позже, это восстание так или иначе связывалось с предшествовавшими им «возмущениями» албанцев: проводились некоторые аналогии, или же, наоборот, подчеркивались особенности настоящего восстания по сравнению с прежними.

Сообщения, печатавшиеся в течение первого месяца, то есть примерно с середины июня до середины июля (в «Московских ведомостях» и «Вестнике Европы» соответственно несколько позже по сравнению с петербургскими газетами), давали в целом общую характеристику этого события, его побудительных причин, целей и средств, которыми располагали восставшие, а также содержали оценку международного значения восстания. В этом отношении интересно, например, известие, напечатанное в «Северной пчеле» 24 июня: «Беспокойства в Албании, не подававшие сначала почти никакой причины к опасениям, приняли в течение последних недель весьма решительный оборот и заставляют страшиться, чтобы в Европейской Турции не последовали новые важные перевороты, кои могут кончиться, как кончилось восстание греков».

Известно, что борьба Греции за свое освобождение от турецкого ига, длившаяся с 1821 по 1829 гг., закончилась (в результате победы России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.) признанием ее независимым государством.

В некоторых сообщениях об албанском восстании указывалось на то, что оно возникло в прямой связи с исходом борьбы греков, и в случае его успеха Турция может оказаться перед лицом серьезного кризиса в своих европейских владениях. А о возможности решительного успеха повстанцев свидетельствовали, как казалось, и массовый характер этого восстания, и боевые качества албанцев, и их героическое прошлое. С этой точки зрения представляет интерес цитированная выше информация «Северной пчелы» от 24 июня; в ней подчеркивалось, что «вся Албания, от одного конца до другого в волнении» и что это восстание отличается от тех многочисленных в Турции бунтов, которые «вызываются частными выгодами, не возбуждающими общего участия». «Нынешнее же восстание

в Албании разительно отличается от обыкновенных там покушений нескольких недовольных корыстолюбцев»,— сообщалось в этой заметке, а июльские газеты уже совершенно определенно характеризовали это восстание как борьбу за национальную независимость. Петербургские «Ведомости» 1 июля и Московские — 12 июля перепечатали сообщение, содержавшее определение цели восстания: «Полученные оттуда известия согласуются в том, что к бунту в Албании подали повод возмутители, коих лозунг: „Избавление от турецкого ига и учреждение независимого правления“».

Более полное сообщение было напечатано 5 июля во французской газете «Le Moniteur universel»; оно интересно, между прочим, тем, что в нем проводится грань между военачальниками и народом; в то время, как относительно первых допускается возможность капитуляции (если бы Турция удовлетворила их материальные претензии), то относительно народа эта возможность решительно отвергается, так как он твердо решил сбросить турецкое иго. Корреспондент следующим образом передает лозунги (le cris de guerre) повстанцев: «Избавимся от турецкого ига! Установим независимое и свободное правительство! Не опустим оружия прежде, чем завоюем свободу!». В номере от 17 июля «Северная пчела» напечатала известие, в котором отмечался «воинский порядок» в рядах восставших (в отличие от беспорядка в рядах турецких солдат, которые часто дезертировали или переходили на сторону албанцев) и содержалось следующее заключение: «Судя по всем, принимаемым ими мерам, они не намерены переходить через пределы владений своих, но твердо решились с испытанной своей храбростью сразиться за независимость оных против всякого нападения извне».

«Испытанная храбрость» и другие военные качества албанцев были общеизвестны. Когда за год перед этим, весною 1829 г., в период войны Турции с Россией, возникло было восстание в Албании, и албанские военачальники отказывались подчиняться распоряжениям турецкого командования, в «Северной пчеле» появилось сообщение о том, что Решид-Паша был в свое время назначен верховным визирем, «единственно в том предположении, что за ним последует сильная албанская армия». Такое значение придавала Турция боевым качествам албанцев, проявленным ими в предшествовавших войнах Турции с Россией.

Самая развернутая и полная информация была напечатана во французской газете «National», а оттуда перепечатана в немецкой «Allgemeine Zeitung», от 20 июля. Эта корреспонденция сообщала о народных паломничествах на могилу национального албанского героя Георга Кастриота, боровшегося с турками в XV в. и добившегося тогда независимости своей родины. Имя этого героя, прозванного турками за легендарную храбрость Искандером (Скандербегом) и воспетого в народных албанских песнях, символизировало героическое прошлое албанского народа, его крестьянских масс, поднявших знамя восстания против турецкой феодальной знати [3]. Вольтер, говоря о Скандербеге, указывал, что Албания была в то время выдающейся по своему героизму страной [4]. И теперь, почти через пять столетий, это имя снова вдохновляло на борьбу за независимость.

Из газетных сообщений было видно, что политика «всепрощения» и денежной компенсации, к которой прибегла Турция на первых порах, чтобы возможно скорее умиротворить Албанию, потерпела крах. «Северная пчела» передавала, например, 19 июля, что великий визирь, направившийся к месту восстания, «взял с собой богатую казну, но кажется, что вследствие независимости Греции, албанцы движимы уже не сребролюбием, но совершенно другим духом». В номере от 10 июля та же газета сообщала, что албанцы, «собрав значительный корпус на границе Македонской, отринули объявленное им всепрощение».

Это событие, о котором Лермонтов впервые мог узнать во время июльского приезда в Москву из Середникова (когда им были написаны стихотворения «1830 год. Июля 15-го», «Булевар» и «Песнь барда»), не могло не заинтересовать поэта. Турецкая империя, против которой восстала маленькая Албания, являлась тогда своего рода символом деспотизма и угнетения всякого рода.

Длительная борьба Греции за независимость от турецкой империи привлекла внимание всей Европы, так как отвечала существенным интересам главных европейских стран (России, Франции, Англии), а русско-турецкая война 1828—1829 гг. сделала особенно «модной» в русской печати тему о Турции. На страницах журналов и газет публиковались тогда различные описания турецкого быта, нравов, а также материалы по истории турецких завоеваний в Европе и борьбы с Турцией русского государства в XVIII и XIX вв.

Война с Турцией дала возможность русским журналам говорить о гибельности деспотического правления, высказываться против «тирании» и порой формулировать обобщающие заключения, которые могли звучать и восприниматься, как скрытая критика самой николаевской действительности.

В этом отношении интересны некоторые статьи «Московского телеграфа», в которых высказывалась, например, мысль о том, что поражение Турции в войне с Россией явилось выражением «воли провидения», покаравшего ее за «деспотический характер своего правительства, почитающего своих подданных рабами, зависящими от произвола не только его самого, но и от произвола мелких чиновников» [5]. Аналогичную мысль высказывал тот же журнал в отзыве о постановке мелодрамы «День падения Миссолунги». Здесь автор утверждал, что существует «предвечный закон»: «не угнетай!», «ознаменованный великими событиями, в коих ясно зрима десница бога, карающая за нарушение велений его». Говоря о борьбе греков, рецензент писал, что они «вознамерились ⟨...⟩ противопоставить просвещение грубому невежеству, священнейшие права народов тиранскому угнетению» [6].

Публикация отрывка из байроновского «Гяура» на страницах «Галатеи» с заключительными строками:

Знакомый глас услышит грек
И раб вновь будет человек [7]

и перевод вольтеровского «Магомета» [8] с его тираноборческими тенденциями также показательны в этом плане. Все это, конечно, и подсказало в свое время Лермонтову его маскировку в «Жалобах турка». Вот почему восстание в Албании против Турции могло быть им воспринято как борьба против «тиранства» [9], деспотизма абсолютной власти, «самодержавия».

Этому могли способствовать те из газетных известий, в которых указывалось, что действия Турции в этот момент согласованы с «российскими полномочными», которые «пользуются решительным влиянием в оттоманском правительстве» до такой степени, что султан «не делает почти никаких распоряжений, не спросивши их совета». Эта заметка была помещена в «Северной пчеле» в соседстве с перепечатанными из «Allgemeine Zeitung» строчками о том, что «ныне все было бы уже в порядке и султан мог бы отдохнуть от великих забот, тревожащих его в продолжении многих лет, если бы не возникшее восстание в Албании» [10].

Таким образом, у читателя могло возникнуть представление, что турецкие действия в Албании также согласованы с «российскими полномочными», и царь заинтересован в подавлении албанцев, хотя это и не соответствовало действительности, так как в случае успешного развития восстания Николай I мог им воспользоваться выгодным для себя образом.

Если прибавить к этому враждебный тон австрийских сообщений об албанском восстании, отраженный в печатном органе русского Министерства иностранных дел, «Journal de St.-Pétersbourg», и известия о военных действиях против восставших, предпринятых австрийскими войсками — давними военными союзниками русского царизма,— то должно было сложиться впечатление, что героическая Албания вступила в борьбу с «самодержавием» не только турецкого происхождения.

С другой стороны, с именем албанцев, восставших против Турции, у Лермонтова должны были связаться и конкретные поэтические представления. Ведь Албании посвящены были многие строфы Байрона, которого с увлечением читал в это время Лермонтов. В «Паломничестве Чайльд-Гарольда», начатом как раз в Албании (в той самой Янине, которая называлась теперь в газетных известиях «гнездом возмутителей»), Байрон с большой симпатией описал албанских горцев как мужественных людей, надежных в дружбе, опасных в мщении, беспримерных в удали, гостеприимных, самоотверженных и бескорыстных в помощи [11]. В поэме был выражен горячий протест против турецкого владычества в Албании. В тексте поэмы и в примечаниях к ней Байрон вспоминал и о национальном герое Албании Скандербеге, имя которого, как мы видим, прозвучало на страницах европейских газет в связи с восстанием албанцев 1830 г., напоминая о прежней большой победе Албании, героически завоевавшей когда-то свою независимость. Произведение Байрона должно было дать Лермонтову значительные и конкретные представления об этом малоизвестном тогда крае. Эти представления могли сочетаться с впечатлениями юного поэта о Кавказе, с его симпатиями к свободолюбивым и смелым горцам.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, должны были, очевидно, привлечь внимание Лермонтова к албанским событиям. Заинтересовавшись первыми сообщениями о восстании албанцев, поэт, естественно, мог с не меньшим интересом ожидать дальнейшего развития событий. А они вначале складывались в пользу восставших, словно воскрешая страницы героического прошлого.

Несмотря на попытку турок объявить своей «победой» незначительное отступление одного албанского отряда, двигавшегося к Янине, положение турецких войск расценивалось печатью как весьма невыгодное. Газетные сообщения, публиковавшиеся во второй половине июля и в первой половине августа, отмечали, что повстанцы имеют успехи и пользуются поддержкой соседних народностей. Петербургские «Ведомости» 16 июля, Московские — 26, а «Северная пчела» 19 июля сообщали, что «черногорцы, известные по любви к независимости и храбрости своей, также участвуют в восстании против Порты, стараясь соединиться с албанцами». «Албанцам, как кажется, благоприятствует счастье в войне против Порты»,— писала при этом «Северная пчела», а в другом номере сообщала: «С величайшим нетерпением ожидают известий из Албании» [12].

Трудно было иметь представление о действительной хронологии событий. Официальные турецкие сообщения отсутствовали. Газеты пользовались «партикулярными письмами» «с турецкой границы», из Константинополя, из Сербии, из Боснии и из других мест; ни в одном из них нет даты какого-либо сражения.

Таким образом, о последовательности событий можно было (и то приблизительно) заключать лишь на основе тех дат, которыми помечались эти «письма». А расположивши их хронологически (вне зависимости от времени публикации), легко установить, что первые боевые успехи албанцев относятся к концу июня и началу июля н. ст. Так, корреспонденция от 6 июля («Северная пчела», 19 июля) сообщала о вторжении двух корпусов албанцев на турецкую территорию. 8 июля сообщалось

о том, что «великий визирь принужден был отступить от сильного корпуса албанцев и ждет подкрепления из Македонии» («Северная пчела», 24 июля; «Moniteur», 23 июля; журнал «Сын отечества и Северный архив», № XXXI).

Но наибольшее количество июльских сообщений об успехах восставших помечено 10-м числом. Целая серия корреспонденций от 10 июля печаталась различными газетами в разное время — в конце июля и в начале августа — часто в тех самых номерах, где публиковались первые известия об июльской революции во Франции. Так, например, корреспонденция из Константинополя, начинающаяся словами: «Дела Порты идут худо» — напечатана «Северной пчелой» 7 августа, «Московскими ведомостями» — 16 августа и журналом «Сын отечества и Северный архив» — в № XXXII, одновременно с сообщениями об июльских событиях в Париже, а корреспонденция, информирующая о том, что «восстание распространяется все более», помещена в «Московских ведомостях» 13 августа, где напечатана информация о французской революции.

Некоторые из сообщений 10 июля были опубликованы и ранее: «Северная пчела» 26 июля сообщала о том, что сын верховного визиря окружен в Янине албанцами; рядом с этим сообщением было напечатано и другое, как бы подчеркивавшее безнадежное положение сына турецкого главнокомандующего сенсационным известием о тяжелом поражении его отца: «В Вене носятся слухи, что албанцы разбили на голову посланные против них турецкие войска». О поражении турок и окружении сына верховного визиря сообщала 3 августа «Allgemeine Zeitung» одновременно с известиями об июльских событиях в Париже («Из Константинополя 10 июля»).

Если прибавить к этому сообщение 11 июля («Северная пчела», 29 июля) о том, что в Румелии и Боснии созываются собрания делегатов (синоды) без разрешения султана, который «уже не имеет власти в сих областях своего государства», и о том, что турецкие паши после отступления верховного визиря отказываются повиноваться «при сем сомнительном положении», то складывалась картина успешного хода албанского восстания и серьезного поражения турок в этот момент.

Сообщения 10 июля явились в этом отношении как бы вершиной, кульминационным пунктом. Дальнейшие корреспонденции или повторяли в основном прежние известия, или содержали менее значительные сведения. И наконец, в сентябре и октябре были напечатаны сообщения о том, что верховный визирь, не надеясь на силу оружия, «прибегнул к хитрости», в результате которой ему удалось обезглавить и подавить восстание.

Стихотворение Лермонтова, безусловно, создано под непосредственным впечатлением успеха восставших. Значит, оно не могло быть написано при первых известиях о восстании албанцев. Заглавие «10 июля (1830)» и должно означать, повидимому, дату корреспондентских сообщений об этих успехах (поскольку даты самих событий в сообщениях отсутствовали). А так как эти сообщения, как мы видели, становились известны у нас в конце июля и в начале августа, одновременно с известиями об июльских событиях во Франции, вернее всего предположить, что стихотворение было написано в августе, почти одновременно или даже одновременно со стихотворением «30 июля (Париж) 1830 года». Отсюда — общность некоторых интонаций и выражений, а, главное, самого духа обоих стихотворений, проникнутых уверенностью в неизбежной «прочной» победе вольности.

Показательно, что в первом стихотворении поэт дважды подчеркнул дату «10 июля», а в заглавие второго стихотворения — об июльских событиях — ввел дополнительную пометку: «(Париж)»; он словно стремился

уже самими особенностями заглавий подчеркнуть различие событий, которые легли в основу этих стихотворений.

Первоначальный вариант начала стихотворения представляет некоторый интерес для характеристики события, которому оно посвящено. Лермонтов сперва написал:

Опять вы с кликами восстали,

Выражение «с кликами» могло естественно возникнуть под пером поэта, говорящего о любом воинственном народе. (Позже, в поэме «Измаил-бей» Лермонтов употребил слово «клик», говоря о войне горцев Кавказа.) Но имеются основания для того, чтобы это выражение было отнесено именно к албанцам.

В «Паломничестве Чайльд-Гарольда» Байрон говорит о том, что албанские военные песни более походят на крики, чем на мелодии, и в примечаниях приводит в качестве иллюстрации тексты народных песен, которые представляют собою отдельные, почти не связанные между собою восклицания. «Клики» были естественной формой выражения чувств воинственного народа, каким являлись албанские горцы.

Относительно варианта второй строки Б. М. Эйхенбаум предположил, что поэт хотел написать «дальнего» (I, 457), а Н. Л. Бродский «дальнего Кавказа». Но вторые строки этого стихотворения требуют мужской рифмы; поэтому слово «Кавказ» не могло иметь места. Очевидно, Лермонтов хотел написать:

Герои дальней стороны[13].

Такой вариант также подходит к Албании и совершенно исключает Польшу.

Н. Любович

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] М. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. I. М.— Л., 1947, стр. 368—369.

[2] Н. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I. М., 1945, стр. 228. — Ср. описание этого эпизода в кн.: В. Потто. История 44 драгунского Нижегородского полка. СПб., 1899, стр. 3.

[3] См. книгу о Скандербеге албанского политического деятеля Ноли (George Castrioti Scanderbeg by Bichop Fan S. Noli, 1947, 36 и др.).

[4] Voltaire. Essais sur les Moeurs des Nations, 1817, p. 245.

[5] Кс. П<олевой>. Взгляд на современное состояние турецкого государства.— «Московский телеграф», 1829, № 17, стр. 87—88.

[6] «Московский телеграф», 1829, № 3, стр. 423.

[7] «Галатея», 1829, № 19, стр. 181.

[8] Н. Остолопов. Магомет. СПб., 1828.

[9] См. черновой вариант 4-й строки стих. «10 июля (1830)»: «Тиранства низкие сыны».

[10] «Северная пчела», 1830, от 26 июня.

[11] Байрон. Соч., т. I. СПб., изд. Брокгауз—Ефрон, 1904, стр. 71 и др. Может быть, Лермонтову была известна и книга спутника Байрона, Д. Гобгауза: «A Journey through Albania during the years 1809—1810», London, 1812.

[12] «Северная пчела», 1830, от 24 июля.

[13] Предположить здесь слово «стороны» всего естественнее не только потому, что оно близко к слову «страны» в окончательной редакции этой строки, но и потому, что это слово, употребленное в аналогичном смысле, мы находим и в «Романсе к И...», где Лермонтов пишет: «под небо южной стороны», рифмуя со словом «сны» (I, 182); рифмовка со словом «сыны» близка по созвучию к этой рифме.

Повидимому, переписывая в тетрадь это стихотворение, поэт изменил редакцию первой строфы, сохранив все рифмующиеся окончания строк: «восстали» — «пали», [«стороны»] «страны» — «сыны». Предположить, что он мог написать первоначально в конце второй строки: «Кавказа», значит допустить существование совершенно иной первоначальной редакции всего этого стихотворения, — в ином ритме, с одними женскими рифмами и т. д. Но автограф не дает ровно никаких оснований к такому заключению.

III. «ИЗ ПАТКУЛЯ»

Стихотворение «Из Паткуля», оставленное без комментария в последнем издании сочинений поэта, ранее комментировалось следующим образом: «Паткуль — вероятно тот юноша, смерти которого посвящено стихотворение Д. Сушкова (брата Е. Ростопчиной) „На смерть юноши. (Памяти В. В. Паткуля)" в сборнике „Стихотворения" СПб., 1858 г., стр. 117. Это стихотворение начинается строфой:

Свершилось... Нет его. Угас он безмятежно
Вдали от родины, среди земли чужой,
И только дружбою оплакан ты здесь нежно,
О, Воля, милый мой!» (I, 491).

Этот комментарий только препятствовал установлению подлинного значения этого стихотворения, которое составляет одно из интереснейших звеньев в цикле свободолюбивых и патриотических произведений Лермонтова. Между тем еще в комментариях к академическому собранию сочинений Лермонтова под редакцией Д. И. Абрамовича [1] было сделано краткое указание на И.-Р. Паткуля, генерала и посланника Петра I, изображенного И. И. Лажечниковым в романе «Последний Новик». Это справедливое указание нуждается, однако, в некотором уточнении, так как остается неясным непосредственный источник лермонтовского стихотворения, определивший заглавие («Из Паткуля»), а также мотив, вызвавший к жизни и обусловивший высокий гражданский пафос этого произведения.

Иоганн-Рейнгольд Паткуль (1660—1707) — лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике, был приговорен Карлом XI к смертной казни, которой ему удалось избежать, скрывшись в Швейцарию. В 1702 г. он перешел на службу к Петру I, в котором видел могущественного противника нового шведского короля Карла XII, и стал одним из самых активных организаторов антишведской коалиции. Будучи посланником Петра при дворе его союзника, польского короля Августа II, он был выдан последним Карлу XII, потребовавшему его голову в качестве одного из условий заключения мира с Польшей. Паткуль был колесован и затем четвертован по приговору Карла.

Источниками знакомства Лермонтова с личностью Паткуля могли послужить сочинения как исторического, так и художественного характера. Из исторических сочинений можно назвать хотя бы «Деяния Петра Великого» И. Голикова и вольтеровскую историю Карла XII и Петра I. Кроме того, имелось более полутора десятков книг и статей XVIII—начала XIX вв., на английском и немецком языках, содержащих материалы о жизни и деятельности Паткуля, но вероятность знакомства с ними Лермонтова сомнительна.

Источником литературно-художественного характера, без сомнения, являлся роман Лажечникова «Последний Новик». Первая и вторая части этого романа вышли в свет летом 1831 г. (в мае и августе). В «Московских ведомостях» от 5 августа, в разделе «О российских книгах» сообщалось, что в университетской лавке А. С. Ширяева можно получить первую и вторую части «Последнего Новика» и подписной билет на третью часть. Таким образом Лермонтов имел возможность познакомиться с ними до написания стихотворения (осень 1831 г.). Более того, еще задолго до появления романа, 7 января 1831 г., в «Московских ведомостях», в объявлении о подписке на «Последний Новик», было довольно подробно изложено содержание этого произведения и названы действующие лица. В августе

и сентябре появились рецензии на роман в печати [2]. Все это не могло не привлечь внимания Лермонтова к произведению Лажечникова. Даже в том случае, если бы отсутствовало прямое упоминание о его герое в романе «Княгиня Лиговская» (V, 140), мы могли бы с уверенностью сказать, что Лермонтов не мог пройти мимо этого литературного события.

Лажечников уделил Паткулю исключительно большое внимание, хотя он и не является главным героем романа. Рецензент «Телескопа» даже упрекает писателя за то, что его произведение — «собственно картина не русской, а лифляндской жизни в эпоху Петрову» [3]. Из всего сказанного как будто напрашивается вывод, что именно «Последний Новик» непосредственно вызвал лермонтовский поэтический отклик. (Хотя Д. И. Абрамович и не утверждал этого определенно в своем комментарии к стихотворению Лермонтова, но, повидимому, склонялся к такому заключению.)

Однако это не так. Уже само заглавие стихотворения заставляет предположить существование еще одного источника знакомства поэта с личностью Паткуля; оно говорит о чем-то написанном самим Паткулем и прочитанном Лермонтовым в связи с интересом, возбужденным романом Лажечникова.

Таким источником могли быть собственные письма Паткуля 1705—1707 гг., написанные в крепости, в ожидании казни. Они были изданы в 1806 г., в Москве, в университетской типографии, под заглавием: «Письма нещастного графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого». Наряду с письмами Паткуля, сюда вошли письма к нему различных лиц (в том числе и Петра I), а также интересные исторические документы, приложенные к письмам его невесты Софьи Эйсиендель. На титульном листе книжки, вместо эпиграфа, напечатано: «Quel homme osera refuser des couronnes à ma cendre!»* На фронтисписе помещен гравированный портрет Паткуля.

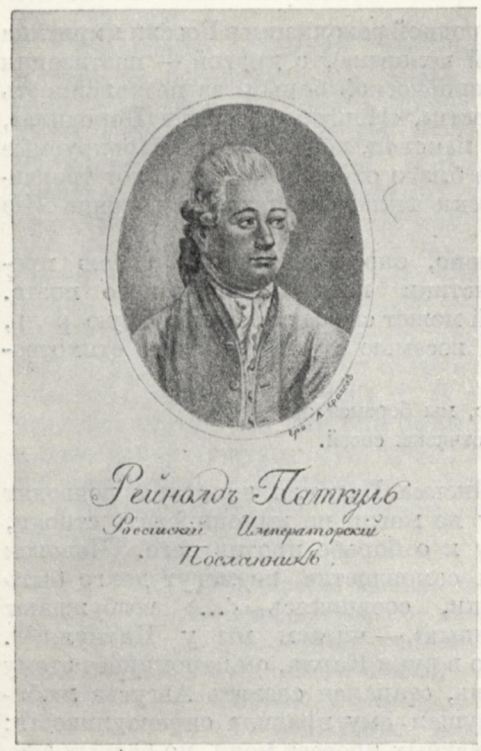
В годы борьбы России с наполеоновской Францией тема патриотического долга приобретала особую остроту. В этом плане привлекалось внимание и к различному историческому материалу. Этим и объясняется издание писем Паткуля. Тогда же был издан, например, ряд книг о Суворове и его сочинение «Наука побеждать», «Письма о любви к отечеству», «Общественный человек, или наставление об отечестве», предпринято издание «Истории осьмнадцатого столетия» в нескольких частях и т. п.

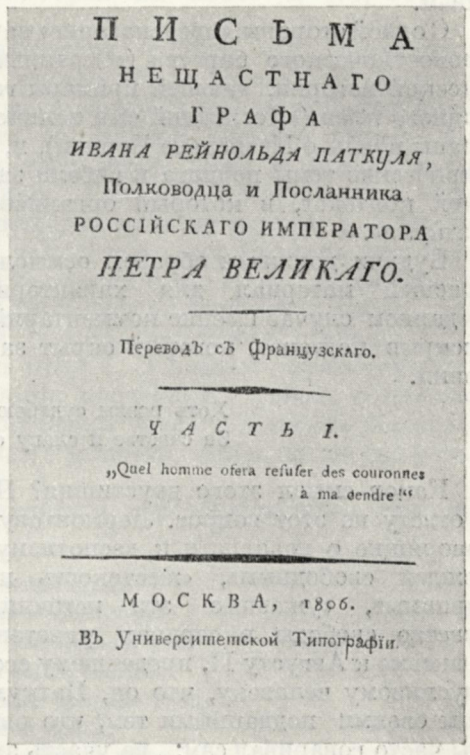
Для советского читателя, располагающего многочисленными документами по истории России в эту эпоху, личность Паткуля, без сомнения, представляется далеко не в том виде, в каком она представлялась читателю первой трети XIX в. Борьба Паткуля против шведского господства в Лифляндии выражала чаяния отнюдь не широких народных масс, а лифляндской феодальной аристократии. Являясь вожаком баронской антишведской фронды, Паткуль, как и его соратники, мечтал о превращении Лифляндии в олигархическую дворянскую республику, объединенную личной унией с Польшей [4]. Политическая деятельность Паткуля не была чужда макиавеллизму. В его облике было много непривлекательных черт. Со всем тем это была незаурядная личность по своеобразию своего характера и богатой событиями трагической судьбе. Паткуль отличался увлекательным даром слова, «говорил громче всех и лучше всех против обид и притеснений», как писал о нем С. М. Соловьев [5]. Пылкость нрава находила выражение и в его энергичном красноречии, в котором искренние убеждения и чисто-демагогическая фразеология сплетались воедино. Этот факт нужно учесть для понимания того

* Кто посмеет отказать в лаврах моему праху (франц.).

эффекта, который должны были произвести его письма, написанные к тому же незадолго до казни и отразившие необычайное душевное напряжение.

При чтении этих писем возникает образ несомненно сильно идеализированный, но ведь для нас важен в данном случае не подлинный облик Паткуля, а тот, который возникал в сознании Лермонтова. Паткуль с пафосом говорил о том, что он «свято хранил долг свой и жертвовал всем для блага отечества»[6]. В предсмертном письме он выражал желание, «чтоб Великий Петр наслаждался вечно плодами побед своих и трудов;




ПИСЬМА
НЕЩАСТНАГО
ГРАФА
ИВАНА РЕЙНОЛЬДА ПАТКУЛЯ,
Полководца и Посланника
РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ I.

„Quel homme ofera refufer des couronnes
à ma cendre!“

МОСКВА, 1806.
Въ Университетской Типографіи.

«ПИСЬМА НЕЩАСТНОГО ГРАФА ИВАНА РЕЙНОЛЬДА ПАТКУЛЯ», ИЗД. 1806 г.
Титульный лист и фронтиспис книги

чтоб он был счастливейшим из государей, а подданные его непобедимейшими в свете!»[7]. Все это не могло не импонировать патриотическому настроению русского читателя середины десятых годов, когда были изданы эти письма, и патриотическому чувству юноши-Лермонтова в начале тридцатых годов. Тем более, что письма Паткуля ни в чем не противоречили представлению об их авторе, представлению, почерпнутому из тех исторических источников, которые мы называли выше, и в которых подчеркивался именно патриотизм Паткуля. Так, например, Голиков прямо присоединяется к мнению Вольтера, говоря, что «всё преступление злополучного Паткуля состояло в том, что он исполнял ревностно самые главнейшие должности гражданина в защищении прав отечества своего»[8]. Ревностным патриотом, становящимся в трагическое противоречие с отечеством, представил Паткуля и Лажечников, романтизировавший его образ.

Лермонтова особенно должен был поразить драматизм судьбы Паткуля, нашедший яркое отражение в его письмах. Паткуль пишет

незадолго до казни о том, что «с веселием» войдет в «жилище мертвых», где увидит «тысячи героев, умерщвленных за то, что осмелились защищать свое отечество против тиранов и их дерзких министров» [9]. Говоря о великих «тенях», Паткуль называет имя казненного по приговору афинского государства Сократа, который учил, что «отечество почтеннее и матери, и отца, и всех предков».

Образ, возникавший в сознании поэта при чтении писем Паткуля, во многом должен был оказаться созвучным лермонтовским думам и чувствам 1830—1832 гг., то есть того периода, когда от раннего романтизма он перешел к ярко выраженным гражданским и патриотическим мотивам.

С одной стороны, «предсказание» народной революции в России и критика крепостнического барства («Странный человек»), с другой,— поэтизация русской истории, дающей примеры героической борьбы за независимость родного края («Последний сын вольности», «Новгород», «Поле Бородина», планы поэмы о Мстиславе Черном), и, наконец, неоднократно варьируемые лирические темы подвига и гибели за благо отчизны — таков тот творческий контекст, в который органически включается стихотворение «Из Паткуля».

Будучи должным образом осмыслено, оно представляет собою прекрасный материал для характеристики патриотизма юного поэта. В данном случае именно комментарий может сыграть значительную роль, раскрыв подтекст, который скрыт за восемью строчками этого стихотворения.

Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Каков смысл этого двустишия? Письма Паткуля вплотную подводят к ответу на этот вопрос. Лермонтову не могли не импонировать строки, говорящие о ненависти к деспотизму и о борьбе против него. «Человек рожден свободным», «жестокость и самовластие не могут долго быть терпимы», «ужасные эти источники, соединяясь ‹...› возбуждают чувство свободы в сердцах угнетенных»,— читаем мы у Паткуля [10]. В письме к Августу II, предавшему его в руки Карла, он напоминает этому трусливому человеку, что он, Паткуль, старался сделать Августа любимым своими подданными тем, что внушал ему правила справедливости: «ты часто говаривал сам: „не участь знатных трогает меня, но бедных земледельцев, которые ‹...› приносят к ногам моим подать; она запечатлена их кровавым потом и слезами, которые я хочу стереть". Какое прекрасное наставление для государей! Кто внушил тебе такие благородные, великодушные правила, достойные престола? Паткуль» [11]. Эти строки не могли не показаться созвучными автору драмы «Странный человек», герой которой предает проклятью счастье и богатство крепостников-помещиков, купленное «кровавыми слезами». Показательно, что черновой автограф стихотворения «Из Паткуля» находится на обороте последнего листа рукописи, содержащей беловой текст драмы [12]. Это соседство и дает в руки комментатора материал для осмысления лермонтовского стихотворения.

Вспомним, что герой Лермонтова, «странный человек» Арбенин преследуем злобной клеветой светского общества. В конце драмы настойчиво звучит лирическая тема, выраженная в поэтических обращениях Арбенина к Загорскиной, которую он мучительно спрашивает: будет ли она «его защитой» после его гибели или изгнания, когда ядовитая насмешка (вариант: ядовитая злоба) постарается очернить его память. Эти стихи представляют собою варианты лермонтовской темы о трагической гибели героя, восставшего против законов общества. Стихотворение «Когда одни

воспоминанья...» варьирует тему «Из Андрея Шенье» и стихотворения, начинающегося строками:

Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный,
Я кончу жизнь мою.

В черновой автограф драмы поэт включил свой «Романс к И...», варьирующий его обращение «К ***» («Когда твой друг с пророческой тоскою...»), где звучит тема «позорной» смерти героя на плахе (I, 170, 240, 312; IV, 235, 506).

Совершенно очевидно, что Лермонтову, только что окончившему и набело переписавшему драму, должна была оказаться созвучной тема предсмертных писем Паткуля, в которых тот настойчиво просил своих друзей защитить его память от злобной клеветы врагов. Паткуль писал: «Я страшусь только того, чтобы злоба и мщение не преследовали меня за пределами гроба. Гонимый клеветою всю жизнь свою, могу ли надеяться, что она пощадит меня по смерти ⟨...⟩ Поставь бога в свидетели моей добродетели: скажи всем, что Паткуль жил беспорочно и умер невинным»; «Я стою теперь на краю гроба; я близок к той минуте, когда самый отважный дух, несмотря на невинность свою, содрогается. Скоро окончится жизнь моя, и тогда враги мои, стараясь оправдаться перед светом, будут очернять меня ⟨...⟩ именем дружества заклинаю тебя, защити Паткуля» [13]. В самых последних строках, оставшихся недописанными, так как они были оборваны казнью, Паткуль обращался к «высочайшему существу», прося, как о милости, чтобы потомство узнало его невинность и почтило его прах.

Стихотворение «Из Паткуля» является непосредственным откликом поэта на эти письма:

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей,
Мой дух возлетает все выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей! (I, 237).

Мы видим, что Лермонтов своеобразно переплавляет мотивы последних писем Паткуля (злоба, враги, гроб, дух, бог), но сообщает им более мажорное, оптимистическое звучание. Опасениям, сомнениям Паткуля противостоит лермонтовское энергичное утверждение; если Паткуль «страшится», чтобы злоба врагов не преследовала его память и обращается к людям и к богу с просьбами защитить ее от клеветы, Лермонтов говорит твердо и уверенно, что «ядовитая злоба» врагов напрасна перед судом бога и людей. Если Паткуль говорит о том, что, стоя «на краю гроба», он близок к минуте, когда «самый отважный дух ⟨...⟩ содрогается», Лермонтов выражает бестрепетную решимость погибнуть, не испытывая страха «близ сумрака гроба», и говорит о том, что его дух «возлетает все выше и выше».

Своеобразие лермонтовского стихотворения состоит в том, что его лирическая тема не просто навеяна определенным литературным источником или определенной поэтической традицией (как, например, стихотворение «Из Андрея Шенье»). Лермонтов не просто развивает мотивы писем Паткуля, совпавшие с его собственными настроениями, он не становится на

место Паткуля, не подменяет его собою, не говорит якобы от его имени, как это обычно бывает в стихотворениях, носящих аналогичное заглавие; поэт ставит себя мысленно рядом с Паткулем, сопоставляет себя с ним; указывая на «розность» их личных судеб, подчеркивает общее, как ему кажется,— борьбу «за счастье и славу отчизны своей» — и высказывает твердость духа и решимость бороться до конца.

Эти строки, будучи написаны в непосредственном соседстве с драмой «Странный человек» и являясь своего рода поэтической концовкой этой рукописной тетради, приобретают тем самым особое значение. Поэт противостоит светскому обществу, обществу крепостников-помещиков, торгующих людьми, обществу, которое является в его глазах «собранием людей — бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хоть малейшая искра небесного огня!..» (из предисловия к драме — IV, 183). И свое обличение этого общества он расценивает как патриотический долг, как борьбу за счастье отчизны.

Бросается в глаза мужественный оптимизм стихотворения «Из Паткуля», заметно отличающий его от аналогичных по мотивам стихотворений, в которых тема жертвенного подвига и казни, ожидающей героя, звучит несравненно печальнее. Быть может, тот факт, что в глазах современников Лермонтова Паткуль оказался оправданным (хотя бы романом Лажечникова или его письмами), определил бодрый, уверенный тон лермонтовских строк.

Итак, творческая история лермонтовского стихотворения представляется нам в следующем виде. Вскоре по окончании драмы «Странный человек» (законченной 17 июля 1831 г.) внимание поэта было привлечено романом «Последний Новик» (вышедшим в августе 1831 г.), который возбудил его интерес к романтизированному Лажечниковым образу Паткуля. Этот интерес привел его к письмам Паткуля (их он мог найти в той же университетской книжной лавке, где продавался роман). Видимо, сразу же по прочтении писем, в особенности под впечатлением последнего из них, оборванного казнью (обращение к богу с просьбой о защите в глазах потомства), Лермонтов и написал свое стихотворение.

Н. Любович

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] М. Лермонтов. Полн. собр. соч. Под ред. и с прим. Д. И. Абрамовича, т. I. СПб., 1910, стр. 406—407.

[2] «Северная пчела», 1831, №№ 109 и 196; «Северный Меркурий», 1831, № 62; «Телескоп», 1831, № 16.

[3] «Телескоп», 1831, № 16, стр. 511.

[4] Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, стр. 43, 49 и др.

[5] С. Соловьев. История России, т. XIV. СПб., б. г., стр. 1236.

[6] «Письма нещастного графа Ивана Рейнольда Паткуля...», ч. I. М., 1806, стр. 132.

[7] Там же, ч. II, стр. 91.

[8] И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. II. СПб., 1837, стр. 265.

[9] «Письма... Паткуля», ч. II, М., 1806, стр. 82.

[10] Там же, ч. I, стр. 30.

[11] Там же, стр. 7.

[12] Т. Иванова. Москва в жизни и творчестве Лермонтова. М., 1950, стр. 41.

[13] «Письма... Паткуля», ч. II, стр. 60—61, 53—54. Любопытен отзыв о книге шведского пастора Бергмана, присутствовавшего при казни Паткуля, в «Вестнике Европы» 1806 г. под названием «Паткуль перед судом потомства» (№ 21, стр. 3—24). Возможно, что эта статья была известна Лермонтову. Она содержала подробности о жизни Паткуля, в частности, в ней было указание на то, что в обвинении, прочитанном перед эшафотом, Паткуль назывался «предателем отечества». Центральная мысль статьи заключалась в том, что «беспристрастное потомство» будет жалеть, но не извинит Паткуля, так как он «отважился на такие проступки», которых извинить нельзя: «рассевал мятеж словами, сочинениями, поведением».

IV. «К***» («О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТ»)

Стихотворение Лермонтова под заглавием «К ***» («О, полно извинять разврат») постоянно привлекает внимание исследователей как одно из замечательных произведений молодого поэта Энергией стиха и остротой постановки темы оно близко к зрелому периоду творчества Лермонтова.

Идейное значение и революционная направленность послания делают вопрос о раскрытии имени, зашифрованного под тремя звездочками, более важным, чем обычный комментарий. К сожалению, нет никаких косвенных данных, помогающих решить эту задачу. Нам известна только

КАВКАЗ
Акварель Н. Г. Чернецова, 1830-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

окончательная редакция стихотворения, сохранившаяся в копии 20-й лермонтовской тетради (ИРЛИ АН СССР) [1].

В 1909 г. А. М. Горький в лекциях по истории русской литературы цитировал это стихотворение как обращенное к Пушкину. Точка зрения Горького стала известной лишь после опубликования его лекций в 1937 году [2].

Предположение, что под тремя звездочками скрыто имя Пушкина, аргументировал впервые Г. В. Маслов. Его доклад «Послание Лермонтова к Пушкину 1830 г.», прочитанный в пушкинском семинарии С. А. Венгерова (1915), был напечатан в 1926 г.[3]

Гипотезу Г. В. Маслова поддержал Луначарский [4], и одно время она была общепринята.

Однако в литературе последующих лет большинство исследователей решительно возражало против отнесения стихотворения к Пушкину, и широкое признание получило предположение С. В. Обручева, что стихотворение обращено к Полежаеву [5].

Задача настоящей статьи развернуть иную, по сравнению с Г. В. Масловым, систему доказательств, подкрепляющую, однако, его точку зрения на то, что адресатом стихотворения является Пушкин [6].

Для этого необходимо прежде всего отвести гипотезу о Полежаеве.

* * *

Согласно этой гипотезе послание Лермонтова является откликом на поэмы Полежаева «Эрпели» и «Чир-Юрт», прославляющие победы русского оружия на Кавказе. При этом толковании слова — «О, полно извинять разврат» — обозначают призыв прекратить воспевание царя и его генералов, ведущих войну против горцев. Между тем, познакомиться с поэмами Полежаева Лермонтов мог только в 1832 г., в особенности с «Чир-Юртом», написанным в конце 1831 — начале 1832 г. и посланным в Петербург 25 мая 1832 г.[7] Таким образом, главный довод сторонников рассматриваемого предположения отвергается прежде всего временем написания стихотворения. С. В. Обручев перенес датировку лермонтовского стихотворения на 1832 г., но сделал это без учета построения 20-й тетради, в которой находится послание (под № 36). Попытка датировать стихотворение на основе двух соседних, без обращения к анализу состава всей тетради, не выдерживает критики.

20-я тетрадь представляет собою сборник юношеских стихотворений Лермонтова, написанных рукой переписчика с поправками самого поэта. Тетради с юношескими стихотворениями Лермонтов расположил в определенном порядке и над произведениями, подлежащими включению в 20-ю тетрадь, поставил соответствующий номер (№№ 1—105).

Определение системы, в которой расположены стихотворения 20-й тетради, затруднено отсутствием части юношеских тетрадей поэта с оригиналами стихотворений. Тем не менее можно смело утверждать, что Лермонтов расположил тетради по годам, начиная с 1830 г. Внутри же каждого года им не всегда точно соблюдалась хронологическая последовательность, так как стихотворения переписывались из тетрадей неоднородных по своему составу [8]. Однако, начиная с № 74, стихотворения расположены в строго хронологическом порядке, №№ 74—90 (переписанные из 11-й тетради) относятся ко второй половине 1831 г.; №№ 91—105 — к концу 1831 г. — началу 1832 г.; №№ 106—118 являются черновыми автографами 1832 г.

Первая часть тетради (№№ 1—73) разбивается на две группы (№№ 1—27 и №№ 28—73). №№ 1—27 переписаны из дошедших до нас тетрадей. Все эти стихотворения точно датируются — не позднее августа 1830 г. Таким образом, группа стихотворений №№ 28—73, переписанная из несохранившихся тетрадей, находится в сборнике между стихотворениями первой половины 1830 г. и второй половины 1831 г.

Детальное рассмотрение стихотворений этой группы убеждает, что они расположены в хронологическом порядке, то есть начинаются второй половиной 1830 г. и кончаются первой половиной 1831 г. Кроме того, представляется возможным определить границу между стихотворениями 1830 и 1831 гг. Она пролегает между №№ 47—49. Остановимся подробнее на стихотворениях, лежащих по обе стороны этой границы. Подгруппа №№ 28—46 (всего девятнадцать стихотворений) содержит пять стихотворений, датирующихся точно 1830 г., причем стихотворения, поддающиеся более точной датировке, относятся ко второй половине года (№ 28 «Нищий»— 16 августа 1830 г.; № 30 «Farewell» — 1830 г., так как находится в 6-й тетради, хотя текст его переписан с другого автографа; № 41 «Звуки» — 1830 г.; № 45 «Могила бойца» — октябрь 1830 г.; № 46 «Песнь барда» — 1830 г.). Среди стихотворений №№ 28—46 нет ни одного с датой 1831 г.,

так же как в следующей подгруппе стихотворений, №№ 47—73, нет ни одного стихотворения, которое имело бы дату или могло быть предположительно датировано 1830 г., а есть два стихотворения, датированные первой половиной 1831 г. (№ 50—«1831-го, июня 11 дня» и № 55 — «1831-го, 1 января»). Стихотворение № 50 открывает 1831 г., потому что это равное по объему поэме произведение находилось в отдельной тетради и представляло собой как бы программу всей поэтической деятельности поэта этого периода.

Предположение о том, что стихотворения №№ 47—73 относятся к первой половине 1831 г., подкрепляется датами №№ 50 и 55, а также тем, что среди них нет ни одного стихотворения, которое можно было бы датировать 1830 г. Напротив, ряд стихотворений этой подгруппы датируется предположительно 1831 г. Тема трагической любви в стихотворениях № 53 «К ***» («Не ты, но судьба виновата была»), № 54 «Ночь» («В чугун печальный сторож бьет»), № 57 «К себе», № 58 «Душа моя должна прожить в земной неволе», № 70 «К ***» («Не медли в дальной стороне») — примыкают к лирическому циклу 1831 г., связанному с именем Н. Ф. Ивановой.

К 1831 г. следует отнести и развитие темы борьбы, ставшей с этих пор основной для юношеской лирики Лермонтова. Эта тема сформулирована в строфе стихотворения «1831-го, июня 11 дня» («Под ношей бытия не устает...») и отражена в стихотворениях № 63 «Унылый колокола звон» и № 72 «Стансы» («Не могу на родине томиться, прочь отсель, туда, в кровавый бой»).

Итак, стихотворения 20-й тетради №№ 28—73 безусловно относятся ко второй половине 1830 г. и первой половине 1831 г., причем они могут быть разбиты на две подгруппы (№№ 28—46 и №№ 47—73). Граница между подгруппами проведена условно; она пролегает между №№ 47—49.

Стихотворение № 36 «К ***» («О, полно извинять разврат») датируется второй половиной 1830 г. и, во всяком случае, не может быть отнесено к 1832 г. Оно написано до того, как Лермонтов мог прочесть «Чир-Юрт» и обвинить Полежаева в «отступничестве».

Основной довод сторонников предположения, что послание адресовано Полежаеву, не выдерживает критики и по своему содержанию. Если в центре стихотворения стоит вопрос о Кавказе, то непонятно, почему в таком политически остром стихотворении, не предназначенном для печати, Лермонтов маскирует кавказскую тему.

Не совпадая до конца с Полежаевым в оценке кавказских войн, Лермонтов, однако, в 1832 г. писал:

> Какие степи, горы и моря
> Оружию славян сопротивлялись?
> («Измаил-бей».— III, 235) [9].

Переходя к истолкованию отдельных строк стихотворения, согласимся, что Полежаева можно было назвать изгнанником из родной страны. Но для обоснования гипотезы одного этого утверждения, конечно, мало.

Следовательно, предположение, что в заглавии стихотворения скрыто имя Полежаева, не имеет за собой достаточных оснований.

* * *

Обратимся к гипотезе Г. В. Маслова. Последний рассматривает послание как ответ Лермонтова на пушкинское стихотворение «Друзьям» 1828 г. Запоздалую реакцию он объясняет тем, что стихотворение Пушкина распространялось в списках и не сразу могло дойти до Лермонтова.

Между названными стихотворениями Лермонтова и Пушкина Маслов видит прямую связь, которую пытается доказать словесными и смысловыми параллелями.

«Лермонтов, отвечая Пушкину, придерживался плана пушкинского стихотворения. Стихи связаны и по форме. Пушкинское „Друзьям" написано стансами четырехстопным ямбом, лермонтовское — тем же размером, и каждые шесть строк представляют замкнутое целое. Необходимо принять во внимание также и связь стихотворения „К ***" со стихотворением „На смерть Пушкина" 1837 г.», — пишет Г. В. Маслов. Строки «Ты пел о вольности», по мнению исследователя, могут относиться только к Пушкину, как намек на знаменитую оду «Вольность».

Гипотеза Маслова была подвергнута справедливой критике [10]. Доказывали, что главный довод Маслова — параллелизм стихов Пушкина и Лермонтова — не состоятелен, поскольку он вовсе не очевиден. Параллелизм двух стихотворений Лермонтова («К ***» и «Смерть поэта») сам по себе не может быть свидетельством единства объекта. Употребление слова «вольность» у Лермонтова отнюдь не связано с одой Пушкина. Кроме того, ода «Вольность» написана в 1817 г., а в последней строфе «К ***» явный намек на то, что поэт, к которому обращается Лермонтов, пел о вольности во время разгрома декабристов («Тиран гремел, грозили казни»).

Критикуя гипотезу Маслова, указывают также на то, что слова: «изгнаньем из страны родной/Хвались повсюду как свободой» не могут быть отнесены к Пушкину, так как, во-первых, изгнание его к 1830 г. уже кончилось, и, во-вторых, Пушкин не был изгнан из с т р а н ы р о д н о й. Считают также, что заключительные строки не подходят к Пушкину, так как вряд ли Лермонтов мог в 1830 г. сказать, что он о д и н понял поэзию Пушкина. Ниже будет показано, что два последних довода несостоятельны.

Трех первых соображений вполне достаточно, чтобы подорвать систему доказательств Маслова. Основной недостаток его аргументации — злоупотребление сравнительным методом. Почти в каждом звене своих доказательств он обращается к сопоставлениям и буквальным параллелям.

* * *

Можно предположить, что поводом для послания Лермонтова явилось неправильное восприятие им общественной и литературной позиции Пушкина 1827—1830 гг.

Большинство современников великого поэта в конце двадцатых — начале тридцатых годов не могло разгадать исторического смысла его общественной и литературной борьбы, особенно обострившейся в 1830 г., когда против «Литературной газеты» выступили и Н. Полевой и Ф. Булгарин.

Критика Пушкина со стороны правого лагеря носила клеветнический характер, зачастую играя роль прямых политических доносов. Нет необходимости в данной связи останавливаться на полемике между «Литературной газетой» и «Северной пчелой». Булгарин, как известно, пользовался любым поводом для нападения на поэта. «Северная пчела» критиковала седьмую главу «Евгения Онегина» за «водянистость и бессодержательность» [11]. Очевидно, к 1830 же году относится исходящая из правых кругов эпиграмма на Пушкина, вызванная его посланием «К вельможе» [12].

Полевой находил в «Евгении Онегине» следы равнодушия его автора к интересам русского общества. Одновременно со статьей о седьмой главе романа, где выдвигался этот упрек, в «Московском телеграфе» появилась пародия на эпиграмму Пушкина «Собрание насекомых» [13], а вскоре — сцена «Утро в кабинете знатного барина», содержащая выпады против

ВОЕННЫЙ ОТРЯД В СТЕПИ У КИЗЛЯРА
Литография Бэйо с рисунка Г. Г. Гагарина, 1840-е гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

поэта [14]. По словам Ксенофонта Полевого, его брат обвинял Пушкина в желании «втереться в большой свет» [15]. Два года спустя в пародии на «Чернь» Полевой подчеркнул оба своих обвинения против великого поэта: равнодушие к общественным интересам и низкопоклонство перед знатью [16].

По нашему мнению, выступление Лермонтова относится к осени 1830 г. Его послание резко противостоит многочисленным нападкам на Пушкина того времени. Это выступление не врага, а ученика и последователя. Пушкин для Лермонтова прежде всего великий и любимый поэт. Он призывает Пушкина продолжать борьбу, быть верным свободолюбивым традициям, не вступать на путь попыток мирного воздействия на Николая I, на путь отказа от бичевания знати, окружавшей трон.

Характеристика высшей придворной среды, «жадною толпою стоящей у трона», как «наперсников разврата» дана Лермонтовым и в стихотворении «Смерть поэта». Поэт-гражданин должен разоблачать «разврат». В первой строфе Лермонтов предостерегает Пушкина от уклонения с этого пути, напоминая, что это будет изменой самому себе:

Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

После появления стихотворений Пушкина «Стансы», «Друзьям», «К вельможе» и выхода в свет «Полтавы» в марте 1829 г., у некоторых современников Пушкина создалось впечатление, что поэт вступил на путь официальной поэзии. Тема предостережения Пушкина от «большого света»

(«Златой венец — не твой венец») нашла развитие и в «Смерти поэта». Причина гибели рассматривается здесь как столкновение со светом поэта-гражданина; вместе с тем ему бросается упрек:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный <...>
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным (II, 16).

Во второй и третьей строфах послания Лермонтов обращается к Пушкину с призывом:

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой.
Высокой мыслью и душой
Ты равно одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни (I, 274).

Призыв «хвалиться изгнаньем» — единственное место в стихотворении Лермонтова, связанное с пушкинским посланием «Друзьям». Лермонтов считает недопустимым, чтобы поэт-гражданин благодарил царя за освобождение из изгнания. Поэзия Пушкина была для Лермонтова «изгнанной лиры пеньем».

Тему изгнания Лермонтов развивает в ряде своих юношеских стихотворений, иногда цитируя Пушкина. В словах «хвались изгнаньем» речь идет не об изгнании поэта в настоящем, а об отношении его к своему изгнанию в прошлом.

Ссылка Пушкина на юг в 1820—1823 гг., безусловно, могла быть названа Лермонтовым изгнанием из страны родной. В его словаре «страна» постоянно употреблялась в смысле — край, сторона [17].

В строке «Ты пел о вольности» Лермонтов мог подразумевать отрывок из элегии «Андрей Шенье», исключенный цензурой из «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. Этот отрывок распространялся в списках и воспринимался современниками как смелый отклик на события 14 декабря, как песнь о свободе:

Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

И далее следует исключенный отрывок:

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство*!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет — не виновна ты,

В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой:
Но ты придешь опять со мщением и славой,—
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет![18]

Список запрещенного цензурой отрывка мог распространяться и в Университетском благородном пансионе, вместе с другими вольнолюбивыми произведениями. Один из участников политического процесса 1826—1828 гг. по делу о запретных стихах из «Андрея Шенье», А. Ф. Леопольдов, был в 1824—1826 гг. надзирателем в пансионе [19]. Главный участник политического процесса штабс-капитан А. И. Алексеев в 1830 г. часто бывал вместе с братом у А. М. Верещагиной и Ек. А. Сушковой и, очевидно, встречался у них с Лермонтовым [20]. С Алексеевым Лермонтов мог встречаться также и в семье Булгаковых.

Процесс по делу о запрещенных стихах из «Андрея Шенье», продолжавшийся два года, и судьба Алексеева, приговоренного в первой инстанции к смертной казни, несомненно, должны были привлечь внимание юного поэта. Элегия «Андрей Шенье» оставила глубокий след в творчестве Лермонтова. Вполне возможно, что в послании к Пушкину он вспоминал об отрывке из «Андрея Шенье», представлявшемся ему одной из вершин гражданской поэзии Пушкина.

Строки:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни —

вполне могут характеризовать автора элегии «Андрей Шенье».

Заключительные строки:

Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою —

правильно истолкованы Луначарским: «Говоря о себе: „один, кто понял“, Лермонтов, конечно, несколько преувеличивает, но немного, ибо действительно Лермонтов в 1830 г. являлся как бы последышем, последним и глубоко искренним эхом декабрьских настроений» [21]. Лермонтов считал себя продолжателем революционных традиций пушкинской поэзии, продолжателем песни вольности.

Косвенным подтверждением нашей гипотезы являются строки Лермонтова в стихотворении «Опять народные витии», содержащие бесспорное упоминание о Пушкине и о его стихотворении «Клеветникам России».

Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена (I, 398).

В этих строках Лермонтов приветствует обращение Пушкина к гражданской тематике.

Лермонтовское послание, вероятно, не дошло до Пушкина. Несомненно, что вдохновенные строки, напоминающие о горячей любви передовой русской молодежи к Пушкину, великому поэту-гражданину, произвели бы на него отрадное впечатление.

Э. Найдич

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Опубликовано впервые по этой копии И. Болдаковым — «Северный вестник», 1886, № 1, стр. 10 (с пропуском слова «порфира»).

[2] М. Горький. <О Пушкине>.—«Пушкинский временник», вып. 3. М.—Л., 1937, стр. 277—278. См. также его «Историю русской литературы». М., 1939.

[3] «Пушкин в мировой литературе». Сборник статей. Л., 1926, стр. 309—312.

[4] А. Луначарский. М. Ю. Лермонтов.— В его кн.: «Классики русской литературы». М., 1937, стр. 185—187.

[5] Гипотеза выдвинута и аргументирована С. Обручевым в докладе «Лермонтов и кавказские поэмы Полежаева», прочитанном в Лермонтовской комиссии ИРЛИ АН СССР. См. также: М. Лермонтов. Стихотворения. Под ред. Б. Эйхенбаума. Л., 1940, т. I, стр. 306; Н. Бродский. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, стр. 203; Д. Благой. Лермонтов и Пушкин.— Сб. «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество». М., 1941, стр. 378—379.

[6] В очень сжатом виде эта аргументация была мною изложена в примечании к стихотворению в Полн. собр. соч. Лермонтова (Гослитиздат, 1947, т. I, стр. 377—378), а затем повторена И. Андрониковым в примечаниях к изданию «Избранных произведений» Лермонтова (М., «Московский рабочий», 1949, стр. 478—479).

[7] А. Полежаев. Полн. собр. стих. Л., 1939, стр. 433, 435.

[8] В отдельных тетрадях часто писались поэмы; была также специальная тетрадь для переводов. В беловых тетрадях строгая хронологическая последовательность нарушалась; стихотворения иногда писались на оставшихся чистых листах заполненных ранее тетрадей и т. д.

[9] С. В. Обручев, чтобы подкрепить гипотезу, истолковал эти строки как иронические.

[10] Доклад Б. В. Томашевского в Лермонтовской комиссии ИРЛИ АН СССР 4 июня 1938 г.

[11] «Северная пчела», 1830, № 35, от 22 марта и № 39, от 1 апреля.

[12] Н. Бродский. Пушкин. Биография. М., Гослитиздат, 1937, стр. 505.

[13] «Московский телеграф», 1830, т. XXXII, «Новый живописец», № 8, апрель, стр. 135.

[14] «Московский телеграф», 1830, т. XXXIII, «Новый живописец», № 10, май, стр. 159—180.

[15] К. Полевой. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого.— В кн.: Н. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов». Ред., вступ. статья и комментарии В. Орлова. Л., <1934>, стр. 305.

[16] Бессмыслов. Поэт. Камер обскура.— «Московский телеграф», 1832, № 8, стр. 153—154.

[17] В 1829 г.: «Я пробегал страны России»; «Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,/где дружба дружбы не обманет»; «Путь ко счастью труден/от той страны, где царствует порок». В 1830 г.: «Кавказ! далекая страна».

В «Памяти А. И. Одоевского»:

. . и тоску изгнанья делили дружно
. . . . . .
и было ль то привет стране родной (I, 5, 6, 7, 96; II, 53).

[18] А. Пушкин. Полн. собр. соч., т. II. М.— Л., изд. АН СССР, 1947, стр. 398—399, 401.

[19] П. Щеголев. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.— «Пушкин и его современники», вып. XI, СПб., 1909, стр. 15—17.

[20] Н. Бродский. Лермонтов. Биография, т. I. 1814—1832. М., Гослитиздат, 1945, стр. 158—159.

[21] А. Луначарский. Классики русской литературы. М., 1937, стр. 187.

V. «ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША»

Прямые отклики Лермонтова на журнальную полемику немногочисленны. Перед самым выходом в свет «Героя нашего времени» Лермонтов выразил свое отношение к литературной критике в стихах «Журналист, читатель и писатель» (1840), а в предисловии ко второму изданию своего романа (1841) уже прямо ответил на статьи реакционных журналов о «Герое». Лермонтов не только определил общественное значение образа Печорина, и своего критического метода («нужны горькие лекарства, едкие истины»), но и указал на необходимость развития литературной критики: «...обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас».

Предисловие Лермонтова вскоре было полностью перепечатано в статье Белинского о втором издании «Героя нашего времени». Белинский писал эту статью непосредственно после получения известия о неожиданной гибели Лермонтова. Оплакивая утрату, понесенную русской литературой, он вступил в спор с «дикими невеждами и черствыми педантами, которые за буквою не видят мысли» и «в самобытных вдохновениях Лермонтова находят подражание...»[1]

Белинский поддержал основные мысли предисловия Лермонтова, утверждая, что в «Герое нашего времени» «автор является решителем важных современных вопросов».

Особенно подчеркивал Белинский своеобразие стиля предисловия: «Какая сжатость, краткость и вместе с тем многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное автором, понимаешь еще и то, чего он не хотел говорить...»[2] На эту многопланность своих произведений указывал и сам Лермонтов, иронизируя над «несчастной доверчивостью некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов».

Полемический стиль Лермонтова в прозе был подготовлен целым циклом его стихотворных произведений. Изучение литературной борьбы тридцатых годов показывает, что в «Тамбовской казначейше», «Сашке» и «Сказке для детей» содержится скрытая полемика с тогдашними журналами.

Эти произведения насыщены намеками на злободневные события политической и литературной жизни. Расшифровка всех этих намеков требует специального исследования, в результате которого может возникнуть новая глава в истории творчества Лермонтова — «Лермонтов-полемист».

В настоящей статье мы ограничимся исследованием полемической направленности «Тамбовской казначейши».

Датировка этой стихотворной повести Лермонтова долгое время колебалась между 1836—1838 гг. Но в последних изданиях сочинений Лермонтова ее уверенно относят к 1836 г. Наша статья подтвердит эту датировку, так как мы находим в «Тамбовской казначейше» живые отклики на борьбу пушкинского «Современника» с «Северной пчелой».

* * *

Стихотворная повесть «Тамбовская казначейша» обрамлена вступительной («Посвящение») и заключительными строфами, в которых содержится литературная декларация поэта. В «Посвящении» он обращает внимание на связь «Тамбовской казначейши» с «Евгением Онегиным», а в заключении отказывается от дидактической концовки с таким же

демонстративным вызовом, как это сделал Пушкин в «Домике в Коломне»:

Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего.
(П у ш к и н).

Что ж делать! Вот вам мой рассказ,
Друзья, покамест будет с вас.
(Л е р м о н т о в).

Известно, что «Домик в Коломне» был написан Пушкиным в 1830 г., в разгар ожесточенной полемики «Литературной газеты» с «Северной пчелой» и другими журналами. Пушкина упрекали за то, что он, находясь в лагере главнокомандующего Паскевича при взятии Арзрума, не воспел подвигов царской армии. Поводом к этим упрекам послужил отрывок из путевых заметок Пушкина, напечатанный в «Литературной газете» — «Военно-грузинская дорога». В ответ на критику официозной печати Пушкин написал шуточную стихотворную повесть. Демонстративным выбором «легкого» сюжета Пушкин защищал право поэта на творческую свободу, отказываясь от навязываемых ему Булгариным верноподданнических тенденций.

«Домик в Коломне» был напечатан в 1833 г., причем строф, насыщенных намеками на журнальную полемику 1830 г., Пушкин не опубликовал.

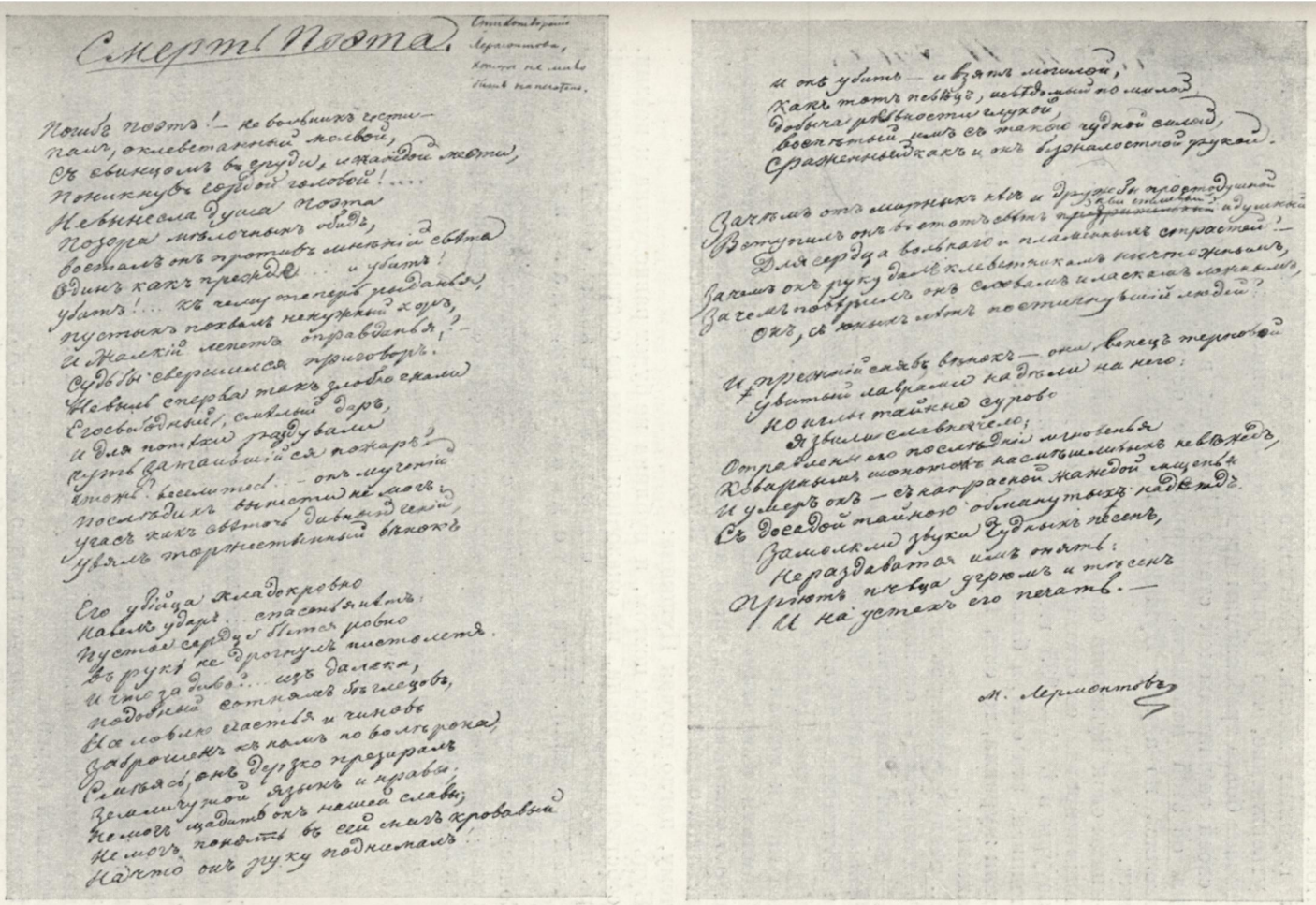
Однако вся атмосфера ожесточенных литературных схваток Пушкина с Булгариным вновь ожила, когда Пушкин стал издавать «Современник». В первом же томе своего журнала он напечатал полностью «Путешествие в Арзрум». В предисловии к нему Пушкин упомянул, что «ничтожную критику» или «литературную брань» журналистов должно «оставлять без возражения».

Булгарин не замедлил откликнуться: в большой статье, посвященной первому тому «Современника», он повторил свои политические обвинения по адресу Пушкина.

«„Путешествие в Арзрум“ есть не что иное, как холодные записки, в которых нет и следа поэзии...,— заявил Булгарин.— И в какую пору был автор в этой чудной стране! Во время знаменитого похода! Кавказ, Азия и война! Уж в этих трех словах есть поэзия»[3].

Этим выпадом Булгарин не ограничился. Его рецензия на первый том «Современника» по своим приемам ничем не отличается от тех печатных доносов, за которые он был заклеймен Пушкиным прозвищем «Видок Фиглярин». Сотрудник III Отделения не преминул намекнуть, что в «Современнике» находят себе место политические известия, а монопольным правом на ведение политического отдела пользовалась только «Северная пчела». Булгарин хорошо помнил, что «Литературная газета» была закрыта Бенкендорфом за два упоминания о французской буржуазной революции и за перевод стихотворения Делавиня, посвященного жертвам июльской революции. Ловким приемом он дал понять, что и в «Современнике» проскользнули не замеченные цензурой упоминания о салонах французских политических деятелей Гизо и Тьера. Булгарин заметил это, критикуя стиль «Хроники русского в Париже», напечатанной в I томе и принадлежащей перу А. И. Тургенева. «Неужели ныне так говорят по-русски,— писал Булгарин.— Р у с с к и й х р о н и с т нашел с а л о н ы и прихожие, полные посетителей у г. г. Тьера и Гизо»[4]. «„Современник“ есть возобновленная „Литературная газета“ только в другом виде»,—заявил он[5].

Но со времени издания «Литературной газеты» прошло шесть лет. За этот период в литературной критике произошли большие изменения.



Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано.

Смерть Поэта.

Погиб поэт! — на вольных состязаний
Он был сражен, как гладиатор смелый,
Не вынесла душа поэта
Позора мишурных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит! — к чему теперь напрасно
Пустых похвал нескромный хор,
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор.
Не вспыхнет сперва так злобно скоро
Свободный, сильный дар,
И для потехи разгуляли
Чернь дали тайный жар.
Чтоже? восстанет он — он мученик
Последних лет — он вынести не мог
Удар как светоч дивный сгаснет,
Увянь торжественный венок.

Его убила клевета,
Наемный удар... спасти ль нет
Пустой сердец бить ровно
В руках не дрогнул пистолет.
И что за диво... издалека,
Подобно сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он наших слав;
Не мог понять он наших кровавых
Как знать, он руку подымал

И он убит — и взята могилой,
Как тот певец, неведомый но мной
Добыча чувственной толпы,
Восторженный любимец муз и славы,
Сраженный, как и он, преступною рукой.

Зачем он отдан мирных нег и дружбы праздной
Вращенья он в этом свете пустом и душном
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам лживым,
Он, сын гордый чести поэтической семьи?

И пресной силы выход — они, вокруг теснятся
Убитый лавреат как коршуны на него:
Они, как тайные враги,
Они злорадствуют и мстят,
Отравленного последний мгновенья
Они теснят, они ловят каждый вздох,
И умер он — с досадой тайною обманутых надежд.
С досадой тайною обманутых ребят,
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздадутся им опять:
Лежит печать на их устах
И на устах его печать. —

М. Лермонтов

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА», 1837 г.

Сверху помета рукой В. Ф. Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Отшумел спор о сказках Пушкина и Жуковского; Шевырев и Сенковский выдвинули имена новых поэтов, якобы призванных сменить Пушкина: Бенедиктова, Кукольника и даже Тимофеева. Пушкина обвиняли в отсутствии глубины мысли. Лейтмотивом этого хора критических голосов было утверждение, что Пушкин устарел, исписался, что его поэзия не отвечает более требованиям времени.

В своей заушательской статье Булгарин в вульгарной форме напомнил об этой полемике, повторив все основные упреки, которые раздавались по адресу Пушкина из разных лагерей тогдашней журналистики.

Выпады свои Булгарин сосредоточил в той части рецензии, в которой он полемизировал со статьей Гоголя «О движении нашей журнальной литературы в 1834—1835 гг.» Напечатанная в I томе «Современника» без подписи, эта статья была воспринята как программное выступление издателя журнала, то есть Пушкина. Ему и адресовал Булгарин свои возражения.

«... распространилось в большой степени чтение романов, холодных скучных повестей — оказалось очень явно всеобщее равнодушие к поэзии»,— писал «Современник»[6].

«Довольно странная жалоба со стороны поэта,— подхватывает это замечание Булгарин.— Пусть нам напишут Кавказского пленника, Бахчисарайский фонтан, Цыган, Светлану и подобное: увидите, будет ли публика равнодушна к поэзии!»[7]

Упомянув «Светлану» Жуковского, Булгарин, несомненно, намекал на спор о «состязании» Пушкина и Жуковского в сказках, давая понять, что публика отдает предпочтение Жуковскому. Далее он прямо развивает эту тему, нагло поучая Пушкина:

«Будьте народным поэтом, и публика не будет равнодушна к поэзии. Ни собственные имена, ни сказочная форма не составляют народности: теперь надобно более, нежели одной музыки в языке, чтобы приковать читателей к поэзии. Давайте действия, давайте страстей, — поэзия воскреснет» [8].

Сопоставим эту тираду Булгарина с заключительной строфой «Тамбовской казначейши». Мы увидим, что подчеркнутые нами слова прямо обращены к Булгарину:

И вот конец печальной были,
Иль сказки — выражусь прямей.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все жаждут крови — даже дамы...

Смысл этой строфы Лермонтова обычно видели в том, что поэт заявляет здесь об отходе от юношеского романтизма своих кавказских поэм; что его реалистическая повесть в стихах противостоит литературе «кинжалов» и «крови», что он издевается над «расхожими приемами» романтизма и вкусами публики. Объективно это, конечно, верно. Но при этом не замечали, что эта литературная декларация Лермонтова была написана в ответ на статью Булгарина и являлась откликом поэта на злободневные вопросы журнальной борьбы.

Лермонтов иронизирует именно над той публикой, мнение которой взялся представлять Булгарин. «„Современник“ жалуется справедливо на равнодушие публики к поэзии, но и публика имеет справедливые поводы к жалобам»,— писала «Северная пчела»[9].

Остро полемично и декларативное заявление вступительной строфы «Тамбовской казначейши»:

Пускай слыву я старовером,
Мне все равно — я даже рад:
Пишу Онегина размером:
Пою, друзья, на старый лад.

Это заявление Лермонтова надо рассматривать не как простое признание своей формальной литературной связи с Пушкиным, а как боевую принципиальную декларацию, направленную против враждебных Пушкину журналов. Это особенно ясно выражено в черновом варианте «Посвящения», где Лермонтов обращается не к безличному читателю, а к «собратьям по перу»:

Пускай слыву я старовером
Между писак,— я очень рад.
Пишу Онегина размером,
Пою, друзья, на прежний лад[10].

Зная, что в заключительной строфе «Тамбовской казначейши» Лермонтов прямо отвечает на статью Булгарина против Пушкина, мы можем не сомневаться, что под писаками он тоже подразумевал Булгарина. Этим именем назвал в 1830 г. и Пушкин своих литературных врагов, обвинявших его в принадлежности к партии «литературных аристократов»:

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!

Так начинается «Моя родословная» Пушкина, его знаменитый политический памфлет на придворную аристократию, написанный по поводу гнусного пасквиля Булгарина на предков Пушкина. Таким образом в «Тамбовской казначейше», помимо прямой полемики с булгаринской статьей в «Северной пчеле», заключена и скрытая полемика с политическим врагом Пушкина. «Тамбовская казначейша» внутренне связана с «Домиком в Коломне» и «Моей родословной».

В своей реалистической стихотворной повести Лермонтов не только не был далек от литературной и журнальной борьбы, но вмешался в нее с тем мастерством, которое он впоследствии довел до такого совершенства в предисловии к «Герою нашего времени».

Э. Герштейн

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Герой нашего времени». СПб., 1841.— В кн.: В. Белинский. М. Ю. Лермонтов. Статьи, рецензии. Ред., вступ. статья и прим. Н. И. Мордовченко. Л., 1941, стр. 207.

[2] Там же, стр. 210.

[3] Ф. Б<улгарин>. Мнение о литературном журнале «Современник», издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным на 1836 г. Статья 2-я. (Окончание).— «Северная пчела», 1836, № 129, от 9 июня, стр. 516.

[4] Там же.

[5] <Ф. Булгарин.> Ук. соч. Статья 1-я. — «Северная пчела», 1836, № 127, от 6 июня, стр. 508.

[6] «Современник», 1836, т. I, стр. 218.

[7] <Ф. Булгарин.> Ук. соч. Статья 1-я, стр. 508.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Тетрадь Чертковской библиотеки, л. 42 (Гос. историч. музей. Отдел письменных источников). Ср. Полн. собр. соч. М. Лермонтова под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1913, т. V, стр. 37.

VI. «БЛАГОДАРНОСТЬ»

Н. В. Здобнов в статье «Новые цензурные материалы о Лермонтове» утверждает, что Лермонтов напечатал стихотворение «Благодарность» в замаскированном от цензуры виде.

«Кажется странным,— пишет Н. В. Здобнов, — как мог дважды пропустить осторожный цензор Никитенко это саркастически-антирелигиозное стихотворение и почему оно в дальнейшем печаталось так же беспрепятственно. Это стихотворение осталось неприкосновенным, очевидно, потому, что обращение к богу —„тебя“ („За всё, за всё тебя благодарю я...“ и „устрой лишь так, чтобы тебя отныне недолго я еще благодарил“) Лермонтов, вопреки правописанию своего времени, написал не с прописной, а со строчной буквы, чем завуалировал подлинный смысл стихотворения. Никитенко поэтому принял это стихотворение за обычную любовную „пьесу“»[1].

Н. В. Здобнов не вполне прав. Лермонтов пишет «тебя» со строчной буквы в обоих автографах этого стихотворения[2]. Местоимения, относящиеся к божеству, он вообще обычно писал со строчных букв. Это показывают и автографы двух стихотворений под заглавием «Молитва». Одно из них («Я, матерь божия, ныне с молитвою») опубликовано вслед за «Благодарностью», в ближайшей, 7-й книге «Отечественных записок» за 1840 г. («Благодарность» напечатана в 6-й книге) — и также со строчным *т* в слове «твоим». Правило писать и печатать такие местоимения с прописных букв не было еще в ту пору твердо установлено. Таким образом нарочитой цензурной маскировки в данном случае не было. Но что цензор не понял смысла стихотворения из-за строчных букв — это вполне вероятно.

Если не маскировкой, то как бы «сокрытием следов» представляется публикация в следующем же номере журнала религиозного стихотворения, которое Лермонтов написал еще в 1837 г., но не печатал.

С бóльшим правом можно говорить о цензурной маскировке в отношении сборника стихотворений Лермонтова, вышедшего в том же 1840 г. Здесь, в стихотворении «Молитва», читаем уже «Пред Твоим образом» — с прописным *т*. Также и в «Мцыри»: «И возвратиться вновь к Тому». Между тем, в стихотворении «Благодарность» оставлены строчные *т*.

Отметим, что только в семидесятые годы П. А. Ефремов ввел в текст этого стихотворения написание «Тебя» с прописной буквы, вопреки всем текстовым источникам. В дальнейшем это написание было принято всеми дореволюционными редакторами Лермонтова. Но в публикациях сороковых—шестидесятых годов орфография не дает понять, что в этом стихотворении с неназванным (может быть, не без некоторой оглядки на цензуру) адресатом речь идет о боге. Благодаря этому первые строки легко было воспринять как обращенные к женщине:

За все, за все тебя благодарю я;
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя...

Однако с каждым следующим стихом такое толкование становится все более натянутым:

За месть врагов и клевету друзей...

Инерция неправильно понятого начала может протянуться и на этот стих, связав и месть врагов и клевету друзей с подразумеваемой конкретной любовной историей. Сильнее противится подобному пониманию следующий стих:

За жар души, растраченный в пустыне,—

но и тут еще можно вообразить себе ощущение душевной пустыни в результате несчастной любви. И только последний стих в этом перечислении ни при каких натяжках не поддается такому пониманию, не может быть обращен к женщине.

За всё, чем я обманут в жизни был —

не может быть ответственно одно конкретное лицо; ироническая благодарность за все обманы целой жизни может быть обращена лишь к виновнику всего жизненного зла.

Два заключительных стиха не оставляют сомнения в том, что стихотворение обращено к богу:

Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Теперь подлинный смысл стихотворения ясен. Поэт иронически благодарит «создателя и вседержителя» за весь ужас жизни, полной мучительных страстей и обязательных разочарований, вероломства в любви и дружбе, низкой мстительности и притворства. Он говорит о том, что жизнь — томительная пустыня, в которой напрасно замирают лучшие порывы человеческой души и из которой есть лишь один исход — смерть; о ней поэт и просит бога, как о единственной награде за все пережитые муки.

Н. В. Здобнов неправильно называет стихотворение «антирелигиозным». Антирелигиозные произведения говорят о том, что бога нет и религия — обман; стихотворение Лермонтова основано на мысли, что бог есть и он виновник мирового зла. В романтической форме Лермонтов осознает, обобщает и оценивает неприемлемое и непереносимое для него социальное зло.

Основной тон стихотворения — ирония над прославлением «благости господней»: все стихотворение как бы пародирует благодарственную молитву за премудрое и благое устроение мира. Постоянные читатели «Отечественных записок» могли воспринять стихотворение Лермонтова в прямой связи с другим стихотворением, помещенным за полгода перед тем в том же журнале. Это стихотворение кончается теми же словами, которыми Лермонтов начинает свое,— но только с прямым наименованием того, к кому стихотворение обращено. При сопоставлении этих двух стихотворений лермонтовское выглядит как ироническая реплика.

Мы имеем в виду следующее стихотворение В. И. Красова, напечатанное в 12-й книжке «Отечественных записок» 1839 г.:

МОЛИТВА

Хвала тебе, Творец, хвала, благодаренье!
Ты сердце пламенное дал!
Как я любил твое прекрасное творенье,
С какой слезой тебя благословлял!
Я плачу: слезы эти святы;
То дань Творцу от сердца моего
За радости мои, за горе и утраты,
По гласу вечному закона твоего.
Как я любил в твоем прекрасном мире,—
Какие чувства испытал!
Я ликовал на светлом жизни пире,
Тебя, незримого, в твореньи созерцал;
И падал я, знал слезы и волненья...
Плоть бренна; но душой парю!
К тебе любовь моя, к тебе мои моленья.
Благодарю, Творец, за всё благодарю [3].

«За всё, за всё тебя благодарю я»,— как бы подхватывает Лермонтов, противопоставляя свое беспощадное отрицание слащавым славословиям Красова.

Лермонтов не мог не знать стихотворения Красова. С начала 1839 г., когда «Отечественные записки» перешли в руки А. А. Краевского, Лермонтов постоянно и почти исключительно печатался в этом журнале. В конце 1839 г. в журнал вошел Белинский и ввел с собой близких ему московских поэтов — В. И. Красова и И. П. Клюшникова (подписывавшегося криптонимом «— θ —»), которые до того времени печатались в «Московском наблюдателе». «Молитва» была первым стихотворением Красова, помещенным в «Отечественных записках». С начала же 1840 г. и Красов, и Клюшников заполняют стихотворный отдел «Отечественных записок», печатаясь рядом с Лермонтовым, а Белинский в своих статьях и рецензиях настойчиво ставит их если не рядом, то в ближайшем соседстве с Лермонтовым.

Так, в мартовском номере «Отечественных записок» 1840 г., в рецензии на «Одесский альманах», Белинский писал: «...поэтов действующих — у нас немного; если хотите, мы всех их перечтем вам по пальцам: гг. Лермонтов и Кольцов; далее подписывающийся — θ — и г. Красов»[4]. В следующем номере, в обзоре «Репертуар русского театра» Белинский пишет: «Только „Отечественные записки" представляют публике произведения молодых, ярких талантов, каковы Лермонтов, гр. Соллогуб, Кольцов, Красов, — θ — и другие», и упрекает «Сын отечества» за то, что в нем нет «ни слова» «о стихотворениях Лермонтова, Кольцова, Красова,— θ —, беспрестанно являющихся в „Отечественных записках"»[5].

О значении и ценности поэзии Красова и Клюшникова Белинский в ту пору отзывается так: «В большей части стихотворений г. Красова всякого, у кого есть эстетический вкус, поражает художественная прелесть стиха, избыток чувства и разнообразие тонов»[6]. «Во всяком случае стихотворения — θ — принадлежат к примечательным явлениям современной им литературы, и их историческое значение не подвержено никакому сомнению» [7].

Причина этой оценки поэтов кружка Станкевича коренится в идеологии Белинского той поры. К рубежу сороковых годов Белинский еще не изжил окончательно своего приятия «разумной действительности». Красов и Клюшников — отнюдь не представители «здоровой и нормальной поэзии» (как называл в эту пору Белинский прославляемую им поэзию Гёте); напротив, Белинский сам подчеркивает «болезненность» их творчества. «Тоска» и «страдание» довольно однообразно перепеваются в их стихах, не выходящих за пределы эпигонской элегической лирики тридцатых годов. Красов — поэт «с душой измученной, с слезами на очах», «мечтой и сердцем охладелый», с душой «убитою тоской». Красову вторит Клюшников: «Душа угнетена сомненьем и тоской», «В немой тоске печально жизнь влачу». Но страданье, рефлексия, разлад между личностью и миром не возбранялись кружковой философией «примирения с действительностью», а, напротив, считались обязательным этапом на диалектическом пути между первоначальным непосредственным отношением к жизни и конечным приятием «разумной действительности». Оба поэта и включают постоянно в свои стихи мотивы «примирения» и познания «полноты бытия». «И я мирюсь и с небом и с землей», «И заглушу нестройный вопль страданья святой гармонией души» — вот типичные концовки стихотворений Клюшникова. Аналогичные настроения Красова нам уже известны.

Впоследствии Белинский кардинально изменил мнение о творчестве Красова и Клюшникова. «Мне стыдно вспомнить, — пишет он В. П. Боткину 6 февраля 1843 г.,— что некогда я думал видеть на голове моей терновый венок страдания, тогда как на ней был просто шутовской колпак с бубенчиками. Какое страдание, если стишонки Красова и — θ — были

фактом жизни и занимали меня, как вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стихов (и только перечитываю Лермонтова, все более и более погружаясь в бездонный океан его поэзии)...» [8].

Собственно, уже в 1840 г. отношение Белинского к Красову и Клюшникову переломилось. В мае 1840 г. он пишет В. П. Боткину: «Стихи Красова мне решительно не нравятся, особенно „К Дездемоне“— чорт знает, что такое»[9], а в августе того же года о стихах Клюшникова: «Стишонки его тоже мне начинают противеть, а об его „Бабочке“ не могу вспомнить без омерзения — такая дрянь» [10]. Однако в статьях этого времени Белинский продолжал высоко оценивать Красова и Клюшникова,— и Лермонтову приходилось и дальше (уже после опубликования «Благодарности») читать в статьях Белинского, что «талант Лермонтова не совсем одинок: подле него блестит в могучей красоте самородный талант Кольцова; светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова» [11] и т. п. Белинский вставляет в эту пору в свои статьи стихи Красова и Клюшникова как выражение своих задушевных настроений. В частности, в статье «Стихотворения М. Лермонтова», напечатанной во 2-й книжке «Отечественных записок» 1841 г., приведены два стихотворения Клюшникова.

Настойчивые упоминания Красова и Клюшникова рядом с Лермонтовым связаны, очевидно, не только со стремлением придать этим поэтам большое значение, но и с попыткой Белинского истолковать творчество самого Лермонтова в какой-то мере по аналогии с творчеством своих московских друзей. Потрясенный силою лермонтовского отрицания и протеста, Белинский, однако, сперва пытается интерпретировать этот протест как этап на пути, ведущем к «гармонии духа», к более глубокому и спокойному уразумению жизни, к грядущему признанию за действительностью смысла и правоты. Еще до своих статей о Лермонтове,— вскоре после того как Белинский впервые сопоставил Лермонтова с Красовым и Клюшниковым (в рецензии на «Одесский альманах»), — он беседовал с Лермонтовым в ордонанс-гаузе и, видимо, стремился внушить поэту свое мнение о его будущей эволюции. В письме к В. П. Боткину от 16 апреля 1840 г., описывая свидание с Лермонтовым, Белинский говорит: «Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог! Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве» [12].

Разговор этот правильно, на наш взгляд, комментирует Н. И. Мордовченко: «О чем спорил Белинский с Лермонтовым? В чем состояли их расхождения и несогласия? Можно думать, что Белинский спорил с Лермонтовым, защищая идеи „примирения“ с действительностью. Он, вероятно, развивал перед Лермонтовым свои взгляды на задачи искусства как на преодоление дисгармонии и борьбы и возвращение в мужественную и сознательную гармонию. С этой точки зрения Белинский, конечно, и считал, что рассудочный и озлобленный взгляд на жизнь и людей являлся переходным этапом в развитии Лермонтова» [13].

Вполне вероятно, что и в этом споре, как в своих статьях, Белинский мог привлечь стихи Красова и Клюшникова для демонстрации преодоления дисгармонии искусством. Естественно думать, что Лермонтова раздражало сопоставление его творчества с творчеством этих поэтов и что в стихотворении «Благодарность», написанном, как предполагают, вскоре после освобождения из-под ареста в ордонанс-гаузе [14], он сознательно размежевался с Красовым, противопоставив его религиозно-сентиментальному оптимизму свое революционное отрицание.

Б. Бухштаб

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Красная новь», 1939, № 10-11, стр. 259.

[2] Автограф, хранящийся в ИРЛИ, воспроизведен в «Книге о Лермонтове» П. Е. Щеголева, вып. II, Л., 1929, стр. 72.

[3] В этом тексте все местоимения также напечатаны со строчных букв.

[4] В. Белинский. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. V, СПб., 1901, стр. 223.

[5] Там же, стр. 240, 244.

[6] Там же, стр. 248—249.

[7] Там же, стр. 293.

[8] Белинский. Письма. Т. II, СПб., 1914, стр. 332—333.

[9] Там же, стр. 127.

[10] Там же, стр. 149.

[11] В. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 424.

[12] Белинский. Письма. Т. II, стр. 108.

[13] Н. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, стр. 108.

[14] «Повидимому, стихотворение написано в промежуток между освобождением из-под ареста и отъездом на Кавказ, т. е. в конце апреля или в начале мая 1840 г.» (II, 218).

ДВА РАСПОРЯЖЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Статья С. Андреева-Кривича

I

30 июня 1841 г. командиру Отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину было послано из Петербурга строгое предписание: «Его величество, заметив, что поручик Лермантов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермантов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку» [1].

Лермонтов числился в это время в Тенгинском пехотном полку. Полк этот был избран для него Николаем I еще в 1840 г., когда поэт был сослан на Кавказ. Но приехав на Кавказ, Лермонтов просил прикомандировать его к «чеченскому отряду» генерала Галафеева; эту просьбу удовлетворили и, таким образом, в назначенный ему Николаем I полк Лермонтов не поехал [2].

О пребывании Лермонтова в 1840 г. в «чеченском отряде» было известно в Петербурге в начале 1841 г., когда было отклонено представление кавказского начальства о награждении Лермонтова орденом Станислава 3-й степени [3].

В июне 1841 г. Николаю I было доложено о представлении Головина от 5 марта, в котором испрашивалась награда для Лермонтова [4]. Из этого представления также явствовало, что Лермонтов при своем полку в 1840 г. не находился. Николай I не только отклонил ходатайство о награждении. Было также отправлено, как мы видели, строгое предписание Головину, чтобы начальство «не осмеливалось» удалять Лермонтова от службы в Тенгинском полку. Это предписание имело еще более определенное значение, чем отказ в награде. Однако истинный смысл распоряжения Николая I оказался настолько загадочным, что до последнего времени его не удавалось раскрыть.

Обычно думали, что, приказывая кавказскому начальству не отпускать Лермонтова из назначенного ему полка и не удалять его от фронтовой службы, Николай I стремился к тому, чтобы поэт, не имея возможности добиться боевых отличий, не мог быть вновь представлен к награде [5]. Однако военные планы 1841 г. вовсе не предусматривали, что Тенгинский полк останется в стороне от военных действий. И именно потому, что Николай I великолепно знал, какая роль назначается этому полку в летних и осенних операциях 1841 г., он и сделал свое распоряжение.

* * *

Когда биографы Лермонтова упоминали о расположении Тенгинского полка в 1841 г., они обычно указывали, что полк этот находился в Темир-Хан-Шуре.

Висковатов, передавая рассказ А. А. Краевского о том, что Лермонтову предписано было выехать из Петербурга на Кавказ в сорок восемь часов, сообщал: «Клейнмихель приказывал покинуть столицу в дважды двадцать четыре часа и ехать в полк в Шуру» [6]. То же повторяют Дюшен, Д. И. Абрамович и современные исследователи — В. А. Мануйлов, Л. П. Семенов, Б. М. Эйхенбаум, М. Ф. Николева, И. К. Ениколопов и др.[7]

Это ошибочное утверждение явилось следствием неточности самого Лермонтова. В письме к бабушке, отправленном сейчас же по приезде в Ставрополь, он сообщал: «Не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды» [8]. Лермонтов действительно направлялся из Ставрополя в Шуру, но не в полк, а в экспедиционный отряд, куда он был назначен, когда приехал в Ставрополь. (Там не было еще получено категорического предписания никуда из Тенгинского полка Лермонтова не отпускать (из Петербурга оно было, как указано выше, послано 30 июня 1841 г.).

Тенгинский полк в 1841 г. находился не в Шуре. Если бы его местопребывание было известно биографам Лермонтова, тайный смысл распоряжения Николая I был бы, вероятно, раскрыт.

II

11 июня 1841 г. на рапорте исполняющего должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майора Анрепа военному министру Чернышеву Николай I наложил резолюцию: «На все это я согласен» [9].

В своем рапорте Анреп писал об «убыхской экспедиции». Переписка об этой экспедиции велась уже давно, но только теперь Николай I разрешил предпринять ее и согласился на все предложения Анрепа.

Что же представляли собой убыхи и чем вызван был «поиск к убыхам?»[10]

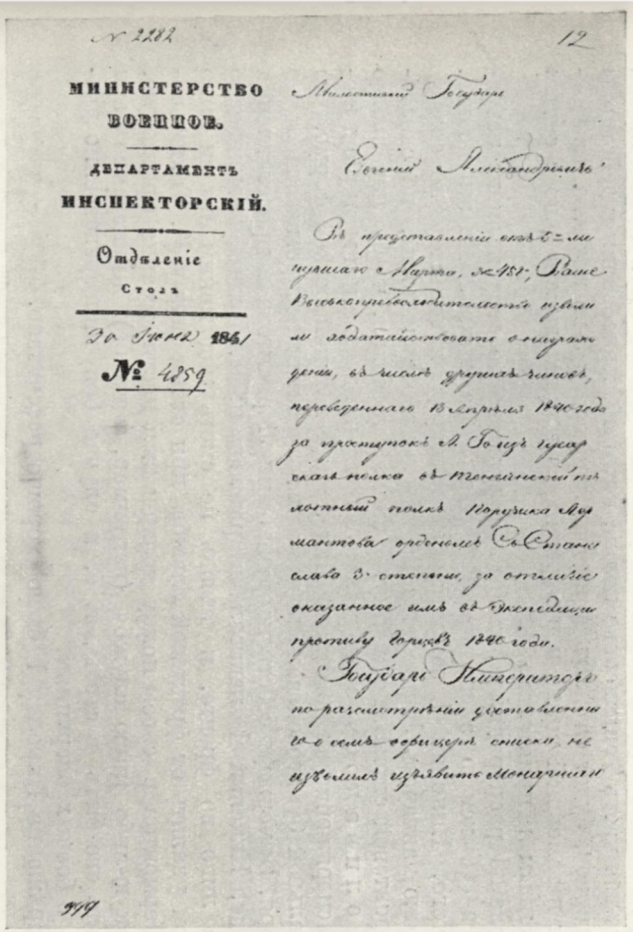
Убыхи — одно из племен, живших на кавказских берегах Черного моря. «Убыхи ‹...› составляют самое враждебное и воинственное племя во всей этой части Кавказа», — характеризует убыхов Анреп [11]. В другом документе он пишет: «...Совершенно убежден, что от прочного покорения убыхов зависит покорение и спокойствие не только вверенной мне Линии, но всего нагорного края Кавказа от Военно-Грузинской дороги до берегов Черного моря» [12].

Николай I вслед за словами: «На все это я согласен» — написал: «Нужно сейчас же приказать полковнику Траскину ‹начальнику штаба войск Кавказской линии и Черноморья› направить все части Тенгинского полка, в Черномории расположенные, к Тамани, где, по сношению с генерал-адъютантом Лазаревым, посадить на суда и отвесть на присоединение к своим батальонам, куда отправиться и полковому командиру...» [13].

Таким образом, Николай I лично распорядился, чтобы весь Тенгинский полк (в числе всех четырех действующих батальонов) был включен в состав экспедиционных войск. В одном из батальонов полка (в батальоне подполковника К. К. Данзаса, секунданта Пушкина) числился Лермонтов.

Назначив Тенгинский полк в экспедицию против убыхов, Николай I вскоре отдал приказ, чтобы Лермонтов безотлучно находился при своем полку. Следовательно, он хотел, чтобы Лермонтов непременно участвовал в этой экспедиции.

Предполагалось, что экспедиционный отряд продвинется в глубь территории убыхов. В этом, собственно говоря, и должна была заключаться задача экспедиции. Анреп в рапорте военному министру от 29 мая 1841 г. писал о необходимости проникнуть «в самое сердце враждебного края» [14]. О том же писал Чернышев Анрепу. «Она ‹экспедиция› не должна ограничиться морским берегом, но простираться елико возможно далее во внутренность земли» [15].



№ 2282 12

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ИНСПЕКТОРСКІЙ.

Отдѣленіе Столъ

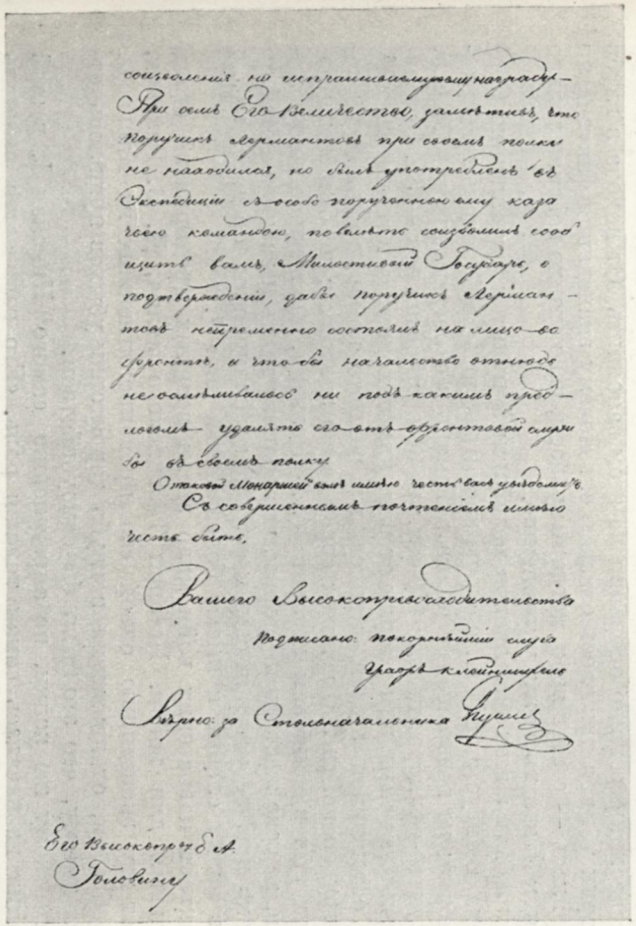
30 Іюня 1841

№ 4859

Милостивый Государь

Евгеній Александровичъ

Въ представленіи отъ 5-ми нувшаго Марта, № 451, Ваше Высокопревосходительство изволили ходатайствовать о награжденіи, въ числѣ другихъ чиновъ, переведеннаго 13 Апрѣля 1840 года за проступокъ А. Го изъ гусарскаго полка въ Тенгинскій пѣхотный полкъ Поручика Лермантова орденомъ Св. Станислава 3 степени, за отличіе оказанное имъ въ Экспедиціи противу Горцевъ 1840 года.



Государь Императоръ по разсмотрѣніи доставленнаго о семъ офицерѣ списка, не изволилъ изъявить Монаршаго соизволенія на испрашиваемую ему награду. При семъ Его Величество, замѣтивъ, что Поручикъ Лермантовъ при своемъ полку не находился, но былъ употребленъ въ Экспедиціи съ особо порученною ему казачьею командою, повелѣть соизволилъ сообщить вамъ, Милостивый Государь, о подтвержденіи, дабы Поручикъ Лермантовъ непремѣнно состоялъ на лицо во фронтѣ, и что бы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ фронтовой службы въ своемъ полку.

О таковой Монаршей волѣ имѣю честь васъ увѣдомить.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Вашего Высокопревосходительства

Подписано: покорнѣйшій слуга Графъ Клейнмихель

Вѣрно: за Столоначальника [illegible]

Его Высокопр-ву Е. А. Головину

ОТПУСК ОТНОШЕНИЯ ДЕЖУРНОГО ГЕНЕРАЛА ГЛАВНОГО ШТАБА П. А. КЛЕЙНМИХЕЛЯ ОТ 30 ИЮНЯ 1841 г. К КОМАНДИРУ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА Е. А. ГОЛОВИНУ С ПРЕДПИСАНИЕМ НИКОЛАЯ I НЕ РАЗРЕШАТЬ ЛЕРМОНТОВУ ОТЛУЧАТЬСЯ ИЗ ТЕНГИНСКОГО ПОЛКА

В этом же документе сообщается об отклонении Николаем I ходатайства о награждении Лермонтова орденом за боевое отличие

Центральный военно-исторический архив, Москва

Исходным пунктом экспедиции должно было явиться укрепление Навагинское (в районе нынешнего Сочи); экспедиционные войска должны были подойти к нему со стороны укрепления Святого духа (ныне Адлер)

Однако, когда войска пришли к Навагинскому укреплению, руководство экспедиции решило операции на этом закончить От похода в глубь территории убыхов пришлось отказаться. Почему экспедиция фактически не состоялась — станет ясно, когда мы узнаем, чего стоило войскам только подойти к Навагинскому укреплению.

По прибытии всех батальонов на сборный пункт к укреплению Святого духа, 6 августа 1841 г., в строю насчитывалось 2807 рядовых Тенгинского полка; по возвращении полка в Тамань в строю осталось 1064 чел. Из 361 унтер-офицера уцелело 140 чел.; из 66 обер-офицеров — 35. Остальные были или убиты, или умерли от ран, или находились в госпиталях [16].

«Из оставшихся людей,— доносил в рапорте командир полка Хлюпин,— трудно найти 200 человек совершенно здоровых, не бывших в госпиталях или в полковом лазарете ⟨...⟩ Болезни, преимущественно лихорадки, до того жестоки и упорны, что возвращались и возвращаются по несколько раз, не уступая самым сильным медицинским средствам ⟨...⟩ Люди в полку слабые и имеют болезненный вид» [17].

Практика кавказских войн мало знала военных предприятий столь губительных для войск. Историк Тенгинского полка, Д. В. Ракович, называет эту экспедицию одной «из кровопролитнейших на Кавказе». Таким образом, от движения в глубь территории убыхов пришлось отказаться потому, что это было бы самоубийством.

Тенгинскому же полку, по определению самого Николая I, в этой экспедиции назначалась самая тяжкая роль. «Его величество полагать изволит,— сообщал Чернышев Анрепу (еще до решения Николая I отправить в убыхскую экспедицию все четыре действующие батальона),— что к батальонам сим ⟨13-й пехотной дивизии⟩ может быть присоединена значительная часть Тенгинского полка, который, приобыкши к действиям иротив горцев, будет служить примером для войск 5-го корпуса, еще неопытных в тамошней войне и в первый раз вступающих в дело с самым ожесточенным неприятелем» [18].

Николай I распорядился, чтобы Лермонтова не отпускали из назначенного в «убыхскую экспедицию» Тенгинского полка. Но это не все. Кроме того, Николай I запретил кавказскому начальству по своему усмотрению назначать Лермонтова на какие-либо должности, не связанные с фронтовой службой в полку. Николай требовал, чтобы начальство не осмеливалось этого делать ни под каким предлогом. Распоряжение было отдано Николаем I в такой резкой форме, что в официальной бумаге оказалось даже невозможным воспроизвести точно слова царя. Вычеркнув собственноручно имя Лермонтова в представлении к награде, Николай I написал в резолюции: «...Велеть непременно быть на лицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку» [19]. Таким образом, Лермонтов в своем полку должен был нести именно фронтовую, а не какую-либо иную службу (например, в штабе): приказание царя заставляло его быть в строю, т. е. в случае боя непосредственно участвовать в боевых операциях.

Распоряжение Николая I было хорошо рассчитано.

III

Таковы были намерения Николая I относительно Лермонтова в 1841 г. Не были ли они иными в 1840 г., когда царь вынес окончательное решение по делу о дуэли Лермонтова с Барантом?

РУССКИЙ ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ В СОЧИ

РУССКИЙ ФОРТ В ТУАПСЕ

Литографии Тирпенна и Байо, 1841 г. по рисункам Дж. Ст. Белля 1837—1839 гг.

Рисунки взяты из французского издания «Дневника пребывания в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 гг.» Дж. Ст. Белли («Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839». Par James Stanislas Bell. Paris, 1841)

Автор книги — английский агент и разведчик, ведший среди черкесов агитацию, побуждая их к борьбе против России. «Русский форт в Туапсе», изображенный на рисунке,— форт Вельяминовский, подвергшийся нападению в ночь с 28 на 29 февраля 1840 г. По этому рисунку можно судить о неблагоприятном стратегическом положении форта.

В поступившем к Николаю I на конфирмацию деле предлагалось «выдержать» Лермонтова под арестом три месяца, а затем перевести его в один из армейских полков тем же чином [20]. Николай I отменил решение о трехмесячном аресте и приказал ограничиться переводом поэта из гвардии в пехотный полк [21]. Таким образом царь будто бы смягчил предложенное судом наказание. Иначе, казалось бы, его решение истолковать нельзя. А между тем, оно имело еще более определенный смысл, чем данное в 1841 г. приказание запретить Лермонтову отлучаться из назначенного ему полка.

Решение Николая I о немедленном переводе Лермонтова из гвардии в пехотный полк состоялось 13 апреля 1840 г. Николай I избрал Тенгинский пехотный полк.

9 же апреля, вечером, в Петербург пришло известие о падении Михайловского укрепления. Известие было такой важности, что военный министр Чернышев сейчас же доложил о нем царю [22].

Что представляло собой Михайловское укрепление и почему известие о том, что оно пало, вызвало такую тревогу? [23]

Михайловское укрепление — одно из укреплений Черноморской береговой линии, учрежденной по инициативе Николая I. Начало этой линии было положено в 1837 г. Это — одно из самых нелепых военных предприятий царя. Укрепления, возведенные между Анапой и Поти, должны были, как предполагал Николай, пресечь снабжение горцев морским путем. Но вместо того, чтобы угрожать горцам, укрепления скоро сами оказались блокированными [24]. Контрабандные суда приставали к берегу у них на виду. «Укрепления береговой линии,— пишет историк Кавказской войны,— были отрезаны от всего мира, и сношения их даже между собою сухим путем были немыслимы, вследствие отсутствия дорог и постоянных нападений горцев. Даже из-за стен укреплений нельзя было показаться, не рискуя вызвать пулю: добывание дров, пастьба скота, кошение сена, возделывание огородов и рытье могил, все оплачивалось кровью» [25].

Реального военного значения эта линия не могла иметь еще и потому, что гарнизоны были почти лишены возможности нести службу. Солдат одолевали болезни — малярия и цынга. Так, за девять месяцев 1839 г. из 200 рядовых и унтер-офицеров роты тенгинцев, составлявшей гарнизон форта Лазаревского, в живых осталось только 108 человек, остальные погибли от болезней [26]. Именно здесь и в том же году умер от малярии поэт-декабрист А. И. Одоевский.

Распоряжавшиеся на Кавказе военные начальники указывали неоднократно на всю нелепость создания такого рода укреплений. Много раз говорил и писал об этом командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории Граббе [27]. Командир Отдельного кавказского корпуса Головин в частном письме к Граббе писал: «Пожертвования, сделанные на эти бесплодные усилия, так огромны, что с ними Кавказ мог бы заметно подвинуться вперед в целом своем устройстве» [28].

Прошло три года со времени учреждения Черноморской береговой линии, и произошло то, чего нельзя было не предвидеть. Нелепая затея Николая I привела к ужасным последствиям.

7 февраля 1840 г. был взят Лазаревский форт. В ночь с 28 на 29 февраля пал форт Вельяминовский. В ночь с 13 на 14 марта был приступ к Головинскому укреплению и, наконец, в ночь на 22 марта взято укрепление Михайловское. Гарнизоны укреплений оборонялись героически [29]. Почти все защитники пали в бою.

Нападение на Лазаревский форт заставило думать, что этому подвергнутся и другие укрепления. Начальник Черноморской береговой линии Раевский (предшественник Анрепа), донося Граббе о падении Лазаревского

А. С. ТРАСКИН

Шаржированный рисунок
Н. В. Майера (?), 1839 г.

Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

форта, писал: «Взятие сего форта будет сигналом общего нападения на все укрепления» [30].

После падения Вельяминовского форта обреченность остальных укреплений стала ясна [31]. Положение окончательно определилось, когда пало Михайловское укрепление.

С этим должен был согласиться и сам Николай I. Получив известие о падении укрепления, он написал в резолюции: «Крайне опасаюсь, что это не последнее еще несчастье» [32].

Почти никто из защитников этих укреплений не остался в живых. Теперь нам остается только сообщить, что в числе защищавших береговую линию войск был Тенгинский полк.

IV

Но Тенгинский полк в 1840, как и в 1841 г., оказался в особом положении.

После падения Лазаревского форта на помощь была двинута из Крыма вся 13-я дивизия. Она могла поспеть на выручку не скоро, положение же было катастрофическое; поэтому на линию были срочно двинуты расположенные поблизости Тенгинский и Навагинский полки, чтобы подкрепить защищавшие береговую линию войска [33]. Ясно, в каком положении оказались эти полки.

О том, что представляла собою служба в Тенгинском полку в то время, можно судить по следующему эпизоду.

А. П. Ермолов, разгневанный на своего младшего сына, решил отправить его на Кавказ рядовым. Крутой нравом, Ермолов не останавливался перед жестокостью. В личном письме к Граббе от 4 января 1840 г., сообщая о своем решении, он писал: «Опасностей я за него не страшусь, и самая смерть излишне не огорчит меня» [34]. Посылая сына на Кавказ, Ермолов просит Граббе: «Определи его в Тенгинский полк» [35].

В примечании к письму, сопровождавшему автобиографию, написанную в 1858 г., Ермолов сообщал: «Младший из них ⟨сыновей⟩ умер унтер-офицером Тенгинского полка за Кубанью» [36].

Любопытную характеристику положения дел на Черноморской береговой линии в 1840—1841 гг. дает М. Я. Ольшевский: «Более нежели в печальном положении находилась Черноморская береговая линия ⟨...⟩ Гарнизоны укреплений, расположенных по берегу моря у впадения рек Пшады, Вулана, Джубы, Туабсе, Псесуапэ, Шахе и Соче, умирали от цынги и лихорадок и гибли от пуль и шашек. Укрепления Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское подверглись штурму горцев и были ими взяты; причем гарнизон Михайловского укрепления, во избежание позорного плена, взорвал себя на воздух вместе с ворвавшимся в него неприятелем. Экспедиция между Сочей и Адлером ⟨то есть убыхская экспедиция⟩ была неудачна и стоила нам больших потерь. Крейсирование наших судов у неприязненных нам берегов не могло быть успешно, потому что суда, из опасения крушения, скорее должны были держаться открытого моря, нежели берегов. По этой причине сношения черкесов с турками, а равно торговля людьми и провоз контрабанды попрежнему продолжались» [37].

Итак, 9 апреля было получено в Петербурге известие о падении Михайловского укрепления. Мы теперь знаем, что значило это известие, знаем, в каком отчаянном положении оказался Тенгинский полк. 13 апреля Николай I конфирмовал решение суда по делу о дуэли Лермонтова с Барантом и именно этот полк избрал для поэта местом службы. Одновременно он отменил постановление суда о трехмесячном аресте и велел исполнить приказ немедленно. На обложке дела он написал добавочную резолюцию: «Исполнить сегодня же» [38].

«Счастливого пути, господин Лермонтов»,— так писал жене Николай I 12/24 июня 1840 г. об уехавшем на Кавказ Лермонтове. Весь зловещий смысл этих слов теперь становится ясным [39].

Получив известие о смерти Лермонтова, Николай I произнес фразу: «Собаке — собачья смерть» [40].

V

Многое теперь становится понятным.

Уезжая на Кавказ в 1840 г., Лермонтов на прощальном вечере у Карамзиных говорил В. А. Соллогубу: «Убьют меня, Владимир» [41].

В письме к Александру Дюма Е. П. Ростопчина, которая одной из последних простилась с поэтом в 1841 г., когда он уезжал на Кавказ, писала: «Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти» [42].

Ю. Ф. Самарин вспоминал о встрече с Лермонтовым в 1841 г. в Москве: «Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны» [43].

В Пятигорске в 1841 г., еще до ссоры с Мартыновым, Лермонтов, встретившись ночью на бульваре с одним из старых своих друзей (с П. А. Гвоздевым, товарищем по юнкерской школе), говорил ему: «Чувствую — мне очень мало осталось жить» [44].

Мыслью о близкой смерти проникнуты многие лермонтовские стихотворения последнего периода.

Лермонтову было ясно, что ему грозит смертельная опасность. Военная служба оказывалась ловушкой. Поэтому он всеми силами стремился получить отставку [45]. Понятно, почему Николай I так настойчиво не хотел ее давать. Но даже Николай мог оказаться вынужденным освободить

Лермонтова от военной службы, во всяком случае строевой. На это обстоятельство указывает глухой намек, заключенный в письме Лермонтова к С. Н Карамзиной от 10 мая 1841 г.

Лермонтов мог получить рану, которая вообще могла сделать для него службу невозможной. В упомянутом нами письме Лермонтов, сообщая о предстоящем отъезде в экспедицию, пишет: «Пожелайте мне счастья и легкой раны — это лучшее из того, что мне можно пожелать» (V, 410) [46].

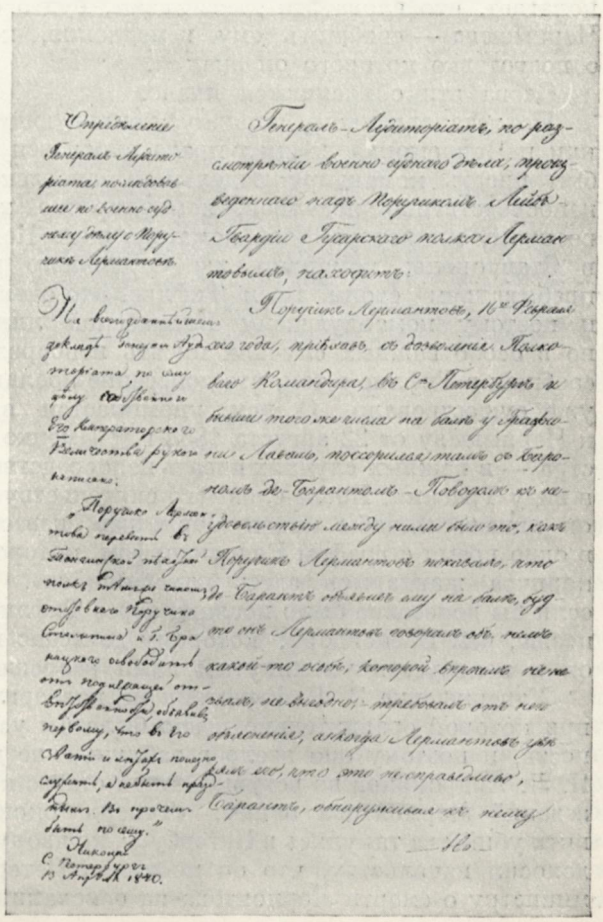
VI

Вопрос о дуэли Лермонтова с Мартыновым следует рассматривать в свете раскрытых выше обстоятельств.

Дуэль была результатом провокации. Это видно уже из того, что мысль вызвать Лермонтова пытались внушить до Мартынова Лисаневичу. Лисаневич отказался.

Когда вызов уже состоялся, о предстоящей дуэли знали в Пятигорске многие, в том числе и власти, которые не сделали, однако, попытки воспрепятствовать дуэли; иначе говоря, они не выполнили своей прямой обязанности. Были ли среди них люди, которых можно заподозрить в злостных намерениях? Такие люди были.

Николай I начал в 1840 г. свою хитрую игру, цель которой понятна. Об его отношении к Лермонтову можно судить и по фразе, которую он, не сумев во-время сдержать себя, произнес при получении известия о смерти Лермонтова.



ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА ПО ДЕЛУ О ДУЭЛИ ЛЕРМОНТОВА С БАРАНТОМ

На полях копия резолюции Николая I от 13 апреля 1840 г. о переводе Лермонтова в Тенгинский полк

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Возникла ли мысль о дуэли, как о средстве расправиться с Лермонтовым, в петербургских правящих кругах, или же она родилась у тех, кто на Кавказе выполнял волю Николая I? А о замыслах царя они могли судить уже по одному только распоряжению от 13 апреля 1840 г. Но были пути для передачи и других распоряжений, о чем мы скажем ниже. Дуэль, если бы она и не завершилась смертью Лермонтова, могла послужить основанием для дальнейших репрессий. Лермонтов, например, мог быть разжалован в рядовые. Стоит вспомнить о судьбе Полежаева, чтобы понять, что это значило.

Среди военных, распоряжавшихся на Кавказе, было одно лицо, роль которого в событиях, связанных с дуэлью, давно вызывала подозрения. Нам удалось обнаружить некоторые новые материалы, проливающие свет на ряд обстоятельств. Подозрения эти вполне обоснованы. Но прежде необходимо указать на одну ошибку.

Некоторые соображения, касающиеся интересующего нас вопроса, были высказаны в последнее время Э. Г. Герштейн [47]. Но мы должны заметить, что главный довод, приведенный Э. Г. Герштейн, основывается на неправильно понятой фразе и поэтому ошибочен. Дело заключается в следующем.

Начальник штаба командующего войсками Кавказской линии и Черноморья А. С. Траскин, донося Граббе 17 июля 1841 г. о происшедшей 15 июля дуэли, писал: «В заключение имею честь донести, что я, на основании приказания г. военного министра, донес о сем происшествии его сиятельству ⟨то есть военному министру Чернышеву⟩». Э. Г. Герштейн полагает, что слова эти доказывают, будто существовал особый приказ Чернышева — сообщить ему немедленно, когда совершится убийство, о подготовке которого он знал [48].

Слова эти объясняются иначе.

По установленному порядку, командующий войсками Кавказской линии и Черноморья не имел права сноситься с Петербургом. Он должен был писать командиру Отдельного кавказского корпуса, которому был непосредственно подчинен, командир же корпуса писал в Петербург военному министру. Штаб командующего Кавказской линией находился в Ставрополе; командир же Отдельного кавказского корпуса местопребыванием своим имел Тифлис. Это очень замедляло ход переписки, и поэтому командующему Кавказской линией Граббе было разрешено в особо важных случаях писать непосредственно в Петербург, лишь сообщая в Тифлис о том, что донесение послано. К 1841 г. это разрешение уже существовало. О нем упоминается в черновике письма Граббе к Чернышеву от 22 августа 1838 г.[49] Именно этот приказ военного министра — в важных случаях писать непосредственно в Петербург — и имеет в виду Траскин. После слов «его сиятельству» (в вышеприведенной фразе) он пишет: «...дабы князь Чернышев известился о сем происшествии в одно время с графом Бенкендорфом, которому донес о сем штаб-офицер корпуса жандармов здесь находящийся». Траскин имеет в виду, что если бы донесение было послано через Тифлис, Чернышев получил бы его позже, чем Бенкендорф, которому донесено прямо в Петербург. Поэтому он и пользуется упомянутым нами разрешением военного министра [50].

Утверждение Э. Г. Герштейн не подверглось своевременно проверке, при которой сравнительно легко была бы установлена его несостоятельность, и поэтому оно ввело в заблуждение других исследователей. Так, И. Л. Андроников во вступительной статье к собранию избранных произведений Лермонтова пишет: «Теперь окончательно установлено, что нити убийства тянулись в Петербург, ко двору. Флигель-адъютант Траскин доносил начальству, что он послал в Петербург уведомление военному министру о смерти Лермонтова на основании распоряжения самого воен-

ного министра, который хотел получить об этом сообщение одновременно с шефом жандармов Бенкендорфом. Следовательно, и шеф жандармов, и военный министр нетерпеливо дожидались в Петербурге сообщения, что Лермонтов уже уничтожен» [51]. То же утверждение И. Л. Андроников повторяет и во вступительной статье к собранию сочинений Лермонтова, выпущенному в 1950 г. [52]

Траскин — именно то лицо, о котором мы говорим выше. Однако фраза из донесения от 17 июля 1841 г. не изобличает его. Но есть некоторые другие данные, которые дают возможность судить о его роли в событиях;

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ СУЛАК ПОД АХАТЛИ
Литография по рисунку Г. Г. Гагарина, 1840-е гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

эти данные вообще позволяют выяснить ряд важных обстоятельств, касающихся организации дуэли.

Прежде всего следует указать на то, что исследователей мало интересовала биография Траскина. А биография эта примечательна.

Одно из первых служебных отличий Траскина — высочайшее благоволение, выраженное ему 15 декабря 1825 г. «за примерный порядок, усердие и точность в исполнении высочайших повелений во время мятежа 14 декабря» [53]. Таким образом Траскин находился в числе тех, кто помогал Николаю I в подавлении восстания. Эти люди впоследствии были облечены особым царским доверием. Среди них был и Траскин. Укажем некоторые факты его служебной биографии. В 1831 г. он был назначен членом комиссии о беспокойствах, возникших 22 июня на Сенной площади; 3 февраля 1833 г.— членом секретной следственной комиссии, учрежденной под председательством генерал-адъютанта графа Орлова, любимца

Николая I, будущего начальника III Отделения и шефа жандармов. Траскин был также членом военно-цензурного комитета; с 1834 г. он—флигель-адъютант. Служа в Военном министерстве, он состоял при военном министре Чернышеве для особых поручений и, как указывает в своих «Воспоминаниях» Г. И. Филипсон, «обратил на себя особенное внимание министра Чернышева и сделался у него необходимым человеком» [54].

П. И. Бартенев дает Траскину такую характеристику: «Один из деятельных чиновников в тогдашнем Военном министерстве, при князе А. И. Чернышеве» [55].

По свидетельству Филипсона, Траскин «испортил свою карьеру тем, что стал в обществе слишком много говорить о своем участии в делах Военного министерства и что князь Чернышев воспользовался удобным случаем с почетом удалить его от себя на Кавказ» [56].

25 декабря 1837 г. Траскин был назначен исполняющим должность начальника штаба командующего войсками Кавказской линии и Черноморья. Впрочем, особого доверия военного министра он не лишился: за ним было сохранено звание чиновника, состоящего при Чернышеве для особых поручений [57].

Траскин находился в деятельной переписке со своим родственником Павлом Александровичем Вревским, также состоявшим при Чернышеве для особых поручений (одновременно Вревский был начальником I Отделения канцелярии Военного министерства). Переписка эта была очень важной: этим путем сообщались какие-то закулисные сведения. Она сыграла большую роль в том, что между Головиным и Граббе возникли напряженные отношения.

В письме от 3 октября 1840 г. Головин, говоря о переписке Траскина с Вревским, пишет Граббе: «Путь французской корреспонденции, отзывающийся в кабинете министра, мне известен и вот где всё зло. Оно-то затмевает взаимные наши отношения и причиняет существенный вред ходу служебному»[58]. Эта фраза — прямое доказательство того, что о переписке Траскина с Вревским был осведомлен военный министр Чернышев. Их переписка могла явиться удобным путем и для передачи распоряжений из Петербурга на Кавказ.

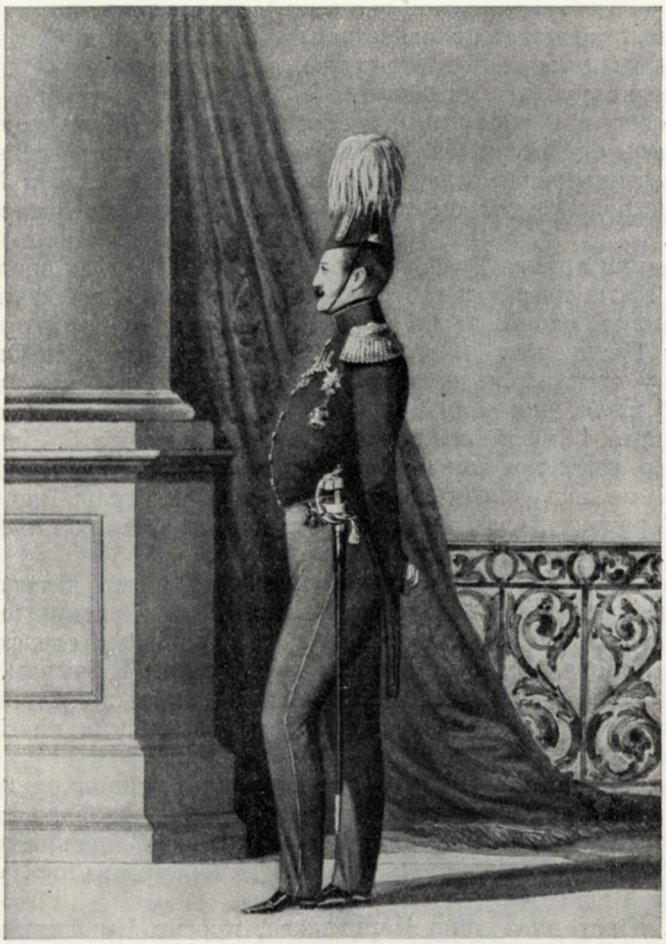
Но Траскин имел возможность сноситься с Чернышевым не только через Вревского; он писал ему непосредственно.

Хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина письма Траскина к Чернышеву дают чрезвычайно интересную характеристику их взаимоотношений.

В датированном 26 марта 1838 г. письме к Чернышеву (из Ставрополя) Траскин пишет: «Вы не поверите, как я ценю новое свидетельство Вашей доброты по отношению ко мне. В удалении от всего того, что нам дорого, воспоминание о начальнике, которого любишь и чтишь, есть целительный бальзам и великое утешение» [59].

В письме от 10 июля 1838 г. (из Ставрополя) Траскин писал: «Граф! Новая награда, которой государь император меня удостоил ⟨Траскин имеет в виду награждение его орденом Станислава 2-й степени со звездой⟩, сделала меня совершенно счастливым, счастливым тем более, что именно Вам, граф, я обязан этим свидетельством благосклонности его величества; это доказывает, что Вы сохранили мне Ваше расположение, в котором Вы мне столько раз давали возможность убедиться. Заслужить Ваше одобрение всегда было самым драгоценным моим чаянием, и одна мысль о том, что я могу его лишиться, была для меня невыносимой и совершенно обескураживающей. Разрешите же выразить Вам мою признательность, граф, и заверить Вас, что Ваша благосклонность придаст мне новые силы, чтобы удостоиться одобрения своих начальников. Поль Вревский описал мне чудесный день, который он провел в Елизаветине, и сообщил, что Вы

и графиня, Вы были так добры, что вспомнили обо мне. Читая его письмо, я мысленно переносился к Вам, но что бы я ни дал, чтобы быть среди Вас в действительности и насладиться счастием и благополучием семейства, которое ко мне всегда относилось с родственным расположением и которое я чту и люблю всем сердцем...» [60].



НИКОЛАЙ I.

Акварель К. П. Брюллова, конец 1840-х гг.

«Что велик-то он был, это правда; но за то, кажется, достаточно вознагражден он уже тем, что гроб для него сделали в три аршина с половиной длины <...> Мудрость его выразилась <...> в том, что он целый век позволял водить себя за нос иностранным дворам и потом за свои дипломатические неудачи отдувался боками русских солдат» (Н. А. Добролюбов)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В письме от 14 сентября 1838 г. Траскин упоминает о «благосклонном письме», полученном им от Чернышева. Как видно из того же письма, Чернышев спрашивал Траскина о его отношениях с Граббе [61]. Отвечая, Траскин давал характеристику Граббе и рассказывал о его деятельности.

Письмо от 30 января 1839 г. заканчивается словами: «Да дарует мне небо силы, чтобы заслужить постоянным усердием благодеяния государя императора и Ваше расположение, ибо твердая решимость сделать всё, что могу, чтобы достигнуть этой цели, никогда меня не покинет» [62].

Отношения Траскина с Чернышевым, о которых весьма убедительно говорят приведенные нами документы, не изменились и в дальнейшем. В 1855 г., принося благодарность Чернышеву за содействие в получении чина тайного советника (Траскин перешел из военной службы в гражданскую), Траскин говорит об «ангельской доброте» к нему князя и княгини Чернышевых [63].

Итак, Траскин был доверенным лицом Чернышева и, получив назначение на Кавказ, продолжал пользоваться его неизменным покровительством. Судя по приведенным нами материалам, он был готов с усердием выполнять любые поручения министра. Чернышев же никоим образом не может быть отнесен к числу лиц, расположенных к Лермонтову. Наравне с Бенкендорфом он принадлежал к избранному кругу приближенных Николая I и был прекрасно осведомлен о том, как относился к Лермонтову царь. Он участвовал в хитрой игре Николая I, механизм которой показан нами выше.

При изучении архива Граббе выясняется, что Траскин систематически приезжал в Пятигорск из Ставрополя. В письме к Граббе от 18 июня 1841 г. он пишет, что 25 июня собирается быть в Пятигорске. 25 он приезжает в Пятигорск, 28 возвращается в Ставрополь [64]. Он сообщает, что врачи ему предписали шестинедельное лечение щелочными водами, и пишет, что 5 июля, для сопровождения жены Граббе, отправится к Кавказским водам. 4 июля он подтверждает, что выедет 5. До настоящего времени было известно только, что Траскин находился в Пятигорске 16 июля, уже после дуэли (дуэль состоялась 15). Теперь же становится ясным, что Траскин бывал в Пятигорске и в то время, когда дуэль подготовлялась.

Прекрасно сообразив еще в предыдущем, 1840 г., что́ значило распоряжение определить Лермонтова в Тенгинский полк, Траскин имел полную возможность быть весьма деятельным в отыскании тех средств, которые отвечали бы намерениям царя относительно поэта. Напомним, что в дни, предшествовавшие дуэли, распоряжение 1841 г., вынуждавшее Лермонтова непременно участвовать в «убыхской» экспедиции, на Кавказе еще получено не было.

Нам удалось установить, что жандармский подполковник Кувшинников, посланный из Петербурга для секретного надзора, выехал оттуда задолго до того срока, когда состоялась дуэль. В письме к Граббе от 18 апреля 1841 г. А. П. Ермолов писал из Петербурга, что Кувшинников выезжает на Кавказ [65].

Траскин, доверенное лицо Чернышева, просил Кувшинникова, эмиссара Бенкендорфа, состоять при следствии. Сохранились соответствующие документы. Приведем их здесь.

«Копия с отношения начальника штаба, корпуса жандармов подполковнику Кувшинникову, от 16 июля № 84.

За отсутствием г. Командующего войсками, вследствие рапорта к нему пятигорского коменданта полковника Ильяшенкова, от сего числа за № 1357[м], о дуэле отставного маиора Мартынова и Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, имею честь уведомить Ваше высокоблагородие, что по поручению, на Вас возложенному, я считал бы необходимым присутствие Ваше при следствии, производимом по сему произшествию пятигорским плац-маиором подполковником Унтиловым,— почему я ныне же и предписал пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову не приступать ни к каким распоряжениям по означенному произшествию без Вашего содействия.

Верно. Ф. А. Траскин» [66].

«Копия с предписания начальника штаба войск Кавказской линии пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову, от 16 июля за № 83.

Получив рапорт Вашего высокоблагородия к г. Командующему войсками, от сего числа за № 1357[м], о дуэле отставного маиора Мартынова и Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, имею честь уведомить Вас, что я вместе с сим прошу присланного сюда для секретного надзора корпуса жандармов подполковника Кувшинникова находиться при следствии производимом по сему произшествию плац-маиором подполковником Унтиловым.

Верно. Ф. А. Траскин» [67].

П. А. Висковатов, имевший возможность пользоваться свидетельствами современников Лермонтова, писал, что слухи о предстоящей дуэли широко распространились и о ней знали местные власти: «Между тем все дело держалось не в особенном секрете. О нем узнали многие, знали и власти, если не все, то добрая часть их, и, конечно, меры могли бы быть приняты энергические. Можно было арестовать молодых людей, выслать их из города к месту службы, но всего этого сделано не было» [68].

Траскин принимал энергичное участие в организации следствия о дуэли, беседовал в частном порядке с подсудимыми, подсказывал им, как вести себя, оберегал Мартынова. Это видно хотя бы из следующего факта.

Военная молодежь, жившая в то время в Пятигорске, относилась к Мартынову с негодованием. «Были горячие головы,— пишет Висковатов,— которые выражали желание мстить за убийство и вызвать Мартынова» [69]. Чтобы предотвратить возможные выпады против Мартынова, Траскин поспешил удалить из Пятигорска многих молодых военных. Висковатов пишет: «Возбуждение вызвало затем и усиленную высылку молодежи из Пятигорска, по распоряжению начальника штаба Траскина» [70].

В одном из писем Траскина заключена очень важная фраза, свидетельствующая о его уверенности, что Петербург сам решит вопрос о наказании Мартынова. Как известно, Николай I подверг Мартынова наказанию чрезвычайно легкому [71]. «Расследование по делу о дуэли закончено,— писал Траскин в письме от 3 августа из Кисловодска,— и, так как Мартынов в отставке, дело перешло в Окружной суд, и мне дадут только выписку из следствия, касающуюся Глебова [72], которую надо будет послать великому князю Михаилу, потому что он ⟨Глебов⟩ гвардеец. В прочем, я думаю, что прежде чем всё это примет юридический ход, из Петербурга прибудет распоряжение, которое решит участь этих господ» (разрядка наша.— *А.-К.*) [73].

Еще один любопытный факт. Письма Траскина нумерованы. Однако писем №№ 15, 16, 17 недостает. Они исчезли из переписки, вероятно, не случайно. Письмо 14-е датировано 4 июля, 18-е — 21 июля. Дуэль состоялась 15 июля.

Таким образом, недостает именно тех трех писем, которые должны были содержать известия о дуэли и о ее исходе.

Были ли они изъяты с целью публикации? Уничтожены они или только скрыты? Кто изымал их и какими соображениями руководствовался? Во всяком случае, эти письма представляли какой-то особый интерес, что и явилось причиной их исчезновения [74].

Привлеченные нами материалы дают возможность уяснить некоторые обстоятельства, относящиеся к организации этой явно провокационной дуэли.

«Нет никакого сомнения,— пишет Висковатов,— что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что „обуздание" тем или другим способом „неудобного" юноши-писателя будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа» [75].

Лермонтова постигла та же судьба, что и Пушкина, Одоевского, Бестужева-Марлинского, Полежаева, которых царь травил с присущей ему маниакальной последовательностью. Осуществляя свои замыслы в отношении Лермонтова, он хорошо определил свою цель. Весть о смерти Лермонтова была именно тем известием, которого ждал с Кавказа Николай I.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Центральный Государственный Военно-Исторический Архив (ЦГВИА) в Москве, ф. 395, оп. 147/455, д. 223, ч. II, л. 12 об. См. также: П. Щеголев. Книга о Лермонтове. Вып. II. М., 1929, стр. 125—126.

[2] Лермонтов приехал в Ставрополь 10 июня 1840 г. Летом и осенью он принимал участие в экспедиции ген. Галафеева. По окончании боевых действий Лермонтов, в конце декабря, прибыл в Тенгинский полк. 6 января, судя по воспоминаниям А. И. Дельвига (см. П. Щеголев. Ук. соч., стр. 131), он был в Ставрополе, а 14 января получил отпускной билет. К тому времени, когда Лермонтов прибыл в Тенгинский полк, боевые операции полка были закончены.

[3] См. П. Щеголев. Ук. соч., стр. 99—100 — выписка из доклада Инспекторского департамента от 4 февраля 1841 г.

[4] Там же, стр. 125—126.

[5] См. П. Висковатов. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, стр. 377; А. Скабичевский. М. Ю. Лермонтов. 1912, стр. 74; В. Мануйлов. Лермонтов. (Жизнь и творчество). Л., 1939, стр. 101; Е. Яковкина. По лермонтовским местам. Ворошиловск, 1938, стр. 54; И. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940, стр. 71.

[6] П. Висковатов. Ук. соч., стр. 376.

[7] E. Duchesne. Michel Iourièvitch Lermontov, sa vie et ses oeuvres. P., 1910, p. 74; Д. Абрамович. М. Ю. Лермонтов. (Материалы для биографии и литературной характеристики).— Полн. собр. соч. Лермонтова, т. V, СПб., изд. Акад. Наук, 1913, стр. CXII; В. Мануйлов. Хронологическая канва.— Полн. собр. соч. Лермонтова. М.— Л., 1937, т. V, стр. 624; Л. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 201; Б. Эйхенбаум. М. Ю. Лермонтов.— Полн. собр. соч. Лермонтова, т. I. Л., Гослитиздат, 1939, стр. XLVII; М. Николева. М. Лермонтов. Пятигорск, 1940, стр. 126; И. Ениколопов. Ук. соч., стр. 75.

[8] М. Лермонтов. Полн. собр. соч. в пяти томах. Редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума. 1937, т. V, стр. 409.

[9] ЦГВИА, фонд — Военно-ученый архив (в дальнейшем сокращенно: ВУА), д. 6433, л. 80 — собственноручная резолюция Николая I.

[10] Там же, л. 101 об.

[11] Там же, л. 84 об.

[12] Там же, д. № 6470, л. 27. Приводится также в «Истор. сборнике», 1935, № 4, стр. 162.

[13] ЦГВИА, ВУА, д. 6433, л. 80 — собственноручная резолюция Николая I.— Приказание военного министра о сборе действующих батальонов Тенгинского полка на Черноморской береговой линии было послано Траскину 14 июня (там же, л. 110).

[14] Там же, л. 81.

[15] Там же, л. 25 — отношение от 23 апреля 1841 г., № 375.

[16] См. Д. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис, 1900, стр. 277.

[17] Там же, стр. 276.— Ракович пишет: «Конечно, рапорт Хлюпина произвел сильное впечатление; приведенные цифры красноречиво говорили о расстроенном положении полка, почему было велено в продолжение зимы не трогать с места ни одной роты тенгинцев» (стр. 277). Убыхская экспедиция подробно описана ее участником М. Ф. Федоровым (См. М. Федоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год.— «Кавказский сборник», т. III, Тифлис, 1879, стр. 205—216).

[18] ЦГВИА, ВУА, д. 6433, лл. 21—22 — копия отношения военного министра Чернышева исправляющему должность начальника Черноморской береговой линии Анрепу, от 23 апреля 1841 г., № 375.

[19] ЦГВИА, ф. 395, оп. 147/455, д. 223, ч. I, л. 74—собственноручная резолюция Николая I.

[20] См. П. Щеголев. Ук. соч., стр. 58.

[21] См. там же, стр. 58.— Распорядившись отправить Лермонтова в пехотный полк, Николай I наложил добавочную резолюцию: «Исполнить сегодня же». Хотя из этой резолюции было совершенно ясно, что арест (который должен был задержать Лермонтова в Петербурге на 3 месяца) отменяется, к Николаю все-таки обратились за разъяснением. Он ответил, что «переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание» (см. Полн. собр. соч. Лермонтова, т. V, 1937, стр. 614).

[22] «Донесение Вашего превосходительства от 30 марта за № 527, отправленное из Ставрополя с нарочным курьером, получено мною 9 апреля вечером и в то же время доведено до сведения государя императора» (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. II, л. 79 — копия с предписания Чернышева командующему на Кавказской линии и в Черномории Граббе от 11 апреля 1840 г.). Донесение Граббе от 30 марта 1840 г. за № 527, упоминаемое Чернышевым, находится в первой части этого же дела (лл. 286—293). Оно содержит сообщение о том, что Михайловское укрепление пало.

[23] «Ужасно!» — написал Николай I на рапорте Раевского, в котором сообщалось о взятии Михайловского укрепления (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. II, л. 1, собственноручная резолюция Николая I). Рапорт Раевского был получен в Петербурге вслед за рапортом Граббе — 11 апреля 1840 г.

[24] См. Д. Ракович. Ук. соч., стр. 196.

[25] «Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825—1864)». Составил генерал-лейтенант Н. Ф. Дубровин. СПб., 1896, стр. 132.

[26] См. Д. Ракович. Ук. соч., стр. 198.— Ракович пишет (имея в виду все укрепления): «Случалось, что девять десятых числа солдат лежали больными и некому было занимать крепостные караулы» (стр. 198).

[27] Донося о падении Михайловского укрепления, Граббе писал: «Если четыре роты пехоты, значительное число орудий артиллерии, примерная храбрость и распорядительность начальников и самая упорная и мужественная защита не могли спасти укрепления, то ясно, что слабость береговой линии находится в самых основных началах ее устройства и что прежде всего должно думать об изменении этих начал» (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 291). За «дерзкую» мысль Граббе получил от царя нагоняй. В своей резолюции Николай отметил, что Граббе следует «постоянной своей мысли о бесполезности прибрежной линии». «Всё это отходит вновь от предпринятой системы и клонится к уничтожению всего сделанного с толикою тратою людей, способов и времени, вовсе не приводя к положительной цели» (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 279). Немного раньше Николай I еще более резко отклонял попытки доказывать ему бесполезность и даже вредность существования Черноморской береговой линии (см. «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. IX, Тифлис, 1884, стр. 244—247. Ср. также: М. Федоров. Ук. соч., стр. 98—99, 129—130, 131, 184—185).

[28] ЦГВИА, ф. 62, д. 24, л. 95 — письмо Головина к Граббе от 18 февраля 1840 г. из Петербурга.

Обстоятельная характеристика положения на Черноморской береговой линии дается Раковичем (ук. соч., стр. 189—235).

[29] Оборона Михайловского укрепления — один из героических эпизодов в истории русской армии. Чтобы избежать плена, командованием было решено взорвать укрепление вместе с ворвавшимся в него врагом. Взорвал пороховой погреб заранее вызвавшийся на это рядовой Тенгинского полка Архип Осипов, имя которого впоследствии было внесено на вечные времена в списки Тенгинского полка. Возникшее в районе Михайловского укрепления поселение было названо Архипосиповским. Подвиг Осипова описан в романе советского писателя С. Н. Голубова «Солдатская слава».

[30] ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 6 — рапорт Раевского Граббе от 16 февраля 1840 г.

[31] «Теперь ⟨после падения Вельяминовского укрепления⟩ не было сомнения, что неприятель этим не ограничится и попытается овладеть также остальными нашими прибрежными пунктами» (Д. Ракович. Ук. соч., стр. 205).

[32] ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 281 — собственноручная резолюция Николая I.

[33] См. Д. Ракович. Ук. соч., стр. 205—206.— На Черноморской береговой линии сосредоточились в марте 1840 г. три батальона Тенгинского полка, четвертый же батальон, который было предположено тоже отправить на линию (предписание Граббе Раевскому от 20 марта 1840 г.— ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 265), был, по распоряжению Граббе, задержан в Черномории (там же, л. 303 — предписание Раевскому от 28 марта). Батальон оказался едва ли не в еще более тяжелом положении. Вот что пишет об этом Ракович: «Болезненность людей 4-го батальона главным образом проистекала от изнурения. По окончании экспедиции прошлого года, 4-й батальон сделал уже четыре похода за Кубань к Абинскому укреплению и один форсированным маршем

к Анапе. Все эти передвижения происходили в самое ненастное время года, по глубоким снегам, во время сильных ветров, вьюг и метелей, что, естественно, привело людей в изнурение и наполовину уложило в лазареты. Командир полка убедительно просил хотя теперь дать отдых 4-му батальону, но генерал Завадовский ответил, что „по нынешним обстоятельствам он никак не может сделать этого" <...>. 4-й батальон изнемогал от беспрерывных передвижений, поспевая всюду к угрожающим пунктам» (стр. 210).

[34] ЦГВИА, ф. 62, д. 15, л. 13 — письмо от 4 января 1840 г.

[35] Там же, л. 23 — письмо от 17 февраля 1841 г.

[36] «Русский библиофил», 1911, № 4, прилож., стр. 7.

[37] М. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 год.— «Русская старина», 1893, № 6, стр. 579—580.

[38] П. Щеголев. Ук. соч., вып. II, стр. 54.

[39] На русском языке письмо впервые опубликовано Е. В. Тарле в журнале «Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 189.— Любопытна характеристика, которую дает в этом же письме Николай I «Герою нашего времени»: «Я прочел Героя до конца и нахожу вторую часть отвратительною, вполне достойною быть в моде. Это тоже преувеличенное изображение презренных характеров, которое находим в нынешних иностранных романах. Такие романы портят нравы и портят характер. Потому что, хотя подобную вещь читаешь с досадой, все же она оставляет тягостное впечатление, ибо в конце концов привыкаешь думать, что свет состоит только из таких индивидуумов, у которых кажущиеся наилучшие поступки проистекают из отвратительных и ложных побуждений. Что должно явиться последствием? Презрение или ненависть к человечеству. Но это ли цель нашего пребывания на земле? Ведь и без того есть наклонность стать ипохондриком или мизантропом, зачем же поощряют или развивают подобными изображениями эти наклонности! Итак, я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, показывающая большую испорченность автора».

[40] Некоторые авторы сомневались, произнес ли Николай I эту фразу. Что Николай I выразился именно так, утверждали П. П. Вяземский («Русский архив», 1887, № 9, стр. 142) и П. И. Бартенев («Русский архив», 1911, № 9, стр. 160; Бартенев пишет со слов княгини М. В. Воронцовой). А. И. Васильчиков («Русский архив», 1872, № 1, стб. 209) и Н. И. Лорер («Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931, стр. 264; при первой публикации «Записок» в «Русском архиве» 1874 г. это место было изъято из цензурных соображений) передают эту фразу несколько иначе: «Туда ему и дорога». Сомнение в подлинности этой фразы высказано П. Висковатовым (ук. соч., стр. 443) и П. Бартеневым (примеч. к «Запискам» Лорера — см. изд. 1931 г., стр. 264). Бартенев же в 1891 г. опубликовал слышанный им от Н. Н. Вельяминова рассказ о том, что Николай I, получив известие о смерти Лермонтова, сказал: «Получено с Кавказа горестное известие. Лермонтов убит на дуэли. Жаль его! Это поэт, подававший великие надежды» («Русский архив», 1891, № 7, стр. 402).

Видимо, Бартенев был прав и тогда, когда сообщал, что Николай I сказал: «Собаке — собачья смерть», и тогда, когда говорил, что Николай I выразил сожаление по поводу смерти Лермонтова. Дело в том, что Николай произнес две фразы, о чем пишет сам же Бартенев в 1911 г.: «Государь, по окончании литургии, войдя во внутренние покои дворца кушать чай со своими, громко сказал: „Получено известие, что Лермонтов убит на поединке,— собаке — собачья смерть!" Сидевшая за чаем великая княгиня Мария Павловна Веймарская, эта жемчужина семьи (la perle de la famille, как называл ее граф С. Р. Воронцов), вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сестре своей (на десять лет его старше) и пошедши назад в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: „Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит"» («Русский архив», 1911, № 9, стр. 160). Именно эту вторую фразу и слыхал Вельяминов (в его передаче она звучит несколько иначе, но смысл тот же), со слов которого делал свое сообщение Бартенев в 1891 г., тогда еще не знавший того, что Николаем были сказаны две фразы. Примечание же к «Запискам» Лорера Бартенев сделал еще задолго до своих публикаций (до 1874 г.; см. изд. «Записок» 1931 г., стр. 43), да и оно выражает не отрицание, а всего только сомнение («Кому это известно?» — замечает Бартенев по поводу приведенных Лорером слов: «Туда ему и дорога»).

Итак, самому же Бартеневу, в конце концов, стало ясно, что Николай I фразу: «Собаке — собачья смерть» произнес.

П. Висковатов, отрицая этот факт, ссылается на слова А. И. Философова, которые ему, Висковатову, были переданы А. П. Шан-Гиреем. Философов же говорит о том, как вел себя Николай I непосредственно в момент получения известия («Известие пришло в присутствии дежурного флигель-адъютанта Ал. Ил. Философова»,— пишет Висковатов); свою же фразу Николай I, как мы теперь знаем, произнес несколько позже, войдя в комнату, где собрались к утреннему чаю члены семьи. Таким образом, Философов говорит о совсем другом моменте, когда Николай I интересующей нас фразы и в самом деле не произносил.

Итак, после критического рассмотрения свидетельств и сопоставления их между собою, становится ясным, что Николай I, получив известие о смерти Лермонтова, действительно сказал: «Собаке — собачья смерть» (или же: «Туда ему и дорога»).

[41] В. Соллогуб. Воспоминания. М.— Л., 1931, стр. 402.

[42] A. Dumas. Le Caucase. Nouvelles impressions de voyage, t. II. P., 1859, p. 260.

[43] В. Бильбасов. Самарин Гагарину о Лермонтове. — «Новое слово», 1894, № 2, стр. 47.

[44] А. Меринский. Воспоминание о Лермонтове.— «Атеней», 1858, ч. VI, стр. 304.

[45] Мысль об отставке не покидала Лермонтова во все время его пребывания на Кавказе в 1840 г. 28 июня 1840 г., вскоре по приезде на Кавказ, он писал бабушке: «То, что Вы мне пишете о словах г. Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует, а чего мне здесь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам» (V, 405).

Приезд Лермонтова в Петербург в начале 1841 г. был вызван хлопотами об отставке. Отставки ему не дали, а дали отпуск (там же, стр. 407; также П. Висковатов. Ук. соч., стр. 373). Приехав в 1841 г. в Петербург, Лермонтов принял все меры для получения отставки, но успеха не добился. Готовясь в 1841 г. к отъезду на Кавказ, Лермонтов сообщал Д. С. Бибикову из Петербурга: «Отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку» (V, 408).

В мае 1841 г. Лермонтов писал бабушке из Ставрополя: «Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощение, и я могу выйти в отставку» (V, 409).

[46] Любопытно сравнить то, что Лермонтов пишет в 1841 г. в очерке «Кавказец»: «...Ему ‹офицеру-кавказцу› хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет на пенсион; это выражение там освящено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит...» (V, 324).

[47] См. статьи Э. Герштейн: «Подлая расправа» — в «Известиях», 1939, № 238, от 14 октября; «Отклики современников на смерть Лермонтова»— в сб. «М. Ю. Лермонтов», изд. Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (М., 1939, стр. 64—69); «К вопросу о дуэли Лермонтова» — в альманахе «Год XXII» (альманах шестнадпатый). М., 1939, стр. 493—508.

[48] «Год XXII». М., 1939, стр. 495, 504.

[49] ЦГВИА, ф. 62, д. 76, л. 42; ср. П. Щеголев. Ук. соч., вып. II, стр. 130.

[50] Текст донесения Траскина см. в сб. «М. Ю. Лермонтов», М., 1939, стр. 31.

[51] М. Лермонтов. Избр. произведения. М., 1949, стр. 20.

[52] М. Лермонтов. Собр. соч. в шести томах, т. I. М., 1950, стр. 30.

[53] Н. Затворницкий. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 по 1902 г. включительно. СПб., 1909, стр. 906.

[54] Г. Филипсон. Воспоминания.— «Русский архив», 1883, № 6, стр. 258.

[55] «Русский архив», 1888, кн. II, прилож. «Из записной книжки гр. П. Х. Граббе», стр. 122.

[56] Г. Филипсон. Ук. соч., стр. 258.— Служивший под начальством Траскина М. Я. Ольшевский так характеризует Траскина в своих «Записках»: «Горько мне было, что мои мечты и фантазии, с которыми я ехал на Кавказ, на первом шагу не осуществились и что, вместо боевой жизни, пришлось попрежнему сидеть над бумагами. Но может быть грусть моя и не была бы столь велика, если бы ближайшие мои начальники, с которыми мне приходилось делить мои служебные занятия, были другие, более доступные и с теплой душой, лица. Старший из них, не оставивший по себе хорошей памяти впоследствии и по гражданской администрации, был надменен, горд, ленив, нетерпелив. Кроме природной гордости, флигель-адъютант Александр Семенович Траскин кичился родством, хотя отдаленным, с одним из владык мира сего. Леность его происходила от непомерной толстоты, которая в особенности для него была тяжела во время лета, когда нетерпеливость его в докладах доходила до отвращения. Любя вообще хорошо пожить, а в особенности поесть (но только не с своими подчиненными), на что собственные средства были недостаточны, несмотря на это, он умел проживать более, нежели получал» (М. Ольшевский. Ук. соч., стр. 577).

[57] См. «Архив Раевских», т. II. СПб., 1909, стр. 398.— В черновике письма Граббе к Чернышеву от 22 августа 1838 г. есть указание на то, что Чернышев особо аттестовал Траскина Граббе (Граббе был назначен командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории после Траскина, 10 апреля 1838 г.— см. «Русский архив», 1888, кн. II, прилож., стр. 101). В этом документе есть следующая фраза: «Отправляя меня, Вам угодно было поручить моему вниманию исправляющего должность начальника штаба вверенных мне войск Ф. А. ‹флигель-адъютанта› полковника Траскина» (ЦГВИА, ф. 62, архив П. Х. Граббе, д. 76, л. 42). О том, в какой мере Чернышев считался с мнениями Траскина, свидетельствует следующий факт. Головин в письме к Граббе от 3 октября 1840 г. (из Тифлиса), входя в подробности возникших между ним и Граббе недоразумений, пишет, что «предписание, полученное мною ‹...› от военного министра и где я подвергался упрекам незаслуженным, почти слово в слово повторяет те же самые фразы, которые помещены были в письмах Траскина к ген. Коцебу ‹начальник штаба Головина›. В них не только искажен смысл бумаг моих, но

и самые события представляются в превратном виде, мне в пререкание» (там же, д. 24, л. 136).

[58] ЦГВИА, ф. 62, д. 24, л. 136.

[59] Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Архив Барятинского/III, папка 26/35. Подлин. на франц. яз.

[60] Там же. Подлин. на франц. яз.

[61] Там же, папка 19/18. Подлин. на франц. яз.

[62] Там же. Подлин. на франц. яз.

[63] Там же. Подлин. на франц. яз.

[64] ЦГВИА, ф. 62, д. 25, лл. 61, 63, 65.

[65] Там же, д. 15, л. 29.

[66] В. Нечаева. Суд над убийцами Лермонтова («Дело штаба Отдельного кавказского корпуса» и показания Н. С. Мартынова).— Сб. «М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы». М., 1939, стр. 32.

[67] Там же, стр. 32.

[68] П. Висковатов. Ук. соч., стр. 418.

[69] Там же, стр. 435.

[70] Там же.

[71] Три месяца ареста на гауптвахте и церковное покаяние. В представленном в Петербург «мнении» Головин, уже знавший о том, что в столице к Мартынову относятся благосклонно, все же предлагал лишить его чина, ордена и определить в рядовые до отличной выслуги (сб. «М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы», стр. 45 и 49).

[72] Ср. «Лермонтов. Временник государственного музея „Домик Лермонтова“», I, Пятигорск, 1947, стр. 7, 12, 19, 20.

[73] ЦГВИА, ф. 62, д. 25, л. 71. («L'enquête sur le duel est finie et comme Мартынов est hors de service l'affaire a passé в Окружной суд et on me donnera seulement une выписка из следствия concernant Gleboff, qu'il faudra envoyer au Grand Duc Michel puisqu'il est du Corps de la Garde.— Du reste je pense qu'avant que tout cela prendra une marche légale, il arrivera de Pétersbourg un ordre qui décidera du sort de ces messieurs»).

[74] Архив П. Х. Граббе передан в центральное архивохранилище 9 марта 1919 г.— ЦГВИА, ф. 62, инв. оп., л. 1.

[75] П. Висковатов. Ук. соч., стр. 418—419.

ЛЕРМОНТОВ И ДЕКАБРИСТ М. А. НАЗИМОВ

Статья Ленины Ивановой

«Однажды мы завтракали у генерала Засса [1],— писал Н. М. Сатин о своей первой встрече с декабристами в Ставрополе в 1837 г.— Завтрак уже кончился, и мы сидели за стаканом кахетинского в веселой, дружеской болтовне. Взошел адъютант и, подавши Зассу пакет, объявил, что привезли из Сибири шестерых разжалованных в солдаты. „Это декабристы! — сказал Засс.— Просите их сюда". Через несколько минут в палатку вошли шесть человек средних лет, в полудорожных костюмах и несколько сконфуженные. Но Засс тотчас ободрил их; он принял их не как подчиненных, а как товарищей. Эти декабристы были: Нарышкин, Лорер, барон Розен, Лихарев и поэт князь Одоевский. Фамилию шестого теперь не помню...» [2]

Шестой декабрист, имя которого забыл Н. М. Сатин, был Михаил Александрович Назимов.

В июне 1837 г. группа ссыльных декабристов была переведена из Сибири в действующую армию на Кавказ. Они еще находились в пути, когда приказом от 28 июля 1837 г. были распределены по разным полкам. В. Н. Лихарев был назначен в Куринский пехотный полк, Н. И. Лорер — в Тенгинский, М. М. Нарышкин — в Навагинский, А. И. Одоевский — в Нижегородский драгунский, А. И. Черкасов и М. А. Назимов — в Кабардинский егерский полк. В Ставрополь декабристы прибыли в первой половине сентября.

Лермонтов, высланный из Петербурга на Кавказ за стихи на смерть Пушкина, приехал в Ставрополь в начале мая 1837 г.[3]

Нижегородский драгунский полк, к которому Лермонтов был прикомандирован, стоял в Грузии, в местечке Караагач. Но Лермонтов в дороге заболел, в полк не попал и провел все лето на водах в Пятигорске.

В Ставрополь Лермонтов приехал еще раз в первой половине сентября 1837 г., направляясь из Ольгинского укрепления к месту стоянки своего полка. В это время — через Н. М. Сатина и доктора Н. В. Майера — поэт познакомился с несколькими из ссыльных декабристов. С кем именно, сказать точно пока нельзя. Очевидно только, что среди них не было Лорера (с ним Лермонтов познакомился позднее, в 1840 г.). В бумагах поэта имена декабристов не упомянуты. И это естественно: упоминание о близости с тем или иным ссыльным могло навлечь на Лермонтова новые преследования.

Декабристы же — Н. И. Лорер и А. Е. Розен — вспоминают о Лермонтове в своих «Записках», но ни Лорер, ни Розен не были близки Лермонтову, и потому их суждения о нем не имеют большого значения.

Основным материалом, проливающим свет на взаимоотношения Лермонтова с декабристами, на содержание их бесед, на общность или различие их взглядов, являются немногочисленные, но весьма содержательные высказывания М. А. Назимова [4]. Назимов сошелся с Лермонтовым

ближе других (разумеется, если не считать рано погибшего Одоевского, встреча с которым, как видно хотя бы из стихов «На смерть А. И. Одоевского», произвела на поэта неизгладимое впечатление).

В специальных исследованиях, выясняющих характер отношений Лермонтова и декабристов, высказывания Назимова не приводятся полностью: цитируется только то, что записал П. А. Висковатов, и при этом слова, приводимые Висковатовым, лишь регистрируются, а не осмысляются конкретно. Следствием такого уклонения от анализа мемуарного материала являются жалобы на «исключительную неполноту» наших сведений о связях Лермонтова с декабристами, а также ограничение этих связей лишь дружбой Лермонтова с А. И. Одоевским. Сущность отношений Лермонтова с декабристами на Кавказе исследователи пытаются обычно раскрыть на примере его знакомства с Н. И. Лорером и иллюстрируют записками Лорера [5]. Такое сужение декабристских связей Лермонтова вызвано прежде всего недооценкой высказываний Назимова. А между тем и к «Запискам» Лорера следовало бы отнестись критически, определив, прежде всего, конкретный общественно-литературный фон тридцатых-сороковых годов. Без этого невозможно уяснить характер разногласий между Лермонтовым и ссыльными декабристами.

Лермонтов познакомился с М. А. Назимовым в 1837 г., в доме доктора Майера, где по вечерам велись «оживленные беседы на социальные и политические темы» и обсуждались «вопросы современной литературы» [6]. Все эти темы должны были живо интересовать Лермонтова.

Во второй половине декабря 1837 г. Лермонтов, получив разрешение вернуться в Петербург, выехал из Ставрополя [7].

В апреле 1840 г. Лермонтов был вторично выслан на Кавказ (за дуэль с Барантом). Выехав из Москвы в последних числах мая, Лермонтов приехал в Ставрополь 10 июня 1840 г. В том же году Лермонтов познакомился с декабристом Н. И. Лорером, которому передал письмо и книгу от племянницы его, А. О. Смирновой [8]. Лорер так вспоминает об этой встрече: «С первого шага нашего знакомства Лермонтов мне не понравился. Я был всегда счастлив нападать на людей симпатичных, теплых, умевших во всех фазисах своей жизни сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствие ко всему высокому, прекрасному. А говоря с Лермонтовым, он показался мне холодным, желчным, раздражительным и ненавистником рода человеческого вообще, и я должен был показаться ему мягким добряком, ежели он заметил мое душевное спокойствие и забвение всех зол, мною претерпенных от правительства. До сих пор не могу отдать себе отчета, почему мне с ним было как-то неловко, и мы расстались вежливо, но холодно» [9].

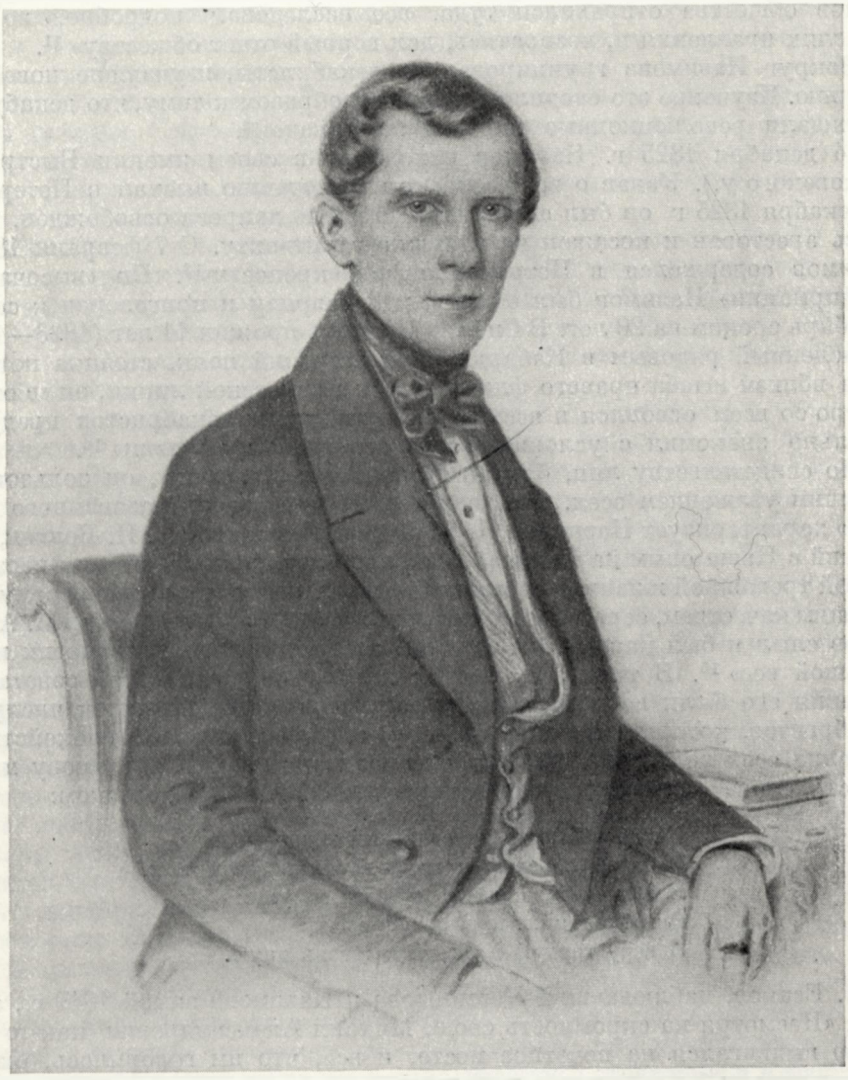
Приехав в Ставрополь, Лермонтов был прикомандирован к отряду генерала Галафеева и 18 июня 1840 г. выступил вместе с отрядом в боевую экспедицию в Чечню.

В конце октября 1840 г., после окончания осенней экспедиции, Лермонтов получил отпуск и около двух месяцев (до января 1841 г.) прожил в Ставрополе. Из старых друзей и знакомых поэта в эту зиму в Ставрополе находились И. А. Вревский, Д. А. Столыпин, граф Карл Ламберт, Сергей Трубецкой, А. Н. Долгорукий, Л. С. Пушкин, Д. С. Бибиков, Р. И. Дорохов.

Полк, в котором состоял Назимов, находился в это время в крепости Прочный Окоп — местопребывании штаб-квартиры генерала Засса. Боевая обстановка не мешала Назимову совершать поездки в мирные черкесские аулы, а иногда и в Ставрополь. Приезжая в Ставрополь, Назимов бывал у Вревского. Декабрист А. П. Беляев вспоминает, что «Вревский был дружен с Михаилом Александровичем Назимовым, который познакомил нас ⟨декабристов⟩ с ним» [10]. У Вревского (с которым Лермонтов

был знаком еще до первой своей ссылки) поэт встретился с Назимовым снова, их знакомство возобновилось и вскоре перешло в дружбу.

М. А. Назимов был на тринадцать лет старше Лермонтова. Службу свою он начал в конной артиллерии, откуда затем был переведен в дивизион гвардейских конных пионеров. Членом Северного общества Назимов стал в 1823 г., то есть с самого момента его основания. Он не играл



М. А. НАЗИМОВ (?)
Дагерротип конца 1840-х гг.
Собрание Ю. Г. Оксмана, Саратов

крупной роли, однако не был рядовым членом общества. Во время следствия ему пришлось признаться, что он был близок с Рылеевым и спорил с ним о литературе. Никита Муравьев давал Назимову рукопись своей конституции, желая услышать его мнение. Назимов выразил несогласие с некоторыми параграфами конституции. Он не видел в ней серьезных гарантий против реставрации самодержавия, ибо будущий конституцион-

ный монарх, защищая свою власть, легко мог бы опереться на «привычки народа», на «недовольных новым правлением» и на поддержку иностранных держав. Назимов опасался, что интервенция может сломить новый порядок — тот, который в России завоюет революция. Так как конституция Муравьева «имеет сходство с конституцией Северо-Американских Штатов,— утверждал Назимов,— то мы должны узнать там на самом месте, все ли так хорошо, как пишут». Для этого нужно, чтобы «кто-нибудь из членов общества отправился туда, все исследовал подробно, во всех отраслях правления и, возвратясь, дал верный отчет обществу» [11].

Вокруг Назимова группировались декабристы, изучавшие новейшую историю. Изучение это сводилось главным образом к тому, что декабристы обсуждали революционные события на Западе [12].

14 декабря 1825 г. Назимов находился в своем имении Быстрецове (Псковского у.). Узнав о восстании, он немедленно выехал в Петербург. 26 декабря 1825 г. он был арестован, но после допроса освобожден, затем вновь арестован и посажен на главную гауптвахту. С 7 февраля 1826 г. Назимов содержался в Петропавловской крепости [13]. По «высочайшей конфирмации» Назимов был отнесен к 8 разряду и приговорен к ссылке в Сибирь сроком на 20 лет. В Сибири Назимов прожил 11 лет (1826—1837). Зачисленный рядовым в Кабардинский егерский полк, стоянка которого была вблизи штаба правого фланга войск Кавказской линии, он «в отряде быстро со всем освоился и всех вновь прибывших декабристов предупредительно знакомил с условиями предстоявшей им жизни» [14].

По свидетельству лиц, близко стоявших к Назимову, он пользовался большим уважением всех, кто знал его. Как «высокообразованного человека» характеризует Назимова Н. И. Лорер. Декабрист А. П. Беляев, проведший с Назимовым на Кавказе несколько лет, деливший с ним невзгоды боевой тревожной жизни, в своих воспоминаниях говорит: «По своему уму, высоким качествам, серьезности, прямоте характера, правдивости М. А. Назимов слыл и был каким-то мудрецом, которого слово для многих имело большой вес» [15]. В трудных случаях к нему обращались за советами и решения его были непререкаемы. Назимов не принадлежал к числу тех декабристов, которые, подобно Лореру, обрели «душевное спокойствие и забвение всех зол, претерпенных от правительства». К Назимову можно отнести слова Лермонтова, сказанные им об А. И. Одоевском:

Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской, и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил... и речь живую
И веру гордую в людей и жизнь иную.

А. Есаков, наблюдавший Лермонтова и Назимова зимой 1840 г., отмечает: «Несмотря на скромность свою, Михаил Александрович как-то само собою выдвигался на почетное место, и все, что им говорилось, бывало выслушиваемо без перерывов и шалостей, в которые чаще других вдавался Михаил Юрьевич ⟨Лермонтов⟩. Никогда я не замечал, чтобы в разговоре с М. А. Назимовым, а также с И. А. Вревским, Лермонтов позволял себе обычный свой тон persiflage*» [16]. Кн. А. И. Васильчиков относил М. А. Назимова к числу членов «небольшого кружка ближайших друзей Лермонтова и тех немногих людей, к которым он имел особенное уважение» [17]. Назимов был другом А. И. Одоевского. Уже одно это должно было привлечь Лермонтова к Назимову. Кроме того, Назимов, выделявшийся из числа ссыльных декабристов широтой своих политических и литературных интересов, мог лучше, чем кто-нибудь другой, познакомить Лер-

* насмешливо-пренебрежительный (франц.).

монтова с деятельностью тайных обществ двадцатых годов и их вождей. Н. М. Сатин вспоминает об одной из бесед, в которых участвовали декабристы: «Велели подать шампанское и пошли разные либеральные тосты и разные рассказы о 14-м декабря и обстоятельствах, сопровождавших его. Можете представить, как это волновало тогда наши еще юные сердца и какими глазами смотрели мы на этих людей, из которых каждый казался нам или героем, или жертвой грубого деспотизма» [18].

И в самом деле, где еще можно было с такими подробностями услышать о «14-м декабря и обстоятельствах, сопровождавших его», где можно было увидеть непосредственных участников восстания — борцов с «грубым деспотизмом» и его жертв? Подробности восстания не были известны широкой публике. Ссыльные декабристы должны были казаться Лермонтову «библейскими личностями, живыми легендами» [19]. В 1837 г. ему неожиданно представилась возможность познакомиться с некоторыми из них, и он этой возможностью воспользовался.

Н. И. Лорер, с которым Лермонтов встречался впоследствии в Пятигорске, мог рассказать Лермонтову о П. И. Пестеле, так как был связан с Пестелем и службой, и лично, и делами тайного общества. Назимов же, член Северного общества с 1823 г., был связан с Рылеевым, Никитой Муравьевым, Александром Бестужевым, Оболенским и с другими видными деятелями Северного общества.

Кроме того, М. А. Назимов, единственный из декабристов, видел, как совершилась казнь вождей тайного общества. Барон А. Е. Розен вспоминает в своих «Записках», что после объявления приговора Назимова посадили в камеру № 13 Петропавловской крепости, откуда видны были виселицы. «Ему, сердечному,— пишет Розен,— суждено было видеть ужасную казнь на валу: до ночи висели тела мертвых...» [20]

Лермонтов рос в условиях террора, жадно прислушиваясь к рассказам о разгроме восстания 14 декабря, об ужасах крепостных казематов, о сибирской каторге. Теперь он мог услышать рассказ и о подробностях казни декабристов.

Делясь воспоминаниями о героической гибели Рылеева, Пестеля и их товарищей, Назимов, в свою очередь, просил Лермонтова объяснить ему, что́ представляет собою современная молодежь. По словам Висковатова, Лермонтов, «глумясь и пародируя салонных героев», утверждал, что «у нас нет никакого направления, мы просто собираемся, кутим, делаем карьеру, увлекаем женщин». Этим он сердил Назимова [21]. Между тем, Назимов был глубоко неправ: Лермонтов сравнивал современную молодежь с декабристами, с этими «богатырями, кованными из чистой стали», и сравнение оказывалось не в пользу представителей нового поколения дворянской интеллигенции. Насмешки Лермонтова — не что иное, как «ядовитая ирония над собственной судьбой». Если вспомнить, что стихотворение «Дума» написано в 1838 г., вскоре по возвращении Лермонтова с Кавказа, то естественно предположить, что кратковременное общение с декабристами тогда же нашло известное отражение и в творчестве Лермонтова. Новое освободительное направление только рождалось в эти годы, а до этого времени «мысль томилась, работала, но еще ни до чего не доходила. Говорить было опасно, да и нечего было сказать...» [22] Сам Лермонтов писал в «Герое нашего времени»: «Мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, не имея ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми, с судьбою...»

В 1874 г. в журнале «Русский вестник» была напечатана повесть Б. М. Маркевича «Две маски», где несколько строк уделено Лермонтову:

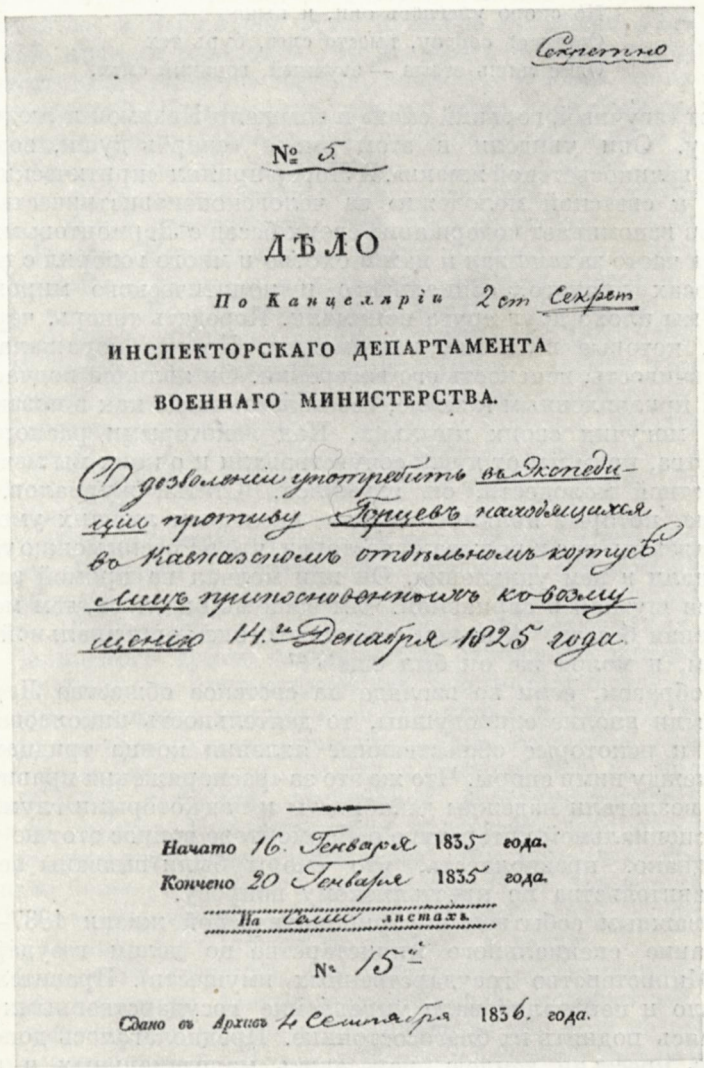
«Лермонтов,— скажу мимоходом,— был, прежде всего, представителем тогдашнего поколения гвардейской молодежи».

Эти строки вызвали ответ. В газете «Голос» появилась заметка кн. А. И. Васильчикова под заглавием «Несколько слов в оправдание Лермонтова от нареканий г. Маркевича». «Пустота окружающей его ⟨Лермонтова⟩ светской среды, эта ничтожность людей, с которыми ему пришлось жить и знаться», была, по словам Васильчикова, причиной того, что Лермонтов «печально глядел на толпу этой угрюмой молодежи, которая действительно прошла бесследно, как и предсказывал поэт, и ныне, достигнув зрелого возраста, дала отечеству так мало полезных деятелей; ему „некому было руку подать в минуту душевной невзгоды" и когда в невольных странствованиях и ссылках удавалось ему встречать людей другого закала, вроде Одоевского, он изливал свою современную грусть в души людей другого поколения, других времен. С ними он действительно мгновенно сходился, их глубоко уважал и один из них, еще ныне живущий, М. А. Назимов, мог бы засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором он описывал ему, выходцу из Сибири, ничтожество того поколения, к коему принадлежал». В заключение своего ответа Маркевичу А. И. Васильчиков писал: «Он ⟨Лермонтов⟩ не был представителем этого общества, и он очень бы оскорбился, а может быть, и посмеялся, если бы кто-нибудь „мимоходом" назвал его „представителем гвардейской молодежи тогдашнего поколения"» [23].

А. И. Васильчиков знал Лермонтова еще по Петербургу. В 1840 г. он встретился с поэтом на Кавказе, в Ставрополе, вероятно у Вревского (Васильчиков был членом кружка 16-ти). То, что Васильчиков так резко отделял Лермонтова от категории «салонных героев», характеризует прежде всего самого Васильчикова. Круг его интересов всегда был очень широк. Особенно занимали его вопросы социально-политического порядка. Васильчиков, свидетель бесед Лермонтова с Назимовым, сочувственно отмечал близость Лермонтова к «людям другого поколения», то есть к декабристам.

М. А. Назимов, прочтя заметку Васильчикова, немедленно откликнулся на нее письмом в редакцию газеты «Голос». Он писал: «В подтверждение сказанного им, он ⟨Васильчиков⟩ ссылается на небольшой кружок тех, которым поэт открывал свою душу, и в числе их на меня, как могущего засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором Лермонтов описывает ничтожество того поколения, к которому принадлежал. Спешу подтвердить истину этого показания. Действительно, так не раз высказывался Лермонтов мне самому и другим, ему близким, в моем присутствии. В сарказмах его слышалась скорбь души, возмущенной пошлостью современной ему великосветской жизни и страхом неизбежного влияния этой пошлости на прочие слои общества. Это чувство души его отразилось на многих его стихотворениях, которые останутся живыми памятниками приниженности нравственного уровня той эпохи. При таком критически-серьезном отношении к светской молодежи его общественной среды, может ли быть сколько-нибудь применим к нему отзыв г. Маркевича и особенно выдающиеся в нем слова: прежде всего был представителем... и проч. Можно ли говорить о такой личности, как Лермонтов, мимоходом, и чем объяснить появление в нашей беллетристике, особенно в таком видном журнале, как „Русский вестник", такого легкомысленно бесцеремонного и лишенного всякого основания отзыва о нашем знаменитом поэте, успевшем, еще в молодых летах, проявить столько пытливого, наблюдательного ума, оставить столько драгоценных произведений своего поэтического творчества и память которого дорога всем, умеющим ценить сокровища родного языка, особенно тем, которые близко знали и любили Лермонтова» [24].

Из этого письма очевидно, что Назимов не только стремился объяснить и оправдать отвращение Лермонтова к «пошлости современной ему великосветской жизни», но и сам придерживался той же точки зрения на это общество. «Как молод я ни был,— писал Герцен в «Былом и думах»,—



Секретно

№ 5

ДѢЛО

По Канцеляріи 2 от Секрет

ИНСПЕКТОРСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА

ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.

О дозволеніи употребить въ Экспедиціи противу Горцевъ находящихся въ Кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ лицъ приписавшихъ ко взятію оружія 14-го Декабря 1825 года

Начато 16 Генваря 1835 года.

Кончено 20 Генваря 1835 года.

На семи листахъ

№ 15

Сдано въ Архивъ 4 Сентября 1836 года.

ОБЛОЖКА ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА О РАЗРЕШЕНИИ ОСУЖДЕННЫМ ДЕКАБРИСТАМ, НАПРАВЛЕННЫМ В КАВКАЗСКУЮ АРМИЮ, УЧАСТВОВАТЬ В ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ ПРОТИВ ГОРЦЕВ, 1835 г.

Центральный военно-исторический архив, Москва

но я помню, как наглядно высшее общество пало и стало грязнее, раболепнее с воцарением Николая...» [25]

«Печально я гляжу на наше поколенье...»,— словно перекликается с Герценом Лермонтов. Герцен говорит, что годы после 1825 г. «были страшны не только от открытого гонения всякой мысли, но и от полнейшей пустоты, обличившейся в обществе: оно пало, оно было сбито с толку и

запуган. Лучшие люди разглядывали, что прежние пути развития вряд ли возможны, новых не знали...» [26]

Некоторые строки в «Сашке» Лермонтова напоминают мысль Герцена:

...Пылкий дух мой не был освежен,
В нем родилися бури, как в пустыне,
Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу, вместо слез, бурь тех
Один лишь отзыв — звучный, горький смех.

Вот этот «звучный, горький смех» и слышали Назимов и люди, близкие Лермонтову. Они увидели в этом смехе «скорбь души, возмущенной пошлостью великосветской жизни». А Лорер принял «критически-серьезное отношение к светской молодежи» за человеконенавистничество вообще.

Назимов вспоминает содержание своих бесед с Лермонтовым: «Лермонтов сначала часто захаживал к нам и охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали. Передать теперь, через 40 лет, разговоры, которые вели мы, невозможно. Но нас поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прилепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крыльях. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отделывался шуткой и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа. А в нем теплился огонек оригинальной мысли — да, впрочем, и молод же он был еще!» [27]

Таким образом, если во взгляде на светское общество Лермонтов и Назимов были вполне единодушны, то деятельность николаевского правительства и некоторые общественные явления конца тридцатых годов вызывали между ними споры. Что же это за «распоряжения правительства», на которые возлагали надежды декабристы и над которыми глумился Лермонтов? В специальной литературе о Лермонтове вопрос этот не разрешен. Можно, однако, предполагать, что споры были вызваны некоторыми мерами правительства по крестьянскому вопросу.

Самым важным событием внутриполитической жизни 1837—1838 гг. было создание специального министерства по делам государственных крестьян (Министерство государственных имуществ). Правительство реорганизовало и централизовало управление государственными крестьянами, пытаясь поднять их благосостояние. Предполагалось дополнительно наделить крестьян землею, переселить малоземельных в восточные районы, уравнять натуральные повинности, организовать школы, врачебные пункты и т. д.

10 ноября 1839 г. был образован особый «Секретный комитет», деятельность которого истолковывалась в общественных кругах как подготовка к полной ликвидации крепостных отношений. В комитете обсуждался проект постепенной ликвидации крепостных отношений, разработанный П. Д. Киселевым. «Очень скоро разногласия и споры, возбужденные проектом, вышли за узкие рамки секретных заседаний и захватили широкие круги столичного и провинциального дворянства,— устанавливает исследователь.— Толки и слухи о подготовляемой „вольности“ стали распространяться среди низших слоев населения. Тревожные опасения, оппозиционные разговоры, брожение в массах стали доходить до императорского дворца» [28]. В эту пору и определились расхождения между

Лермонтовым и некоторыми декабристами по кардинальным социально-политическим вопросам. По мнению Назимова и других декабристов, само правительство брало на себя исполнение главного требования их программы — ликвидации крепостного права в России. Так, например, декабрист Н. В. Басаргин, внимательно следивший за событиями общественной и литературной жизни России, считал, что уже в эти годы «и правительство, и мыслящая часть публики обращают свое внимание на положение низших сословий», что «самые даровитые писатели изучая быт и нравственные качества народа, знакомят с ними своих многочисленных читателей»[29]. И, вероятно, именно этим настроениям правительства они от души сочувствовали, а Лермонтов не верил ни в искренность реформаторских начинаний николаевского правительства, ни в действенность всех созданных правительством комитетов. И скептицизм Лермонтова был более основателен, чем либерально-дворянские иллюзии Назимова, Лорера, Нарышкина и других бывших декабристов.

Далее Назимов говорит о критических статьях, которые заставляли удивляться, что «в России можно так писать». Вероятно, речь шла о статьях Белинского в «Отечественных записках» 1840—1841 гг.

Статьи Белинского в «Отечественных записках» носили исключительно боевой характер. В них слышался резко обличительный тон в отношении высшего общества, «пристрастного только к выгодам внешней, материальной жизни» [30]. Демократ Белинский открыто утверждал, что в сознании народа уже возникает «грустная мысль» о противоречии «судьбы народа с его значением» [31].

Защищая образ Печорина от нападок реакционной критики, Белинский указывал, что Печорин — жертва существующего общественного строя. Проблема общественной роли литературы, проблема назначения поэта разрешалась Белинским с революционно-демократических позиций. В статьях Белинского трезво определялось отношение передовой общественности к народу, к крепостнической действительности.

Обсуждение подобных вопросов на страницах журналов, естественно, должно было вызвать чувство известного удовлетворения у декабристов, смотревших на происходящие события с позиций 1825 г. Лермонтов же лучше знал цену «гнусной российской действительности» — «страны рабов, страны господ». Положительная программа «дворянских революционеров» не удовлетворяла Лермонтова, так как «основные вопросы стали гораздо более сложными и глубокими» [32]. И Лермонтов был прав: в 1840—1841 гг. расценивать политическую обстановку с точки зрения декабристов значило бы смотреть не вперед, а назад.

Итак, совершенно очевидно, что в кратких высказываниях Назимова о Лермонтове заключен весьма значительный, конкретный материал, требующий тщательного критического анализа, ибо этот материал до сих пор не учтен полностью в специальной лермонтовской литературе. Более того, зачастую он интерпретируется совершенно произвольно, тогда как высказывания Назимова о Лермонтове, записанные П. А. Висковатовым, в сочетании с теми, которые заключены в письме Назимова в газету «Голос»,— позволяют по-новому осветить важный момент политической и литературной биографии Лермонтова: его общение с декабристами на Кавказе в 1837 и 1840—1841 гг.[33]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Григорий Христофорович Засс (1798—1883) — генерал-майор, начальник правого фланга войск Кавказской линии. Сводку биографических данных о нем см. в «Архиве Раевских», т. II. СПб., 1909, стр. 415—417.

[2] Н. Сатин. Отрывки из воспоминаний.— Сб. «Почин», 1895, стр. 241—242.

[3] Лермонтов выехал из Москвы 10 апреля 1837 г. (см. В. Баранов. Лермонтов в Москве.— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 727). Из этого можно сделать заключение, что в Ставрополь поэт прибыл в самых первых числах мая.

[4] Биобиблиографические данные о М. А. Назимове в «Библиографии декабристов», составленной Н. Ченцовым (М.— Л., 1929), крайне неполны и случайны. В частности, там отсутствуют мемуарные высказывания М. А. Назимова о Лермонтове, записанные П. А. Висковатовым, и письмо Назимова о Лермонтове в редакцию газеты «Голос» 1875 г. Очень неудовлетворителен (написан без обращения к материалам следственного дела) и биографический очерк К. Иеропольского «М.А. Назимов»—в сб. Псковского общества краеведения «Познай свой край», вып. I. Псков, 1924, стр. 41—44.

[5] Показательна в этом отношении и последняя работа на интересующую нас тему Б. Неймана «Лермонтов и декабристы» («Литература в школе», 1941, № 4), неправильно и не полностью учитывающая суждения декабристов о Лермонтове. Исследователь некритически опирается на высказывания декабриста Н. И. Лорера, делая, на основании его «Записок», ложные выводы о «духовной старости» всех ссыльных декабристов, по мнению Неймана, якобы разочаровавшихся в идеалах своей молодости.

[6] П. Висковатов.—Полн. собр. соч. Лермонтова, т. VI. СПб., 1891, стр. 265. «Многочисленным и шумным кругом молодежи» в «С.», среди которой Печорин встретил Вернера, С. Н. Дурылин называет круг сосланных на Кавказ декабристов (С. Дурылин. Герой нашего времени М. Ю. Лермонтова. М., 1947, стр. 132).

[7] 3 января 1838 г. Лермонтов уже был в Москве.

[8] «Записки» Н. Лорера дают крайне противоречивые сведения относительно времени встречи автора с Лермонтовым. Лорер ошибся, говоря что Лермонтов приехал к нему в Фанагорию в конце 1839 или начале 1840 г. и что это случилось после дуэли с Барантом. Между тем, в действительности после дуэли с Барантом Лермонтов приехал на Кавказ в июне 1840 г.

[9] Н. Лорер. Записки декабриста. М., 1931, стр. 241.

[10] А. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном.— «Русская старина», 1881, № 12, стр. 699.

[11] В. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 473.

[12] Там же, стр. 256.

[13] «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, стр. 399.

[14] Воспоминания сестры М. А. Назимова (рукопись в собрании Ю. Г. Оксмана).

[15] А. Беляев. Ук. соч., стр. 697.

[16] «Русская старина», 1885, № 2, стр. 474.

[17] «Русский архив», 1872, № 1, стр. 20.

[18] Н. Сатин. Ук. соч., стр. 241—243.

[19] А. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVII. Пг., 1922, стр. 98.

[20] А. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 99.—Подробности казни вождей заговора, о которых мог рассказать М. А. Назимов Лермонтову, ныне хорошо известны по официальным источникам, объединенным в издании: Декабристы. Отрывки из источников. Составил Ю. Г. Оксман. М.—Л., 1926, стр. 474—477.

[21] П. Висковатов. Ук. соч., стр. 304.

[22] А. Герцен. Былое и думы. Л., 1946, стр. 287, 295.

[23] «Голос», 1875, № 15, от 15 января.

Надо отметить, что Висковатов, который в своей биографии Лермонтова приводит это высказывание Васильчикова, делает вывод, противоречащий прямым указаниям современников Лермонтова (Васильчикова и Назимова). Он утверждает, что «декабристы Лорер, Лихарев, Назимов и другие не могли, несмотря на все желание, удовлетворить его, да и сами не понимали, чего добивается Лермонтов». Такой вывод по меньшей мере странен.

[24] «Голос», 1875, № 56, от 25 февраля.

[25] А. Герцен. Былое и думы, стр. 290.

[26] Там же, стр. 291.

[27] П. Висковатов. Ук. соч., стр. 303—304.

[28] Н. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.— Л., 1946, стр. 695.

[29] Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917, стр. 227.

[30] В. Белинский. Русская литература в 1840 г.— Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1901, стр. 489.

[31] Там же, стр. 475.

[32] А. Герцен. Полн. собр. соч., т. V, стр. 359.

[33] Последний раз Лермонтов и Назимов встретились, повидимому, летом 1841 г. в Пятигорске. Лермонтов приехал в Пятигорск 23 мая 1841 г. В это время Назимов тоже был на водах в Пятигорске. «Нынешнего лета я пользовался на Минеральных водах в Пятигорске; там был и Назимов, и Черкасов»,— писал Лорер декабристу А. Ф. фон Бриггену 5 декабря 1841 г. Об этом же см. в записках А. И. Арнольди (ниже, стр. 467—468).

ЛЕРМОНТОВ И КРЕСТЬЯНЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сообщение П. Вырыпаева

В литературе обстоятельно исследована среда, окружавшая Лермонтова в Москве, в Петербурге, на Кавказе. Но простые русские люди, крестьяне и дворовые, которые были близки Лермонтову с раннего детства и до самой смерти, остаются в его биографии неназванными. Имена большинства из них утрачены, однако некоторых из числа тех, кто был особенно связан с поэтом, мы имеем возможность назвать.

С самого рождения Лермонтова к нему была приставлена крепостная кормилица, двадцатидевятилетняя Лукерья Алексеевна Шубенина—крестьянка села Тарханы. У нее было четверо детей: Степан, Прасковья, Анна и Татьяна [1].

В 1817 г. у Лукерьи Шубениной родился последний сын — Василий [2], которого до сих пор считали молочным братом Лермонтова. Но это ошибка. Молочной сестрой и сверстницей поэта в действительности была Татьяна.

Живя в Тарханах, Лермонтов часто навещал свою «мамушку» и еще ребенком мог слышать в ее семье рассказы о восстании Пугачева.

Свекру Лукерьи Алексеевны, Василию Григорьевичу Шубенину, в год пугачевского восстания было 30 лет [3]. Можно предполагать, что он многое помнил, тем более, что один из пугачевских отрядов располагался в селе Калдусы, всего в 9 км от Тархан.

«Мамушка», Лукерья Алексеевна Шубенина, на десять лет пережила своего питомца; умерла она в 1851 г., 65 лет от роду [4].

Семью Шубениных с годами стали называть Кормилицыными; это прозвание сделалось их фамилией [5] и сохранилось до сих пор за потомками Лукерьи Алексеевны.

Со слов матери много рассказывал о Лермонтове младший сын Лукерьи Алексеевны — Василий Иванович Шубенин (ум. 1905) [6]. Он был на три года моложе Лермонтова и хорошо помнил, как поэт приходил к ним в дом. Рассказы Василия Ивановича теперь передает его внучка, Татьяна Григорьевна Чуглина — правнучка кормилицы Лермонтова. Вот один из рассказов Т. Г. Чуглиной:

«Дед мой, Василий Иванович, дожил до глубокой старости. От него я слышала, как Михаил Юрьевич бывало заезжал к нам верхом. Дедушка сказывал, что Михаил Юрьевич из себя был невысокого роста, плечистый, смуглый и на лицо приятный. Часто Михаил Юрьевич говорил моему деду: „Вот доживу если, леса, «Круглую» и «Долгую» крестьянам отдам“. Как, бывало приедет в имение, народ к нему валом валит со своей нуждой, жальливый был до крестьян, а бабушка его, Елизавета Алексеевна,— скуповата» [7].

В детстве Лермонтов играл с крестьянскими ребятами в войну. Место его детских игр сохранилось и до сих пор. Это так называемые траншеи — два насыпанных холма, окруженные канавой. Выскакивая из-за холмов,

играющие атаковали друг друга. Особенно был дружен маленький Лермонтов с дворовым мальчиком, на два года старше его — Иваном Соколовым, которого впоследствии он взял с собой в Петербург [8].

Порядки в усадьбе Е. А. Арсеньевой мало чем отличались от порядков в имениях других помещиков-крепостников. В ревизских сказках, хранящихся в Пензенском облгосархиве, имеются записи, свидетельствующие о суровом обращении Арсеньевой с тарханскими крестьянами. По имеющимся данным, в разное время по ее ходатайствам было сослано в Сибирь восемь человек. Чем провинились они перед помещицей — неизвестно [9].

Особенно сурово расправилась Арсеньева с семьей Федора Иванова: сам он был сослан в Сибирь на поселение, а сыновья его отданы в солдаты[10]. Так же поступила Арсеньева и с Алексеем Григорьевым: самого его сослала в Сибирь, а его сына отдала в солдаты [11].

Сослав в Сибирь Зиновея Никитина, Арсеньева через несколько месяцев продала его восемнадцатилетнего сына.

Продажа людей не была редкостью в имении Арсеньевой. Повидимому, продавала она крепостных не столько ради денег, сколько в виде наказания. Финансовое положение Арсеньевой никогда не было тяжелым: одних наличных денег после ее смерти осталось 300 тысяч рублей ассигнациями [12]. Продавала она, очевидно, тех крестьян, от которых почему-либо желала избавиться [13].

Нелегко жилось крепостным в имении Арсеньевой. Случалось, крестьяне бежали из Тархан, куда глаза глядят, оставляя дом, семью, милые сердцу места. Всего из имения Арсеньевой, по неполным данным, бежало девять человек [14].

Когда Лермонтов в 1831 г., после смерти отца, стал хозяином родового имения Кропотово, он начал отпускать крестьян на волю. Это подтверждается записью, обнаруженной в метрических книгах. Приведем ее дословно, — тем более, что до сих пор ни в одной биографии Лермонтова не упоминалось о том, что он отпускал крестьян на волю. В книге, куда заносились фамилии бракосочетавшихся в феврале 1849 г., записано: «Тульской губернии, Ефремовского уезда, деревни Кропотово, вольноотпущенная господином Лермонтовым Варвара Антонова первым браком — 25 лет». «Поручители по невесте: села Тархан вольноотпущенные господином Лермонтовым дворовые люди: Кирилл Лаврентьев и Николай Григорьев» [15].

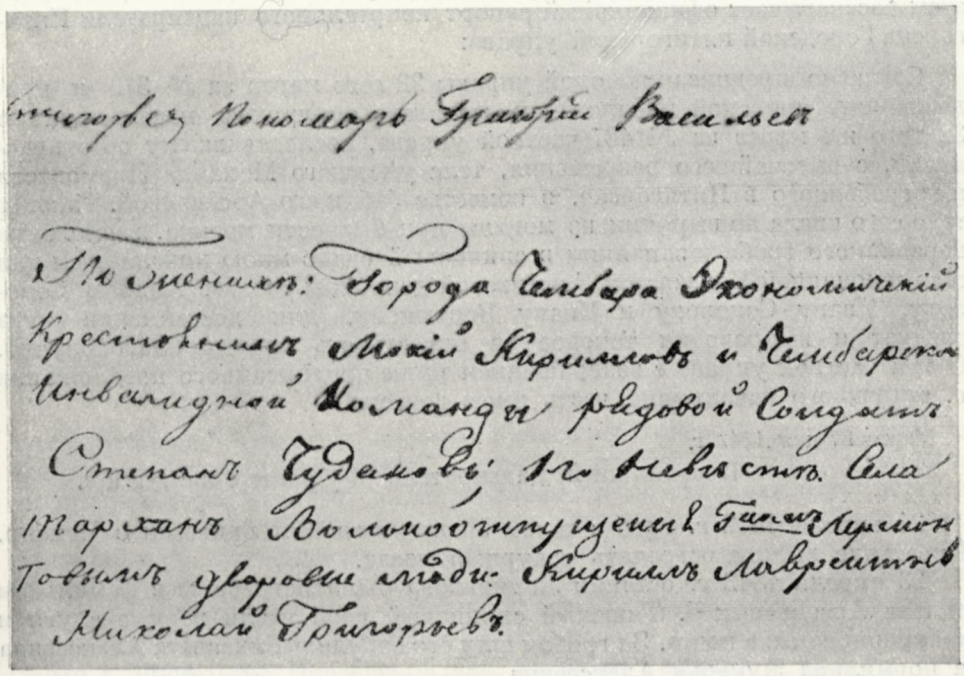
Чтобы понять эту запись, надо иметь в виду, что, кроме крестьян тульской деревни Кропотово, принадлежавшей отцу Лермонтова, поэту достались по наследству от его матери восемь крепостных семейств в Тарханах. Достигнув совершеннолетия, Лермонтов получил право распоряжаться их судьбами и, как видим, отпустил их на волю так же, как и кропотовских. Судя по записи в метрической книге, получив волю, Варвара Антонова переехала из Кропотова в Тарханы. Потому-то за нее и «поручились» Лаврентьев и Григорьев — вольноотпущенные села Тарханы.

В биографиях Лермонтова весьма скромная роль отведена его дядьке, Андрею Ивановичу Соколову. О нем говорится значительно меньше, чем, например, о гувернерах Лермонтова — французе Капэ и немке Ремер. Между тем этот человек заботился о Лермонтове и опекал его многие годы и по праву должен занять в биографии поэта более важное место, чем то, которое отводилось ему до сих пор.

А. И. Соколов родился в Тарханах в 1795 г., в семье дворового человека. В 1818 г. он женился на дворовой девушке, Дарье Григорьевне Куртиной [16]. Дарью Григорьевну Арсеньева сделала ключницей, а Андрея Ивановича, грамотного, рассудительного человека, приставила к внуку. Лермонтов почти до конца жизни не расставался с Андреем Ивановичем,

искренно любил его и доверял ему. Доверие, которое оказывал поэт своему дядьке, естественно, внушало к Андрею Ивановичу уважение и товарищей Лермонтова: Раевского, Браницкого, Шан-Гирея и других. А. П. Шан-Гирей рассказывает в своих воспоминаниях, что Андрей Иванович был постоянным «кассиром» Лермонтова и действовал при этом «совершенно бесконтрольно» [17].

В декабре 1835 г. Лермонтов получил отпуск и прожил в Тарханах два с половиной месяца. Из петербургского великосветского общества он попал в деревню и увидел жизнь простого народа. В Тарханах Лермонтов навестил свою кормилицу — Лукерью Алексеевну Шубенину.



ЗАПИСЬ В МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ ЦЕРКВИ СЕЛА ТАРХАН О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ В ФЕВРАЛЕ 1849 г., ПОДТВЕРЖДАЮЩАЯ, ЧТО ЛЕРМОНТОВ ОТПУСКАЛ НА ВОЛЮ СВОИХ КРЕПОСТНЫХ

Пензенский областной архив

В ее семье жил в то время Дмитрий Федоров, отставной солдат, участник Бородинской битвы [18]. Сданный Е. А. Арсеньевой в солдаты в 1810 г., он прослужил 25 лет и, возвратившись в Тарханы, поселился в семье Лукерьи Алексеевны, которой он приходился двоюродным деверем. Более близких родных в Тарханах у него не осталось. Часто навещая «мамушку», Лермонтов, повидимому, неоднократно слушал рассказы бывалого солдата.

В марте 1836 г. Лермонтов уехал в Петербург к месту службы в сопровождении неизменного дядьки А. И. Соколова. Отправились с Лермонтовым (а может быть приехали к нему позже) двое его дворовых людей: Иван Абрамович Соколов и Иван Николаевич Вертюков. Они же сопровождали Лермонтова во время его последней поездки на Кавказ, в апреле 1841 г. Старый дядька Андрей Иванович почему-то на Кавказ не поехал. В день трагической гибели Лермонтова, 15 июля 1841 г., И. А. Соколов находился в Железноводске, а Вертюков — на квартире поэта в Пятигорске. По вызову Глебова, секунданта Мартынова,— Вертюков,

выполнявший обязанности кучера, поехал на место дуэли с кучером Мартынова, Ильей Козловым, и в 10—11 часов вечера перевез тело Лермонтова на квартиру [19].

После долгих хлопот Е. А. Арсеньева получила разрешение перевезти тело Лермонтова из Пятигорска в родные Тарханы, где он и был похоронен. Перевезти тело поручено было старому дядьке Андрею Ивановичу Соколову. 12 февраля 1842 г. Андрей Иванович получил в Чембаре сопроводительные документы и через несколько дней отправился в путь. С ним поехали Иван Соколов и Вертюков, присутствовавшие при погребении поэта в Пятигорске. Андрей Иванович прожил в Пятигорске пять дней и 27 марта выехал с телом Лермонтова обратно в Тарханы. Об этом рассказывает официальный рапорт квартального надзирателя Пятигорска Городской пятигорской управе:

Согласно предписанию оной управы 22 сего марта за № 373 и приложенному при оной предложению здешнего окружного начальника от 22 того же марта за № 487 частной управе, последовавшему об отправлении, с высочайшего разрешения, тела умершего Михаила Лермонтова и погребенного в Пятигорске, в поместье бабки его Арсеньевой, Таковое тело сего числа по вырытии из могилы при бытности медика, засмолении деревянного гроба и запаянии в свинцовый сдано мною присланным для сего помещицей Елизаветой Арсеньевой дворовым людям Андрею Соколову, Ивану Соколову и Ивану Вертюкову, для доставления куда следует и выпроводил таковое за окрестность города благополучно. О том частной управе с возвращением выше предписанного предложения г. окружного начальника честь имею донести.

Марта 27 дня 1842 г.

Квартальный надзиратель Мурашевский[20].

21 апреля 1842 г. гроб с телом Лермонтова был привезен в Чембар. Крестьяне вышли встречать траурный поезд.

23 апреля 1842 г. останки Лермонтова были погребены в фамильном склепе Арсеньевых [21]. Тяжелый свинцовый гроб несли верные слуги и товарищи детства поэта. За гробом шли его бабушка Елизавета Алексеевна и кормилица Лукерья Алексеевна.

Что же стало после смерти Лермонтова с его слугами? Иван Николаевич Вертюков в качестве дворового человека жил в Тарханах с матерью и братом [22]. Иван Абрамович Соколов тоже жил в Тарханах, женился и после смерти Арсеньевой, по доверенности Афанасия Алексеевича Столыпина, к которому перешло имение по духовному завещанию покойной, управлял некоторое время имением [23].

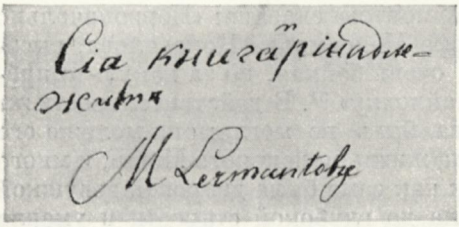
Андрей Иванович Соколов был отпущен на волю, но жил до самой смерти в Тарханах. В 1867 г. в «Пензенских губернских ведомостях» появилась такая заметка: «На дворе, во ста шагах от дома, построен маленький флигелек, где давно уже проводит свои грустные дни бывший слуга М. Ю. Лермонтова — дряхлый, слепой старик, когда-то всей душой преданный поэту, о котором одно воспоминание до сих пор приводит в волнение все его престарелое существо. Если вы спросите у него, помнит ли он своего барина, Андрей Иванович привстанет со своего места и весь задрожит. Он хочет говорить, но слова мешаются, он не в силах выразить вам все, что в один раз желал бы передать вам. „Портрет,— усиливается он произнести,— портрет...“ — И несет показать вам сделанный масляной краской снимок с лица, чей образ ему так мил и дорог» [24].

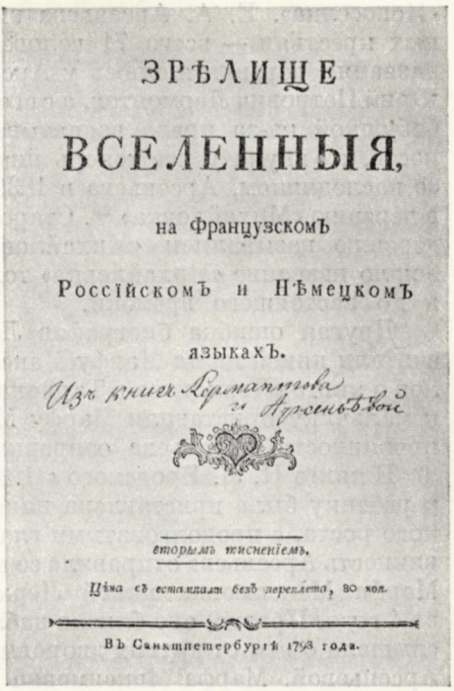
Андрей Иванович умер в 1875 г. в возрасте восьмидесяти лет [25]. До конца дней своих он чтил память Лермонтова. Оставшиеся у него личные вещи поэта он берег как реликвии. После смерти Андрея Ивановича эти

АВТОГРАФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ЛЕРМОНТОВА НА ЕГО ДЕТСКОМ УЧЕБНИКЕ «ЗРЕЛИЩЕ ВСЕЛЕННЫЯ», НАЧАЛО 1820-х гг.

Титульный лист и внутренняя сторона крышки переплета

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград





вещи (шкатулка орехового дерева с бронзовой отделкой, эполеты с одной звездочкой, чувяки сафьяновые с серебряными позументами, купленные Лермонтовым на Кавказе, жилет шелковый и хрустальная ваза) перешли во владение к сыну Андрея Ивановича Соколова, Филиппу Федоровичу Беспалову [26], служившему лакеем в доме управляющего имением П. Н. Журавлева. Шкатулка орехового дерева в 1939 г. приобретена у жены Беспалова, Анны Петровны, музеем Лермонтова в Тарханах. Эполеты с одной звездочкой она в 1884 г. продала Турнеру (помещик, владелец с. Щепотьева, Пензенской обл., в 7 км от Тархан). В 1905 г., после смерти Турнера, по его завещанию, эполеты были переданы Лермонтовскому музею в Петербурге. Чувяки черкесской работы Журавлев передал в 1883—1884 гг. вместе с детским столиком Лермонтова тому же музею, и теперь они хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — так же, как и эполеты.

* * *

За годы советской власти издано много книг о жизни и творчестве Лермонтова. Но в той части, которая относится к пребыванию Лермонтова в Тарханах, встречаются неточности. Одной из ошибок, вошедших в биографию Лермонтова, является дата основания Е. А. Арсеньевой деревни Михайловки. Первый биограф Лермонтова, со слов тарханских крестьян, утверждал, будто деревня Михайловка (недалеко от Тархан) была построена Арсеньевой в честь рождения внука. Висковатов писал, что «Юрию Петровичу ⟨отцу поэта⟩ предоставлено было управлять имением матери — селом Тарханы и деревней Михайловкой» [27].

Висковатов предполагал, что деревня Михайловка в 1815 г. была уже построена. В действительности же этой деревушки тогда еще не было. На основании документальных данных нам удалось установить, что деревня была основана только в 1825 г. и первоначальное ее название —

«Новоселка». Е. А. Арсеньева выселила туда в 1825 г. 12 семей крепостных крестьян — всего 71 человек [28]. Желание увековечить имя внука в названии деревни явилось у Арсеньевой позднее. 1 октября 1831 г. умер Юрий Петрович Лермонтов, а с его смертью окончилась распря между ним и бабушкой из-за права воспитывать мальчика; получив полную уверенность, что внука у нее теперь никто не отнимет, и он со временем станет ее наследником, Арсеньева в 1839 г. переименовала деревню «Новоселка» в деревню «Михайловка» [29]. Старое название забылось не сразу: года три деревню называли и «Михайловкой», и «Новоселкой». В обиход прочно вошло название «Михайловка» только с 1841 г. Это название сохранилось и до настоящего времени.

Другая ошибка биографов Лермонтова заключается в том, что они считали няней поэта Марфу Максимовну Коновалову. Так, В. А. Мануйлов в книге «Лермонтов в Тарханах» пишет: «Чуть ли не с самого рождения к мальчику приставили Марфу Максимовну Коновалову, но за какую-то провинность Арсеньева отправила ее в Михайловку» [30].

В книге Н. Л. Бродского «М. Ю. Лермонтов» сказано: «Первоначально к ребенку была приставлена няня Марфа Максимовна Коновалова, высокого роста, с продолговатыми глазами, очень бойкая, но за какую-то провинность Арсеньева отправила ее в Михайловку» [31]. В действительности же Марфа Максимовна няней Лермонтова быть не могла: она моложе его на 4 года. Правда, она близко наблюдала жизнь маленького Миши, и много слышала о нем от других дворовых, так как сама была дворовой девушкой Арсеньевой. Марфа Максимовна дожила до глубокой старости и умерла в начале XX в.[32] Многие жители Тархан хорошо ее помнят. Марфа Максимовна охотно рассказывала о Лермонтове и при этом, из желания казаться ближе к нему, называла себя его няней. В рассказах Марфы Максимовны поэт представлен другом и защитником народа. Теперь ее рассказы передают другие: «Сказывала Марфа-то Максимовна, как вышел однажды Мишенька на балкон, а в селе избы-то по-черному топились, он и спрашивает: „почему дым через крышу идет, я видел, как дым через трубу идет, а не через крыши“; рассказали ему; тут он и пристал к бабушке: „У тебя своя кирпишна ⟨кирпичный завод⟩, дай мужикам кирпичей на печки“. Ну бабка-то его любила, мужикам кирпичей дали. Сложили печки-то с трубами. До крестьян Мишенька-то был добрый. Он может их и на волю отпустил бы, да когда его убили, Дарья Григорьевна, ключницей была у бабки, уговорила бабку не отдавать мужикам землю. „У тебя, говорит, потомство есть — это Столыпины-то“» [33].

На основании записей в метрических книгах удалось точно определить, когда именно семья Лермонтовых с маленьким Мишей приехала в Тарханы. Во многих биографиях поэта неопределенно указывается, что семья Лермонтова приехала в Тарханы «весной» или «в начале лета» 1815 г., то есть когда мальчику не было еще года [34]. В действительности Лермонтовы приехали в Тарханы ранней весной. В исповедальной книге за 1815 г. записано: «Чембарского округа, села Яковлевского, Тарханы тож, Николаевской церкви соизволением против каждого имени о бытии их во святую, великую Четыредесятницу у исповеди и святого причастия были: 1) гвардии поручица Е. А. Арсеньева, 2) у ней зять корпуса капитан Юрий Петрович Лермонтов, 3) жена его Марья Михайловна, 4) у них сын Михаил» [35].

Значит в «великий пост» («четыредесятница») перед пасхой у причастия была вся семья Лермонтовых. Пасха в тот год приходилась на 18 апреля. В апреле же, особенно в первой его половине, во всей средней полосе России наступает распутица. Лермонтовы вряд ли пустились в дорогу в эту пору. Остается предположить, что приехали они в Тарханы в марте 1815 г. еще по санному пути никак не позднее первой половины апреля.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга за 1815 г., л. 61— состав семьи с указанием возраста.

[2] Там же. Метрическая исповедальная книга, 1821, л. 159 — состав семьи с указанием возраста (Иван Васильевич — 36 лет, Лукерья Алексеевна — 36 лет, их дети: Степан — 13 лет, Прасковья — 11 лет, Анна — 9 лет, Василий — 4 лет).

[3] Там же. Метрическая исповедальная книга, 1815, л. 61.

[4] Там же. Метрическая книга об умерших, 1851, сентябрь, л. 163.

[5] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1860, л. 440 (здесь впервые дети Лукерьи Алексеевны — Василий и Степан — записаны Кормилицыными).

[6] Архив Белинского Райзагса Пензенской обл. Метрическая книга, 1905, 17 декабря, запись 52 (Василий Иванович Кормилицын умер 89 лет).

[7] Записано со слов Т. Г. Чуглиной в марте 1950 г.

[8] Там же. Метрическая исповедальная книга, 1815, л. 57—состав семьи дворового Абрама Филипповича Соколова (его сын Иван записан в возрасте трех лет).

[9] Пензенский Облгосархив. Ревизские сказки, 1834, ф. 60, д. 303, лл. 137, 155 (Матвей Дмитриев, 25 лет, сослан в 1821 г.; Матвей Герасимов, 22 лет,— в 1824 г.; Арефий Семенов, 51 года,— в 1824 г.; его сын Иван, 20 лет,— в 1824 г.).

[10] Ревизские сказки, 1811, ф. 60, д. 172 (Федор Иванов, 40 лет, сослан в 1808 г.; его дети отданы в рекруты: Матвей, 22 лет,— в 1809 г., Дмитрий, 22 лет,— в 1810 г.; Зиновей Никитин, 48 лет, сослан в 1806 г.; его сын Федор, 18 лет, продан в 1807 г.).

[11] Там же, д. 172.

[12] Духовное завещание Е. А. Арсеньевой, опубликованное в статье: В. М а н у й л о в. Новые материалы об Е. А. Арсеньевой.— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 36.

[13] Пензенский Облгосархив, ф. 60, оп. 4, д. 319, л. 481 (Лукьян Михайлов, 32 лет, продан в 1835 г. вместе с сыном двух лет).

[14] Пензенский Облгосархив, ф. 60, д. 303, л. 115 (Михаил Григорьев, 43 лет, бежал в 1825 г.; Наум Григорьев, 21 года,— в 1828 г.); д. 172 (Василий Григорьев, 40 лет, бежал в 1806 г.; Максим Семенов, 39 лет,— в 1811 г.; Максим Антонов, 31 года,— в 1810 г.; Константин Иванов, 51 года,— в 1807 г.; Иван Терентьев, 30 лет,— в 1811 г.; Леонтий Яковлев, 41 года,— в 1802 г.).

[15] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая книга «О бракосочетавшихся», 1849, февраль, л. 50, запись 9.

[16] Там же. Метрическая книга «О бракосочетавшихся», 1818, октябрь, л. 39, запись 5.

[17] А. Ш а н - Г и р е й. — «Русское обозрение», 1890, № 8.

[18] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1839, л. 19, запись 15.

[19] ИРЛИ АН СССР, ф. 524 — судебно-следственное дело о поединке Мартынова с поручиком Лермонтовым.

[20] Там же, ф. 524, оп. 3, д. 23-24 — о погребении и переписка о перевозе гроба Лермонтова.

[21] Пензенский Облгосархив, ф. 5, д. 2635 — о перевозе тела Лермонтова. Рапорт Чембарского исправника от 24 апреля 1842 г.

[22] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1842, л. 128; 1853, л. 238; 1857, л. 335 (среди дворовых значится Иван Николаевич, холост, 37 лет).

[23] Пензенский Облгосархив. Ревизские сказки, 1851, ф. 60, д. 319, л. 809 (ревизскую сказку составлял и расписался по доверенности А. А. Столыпина И. А. Соколов).

[24] «Пензенские губернские ведомости», 1867, № 50.

[25] Архив Белинского Райзагса Пензенской обл. Метрическая книга об умерших, 1875, 21 марта, запись 8: «Умер Пензенский мещанин Андрей Иванович Соколов 80 лет». В 1843 г. А. И. Соколов и его жена Дарья Григорьевна получили от Арсеньевой отпускную, но продолжали жить в Тарханах (Пензенский Облгосархив. Ревизская сказка, 1851, ф. 60, д. 319, л. 450).

[26] З. И. Кузнецова рассказывает, что первый муж ее матери — Анны Петровны, Ф. Ф. Беспалов, был внебрачным сыном А. И. Соколова и Д. И. Беспаловой. Действительно, в метрической книге, хранящейся в музее, 1 января 1851 г. сделана запись о рождении Филиппа Федорова, незаконнорожденного сына Домны Ивановны Беспаловой. В книге бракосочетавшихся за 1881 г. 11 января (хранящейся в архиве Белинского Райзагса Пензенской обл.) записано, что Ф. Ф. Беспалов (30 лет), Анна Петровна (20 лет) венчаны.

П. Висковатов, посетивший Тарханы в 1881 г., писал: «Лермонтов шутя советовал подбирать исписанные листы, рассказывал мне в Тарханах сын лермонтовского камердинера со слов отца своего» (П. В и с к о в а т о в. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, стр. 94). То же передает и Анна Петровна в своих воспоминаниях,

опубликованных в газ. «Сталинское знамя», 1939, № 187. Эти слова Анна Петровна могла слышать только от своего первого мужа, Ф. Ф. Беспалова.

[27] П. Висковатов. Ук. соч., стр. 11.

[28] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1825, л. 220 — впервые записана деревня «Новоселка»: 23 чел. из дворовых с. Тархан, 48 чел. из крепостных того же села, что легко проследить по метрическим исповедальным книгам за 1824 г. Существование деревни «Новоселка» подтверждается также документами Пензенского Облгосархива, ф. 182, д. 1272, л. 149.

[29] Пензенский Облгосархив, ф. 182, д. 1441; ф. 182, д. 1512; архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1839, л. 10.

[30] В. Мануйлов. Лермонтов в Тарханах. Пенза, 1949, стр. 36.

[31] Н. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I. М., 1945, стр. 16.

[32] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1825, л. 220; Метрическая книга «О бракосочетавшихся», 1835, л. 194, запись 29; Пензенский Облгосархив. Ревизские сказки, 1851, ф. 60, оп. 4, д. 319, л. 494 (состав семьи Марфы Максимовны).

[33] Записано в 1948 г. в с. Лермонтове, Пензенской обл. со слов семидесятилетней колхозницы Н. П. Рыбаковой, хорошо знавшей Марфу Максимовну.

[34] Н. Бродский. Ук. соч., стр. 12.

[35] Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1815, л. 57. Воспроизведен в «Лит. наследстве», т. 45-46, 1948, стр. 629.

ЛЕРМОНТОВ В ЗАПИСКАХ А. И. АРНОЛЬДИ

Публикация, введение и примечания Ю. Оксмана

Имя А. И. Арнольди, однополчанина Лермонтова по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку и свидетеля последних месяцев его жизни на Кавказе, принадлежит к числу имен, давно уже известных в специальной литературе.

С самого начала шестидесятых годов в печати начинают появляться записи его воспоминаний о Лермонтове, воспроизведения с принадлежавших ему лермонтовских картин, учитываются его парадоксально-претенциозные характеристики поэта и его окружения. При ближайшем участии Арнольди была осуществлена в 1862 г. известная публикация материалов о Лермонтове в «Русском художественном листке» Тимма. Здесь же дебютировал он и как мемуарист, разрешив В. Р. Зотову, оформлявшему литературную часть издания, прямую ссылку на свои рассказы о Лермонтове-рисовальщике[1].

Записью рассказа Арнольди о последней дуэли поэта документирует С. С. Дудышкин в «Материалах для биографии Лермонтова» 1863 г. свой очерк жизни и творчества поэта (см. далее, стр. 475). В 1885 г. печатает в «Русской старине» свою беседу с А. И. Арнольди о Лермонтове П. А. Висковатов (см. стр. 453). В 1890 г. несколько строк воспоминаний А. И. Арнольди о Лермонтове в передаче Ю. Ельца оживляют официальную «Историю лейб-гвардии Гродненского гусарского полка» (I, стр. 205—206). Наконец, его же рассказы о Лермонтове появляются в передаче В. И. Шенрока в «Русском слове» от 3 мая 1903 г. и перепечатываются в «Новом времени» от 5 мая 1903 г.

Критический учет всех этих кратких, случайных, и по самой технике их записей и условиям передачи не всегда точных, в ы с к а з ы в а н и й о Лермонтове позволяет установить, что даже в наиболее ответственных своих частях они с рукописью подлинных з а п и с о к А. И. Арнольди связаны только именем мемуариста. Он не возражал против использования в печати своих рассказов и суждений о Лермонтове, но ни к одному листу рукописи своих воспоминаний никого никогда не допускал. В научный оборот записки А. И. Арнольди впервые входят лишь в настоящем издании.

I

Александр Иванович Арнольди родился 21 апреля 1817 г. Он был старшим сыном известного боевого генерала эпохи наполеоновских войн и похода 1829 г. за Балканы, героя Прейсиш-Эйлау, Березины, Лейпцига и Кулевчи, конно-артиллериста Ивана Карловича Арнольди[2]. Дядей мемуариста по матери был декабрист Н. И. Лорер, один из ближайших соратников Пестеля по революционной работе в Южной армии, а сводной сестрой — фрейлина А. О. Россет-Смирнова, приятельница Пушкина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова и Гоголя. Воспитание А. И. Арнольди получил в самом аристократическом военно-учебном заведении николаевской поры — пажеском корпусе. Старшим товарищем и покровителем его здесь был кн. П. В. Долгоруков, будущий эмигрант, известный своими трудами по генеалогии, а еще более участием в составлении пасквильного «диплома Ордена Рогоносцев», посланного Пушкину перед дуэлью[3].

В воспоминаниях А. И. Арнольди отражены и его встречи с Пушкиным. «В последние годы моего пребывания в корпусе,— писал Арнольди,— в доме сестры моей А. О. Смирновой я узнал или, пожалуй, познакомился с А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским, которых очень часто видел в ее гостиных, а однажды, скрытый занавескою, жадно выслушивал советы Жуковского, даваемые им Пушкину для написания Пугачевщины, собиранием материалов которой в то время поэт наш был занят. Помню Александра Сергеевича довольно небрежно одетого, с африканским лицом и курчавыми волосами, носящего очень длинные ногти на руках, уничтожающего за обедом у сестры несчетное количество устриц, которые он ел, нарезывая их в стакан и оросив лимоном» [4].

В 1837 г. Арнольди выпущен был корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, куда через год был переведен и Лермонтов, только что отбывший ссылку на Кавказе за стихотворение «Смерть поэта». Очень характерно, что самое имя Лермонтова в 1838 г. еще ничего не говорит Арнольди. Для него, как и для огромного большинства его сослуживцев, автор стихотворений «Смерть поэта», «Бородино», «Песня про купца Калашникова» является только «бывшим лейб-гусаром», «зазнавшимся пришельцем». Позднейшие впечатления от встреч и бесед с Лермонтовым не изменяют этого предубежденно-враждебного отношения будущего мемуариста к великому поэту. «...и мы,— писал Арнольди,— не предвидя в нем будущей славы России, смотрели на него совершенно равнодушно». Около двух месяцев прослужил Арнольди в одном полку с Лермонтовым, живя с ним в одном доме, бок о бок, в двух смежных комнатах, но в Пятигорске в 1841 г. они встретились как почти чужие друг другу люди. При первом свидании Лермонтов попытался даже сделать вид, будто он вовсе не узнает Арнольди. Между тем, их связывали не только воспоминания о службе в Гродненском гусарском полку. Зимой 1840/41 г., в пору своего последнего пребывания в Петербурге, Лермонтов часто встречался с А. О. Смирновой. Ей автор «Героя нашего времени» посвятил стихи «Без вас хочу сказать вам много». Смирнова же с портретной точностью зарисована была в неоконченной автобиографической повести Лермонтова «У графа В. был музыкальный вечер»: «Лугин часто бывал у Минской. Ее красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением» (V, 326). Когда Лермонтов уезжал на Кавказ, А. О. Смирнова вручила ему рекомендательное письмо к своему дяде, декабристу Н. И. Лореру. Смирнова не могла не знать о пребывании своего брата и сестер в Пятигорске, и тем не менее ничего не сделала для того, чтобы сблизить и этих своих родных с опальным поэтом. Характерно, что и А. И. Арнольди, уделяя много внимания в своих записках Н. М. Смирнову, мужу Александры Осиповны, крайне скуп в своих показаниях о ней самой. Вдохновительницу Пушкина и Лермонтова он вспоминает только в связи с историей ее замужества [5].

А. О. Смирнова, видимо, очень хорошо понимала, насколько не высок был интеллектуальный уровень ее брата. Не удивительно, что и Лермонтов при первом свидании с ним в Пятигорске попытался даже сделать вид, будто вовсе не узнает его. Когда же они вновь стали друг с другом часто встречаться в кругу курортной молодежи, то это пустое светское общество оказалось гораздо ближе Арнольди, чем его бывший однополчанин. Ближе и в бытовом плане, ближе и по своему умственному развитию. Это своеобразие позиции Арнольди как свидетеля событий, связанных с дуэлью и смертью Лермонтова, наложило определенную печать и на его записки. В них Арнольди охотнее говорил об окружении великого поэта, чем о нем самом. Мы хорошо знаем о встречах Лермонтова с Н. И. Лорером летом 1841 г. в Пятигорске. В это же время познакомился со своим дядей-декабристом и Арнольди. Лорер сразу же ввел его в круг своих товарищей по сибирской ссылке. Это были декабристы М. А. Назимов, А. И. Вегелин, братья А. П. и П. П. Беляевы. «Не знаю за что только они все очень меня полюбили, обласкали и я весело с ними проводил все свое время»,— вспоминал Арнольди. Со своей стороны и Лорер «радовался, что нашел в нем благородную, чистую душу и славного, по отзывам товарищей-гвардейцев, фронтового офицера» [6]. Естественно предположить, что со всей этой группой декабристов встречался в Пятигорске в эту пору и Лермонтов.

За участие в Ичкеринской экспедиции в 1842 г. против горцев Арнольди получил свою первую боевую награду — чин штаб-ромистра, после чего возвратился в свой

старый полк, в рядах которого оставался более двадцати лет. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Арнольди командовал 4-й кавалерийской дивизией и был первым русским губернатором освобожденной Софии. Его имя, как одного из выдающихся боевых генералов этой поры, отмечено было в 1881 г. на страницах «Русской старины», в воспоминаниях А. П. Беляева[7].

В середине восьмидесятых годов Арнольди вышел в отставку. Интересовались им после этого только биографы Лермонтова и историки лейб-гвардии Гродненского полка. Объявление о смерти генерала-от-кавалерии А. И. Арнольди 25 января 1898 г. появилось в газете «Новое время». Через три дня в этой же газете напечатан был и краткий его некролог[8].

II

К работе над воспоминаниями, которые, по собственному признанию Арнольди, он «порывался писать» уже «давно и несколько раз», мемуарист приступил 4 декабря 1869 г. Именно эта дата проставлена на первом листе тетради, озаглавленной: «Семейная хроника и мои воспоминания». В первых же строках своей рукописи Арнольди откровенно указал и повод, ближайшим образом обусловивший его обращение к перу: «Чтение записок князя Юрия Голицына (в „Вестнике Европы“ за 1869 г.), старого

АРКА ГЛАВНОГО ШТАБА В ПЕТЕРБУРГЕ
Литография К. П. Беггрова, 1830-е гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

товарища по Пажескому корпусу[9], возбудило во мне охоту в часы досуга изложить на бумаге все то, что память моя живо сохраняет, несмотря на то, что я переживаю шестой десяток лет. Ежели рассказы мои не будут так занимательны для читателей, как рассказы Юрия Голицына и многих других, которые мне удавалось читать, то уж никак не разнообразием впечатлений, а разве тем, что в моей ровной жизни я не делал таких скачков, как другие писатели записок, не состою в родстве с фельдмаршалами и светлейшими, как некоторые знаменитости, и никогда не занимал важных постов на службе государственной. Тем не менее мне посчастливилось знать многих деятелей в век преуспеяний моего отечества, во многих событиях участвовать, хотя и косвенно, и полагаю, что заметки мои не будут лишены интереса».

Первая часть рукописи, охватывающая биографию отца мемуариста, семейные предания, наконец, события его собственной жизни (до конца 1842 г.), оформлялась, видимо, очень медленно, с интервалами в несколько лет, многократно пересматривалась и обрастала дополнениями. Эти дополнения иногда имели характер беглых примечаний в две-три строки (некоторые даже с точными датами, последняя из которых проставлена в 1893 г.), иногда же вносились и в основной текст, на полях и вклейках. Страницы о встречах с Лермонтовым, к воспоминаниям о которых Арнольди обращается дважды — в рассказе о службе своей в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку (1838) и в разделе записок, посвященном пребыванию его летом 1841 г. в Пятигорске, писались около 1875 г. (Об этом свидетельствуют ссылки на годы «1870» и «1872», как на «недавние», а также замечание о принадлежности картин Лермонтова еще самому Арнольди, а не Лермонтовскому музею, куда они переданы были в 1880 г.). Дополнялась эта часть записок не позже 1887 г. Последняя дата, как крайняя, устанавливается нами на основании тех строк Арнольди, в которых он, отмечая исключительно враждебное отношение коронованного жандарма к Лермонтову, делал осторожную оговорку, что сам он «далек от веры в те слова, которые будто бы вырвались у императора при известии о его кончине: „собаке — собачья смерть“». Эти строки Арнольди прямо имели в виду известное свидетельство П. П. Вяземского, опубликованное впервые в 1887 г.: «Летом, во время Красносельских маневров, приехал из лагеря к Карамзиным флигель-адъютант полковник конно-гвардейского полка Лужин. Он нам привез только что полученное в главной квартире известие о смерти Лермонтова. По его словам, государь сказал: „собаке — собачья смерть“»[10].

Намечаемую нами датировку записок Арнольди поддерживает и сопоставление их с другими источниками. Например, рассказ его о происхождении лермонтовского экспромта «Русский немец белокурый» — свидетельствует о незнакомстве мемуариста с воспоминаниями самого М. И. Цейдлера об этом же эпизоде, опубликованными в 1888 г.[11] Если бы Арнольди не закончил своих записок годом раньше, он не мог бы, конечно, обойти молчанием рассказы своего однополчанина и друга.

III

Круг печатных материалов о Лермонтове, находившихся в литературном обороте в пору писания записок Арнольди, был, как известно, еще очень узок. Ему почти не приходилось поэтому ни ориентироваться на своих предшественников, вольно или невольно заимствуя чужой материал, ни серьезно полемизировать с тем, что не укладывалось в его собственные представления. Записки Н. И. Лорера, родного дяди мемуариста, одновременно с ним бывшего свидетелем событий лета 1841 г. в Пятигорске, являлись, вероятно, единственным литературным памятником, от показаний которого как-то отталкивался Арнольди, работая над своими воспоминаниями о последних месяцах жизни Лермонтова. Воспоминания Лорера были хорошо известны Арнольди не только в их печатной редакции (публикация в «Русском архиве» 1874 г.). Он когда-то принимал участие и в их оформлении, записывая, со слов и под диктовку дяди, историю всех его злоключений и встреч на жизненном пути (см. об этом материалы архива М. И. Семевского)[12]. Следов непосредственного учета материала Лорера в записках Арнольди, однако, очень немного, и даже это немногое тщательно корректировалось и уточня-

лось на основании личных впечатлений последнего (особенно характерно в этом отношении описание обоими мемуаристами бала, данного 8 июля 1841 г. «пятигорской публике» Лермонтовым и его друзьями — см. стр. 468 и 475). Текстуально же почти совпадает в записках Арнольди и Лорера только рассказ о похоронах Лермонтова[13].

Вовсе чуждой идеологическим установкам и враждебной деловому, иногда почти официально-протокольному, стилю записок Арнольди оказалась политическая патетика и лирическая взволнованность бывшего декабриста. «Со смертью Лермонтова,— писал Н. И. Лорер под свежим впечатлением пятигорской трагедии,— отечество наше лишилось славного поэта, который мог бы заменить нам отчасти покойного А. С. Пушкина, который так же, как и Грибоедов и Бестужев и Одоевский, все умерли в цветущих летах, полные сил душевных, умственных и телесных, и не своею смертью <...> Полный грустных дум, я вышел на бульвар. Во всех углах, на всех аллеях, только и было разговоров, что о происшествии. Я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру. Они, как черные враны, почувствовали мертвое тело и нахлынули в мирный приют исцеления, чтоб узнать, отчего, почему, зачем и потом доносить по команде, правдиво или ложно»[14].

Совсем не так на смерть Лермонтова реагирует Арнольди. Он не в силах понять исторический смысл событий, а потому отказывается от политической интерпретации всего виденного и слышанного им в эти дни.

Не называя имени Арнольди, П. А. Висковатов, еще при жизни мемуариста, опубликовал в «Русской старине» 1885 г. свою беседу с ним о поэте [15]. В 1903 г. В. И. Шенрок напечатал записи воспоминаний Арнольди о Лермонтове [16]. В обоих случаях отзывы Арнольди о поэте и характеристика его творчества ярко демонстрируют полное непонимание этим дворянским последышем личности и гения Лермонтова.

Мы упомянули об этих исключительных по своей исторической безответственности высказываниях о Лермонтове только для того, чтобы резче оттенить преимущества тех непритязательных, но точных и всегда строго взвешенных свидетельств о поэте и его окружении, которые рассыпаны в тексте подлинных з а п и с о к Арнольди. Особенно значительны для нас те страницы воспоминаний Арнольди, в которых он дает широко развернутую, живую и красочную характеристику лейб-гвардии Гродненского гусарского полка в пору пребывания в нем Лермонтова. По-новому должен восприниматься сейчас исследователями этот блестящий кавалерийский полк, оказывающийся «местом ссылки или какого-то чистилища» для всех штрафных офицеров гвардии, полк, наполненный «авантюристами» со всех концов света (до мыса Доброй Надежды включительно). Как живые встают перед нами портреты сослуживцев Лермонтова, его товарищей и начальников, воскрешается весь распорядок дня гусарского обер-офицера, со всеми мелочами строевой службы и домашнего быта. Очень тонко наряду с этим определяет мемуарист и общие морально-бытовые условия, в которых оказался полк на своей Новгородской стоянке: «Дух Аракчеева, года за два-три перед тем скончавшегося в своем имении Грузино, верстах в 30-ти от 1-го Округа, царил всецело над его созданием, и порядок, заведенный при нем, все еще сохранялся» и т. д.

Некоторые беглые замечания Арнольди позволяют внести кое-какие дополнения и поправки в толкования и датировки даже общеизвестных текстов Лермонтова. Так, например, в примечаниях ко всем изданиям Лермонтова фигурирует уже свыше 60 лет некая «девушка по фамилии Сталь», без раскрытия имени которой непонятна концовка экспромта «М. И. Цейдлеру»: «Но иной, не бранной с т а л ь ю мысли юноши полны». Между тем, вместо биографически обезличенной и никому не ведомой «девушки» в бытовое окружение Лермонтова должна войти, как свидетельствуют записки Арнольди,— жена дивизионного командира лейб-гвардии Гродненского полка, Софья Николаевна Стааль фон Гольштейн[17], дочь камер-юнкера Шатилова, друга А. А. Алябьева и однополчанина Грибоедова в 1812 г.

Большого внимания заслуживает свидетельство Арнольди и о подстрочном прозаическом переводе с польского «Стансов» Мицкевича, сделанном для Лермонтова корнетом Н. А. Краснокутским. Речь идет, конечно, о «Виде гор из степей Козлова» (из

«Крымских сонетов» Мицкевича) — единственном переводе Лермонтова с языка, которым сам он, как известно, не владел. Этот стихотворный текст, опубликованный впервые в альманахе «Вчера и сегодня» 1846 г., датируется обычно 1841 г. Ввиду того, что автограф перевода до нас не дошел, а традиционная датировка ничем не мотивирована, мы не видим никаких оснований для полемики с вполне конкретным утверждением Арнольди об обстоятельствах его написания и датировки (1838 г. вместо 1841 г.).

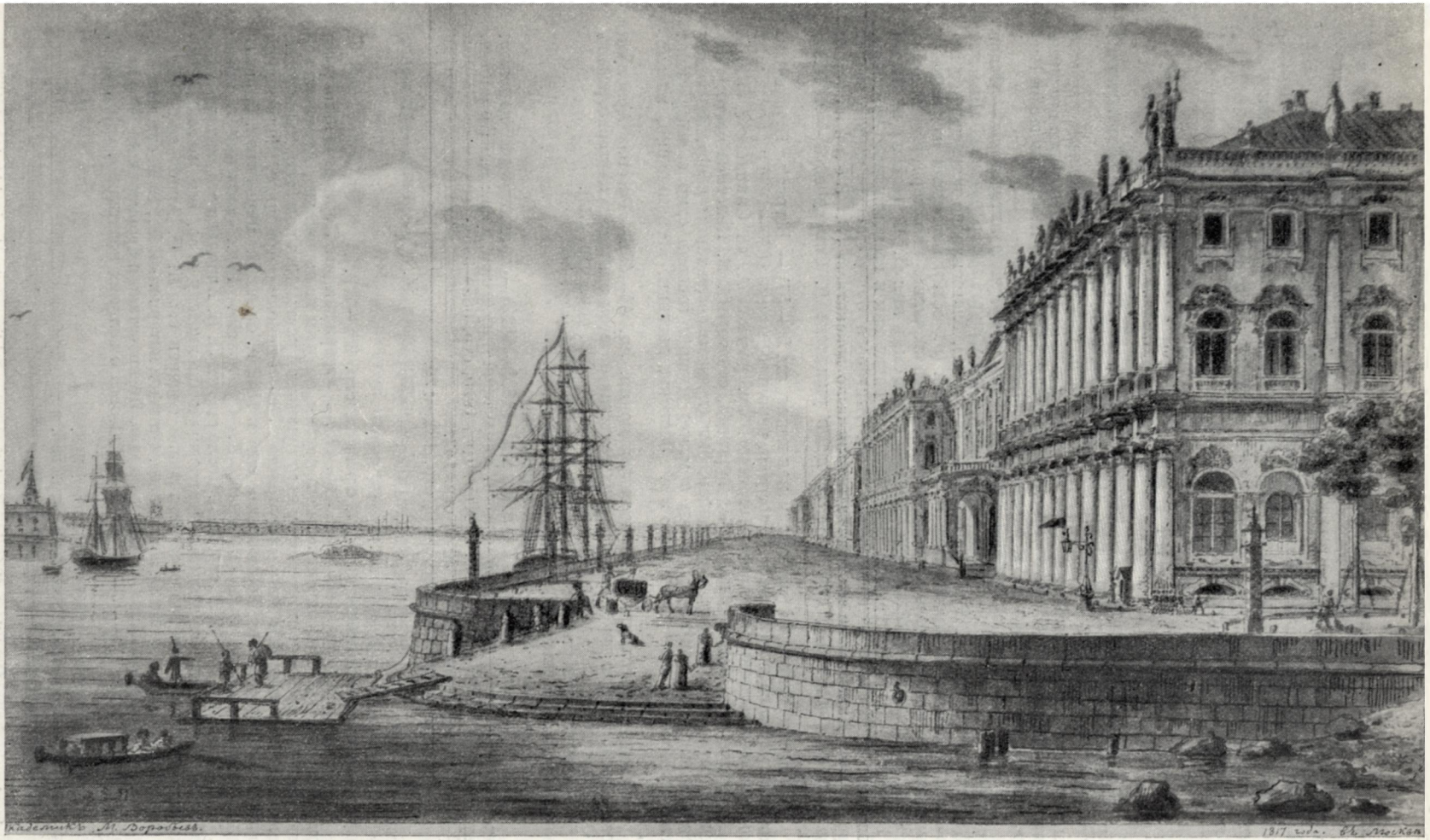
Особенности позиции Арнольди, как одного из ближайших свидетелей последних дней жизни Лермонтова, мы отмечали уже выше. Тем более разительна та откровенность, с которой сообщает мемуарист даже о мелких подробностях своих встреч с поэтом, даже таких, в которых роль самого Арнольди была далеко не выигрышной. Напомним, например, рассказ об их первом свидании в Пятигорске, когда Лермонтов, рисуясь, сперва сделал вид, что вовсе его не узнает, или пренебрежительную реплику: «Ну, этот ничего», когда Лермонтов и Трубецкой хотели скрыть от внезапно вошедшего Арнольди серию новых карикатур на Мартынова.

Очень убедительно вскрывают записки Арнольди инициативную роль Лермонтова в организации знаменитого бала, данного «по подписке» пятигорской публике поэтом и его друзьями 8 июля 1841 г. Насколько точен и осторожен Арнольди во всех своих показаниях, особенно в тех случаях, когда речь шла о его личных впечатлениях, а не о рассказах третьих лиц, свидетельствует разбор его воспоминаний о самом дне дуэли.

«Проехав колонию Шотландку, я видел пред одним домом торопливые приготовления к какому-то пикнику его обитателей, но не обратил на это особого внимания, я торопился в Железноводск, так как огромная черная туча, грозно застилая горизонт, нагоняла меня как бы стеной от Пятигорска и крупные капли дождя падали на ярко освещенную солнцем местность. На пол-пути в Железноводск я встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках; Глебов правил, а Столыпин с ягташем и ружьем через плечо имел пред собою что-то покрытое платком. На вопрос мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я еще посоветовал им убить орла, которого неподалеку оттуда заметил на копне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколько далее я встретил извозчичьи дрожки с Дмитревским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни».

В этом рассказе несколько противоречат общеизвестным документальным данным о поединке две детали: во-первых, свидетельство об И. Д. Дмитревском, который на месте дуэли не присутствовал[17], а потому, казалось бы, и не мог ехать с Лермонтовым в этом направлении, и во-вторых, замечание о встрече беговых дрожек с секундантами — М. П. Глебовым и А. А. Столыпиным, а не с одним Глебовым, которому предоставлены были эти дрожки их владельцем Мартыновым. Однако память и в этих мелочах не изменила Арнольди. Молчание Мартынова о Столыпине в ответах на официальные вопросные пункты следственной комиссии по делу о его поединке обусловлено было предварительным соглашением дуэлянтов не запутывать в дело лишних свидетелей, особенно таких, как скомпрометированный уже в глазах высшего начальства А. А. Столыпин (см. об этом прямое свидетельство А. И. Васильчикова, приведенное в книге П. А. Висковатова). Поэтому Мартынов и показал: «Условлено было между нами сойтись на месте к $6^1/_2$ часам пополудни. Я выехал немного ранее из своей квартиры верхом; беговые дрожки свои дал Глебову. Васильчиков и Лермонтов догнали меня уже на дороге, последние двое были также верхом»[18]. Не менее легко снимается и второе противоречие. Перед самой дуэлью, как свидетельствует известное письмо Е. Быховец от 5 августа 1841 г. о последнем дне жизни Лермонтова, она, в обществе Дмитревского и Лермонтова, пробыла до 5 часов — сначала в Железноводске, а потом в колонии Каррас (Шотландка), откуда поэт и поспешил на поединок[19]. Следовательно, встреча с Лермонтовым и Дмитревским, о которой упоминал Арнольди, действительно имела место, но относилась к моменту проезда Лермонтова с его гостями в Каррас, а не к возвращению оттуда к месту дуэли.

Записки А. И. Арнольди печатаются по копии с автографа первой их части, предоставленной в наше распоряжение Н. Н. Арнольди, вдовой старшего сына мемуариста.



ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Акварель М. Н. Воробьева, 1817 г.

Эрмитаж, Ленинград

Извлекая из текста воспоминаний Арнольди только страницы о Лермонтове и об его окружении, мы в одну главу выделяем рассказы Арнольди о совместной его службе с Лермонтовым в 1838 г. (датируемые началом 1870-х гг.), а в другой главе даем его воспоминания о встречах с поэтом летом 1841 г. и о событиях, связанных с его дуэлью и смертью (записи середины 1880-х гг.). В подлиннике эти листы перемежаются материалами о жизни и службе мемуариста в 1839—1840 гг., не имеющими особого интереса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русский художественный листок», 1862, № 7, стр. 27. (Перепечатано И. Н. Захарьиным в «Ист. вестнике», 1898, № 3, стр. 913).

[2] Иван Карлович Арнольди (1780—1860), генерал-от-артиллерии, известен был не только своими боевыми подвигами, но и острым языком, повредившим его административной карьере. О семье Арнольди см.: «Автобиография А. О. Смирновой-Россет». Подготовила к печати Л. Крестова. Л., 1931.

[3] В числе старших товарищей Арнольди были и будущие литераторы — Федор Федорович Корф (1812—1853), беллетрист и драматург, автор рассказа «Два дня в Демутовом трактире» («Русская беседа», 1841, т. II), благосклонно встреченного Белинским, и Николай Арсеньевич Коровкин (р. 1815), известный водевилист, оригинальные и переводные произведения которого ставились на петербургской сцене с 1836 г. Краткие биографические сведения о нем см. в кн.: О. Фрейман. Пажи за 185 лет. СПб., 1898, стр. 302. Сведения эти, равно как и воспоминания Арнольди, позволяют опровергнуть утверждение С. А. Венгерова, будто «точных данных о Коровкине нет. Даже имени и отчества нельзя было доискаться» (В. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 544; то же в указателе В. Спиридонова — т. XIII, стр. 571).

[4] «Записки Арнольди» (машинописная копия, лл. 56—57).— Встречи с Пушкиным, о которых упоминает мемуарист, относятся, вероятно, к зиме 1833—1834 г., когда поэт хлопотал о печатании «Истории Пугачева». Ср. рассказ А. О. Смирновой: «Князь П. А. Вяземский, Жуковский, А. И. Тургенев, сенатор П. И. Полетика часто у нас обедали. Пугачевский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили; кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один и всегда имел последнее слово» (А. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929, стр. 309).

[5] «Записки Арнольди» (машинописная копия, лл. 44—45).— Рассказ Арнольди вносит существенные дополнения в свидетельства об этом эпизоде в «Автобиографии» А. О. Смирновой (А. Смирнова-Россет. Ук. соч., стр. 132).

[6] «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931, стр. 262.

[7] «Русская старина», 1881, № 12, стр. 684.

[8] «Новое время», 1898, от 27 и 28 января.

[9] Юрий Николаевич кн. Голицын (1823—1872) — талантливый дирижер, знаток и популяризатор русской музыки. Характеристику его см. в кн.: А. Герцен. Былое и думы (Полн. собр. соч., т. XIV. Пг., 1920, стр. 385—395).

[10] «Русский архив», 1887, № 9, стр. 142.

[11] «Русский вестник», 1888, № 9, стр. 122—126.

[12] М. Азадовский. К вопросу о сочинениях М. С. Лунина.— «Каторга и ссылка», 1930, № 1, стр. 101.

[13] «Русский архив», 1874, № 11, стр. 688.

[14] «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 261—262.

[15] «Русская старина», 1885, № 2, стр. 476.— Утверждая, что Лермонтов автографы своих произведений «бросал или отдавал другим, но этим не дорожили», Арнольди тем самым как бы объяснял отсутствие у него рукописей поэта. Как известно, хранителем последних был младший брат мемуариста, Лев Иванович Арнольди, получивший «связку черновых бумаг Лермонтова» еще в 1842 г. от А. П. Шан-Гирея, бывшего тогда адъютантом его отца («Записки Е. Сушковой». Ред., введение и прим. Ю. Г. Оксмана. Л., 1928, стр. 396). После смерти Л. И. Арнольди эта «связка» автографов передана была его вдовой в Чертковскую библиотеку (Гос. ист. музей). Рисунок Лермонтова на листе из этой же тетради подарен был Л. И. Арнольди в 1844 г. И. Е. Бецкому (см. Сб. «М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы». М., 1939, стр. 64 и 85).

[16] «Русское слово», 1903, № 123, от 3 мая. Перепечатано в брошюрах А. Мошина: «О писателях». СПб., 1905, стр. 3—4; «Новое о великих писателях». СПб., 1908, стр. 53—55.

[17] «Русский архив», 1889, № 6, стр. 318.

[18] «Русский архив», 1893, № 8, стр. 596.

[19] «Русская старина», 1892, № 3, стр. 768.

ЗАПИСКИ А. И. АРНОЛЬДИ

1. ЛЕРМОНТОВ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРОДНЕНСКОМ ГУСАРСКОМ ПОЛКУ В 1837—1838 гг.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРОДНЕНСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК И ЕГО НОВАЯ СТОЯНКА.— СЕЛИЩЕНСКИЕ КАЗАРМЫ.— ПОЛКОВЫЕ БУДНИ.— ШТАБ- И ОБЕР-ОФИЦЕРЫ. — КОРНЕТ Н. А. КРАСНОКУТСКИЙ. — ПОЛКОВНИК СТААЛЬ ФОН-ГОЛЬШТЕЙН И ЕГО ЖЕНА.— ПОЛК КАК МЕСТО ССЫЛКИ.— ШТРАФНЫЕ ОФИЦЕРЫ.— ПРИБЫТИЕ В ПОЛК ЛЕРМОНТОВА.— БРАТЬЯ БЕЗОБРАЗОВЫ.— ЛЕРМОНТОВ ЗА КАРТОЧНЫМ СТОЛОМ.— ШАЛОСТИ И КУТЕЖИ.— КАРТИНЫ И РИСУНКИ ЛЕРМОНТОВА.— РАБОТА НАД СТИХОМ.— ПРОВОДЫ НА КАВКАЗ М. И. ЦЕЙДЛЕРА.— СТИХИ «РУССКИЙ НЕМЕЦ БЕЛОКУРЫЙ ЕДЕТ В ДАЛЬНЮЮ СТРАНУ».— ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА В ПЕТЕРБУРГ.

17-го августа 1837 года, темным вечером, после переправы на пароме чрез р. Волхов, на перекладной въехал я в 1-й Округ пахотных солдат Аракчеевского поселения, где расположен был тогда лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, принадлежавший к составу 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и в котором я прослужил 25 лет. Многочисленные огоньки в окнах больших каменных домов и черные силуэты огромнейшего манежа, гауптвахты с превысокой каланчой, большого плаца с бульваром, обсаженным липами, на первый раз и впотьмах очень живописно представились моему воображению, и я мнил, что вся моя будущая жизнь будет хоть и провинциальная, но городская. С светом все мои надежды рушились: я увидел себя в казармах, окруженного казармами, хотя, правду сказать, великолепными, так как на полуверстном квадратном пространстве полк имел все необходимое и даже роскошное для своего существования. Огромный манеж (в длину устанавливалось три эскадрона в развернутом фронте) занимал одну сторону плаца и был расположен своим длинным фасом к р. Волхову на полу-горе, на которой к реке были полковые огороды. На противоположном фасе квадратного плаца тянулись 5 офицерских флигелей, разделенных между собою садиками. за чугунными решетками и двумя отдельными домами по бокам, в которых помещались: в одном нестроевая рота, а в другом — наш полковой «Елисеев» — маркитант Ковровцев. На правом фасе, подъезжая от Волхова, были два дома для женатых офицеров или штаб-офицеров, гауптвахта с каланчею, о которой я упомянул выше, а на внутреннем дворе помещалась трубаческая команда; на левом фасе был дом полкового командира, такие же два дома с квартирами для женатых, временный деревянный дворец и дом для приезда начальствующих лиц; за ними влево, треугольником, построены были прекрасные деревянные конюшни на три дивизиона, или 6 эскадронов. За гауптвахтой были полковые мастерские, кухня, конный лазарет и малый манеж с конюшнею верховых лошадей полкового командира. На концах полкового манежа были флигеля, причем в правом — цейхгаузы, швальни, шорная, лазарет, ванны и квартиры докторов, а в левом — казармы всех 6 эскадронов и дежурная комната.

Дух Аракчеева, года за два-три перед тем скончавшегося в своем имении Грузино, верстах в 30-ти от 1-го Округа, царил всецело над его созданием, и порядок, заведенный при нем, всё еще сохранялся. Все дороги были шоссированы, дерн по аллеям поддерживался во всей свежести, деревья подсаживались, обрезались и также поддерживались; дома красились и всё имело привлекательный вид, а в особенности весной. Могу смело сказать, что для пользы службы лучшего места для стоянки полка и сыскать было трудно и от того, как мне кажется, служба во всех своих проявлениях нигде так исправно не шла, как в нашем полку, да и вообще в тех полках нашей дивизии, которые были расположены подобно нам в таких же казармах, тянувшихся по Волхову до Новгорода.— Не знаю,

чему приписать отвращение, царствовавшее впоследствии к этому месту в нашем полку, когда он изменился в составе своих офицеров, но могу сказать, что в мое время, когда полк только что перешел из Варшавы, где простоял многие годы, составляя гвардию в. к. Константина Павловича и состоял почти исключительно из людей не богатых, офицеры были довольны стоянкою полка; мы жили чрезвычайно дружно, весело и довольствовались развлечениями в своем обществе довольно значительном, так как было время, что у нас в полку было до 13-ти человек женатых, где юные офицеры — товарищи мои проводили свои зимние вечера. Можно было избирать себе кружки по своим вкусам, так как семейства женатых офицеров были, само собою разумеется, разнообразных сфер и каждый свободно переходил из самой аристократической гостиной жены полкового командира А. А. Эссена (бывшей фрейлины Большого Двора) в скромную какого-либо ротмистра Гродецкого, моего эскадронного командира, где царствовала вполне старинная патриархальность и где за чайным столиком нередко полдюжины маленьких детей его, с салфетками на шеях, зачастую надоедали нам донельзя тем, что чадолюбивая мать их, разливая чай, одному из мальчишек утрет нос, другому накрошит хлеба в молоко и нередко забывала своего юного гостя, но зато старик эскадронный командир сам лично набьет вам трубочку и подаст вам огонька. Повторяю, что общество наше жило чрезвычайно дружно, и нередко в первые годы моей службы у нас устраивались пикники, маскарады, танцы, карусели.

В полку была хорошая библиотека русских и французских книг; в окрестностях — бесподобные места для охоты, подобных которым я во всю мою жизнь впоследствии и не видывал.

Еще в Спасской Полисти, шестой станции от Петербурга на Московском шоссе, в очень хорошей гостинице, содержимой любекским уроженцем Карлом Ивановичем Грау, узнал я, что Н. А. Краснокутский, товарищ по пажескому корпусу, вышедший за год до меня в Гродненский гусарский полк, живет в сумасшедшем доме, куда ямщик меня и привез [1]. Надобно знать, что сумасшедшим домом назывался правый крайний дом офицерских флигелей, потому что вмещал в себе до 20-ти человек холостых офицеров, большею частью юных корнетов и поручиков, которые и в правду проводили время, как лишенные рассудка, и в число которых само собою разумеется попадал невольно всякий новоприбывший. Легко себе представить, что творилось в 20-ти квартирах 20-ти юношей, недавно вырвавшихся на свободу и черпающих разнообразные утехи жизни человеческой полными пригоршнями, и я полагаю, что Лесаж, автор «Хромоногого беса», имел бы более материала, ежели б потрудился снять крышу с нашего жилища и описать те занятия, которым предавались мы часто по своим кельям. Были комнаты, где простая закуска не снималась со стола и ломберные столы не закрывались.— В одних помещениях беспрестанно раздавались звуки или гитары, или фортепиано, или слышались целые хоры офицерских голосов, в других гремели пистолетные выстрелы упражняющихся в этом искусстве, вой и писк дрессируемых собак, которые у нас в полку никогда не переводились, так как было много хороших охотников.— Были между нами и люди-домоседы, много читавшие, и я положительно не понимаю, как они умудрялись заниматься этим делом среди такого содома. Во всякий час дня, в длинных коридорах верхнего и нижнего этажей, разделяющих дом пополам в длину, у каждой двери квартиры, вы всегда могли встретить какую-нибудь смазливую поселянку с петухом, клюквой, грибами, или крестьянина, поставляющего сено, или охотника, пришедшего оповестить о найденном им медведе на берлоге или обойденных им лосях.— «Личарды» наши то и дело сновали по коридорам, исполняя поручения своих господ; лихие тройки с колокольми

и бубенчиками постоянно откладывались и закладывались у нас во дворе и он постоянно имел вид почтового двора.

Я не застал Краснокутского дома, но услужливый слуга его Петр вскоре его отыскал, и я тотчас же без дальних церемоний был введен им в одну из квартир товарища, штабс-ротмистра Поливанова, где застал почти весь контингент однополчан, в страшном табачном дыму, так как редко кто тогда не курил из длинных чубуков табак Жукова.

Было далеко за полночь, когда я, радушно принятый товарищами, после скромного ужина, заснул на железной кровати своей посреди узкой комнаты квартиры Краснокутского. Утром, по совету моего ментора и руководителя, я должен был явиться ⟨к⟩ полковому, дивизионному и эскадронному командирам в полной парадной форме: всем женатым — в вицмундире, а остальным товарищам — в сюртуке, на что и употребил почти целый день. Полковой командир Антон Антонович Эссен принял меня любезно, назначил во 2-й эскадрон к ротмистру Гродецкому и, предуведомленный письмом моего отца, прочел мне несколько общих наставлений, потребовав, чтобы я немедленно купил себе верховую лошадь у одного выбывающего из полка офицера, штабс-ротмистра Живон де Руссо, несмотря на представления мои, что я жду уже двух верховых лошадей, подаренных мне дядею Петром Карловичем Арнольди и отцом. Неумолимый полковой командир требовал немедленной покупки лошади: так как кавалерийский офицер, по его мнению, ни одного дня не может быть без лошади. Волею-неволею я должен был купить кобылу «Зулему», темногнедой масти, правда, отлично выезженную, Кейдельского завода, за 1000 рублей ассигнациями, которые, впрочем, заплатил Руссо в несколько сроков, а лошадь мне действительно была полезна тем уже, что на первых порах выучила меня ездить верхом, хотя и была запалена.

С первых же дней моего поступления я горячо принялся за службу, выучился 32-м или 36-ти кавалерийским сигналам у полкового штаб-трубача, понял механизм поворотов и заездов строя и ежедневно, вместе с такими же неучами-ездоками, как и я, ездил верхом под руководством полкового командира, так что вскоре перешел в общую офицерскую смену, которые, в составе всех наличных офицеров, по субботам обыкновенно съезжались в великолепном огромном нашем манеже. Антон Антонович сам был отличный ездок, имел много хороших лошадей на своей конюшне, в том числе знаменитого «Фаворита», за которого было заплачено им 8000 р. Полковник Риземан, когда-то гейдельбергский студент, первый бреттер, «питух», коронованный в знаменитой по величине своей бочке в Гейдельберге, был в то время старшим полковником, не только по старшинству чинов и своим летам, но и по тому авторитету, который успел приобрести. Он вскоре, в чине полковника, получил л.-гв. уланский полк, произведен в генералы и скончался в этом звании, выбитый из седла каким-то фланкером своего же полка.

Полковник Стааль фон Гольштейн (Александр Карлович) был вторым по старшинству и пользовался общим уважением и любовью целого полка. Очень красивый мужчина, он ловко сидел на лошади и был переведен к нам из Конной гвардии, где, отличаясь своими джентльменскими манерами и изящными танцами, был постоянным кавалером императрицы Александры Федоровны на малых аничковских балах; жена его, Софья Николаевна, дочь Шатилова, который, после долгой ссылки в Сибирь за участие в убийстве помещика Времева за карточным столом в Москве, жил у дочери в нашем полку [2]. Она была красавица в полном смысле этого слова, умна, кокетлива и сводила с ума весь наш полк и ко многим из нас, что греха таить, была любезна... хотя я не попал в число избранных, отчасти от того, что был слишком стыдлив, робок, наивен и непредприимчив [3]. Третьим дивизионером был полковник Адеркас, женатый также

на красавице, разводке Лешерн, урожденной Берте; отец ее был камердинером или чем-то вроде церемониймейстера при скромном дворе Людовика 18-го у нас в Риге. Полковник Адеркас вскоре получил Сумской гусарский полк, потом в 50-м году наш Гродненский гусарский, а после коронации в 1856 г. произведен в генерал-лейтенанты, уволен в отставку и скончался, равно как и жена его.

1-м эскадроном командовал ротмистр Иван Альбертович Халецкий, магометанин из польских татар, лихой эскадронный командир, впоследствии командир Киевского гусарского полка, раненный в Крымскую кампанию под Инкерманом при отражении знаменитой атаки Кардигана; после восстания Польши в 1863-м году, будучи генерал-майором в отставке, бежал за границу и поступил на иждивение жонда.

2-м эскадроном, в который я был зачислен, командовал, как я сказал, ротмистр Гродецкий недолго, потом Абрамович (Геркулан Помпеевич, очень умный человек, получивший образование у иезуитов) и, наконец, Эдуард Штакельберг, при котором я был уже штабс-ротмистром и вскоре сам получил эскадрон. 3-м эскадроном командовал ротмистр Роман Борисович Берг, женатый на Эрминии Федоровне Штенгер, командовавший впоследствии кирасирским Елены Павловны полком, а потом в 47, 48, 49 годах нашим Гродненским. Мы всегда были с ним в хороших отношениях, и полное уважение к прекрасной личности супруги его Эрминии Федоровны я питаю и поныне. 4-м эскадроном командовал Казимир Войнилович, маленький человек с огромными усами, командовавший впоследствии Веймарнским гусарским полком[4]. 5-м эскадроном командовал Готовский, а потом Высоцкий. Высоцкий, побочный сын генерал-адъютанта Трубецкого, был вполне русский человек и, несмотря на свои странности и плохое знание службы, был очень любим товарищами. Готовский с супругою и кучею детей своих и чужих поныне живет в Царском Селе в чине генерал-майора и в должности 2-го царскосельского коменданта. 6-м эскадроном командовал сначала Адеркас, потом Константин Штакельберг (вскоре он женился на дочери негоцианта Крамера, и я был у него шафером). Он был произведен в генералы. 7-м запасным эскадроном — Готовский.

Вообще в нашем полку был сброд порядочный, так как полк, состоя в гвардии цесаревича в Варшаве, всегда комплектовался самим великим князем Константином Павловичем, и никто не знает, что́ руководило им при этой вербовке офицеров. Разные авантюристы изобиловали в полку, и бог знает, каких только национальностей у нас не встречалось: кроме польских фамилий, как граф Рачинский, Гродецкий, Готовский, Абрамович, Гедройц, Юрага, попадались французы — Живон де Руссо, граф Лотрек де Тулуз, немцы — Берг, Бер, Герлах, Моллер, Лауниц, англичане — Мерфельд, польские татары — Халецкий и даже был один с мыса Доброй Надежды. С прибытием полка в Россию и зачислением его в состав гвардейского корпуса он стал пополняться воспитанниками из юнкерской гвардейской школы и из пажей — отличнейшей молодежью: Моллер, Цейдлер, Бер, Кропотов, Ильяшевич, граф Тизенгаузен, Безобразовы, Топорнин, Арсеньев, Девитт, Бедряга, Кисловский, Клодт, Лобанов-Ростовский и проч., которые хоть какому полку не сделали бы бесчестья. Много между ними было людей образованных, богатых, и мы весьма дружно жили одной братской семьей. С переменой доброго полкового командира Эссена на строгого князя Багратиона-Имеретинского многие не соответствующие составу полка офицеры сами оставили его, а многие были вынуждены к тому строгостью командира полка, что́ дало ему возможность довести Гродненский полк до возможного совершенства во всех отношениях [5]. Во всю мою 25-летнюю службу в гусарах у нас не было ни одной ссоры, ни одной истории, а по службе Гродненский полк стяжал себе за 7-летнее командование Багратиона такую репутацию, что долго после

этого времени ставился в пример целой гвардии и недаром: в продолжение 10 лет после Багратиона и перемены нескольких полковых командиров, корпусный командир Гринвальд говаривал про полк: «Пятый полковой командир старается испортить полк и не может, такова в нем закваска».

В январе 1838-го года А. А. Эссен был назначен командиром конной гвардии и сдал полк князю Багратиону-Имеретинскому, который вскоре прибрал его в руки по всем отраслям службы и неуклонно следил за его совершенствованием в продолжение всего своего командования, т. е. до

ЛЕРМОНТОВ
Портрет маслом Н. П. Ульянова, 1941 г.
Собрание В. Е. Ульяновой, Москва

1845-го года. Своею точностью, лихостью, молодцеватостью, знанием дела и вообще любовью к службе я сделался его любимчиком и сумел, несмотря на массу разнообразных командировок, выходящих из ряда обязанностей фронтового офицера и эскадронного командира, остаться таковым до последнего дня командования Багратиона полком, и ежели кой-что смыслю теперь в строевой службе, то, конечно, обязан ему одному.

Итак, служба шла своим чередом, офицерская езда производилась новичкам ежедневно, а всем офицерам два раза в неделю, караулы отбывались поручиками и корнетами, дежурили по полку ротмистры, а по 3-м дивизионам все субалтерн-офицеры. Пешие по-конному учения повторялись на неделе очень часто; все офицеры обязаны были присутствовать на езде своих эскадронов, производившейся через день, равно и при пешем ученье. Вечерами и в свободное время молодежь играла в карты

по маленькой, ездила гурьбой в почтовую гостиницу Спасской Полисти, в 9-ти верстах от нас, где выпивала изрядное количество шампанского, делая долги, конечно временные, так как Карл Иванович Грау, составив себе состояние, ни на кого из нас во всю жизнь свою не мог пожаловаться. Не быв по летам нашим и по привычкам монахами, мы, правду сказать, вели жизнь старо-гусарскую, в подражание былым гусарам, но ни разу кутеж наш не омрачился никакой историей или скандалом, а мало-помалу, можно сказать, и прекратился. К счастью, между нами всегда находились несколько человек товарищей, которые как-то незаметно сдерживали буянов и, так сказать, облагораживали эти пагубные увлечения юности, которые, впрочем, у немногих вошли в привычку и остались за ними до старости лет. Люди же с большим характером и благоразумием, а также с небольшими средствами, к которым принадлежал и я, под разными предлогами стали уклоняться от этих вакханалий 〈...〉

Из товарищей полка помню очень хорошо полкового казначея Федора Ивановича Левенталя, аккуратного лифляндца, который не раз выводил всех нас из денежного затруднения и никогда не отказывал мне в помощи; он успел сделать себе небольшое состояньице и ныне служит генералом для поручений при шефе жандармов. Бывало, в кошельке пусто, а насущные потребности в платье, чае, кофе, сахаре, табаке напоминают о себе; идешь к Федору Ивановичу, у которого всё это всегда находилось в запасе и отпускалось в кредит, отличное и дешевейшее. Перед частыми его поездками в Петербург по делам службы на столе у него всегда лежала книга, в которую всякий мог вписывать различные свои требования и желания, и каждый мог быть уверен, что все поручения будут исполнены самым аккуратнейшим образом. Однажды я успел прочитать в этой знаменитой книге такие разнообразные поручения или просьбы моих однополчан, что считаю нужным для курьеза о них здесь упомянуть. Ильяшевич, получавший тысяч 100 в год дохода, просил Левенталя заплатить каретному мастеру Иохиму 3000 рублей за готовую свою карету. Г-жа Готовская просила привезти ей пуд сальных свечей, зеленую вуаль и недорогих игрушек для детей. M-me Адеркас — какого-то зубного эликсира. Несколько человек просили купить им так называемые офицерские вещи: лядунки, кушаки, темляки и проч., и почти все: чаю, сахару и табаку. Тысячные и грошовые поручения наши исполнялись всегда наилучшим образом.

Евгений Петрович Рожнов был тогда полковым адъютантом, и я смело могу сказать теперь, что он был совершенно на своем месте. Чопорный, щеголь, с всегда вкрадчивым обычным своим «душа моя», он, кроме исполнения своей обязанности по ведению дел в полку, заведыванию канцелярией и хором трубачей, всегда старался быть посредником между обществом офицеров и командиром полка, даже таким неукротимым, каким был наш Багратион, и умел согласить и свои обязанности и интересы товарищей. Впоследствии он хорошо командовал 4-м эскадроном, Веймарнским полком, был губернатором в Варшаве в смутное время 1863 года, и впоследствии там же сенатором, где и скончался.

Кропотов и Ильяшевич, оба из гвардейской юнкерской школы, были славные ребята и оба имели большие состояния, а потому отличных лошадей, как верховых, так и упряжных. Знаменитая в коннозаводстве кобыла «Симетрия», заплаченная 12 000 рублей, еще служила ему при моем поступлении в полк и у него же, на покое, пала. Оба они впоследствии были полковыми ремонтерами и водили отличных лошадей. Ильяшевич, красавец мужчина, был адъютантом наместника Польши князя Эриванского-Паскевича и скончался в молодых летах.

Михаил Иванович Цейдлер, русский немец, как назвал его поэт Лермонтов в экспромпте, за стаканом шампанского написанном, когда мы все

провожали М. И. Цейдлера на Кавказ, был также красавец, большой любитель женщин и милейший человек, какого когда-либо можно встретить; он прекрасно лепил из воска и глины, удачно рисовал карикатуры, как на всех нас, так и на себя, и мастерски рассказывал и, конечно, более выдумывал анекдоты, в которых обыкновенно играл самую смешную и непривлекательную роль. По службе он никогда не отличался особенною ретивостью и впоследствии, командуя одновременно со мною эскадроном, только успевал удержаться на своем месте, а во фронте, по рассеянности, часто ошибался и заводил свою часть не туда, куда следовало. В 1857-м году, уже полковником, он был некоторое время полицеймейстером в Нижнем-Новгороде, а затем состоял по особым поручениям при Потапове, Альбединском и прочих генерал-губернаторах виленских.

Два брата Безобразовы, Владимир и Александр, были душою общества нашего, имея хорошие материальные средства, и были как бы коноводами во всех наших сборищах и собраниях. С Александром я особенно сдружился и долго делил с ним и радости и горе свое. Шкатулки наши, ласки женщин — всё у нас было общее. Владимир очень хорошо играл на гитаре и на фортепиано, и оба брата премило пели. Зачастую у нас составлялся хор, и мы за картами, за скромным ужином или в гостинице Спасской Полисти или в лавке Малеева коротали наши дни.

Я был с обоими братьями в артели и у них же в 38-м или 39-м году в первый раз увидел и познакомился с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, старинным знакомым их по школе юнкеров и подпрапорщиков, когда он был переведен с Кавказа в наш полк.

Надобно сказать, что Гродненский полк, да и вообще 2-я гвардейская кавалерийская дивизия в прошедшее царствование императора Николая, вероятно по месту нашей стоянки, вдали от столицы и всех ее прелестей, считалась как бы местом ссылки или какого-то чистилища, так что Лермонтов — не единственное лицо из гвардейских шалунов-офицеров, прощенных за разные проступки и возвращаемых в гвардию, из перебывавших у нас в полку. Несмотря на то, что они садились (в отношении старшинства) на голову многим из нас, все они, будучи предобрыми малыми, не мало способствовали к украшению нашего общества. Так, у нас был прикомандирован князь Сергей Трубецкой, товарищ по пажескому корпусу, из Кирасирского Орденского полка, в который попал из кавалергардов за какую-то шалость, выкинутую целым полком во время стоянки Кавалергардского полка в Новой деревне. Говорили тогда, что кавалергарды устроили на Неве какие-то великолепные похороны мнимоумершему графу Борху. За ним последовал Лермонтов, а вскоре и граф Тизенгаузен, служивший прежде также в кавалергардах и сосланный в армию за историю с Ардалионом Новосильцевым. Сергей Трубецкой, бывший в армии, соблазнил дочь генерала Мусина-Пушкина, фрейлину двора, был обвенчан с нею по приказанию государя Николая Павловича в Зимнем дворце, когда он стоял там во внутреннем карауле, и сделался отцом дочери, которая впоследствии вышла замуж за графа Морни. Трубецкой был красавец и потому вовсе не мудрено, что в отставке уже и в летах увез г-жу Жадимировскую от живого мужа и был пойман и возвращен уже с Персидской или Турецкой границы, куда направлялся. Старший брат его Александр был женат на дочери известной танцовщицы Талиони и всю жизнь свою провел в Италии на своей вилле; младший брат их Андрей женился на моей племяннице Софии Николаевне Смирновой и живет поныне за границей ⟨...⟩ Лермонтов в то время не имел еще репутации увенчанного лаврами поэта, которую приобрел впоследствии и которая сложилась за ним благодаря достоинству его стиха и тем обстоятельствам, которыми жизнь его была окружена, и мы, не предвидя в нем будущей славы России, смотрели на него совершенно равнодушно[6].

Придя однажды к обеденному времени к Безобразовым, я застал у них офицера нашего полка, мне незнакомого, которого Владимир Безобразов назвал мне Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Вскоре мы сели за скромную трапезу нашу, и Лермонтов очень игриво шутил и понравился нам своим обхождением. После обеда по обыкновению сели играть в банк, но вместо тех 50-ти или 100 руб., которые обыкновенно закладывались кем-либо из нас, Лермонтов предложил заложить 1000 и выложил их на стол. Я не играл и куда-то выходил. Возвратившись же, застал обоих братьев Безобразовых в большом проигрыше и сильно негодующих на свое несчастье. Пропустив несколько талий, я удачно подсказал Владимиру Безобразову несколько карт, и он с моего прихода стал отыгрываться — как вдруг Лермонтов предложил мне самому попытать счастья; мне показалось, что предложение это было сделано с такою иронией и досадой, что я в тот же момент решил пожертвовать несколькими десятками и даже сотнями рублей для удовлетворения своего самолюбия перед зазнавшимся пришельцем, бывшим лейб-гусаром...[7] Судьбе угодно было на этот раз поддержать меня, и помню, что на одном короле бубен, не отгибаясь и поставя кушем полуимпериал, я дал способ Безобразовым отыграться, а на свою долю выиграл 800 с чем-то рублей; единственный случай, что я остался в выигрыше во всю мою жизнь, хотя несколько раз в молодости играл противу тысячных банков.

Впоследствии мы жили с Лермонтовым в двух смежных больших комнатах, разделенных общею передней, и с ним коротко сошлись. В свободное от службы время, а его было много, Лермонтов очень хорошо писал масляными красками по воспоминанию разные кавказские виды, и у меня хранится до сих пор вид, его работы, на долину Кубани, с цепью снеговых гор на горизонте, при заходящем солнце и двумя конными фигурами черкесов, а также голова горца, которую он сделал в один присест *.

Кажется мне, что в это время с подстрочного перевода, сделанного Краснокутским, стансов Мицкевича, Лермонтов тогда же облек их в стихотворную форму, а равно дописывал свои «Мцыри» и «Хаджи-Абрека». Я часто заставал его за работой и живо помню его грызущим перо с досады, что мысли и стих не гладко ложатся на бумагу [9].

Как и все мы, грешные, Лермонтов вел жизнь свою, участвуя во всех наших кутежах и шалостях, и я помню, как он в дыму табачном, при хлопании пробок, на проводах М. И. Цейдлера, отъезжавшего на Кавказ в экспедицию, написал известное:

Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где неверные гяуры
Вновь затеяли войну;
Едет он, томим печалью,
На кровавый пир войны,
Но иной, не бранной сталью,
Мысли юноши полны [10],

где в словах «не бранной сталью» шутит над бедным Цейдлером, влюбленным по уши в С. Н. Стааль фон Гольштейн, жену нашего полковника.

Лермонтов пробыл у нас недолго, кажется несколько месяцев, и по просьбе бабки своей Арсеньевой вскоре переведен был в свой прежний лейб-гусарский полк [11]. Мы с ним встречались впоследствии, и мне довелось даже видеться с ним в 1841-м году в Пятигорске, где он тогда же был убит Мартыновым. Но об этом в своем месте.

* В 1880 году обе картины подарены мною в школу гвардейских юнкеров (Николаевское кавалерийское училище) в Лермонтовский музей [8]. ⟨Примеч. А. И. Арнольди⟩.

2. ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ В 1841 г.

ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ В МАЕ 1841 г.— ПЯТИГОРСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ.— ВСТРЕЧА НА БУЛЬВАРЕ С ЛЕРМОНТОВЫМ.— ПОЭТ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ.— СЕМЬЯ ВЕРЗИЛИНЫХ.— ЗНАКОМСТВО С ДЕКАБРИСТАМИ.— ПОРТРЕТИСТ Р. Е. ШВЕДЕ.— КАРИКАТУРЫ ЛЕРМОНТОВА НА МАРТЫНОВА. — ВЕСЕЛЯЩИЙСЯ ПЯТИГОРСК. — ПОДПИСКА НА ГОРОДСКОЙ БАЛ. — КОНФЛИКТ С КНЯЗЕМ В. С. ГОЛИЦЫНЫМ. — ЛЕРМОНТОВ НА БАЛУ.— ПОЕЗДКА 17 ИЮЛЯ В ЖЕЛЕЗНОВОДСК.— ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ.— СЕКУНДАНТЫ ЛЕРМОНТОВА. — СЛУХИ И РАССКАЗЫ О ДУЭЛИ. — УТРО ПОСЛЕ ДУЭЛИ.— ПОХОРОНЫ ЛЕРМОНТОВА.— НИКОЛАЙ I И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К УБИЙСТВУ ЛЕРМОНТОВА.

Ревматизм, мною схваченный в 1840 году, разыгрался не на шутку, и я должен был подумать о полном излечении, а так как и сестре и мачехе понадобилось лечение минеральными водами, то и было решено всем нам, целой семьей, ехать туда.— В начале мая мы пустились в путь: мачеха, сестра, гувернантка Шерер и А. М. ⟨Родионова⟩ в 4-х местной карете, а я и Шведе [12] в тарантасе *. Отец предварительно писал наказному атаману Хомутову [13] и просил его облегчить нам путь по земле Войска Донского, но несмотря на это мы должны были употребить на этот путь до двух недель, так как мне часто случалось при переправах через маленькие речки разбирать тяжелую нашу четырехместную карету до колес включительно, ибо сельские паромы не могли выдержать подобной тяжести. Мы часто останавливались ночевать у станичников и продовольствовались как провизией, взятой с собой, так и моей охотой. В Константиновском нагнали мы, за 30 верст под Новочеркасском, полковника Мекцинского и управляющего Саратовскою палатою Свечина и вместе с ними продолжали наш путь, так как и они спешили к лечебным источникам. В Новочеркасске мы виделись с Хомутовым и пробовали туземный виноград, присылавшийся нам корзинами от радушного атамана. Подъезжая к Ставрополю, мы ехали часто с конвоем донских казаков, человек из 3-х—4-х состоящий, и я до сих пор не знаю к чему это было нужно. В Ставрополе останавливались в изрядной гостинице Найтаки, отдохнули, освежились и чрез Георгиевск прибыли в Пятигорск в конце мая.

Верст за сорок, в лиловой дали, отдельными массами рисовались уже Машук, Бештау, Змеиная, Верблюжья и проч. горы, а на горизонте далеко, далеко сверкали снежные вершины Кавказского хребта, и между ними особенно ясно вырезывались Эльбрус и Казбек. Сочная, высокая трава застилала всю окружность, и запах цветов был поразителен. Впечатления детства рождались в моей голове и я живо припоминал себе свое первое путешествие на Кавказ по этой же дороге с отцом и матерью в 1824 году, когда мне было только 6 лет.

Встреченные еще в слободке досужими десятскими, мы скоро нашли себе удобную квартиру в доме коменданта Умана, у подошвы Машука,

---

* Роберт Евстафиевич Шведе, ученик Неффа, которого пригласил я с тем, чтобы под его руководством заниматься живописью, что и успел сделать, скопировав два крымских вида (Кучук Ламбат, имение Бороздиных, работы Кюгельхена). Шведе приходился двоюродным братом товарищу моему по полку Цейдлеру и был хорошим портретистом. Портрет отца, мачехи, двух сестер моих, дяди Николая Ивановича Лорера, с которого он писал в Пятигорске, произведенного тогда уже в офицеры после разжалования, а также портрет убитого в бытность нашу на Кавказе Лермонтова, свидетельствуют о его таланте. В этот год Шведе много писал портретов и в Саратове, и в Тифлисе у С. Д. Безобразова, тогдашнего командира Нижегородского драгунского полка, а также и в 1847 г. в Одессе; скопив себе несколько тысяч рублей, он, как артист, не удержался и прожил их все. В Курляндии он женился во 2-й раз после долгого пребывания своего в Петербурге в доме Абазы, и я видел его, потерявшим зрение, помещиком недалеко от железной дороги, ведущей из Риги в Динабург, когда часто езжал по этому пути, командуя в Шавлях Псковским драгунским полком. Что с ним сталось теперь, и жив ли он, не знаю. ⟨Примеч. А. И. Арнольди⟩.

и посвятили целый вечер хлопотам по размещению. Я сбегал на бульвар, на котором играла музыка какого-то пехотного полка, и встретил там много знакомых гвардейцев, приехавших для лечения из России и из экспедиции, как-то: Трубецкого, Тирана, ротмистра Гусарского полка, Фитингофа, полковника по кавалерии, Глебова, поручика конной гвардии, Александра Васильчикова, Заливкина, Монго-Столыпина, Дмитревского, тифлисского поэта, Льва Пушкина и наконец Лермонтова, который при возникающей уже своей славе рисовался — и сначала сделал вид будто меня не узнает, но потом сам первый бросился ко мне на грудь и нежно меня обнял и облобызал.

На дворе дома нами занимаемого, во флигеле, поселился Тиран, по фасу к Машуку подле нас жил Лермонтов с Столыпиным, а за ними Глебов [14] с Мартыновым [15]. С галлереи нашей открывался великолепный вид: весь Пятигорск лежал как бы у ног наших и взором можно было окинуть огромное пространство, по которому десятками рукавов бежал Подкумок. По улице, которая спускалась от нашего дома перпендикулярно к бульвару, напротив нас, поместилось семейство Орловой, жены казачьего генерала, с ее сестрами Идой и Поликсеной и m-me Рихтер (все товарки сестры моей по Екатерининскому институту), а ниже нас виднелась крыша дома Верзилиных, глава которого, также казачий генерал, состоял на службе в Варшаве, а семейство его, как старожилы Пятигорска, имело свою оседлость в этом захолустье, которое оживлялось только летом при наплыве страждущего человечества.

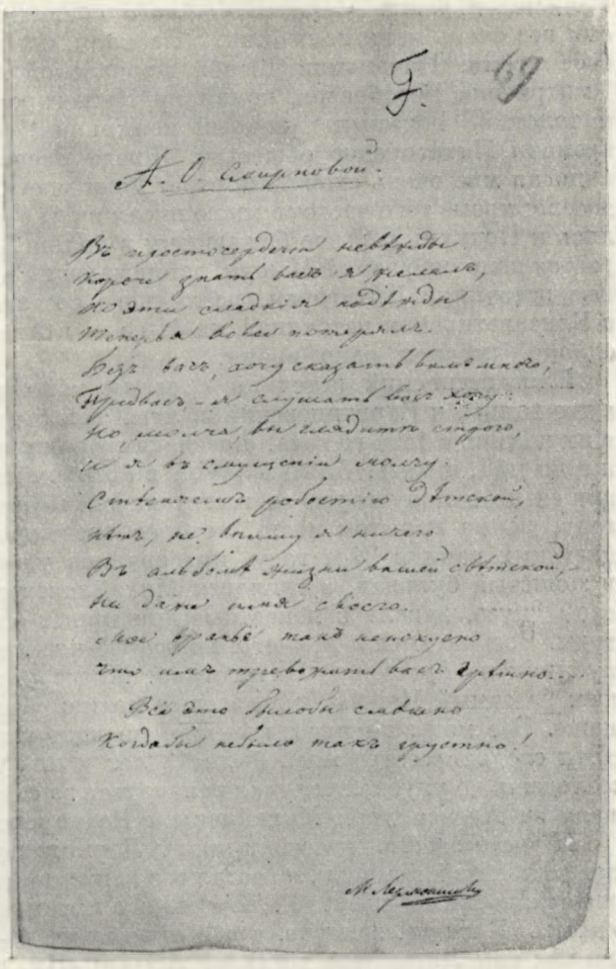
Семья Верзилиных состояла из матери, пожилой женщины, и трех дочерей: Эмилии Александровны, известной романической историею своею с Владимиром Барятинским-«le mougik» [16] (как ее называли, бело-розовой куклы), Надежды, и третьей, совершенно незаметной. Все они были от разных браков, так как m-me Верзилина была два раза замужем, а сам Верзилин был два раза женат. Я не был знаком с этим домом, но говорю про него так подробно потому, что в нем разыгралась та драма, которая лишила Россию Лермонтова.

В то время Пятигорские минеральные воды усердно посещались русскими, так как билет на выезд за границу оплачивался 500 рублями, а в 1841 году сезон был одним из самых блестящих, и сколько мне помнится, говорили, съехалось до 1500 семейств. Доктора Рожер, Норман, Конради и многие другие успешно занимались практикой, и я видел в Пятигорске многих людей, повидимому неизлечимых, которые в конце курса покидали целительные воды совершенно здоровыми. Так, я помню одного помещика со сведенными руками и ногами, которого погружали в 40-градусную воду на простыне и возили в детской колясочке; в Кисловодске уже он пресмешно расхаживал и получил возможность владеть руками. С брюшными завалами, с ломотою, золотушных, ревматиков было много, и все получали исцеление или облегчение. Нашим домашним доктором стал Норман и вскоре расписал нас по разным ваннам и источникам. Мачехе он назначил Елисаветинский источник, сестре — Конрадиевский, у него в саду, мне с Александрой Михайловной — Михайловский; и мы, запасшись билетами на ванны, проводили все свое время или, скорее сказать, утро в прогулках, питье воды с запахом гнилых яиц и в омовениях. У источников знакомятся скоро, и среди этих занятий время течет быстро. Я нанимал казачью лошадь с ближайшего поста и часто носился по окрестностям, а по вечерам вся многочисленная водяная публика толпилась на длинном бульваре, где полковая музыка ежедневно услаждала ее гармоническими звуками. С нами был повар, мы довольствовались дома и потому ели очень вкусно, но не сытно, потому что многое из пищи запрещалось больным. Форели, дикая коза и зелень составляли нашу исключительную пищу. Я усердно брал ванны по два раза в день и за

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА, ПОСВЯЩЕННОГО А. О. СМИРНОВОЙ 1840 г.

Из альбома М. П. Полуденского

Исторический музей, Москва



курс, взяв их до 120, вылечился окончательно, так что и поныне, по прошествии 30-ти лет, не чувствую никаких ревматических болей. Раз или два в неделю мы собирались в залу ресторации Найтаки и плясали до упаду часов до 12 ночи, что, однако, было исключением из обычной водяной жизни, потому что обыкновенно с наступлением свежих сумерок весь Пятигорск замирал и запирался по домам.

Помню приезжавших на время из экспедиции гвардейских офицеров: Александра Адлерберга I, кирасира Мацнева, которому я проиграл 500 рублей из 12 000 им заложенных и которые заманчиво разбросаны были в разных видах по столу в одной из комнат гостиницы, носившей название chambre infernale*.

Тогда же я отыскал и, можно сказать, познакомился с дядею своим Николаем Ивановичем Лорером, который за 14-е декабря 1825 года был сослан в Сибирь, провел на каторге 8 лет, на поселении в Кургане 10 лет, а в описываемое время служил рядовым в Тенгинском пехотном полку и в этот год был произведен в офицеры [17]. Дядя жил в слободке с Михаилом Александровичем Назимовым и Александром Ивановичем Вегелиным, товарищами своими по ссылке, и у него я часто встречался с двумя братьями

* Инфернальная комната (франц.). Так называли обычно в клубах комнату, где шла азартная карточная игра. — *Ред.*

Беляевыми, также членами «тайного общества». Не знаю, за что только они все очень меня полюбили, обласкали, и я весело с ними проводил все свое время. Начальник Штаба Кавказской линии А. Траскин, Сергей Дмитриевич Безобразов, командир Нижегородского Драгунского полка, и толстый Голицын (вечный полковник) оживляли от времени до времени Пятигорское общество. Шведе рисовал портреты желающим и написал мне очень схожий портрет дяди моего, который хранится у меня доселе; кроме того часто со мною писал виды с натуры, для чего мы спускались к Подкумку, резво бежавшему в долине, в которую развалисто упирается шапкообразный Машук, заключающий в недрах своих все целительные источники Пятигорья, различного состава и температуры, от 21 — в Елисаветинском источнике, до 41-го — в Александровском, но который, однако, иссякал одно время.

Елисаветинский источник с своим колодцем и маленьким домиком в две ванны, и Варвациевский желтый дом были в таком же виде, в каком я их помнил с 1824-го года, когда там брали ванны и получили исцеление и отец мой, и мать. Длинный дом, в котором мы жили в 24-м году, тянувшийся по склону горы, за гостиницей Найтаки, еще существовал в 41-м году, но на изрытом месте, которое расстилалось пред ним до Варвациевских ванн в 24-м году, красовались уже линии красивых домиков и тенистый бульвар, а галлерея Михайловского источника, в мавританском вкусе, давала в ненастные дни приют больным, чающим движения воды. Вообще хотя и немного, но все-же кое-что было сделано к удобству публики и украшению Пятигорска. Много проложено было новых дорожек на самый Машук, и зигзагами можно было взъехать на него в экипаже. Все мои знакомые, конечно, познакомились в нашем семействе и, хотя сводной сестре моей было 13 лет и она только казалась взрослою, молодежь не упускала случая волочиться за нею от скуки, а также ухаживала за Александрой Михайловной Родионовой ⟨...⟩

Я часто забегал к соседу моему Лермонтову. Однажды, войдя неожиданно к нему в комнату, я застал его лежащим на постели и что-то рассматривающим в сообществе С. Трубецкого и что они хотели, видимо, от меня скрыть. Позднее, заметив, что я пришел не во-время, я хотел было уйти, но так как Лермонтов тогда-же сказал: «Ну, этот ничего», то и остался. Шалуны-товарищи показали мне тогда целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертили и раскрасили. Это была целая история в лицах, вроде французских карикатур: Cryptogram M-r la Launisse и проч., где красавец, бывший когда-то кавалергард, Мартынов был изображен в самом смешном виде, то въезжающим в Пятигорск, то рассыпающимся пред какою-нибудь красавицей и проч.[18] Эта-то шутка, приправленная часто в обществе злым сарказмом неугомонного Лермонтова, и была, как мне кажется, ядром той размолвки, которая кончилась так печально для Лермонтова, помимо тех темных причин, о которых намекают многие, знавшие отношения этих лиц до катастрофы [19].

В первых числах июля я получил, кажется от С. Трубецкого, приглашение участвовать в подписке на бал, который пятигорская молодежь желала дать городу; не рассчитывая на то, чтобы этот бал мог стоить очень дорого, я с радостью согласился. В квартире Лермонтова делались все необходимые к тому приготовления, и мы намеревались осветить грот, в котором хотели танцевать, для чего наклеили до 2000 разных цветных фонарей. Лермонтов придумал громадную люстру из трехъярусно помещенных обручей, обвитых цветами и ползучими растениями, и мы исполнили эту работу на славу. Армянские лавки доставили нам персидские ковры и разноцветные шали для украшения свода грота, за прокат которых мы заплатили, кажется, 1500 рублей; казенный сад — цветы и виноградные лозы, которые я с Глебовым нещадно рубили; расположен-

ный в Пятигорске полк снабдил нас красным сукном, а содержатель гостиницы Найтаки позаботился о дессерте, ужине и вине [20].

8 или 10-го июля бал состоялся, хотя не без недоразумений с некоторыми подписчиками, благодаря тому, что дозволялось привести на бал не всех, кого кто желает, а требовалось, чтобы участвующие на балу были более или менее из общих знакомых и нашего круга. Сколько мне помнится, разлад пошел из-за того, что князю Голицыну не дозволили пригласить на бал двух сестер какого-то приезжего военного доктора сомнительной репутации. Голицын в негодовании оставил наш круг и не участвовал в общей затее [21]. Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что Голицын, ровно через неделю после нашего бала, давал такой же на свои средства

ПЯТИГОРСК
Литография 1850-х гг.
Литературный музей, Москва

в казенном саду, где для этого случая была выстроена им даже галлерея. В этот-то день, т. е. 17-го июля, и случилась дуэль Лермонтова, и бал Голицына не удался, так как его не посетили как все близкие товарищи покойного поэта, так и представительницы лучшего дамского общества, его знакомые... Наш бал сошел великолепно, все веселились от чистого сердца, и Лермонтов много ухаживал за Идой Мусиной-Пушкиной.

Мачеха моя с сестрой незадолго до этого времени переехали в Железноводск, верстах в 17-ти отстоящий от Пятигорска, и я навещал их изредка на неделе.

17 июля погода была восхитительная, и я верхом, часу в 8-м утра, отправился туда. Надобно сказать, что дня за три до этого Лермонтов подъезжал верхом на сером коне в черкесском костюме к единственному открытому окну нашей квартиры, у которого я рисовал, и простился со мною, переезжая в Железноводск. Впоследствии я узнал, что ссора его с Мартыновым тогда уже произошла и вызов со стороны Мартынова состоялся [22]...

Проехав колонию Шотландку, я видел пред одним домом торопливые приготовления к какому-то пикнику его обитателей [23], но не обратил на

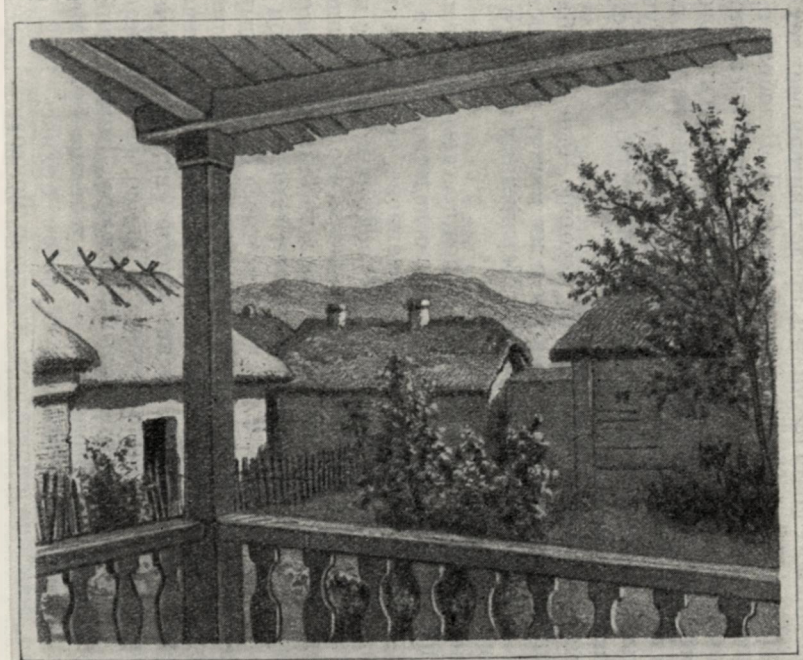
это особого внимания, я торопился в Железноводск, так как огромная черная туча, грозно застилая горизонт, нагоняла меня как бы стеной от Пятигорска и крупные капли дождя падали на ярко освещенную солнцем местность. На пол-пути в Железноводск я встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках; Глебов правил, а Столыпин с ягташем и ружьем через плечо имел пред собою что-то покрытое платком. На вопрос мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я еще посоветовал им убить орла, которого неподалеку оттуда заметил на копне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколько далее я встретил извозчичьи дрожки с Дмитревским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни[24].

Проведя день у мачехи моей, под вечер я стал собираться в Пятигорск и, несмотря на то, что меня удерживали под предлогом ненастья, все-таки поехал, так как не хотел пропустить очередной ванны. Смеркалось, когда я проехал Шотландку, и в темноте уже светились мне приветливые огоньки Пятигорска, как вдруг слева, на склоне Машука, я услыхал выстрел; полагая, что это шалят мирные горцы, так как не раз слышал об этом рассказы, я приударил коня нагайкой и вскоре благополучно добрался до дома, где застал Шведе, упражнявшегося на фортепиано. Раздевая меня, крепостной человек мой Михаил Судаков доложил мне, что по соседству у нас несчастие и что Лермонтова привезли на дрожках раненного... Недоумевая, я поспешил к соседу, но, застав ставни и двери его квартиры на запоре, вернулся к себе. Только утром я узнал, что Михаил Юрьевич привезен был уже мертвым, что он стрелялся с Мартыновым, на 10 шагах и, подобно описанному им фаталисту, кажется далек был от мысли быть убитым, так как, не подымая пистолета, медленно стал приближаться к барьеру, тогда как Мартынов пришел уже к роковой точке и целил в него; когда Лермонтов ступил на крайнюю точку, Мартынов спустил курок, и тот пал, успев вздохнуть раз, другой, и, как рассказывали, презрительно взглянул на Мартынова. Я полагаю, что, кроме двух секундантов, Глебова и Александра Васильчикова, вся молодежь, с которою Лермонтов водился, присутствовала скрытно на дуэли, полагая, что она кончится шуткой и что Мартынов, не пользовавшийся репутацией храброго, струсит и противники помирятся [25].

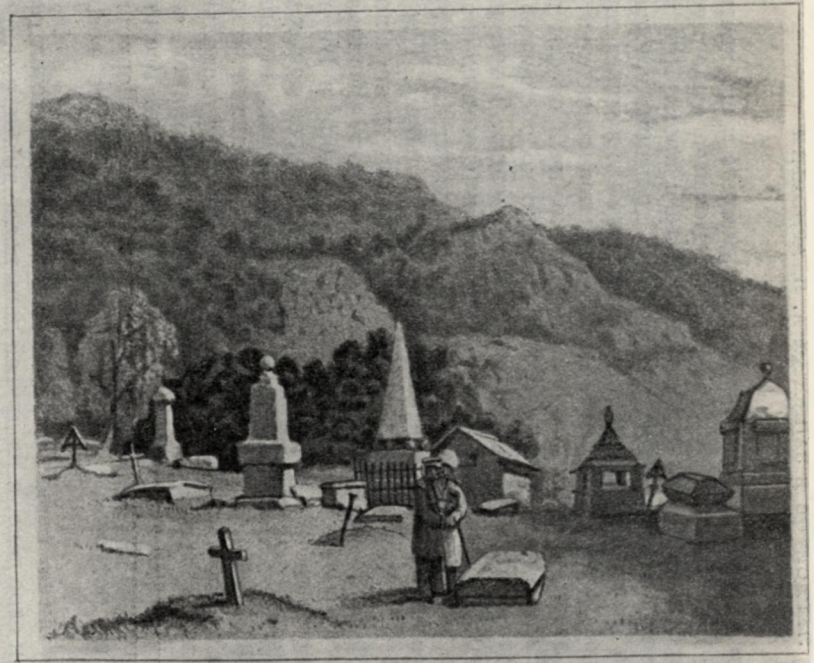
Заключение это можно вывести из того, что будто бы А. Столыпин, как я тогда же слышал, сказал Мартынову: allez vous en, votre affaire est faite*, когда тот после выстрела кинулся к распростертому Лермонтову, а также и потому, что только шуточная дуэль могла заставить всю эту молодежь не подумать о медике и экипаже на всякий случай, хотя бы для обстановки, что сделал Глебов уже после дуэли, поскакав в город за тем и за другим, причем при теле покойного оставались Трубецкой и Столыпин. Не присутствие ли этого общества, собравшегося посмеяться над Мартыновым, о чем он мог узнать стороной, заставило его мужаться и крепиться и навести дуло пистолета на Лермонтова? Рассказывали в Пятигорске, что заранее было условлено, чтобы только один из секундантов пал жертвою правительственного закона, что поэтому секунданты между собою кидали жребий и тот выпал на долю Глебова, который в тот же вечер доложил о дуэли коменданту и был посажен им на гауптвахту. Так как Глебов жил с Мартыновым на одной квартире, правильная по законам чести дуэль могла казаться простым убийством и вот, для обеления Глебова, А. Васильчиков на другой день сообщил коменданту, что он был также секундантом Лермонтова, за что посажен был в острог, где за свое участие и содержался [26].

---

* убирайтесь, ваше дело сделано (франц.).



Балконъ дома Умана гдѣ жилъ М. Ю. Лермонтовъ въ г. Пятигорскѣ
Іюля 1841 г. (Съ рис. А. И. Арнольди.)



Могила М. Ю. Лермонтова на кладбищѣ въ Пятигорскѣ въ первый (1841) годъ
кончины поэта. (Съ рис. А. И. Арнольди.)

СТРАНИЦА «РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТКА» № 7, 1862 г. С ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕМ РИСУНКОВ А. И. АРНОЛЬДИ, ИЗОБРАЖАЮЩИХ БАЛКОН ДОМА, В КОТОРОМ ЖИЛ В ПЯТИГОРСКЕ ЛЕРМОНТОВ, И МОГИЛУ ПОЭТА

Ранним утром на другой день я видел Лермонтова в его квартире на столе, в белой рубахе, украшенного цветами. Комната была пуста, и в углу валялась его канаусовая малиновая рубаха с кровяными пятнами на левой стороне под сердцем. Шведе по заказу Столыпина написал портрет с покойного и сделал мне такой же [27]. Я нахожу его лучшим портретом Лермонтова, даже лучше того, которым сестра моя владеет и поныне (в молодых еще летах, в гусарском ментике) и который он сам подарил моей мачехе [28]. На портрете Шведе поэт наш коротко обстрижен, глаза полузакрыты и на устах играет еще злая насмешка. Тимм, издатель «Художественного Листка», поместил этот портрет на одном из своих прелестных листков художественного альбома и окружил его различными воспоминаниями о поэте, которые я дал ему из моего альбома. Там изображен дом Реброва в Кисловодске, который мы занимали вскоре после катастрофы, где происходит действие повести Лермонтова «Княжна Мери» (предполагают в героине сестру Мартынова), балкон дома в Пятигорске, где мы частенько сиживали с покойным. Кавказский вид снеговых гор при закате солнца масляными красками работы Лермонтова, который мне дал Столыпин, уже после смерти своего друга [29], а также временная могила Лермонтова с видом на Машук, которую я срисовал несколько дней спустя... Я храню и доселе черкесский пояс с серебряной «жерничкой» покойного, который также получил на память о нем. Все эти вещи подарены мною генерал-майору А. А. Бильдерлингу в Лермонтовский музей, который им устроен в школе юнкеров, как месте воспитания поэта.

Убитого на дуэли по правилам нашим священник не хотел отпевать, но деньги сделали свое дело, и на другой день после дуэли, в сопровождении целого Пятигорска, священника и музыки, мы отнесли Михаила Юрьевича на руках в последнее его жилище [30]. По странному стечению обстоятельств, на похоронах поэта случились представители всех тех полков, в которых служил покойный, так как там были С. Д. Безобразов, командир Нижегородского драгунского полка, Тиран — лейб-гусарского, я — Гродненского гусарского и дядя мой Н. И. Лорер — Тенгинского пехотного полков. Дамы забросали могилу цветами и многие из них плакали, а я и теперь еще помню выражение лица и светлую слезу Иды Пушкиной, когда она маленькой своей ручонкой кидала последнюю горсточку земли на прах любимого ею человека.

Сам не понимаю, как не попал я в эту историю, быв так близок со всеми этими лицами и вращаясь постоянно в их кругу, и объясняю это разве только тем, что не был знаком с домом Верзилиных и ничего не знал о ссоре Мартынова с Лермонтовым.

Глебов и Васильчиков долго содержались под арестом, потом прогуливались на водах в сопровождении часового, а впоследствии Глебов был обходим чинами, служа адъютантом князя Воронцова, а Васильчиков не получил награды, к которой был представлен сенатором Ганом, с которым тогда находился на ревизии на Кавказе. Полагаю, что такая милостивая расправа с секундантами была следствием как ходатайства высокопоставленных лиц, так и некоторого нерасположения самого государя к Лермонтову, хотя я и далек от веры в те слова, которые будто бы вырвались у императора при известии о его кончине: «собаке — собачья смерть» [31].

О происшествии этом много писали, но проверить его окончательно и вполне достоверно весьма трудно, так как многие свидетели и участники его покончили свое земное существование, а скоро не останется уже никого в живых. Трубецкой, Монго-Столыпин, Глебов, Дмитревский мирно покоятся, кто во Флоренции (Столыпин), а кто у нас на Руси. Мартынов молчит, а Васильчиков рассказывает в «Русском архиве» 1872 года о происшествии так, как оно сложилось людскою молвою [32].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Корнет Н. А. Краснокутский, выпущенный в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк из камер-пажей в 1836 г., в Селищенских казармах жил впоследствии «на одной квартире» с Лермонтовым, в том самом «сумасшедшем доме», о котором рассказывает Арнольди. Как свидетельствует историк полка, «Н. А. с ранней молодости обращал на себя внимание своим многосторонним образованием. Замечательный лингвист, он владел свободно десятью языками, много занимался живописью и был всегда душой полковой молодежи <...> Лермонтов поселился <с ним> на одной квартире и, как говорит предание, исписал все стены стихами, которые долго сохранялись в таком виде, пока однажды в отсутствие полка какой-то инженер, ремонтировавший казармы, варварски не закрасил этих драгоценных автографов. В бытность Лермонтова в нашем полку им были написаны „Стансы" Мицкевича, переведенные ему с польского корнетом Краснокутским» (Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. I. СПб., 1890, стр. 206 и 255). В 1840 г. Н. А. Краснокутский командирован был на Кавказ, где получил ряд боевых отличий. С 1856 г.— генерал-майор.

[2] Убийство московскими игроками богатого помещика Времева, о котором упоминает Арнольди, произошло 24 февраля 1825 г. Отец баронессы С. Н. Стааль фон-Гольштейн, камер-юнкер Шатилов, был привлечен к уголовной ответственности как соучастник в убийстве. Дело это, полузамятое, благодаря связям обвиняемых, рассматривалось в нескольких судебных инстанциях и восходило до Государственного совета, «мнение» которого свелось к тому, чтобы всех преступников, «лишив знаков отличия, чинов и дворянства, как людей, вредных для общества, сослать на жительство в сибирские города». Это «мнение» утверждено было 1 декабря 1827 г. Николаем I («Ист. вестник», 1905, № 4, стр. 165—170).

[3] «В обществе наших полковых дам,— передает Ю. Елец со слов самой С. Н. Стааль,— Лермонтов был скучен и угрюм и, посещая чаще других баронессу Стааль фон-Гольштейн, обыкновенно садился в угол и молча прислушивался к пению и шуткам собравшегося общества» (Ю. Елец. Ук. соч., стр. 207). Как ныне установлено, баронессе С. Н. Стааль принадлежал портрет А. Н. Муравьева, рисованный Лермонтовым («Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 85).

[4] В эскадроне Войниловича состоял и корнет Лермонтов. «Явившись к князю Багратиону, он получил назначение состоять в четвертом эскадроне и на другой же день, 27 числа, дежурил по второй половине полка» (Ю. Елец. Ук. соч., стр. 206).

[5] Генерал-майор кн. Дмитрий Георгиевич Багратион-Имеретинский, назначенный командиром лейб-гвардии Гродненского полка 6 декабря 1837 г. и прибывший в полк 23 января 1838 г., то есть незадолго до прибытия в него Лермонтова, по свидетельству официального историка, как командир «был разумно строг, внимателен, входил во всё, весь день был в полку, знал не только людей, но и поименно всех лошадей» (Ю. Елец. Ук. соч., стр. 185—217). Был женат на графине Стройновской, дочери той Стройновской, с именем которой связана одна из строф «Домика в Коломне». Умер 6 декабря 1845 г.

[6] «За свое пребывание в полку Лермонтов,— резюмировал свои впечатления от рассказов сослуживцев поэта историк полка,— не оставил по себе того неприятного впечатления, каким полны отзывы многих сталкивавшихся с ним лиц. Правда, отзывы гродненских офицеров о Лермонтове устанавливали одно общее мнение о язвительности его характера, но это свойство не мешало Лермонтову быть коноводом всех гусарских затей и пирушек и оправдывалось товарищами как одно из проявлений его исключительной натуры» (Ю. Елец. Ук. соч., стр. 207).

[7] Рассказ Арнольди о его первой встрече с Лермонтовым у Безобразовых, в несколько иной редакции, со слов мемуариста, передает Ю. Елец (там же, стр. 205—206).

Учитывая, вероятно, рассказы Арнольди, а может быть, и материалы Ю. Ельца, П. Висковатов в своей книге о Лермонтове повествовал: «В конце февраля <1838 г.> Лермонтов приезжает в полк, где помещается на одной квартире с Н. А. Краснокутским. Здесь ему не живется <...> Картежная азартная игра, распространенная между товарищами по полку, ему быстро надоедает, да к тому же он раза два проиграл значительные суммы» (М. Лермонтов. Соч., т. VI, М., 1891, стр. 295).

[8] Обе картины Лермонтова, о которых упоминает Арнольди, ныне находятся в ИРЛИ АН СССР. Описание их см. в работе Н. Пахомова («Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 94—95). На обороте второй из них — надпись: «Сделана при мне в час времени в Селищенских казармах Новгородской губернии в так называемом сумасшедшем доме. А. Арнольди». Об обстоятельствах получения им после смерти Лермонтова картины «Воспоминание о Кавказе» см. стр. 472. При первой публикации снимков с обеих картин в «Русском художественном листке» 1862 г. Р. Зотов отмечал: «По словам А. И. Арнольди, М. Ю. Лермонтов писал картины гораздо быстрее, чем стихи; нередко он брался за палитру, сам еще не зная, что явится на полотне, и потом, пустив густой клуб табачного дыма, принимался за кисть и в какой-нибудь час времени картина была готова» («Русский художественный листок», 1862, № 7, стр. 27).

[9] Предположение А. И. Арнольди о работе Лермонтова в 1838 г. над поэмами Хаджи Абрек» и «Мцыри» неверно: «Хаджи Абрек» (первое печатное произведение

Лермонтова) опубликован был еще в 1835 г., а «Мцыри» датируется 1839 г. Более интересен рассказ о подстрочном прозаическом переводе Н. А. Краснокутским для Лермонтова «Стансов» Мицкевича (мемуарист, конечно, имел в виду «Крымские сонеты», из цикла которых Лермонтов перевел «Вид гор из степей Козлова». Об этом см. во введении к запискам, стр. 454).

[10] Экспромпт «М. И. Цейдлеру» впервые был опубликован в «Атенее», 1858, № 6, стр. 303. Текст стихов, вошедший в записки Арнольди, отличается от общеизвестного двумя вариантами: ст. 3. Где н е в е р н ы е гяуры (вм. «косматые»); ст. 6. На к р о в а в ы й пир войны (вм. «могучий»).

Об участии Лермонтова в проводах М. И. Цейдлера сохранился рассказ последнего, оставшийся неизвестным Арнольди, так как он был опубликован годом позже окончания его записок (см. «Русский вестник», 1888, № 9, стр. 122—126).

[11] Лермонтов прибыл в Гродненский гусарский полк 26 февраля 1838 г. Приказ о переводе Лермонтова в Петербург подписан был 9 апреля, но, по не известным нам причинам, он не сразу выехал из полка, подав 18 апреля рапорт о болезни (Ю. Е л е н. Ук. соч., стр. 207). За время пребывания в Гродненском полку Лермонтов, как свидетельствует П. А. Висковатов на основании «сообщения командовавшего Гродненским гусарским полком графа Олсуфьева», «дважды ездил в отпуск по 8 дней в Петербург» (М. Л е р м о н т о в. Соч., т. VI, стр. 295).

[12] Роберт Евстафьевич Ш в е д е (1806—1871) — известный портретист. Данные о нем в записках Арнольди существенно дополняют тот скудный материал, которым располагали о Шведе его биографы. Последняя критическая сводка материалов о Шведе дана в работе: И. З и л ь б е р ш т е й н. М. Ю. Лермонтов в портретах. М., 1941, стр. 38—40. Возвращаясь к Шведе еще в одном месте своих записок, Арнольди упоминает о том, как в августе 1841 г. «соблазненный предложением С. Д. Безобразова, Шведе оставил нас ⟨семейство Арнольди⟩ и поехал в Тифлис, где имел много заказов и заработал тысяч 12 ассигнациями» («Записки Арнольди», машинописная копия, л. 91).

[13] Михаил Григорьевич Х о м у т о в (1795—1864) — командир лейб-гвардии гусарского полка с 1834 по 1839 г., впоследствии наказный атаман Войска Донского. В мае 1840 г. в Новочеркасске у него останавливался Лермонтов на пути в Ставрополь.

[14] А. Ф. Т и р а н — поручик лейб-гвардии гусарского полка, однополчанин и товарищ Лермонтова еще по школе гвардейских подпрапорщиков, автор записок о поэте, опубликованных В. А. Мануйловым в «Звезде», 1936, № 5; А. А. С т о л ы п и н — двоюродный дядя Лермонтова, его ровесник, друг детства, однокашник по юнкерской школе и товарищ по лейб-гвардии гусарскому полку, секундант в его дуэли с Барантом; М. П. Г л е б о в — младший товарищ Лермонтова по юнкерской школе, корнет лейб-гвардии конного полка, один из секундантов на поединке с Мартыновым.

[15] Николай Соломонович М а р т ы н о в (1815—1875) — учился с Лермонтовым в школе гвардейских подпрапорщиков; выпущен в 1835 г. в лейб-гвардии кавалергардский полк. Я. И. Костенецкий, познакомившийся с ним на Кавказе в 1839 г., описывает его как «очень красивого молодого гвардейского офицера, блондина, со вздернутым немного носом и высокого роста. Он был всегда очень любезен, весел, порядочно пел под фортепиано романсы и полон надежд на свою будущность; он все мечтал о чинах и орденах и думал не иначе, как дослужиться на Кавказе до генеральского чина. После он уехал в Гребенской казачий полк, куда он был прикомандирован, и в 1841 г. я увидел его в Пятигорске. Но в каком положении! Вместо генеральского чина он был уже в отставке всего майором, не имел никакого ордена и из веселого и светского изящного молодого человека сделался каким-то дикарем: отрастил огромные бакенбарды, в простом черкесском костюме, с огромным кинжалом, в нахлобученной белой папахе, мрачный и молчаливый» («Русский архив», 1887, № 1, стр. 114).

[16] Владимир Иванович кн. Б а р я т и н с к и й (1817—1875) — младший брат товарища Лермонтова по юнкерской школе, впоследствии командир кавалергардского полка, генерал-адъютант. Уклонившись от женитьбы на Э. А. Клингенберг, Барятинский, как свидетельствует В. А. Инсарский, управляющий его делами, ликвидировал свои отношения с нею выдачей ее родным 50 тысяч рублей («Русская старина», 1894, № 11, стр. 45). Судя по воспоминаниям Костенецкого, Э. А. Клингенберг в 1841 г. была «девушкой, пользовавшейся незавидной репутацией» («Русский архив», 1887, № 1, стр. 115—116). Это объясняет двусмысленные шутки Лермонтова в ее присутствии.

[17] Николай Иванович Л о р е р (1795—1873) — член Южного тайного общества, майор Вятского пехотного полка, один из ближайших товарищей Пестеля по подпольной работе. В записках Лорера сохранился следующий рассказ о его встрече в мае 1841 г. с Арнольди: «Входя в ворота гостиницы вечного Найтаки, я увидал несколько дорожных экипажей, и тут же встретил гвардейского гусарского молодого офицера. Вообразите себе мое удивление, когда, расспросив о проезжающих, я узнал, что это фамилия генерала Арнольди, отправляющегося на Кавказские Минеральные Воды. Молодой человек был сыном славного генерала Арнольди, женатого, в первом браке, на моей родной сестре, и приходился мне племянником. Я тотчас же направился к нему и назвал себя, мы обнялись и тут, можно сказать, познакомились, ибо я оставил его 8-летним мальчиком, при моей ссылке в 1826 г.» («Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931, стр. 252).

[18] «В лермонтовских карикатурных набросках Мартынов играл главную роль»,— рассказывает П. А. Висковатов (М. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 403—404). О судьбе лермонтовского альбома карикатур, погибшего, по одним сведениям, у М. П. Глебова, по другим — в усадьбе А. А. Столыпина, см. «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 212—213.

[19] Глухо упоминая о «темных причинах», вызвавших неприязненные отношения Мартынова к Лермонтову, Арнольди имеет, вероятно, в виду слухи о романе Лермонтова с одной из сестер Мартынова. См. об этом в работе Э. Герштейн («Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 696—704).

[20] О бале, данном 8 июля 1841 г. Лермонтовым и его друзьями пятигорской «публике», сохранился рассказ Н. И. Лорера, очень близкий в некоторых местах передаче этого же эпизода в записках Арнольди («Русский архив», 1874, № 11, стр. 684—685). См. также воспоминания Э. Шан-Гирей («Русский архив», 1889, № 6, стр. 316) и письмо Е. Быховец от 5 августа 1841 г. («Русская старина», 1892, № 3, стр. 766—767).

[21] Причины конфликта В. С. Голицына с Лермонтовым и его друзьями перед балом 8 июля 1841 г. более убедительно передаются в воспоминаниях Н. П. Раевского, известных нам по записи В. П. Желиховской: «Как-то раз мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикник в нашем обычном гроте у Сабанеевских ванн. Распорядителем на наших праздниках бывал обыкновенно генерал князь Владимир Сергеевич Голицын, но в этот раз он с чего-то заупрямился и стал говорить, что неприлично женщин хорошего общества угощать постоянными трактирными ужинами после танцев с кем ни попало на открытом воздухе. Лермонтов возразил ему, что здесь не Петербург, что то, что неприлично в столице, совершенно на своем месте на водах с разношерстным обществом. На это князь предложил устроить настоящий бал в казенном Ботаническом саду. Лермонтов заметил, что не всем это удобно, что казенный сад далеко за городом и что затруднительно будет препроводить наших дам, усталых после танцев, позднею ночью обратно в город. Ведь биржевых-то дрожек в городе было 3—4, а свои экипажи у кого были? Так не на повозках же тащить? — Так здешних дикарей учить надо!— сказал князь. Лермонтов ничего ему не возразил, но этот отзыв князя Голицына о людях, которых он уважал и в среде которых жил, засел у него в памяти и, возвратившись домой, он сказал нам: „Господа! На что нам непременно главенство князя на наших пикниках? Не хочет он быть у нас — и не надо. Мы и без него сумеем справиться".

«Не скажи Михаил Юрьевич этих слов, никому бы из нас и в голову не пришло перечить Голицыну, а тут словно нас бес дернул. Мы принялись за дело с таким рвением, что праздник вышел — прелесть. Площадку перед гротом занесли досками для танцев, грот убрали зеленью, коврами, фонариками, а гостей звали по обыкновению с бульвара. Лермонтов был очень весел, не уходил в себя и от души шутил и смеялся, несмотря на присутствие armée russe. Нечего говорить, что князя Голицына не только не пригласили на наш пикник, но даже не дали ему об нем знать» («Нива», 1885, № 7, стр. 167—168).

[22] Столкновение с Мартыновым, послужившее поводом к вызову, произошло на вечере 13 июля 1841 г. у Верзилиных. Сводку данных об этом столкновении см.: П. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. II. Л., 1929, стр. 201—206, а также в статье В. Нечаевой. Суд над убийцами Лермонтова (Сб. «М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы», М., 1939, стр. 20—24). День дуэли указан у Арнольди неверно. Как известно, Лермонтов стрелялся 15 июля.

[23] «Пикник», приготовления к которому Арнольди заметил в Каррасе, очевидно тот самый, о котором упоминает Е. Быховец в письме от 5 августа 1841 г. Здесь, за несколько часов до дуэли, Лермонтов весело провел время в обществе Е. Быховец, Дмитревского, Л. С. Пушкина и др. («Русская старина», 1892, № 3, стр. 767—768). Ср. об этом же «пикнике» рассказ Э. А. Шан-Гирей («Нива», 1885, № 27, стр. 646) и материалы П. А. Висковатова (М. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 421—422).

[24] Об этом месте записок Арнольди см. наши соображения во введении. Дружеские отношения, связывавшие Лермонтова с Дмитревским, особенно в преддуэльные дни, не подлежат сомнению (см. «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 257—258). Однако, несмотря на то, что его имя, как поэта и приятеля Лермонтова, давно известно в литературе, даже инициалы его до сих пор установлены не были.

Иван Дмитриевич Дмитревский, яркая характеристика которого дана в записках Н. И. Лорера, воспитывался в Царскосельском лицее (шестой выпуск), служил на Кавказе с 1837 г., умер в 1842 г. («Пушкин и его современники», вып. XIII. СПб., 1910, стр. 82. Ср. «Литературный архив», Л., 1938, стр. 81).

[25] Со слов Арнольди С. С. Дудышкин внес в свои «Материалы для биографии Лермонтова» следующую страницу: «Страшно подумать, что поводом к дуэли, а следственно и причиною смерти нашего незабвенного поэта было одно пустое, мимоходом сказанное слово сослуживцу своему *М.* Из этого слова завязался крупный разговор, кончившийся вызовом со стороны Лермонтова. Оружием выбраны были пистолеты, а секундантами: *Б.* (Лермонтова) и *Г.* (его противника). Друзья Лермонтова надеялись, однако, как-нибудь уладить дело, и потому упросили поэта отправиться на несколько дней в Железноводск (в 17 верстах от Пятигорска). Но противник не соглашался на

мировую, и Лермонтов возвратился в Пятигорск. В самый день дуэли поэт танцовал еще на пикнике в колонии Шотландка, находящейся между Пятигорском и Железноводском. Около 5 часов вечера между горами Машуком и Бештау разразилась ужасная буря с громом и молниею; в это самое время, в $1^1/_2$ верстах от Пятигорска, сошлись противники у подошвы Машука. Лермонтов был ранен под самое сердце, упал и, вздохнув два раза, скончался. Секунданты, не предвидя такого конца, насилу нашли экипаж. Нельзя было хладнокровно смотреть на покойного: его канаусовая рубашка вся была смочена кровью. На другой день смерти Лермонтова, художник Р. Е. Шведе снял с него портрет, который в настоящее время составляет собственность кн. С. И. Ухтомской. Спустя полгода, именно в марте 1842 г., тело Лермонтова было перевезено в деревню, в село Тарханы, Пензенской губернии» («Соч. Лермонтова, приведенные в порядок С. С. Дудышкиным», т. II, СПб., 1863, стр. XX—XXI). Имена Мартынова и Васильчикова обозначены только инициалами потому, что оба они были еще живы, а судьба Глебова не была известна биографу.

[26] «Когда я спросил кн. Васильчикова, кто собственно были секундантами Лермонтова,— пишет П. А. Висковатов,— он ответил, что собственно не было определено, кто чей секундант. Прежде всего Мартынов просил Глебова, с коим жил, быть его секундантом, а потом как-то случилось, что Глебов был как бы со стороны Лермонтова ‹...› Собственно секундантами были: Столыпин, Глебов, Трубецкой и я. На следствии же показали: Глебов себя секундантом Мартынова, я — Лермонтова. Других мы скрыли. Трубецкой приехал без отпуска и мог поплатиться серьезно. Столыпин уже раз был замешан в дуэли Лермонтова, следовательно, ему могло достаться серьезнее» (М. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 423). На месте поединка было еще несколько лиц в качестве зрителей, спрятавшихся за кустами; между ними и знаменитый бретер Руфин Дорохов, как прямо свидетельствует об этом Э. Шан-Гирей и другие современники событий, рассказы которых передают М. Лонгинов («Русская старина», 1873, № 1, стр. 389) и В. Елагин (см. П. Висковатов — Соч. Лермонтова, т. VI стр. 420—421). Ср. Н. Бродский. Дуэль и смерть Лермонтова в откликах современников («Лит. критик», 1939, № 10-11, стр. 244—252).

[27] Свой экземпляр портрета, писанного Р. Е. Шведе с мертвого Лермонтова на другой же день после дуэли, Арнольди подарил своей сестре, кн. С. И. Ухтомской. Снимок с него помещен был в «Русском художественном листке», 1862, № 7, стр. 28.

[28] Арнольди ошибается, полагая, что этот портрет подарен был его мачехе самим Лермонтовым. В письме от 29 декабря 1880 г. в Лермонтовский музей А. П. Шан-Гирей свидетельствовал: «Писанную мною масляными красками копию с портрета ‹Лермонтова› работы художника Заболотского, в 41-м году я подарил супруге ген.-лейт. Ивана Карловича Арнольди — Софье Карловне, после кончины которой копия эта должна находиться у дочери ее — Софьи Ивановны» («М. Ю. Лермонтов. Каталог выставки в Ленинграде к 125-летию со дня рождения». Сост. В. Бубнова, М. Калаушин и П. Корнилов. Л., 1941, стр. 42. О самом портрете и его датировке см. интереснейшие соображения И. Зильберштейна в работе: «М. Ю. Лермонтов в портретах», стр. 20—21).

[29] Справка Ю. Ельца о том, что эта картина была писана Лермонтовым в 1838 г. и тогда же подарена им Арнольди вместе с «поясом с набором из черкесского серебра» (Ю. Елец. Ук. соч., стр. 206), не соответствует, таким образом, ни в одной своей части точным данным Арнольди (см. об этом также примеч. 8).

[30] Хлопоты, связанные с жетанием друзей Лермонтова похоронить его с соблюдением всех христианских и воинских обрядов, отражены в воспоминаниях Э. А. Шан-Гирей: «На другой день, когда собрались все к панихиде, долго ждали священника, который с большим трудом согласился хоронить Лермонтова, уступив убедительным и неотступным просьбам кн. Васильчикова и других, но с условием, чтобы не было музыки и никакого параду. Наконец, приехал отец Павел, но, увидев на дворе оркестр, тотчас повернул назад. Музыку мгновенно отправили, но зато много, много усилий употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконец, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище. Гроб несли товарищи; народу было много, и все шли за гробом в каком-то благоговейном молчании» («Русский архив», 1889, № 6, стр. 319).

[31] См. об этом эпизоде во введении к запискам, стр. 452, а также в статье С. Андреева-Кривича в настоящем томе, стр. 418 и 428.

[32] Верно подмеченная в записках Арнольди осторожность печатных показаний А. И. Васильчикова о дуэли объяснена П. А. Висковатовым: «Что касается некоторых недомолвок со стороны кн. Васильчикова в статье его в „Русском архиве“ 1872 г., то это обусловливалось вниманием к бывшему еще в живых Мартынову, защищать которого приходилось князю во время следствия по делу. Сообщения, сделанные князем мне уже позднее и после смерти Мартынова, разнствуют с прежними показаниями» (М. Лермонтов, Соч., т. VI, стр. 415). О коррективах А. И. Васильчикова к его же собственным воспоминаниям см. в кн.: П. Висковатов. Ук. соч., стр. 420—425. О поведении секундантов Лермонтова во время следствия и суда над Н. С. Мартыновым см. указ. статью В. Нечаевой., стр. 20—24.

ВОКРУГ ЛЕРМОНТОВА

I. ЗАБЫТЫЙ ДРУГ ЛЕРМОНТОВА.—II. УТРАЧЕННЫЕ РУКОПИСИ ЛЕРМОНТОВА.—III. АЛЬБОМ Г. Н. ОЛЕНИНА.—IV. ОТКЛИК А. И. ПОЛЕЖАЕВА НА СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА».—V. НОВОНАЙДЕННОЕ ПИСЬМО О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА

Сообщения М. Ашукиной, В. Баранова, А. Михайловой и Э. Найдича

I. ЗАБЫТЫЙ ДРУГ ЛЕРМОНТОВА

В 1842 г. в Берлине вышли отдельными изданиями переводы на немецкий язык «Мцыри» и «Героя нашего времени» Лермонтова, озаглавленные «Der Novize» («Послушник») [1] и «Aus dem Kaukasus» («С Кавказа») [2]. Переводчик, поэт, прибалтийский барон Роман Будберг-Беннингаузен (1816—1858), окончивший в 1838 г. Дерптский университет и живший с 1840 по 1843 г. в Берлине [3], предпослал своему переводу «Мцыри» стихотворное посвящение барону Борису Икскулю. Привожу его в прозаическом переводе:

«Прими эту книгу из моих дружеских рук, как залог моей верной любви. Я хотел бы переслать тебе с ней тысячу приветов к зеленому побережью Балтийского моря, доставить тебе ею светлый час досуга, каких я бесчисленное множество, благодаря тебе, узнал, и крикнуть миру тысячами голосов, что я приобрел в тебе друга.

Правда, непревзойденные мастера Германии и тебя, друг, воодушевляли, и тебя восхищали, но ты тем не менее никогда не взирал презрительным, гордым оком на поэтических гениев России. Немало людей, тем более заносчивы на чужбине, чем ниже склоняются они на родине. Ты же никогда не почитал позорной свою верную любовь к отчизне.

Мне все еще слышатся слова, с которыми ты мне недавно показал книгу: „Друг, новый поэт родился, для мира, быть может, второй Пушкин. Милостивое небо избрало его, чтобы муза России больше не безмолвствовала! Присягнем же радостно его знамени. Оно смело проложит нам дорогу к славе!“ Но увы! Напрасны, друг, были твои прекрасные надежды: тяжкое проклятие лежит на поэтах России! Орел был повержен стрелою смерти, когда он к солнцу направил свой гордый полет, и Россия скорбит теперь о Лермонтове, как недавно еще глубоко печалилась о Пушкине. И его на поединке сразила пуля на пороге жизни и поэзии.

К чему дольше выражать мою скорбь? Ты сам знал его. Твои очи, увы, оплакивают не только усопшего певца, они оплакивают усопшего друга! Общие стремления с каждым днем всё сильнее и теснее крепили ваш союз, вечный союз свободы, искусства и знания, разорванный теперь сильной

рукой смерти. Прими меня взамен его! Я его посланец; я приношу тебе его стихи, переложенные на немецкий язык. Так, живой и мертвый говорят тебе здесь слова дружбы. Еще на заре жизни, но я подобен угасающему вечернему свету; что может сделать мое бедное, слабое слово там, где мертвый рисует пламенными чертами!

Р. Будберг-Беннингаузен

Берлин, в декабре 1841 г.»

Биография Лермонтова еще недостаточно документирована. Только тщательный учет даже мало заметных свидетельств современников о нем поможет в дальнейшем воссоздать многие, до сих пор неясные вехи его жизненного пути. К таким свидетельствам относится и указание Будберга на дружбу, связывавшую Лермонтова с Борисом Икскулем. Оно и побуждает меня остановиться на личности последнего, несмотря на то, что у нас нет сведений о том, где и когда они встречались.

Барон Борис Яковлевич Икскуль (1819—1884) принадлежал по рождению к той части прибалтийской знати, которая достигла немалых степеней на служебной лестнице Российской империи. Его прадед барон Готгардт-Вильгельм Икскуль (ум. 1778) был капитаном русской службы, дед Борис Васильевич (1763—1827)— сенатором, отец Яков Борисович — тайным советником. Дед Икскуля по матери барон О. Ф. Розен (1763—1828) был казанским губернатором [4].

Борис Икскуль получил образование в Царскосельском лицее, из которого был выпущен в 1838 г.[5] В стенах лицея он, очевидно, и услышал впервые имя Лермонтова. Однокурсник Икскуля поэт А. Н. Яхонтов, в своих «Воспоминаниях царскосельского лицеиста», рассказывает о впечатлении, произведенном на лицеистов известием о дуэли и смерти Пушкина:

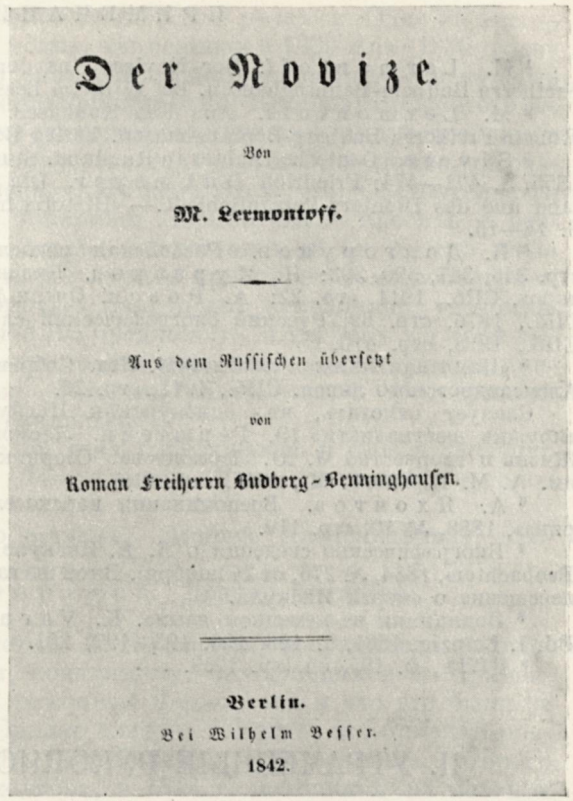
«Мы ничего еще не знали о дуэли Пушкина, как вдруг, 30-го января — пришла к нам громовая весть о его кончине! 〈...〉 Мы не могли освоиться с мыслью, что Пушкина нет в живых... Мы просились в Петербург на похороны — нам отказали наотрез. Начальство боялось даже ходатайствовать за нас пред великим князем — и недаром: стихи Лермонтова на смерть поэта мы уже знали наизусть; при нашем возбужденном состоянии мы способны были, пожалуй, на уличную манифестацию» [6].

Невзирая на то, что Борис Икскуль был выпущен из лицея с чином IX класса, то есть оказался среди наиболее успевавших, он не воспользовался открытой перед ним карьерой и уехал для продолжения своего образования за границу [7]. Повидимому, это решение было принято им не без влияния его дяди, Бориса Борисовича Икскуля, личности по-своему примечательной. Участник (в чине ротмистра гвардейской кавалерии) Отечественной войны и заграничных походов, он приехал в 1817 г. в возрасте двадцати шести лет в Гейдельберг учиться философии. Вскоре он стал любимым учеником Гегеля и постоянным его собеседником.

После возвращения на родину Борис Борисович Икскуль не прекращал дружеских отношений со своим учителем, с которым неизменно поддерживал переписку.

В 1840 г. мы встречаем имя Бориса Яковлевича Икскуля на страницах дневника немецкого писателя Фарнгагена фон Энзе. Служивший в молодости офицером в русских войсках, а потом посвятивший себя дипломатической деятельности, Фарнгаген фон Энзе никогда не изменял своей приверженности к России и русским. В 1840 г. он приехал в Киссинген, где по совету Н. А. Мельгунова занялся переводом «Бэлы» Лермонтова на немецкий язык. В его дневнике этого времени встречаются следующие записи:

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ «МЦЫРИ» ЛЕРМОНТОВА В ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК
Берлин, 1842 г.


Der Novize.

Von

M. Lermontoff.

Aus dem Ruſſiſchen überſetzt

von

Roman Freiherrn Rudberg-Venninghauſen.

Berlin.
Bei Wilhelm Beſſer.
1842.

«22 июня 1840 〈...〉 Первый знакомый, встретившийся мне здесь, был молодой Борис Икскуль с отцом и дядей...

24 июня 〈...〉 Русский кружок за послеобеденным кофе под деревьями; трое Икскулей...

5 июля 〈...〉 Борис Икскуль сегодня выехал в Нюрнберг. Мне нехватает его превосходной помощи и его ежедневных приятных посещений по утрам. Шестнадцать страниц Лермонтова уже переведены; остальные он со мною прошел...

7 июля 〈...〉 Я все еще чувствую себя заброшенным и одиноким. В состоянии покинутости мне оставалось только бежать к моему Кавказу. Переводил русскую новеллу; это было мое утешение, мое занятие, мое развлечение...

10 июля 〈...〉 Вчера мой перевод „Бэлы“ Лермонтова доведен до конца»[8].

Позже Борис Икскуль унаследовал вблизи Ревеля майорат Фиккель, принадлежавший его дяде Борису Борисовичу, и навсегда поселился там. Автор его некролога в газете «Revaler Beobachter» сообщает, что Икскуль много внимания уделял улучшению местного крестьянского хозяйства. Некролог отмечает живейшее общение Бориса Икскуля с видными учеными и государственными деятелями Западной Европы и указывает, что его обширная переписка приумножила семейный архив, в котором хранились ценные письма к его дяде.

В архиве П. А. Вяземского сохранились письма Икскуля, свидетельствующие о его пристальном интересе к литературе[9].

В жизнеописании Лермонтова Борис Икскуль займет свое место, как один из знакомых поэта, сумевший привлечь внимание западноевропейских литераторов к его великому творчеству.

М. Ашукина

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] M. Lermontoff. Der Novize. Aus dem russischen übersetzt von Roman Freiherrn Budberg-Benninghausen. Bei Wilhelm Besser. Berlin, 1842.

[2] M. Lermontoff. Aus dem Kaukasus. Aus dem russischen übersetzt von Roman Freiherrn Budberg-Benninghausen. Verlag Berliner Lesekabinet. Berlin, 1842.

[3] Sivers. Deutsche Dichter in Russland. Studien zur Literaturgeschichte. Berlin, 1855, S. 471—474; Friedrich Dukmeyer. Die Einführung Lermontovs in Deutschland und des Dichters Persönlichkeit.— «Historische Studien», Heft 164. Berlin, 1925, S. 14—15.

[4] П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. III. СПб., 1856, стр. 346, 347, 390, 393; Н. Мурзанов. Правительствующий сенат. Список сенаторов. СПб., 1911, стр. 22; А. Розен. Очерк фамильной истории баронов Розен. СПб., 1876, стр. 69; Русский биографический словарь. Том Рейтерн — Рольцберг. СПб., 1913, стр. 410.

[5] «Памятная книжка лицеистов». Изд. Собрания курсовых представителей имп. Александровского лицея. СПб., 1911, стр. 24.

Следует отметить, что однокурсник Икскуля Ю. К. Арсеньев был членом «кружка шестнадцати» (Э. Герштейн. Лермонтов и «кружок шестнадцати».— Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сборник Института мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1941, стр. 116).

[6] А. Яхонтов. Воспоминания царскосельского лицеиста.— «Русская старина», 1888, № 10, стр. 119.

[7] Биографические сведения о Б. Я. Икскуле взяты из его некролога («Revaler Beobachter», 1884, № 276, от 24 ноября). В той же газете в № 272, от 20 ноября 1884 г.— извещение о смерти Икскуля.

[8] Подлинник на немецком языке. K. Varnhagen von Ense. Tagebücher. Bd. I. Leipzig, 1861, S. 188, 190, 195—197, 201.

[9] ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1959.

II. УТРАЧЕННЫЕ РУКОПИСИ ЛЕРМОНТОВА

(ПИСЬМО Н. А. ДОЛГОРУКОВА К А. А. КРАЕВСКОМУ)

В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде имеется небольшой архив Н. А. Долгорукова [1]. О бывшем владельце этого архива известно немного. Князь Николай Александрович Долгоруков (1833—1873), окончивший медицинский факультет Московского университета, был собирателем редких рукописей и библиофилом. В 1865—1871 гг. он жил в Кременчуге и был одно время полтавским губернским предводителем дворянства. Н. А. Долгоруков знал лично М. И. Глинку и Л. Н. Толстого.

В 1928 г. в архиве Долгорукова была обнаружена копия неизданного очерка Лермонтова «Кавказец» [2].

В хранящемся в Отделе рукописей той же библиотеки архиве А. А. Краевского находится письмо Н. А. Долгорукова к А. А. Краевскому, которое содержит некоторые новые сведения о рукописном наследии Лермонтова. Из письма выясняется, что Долгоруков дважды (в период подготовки к печати сочинений Лермонтова под редакцией Дудышкина в конце 1850 г. и затем в 1865 г.) предлагал Краевскому приобрести рукописи юношеских произведений Лермонтова, еще не изданных.

Вот это письмо:

Ялта. 1865 года, 16/28 марта

Если Вы, Андрей Александрович, не забыли некоего доктора Долгорукова, с коим видались в покойном Шахматном клубе и на Ваших памятных мнѣ и всем вечерах лет девять тому назад, то Вы можете помнить и то, что я Вам говорил, что могу достать Вам для готовившегося тогда к печати издания сочинений М. Ю. Лермонтова много неизданных его стихотворений. Ныне повторяю Вам мое предложение прислать Вам несколько

сотен стихов его, за коих достоверность я вполне ручаюсь. Одно из них — маленькая, вполне законченная поэма, написанная в 1829 или 1830 годах им для одного товарища его по университетскому пансиону — и каждый стих этой поэмы или легенды просто бриллиантик. Кроме этого из этого же источника могу достать несколько стихотворений его на французском языке довольно интересных именно поэтому. Вы получите полное право напечатать всё в «Отечественных записках». Но дело вот в чем. Обстоятельства вынуждают упомянутого выше товарища Лермонтова — просить о вознаграждении за произведения, которые он доставит, и он просил меня написать к Вам, чтобы узнать, какое именно приблизительно вознаграждение Вы можете дать. Получив ответ Ваш, я его немедленно уведомлю и в случае его согласия на то, что́ Вы предложите, я уж беру на себя выслать Вам всё, что есть, и документы, подтверждающие достоверность принадлежности стихов Лермонтову, которые, разумеется, с того времени сделаются Вашею полною собственностью.

Вот мой адрес, ибо я отсюда на-днях возвращаюсь к себе в деревню: Кн. Николаю Александровичу Долгорукову. Полтавской губ., в город Кременчуг.

В ожидании ответа Вашего остаюсь, Андрей Александрович, преданный Вам

Н. А. Долгоруков. Доктор медицины.

Итак, Н. А. Долгоруков пишет А. А. Краевскому о рукописях юношеских произведений Лермонтова, повидимому, находившихся в Кременчуге. Каким путем попали туда рукописи Лермонтова и что это были за рукописи, сведений не имеется. Однако следует помнить, что близкий родственник и приятель поэта А. П. Шан-Гирей, в собственность которого перешли многие рукописи Лермонтова, в 1842 г. находился на военной службе в Кременчуге. В своих воспоминаниях Шан-Гирей сообщает, что, встретившись там с сыном своего начальника — Львом Ив. Арнольди, «по просьбе его, оставил ему на некоторое время связку черновых стихотворений, отобранных Лермонтовым в 1841 году в Петербурге»[3]. Впоследствии вдова Л. И. Арнольди передала рукописи уже не Шан-Гирею, а известному московскому собирателю А. Д. Черткову, вместе с библиотекой которого они поступили в Исторический музей в Москве. Но весьма вероятно, что часть рукописей еще в 1840-х гг. откололась от этой пачки и перешла в собственность другого лица. «Много неизданных стихотворений» Лермонтова, составляющих «несколько сотен стихов его», о которых пишет Долгоруков, это, очевидно, несколько сот стихотворных строк, которые в общей сложности составляли маленькая поэма и стихотворения на французском языке.

Существовал ли в действительности в 1865 г. в Кременчуге упомянутый в письме «товарищ» Лермонтова «по университетскому пансиону»? Не исключено, что рукописи эти составляли собственность самого Долгорукова, но, обращаясь с просьбою о вознаграждении, ему, конечно, было удобнее ссылаться на другое, может быть и вымышленное, лицо.

Поэма Лермонтова с посвящением, которое заключало бы в себе имя одного из пансионских товарищей поэта, до нас не дошла. Но самое сообщение о том, что поэма с таким посвящением существовала, вполне правдоподобно.

Известно, что Лермонтов неоднократно посвящал стихи пансионским своим товарищам Д. Д. Дурнову, М. И. Сабурову, Д. В. Петерсону, И. Р. Грузинову[4]. Своим пансионским друзьям Лермонтов посвятил в 1829 г. переписанную набело тетрадь (тетрадь № 2, архив ИРЛИ АН СССР), которая открывается «Посвящением» Сабурову и заключается «Эпилогом» Дурнову. Однако Лермонтов не только посвящал свои

стихотворения друзьям, но и писал для них стихотворения, которые они подавали вместо своих в литературном кружке Раича. Так, например, к стихотворению «Русская мелодия» 1829 г. Лермонтов сделал, позднее, приписку: «Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг, которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний» (I, 428).

В письме Долгорукова говорится также о нескольких стихотворениях Лермонтова на французском языке. К 1865 г. было опубликовано лишь одно стихотворение Лермонтова на французском языке — «Quand je te vois sourire» 1830—1831 г.[5] Автограф этого стихотворения неизвестен. Есть еще одно юношеское стихотворение Лермонтова на французском языке, опубликованное в 1882 г., — «Non, si j'en crois, mon espérance»[6], автограф которого также до нас не дошел. В письме Долгорукова, повидимому, сообщается о не дошедших до нас автографах и текстах стихотворений Лермонтова на французском языке.

Э. Найдич

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. «Краткий отчет Рукописного отдела за 1919—1938 гг.». Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1940, стр. 195—196.

[2] «Минувшие годы», 1928, № 4, стр. 17—26.

[3] А. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. — В кн.: Записки Е. А. Сушковой. М.— Л., 1928, стр. 396.

[4] Н. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. 1814—1832. М., 1945, стр. 152—155.

[5] «Библиографические записки», 1859, № 1, стб. 23.

[6] «Русская старина», 1882, № 8, стр. 391.

Сведения о Н. А. Долгорукове приведены в кн.: Л. Толстой. Полн. собр. соч. (юбилейное), т. 47, М., 1937, стр. 320. См. также: А. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М., 1922, стр. 126; Б. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. 95; Дневник Пушкина. Под ред. Б. Модзалевского. М.—Пг., 1923, стр. 212—214.

III. АЛЬБОМ Г. Н. ОЛЕНИНА

В архиве Олениных (находящемся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) сохранилась тетрадь, заполненная записями А. Н. Оленина и В. А. Олениной. Среди записей (на лл. 35—36 и 39 об.—44) находятся краткая биография и характеристика Григория Никаноровича Оленина, написанные его женой в 1863 г. (вероятно, для редактора «Русского архива» — П. И. Бартенева).

Григорий Никанорович Оленин родился в 1797 г. Восемнадцати лет он поступил на военную службу. В 1823 г. женился на своей однофамилице, старшей дочери А. Н. Оленина, Варваре Алексеевне. В 1827 г. вышел в отставку в чине капитана. В 1830 г. поступил на службу в Министерство финансов чиновником особых поручений. Оттуда перешел в Государственный совет. Скончался 25 июля 1843 г. в должности помощника статс-секретаря Государственного совета.

По свидетельству жены, «его очень любил Пушкин», а также Крылов, Гнедич, Карл Брюллов, скульптор Щедрин и другие члены олениновского кружка.

В архиве Олениных сохранился альбом в красном сафьяновом переплете; альбом этот был у Г. Н. Оленина во время его поездки на Кавказ в 1839 г. На первом листе альбома — карандашная надпись (позднее обведенная чернилами рукой В. А. Олениной): «Памятник Кавказа. 1839. Кисловодск. Григорья Никаноровича Оленина». Последующие

А. Н. ДОЛГОРУКИЙ
Рисунок Н. В. Майера, 1839 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

сорок два листа заполнены карандашными рисунками, только один из них акварельный. Часть рисунков имеет пояснительные надписи В. А. Олениной (очевидно, сопровождавшей мужа в его путешествии) о том, что они исполнены А. Н. Долгоруким и «д. Мейером» (под одним из рисунков последний назван еще яснее — «др. Мейер»), с которыми Г. Н. Оленин сблизился на Кавказе. Как известно, доктор Н. В. Майер — прототип лермонтовского доктора Вернера в «Герое нашего времени» [1]. Он, конечно, и лечил больного Оленина.

Кн. Александр Николаевич Долгорукий (1819—1842), один из друзей Лермонтова и член «кружка шестнадцати»[2], был, повидимому, частым посетителем супругов Олениных. Он оставил в альбоме Г. Н. Оленина десять рисунков, по сюжетам и манере исполнения напоминающих рисунки Лермонтова. Среди них — кони, головы горцев, конные горцы, мчащийся на коне русский солдат, батальная сцена (датирована — «авг. 3. 1839 г.») и акварельный рисунок — «Березовая балка» в Кисловодске (изображение черкеса, сидящего на вершине скалы и смотрящего вдаль).

Четыре рисунка доктора Майера (портрет А. Н. Долгорукого, две портретных зарисовки неизвестных лиц и изображение старика в рубище, с короной на голове, очевидно, шекспировского короля Лира) свидетельствуют о встречах Майера с Г. Н. Олениным.

Самое любопытное в альбоме, однако, не эти рисунки, а шаржи на некоторых лиц, проживавших летом 1839 г. в Кисловодске. Среди изображенных встречаются и знакомые Лермонтова: гр. Е. П. Ростопчина, начальник штаба командующего войсками Кавказской линии и Черноморья флигель-адъютант полковник А. С. Траскин (В. А. Оленина назвала его Троскиным), А. М. Миклашевский и кн. В. И. Барятинский (брат школьного товарища Лермонтова, кн. А. И. Барятинского). К сожалению, В. А. Оленина, отметившая авторов безобидных рисунков, предусмотрительно умолчала об авторе этих шаржей, очевидно оберегая его от могущих возникнуть осложнений. Однако есть все основания приписать их

доктору Майеру. Из сообщений мемуаристов и лермонтовской характеристики Вернера мы знаем, что Майер был искусным карикатуристом.

«Его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных,— больные взбеленились, почти все ему отказали. Его приятели, то-есть все истинно-порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упадший кредит»,—рассказывал Лермонтов о докторе Вернере в «Герое нашего времени» (V, 247). О восстановлении «упадшего кредита» доктора Майера заботилась и В. А. Оленина, избегая надписей, которые выдали бы его как автора шаржей. Особенно рискованным, конечно, был шарж на непосредственного начальника Майера, полковника А. С. Траскина (воспроизведение шаржа см. на стр. 417)[3].

Однако альбом Г. Н. Оленина интересен не только тем, что содержит рисунки друзей Лермонтова (отметим, кстати, что до сих пор не было известно ни одной карикатуры доктора Майера). Он является также ценным источником для уточнения и исправления показаний одного из мемуаристов, товарища Лермонтова—А. М. Миклашевского, который вспоминает: «Третий и последний раз я встретился уже с Лермонтовым в 1837 году, не помню — в Пятигорске или Кисловодске, на вечере у знаменитой графини Ростопчиной. Припоминаю, что на этом вечере он был грустный и скоро исчез, а мы долго танцовали. В это время, кажется, он ухаживал за m-lle Эмилиею Верзилиной, прозванной им же, кажется, „La Rose du Caucase“ 〈...〉 В Кисловодске я жил с двумя товарищами на одной квартире: князем Владимиром Ивановичем Барятинским, бывшим потом генерал-адъютантом, и князем Александром Долгоруким, тоже во цвете лет погибшим на дуэли. К нам по вечерам заходил Лермонтов с общим нашим приятелем, хромым доктором Майером, о котором он в „Герое нашего времени“ упоминает. Веселая беседа, споры и шутки долго, бывало, продолжались» [4].

Здесь мемуарист все перепутал. Совместное пребывание в Кисловодске В. И. Барятинского, А. Н. Долгорукого и А. М. Миклашевского было не в 1837, а в 1839 г., о чем свидетельствуют рисунки и портрет Долгорукого и шаржи на Миклашевского и Барятинского в альбоме Г. Н. Оленина, исполненные Майером. В 1837 г. Долгорукий еще учился в Пажеском корпусе и был выпущен в лейб-гвардии гусарский полк весной 1838 г.; к этому времени и относится его знакомство с поэтом. Впервые он уехал на Кавказ только весной 1839 г. и возвратился в Петербург в октябре месяце [5]. Что касается Ростопчиной, она тоже была на Кавказе летом 1839 г. Помимо шаржа на нее в альбоме Г. Н. Оленина, об этом свидетельствует ее письмо к В. Ф. Одоевскому из Пятигорска от 25 мая 1839 г., в котором она сообщает: «Почти неделя, что я здесь 〈...〉 До 10 августа адресуйте сюда, а позже в Анну [6], как всегда» [7]. Следовательно, вечер у нее, о котором рассказывал Миклашевский, состоялся летом 1839 г. в Пятигорске, и Лермонтова на нем не было [8].

Альбом Г. Н. Оленина является небезынтересным дополнением к скудным материалам о ближайшем окружении Лермонтова на Кавказе.

А. Михайлова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статью: Н. Бронштейн. Доктор Майер.— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 473—496.

[2] А. И. Васильчиков в своих воспоминаниях о Лермонтове относит А. Н. Долгорукого, наряду с Монго-Столыпиным, М. П. Глебовым и декабристом М. А. Назимовым, к числу лиц, к которым поэт «имел особенное уважение» («Русский архив», 1872, № 1, стр. 206).

[3] Майер служил врачом при штабе командующего войсками Кавказской линии и Черноморья.

[4] «Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища».— «Русская старина», 1884, № 12, стр. 592.

[5] См. статью: Э. Герштейн. Лермонтов и «кружок шестнадцати».— Сб. «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова». М., ГИХЛ, 1941, стр. 88.

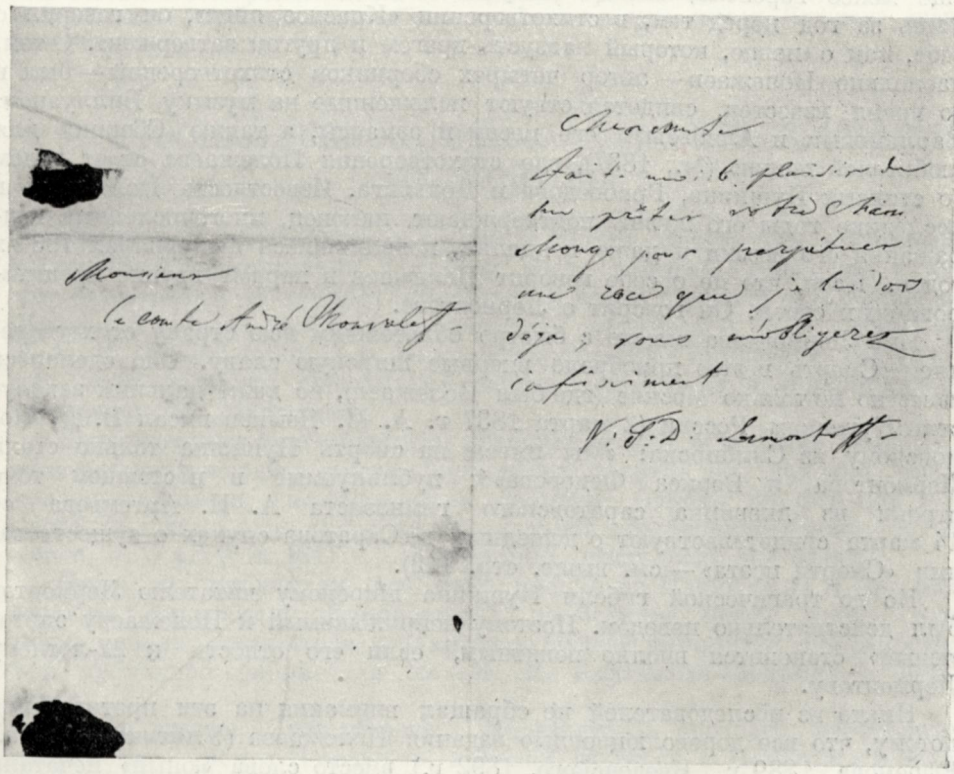
[6] Село Анна Воронежской губ.

[7] Архив В. Ф. Одоевского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[8] Впрочем, и сама Е. П. Ростопчина (письмо к А. Дюма) относила начало своего близкого знакомства и дружбы с Лермонтовым к последнему петербургскому периоду его жизни.

IV. ОТКЛИК А. И. ПОЛЕЖАЕВА НА СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА»

Стихотворение Полежаева «Венок на гроб Пушкина» было опубликовано в 1842 г., через четыре года после смерти самого Полежаева. В изуродованном цензурой виде оно вошло в сборник «Часы выздоровления»[1]. Почти сто лет спустя, в 1934 г., Н. Ф. Бельчиков нашел в архиве Московского цензурного комитета в подлинной тетради «Часы выздоровления» автограф этого стихотворения с датой «2 марта 1837 г.»[2].



АВТОГРАФ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗАПИСКИ ЛЕРМОНТОВА

Обнаружен в коллекции рукописей железнодорожного деятеля П. Г. Дервиза (1826–1881). Незначительная по содержанию, записка эта интересна тем, что адресована Андрею Павловичу Шувалову (1816—1876), приятелю Лермонтова, одному из участников «кружка шестнадцати». Датируется 1838—39 гг., когда Лермонтов и Шувалов вместе служили в лейб-гвардии гусарском полку

Центральный исторический архив, Ленинград

Последние стихи V части этой траурной оды Полежаева в автографе читаются так:

И между тем, когда в России изумленной
Оплакали тебя и старец и младой,
И совершили долг последний и священный,
Предав тебя земле холодной и немой;
И бледная в слезах, в печали безотрадной,
Поэзия грустит над урною твоей,—
Неведомый поэт,—но юный, славы жадный,—
О, Пушкин—преклонил колена перед ней!

Душистые венки великие поэты
Готовят для нее — второй Анакреон;
Но верю я — и мой в волнах суровой Леты
С рождением его не будет поглощен:
На пепле золотом угаснувшей кометы
Несмелою рукой он с чувством положен![2]

До сих пор принято было считать, что в строках, выделенных нами разрядкой, Полежаев говорит о себе. Однако трудно представить, чтобы Полежаев на 34-м году жизни мог назвать себя «неведомым поэтом»; еще менее вероятно, чтобы он применил к себе эпитет «юный». Всего лишь за год перед тем, в стихотворении «Красное яйцо», он говорил о себе, как о «певце, который наизусть врагом и другом затвержен». О том, насколько Полежаев — автор четырех сборников стихотворений — был в то время известен, свидетельствуют положенные на музыку Виллуаном, Варламовым и Алябьевым его песни и романсы, а также «Сборник для любителей пения» (М., 1837), где стихотворения Полежаева стоят рядом со стихами Пушкина, Грибоедова и Дельвига. Известность Полежаева в последние годы его жизни подтверждают, наконец, многочисленные подражания его поэзии и даже подделки, появлявшиеся в журналах 1830-х годов. Ясно, что не о себе говорит Полежаев в первой грушe процитированных строк. Он говорит о Лермонтове.

Имя Лермонтова вместе с быстро облетевшим всю страну стихотворением «Смерть поэта» приобрело впервые широкую славу. Оно сделалось известно не только Москве (где был Полежаев), но даже дальним захолустным уголкам России (2 марта 1837 г. А. М. Языков писал В. Д. Комовскому из Симбирска: «Мы имеем на смерть Пушкина только стихи Лермонтова и Бориса Федорова»[4]; публикуемые в настоящем томе строки из дневника саратовского гимназиста А. И. Артемьева от 14 марта свидетельствуют о дошедших до Саратова слухах о существовании «Смерти поэта» — см. выше, стр. 142).

Но до трагической гибели Пушкина широкому читателю Лермонтов был действительно неведом. Поэтому неприложимый к Полежаеву эпитет «юный» становится вполне понятным, если его отнести к 22-летнему Лермонтову.

Никто из исследователей не обращал внимания на эти противоречия потому, что все дореволюционные издания Полежаева (Улитина, 1888 г., Ефремова, 1889 г., Введенского, 1892 г.) вместо слова «юный» печатали вариант «смелый»[5]. А один эпитет «неведомый», хотя и противоречил отнесению этих строк к самому Полежаеву, но не столь очевидно, как стоящие в одной строке слова «неведомый поэт, но юный»[6]. После того как в 1939 г. был опубликован текст «Венка на гроб Пушкина» по подлинному автографу Полежаева с вариантом «юный» — все сомнения должны отпасть. Единственно к кому могут относиться эти строки — к молодому

Лермонтову, широкая слава которого началась после создания «Смерти поэта». Кроме того, слова «неведомый поэт, но юный» не являются ли невольным повторением, безотчетным отзвуком известных, запоминавшихся слов Лермонтова:

И он погиб и взят могилой
Как тот певец, неведомый, но милый.

В. Баранов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. Стихотворения А. И. Полежаева. М. — Л., изд. «Academia», 1933, стр. 631—632.

[2] Н. Бельчиков. Запрещенные цензурой стихотворения Полежаева.— «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 61.

[3] Стихотворения А. И. Полежаева. Вступ. статья, ред. и прим. Н. Ф. Бельчикова. М., «Сов. писатель», 1939, стр. 312 (разрядка наша.— *В. Б.*).

[4] Неизд. — ИРЛИ, ф. Языковых (19. 4. 104. — Яз. IV. 1).

[5] «Славы жадный» — характерный для Полежаева эпитет. Полежаев наделяет им себя (см., например, «Чир-Юрт», I, стр. 49—52). Этой чертой отмечен им и Лермонтов.

[6] В 1916 г. Н. О. Лернер опубликовал более полный текст «Венка» по авторитетной копии, где впервые был вариант «юный». Однако публикатор предпочел, остаться при прежнем чтении, приняв его за авторскую поправку («Русская старина», 1916, № 7, стр. 1—11).

Не случайным является и другой вариант автографа: «поэт» вм. «певец». Полежаев в стихотворениях разных лет четырнадцать раз называет себя «певцом». Зато имя поэта в его творчестве почти безраздельно принадлежит Пушкину (в «Венке на гроб поэта» Полежаев впервые в русской литературе назвал Пушкина «народным поэтом»).

V. НОВОНАЙДЕННОЕ ПИСЬМО О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА

Мемуарная литература о дуэли и смерти Лермонтова чрезвычайно бедна. Все воспоминания о гибели поэта написаны много лет спустя, что, естественно, заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Кроме того, непосредственные свидетели трагедии — Э. А. Шан-Гирей и А. И. Васильчиков — в своих воспоминаниях прилагают все усилия для затушевывания собственной неприглядной роли и для оправдания убийцы поэта, Мартынова.

Более ценным и достоверным источником для освещения темных обстоятельств последней дуэли Лермонтова явились бы, конечно, письма современников и очевидцев этого события. Однако до сих пор было известно только одно такое письмо дальней родственницы поэта, Е. Быховец, от 5 августа 1841 г., напечатанное шестьдесят лет назад [1].

Ниже мы публикуем еще одно письмо из Пятигорска в Петербург некоему Александру Кононовичу [2], написанное шесть дней спустя после гибели Лермонтова (хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Автор письма,— петербуржец, представитель среднего, неродовитого дворянства,— некто Полеводин, приехал лечиться в Пятигорск в начале июня 1841 г. (не тот ли это Петр Тимофеевич Полеводин, который упоминается в материалах архива Д. П. Озноби шина?) [3]. Не принадлежа к компании гвардейской молодежи, окружавшей Лермонтова, Полеводин, тем не менее, имел возможность близко наблюдать ее времяпрепровождение. Простота пятигорских нравов, возможно, позволила ему и лично познакомиться с некоторыми из действующих лиц драмы.

Письмо Полеводина — непосредственный, живой отклик на события; оно проникнуто горячим сочувствием к безвременно погибшему поэту и свидетельствует, в противовес утверждениям некоторых мемуаристов, об огромной популярности Лермонтова среди современников. Рассказ Полеводина о дуэли и смерти поэта особенно важен тем, что излагается со слов секундантов. Тем самым письмо это является значительным документом для освещения обстоятельств гибели Лермонтова.

Из подробностей дуэли в письме Полеводина существенно подтверждение отказа Лермонтова стрелять в Мартынова и того факта, что поэт держал пистолет дулом вниз. Как известно, сам Мартынов уверял всегда, что Лермонтов в него старательно целился [4]. В мемуарной литературе нередко встречаются попытки изобразить убийцу поэта добродушным и симпатичным человеком, «слепым орудием провидения», как любил называть себя Мартынов. Полеводин же показывает настоящее, хищное лицо «подлеца и труса» Мартынова, «чистейшего сколка с Дантеса».

Приведенный Полеводиным отзыв Л. С. Пушкина о дуэли, состоявшейся «против всех правил и чести», подтверждает взгляд современников на нее, как на простое убийство. Наконец, чрезвычайно важно свидетельство Полеводина о негодовании, охватившем пятигорское общество, требовавшее сурового возмездия Мартынову. Это глухое возмущение вызвало серьезную тревогу властей, и они приняли свои меры [5].

Из всего фактического материала, сообщаемого Полеводиным, следует решительно отвергнуть достоверность лишь одного свидетельства о нелепом экспромпте, якобы произнесенном поэтом. Он опускается нами, так как относится к числу апокрифических стихов, во множестве ходивших тогда в Пятигорске и приписывавшихся Лермонтову [6].

Не исключена, конечно, возможность, что Лермонтов действительно произнес какой-то экспромпт, искаженный впоследствии в устной передаче, по поводу похищенного им в шутку не рукоделья Э. А. Клингенберг, а золотого бандо (обруча) Е. Быховец. Последняя рассказывала, в упоминавшемся выше письме, о своей встрече с Лермонтовым перед дуэлью: «Как приехали на Железные, Лерм⟨онтов⟩ сейчас прибежал; мы пошли в рощу и всё там гуляли. Я всё с ним ходила под-руку. На мне было бандо. Уж не знаю, какими судьбами коса моя распустилась, и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман» [7]. После дуэли это бандо было найдено в кармане поэта, обагренное кровью.

Окончание письма Полеводина, не относящееся к Лермонтову, нами опускается, так же как и неуклюжие стихотворные эпиграфы к нему, сочиненные Полеводиным и выдаваемые им в шутку за стихи Пушкина и Е. П. Ростопчиной. На полях письма — приписка некоего А. Мейера, тоже петербуржца, лечившегося в Пятигорске и жившего там вместе с Полеводиным. Подписи Полеводина в публикуемом письме от 21 июля 1841 г. нет. Она имеется в предшествовавшем письме, от 9 июня 1841 г., тоже из Пятигорска. Приводим отрывки из этого письма, так как оно содержит небезынтересные штрихи быта пятигорского общества того времени.

I

⟨Пятигорск. 9 июня 1841 г.⟩

⟨...⟩ Жизнь я здесь веду хотя однообразную, но довольно веселую: здесь маленькое местечко, следственно вся публика, приехавшая и здешняя, вместе. Образ жизни мой таков: в 5 часов утра пью воду, в о д о п о й этот продолжается иногда до 7, а иногда до 8 часов, после этого пью маренковой кофе, после еду в ванну, после отдыхаю, катаюсь верхом,

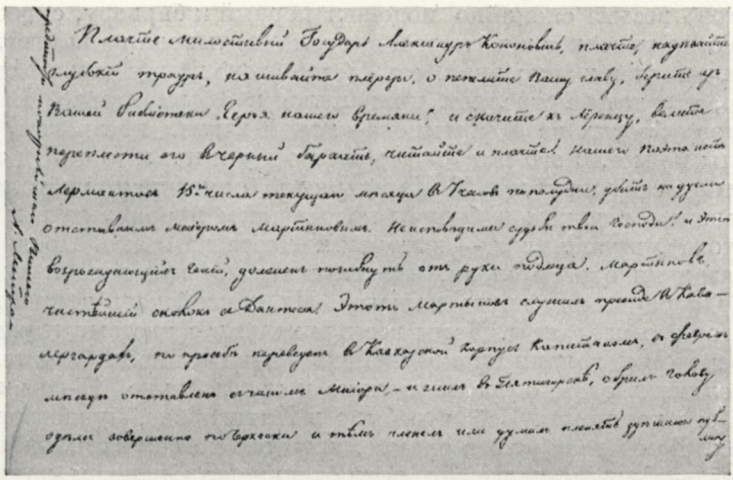
в 1-м часу обедаю; вечером опять пью воду, катаюсь, иду на бульвар, на котором каждый день играет музыка с 5 до 8 часов и где собирается вся пятигорская публика, потом пью чай и в 10-м часу ложусь спать. Каждое воскресенье здесь в дворянском собрании балы ⟨...⟩ Будьте здоровы и щастливы, чего от души желает Вам преданный Полеводин ⟨...⟩

9-го июня 1841 г.
Пятигорск

II

Июля 21-го 1841 г. Пятигорск.

⟨...⟩ Плачьте, милостивый государь Александр Кононович, плачьте, надевайте глубокий траур, нашивайте плёрезы, опепелите Вашу главу, берите из Вашей библиотеки «Героя нашего времени» и скачите к Лёренцу [8], велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте. Нашего



ПИСЬМО П. Т. ПОЛЕВОДИНА К НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ ОТ 21 ИЮЛЯ 1841 г. С СООБЩЕНИЕМ О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА

Нижняя половина первого листа

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

поэта нет,— Лермонтов * 15-го числа текущего месяца в 7 часов пополудни убит на дуэли отставным маиором Мартыновым. Неисповедимы судьбы твои, господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса. Этот Мартынов служил прежде в кавалергардах, по просьбе переведен в Кавказский корпус капитаном, в феврале месяце отставлен с чином маиора,— и жил в Пятигорске, обрил голову, оделся совершенно по-черкесски и тем пленял, или думал пленять, здешнюю публику. Мартынов никем не был терпим в кругу, который составлялся из молодежи гвардейцев. Лермонтов, не терпя глупых выходок Мартынова, всегда весьма умно и резко трунил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведет себя неприлично званию дворянина. Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся; но смех его был, хотя едок, но всегда деликатен, так что Мартынов никак не мог к нему придраться. В одно время Лермонтов с Мартыновым и прочею молодежью были у В⟨ерзилиных⟩ (семейство казацкого генерала). Лермонтов,

* *Здесь, как и далее в этом письме*: Лермантов.

в присутствии девиц, трунил над Мартыновым целый вечер, до того, что Мартынов сделался предметом общего смеха,— предлогом к тому был его, Мартынова, костюм. Мартынов, выйдя от В⟨ерзилиных⟩ вместе с Лер⟨монтовым⟩, просил его на будущее время удержаться от подобных шуток, а иначе он заставит его это сделать. На это Лер⟨монтов⟩ отвечал, что он может это сделать завтра и что секундант его об остальном с ним условится. На другой день, когда секунданты (прапорщик конногвардейский Глебов [9] и студент князь Васильчиков [10]) узнали о причине ссоры, то употребили все средства помирить их. Лер⟨монтов⟩ был согласен оставить, но Мартынов никак не соглашался. Приехав на место, назначенное для дуэли (в двух верстах от города на подошве горы Машука, близ кладбища), Лермонтов сказал, что он удовлетворяет желанию Мартынова, но стрелять в него ни в каком случае не будет. Секунданты отмерили для барьера пять шагов, потом от барьера по пяти шагов в сторону, развели их по крайний след, вручили им пистолеты и дали сигнал сходиться. Лер⟨монтов⟩ весьма спокойно подошел первый к барьеру, скрестив вниз руки, опустил пистолет и взглядом вызвал Мартынова на выстрел. Мартынов, в душе подлец и трус, зная, что Л⟨ермонтов⟩ всегда держит свое слово, и радуясь, что тот не стреляет, прицелился в Л⟨ермонтова⟩. В это время Л⟨ермонтов⟩ бросил на М⟨артынова⟩ такой взгляд презрения, что даже секунданты не могли его выдержать и п о т у п и л и о ч и д о л у (все это сказание секундантов). У Мар⟨тынова⟩ опустился пистолет. Потом он, собравшись с духом и будучи подстрекаем презрительным взглядом Л⟨ермонтова⟩, прицелился,— выстрел... Поэта не стало! После выстрела он не сказал ни одного слова, вздохнул только три раза и простился с жизнию. Он ранен под грудь навылет. На другой день толпа народа не отходила от его квартиры. Дамы все приходили с цветами и усыпали его оными, некоторые делали прекраснейшие венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно. 17-го числа в час поединка его хоронили. Всё, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаления и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертию Л⟨ермонтова⟩, он был лучший его приятель. Л⟨ермонтов⟩ обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести ⟨...⟩

Л⟨ермонтов⟩ похоронен на кладбище, в нескольких саженях от места поединка. Странная игра природы. За полчаса до дуэли из тихой и прекрасной погоды вдруг сделалась величайшая буря; весь город и окрестности были покрыты пылью, так что ничего нельзя было видеть. Буря утихла и чрез пять минут пошел проливной дождь. Секунданты говорят, что как скоро утихла буря, то тут же началась дуэль,— и лишь только Л⟨ермонтов⟩ испустил последний вздох,— пошел проливной дождь. Сама природа плакала об этом человеке. Много бы еще подробностей я мог Вам сообщить о жизни его здесь на Кавказе, но лист оканчивается ⟨...⟩

Больно вспомнить, что Кавказ в самое короткое время лишил нас трех прекраснейших писателей — Марлинского [11], Веревкина [12] и Лермонтова [13].

* * *

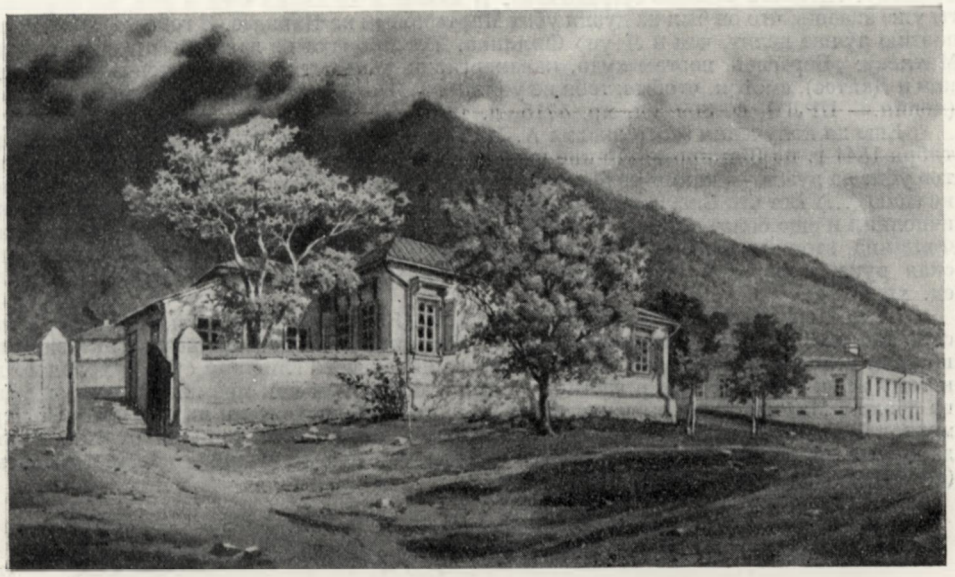
Публикуемое письмо Полеводина заключает в себе ценные подробности для изучения истории гибели Лермонтова. Мимо этого документа не сможет пройти ни один исследователь трагической смерти великого поэта.

А. Михайлова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. «Русская старина», 1892, № 3, стр. 766—769.— Письмо А. И. Васильчикова к Ю. К. Арсеньеву от 30 июля <1841 г.> из Пятигорска содержит только упоминание о дуэли («Вестник знания», 1928, № 3, стр. 130—131).

[2] Установить фамилию адресата не удалось. В «Адрес-календаре санкт-петербургских жителей» К. Нистрема (СПб., 1844) значатся два лица, носившие это имя и отчество: А. К. Иванов (т. II, стр. 104), служащий Арсенала, состоявший при штабе



ДОМ ВЕРЗИЛИНЫХ В ПЯТИГОРСКЕ

Акварель Л. Премацци, 1883 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в. к. Михаила Павловича, и А. К. Беляев (т. II, стр. 481), надворный советник, служащий Министерства юстиции.

[3] «Петр Тимофеевич Полеводин в С.-Петербурге. В герольдии или в доме Ильина на Козьем болоте» (ИРЛИ. Архив Д. П. Ознобишина). Более точные сведения о Полеводине можно было бы найти в архиве г. Пятигорска, так как там велся строгий учет всех приезжающих на воды. К сожалению, по полученным нами сведениям, все материалы архива уничтожены в 1942 г. немецко-фашистскими оккупантами.

[4] См., напр., его рассказ, приведенный Бетлингом: «Лермонтов, приостанавливаясь на ходу, продолжал тихо в меня целить <...> Я вспылил. Ни секундантами, ни дуэлью не шутят... и спустил курок» («Нива», 1885, № 20, стр. 475).

[5] См. «Воспоминания Н. И. Лорера».— «Русский архив», 1874, ч. II, стр. 688.

[6] См. раздел «Dubia»—Лермонтов, II, стр. 151—155.

[7] «Русская старина», 1892, № 3, стр. 768.— Подтверждение этого рассказа имеется в воспоминаниях Н. П. Раевского о дуэли Лермонтова в записи В. Желиховской («Нива», 1885, № 8, стр. 187).

[8] В «Городском указателе или адресной книге врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1848 год», сост. Цыловым (СПб., 1849, стр. 291), в разделе «Переплетчики» под № 65 значится: «Лоренц. Гороховая ул., д. Таля».

[9] М. П. Глебов (см. о нем в настоящем томе, стр. 470—472, 474—476).

[10] Александр Илларионович Васильчиков (1818—1881) — сын председателя Государственного совета кн. И. В. Васильчикова, чиновник с. е. и. в. канцелярии, секундант Мартынова, автор «Нескольких слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» («Русский архив», 1872, кн. I, стр. 205—213). Поле водин ошибочно называет его студентом,— на самом деле Васильчиков окончил Петербургский университет со степенью кандидата прав в 1839 г. См. о нем выше в статье Л. Ивановой, стр. 436, 440.

[11] Александр Александрович Бестужев-Марлинский (род. в 1797 г.) был убит в районе мыса Адлер 7 июля 1837 г.

[12] Николай Николаевич Веревкин (псевдоним — Рахманный; 1813—1838)— беллетрист, сотрудник «Библиотеки для чтения». В словаре Геннади (1876, т. I, стр. 147) сообщается, что Веревкин умер в Петербурге 5 апреля 1838 г.

[13] Редакция «Лит. наследства» располагает еще несколькими письмами современников, содержащими неизвестные до сих пор отклики на смерть Лермонтова.

8 августа 1841 г. П. А. Вяземский писал Н. Н. Пушкиной в Михайловское: «...Вы вероятно уже знаете о смерти бедного Лермонтова. Это нас всех очень поразило и опечалило» (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1305, л. 13).

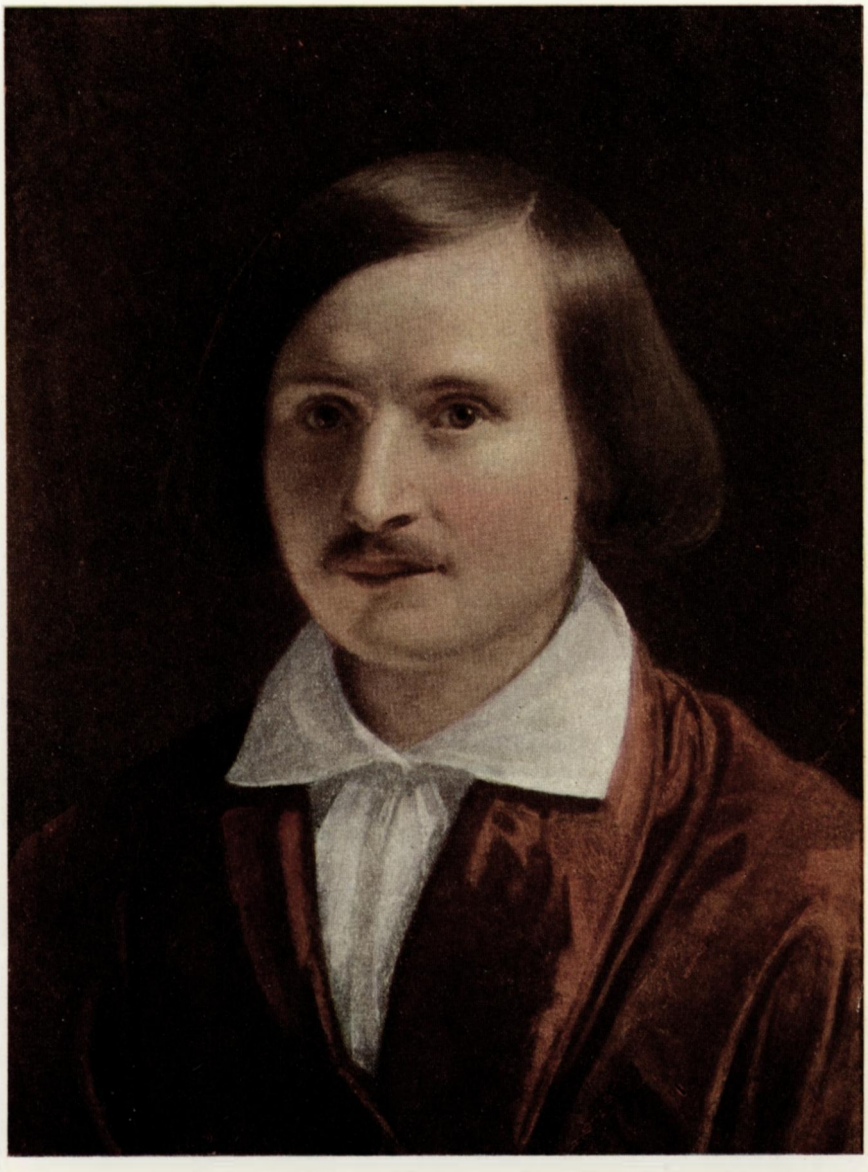
9 сентября 1841 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Царского села за границу: «...Жаль бедного Лермонтова. Я кажется не писал тебе о нем, но вероятно ты уже знаешь, что он был на дуэли убит Мартыновым на Кавказе. Я говорю, что в нашу поэзию лучше целят, чем в Л〈уи〉 Филиппа. Тут промаха не дают: цесаревич говорил Мятлеву: „Берегись, поэтам худо, кавалергарды убивают их (Мартынов кавалергард, как и Дантес), смотри, чтобы и тебя не убили“.— „Нет, отвечал он, еще не моя очередь“» (копия.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 136).

Еще до получения этого письма А. И. Тургенев сообщал В. А. Жуковскому 6 сентября 1841 г. из Шампрозе: «Какие ужасные вести из России! Сердце изныло: Лермонтов убит на дуэли — каким-то Мартыновым, pour une affaire de gaimain * ничего более не знаю 〈...〉 Вот что Вяземский 〈пишет〉 Булгакову о дуэли Лермонтова: „Он уже много исполнил и еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее нежели в Лудов〈ика〉 Филиппа, второй раз не дают промаха. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова“» (ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

Н. А. Мельгунов писал из Флоренции Н. М. Языкову 1 декабря н. с. 1841 г.: «Спасибо Вам за последние стихи Лермонтова. Скажите, его „Завещание“— фантазия или в самом деле написано перед смертью? Для умирающего слишком сухо и холодно, да к тому ж он говорит: „умер честно за царя“, между тем как мне писали, что он убит на дуэли с Мартыновым, вызвавшим его за княжну Мери (читали ль?), в которой Лермонтов будто представил сестру того, как Вам об этом писал. Больно грустно. Ничто даровитое не держится у нас на Руси, между тем как Булгарины цветут здравием» (ИРЛИ, ф. Языкова — Яз. 1, 28).

* мальчишеская ссора (франц.).

ГОГОЛЬ



ГОГОЛЬ
Портрет маслом Ф. А. Моллера, начало 1840-х гг.
Ранее находился у А. С. Хомякова
Исторический музей, Москва

ГОГОЛЬ И «ДЕЛО О ВОЛЬНОДУМСТВЕ»

Статья С. Машинского*

Гоголь окончил «гимназию высших наук» девятнадцатилетним юношей, летом 1828 г. Тремя годами раньше Россия пережила большие политические события, отзвуки которых докатились до далекого Нежина.

Гром пушек на Сенатской площади разбудил целое поколение передовых русских людей. Глубокие язвы крепостнической действительности все более обнажались, и это не могло не способствовать процессу политического расслоения общества. Все больше становилось людей, понимавших подлую сущность самодержавно-крепостнического строя и необходимость решительной борьбы с ним. Память о декабристах, как о славных борцах, трагических жертвах самодержавия, свято хранилась в передовых слоях русского общества. Со всех концов империи стекались в Петербург донесения агентов Бенкендорфа о крайне тревожном «состоянии умов». То тут, то там, в самых различных местах страны стихийно прорывалось наружу «дум высокое стремленье», погасить которое правительство Николая I оказалось, в конце концов, бессильным.

События 14 декабря в Петербурге и вспыхнувшее почти одновременно восстание Черниговского полка на Украине (29 декабря 1825 — 3 января 1826 г.) не прошли стороной мимо Нежина. Под влиянием растущего в стране недовольства феодально-крепостническим строем в «гимназии высших наук» в 1827 г. возникло так называемое «дело о вольнодумстве», в которое была замешана значительная часть профессоров и учеников.

Это «дело» представляет интерес не только как важный исторический факт, но и как событие, имеющее непосредственное отношение к биографии Гоголя. Оно чрезвычайно ярко раскрывает ту политическую атмосферу, в условиях которой жил Гоголь в последние годы своего пребывания в гимназии — то есть в период, непосредственно предшествовавший его выходу на большую литературную дорогу.

«Дело о вольнодумстве» давно привлекало к себе внимание исследователей. Фактическая сторона «дела» частично освещалась в работах Н. А. Лавровского[1], И. А. Сребницкого[2], В. И. Саввы[3]. Однако многие политические аспекты «дела» в этих работах оказались явно приглушенными и

---

* Настоящая работа была представлена в редакцию «Лит. наследства» до выхода в свет книги Д. Иофанова «Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы» (Киев, 1951), в которой содержится глава, посвященная «делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии. Мы публикуем в сокращенном виде статью С. Машинского, основанную не только на материалах Нежинского архива, частично использованных Д. Иофановым, но, главным образом, на документах, извлеченных из архивных фондов Министерства народного просвещения и III Отделения, доселе не вводившихся в научный оборот.

Публикуемая статья значительно расширяет, сравнительно с работой Д. Иофанова, представление о возникшем в 1827 г. в Нежине «деле о вольнодумстве». — *Ред.*

затушеванными. Н. Лавровский, например, был склонен считать, что «дело о вольнодумстве» оказалось сильно раздутым и что в его основе лежали «личные и мелкие неудовольствия» между профессорами Билевичем и Белоусовым[4]. Подобную же точку зрения защищал и В. И. Савва.

Между тем, нежинское дело имело ясно выраженный политический характер и представляло собой своеобразный отзвук 14 декабря 1825 г. Уже одно то обстоятельство, кстати не известное ранее исследователям, что событиями, разыгравшимися в Нежине, занимался лично А. Х. Бенкендорф и что в III Отделении было заведено специальное досье на участников дела — решительно опровергает легенду о якобы личной подоснове «дела о вольнодумстве».

Материалы, выявленные нами в трех архивах (в Ленинграде, Нежине и Москве), позволяют не только полнее раскрыть фактическую историю этого дела, но и уяснить его истинный политический смысл.

I

6 января 1830 г. начальник 6-го отделения пятого округа корпуса жандармов, майор Матушевич, резиденция которого находилась в Чернигове, рапортом донес Бенкендорфу «некоторые сведения» о событиях, происходивших в течение последних нескольких лет в нежинской «гимназии высших наук». На рапорт была наложена резолюция Бенкендорфа: «В оригинале сообщить кн. К. А. Ливену». Кроме этого донесения в III Отделение поступил анонимный донос из самой гимназии, от профессора Билевича. Некоторое время спустя Бенкендорф направил все дело министру просвещения Ливену вместе с письмом, в котором сообщал, что получил «частным образом некоторые бумаги, относящиеся до преподавания наук в нежинской гимназии князя Безбородко», и счел должным препроводить их ему для расследования[5].

В Министерство просвещения давно уже поступали сигналы о «неблагополучии «в нежинской гимназии[6], но им не придавали особого значения. Лишь после вмешательства Бенкендорфа в министерстве спохватились. Ливен принял решение немедленно направить в Нежин, для тщательного расследования дела на месте, «надежного чиновника». Выбор пал на члена Главного правления училищ, действительного статского советника Э. Б. Адеркаса. 5 февраля Ливен предложил Адеркасу отправиться в Нежин с целью исследовать «нравственные достоинства и учебные способности профессоров», равно как и «нравственность и дух учащихся», дабы иметь возможность «принять надлежащие меры к искоренению зла, если оно подлинно существует»[7].

Адеркас вместе с прикомандированным к нему коллежским секретарем Деллем 24 февраля прибыл в Нежин. Он тотчас же связался с полицеймейстером Нежина и предложил установить секретное наблюдение за подозреваемыми в крамоле профессорами. Уполномоченный министра был наделен чрезвычайными правами. Директору гимназии Ясновскому предписывалось находиться в полной от него зависимости и все его приказания исполнять «в точности и немедленно». По прибытии в гимназию Адеркас развил бурную деятельность. Он затребовал огромное количество документов о работе гимназии почти за весь период ее десятилетнего существования, лично допрашивал профессоров и учеников. Пребывание Адеркаса в Нежине затянулось на три месяца. 21 мая 1830 г. он уехал в Петербург.

В материалах, увезенных Адеркасом, оказались ценные документы, проливающие свет на нежинское «дело о вольнодумстве». Они состоят из восемнадцати дел, насчитывающих, в общей сложности, около двух тысяч страниц текста. В течение ста двадцати лет хранились они в фондах Мини-

стерства народного просвещения (ныне — в Центральном историческом архиве в Ленинграде), не обратив на себя внимания исследователей и, как это ни странно,— даже тех, которые специально занимались историей нежинской «гимназии высших наук».

Открытие «гимназии высших наук князя Безбородко» состоялось 4 августа 1820 г. Гимназия принадлежала к числу привилегированных учебных заведений. Ее задача состояла в «приуготовлении юношества на службу государству». По уставу она вместе с Демидовским высших наук училищем в Ярославле и Ришельевским лицеем в Одессе занимала «среднее

НЕЖИНСКАЯ ГИМНАЗИЯ ВЫСШИХ НАУК КН. БЕЗБОРОДКО, В КОТОРОЙ В 1821—1828 гг. УЧИЛСЯ ГОГОЛЬ

Акварель О. Б. Визеля. 1830-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

место между университетами и низшими училищами» и почти равнялась первым, отличаясь от вторых как «высшей степенью преподаваемых в ней наук», так и особыми «правами и преимуществами»[8]. В течение девяти лет гимназия должна была дать своим воспитанникам среднее и высшее образование и по окончании — звание кандидата с правом на чин двенадцатого класса или действительного студента с правом на чин четырнадцатого класса. Аттестаты, выдававшиеся гимназией, обладали «равной силой» с аттестатами университета и освобождали «получивших оные от испытания для производства в высшие чины».

Нежинская гимназия тщательно ограждалась от «крамольных» влияний извне. Здесь была установлена суровая дисциплина, за соблюдением которой следили воспитатели и надзиратели.

Вся система обучения была направлена к тому, чтобы воспитать в учениках «ревность к царю и отечеству» и качества, которые соответствовали бы формуле: «не думать, не рассуждать, но повиноваться».

Хотя нежинская гимназия принадлежала к числу весьма привилегированных учебных заведений, однако преподавание многих наук было поставлено неудовлетворительно. И это объяснялось, прежде всего, составом педагогов, значительная часть которых мало соответствовала своему назначению. Назовем среди них К. А. Мойсеева, П. И. Никольского, И. Г. Кулжинского, Х. Н. Иеропеса.

Во главе этой группы преподавателей стоял старший профессор политических наук Михаил Васильевич Билевич, сыгравший наиболее подлую роль в «деле о вольнодумстве».

Формулярный список Билевича весьма любопытен. Билевич прибыл в нежинскую гимназию в декабре 1821 г. До этого в течение пятнадцати лет он был учителем естественных наук и немецкого языка в Новгород-Северской гимназии, в которой он, кроме того, в разное время преподавал коммерцию, технологию и «опытную физику». Сначала Билевич был определен в нежинскую гимназию на вакансию профессора немецкой словесности, а два года спустя назначен профессором политических наук.

Билевич с первых же дней своего пребывания в гимназии зарекомендовал себя как отъявленный реакционер, человек невежественный и бездарный. Лекции его, по отзывам учеников, были нестерпимо скучны. Они представляли собой элементарный пересказ общеизвестных учебников, в котором не было ни единого проблеска оригинальной, свежей мысли.

Воспитанники гимназии побаивались Билевича и ненавидели его. Терпеть его не мог и Гоголь, называвший Билевича и его единомышленников «профессорами-школярами» [9].

В мае 1825 г. в гимназию был определен в качестве младшего профессора политических наук Николай Григорьевич Белоусов, год спустя назначенный еще и на должность инспектора пансиона. В отличие от многих старых преподавателей — формалистов и рутинеров—Белоусов был человеком передовых убеждений. Он читал курс естественного права. В своих лекциях Белоусов развивал глубокие идеи, увлекательно рассказывал о естественном праве человеческой личности на свободу, о великой пользе просвещения для народа, возбуждал в умах своих воспитанников острую критическую мысль. Лекции профессора Белоусова находили живой отклик у гимназистов, и вскоре он стал их любимейшим педагогом.

Среди свободомыслящей части преподавателей должны быть названы Казимир Варфоломеевич Шапалинский — старший профессор математических наук, Иван Яковлевич Ландражин — профессор французского языка и словесности, Федор Иосифович (Фридрих-Иосиф) Зингер — младший профессор немецкой словесности, кроме того близко стоявшие к этой группе — младший профессор латинской словесности Семен Матвеевич Андрущенко и Никита Федорович Соловьев — профессор естественных наук. Почти все они были приглашены на работу в Нежин Иваном Семеновичем Орлаем, занимавшим в 1821—1826 гг. пост директора гимназии. Это был человек широко, почти энциклопедически образованный и несомненно прогрессивных убеждений. Именно при Орлае и по его инициативе было введено в «гимназии высших наук» преподавание естественного права.

Орлай пользовался большой симпатией среди воспитанников гимназии. О нем с уважением упоминает в своих письмах Гоголь. Орлай владел имением близ Кибинец, где жил Д. П. Трощинский, через которого с Орлаем познакомился В. А. Гоголь, отец будущего писателя, и на протяжении ряда лет вел с ним переписку.

Незадолго до возникновения «дела о вольнодумстве» Орлай был назначен директором Ришельевского лицея в Одессе, где и умер в 1829 г. В материалах следствия по делу о вольнодумстве его имя упоминается часто в ряду основных виновников «беспорядков» в гимназии. Упомянутый выше начальник 6-го отделения пятого округа корпуса жандармов майор

Матушевич, сообщая в январе 1830 г. Бенкендорфу о «беспорядках» в нежинской гимназии, называл Орлая, к тому времени уже покойного, человеком, склонным к тайным обществам и имевшим «сношения с людьми, обличенными в злых умыслах противу правительства»[10]. Смерть Орлая помешала Николаю I расправиться с ним так же, как это было сделано в отношении целой группы преподавателей гимназии.

Главный обвиняемый по делу о вольнодумстве, Н. Г. Белоусов, был приглашен Орлаем читать именно ту самую дисциплину, которую до него преподавал Билевич. Деятельность Белоусова в самом непродолжительном времени стала вызывать ярость у реакционной части преподавателей гимназии. Против него начались интриги. Главным организатором их оказался профессор Билевич.

В июле 1826 г. Орлая вызвали в Москву; обязанности директора гимназии были временно возложены на Билевича. Оказавшись у власти, Билевич стал требовать от Белоусова немедленного представления конспектов по курсу естественного права. Белоусов не только не выполнил это требование, но, как заявил Билевич, «еще превратил оное требование в насмешку».

Белоусов не скрывал своего отношения к Билевичу, при каждом удобном случае изобличая его в тупом формализме и невежестве. Однажды, в 1826 г., присутствуя по праву инспектора на экзаменах, проводившихся Билевичем, Белоусов был поражен ошибочными ответами ряда учеников, на которые совершенно не реагировал экзаменатор. Белоусов поправил одного из отвечающих. Тогда грубо вмешался Билевич. Выйдя из себя, Белоусов воскликнул: «Я вижу, что ни ученики, ни профессор ничего не знают».

1 октября 1826 г., после отъезда Орлая в Одессу, исполняющим обязанности директора гимназии был назначен профессор Шапалинский. Он ненавидел Билевича и всячески поддерживал Белоусова. Билевич с неослабевающей силой продолжал преследовать Белоусова. Когда 11 декабря он обратился в конференцию с очередной кляузой на Белоусова, исполняющий обязанности директора публично заявил: «Я не буду Шапалинский, ежели пущу сие мнение в ход».

Отношения между двумя группами преподавателей гимназии становились все более напряженными. Конфликт постепенно вовлекал в свою орбиту и значительную часть воспитанников.

Тягостная атмосфера схоластики, царившая на уроках многих преподавателей, заставляла учеников искать удовлетворения своих духовных интересов вне школьных аудиторий.

В гимназии была библиотека, но подбор книг в ней, повидимому, мало удовлетворял гимназистов, и они решили в складчину организовать свою частную библиотеку. О характере внеклассного чтения гимназистов свидетельствует их увлечение произведениями Пушкина, Грибоедова, Рылеева; они следили за новинками литературы, выписывали журналы «Московский телеграф», «Московский вестник», альманах Дельвига «Северные цветы».

Среди учеников наблюдался интерес к литературному творчеству. Здесь пробовали свое перо, кроме Гоголя, Н. В. Кукольник, Е. П. Гребенка, В. И. Любич-Романович, Н. Я. Прокопович и другие. На протяжении нескольких лет в гимназии существовал литературный кружок, на собраниях которого обсуждались произведения школьных авторов; издавались рукописные альманахи и журналы, до нас, к сожалению, не дошедшие.

Осенью 1826 г. надзиратель Зельднер доложил незадолго до того вступившему в должность инспектора гимназии Белоусову, что он обнаружил

у воспитанников большое количество книг и рукописей, «несообразных с целью нравственного воспитания». Поскольку этот эпизод угрожал широкой оглаской, Белусов приказал отнять бумаги и книги у учеников и о случившемся 27 ноября 1826 г. сообщил рапортом исполнявшему обязанности директора Шапалинскому.

Билевич и Никольский неоднократно требовали от Белоусова представления в конференцию указанных материалов. Под всякими предлогами Белоусов уклонялся от этого, навлекая на себя обвинения в покрывательстве «безнравственного поведения» учеников.

Даже в самый разгар дела о вольнодумстве, когда над Белоусовым нависло опасное политическое обвинение, он отказывался выдать отнятые у гимназистов материалы, пренебрегая приказаниями конференции и нового директора гимназии Ясновского, вступившего в должность в октябре 1827 г. Когда Ясновский впервые предложил Белоусову показать ему отнятые у учеников сочинения, последовал ответ, что он «имеет причины их удерживать у себя». Наконец, когда Ясновский однажды в полной конференции потребовал немедленно представить эти сочинения, Белоусов заявил, что у него никаких книг и сочинений... не сохранилось!

Своей тактики Белоусов продолжал держаться и после приезда уполномоченного министра — Адеркаса, неоднократно напоминавшего ему о необходимости представить отнятые у воспитанников бумаги и книги. Три с половиной года хранил Белоусов тайну. И, наконец, должен был ее раскрыть, когда 11 апреля 1830 г. разъяренный Адеркас в грубой форме приказал ему немедленно представить материалы.

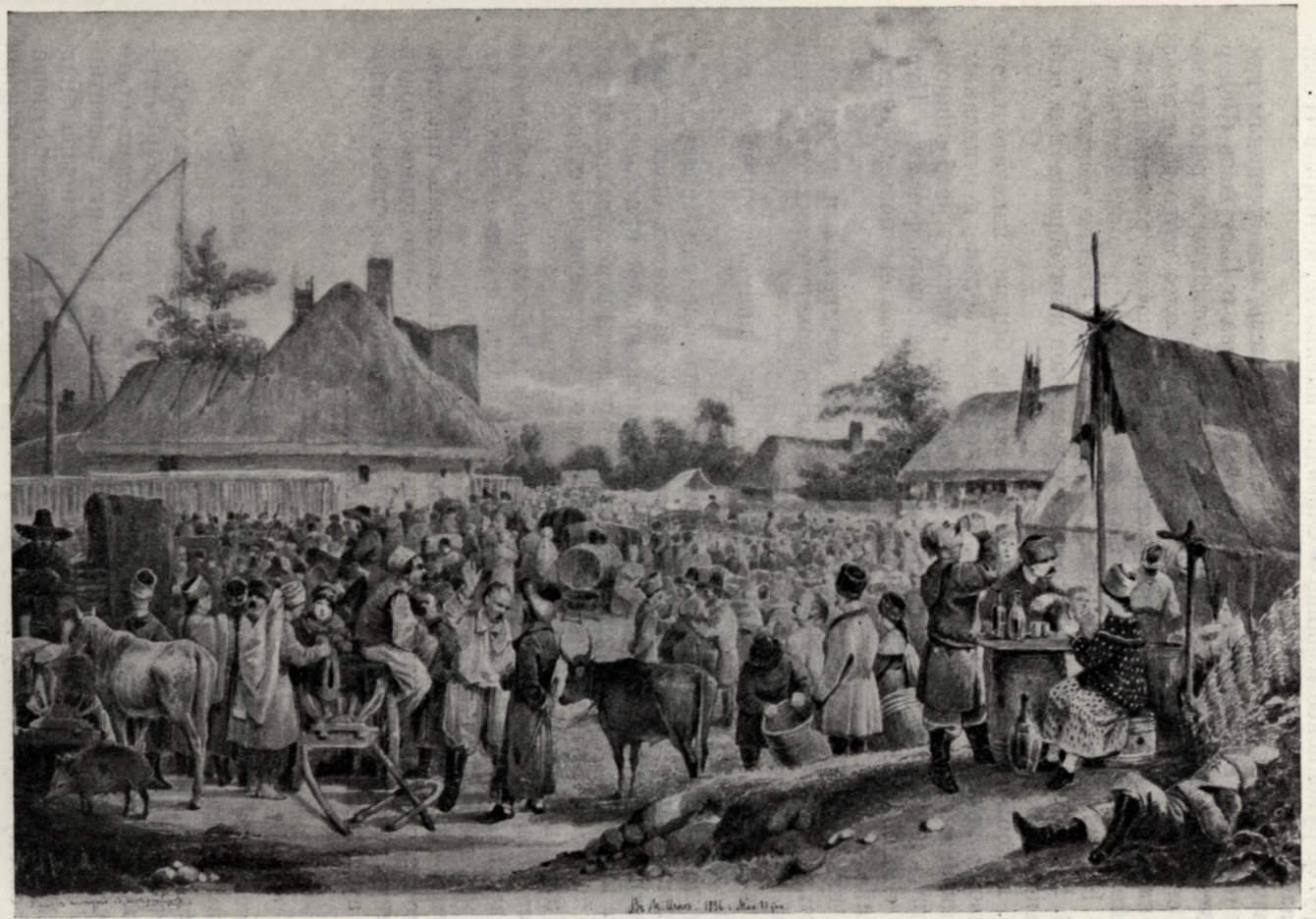
В делах Адеркаса хранится написанный рукой Белоусова «Реестр книгам и рукописям», представляющий выдающийся интерес. Он состоит из четырех разделов [11].

«А. Журналы и альманахи, кои составлены были воспитанниками гимназии до вступления моего в должность инспектора».

Здесь мы впервые узнаем названия ряда выходивших в гимназии рукописных журналов, в которых, несомненно, принимал участие Гоголь. Помимо известных изданий «Метеор литературы» (который в материалах Адеркаса называется «богомерзким и богопротивным») и «Парнасский навоз», в этом перечне названы журналы «Северная заря» (1826, 1, 2, 3), «Литературное эхо» (1826, № 1—7, 9—13), альманах «Литературный промежуток, составленный в один день + $^1/_2$ Николаем Прокоповичем 1826 года», и какое-то безымянное издание — «литературное что-то»,— как называет его Белоусов (1826, № 2).

Любопытно, что все перечисленные рукописные издания датированы одним годом. По словам Белоусова, в том же 1826 г. ученики «сочиняли и составляли разные журналы и альманахи, коих тогда число было более десяти». Это наглядно свидетельствует об интенсивности литературной жизни в гимназии. И. А. Сребницкий, разбирая в начале нынешнего столетия нежинский архив, с огорчением отметил, что в нем не оказалось «совершенно никаких упоминаний о журнальной деятельности нежинских гимназистов, и в числе их Гоголя». До сих пор не были даже известны многие названия рукописных изданий, выходивших в гимназии.

П. А. Кулиш в своих «Записках о жизни Н. В. Гоголя», ссылаясь на рассказ одного из нежинских учеников, упоминает о журнале «Звезда», издававшемся в гимназии [12]. В 1884 г. в «Киевской старине» была опубликована статья С. И. Пономарева с описанием одного номера журнала «Метеор литературы», случайно оказавшегося в его распоряжении. Автор статьи высказал предположение: не тот ли это самый журнал, который упоминает Кулиш? «В названии его,— писал С. И. Пономарев,— биографу легко можно было обмолвиться: „Метеор“, „Звезда“ несколько близки друг к другу и могли смешаться в памяти» [13].



УКРАИНСКИЙ БАЗАР
Акварель В. И. Штернберга, 1836 г.
Эрмитаж, Ленинград

Найденный нами «Реестр» Белоусова позволяет внести бóльшую ясность в этот вопрос. Предположение С. И. Пономарева оказывается неверным. «Звезда» никакого отношения к «Метеору литературы» не имеет; это другое рукописное издание — очевидно, именно то, которое в «Реестре» называется «Северная заря».

Название журнала естественно наводит на мысль, что ученикам гимназии высших наук был знаком альманах Рылеева и Бестужева «Полярная звезда». Вероятно в память об этом издании нежинцы и решили назвать свой рукописный журнал «Северная заря». Более точно воспроизводить название альманаха декабристов было, конечно, рискованно. Не случайно, что в «устных преданиях» нежинцев, на которые ссылается П. А. Кулиш, рукописный журнал фигурирует под именем «Звезды».

«В. Книги». В перечне отобранных у учеников книг обращает на себя внимание несколько сочинений Вольтера.

«С. Рукописные сочинения разных авторов, бывшие напечатанные и не бывшие напечатанные». Здесь мы находим несколько переписанных от руки экземпляров «Горя от ума» Грибоедова, «Братьев разбойников», «Цыган», «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, «Исповедь Наливайки» Рылеева и три списка его поэмы «Войнаровский».

И, наконец, «D. Собственные ученические сочинения и переводы». В этом разделе перечислены четыре десятка ученических сочинений (стихи, поэмы, статьи).

К «Реестру» Белоусов приложил и все поименованные в нем материалы.

Докладывая об этих материалах министру просвещения Ливену, Адеркас писал: «По рассмотрении оказалось, что содержанием оных служат предметы легкомысленные, не соответствующие чистой нравственности, но нет ничего противного правительству; предметы некоторых сочинений взяты из древней истории греков и римлян, но в оных не видно преступной цели, ниже́ применения к образу правления будущих веков»[14].

К сожалению, эти материалы, среди которых, несомненно, могли быть произведения молодого Гоголя, до нас не дошли. Весьма вероятно, что Белоусов не все из имевшихся у него материалов передал Адеркасу. Он мог часть из них — наиболее опасную — утаить. Просмотрев представленные Белоусовым бумаги и не найдя в них ничего, «противного правительству», Адеркас вернул их директору Ясновскому. В фондах нежинского архива эти материалы не сохранились.

II

7 мая 1827 г. Билевич обратился в конференцию с рапортом, положившим начало «делу о вольнодумстве».

В рапорте, состоявшем из десяти пунктов, указывалось на падение дисциплины и нравственности среди воспитанников гимназии, чрезмерно предающихся веселью, поющих «неприличные» песни, не почитающих своих профессоров и воспитателей. В качестве примера «неуважения воспитанников к своим наставникам» было отмечено поведение пансионера Яновского. Беспорядки в гимназии объявлялись следствием нерадивого отношения к своему служебному долгу инспектора Белоусова и «послабления обязанностей» со стороны директора Шапалинского.

Главным пунктом рапорта был 9-й. Билевич подчеркивал здесь, что он «приметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства», являющегося прямым результатом преподаваемого профессором Белоусовым естественного права. «Сие,— объяснял Билевич,— полагаю, может происходить от заблуждения в основаниях права естественного, которое,

хотя и предписано преподавать здесь по системе г-на Де Мартини, но он, г-н младший профессор Белоусов, проходит оное естественное право по своим запискам, следуя в основаниях философии Канта и г-на Шада»[15].

Рапорт Билевича явился не чем иным, как политическим доносом, взбудоражившим всю гимназию. Он знаменовал собой обострение конфликта и завершение раскола между двумя группами профессуры. Документ этот тотчас же стал предметом оживленного обсуждения и в классах, ибо почти каждый из учеников, по словам Белоусова, знал его наизусть.

22 июня 1827 г. Билевич написал личное письмо исполнявшему обязанности директора Шапалинскому, обращая его внимание на новые факты, характеризующие поведение Белоусова. 18 июня на экзаменах,

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЯРМАРКА НА УКРАИНЕ
Рисунок В. И. Штернберга, 1838 г.
В сидящем у кибитки человеке художник изобразил себя самого
Третьяковская галлерея, Москва

проводившихся Билевичем, в присутствии ряда профессоров, самого Шапалинского и при многих учениках, Белоусов вступил в спор с экзаменатором, «поясняя и защищая основания и системы своего преподавания, утверждая публично при сем случае, якобы человек не имеет никаких прав к богу». Билевич потребовал от Шапалинского сделать Белоусову решительное внушение «дабы он от подобных затеев и соблазнительных споров на экзамене воздержался», угрожая в противном случае, что он, Билевич, будет вынужден впредь «прекратить экзамен и выйти из класса» и, кроме того, «должно будет о том донести и высшему начальству»[16].

2 июля Белоусов обратился в конференцию с рапортом, являющимся ответом на рапорт Билевича от 7 мая.

Категорически отвергая обвинение в том, будто бы «за пансионерами нет надлежащего смотрения со стороны инспектора», Белоусов отмечает, что ему, несмотря на чинившиеся препятствия со стороны отдельных профессоров, удалось добиться существенных успехов в наведении порядка и

укреплении дисциплины среди воспитанников гимназии. Белоусов потребовал, чтобы было произведено расследование, которое должно показать, в каком состоянии находился пансион до вступления его в должность инспектора и каково положение дел ныне.

Касаясь затем 9-го пункта рапорта Билевича, Белоусов пишет: «Предмет естественного права, от возникших злоупотреблений естественного права в новейшие времена чрез смешение оного некоторыми писателями с политикой и другими посторонностями, не принадлежащими к области естественного права, для преподающих сделался довольно опасным. Пользуясь этим, г. Билевич выступил с упоминаемым обвинением, приписывая примеченные якобы им некоторые основания вольнодумства у некоторых учеников моим запискам, думая, что сего уже довольно чтоб сделать меня виноватым»[17].

Не обошел Белоусов и брошенного ему обвинения о влиянии на него Шада. Обвинение это таило в себе серьезную опасность. По окончании курса философских наук в Киевской духовной академии Белоусов в 1814 г. поступил в Харьковский университет, где в то время преподавал Шад. Увольнение профессора Иоганна Шада и расправа с ним вызвали негодование значительной части студенчества. Белоусов решительно отрицал связь своего учения о естественном праве с «Шадовою системою». «Г. Билевич слышал,— писал Белоусов,— что бывший профессор Харьковского университета Шад выслан за границу, что его естественное право запрещено, а потому не усумнился написать, что при преподавании естественного права следую и Шаду, дабы более весу подать своему обвинению. Но я решительно утверждаю, что в записках моих ничего нет общего с Шадовою системою естественного права. Я даже всегда говорил не в пользу Шадова естественного права. Да и сами гг. члены конференции по прочтении моих записок удостоверятся, что в них ничего нет из Шадова естественного права. По сему можно судить, что г. Билевич до сего времени не читал Шадова естественного права, а сказал это наугад. Что же касается до самого Канта, то просвещеннейшие члены конференции, конечно, со мною согласны в том, что г. Билевич о его философии ни малейшего понятия не имеет»[18].

Наконец, чтобы убедить конференцию в своей правоте, Белоусов представил на ее рассмотрение записи своих лекций по естественному праву, взятые, по его словам, у одного из учеников и являющиеся «кратким, сообразным с понятием слушателей извлечением из того автора, коим правительство позволило руководствоваться при преподавании в русских училищах». Записки эти впоследствии сыграли роковую роль в деле Белоусова. Они не только не опровергли обвинений Билевича, но дали еще немало дополнительного материала против профессора естественного права.

Рапорт Белоусова, как и следовало ожидать, привел Билевича в страшную ярость. Борьба вступила теперь в решающую фазу. Билевич адресовал конференции новый рапорт от 18 июля, в котором надеялся окончательно свести счеты с Белоусовым.

К известным уже нам пунктам обвинения против Белоусова Билевич прибавил много новых. Здесь появился рассказ о том, с какой методичностью Белоусов преследовал Билевича и угрожал ему удалением из гимназии, как в другом случае Белоусов набросился на профессора греческого языка Иеропеса со словами: «Я тебя задушу», как Белоусов собирался «делать всевозможную помеху» на экзаменах, проводившихся Билевичем, и т. д.[19]

В дополнение к тетради, представленной в конференцию Белоусовым, Билевич предложил к рассмотрению записи лекций Белоусова, принадлежащие ученикам 7-го класса — пансионеру Александру Новохацкому и вольноприходящему Ефиму Филипченко.

Подробно разобрав содержание представленных тетрадей и выписав из них для иллюстрации самые «крамольные» места, Билевич заключил свой рапорт выводом: «Словом, записки в означенных четырех тетрадках учеников Новохацкого и Филипченко, в коих совершенно не упоминается о должностях ни как к богу, так ни к самому себе, ни к ближнему, ни к родителям, ни к детям, ни к родным, ни к семейственной жизни и прочее, что составляет существенные принадлежности естественного права, преисполнены таких мнений и положений, которые неопытное юношество действительно могут вовлечь в заблуждение...»

Белоусов объявил записки Новохацкого и Филипченко подложными, фальсифицированными Билевичем.

Руководство гимназии оказалось вынужденным, наконец, определить свое отношение к лекциям Белоусова по существу. Исполнявший обязанности директора Шапалинский, многократно уже до того обвинявшийся реакционной группой профессоров в пристрастии к Белоусову, решил на этот раз действовать более осмотрительно и предложил передать тетрадь, представленную Белоусовым, на отзыв законоучителю гимназии, протоиерею Павлу Волынскому.

Выбор этот был, повидимому, не случаен. Официальное положение рецензента как законоучителя и протоиерея гарантировало Шапалинского от новых обвинений в потворстве Белоусову. Кроме того, ему казалось, что Волынский — хотя бы ввиду своей некомпетентности и теоретической беспомощности должен быть более осторожен в своих выводах, чем Билевич.

Однако отзыв Волынского, вопреки ожиданиям, оказался убийственным. Как писал Белоусов, «никто из членов конференции внутренне не верит, чтобы о. протоиерей сам сей разбор делал, а напротив, все, думаю, уверены, что оный ему составлен»[20].

Официально Волынскому было предложено изучить тетрадь, представленную Белоусовым, под весьма ограниченным углом зрения: не содержится ли в ней положений, противоречащих догматам религии. Между тем общий вывод протоиерея оказался шире задачи, перед ним поставленной. В своем пространном отзыве он указывал, что в записях лекций Белоусова имеются «мысли и положения», противные не только «нравственности и религии», но и «государственным постановлениям».

Тому же Волынскому вскоре было предложено дать отзыв на другую тетрадку — запись лекций по естественному праву профессора Билевича, которые были прочитаны им в августе—сентябре 1824 г. На этот раз рецензент был очень краток. Перечислив основные вопросы, затронутые в записках, он заключил, что в них не нашел «ничего двусмысленного, или неясного, ни закону божию или догматам веры противного, ни с благочестием или правилами нравственности не совместного»[21]. Словом, физиономия Волынского оказалась предельно ясной.

В дело Белоусова, тотчас же по его возникновении, были вовлечены и другие профессора гимназии, фактически разделившиеся на два политических лагеря.

Ближайшим единомышленником Белоусова был Шапалинский, исполнявший после отъезда Орлая в Одессу обязанности директора гимназии.

Позиция Шапалинского была совершенно откровенно определена в самом начале конфликта. Уже в рапорте от 7 мая 1827 г. Билевич отметил «некоторые послабления обязанностей г-на Шапалинского» и указал, что это обстоятельство не позволяет рассчитывать на «беспристрастное» расследование дела. Последующие события окончательно убедили в этом Билевича. В его многочисленных рапортах, адресованных в конференцию, Шапалинский обвинялся в сознательном покрывательстве Белоусова, в неспособности и нежелании принять действенные меры к прекращению его

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА НА ЗДАНИИ БЫВШЕЙ НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ
Фотография М. Альперта, 1951 г.

«тлетворного» влияния на гимназию. Имя Шапалинского стало фигурировать в одном ряду с Белоусовым.

В рапорте от 22 сентября 1827 г. Билевич писал: «Г. старший профессор и кавалер Шапалинский, исправляющий должность директора, конечно, знал о таковом неправильном Белоусовым преподавании естественного права и не только не запретил ему оное право читать таким образом, но когда я в рапорте моем, 7 мая сего года поданном, донес о том конференции и просил оную предписать ему, г. Белоусову, руководствоваться книгой Де Мартини — то он, г. Шапалинский, не только не обратил на сие никакого внимания, но принимал даже в противность законов от г. Белоусова и оскорбительные для меня исполненные доникливостями бумаги...»[22] В этом же рапорте Билевич сообщает, между прочим, любопытный факт: когда Белоусов представил в конференцию тетрадку — записи своих лекций по естественному праву, Шапалинский «продержал оную значительное время», и, отдав, наконец, ее для просмотра законоучителю Волынскому, сказал ему при этом: «Пересмотрите и вы сию тетрадку, я не нашел в ней ничего худого». Тем самым, продолжает Билевич, Шапалинский «давал знать г. законоучителю, чтобы и он не показывал в ней ничего противного его желанию». Это свидетельство Билевича подтверждается заявлением самого Волынского, которому якобы Шапалинский сказал: «Я в этом учении не нахожу ничего противного религии вашей,— желая, вероятно, — добавляет Волынский,— некоторым образом расположить и меня в пользу такого преподавания, дабы под покровом моего одобрения или, по крайней мере, неосуждения моем того учения дать ему

свободный ход к дальнейшему распространению между юношеством»[23]. События, как уже известно, приняли не тот оборот, на который рассчитывал Шапалинский. Рецензия Волынского на запись лекций Белоусова лишила Шапалинского надежды на возможность локализовать инцидент и предотвратить тем самым его широкую огласку со всеми вытекающими отсюда последствиями. Характерно, что Шапалинский в качестве исполняющего обязанности директора гимназии ни разу не информировал ни Министерство просвещения, ни почетного попечителя Кушелева-Безбородко, ни даже своего непосредственного начальника — попечителя Харьковского учебного округа о положении дел в гимназии. При последующем разбирательстве Шапалинскому особо вменялось в вину стремление скрыть от начальства «неправильное преподавание естественного права».

После того как протоиерей Волынский 13 августа 1827 г. в рецензии на старую запись лекций Билевича по естественному праву заявил, что в них нет «ничего противного закону», Шапалинский решил дать ход рапорту Белоусова, в котором тот просил освободить его от чтения естественного права и предоставить ему курс российского права — гражданского и уголовного. По требованию Шапалинского, на очередной конференции был составлен черновой журнал, коим чтение естественного права возлагалось на Билевича, вопреки категорическому возражению последнего. Цель Шапалинского, несомненно, состояла в том, чтобы поставить Белоусова «вне игры», вывести его из-под удара. Но на другой день Шапалинский объявил вчерашнюю запись в журнале недействительной, мотивируя это тем, что якобы разрешение на преподавание естественного права в гимназии от высшего начальства не получено. Объяснение было неверным. Чтение указанной дисциплины было санкционировано 14 ноября 1825 г. Ученым комитетом Главного правления училищ Министерства просвещения[24]. Причина, по которой Шапалинский отменил

ЗДАНИЕ БЫВШЕЙ I ЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ, НЫНЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА им. Н. В. ГОГОЛЯ

Фотография М. Альперта, 1951 г.

решение конференции, состояла в другом. Поразмыслив, он, видимо, пришел к выводу, что передача Билевичу курса естественного права не разрядит атмосферу в гимназии, тем более, что это делалось вопреки его желанию. Скорее наоборот, положение могло бы еще более обостриться. И тогда был найден выход: снять преподавание естественного права вообще. 23 сентября 1827 г. это решение вступило в силу.

III

5 октября 1827 г. прибыл в Нежин новый директор гимназии — Даниил Ясновский. Расследование дела Белоусова вступило отныне в новую фазу.

Помимо профессоров и преподавателей гимназии к следствию привлекаются и ученики старших классов — восьмого и девятого. Дело приобретает более широкий масштаб. Билевич в ряде рапортов указывал на то, что Белоусов с ведома Шапалинского якобы отбирал у учеников тетради по естественному праву и вносил в них исправления, дабы эти фальсифицированные записи представить в конференцию.

31 октября Ясновский приказал собрать у учеников все тетради и записки, «касающиеся естественного права». В течение нескольких дней, с 29 октября по 3 ноября, в присутствии всех членов конференции было допрошено девять учеников: Федор Михно, Николай Котляревский, Нестор Кукольник, Александр Новохацкий, Ефим Филипченко, Петр Горонович, Алексей Колышкевич, Николай Родзянко и, наконец, Яновский (Гоголь). Кроме того, Филипченко был вызван для дополнительных показаний. Вел допрос Ясновский. Основная цель допроса состояла в том, чтобы установить, во-первых, соответствуют ли записки учеников тому, что излагал в своих лекциях Белоусов, и, во-вторых, читал ли Белоусов лекции по книге, утвержденной Министерством просвещения, или по собственным запискам.

Не представляло особого труда выяснить первый вопрос. Помимо тетради Маркова, предложенной Белоусовым и подвергнутой резкой критике законоучителем Волынским, и записок Новохацкого и Филипченко, представленных Билевичем, в распоряжении Ясновского оказалось множество других тетрадей.

До сих пор эти тетради никем не исследовались, они считались утерянными. В делах Министерства народного просвещения мы обнаружили записи лекций Белоусова, принадлежавшие тринадцати ученикам: Нестору Кукольнику, Алексею Колышкевичу, Алексею Чекану, Ивану Халчинскому, Александру Новохацкому, Петру Юркевичу, Федору Михно, Якову Бороздину, Егору Котляревскому, Петру Гороновичу, Николаю Родзянко, Ефиму Филипченко и Гудиме [25]. В 1830 г. Адеркас увез их с собой в Петербург среди множества других материалов о нежинской гимназии.

Сопоставление этих тетрадей должно было привести директора гимназии Ясновского к выводу, что в основе своей они восходят к одному общему первоисточнику.

Белоусов читал курс естественного права два года: с середины ноября 1825 г. до сентября 1827 г. Из тринадцати учеников, тетради которых попали в конференцию, лишь два — Яков Бороздин и Егор Котляревский — слушали естественное право в 1825/26 уч. г. Остальные ученики были классом ниже [26] и слушали Белоусова в 1826/27 уч. году. Приступая к повторному чтению курса, Белоусов рекомендовал воспользоваться записями его лекций, сделанными учениками в предшествующем году.

Из показаний ряда воспитанников совершенно определенно явствует, что первоосновой значительной части тетрадей был конспект лекций Белоусова, принадлежавший Гоголю.

Кукольник, например, показывал на следствии, что одна из его тетрадей под литерою С. была «переписана с тетрадок ученика 9-го класса пансионера Яновского, без всяких прибавок, а сии тетрадки писаны по диктовке с тетради профессора Белоусова»[27]. Кукольник, кроме того, заявил, что он передал записки Яновского Александру Новохацкому.

Это обстоятельство было подтверждено на следствии и Новохацким. Он показал, что у него «была тетрадь истории естественного права и самое естественное право, списанное по приказанию профессора Белоусова с начала учебного года с записок прошлого курса, принадлежащих пансионеру Яновскому и отданных в пользование Кукольнику»[28].

Все это, как увидим ниже, подтвердил и Гоголь.

Таким образом, тетрадь Гоголя по естественному праву ходила по рукам учеников. Характерно замечание Новохацкого, что его тетрадь была списана с записок Яновского «по приказанию профессора Белоусова». Надо полагать, что тетрадь Гоголя была знакома Белоусову и признана наиболее достоверным воспроизведением его лекций.

В результате допросов учеников и просмотра их тетрадей у Ясновского сложилось убеждение, что записки воспитанников гимназии в общем верно передают содержание лекций Белоусова.

Даже профессор С. М. Андрущенко, человек, очень близкий к Белоусову, вынужден был на допросе признать, что он «почти уверен» в том, что записи в ученических тетрадях в основном, повидимому, соответствуют содержанию лекций по естественному праву. Правда, Андрущенко пытался сделать спасительную оговорку относительно того, что он не думает, чтобы Белоусов излагал свои мнения «вовсе без ограничения и без объяснений».

Рукопись Гоголя не сохранилась. Но среди ученических записок, обнаруженных нами в архиве Министерства народного просвещения, имеется та самая тетрадь Кукольника под литерою С., которая была «без всяких прибавок» списана с тетради Гоголя[29].

Конспект состоит из двух частей: истории естественного права и теории естественного права. Наиболее интересна вторая часть.

Характеризуя законы естественного права, Белоусов видит в них наиболее совершенную и разумную основу общественного устройства. Доказательства естественного права должно черпать из разума. Не вера в божественные установления, но всемогущество ума человеческого является «чистейшим источником» законов естественного права. Государственные законы являются морально обязательными для человека лишь постольку, поскольку они не противоречат законам самой природы. «Человек имеет право на свое лицо, — говорит Белоусов,— т. е. он имеет право быть так, как природа образовала его душу». Отсюда выводится идея «ненарушимости лица», то есть свободы и независимости человеческой личности.

Эти положения Белоусова вызвали резкую критику со стороны законоучителя нежинской гимназии протоиерея Волынского, усмотревшего в них возможность усвоения учащимися взглядов, ведущих «к заблуждениям материализма» и отрицанию «всякого повиновения закону».

Право человека на свободу является, по мнению Белоусова, священным и никем не может быть оспариваемо. В той же тетради под литерою С. читаем: «Членам гражданского общества, поскольку они суть таковые, принадлежит гражданская законная свобода, то есть всякий должен иметь особенную область свободы внутри, коей он может приводить в действие свои права без всякого препятствия от других...»

Докладывая министру просвещения Ливену о «зловредном» преподавании естественного права, Адеркас обращал внимание на то, что в своих лекциях Белоусов упор всегда делает на чрезмерные права человека, а не на его обязанности. Подобное направление мысли Адеркас называет «плодом новой софистической философии», которая ведет к пренебрежению

«божеским и человеческим порядком» и является «гибельной для веры, правительства и государства».

Некоторые положения лекций Белоусова были направлены против сословного неравенства, классовых привилегий. Белоусов защищает принцип равенства людей. «Все врожденные права,— говорит он,— находятся для всех людей в безусловном равенстве». Волынский нашел подобное заключение «слишком вольным», ибо о равенстве прав, по его мнению, может итти речь лишь «касательно одного животного инстинкта».

Особенно интересен у Белоусова раздел «Об обидах». Обида расценивается здесь как нарушение «первоначальных», то есть естественных и суверенных, прав человека. Всякий обидчик юридически обязан дать вознаграждение. Причем меру вознаграждения определяет обиженный. Обиженный имеет священное право защищать себя или других от нападения, ибо «защищение есть препятствие действию обиды». Все эти положения пропитаны ненавистью к деспотии в любых ее формах.

Идеи естественного права получают у Белоусова весьма смелое для своего времени толкование. Многие его формулы прямо перекликаются с идеями Радищева и декабристов. Вспомним, например, диалог из «Любопытного разговора» Никиты Муравьева-Апостола:

«В о п р. Все ли я свободен делать?

О т в. Ты свободен делать все то, что не вредно другому. Это твое право.

В о п р. А если кто будет притеснять?

О т в. Это будет тебе насилие, противу коего ты имеешь право сопротивляться»[30].

Естественное право излагалось Белоусовым в плане чисто философском, теоретическом. Однако многие положения его лекций осмысливались применительно к русской действительности. Например, когда он говорил, что «никто в государстве не должен самовластно управляться», то за этой краткой записью в ученической тетради мы чувствуем позицию человека, негодующего против самовластно управляемого крепостнического государства в России. Лекции Белоусова, таким образом, явно вступали в противоречие с официальными догмами николаевского просвещения.

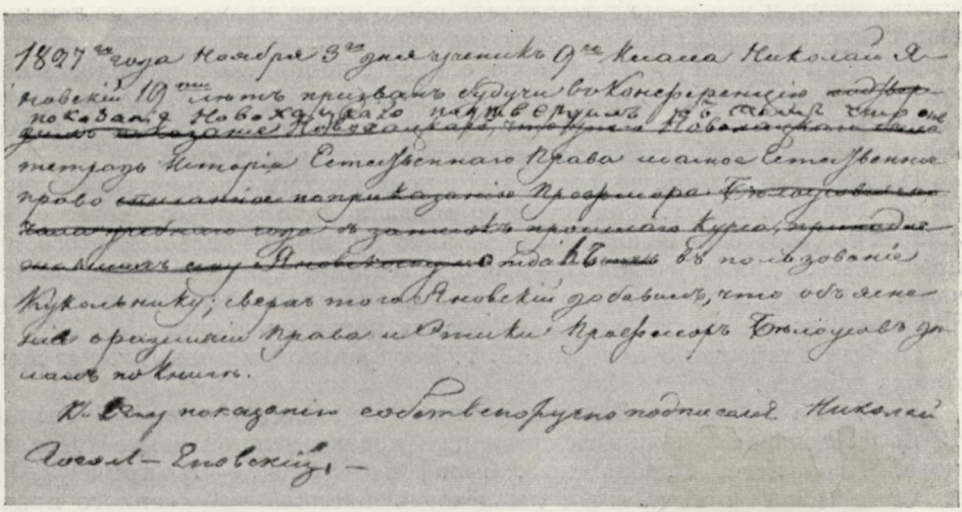
Содержание лекций Белоусова позволяет сделать вывод, что его идейные взгляды формировались под несомненным влиянием передовой русской общественной мысли: Радищева и декабристов. Хотя Радищев нигде и не упоминается в материалах «дела о вольнодумстве», но естественно предположение, что это имя было хорошо известно Белоусову. Человек глубоких и разносторонних познаний, резко отрицательно относившийся к крепостнической действительности, Белоусов, не мог пройти мимо такой книги, как «Путешествие из Петербурга в Москву». Одно из важнейших положений лекций Белоусова — о том, что обиженный имеет право на вознаграждение и сам определяет меру вознаграждения — это положение, перекликаясь с идеями декабристов, явно восходит к Радищеву.

Во многих произведениях Радищева защищается мысль о естественном праве человека на мщение за причиненную ему обиду. Рассказывая в «Житии Федора Васильевича Ушакова» о нанесенном оскорблении Насакину, Радищев замечает, что, по единогласному решению воспитанников, майор Бокум «долженствовал сделать Насакину удовлетворение за обиду». Замечательно, что это решение обосновывается Радищевым законами естественного права: «Не имея в шествии своем ни малейшия преграды, человек в естественном положении, при совершении оскорбления, влекомый чувствованием сохранности своей, пробуждается на отражение оскорбления». Очень часто возвращается Радищев к этому тезису и в своем «Путешествии из Петербурга в Москву». Доказывая, например, невиновность крестьян, убивших жестокого асессора, писатель говорит, что они

правильно определили меру наказания для «врага своего», ибо гражданин обязан пользоваться принадлежащим ему «природным правом защищения»: если гражданский закон не наказывает обидчика, то сам обиженный, «имея довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную» (гл. «Зайцово»).

Вот из каких истоков растет идея Белоусова об обиде и правах обиженного.

Надо, однако, иметь в виду, что в своих лекциях Белоусов не мог быть совершенно откровенен. Он должен был читать с оглядкой и соблюдать максимальную осторожность, а в некоторых случаях даже произносить сентенции, которые заведомо расходились с его взглядами. Отсюда возникающее порой при чтении конспекта лекций Белоусова ощущение



ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГОГОЛЯ ОТ 3 НОЯБРЯ 1827 г. ПО ПОВОДУ ЛЕКЦИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА, ЧИТАННЫХ ПРОФЕССОРОМ НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ Н. Г. БЕЛОУСОВЫМ, КОТОРЫЙ ОБВИНЯЛСЯ В НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ

Протокол написан неизвестной рукою. Исправлен и подписан Гоголем

Библиотека АН УССР, Киев

некоторой его непоследовательности и противоречивости. Так, несомненно странным является рассуждение о «неприкосновенности» и «священности» особы государя. Тем более странным, что, по свидетельству ученика гимназии Николая Котляревского, профессор Белоусов однажды на лекции о естественном праве, говоря о верховной власти, спросил учеников: «Если представитель народа, государь, подл и во зло употребляет вверенную ему от народа власть, то что с ним должно делать?» «И когда ученики молчали, то он, профессор, сказал, что можно такого государя низвергнуть, убить»[31]. Правильность этого показания подтвердили на следствии и другие воспитанники. Директор нежинской гимназии Ясновский высказывал Адеркасу со слов ученика Филипченко предположение, что эти «неленые слова» Белоусова могли слышать в 1825/26 уч. году многие ученики 7-го класса, в их числе — Яновский (Гоголь).

Следует вместе с тем отметить, что непоследовательность Белоусова во многом объясняется и недостаточной теоретической зрелостью и общей противоречивостью его просветительской позиции.

Во время допросов учеников Ясновский настойчиво пытался выяснить, по какому источнику читал Белоусов свои лекции. По указанию

Министерства просвещения, курс естественного права, как уже упоминалось, должен был читаться по книге де Мартини «Positiones Juris naturae».

Лекции Белоусова ничего общего с идеями де Мартини не имели. Белоусов в ряде своих рапортов заявлял, что он читал естественное право по «книге автора, правительством одобренной», но ни название этой книги, ни ее автор никогда им не раскрывались. Белоусов старательно об этом умалчивал. Ясновский докладывал Адеркасу, что Белоусов читал свои лекции по собственным запискам, «извлеченным из автора, которого никогда поименовать не хотел».

Между тем, Билевич рассказывает в рапорте от 3 сентября 1827 г. о любопытном эпизоде, происшедшем однажды в конференции, когда Белоусов «решительно ⟨...⟩ объявил», что «он отнюдь не намерен следовать предписанному порядку и автору де Мартини в преподавании права естественного и что не может подавать оного права иначе, как по тем же своим прежним запискам»[32]. Этот же инцидент воспроизведен позднее в донесении директора Ясновского с одним колоритным дополнением: будто бы Белоусов 13 августа 1827 г. заявил в конференции, что не будет читать естественное право иначе, как по представленным запискам, а что касается книги де Мартини, то он ее «смешивает с грязью»[33].

Из девяти учеников, допрошенных в конференции в период с 29 октября по 3 ноября 1827 г., большинство показало, что Белоусов читал свои лекции по собственным записям; несколько человек не касается этого вопроса вовсе. Один из учеников — Николай Котляревский — ответил уклончиво: вначале, мол, читал по книге, а потом «перестал носить книгу». Чрезвычайно интересно в этом отношении показание Гоголя.

Он был допрошен 3 ноября 1827 г. Воспроизводим полный текст протокола допроса:

«1827-го года ноября 3-го дня ученик 9-го класса Николай Яновский 19-ти лет призван будучи в Конференцию [подтвердил показание Новохацкого, что у него, Новохацкого, была] показание Новохацкого подтвердил в том, что он тетрадь истории естественного права и самое естественное право [списанное по приказанию профессора Белоусова с начала учебного года с записок прошлого курса, принадлежавших ему, Яновскому] отдал [их] в пользование Кукольнику; сверх того Яновский добавил, что объяснение о различии права и этики профессор Белоусов делал по книге.

К сему показанию собственноручно подписался Николай Гоголь-Яновский»[34].

Показание это написано неизвестной рукой и выправлено Гоголем. Текст, заключенный в квадратные скобки, им вычеркнут, выделенный разрядкой — вписан им поверх строки вместо вычеркнутого.

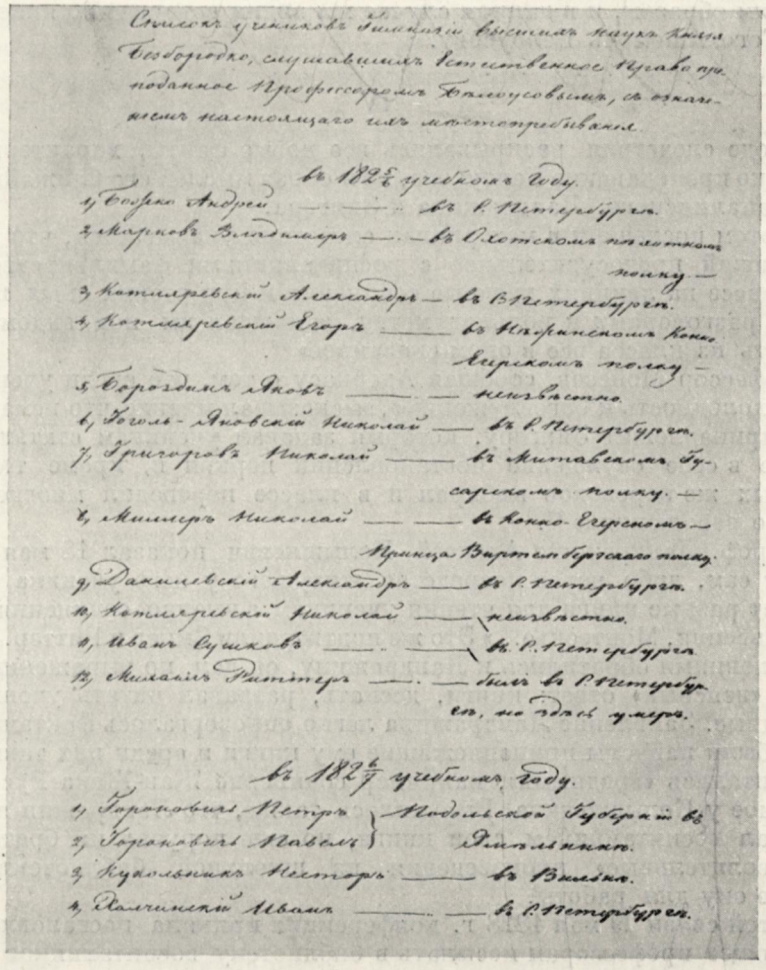
Цитированный документ представляет большой интерес. У Н. Лавровского, В. Саввы и И. Сребницкого он воспроизведен не вполне точно — без вычеркнутых мест, а между тем они очень существенны для уяснения позиции Гоголя в «деле о вольнодумстве».

Ненавидя Билевича и всех «профессоров-школяров», Гоголь, вместе с тем, горячо симпатизировал Белоусову. В юношеских письмах Гоголя из Нежина мы находим восторженные отзывы о деятельности инспектора и профессора естественного права[35].

Подлая кампания против Белоусова произвела тяжелое впечатление на Гоголя. Живой, острый ум юноши воспринимал ее как грубую несправедливость и произвол, противоречившие его представлениям о «естественном праве» людей, о «высоком назначении человека».

С самого начала конфликта симпатии Гоголя были целиком на стороне Белоусова. В этом отношении характерно процитированное выше показание Гоголя. В нем особенно примечательны два обстоятельства.

Первое. Гоголь вначале подтвердил показание Новохацкого, что записи лекций по естественному праву списаны с его, Гоголя, тетради по приказанию Белоусова. Но затем он вычеркнул это место из протокола допроса. Гоголю, разумеется, было известно, что тетрадь Новохацкого была представлена Билевичем в конференцию в качестве документа, политически компрометировавшего Белоусова, и что последний



СПИСОК УЧЕНИКОВ НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ, СЛУШАВШИХ ЛЕКЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА У ПРОФЕССОРА Н. Г. БЕЛОУСОВА. В СПИСКЕ ЗА 1825/26 г. ЗНАЧИТСЯ ГОГОЛЬ

Список находится в «деле о вольнодумстве»
Центральный исторический архив, Ленинград

явно в целях самозащиты объявил эти записи подделкой со стороны Билевича. Совершенно очевидно стремление Гоголя умолчать о какой бы то ни было связи Белоусова с тетрадью Новохацкого. В начале допроса Гоголь, повидимому, еще не разобравшись, чего, собственно, от него добиваются, — подтвердил показание Новохацкого. И это было тотчас же занесено в протокол. Но когда Гоголю дали его подписать, он, прочитав свои показания и поразмыслив, догадался, что фраза о приказании Белоусова может быть использована обвиняющей стороной, и это место вычеркнул.

Еще более важно второе обстоятельство. Как уже указывалось, большинство допрошенных учеников показало, что Белоусов, игнорируя книгу де Мартини, читал естественное право по собственным запискам. Гоголь был единственным среди воспитанников гимназии, категорически утверждавшим, что «объяснение о различии права и этики профессор Белоусов делал по книге». Причем и Билевич, и Волынский считали это «объяснение» самым преступным разделом лекций Белоусова.

Таким образом, и в данном случае мы видим совершенно явное стремление Гоголя помочь Белоусову.

IV

В ходе следствия раскрывались все новые факты, характеризующие не только преподавание Белоусова, но и образ мыслей его ближайших друзей: Шапалинского, Ландражина и Зингера.

Об этом последнем в материалах следствия указывается, что он, «везде имевший предосудительное с воспитанниками фамильярство, читал им в классе на лекциях вредные сочинения и при чтении оных наклонял своими разговорами к вольнодумству, запрещал им под видом дружбы выносить из класса все в оном сказанное»[36].

Профессор Мойсеев, сообщая Адеркасу о том, что среди учеников заметна «холодность к богослужению», высказывал мнение, что немалая роль в том принадлежит Зингеру, который задавал ученикам статьи, заключающие в себе осуждение постановлений церкви и, кроме того, «для классных же переводов выбирал и в классе переводил многие разные статьи о революциях»[37].

О проф. Ландражине Алексей Колышкевич показал 18 мая 1828 г., что тот сам, либо через посредство живущего у него ученика Риттера, «раздает разные книги для чтения ученикам, а именно: сочинения Вольтера, Гельвеция, Монтескье...» Это же подтвердили Змиев и Риттер. Когда за разъяснениями обратились к Ландражину, он дал, по выражению Ясновского, «неясный» ответ: книги, дескать, раздавал читать ученикам, но не вредные. Заявление Ландражина легко опровергалось фактами. У учеников были найдены принадлежащие ему книги и среди них такие, которые считались «вредными», например сочинение Жан-Жака Руссо, обнаруженное у Колышкевича. Выяснилось также, что Ландражин не только раздавал воспитанникам свои книги, но еще поручал им брать разные «непозволительные» произведения из школьной библиотеки, якобы нужные ему для работы.

В этой связи 29 мая 1828 г. конференция приняла постановление, запрещающее профессорам посылать в библиотеку воспитанников за необходимыми им, профессорам, книгами. Кроме того, конференция обязала всех преподавателей хранить свои книги дома таким образом, чтобы никто из живущих у них учеников не имел к этим книгам доступа.

Два года спустя, при повторном разбирательстве этого вопроса Адеркасом, Змиев рассказал один любопытный эпизод. Кто-то ему подарил книгу на французском языке «не то Вольтера, не то Дидерота». Книгу эту обнаружил дед Змиева и, по причине «заключающегося в ней богохульства», запретил ему ее читать, разорвав при этом первую часть. Вторая часть случайно сохранилась. О ней узнал Ландражин и попросил Змиева показать ему книгу, а затем рекомендовал ученику внимательно ее прочитать.

Наконец, по свидетельству профессора Мойсеева, Ландражин, прохаживаясь с учениками, часто напевал какую-то подозрительную французскую песню[38]. Как выясняется, по двум дошедшим до нас строкам, это была «Марсельеза».

Ландражин и Зингер имели большое влияние на учеников; они часто навещали пансионеров в общежитиях, а вольноприходящих — на их частных квартирах. Филипченко сообщал Адеркасу, что оба профессора даже нередко «водили с собой по трактирам учеников, сколько-нибудь склонных к их образу мыслей»[39].

Что же касается Шапалинского, то его роль в «деле о вольнодумстве» представлялась Ясновскому, а впоследствии и Адеркасу наиболее «возмутительной». Вина Шапалинского состояла не только в том, что он, используя свое положение директора гимназии, потворствовал Белоусову и преследовал Билевича и его единомышленников, но и сам распространял «развратные» идеи.

Чрезвычайно интересен эпизод, который сообщил Адеркасу профессор Никольский в своем «Историческом обзоре беспорядков», происходивших в нежинской гимназии на протяжении последних лет. В июне 1827 г. ученик 7-го класса К. М. Базили на экзаменах по всеобщей истории, преподаваемой проф. Мойсеевым, рассказывал о «гонениях и мучениях, претерпенных за христианскую веру святыми мучениками в первые века христианства». Базили красноречиво говорил, что на многих святых, «обложенных удобовозгорающимися со смолою веществами, огнем возженными, пламенное воспаление нималого действия не производило, и они остались невредимыми». Присутствовавший на экзамене Шапалинский «с улыбкою» спросил Базили: «И вы этому верите? Разве вы не слушали физики, мною преподаваемой, коей началам или законам это совершенно противно?»[40].

Шапалинский, как и Белоусов, был любимейшим педагогом в гимназии. По свидетельству его воспитанника, впоследствии известного историка — П. Г. Редкина, Шапалинского отличала «безукоризненная честность» и «неумытная справедливость»[41]. Моральный авторитет «вольномыслящих» профессоров был неизмеримо выше, чем, например, Билевича. И это в немалой степени содействовало привлечению к ним симпатий учеников.

В ходе следствия Ясновский все более убеждался в том, что существует несомненная политическая связь между событиями 14 декабря 1825 г. и настроениями, свойственными не только группе Белоусова и Шапалинского, но и значительной части учеников. Одно неожиданное обстоятельство заставило его окончательно отказаться от каких бы то ни было сомнений на этот счет.

23 декабря 1829 г. надзиратель Н. Н. Маслянников доложил Ясновскому, что еще в ноябре 1825 г., во время директорства Орлая, некоторые пансионеры говорили, что в России будут перемены, «хуже французской революции». Маслянников привел имена учеников гимназии, которые накануне восстания декабристов, таинственно перешептываясь, сообщали друг другу и ему, Маслянникову, слухи о предстоящих в России переменах, о том, что вскоре «все полетит кверху дном», и при этом распевали следующую песню:

О боже, коль ты еси,
Всех царей с грязью меси,
Мишу, Машу, Колю и Сашу
На кол посади[42].

В числе воспитанников, распевавших «нелепую» песню, Маслянников назвал имена ближайших друзей Гоголя — А. С. Данилевского и Н. Я. Прокоповича.

Ясновский, а затем и Адеркас были необычайно взволнованы этим показанием. Инцидент всплыл наружу совершенно случайно, он не был до этого отражен ни в каких документах. Естественно, возникал вопрос:

почему? Расследование этого инцидента осложнялось тем, что никого из упомянутых Маслянниковым учеников в Нежине уже не было; они давно закончили гимназию и разъехались. Адеркас на всякий случай приказал выяснить адреса, по которым они проживали.

Вызвали на допрос проф. Мойсеева, бывшего в 1825 г. инспектором. Оказалось, что даже он не знал об этом факте. Маслянников о нем докладывал в свое время директору Орлаю. И тот, якобы, приказал наказать целую группу учеников карцером и «черным столом». Мойсеев категорически оспаривал эту часть показаний надзирателя, не без основания заявив, что если бы это наказание действительно имело место, то он, будучи в ту пору инспектором, не мог бы о том не знать.

18 марта 1830 г. Адеркас устроил Маслянникову и Мойсееву очную ставку. Выяснилось, что надзиратель в нарушение устава гимназии не доложил инспектору Мойсееву о случившемся происшествии. Оно было скрыто по указанию Орлая. Кроме того, Маслянников уточнил свое предыдущее заявление относительно наказаний, которым были подвергнуты ученики. Он сообщил теперь, что из всей группы замешанных в этой истории воспитанников поплатились лишь Кобеляцкий — двумя с половиной часами карцера и Высоцкий, на один день посаженный на «черный стол». Мойсеев продолжал категорически настаивать, что никакого наказания быть не могло, а карцера в 1825 г. даже еще не было в гимназии. Таким образом возникало подозрение, что бывший директор Орлай не только утаил это происшествие, но и оставил виновников безнаказанными.

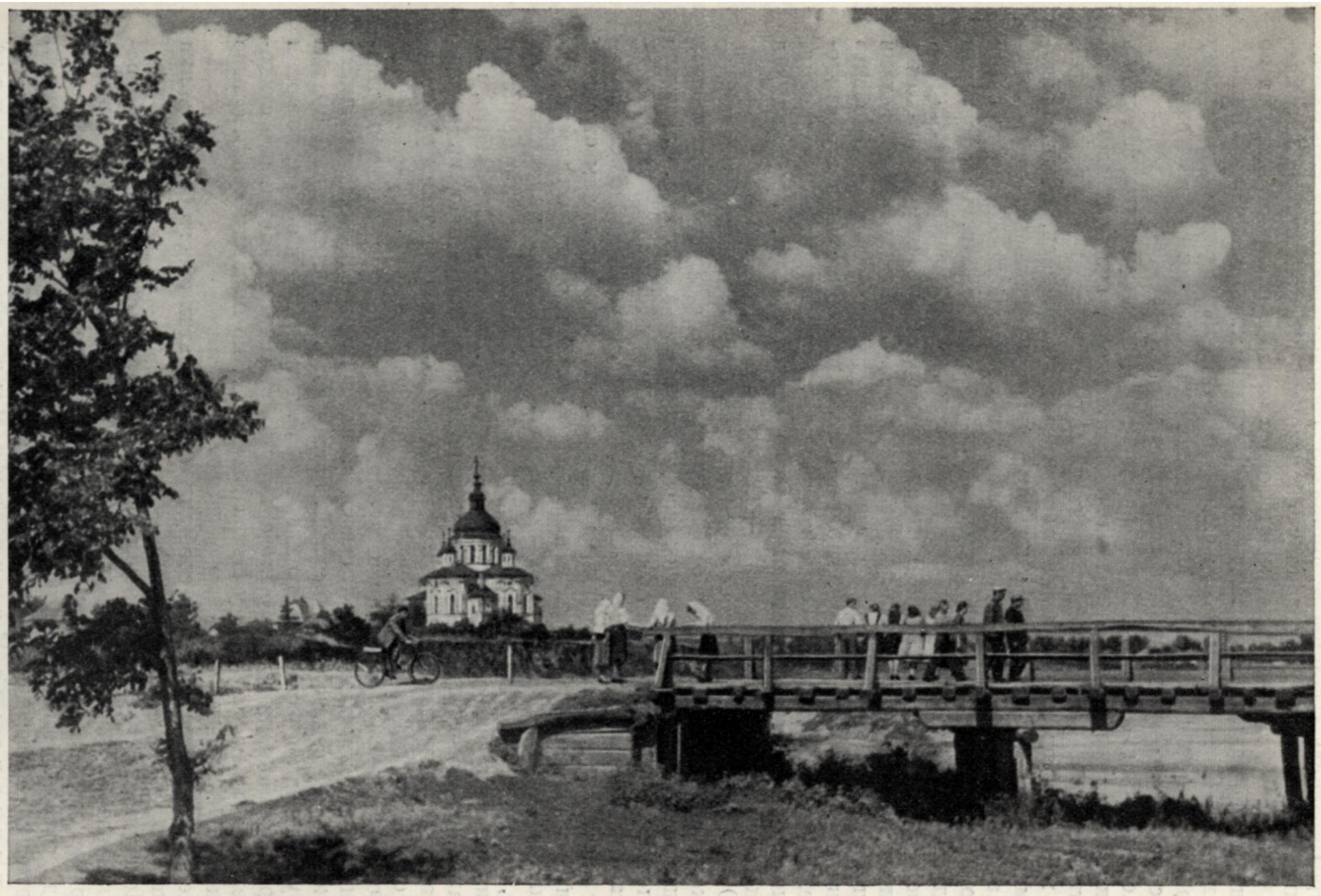
Едва ли «сии ученики (...) были каким-либо образом наказаны»,—заключил Адеркас. Что же касается самого факта, о котором сообщил надзиратель, то он не вызывал у Адеркаса никаких сомнений. Тем более, что его подтвердил бывший ученик Филипченко, проживавший после окончания гимназии в Нежине. Вызванный Адеркасом на допрос, Филипченко заявил, что, обучаясь в низших классах, он слышал «как пансионеры высших классов, собравшись вместе, пели как-то песнь, из которой он мог понять только вышесказанные уменьшительные имена царской фамилии»[43]. Докладывая министру об этом эпизоде, Адеркас писал: «Должно думать, что замышлявшие в ту пору ниспровержение всеобщего порядка успели сообщить подобные мысли и сочинения воспитанникам сей гимназии, при отлучках сих последних на каникулы и на праздники в домы своих родственников...»[44]

«Гимназия высших наук», как уже выше отмечалось, представляла собой привилегированное учебное заведение, которое правительство всячески пыталось оградить от влияния свободолюбивых идей. Но ни усилия надзирателей, ни постоянная опека вышестоящего начальства из Харькова и Петербурга, ни казарменная дисциплина,— ничто не могло изолировать нежинскую гимназию от внешнего мира, от политических событий, происходивших в стране. Тысячами нитей воспитатели и многие воспитанники гимназии были связаны с этими событиями.

Ропот народа против гнета крепостников и самодержавия достигал стен гимназии. Среди ее учеников постепенно увеличивалось число выходцев из мелкопоместного дворянства и разночинной среды. Это создавало благоприятную почву для распространения вольнодумных настроений.

Большую роль в этом отношении играли произведения Пушкина, Грибоедова, Рылеева.

Вспоминая свои студенческие годы, Герцен писал в «Былом и думах»: «Тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки; запрещенные стихи читались с комментариями»[45]. В 1827 г. жандармский генерал-майор Волков с возмущением сообщал Бенкендорфу, что «редкий



СЕЛО БОЛЬШИЕ СОРОЧИНЦЫ, ОПИСАННОЕ ГОГОЛЕМ В ПОВЕСТИ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Фотография М. Альперта, 1951 г.

студент Московского университета не имеет сейчас противных правительству стихов писаки Пушкина» [46]. В том же 1827 г. Бенкендорф, по предложению Николая I, приказал генерал-адъютанту Стрекалову и флигель-адъютанту Строганову обследовать Московский и Харьковский университеты—«откуда, как из очага заразы, распространяются по стране запрещенные стихи Рылеева и Пушкина... о нашедшихся виновниках немедленно сообщить... а самому принять меры строгие к полному истреблению последствий»[47]. Власти охотились по всей стране за каждым списком «возмутительных» стихотворений.

Нежинская гимназия не была исключением среди учебных заведений России, в стенах которых кипела пытливая мысль, где молодежь искала ответы на самые острые вопросы современности.

В процессе расследования дела Белоусова выяснилось, с каким энтузиазмом относились ученики к именам Пушкина и Рылеева.

Напомним, что в «Реестре», врученном Белоусовым Адеркасу среди «рукописных сочинений», обнаруженных осенью 1826 г. надзирателем Зельднером у учеников гимназии, значились произведения Пушкина, Рылеева и Грибоедова. В 1826 г. произошел еще один инцидент. Тот же надзиратель Зельднер отнял у ученика Е. П. Гребенки (впоследствии довольно известного писателя) рукописную копию «Оды на свободу» Пушкина[48]. Гребенка заявил, что он «случайно» обнаружил это стихотворение на клочке серой бумаги в словаре, присланном ему родными. Не подозревая якобы характера этого стихотворения, Гребенка дал его перебелить писцу гимназии — Скороходову.

30 января 1827 г. киевский гражданский губернатор сообщил черниговскому губернатору, что у одного из офицеров слободско-украинских военных поселений обнаружен список стихотворения Рылеева. Следствие установило, что этот список принадлежал студенту Харьковского университета Петру Балабухе, незадолго до того приезжавшему в Киев. Балабуху арестовали, и он заявил на допросе, что многим лицам он читал стихи Рылеева и дарил с них копии. Среди этих лиц он назвал своего родственника — Андрея Божко — воспитанника нежинской гимназии высших наук, с которым встречался в Киеве в январе 1827 г. Киевский губернатор просил черниговского взять на учет Андрея Божко, расследовать, кто он таков, и установить — нет ли у него или у кого-либо из других гимназистов «к вольнодумству и даже к возмущению ведущих рукописных стихотворений».

Черниговский губернатор отправился в Нежин и занялся тщательным изучением дела. Был вызван на допрос Божко, учившийся в одном классе с Гоголем и бывший, кстати сказать, двоюродным братом Белоусова. Одновременно в его квартире был произведен обыск, во время которого, однако, ничего не было обнаружено. Божко заявил, что стихотворение Рылеева он читал у Петра Балабухи, но никаких копий с него не снимал [49].

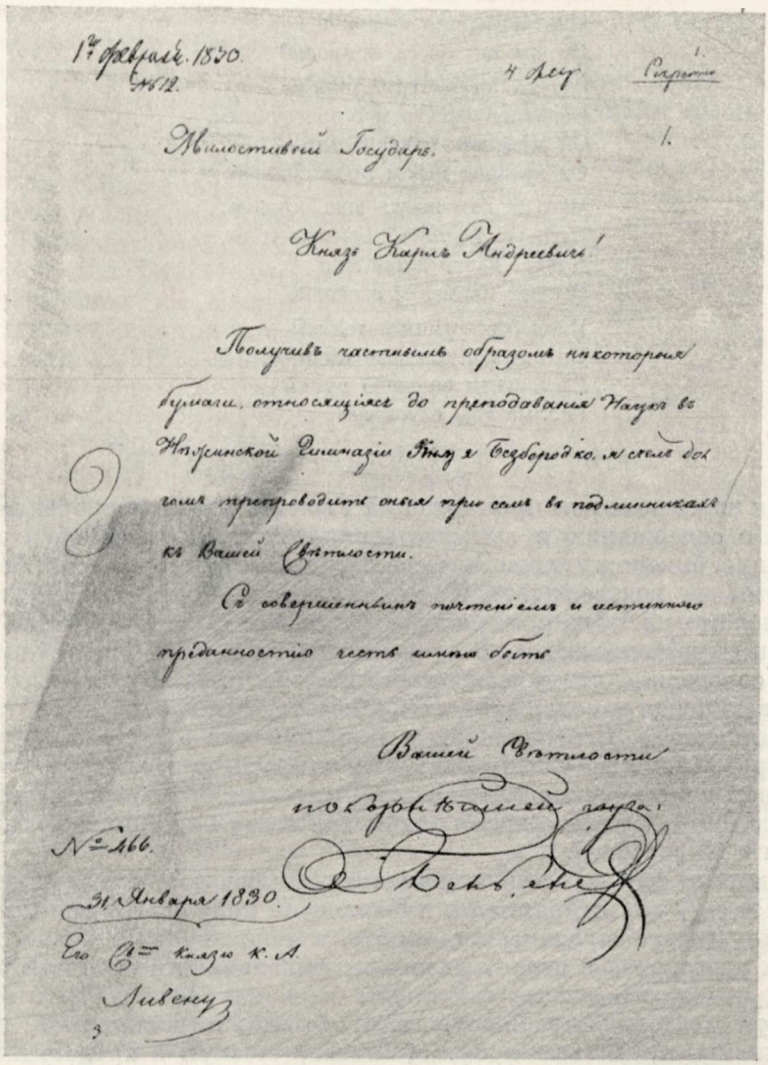
Черниговский губернатор сообщил о результатах своего обследования в Киев.

Между тем, вскоре произошел новый инцидент. В январе 1828 г. профессор французской словесности Ландражин предложил своим ученикам в порядке домашнего задания перевести на французский язык какие-нибудь русские стихи. Ученик 6-го класса Александр Змиев использовал для этой цели полученное незадолго перед тем от воспитанника Мартоса стихотворение Кондратия Рылеева, «заключающее в себе воззвание к свободе»[50].

Ландражин, разумеется, скрыл этот факт от конференции и директора гимназии, сказав Змиеву: «Хорошо, что это досталось такому, как я, благородному человеку; ты знаешь, что за такие вещи в Вильне сделали

нескольких молодых людей несчастными; у нас в России правление деспотическое; вольно говорить не позволено»[51].

При расследовании выяснилось, что указанное стихотворение было хорошо известно большинству воспитанников гимназии, которые нередко



ПИСЬМО ШЕФА ЖАНДАРМОВ А. Х. БЕНКЕНДОРФА МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ К. А. ЛИВЕНУ ОТ 31 ЯНВАРЯ 1830 г., СОПРОВОЖДАВШЕЕ ПОСЫЛКУ ЕМУ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ БУМАГ, «ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ПРЕПОДАВАНИЯ НАУК В НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО»

Центральный исторический архив, Москва

его декламировали вслух и распевали. «О сей оде известно,— докладывал позднее директор Ясновский,— что она ходила по рукам учеников»[52]. Сам Змиев заявил на допросе, что «стихи сии пела обыкновенно в гимназии большая часть учеников»[53]. Это же подтвердили Филипченко и Колышкевич. Последний, кроме того, сказал директору, что он знает на память

это стихотворение Рылеева и тут же, по требованию Ясновского, воспроизвел его на бумаге «слово в слово». Текст переведенного Змиевым стихотворения сохранился в материалах Адеркаса. Вот он:

Друзья мои, друзья свободы,
За что, за что от первых дней
Мы стонем под ярмом цепей,
Не слыша голоса природы?

За что России гражданин
Подавлен рабством безрассудным.
Он мученик: неволи сын —
Он презрен небом правосудным.

Чего ж нам ждать еще, друзья,
Чего же медлить? Быстры годы,
Давно, давно душа моя
Пылает пламенем свободы.

Идем бесстрашною толпой
На зов полуслепого счастья,
Расторгнем сильною рукой
Гнилые узы самовластья.

Кондратий Рылеев[54].

Среди известных нам произведений Рылеева это стихотворение не значится. По содержанию и художественно-стилистической структуре оно, несомненно, близко к стихам Рылеева. Но его авторство не может быть пока документально подтверждено. Не исключено, впрочем, что стихотворение принадлежит к числу широко распространенных в 20-е и 30-е годы XIX в. подделок «под Рылеева». В материалах «дела о вольнодумстве» проскальзывают сообщения, что под влиянием Рылеева и сами ученики сочиняли стихи «нехорошего» содержания. Об одном таком случае рассказал Адеркасу Филипченко. В период, когда Шапалинский исполнял обязанности директора, вспоминал Филипченко, ему однажды показали стихотворение «в вольном духе», сочиненное, якобы, Рылеевым. Но впоследствии оказалось, что оно составлено тремя воспитанниками — Данилевским, Прокоповичем и Мартосом[55].

Указанным фактам Адеркас придавал исключительное значение. И не только потому, что, отправляясь в Нежин, он получил от министра просвещения Ливена предписание «войти в подробнейшее исследование о нелепых разговорах и песнях учеников гимназии»[56], но главным образом потому, что в его глазах эти факты были наиболее убедительным результатом деятельности Белоусова и его единомышленников, имевших с учениками, по словам проф. Мойсеева, «тесную и предосудительную связь».

V

По мере того, как продолжалось следствие по делу Белоусова, все более выдвигалось на первый план имя Шапалинского. Законоучитель Мерцалов, характеризуя Адеркасу Шапалинского как человека «без всякой религии», высказывал при этом предположение, что «кажется, он, г. Шапалинский,— есть глава всякому злу»[57]. Подобную же характеристику давал Шапалинскому и Ясновский: «Сей владеет умами и, так сказать, всеми повелевает, находящимися с ним в приязни»[58]. Все это совпадало с наблюдениями и выводами самого Адеркаса, имевшего уже немало доказательств, что именно Шапалинский является «главным виновником беспокойств и распрей» в гимназии, что он не только вполне разделял убе-

ждения Белоусова, но и поощрял его к «вредной» деятельности. Мало того, с именем Шапалинского Адеркас связывал даже попытку организации некоего тайного общества. Адеркас сообщал Ливену, что между Белоусовым, Шапалинским, Ландражином и Зингером существует «какая-то искренняя связь и что они стараются составить некоторый род партии»[59]. О «духе партии» неоднократно упоминает и Ливен в своей записке Бенкендорфу и донесении Николаю.

Особое внимание Адеркаса привлекло и то обстоятельство, что почти вся эта группа преподавателей была в свое время членами масонских лож. Ландражин принадлежал первоначально к минской ложе «Pochodnia północna», а затем перешел в киевскую ложу Соединенных славян. Членом этой же ложи был Шапалинский. Причем оба они играли в ней видную роль: Шапалинский состоял казначеем ложи, а Ландражин — секретарем[60]. Не было тайной то, что и Орлай принимал участие в одной из масонских организаций. Отношение к ним имел и Зингер, в начале 1819 г. баллотировавшийся в сочлены ревельской ложи Изис.

Наступление против масонских организаций, начатое еще в восьмидесятые годы XVIII в., при Екатерине II, было завершено в начале двадцатых годов следующего столетия. Напуганное подъемом революционного движения на Западе и в России, правительство Александра I с крайним подозрением стало относиться к масонам. Их обвиняли в религиозном и политическом свободомыслии, в подрыве уважения к церковным обрядам, собственности и даже крепостному праву. В августе 1822 г. специальным указом Александра I были запрещены все масонские ложи в России. От масонов потребовали подписку в том, что «они впредь не будут составлять ни масонских, ни других тайных обществ»[61].

Масонство само по себе никакой опасности для феодально-крепостнического строя, конечно, не представляло. По своим политическим взглядам большинство масонов было людьми вполне «благонамеренными». Почти все ложи находились в руках воинствующих мистиков и обскурантов. Но среди масонов были и такие, которые в той или иной мере критически относились к различным явлениям современности. На этих-то людей пытались распространить свое влияние члены политических тайных обществ — будущие декабристы. Известно, что многие из них — например, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. С. Лунин, Н. И. Тургенев, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев — были связаны с теми или иными масонскими ложами. Пятая часть членов тайных обществ, преданных верховному уголовному суду, состояла в разное время в масонских ложах[62]. Декабристы, с одной стороны, использовали ложи для прикрытия своих истинных политических целей, а с другой — вели политическую пропаганду среди известной части масонов. Матвей Муравьев-Апостол, например, показывал на следствии, что организованная в 1818 г. в Полтаве М. Н. Новиковым — племянником знаменитого просветителя — масонская ложа «Любовь к истине» «служила рассадником тайного общества»[63]. Впрочем, по мере того как развивалось декабристское движение, оно все более решительно отбрасывало масонские формы и находило самостоятельные организационные пути[64].

В сентябре 1822 г. исполняющий обязанности черниговского губернатора сообщил нежинскому полицеймейстеру, что, по имеющимся сведениям, профессора гимназии высших наук Шапалинский и Ландражин состояли членами масонских лож. Полицеймейстеру вменялось в обязанность объявить им о запрещении всех масонских лож и взять с них подписку «об отрешении их от всякого тайного общества»[65].

Подписка и необходимые торжественные заверения были даны, а в январе 1826 г., в связи с восшествием на престол Николая I, повторены. Но в ходе следствия у Адеркаса создалось убеждение, что группа профессоров,

возглавляемая Шапалинским, крепко спаяна и преследует какие-то явно конспиративные цели. Профессор Мойсеев представил Адеркасу перехваченное им, еще в бытность инспектором гимназии, письмо Н. Кукольника из Киева Николаю Прокоповичу от 29 июля 1825 г. Мойсееву это письмо показалось подозрительным и едва ли не зашифрованным. Он обратил внимание, во-первых, на некоторые двусмысленные фразы и просьбу Кукольника никому этого письма не показывать, и, во-вторых, на загадочные буквы, стоявшие под подписью: «Р. Б. Ш.». Мойсеев расшифровал их так: «Работник Братства Шапалинского»[66]. Подобная версия казалась Адеркасу хотя и не доказанной, но правдоподобной, тем более что и другие лица сообщали ему о существовании некоего «тайного общества Щапалинского».

Основываясь на свидетельских показаниях и некоторых своих собственных наблюдениях, Адеркас докладывал Ливену, что «многие, судя по решительному влиянию Шапалинского над особами его партии и по их всегдашней готовности исполнять его волю, так и по другим обстоятельствам, подозревают, что они с некоторыми другими составляют по крайней мере некоторую тайную связь». В числе этих «некоторых других» был назван бывший маршал (предводитель) Переяславского повета (уезда) Лукашевич. Фамилия эта хорошо известна по материалам следствия декабристов — членов Южного общества.

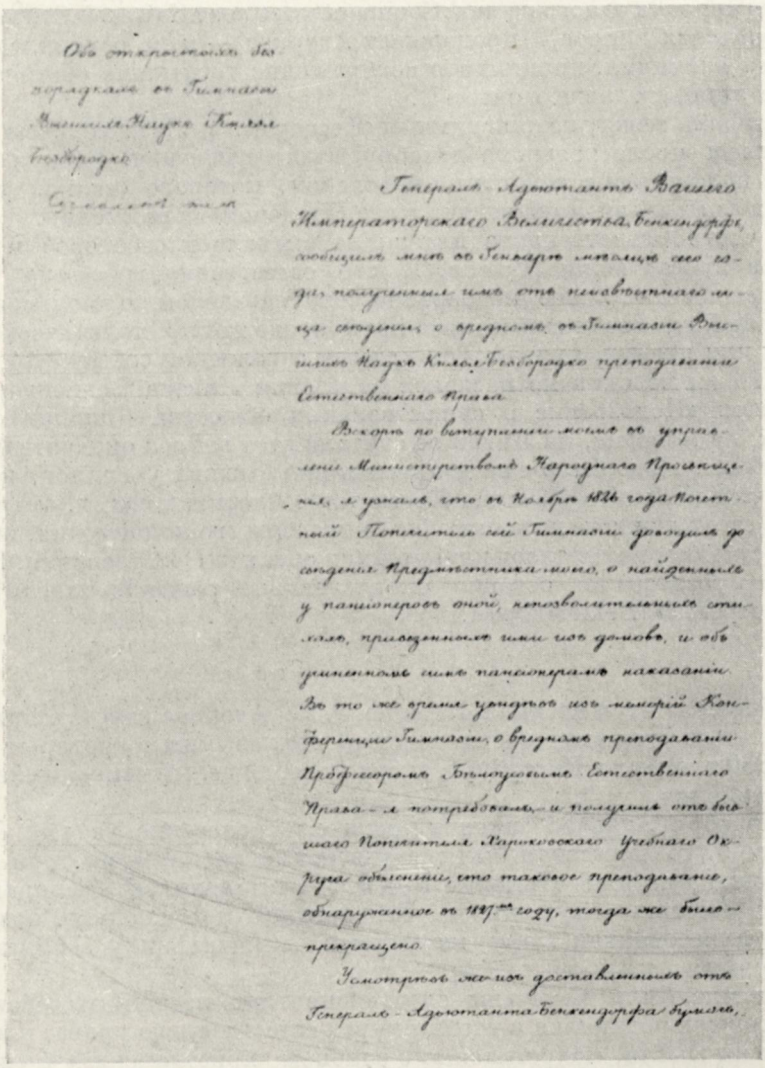
Василий Лукич Лукашевич (1783—1866) был воспитанником пажеского корпуса и в молодости подвизался в качестве переводчика в Министерстве иностранных дел. В 1811—1825 гг. он служил маршалом Переяславского повета на Украине. Во время Отечественной войны 1812 г. он организовал дворянское ополчение и вносил крупные пожертвования на нужды армии. В июне 1825 г. Лукашевич неожиданно отказался от обязанностей маршала и вышел в отставку. В конце января следующего года он был арестован у себя в имении в Борисполе (между Киевом и Переяславом), отвезен в Петербург и брошен в Петропавловскую крепость. Лукашевич часто упоминается в следственных делах членов Южного общества.

По показаниям Матвея Муравьева-Апостола, М. Н. Новиков завербовал в 1818 г. Лукашевича в открытую им в Полтаве масонскую ложу, а затем принял его в члены Союза Благоденствия, в котором тот избрал для своей деятельности «отрасль просвещения»[67]. Несколько позднее Лукашевич организовал так называемое «Малороссийское общество». Бестужев-Рюмин на одном из допросов сообщил, что он слышал от А. Ходкевича и С. Г. Волконского «о существовании тайного общества в Малороссии. Управа оного в Борисполе, начальник оной Лукашевич»[68]. В другом своем показании Бестужев-Рюмин заявил, что хотя он виделся с Лукашевичем всего один раз, и то мимоходом, в 1824 г., и с его организацией не знаком, ему известно, что С. Г. Волконскому и В. Л. Давыдову Директорией Южного общества было поручено «преклонить оную к нам»[69].

На следствии Лукашевич категорически отрицал свою причастность к организации «Малороссийского общества». В сентябре 1826 г. он был освобожден из Петропавловской крепости и по распоряжению Николая I поселен под строжайшим надзором полиции в своем имении в Борисполе с запрещением вступать в какие бы то ни было «посторонние отношения».

Шапалинский и Ландражин были с Лукашевичем знакомы давно. В 1820—1821 гг. он состоял членом той самой масонской ложи «Соединенные славяне», в которой оба профессора играли активную роль[70]. Кстати сказать, почетными членами ее были будущие декабристы — С. Г. Волконский и Петр Трубецкой. По словам В. И. Семевского, «прямую связь» между этой ложей и декабристским обществом «Соединенные славяне» «проследить нельзя»[71]. Однако категоричность этого утверждения никак

не мотивирована. В архивных материалах по настоящему делу содержатся намеки на явную близость этих двух организаций. Чрезвычайно интересно, что Адеркас в одном из рапортов Ливену напоминал: «По донесению следственной комиссии, открытое в 1825 г. общество бунтовщиков Соединенных славян подозреваемо было в некоторой связи с Киевской



ДОКЛАД МИНИСТРА ПРОСВЕЩЕНИЯ К. А. ЛИВЕНА НИКОЛАЮ I «ОБ ОТКРЫВШИХСЯ БЕСПОРЯДКАХ В ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО»

Лист первый с резолюцией царя от 26 октября 1830 г., санкционировавшей предлагавшиеся министром репрессии против причастных к делу преподавателей гимназии

Центральный исторический архив, Ленинград

ложей Соединенных славян или даже сия последняя служила приуготовлением к вступлению в оную»[72].

Так или иначе, Адеркас пришел к выводу, что существовала несомненная связь между «делом о вольнодумстве» в нежинской гимназии и декабристами.

В гимназии высших наук обучались два двоюродных племянника Лукашевича — Платон (впоследствии известный филолог и фольклорист) и Аполлон Лукашевичи. Первый из них был близким товарищем Гоголя. В 1825 г., «незадолго до открытия заговора», как многозначительно подчеркивает Адеркас, В. Л. Лукашевич посетил Нежин и встречался с Шапалинским, Ландражином и Белоусовым. В присутствии профессора Андрущенко он спросил одного из них: Comment vont nos affaires?*«Сей невинный в другое время вопрос,— продолжает Адеркас,— я не осмелился пропустить без внимания, принимая в соображение тогдашние обстоятельства и самое лицо, сделавшее оный»[73].

Отношения между нежинскими профессорами и Лукашевичем не были прерваны и после разгрома декабристского движения. Рискуя навлечь на себя подозрение в общении с человеком, которого «всякой убегает», они тайно навещали Лукашевича в его Бориспольском имении.

Эта часть следственного материала вызвала к себе особый интерес министра просвещения Ливена. И это естественно, ибо она возбуждала совершенно явное подозрение, что за «делом о вольнодумстве» в нежинской гимназии скрывалось нечто вроде тайной политической организации или ячейки, являвшейся прямым отголоском событий 14 декабря 1825 г. Недаром один из разделов донесения Ливена Бенкендорфу был озаглавлен: «Подозрение о существовании общества Шапалинского»[74]. Впрочем, ни Адеркас, ни Ливен не считали этот вопрос окончательно расследованным. Надо было еще допросить ряд бывших учеников, которых, однако, уже не было в Нежине. Кроме того, Адеркас полагал, что разбирательство столь важного дела выходит за пределы его полномочий, ибо здесь уже, собственно, начиналась компетенция органов III Отделения. Поэтому министр просвещения оставил окончательное решение этого вопроса «на усмотрение» Бенкендорфа.

VI

Пробыв почти три месяца в Нежине, Э. Б. Адеркас вместе с прикомандированным к нему «для письмоводства» коллежским секретарем Деллем 21 мая 1830 г. отбыл в Петербург, забрав с собой целый чемодан следственных материалов.

14 сентября Адеркас закончил итоговое донесение на имя Ливена. На основе этого донесения был составлен и подписан министром просвещения доклад на имя Николая I — «Об открывшихся беспорядках в гимназии высших наук князя Безбородко» и несколько позднее — записка, адресованная шефу жандармов и начальнику III Отделения Бенкендорфу.

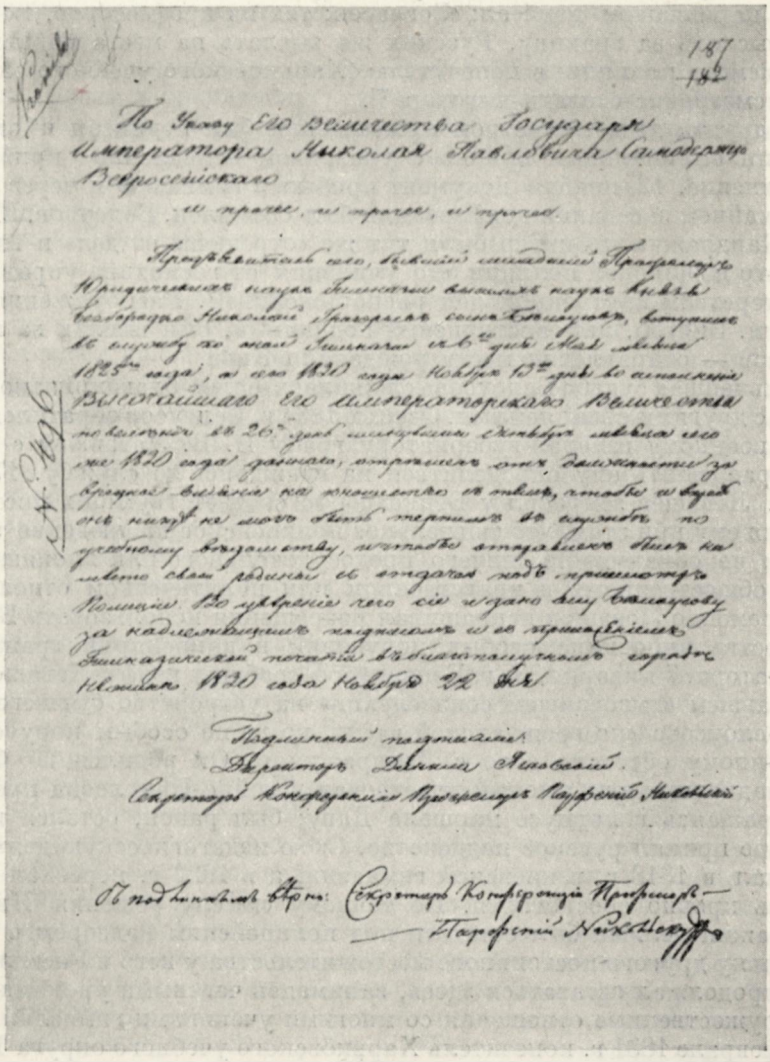
В докладе были намечены следующие главные пункты обвинения:

1. Белоусов обвинялся в чтении курса естественного права, в котором обнаружены мысли, «не согласные с законом христианским» и «могущие дать повод к нелепым толкам в рассуждении правительства»; было отмечено также, что Белоусов на своих лекциях развивал перед учениками идею «о не неприкосновенности верховной власти».

2. Вина Шапалинского сводилась к тому, что он во всем солидаризировался с Белоусовым и, используя свое положение исполняющего обязанности директора гимназии, «потворствовал» ему и другим «не заслуживающим доверия» профессорам, в то же время преследуя «благомыслящих и одобренных начальством» чиновников гимназии. Особо подчеркивалась мысль о главной ответственности Шапалинского за «беспорядки» в гимназии, и вероятность существования в Нежине «некоторого тайного общества Шапалинского».

* Как идут наши дела? (франц.).

3. О Ландражине и Зингере указывалось, что они своим поведением не только «не могли подавать воспитанникам хорошего примера», но оказывали на них «вредное влияние», давали им читать «непозволительные книги».



КОПИЯ ДОКУМЕНТА, ВЫДАННОГО ПРОФЕССОРУ НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ Н. Г. БЕЛОУСОВУ 22 НОЯБРЯ 1830 г. ПРИ УВОЛЬНЕНИИ ЕГО ОТ ДОЛЖНОСТИ И ВЫСЫЛКЕ ПОД НАДЗОР ПОЛИЦИИ

В документе указывается, что Белоусову запрещается в дальнейшем «служба по учебному ведомству»

Центральный исторический архив, Москва

4. В результате слабого надзора со стороны указанных профессоров, а, быть может, и от «посторонних внушений», среди учеников были распространены запрещенные сочинения, и гимназисты «занимались пением возмутительных стихов Рылеева и пр.». Подчеркивалось, что это имело место в 1825 г., «следственно, перед самым открытием замыслов тайных обществ».

Свой доклад Ливен заканчивал предложением: «...четырех вышеозначенных профессоров: Шапалинского, Белоусова, Ландражина и Зингера—

отрешить от должности за худое поведение и вредное на юношество влияние, со внесением сих обстоятельств в их паспорт, дабы таковым образом они и впредь не могли быть нигде терпимы в службе по учебному ведомству»[75].

26 октября 1830 г. Николай I рассмотрел доклад Ливена и «собственноручно» карандашом написал: «Согласен; тех из профессоров, кои нерусские, выслать за границу. Русских же выслать на места родины, отдав под присмотр полиции; а попечителю ⟨Харьковского учебного округа⟩ за слабое смотрение сделать выговор»[76].

На другой день министром просвещения был подписан и отправлен в Нежин официальный приказ с указанием немедленно привести его в исполнение. 12 ноября документ прибыл в гимназию и через день на чрезвычайном заседании конференции был объявлен. Белоусов, Шапалинский, Ландражин и Зингер были тут же «отрешены от дел» и взяты под присмотр нежинской полиции «до учинения от господина управляющего Министерством внутренних дел распоряжений»[77]. Распоряжения вскоре прибыли. Зингер, как австрийский подданный, был выслан за границу, Белоусов — отправлен по месту рождения в Киев.

Дальнейшая судьба Белоусова сложилась более благоприятно сравнительно с другими обвиняемыми. Осенью 1834 г. Белоусов обратился к киевскому военному генерал-губернатору графу В. В. Левашову с ходатайством разрешить ему определиться на гражданскую службу. 17 ноября 1834 г. Левашов запросил у Бенкендорфа соответствующих инструкций, сообщив ему при этом, что тщательное полицейское наблюдение за Белоусовым не обнаружило «ничего предосудительного или клонящегося ко вреду общественному в нравственном или политическом отношении»[78]. Одновременно Левашов испрашивал разрешения использовать Белоусова в качестве чиновника особых поручений в канцелярии гражданского губернатора. 7 января 1835 г. Бенкендорф сообщил графу Левашову о последовавшем «высочайшем соизволении» на устройство бывшего профессора Белоусова «по гражданской части, но не по особым поручениям»[79].

По-иному обстояло дело с Ландражином. Он родился во Франции; восемнадцатилетним юношей участвовал в войне Наполеона против России, сражаясь в корпусе маршала Даву; был ранен, остался в России и вскоре принял русское подданство. Свою педагогическую деятельность он начал в 1818 г. в киевской гимназии, а в 1822 г. переехал в Нежин и здесь прочно обосновался. По точному смыслу решения Николая I, Ландражин должен был остаться под полицейским надзором в Нежине, поскольку другого постоянного местожительства у него в России не было. Он и продолжал оставаться здесь, занимаясь частными уроками и сохраняя дружественные отношения со многими учениками гимназии.

В феврале 1831 г. попечитель Харьковского учебного округа В. И. Филатьев, по ходатайству Ясновского, обратился к министру просвещения с рапортом, в котором выражал беспокойство по поводу того, что Ландражин свободно занимается приватной педагогической деятельностью, кроме того, у себя дома «содержит клоб», широко привлекая в него учеников гимназии и, таким образом, «не будучи на службе и под начальством училищным, еще более имеет способу быть вредным для учащегося юношества». Попечитель просил выслать Ландражина за пределы своего учебного округа, дабы он не мог «безотчетно продолжать изливать яд и разврат в сердца юные и неопытные»[80]. Одновременно Филатьев обратился к полицейским властям Нежина с требованием усилить надзор за Ландражином.

Министр просвещения Ливен снесся по этому вопросу с управляющим Министерства внутренних дел Ф. И. Энгелем. Тот доложил Бенкендорфу, и вскоре последовало «высочайшее приказание»: сослать Ландражина в Тотьму Вологодской губернии. В марте 1831 г. он и был туда отправ-

лен под конвоем, пешком. Двадцать пять лет пробыл Ландражин в Тотьме. Неоднократные его ходатайства о смягчении участи ни к чему не привели. Лишь в 1856 г., уже после смерти Николая I, прибыло распоряжение: «не считать препятствием к получению впредь наград и других преимуществ, но не относить сего разрешения ни в коем случае к прежней Ландражина службе, предшествовавшей понесенному им в 1830 году оштрафованию»[81].

Наиболее трагически сложилась судьба Шапалинского. Он полагал, что будет выслан в Гродненскую губернию, к месту своего рождения. Но ввиду политических событий в Польше в 1830 г., из Гродненской, равно как и из других польских губерний, подлежали высылке все находившиеся там под надзором полиции. Возник вопрос: что делать с Шапалинским? После специального доклада Бенкендорфа Николаю I последовало решение: выслать Шапалинского в Вятку. Здесь был для него создан исключительно суровый полицейский режим. Ряд попыток Шапалинского освободиться от этого режима или, по крайней мере, его ослабить ни к чему не привели. Лишь в июле 1839 г. с Шапалинского был снят полицейский надзор в связи с назначением его «окружным начальником» государственных имуществ в г. Яренске. Но в марте 1841 г. он был уволен с этой должности и снова взят под полицейское наблюдение. Переписка о Шапалинском между местными властями и III Отделением велась очень долго. В 1856 г., в связи с амнистией по случаю коронации Александра II, Шапалинскому было разрешено вернуться на родину, но с сохранением полицейского надзора. Шапалинский отказался воспользоваться этой неполной амнистией и лишь спустя 36 лет после расправы, в возрасте 80 лет, он был, наконец, «милостиво» прощен и освобожден от полицейского надзора[82].

В списке жертв «партии Шапалинского» следует назвать еще одно имя — младшего профессора латинской словесности Семена Матвеевича Андрущенко. Он горячо симпатизировал Шапалинскому и Белоусову, хотя и не вел, как они, активной борьбы с гимназической реакцией. Чудом избежал Андрущенко в 1830 г. участи своих товарищей, но вскоре и его постигла кара: в декабре 1832 г. он был изгнан из гимназии.

Таков был драматический финал «дела о вольнодумстве». К сказанному остается добавить, что расправе подверглась не только группа профессоров, но и сама «гимназия высших наук». Уже через два с половиной месяца после возвращения Адеркаса в Петербург, в августе 1830 г., министр просвещения распорядился прекратить прием в младшие классы гимназии. Вопрос о дальнейшем ее существовании стал предметом длительного обсуждения в Министерстве просвещения. В конце концов было признано нецелесообразным сохранять ранее свойственный гимназии энциклопедический профиль. В 1832 г. завершился ее разгром. «Гимназия высших наук» была закрыта и на ее месте создан физико-математический лицей узкой специальности.

VII

Гоголь закончил «гимназию высших наук» летом 1828 г. И хотя финал «дела о вольнодумстве» разыгрался два года спустя, но пережитые события оставили в его душе глубокий след.

Политический смысл «дела о вольнодумстве» был уже достаточно ясно выражен к 1828 г., и Гоголь не мог не осознавать его. Будучи вовлечен в это дело, он хорошо понимал, что правда не на стороне Билевича и его единомышленников. Преследования, которым начал подвергаться на глазах Гоголя Белоусов, вступали в неумолимое противоречие с идеей свободы человеческой личности, которую так ярко излагал и убедительно проповедовал на своих лекциях любимый профессор. Это событие заставило

Гоголя-гимназиста внимательнее присмотреться к окружающим его людям, к жизни вообще. Его письма гимназической поры полны тревожных раздумий о родине и своем месте в жизни.

Кем быть? На какую жизненную стезю определить себя? Этот вопрос давно уже не давал покоя Гоголю. Летом 1827 г. он с ненавистью пишет о «ничтожном самодоволии» нежинских «существователей», презревших «высокое назначение человека», перед которыми он «должен пресмыкаться». В числе этих пошлых «существователей» Гоголь называет «и дорогих наставников наших» [83]. Не может быть сомнений относительно того, какие именно «наставники» имелись в виду.

Еще задолго до окончания гимназии Гоголь был полон романтических мечтаний о своем будущем. Меньше всего он думал о писательской деятельности. Ему грезился Петербург, а «с ним вместе и служба государству». В своей «Авторской исповеди» Гоголь вспоминал, как мечтал он тогда стать «человеком известным» и сделать «даже что-то для общего добра» [84]. Эта мечта возникла у него, несомненно, под влиянием лекций Белоусова.

Отзвуки нежинского дела слышатся, например, в замечательном письме Гоголя к П. П. Косяровскому от 3 октября 1827 г. Он пишет о решимости «сделать жизнь свою нужною для блага государства» и тут же весьма доверительно высказывает своему родственнику «тревожные мысли» по поводу того, что ему, может быть, «преградят дорогу». Из всех областей государственной службы Гоголь склонен выбрать юстицию и дает этому выбору многозначительное обоснование: «Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце». И дальше Гоголь прямо указывает на связь этих своих настроений с идеями, почерпнутыми из лекций профессора Белоусова: «Два года занимался я постоянно изучением прав других народов и естественных, *как основных для всех, законов*, теперь занимаюсь отечественными. Исполнятся ли высокие мои начертания?...» (разрядка моя.— *С. М.*)[85].

Это очень важное признание молодого Гоголя: законы естественного права, которые излагал Белоусов, представляются ему «основными» и, стало быть, обязательными для всех. Но законы надо еще претворять в жизнь — не в этом ли видит свои «высокие начертания» Гоголь?

С юношеским волнением и искренностью пишет он тому же Петру Петровичу Косяровскому, что никогда никому не поверял своих «долговременных» дум: «Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей». Причину своей скрытности, даже перед самыми своими близкими товарищами, среди которых «было много истинно достойных», он объясняет опасениями, что могут посмеяться над его «сумасбродством» и счесть «пылким мечтателем, пустым человеком». Но ниже Гоголь глухо упоминает и о «причинах еще некоторых», о которых не может «сказать теперь». Эти таинственные «причины», очевидно, также связаны с делом профессора Белоусова. Гонения, которым подвергался Белоусов, давали немало оснований Гоголю соблюдать осторожность.

Гоголь-гимназист был современником грозных политических событий, разразившихся в России в 1825 г. В непосредственной близости от Нежина вспыхнуло восстание Черниговского полка. В начале октября 1827 г. в письме к своему родственнику Павлу Петровичу Косяровскому Гоголь называет генерала Рота «проклятым» [86]. Это тот самый генерал-лейтенант Л. О. Рот, который в январе 1826 г. жестоко подавил восстание Черниговского полка. В середине сентября того же 1827 г. Гоголь пытливо допрашивает другого своего родственника Петра Петровича Косяровского: «Не слыхали ли чего новенького в происшествиях по армиям?» [87]. С детских лет Гоголь был хорошо знаком с семьей писателя В. В. Капниста, один из сыновей которого, Алексей Васильевич, был членом Союза

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ III, № 1. ЯНВАРЯ 1го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1831 ГОДЪ.

Выходитъ чрезъ каждые шесть дней.

Цѣна годовому экземпляру, состоящему изъ 12ти №, съ С. П. Б. 5 руб. съ пересылкою и разсылкой 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвергъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

УЧИТЕЛЬ.

(Изъ Малороссійской повѣсти: Страшный кабанъ.)

Прибытіе новаго лица въ благословенныя мѣста Гоптовенскія, издавна болѣе шуму, нежели произошедшія за два года предъ тѣмъ слухи о грабежѣ рекрутъ, нежели внезапно появившаяся цѣна на соль, привозимую изъ Крыма Украинскими спекулянами. Въ самомъ, по-умѣнію, на мельницѣ, въ конюшнѣ только и рѣчей было, что про пріѣзжаго учителя; молодыя помѣщики въ сѣрыхъ кабинкахъ и синихъ, пуская дымъ себѣ подъ носъ съ самымъ аѳематическимъ видомъ, пытались опредѣлить вліяніе новаго лица, которому судьба, казалось, при рожденіи указала высшую, хотя-чуть не видѣ головами всѣхъ прочихъ; которое жить въ такихъ поколѣ и обѣдать за одинъ столомъ съ обыкновенными смертными душа ихъ селезня. Поговаривали, что знаніе учителя для него мало, что безъ великаго сношенія вліяніе его будетъ ничтожно и на хозяйственную систему; покрайней мѣрѣ уже вѣрно не отъ другого кого-нибудь будетъ заимствовать нерѣшительность, опускъ муки, сала и проч. Нѣкоторые съ значительнымъ видомъ давали замѣтить, что едва ли к самъ приѣзжій не будетъ имѣть нужды. Одинъ только хворостинка (*) Сотовій Чубко держалъ утверждать, что старшинамъ со сторожи его ничего опасаться, что головой онъ держитъ закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ Решетиловскихъ смушковъ, если смѣетъ учитель, какъ остановить лицемѣру и поворотишь застоявшійся жеребецъ. Но важная осанка, блистательное торжество надъ дьячкомъ, громоподобный басъ, приведшій въ умиленіе всѣхъ прихожанъ, живы были во всеобщей памяти и вѣковое мнѣніе объ учителѣ поддерживалось. И если въ честь тостя не было въ одного турнира между именитыми обитателями сего, за то любезныя сожительницы ихъ не удержали себя лицемѣрія, одарили новаго знакомца и произношеніемъ языкомъ, которымъ по незнакомствамъ вольными судьбы у женщинъ вообще всегда быстрое поворачивается, нежели у мужчинъ, онъ тѣмъ развертывали его въ опроверженіе и защиту достоинствъ учителя. Треволненія и разногласія, прерывавшія взаимнымъ и бранью, раздавались по мирнымъ закоулкамъ села Мандрыкъ. А какъ помѣщенія обитателями его имѣли похвальную привычку помогать своему языку руками; но по умѣнію по и дѣло что находили кумушки, учинившія шалъ-полюбовно другъ за друга, какъ полюбно цѣлаются за сосѣдняя, какъ скрыта за свой боковой карманъ, когда ушла уходить въ гаупъ, и одинокій фонарь опоздавшій попущающій свѣтъ свой на пасовыя стѣны усыпало города. Болѣе всего достающаяся мудрецамъ, пытавшимся разгадать ихъ; онѣми, черезъ какъ трудъ дотѣли имъ на голову и часто разрѣшенія кумушка, въ силу своего ихъ, вмѣсто чужаго, колотили за собственнаго сожителя. Въ это время пѣлтесть ваша почти основался въ домѣ Анны Ивановны. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ Семинаристовъ, *убѣжденія бѣдны премудрости*, которыя *** сама Семинарія снабжаетъ изъ единыхъ запасовъ имѣющихъ имѣнія въ Малороссіи рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя. — Впрочемъ Иванъ Осиповичъ дошелъ далѣе до Богословія и заключалъ бы невѣдомо куда, вѣроятно еще далѣе, если бы не полюбилъ его поварица, которые безпрестанно подслушивались изъ усами и волосно его бородой. Съ тѣхъ, когда они выходили сосѣдъ, а на мѣсто ихъ поступали моложе и моложе— ему имѣющія не давали проходу: то бросали цѣлыхъ репейниковъ въ бороду и усы, то привѣшивали сзади побѣгающее, то подъ ему голову пескомъ или подкладали въ набѣкерку его чемерки, такъ что Иванъ Осиповичъ, наскучи быть безмолвнымъ зрителемъ безпрестанно мѣнявшагося внѣшняго покроя и длиной

(*) Молокососъ.

дующей главѣ увидимъ небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, досель неуклонно шествовавшій стезею своихъ великихъ наставниковъ и бывшій ровнымъ пульсомъ въ своей бумажкообразной сферѣ.

П. Глечикъ.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденіе
И первые грозныхъ обвалевъ движеніе.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ блистаетъ стремительный водопадъ,
Подъ ними шумятъ лѣса грозные,
Тамъ ниже, ниже тощій, кустарникъ сѣрой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ пышно цвѣтутъ, гдѣ свѣтлятъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ
И пашенъ отцы по каменьямъ стремленныхъ
И насыпь находятъ въ веселыхъ долинахъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣснинахъ брегахъ,
И жилищъ пастушьихъ тишина въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ хаотическомъ зельи.

Играешь и воешь, какъ зверь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьешся о берегъ въ враждѣ безплодной
И лижешь уныло холодной волной ....
Вотще! плынь не пищи ему, ни опоры:
Тѣснишь его грозно плынь грозная.

А. Пушкинъ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ
О ПРЕПОДАВАНІИ ДѢТЯМЪ ГЕОГРАФІИ.

Велика и поразительна область Географіи: край, гдѣ кипитъ Югъ и каждое впаденіе сѣется двойною жизнью, и край, гдѣ въ накопленныхъ черныхъ природы проглядывается ужасъ и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; исполины-горы, парящіе въ небо, взброшенный небрежною властію очаровательный, полный разнообразія видъ, и разсѣянныя пустыни и степи, опоясанный кусокъ земли посреди безграничнаго моря; люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе новому воображенію! Какая другая наука можетъ давать прекрасное для дѣтей, можетъ быстрѣе возбудить нѣжно младенческой души ихъ! И не больно ли, если показываешь имъ вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: «Вотъ земля, на которой живемъ мы, вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ Всемилостивѣйшимъ его Зодчимъ!» — Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грязный политическій шаръ, превышающее міръ ихъ понятій и потомъ даже для ума обладающаго высшимъ идеалы. — Нельзя при этомъ приходить на мысль: неужели великій Гумбольтъ и изъ описанные изслѣдованіемъ, принесшіе такъ много свѣдѣній въ обширную науку, изложенныя имъ зеркальныя, вопли покрытъ міръ нашъ, — должны были доступны немногому числу Ученыхъ? а возрасты, болѣе другихъ нуждающіеся въ новости и опредѣлительности, должны лишь передъ собою одни неполныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безпрестанное стремленіе къ познанію. Онъ всего любопытенъ, все хочетъ узнать. Но удовлетворять этому любопытству нужно съ большою осторожностію; подавать по напередъ, что ближе къ нему, безъ чего нельзя проразумѣть другаго, всѣми его изъ мѣлочи самаго съ первой ступени, а не переносить черезъ нѣсколько ступеней разомъ. И потому Физическая Географія, какъ ближайшая, должна быть занята его; Политическая же вопли только общимъ очеркомъ своимъ.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей Географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и Географія стобинъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на дѣлянки, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, размазываемая обыкновенно въ политическихъ отношеніяхъ съ подробнѣйшими подробностями, когда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ Аѳриканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту несвязную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное

«УЧИТЕЛЬ», ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ ПЕЧАТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОГОЛЯ. ПОЯВИЛОСЬ ПОД ПСЕВДОНИМОМ «П. ГЛЕЧИК» В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» (1831, № 1)

Страницы газеты с началом и концом повести

В этом же номере, вслед за произведением Гоголя, помещено стихотворение Пушкина «Кавказ»

Благоденствия. Гоголь часто навещал имение Капнистов в Обуховке. Здесь он встречал декабристов Михаила Бестужева-Рюмина, братьев Муравьевых-Апостолов, Михаила Лунина. С некоторыми из них, а также с Никитой и Александром Муравьевыми Гоголь мог встречаться и в Кибинцах — имении своего родственника Д. П. Трощинского.

Одним словом, атмосфера политических идей, окружавшая Гоголя-гимназиста, не могла оставить его безучастным к острым вопросам современности, не могла не возбуждать в нем серьезных размышлений над трагическими явлениями действительности.

Сестра декабриста А. В. Капниста, Софья Васильевна Скалон, характеризуя в своих «Воспоминаниях» Гоголя, «только что вышедшего из Нежинского лицея», отмечает свойственную ему серьезность и наблюдательность. Перед отъездом в Петербург, рассказывает она, Гоголь посетил Обуховку и, прощаясь, сказал: «Вы или ничего обо мне не услышите или услышите что-нибудь очень хорошее» [88].

Уже будучи в Петербурге, Гоголь узнал о жестокой расправе правительства с профессорами гимназии. Несомненно, воспоминаниями об этих событиях в Нежине навеяны строки его письма от 14 августа 1834 г.— о том, что «тамошние профессора большие бестии», от которых многие «пострадали» [89].

В петербургских письмах Гоголя многократно вспоминается имя Белоусова, которого он горячо рекомендовал своему близкому другу М. А. Максимовичу. Узнав о предстоящей поездке Максимовича в Киев, Гоголь в письме от 2 июля 1833 г. настоятельно советует ему отыскать экс-профессора Белоусова: «Этот человек будет вам очень полезен во многом, и я желаю, чтобы вы с ним сошлись» [90]. Год спустя, в письме от 27 июня 1834 г., Гоголь снова возвращается к этой теме: «Да, приехавши в Киев, ты должен непременно познакомиться с экс-профессором Белоусовым. Он живет в собственном доме на Подоле, кажется. Скажи ему, что я просил его тебя полюбить, как и меня. Он славный малый, и тебе будет приятно сойтись с ним» [91]. Гоголь внимательно следил за судьбой Белоусова. Когда летом 1834 г. наметилась возможность облегчения участи находившегося под строжайшим полицейским надзором профессора, об этом тотчас же узнал Гоголь и в письме к своему бывшему нежинскому однокашнику В. В. Тарновскому от 7 августа 1834 г. сообщает: «Я слышал, что Белоусова дела довольно поправились, я этому очень рад» [92].

Гоголь в эти годы лично встречался с Белоусовым. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях П. В. Анненков [93]. В 1837 г. Белоусову, благодаря хлопотам друзей, удалось поступить на службу в Петербурге. Гоголь в это время был уже за границей. Но мысль о любимом профессоре не покидала писателя и там. В апреле 1838 г. он пишет Н. Я. Прокоповичу: «Поклонись от меня Белоусову, ежели увидишь его, и скажи ему, что мне очень жаль, что не удалось с ним увидаться в Петербурге» [94].

За несколько месяцев до окончания гимназии Гоголь в письме к матери жаловался на «неискусных преподавателей наук» и их «великое нерадение». Мы хорошо знаем теперь, в чей адрес брошен этот камень. В шуточном стихотворном послании, написанном в 1836 г. в Париже Гоголем совместно с А. С. Данилевским, имя профессора политических наук Билевича не случайно помянуто рядом с преподавателями танцев и фехтования [95].

Проведенные Гоголем годы в «гимназии высших наук» не прошли для него даром. Ненавидя «иго школьного педантизма», виновниками которого была реакционная часть профессуры, Гоголь жадно впитывал в себя передовые политические идеи, горячо и самоотверженно пропагандировавшиеся профессорами Белоусовым и Шапалинским, Ландражином и Зингером. Эти идеи оставили несомненный след в его сознании, помогли

ему определить свое критическое отношение ко многим явлениям феодально-крепостнической действительности России, дали верное направление его художественной мысли, развившейся позднее под влиянием Пушкина и Белинского и оплодотворившей гениальные обличительные произведения великого русского писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н Лавровский. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. Киев, 1879; см. также в сб. «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», изд. 2. СПб., 1881, стр. 27—109.

[2] И. Сребницкий. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, из архива гимназии высших наук.— «Гоголевский сборник», под ред. М. Сперанского, Киев, 1902, стр. 289—425.

[3] В. Савва. К истории о вольнодумстве в гимназии высших наук кн. Безбородко.—Сб. Харьковского историко-филологического общества, т. XVIII, Харьков, 1908; в том же году вышло отдельным оттиском.

[4] Сб. «Гимназия высших наук...», изд. 2, стр. 108.

[5] Центр. гос. историч. архив в Москве (ЦГИА), ф. III, Отд., 1 эксп., 1830, ед. хр. 47, л. 12.

[6] Центр. гос. историч. архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 735, оп. 1, ед. хр. 311, лл. 2—7.

[7] Там же, ф. 733, оп. 85, ед. хр. 49830, л. 6.

[8] «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения», т. II, изд. 2. СПб., 1875, стр. 128; «Дополнения к сборнику постановлений по Министерству народного просвещения, 1803—1864», СПб., 1867, стр. 209.

[9] Н. Гоголь. Полн. собр. соч., т. X. М.— Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 85.

[10] ЦГИА, ф. III, Отд., 1 эксп., 1830, ед. хр. 47, л. 4.

[11] ЦГИАЛ, ед. хр. 49904, Прилож. F, л. 19—20.

[12] П. Кулиш. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I. СПб., 1856, стр. 26.

[13] «Киевская старина», 1884, № 5, стр. 143—144.

[14] ЦГИАЛ, ед. хр. 49830, Прилож. F, л. 107.

[15] «Гоголевский сборник», цит. изд., стр. 363—364.

[16] Нежинский филиал Черниговского областного государственного архива, ф. 377, ед. хр. 55. Дела этого архива повреждены пожаром, и многие листы в них не имеют пагинации.

[17] Там же, ед. хр. 18.

[18] Там же.

[19] Там же, ед. хр. 54.

[20] Там же.

[21] Там же, ед. хр. 18.

[22] Там же, ед. хр. 54.

[23] ЦГИАЛ, ед. хр. 49905, Прилож. G, л. 190.

[24] Там же, ед. хр. 49828, л. 9.

[25] Мы достоверно не знаем, кто такой Гудима. Может быть, это Егор Гудима, окончивший гимназию в 1832 г., будущий директор Лицея кн. Безбородко? (см. Сб. «Гимназия высших наук...», цит. изд., стр. CXXXIV).

[26] Если верно наше предположение, что речь идет о Егоре Гудиме, то он учился четырьмя классами ниже Е. Котляревского и Я. Бороздина. Многие ученики младших классов, интересуясь предметом, преподаваемым Белоусовым, переписывали в свои тетради конспекты его лекций.

[27] Нежинский филиал Облархива, ед. хр. 18.

[28] Там же.

[29] ЦГИАЛ, ед. хр. 49899, Прилож. B_1, лл. 335—355 об.

[30] П. Щеголев. Исторические этюды, изд. 2, стр. 324.

[31] Нежинский филиал Облархива, ед. хр. 180а, л. 32 об.

[32] Там же, ед. хр. 54.

[33] Там же, ед. хр. 180а, л. 97.

[34] Отдел рукописей Библиотеки АН УССР, Киев; шифр: Гог. 1371.

[35] Н. Гоголь. Полн. собр. соч., цит. изд., стр. 273, 328, 332, 335.

[36] ЦГИАЛ, ед. хр. 49904, Прилож. F. л. 6 об.

[37] Там же, Прилож. C, лл. 21 об., 22.

[38] Там же, Прилож. F, л. 6 об.

[39] Там же, ед. хр. 49899, Прилож. B_1. л. 13 об.

[40] Там же, ед. хр. 49911, Прилож. N_1, л. 18 об.

[41] «Гимназия высших наук...», цит. изд., стр. 317.

[42] ЦГИАЛ, ед. хр. 49904, Прилож. F, л. 2. «Миша, Маша, Коля и Саша» — имеются в виду члены царской фамилии.
[43] Из докладной записки Ливена Бенкендорфу.— ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., 1830, ед. хр. 47, л. 17 об.
[44] ЦГИАЛ, ед. хр. 49830, л. 104 об.
[45] А. Герцен. Былое и думы, т. I. М., 1937, стр. 205.
[46] «После 14 декабря 1825 г.» Сообщение Л. А. Мандрыкиной. — Сб. «Декабристы и их время», Институт русской литературы АН СССР, 1951, стр. 231.
[47] Там же, стр. 232.
[48] Как известно, под таким названием распространялась в многочисленных списках пушкинская ода «Вольность». Отнятый у Гребенки текст стихотворения хранится в материалах Адеркаса. В нем, кстати, имеется несколько разночтений с каноническим текстом стихотворения Пушкина, а также с известными его вариантами.
[49] ЦГИАЛ, ед. хр. 49904, Прилож. F, л. 25; см. также ЦГИА, ед. хр. 47, л. 11 об
[50] ЦГИАЛ, ед. хр. 49830, л. 33 об.; см также Нежинский филиал облархива, ед. хр. 55.
[51] ЦГИА, ед. хр. 47, лл. 17 об.— 18.
[52] Нежинский филиал облархива, ед. хр. 180а, л. 73.
[53] ЦГИАЛ, ед. хр. 49903, Прилож. Q, л. 9 об.
[54] Там же, ед. хр. 49904, Прилож. F, л. 16.
[55] Там же, ед. хр. 49899, Прилож. B_1, л. 13 об.
[56] Там же, ед. хр. 49911, Прилож. N, л. 19.
[57] Там же, ед. хр. 49905, Прилож. G, л. 188 об.
[58] ЦГИА, ед. хр. 47, л. 4.
[59] ЦГИАЛ, ед. хр. 49830, л. 34 об.
[60] Ложа «Соединенных славян» в Киеве была основана в марте 1818 г. и просуществовала официально до 1822 г., хотя фактически она продолжала функционировать значительно дольше. Число членов ложи доходило до 70.
[61] В. Семевский. Декабристы-масоны.— «Минувшие годы», 1908, № 2, стр. 47.
[62] Там же, № 5-6, стр. 379.
[63] «Восстание декабристов. Материалы», т. IX, М., 1950, стр. 189.
[64] См. Н. Дружинин. Масонские знаки Пестеля. М., 1929, стр. 42; см. также В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 77—100.
[65] ЦГИАЛ, ед. хр. 49830, л. 117.
[66] Там же, ед. хр. 49904, Прилож. F, л. 7.
[67] «Восстание декабристов. Материалы», т. IX, 1950, стр. 189, 268.
[68] Там же, стр. 40.
[69] Там же, стр. 62.
[70] О связях В. Л. Лукашевича с масонами и декабристами см.: В. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 297—307.
[71] «Минувшие годы», 1908, № 3, стр. 159.
[72] ЦГИАЛ, ед. хр. 49830, л. 118.
[73] Там же.
[74] ЦГИА, ед. хр. 47, л. 21.
[75] ЦГИАЛ, ед. хр 49830, лл. 162 об.— 163.
[76] Там же, ед. хр. 49830, л. 162.
[77] Там же, л. 168.
[78] ЦГИА, ед. хр. 47, л. 49 об.
[79] Там же, л. 58.
[80] ЦГИАЛ, ед. хр. 49830, лл. 204 об.— 205.
[81] ЦГИА, ед. хр. 47, лл. 118, 120 об.
[82] Там же, лл. 84 об., 94, 94 об., 122, 129, 132.
[83] Н. Гоголь. Полн. собр. соч., т. X, цит. изд., стр. 98.
[84] Н. Гоголь. Соч., изд. 10. Под ред. Н. Тихонравова, т. IV, стр. 248.
[85] Н. Гоголь. Полн. собр. соч., т. X, цит. изд., стр. 111—112.
[86] Там же, стр. 113.
[87] Там же, стр. 109.
[88] С. Скалон. Воспоминания.— Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I, М., 1931, стр. 329.
[89] Н. Гоголь. Полн. собр. соч., т. X, цит. изд., стр. 332.
[90] Там же, стр. 273.
[91] Там же, стр. 328; см. также стр. 329, 332.
[92] Там же, стр. 335.
[93] П. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 56—57.
[94] Н. Гоголь. Письма. Под ред. В. Шенрока, т. I. СПб., 1902, стр. 487.
[95] Сб. «Гимназия высших наук...», цит. изд., стр. XXXI.

ГОГОЛЬ В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ (1833—1853)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ В. С., Г. С., И. С., К. С., Л. С., М. С., Н. С., О. С. и С. Т. АКСАКОВЫХ, В. Г. АНАСТАСЕВИЧА, П. В. АННЕНКОВА, В. В. АПРАКСИНА, Ф. АРАЛОВА, Л. И. АРНОЛЬДИ, С. И. АСТРАКОВА, Т. А. БАКУНИНОЙ, Е. А. БАРАТЫНСКОГО, П. А. БЕССОНОВА, И. Е. БЕЦКОГО, М. П. БИБИКОВА А. А. БОЖКО, В. П. и Н. П. БОТКИНЫХ, Н. Г. БУДЬДОБРОГО, И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОГО, А. В. ВЕНЕВИТИНОВА, Л. К. и М. Ю. ВЬЕЛЬГОРСКИХ, П. А. и П. П. ВЯЗЕМСКИХ, И. С. ГАГАРИНА, Г. П. ГАЛАГАНА, И. П. ГАЛАХОВА, А. М. ГЕДЕОНОВА, Ф. Н. ГЛИНКИ, А. В. и М. И. ГОГОЛЬ, Е. В. ГОГОЛЬ (БЫКОВОЙ), К. А. ГОРБУНОВА, Н. И. ГРЕЧА, А. А. и П. И. ГРИГОРЬЕВЫХ, В. Л. и Е. В. ДАВЫДОВЫХ, В. И. ДАЛЯ, А. С. ДАНИЛЕВСКОГО, ДЖЮЛИИ, А. П. ЕЛАГИНОЙ, П. Ф. ЗАИКИНА, М. А. ЗЕНЗИНОВА, П. Ф. ЗЕНЬКОВА, А. А. и А. И. ИВАНОВЫХ, Ф. И. ИОРДАНА, Н. К. КАЛАЙДОВИЧА, В. А. КАРАТЫГИНА, М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ, М. Н. КАТКОВА, Д. М. КНЯЖЕВИЧА, И. Т. КОКОРЕВА, А. Н. КОСТЫЛЕВА, Н. И. КРЫЛОВА, Н. И. ЛОБАНОВА, М. А. МАКСИМОВИЧА, С. МАРКОВА, Н. А. МЕЛЬГУНОВА, Ф. Б. МИЛЛЕРА, Ф. А. МОЛЛЕРА, Н.И.НАДЕЖДИНА, П. В.НАЩОКИНА, Я. М. НЕВЕРОВА, А. В. НИКИТЕНКО, В. Ф. ОДОЕВСКОГО, Б. И. ОРДЫНСКОГО, В. А. ПАНОВА, П. И. ПЕЙКЕРА, П. А. ПЛЕТНЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Я. П. ПОЛОНСКОГО, С. И. ПОНОМАРЕВА, А. Н. ПОПОВА, Н. Я. ПРОКОПОВИЧА, Л. С. ПУШКИНА, Н. А. РАМАЗАНОВА, Д. С. РЖЕВСКОГО, Г. РОРА, Д. Н., Е. А. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫХ, Д. П. СЕВЕРИНА, М. Н. СИНЕЛЬНИКОВОЙ, А. О. СМИРНОВОЙ, И. И. СОСНИЦКОГО, А. В., И. В. и М. В. СТАНКЕВИЧЕЙ, А. Е. СТУДИТСКОГО, А. П., И. П. и Я. Н. ТОЛСТЫХ, А. И. и И. С. ТУРГЕНЕВЫХ, Е. М. ФЕОКТИСТОВА, И. А. ФОНВИЗИНА, Е. М. ХОМЯКОВОЙ, Ф. В. ЧИЖОВА, И. С. ШАПОВАЛОВА, С. П. ШЕВЫРЕВА, М. С. ЩЕПКИНА, Н. Ф. ЩЕРБИНЫ, А. М. и Н. М. ЯЗЫКОВЫХ и Е. И. ЯКУШКИНА

Публикация и комментарии Л. Ланского

Предисловие И. Сергиевского

Научная биография Гоголя до настоящего времени не написана. Читатель, который пожелал бы получить более или менее полное представление об основных этапах жизненного пути великого сатирика, все еще вынужден обращаться к «Запискам о жизни Гоголя» П. А. Кулиша или к «Материалам» В. И. Шенрока — изданиям, для своего времени весьма значительным и даже сейчас занимающим видное место в гоголевской литературе, но, при всем том, ни в какой мере не соответствующим современному уровню развития историко-литературной науки.

Более того: не будет большим преувеличением сказать, что не только научная биография Гоголя не написана, но и не созданы еще необходимые предпосылки к ее созданию. Отсутствует, например, летопись жизни Гоголя — наподобие тех, какие имеются по Пушкину, Белинскому, Тургеневу, Некрасову, Чернышевскому, Достоевскому, Толстому. Хронологическая канва, разработанная А. И. Кирпичниковым, опять-таки превосходная для своего времени, насчитывает полувековую давность, и пользоваться ею можно лишь при условии самостоятельной критической проверки сообщаемых составителем сведений. Да и с точки зрения полноты она нуждается в очень значительных дополнениях: биографический материал по Гоголю, вовлеченный в орбиту научного исследования за пятьдесят лет, истекших после ее появления, достаточно

обширен и многообразен. Лишь совсем недавно получили мы тщательно составленный и снабженный содержательным комментарием критический свод мемуарных источников («Гоголь в воспоминаниях современников». Редакция текста, предисловие и комментарии С. Машинского, М., 1952). Появление этой книги тем более отрадно, что она отменяет более раннюю работу В. В. Вересаева «Гоголь в жизни» (М.—Л., 1933), явно порочную по своим идейным установкам, целиком подчиненную (как и его аналогичная работа о Пушкине) обоснованию и оправданию авторской концепции о художнике, как ничтожнейшем из ничтожных детей света, до тех пор, пока Аполлон не потребует его, художника, к выполнению священной жертвы. Наоборот, в большой степени сохраняет свою научную ценность другой аналогичный опыт: книга В. В. Гиппиуса «Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях» (М., 1931), хотя она преследовала, главным образом, популяризаторские цели, а по типу своему приближается к жанру литературного монтажа и разделяет многие пороки этого жанра.

Следует сказать также о крайней малочисленности работ, посвященных монографическому изучению отдельных эпизодов жизни Гоголя. Например, работ, посвященных важнейшему периоду его идейного и творческого формирования — первым годам его петербургской жизни,— совершенно нет; далеко недостаточно разработаны его заграничные отношения и связи; еще менее исследованы последние годы его жизни. Да, собственно говоря, трудно было бы назвать такую частную биографическую тему по Гоголю, которую можно признать разработанной сколько-нибудь исчерпывающе.

Одним из необходимых условий построения обобщающей научной биографии Гоголя является обследование важнейших архивных фондов, в составе которых можно было бы предположить наличие материалов, связанных с его жизнью и деятельностью. Легко привести ряд примеров того, как обращение к архивным источникам приносило весьма плодотворные результаты и способствовало разработке отдельных моментов биографии Гоголя. Можно вспомнить ряд исследований, посвященных анализу той культурно-бытовой обстановки, в условиях которой протекали детские и отроческие годы писателя: давнюю работу П. Е. Щеголева по этому вопросу (в кн. «Исторические этюды», СПб., 1913) и более близкие к нам работы С. Н. Дурылина («Из семейной хроники Гоголя», М., 1928) и А. А. Назаревского («Из архива Головни» — сб. «Гоголь. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1936); другой пример— разыскания В. В. Гиппиуса и Н. И. Мордовченко в области журнальных отношений Гоголя 1835—1836 гг. С этой точки зрения необходимость и своевременность той работы, вещественным итогом которой является настоящая публикация Л. Ланского, не вызывает никаких сомнений *.

В чем же заключается ценность предлагаемой вниманию читателя публикации?

Прежде всего, разумеется, в том, что собранные здесь материалы, при всей пестроте и неравноценности их, расширяют и обогащают наши знания о Гоголе, о его литературных и житейских отношениях и связях.

Группа московских литераторов затевает альманах. Е. А. Баратынский обращается по этому поводу с письмом к П. А. Вяземскому, прося его о поддержке проектируемого издания. В своем письме он, между прочим, пишет: «Вероятно у Вас бывает Гоголь <...> и наверное он часто видится с Пушкиным. У него много в запасе. Попросите у него от всех нас посильной вкладчины». Эти строки убедительно свидетельствуют о том, что дружеская близость молодого Гоголя (письмо датировано февралем 1833 г.) с Пушкиным была фактом, широко известным в литературной среде, что общение старшего писателя с младшим было, в представлении их современников, постоянным и повседневным. Свидетельство Е. А. Баратынского тем более ценно, что в недавнем прошлом, как известно, был предпринят ряд попыток, направленных к тому, чтобы доказать фиктивность (во всяком случае — сильную преувеличенность) распространен-

---

* В предисловии Д. Д. Благого к печатаемой в настоящем томе однотипной работе о Пушкине подробно характеризуется значение подобного рода публикаций. Не желая повторять эти общие для обеих работ положения, мы отсылаем читателя к соответствующим местам предисловия Д. Д. Благого.

ГОГОЛЬ

Портрет маслом Ф. А. Моллера, 1840 г.
Местонахождение оригинала неизвестно

ных представлений об отношениях Пушкина и Гоголя (Б. Я. Лукьяновский, А. С. Долинин, В. Ф. Саводник).

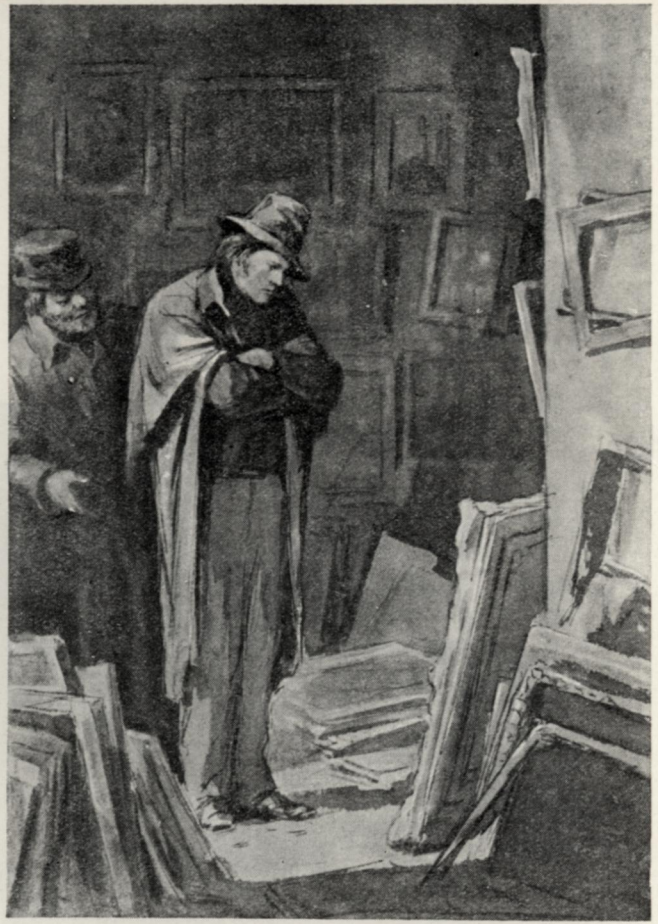
Любопытно свидетельство А. И. Тургенева (письмо к В. А. Жуковскому от 7 февраля 1845 г.) об отрицательном отношении Гоголя к стихотворному пасквилю Н. М. Языкова, направленному против Чаадаева, Грановского и Герцена («К ненашим»).

Но еще больше в собранных здесь письмах современников Гоголя разбросано ярких, выразительных свидетельств, характеризующих ту борьбу вокруг личности и творчества писателя, которая завязалась с первых его шагов и не угасала на протяжении всей его жизни.

К ценнейшим документам настоящей публикации принадлежат письма декабриста В. Л. Давыдова, адресованные из сибирской ссылки его дочерям, жившим в Риме и здесь познакомившимся с Гоголем. «Я завидую вашему знакомству с г. Гоголем, мои дорогие дети,— писал Давыдов,— мне известна его комедия „Ревизор" и некоторые другие его сочинения, и я составил себе самое высокое мнение о его таланте. Это писатель, созданный для того, чтобы быть достойным представителем нашей литературы, так же, как он мог бы представлять и всякую иную»,—пишет В. Л. Давыдов. Неумный, высокомерно-снисходительный отзыв дочерей о слышанном ими в авторском чтении «Ревизоре» встречает решительный отпор со стороны сосланного революционера: «Вы не можете оценить его комедию так, как она этого заслуживает, потому что вы не знаете ни нравов, в ней обрисованных, ни <...> человеческого сердца<...> Вы не можете судить об удивительной правдивости кисти Гоголя; о vis comica, о глубине этого поэта, и, однако, вы имели удовольствие слышать его „Ревизора". Я прочел его раз десять и перечту еще снова: по моему мнению, это—шедевр». Узнав от дочерей, что его отзыв о комедии сообщен ими самому писателю, В. Л. Давыдов снова делится с ними своими мыслями на эту тему: «Мне очень приятно, что г. Гоголь знает, что в глубине Сибири он имеет пламенных почитателей<...> Не знаю, знакомы ли вам другие сочинения этого автора.—Что касается меня, я нахожу их восхитительными, и, поверите ли, я настолько варвар, что предпочитаю их роману вашего Манцони». Такую же восторженную оценку со стороны В. Л. Давыдова встречают «Мертвые души»: «Это последнее сочинение я прочел два раза и, конечно, я его перечту еще,— пишет он:—оно увеличило восхищение, которое я уже испытывал к этому автору». Есть глубокий исторический смысл в том, что декабрист, друг Пушкина, выступает в своем отношении к Гоголю, как единомышленник Белинского и Герцена, и ценит в творческом облике писателя, прежде всего, именно ту черту, которая была самой замечательной и в глазах молодой демократической России — «удивительную правдивость» Гоголя.

Публикуемые эпистолярные материалы еще раз свидетельствуют о том, насколько един и сплочен был фронт реакции в ее борьбе против прогрессивных, революционизирующих начал гоголевского творчества и против самого Гоголя как носителя этих начал. Примечательно письмо Н. И. Греча, хлопочущего о запрещении «Кровавого бандуриста». До сих пор его инициатива в этом деле не была известна; между тем, как выясняется, письменное «мнение цензора, экстраординарного профессора Никитенко» об этом произведении почти дословно воспроизводит полученное им неделею ранее письмо Н. И. Греча. Характерно, однако, и то, что выступление Н. И. Греча против гоголевской повести вызвало, как можно догадываться, энергичный протест со стороны литературной общественности столицы: «На меня нападают целою ватагою, утверждая, что я это делаю из зависти к таланту г. Гоголя», признается огорченный Н. И. Греч. Любопытен отзыв о «Мертвых душах» симбирской помещицы П. М. Бестужевой (сестры Н. М. Языкова), по мнению которой в этом произведении «кроме гадости, ничего нет хорошего». Рука об руку с ними выступает дипломат Н. Д. Киселев, хвастливо рассказывающий, что «он не знал и не знает, что за Гоголь» и что он именно этими словами встретил писателя, явившегося к нему в Париже по какому-то своему делу.

Известно, впрочем, что отношение к Гоголю со стороны реакционно-крепостнических кругов менее всего может быть охарактеризовано как однолинейно-отрицательное. Представление о нем, как о враге существующего правопорядка, было, несомненно, очень широко распространено в этих кругах,— было, можно сказать, преобладающим. Для людей высокопоставленных, занимавших руководящие



ЧАРТКОВ В КАРТИННОЙ ЛАВОЧКЕ
Черная акварель Кукрыниксов
«Портрет», издание Гослитиздата, 1952 г.

ЧАРТКОВ У КАРТИНЫ ПРЕЖНЕГО СВОЕГО ТОВАРИЩА
Черная акварель Кукрыниксов
«Портрет», издание Гослитиздата, 1952 г.

правительственные посты, он был лишь одним из «голых поэтов», существование которого воспринималось как не заслуживающая серьезного внимания мелочь. Но была влиятельная и сильная своими связями группа реакционной дворянской интеллигенции, которая вела с Гоголем продуманную и рассчитанную игру, имевшую своей целью обращение писателя «на путь истинный», то есть превращение его в доброго христианина и верноподданного не за страх, а за совесть.

Из литераторов к этой группе принадлежали Жуковский и Плетнев. Одно из самых видных мест занимала в этой группе А. О. Смирнова-Россет. За ней идут другие женщины того же светского круга, которые, как писал С. Т. Аксаков, сделали из Гоголя «нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и уверениями, что его письма и советы или поддерживают, или возвращают их на путь добродетели». Очень хорошо, с тонкой иронией говорит об отношениях Гоголя с этим кругом светских женщин О. С. Аксакова в публикуемом здесь письме к сыну Ивану, которого она уведомляет, что Гоголь «иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорит тихо, с подобострастием: „Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?“, а он, кушая, отвечает: „Софья Петровна, думайте о душе Вашей“» Интересна в этом же плане запись участника движения декабристов, вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого о его встрече с Гоголем в Риме в 1846 г. у С. П. Апраксиной: «Гоголь здесь кинул всех своих знакомых художников и других, с которыми был короток до перемены образа мыслей и правил жизни ... Теперь он играет роль в аристократических домах, которые он посещает, какого‹-то› углубленного в думы человека и потому по большей части всё молчит, как и сегодня,—и за столом, и после стола, почти ничего не говорил.—Зато хозяйка с дочерьми с подобострастием слушают его м о л ч а н и е Они слышали, что он замечательный русский писатель, и им как русским, хоть совсем почти не знающим русский язык, не оказывать уважения человеку, отличившемуся в русской литературе!»

Известна роковая роль, которую сыграл в жизни Гоголя один из наиболее отвратительных представителей реакционной поповщины — А. П. Толстой, будущий обер

ТАРАС БУЛЬБА
Автолитография Е. А. Кибрика, 1945 г.

«...ОНА ВСЕ СИДЕЛА В ГОЛОВАХ МИЛЫХ СЫНОВЕЙ СВОИХ...»
Автолитография Е. А. Кибрика к «Тарасу Бульбе», 1945 г.

прокурор «святейшего синода» (по мнению С. Т. Аксакова, знакомство с ним было «решительно гибельным для Гоголя»). Чрезвычайно органично рядом с мрачной фигурой А. П. Толстого встает теперь другая фигура — эмигранта-иезуита И. С. Гагарина, колоритнейшее письмо которого находим в настоящей публикации. «Чрезвычайно меня утешило то, что Вы мне сообщаете о Николае Васильевиче: потрудитесь поблагодарить его за воспоминание и скажите ему, что я давно уже поминаю его в своих грешных молитвах, а теперь и за святым алтарем,— пишет он Н. Н. Шереметевой.— Ему господь даровал редкий талант, и в день страшного суда он будет от него требовать отчета в употреблении сего таланта. Для благого употребления сего таланта нужна ему большая благодать и, следовательно, теплая, ревностная, непрестанная молитва <...> Я чрезвычайно утешен буду, если узнаю, что Николай Васильевич растворяет учение молитвою и молитву учением. Церковная история предоставляет его деятельному и наблюдательному уму обильное поприще».

Большую ценность представляет включенный в настоящую публикацию обильный материал из огромного рассеянного по многим архивохранилищам фонда семьи Аксаковых.

Буржуазно-либеральная историография прошлого сделала достаточно много для того, чтобы разукрасить светлыми, идиллическими красками историю многолетней дружбы Гоголя с этой семьей и чтобы замолчать все то вредное для Гоголя, что несла в себе эта дружба (сказанное относится, в частности, к исследованию С. Н. Дурылина «Гоголь и Аксаковы» — «Звенья», III — IV, 1934). Советской историко-литературной наукой кое-что сделано уже для пересмотра этой идиллической схемы * — надо продолжить начатую работу.

* См., например, комментарий А. Г. Дементьева к письму В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от 24 ноября 1846 г. в упомянутом сборнике Института русской литературы АН СССР: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I, стр. 206. См. также вступительную статью к упомянутому выше сборнику «Гоголь в воспоминаниях современников», стр. 19—23.

Необходимо, прежде всего, со всей энергией подчеркнуть, что сатирический пафос творчества Гоголя был глубоко чужд всему аксаковскому кругу. Ограничивая гоголевский гений стихией «комического и смешного», оценивая «Нос», как произведение «немножко сальное», К. С. Аксаков (в письме к М. Г. Карташевской от 2 мая 1836 г.) смыкается с теоретиками «Московского наблюдателя», — Шевыревым, прежде всего.

Первые встречи Гоголя с Белинским произошли в доме Аксаковых, но никто так много не сделал для того, чтобы вбить клин между Гоголем и Белинским, изолировать их друг от друга, как Аксаковы,— гостеприимные, радушные, добросердечные, обаятельные Аксаковы. При всем своем любвеобилии именно они обвиняли Гоголя чуть ли не в отступничестве за то, что он обратился к помощи Белинского для продвижения в печать «Мертвых душ», не испросив предварительно их, Аксаковых, разрешения на подобный шаг. Как разительно отличается светлая и благородная любовь к Гоголю со стороны Белинского от той сектантской заинтересованности в Гоголе, которая столь обнаженно проявилась в эти месяцы со стороны московского славянофильского круга! Полагая себя в оппозиции к правительству и, кроме того, считая, что у них есть свои, особые права на Гоголя, Аксаковы очень болезненно восприняли восторженный прием, оказанный «Выбранным местам» открытыми и явными реакционерами,— это верно. За энергическими тирадами, расточавшимися в этой связи едва ли не всеми членами аксаковской семьи, мы, однако, напрасно стали бы искать каких-либо принципиальных расхождений с Гоголем. Никак не существо книги, не идейное содержание ее пугало Аксаковых — исходные позиции у них с Гоголем были, по сути дела, общие,— а лишь форма выражения этих идей, развиваемых с такой прямолинейной последовательностью, которая отпугивала. С гениальной меткостью раскрыл суть подобных выступлений против «Выбранных мест» тот же Белинский, писавший о славянофилах, сравнивая их с Гоголем: «Они подлецы и трусы, люди, боящиеся крайних выводов собственного учения, а он—человек храбрый, которому нечего терять, ибо все из себя вытряс, он идет до последних результатов» (В. Белинский. Письма, т. III, 1914, стр. 166).

Повторяем, тема «Гоголь и славянофильство» и более узкая тема — «Гоголь и Аксаковы» ждет еще своего исследователя. Для этого обширный материал по данной теме, сосредоточенный в настоящей публикации, окажется весьма существенным подспорьем. Его внимание привлечет, например, восторженный отзыв В. С. Аксаковой (отражающий, несомненно, мнение всего аксаковского круга) о статье Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским», как статье «прекрасной, замечательной» (напомним, что в глазах прогрессивного лагеря появление этой статьи, которой Гоголь нарушил свое трехлетнее молчание после появления первого тома «Мертвых душ», было первым осязательным симптомом крутого поворота писателя в сторону реакции).

Надо заметить, при этом, что стремление славянофилов установить своеобразную идейную «опеку» над Гоголем принимало подчас прямо-таки нестерпимый, назойливый до наглости характер. «Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон,— жалуется в письме к брату тот же К. С. Аксаков.— Я сношу это. Но в последний раз, услыхав, что он опять собирается за границу, в Англию, я высказал ему свои ощущения касательно этих бесстыдных отъездов в чужие края, и он, кажется, обиделся». Странно было бы, если бы это вмешательство в его жизнь не вызвало раздражения со стороны писателя.

Такие выразительные штрихи разбросаны в публикуемых ниже письмах представителей славянофильского круга во множестве.

Без учета всех этих материалов построение той обобщающей научной биографии Гоголя, о которой мы говорили вначале, конечно, невозможно, — сказанным достаточно наглядно определяется вес и значение настоящей публикации.

Но этим ее содержание не исчерпывается. Выявленные материалы позволяют установить немало биографических подробностей, до сих пор оставшихся неизвестными. Они дают возможность восстановить содержание ряда утраченных писем Гоголя, уточнить даты других его писем и т. п. Таким образом, ни один исследователь, изучающий жизненный и творческий путь великого писателя, не сможет пройти мимо этой публикации.

И. Сергиевский

* * *

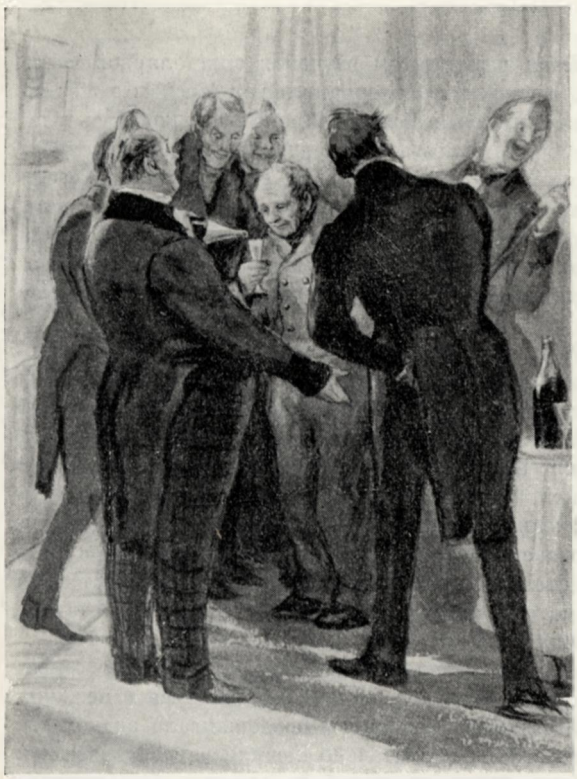
Предлагаемая публикация является результатом изучения эпистолярной части архивных фондов 1830—1850-х гг. в основных архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Несмотря на то, что архивные документы о Гоголе широко публиковались в течение целого столетия и фонд их мог уже считаться исчерпанным, при просмотре хранящихся в архивах неизданных писем и дневников разных современников Гоголя удалось обнаружить свыше пятисот неизвестных свидетельств о великом писателе. Выявленные письма и дневниковые записи ученых, литераторов, журналистов, художников, актеров, студентов, а также родных и друзей Гоголя представляют многообразный материал для характеристики как самого Гоголя, так и окружавшей его среды.

Немногие из русских писателей XIX века пользовались при жизни такой широкой известностью, как Гоголь. Выход в свет каждой его новой повести, появление на сцене новой комедии становились событием, горячо обсуждавшимся всей читающей Россией. Имя Гоголя-художника было боевым знаменем для прогрессивной части русского общества, возглавлявшейся Белинским. Глубокой ненавистью платили Гоголю представители крепостнической, бюрократической России и рептильные журналисты, не прощавшие ему его обличений. О Гоголе спорили с пеной у рта. Знакомства с ним упорно добивались. Каждое слово Гоголя, каждый его поступок подвергались подробному анализу. Издатели журналов и альманахов не переставали преследовать Гоголя просьбами о сотрудничестве. Все это не могло не оставить заметного следа и в переписке современников Гоголя.

Наибольшее количество материалов о Гоголе обнаружено в огромном семейном фонде Аксаковых, в настоящее время раздробленном и находящемся в нескольких архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Аксаковы поддерживали знакомство с Гоголем в течение целых двух десятилетий и внимательно следили за его жизненным и творческим путем, постоянно обмениваясь между собой своими наблюдениями. Частые встречи с Гоголем; чтение им своих сочинений; высказывания его о произведениях литературы и искусства; подробности о постановке его пьес; отзывы читателей о Гоголе и его сочинениях; цензурные преследования, которым подвергался Гоголь; реакция на появление «Выбранных мест из переписки с друзьями»; работа над вторым томом «Мертвых душ»; последняя болезнь и смерть; впечатление, произведенное на общество этой национальной утратой,— такова, в общих чертах, тематика семейных писем Аксаковых о Гоголе.

Все эти наблюдения, оценки, высказывания, собранные вместе, создают богатую фактами хронику жизни Гоголя. Широко известные воспоминания С. Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем», являющиеся одним из основных источников для биографии писателя, были доведены автором лишь до 1843 г. При работе над этой книгой С. Т. Аксаков часто пользовался документами своего семейного архива, однако далеко не исчерпал его даже в хронологических пределах завершенной части своих воспоминаний. Многие письма были использованы им лишь в виде цитат, другие давались в изложении. Тексты разных писем произвольно соединялись. Публикуемые ниже подлинные документы дают возможность пополнить, уточнить и исправить ряд приведенных им фактов, установить много новых; они позволяют более отчетливо охарактеризовать и взаимоотношения семьи Аксаковых с Гоголем.

Многолетняя переписка дочери С. Т. Аксакова — Веры Сергеевны — с ее двоюродной сестрой М. Г. Карташевской заключает немало новых сведений о Гоголе. Сразу же после смерти писателя, по просьбе В. С. Аксаковой, М. Г. Карташевская выделила из своего архива адресованные ей письма с упоминаниями о Гоголе. В. С. Аксакова сделала из них собственноручные выписки, составив обширный свод своих упоминаний о великом писателе. Этой рукописью В. С. Аксаковой пользовался С. Т. Аксаков при работе над своими воспоминаниями, включая некоторые строки в виде более или менее точных цитат, иногда вводя в свою книгу отдельные эпизоды в кратком изложении, временами делая это даже от своего имени, как личные наблюдения. Изучение этого документа и сличение его с автографами писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской



ЧИНОВНИКИ ПЬЮТ В ЧЕСТЬ ОБНОВКИ АКАКИЯ АКАКИЕВИЧА
Черная акварель Кукрыниксов
«Шинель», издание Гослитиздата, 1952 г.

дало возможность выявить ряд упоминаний о Гоголе, не попавших в авторскую копию В. С. Аксаковой и не использованных С. Т. Аксаковым.

Архив историка М. П. Погодина, хранящийся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, был в свое время изучен Н. П. Барсуковым, включившим из него в свое двадцатидвухтомное издание «Жизнь и труды М. П. Погодина» некоторые свидетельства современников о Гоголе. Однако эти документы в большинстве случаев приведены Барсуковым с грубыми искажениями, без дат и т п., что в некоторой степени обесценивает их научное значение. Наряду с документами из архива Погодина, никогда не бывшими в печати, ниже приводятся по подлинным рукописям некоторые из уже цитированных Барсуковым писем с упоминаниями о Гоголе.

В архиве художника А. А. Иванова (Отдел рукописей библиотеки СССР им. В. И Ленина) сохранились многочисленные тетради, в которых художник делал черновые записи своих писем к разным лицам. Это малоразборчивые, размещенные без всякой хронологической или какой-либо другой последовательности наброски писем, без указания адресата и дат. В тетрадях Иванова удалось выявить ряд его неизвестных писем к разным лицам (Ф. В. Чижову, Ф. А. Моллеру, А. Н. Попову, Ф. И. Иордану и др.) с упоминаниями о Гоголе, а также его неизвестные письма к самому Гоголю (см. их публикацию в настоящем томе).

Публикуемые письма Иванова, адресованные ему письма Ф. А. Моллера, Ф. В. Чижова, Ф. И. Иордана и др. несколько расширяют наши представления о взаимоотношениях Гоголя с русскими художниками в Италии.

Выявление материалов для публикации производилось в следующих архивах: Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ЛБ* — Москва); Центральном государственном литературном архиве (ЦГЛА — Москва); Отделе

* Приводимые в скобках сокращенные названия архивов повторяются в дальнейшем в комментариях к каждому письму, при обозначении места его хранения.

письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ — Москва); Рукописном отделе Театрального музея им. Бахрушина (ТМ — Москва); Рукописном отделе Государственной Третьяковской галлереи (ГТГ — Москва); Рукописном отделе Института русской литературы — Пушкинском доме (ИРЛИ — Ленинград); Центральном государственном историческом архиве (ЦГИАЛ — Ленинград); Государственном Русском музее (РМ — Ленинград) и Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (ГПБ — Ленинград).

Приводим список использованных архивных фондов: Аксаковых (ЛБ, ИРЛИ, ЦГЛА, ЦГИАЛ); П. В. Анненкова (ИРЛИ); Апраксиных (ЛБ); Бакуниных (ГИМ, ИРЛИ); П. И. Бартенева (ЦГЛА); Веневитиновых (ЛБ); Вьельгорских (ЛБ, ГПБ); Вяземских («Остафьевский архив» — ЦГЛА); Н. В. Гербеля (ГПБ); Гоголя (ЛБ, ГИМ, ЦГЛА); Грановских (ГИМ); Давыдовых (ЛБ); М. А. Дмитриева (ЛБ); Елагиных — Киреевских (ЛБ, ЦГЛА); В. А. Жуковского (ЛБ, ЦГЛА); И. Е. Забелина (ГИМ); Ивановых (ЛБ, РМ, ТГ); М. Н. Каткова (ЛБ); Ф. А. Кони (ТМ); А. А. Краевского (ГПБ); А. Н. Маркевича (ИРЛИ); А. В. Никитенко (ИРЛИ); В. Ф. Одоевского (ГПБ); М. П. Погодина (ЛБ); А. Н. Попова (ГИМ, ЦГЛА); Н. А. Рамазанова (ГИМ); Самариных (ЛБ); Свербеевых (ИРЛИ, ЦГЛА); И. И. Срезневского (ЦГЛА); Станкевичей (ЛБ); Тургеневых (ИРЛИ); Е. М. Феоктистова (ИРЛИ); Хомяковых (ГИМ, ЦГЛА); Ф. В. Чижова (ЛБ); С. П. Шевырева (ГПБ, ЦГЛА); Н. Н. Шереметевой («Покровский архив» — ЛБ); Щепкиных (ЛБ, ГИМ); М. А. Языкова (ИРЛИ); Языковых (ИРЛИ).

В комментариях приводится также ряд выдержек из неизданных дневников и записных книжек современников Гоголя — П. И. Бартенева, А. Я. Булгакова, Ел. В. Давыдовой, М. А. Дмитриева, В. А. Жуковского, А. А. Иванова, Ю. Ф. Самарина, Д. Н. Свербеева и Ф. П. Толстого.

На многих из публикуемых писем даты не указаны. В этих случаях даты устанавливались или уточнялись на основании данных, заключающихся в самих письмах (иногда в их опускаемой части). Установленные даты отмечаются угловыми скобками.

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ У «ЗНАЧИТЕЛЬНОГО ЛИЦА»
Черная акварель Кукрыниксов
«Шинель», издание Гослитиздата 1952 г.

Отсутствие дат на письмах, цитируемых в примечаниях, специально не оговаривается, произведенные купюры (главным образом, места, не имеющие прямого отношения к Гоголю) отмечаются многоточиями в угловых скобках. Даты приводятся по старому стилю. В письмах, написанных за границей и (если это установлено) датированных новым стилем, старый стиль, для соблюдения хронологического единства, проставляется впереди, в угловых скобках. Тексты, в основном, печатаются в соответствии с новыми орфографическими нормами. Сокращенные в рукописи слова и имена приводятся в полном виде, без специальных оговорок Иностранные тексты даются в переводе на русский язык, с соответствующим указанием в комментарии. Перевод иноязычных текстов принадлежит автору публикации.

Условные сокращения печатных источников, часто встречающихся в комментариях:

Барсуков. — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, I — XXII, М., 1888—1910.

«Гоголь. Материалы и исследования». — Сб. «Н. Гоголь. Материалы и исследования», под ред. В. Гиппиуса, тт. I—II, М.—Л., 1936.

«Иванов».— М. Боткин. Александр Андреевич Иванов Его жизнь и переписка, СПб., 1880.

«И. С. Аксаков».—Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, тт. I—IV, М., 1888—1892.

«История».— С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. М., 1890 (оттиск из «Русского архива», 1890, № 8).

«Материалы».— В. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, тт. I—IV, М., 1895—1897.

«Письма». — Письма Н. Гоголя, под ред. В. Шенрока, тт. I — IV, СПб., 1902.

Соч. Белинского.— Полное собрание сочинений В. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, тт. I—XI, СПб., 1900—1917.

«Письма Белинского».— В. Белинский. Письма, под ред. Е. Ляцкого, СПб., 1914.

Эти же условные сокращения применены и в других гоголевских публикациях настоящего тома.

В публикацию Л. Р. Ланского включены также материалы, предоставленные нижеследующими лицами:

М. Я. Блинчевская публикует письмо Е. И. Якушкина (№ 193).

Л. М. Добровольский — письма Д. Н. Свербеева (№ 200), А. И. Тургенева (№ 117), Е. М. Феоктистова (№ 196) и запись в дневнике А. Д. Свербеева (в прим. к № 174).

Р. Б. Заборова — письма А. С. Данилевского (№ 13) и Л. К. и М. Ю. Вьельгорских (в прим. к №№ 141 и 157).

Н. Г. Розенблюм — письма В. С., Г. С., К. С., Л. С., М. С., Н. С., О. С. и С. Т. Аксаковых (№№ 14, 26, 57, 72, 156, 187, 191 и в прим. к №№ 25, 42, 60, 177, 190); Т. А. Бакуниной (в прим. к № 162); В. П. Боткина (в прим, к № 189); И. Е. Великопольского (в прим. к № 15); А. В. Веневитинова (в прим. к № 141); М. И. Гоголь (№ 211, 218 и в прим. к №№ 196 и 219); М. А. Максимовича (в прим. к № 198); Н. А. Мельгунова (№ 3 и в прим. к № 43); Я. М. Неверова (в прим. к № 3); П. А. Плетнева (№№ 137, 143 и в прим. к № 146); Н. Я. Прокоповича (№№ 74, 98, 104, 111); А. Н. Попова (в прим. к № 202); Е. А. Свербеевой (в прим. к № 153); М. Н. Синельниковой (№ 208) и А. О. Смирновой (в прим. к № 183). Ему же принадлежат комментарии к перечисленным письмам — №№ 3, 14, 26, 57, 72, 74, 98, 104, 111, 137, 143, 156, 187, 191, 208, 211, 218.

Е. М. Хмелевская — письмо П. В. Анненкова (№ 51).

Наталья Эфрос — письма Ф. Аралова (№ 210), М. П. Бибикова (в прим. к № 42) и А. В. Станкевича (№ 150).

I

ПЕТЕРБУРГ.— «КРОВАВЫЙ БАНДУРИСТ».— УЧАСТИЕ В ЖУРНАЛАХ.— ПОСТАНОВКА «РЕВИЗОРА».— РАБОТА НАД «ЖЕНИТЬБОЙ».— ПЕРВЫЙ ОТЪЕЗД ЗА ГРАНИЦУ.— ШВЕЙЦАРИЯ.— ПАРИЖ.— РИМ.— ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ.— ЧТЕНИЕ «ТЯЖБЫ» И «МЕРТВЫХ ДУШ».— ПОЕЗДКА В ПЕТЕРБУРГ.— МОСКВА

(1833—1840)

1. Е. А. БАРАТЫНСКИЙ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Москва. 3 февраля 1833 г.⟩[1]

Наша московская литературная братия задумала издать альманах [2] к светлому празднику, и мне препоручено, любезный князь, просить Вашего содействия. Подайте нам руку помощи во имя Москвы, Вами любимой. Здешние вкладчики — Киреевский, Языков, Чадаев (в переводе), я и несколько других молодых людей, Вам незнакомых, но которых, может быть, выгодно с Вами познакомить. Попросите Пушкина нас не оставить и дать хоть безделицу в знак товарищества. Вероятно у Вас бывает Гоголь, автор «Вечеров на Диканьке» [3], и наверное он часто видится с Пушкиным. У него много в запасе. Попросите у него от всех нас посильной вкладчины [4]. Не забудьте и ⟨И. И.⟩ Козлова. Одним словом, похлопочите об нас с дружеским радушием. Надеюсь на Вашу любовь к Москве, к литературе, а я несколько полагаюсь на Ваше доброе расположение к некоторым из участников [5].

Прошу Вас поклониться от меня Пушкину. Я ему очень благодарен за участие, которое он принял в продаже полного собрания моих стихотворений. Я ему обязан тем, что продал его за семь тысяч вместо пяти [6]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5082, л. 164—164 об.).

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Инициатором издания альманаха был Н. А. Мельгунов (1804—1867), впоследствии сотрудник «Московского наблюдателя», «Москвитянина» и других журналов. Мельгунов был лично знаком с Гоголем. Как выясняется из его письма к И. В. Киреевскому, альманаху предполагалось дать название «Шехерезада» (неизд.— ЦГЛА, ф. 236, ед. хр. 93, лл. 1—2).

[3] Отзыв Баратынского о Гоголе как о «человеке с решительным талантом» см. в его письме к И. В. Киреевскому от апреля — мая 1832 г. (Е. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951, стр. 517).

[4] Ответил ли Гоголь согласием на участие в альманахе — неизвестно. 20 февраля 1833 г. он сам запросил М. П. Погодина — будет ли тот участвовать в этом издании («Письма», I, 246).

[5] Альманах в свет не вышел. В одном из писем В. Ф. Одоевского к И. В. Киреевскому встречаются следующие иронические строки: «Поклонись Баратынскому, Мельгунову и самому себе и поблагодари за прекрасный альманах, который вы издали в нынешнем году, несмотря на все ваши хлопотливые занятия» (неизд.—ЦГЛА, ф. 236, ед. хр. 104, л. 7).

[6] О переговорах Пушкина с А. Ф. Смирдиным по поводу продажи ему прав на издание стихотворений Баратынского см. в письме Пушкина к П. В. Нащокину от 2 декабря 1832 г. (А. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XV, М.— Л., изд. АН СССР, 1948, стр. 37). Стихотворения Баратынского вышли в свет только в 1835 г.

2. Н. И. ГРЕЧ — А. В. НИКИТЕНКО

⟨Петербург.⟩ 20 февраля 1834

...Сделайте милость, не позволяйте печатать в «Библиотеке для чтения» статьи «Кровавый бандурист»[1]. Эта гнусная картина противна всем цензурным уставам в мире. Мы негодуем на французскую литературу, а сами начинаем писать еще хуже. В звании редактора я исключил статью,

но на меня нападают целою ватагою, утверждая, что я это делаю из зависти к таланту г. Гоголя [2]. Помогите Вы, почтеннейший, и попросите помощи князя Михаила Александровича [3]. Все отцы семейства к вам взывают: не позволяйте гнусных картин хотя в «Библиотеке». В целом романе пусть читают!

Извините меня, что я вмешиваюсь в дело, которое касается меня не прямо. Цензура вольна делать что угодно, но я счел обязанностию обратить Ваше внимание на сей важный предмет...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. В. Никитенко (18.499 CXXII б3).

Николай Иванович Греч (1787—1867) — реакционный журналист, издатель «Северной пчелы» и один из официальных редакторов «Библиотеки для чтения», начавшей выходить с января 1834 г.

Александр Васильевич Никитенко (1805—1877) — профессор русской литературы и цензор. Большинство произведений Гоголя, в том числе «Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями», цензуровались Никитенко. См. ниже его письма.

[1] Речь идет о главе из незаконченного исторического романа Гоголя «Гетьман», в котором Гоголь описывал героическую борьбу украинского народа против польской шляхты. «Кровавый бандурист» должен был появиться в февральской книжке «Библиотеки для чтения» 1834 г. (см. Н. Гоголь. Полн. собр. соч., т. III, М.—Л., изд. АН СССР, 1938, стр. 301—310 и 714—716).

[2] Публикуемое письмо Греча произвело, повидимому, немалое впечатление на цензора: ровно через неделю, 27 февраля 1834 г., в заседании Петербургского цензурного комитета было доложено его «мнение». «Как многие выражения, так и самый предмет» романа,— утверждал Никитенко,— «в нравственном смысле неприличны. Это картина страданий и уничижения человеческого, написанная совершенно в духе новейшей французской школы, отвратительная, возбуждающая не сострадание и даже не ужас эстетический, а просто омерзение» («Литературный музеум», Пг., 1921, стр. 352). Повторяя, таким образом, почти текстуально высказывания Греча, Никитенко потребовал и добился запрещения «Кровавого бандуриста»; реализм этого произведения показался «в нравственном смысле неприличным» как откровенному обскуранту-редактору, так и «либеральному» цензору.

[3] Кн. Михаил Александрович Дондуков-Корсаков — попечитель Петербургского учебного округа и председатель Цензурного комитета («Дундук» пушкинской эпиграммы). Сразу же после того, как было зачтено «мнение» Никитенко, Дондуков-Корсаков подписал постановление: «удержать статью сию при делах и о запрещении оной уведомить прочие цензурные комитеты» (там же).

3. Н. А. МЕЛЬГУНОВ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

⟨Москва.⟩ 25 октября ⟨1834 г.⟩

...В Москве с 1835⌉ года будет издаваться журнал, которого программу сообщим Вам немедленно. Не говоря о цели, назову Вам непосредственных и постоянных сотрудников, которых имена стоят в программе, представленной министру: Андросов, Баратынский, Гоголь, М. Дмитриев, Иван и Петр Киреевские, Мельгунов, Н. Павлов, Погодин, Хомяков, Шевырев, Языков [1]. Ваше имя поставлено также. Мы все, зная Вас, решились смело включить Ваше имя в список постоянных сотрудников, ибо уверены, что дело, близкое нам, и Вам близко. С Гоголем и Языковым, из которых один в СПб, а другой в Симбирске, мы поступили так же. Время не позволило списаться заблаговременно. Согласны Вы оставить свое имя? Еще будет время снять его [2]...

Автограф. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (К-2).

Владимир Федорович Одоевский (1803—1869) — писатель и философ-идеалист. О дружеской близости его с Гоголем свидетельствуют сохранившиеся письма к нему Гоголя («Письма», I, 480—481; II, 134—135, 140—141; «Русская старина», 1904, № 8, стр. 421—422).

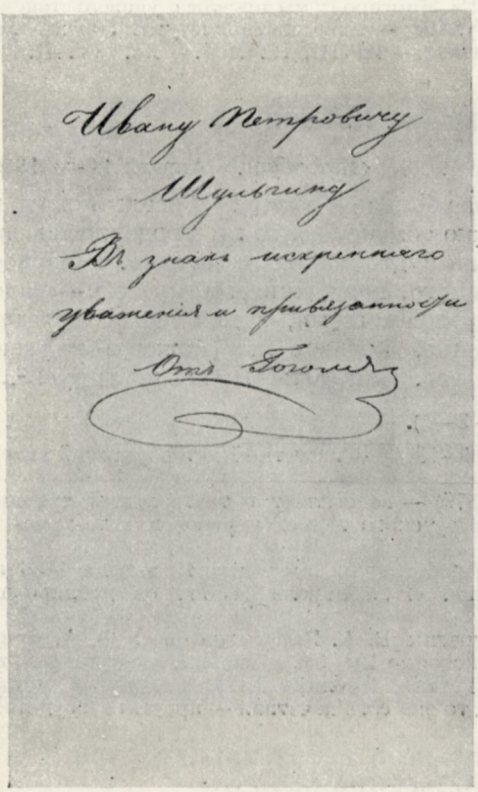
[1] Об отношении Гоголя к журналу «Московский наблюдатель» см. в статье: Н. Мордовченко. Гоголь и журналистика 1835—1836 гг. («Гоголь. Материалы и исследования», II, 111—117).

[2] Подобного же характера письмо Н. А. Мельгунова к А. В. Веневитинову хранится в архиве последнего (ЛБ, Венев., 46/2. См. Барсуков, IV, 230).

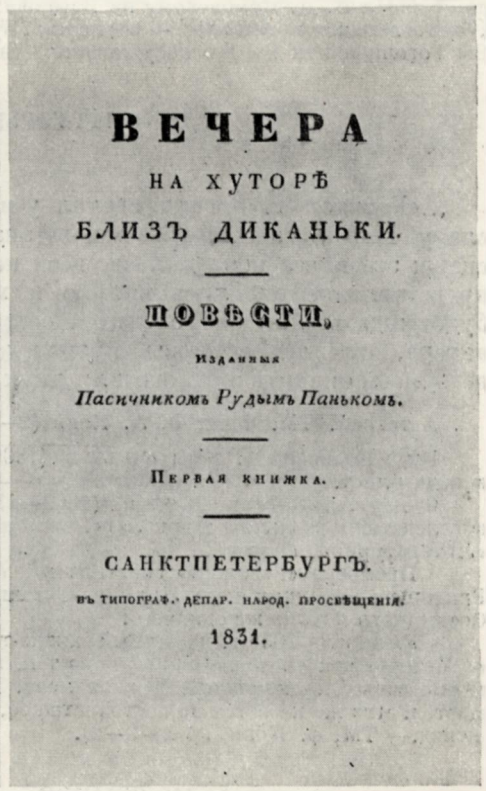
9 января 1835 г. Н. А. Мельгунов писал А. В. Веневитинову: «Получил ли ты мое письмо, где говорю о нашем журнале? Что Одоевский и Гоголь? Чтоб скорее высылали свои статьи! Бога ради! Малейшее замедление с их стороны замедлит появление первой книжки; следовательно успех и судьба журнала зависит от них» (неизд.— ГПБ, ф. Одоевского, К/97/2, л. 2).

27 марта 1835 г. Я. М. Неверов, в это время сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения», писал С. П. Шевыреву:

«Одоевский говорит, что невозможно требовать от Гоголя, чтобы он вовсе отказался от „Библиотеки" и не помещал в ней ничего более. Гоголь — небогатый



Ивану Петровичу
Шульгину
В знак искренного
уважения и привязанности
От Гоголя



ВЕЧЕРА
НА ХУТОРѢ
БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,
Изданныя
Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ.

Первая книжка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ типограф. департ. народ. просвѣщенія.
1831.

ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГОГОЛЯ И. П. ШУЛЬГИНУ, 1831 г.
Собрание В. А. Десницкого, Ленинград

человек, часто нуждающийся в деньгах, и „Наблюдатель" не в силах заплатить ему столько, сколько он получает с Смирдина, да и сам Гоголь никогда не пожелает этого. Впрочем же, это ничуть не может вредить „Наблюдателю", если когда-нибудь встретится в „Библиотеке" статья Гоголя, что, однако, было и будет весьма редко» (неизд.—ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

4. Н. М. ЯЗЫКОВ — Е. М. и П. М. ЯЗЫКОВЫМ

⟨Языкого.⟩ 1835 года. Июня 28

...Очень рад, что вам понравились повести Гоголя — это прелесть! Дай бог ему здоровья, он один будет значительнее всей современной французской литературы — не выключая и Бальзака! Я не люблю Бальзака [1]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 14.— Из. I. 14).

Николай Михайлович Я з ы к о в познакомился с Гоголем в 1839 г. в Ганау; в 1842—43 гг. они жили в одном доме в Риме. «Святоша от болезни и славянофил по родству», как характеризовал его Герцен (Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 152), Языков оказывал вреднейшее влияние на Гоголя, содействуя развитию в нем тех религиозно-аскетических настроений, которые легли в основу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. Н. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 638).

Екатерина Михайловна Я з ы к о в а (1817—1852) — сестра Н. М. Языкова, впоследствии жена А. С. Хомякова. Была дружна с Гоголем. См. ниже ее письма к брату о Гоголе.

Прасковья Михайловна Я з ы к о в а, в замужестве Бестужева (1807—1862) — сестра Н. М. Языкова, семейное прозвище «Пикоть».

[1] 30 мая 1835 г. А. М. Языков, старший брат Н. М. Языкова, симбирский помещик, писал В. Д. Комовскому из Языкова: «„Миргород“ мы прочли с удовольствием; „Старосветские помещики“ — прелесть; „Бульба“ — тоже славная штука. Любите ли Вы Гоголя и как Вы его обсуживаете?» (неизд.— ИРЛИ, 19.4.104.— Яз. IV. 1).

5. П. И. ГРИГОРЬЕВ — Ф. А. КОНИ

〈Петербург.〉 Апреля 20-го 1836

...«Ревизор» г. Гоголя сделал у нас большой успех! [1] Гоголь пошел в славу! Пиэса эта шла отлично, не знаю только, долго ли продержится на сцене; эта пиэса пока для нас всех как будто какая-то загадка. В первое представление смеялись громко и много, поддерживали крепко,— надо будет ждать, как она оценится современем всеми, а для нашего брата, актера, она такое новое произведение, которое мы (может быть) еще не сумеем оценить с одного или двух раз. Как быть! Не всё же вдруг! [2]...

Автограф. ТМ. Фонд Ф. А. Кони (2—3—2).

Петр Иванович Г р и г о р ь е в (1806—1871) — известный петербургский актер и водевилист.

Федор Алексеевич К о н и (1809—1879) — водевилист и театральный критик, впоследствии редактор журнала «Пантеон русского и всех европейских театров» и «Литературной газеты».

[1] Премьера «Ревизора» состоялась в Александринском театре 19 апреля 1836 г. Григорьев исполнял роль Ляпкина-Тяпкина. С 28 апреля 1836 г. он дублировал Сосницкого в роли городничего.

[2] 27 апреля 1836 г. известный актер-трагик В. А. Каратыгин писал Ф. А. Кони из Петербурга: «В числе наших новостей, которые Вы, без сомнения, любопытствуете знать, есть 〈...〉 комедия „Ревизор“, соч. Гоголя. Публика бегает смотреть и восхищается. Что же касается до достоинства ее, то она есть печатная — прочтите и судите!» неизд.— ТМ, ф. Кони, № 2—3—2).

6. А. М. ЯЗЫКОВ — В. Д. КОМОВСКОМУ

30-го апреля 836. Москва

Вчера Х. читал нам «Ревизора» — он прелесть! Впрочем, сначала странно, как глупо обманываются чиновники в проезжем регистраторе.— Как всё смешно, как верны характеры, как верно всё, что они ни говорят!

На сцене это должно быть ужасно забавно.

Говорят, что Гоголь будет сюда — ставить «Ревизора» на здешнем театре. Мы, кажется, дождемся этого удовольствия [1]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19.4.104.— Яз. IV, 1).

[1] См. примеч. 5-е к следующему письму.

7. К. С. АКСАКОВ — Г. С. АКСАКОВУ

〈Москва. Конец апреля 1836 г.〉

...Вчера же поутру приехал к нам Михаил Семеныч [1] с письмом от Сосницкого [2], который пишет [3], что была играна в Петербурге комедия

Гоголя «Ревизор», с блистательным успехом〈...〉 Ты также принимаешь участие в делах искусства,— итак, изволь собрать сведения об этой комедии, о ее представлении, о Гоголе, и напиши обо всем этом к нам в Москву [4]. Мы надеемся, что Гоголь будет сюда [5]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II/5-б).

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) — старший сын С. Т. Аксакова, впоследствии один из идеологов славянофильства; автор брошюры «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», антиисторическая идеалистическая концепция которой вызвала уничтожающую критику Белинского. Аксаков был далек от сколько-нибудь верного понимания Гоголя. Обличительный пафос великого сатирика, антикрепостническая направленность его произведений были ему глубоко враждебны.

ДОМ НА УЛИЦЕ ГОГОЛЯ (РАНЬШЕ МАЛОЙ МОРСКОЙ) В ЛЕНИНГРАДЕ. ЗДЕСЬ В 1833—1836 гг. ЖИЛ ГОГОЛЬ

Фотография, 1947 г.

Григорий Сергеевич Аксаков (1820—1891) — второй сын С. Т. Аксакова; учился в это время в Петербургском училище правоведения; впоследствии — видный чиновник.

[1] Михаил Семенович Щепкин (1788—1863) — великий русский актер, гениальный интерпретатор роли городничего в «Ревизоре». О его отношениях с Гоголем см. в статье: Н. Тихонравов. М. С. Щепкин и Н. В. Гоголь (Соч. Н. Тихонравова, т. III, М., 1898, стр. 530—584. См. также письма №№ 8 и 11).

[2] Иван Иванович Сосницкий (1794—1871)—известный петербургский актер, первый исполнитель роли городничего. См. ниже его письмо к М. С. Щепкину (№ 11).

[3] Упоминаемое здесь письмо Сосницкого к Щепкину неизвестно.

[4] В ответном, также не датированном письме Г. С. Аксаков писал: «Об „Ревизоре“ и я слышал, что эта пиеса была принята отлично и автор был вызван, но также слышал, что в ней много простонародных бранных слов, что не совсем приятно слышать» («Материалы», IV, 767).

[5] Гениальная комедия Гоголя с первого же появления на сцене вызвала резко отрицательную реакцию в придворных и чиновно-бюрократических сферах и среди рептильных журналистов. П. В. Анненков, присутствовавший на премьере, отмечал, что «избранная» публика единодушно называла комедию Гоголя — «невозможностью, клеветой и фарсом» (П. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 70). Глубоко потрясенный враждебным приемом оказанным «Ревизору» реакционной

частью петербургской публики и дирекцией императорских театров, Гоголь решительно отказался от своего прежнего намерения — привезти в Москву пьесу и прочесть ее актерам, и вскоре уехал за границу.

8. М. С. ЩЕПКИН — И. И. СОСНИЦКОМУ

⟨Москва.⟩ От 7-го мая 1836 г.

Дружище, прилагаемое письмо доставь как можно поскорее к Николаю Васильевичу Гоголю, который, кажется, жил в Малой Морской, в доме Лепена [1]. Есть ли ж он переменил квартиру, то ты, верно, знаешь и потому пришли мне его адрес. Он нам подарил пиэсу на бенефис, и потому, есть ли получишь от него, то поторопись об цензуре и потом доставь мне, разумеется переписав [2]. Как я рад, что ты удовлетворен в комедии, он без ума от тебя. Прощай, брат! Целую тебя. Жду от тебя письма насчет сего. Гони к нам Гоголя [3]...

Автограф. ЛБ. Из бумаг Щепкиных (М. 10799/4).

[1] Это письмо М. С. Щепкина к Гоголю неизвестно.

[2] Речь идет о «Женитьбе». В письме от 29 апреля 1836 г. Гоголь извещал Щепкина о завершении работы над комедией и о предоставлении ее для бенефиса Щепкину — в Москве и Сосницкому — в Петербурге («Письма», I, 369). См. ниже письмо № 11.

[3] См. примеч. к письму № 7.

9. К. С. АКСАКОВ — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ Суббота ⟨9 мая 1836 г.⟩

...Я уже читал «Ревизора»; читал раза четыре и потому говорю, что те, кто называет эту пьесу грубою и плоскою, не поняли её. Гоголь — истинный поэт; ведь в комическом и смешном есть также поэзия. Мне жаль, что Вы в первый раз узнали Гоголя только по его «Носу». В этой шутке есть свое достоинство, но ⟨она⟩, точно, немножко сальна. Как бы мне хотелось, чтобы Вы прочитали «Вечера на хуторе близ Диканьки»! Я уверен, что, узнав и поняв Гоголя, Вы перемените об нем мнение и увидите, что он истинный поэт, что в нем есть глубокое чувство. Если он смеется над жизнию, над нелепостями, которые в ней встречает, то поверьте, что в это время на сердце у него тяжело, и он, смеясь над людьми, любит их и огорчается их недостатками [1]. Многие из его повестей оттенены грустию, которая прямо из души вырывается [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.604, лл. 50 об.— 51).

Мария Григорьевна Карташевская (1818—1906) — двоюродная сестра и близкий друг В. С. и К. С. Аксаковых. См. ниже ее многочисленные письма к Аксаковым о Гоголе.

[1] Публикуемое письмо К. С. Аксакова весьма характерно и для его позднейших высказываний о Гоголе.

В другом неизданном письме к Карташевской, от 19 января 1837 г., К. С. Аксаков, сравнивая «Ревизора» с «Вечерами на хуторе близ Диканьки», отдает явное предпочтение последним, называя гениальную комедию Гоголя «безделицей», хотя и отмечает ее художественные достоинства (ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.604, л. 147). Отрицательное отношение к обличительным элементам гоголевского творчества или их сознательное игнорирование было присуще всем реакционным истолкователям Гоголя. Оценка Аксаковым «Носа» как сочинения, «немножко сального», не случайно совпадает с суждением Шевырева и Погодина об этой повести, присланной Гоголем для напечатания в «Московском наблюдателе» и отвергнутой ими «по причине ее пошлости и тривиальности» (см. В. Белинский. Соч., т. VII, стр. 509). Аналогичная оценка К. С. Аксаковым «Носа» Гоголя встречается еще в одном неизданном письме его к М. Г. Карташевской (ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.604, л. 58).

[2] В архиве Аксаковых сохранилась следующая записка поэта Федора Николаевича Глинки к С. Т. Аксакову, о которой упоминание см. в «Истории», 10—11:

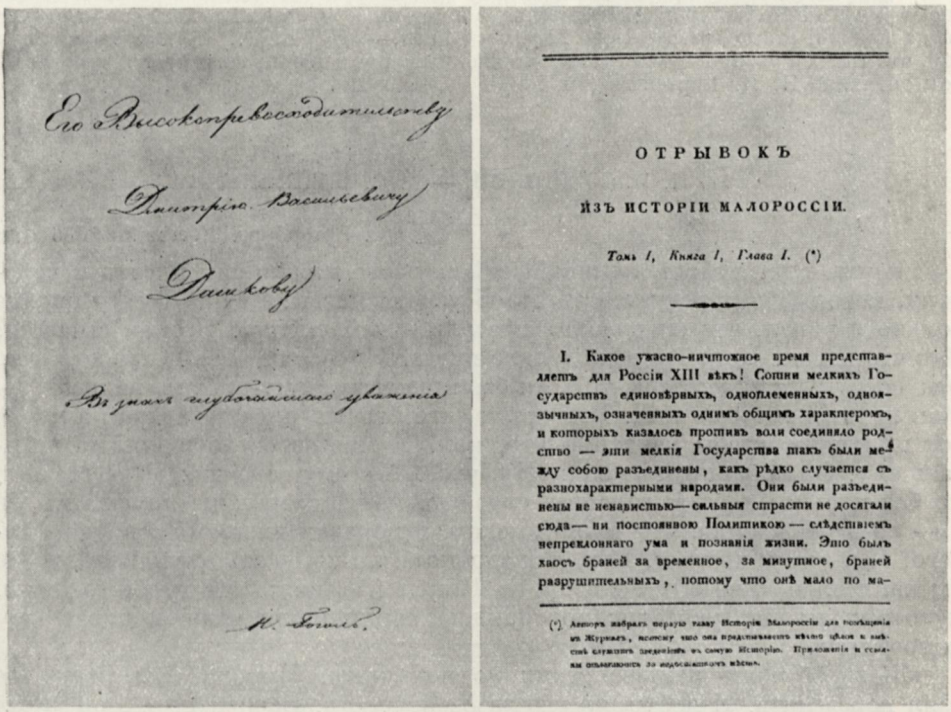
«Генерал Бартоломей, задержанный несносною погодою, заехал к нам. Я поспешил выпросить у него комедию, желая Вам угодить, почтеннейший Сергей Тимофеевич! —

Вот „Ревизор"! Но он дан мне под у с л о в и е м: завтра в 9-ть часов утра Бартоломей н е п р е м е н н о уезжает. Итак, если можете возвратить нам книгу к 9-ти часам утра, то оставьте ее до завтра у себя. 10 часов вечера» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/I/5). Другие упоминания о чтении «Ревизора» встречаются в ряде неизданных писем Аксаковых (ЛБ, ГАИС, III/IV/17; III/IV/18; III/IV/197; ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.604, л. 46 и др.).

10. К. С. АКСАКОВ — Г. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 29 мая 1836 г.

...У нас давали «Ревизора»[1]. Публика хлопала и хохотала, но не вызвала ни одного актера. До театра еще я условился с Катковым [2], чтобы



Его Высокопревосходительству

Дмитрію Васильевичу

Дашкову

Въ знакъ глубочайшаго уваженія

Н. Гоголь.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

Томъ I, Книга I, Глава I. (*)

I. Какое ужасно-ничтожное время представляетъ для Россіи XIII вѣкъ! Сотни мелкихъ Государствъ единовѣрныхъ, одноплеменныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ, и которыхъ казалось противъ воли соединяло родство — эти мелкія Государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью — сильныя страсти не досягали сюда — ни постоянною Политикою — слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни. Это былъ хаосъ браней за временное, за минутное, браней разрушительныхъ, потому что онѣ мало по ма-

(*) Авторъ избралъ первую главу Исторіи Малороссіи для помѣщенія въ Журналѣ, потому что она представляетъ нѣчто цѣлое и вмѣстѣ служитъ зрѣлищемъ въ самую Исторію. Приложенія и ссылки отлагаются за недостаткомъ мѣста.

«ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИИ МАЛОРОССИИ» ГОГОЛЯ С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПИСАТЕЛЯ Д. В. ДАШКОВУ

Оттиск из «Журнала Министерства народного просвещения», апрель 1834 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

вызывать Гоголя, хотя он и в Петербурге: мы показали бы этим, по крайней мере, что мы ценим автора. Как скоро кончилась пьеса, я тотчас бросился в кресла (я был в ложе), чтобы исполнить условие. Прихожу — все расходятся; несколько голосов слабо кричат: «Щ е п к и н а!» Мне попадается Катков: «Что же вы!» — говорит он мне.— «Я только сейчас пришел в кресла, а вы что?» — «Я крикнул раз пять: „Г о г о л я!" — отвечал он, — меня никто не поддержал, да и тут я имел историю с одним». — Тогда рассказал он мне, что какой-то, с крестом, вздумал его удерживать. Катков отвечал ему. Слово за слово, дошло до того, что незнакомый сказал ему: «Я вас проучу», а Катков в ответ: «Я сам тебя проучу». Дело, казалось, тем и кончилось, я пошел опять в ложу; это было в понедельник; во вторник и середу экзамен у Каткова. Вчера, т. е. в четверг, я

посылал к Каткову за книгами: дело известное, что уже четыре дня как Каткова нет у Васькова, и не знают, где он. Каково это тебе покажется? Если б это была дуэль, об этом, верно, бы знали [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 21, лл. 4—5).

[1] Премьера «Ревизора» на сцене Московского Малого театра состоялась 25 мая 1836 г.

[2] Восемнадцатилетний М. Н. Катков входил в это время в кружок Белинского и участвовал в «Московском наблюдателе». Однако многое в поведении этого «Хлестакова в немецком вкусе» (по определению Белинского) уже позволяло предвидеть его дальнейшую эволюцию в сторону самой махровой реакции.

[3] В конце публикуемого письма К. С. Аксаков не без разочарования отметил, что «с Катковым история вышла вздор», т. е. что до дуэли дело не дошло.

Для дальнейшего отношения Каткова к великому писателю характерно письмо его к В. А. Елагину от 23 февраля 1843 г., где он иронически упоминает о том, что некоторые москвичи «изъявляли сожалительное презрение», что он, Катков, «не становится на колени, когда гремит слово Гоголь» (неизд.— ЛБ, Елаг., «К»). Упоминание о том, что Катков распространял какие-то анекдоты про Гоголя, встречается в неизданном дневнике П. И. Бартенева (см. ниже, в настоящей публикации).

11. И. И. СОСНИЦКИЙ — М. С. ЩЕПКИНУ

С.-Петербург. 30-е майя 1836 года

Скажи, пожалуйста, ленивой кабан, разве можно так писать к человеку, который интересуется знать об успехе пиэсы? [1] Я из твоего письма только и узнал, что «Ревизора» сыграли и чай выслан. Но как сыграли? Кто что играл? Какой успех сделала пиэса? Ничего не знаю. Стыдно, брат! Уж есть ли ты так ленив, то хотя бы приказал кому-нибудь написать.— Как путный пишешь к Н. В. Гоголю, что будешь писать завтра ко мне [2]; тот приходит, чтобы узнать — что, как? А мне совестно и письмо показать ему. Он спрашивает меня: «Ну, что?» А я ему отвечаю: «Чай выслан, но без письма». Тот вытаращил глаза на меня, думал: не помешался ли я,— но в убеждение, что точно выслан, я показал письмо и говорю: «Ничего! Я к этому привык. Вам бы надобно было написать ему об чае, то он бы написал ко мне об „Ревизоре"!» Николай Васильевич едет 6-го июня, и потому ты еще успеешь; поторопись, напиши или вели написать поподробнее [3].

«Женитьбу» ты раньше осени не получишь. Николай Васильевич ее взял переделать. Я побранил его за беспечность. Вообрази, что он читал мне пиэсу так, как она у него была написана прежде — как и ты знаешь ее. Две прекрасные сцены не могут искупить целой комедии. А комедии-то и нет. Сюжета никакого — бог знает зачем люди приходят и уходят. Он мне в оправдание говорит, что она у него написана три года назад. Я ему отвечаю, что зритель и критик этого не хочет знать, хоть бы она была писана 10 лет назад, а потребует от вас отчета, почему вторая пиэса еще слабее первой? Ну, он согласился со мною и обещал переделать всю совсем. Я ему дал некоторые смешные идеи об обычаях купеческих невест. Он берет комедию с собою и месяца через два ее вышлет. Как я получу и она выдет из цензуры, то ты тотчас получишь ее в Москве [4]. Хотелось бы повидаться с тобою, да не знаю как...

Автограф. ЛБ. Из бумаг Щепкиных (М. 10799/6).— Второй абзац письма опубликован в статье: Н. Тихонравов. М. С. Щепкин и Н. В. Гоголь (Н. Тихонравов. Соч., цит. изд., т. III, стр. 557—558).

[1] Речь идет о премьере «Ревизора» на сцене Московского Малого театра.

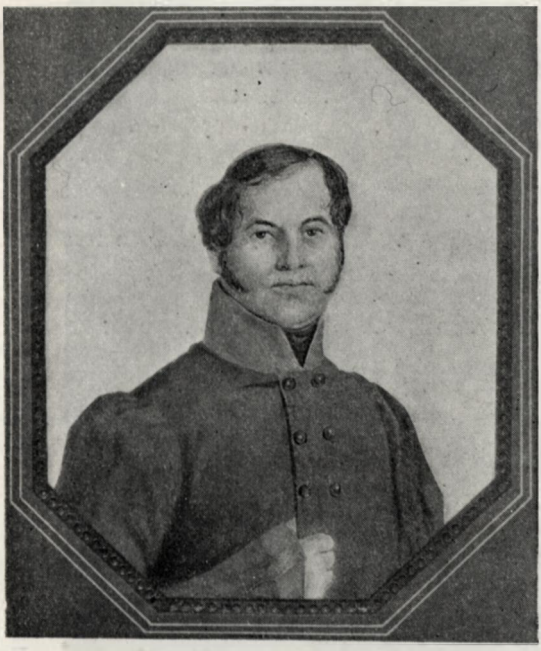
[2] Это письмо М. С. Щепкина к Гоголю неизвестно.

[3] Сосницкий отвечает здесь на письмо Щепкина от 26 мая 1836 г. Значительную часть этого письма занимают подробности о высылке Щепкиным чая в Великие

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ КАШИНСКОГО ГОРОДНИЧЕГО Я. А. ВИКТОРОВА

Картина маслом неизвестного художника, 1830-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



ГОРОДНИЧИЙ ГОРОДА УСТЮЖНЫ

Акварель неизвестного художника, 1830-е гг.

«Пушкин... рассказал ему ‹Гоголю› про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей» (В. А. Соллогуб. Воспоминания)

Институт русской литературы АН СССР Ленинград

Луки. Лишь в заключение Щепкин писал Сосницкому: «Ежели Н. В. Гоголь не уехал за границу, то сообщи ему, что вчерашний день игрался „Ревизор" — не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно; игран был в абонемент, и потому публика была высшего тона, которой, как кажется, она многим не по вкусу. Несмотря на то, хохот был беспрестанно, вообще принималась пьеса весело» (М. С. Щепкин. Записки и письма. М., 1914, стр. 162—163. Начало этого письма в печатном издании опущено, и содержание его излагается нами по рукописи — ЛБ, М. 1099). Лаконизм письма Щепкина, объяснявшийся холодным приемом «Ревизора» «абонементной» публикой, вызвал неудовольствие Гоголя и Сосницкого, и в письме от 3 июня 1836 г. Щепкин поспешил дать подробный отчет об этом и следующем спектакле (там же, стр. 163—164).

См. письмо № 8.

12. Д. П. СЕВЕРИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Оберрид близ Берна, 8/20 сентября 1836

...Гоголь привез мне рекомендательное письмо твое [1], на дачу вечером и перед отъездом в горы Бернского оберланда. Обещал по возвращении посетить нас снова, но по сю пору не является [2]‹...› Я не обманул его насчет здешнего края и советовал ехать далее для лучших вдохновений [3]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2727, л. 88).

Дмитрий Петрович Северин (1792—1865) — русский посланник в Швейцарии, приятель П. А. Вяземского и В. А. Жуковского.

[1] Это письмо Вяземского к Северину неизвестно.

[2] При этом посещении Гоголем Северина присутствовал А. С. Стурдза, писавший впоследствии в своих воспоминаниях о Гоголе: «В 1836 году, у подошвы швейцарских гор и в окрестностях Берна я увидел впервые нашего умного и своеобразного наблюдателя и живописца русских нравов и жизни. Это было в гостях у нашего посланника Д. П. Северина. Я был только немым свидетелем приятной, но мимолетной беседы» («Москвитянин», 1853, № 20).

[3] В неизданном письме к отцу шестнадцатилетнего сына П. А. Вяземского—Павла, совершившего вместе с Гоголем переезд на пароходе из Кронштадта в Травемюнде, имеются следующие строки: «Восемь дней, проведенных на пароходе, показались мне очень приятными, хотя разлука с Вами наводила на меня грусть и временами я страдал

от морской болезни. Ни страх, ни беспокойство не мучили меня в течение переезда,— наоборот, неловкость и растерянный вид слуг во время бури возбуждали во мне смех. Только мы, четыре молодых человека, г-н Гоголь и его спутник, г-н Данилевский, сохраняли хорошее настроение среди самого ужасного шквала. Однажды вечером, когда качка мешала нам спать, мы принялись сочинять песенку, два стиха из которой, относящихся ко мне, я запомнил <...> Военный салют из трех пушечных залпов объявил о нашем прибытии в Травемюнде». Письмо отправлено из Пордерпея и датировано 7/19 июля 1836 г. (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1653, л. 22.— Подлин. на франц. яз.).

Среди знакомых, провожавших Гоголя за границу, находился кн. П. А. Вяземский. Из этого биографы Гоголя заключали, что Вяземский специально приезжал в Кронштадт, чтобы проводить Гоголя, и делали вывод об особенной близости между Вяземским и Гоголем. Выясняющееся из приведенного выше письма обстоятельство,— что одновременно с Гоголем уезжал за границу и единственный сын П. А. Вяземского,— дает несколько иное освещение этому факту.

13. А. С. ДАНИЛЕВСКИЙ — И. Г. ПАЩЕНКО и Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

5 декабря 1836 г. Париж

... Ждем письма твоего, Николай, из Лозанны [1], тогда получишь ответ полнее и отчетливее. Скажу покамест, что из Парижа мы с Гоголем сделали совершенный Петербург: Итальянский бульвар называем Невским проспектом, Тюльери — Летним садом, Палерояль — Гостиным

ЧИНОВНИК И КУПЦЫ

Акварель неизвестного художника, 1840-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

двором, и прочее. Сегодня по случаю приезда Симановского[2] банкетуем у Вефура, знаменитого ресторатора в Палерояле, а вы? Было ли у вас что-нибудь первого октября, вы что-то ничего не пишете, верно нет. Скажи мой усерднейший поклон, расцелуй за меня Есипова, хотел бы написать и к нему что-нибудь особенно, да теперь, право, не сидится и не пишется, отправляемся скитаться; немудрено, что в Париже столько зевак, право до сих пор засматриваемся на магазины, а Гоголь сделался ужасным зевакою. Недавно мы были с ним в Jardin des plantes*, чудная вещь этот Jardin des plantes, другого нет в мире, конечно. Слоны, бегемоты, медведи, гиппопотамы прогуливаются перед тобою чинно и свободно; целый полк обезьян производит свои обыкновенные занятия в виду зевающей публики; птиц, баранов, коз, львов, тигров сколько душе угодно. «Славный собака Париж», как говорит Гоголь[3] ⟨...⟩

Пришлите стихи Пушкина из «Современника» и хотя оглавление одного номера невинного журнала Кукольника[4] ⟨...⟩

У вас теперь зима, конечно, а у нас прелестные осенние дни. Никого не увидишь в плаще, даже Гоголь ходит в одном сюртуке, а между тем — 5 декабря. Право, Париж стоит Петербурга. Прощайте, спешу окончить и оставляю страницу[5] для Гоголя[6]...

Автограф. ГПБ. Альбом Н. В. Гербеля, л. 437. — Надпись Гербеля в альбоме: «Письмо А. С. Данилевского из Парижа от 5 декабря, писанное под диктовку Гоголя к Прокоповичу и Пащенко». Начало этого письма, опубликованное Гербелем («Русское слово», 1859, № 1, стр. 98) и перепечатанное В. И. Шенроком («Письма», I, 429), нами опускается.

Александр Семенович Данилевский (1809—1888), Николай Яковлевич Прокопович (1810—1857) и Иван Григорьевич Пащенко (ум. 1848) — школьные товарищи Гоголя. Письма Данилевского и Прокоповича о Гоголе печатаются ниже.

[1] Об этом письме Н. Я. Прокоповича к Гоголю, отправленном в Лозанну и с опозданием полученном в Париже, упоминает Гоголь в письме к Прокоповичу от 25 января 1837 г. («Письма», I, 420).

[2] Иван Павлович Симановский — школьный товарищ Гоголя, чиновник. О его встрече с Гоголем в Варшаве в 1840 г. см. в письме № 40.

[3] Свои впечатления от Парижа и посещения «Jardin des plantes» Гоголь передал в недатированном письме к матери, отнесенном В. И. Шенроком к 1836 г. («Письма», I, 417—418).

[4] О «Художественной газете», издававшейся в Петербурге с августа 1836 г. под редакцией Н. И. Кукольника, Гоголь также запрашивал Прокоповича в письме от 25 января 1837 г. («Письма», I, 426).

[5] Этой чистой страницей Гоголь не воспользовался (ее заполнил сам Данилевский) и написал Прокоповичу только полтора месяца спустя («Письма», I, 420—429).

[6] Запоздалый отклик на известие о пребывании Гоголя в Париже встречается в письме библиографа и переводчика В. Г. Анастасевича к филологу-слависту И. И. Срезневскому от 14 февраля 1838 г.: «Жаль, что добрый Гоголь пустился над Сеною собирать материалы для обещанной Истории Малороссии» (неизд. — ЦГЛА, ф. 436, ед. хр. 1158, л. 2 об.).

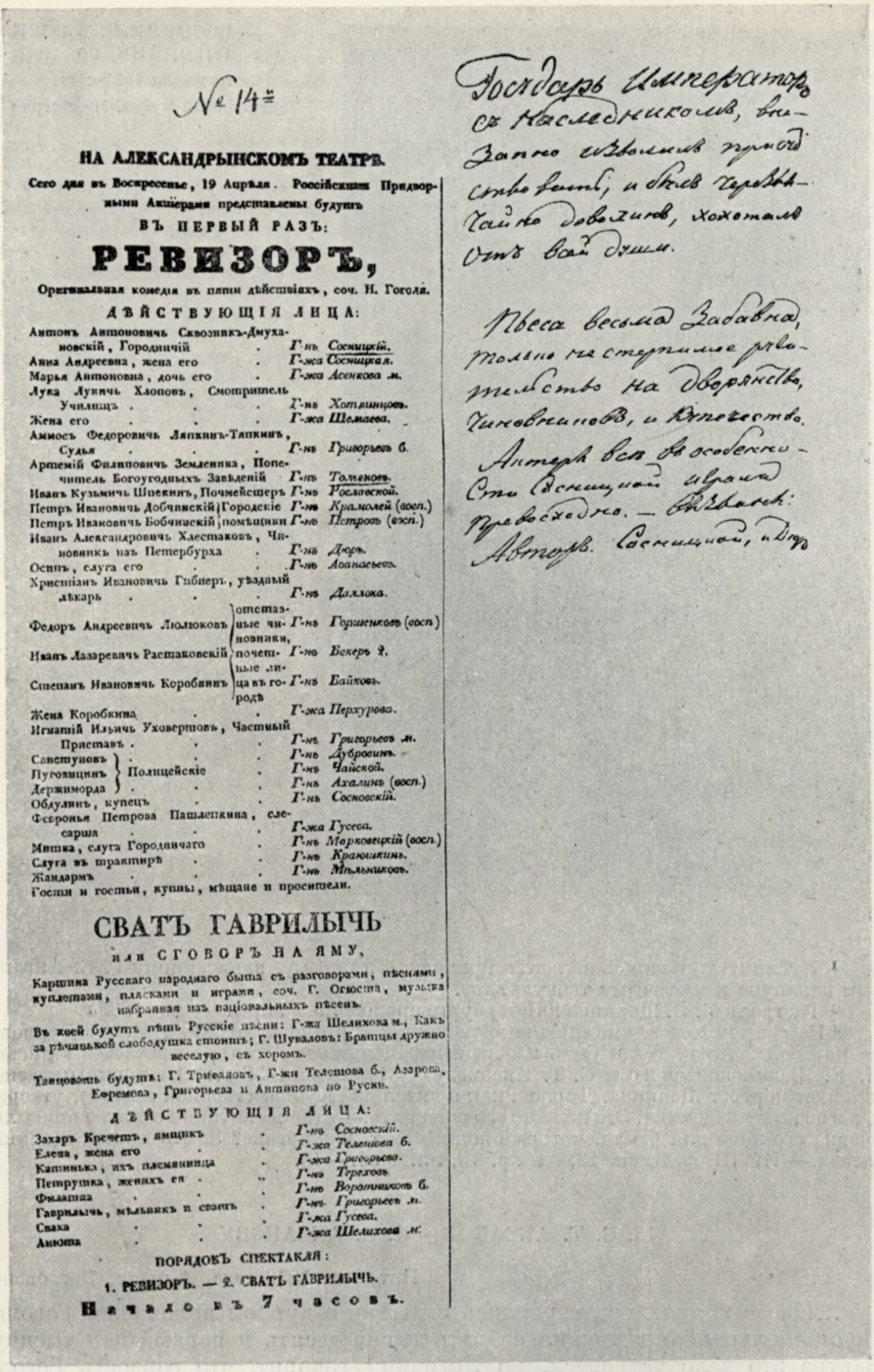
14. Г. С. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург.⟩ Утро, четверг ⟨21 апреля 1838 г.⟩[1]

...Нынче ⟨...⟩ давали «Ревизора», и городничего играл Щепкин[2]. «Ревизора» я ни разу прежде этого не видал на сцене, и мне очень приятно было его видеть; и странно было вдруг увидать Щепкина между петербургскими актерами. Щепкин играл превосходно; многие говорят, что лучше Сосницкого. Петербург его славно принимает. В «Ревизоре» вызвали два раза. Я хлопал и кричал как нельзя больше[3]...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 2, лл. 49 об. — 50).

* Парижский зоологический и ботанический сад.



№ 14

НА АЛЕКСАНДРЫНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Сего дня въ Воскресенье, 19 Апрѣля. Россійскими Придворными Акторами представлены будутъ

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:

РЕВИЗОРЪ,

Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, Городничій	Г-нъ Сосницкій.
Анна Андреевна, жена его	Г-жа Сосницкая.
Марья Антоновна, дочь его	Г-жа Асенкова м.
Лука Лукичъ Хлоповъ, Смотритель Училищъ	Г-нъ Хотяинцовъ.
Жена его	Г-жа Шемаева.
Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, Судья	Г-нъ Григорьевъ б.
Артемій Филиповичъ Земленика, Попечитель Богоугодныхъ Заведеній	Г-нъ Толменовъ.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, Почмейстеръ	Г-нъ Рославской.
Петръ Ивановичъ Добчинскій } Городскіе помѣщики	Г-нъ Крамолей (восп.)
Петръ Ивановичъ Бобчинскій } Городскіе помѣщики	Г-нъ Петровъ (восп.)
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, Чиновникъ изъ Петербурха	Г-нъ Дюръ.
Осипъ, слуга его	Г-нъ Аѳанасьевъ.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь	Г-нъ Даллока.
Федоръ Андреевичъ Люлюковъ } отставные чиновники, почетные лица въ городѣ	Г-нъ Горшенковъ (восп)
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій } отставные чиновники, почетные лица въ городѣ	Г-нъ Бекеръ 2.
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ } отставные чиновники, почетные лица въ городѣ	Г-нъ Байковъ.
Жена Коробкина	Г-жа Перхурова.
Игнатій Ильичъ Уховертовъ, Частный Приставъ	Г-нъ Григорьевъ м.
Свистуновъ } Полицейскіе	Г-нъ Дубровинъ.
Пуговицинъ } Полицейскіе	Г-нъ Чайской.
Держиморда } Полицейскіе	Г-нъ Ахалинъ (восп.)
Обдулинъ, купецъ	Г-нъ Сосновскій.
Февронья Петрова Пашлепкина, слесарша	Г-жа Гусева.
Мишка, слуга Городничаго	Г-нъ Марковецкій (восп.)
Слуга въ трактирѣ	Г-нъ Краюшкинъ.
Жандармъ	Г-нъ Мѣльниковъ.

Гости и гостьи, купцы, мѣщане и просители.

СВАТЪ ГАВРИЛЫЧЬ

или СГОВОРЪ НА ЯМУ,

Картина Русскаго народнаго быта съ разговорами, пѣснями, куплетами, плясками и играми, соч. Г. Огюста, музыка набранная изъ національныхъ пѣсенъ.

Въ коей будутъ пѣть Русскіе пѣсни: Г-жа Шелихова м., Какъ за рѣчинькой слободушка стоитъ; Г. Шуваловъ: Братцы дружно веселую, съ хоромъ.

Танцовать будутъ: Г. Трифоновъ, Г-жи Телешова б., Азарова, Ефремова, Григорьева и Антипова по Руски.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Захаръ Кречетъ, ямщикъ	Г-нъ Сосновскій.
Елена, жена его	Г-жа Телешова б.
Катинька, ихъ племянница	Г-жа Григорьева.
Петрушка, женихъ ея	Г-нъ Терехов.
Филатка	Г-нъ Воротниковъ б.
Гаврилычь, мѣльникъ и сватъ	Г-нъ Григорьевъ м.
Сваха	Г-жа Гусева.
Анюта	Г-жа Шелихова м.

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ:

1. РЕВИЗОРЪ. — 2. СВАТЪ ГАВРИЛЫЧЬ.

Начало въ 7 часовъ.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ, внезапно изволилъ присутствовать, и былъ черезвычайно довольнымъ, хохоталъ отъ всей души.

Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворянство, чиновниковъ, и купечество.

Актеры всѣ въ особенности Сосницкой играли превосходно. — Вызваны: Авторъ. Сосницкой, и Дюръ

АФИША ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «РЕВИЗОРА». АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР, 19 АПРЕЛЯ 1836 г.

Из «Книги для наклейки афиш с означением дневных замечаний инспектора российской труппы»

В надписях на полях отмечено присутствие на спектакле Николая I и указано, что в пьесе «нестерпимое ругательство на дворянство, чиновников и купечество»

Театральный музей, Ленинград

П. И. СОСНИЦКИЙ В РОЛИ ГОРОДНИЧЕГО
Фотография 1860-х гг.
Театральный музей, Ленинград

[1] Публикуемая запись является припиской к письму, написанному Г. С. Аксаковым накануне и имеющему точную дату.

[2] Гастроли М. С. Щепкина в Петербурге проходили в апреле — мае 1838 г.

[3] Не совсем ясное упоминание о какой-то картине художника И. Т. Дурнова, на которой должны были быть изображены Щепкин и Гоголь, встречается в письме И. Е. Великопольского к С. Т. Аксакову от 31 января 1838 г.: «Напишите мне еще, как идет портрет Щепкина. Дурнов, как я видел из „Художественной газеты", утвержден в звании академика. Это должно его поощрить.— Написано ли к Гоголю о присылке очерка его лица для бюста, который должен быть на картине? За это взялся Щепкин» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, ед. хр. 10, лл. 1 об.— 2).

15. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

Пятница. 1838 года, 1 июля. Петровское

...На сих днях подтвердилось известие о дурном положении Гоголя. Великопольский предложил собрать тысяч десять и первый дал тысячу. Завтра это дело устроится, но Погодин [1] говорит, что гордость Гоголя ужасна.— Во-первых, по-моему, тут не оскорбляется гордость; во-вторых, можно так сделать, чрез посольство, что он и знать не будет, кто платит за него долги [2]. Ведь это позор всем нам, если Гоголя за несколько тысяч посадят в тюрьму [3]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/23-а).

[1] Об отношениях Гоголя и М. П. Погодина (1800—1875) см. ниже, в нашей публикации «Неизданные письма к Гоголю».

[2] «В начале 1838 года распространились по Москве слухи, что Гоголь отчаянно болен в Италии и даже посажен за долги в тюрьму...— писал в своих воспоминаниях С. Т. Аксаков.— Мы решились ему помочь, но под большим секретом ⟨...⟩ Секрет был вполне сохранен ⟨...⟩ Деньги были отосланы немедленно» («История», 13—14).

12 июля 1838 г. С. Т. Аксаков писал сыну Константину: «Кажется, я писал тебе о намерении нашем с Великопольским (первая мысль его) помочь расстроенному положению финансов нашего Гоголя: исполнение не отвечало моему ожиданию. Иван Ермолаевич ⟨Великопольский⟩ дал 1 тысячу, я — 500 р., Погодин тоже, Баратынский 250 р., Николай Филиппович Павлов обещал столько же, а Хомяков и Мельгунов отказались под предлогом, что «э т о м о ж е т б ы т ь н е п р а в д а». Хомяков, который имеет 200 тысяч доходу! Тут только я узнал, что он не дал для Шафарика 50 руб., которых Погодин тщетно просил у него 4-мя письмами... Это невыносимо. Впрочем, всё, что я пишу об этом предмете, должно остаться совершенною тайною! Бог с ними! Я и сам не верю всему, что говорят о крайнем положении Гоголя... это, вероятно, увеличено его врагами. Может быть и выдумано, но что за беда? Деньги пошлет ему Михаил Петрович ⟨Погодин⟩ от себя, взаймы,— тут никак нельзя обидеться» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/23-а).

Эти подробности о сборе денег для Гоголя совершенно затушеваны в воспоминаниях С. Т. Аксакова, отметившего лишь, что он, «Погодин, Баратынский и Н. Ф. Павлов сложились по 250 р. и 1000 р. предложил сам, по сердцу весьма добрый человек, И. Е. Великопольский» («История», 13).

Е. И. ГУСЕВА В РОЛИ ПОШЛЕПКИНОЙ
Гипс, 1840-е гг.
Театральный музей, Ленинград

Публикуемыми письмами устанавливается, что сбор денег и отправление их Гоголю были произведены еще до получения его просьбы об оказании ему денежной помощи (см. «Письма», I, 520).

Приводим письмо И. Е. Великопольского к С. Т. Аксакову, написанное 19 лет спустя, 17 июля 1857 г., и относящееся к этому эпизоду:

«Любезнейший Сергей Тимофеевич! По Вашей записке я был у П. А. Кулиша и получил триста рублей серебром. Благодарю Вас <...> Г-н Кулиш, вероятно, уже уведомил Вас, что я взял эти деньги заимообразно. Я не давал Гоголю в заем и, понимаете, не делал ему пособия, характер которого мог бы быть чем-либо неприятен ему. Я был счастлив, что случай дал мне тогда возможность быть ему полезным, и, отдав деньги из рук в руки Погодину, никогда никому о том не говорил, кроме Вас, от которого я тогда, помнится, первого узнал о нужде, в которой Гоголь находился в Италии, и кроме Баратынского, присоединившего, по моему убеждению, к моим деньгам своих пятьсот рублей. Вы знаете, в какой я неоднократно находился крайности, но говорил ли я хоть однажды Вам об этих деньгах, хоть и знал участие, принимаемое Вами в распоряжениях об уплате долгов покойного Николая Васильевича. Я уверен, что его мать немедленно возвратила бы мне эту небольшую сумму, но я не хотел и не хочу лишать себя наслаждения признавать себя одним из самых искренних почитателей его таланта, чему мне удалось, без ведома его, дать доказательство. Тогда я просил Погодина, чтобы Гоголь ничего не знал, от кого он получил деньги, и, сколько мне известно, он во всю свою жизнь ничего о том и не знал. Таким же образом теперь не должна знать о том и его мать, иначе она не захочет остаться у меня в долгу; если же Вы к ней о том уже написали, то прошу Вас это как-нибудь исправить сообразно с моим желанием» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 65, лл. 1—2).

[3] В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится неизданное письмо С. Т. Аксакова от 18 июля 1838 г. к сыну Константину, находившемуся в это время за границей, с советом съездить в Рим к Гоголю (ГАИС, III/III/23-а).

16. Н. М. ЯЗЫКОВ — П. М. БЕСТУЖЕВОЙ

Июля 1 дня 1839. Ганау

...В Риме найдем мы Гоголя,[1] который вчера был у нас проездом в Мариенбад — с ним весело. Он мне очень понравился и знает Рим, как свои пять пальцев, потому что жил в нем три года. Он, вероятно, много написал в Риме. В Мариенбаде съедется он с Погодиным и Шевыревым, там же будет и Шафарик [2]. Порядочная компания славян! <...>

У нас теперь довольно русских книг, даже по два экземпляра новейших — «Сто русских литераторов»; портреты хорошо гравированы, но, говорят, мало похожи — всех похожее, по словам Гоголя, Зотов — а что он писал — никто не знает [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (Яз. 19. 4. 20.— Яз. 1. 20).— Начало письма опубликовано в статье: В. Шенрок. Н. М. Языков.—«Вестник Европы», 1897, № 12, стр. 618.

[1] Эта поездка Языкова в Рим осуществилась только через три года, в 1842 г.

[2] Павел-Иосиф Шафарик (1795—1861) — известный чешский ученый-славист.

[3] Портрет Рафаила Михайловича Зотова (1795—1871), третьестепенного официозного литератора тридцатых годов, был помещен в первом томе изданного А. Ф. Смирдиным сборника «Сто русских литераторов». Зотов был изображен со скрещенными на груди руками и задумчивым, устремленным в даль взглядом. В своей рецензии на сборник Белинский иронически отмечал, что «портрет Рафаила Михайловича невольно приводит в умиление душу зрителя» (Соч., IV, 195).

17. И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

1839, августа 17. Село Чукавино

Перед отъездом из Москвы я справлялся об Вас, милостивый государь Михайло Петрович, и узнал, что Вас ожидают каждый день. Мне очень было жаль, что я не мог Вас дождаться и видеть после Вашего путешествия, свидания с Гоголем и пр. <...> Вы надеялись привезти с собою и Н. В. Гоголя. Не приехал ли он? [1] Не могу ли я через Вас достать от него отрывка

1836

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Воскресенье, 24 Маія, ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами представлена будетъ:

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

РЕВИЗОРЪ

Оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ соч. *Н. Гоголя.*

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ Дмухановскій, Городничій,	*Г. Щепкинъ.*
Анна Андреевна, жена его,	*Г-жа Львова-Синецкая.*
Марья Антоновна, дочь его,	*Г-жа Самарина.*
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ,	*Г. Волховъ.*
Жена его,	*Г-жа Кашина.*
Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, Судья,	*Г. И. Степановъ.*
Артемій Филипповичъ Земляника, Попечитель Богоугодныхъ заведеній	*Г. Румяновъ.*
Иванъ Кузмичъ Шпекинъ, Почтмейстеръ,	*Г. Потанчиковъ.*
Петръ Ивановичъ Добчинскій, Городскіе помѣщики,	*Г. Шумскій.*
Петръ Ивановичъ Бобчинскій,	*Г. Никифоровъ.*
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга,	*Г. Лепскій.*
Осипъ, слуга его,	*Г. Орловъ.*
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, Уѣздный Лѣкарь,	*Г. Зеленинъ.*
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ, Заставные чиновники,	*Г. Соловьевъ.*
Иванъ Лазаревичъ Растановскій, } почетныя лица	*Г. Бардинъ.*
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ, } въ городѣ.	*Г. Богдановъ 2-й.*
Жена Коробкина,	*Г-жа Сорокина.*
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, Частный Приставъ,	*Г. В. Степановъ.*
Свистуновъ, }	*Г. Щеголовъ 2-й.*
Пуговицынъ, } полицейскіе.	*Г. Живокини 2-й.*
Держиморда, }	*Г. Максинъ 1-й.*
Абдулинъ, купецъ,	*Г. Соколовъ 1-й.*
Февронья Пошлепкина, слѣсарша,	*Г-жа Божановская.*
Мишка, слуга Городничаго,	*Г. Шубертъ.*
Слуга въ трактирѣ,	*Г. Максинъ 2-й.*
Жандармъ,	*Г. Калининъ.*

Гости, гостьи, купцы и просители.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

Билеты для сего спектакля можно получать въ день представленія съ 10 часовъ утра въ Большомъ Театрѣ.

АФИША ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «РЕВИЗОРА» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Премьера была перенесена и состоялась не 24, как указано на афише, а 25 мая 1836 г.

Роль городничего в спектакле исполнял М. С. Щепкин

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

из его «Мертвых душ» или чего другого? — Сделайте мне одолжение, похлопочите об этом для меня и перепишитесь с ним, ежели он не в Москве. Хорошо, если бы еще к этому он позволил приложить к одному из альманахов свой портрет (ежели уже Смирдин не приобрел от него этого права для книжки «Сто литераторов», которая выйдет в будущем году). В таком случае, если он в чужих краях, то я бы просил его снять там портрет и даже заказать выгравировать форматом моего альманаха [2]. Я хочу взять форматы прежних: «Полярной звезды» или «Северных цветов». Разумеется, что я заплачу ему за всё это деньги и вышлю по первому его уведомлению. Переписку о его портрете, ежели дело пойдет на лад, я прошу Вас оставить до времени между нами ‹...› Название моих альманахов будет: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», и каждый выйдет в свое время года [3]...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. III/6/54).— Упоминание об этом письме: Барсуков, V, 324.

[1] Гоголь возвратился из-за границы в Москву вместе с М. П. Погодиным 26 сентября 1839 г.

[2] Гоголь резко отрицательно относился к воспроизведению в печати его портретов.

[3] Хлопоты Великопольского по изданию альманаха отмечены и в недавно опубликованном письме К. С. Аксакова к отцу («Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 129). Выпустить в свет задуманные альманахи Великопольскому не удалось.

18. Н. А. МЕЛЬГУНОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Ганау. $\frac{\text{‹25 сентября›}}{\text{7 октября}}$ ‹1839 г.›

...Если увидите Гоголя, скажите ему, что Одоевский и Краевский просят его также прислать статейку для журнала [1]. Что бы, говорят они, прислать ему «Невесту» [2] или отрывок из «Мертвых душ»? Журнал надо бы поддержать, потому что он один борется против смирдинских четырех разбойников [3]. Я пишу о том же и Шевыреву, который проводит зиму в Мюнхене и весною едет в Рим за женой [4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 67.— Яз. I. 28).

[1] Имеются в виду реорганизованные А. А. Краевским «Отеч. записки», к сотрудничеству в которых Гоголя старались привлечь неоднократно. В марте 1839 г. Краевский отправил Гоголю «предлинное письмо», в котором заклинал его принять участие в борьбе против «булгаринско-сенковской» партии (см. «Письма», I, 582—583). Гоголь, презрительно отозвавшись об «Отеч. записках» и их издателе, не ответил Краевскому. Несколько позже, однако, в не дошедшем до нас письме к В. Ф. Одоевскому, Гоголь, повидимому, обещал какое-то участие в «Отеч. записках» (см. ниже письмо № 30).

[2] Под «Невестой» следует понимать первоначальный вариант «Женитьбы» Гоголя. Аналогичное предложение было сделано Гоголю редакцией «Отеч. записок» уже через С. Т. Аксакова (см. «История», 32 и примеч. к письму № 30).

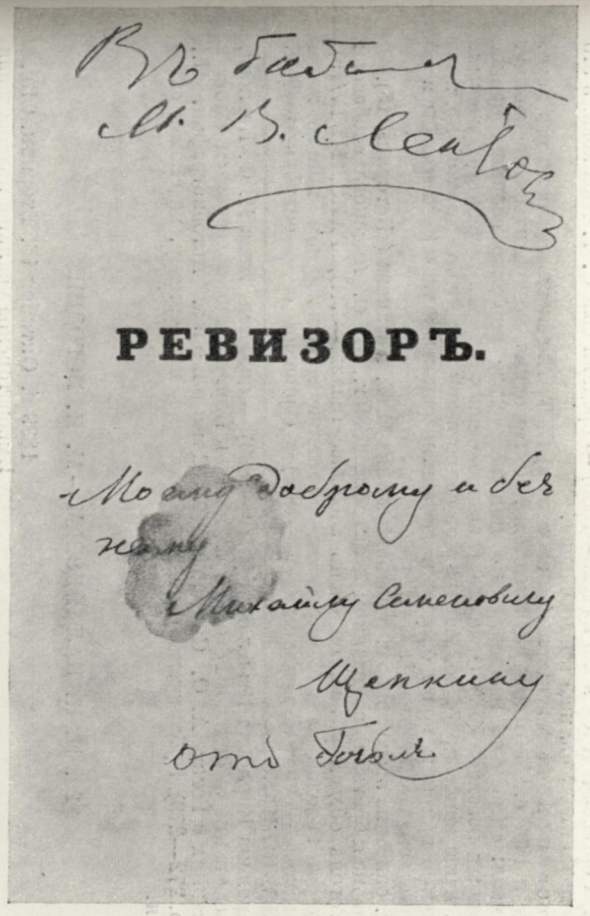
[3] «Четыре смирдинских разбойника» — Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский и Н. А. Полевой, редактировавшие различные издания книгопродавца А. Ф. Смирдина.

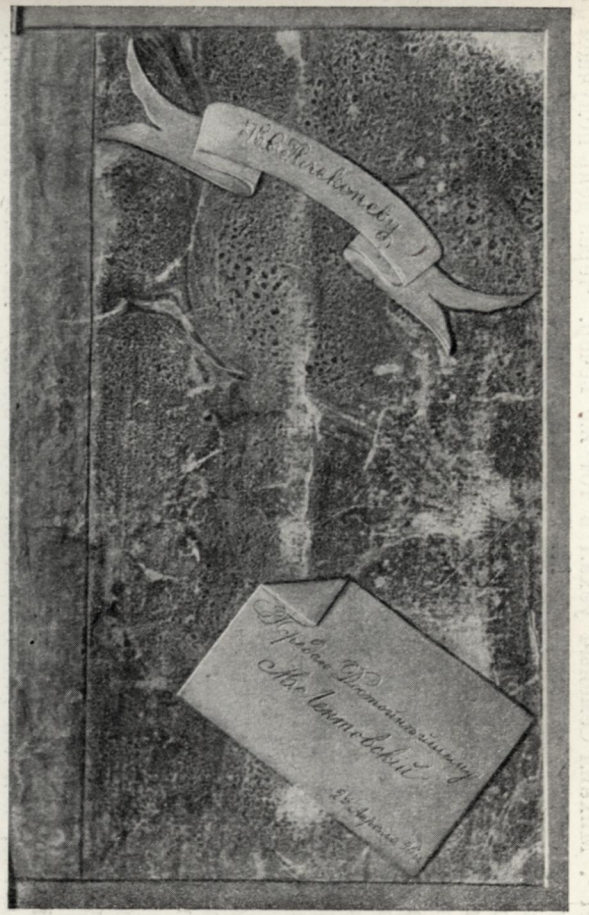
[4] Это письмо Мельгунова к Шевыреву неизвестно.

19. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

‹Москва. Около 30 сентября 1839 г.›

...Мы в Москве, наконец, и это случилось скорее, нежели мы ожидали, самым нечаянным и приятным образом. В день отесенькиных [1] именин был у нас М. С. Щепкин. Мы разговорились о Гоголе, о его великом таланте и о том, что бог знает когда придется нам его увидеть и услыхать то, что он написал нового. Михаил Петрович Погодин писал, что он ехать в Россию





ЭКЗЕМПЛЯР «РЕВИЗОРА» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГОГОЛЯ М. С. ЩЕПКИНУ (1836 г.).
ВПОСЛЕДСТВИИ КНИГА ПРИНАДЛЕЖАЛА К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

На переплете — таблички с гравированными надписями М. В. Лентовского, подарившего книгу К. С. Алексееву (Станиславскому) в 1896 г

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

не хочет [2]. Михаил Семеныч уехал в тот же вечер. Через день получаем мы поутру от него письмо, что М. П. Погодин приехал из чужих краев и... с ним приехал Николай Васильевич Гоголь! Можете себе представить наш восторг и вместе изумление! Я закричал, как давно не кричал, и испустил такой вопль от радости, что перепугал не на шутку Анну Ивановну и маленьких сестер. Наконец, решено было мне ехать сейчас в Москву да уж там и остаться. Отесенька непременно хотел приехать с Мишей на другой день, а маменька с остальными на третий [3] ⟨...⟩

Наконец, приехал я к Михаилу Петровичу; вошел в залу, он выходит из дверей. Я бросился обнимать его и в дверях увидел Гоголя. Мы тоже обнялись с ним несколько раз. Он сказал сейчас, что получил от меня письмо, но не мог отвечать, потому что получил его слишком поздно и, сверх того, не знал моего адреса.— У них обедал я и вместе с Гоголем, отправлявшимся в гости, вышел от Михаила Петровича.

Гоголь написал много, но это секрет: он не любит, чтоб ему говорили об его сочинениях. Мы все осторожны на этот счет. Он и теперь собирается писать что-то.

Гоголь такой человек, которого нельзя не полюбить, узнав его лично. Вчера он обедал у нас и часто смешил нас, сам нисколько не улыбаясь; чудный человек! Насчет сочинений своих он очень скрытен и, верно, написал более, нежели как открылся, и то одному Михаилу Петровичу. Гоголь, Гоголь! Наконец он здесь теперь! Я эту новость сообщил многим и в том числе Николаю Филипповичу и Каролине Карловне [4]. Вообразите, что он был в Испании во время междоусобной войны; в Лиссабоне также [5]. Вот вам радостная весть, милые друзья и братья...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 23, лл. 3—4).

Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) — средний сын С. Т. Аксакова; в это время воспитанник Училища правоведения.

[1] «Отесенькой» (ласкательное от «отец») С. Т. Аксакова называли его дети.

[2] Еще в 1837 г., в ответ на предложение Погодина возвратиться на родину, Гоголь писал: «Для чего я приеду? Не видал я разве дорогого сборища наших просвещенных невежд? ⟨...⟩ О, когда вспомню наших судей, меценатов, ученых, умников, наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильные причины, когда они меня заставили решиться на то, на что бы я не хотел решиться» («Письма», I, 434).

[3] См. описание этого эпизода в воспоминаниях С. Т. Аксакова («История», 15).

В письме к братьям, написанном 3 октября 1839 г., В. С. Аксакова сообщала: «Вчера Гоголь обедал у нас, он очень забавен» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/19). О посещении Гоголем семьи Аксаковых см. также в неизданном письме жены С. Т. Аксакова — Ольги Семеновны (1792—1878) к сыновьям от 4 октября 1839 г. (ЛБ, ГАИС, III/III/23-г).

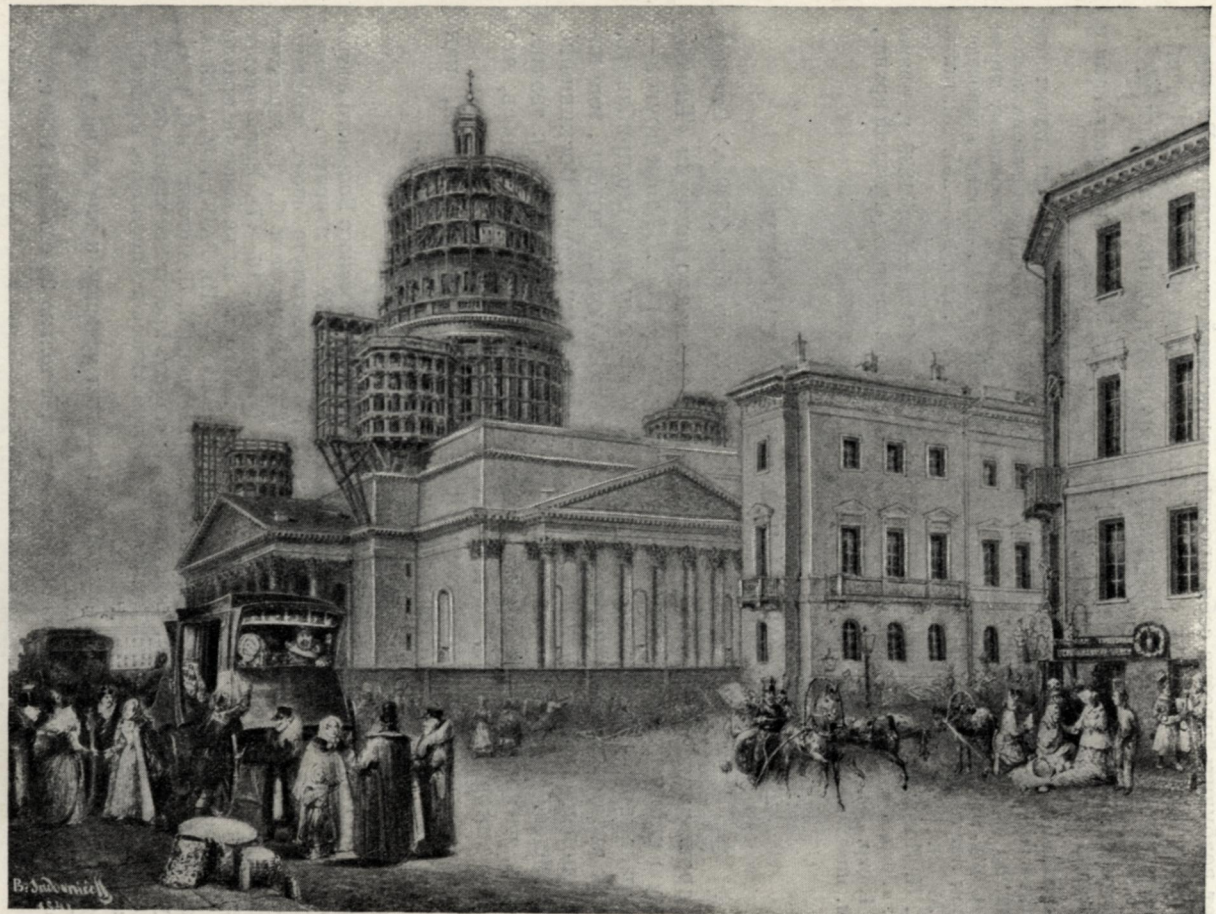
[4] Каролина Карловна Павлова (1810—1893) — поэтесса, жена Н. Ф. Павлова.

[5] Упоминание о поездке Гоголя в Испанию и Португалию встречается также в воспоминаниях о Гоголе А. О. Смирновой (А. Смирнова. Автобиография. М., 1931, стр. 272—273). Публикуемое сообщение основано, повидимому, на словах самого Гоголя.

20. Н. К. КАЛАЙДОВИЧ — М. П. ПОГОДИНУ

1839 г. Октября 16. Вторник. СПб.
Императорское училище правоведения

...Вы привезли с собою в подарок нашей литературе беглеца Пасичника!— Знаете ли, что известие об этом возбудило у нас энтузиазм! [1] Теперь только и разговоров, что о Гоголе и новых его произведениях. Только и слышишь, что цитаты из «Вечеров на хуторе», из «Миргорода», из «Арабесок». Даже вздумали разыгрывать «Ревизора» и уже выучили роли [2]. Любители петербургской жизни и петербургского общества (которых у нас немало) завидуют теперь москвичам, которые, по всей



СТАНЦИЯ ДИЛИЖАНСОВ НА ИСААКИЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Акварель В. С. Садовникова, 1841 г.

Эрмитаж, Ленинград

вероятности, прежде их будут наслаждаться новыми творениями Гоголя. Вот что значит побыть несколько времени за границею, возбудив перед тем всеобщее внимание! Петербург жалеет, что потерял одного из достойнейших литераторов, и возвышает цену произведений Гоголя. «Ревизора» едва можно достать, и то не меньше как за 15 руб.— Потрудитесь предостеречь г-на Гоголя, чтобы он не медлил изданием своих творений, если не хочет возбудить против себя ярости почитателей его таланта. Будущие титулярные советники ждут с нетерпением диплома и сочинений Гоголя; но и то и другое еще впереди! Неужели все кончится одним ожиданием? ...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/14/49).— Опубликовано с пропусками и искажениями: Барсуков, V, 324.

Николай Константинович Калайдович (1820—1854) — сын известного археолога; в это время учился в Училище правоведения. В. В. Стасов в своих воспоминаниях дал высокую оценку Калайдовичу, «горячему, пылкому, одаренному даром слова, умному, честному и светлому головою» (В. Стасов. Училище правоведения сорок лет тому назад.— «Русская старина», 1881, № 6, стр. 254—255. См. также письмо № 92).

[1] М. П. Погодин в письме к С. П. Шевыреву от 10 октября 1839 г. также отмечал: «Гоголь работает. Ему обрадовались в Москве без памяти» («Русский архив», 1883, № 1, стр. 84).

[2] См. письмо № 23 и примеч. к нему.

21. С. Т. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 17 октября ⟨1839 г.⟩ Вторник

...В прошедшую субботу Гоголь читал у нас начало комедии «Тяжба» и большую главу из романа (вероятно «Мертвые души»). И то и другое — чудные созданья! Особенно глава из романа! И к этому надобно прибавить, что он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, перед ним — ученики в театральном искусстве. Восхищение было всеобщее. Сегодня дают «Ревизора» [1]. Гоголь обещал быть в театре. Я надеюсь, что публика встретит его с восторгом, только опасаюсь, что он, заметя такое волнение, не дождется конца и уйдет.

Гоголь вместе с нами приедет в Петербург на короткое время, как говорит,— но я думаю, что он вместе же с нами из него уедет [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/24-г).

[1] Представление «Ревизора» состоялось в помещении Московского Большого театра 17 октября 1839 г. Описание этого спектакля см. в письме № 24 и примеч. к нему.

[2] Гоголь торопился в Петербург, чтобы взять из института своих младших сестер — Анну (1821—1893) и Елизавету (1823—1864). Между тем С. Т. Аксакова задерживали в Москве различные обстоятельства («История», 16—17). Еще в письме от 29 сентября 1839 г. О. С. Аксакова писала мужу: «Что же вы не скажете правды Гоголю, что не можете ехать тогда, как он думает?» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/183-г).

К началу октября 1839 г. относится следующая записка М. П. Погодина к С. Т. Аксакову, упоминание о которой см. в «Истории», 17: «Гоголь просит Вас узнать от Вашей знакомки — когда бывает выпуск воспитанниц Патриотического института, в декабре перед святками или в январе, после них.

На обороте рукой С. Т. Аксакова: Я сейчас ездил узнавать и ничего не узнал» (неизд. — ЦГЛА, ф. 10, ед. хр. 33, л. 5).

Выезд Гоголя и Аксаковых из Москвы состоялся только 26 октября 1839 г.

22. Д. М. КНЯЖЕВИЧ — С. Т. АКСАКОВУ

Одесса. 20 октября 1839

...За доставленные стихи приношу мою благодарность [1], а за уведомление о Гоголе вдвое. Слава богу, что его, наконец, на святую Русь опять вытащили! Слава богу! Только если он полюбил Италию, то у вас, верно, соскучится. В таком случае присылайте его к нам: у нас с Италией много

сходства, по крайней мере больше, чем у вас. Но ты об нем пишешь как-то таинственно, что заставило нас много думать и догадываться. Если самому некогда, то попроси Константина Сергеича (которого дружески обнимаю) написать нам поподробнее, ч т о́ и к а к и д л я ч е г о.

Хорошо, кабы Гоголь дал для «Альманаха» статейку; в ножки бы ему поклонился. Попроси, пожалуйста! И к Погодину я об этом пишу [2].

ГОГОЛЬ
Миниатюра Видаля, 1838 г.
Местонахождение оригинала неизвестно

Помнишь, я было в Рим хотел писать к нему о том. Авось не откажет по знакомству...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/1/29-а).

Дмитрий Максимович К н я ж е в и ч (1788—1844) — попечитель Одесского учебного округа и издатель «Одесского альманаха», старинный приятель Аксакова.

[1] Стихи К. С. Аксакова, помещенные в «Одесском альманахе» за 1840 г.: «Певец» (из Гете) и «Ночное посещение» (из Вецеля).

[2] 20 ноября 1839 г. Княжевич писал Погодину: «Поддержите хоть Вы честь московских литераторов, которые в нынешнем году сильно меня надули. Обещали чортову пропасть все, и не прислал п о ч т и никто ничего. Славные ребята! В том числе и Щепкин, на которого, как на твердую гору, надеялся, что он пришлет отрывок из своих

записок. Напомните-ка ему, старику, что „кто слову изменит, тому да будет стыдно". За ходатайство Ваше у Гоголя усердно благодарю, хотя вовсе не надеюсь успеха» (неизд.— ЛБ, Пог. II/15/69). Беглое упоминание о Гоголе встречается и в неизданном письме Княжевича к Погодину от 3 января 1840 г. (там же).

23. Г. С. АКСАКОВ — С. Т. и О. С. АКСАКОВЫМ

‹Петербург.› Воскресенье. 22 октября, 1839-й год

...У нас в училище играли в субботу после всенощной «Ревизора» Гоголя, разумеется без декораций и хороших костюмов. Всё училище смотрело и восхищалось этой пиесой. Сначала было вовсе запретили играть, но тогда отправились все в известное место и там представляли, как могли. Потом получили позволение от принца [1], которому донес о том директор [2]; и тогда всё, что можно было сделать, не имея костюмов и декораций, было сделано. Против ожидания, шло очень хорошо. Особенно удачно сыграны роли Хлестакова и Осипа [3].

Я думаю, Гоголю будет очень приятно, когда он узнает, что пиеса его была играна в училище и что ее почти всякий из нас знает наизусть [4]; сколько эпиграфов приведено было из его комедии к нашим профессорам; всякому досталось! [5]

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV/22).

[1] Принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812—1881) — основатель и попечитель Училища правоведения.

[2] Директором Училища правоведения в это время был Семен Антонович П о ш м а н (1792—1847). По характеристике В. В. Стасова, «это был человек малообразованный, довольно ограниченный, отроду ничего на своем веку не читавший, кажется даже газет, и разве только в Училище получивший кое о чем понятие» («Русская старина», 1880, № 12, стр. 1023).

[3] Г. Сюзор в своей книге, посвященной истории Училища правоведения, пишет: «В училище сохранилось воспоминание об одной попытке воспитанников заняться театральным искусством, а именно о постановке воспитанниками „Ревизора" 20 марта 1838 года, который был разыгран ими в своем кругу и без костюмов» (Г. С ю з о р. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения. СПб., 1910, стр. 224). Вероятно, приводимая Сюзором дата ошибочна и речь идет о спектакле, состоявшемся в 1839 г. и описанном в публикуемом письме.

[4] Об отношении воспитанников Училища правоведения к Гоголю («настоящем маленьком помешательстве») и влиянии «Ревизора» и «Мертвых душ» на язык учащихся оставил красочное свидетельство В. В. Стасов в воспоминаниях об Училище («Русская старина», 1881, № 2, стр. 414—418 и № 6, стр. 274).

[5] «Вчера у нас играли „Ревизора" (т. е. только наш и 2-й класс),— сообщал в тот же день родителям также И. С. Аксаков.—Некоторые были просто в куртках, другие склеили себе костюмы из бумаги. Впрочем, очень, очень порядочно играли, тем более, что это всё устроили в одну неделю и в первый раз, без пособия кулис и костюмов. Был директор, только не на всем спектакле, очень смеялся и, говорят, хочет об этом доложить принцу — может быть, у нас устроят театр, как и в некоторых других заведениях ‹...› Итак, письмо это, может быть, и не застанет отесеньку ‹...› Стало, я увижу Гоголя, но я не понимаю: что, он приедет вместе с отесенькой или только в одно время с ним?» (не изд.— ЛБ, ГАИС, III/III/15-б.

24. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

‹Москва. 24—25 октября 1839 г.›

...Вот, наконец, наши отправляются к вам, и с Гоголем, который недолго пробудет в Петербурге. Я мало еще писал вам об нем, милые братья, и потому напишу теперь. Мы не говорили вовсе с ним о его сочинениях, потом мало-помалу, издалека, заводили разговор так, что, наконец, он сам рассказывал нам о поста‹но›вке «Ревизора» и проч.

Я Гоголя люблю и просто как человека. Его лицо, его слова, вся его непосредственность мне чрезвычайно нравятся. Гоголь — художник

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РЕВИЗОРУ»

Рисунок П. М. Боклевского для альбома «Бюрократический катехизис», 1863 г.

На полях печать Московского цензурного комитета

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

искреннейший, durch und durch*; в самих рассказах его даже оживают лица, становятся движущимися, живыми образами.— Через несколько времени после его приезда услышали мы, что он читал Жуковскому у Елагиных. Отесенька написал записку к Михаилу Петровичу ⟨Погодину⟩, в которой упомянул об этом чтении. Михаил Петрович обещал быть у нас в тот день.

У нас обедало несколько гостей: в том числе Панаев. Вечером приезжала Е. В. Погодина [1], которая сказала нам, что Гоголь у Нащокина. «Не будет ли он читать у него?» — спросил я.— «Нет, ⟨но⟩ не будет ли он здесь читать?» — отвечала Е. В. — Я почти закричал. Наконец приехал Гоголь, с ним Нащокин [2] и М. С. ⟨Щепкин⟩. Через несколько времени все уселись в гостиной, и Гоголь начал читать нам.— Я и все перерывали его часто хохотом.

Всё, что ни прочел он, есть истинно художественное произведение. И те тупы, которые только видят в его сочинениях с м е ш н о е. Гоголь— великий, гениальный художник, имеющий полное право стоять, как и Пушкин, в кругу первых поэтов, Гете, Шекспира, Шиллера и проч.— Но о самом Гоголе когда-нибудь после [3].

Теперь скажу о представлении «Ревизора». Здесь был назначен «Ревизор», и Гоголя убедили приехать. Публика хотела его непременно вызвать. Разумеется, этого ему не говорили. Я пошел нарочно в кресла. Там увидал я много знакомых: Кетчера, Боткина, Каткова (я был у Белинского еще перед этим и там видел их); встретился я с ними дружески, но не совершенно свободно. Скоро Гоголь приехал в ложу и совершенно спрятался; я указал на него своим знакомым. Мы условились было хлопать беспрестанно даже в антрактах и вызвать после пьесы. Актеры играли чудесно. Вдруг после второго действия несколько голосов закричали: «Автор!» Я изумился, потому что я не ожидал этого и боялся, что не будет дружен вызов; я совсем было расположился, но, видя, что уж начали вызывать, я присоединился к вызывающим и начал поддерживать всеми силами, голосом, руками и ногами. Уж если вызывать, так вызывать же! Все мои знакомые сделали то же, и вызов стал общим. Гоголь совсем спрятался в своей ложе. За ним не приходили от дирекции. Вызов всё продолжался, он встал и уехал. Увидя, что он скрылся, публика удвоила вызов, думая, что он пошел в директорскую ложу. Все обратились туда, и в ней нельзя было мелькнуть фраку, не усилив крика. Вдруг стали подымать занавес, все еще громче закричали: «Автора! автора!» Занавес поднялся, вышел на авансцену Самарин [4]; всё замолкло. И он сказал: «Автор комедии в театре не находится». Все были поражены, и совершенная тишина наступила после этих слов, точно будто спектакль кончился. Я ушел в ложу и там узнал, что М. Н. ⟨Загоскин⟩[5] и рвет и мечет на Гоголя, но он сам виноват: зачем ему было не присылать [6]. Я Гоголя не виню нисколько После этого он был у нас несколько раз, и я еще более, как и все, полюбил его! [7] Белинский, которого прошу вас встретить ласково, [8] видел его у нас два раза и прошедшую субботу. Какой день был это для нас!

Гоголь у нас обедал и просидел до первого часу. Он был окружен людьми, его искренно любящими и понимающими его великий талант. Тут сидели: я, Дм. ⟨М⟩. Щепкин, М. С. ⟨Щепкин⟩, ⟨И. И.⟩ Панаев, Белинский; отесенька приходил тоже из гостиной, где играли в карты, Армфельд [9] и Н. Ф. Павлов также. Последний и жалок и смешон и не знает, какую роль принять ему в присутствии Гоголя, который его давит и подавляет. Он все старается заметить, что он сам по себе, а Гоголь сам по себе, так что иногда щадишь бедного Н. Ф. [10]

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 21, лл. 10—11).

---

* насквозь (нем.).

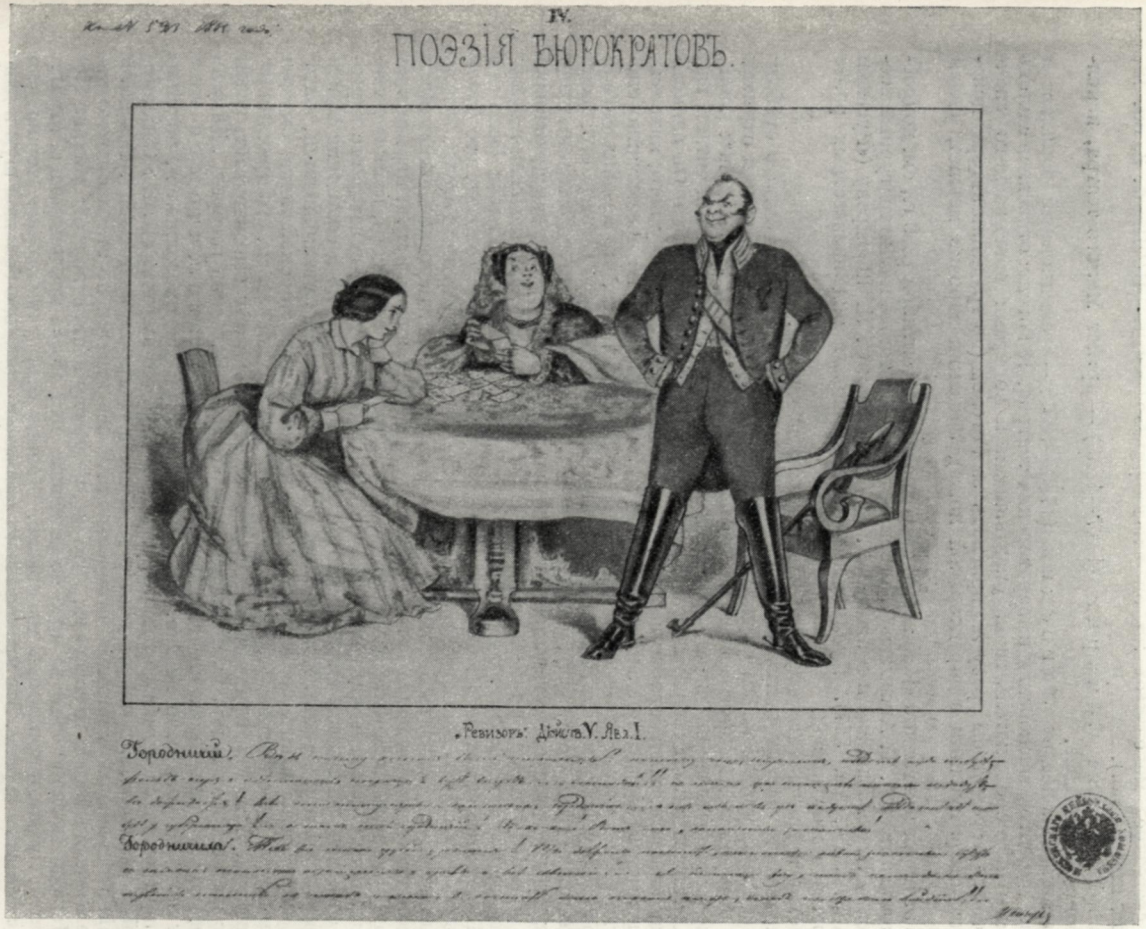


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РЕВИЗОРУ»

Рисунок П. М. Боклевского для альбома «Бюрократический катехизис», 1863 г.

На полях печать Московского цензурного комитета

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

[1] Елизавета Васильевна Погодина, рожд. Вагнер — жена М. П. Погодина.

[2] Павел Воинович Нащокин (1800—1854) — близкий друг Пушкина.

[3] В письме от 2 января 1840 г. К. С. Аксаков писал братьям: «Гоголь бывает часто у нас, читал уже два раза после приезда. Я дивлюсь ему, и не только во время слушания его сочинений, но и тогда, когда просто с ним разговариваю. Можно бы много написать о характере его как художника, характере, который делает его художником по преимуществу и ставит его в один круг с знаменитым бессмертным греком и англичанином. Гомер, Шекспир и Гоголь — вот чудное, пышное созвездие. Напечатает ли он что-нибудь?» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 24, л. 1—1 об.).

[4] Иван Васильевич Самарин (1817—1855) — артист Малого театра, исполнитель роли Хлестакова.

[5] Михаил Николаевич Загоскин (1789—1852) — реакционный романист и драматург, директор московских императорских театров. К Гоголю относился с плохо скрываемым недоброжелательством, сказавшимся и во время описываемого спектакля: вместо того, чтобы сразу же прислать за Гоголем (по традиции авторы появлялись на вызов публики в директорской ложе), Загоскин нарочно медлил, желая помешать овации, которую публика намеревалась устроить Гоголю.

[6] Об этом представлении «Ревизора», состоявшемся 17 октября 1839 г., см. подробно в воспоминаниях С. Т. Аксакова («История», 56—57), а также в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева и в письме Н. Ф. Павлова к С. П. Шевыреву («Русский архив», 1897, № 4, стр. 557). Публикуемое письмо вносит ряд неизвестных ранее подробностей в этот эпизод.

В письме к братьям в Петербург В. С. Аксакова писала:

«В последний раз мы получили ваши письма при Гоголе — это было в субботу вечером, и мы не успели их прочесть тотчас. В этот вечер Гоголь читал нам отрывок из своей комедии и еще другой из какой-то повести, кажется „Мертвых душ"; жаль, что вас не было; все, что он читал, превосходно, чудно; к тому же он так читает, как никакой актер не сумеет сыграть. При свиданьи расскажу вам подробно. Он написал много, как кажется, хотя говорит другим, что ничего не написал, но у него, кажется, нет почти ничего совсем оконченного. Он болен, в ипохондрии, но чрезвычайно смешон, когда рассказывает что-нибудь и не улыбается. Вообразите, что на-днях давали „Ревизора", его уговорили ехать смотреть, все согласились прежде вызвать его; наша ложа была возле ложи Чертковых, у которых он сидел; возле нас с другой стороны были Павловы; в театре было общество избранное, и потому не так много; все расспрашивали о Гоголе с таким участием, с такою жадностью хотели его видеть, заглядывали в ложу; он же совершенно ушел в кресла и закрылся рукой так, что и нам нельзя было его видеть. Перед вторым актом ⟨М. Ф.⟩ Орлов подходит к Павлову и говорит, что будут вызывать после второго; а между тем Загоскин оставил свой бенуар для Гоголя. Гоголь же просил отесеньку сказать Загоскину, что его нет в театре. Загоскин рассердился еще более потому, что он видел Гоголя из своей ложи. Прошли два акта, играли превосходно; вдруг раздается крик: „Автора". Гоголь спрятался еще более, крик все увеличивался. Гоголь встал и ушел из ложи. Отесенька вышел тоже, схватил его и уговаривал остаться; он просил сказать, что он нездоров, что он не в состоянии выйти благодарить публику, и уехал. Крик не перестает, напротив еще увеличивается, когда сказали, что Гоголь вышел из ложи, все обратились к директорской ложе, ожидая каждую минуту, что он появится, и если б он в эту минуту показался, его приняли бы с неистовством. Загоскин прислал за отесенькой, отесенька ему выговаривает, зачем он тотчас же не прислал или не пришел сам за Гоголем. Загоскин говорит: „Да ведь я не знаю, где он сидит (хотя он его видел), ведь он сказал, что его нет в театре", но уже было поздно. Гоголь уехал. Шум все продолжался, подняли занавес, шум удвоился, думали, что хотят начать играть, но выходит ⟨И. В.⟩ Самарин, игравший Хлестакова, и говорит: „Автор комедии в театре не находится". Все были чрезвычайно поражены, удивлены, огорчены этим; все утихло, но это произвело неприятное впечатление, стали говорить: „Что же, разве ему неприятно это?" Михаил Петрович Погодин поехал тотчас за ним, но не нашел его. Пьеса продолжалась, играли все, кажется, лучше, и принимали прекрасно. Щепкин был удивительно хорош, его вызвали с большим шумом. Это происшествие произвело довольно большой шум и движение в обществе.

Исписала вам целый лист и всего еще не успела сказать. Гоголь сам чрезвычайно огорчился этим происшествием и написал даже извинительное письмо, после которого, конечно, никто не может его упрекнуть. Он должен скоро ехать в Петербург и собирается даже вместе с нами, но не знаю, уладится ли это, потому что мы еще не совсем решились — когда ехать» (неизд. — ЛБ, ГАИС III/IV/19).

18 октября О. С. Аксакова писала сыновьям в Петербург: «Я не знаю, за что приняться, торопятся ехать, а ничего не готово. Гоголь непременно хотел ехать вместе, но не знаю, что теперь, после вчерашнего. Вчера играли „Ревизора" — его вызывали, кричали, а он не вышел; все в негодовании, а он, я думаю, сердится на отца, считая это его заговором» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/9-в).

[7] Т. Н. Грановский писал П. В. Станкевичу 2 декабря 1839 г.: «Был здесь Гоголь. Я поругался за него с Белинским и Катковым: давали „Ревизора" (играли чудесно); вдруг, после второго акта, наши друзья и еще несколько молодцов заорали: подавай сюда сочинителя. Разумеется, к ним присоединилось много других голосов; кричали, кричали, но без толку: сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей

ХЛЕСТАКОВ
Рисунок П. М. Боклевского. 1870-е гг.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

особы. За это его ужасно поносили» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 374—375).

См. также письмо Н. П. Огарева к А. И. Герцену, написанное на следующий день после спектакля («Русская мысль», 1888, № 11, стр. 1).

Описание этого представления дано в анонимной рецензии на «Мертвые души», помещенной три года спустя в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» и, повидимому, принадлежащей В. С. Межевичу (см. ниже письмо № 79).

[8] Белинский переехал в Петербург в конце октября 1839 г.

[9] Александр Осипович Армфельдт (1806—1868)—профессор судебной медицины в Московском университете; был лично знаком с Гоголем (см. об этом в воспоминаниях А. Д. Галахова «Сороковые годы».— «Исторический вестник», 1892, № 2). 13 июня 1846 г. С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Я скажу тебе слова, неосторожно сказанные мною Армфельду по случаю ‹А. Д.› Галахова: „Скажу вам откровенно, что для меня Галахов и даже иногда вы, в то время, когда вы хвалите Гоголя, бываете несноснее тех людей, которые его вовсе не понимают и бранят“» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 10, л. 31 об.).

[10] Николай Филиппович Павлов (1805—1864) — популярный беллетрист тридцатых годов, автор нашумевших «Трех повестей». В 1847 г., после появления «Выбранных мест из переписки с друзьями», выступил в «Московских ведомостях» с «Письмами к Гоголю», в которых осуждал эту книгу с умеренно-либеральных позиций. В 1860-х гг. Н. Ф. Павлов, скатившийся в лагерь реакции, издавал рептильную газету «Наше время».

В большинстве публикуемых писем разных корреспондентов имя Павлова упоминается с откровенной иронией или враждой. Его претензии на соперничество с Гоголем и ревниво-завистливое отношение к великому писателю служили постоянным предметом осуждения и насмешек в московских литературных кругах.

25. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

‹Петербург.› 27 ноября ‹1839 г.› [1]

...Как я рад, что ты не видел вчера «Ревизора»! Ты пришел бы в совершенное изумление, а потом в ярость! Каково! Пьеса сделана посильным произведением для толпы! Нет истины, нет живых лиц — все отвратительная карикатура! — Как опасно нехорошо играть Гоголя да и всякого гениального писателя! Я даже не скажу ему, до какой степени дурно играют «Ревизора». Это его расстроит, и он должен сейчас у меня быть [2].

Вообрази, Костя: вчера я приехал рано к Жуковскому (его не было уж дома: он уехал к умершему в ту ночь Дашкову) и вошел тихонько к Гоголю и нашел его в роде какого-то халата, на голове бархатная большая, вышитая золотом шапка, а ноги в чулках... Стоит и пишет что-то... и видно, что я ему крепко помешал. Уморительный костюм его не кажется ему и странным [3]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Аксаковых (№ 10, оп. 1, ед. хр. 56, л. 4—4 об.).

[1] Гоголь приехал в Петербург вместе с В. С., М. С. и С. Т. Аксаковыми 30 октября 1839 г. («История», 20). Письма В. С. Аксаковой к матери с дороги, в которых встречаются упоминания о Гоголе, хранятся в ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 22, лл. 4—5, 7—7 об. и 12—13.

[2] В своих воспоминаниях С. Т. Аксаков писал: «26 ноября давали „Ревизора“. У нас было два бельэтажа, но я никак не мог уговорить Гоголя ехать с нами. Он верно рассчитал, до чего должно было дойти его представление в течение четырех лет: „Ревизора“ нельзя было видеть без отвращения, все актеры впали в отвратительную карикатуру» («История», 27). М. С. Аксаков в письме к матери от 27 ноября 1839 г. также отмечал, что «здесь „Ревизора“ играют гораздо хуже, нежели в Москве, и потому эта пьеса здесь нравиться не может» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 22, л. 203).

[3] О посещении Аксаковым Гоголя см. в «Истории», 27—28. Публикуемое письмо исправляет ряд неточностей, допущенных Аксаковым в описании этого визита. В частности, Аксаков сообщал, что перед тем как зайти к Гоголю, он „зашел к «его хозяину, к Жуковскому» и «засиделся у него часа два. Говорили о Гоголе» и т. д.

Описывая бедственное положение Гоголя во время его пребывания в Петербурге в 1839 г., С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях сообщил, между прочим, что «Гоголь потерял свой бумажник с деньгами да еще с записками, для него очень важными», и упомянул, что об этом было опубликовано в «Полицейской газете» («История», 23).

Просмотр комплекта «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» за ноябрь 1839 г. дал нам возможность выявить в приложении к № 44 от 29 ноября объявление, повидимому написанное Гоголем:

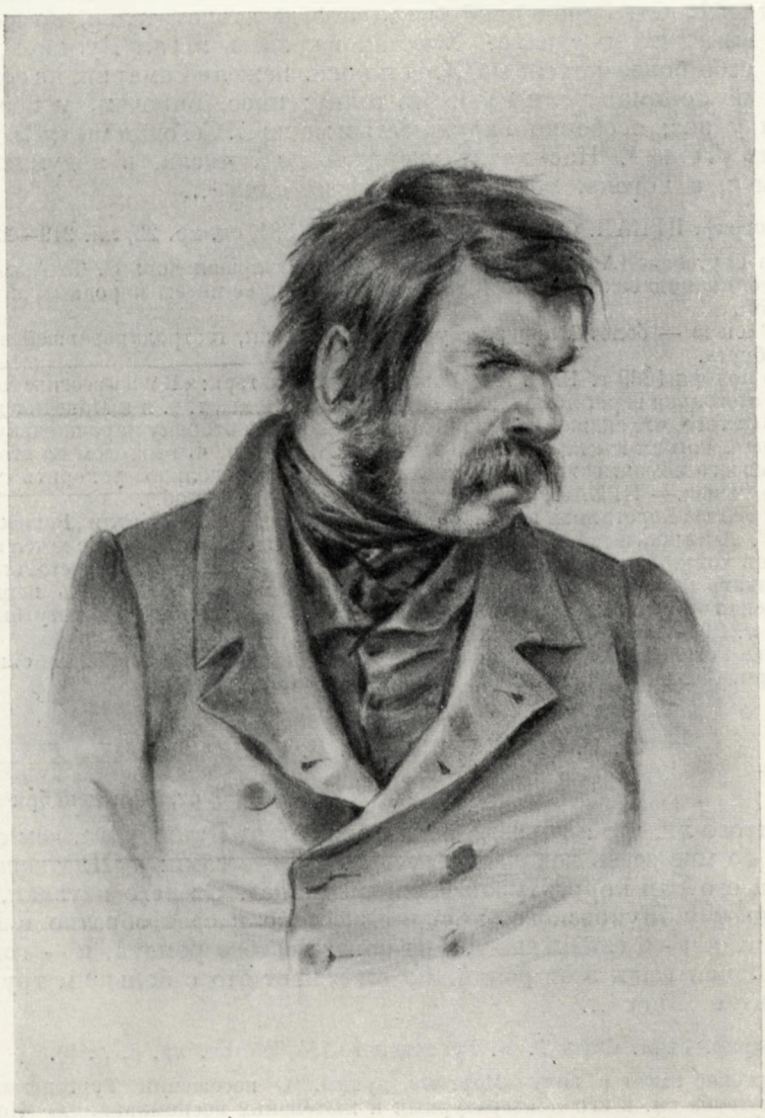
«ПОТЕРЯ

Вечером 24 ноября, по дороге от кондитерской у Полицейского моста до Нового переулка, потерян маленький подержанный, зеленый бумажник, в котором находилось 105 р. ассигнациями и некоторые нужные бумаги; нашедшего оный просят

деньги взять себе, а бумаги доставить в Новый переулок, 2 адмир. части, в дом полковника Брума, в квартиру под № 22».

Это объявление повторено также в № 45 от 2 декабря.

Ср. также объявление о потере «небольшой записной книжки в сафьянном переплете, с белыми и писанными листками и деньгами» в той же газете — № 39, от 11 ноября 1839 г.



ОСИП

Рисунок П. М. Боклевского, 1870-е гг.

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

«Разумеется, бумажник не нашелся,— отметил Аксаков,— именно потому, что в нем были деньги» («История», 23).

В неизданных письмах В. С., И. С. и С. Т. Аксаковых к О. С. Аксаковой за этот период встречаются упоминания о посещении их Гоголем 5, 9, 12 и 13 ноября 1839 г. (ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 22, лл. 59, 113 об. и 120; ИРЛИ, ф. 3, оп. 9, ед. хр. 16, л. 21; ЛБ, ГАИС, III/IV, 17-а).

26. В. С. АКСАКОВА — О. С. АКСАКОВОЙ

<Петербург. 27 ноября 1839 г.>

...В воскресенье, т. е. вчера, у нас был нанят возок на целый день <...> Вечером мы были в театре всей семьей, видели «Ревизора», и какая разница с тем, что у нас играют, начиная с Сосницкого, который ходит как-то согнувшись, изломанный какой-то, совсем нет той жизни, которая у нас всех одушевляет. Городничий бывал иногда отвратителен, но иное говорил со смыслом и удачно. Хлестакова здесь играл Куликов, который сам по себе более похож на Хлестакова, нежели Самарин, но совершенно играет, не понимая роли всей, без толку; иное, впрочем, у него лучше, нежели у нас; особенно наружность и манеры. Сегодня мы едем, кажется, смотреть «Тень» [1]. Нас хотят удержать до 7 числа, и я думаю, что мы останемся, а Гоголь, может быть, поедет один [2]...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, ед. хр. 22, лл. 219—220).

Вера Сергеевна Аксакова (1819—1864) — старшая дочь С. Т. Аксакова. См. ниже публикацию ее заметок о Гоголе, а также ряд ее писем к родным и М. Г. Карташевской.

[1] «Тень» — балет Маурера с участием Тальони, гастролировавшей в это время в Петербурге.

[2] 25 ноября 1839 г. В. С. Аксакова сообщала матери: «В воскресенье дают „Ревизора", и отесенька берет ложу, но не знаю, поедем ли мы, т. е. я и Машенька: это будет зависеть от того, что скажет дядя Григорий Иванович, которому нарочно дадут прочесть „Ревизора". Гоголя мы не видали с тех пор. Он уверен, что мы едем во вторник. Как неприятно его обманывать! Но неужели для этого мы должны ускорить свой отъезд отсюда?» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 22, л. 210—210 об.).

«Мы сейчас воротились из театра; брали три ложи <...> Играли „Ревизора",— писал С. Т. Аксаков жене на следующий день.— Гоголь ни за что не хотел его видеть. Мне очень хотелось его видеть на здешней сцене и — недаром. Представьте себе, что пиесы узнать нельзя... что пиеса дурна. Как теперь она здесь играется — ее нельзя видеть образованному человеку. Но театр был полон, и хохоту было много» (там же, л. 216—216 об. См. также письмо № 25).

Выезд Гоголя и Аксаковых состоялся 17 декабря 1839 г. Приехали они в Москву 22 декабря. См. ниже письмо № 29 и примеч. к нему.

27. И. С. ТУРГЕНЕВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

С.-Петербург, 4-го декабря 1839 года

...Оттого ли, что я гораздо более ожидал от Петербурга, чем он может дать,— но мне здесь довольно грустно. Судите сами: у Плетнева я был и застал его над корректурой «Современника». От него я узнал, что Гоголь живет у Жуковского, хандрит жестоко и едет обратно в Рим. Он прочел им как-то главы две-три из нового своего романа, и — говорят — превосходная вещь этот роман, но он делает это с большим трудом — и печатать не хочет [1]...

Автограф. ГИМ. Фонд Т. Н. Грановского (№ 345, ед. хр. 5, л. 9).

[1] Тургенев имеет в виду «Мертвые души». О посещении Тургеневым салона П. А. Плетнева см. в его «Литературных и житейских воспоминаниях» (Полн. собр. соч., т. XI, Л., 1934, стр. 387—396).

28. В. С. АКСАКОВА — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

<Москва. 25 декабря 1839 г.>

... В субботу, совершенно неожиданно, Гоголь предложил сам прочесть что-нибудь у нас. Разумеется, все приняли с радостью это предложение, но вместе и забыли, что Загоскин хотел в тот же вечер читать свое что-то; отесенька решился пожертвовать Загоскиным и написал ему почти всю правду; Загоскин отвечал, что это очень кстати, потому что у него

лицо болит, что, впрочем, и правда, но он, должно быть, рассердился, хотя и был вчера у нас. О чтении Гоголя вы знаете, что можно сказать — чудно. Он читал две главы из «Мертвых душ», первую главу еще перед нашим отъездом мы слышали [1]; все смеялись, и, точно, нельзя не смеяться; но не одно смешное имеет у него достоинство, всё чудно. Когда-нибудь

ГОРОДНИЧИЙ
Рисунок П. М. Боклевского, 1870-е гг.
Собрание И. П. Смирнова-Сокольского, Москва

напишу, что значат эти «М е р т в ы е д у ш и». В воскресенье была у нас Павлова, просила непременно нас в с е х приехать завтра к ней на елку. Она по всему городу искала портрет Г о г о л я, чтоб повесить на елку для Константина вместе с портретом Г е г е л я [2]. В субботу, когда читал Гоголь, был у Константина Самарин, который тоже слушал, и нарисовал после чтения портрет Гоголя, довольно похожий [3] ⟨...⟩

Дорогой мы познакомились, разумеется очень коротко, с сестрами Гоголя; в воскресенье они у нас обедали...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV/19).

[1] В воспоминаниях, написанных в 1850-х годах, С. Т. Аксаков писал: «Когда начал он читать нам „Мертвые души", т. е. которого именно числа, — письменных доказательств

ДОБЧИНСКИЙ

Рисунок П. М. Боклевского, 1870-е гг.

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

нет. Легко может быть, что он читал один или два раза по возвращении нашем из Петербурга, от 23-го декабря до 2 января» («История», 34).

Публикуемое письмо устанавливает факт чтения Гоголем семье Аксаковых первой главы «Мертвых душ» еще до отъезда в Петербург, уточняя этот эпизод в воспоминаниях С. Т. Аксакова.

23 декабря 1839 г. десятилетняя дочь Аксакова, Надежда, сообщала братьям в Петербург: «С тех пор как они ⟨С. Т. и В. С. Аксаковы и Гоголь⟩ приехали, Гоголь

у нас всякий день. В субботу он у нас читал („Мертвые души"), а я его слушала в другой комнате— это очень смешно, а в воскресенье обедали у нас его сестры» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/35).

«Гоголь читал у нас еще две главы из романа „Мертвые души",— писал С. Т. Аксаков сыновьям в Петербург 25 декабря 1839 г.— Это просто — чудо. На похвалу слов

БОБЧИНСКИЙ

Рисунок П. М. Боклевского, 1870-е гг.

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

нет. Смешно до того, что все валились со смеха. Скажите об этом Машеньке. Я не прощу себе, что не попросил Гоголя прочесть что-нибудь в Петербурге» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/24-г).

[2] В письме к М. Г. Карташевской, относящемся к этому времени, В. С. Аксакова сообщала: «Павлова обедала у нас в субботу; она уже два раза приезжала почти единственно насчет Гоголя, и как нарочно три раза его не было у нас. С его приезда

она один раз его только видела, он к ней довольно благосклонен, но с Николаем Филипповичем, кажется, он не симпатизирует» (неизд.— Авт. копия. ЛБ, ГАИС, 3/XV/9—10).

[3] Этот портрет Гоголя работы Юрия Федоровича Самарина неизвестен.

В дневнике двадцатилетнего Самарина сохранилась следующая запись о Гоголе, относящаяся именно к этому времени:

«Да, мы можем назвать себя счастливыми, что родились современниками Гоголя. Такие люди родятся не годами, а столетиями. Это одна из тех первородных художнических натур, в которых нет ничего заученного, ничего заимствованного, ничего рассчитанного на эффект. Бесконечно разнообразен мир его внутреннего созерцания. Перенестись бы на один миг в этот очарованный мир, взглянуть бы на ту толпу людей в разнообразных костюмах и разнохарактерных и разноплеменных, окинуть взглядом бесконечную куда-то далеко растянувшуюся степь, уловить этот хор бесчисленных звуков, наверно доносящихся его слуху, сделаться на минуту Гоголем, и если не разорвется сердце, если не раздастся голова, ужели на единую жизнь запас воспоминаний! Счастлив и тот, кому удастся постигнуть Гоголя и оправдать свой восторг для себя и для других, счастлив, кто изучит его досконально и принесет ему не безотчетную дань удивления, но украсит главу его венком неувядающим. Убеждения того, кто не преклонит перед ним колени, кто, читая его, не забудет себя, чей эгоизм не растает перед палящими лучами его поэзии? — Я не буду тратить слов с теми, кто будет порицать Гоголя или не будет благоговеть перед ним безусловно, но я отвернусь от них, и эти люди потеряют всякую нравственную власть надо мною, всякое право иметь на меня влияние. Я не приду в задумчивость от их премудрости, ни одна мысль, ни одно чувство из их души не перельется в мою — мы с ними ни в чем не сойдемся. Но если они осмелятся посягнуть на великого гения, если нечистыми устами...»

На этом запись обрывается (неизд. — ЛБ, Сам. III/89/2).

В юношески-восторженных излияниях Самарина проявилось характерное для него (так же, как и для К. С. Аксакова) полное игнорирование обличительно-сатирической направленности гоголевского творчества. Впоследствии он утверждал, например, что «нет поэта, который бы был так далек от сатиры, как Гоголь» («Русская старина», 1890, № 2, стр. 425). Белинский в своей статье «Ответ Москвитянину» разоблачил реакционный характер подобного рода высказываний Самарина, показав, что во взглядах его на Гоголя «видно превратное понимание и искусства, и Гоголя» (Соч., т. XI, стр. 21).

29. В. С. АКСАКОВА — Ф. С., И. С. и М. С. АКСАКОВЫМ

<Москва. 28 декабря 1839 г.>

...Вы пишете, что я мало пишу о нашей дороге, но когда же? На станциях, впрочем, и нет ничего особенно интересного. Сестры Гоголя были беспрестанно нездоровы, и одной особенно сделалось дурно. Впрочем, ехали мы без всяких приключений. Один раз только напугал нас кондуктор: стал бить бедного извозчика. Гоголь сменял у нас в карете днем отесеньку и называл себя д н е м, а отесеньку н о ч ь ю. Дорогой я, разумеется, имела случай узнать короче его сестер. Они мне очень нравятся сами по себе, но, боже мой, что за понятия, что за мир, в котором они живут, что за дети! С Гоголем у нас бывали разговоры, но большею частью мы молчали или спали. Один раз он смотрел на обозных лошадей, которые тянулись перед нами, и говорит: «Вот эта лошадь непременно должна быть Степан Степаныч, ну вот так мне кажется, что Степан Степаныч», а сестра его меньшая, над которой он подшучивал прежде, говорит: «А мне кажется, что Николай Васильич».

Вот вам некоторые подробности нашего пути, после напишу побольше [1].

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV/10).

[1] Другие подробности этой поездки, продолжавшейся около четырех дней, см. в «Истории», 30—31. В письме из Торжка от 20 декабря 1839 г. В. С. Аксакова сообщала братьям: «Завтра, бог даст, будем в Москве <...> По ночам сидит с нами отесенька, а днем Гоголь, который, впрочем, и днем спит» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/177-д). 23 декабря она писала им же: «Дорога наша прошла без всяких особенных происшествий, только в иных местах была очень беспокойна, и ехали мы тихо; вчера приехали часу в девятом, стало быть четверо суток были в дороге» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/10).

30. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

Москва. 1840. Января 4—5

...Николай Васильевич получил анонимное письмо от неизвестной девушки, письмо, в самом деле, одушевленное[1]; в общем, она говорит ему

МАРЬЯ АНТОНОВНА И АННА АНДРЕЕВНА
Рисунок П. М. Боклевского, 1890-е гг.
Исторический музей, Москва

о своем наслаждении чтением его повестей. Он счастлив этим и поет гимн неиспорченной природе[2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 21, л. 12).

[1] Это письмо неизвестной корреспондентки Гоголя не сохранилось. Упоминаний о нем в переписке Гоголя не встречается.

[2] В письме, помеченном «четверг, 4 января, 12 часов утра 1840», одна из дочерей Аксакова, Надежда, писала матери: «Вчера был Щепкин ⟨...⟩ Он у нас обедал с Гоголем ⟨...⟩ Сейчас получили ответ от Загоскина, он не может дать нам ложу, потому что

он отдал ее Бакуниным, а Верстовский отдал ложу Нащокину, который хочет повести матерь Гоголя в театр» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/34).

К этому письму другой дочерью С. Т. Аксакова — Марией (1822—1887) сделана приписка, в которой также сообщается о присутствии Гоголя на этом обеде. Подобная же запись встречается в неизданном письме к матери Ольги Аксаковой (1821—1861) от 8 января 1840 г. (ЛБ, ГАИС, III/IV/215).

5 января 1840 г. С. Т. Аксаков, описывая, как он по ошибке вместо своей надел чужую енотовую шубу, сообщал жене и дочери: «Воротясь домой, нашел у себя Гоголя и Щепкина. Первый сказал: „Вы теперь сироты, и я привез макарон, сыру и масла, чтоб вас утешить. Я же слышал, что вы такой славный мех подцепили, что в нем есть не только звери, но и птицы и чорт знает что такое...“ Призвал повара, научил как варить и пр., но вышло, хотя вкусно, да сыро и тяжело, а Гоголю ничего! <...>

Вчера я получил два письма: одно от управителя <...>, а другое от И. И. Панаева — и самое пламенное, в котором умоляют меня Одоевский, Плетнев, Панаев, Враский и Краевский, чтоб Гоголь не продавал своих сочинений за 5 тысяч (и новой комедии в том числе) Смирдину, особенно потому, что новая комедия будет напечатана в „Сыне отечества“ (Полевой прочь, а на его место Никитенко) или „Библиотеке для чтения“. Враский предлагает десять тысяч с правом напечатать новую комедию в „Отечественных записках“. Как только отправлю это письмо, поеду к Гоголю. Я понимаю благородную причину, которая заставляет его торопиться: он поручил Жуковскому в полное распоряжение свои сочинения прежние, но о новой комедии и мы еще ничего не знаем...» (неизд.— ЦГЛА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 17, лл. 3—5).

Содержание этого письма излагается С. Т. Аксаковым в «Истории», 31—32. Письмо И. И. Панаева к С. Т. Аксакову, упомянутое выше, неизвестно. О попытках редакции «Отечественных записок» привлечь Гоголя к сотрудничеству в журнале см. в примеч. к письму № 32.

31. А. С. ДАНИЛЕВСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

27 генваря <1840 г.> Семереньки

...Можете представить себе, как я досадовал на мой отъезд из Москвы именно в тот день, в который Вы туда приехали. И Гоголь с Вами! Сожалению моему нет конца! <...> Что у Вас делает Гоголь? Вчера я от его маменьки. Она в Москву не будет. Об этом, конечно, он уже известен <...> Не пускайте от себя Гоголя и упросите его приехать в Малороссию повидаться с матерью хоть на несколько недель. Если б он знал, как она его любит! <...> Экономические дела гоголевой матери не так плохи, как он себе воображает [1]. Есть долг на имении, но этот долг пустой и то не на всем. Теперешний год труден для всех, недостаток хлеба и бедность дают себя чувствовать жестоко. Крестьяне не имеют ничего, помещики почти тоже, и вся ответственность лежит на последних. Цены на хлеб растут, чем далее, тем более [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/10/26).— Частично опубликовано: Барсуков, V, 356—357.

[1] 29 декабря 1839 г. Гоголь просил Данилевского побывать в имении его матери и выяснить, «какими средствами помочь нашим обстоятельствам хозяйственным, которым грозит совершенное разорение» («Письма», II, 22). В этом же письме Гоголь категорически заявлял, что не поедет в Малороссию к матери, и предлагал ей самой приехать на две недели в Москву.

О приезде М. И. Гоголь в Москву см. письмо № 35.

[2] Материальное положение семьи Гоголя в это время освещено в статье: А. Назаревский. Из архива Головни («Гоголь. Материалы и исследования», I, 315—357).

32. И. С. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

<Петербург.> 25 февраля 1840 <1841?> г.

...Панаев в восхищении: получили письмо Гоголя к Одоевскому: он обещает прислать повесть в «Отечественные записки» и просит, чтоб ему высылали «Отечественные записки» в Рим [1]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 9, ед. хр. 9, л. 1 об.).

[1] Это свидетельство о согласии Гоголя участвовать в «Отеч. записках», в которые незадолго до того перешел Белинский, ранее известно не было. Упоминаемое здесь письмо Гоголя к В. Ф. Одоевскому не сохранилось. Своего обещания — прислать повесть в «Отеч. записки»—Гоголь не сдержал. Белинский во время своей встречи

ПОЧТМЕЙСТЕР

Рисунок П. М. Боклевского, 1856 г.

Исторический музей, Москва

с Гоголем в январе 1842 г. безуспешно пытался привлечь его к участию в журнале (см. также его письмо к Гоголю от 20 апреля 1842 г.—«Письма Белинского», т. II, стр. 308—310).

33. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ 8 марта 1840

...Гоголь дал ему ⟨Кириллу Горбунову⟩ [1] письмо к Брюллову [2], и, может быть, этот даст ему способ усовершенствоваться [3].

В пятницу Гоголь у нас опять читал, но не из «Мертвых душ», а из какой-то комедии. Мы уже думали, что он никогда более не будет читать, потому что слышали, что это ему уже наскучило, и, конечно, он это сделал по особенному случаю [4].

В субботу Гоголь опять читал у нас, и что он читал — это просто возбуждает удивление, что человек может так творить[5]...

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/9—10).

[1] Речь идет о крепостном художнике Кирилле Антоновиче Горбунове (1822—1893). См. о нем статью: Н. Эфрос. К. А. Горбунов — портретист Белинского («Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 357—373). В неизданном письме к А. П. Елагиной от 13 января 1842 г. К. А. Горбунов писал, что «советом и мнением» Гоголя он «чрезвычайно дорожит» (ЛБ, Елаг. «Г»).

[2] Письма Гоголя к художнику К. П. Брюллову неизвестны.

[3] В. С. Аксакова впоследствии сделала на полях надпись: «*NB*. Это так и было».

[4] Описание этого чтения (с ошибочной датой), сделанное С. Т. Аксаковым, см. в «Истории», 34.

[5] О чтении Гоголем семье Аксаковых четвертой главы «Мертвых душ» 6 марта 1840 г. В. С. Аксакова в тот же день сообщила М. Г. Карташевской (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/XV/9—10).

В письме от 5 февраля 1840 г. С. Т. Аксаков писал сыновьям: «Вчера вечером вдруг упал ко мне, как с неба, — а просто сказать — с званного обеда — Гоголь (я же его поутру и упросил ехать туда вместе с Армфельдом) и прочел первую главу из итальянской повести... Прелесть, очарование!.. Вот что истина! Вот во что должны были обратиться победители-римляне... Это так! Это те же самые огненные стихии, на которых была основана слава победителей света... А близорукие историки, тупорылые ученые ничего не поняли в этой куче сора, грязи и обломков» (неизд. — ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 32, л. 1 об.).

14 февраля 1840 г. В. С. Аксакова также писала Карташевской: «Гоголь у нас недавно читал отрывок из своей итальянской повести, но только мужчинам, а мы не слыхали» (неизд.— Авт. копия. ЛБ, ГАИС, III/XV/9—10. Ср. «История», 34). Речь идет об отрывке из повести «Аннунциата», впоследствии напечатанном под названием: «Рим».

34. И. Е. БЕЦКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

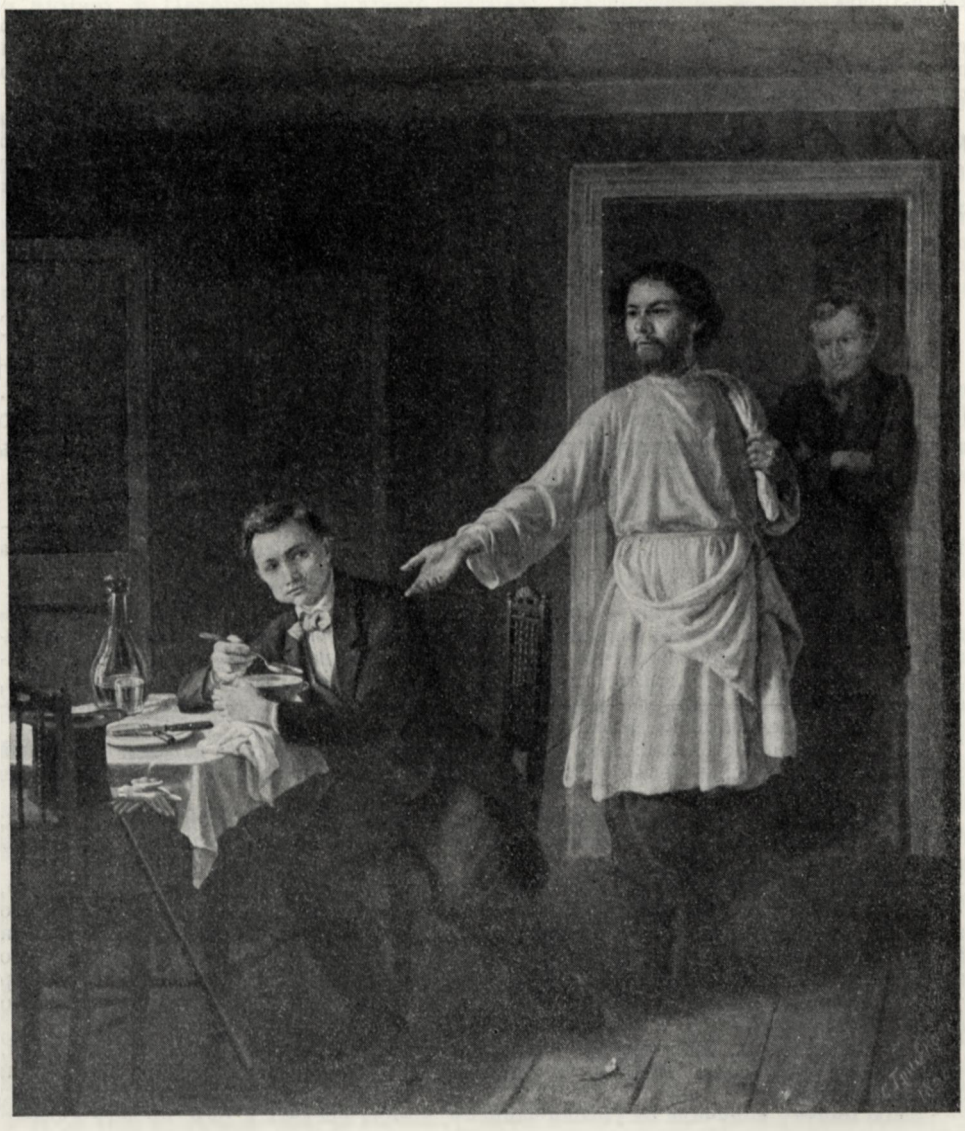
Харьков. 11 марта 1840 г.

...Скажу еще несколько слов о самом Харькове. О нравственном характере малороссийского общества и характере его в отношении к образованию сам судить еще не могу, по бедности данных, и остаюсь при дагерротипических очерках Гоголя.

Одна дама, услышавши от меня слово «Жан-Поль» [1], приняла самого Жан-Поля за мое сочинение. Я и не стал разуверять ее: пусть думает Харьков, что Жан-Поль есть роман в 4-х частях, подобно «Леонидам» <Р. М.> Зотова, которые здесь в ходу. Но что меня всего более удивило — это недостаток хоть по крайней мере собачьего чутья оценить Гоголя! Прошу после этого толковать о родине! Я спрашиваю природного малоросца, да еще профессора; мало того что профессора — философа! как нравится ему Гоголь, а он, разбойник, спрашивает: «Это тот Гоголь, который перекладывал в стихи русские сказки?» [2] — «Бову королевича гекзаметром», отвечал я.— «Должно быть, вольтерьянец», подумал я. Положим, что философия — великая наука, да как же не знать, что̀ и кто̀ Гоголь! О, Гоголь, Гоголь, на твоей родине надобно быть, чтоб оценить тебя! Иди ты в Рим: да слышит он пророка... Дождусь степей украинских, авось, тогда как и мне придется повторить, пережить знаменитое: «Чорт вас возьми, степи, как вы хороши», авось тогда помирюсь с Малороссиею <...>

Что Ваше намерение издавать журнал в Москве? [3] Жива ли «Галатея»? Если еще Гоголь у Вас, что бы Вам стоило сделать доброе дело; ведь рисуют же иногда истинные художники рожицы на бумажке карандашом; что бы стоило также и Гоголю подарить хоть рожицу Раичу для «Галатеи»! от этого она выросла бы вместе с Раичем на целый аршин! [4]...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/4/44).



ОБЕД ХЛЕСТАКОВА
Картина маслом С. П. Грибкова. 1868 г.
Собрание П. Г. Варякосина, Ленинград

Иван Егорович Бецкий (1817—1891) — воспитанник Погодина, в это время студент Харьковского университета. Впоследствии издавал альманах «Молодик» (см. ниже другое его письмо к Погодину).

[1] Иоганн-Пауль Рихтер (1763—1825) — немецкий писатель, пользовавшийся большой популярностью в первой половине XIX в. Печатался под псевдонимом «Жан-Поль».

[2] Вероятно, Бецкий говорит здесь о профессоре Матвее Николаевиче Протопопове (1794—1857), читавшем в это время философию в Харьковском университете (см. о нем в сб. «Историко-философский факультет Харьковского университета». Харьков, 1908, стр. 37—40).

[3] Давнишнее свое намерение издавать в Москве журнал (после прекращения «Московского вестника» в 1830 г.) М. П. Погодин осуществил только в 1841 г., хотя официальное разрешение на издание «Москвитянина» было им получено еще в 1837 г.

[4] Журнал «Галатея», издававшийся С. Е. Раичем в 1829—1830 гг. и после девятилетнего перерыва возобновившийся в 1839 г., снова прекратился в 1840 г.

35. В. С. АКСАКОВА — Г. С., И. С. и М. С. АКСАКОВЫМ

<Москва. Март 1840 г.>

...Теперь здесь мать Гоголя, женщина умная, чрезвычайно приятная; она привезла с собой меньшую дочь, которой Лангер будет давать уроки [1]. Гоголь очень похож на свою мать. Она скоро едет назад в деревню и увозит с собою старшую дочь и меньшую, а средняя остается здесь у какой-то дамы [2] <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 38, лл. 3 об.— 4).— В этом же письме В. С. Аксакова сообщает о псездке Гоголя с К. С. Аксаковым на вечер к Киреевским.

[1] Младшая сестра Гоголя — Ольга Васильевна (1825—1907), в 1840 г. приезжавшая с матерью в Москву для свидания с братом, впоследствии писала в своих воспоминаниях: «Брат <...> вообразил, что у меня есть талант, договорил мне учителя — давать мне уроки музыки, и платил за час пять рублей, а чтобы не беспокоить Погодина, он возил меня каждый день к Нащокиным, туда приходил учитель» («Из семейной хроники О. В. Гоголь-Головни». Киев, 1909, стр. 14).

Как устанавливается настоящим письмом, уроки О. В. Гоголь давал популярный композитор и преподаватель музыки, приятель Белинского Леопольд Федорович Лангер (1802—1885).

К. С. Аксаков в неизданном письме к брату Ивану от 3 августа 1840 г. писал: «Я отвез Лангеру его ноты и деньги ему от Гоголя; Лангер в деревне; я отдал ноты жене его» (ЛБ, ГАИС, III/III/1-а).

[2] 14 февраля 1840 г. А. П. Елагина, родственница и близкий друг Жуковского, сообщила ему о просьбе, с которой обратился к ней Гоголь,— поселить у себя его младших сестер, возвращения которых в среду «помещиков-существователей» он во что бы то ни стало хотел избежать. Сославшись на отсутствие у нее достаточного помещения, Елагина отказала Гоголю, однако помогла ему устроить одну из сестер у П. И. Раевской (неизд.— ЦГЛА, ф. 198, ед. хр. 106, л. 8—8 об.). Отклик на это письмо Жуковского — см. в «Русском библиофиле», 1912, № 7—8, стр. 111.

В бумагах Н. Н. Шереметевой сохранились три записки к ней А. П. Елагиной, относящиеся к апрелю 1840 г. и связанные с помещением сестры Гоголя к П. И. Раевской:

«Сию минуту получила от Гоголя записку, хотела послать к Вам, но дети куда-то затащили; он в великой тревоге, возьмет ли Раевская сестру его или нет. Ваша добрая записка его успокоит...» (неизд.— ЛБ, М. 6946).

«...Приказание Ваше передала Гоголю, который принял с покорностью и исполнит. Он хотел сегодня к Вам, не знаю доедет ли...» (там же).

«Благодарю Вас от всего сердца. Завтра он у меня обедает; я переговорю с Николаем Васильевичем и тогда повезу сама к Прасковье Ивановне <Раевской>» (там же).

36. В. С. АКСАКОВА — Г. С., И. С. и М. С. АКСАКОВЫМ

<Москва. Начало апреля 1840 г.>[1]

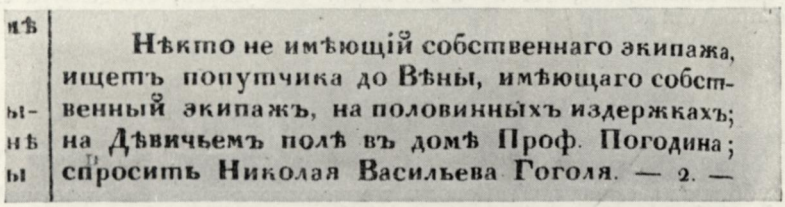
... Письмо ваше получили мы в самый день рожденья Константина. У нас были Горчаковы да несколько мужчин, как, например, Гоголь, Великопольский, Погодин, Павлов, Панов [2], после обеда Самарин <...>

В пятницу Гоголь читал у нас отрывок из какой-то комедии [3], я слушала больше из другой комнаты и потому не могла всего расслышать. В середу в московских газетах будет одно презабавное и оригинальное объявление от Гоголя, в котором он приглашает себе сопутника в чужие краи. Как, я думаю, в Петербурге мудрено сыскать «Московские ведомости», то мы вам пришлем это объявление [4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 38, л. 10—10 об.).

[1] Приблизительная дата устанавливается ссылкой на день рождения К. С. Аксакова, приходившийся на 29 марта.

[2] Василий Алексеевич Панов (1819—1849) — литератор, впоследствии издатель «Московского сборника», «молодой и несколько туповатый славянофил», как характеризовал его П. В. Анненков («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, стр. 327). Панов совершил вместе с Гоголем поездку за границу (см. «История», 36—37). Его письмо к К. С. Аксакову с подробным описанием этого путешествия публикуется ниже (письмо № 40). В примечании к «Сочинениям и письмам Гоголя» в изд. П. Кулиша (V, 424—425) помещено письмо Панова к


Нѣкто не имѣющій собственнаго экипажа, ищетъ попутчика до Вѣны, имѣющаго собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ; на Дѣвичьемъ полѣ въ домѣ Проф. Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя. — 2. —

ОБЪЯВЛЕНИЕ ГОГОЛЯ О ПОПУТЧИКЕ ДЛЯ ПОЕЗДКИ ЗА ГРАНИЦУ

«Московские ведомости», от 10 апреля 1840 г.

С. Т. Аксакову о совместной жизни с Гоголем (от 9/21 ноября 1840 г.), впоследствии перепечатанное Барсуковым (V, 367—369) и Шенроком («Письма», II, 87—89).

Отметим, что в «Литературных воспоминаниях» П. В. Анненкова (изд. «Academia», Л., 1928) вместо фамилии В. А. Панова напечатано «Панаев». Это же грубейшее искажение встречается и в издании «Литературных воспоминаний» 1877 г. (П. Анненков. Воспоминания и критические очерки, СПб.), что уже в свое время было отмечено А. И. Кирпичниковым («Сомнения и противоречия в биографии Гоголя», в. IV, СПб., 1902, стр. 3).

[3] 2 апреля С. Т. Аксаков сообщал сыновьям: «В день рождения Кости Гоголь прочел отрывок еще из новой комедии, имени которой не знаем. Это был подарок, единственный в мире» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 32, л. 6 об.).

[4] Объявление Гоголя в его первом, юмористическом варианте пропущено цензурой не было (оно сохранилось в черновике). Гоголь в нем сообщал о себе, что он «человек смирный и незаносчивый — не будет делать во всю дорогу никаких запросов своему попутчику и будет спать вплоть от Москвы до Вены». Второй вариант объявления: «Некто, не имеющий собственного экипажа, ищет попутчика до Вены, имеющего собственный экипаж, на половинных издержках; на Девичьем поле, в доме проф. Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя» был напечатан в «Прибавлениях» к № 28 «Московских ведомостей» от 6 апреля 1840 г. и повторен в №№ 29 и 31 от 10 и 17 апреля 1840 г.

16 апреля 1840 г. В. С. Аксакова сообщала братьям в Петербург: «Спешу вам сказать одну новость, которая вас очень удивит, особенно тебя, Гриша. Вы уже знаете, что Гоголь ищет попутчика и объявлял в газетах о том, только не тем смешным объявлением, о котором я вам писала,— вообразите, что этого не пропустили [в это трудно поверить]. Но только Гоголь до сих пор не находил никого. Панов решился ехать с ним, и вчера уже они условились. Сегодня Панов едет к своей матери проститься и тотчас же воротится, чтоб ехать с Гоголем в чужие края, через Вену <...> Панов хотел ехать в чужие <края>, но только после выдержания экзамена в магистры, но теперь решился и хочет прежде, и пробыть там года два» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 38, л. 8 об.).

6 апреля 1840 г. в «Прибавлениях к „Московским ведомостям“», № 28, в рубрике «Отъезжающие за границу» было напечатано: «5) В Германию и Италию, 8-го класса Николай Васильевич Гоголь; жительство имеет на Девичьем поле в доме профессора Погодина». Это же объявление перепечатано в №№ 29 и 30, от 10 и 13 апреля 1840 г.

37. В. С. АКСАКОВА — Г. С., И. С. и М. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва. Первая половина апреля 1840 г.⟩

...В эту середу Гоголь опять обедал у нас и читал уже шестую[1] главу, это чудо что такое; тут выведен один помещик С о б а к е в и ч — какое это лицо, как обрисовано, и вообще всё тут совершенство. Жаль, очень жаль, что вы не присутствуете при этих чтениях, милые братья, тем более еще потому, что едва ли это будет напечатано[2]. Пересказывать этого невозможно. Хорошо, если бы он нас каждую середу угощал этим! По субботам он, кроме того, бывает у нас, и сестры его также. Сестры его гораздо стали развязнее, очень много выезжают, почти каждый день на вечерах, в лучшем обществе, и везде за ними чрезвычайно ухаживают и стараются занять их ...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 38, л. 2 об.).

[1] В окончательном тексте это глава пятая.

[2] По всей вероятности, Гоголь в это время был уверен, что цензура «Мертвые души» не пропустит.

38. С. Т. АКСАКОВ — Г. С., И. С. и М. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 15 апреля ⟨1840 г.⟩

...В субботу на страстной Гоголь прочел нам огромную седьмую[1] главу, где выведен скряга Плюшкин. Это лицо превосходит все лица творческой фантазии, какие я только знаю. Это нисколько не смешно, а грустно; это не простой скупец, а человек, прежде порядочно живший, только бережливый, но впоследствии, с потерею жены, детей, десятки лет поглощенный скаредством, развившимся ужасно в это время, и дошедший до глупости и гнусности невероятной; он только копит, бережет — нужды нет, что на десятки тысяч ежегодно гниет у него хлеба, сена, сукон, холста... Он только собирает в кучу... Это чудо да и только[2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 16, ед. хр. 32, л. 8—8 об.).

[1] В окончательном тексте это глава шестая.

[2] О чтении Гоголем этой главы «Мертвых душ» в семье Аксаковых см. в «Истории», 34.

39. С. Т. АКСАКОВ — Г. С., И. С. и М. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 15-го мая 1840

...Сегодня в последний раз обедает у нас, в кругу нашего семейства и коротких приятелей, Гоголь. Завтра он с Пановым едет в Италию прямо из нашего дома[1]. Если он захочет, то, может быть, мы проводим его до первой станции. Гоголь сделался нашим семьянином, и нам очень грустно расставаться с ним как с человеком: гениальный писатель тут в стороне...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 11, л. 11 об.).

[1] 8 мая 1840 г. С. Т. Аксаков писал сыновьям: «Завтра именинник Гоголь, и все приятели у него с Погодиным обедают. Через несколько дней он уезжает вместе с Пановым» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 32, л. 13 об.).

22 мая 1840 г. О. С. Аксакова сообщала им же: «В субботу ⟨18 мая⟩ Гоголь с Пановым уехали, отец провожал их с Костенькой, М. П. ⟨Погодиным⟩ и Щепкиными за 30 верст от Москвы» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 32).

О том же писала братьям и В. С. Аксакова: «В субботу уехали и Гоголь и Панов; в эту ночь они все у нас ночевали, и Лиза Гоголь также» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 38, л. 9—9 об.).

В. В. САМОЙЛОВ В РОЛИ РАСТАКОВСКОГО, 1867 г.
Акварель В. В. Самойлова
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

II

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.— ВАРШАВА.— ВЕНА.— РИМ.— ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНИЕ «РЕВИЗОРА».— ДЕКАБРИСТ В. Л. ДАВЫДОВ О ГОГОЛЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.— ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «РЕВИЗОРА».— ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ.— «РИМ».— «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

(1840—1842)

40. В. А. ПАНОВ — К. С. АКСАКОВУ

Вена. 1840, июня $\frac{15}{27}$. Суббота

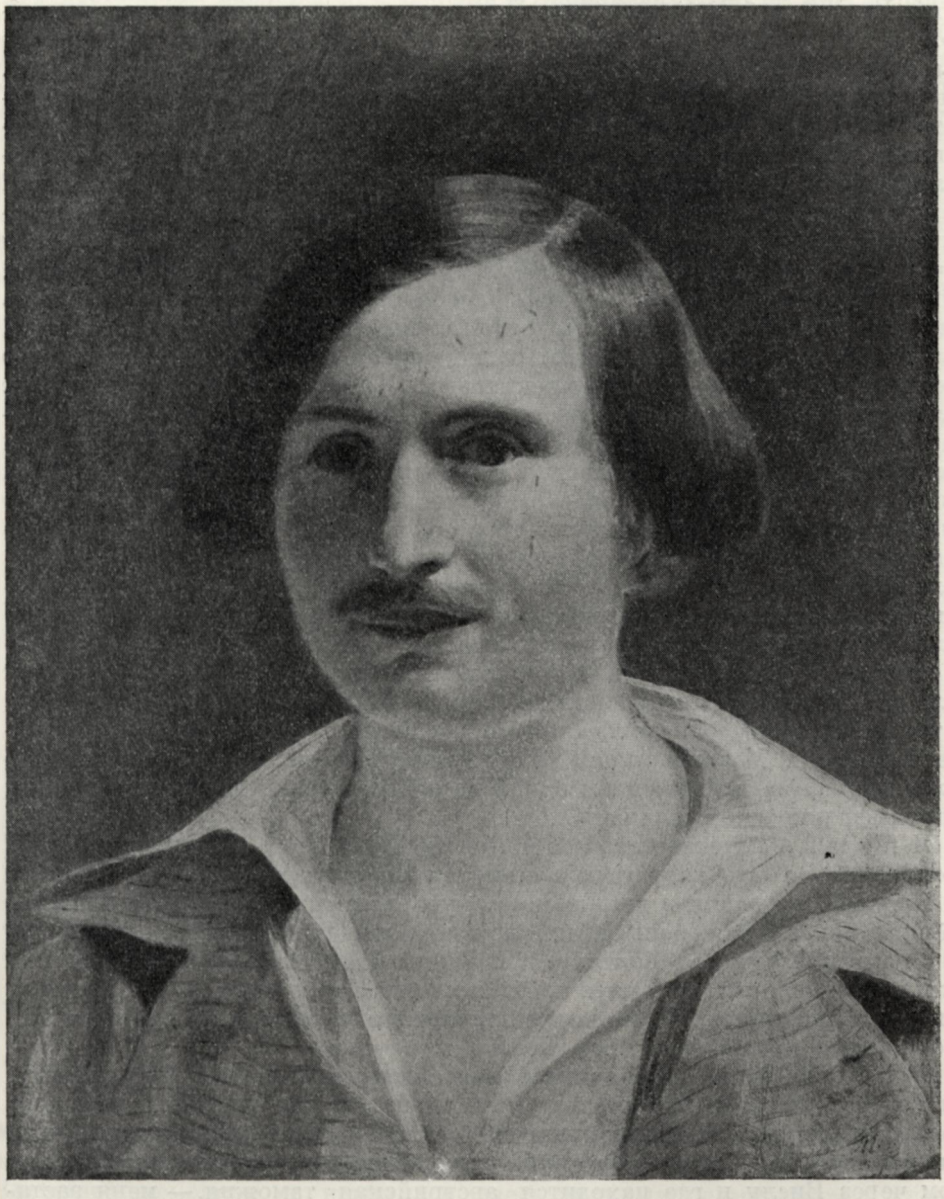
Написавши число, я вспомнил, что нынче ровно четыре недели, как мы с Вами расстались, любезнейший Константин Сергеевич! А я еще ни слова Вам не написал, хотя теперь уже 11-й день как мы приехали даже в Вену [1] ⟨...⟩

⟨21 июня⟩
Июля 3.

...Я не могу не упомянуть уже теперь о главном наслаждении, главной пользе, которое оно ⟨путешествие⟩ мне до сих пор доставляло, о счастии быть так долго неразлучно вместе с Великим человеком. Да, бывали минуты, когда созерцание его меня вполне наполняло; когда, соображая всё мною испытанное в нем, я видел всю полноту его самосознания, о котором мы не могли иметь понятия в Москве. Чудесные минуты! Тем светлее, тем ярче они для меня были, что им иногда предшествовали такие, в которые мы чуть не бранились, споря или о блюде, которое должно заказать, или о русском языке, или когда мы даже мешали друг другу, бегая, например, по улицам: он иногда побежит, а я с ужасною головною болью едва тащусь, не зная, куда деться от солнца или жару; или я тороплюсь, а у него на ту беду ноги распухнут, и он их едва переводит, жалуясь на мозоли.— Впрочем, я хотел Вам все рассказать по порядку.

Потерявши Вас из виду на первой станции, где мы с Вами простились, мы пожали друг другу руку и стали смотреть каждый в свою сторону и погонять изредка ямщика, до тех пор пока не заснули. Я на каждой станции выходил, чтоб подать подорожную и рассчитаться, а Николай Васильевич, закутанный с головою в плащ, казалось, не просыпался во всю ночь⟨...⟩ Днем он совершенно не спал, только разве когда мы поехали в дилижансах. Вам хорошо известно, что чувствуешь у нас, когда едешь на почтовых. И мы, как обыкновенно, находились большей частью в этом напряженном состоянии, когда всё хочется ехать поскорее, рассчитываешь беспрестанно сколько проехал и сколько остается. Бывали, однакож, минуты, когда нас наполняло настоящее, и это обыкновенно после хорошего обеда (что по милости Ольги Семеновны и искусства Николая Васильевича мы имели даже в деревнях) и особенно после удачного чаю. Тогда Николай Васильевич или пел краковяк и вместе отплясывал его в повозке, или читал стихи, особенно Языкова «Послание к Каролине Карловне» [2], учил меня по-итальянски. Один раз рассматривание замка Сапеги, мимо которого мы проехали в Минской губернии, привело нас к разговору о России, в котором он высказал чудные, разительные мысли. Как он умеет проникать в глубину того, что жизнь в себе скрывает. Передавать Вам все мысли, замечания, высказанные им в разное время,— невозможно. При первой возможности запишу их, чтоб не позабыть.— При въезде в города повторялись на словах сцены из начала 1-й главы «Мертвых душ» ⟨...⟩

Мы ехали очень скоро, несмотря на несносные песчаные дороги, которые тянутся посреди литовских тундр; в шесть дней мы приехали в Брест,



ГОГОЛЬ

Портрет маслом Ф. А. Моллера, 1840 г. (?)

Русский музей, Ленинград

24 мая с. с. Пробывши в нем час, мы пустились было далее, но нас не пропустили за заставу, потому что у человека не было паспорта. И мы за этим пробыли там целые сутки. Это было очень досадно. Мне надо было всё хлопотать в полиции. Николай Васильевич был тут такой же, как и в Москве. Ему лень было приняться. Поэтому я не имел ни времени, ни расположения хорошего для того, чтоб писать Вам. Из Бреста до Варшавы мы пронеслись в 18 часов — 200 верст. Почта тут устроена прекрасно. Мы пробыли в Варшаве 6 дней, от 7 до 13 июня. Я надеялся оттуда написать Вам и всем, кому было нужно, но всё вышло напротив. Едва мы поместились там в своем номере, как в нем сделался ужасный хаос; все разбросалось, ничего нельзя было ни собрать, ни найти. Что делать, непривычка! Я не умел (Николай Васильевич, по крайней мере, не старался) избавиться от этого хаоса, а между тем он был для меня невыносим. Пришедши вечером домой, я не в состоянии был приняться ни за что другое, как за книгу. Едва в продолжение всех 6 дней написал одно письмо к маменьке. Очень кстати было в таких обстоятельствах шататься с утра до вечера, как мы делали. Варшава — этот оазис кругом обнаженной, весьма мало заселенной Польши — город прекрасный. Характер ее совершенно уже отличен от городов наших. Совершенно похожи одни только новые здания, которые в середине города имеют вид каких-то заплат. Мы объехали все примечательные окрестности (путеводителем нашим был везде один лицейский товарищ Гоголя — Симановский; чрезвычайно любопытно было видеть его в кругу прежних товарищей — он отыскал одного, которого не видал с самого выхода из лицея и который там адъютантом) — королевские Лазенки, куликарня, замок Радзивилла, Бельведер — дворец гр. Потоцкого, построенный И. Собизским. Везде тут есть картинные галлереи, которые мы осматривали. Замечательна только Бельведерская.— В самом городе есть довольно большой сад с прекрасными каштановыми аллеями. Из многих прекрасных дворцов и зданий всех замечательнее банк и театр, который, однакож, столько же беден внутри, сколько величествен снаружи. Мы были в нем на одном представлении — актеры плохие, даже гадкие, за исключением одной панны Гальперт. Играют еще пьесы старой французской школы 〈...〉

Я продал в Варшаве свой тарантас за 270 злотых. Он нам послужил прекрасно. Во всю дорогу не изломался ни один винтик. Из Варшавы до Кракова мы ехали в дилижансе с курьером одни сутки (13—14) и во всё время спали, что очень забавляло трех полячек и поляка, которые ехали с нами и без умолку болтали. С границы нашей Польши, где прописывали наши паспорты, открылся перед нами вид Карпатских гор — впрочем, они были еще далеко. Краков мне понравился, несмотря на то, что я был против него предубежден〈...〉

В Кракове вдруг пробудилась деятельность Николая Васильевича. Он вечером написал там статью по-итальянски для журнала римского о собрании эскизов кн. Долгорукого в Москве [3].— Я не стану Вам говорить, как в Podgurz'e — место Венгрии, отделяющееся от Кракова одним мостом через Вислу и где находится австрийская таможня,— меня заставили заплатить около 20 р. штрафу за то, что я при осмотре позабыл показать кисет, который лежал у меня в коляске; его увидели, когда я отъехал уже шага два от рогатки; меня воротили, взвесили кисет, нашли в нем $^1/_2$ фунта, за который взяли с меня $7^1/_2$ гульденов (Николай Васильевич оставался в городе дожидаться выдачи паспортов из Пол〈ьши〉). Если бы я Вам писал тот день, я бы несколько листов написал ругательствами за этот невежественный поступок. Теперь боюсь вспомнить. В Подгурте мы сели в дилижанс (15 июня) до Брюна, куда приехали 17 в 7-м часу утра, тотчас переправились на железную дорогу и через 5 часов были уже в Вене (20 миль).

Наконец, пропустивши всю дорогу чрез Венгрию, Моравию, Богемию, где сначала тянутся отрасли Карпат, где чудное население, где каждая станция есть прекрасный чистый городок, дорогу, по которой виды и воздух доставляли наслаждения Николаю Васильевичу, но не мне, страдавшему от ужасного насморка и начавшейся уже головной боли,— я добрался, наконец, до Вены, куда я относил все свои ожидания, где думал отдохнуть, получить письма, устроить дела, всем написать, где ничего этого не сделал, где сначала ничего не нашел нового и которой, между тем, до-

ИТАЛЬЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ ТИПЫ
Акварель М. И. Лебедева, 1836 г.
Третьяковская галлерея, Москва

волен сверх всякого ожидания.— Первая вещь, которая меня здесь поразила, это была довольно несносная болезнь. Она началась еще в Варшаве насморком и кончилась здесь сильным ревматизмом в глазу и головною болью... Неделю просидел я дома, мне ставили пьявки и пр. ⟨...⟩

⟨Вена. $\frac{25 \text{ июня}}{7 \text{ июля}}$ 1840 г.⟩

Мы имели величайшее счастие застать здесь чудную оперу — известнейших артистов — Ронкони, Мариани, Ungher, Frezzolini, Brambilla, Gabussi. Это всё такие имена, которые приводили Николая Васильевича в восторг, когда он читал их на афишах. Несколько дней продолжался этот приятный сюрприз — узнавать, что эти артисты здесь, а Николай Васильевич первый день, увидавши только, что здесь Ungher,

был уже в восхищении. Это наслаждение (т. е. итальянскую оперу) имели мы только до 1 июля [4].

Николай Васильевич показывал мне здесь картинные галлереи в Бельведере (императорском) и кн. Эстергази ⟨...⟩

⟨26 июня⟩ / 8 июля

...Пробуду здесь до субботы (11-е июля), потом еду в Мюнхен — до Линца на пароходе ⟨...⟩ В Венецию к 1-му сентября, где найду Николая Васильевича. С ним чрез Анкону в Рим. В конце октября в Берлин. Пишите мне, пожалуйста, в Венецию или Рим. Найду ли я Вас в Берлине? Я Вам не успел ничего сказать о Николае Васильевиче. Он работает здесь над малороссийскими песнями, никогда не изданными, которых у него самое огромное богатейшее собрание [5]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IX/4; III/XVI/6; III/1/23).

[1] Об обстоятельствах, при которых Панов решился на поездку с Гоголем в Италию, см. в «Истории», 33—37 и в настоящей публикации письма №№ 36 и 39.

[2] К. К. Павловой посвящено несколько посланий Н. М. Языкова. Вероятно, здесь идет речь о послании «Забыли вы меня...», которое появилось в печати лишь в 1841 г. («Москвитянин», № 2, стр. 348—350), но Гоголю могло стать известно от К. К. Павловой или же самого Языкова.

[3] Упоминаемая статья Гоголя о собрании эскизов, принадлежавшем кн. Долгорукому, так же, как и самый факт участия Гоголя в итальянских журналах, неизвестна. Подробности о коллекции Долгорукого см. в настоящем томе, в примечаниях к письмам М. П. Погодина Гоголю.

[4] См. «Письма», II, 59.

[5] Украинские песни, собранные Гоголем, были впервые изданы Г. Георгиевским (сб. «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. II, СПб., 1908) и М. Сперанским («К истории собрания песен Н. В. Гоголя». Нежин, 1912, стр. 21—44).

41. [Ек. В. ДАВЫДОВА — В. Л. и А. И. ДАВЫДОВЫМ

⟨11⟩ / 23 декабря 1840. Рим

...Мы познакомились в Альбано с одним соотечественником-писателем, г-ном Гоголем. Это очень приятный человек, он часто нас посещает и читал нам много раз свои произведения, которые очень забавны. В последний раз мы договорились с ним, что он придет и прочтет нам своего «Ревизора», который, как говорят, имел большой успех несколько лет тому назад в Московском театре. Он его очень хорошо читал, и мы много смеялись, но этот род пьес мне не нравится; она может позабавить два-три раза, особенно, когда читает сам автор, потому что он читает ее более естественным образом, чем кто бы то ни было. Но если б мне пришлось читать ее самой, я б ее никогда не окончила, мне кажется. Что я люблю в Гоголе, это что он русский в душе, и когда бываешь с ним, кажется, что находишься в России, потому что он говорит только по-русски и вдобавок с малороссийским акцентом, что совсем родное сердцу [1].

Автограф. ЛБ. Фонд Давыдовых (Дав. 11/71). — Подлинник на французском языке (кроме последних четырех слов).

Екатерина Васильевна Давыдова, в замужестве Переслени (1823—1904) — дочь декабриста В. Л. Давыдова. Письмо адресовано ее родителям, находившимся на поселении в Сибири (см. ниже письма ее отца).

[1] Давыдовы были родом с Украины, где им принадлежало знаменитое имение Каменка, в котором в двадцатых годах бывали Пушкин, многие декабристы, а впоследствии — П. И. Чайковский.

В дневнике другой дочери В. Л. Давыдова — Елизаветы (1822—1898), также находившейся в это время в Риме, встречается ряд упоминаний о Гоголе. Приводим их в несколько сокращенном виде:

«В воскресенье (14 ⟨февраля 1841 г.⟩) вечером нам представилась возможность познакомиться с ними ⟨девицами Олферьевыми⟩ в доме княгини Волконской — на чте-

нии „Ревизора" Гоголем. Надо объяснить, чем было вызвано это чтение. Здесь живет один русский молодой человек, художник ⟨Шаповалов⟩, который получал содержание от Общества поощрения наукам; внезапно, самым несправедливым образом и без всякого предупреждения, у него отнимают пенсию, и бедный юноша остается без гроша. Гоголь, растроганный до глубины печенки таким потрясающим несчастьем, надумал устроить платное чтение своего знаменитого „Ревизора"; он роздал билеты всем русским, находящимся в Риме, ценой в один пиастр, а внизу на билете, в уголке, скромно подписал мелким почерком: „Кто может — и более". Итак, в воскресенье

РАЗВАЛИНЫ КОЛИЗЕЯ

Картина маслом Н. Г. Чернецова, 1840 г.

Русский музей, Ленинград

в 7 часов мы отправились в дом кн. Волконской, где должно было состояться чтение; зала была наполнена русскими ⟨...⟩ Русские мужчины, сидевшие позади нас, все время не переставали хохотать, и мы испытывали немалое удовольствие, когда нам удавалось уловить хоть несколько русских слов⟨...⟩ Домой мы вернулись около полуночи ⟨...⟩

16 февраля 1841 г.

Вечером у нас были нежданные гости и столь разнохарактерные, что было просто смешно: Гоголь, говорящий только по-русски, аббат Феррари, с которым мы говорим по-французски, г-да Струтт и Стрэпп — англичане, незнакомые между собой ⟨...⟩

23 февраля последний день карнавала. Вечером мы отправились в театр на Veglione*, как во Флоренции, но это было вовсе не забавно — хуже, чем во Флоренции, потому что мы находились во втором ряду, и маски не могли подходить к нам близко, но и вообще, мне кажется, что здесь больше бывает простой народ, чем люди из общества; совсем

* Бал-маскарад в театре (итал.).

не было видно красивых масок: была одна, вся в красном, как в прошлом году во Флоренции, и по ее манерам мы решили, что это та же самая. Тетушка была с кн. Гагариной и Софи Раевской в одной ложе, а мы трое с дядюшкой — в другой. Гоголь провел у нас некоторое время <...>

В четверг вечером пришла к нам повидаться мисс Харбеттель, и мало-помалу наша гостиная начала наполняться неожиданными гостями: г. Стрэшн, вся семья Обуховых, г. Гоголь и Панов; мы провели вечер довольно весело за разными играми. Нам пришлось много смеяться над бедным г. Стрэшном<...>

Приехав <в Колизей, 7 марта>, мы все бросились играть в горелки; под аркадами, гуляя с факелами, мы встретили Гоголя и Панова. Они сказали нам, что Обуховы были тут, чему мы очень обрадовались» (неизд.— ЛБ. Дав. III/IV/31.— Подлин. на франц. яз.).

В дневнике Ел. В. Давыдовой имеется еще несколько беглых упоминаний о посещении их дома Гоголем.

Непонимание сестрами Давыдовыми комедии Гоголя их отец-декабрист справедливо объяснял совершенным незнакомством с русской действительностью и незнанием «ни нравов», «ни человеческого сердца» (см. письмо № 44).

Упоминаемый в дневнике Ел. В. Давыдовой молодой художник И. С. Шаповалов (Шаповаленко, 1817—1890) был близко знаком с Гоголем, оказывавшим ему постоянную материальную помощь.

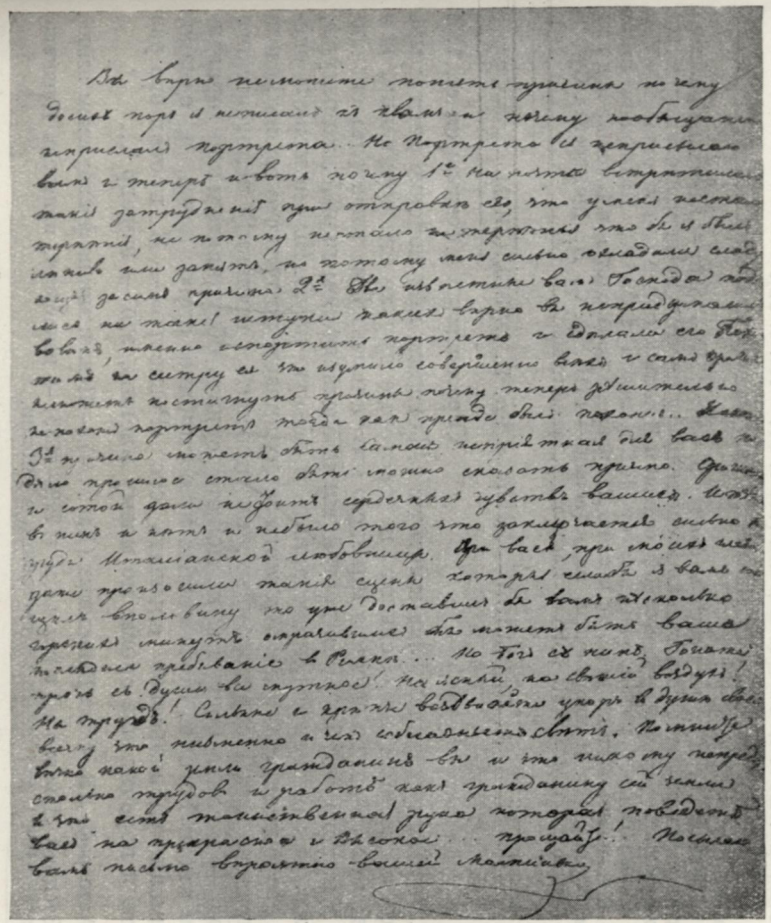
В письме литератора М. П. Бибикова к Н. А. Рамазанову от 21 ноября 1855 г. имеются следующие любопытные подробности о «добром и милом малом» Шаповаленке, которого он знал в Риме, где все его «звали синьором Шаповаленко»: «Он в Риме всё время жил с Гоголем, или, по крайней мере, виделся с ним каждый день (Гоголь даже подарил ему альбом своих эскизов с римской природы) и может дать тебе о Гоголе любопытнейшие сведения и подробные, интереснейшие детали о его художнической жизни в Риме. Шаповаленко же, как большая часть малороссов, красноречив и рассказывает очень оригинально и приятно. Попробуй описать с его слов эту эпоху из жизни великого нашего писателя. Тем более статья твоя будет занимательна, что до сих пор, кроме малозначащих писем Гоголя, ничего нет относящегося ко времени его пребывания в Италии. Право, попробуй, дело хорошее, и тебе придется по душе <...> Напиши мне, если дело пойдет на лад, и я внесу мою лепту и дам тебе кое-какие сведения и подробности о жизни Гоголя в Риме» (неизд.— ГИМ, ф. Рамазанова).

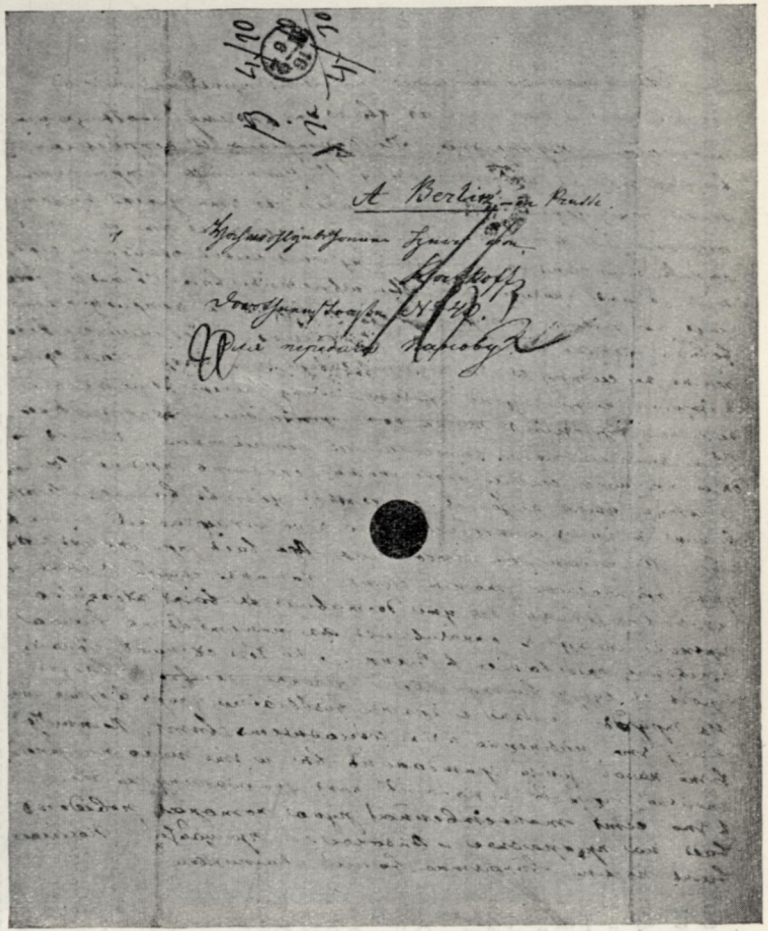
См. ниже письмо И. С. Шаповалова (в примеч. к письму № 105).

42. В. А. ПАНОВ — К. С. АКСАКОВУ

Рим. 1840 — декабря 31 / 1841 года — января 12

... По письмам, которые Николай Васильевич получил от Сергея Тимофеевича и недавно от Вас, я узнал, что Вы постоянно еще пребываете в Москве, а то прежде я думал, что Вы, может быть, с сентября уже в Берлине, как Вы твердо были уверены при моем отъезде <...> О себе после буду говорить Вам — сперва о том, что имеет интерес общий,— о ближайшем моем соседе. Когда мы приехали сюда с Николаем Васильевичем, он после несколько дней был в совершенной нерешительности, где ему нанять квартиру — потому что тогда для него было трудно подняться в полчаса на маленький пригорок и, чтоб взойти десять ступень, надо было двадцать раз остановиться, а прежняя его квартира на горе и в третьем этаже,— но, к счастию, нерешимость была так велика, что он думал, думал и, наконец, все-таки поселился на старой своей квартире [1]. Мне же он советовал для практики в итальянском языке взять квартиру, где была бы хозяйка, с которой интересно было бы беседовать. Боткин, который приехал сюда вместе с нами, знал здесь одно семейство, куда тотчас и отвел меня. Таким образом мы с Николаем Васильевичем виделись довольно часто; завтракали, обедали вместе. Но вскоре я стал обедать дома, в семействе хозяев. Спустя месяц Николай Васильевич также начал более сидеть у себя, и мы уже виделись гораздо реже, по вечерам, раза три, четыре в неделю. Между тем я был сначала очень доволен своей квартирой; комната у меня, в самом деле, была хорошая. Практика итальянского языка меня мало-помалу впутала в обстоятельства моего семейства, состоящего из матери, трех дочерей от 20 до 13 лет и шестнадцатилетнего сына. Наконец я так запутался, что и не знал уже, что мне делать.





АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОГОЛЯ К В. А. ПАНОВУ ОТ ИЮНЯ 1841 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Конечно, через месяц уже я стал довольно свободно изъясняться по-итальянски [2]...

Автограф. ГИМ. Фонд Хомяковых (№ 178, ед. хр. 35, л. 92—92 об.).

[1] Квартира Гоголя в Риме находилась на Via Felice, № 126. П. В. Анненков, вероятно, ошибался, указывая в своих воспоминаниях, что В. А. Панов жил в одной квартире с Гоголем («Лит. воспоминания», цит. изд., стр. 27).

[2] Письмо не дописано. Повидимому оно осталось неотправленным. См. ниже письмо к В. А. Панову некоей Джюлии — возможно дочери его квартирной хозяйки (письмо № 47).

17 января 1841 г. С. Т. Аксаков писал Панову, в ответ на его письмо от 9/21 ноября 1840 г. (см. «Письма», II, 87—89): «Как восхитили Вы меня извещением, что Николай Васильевич читал Вам начало своей драмы! Слава богу! Признаюсь, однако, мне сдается, что это прежнее его создание, а не новое! Он еще в Петербурге мне говорил, что драма у него совсем готова, даже одеяние, и что стоит только написать, но для этого нужно, если не вдохновение, то расположение, которого в Москве он никак не мог почувствовать» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 17, лл. 44 об.— 45 об.).

24 апреля 1841 г. Е. М. Хомякова иронически отмечала в письме к своему брату — Н. М. Языкову: «Панов все сидит в Риме, любуясь и восхищаясь не Римом, а Гоголем, с которым он не может уже расстаться» (неизд.— ГИМ, ф. 178, ед. хр. 46, л. 91).

43. Н. А. МЕЛЬГУНОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

11 января 1841. Вена

...Искренно благодарю Вас за литературные новости. Разве в самом деле Гоголь не написал романа «Мертвые души»? Откуда же взял Шевырев, который слышал 17-ю <!> главу и многие другие? В переводе «Ятагана» [1] я грешен! «Бульбу» также сбирался перевесть с Кёнигом, да меня уведомил Фарнгаген [2] из Берлина, что эта повесть, как и весь «Миргород», там переводится <...> Где помещен перевод «Бульбы»? [3]

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 67.— Яз. I. 28).

[1] «Я т а г а н»—повесть Н. Ф. Павлова, переведенная на немецкий язык Н. А. Мельгуновым.

[2] Карл-Август Ф а р н г а г е н ф о н - Э н з е (1785—1858) — немецкий писатель и критик, поддерживавший постоянные сношения со многими представителями русской литературы и науки, автор известной статьи о Пушкине (см. о нем в письме № 48).

[3] Двумя годами ранее, в письме от 16/28 марта 1839 г., Мельгунов писал С. П. Шевыреву: «Скажи Гоголю, что его „Миргород" переводится в Берлине под надзором Фарнгагена. Я этому очень рад» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева). Судьба этих переводов сочинений Гоголя нами не установлена.

44. В. Л. ДАВЫДОВ — Ек. В. и Ел. В. ДАВЫДОВЫМ

<Красноярск.> 8 февраля ст. ст. 1841

...Я завидую вашему знакомству с г. Гоголем, мои дорогие дети [1]; мне известна его комедия «Ревизор» и некоторые другие его сочинения, и я составил себе самое высокое мнение о его таланте. Это писатель, созданный для того, чтобы быть достойным представителем нашей литературы, так же, как он мог бы представлять и всякую иную. Вы не можете оценить его комедию так, как она этого заслуживает, потому что вы не знаете ни нравов, в ней обрисованных, ни (простите, крошки!) человеческого сердца — и слава богу! Вы не можете судить об удивительной правдивости кисти Гоголя, о vis comica *, о глубине этого поэта, и, однако, вы имели удовольствие слышать его «Ревизора».— Я прочел его раз десять и перечту еще снова: по моему мнению, это — шедевр [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Давыдовых (Дав. 1/4).— Подлинник на французском языке.

Василий Львович Д а в ы д о в (1792—1855) — декабрист, приятель Пушкина, находившийся в это время на поселении в Сибири.

* силе комизма (лат.).

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Картина маслом В. Е. Раева, 1845 г.

Собрание А. С. Минкина, Ленинград

[1] О своем знакомстве с Гоголем сообщила родителям Ек. В. Давыдова в письме от 11/23 декабря 1840 г. (см. письмо № 41).

[2] С этим восторженным отзывом В. Л. Давыдова о Гоголе дочери декабриста вскоре ознакомили писателя (см. отклик на это в публикуемом письме Давыдова от 24 июня 1841 г., № 49).

45. Н. И. КРЫЛОВ — М. П. ПОГОДИНУ

⟨Москва. Около 28 марта 1841 г.⟩

Спасибо Вам, добрый Михайло Петрович, за Ваше православное послушание. Теперь пересмотрел журнал Ваш и нашел не только все мои отметки исполненными, но, кроме их, еще много Ваших, и дельных. Спасибо особенно за вчерашнюю мою неосторожность. Читаю с Коршем Гоголя и останавливаюсь на словах: «Вы не только о собаках, но и о сотворении мира». Думаю, зачеркнул ли я это место? Ну давай писать к Степанову [1] и просить его о снисхождении. Сегодня гляжу — всё сделано [2]. Я теперь сбился в своем п р и н ц и п е: не знаю, откуда ждать грозы; и не гадаешь, где она постигнет. Так неопределенно ее движение...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/17/45).

Никита Иванович К р ы л о в (1808—1879) — профессор Московского университета и цензор. По характеристике современника, это был человек «чистый от всяких убеждений, нравственных и научных» и «способный на всякое безнравственное дело» (С. С о л о в ь е в. Записки, Пг., 1915, стр. 97—98). Гоголь считал Крылова одним из главных виновников цензурных осложнений, возникших при издании первого тома «Мертвых душ» и на полгода задержавших выход в свет книги («Письма», II, 137. См. о нем также в примеч. к письму № 60).

[1] Н. С. С т е п а н о в — владелец типографии, в которой печатался «Москвитянин».

[2] В четвертой книжке «Москвитянина» за 1841 г., цензуровавшейся Н. И. Крыловым, были напечатаны сцены из четвертого акта «Ревизора» в новой редакции. После слов Аммоса Федоровича: «Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре да о какой-нибудь гончей ищейке...» — была изъята ответная реплика чиновников: «Нет, вы не только о собаках, вы и о сотворении мира».

Дата цензурного разрешения 4-й книжки «Москвитянина» — 27 марта 1841 г. Этим определяется и приблизительная дата письма.

46. И. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

С.-Петербург. 7-го апреля ⟨1841 г.⟩

...⟨И. И.⟩ Панаев показывал мне письмо ⟨М. А.⟩ Языкова, в котором тот просит его похлопотать о Гоголе, именно о «Ревизоре» [1]. Панаев сердится, что не написано ни на сколько времени, ни какое количество экземпляров и пр. Он думает, что здесь дадут меньше за «Ревизора»: в Петербурге он и не так разойдется, и ценить его не умеют [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 12, ед. хр. 15).

[1] Это письмо приятеля Белинского — Михаила Александровича Я з ы к о в а (1811—1885) к писателю И. И. Панаеву неизвестно. М. А. Языков во время своего пребывания в Москве посещал Аксаковых, которым Гоголь поручил второе издание «Ревизора», и написал в Петербург Панаеву, вероятно, по их просьбе.

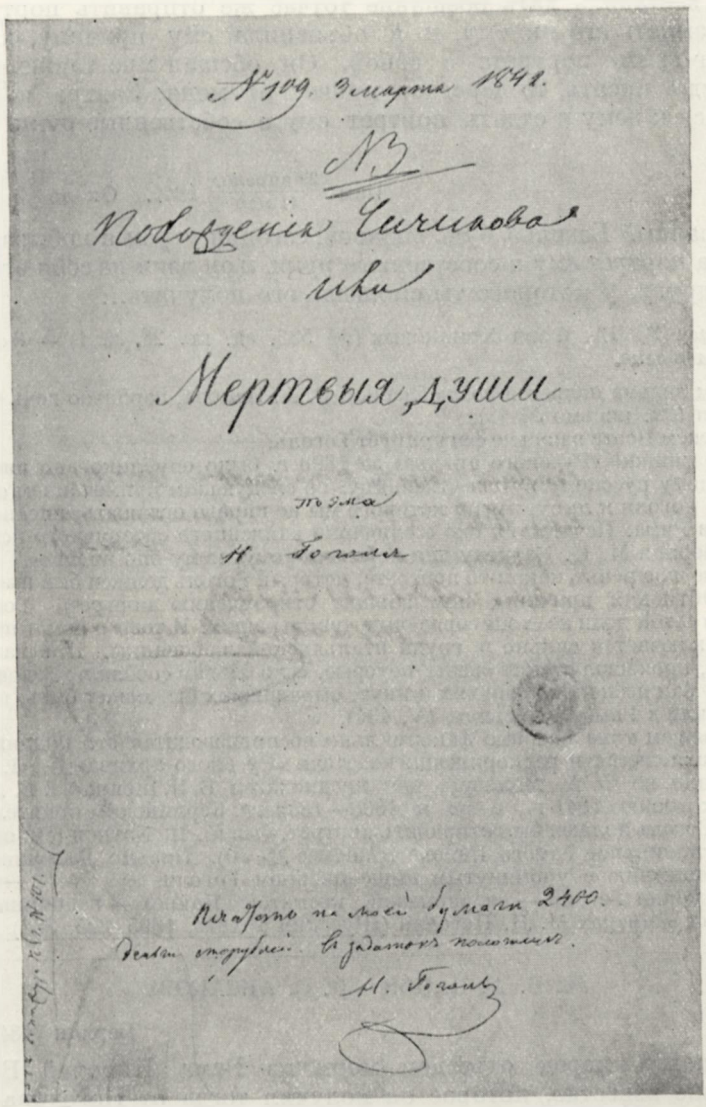
[2] Намерение напечатать второе издание «Ревизора» в Петербурге не было осуществлено, и «Ревизор» был издан в Москве М. П. Погодиным.

47. ДЖЮЛИЯ — В. А. ПАНОВУ

Рим $\frac{\text{⟨27 апреля⟩}}{\text{9 мая}}$ 1841 [1]

Друг мой, наконец-то я получила свой портрет; как только он оказался у меня в руках, я побежала к Поэту, чтоб возможно скорее передать ему

на хранение, однако с большим огорчением, дорогой мой Базильо, должна сообщить тебе, что я не застала его дома. Никогда не смогу тебе передать, сколько я выстрадала, стоя на улице,— ничего подобного я не испытывала в течение всей своей жизни ⟨...⟩


№ 109. 3 марта 1842.

№ 3

Похожденія Чичикова

или

Мертвыя души

поэма

Н. Гоголя

Печатать на моей бумаге 2400.

Деньги сторублей. Въ задатокъ положилъ.

Н. Гоголь

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЦЕНЗУРНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА РУКОПИСИ «МЕРТВЫХ ДУШ» С АВТОГРАФИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ ГОГОЛЯ, 1842 г.

Номер, дата и добавление к заглавию вписаны цензором

Библиотека Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Увидев мое состояние, Нанна [2] предложила мне сесть. Я ее горячо поблагодарила; сказав, что не имею времени, я попросила ее передать Поэту, чтоб он был настолько добр и пришел ко мне на следующий день. Она мне обещала сделать всё, что будет в ее силах, чтобы сообщить ему это, и надеюсь — она не обманет.

Рим $\frac{\langle 28\ апреля\rangle}{10\ мая}$ 1841. Вечер

Сегодня утром ко мне приходил Поэт. Я была так рада видеть его. Я говорила ему о своем портрете и сказала ему, что отнесу его завтра к нему на дом, так как отнести сегодня у меня нет возможности.

Я его заставила дать обещание тотчас же отправить портрет к тебе и не показывать его никому, и я объяснила ему причину, по которой ты не мог взять портрета с собой. Он обещал мне также, что, когда он тебе будет писать, то передаст привет от меня. Завтра я собираюсь отправиться к нему и отдать портрет ему в собственные руки, как я тебе обещала.

Рим $\frac{\langle 29\ апреля\rangle}{11\ мая}$ 1841. Около 3 часов ночи

Мой славный Базильо, будь спокоен: сегодня утром я побывала у Поэта и передала портрет ему в собственные руки, и он взял на себя его доставку к твоему другу, у которого ты сможешь его получить...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Хомяковых (№ 532. ед. хр. 28, л. 1) — Подлинник на итальянском языке.

Автором письма является возлюбленная В. А. Панова, вероятно дочь его квартирной хозяйки (см. письмо № 42).

Под именем Поэта в письме фигурирует Гоголь.

[1] В 3-й книжке «Русского архива» за 1896 г. было опубликовано письмо Гоголя к «неизвестному русскому путешественнику» со следующим примечанием от редакции: «Это письмо Гоголя к лицу, имени которого мы не вправе оглашать, писано в 1838 или 1839 году из Рима. Печатается оно с случайно найденного своеручного подлинника и послано в Берлин М. Н. Каткову для передачи тому, кому оно писано».

В письме шла речь о каком-то портрете, который Гоголь должен был выслать своему адресату. Объясняя причины, помешавшие отправлению портрета, Гоголь писал: «Оригинал и сотой доли не стоит сердечных чувств ваших. И тени в нем и нет и не было того, что заключается сильно в груди итальянской любовницы. При вас, при моих глазах даже, произошли такие сцены, которые, если б я вам сообщил вполовину, то уже доставил бы вам несколько горьких минут, омрачивших бы, может быть, ваше последнее пребывание в Риме» («Письма», IV, 434).

В настоящем томе впервые факсимильно воспроизводится это подлинное письмо Гоголя, находившееся в распоряжении издателя «Русского архива» П. И. Бартенева. Оно адресовано не Ф. А. Моллеру, как предполагал В. И. Шенрок, а В. А. Панову и относится к июню 1841 г., а не к 1838—1839 гг. Берлинским приятелем Панова, к которому Гоголь должен был отправить портрет, был М. Н. Катков (см. об этом письме Гоголя упоминание самого Панова в письме № 50). Письмо Джюлии тесно связано по содержанию с упомянутым выше письмом Гоголя.

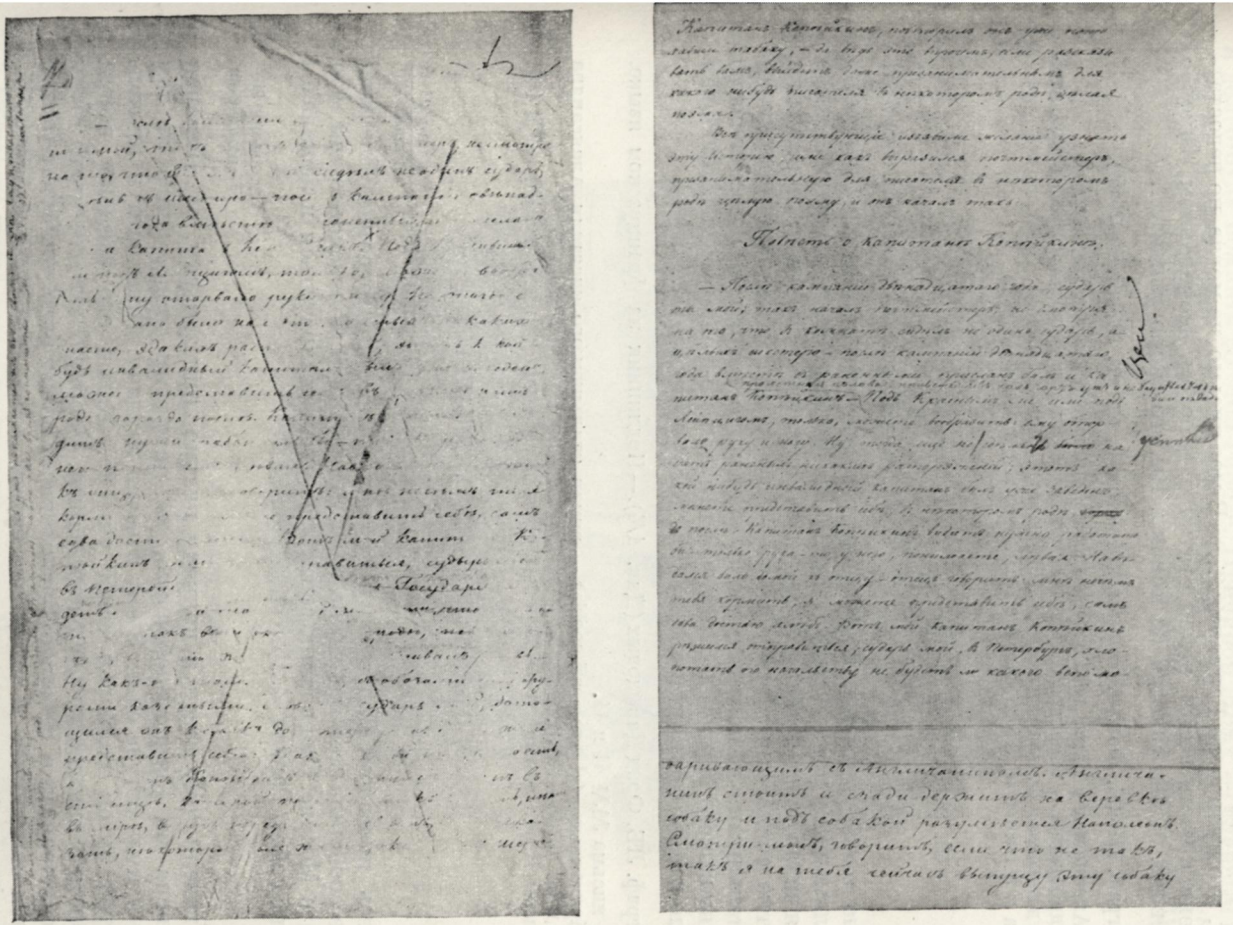
[2] О служанке Гоголя — «черномазой, косматой Нанне» — вспоминал впоследствии в своих записках М. П. Погодин («Русский архив», 1865, стб. 888).

48. В. А. ПАНОВ — К. С. АКСАКОВУ

Берлин 1841-го $\frac{\text{мая } 25}{\text{июня } 6}$

...Незадолго перед отъездом моим из Рима Николай Васильевич сообщил мне известие, которое он получил тогда от Погодина, о несчастии, постигшем Ваше семейство [1] ⟨...⟩

В конце апреля я должен был сделать путешествие в Неаполь: я подговорил ехать туда семейство Обуховых [2], которое с генваря месяца было в Риме, и обещал им ехать вместе. Но мое решение не было еще твердо. Мне не хотелось изменять прежнего моего плана — на этот раз не заезжать в Италию дальше Рима, и потом из Неаполя мне пришлось бы опять возвращаться на Рим — новый соблазн. Одно утро, накануне дня, назначенного к отъезду нашему, 1-го мая, я отправился, не сказавши никому ни слова, в контору дилижансов и взял билет на 6-е в Анкону! Дело было кончено, Обуховы, недовольные, уехали одни. Николай Васильевич был доволен. Получивши его благословение, я 6-го мая расстался с Римом ⟨...⟩ Я был раза два у Фарнгагена [3], к которому я имел письмо. Он принял



ЛИСТЫ ЦЕНЗУРНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА РУКОПИСИ «МЕРТВЫХ ДУШ» С ТЕКСТОМ «ПОВЕСТИ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ», 1842 г.

Писарская копия с авторской правкой Гоголя

Слева—не пропущенный цензором текст, справа—новая редакция текста.

Библиотека Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

меня даже с излишними учтивствами. Он вообще относится к разряду людей, которых Николай Васильевич называет сладкими и которых знакомство отчасти бывает тяжело. К тому же у него бездна предрассудков. Мы себе его представляли совершенно иначе. Он мне сказывал, между прочим, что он произведения г-жи Дюдеван, или George Sand, ставит наравне с лучшим, что произвела Германия〈...〉 В мое письмо не могла по недостатку времени и места войти целая статья о дорогом, неоцененном Николае Васильевиче. Я бы никогда не кончил. Вы его скоро увидите...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 9, ед. хр. 61, лл. 1—2 об.).

[1] У Аксаковых в марте 1841 г. умер шестнадцатилетний сын Михаил.
[2] Подробности о семействе Обуховых см. в «Записках ректора и профессора Академии художеств», Ф. Иордана, М., 1918, стр. 209—210.
[3] Фарнгаген фон-Энзе (см. о нем в письме № 43).

49. В. Л. ДАВЫДОВ — Ек. В. и Ел. В. ДАВЫДОВЫМ

〈Красноярск.〉 24 июня (ст. ст.) 1841

...Мне очень приятно, что г. Гоголь знает, что в глубине Сибири он имеет пламенных почитателей [1]. Во время получения вашего последнего письма я читал сцены, добавленные им к «Ревизору». Не знаю, знакомы ли вам другие сочинения этого автора.— Что касается меня, я нахожу их восхитительными, и, поверите ли, я настолько варвар, что предпочитаю их роману вашего Манцони [2], который я читал по-французски и пробовал читать по-итальянски (я имею в виду «Обрученных») [3]...

Автограф. ЛБ. Фонд Давыдовых (Дав. 1/4).—Подлинник на французском языке.

[1] См. письма №№ 41 и 44.
[2] «Обрученные» («I promessi sposi») — роман итальянского писателя Александра Манцони (1785—1873).
[3] Отзывы В. Л. Давыдова о «Мертвых душах» см. ниже в письмах №№ 129 и 131.

50. В. А. ПАНОВ — К. С. АКСАКОВУ

Берлин. 1841 г. $\frac{\text{июня 24-го}}{\text{июля 6-го}}$

...Здесь проездом пробыла дней пять Авдотья Петровна Елагина; она тоже сообщила мне кое-какие известия о нашей молодежи, о том, что делается в Москве. Она в конце сентября думает возвратиться и желала бы привезти с собою Гоголя 〈...〉

$\frac{\text{июня 26-го}}{\text{июля 8-го}}$

Три недели тому назад я получил письмо, или записку, от Николая Васильевича из Рима. Вообразите, не пишет ни слова, долго ли там остается и куда оттуда едет. Я ему отвечал наудачу. Ответ этот в продолжение трех суток волновал меня ужасно. Конец его записки всегда останется мне памятным. Он очень важен. Сообщу Вам его, когда буду подробнее говорить о Николае Васильевиче, может быть это будет только при нашем свидании [1]. А когда оно будет?..

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 9, ед. хр. 61, лл. 3—4).

[1] Речь идет, несомненно, о письме Гоголя, опубликованном в «Русском архиве» в виде письма к «неизвестному русскому путешественнику» и, как теперь устанавливается, адресованном В. А. Панову (см. примеч. к письму № 47). Объяснив Панову, что его бывшая возлюбленная недостойна его любви, Гоголь писал в заключительных строках письма: «Гоните прочь с души всё мутное! На ясный, на свежий воздух! На труд! Сильнее и крепче воздвигайте упор в душе своей всему, что̀ низменно и чем соблазняет свет. Помните вечно, какой земли гражданин вы и что никому не предстоит столько трудов и работ, как гражданину сей земли» («Письма», IV, 434).

51. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

〈Рим. Начало июля 1841 г.〉[1]

Пишу вам, любезные братья, последнее письмо из Рима, почти перед самым отъездом в Неаполь. Прожил я здесь три месяца, более чем хотел, и долго буду помнить об этом городе. Причиной этому — славный Гоголь, а потом и несколько русских художников, с которыми я познакомился, и жили мы, таким образом, весело, осматривая всё, что есть лучшего,

В. Л. ДАВЫДОВ
Акварель неизвестного художника, 1840—1850-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

обедая вместе,— не видал как пролетели три месяца, а вот, однакож, наступил июль месяц, жары сделались нестерпимые, а я еду еще южнее, в Неаполь и Сицилию 〈...〉

Общество наше состояло из живописца Иванова, который рисует чудную картину — «Иоанна Крестителя» 〈...〉; из гравера Иордана, начавшего гравировать «Преображение» Рафаэля, и это будет первый эстамп в Европе, передающий верно этот шедевр Рафаэля, после которого он и умер, точно не оставалось ему ничего больше делать на земле; из скульптора Лугановского, сделавшего по заказу государя-наследника статую «Аббадонна, плачущий уединенно о потере блаженства» 〈...〉 Таково-то было наше общество [2].

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 3).

Павел Васильевич Анненков (1812—1887) познакомился с Гоголем еще в первой половине тридцатых годов. Его совместное пребывание с Гоголем в Риме, так же как позднейшие встречи с писателем, подробно описаны в его известных воспоминаниях.

[1] Приблизительная дата устанавливается имеющейся на письме надписью о получении (19 июля).

[2] 8/20 мая 1841 г. П. В. Анненков писал братьям: «Недавно с Гоголем были мы в Тиволи, удивительной загородной деревне Рима» (неизд.—ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 31 об.).

52. Н. А. МЕЛЬГУНОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

12 июля 1841. Вена

...Кстати о Риме: там был недавно ⟨Н. И.⟩ Надеждин, который Вам усердно кланяется,— и видел Гоголя. С чего, как бы Вы думали, начал этот свой разговор с экс-профессором-журналистом? «Каков урожай в России, и высоки ли цены на хлеб?»— У Надеждина так и опустились руки.— Его [1] еще здесь нет; он странствует с Княжевичем по Далмации, хе, и воротится сюда недели через две...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 67.— Яз. I. 28).

[1] Мельгунов имел здесь, конечно, в виду Н. И. Надеждина, о котором см. ниже, в примеч. к письму № 91. Это письмо явилось поводом для забавного qui pro quo: Н. М. Языков поспешил сообщить своим родным в Россию: «Мельгунов ⟨...⟩ пишет мне, что Гоголь опять был в Риме, теперь ездит по Далмации вместе с Княжевичем и скоро будет в Вену» (ИРЛИ, 19.4. 22.— Яз. I. 22).

В. И. Шенрок, на основании этих слов, отметил в биографии Языкова: «Этот факт о пребывании Гоголя в Далмации не был известен до сих пор» («Вестник Европы», 1897, № 12, стр. 623).

Упоминание о Гоголе имеется в письме Н. М. Языкова к родным от 26 сентября 1841 г. из Ганау: «Гоголь в первый раз в Дрездене; стыдно ему будет не видеть Мадонны» (неизд.— ИРЛИ, 19.4.24.— Яз. I. 29).

53. С. Т. АКСАКОВ — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Москва. 1841 года, 1 ноября

...За большой секрет скажу тебе, что только мы двое с Константином слышали 1-й том «Мертвых душ», всего 11 глав, но, кажется, нет возможности уместить их в одном томе. Последняя глава повергла нас в изумление восторга... В ней выразилась благодатная перемена в целом нравственном бытии автора... Вместо мрачной мизантропии — любовь, мир, спокойствие [1]... И каким глубоко и высоко поэтическим образом все это высказалось...

При первой возможности, вероятно, ты первая в Петербурге получишь этот драгоценный том... Автор совсем другой человек. Он находится в состоянии если не всегда творчества (потому что это было бы невыносимо), но всегда производительности, деятельности... Сон и пища — для него дело постороннее. Это видно, что он живет постоянно в своем мире, в своем обществе. Читает только нам двоим и беспрестанно требует замечаний. Эти чтения — секрет для всех. Три раза в неделю он обедает у нас, и до 9-ти часов мы занимаемся определением и записыванием особенностей нашего богатейшего языка: для него это очень нужно.

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.685).

[1] Публикуемое письмо с особенной наглядностью подчеркивает, какие стороны в творчестве Гоголя ценили Аксаковы, называвшие «мрачной мизантропией» сатирическую направленность его великих произведений.

ОБЛОЖКА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «МЕРТВЫХ ДУШ», СДЕЛАННАЯ ПО РИСУНКУ ГОГОЛЯ, 1842 г.

54. П. И. ПЕЙКЕР — С. Т. АКСАКОВУ

Петербург. 7 ноября 1841 г.

Нередко вспоминаю о Гоголе — и признаюсь, если б знал, кто сидел возле меня в дилижансе, я бы ему еще более надоел[1]. Зная его теперь, хотя очень мало, я немедленно принялся за перечитывание его сочинений, и теперь многое представляется мне в ином виде; его метода преподавания всеобщей истории восхищает меня; мне кажется, что гениальность этого замечательного человека является здесь не в меньшем блеске, как в юмористических сочинениях[2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 13, ед. хр. 56).

Петр Иванович Пейкер — сын директора Межевого корпуса, сенатора И. У. Пейкера. Как выясняется из неизданного письма К. С. Аксакова к брату Григорию, Пейкер был знаком с М. А. Бакуниным, с которым вместе учился в артиллерийском училище (ЛБ, ГАИС, III/III/50). Пейкер принимал участие в издании «Истории Петра Великого» Н. Ламбина.

[1] Гоголь приехал в Москву из Петербурга в одном дилижансе с Пейкером. 18 октября 1841 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской:

«Возвратившись с маменькой домой сегодня, мы нашли у нас—Гоголя. Он приехал вчера же вместе с П. И. ⟨Пейкером⟩ в одной почтовой карете и, разговорившись, узнали, что мы им общие знакомые. Хотя и знали, что Гоголь едет в Россию, но не ожидали его так скоро, и потому, говорят, у нас был порядочный шум при его появлении, так что напугали весь дом. Я очень рада, что я тут не была в эту минуту — кроме испуга, вообрази, что мне еще достается от тех самых, которые меня испугают, что случается нередко. Еще не знают наверное, а кажется Гоголь приехал не с пустыми руками».

«Вчера обедал у нас П. И. Пейкер...—приписала она на следующий день:— Я тебе писала, что П. И. приехал в одном дилижансе с Гоголем, но Пейкер и не знал, что это тот самый Гоголь, писатель. Мы не могли удержаться от смеха, слыша рассказы Пейкера о том, как они ехали вместе и всё молчали; и вообрази, что Гоголь без всякой причины наговорил ему столько вздору, например, тот спрашивает, знает ли он Погодина, Гоголь отвечает, что нет, и т. п. Пейкер, узнавши, что он так был мистифирован, обиделся было, но мы уверили его, что Гоголь делает это со всеми, что́ совершенная правда».

К этому же времени относится письмо К. С. Аксакова к брату Ивану: «Можешь себе представить, как обрадовались мы, что приехал Гоголь! Мы видаемся с ним часто; он (но это по секрету) читал нам и прочел всю первую часть „Мертвых душ“; это—чудо!» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/1-б).

[2] В письме от конца октября 1841 г. В. С. Аксакова писала Карташевской: «Письмо это пойдет с Петром Ивановичем ⟨...⟩ На-днях он обедал у нас вместе с Гоголем, сцена их свидания была так смешна, что я убежала в другую комнату, чтоб не расхохотаться, но и у нас даже Гоголь при Пейкере мало говорил.— Ты совершенно отгадала, моя милая Машенька, их разговор в дилижансе, но только он не пошел далее, и Петр Иванович жалуется ужасно на молчание своего спутника» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.611).

55. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ Вторник ⟨11 ноября 1841 г.⟩

...Жаль, что ты не видала картины Бруни. Я спрашивала об ней Гоголя. Он говорит, что в картинах Бруни виден талант более зрелый, нежели даже в картинах Брюллова[1], но что у этого последнего более гения; что картина эта, впрочем, прекрасна и что каждая группа отдельно может служить для изучения[2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.611, л. 117).

[1] Речь идет о известной картине Федора Антоновича Бруни (1800—1875) — «Медный змий». Беглое упоминание Гоголя об этой картине — см. в «Письмах», I, 609—610.

ПОЗДРЕВ

Статуэтка работы А. Соловьевой (каслинское литье, чугун), 1907 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Развернутую оценку «Последнего дня Помпеи» Карла Брюллова см. в «Арабесках» Гоголя — в специальном этюде, посвященном этой картине.

В одном из более поздних писем — от 21 октября 1842 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской по поводу «Портрета» Гоголя: «Конечно, после всего, что он говорит о живописи, можно положиться на его оценку. Я слышала, что живописцы чрезвычайно дорожат его мнением. Какая разница взгляда знатока, человека, посвященного в искусство, или человека, не знакомого с ним, который только может почувствовать общее впечатление картины» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.612, л. 124).

56. Е. М. ХОМЯКОВА — Н. М. ЯЗЫКОВУ

1841 года, Москва, 16-е ноября

...Мне очень бы хотелось встретить где-нибудь Гоголя, но он теперь нездоров и не ездит никуда; говорят, у него славные есть Ваши стихи. Он любит Вас очень и говорит об Вас с совершенным восторгом. Как сидите Вы теперь одни? Гоголь говорит, что Вы стали еще бодрее перед его отъездом. Дай бог, чтоб это была правда ⟨...⟩ Гоголь представлял в лицах Вас с Бакуниным [1] ⟨...⟩

Сегодня был у меня Гоголь. Милый Вессель [2], Вы не можете вообразить, как я рада была видеть его, много рассказывал об Вас, и всё радостное; весело слушать, как он любит Вас, я полюбила его очень Он отдал мне Ваши подарки ⟨...⟩ Какие милые серьги! За иголки отдала Гоголю двугривенный, чтоб не поссориться; мы хотим быть друзьями. Он очень худ, всё нездоров. Ждет Вас и сказывал, что будете жить вместе [3]...

Автограф. ГИМ. Фонд Хомяковых (№ 178, ед. хр. 46, лл. 99—100 об.).

[1] О посещении М. А. Бакуниным Н. М. Языкова — см. в биографии последнего В. И. Шенрока («Вестник Европы», 1897, № 12). Упоминание о встрече Гоголя с Бакуниным, которого он сильно недолюбливал, см. в «Письмах», II, 118. Ср. там же, 309—310).

[2] В е с с е л ь — семейное прозвище Н. М. Языкова.

[3] 20 октября 1841 г. Е. М. Хомякова писала Н. М. Языкову: «Гоголя рада буду видеть очень, люблю его, он такой добрый и любит Вас. Жаль только, что он от Погодина не хочет никуда ездить; к Авдотье Петровне ⟨Елагиной⟩ и то утром будет ездить» (неизд.— ГИМ, ф. 178, ед. хр. 46, л. 99).

57. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Декабря 9-го ⟨1841 г.⟩

...По секрету скажу тебе, что Гоголь начинает печатание первого тома «Мертвых душ». Сей час ожидаю его к себе, чтоб вместе с ним ехать в типографию для устройства этого дела, которое он, по необъяснимой странности, содержит в величайшей тайне. Сегодня же закажем новую бумагу для нового издания всех его сочинений [1]...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 5/12, л. 34 об.).

[1] Письмо написано за три дня до рассмотрения рукописи «Мертвых душ» Московским цензурным комитетом. Как явствует из публикуемой ниже мемуарной заметки М. П. Погодина и его письма к Гоголю, предположение о том, что цензура может не разрешить печатание «Мертвых душ», возникало у Гоголя еще в 1839 г. (ср. письмо № 37).

25 декабря 1841 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской:

«Ты спрашиваешь о Гоголе. Право, нечего писать об нем; он бывает у нас несколько реже, иногда говорит забавно, играет на биллиарде; пишет ли он, нет ли, и что он пишет,— всё это держит в секрете. Отесеньке он читал у себя на дому. Первый том „Мертвых душ“ кончен, кажется, но пожалуйста, скажи Ванечке, чтоб он не распространял этих слухов, а то вдруг где-нибудь напечатают, а до времени это, точно, должно быть в тайне» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.611, л. 147).

В конце 1841 г. В. С. Аксакова сообщала брату Ивану: «Гоголь бывает у нас часто, но очень недоволен, если мы скажем кому-нибудь об этом — непременно требует, чтоб мы лгали; иногда он очень смешит; как-то раз он очень серьезно уверял, что сапог его чрезвычайно похож на ⟨Н. И.⟩ Крылова (профессора здешнего) и т. п. Очень забавно, когда он играет на биллиарде, играет очень дурно и бранит себя. Но только ты, милый Ванечка, пожалуйста, не сообщай ничего никому, ни товарищам, ни Панаеву — из этого более выходят сплетни, и потом же Гоголь всё это держит в величайшем секрете» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 5/17, л. 42—42 об.).

58. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Января 15 дня 1842. Ганау

...Гоголь обещался прислать мне наши литературные новости, да что-то притаился — и перестал писать ко мне: он живет у Погодина пустыннически, однакож бывает у Хомяковых. Само собою разумеется, что он ничуть не участвует в спорах диалектических, которые снова начались у Свербеевых. Гоголь характера тихого — и враг всякой сумятицы и шума. Петр Михайлович [1], конечно, отыщет его в Москве [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19.4.23.— Яз. I. 23).

[1] Петр Михайлович Я з ы к о в (1798—1851) — старший брат Н. М. Языкова («Старик») — богатый помещик и ученый-дилетант. О его отношениях с Гоголем, в частности о сообщении им Гоголю фольклорных материалов, оставивших след в записных книжках писателя,— см. в сб. «Гоголь. Материалы и исследования», I, 65 и 103—105.

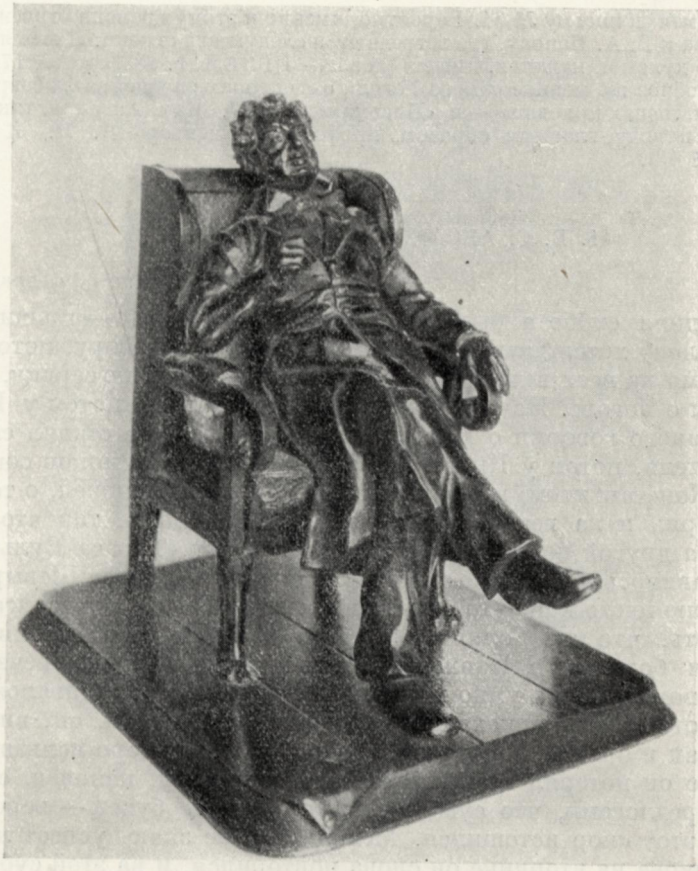
[2] А. М. Языков сообщал Н. М. Языкову 22 декабря 1841 г.: «Гоголь сидит дома и печатает свои „Мертвые души“ ⟨...⟩ Говорят, Гоголь привез несколько новых твоих п и э с и что Погодин, у которого Гоголь живет, держит их под спудом для „Москвитянина“». И в письме от 7 января 1842 г.: «У Гоголя сплин. Никуда не ходит, кроме Авдотьи Петровны. Любит очень, до страсти В⟨есселя⟩ и говорит его стихи чудесно» (неизд.— ИРЛИ, 19.4.92.— Яз. II.53).

24 декабря 1841 г. Н. М. Языков писал родным: «В Гаштейн я заеду радостно и потому, что тамошний видный врач был нынче осенью у Конна и перетолковал с ним обо мне ⟨...⟩ Статью этого врача Г. Д. Кине о Гаштейне я послал с Гоголем в Москву для перевода и издания,..» (неизд.—Рук. копия. ЛБ, Чиж. 66/4).

59. А. П. ЕЛАГИНА — В. А. ЖУКОВСКОМУ

⟨Москва.⟩ 23 января ⟨1842 г.⟩

...Здесь Гоголь, опять болен и грустен. Хотел печатать роман свой, но цензура не пропустила «Мертвые души», потому что душа бессмерт-



МАНИЛОВ

Статуэтка работы А. Соловьевой (каслинское литье, чугун), 1898 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

на [1].— Он собирается опять в Ганау, к Языкову и с ним в Гастейн, а оттуда — в Рим. Всё мелочи, но мелочи, которые всю жизнь портят...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Жуковского (№ 198, ед. хр. 106, л. 37).

[1] В письме к П. А. Плетневу от 7 января 1842 г., описывая обстоятельства, при которых проходило рассмотрение «Мертвых душ» Московским цензурным комитетом, Гоголь раздраженно отмечал, что помощник попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастов, услышав название книги, объявил: «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть; автор вооружается против бессмертья» и т. д. («Письма», II, 136). Высказывания подобного рода оказали решающее влияние на судьбу рукописи в Московском цензурном комитете.

60. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

〈Москва.〉 1842 — 1 февраля. Воскресенье

... Гоголь бодр и весел. По секрету скажу тебе, что он пишет много, всякий день и, кажется, собой доволен. Едва ли он не пишет повесть в «Москвитянин» [1]. Боюсь, что варварская, алжирская здешняя цензура ее не пропустит. Молодые профессора, образовавшиеся в чужих краях, хуже стариков, не выезжавших из Москвы [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-б).

[1] См. примеч. к письму № 64. Вероятно, именно к этому времени относится письмо К. С. Аксакова к В. А. Панову, где встречаются следующие строки: «Гоголя мы видаем часто; он бодр духом и, кажется, пишет» (неизд.—ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 17, л. 51 об.).

[2] Ср. подобное же мнение самого Гоголя о «цензорах-европейцах, возвратившихся из-за границы, людях молодых» — в «Письмах», II, 137. Как Аксаков, так и Гоголь имели здесь в виду, главным образом, профессора и цензора Н. И. Крылова (см. письмо № 45).

61. В. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

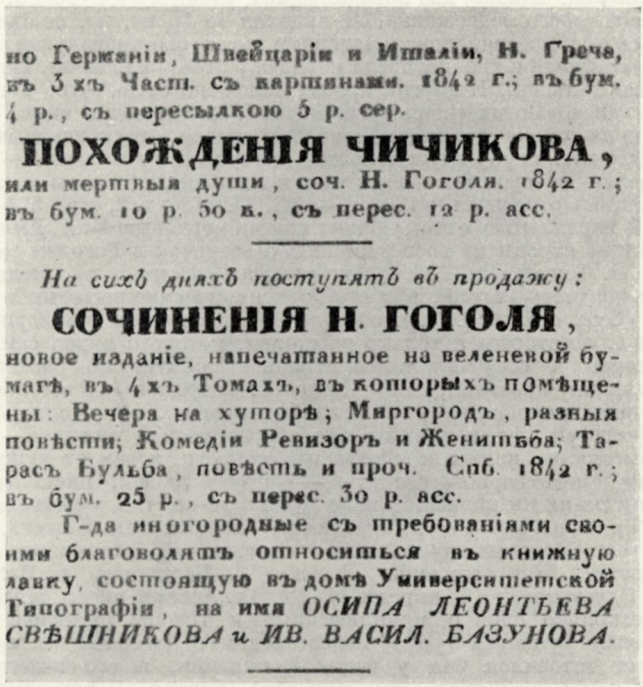
〈Москва.〉 Пятница 〈6 февраля 1842 г.〉

...Последняя суббота была отложена, как кажется — причина та, что Н. Ф. 〈Павлов〉 хотел дать другое направление разговору, который в последнее время на всех вечерах был ему совершенно не по сердцу, а именно: все спорили о Гоголе. Начался спор с субботы у него, потом у Елагиной, где Костя много говорил о Павлове и, разумеется, не ставил его высоко как сочинителя, потом у Киреевского тот же спор. Хомяков соглашается во всем с Константином, и другие просто сердятся; наконец, о том же Хомяков говорил и на вечере у кн. 〈Д. В.〉 Голицына, так что Голицын попросил на другой день Шевырева прочесть ему «Тараса Бульбу», и ему очень понравилось — сколько он может оценить. Он через Шевырева предлагал Гоголю место какое-то с жалованьем, но Гоголь отказался. (Надобно прибавить, что кн. Голицын звал на вечер к себе Гоголя, который сказывается больным.)[1] Павлов, который тоже был на вечере у Голицына, говорят, очень умно молчал, но, разумеется, оставался неравнодушным, потому что, приехавши на другой день к нам, он, видимо, был раздосадован и бранил Хомякова, говоря, что его скоро нельзя будет понимать, что он потерял весь кредит свой и т. д., и, наконец, сказал под разными предлогами, что субботы в этот раз не будет,— вероятно для того, чтоб этот спор истощился. Между тем, не знаю, успеет ли, потому что у Хомякова на вторнике он снова повторился, и на этой субботе будет то же. Павлов будет в отчаянии. Вообрази, что в разговоре о Гоголе его, т. е. Павлова, не то что ставят ниже, но даже и не упоминают о нем; и в голову никому не входит; не обидно ли это? Но, впрочем, конечно, кажется по всему, защитники Гоголя доходят почти до какого-то неистовства — пожалуй, что они говорят, то всё это так, но такие похвалы очень могут повредить самому Гоголю. Но вот и о Гоголе: до сих пор ты, кажется, ничего не знаешь о его сочинении. Это был величайший секрет. Теперь же, как, вероятно, многие почти это знают и как это письмо идет с дяденькой, можно сказать. Он кончил первый том «Мертвых душ», подал в цензуру, там Крылов остановил и сказал, что не решится пропустить сам; ты можешь вообразить себе, как это его расстроило. Теперь он послал рукопись в Петербург... с кем — не знаем наверное, но чуть ли не с Белинским, с которым, вероятно, он видался у Боткина [2]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Аксаковых (№ 10, оп. 1, ед. хр. 88, лл. 2—3 об.).

[1] Князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844) — московский генерал-губернатор. Вопреки своему желанию, Гоголь все же читал «Рим» на вечере у Голицына — см. описание этого чтения в воспоминаниях С. Т. Аксакова («История», 58). 4 февраля 1842 г. С. П. Шевырев писал Погодину: «Четверги открываются: завтра ты приглашен.— Гоголь обещал чтение, о котором я говорил князю ⟨Голицыну⟩. Нельзя ли устроить его в этот четверг? Поговори ему и спроси у него» (неизд.— ЛБ, Пог. II/36/31). Вспоминая впоследствии об этом чтении, Шевырев в некрологе Голицына риторически восклицал: «Давно ли, кажется, Гоголь читал у него в кабинете „Рим"? Давно ли мы все сидели тут кругом в живом общении мысли и слова?» («Москвитянин», 1844, № 5).

Настойчивые приглашения, адресовавшиеся Гоголю кн. Голицыным, не были результатом простого любопытства, а имели особые основания, о которых сообщает в своих неизданных воспоминаниях М. А. Дмитриев, племянник известного



по Германіи, Швейцаріи и Италіи, Н. Греча, въ 3 хъ Часп. съ картинами. 1842 г.; въ бум. 4 р., съ пересылкою 5 р. сер.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА,

или мертвыя души, соч. Н. Гоголя. 1842 г.; въ бум. 10 р. 50 к., съ перес. 12 р. асс.

На сихъ дняхъ поступятъ въ продажу:

СОЧИНЕНІЯ Н. ГОГОЛЯ,

новое изданіе, напечатанное на веленевой бумагѣ, въ 4хъ Томахъ, въ которыхъ помѣщены: Вечера на хуторѣ; Миргородъ, разныя повѣсти; Комедіи Ревизоръ и Женитьба; Тарасъ Бульба, повѣсть и проч. Спб. 1842 г.; въ бум. 25 р., съ перес. 30 р. асс.

Г-да иногородные съ требованіями своими благоволятъ относиться въ книжную лавку, состоящую въ домѣ Университетской Типографіи, на имя *ОСИПА ЛЕОНТЬЕВА СВѢШНИКОВА и ИВ. ВАСИЛ. БАЗУНОВА.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОСТУПЛЕНИИ В ПРОДАЖУ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «МЕРТВЫХ ДУШ» И ПЕРВОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ГОГОЛЯ

«Московские ведомости» от 28 сентября 1842 г.

баснописца, реакционный поэт. С нескрываемой враждой относясь к Гоголю, которому он не мог простить ни «плебейского тона» его произведений, ни «неумения держать себя в светском обществе», Дмитриев описывает посещение Гоголем салона московского генерал-губернатора. Ограниченный и самодовольный, он не без удовлетворения отмечает, наряду с «прекрасным и тонким ужином», сервировавшимся у Голицына, «вежливый и неощутительный» надзор за приглашенными, осуществлявшийся самим генерал-губернатором. Нежелание Гоголя посещать генерал-губернаторские вечера и его молчание во время одного из своих вынужденных посещений Дмитриев истолковывает как... «неумение держать себя».

«В 1842 году учредились литературные вечера у генерал-губернатора Москвы, добродушного и благородного князя Дмитрия Владимировича Голицына,— пишет Дмитриев.— Мы этому очень удивились, потому что он был совсем не литератор. Но вот что было этому причиною. Ему велено было наблюдать, и наблюдать за всеми, бывающими на наших вечерах. Он, как человек благородный, нашел такое средство, чтоб этих же людей приглашать к себе и тем, с одной стороны, узнать скорее их образ мыслей, с другой — успокоить правительство тем, что они и у него бывают! И что же? Эти четверги князя были самыми приятными и лучше всех наших вечеров. На них

говорили свободнее, чем у нас, потому что сам генерал-губернатор был свидетелем и участником этих разговоров: никого уже не боялись, а вредных политических рассуждений и без того никому не приходило в голову. На этих вечерах, по желанию хозяина, читались и стихи; кроме того, был всегда прекрасный и тонкий ужин, чего у нас не было!—Но будь другой на его месте, надзор принял бы другое направление ⟨...⟩

К князю ездили все те же, кто и к нам, с тою, однако, разницею, что у него, на этих вечерах, не было людей, не принадлежащих к разряду ученых или литераторов: приглашаемы были только некоторые из более приличных профессоров и писатели. Из последних долго не являлся один Гоголь. Как ни старались, как ни хлопотали его почитатели, Шевырев и Погодин, ввести его к князю,—никак не удавалось. Князь спрашивал: „А что же Гоголь?"— Шевырев давал, с запинкой, оговорку, которая никак не могла бы послужить оправданием человеку порядочного общества: „Да что, Ваше сиятельство! Он странный человек: отвык от фрака, а в сертуке приехать не решается!" Князь говорил: „Нужды нет; пусть приедет хоть в сертуке!" и смеялся. Но Гоголь не являлся ⟨...⟩ Наконец, однако, два поводильщика, Шевырев и Погодин, привели его и представили князю своего медвежонка. Он приехал во фраке, но, не сказав ни слова, сел на указанные ему кресла, сложил ладонями вместе обе протянутые руки, опустил их между колен, согнулся в три погибели и сидел в этом положении, наклонив голову и почти показывая затылок. В другой приезд положено было, чтоб Гоголь прочитал что-нибудь из ненапечатанных своих произведений. Он привез и читал свою „Аннунциату", писанную на сорока страницах, тяжелым слогом и нескончаемыми периодами. Можно себе представить скуку слушателей; но вытерпели и похвалили.— Тем и кончились его посещения вечеров просвещенного вельможи...» («Главы из воспоминаний моей жизни».—Запись относится к 1866 г.— ЛБ, М. 8184, т. 2, стр. 524—527).

Характерной параллелью к этому брюзгливому ворчанию М. А. Дмитриева могут служить следующие строки из воспоминаний о встречах с Гоголем молодого одесского актера А. П. Толченова: «Я столько слышал рассказов про нелюдимость, недоступность, замкнутость Гоголя, про его эксцентрические выходки в аристократических салонах обеих столиц ⟨...⟩, что в голове моей с трудом переваривалась мысль о том, что Гоголь, с которым я только расстался, которого видел сам, был тот же человек, о котором я составил такое странное понятие по рассказам о нем... Сколько одушевления, простоты, общительности, заразительной веселости оказалось в этом неприступном, хоронящемся в самом себе человеке... „Неужели,—думал я,—это один и тот же человек, засыпающий в аристократической гостиной— и сыплющий рассказами и заметками, полными юмора и веселости, и сам от души смеющийся каждому рассказу смехотворного свойства,— в кругу людей, нисколько не участвующих и не имеющих ни малейшей надежды когда-нибудь участвовать в судьбах России?"» (А. Толченов. Гоголь в Одессе.—«Музыкальный свет», 1876, № 31).

[2] Первый том «Мертвых душ», после осложнений, возникших в Московском цензурном комитете, был отправлен Гоголем с Белинским в Петербург, для передачи В. Ф. Одоевскому. 14 апреля 1842 г. Белинский писал М. С. Щепкину: «Скажу вам несколько слов о приключениях в Питере рукописи Гоголя ⟨...⟩ Одоевский передал рукопись графу Вельегорскому, который хотел отвезти ее к Уварову; но тут готовился бал у великой княгини, и его сиятельству некогда было думать о таких пустяках, как рукопись Гоголя. Потом он вздумал, к счастию, дать ее (приватно) прочесть Никитенко. Тот, начавши ее читать, как цензор, промахнул, как читатель, и должен был прочесть снова. Прочтя, сказал, что кое-что надо Вельегорскому показать Уварову. К счастию, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России. В Питере погода на это меняется 100 раз,— и Никитенко не решился пропустить только кой-каких фраз да эпизода о капитане Копейкине. Но и тут горе: рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина, а Гоголь ее не получал» («Письма Белинского», т. II, стр. 303—305).

62. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ 8 февраля ⟨1842 г.⟩

...В субботу по старой памяти собираются всегда у нас некоторые, как, например, Гоголь, Щепкин, Павлова; и Кошелева [1] приехала в этот раз. Ей чрезвычайно хотелось видеть Гоголя, и каким-то чудом уговорили его войти в гостиную (что, точно, стоило немало усилий со стороны Константина и меня). Мы приставали к нему всячески, убеждали его, он отделывался разными уловками; то заговаривал о другом, то начинал нам читать вслух что-нибудь в московских газетах и т. д. Наконец, Константин убедил его. Видя, что он уступает, мы возвестили его громко в гостиной, так что ему уже нельзя было не войти, и он вошел, но Кошелева не

сумела сказать ему ни слова, и он, оставшись несколько минут, ушел. Мы с Константином его проводили и благодарили, но он был не совсем доволен, и на наш, кажется, вопрос, как он нашел Кошелеву, он сказал, что не может и судить о ней, потому что не слыхал от нее ни слова: «А вы мне сказали, что она желает со мной познакомиться» [2] ⟨...⟩

Горчаковы в этот день у нас обедали ⟨...⟩ Кажется, на-днях мы должны будем познакомиться с Ховриными. Что они желают с нами познакомиться, в этом нельзя сомневаться; кроме того, что они лично нас желают видеть, они в отчаянии, что нигде не встречают Гоголя, а у нас это немудрено сделать![3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.612, л. 17) и авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/9—10).

ГОГОЛЬ

Миниатюра (на слоновой кости) неизвестного художника

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[1] Ольга Федоровна К о ш е л е в а, рожд. Петрово-Соловово (1816—1893) — жена А. И. Кошелева.

[2] Этот эпизод, без упоминания имени Кошелевой, излагается С. Т. Аксаковым в «Истории», 58.

23 февраля 1842 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «В субботу у нас обедала Павлова, и Гоголь, который всегда с ней бывает очень любезен, так смешил всех».

Позднейшая приписка В. С. Аксаковой на авторской копии:

«Вероятно, он тогда сказал ей: „А я нахожу, что вы помолодели". Кажется, она отвечала, что ей очень приятно это слышать. „Впрочем,— прибавил Гоголь,— может быть, мне показалось, п о т о м у ч т о н а в а с т а к о й ч е п ч и к"» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.612, л. 19 и ЛБ, ГАИС, III/XV/9—10).

[3] О нежелании Гоголя заводить всякого рода «светские» знакомства сохранилось немало свидетельств. С. Т. Аксаков, например, сообщает в своих воспоминаниях, что Гоголь терпеть не мог ездить «к никогда вполне его не понимавшему» М. А. Дмитриеву на скучные вечера, «где собирались нестерпимо скучные люди» («История», 60—61).

В уже цитированных нами воспоминаниях М. А. Дмитриев сообщает, что Гоголь иногда посещал его в Москве. Во время своего первого посещения Гоголь, по словам Дмитриева, очень резко отозвался о висевшем у него на стене эстампе Миллера с мадонны Рафаэля di Santo Sisto. На недоуменный вопрос Дмитриева о причине такого отношения к эстампу Гоголь отвечал, «что он видел в Дрездене подлинную картину и что, по его мнению, эстамп не выражает вполне красоты подлинника» (неизд.— ЛБ, М. 8184, т. 2, стр. 511—512).

63. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Февраля 21 дня 1842. Ганау

...На-днях получил я письмо от Гоголя, в котором он укоряет меня в том, что я ни разу не писал к нему с самого его отъезда из Ганау [1], а я, по крайней мере, шесть писем отправил к нему в Москву по адресу, им оставленному!

Удивляюсь и не понимаю, почему это делается!..

Ей-ей не знаю, как и какие стихи мои попали во 2 часть «Беседы» Смирдина [2]; не знаю также, какие стихи мои привез в Москву Гоголь.

В письме его, которое напечатано в «Москвитянине», виден он как в зеркале, весь, вполне: это письмо историческое [3]. Что переделал он в «Ревизоре»? Он, помнится, переделал и «Бульбу» для нового издания своих сочинений — заметил ли ты это?..[4]

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 23.— Яз. I. 23).

[1] Это письмо Гоголя к Языкову неизвестно.

[2] Во втором томе «„Русской беседы“— собрания сочинений русских литераторов», изданном А. Ф. Смирдиным (СПб., 1841), стихи Языкова не напечатаны.

[3] Имеется в виду «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору», помещенный в «Москвитянине», 1841, № 3.

[4] 22 марта 1842 г. Е. М. Хомякова сообщала Н. М. Языкову: «Гоголь в последний раз читал ⟨у Киреевских⟩ главу из своего романа и смешил нас ужасно. Он очень мил, всегда спрашивает об Вас» (неизд.— ГИМ, ф. 178, ед. хр. 46, л. 101 об.).

64. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва. Двадцатые числа февраля 1842 г.⟩

...Накануне этого дня Гоголь читал нам одно свое сочинение, чудное, как и всё, что он ни пишет. Я не буду тебе давать отчета в том, что мы слышали, ты сама прочтешь это в «Москвитянине», вероятно в 3-й книжке [1]. Это нельзя назвать повестью, но это отрывок из одной повести, которую он хотел написать и еще напишет, может быть, со временем.

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.612, л. 11 — 11 об.).

[1] Измученный непрерывными вымогательствами Погодина, Гоголь, скрепя сердце, дал в «Москвитянин» свою неоконченную повесть «Рим» (см. выше письмо № 60).

«Слава тебе! Чудо, чудо! — писал С. П. Шевырев Погодину 25 февраля 1842 г., повидимому о «Риме» Гоголя:— Как я рад этому приобретению! Это придаст мне еще сил к работе. Дай тебе бог выручить все это! Только где же она? У тебя ли? Уж у него оставлять опасно.— Надобно ею заняться во время поста» (неизд.—ЛБ, Пог. II/36/31). «Рим» был напечатан в 3-й книжке «Москвитянина» за 1842 г. См. «История», 51.

Из других записок Шевырева к Погодину, также относящихся к этому времени, явствует, что при публикации «Рима» в «Москвитянине» он рекомендовал Гоголю какие-то стилистические поправки:

«Гоголя чудная вещь, я ее перечитал с большим удовольствием. Но надобно ему кой-где уделать слог и особенно устроить два периода, мною замеченные» (там же).

Несколькими днями позднее он снова писал Погодину: «Возвращаю листы. Сообщи их Гоголю. Я нарочно все отмечал карандашом. Статью Буслаева, пожалуй, напечатай. Я назначил ее в „Смесь“, в „Литературные прибавления“.— Я обещал ему: надо поощрить молодого человека. Статья ведь очень хороша.— В „Смеси“ она удалена будет от опасного гоголева соседства» (неизд.— ЛБ, Пог. II/36/28).

«Посылаю тебе все мои статьи в „Смесь“... Скажи Гоголю, чтоб он заключил и поправил — мне некогда: и то опоздаю» (там же).

Упоминаемая статья Ф. Буслаева — «Храм св. Петра в Риме» — также помещена в «Москвитянине», 1842, № 3.

65. В. И. ДАЛЬ — М. П. ПОГОДИНУ

⟨Петербург.⟩ 1-го апреля 1842

...Удивительный человек Гоголь! Увлекаешься рассказом его, с жадностию проглотишь все до конца, перечитаешь еще раз и не заметишь, каким диким языком он пишет. Станешь разбирать крохоборчески — видишь, что совсем бы так писать и говорить не следовало; попробуешь поправить — испортишь, нельзя тронуть слова. Что, как бы он писал по-русски?..[1]

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/10/16).

ПЕРЕВЕРНУТАЯ БРИЧКА ЧИЧИКОВА
Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Гоголь весьма высоко ценил Владимира Ивановича Даля («Казака Луганского»), считая его одним из наиболее замечательных русских писателей.

Отзыв Даля вызван «Римом», незадолго до того напечатанным в «Москвитянине», и является свидетельством резко отрицательного отношения Даля к высоким лирическим стилям. Этот отзыв отражает различие взглядов Даля и Гоголя на нормы русского литературного языка.

Настаивая на необходимости теснейшего сближения литературного языка с живой народной речью и даже с областными крестьянскими говорами, Даль отрицал целесообразность применения в литературе книжно-славянских элементов. Гоголь же, широко пользуясь в своей творческой практике народной речью и даже областной лексикой, следовал, в основном, пушкинской традиции развития русского литературного языка. Ему была чужда «областническая» исключительность и ограниченность Даля. См. об этом подробнее в подготавливаемой к печати работе академика В. В. Виноградова: «Лексикологические занятия Гоголя».

В неизданном письме А. П. Толстого к сестре—С. П. Апраксиной, написанном через год после смерти Гоголя—3 февраля 1853 г. (из Нижнего-Новгорода) имеются

следующие строки: «Мы часто здесь беседуем о Гоголе с человеком, который мало знал его лично, но весьма высоко ставит его произведения. Это г. Даль» (ЛБ. АГ/91/49.—Подлин. на франц. яз.).

66. А. А. ИВАНОВ — Ф. А. МОЛЛЕРУ

〈Рим. Конец апреля 1842 г.〉 [1]

...Если поедете сухим путем, то я бы советовал ехать через Москву. Тут Вы бы могли разделить Ваше горе с нашим почтеннейшим и добрейшим Гоголем, и он бы постарался Вам сочинить письмо к 〈П. И.〉 Кривцову, так что из Москвы же можно бы было устроить и кончить все Ваши дела и приехать в Петербург уже совершенно и спокойным и здоровым [2]...

Родителям Вашим Вы скажите, что Москву и Гоголя Вам нужно непременно видеть для Вашего сюжета, к которому Вы готовитесь. Тем более, что, приехав к ним, уже Вы найдете большое затруднение вскоре выехать из их дому [3]...

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2193, л. 33—33 об.).

Александр Андреевич И в а н о в (1806—1858) — знаменитый художник, близкий друг Гоголя.

Федор Антонович М о л л е р (1812—1875) — художник, автор известных портретов Гоголя. Он близко сошелся с Гоголем во время своего продолжительного пребывания в Риме.

[1] Это письмо является ответом на неизданное письмо Моллера от 11/23 апреля 1842 г. (из Марселя), чем и устанавливается приблизительная дата.

[2] О причинах, принудивших Моллера покинуть Рим, см. в письме № 87.

[3] Встреча Моллера с Гоголем состоялась не в Москве, а в Петербурге — 27 мая 1842 г. (см. письмо № 71).

В одном из следующих писем Иванов писал Моллеру: «Если Вы поедете в Москву, то прошу Вас отдать Гоголю 96 скуд римских, и тогда уже вычтете опять из суммы, которую пришлете в Рим на уплату Ваших здесь долгов 〈...〉 Я Гоголю объясню после причину, почему я ему деньги эти возвращаю» (неизд.— ЛБ, № 2191, т. I, л. 2).

67. А. В. НИКИТЕНКО — М. П. ПОГОДИНУ

〈Петербург.〉 7 мая 〈1842 г.〉

...Я заболел, и очень сильно, вечером в тот самый день, как Вы были у меня; и хотя сегодня мне легче, но всё не могу выйти еще. Вот почему, вместо того, чтобы иметь удовольствие лично вручить Вам письмо к Н. В. Гоголю, я теперь посылаю его к Вам, с покорнейшею просьбою доставить его по принадлежности: в нем и процензурованная статья [1]...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/22/28).

[1] «Мертвые души» после бесконечных цензурных проволочек были разрешены к печати Никитенко 9 марта 1842 г. Однако входящая в состав поэмы «Повесть о капитане Копейкине» была цензором запрещена. Гоголь радикальным образом переработал «Повесть» и спешно отправил ее Никитенко, с нетерпением ожидая возвращения рукописи, отсутствие которой задерживало печатание всей книги.

В Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится следующая неизданная записка Гоголя к М. П. Погодину, относящаяся к 30 апреля 1842 г.:

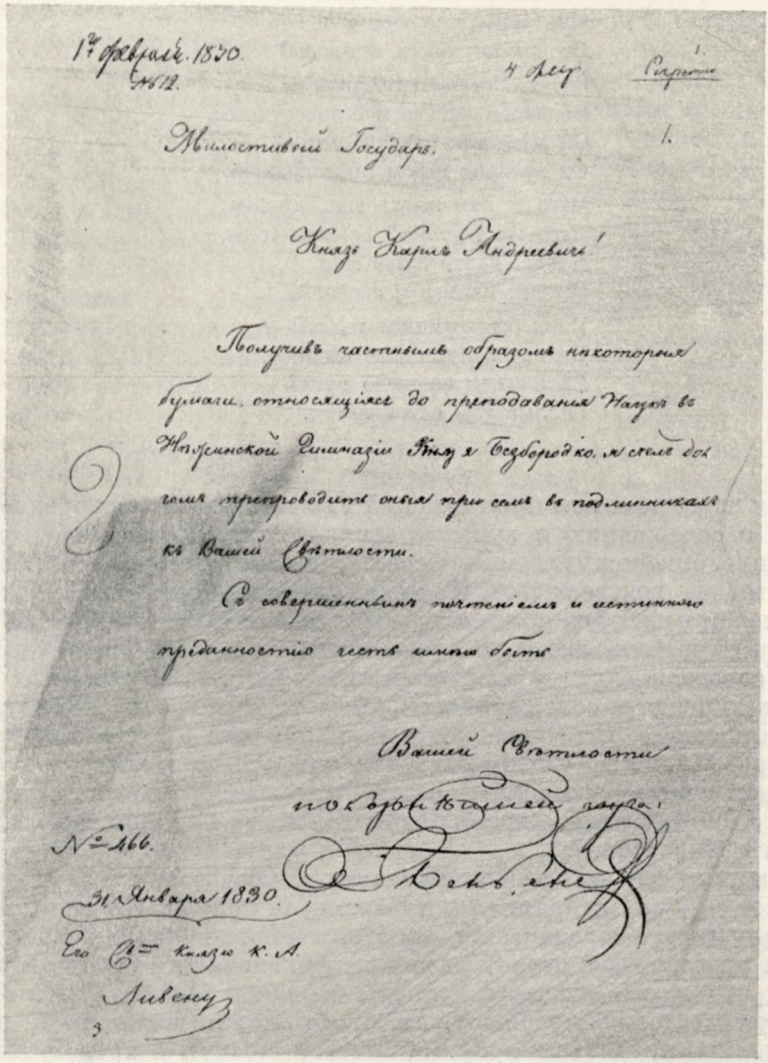
«*Я до сих пор не получил из Петербурга Копейкина. Печатанье чрез это остановилось. Все почти уже готово. Какой медлительной Никитенко, просто нет мочи. Ну хоть бы дал знать одной строчкой: пожалуста, добейся толку. Еще: постарайся быть к 9 мая. Здесь этот день для меня слишком дорог, и я бы хотел тебя видеть в этот день здесь. Прощай! обнимаю тебя*» (Автограф. ЛБ. Пог. II/8/31).

9 мая — именины Гоголя, торжественно отмечавшиеся его московскими приятелями.

Публикуемым письмом Никитенко устанавливается, что рукопись «Повести о капитане Копейкине» была отправлена Гоголю только 7 мая 1842 г.

нескольких молодых людей несчастными; у нас в России правление деспотическое; вольно говорить не позволено»[51].

При расследовании выяснилось, что указанное стихотворение было хорошо известно большинству воспитанников гимназии, которые нередко



ПИСЬМО ШЕФА ЖАНДАРМОВ А. Х. БЕНКЕНДОРФА МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ К. А. ЛИВЕНУ ОТ 31 ЯНВАРЯ 1830 г., СОПРОВОЖДАВШЕЕ ПОСЫЛКУ ЕМУ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ БУМАГ, «ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ПРЕПОДАВАНИЯ НАУК В НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО»

Центральный исторический архив, Москва

его декламировали вслух и распевали. «О сей оде известно,— докладывал позднее директор Ясновский,— что она ходила по рукам учеников»[52]. Сам Змиев заявил на допросе, что «стихи сии пела обыкновенно в гимназии большая часть учеников»[53]. Это же подтвердили Филипченко и Колышкевич. Последний, кроме того, сказал директору, что он знает на память

68. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва. Около 12 мая 1842 г.⟩

... Мы были на вечере у Хомякова, с Лизой, там был и Гоголь, но он уехал до ужина, а мы оставались ужинать.

На другой день мы провели вечер у Погодиной в саду, по приглашению самого Гоголя. К Гоголю обещались быть в этот день некоторые дамы.

Часов в 6 вечера маменька, я и Лиза поехали, Гоголь нас встретил на террасе со словами сожаления, что мы не приехали раньше, что так было хорошо, а теперь уже солнце садится. Мы сошли в сад, гуляли вместе, но вскоре приехали Свербеева и Авдотья Петровна Елагина. Гоголь был очень смешон в роли хозяина, и даже жалко было на него смотреть, как он употреблял всевозможные усилия, чтоб занимать приехавших дам. Маменька, Авдотья Петровна и Погодина сели в саду у чайного стола, а мы пошли гулять: Свербеева с Гоголем, а сзади их мы с Лизой; помню, что в большой аллее того сада Гоголь, видно истощивши весь запас разговора, говорил следующее своей спутнице: «Хорошо, если б вдруг из этого дерева выскочил хор песельников и вдруг бы запел» и т. д. Всё это было вяло, принужденно, но спутница его считала долгом находить всё очень любезным и забавным и очень привлекательно улыбалась (я слышала потом, что Свербеева говорила, что Гоголь был чрезвычайно любезен). Я же внутренно смеялась, а иногда даже жаль было видеть Гоголя в таком затруднительном положении. Мы с Лизой иногда останавливались, тогда они обращались к нам, а один раз, когда мы сели на скамью, а они от нас ушли дальше, то, вдруг, заметя, что нас нет, воротились к нам. Наконец, пошли пить чай; сделалось холоднее. Гоголь подавал всем салопы, услуживал, как умел; после чаю воротились в комнату. Тут Гоголь продолжал рассказывать всякие пустяки об леченьи Присница [1], чему дамы много смеялись, хотя вовсе не было смешно, потому что было видно, какое Гоголь делал себе принуждение. Нельзя было не заметить (по крайней мере мне так показалось), что он был доволен, когда они уехали. Он, проводя их, сел в угол дивана, как человек, исполнивший свой долг и довольный, что может отдохнуть. Тут он был свободен совершенно, расспрашивал нас про вечер у Хомякова, что там делалось после его ухода. Мы рассказывали про споры за ужином, об Одоевском, что-то говорили об обществе и т. д.

Наконец и мы простились. Погодина и он вышли нас провожать; было уже темно и свежо. Помню, как они стояли на крыльце, когда мы уже уезжали, и прощались с нами...

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/9—10).— Содержание письма изложено С. Т. Аксаковым в «Истории», 61—62.

[1] Винцент Присниц (1790—1851) — врач, владелец водолечебницы в Грефенберге, в которой впоследствии лечился Гоголь.

69. Е. М. ХОМЯКОВА — Н. М. ЯЗЫКОВУ

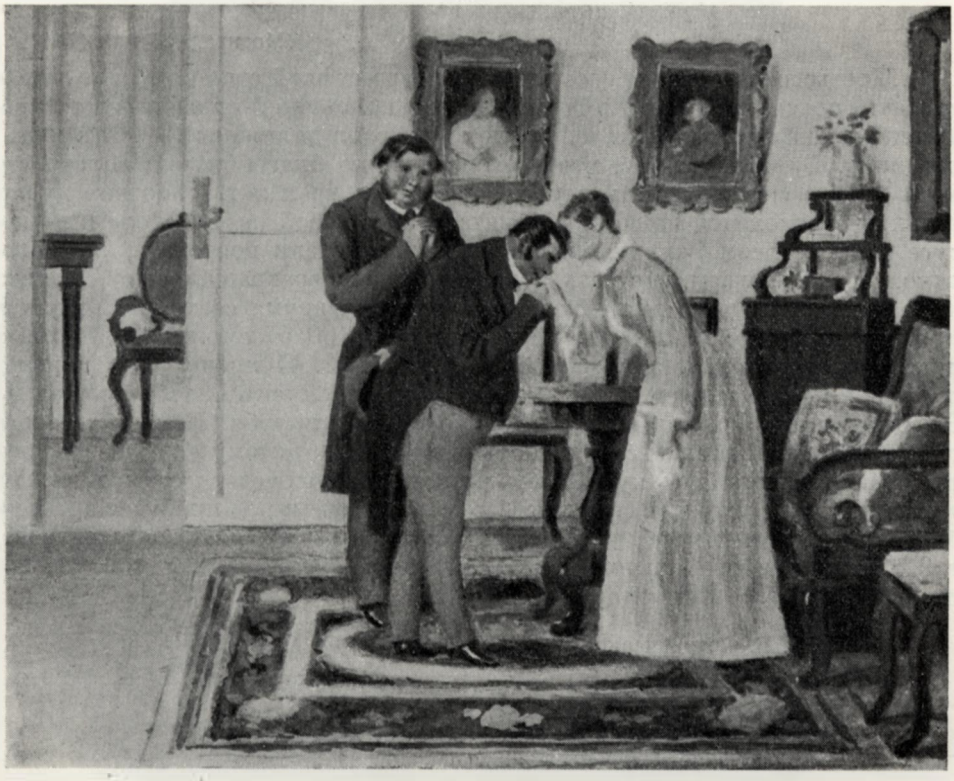
⟨Москва. 21 мая 1842 г.⟩

Пишу Вам с Николаем Васильевичем⟨...⟩ Добрый Гоголь обеща⟨ет⟩ Вам заменить батюшку. Он пробудет с Вами как можно дольше, поедет с Вами в Гаштейн. Вообще трудно быть милее и добрее Гоголя. Я люблю его за его дружбу к Вам, и люблю его так, потому что его почти нельзя не любить. Он Вам будет живая грамота от нас, всё Вам расскажет; он видал даже малюток моих; Маша, которая не называет его иначе, как

Гоголь-Моголь, любит его больше других ⟨...⟩ Скоро мы перебираемся в деревню, съездивши прежде к Троице; поедет нас немного ⟨...⟩ Николай Васильевич отказался.

В день именин его и Ваших мы с Катериной Александровной Свербеевой были у него ⟨...⟩

Вчера именины Алексея Степановича [1]. Гоголь подарил ему «Мертвые души», приятнейший подарок! [2] ⟨...⟩ Воображаю, как рады Вы будете прибытию Николая Васильевича...



МАНИЛОВ ПОДВОДИТ ЧИЧИКОВА К РУЧКЕ Г-ЖИ МАНИЛОВОЙ
Акварель Петра Соколова, 1870—1880-е гг.
Русский музей, Ленинград

Автограф. ГИМ. Фонд Хомяковых (№ 178, ед. хр. 46, лл. 103—104).

[1] Именины А. С. Хомякова приходились на 20 мая. Это дает возможность установить точную дату письма.

[2] Первые экземпляры «Мертвых душ» вышли в свет около 18 мая 1842 г.

В своих воспоминаниях С. Т. Аксаков писал: «Печатанье „Мертвых душ" приходило к концу, и к отъезду Гоголя успели переплесть десятка два экземпляров, которые ему нужно было раздарить и взять с собой. Первые совсем готовые экземпляры были получены 21-го мая, в день именин Константина, прямо к нам в дом, и тут же Гоголь подарил и подписал один экземпляр именинник, а другой нам с надписью: „Друзьям моим, целой семье Аксаковых"» («История», 63). Приводим здесь приписку С. Т. Аксакова в письме его к Гоголю от 3 июля 1842 г., не вошедшую в печатный текст письма («История», 69—71): «Мы все благодарим Вас сердечно за приписку верхней строчки в нашем экземпляре „Мертвых душ"» (ЦГЛА, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 37, л. 6 об.).

П. М. Языкову Гоголь отправил экземпляр «Мертвых душ» еще 18 мая (см. «Гоголь. Материалы и исследования», I, 65).

III

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ГРАНИЦУ. — ГАШТЕЙН. — ПОЕЗДКА С Н. М. ЯЗЫКОВЫМ В РИМ. — ЖИЗНЬ В РИМЕ. — ТОЛКИ О «МЕРТВЫХ ДУШАХ». — ГОГОЛЬ И АЛЕКСАНДР ИВАНОВ. — Ф. А. МОЛЛЕР. — ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ. — ПОСТАНОВКА «ЖЕНИТЬБЫ» И «ИГРОКОВ». — ОТЗЫВЫ О ГОГОЛЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ. — СТАТЬЯ ОБ «ОДИССЕЕ». — «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

(1842—1848)

70. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 25 мая ⟨1842 г.⟩

...Третьего дня мы проводили Гоголя до первой станции, или, лучше сказать, поехали обедать в Химки, где в половине 6-го взял его экстра-дилижанс, на том самом месте, где некогда взял дилижанс Константина... помнишь, Ваня? Дай бог, чтоб Гоголь так же благополучно воротился, хотя не так скоро! Гоголь проездит не менее трех лет. «Мертвые души» вышли и расходятся живо! Мы почитаем их с тобой на просторе и на досуге в прелестном Гаврилкове, куда завтра хотели переехать, но, вероятно, сего не сделаем, ибо мать с сестрами еще не возвращались от Троицы, куда уехали третьего дня, вместе с матерью и двумя сестрами Гоголя и княжной Горчаковой. В Петербург выслали 100 экземпляров «Мертвых душ» четвертого дня, а вчера послали еще 262. Я прошу тебя прислушаться ко всем толкам о них, какие только случится тебе услышать. Это нужно для Гоголя и поучительно будет для тебя. Высокость этого гениального творения не смогут понять многие, и потому толков неблагоприятных должна быть куча! Быть может, Гоголь заедет к тебе, а может, и нет; но если ты хочешь его видеть, то съезди к нему; он пробудет в Петербурге, по крайней мере, неделю; остановится на Васильевском острове, в 9 линии, между Большим и Средним проспектом, в доме товарища и приятеля своего Прокоповича [1]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-6).

[1] Встретился ли Гоголь с И. С. Аксаковым — не установлено.

71. Ф. А. МОЛЛЕР — А. А. ИВАНОВУ

Петербург $\frac{27 \text{ мая}}{8 \text{ июня}}$ 1842 г.

...Вообразите себе мою радость; сию минуту был у меня Николай Васильевич Гоголь! Он пробудет здесь несколько дней, а потом, может быть, поедет за границу, а зиму, может, проведет и в Риме. П р о ш у, о д н а к о ж, м о л ч а т ь п о к а м е с т о б э т о м [1]...

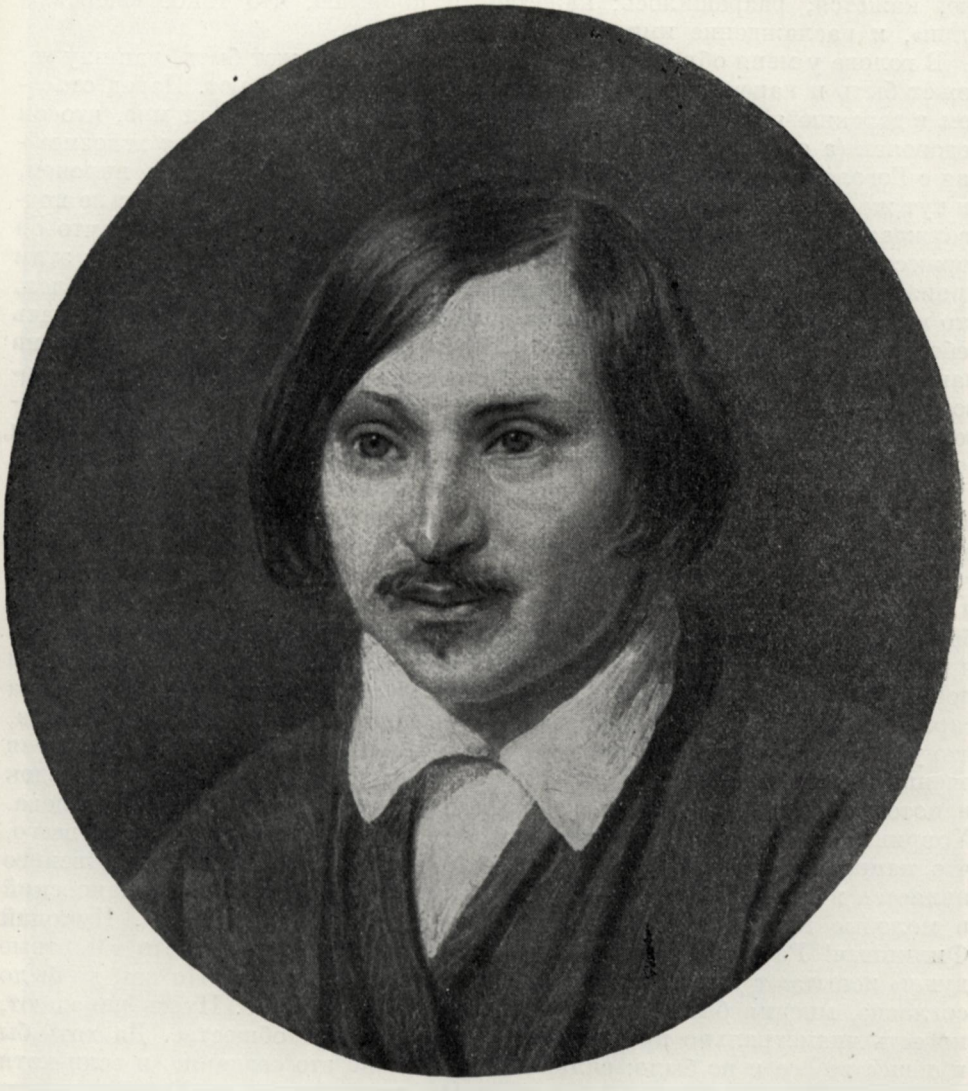
Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2202).

[1] Гоголь посетил Моллера в первый же день по прибытии в Петербург.
8 июня 1842 г. П. А. Вяземский сообщил из Петербурга вдове Пушкина — Наталье Николаевне: «Здесь был Гоголь, привез нам свои „Мертвые души“, первый том, и отправился за границу. Он в нынешний приезд был очень мил и весел» (неизд. — ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 1305, лл. 26 об.— 27).

72. К. С. АКСАКОВ — Ю. Ф. САМАРИНУ

⟨Москва. Конец мая 1842 г.⟩

...Гоголь уехал. Мы его проводили. Поехал он необыкновенно ясен, почти с торжественным видом. Он похож был на свой портрет, который у Хомякова [1]. Подробнее, бог даст, при свидании — об отъезде Гоголя.

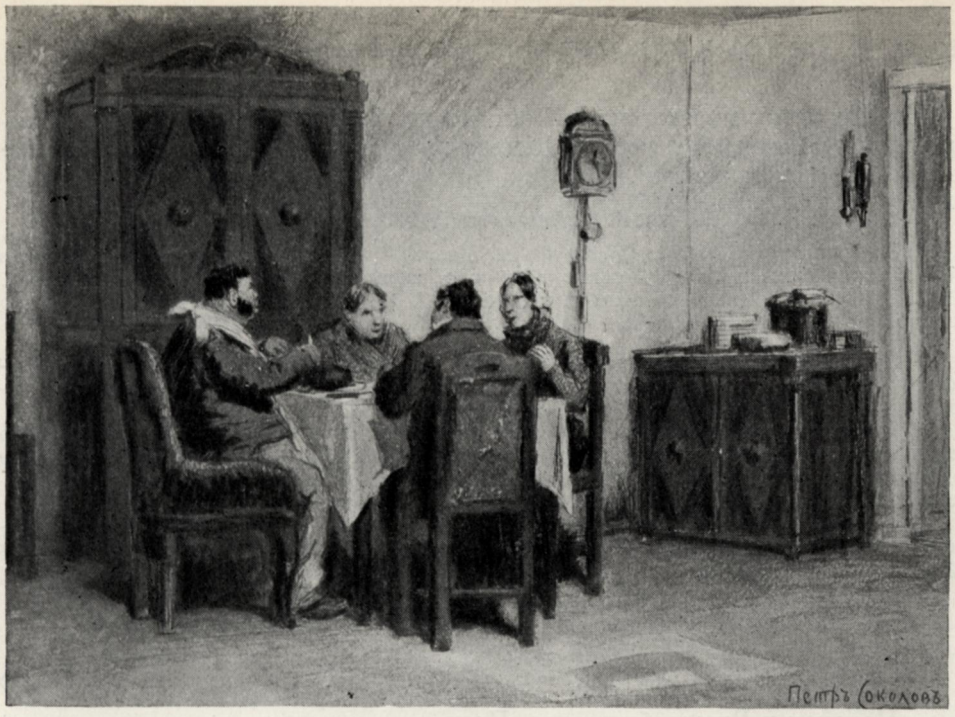


ГОГОЛЬ
Портрет маслом А. А. Иванова, 1841 г.
Музей А. С. Пушкина, Ленинград

Что касается до «Мертвых душ»,— только теперь, кажется, вижу я, что̀ это такое. Признаюсь тебе: я восхищался ими. Эстетическое чувство говорило, что это хорошо, но какое-то недоумение сопровождало мое наслаждение. Я наслаждался, но мысль была в недоумении. Это недоумение, кажется, разрешилось; кажется, я понимаю, что такое «Мертвые души», и наслаждение ими стало оттого полнее.

В голове у меня образуется целая статья, и я, может быть, напишу ее, может быть и напечатаю [2]. Вообрази, что многие нападают. Перед отъездом в деревню я заехал к ⟨Д. Н.⟩ Свербееву, который сказал мне, что он недоволен (а он перелистывал, как сам говорит,—вещь, самая невозможная с Гоголем, так же, как с Гегелем, хотя по другой причине); впрочем, он тут же согласился, что надо вникнуть, и потому своего мнения не подтверждает [3]. Свербеев прибавил, что ⟨Н. Ф.⟩ Павлову не нравится и что он торжествует: говорит, что это падение Гоголя, что он себя уронит этим произведением, и радуется, встречая других недовольных; я пожалел, что нет вечеров. Мне было это неприятно, тем более, что я не мог еще дать себе ясного отчета в том, что такое «Мертвые души», и твердо стать против нападений, ложность которых я чувствовал. Я заехал к Хомякову, говоря с удивлением о мнении Павлова и Свербеева и в то же время опровергая их как мог. Хомяков, который читал только несколько, был со мною заодно. Вдруг входит ⟨Д. А.⟩ Валуев, только что дочитавший «Мертвые души», в восторге совершенном; говорит, что нигде еще Гоголь не является так во весь рост, как здесь, что это великое создание, и вполне изливает свое негодование, услышав о словах Павлова. Я продолжал говорить о «Мертвых душах» и, воротясь домой, яснее и яснее понимал и отдавал себе отчет, что̀ это такое. Через день поехал я к ⟨Е. А.⟩ Свербеевой (он уже уехал). Она сказала, что̀ Чаадаев жарко нападает, но здесь я уже понимал ясно их ошибки, чувствовал, что бы мог сказать им, и повторил Свербеевой, что̀ думал,— не знаю, понятно ли. Это была середа; она собиралась к Чаадаеву (это был день его рождения), говорила, что у него много будет, хотела сама пригласить туда Павлова, звала меня очень; но мне было никак нельзя; я должен был сделать несколько поездок и потом еще вечером ехать к Ховриным: итак, я не был у Чаадаева. Ховрина [4] сказала мне, что Кетчер говорит, что «Мертвые души» выше всего, что написал Гоголь. Это так, мне кажется: он выше и могущественнее является в своей п о э м е — поэме — не лишне это слово.— Грановский и молодые профессора, вероятно, говорят то же. Итак, увы, Николай Филиппыч! Рано вы начали торжествовать! Вы думали, что «Мертвые души» испытают участь вторых т р е х ваших повестей! Но нет, то было согласие, мнения были снисходительны. А здесь не то. Пусть нападают, но есть диаметрально противоположное мнение в обществе. Да хоть бы в обществе его и не было: сильно само, сильно это создание, и если хотя несколько одушевленных голосов сильно подымаются за Гоголя, то это уже не участь, постигшая повести Николая Филипповича. Я рад теперь всем этим нападкам: они ясны, они естественное следствие такого великого произведения как «Мертвые души» Гоголя. «Скажите Чаадаеву,— просил я Свербееву,— что я с ним не согласен».— «О, он знает это,— отвечала она,— он уж говорил мне: вот Аксаков, верно, будет защищать».— «Да, сказал я: он не ошибся». Я считаю это произведение великим явлением, такого ⟨не было⟩ не только в нашей литературе, но в мире искусства. Вечером заезжал я к Хомякову. Он сказывал мне, что спор был жаркий; Хомяков защищал; Чаадаев и Дмитриев нападали. Свербеева с жаром защищала, так что Чаадаев говорил ей, что это род опьянения, и сказал ей: «Vous êtes ivre-morte» *.

* Вы мертвецки пьяны (франц.).



ОБЕД У СОБАКЕВИЧА
Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ДВА ПРЫЖКА ЧИЧИКОВА
Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Мы дружески простились с Хомяковым. Точно, многие против «Мертвых душ», но я виделся после с Шевыревым; он говорит, что общее мнение стало за. Очень жалко!..

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 517, лл. 1—4).

[1] Этот портрет Гоголя работы Ф. А. Моллера в настоящее время находится в Гос. историческом музее в Москве (см. его воспроизведение в настоящем томе). В. С. Аксакова писала об этом портрете М. Г. Карташевской 30 мая 1842 г., что «он похож чрезвычайно» (неизд.—ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.612).

[2] К. С. Аксаков вскоре написал статью «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», изданную им отдельной брошюрой и вызвавшую резко отрицательную критику Белинского. См. примеч. к письму № 7.

[3] Дмитрий Николаевич Свербеев (1799—1876)— дипломат в отставке, автор двухтомных «Записок» и письма по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Материалы», IV, 519—523). Впоследствии Свербеев называл «Мертвые души» «гигантским творением» («Материалы», IV, 104). См. письмо № 77.

[4] Марья Дмитриевна Ховрина (1801—1877)—хозяйка московского литературного салона, посещавшегося Герценом, Грановским и др. См. примеч. к письму № 62.

73. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ Вторник, 2 июня ⟨1842 г.⟩

...Наконец и Гоголь был у нас. Признаться, я никак не думала, что он решится приехать, но он приезжал на одну секунду. Я не была в гостиной в ту минуту, когда он вошел; когда же пришла и спросила о вас, то он отвечал мне: «Я не передаю вам поклона от Веры Сергеевны, потому что она не дала мне этого поручения, но, кажется, это можно подразумевать». Я только что хотела спросить его о путешествии, как он поспешно встал и, несмотря на просьбу маменьки остаться обедать или приехать еще раз, отвечал, что он занят чрезвычайно и что у него нет минуты свободной. И так мы простились [1]. Теперь у меня лежат ванечкины «Мертвые души», которые он оставил мне до дороги, и мне так хочется поскорее их прочесть. Когда Гоголь был у нас, то в гостиной также сидел Юрлов [2], который несколько раз повторял после, как доволен он, что видел Гоголя. Здесь это не часто услышишь, я думаю. Конечно, половина Петербурга не знает, что он существует...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.636, лл. 41 об.— 42).

[1] В письме от 19 мая 1842 г. В. С. Аксакова сообщила М. Г. Карташевской, что Гоголь взял ее адрес и, может быть, зайдет к ним (неизд.—ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.612, лл. 53—54). Гоголь сообщил об этом своем визите С. Т. Аксакову 6/18 августа 1842 г. («Письма», II, 205—206). Он дал в своем письме восторженную характеристику М. Г. Карташевской и просил прислать ему выдержки из ее писем о «Мертвых душах».

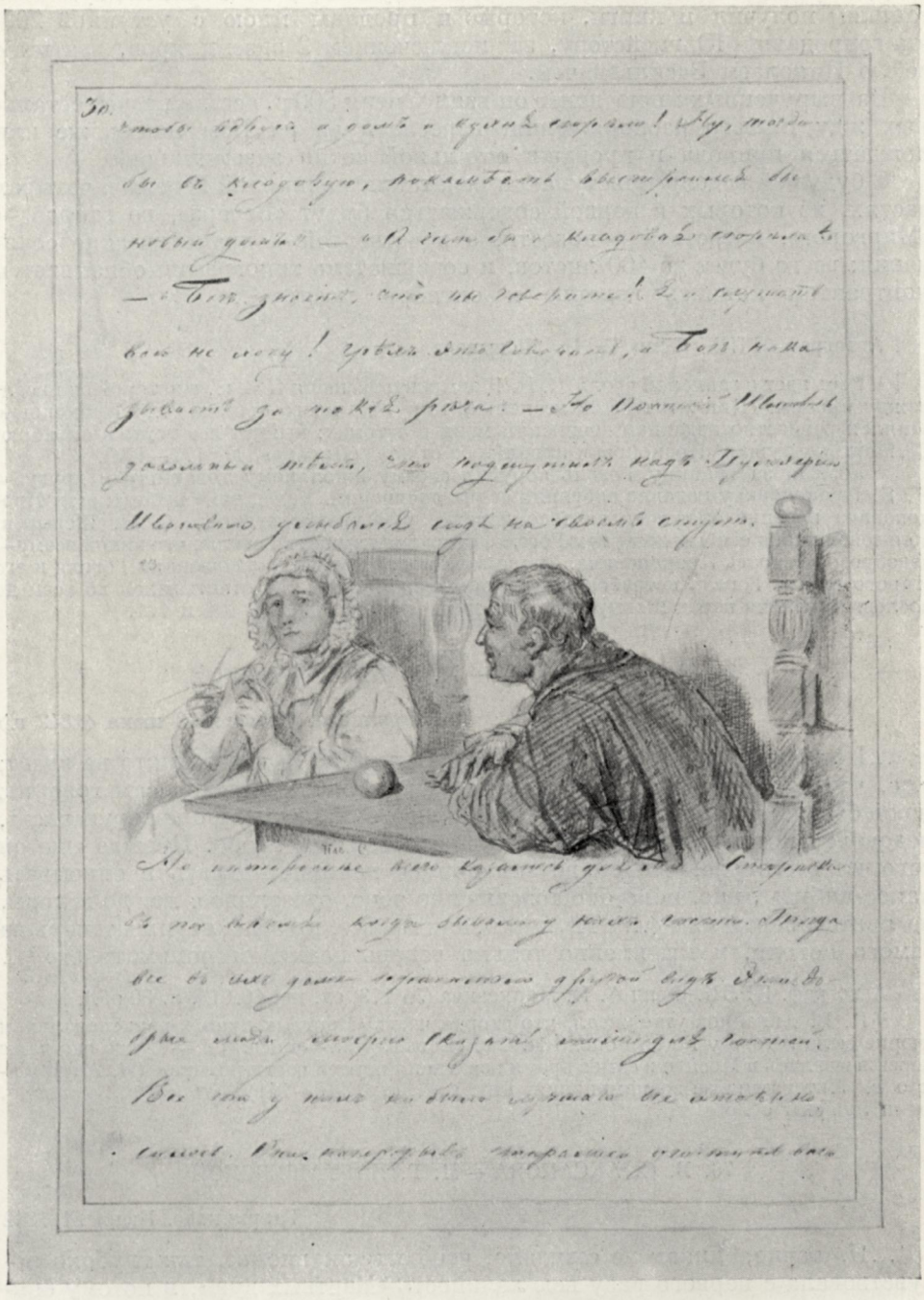
Из Петербурга Гоголь выехал 5 июня.

[2] Личность Юрлова установить не удалось.

74. Н. Я. ПРОКОПОВИЧ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

⟨Петербург.⟩ 6 июня 1842 г.

...Счастливым почитаю я для себя случай быть сколько-нибудь полезным старому моему товарищу и другу Николаю Васильевичу Гоголю. Но этот случай мне вдвойне приятнее теперь, сделавшись причиною лестного Вашего знакомства. До сих пор зная и высоко ценя Вас как литератора заочно, я могу теперь назваться знакомым с Вами лично,— так часто и так много говорил о Вас Николай Васильевич, и еще вчера, в последние минуты пребывания своего здесь, он оторвался от дорожных хлопот, чтоб написать Вам несколько строчек, прилагаемых при моем письме [1].



АФАНАСИЙ ИВАНОВИЧ И ПУЛЬХЕРИЯ ИВАНОВНА

Рисунок Пав. П. Соколова в рукописном экземпляре повести «Старосветские помещики» 1853 г. Исторический музей, Москва

Два письма Ваши я имел честь получить, а по первым двум квитанциям получил и книги, которые и проданы мною с уступкой 20% книгопродавцу Юнгмейстеру, за исключением 2 экземпляров, взятых с собою Николаем Васильевичем.

Из вырученных мною денег он взял у меня 500 р. асс., а насчет остальных жду Вашего распоряжения: переслать ли их Вам теперь же или дождаться прихода и продажи остальной сотни экземпляров?

С будущей недели приступаю к печатанию сочинений Гоголя в четырех частях, из которых в первой содержаться будут «Вечера», во второй — «Миргород», в третьей — повести, а в четвертой — драматические сочинения; всего будет до 100 листов, и содержатель типографии обязывается контрактом кончить издание к октябрю месяцу [2]...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Речь идет о записке Гоголя С. П. Шевыревуот 4 июня 1842 г., в которой он писал, между прочим: «Пишу к тебе за несколько минут до моего отъезда ⟨...⟩ Прокопович занялся ревностно изданием сочинений моих в 4 томах; выйдут все томы к октябрю. О „Мертвых душах" Прокопович пишет тебе отчет» («Письма», II, 177—178).

[2] Уезжая за границу, Гоголь поручил своему школьному товарищу и другу — Н. Я. Прокоповичу издание собрания своих сочинений. Вследствие неопытности Прокоповича издание обошлось гораздо дороже, чем предполагалось. С. П. Шевырев, пользовавшийся особым доверием Гоголя, старался внушить Гоголю, что виной всему — недобросовестность Прокоповича. Это вызвало охлаждение в отношениях Гоголя и его старого друга. Гоголь потребовал от Прокоповича, чтобы тот отчитывался во всем до последней мелочи перед Шевыревым. См. ниже письма №№ 98, 104 и 111.

75. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Гаврилково. Четверг 18 июня ⟨1842 г.⟩

...Написана ли вторая часть ⟨«Мертвых душ»⟩—этого никто не знает; т. е. что она у него является уже ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли он вторую часть, недоволен потому, что это не может делаться так скоро. Прежде еще он говорил отесеньке, что он до тех пор не начинает писать и описывать какое-нибудь лицо, пока оно совершенно ясно, отчетливо с ног до головы, не явится перед ним ⟨...⟩ Ты, и так, как мы все, иначе смотришь теперь на самого Гоголя, и мы именно только теперь начинаем понимать его [1]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.612, л. 80 об.).

[1] П. В. Анненков утверждал, что вторая часть «Мертвых душ» в первоначальном очерке была готова у Гоголя около 1842 г. «Есть слухи,— писал он,— будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа» (П. А н н е н к о в. Литературные воспоминания, цит. изд., стр. 140—141). Эти слухи, конечно, были лишены основания.

76. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Гаврилково. Июня 21 1842

...Я, точно, никак не ожидала, чтоб ты так вполне, так глубоко почувствовала с первого разу всю великость «Мертвых душ», и потому боялась, что мои похвалы покажутся сперва тебе преувеличенными ⟨...⟩

В «Москвитянине» ты прочтешь скоро много рецензий этой книги, и я заранее знаю, что тебе многое понравится. Первая будет Шевырева [1]. К Погодину студенты принесли вдруг три рецензии, и, разумеется, всё похвалы. Молодые люди и вообще все в восхищении. Ванечка теперь читает один, по порядку. Нечего и говорить, что он вполне разделяет наше и твое мнение, в этом случае оно ⟨у⟩ всех равно. Потом мы опять хотим перечесть все вместе, впрочем, мы, кажется, будем беспрестанно читать и перечи-

ЧИЧИКОВ У НОЗДРЕВА
Рисунок В. Е. Маковского, начало 1900-х гг.
Русский музей. Ленинград

СУПРУГИ МАНИЛОВЫ
Рисунок В. Е. Маковского, начало 1900-х гг.
Русский музей, Ленинград

тывать и с каждым разом всё с бо́льшим наслаждением. Ты меня спрашивала, когда явится второй том. Вот что сказал Гоголь сам: что ровно через два года выйдет другой — может, и еще гораздо более объемом этого, но печатать он не будет сам, а хотел прислать отесеньке. Но два года, не правда ли, это слишком долго ждать!..

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.612, л. 77—77 об.).

[1] Статья С. П. Шевырева о «Мертвых душах» была напечатана в 7-й и 8-й книжках «Москвитянина» за 1842 г. Другие рецензии на «Мертвые души» в «Москвитянине» в 1842 г. не появлялись.

В «Литературных и журнальных заметках», опубликованных в № 10 «Отеч. записок» за 1842 г., Белинский резко высмеял эту преисполненную нелепостей статью Шевырева (Соч., т. VII, стр. 409—411). Подробный анализ статьи Шевырева см. в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевского.

16 сентября 1842 г. М. Г. Карташевская писала В. С. Аксаковой «Маменька привезла мне из города два номера „Москвитянина“, и я прочла вчера, что есть в них интересного, т. е. статьи Шевырева. Признаться, они показались мне чрезвычайно странными. Во-первых, меня поразило то, что он начинает как будто бы защищать „Мертвые души“, милостиво берет их под свое покровительство. Такой тон заставляет думать, что он сам не оценил, как должно, огромное достоинство разбираемого сочинения. Потом мне очень не нравится манера выписывать целыми страницами из книги, но я молчу: может быть, так надобно; только, читая статьи, мне всё казалось, что автор взялся за слишком трудное дело и потому, чтобы избавить себя от трудности определять, выписывает просто из книги. Еще поразило меня обвинение, будто бы город описываемый — идеальное создание, и вообще все его нападения» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.636, л. 78).

77. А. М. ЯЗЫКОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Июня 21-го дня 1842 г. Станишное

...Вышла 1-я часть «Мертвых душ» Гоголя, мы ее скоро получим, прочтем и напишем тебе, что найдем ⟨...⟩

«Мертвые души» произвели здесь разнообразные толки; большая часть читателей не поняла и не оценила их, как должно (это первая часть, завязки еще нет). Свербеев называет их отвратительною насмешкою, которая от первой до последней страницы преследует читателя и не дает ему отдохнуть спокойно. Но в этом-то состоит великое создание, что оно заставляет смеяться горько и не для одной забавы. — Вообще, тут в первый раз виден Гоголь, как писатель, вполне серьезный; он возмужал и окреп для подвига. Свербеев пишет, что переменил свое мнение! ⟨...⟩

— Мы получили «Мертвые души» [1], прелесть, лучше всего прежнего; Гоголя дарование развилось удивительно, он, верно, пришлет их тебе, и ты позабавишься и усладишься. Пусть его пишет более и более: многие опасались, чтобы, живя в чужих краях, он не склонился к тамошнему и не сделался из русского, национального живописца живописцем итальянским[2]...

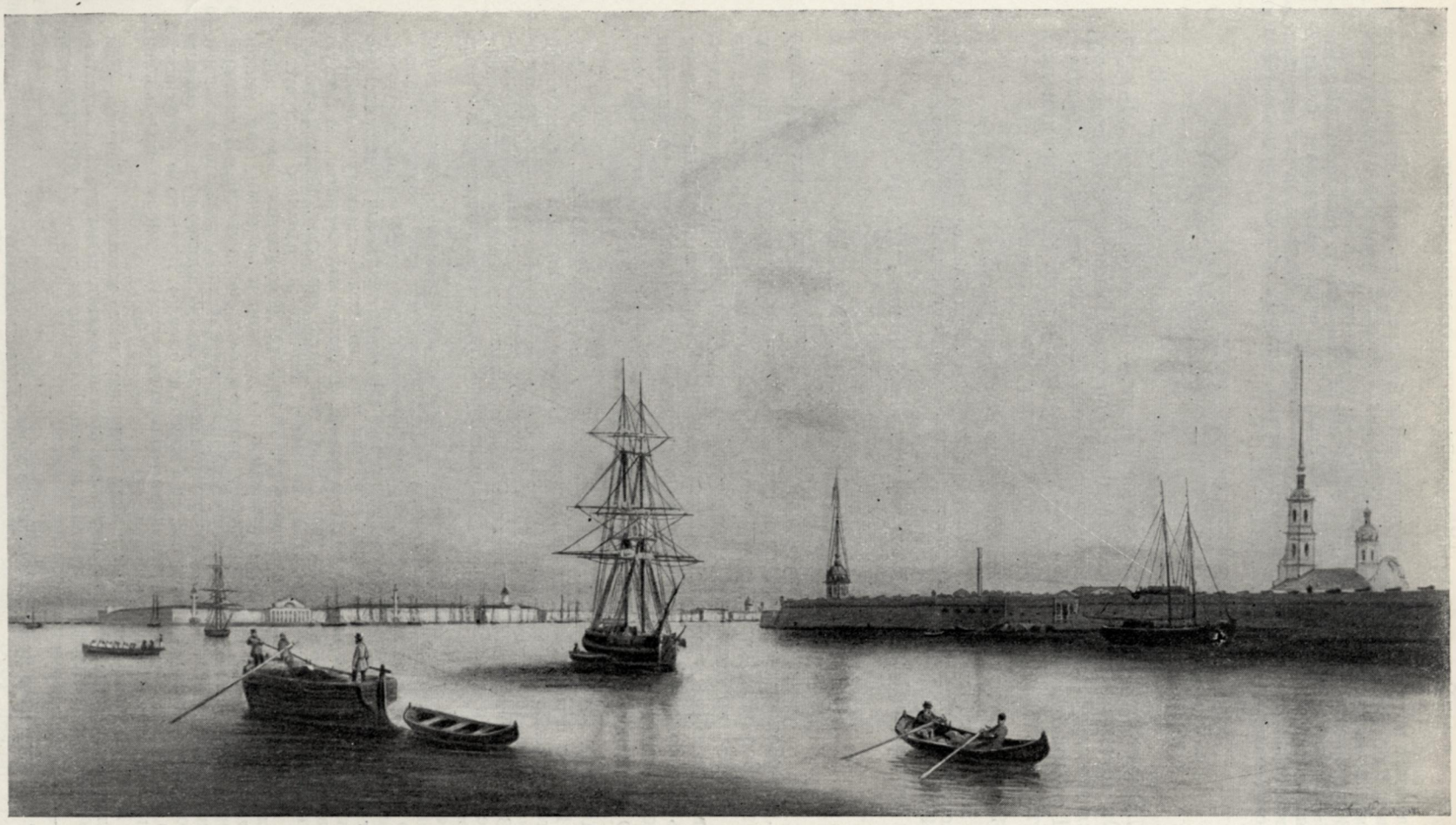
Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 92.— Яз. I. 153).

[1] Экземпляр «Мертвых душ» был отправлен Гоголем П. М. Языкову тотчас по получении его из типографии —18 мая («Гоголь. Материалы и исследования», I, 65).

[2] Отзыв Н. М. Языкова о «Мертвых душах» см. ниже, в письме № 80.

26 июня Е. М. Хомякова писала Н. М. Языкову: «Где Вы теперь, и добрался ли до Вас Гоголь, прочли ли Вы его „Мертвые души“? Они Вам понравятся, их не хвалит только один Павлов, повестей которого никто не понимает, даром, что они писаны по-русски. Он перестал писать совсем, да и хорошо ⟨...⟩ Воображаю, как рады будете Вы видеть Гоголя! Все любят его в Москве, всем жаль, что он уехал» (неизд.—ГИМ, ф. 178, ед. хр. 46, лл. 105—106).

«Как Вы нашли „Мертвые души“?—писал 21 июня 1842 г. А. М. Языков В. Д. Комовскому.—Нам они очень понравились; мастерская, живая картина жизни, которой



ПЕТЕРБУРГ. ВИД НА НЕВУ
Картина маслом Ф. Перро, 1841 г.
Собрание А. С. Минкина, Ленинград

не касаются преобразования и которою живет большая часть наших власть предержащих. Вы никогда не бывали в губерниях и уездах и не можете чувствовать всё достоинство этой поэмы» (неизд. — ИРЛИ, 19.104. 92. — Яз. I.153).

3 октября 1842 г. А. М. Языков снова писал Комовскому: «Вся цена „Мертвых душ"— верность картин жизни нашей Руси ⟨...⟩ Гоголь заслуживает большую признательность за то, что показывает действительно сущее и может укротить заносчивость ваших столичных преобразователей, которые, конечно, ничтожны перед Петром» (неизд.— ИРЛИ, 19. 4. 104.— Яз. IV. 1).

78. А. А. ИВАНОВ — Ф. А. МОЛЛЕРУ

⟨Рим. Июнь 1842 г.⟩

...Сейчас получил я письмо от Гоголя.— Вот его слова точь-в-точь *. Он советует притом немедленно и непременно писать к Жуковскому, прося его содействия и совета по сему делу [1]. Я написал и жду ответа [2]. Я совершенно согласен с Гоголем, и потому, если Вы не принимались писать за меня новую просьбу наследнику, то и слава богу...

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2194, т. VI, л. 10).

[1] Письмо от 16 мая 1842 г., в котором Гоголь советовал Иванову обратиться к Жуковскому с просьбой о содействии в получении пособия от наследника («Письма», II, 172—173).

[2] Это письмо Иванова к Жуковскому см. в кн.: «Иванов», 147—148.

79. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

Кобрино. Вторник, 7 июля ⟨1842 г.⟩

...С любопытством ожидаю прочесть что-нибудь умное о «Мертвых душах». Вообрази, что пишет наша «Полицейская газета», которая, не знаю почему, вмешивается в дела литературы [1]. Сначала г. критик благоволит Гоголю, называет его «великим портретистом», но потом прибавляет: «Ведь и в солнце есть пятнышки» и потому можно упрекнуть сочинителя в «неокругленности фраз» и т. д. Он, верно, не заметил тех мест, где особенно всякая фраза имеет всю гармонию, всю прелесть стиха [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.636, лл. 52 об.— 53).

[1] Имеется в виду рецензия на «Мертвые души» в №№ 48, 50 и 51 «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» (от 16, 23 и 27 июня 1842 г.). Эта газета, не содержавшая в себе почти ничего, кроме казенных и частных объявлений, редактировалась В. С. Межевичем, и анонимная рецензия принадлежит, вероятно, ему. Рецензия эта не вошла ни в один библиографический указатель и в литературе о Гоголе неизвестна.

Несомненный интерес представляют высказывания рецензента—современника Гоголя—о том, что «с появлением на сцене „Ревизора" имя Гоголя сделалось н а р о д н ы м; сам он стал в литературе кумиром для всех людей, одаренных умом, вкусом и чувством»; что известие о выходе «Мертвых душ» было «неожиданной радостью для почитателей Гоголя, т. е. для всех любителей литературы русской. Наконец с нетерпением ожидаемая поэма вышла. Несмотря, как говорится, на глухую пору в книжной торговле, сочинение Гоголя покупают нарасхват. Книгопродавцы, как ни были велики их ожидания, не могут надивиться, однакож, быстроте, с какой расходятся „Похождения Чичикова". Теперь эти „Похождения" в руках почти у всех любителей литературы; разъезжаясь по деревням и по дачам, они успели запастись книгою, от которой столько ожидают себе наслаждений. В столицах „Мертвые души" составляют предмет общего разговора, толков, суждений и споров. Короче, появление поэмы Гоголя пробудило такое движение в литературе и в публике русской, какого давно уже ни в той, ни в другой не бывало». В рецензии содержится также ряд других подробностей, характеризующих успех, которым пользовался Гоголь у читателей еще при жизни.

[2] М. Г. Карташевская имеет в виду следующее место рецензии: «Конечно, если и в солнце есть темные пятна, взыскательные критики и читатели могут найти недостатки и в Гоголе: педантические пуристы и записные словесники упрекнут его: первые —

* В подлиннике пробел в несколько строк.— *Л. Л.*

за слишком смелые, может быть, картины, набросанные вольною рукою художника, забывая, что они совершенно готовы простить подобные артистические капризы какому-нибудь Теньеру; вторые — за некоторые небрежные периоды, неокругленные фразы, неправильные выражения,— все это так; но едва ли кто станет спорить с нами, что Гоголь — не первый оригинальный русский писатель — прозаик ли, поэт ли, нам все это равно! Что <...> Гоголь идет своим, совершенно отдельным, независимым путем, чуждым всякого постороннего влияния, что, наконец, ни

Н. М. ЯЗЫКОВ

Рисунок неизвестного художника в альбоме Е. М. Хомяковой, 1840-е гг. Исторический музей, Москва

в одном русском писателе Русь не отразилась так истинно, верно, дагерротипно, как в Гоголе, отразилась со всеми оригинальными достоинствами русского человека и, может быть, со всеми его недостатками!»

80. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Июля $\frac{\langle 9 \rangle}{21}$ дня 1842. Гаштейн

Июля 14 дня прибыл в Гаштейн Гоголь[1]; он поместился в одном доме со мною, и мы живем, как братья. Он, слава богу, здоров, не лечится и явился в здешнюю трущобу единственно ради меня. Этот подвиг его

есть истинное для меня благодеяние и эпоха в моем заграничном странствовании и в жизни моей вообще. Он подзывает меня ехать с ним вместе зимовать в Рим; в противном же случае Гоголь проводит меня в Россию. Вероятно, что я решусь на первое. Кроме того, что врачи не советуют мне после гаштейнского лечения осенью пускаться на север, ведь было бы неблагородно, неблагодарно тащить Гоголя назад в Москву — и еще во время слякоти и проч. «Почему же и не съездить в Рим?» говорит Сильвестр [2]. Но обо всем этом решительно напишу через неделю ⟨...⟩ Во время пребывания Елизаветы Петровны [3] в Гаштейне мне скучно не было: время проходило незаметно, как бы дома, я был между русскими, между своими, а теперь Гоголь утешает, освежает и бодрит меня своим примером и словом. Он привез мне «Мертвые души», которыми я наслаждаюсь, тем более, что почитаю это сочинение чрезвычайно полезным нашему любезному отечеству. Не забудь написать мне, какое впечатление сделало оно на губернских и уездных дворян у нас в Симбирске? Как смотрят они на это живое зеркало — столь верно и нелестно показывающее им самим образы их, или образины?[4] ⟨...⟩ Гоголь привез мне добрые вести о Хомяковых и о Москве вообще — слава богу.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 23.— Яз. I. 23).

[1] Этим письмом устанавливается ранее не известная точная дата прибытия Гоголя в Гаштейн.

[2] Сильвестр — крепостной слуга Языкова, ухаживавший за ним во время болезни.

[3] Елизавета Петровна Языкова — сестра декабриста В. П. Ивашева, жена Петра Михайловича Языкова. В письме к С. Т. Аксакову от 4 июля 1845 г. Н. М. Языков отмечал, что Гоголь с Е. П. Языковой «давно знаком и не чинится» («Гоголь. Материалы и исследования», I, 159—160). Существенной подробностью для характеристики Е. П. Языковой является ее нелегальная поездка в Сибирь к сосланному брату и свидание за границей с Герценом (см. А. Герцен. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 53).

[4] См. письма №№ 77 и 88.

81. Н. М. ЯЗЫКОВ — П. М. БЕСТУЖЕВОЙ

Июля $\frac{\langle 15 \rangle}{27}$ дня 1842. Гаштейн

...Елизавета Петровна и кн. Хованская отбыли отсюда в Венецию, откуда последняя [1] поедет прямо в Россию, а Елизавета Петровна в Италию, в Рим зимовать — туда же и меня подзывают и она и Гоголь; но я еще не знаю, на что решусь; у меня теперь всё зависит от того, что сделают со мною здешние воды: если они помогут мне, то почему же и не съездить в столицу мира?— одна зима куда ни шла!— мне же там не может быть скучно. Гоголь найдет мне удобную, привольную квартиру и устроит житье-бытье мое добропорядочно — и я буду в своем кругу, со своими! Гоголь сидит теперь со мною, он нарочно для меня заехал в гаштейнскую трущобу — и мы вместе довольно хорошо перекочкиваем здешнюю скуку. Награди его бог за это доброе дело! Он привез мне вести о Хомяковых, у которых бывал часто, несмотря на то, что он вообще не любит знакомств и посещений. С ним ехать будет мне легко: он очень распорядителен и в Италии, как дома. Но об этом позже, когда решусь. Теперь же боюсь загадывать вперед, чтоб не сказать после, что рано пташка запела ⟨...⟩

Стихов пришлю тебе, когда они у меня будут писаться — теперь же мне не до них. Гоголь говорит, что в Риме я непременно распишусь,— дай бог, чтоб он напророчил! Нынешний год мне бесплоден в этом отношении — как и в других: жду чего-то лучшего...

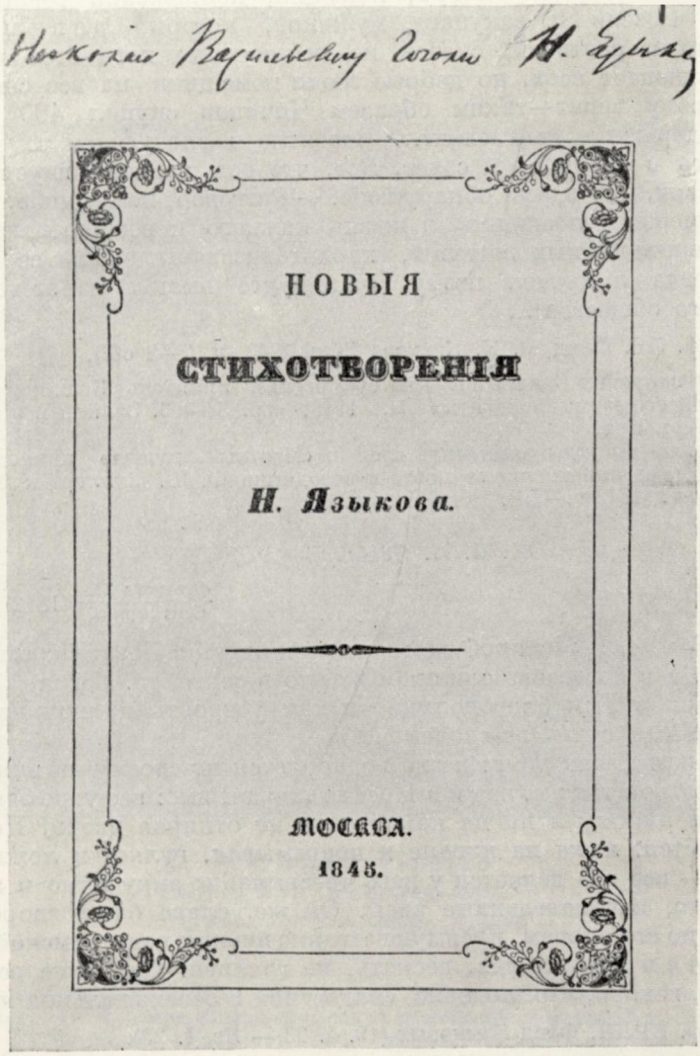
Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 23.— Яз. I. 23).

[1] В подлиннике описка: «первая».

82. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

<Июля 30>
Августа 11 дня 1842 г. Гаштейн

...Гоголь путешествует omnia sua secum portans *; ему и горя мало сделать в дилижансе, где он, как дома, лишнюю сотню миль; в Риме же


Николаю Васильевичу Гоголю Н. Языков

НОВЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Языкова.

МОСКВА.

1845.

ЭКЗЕМПЛЯР «НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ» Н. М. ЯЗЫКОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГОГОЛЮ. 1845 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ему вольготнее и привычнее, чем в Москве, где для него слишком шумно и многознакомно. Разумеется, что он знает Рим, как свои пять пальцев, и что с ним ходить по тамошним достопамятностям было бы очень весело: но ведь это все возможно человеку ходячему и не немощному, а не... и проч. [1]...

* налегке. Буквально: «Все своё неся с собой» (лат.).

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 23.— Яз. I. 23).

[1] Н. М. Языков, вследствие болезни спинного мозга, передвигался с большим трудом.

83. П. Ф. ЗАИКИН — М. Н. КАТКОВУ

<Лето 1842 г.>

...«Мертвые души», поэма Гоголя, уже напечатана, и я ее читал. Вот содержание ее: Чичиков, помещик, коллежский советник, разъезжает по России и закупает мужиков, которые давным давно померли, но из ревизских сказок не исключены; хотя этот новый род покупки поражает всех, но добрые люди помещики на все соглашаются легко и всему верят—таким образом Чичиков скупил 400 душ. Вот главное содержание этой поэмы... Вероятно в следующем томе будет их закладывать в опекунский совет. Все, что есть гадкого, гнусного и подлого в России, все здесь обнаружено. — Разговор помещиков, помещиц, лакеев, кучеров с лошадьми и жизнь каждого и вообще целой России, т. е. провинциальных жителей, характеризованы очень верно; одним словом, когда я прочел поэму, как будто вышел из этого пошлого, безотрадного общества[1]...

Автограф. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 3/40, л. 2—2 об.).

Павел Федорович Заикин — петербургский приятель Белинского. См. сб. «Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 53—63. Заикин в это время находился в Германии.

[1] Отдельные высказывания читателей о «Мертвых душах» приводятся также в одном из неизданных писем поэта-переводчика Ф. Б. Миллера к М. П. Погодину (от 31 мая 1842 г.—ЛБ, Пог. 11/20/123).

84. Н. М. ЯЗЫКОВ — РОДНЫМ

<Августа 28> / Сентября 9 1842 г. Гаштейн

Еду в Рим! <...> Мы пробудем несколько дней в Венеции: там, дескать, прохладно, а в Риме еще слишком жарко в сентябре. Гоголь берется доставить меня в Рим благополучно и там устроить привольно на зиму, а в апреле отпустить во-свояси <...>

Гоголь везде, как дома: везде водворяется по-своему и пишет; в Гаштейне сидел он так же, как и в Москве или в Риме: все утро один с пером в руке — и никому и ни на какой стук не отпирая двери! После обеда прохлаждается, лежа на диване и подремывая, гуляет и ложится спать часов в 9 — все это делается у него чрезвычайно аккуратно и вольготно, идет все это, как заведенные часы. Он же, слава богу, здоров — чему он обязан, по его словам, преимущественно пиению воды римской; а прежде этого лечения никуда, дескать, не годился. Он и мне рекомендует ту же воду, говоря, что подобно сладостной и освежительной нет нигде...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 23.— Яз. I. 23).

85. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Москва. 6 сентября 1842

...Здесь сделали какую-то пьесу из «Мертвых душ», некоторые сцены[1], и Щепкин должен читать рассказ о капитане Копейкине; он сам не знает еще, будет ли это удачно на сцене. Во всяком случае, переделывать так в театральную пьесу есть вещь непозволительная, кажется...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.612, лл. 106—109).

[1] Гоголь категорически возражал против всех переделок его поэмы для сцены (см. «Письма», II, 234, 236). Инсценировка, которую имеет в виду В. С. Аксакова, была впервые поставлена в Москве 11 сентября 1842 г. в бенефис И. В. Самарина. Почтмейстера играл М. С. Щепкин, Ноздрева — В. И. Живокини. Эта постановка эпизо-

дически возобновлялась в 1844 и 1846 гг. (см. С. Данилов. Гоголь в инсценировках.—«Гоголь. Материалы и исследования», II, 439). Автором инсценировки был петербургский режиссер Н. И. Куликов. Резко отрицательный отзыв Белинского на петербургскую постановку этой «возмущающей душу» переделки см. в его Соч., т. VII, стр. 401. 16 сентября 1842 г. М. Г. Карташевская писала В. С. Аксаковой: «И я тоже хотела сообщить тебе, что на нашем театре уже давалось какое-то представление, которого сюжет заимствован из „Мертвых душ", и три представления сряду театр был полон. Это доказывает, я думаю, что „Мертвые души" произвели большое впечатление, когда поспешили представить их публике даже на театре, но я не знаю, приятно ли это будет Гоголю, особливо если всё обезобразят» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.636, л. 79).

РИМ. МОСТ ЛАМЕНТАНО
Рисунок М. Н. Воробьева, 1840-е гг.
Третьяковская галлерея, Москва

В одном из своих позднейших писем к сыну Ивану С. Т. Аксаков писал: «Услышав от Верстовского, что я желаю слышать рассказ Копейкина, читанный мастерски Садовским в доме у Самариных, Садовский сейчас пришел ко мне и доставил нам большое удовольствие своим чтением: это случилось при <Л. И.> Арнольди, и я долго говорил с Садовским, разумеется о театральном искусстве, и нахожу его в этом отношении необыкновенно умным» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 10, л. 22).

86. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Сентября $\frac{\langle 14 \rangle}{2\text{-}}$ дня 1842. Венеция

Сентября 17 дня оставили мы Гаштейн — и 22 прибыли благополучно в Венецию, где и сидим добропорядочно — это путешествие наше шло быстро, несмотря на погоду, сильно противодействовавшую поспешению нашему: борей с дождем и холодом, особенно на высотах Бреннера, пытался воспрепятствовать одиноким странникам скорее добраться до перепутья, но напрасно! Мы было остановились в гостинице («Европа»), но

вскоре перешли на частную квартиру,— ради уменьшения издержек и ради большего простора. Погода продолжает портиться — сирокко дует теплом и дождем и покрывает еще небесною влагою Венецию, и без того уже влажную; сидим перед камином, ждем чего-то лучшего и едим виноград.

Не знаю, долго ли еще пробудем здесь: это вовсе зависит от Гоголя, у которого я на руках, или, лучше, в руках. В Рим, дескать, рано: теперь там еще жары несноснейшие!

Хожу гулять на площадь св. Марка — место восхитительное! Собор разительно похож на наши. Жаль, что мы здесь во время ущерба луны: это препятствует слышать баркароллы, плывя в таинственной гондоле![1]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 23.— Яз. I. 23).

[1] См. «Материалы», IV, 169.

87. А. А. ИВАНОВ — Ф. А. МОЛЛЕРУ

⟨Рим. Конец сентября 1842 г.⟩[1]

...Я решился теперь дождаться Гоголя, который уже на-днях должен быть в Риме [2]. Ваше дело в Риме совсем уже не секрет, и Гоголь его услышит (от меня слышать об Вашем деле лучше, чем от кого-либо другого) [3]. Кривцов [4] с Гоголем другой, чем со мной, и я надеюсь на самый лучший оборот ⟨...⟩

Я бы желал, чтоб Вы купили для Василия [5] и для меня ультрамарину в порошке ⟨...⟩, в Австрии карандашей венских, тех самых, что нам Гоголь подарил когда-то [6]...

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2194, т. VI, лл. 25 об.—26).

[1] Это письмо является ответом на неизданные письма Моллера от 16/28 июля и 10/22 августа 1842 г. (ЛБ, № 2202).

[2] Гоголь приехал в Рим вместе с Н. М. Языковым 22 сентября/4 октября 1842 г.

[3] А. А. Иванов намекает здесь на некоторые подробности из жизни Ф. А. Моллера, подвергавшегося преследованиям со стороны матери своей бывшей натурщицы — Амалии Лаваньини. Иванов уговорил Моллера бежать из Рима. См. отклики на эту историю в письмах Гоголя, Иванова и в настоящей публикации (письмо № 108).

30 сентября 1842 г. Моллер писал Иванову из Петербурга: «Кланяйтесь, пожалуйста, всем нашим, а в особенности Шаповалову и почтенному нашему Николаю Васильевичу, которому прошу рассказать всё мое дело и просить его совету и помощи, в которых он мне, верно, не откажет» (неизд.— ЛБ, № 2202).

В черновом письме к Моллеру, относящемся к октябрю 1842 г., А. А. Иванов советовал ему, от своего имени и от имени Гоголя, «не трогаться из Петербурга до весны» или поехать в Венецию или в Сицилию, а в Петербурге «распустить слух, что он в Италию никогда не будет» (неизд.— ЛБ, № 2194, т. VI, л. 36).

Упоминания о Гоголе встречаются еще в нескольких неизданных письмах Моллера к Иванову — от 12/24 декабря 1842 г., 17/29 января 1843 г. и др. В последнем из них содержится указание на не дошедшее до нас письмо Моллера к Гоголю.

[4] Павел Иванович Кривцов, стоявший во главе управления русскими художниками в Риме. Гоголь был весьма невысокого мнения о Кривцове: «Это человек, который слишком любит только одного себя и прикинулся любящим и то и се, потому только, чтобы посредством этого более удовлетворять своей страсти, т. е. любви к самому себе. Он мною дорожит столько же, как тряпкой» («Письма», II, 90).

[5] Художник В. А. Серебряков (1810—1886).

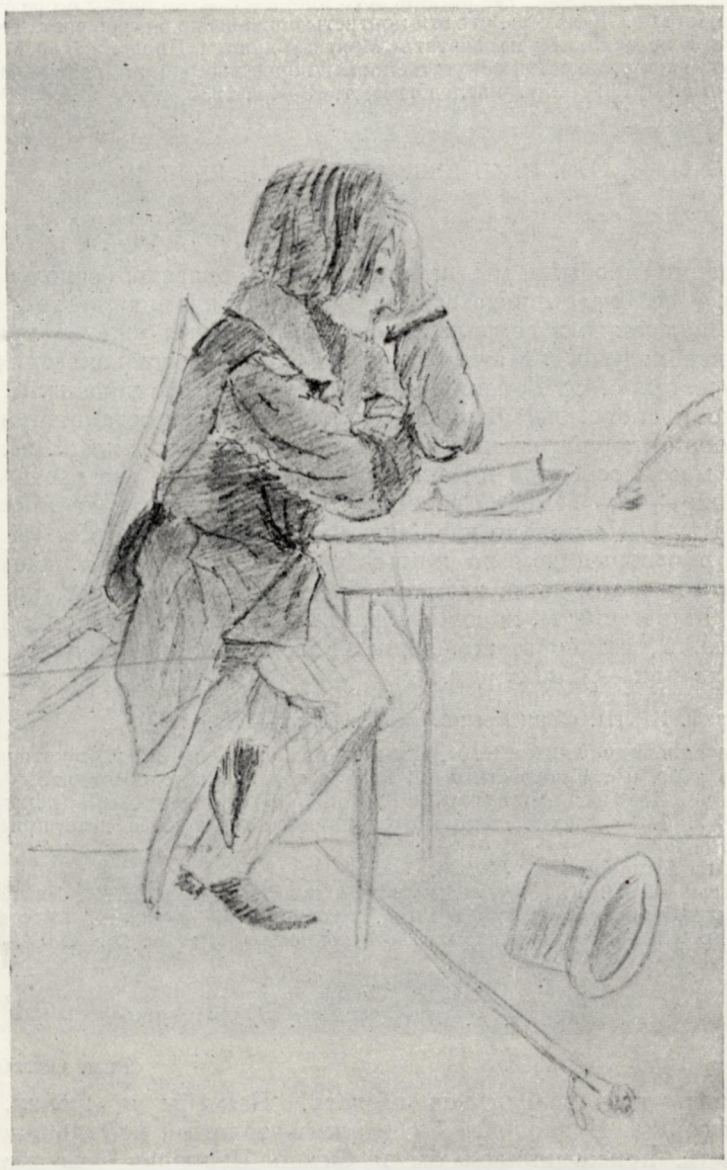
[6] См. «Письма», I, 626—627.

88. А. М. ЯЗЫКОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

3-го октября 1842. Станишное

...«Мертвые души» еще мало читали в нашей глуши. Наумовым я принужден был дать свой экземпляр — иначе они не погляделись бы в это зеркало [1].— Суждения об них разные — от благоговения Шевырева до

мнения Пикоти [2], которая пишет: «С каким нетерпением ждала я „Мертвые души", и что же вышло? — кроме гадости, ничего нет хорошего. Читали ли Вы разбор Сенковского?» [3] За это я просил Вас погонять ее. Но, может быть, ей не понравился характер Собакевича?..



ГОГОЛЬ

Шаржированный портрет работы неизвестного художника в альбоме Е. М. Хомяковой, 1840-е гг.

Исторический музей, Москва

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 92.— Яз. II. 53).

[1] Это письмо является откликом на просьбу Н. М. Языкова сообщить, какое впечатление произведут «Мертвые души» на помещиков Симбирской губернии — живых прототипов Собакевичей, Плюшкиных и Коробочек (см. письмо № 80).

[2] «Пикоть»— семейное прозвище сестры Языковых, Прасковьи Михайловны, в замужестве Бестужевой.

[3] Имеется в виду издевательская рецензия О. И. Сенковского на «Мертвые души» («Библиотека для чтения», 1842, № 8), о которой см. в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевского.

1 декабря 1842 г. Н. М. Языков писал родным: «Гоголь получает отовсюду известия, что его сильно ругают русские помещики; вот ясное доказательство, что портреты их списаны им верно и что подлинники задеты за живое! Таков талант! Многие прежде Гоголя описывали житье-бытье российского дворянства, но никто не рассерживал его так сильно, как он. Жаль еще, что эти портреты списаны не во весь рост. То ли было бы! Но ведь тогда не можно бы напечатать „Мертвые души"! Продолжение „Мертвых душ" должно быть важнее по части искусственной и творчества, чем эта первая часть» (ИРЛИ, 19.4.23. — Яз. I, 23; «Лит. наследство», т. 19—21, 1935, стр. 369).

89. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

<24 октября>
5 ноября 〈1842 г.〉 Рим

В Венеции пробыли мы неделю, но, так сказать, бесполезно, потому что погода не благоприятствовала ни осматриванию достопримечательностей, ни катанию в гондолах: тогда было время ущерба луны, сиянье которой необходимо для этого водоплавательного удовольствия, и дожди лили непрестанно. От Венеции до Рима путешествие наше шло также благополучно и скоро, несмотря на частые ночлеги, остановки и объезды, с коими оно было сопряжено вследствие проливных дождей, испортивших дороги и мосты особенно в Папских владениях, где эта часть в большом небрежении — яко земная, вероятно. Я уже извещал тебя о прибытии нашем в Рим [1]. Несколько дней просидели мы в «Hôtel de Russie», потом перешли в частный дом на житье-бытье шестимесячное. Гоголь нашел мне квартиру в том доме, где сам обыкновенно пребывает, когда в Риме бывает [2]. Две комнаты, хорошо убранные и солнечные, в одной — камин; надо мною, в третьем этаже, сидит Гоголь — тоже в двух комнатах; в одной из них — биллиард [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 23.— Яз. I. 23).

[1] Имеется в виду записка Н. М. Языкова от 5 октября 1842 г., в которой он писал: «Возвещаю тебе, а ты возвести всем, кому о том знать подобает, что 〈сентября 22/〉 октября 4 дня 1842 года мы прибыли благополучно во град Рим!» (неизд. — ИРЛИ, 19.4.23.— Яз. I. 23). Этим письмом устанавливается точная дата прибытия в Рим Гоголя и Языкова.

[2] Дом на Strada Felice, № 126.

[3] В письме к В. Д. Комовскому от 22 ноября 1842 г. А. М. Языков сообщал, что его брат Николай «теперь в Риме, куда прибыл 4 октября вместе с Гоголем, взявшим его на свои руки и свою ответственность» (ИРЛИ, 19. 4. 104.— Яз. IV. 1).

90. А. А. ИВАНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

〈Рим. Октябрь 1842 г.〉

...В пять иду в Фалькон обедать. Как бы я желал, чтоб и Вы с Григорием Павловичем [1] обедали в это время в Фальконе — к нам, может быть, присоединился бы и Федор Иванович [2] да даже и сам Н. В. Гоголь — оттуда в «Bon Goût», а в 7-мь часов я у [Гоголя] Языкова каждый вечер, где бывает постоянно и Гоголь — это потому, что Языков болен ногами и не выходит из дому...

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2194, т. VI, л. 34 об.).

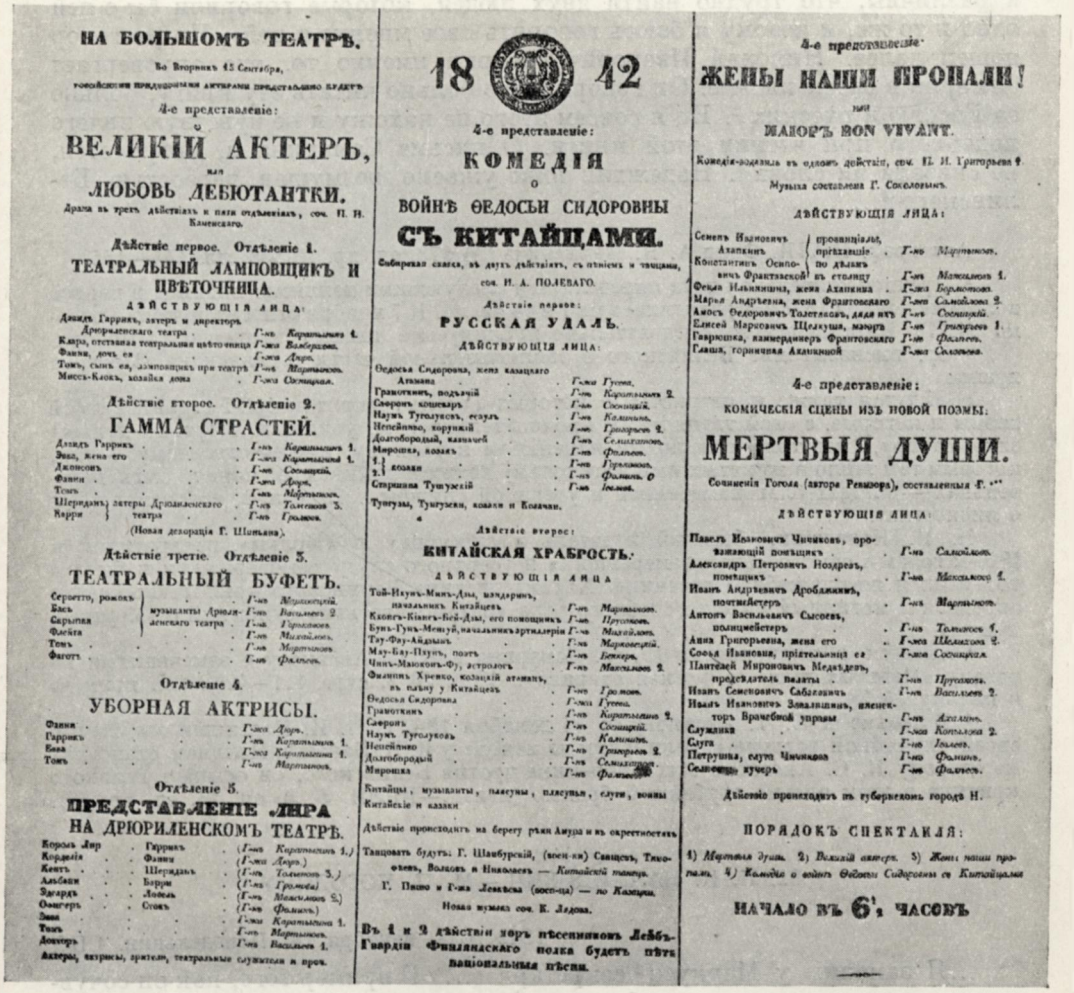
Федор Васильевич Чижов (1811—1877) — писатель-славянофил, впоследствии крупный финансист; автор воспоминаний о Гоголе и издатель его сочинений. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 19—21, 1935, стр. 105—142 и публикацию его дневников в настоящем томе.

[1] Григорий Павлович Галаган (1819—1888) — богатый украинский помещик. Ф. В. Чижов был его воспитателем. 23 ноября 1844 г. Галаган писал А. А. Иванову:

«Желал бы я очень иметь о Вас побольше подробностей, знать не то, что Вы работаете,— я это знаю,— но как проводите время вне работы, где проводите вечера после тех, которые мы просиживали вместе с Языковым, Гоголем и Федором Васильевичем ⟨Чижовым⟩? Это время останется для меня навсегда незабвенным» (неизд.— ЛБ, № 2202).

[2] Знаменитый русский гравер Федор Иванович И о р д а н.

21 ноября/3 декабря 1842 г. Ф. В. Чижов писал Г. П. Галагану: «Надобно Вам сказать, что Иордан отчего-то очень не в духе, дуется на А. А. Иванова и не ходит к Гоголю, отчего — неизвестно» (неизд.— Рук. копия, ТГ, № 31/2461).



НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Во Вторникъ 15 Сентября, ... будетъ:

4-е представленіе:

ВЕЛИКІЙ АКТЕРЪ,

или

ЛЮБОВЬ ДЕБЮТАНТКИ.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, соч. П. И. Каменскаго.

Дѣйствіе первое. Отдѣленіе 1.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЛАМПОВЩИКЪ И ЦВѢТОЧНИЦА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дэвидъ Гаррикъ, актеръ и директоръ Дрюриленскаго театра . . . Г-нъ Карташевскій 1.
Кэра, отставная театральная цвѣточница . . . Г-жа Валберхова.
Фанни, дочь ея . . . Г-жа Дюръ.
Томъ, сынъ ея, занимающій при театрѣ . . . Г-нъ Мартыновъ.
Миссъ-Кокъ, хозяйка дома . . . Г-жа Сосницкая.

Дѣйствіе второе. Отдѣленіе 2.

ГАММА СТРАСТЕЙ.

Дэвидъ Гаррикъ . . . Г-нъ Карташевскій 1.
Эмма, жена его . . . Г-жа Карташевская 1.
Джонсонъ . . . Г-нъ Сосницкій.
Фанни . . . Г-жа Дюръ.
Томъ . . . Г-нъ Мартыновъ.
Шеридэнъ, актеры Дрюриленскаго театра . . . Г-нъ Толстопятовъ 3.
Керри, актеры театра . . . Г-нъ Громовъ.

(Новая декорація Г. Шапьяна).

Дѣйствіе третье. Отдѣленіе 3.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ БУФЕТЪ.

Серпетто, рожокъ . . . Г-нъ Мерзляковъ.
Басъ, Сарынинъ, Флейта, Тромбонъ, Фаготъ — музыканты Дрюриленскаго театра . . . Г-нъ Васильевъ 2, Г-нъ Горловскій, Г-нъ Михайловъ, Г-нъ Медвѣдевъ, Г-нъ Фалилеевъ.

Отдѣленіе 4.

УБОРНАЯ АКТРИСЫ.

Фанни . . . Г-жа Дюръ.
Гаррикъ . . . Г-нъ Карташевскій 1.
Ева . . . Г-жа Карташевская 1.
Томъ . . . Г-нъ Мартыновъ.

Отдѣленіе 5.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЛИРА НА ДРЮРИЛЕНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Король Лиръ . . . Гаррикъ . . . (Г-нъ Карташевскій 1.)
Корделія . . . Фанни . . . (Г-жа Дюръ.)
Кентъ . . . Шеридэнъ . . . (Г-нъ Толстопятовъ 3.)
Альбани . . . Керри . . . (Г-нъ Громовъ)
Эдгардъ . . . Любовь . . . (Г-нъ Михайловъ 2.)
Освальдъ . . . Стокъ . . . (Г-нъ Фалилеевъ.)
Эмма . . . Г-жа Карташевская 1.
Томъ . . . Г-нъ Мартыновъ.
Дожеръ . . . Г-нъ Васильевъ 1.

Актеры, актрисы, зрители, театральные служители и проч.

18 42

4-е представленіе:

КОМЕДІЯ

О

ВОЙНѢ ѲЕДОСЬИ СИДОРОВНЫ

СЪ КИТАЙЦАМИ.

Соборная сказка, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ и танцами, соч. И. А. ПОЛЕВАГО.

Дѣйствіе первое:

РУССКАЯ УДАЛЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ѳедосья Сидоровна, жена казацкаго Атамана . . . Г-жа Гусева.
Грамотѣевъ, подъячій . . . Г-нъ Карташевскій 2.
Сворень кошевой . . . Г-нъ Сосницкій.
Наумъ Тугоплесовъ, есаулъ . . . Г-нъ Каликинъ.
Нечесайвошъ, харунжій . . . Г-нъ Григорьевъ 2.
Долгобородый, казачій . . . Г-нъ Семеновскій.
Маруська, казакъ . . . Г-нъ Фалилеевъ.
1-й } казаки . . . Г-нъ Горловскій.
2-й } . . . Г-нъ Фалилеевъ 2.
Спиридонъ Тунгусскій . . . Г-нъ Іогелемъ.

Тунгусы, Тунгуски, казаки и Казачки.

Дѣйствіе второе:

КИТАЙСКАЯ ХРАБРОСТЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Той-Инунъ-Мынъ-Дынъ, шандорынъ, начальникъ Китайцевъ . . . Г-нъ Мартыновъ.
Кынгъ-Кынгъ-Бей-Дзи, его помощникъ . . . Г-нъ Пругавинъ.
Бунъ-Гунъ-Меньгъ, начальникъ артиллеріи . . . Г-нъ Михайловъ.
Тау-Фау-Айдынъ . . . Г-нъ Мерзляковъ.
Мау-Бау-Пауль, поэтъ . . . Г-нъ Бекеръ.
Чинъ-Мазокинъ-Фу, астрологъ . . . Г-нъ Максимовъ 2.
Филипъ Хренко, казацкій атаманъ, въ плѣну у Китайцевъ . . . Г-нъ Громовъ.
Ѳедосья Сидоровна . . . Г-жа Гусева.
Грамотѣевъ . . . Г-нъ Карташевскій 2.
Сворень . . . Г-нъ Сосницкій.
Наумъ Тугоплесовъ . . . Г-нъ Каликинъ.
Нечесайвошъ . . . Г-нъ Григорьевъ 2.
Долгобородый . . . Г-нъ Семеновскій.
Маруська . . . Г-нъ Фалилеевъ.

Китайцы, музыканты, плясуньи, плясуны, слуги, воины Китайскіе и казаки

Дѣйствіе происходитъ на берегу рѣки Амура и въ окрестностяхъ

Танцовать будутъ: Г. Шапьярскій, (воспит.) Свищевъ, Тихоновъ, Волковъ и Николаевъ — Китайскіе танцы.

Г. Пикко и Г-жа Лемѣева (воспит.) — по Казацки.

Новая музыка соч. К. Лядова.

Въ 1 и 2 дѣйствіи хоръ пѣсенниковъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка будетъ пѣть національныя пѣсни.

4-е представленіе:

ЖЕНЫ НАШИ ПРОПАЛИ!

или

МАНОРЪ BON VIVANT.

Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. П. И. Григорьева 1.

Музыка составленна Г. Соколовымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Семенъ Ивановичъ Ахапкинъ, провинціалъ, пріѣзжій по дѣламъ въ столицу . . . Г-нъ Мартыновъ.
Константинъ Осиповичъ Фрактовскій . . . Г-нъ Максимовъ 1.
Ѳекла Ильинишна, жена Ахапкина . . . Г-жа Борисовская.
Марья Андрѣевна, жена Фрактовскаго . . . Г-жа Салтыкова 2.
Аѳосъ Ѳедоровичъ Толстолобъ, дядя ихъ . . . Г-нъ Сосницкій.
Елисей Марковичъ Щелкуша, маіоръ . . . Г-нъ Григорьевъ 1.
Гаврюшка, камердинеръ Фрактовскаго . . . Г-нъ Фалилеевъ.
Глаша, горничная Ахапкиной . . . Г-жа Салтыкова.

4-е представленіе:

КОМИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ НОВОЙ ПОЭМЫ:

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Сочиненія Гоголя (автора Ревизора), составленныя Г. ...

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, пріобрѣтающій помѣщикъ . . . Г-нъ Салтыковъ.
Александръ Петровичъ Нездрезъ, помѣщикъ . . . Г-нъ Максимовъ 1.
Иванъ Андрѣевичъ Дробляжинъ, почтмейстеръ . . . Г-нъ Мартыновъ.
Антонъ Васильевичъ Сысоевъ, полицмейстеръ . . . Г-нъ Толстопятовъ 1.
Анна Григорьевна, жена его . . . Г-жа Шелихова 2.
Сосѣда Ивановна, пріятельница ея . . . Г-жа Сосницкая.
Пантелѣй Мироновичъ Медвѣдевъ, предсѣдатель палаты . . . Г-нъ Пругавинъ.
Иванъ Семеновичъ Собакевичъ . . . Г-нъ Васильевъ 2.
Ивавъ Ивановичъ Замазкинъ, инспекторъ Врачебной управы . . . Г-нъ Аѳанасьевъ.
Служивый . . . Г-нъ Котельницкій 2.
Слуга . . . Г-нъ Іогелемъ.
Петрушка, слуга Чичикова . . . Г-нъ Фалилеевъ.
Селиверстъ, кучеръ . . . Г-нъ Фалилеевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ Н.

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ:

1) *Мертвыя души.* 2) *Великій актеръ.* 3) *Жены наши пропали.* 4) *Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами.*

НАЧАЛО ВЪ 6½ ЧАСОВЪ

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «МЕРТВЫХ ДУШ» В ПЕТЕРБУРГСКОМ БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ, 15 СЕНТЯБРЯ 1842 г.

Инсценировка Н. И. Куликова

Театральный музей, Ленинград

91. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ Пятница ⟨14 ноября 1842 г.⟩[1]

...Вчера в первый раз ⟨после возвращения из-за границы⟩ обедал у нас ⟨Н. И.⟩ Надеждин. Он еще не совсем оправился после своей болезни и очень слаб. В разговоре часто приходилось ему упоминать о вас ⟨...⟩

Я нахожу большую перемену в Николае Ивановиче. Он теперь не шутит так много, как прежде, или, лучше, не обращает всё в шутку, как

обыкновенно. Я даже удивилась, когда он очень спокойно и серьезно рассуждал о «Мертвых душах». Во многом я была с ним несогласна, но возражения, которые делал он, были совершенно серьезны. Начиная говорить о «Мертвых душах», он обратился ко мне с замечанием: «Вы, конечно, мнения семейства вашего дядюшки?» Я отвечала: «Почему это?»— Сначала я не хотела даже продолжать об этом разговора и сказала Николаю Ивановичу: «Вы знаете, что мнения об этой книге так разнообразны и различны, что трудно найти двух людей, которые говорили бы о ней одно и то же, и потому я боюсь говорить свое мнение о ней». Но разговор пошел далее. Николай Иванович говорил именно то, что опровергает Самарин в своем письме. Он говорит, что больно читать эту книгу, больно за Россию и русских [2]. Но я совсем этого не нахожу и не чувствую ничего подобного при чтении этой книги. О письме Самарина я, разумеется, не сказала ни слова [3]. Надеждин тоже ужасно возмущен дерзостью Белинского [4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.636, лл. 144—145).

[1] Предположительная дата определяется следующими данными: пятница в первой половине ноября 1842 г. приходилась на 7 и 14 числа. К 7 ноября относится другое письмо М. Г. Карташевской; следовательно публикуемое письмо написано 14 ноября.

[2] Ср. высказывание Белинского в заключительной части рецензии на «Мертвые души»:

«Найдутся также и патриоты, о которых Гоголь говорит на 468-й странице своей поэмы и которые, с свойственною им проницательностию, увидят в „Мертвых душах“ злую сатиру, следствие холодности и нелюбви к родному, к отечественному,— они, которым так тепло в нажитых ими потихоньку домах и домиках, а может быть деревеньках — плодах благонамеренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричат и о личностях».

Н. И. Надеждин, бывший издатель «Телескопа» и «Молвы», превратился к 1840-м годам в самого «благонамеренного» и усердного слугу самодержавия и быстро подвигался по служебной лестнице. Характеристика Белинского чрезвычайно метко определяет истинный смысл подобного рода «патриотических» суждений о «Мертвых душах».

[3] Имеется в виду письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову с замечаниями по поводу «Мертвых душ» («Русская старина», 1890, № 2, стр. 421—426). См. примеч. к письму № 28.

[4] В письме к С. Т. Аксакову от 31 декабря 1842 г. Н. И. Надеждин сообщил о своей случайной встрече с Белинским на вечере у И. И. Панаева. Целиком становясь на сторону К. С. Аксакова в его полемике против Белинского, он осыпает великого критика в этом письме грубейшей бранью (неизд.—ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, ед. хр. 47).

92. Н. К. КАЛАЙДОВИЧ — М. П. ПОГОДИНУ

1842 года, декабря 14. Понедельник. СПб.

...Я заменяю у Маркуса [1] секретаря ⟨...⟩ В пример того, как он сочувствует всему прекрасному и благородному, приведу Вам одно обстоятельство. Когда по поводу появления «Мертвых душ» начались споры и разногласия и в литературе, и, что еще важнее, в обществе, даже придворном, Маркус, мало следивший нашу литературу, стал меня расспрашивать о Гоголе и его поэме. Я по возможности старался быть беспристрастным докладчиком этого дела и даже удержался от собственного мнения о «Мертвых душах». Я только доставил Маркусу прочие сочинения Гоголя, за исключением «Вечеров на хуторе», которых у меня не случилось под руками. С этих пор Маркус получил высокое мнение о Гоголе. Наконец он достал и «Чичикова», прочитал его, и, когда я пришел потом к нему, он встретил меня словами, что не читал ни на одном языке ничего выше «Мертвых душ», в своем роде. «Это что-то шекспировское!» — говорил он и в первую же свободную ночь, в опровержение всех аристократических мнений, которые ему удавалось слышать, набросал сам статью

о Гоголе и «Мертвых душах», взяв с меня наперед слово поправить могущие встретиться в ней неровности слога и напечатать самую статью в одном из журналов. Статья, как я могу предполагать по плану и отрывкам, выйдет замечательная: ведь Маркус знаком почти со всеми европейскими литературами и следит за ними в лице их новейших представителей. Особенно замечательна эта статья тем, что в ней отвергаются не мнения ученых и журналистов, часто известные им самим и всегда более или менее ограниченному кругу их читателей, а мнения людей, составляющих общество,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»
Рисунок В. М. Васнецова, 1901 г.
Литературный музей, Москва

предрассудки рождения и воспитания. Когда она будет окончена, вероятно в генваре, я перешлю Вам ее [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/14/49).

[1] Михаил Антонович Маркус (1790—1865) — лейб-медик; с 1841 г.— председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел; автор ряда статей и брошюр медицинского характера. Вместе с Н. К. Калайдовичем издал в 1843 г. «Краткое руководство для врачей к познанию российских законов, учреждений и государственной службы» (СПб., 1843). Характеристику Маркуса оставил в своем дневнике А. В. Никитенко: «Он пользуется отличной репутацией, как врач и как человек,— и недаром. Это один из редких людей по образованию, по гуманности, прямодушию и прекрасному сердцу. Ум у него ясный и обогащенный разнообразными сведениями. Ему доступны все умственные, нравственные и эстетические интересы. Всякий прогресс человечества его радует» (А. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Изд. 2-е, т. I, СПб. 1905, стр. 352).

[2] Судьба статьи Маркуса о Гоголе осталась нам неизвестной.

Н. К. Калайдович в более раннем письме к К. С. Аксакову (от 23 июля 1842 г.) писал: «Слухов и толков о Гоголе здесь не оберешься. Теперь не время, но, когда будет досуг, напишу Вам целую статью о разнообразных суждениях о „Мертвых душах“, из

которых некоторые уморительны и оригинальны до невероятности» (неизд. — ЛБ, ГАИС, III/I/69). Было ли выполнено им это обещание — неизвестно.

В ноябре 1842 г. Я. Н. Толстой писал П. А. Вяземскому из Парижа: «Примите мое истинное благодарение за письмо и присылку книги „Мертвые души". Этот отличный и живописный роман перенес меня мыслями на берега Волги, к давно оставленным мною Пенатам и доставил приятный отдых, особенно после читанных мною отвратительных картин Евгения Сю, где описан домашний быт извергов, населяющих парижские вертепы ‹...› Как нам не судить криво о выходящих в России книгах, когда мы здесь никакого русского журнала не получаем, кроме „Северной пчелы"? Держась поневоле мнения этого журнала, я считал „Мертвые души" скучною книгою, но, прочтя, удостоверился в противном» (неизд.— ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2863, лл. 129—130).

Упоминание о Гоголе встречается и в одном из более поздних неизданных писем Я. Н. Толстого к П. А. Вяземскому от 3/15 сентября 1852 г.: «Существование человека на этой скорбной земле уже и без того является цепью страданий и просчетов, где сумма огорчений намного превышает сумму радостей, как Вы прекрасно заметили в Вашем последнем письме к бедному Гоголю: „Ложка меду и бочка дегтю"» (ЦГЛА, ф. 195, ед. хр. 2863, л. 133.— Подлин. на франц. яз.). Упоминаемое письмо Вяземского к Гоголю неизвестно.

93. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

‹Москва.› Вторник, 22 декабря ‹1842 г.›

...Получили еще письмо от Гоголя, именно только что мы возвратились с импровизации. В этом письме он пишет больше всё о своих делах, сочинениях, очень недоволен, что смели сделать сцены из «Мертвых душ» и играют их, но, между прочим, упрекает также — зачем то письмо его прочтено было кем-нибудь другим, кроме отесеньки и маменьки [1], и решительно требует, чтоб его никому не показывать [2].

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.612).

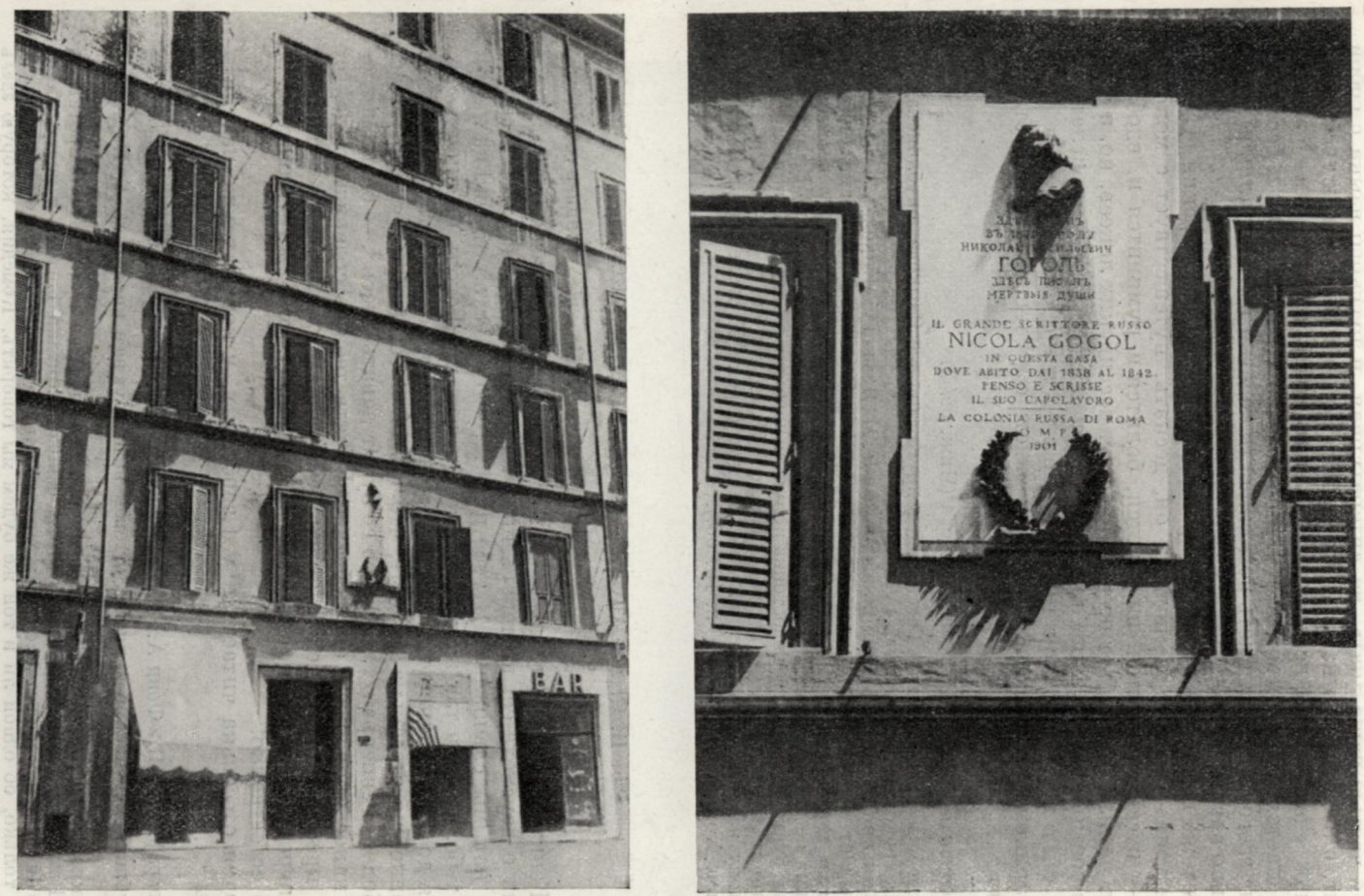
[1] Свое письмо-исповедь от 6/18 августа 1842 г. Гоголь заключил просьбой к С. Т. Аксакову — не показывать письма никому, кроме жены («Письма», II, 210). Аксаков не выполнил этого желания Гоголя и познакомил с письмом своих старших детей, а также некоторых друзей. Это вызвало у Гоголя сильное раздражение («Письма», 210—211; «История», 84—85).

[2] Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, о котором идет речь, неизвестно. Публикуемый отрывок дает возможность восстановить содержание не дошедшего до нас письма Гоголя (ср. «История», 88).

94. Н. М. ЯЗЫКОВ — РОДНЫМ

Декабря 28 ‹1842 г.› / Января 9 ‹1843 г.› Рим

...Я не нашел в Риме того мирного и вольготного житья-бытья, какое обещал мне устроить Гоголь. Он великий охотник распоряжаться и хозяйничать, а распоряжается и хозяйничает крайне безалаберно и беспутно. Мне тесно и холодно; Сильвестру нет особой конурки; камин без закрышки, и тот один в двух комнатах. У меня 9°R; вставать поутру в эту температуру едва ли приятно и здорово кому, едва ли больному! Ёжусь, дрожу и зеваю; Гоголь с синим носом ходит по комнате и уверяет, что нам очень тепло! Само собой разумеется, что все дела идут здесь через него, по незнанию моему и Сильвестра языка здешнего, и что потому вздору выходит с три короба. Его непрестанно обманывают и обирают итальянцы, которым он верит, как честным, и которых чрезвычайно уважает; деньги бросает, как сор, — и хлопочет и суетится, будучи вполне уверен, что он всех перехитривает и всё покупает дешевле других, и болезненно обижается, когда ему противоречат в чем бы то ни было. Я сижу, как полоненный, и жду нетерпеливо, когда пройдут осенние месяцы и декабрь-январь, тогда будет мне теплее и привычнее к худому порядку домашнего быта! (Всё это между нами!) [1]...



ДОМ № 126 НА УЛИЦЕ VIA SISTINA (РАНЕЕ VIA FELICE) В РИМЕ И МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА НА ЭТОМ ДОМЕ. ЗДЕСЬ В 1838—1842 гг. ЖИЛ ГОГОЛЬ

Фотография 1947 г.

Литературный музей, Москва

Погода стоит дождливая, ветреная, холодная ⟨...⟩ Русских новых книг и журналов здесь, кажется, нет; приезжающие и отъезжающие — большей частью наша знать, не литературная, и русского языка с собой не возит, или военщина наша манежная, от которой ничего и не требуется. Знакомых здесь я еще не заводил: Гоголь почти что ни с кем не знаком или не знается. Но ведь мне и не нужно больших развлечений и беседований: мне всего бы лучше иметь возможность видеть Рим, а остальное время привольно сидеть дома ⟨...⟩

В Рим же на зиму будет из Флоренции и бывший симбирский губернатор Комаров — известный подлец; он, дескать, путешествует с молодою женой — и сам молодится, шнуруется, белится и румянится и, вдобавок к этому, немилосердно бьет не только своих российских лакеев, но и прислугу в гостиницах. Скажи Старику, что он обещал Гоголю прислать собрание слов и описание крестьянских ремесел, им, Стариком, составленное. Гоголь ждет: ему теперь нужны эти оба предмета [2] ...

Рукописная копия. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 66/4).

[1] Подобные же жалобы на Гоголя см. в другом письме Языкова, опубликованном В. И. Шенроком («Материалы», IV, 171).

[2] 18 января 1843 г. Е. М. Хомякова писала Н. М. Языкову: «Николаю Васильевичу кланяйтесь от меня. Когда же он в Россию? ⟨...⟩ От Вас получила письмо. Сержусь, что наняли такую холодную квартиру. Как можно не на солнце? Разве Николай Васильевич не знает, что на солнце лучше? Здоров ли он и что делает? Вы об нем ни слова, как будто бы Москва недостойна получать известия о Гоголе. Пишет ли он или нет? Кланяйтесь ему от меня» (неизд.—ГИМ, ф. 178, ед. хр. 46, л. 109—109 об.).

К этому же времени относятся и аналогичные строки о Гоголе в другом неизданном письме Хомяковой (там же, л. 107 об.).

95. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ 1 января ⟨1843 г.⟩

...«Женитьба» и «Женихи» — это всё одна и та же пьеса [1]. Мы также слышали о неуспехе ее, но теперь пишут в «Литературной газете» совсем другое, как мы слышали [2]. Я тебе писала, что ее читал отесенька нам, и писала тебе, что она так же хороша, как и всё, что Гоголь ни пишет. Что касается до неприличности, отесенька ее нам читал вслух, я так и не знаю, что именно, но отесенька говорит, что в этой пьесе неприличного, конечно, не более «Ревизора» ⟨...⟩ Скоро ее будут давать здесь [3], — очень любопытно, какое произведет она действие. Писать тебе ее содержание долго, но всё прекрасно. Есть еще комедия «Игроки», или, лучше, «Сцены из жизни игроков». Это как отрывочный эпизод, и так же удивительно, как всё естественно!

Сегодня отесенька читает ее у Свербеевых, у которых уже начались пятницы [4] ...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.613, лл. 1 об.—2).

[1] Публикуемое письмо является ответом на следующее письмо М. Г. Карташевской:

«Мнение петербургских журналов и публики должно принимать в противном смысле. Вот почему, слыша дурные отзывы о новой комедии Гоголя, я почти убедилась, что она хороша, и с нетерпением ждала, не напишешь ли ты мне что-нибудь о ней. Не знаю только, об одной ли и той же будем мы говорить. Комедия, которую здесь давали и которая имела совершенный неуспех, называли, мне кажется, „Женитьба", а ты пишешь о комедии „Женихи". Отчего же ты не говорила мне о ней, моя милая Верочка, и теперь говоришь так неопределительно, или ты ее не читала? Рассказывают, что государь, который любит все произведения Гоголя, приехал на первое представление и взял с собою Ольгу Николаевну, но что тотчас же ее увез и что вся публика приняла пиесу с шумным выражением негодования. Это говорили у нас за столом, и

<Н. И.> Надеждин был тут. У него есть в рукописи эта комедия, и он сейчас предложил мне ее, но после всего сказанного странно было мне сказать, что я ее прочту» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.637, л. 5—5 об.).

[2] Анонимный рецензент «Литературной газеты» писал по поводу премьеры «Женитьбы» в Александринском театре: «Театр был полон <...> В продолжение пиесы было несколько взрывов хохота. К концу, который на сцене выходит как-то не совсем эффектен, стало тише, и, когда занавес опустили, раздалось шиканье <...> Не доверяя впечатлению первого представления, мы пошли в театр, когда „Женитьбу" давали в третий раз, и вот какая нас поразила картина: рукоплескания почти не умолкали, нередко невольный хохот вырывался из уст зрителей и ясно давал знать о впечатлении, производимом пиесою; артисты, игравшие главные роли, были по несколько раз вызваны» («Лит. газета», 1842, № 50, от 20 декабря)

КАФЕ «ГРЕКО» В РИМЕ. ЗДЕСЬ ЧАСТО БЫВАЛ ГОГОЛЬ

Фотография 1947 г.

Литературный музей, Москва

9—10 декабря 1842 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Я сейчас из театра. „Женитьба" пала и ошикана. Играна была гнусно и подло. Сосницкий не знал даже роли. Превосходно играли Сосницкая (невесту), и очень, очень был недурен Мартынов (Подколесин). Остальные все — верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют» («Письма Белинского», т. II, стр. 328).

[3] Премьера «Женитьбы» на сцене Московского Большого театра состоялась 5 февраля 1843 г.

[4] См. следующее письмо.

96. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

<Москва.> 2 января <1843 г.>

...Вчера вечер просидела у нас Павлова, а отесенька читал между тем «Игроки» у Свербеевых [1], и, говорят, это чтение произвело самое сильное

действие; все были в восхищении и от пьесы и от чтения, но было две партии: одни восхищались и смеялись от души, другие же утверждали, что, как это ни прекрасно, положение России тут так ужасно, что нельзя иметь духу смеяться. Признаюсь, мне всегда очень смешны эти последние, так соболезнующие о состоянии России, особенно смешны те дамы, которые это повторяют[2].

Но именно вообще пьесы Гоголя, особенно эта, должны быть прочтены хорошо, чтоб быть почувствованы вполне; прочтя про себя, она много потеряет. Мне говорил отесенька, что хорошо, если б можно было сделать общее чтение «Мертвых душ» по одной главе в вечер, и я уверена, что все были бы в восхищении, и даже те именно, которым не нравятся теперь...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.613, л. 3—3 об.).

[1] Об этом чтении Аксаковым «Игроков», приведших всех в восхищение, Д. Н. Свербеев сообщил Н. М. Языкову 2 января 1843 г. («Материалы», IV, 104).

5 января 1843 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Ждали сочинения Гоголя, вместо 4 томов вышло только два, другие два задержаны. Что будет? — В понедельник отесенька читал вслух у нас комедию „Игроки"; чтение было чудесное, а эта пьеса требует именно хорошего чтения, тут она явилась в полном своем блеске. Сама пьеса чудесна! ⟨...⟩ Из наших слушателей, кроме Павловой, ни один не умел оценить, почувствовать ее достоинства» (неизд.—ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.612).

[2] Высказывание Белинского о подобного рода «патриотах» см. в примеч. к письму № 91.

97. А. О. СМИРНОВА — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Рим. $\frac{\langle 18\text{-е}\rangle}{30\text{-е}}$ генваря 1843

Мы живем Forum Trajaniani, palazetto Valentini. Солнце на нас смотрит во все глаза с утра до вечера. Комнаты миленькие, довольно уединенно и вместе близко от шумного Корсо ⟨...⟩ Вот материальное устройство, а это статья важная для дряхлой старушки[1], у которой голова болит ежедневно с тех пор как я скитаюсь, да и еще есть другие недуги. Не смотря на них и не слушая их, всякий день в час является к нам Гоголь, и мы странствуем, располагаясь таким образом, чтобы видеть всякий день церковь, галлерею и кончить прогулкой, т. е. древностию или виллой и видом. Гоголь лучше покойника Нибби и его замещающего Висконти[2]; лишнего не говорит и не показывает, оставляя впечатления совершенно свободными. П и ш у я д у р н о, а п о-р у с с к и е щ е х у ж е и потому не буду ничего писать о том, что тут в душе происходит. Наконец я познакомилась с древностию и с Рафаэлем, о котором понятия не имела; мадонн его, разбросанных по галлереям, я никогда не любила, от ⟨того⟩ что есть только о д н а, и эта здесь[3]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 2761, л. 29).

Александра Осиповна С м и р н о в а, рожд. Россет (1810—1882) — приятельница Пушкина и Гоголя. Знакомство ее с Гоголем состоялось еще в начале тридцатых годов и впоследствии перешло в тесную дружбу. Ее приезд в январе 1843 г. в Рим особенно содействовал их сближению. О ее прогулках с Гоголем по Риму и изучении художественных памятников см. в ее позднейших воспоминаниях и в сб. «Гоголь. Материалы и исследования», I, 26—36.

А. О. Смирнова принадлежала к числу тех «великосветских» знакомых Гоголя, которые особенно содействовали развитию в нем религиозно-аскетических настроений. Она прилагала все усилия, чтобы развить в нем «благонамеренность», и часто подчеркивала свою антипатию к обличительному характеру его произведений. См. ниже письмо № 180.

[1] В это время Смирновой не было еще и 34 лет.

[2] Н и б б и и В и с к о н т и — известные итальянские археологи, авторы ряда трудов о римских древностях.

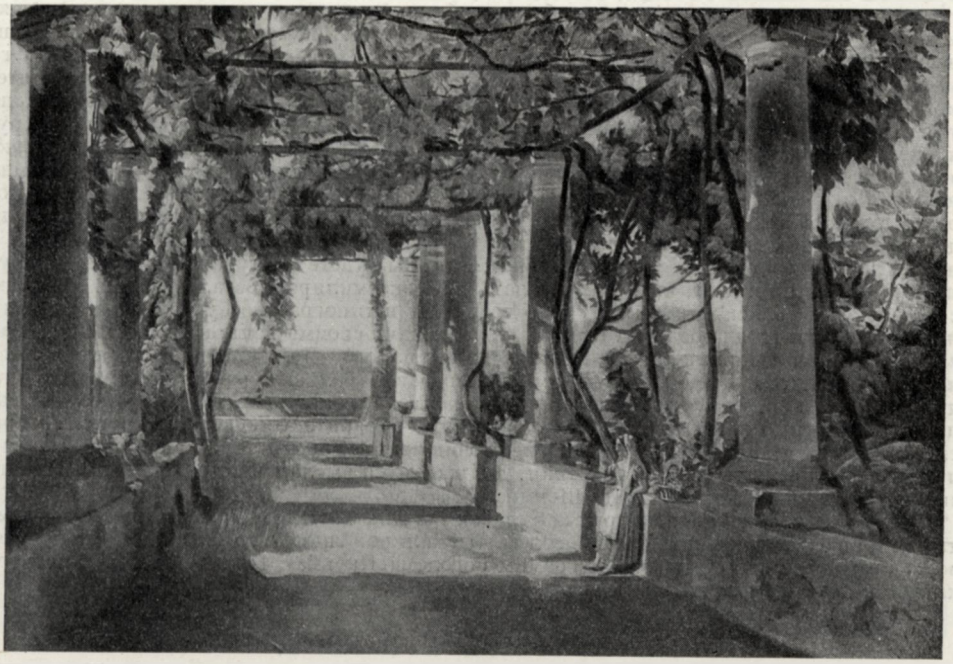
[3] 15/27 февраля 1843 г. Н. М. Языков писал родным из Рима: «В большом числе русских, находящихся теперь в Риме, красуется и г-жа Смирнова, урожденная Розет-

ти,— не та ли это, которую Алексей Степанович <Хомяков> воспевал, во время оно, под именем девы-розы? Я редко вижу Гоголя с тех пор как она здесь; он у ней всякий день до позднего вечера: кажется, юлозит вкруг нее... Гоголь кланяется вам и Свербеевым» (неизд.— ИРЛИ, 19. 4. 24.— Яз. I, 24).

98. Н. Я. ПРОКОПОВИЧ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

СПб. Января 26, 1843

...Наконец сочинения Гоголя разрешены Главным ценсурным комитетом, и я предварительно посылаю Вам 25 экземпляров с четырехдневным транспортом; за сим Вы получите с десятидневным 175 экземпляров.



ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ. ВЕРАНДА
Картина маслом М. И. Лебедева, 1830-е гг.
Художественный музей, Вильнюс

Кроме этого, с посылаемыми теперь следуют экземпляры: Вам 2 и 3-й томы (надеюсь, что Вы получили посланные мною по почте 1 и 2-й томы), Погодину, Аксакову, Хомякову и Щепкину. Сделайте одолжение, разошлите их по назначению.

Что касается до уступки книгопродавцам, то, по распоряжению Гоголя, от которого я не отступал при продаже «Мертвых душ» и не отступаю теперь, она никак не должна превышать следующих процентов: за 100 экземпляров 20%, за 50 — 15 и за 10 — 10. Получение денег не может быть откладываемо ни на какие сроки, потому что я взял эти 200 экземпляров у содержателя типографии на честное слово заплатить за них в самом скором времени <...>

Гоголю по первой почте посылаю изложение всей истории издания его сочинений и деньги, вырученные за последние экземпляры «Мертвых душ»[1].

Я виноват перед Вами — забыл в прошлом письме отвечать на вопрос Ваш[2], что статья о «Мертвых душах» в «Современнике» принадлежит

самому Петру Александровичу ⟨Плетневу⟩; не знаю, что ему вздумалось подписаться начальными буквами имени и фамилии своего старого товарища и общего нашего знакомого, живущего в Житомире [3] ⟨...⟩

Не оставьте меня уведомлением, как выполнится и как будет принята публикою в Москве «Женитьба»! Этим Вы крайне меня обяжете [4]...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Упоминаемое письмо Прокоповича к Гоголю неизвестно. Ответ Гоголя — см. «Письма», II, 284—285.

[2] Письма С. П. Шевырева к Прокоповичу неизвестны.

[3] П. А. Плетнев поместил под своей статьей инициалы давнишнего знакомого Гоголя — С. Д. Шаржинского, чтоб таким образом отвлечь от себя подозрение в авторстве.

[4] 12 марта 1843 г. Прокопович писал Шевыреву: «Я сам себе не могу растолковать причины замедления высылки 175 экземпляров сочинений Гоголя, вижу только, что тут есть плутовство, но из каких побуждений произошло оно, решительно не понимаю ⟨...⟩ Не буду оправдывать и себя за мою опрометчивую доверенность и оплошность; но войдите в мое положение и, прибавив к труженической жизни петербургского учителя хождение по необходимейшему делу в петербургском надворном суде, посудите, мог ли я не доверить весьма обыкновенного поручения человеку, которому вверено управление одною из огромнейших столичных типографий, тем более, что с этим поручением соединялся интерес самого содержателя типографии? 3-й том для Вас и два экземпляра для Павлова и Свербеевой вместе с этим высылаются; о последних Гоголь мне не писал ничего, но он мог забыть, а Вы знаете его московские связи; следовательно, он не должен быть в претензии за то, что мы поправили его ошибку. Что касается до денег, то присылайте их мне, потому что ими выплачивается долг в типографию; а насчет уступки известите меня подробнее: как Вы будете поступать, так буду поступать и я. Гоголь пишет, чтоб Вам выслать 1000 экземпляров, остальные 800 я вышлю с бессрочным транспортом, как скоро весь долг в типографию будет выплачен; если же он не уплатится продажею к сроку, то я заплачу своими деньгами. Благодарю Вас за известие о представлении „Женитьбы“ и „Игроков“. Должен признаться Вам, что я всегда полагал в московской публике гораздо большее развитие эстетического чувства, чем в петербургской; здешняя испорчена и журналами, и департаментами да и чухонскими ветрами ⟨...⟩ Расписку или сохраните у себя, или пришлите при случае мне; все документы, касающиеся сочинений Гоголя, я берегу, дабы он по приезде мог поверить все мои действия. Деньги ему я выслал и на-днях пошлю еще из своих» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

Стараясь очернить Прокоповича в глазах Гоголя, С. П. Шевырев обвинял его в том, что он не разослал назначенных Гоголем экземпляров знакомым автора. Несправедливость этого обвинения, отмеченная самим Гоголем («Письма», II, 282), особенно подчеркивается цитируемым письмом.

99. М. А. ЗЕНЗИНОВ — М. П. ПОГОДИНУ

1843 года, 30 генваря. Нерчинск

...Да! пять месяцев прошло после моего письма к Вам, и Вы, может быть, спросите меня, что же я делал в это долгое время? Я не скоро дам Вам отчет, что делал я в это время. Читал журналы, книги, прочел «Мертвые души» Гоголя, «Русскую беседу». Я не буду говорить о произведении Гоголя, а скажу только, что Гоголь — великий наш Художник-Писатель. Гоголь у нас один, и долго-долго не будет другого Гоголя. Он растет талантом видимо и перед глазами. Его перо — кисть Художника, его поэтические места «Мертвых душ» так патриотически высоки, так глубоки чувством, так прелестно очаровательны, что, божусь Вам, я немного читывал подобного на русском языке; в них одно русское, одно нам родное, одно близкое к нашему сердцу.

Но довольно! Я не буду более говорить об этом Писателе-волшебнике, об нем надо исписать не один лист, а сами знаете, что̀ я могу написать при моем решительном неуменьи выражаться? Много можно чувствовать, но как всё это выразить? Одним избранным дается дар слова, а я не Гоголь...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/12/78).

Михаил Андреевич Зензинов (1805—1873) — сибирский промышленник, писатель, корреспондент Погодина и сотрудник «Москвитянина» (псевдонимы Зензинова: «Даурси», «Даурский пастух»).

100. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Февраля $\frac{\langle 4 \rangle}{16}$ дня 1843. Рим

... К концу июня нынешнего 1843 года должен я быть в белокаменной: пятилетний срок! Да и пора уже вообще мне восвояси... довольно я потомился и истомился душою, тоскуя по своей земле, своем языке и своим

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ
Картина маслом М. И. Лебедева, 1836 г.
Местонахождение оригинала неизвестно

Нынешняя зима в Риме пренегодная — такой, дескать, и старожилы здешние не запомнят; холодно, сыро, мрачно, дожди проливные, ветры бурные ⟨...⟩

Я сижу в Риме чрезвычайно уединенно; с Гоголем, который сильно занят и сильно работает, видаюсь во время обеда в 4 ч. пополудни. После обеда вместе дремлем, вечером обыкновенно приходят к нам трое русских (в числе их известный живописец Иванов — это всё мое знакомство в Риме) [1]; часа с два болтаем, а в 9 часов расходится компания, всякий к своему шлафену *. Эта история повторяется у меня каждый день: в хорошую погоду езжу кататься и ходить за город!! Осматривать же галлереи я еще не начинал ⟨...⟩

Как обсуживает Каролина Карловна «Мертвые души»? Заодно ли с своим супругом или иначе? Гоголь ведет жизнь очень деятельную, пишет много;

* От немецкого «schlafen» — спать.

поутру, т. е. до 5 ч. пополудни, никто к нему не впускается, ни в будни, ни в праздник; это время всё посвящено у него авторству, творческому уединению, своему делу, а после обеда отдыхает у меня. Что же он сочиняет? — Не знаю...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языкова (19. 4. 24.— Яз. I. 24).

[1] Трое русских — А. А. Иванов, Ф. И. Иордан и Ф. В. Чижов. Описание этих вечеров см. в «Воспоминаниях» Ф. И. Иордана. Цит. изд., стр. 209.

В письме к матери из Рима от 23 ноября/5 декабря 1842 г. Ф. В. Чижов сообщал: «Сюда наезжает теперь множество русских, но при моих занятиях я веду жизнь самую, самую уединенную. В одном со мною доме живут двое русских: Гоголь и наш поэт Языков, с ними провожу часто вечера и еще с двумя русскими художниками» (неизд.— ЛБ. Чиж. 9/13).

101. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ 17 февраля 1843 года. Воскресенье

...Вообрази, что на-днях Ванечка рассказывал нам совершенно вроде «Шинели» сцену, происходившую в их канцелярии. Возмутительно слышать!

Я, кажется, тебе еще ничего не говорила о бенефисе Щепкина. Пьесы были играны очень неудовлетворительно для тех, кто знал их прежде и особенно кто слышал чтение их. Хотя аплодировали не так сильно, но слушали с большим вниманием, и беспрестанный смех ходил по театру, особенно во время «Женитьбы»; а всем понравились более «Игроки», хотя последняя пьеса есть только сцена, а не целая комедия, один только анекдот из жизни игроков.

Замечательно, как всех даже поразила та разность между пьесами Гоголя и какой-нибудь французской, которой перевод давали между «Женитьбой» и «Игроками». Как всё совсем другое, как сами актеры совсем уже не те, совершенно как будто игралась кукольная комедия [1].

Первый отзыв после этого бенефиса напечатан в газетах, и — что приятно,— что, во-первых, умная очень статья, хотя он и восхищается игрою актеров и хотя и ставит «Женитьбу» выше «Игроков», потому что в этих последних он находит больше завязки, но статья прекрасная, и потом статья писана неизвестно кем, только человеком, совсем не принадлежащим к этому обществу людей, уже известных своею любовью к Гоголю; стало быть, эту статью можно почти принять за общий голос, общий отзыв, и это весело [2]. Надобно отдать справедливость, что актеры делали всё возможное, чтоб исполнить хорошо свои роли, и многое было удачно. Мы сидели рядом с Павловыми и Хомяковыми. Хомяков в продолжение всей пьесы «Женитьба» так смеялся, что нам вдвойне было смешно [3]...

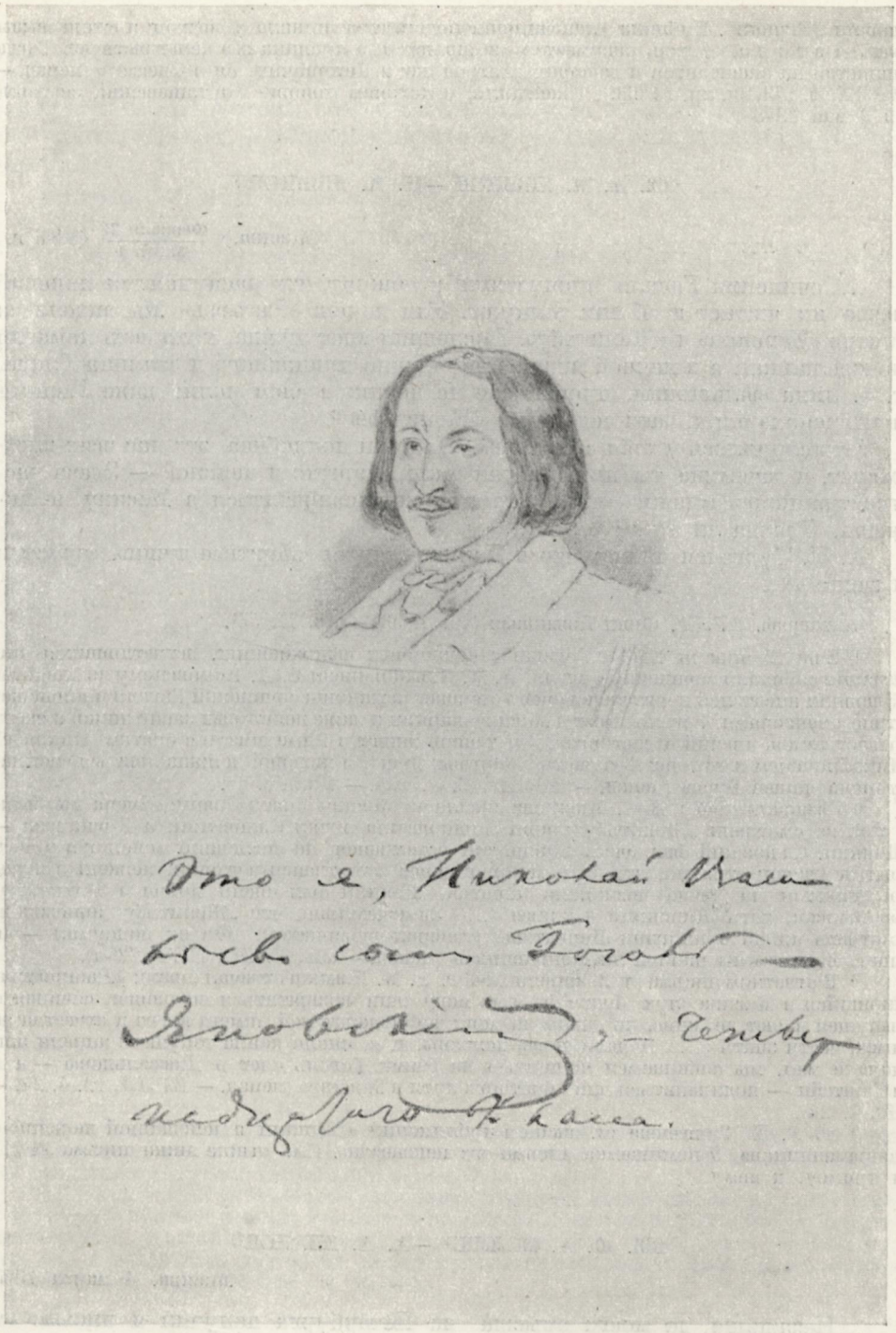
Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.613, лл. 23 об.—24 об.).

[1] Кроме пьес Гоголя, в бенефис Щепкина был поставлен переведенный с французского водевиль «Подставной и отставной».

2 февраля 1843 г. В. С. Аксакова писала Карташевской: «В пятницу бенефис Щепкина, играются и „Женитьба“ и „Игроки“; мы все едем, очень любопытно видеть это на сцене. Отесенька занимается постановкой этих пьес и теперь уехал на репетицию, только что-то сомнительно, чтоб было много ⟨публики⟩. У нас публика очень рассчетлива и, истратившись теперь на немедкие оперы, вряд ли захочет заплатить подороже из уважения к автору и к бенефицианту. Павловы, Хомяковы и наша фамилия (3 ложи Аксаковых) будем сидеть сряду» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.613, л. 56—56 об.).

[2] Статья «Бенефис Щепкина», подписанная инициалами Н. Р., была напечатана в «Московских ведомостях», 1843, № 18 от 11 февраля. Наряду с весьма высокой оценкой Гоголя, которого автор неоднократно называет «гениальным писателем», в рецензии дан хвалебный отзыв об игре большинства актеров.

[3] 9 мая 1843 г. М. Г. Карташевская писала В. С. Аксаковой: «Я вспомнила о Гоголе, о его пьесах и о том, что хотела рассказать тебе про здешнюю публику. Недавно



ГОГОЛЬ

Рисунок неизвестного художника с автографической (?) надписью Гоголя.
Вклеен в экземпляр четвертого тома «Сочинений» Гоголя, изд. 1842 г.
Литературный музей, Москва

давали „Игроки". Публика Александринского театра пришла в восторг и стала вызывать а в т о р а. Автор, разумеется, не является, а публика все неистовствует. Тогда является на сцене актер и говорит: „Автора нет в Петербурге, он в Одессе"» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.630). Спектакль, о котором говорит Карташевская, состоялся 3 мая 1843 г.

102. А. М. ЯЗЫКОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

〈Москва.〉 $\frac{\text{Февраля 24}}{\text{Марта 8}}$ 〈1843 г.〉

...Сочинения Гоголя пропустили [1]; говорят, что раскупаются хорошо; везде их читают и об них толкуют. Как хорош «Разъезд»! Мы видели на театре «Игроков» и «Женитьбу». Последняя идет лучше, хотя есть комедия недоделанная, а в первой играют порядочно приказного и старика Глова, т. е. лица фальшивые, прочие еще не вошли в свои роли; даже Щепкин в «Игроках» плох, зато недурен в «Женитьбе» [2].

Что случилось у тебя с Гоголем? Напиши подробнее, это нас всех интересует, и зачем же ты пишешь так мало, коротко и неясно? — Здесь распространилось мнение, что будто ты один возвратиться в Москву не можешь. Правда ли это? [3] 〈...〉

А. И. Тургенев пишет, что в Париже, читая «Мертвые души», «грустно и гадко!»[4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 92.— Яз. II. 53).

[1] Еще 19 января 1843 г., узнав о цензурных осложнениях, встретившихся при издании собрания сочинений Гоголя, А. М. Языков писал В. Д. Комовскому из Москвы: «Здешних писателей и читателей очень смущает остановка сочинений Гоголя и происшествие с цензорами. Гоголь имеет в Москве жарких и даже неистовых защитников и часто бывает темою прений и восторгов. Он теперь живет в Риме вместе с братом Николаем Михайловичем и готовит 2-ю часть „Мертвых душ", в которой должна явиться светлая сторона нашей Руси» (неизд.— ИРЛИ, 19. 4. 104.— Яз. IV. 1).

[2] 5 февраля 1844 г. В. С. Аксакова писала из Москвы брату Ивану: «Вчера мы были в театре, смотрели „Женитьбу"; роль Подколесина играл Садовский, а Кочкарева — Щепкин. Садовский был очень хорош, так естественен, но последний монолог и у него был неудачен; странно, что этот монолог более естественен в чтении, нежели в игре; он кажется на сцене несколько короток. Щепкин был очень хорош в Кочкареве, без фарсов, хоть Живокини и живее 〈...〉 Замечательно, что „Женитьбу" приезжали смотреть князь и княгиня Щербатовы (генерал-губернатор). Кто их надоумил — не знаю, впрочем им навряд ли понравилось» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/20-а).

[3] В ответном письме от 20 апреля 1843 г. Н. М. Языков отвечал брату: «Распространившийся в Москве слух, будто бы я не могу один возвратиться во-свояси, сочинен и выпущен в свет не мною, но одним из моих доброжелателей, имени коего и отчества не имею чести знать 〈...〉 Недели через полторы, т. е. около конца текущего апреля или начале мая, мы собираемся подняться из Рима; Гоголь едет в Дюссельдорф — а я в Гаштейн — подкрепиться для обратного пути в Москву» (неизд.— ИРЛИ, 19. 4. 24.— Яз. I. 24).

[4] Об А. И. Тургеневе см. выше в публикации «Пушкин в неизданной переписке современников». Упоминаемое письмо его неизвестно. См. также ниже письмо № 117 и примеч. к нему.

103. Ф. А. МОЛЛЕР — А. А. ИВАНОВУ

Москва. 4 марта 1843

...Незадолго до моего отъезда из Петербурга получил я письмо от Николая Васильевича от 15 февраля, а через день и другое от него [1]. Очень обрадовало и успокоило меня увидеть из этих писем, что в Вас достало сил душевных довольно твердо перенести первое известие о постигшем Вас несчастии [2]. Беседа с добрым и почтенным нашим Николаем Васильевичем, надеюсь, мало-помалу опять совершенно возвратит Вам спокойствие духа, столь необходимое для окончательного исполненья огромного труда Вашего [3] 〈...〉 Поблагодарите Гоголя за его любезное письмо,

в немногих словах заключающее столь много милого для меня и занимательных, хотя и печальных известий о переменах в Риме, а в особенности за то, что он меня не разлюбил, узнав все мои слабости. Желая добросовестно исполнить его поручение, собрать мнения, столь различные о его последних произведениях, я решился писать ему уже по возвращении в Петербург[4]...

Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2202).

[1] Эти письма Гоголя до нас не дошли.

[2] Моллер через Гоголя известил Иванова о смерти его матери (см. ниже, в настоящем томе, письмо Моллера к Гоголю по этому поводу).

ПОДКОЛЕСИН И СВАХА

Рисунок К. А. Савицкого, 1901—1902 гг.

Русский музей, Ленинград

[3] В одном из своих писем А. А. Иванов писал Гоголю: «В беседах с Вами, и только с одними Вами, дух мой не утомляется. Вы знаете, что мне сказать и что не говорить. Вы меня любите глубоко мудрым образом» («Иванов», 235).

[4] К началу 1843 г. относится следующая черновая запись письма А. А. Иванова к Моллеру: «Виноват и очень виноват я пред Вами! Как я встревожил Вас моей опрометчивостью! Николай Васильевич, прочитав письмо, приложенное к Вашему, дал мне выговор и на другой же день написал к Вам письмо, которое Вы, верно, уже читали» (неизд.— ЛБ, № 2191, л. 12 об.).

104. Н. Я. ПРОКОПОВИЧ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

Петербург. 18 марта 1843 г.

...Спустя несколько часов по отсылке письма моего к Вам, я получил Ваше письмо и обязанностью моею почитаю отвечать на него по первой почте, тем более, что в письме своем я позабыл упомянуть про объявления о сочинениях Гоголя. Эти объявления посланы мною. Их напечатал я

в числе 15 000, и они рассылаются со всеми здешними изданиями, а потому я полагал не излишним разослать их и с «Москвитянином». Послал я только 2100 экземпляров для рассылки в одни провинции, ибо обе столицы и без этого знают о выходе сочинений Гоголя ⟨...⟩

Вы пишете мне, что типография, где печатались сочинения Гоголя, наводит на Вас сомнение. Содержатель ее, кажется, человек добрый и честный, но притом и чрезвычайно ограниченный. Зато фактор его такой плут, с каким в жизни моей мне в первый раз довелось встретиться, и я узнал, что он посажен в типографию Ольхиным, успевшим совершенно овладеть бедным Жернаковым. Осторожность моя против злоупотреблений типографии простирается до того, что ни один экземпляр не вышел из нее без приложенной мною собственноручно печати.

Деньги Гоголю я выслал и полагаю, что он уже их получил, и на этой неделе пошлю еще свою тысячу рублей.

Не понимаю, на чем основываясь, он не имеет надежды ничего получить от своих сочинений: все, что выручится, за исключением расходов, то он и получит; а что это сделается не так скоро, как бы ему хотелось, то в этом виноват поздний выход сочинений, чему опять причиною замедление в высылке последней статьи и известные Вам обстоятельства.

Я совершенно согласен с мнением Вашим насчет дороговизны печатания: оно стоит 16 600 р.; в Москве, точно, обошлось бы дешевле, хотя и не вдвое; мне и другим Гоголь говорил, что издание «Мертвых душ» ему стоило 3500 р.; следовательно, 4 такие книги обошлись бы в 14 т. р., притом издание это походило бы на издание «Мертвых душ», всеми единодушно осуждаемое. Гоголь знал, что здесь и бумага и работа дороже; не я, а он сам сошелся с Жернаковым на 125 р. за лист; он сам читал и одобрил черновой контракт, заключенный мною с Жернаковым; в нем я изменил один только тот пункт, что уплата всего долга в типографию должна быть произведена не в один месяц, как предполагал Гоголь, а в два. Я могу назвать свидетелей, которые вместе с Гоголем читали этот контракт в день его отъезда у меня в доме. Насчет бумаги Гоголь сам сказал Жернакову, что он желает точно такого достоинства, как в «Русской беседе»; такая точно и была заказана Жернаковым; потрудитесь сами сличить [1].

Можно бы было двумя-тремя строками печатать поубористее, но я при начале печатания не имел в руках всего оригинала и потому не мог рассчесть, что 4-й том займет с лишком 37 листов; притом же я показывал пробный лист Плетневу, у которого в сомнительных случаях всегда просил совета, и он его одобрил.

Мог бы Гоголь упрекнуть меня в том, что я оставил цену 25 р., как он сам прежде назначал, и не пустил по 30 р., как писал впоследствии; но этому было причиною то обстоятельство, что, когда я получил от него письмо, обертка с означением на ней цены была уже отпечатана, а она стоит 280 р., и притом, кому я ни говорил об этом, все были того мнения, что такая прибавка повредит расходу книги. Я отправился к Плетневу, и он взял на себя ответственность перед Гоголем за назначение прежней цены.

Вот всё, что я почел долгом честного человека отвечать на последнее письмо Ваше ⟨...⟩

Цензурный комитет требует высылки «Мертвых душ» как книги, пропущенной здесь.

Теперь продано петербургским книгопродавцам на чистые деньги, за исключением 20%, 500; следовательно, выплачено типографии 10 000 р. ...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Жалобы Гоголя на «мерзкую бумагу» и страшную дороговизну печатания см. в «Письмах», II, 339 и 344.

28 марта 1843 г. Прокопович писал С. П. Шевыреву:

«Два письма Ваши и деньги 300 р. сер. я получил. На первое письмо не отвечал тотчас же, потому что ответ на него заключался в письмах моих, не дошедших еще до Вас, когда Вы его послали. Более 500 экземпляров сочинений Гоголя здесь не продано, я же послал ему недели полторы назад тому еще 300 р. сер. да 3500 р. асс. заплатил Жернакову, который имеет полное право требовать и всей уплаты: двухмесячный срок со дня выдачи билета на выпуск книги уже минул. Мера, принятая Вами при продаже „Мертвых душ", мне чрезвычайно нравится, и нам непременно должно поступать точно

В. В. САМОЙЛОВ В РОЛИ ШВОХНЕВА (СПЕКТАКЛЬ «ИГРОКИ», 26 АПРЕЛЯ 1843 г.)

Акварель В. В. Самойлова

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

так и в настоящем случае, а потому я Вам вышлю немедленно 800 экземпляров, как только они будут готовы у переплетчика, что сделается завтра или послезавтра. Медленный расход сочинений должен убедить Гоголя, что оставление двадцатипятирублевой цены не повредило его выгодам. Я сам прежде был уверен в быстроте расхода издания. Дело показало противное и убедило меня, что это просто была логическая ошибка: по расходу „Мертвых душ" нельзя было заключать о расходе сочинений: там покупатель за 10 р. 50 к. приобретал том совершенно нового сочинения, несколько лет ожиданного, здесь он приобретет нового тоже не более одного тома, но за 25 р. Я сам знаю людей, уважающих талант Гоголя и не купивших сочинений, потому что имеют все прежние издания его. Что ж делать? Эти добрые люди из уважения к писателю не могут

отказаться от уважения к преферансу и с своей точки зрения правы. Впрочем, хотя и не скоро, но издание это, кажется, должно разойтись все, а если бы Гоголь был так благоразумен, что приехал весною и издал 2-ю часть „Мертвых душ", то нет сомнения, что с нею увеличились бы требования и на сочинения: это так обыкновенно бывает. Цензурный комитет требует, кажется, шести экземпляров, да, впрочем, не были ли они отданы в Москве и только не пересланы сюда?» (неизд.— ГПБ, фонд С. П. Шевырева).

На подобные же рассуждения Прокоповича в не дошедшем до нас письме его к Гоголю последний отвечал своему корреспонденту: «Точно „Мертвые души" блин, который можно испечь <...> „Мертвых душ" не только не приготовлен 2-й том к печати, но даже и не написан, и раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет» («Письма», II, 306).

[2] В письме к М. Г. Карташевской от 23 марта 1843 г. В. С. Аксакова сообщала, что сочинения Гоголя «расходятся прекрасно и „Мертвых душ" уже не осталось ни одного экземпляра, так что, может быть, приступят ко второму изданию» (неизд. — ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.613, лл. 37 об. — 38).

105. А. А. ИВАНОВ — Ф. А. МОЛЛЕРУ

<Рим. Март 1843 г.>

...Спешу этим письмом застать Вас еще в Петербурге. Гоголь просит Вас приехать к нему в Дюссельдорф к первому числу июля месяца, для личного с ним свидания и разговора. Он находит это весьма нужным, и мне кажется, что свидание с ним Ваше будет для Вас весьма полезно, укрепительно и утешительно. На его ум я совершенно полагаюсь.

Гоголь отсюда едет вместе с больным Языковым в мае, в первых числах, в Гаштейн, а оттуда — один отправляется в Дюссельдорф, где пробудет довольно долго [1]...

Черновой автограф. ЛБ (№ 2191, т. I, л. 13).

[1] 6/18 апреля 1843 г. Ф. А. Моллер писал Иванову из Петербурга: «Так как Вы мне говорите в Вашем письме, что Гоголь из Гастейна едет прямо в Дюссельдорф, то, по моему расчету, он около этого время должен проезжать через Мюнхен, который находится на его дороге и где мы можем легко съехаться, без малейшей для него задержки. Я же чрез это избавлюсь от вторичного долгого и скучного путешествия в Дюссельдорф <...> Итак, если Гоголь еще в Риме, то потрудитесь упросить его не лишать меня удовольствия видеться с ним в Мюнхене, где в случае надобности я охотно бы даже обождал его. Если его уже нет в Риме, то спишитесь с ним и, получив от него ответ, потрудитесь меня немедленно же уведомить, адресуя письмо Ваше в Дрезден, пост рестант, и для верности другое в Мюнхен» (неизд.— ЛБ, № 2202).

В неизданном письме от 30 апреля 1843 г. Иванов сообщал Моллеру: «Н. В. Гоголь едет отсюда послезавтра, 2-го мая. Он просит Вас приехать к нему в Дюссельдорф к 15-му июня по европейскому стилю. Если его там не застанете, то тотчас ступайте на почту, где получите на Ваше имя письмо от него poste restante, из которого увидите, где именно находится он. Это на всякий случай Вам он сообщает, потому что, может быть, будет не в самом Дюссельдорфе, а поблизости» (ЛБ, № 2191, т. I, л. 14).

17 мая 1843 г. Гоголь писал Иванову: «К Моллеру я написал в Дрезден, назначая ему увидеться со мною в Мюнхене, если ему нет возможности быть в Дюссельдорфе» («Письма», II, 299—300).

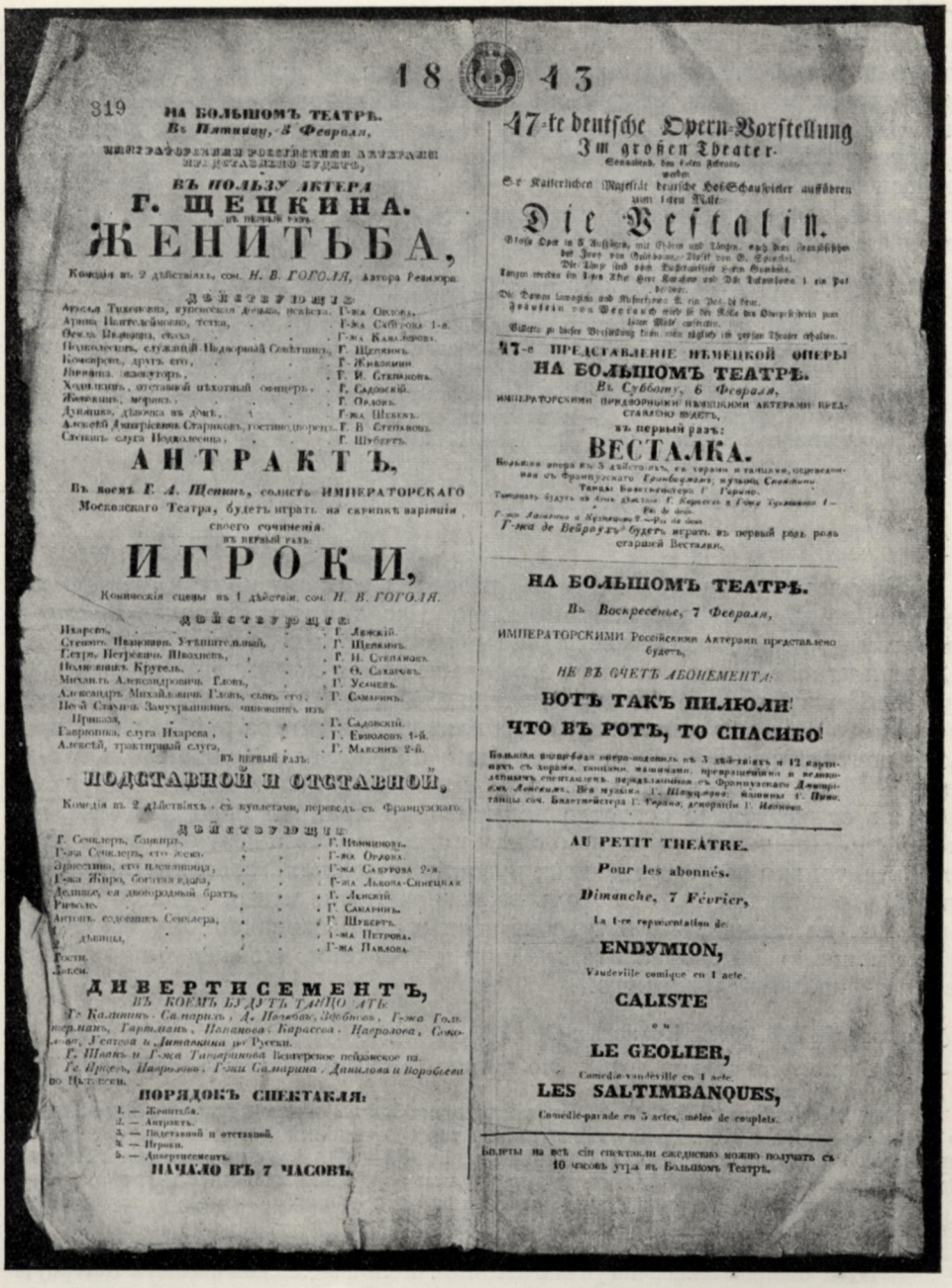
Вскоре после того, как Гоголь выехал из Рима, молодой художник И. С. Шаповалов писал Ф. А. Моллеру:

«Гоголь уехал отсюда за два дня до прибытия Вашего письма и поручил Вам сказать, чтобы Вы прибыли к 15 числу июня в Дюссельдорф и если не застанете его самого там, то получите письмо от него на имя Ваше пост рестант, из коего увидите, где он именно находится. Личное свидание с Гоголем, по мнению Иванова, и для Вас к р а й н е необходимо. Иванов бы пожертвовал всем лечением неаполитанским единственно для этого свидания. Вы весьма будете раскаиваться, если не последуете его совету» (неизд.— Черн. автограф. РМ, ф. 40, ед. хр. 40, л. 89).

106. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Мая $\frac{<6>}{18}$ дня 1843 г. Вильбад-Гаштейн

Мая 2 дня выехали мы из Рима: погода не благоприятствовала путешествию — ветреная, дождливая, холодная; мы всё-таки поспешали. Два дня отдыхали во Флоренции, потом на Болонью, Модену, Верону, Боцен



1843

319

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.
Въ Пятницу, 5 Февраля,
ИМПЕРАТОРСКИМИ РОССІЙСКИМИ АКТЕРАМИ
ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ,
ВЪ ПОЛЬЗУ АКТЕРА
Г. ЩЕПКИНА.
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:
ЖЕНИТЬБА,
Комедія въ 2 дѣйствіяхъ, соч. *Н. В. ГОГОЛЯ*, Автора Ревизора.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Агѳья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста. . Г-жа Орлова.
Арина Пантелѣймоновна, тетка, . . . Г-жа Сабурова 1-я.
Очесъ Подколесинъ, сынъ. . . . Г-жа Кавалерова.
Подколесинъ, служащій Недворный Совѣтникъ, . Г. Щепкинъ.
Кочкаревъ, другъ его, . . . Г. Живокини.
Яичница, женихъ, . . . Г. И. Стекловъ.
Жевакинъ, отставной пѣхотный офицеръ. . Г. Садовскій.
Жевакинъ, музыкантъ, . . . Г. Орловъ.
Дунька, дѣвочка въ домѣ, . . . Г-жа Шенкъ.
Алексѣй Дмитріевичъ Старковъ, гостинодворецъ. Г. В. Степановъ.
Степанъ слуга Подколесина, . . . Г. Шуберт.

АНТРАКТЪ,

Въ коемъ *Г. А. Щепкинъ*, солистъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Театра, будетъ играть на скрипкѣ варіяціи своего сочиненія.
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:
ИГРОКИ,
Комическія сцены въ 1 дѣйствіи, соч. *Н. В. ГОГОЛЯ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Ихаревъ, . . . Г. Лѣнскій.
Степанъ Ивановичъ Утешительный, . . Г. Щепкинъ.
Петръ Петровичъ Ивохинъ, . . . Г. И. Степановъ.
Полосатый Крутель, . . . Г. Ѳ. Сахаровъ.
Михаилъ Александровичъ Глазъ, . . . Г. Усачевъ.
Александръ Михайловичъ Глазъ, сынъ его. . Г. Самаринъ.
Несчастливцевъ Замухрышинскій, чиновникъ изъ Пріюта, . . . Г. Садовскій.
Гаврюшка, слуга Ихарева, . . . Г. Ивиловъ 1-й.
Алексѣй, трактирный слуга, . . . Г. Максинъ 2-й.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:
ПОДСТАВНОЙ И ОТСТАВНОЙ,
Комедія въ 2 дѣйствіяхъ, съ куплетами, переведд. съ Французскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Г. Семплеръ, банкиръ, . . . Г. Номиновъ.
Г-жа Семплеръ, его жена, . . . Г-жа Орлова.
Эрнестина, его племянница, . . . Г-жа Сабурова 2-я.
Г-жа Жиро, богатая вдова, . . . Г-жа Львова-Синецкая.
Дельмаръ, ея двоюродный братъ, . . . Г. Лѣнскій.
Риболе . . . Г. Самаринъ.
Антонъ, содержитель Семплера, . . . Г. Шуберт.
Г-жа Дюпюи, . . . Г-жа Петрова.
Гости. . . . Г-жа Павлова.
Лакеи.

ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ,
ВЪ КОЕМЪ БУДУТЪ ТАНЦОВАТЬ

Г-жа Калинина, Самаринъ, Д. Полѣевъ, Зеебахъ, Г-жа Гольтерманъ, Тартыкова, Панаева, Карасева, Наполова, Соколовъ, Ульгова и Литвинова 1-я Русскія.
Г. Шенкъ и Г-жа Татаринова Венгерское національное па.
Г-жа Ирперъ, Шапрьонъ, Г-жа Самарина, Данилова и Воробьева 1-я Цыганскія.

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ:

1. — Женитьба.
2. — Антрактъ.
3. — Подставной и отставной.
4. — Игроки.
5. — Дивертисементъ.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

47-te deutsche Opern-Vorstellung
Im großen Theater.
Genehmigt, den 6ten Februar
werden
Ihr Kaiserlichen Majestät deutsche Hof-Schauspieler aufführen
zum 1ten Male:
Die Vestalin.
Große Oper in 3 Aufzügen, mit Chören und Tänzen, nach dem französischen
der Herr von Guibaumont, Musik von G. Spontini.
Die Tänze sind von Balletmeister Herrn Gumbolt.
Tänze machen die Herr Ehe Herr Lauderer und Mlle Schmoleva 1 ein Pas
de deux.
Die Damen Lanzendo und Haberkorn 2. ein Pas de deux.
Indessen wird Herr Beck in der Rolle des Oberpriesters zum
ersten Male auftreten.
Billets zu dieser Vorstellung sind schon täglich im großen Theater erhalten.

47-е ПРЕДСТАВЛЕНІЕ НѢМЕЦКОЙ ОПЕРЫ
НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.
Въ Субботу, 6 Февраля,
ИМПЕРАТОРСКИМИ ПРИДВОРНЫМИ НѢМЕЦКИМИ АКТЕРАМИ ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ,
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:
ВЕСТАЛКА.
Большая опера въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами и танцами, переведенная съ Французскаго *Гримбомона*, музыки *Спонтини*.
Танцы будутъ по Балетмейстера *Г. Гумбольта*.
Танцовать будутъ во 2-мъ дѣйствіи *Г. Кирхнеръ* и *Г-жа Гримминеръ* 1-е Pas de deux.
Г-жа Лангеръ и *Кернеръ* 2-е Pas de deux.
Г-жа де Вебрухъ будетъ играть въ первый разъ роль старшей Весталки.

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.
Въ Воскресенье, 7 Февраля,
ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами представлено будетъ,
НЕ ВЪ СЧЕТЪ АБОНЕМЕНТА:
ВОТЪ ТАКЪ ПИЛЮЛИ!
ЧТО ВЪ РОТЪ, ТО СПАСИБО!
Большая волшебная опера-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ и 12 картинахъ съ хорами, танцами, машинами, превращеніями и великолѣпными декораціями, передѣланная съ Французскаго *Дмитріемъ Ленскимъ*. Вся музыка *Г. Шольдерера*; машины *Г. Пиво*, танцы соч. Балетмейстера *Г. Горина*; декораціи *Г. Иванова*.

AU PETIT THEATRE.
Pour les abonnés.
Dimanche, 7 Février,
La 1-re representation de
ENDYMION,
Vaudeville comique en 1 acte.
CALISTE
ou
LE GEOLIER,
Comédie-vaudeville en 1 acte.
LES SALTIMBANQUES,
Comédie-parade en 3 actes, mêlée de couplets.

Билеты на всѣ сіи спектакли ежедневно можно получать съ 10 часовъ утра въ Большомъ Театрѣ.

АФИША ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «ЖЕНИТЬБЫ» И «ИГРОКОВ» ГОГОЛЯ НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА 5 ФЕВРАЛЯ 1843 г.

Спектакль шел в бенефис М. С. Щепкина

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

Инспрук, Зальцбург — кое-как, с переночевками, отдыхами, впрочем столь кратковременными, что они нисколько не подкрепляли меня,— добрались мы, так сказать, благополучно, до Гаштейна мая 14 дня[1]— следственно, довольно скоро. Гоголь со мною еще; он торопится крайне: куда — сам не знает; просидит здесь неделю, потом в Дюссельдорф [2]. Мне кажется, что ему просто некуда деваться, и потому-то, естественно, он ко мне вяжется [3].

Мы нашли Гаштейн п о к р ы т ы м — или, точнее сказать, накрытым несносною мглою: горы еще в снегу, дует борей, и дождь идет постоянно; эта дрянь здесь уже давно, с месяц: вся весна, дескать, нынешний раз негодная — зато будет хорошо лето! Подождем...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 24.— Яз. I. 24).

[1] Этим письмом устанавливается точная дата приезда Гоголя в Гаштейн.

[2] В Дюссельдорфе в это время жил Жуковский, увидеться с которым стремился Гоголь.

[3] «Я заехал на несколько дней в Гастейн отдохнуть от дороги,— писал Гоголь С. Т. Аксакову 24 мая 1843 г.,— и отправляюсь в Дюссельдорф, где проведу часть зимы, а остальную в Голландии» («Письма», II, 304).

107. Ф. А. МОЛЛЕР — А. А. ИВАНОВУ

Дрезден $\frac{\langle 16 \rangle}{28}$ мая 1843

...Вчерась к ночи прибыл я в Дрезден и сегодня поутру отправился немедленно на почту, где получил как от Вас, так и от Николая Васильевича письмо[1] ⟨...⟩ Гоголь в своем письме назначает мне свидание в Мюнхене к 25 мая нового стиля, от чего я в совершенном недоумении, ибо сегодня уже 28. Решаюсь, однакож, немедленно ехать, хотя почти уже не надеюсь застать его там, ибо дилижанс, отправляющийся завтра в 10-м часу, пробудет почти целых 5 дней в дороге. Итак, я прибуду в Мюнхен только 3-го числа [2]. Сомневаюсь, что Гоголь будет ждать меня целую неделю; впрочем, это есть единственное средство получить, по крайней мере, известие, где его найти. Мне тем более нужно с ним видеться, что я везу ему все, что об нем было только написано во всех русских журналах, газетах и пр.[3] Удивляюсь, что в письме своем Гоголь не назначил мне место, куда он едет из Мюнхена, на случай, что я туда не поспел бы к назначенному им числу. Вы не можете себе вообразить, в каком я отчаянии, что мне должно ехать из Дрездена, не видевши его...

Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2202).

[1] См. примеч. к письму № 105. Это письмо Гоголя к Моллеру неизвестно.

[2] См ниже письмо № 108.

[3] Еще 21 октября 1842 г. Н. Я. Прокопович сообщал Гоголю о том, что он собирается отправить ему с Моллером отпечатанные тома сочинений Гоголя, а также статьи Белинского о «Мертвых душах» («Материалы», IV, 53—54). Поездка Моллера в Италию задержалась на продолжительное время. 28 мая 1843 г. Гоголь писал Прокоповичу: «С нетерпением жду Моллера, с тем, чтобы получить от него экземпляр, который ты обещал прислать мне с ним» («Письма», II, 308).

В примечании к письму Гоголя А. А. Иванову от 1 сентября 1843 г. («Письма», II, 334) В. И. Шенрок ошибочно указывает, что Гоголь с Моллером послал в Петербург книги Прокоповичу, тогда как, наоборот, книги были отправлены Прокоповичем Гоголю.

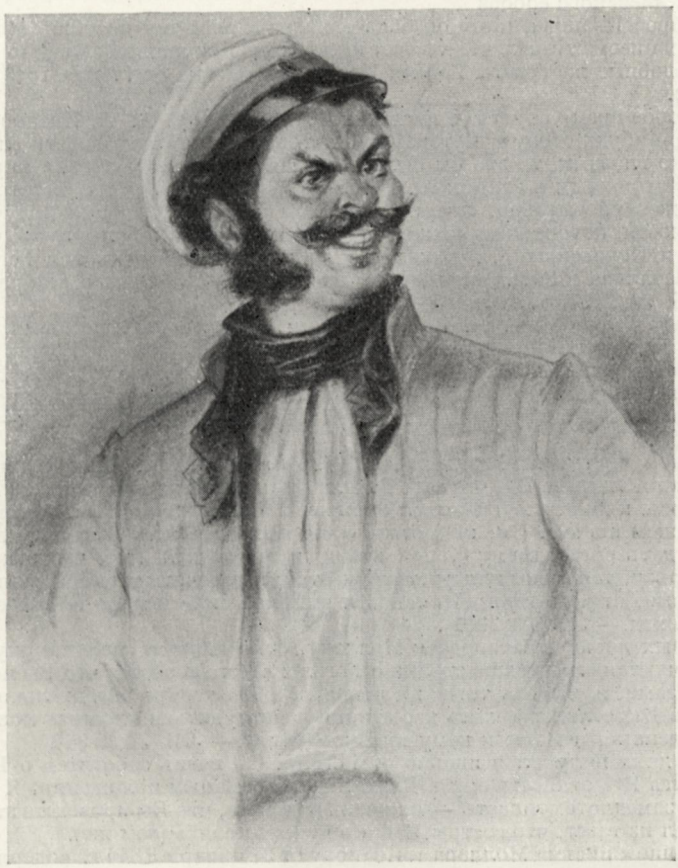
108. Ф. А. МОЛЛЕР — А. А. ИВАНОВУ

Мюнхен $\frac{\langle 23 \text{ мая} \rangle}{4 \text{ июня}}$ 1843

...Прибыв в четверг в Мюнхен, имел я удовольствие еще застать Гоголя здесь и прожить с ним до субботы, т. е. вчерашнего дня. Вследствие первого консилиума, который мы имели насчет Вашего дела [1], я написал

уже предлинное письмо в Петербург, в котором я снова обратился к той особе, которой Вы обязаны Вашим содержанием, назначенным Вам в нынешнюю зиму [2].

Окончивши уже совсем письмо и прочитывая его, я заметил несообразность его, ибо покамест от Кривцова или даже от Вас самих не поступит извещение о Вашей болезни, о невозможности ехать и принять работу в Исаакии, весьма естественно не может и воспоследовать никакого решения по этому делу от высшего начальства. Почему, обдумав еще раз



НОЗДРЕВ

Пастель П. М. Боклевского. 1870—1880-е гг.

Исторический музей, Москва

наш предмет и посоветовавшись с Гоголем, положили мы, что Вам непременно нужно начать действие самим и объявить Кривцову, что глаза Ваши в таком положении, что Вам и думать нельзя о путешествии в Россию и принятии заказов в Исаакии; они, напротив, требуют самого строгого, внимательного и долговременного лечения; что Вам вовсе не хочется потерять глаза, что при столь далеком и трудном путешествии весьма легко может случиться, ибо и теперь, при малейшем усилии или даже душевном беспокойстве, они немедленно сильно воспаляются, несмотря на строгую диэту, которую Вы наблюдаете [3] <...> Само собою разумеется, что по прошествии полугода работы в Исаакии будут розданы, и Вас уже не будут более беспокоить <...> Николай Васильевич поручил только сказать Вам, чтобы Вы, главное, не тревожились бы напрасно, работали бы понемногу,

если глаза Ваши Вам это дозволяют[4], а в отношении к Кривцову велел держаться всегда совершенно одинаково п а с с и в н о, повторяя ему всегда то же самое, т. е., что глаза Ваши все еще очень больны и что Вам прежде совершенного излечения и думать нельзя об обратном путешествии в Россию и что Вы в отчаянии, что не можете участвовать в исаакиевских работах[5]...

Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2202).

[1] Моллер имеет здесь в виду попытку Иванова избежать участия в работах по росписи Исаакиевского собора.

[2] На запрос Иванова, кому он обязан назначением ему пособия, Моллер в одном из следующих писем отвечал, что назовет имя только при личном свидании (ЛБ, № 2202).

[3] См. подобные же советы Гоголя Иванову в письме от 17 мая 1843 г. («Письма», II, 297—299).

[4] Некоторое время спустя, в письме к Ф. В. Чижову, А. А. Иванов писал: «Если знаете какую-нибудь особу в Петербурге, которая бы могла разнести слух там, что я очень страдаю глазами, то это бы была большая для меня услуга. Смирнова об этом писала к своим родным и знакомым. Гоголь тоже напишет.— Ах, кстати, он ведь мне написал дружеский выговор: зачем я слишком взволновался при получении последней неприятности, которая ему кажется совсем неважною, а более за то, что беспокоил Жуковского и Перовского <...> Амалия умерла с неделю, я просил Гоголя прислать немедленно Моллера в Рим. Теперь уж можно. Он найдет здесь с кем разделить горе» (неизд.— ЛБ, № 2191, т. I, л. 15—15 об.).

[5] Отвечая Моллеру, А. А. Иванов писал: «Немало изумляюсь, что Вы ни слова не говорите, чем у Вас кончился разговор с Гоголем насчет Ваших дел в Риме? Ведь это весьма важно. Зная Гоголя, я не сомневаюсь, что он с Вами об этом обстоятельстве говорил. Но так как Вы все-таки ничего мне не сказываете, то я продолжаю действовать так, как будто Вы с Гоголем совсем не видались» (неизд.— ЛБ, № 2191, т. I, л. 15 об.).

В ответном письме из Мюнхена от 10/22 июня 1843 г. Моллер писал Иванову: «Напрасно полагаете Вы, что мы с Гоголем не говорили о моем деле в Риме; хотя он мне, признаюсь, и ничего не сказывал о плане к свиданию с Вами, который Вы предлагаете в Вашем письме. Он, напротив, советовал мне сколь возможно долее не ехать в Рим, чтоб дать время всему успокоиться, и предвещал мне, что эти люди непременно воспользуются моим присутствием и станут рассчитывать на меня и тревожить меня просьбами, от чего их ни Кривцов и никакая сила в мире не в состоянии будет удержать» (неизд.— ЛБ, № 2202).

В черновых письмах Иванова к Моллеру, относящихся, повидимому, к сентябрю 1843 г., встречаются следующие строки о Гоголе: «Жалею очень, что Вы не хотите отвечать Гоголю сами, я уже ему тогда же отписал, а Вас теперь убедительно прошу написать к нему в Дюссельдорф хоть две строки и потрудиться вложить мои приписочки, здесь приложенные, в Ваше к нему письмо» (неизд.— ЛБ, № 2194).

«На сих днях получил я письмо от Гоголя. Он очень заботится о Вас и просил, чтобы склонить Вас отписать ему в Дюссельдорф о Вашем положении. Я надеюсь, что Вы к нему не замедлите отписать — он очень радуется, что Вы проведете эту зиму с родными: он знал из газет, что сестры Ваши в чужих краях» (там же).

В неизданном письме Моллера к Иванову от 27 января 1844 г. содержится отклик на полученное им, но не сохранившееся письмо Гоголя (ЛБ, № 2202).

109. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

<Петербург.> 23 мая <1843 г.>

...От Коли[1] получаем мы тетради писем. В последнем сообщает он нам очень странные подробности о Гоголе. Он был в самом Миргороде. Там нашелся какой-то человек, смотритель или городничий, не помню, который вздумал клеветать на Гоголя, и самым глупым и странным образом. Он уверяет, например, что Гоголь сам не сочинитель, что всё, что он издает под своим именем,— краденое. Что это сочинения дяди его, что и второй и все томы «Мертвых душ» давно написаны и что он должен их выкупить в Риме у дяди или у наследников дяди и для того и поехал в Италию. Как тебе это нравится, моя милая Верочка? Какой хитрый вымысел! Не готовит ли этот господин издать повесть на лица под этим содержанием?

Как обрадуются ей гг. Сенковские и тому подобные. Я никогда не могла бы представить себе, что Гоголь имеет неприятелей в этом простом сословии своих соотечественников [2].

Коля не мог написать всего, что он слышал, но этот смотритель до того наговорил ему, что, кажется, совершенно преклонил его на свою сторону [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.630, лл. 61—62).

[1] Николай Григорьевич К а р т а ш е в с к и й — брат Марии Григорьевны.

[2] Публикуемое письмо ярко характеризует отношение к Гоголю со стороны реальных прототипов его героев—городничих, почтмейстеров и других чиновников, пытавшихся мстить ему дикими измышлениями, а также вымещать на матери великого писателя свою ненависть к нему. См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 29 октября 1845 г. («Письма», III, 109).

31 мая 1843 г. В. С. Аксакова писала Карташевской: «Всё, что ты пишешь о том, что Коля нашел в Миргороде, меня нисколько не удивило, прежде нежели я прочла в твоем письме, что говорил этот смотритель, я уже знала, что он будет говорить дурно <...> В Миргороде, разумеется, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что и „Мертвые души" написаны на них же; всегда выдумывают на него всевозможные сказки, так что бедную мать часто мучат. Она сама нам рассказывала <...> Вообрази, что один раз один из них имел прежде дело с отцом Гоголя и потом все метил матери, и как же он метил: она как-то долго не получала писем от сына из чужих краев; этот господин написал к ней письмо, где объявляет ей, что сын ее сошел с ума или что-то такое, не помню, но хорошо, что письмо это она прочла, когда уже получила письмо от сына <...> На-днях получили письмо от Гоголя; он едет в Дюссельдорф, и там и в Голландии проводит зиму; состояние духа его всё то же, так же свежо и высоко» (неизд.—ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.613, лл. 79—81 об.).

[3] В одном из следующих писем (от 7 июня 1843 г.) М. Г. Карташевская писала В. С. Аксаковой: «Коля <...> очень удивился, когда увидал, что я поняла из его письма, что он разделяет глупые мнения миргородцев. Напротив, он говорит, что часто приходилось ему спорить там за Гоголя и что ты его, большого почитателя Гоголя, не должна была подозревать способным поверить таким бредням» (неизд. — ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.630, л. 67—67 об.).

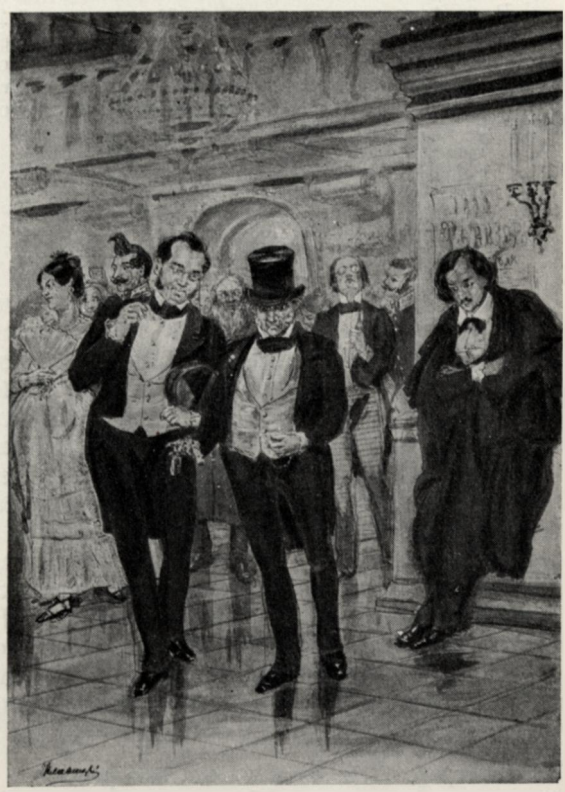


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ТЕАТРАЛЬНОМУ РАЗЪЕЗДУ ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ» ГОГОЛЯ

Рисунок К. А. Савицкого, 1901 — 1902 гг.

Литературный музей, Москва

110. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ и П. М. БЕСТУЖЕВОЙ

<Мая 26>
Июня 7 дня 1843 г. Гаштейн

...Гоголь, назад тому две недели, уехал в Дюссельдорф. Попова[1] он видел в Мюнхене. Слух, будто бы Гоголь читал в Риме великой княгине вторую часть «Мертвых душ», несправедлив — тем паче, что эта вторая часть еще не написана. И он не представлялся великой княгине, так же, как и я,— вероятно потому, что у него нет и фрака, так же, как у меня! Не всякому слуху веруйте и проч.[2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 24.— Яз. I. 24).

[1] Александр Николаевич Попов (1820—1877) — молодой историк, славянофил. «Это был человек с большими способностями, преимущественно на словах,— писал о нем С. М. Соловьев,— бойкий, смелый, иногда дерзкий говорун, мало способный к труду; отсюда, блестящий на словах, он оказывался весьма слабым на деле: слушая его, всякий должен был сказать: „Какие блестящие способности у этого человека!" А прочтя его статью, всякий должен был пожать плечами» («Записки», цит. изд., стр. 103).

О встрече своей с Поповым, «московским кандидатом, слушавшим в Берлине лекции, приятелем Авдотьи Петровны и всех Елагиных», сообщил Языкову сам Гоголь в письме от 23 мая 1843 г. («Письма», II, 310). Именно А. Н. Попов рассказал Гоголю подробности о М. А. Бакунине, подвергшемся репрессиям со стороны прусского правительства и переехавшем в Цюрих.

[2] Этим письмом Н. М. Языков отвечал на запрос своего брата, писавшего ему из Москвы 5 мая 1843 г.: «Здесь даже был слух из Петербурга, что ты познакомился с Вельгурским и даже обратил на себя милостивое внимание вел. княгини (помнится, представлялся ей). Гоголь будто читал ей 2-й том „Мертвых душ", где прекрасно расписаны Москва и Петербург» (неизд.— 19. 4. 92.—Яз. II. 53).

25 июля Н. М. Языков писал брату: «Гоголь еще неизвестно куда пустится из Эмса. Теперь он собирает все критики, писанные на „Мертвые души", чтоб все их сообразить и по ним переделать „Мертвые души": он, дескать, затем и выдал первую часть, не написавши остальных, чтоб воспользоваться суждениями литераторов и все переправить!!! Кумушка, мне странно это!...» (неизд.— ИРЛИ, 19. 2. 24.— Яз. I. 24).

В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской 27 июня 1843 г.: «Недавно от Гоголя получено еще письмо, он теперь в Дюссельдорфе. Панов, недавно возвратившийся из-за границы, рассказывал много замечательного про Гоголя, с которым они жили вместе в Италии. Панов был очень удивлен, услыхавши за границей, что Гоголь опять уехал из России; с ним он не видался против того» (неизд. — ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.613).

111. Н. Я. ПРОКОПОВИЧ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

Петербург. Август 22 <1843 г.>

...Деньги 1000 р. ассигнациями, вырученные Вами за сочинения Гоголя, я получил, не отвечал же Вам до сих пор по той причине, что желал вместе с ответом послать и сколько-нибудь экземпляров, а этого-то и не мог сделать. Жернаков сдал мне только некоторое количество экземпляров, да и те испорчены в переплете. Обещания Жернакова с недели на неделю и со дня на день выставить мне всё издание и исправить ошибку переплетчика заставляли меня медлить ответом Вам. Теперь я вижу, что дело должно кончиться не другим чем, как подачею от меня прошения обер-полициймейстеру, что я на сих днях сделаю непременно. Теперь я высылаю Вам 67 экземпляров; решите сами, пускать ли их в продажу, или нет: переплетчик в большей части экземпляров не вставил перепечатанную страницу в III томе, именно 255, а в IV — 217, 289 и 399. Первая из них перепечатана по моей ошибке, а три последние по желанию Гоголя [1].

После 500 экземпляров, проданных здесь, ко мне требований не поступало, несмотря на то, что я принял одинаковые меры с Вами насчет уступки...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

МАСТЕРСКАЯ А. А. ИВАНОВА В РИМЕ
Акварель А. А. Иванова, 1840-е гг.
Третьяковская галлерея, Москва

[1] Речь идет о исправлениях, внесенных Гоголем в уже отпечатанные листы и вызвавших перепечатку отдельных страниц (см. «Письма», II, 217 и 235—236).

20 февраля 1844 г. Н. Я. Прокопович писал Шевыреву: «Заставив Жернакова совершенно исправить издание сочинений Гоголя, т. е. перепечатать те страницы, которые должен он был перепечатать прежде, я почти все остающиеся экземпляры, числом 903, послал Вам. Такое количество в маленькой квартире моей поместить мне негде, а в другом месте опасаюсь; притом же здесь издание расходится весьма медленно, а Москва и вообще Русь умеет лучше ценить дарование Гоголя, так что здешние книгопродавцы берут у меня книги только для иногородных требователей. От Гоголя с самой осени не имею никакого известия и не знаю, куда теперь писать ему. Неужели он всё еще в Дюссельдорфе? Известите, сделайте одолжение, если Вы знаете его местопребывание ⟨...⟩ В одном из коробов, кажется № 1, по ошибке укладчика положено лишних 10 экземпляров 2-й части; эти книги перешлите обратно, но таким образом, чтобы деньги за провоз заплачены были мною, потому что это моя оплошность, и Гоголь за нее платить не обязан» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

112. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ 2 октября 1843

...На-днях была ⟨А. П.⟩ Елагина и привозила мне показывать старинные гравюры фресков Микельанджело. Это необыкновенно хорошо; как чудно легки и свободны все эти положения, которые он разнообразит донельзя и точно играет ими, и как необыкновенно естественны и свободны они, несмотря на то, что ты не встретишь их почти нигде в картинах. Эти гравюры привез с собой Языков, и Авдотья Петровна взяла их у него и привозила мне их показывать ⟨...⟩ Это, говорят, нашел Гоголь и указал Языкову [1], а теперь он не в Риме...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.613, лл. 134 об.—135).

[1] В переписке Гоголя упоминаний об этих гравюрах нет.

113. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

7 февраля ⟨1844 г.⟩ Понедельник. Вечер

...От Гоголя писем не имеем. Воротился ⟨Д. А.⟩ Валуев [1] и подтвердил ходившие слухи, что Гоголь проводит бóльшую часть времени у Смирновой. Жуковский говорил Валуеву, что Гоголь изучает в ней петербургских дам, нужных ему во 2-м томе «Мертвых душ», но это просто шутка [2]... Надежда Николаевна ⟨Шереметева⟩ сокрушается нашими известиями о Гоголе...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/22-б).

[1] Молодой историк Д. А. Валуев в начале 1844 г. возвратился из-за границы, где виделся с Гоголем (см. «Письма», II, 332).

[2] О. С. Аксакова также сообщала сыну Ивану 8 февраля 1844 г.: «Вчера была у нас Лизавета Павловна и Валуев, который как-то сделался умереннее во всём. Говорит, что Гоголь ездит за Смирновой, что он в ее лице изучает женщин петербургских для „Мертвых душ“» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/7-б). Ср. в письме А. О. Смирновой к Гоголю от 7 октября 1844 г.: «На-днях мне сказал Самарин, что Вы меня любить не можете, что я Вашей дружбы недостойна ⟨...⟩, что Вы меня изучаете только, что я для Вас предмет наблюдений, потому что Вы артист» («Русская старина», 1888, № 7, стр. 61).

114. И. Е. БЕЦКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

⟨Февраль 1844 г.⟩ 3 часа ночи. СПб.

...К «Молодику» будут приложены уже заказанные вещи: вид Ахтырского монастыря, портрет Гоголя (великолепный) [1] ⟨...⟩ и, наконец, две

РИМСКАЯ КАМПАНЬЯ
Картина маслом А. А. Иванова, 1830-е гг.
Русский музей, Ленинград

группы малороссиянок. Кажется, это такая роскошь, что если после всего этого наша публика покупать не будет, так останется сказать ей:

Если король комедии не полюбит,
Так, видно, он комедию не любит [2].

Всё это будет издано в пользу приюта [3]...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/4/47).

[1] К альманаху Бецкого «Молодик на 1844 г.» (пензурное разрешение 22 марта 1844 г.) был приложен литографированный портрет Гоголя работы художника Мазера (см. его воспроизведение в настоящем томе). В рецензии на этот альманах анонимный рецензент «Лит. газеты» отметил, что «портрет Гоголя, нисколько не похожий и очень дурно сделанный, что̀ очень жаль, потому что до сей поры мы не имеем порядочного портрета Гоголя» («Лит. газета», № 17 от 4 мая 1844 г.).

Гоголь был возмущен тем, что Бецкий самовольно опубликовал его портрет («Письма», II, 480, 498, 506. См. там же упоминание о посещении Бецким Гоголя во Франкфурте в октябре 1844 г.).

Поэт Н. Ф. Щербина, приятель Бецкого, писал В. М. Лазаревскому 30 мая 1845 г.: «Бецкий объездил бо́льшую половину Европы, прожил несколько месяцев в Париже, теперь отправился в Лондон 〈...〉 Он осмотрел там достопримечательности, был у Гоголя, у Жуковского, у вдовы Жан-Поля, пишет „Путевые записки“» (неизд.— ЦГЛА, ф. 277, ед. хр. 190, л. 5).

[2] Искаженная цитата из «Гамлета» Шекспира (перевод Н. А. Полевого).

[3] Еще до выхода в свет «Молодика» М. П. Погодин самовольно приложил к одиннадцатой книжке «Москвитянина» за 1843 г. литографию П. Зенькова с портрета Гоголя (работы А. А. Иванова). «Большего оскорбления мне нельзя было придумать,—возмущенно писал по этому поводу Гоголь. — Помещенье моего портрета именно в таком виде 〈...〉 увеличило еще более неприятность» («Письма», II, 498, 553). Как известно, на портрете Иванова Гоголь изображен в домашнем халате.

В. С. Аксакова писала по этому поводу М. Г. Карташевской 4 декабря 1843 г.: «Гоголь ужасно обезображен в „Москвитянине“, но, кроме того, приложение его портрета совершено против его воли» (неизд.—ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.613, л. 164).

115. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

〈Москва.〉 Вторник, 25 апреля 1844

...Гоголь именно говорил об Фильдинге [1] брату, но, кажется, это не совсем чтение для женщин, по крайней мере не всё! Недавно на одном обеде пили с восторгом здоровье Гоголя. Это именно на обеде, который давали Грановскому в день окончания его курса человек двадцать его знакомых [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.614, л. 49 об.).

[1] Отзыв Гоголя об английском романисте Генри Фильдинге (1707—1754) как о писателе, «отразившем природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была»,—встречается в первоначальных вариантах «Мертвых душ» (Соч., изд. X, т. VII, СПб., 1896, стр. 140).

[2] С. Т. Аксаков, по просьбе сына, И. С. Аксакова, в письме от 25 апреля 1844 г. подробно описал последнюю лекцию Т. Н. Грановского и торжественный обед в его честь. «Я в жизнь мою не видал полнее торжества. Все слушатели были проникнуты восторгом 〈...〉 Всего горячее, дружнее было принято здоровье Гоголя,— сообщал С. Т. Аксаков.— Я думал, что взлетит потолок залы» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/22-б).

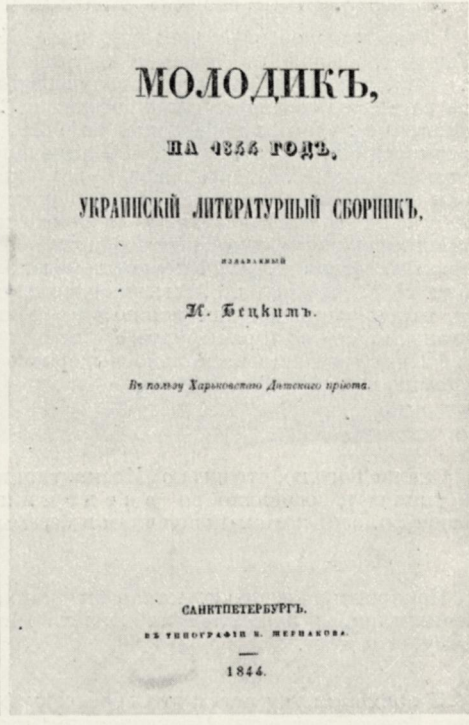
116. А. А. ИВАНОВ — А. Н. ПОПОВУ

〈Неаполь. Июль 1844 г.〉 [1]

...Покажите брату Москву, дайте юности его почувствовать народность в ее памятниках. Авось труд Ваш не пропадет, и со временем архитектор выстроит нам что-нибудь в духе русских.

Да, нам суждено в разные лета видеть представительную столицу России. Не знаю, как лучше [решим после]: видеть ли ее юноше в ранних летах, где молодое воображение, поэзия представляет безотчетно тысячи идей, попирающих одну другой, или уже в зрелых летах, испытав и поверив опытом всё прекрасное в Европе, положительно определить, что принадлежит к красотам нашим собственно русским.

Эти два вопроса часто были предметом спора моего с Гоголем. Мы их решим лет чрез десять опытами [2]...


МОЛОДИКЪ,

НА 1844 ГОДЪ,

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый

М. Бецкимъ.

Въ пользу Харьковскаго Детскаго пріюта.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи К. Жернакова.

1844.

СБОРНИК «МОЛОДИК» НА 1844 г. С ПОРТРЕТОМ ГОГОЛЯ
Литография с рисунка К. Мазера 1840 г.

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2194, т. VI, л. 70).

[1] Летом 1844 г. младший брат А. А. Иванова, молодой архитектор Сергей Андреевич Иванов (1822—1877), приехал в Москву.

В письме к отцу от июля 1844 г. А. А. Иванов сообщал, что он обратился с письмом к А. Н. Попову, прося его познакомить брата с «цветом нашей представительной столицы Москвы» («Иванов», 166).

Повидимому, публикуемый отрывок является черновой записью этого, не дошедшего до нас письма А. А. Иванова.

[2] В письме к Н. М. Языкову, относящемся к этому же времени, А. А. Иванов писал:

«Удивляюсь я Гоголю, не пишет ко мне да и только; не хочет ли он меня внезапно встретить в Риме? Если узнаете что-нибудь об нем, прошу Вас сообщить мне» (неизд.— ИРЛИ, Яз. 19. 4. 55. — Яз. I. 24).

1/13 мая 1845 г. он писал ему же: «О Гоголе ни слуху, ни духу. В ноябре послал я к нему три письма, ни на одно нет ответа. Говорят, что он в Италии, но я этому не верю. Он бы написал» (неизд.— там же).

Отметим здесь также запись в черновой книге А. А. Иванова, повидимому относящуюся к лету 1844 г.: «Я сегодня очень, очень скучен... Вспоминаю последнее письмо Гоголя и силюсь встать на новую, им указанную мне ступень» (неизд.— ЛБ, № 2194, т. VI, л. 61).

117. А. И. ТУРГЕНЕВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Париж, 1845 $\frac{\langle 26 \text{ января} \rangle}{7 \text{ февраля}}$

...Я сообщил твое письмецо и ⟨Л. К.⟩ Вельгурской, которая была нездорова ⟨...⟩ Гоголь ее ежедневно навещает, я — когда в силах. Третьего дня прочел я там послание Языкова «К не нашим»[1] и так выбранился на фанатизм наших патриотов, что ввечеру сильнее болел. Пришли мне эти стихи, если имеешь. Гоголь не дает, хотя и не совсем одобряет их[2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Тургеневых (№ 309, ед. хр. 4713).

[1] Речь идет об известном пасквиле Н. М. Языкова на Чаадаева, Грановского и Герцена, названном Герценом «полицейской нагайкой» (Полн. собр. соч., т. XII, Пг., 1919, стр. 152). Этот стихотворный донос послужил поводом для окончательного разрыва Герцена со славянофилами. 28 февраля 1845 г. Тургенев снова писал Жуковскому: «Гоголь перескажет тебе всё, что Вяземский писал ко мне ⟨...⟩ Гоголя я редко видал. Попеняй ему. О Мицкевиче он перескажет. Книга его любопытна, не только лекции. Вторая часть будет о религии и политике ⟨...⟩ Возьми у Гоголя стихи Языкова и перешли мне. Я уже писал о них в Москву ⟨...⟩ Не знаю, увижу ли Гоголя. Посылаю к нему это письмо и сбираюсь сам ввечеру к нему, навряд ли застану». И в следующем письме от 13/25 марта 1845 г.: «Стихи Языкова — символ их ⟨славянофилов⟩: что же ты не пришлешь мне их? Может быть я сужу о них хуже, чем должно, выслушав только один раз. Пожми руку у Гоголя и скажи ему, чтобы вырвался как можно скорее из объятий р о д и к и й с к о й ц е р к в и. Застану ли его во Франкфурте?»

[2] Приводим еще несколько выдержек из писем А. И. Тургенева к Жуковскому с упоминаниями о Гоголе:

«Париж. 1844. $\frac{\langle 30 \text{ сентября} \rangle}{12 \text{ октября}}$

Скажи Гоголю, что читаю „Москвитянина“ три №№ сего года. Б о ж о к Шевырев все умничает, особливо во в в е д е н и и к истории русской словесности, часто смешон философским важничанием и бессмыслицею, но есть и дельное в фактах».

«Париж. 1844. Октября 12/24

Поклонись Гоголю и заставь его написать ко мне грамотку: я прочел 3 №№ „Москвитянина“ и бесился на педанта Шевырева: опять захвастал. Я уже отвечал не ему, а о нем».

«2/14 генваря 1845

Я получил кучу писем от Сверб⟨еевых⟩ и от Киреев⟨ских⟩. Просят, чтобы я уговорил Гоголя доставить „Москвитянину“ что-нибудь пера его. Упроси ты, а если и мое слово не лишнее, то и я прошу».

«Париж. 1845. 8/20 января

...Где ты и как ты в это время? Л е ж и ш ь ли, как слышу от Гоголя, или уже поправляешься? Гоголь расскажет тебе, что слышал о системе его учения от Циркура.

В ту минуту как я послал к тебе последнее письмо, Вельгурская уведомила, что Гоголь здесь, и я видел же здесь его и о вас расспрашивал, а 3-го дня и гр. Вельгурской и ему сообщил о н о в о м. Он проживет здесь с месяц, как уверяет ⟨...⟩ Письмо твое со стихами для Киреевского он получил.

Гоголь уверяет, что эти новые, как и стихи „Одиссеи“, лучше всех твоих прежних, полнее, зрелее, простее, прекраснее...»

«Париж, 1845, $\frac{\langle 24 \text{ апреля} \rangle}{6 \text{ мая}}$

...Что и где Гоголь? ⟨...⟩ Привезу тебе прочесть небольшое письмо Чаадаева к Циркуру — прочтешь вместе с Гоголем» (неизд.— ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4713).

118. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ Четверг, 8 марта ⟨1845 г.⟩

...Удивительно, как Диккенс много имеет сходства с Гоголем! Я не говорю тут об том высоком, обширном значении Гоголя, которого, кажется, не достигает Диккенс, как он ни хорош, но в способе выражения, в обороте

АЛЬБОМ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ГОГОЛЮ

Был подарен Гоголю его русскими знакомыми в 1844 г. в Ницце; впоследствии Гоголь подарил его жене В. А. Жуковского

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

фраз, в приемах, в этих малозначащих, повидимому, подробностях столько сходства, что, право, иногда кажется, как будто бы это перевод из Гоголя, а между тем эти люди не могут даже читать друг друга в оригинале! — Если б переводить Гоголя, то, конечно, только языком Диккенса можно его передать; Диккенс же в переводе, особенно в некоторых местах, требует совершенно гоголевских выражений [1].

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.615, л. 28 об.).

[1] См. аналогичное высказывание Ф. В. Чижова в публикуемых ниже записях из его дневника.

119. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

⟨Кобрино.⟩ 20 августа 1845 г.

...Я получаю «Illustration». Пробегая один из прошедших номеров, я с удивлением вижу заглавие: «De la littérature russe contemporaine»*. Тут делается разбор Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Эта статья мне очень нравится, и меня очень интригует знать, кто мог написать ее. Француз — это невозможно. Самый характер статьи, ее тон, ее направление — не французские. И потом тут такое глубокое знание наших поэтов, какое мудрено предположить в иностранце, и такая тонкая им оценка, какой мало мы имеем и у нас. Гоголя ставит он выше всех. Говорит о его даре творчества, о том спокойном состоянии художника, который передает жизнь со всеми ее хорошими и дурными случайностями, не негодуя и не восторгаясь. Эта мысль одна уже не французская. Говорится еще, что переводятся повести Гоголя на французский язык и что огромный талант автора ручается за прием публики даже иностранной. Однако, мне кажется, что Гоголь непереводим и они не будут иметь Гоголя в переводе. Оценка Пушкина, кажется, тоже очень верна [1]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.639, л. 82 об.).

[1] Имеется в виду большая анонимная статья: «О русской литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь» в № 125 парижского журнала «Illustration» от 19 июля 1845 г. Статья эта предшествовала появившимся несколько позднее на страницах того же журнала повестям Гоголя «Старосветские помещики» и «Записки сумасшедшего» в переводе Луи Виардо и ставила своей задачей подготовить читателя к верному пониманию Гоголя и его значения в русской литературе. Как известно, фактическим переводчиком этих повестей на французский язык был И. С. Тургенев. Виардо, по его собственному признанию, совершенно не знал русского языка. Статья, помещенная в «Illustration», свидетельствует о хорошем знании истории русской литературы и редкой осведомленности в современных литературных явлениях. Высказанные в ней суждения о главнейших представителях русской литературы — совсем «не французские», как верно отметила М. Г. Карташевская. По нашему предположению, основывающемуся на анализе содержания статьи и ряде других признаков, автором ее был И. С. Тургенев, близко связанный с семьей Виардо. Виардо же в это время сотрудничал в «Illustration». Приводим перевод той части статьи, в которой речь идет о Гоголе:

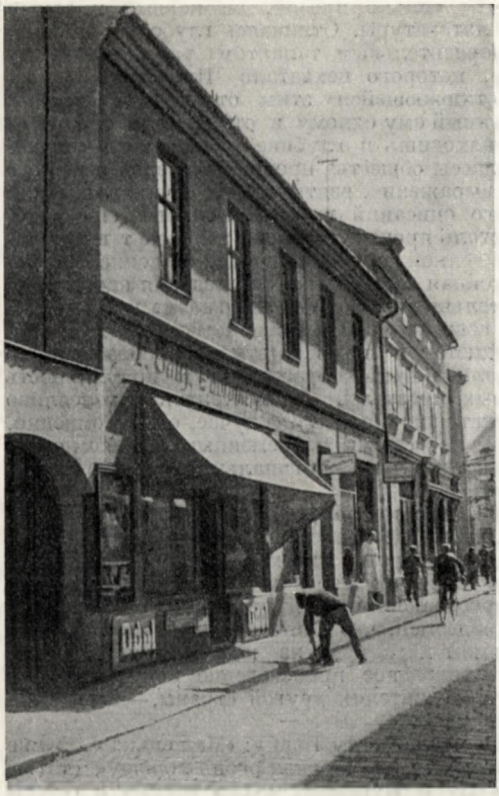
«В этот момент тревоги и волнения появился талант юный, могучий, многообещающий, на котором сосредоточилось общее внимание. Это был Николай Гоголь. Родившись в Малороссии (около 1808 г.), он провел свое детство в обширных степях Украины, среди населения, совершенно не соприкасавшегося с европейской жизнью ⟨...⟩ В своих „Вечерах на хуторе близ Диканьки“ Гоголь целиком воссоздал Малороссию. Успех этой книги был огромен. Все восхищались мощью и естественностью ее колорита, ее богатым, вдохновенным комизмом, тонкой наблюдательностью и простосердечной оригинальностью. Гоголь никому не подражал: недостатки и качества — всё принадлежало ему самому, всё в нем было его собственностью. Он приехал в Россию, обосновался там и выпустил в свет последовательно: комедию („Ревизор“), другую серию „Повестей“, драматические сцены и первую часть романа („Мертвые души“), который он заканчивает в настоящее время в Риме. Каждое из его сочинений сопровождалось шумным успехом, и Гоголь теперь является в России самым популярным и влиятельным писателем, которому подражают более

* «О современной русской литературе» (франц.).

ЧИЧИКОВ ПЕРЕД СВОЕЙ ШКАТУЛКОЙ

Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



ДОМ № 168 НА УЛИЦЕ ПРИСНИЦА В ФРЕЙВАЛЬДАУ (ТЕПЕРЬ г. ЕСЕНИК, ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ СИЛЕЗИЯ). ЗДЕСЬ В АВГУСТЕ—СЕНТЯБРЕ 1845 г. ЖИЛ ГОГОЛЬ

Вид с улицы

Фотография 1936 г.

Литературный музей, Москва

Автограф. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 31/2).— Это письмо было опубликовано («Иванов», 195—198) с чернового варианта, в котором отсутствуют многие подробности о Гоголе, и с приблизительной датой.

[1] В черновой книге Иванова имеется несколько более ранняя запись письма его к Н. М. Языкову, относящаяся к середине октября 1845 г.: «Получил я от Гоголя письмо, его здоровье расстроено, он собирается к нам в Рим» (неизд.— ЛБ, № 2194, т. VI, л. 126 об.).

[2] Остров Гельголанд, захваченный англичанами у Дании в 1807 г., находился во владении Англии до 1890 г.

[3] О П. Ф. Зенькове см. ниже письмо № 161.

[4] В черновом письме к И. С. Шаповалову Иванов писал: «Теперь время написать об Вас всем моим знакомым в Петербург, чтоб постарались устроить Ваше счастие. Прежде чем я это сделаю, желаю знать, можете ли Вы оставить Ломтева, Федорова и всех лакеев или не можете? Вы мне дайте письменное честное слово в рассуждении этого важного предмета ‹...› Ответьте мне на это письмо в продолжение 7-ми дней и занесите его к Сусанне. Если через 7 дней я не увижу Вашего письма, то копия с этого мною будет послана к Гоголю, Чижову и всем тем, которые о Вас старались. Пусть знают, в какой пакостной степени Вы ко мне находитесь. Пусть обсудят, стоите ли Вы внимания» (неизд.— ЛБ, № 2194, т. VI, л. 117 об.).

[5] Иван Павлович Галахов (1809—1849) — друг Герцена и Огарева, социалист-утопист (см. его письма к Ф. В. Чижову — № 126 и в примеч. к № 126).

121. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

‹Петербург.› 31 октября 1845 г.

...В последних №№ «Illustration» явился перевод Гоголя: «Старосветские помещики» («Le ménage d'autrefois») и «Les mémoires d'un fou»* [1]. Переводил Viardot, муж m-me Viardot, который от Гоголя в восхищении. Но этот перевод не дает верного понятия об оригинале. Например, все эти

* «Записки сумасшедшего» (франц.).

ДОМ № 168 НА УЛИЦЕ ПРИСНИЦА В ФРЕЙВАЛЬДАУ
Вид со двора
Фотография 1936 г.
Литературный музей, Москва

наивные разговоры Пульхерии Ивановны с мужем, которые так характеризуют этих двух лиц, как-то не клеятся по-французски, и вообще, я думаю, не могут быть переведены. Viardot показывал свой перевод George Sand, чтоб дать ей понятие о Гоголе. Она, говорят, пришла в изумление от его таланта, но прибавила: «Странно, у этого человека как будто нет сердца, нет чувства». Я считаю, что это замечание произошло от перевода, который не мог передать всех бесчисленных звуков чувства, разбросанных по всему рассказу и слышимых часто не в словах, а в расположении фразы. Ведь французы сами говорят: «Le ton fait la musique» *. И справедливо — часто нет ничего замечательного в словах, но они так сказаны, что выражают много. Говорят, еще явился новый автор, вроде будто бы Гоголя, и его повесть, имеющая будто бы более достоинства гоголевских повестей, печатается в одном петербургском альманахе [2]. Любопытно будет посмотреть!..

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.639, л. 104—104 об.).

[1] Перевод «Старосветских помещиков» был напечатан в №№ 136 и 137 парижского журнала «Illustration», от 4 и 11 октября 1845 г.; «Записки сумасшедшего» — в №№ 138 и 139, от 18 и 25 октября. См. выше примеч. к письму № 119.

[2] Имеется в виду Достоевский и его повесть «Бедные люди», напечатанная в изданном Н. А. Некрасовым «Петербургском сборнике».

12 ноября 1845 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Хомяков очень смешно определяет Тьера, он называет его Собакевичем, то есть величайшим плутом. Хотя я ничего не ожидаю от французского перевода Гоголя, однакож мне любопытно было бы взглянуть, но не знаю, где достать; может быть Занд в том смысле говорит о Гоголе, что у него нет чувства, потому что в „Старосветских помещиках“ привычка

* Тон делает музыку (франц.).

как бы сильнее показана чувства; впрочем, во всяком случае, значит, что у ней мало простого, искреннего чувства <...> Что за новый Гоголь появился в Петербурге? Напиши, что узнаешь; я думаю, это вроде Бенедиктова, которого также вначале называли Пушкиным» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.615, лл. 125 об. — 126).

В ответном письме от 22 ноября 1845 г. М. Г. Карташевская писала Аксаковой: «Если б была возможность, я бы непременно переслала тебе, моя милая Верочка, те №№ „Illustration", где перевод Гоголя. Viardot напечатал, говорят, уже много переводов Гоголя отдельно. Если бы George Sand прочла только одни „Старосветские помещики", то можно бы сделать то заключение, которое ты делаешь, моя милая Верочка, но ведь Viardot читал ей и другие переводы. А я удивляюсь, что она и столько могла оценить Гоголя, сколько оценила» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.639, л. 113 об.).

О переводе Виардо упоминает О. С. Аксакова в письме к сыну Ивану от начала ноября 1845 г.: «Приятно мне твое знакомство с Унковскими, да читали ли они Гоголя? пожалуй, скажут, что непристойно, читая Сю разные гадости. Мы вчера читали „Записки сумасшедшего", и только одна душа может чувствовать, как это хорошо и высоко, а язык никогда не выразит, а Занд сказала, что у сочинителя нет чувства, но, может, этому виною перевод Виардо» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 5/6, л. 16 об.).

122. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

1845. 18 ноября. Воскресенье. Радонежье

...На этой почте я получил письмо от Гоголя из Рима, от 29 октября [1]. Слава богу, ему гораздо лучше! И почерк, и язык письма стали похожи на прежние. Вообрази, что все его письма к матери пропадали! Бедная мать сходила с ума от неизвестности, и всё это, вероятно, делалось врагами Гоголя, его земляками и соседями, которые уже не раз сообщали матери ужаснейшие о нем известия. Каковы подлецы-злодеи! Гоголь пишет чйсла отправления его писем и просит, если можно, исследовать это дело, а я его жестоко обвинял понапрасну [2]. Сообщи об этом Александре Осиповне...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 22, л. 5—5 об.).

[1] «Письма», III, 109—111.
[2] См. письмо № 109 и примеч. к нему.

123. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

<Петербург.> 9 декабря 1845

...Здесь рассказывают анекдот про Гоголя и Киселева [1], который очень меня рассердил. Гоголь пришел к Киселеву в чужих краях, и тот с хвастовством рассказывает, что он не знал и не знает, что за Гоголь, и принял его этими словами. Только у нас могут гордиться, что не знают такого человека, которому скоро станут удивляться и в чужих краях...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.639, л. 118).

[1] Николай Дмитриевич Киселев (1800—1869) — видный дипломат, в то время поверенный в делах в Париже. Сообщаемый факт о нагло-вызывающем отношении к Гоголю со стороны Киселева подтверждается и воспоминаниями А. О. Смирновой, приводящей слова Киселева о том, что он «не читал Гоголя и от всего русского отстал» (А. Смирнова. Автобиография. М., 1931, стр. 128). См. предисловие к настоящей публикации.

124. Е. В. ГОГОЛЬ — В. С. АКСАКОВОЙ

Le 10 de Décembre 1845

...Вы пишете, что отвечали на мое последнее письмо, но я его не получила. От брата же маменька получила недавно самое коротенькое письмо из Рима; насчет же тех двух писем, которые мы не получили, мы полагаем, что они пропали во время разлития рек, оттого что этот год была сильная вода, насчет же недоброжелателей, то у нас их, слава богу, нет [1]. Не знаете ли Вы, скоро ль возвратится брат и намерен ли он быть в Иерусалиме?

DER ANGEKOMMENEN P. T. CURGÄSTE

Partheien-Zahl.	Ankunft.	NAMEN, CHARAKTER UND WOHNUNG.	Personen-Zahl.
			3801
2362	20. Juli	Frau Wilhelmine Krahmer, Amtsrathsgattin, mit Tochter, aus Egeln, und Nichte	
2363	„ „	Demoiselle Margaretha Gropius, aus Berlin, wohn. zum goldenen Schlüssel in der Mühlbadgasse	3
2364	„ „	Herr Carl Louis Evans, Handelsmann, aus Geyer, wohnt zu drei Lilien in der Kreuzgasse	1
2365	„ „	Frau Dorothea Ziwsa, Bräuersgattin, mit zwei Töchtern, aus Zlonitz, w. zur Stadt Venedig an der Egerstrasse	4
2366	„ „	Herr Moses Goldschmidt, Goldarbeiter, aus Prag, wohnt zum Rosenthal an der Egerstrasse	1
2367	„ „	Demoiselles Charlotte und Wilhelmine Habermas, mit Nichte	
2368	„ „	Demoiselle Auguste Hoffmann und Gesellschafterin	
2369	„ „	Frau Louise Freising, aus Berlin, w. zum englischen Gruss an der Egerstrasse	4
2360	„ „	Herr Mateo Zamora y Quesada, Rentier, mit Mutter und Schwester, aus Madrid, w. zum Prinzen von Preussen (Egerstrasse)	3
2371	„ „	Herr Nikolaus von Gogol, Partikulier, aus Moskau, w. ebenda	1
2372	„ „	Herr Georg Kimbuley, Rentier, aus London, w. ebenda . . .	1
2373	„ „	Herr Florian Ritschel, Müllermeister, aus Hemmehübel, w. ebenda	1
2374	„ „	Herr Martin Tenschert, Pfarrer, aus Enzersdorf, w. zum Milordstempel in der Marienbadergasse	1
2375	„ „	Herr Carl Friedrich Wilhelm Müller, k. hannovr. Justizkanzlei-Assessor, mit Gattin, aus Celle, w. ebenda	2
2376	„ „	Herr Johann Gottlob Günther, k. preuss. Postdirektor, aus Hirsch-	

Bis nun sind abgegangen 1885 Partheien, daher hier noch befindlich

Abgegangen sind:

P.Z. 1742. Se. Excellenz Hr. Graf v. Lerchenfeld-Koefering, n. Regensburg.
— 1856. Fr. Babette v. Radvanszky,
— 1857. Hr. Anton v. Radvanszky, und
— 1858. Fr Prisca v. Koch, n Wien.
— 1868. Hr. Louis Freiherr v. Krücher, n. Teplitz.
— 2057. Seine Excellenz Hr Graf v. Pahlen, n. Dresden.
— 2088. Fr. Pauline v. Zahn, n. Lössnitz.
— 2345. Hr. R. Freiherr v. Hackelberg-Landau, n. Prag.
— 2371. Hr. Nikolaus v. Gogol, n. Gräfenberg.
— 2435. Hr. Fletcher-Wilson, n. Dresden.
— 1089. Hr. Alex. Julius v. Kochler, n. Dresden.
— 1527. Fr. Marianne Freyin v. Leoprechting, n. Regensburg.
— 1531. Ihre Durchlaucht Fr. Josefine Fürstin Schwarzenberg, n. Prag.
— 1578. Hr. Wilhelm v. Brockhusen, n. Berlin.
— 1754. Fr. Juliane v. Kyaw, n. Dresden.
— 2308. Hr. Leon Graf Sollohub, n. Dresden.

P.T 2090. Seine Excellen
Fritsch, n. P
— 1581. Hr. Josef Graf
— 1582 Frl. Marie v.
— 2111. Hr. Carl v. Ro
— 1319. Fr. Anna v. Ma
— 1502. Hr. Peter v. N
— 1539. Hr. Stanisl. v.
— 1574. Hr. Ludwig
Marienbad.
— 1647. Fr. Antonie v
— 1790. Hr. A. Reichsg
— 1821. Hr. E. du Mont
— 1830. Fr. Louise v. K
— 1864. Hr. Wassily Ch
— 2035. Hr. Franz Graf
— 2138. Hr. Johann Put
München.
— 1587. Fr. Gräfin Eleon
burg.
— 1873. Hr. Herrmann

СТРАНИЦЫ КНИГИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ КУРОРТА КАРЛСБАД (ТЕПЕРЬ КАРЛОВЫ ВАРЫ) ЗА 1845 г. В ПЕРЕЧНЕ ПРИБЫВШИХ (ВЕРХНЯЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ) И ОТБЫВШИХ (НИЖНЯЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ) УКАЗАН ГОГОЛЬ (№ 2371)

С фотографии

Литературный музей, Москва

Он, кажется, намерен был три года проездить; нам же он ничего никогда о себе не напишет; письма его вечно полны наставлений и выговоров, так что теперь каждый раз, как он пишет Анет и мне, то даже со страхом мы распечатываем письмо, и почти никогда не обманывает нас предчувствие. Нет, он теперь совсем переменился! Прежде мое первое удовольствие было ему писать; теперь же мы так редко к нему пишем, и то так нам трудно, надо каждое слово взвесить, и требует от нас почти невозможного, и говорит, чтоб мы только писали ему о дельном; и так мы должны прежде взвесить каждое слово — не будет ли это пустяк; и так несколько уже почт маменька одна ему пишет.

Не показывайте никому, ангел Верочка, мое письмо, а то как брат узнает, то будет опять меня бранить. Уж эти мне выговоры, ужасть как надоели!..[2]

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II/47).

[1] Ср. письма №№ 109 и 122.

[2] Все попытки Гоголя приучить своих сестер к систематическому умственному и физическому труду заканчивались полной неудачей. Его поучения они воспринимали с нескрываемой досадой и так и остались, к его глубокому огорчению, «помещицами-существовательницами».

В письме к Г. П. Данилевскому, написанном через сорок лет, в 1886 г., А. В. Гоголь вспоминала: «Письма брата к нам <...> в деревню были наполнены наставлениями. Он боялся, чтоб мы не скучали, весь день были бы в занятиях и более делали бы моциона, боялся, чтобы нас не занимали наряды и внушал нам, что очень стыдно при ком-нибудь говорить о нарядах» («Исторический вестник», 1886, № 12, стр. 501).

125. А. А. ИВАНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Рим. $\frac{\langle 17 \rangle}{29}$ декабря 1845

...Я Вам уж говорил, что Гоголь здесь. Это, признаюсь, для меня так кстати, как нельзя более. Вы не поверите, как иногда дух мой мятется и волнуется обстановкой, обстоятельствами и настоящим наездом гостей [1]. А в Гоголе я нахожу роздых и успокоение [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 31/2).

[1] В Риме в это время находился Николай I с многочисленной свитой. Он посетил, между прочим, и мастерскую Иванова.

[2] В письме к Н. М. Языкову от 30 декабря 1845 г. А. А. Иванов отмечал, что «Гоголь прихварывает, однакож выходит», и в другом письме от того же числа: «Гоголь прихварывает и Вам нижайше кланяется» (неизд.— ИРЛИ, Яз. 19. 4. 54, лл. 13 и 15).

В письме, к Языкову от середины декабря 1845 г. Ф. В. Чижов сообщал: «Иванов грустит, Гоголь тоже — хоть этот по лени и не пишет, а пишет Иванов» (неизд.— ИРЛИ, 1487. VII, с. 5, л. 69 об.).

К этому времени относится письмо А. А. Иванова в Петербург к своему отцу с просьбой купить ему и выслать «первый том „Мертвых душ" Гоголя и, если вышел второй, то и второй том» (неизд.— ЛБ, № 2194, т. VII, л. 16).

126. И. П. ГАЛАХОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Рим. $\frac{\langle 19 \rangle}{31\text{-е}}$ декабря 1845

...И Гоголь здесь, но от сближения с ним, видно, нашему брату, неизвестному человеку, надо отказаться [1]; впрочем, нелюдимость его имеет причины основательные — болезнь, занятия и самую известность. Большая часть русских здесь из знатного круга [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 20/14).

[1] Гоголь хотя и не был еще лично знаком с Галаховым, но знал о нем. См. упоминание о Галахове в письме Гоголя к Н. М. Языкову («Письма», II, 464).

А. А. Иванов писал в это время Чижову: «Я познакомился с Галаховым, но до сих пор еще не имел возможности с ним сойтиться» («Иванов», 204). См. также выше письмо № 120.

[2] В другом, более раннем письме Галахов сообщал Чижову: «Гоголь здесь, но, кажется, недотрога?» (неизд.— ЛБ, Чиж. 20/14).

127. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

27 декабря <1845 г.>. Радонежье

...Все известия об Гоголе самые приятные: он освежился, укрепился и готов приняться опять за дело,— дай бог! Слышала ли ты, милая

НЕАПОЛЬ. ВИД С ДОРОГИ В ПОЗИЛЛИПО
Картина маслом А. А. Иванова, 1838 г.
Русский музей, Ленинград

Машенька, о статье St. Beuve о Гоголе в «Revue des Deux Mondes»? Мы ее еще не читали, но Иван читал ее[1]. Он почти сравнивает Гоголя с Гомером и Шекспиром[2] <...> Повести Гоголя произвели необыкновенный эффект во Франции...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.615, лл. 141 об.—142).

[1] Статья Сент-Бева о Гоголе появилась в «Revue des Deux Mondes», 1845, т. XII, стр. 875—889.

17 декабря 1845 г. С. П. Шевырев писал М. П. Погодину: «В последней книжке „Revue des Deux Mondes" есть статья Сент-Бёва о Гоголе. Поручи кому-нибудь перевести, и поскорее, и помести в 1-й книжке „Москвитянина". Да сделай это непременно. Это возбудит участие» (неизд.— ЛБ, Пог. II/36/36).

[2] Ср. отклик А. О. Смирновой на эту статью в ее письме к Гоголю от 14 января 1846 г.: «Что меня удивило и восхитило — это разбор St. Beuve <...> Для француза его статья очень замечательна» («Русская старина», 1890, № 7, стр. 196). Отметим, что в «Русской старине», где опубликовано письмо Смирновой, вместо фамилии St. Beuve несколько

раз напечатано, вероятно по вине наборщика, принявшего латинские буквы за русские,— «Н. Виске».

25 февраля 1846 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «В „Отеч. записках" мы читали перевод статьи St. Beuve, напечатанной в „Revue des Deux Mondes" о повестях Гоголя. Прекрасная статья, и удивительно, как француз по французскому переводу мог столько оценить и понять Гоголя. В одном месте он говорит: „Такими сценами мы привыкли только восхищаться в Шекспире". Но всего, разумеется, он не мог и понять, особенно во французском переводе, который, как ни добросовестен, но не в состоянии передать подлинника» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.616, л. 19).

Статья Сент-Бева была напечатана (в русском переводе) в «Отеч. записках», 1846, № 1.

128. М. Г. КАРТАШЕВСКАЯ — В. С. АКСАКОВОЙ

<Петербург.> 28 генваря 1846

...Дяденька нам читает теперь ту повесть Достоевского, которую иные сравнивали с повестями Гоголя и отдавали ей преимущество. Она называется «Бедные люди» и помещена в «Петербургском сборнике». Только это далеко, далеко не Гоголь! Возможно ли найти такое сходство, не говоря уже о том, чтоб отдать Достоевскому преимущество! У них с Гоголем общего, я думаю, только то, что сцена их действий происходит посреди бедных и довольно низких слоев общества. Но ведь тогда почему не сравнить его и с Eugène Sue? Я даже скорее сравню его с этим последним — только у Достоевского нет штук, часто оскорбляющих чувство, к которым прибегает Sue. Его повесть (мы еще только на половине) недурна; она очень проста и согрета чувством. Я упомянула об Eugène Sue только потому, что он первый, кажется, стал выводить на сцену низкие слои общества с мыслию привлечь на них внимание гордых <и> сильных земли и показать им, что часто в этом бедном классе более человечности, чем у них. Эта же мысль и чувство видно у Достоевского. У Гоголя — совсем другое у него нет никакой предположенной цели доказать или указать то и то — он просто создает, создает, как есть, и часто, если обращать внимание на одно содержание его повестей, оно довольно грустно. У Достоевского нет, кажется, большого таланта, но он, кажется, не лишен способностей, и, главное, он без штук, и видна любящая душа в его повести [1] ..

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.640, лл. 7—8).

[1] В ответном письме от 25 февраля 1846 г. В. С. Аксакова писала: «Мы также прочли Достоевского, и я согласна с тобой. Странная повесть с большим достоинством, хотя вовсе почти не дает тех освежительных высоких наслаждений художеством, которые мы находим во всяком слове Гоголя; это совсем другое, но она сделала во многих местах сильное на меня впечатление, как верный рассказ этой несчастной жизни, и вообще чувство тяжелое, глубоко грустное, болезненное даже не оставляло меня ни на минуту. Его цель, конечно, была та, чтоб возбудить участие к этим несчастным бедным людям, не представляя их бедными людьми, но со всеми их человеческими слабостями, и он эту цель достигает. Эта речь, отрывистая, сбивчивая, так, как она обыкновенно выходит из уст человека, особенно человека, как Макар Алексеевич, могла только явиться после того, как Гоголь ее создал, но из этого не следует, чтоб Достоевский подражал, хотя многие фразы прямо напоминают Гоголя, но теперь почти всякая естественная фраза уже невольно напоминает Гоголя, потому что он первый заговорил так. Мне кажется, что впечатление Акакия Акакиевича должно было породить эту повесть, хотя этот чиновник не похож на Акакия Акакиевича.— Я не понимаю хорошенько, хотел ли автор словами Макара Алексеевича о „Шинели" Гоголя — показать то впечатление, которое она должна произвести на этих людей, или он сам отчасти разделяет его мнение; впрочем, кажется, что это говорит один Макар Алексеевич <...> Во втором номере „Отеч. записок" напечатана его другая повесть, и, к удивлению, говорят, без всякого достоинства. Я очень бы желала прочесть какую-нибудь другую его повесть, только не в письмах, чтоб судить больше о самом авторе. Я слышала, что он сам чрезвычайно бедный человек» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.616, лл. 18—19).

25 марта 1846 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Мы читали другую повесть Достоевского „Двойник" в „Отеч. записках" и насилу имели терпение прочесть ее. Такого подражания Гоголю, бездушного и даже наглого, и вообразить нельзя, и до

того скучно, что я желаю, чтоб ты хоть взглянула на нее, чтоб иметь понятие об ней. Это, кажется, только можно одним объяснить, что автор хотел написать пародию на Гоголя или похвастаться, что и он может написать так же, и тут обнаруживается, что талант Достоевского не таков, как мы вообразили по первой повести» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.616, л. 29 об.).

Несколькими годами ранее, в письме от 11 июля 1842 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Не ты одна <...> употребляешь выражения из „Мертвых душ" — никто не может избавиться от этого, и беспрестанно и невольно приходят при случае эти выражения — так чудны и истинны они, и так сильно впечатление этого произведения» (неизд. — ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.612, л. 86).

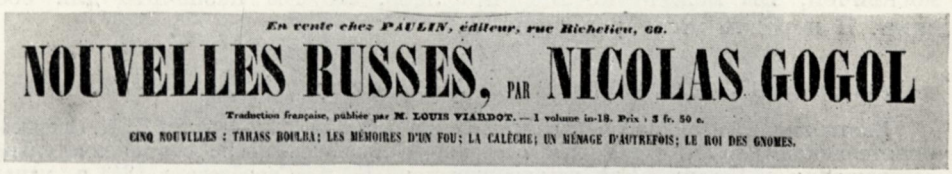
129. В. Л. ДАВЫДОВ — Ек. В. и Ел. В. ДАВЫДОВЫМ

Красноярск. 20 февраля 1846 г.

...Я завидую вашему удовольствию от новой встречи с Гоголем — автором «Ревизора» и «Мертвых душ»[1]. Это последнее сочинение я прочел два раза, и, конечно, я его перечту еще: оно увеличило восхищение, которое я уже испытывал к этому автору...

Автограф. ЛБ. Фонд Давыдовых (Дав. 1/9).— Подлинник на французском языке.

[1] Письмо сестер Давыдовых к отцу о их новых встречах с Гоголем неизвестно. См. письма №№ 41, 44, 49 и 131.


En vente chez PAULIN, éditeur, rue Richelieu, 60.

NOUVELLES RUSSES, PAR NICOLAS GOGOL

Traduction française, publiée par M. LOUIS VIARDOT. — 1 volume in-18. Prix : 3 fr. 50 c.

CINQ NOUVELLES : TARASS BOULBA; LES MÉMOIRES D'UN FOU; LA CALÈCHE; UN MÉNAGE D'AUTREFOIS; LE ROI DES GNOMES.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТ ПОВЕСТЕЙ ГОГОЛЯ В ПЕРЕВОДЕ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

«Illustration» от 10 декабря 1845 г.

130. А. А. ИВАНОВ — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

<Рим. Начало апреля 1846 г.>[1]

...Книгу Чижова[2] читал Гоголь. Он, сверх ожидания, ею доволен. Он едет 10-го отсюда[3]...

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2191).

[1] Публикуемые строки являются частью письма А. А. Иванова от апреля 1846 г., опущенной при публикации этого письма М. П. Боткиным («Иванов», 219—220).

[2] Оттиск статьи Ф. В. Чижова «О работах русских художников в Риме» из «Московского литературного и ученого сборника» (М., 1845), пересланный Иванову его отцом.

[3] А. А. Иванов писал брату Сергею 10/22 июля 1846 г. из Неаполя: «Самое важное это, что едет сюда Гоголь и будет в половине августа. Я решился его дожидаться здесь, хотя бы это стоило лишнюю неделю, тем более, что я здесь нашел себе верные занятия в королевской библиотеке» (неизд.— ЛБ, № 2295).

131. В. Л. ДАВЫДОВ — Ек. В. и Ел. В. ДАВЫДОВЫМ

Красноярск. 15 мая 1846 г.

...Как я благодарен г. Гоголю за его любезное внимание к вам и за превосходные чтения, которые он вам устраивал. Передайте ему это

обязательно, прошу вас. Спросите же у него, когда появится вторая часть его «Мертвых душ»? — Я только что перечел первую — в третий раз — и не сомневаюсь в том, что перечту ее снова. Без спора, г. Гоголь — наш лучший современный писатель, и он далеко опередил всех остальных [1]...

Автограф. ЛБ. Фонд Давыдовых (Дав. 1/9).— Подлинник на французском языке.

[1] См. письма №№ 41, 44, 49 и 129.

132. Е. А. СВЕРБЕЕВА — В. А. ЖУКОВСКОМУ

3-е июня 1846. Москва

...<В. А.> Панов послал Вам через Вяземского изданный им «Московский литературный сборник», в котором участвуют Языков, Хомяков, Вяземский, Аксаковы, Самарин, Павловы, Шевырев и другие московские литераторы и ученые. Хорошо, если бы Вы могли подействовать на Гоголя и склонить его к участию в этом издании [1]. Это дело трудное, и только Вы одни разве можете в нем успеть, не говоря ему, что мы Вас об этом просили.

Если Вы сами вздумаете откликнуться на серьезный призыв к Вам москвичей, Вы можете ко мне прислать, что Вы назначите для сборника. Я передам это в редакцию [2]...

Автограф: ЦГЛА. Фонд Жуковского (№ 198, ед. хр. 112, лл. 1 об.— 2).

Екатерина Александровна Свербеева (1808—1892) — жена Д. Н. Свербеева, приятельница Гоголя, с которым особенно сблизилась после его окончательного возвращения в Россию. Как устанавливается, Е. А. Свербеева в 1843 г., узнав о нежелании своего мужа оказать материальную помощь Гоголю, передала для него свои личные деньги («История», 107). Имя Свербеевых перед печатанием воспоминаний Аксакова было вырезано И. С. Аксаковым или П. И. Бартеневым из рукописи и заменено инициалом Д., так как Свербеева во время печатания «Истории моего знакомства с Гоголем» была еще в живых. Вырезанные клочки бумаги с именами Е. А. Свербеевой и ее мужа обнаружены нами в архиве Аксаковых (ЛБ).

[1] Славянофилы неоднократно пытались привлечь Гоголя к участию в своих изданиях. Имя Гоголя как идейного единомышленника могло явиться сильным оружием в их ожесточенной борьбе со всё возраставшим влиянием Белинского и Герцена. Однако Гоголь хорошо понимал истинный смысл этих назойливых притязаний и раздраженно отвергал все предложения об участии в славянофильских органах.

Резкую отповедь дал он и издателю «Московского сборника», своему старому знакомцу В. А. Панову:

«Панову скажи так,— писал он Н. М. Языкову, — что я весьма понял всякие ко мне заезды, по части статьи, отдаленными и деликатными дорогами; но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем н е т?» («Письма», III, 215).

[2] 2 апреля 1846 г. Николай Свербеев (сын Д. Н. и Е. А. Свербеевых) обратился к К. С. Аксакову со следующим запросом: «Желая иметь некоторые биографические сведения о Гоголе, обращаюсь к Вам, почтенный Константин Сергеевич. Я полагаю, что никто лучше Вашей семьи не знает Гоголя, поэтому Вам будет весьма нетрудно решить следующие вопросы: 1-е. Место и год рождения Гоголя; 2-е. Воспитание и вступление в службу; 3-е. Род службы и путешествия за границу; наконец, 4-е. К какому времени относятся главные его сочинения? Чем скорее Вы решите сии вопросы, тем буду я Вам благодарнее» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/II/5).

Как намерен был использовать Свербеев эти сведения и что ответил ему Аксаков, установить не удалось.

Студент Московского университета Сергей Марков писал П. И. Бартеневу 3 апреля 1846 г.:

«Об Гоголе иногда говорят, но занимательного мало и нового ничего <...> Ходят слухи, что 2-я часть „Мертвых душ" печатается; другие, напротив (впрочем, даже одни и те же), толкуют, что и 1-я их часть запрещена» (неизд.— ЦГЛА, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 549, л. 357 об.).

133. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Радонежье, 29 июля 1846

...В 88 № Московских газет напечатана прекрасная, замечательная статья Гоголя, которая нас порадовала во многих отношениях. Видно, что он теперь бодр и занят своим трудом. Это статья по случаю перевода

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ТЯЖБЕ» ГОГОЛЯ (БУРДЮКОВ
Акварель П. М. Боклевского, 1887 г.
Исторический музей, Москва

Жуковским «Одиссеи»[1]. Может быть Гоголь и ошибается насчет достоинства перевода и даже насчет того впечатления, которое произведет «Одиссея», но статья его не менее от того глубока и замечательна...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.616, л. 65 об.). — С пропусками и искажениями напечатано в приложениях к «Истории», 154—155.

[1] Статья Гоголя «Об „Одиссее", переводимой Жуковским» появилась в 43 томе «Современника» и вслед за тем была перепечатана в № 88 «Московских ведомостей» от 25 июля 1846 г. и июльской книжке «Москвитянина».

В тот же день, 29 июля 1846 г., С. Т. Аксаков писал И. С. Аксакову: «Ты читал статью Гоголя? Как хороша! Ее надо прочесть не один раз. Впрочем, я не верю в такое

достоинство перевода и еще менее в т а к о е действие „Одиссеи" на всех» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/22-в).

В своей рецензии на «Выбранные места из переписки с друзьями» Белинский резко осудил ретроградный характер статьи Гоголя об «Одиссее», статьи, «исполненной парадоксов, высказанных с превыспренними претензиями на пророческий тон» (Соч., X, 428).

Об отношении Аксаковых к этой статье, вскоре вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями», см. в предисловии к настоящей публикации.

29 июля 1846 г. В. С. Аксакова сообщала брату Ивану: «Жуковский прислал какие-то стихи в сборник: „Египетская мгла", но ничего особенного в них. Это заставляет нас сомневаться в справедливости похвал Гоголя переводу „Одиссеи" Жуковского. Эта статья Гоголя помещена в 88-м № „Московских ведомостей". Чрезвычайно глубоки и умны его слова, и какие прекрасные места!— так оригинально, что всякий бы узнал Гоголя и без подписи. Видно, что чтение „Одиссеи" имело для него большое значение» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 28, л. 24—24 об.).

Стихотворение Жуковского «Египетская тма (опыт подражания библейской поэзии)» напечатано во втором «Московском ученом и литературном сборнике» (М., 1847). О нем В. С. Аксакова писала матери 26 июля 1846 г.: «Стихи Жуковского малозамечательны и заставляют бояться, точно ли так хорош перевод „Одиссеи", как его восхваляет Гоголь».

134. Б. И. ОРДЫНСКИЙ — А. А. КРАЕВСКОМУ

1846 года, августа 9

...Мне было ужасно досадно прочесть в «Московских ведомостях» в конце июля статью Гоголя «Об „Одиссее", переводимой Жуковским»[1]. Нужно Вам сказать, что я Гоголя высоко ценю, много обязан его сочинениям, едва ли не больше чем... университету. И вдруг — читаю статью его, написанную с каким-то желчным, почти личным раздражением, унижающим Гоголя; с увлечением, непростительным в наше время, когда, по собственным словам его, устали и перестали очаровываться и разочаровываться; с увлечением, решительно обманчивым, но этого мало — с незнанием дела. Кто не знает греческой литературы и прочтет гоголеву статью, подумает, что «Одиссея» выше всего в греческой литературе. Что же скажет Гоголь об «Илиаде», которую все, кто только ни читал «Илиаду» и «Одиссею», со времени существования их, ставят далеко выше «Одиссеи»? Гоголь даже, кажется, поставил «Илиаду» ниже «Одиссеи». По крайней мере, он ничего об ней не говорит, кроме следующих престранных слов: «Объем ее („Одиссеи") велик: „Илиада" пред нею — эпизод». Что хотел сказать этим Гоголь, право, не понимаю! «Илиада» и «Одиссея» так различны, что можно с таким же правом сказать, что «Одиссея» — эпизод «Илиады». Вообще об этой статье можно много толковать и о многом сомневаться. Но самое любопытное место — о самом Одиссее: что он «во всякую трудную и тяжелую минуту обращался к своему милому сердцу, еще и не подозревая, что сим внутренним обращением к себе он уже творил ту внутреннюю молитву богу, которую в минуты бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о боге». На это можно заметить: 1) м и л о е сердце по особенному свойству в гомерическом языке слова φίλος значит просто с в о й; так же говорится у Гомера φίλαι χεῖρες — с в о и р у к и. 2) Одиссею, человеку, еще древними прозванному п р а к т и ч е с к и м, вовсе нейдет такая нравственная настроенность духа. Такие обращения к милому сердцу в «Илиаде» и в «Одиссее» почти исключительно бывают у Одиссея, человека осторожного и в с е г д а прежде начатия дела, особенно важного, раздумывающего с собою, так или иначе поступить ему. Есть места, в которых такие обращения к милому сердцу обнаруживают в Одиссее даже маленькую трусость ⟨...⟩ Слишком опрометчивы тоже слова Гоголя: «Как глупы немецкие умники, выдумавшие, будто Гомер — миф, а все творения его — народные песни и рапсодии!» ⟨...⟩

О Гоголе я распространился потому, что только сегодня прочел его статью, и она меня сильно раскачала: я не мог удержаться, чтоб не передать Вам впечатления, которого мне некому здесь передать[2]...

Автограф. ГПБ. Фонд Краевского («Н—П», лл. 160 об.—161 об.).

Борис Иванович Ордынский (1823—1861) — в это время старший учитель греческого языка в Ярославской гимназии, впоследствии профессор римской словесности, автор ряда работ об античной литературе и перевода «Илиады» Гомера. Ордынским написаны также разборы перевода «Одиссеи» Жуковского, напечатанные в «Современнике» и «Отеч. записках».

[1] См. письма №№ 133 и 138.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ» ГОГОЛЯ

Рисунок Д. Н. Кардовского, 1904 г.

Музей истории и развития Ленинграда

[2] 3 августа 1846 г. Д. Н. Свербеев писал жене: «Предполагаю, что ты не найдешь необходимым сообщать кому бы то ни было вчерашние мои замечания на статью Гоголя, может быть так же сгоряча написанные, как и эта статья. Зачем сердить друзей и недругов порицаниями того, что их восхищает?» (неизд.— ИРЛИ, ф. 598, оп. 2, ед. хр. 81, л. 99).

«Замечания» Д. Н. Свербеева на статью Гоголя об «Одиссее» неизвестны.

135. Е. А. СВЕРБЕЕВА — А. Н. ПОПОВУ

〈Москва.〉 11 августа 〈1846 г.〉

...〈Н. М.〉 Языков вчера читал Ваше письмо. Ничего не понимает в той новой книге Гоголя, которая угрожает нам [1]. Он от него получил письмо из Швальбаха от 22 июля, и он ему ни слова; но для меня, что он говорит о его «Самсоне», теперь поясняет, что Вы пишете, т. е. видится в этих словах это новое его сочинение [2] 〈...〉

Не правда ли? Как Вы думаете? Сейчас только прочла это письмо [3]...

Копия. ЦГЛА. Фонд Свербеевых (№ 472, ед. хр. 617, л. 19).

[1] Первое упоминание о готовившемся в Петербурге издании «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Через несколько дней, 15 августа 1846 г., Е. А. Свербеева снова писала А. Н. Попову: «Спешу отвечать Вам. Не знаю, что ожидать нам от книги Гогля: что-то странное ⟨...⟩ Я не разглашу вестей о книге, скажу одному Языкову и Сергею Тимофеевичу и попрошу обоих не говорить другим» (неизд.—Копия, ЦГЛА, ф. 472, ед. хр. 617).

[2] Е. А. Свербеева цитирует далее отзыв Гоголя о «Самсоне» Языкова («Письма», III, 195—196).

[3] Об отношении Н. М. Языкова к «Выбранным местам из переписки с друзьями» см. в «Материалах», IV, 525.

136. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

26 августа 1846 г.

...Мы получили верное и секретное известие из Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: «Отрывки из писем или переписки с друзьями» (названия хорошенько не помню) [1]. Вероятно, там помещено много из его писем к А. О. ⟨Смирновой⟩, к Языкову и ко мне. Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение «Мертвых душ»; объявляет, что едет в Ерусалим, и делает какое-то завещание публике или России. Плетнев печатает эту книгу в возможном секрете и потому не говорит об этом никому ни слова. Без сомнения А. О. ⟨Смирнова⟩ должна это знать [2].

Увы! исполняется мое давнишнее опасение! Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделает его сумасшедшим. Это истинное несчастие, истинное горе. Впрочем, ласкаю себя надеждой, что это как-нибудь да не так: может быть, он изорвал прежнее продолжение «Мертвых душ» и написал новое. Истина должна скоро открыться. Второе издание «Мертвых душ» уже печатается и к 15 октября выйдет в свет, если не задержит сам Гоголь присылкою предисловия. Меня удивляет эта несообразность: если он отказывается от всего им написанного, зачем второе издание «Мертвых душ»? Видно, Гоголь на меня сердится: пишет ко всем, кроме меня...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 10, лл. 45—46).— Первые строки с пропусками и искажениями напечатаны в приложениях к «Истории», 155—156 и в примеч. к кн.: «И. С. Аксаков», I, 373.

[1] Известие о предстоящем выходе «Выбранных мест из переписки с друзьями» С. Т. Аксаков, как выясняется (см. примеч. к предыдущему письму), получил от Е. А. Свербеевой.

[2] В письме от 9 сентября 1846 г. С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «В последнем письмеце твоем от 3-го сентября ты сообщаешь такие черты об Александре Осиповне ⟨Смирновой⟩, которые, если они справедливы, дают решительное выражение ее физиономии. Итак, мы все попались было в дураки! Но что же сказать о тех людях, т. е. о Гоголе и Самарине, которые ввели нас в такую ошибку? Неужели она так же искусно притворялась перед ними, как передо мной и Константином? Это было возможно на короткое время, приехав в Москву, оторвавшись от всего того, что прежде ее окружало; но с ними она не могла беспрестанно носить маску. Впрочем, о Гоголе нечего и говорить: он помешан на мысли обратить ее к раскаянию и другому образу жизни» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 19, л. 11).

В письме И. С. Аксакова к отцу от 3 сентября 1846 г., напечатанном в собрании его писем («И. С. Аксаков», I, 373), мы не нашли характеристики Смирновой и готовы были предположить, что С. Т. Аксаков ошибочно сослался на письмо под этой датой. Однако, обратившись к подлинной рукописи письма И. С Аксакова, хранящейся в Институте русской литературы, мы установили, что при печатании письма из него были полностью изъяты строки, относящиеся к Смирновой: «Она окружила себя всем тем, что есть самого дрянного в Калуге, но что раболепствует перед ней, людьми, даже неприятными ее мужу ⟨...⟩ Я вчера слышал об ней такие вещи, делавшиеся недавно здесь, что если это правда, так она просто вредная женщина, не только развращенная в образе мыслей и понятий, но развращающая... В провинции если и дурны нравы, то люди эти в простоте сердечной и думают, что это дурно по общепринятым истинам христиан-

ским, но Смирнова, передавая им свое воззрение, успокаивает их щекотливость, для того, чтоб самой успокоиться. Если б все вокруг ее были мерзавцы и свиньи — это было бы, конечно, ей величайшим утешением». Далее И. С. сообщает подробности о недостойном поведении Смирновой (ИРЛИ, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 19, л. 130 — 130 об.).

137. П. А. ПЛЕТНЕВ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

3 сентября 1846 г. СПб.

...Новая книга Гоголя содержит просто отрывки из его писем к друзьям о разных предметах литературы, искусств, нравственности и религии.

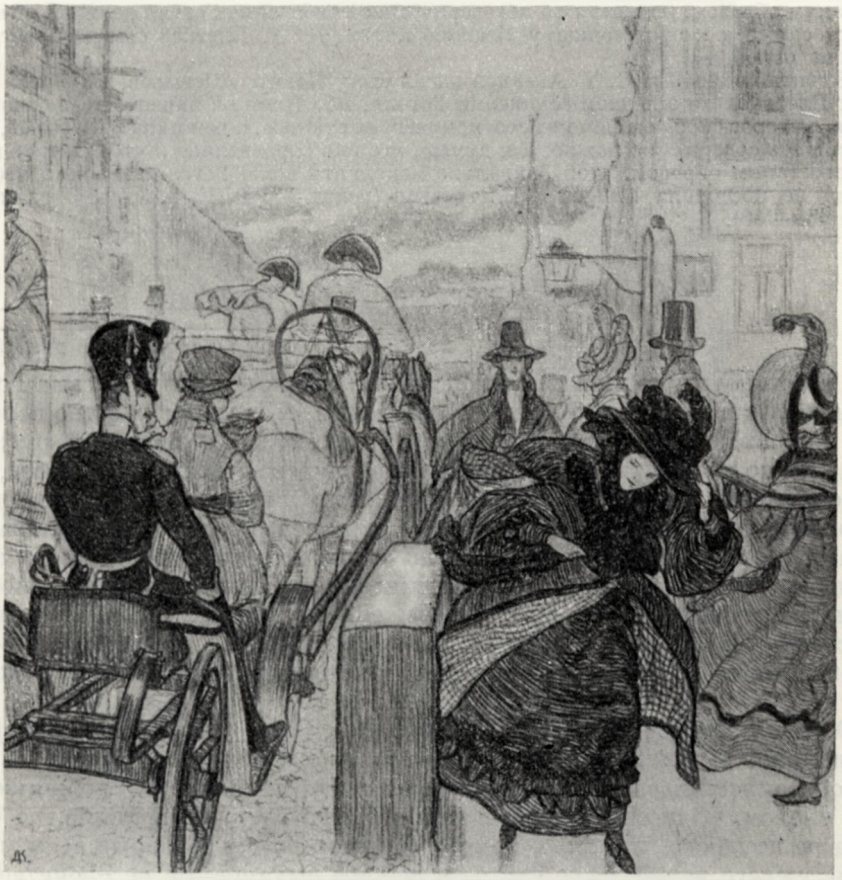


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ» ГОГОЛЯ
Рисунок Д. Н. Кардовского, 1904 г.
Русский музей, Ленинград

В начале помещено его «Завещание», которое однажды, быв опасно болен, приготовил было он для друзей своих. Оно, конечно, странно, когда знаешь, что завещатель, слава богу, жив и здоров. Но чтобы справедливо судить об этой пьесе, надобно приучить себя к мысли, что это пишет умирающий. Там, между прочим, он говорит, что всё хранившееся у него из его сочинений рукописных им сожжено. Поименований, однакоже, никаких нет. Следственно, нельзя наверное сказать, что он отрекся от продолжения «Мертвых душ», которые, может быть, и не написаны им до сих пор. Настроение

его совершенно нравственно-религиозное. Но это не сочинение объективное, следовательно, заключений никаких выводить не надобно насчет других его предприятий [1]...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Публикуемое письмо Плетнева, одного из идейных вдохновителей реакционной книги Гоголя, является ответом на письмо С. П. Шевырева от 21 августа 1846 г., в котором тот писал: «Нетерпеливо желаю знать содержание той переписки, которую Вы печатаете» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, СПб., 1896, стр. 951).

Запрос Шевырева был вызван упоминанием в письме к нему Плетнева от 9 августа 1846 г. о том, что Гоголь прислал ему «для напечатания особою книгой начало рукописи под названием „Выбранные места из переписки с друзьями“» («Гоголь. Материалы и исследования», I, 162).

Таким образом, несмотря на категорические требования Гоголя держать в секрете всё относящееся к предстоящему изданию книги, П. А. Плетнев сам распространял сведения о ней.

18 сентября 1846 г. С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Шевырев, вероятно, спрашивал Плетнева о последнем сочинении Гоголя, ибо Плетнев пишет, что в сочинении Гоголя, которое скоро выйдет из печати, ничего нет такого, о чем пишет Шевырев, и что известие это совершенно ложно; а я думаю, что оно справедливо и что Плетнев пишет для того таким образом, чтоб буквально исполнить волю Гоголя. Я боюсь, чтоб эта сплетня не поссорила Попова с Плетневым» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 10, лл. 49 об.— 50).

138. Н. Г. БУДЬДОБРЫЙ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

〈Тверь.〉 Сентября 16 дня 1846 г.

...На-днях я прочитал в московских газетах отрывок из письма Гоголя к Вам об «Одиссее», переведенной Жуковским [1]. Зная могущество переводчика и необъятное богатство, и грацию, и гибкость, и звучность русского слова, легко поверить, что перевод будет художественно прекрасен, как сам подлинник. Зная высокий смысл и чистоту и прелесть «Одиссеи», легко поверить и тому, что появление ее у нас породит много действительного добра. Судорожно-вычурные писатели наши поучатся по «Одиссее» правдоподобию и нравственной цели вымысла и любезной простоте повествования. Впрочем, скорей будущих, нежели настоящих поэтов урезонит «Одиссея». Настоящие певцы слишком горды, слишком уверены в своих (часто сомнительных) силах, и старика Гомера они не послушают 〈...〉

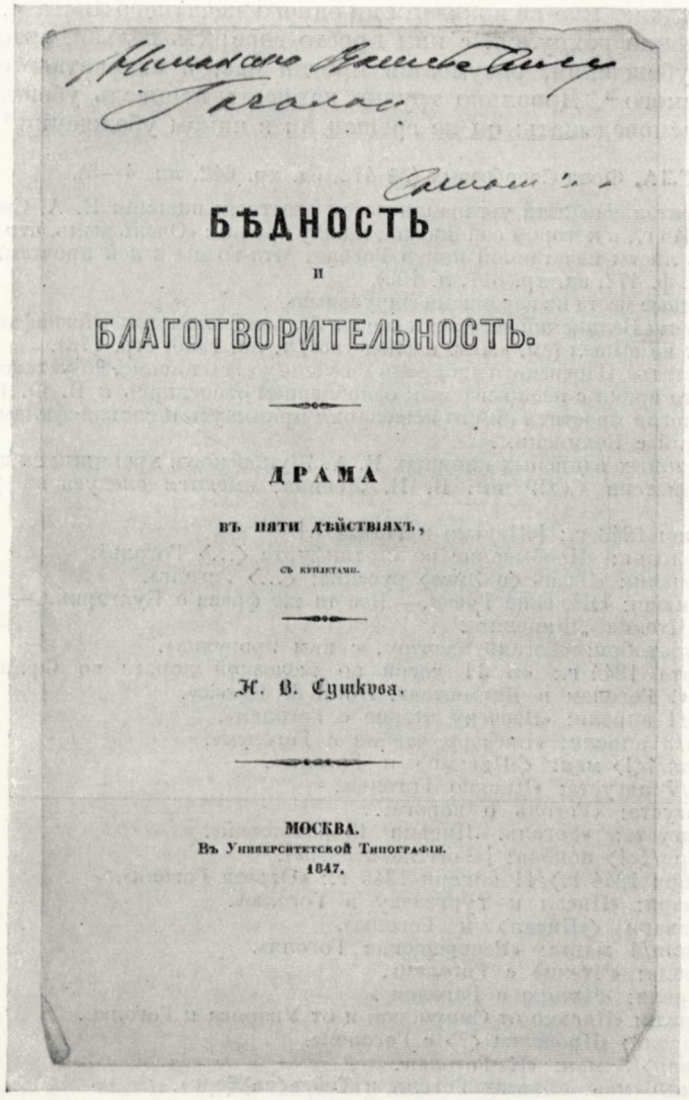
«Одиссея» может заставить покраснеть (еще способного краснеть) гражданина, обвинительно уличив его во множестве отступлений от прямых обязанностей своих,— может даже поворотить его на должную дорогу; словом, «Одиссея» произведет у нас благотворное влияние, но частное, а не всеобщее, не такое, какого ожидает Гоголь. Целой массы, всего народа нашего не обвеет ее чистое и нежное дыхание: он не прочитает ее. Где у нас грамотные мещане, солдаты, портные и мужики?[2] Да и довольно ли только прочитать или услышать? 〈...〉 Видно у нас в чем-то глубоко гнездится великая помеха всеобщему улучшению, и «Одиссее» не снять ее [3].

Но надежды Гоголя — надежды сердца благородного, сильно желающего нам спасительного обновления жизни. Читая его письмо, так и кажется, что он готов бы был, ценою собственного злополучия, укоренить правду во все сердца и влить счастие во все души, и во всяком возвышенном явлении уже думает видеть средство к исполнению этих заветных и святых стремлений, которым в этом мире чуть ли не вечно суждено оставаться лишь стремлениями ...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19. 4. 431.—Яз. II. 4).

Николай Григорьевич Будьдобрый — учитель русской грамматики в Тверской гимназии, бывший студент Московского университета, где учился одновременно с Белинским (см. упоминание о нем в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 421).

[1] См. письма №№ 133 и 134.


БѢДНОСТЬ
И
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

ДРАМА
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,
СЪ КУПЛЕТАМИ.

Н. В. Сушкова.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

ЭКЗЕМПЛЯР ДРАМЫ Н. В. СУШКОВА «БЕДНОСТЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ГОГОЛЮ, 1847 г.

Исторический музей, Москва

[2] В рецензии на «Выбранные места из переписки с друзьями» Белинский писал по поводу этой статьи: «Как будет простой народ читать „Одиссею“? Положим, „Одиссея“ не принадлежит к числу книжонок, издаваемых для народа европейскими человеколюбцами, но как будет читать ее наш народ, которому автор так положительно и строго запрещает знать грамоте?» (Соч., т. VII, стр. 448).

[3] Под «великой помехой всеобщему улучшению» Будьдобрый не мог не иметь в виду общественного строя николаевской России, при котором рассчитывать на улучшение благосостояния и культурное развитие народа было невозможно.

139. А. Н. ПОПОВ — Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

〈Петербург. Середина сентября 1846 г.〉[1]

...Сочинение Гоголя[2] почти отпечатано и скоро выйдет; издатели хранят его в тайне и даже мне не показали ни одного печатного листа 〈...〉 Одоевский совершенно рехнулся, с ним просто говорить нельзя, готовит исповедь своих убеждений, разумеется против нас, и напечатает ее в сборнике Белинского[3]. Довольно трудно написать исповедь убеждений, ибо ему нечего исповедывать: он не грешен ни в каком убеждении[4]...

Копия. ЦГЛА. Фонд Свербеевых (№ 472, ед. хр. 642, лл. 4—5).

[1] Приблизительная дата устанавливается ответным письмом Е. А. Свербеевой от 24 сентября 1846 г., в котором она писала, между прочим: «Очень жаль, что Вам не случилось видеть листы печатаемой книги Гоголя. Что-то мы в ней прочтем?» (неизд.— Копия. ЦГЛА, ф. 472, ед. хр. 617, л. 109).

[2] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[3] В это время Белинский готовил к печати большой альманах «Левиафан», который, однако, в свет не вышел (см. «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 178).

О какой статье Одоевского идет речь в публикуемом письме, не установлено. Славянофилы в это время с нескрываемым озлоблением относились к В. Ф. Одоевскому, которому не могли простить ни его нежелания примкнуть к славянофилам, ни дружеских отношений с Белинским.

[4] В неизданных записных книжках В. А. Жуковского, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, имеются следующие упоминания о Гоголе:

〈13〉/25 мая 1843 г.: [«Письмо к Гоголю».]
27 мая/8 июня: «Пребывание во Франкфурте 〈...〉 Гоголь».
6/17 〈!〉 июня: «Здесь 〈в Эмсе〉 русские: 〈...〉 Гоголь».
9/20 〈!〉 июня: «Явление Греча.— Все та же фраза о Булгарине.— Его встреча с Гоголем.— Чтение „Шинели“».
〈13〉/25 сентября: «Гоголь ввечеру, с ним прогулка».
18/30 марта 1844 г.: «В 11 часов по железной дороге во Франкфурт 〈...〉 Гоголь 〈...〉 С Гоголем в Дармштадт. Hôtel de Russie».
20 марта/1 апреля: «Ввечеру чтение с Гоголем».
22 марта/3 апреля: «Ввечеру чтение с Гоголем».
20 апреля/1〈!〉 мая: 〈«Письмо〉 к Гоголю».
26 июля/7 августа: «Письмо Гоголю».
12/24 августа: «Гоголь о дороге».
13/25 августа: «Гоголь. Письмо Шереметевой».
19 октября/1〈!〉 ноября: [«Гоголю деньги»].
〈30 декабря 1844 г.〉/11 января 1845 г.: «Отъезд Гоголя».
3/15 января: «Писал к Тургеневу и Гоголю».
12/24 января 〈«Писал〉 к Гоголю».
20 февраля/4 марта: «Возвращение Гоголя».
3/15 апреля: «Чтение с Гоголем».
11/23 апреля: «Чтение с Гоголем».
13/25 апреля: «Письмо от Смирновой и от Уварова к Гоголю..
16/28 апреля: «Проделка 〈?〉 с Гоголем».
〈21 апреля〉/3 мая: «К Гоголю».
24 апреля/6 мая: «Отъезд Гоголя в Гейде〈ль〉берг».
12/24 августа: «Худые известия о Гоголе».
23 августа/4 сентября: «Письмо к Гоголю 〈...〉 Ниренберг у Гоголя».
17/29 сентября: «Письмо к Гоголю».
〈24 сентября〉/6 октября: «Письмо к Гоголю» (ЛБ, Жук. V/3—5).

В этих лаконичных записях содержится ряд неизвестных подробностей о Гоголе.

140. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. П. ЕЛАГИНОЙ

Октября 15 дня 1846

...Гоголь сильно рассердился на Панова за его желание иметь гоголеву статью в «Московский сборник»[1]. Он прислал престранное предисловие ко второму изданию 1-й части «Мертвых душ», которое на-днях выйдет[2].

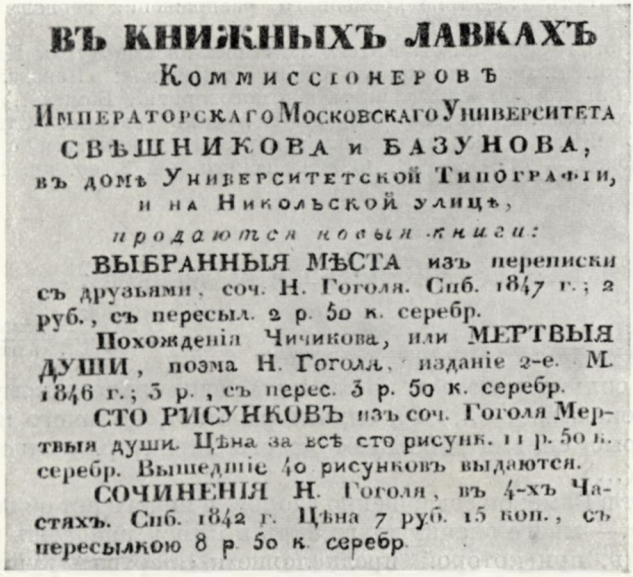
Будь я на месте Шевырева, заведующего этим изданием, я бы не напечатал такого предисловия [3]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд А. П. Елагиной (№ 193, ед. хр. 8, лл. 1 об.— 2).

[1] См. примеч. к письму № 132.

[2] В рецензии на второе издание «Мертвых душ» Белинский отмечал, что оно явилось с предисловием, которое внушает живые опасения за авторскую славу Гоголя в будущем и «грозит русской литературе новою великою потерею прежде времени». (Соч., X, 429).

[3] Второе издание «Мертвых душ» вышло в Москве в октябре 1846 г. (дата цензурного разрешения — 25 августа 1846 г.).



ВЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ
Коммиссіонеровъ
Императорскаго Московскаго Университета
СВѢШНИКОВА и БАЗУНОВА,
въ домѣ Университетской Типографіи,
и на Никольской улицѣ,
продаются новыя книги:
ВЫБРАННЫЯ МѢСТА изъ переписки съ друзьями, соч. Н. Гоголя. Спб. 1847 г.; 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. серебр.
Похожденія Чичикова, или МЕРТВЫЯ ДУШИ, поэма Н. Гоголя, изданіе 2-е. М. 1846 г.; 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. серебр.
СТО РИСУНКОВЪ изъ соч. Гоголя Мертвыя души. Цѣна за всѣ сто рисунк. 11 р. 50 к. серебр. Вышедшіе 40 рисунковъ выдаются.
СОЧИНЕНІЯ Н. Гоголя, въ 4-хъ Частяхъ. Спб. 1842 г. Цѣна 7 руб. 15 коп., съ пересылкою 8 р. 50 к. серебр.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОСТУПЛЕНИИ В ПРОДАЖУ «ВЫБРАННЫХ МЕСТ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ», ВТОРОГО ИЗДАНИЯ «МЕРТВЫХ ДУШ», «СОЧИНЕНИЙ ГОГОЛЯ», А ТАКЖЕ «СТА РИСУНКОВ» А. АГИНА К «МЕРТВЫМ ДУШАМ»

«Московские ведомости» от 9 января 1847 г.

141. С. П. ШЕВЫРЕВ — А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

Октября 31. 1846. Москва

...У меня до тебя просьба, или, лучше, не у меня, а у Гоголя, и не до тебя лично, а до графа Михаила Юрьевича ⟨Вьельгорского⟩. Гоголь желает, чтобы Щепкин дал в свой бенефис «Ревизора» точно в том виде, в каком он напечатан в его сочинениях, и с прибавлением «Развязки», которую я сегодня через Плетнева посылаю в театральную цензуру. Гоголь просит графа, чтобы он своим влиянием пособил этому доброму делу и чтобы всё было пропущено так, как Гоголю хочется. Передай эту просьбу графу с моим душевным ему почтением [1]...

Автограф. ЛБ. Фонд Веневитиновых (Венев. 46/1).

Алексей Владимирович Веневитинов (1806—1872) — брат поэта Д. В. Веневитинова, крупный чиновник. Веневитинов был женат на А. М. Вьельгорской, с семьей которой был близко связан Гоголь.

[1] Гоголь писал незадолго до того М. С. Щепкину: «Вы должны взять в свой бенефис „Ревизора“ в его полном виде ⟨...⟩ с прибавлением хвоста, посылаемого мною

теперь <...> „Ревизор“ должен напечататься отдельно с „Развязкой“, ко дню представления, и продаваться в пользу бедных <...> Бенефис Ваш будет блистателен» («Письма», III, 228—232). О том же Гоголь писал и С. П. Шевыреву («Письма», III, 228—232).

Однако «Развязка „Ревизора“», в которой Щепкин должен был разъяснить аллегорический смысл комедии, несмотря на хлопоты, к представлению разрешена не была.

В ответном письме от 10 декабря 1846 г. А. В. Веневитинов писал Шевыреву.

«Тебе, вероятно, уже известна участь покушения Гоголя насчет „Ревизора“. Переделанная эта пьеса отказана. Впрочем, не говоря об этой новой пьесе, которой не знаю, в самом Гоголе с некоторых пор заметны такие странности, которые огорчают всех любящих его и его необыкновенный талант. Это останется между нами, ибо я думаю, что все эти странности суть следствие временного раздражения нервов» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

Вероятно к этому времени относится следующее письмо Луизы Карловны Вельгорской к жене кн. В. Ф. Одоевского — Ольге Степановне: «Понедельник. Я была у Вас, дорогая княгиня, надеясь увидеться и поговорить с Вами <...> Дело касается нашего дорогого Гоголя, от которого мы получили письмо. Ответить на него невозможно до нашего свидания. Таким образом, повидаться с Вами крайне необходимо» (неизд. — ГПБ, ф. В. Ф. Одоевского, оп. 2, ед. хр. 1271.— Подлин. на франц. яз.).

142. Ф. В. ЧИЖОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

<26 декабря 1846>
7 генваря 1847 Рим

• ...Иванов сильно работает, но картины решительно никому, ни Гоголю, ни мне, не показывает <...> Он сильно работает, но много и очень много помех, которые сильно действуют на его характер, и мне его очень и очень жаль <...>

Гоголя нет в Риме; он совершенно здоров, и ничего нет об нем странного; он в Неаполе,— много значит долго быть в Риме: впадаешь в такую патриархальность, при которой предисловие к «Мертвым душам» делается делом естественным. Каково-то оно принято?[1]...

Автограф. ИРЛИ. Из бумаг Ф. В. Чижова (1487с-5, лл. 53—54).

[1] О предисловии Гоголя ко второму изданию «Мертвых душ» см. выше в письме № 140.

143. П. А. ПЛЕТНЕВ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

27 декабря 1846 г. СПб.

...Выбранные места из писем Гоголя уже отпечатаны и на-днях поступят в продажу. Ежели из книгопродавцев никто сам не вызовется отправить часть издания в Москву, то я перешлю это на Ваше имя, с тем, чтобы Вы потрудились распорядиться продажею и отправляли бы деньги уже сами к Гоголю,— а он очень нуждается.

Я определил так: один экземпляр стоит 2 р. серебром. Кто берет из купцов от 1 до 49 экземпляров, тому нет уступки, а с 50 до 99 уступается 10 проц.; с 100 до 199 — 15 проц.; с 200 до 599 — 20 проц.; с 600 и более до конца издания — 25 проц.

Гоголь мне написал, что он уже отдумал в нынешнем году печатать новое издание «Ревизора» с прибавлением новых сцен[1]. Итак, все планы по этому делу останутся до его сюда прибытия...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Письмо Гоголя от 8 декабря 1846 г. («Письма», III, 265).

Е. М. ХОМЯКОВА
Акварель неизвестного художника с дагерротипа 1840-х гг.
Исторический музей, Москва

144. В. В. АПРАКСИН — С. П. АПРАКСИНОЙ

Рим <(28 декабря 1846)> / 9 января 1847

. .Я был вчера также у художника, посетившего Вас в Искии [1]. Он меня принял с большим удовольствием, показал мне свою картину, которая, действительно, поразительна и будет достойна великих мастеров, если только ей суждено быть законченной [2]. Я говорю так потому, что нашел беднягу в том же состоянии морального упадка. Завтра утром я снова приду к нему, чтоб прочесть ему письмо о нем, которое я предполагаю написать Николаю Васильевичу Гоголю [3]. Это письмо, может быть, не отправится по своему назначению так быстро, как мне хотелось бы, потому, что я не доверю его почте и оно должно ждать специальной оказии в Неаполь. Эти предосторожности, может быть, излишни, но поскольку здесь чужие тайны, следует быть особенно осторожным [4]...

Автограф. ЛБ. Фонд Апраксиных (АГ 1/89/3—8).— Подлинник на французском языке.

Виктор Владимирович Апраксин (1822—1898) — богатый молодой помещик, племянник гр. А. П. Толстого. Намерение Апраксина «серьезно заняться благосостоянием своего имения» было известно Гоголю, и это некоторым образом отразилось в «Выбранных местах из переписки с друзьями» («Письмо к помещику»).

Софья Петровна Апраксина — мать В. В. Апраксина и сестра А. П. Толстого.

В одном из писем к сыну Ивану от 10 декабря 1845 г. С. Т. Аксаков ссылался на письмо С. П. Апраксиной к К. Н. Щепкиной с упоминанием о том, что «Гоголь бывает у них всякий день и что они от него в восхищении» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 12, л. 26 об.). См. ниже примеч. к письму № 148.

[1] Речь идет об А. А. Иванове, который провел в Искии, близ Неаполя, на вилле Апраксиной часть лета 1846 г.

[2] Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу».

[3] Письма В. В. Апраксина к Гоголю неизвестны, так же, как письма к нему самого Гоголя.

В архиве Апраксиных имеется еще несколько писем В. В. Апраксина к матери с упоминаниями о Гоголе. 9 апреля 1847 г. Апраксин сообщал матери из Петербурга: «Я надеюсь <...> приготовить письмо для Николая Васильевича. Скажите ему, от моего имени, что он получит выдержки из отзывов всех журналов, газет и т. п. о его книге, но не ранее, чем через две недели» (неизд.—ЛБ, АГ/1/39/11.—Подлин. на франц. яз.). 8/20 августа 1847 г. он писал ей же из Коксгавена: «В то время как я читал Ваши письма, я получил письмо от Гоголя, который умоляет меня приехать; вчера я решился, и через час я отправляюсь в Амстердам, Роттердам и Остенде, куда я прибуду через двое суток» (неизд. — ЛБ, АГ/1/89/3—8); 19/31 августа того же года Апраксин снова писал матери из Остенде: «Гоголь ожидает со дня на день Вьельгорских — мать, дочь и сына, которые объявили, что приедут 1 сентября» (там же, подлин. на франц. яз.). Беглые упоминания о Гоголе встречаются и в других письмах В. В. Апраксина к матери, а также в неизданных дневниках последней, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[4] 22 января 1847 г., сообщая Гоголю свой проект коренного изменения в штатах администрации, ведавшей русскими художниками в Риме, А. А. Иванов писал: «Не отвечаю Вам ни на одно из трех Ваших писем, потому что ответ боюсь поверить бумаге <...> Доброта Виктора Владимировича <Апраксина> меня изумляет: он, между прочим, и позволил мне вложить это письмо в свое, чтобы препроводить к Вам» («Иванов», 230).

Вероятно, конспиративный характер, который Иванов придавал своему проекту, заставил и Апраксина избегать отправления письма почтой.

145. Г. РОР — М. П. ПОГОДИНУ

<Москва. Конец 1846 г.>

...Вы друг Гоголя: только это и дает мне право к Вам обратиться. Но, надеюсь, что этого достаточно. Дело вот в чем. Мне поручено редакцией «La Revue des Deux Mondes» приготовить работу о Гоголе [1]. Самая необходимая подготовка мною уже произведена, но мне нехватает еще некоторых сведений, которые я надеюсь получить от Вас. Не будете ли Вы столь любезны указать день и час, когда я смогу Вас увидеть, не причиняя Вам беспокойства? Надеюсь, что Вы извините докучливость, которая может содействовать славе Вашего знаменитого друга [2] <...>

Г. Р о р

Я хотел бы, милостивый государь, чтобы всё это осталось между нами [3].

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/40/88).— Подлинник на французском языке.

Г. Р о р — автор трехтомного сочинения «Республиканский миссионер в России» («Un missionnaire républicain en Russie»), изданного в Париже анонимно в 1852 г. Приехав, как он объясняет сам, в качестве «миссионера свободы» в Россию, в которой он видел «рычаг, способный повернуть мир», Рор принимается за пропагандирование в московских гостиных довольно смутных «республиканских идей». Типичный мелкобуржуазный литератор, Рор принадлежал к числу тех людей, которые, по меткому выражению Герцена, «пошлым идеям дают модный покрой и довольны этим» (А. Г е р ц е н. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 351). Обладая неглубоким, но живым умом и острой наблюдательностью, Рор оставил в своей книге ряд интересных свидетельств о московской жизни и быте 1840-х годов. Свою некомпетентность во многих вопросах он чувствовал сам и подвергал поэтому отдельные главы книги, по собственному признанию, «строгому контролю сведущих людей»— русских ученых, литераторов и т. п., с которыми, благодаря своему общительному характеру, он сумел сблизиться. С кем именно из этих «сведущих людей» встречался Рор, установить не удалось. Любопытно отметить, что большая часть высказываний Рора о литературе вложена им в уста московского учителя «Умина» — персонажа, возможно, не полностью вымышленного — и, судя по характеру высказываний, симпатизировавшего прогрессивным явлениям в русской литературе. Весьма значительное место в сочинении Рора отведено Гоголю.

[1] Статья Рора о Гоголе в «Revue des Deux Mondes» не была напечатана.

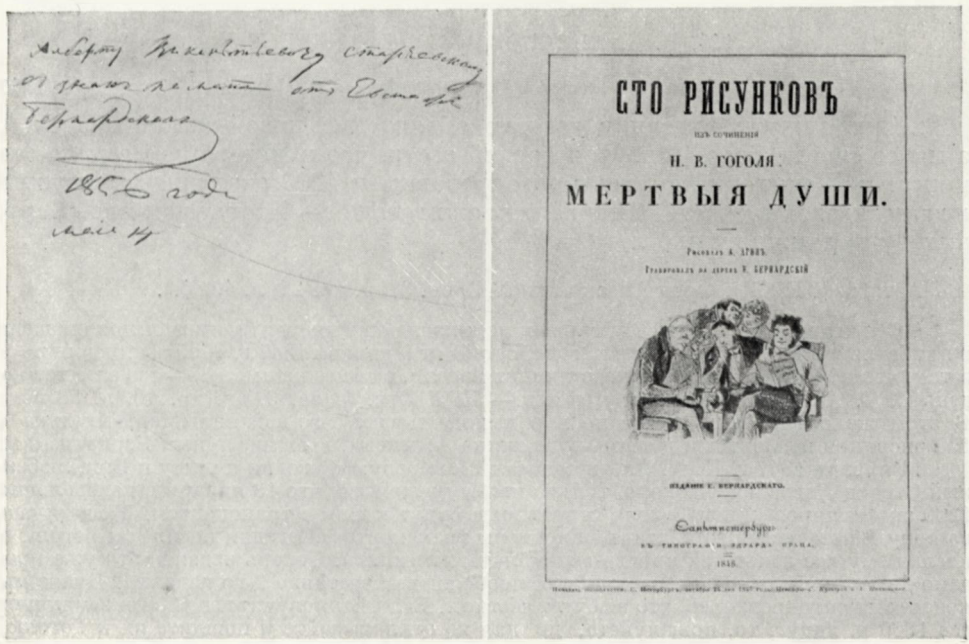
[2] «Когда появились „Выбранные места из переписки с друзьями“, — писал в своей книге Рор,—все захотели их прочесть, и почти тотчас же зазвучали и порицания и хвалебные гимны. Это повторялось при каждом появлении Гоголя в печати. Впрочем, на этот раз выявилось и значительное различие: большая часть читателей ограничилась тем, что прочла лишь начало книги или перелистала ее; с другой стороны, множество давних противников Гоголя, особенно партия моралистов и святош, стало на его

защиту, в то время как большинство его прежних приверженцев высказывалось против него <...>

Потом выступили газетные и журнальные критики. И здесь переменились роли. Молодая критика, эта ю н а я г в а р д и я, столь сильно преданная и неутомимая в превознесении и защите поэтического царства Гоголя, открыто выступила против него; она не отказывалась от славного прошлого великого писателя, но лишь для того, чтоб явственней отречься от его нынешнего падения, осуждаемого ею с горькими сарказмами или строгими упреками» (т. III, стр. 112—117).

Под «молодой критикой» Рор, несомненно, имел в виду, главным образом, Белинского. Приводим, в сокращенном виде, характеристику великого критика, сделанную Рором в другом месте книги, писавшейся, повидимому, в 1847—1848 гг.:

«Белинский—журналист по природе, пламенная, пылкая натура, обладающая великолепным критическим чутьем <...> Своими статьями, публиковавшимися в „Отеч. записках" (1839 — 1847), Белинский оказывал огромное влияние на



ЭКЗЕМПЛЯР «СТА РИСУНКОВ» А. АГИНА К «МЕРТВЫМ ДУШАМ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГРАВЕРА И ИЗДАТЕЛЯ КНИГИ Е. Е. БЕРНАРДСКОГО А. В. СТАРЧЕВСКОМУ

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

общество; он содействовал внедрению здравых суждений об истории русской литературы, и его имя будет жить рядом с именем Гоголя как имя самого отважного, самого пламенного и умного защитника писателей его школы. Теперь он продолжает итти по тому же пути в „Современнике", с прежней энергией, но с большим спокойствием, возвышенностью, зрелостью, независимостью, с тонкостью суждений, с точностью в оценках, гораздо более выдержанными и освобожденными от немецких теорий. Он заметно растет посреди непрерывных атак, направленных против юной школы» (там же, т. II, стр. 91—92).

[3] Через несколько дней Рор снова обратился к Погодину с письмом, в котором писал, между прочим:

«Что касается писем Гоголя, нет ли средства нам как-нибудь с ними устроиться? Не могли ли б Вы, например, разрешить мне как-нибудь расположиться в воскресный день, в уголке, где Вы бы мне сообщили отдельные места этой переписки? Вы можете полностью рассчитывать на мою скромность. Единственное, чего я желаю,— это внимательно прочесть письма. Возвращаю Вам заметку, которой Вы выразили желание заняться» (неизд.— ЛБ, Пог. II/40/88.— Подлин. на франц. яз.).

Выполнил ли Погодин просьбу Рора — неизвестно. В своей книге Рор дал Погодину как писателю самую отрицательную характеристику.

Гоголю с книгой Рора ознакомиться не пришлось. Это устанавливается письмом П. А. Вяземского к М. П. Погодину из Парижа, от марта 1852 г.: «Накануне того дня, в который получили мы печальное известие о смерти Гоголя,— писал Вяземский,— продиктовал и отправил я к нему письмо с приложением выписок из французской книги, недавно вышедшей здесь, в которой много говорено о русской литературе и о Гоголе <...> Мне приятно было думать, что я потешу его сообщением этих выписок <...>

Письмо мое к Гоголю было адресовано на имя графа Александра Петровича Толстого». «Не худо было бы перевести и напечатать в „Москвитянине" присланную мною статью,— писал далее Вяземский,—разумеется, с некоторыми исключениями ради цензуры. Не нужно называть книги, из которой сообщается эта статья, но можете, если угодно, сказать, что статья была прислана мною и уже не застала Гоголя» (Барсуков, XII, 1—2).

Нет сомнения, что Вяземский имел здесь в виду именно книгу Рора, вышедшую как раз в 1852 г. Извлечения из нее в «Москвитянине» не появились.

146. В. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

<Москва> 9 января 1847

...Сию минуту видели в газетах объявление новой книги Гоголя [1], а мы ее еще не получали. При первой вести, что в Петербурге вышла эта книга, к Шевыреву явились книгопродавцы и 1200 экземпляров купили и дали задаток тут же. С нетерпением ожидаем ее. — Второе издание «Мертвых душ» также вышло ...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 28, л. 40 об.).

[1] Объявление о выходе «Выбранных мест из переписки с друзьями» было помещено в прибавлении к № 4 «Московских ведомостей» от 9 января 1847 г. «Сейчас прочли в газетах, что в Москве продается новая книга Гоголя, а мы ее не имеем»,— писал в тот же день С. Т. Аксаков сыну Ивану (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 10, л. 56 об.). В этом же объявлении сообщалось о выходе в свет 2-го издания «Мертвых душ» и 100 рисунков к «Мертвым душам» художника А. Агина, гравированных Бернардским.

11 января 1847 г. П. А. Плетнев писал Шевыреву: «Сегодня я пишу к Вам, любезный Степан Петрович, наскоро, только чтобы уведомить, что 13 января в понедельник 1200 экземпляров книги Гоголя отправлены будут к Вам с транспортом. Тогда я еще напишу Вам и перешлю квитанции конторы транспортов. Сегодня писал я к Гоголю и послал ему всё деньги за прочие экземпляры его книги. Теперь издание это уже продано до экземпляра. Надобно, однако, пообождать печатание 2-го издания. Иначе мы подорвем книгопродавцев, что не будет честно... Если Вы получите за 1200 экземпляров все 1800 р. вдруг, то, пожалуйста, ни дня не откладывайте и пошлите их к Гоголю. Я уже об этом писал ему. Деньги ему теперь очень нужны» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

15 января 1847 г. Плетнев снова сообщал Шевыреву об отправлении к нему еще одной партии «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1200 экз.), отмечая, что «новой книги Гоголя не осталось у нас ни одного экземпляра» (неизд.— Там же).

147. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

11 января 1847. Суббота

...В первом номере «Современника» я выслушал только две статьи Белинского: о русской литературе и втором издании «Мертвых душ» [1]. С обеими статьями я совершенно согласен, они мне очень нравятся. Не забавно ли, что в Петербурге свободно пропускают то́ в журналах, за что здесь преследуют ученые диссертации!..

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 19, л. 21).— Частично опубликовано: «Гоголь. Материалы и исследования», I, 210; ср. «И. С. Аксаков», I, 407 — 408.

[1] Имеются в виду статья Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» и рецензия на второе издание «Мертвых душ» в первом номере «Современника» 1847 г.

Статья Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» вскоре вызвала ожесточенные нападки славянофилов, в частности Ю. Ф. Самарина, на которые Белинский отозвался статьей «Ответ „Москвитянину"» в «Современнике», 1847, № 11.

148. В. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

<Москва. 14 января 1847 г.>[1]

Твое письмо, милый друг и брат Иван, удивило нас до крайности. Нет, ты ослепил себя своею собственною мечтою. Ты так был недоволен собой и всею жизнью, ты жаждал примиренья, разрешения твоим вопросам, тебя вдруг освежила мысль, что ты нашел, и ты уже ничего не видал другого. Я вполне уверена, что, перечетши в другой раз, ты совсем иначе на всё взглянешь, если только позволишь себе быть искренним совершенно

СОЛОХА И ДЬЯК
Рисунок В. Е. Маковского, 1877 г.
Русский музей, Ленинград

с самим собой. Мы также прочли только еще один раз, но для нас не новость все эти мысли Гоголя; они прежде являлись в таком ослепительном блеске; то был такой восторг души, что мы не позволяли себе самим замечать то, что было непонятного и странного, и то было писано для одного или двух людей, а не на весь мир <...> В первую минуту по прочтении письма твоего я усомнилась в истине нашего впечатления, но я вспомнила, как мы прежде увлекались, как добросовестно, почти религиозно принимали его слова, как всё то уже перечувствовали прежде, вспомнила новую книгу и думаю, что ты скорее ошибаешься.— По крайней мере, эта книга не произвела вовсе почти никакого впечатления благотворного на мою душу. Я помню, как особенно некоторые места из «Мертвых душ» сильно потрясали и производили переворот в мыслях, приносили гораздо более плода душе, нежели все его теперешние проповеди.

В первую минуту по прочтении нескольких отрывков из книги мне чуть не плакать хотелось, но только не от умиления, а от глубокой горести

об Гоголе <...> Сегодня получили письмо от его матери. Он, думая, что она уже получила книгу, прислал ей тот отрывок из завещания, который не напечатан. Лиза хотела его мне прислать. Мать и сестры пришли в отчаяние: думают, что он уже не воротится к ним. — Не знаю, что им отвечать <...>

Стихи твои, присланные сегодня, мне чрезвычайно нравятся. Они так прекрасны и истинны вполне — то должен был бы быть Гоголь, что ты в нем видишь уже теперь, и, может быть, еще он будет, я не теряю надежды [2] <...>

У нас идут такие толки с утра до вечера, и о собственном нашем деле и о Гоголе [3]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Аксаковых (№ 10, оп. 1, ед. хр. 88, лл. 4—5).

[1] Публикуемое письмо является ответом на письмо И. С. Аксакова к отцу от 11 января 1847 г., в котором он выражал свой восторг, вызванный чтением «Выбранных мест из переписки с друзьями», утверждая, что «Гоголь <...> является в этой книге как идеал художника-христианина» («И. С. Аксаков», I, 407). Это удивило и огорчило семью Аксаковых, сильно испуганную откровенно реакционным характером книги Гоголя, компрометировавшей их собственные реакционные взгляды. Отклик С. Т. Аксакова на это письмо от 14 января 1847 г. напечатан в приложении к «Истории», 162—164. Тесная связь писем С. Т. и В. С. Аксаковых, несомненно, отправленных с одной почтой, дает нам возможность установить дату публикуемого письма.

[2] В письме, относящемся к этому времени, О. С. Аксакова писала сыну Ивану: «С изумлением, разиня рты и поднявши руки, слушали мы письмо твое о книге Гоголя Вот тебе, Ванечка, семейная картина при чтении твоего письма; более ничего не скажу; отец так много и сильно написал, что прибавлять уже не стоит. Шевырев хочет отвечать печатно; он сильно раздражен; одно сильное действие возбудила во мне эта книга: с и л ь н о е н е г о д о в а н и е — вот и польза его книги; до сих пор не могу истребить этого ощущения, оно же и поддерживается вестями (которые привез <Н. П.> Боткин и переданные нам Константином), что он иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорят тихо, с подобострастием: „Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?“, а он, кушая, отвечает: „С о ф ь я П е т р о в н а, д у м а й т е о д у ш е В а ш е й“. — Много виноваты в том и Александра Осиповна и проч. дамы, а здесь обвиняют меня, — но я любила в нем истину, а не притворство» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 39, л. 157 — 157 об.).

Упоминаемая в письме С о ф ь я П е т р о в н а — С. П. Апраксина, о которой см. в письме № 144.

В обширных «Путевых записках за границей» вице-президента Академии художеств графа Федора Петровича Т о л с т о г о (1783—1873), причастного некогда к декабристскому движению, нами обнаружена следующая запись о встрече его с Гоголем в Риме, у С. П. Апраксиной:

«<Рим> 5/17 февраля 1846 г.

...Пошел обедать к Софье Петровне Апраксиной, которая непременно просила меня прийти к ней обедать. Там я встретил Гогеля, которого я еще здесь не видал. Я сначала его не узнал, он мне показался моложе и лучше, конечно от того, что гораздо опрятнее, нежели прежде, как бывал у меня в Петербурге. Несмотря на то, что он болен, что утверждает и Розенберг, его лечащий, у него цвет лица очень хорош, свежий, здоровый, и он совсем не худ, и никак нельзя подозревать, чтоб в нем крылась какая-нибудь болезнь,—у него странный припадок, он по временам холодеет весь, и этот холод сопровождается у него самым неприятным чувством, во всем его составе, и это бывает у него, когда он встает ото сна чрез час после завтрака, и тут бывает самый сильный пароксизм, и еще раз то же бывает вечером. Сверх того, сказывал мне Розенберг, он очень мнителен и уверен, что его болезнь неизлечима; он, как видно, очень короток в доме Софьи Петровны и любим ими всеми. И это с Москвы, где Гогель изменил прежним своим правилам и образу мыслей, которые выражались во всех прежних сочинениях, и перешел в ханжи и познакомился и сдружился с сыном* Софьи Петровны, вполне ханжою.

Гогель здесь кинул всех своих знакомых художников и других, с которыми был короток до перемены образа мыслей и правил жизни <...>

Теперь он играет роль <в> аристократических домах, которые он посещает, какого-<то> углубленного в думы человека и потому по большей части всё молчит, как и сегодня — и за столом, и после стола, почти ничего не говорил.— Зато хозяйка с дочерьми с подобострастием слушают его м о л ч а н и е. Они слышали, что он замечательный русский писатель, и им как русским, хоть совсем почти не знаю-

* Ф. П. Толстой имеет здесь в виду, вероятно, не сына, а брата С. П. Апраксиной — гр. А. П. Толстого. — *Л. Л.*

щим русский язык, не оказывать уважение человеку, отличившемуся в русской литературе! Он обещался непременно зайти ко мне, но мне сдается, что он у меня не будет...» (неизд. — Автограф. РМ, ф. 4, ед. хр. 13, лл. 1072—1073). Аналогичную запись см. в черновых дневниках Ф. П. Толстого (РМ, ф. 4, ед. хр. 17, л. 3).

[3] К письму И. С. Аксакова было приложено его стихотворение. Возможно, что это было стихотворение «Свой строгий суд остановив», сочиненное под впечатлением от последней книги Гоголя.

Сохранился и ряд других неизданных писем С. Т. Аксакова и В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 10; ЛБ, ГАИС, III/IX/343).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СОРОЧИНСКОЙ ЯРМАРКЕ»

Гравюра с рисунка И. Е. Репина в книге «„Сорочинская ярмарка, или Похождение Красной свитки" Николая Васильевича Гоголя». Изд. С.-Петербургского комитета грамотности, 1871 г.

149. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

〈Москва.〉 20 января 〈1847 г.〉

...Отесенька посылает тебе письмо свое к Гоголю; оно было писано еще до выхода этой несчастной книги.— От тебя уже давно опять нет писем, ожидаю с нетерпением, что ты мне напишешь об этой книге. Ты не можешь себе представить, какие шумные толки идут у нас об ней; все эти дни с утра до вечера у нас кто-нибудь, и первое слово о Гоголе [1]. Мы хотим, несмотря на наше мнение, перечесть эту книгу снова [2] 〈...〉

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.617, лл. 6—7).

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями», вызвавшие страстную идейную борьбу, оживленно обсуждались и в «великосветских» гостиных и в литературных салонах. В цитированном выше французском сочинении Рора (см. письмо № 145) приводится описание любопытной сценки, наблюдавшейся им в одной из московских гостиных:

«—Действительно,—сказала одна дама,—последняя книга Гоголя, его „Переписка с друзьями",— книга высоконравственная, и она меня несколько примирила с ним.

— По-моему, сударыня, его прежние сочинения столь же нравственны, как и последнее, и нравственность их гораздо живей и интересней. Они отличаются от нее как хорошая комедия от проповеди, временами наводящей скуку.

— Несомненно, что в своем последнем сочинении Гоголь несет чистейший вздор ⟨...⟩ — едко произнес молодой представитель новой школы.

— Извините меня,— живо возразил святоша с претензиями на знание литературы.— Нигде Гоголь не достигал такой высоты, как в своей переписке. Наконец-то он попал на истинную дорогу!..

— На дорогу спасения души, вероятно,— насмешливо возразил молодой человек,— но эта дорога, конечно, весьма далека от поэзии.

— Что касается меня,— сказал толстяк Николай,— я никогда терпеть не мог этого Гоголя. Во-первых, он малоросс. Он издевается над нашей Россией, он ее позорит перед лицом всего мира. Это шут. Вот что я всегда говорил.

— Полноте, Николай Матвеевич,— сказал славянофил.— Гоголь, наоборот, слава нашей родины; это наш великий национальный поэт, и он нежно любит Россию.

— Вот как! И поэтому он нас изображает как нацию мошенников? Не так ли?

— Предположите,— сказал я толстяку Николаю,— что у вас болен ребенок; вы призываете к нему двух врачей. Один из них не дает себе труда осмотреть вашего ребенка и объявляет, что он совершенно здоров; второй внимательно выслушивает его, определяет болезнь, подробно описывает вам ее, чтоб вы могли ее излечить. Который же из обоих врачей больше любит вашего ребенка?

— Чорт возьми, конечно второй!

— Ну вот, Гоголь, подобно этому второму врачу, указал на некоторые болезни России» («Un missionnaire républicain en Russie», т. III, стр. 98—100).

[2] В неизданных письмах В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской за этот период весьма значительное место занимают высказывания семьи Аксаковых и их круга о «Выбранных местах из переписки с друзьями». Отметим здесь письма от 16 и 30 января, 21 февраля, 2 и 16 апреля 1847 г. (ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.617).

150. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

20 февраля 1847 г.

...Получили мы письма Гоголя к друзьям. Вот, брат, штука-то! Я даже такого и не ожидал! Книжка довольно толстая, и ни строки путной. Читать ее тяжело, жалко и досадно, чорт знает как! Гоголь сделался Осипом, только резонерствующим в духе отвратительного ханжества. Есть поразительные вещи: в одном месте Гоголь говорит, что в нем такое сцепление мерзостей, какого он не встречал ни в ком. Эти мерзости, говорит он, отделил он только от себя в лицах, им воспроизведенных. Я думаю, что он тут просто врет на самого себя. Вряд ли после такой книжицы дождемся чего-нибудь путного от Гоголя [1]...

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 98).

Николай Михайлович Щепкин (1820—1886) — сын М. С. Щепкина; впоследствии известный книгоиздатель.

[1] Не так пессимистически смотрел на Гоголя Белинский, рекомендовавший автору «Выбранных мест из переписки с друзьями» отречься от своей реакционной книги и «тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы ваши прежние» (см. «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 581).

151. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва.⟩ 7 марта 1847

...Во вчерашних газетах № 28 напечатано письмо к Гоголю по поводу его книги. Очень многое чрезвычайно умно и ловко подмечено и сказано, но что-то бездушное слышится в этой статье, по крайней мере совершенное отсутствие теплоты и убеждения. Видно также, что это выработанная вещь, и в некоторых местах очень неясно выражено. Статья эта — ⟨Н. Ф.⟩ Павлова и тем более как-то не располагает к себе [1]. — Но она замечательна как первый голос в Москве и умнее и острее всех статей, которые мы читали до сих пор, выставляет нелепости Гоголя ⟨...⟩ ⟨А. Н.⟩ Попов, между

прочим, защищает несколько Гоголя, но здесь на него все напали. Хомяков, впрочем, тоже защищает, но ему мало верят; всякий думает, что он шутит...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.617, лл. 26 об.— 27).

[1] Статья Н. Ф. Павлова в виде трех «Писем к Гоголю» была напечатана в №№ 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. и, по желанию Белинского, перепечатана в 5-й и 8-й книжках «Современника» за тот же год. Белинский с похвалой отзывался о письмах Н. Ф. Павлова, называя их «образцом мастерства писать». Однако, несмотря на то, что Павлов отрицательно отнесся к «Выбранным местам», критика его имела

ГОГОЛЬ И ЖУКОВСКИЙ
Рисунок В. А. Серова, 1900-е гг.
Литературный музей, Москва

довольно поверхностный характер. Вскрыть идейный смысл реакционной книги Гоголя, как это сделал Белинский, он не был в состоянии да и не мог ставить себе подобной задачи. Вся сила его «Писем», по мнению Белинского, заключалась в том, что «Павлов бьет Гоголя не своим, а его же оружием, и имеет в виду доказать не столько нелепость книги, сколько ее противоречие с самой собою» («Письма Белинского», т. III, стр. 198).

Л. Н. Арвольди, брат А. О. Смирновой, автор воспоминаний о Гоголе, в письме к И. С. Аксакову от 11 мая 1847 г. отмечал, что в статьях о Гоголе «завистливого, сухого» Павлова нет «теплого чувства и деликатности» (неизд. — ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 12, л. 2).

22 января 1847 г. Е. А. Свербеева писала А. Н. Попову: «Здесь книга Гоголя занимает всех, все кричат, жестоко нападают на него. Каролина Карловна в каком-то исступлении! Николай Филиппович написал критику и нынче читает ее у Киреевского — он, который никогда не признавал таланта гениального Гоголя с жадностию бросился на эту книгу — прибирает эпиграфы из «Тартюфа», хлопочет

кричит. Это отвратительно — признаюсь Вам, не могу я хладнокровно всё это выслушивать. Как жалки люди, как жадно ловят они всякую возможность осмеять, опорочить талант. Как гадко радуются возможности падения всякой знаменитости. Павлов от этого не вырастет ни на волос — что же за отвратительная суетливость. Жалкие люди!» (неизд.— ЦГЛА, ф. 472, ед. хр. 617, л. 39).

«Получил Сергей Тимофеевич Аксаков славное письмо от Гоголя,— писала она тому же адресату 22 марта 1847 г.— Как я рада, что мы с Вами одни в нем не обманулись, не сомневаясь. Все другие отчаялись и жестоко поступали с ним — совсем не по-дружески. Позвольте мне послать Ваше письмо к нему о его книге — оно его утешит — дайте его напечатать. Павлов, своими громами вооруженный, для меня кажется очень сам напуган своим громким голосом и как будто стыдится, что заговорил или, лучше, выкрикнул так громко, а голосу-то и не хватит, мне кажется, у червячка. Пускай же и накажется за громадность своего предприятия. Хотел было поднять скалу на Гоголя, а скала рушится на нем, мне так это видится» (неизд.— Там же, лл. 76—77).

Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, о котором упоминает Свербеева, — ст 6 марта 1847 г. В этом письме Гоголь, между прочим, просил поблагодарить Д. Н. и Е. А. Свербеевых за их письма по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». «Скажите им,— писал Гоголь,— что многое из их слов взято в соображение и заставило меня лишний раз построже взглянуть на самого себя» («Письма», III, 394—397).

152. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

3 апреля <1847 г.> Четверг

...Вчера я узнал, что князь Владимир Львов писал прямо к Гоголю замечания на его книгу и получил ответ весьма благоприятный, т. е. Гоголь благодарит и сознается, что напрасно печатал книгу[1]. Костя читал даже и в «Северной пчеле» ужаснейшее ругательство на Гоголя от Фаддея Булгарина [2]. Кажется, глаза его открылись, ран получил он довольно: не пора ли их врачевать?

Что касается до письма Гоголя к Смирновой, то это прежняя манера Гоголя выпутываться из какой-нибудь прорухи. Второму тому <«Мертвых душ»> я не верю: или его не будет, или будет дрянь. Добродетельные люди — не предметы для искусства. Это задача неисполнимая. Я надеюсь, что Гоголь примется за прежние п у с т я ч к и и п о б а с е н к и: тут я надеюсь опять наслаждаться творческими произведениями. Если Арнольди вправду забыл другие эпитеты — стало они незначительны [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 10, лл. 77—78).

[1] Письмо цензора и бездарного журналиста кн. Владимира Владимировича Л ь в о в а к Гоголю напечатано в «Материалах», IV, 526—528; ответ Гоголя — «Письма», III, 420—423.

10 апреля 1847 г. С. Т. Аксаков снова писал сыну Ивану: «Гоголь, кажется, совершенно очнулся: туповатый князь Владимир Львов, писавший статьи о московской жизни в „Москвитянине“ и, за грехи наши, продолжающий писать их в „Листке“, не будучи знаком с Гоголем, написал к нему письмо о его последней книге. Письму следовало быть также глуповатому; но иногда господь умудряет глупцов, и, может быть, письмо было и неглупо и недурно написано. Главное дело в том, что ответ Гоголя прекрасен. Прилагаю тебе на особой бумажке некоторые выписки из письма<...> Я выписал начало: письмо большое, исполнено искренней благодарности. Жаль, что оно ходит по Москве, сопровожденное нелепыми толками. Вот как идет все на свете» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 19, л. 29 об.). В своем письме кн. Львов высказывал Гоголю мнение — что издание «Выбранных мест из переписки с друзьями» — ошибка, «дань духу гордости», «шаг назад» в избранном Гоголем пути и т. п.

[2] Вероятно имеется в виду рецензия на «Выбранные места из переписки с друзьями» в № 67 «Северной пчелы» от 27 марта 1847 г. Подписана она была инициалами Я. Я. Я. и принадлежала не Булгарину, а Л. В. Бранту.

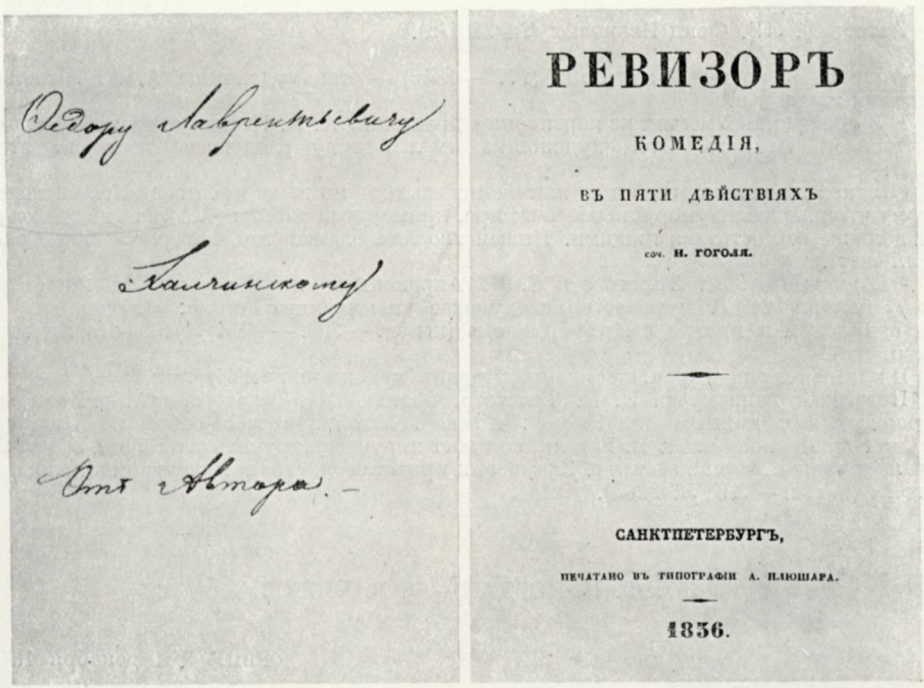
[3] 25 марта 1847 г. И. С. Аксаков сообщал отцу полученные им от Л. И. Арнольди сведения о письме Гоголя к Смирновой от 22 февраля 1847 г.: «Он уверяет ее, что будет второй том „Мертвых душ“, будет непременно; что книгу свою издал он для того, чтобы посудить и себя и публику <...> Благодарит ее <Смирнову> за любовь и говорит: с моими московскими приятелями не рассуждайте обо мне: они люди умные, но многословы и... Тут еще некоторые эпитеты, которые Арнольди не мог припомнить» («И. С. Аксаков», I, 433—434).

Арнольди, по вполне понятным причинам, скрыл от Аксакова следующую характеристику «московских приятелей», т. е. славянофилов и, в первую очередь, Аксаковых, сделанную Гоголем: «Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе. Оттого их может смутить всякая бабья сплетня и сделаться для них предметом неистощимых споров. Пусть их путаются обо мне, я их разумлять не буду» («Письма», III, 369).

153. Ф. В. ЧИЖОВ — Е. М. ХОМЯКОВОЙ

Прилуки, 10 августа 1847

...Просил бы я Алексея Степановича ⟨Хомякова⟩ [1] передать Жуковскому и Гоголю подробности предполагаемого нами журнала, чтоб услышать их ответы [2]...



ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «РЕВИЗОРА» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГОГОЛЯ Ф. Л. ХАЛЧИНСКОМУ
Историческая библиотека, Москва

Автограф. ГИМ. Фонд Хомяковых (№ 178, ед. хр. 33, л. 269).

[1] А. С. Хомяков с женой во время своего пребывания во Франкфурте-на-Майне встречались с Гоголем. 13/25 июля 1847 г. Е. М. Хомякова сообщила П. М. Бестужевой: «Здесь мы нашли Жуковского, который также будет с семьей в Эмсе, а теперь у нас сидит Гоголь» (неизд.— ГИМ, ф. 178, ед. хр. 43, л. 43).

17 августа 1847 г. Е. А. Свербеева писала С. П. Шевыреву: «Хомяковы должны были быть в Остенде, куда и Гоголь поехал. Я, кажется, писала к Вам, что Гоголь был у Хомяковых в Эмсе, где жил с своей семьей и Жуковский. Гоголь, пишет Катерина Михайловна, похудел, но здоров» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

[2] Ф. В. Чижов в это время был занят мыслью об издании нового ученого и литературного журнала с ярко выраженным славянофильским направлением. Зная, что Гоголь постоянно отказывался от участия в славянофильской печати (см. примеч. к письму № 132), Чижов пытался окольными путями заинтересовать его своим изданием и возбудить в нем желание поддержать новый орган (см. об этом ниже, в настоящем томе).

154. А. И. ИВАНОВ — С. А. ИВАНОВУ

Петербург, 8 октября 1847

...Читая сочинение г-на Гогеля относительно к твоему брату, я представлял себе его терпящим крайнюю бедность, но терпящим оную добровольно, ибо сказано в сочинении, что нищенство почитает он за блаженство[1].

Почитать оное таковым относительно к себе можно предоставить всякому на произвол его, но в отношении к трудам своим, принадлежащим уже не самому человеку, который исполняет оный по обязанности к отечеству, исполняющий не может и не должен располагаться произвольно в перенесении нужды к окончанию труда своего [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2201-а).

Андрей Иванович Иванов (1772—1848) — отец художника А. А. Иванова, академик живописи.

[1] В «Выбранных местах из переписки с друзьями» А. А. Иванову посвящена глава «Живописец Иванов». Отец художника имел в виду следующее место из этой главы:

«Иванов не только не ищет житейских выгод, но даже просто ничего не ищет, потому что уже давно умер для всего в мире, кроме своей работы <...> Есть люди, которые должны век остаться нищими. Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет».

[2] В письме А. П. Толстого к С. П. Апраксиной из Неаполя от 26 октября /7 ноября 1847 г. встречается следующее упоминание о Гоголе: «Обедаю в 5 часов с Гоголем и иногда с Циммерманом» (неизд. — ЛБ. — АГ/1/71/18. — Подлин. на франц. яз.).

Циммерман — врач, лечивший русских художников в Италии.

Приводим записку гр. И. П. Толстого, брата А. П. Толстого, к А. А. Иванову, относящуюся к концу марта 1847 г.: «Граф Толстой привез с собой из Неаполя письмо г-ну Иванову от Н. В. Гоголя, но имеет поручение вручить его лично, а потому сожалеет весьма, что не застал г. Иванова, и просит его к себе завтра утром в половине 11-го...» (неизд. — ЛБ, № 2203).

155. Ф. И. ИОРДАН — Ф. В. ЧИЖОВУ

<Рим.> 3/15 декабря 1847

...От девиц Раевских я недавно имел случай получить для прочтения «Письма к друзьям» Н. В. Гоголя и, признаюсь, многими из них душевно восхищался, особенно письмом насчет перевода В. А. Жуковским «Одиссеи» [1].

Впрочем, все-таки жаль, что тот, кто создан сочинять картины, пустился давать уроки, ибо легче разбирать и советовать, чем сочинять,— по крайней мере мне так кажется как художнику [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 31/20).

[1] См. письма №№ 133, 134 и 138.

[2] Несколько месяцев спустя, в апреле 1848 г. А. А. Иванов сообщал С. П. Апраксиной: «Граф А. П. <Толстой> поручил мне извещать Вас о всем том, что получу от Н. В. Гоголя. Исполняя [такую приятную] наложенную на меня обязанность, я за нужное считаю скопировать здесь его письмо ко мне из Константинополя, только что мною полученное. Если принять его просто, то оно в себе ничего не заключает, кроме внимания ко мне. Желательно бы мне было не отвечать ему до личного свидания с Вами. Но как и где это будет, я даже не в силах теперь об этом и думать» (неизд. — ЛБ, № 9194).

Имеется в виду письмо Гоголя к А. А. Иванову от 14/26 апреля 1848 г., написанное им уже на пути в Россию («Письма», IV, 178—179).

ГОГОЛЬ И К. П. БРЮЛЛОВ

Рисунки Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1852 г. (?)

Литературный музей, Москва

IV

В РОССИИ.— ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ.— РАБОТА НАД ВТОРЫМ ТОМОМ «МЕРТВЫХ ДУШ».— СМЕРТЬ. — ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННИКОВ

(1848—1853)

156. В. С. АКСАКОВА — С. Т. АКСАКОВУ

〈Москва. 11 сентября 1848 г.〉

...После обеда пришел Мамонов и нарисовал Гоголя удивительно похоже, без всякой карикатуры [1]. Тут вскоре явился и сам Гоголь с сожалением и извинением, что не мог к Вам ехать: он завтра уже едет в Петербург, а в первых числах октября воротится с тем, чтобы провести зиму в Москве. Маменька сказала ему: «Я предчувствовала, что вы не соберетесь ехать к нам в деревню». «Да я и сам это издали предчувствовал, когда обещал Константину Сергеевичу, к тому же не знал, что 60 верст». В этот раз он был как-то развязнее, веселее и опять стал в прежние отношения. Расспрашивал об вас; попросил дать ему стихи Ивана, чтоб прочесть хоть две странички; прочел и чрезвычайно хвалил. Говорит, что все дары ему даны, прекрасный стих, тонкая наблюдательность и т. д., теперь будет только зависеть от него, как он воспользуется жизнью — он так умеет з а п о д м е ч а т ь природу. Заметил только, что не слишком ли Иван увлекается картинами и не слишком ли много они возьмут места в ущерб самому бродяге [2]. Впрочем, прибавил, что не может судить, потому что не прочел всего сряду.— Говорил о статьях Константина, хвалил очень и слог драмы и статьи,— особенно маленькую [3]. Об Вашей же книжке он говорил и прежде, что хотя он и совсем не интересуется предметом, но прочел ее всю от доски до доски с большим удовольствием [4]. Он теперь у Погодина, в той самой комнате, которую занимал и прежде, и говорит, что увидал ее с такой радостью, точно как будто воротился на родину; что непременно бы остался и на зиму там, если б она была не холодна. Мамонов насмотрелся на него и хочет нарисовать его еще, только повеселее 〈...〉

Сегодня утром 〈...〉, только что маменька напилась чаю, въезжает колясочка и является Гоголь. Он забыл накануне передать нам поручение от сестры его, Лизы (заказать ей платье). Опять повторил, как сожалеет, что не попал к Вам, что он надеется, что Вы поймете, что ему нельзя было, и что Вы помиритесь. От нас поехал к Свербеевой [5]. Не знаю, приняла ли она его, потому что это было рано.— Вот как подробно всё Вам написала [6] ...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 5/6, лл. 38—39 об.).

[1] Эммануил Александрович Д м и т р и е в - М а м о н о в (1823—1883) — художник, автор нескольких портретов Гоголя, отличавшихся, по словам современников, большим сходством с оригиналом (см. их воспроизведение в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 539, а также в настоящем томе).

[2] «Б р о д я г а»— незаконченная поэма И. С. Аксакова (напечатана в кн.: «И. С. Аксаков», II, прилож., стр. 3—49). 17 января 1850 г. С. Т. Аксаков сообщал ее автору мнение о ней Гоголя: «Все подробности, вся природа, одним словом всё, что окружает бродягу, у него сделано превосходно. Если в бродяге будет захвачен человек, то он будет иметь не временное и не местное значение» («Гоголь. Материалы и исследования», I, 186. См. также письмо № 158).

[3] Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 г.» (см. о ней отзыв Гоголя в «Письмах», IV, 210), а также о трех критических статьях того же автора в «Московском литературном и ученом сборнике» на 1847 г. См. анализ этих статей в приписываемой Белинскому рецензии на сборник — «Современник», 1847, № 6 (перепеч. в сб. «Белинский. Статьи и материалы», Изд. ЛГУ, 1949).

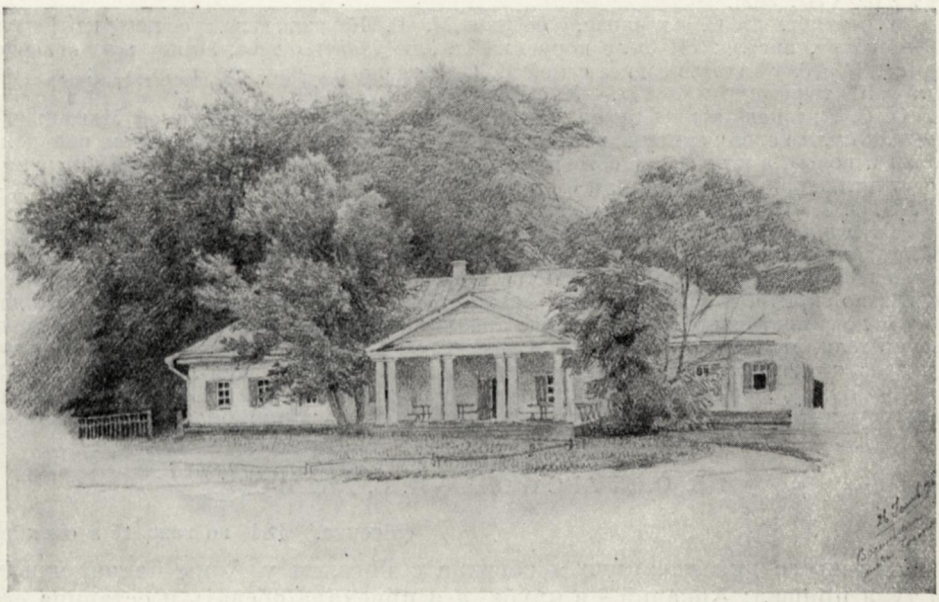
[4] Вышедшая в 1847 году книга С. Т. Аксакова «Записки об уженье».

[5] 24 сентября 1848 г. М. В. Киреевская, дочь А. П. Елагиной (1811—1859), писала Е. А. Свербеевой: «Благодарствуйте за известие о Гоголе, — если он в са-

мом деле поедет в Киев, напомните ему, пожалуйста, что ему не будет крюку ехать через Белев и заехать в Петрищево, где ему так будут все рады. Прежде он, бывало, любил маменьку и часто ходил к ней» (неизд.— ЦГЛА, ф. 472, ед. хр. 636, лл. 1 об.—2).

[6] В письме В. С. Аксаковой к брату Ивану, написанном несколько позже, встречается следующее упоминание о Гоголе: «Вчера во время чтения Гомера раздается неожиданно для нас голос Елены Антоновны, потом пришел дядя и Гоголь.— Сегодня опять помешали нам докончить последнюю главу „Илиады". Теперь отеесенька играет в карты наверху с Загоскиным, Томашевским и дядей.— Гоголь был так доволен описанием болота; говорит, вообще нельзя ни вставить, ни выпустить ни одного слова ⟨...⟩ Николай Васильевич едет в Петербург послезавтра» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 28).

«Описание болота» — эпизод из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника», писавшейся в это время, на глазах у Гоголя.



ДОМ В ВАСИЛЬЕВКЕ — ИМЕНИИ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕМ СЕМЬЕ ГОГОЛЯ
Рисунок Н. А. Ярошенко, 1876 г.
Третьяковская галлерея, Москва

157. К. С. АКСАКОВ — А. Н. ПОПОВУ

⟨Москва. Около 16 сентября 1848 г.⟩ [1]

... Вы, верно, уже видели Гоголя. Мы получили от него несколько писем из Полтавы, которые, как мне кажется, отличаются много от его иностранных писем. Всё это иначе уже расположило меня к нему. Я видел его в Москве почти совершенно неожиданно и обрадовался ему очень. Кроме того, что, уже расположенный к нему встречей его, я помнил тут, что не видал его шесть с лишком лет, и поэтому обнял всею крепостию своего объятия. Проведши с ним несколько часов, я на другой день уехал в деревню. Гоголь показался мне как-то смущенным, не знающим еще, как ему стать, робким даже, что поневоле останавливает всякое сильное слово. Мне, однако же, казалось, да и теперь кажется, что итальянская дурь у него прошла [2] ⟨...⟩ Но если он прежний Гоголь, написавший свою несчастную книгу, полную лжи в искренности и гордости в смирении, то поневоле станешь с ним в прежние далекие отношения, которые образовались после его книги. Довольно об нем [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 8, ед. хр. 15, л. 14—14 об.).

[1] Дата устанавливается аналогичным письмом К. С. Аксакова к брату Григорию и его жене, которое помечено «16 ‹сентября 1848› вечер»: «Сюда приехал Гоголь; я был в то время в Москве. Его письма к отесеньке и ко мне были совсем не то, что прежние, то есть гораздо лучше, да и, увидев его, я помнил только то, что шесть лет с лишком не видел его. Поэтому крепко его обнял, так что он долго после этого кряхтел. Он как будто смущен, уступает и еще не знает, как ему быть; неуверенность видна в нем. Так я заметил» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, ед. хр. 21, л. 18. Ср. «Материалы», IV, 752).

[2] В письме к Н. Н. Шереметевой, написанном в это время, С. П. Шевырев писал об уехавшем в Петербург Гоголе: «Через три или четыре недели Николай Васильевич хотел возвратиться к нам ‹...› Николай Васильевич наружностью не переменился нисколько. Здоровье его хорошо. Боится зимнего холода. Духом он бодр. Слово его такое же, как было прежде. Собирается здесь работать» (ЛБ. М. 6963. Ср. Барсуков, VIII, 562).

30 сентября В. С. Аксакова, сообщая М. Г. Карташевской о поездке Гоголя в Петербург, писала: «Я было поручила Гоголю узнать о тебе, но не знаю наверное адрес». К этому месту позднее самой В. С. Аксаковой сделана приписка: «Гоголь был у Карташевских» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/XV/9—10).

О. С. Аксакова также писала мужу: «Вера очень беспокоится об Машеньке и просила было Гоголя заехать, тот и согласился, но она не знала, в каком она доме, может в новом, а потому так оставила ‹...› Целую тебя, мой милый Серж, крепко и Константина также — ведь если б он настоял, то Гоголь бы поехал с ним» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 60, л. 28—28 об.).

[3] Михаил Юрьевич Вьельгорский в письме, повидимому относящемся к сентябрю 1848 г., писал своему брату Матвею: «Не знаю, предупрежден ли ты о приезде Гоголя. Несмотря на свои истинные достоинства, этот человек не лишен тщеславия, хотя оно тщательно скрыто, и он и сам, быть может, не подозревает о нем. Это делает его для меня мало симпатичным. Рейнар также приезжает. Итак, нужно приготовить им хорошие постели, это главное в деревне. Я думаю, что Рейнара и Гоголя можно поместить в маленьком домике, если он пригоден для жилья» (неизд.— ГПБ, ф. 50, ед. хр. 63, л. 30.— Подлин. на франц. яз.). Это письмо интересно для уяснения отношения Вьельгорского к Гоголю, которое идеализировалось прежними биографами писателя.

158. О. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

‹Москва.› 1848-го года 16-е октября

...Третьего дня нечаянно я обедала с Гоголем у Анны Степановны [1], он туда пришел; Аркадий [2] в клубе, а я приехала обедать и оставила его там. Он ‹Гоголь› спрашивал у меня «Бродягу», а его-то и нет у нас [3]; говорит, что в Петербурге не успел прочесть, а надеялся здесь, и очень жалел, что не познакомился с тобой короче, сказал: «Пускай он разъезжает, только чтобы не жить в Петербурге». Я спросила: «Да от кого же вы слышали там о „Бродяге“»? — «Да от многих» [4]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV/7-в).

[1] Анна Степановна Аксакова — невестка С. Т. Аксакова.

[2] Аркадий Тимофеевич Аксаков — брат С. Т. Аксакова.

[3] В письме к родителям от 13 октября 1848 г. И. С. Аксаков сообщал из Петербурга о большом успехе «Бродяги» в салоне Вьельгорских («И. С. Аксаков», II, 5).

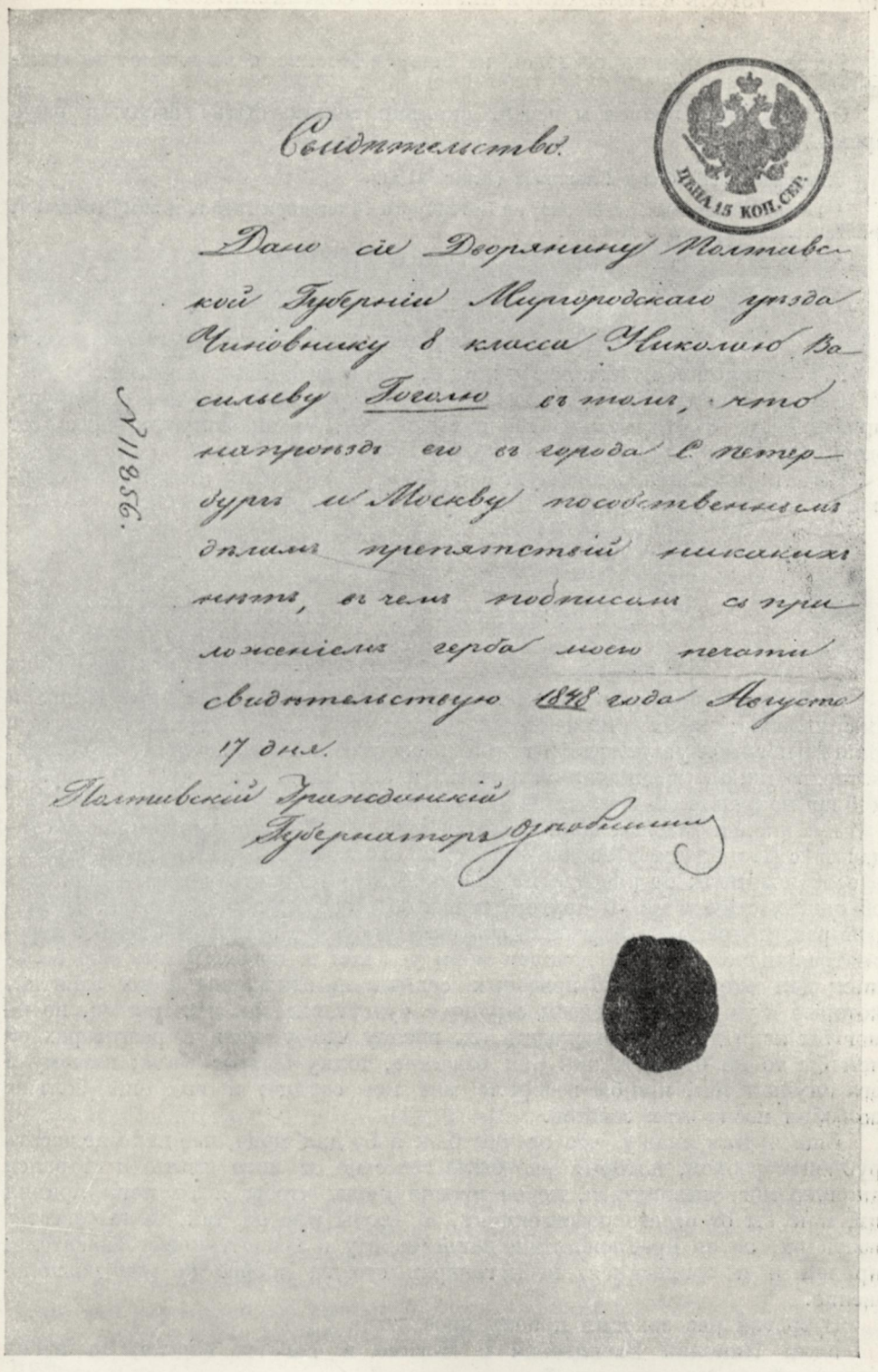
[4] 16 октября 1848 г. В. С. Аксакова писала брату Ивану: «Если ты еще не очень скоро можешь возвратиться, то перешли твоего „Бродягу“. Гоголь просит прочесть» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/20-б).

Накануне, 15 октября 1848 г., В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Ты меня спрашиваешь о Гоголе. Иван тебе может передать подробно наше свидание. Примирение произошло еще на письмах; все ему обрадовались, и отношения остались попрежнему дружеские; казалось, что это не тот Гоголь» (неизд.— Авт. копия, ЛБ, ГАИС, III/XV/9—10). См. примеч. к письму № 165.

159. М. П. ПОГОДИН — А. П. ЕЛАГИНОЙ

‹Москва.› 22 октября 1848

...Благодарю Вас усердно за черновые бумаги Василия Андреевича ‹Жуковского›. Гоголь, который теперь здесь, рассказывал мне много об его житье-бытье ‹...›



Свидѣтельство.

ЦѢНА 15 КОП. СЕР.

Дано сіе Дворянину Полтавской Губерніи Миргородскаго уѣзда Чиновнику 8 класса Николаю Васильеву Гоголю въ томъ, что напроѣздъ его въ города С. Петербургъ и Москву пособственнымъ дѣламъ препятствій никакихъ нѣтъ, въ чемъ подписомъ съ приложеніемъ герба моего печати свидѣтельствую 1848 года Августа 17 дня.

№ 11856.

Полтавскій Гражданскій Губернаторъ Основинъ

СВИДЕТЕЛЬСТВО НА ПРОЕЗД В ПЕТЕРБУРГ И МОСКВУ, ВЫДАННОЕ ГОГОЛЮ ПОЛТАВСКИМ ГРАЖДАНСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ 17 АВГУСТА 1848 г.

Институт украинской литературы им. Т. Г Шевченко АН УССР, Киев

Гоголь наш решил остаться на зиму в Москве, если климат не помешает[1].

Он довольно здоров и весел, сколько можно быть веселу в наше время...

Автограф. ЛБ. Фонд Елагиных (Елаг. «П»).

[1] Гоголь возвратился в Москву из Петербурга 14 октября 1848 г. и зиму 1848/49 г. действительно провел в Москве.

160. А. М. ЯЗЫКОВ — В. Д. КОМОВСКОМУ

4-го ноября 1848-го. Москва

... С Гоголем я познакомился; в обществе он очень интересен.

Все нападавшие на него за «Письма к друзьям», друзья и недруги, приняли его с открытыми сердцами и объятиями; зиму он проживет здесь ⟨...⟩

Читали ли Вы письмо Жуковского? ⟨...⟩ Скоро ли явятся его сочинения? Гоголь уже видел-де в Петербурге несколько томов...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19.4.104. — Яз. IV. 1).

161. П. Ф. ЗЕНЬКОВ — М. П. ПОГОДИНУ

Петербург. 1848 года ноября 4-го дня

... Благодарю Вас за письмо, которое я получил от Вас чрез Николая Васильевича; письмо Ваше меня обрадовало ⟨...⟩ тем, что я вместе с Вашим письмом увидел доброго и любезного Николая Васильевича Гоголя, которого никак не ожидал встретить, и был также рад, что Вы здоровы и благополучны.

У Николая Васильевича я был три раза[1] — при первом моем свидании с Николаем Васильевичем мы были очень рады друг другу, в особенности я; от радости не знаешь, что и говорить с ним, — начнешь об одном, сейчас же об другом, потом об третьем, и т. д. После, во второй раз, я приносил ему показать свои рисунки, этюды и эскизы; пересмотревши все, он был доволен моим успехом и пожелал мне еще больших; дал мне несколько полезных советов в отношении моих занятий, которые я уже имел в своем сердце и чувствовал так же, как он, но не мог бы ясно другому высказать их, потому что у меня в разговорах об чем бы то ни было, и как Вам известно, толку бывает мало; поэтому я его слушал так, как бы говорило мне мое сердце; я его еще больше полюбил после этих советов.

Еще я Вам скажу, что он так был добр для меня, что дал мне десять рублей серебром, которые мне было совестно от него взять, и старался сколько мог отклониться, но он просил меня, чтобы я от него принял их, как бы от своего родственника, и чтобы мне не так было совестно взять их, то он предложил мне написать ему к весне головку спасителя; причем я и согласился, поблагодарив его за доброе ко мне расположение.

В третий раз заходил к нему проститься ⟨...⟩

Если Николай Васильевич в Москве и Вы его видите, то и ему всенижайшее мое почтение[2]...

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (Пог. III/13/5).

Павел Федорович Зеньков (р. 1824) — молодой художник; повидимому именно он был автором литографии с портрета Гоголя, приложенной к «Москвитянину», и портрета Гоголя в гробу. См. о нем выше, письмо № 120.

[1] В письме Гоголя к Погодину, хранящемся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и относящемся к этому времени, встречаются следующие неизданные строки о Зенькове: «*Зеньков у меня был. Из него выйдет славный человек. В живописи успевает и уже почувствовал сам инстинктом почти все то, что приготовлялся я ему посоветовать*» (ЛБ, Пог. II/13/5).

[2] 27 декабря 1848 г. Зеньков снова писал Погодину: «Прошу Вас, добрейший Михаил Петрович, поздравьте от меня Николая Васильевича Гоголя с Новым годом и пожелайте ему от меня всех благ, какие он от господа получить желает» (неизд.— ЛБ, Пог. II/13/5).

С. Т. АКСАКОВ ДИКТУЕТ ДОЧЕРИ СВОИ ВОСПОМИНАНИЯ
Акварель К. А. Трутовского, 1892 г.
Третьяковская галлерея, Москва

162. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 8 ноября ⟨1848 г.⟩ Понедельник

...К большой моей досаде, я нисколько не привыкаю к московской жизни, и посещения добрых людей не развлекают, а надоедают мне. Никак не могу заставить себя принимать искреннее участие в чем бы то ни было. Вот, например, Гоголь теперь в таком прекрасном расположении духа, что ему можно всё высказать и всё у него выспросить, а я по целым часам сижу с ним, не говоря ни слова[1]. Но зато Константин говорит всё...

Часто я бываю недоволен его словами, считая их оскорбительными или неуместными, но дело обходится очень хорошо: искренность и простодушие его вполне оцениваются Гоголем[2]. Последний был недавно даже в театре, смотрел своих «Игроков» и остался доволен актерами, что большая

редкость[3]. Гоголь относит это к тому, что я читал им пиесу и смотрел за репетициею, вследствие чего просит, чтоб я прочел ему «Игроков», но увы — теперь он меня уже не услышит: вместе с зубами я потерял чистоту произношения, а без нее—что за чтение!..

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-в).

[1] Сестра М. А. Бакунина, Татьяна Александровна, писала 27 октября 1848 г. своей сестре — А. А. Вульф: «Гоголь в Москве <...> Приехал веселый, оживленный, говорливый — лучше, чем был когда-нибудь» (неизд.— ИРЛИ, ф. 16, оп. 4, ед. хр. 544, л. 22 об.).

[2] И. С. Аксаков писал в ответном письме от 29 ноября 1848 г. из Бессарабии: «Пользуйтесь хорошим расположением Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишет. Не надо, чтобы Константин разрушал в нем всякую веру в искусство» («И. С. Аксаков», II, 59).

Сам Гоголь по поводу своей внешней веселости писал несколько позднее А. М. Вьельгорской: «Донесение Соллогуба насчет моего здоровья и прекрасного расположения духа только наполовину справедливо. Он меня видел в гостях: нельзя же приносить в гости скуку! Волей или неволей, но должен если не быть, по крайней мере казаться быть веселым. Сказать же правду, я был почти всё время недоволен собой. Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновения» («Письма», IV, 241).

[3] Представление «Игроков» состоялось 4 ноября 1848 г. Состав актеров, игравших в этот день, установить не удалось.

163. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

<Москва.> 15 ноября <1848 г.>. Понедельник

...11-го ноября Погодин сделал у себя раут, на который заблаговременно, письмами и записками, убедительно звал всех, кого мог, а особенно людей порядочных, называющих его публично мошенником[1]. Из всех порядочных людей, совершенно понимавших цель Погодина, один только поступил согласно с своим убежденьем: Самарин написал к нему записку, что после всего, в чем обвиняет его общественное мнение, он ехать к нему не может[2]. Самарину было это труднее сделать, чем другим, ибо он считает себя почему-то обязанным Погодину. Честь ему и слава! Все прочие повалили, как бараны, их набралось более 50 штук! Погодин мог, торжествуя, сказать Гоголю: «Вот они, называющие меня подлецом! Даже хворые притащились от Красных Ворот и других отдаленных московских урочищ!» Гадко все и скверно![3]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-в).

[1] Погодина и Шевырева обвиняли в тайном доносе на Русское историческое общество, издавшее перевод сочинения английского писателя XVI в. Флетчера «О государстве русском»; в результате на общество обрушились правительственные репрессии, а секретарь общества, О. М. Бодянский, был отстранен от своих обязанностей и уволен из Московского университета.

[2] См. это письмо Ю. Ф. Самарина к Погодину: Барсуков, X, 163.

[3] В дневнике Погодина сохранилась следующая запись об этом вечере: «Приготовление к вечеру. Письмо от Самарина. Гоголь испортил и досадно» (Барсуков, IX, 479). Смысл последних слов неясен.

164. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

<Москва.> 22 ноября <1848 г.>. Понедельник

...Да, вот новость: Гоголь получил от Жуковского печатный экземпляр первых 12 песен «Одиссеи». Гоголь прочел нам сам почти половину. На Гоголя любо смотреть. Когда он читает, то вполне наслаждается

ДОМ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ «АБРАМЦЕВО», БЫВШЕМ ИМЕНИИ С. Т. АКСАКОВА
В 1849—1851 гг. ГОГОЛЬ ЧАСТО ГОСТИЛ В АБРАМЦЕВЕ

Вид со двора (верхний рисунок) и со стороны сада (нижний рисунок)
Комната Гоголя находилась в мезонине (правое окно, верхний рисунок)

Фотография С. К. Иванова-Аллилуева, 1950 г.

необъятным творчеством Гомера и художническим переводом. Последнего мнения я и Константин с Гоголем не разделяем. Перевод, точно, хорош и во многих местах изящен, но зато много имеет и грубых недостатков: или Жуковский не способен понять Гомера, или не мог понять его, не зная языка греческого. Он переводит с подстрочных переводов. Жуковский смешал простоту языка с его современною обыденностью: это доказывает справедливость первого предположения. Гоголь поражен нашими замечаниями и убедительно просит записывать их, чтоб немедленно отправить к Жуковскому, что, впрочем, мы не делаем. Что же касается до Гомера, то это чудо, никакими словами не изъяснимое! По моему мнению, он в «Одиссее» проявляет несравненно больше многостороннего творчества, чем в «Илиаде», ибо содержание несравненно разнообразнее [1]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-в).

[1] О спорах Аксаковых с Гоголем по поводу перевода Жуковского см. в следующих письмах.

165. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 28 ноября ⟨1848 г.⟩

На другой день после отправки моего последнего письма, т. е. 22 ноября, получили мы письмецо твое, милый друг Иван, с приложением сшитой тетрадки. Один вид этого толстого конверта произвел всеобщую радость. Спасибо, сто раз спасибо тебе, милый друг! Ты сам можешь себе представить, какое было для нас наслаждение читать и перечитывать живое изображение всех испытанных тобою новых впечатлений. Из посторонних читали твое большое письмо только Самарин и Гоголь; обоим оно показалось очень интересным, хотя последнему немножко и чихнулось от некоторых выражений о хохлах [1] ⟨...⟩

Мы прочли все 12 песен «Одиссеи». Стих вообще очень хорош, и есть места даже превосходные, но в частностях можно сделать много замечаний, которые и были деланы мной и особливо Константином, всегда доказывавшим неверность перевода сличением его с подлинником. Гоголь сначала принимал эти замечания очень хорошо, убеждался в их справедливости и просил всё записывать для сообщения Жуковскому; но впоследствии стал раздражаться словами Константина, иногда несколько неуместными и резкими, ибо дело непосредственно касалось до его самого. Третьего дня так рассердился за упреки в долгом пребывании на чужой стороне Жуковскому, что убежал и унес с собой «Одиссею». Вчера не был; увидим, придет ли сегодня. Нет, не восстановиться прежним отношениям между нами. Искренности нет, и очень явно его недоброжелательство к Константину, которого, разумеется, он считает причиною всех моих писем [2]. Признаюсь, мне часто бывает досадно. Неужели я, проживши столько лет, не сумел нажить себе имени неглупого и самобытного человека? Всё, что я говорю и делаю, решительно приписывается Константину! Это обстоятельство нередко заставляет меня противоречить ему при свидетелях в том, в чем я внутренне согласен. Вот это, конечно, глупо [3]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-в). — Начало опубликовано в кн. «И. С. Аксаков», II, 25.

[1] Речь идет о письме И. С. Аксакова к родителям из Одессы от 10 ноября 1848 г., в котором он подробно описывает свою поездку по Украине («И. С. Аксаков», II, 10—25).

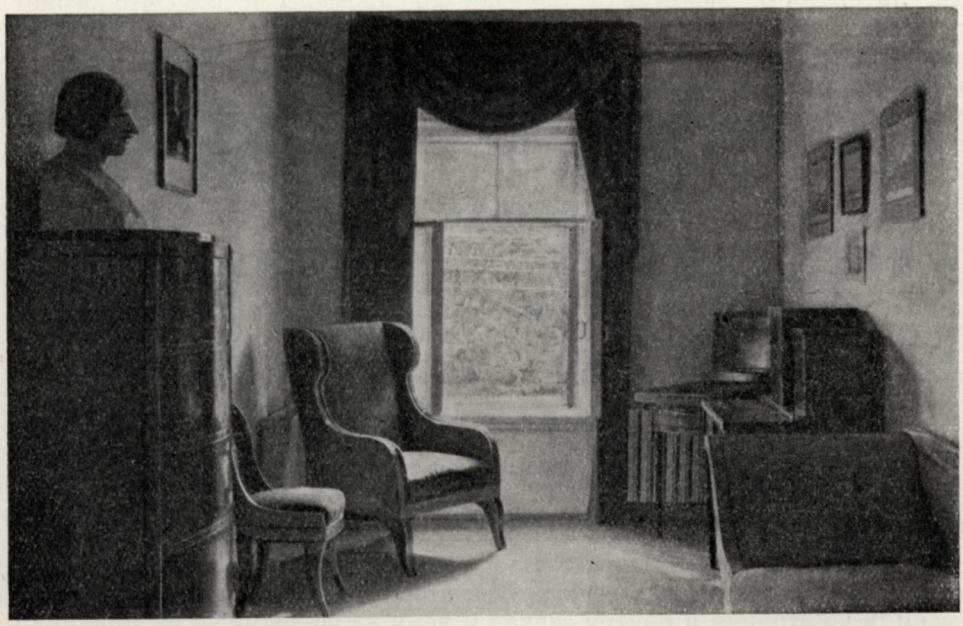
[2] Аксаковы до самой смерти Гоголя не теряли надежды сделать из него воинствующего сторонника славянофильских взглядов; между тем, не встречая в нем сочувствия, они считали себя глубоко оскорбленными, жаловались на «неискренность» Гоголя, хотя он и не пытался скрывать от них свою отчужденность (см. «Письма», IV, 63).

После окончательного возвращения Гоголя из-за границы резко обострились его отношения с К. С. Аксаковым. Гоголя не мог не раздражать этот, по выражению Н. В. Станкевича, «зевающий энтузиаст», нетерпимый к чужому мнению, доводящий до абсурда даже здравые мысли и помешанный на желании гальванизировать давно отмершие пережитки старины. Отказ Гоголя демонстрировать свое единомыслие со славянофилами возмущал и К. С. Аксакова, и боготворившую его семью.

166. К. С. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

〈Москва. Двадцатые числа ноября 1848 г.〉

...Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон. Я сношу это. Но в последний раз, услыхав, что он опять собирается за границу,



КОМНАТА В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ «АБРАМЦЕВО». В ЭТОЙ КОМНАТЕ ВО ВРЕМЯ СВОИХ ПРИЕЗДОВ К АКСАКОВЫМ ЖИЛ ГОГОЛЬ

Фотография С. К. Иванова-Аллилуева, 1950 г.

в Англию, я высказал ему свои ощущения касательно этих бесстыдных отъездов в чужие края, и он, кажется, обиделся [1]. Получена «Одиссея» Жуковского. Это не Гомер. Мудрованья премного, особенно в начале. Гоголь даже стал уж соглашаться. Из нескольких слов о нашей старине увидел я, что Гоголь ее самонадеянно не понимает. Если всё это так, то, я думаю, не будет прока от его деятельности...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/1-б).

[1] См. примеч. к предыдущему письму.

Повидимому, к этому же времени относится следующее письмо О. С. Аксаковой к сыну Ивану: «Мы получили от тебя письмо, которое читали, читали и других заставляли (по их желанию). Самарин удивляется и говорит, что он не может никак записать всего. Гоголь очень доволен — последнего от нас отбивают и, может быть, успеют: он, кажется, едет в Англию — переезжает жить к 〈А. П.〉 Толстому, говорит Консте 〈К. С. Аксакову. — *Л. Л.*〉 очень резкие вещи и даже несправедливые, и тот очень тихо всё принимает» (неизд. — ЛБ, ГАИС, III/IV/7-г).

Несколько позднее, весной 1849 г., О. С. Аксакова снова сообщала И. С. Аксакову: «Вчера вечером был Гоголь; видно, что Москва полезно действует на него. Много

отпало у него духовной гордости, но Константина он постоянно оскорбляет; я поговорю с ним об этом дружески, он и сам не замечает, вероятно, а видно, что есть такие раздувательные мехи, но бог с ними» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 39, л. 37 об.).

В другом письме (без даты) О. С. Аксакова писала: «Гоголь у нас бывает часто, но, кажется, он под влиянием Шевырева и Погодина» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/7-г).

10 декабря 1848 г. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Гоголь пишет, часто бывает у нас, ездит ко всем, кто только скажет, что желает его видеть, и со всеми очень хорош» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/22-в).

167. А. А. ИВАНОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Рим. <27 января> / 8 февраля 1849

...Часто мне теперь на мысль приходит Завьялов и Москва. — Ученые, литераторы, защитники Запада, славянофилы и всё, что звонит красивыми словами об искусствах, выслали глубоко ученого рисовальщика русского и взяли на его место Скотти, у которого самая высокая нота — деньги и спекуляции[1]. Если б я знал наверное, что Н. В. Гоголь в Москве, я бы послал к нему об этом письмо; может быть, его авторитет пособил бы разбить бессовестность и восстановить Завьялова еще с большею крепостию [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 31/2).

[1] Возмущение Иванова было вызвано увольнением с должности инспектора Московского училища живописи, ваяния и зодчества художника Федора Семеновича Завьялова (1810—1856) и назначением на его место итальянца по происхождению — Михаила Ивановича Скотти (1812—1861).

[2] 15 мая 1849 г. Иванов писал Гоголю: «Хотел бы я Вас спросить о Завьялове,— упрекнуть и Вас и Москву в бессовестности; но так как это всё останется без результатов,— всё, всё отлагаю до окончания моей картины» («Иванов», 262).

168. И. А. ФОНВИЗИН — Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Москва. 28-го мая 1849-го года

...У Николая Васильевича третьего дня был сам и побеседовал с ним около двух часов. Я уже извещал Вас, что в самый троицын день он был у меня, а во вторник я поутру заехал к нему не во-время — он принимал ванну.

Письмо Ваше сам вручил ему, и он удивляется, что Вы не получили еще письма его, писанного, по словам его, за неделю [1].

После ванны, говорит, что чувствует себя гораздо лучше.

Не знаю, что может доставить мое знакомство Николаю Васильевичу, но скажу Вам, что мне с ним чрезвычайно легко и свободно, и я, с своей стороны, желаю продолжения знакомства, не позволяя себе мечтать о мнимой пользе, доставляемой моим знакомством [2]...

Автограф. ЛБ. «Покровский архив» (№ 6961).

Иван Александрович Фонвизин — брат декабриста М. А. Фонвизина.

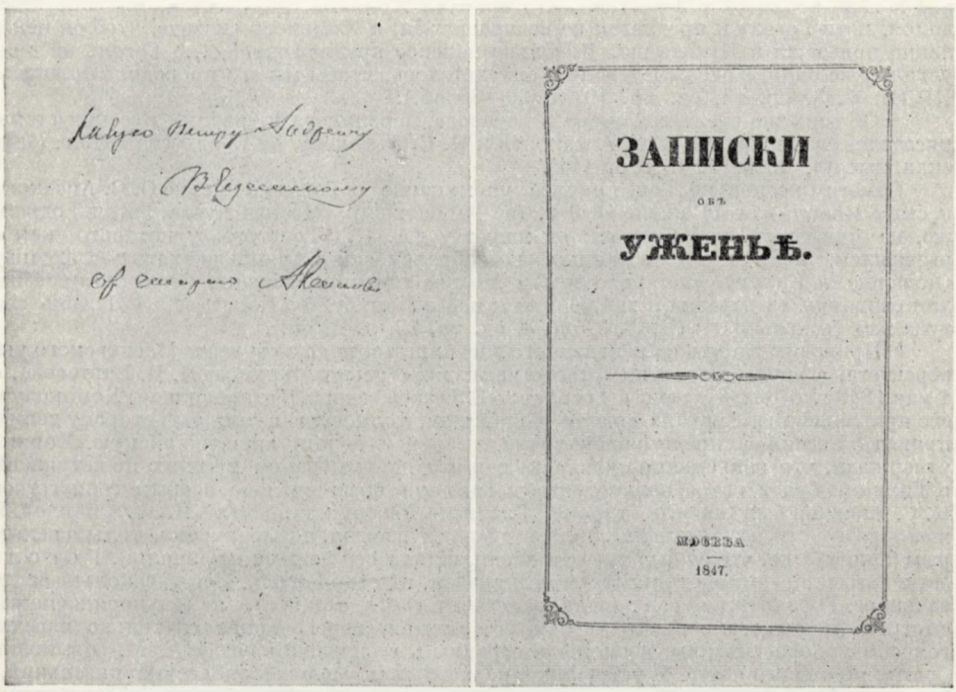
[1] В письме Гоголя к Н. Н. Шереметевой (напечатанном без даты и теперь поддающемся довольно точному датированию) есть следующие строки: «Доброго Ивана Александровича Фонвизина я имел удовольствие видеть два раза и вам благодарен от души за это знакомство» («Письма», IV, 251). Письмо И. А. Фонвизина к Гоголю от 30 октября 1850 г. см. в «Материалах», IV, 822.

[2] Далее Фонвизин пересказывает слышанную им от Гоголя историю о больной девушке, страдавшей галлюцинациями.

28 марта 1849 г. известный иезуит-эмигрант кн. Иван Сергеевич Гагарин писал Шереметевой из Лаваля: «Чрезвычайно меня утешило то, что Вы мне сообщаете о Николае Васильевиче; потрудитесь поблагодарить его за воспоминание и скажите ему, что я давно уже поминаю его в своих грешных молитвах, а теперь и за святым алтарем. Ему господь даровал редкий талант, и в день страшного суда

он будет от него требовать отчета в употреблении сего таланта. Для благого употребления сего таланта нужна ему большая благодать и, следовательно, теплая, ревностная, непрестанная молитва <...> Я чрезвычайно утешен буду, если узнаю, что Николай Васильевич растворяет учение молитвою и молитву учением. Церковная история представляет его деятельному и наблюдательному уму обильное поприще» (неизд.— ЛБ, М. 6966).

Это письмо ярко характеризует один из моментов той продолжительной борьбы за Гоголя, которую развернули реакционные силы, в том числе и католические церковники. Желая отвлечь Гоголя от деятельности писателя-реалиста и обличителя, они намеренно толкали его на путь мистицизма, гибельный для него как художника.



«ЗАПИСКИ ОБ УЖЕНЬЕ» С. Т. АКСАКОВА (ЭКЗЕМПЛЯР, ПОДАРЕННЫЙ АВТОРОМ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ), 1847 г. ЭТА КНИГА ОЧЕНЬ НРАВИЛАСЬ ГОГОЛЮ
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

169. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

20 августа 1849. Абрамцево. Суббота

У нас всю эту неделю гости. В прошлую пятницу приехал Самарин проститься; он едет служить в Симбирск. Он пробыл у нас до воскресенья утром. Только что он уехал, приехал в тот же день Гоголь, который прожил у нас до сегодняшнего дня. Только что Гоголь с отесенькой и Константином (они поехали все вместе к новому нашему соседу — Путяте [1], который приезжал к нам с визитом и у которого ждал Гоголя Климент Россет [2], для того, чтоб вместе ехать в Москву) выехали из ворот, как в другие ворота въехал Хомяков. Мы воротили наших, Гоголь уехал один [3], а Хомяков едет завтра; вероятно, и Константин с ним поедет в Москву. Погода ужасная, дожди непрерывные.

Гоголь обыкновенно всё дообеденное время проводил у себя наверху и, по всему вероятию, писал. После же обеда всё время почти проходило в чтении старинных русских писателей; читали много прекрасных переводов Мерзлякова с греческого — Гомера и других [4], и вместе с Гоголем все восхищались [5]...

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/9—10).

[1] Николай Васильевич Путята (1802—1877)— литератор. См. письмо к нему Гоголя в сб.: «Звенья», изд. «Academia», 1934, I, стр. 93—94.

[2] Климент Осипович Россет (1811—1866)— брат Александры Осиповны Смирновой.

[3] С. Т. Аксаков вскоре же сообщил об этом эпизоде своему сыну Ивану: «Гоголь прогостил у нас до 20 августа. В продолжение этого времени был у нас Путята (уже в другой раз), который говорит, что познакомился с тобой в Петербурге, и Климентий Россет. 20-го, позавтракав, поехали мы с Константином проводить Гоголя до Путяты (он живет в своем имении, в Муранове, 8 верст от нас) и отдать сему последнему визит; но только стали подъезжать к так называемому Артемьевскому лесу, как нас догнал верховой с известием, что приехал Хомяков. Разумеется, мы воротились домой, хотя Гоголь и предлагал не возвращаться, а Хомякову сказать, чтоб он немедленно приезжал к Путяте же. Довольно нелепое предложение! <...> Гоголь ни с чем уехал, уже один, и очень недоволен: ему хотелось, чтобы мы его проводили» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, ед. хр. 19, л. 36—36 об.).

[4] Об этих же чтениях Гомера в переводе Мерзлякова и «разных русских старых писателей» см. в письме В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от 15 августа 1849 г. («Русская мысль», 1915, № 8, стр. 114).

Отметим несколько более раннее упоминание о Гоголе в письме О. С. Аксаковой к сыну Ивану — от 11 июня 1849 г. (из Радонежья): «Москва пуста. Гоголь, однакоже, не чувствует этой пустоты; он живет у <А. П.> Толстого, у которого, как он выразился, все приезжено, но собрался сам с Арнольди ехать к Александре Осиповне в Калугу, она проездом в Москве прожила неделю. Самарин приезжал для свидания из деревни и также едет к ней в Калугу, и Константина Гоголь звал туда же» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 22, л. 22 об.).

[5] Приводим запись из неизданного дневника тогда еще студента Московского университета, а впоследствии известного издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, от 1 мая 1849 г. о его встрече с Гоголем: «В 8 часов вечера я отправился к Хомякову по его приглашению. Сначала сидели в кабинете, толковали о том, чью сторону должна принять Россия в предстоящей войне, славянскую или антиславянскую. Хомяков утверждал, что непременно славянскую и что первым делом русских по вступлении в Галицию будет истребование, чтобы Галиция была сделана особым герцогством. К. С. Аксаков был на его стороне. Главным противником был <Н. Ф.> Павлов. Во время разговора незаметно отворилась дверь и взошел, поклонившись только некоторым (видно было, что он был тут уже давно, шляпа его лежала в кабинете), Гоголь. Мак<артычянц> тотчас толкнул меня и сказал, что это Гоголь. Меня несколько задело за живое. Гоголь сел в угол дивана, далеко от света, так что я не мог порядочно рассмотреть лица его, и большею частью всё молчал, переговариваясь только изредка, голосом малороссийским, несколько странным, с сидевшим возле А. М. Языковым, братом покойного поэта. Я устремился на него весь. Человек он весьма низенький, с черными <!> длинными волосами, также и усами, но без бакенбард, и всё лицо от щек до шеи, на к<оторую> б<удто> намазан скудный галстух, как-то голо. На нем бархатный жилет, золотая цепь и род сюртука-кафтана, к<ак> носят мак<едонские?> армяне. Он часто позевывал, теребил пальцами по подушке, наконец спросил себе воды, выпил и, ни с кем не простившись, взял шляпу и тихонько вышел. Вот мои первые впечатления при виде Гоголя. В его манерах и особенно голосе мне, не знаю — основательно ли, припоминался О. М. Бодянский» (ЦГЛА, ф. 46, ед. хр. 3, л. 10—10 об.).

В более ранней заметке, относящейся к началу февраля 1849 г., П. И. Бартенев писал:

«Если поэт вообще предполагает прекрасную душу, то такой поэт, какой является в произведениях Гоголя, который умел из ничтожного и грязного породить высокое и художественное, обладающий такою удивительною ваятельною силою, такой поэт должен иметь душу не только прекрасную, но и глубоко добродетельную, а между тем все говорят про Гоголя, что он гордец. Стоит вспомнить анекдот о Берлине, который рассказывал Катков» (там же, л. 1). Что имел в виду Бартенев под «анекдотом о Берлине», нам неизвестно.

170. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

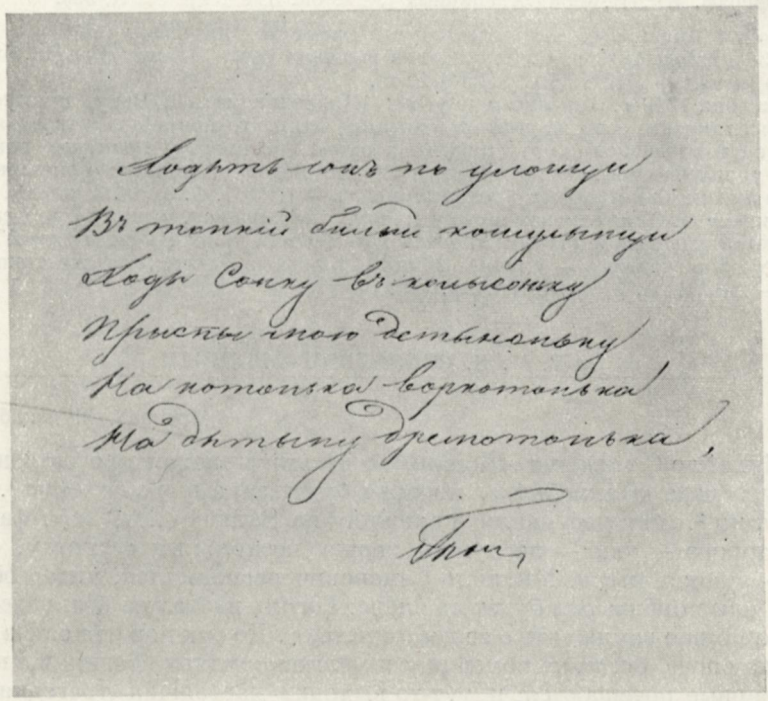
<Абрамцево> 29 августа 1849 г.

...Не могу умолчать перед тобой о том, что̀ нас так порадовало, но это великий секрет.

19 числа Гоголь читал нам первую главу второго тома «Мертвых душ», и, слава богу, это так хорошо, даже выше и глубже первой части, по

общему приговору. Ты можешь себе представить, как мы были обрадованы ⟨...⟩

Вечером, после чая, мы воротились в гостиную. Константин уже дремал. Гоголь его подталкивал, будил и сказал: «Прочтемте что-нибудь, хоть бы „Мертвые души“». Константин сказал: «Очень рад, сейчас принесу» (он и мы все думали, что Гоголь говорил о первом томе «Мертвых душ»), встал и хотел было уже итти наверх за книгой, но Гоголь сказал: «Да уж лучше я сам вам прочту...» и вытащил из кармана тетрадь. Мы обомлели, едва переводили дыхание от ожидания. Гоголь начал читать первую главу второго тома



УКРАИНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ, СОБСТВЕННОРУЧНО ЗАПИСАННАЯ ГОГОЛЕМ

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Мертвых душ» — первые минуты прошли еще в смутном состоянии и радости, и опасения, что то, что услышим, не будет иметь достоинства прежних сочинений Гоголя. Но вскоре мы убедились, что опасения наши были напрасны; слава богу, Гоголь всё тот же, и еще выше и глубже во втором томе [1]...

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/9—10). — В опускаемой части письма описывается поездка Гоголя в Троице-Сергиевскую лавру 19 августа 1849 г. и его возвращение вечером в Абрамцево.

[1] Другие подробности этого чтения Гоголем начала второго тома «Мертвых душ» см. в приложениях к «Истории», 186.

29 августа 1849 г. С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Уведомление о Рыбинском спектакле так замечательно, что я пишу о нем Гоголю. Об стихотворениях Григорья Богослова также напишу. Не могу больше скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома „Мертвых душ“. Слава богу! Талант его стал выше и глубже; мы обещали ему не писать даже и к тебе, но нет сил молчать. Глава огромаднейшая. Чтение продолжалось час с четвертью» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 20, л. 4. — Частично цитируется в примеч. к кн.: «И. С. Аксаков», II, 217).

171. О. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

Москва. Октября 21-е ⟨1849 г.⟩

...Ты не поверишь, как все жалеют и даже скучают, что мы не в Москве. Гоголь говорит, что он не может поверить, чтоб Сергея Тимофеевича не было в городе [1] ⟨...⟩

Кстати: о «Мертвых душах» все знают — Александра Осиповна написала о том даже Шевыреву, а в Калуге даже рассказывала содержание. Мне сказывал Федор Унковский [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 39, л. 55).

[1] Семья Аксаковых находилась в это время в Абрамцеве.

[2] 13 октября 1849 г. С. Т. Аксаков сообщил сыну Ивану: «Гоголь воротился в Москву» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/22-г).

5 октября 1849 г. он писал ему же: «Проводив мать и Веру, примусь за свои охотничьи записки; если не пойдет описание птиц, то попробую заняться кратким описанием технической части ружейной охоты, которого у меня уже довольно написано, только в отрывках. Если же и это не пойдет, то напишу о знакомстве своем с Державиным, что я обещал Гоголю» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 20, л. 66).

В письме О. С. Аксаковой к сыну Ивану, относящемся, вероятно, к осени 1849 г., встречаются следующие строки: «Гоголь хотел к нам приехать сюда зимой читать, но я что-то мало надеюсь — скучна зимняя дорога в России, он же такой зябкий» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 30).

172. М. В. СТАНКЕВИЧ — РОДНЫМ

⟨Москва⟩. 11 декабря 1849 г.

...Михайло Семенович ⟨Щепкин⟩ с детьми приехал прочесть нам комедию Тургенева «Нахлебник», которая будет дана в его бенефис [1]. Пришел и Пикулин [2], как две капли похожий на Ваню [3] ⟨...⟩, и Афанасьев [4], нос которого — увы — послужил целью нескольким остротам. «Нахлебник» — чудная пьеса. Михайло Семенович расплакался, читая ее и воображая, как хороша она будет на сцене. Гоголь назвал ее безнравственною, из этого можно заключить о ее достоинстве [5]. До сих пор она еще в цензуре. В ней на сцене богатые помещики и мелкопоместные бедняки, над которыми первые потешаются, и тут-то выходит настоящая трагедия. Может быть, эта пьеса будет напечатана в «Современнике» [6]...

Автограф. ЛБ. Из бумаг Станкевичей (М. 8421/36).

Мария Владимировна Станкевич (1823—1850)— сестра Н. В. Станкевича, незадолго до смерти вышедшая замуж за Н. Г. Фролова. Ее сестра, Александра Владимировна, была замужем за сыном М. С. Щепкина — Николаем.

[1] Пьеса И. С. Тургенева «Нахлебник» должна была быть представлена в бенефис Щепкина — 31 января 1849 г. Однако она была запрещена цензурой и впервые поставлена на сцене только в 1862 г.

[2] Павел Лукич Пикулин (1822—1885)— известный московский врач, приятель Грановского.

[3] Иван Владимирович Станкевич (1820—1907)— младший брат Н. В. Станкевича.

[4] Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871)— известный впоследствии исследователь русской народной поэзии. См. его статью «М. С. Щепкин и его записки», в которой значительное место уделено Гоголю («Библиотека для чтения», 1864, № 2).

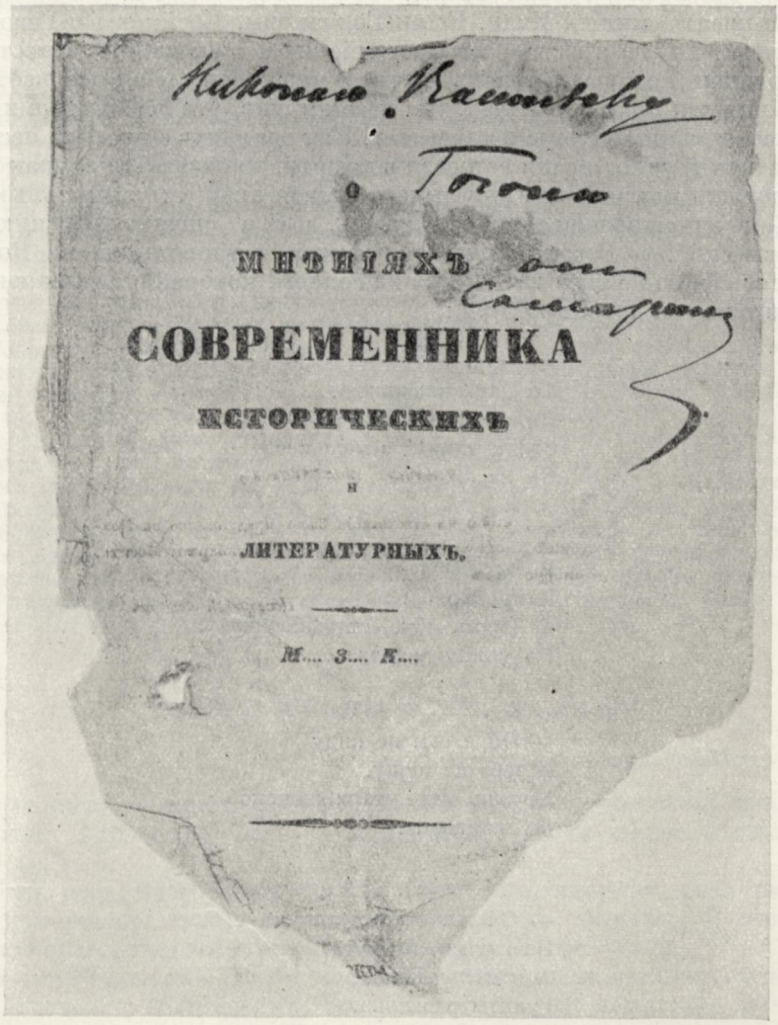
[5] О Тургеневе как писателе Гоголь был весьма высокого мнения и находил в нем «талант замечательный», который «обещает большую деятельность в будущем» («Письма», IV, 83). Об этом свидетельствуют также и воспоминания Л. И. Арнольди и А. П. Толченова. Единственное дошедшее до нас упоминание Гоголя о «Нахлебнике», почему-то названном им «пьесой с причиной», см. в Соч. А. Григорьева, т. I, СПб., 1876, стр. 350.

[6] В письме к родным от 22 января 1849 г. М. В. Станкевич сообщила подробности своей встречи с Гоголем на обеде у М. С. Щепкина (неизд.— ЛБ, № 8421/36).

173. А. Е. СТУДИТСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

〈Москва. 1849 г.〉 [1]

Сообщаю Вам, если Вы не читали, статьи, выдаваемые за переписку Гоголя и Белинского. Вы поймете, конечно, что правда это или подделка — всё равно. Дело не об лицах 〈...〉 Если Вы читали, прошу возвратить немедленно; если нет — поскорее [1]...


Николаю Васильевичу
о Гоголе
МНѢНІЯХЪ
СОВРЕМЕННИКА
ИСТОРИЧЕСКИХЪ
и
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ.
М... З.... К....

ОТТИСК СТАТЬИ Ю. Ф. САМАРИНА «О МНЕНИЯХ „СОВРЕМЕННИКА" ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ГОГОЛЮ

Статья была помещена в «Москвитянине» 1847 г. и подверглась уничтожающей критике Белинского

Исторический музей, Москва

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/32/6).

Александр Ефимович Студитский — сотрудник «Москвитянина» и одно время его редактор.

[1] Студитский имеет здесь в виду одну из многочисленных копий переписки Белинского с Гоголем, получивших в Москве большое распространение в 1849 г. Историю

распространения знаменитого письма Белинского к Гоголю см. в работе: К. Богаевская. Письмо Белинского к Гоголю. — «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 520—544.

174. Н. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 16 января ⟨1850 г.⟩ Понедельник, 12 ч. в.

Сейчас разъехались наши гости... все разошлись спать, и я на просторе села тебе писать, милый Иван. Были Горчаковы, Воейковы и Гоголь. Гоголю я пела, по его просьбе, малороссийские песни, данные Константину Максимовичем, которые и теперь звучат в ушах моих. Как они неотвязны! Мотив в них так ярко обозначен, так легок и жив, что легко запоминается, и по тем же причинам скоро и надоедает. Как сравнить с русской песней! — ее и схватить трудно, а если остается в памяти, то раздается в ушах отдельными протяжными звуками или выдающимися вперед музыкальными фразами. Как успокаиваешься и отдыхаешь, когда споешь русскую после малороссийской. — Гоголь слушает, кажется, с удовольствием. Вот одна, которая особенно не выходит у меня из головы, которой слова напевал нам Гоголь и которая довольно мила:

1

Ой пид вишенькою,
Пид черешенькою
Стояв старый з молодою,
Як из ягодою.

2

И молылася,
И просылася:
— Пусти мене, старый диду.
На улицу погулять.

3

— Ой и сам не пиду
И тебе не пущу,
Хочешь мене старижненького
Да покинуты.

4

— Ой ты, старый дидуга,
Изогнувся, як дуга,
А я молоденька,
Гуляты раденька.

5

Ой ты, старый,— кихи, кихи,
А я, млада,— хихи, хихи
Над твоею бородою,
Над сиденькою [1].

А другого малороссиянина — Максимовича — мы с тех пор, как он у нас был в первый раз, и не видали. Гоголь говорит, что у него есть соседка, которая живет на дороге, куда бы он ни шел, и к которой он непременно зайдет, и потому к другим не попадает. Эта соседка — гр. Салиас [2] (бывшая его ученица) [3]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 33, л. 1 — 1 об.).

[1] Песню «Ой пид вишенькою» биограф Гоголя П. А. Кулиш отметил как одну из самых любимых песен писателя («Записки о жизни Гоголя», II, 213).

[2] Известная писательница, Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, рожд. Сухово-Кобылина (1815—1892). Ее письмо к М. А. Максимовичу о смерти Гоголя, от 25 февраля 1852 г., напечатано в «Русском архиве», 1907, № 11, стр. 433—441.

[3] Гоголь был в это время частым посетителем салона Свербеевых. Сын Д. Н. Свербеева, Александр Дмитриевич (1835—1917) вспоминал в своих записках: «На воскресных собраниях, где пел наш хор студентов, Гоголь всегда сидел в стороне и мало разговаривал. Помню, отец мой, который любил нас, детей, подразнить и называл брата Володю и меня Бобчинским и Добчинским, а сестру Ольгу — бабусею, в один из таких воскресных вечеров подвел нас к Гоголю и представил под этими названиями. Разумеется, мы были страшно сконфужены, но, к удивлению нашему, Гоголь сконфузился еще больше и стал нас спрашивать, в какой гимназии мы учимся, тогда как прекрасно знал, что нас никуда из дому не отдают. Был он частый посетитель нашего дома и особенно много бывал у моей матери в то лето, которое она провела с больной сестрой Варенькой в Петровском парке‹...› До какой степени Гоголь менялся в своем обращении, когда он был вне многочисленного общества и особенно когда оставался один с нами, немногими слушателями, доказывает тот последний вечер, который он, за несколько недель до своей смерти, провел у отца моего на Собачьей площадке. Слушателями были, кроме отца моего, один я и брат Владимир. Гоголь был в особенном ударе и рассказывал нам самые смешные и забавные анекдоты, причем, пока мы разражались громким хохотом, оставался всегда серьезным и невозмутимым. После того я больше не видал его в живых, но стоял у его гроба среди многочисленных московских студентов и огромной толпы так называемой „всей Москвы", когда его отпевали в церкви Московского университета» (неизд.— Копия. ИРЛИ, ф. 598).

[3] Е. А. Свербеева писала 7 декабря 1849 г. А. Н. Попову:

«Гоголя я очень давно не видала — уже с месяц. Им я очень довольна. Он хорош, спокоен душою, мирен со всеми. Весело смотреть на него. Он достоин себя— я радуюсь, глядя на него. Да, в нем душа лучше, может быть, нежели мы думали. Он больно умен — ум сам по себе; он, по-моему, красивее душою, нежели умом,— она преобладает в нем, оттого-то он так и хорош. Мне весело на него смотреть — отдохнешь, когда на него посмотришь пристально: так много грустного вокруг нас, так устанешь, глядя на всех и каждого — легко на сердце станет, когда есть на кого взглянуть весело. Не такое ли впечатление сделал Гоголь на Вас?» (неизд.— Копия, ЦГЛА, ф. 472, ед. хр. 617, л. 4).

175. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

27 января ‹1850 г.› Пятница

... Я написал «Гуся» и «Лебедя». Гоголь и то и другое очень хвалит, но я недоволен; впрочем, я надеюсь исправить. «Гусь» вышел с лишком три листа [1] ‹...›

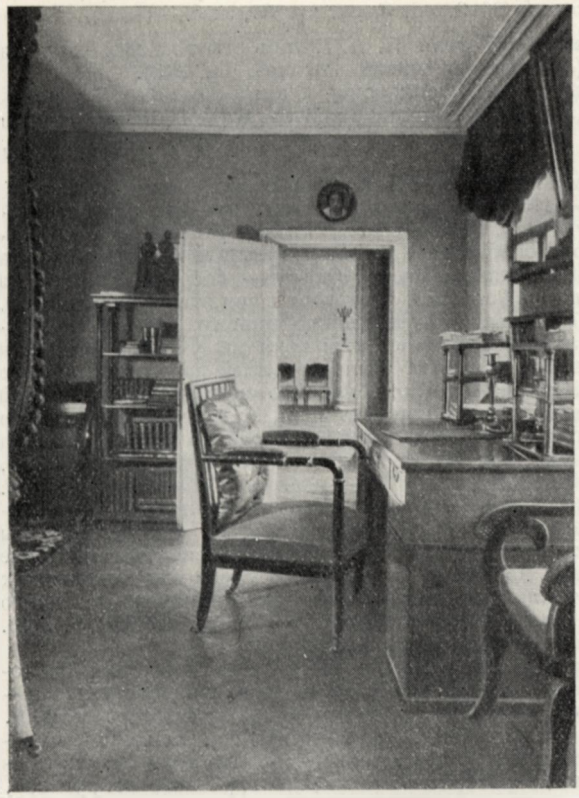
Гоголь еще ничего не читал мне нового, но, кажется, раза два приходил с намерением читать, но всегда что-нибудь мешало. Я совершенно с тобою согласен во всем, что ты говоришь о Гоголе [2] ‹...›

Как я доволен, что Гоголь навел Константина на занятие русским словарем! Гоголь в восхищении, но, может быть, он немножко и плутует. Впрочем, я сам вижу, что Константин имеет призвание к этому делу, а притом, мне кажется, этот труд будет очень полезен для его грамматики [3]...

Автограф. ИРЛИ (№ 3, оп. 3, ед. хр. 16, лл. 8—9).

[1] Речь идет о главах «Гусь» и «Лебедь» из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника», писавшейся в это время и подвергавшейся обсуждению в семейном и дружеском кругу. Гоголь был чрезвычайно высокого мнения об этой книге Аксакова, вышедшей из печати в 1852 г.

И. С. Аксаков писал в ответ отцу 30 января 1850 г.: «Я уверен, что „Лебедь" у Вас вышел особенно хорошо. По моему мнению, лебедь должен быть написан как можно проще, проще утки ‹...› Мне особенно нравятся Ваши описания потому, что в них простота выражений без лиризма доводит производимое впечатление до лиризма» («И. С. Аксаков», II, 278—279). С. Т. Аксаков 3 февраля 1850 г. отвечал сыну: «Совершенно ты прав, мой милый Иван, насчет описания лебедя; именно потому-то я и



КАБИНЕТ А. С. ХОМЯКОВА В ЕГО ДОМЕ НА СОБАЧЬЕЙ ПЛОЩАДКЕ В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ ГОГОЛЬ ЧАСТО БЫВАЛ У ХОМЯКОВЫХ в 1848—1852 гг.

Фотография 1929 г.

Собрание Б. С. Земенкова, Москва

недоволен собою, хотя и Гоголь, и Вера, и Константин очень хвалят» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/175-з).

[2] Отклик на письмо И. С. Аксакова к отцу от 22 января 1850 г., в котором он выражал уверенность, что второй том «Мертвых душ» написан Гоголем полностью — «в противном случае он не стал бы читать и заниматься отделкою подробностей и частностей» («И. С. Аксаков», II, 272).

[3] В письме к брату Ивану, написанном, вероятно, 20 января 1850 г., К. С. Аксаков писал: «Вчера Гоголь читал отесеньке и мне вторую главу.— Что тебе сказать? Она для меня несравненно выше первой. Уленька, генерал, жизненные отношения и столкновения этих и других лиц не выходят у меня из головы. Чем дальше, тем лучше. Рассказывать ли тебе или нет? Право, не знаю! О, как трудно выставить прекрасную девушку и как хороша она! Ну, если б ты был здесь, я и не знаю, что бы с тобою было! — Глубоко захвачен человек! Гоголь поймал его и заставил всё высказывать, во всем признаваться. Кажется, Гоголь сам был очень доволен, в духе. Жаль только, что ни маменька, ни сестры не слыхали. Хорош, хорош Быстрицев‹!› со всем, что в нем есть! Но я пишу тебе одни восклицания, а рассказывать мудрено» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/1-б).

176. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

31 января 1850 г. Вторник

...Сегодня Константин крестит у ‹С. М.›Соловьева дочь Веру, а Гоголь у Хомякова — сына Николая. Гоголь нам нового не читал, но часто у нас бывает, и вместе с Максимовичем [1] они бывают так веселы и забавны, особенно когда Наденька поет малороссийские песни, что поистине весело и умилительно на них смотреть. По необыкновенному расположению духа Гоголя я заключаю, что он пишет много и доволен тем, что написал [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3. оп. 3, ед. хр. 22, л. 24 об.).

[1] «Сегодня день рождения нашего незабвенного Гоголя,— писал М. А. Максимович С. Т. Аксакову семь лет спустя, 19 марта 1857 г.— и мне живо вспомянулось, как за 7 лет мы с ним обедали у Вас в этот день взятия Парижа! Боже мой, как хорошо мне прожилось в тот март месяц и как часто я тогда проводил у Вас время с Гоголем и с земляком Ёсипом!» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 90, л. 15).

Взятие Парижа русскими войсками произошло 19 марта 1814 г.; Гоголь, по словам его матери, родился в тот же день, 19 марта, пятью годами ранее (впрочем, судя по записи в метрической книге, дату рождения Гоголя следует отнести не к 19, а к 20 марта 1809 г.).

Под «Ёсипом» М. А. Максимович имел в виду О. М. Бодянского.

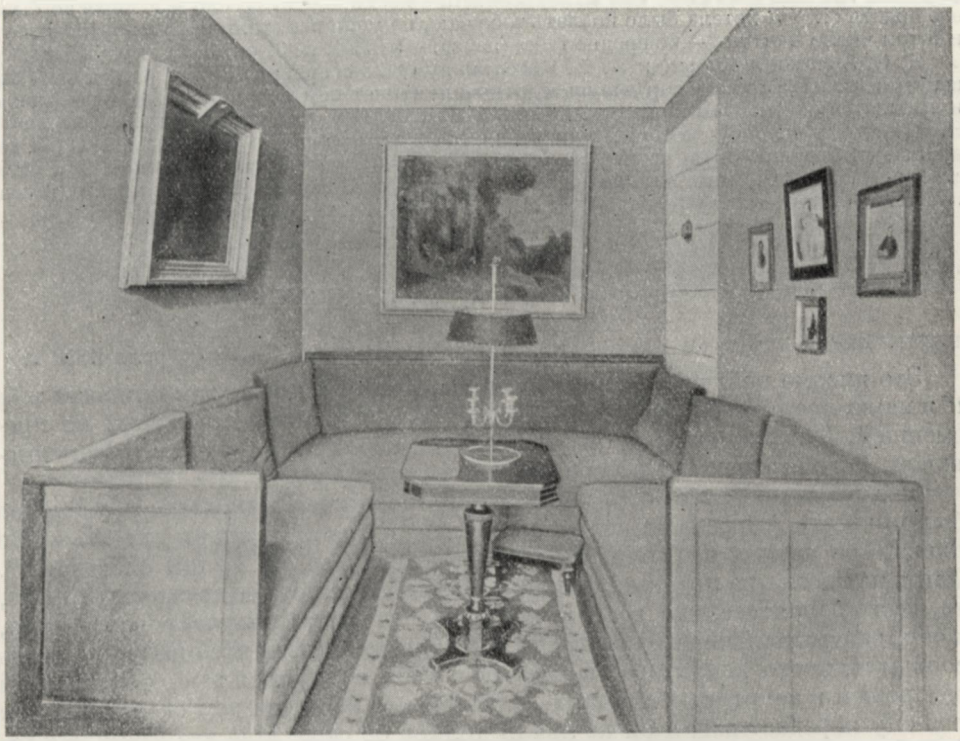
[2] В одном из писем к И. С. Аксакову В. С. Аксакова писала: «Вчера Гоголь спрашивал о тебе и улыбался, когда мы говорили, что ты уехал, полный впечатления после чтения его, и сказал про тебя: „У него всегда есть средства примирить себя, он поэт". Наденька пела малороссийские песни (Максимович прислал). Он слушал с удовольствием» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/7-а).

177. В. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва. Около 1 февраля 1850 г.⟩

... Вчера получили вдруг два письма от тебя, милый друг и брат Иван: одно прежнее, от Троицы, и другое по почте. Перевод твой прекрасен, всем нравится. Гоголь очень хвалит, желает только, чтоб ты не сочувствовал этому расположению духа [1] ⟨...⟩

У нас часто поются малороссийские песни. Гоголь почти всякий раз просит Наденьку петь, а Максимович даже вместе поет и учит. Любопытно видеть, какое сильное производят на них впечатление родные звуки.



КУРИТЕЛЬНАЯ КОМНАТА, ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «ГОВОРИЛЬНЯ», В ДОМЕ А.С. ХОМЯКОВА НА СОБАЧЬЕЙ ПЛОЩАДКЕ В МОСКВЕ

Фотография 1929 г.

Собрание Б. С. Земенкова, Москва

Они совершенно забываются, притопывают ногами, и будь одни, непременно, кажется, заплясали ⟨бы⟩. Недоставало еще Бодянского. В воскресенье все опять соберутся на вареники и песни. Наденька очень мило поет. Максимович приносил списки малороссийских чудесных песен [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 28, лл. 64—65).

[1] Речь идет о стихотворении И. С. Аксакова «Клеймо домашнего позора...», присланном им по почте и из цензурных соображений (его письма подвергались перлюстрации), названном им «переводом с санскритского»:

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне;
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!
Ее, в своем безумье яром,
Гнетут усердные рабы!..
А мы глядим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!
И слово правды оробело,
И реже шопот смелых дум,
И сердце в нас одебелело;
Порывов нет; в забвенье дело;
Спугнули мысль, стал празден ум!

(«И. С. Аксаков», II, 277—278).

[2] В одном из писем О. С. Аксаковой к И. С. Аксакову, вероятно относящемся к этому же времени, встречаются следующие строки: «Вчера Гоголь сидел до половины первого, так был оживлен, пел малороссийские песни,— что весело и интересно было его видеть ⟨...⟩ Я хотела было послать тебе чаю, но меня все стали просить не посылать и в том числе Гоголь — бо вредно тебе» (неизд.—ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 39, л. 90).

К. С. Аксаков в письме к Н. А. Ригельману от 28 сентября 1851 г., описывая слышанный им на Украине хор девушек, отмечал: «Поют они во весь голос, очень живо и выразительно; мы заметили, что Гоголь и Максимович, при исполнении песен, часто следуют тому способу, который употребляется всем народом в Малороссии. Одна девушка, слыша плясовую песню, не удержалась и пошла плясать; конечно, это естественно, когда сам Осип Максимыч даже однажды, при звуках малороссийских песен, пустился было в танец» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 5/14, л. 103).

178. В. С. АКСАКОВА — И. С. АКСАКОВУ

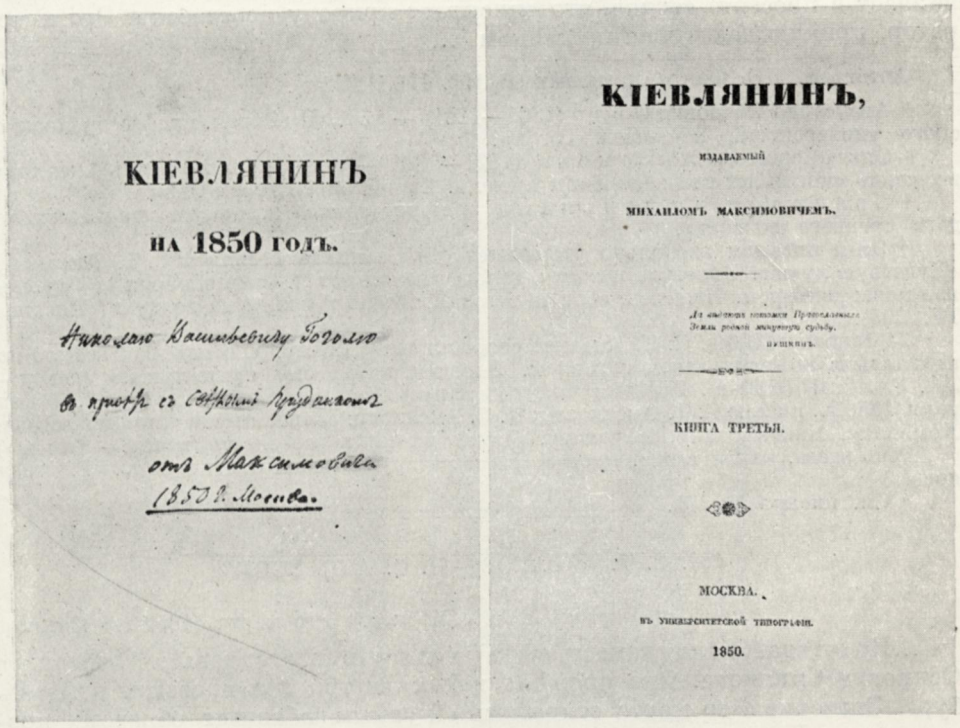
⟨Москва. 15—16 февраля 1850 г.⟩ [1]

Это письмо пойдет с Татариновым [2], который вместе с тем привезет тебе и живую грамоту об нас. Очень не глупый и знающий человек, но пресмешной. В последний раз он у нас обедал нечаянно с Гоголем и Максимовичем. Гоголя он видел в первый раз.

Получено письмо от Смирновой. Неизвестно кем прислано; его должен был привезть Афросимов, но он не явился, и никто не знает, где он. — Из письма ее видно, что она au courant de tout ce qui se fait chez nous *. Так как Гоголь не писал ей с ноября и не получал от нее до сих пор ответа, то, всего вероятнее, что все сведения об нас она получает через тебя, в чем, разумеется, ничего нет дурного, но только я знаю, что она также очень сообщительного характера, и потому я тебя предупреждаю, чтоб ты был осторожен в некоторых случаях, особенно что касается до Гоголя; она как раз ему передаст всё, а он не любит толков об себе. Мне это пришло в голову по поводу малороссийских песен [3]. Гоголь, в самом деле, с таким увлечением, с таким внутренним сочувствием поет их, разумеется, не умея

* в курсе всех наших дел (франц.).

петь, но для того только, чтоб передать напев и характер песни, что в эту минуту весь проникается своей народностью и выражает ее всеми средствами — и жестами, и голосом, и лицом, а Максимович перед ним стоит и также забывает всё вокруг себя, поет и топочет ногами и разводит руками, но только выражая нежную сторону Малороссии. Бодянский же было припрыгнул с самого начала пения, но потом сконфузился и держал себя смирно, но тоже пел; все трое вспоминали прежние песни, а маменька клала их на ноты [4]. По воскресеньям устроились вареники и песни; просят позвать Мамонова для пения и еще для составления рисунков для азбуки (он уже обещал), которую Максимович хочет издать...


КІЕВЛЯНИНЪ

на 1850 годъ.

Николаю Васильевичу Гоголю

отъ Максимовича

1850 г. Москва.

КІЕВЛЯНИНЪ,

издаваемый

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

1850.

ЭКЗЕМПЛЯР ТРЕТЬЕЙ КНИГИ ЖУРНАЛА «КИЕВЛЯНИН» НА 1850 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. А. МАКСИМОВИЧА ГОГОЛЮ

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV/7-в).

[1] Дата письма определяется ответным письмом И. С. Аксакова от 20 февраля 1850 г. («И. С. Аксаков», II, 291—293).

[2] Василий Иванович Татаринов — профессор Ярославского лицея (см. о нем в кн. «И. С. Аксаков», II, 275).

[3] В ответном письме И. С. Аксаков успокаивал сестру, уверяя, что не будет передавать содержания ее письма А. О. Смирновой («И. С. Аксаков», II, 291—293).

[4] См. описание подобного же вечера в письме С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 20 марта 1850 г. («Гоголь. Материалы и исследования», I, 217).

179. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Пятница, февраля 17-го дня ⟨1850 г.⟩

...Овер [1], после холодного моего приема и невыносимых грубостей и дерзостей от Оленьки [2], еще не был, и будет он слишком добрый человек,

если приедет. Впрочем, уже после этого Константин просил его приехать к Гоголю, и он приезжал. Гоголю лучше, но я испугался его страдальческого лица, на котором было ясно написано преобладание тела над духом. Он был у нас четвертого дня вечером, а третьего дня средние душеньки [3] видели его у Хомяковых, и ему было уже гораздо лучше [4]⟨...⟩

На меня нашла тупость, и все мои усилия преодолеть ее бесплодны, и я стал на мель на водах. Гоголь, заключив из моих рассказов, что я могу много и хорошо написать о водах, подстрекнул меня к подробному их описанию. Я не могу найти приличного тона, не могу с точностью назначить себе границы; всё, что я написал до сих пор, мне не нравится. Это ⟨не⟩ пересказ простого охотника с бессознательным поэтическим чувством, который не знает в простоте сердца, что описывает природу поэтически. Это литератор, прикидывающийся простяком [5]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-г).

[1] Александр Иванович О в е р (1804—1864) — известный врач, профессор Московского университета, лечивший Гоголя.

[2] Ольга Сергеевна А к с а к о в а (1821—1861) — тяжело больная дочь Аксакова, в течение многих лет прикованная к постели. Ее постоянно лечил Овер.

[3] С р е д н и м и д у ш е н ь к а м и в кругу семьи Аксаковых назывались их дети среднего возраста.

[4] Этим письмом несколько уточняется дата записки Гоголя к С. Т. Аксакову: «Чувствую лучше. Простуда и жар в голове уменьшаются. Овер одобрил всё сделанное моим доктором. Надеюсь, если не сегодня, то завтра выйти на воздух» («Письма», IV, 295).

24 февраля 1850 г. С. Т. Аксаков сообщил сыну Ивану: «Гоголь начал было поправляться, но опять занемог горлом. Впрочем, вчера ему стало лучше» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/III/22-г). Отметим строки из написанного через несколько дней, 28 февраля 1850 г., письма С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову: «Записки мои читаются сегодня Хомякову, Максимовичу, Ефремову. Гоголь их почти все знает» (неизд.— Там же).

Речь здесь, как и выше, идет о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова.

[5] См. письмо № 175.

180. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 3-го марта ⟨1850 г.⟩ Пятница

...Но отгадай, какая дама провела у нас вечер ⟨в⟩этот день?.. Александра Осиповна Смирнова. Она прожила в Москве три дня проездом в Петербург. Значение 1-го марта открылось ей самым забавным образом; прошлого года Гоголь очень сердился, что ему об этом не сказали. Нынешний год я написал ему следующую записку: «Чтоб Вы опять не стали пенять мне, я извещаю Вас, что 1-е марта — день рождения Вашей старой и доброй приятельницы...» [1] Кажется, можно было догадаться, о ком идет речь? Ничего не бывало! Гоголь, который в присутствии Александры Осиповны ничего не видит, не слышит и ни о чем, кроме нее, не думает, вообразил, что я извещаю его о дне рождения Александры Осиповны, который имеет быть, кажется, 6-го марта. Гоголь покупает коробочку со спичками для ч и с т к и зубов и нравоучительную книжку для ч и с т к и души, с лучезарным, сияющим лицом является к Смирновой, находит там Константина и еще более утверждается в непреложности своей догадки, подносит ей свои подарки, которые она принимает, но говорит, что она родилась не в этот день. Гоголь ссылается на меня, и Константин рассекает гордиев узел, объявив настоящую новорожденную. Несмотря на это, Гоголь обедал не у нас, а с Александрой Осиповной, но с нею провел у нас вечер д о и с х о д а 1-г о ч а с а! — Я очень обрадовался свиданию с Александрой Осиповной. Боже мой, как она изменилась в продолжение трех с половиною лет! Она старуха, она страшно что такое! Гоголь в ее присутствии — описать невозможно. Таким схвачен он на портрете Моллера,

ОДЕССА. ВИД С ПРИМОРСКОГО БУЛЬВАРА
«Русский художественный листок», 1854 г., № 17

который, верно, ты видел у Хомякова. Таким бывает он в счастливые минуты творчества. Нет никакой возможности признать его влюбленным, и потому я объясняю себе это обстоятельство другим образом: между ними существует совершенное согласие в религиозном и нравственном отношении [2]. Я не знаю, правда ли это, — но Гоголь убежден в том, — мой разговор с Александрой Осиповной утвердил меня в моей догадке. Вера думает точно так же. Я сошел вниз. Александра Осиповна очень мне обрадовалась; Гоголя еще не было; живой разговор завязался между нами и скоро перешел в горячий спор, который, разумеется, я сейчас прекратил, сказав, что об этом предмете нам никогда спорить не должно. Она успела протвердить мне, что она любит Гоголя, Гоголя, а не поэта... Я улыбнулся и сказал, что и я люблю его. Когда я между слов промолвил, что, слава богу, талант Гоголя жив и что он здраво смотрит на предметы, Смирнова расхохоталась и, разгорячась, высказала мне, что Гоголь точно так же смотрит на всё, как смотрел в своих письмах, что без них он никогда бы не написал второго тома «Мертвых душ», что он не отступился ни от одного слова, в них написанного, и что он решился меня обманывать, в этом отношении, со всеми другими [3]. Что за укладистая вещь у этих людей вера! Они пойдут с нею на всякую подлость! Прямо из-за евангелия они начинают забавляться скандальными до живописности разговорами! Они не только допускают всякие человеческие падения, которых и нельзя не допускать, но они отвергают и всякую скромность, всякую пощаду святости чужих убеждений! Терпимость всегда была основанием моих свойств. Поступай как хочешь втайне, но не смей мне этого рассказывать, не смей без рубашки показываться на улице. Мне очень досадно, что я с ней виделся. Она рассказала мне кое-что о дальнейшем развитии «Мертвых душ», и по слабости моего ума на всё легла тень ложных их убеждений. Например, она мне открыла секрет, что Гоголь никогда не представит своей рукописи государю, что̀ я советовал, хотя уверен, что он дозволил бы ее напечатать; нет, он хочет до тех пор ее исправлять, пока всякий глупый, привязчивый цензор не пропустит ее без затруднения. Я отвечал: как жаль, какая ложная мысль! [4]...

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III/22-г).

[1] 1 марта был день рождения жены С. Т. Аксакова — Ольги Семеновны.

Публикуемое письмо является весьма характерным подтверждением того вредного влияния, которое А. О. Смирнова пыталась оказывать на Гоголя.

[2] В письме к брату Ивану В. С. Аксакова также писала об А. О. Смирновой: «Гоголь при ней совершенно счастлив, она его очень любит, у них есть свой особый мир, так сказать, в котором у них совершенно одинакие взгляды, понятия, впечатления, язык. Гоголь очень мало сообщает другим из него, потому что видит разность взглядов, но Александра Осиповна менее осторожна и несколько раз проговаривалась. Например, она говорила Константину: „Сдайтесь, обратитесь к нашим началам". Гоголь спросил ее, к каким началам. Она ему на ухо что-то пошептала — разумеется, что мир религиозный, мистический, который очень опасен для всех, особенно для Гоголя. Конечно, его книга была плодом этого направления Видно, что для Александры Осиповны не осталось никаких других интересов в жизни, по крайней мере умственной. Гоголь хотел обратить внимание ее на малороссийские песни, на их содержание, просил Наденьку спеть, но Александра Осиповна почти не слушала, говоря, что народная музыка для нее не имеет никакой цены, что она понимает только музыку Бетховена и пр., что малороссийские песни потому ей больше русских нравятся, что напоминают ей ее детство и т. д. Константин и тут рассердился» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/20-а).

Сложные перипетии взаимоотношений С. Т. Аксакова и А. О. Смирновой подробно освещаются в его письмах к сыну Ивану («И. С. Аксаков», I—II, примеч., по указателю). В письме к И. С. Аксакову от 4 марта 1850 г. К. С. Аксаков писал: «Здесь была Смирнова. Узнав, что она здесь, я поехал к ней. Она мне очень обрадовалась, я сам был рад её видеть. Вечер провела она у нас и сидела до половины первого. Вот, не могу сойтись я с этой женщиной! Неприятно с ней! Отсутствие всякой логики в голове, сухость, даже какая-то неискренность— всё это очень отталкивает. Я поспорил и даже побранился с ней. Тут сидел Гоголь, радостный и счастливый до того ее присутствием, что просто, казалось, лучи шли от него: так он был светел. Между ними как бы

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

№ 1726

Отъ Одессы до Богуслава Коллежскому Ассору Николаю Гоголю съ будущими подъ собственный Экипажъ

давать по четыре лошади съ проводникомъ, за указные прогоны, безъ задержанія дана въ Одессѣ Марта 26 1851 года.

Съ сей подорожной за 389 1/4 верстъ 8 руб 9 коп. сер. взято

Херсонскій гражданскій губернаторъ Генералъ Маіоръ и Кавалеръ Олегъ Ѳ[illegible]

Казначей [illegible]

Бухгалтеръ Сидоренко

ПОДОРОЖНАЯ НА ПРОЕЗД ИЗ ОДЕССЫ ДО БОГУСЛАВА, ВЫДАННАЯ ГОГОЛЮ 26 МАРТА 1851 г.

Институт украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев

установилась постоянная гармония и понимание. Но мне чужда Смирнова. Это не то что тебе. Ты к ней неравнодушен, и она тебя искренно любит. Вскоре пустилась она бранить народ, не признавать красоту русских песен. Я спорил и, наконец, заметил ей: „Виноват, я и забыл, что вы урожденная Росетт".— Гоголь не давал мне порядочно высказывать моего мнения. Бог их знает, как-то не просты они — и Гоголь, и Смирнова, и все, им подобные. Нет свободы в этих людях» (неизд.—ЛБ, ГАИС, III/III/1-б).

[3] Это утверждение Смирновой опровергается рядом других источников. И. И. Панаев, например, вспоминая о встрече в 1848 г. Гоголя с сотрудниками «Современника» — Некрасовым, Панаевым, Гончаровым, Григоровичем,— писал: «Гоголь <...> всем нам дал почувствовать, что его знаменитые „Письма" писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы» (И. Панаев. Литературные воспоминания, цит. изд., стр. 305). Ср. также слова Гоголя, сказанные им И. С. Тургеневу: «Если бы можно было воротить назад сказанное, я бы уничтожил мою „Переписку с друзьями". Я бы сжег ее» (М. Щепкин. Записки, цит. изд., стр. 446).

[3] «В подобных измышлениях и рассудительствах Гоголя,—писал И. С. Тургенев по поводу высказываний Гоголя о пользе цензуры, — слишком явно выказывалось влияние тех особ высшего полета, которым посвящена бо́льшая часть „Переписки", оттуда шел этот затхлый и пресный дух» (И. Тургенев. Полн. собр. соч., цит. изд., т. XI, стр. 434).

181. А. М. ЯЗЫКОВ — В. Д. КОМОВСКОМУ

22-го апреля 1850-го г. Симбирск

...О комедии Островского поговорим после[1] <...> Создания идеальные, изящные сами по себе; произведения копирующие также сами по себе. Где должно останавливаться списывающему портреты — дело сноровки живописца. «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».— Нравственное и эстетическое отвращение, в Вас возбужденное Гоголем и Островским,— драгоценны; они-то и нужны и важны! Правящие не должны ли подумать о целых тысячах, которые подобны лицам, выведенным на свежую воду Гоголем и Островским? Верные картины состояния нашей образованности и наших нравов могут быть полезны тем, которые соображают то, что есть, с тем, что быть должно, при нынешнем переломном состоянии Вашего министерства[2].

Автограф. ИРЛИ. Фонд Языковых (19.4. 104.— Яз. IV.1).

[1] Имеется в виду комедия Островского «Свои люди сочтемся», незадолго до того появившаяся в печати.

[2] В. Д Комовский был чиновником Министерства народного просвещения.

182. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

<Москва.> 25 мая 1850 г.

... У нас опять были малороссийские песни, были малороссы. Машенька Княжевич[1] была в это время у нас. Гоголь, который не видал ее 9 лет, удивился и сказал, что находит, что она даже помолодела с тех пор. Гоголь уезжает опять надолго; зиму ему необходимо провести в теплом климате — он опять расстроился здоровьем[2]. Он читал отесенькe еще третью главу, и отесенька и Константин никогда еще не были, кажется, в таком восхищении[3]...

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/9—10).

[1] М. Д. Княжевич — дочь Д. М. Княжевича.

[2] 6 июня 1850 г. Гоголь писал А. С. Стурдзе в Одессу: «Может быть, бог приведет меня опять к вам в Одессу. Мои увеличившиеся недуги заставляют меня выехать снова куда-нибудь на юг» («Письма», IV, 324). Действительно, зиму 1850/51 г. Гоголь провел в Одессе.

[3] О чтении Гоголем С. Т. Аксакову отдельных глав второго тома «Мертвых душ» см. в приложении к «Истории», 188 и в письмах №№ 170 и 175 (в примеч.). Как видно из письма № 186, четвертая глава была впервые прочтена Гоголем 24 июня 1851 г., а не в мае 1850, как ошибочно указал Аксаков.

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

№ 1068

Отъ Города Одессы до Москвы Коллежскому Ассесору Николаю Гоголю съ будущимъ подъ собственный экипажъ изъ Почтовыхъ давать по четыре лошади съ проводникомъ за указные прогоны, безъ задержанія Дана въ Г. Одессѣ Марта 26 1851 года.

Херсонскій Гражданскій Губернаторъ, Генералъ-Маіоръ Оленинъ Ф. Кн.

ПОДОРОЖНАЯ НА ПРОЕЗД ИЗ ОДЕССЫ ДО МОСКВЫ, ВЫДАННАЯ ГОГОЛЮ 26 МАРТА 1851 г.

Институт украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев

2 июня 1850 г. С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Гоголь приготовил и отделал главу для прочтения всему нашему семейству, но всё не читал, потому что она так чувствительна, что меня должна расстроить... Как это досадно! Проклятое последнее мое нездоровье тому причиной. Теперь чтение откладывается на год» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 13, л. 96).

В письме к тому же адресату (без даты) С. Т. Аксаков писал: «Гоголь третьего дня прочел мне одному, даже без Константина, 3-ю главу „Мертвых душ". Вчера прочел половину ее в другой раз при мне Константину и сегодня хотел дочитать другую. До того хорошо, что нет слов. Константин говорит, что это лучше всего; но что бы он сказал, если б услышал в другой раз то же? Я утверждаю, что нет человека, который мог бы вполне всё почувствовать и всё обнять с первого раза» (неизд.—ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 19).

7 марта 1850 г. С. Т. Аксаков сообщал ему же: «⟨Ю. Ф.⟩Самарин приезжает к нам по вечерам ⟨...⟩ Как я рад, что третьего дня Гоголь прочел ему и Хомякову 1-ю главу „Мертвых душ", слышанную тобой. Разумеется, Самарин вполне оценил это великое произведение. Хомякова еще не видал: он сделал два замечания, по-моему неосновательные и пустые» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 13, л. 83 об.).

183. С. Т. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва. Около 13 июня 1850 г.⟩

...Если Гоголь в эту зиму ничего не сделает, то я крепко буду бояться за окончание его великого подвига. Гоголь отправился в путь прямо из нашего дому [1], позавтракав на дорогу (варениками и пр.), что, без сомнения, доставило большое удовольствие матери. В последнее время я заметил в Гоголе необыкновенное ко мне чувство: или записки мои ему очень понравились, а также и замечания на его второй том, или болезненность моя его разжалобила [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 3, ед. хр. 33, л. 5).

[1] Гоголь с Максимовичем выехали на юг 13 июня 1850 г. «Первый едет на год, другой возвратится к зиме,— сообщала В. С. Аксакова брату Ивану за несколько дней до отъезда Гоголя.— Они заедут и к Смирновой, и к Елагиным» (неизд.— ЛБ, ГАИС, III/IV/20-а).

[2] 28 июня 1850 г. А. О. Смирнова писала И. С. Аксакову из Калуги: «Сегодня я летям читала „Тараса Бульбу" вслух. Что за человечек этот Гоголь, что за оригинальный гений! Он проехал здесь с Максимовичем, здоровье его плохо. Если бог поможет ему получить паспорт за границу, он, вероятно, поселится в Афинах или на Афоне и кончит там второй том» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 207, лл. 4—7).

184. Л. С. ПУШКИН — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

5 декабря 1850. Одесса

...Гоголь в Одессе с начала осени и пробудет здесь до конца зимы. Он Вам кланяется и надеется увидеться с Вами весною в Петербурге. Здоровье его поправилось, и я никогда не видел его таким веселым болтуном, каким он теперь сделался [1]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195, ед. хр. 5083, л. 142 об.).

[1] Гоголь находился в Одессе с конца октября 1850 г. до середины апреля 1851 г. О встречах его в это время с Львом Сергеевичем П у ш к и н ы м (1805—1852), младшим братом поэта, служившим в Одесской таможне, см. «Русская старина», 1901, № 11, стр. 324.

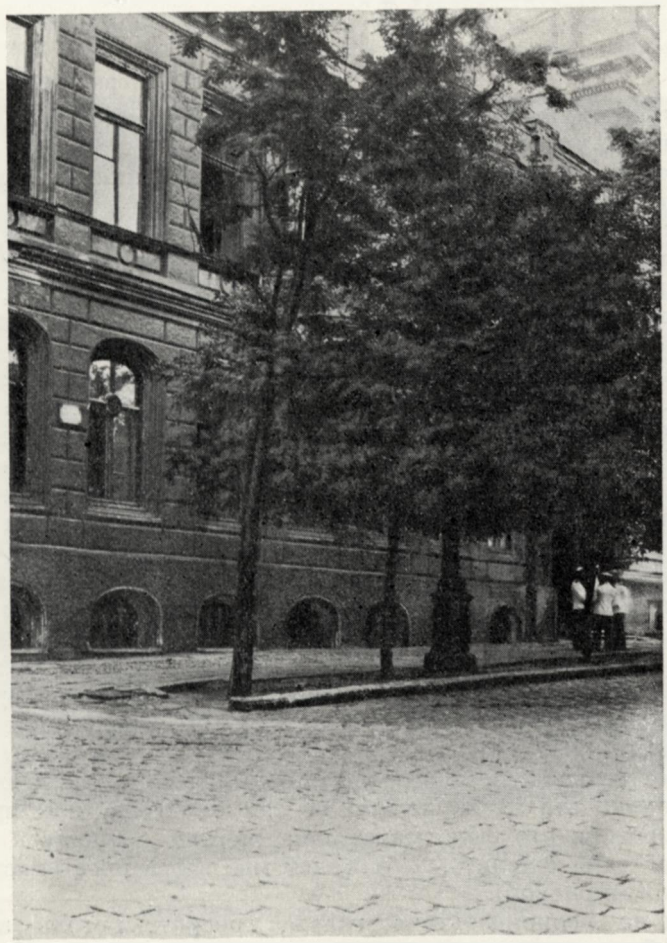
В. С. Аксакова писала брату Ивану 21 ноября 1850 г.: «Гоголь остался в Одессе на зиму — опоздал с паспортом. По письму видно, что он пишет, а здесь уже носится слух, что он писал цензору о своем сочинении» (неизд.— ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 28, л. 48 об.). Ср. ниже письмо № 188.

9 марта 1851 г. Н. П. Боткин писал А. А. Иванову из Москвы: «Десять лет, как мы с Вами не видались: не знаю, помните ли Вы меня, но я Вас помню и так же люблю, как прежде. Часто мы Вас вспоминали с Н. В. Гоголем, который Вас искренно любит; он теперь в Одессе и сбирается ехать в Грецию, а может быть и в Италию» (неизд. —ЛБ, № 2202).

185. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Суббота. 23 июня 1851. Москва

...Сегодня поутру явился Саша[1] пешком. Он ночевал на дороге. Он принес письмецо от наших. Они собираются приехать завтра[2], а маменька пишет, что, может быть, до вторника останутся в деревне. Это



ДОМ НА УЛИЦЕ ГОГОЛЯ (РАНЕЕ НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦЕ) В ОДЕССЕ. ЗДЕСЬ В 1850 — 1851 гг. ЖИЛ ГОГОЛЬ

Фотография 1948 г.

очень жаль, особенно потому, что Гоголь, который сегодня вечером приходил узнать, приехали ли они, очень жалеет, что, может быть, уедет, не повидавшись с ними. Кажется, он имел намерение прочесть им что-нибудь свое[3]. Гоголь сейчас мне сообщил новость, что Лиза, сестра его, в з д у м а л а идти замуж, но, видно, это еще у них не объявлено, потому что советовал мне к ней не писать, покуда не получу от нее письма. Не умел или не хотел сказать, за кого именно. Очень рада тому, если она этого желает. Впрочем, конечно, ее никто принуждать не будет[4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.618, л. 36 — 36 об.).

[1] Саша Аксаков — племянник С. Т. Аксакова.
[2] В рукописной копии В. С. Аксакова записала: «Отесенька с братьями едут в Оренбургскую губернию» (ЛБ, ГАИС, III/XV/9—10).
[3] 18 июня 1851 г. В. С. Аксакова также сообщала М. Г. Карташевской: «Маменька воротилась только в 7 часов. Мы с Наденькой обедали прежде: приходил Гоголь на минуту, хотел придти вечером» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.618).
[4] О браке Е. В. Гоголь с армейским офицером В. М. Быковым см. в «Письмах», IV, 384—390.

186. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

<Москва.> Вторник <26 июня 1851 г.>

До сих пор не успела поговорить с тобой. У нас теперь везде движение, шум, говор.

В воскресенье, в ожидании наших, я сидела у окна. Слышу, что кто-то напевает малороссийские песни. Это был Гоголь. Он приходил осведомляться, приехали ли все из деревни. Мы переговорили с ним в окно. Он ушел, прося дать знать, когда приедут. Через полчаса после того показались три экипажа. Это были все наши (в этот день, впрочем, Гоголю не давали знать, потому что нашли, что уже было поздно, тем более, что он рано ложится спать). На другой день Гоголь пришел к обеду, принес новые малороссийские песни (записанные у него дома в деревне), за которые мы и принялись после обеда. Между тем, наехало множество гостей, но, несмотря ни на что, Гоголь продолжал всё заниматься песнями, и так как эти ноты требовали некоторых поправок, то Гоголь и напевал, а мы повторяли на фортепиано бессчетное количество раз одну и ту же песнь, так что надоели другим, а песни прекрасные и словами и музыкой. Гоголь написал нам слова прекрасной песни.

Потом отесенька прочел Гоголю из своих записок, после чего он сам принес свою тетрадь и прочел только отесеньке и братьям четвертую главу. Мы могли насилу удержать Сашу от вторжения в кабинет и даже употребили физическую силу. Гоголь слышал этот шум на лестнице и улыбнулся, когда узнал после его причину, и сказал: «Почему же вы его не пустили?» В это время также приехал кн. Дм. Оболенский [1], которого мы и удержали внизу.

Сегодня отесенька рассказывал нам, что̀ читал Гоголь. Они все в восхищении, только эта глава далеко не так окончена, как предыдущие. Со стороны Гоголя это была маленькая жертва — прочесть то, что он думает потом сам изменить. С Гоголем мы вчера простились (он уехал в деревню к Смирновой).

Несмотря на неоконченность главы, говорят, Гоголь захватывает такие разнообразные стороны жизни в среде, уже более высокой, так глубоко зачерпывает с самого дна, что даже слишком полны по впечатлению выходят его главы...

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV/9—10).

[1] Кн. Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881) — друг И. С. Аксакова, крупный чиновник, автор воспоминаний о Гоголе («Русская старина», 1878, № 12).

187. В. С. АКСАКОВА — С. Т. АКСАКОВУ

<Москва.> Суббота. 14 июля <1851 г.>

...Вчера явился Гоголь, который с большим участием расспрашивал и говорил о Вас. Спрашивал, точно ли Вы поехали в четверг, как собирались [1], что он об Вас думал в этот день и радовался, что погода была хороша. Я сказала ему, что Вы хотели писать к нему письмо, но не

успели. — «Так мы в одно время думали друг о друге! Напишите это Сергею Тимофеевичу» и т. д. Кланяется всем, разумеется. Просил прочесть письма; очень забавлялся письмом Константина: говорит, что братья надели очки заранее и уже так всё видят, а Вы без очков горячо всё принимаете, потому что так чувствуете ⟨...⟩ Вчера еще новую песню Гоголь ⟨у⟩ нас записал, прекрасную, и на музыку переложили [2]...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 5/5, л. 62—62 об.).

[1] С. Т. Аксаков отправился с сыновьями в Оренбургскую губернию.

[2] 13 июля 1851 г. Н. С. Аксакова писала отцу и братьям: «Мы прожили в Москве около трех суток; кроме Анны Ивановны Томашевской и Гоголя, никого не видали».

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНОВЕЙ ТАРАСА ИЗ БУРСЫ
Картина маслом С. В. Иванова, 1890-е гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

В. С. Аксакова приписала к этому письму: «Письмо Константина мы насилу разобрали, и ежели только мы так прочли, как надо, то стихи твои не очень поэтичны, и Гоголь смеялся, когда ему читали. Как тебе пришло в голову сравнивать чернозем с косой и проч.?» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 5/7, л. 26 — 26 об.).

188. Ф. И. ИОРДАН — А. А. ИВАНОВУ

⟨Петербург.⟩ 18 августа 1851

...Николай Петрович [1] везет и даст Вам все новости Петербурга и Москвы, — как и о нашем общем приятеле Н. В. Гоголе, который кончил свои «Мертвые души» и готовит пустить их в цензуру [2]...

Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2202).

[1] Николай Петрович Боткин.

[2] Эти сведения Иордан, вероятно, получил от П. А. Плетнева, которому Гоголь сообщил 15 июля 1851 г. о том, что он приехал в Москву, «чтобы заняться делами по

части приготовления к печати „Мертвых душ" второго тома», и жаловался на московскую цензуру («Письма», IV, 390—391).

Сам Плетнев 6 октября 1851 г. писал М. П. Погодину: «Напомните Гоголю, что я жду если не его самого, так письма от него. Печатается ли второй том „Мертвых душ"?» (неизд.— ЛБ, Пог. II/24/55).

189. И. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Вторник. 1851 г. Сентября 3-го

...В воскресенье я был у Авдеева, Гоголя и у Смирновой. Гоголь обрадовался чрезвычайно, но в деревню ехать не хочет. На мой взгляд он очень похудел и переменился. Он полагает, что Вам непременно следует зиму проводить в Москве, что это выгоднее, и рассуждает при этом случае с очень забавною серьезною важностью. По всему видно, что в Москве дом наш ему существенно нужен. Он хочет, чтоб переехала вся семья, с Вашими записками, с константиновыми речами и сочинениями, с малороссийскими песнями и с варениками (это уже я говорю) [1] ⟨...⟩

Вечером в воскресенье заходил к нам Гоголь [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Аксаковых (№ 3, оп. 12, ед. хр. 61, л. 3—3 об.).

[1] Неоднократные, но безуспешные попытки Гоголя уговорить Аксаковых остаться зимовать в Москве отмечены и в других письмах (см. ниже). Впоследствии Аксаковы горько сожалели, что не выполнили этого последнего желания Гоголя.

[2] В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской от 9 сентября 1851 г. сообщила из Абрамцева: «В субботу приезжал к нам Гоголь повидаться и вчера же уехал ⟨...⟩ Гоголь очень расстроился здоровьем, собирается в Крым на зиму и будет у сестры на свадьбе» (ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.618, л. 62 об.).

190. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Абрамцево.⟩ 1—2 октября 1851

...Отесенька ездил в Москву с Константином по делам (доставать денег) и вчера вечером неожиданно воротился и привез с собой, к совершенному нашему изумлению, — Гоголя, который неделю тому назад уехал из Москвы в Полтаву, сделался нездоров на дороге и после сильной нерешимости, которая еще вдвое его расстроила, воротился назад; в Москве нашел отесеньку и в тот же день приехал к нам.

Он так похудел, так изменился, что страшно видеть. Что это за болезненный дух и при таких расстроенных нервах! Безделица его смущает и приводит его в страшную ипохондрию. Разумеется, в такие минуты может ли он быть в состоянии писать? Воротившись в Москву, он успокоился, по крайней мере каким-нибудь окончательным решением, хотя и очень сожалеет, что не попал ни на свадьбу, ни в Одессу. Его также мучило то, что он не простился с нами перед отъездом,— всё собирался, а как-то не устроилось. Скоро опять хочет приехать и, кажется, намеревается заняться делом и читать. У нас он порассеялся и праздновал день именин своей матери, которую он очень любит [1].

Я не успела написать вчера тебе, душа моя, — рука очень устала от игры на фортепьяно малороссийских песен, которыми Наденька утешала Гоголя [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.618, лл. 68—69).

[1] См. «Письма», IV, 401—402.

[2] Любовь Сергеевна Аксакова сообщала отцу 4 октября 1851 г.: «Гоголь вместо ⟨поселка⟩ Пушкина доехал до Москвы на наших лошадях и приехал вчера часу в девятом. Комиссии Ваши, какие можно было, исполнил» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 883, ед. хр. 13, л. 19).

ТАРАС С СЫНОВЬЯМИ ЕДЕТ В СЕЧЬ
Картина маслом С. В. Иванова, 1890-е гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

ТАРАС И АНДРИЙ
Картина маслом С. В. Иванова, 1890-е гг.
Частное собрание, Ленинград

191. В. С. АКСАКОВА — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Понедельник ⟨15 октября 1851 г.⟩

...Гоголь, который нас часто навещает, пришел вчера вечером и сказал, что завтра, т. е. сегодня, играет ревизора Шумский [1] и что не поедем ли мы в театр, что и он бы пришел в ложу. Ему хотелось в бенуар Верстовского [2], но в Малом театре у Верстовского нет бенуара, и он прислал бельэтаж. Гоголь согласился и на это, был перед спектаклем у нас. Теперь они уехали все; не знаю, что у них там происходит, как идет пьеса. Жаль, что актеры не сумели устроить этого иначе. Шумский должен был бы приехать к Гоголю и попросить его замечаний, а то Гоголь от нас только узнал, что Шумский будет играть Хлестакова, а когда именно — даже не было объявлено в газетах, и мы бы не знали, но Щепкин приезжал к Гоголю, кажется, накануне, и сказал о том. Любопытно, что сделает Шумский с этой ролью. Жаль, что вы не в Москве, мой милый отесенька и братья! Участие в этом случае очень бы ободрило Гоголя, а теперь никого почти нет знакомых. Что за болезненный духом человек! Вчера он так вдруг расстроился и в лице изменился, послал себе за содовой водой, воды не нашлось, он вдруг исчез сам, и через несколько времени опять воротился, но уже свежее, попросил песен малороссийских и опять развеселился [3]. Впрочем, говорит, что чувствует себя порядочно; употребляет теперь обтирание — воду с нашатырем, по совету Иноземцева. Мне кажется, что он расстроился вчера оттого, что упал подсвечник и сломалась свеча; он, кажется, испугался ⟨...⟩

Гоголь всякий раз осведомляется о домах и советует нанять такой, в котором бы хоть месяца на два могли мы все поместиться: «Хоть бы и тесно, это только приятнее». Он и прежде говорил, что Вам надобно приехать печатать. Его печатанье еще не начиналось [4]. Спрашивал, почем Вы покупали бумагу. Мы не умели сказать [5]...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 5, лл. 59 об.— 60 об.).

[1] В своих воспоминаниях Л. И. Арнольди привел мнение Гоголя о том, что «Шумский лучше всех других актеров, петербургских и московских, передавал эту трудную роль», т. е. Хлестакова («Русский вестник», 1862, № 1, стр. 92; ср. «История», 13).

[2] Композитор Алексей Николаевич Верстовский (1799—1862), в это время исполнявший должность управляющего Московской конторой императорских театров.

[3] 17 октября 1851 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Гоголь часто нас навещает; мы его угощаем иногда малороссийскими песнями, но он так же мало разговорчив, как и прежде; его очень смущает, что нас не будет зимой здесь, и он всеми способами старается нам доказать, что нам выгоднее будет жить врозь, что непременно надобно провести весну в Москве, а в нашей деревне вредно и т. д. С отесенькой они беспрестанно в переписке» (неизд. — ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.618, л. 74 об.).

Н. С. Аксакова писала матери осенью 1851 г.: «Я так много из Москвы привезла романсов и песен новых, которые теперь разучиваю. Гоголю еще ⟨не⟩ садилась переписывать — просто некогда. Отдал ли он 3-ю часть Диккенса — видался ли с ним Иван?» (неизд.— ЦГЛА, ф. 883, ед. хр. 7, л. 17—17 об.).

[4] Гоголь предпринял печатание собрания своих сочинений, которое вышло, однако, в свет лишь в 1855 г. С. Т. Аксаков издавал в это время свои «Записки ружейного охотника».

[5] В письме Аполлона Григорьева к М. П. Погодину (без даты) имеется следующее упоминание о Гоголе: «Вот Вам и конец статьи о Гоголе, многоуважаемый Михаил Петрович. Статья вышла жаркая, может быть и слишком,— но, предоставляя Вам право на подстрочное примечание, я прошу Вас не изменять в ней н и ч е г о. Вы знаете, что Гоголь для меня—святыня, которой служу я с фанатическим идолопоклонством и горжусь таким идолослужением» (неизд.— ЛБ, Пог. II/9/28). О какой статье Григорьева идет здесь речь — нами не установлено. Весьма вероятно, что это статья «Летопись московских театров», о которой директор императорских театров А. М. Гедеонов, ведавший также театральной цензурой, писал М. П. Погодину 26 декабря 1851 г.: «Если Вы, милостивый государь, под статьями, долго не возвращаемыми, разумеете статью г. Григорьева „Летопись московских театров“, в которой делается разбор одного из представлений комедии „Ревизор“, полученную

мною в прошедшем ноябре месяце, то я должен сказать, что статья эта в том виде, как делается по ней разбор помянутой комедии, не может быть одобрена к напечатанию и, кроме того, доставлена с перемарками и в полулистах, не сшитых между собою, тогда как по уставу о цензуре (14 том свода законов в статье 37) постановлено, чтобы рукописи, представляемые в цензуру, были чисто и четко переписаны. В заключение должно присовокупить, что помянутая статья прислана ко мне без подписи, от кого представлена, что противно цензурному уставу, § 34-й. Хотя же на заглавном листе ее и значится „А. Григорьева", а на обертке, в которой была завернута статья сия (у сего прилагаемой), написано: „В контору журнала „Москвитянина", но из этого еще не видно удостоверения в том, что статья сия принадлежит именно тому рецензенту, фамилия которого выставлена в начале, ибо подобная отметка не может назваться п о д п и с ь ю, делаемой обыкновенно авторами в конце своего сочинения» (неизд.— ЛБ, Пог. II/7/113).

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНОВЕЙ ТАРАСА ИЗ БУРСЫ
Рисунок акварелью и пером А. Д. Кившенко, 1882 г.
Третьяковская галлерея, Москва

О спектакле, вероятно послужившем поводом для статьи «Летопись московских театров», не пропущенной театральной цензурой, 2 октября 1851 г. Григорьев писал Погодину: «Хорошо, что Вы не поехали сегодня в театр. Такого мерзостного представления „Ревизора" я не мог бы даже вообразить» (неизд.— ЛБ, Пог. II/9/27).

192. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Москва. Четверг. 8 ноября 1851

...Вчера перебывали у нас все родные и знакомые. Кошелева и Гоголь сидели вечер, но все так тихо разговаривали, что Оленьку это нисколько не беспокоило.

Кошелева и Гоголь каждый явились с хлебом на новоселье. Гоголь чуть не сердится на нас, что мы остаемся в деревне, и не перестает доказывать, что нам нет выгоды так жить [1] 〈...〉

Отесенька очень прилежно занимается своими записками и подстрекает Гоголя...

〈9 ноября 1851 г.〉

...Сестрам удалось побывать несколько раз в театре 〈...〉 Видели они также «Ревизора», и в роли Хлестакова — актера, который в первый раз играл пьесу, — играл он неудачно. Гоголь также был с нашими, но опоздал в театр, никто почти 〈его〉 не видал. После этого Гоголь собирал у себя актеров и читал им отрывки из «Ревизора», но сам, говорят, уже забыл «Ревизора» и неудачно читал [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.618, лл. 76 — 78 об.).

[1] См. письмо № 191.

[2] Описание этого чтения см. в «Житейских и литературных воспоминаниях» И. С. Тургенева (Полн. собр. соч., цит. изд., т. XI, стр. 435—437).

193. Е. И. ЯКУШКИН — И. К. БАБСТУ

〈Москва.〉 16 ноября 1851 г.

...На-днях выйдет «Племянница» [1], и Гоголь собирается печатать 2-й том «Мертвых душ», который окончен совершенно и который уже он читал у Назимова [2]. Шевырев уже покупает, по его поручению, бумагу для печати [3]...

Автограф. Фонд П. Е. Забелина (№ 440, ед. хр. 784, л. 183).

Евгений Иванович Якушкин (1826—1905)— юрист и этнограф, сын декабриста И. Д. Якушкина и издатель его записок.

Иван Кондратьевич Бабст (1824—1881)— ученик Т. Н. Грановского, впоследствии известный экономист.

[1] «Племянница» — роман Евгении Тур.

[2] Владимир Иванович Назимов (1802—1874) — попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета. О чтении ему Гоголем 2-го тома «Мертвых душ» других свидетельств не имеется.

[3] См. выше письмо № 191.

194. Д. Н. СВЕРБЕЕВ — Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

〈Москва.〉 14 декабря 〈1851 г.〉

...Сашу [1] возил я, по поручению матери, к Чаадаеву и Гоголю, которого они знают по Одессе. Гоголь удивил меня своей проницательностью. Советовал Саше, когда он будет в Петербурге, еще более беречь здоровье, нежели деньги, а он таков, что может промотать и то и другое 〈...〉

Вчера был 1-й четверг у Кошелевых, вечер (мужской) не удался. Все приехали вразброд — одни так рано, Шевырев и Гоголь, что я уже их не застал, и Павлов приехал после меня [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Свербеевых (№ 598, оп. 2, ед. хр. 80, л. 13).

[1] Речь идет об Александре Щербатове, сведениями о котором мы не располагаем.

[2] В письме к жене от 24—25 декабря 1851 г. Свербеев упомянул, что у него 21 декабря вечером были Гоголь и Скарятин, а также приехавший в этот день А. М. Языков (неизд. — ИРЛИ, ф. 598, ед. хр. 80, л. 18 об.).

195. Н. А. РАМАЗАНОВ — А. А. ИВАНОВУ

Москва, 10 генваря, 1852 г.

...Нижеподписавшийся находится в Белокаменной и на-днях встретился в бенефис Щепкина в Большом театре с Н. В. Гоголем, почему и может сказать, что Николай Васильевич здрав, но крайне задумчив и скучен [1]...

Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2203).— Опубликовано без точной даты и с опечатками в сб.: «Н. В. Гоголь. Материалы к проектированию нового памятника». М.— Л., 1936, стр. 32.

Николай Александрович Рамазанов (1815—1867) — известный скульптор, одной из лучших работ которого является бюст Гоголя, воспроизводимый в настоящем томе (см. ниже его письмо к С. П. Шевыреву — № 217).

[1] Бенефис М. С. Щепкина состоялся 9 января 1852 г. в помещении Московского Большого театра. В этот вечер были представлены следующие пьесы: «Беда от сердца и горе от ума», «Вести, или убитый живой», «Письмо без адреса», «Гаррик во Франции» и интермедия: «Артисты между собою» («Московские ведомости», 1852, № 4, от 8 января).

196. Е. М. ФЕОКТИСТОВ — И. С. ТУРГЕНЕВУ

〈Москва. 25 февраля 1852 г.〉[1]

Тургенев, сейчас получил Ваше письмо и думаю, что мое еще успеет попасть на почту. Благодарю Вас за письмо Ваше,— давно я не получал ничего милее этого[2]. Но дело не в том — весь интерес теперь в Гоголе. Вчера мы похоронили его. Вся Москва решительно была на похоронах. Огромная университетская церковь не вмещала народу — кроме Назимова, Закревский[3] и пр. были в полных мундирах — также профессора, которые некоторое время несли гроб и передали его потом студентам и прочему народу. Гроб не дали ставить на колесницу и на руках донесли его до могилы в Даниловом монастыре, верных 6 верст. Я нес его до могилы и опускал в нее гроб[4]. Пишу Вам эти подробности, потому что в них наиболее выразилось странное 〈?〉 уважение к Гоголю. Когда тело его лежало в университете, церковь была отперта, и даже ночью приходил народ поклониться ему. Можно сказать, что вся Москва перебывала у гроба. Он лежал в лавровом венке, а в руках был букет иммортелей. Я сорвал листок с венка и взял цветок иммортелей — на память. Теперь другие подробности. Как Вы полагаете, слухов об оставшихся сочинениях — бездна. Достоверно то, что он всё сжег. Но вчера единогласно говорили, что у гр. Толстого, его главного друга, у которого он жил и умер, остался запечатанный пакет, который откроют чрез 6 недель. Что в нем — неизвестно. Достоверно известно только то, что 2-я часть «Мертвых душ» сожжена.

В последнее время Гоголь занимался огромным сочинением: «Толкование на литургию» — не оно ли осталось?

Чтоб дать Вам понятие об графе Толстом — вот его поступок: он не хотел Гоголя хоронить в университетской церкви, и, когда его перенесли туда, он отказался взять погребение на свой счет, говоря: «Если так, то пусть хоронит кто хочет» — и его хоронили на счет университета. Похороны, впрочем, были великолепные. Погодин не был тогда в Москве, а Шевыреву еще и теперь не говорят о смерти Гоголя, ибо он сам болен тифом. Но Аксаковы и Хомяков — великолепны; когда-нибудь Вы услышите об их похождениях. Много рассказывать! [5] Теперь все расспрашивают гоголевского мальчика[6] о подробностях его жизни, но он, кажется, понял свое интересное положение и развивает в себе Хлестакова[7]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Е. М. Феоктистова (№ 166, ед. хр. 1539).

Евгений Михайлович Феоктистов (1829—1898) — литератор, впоследствии начальник Главного управления по делам печати. Автор известных мемуаров «За кулисами политики и литературы» (Л., 1929).

[1] В подлиннике неустановленным почерком: «27 февраля». Ошибочность этой даты устанавливается указанием на состоявшиеся накануне (т. е. 24 февраля) похороны Гоголя.

[2] Это письмо И. С. Тургенева к Феоктистову неизвестно.

[3] Арсений Андреевич Закревский (1783—1865)— московский военный генерал-губернатор. Приезд его на похороны Гоголя вовсе не являлся знаком уважения к памяти великого писателя, которого он, по словам современника, никогда не читал (см. письмо Н. Ф. Павлова к А. В. Веневитинову: Барсуков, XI, 538), а желанием помешать могущим произойти «беспорядкам».

[4] В ответном письме, адресованном Феоктистову и В. П. Боткину (от 26 февраля 1852 г.), Тургенев писал: «Вы не можете себе представить, друзья мои, как я вам благодарен за сообщение подробностей о смерти Гоголя <...> Я перечитываю каждую строку с какой-то мучительной жадностью и ужасом <...> Я рад, что его хоронили в университетской церкви и, действительно, нахожу вас всех счастливыми, что удостоились нести его гроб. Это будет одно из воспоминаний вашей жизни» («Тургенев и круг „Современника"», М.— Л., «Academia», 1930, стр. 151—152).

3 марта 1852 г. Феоктистов снова писал Тургеневу: «Милый Тургенев, завтра утром посылаю Вам по тяжелой почте литографированный здесь портрет Гоголя в гробу, очень изрядно сделанный. Продавался он здесь студентами в очень малом количестве. Я чувствую и знаю, как тяжела была для Вас особенно эта наша великая потеря, и потому не считаю лишним доставить Вам всё, что дает наималейшее воспоминание о Гоголе. Когда он лежал в гробу, то, как Вам известно, в руках его был букет иммортелей. Во время прощания около гроба сделалась просто драка. Всякий хотел не только проститься с ним, но и достать себе хоть ветку из его букета. Я достал одну ветку также, и вместе с портретом получите цветок с этой ветки.

Что сказать Вам? Тяжело и скучно. Очень заинтересовали в Вашем письме слова об тех обстоятельствах, которые Вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия об этих обстоятельствах <...>

Забыл совсем: когда я пишу к Вам, около меня лежит маска, снятая с мертвого Гоголя Рамазановым. Страшное сходство. Посылать в Петербург боюсь — расшибется, а к приезду Вашему приобрету для Вас» (неизд.— ИРЛИ, ф. 166, ед. хр. 1539). Письмо ошибочно датировано Феоктистовым 1851 годом.

[5] См. письма №№ 198 и 200.

«Воображаю себе, — писал Тургенев Феоктистову в уже цитированном выше письме, — сколько дрянных самолюбий станут взбираться на его могилу и примутся кричать петухами и вытягивать свои головки — посмотрите, дескать, на нас, люди честные, как мы отлично горюем и как мы умны и чувствительны» («Тургенев и круг „Современника"», цит. изд., стр. 152).

[6] Крепостной слуга Семен, вопреки завещанию Гоголя, был возвращен М. И. Гоголь и поступил в услужение к Н. П. Трушковскому. 30 января 1853 г. М. И. Гоголь жаловалась на Семена С. П. Шевыреву: «Мальчик <...> сделался так избалован, что я не узнавала его после того как он служил у моего сына. Он <Гоголь.— *Л. Л.*> боялся, как говорил, отдать ответ за него богу и старался внушать ему все доброе, исправлял сколько мог, давая полезные <книги> читать, но внук мой так еще юн и так много занят, и не мог вообразить, чтоб тот мальчик, который служил его дяде, мог избаловаться, но когда заметил его не в приличном виде, то хотел отправить его в деревню, но он упросил его не делать ему такой конфузии, обещаясь исправиться, в чем я, однакож, сумневаюсь» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

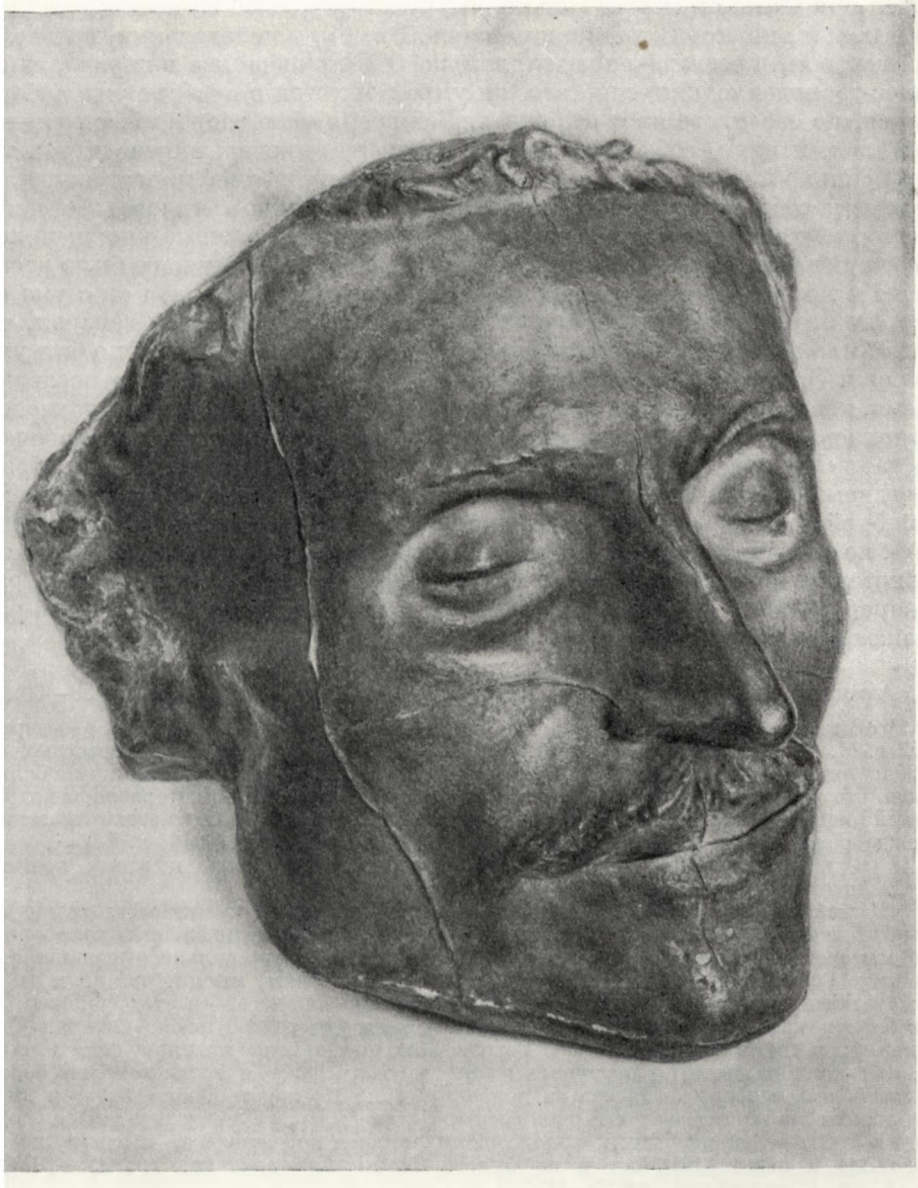
[7] За содействие напечатанию в «Московских ведомостях» письма Тургенева о смерти Гоголя Феоктистов был отдан под надзор полиции, а Тургенев, после ареста, был выслан в свое имение.

Об аресте Тургенева сообщал из Петербурга Погодину поэт Я. П. Полонский: «Тургенев за статью о Гоголе, помещенную в „Московских ведомостях", сидит на съезжей, куда сажают сроком на месяц — вот Вам одна петербургская новость. Другой еще не знаю» (неизд.— ЛБ, Пог. II/26/125). Аналогичное упоминание об аресте Тургенева встречается и в письме писателя И. Т. Кокорева к М. П. Погодину (неизд. — ЛБ, Пог. II/15/205).

197. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

<Москва. Двадцатые числа февраля 1852 г.>

Пишу тебе, милый друг мой Машенька, единственно для того, чтоб ты не беспокоилась обо мне, душа моя. Телесно я еще крепче, нежели можно было бы ожидать, но душа вся разбита, болит и рвется на части.— Ты знаешь, что и прежде было много причин для того; эти причины всё те же, сверх того мы испытали в эти дни такую невозвратимую потерю, которой значение для нас именно, может быть, ты и не поймешь вполне. Мы еще не опомнились, так скоро всё окончилось, так ужасны были дни ожидания[1].— Сношения наши с Гоголем так вошли в нашу жизнь, так наполняли ее, влияние его проникало так во всё, что лишиться его казалось невероятным в первую минуту.— Я скажу откровенно, что я совершенно забыла на первое время всё его значение как художника. Мне было жаль его всей душой как человека, жаль, что не придет он уже к нам, как всегда, что



ПОСМЕРТНАЯ МАСКА ГОГОЛЯ
Снята Н. А. Рамазановым 21 февраля 1852 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

не увижу его, не услышу его участия искреннего.— С тех пор как мы в Москве, он через день непременно приходил хоть на полчаса узнать, что у нас делается, какие вести из деревни, и последние два дня сряду зашел при Мите; он сказал только, что чувствует озноб по ночам; с тех пор он выходил, кажется, только в церковь. Это было понедельник, на масляной вечером, в четверг на масляной же он приобщился в церкви, имел какое-то видение или сон, что он умрет, и хотел в субботу уже собороваться, но его уговорили отложить. Всё время, еще здоровый, он ужасно постился, изнурял себя чрезвычайно, к тому же это убеждение в смерти так было сильно в нем, что он делал все свои распоряжения, приготовился, не пускал к себе почти никого, говорил: «Мне должно беседовать с самим собой», не хотел принимать лекарств, всё читал священные книги, приобщился еще раз, соборовался и скончался. Говорят, что у него было воспаление в мозгу или что-то вроде. О нем распустили слух, что он с ума сошел, но это совершенно несправедливо. Вчера еще Овер нам говорил, что мало было даже бреду в последние дни: он все больше молчал, но был упадок сил. Он очень расстроился кончиной ⟨Е. М.⟩ Хомяковой, но последнее время, когда мы его видели, он был довольно бодр. Но мысли его, точно, обращались больше к другому миру. Еще в начале своего нездоровья он отда⟨ва⟩л «Мертвые души» графу Толстому, у которого жил, но тот, боясь предзнаменованья, не взял. В ту же ночь он сжег всё, что было написано. Ошибкой ли он это сделал или с намерением — нельзя совершенно утверждать, но он жалел потом, и, может быть, это еще усилило его болезнь. Много бы хотелось поговорить с тобой, милый друг; теперь только и мысли и разговоров у нас о Гоголе. Скоро Митя поедет к вам, с Васей — всё расскажет вам подробно[2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.619, лл. 58—60).

[1] «В какое время попала ты в Москву?! — восклицала в письме от 28 февраля 1852 г. М. Г. Карташевская.— Как нарочно, чтобы быть ближе всех горестных подробностей, всех ужасных известий! Что за тяжелая полоса для вас, и как мне больно знать, что вас коснулись подобные лишения и огорчения! Жду с нетерпением подробностей письма твоего, милый друг мой, оплакивая вместе с вами и во всех отношениях преждевременную кончину» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.646, л. 22).

[2] В недатированном письме к родителям, относящемся к этому времени, В. С. Аксакова писала:

«Целый день и думаем и говорим только о Гоголе, истинно безотрадно подумать, что не увидим его более. Сколько бесполезных сожалений, как больно, что мы его не утешили эту зиму, не исполнили его такого сильного желания ⟨...⟩ Влияние Гоголя уже так вошло в жизнь, в наши взгляды, мысли, что вряд ли мы можем поговорить час, чтоб не наткнуться мыслью на него,— а этот человек был так близок нам, так искренно любил и принимал участие во всем. Сегодня Овер удивил нас своим рассуждением о Гоголе. Как мог он так истинно понять его и то, как должны были бы поступать с ним друзья; даже и мельком было больно слышать это теперь, когда нельзя исправить ⟨...⟩ Но грустно, грустно, — и никого близких из наших не было около него. Бедная мать, не могу без ужаса подумать о ней! — Как ни был он полон своим миром, но человека, столько любившего Вас и всю семью, нет и не будет. Невыразимо грустно!» (неизд.— ЦГЛА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 3—4).

Упоминаемое в письме «сильное желание» Гоголя — чтобы Аксаковы зиму 1851/52 г. провели не в деревне, а в Москве.

198. Д. Н. СВЕРБЕЕВ — Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

⟨Москва.⟩ 26 февраля 1852 г.

...Ох, если б это была моя последняя весть тебе об утратах этого времени! На беду нет! Ты еще лишилась человека, которого много любила и которого чтили все. Гоголя не стало! Я писал тебе слегка о его болезни[1]. Долго я не верил этому: думаю, хандрит; да и в самом деле было что-то

очень похожее. Я его встречал часто у Хомякова; казалось, был весел. Вдруг слышу — болен, не принимает никого. Я к нему заезжал два раза, в последний с ⟨А. М.⟩ Языковым. Он никого не пускал. Слышу, что после свидания с каким-то аскетом, священником из Тверской губ., Гоголь вдруг говеет на масленице и держит, как оказалось после, самый строжайший пост.— Потом, говорят, изнемогает он от самой скудной пищи; просто от голода, который производит в нем сильное ослабление и, наконец, воспаление в кишках. Больной противится всем убеждениям и не принимает никакого лекарства, не пьет даже бульона. Хомяков к нему вломился. Шевырева и Погодина он прогнал, Иноземцева тоже. Овер объявляет ему, что будет лечить его как сумасшедшего. Гоголь, говорят, начинает принимать лекарства, но было уже поздно; он умирает 21 февраля, в 8 часов утра.

Еще до кончины узнали, что за день или два он ночью тайно от всех сжигает все свои сочинения и тут же «Мертвые души»; после не осталось ни строки, кроме чужих к нему писем. Университет,— говорят, по предложению Грановского, — переносит на руках — сперва попечителя и профессоров, потом студентов — тело славного покойного в свою церковь, которая не запирается совсем до погребения его в Даниловом монастыре рядом с Языковым. Все приходят толпами проститься с великим писателем; друзья, приятели оплакивают и доброго человека. 3-го дня, 24 февраля, в воскресенье, похоронили его [2] ⟨...⟩

К стыду и сожалению, наши общие приятели — Хомяков, Кошелев и другие, т. е. Самарин, Аксаковы, вздумали было оспаривать желание университета и настоятельно требовать, чтобы Гоголя отпевали в приходской церкви. По обыкновению, кричали, спорили, шумели, многих рассердили, тех, которые поумнее, насмешили, и не успели ни в чем. Решительно, их раздражение доходит до крайности и, к великому несчастию, вносится в общественную и частную жизнь. К несчастью, этот новый печальный случай лучше всего доказывает, что общение с ними невозможно. Я не спорю с Хомяковым, уважая его собственную скорбь [3], вследствие которой он сделался еще раздражительнее и нелепее; но не могу простить другим, особливо Кошелеву, которого нарочно избегал все эти дни, а вчера, приглашая к себе, сказал Ольге Федоровне, чтобы она как-нибудь предупредила мужа не начинать со мной и при мне разговора о похоронах Гоголя, чтобы нам о том не спорить. Ты не можешь себе представить, какой невыгодный для себя произвели все они говор по городу; я только и прошу везде, где бываю, не вмешивать меня во все эти толки [4]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд Свербеевых (№ 598, оп. 2, ед. хр. 80, л. 39).

[1] В письме от 12 февраля 1852 г. Д. Н. Свербеев сообщал жене: «Гоголь тоже болен. Я заходил к нему вчера с ⟨А. М.⟩ Языковым. Нас не приняли. Кошелев тоже. Этот говорит, что Гоголь и болен, и говеет, и тут же хандрит» (неизд.— ИРЛИ, ф. 598, оп. 2, ед. хр. 80, л. 34).

[2] «О смерти Гоголя Вы уже знаете,— писал В. П. Боткин приятелю Белинского М. А. Языкову 25 февраля 1852 г.— Вчера были похороны, не пышные и великолепные, но самые трогательные по всеобщему участию. Что-то сердечное было во всей церемонии. До самой могилы несли гроб студенты, и сколько было слез!» (неизд.— ИРЛИ, 8943/LIб, лл. 1 об.— 2).

[3] Имеется в виду смерть жены Хомякова — Екатерины Михайловны.

[4] В ответном письме от 5/17 марта 1852 г. Е. А. Свербеева писала мужу: «Кончина Гоголя меня более тронула и поразила, ⟨чем смерть дяди — А. П. Оболенского⟩; ты знаешь, как я любила его, он был добрым нам всем приятелем ⟨...⟩ Я не имею слов сказать, что я чувствую. Бедная его мать и сестры!.. Гоголь наш! Мир ему! Славная его душа! Сколько добра он сделал мне, нынче летом ни разу не говорил он со мной, чтобы не дать мне добрый, строгий, любящий совет; не раз я помяну его и погорюю об нем. Итак, Москва приняла прах его, он любил Москву, помнишь, как он нам в последний раз говорил о Москве? Как же „Мертвые души“? Он сжег их! Не найдутся ли они где-нибудь? Это потеря большая. Давно виделось, что он близок ⟨к смерти⟩ ⟨...⟩ Летом еще я глядела на него с беспокойством. Но жаль Гоголя, и ты это

скажешь; как нам всем не сказать того же? Мир душе его! Теперь Данилов монастырь для нас всех дорог <...> Его никто не мог понять. Бедная его мать! <...> Поцелуй детей, поцелуй Митю. Гоголь у него на рожденье еще обедал у нас <...> Невольно слезы льются из глаз моих, но это легче, нежели горе без слез» (неизд.— Копия, ИРЛИ, ф. 598, оп. 2, ед. хр. 6, л. 1).

199. С. И. АСТРАКОВ — Н. П. ОГАРЕВУ

<Москва.> 27 февраля 1852 года

...В Москве очень много умирает народа, точно повальная болезнь. В числе разных других иных умерших замечательный умер один — это Г о г о л ь; его со всею торжественностию отпевали в университетской церкви, схоронили в Даниловом монастыре. Говорят, он перед смертью помешался на постах и уморил почти себя с голода, на масленице говел и тому подобное и в заключение после какого-то сновидения сжег в камине ночью все свои бумаги и сочинения, еще не напечатанные, которых, по сказанию, было весьма немало <...>

Друзей-то, закадышных, и не было на похоронах: Шевырев болен, а Погодин в Суздале — там, по приказанию начальства, отрывают могилу Пожарского, и, разумеется, при этой оказии Михаил Петрович необходим. В заключение о Гоголе можно еще прибавить, что А. С. Хомяков собирает подписку на сооружение памятника Гоголю [1]. Вот и всё, что до меня дошло о Гоголе...

Автограф. ЛБ. Фонд Герцена — Огарева (ГО/IX/8).

Сергей Иванович А с т р а к о в (1817—1866) — преподаватель математики, приятель А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

[1] См. следующее письмо.

200. Д. Н. СВЕРБЕЕВ — Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

<Москва.> 29 февраля <1852 г.>

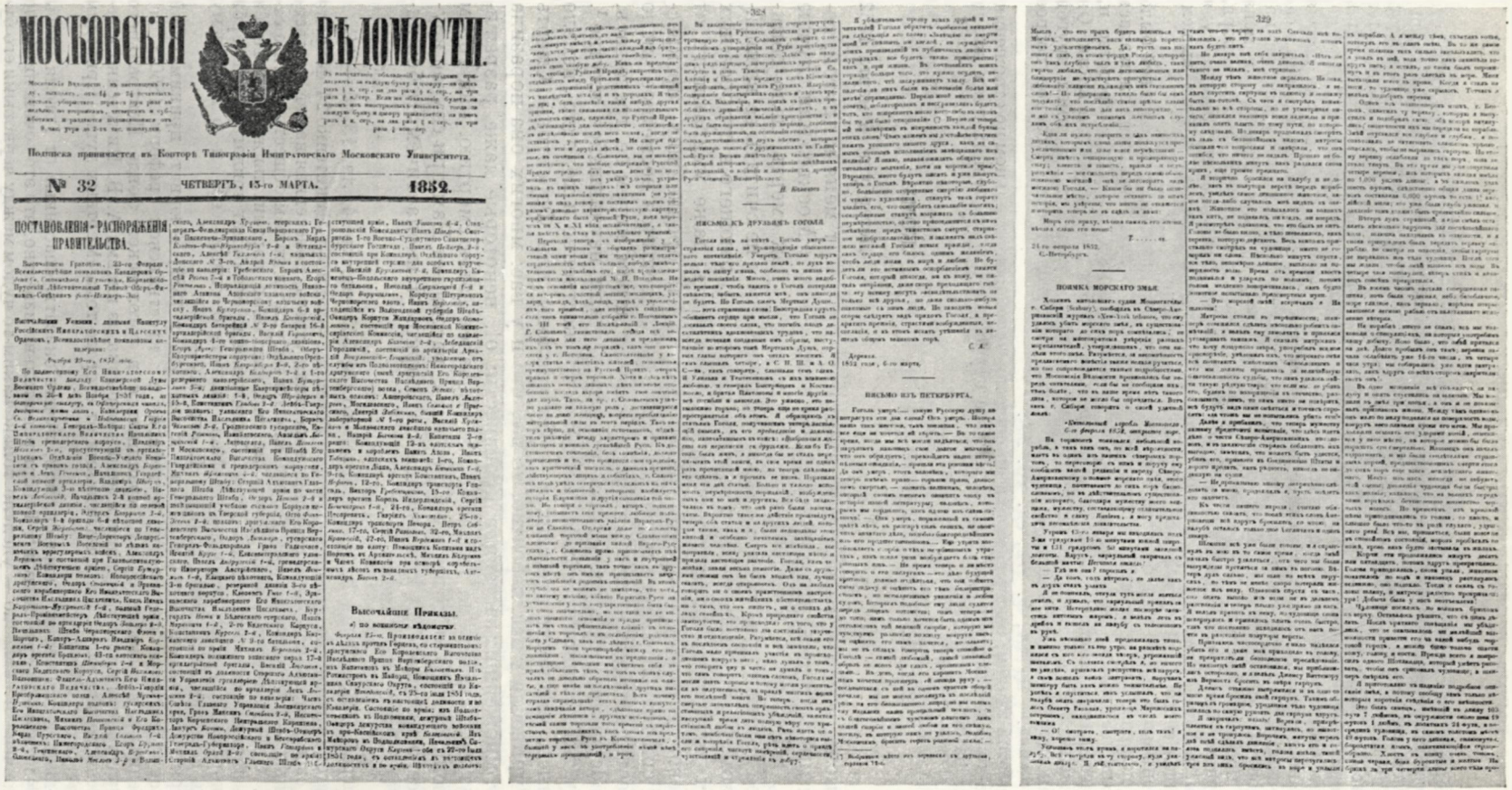
...Приятели наши, взволнованные своею неудачею похоронить Гоголя, как им хотелось, не вдруг успокоились и вздумали было новое средство сердить мнимую противную себе партию: дня четыре тому получил я вечером при Чижове подписку на памятник Гоголю с надписью из псалма, изобретенного Хомяковым: «Возлюбих любящих тя, возненавидех ненавидящих тя». Я тотчас отвечал, что не соглашаюсь с этой надписью, а потому не подписываюсь. Я отвечал, что готов участвовать в памятнике Гоголя как писателя, а не как христианина, тем более, что такая надпись придавала бы ему религиозное направление, ревностное не по разуму. Говорят, теперь они соглашаются изменить надпись [1] <...> Самарин сильно горюет по Гоголе <...> Ищут, ищут повсюду, нет ли где какого списка со 2-го тома «Мертвых душ», сожженных самим автором, и нигде не находят.

Пронесся слух, будто Гоголь отдал список вел. кн. Ольге Николаевне или Жуковскому; об этом можешь узнать сама. Я списал для себя в художественном классе портрет <М. Ф.> Орлова, теперь списывают для меня у Хомякова портрет Гоголя [2]...

Автограф. ИРЛИ Фонд Свербеевых (№ 598, оп. 2, ед. хр. 80, л. 40).

[1] На надмогильном памятнике Гоголю высечена надпись: «Горьким словом моим посмеюся».

[2] В Центральном государственном литературном архиве, среди бумаг Свербеевых, сохранилась малоразборчивая, местами совсем не поддающаяся расшифрованию, черновая запись Д. Н. Свербеева о смерти Гоголя. Она, вероятно, предназначалась для использования в его известных записках, доведенных только до 1826 г. Запись обрывается на половине страницы.



МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Московскія Вѣдомости, въ настоящемъ году, выходятъ, какъ до сихъ поръ, по 6 нумеровъ въ недѣлю, отдѣльными листами, по мѣрѣ полученія изъ разныхъ мѣстъ, и разсылаются подписчикамъ отъ 9 часу утра до 2 часу пополудни.

Подписка принимается въ Конторѣ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета.

№ 32 ЧЕТВЕРГЪ, 13-го МАРТА. 1852.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшіе Приказы.

Высочайшій Приказъ, данный Канцелляріи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Декабря 23-го, 1851 года.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества докладу Комитета Министровъ, отъ 20-го декабря 1851 года, о распоряженіи сыскомъ, на пріобрѣтеніе земель, *выгорѣвшихъ* въ селѣ Ивановскомъ, Коломенскаго уѣзда, 4-хъ помѣщиковъ, Генералъ-Майора Ивана Ивановича Сытина, Статскаго Совѣтника Николая Ивановича Шилова, Коллежскаго Асессора Ивана Ивановича Сытина и Коллежскаго Асессора Ивана Ивановича Шилова, принадлежащихъ имъ, крестьянскихъ дворовъ, Высочайше повелѣно: изъ суммы, отпущенной Императорскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ на вспомоществованіе погорѣвшимъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, выдать Генералъ-Майору Сытину 1000 рублей, Коллежскому Асессору Сытину 500 рублей, Коллежскому Асессору Шилову 500 рублей, Коллежскому Асессору Шилову 500 рублей.

Высочайшій Приказъ, данный Канцелляріи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Декабря 23-го, 1851 года.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества докладу Комитета Министровъ, отъ 20-го декабря 1851 года, о распоряженіи сыскомъ, на пріобрѣтеніе земель, *выгорѣвшихъ* въ селѣ Ивановскомъ, Коломенскаго уѣзда, 4-хъ помѣщиковъ, Генералъ-Майора Ивана Ивановича Сытина, Статскаго Совѣтника Николая Ивановича Шилова, Коллежскаго Асессора Ивана Ивановича Сытина и Коллежскаго Асессора Ивана Ивановича Шилова, принадлежащихъ имъ, крестьянскихъ дворовъ, Высочайше повелѣно: изъ суммы, отпущенной Императорскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ на вспомоществованіе погорѣвшимъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, выдать Генералъ-Майору Сытину 1000 рублей, Коллежскому Асессору Сытину 500 рублей, Коллежскому Асессору Шилову 500 рублей, Коллежскому Асессору Шилову 500 рублей.

Высочайшіе Приказы.

о по военной части.

Февраля 23-го. Произведены: за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, съ откомандированіемъ Его Кавказскаго Императорскаго Высочества, Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій, въ Штабъ Кавказскаго Отдѣльнаго Корпуса, Генералъ-Маіоръ Князь Орбеліани, Командующій 1-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Лейтенанты; Генералъ-Маіоръ Князь Чавчавадзе, Командующій 2-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Маіоры; Полковникъ Князь Чавчавадзе, Командующій 2-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Маіоры; Полковникъ Князь Чавчавадзе, Командующій 2-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Маіоры; Полковникъ Князь Чавчавадзе, Командующій 2-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Маіоры.

Высочайшіе Приказы.

о по военной части.

Февраля 23-го. Произведены: за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, съ откомандированіемъ Его Кавказскаго Императорскаго Высочества, Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій, въ Штабъ Кавказскаго Отдѣльнаго Корпуса, Генералъ-Маіоръ Князь Орбеліани, Командующій 1-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Лейтенанты; Генералъ-Маіоръ Князь Чавчавадзе, Командующій 2-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Маіоры; Полковникъ Князь Чавчавадзе, Командующій 2-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Маіоры; Полковникъ Князь Чавчавадзе, Командующій 2-ю Бригадою 2-й Гренадерской дивизіи, въ Генералъ-Маіоры.

ПИСЬМО КЪ ДРУЗЬЯМЪ ГОГОЛЯ

Гоголя нѣтъ на свѣтѣ. Гоголь умеръ — страшное слово, но произносящее обыкновенное слово. Гоголь умеръ — и грустно, и больно, и досадно, и какъ-то странно. Какъ будто это не онъ, а кто-нибудь другой, какъ будто это не онъ, а кто-нибудь изъ насъ, кто-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ, кто-нибудь изъ нашихъ сосѣдей, кто-нибудь изъ нашихъ родныхъ, умеръ, и мы, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ жить, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ заниматься своими дѣлами, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ ходить въ гости, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ ложиться спать, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ вставать, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ ходить по Невскому проспекту, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ читать газеты, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ писать, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ говорить, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ молчать, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ существовать, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ умирать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нѣтъ, это не можетъ быть, это не должно быть, это не можетъ быть, это не должно быть, это не можетъ быть, это не должно быть

«С первых чисел февраля ‹1852 г.› друзья Гоголя толковали промеж себя, что Гоголь весь погрузился в себя, удалился ото всех, никого не посещал, никого не принимал иначе, как по докладу и под условием просидеть с ним не долее какого-нибудь получаса. Одни, как Хомяков, этому радовались, думая, что великий писатель трудится над 2-м томом „Мертвых душ“ и восторжествует после всеми признаваемого падения, споткнувшись на брошенный им же себе камень „Переписки с друзьями“. Другие, скорее пессимисты, чем всегдашний оптимист Хомяков и паче всех обожавшая Гоголя восторженная семья Аксаковых, за него перепугались и ни о чем уже другом, как о самозаключении Гоголя, не говорили. Те и другие внушали мне навестить затворника. Я был допущен с предупреждением от слуги — пробыть недолго. Принял он меня ласково, посадил и через 2—3 минуты судорожно вскочил со своего стула, говоря, что ему давно уже нездоровится. Нашел я его каким-то странным, бледным и, судя по глазам, чем-то встревоженным и пламенеющим. Я тотчас поднялся и от него вышел. Таким видел я его в последний раз, дней за 5 пред концом ‹...›

Я очень мало знал о ходе болезни Гоголя, а между его друзьями толков о ней было много. Докторов, как и друзей, пускал он к себе редко. Болезнь его поддерживалась в нем предчувствиями, непреклонной волей отвергать всякое врачебное средство и, всего более, наложенным им на себя строжайшим постом для изнурения плоти. Он в продолжение всех мясопустных дней, будучи все время на ногах, не имел другой пищи, как одну просвиру в день, а вместо питья употреблял одно красное доброе вино...» (неизд.— ЦГЛА, ф. 472, ед. хр. 20).

Часть этой записи, выдержанной в иронически-недоброжелательном по отношению к Гоголю тоне и повторяющей уже известные подробности о последних днях жизни писателя, нами опускается.

201. А. В. НИКИТЕНКО — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

С.-Петербург. 4 марта 1852

...Мысль, что эти строки идут в Москву, приводит меня к другой, горестной мысли о том, что случилось недавно у вас в Москве, или, лучше сказать, в России,— о смерти Гоголя. Смерть — как смерть, дело обыкновенное до пошлости, хотя мы никак не привыкнем не считать ее важнейшим делом. Но грустно, ужасно грустно видеть умирающего в судорожных тревогах неудовлетворенной жизни и, может быть, даже умирающего от этих тревог. И между тем здесь гибнет одна из благороднейших, прекраснейших сил нравственного мира, а кругом вас копошится несметное число ничтожеств, которые живут и благоденствуют даром, ничем не тревожась, кроме воспоминаний о вчерашнем преферансе или неудавшейся плутне[1]. А между тем история идет себе спокойно, торжественно и холодно, немало не заботясь, чьи кости она топчет — Патрокловы или Ферситовы. Смерть Гоголя принесла у нас, вероятно, то же, что и у вас: многих она поразила глубоко, множейших заставила произнести: о!, некоторые даже разрешились ругательствами на тех, которые опечалены этою смертию, как горем общественным. Но об этих некоторых расскажет Вам при случае вручитель сего письма ‹...› Называется он Марком Николаевичем Любощинским[2]. Он брат моей жены[3]...

Автограф. ГИМ. Фонд Т. Н. Грановского (№ 345, ед. хр. 4, лл. 13 об.— 14).

[1] «Сегодня получено известие о смерти Гоголя...—записал Никитенко 24 февраля 1852 г. в своем дневнике.— Вот еще одна горестная утрата, понесенная нашей умственною жизнью — и утрата великая! Гоголь много пробудил в нашем обществе идей о самом себе. Он, несомненно, был одною из сильных опор партии движения, света и мысли — партии послепетровской Руси. Уничтожение его бумаг прилагает к скорби новую скорбь» (А. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Цит. изд., т. I, стр. 403—404).

[2] Марк Николаевич Любощинский (ум. в 1889) — юрист, принимавший деятельное участие в подготовке судебной и крестьянской реформ 1860-х гг.

[3] Среди разрозненных бумаг, хранящихся в гоголевском фонде Центрального гос. литературного архива, хранится копия отрывка из письма А. В. Никитенко к неустановленному адресату, с впечатлениями от второго тома «Мертвых душ». Приводим его полностью:

«На-днях я слушал оставшиеся, или, лучше сказать, спасенные от Гоголя главы 2-й и 3-й части его „Мертвых душ“. Теперь решительно известно, что это сочинение было у него кончено и сожжено — уцелело только каким-то чудом между черновыми его бу-

магами то, что я слышал. Рассказывают, что в последнее время, когда дух его уже омрачился и из деятельной силы начал переходить в какую-то аскетическую окись, он предлагал на сохранение чисто переписанный экземпляр „Мертвых душ", совсем конченных, одному из своих приятелей, говоря ему: „Возьми, брат, это и спрячь; мне иногда кажется, что тут есть кое-что хорошее, жаль мне самому, если это пропадет". Приятель, однакож, по неизвестной причине, не хотел этого исполнить, и высокое создание погибло. Да, высокое, судя по тем главам, которые я слышал. Главы эти весьма длинны, и, следовательно, по ним можно судить об остальном. Это решительно одно из тех капитальных творений искусства, которые переживают века. На сцене являются всё новые лица, до того типические и живые, что становится страшно, как бы сделалось страшно, когда какая-нибудь античная статуя сдвинулась бы вдруг со своего пьедестала и пошла. Тут являются лица с трагическою физиогномией и между ними тот же Чичиков и множество комических и юмористических изображений мастерской, почти шекспировской отделки. В последних частях идея „Мертвых душ" переменяет свой характер, и это одна из замечательнейших сторон книги. Выходит, что мертвые души не те, которых скупал Чичиков, а души тех, у которых он покупал. Тут сочинение становится колоссально величественным, грозным, не поэмой, как он его называл, а трагедией национальной. И все это пропало! Потеря действительно важная. Такое сочинение именно теперь нужно, и оно принесло бы несчетно много добра. Жалко подумать, от каких случайностей зависит успех нравственности на земле» (Рук. копия. ЦГЛА, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 131—132).

В дневнике Никитенко имеется следующая запись от 9 февраля 1853 г.: «Обедал у ⟨А. Н.⟩ Карамзина. После обеда читаны были неизданные главы „Мертвых душ". Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати. Эти пять часов были истинным наслаждением. Читал, и очень хорошо, князь ⟨Д. А.⟩ Оболенский» (цит. изд., стр. 415). Повидимому, публикуемое письмо относится именно к этому времени.

202. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

⟨Москва. Начало марта 1852 г.⟩

...Маменька очень плачет, да и не одна маменька и не одни женщины, плачут и тоскуют мужчины. Мне кажется, мысль о Гоголе завладевает чем дальше, тем сильнее ⟨...⟩ Отовсюду получаются письма, полные тоски и сожаления от людей, едва его знавших.— Мамонов нарисовал портрет, много похожий, особенно в иные минуты; я тебе пришлю на-днях; чем дольше смотришь, тем более напоминает он и так живо иногда [1].

О бедной его матери не могу без ужаса вспомнить. До сих пор об них нет слуха. Не имеем духа писать к ней прежде, нежели услышим, что ее уже поразила эта весть.

О какой фразе моего письма говоришь ты? ⟨...⟩ Не то ли это, что я пишу, что ты, мой милый друг, не можешь вполне понять, что̀ значит для нас Гоголь; я даже не помню хорошо моего выражения, когда я писала тебе об нем. Я вспомнила, что ты находила его незанимательным в разговоре и т. д. Но не ты одна это говорила, это повторяли многие и близкие ему мужчины, но странно: ни я, ни маменька, ни Надя, ни даже никто из женщин, его знавших ближе, не находили этого; всё наше желание было только его занять, ему чем-нибудь доставить необходимый для него отдых, после душевных изнурительных трудов его. — И вообще, я думаю, трудно понять, как дорого нам, близко сделалось для нас всех существование Гоголя, для этого надобно было бы прожить всю жизнь с нами и делить наши ежеминутные впечатления ⟨...⟩ Здесь Шишкова Марья Александровна с Николаем Александровичем. Завтра едут, мы им отдали 51 экземпляр портретов. Один для тебя, мой милый друг; другие отошлите, прошу вас, к Попову Александру Николаевичу [2]...

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.619, лл. 62—64).

[1] В одном из писем, написанных несколько позже, весной 1852 г., В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Портреты, сделанные Мамоновым, давно все разошлись. Есть какие-то неприятные портреты с разной возмутительной обстановкой, но я тех не видела» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.619).

[2] 16 марта 1852 г. М. Г. Карташевская отметила получение портрета Гоголя: «Благодарю тебя за портрет Гоголя, который мне очень живо его напомнил. Может быть вы, знавшие его так коротко, не вполне удовлетворены сходством, но я нахожу сходство это поразительным; схвачена и привычка его держать голову немного вперед, точно сидит он, слушая малороссийские песни. Остальные экземпляры я тот же день отослала Попову; только, если я не ошибаюсь, их 50 с моим, а не 51» (неизд.— ИРЛИ, ф. 173, ед. хр. 10.646, л. 29).

Д. Н. Свербеев 12 марта 1852 г. писал А. Н. Попову: «Елагина А. П. поручила мне исполнить за нее комиссию к Вам О. С. Аксаковой: к Вам доставят портрет Гоголя в 50 экз. Мамонова. Продавайте его по 1 р. экз. и деньги перешлите О. С. Аксаковой. Прочтите в 5 № „Москвитянина" прекрасную статью Погодина „Кончина Гоголя". В ней найдете Вы все подробности. Я не охотник до Михаила Петровича, но должен отдать справедливость этим двум-трем страницам. Они превосходны во всех отношениях» (неизд. — Копия. ЦГЛА, ф. 472, ед. хр. 42, л. 3).

В пятой книжке «Москвитянина» за 1852 г. была помещена статья Погодина (за подписью М. П.) «Кончина Гоголя». В ней Погодин протокольно описывал болезнь и смерть Гоголя. Только в конце статьи Погодин высказывал свое личное мнение об «особливости натуры» Гоголя, «которую судить простою меркою, по обыкновенным нашим понятиям, нельзя и не должно», и призывал «оплакивать горькими слезами то, что потеряли», и «возблагодарить сторицею» за то, что осталось». В архиве Погодина хранится ряд писем к нему разных лиц (П. В. Нащокина, Н. М. Лобанова, А. О. Смирновой, И. Е. Бецкого и др.) с откликами на эту статью. Булгарин встретил с озлоблением статью Погодина. Особенно его возмущала траурная рамка, которой статья была обведена (бордюром тогда окружались, главным образом, извещения о смерти членов царской фамилии).

Вскоре А. Н. Попов сообщил С. Т. Аксакову: «Письма Вашего о Гоголе, которое очень хотел бы прочесть, я не получил, но получил неизвестно от кого 50 экземпляров портрета Гоголя и несколько дней не знал, что с ними делать, пока не получил письма от Д. Н. Свербеева. Я продал все портреты и 50 руб. сер. с сею почтою отправляю к Дмитрию Николаевичу ⟨Свербееву⟩. О смерти Гоголя что могу сказать? Мне жаль его как человека, много страдавшего душевно, но сожалением вовсе не объясняется то чувство, которое испытываю, узнав о его кончине. Бывают в жизни каждого мгновения, в которые будто отрывается часть души, умирает одна из сил душевных и наступает тяжелое сознание внутренней пустоты. Пуст стал мир художества на Руси без Гоголя, и кто сколько-нибудь способен чувствовать искусство, тот, конечно, и в себе самом не может не ощутить этой внутренней пустоты. Смерть Гоголя есть вместе с тем и смерть одной из лучших, по крайней мере утешительных, сил души в нас самих» (неизд.— ЦГИАЛ, ф. 884, ед. хр. 99, лл. 2—3).

203. А. Н. КОСТЫЛЕВ — П. И. БАРТЕНЕВУ

⟨Москва.⟩ 9 марта ⟨1852 г.⟩ Воскресенье

...Об Гоголе написал сам Катков [1]. Да, мой друг, Гоголь умер! что можно прибавить к этому? Печаль была общая и непритворная. Одна только Ростопчина, которая превращается в литературную дрянь, чтобы не сказать более,— нарушила ее своими ахами и охами, помещенными в «Полицейской газете» [2] рядом с объявлением курского мужика, получившего соловьев прямо из-под натуры * ⟨...⟩

Литографированный портрет с подписью: «Н. В. Гоголь во гробе» и fac-simile вышел и продается, кажется, по полтиннику ⟨...⟩ Этот портрет снят, должно быть, младшим Самариным; другой портрет делала Павлова. Сняли и маску, причем содрали несколько кожи с носа, но, кажется, первый бюст не удался; должны были как говорили студенты, дежурившие при гробе, снимать другой раз. Но об этом отложим, мой друг, говорить до личного свидания...[4]

Автограф. ЦГЛА. Фонд П. И. Бартенева (№ 46, оп. 1, ед. хр. 549, лл. 290 об.— 293).

Александр Николаевич Костылев (умер в 1856 г.)— сотрудник «Московских ведомостей», университетский товарищ П. И. Бартенева.

---

* Бессонов говорит, что было и другое объявление — о продаже имения, состоящего из 7 душ без земли [3].— *Примеч. автора письма.*

[1] Речь идет о некрологической заметке в № 24 «Московских ведомостей» от 23 февраля 1852 г. Как устанавливается автором этой заметки был редактор «Московских ведомостей» — М. Н. Катков.

[2] Костылев имеет в виду статью Е. П. Ростопчиной (подпись «Гр. Е. Р....на») «Похороны Гоголя», помещенную в № 47 «Ведомостей Московской городской полиции» от 27 февраля 1852 г. Неудовольствие Костылева было вызвано, очевидно, напыщенной манерой, в которой выдержана бóльшая часть статьи. Не лишено интереса следующее описание похорон Гоголя, сделанное Ростопчиной: «Около гроба Гоголя, под влиянием общего чувства горестной утраты, стеклось со всех концов Москвы всё, что уважало талант его, чтило его личность. Всё, что сочувствовало

ГОГОЛЬ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Рисунок В. Еленева, 23 февраля 1852 г.
Русский музей, Ленинград

славе отечества и дорожило его знаменитостями, окружало почтительно того, кого все оплакивают столь единодушно. У Гоголя не было в Москве ни семейства, ни родственников, а между тем у него нашлась семья, огромная семья — соединенная узами одного и того же сожаления, одной и той же печали 〈...〉 На руках понесли и донесли Гоголя до могилы сперва профессоры, потом студенты Московского университета, которого он был почетным членом, и, наконец, бесчетное множество любителей русского слова и русской славы. От церкви Университета до самой ограды отдаленного монастыря не только огромный поезд не убавился и не разрознивался, но к нему беспрестанно приставали новые путники и провожатели разных званий и сословий».

[3] Этого объявления в № 47 «Ведомостей Московской городской полиции» нет, но аналогичные извещения о продаже крепостных имеются в этом и в других номерах.

[4] Смертью Гоголя вызвана следующая запись в дневнике московского почт-директора Александра Яковлевича Булгакова:

«21 февраля утром скончался здесь, после кратковременной болезни, известный писатель Н. В. Гоголь, сочинитель „Мертвых душ", комедии „Ревизор" и пр. 〈...〉 Гоголь первоначально был упоен чрезмерными, преувеличенными похвалами своих друзей, ставивших его не только наравне, но выше самого Гомера; потом был он озлоблен, раздражен критиками, гонениями своих неприятелей. Ядовитый Булгарин в Северной своей Пчеле не давал ему покоя. Все это, действуя на самолюбие, раздражительность и мистицизм Гоголя, должно было породить пагубные для него плоды.

Похороны Гоголя были, не знаю почему, чрезвычайно великолепны. Весь университет, все главные власти на оных присутствовали. Сам гр. Закревский был в полной форме. Графиня Ростопчина напечатала в „Московских полицейских ведомостях" пышное описание всех похорон, описание, которое скорее можно назвать похвальною речью покойному Гоголю. На другой день выставлены во многих лавках Кузнецкого моста портреты Гоголя, лежащего в гробу и украшенного лавровым венком. Не мне судить Гоголя. Не возьму я сторону тех, кои сочинения и слог Гоголя называют лакейскими, но я не нахожу оные также и возвышенными. В неестественной своей комедии „Ревизор" он покрыл позором все без изъятия сословия, всех чиновников, составляющих управление маленького уездного городка. Зачем сор из дому выносить да и представлять еще оный на всеуслышание в театре? Кто поверит, что сочинитель „Ревизора" был человек кроткий и добрый и друг Жуковского, коего я завтра уведомлю о сделанной им потере, пошлю ему статью гр. Ростопчиной и портрет Гоголя» (неизд.— ЦГЛА, ф. 79, ед. хр. 15, л. 135—135 об.).

Заключительная часть этого высказывания Булгакова о Гоголе («Он покрыл позором все без изъятия сословия», «Зачем сор из дому выносить да и представлять еще оный на всеуслышание в театре?»)— представляет собой своеобразный вариант последнего монолога городничего из «Ревизора» («Найдется щелкопер, бумагомаратель, в комедию тебя вставит, вот что обидно, чина, звания не пощадит, будут все скалить зубы и бить в ладоши» и т. п.). Не исключена возможность, что колоритная фигура московского почт-директора, острослова, любителя вскрывать чужие письма не только для удовлетворения личного любопытства, но и «по долгу службы» (он подвергал перлюстрации даже письма Пушкина к жене), могла послужить Гоголю прототипом для его уездного почтмейстера — Шпекина. Другое высказывание Булгакова о Гоголе см. ниже, в примеч. к письму № 209.

204. И. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. и А. В. ЩЕПКИНЫМ

12 марта <1852 г.> Острогожск

...Смерть Гоголя ужасно поразила меня. Нет сомнения, что тяжелая атмосфера играет немаловажную роль в смерти многих людей у нас. Что будет с 2-м томом «Мертвых душ», будут ли его печатать, осталось ли еще что-нибудь и к кому перешло? Это очень интересно. Неужели он сжег всё, что было у него?..

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 32, л. 147—147 об.).

Об И. В. Станкевиче см. выше, в примеч. к письму № 172.

205. С. И. ПОНОМАРЕВ — М. П. ПОГОДИНУ

1852 года, 18 марта. Киев

...Еще ни над чем я так не трудился, как над посылаемой статьею о Гоголе[1]. Сердечные чувства многих, в первые минуты получения роковой вести о смерти его, подмечены и переданы мною здесь с любовию. Представляя ее теперь Вашему милостивому воззрению, смею обратить внимание Ваше на необходимую приписку в конце статьи и убедительнейше прошу дать место ей в «Смеси» Вашего журнала или в другом месте[2] <...>

Повторяя свою сердечную просьбу о внимании к статье о Гоголе и о помещении ее в следующей книжке, имею удовольствие засвидетельствовать Вам свою благодарность за присланные журналы <...> Сердечное, великое спасибо Вам от многих за статью о Гоголе. Чудо!..[3]

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/26/37).

Степан Иванович Пономарев (1828—1913) — студент Киевского университета, впоследствии известный библиограф, автор библиографического указателя «Памяти Гоголя» (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 53—54, 1949, стр. 163—191).

[1] 7 марта 1852 г. Пономарев писал Погодину: «Смерть Н. В. Гоголя нежданно и глубоко поразила и в Киеве всех чувствующих и понимающих людей. Я постараюсь передать Вам в журнал собранные мною отголоски о покойном, общем любимце» (неизд.— ЛБ, Пог. II/26/37).

[2] Статья Пономарева о Гоголе в «Москвитянине» помещена не была—вероятно, из цензурных соображений. Судя по тому, что Пономарев не упомянул о ней в составлен-

ном им самим впоследствии библиографическом указателе литературы о Гоголе, она так и осталась ненапечатанной.

[3] Помимо статьи Пономарева, в редакцию «Москвитянина» были доставлены еще и другие статьи о Гоголе, также оставшиеся ненапечатанными. Кроме того, среди бумаг Аксаковых сохранился черновой автограф неизданного некролога К. С. Аксакова под названием «Гоголя нет» (ЦГЛА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 43, лл. 13—14). 12 марта 1852 г. С. П. Шевырев писал Погодину: «Студент Крылов написал комические сцены: „Друзья Гоголя", в которых много хорошего. Он желал бы поместить их в „Москвитянине" и за этим будет у тебя. Прими его. Мне кажется, можно бы было напечатать. Впрочем, ты лучше разумеешь современные отношения ‹...›

Я не знаю, когда день рождения Гоголя. Аксаковы говорят: 19-го марта, в день взятия Парижа. Мне помнится другой день. У меня взял студент 1-й № „Москвитянина" 1840 г. Там, кажется, напечатаны стихи мои, написанные ему в день его рождения. Это было в Риме. Он угощал тогда Жуковского, Вьельгорского и меня в своей любимой гостинице, что близ Пантеона: Al Falcone. На этих стихах обозначен день его рождения верно: мне помнится, января 15». (неизд.— ЛБ, Пог. II/36/5). О дне рождения Гоголя см. примеч. к письмам №№ 176 и 208.

206. П. А. БЕССОНОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ

‹Москва.› Вторник ‹25 марта 1852 г.›

...Гоголь ‹...› умер жертвою окружавшей его московской партии, которая натолковывала ему о благочестии и спасении, подливая, таким образом, масло в огонь, ибо Гоголь был и без того восприимчив к этого рода предметам. Наконец, к нему подослали какого-то сельского священника, который говорил ему о необходимости самоизнурения, т. е. подвигов, поста и т. п. Поздно уже увидали плоды: Гоголь не ел, не пил и говорил только о сатане и его искушениях. Хватились лечить его — он не принимал лекарств, считая это дьявольским наваждением; в страшной крайности воротился к нему тот фанатизм, который вызвал «Переписку с друзьями» и завещание. Так сгиб он ни за копейку, и партия «Москвитянина» проповедует о том спасении, которое пролила она в его душу религиозными впечатлениями, а ‹А. П.› Толстой, имея дух рассказывать, что Гоголь отдавал ему 2-й том «Мертвых душ» и он не взял, прибавляет, что, «впрочем, в псалтыре заключается всё, нужное для спасения»[1]. Если можно, достань № «Москвитянина» от 15 сего месяца: там истинно прекрасная статья Погодина[2]. Теперь Гоголя 4 портрета: один с живого, Мамонова, плохой; другой «Гоголь во гробе» Андреева, еще хуже; третий Васильчикова, очень удачный, но не литографированный; 4-й Рачинского, студента, во гробе, очень хороший. Я припас экземпляр для тебя, и если напишешь, то перешлю...

Автограф. ЦГЛА. Фонд П. И. Бартенева (№ 46, оп. 1, ед. хр. 549, лл. 219—220).

Петр Алексеевич Бессонов (1828—1898) — славист и фольклорист, университетский товарищ П. И. Бартенева. В 1852 г. служил в Комиссии печатания государственных грамот.

[1] Гоголь как художник совершенно не существовал для ханжи и мракобеса А. П. Толстого, который откровенно признавался в неизданном письме своем к С. П. Апраксиной от 4 февраля 1853 г., что «вовсе не является поклонником сочинений» Гоголя (подлин. на франц. яз. — ЛБ, АГ/91/49).

[2] См. примеч. к письму № 202.

207. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

‹Москва. Весна 1852 г.›

...На-днях получил от Шевырева отесенька письмо, в котором он нам сообщает дорогие для нас вести[1]. Они произвели разбор бумагам Гоголя и нашли между другими бумагами, свидетельствующими о его непрестанных и неутомимых трудах всякого рода, 5 черновых глав «Мертвых душ»

и истолкование литургии, это последнее сочинение. Но что всего для нас дороже—это последние строки Гоголя, которые и посылаю тебе, мой милый друг,—в них святая истина, объясняющая вполне всю деятельность Гоголя самого [2]. Мы не раз слыхали от него самого подобные мысли, но никогда они не выражались так ясно, просто и хорошо. Как хотелось бы мне видеть и пересмотреть все его бумаги! Жаль, что мы не в Москве! Но печатать эти черновые главы «Мертвых душ» не должно, по крайней мере теперь: очевидно, что он не желал их оставить, если сжег набело переписанные. В черновых тетрадях он даже часто не выписывал того, что у него уже было окончено в голове и что он читал из головы, держа в руках тетрадь. Эти тетради могут возбудить противоречия, недоумения [3]. Надобно знать, как Гоголю было тяжело выставлять что-нибудь незрелое, недоконченное, тяжело потому именно, что вводило в заблуждение слушающих и не могло быть полезно. Не знаю, как поступит Шевырев, который, впрочем, принимает самое искреннее душевное участие во всем этом. Летом он едет в Полтаву к матери Гоголя, для того, чтоб собрать сведения. В Полтаву и мне бы хотелось чрезвычайно, чтоб видеться с матерью и сестрами Гоголя и наговориться с ними. Но, разумеется, это так затруднительно, что я и не думаю о возможности. Хочу описать Марии Ивановне, т. е. матери его, подробности наших последних свиданий, для нее же так дорого каждое слово о ее сыне, которого значение она так вполне понимала и которого любила как только может любить мать сына [4] и такая женщина, душа у ней самая любящая, и в ней есть самой что-то особенное, зародыш, разумеется, неразвившийся, того, что приняло такие великие размеры в Гоголе. Отец его был тоже даровитый человек и писал малороссийские комедии.

Автограф. ИРЛИ. Фонд А. Н. Маркевича (№ 173, ед. хр. 10.619, лл. 70—73).

[1] Это письмо Шевырева к Аксаковым неизвестно.

[2] К письму В. С. Аксаковой приложена копия духовного завещания Гоголя («Письма», IV, 423—424).

[3] Подобные же соображения о недопустимости печатания черновых бумаг Гоголя — см. в письме С. Т. Аксакова к С. П. Шевыреву (С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1886, стр. 438—440).

28 августа 1852 г. С. П. Шевырев писал М. П. Погодину: «Граф ⟨А. П.⟩ Толстой был у меня вчера и сказал, что гражданский губернатор желает сделать вскрытие бумаг Гоголя как можно тише, а потому пригласили только меня, что и будет сделанс сегодня, в понедельник. Вот почему гр. Толстой не дал знать тебе» (неизд.— ЛБ, Пог. II/36/52).

[4] Отрывок из письма В. С. Аксаковой к М. И. Гоголь с описанием обстоятельств смерти Гоголя напечатан в приложении к «Истории», 196—199.

4 апреля 1852 г. сестра Гоголя, Е. В. Быкова, писала В. С. Аксаковой: «Потеря наша еще так свежа! Ах, милая Верочка, какое несчастие нас постигло, какого брата мы потеряли! Он нам заменял отца, и как много он для нас делал! Я всё надеялась, что весной он нас посетит ⟨...⟩ Праздниками у нас был ⟨Ф. В.⟩ Чижов, он живет в 30 верстах от нас. Как приятно мне было его видеть, как знал он моего брата. Он был на похоронах его. Мне еще грустнее, что я не была при его последних минутах» (неизд.— ЦГЛА, ф. 10, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 9—10).

208. М. Н. СИНЕЛЬНИКОВА — С. П. ШЕВЫРЕВУ

1852. 15 апреля, с. Власовка

...Не нахожу слов выразить Вам моей благодарности за подробное описание о моем незабвенном брате, это только чувствуется, но не высказуется словами [1] ⟨...⟩

Я узнала лично моего брата за два года до его кончины: когда он прежде бывал у своей матушки (моей родной тетки) — я была еще в институте, а в 1848 году, когда он был дома, была эпидемия, и он сам был болен, после чего его слабое здоровье еще больше расстроилось, и я не могла с ним

видеться. Еще до знакомства личного его со мной любимый мой разговор с его матушкой был о нем. Я много знаю о его рождении, детстве и вообще о его характере, но все посылаю нарочного с копией Вашего письма, не надеюсь так отчетливо передать, как памятно должно быть для нежно его любившей матери. Они живут от нас за 150 верст и, получа ответ, с готовностию и большим удовольствием сообщу Вам все подробности, а ежели

М. И. ГОГОЛЬ — МАТЬ ПИСАТЕЛЯ

Гравюра В. В. Матэ 1889 г. с фотографии 1860-х гг.
Русский музей, Ленинград

чего мать по скромности недоскажет, я сообщу несколько раз от нее слышанное мною. День его рождения мне очень памятен — 19 марта, в один день с его меньшой сестрой Ольгой (а не 18 генваря) [2]. В знак моего к Вам уважения, доверенности и благодарности посылаю Вам для прочтения письмо меньшой сестры моей, из которого Вы узнаете, что писем своих она не согласится отдавать в печать, также тетушка и другие две сестры; во всех их письмах по большей части откровенные замечания относительно семейных дел. Я спрошу их, нельзя ли снять хоть копии с некоторых отрывков и, узнавши их решение, извещу Вас. В письмах своих меньшая сестра называет меня М а р и а м, так в разговорах со мной называл меня брат. Писем его у меня немного, они относятся ко мне одной, и потому и я

не могу списать Вам их [3]. В 1850 году я в первый раз увидела его [4], сошлась с ним, встретивши в нем истинно братское сочувствие, и привязалась к нему всей силой души моей. Как много надеялась я получить назидательных советов в различных случаях жизни, и так мгновенна была моя радость иметь брата с такими достоинствами. Я прожила всё лето вместе с ним среди его семейства, восхищалась его любовию к ним и заботливостию о них, истинно материнскою, распределяя занятия сестрам, каждой по способностям, говоря: «Пора успокоить матушку, вы должны беречь ее и покоить». Он всегда сильно беспокоился о ней и убеждал сестер хранить ее, они в точности исполняли его советы. Сколько деловых разных планов, для успокоения своего семейства — и дом располагал строить, и теперь все рушилось. Можете представить, каково его семейству, лишившись такого друга и благодетеля! Но ужаснее всех положение его матери. Эта кроткая, нежно любившая мать лишилась такого сына. Я боюсь за нее, от 2-го февраля получила она последнее его письмо. Он писал: «Хотя я и не так хорошо себя чувствую, но непременно часть лета проживу с вами» [5]. Он рвался домой, как будто предчувствуя, что недолго поживет с ними. Как любил он крестьян своих, входя в положение каждого, как отец, и теперь по нем вопль и рыдание. Я, бывши у них, часто бывало вижу, как он сам заходит в крестьянские избы узнать — нет ли нуждающихся, и часто посылал деньги с Москвы для помощи всем неимущим. Я, бывало, удивляюсь его необыкновенной деятельности: как среди всех его умственных занятий еще находил он время делать поверки приходу и расходу по имению (а он еще в юности отказался от своей части, уступя ее матери и сестрам); везде видна была его деятельность, сколько деревьев насадил он; и, видя, что я занимаюсь больше цветами, говорил: «Бросьте их, деревья благодарнее — они переживают нас». Каждое послеобеда учил сироту, живущую у них, толковал ей уроки, и теперь его старанием помещена в Институт. Когда не находил занятие посерьезнее, то для отдыха рисовал узоры для ковра. Везде и во всем он был неутомимый сотрудник. В 1851 году он был у нас в деревне, где я живу с тетушкой (с отцовой стороны) и пробыл у нас 8 дней, и был всё время весел и покоен. Я радовалась в душе, глядя на него. Его провожали к нам матушка и меньшая его сестра, и от нас он распростился с нами и ими на долгую разлуку. От нас он уехал в Москву.

После кончины брата тетушка, с которой я живу, навещала горькое осиротевшее его семейство, а я была больна и не могла видеться с ними и до сих пор не поправилась еще. Меня сильно интересует его портфель. Может быть, там найдется сочинение, оставленное в завет оплакующим друзьям его. Черновые его рукописи едва ли могли остаться у родных его. Он всегда собирал всё и забирал с собою. Впрочем, я об этом пишу сестрам, чтобы осмотрели всё у него в комнате... Буду ждать с нетерпением ответа от тетушки и сестер, мне очень хочется поскорей и подробно сообщить Вам все подробности, нужные для составления биографии брата [6]...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

Мария Николаевна Синельникова, рожд. Ходаревская — двоюродная сестра Гоголя, дочь родной сестры М. И. Гоголь — Екатерины Ивановны Ходаревской.

[1] Публикуемое письмо является ответом на письмо С. П. Шевырева от 2 апреля 1852 г. («Русская старина», 1902, № 5, стр. 439—447), которое, в свою очередь, было вызвано письмом Синельниковой, просившей описать ей подробно кончину Гоголя, «предсмертные слова и последние дни его страданий». В этом письме она сообщала, что Гоголь незадолго до смерти писал к ней о некотором улучшении своего здоровья (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

[2] В письме к Синельниковой (см. 1-е примеч.) С. П. Шевырев писал: «Мы не знаем даже год его рождения... День его рождения 17-го генваря. Я узнал это в Риме» (см. примеч. к письмам №№ 176 и 205).

[3] Письма Гоголя к Синельниковой неизвестны.

[4] В. И. Шенрок, опубликовавший письмо Шевырева к Синельниковой (см. 1-е примеч.), ошибочно указал, что знакомство Гоголя с ней состоялось в 1848 г.

[5] Письмо Гоголя к матери от 2 февраля 1852 г. («Письма», IV, 422).

[6] 22 мая 1852 г. М. Н. Синельникова писала Шевыреву: «Не взыщите, что я так долго не писала Вам, получа ответ от своих родных. Я была очень нездорова <...> Теперь опишу Вам ответ моей тетушки, вот отрывок из ее письма: „Писем моего дорогого сына я не могу послать, первое—потому, что в них теперь мое существование, и я живу, только читая их, и второе—потому, что я ожидаю приезда к нам г-на Погодина. Я его просила приехать, чтобы вместе с ним рассмотреть их, какие отдать в печать и какие о семейных делах оставить; и надобно с большим вниманием рассмотреть, и те напечатать, которые могут принести пользу нашим любезным соотечественникам, и из этих писем можно составить и его биографию. У меня их много, начиная из 8-летнего его возраста до последнего его письма, а что дополнено будет мной изустно. Я совершенно уверена, что г. Погодин приедет к нам, если только его слабое здоровье позволит; не огорчайся на меня, мой милый друг Marie, что я не посылаю копий, их нельзя вдруг списать, но надо с осмотрительностью и не торопясь, а с подлинниками тогда только расстанусь, когда господь сжалится надо мной и возьмет меня туда, где нет разлуки. Родился он в 9 году 19 марта". Мне очень прискорбно, что я не могу выполнить Вашей просьбы, хотя мое желание было очень сильно услужить Вам за Ваше одолжение. Но Вы подробно узнаете всё чрез г-на Погодина, который прежде был с ней хорошо знаком, и еще до получения копии из Вашего письма она написала к нему, и он при жизни брата просил мою тетушку о письмах брата <...> 29 мая будет год как незабвенный праведник-брат уехал от нас и распростился с нами навеки в этой жизни. Эти дни он был с нами» (ГПБ, ф. С. П. Шевырева).

209. А. А. ИВАНОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Рим. 21 апреля 1852

...Вследствие многих отзывов о кончине Николая Васильевича Гоголя, что, вероятно, Вам прежде меня известно, я решился приступить к желанию покойного: доставить случай награвировать его портрет именно тому художнику, на которого он указывает в книге своей «Переписка с друзьями» [1].

Два портрета, мною писанные в великой от всех тайне, подарены им самим, по его словам: один Вам, а другой г-ну Погодину, почему прошу покорнейше Вас переслать портрет в Петербург в верные руки Ваших знакомых для немедленного доставления его Федору Ивановичу Иордану и в то же время посредством Вашего письма свести художника с ними, чтоб устроить самым основательным образом подписку всеми журнальными извещениями, связями их, знакомствами и даже для большего укрепления проникнуть с этим к императорскому двору. Если бы при этом случае можно бы было запретить всякую продажу портрета Гоголя, кем-либо другим выгравированного или литографированного, кроме Иордана, было бы совершенно согласно с желанием покойного, которого имя уже для многих теперь священно. На сей раз не потрудитесь ли Вы написать Погодину, имеющему портрет такой же, как и Вы [упредив его, чтобы не возымел он мелочной алчности к испорчению благородного и бескорыстного общего дела], склонив к пожертвованию своих выгод, ибо он еще при жизни Гоголя позволил себе литографировать с подаренного ему портрета как тайну, совершенно вопреки покойному [2]; таким образом ничего не будет испорчено в благородном и бескорыстном общем деле [3]...

Авторская копия. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2196). На рукописи надпись рукой А. А. Иванова: «Верно с подлинным».— Напечатано по черновику с большими купюрами и неправильной датой («март 1852 г.») в кн.: «Иванов», 273—274.

[1] В «Завещании», открывавшем «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь просил своих читателей покупать после его смерти «только тот портрет, на котором будет выставлено: „Гравировал Иорданов"».

О смерти Гоголя Иванову немедленно сообщил Ф. И. Иордан. 24 февраля 1852 г. он писал Иванову из Петербурга: «Только что получено здесь душевно прискорбное

из Москвы известие, что 21 февраля скончался бесценный наш Н. В. Гоголь» (неизд.— ЛБ, № 2202). Отправленное вслед за тем большое письмо Иордана с сообщением о смерти и похоронах Гоголя напечатано в «Русской старине», 1902, № 3, стр. 594—596.

[2] См. примеч. к письму № 114.

[3] Ответа на это письмо Иванов не мог получить, так как 7 апреля 1852 г., т. е., еще до того, как письмо было написано, Жуковский умер. Сообщая об этом Н. П. Боткину, Иванов писал: «Я совершенно уже не знаю, что̀ тут делать. Не знаете ли Вы лично книгопродавца Гоголя в Москве или Петербурге? Нельзя ли чрез него объявить печатно желание покойного и приглашение подписаться на гравюру Иордана?» («Иванов», 274).

17 июля 1852 г. Иордан с горечью отмечал в письме к Иванову: «Про дело Гоголя и Жуковского, т. е. про портреты, ни наследники, ниже́ народ — все замолчали и даже словца не слышу. Впрочем, всё здесь так: недели с две все кричат, потом устают, засыпают; проснувшись же, ничего не помнят» (неизд.— ЛБ, № 2202).

Узнав о смерти Жуковского, московский почт-директор А. Я. Булгаков сделал следующую запись в своем дневнике: «Умер также здесь известный писатель Гоголь, но самая чувствительная потеря, потеря незаменимая не только для всех его знавших, но для целой России,— это смерть добрейшего человека и знаменитого писателя Василия Андреевича Жуковского. Более месяца как не получал я от него писем. Я приписывал молчание сие огорчению, которое должна была ему принести весть о смерти Гоголя, с коим был он очень дружен, как вдруг прислали мне с иностранными газетами письмо из Баден-Бадена с черною печатью ⟨...⟩ Я все думаю, что̀ предпримут теперь в Москве для Жуковского после всех пышных и преувеличенных изъявлений скорби о смерти Гоголя. Биографическая о нем ⟨о Гоголе.—*Л. Л.*⟩ статья была помещена в „Москвитянине“ в черной, траурной рамке. До сего времени делалось это токмо для царственных лиц. Не знаю, что̀ находят столь особенного, чрезвычайного в Гоголе. Есть люди, и люди грамотные, кои ставят „Ревизора“ выше „Горя от ума“! А по моему суждению, „Ревизор“ основан на бессмыслице. Будь ревизор — умный, тонкий, ловкий мошенник, комедия Гоголя приняла бы совсем другой оборот, но ревизор Гоголя не что иное, как наглая, необразованная скотина, а этот дурак обманывает все власти, всех жителей целого города! В целом городе не нашелся один человек, который, выслушав несколько речей этого мнимого ревизора, не догадался бы тотчас, что тут просто нелепый обман. Такие ли есть в России мастера, когда дело идет выманивать деньги? А Гоголя „Ревизор“ лезет просто в карман... Но лучше перестать, а то доберешься так и до „Мертвых душ“, а мне и в ум не приходило давать разбор сочинений Гоголя» (неизд.— ЦГЛА, ф. 79, ед. хр. 15, лл. 143 об.—144).

См. выше, в примеч. к письму № 203 подобные же высказывания о «Ревизоре» Булгакова, недовольного тем, что Гоголь «вынес сор из избы» и «покрыл позором всех чиновников». Любопытно отметить, что о своем собрате по ремеслу — почтмейстере Шпекине — Булгаков ни разу не упоминает.

210. Ф. АРАЛОВ — Н. А. РАМАЗАНОВУ

⟨Петербург.⟩ 24 апреля 1852 г.

...Благодарю Вас за присылку маски Гоголя, которую Степанов получил исправно [1] ⟨...⟩

Наш расчетливо-холодный Петербург принял слишком равнодушно известие о смерти Гоголя. Мало того, великоученый муж, Ф. В. Булгарин, не постеснялся даже напечатать в «Северной пчеле», что покойный Гоголь был ни больше, ни меньше как весьма обыкновенный рассказчик, шутник, малороссийский балагур, век свой рисовавший не живые характеры людей, а безобразные карикатуры [2] ⟨...⟩ Вслед за тем получено печальное известие о смерти в Бадене В. А. Жуковского. Вот еще место порожнее среди нашей литературы! По крайней мере, Жуковский наслаждался при жизни своей всем обаяньем славы поэта. Его все любили, уважали; он умер, завещав потомству замечательные творения своей долговременной поэтической жизни; на свежей могиле его почиет благосло⟨ве⟩ние современников, и дальнее потомство не откажет поэту в своей любви и душевной признательности. Мир праху его! Это была кроткая, любящая душа, не оскорблявшая испорченный наш век бичом сатиры, снисходительно взиравшая на слабости смертных. Не такова участь Гоголя! Последний умер, не высказав, может быть, и половины того,

МОГИЛА ГОГОЛЯ НА КЛАДБИЩЕ ДАНИЛОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ
Картина маслом Голованова. Писана в первые месяцы после погребения писателя, 1852 г.
Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

что предстояло совершить ему. Умер многими не понятый, оскорбляемый при жизни, и теперь, когда могила, казалось, должна бы поглотить все личные отношения людей, и теперь не перестают издеваться над его прахом. Грустно и досадно!..

Автограф. ГИМ. Фонд Н. А. Рамазанова.

Сведениями о личности Ф. Аралова мы не располагаем. Из его писем к Рамазанову явствует, что он был приятелем композитора А. С. Даргомыжского.

[1] Посмертная маска Гоголя была снята Н. А. Рамазановым (см. об этом в его воспоминаниях — «Материалы для истории художеств в России». М., 1863 и в письме № 203).

Как устанавливается письмом А. И. Кошелева к С. П. Шевыреву от 28 февраля 1852 г. (неизд.— ГПБ), хлопоты по сооружению надгробного памятника Гоголю, по предложению попечителя Московского учебного округа В. И. Назимова, взял на себя Шевырев. В архиве последнего сохранились письма к нему Н. А. Рамазанова с подробными расчетами стоимости работ. Значительную сумму для этой цели внес К. Т. Солдатенков (неизд.— ЦГЛА, ф. 563, ед. хр. 39, лл. 1—3).

[2] Имеется в виду фельетон Булгарина «Журнальная всякая всячина» в № 87 «Северной пчелы» от 19 апреля 1852 г.

211. М. И. ГОГОЛЬ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

<Васильевка. Конец апреля 1852 г.>[1]

...Теперь только могу кое-как написать к Вам, получая со всех мест выписки, что находят о моем сыне, и старые друзья мои, слёзы, начинают навещать меня и приводить несколько в рассудок. Прежде не плакала и была как истукан: окружающие меня при получении рокового известия вообразили, что я приняла с христианским смирением убийственную весть о смерти единственного моего сына. О, как я далека была от приписываемых мне достоинств! <...> Мне кажется, я всё это время была в каком-то забытье, мало помнила, машинально писала и действовала; спасительное для меня было средство — читать последнюю книгу моего сына, и при чтении завещания его слёзы начали показываться; потом начала перечитывать его письма, начиная с самого малого возраста, когда мы отдавали его с мужем моим вместе с меньшим его братом в Полтаву к семейному человеку — учителю приготовить несколько к Нежинской лицее, по причине отлучки нашей из дому; потом из Нежина, из С.-Петербурга, заграничные — 1-го путешествия, 2-го, 3-го и последнего. Наконец, из Одессы и Москвы. Эти письма много помогли привести меня в чувство, с которыми и теперь не могу расстаться; у меня все они убережены, из них можно составить его биографию с дополнением от меня изустно того, что он не мог еще о себе сказать; в этих письмах видна та же доброта души и религиозность, сопровождающая его и до гроба.

Не могу описать, как бы я желала видеться с друзьями моего сына, моего сокровища; просила Михаила Петровича приехать к нам разочек, по напечатании сочинений моего сына, просить Вас поместить в расход и издержанное им в дороге; а когда бы можно и Вам, почтенный Степан Петрович, приехать вместе с добрым нашим Михаилом Петровичем, это бы для меня было двойное утешение.— Из письма Вашего, писанного Вами к племяннице моей, Марье Николаевне Синельниковой [2], из которого она прислала мне копию, видно желание Ваше узнать все подробности о моем сыне — Вы можете узнать от одной матери его: в минуту откровения в юных его летах он говорил о своих планах в жизни, но в средних летах и до самой кончины он был молчалив насчет себя,— казалось, он хотел бы скрыть и от себя, если бы то было возможно, значение его в свете. В последнее мое свидание с ним на земле, когда я провожала его в Москву, не подозревая разлучиться навек, приписывала невыразимую тоску души

временной разлуке; оставшись с ним одна, сказала ему: «Кажется мне (так как я слежу за всеми твоими действиями во всю твою жизнь, хотя никто того не знает и даже ты сам), что ты достиг уже своей цели, о которой говорил мне в юных твоих летах».— Он, немного помолчав, сказал мне: «Тем более вы не должны на меня надеяться — жизнь моя ни для меня, ни для вас, близких моему сердцу, — она есть для всего мира» ⟨...⟩

Когда я узнала о смерти моего ангела, и тогда же мне сказали, что он сжег свои сочинения, я была совершенно равнодушна, сказав: «Видно, нужно было сжечь», но когда узнала из письма Вашего, что второй том «Мертвых душ» посвящен был его друзьям, то сердце мое сжалось от горя, полагая, что он под влиянием горячки это сделал. И еще пришла мне мысль: не вообразил ли он, что может с ним так случиться, как в Риме, когда он сжег, находясь при смерти, пятилетние свои труды и по воле божией выздоровел и написал в лучшем виде, как ему казалось; верно, он вообразил, что и теперь то же может быть.

Сердце этого ангела было полно нежнейших чувств, которые он скрывал, не знаю почему, под угрюмой наружностью и никому не хотел показывать их. Насчет сочинений моего сына я полагаюсь совершенно на Вас, как и сын мой ⟨...⟩

Как бы я желала, чтобы Вы пожаловали к нам для рассмотрения моего сына писем, так как Вам поручено написать его биографию ⟨...⟩

Посылаю Вам для прочету завещание, означенное в книге моего сына под номером 6-м; полагаю, что Вам любопытно будет его узнать: оно уже ходило по многим рукам [3].

Приписка А. В. Гоголь:

...На-днях мы прочли в «Отечественных записках» статью под заглавием «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя». В этой статье очень мало правды, что заставило меня немедленно написать Вам некоторые возражения на эту статью, на многие пункты [4]: Н. В. Гоголь родился не в д. Васильевке, но в местечке Сорочинцах, где тогда жил знаменитый доктор Трохимовский. Именье отца его тогда состояло не из 80-ти, но 130-ти душ и потом из 200. Он бывал у Трощинского как у родственника, и Трощинский не был сын простого казака, но отец имел 100 душ — стало быть, был дворянин, и брат его был сотником. О том, что он не любил иностранных языков, особенно немецкого, можно найти опровержение в его письмах из Нежина. Он не имел желания быть актером, что также можно видеть из его писем из Петербурга за 30-й и 31-й год. Насчет его поездки за границу можно также получить некоторые сведения из его писем. После смерти отца у него было не две сестры, но четыре, из которых последней было только две недели, и двух средних он после поместил в Патриотический институт. Старшая сестра потом умерла, и ее сын Николай Трушковский теперь в Казанском университете; Вы, может быть, помните: он заезжал к Вам по совету своего дяди назад тому два года. Из его писем вообще и из устных некоторых рассказов маменьки можно составить верную биографию, особенно его юношеских лет. Хорошо, если бы Вам можно самим приехать, для Вас это было бы удобнее; жаль если ваши занятия не позволят Вам предпринять эту поездку...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Упоминание о письме С. П. Шевырева к М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г., ставшем известным матери Гоголя не ранее середины апреля, дает нам возможность предположительно отнести дату публикуемого письма к концу апреля 1852 г.

[2] См. примеч. к письму № 208.

[3] 8 июня 1852 г. М. И. Гоголь писала Шевыреву: «Из описи, присланной Вами, видно, что есть нам завещание моего сына. Сделайте милость, доставьте нам, как можно скорее, если никому из друзей моего сына нельзя будет сделать для нас большого

одолжения,— приехать к нам, то в таком разе пришлите с мальчиком Семеном на наш счет, я с нетерпением хочу прочесть последнюю волю моего сына» (ГПБ, ф. С. П. Шевырева). Ответ на это письмо Шевырева — см. в «Чтениях в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. XVI, вып. III, Киев, 1902, стр. 60).

[4] Имеется в виду статья П. К у л и ш а «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя» («Отеч. записки», 1852, № 4), действительно содержавшая ряд фактических ошибок.

В ответном письме к А. В. Гоголь Шевырев писал: «Примите мою душевную благодарность за письмо Ваше и за все подробности, которые Вы сообщаете о биографии Николая Васильевича в опровержение напечатанным» («Русская мысль», 1896, № 5, стр. 192).

Некоторые «возражения» А. В. Гоголь, в свою очередь, грешат значительными неточностями (например, утверждение, что Гоголь не имел желания быть актером, и др.).

212. М. И. ГОГОЛЬ — М. П. ПОГОДИНУ

Мая 14-го 1852-го, с. Васильевка

Благодарю Вас, почтенный Михаил Петрович, за скоро доставленный мне «Москвитянин». Слезы мешали мне читать написанное Вами о моем ангеле. Видно, в болезни пришла ему мысль о мельнице [1], которую он очень желал у нас выстроить, узнав от меня, что земляная мельница несколько улучшила бы наше имение, по малоземелью, по душам не дающее доходу; он хотел устроить и крупчатку в случае надобности наделать, а когда не нужно — снимать и молоть простую муку. Хотел достать хорошего механика и тем хоть сколько-нибудь, как он говорил, помочь нам. И, видно, так усердно хотел осуществить предположенную нам выгоду, что и бредил ею. Боже мой! чего мы лишились в нем и чего ожидать в этом мире, если продлится жизнь...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/8/30).

[1] По словам М. П. Погодина в цитированном выше некрологе, Гоголь перед смертью «бредил, восклицая: „Подымите, заложите на мельницу, ну же, поддайте!“» («Москвитянин», 1852, № 5, март, стр. 48).

Некролог Погодина вызвал неудовольствие в «высших» сферах, так как почти каждое упоминание о Гоголе стало считаться «крамолой». Цензор «Москвитянина» Д. С. Ржевский, сообщая, что в другой статье Погодина — «Поминовение по Гоголю» — он исключил некоторые места, писал автору: «За первую статью „Кончина Гоголя“ я получил замечание, которое при свидании сообщу» (неизд.— ЛБ, Пог. II/27/84).

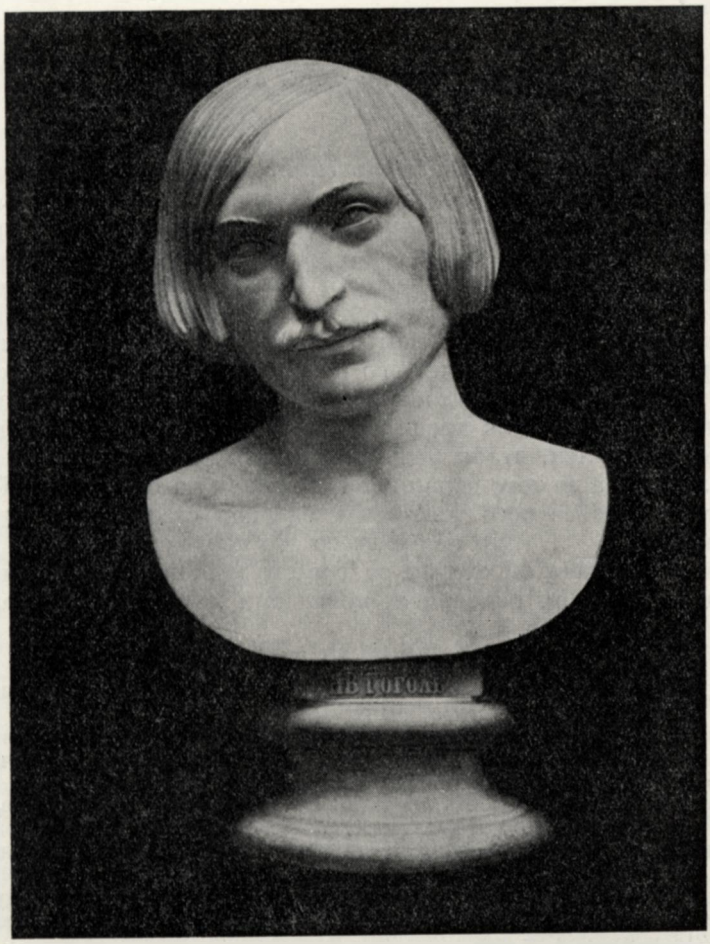
213. М. И. ГОГОЛЬ — М. П. ПОГОДИНУ

Мая 26-го 1852-го года, с. Васильевка

...Наконец я получила от Вас и портреты моего сына [1]; снятый с живого похож, с вырезанного где-то на камне мало похож и в гробе с зажмуренными навек глазами не изображает моего сына — какое-то постороннее лицо, и корпус не его; неужели так смерть могла изменить мое сокровище? [2] ⟨...⟩

О, как горестно воображать, что он так рано оставил свое отечество. Хотя бы пять лет еще прожил при здоровье, какие бы чудеса были от всеобъемлющего ума его и неограниченного желания быть полезным; но только для матери его всему конец, и мне одного сына и того потерять, из 6-ти не осталось ни одного, это невыносимо ⟨...⟩ Когда сказали мне о потере моей, то тогда же уже было напечатано в «Московских ведомостях» о смерти и похоронах моего ангела [3], и потому-то старались скорее мне объявить, чтоб не случилось нечаянно прочесть, и после дали мне прочитать, но, из Москвы не получая ничего, решаюсь написать к Вам как более знакомому и, направляя письмо мое на почту, привезли мне Ваше письмо первое, и потом начали писать мне добрые мои знакомые, что на-

ходили о моем сыне напечатанным; скажите мне, пожалуйста, существует ли прощальная повесть моего сына, о которой он упоминает в последней своей книге? Недавно я получила повестку, чтобы прислать за книгами и бумагами, оставшимися от моего сына; у него ничего не было в большом количестве, он говорил: блажен, кто все состояние свое имеет при себе — не боится ни огня, ни воров [4]; если нельзя уже будет никому из друзей моего сына пожаловать к нам, то в таком случае пришлите



ГОГОЛЬ
Бюст (мрамор) работы Н. А. Рамазанова, 1854 г.
Третьяковская галлерея, Москва

с мальчиком [5] к нам на мой счет ⟨...⟩ Прошу Вас покорнейше прислать наши все письма — неприятно будет, если они попадутся кому в руки: там о разных безделицах писано, о домашних делах, никому не интересных. Два моих запечатанных должны быть; почитаю, его уже не было, моего ангела, когда они получены...

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/8/30).

[1] См. примеч. к письму № 202.

[2] А. О. Смирнова писала об этих портретах Жуковскому 16 марта 1852 г.: «Вышли два его ⟨Гоголя⟩ портрета, один в гробу хорош, а другой — в профиль, Мамонова — неудачен» («Русский архив», 1902, № 5, стр. 127).

[3] Сообщение о смерти Гоголя было напечатано в № 24 «Московских ведомостей» от 23 февраля 1852 г. (см. примеч. к письму № 203), о похоронах — в № 25 от 26 февраля.

[4] О бесконечной ведомственной переписке в связи с пересылкой М. И. Гоголь скудного имущества, оставшегося после смерти Гоголя, см. в сообщении: С. Дурылин. «Дело» об имуществе Гоголя.—«Гоголь. Материалы и исследования», I, 361—374.

[5] 20 июля 1852 г. Шевырев известил М. И. Гоголь о предстоящем в ближайшие дни отправлении к ней всех вещей и книг Гоголя, а также его крепостного мальчика Семена («Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», цит. изд., вып. III, стр. 60). Вскоре, приехав в Васильевку, Шевырев привез бумаги и переписку Гоголя.

214. А. В. ГОГОЛЬ — В. С. АКСАКОВОЙ

⟨Васильевка.⟩ 29 июня ⟨1852 г.⟩

...У нас недавно был г. Данилевский, который нам много говорил о нашем незабвенном брате и как он его познакомил с вами [1] ⟨...⟩

Я вспомнила, какое у меня было предчувствие, когда мы простились с братом; я говорила всем, что у меня никогда еще не было такой тоски, так что я весь день не могла ничего говорить за слезами, и перед его выездом мы с Лизой всё у него выпрашивали по одному деньку. Он был так добр, что никогда не имел сил нам отказать и все откладывал поездку. Наконец просил, чтобы мы более его не просили, что он остается еще на несколько дней с тем, чтобы в назначенный срок к выезду мы уже не просили. Как будто было предчувствие, что мы уже более его не увидим! Как он заботился, чтобы нам было тепло, хотел строить новый дом, даже сделал план, а до того делал двойные двери на блоках и всё говорил, что он боится, что без него нехорошо сделает столяр, а мы удовольствуемся чем попало! ⟨...⟩ Но более всего его занимала посадка деревьев: с каким удовольствием он следил за ростом дубков, которые были посажены семенами, как он радовался, когда они хорошо принимались! ...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Аксаковых (№ 10, оп. 2, ед. хр. 3, лл. 1—2).

[1] Григорий Петрович Данилевский (1829—1890) — известный впоследствии романист.

В позднейшей статье «Знакомство с Гоголем» Данилевский утверждал, что с Аксаковыми его познакомил не Гоголь, а О. М. Бодянский (Собр. соч., изд. 8-е, т. XIV. СПб., 1900).

В письме к В. С. Аксаковой от 5 июля 1852 г. Е. В. Быкова сообщала: «Недавно у нас был г. Данилевский, брата знакомый, и тоже и Ваш, из Петербурга. Он был у маменьки в деревне и у нас, нашел, что я очень похожа на брата» (неизд.— ЦГЛА, ф. 10, оп. 2, ед. хр. 5, л. 2).

О возмущении семьи Гоголя недостойным поступком Данилевского, опубликовавшего доверенные ему для личного ознакомления письма Гоголя к родным, см. в письме № 218 и примеч. к нему.

215. А. А. БОЖКО — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

2 июля 852. Казань

...Путь же в этой жизни им ⟨Гоголем⟩ совершен ярко и заметно и без упрека; как человек, оставил он этот мир. Проезжая Москву 12 ноября, я видел его. Попрежнему горячо обнялись. Вспоминали многих и говорили много об Вас; условились вести переписку; но я по приезде сюда в таком был настроении духа, что равно не был в силах взяться за перо и начать плач Иеремии, а между тем неожиданно он нас оставил.

Я нашел его таким же, как он и прежде был, но только похудевшим и посерьезнее; не было той игривости ума, которая, бывало, и на самом лице обозначалась. Весть о его кончине так была для меня внезапна, что я сначала оцепенел, а кончил горючими слезами! ⟨...⟩

Вы, я думаю, после события, которое он совершил, умирая, иначе теперь смотрите на его признания. Кто мог ожидать, что он, трудясь несколько лет над своим созданием, всё предаст сожжению!!. В последний мой с ним разговор, на вопрос: оживают ли его «Мертвые души» — «Как же иначе? И даже почти ожили»,— с улыбкою, известною Вам, отвечал он мне. Непонятно, что́ с ним случилось. По приезде в Петербург, если узнаю что-нибудь положительное, уведомлю...

Рукописная копия. ЦГЛА. Фонд Гоголя (№ 139, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 137—138).

Андрей Андреевич Б о ж к о — школьный товарищ Гоголя, служивший чиновником для поручений в Казанском провиантском департаменте и в 1852 г. переехавший на службу в Петербург. Кому адресовано публикуемое письмо, установить не удалось. Однако из текста письма явствует, что и адресат также был лично знаком с Гоголем.

216. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Петрозаводск. 31 июля 1852 г.

Услыхав о смерти Н. В. Гоголя, которого имени даже я не могу вспомнить без внутреннего сочувственного волнения, я в ту же минуту невольно о Вас вспомнил и задумался над тем, что бы мы стали говорить, если б эта роковая весть застала нас вместе. Несмотря на недоверчиво-насмешливые противоречия, которые случалось мне от Вас слышать на мои восторженные суждения об этом писателе, я видел, однакож, что он Вам нравится и, сквозь недостатки формы и частностей в его произведениях, провидите великую и глубокую душу и думу человека и автора...

Гоголь, как мне кажется, несмотря на целый легион восторженных похвал и порицаний, на него обращенных, вполне оценен в нашей литературе не был, а мнение Мериме, за которое с такою жадностью ухватился было Булгарин, чрезвычайно поверхностно и односторонне [1].— Несравненно выше и правильнее суждение об нем как о человеке необыкновенном, как об уме, высказанное несколько лет тому назад Густавом Планшем или Филаретом Шалем, по поводу встречи с Гоголем [2].— Как личность русская, Гоголь так разительно оригинален и самостоятелен, что ему по преимуществу принадлежит название осо́би ⟨...⟩

Я не могу себе представить никого, в ком была бы такая глубокая скорбь, несогласимая, мучительная борьба противуречивых начал. Вчитайтесь только в его переписку и проч., поставьте его произведения лицом к лицу с его жизнью, последними минутами, и Вы увидите в нем и снедающую жажду самосовершенствования ⟨...⟩, понимание возвышенного назначения человека и всей его пошлости, — предчувствие великих судеб России и видимость множества недостатков русского человека и общества; всё это выразилось в этой удивительной способности претворять слезы в смех и смех в слезы,— какою в равной силе и художественном совершенстве не обладает ни один из иностранных писателей-юмористов, посредством которой он и учит и наказует, и возвышает и повергает, жжет и согревает,— пока, наконец, не вылилось в последние минуты страдальческой жизни [3]...

Рукописная копия. ЦГЛА. Фонд Гоголя (№ 139, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 139—141).

Сведениями об авторе публикуемого письма и его адресате мы не располагаем.

[1] Глубоко неверное суждение Проспера Мериме о Гоголе как о писателе, «комизм которого граничит с фарсом» («Revue des Deux Mondes», 1851, т. XII), было радостно подхвачено Ф. Булгариным в фельетоне «Журнальная всякая всячина» («Северная пчела», № 87, от 19 апреля 1852 г.).

[2] Имеется в виду Сент-Бев, который в статье о Гоголе, помещенной в «Revue des Deux Mondes», 1845, т. XII, стр. 884, упоминая о встрече с Гоголем на пути из Рима в Марсель, отмечал, что из разговора с Гоголем — «разговора умного, точного и

богатого меткими житейскими наблюдениями», он «мог предвкушать оригинальность и реализм его произведений». Ни Г. Планш, ни Ф. Шаль с Гоголем не встречались.

[3] Среди документов, хранящихся в гоголевском фонде Центрального гос. литературного архива, имеется еще одна рукописная копия письма неустановленного лица по поводу смерти Гоголя, датированная: «Москва. 6 ноября 〈1852 г.〉»: «Из сочинений Гоголя уцелело: три 〈!〉 неполные черновые главы второго тома „Мертвых душ", его автобиография и объяснение литургии. Три главы были брошены им в шкаф с платьем, после переписки набело, и позабыты; некоторые листы потеряны. Но случилось, что сын Шевырева, перечитывая окончательную рукопись „Мертвых душ", делал из нее для себя извлечения. Теперь эти извлечения отчасти восполняют дефект утраченного творения Гоголя, но все-таки это бедные остатки 〈...〉 О Биографии ничего обстоятельно неизвестно. Кажется, однакож, что это-то „Прощальная повесть", о которой он упоминает в „Переписке с друзьями"〈...〉 От Елагина я узнал, что Автобиография Гоголя находится у Шевырева. Он не дает никому списывать. В ней Гоголь рассказывает, как образовался его талант и каким образом он писал свои произведения.

Гоголь говорит, что у него вовсе не было фантазии, что он не был в состоянии ничего выдумать. У него обыкновенно разные виденные и слышанные им мелочи были записаны на отдельных лоскутках, и когда он задумывал что-нибудь писать, то подбирал эти лоскутки и по ним уже составлял главный рассказ. Он не умел при этом сочинить плана для своего сочинения, так что планы его повестей составлял ему Пушкин, который, пленяясь его рассказами, присоветовал ему писать. Это несколько несообразно с тем, что мы знаем о сближении Гоголя с Пушкиным вследствие первых опытов Гоголя, высоко оцененных Пушкиным. А первые повести в „Вечерах на хуторе" показывают уже замечательную способность строить план композиции 〈...〉 Всё это объяснится, когда соберутся все факты 〈...〉 — об уцелевших частях „Мертвых душ" говорят, что это черновая рукопись всего 2-го тома, но только со многими утраченными листами, а что две или три первые главы вчерне, с большими поправками и помарками, сохранились вполне.

Петербург. 11 декабря 1852

О Гоголе я позволил себе высказать свое странное покамест мнение только в приятельском письме, в ход же пустить я решился бы его разве совершенно убедясь фактами, что дело так было» (неизд.— ЦГЛА, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 135—136).

Под «Автобиографией» Гоголя имеется в виду его «Авторская исповедь».

217. Н. А. РАМАЗАНОВ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

〈Москва.〉 Сентября 27. 1852

...Матвеев[1], которому я поручал сделать для Вас копию с портрета Н. В. Гоголя, кончил ее. Если Вы его вознаградите 30-ю рублями серебром, он будет очень благодарен.

Я, со своей стороны, прошу Вас покорнейше одолжить мне эту самую копию дней на пять для окончания миниатюры, с нее начатой[2]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Шевырева (№ 563, ед. хр. 39, л. 6).

[1] Вероятно, речь идет о художнике Иване Матвееве (р. 1814) — бывшем ученике Московского училища живописи и ваяния, в 1850 г. получившем звание свободного художника.

[2] В письме, написанном, повидимому, через несколько дней после публикуемого нами, Рамазанов сообщал Шевыреву: «Портрет Н. В. Гоголя был задержан для копии М. С. Щепкину. Если нет особенной спешности к отдаче портрета, то прошу Вас покорно позволить продержать его недели три для копии М. П. Погодину. Работать будет тот же аккуратный Матвеев, почему за целость оригинала отвечаю» (неизд.— ЦГЛА, ф. 563, ед. хр. 39, л. 9).

В связи с работой над бюстом Гоголя Рамазанов писал Шевыреву: «Отлучившись в воскресенье по неожиданной надобности, я промедлил временем и по возврате домой узнал, что Вы уже приезжали взглянуть на бюст Гоголя. Премного перед Вами виноват и прошу извинения. Замечания Ваши переданы мне А. Г. Собещанским, и я ими воспользовался, почему буду просить Вас вновь, в будущее воскресенье, взглянуть на бюст, чем премного обяжете искренне уважающего Вашего покорного слугу Рамазанова» (неизд.— ЦГЛА, ф. 563, ед. хр. 39, л. 5). Воспроизведение бюста Гоголя работы Рамазанова см. в настоящем томе.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК, УСТАНОВЛЕННЫЙ 9 СЕНТЯБРЯ 1951 г. НА МОГИЛЕ ГОГОЛЯ НА НОВОДЕВИЧЬЕМ КЛАДБИЩЕ В МОСКВЕ

Бюст (мрамор) работы Н. В. Томского

Фотография М. Альперта

218. М. И. ГОГОЛЬ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

Февраля 24-го 1853-го года, с. Васильевка

...Чрезвычайно неприятно удивила меня пропечатанная галиматья в газетах г-м Данилевским о детстве моего сына. Он всё смешал, я ему рассказывала, по его просьбе, то, что и Вам говорила. Когда он ⟨Гоголь⟩ был трех лет, не начиная ничему учиться, даже и русской грамоте, то отец его, рассматривая атлас, рассказывал ему, где какое государство, на вопрос его, что это такое, и он по краскам так затвердил, что, когда его чрез короткое время спросили, то указал на все те места, о чем ему говорил отец. Мы удивлялись его памяти, потом дали ему карты с азбукой, и до пяти лет он начал выписывать на столе мелом слова и слагать, так что мы не обратили на то никакого внимания. Нам не приходило на мысль, что̀ он делает, облокотясь, сидевши, на стол, но когда приехал к нам покойный Василий Васильевич Капнист, тогда было моему сыну 5 лет, и он сидел у стола, нагнувшись, и что-то ворсил уже на бумаге, какие-то каракульки. Он взял у него бумагу и увидел из этой нескладицы нечто похожее на рихму и сказал, как нужно его поручить отличному учителю. Потом я сказала г. Данилевскому, что он, будучи 16-ти лет, поднес мне свою рукопись в стихах, со тщанием написанную, взяв то время, когда Россия была под игом татар. Эта тетрадка им же была и обрисована, но после, когда он приезжал в каникулы домой, взял, рассматривая в шкапу книги, и, как видно, истребил, и, когда начала ему выговаривать, зачем он лишил меня этого, то он отнекивался, что не брал. Г. Данилевский очень усердно просил меня сказать ему, что̀ запомнила из его стихов; я сказала, что очень жалею, что не помню; это было так давно, и я долго грустила, что не спрятала в таком месте, где бы он не нашел, но я не могла предвидеть, чтоб он мог взять обратно свой подарок. Один только при конце врезался в моей памяти куплет: «Раздравши тучи среброрунны, являлась трепетно луна». Г. Данилевский напечатал вместо «туч» — «тучки» и приписал ему, как видно, это сочинение к трехлетнему возрасту. При чтении этой печати меня бросало то в жар, то в холод. В бытность его несколько часов у нас я была чрезвычайно ему рада. Первое, что он сказал нам, что Вы приедете к нам, и притом, видя его искреннее расположение к моему сыну, я дала прочесть два его письма. Он с восторгом читал их и с таким беспокойством сказал свое сожаление, что не может списать, хотя бы мы и позволили — экипаж его у крыльца,— что мы сжалились над ним, и Анет моя отдала списанные для себя те письма, прибавя, чтобы он никому не показывал — не только печатал, и он уверял, что никогда этого не сделает, но, видно, забыл свое обещание, и вообразите мое удивление, когда я увидела в печати такую странность, да будет бог ему судья[1]...

Автограф. ГПБ. Фонд С. П. Шевырева.

[1] Речь идет о статье Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки», вызвавшей сильное неудовольствие как у родных Гоголя, так и среди его друзей.

20 декабря 1852 г. А. В. Гоголь с возмущением писала В. С. Аксаковой: «Письма, которые я Вам списала, взял у меня г. Данилевский, который дал слово проездом через Москву быть у Вас и дать Вам их хоть для прочету и отнюдь не печатать, но не сдержал слова ни в одном, ни в другом. В „Московских ведомостях“ есть его статья „Хутор близ Диканьки“, куда он поместил и письма и много написал небылиц ⟨...⟩ Предосадный человек!» (неизд.— ЦГЛА, ф. 10, ед. хр. 3, л. 3 об.).

В. С. Аксакова в письме (без даты) к брату Ивану сообщала: «Недавно в газетах помещена статья о Гоголе одного известного нам Данилевского, довольно пустого человека, но статья недурна, только вовсе неуместно, особенно в газетах, помещать такие письма, которые должны быть помещены только в полной биографии, но и в них виден все тот же Гоголь. С Данилевским мы познакомились прошлого года через Гоголя, который сам его только что узнал, но мы желали слышать, как он поет малороссийские песни, собрались еще два малоросса, и у нас составился малороссийский вечер из 4 малороссов. Это было в октябре, год тому назад. Гоголь был очень доволен и весел, Наденька и все поочередно пели малороссийские песни, и Гоголь объявил,

что наши песни, т. е. переложенные у нас, были лучшие и самые народные. Никому не входило, что через год вспомним мы этот вечер при таких обстоятельствах» (неизд.— ЛБ, ГАИС, IV/IX/188).

219. А. В. ГОГОЛЬ — В. С. АКСАКОВОЙ

⟨Полтава.⟩ 24 марта ⟨1853 г.⟩

... Вчера к вечеру мы приехали в Полтаву и заехали прямо на почту, что мы всегда делаем. Нашли Ваше письмо, и еще нас очень удивило: кто-то присылает нам деньги 2000 асс., пишет, что он у нас в долгу, что ему помогал брат, что он по мере возможности будет нам уплачивать. Письмо из Москвы и без подписи. Это меня очень беспокоит: может быть, это какой-нибудь небогатый человек себя лишает необходимого. И что за идея платить нам? Если брат и давал, так ничуть не с тем, чтобы ему возвращали, притом же он и не мог так много давать. Это меня очень беспокоит. Или, может, кто-нибудь полагал, что мы нуждаемся, и вздумал помочь нам под этим предлогом. Во всяком случае, это очень неприятно, притом же мы теперь, слава богу, не нуждаемся. Очень бы желала узнать, от кого это, чтобы как-нибудь остановить хоть на будущее время. Маменька хочет писать об этом к Степану Петровичу, но я думаю, что это трудно будет сделать — почерк переменен заметно, и разные на конверте и в письме. Не правда ли, как это странно? [1]

Вы пишете, чтоб я прислала песни, но Степан Петрович нам их не отдавал. Сколько я помню, мне кажется, что я даже ему говорила, чтоб он их Вам отдал. Впрочем, буду искать; есть у нас листок один с нотами (которые привез еще брат), написанный кем-то из вас, где «Чоботы». Он его отдал нашей приятельнице Надежде Лукьяновичевой, которая и перекладывала несколько песен и для него списала. Кажется, она теперь у Степана Петровича, и у него Вы можете взять ⟨...⟩

Ах, да, еще забыла Вам сказать, что на пакете с деньгами было написано: жительство имею на Конюшенной, у Власия, в доме Сильвестрова. Я не понимаю, отчего эта надпись, если он не желал быть известным. Если это для того, чтобы еще более запутать, а то бы по этому легко можно было отыскать. Напишите, что Вы об этом думаете, и не догадаетесь ли Вы, кто это.

Вы меня просите записывать всё, что я помню о брате, но это для меня довольно трудно: мы с ним были так мало. Из рассказов маменьки я замечаю, что и она почти ничего не помнит. В детстве я только помню, что он нас учил истории и грамматике, рассказывая нам и потом заставляя повторять меня, а потом Лизу; но книги он нам никогда и не показывал, часто шутил с нами, особенно с Лизой, сажал ее верхом на большую собаку, меня заставлял причесываться à la chinoise*, от чего я ужасно плакала. Впрочем, он обо мне был тогда высокого мнения; теперь я это прочла в двух его письмах, писанных в то время. Как жаль, что я не оправдала его ожиданий и даже не подозревала этого. Потом, когда он нас вез в институт, заставлял нас переводить и был доволен всякой галиматьей и приносил подарки всякий раз, когда выходил из дому (это было в Петербурге; мы у него пробыли недели 2 или 3 — до вступления в институт). Накануне нашего вступления поздно вечером, когда мы уже спали, разбудил нас, чтобы завить нам волосы, но букли были неудачны, особенно мои, и в институт я явилась всклокоченная сильно. Удивительно, какая у него была нежная заботливость о нас, а мы так не умели ценить этого, никогда не хотели ему говорить уроков, когда он преподавал историю в нашем институте; вообразили себе, что брату стыдно говорить урок

* на китайский манер (франц.).

при всех. Этим, верно, я его огорчала; когда я его спрашивала, отчего он уезжает за границу и не хочет учить у нас, то он нарочно нам сказал, что оттого, что мы не хотим у него учиться. Не помню, показывали ли мы Вам его письма из-за границы в институт. Жаль, что теперь их осталось очень мало—несколько у Лизы— и много потеряно, а они были очень милы. Потом в Москве, я думаю, что я Вам говорила, как он раз хотел резать мое платье за то, что я сказала, что меня оно занимает, и как я с трудом его отстояла только тем, что легла на него. Он нам всегда говорил, что стыдно заниматься и говорить о платьях, и в самом деле я привыкла так думать, так что мне всегда было совестно за других, которые говорили о таком вздоре. Но конец бумаге! Когда буду что-нибудь припоминать, то постараюсь описывать Вам, но разговаривать было бы гораздо легче. Но что же делать, надо преодолеть свою к о н ф у з и ю [2]...

Автограф. ЦГЛА. Фонд Аксаковых (№ 10, оп. 2, ед. хр. 3, лл. 5—6).

[1] С. Н. Дурылин в «Семейной хронике Гоголя» ошибочно принял эту сумму, полученную М. И. Гоголь от неизвестного должника Гоголя, за деньги, высланные Погодиным для приобретения автографов писателя. Ошибка эта становится очевидной при сопоставлении дат (между присылкой обеих сумм промежуток более чем в полгода) и размера самих сумм (1000 и 2000 руб.). Расчетливому Погодину совершенно незачем было присылать деньги анонимно, так как это нисколько не содействовало бы его плану приобретения рукописей.

М. И. Гоголь писала 27 марта 1853 г. С. П. Шевыреву из Полтавы: «Получа объявление, что есть на почте мне деньги 572 рубля серебром, полагала, что должны быть от Вас, зная доброту Вашего сердца — вообразя, что, может быть, мы очень нуждаемся, взяли из суммы, положенной нами по поданной Вами же нам прекрасной идее содержать из процентов той суммы одного студента на имя моего сына, признаюсь, была недовольна и хотела просить Вас не делать этого, но, к удивлению моему, получаю при письме от неизвестного мне, будто возвращающего долг моего сына, услужившего ему в нужде; если это точно справедливо, то мой сын имел большое удовольствие, служа ему в нужде своими трудовыми деньгами и не воображая о возврате их. Повидимому, эта особа, имеющая прекрасную душу, не хотела принять без возврату, и я боюсь, чтоб не лишала себя нужного, посылая нам. Посылаю Вам для прочету письмо, которое прошу Вас покорнейше возвратить мне, и убедительнейше прошу, нельзя ли будет отыскать его и просить его, ради бога, не присылать нам более, если он недостаточен и, может быть, семейный человек <...> На пакете написано было: „Жительствую в Старой Конюшенной, у Власия, в доме Сильвестрова“,— кажется для большей запутанности» (неизд.— ГПБ, ф. С. П. Шевырева). В более позднем письме к С. П. Шевыреву М. И. Гоголь сообщала: «Внук мой пишет, что догадывается, кто прислал долг моего сына, как он писал». Сведений о том, кто именно прислал деньги М. И. Гоголь, мы не имеем.

[2] 1 апреля 1853 г. Е. В. Быкова писала В. С. Аксаковой:

«Вы желаете знать, какие песни я посылала Наденьке, но если брат Вам отдал все, положенные у нас <на музыку> (Надей Лукьянович), то в том числе Вы найдете и их, впрочем, если я вспомню, то назову: 1) „Ой у поли могила...“; 2) „Чи ты, моя маты, мене на мисти купила“; 3) „Ой, ходыв казак сим раз по Дону“; 4) „Ой, на хоры да жинцы жнут“; прочие никак не припомню; если же у Вас их нет, то я, если поеду в Малороссию, то оттуда могу Вам прислать. Очень жаль, что я не могу исполнить Вашего желания, моя дорогая Верочка, насчет брата: я так мало помню его. Во время моего детства он всё жил в Петербурге и только приезжал, чтоб взять нас. Знаю только, что он мне казался самого веселого характера и шалуном; он часто шутил со мной, даже письма его к нам в институт доказывают, что он слишком переменился, как воротился из Иерусалима. К сожалению, письма институтские сохранились только три: все просили нас прочесть и так зачитали их. Теперь же, когда он приезжал к нам последние разы, то так всегда был серьезен и больше молчалив и только со мной одной иногда шутил, но и то очень редко, и называл меня цыганкой. Когда поеду домой или что припомню с Анет, то напишу Вам» (неизд.—ЦГЛА, ф. 10, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 22 об.—23).

ГОГОЛЬ
В НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

ЗАПИСИ П. И. МАРТОСА, Ф. В. ЧИЖОВА, В. С. АКСАКОВОЙ и М. П. ПОГОДИНА

Публикации Н. Арнольда, Леонида Каплана и Г. Фридлендера

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ШКОЛЬНОГО ТОВАРИЩА ГОГОЛЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА П. И. МАРТОСА К П. И. БАРТЕНЕВУ

Автор помещаемых ниже заметок, Петр Иванович Мартос, был школьным товарищем Гоголя. Как и Гоголь, он воспитывался в пансионе при «Гимназии высших наук кн. Безбородко», но курса не кончил и в 1827 г. поступил унтер-офицером в уланский полк. Выйдя в отставку в 1837 г., он поселился в своей деревне в Полтавской губернии.

Повидимому, именно Мартос являлся автором адресованного Пушкину письма из Одессы от 13 октября 1836 г. Он выступил в нем с рядом возражений против пушкинского «Письма к издателю», вызванного статьей Гоголя «О движении журнальной литературы» (1836 г.). В своем письме, которое Мартос просил Пушкина опубликовать в одной из книжек «Современника», он резко осуждал «Библиотеку для чтения» и ее редактора О. И. Сенковского (см. А. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. Академии Наук СССР, т. XVI, М., 1949, стр. 166—168).

В фонде издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, хранящемся в Центральном литературном архиве, нами обнаружено письмо к нему Мартоса. Оно было вызвано появлением в «Русском архиве» известных воспоминаний В. А. Соллогуба, в которых имеются эпизоды, относящиеся к Гоголю.

Высказывая предположение о том, что Соллогуб ошибался, приписывая Пушкину какую-то долю участия в замысле «Ревизора», Мартос поделился с Бартеневым своими личными воспоминаниями, бо́льшая часть которых повторяет уже известные факты из биографии Гоголя и поэтому нами опускается. Мы приводим лишь небольшой отрывок из воспоминаний, небезинтересный при изучении творческой истории «Мертвых душ», а также текст юношеского стихотворения Гоголя «Новоселье», которое до сих пор было известно только по неполному автографу Гоголя, найденному его лицейским товарищем — А. С. Данилевским и напечатанному в VI томе десятого издания Соч. Гоголя под редакцией Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока.

Приводимый Мартосом текст стихотворения Гоголя содержит в себе девять не известных ранее строк и, кроме того, дает три (несущественных, впрочем) разночтения — в стихах 3, 5 и 7.

Н. Арнольд

П. И. МАРТОС — П. И. БАРТЕНЕВУ

...Насчет «Мертвых душ» могу рассказать следующее.

...В Нежине, где мы воспитывались в пансионе, при гимназии высших наук князя Безбородко, был некто К—ачь, серб; огромного роста, очень красивый, с длиннейшими усами, страшный землепроходец, — где-то купил он землю, на которой находится — сказано в купчей крепости — 650 душ; количество земли не означено, но границы указаны определительно. Не знаю, какое присутственное место решилось совершить купчую крепость на эту землю, заложенную впоследствии К—чем за значительную сумму. Что же оказалось? Земля эта была — запущенное кладбище. Этот самый случай рассказывал Гоголю за границей князь Н. Г. Репнин — это я слышал от самого князя Николая Григорьевича.

Прилагаю при сем стихи Яновского, автограф которых у меня. Они были помещены в издаваемом мною в 1826 г. журнале «Метеор» [1]:

НОВОСЕЛЬЕ

—Не весел ты! — Я весел был,—
Так говорю друзьям веселья,—
Но радость жизни разлюбил
И грусть завзал на новоселье.
Я весел был — и светлый взгляд
Был не печален; с тяжкой мукой
Не зналось сердце; темный сад
И голубое небо скукой
Не утомляли — я был рад...
Когда же вьюга бушевала
И гром гремел и дождь звенел
И небо плакало — грустнел
Тогда и я: слеза дрожала,
Как непогода плакал я...
Но небо яснело, гроза бежала —
И снова рад и весел я...
— Теперь, как осень, вянет младость.
Угрюм, не веселится мне,
И я тоскую в тишине,
И дик, и радость мне не в радость.
Смеясь, мне говорят друзья:
— Зачем расплакался? — Погода
И разгулялась и ясна,
И не темна, как ты, природа.
А я в ответ: — Мне всё равно,
Как день, все измененья года!
Светло ль, темно ли — всё одно,
Когда в сем сердце непогода! [2]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Описание рукописного журнала «Метеор литературы» см. в статье: С. Пономарев. Нежинский журнал Н. В. Гоголя.— «Киевская старина», 1884, № 5, стр. 143—146.

[2] Это стихотворение было впервые напечатано в VI томе X издания Сочинений Гоголя под ред. Н. Тихонравова и В. Шенрока, СПб., 1896, стр. 1, под названием «Непогода» — по рукописи, найденной лицейским товарищем Гоголя,—А. С. Данилевским. В рукописи недоставало девяти стихов (они были вырваны; вырванное место на бумаге имело форму сердца).

ПЕРЕПРАВА ГОГОЛЯ ЧЕРЕЗ ДНЕПР
Картина маслом Антона Иванова, 1845 г.
Третьяковская галлерея, Москва

II. ЗАПИСИ О ГОГОЛЕ В ДНЕВНИКАХ Ф. В. ЧИЖОВА

Обширные дневники славянофильского литератора Федора Васильевича Чижова (1811—1877) — долголетнего знакомого Гоголя, издателя его сочинений и мемуариста, в течение многих десятилетий оставались недоступными для исследователей. В своем предсмертном завещании Чижов распорядился о передаче всего своего архива, в том числе и дневников, в Румянцевский музей, оговорив, однако, что пользование ими может быть разрешено лишь по истечении сорокалетия со дня его смерти. Этот «манускрипт, обнимающий чуть не сорокалетнее пространство времени, богатый не только автобиографическими любопытными данными, но и заметками о событиях и людях», возбуждал живой интерес еще у современников Чижова (см. «Русский архив», 1878, № 2, стр. 129).

Чижов не принадлежал к числу друзей Гоголя. Ему, как и всем деятелям славянофильского лагеря, были глубоко чужды и антипатичны обличительные тенденции творчества Гоголя. Его личные отношения к писателю временами принимали характер открытого недоброжелательства; Чижов откровенно признался себе однажды, что «высота Гоголя давит» его; при чтении гнусных нападок Булгарина на Гоголя он испытывал, по его собственным словам, «немного отдохновительное чувство» (запись эта от 1 марта 1847 г. в нашу публикацию не включена).

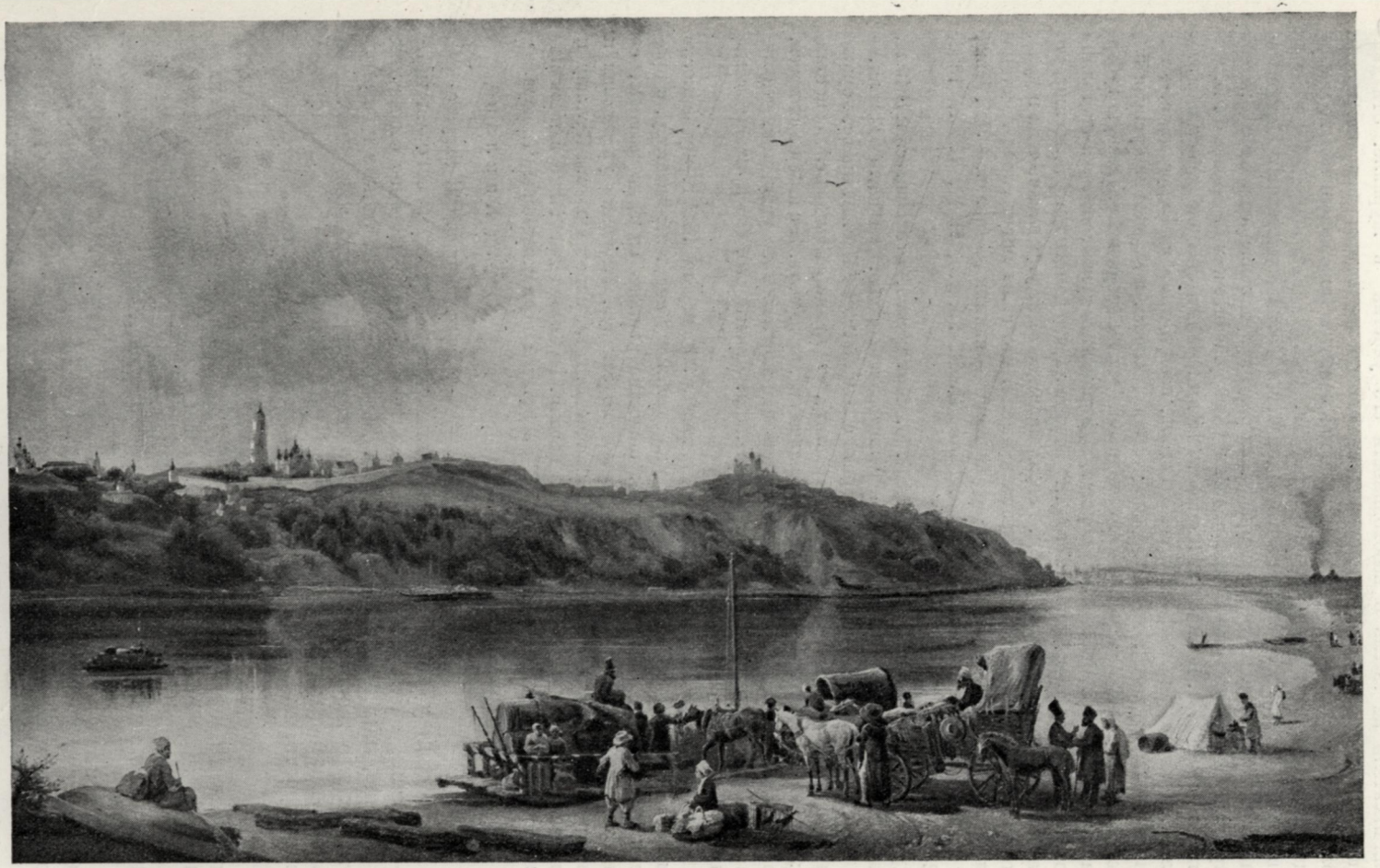
Знакомство Чижова с Гоголем состоялось еще в 1834 г., во время непродолжительного профессорства Гоголя в Петербургском университете, в котором Чижов преподавал математику.

«Расставшись с Гоголем в университете, — писал позднее в своих воспоминаниях Чижов, — мы встретились с ним в Риме в 1843 году и прожили здесь целую зиму в одном доме, на Via Felice, № 126. Во втором этаже жил покойный ⟨Н. М.⟩ Языков, в третьем — Гоголь, в четвертом — я. Видались мы едва ли не ежедневно. С Языковым мы жили совершенно по-братски, как говорится, душа в душу, и остались истинными братьями до последней минуты его; с Гоголем никак не сходились. Почему? Я себе определить не мог ⟨...⟩ Несмотря, однакож, на наши довольно сухие столкновения, Гоголь очень часто показывал ко мне много расположения. Тут, по какому-то непонятному для самого меня внутреннему упрямству, я, в свою очередь, отталкивал Гоголя». Как устанавливается публикуемыми ниже выдержками из дневника, первая встреча Гоголя с Чижовым в Риме относится не к 1843 г., а к концу 1842 г.

Неограниченный авторитет, которым пользовался Гоголь среди русской художественной колонии в Риме и, в частности, у А. А. Иванова, был крайне неприятен Чижову. Категорические высказывания Гоголя о произведениях живописи воспринимались Чижовым, усердно изучавшим историю искусства, почти как личное оскорбление. Характерна в этом отношении публикуемая ниже запись от 8 декабря 1842 г., где «диктаторское» суждение Гоголя о двух эскизах художника Иванова вызвало у Чижова резкое возмущение.

Холодно расставшись в 1843 г., Чижов и Гоголь встретились в Киеве через пять лет, в 1848 г., по утверждению Чижова — «истинными друзьями». В этих словах сильное преувеличение. Цитированная выше запись Чижова об «отдохновительном чувстве» при чтении нападок Булгарина на Гоголя относится к 1847 г., т. е. только на год предшествует киевской встрече. Некоторая перемена в их отношениях все же произошла; она была подготовлена их перепиской, сохранившейся лишь частично («Письма», III, 425—426; «Русская старина», 1889, № 8, стр. 363—380; «Гоголь. Материалы и исследования», I, 129).

Большинство дошедших до нас писем Чижова к Гоголю посвящено проектировавшемуся Чижовым новому славянофильскому журналу. Желание заручиться участием в журнале такого авторитетного сотрудника, как Гоголь, заставило Чижова сознательно пойти на сближение с великим писателем. Зная, что Гоголь решительно отвергал все попытки привлечь его к участию в славянофильских изданиях (см. об этом выше, в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников»), Чижов не решался открыто предлагать ему сотрудничество, но незаметно



ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДНЕПР У КИЕВА
Картина маслом В. И. Штернберга, 1839 г.
Музей русского искусства, Киев

наводил писателя на мысль о необходимости его участия в журнале. Эти дипломатические «заезды» Чижова закончились, однако, неуспехом. Свидание Чижова с Гоголем в Киеве произошло уже после того, как попытка Чижова заняться журнальной деятельностью потерпела полное крушение.

Сведений о встречах с Гоголем в Киеве и затем в Москве в дневниках Чижова не встречается: к этому времени Чижов прекратил регулярную запись своих впечатлений и возвращался к дневнику лишь эпизодически. Обнаруженное нами в архиве Ф. В. Чижова письмо его к А. А. Иванову из Киева от 1 июня 1848 г. несколько восполняет этот пробел. «...Четвертого дня приехал сюда Гоголь, возвращаясь из Иерусалима,— писал Чижов,— он, кажется, очень и очень успел над собою, и внутренние успехи выражаются в его внешнем спокойствии. Сегодня он едет к матери в Полтавскую губернию, а потом в Москву. Мы сошлись хорошо, хоть разбитая душа моя не в состоянии была отозваться ни на какой призыв его ⟨...⟩ Верите ли, что до того истощены силы, что написать письмо мне стало уже делом. Гоголь предсказывает укрепление тела и духа, но я до того упал, что даже нет утешения в мысли, что силы могут снова восстановиться. У меня одна жизнь, и в ней одно утешение — панихида» (неизд.— ЛБ, Чиж. 10/33; ср. П. К у л и ш. Записки из жизни Н. В. Гоголя, т. II, СПб., 1856, стр. 240—241).

Другое неизданное письмо Чижова, к Е. М. Хомяковой, относящееся к 1849 г., отмечает явный перелом в отношении Чижова к Гоголю. «Любите Гоголя,— писал Чижов Хомяковой.— Он умеет говорить с Вами и любит Вас. А, право, хорошо в жизни иметь людей, нас любящих ⟨...⟩ Простите, что напишу Вам два слова наставления: я думаю, Вы не шутите над Гоголем, ради бога, не шутите. Я с ним не схожусь, но это человек (как писатель), до того стоящий самого глубокого уважения, что малейшая попытка на шутку была бы оскорбительна. Любите его, его приходы всегда хороши» (ГИМ, ф. 178, ед. хр. 33, л. 269).

Любопытна также запись в дневнике Чижова от 30 августа 1855 г.— уже после смерти Гоголя, где он дает оценку Гоголю как великому писателю-новатору, в произведениях которого «явились новые люди; общество явилось со всею мыслью, со всею ничтожностию, но живое, а не склеенное по заказу». Глубоким уважением к Гоголю проникнуты также и мемуарные заметки Чижова, переданные им Кулишу и использованные последним в его биографии Гоголя. Публикуемые ниже записи являются естественным дополнением к уже известным воспоминаниям Чижова.

Леонид К а п л а н

⟨Дюссельдорф.⟩ 21 августа 1842

...Вчера взял у Жуковского «Мертвые души» Гоголя и сегодня кончил — хороши, очень хороши, хотя есть места вялые. Вообще он не так знает Россию, как Малороссию, это раз. Другое — ему не нужно говорить о гостиных и о женщинах,— и те и другие дурны, сильно дурны. Но сколько души в самых простых сценах. Кучер его — это Поль Потерова[1] коровка; просто, ничтожно само ⟨по⟩ себе, а трогает сердце...

⟨Рим.⟩ 30 ⟨ноября 1842 г.⟩

Нанял квартиру на Via Felice, № 126, в том доме, где нанимают Гоголь и Языков; не знаю, хорошо ли это, но квартира хорошая, комната на солнце и стоит с чисткою платья и сапогов $7^1/_2$ скуд, то есть с небольшим 35 рублей. Это еще сносно...

⟨Рим.⟩ Декабря 8 ⟨1842 г.⟩

...Сейчас возвратился я из мастерской Александра Андреевича Иванова. Он показывал мне два свои рисунка, приготовляемые им для ⟨вел. кн.⟩ Марии Николаевны. Он не знает, какой выбрать. Один представляет римский танец il sospiro*. Дело состоит в том, что одна девушка стоит на коленях, кругом нее танцует другая; стоящая на коленях вздыхает, та,

* вздох (итал.).

«ОКТЯБРЬСКИЙ ПРАЗДНИК В РИМЕ»
(Вариант, одобренный Гоголем)

Акварель А. А. Иванова, 1842 г.
Третьяковская галлерея, Москва

которая танцует, спрашивает: кто украл у тебя сердце, та в ответ показывает на кого-нибудь из зрителей, и тот волею или неволею должен пуститься в пляску. Последний момент изображен на картинке: девушка показала на длинного англичанина, и другая тащит его насильно. Все присутствующие хохочут.

Другая — простое пиршество римлян на Ponte molo. Женщины в готовности полдневать; направо стол, за которым еще остаются едящие; налево мужчины собрались в кружок; на втором плане группа немецких художников под предводительством Торвальдсена и Вагнера смотрят на эту сцену. В той и другой картинках вдали Рим, только с разных точек.

Я, когда посмотрел обе картинки, выбрал последнюю, сначала не составивши отчетливого суждения — почему. Приходит Гоголь и диктаторским тоном произносит приговор в пользу первой, говоря, что она в сравнении с тою — историческая картина, а та g e n r e, что тут каждое лицо требует отдельного выражения, а там группы. Одним словом, что первая выше последней, и во всем этом у него был решительный приговор и никакого внимания к бедному моему суждению. Разумеется, по непривычке, это немного оскорбляет, особенно тогда, когда только вчера он сказал, что рыцарство — в русской вежливости нашей перед ними, — а это невнимание к противному мнению, чем оно пахнет? Но, оставя это, я нахожу в его суждении совершенно непонятный взгляд на прекрасное и на искусство. В первой картине прекрасное в стороне, она может нравиться по исполнению и по верной передаче выражений, никак не больше, по крайней мере в том виде, какова она в составе картинки Иванова, да и не может быть изящною в полном значении слова, оно всё подчинено естественности выражений, которые здесь более устремляются в комизм, а комизм, по моему мнению, может дойти до ступени прекрасного или общностию всей картины, или высоким комическим значением главного ее лица. Здесь нет ни того, ни другого. В другой картинке прекрасное таится в самом действии, то есть в самом танце; на месте художника я удалил бы стол с бутылками, поставил бы его так, чтоб он был свидетелем сцены, а не разрезывал бы группы; также поудалил бы (впрочем, она и то удалена) группу зрителей. Здесь полная свобода и грациозности движений и беспечности, следовательно истинной, спокойной красоте выражений каждого лица.

З а к л ю ч е н и е. Не смею произнести приговора, но тон Гоголя вообще мне не нравится; в его пользу сильно говорит Иванов, потому я его не отталкиваю от себя, то есть внутри так, а ничто не привязывает...

〈Рим.〉 27 〈декабря 1842 г.〉

...Сегодня вечером заговорили мы о Муравьеве [2]. Гоголь говорит, что язык его вял; не знаю, сколько мне кажется, именно у него хорош язык. Гоголь говорит, что теперь трудно писать чистым языком,— да у него самого язык с сильными промахами. Когда я примусь дельнее работать? Надобно было бы читать и по-русски. Возьму завтра же Муравьева. Никак не могу согласиться, чтоб у него язык был вял,— правда и то, что я его мало очень помню...

28 〈декабря 1842 г.〉

...Заходил я к 〈Н. М.〉 Языкову; разговорившись о Муравьеве, он говорит: «Ну что Гоголь городит, что язык Муравьева дурен, это все от того, что он Пушкина партии, даже он почти не читал Муравьева». Это к сведению 〈...〉

Читаю Муравьева. Действительно, не вяло, а натянуто, и к тому же у него нет уменья владеть языком, множество ошибок и недоглядок в языке, множество неясностей; вообще требовалось бы сильно его выправить. Ко всему этому у него нет такту...

«ОКТЯБРЬСКИЙ ПРАЗДНИК В РИМЕ»
Акварель А. А. Иванова, 1842 г.
Русский музей, Ленинград

<Париж.> 19 <июня 1844 г.>

...Получил письма от А. П. Магденки и Гоголя[3] — последний пишет, что он едет в Остенде...

Остенде. 22 <июля 1844 г.>

Сглупил, батюшко Федор Васильевич, сильно сглупил, приехал в Остенде нипочто, привез ничего. Гоголь еще не приезжал сюда,— и то правда, я потерял только с небольшим пять франков да день времени, последнее не шутка. Завтра утром пускаюсь прямо в Кёльн...

25 <октября 1845 г.>

Сейчас пойду в библиотеку <...>, возьму Гоголя, только для того, чтоб прочесть всего его вместо отдыха от чтения более замысловатого. К тому же я многого не читал и еще одно: очень не худо сблизиться с его языком. Статья его «Рим» оставила довольно дурное впечатление, хоть больше по ошибкам против языка, нежели по его нехудожественности. Сколько я помню, у него много оригинальности в самом слоге и особенно, кажется, это заметнее всего в «Мертвых душах»...

31 <октября 1845 г.>

Минутами я беру в руки «Мертвые души» Гоголя и беспрестанно прошу внутренно извинения у нашего истинного таланта[4]. Не знаю, с чего мне показался дурным и несовершенным его язык. Теперь он мне кажется превосходным. Нигде, решительно нигде я не заметил, чтоб он выходил за пределы, требуемые предметом. Везде он в рамках рассказа, везде сам язык ровно в ладу с содержанием и с ходом дела. В самых отступлениях он именно таков, каким нужно быть ему, чтоб высказать грусть, наполняющую душу писателя. Есть прогляды, никак не более; разумеется, хотелось бы не видать их; но что же это такое? — Не больше как почти типографические ошибки...

1 <ноября 1845 г.>

...Напрасно я ищу причины недеятельности в обстоятельствах, в направлении общества, в противоречии с моим внутренним бытом людей, меня окружающих. Всё это существует и для других. Гоголь, судя по его сочинениям, чувствует и глубоко чувствует всё то, что мне кажется, что я чувствую один; понимает и деятельно пускает в ход свои понятия, а между тем Гоголь работает, и, как видно, работает сильно. Не может быть, чтобы такая перемена в языке, какую видно в его сочинениях, начиная от его «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до «Мертвых душ», совершилась без большой работы. Художественное совершенство происходило внутри его, но тут есть еще внешнее совершенство формы, что̀ весьма и весьма верно. Я тоже работаю, тоже стараюсь об обработке моего языка, а между тем всё или бо̀льшая часть того, чем я являюсь в обществе, плохо и сильно плохо...

30 <августа 1855 г.>

Ночью как-то не засыпалось, все шло на ум значение Гоголя в литературе. Он первый ввел натуральную школу, не только у нас, но до него ее не было вообще. Новая французская школа не могла назваться натуральною: в ней героем романа был не человек, а заданная мысль, или, всего чаще — болезнь человеческая, болезнь общественная; человек был только ее представителем — оттого люди являлись сделанными на заказ. У Гоголя, как потом у Диккенса, явился человек как он есть, но не простой портрет Ивана Семеновича, Максима Максимовича и т. п., а портрет известного положения человека в обществе, оттого у него явились живые люди; общество явилось со всею мелочью, со всею ничтожностию, но живое, а не склеенное по заказу. По мне Гоголь выше Диккенса большим

углублением внутрь человека и братованием его с собою[5]. Поэтому-то именно и прекрасно то, что Гоголь брал пошлые стороны общества: побратоваться с героем каждому приятно...

Октября 3 <1855 г.>

...В Гоголе важно проследить его внутреннюю переработку и проследить за его языком,— искренность, простота, выражающаяся в избежании

ГОГОЛЬ

Портрет маслом Ф. А. Моллера, 1840 г.
Художественный музей, г. Иваново

местоимений и замещении их самими существительными, и, несмотря на то, что она не выявляется. Как это неудачно у подражателей...

Марта 22 <1857 г.>

Теперь я читаю «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя», написанные Кулишом, и почему-то в начале чтения менее доволен ими, чем прежним изданием под именем «Опыта биографии Гоголя». Сам Гоголь, впрочем, чрезвычайно как останавливает на себе сочувствие на каждой строке. Вряд ли это не лучший способ — передавать всю переписку, только, по-моему, по местам расположены объяснения. Мне кажется,

писавши биографию Языкова [6], всего лучше, немного коснувшись его поэтической природы, всё извлекать из ряда его писем и писем к нему. Жаль, что у Кулиша нет нигде писем к Гоголю, и то правда, что в его природе эти письма только нить, на которую нанизывались явления его внутренней жизни. С ним не могло быть такой искренней, задушевной переписки, как с Языковым. Этот отвечал на все явления современности, а в самом себе был часто лирическим поэтом. Лиризмом своей природы он вызывал часто лирическую сторону жизни и у других. Гоголь больше изучал других, писал по требованию передать себя, хотя и не сознавал сам этого требования. По его письмам кажется — он заботится о другом, а везде читаешь его самого; Языков передает себя, о себе говорит, а читаешь более всё о современной ему литературной деятельности.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ (Чиж. 2/1, 1/5, 2/3, 2/6).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Поль Поттер (1625—1654) — знаменитый голландский живописец, прославившийся превосходным изображением животных.

[2] Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) — автор «Путешествия по святым местам» и ряда других произведений на «духовные» темы. В своих воспоминаниях Чижов также отмечал, что Гоголь отзывался о Муравьеве резко, «не признавал в нем решительно никаких достоинств и находил в нем отсутствие языка» (П. Кулиш. Записки из жизни Гоголя. СПб., 1856, т. I, стр. 326). В печатном тексте записок вместо фамилии Муравьева дан лишь криптоним «М — въ».

[3] Это письмо Гоголя к Чижову неизвестно. 31 июля 1844 г. Чижов также отметил в своем дневнике получение не дошедшего до нас письма к нему Гоголя. Подобные же записи о неизвестных письмах Гоголя, полученных Чижовым, сделаны в дневнике под датами: 25 августа 1844 г. (из Остенде), 25 января 1847 г. и 12 апреля 1847 г. (возможно, что в последней записи имеется в виду письмо от 25 марта 1847 г.—«Письма», III, 425—426). В дневнике Чижова имеются также упоминания о посланных им Гоголю, но не сохранившихся письмах — от 24 ноября 1844 г., 17 и 29 января 1847 г. 1 января 1847 г. Чижов писал А. Н. Попову: «Гоголь в Неаполе, пишет, что хворает; я думал было поехать к нему, но теперь не имею времени» (неизд.— ГИМ, ф. 231, ед. хр. 5, л. 262 об.).

[4] Несколько позднее, 15 февраля 1847 г. Чижов снова записал в своем дневнике: «Хочу еще раз прочесть „Мертвые души“ и буду отмечать, что́ мне не понравится, то есть, что́ покажется неправильным в языке:

Стр. 1, строка 8: „Сидел... ни слишком толст, ни слишком тонок“—нельзя по всей строгости сказать без глагола был. Сокращенные прилагательные всегда подразумевают глагол; следовательно, если нет глагола, подразумевается есть и не ладится с прошедшим временем.

Стр. 1, строка 2 снизу: ‹„Въезд его› не был сопровожден ‹ничем особенным“› — против логики языка, хоть кажется и по грамматике; со предполагает движение, потому глагол сопровождать можно употреблять или в настоящем или в будущем и прошедшем, тогда непременно в многократном и никогда не в однократном.

Стр. 8, строка 2 снизу: ‹„Он выбежал› весь длинный“ — не по-русски.

Стр. 9, строка 17: ‹„еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых самих по себе“› (погодных перемен, а не кирпичей).

Стр. 10, строка 20: ‹„Запах,› который был сообщен“ — будто бы тут „сообщен“.

Стр. 11, строки 12 и 15: все „которые“.

Стр. 12, строка 7: „подавались блюда“ и потом винительный падеж — „пулярку“.

Стр. 13, строка 1 снизу: „заснул два часа“. „Заснул“ нельзя сказать сколько или, если можно, то неопределенно.

Стр. 14, строка 9: ‹„Здесь было заметно более› движения народа и живости“ — нелепость столкновения трех родительных падежей.

Стр. 15, строка 9: „Заметно было потемневших“.

Стр. 15, строка 20: „тоненьких дерев“. Этот вид родительного „дерев“ можно употреблять при прилагательных „толстых“.

Стр. 16, строка 11: ‹„Отправился домой›, поддерживаемый слегка на лестнице трактирным слугою“› — вдруг несколько ошибок. Одна — нумер, „поддерживаемый“, а не он; другая — „отправился, поддерживаемый“, следовательно слуга был с ним.

Стр. 16, строка 15: „прищуря“, надобно „прищурив“, прошедшее.

Стр. 16, строка 4 снизу: „Свернул опрятно“ — неуместно прилаг⟨ается⟩ „опрятно“.
Стр. 19, строка 6: „Какой даже не везде видывано“, „даже не везде“ — не логически.

Стр. 21, строка 6: ⟨„другие оделись⟩ во что бог послал в губернский город“. „Во что бог послал“ — так, а если же приб⟨авить⟩ „в губернский город“, тогда в то, „что бог послал в губернский город“.

Стр. 24, строка 7 снизу: ⟨„табакерку, на дне которой⟩ замет или ⟨две фиялки“⟩ — нет существительного. Кто заметил? неопределенно тут нельзя сказать: нет неопределенного глагола.

Стр. 26, строка 13: ⟨„принимал гостей своих в халате, не сколько замасленном⟩, и в том числе ⟨двух каких-то дам“⟩ — так далеко от слова „честен“, что не догадаешься в „каком.

МАНИЛОВЫ

Рисунок Н. В. Иевлева, 1859 г.
Литературный музей Москва

Стр. 16— „который“ (прокурор).
Стр. 8 — „которая“ (глава).

А всё это совестно замечать, потому что ошибки ученические, не соединенные нисколько собственно с языком, слогом, а просто недосмотры грамматики ⟨...⟩ На стр. 20 сравнение с мухами должно было бы кончиться словом „о коем“, далее оно растянуто и как-то не соединено с ходом рассказа».

[5] Ср. выше подобные же мысли о Гоголе и Диккенсе в письме В. С. Аксаковой в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников» (письмо № 118).

[6] Чижов намеревался написать биографию Н. М. Языкова, с которым он был очень дружен. В архиве Чижова сохранились многочисленные подготовительные материалы — выписки из различных писем Языкова.

III. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК В. С. АКСАКОВОЙ

Вера Сергеевна Аксакова (1819—1864) — старшая дочь С. Т. Аксакова, познакомилась с Гоголем еще в детстве и в течение всей своей жизни сохраняла к нему живой интерес и симпатию. Это не могло не отразиться в ее переписке, частично публикуемой в настоящем томе, и в дневниковых записях, содержащих значительный фактический материал о великом писателе. Большинство высказываний В. С. Аксаковой о Гоголе является непосредственным отражением мнений о нем ее отца; со своим отцом В. С. Аксакова была неразлучна и взгляды его полностью разделяла. Характерно, что в своей работе над «Историей моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксаков широко пользовался письмами В. С. Аксаковой о Гоголе, то прямо цитируя их, то излагая их содержание от собственного имени.

«Талант г. Аксакова, —писал Добролюбов,—слишком субъективен для метких общественных характеристик, слишком полон лиризма для спокойной оценки людей и произведений, слишком наивен для острой и глубокой наблюдательности» (Н. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, М., 1935, стр. 452—453). Эта принципиальная характеристика, указывающая на слабые места Аксакова как мемуариста, целиком применима и к В. С. Аксаковой, в частности к ее экзальтированным суждениям о Гоголе, крайне субъективным и выдержанным в наивно-дидактическом тоне.

Понимание истинного значения великого писателя не было доступно В. С. Аксаковой: она видела в Гоголе лишь моралиста, филантропа, абстрактного мечтателя.

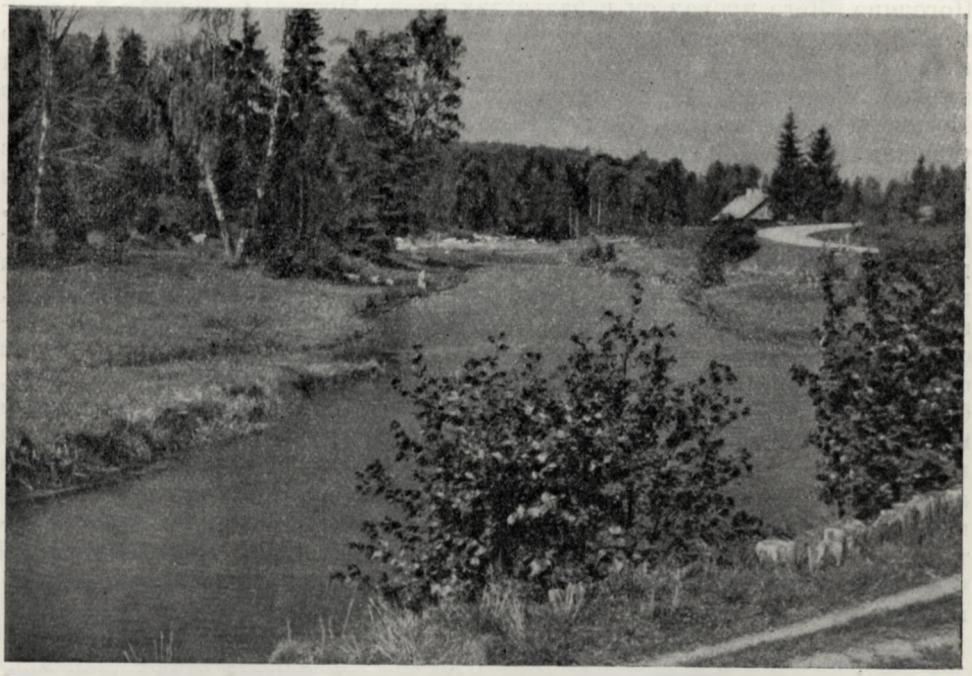
Подобный взгляд на Гоголя сильно ограничивает ценность публикуемых ниже заметок В. С. Аксаковой. Однако в них содержатся и важные фактические сведения о великом писателе, а также излагаются некоторые суждения Гоголя, ярко выражающие его горячую любовь к людям, труду и искусству.

Леонид Каплан

Трудно мне вспомнить те свежие, живые впечатления, среди которых жила я 10, 12 лет тому назад; но, погружаясь в них понемногу, постепенно вижу я как то одно, то другое возникает, и тогда-то снова осветится воспоминание и наполняет душу давно забытыми, давно чуждыми впечатлениями. В самом разном мире может жить человек один и тот же, конечно с изменением лет и обстоятельств не узнаешь себя, и может не вериться, что всё это сам перечувствовал и пережил, а между тем ничего сильного, яркого не происходило в моей жизни. Я считаю некоторым образом своею обязанностью передать свои воспоминания, связанные с Гоголем. Не думаю, чтоб могла соблюсти последовательность; буду записывать, как вспомнится. Между же моими воспоминаниями и настоящим временем легло столько болезненных впечатлений, что это еще более мешает мне возобновить в памяти свежесть той жизни.

Сегодня вспомнила я, как в 1851 году Гоголь был у нас при тетушке Надежде Тимофеевне [1]. Мы за ним посылали к Троице, вечером были малороссийские песни. На другой день утром я пришла в залу, Гоголь уже давно там был и разговаривал с ⟨братом⟩ Иваном, погода была очень дурная. Поздоровавшись с Гоголем, я стала жаловаться на погоду. Гоголь сказал: «Всё хорошо, зачем жаловаться, за всё надобно благодарить». Видно было, что ему было тяжело слышать всякое неудовольствие. Не помню, как зашел у Гоголя с Иваном разговор, но помню, что он коснулся до всего состояния современного неустройства, разладу и т. д. Гоголь говорил с душевным участием. Видно было, что эти мысли не раз тревожили его душу и возбуждали его самое глубокое соболезнование, и как бы всё само собою устроилось, все недоразумения, раздоры прекратились, говорил, если б каждый человек был полон любви. Он подошел к окну, видимо погруженный в свои мысли, устремил глаза вдаль; видно было, что он предался

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ В УСАДЬБЕ «АБРАМЦЕВО»
Фотография С. К. Иванова-Аллилуева, 1950 г.



РЕКА ВОРЯ В УСАДЬБЕ «АБРАМЦЕВО»
Фотография С. К. Иванова-Аллилуева. 1950 г.

своей задушевной мечте; в эту минуту высказалась вся его любовь ко всем* 1839 года 29 сентября на даче в Аксиньине мы получили записку от Щепкина с извещением, что приехал Гоголь[2]. Радость была общая, Константин уехал в тот же день в Москву, а мы переехали на другой день совсем. Кажется 1-го октября во время нашего обеда взошел в залу ⟨М. С.⟩ Щепкин и с ним кто-то, небольшого роста человек с длинными белокурыми волосами, усами и эспаньелкой — то был Гоголь. С этого дня началось наше короткое знакомство с ним; через месяц мы уже ехали вместе в Петербург и дорогой еще больше сблизились. В Петербурге мы видались довольно часто, хотя на короткое время. Из Петербурга поехали вместе с ним и с его сестрами и с Федором Ивановичем Васьковым. К празднику рождества христова мы были в Москве, и 2 января 1840 года мы с маменькой уехали в Курск и воротились в первых числах февраля. В мае Гоголь уехал с ⟨В. А.⟩ Пановым в чужие края из нашего дома. В 1841 году он воротился один с намерением поселиться в Москве с Языковым. В 1842 году к 21 мая вышла первая часть «Мертвых душ», и он сам скоро уехал опять в чужие края из нашего же дома⟨...⟩ Мать и сестры его были тут же. Шесть лет он пробыл за границей, в начале 1848 года он воротился в Малороссию, в конце августа приехал в Москву. Я была больна в Москве, и маменька и Константин случайно были в это время также в Москве. С тем же Щепкиным пришел он к нам. Мы обрадовались чрезвычайно, Гоголь был как-то смущен. Вскоре поехал в Петербург и вскоре опять воротился. В октябре приехал и отесенька и все из деревни. Тут опять начались посещения Гоголя, хоть не столь частые, как в прежние времена.

1849 года, в мае месяце, незадолго до дня своих именин, он сделался болен, расстроен нервами, однакож был у него, по обыкновению, обед у Погодина. Лето провел он в разъездах около Москвы (в Калуге у Смирновой), был у нас в августе целую неделю, читал в первый раз первую главу второго тома, а потом приехал в начале сентября и опять провел неделю. Мы поздно переехали в Москву, к 1 января 1850 года. Гоголь был в Москве и рад очень нам. Зиму провели вместе, малороссийские песни его утешали. Весной опять расстроился. В мае уехал он с Максимовичем в Малороссию, а оттуда в Одессу, где и провел зиму, в 1851 в июне воротился в Москву, был у Троицы, приезжал к нам и с нами вместе уехал в Москву, потом опять приезжал к нам один на два дня, хотел еще приехать до отъезда своего в Малороссию на свадьбу сестры. Отесенька с братьями ездил в дальнюю деревню, а перед отъездом и все вместе приезжали в Москву, и Гоголь часто ходил к нам и читал «Мертвые души» и пели малороссийские песни; потом он уехал к Смирновой в подмосковную. По возвращении отесеньки и братьев, он неожиданно приехал к нам один на один день, был чрезвычайно весел и жив; хотел приехать в сентябре к именинным праздникам, но не успел и 22 сентября после сильных нерешений уехал в Малороссию. 30 сентября отесенька с Константином поехали по делам в Москву, вдруг им говорят, что Гоголь присылал; Константин побежал к нему и привел его. Он на дороге, в Калуге, сделался болен в Оптиной пустыни и решился воротиться. В тот же день отесенька, Константин и он приехали к нам вечером. Мы были удивлены и обрадованы, но вид Гоголя огорчил нас. Он был так расстроен, так худ, так грустен, что жалко

---

* В это же утро говорил он о том, как один человек, больной, не выходя из дома, разрисовал весь свой дом растениями и цветами той стороны, где жил. Как можно во всем себе найти дельное занятие, даже можно смотреть, как делают другие, с пользой, и научиться; когда сам не в состоянии ничем заняться, то следить с вниманием за работой других уже может быть делом. Очевидно он говорил это для меня, потому что я не раз говорила, что я не в состоянии ничего делать. Тут его позвали читать драму, он тотчас пошел, но мне казалось, что он в ту минуту не был оставаться расположен.

было его видеть. Впрочем, на другой день ободрился, а на третий, 2-го октября, уехал от нас. Это было последнее его посещение в деревне.

Вскоре после того как Николай Васильевич уехал от нас (2-го октября) мы с маменькой и Надей также должны были ехать в Москву. Маменька искала квартиры для Оленьки, мы же все по обстоятельствам решились провести зиму в деревне. Николай Васильевич часто навещал нас по вечерам,

ЛОСКУТНЫЙ РЯД В НАЧАЛЕ ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА ГОРЬКОГО) В МОСКВЕ

Рисунок И. Мартынова, 1846 г.

Исторический музей, Москва

всегда расспрашивал подробно о домах, которые мы смотрели, уговаривал маменьку нанять большой, для того чтоб батюшка и все могли переехать в город, но мы не могли этого сделать, как сами того ни желали. «Хоть еще бы одну только зиму вы провели в Москве»,— сказал он один раз, и как больно вспоминаются эти слова теперь.— Часто по вечерам пела Наденька малороссийские песни. Николай Васильевич сам напевал, я клала на ноты. Один раз собралось у нас еще несколько малороссов, и все пели песни,

Николай Васильевич был доволен. Наконец маменька наняла домик, мы переехали. Николай Васильевич пришел к нам на новоселье во время нашего вечернего чая и принес хлеб для больной сестры. Даже в этот вечер уговаривал маменьку переменить дом на большой и всё надеялся, что до рождества батюшка и все переедут в город.— Мы возвратились в деревню 9-го ноября. На рождество маменька должна была опять ехать в Москву по случаю кончины одной нашей старинной знакомой — Кавелиной. К новому году маменька опять уже была в деревне. В Москве виделась несколько раз с Николаем Васильевичем, и он один раз сказал маменьке на вопрос — скоро ли думает печатать: «Нет, не скоро, многого недостает, и если б теперь пришлось начинать, совсем бы иначе начал».

Приехали опять в Москву 1852 года 19 января. Гоголь нас навещал через день до 4 февраля. А 21-го его уже не было.

15 февраля 1852 года в пятницу Гоголь был уже в постели и так изменился в лице, что брат был поражен, взойдя к нему. Гоголь спросил: «Что у вас в деревне?» —Слава богу, все благополучно.—«Дай бог, чтоб было всё благополучно», сказал Гоголь.

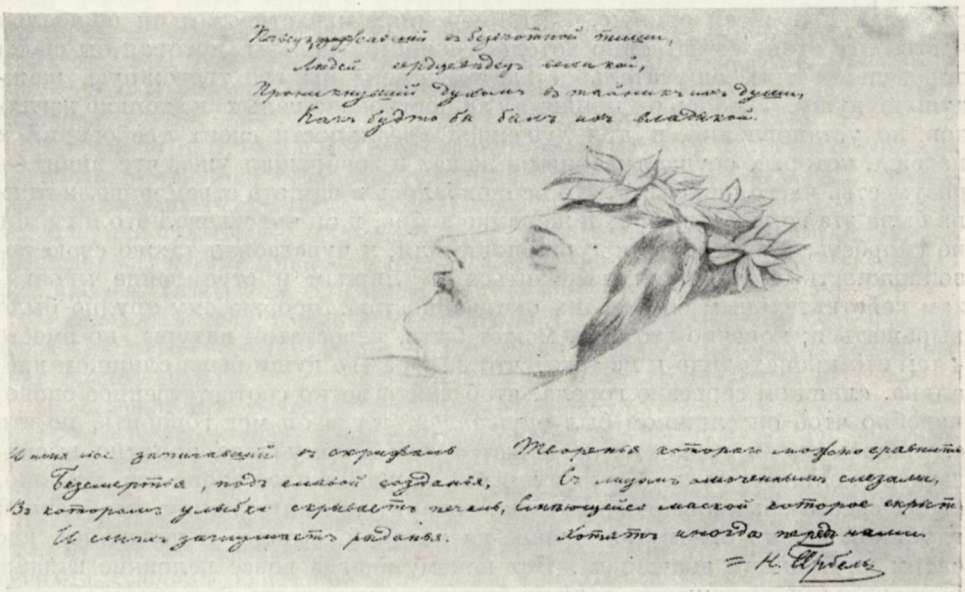
16, 17-го числа мы справлялись о здоровье Гоголя; все говорили, что лучше, лучше, что он даже встает. 18-го числа мне не удалось послать узнать о нем, но я не тревожилась, зная, что ему лучше, и была уверена, что через несколько времени он выздоровеет, но 19 числа утром, часов в 11, приехал к нам В. Б. Между прочими пустыми разговорами он вдруг сказал: «А знаете ли, вчера Гоголь совсем умирал, его причащали и соборовали». Мы были поражены. Как мы провели этот день, тяжело вспомнить; посылали к Гоголю — те же вести, даже хуже; говорили, что он с ума сошел и т. д. К вечеру, однакоже, сказали, что ему лучше несколько. На другой день, однакоже, плохие вести. Часов в 5, после вечерни, мне сказали, что нет никакой надежды. Тут приехал Иван с Самсоновым. Весь этот вечер провели мы так смутно, что я почти не помню. На другой ⟨день⟩ утром сказали, что Гоголю лучше, но только сильная слабость; я догадалась, что это последнее, но только часа в два или три узнала я, что Гоголя уже не стало.

На первой панихиде вечером уже начался спор о Гоголе.

Отчего это каждое слово Гоголя подымает так душу со дна, возбуждает всё то, что спало до тех пор в глубине ее, подымает все ее законные потребности, все высокие стремления, вопросы, давно заснувшие, тревожат ее снова, и цель ее существования и долг ее на земле; неотразимо представляется, сколько жизни может и должна заключать душа, как широко ее поле назначения; вдруг почувствуешь те тайные связи, связующие каждую человеческую душу со всем миром других душ и явлений жизни: ту связь, которая часто, всегда почти, пренебрегается нами, и мы живем разрозненные, как-то недовольные, часто тоскующие по ней в своем скудном стесненном одиночестве, вращаясь без смысла, оторванно в ограниченном мире своих собственных нужд и впечатлений.— Слово Гоголя вдруг освещает всю скудость, всю пошлость, всю безжизненность такой жизни; о, если б всегда гореть тем неугасимым пламенем добра и любви, потребности, пользы, стремления к идеалу совершенства, и эти стремления должны перейти в дело, принести плод! — Сколько неистощимой любви в его письмах к сестрам, сколько самой нежной, самой предусмотрительной попечительности, входящей во все мельчайшие подробности, предупреждающей все возможные явления, сколько стараний, усилий вразумить их, даже издали оградить их от всего пошлого, недостойного, сколько скорби об них! Нежная мать не могла бы более любить и заботиться! И вообще во всех его дружеских письмах сколько нежной любви, душевной заботливости об каждом. Вот откуда проистекает е г о ж е л а н и е у ч и т ь д р у г и х — из этого неисчерпаемого источника любви к людям, из этой

неутомимой скорби, заботливости о них, которая даже простиралась и на внешние обстоятельства каждого. Вот почему каждое слово его возбуждает в душе каждого ту же любовь 〈...〉

Какая-то скупость и скудость души удерживает часто нас от сближения и сообщения с другими душами. Такая скупость удержала N. от сближения с Гоголем. Мне теперь кажется, что это всё равно, что зарыть талант в землю, эта боязнь, как будто жаль траты или хлопот. Может быть, она и происходит от скудости душевной, да и она же ее производит. Потом уже нет силы жизни, нет производителя силы, стало быть нет достаточно любви ни для каких подвигов душевных 〈...〉



ГОГОЛЬ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Рисунок Е. И. Вишнякова

На листе с записанными П. В. Гербелем стихотворными строфами, посвященными Гоголю, 1852 г. (?)

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Гоголь говорит в одном письме к Данилевскому, что после него будут творить скорее, потому что он уже сделает половину пути. Гоголь говорил о сочинениях, но так как дело Гоголя, по его же словам, есть дело души, то и путь его имел значение не литературное только, а именно путь воспитания душевного, и он, точно, проложил для всех уже его, и его пример не действует ли на всех и не ведет ли по этому пути, уже углаженному им душевными и телесными страданиями? 〈...〉 — Много мы имеем примеров святых подвижников, но то было давно, во времена, столько разнствующие от наших, при таких особенных обстоятельствах и окружениях, совершенно чуждых нашему времени. Но это совершилось при наших глазах, хотя большею частью неизвестно для нас самих. Это пример из нашей среды, при всех условиях современной жизни и обстоятельствах; этот человек и явился и жил среди нас, оставался — человек-художник и служивший свято искусству...

— Что было несомненно, непоколебимо — это желание добра и пользы и что желание это было так сильно, так проникало всё его существо,

что присутствовало, кажется, при каждой его мысли, или, лучше, порождало каждую его мысль, было источником всех его действий и мыслей, хотя бы и самых ошибочных и, повидимому, противоречащих. Он сам сказал: «Я с г о р а ю...», и это не фраза, это было истинно так. Но как, каким путем достичь добра, как приложить это душевное стремление к жизни, как осуществить его в практической форме — вот это была задача, которой разрешение мучило его постоянно, которая беспрестанно ему являлась то с той, то с другой стороны, часто совершенно противоречащей между собой; эта лаборатория внутренняя не прекращалась. Иногда ему казалось довольно долго, что он нашел задачу, и он ее обнародовал, уча решению, и сам потом удивлялся, как вышло совсем не то, что хотел сказать, и горел со стыда при своей ошибке. В применениях к частностям он ошибался часто; ему очень естественно хотелось видимой пользы, которая бы своей определенностью, ощутительностью успокоила бы его тревожную, жаждущую душу. Любовь он принимал за построение целых не только взглядов, но установлений, и при душевной идеальности своих требований и надежд, которых осуществлений он желал и воображал уже, что видит,— разумеется часто ошибался. Но не ошибалось в нем это стремление, истинна была эта горячая любовь и желание добра, и он чувствовал это и не мог не скорбеть, когда его так дурно понимали, и чувствовал также свою невозможность оправдаться, выразиться ...[3] лиризм и стремление к образам действительным со всей их оконченностью. Вообще ему трудно было выражаться; конечно это был, может быть, недостаток натуры, но вместе с тем это происходило и из того, что натура его души была слишком идеальна, слишком серьезно горела, чтоб найти легко соответственное слово; надобно чтоб он слишком был одушевлен, тогда он мог говорить, но это случалось очень редко, и мне кажется ему самому было приятно высказаться сколько-нибудь. Мы видели, как полно каждое слово его, как оно, сверх своего обыкновенного смысла, говорит тем внутренним, необъятной глубиной жизни огнем той души, из которой вышло, и подавляет нас своим внутренним значением. Вот почему иногда вовсе неловкие и даже неправильные выражения, если их будут рассматривать со стороны обыкновенного смысла и правильности, имеют невыразимую прелесть и так неотразимо действуют внутренним своим увлечением.

Он не проповедовал громко и увлекательно своих мыслей, но, живя ими исключительно, каждое его слово отзывалось тем, что так вполне им владело. Он постоянно следил за каждым движением человека и желал всей душой сообщить ему свое желание помочь; думал, что бы такой или такой человек мог сделать доброго? И иногда одно, два слова его обнаруживали то, что его занимало: — а вот бы хорошо вам было то сделать, так заняться, но на первое возражение получаемое — он замолчит, потом косвенно когда-нибудь опять скажет: а вот такой-то хорошо делает так-то. Он не любил вообще с и с т е м ы, которыми так легко удовлетворяются люди, которые часто считают себя обязанными действовать согласно с ними, потому он нападал часто на разговоры, споры и т. д., не любил и прений, направлений особенных и т. д.

Самые идеальные требования души своей хотел практически применить к жизни и по требованию своего художнического таланта желал их видеть осуществленными во всей обстановке мелочей ежедневной жизни..

Печатается, с небольшими сокращениями, по рукописной копии, хранящейся в ИРЛИ, ф. Аксаковых (№ 3, оп. 18, ед. хр. 4).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Надежда Тимофеевна К а р т а ш е в с к а я — родная сестра С. Т. Аксакова.

[2] См. об этом выше, в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников».

[3] В копии пропущено одно слово, не разобранное копиистом.

IV. ЗАМЕТКА М. П. ПОГОДИНА О ГОГОЛЕ

М. П. Погодин познакомился с Гоголем в 1832 г. С этого времени до конца тридцатых годов они были довольно близки. Однако в начале сороковых годов в отношениях между Гоголем и Погодиным произошел перелом.

Решающую роль в этом сыграла деятельность Погодина как издателя «Москвитянина». Погодин стремился всеми силами привлечь Гоголя к активному участию в этом реакционном журнале. Было бы ошибкой объяснять (как это делали либерально-буржуазные биографы Гоголя) стремление Погодина обеспечить сотрудничество Гоголя только его желанием поддержать «Москвитянин». Погодин хотел, чтобы Гоголь своим участием в «Москвитянине» в период обострившейся борьбы между «Москвитянином» и «Отечественными записками» заявил о своей идейной солидарности с ним и о враждебности направлению Белинского и «Отечественных записок». Именно поэтому Гоголь восстал против настойчивых требований Погодина.

В письме к А. О. Смирновой от 28 декабря 1844 г. Гоголь, не называя Погодина по имени, совершенно ясно сформулировал эту основную — идейную — причину своего нежелания участвовать в «Москвитянине» и, в частности, дать (чего добивался Погодин) для напечатания в «Москвитянине» главы «Мертвых душ». Подробный анализ взаимоотношений Гоголя и Погодина см. ниже в предисловии к неизданным письмам разных лиц к Гоголю.

Настойчивый отказ Гоголя от сотрудничества в «Москвитянине» привел к охлаждению отношений между Гоголем и Погодиным и даже к возникновению между ними прямой вражды.

В воспоминаниях, опубликованных самим Погодиным («Год в чужих краях», ч. II, М., 1844; «Кончина Гоголя» — «Москвитянин», 1852, № 5, отд. VII, стр. 47—50; «Отрывок из записок о жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» — «Русский архив», 1865, ч. 3, стб. 1270—1278), он везде стремился затушевать свои расхождения с Гоголем и представить свои отношения с ним как неизменную дружбу. В отличие от этих воспоминаний, в публикуемой ниже черновой заметке-конспекте, написанной, повидимому, для самого себя, Погодин открыто говорит о вражде между ним и Гоголем, возникшей в 1841—1842 гг.

Особый интерес представляют строки публикуемой заметки, в которых отразилась тревога Погодина, вызванная свиданием Гоголя с Белинским в Москве, в январе 1842 г., а также его рассказ о чтении Гоголем Погодину в 1839 г. в Мариенбаде отрывков из «Мертвых душ», во время которого Гоголь заявил Погодину, что «Мертвые души» не смогут быть напечатаны при его жизни (слова эти являются ярким свидетельством того, что Гоголь хорошо сознавал антикрепостническую направленность своего великого произведения). Рассказ этот подтверждается письмом Погодина к Гоголю от 14/26 июня 1847 г., публикуемым ниже.

Г. Фридлендер

31 авг⟨уста⟩ ⟨1848 г. ?⟩

Я узнал Гоголя тогда-то [1].

Первые письма и отнош⟨ения⟩.

Свидание в Петерб⟨урге⟩ и чтение [2]. В гостин⟨ице⟩ Серапина у Обух⟨овского⟩ моста, где я стоял с Перевощи⟨ковым⟩[3].

Письмо в Москву, напечатан⟨ное⟩ в «Наблюдателе», где я назвал его звездою [4].

Переписка об истор⟨ии⟩ и проч.

Письмо о смерти Пушкина 1837 г. «Ты у нас остался» и проч.[5]

С тех пор, я ходил за ним, как нянька.

Всяческая помощь, и от себя и от других.

1839 г. в Риме вместе жили. Первые впечатления отрицат⟨ельные⟩ [6].

В Мариенбаде ходил за ним и Иноз⟨емцевым⟩[7].— Хлопоты.— Он чит⟨ал⟩ отрывки из «Мертв⟨ых⟩ душ» и уверял, что при жизни они не будут напечатаны.

Из Вены привез его в Росс⟨ию⟩. Жил у меня. Сестры. Мать.

1841. Я начал издав⟨ать⟩ журн⟨ал⟩. Хладнокров⟨ие⟩ его ⟨Гоголя⟩ произв⟨одило⟩ во мне прэтив⟨ное⟩ впечатл⟨ение⟩. Начал подозр⟨евать⟩ эгоизм [8].

1842. Он приехал. Почти уверен, что я не спрашивал у него статью [9]. Может быть, другие говорили. Он вызвался сам, и я спрашив⟨ал⟩ при истечении им назначенных сроков. Упрека его сильно в холодности, эгоизме, гордости. Помню сильнейшую сцену при Трофимовск⟨ом⟩ [10]. Я считал себя его каким-то ментором, столько был уверен в его неограничен⟨ной⟩ ко мне доверенности за мои дела, что считал себя в праве, и был уверен, что эти упреки, хотя и горькие, не переменят наших отношен⟨ий⟩, тверд⟨ых⟩ отношен⟨ий⟩; а он в это время меня уже презирал, и злобился, и показывал презрение. Ничего этого я не замечал. Каково же было ему слышать упреки от презираемого человека. Были минуты, в котор⟨ые⟩ он видел мою душу — и минуты, смею сказать, которые должны были возбудить уважение даже в незнак⟨омом⟩ человеке ⟨нрзб.⟩

Слухи, что он был у Краевск⟨ого⟩, посылал к Белинск⟨ому⟩ [11].

Толков⟨ал⟩ о мелоч⟨ах⟩, мимо меня [12], печатание. Посредн⟨ики⟩, клиенты — мимо меня. Наконец, на мои стр⟨оки⟩ о напечат⟨ании⟩ вместо объявл⟨ения⟩ главы не получил ⟨согласия⟩[13]. Я даже имел право.

Я рассердился, а через месяцев 8, кажется, написал к нему письмо после случая накануне: ты мне был противен, но вчера... И я готов [14].

До портрета [15] я не подозревал его злобы и презрения. Притом письмо, им написан⟨ное⟩ к Лизе, о дружбе и любви и проч. [16] Не могу теперь разобраться, отвечал ли он [17].

Мое несчастие. Письмо его, которое я, переламывая себя, читал врачам [18]. Просил его, и ответа не получил на просьбу.

Является его книга, где он дал мне пощечину [19]. Я многим писал, Акс⟨акову⟩ и Шев⟨ыреву⟩, кажется. Переписка по поводу книги. Надо справиться в моих письм⟨ах⟩: его раска⟨яние⟩ и проч.[20]

Я попал ему прямо в сердце, кажется, оттого и злоба, хоть закрытая, может быть, ему самому неизвестная. После он раскаялся, но всё то же таилось. Пишу это теперь на память, но всё надо сообразить и обдумать.

Автограф. ИРЛИ. Собрание П. Я. Дашкова (№ 652, оп. 2, ед. хр. 38, л. 19).

ПРИМЕЧАНИЯ

Запись имеет черновой характер. Окончания слов, отсутствующие в оригинале, и отдельные необходимые для связи дополнения вводятся в угловых скобках.

Год Погодиным не проставлен. Изложение отношений Гоголя и Погодина доведено в заметке до 1847—1848 гг. К какому времени относится заметка — установить не удалось.

[1] Погодин познакомился с Гоголем в последних числах июня 1832 г., по приезде Гоголя в Москву. Однако еще до этого, в 1829 г., Гоголь отправил Погодину свою идиллию «Ганц Кюхельгартен».

[2] Во время пребывания Погодина в Петербурге в феврале — марте 1835 г. Гоголь читал ему отрывки из «Владимира III степени» и «Женихов» (см. «Московский наблюдатель», 1835, № 2, стр. 445 и Барсуков, IV, 267).

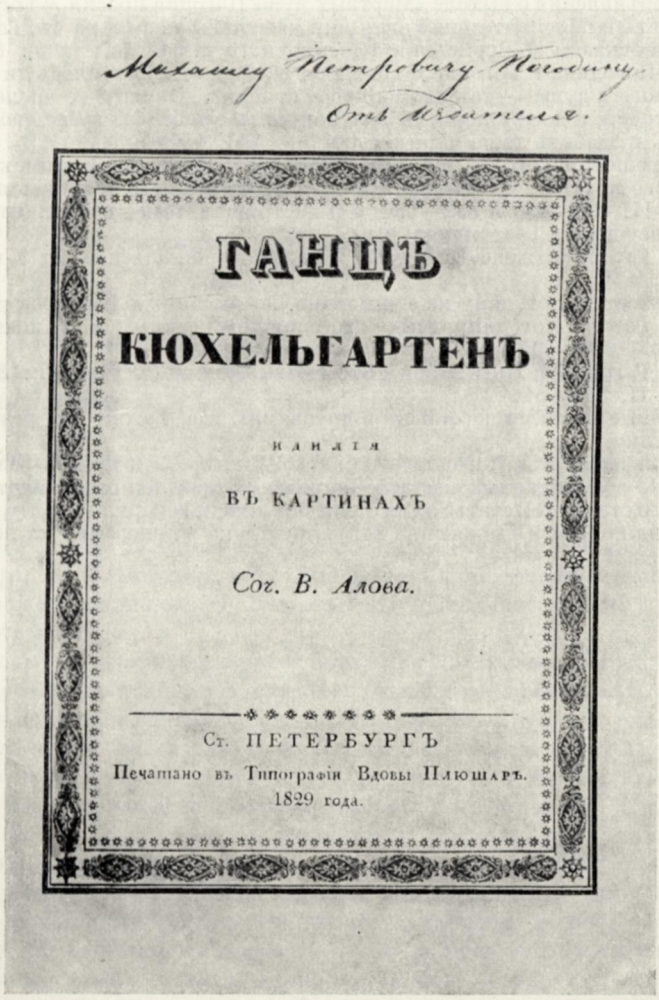
[3] Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788—1880) — математик и астроном, профессор Московского университета.

[4] Погодин имеет в виду свое «Письмо из Петербурга», напечатанное в «Московском наблюдателе», 1835, № 2, стр. 442—448 (ценз. разр.— 30 марта). Погодин рассказывал в нем о чтении Гоголем двух комедий, о «Миргороде» и писал в заключение: «О! на горизонте русской словесности восходит новое светило, и я рад поклониться ему в числе первых» (стр. 445).

[5] Письмо Погодина к Гоголю о смерти Пушкина до нас не дошло. Гоголь отвечал Погодину на это письмо знаменитым письмом от 30 марта 1837 г. («Письма», I, 434—435).

[6] Погодин пробыл в Риме вместе с Гоголем с 8 марта по 9 апреля 1839 г.

[7] Погодин писал впоследствии: «В Мариенбаде произошла история: Гоголь занемог в Марсели, но не хотел лечиться, а Иноземцев, который также был тогда в Мариенбаде, не хотел лечить. Мне надо было их сводить и упрашивать, чтобы один решился лечиться, а другой — лечить» («Русский архив», 1865, стб. 1278).


Михаилу Петровичу Погодину
Отъ Автора.

ГАНЦЪ
КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ
ИДИЛЛІЯ
ВЪ КАРТИНАХЪ
Соч. В. Алова.
Ст. ПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ Типографіи Вдовы Плюшаръ.
1829 года.

ИДИЛЛИЯ «ГАНЦ КЮХЕЛЬГАРТЕН» ГОГОЛЯ. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА М. П. ПОГОДИНУ, 1829 г.
Книга вышла под псевдонимом В. Алов
Историческая библиотека, Москва

[8] Об отношении Гоголя к «Москвитянину» см. выше, во вступительной заметке, а также в публикациях «Гоголь в неизданной переписке современников» и «Неизданные письма к Гоголю».

[9] В действительности, как свидетельствует записка Погодина, написанная в декабре 1841 г. (см. статью: Е. Казанович. К истории сношений Гоголя с Погодиным.—«Временник Пушкинского дома», Пг., 1914, стр. 69—87), Погодин сам требовал у Гоголя статью («История», 55; ср. «Письма», IV, 13—14).

[10] Вероятно, при Н. М. Трохимовском, внуке близкого друга семьи Гоголей, врача М. Я. Трохимовского.

[11] Свидание Гоголя с Белинским состоялось в Москве, в начале января 1842 г., когда Гоголь вручил Белинскому рукопись «Мертвых душ», которую не пропускала московская цензура, для того, чтобы с помощью друзей Гоголя провести ее через цензуру в Петербурге. См. об этом выше, в публикации Л. Р. Лансkого «Гоголь в неизданной переписке современников».

[12] Погодин намекает на хлопоты Гоголя, связанные с изданием «Мертвых душ». Погодин был особенно недоволен тем, что все дела по продаже «Мертвых душ» в Москве Гоголь поручил не ему, а Шевыреву (см. «Письма», IV, 76 и ниже, в публикации «Неизданные письма к Гоголю»).

[13] Вместо объявления о выходе «Мертвых душ» Погодин просил у Гоголя разрешения опубликовать в «Москвитянине» одну или две главы поэмы, на что Гоголь ответил категорическим отказом («Временник Пушкинского дома», цит. изд., стр. 82).

[14] Письмо Погодина к Гоголю от сентября 1843 г.: «Не случилось ли с тобой чего-нибудь особенного в душе — так около 3-го сентября?.. Около 3-го числа я как будто примирился с тобой, а до тех пор я не мог подумать о тебе без треволнений... я готов опять и ругать и любить тебя» (Барсуков, VII, 150).

[15] Без разрешения Гоголя Погодин напечатал в ноябрьской книжке «Москвитянина» 1843 г. его портрет, что вызвало резкие протесты Гоголя в письмах к друзьям (см. «Письма», II, 498—499 и 532—534 и в настоящем томе, в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников»).

[16] Письмо Гоголя к жене Погодина, Елизавете Васильевне, от 3 июня 1842 г. («Письма», II, 175).

[17] Гоголь ответил Погодину на его письмо, но Аксаков и Шевырев решили не передавать ответ Гоголя Погодину, найдя его слишком резким (см. «Письма», II, 352—359 и «История», 118—125).

[18] Письмо Гоголя от 20 декабря 1844 г., вызванное смертью Е. В. Погодиной (см. «Письма», II, 542—546)

[19] «Выбранные места из переписки с друзьями», где Гоголь дал резкую характеристику Погодину.

[20] Несмотря на упреки Погодина, Аксакова, Шевырева и др., за резкость его отзыва о Погодине в «Выбранных местах», Гоголь не отказался от принципиального содержания своего отзыва: «В статье о Погодине нет лжи, я говорил то, в чем был убежден, и как бы ни были слова и выраженья неприличны, но в основании их лежит правда» («Письма», III, 391).

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ

ПИСЬМА К. С. и С. Т. АКСАКОВЫХ, А. А. ИВАНОВА, И. Т. ЛИСЕНКОВА, Ф. А. МОЛЛЕРА, М. П. ПОГОДИНА и С. П. ШЕВЫРЕВА

Публикация и комментарии Л. Ланского

Предисловие С. Машинского

Письма разных корреспондентов к Гоголю, начавшие появляться в печати сразу же после смерти великого писателя, продолжали публиковаться в течение целого столетия. Печатаемые ниже письма разных лиц к Гоголю являются, вероятно, одной из завершающих публикаций подобного рода.

Авторы большинства публикуемых писем уже известны в литературе о Гоголе. В качестве корреспондента Гоголя, однако, здесь впервые выступает и новое лицо — книгоиздатель И. Т. Лисенков.

Письма К. С. и С. Т. Аксаковых, известного русского художника А. А. Иванова, Ф. А. Моллера, М. П. Погодина и С. П. Шевырева являются недостающими звеньями в уже изданной их переписке с Гоголем. На одной из записок С. Т. Аксакова сохранился ответ Гоголя.

Несомненный интерес представляет письмо К. С. Аксакова, в котором великолепно раскрывается облик крайне ограниченного фанатика-славянофила, тщетно пытавшегося вместе со своими единомышленниками обратить Гоголя в славянофильскую «веру» и парализовать воздействие на него со стороны передовых сил русского общества, прежде всего — Белинского. Ответ Гоголя на это письмо неизвестен. Но когда через месяц после него Шевырев сообщил Гоголю, что К. С. Аксаков «бородой и зипуном отгородил себя от общества и решился всем пожертвовать наря́ду» («Отчет императорской Публичной библиотеки за 1893 г.», СПб., 1896, стр. 23), писатель ответил: «Меня смутило также известие твое о Константине Аксакове. Борода, зипун и проч. Он просто дурачится, а между тем дурачество это неминуемо должно было случиться〈...〉 Он должен был неминуемо сделаться фанатиком — так я думал с самого начала» («Письма», III, 117. Разрядка наша. — *С. М.*).

Наибольшую историко-литературную ценность представляют публикуемые письма М. П. Погодина. Отношения Гоголя и Погодина неоднократно привлекали к себе внимание, однако фактическая сторона этих отношений и их идейная подоснова еще далеко не уяснены. Разумеется, полезным материалом для освещения указанной проблемы явились бы письма Погодина к Гоголю. Но их дошло до нас очень мало.

Сам Погодин утверждал, что у него хранилось до 200 писем к нему Гоголя («Москвитянин», 1854, № 13, «Журналистика», стр. 36). Из этого можно заключить, что и писем Погодина к Гоголю должно было быть, примерно, столько же. Между тем, до настоящего времени, кроме отдельных коротких записок, были известны только единичные письма Погодина, причем все они датируются 1836—1846 гг. Печатаемые ниже десять неизданных писем Погодина к Гоголю, относящиеся к 1846—1848 гг., лишь отчасти восполняют этот пробел.

Для того, чтобы правильно осмыслить публикуемые письма Погодина, следует напомнить некоторые существенные обстоятельства из истории его отношений с Гоголем.

«Познакомился с Гоголем и имел случай сделать ему много одолжения»,— записал Погодин в июне 1832 г. в своем дневнике (Барсуков, IV, 113). Неизвестно, о каких «одолжениях» идет здесь речь. Но эта запись чрезвычайно показательна для Погодина. Она во многом определяет собой характер и тон его отношений с Гоголем на протяжении многих лет их знакомства. Писатель часто испытывал нужду. Погодин и его московские друзья нередко ссужали Гоголя деньгами, выполняли всевозможные его поручения. И Погодин впоследствии, как мы увидим, пытался грубо и цинично использовать это обстоятельство в интересах своей «партии», стремясь представить Гоголя своим идейным единомышленником.

В тридцатых годах Гоголь часто общается с Погодиным, ведет с ним интенсивную переписку. Их объединяла известная общность интересов в области литературы и особенно — истории. Гоголь посвящал Погодина в свои творческие планы, нередко обращался за советами и помощью в вопросах, касающихся истории. Так продолжалось до конца тридцатых годов. Но вскоре их отношения резко изменились.

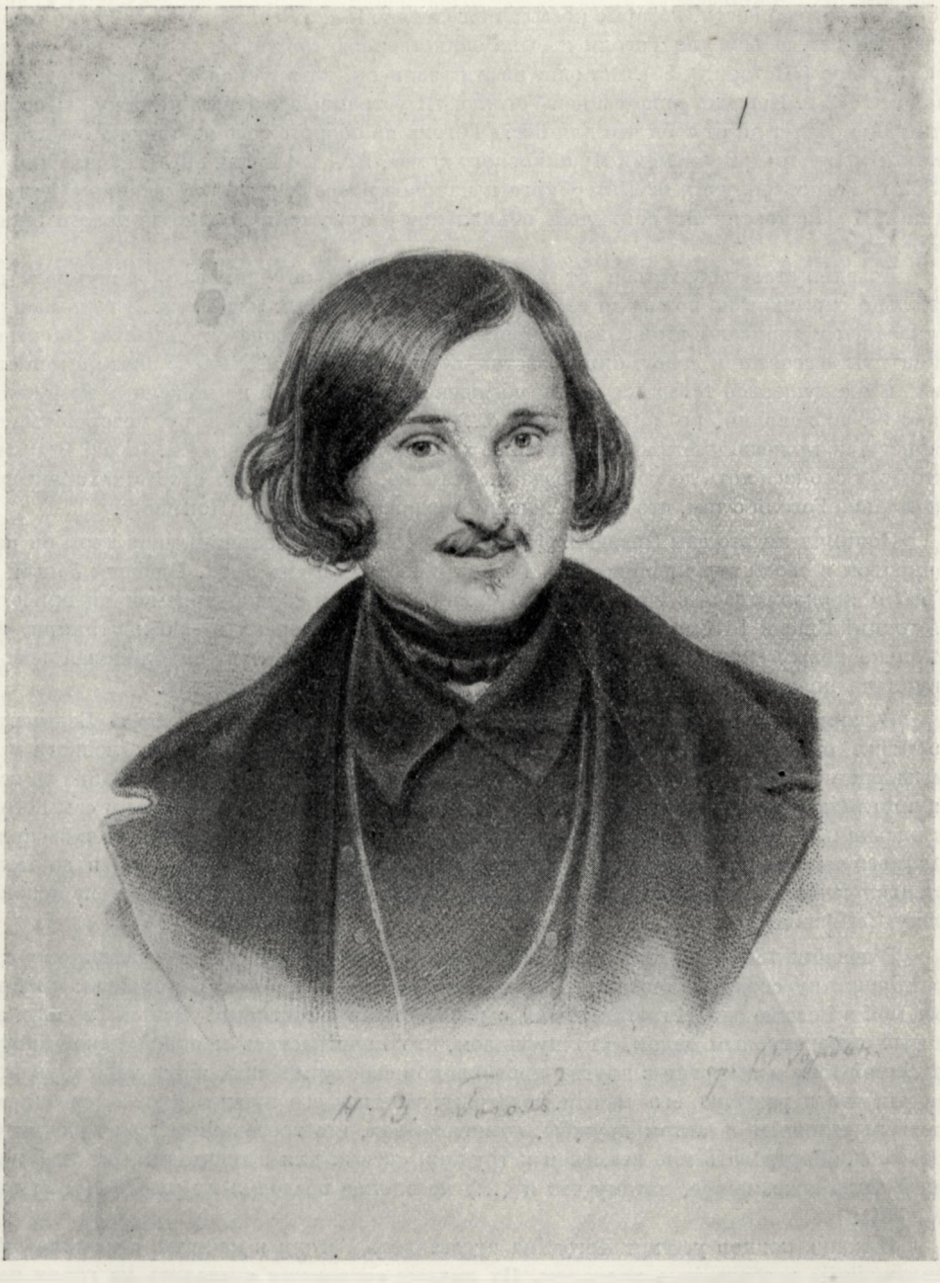
В 1841 г. Погодин начал издавать журнал «Москвитянин», ставший одним из воинствующих центров реакции в борьбе против прогрессивных сил русской общественной мысли и литературы. Погодин пытался грубо эксплуатировать Гоголя, настойчиво понуждал его к активному сотрудничеству в своем журнале. Повсеместно распространялись слухи о предстоящем появлении на страницах «Москвитянина» произведений Гоголя. В этой связи В. И. Даль писал Погодину: «Все ждут, что-то будет в „Москвитянине“ Гоголя? Его сотрудничество, кажется, непременно расширит круг журнала» (Барсуков, VI, 228—229).

Между тем Гоголь не оправдал возлагавшихся на него надежд. В дневниковой заметке, впервые публикуемой в настоящем томе, Погодин однажды записал, вспоминая начало 1841 г.: «Я начал издав⟨ать⟩ журн⟨ал⟩. Хладнокров⟨ие⟩ его ⟨Гоголя⟩ произв⟨одило⟩ во мне против⟨ное⟩ впечатл⟨ение⟩. Начал подозр⟨евать⟩ эгоизм». То, что Погодин называл «эгоизмом», означало, в действительности, нежелание Гоголя идейно солидаризироваться с людьми и изданием, которые были, в конце концов, бесконечно чужды ему.

Идейно-эстетические позиции автора «Миргорода» и «Ревизора» ничего общего не имели со взглядами Погодина и его единомышленника — Шевырева. Последний, как известно, еще в середине тридцатых годов выступил с критикой эстетических позиций Гоголя и, в частности, его реалистической установки на изображение «обыкновенной», «низкой» натуры. Общеизвестно также нежелание «Московского наблюдателя», в котором руководящую роль играли Погодин и Шевырев, печатать повесть Гоголя «Нос», как свидетельствовал Белинский — «по причине ее пошлости и тривиальности» (Соч., т. VII, стр. 509).

В условиях ожесточенной идейной борьбы, которая развернулась с начала сороковых годов между прогрессивными, демократическими силами общества, возглавлявшимися Белинским,— с одной стороны, славянофилами и идеологами официальной народности — с другой, отношения Гоголя со всем кругом его московских «друзей» и особенно с Погодиным становятся чрезвычайно напряженными. Аксаковы, Шевырев, Погодин были враждебны общественному пафосу его творчества. Белинский с полным основанием мог писать о произведениях Гоголя, как о «положительно и резко антиславянофильских» (Соч., т. VII, стр. 509) и видел в авторе «Ревизора» и «Мертвых душ» своего идейного союзника. Не возвышаясь до страстных революционных убеждений Белинского, Гоголь своими гениальными обличительными произведениями помогал его делу.

Славянофилы, и в более грубой форме Погодин, не щадили усилий, чтобы привлечь Гоголя на свою сторону и использовать его имя в борьбе против Белинского. По приезде в Москву Гоголь обычно останавливался и жил у Погодина, в мезонине его дома на Девичьем поле. Погодин не гнушался никакими средствами, чтобы достичь цели.



ГОГОЛЬ

Гравюра Ф. И. Иордана 1857 г. с портрета маслом Ф. А. Моллера 1841 г.
Авторский оттиск с подписью гравера
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

В воспоминаниях Аксакова содержится интересное признание: «Погодин пилил, мучил Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себе в журнал и укоряя его в неблагодарности, которые посылал ежедневно к нему снизу наверх. Такая жизнь сделалась мученьем для Гоголя и была единственною причиною скорого его отъезда за границу» («История», 55). Вот одна из этих записок, датируемая Е. П.Казанович началом 1842 г. Погодин пишет в ней Гоголю: «Я устраиваю теперь 2 книжку ‹«Москвитянина»›, будет ли от тебя что для нее?» Гоголь на обороте того же клочка бумаги ответил: «Ничего» («Временник Пушкинского дома», Пг., 1914, стр. 80). В начале апреля 1842 г. Гоголь получил из Петербурга цензурное разрешение на печатание «Мертвых душ». В «Москвитянине» появилось объявление о предстоящем выходе нового произведения.

Погодин стал добиваться от Гоголя разрешения опубликовать в журнале несколько отрывков из поэмы до ее выхода в свет отдельным изданием. Гоголь наотрез отказался и написал в этой связи откровенную записку Погодину: «А насчет „Мертвых душ“: ты бессовестен, и неумолим, жесток, неблагоразумен. Если тебе ничто и мои слезы, и мое душевное терзанье, и мои убеждения, которых ты не можешь и не в силах понять, то исполни, по крайней мере ‹...› мою просьбу: имей веру, которой ты не в силах и не можешь иметь ко мне, имей ее хоть на пять-шесть месяцев. Боже! Я думал, что буду спокоен хоть до моего выезда ...» (там же, стр. 82). Здесь особенно характерно замечание Гоголя о том, что его убеждения совершенно чужды Погодину.

Понимал ли это сам Погодин? Несомненно. Но с тем большим упорством он шел напролом в своем стремлении сбить Гоголя с избранного им пути. Идейная борьба за Гоголя продолжалась с возрастающей силой. К каким только приемам ни прибегал Погодин! Еще в 1841 г. он без разрешения автора напечатал в «Москвитянине» несколько новых сцен «Ревизора». Два года спустя он самовольно опубликовал в своем журнале портрет Гоголя, что вызвало гневную реакцию у писателя.

В заключительных строках своего знаменитого памфлета «Педант» Белинский высмеял издателя «Москвитянина» в образе «хитрого антрепренера», «ловкого промышленника», «ученого литератора» и «спекулянта». Эти качества Погодина во всей неприглядной наготе проявились в его отношениях с Гоголем. Однажды и сам Гоголь в письме к Н. М. Языкову недвусмысленно оценил Погодина, как грубого и беспринципного человека: «Такой степени отсутствия чутья, всякого приличия и до такой степени неимения деликатности, я думаю, не было еще ни в одном человеке испокон веку» («Письма», II, 355).

В декабре 1844 г. Гоголь в письме к А. О. Смирновой дал выразительную характеристику своих отношений с «друзьями» и в их числе — с Погодиным: «В приезд мой в Россию они встретили меня с разверстыми объятиями. Всякий из них, занятый литературным делом, кто журналом, кто пристрастясь к одной какой-нибудь любимой идее и встретив в других противников своему мнению, ждал меня в уверенности, что я разделю его мысли, поддержу, защищу его против других, считая это первым условием и актом дружбы, не подозревая, что требования были даже бесчеловечны. Жертвовать мне временем и трудами своими для поддержания их любимых идей было невозможно, потому что я ‹...› не вполне разделял их мысли» («Письма», II, 551).

В конце концов усилия Погодина представить Гоголя в качестве союзника «Москвитянина» завершились провалом. Их личные отношения оказались на грани полного разрыва. Конфликт был вскоре предан публичной огласке в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье «О том, что такое слово», датированной 1844 г., годом наибольшего обострения отношений между Гоголем и Погодиным. Статья эта примечательна. Она, между прочим, ясно отвечает на вопрос о причинах, по которым Гоголь отказывался от сотрудничества в «Москвитянине». Мы читаем здесь: «Приятель наш П***‹огодин› имеет обыкновение, отрывши, какие ни попало, строки известного писателя, тот же час их тиснуть в журнале, не взвесив хорошенько, к ч е с т и л и э т о, и л и к б е с ч е с т и ю е г о» (разрядка наша.— *С. М.*). Сотрудничество в журнале, подобном «Москвитянину», Гоголь, вероятно, считал «бесчестьем».

Негодующая, памфлетная характеристика Погодина, содержавшаяся в статье Гоголя, а также оскорбительная надпись, которую он сделал на экземпляре «Выбранных мест», подаренном Погодину (см. ее воспроизведение ниже), взбудоражили весь круг его московских друзей. С. Т. Аксаков возмутился тем, что Гоголь «публично обесчестил Погодина», а в письме к сыну Ивану от 14 января 1847 г. заметил: «Я никогда не прощу ему ⟨Гоголю⟩ выходок на Погодина: в них дышит дьявольская злоба...» («История», 162). Шевырев назвал поступок Гоголя «нехорошим» и ультимативно потребовал при втором издании книги снять все компрометирующее Погодина: «Второе издание твоей книги я приму на себя на том только условии, чтобы уничтожено было то, что ты сказал о Погодине. В противном случае отказываюсь. Я не хочу, чтобы через мои руки проходила оплеуха человеку, которого я люблю и уважаю» («Отчет императорской Публичной библиотеки за 1893 г.», стр. 42, 44). Московские «друзья» Гоголя всячески пытались ослабить принципиальное значение конфликта между Гоголем и Погодиным, придать ему сугубо личный характер, лишенный какого бы то ни было общественного смысла.

Публикуемые письма Погодина ценны прежде всего тем, что они помогают уяснить истинный смысл отношений Гоголя с Погодиным, подтверждают принципиальный характер происшедшего между ними конфликта. Сам Погодин, по понятным причинам, пытается всячески сгладить острые углы и истолковать все, как случайную размолвку, как «великое недоразумение». Однако же содержание писем говорит само за себя. Весьма примечательны, например, признания Погодина об отсутствии у Гоголя к нему «доверенности», о прямой даже ненависти к нему.

Любопытен неизвестный до сих пор факт — намерение Погодина написать нечто вроде критических замечаний к «Мертвым душам». О предполагаемом характере этих критических высказываний Погодина можно судить по тому, что автор, как он сам сообщает, отказался от своего замысла, опасаясь, чтобы после выхода в свет «Выбранных мест» его замечания «не были растолкованы отмщением». Красноречивое и ценное признание!

Заслуживает также внимания сообщение Погодина о том, что в 1839 г. в Мариенбаде Гоголь заявил ему, что при жизни своей он не будет печатать «Мертвые души». Это сообщение Погодина свидетельствует о том, что Гоголю был ясен обличительный характер поэмы и что он считал невозможным ее издание по цензурным условиям (см. об этом также выше, в публикации Г. Фридлендера «Заметка М. П. Погодина о Гоголе»).

Погодин нередко упрекал Гоголя в неравнодушии к «знати», к «богачам», в якобы свойственном писателю стремлении «тереться около знатных». Погодин обычно подкреплял эти обвинения ссылками на свое «плебейское происхождение». Гоголь с негодованием отвергал подобные обвинения (см., например, в «Письмах», IV, 11—12). Истинное отношение писателя к дворянской аристократии, к знати прекрасно выражено во многих его письмах — в то иронических, то гневных отзывах о «надменной гордости безмозглого класса людей», о «презренной черни» или «благородном нашем аристократстве», при одной мысли о котором «сердце ⟨...⟩ содрогается». Наветы Погодина опровергаются и многими мемуаристами. Так, А. П. Толченов в своих воспоминаниях «Гоголь в Одессе» писал: «Сколько] мне случалось видеть, с людьми наименее значащими Гоголь сходился скорее, проще, был более самим собою, а с людьми, власть имеющими, застегивался на все пуговицы» («Музыкальный свет», 1876, № 33).

Письма Погодина являются наглядной иллюстрацией к истории идейной борьбы за Гоголя. Они помогают нам уяснить причины необычайного упорства, с какой реакция пыталась сбить великого писателя с правильного пути и использовать его имя в борьбе против передовых, демократических сил России. Нельзя пройти мимо письма церковного проповедника Иннокентия к Погодину, которое последний воспроизвел в письме к Гоголю: «Голос его ⟨Гоголя⟩ нужен для молодежи особенно, но если он будет неумерен, поднимут насмех и пользы не будет». Эти строки заставляют еще раз вспомнить мудрое письмо Белинского к Боткину от 6 февраля 1847 г., в котором он писал о «друзьях» Гоголя, что они напрасно сердятся на автора «Выбранных мест»,— «им бы

вспомнить пословицу: „нечa на зеркало пенять, коли рожа крива". Они подлецы и трусы, люди не консеквентные, боящиеся крайних выводов собственного учения» («Письма Белинского», т. III, стр. 166).

Публикуемые письма Погодина представляют интерес и в другом отношении. В них зафиксирован ряд наблюдений, характеризующих атмосферу общественно-политической и литературной жизни России конца сороковых годов девятнадцатого века. Упрекая Гоголя в незнании действительного положения дел в России, Погодин, например, с ужасом обращает его внимание на рост освободительных идей. «Какой яд разливается у нас!» — тревожно восклицает он. Не понимая смысла и причин развивающихся в стране событий, реакционер Погодин видит в них плоды «западного направления». Но не объяснения его важны, а факты. Вот что он пишет Гоголю: «Побывай-ка ты в губернии, поговори с капитан-исправником или заседателевой дочерью, которая начиталась мадам Занд (раздаваемой даром при наших журналах), почитай новые русские повести да потом и суди! В пять лет ныне происходит в обществе то, на что требовалось прежде пятьдесят. Посмотри на молодых людей нового поколения, в Петербурге, Москве, да и посмейся с ними, если найдешь духу». Хотя Погодин и не называет журналов, повинных в распространении «яда», но совершенно ясно, что речь идет об «Отечественных записках» и «Современнике», в которых идейное руководство принадлежало Белинскому. Поучителен и рассказ Погодина о расправе, которую учинили крепостные крестьянки над помещиком. Все эти свидетельства Погодина вполне достоверны и представляют несомненную историческую ценность.

Наконец, публикуемые письма Погодина позволяют внести уточнения в некоторые письма самого Гоголя, давно вошедшие в научный оборот, глубже их осмыслить, а также приблизительно уяснить содержание и хронологию не дошедших до нас его писем к Погодину.

Письма публикуются в алфавитном порядке корреспондентов. Подробности о большинстве корреспондентов и упоминаемых лиц и их характеристики см. выше в работе Л. Лансkого — «Гоголь в неизданной переписке современников».

С. Машинский

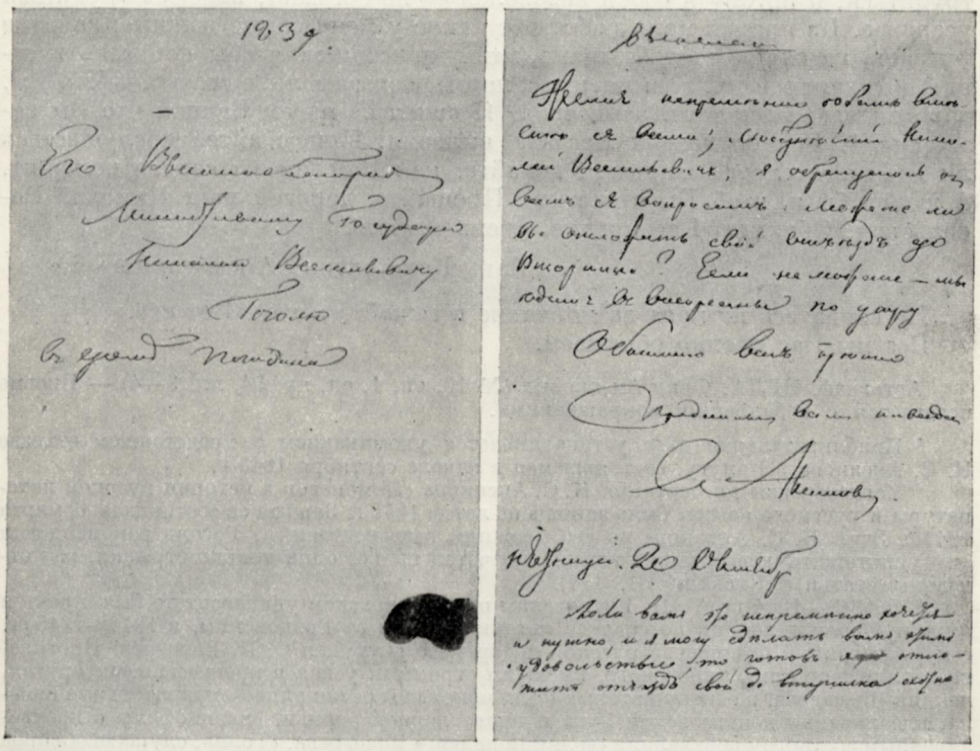
К. С. АКСАКОВ

〈Москва. Конец августа — начало сентября 1845 г

Как давно, дорогой наш Николай Васильевич, как давно я уже не писал к Вам. Хотя отчасти здесь и была причина, но большею частию я виноват. Причина та была в том, что мне совестно было писать Вам, не оконча моей диссертации; но диссертация моя окончена, переписана и подана, а всё я не сейчас после этого написал к Вам [2]. Теперь, наконец, пишу. Мы теперь в Москве, т. е. батюшка, я и брат Иван, который назначен в Калугу товарищем председателя уголовных дел. Мы приехали из деревни, чтоб провожать его; брат Иван сам жил с нами в деревне до того времени.— Вы, дорогой наш Николай Васильевич, Вы сами не сдержали Вашего обещания; помните, по выходе первого тома «Мертвых душ», Вы сказали, что через два года выйдет другой том и гораздо толще; срок пришел, и второй том не вышел. Конечно, верно нельзя было этого Вам сделать, и я далек от того, чтобы Вас за то упрекать; но я очень, очень сожалею, и, разумеется, не один я. Хотя Вы не любите, чтобы Вам говорили о Ваших созданиях, но отчего же не сказать, и сами Вы знаете, что всё на Вас смотрит с ожиданием. Я не знаю причин, замедливших выход Вашего сочинения, и нисколько Вас не осуждаю.

Что сказать Вам о Москве? Вы, я думаю, уже знаете, что в Москве читаются публичные лекции — явление чрезвычайно утешительное и замечательное. Особенно замечательно то участие, которое возбуждают они в московском обществе. Лекции Шевырева были прекрасны, особенно некоторые [3]; я полюбил его гораздо больше, нежели прежде, и узнал его

ближе. На ту зиму будут тоже лекции — Грановского, но не знаю, буду ли я их слушать. Я намерен, как только позволят мне мои отношения к университету (мне предстоит еще печатание диссертации и диспут), жить всё время в деревне, вместе с нашими. Я намерен заниматься, и надеюсь, что это намерение исполнится. Много нового нашли бы Вы в университете; новые профессоры вышли на кафедру. Сидит на кафедре эта дрянь — Кавелин; выходит на кафедру Катков; на него, кажется, нет больших надежд; на кафедре — Соловьев, я его мало знаю, но, кажется, он с достоинством.



АВТОГРАФ ПИСЬМА С. Т. АКСАКОВА К ГОГОЛЮ ОТ 20 ОКТЯБРЯ 1839 г. С ОТВЕТНОЙ ПРИПИСКОЙ ГОГОЛЯ (внизу)

Центральный литературный архив, Москва

Были в Москве замечательные диспуты Самарина, Грановского [4]. Блеснул было прекрасно «Москвитянин», но теперь опять в нем всякая всячина, и выходит он по две книжки [5]. Думаем мы издавать сборник и готовим статьи для этого. Я написал о правописании и разбор альманаха Соллогуба [6]. Хотелось мне очень, чтобы Вы познакомились с стихами брата Ивана; в них много прекрасного, которое невольно и неожиданно поражает; вообще они идут в глубину, а не в мелководную ширь. Вы вероятно, уже читали прекрасные статьи Хомякова и Киреевских [7]. Вот Вам наскоро наши московские новости; о Петербурге Вам говорить нечего нового 〈...〉

Что же сказать Вам о себе? Признаюсь, светское общество, и вообще общество — мне стало несколько в тягость; в свете многие соглашались со мной; многие, казалось, уступали усилиям пробудить в них живое русское чувство; дамы, девушки, особенно последние, казалось, с таким участием принимали всякое русское явление, всякое русское слово; но всё

это непрочно; ни одна не решается надеть сарафана [8]. Одна из них, которая так высоко стояла в моем мнении, которую часто называл я, указывая на русских душою девушек, кн. Мещерская, поступила презрительно, вышла замуж за немца, сверх того за Бирона, и навсегда оставила Россию. Я могу сказать только, что во многих пробудилось негодование в Москве.

Что касается до меня лично, то мысли мои всё те же, они стали еще тверже, может быть стали яснее; много нового открылось мне. И сам я, мне кажется, мог бы быть постояннее и живее ими проникнут; мог бы больше трудиться; и потому я собой недоволен — но бог даст, надеюсь трудиться усерднее. Из планов моих работ вот какие у меня самые важные: занятие русскою историею и, собственно, междуцарствием, чтобы написать историю междуцарствия; грамматика и потом разные мелкие статьи.— Что Вы, дорогой наш Николай Васильевич? Я видел из писем Ваших, что Вы нездоровы [9]. Родной воздух Вас бы вылечил. Приезжайте. Послушаетесь ли Вы этого слова? Впрочем, делайте, как Вам бог на сердце положит. А желал бы я, чтоб Вы приехали. Прощайте, дорогой наш Николай Васильевич. Обнимаю Вас крепко, очень крепко.

Ваш Константин Аксаков

Не сердитесь на меня за молчание и езжайте к нам. Вот всё.
Все мы Вас крепко обнимаем.

Автограф. ЦГЛА. Фонд Аксаковых (№ 10, оп. 1, ед. хр. 54, лл. 3—4).— Письмо печатается с небольшими сокращениями.

[1] Приблизительная дата устанавливается упоминанием о предстоящем отъезде И. С. Аксакова в Калугу, состоявшемся в начале сентября 1845 г.

[2] Магистерская диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» была закончена летом 1845 г. Защита ее состоялась 6 марта 1847 г. Зная К. С. Аксакова по его прежним высказываниям, Гоголь рекомендовал ему уничтожить диссертацию вовсе, напечатав из нее одни только отрывки, как отдельные статьи («Письма», III, 117).

[3] В 1843—1844 гг. Т. Н. Грановским при Московском университете был прочтен курс публичных лекций по средней истории. Вслед за Грановским, в 1844—1845 гг. с курсом лекций по древней русской литературе выступил С. П. Шевырев. Противопоставляя лекциям Грановского, имевшим огромный успех в прогрессивных кругах, лекции Шевырева, в основу которых были положены официально-охранительные начала, идеализация допетровской Руси и православной церкви, славянофилы с преувеличенным восторгом восхваляли «великий подвиг» Шевырева. «Толпа, слушающая бред Шевырева, растет со всяким разом,— отмечал Герцен в письме к Н. Х. Кетчеру,— его встречают с аплодисментами и провожают. Вот Вам образец публики и ее оценки» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 458).

[4] Речь идет о защите магистерских диссертаций Ю. Ф. Самариным и Т. Н. Грановским. Диссертация Т. Н. Грановского — «Волин, Иомсбург, Винета», защиту которой пыталась сорвать реакционная часть профессуры, явилась поводом для окончательного разрыва славянофилов со сторонниками «Отеч. записок».

[5] Первые номера «Москвитянина» за 1845 г. вышли под редакцией И. В. Киреевского. Остроумную оценку первого номера «обновленного» «Москвитянина» см. в статье Герцена «„Москвитянин“ и вселенная» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 465—470).

[6] О статьях К. С. Аксакова, помещенных в «Московском сборнике на 1847 г.», см. в приписываемой Белинскому статье об этом издании, опубликованной в № 6 «Современника» за 1847 г. и перепечатанной в сб. «Белинский», изд. ЛГУ., 1949.

[7] Речь идет о статьях А. С. Хомякова «Мнения иностранцев о России» («Москвитянин», 1845, № 4) и И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» (там же, № 1). Отзыв Гоголя об этих статьях см. в «Письмах», III, 49—50.

[8] К. С. Аксаков, по выражению Некрасова, «видевший национальность в охабнях, мурмолках, лаптях и редьке и думавший, что, одеваясь в европейскую одежду, нельзя в то же время остаться русским» («Лит. наследство», т. 53—54, 1949, стр. 66)— и в своих статьях, и в письмах, и личным примером — настойчиво пропагандировал старинную русскую одежду. Белинский справедливо видел в этом крайнюю ограниченность Аксакова.

[9] Аксаков имеет в виду, повидимому, письма Гоголя к Н. М. Языкову от 5 июня и 25 июля 1845 г., в которых он жаловался на свое болезненное состояние («Письма», III, 63—66 и 76—78).

МОСКВА. ВИД ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ ОТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА
Акварель Бронина, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

МОСКВА. ВОЗДВИЖЕНКА (ТЕПЕРЬ УЛИЦА КАЛИНИНА)
Акварель В. С. Садовникова, 1850-е гг.
Исторический музей, Москва

С. Т. АКСАКОВ

⟨1⟩

⟨Москва. 26 октября 1839 г.⟩

Я и так продержал сутки дилижанс, лошади с 8 часов здесь; назначены 2 часа. Начинаем завтрак; это значит — мы выедем в 4, то есть в ночь. Итак, я считаю самым удобным отправиться сию минуту. Впрочем, уведомьте, любезный Николай Васильевич; как Вы решите, так и будет [1].

Ваш С. Аксаков

Рукой Гоголя:

Вы правы, через час я готов.

Автограф. ЦГЛА. Фонд Гоголя (№ 139, оп. 1, ед. хр. 47, л. 3).

[1] Публикуемая записка написана С. Т. Аксаковым в день выезда его Гоголем в Петербург — 26 октября 1839 г. Подробности об этой поездке см. в «Истории», 16—20 и в настоящем томе, в нашей публикации «Гоголь в неизданной переписке современников».

⟨2⟩

⟨Москва. Ноябрь 1849 г.⟩

Благодарю Вас, милый друг, за Ваши строчки [1]. Я крепко было попался в лапы прежней моей болезни, то есть ревматической, одноместной в урочное время и бродящей во всё остальное, жестокой боли. Я принялся за то же лекарство, которое, вопреки стараниям моих докторов, спасло меня от помешательства пред сим за полгода. Теперь мне гораздо лучше, и я почти здоров, но заключен в одной комнате, при 18 или 19 градусах тепла. До весны не надеюсь выдти на открытый воздух. Благодарю Вас за «Одиссею»: без всяких шуток, во время жестокой боли, от которой я стонал, я мог слушать Гомера с наслаждением, и даже острота боли как будто притуплялась. Вечная благодарность Жуковскому! По-моему, перевод первых 12-ти песен лучше относительно языка. Нередко укалывалось мое эстетическое чувство Жуковским, который торчит из Гомера. «Гость таинственный» или «души Телемак» — нестерпимы [2].

Теперь начинаем читать с подлинником и станем справляться во всех сомнительных случаях. Нет ли у Вас первой половины? Пришлите к моей больной. Обнимаю Вас. Здоровы ли Вы? Ваш душой

С. Аксаков [3]

Приписка О. С. Аксаковой:

Обнимаю Вас душою, Николай Васильевич; мы напугались порядочно болезнию Сергея Тимофеевича. Как была во-время «Одиссея»! пришлите, пожалуйста, первую; хотим всё снова перечесть. Как я благодарна Жуковскому!

Глубоко огорчены мы всею семьею и поражены смертию Панова [4]; мало знали цену ему⟨...⟩ Прощайте, не знаю когда увидимся.

На обороте второго листа рукой О. С. Аксаковой:

Николаю Васильевичу Гоголю [5].

Автограф. ЦГЛА. Фонд Гоголя (№ 139, оп. 1, ед. хр. 36, лл. 45—46).

[1] Записка Гоголя к Аксакову, о которой идет речь, неизвестна.

[2] В письме к сыну Ивану (без даты) С. Т. Аксаков писал: «Гоголь прислал нам последние 12 песен „Одиссеи“, и мы начали читать их с наслаждением, но о переводе можно много заметить. Где описания природы и даже быта, обряды и пр., там очень хорошо; но речи или вообще разговоры, к а ж е т с я, не так удачно и верно переданы»

неизд.— ЛБ, ГАИС/III/III/22-г). Другие отзывы С. Т. и К. С. Аксаковых об «Одиссее» в переводе Жуковского см. в настоящем томе, в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников».

[3] В ответной, недатированной записке Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Посылаю вам 1-й том и желаю, чтобы доставил вам развлечение. Ради бога, берегите здоровье и делайте все с у м е р е н н о с т ь ю. Это большая добродетель. Жалко, если до весны не увидимся» («Письма», IV, 290).

[4] Василий Алексеевич П а н о в, давнишний знакомый Гоголя, вместе с ним совершивший летом 1840 г. поездку за границу, скончался в октябре 1849 г.

В ответной записке Гоголь с грустью откликнулся на известие о смерти Панова.

[5] Отметим, что в письме С. Т. Аксакова к Гоголю от 25 декабря 1850 г. (ЦГЛА), опубликованном в «Русской старине», 1890, № 8, сделаны довольно большие купюры (опущено подробное описание первого представления драмы К. С. Аксакова «Освобождение Москвы»).

ДОМ В СОРОЧИНЦАХ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ ГОГОЛЬ
Фотография 1901 г.
Исторический музей, Москва

А. А. ИВАНОВ

⟨1⟩

⟨Рим. Июнь 1842 г.⟩

Милостивый государь
Николай Васильевич.

Послал письмо к Вам с извещением об отправлении к Жуковскому просьбы наследнику, скопированной с Вашей. Я, по случаю помещения в госпиталь Станиславовича [2], был в нашем посольстве, где и нашел на Ваше имя письмо, лежащее там уже два месяца, да еще и посылку с какими-то как будто рисунками, свернутыми в трубку. Письмо я теперь же к Вам препровождаю, а посылка осталась в посольстве до Вашего разрешения,

как с ней поступить. Ключ от Вашего сундука я нашел [3]. Кривцова еще здесь нет. [Прошу кланяться гг. Погодину, Рихтеру [4], Боткину [5].] Он уже сделался здесь необходимым для нашего общества художников ⟨...⟩ Жаль мне очень Ставассера [6], но говорить и замечать им значило бы только делать из них себе врагов.

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2193, т. 5, л. 13 об.).

[1] Приблизительная дата письма устанавливается связью с письмами Иванова к Гоголю и В. А. Жуковскому, отправленными в июне 1842 г. («Иванов», 147—148).

[2] И. Станиславович (1816—1842) — молодой сербский художник, выполнявший ряд копий с картин Рафаэля и тяжело заболевший. Иванов принимал самое сердечное участие в Станиславовиче.

[3] В записной книжке А. А. Иванова сохранилась следующая черновая запись письма, повидимому, адресованного С. П. Шевыреву, и относящаяся к 1852 г. (уже после смерти Гоголя): «Зная Вас лично как близкого приятеля Н. В. Гоголя, я должен Вам сказать, что покойник перед последним отъездом оставил у меня два сундука и портфель с бумагами. Что в них находится, я не знаю да и не считаю себя вправе знать. Теперь прибегаю в Вашему совету — что мне делать с этими вещами, может быть весьма драгоценными для многих» (неизд. — ЛБ, ф. Ивановых).

Сведениями о дальнейшей судьбе сундуков, принадлежавших Гоголю, мы не располагаем. Впоследствии, в 1860-х гг., какие-то рукописи Гоголя были вытребованы его наследниками у брата Иванова — Сергея Андреевича. Переписка по этому поводу сохранилась в архивах Ивановых и Чижова (ЛБ).

[4] Федор Федорович Рихтер (ум. 1868)— архитектор, друг юности А. А. Иванова.

[5] Николай Петрович Боткин.

[6] Петр Андреевич Ставассер (1816—1850) — русский скульптор, живший в это время в Риме.

⟨2⟩

⟨Рим. Январь 1844 г.⟩ [1]

Николай Васильевич.

Извините. Выходит, что я не понял предыдущего письма Вашего: там стоит, что новый наш президент Академии сделал постановление давать художникам заказы для русских церквей в чужих краях [2]. Вот и вообразим себе, что уже это и начнется Исаакиевской церковью; из этого же письма мне показалось, что Вы находитесь с значительными русскими [фамилиями], посредством которых можно для меня еще с большей легкостью повести в действие устав нового президента. Но, судя по последнему письму Вашему из Ниццы [3], это вовсе не так. Извините, что Вас потревожил. Просить Тона, может быть, я и буду, но не теперь, потому что еще всё слишком свежо, и тем более, что, на два года имея содержание, мне не из чего, без особого случая, подыматься. Да, если б не болезнь глазная, я бы ни о чем не думал, как только о производстве моей картины. А то вот у меня еще хочет быть новая беда над головой. Брат [4] получил 1-ую золотую медаль, а с ней и право ехать за границу. Для него нужно узнать несколько и практически свою часть; он определился к Конст. Тону строить церковь в Петербурге на два года (уже полгода прошло); это всё хорошо, но отец нам говорит, что один из нас непременно должен быть при нем.

Извещайте, пожалуйста, меня, где Вы будете жительствовать, чтобы на случай беды к Вам прибегнуть для совета [5]. К Моллеру послал письмо.

Из этого Вы видите покуда, что хоть бы и были способы мне прожить и более двух лет, то они бы ничего не прибавили к моей картине, потому что нужно будет ехать, чтоб не препятствовать брату.

С мыслью, что я чей-нибудь успех останавливаю, я не могу быть производителем такого труда, который если не досягает до религии, то непременно уже требует глубокого мира душевного...

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2191, т. I, л. 18—18 об.).

А. А. ИВАНОВ
Акварель М. И. Скотти в альбоме П. И. Кривцова, 1844 г.
Третьяковская галлерея, Москва

[1] Публикуемое письмо является ответом на письмо Гоголя к Иванову от января 1844 г. («Письма», II, 374 — 377). Этим устанавливается приблизительная дата письма.

[2] Иванов имеет в виду письмо к нему Гоголя от 1 сентября 1843 г. Гоголь сообщал в нем, что, по постановлению нового президента Академии художеств, герцога Лейхтенбергского, «художники могут брать заказы в русские церкви, не выезжая из Рима, и производить работы, постоянно живя в Риме» («Письма», II, 334—335).

[3] В письме от января 1844 г. из Ниццы Гоголь отговаривал Иванова, решившегося, после долгих колебаний, взять заказ на работы по росписи Исаакиевского собора, от намерения ходатайствовать по этому поводу перед какими-либо влиятельными особами; он рекомендовал обратиться непосредственно к архитектору Тону.

[4] Сергей Андреевич Иванов — младший брат художника, архитектор.

[5] Гоголь ответил Иванову на это письмо 18 марта 1844 г. из Ниццы («Письма», II, 403—406).

‹3›

‹Рим. Апрель 1845 г.› [1]

...Два слова о Шаповаленке.

Его копия с Перуджина так и осталась. Он ее в мае месяце пошлет в Петербург на выставку вместе с альбанской девушкой, греющейся скалдиной, что принадлежит уже ‹Г. П.›Галагану, и присоединит сюда копию для великой княгини Марии Николаевны с Мадонны Рафаеля и Ваш заказ головы Христа с Преображения; может быть, и еще что-нибудь из этюдов голов римских. Вот уже седьмой месяц, как он ходит к секретарю русских художников Сомову, чтобы получить ответ, согласен ли будет Бутенев [2] ему что-нибудь заказать на казенные деньги или нет.

Если я еще не имел бы кое-каких денег, то Шаповаленко сто раз бы умереть мог с голоду.

Да, да, да, Николай Васильевич, не вините меня, что я за два года заботился о моем положении. 7-мь месяцев недостаточны, чтобы услышать только, будет ли вспоможение или нет.

Мое почтение Василию Андреевичу ‹Жуковскому›. Пишите в Кафе Греко.

Шаповалов, однакож, не теряет ни духу, ни времени; я его точно так веду по дороге учения, как прежде [3].

A monsieur monsieur Nicolas de Gogol.
A Francfort sur le Maine.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor [4].

Черновой автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2194, т. VI, л. 94).

[1] Приблизительная дата письма устанавливается его содержанием и связью с письмом Гоголя к А. О. Смирновой от 2 апреля 1845 г. («Письма», III, 36—41).

[2] Аполлинарий Петрович Бутенев (1787—1866) — русский посланник в Риме.

[3] Приводим неизданные отрывки из черновых писем А. А. Иванова к Чижову по поводу Шаповалова:

‹Неаполь. Июнь 1844 г.›

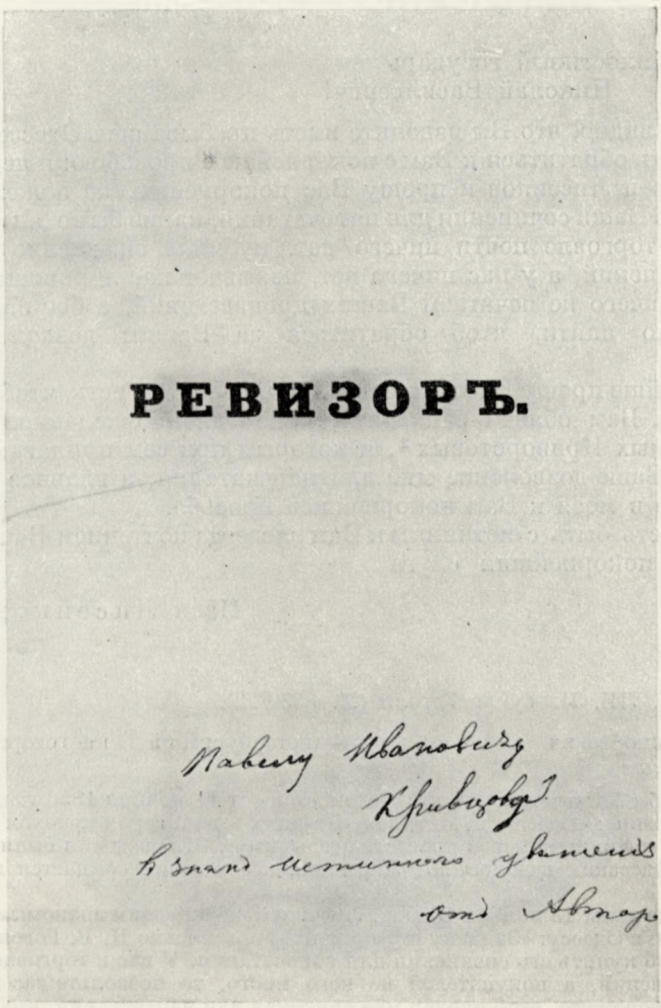
«Любопытно Ваше свидание с Гоголем — что-то он? Я, признаюсь, всячески останавливаю Шаповалова, чтоб не посылал он своих вещей в Петербург — хотя он говорит, что уж кончил альбанку с скалдиной ‹...› Выставки нет в Петербургской академии художеств, случится в будущем 1845 году. — Мы в разъезде, и потому хлопотать о Шаповалове в Петербурге теперь очень трудно. Зимой мы можем, конечно, лучше об этом подумать. — Скажите об этом обо всем Гоголю. Ведь нужно и его участие, чтоб вырвать что-нибудь из Петербурга для Шаповалова».

‹Рим. Август 1844 г.›

«Вы, Гоголь, Галаган, Магденко думаете, что Шаповаленко под моим надзором будет, наконец, образованный и хороший художник, и, основываясь на этом, прилагаете всё, чтоб ему помочь.

Но я вижу иначе — и именно вот что заметно: у него есть талант, но разработать его превышает мои силы <...>

Прошедши сам трудную дорогу достоинства и видя беспрестанно вылезающих сверстников своих, то протекцией, то интригой, я бы вовсе не хотел быть несправедливым на первых ступенях моих действий, и потому прилежное приискивание людей, могущих доставить содержание Шаповалову и распространять об нем в публике веру, как к художнику хорошему, мне кажется, будет решительно несправедливо насчет достоинств других молодых людей, не имеющих ни знакомств, ни покровительств» (ЛБ, 2194, т. VI).



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОГОЛЯ П. И. КРИВЦОВУ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «РЕВИЗОРА», 1840-е гг.
Центральный литературный архив, Москва

[4] В тетрадях с черновыми записями Иванова нами обнаружены еще два неизданных отрывка из писем Иванова к Гоголю (без дат):

«Моллера я всячески склонял написать к Вам, но в ответ получил письмо из Неаполя от его приятеля, где извещают меня, что Федор Антонович ушиб себе больную руку и Циммерман запретил ему писать, рисовать или каким бы то ни было образом утруждать ее.

Это, вероятно, и к Вам относится. Его, между прочим, просил в его письме к Вам послать и мою новую приписочку, вот она в чем состоит...» (ЛБ, № 2191, т. 1, л. 16 об.).

«Моллер мне сообщил, что Вы в Москве и желаете от меня письма. Я бы очень хотел знать, что Вы скажете мне о Завьялове; ведь этот человек совершенно был на своем месте, Москва предпочла Скотти. Не знаю, были ли Вы всему этому свидетелем и как дело теперь» (там же, л. 21).

И. Т. ЛИСЕНКОВ

С.-Петербург. 1850. Ноября 13.

Милостивый государь
Николай Васильевич!

Из газет видно, что Вы изволите иметь пребывание в Одессе [1]. Позвольте иметь честь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою: я петербургский книгопродавец Лисенков и прошу Вас покорнейше, не пожелаете ли Вы продать мне Ваши сочинения для напечатания, какие бы то ни были; у нас в книжной торговле почти ничего нет, публика ежедневно спрашивает Ваших сочинений, а у нас ничего нет, называет нас ленивцами и лежебоками, что ничего не печатаем Ваших произведений, а бог знает, где Вас было можно найти, чтоб обратиться за Вашим дозволением напечатать.

Покорнейше прошу Вас дать ответ Ваш, что у Вас есть, чтоб напечатать, и сколько я Вам обязан заплатить, и немедленно желаемое получите от моих знакомых Криворотовых [2], к которым при сем прилагаю и письмо и им вручите Ваше дозволение мне для напечатания, а главное прошу Вас, не откажите в моей к Вам покорнейшей просьбе.

Имею честь быть с истинным к Вам навсегда почтением Вашего высокоблагородия покорнейший слуга

Иван Лисенков [3]

Автограф. ЛБ. Из бумаг Гоголя (М. 8330/22).

Иван Тимофеевич Лисенков — петербургский книготорговец и издатель.

[1] В № 256 «Санктпетербургских ведомостей» от 11 ноября 1850 г. появилось следующее сообщение: «Одесса, 27 октября. На-днях в наш город приехал Н. В. Гоголь, который, как говорят, намерен провести здесь зиму». Эти сведения были заимствованы газетой из «Одесских ведомостей». Лисенков, несомненно, ссылается именно на это сообщение.

[2] В тот же день, 13 ноября 1850 г., Лисенков писал своим знакомым — издателям Криворотовым в Одессу: «Записку эту прилагаю при письме Н. В. Гоголю, известному писателю, чтоб купить его сочинения для напечатания. У нас в торговле почти ничего нет его сочинений, а покупателей на него много, то позвольте вас попросить покорнейше, поворожите, чтоб продал мне оригинал для напечатания, что бы то ни было его сочинений, пусть он объявит вам цену, а я перешлю к вам тотчас деньги для уплаты ему, а вы получите рукопись от него, а то у нас совершенно нечего читать и нечем торговать.

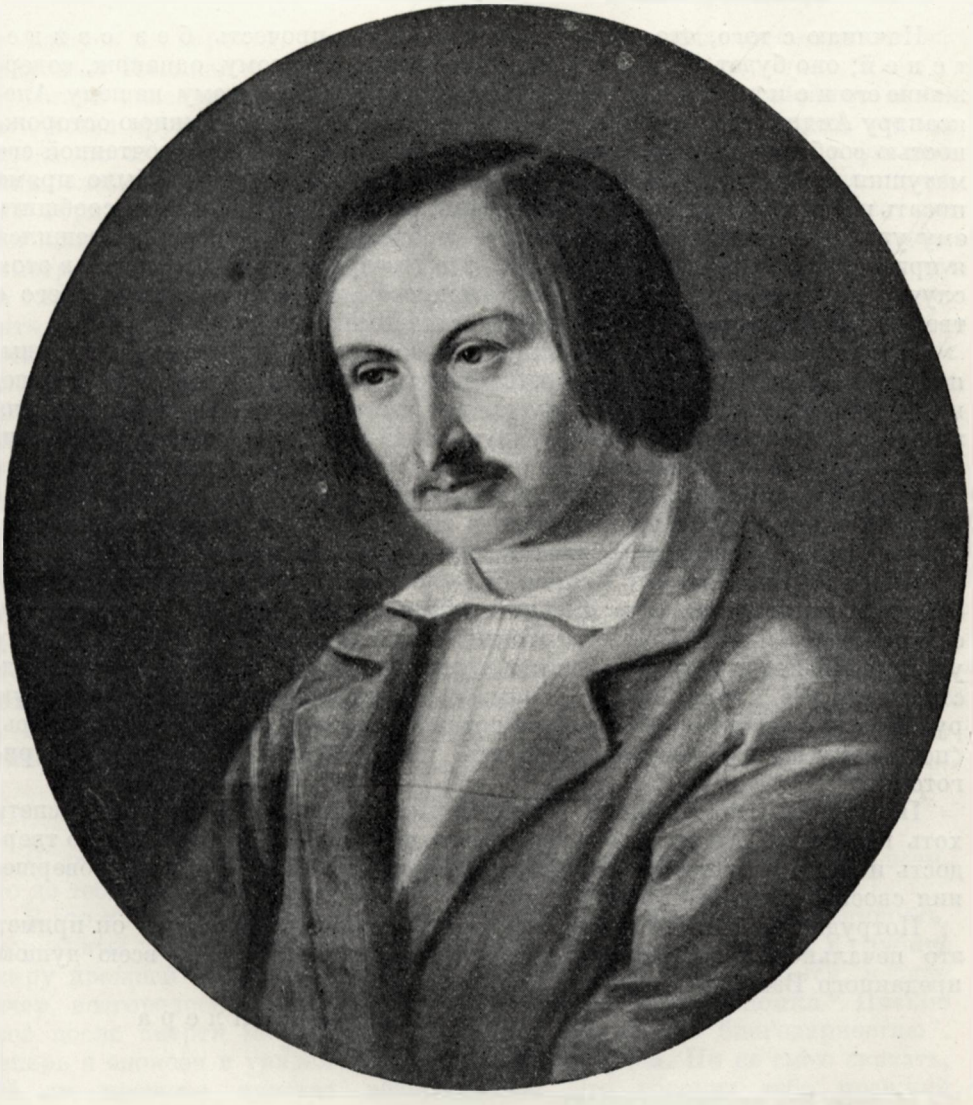
Надобно вам сказать о нем — он прескромный человек, и, может, скоро не добьетесь от него ответа, то нельзя ли вам его пригласить к себе на чай и поразговаривать с ним по-домашнему» («Русская старина», 1898, № 6, стр. 605—606).

[3] В приписке к письму от 2 декабря 1850 г., адресованному П. А. Плетневу, Гоголь писал:

«С недавнего времени книгопродавцы стали меня осаждать письмами. Пожалуйста, пошли человека в дом Пажеского корпуса сказать Лисенкову, который надоедает более других, что я буду сам в Петербурге» («Письма», IV, 362).

В том же письме Гоголь сообщал Плетневу, что намерен в конце весны или начале лета приехать в Петербург и приступить к печатанию своих сочинений.

Как известно, Гоголь Лисенкову права на издание своих сочинений не предоставил.



ГОГОЛЬ
Портрет маслом Д. Э. Гагена, 1859 г.
Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

Ф. А. МОЛЛЕР

<Петербург. 12 января 1843 г.>[1]

Почтеннейший Николай Васильевич!

Начинаю с того, что прошу Вас письмо это прочесть б е з с в и д е т е л е й; оно будет доставлено Вам Ивановым, которому, однакож, содержание его н е и з в е с т н о. Зная Вашу дружбу к любезному нашему Александру Андреевичу, я уверен, что Вы не откажетесь с возможною осторожностью сообщить ему печальную весть о болезни и кончине почтенной его матушки, воспоследовавшей к вечеру 6-го января. Я хотел было прямо писать к Иванову и мало-помалу, уведомив его сначала о болезни, сообщить ему ужасную весть, но, пообдумав и сообразив всё хорошенько, решился я прибегнуть к Вам в уверенности, что Вы лучше меня исполните в этом случае печальную и священную обязанность друга и приготовите его с твердостью перенести столь внезапно ужасный удар[2].

Почтенная его матушка захворала в рождество, вследствие простуды, полученной ею в церкви. Днем чувствовала она себя обыкновенно лучше, но к ночи всегда делалось ей хуже, так что она обыкновенно проводила их без сна. Мало-помалу стали пухнуть у ней ноги, а потом и другие части. Ночь накануне кончины провела она очень покойно и утром даже вставала и ходила по комнатам, но после полудня ей вдруг стало делаться хуже, а вечером в 8-м часу ее уже не было в живых. По свидетельству доктора, пользовавшего ее во время болезни, она умерла от водяной.

Через неделю получит Иванов от меня и отца своего письмо с подробнейшими известиями. Мое письмо к нему будет написано с возможною осторожностью, на случай, что это письмо не застанет Вас в Риме. Прошу уверить Иванова, что б а т ю ш к а е г о, братец, племянница и прочие родственники все, слава богу, здоровы, — это истинная правда, за которую ручаюсь как очевидец. Они только потому не пишут к нему, что решились, <по> моему совету, сначала обождать, покаместь Вы его несколько приготовите[3].

Прощайте, почтеннейший Николай Васильевич. Дай бог Вам успеть хоть несколько умерить горесть нашего приятеля и вселить в него твердость и силу, в которых он имеет столь великую надобность для совершения своего огромного труда.

Потрудитесь хотя в двух строчках уведомить меня, как он примет это печальное известие. Вы этим чрезвычайно обяжете всею душою преданного Вам

Федора М о л л е р а

На обороте: Его высокоблагородию
милостивому государю
Николаю Васильевичу Гоголю.

Автограф. ЛБ. Фонд Ивановых (№ 2202).

[1] Точная дата письма устанавливается письмом Моллера к А. А. Иванову от 12 января 1843 г., в котором он писал: «Прошу Вас покорнейше доставить вложенное здесь письмо Николаю Васильевичу, которому при этом случае прошу засвидетельствовать мое почтение <...> Не забудьте, пожалуйста, отослать поскорее письмо к Гоголю» (неизд.— ЛБ, № 2202). Речь идет именно о публикуемом письме.

[2] В письме к отцу от января 1843 г. А. А. Иванов сообщал, что «ужасная весть о смерти матери» была ему передана Моллером через его «самого короткого знакомого, Н. В. Гоголя» («Иванов», 158).

[3] В неизданных письмах Ф. А. Моллера к Иванову от 19 и 20 января 1843 г., написанных по тому же поводу, имеется несколько беглых упоминаний о Гоголе (ЛБ, № 2202).

М. П. ПОГОДИН

‹1›

‹Вена. $\frac{12}{24}$ сентября 1846 г.›

Сажусь на пароход, по Дунаю до Одессы, и отвечаю тебе два слова, любезный Николай Васильевич[1].

Какое указание я считаю и считал благодеянием? Величайшее доказательство дружбы — откровенность в этом отношении, тем более, что мы всегда, по слову евангелия, яснее видим чужие сучья. Медики в физических болезнях себя лечить не могут. Первое письмо твое я облил несколько раз горячими слезами. Второе, общее, не удовлетворяет. «Всё тот же Погодин»! Скажи — какой именно и в чем именно он исправиться должен. «Смотри сам». Смотрю, но многого могу не увидать с бревном или бельмом на глазу. Укажи, кто друг и кто любит искренно. Мое дело будет проверить по указанию и как делать к исправлению. Говорить вообще — легко, но бесполезно. Легко сказать на исповеди: «Я грешен». Но в чем именно? Укажи мне на черты характера (как, например, о гневе, в первом письме), привычки, склонности и самые дела, самые факты. Вот об чем просил и прошу.

Не морское путешествие опасно для ноги, а сухопутное[2] ‹...›

Заеду в Венгрию и потом Сербию. Из Одессы, может быть, в Крым, потом в Харьков к Иннокентию[3] ‹...›

В Москве буду, если бог даст, около половины октября, по нашему стилю. Пиши туда.

Я любил тебя много до 1842 года и принимал живое участие во всем, что до тебя касалось, до последнего нашего расставания[4].

В это время совершенно расстроился и потерял всякую привязанность, огорченный донельзя. Быв в твоей деревне, у матушки, я нашел в глубине искру прежней привязанности[5]. В сентябре 1843 года, кажется, в один вечер, возгорелось прежнее чувство, и я тотчас тебя уведомил[6]. Письмо твое после смерти моей Лизы наполнило сердце мое благодарностию[7]. Теперь я спокоен и увидел бы тебя с удовольствием. Но не смею сказать, всё ли прежнее чувство возвратилось. Это говорит тебе прежний Погодин, который не мог терпеть скрывать никаких своих чувствований. Но дурно ли это? Буду ждать твоего ответа[8].

Еду. Прощай. Будь здоров!

Твой М. Погодин

1846. Сентября 12/24. Вена

Все публикуемые письма хранятся в ЛБ, фонд М. П. Погодина (Пог. 1/44/133).

[1] Ответ на письмо Гоголя от ‹29 августа›/10 сентября 1846 г., ошибочно датированное Шенроком 1847 годом («Письма», IV, 83—84), а также на другое его, не сохранившееся письмо.

[2] Погодин в мае 1844 г., упав из экипажа, сломал себе ногу.

[3] Архиепископ Иннокентий (Борисов).

[4] Об отношениях Гоголя и Погодина см. в предисловии к настоящей публикации.

[5] Погодин посетил мать Гоголя в июле 1842 г. (Барсуков, VII, 5—7).
[6] Письмо Погодина к Гоголю от 12 сентября 1843 г., помещенное в «Историческом вестнике», 1901, № 1.
[7] Письмо Гоголя к Погодину с откликом на смерть его жены — Елизаветы Васильевны, от декабря 1844 г. («Письма», II, 542—546).
[8] Ответ Гоголя на публикуемое письмо — см. в «Письмах», IV, 146—147; адресатом там ошибочно указан С. П. Шевырев.

<2>

Марта 17. 1847. Москва[1]

Сейчас получил письмо твое, любезный Николай Васильевич, и отвечаю тебе, утешенный, умиленный[2]. У меня отлегло сердце, развязались руки. До сих пор никак не мог я собраться с духом, чтоб писать к тебе о твоей книге; боялся больше всего, чтоб ты не приписал моего мнения растревоженной личности. С чего же начну теперь — всё, оседавшее долго на дно сердца, просится наружу. Не ищи порядка, не ищи обдуманности; только чтоб не пропустить ничего нужного.

В исполнение твоего желания скажу тебе прежде всего, как я получил твое письмо. Ныне страстной понедельник. Я только что возвратился от обедни и стал пить чай. Передо мной сидел босняк, ездивший к царю просить о покровительстве православной церкви, угнетенной турками <...> Ты не можешь себе представить, сколько удовольствия доставило мне письмо твое. Я проводил скорее гостя и начал его перечитывать <...>

Книгу твою я увидел в первый раз 10 января[3]. Мне указали, прежде всего, места, которые касаются до меня. Огорчен был я до глубины сердца: как — «30 лет я трудился, и ни один юноша не говорит мне, будто, спасибо, и ни одного юношу не подвигнул я, будто, ни к какому добру?»[4] Я готов был плакать. Мы ехали тогда с Шевыревым на бал к Чертковым. В этом духе, под шумок музыки, между тем как сердце обливалось кровью, говорил я о книге с Лизаветой Григорьевной[5]. Лишь только воротился домой, во втором часу ночи, принялся читать книгу. Прочел Завещание — испугался, продолжал чтение — задумывался, смеялся, соглашался и нет. На другой день поутру прочел всё разом, и впечатление осталось совершенно мирное и гармоническое, так что я был сам поражен такою внезапною переменой. Ни малейшего неприятного чувства, огорчения не нашлось. Тотчас написал об этом Лизавете Григорьевне и Шевыреву, которые были одни свидетелями моего волнения. Первые эти минуты почитаю я удивительными, священными, и воспоминание об них теперь еще доставляет мне удовольствие[6]. Но какое ужасное волнение (причины его особенные — см. ниже) могло улечься вдруг, так что и следа не видать! Такое действие послужило для меня доказательством, что книга, несмотря на свои недостатки и странности, написана искренно, от души, с добрым намерением.

В разговоре с приятелями, при случаях, после, я передавал это, но вообще был холоден, разбирал с ними сочинение по частям, большею частию был недоволен, сетовал за себя, но не сердцем, а умом, и отстаивал только искренность, приписывая все нехорошее и странное болезненному душевному расстройству.

24 марта

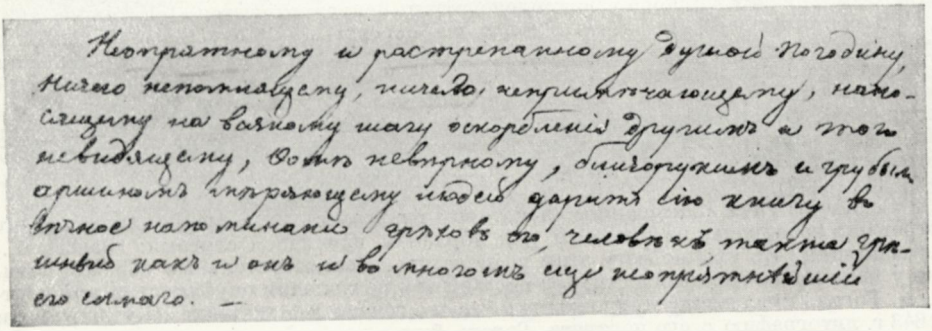
...Самое ясное и осязательное доказательство этого расстройства и вместе искренности книги есть Завещание. Разберем его, сколько удержала память (книги нет дома).

1. «Не хоронить до...»[7] Но ты мог и можешь умереть на море, в чужих краях, в Азии. Для чего же нам здесь сказывать это желание? Это раз, а

потом: как требовать или даже предполагать, чтоб вся Россия прочла твое завещание, чтоб не могла отзываться незнанием (пред кем, для чего?). Не лучше ли просто носить, хоть на кресте, записку: «Прошу не хоронить меня до...»

2. «Не ставить памятника...» Захотят поставить — поставят, и для себя, а не для тебя. Разве памятники ставят для усопших? На что им они? «А сделаться лучше» ⟨...⟩ Может быть, даже есть нечто и грешное в том, чтоб делаться лучше по завещанию, вместо памятника!

3. «Не плакать». У кого есть слезы, тот их выльет, а у кого нет, тому и говорить нечего. Слезы полезны плачущему. «Не плакать даже и об лучшем муже». Что за сличения, сравнения? Ты умрешь ныне, другой завтра, как тут соединить рассуждения?



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОГОЛЯ М. П. ПОГОДИНУ НА «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ», 1847 г.
Вклеена в дневник Погодина
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

4. О портрете. Начать писать и вспомнить... [8] Это фигура, оборот автора, а не умирающего человека. Дурная литография не помешает знаменитой гравюре, как Иорданову «Преображению» тысяча прежних. Перепечатывать никто не думал и никто не имеет права. В одно время с Москвою вышел в Харькове при «Молодике» совершенно другой портрет. Мне недавно сказали, что ты был взбешен помещением портрета в «Москвитянине». Я не мог никак этого предполагать. Я думал даже сделать тебе маленькое удовольствие, а твоим почитателям большее. Никакой другой мысли не было и не могло быть. Спрашиваться в России никогда не было в обычае. Зачем я, как близкий человек, не спросился? Не подумал, а может быть вместе и не хотел поставить тебя в щекотливое положение дозволять свой портрет. Вреда твоей собственности не произошло, в этом я уверяю. Впрочем, если ты сердился и сердишься, то извини меня. Пошлю пока написанное. Остальное с следующей почтой. Обнимаю тебя крепко. Целую горячо [9].

Твой М. Погодин

[1] Первая половина публикуемого письма (запись от 17 марта) была напечатана Н. П. Барсуковым по черновому варианту (VIII, 551—554), во многом расходящемуся с беловым текстом, публикуемым нами. Вторая половина письма печатается впервые.

[2] Погодин отвечает здесь, вероятно, на письмо Гоголя от 4 марта 1847 г. (см. примеч. к письму № 4). Отметим, что 11 февраля 1847 г. Гоголь писал Шевыреву из Неаполя: «В доказательство же, что я ничего не имею противу его ⟨Погодина⟩ на душе своей, прилагаю при сем письмецо к нему самому» («Письма», III, 356).

[3] «Выбранные места из переписки с друзьями» вышли в свет 31 декабря 1846 г. и были получены в Москве около 9 января 1847 г.

[4] В главе «О том, что такое слово» Гоголь писал о Погодине: «Он торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем с своими читателями, сообщать им всё, чего ни набирался сам, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове, таким образом, дабы стать близкою и доступною всем, словом — выказывал перед читателем себя всего, во всем своем неряшестве <...> Тридцать лет работал и хлопотал, как муравей, этот человек, торопясь всю жизнь свою передать поскорее в руки всем всё, что ни находилось, на пользу просвещения и образования русского,— и ни один человек не сказал ему спасибо; ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом или прекрасным стремлением к добру, которое бы внушило его слово» (Соч., изд. X, 1889, т. IV, стр. 20; дальше всюду «Выбранные места из переписки с друзьями» цитируются по этому изданию).

[5] Елизавета Григорьевна Ч е р т к о в а — приятельница Гоголя, жена известного археолога и историка А. Д. Черткова. Ей адресована шутливая альбомная заметка Гоголя и письмо, также выдержанное в шутливом тоне («Письма», I, 615—618).

[6] С. Т. Аксаков писал в это время сыну Ивану: «Вчера был у меня Погодин. Он признается, что в первые минуты был оскорблен до глубины души (Шевырев сказывал, что он горько плакал, но скоро успокоился и теперь искренне смеется)» («История», 163).

[7] В открывающем «Выбранные места из переписки с друзьями» «Завещании» Гоголь просил не погребать его тела, пока не появятся явные признаки разложения; не ставить над ним памятника, а вместо этого воздвигнуть памятник «в самом себе своею непоколебимою твердостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя». Он завещал также никому не оплакивать его, утверждая, что если бы даже вместо него «умер в России муж, действительно ей нужный в теперешних ее обстоятельствах, то и от того не следует приходить в уныние никому из живущих» (Соч., IV, 6—7).

[8] Седьмой пункт «Завещания», в котором излагалось желание Гоголя, чтоб его портрет был гравирован не кем иным, как Иорданом, начинался словами: «Завещаю... но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет...». Гоголь имел в виду приложенную без его ведома к 11 книжке «Москвитянина» за 1843 г. литографию с его портрета. Гоголь был в высшей степени раздражен этим самовольным поступком Погодина.

[9] Печатая по черновому варианту начало публикуемого письма, Н. П. Барсуков сопроводил его следующим примечанием: «Долго обдумывал и писал Погодин свой ответ Гоголю на письмо его от 4 марта, и только под 8 а п р е л я 1847 г. в дневнике его мы находим следующую запись: „Писал письмо к Гоголю". Таким образом, Погодин, вопреки началу <письма>, почти месяц писал свой ответ Гоголю» (Б а р с у к о в, VIII, 551).

Ошибочность этого утверждения устанавливается публикуемым письмом, начатым 17 марта и законченным и отправленным ровно через неделю — 24 марта 1847 г. Приведенная Барсуковым запись из дневника Погодина относится к следующему письму, написанному именно 8 апреля 1847 г. (см. ниже).

<3>

Апреля 8. 1847. Москва

Вслед за первым вот к тебе и второе письмо, любезнейший Николай Васильевич! Как ты теперь поживаешь? Что твое здоровье? Успокаивается ли дух? Недели две я не был в городе, никого не видал и не знаю, получил ли кто от тебя письмо в это время.

Продолжаю о книге — я остановился, кажется, на предисловии. Состоя из желаний и требований, физически и нравственно невозможных, оно казалось мне (и теперь, через три месяца, кажется) плодом расстроенного воображения, состояния ненормального. Такие явления случаются с нами от разных причин, долговременного уединения, одинокого напряженного размышления, усиленной деятельности и даже многих причин физических. Недавно малый пример видел я на Шевыреве. Приезжает он ко мне в воскресенье и остается полчаса, говорит дело, но в его глазах, голосе, движениях, оборотах речи я заметил что-то необыкновенное. Проводив, еду тотчас к знакомым, расспрашиваю стороною о последних его лекциях, и слышу многие вещи, кои удостоверяют меня, что он встревожен. Слышу, что он в газетах тогда же спорит с Мельгуновым о благотворительности, в «Листке» — с одним молодым человеком о

ОБЕД У МАНИЛОВА
Акварель Петра Соколова, 1870—1880-е гг.
Русский музей, Ленинград

ЧИЧИКОВ У НОЗДРЕВА
Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

воспитании. Плохо дело, думаю я, еду чрез два дня к нему на публичную лекцию. Речь шла об «Одиссее», но что же — весь спор и вся твоя книга просвечивала мне насквозь в его словах, хотя они, казалось, были обращены совсем в другую сторону, и он был весь не свой. Я испугался, написал к нему на другой день письмо, прося оставить лишние споры, отказаться на время от общества и его толков, запереть двери от посетителей (чтоб река вступила в берега). Слава богу, волнение прошло скоро, и он успокоился мало-помалу. В таком положении мы принимаем всё слишком к сердцу, и предметы представляются совершенно под другим углом. Может быть, и ты после болезни был так настроен и написал свое завещание, разве не имел какой особой мысли или какого особого намерения, что за тобой водилось — придумывать, катая шарики, разные мудреные вещи, положим для благих, по-твоему, целей. О, друг мой, в простом сердце бог почивает, говорит русская пословица. Простоты, простоты, и берегись, да не заходит ум за разум. Где тонко, тут и рвется!

Возвратимся к книге (которой все-таки у меня нет дома). Вот что представлялось мне, когда я думал об ней. Ты посеребрился христианством, но не просеребрился. Не казалось оно мне проникнувшим твою душу, а только покрывшим.

Христос говорит беспрестанно: «Не учите, не становитесь учителями», а ты берешься учить и учишь всех от первой строки до последней.

«Не осуждайте», говорит Христос, а ты все точно осуждаешь.

«Принимайте пощечины», а тебе кажется, что надо давать пощечины, да еще и покрепче, и даешь.

«Исправляйтесь молча», а ты напоказ.

Ты говоришь: я отдал свои пороки героям «Мертвых душ» и стал лучше[1]. Не ясно ли, что ты слишком неопытен в истинной христианской жизни? ⟨...⟩

Далее — ты говоришь часто: я грешен, я никуда не гожусь, и тому под.— Эти гуртовые покаяния решительно ничего не значат, и делать их очень легко! Иван Васильевич [2] твердил у нас беспрестанно, что он самый окаянный грешник, и все-таки это не мешало ему проливать кровь ежеминутно. Нам трудно признаваться по частям и сказать: вчера обидел я Ивана по такому-то случаю; ныне осудил Федора; третьего дня мстил тому-то, сказал вот что с намерением. Во всей своей книге унизительного о себе ты не сказал ни слова,— и все увидели в ней гордость, а не смирение, как это и есть: потаенная, сокрытая от тебя гордость под мнимой тобою одеждой смирения. Тебе кажется, что ты смирен, а ты горд. Любви сердечной в книге мне не слышалось, так точно и в первом письме твоем к Аксакову[3], от которого так и несло холодом, которое проникнуто было мыслию об усовершенствовании только себя, о пользе для себя, и в других видело только орудия. Это письмо было для меня противно, так что я, получа последнее твое письмо, дышащее любовью [4], не хотел было показывать его им, чтоб не огорчить противоположностью, но услышал от них, что они получили в одно время со мною также письмо в этом роде[5]; тогда прочел уже я им и свое. Но поздно. Да и места нет. Прощай. Обнимаю тебя. До следующей недели.

Твой М. Погодин

[1] Погодин имеет в виду следующие строки из 3-го письма по поводу «Мертвых душ» («Выбранные места из переписки с друзьями»): «Я уже от многих своих гадостей избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них и заставил других также над ними посмеяться» (Соч., IV, 91).

[2] Имеется в виду царь Иван IV.

[3] Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 января 1847 г. («Письма», III, 319—322).

[4] См. примеч. к письму № 2

[5] Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 6 марта 1847 г. («Письма», III, 394—397).

〈4〉

Апреля 10. 1847. Москва[1]

Тяжело мне, грустно — неприятности, оскорбления, огорчения, и к каждому из них находится подтвердительный эпиграф из искренних мнений самого близкого человека. Меня колют, режут, пилят и говорят, что это справедливо: сами друзья то же свидетельствуют! [2] Если бы ты знал, сколько ты сделал мне вреда, зла, существенного, положительного, своими выходками, которые поминутно звенят в ушах моих... Но оставим еще это. Может быть, так мне кажется, предполагается. Довольно — я страдаю и подчас лишаюсь терпения: скорблю, грущу. В таком-то расположении принялся теперь за перо, хоть третьего дня только послал к тебе второе письмо [3].

Не помню уже, на чем остановился. Всё равно. Буду говорить тебе об общих твоих советах. Они все показывают совершенное незнание обстоятельств, о коих ты берешься учить. Например, о западном направлении — ты не имеешь вовсе никакого понятия, куда оно начало было хватать и хватает [4]. Какой яд разливается у нас! Надо наблюдать, следить постоянно, внимательно, чтоб оценить или взвесить, какую пользу или вред, а ты прочтешь едва страничку, чрез два месяца в третий, да и пустишь шутку. Побывай-ка ты в губернии, поговори с капитан-исправником или заседателевой дочерью, которая начиталась мадам Занд (раздаваемой даром при наших журналах), почитай новые русские повести да потом и суди! В пять лет ныне происходит в обществе то, на что требовалось прежде пятьдесят. Посмотри на молодых людей нового поколения, в Петербурге, Москве, да и посмейся с ними, если найдешь духу. А ты поехал с давно прошедшими типами и потом подаешь свои советы! [5]

Во всякой статье твоей есть прекрасные вещи и вместе такие, кои явно для специальных знатоков обнаруживают твое неведение. Одни вопиют против смешения духа с душою, которых при рассуждениях этого рода смешивать то же, что тело с душою. Другие указывают на несообразность понятий о русской церкви и в чем состоит православие. Об «Одиссее» все сначала еще пожали плечами. Пятое евангелие не сделает того, что приписываешь ты переводу Жуковского. Для всех ясно, что это сочиненное письмо на заданную себе тему — похвалить приятеля. Говорят: Гомер написал «Одиссею», Жуковский перевел «Одиссею», Гоголь рецензировал «Одиссею», Языков напечатал рецензию об «Одиссее», а по справке оказалось, что по-гречески из всех четырех знал только один — Гомер. Такое увлечение воображения в строгом христианине невозможно. Да, верно, ты и не читывал «Одиссеи», кроме двух-трех отрывков, выслушанных у Жуковского. Мужик будет читать «Одиссею» и сравнивать свое положение с языческим и сделается лучше — это такой вздор, который может натянуть студент или семинарист, получивший заказ панегирика [6].

Всех смущает больше всего это беспрерывное желание быть апостолом, учительствовать, когда христианин начинает обыкновенно с себя. Сказать помещику в наше время: делай так, и ты будешь богат, как Крез,— непозволительно. Крезы — чорт с ними. Дай бог, чтоб Крезов не было [7].

Что ты пишешь о Красавице [8] — письмо годится в альманах, в арабески, и только, приятный комплимент, а сама божия матерь не могла произвесть таких чудес, каких ты ожидаешь я не знаю от какой дамы 〈...〉 Прекрасная поэзия, которая отстает от действительности на неизмеримое расстояние и дает повод ко множеству недоразумений. Противно всем твое стремление (давнее) тереться около знатных, к которым ты очень пристрастен, видишь достоинства в посредственностях, и вообще не находишь сказать им ничего, кроме лести, когда всё зло там [9]. Но довольно.

Есть, однакож, люди, которым книга нравится, не только частями, как мне, но и вся сполна. Это, большей частию, люди средние, которые не замечают и не разбирают всех нитей основы и утка́, а любят послушать нравоучения и посмотреть хороших видов. Досадно мне, что некоторым лицемерам еще она нравится. В истории твоей души книга, верно, займет важную ступень, но не произведет такого действия... Впрочем, я не знаю, какое действие ты хотел произвесть. Вот и поднялась в голове куча мыслей, которые надо оставить до следующего письма, а я, написав, как будто отдохнул, и иду спать поспокойнее. Да где же ты будешь жить летом? Приезжай-ка к нам, п р е о д о л е в с в о е с а м о л ю б и е и заклав тем свою гордость не на словах, не умничаньем, что всякому легко, а на деле, что трудно, ох, трудно! и оставив хитросплетаемые размышления, кои представляются тебе простыми. Простое — простее. Обнимаю тебя.

Твой М. П о г о д и н

Ожидай письма еще скоро. Мне хочется поскорее излить всю душу... Ох, не́кому![10]

[1] Ответ Гоголя на это и предыдущее письмо ошибочно датирован В. И. Шенроком 4 марта 1847 г. («Письма», III, 386—389). Поскольку письмо Гоголя — прямой отклик на письма Погодина от 8 и 10 апреля, совершенно несомненно, что оно не может быть датировано мартом, а, вероятно, относится к маю 1847 г. Что же касается письма, отправленного Гоголем Погодину 4 марта 1847 г., оно напечатано у Б а р с у к о в а, VIII, 546—549, но Шенроком почему-то в собрание писем не включено.

[2] «Ты говоришь в письме твоем,— писал в ответном письме Гоголь,— что тебя режут, пилят, колют из-за моих неосторожных слов о тебе. Рассмотри хорошенько, не кажется ли это тебе в преувеличенном виде? Как я ни несправедлив перед тобою, но я сказал только о неряшестве твоем и торопливости. Я не отвергал в тебе достоинств твоих, я их только не у п о м я н у л, потому что речь была не о тебе» («Письма», III, 388).

[3] См. письмо от 8 апреля 1847 г.

[4] Погодин имеет в виду главу «Споры», в которой Гоголь, не сумевший понять глубокие идейные противоречия, разделявшие сторонников «Отеч. записок» от славянофилов с «Москвитянином», писал, что все эти «славянисты» и «европеисты» кажутся ему только карикатурами на то, чем хотят быть — «все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу» (Соч., IV, 53).

[5] Публикуемые строки являются ценным свидетельством революционизирующего влияния на общество журналов Белинского — «Отечественных записок» и «Современника».

В своих статьях-доносах, помещавшихся в «Москвитянине», Погодин и Шевырев неоднократно пытались сигнализировать правительству о той опасности, которую представляли для существовавшего строя журналы Белинского.

[6] Отклики современников на статью Гоголя об «Одиссее» в переводе Жуковского см. в настоящем томе, в нашей публикации «Гоголь в неизданной переписке современников».

[7] Погодин имеет в виду главу «Русский помещик», в которой Гоголь уверял помещика, что, усилив контроль над крестьянами, помещик «разбогатеет, как Крез» (Соч., IV, 124).

[8] Письмо «Женщина в свете» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» (Соч., IV, 12—16).

[9] «Ненависть к аристократии», которую Погодин, сын крепостного лакея, считал нужным декларировать перед Гоголем, не может быть принята всерьез — она прекрасно уживалась в Погодине с подобострастием к власть имущим, к какой бы категории они ни принадлежали,— родовой аристократии или аристократии кошелька (напомним читателям характерное изречение Погодина, взятое Н. П. Барсуковым в качестве эпиграфа к своему двадцатидвухтомному труду о Погодине: «Цари и вельможи! Покровительствуйте Музам: они благодарны». Именно поэтому назойливые упреки в «заискивании перед аристократами», которые Погодин постоянно адресовал Гоголю, вызывали в последнем только раздражение.

В письме от 8 июля 1847 г. Гоголь, с чувством сильного раздражения отводя несправедливые упреки о «пристрастии к знати», писал Погодину: «Почему не приходит ни одного письма, в котором бы ты не попрекнул меня какими-то знатными

друзьями? „Ты угождаешь одним знатным", „тебе дороги одни знатные". Стыдно тебе! Вот тебе вся правда о моих знакомствах, о которых ты судишь по наслышке, ничего не зная наверное. Я, точно, знакомств наделал очень много в последние четыре года, но большею частью с людьми умными и всякого рода практическими людьми, которые могли мне сообщить какие-нибудь сведения о том, что делается внутри Руси, сведения, которые я вот уже четыре года собираю жадно. Из прочих я познакомился с весьма немногими, и то вовсе не потому, что они были знатны, но потому, что встретил добрую, любящую душу» («Письма», IV, 11—12).

[10] В ответном письме Гоголь рекомендовал Погодину «утешиться, оставить на время книгу» и его самого, «и то и другое выбросить из памяти» («Письма», III, 386).

ОТЪЕЗД ТАРАСА С СЫНОВЬЯМИ В СЕЧЬ
Рисунок М. В. Нестерова, 1885 г.
Литературный музей, Москва

⟨5⟩

Мая 6/18 1847. Москва

Последнее письмо к тебе писал я мрачный и печальный — это пишу более спокойный и довольный. Нашел стих писать, писал много и развеселился. Что я делал — не могу тебе сказать: как-то язык не поворачивается после твоих отзывов.

Не помню, на чем остановился в последний раз. Всё равно, буду говорить теперь о твоем авторстве. Ты сам, по Пушкину, определил его верно, но не вполне: ты часто хватаешь и за сердце, и умиляешь. В «Шинели» ты сказал: сколько грубой свирепости бывает в самом добром и благородном человеке — или что-то в этом смысле: этим выражением как будто снялась у меня одна плена катаракта с глаза. Часто я думал об нем, искал в себе и сознавался и горько раскаивался. Часто думаю и теперь; и вспоминаю разные происшествия из своей жизни: был в Вятке один молодой почтальон, который написал ко мне прекрасное письмо и просил, чтоб я доставил ему средства учиться. Я начал хлопотать чрез знакомых в Почтовом департаменте. Его уволили. Он приехал в Москву и жил у

меня. Строганов не хотел принимать в Университет без гимназического экзамена. Надо было почтальону учиться по-латыни. Посадил я его за грамматику. Прожил он у меня с год, но успехов не оказывал. Мне стало досадно, и я приписывал неуспешность недостатку прилежания, часто журил его и однажды сказал: «Эх, брат, видно у тебя охота смертная, да участь горькая». Это слово вспоминаю я с горестию: не пало ль оно ему тяжело на сердце? (После он занемог горячкою и умер в университетской клинике.) Так точно припоминаю некоторые выходки с моей Лизою. Почем знать — может быть иная проникла глубоко, и хотя она меня знала, хотя выходки эти были очень редки, наперечет, касались одного предмета — отношений к ее родным и вскоре исправились ⟨...⟩ Теперь спрашивается — что христианственнее может сделать автор? Какая прекрасная служба? Вот твое дело — а учительство и проповедничество — оборони тебя бог! Есть другие люди. На меня, следовательно, и на всякого так или иначе действовали твои сочинения, а ты вздумал их ругать, потому что ум зашел у тебя за разум, увлеченный гордостью, злым духом, который явился пред тобою в образе ангела светла и поймал тебя на уду смирения, которое глубоко названо «паче гордости».

Но я отвлекся от твоего авторства. Ты не имеешь способности поправлять, и вместо поправок ты переделываешь. Вот почему никогда не распространялся я в замечаниях для тебя. Я считал их бесполезными. Ты соглашаешься почти со всяким замечанием и полагаешь, что непременно во всяком должна быть истина (это крайность), и если бы предлагать тебе замечания, то первое твое сочинение было бы и последним и вышло бы по смерти (не такой ли сгиб ума и у ⟨А. А.⟩ Иванова?). Если тебе укажут какое место в сочинении, то ты переделаешь его, но переделанное будет иметь те же достоинства и те же недостатки, и так далее. Следовательно, вместо переделки, лучше писать другое, и вместо одного сочинения выйдет несколько сочинений — в барыше читатели, словесность и автор! Поэтому напрасно откладываешь ты путешествие в Иерусалим — чрез год-де я буду лучше. Напрасно сжег 2-й том «Мертвых душ» — после-де я напишу лучше. Ты напишешь другое, а за что же мы потеряли то? Так Сассо-Феррато [1] оставил сто мадонн вместо одной. Я сравниваю тебя с живописцем, которому указывают недостатки, или сам он видит, а он беспрестанно смазывает написанное и пишет вновь.

«Мертвых душ» в русском языке нет. Есть души ревизские, прописные, убылые, прибылые. «В ворота гостиницы одного губернского города» — столько родительных никогда по-русски не ставится рядом: зависимость их не русская. «В ворота гостиницы въехала» — оборот не русский. «Въехала на двор» — вот как по-русски. Два мужика толкуют о колесе — это хорошо, но не могут они спорить о Москве и Казани, ибо на пространство тысячи верст не могут простираться вероятности. От Толедо может ли колесо доехать до Паузиллипо, до Собачьей Пещеры, но никто не будет спорить о Флоренции или Милане. С Девичьего колесо может доехать до Тверской, до Лефортова—ну на 10, 15 верст, и т. далее. На досуге по вечерам я хотел было исписать «Мертвые души», но оставил это намерение после твоей последней книги, чтоб мои замечания не были растолкованы отмщением [2]. Теперь ты видишь, почему я подталкивал тебя печатать и почему не делал замечаний, т. е. чтоб не задерживать даром. Писать ты сам никогда и не будешь правильно. Тебе нужен стилист, который бы исправлял безделицы, а язык твой и без правильности имеет такие достоинства высшие, которые заменяют ее с лихвою. Греч и Булгарин правильны, да что же толку!

Давно не получал никто писем от тебя. Что делается с тобою! И мне пора бы получить ответ на первое письмо, посланное на святой неделе.

Вот тебе происшествие. Волос становится дыбом о помещике, которого

ты учишь быть Крезом. В Калужской губернии один (Хитров) блудил в продолжении 25 лет со всеми бабами, девками — матерями, дочерьми, сестрами (а был женат и имел семейство). Наконец какая-то вышла из терпения. Придя на работу, она говорит прочим: «Мне мочи нет, барин всё пристает ко мне. Долго ль нам мучиться? Управимся с ним». Те обещались. Всех было 9, большею частию молодые, 20, 25, 30 лет. Приезжает барин, привязал лошадь к дереву, подошел к женщине и хлыстнул ее хлыстом. Та бросилась на него, прочие к ней на помощь, повалили барина, засыпали рот землею ⟨...⟩ и так задушили его ⟨...⟩ Два старика стояли одаль и не вступались. Когда бабы насытили свою ярость, они подошли, повертели труп: умер, надо вас выручать! Привязали труп к лошади, ударили и пустили по полю. Семейство узнало, но не рассудило донести суду, потому что лишилось бы десяти тягол (оно было небогато) и скрыло. Лакей, рассердясь на барыню, прислал чрез месяц безыменное письмо к губернатору, и началось следствие. Девять молодых баб осуждены на плети и каторгу, должны оставить мужей и детей. Как скудна твоя книга пред русскими вопросами!

Писал ли я тебе о некоторых наблюдениях и замечаниях моих во время болезни моей и Лизиной? Киреевский опасно болен. Прощай. Обнимаю.

Где ты лето?

Твой М. Погодин

Кстати [3] перепишу тебе отрывок из письма ко мне Иннокентия, которое получил уже давно, в ответ на мой вопрос о твоей книге. Мне хотелось знать его мнение, как человека вне нашего светского круга.

«Гоголя читал и даже записку его с книгою получил, не знаю от кого, не от Вас ли? Он просит отвечать. Но куда же? В Неаполь? А его уже там нет. Что писать? Если Вы пишете к нему, то скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его и люблю по прежнему, радуюсь перемене с ним, только прошу его не парадировать набожностию: она любит внутреннюю клеть. Впрочем это не то, чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи ссобенно, но если он будет неумерен, поднимут насмех, и пользы не будет» [4].

Осталось место, и потому скажу тебе два слова о своих, которых ты забыл среди своих усовершенствований, а любовь всё вмещает. Но не шутя, знаешь ли ты, что у меня дочь скоро невеста, что сын готовится в гимназию, и меньших двое, т. е. крестник твой и малютка, подрастают. О друг мой, тяжело, тяжело! С моим грубым тоном, моим суровым характером, угрюмостью, как воспитывать девочку, нежное создание, которое требует ласки, кротости, снисходительности! Я ⟨обра*⟩батываюсь, но медведю танцовать мудрено. ⟨Впро*⟩чем об этом — подробности после. Маменька моя здорова, весела. Елизавета Фоминична живет спокойно.

Да — у тебя богатые знакомые. Собери-ка тысячи две руб. асс. да пошли их в пакете в Прагу к Шафарику [5]. Великое благодеяние это будет и полезнейшее дело. Сам я расстроен, а собирать нет уже сил. Толстой А. П. обещался мне, лет пять назад, но позабыл и проч. Адрес: Herrn Paul Joseph Schafarik, Custos an der K. K. Bibliothek [6].

[1] Сассо-Феррато (Джованни-Батиста Сальви, 1605—1685) — итальянский художник.

[2] В предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» Гоголь обратился к читателям с просьбой «делать свои заметки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ее» и «читать ее не иначе, как взявши в руки перо и положивши лист почтовой бумаги», а потом пересылать ему свои заметки. Это обращение Гоголя было резко высмеяно Белинским в его рецензии на второе издание «Мертвых душ».

* Письмо повреждено.

[3] Публикуемая приписка набросана на отдельном листке бумаги, и поэтому утверждать с полной уверенностью, что она относится именно к этому письму, невозможно.

[4] Об этом письме воинствующего церковника Иннокентия см. в предисловии к настоящей публикации.

[5] Известный чешский ученый Шафарик находился в постоянной нужде и получал время от времени материальную помощь от своих русских почитателей. С Погодиным он находился в продолжительной переписке. Упоминание о письме Шафарика к Гоголю см. в «Письмах», I, 595.

[6] В ответном письме Гоголь писал Погодину: «О Шафарике. Богачей во Франкфурте не случилось мне видеть никаких. Однако же я просил одного человека. Мне обещано кое-что послать. Скажи Шафарику, чтобы он дал тебе знать, получил ли он какой-нибудь вексель. Если нет, я что-нибудь пошлю ему от себя» («Письма», IV, 20). См. следующее письмо.

⟨6⟩

Июня 2/14 1847

Наконец, спрашиваешь ты о детях [1]. Согласись, как вообще отвлеченна наша дружба и как мало знакомы мы с жизнию. Каковы дети, что̀ они обещают, чего не обещают, как ты их воспитываешь, чем ты живешь, что делается с тобою — вопросы великой важности, от которых зависит много, самое расположение души, а они представляются подконец почти наравне с предметами простого любопытства. Этот упрек относится не к тебе одному, но и ко мне и ко многим, если не ко всем. Я расскажу тебе теперь всё семейное. Это пятое мое письмо вместе с прежним и еще два-три последующих должны составить одно письмо, которое пишется отрывками, а после приведется, пожалуй, в порядок в твоей душе, как и моей. Дети, во-первых, теперь здоровы; вообще я доволен ими, их склонностями, занятиями — что бог даст вперед? Саше уж 13 лет [2]. При ней живет девушка, m-lle Symonds, дочь того американца, с которым я жил у Трубецких. Плачу ей 1200 р. асс. Добрая, образованная девушка, но ⟨воспитанная⟩ в пансионе, следовательно, с искусственными привычками и взглядом на вещи. У Саши сердце нежное, любящее, характер веселый. Митя [3] развивается туго, мало еще понятия и смысла. При нем живет немец, учащий по латыни и немецки, 1200 р. асс. за $1^1/_2$ года, до следующего экзамена в гимназию. Рисовать показывал большую способность и рисовал очень хорошо, но теперь особого учителя нанимать нет сил. Ване 5 лет и Груше 3. При них русская немка, порядочная женщина, но сухая. Таков характер, кажется, и у надзирательницы да и у Елизаветы Фоминишны, которую ты окрестил, кстати, Аграфеной Кузьминишной. Следовательно, го̀лоса кротости, любви им недостает. Я переламываю себя, говорю таким голосом только иногда. Всех любовнее это моя матушка, но ей за 70 лет. Митя очень вспыльчив и не переносит оскорблений. Любит спорить. Ваня будет, кажется, умнее. Груша — девочка резвая и живая. Боюсь за нее впереди. Брат Григорий Петрович совершенно у меня на руках. А мои доходы все прекратились, кроме одной пенсии, так что я не знаю, что и делать. Очень тяжело содержать всё в порядке. Имение свое положил я всё в свой музей, который теперь не имеет цены и состоит из вещей драгоценнейших, но не дающих хлеба. Рукописей вчетверо больше, чем у Румянцева, а вещей и древностей 40 шкапов. Расстаться с ним при жизни я не могу, потому что, кроме изучения, он доставляет мне единственное утешение и развлечение. Прекратить покупки не могу, как игрок перестать играть в карты. Собирание мое сделалось известно по всей России, и со всех сторон несут и везут мне всякие редкости. Ну как откажешься? Всякую неделю получаю я что-нибудь, и одна корреспонденция с комиссионерами представляет прелюбопытные вещи. Теперь пускаюсь на спекуляцию, которая или поправит мои дела, или я увязну уже так, что только вытаскивайте. Ты знаешь коллекцию эскизов, что была у Глинки? С тех пор не нашлось

охотника купить ее даже за 100 тысяч рублей. Каковы подлецы наши богачи, которых ты так честишь! Ее хотят увезти в чужие края. Я решился купить ее за 70 тысяч руб. асс.— 4350 эскизов! План мой — огласить ее в Европе. Тотчас получится, надеюсь, предложение. Тогда правительство опомнится и купит у меня это неоцененное собрание. Деньги занимаю. Но если это не удастся? Не думаю, впрочем: свое возвращу я непременно. И это хорошо. Чтоб по крайней мере не ушло из России это с〈обрание〉[4]. Негодую на себя за свою беспечность и дерзость. Впрочем, об экономии в своих делах, как они теперь ни худы, я не забочусь, уверенный, что они поправятся, и что ни я, ни семейство мое не будут иметь нужды 〈...〉 Обращаюсь к твоему последнему письму. Не об неряшестве, не о торопливости я говорил тебе, а об том обвинении, будто в 30 лет ни одного я юношу не

ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА «РЕВИЗОРА»
Рисунок К. А. Савицкого, 1901—1902 гг.
Литературный музей, Москва

подвигнул к добру, ни в одном не произвел хороших впечатлений, ни одной мысли не обдумал и не понял вполне. Мне всё кажется преувеличенным, разумеется! А какая разница между есть и кажется? Мне надо подать совет... он замирает на моих устах — мне слышится голос: куда тебе советовать? Ну да что толковать об этом! У меня на другой день по прочтении книги не осталось горести в сердце, а я говорю тебе в исполнение твоего желания, что происходит наяву или в воображении. Следовательно, утешения мне не нужно. Почему я не сердился? Сначала я полагал, что доброе сердце мое не помнит зла. А теперь с горестию вижу, что всё только гордость, первородный грех играет здесь большую роль. Что ни говорите вы, друзья и враги, благородные и подлецы, я знаю свою силу, и покажу вам ее и пристыжу вас всех — такое сознание, верно, лежит в глубине этого доброго, повидимому, сердца, и потому я спокоен и не сержусь. Любить, любить и любить! Молиться, молиться и молиться! Желать быть лучше — вот всё, что мы можем, слабые, падшие люди... Глупо ты делаешь, что живешь в чужих краях. Откажись от твоего ума, он увлекает тебя бог знает куда!

Прощай. Твой М. П о г о д и н

〈...〉 Ну собрал ли ты от любезных своих богачей хоть тысячу руб. асс. (если не более) и послал Шафарику? [5] Это необходимо, а я не могу и собирать — здесь нельзя. Сделай эту милость и пошли. Предоброе и преполезное дело. Адрес: Paul Joseph Schafarik, Sr. Wohlgeboren, Custos an der K. K. Bibliothek in Prag. Sarbergasse, № 146.

Ты хочешь писать о моих изданиях — да разве ты их знаешь?

Между малороссиянами открылось что-то недоброе [6].

Что наш век есть век недоразумений — это святая истина! Да, я всё позабывал тебя спросить, что за страшное происшествие, к которому я подавал повод? Ума приложить не могу [7].

На Аксакова ты, верно, сердишься? Это нехорошо. Старик писал тебе искренно и любя [8].

Пиши мне с первою почтою. Ты всё волнуешься; старое и новое в тебе борется. Это ясно для меня по письмам. Какие противоречия ты находишь у меня? Следовательно, ищешь по крайней мере.

«Мне надо сказать: ты украл это у меня?» Да что же у тебя украсть? Ты не говорил ни одного даже слова, слышите ли столько 〈?〉 А граф Строганов, прочитав твои письма, с кошачей злобой говорит мне: «Ваши друзья говорят об вас то же». А люди незнакомые или знакомые, но легкие, министры, или N, N, N, от которых зависит мое положение? Мне совестно смотреть им в глаза!

[1] Публикуемое письмо, повидимому, является ответом на не дошедшее до нас письмо Гоголя. Ответ на него Гоголя — см. в «Письмах», IV, 11—20.

[2] С а ш а — Александра Михайловна Погодина, в замужестве Зедергольм. В архиве Погодина сохранилось неизданное письмо ее к отцу с извещением о смерти Гоголя, написанное 21 февраля 1852 г. (ЛБ, Пог. II/6/25).

[3] Дмитрий Михайлович П о г о д и н — автор воспоминаний, в которых значительное место уделено Гоголю («Исторический вестник», 1892, № 4).

[4] Повидимому, речь идет о собрании рисунков, составленном кн. Д. М. Голицыным и перешедшем к его родственникам — кн. Долгоруким. Погодиным это собрание приобретено не было. Как сообщает в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин, «в сороковых годах оно было выставлено в Москве для продажи. Но времена изменились, богатых любителей уже не обреталось. Два или три года продолжалась выставка, и не только не находилось покупателей между частными лицами, но само правительство отказалось от приобретения этих сокровищ. Наконец, зубной врач Жоли купил все собрание за десять тысяч рублей ассигнациями, увез его в Париж и продал за большие деньги. Случай весьма характерный для тогдашней эпохи» (Б. Ч и ч е р и н. Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934, стр. 73).

В коллекции числилось, между прочим, восемь рисунков Рафаэля и альбом рисунков Гольбейна, среди них — «Пляска смерти». Всего по описи, составленной 29 января 1847 г., повидимому, в связи с предстоящей продажей, в коллекции значилось 3862 номера (некоторые номера включали в себя целые серии рисунков). Каталог этой коллекции находился в собрании Д. А. Ровинского («Catalogue général de tous les dessins originaux de la collection du prince Dolgorouki...»). Под словами о том, что коллекция «была у Глинки», вероятно, следует понимать ее временное хранение у одного из Глинок — скорее всего у поэта — Федора Николаевича Глинки.

Вероятно, сумма, уплаченная Жоли за это собрание, была значительно больше указанной Чичериным.

Как устанавливается публикуемым нами выше письмом В. А. Панова (см. публикацию «Гоголь в неизданной переписке современников»). Гоголь написал в Варшаве статью на итальянском языке о коллекции Долгорукого для какого-то римского журнала. Судьба этой статьи неизвестна.

[5] См. примеч. к письму № 5.

[6] Погодин имеет в виду тайное общество — «Кирилло-Мефодиевское братство», образовавшееся в 1846 г. в Киеве и разгромленное правительством в 1847 г.

[7] В письме к Погодину от 4 марта 1847 г. Гоголь писал, между прочим: «...случилось такое дело, где ты чуть-чуть не был причиною страшного события, которое отравило бы на все время твою жизнь и сделало бы твою совесть мучительницей твоей» (Б а р с у к о в, VIII, 547). Что скрывалось за словами Гоголя, до сих пор остается неясным.

[8] Речь идет о письме С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 января 1847 г. («История», 164).

<7>

Июля 14/26 1847

Книга твоя доставила тебе много горечи, вот тебе и капля удовольствия, любезнейший Николай Васильевич. Посылаю тебе письмо, писанное ко мне одним молодым человеком [1]...

Лишь только начал я писать тебе это, как получил твое письмо от июля 8 [2]. Грустно мне было прочесть его. Твоя ладья всё носится по морю, волнами всё бьет ее в ту и другую сторону, и далеко тебе до пристани, далеко до Иерусалима! У меня вылетело из головы всё, что я хотел писать тебе в этом письме, кажется продолжение одного моего письма, и я буду теперь отвечать только на твое.

Ты просил меня прежде: «Пиши ко мне всё, всё, что придет в голову, на первом лоскутке и тому под.»[3] Что же обращает прежде всего твое внимание в моих письмах? Мелочи, мимоходные замечания, вырванные слова ходом речи, одним словом, лыко в строке, а что важно в отношении к тебе, ко мне, то, как будто, пропадает незамеченное. Какие-то пустые противоречия ты находишь, какими-то упреками огорчаешься, тогда как я сказал тебе с самого начала и сказал торжественно, что я не сержусь и не думаю укорять тебя, и поступок твой со мною хотел *еще впредь* разобрать исторически, к сведению, к назиданию обоюдному; до него *еще не доходил* черед в моем письме! Однажды только, помнится, я передал некоторые обстоятельства; впрочем, все-таки только к сведению. Увидя теперь, что ты понять этого никак не можешь и видишь, предполагаешь настоящие ощущения, жалобы, вместо *исторических справок*, я то письмо свое (в шести отделениях) прекращаю и анализировать твоего поступка, как предполагал прежде, во избежание недоразумений, не буду. Возвращаюсь к ответу.

Ты пеняешь мне за упреки о знати [4]. Если я что не люблю на свете, так это знать. Я убежден, что она физически выродилась, что кровь течет в ней иная, что она не способна ни к какому добру (чему, кроме физики, содействует и воспитание), что все прекрасные и сладкие ее слова не имеют жизни и того смысла, какой эти самые слова имеют для других людей, что они оптически обманывают себя больше, чем других. Убедился я в этом после многих опытов, даже с теми людьми, с которыми ты в связи. Не скрою, что плебейское происхождение, молодость, проведенная в знатном доме [5], при виде всех его мерзостей и пр., было причиною, что я вдался в крайность и я бывал несправедлив в этом отношении, следовательно мог и на тебя подосадовать излишне, мог подшутить, но не может быть, чтоб я написал тебе, как ты передаешь: «Ты угождаешь одним знатным», «Тебе дороги только знатные». Нет, не может быть, чтоб я так написал. Ты перевернул мои слова, и в этом виде я не признаю их своими. Вот тебе разительный пример, как наше воображение, или самолюбие, или что ты хочешь, перевертывает вещи по своему произволу и судит перевернутые вовсе несправедливо. Прошу тебя с дипломатическою верностию выписать мне мои слова. Если они написаны так, как ты передал, то они послужат мне уроком, а наоборот — тебе.

Отвечаю построчно. Выкинь из головы мысль, что ты можешь получить сведения о России по слухам. Нет, нет и нет. Ты получишь совершенный вздор. Одна неделя дома покажет тебе всё лучше и вернее, чем пять лет в чужих краях. У нас чудеса со всяким днем воочию совершаются, и ловить их может только зоркий глаз на месте. И кого ты слушаешь? Богатых, праздных, полуфранцузских полунемецких магнатов! Опять попались они под перо [6].

Теперь следует важнейшая часть твоего письма. Между нами произошло великое недоразумение. Протекло много лет, много чувствований через

сердце, много мыслей пронеслось через голову у меня, но то я помню, что стал я спрашивать у тебя статьи, в 1842 году, вследствие твоего предшествовавшего вызова, как мне казалось, вследствие собственных твоих прежде сказанных слов, в которых послышалось мне твое намерение дать мне статью. Я думал, что я только напоминаю тебе. Помню живо теперь еще слова твои: «Надо чтоб это было тяжелое, чтоб об этом говорили». Ты говорил, вижу я теперь, о своем труде, а мне, приготовленному и думавшему, послышалось или подумалось, что ты говорил о статье, которую хотел приготовить для журнала. Когда прошло несколько времени после этих слов, когда должна была выйти книжка или другое какое понудительное обстоятельство, я, уполномоченный твоими словами, и начал напоминать тебе. Не могу теперь привести на память все подробности, но почти совершенно уверен, что это было так. Я очень помню, что я не хотел спрашивать у тебя статьи и спросил, когда ты сам вызвался, как мне казалось. Не хотел же я спрашивать, признаюсь, скрепя сердце, делая себе насилие, сетуя и обвиняя тебя внутренно, что ты не хочешь помочь мне, когда я делаю последнее усилие (перед приступом к большому своему труду — писать историю), чтоб устроить дела и судьбу своего семейства. Мне всё казалось, что ты причудничаешь, хотя бессознательно, что мечтаешь поразить всех, в упоении гордости и тому под., между тем как Рафаэли и Корреджии (припоминаю тогдашнее сравнение) могли отрываться от своих мадонн и оказывать в антрактах мелкие услуги своим друзьям [7].

«Ты живешь у меня, и между тем...»[8] Это я мог сказать, только без попреку, и стыдно тебе, что ты мог слышать попрек в словах, совершенно простых и, прибавлю, совершенно верных. [Я могу сказать их и теперь.] Все говорят: «Он живет у него, связан с ним, называет своим другом, а между тем не принимает никакого участия в его труде, значит, что не одобряет его или просто надувает его». Так точно и было. Так точно и передача тобою продажи «Мертвых душ» Шевыреву, когда только что заведена была контора «Москвитянина», служила врагам моим доказательством, что ты не имеешь доверенности ко мне! Это были горькие для меня минуты, скажет тебе на том свете и моя Лиза. Шесть лет я делил с тобою последние свои крохи, не думая, не зная о возвращении (потому что ты в 1839 г. в Мариенбаде уверял меня, что «Мертвые души» при жизни не будешь печатать)[9], и вдруг, начав печатать, ты отшатнулся от меня, обратился за деньгами для напечатания к другим, давшим муку́ взаем, когда рожь услышали они в закроме, и проч., и проч., и я увидел себя поруганным, отстраненным (теперь ты объясняешь причину). За что? За любовь мою, стонал я внутри. Сколько я любил тебя — я помню, как я писал к тебе о смерти Пушкина [10] (не люблю уж я ни литературы, ни отечества, ни тебя так, как я любил тогда)! Множество было и других обстоятельств. Дьявол умеет собирать их ко времени. При свидании ведь будет об чем поговорить нам. Потому-то я перекрестился, затворяя за тобою дверь, и уже чрез год, кажется, или более мог писать к тебе. А ты сам меня в это время ненавидел! О, люди! Жалкие мы создания! Эта неясность, эта невозможность знать друг друга, эта беспрерывная обманность, даже при всей чистоте намерений, благородстве и проч., служат для моего ума доказательствами, что непременно должно же быть время, место, когда всё объяснится!

Опять зароилась в голове куча. Только, христа-ради, не думай, чтоб были здесь упреки. Я пишу совершенно спокойно, и желаю только объяснения для себя, как и для тебя. Ты пишешь, что два года мучился желанием оправдаться передо мною и вдруг меня же о б р у г а л, обвинил перед отечеством, перед друзьями, перед врагами, перед царем, даже перед потомством — сказал, что в 30 лет я ничего не сделал, не подвигнул ни

одного юношу на добро и по поводу рассуждения обо мне заключил, что со словом надо обращаться честно! то есть не так, как я. Следовательно, я обращался нечестно! Ну вот как дьявол путает твои слова или мои понятия.

Перечел окончание твоего письма [11]. Ну — поцелуемся! Ничего не было, не поминать больше! Пусть моя, ⟨наша Лиза⟩ [12] будет свидетельницею с высоты своего жилища. Там ли она, друг мой! Я плачу... Есть во мне много пороков, верно, видимых и невидимых, но бог свидетель,

КУПЦЫ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РЕВИЗОРУ»
Акварель Д. Н. Кардовского, 1922 г.
Третьяковская галлерея, Москва

было и есть еще во мне много любви, я любил горячо и желаю добра людям. Я вспомнил еще случай: кажется, перед твоим отъездом я был у тебя однажды наверху, говорил, помнится, об университете, был тронут и плакал, а ты уже тогда презирал меня! Это казалось тебе лицемерием? Припоминаю еще слова. Нет, что-нибудь не так! Ты путаешься! Двенадцать лет ты меня знал, двенадцать лет не видал ничего, кроме добра, и вдруг одно слово или, лучше, смысл, который ты сам дал слову, выводит тебя из границ, производит презрение, ненависть! Одно слово,— а меня ты назвал в надписи Фомою неверным [13]. Меня не понимают, ругают. Не видал я или почти не видал участия. Это, видно, мой крест! Лишился и единственного друга! Обнимаю тебя.

Твой М. Погодин

О второй части письма твоего писать теперь не могу [14]. До следующего раза...

[1] Вероятно, Погодин отправил Гоголю письмо Аполлона Григорьева (см. упоминание об этом в письме Гоголя к Шевыреву от 2 сентября 1847 г.— «Письма», IV, 78).
[2] О письме от 8 июля 1847 г. см. примеч. к письму № 4.
[3] Из письма Гоголя к Погодину от 20 апреля 1847 г. («Письма», III, 439). Цитата приводится Погодиным неточно.
[4] См. примеч. к письму № 4.
[5] Отец М. П. Погодина был крепостным гр. Строганова. Сам Погодин в течение нескольких лет давал уроки в семье кн. Трубецких.
[6] См. примеч. к письму № 4.
[7] В письме от 8 июля 1847 г. Гоголь напомнил Погодину, как настойчиво тот в 1841—1842 гг. добивался получения у него статьи для «Москвитянина» («Письма», IV, 13—14).
[8] Желая скрыть от потомства некоторые подробности своих отношений с Гоголем, Погодин густо зачеркнул в подлиннике письма Гоголя от 8 июля 1847 г. несколько строк. Приводимый им здесь цитатно отрывок фразы Гоголя, являющейся частью этого текста, дает возможность определить характер зачеркнутого места: требуя от Гоголя статью в «Москвитянин», Погодин, очевидно, заявил, что эта статья должна служить платой за оказанное им Гоголю гостеприимство. Именно это напоминание, как видно из продолжения фразы, показалось Гоголю «низким, неблагородным и неделикатным» («Письма», IV, 14).
[9] Об этом заявлении Гоголя, предполагавшего, вероятно, что «Мертвые души» не смогут быть пропущены цензурой, см. также выше, в публикации «Заметка М. П. Погодина о Гоголе».
[10] Письмо Погодина к Гоголю о смерти Пушкина не сохранилось.
[11] В конце своего письма Гоголь писал: «Если это письмо тебя чем огорчило, то прости, потому что на всяком шагу нам нужно друг друга прощать» («Письма», IV, 20).
[12] В этом месте письмо повреждено. Заключенный в скобки текст восстанавливается по рукописной копии, также хранящейся в архиве Погодина (ЛБ, Пог. 1/44/133). Отметим также, что на письме ошибочная дата: 14/26 и ю н я.
[13] Гоголь прислал Погодину экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями» со следующей надписью: «Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примечающему, наносящему на всяком шагу оскорбления другим и того не видящему, Фоме неверному, близоруким и грубым аршином меряющему людей дарит сию книгу в вечное напоминание грехов его человек, также грешный как и он и во многом еще неопрятнейший его самого» (см. воспроизведение этой надписи выше, в настоящем томе).
[14] Во второй части своего письма Гоголь давал подробные наставления по поводу высказанного Погодиным желания вторично жениться («Письма», IV, 17).

⟨8⟩

5/17 ноября 1847. Москва

От Шафарика я получил известие, что от тебя не было к нему ничего. А я надеялся по твоему обещанию. Вот почему не люблю я твоих замечательных магнатов! От слова до дела далеко. Они хороши — поговорить вечером в теплой комнате, а предоставь им сделать что-нибудь, тогда и увидишь. И об чем дело? О какой-нибудь тысяче рублей для сугубо доброго дела, человеку достойному, известному! Каждый из них мог бы дать впятеро, а пятерым так пришлось бы по 200 р. асс. Стыдно и писать! ⟨...⟩

Посылаю тебе несколько моих последних отрывков. Желаю знать мнение о Святославе [1].

Хомяков проехал чрез Москву, не видавшись ни с кем.

Аксаковых ты сильно огорчил [2]. Если они виноваты, то идолопоклонством пред тобою. И не тебе за то наказывать. Мои отношения к ним также изменились внутренно, потому что у них стало два семейства в одном: старое и молодое, которого крайностей я не разделяю, а старики наоборот.

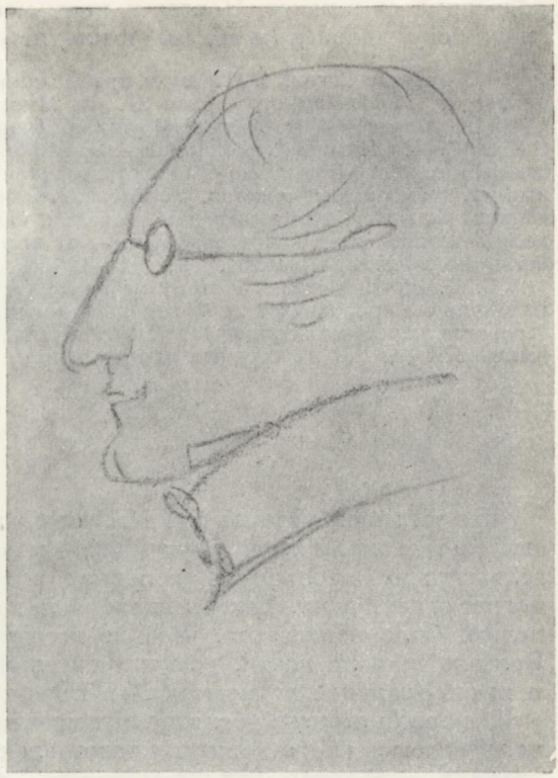
Чем дальше живешь, тем более убеждаешься, что, что... но об этом или много или ничего. Мои обстоятельства плохи. Прощай!

Твой М. П о г о д и н

ГОГОЛЬ

Рисунок А. С. Пушкина, 1833 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



Последнее письмо твое ко мне не понравилось: всё как-то обращаешь ты внимание на пустяки, мелочи, а не на главное [3].

[1] Погодин отправил Гоголю, повидимому, «Отрывки из древней истории».

[2] Погодин имеет в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 28 августа 1847 г. («Письма», IV, 63—69).

[3] Погодин, вероятно, говорит здесь о письме Гоголя из Остенде от августа 1847 г. («Письма», IV, 75—77).

⟨9⟩

Апреля 5. 1848

Я только что собрался написать к тебе в Константинополь, куда ты, по моим соображениям, должен был бы теперь приехать, как вдруг услышал, что ты уже в Одесском карантине! [1] Приветствую тебя в отечестве ⟨...⟩ Я очень рад, что ты поживешь теперь на родине, под сенью малороссийских черешен. Один воздух, не только физический, но и нравственный — воспоминаний и впечатлений — будет для тебя благотворен. Уединение, спокойствие, любовь — лекарства целебные. А когда же увидимся? Обнимаю... Должен сию минуту кончить, чтоб не опоздать на почту. Предосадно,— меня прервали на первых строках и отняли время.

Твой М. Погодин

Посылаю тебе «Москвитянина» — тем более, что конторщик не отправил по недоразумению его к матушке, как я узнал недавно [2]. Кланяюсь милостивой государыне Марье Ивановне и посылаю к ней письмо ⟨моей⟩ маменьки, которое пролежало у меня довольно долго в бумагах, а теперь

подвернулось в пакет. Нового к нему маменька ничего не прибавит: она, слава богу, здорова (и все мы) и кланяется твоей попрежнему.

[1] О приезде Гоголя в Одессу и пребывании его в карантине известил Погодина профессор Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевич (Барсуков, X, 470).

[2] 21 апреля 1848 г., вероятно уже получив письмо Погодина, Гоголь писал из Одессы С. П. Шевыреву: «Подпишись за меня на „Москвитянин" в конторе мимо сведения Погодина. Даром мне б не хотелось, тем более, что он должен высылаться на имя матери моей. Мне кажется, что и все прочие приятели Погодина и „Москвитянина" должны бы поступать так же: оно, кажется, безделица, но сделай это человек семь-восемь да посоветуй и другим то же,— от этого обстоятельства Погодина все б-таки были бы лучше» («Письма», IV, 185—186).

В. И. Шенрок сделал к этому месту следующее примечание: «Эти слова наводят на мысль, не признавался ли (в ненапечатанном пока письме) Шевырев Гоголю в расстройстве дел „Москвитянина"». Как устанавливается публикуемыми выше письмами, жаловался Гоголю на трудные материальные обстоятельства сам Погодин.

⟨10⟩

⟨Москва.⟩ Августа 13. 1848

Что ты запал? Здоров ли? Мы пережили трудное время. Холера у нас свирепствовала. У меня кругом были и болезнь и смерть. Матушка напугала сильно — только не холерою: воспаление, тоже грозившее антоновым огнем, и пр. Теперь выздоравливает. Дядю схоронил. На улицах нельзя было показаться, чтоб не встретить дроги, траур, можжевель. Болезнь прошла почти, но неутешительны известия о жатве, о пожарах и проч. Знамение по местам! А в Европе-то что делается! [1]

У меня было одно убежище и утешение — История! Работаю пристально, и надеюсь скоро кончить приготовление к печати томов 4, 5 и 6 исследований — до татар. Эти шесть томов — фундамент собственно и истории, в коей не будет уже никакого исследования, рассуждений, толкований, а один рассказ. Рад, что тебе понравился отрывок [2]. Но читал ли ты прежний — «Святослав», писавшийся в 1847 году? Тот в другом роде. Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным, в «Ревизоре» и «Мертвых душах» об объективности действующих лиц, обязана моя История много.

А прочие мои обстоятельства очень плохи.

Твой М. Погодин

Откликнись!

[1] Погодин имеет в виду революционные события 1848 г.

[2] Письмо Гоголя с отзывом о посланных ему отрывках из «Истории» Погодина до нас не дошло.

С. П. ШЕВЫРЕВ

⟨Дахау. Начало сентября 1839 г.⟩[1]

Что будешь делать с тобой? Ты меня так умаслил, что решился показать тебе свою тайну, но только тебе да Погодину, который уж об ней знает. Читай [2]. Благословишь ли? Ты меня так утешил письмом своим, что я ну читать стихи свои [3]. Сначала трусил, но потом, прочитавши, решился. Посылаю. Ответ дружеский не страшен никогда и всегда полезен, в том или другом случае.— Рифмам мужским и женским я дал развод, как делают немцы: но это разрешил мне и сам Пушкин.

Ну, друг, условие: чтобы и ты работал. Ссылаюсь на твое выражение: «Я буду большой дурак, если из этого ничего у меня не выдет». Смотри, ты рискуешь многим: я ведь начну с тобой браниться. Есть иногда в нас эта лень, которую надобно победить настойчивостью. Вена, конечно,

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

№ 3746

Отъ Москвы до Полтавы Коллежскому Ассесору Николаю Васильевичу Гогелю съ будущимъ изъ почтовыхъ

давать по три лошади съ проводникомъ, за указные прогоны, безъ задержанія выдана въ Москвѣ 20 Сентября 1851 года.

Съ сей подорожной за 840 верстъ 12 руб 60 коп взято 30 карбованцевъ

Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Графъ Закревскій

Казначей Цимоферъ

~~Бухгалтеръ~~

назло

По Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію, объявляется въ исправномъ исполненіи Гг. проѣзжающимъ на почтовыхъ лошадяхъ въ собственныхъ дешевыхъ минажахъ по дорогамъ для устроенія Шоссе, чтобы они не имѣли собственныхъ потребностей

ПОДОРОЖНАЯ НА ПРОЕЗД ИЗ МОСКВЫ ДО ПОЛТАВЫ, ВЫДАННАЯ ГОГОЛЮ 20 СЕНТЯБРЯ 1851 г.

Библиотека АН УССР, Киев

не вдохновительна, но что тебе за дело до Вены? Я тебе опять скажу на лень твою стихами из другой песни Данта, мною начатой:

«Коль речь твою перевести на дело,—
Великого проговорила тень,—
Душа твоя от страха обомлела.
Им часто в душу проникает лень.
От подвига он гонит нас, пугая,
Как призрак зверя, как померкнет день» [4].

Ну, помилуй, скажи, что ты делаешь с моим Briefsammler'ом?* Уж серебряная облатка его удивила, и он сзывал соседей на зрелище, а ты как раз после этого отпустил ему золотую! [5] Он просто с ума сошел, мой Briefsammler. Уж тут он и соседей не сзывал, а его просто нашли остолбеневшего перед письмом твоим и должны были вырвать письмо насильно из рук оцепеневшего брифзаммлера. Дело дошло и до ландрихтера, моего покорнейшего слуги, который меня просил написать тебе, чтоб ты в Дахау не присылал ни золотых, ни серебряных облаток. Я боюсь, что ты того и гляди брякнешь мне бриллиантовую: ну тогда уж я не ручаюсь и за моего ландрихтера. От такой облатки и он может помешаться. Беда да и только.

В прошлом письме я совершенно забыл отвечать тебе на вопрос о статуйке Фра-Беато. Погодин просил меня узнать о том, есть ли в маленьких статуйках всех знаменитых художников, сделанных Шваненталером, статуйка Пинтуриккио, а не Фра-Беато [6]— и для тебя купить ее. Но после он смешал Фра-Беато с Пинтуриккио. Я еще не совершенно знаю есть ли, потому что, живучи в Дахау, я не мог осведомиться. Как я рад буду, если мы в феврале с тобою увидимся. Дай тебе господь успеха во всех твоих предприятиях и здоровья как можно больше. Обнимаю тебя душевно [7].

Твой Шевырев

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (Пог. II/36/24).

[1] Это письмо является ответом на письмо Гоголя от 10 августа 1839 г., из Вены («Письма», I, 618—620). Приблизительная дата письма устанавливается почтовым штемпелем, из которого видно, что письмо было получено в Вене 21 сентября 1839 г. К публикуемому письму Шевыревым была сделана большая приписка, адресованная М. П. Погодину (напечатана Барсуковым, V, 326—329). Отклик Гоголя на получение этого письма от 21 сентября 1839 г.—«Письма», I, 628).

[2] Шевырев отправил Гоголю, по его настойчивой просьбе, свой перевод «Ада» Данте,—вероятно, песнь первую («Письма», I, 618—619).

[3] В письме от 10 августа 1839 г. Гоголь дал весьма высокую оценку Шевыреву как поэту («Письма», I, 619).

[4] Данте. «Ад», песнь II, стихи 43—48.

[5] В письме С. П. Шевырева к Погодину от 20 сентября 1839 г. сохранилась следующая приписка его, адресованная Гоголю: «Благодарю тебя, любезный друг, за ободрительное слово. Твои три облатки свели с ума всех жителей Дахау. Письмо в триумфе несено было от почты до моего дома при великом стечении народа. Briefsammler с ума сошел, а жаль мне его: аккуратен был в доставке писем. Дант мой уснул, явившись на московской сцене еще раз. Обнимаю тебя. Твой Шевырев» (неизд.— ЛБ, Пог. II/36/28).

[6] Фра-Беато (Джованни да Фьезоле, 1387—1455) и Пинтуриккио (Бернардино Бетти, 1454—1513) — итальянские художники.

[7] Отметим упоминание о Гоголе в письме Шевырева к Погодину от 22/10 июля 1839 г.: «Об Гоголе я имел известие от одного русского немца — Крона, который путешествовал вместе с ним и Данилевским» (неизд. — ЛБ, Пог. II/36/28).

* почтальон (нем.).

ГЕРОИ ГОГОЛЯ В РУССКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ XIX ВЕКА

Статья А. Коростина и Г. Стернина

Бессмертные творения Гоголя неизменно привлекали к себе внимание лучших представителей русского изобразительного искусства XIX века, начиная с Агина и кончая младшим поколением передвижников в лице С. А. Коровина и С. В. Иванова.

Бичующая сила сатирических образов, страстное разоблачение социального зла, горячая вера в исполинскую мощь народа — делали произведения гениального писателя близкими самым передовым русским художникам.

Работа над воплощением гоголевских образов в графике и живописи тесно связана с общими путями развития русского демократического искусства. Трудно представить себе историю русской реалистической графики без агинских рисунков к «Мертвым душам», без галлереи гоголевских типов Боклевского, без иллюстраций на гоголевские темы художников-передвижников, без замечательного цикла рисунков к «Мертвым душам» Петра Соколова. Многое останется непонятным в творческой биографии таких художников, как Репин, Крамской, В. Маковский, если не учитывать их глубокого интереса к Гоголю и его творениям.

Гоголь — один из любимейших писателей советских художников-иллюстраторов. Достаточно вспомнить иллюстрации Кукрыниксов к «Мертвым душам», «Шинели» и «Портрету», А. М. Лаптева — к «Мертвым душам», Е. А. Кибрика — к «Тарасу Бульбе». Иллюстрируя гоголевские произведения, советские художники творчески используют лучшие традиции русского искусства.

Систематизация и исследование богатейшего изобразительного материала, связанного с гоголевскими произведениями, начались уже давно [1]. Однако многое в этой области остается еще не изученным, даже еще не найденным, многое стало известно только в недавнее время.

Так, всего лишь несколько лет назад был обнаружен и частично опубликован основной цикл иллюстраций Петра Соколова к «Мертвым душам». Из числа доселе не найденных материалов отметим современные Гоголю иллюстрации к «Ревизору» К. И. Рабуса (1799—1857), экспонировавшиеся в 1902 г. на «Выставке в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского», устроенной в Москве Обществом любителей российской словесности; самые ранние по времени исполнения (пятидесятые годы) иллюстрации к «Портрету» и к «Запискам сумасшедшего» Павла Соколова; композиции И. Е. Репина к «Страшной мести» и к «Вию» — «Пан Данило Бурульбаш ⟨плывет⟩ по Днепру» и «Хома Брут, с ведьмой, на рассвете»; картину С. А. Коровина «Тарас Бульба», и т. д.[2]

Поиски гоголевских иллюстративных материалов привели в самое последнее время к ценным находкам. В настоящем томе «Литературного наследства» публикуется ряд новонайденных иллюстраций и станковых произведений, созданных на сюжеты Гоголя. Среди них основное по значению место занимает сепия Т. Г. Шевченко «Встреча Тараса Бульбы с сыновьями», исполненная в 1842 г.,— первая по времени иллюстрация к повести.

Дать общий обзор основных работ русских художников XIX века на гоголевские темы (иллюстраций и станковых произведений) и является задачей настоящей статьи.

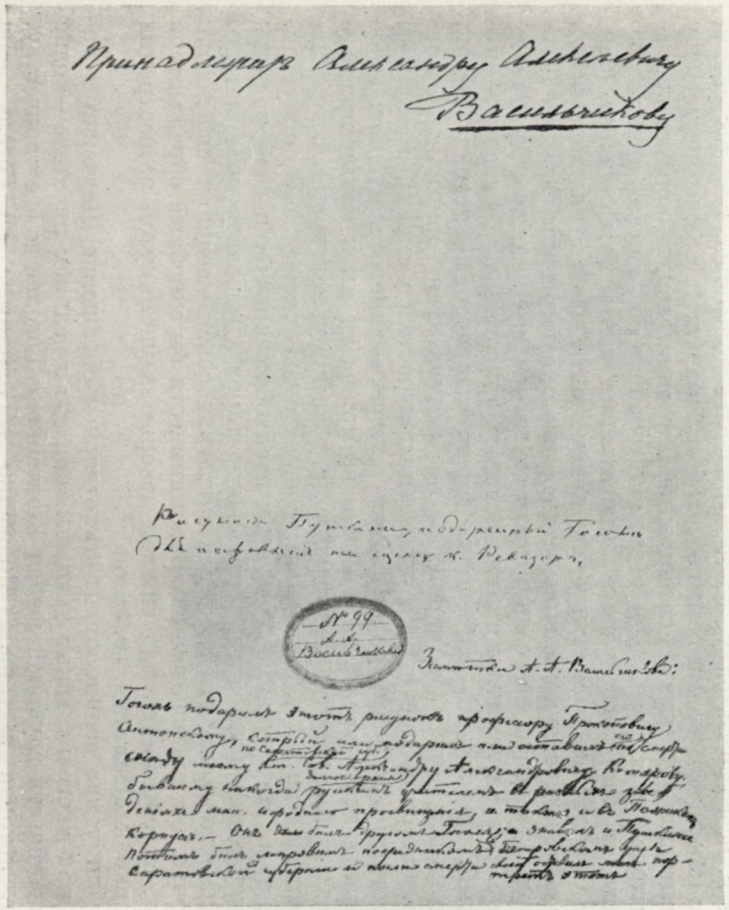
С Гоголем вошли в литературу новые герои, новые социальные типы, глубоко отличавшиеся от тех, которых знала до того русская литература. Эти герои привлекли общее внимание и получили отражение в изобразительном искусстве. Историю иллюстрирования Гоголя можно было бы начать с почти любительских проб, стоящих почти за пределами искусства. Таков, например, рисунок неизвестного художника — «Городничий», по преданию, весьма достоверному, подаренный Гоголю Пушкиным (см. стр. 839). Вполне возможно, что это не просто бытовая зарисовка, но самая ранняя попытка — пусть еще нескладная, дилетантская, но не лишенная выразительности — воссоздать в графике облик гоголевского городничего, попытка, сделанная еще до постановки комедии на сцене [3].

Другие зарисовки, относящиеся к тридцатым годам, уже являются отражением первой постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра. Таков рисунок актера П. А. Каратыгина, изображающий городничего в окружении чиновников (д. I, сц. 1), найденный и опубликованный Л. А. Динцесом в 1936 г.[4] Финальная сцена «Ревизора» в постановке Александринского театра, зарисованная актером В. В. Самойловым, стала известна еще в 1840 г. (в грубоватой гравюре на дереве Эльваля) [5].

Наконец, большою известностью пользуются три рисунка 1840-х годов к немой сцене «Ревизора», приписывавшиеся последовательно то самому Гоголю, то А. А. Иванову, но в действительности исполненные, возможно, по указаниям Гоголя, другим художником.

Акакий Акакиевич Башмачкин, наряду с персонажами «Ревизора», также поразил воображение современников, и в том числе, конечно, художников. Н. А. Рамазанов вскользь рассказал, как в 1845 г. русские художники в Риме читали Гоголя: «Собралось много и читали вслух „Шинель" Гоголя» [6]. Больше всех реагировал на чтение больной В. И. Штернберг, чьи украинские пейзажи и жанры представляют собой интересную изобразительную параллель к украинским повестям великого писателя. «Он сидел, как теперь помню, на диване,— пишет Рамазанов о Штернберге,— слушал и смеялся и восхищался произведением Гоголя» [7]. Преждевременная смерть помешала, можно думать, Штернбергу творчески отозваться на «Шинель» Гоголя. Но вот отклик из других художественных кругов. Последователь А. Г. Венецианова, жанрист К. А. Зеленцов (1790—1845), явился автором очень скромного, но выразительного рисунка, изображающего жалкого, забитого чиновника (см. стр. 841). Эта зарисовка созвучна Гоголю, изображенный Зеленцовым «копиист» несомненно близок к образу Акакия Акакиевича, и трудно допустить, чтобы рисунок этот возник вне связи с гоголевской «Шинелью» [8].

Гоголь был близок к Венецианову и вообще к «венециановским кругам» (свидетельством чему является прежде всего известный портрет-литография молодого Гоголя, работы Венецианова). Тем интереснее каждое произведение венециановцев, которое можно поставить в связь с творчеством Гоголя.



ГОРОДНИЧИЙ. РИСУНОК, ПОДАРЕННЫЙ, ПО ПРЕДАНИЮ, ПУШКИНЫМ ГОГОЛЮ

Гуашь неизвестного художника. На обороте рисунка изложена его история

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В 1835 г. вошел в литературу Тарас Бульба, которому суждено было множество раз быть изображенным русскими художниками. Обычно его первыми изобразителями считаются художники Павел Соколов и М. О. Микешин. Соколов создал в 1861—1869 гг. ряд иллюстраций к «Тарасу Бульбе», которых мы коснемся в дальнейшем; Микешин, молодой, только что окончивший Академию художник, попытался еще в 1859 г. в карандашном наброске представить себе облик Тараса, но, повидимому, только как тип, вне прямой связи с определенным эпизодом повести. Микешин изобразил Тараса за столом, глубоко задумавшимся. Рисунок прост, непритязателен, но очень выразителен [9].

Однако самой ранней и поистине блестящей, яркой и образной иллюстрацией к «Тарасу Бульбе» является сепия великого украинского поэта и художника Т. Г. Шевченко (1814—1861). О ее существовании было известно давно, с 1888 г., когда первые сведения о ней появились в статье В. П. Горленко о Шевченко-художнике [10]. С тех пор сепия часто упоминалась, но не были известны ни ее дата, ни сюжет, ни местонахождение. Во всех работах о Шевченко, во всех обзорах иллюстративных материалов по Гоголю эта сепия обозначалась просто: «Сцена из „Тараса Бульбы“» [11].

В 1951 г. эта замечательная работа Шевченко была обнаружена в фондах Государственного Эрмитажа и ныне публикуется в настоящем томе «Литературного наследства» (между стр. 840—841).

Сепия подписана и датирована художником 1842 годом. Она изображает сцену приезда сыновей Тараса к отцу. Бесспорно, сепия представляет собой одну из наиболее интересных и значительных графических работ Шевченко из числа исполненных им в начале сороковых годов, в бытность еще учеником Академии.

Нет никаких указаний на то, что Шевченко предполагал дать в это время серию иллюстраций к «Тарасу Бульбе». Он, видимо, изобразил в 1842 г. всего лишь одну, но зато наиболее полюбившуюся ему сцену, так же как двумя годами раньше, в 1840 г., исполнил только одну сцену из «Полтавы» Пушкина. В своей сепии Шевченко уделил большое внимание бытовой обстановке — и в этом отношении его «сцена» решительно превосходит все последующие иллюстрации на тот же сюжет (так, Павел Соколов изобразил эту же сцену почти на нейтральном фоне). Но не в передаче художником деталей украинского быта главное. Шевченко увлек прежде всего драматизм события и яркие образы действующих лиц. Перед зрителем в живой сцене, нарисованной Шевченко,— коренастый, длинноусый насмешник Тарас, «здоровенный детина» Остап, девически-застенчивый Андрий, мать, пытающаяся примирить спорщиков. Столкновение отца с сыном, в контрасте со скромным, как бы безучастным Андрием, переживания матери — таково психологическое содержание иллюстрации. Шевченко не прибегает ни к каким приемам внешней драматизации; он чужд романтическому мелодраматизму Павла Соколова или М. А. Зичи и дает сцену с предельной жизненной убедительностью. Не случайно художник ввел образ матери в свой рисунок (его нет у некоторых позднейших иллюстраторов). Душевная драма матери, болеющей за своих детей, не раз затрагивалась Шевченко в его поэзии и графических произведениях. Вспомним хотя бы скорбный образ матери Марии, склонившейся над спящей дочерью в упомянутой иллюстрации Шевченко к «Полтаве» Пушкина [12].

Публикуемая сепия, как и стихотворное обращение Шевченко к Гоголю, как многочисленные высказывания его о великом писателе — одно из свидетельств глубокой любви Шевченко к Гоголю, к его творчеству, любви, которая заставила Шевченко воскликнуть: «О Гоголь, наш бессмертный Гоголь!» [13].

ПРИЕЗД СЫНОВЕЙ ТАРАСА ИЗ БУРСЫ

Рисунок сепией Т. Г. Шевченко, 1842 г.

Эрмитаж, Ленинград

ПЛЮШКИН
Гравюра Е. Е. Бернардского с рисунка А. А. Агина, 1846 г.

ности тесно примыкают к великим творениям писателя. Говоря о необходимости сатиры «умной», «благородной», уже Шевченко ставил в качестве примера в один ряд «Ревизора» Гоголя и «Сватовство майора» Федотова [15]. Глава передвижников И. Н. Крамской писал: «Федотов явился отражением литературы Гоголя ⟨...⟩. В то время из официального мира никто не давал значения этому явлению; когда же Федотов стал слишком живо интересовать, настолько живо, что стал угрожать величию чистоты стиля, от него была отнята поддержка, на него восстали» [16].

Можно обнаружить и прямую связь отдельных работ Федотова с гоголевскими произведениями. Пожалуй, наиболее показательный пример — известная акварель «Передняя частного пристава накануне большого праздника», исполненная Федотовым в 1837 г. в Москве, возможно, под непосредственным впечатлением московской постановки «Ревизора» на сцене Малого театра (в Москве комедия была поставлена в конце мая 1836 г.). На эту связь не раз уже обращали внимание исследователи [17]. Действительно, близость художника к Гоголю несомненна. Перед нами на акварели Федотова многочисленные посетители, ждущие очереди чтобы «поздравить» полицейское начальство. Нетрудно представить, какой характер носит это «поздравление». Достаточно посмотреть на купцов в углу комнаты, отягченных съестными припасами, или на мужика, волокущего на себе целую свиную тушу. Федотова роднит здесь с Гоголем не только сходство сюжетного мотива с соответствующими сценами «Ревизора», но и глубокий социальный смысл сатиры. Замечательно, что «Передняя частного пристава» — самый ранний образец социальной сатиры в творчестве Федотова, его как бы первый шаг в этой области, и этот первый шаг оказывается тесно связанным с Гоголем.

К сожалению, очень мало известно о личных отношениях Гоголя с Федотовым. В своих воспоминаниях о художнике А. В. Дружинин свидетельствует, что Федотов «страстно любил Крылова, к творениям Пушкина и Гоголя был холоднее...», но тем не менее «очень уважал Гоголя и на одном вечере, после долгого разговора с автором „Бульбы", сказал потихоньку

одному из присутствующих: „Приятно слушать похвалу от такого человека. Это лучше всех печатных похвал“» [18].

Глубиной жизненной правды и беспощадной критикой уродливых сторон действительности гоголевские произведения открывали новые пути в развитии русской передовой литературы. Мысли и чувства великого писателя, выраженные в его лучших произведениях, оказывали плодотворное воздействие на все области художественного творчества и в том числе на изобразительное искусство. Чрезвычайно наглядно сказалось это в книжной иллюстрации. Недаром самым выдающимся произведением русской реалистической иллюстрации сороковых годов явились «сто рисунков» к поэме Гоголя «Мертвые души» Александра Алексеевича Агина (1817—1875) [19].

В мае 1842 г. вышел из печати первый том поэмы. Выход в свет бессмертного создания Гоголя явился важнейшим событием в литературной и общественной жизни России. По поводу книги возникли горячие споры, перешедшие в острую полемику по самым злободневным политическим вопросам. Реакционная критика во главе с Сенковским и Булгариным обвиняла писателя в клевете на русскую действительность. Разоблачая эти реакционные нападки, Белинский в течение одного только 1842 года четырежды выступал на страницах «Отечественных записок» в защиту Гоголя и «Мертвых душ». Гениальный критик раскрыл подлинное значение книги и указал, что она является крупнейшим достижением в развитии идейного, реалистического народного искусства. В оценке «Мертвых душ» Белинский и весь передовой демократический лагерь подчеркивали в первую очередь обличительный смысл поэмы, направленной против самодержавно-крепостнического строя.

С подобных же позиций подошел к решению своей иллюстрационной задачи и Ал. Агин, первый из художников, взявший на себя в 1846 г. ответственнейший труд графического истолкования «Мертвых душ».

НОЗДРЕВ

Гравюра Е. Е. Бернардского с рисунка А. А. Агина, 1846 г.

В феврале 1846 г. Агин и его друг гравер-ксилограф Е. Е. Бернардский (род. в 1819 г., умер, вероятно, в 1860-х годах), решив приступить к иллюстрированному изданию поэмы, обратились через посредство П. А. Плетнева к Гоголю за разрешением[20]. Гоголь, близкий уже в то время к отречению от своих прежних великих созданий, ответил отказом [21]. Однако Агин и Бернардский решили во что бы то ни стало осуществить задуманное. В конце октября 1846 г. Шевырев писал Гоголю: «Бернардский издает 100 рисунков к „Мертвым душам“; ты, конечно, об этом слышал. ⟨Альбом⟩ должен выйти на днях» [22]. Вскоре действительно иллюстрации начали выходить в свет. Агин рисовал их на досках, Бернардский мастерски гравировал [23]. Агин и Бернардский рассчитывали на то, что рисунки, как это предлагалось ими в проспекте издания, будут вкладываться читателями между соответствующими страницами печатного текста «Мертвых душ».

Вследствие материальных затруднений и усилившегося цензурного гнета издание альбома прекратилось на 18-м выпуске; увидели свет лишь 72 листа. В полном виде альбом появился только в 1892 г., причем к «ста рисункам» были прибавлены еще три — к «Повести о капитане Копейкине», сделанные Агиным специально для некрасовского «Иллюстрированного альманаха» 1848 г., запрещенного цензурой.

Иллюстрации Агина подчинены единой цели — воссоздать основные события и образы поэмы. Начиная с первого же рисунка, изображающего въезд Чичикова в губернский город, художник неотступно следует за сюжетной нитью повествования, за всеми перипетиями судьбы главного героя — Чичикова. Агин замечательно использует метод подробного графического рассказа для глубокой социальной характеристики основных героев «Мертвых душ», для того чтобы как можно острее подчеркнуть обличительную сатирическую тенденцию книги. На пяти листах, например, воспроизводит он в разных стадиях знаменитую сцену разговора Чичикова с Собакевичем. В смене остро схваченных выразительных жестов и мимики, от рисунка к рисунку, открывает он все новые и новые неприглядные черты их характера. В сопоставлении с медвежьей осанкой и угловатыми движениями грубого Собакевича еще отчетливее выступает суетливая подвижность изворотливого покупателя мертвых душ. Завершает эти пять гравюр лист, на котором изображен Собакевич, внимательно рассматривающий потертую ассигнацию, полученную от Чичикова. Алчность помещика-крепостника выражена здесь в неприкрытом виде.

И во всех других случаях применяет Агин подобный же прием последовательного разоблачения персонажей поэмы. Так, иллюстрации, относящиеся к тому месту книги, где говорится о пребывании Чичикова у Плюшкина, завершаются одним из самых сильных рисунков серии: в то время как довольный Чичиков уверенным жестом прячет расписку, Плюшкин, изображенный на первом плане, уносит деньги, словно приставшие к судорожно сжатым рукам (см. стр. 842). Плюшкин в рисунке Агина действительно «прореха на человечестве», как охарактеризовал своего героя Гоголь. Эта агинская иллюстрация может служить примером глубокого зрительного воплощения гоголевского образа [24].

В более поздние годы В. Г. Короленко писал: «Первый иллюстратор Гоголя Агин дал нам ⟨...⟩ Плюшкина и Собакевича, которых мы уже не можем представить иначе, как в чертах, им закрепленных» [25]. Эту характеристику Короленко можно отнести и к ряду других образов поэмы, созданных Агиным (например, к Ноздреву).

Значительный интерес представляют иллюстрации Агина к «Повести о капитане Копейкине». К небольшому по размеру, но чрезвычайно важному по своему содержанию эпизоду Агин сделал пять рисунков. Вслед за Гоголем художник смело подчеркивает тему социального гнета и

неравенства, вызывая у зрителя горячее сочувствие к обездоленному инвалиду, ветерану войны 1812 года. Словно перед каменным бесстрастным изваянием стоит Копейкин перед швейцаром вельможи. На другом листе сам вельможа, выслушивающий Копейкина. За внешней, показной учтивостью сквозит черствость и тупое бездушие. Еще в одной иллюстрации Агин изображает голодного Копейкина перед окнами заваленных снедью милютинских лавок.

«ВОНА! ПОШЛА ПИСАТЬ ГУБЕРНИЯ!»
Гравюра Е. Е. Бернардского с рисунка А. А. Агина, 1846 г.
Иллюстрация к главе VIII-й «Мертвых душ»

Характерно, что оригиналы этих иллюстраций подверглись цензурной правке. Так, например, на рисунке, изображающем Копейкина перед швейцаром, цензором зачеркнут графский герб, помещенный художником на торце лестницы [26]. Кроме того, значительно ослаблен и обличительный смысл приведенной под рисунком выдержки из гоголевского текста. Подобная настороженность царской цензуры по отношению к агинским иллюстрациям — еще одно свидетельство их острой критической направленности, вытекающей из глубокого понимания социального смысла великого гоголевского творения.

Но не только основные герои «Мертвых душ» интересовали Агина. Его привлекали у Гоголя и широкие бытовые картины. Как едкая сатира на провинциальное общество воспринимается рисунок — бал у губернатора. Изображенной на переднем плане уездной барышне с ее чванливым жеманством подстать и кавалер, выполняющий затверженным движением очередное па. Рисунок не требует пространных объяснений. Его содержание исчерпывается гоголевской фразой: «Вона! пошла писать губерния!» (стр. 845).

Выход в свет «Ста рисунков из сочинения Н. В. Гоголя „Мертвые души“» вызвал немногочисленные, но любопытные отклики. Правда, Белинский, пристально следивший за развитием русской реалистической иллюстрации и, в частности, горячо одобривший рисунки Агина к «Помещику» Тургенева (в «Петербургском сборнике» 1846 г.), не высказал своего мнения об этой новой важнейшей работе художника. Ряд соображений по этому поводу уже приводился в нашей печати. Дело в том, что в первом номере «Современника» за 1847 г., где был напечатан очередной годовой обзор русской литературы Белинского, была помещена и специальная заметка об агинских иллюстрациях к «Мертвым душам», написанная молодым И. С. Тургеневым [27]. Возможно, Белинский именно поэтому не счел нужным говорить о них в своей статье.

Заметка Тургенева подчеркивала сложность задач, стоявших перед иллюстратором «Мертвых душ»: «Браться за типы, созданные этим великим мастером, страшно...»,— писал Тургенев [28]. Тургенев утверждал, что Агин не смог полностью преодолеть трудностей, связанных с работой над иллюстрированием «Мертвых душ». Основной упрек сводился к тому, что гоголевские типы якобы «невполне дались» художнику. Автор рецензии был прав лишь в тех случаях, когда отмечал излишнюю гротескность и малую выразительность образов крестьян и дворовых у Агина.

С более развернутым отзывом об агинском альбоме выступил в «Отечественных записках» молодой критик Вал. Майков [29]. В целом он дал весьма положительную оценку иллюстрациям Агина, приветствуя «опыт художника бойким карандашом начертить ряд разнообразнейших сцен из похождений Павла Ивановича и ознакомить публику посредством этих рисунков с разными явлениями действительной жизни» [30]. Сатирического смысла поэмы и иллюстраций Майков почти не касался. Вместе с тем он отмечал некоторые, с его точки зрения, недостатки иллюстраций, сожалея, что «художники ⟨Агин и Бернардский⟩ оставили без воспроизведения те дивные места поэмы, в которых Гоголь явился исключительно живописцем, совершенно независимым от самого себя как от рассказчика» [31]. Действительно, в иллюстрациях Агина не нашел своего полного выражения лирический пафос поэмы и не отражены изумительные по художественной полноте и красочности гоголевские пейзажные описания. Следует, однако, помнить, что лирически проникновенная эмоциональная трактовка родной природы в ее обыденном неприкрашенном облике — завоевание русского изобразительного искусства, и живописи и графики, лишь второй половины XIX века. К тому же, сосредоточив все внимание на основной сюжетной линии, Агин тем самым сознательно заострял критическую обличительную направленность своих иллюстраций.

В 1892 г. по поводу выхода в свет полного альбома агинских иллюстраций выступил в печати со статьей, называвшейся «Об иллюстрациях к „Мертвым душам“», Н. С. Лесков. Лесков касался главным образом истории создания иллюстраций и их дальнейшей судьбы [32]. Лишь в конце дана была оценка агинских рисунков в сравнении с работами других иллюстраторов — Петра Соколова и Боклевского. Лесков приходил к выводу, что «любителю литературы агинский альбом рисунков к „Мертвым душам“, несомненно, будет интереснее и драгоценнее других двух

ССОРА ИВАНА ИВАНОВИЧА С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ

Картина маслом Е. И. Берестова, 1850—1860-х гг.

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

альбомов, тоже очень хороших, но не представляющих собой всей той полноты, какую мы находим в альбоме рисунков Агина»[33]. Правда, вынося свое суждение, Лесков был знаком лишь с незначительной частью иллюстраций Петра Соколова[34].

Следует отметить также, что один из наиболее выдающихся иллюстраторов 1840-х годов — Василий Федорович Тимм (1820—1895), произведения которого не раз положительно расценивались Белинским, имел, повидимому, намерение иллюстрировать «Ревизора». Так на персональной выставке В. Ф. Тимма, состоявшейся в 1951—1952 гг. в Риге и в Москве, впервые появился его интересный рисунок, изображающий Осипа.

Усилившаяся к концу сороковых годов политическая реакция пыталась парализовать растущее общественное движение. Гнет царизма испытывали на себе все лучшие люди эпохи. Преждевременно умирает Федотов. Не мог продолжать свою работу и Агин. Так называемый Бутурлинский комитет установил жесточайший цензурный террор. С особой внимательностью следила цензура за всем, что было так или иначе связано с Гоголем. Как известно, в 1852 г. в связи с напечатанием некролога Гоголя поплатился ссылкой в свое имение Тургенев. В этой гнетущей обстановке передовые литературные деятели вынуждены были прибегать иногда к своеобразным приемам. Так, рисунок Агина к «Повести о капитане Копейкине», из числа тех, которые предназначались ранее для «Иллюстрированного альманаха», был помещен в 1849 г. в некрасовском «Литературном сборнике» как иллюстрация к... «Трактату о физиогномике».

Растущее революционное движение в России и укрепление демократической идеологии приводит во второй половине пятидесятых годов к подъему передового реалистического искусства. Развивая материалистическую эстетику Белинского, Чернышевский и Добролюбов подняли на новую, более высокую ступень идею общественного служения художника народу.

В шестидесятых годах ведущим жанром в изобразительном искусстве окончательно становится бытовая картина, насыщенная большим социальным содержанием. Бытовая живопись вступает в полосу расцвета. Сюжеты гоголевских произведений не могли не привлечь в это время внимания живописцев. Правда, вождь передового демократического искусства этих лет — В. Г. Перов — не развил и не воплотил в законченном живописном решении ни одного из своих «гоголевских замыслов». Карандашные наброски, исполненные Перовым в 1869 г. и хранящиеся в Третьяковской галлерее, представляют собой лишь первую попытку художника наметить образ Тараса Бульбы. Композиция «Петр Петрович Петух со своим поваром» (1871, Киевский музей русского искусства) так и осталась незавершенной, в стадии эскиза. Самое замечательное и самое законченное произведение Перова на гоголевскую тему — его большой рисунок 1864 г.— «Погребение Гоголя героями его произведений» (Третьяковская галлерея). Несмотря на несомненный интерес этого рисунка, он, однако, не может быть отнесен к разряду литературных иллюстраций и выпадает из рамок настоящего обзора[35].

Гоголевская тема в живописи шестидесятых годов нашла отражение в творчестве художников совсем скромных и почти неизвестных — Сергея Ивановича Грибкова[36] и Егора Ивановича Берестова[37]. Оба были художниками-разночинцами, художниками-демократами, внесшими в меру своих сил небольшой, но ценный вклад в русское реалистическое искусство шестидесятых годов.

Картина С. И. Грибкова «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем» (1864), находящаяся в Русском музее, известна издавна, но только

БОБЧИНСКИЙ И ДОБЧИНСКИЙ
Рисунок П. М. Боклевского, 1890-е гг.
Исторический музей Москва

ЧИЧИКОВ
Рисунки П. М. Боклевского, 1892 г.
Литературный музей, Москва

недавно мы получили представление о другой его картине — «Обед Хлестакова» (1868), впервые появившейся на выставке картин из частных коллекций, устроенной в 1951 г. в залах Академии художеств (Ленинград) [38]. Эта новая картина Грибкова может служить примером того, насколько сильны еще были федотовские традиции в живописи шестидесятых годов. В своем «Обеде Хлестакова» Грибков провел достаточно тонкую параллель с федотовским «Завтраком аристократа», у которого, как и у Хлестакова, «на брюхе — шелк, а в брюхе — щелк». Есть много общего с Федотовым и в изображении самой фигуры Хлестакова (отметим такую «федотовскую» деталь, как отдувшаяся щека поспешно уплетающего обед Хлестакова), и в общих приемах композиции, и в тонкой выписанности аксессуаров: накрытого к обеду стола, лежащих невдалеке цилиндра, трости и перчаток, ширмы на втором плане и т. д. Мало характерна, к сожалению, фигура Осипа, с сокрушенным видом стоящего в дверях; но зато полна своеобразия и конкретной выразительности фигура полового, писанного, вероятно, с натуры (см. стр. 585).

Ни одна картина Е. И. Берестова до сих пор не была известна. Тем интереснее для нас его картина «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», находящаяся в собрании Н. П. Смирнова-Сокольского (см. стр. 847). Картина не датирована, но с наибольшим вероятием может быть отнесена к началу шестидесятых годов. Художник вводит нас в знакомую по повести обстановку. Зритель видит погруженную в полумрак комнату, с разостланным на полу ковром и подвешенной под потолок клеткой. В умелом, обогащающем содержание картины изображении интерьера сказались навыки федотовской школы. Хорошо передав комизм сцены, Берестов достаточно ярко выразил и свое ироническое к ней отношение. Это также роднит его с Федотовым. Наконец, Берестов старается как можно ближе следовать за Гоголем. Воспроизводя в своей картине кульминационный момент повести, Берестов явно имеет в виду те гоголевские строки, в которых писатель четко наметил как бы мизансцену события: «Вся группа представляла сильную картину: Иван Никифорович, стоявший посреди комнаты в полной красоте своей без всякого украшения! Баба, разинувшая рот и выразившая на лице самую бессмысленную и исполненную страха мину! Иван Иванович, с поднятой вверх рукою, как изображались римские трибуны! Это была необыкновенная минута! Спектакль великолепный! и между тем только один был зрителем: это был мальчик в неизмеримом сюртуке, который стоял довольно покойно и чистил пальцем свой нос».

Именно этот момент и воплотил Берестов в своей картине. В ней присутствуют все четыре действующих лица, названные Гоголем. Особенно рельефно выступает непомерно толстая, прикрытая лишь куском простыни, фигура Ивана Никифоровича, воспринимаемая как своего рода пародия на классическую статую. Это еще в большей мере подчеркивает курьезный патетический жест оскорбленного Ивана Ивановича, изображенного с поднятой рукой,— «как изображались римские трибуны». Выразительно и остро характеризовано его лицо. Слабее исполнена и излишне шаржирована баба Горпина, призванная барином на помощь.

Со второй половины пятидесятых годов начинает работать над воссозданием гоголевских образов Петр Михайлович Боклевский (1816—1897), чье огромное художественное наследие до сих пор не изучено в должной мере.

Среди воссозданных им литературных образов мы найдем персонажей и пьес Островского, и романа Мельникова-Печерского «В лесах», и лермонтовских произведений. Однако над всем преобладал интерес художника к Гоголю. На протяжении всего своего творческого пути Боклевский постоянно возвращался к работе над образами гоголевских

героев, создавая все новые и новые «варианты». Более всего и с наибольшей удачей он работал над иллюстрациями к «Ревизору» и к «Мертвым душам».

Именно эти иллюстрации и создали Боклевскому прочную и заслуженную известность. Можно привести немало примеров самой положительной оценки, которую они получили. Едва ли не первый критический отзыв принадлежал проницательному Н. А. Рамазанову, писавшему (в конце пятидесятых годов): «Характерных лиц, превосходно нарисованных Боклевским, чрезвычайно много, и все они: Вышнепокромов, Чичиков, Селифан, Петрушка, Улинька, Черненькие, сцена Петуха с поваром ⟨...⟩ и другие исполнены большой типичности, как и лица из комедии „Ревизор“ ⟨...⟩ Скажем просто: рисунки ⟨...⟩ Боклевского представляют вполне художественный любопытный труд»[39].

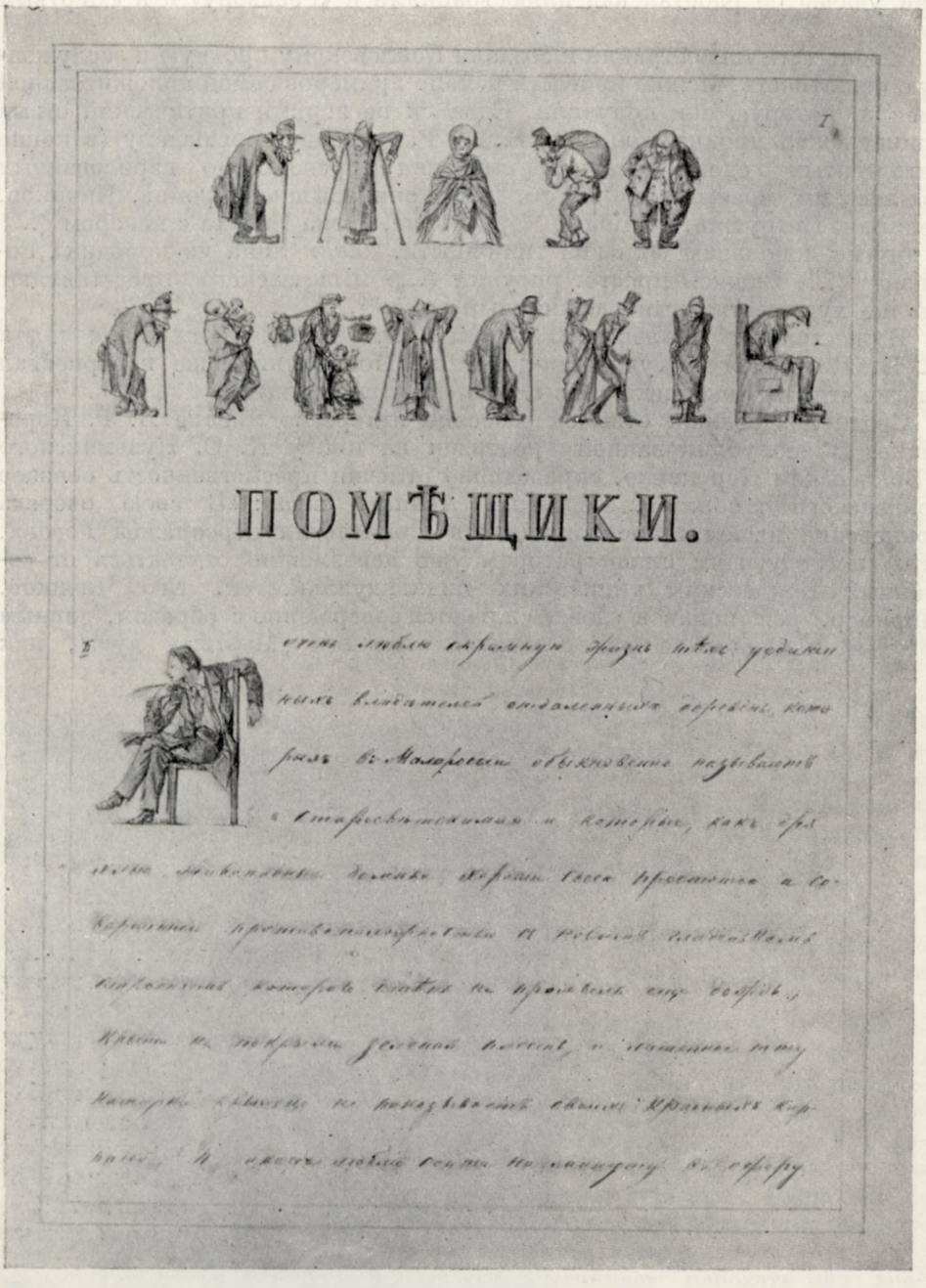
Иллюстрации Боклевского к «Мертвым душам» восхищали поэта Я. П. Полонского. Художник-дилетант, Полонский даже перерисовал многие «типы» Боклевского из цикла «Мертвых душ» [40].

Среди позднейших отзывов особенно интересно мнение В. Г. Короленко. В неопубликованной рецензии на книгу К. С. Кузьминского о Боклевском Короленко, справедливо отмечая преемственность образов Боклевского от образов, созданных Агиным, писал: «В свою очередь Боклевский нашел такие воплощения для многих персонажей Гоголя, ⟨что⟩ последующим иллюстраторам уже невозможно отделаться от созданных Боклевским типических индивидуальностей. Его Чичиков, например, раз попав в глаза, сливается совершенно с образом, данным Гоголем, и глядит на нас с каждой страницы „Мертвых душ“, как

ИНИЦИАЛ «П», ОТКРЫВАЮЩИЙ ТЕКСТ «СТАРОСВЕТСКИХ ПОМЕЩИКОВ»

Рисунок Пав. П. Соколова в рукописном экземпляре повести, 1853 г.

Исторический музей, Москва

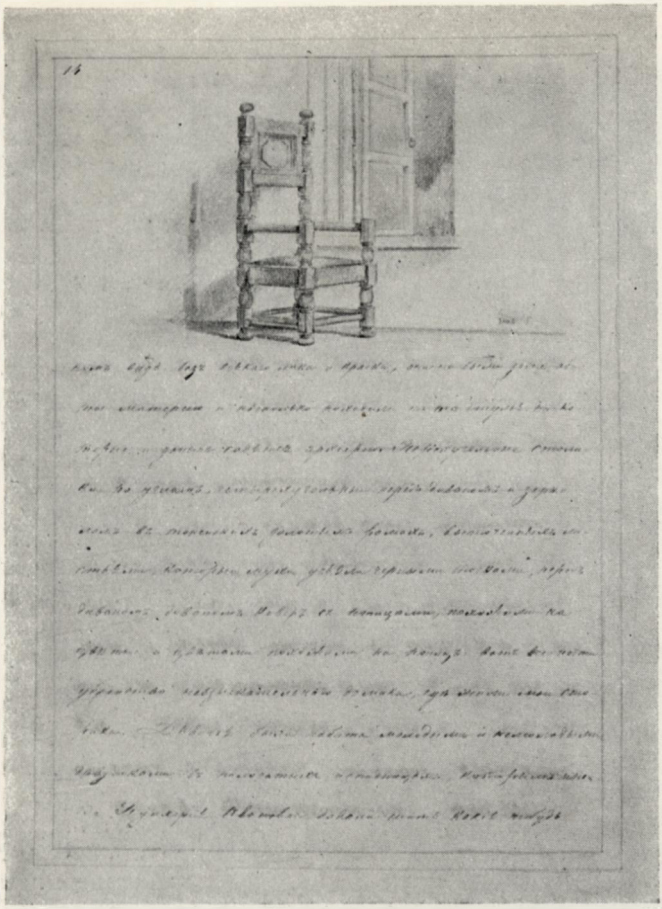


ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА ПОВЕСТИ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ», 1853 г.

Рисунки Пав. П. Соколова

Исторический музей, Москва

АВТОР «СТАРОСВЕТСКИХ ПОМЕЩИКОВ» В ГОСТЯХ У АФАНАСИЯ ИВАНОВИЧА
Рисунок Пав. П. Соколова в рукописном экземпляре повести, 1853 г.
Исторический музей, Москва



СТРАНИЦА РУКОПИСНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА ПОВЕСТИ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ», 1853 г.
Рисунок Пав. П. Соколова
Исторический музей, Москва

и Коробочка, Ноздрев, Манилов, как много других второстепенных персонажей гоголевской галлереи» [41].

И еще раз высоко оценивает рисунки Боклевского Короленко в письме к К. С. Кузьминскому: «Я видел оригиналы его иллюстраций к ,,Мертвым душам''. Это были рисунки карандашом и соусом, в старинной манере, с необыкновенно тонкой отделкой... Лучших иллюстраций к Гоголю после рисунков Боклевского (в оригинале) я не встречал, а Павла Ивановича Чичикова я уже иначе и не представляю,как в образе, данном Боклевским» [42].

Несмотря на то, что Боклевский приступил к иллюстрированию поэмы Гоголя еще в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, рисунки художника к «Мертвым душам» впервые появились в печати только в 1875 г.[43].

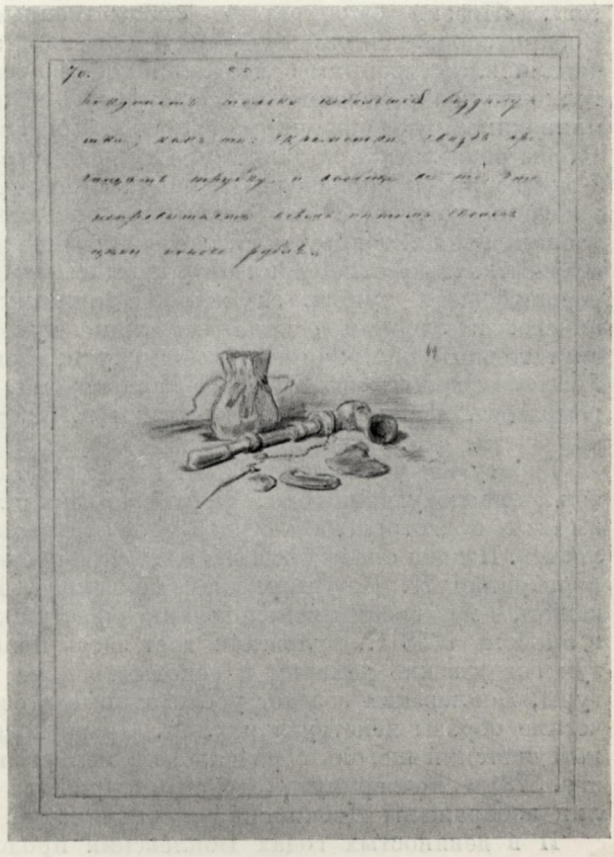
С иллюстрациями Боклевского к «Ревизору» публика ознакомилась значительно ранее. В 1858 г. в Москве вышел в свет литографированный альбом, воспроизводивший четырнадцать рисунков Боклевского к «Ревизору», под названием: «Галлерея гоголевских типов.—,,Ревизор''»[44]. Рисунки Боклевского, послужившие оригиналами для литографий этого альбома, хранятся в Историческом музее. Там же находится и сделанный самим художником макет обложки издания с проставленной им датой — 1856 год. Следовательно, альбом был готов за два года до выхода в свет.

В альбоме со всею наглядностью выступает характернейшая черта Боклевского-иллюстратора: все внимание художника обращено на созда-

ние типов. Стремясь к наибольшей выразительности, Боклевский сознательно подчеркивает объемность, телесность фигур. На каждой странице альбома изображен во весь рост тот или иной персонаж комедии. Галлерею образов замыкает изображение почтмейстера, держащего в руке распечатанный конверт и смеющегося над одураченными чиновниками города (см. стр. 583).

Однако общий замысел Боклевского достаточно резко расходился с идейным содержанием комедии. Обличительная сила «Ревизора» была значительно снижена. Это и отметила прогрессивная печать. Рецензент «Отечественных записок» писал: «У Гоголя пьеса замыкается появлением жандарма, возвещающего о прибытии настоящего ревизора. Это известие как громом поражает чиновников, потративших столько хитрости и подлости для ревизора воображаемого. Коллекция г. Боклевского замыкается почтмейстером, который от всей души хохочет, держа в одной руке письмо, а другою как бы показывая на всех предыдущих героев. По всему этому надобно заключить, что г. Боклевский влагает в свою коллекцию ⟨...⟩ не ту идею, которая лежит в самой комедии Гоголя, а другую. Гоголь под конец комедии покрыл все чувства и действия своих героев как преступные, так и просто смешные, единодушным чувством страха перед судом настоящего ревизора; г. Боклевский покрывает их простодушным, радостным смехом почтмейстера».

Существенен был и другой упрек, связанный уже с оценкой художественного метода Боклевского. Под изображением каждого типа Боклевский поместил выдержку из текста комедии. «Задумав ⟨...⟩ дать нам



ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА РУКОПИСНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА ПОВЕСТИ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ», 1853 г. Рисунок Пав. П. Соколова
Исторический музей, Москва

общие типы этих личностей,— пишет рецензент,— не следовало уже подписывать под ними никаких слов, ибо определенные слова напоминают определенные же места в комедии, а просто выставить под ними: вот это — Хлестаков, это — Городничий. Как будто сознавая, однако ж, что его Хлестаков и Городничий не могут быть признаны типическими, г. Боклевский подписал под ними слова, произносимые ими в известных сценах комедии и, приковав их таким образом к определенному месту, впал в противоречие с самим собой» [45]. Это замечание, повидимому, оказало воздействие на художника и было им в дальнейшем учтено.

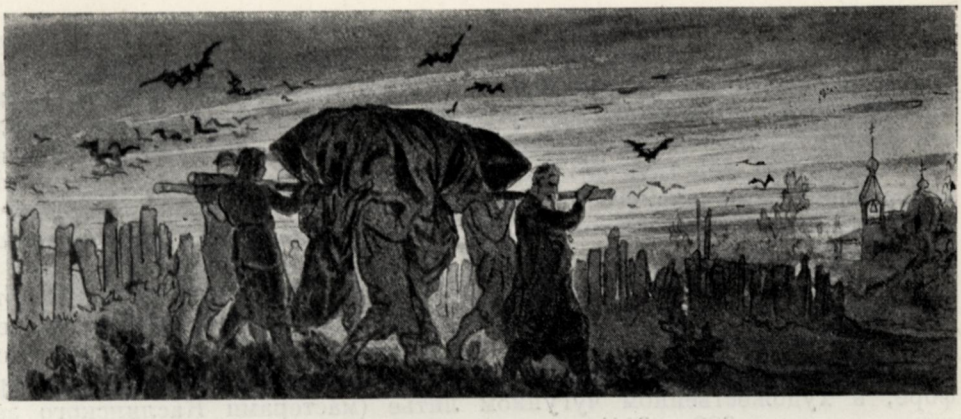
К теме «Ревизора» Боклевский вновь возвращается в 1863 г. В этом году он выпускает свой известный альбом литографий — «Бюрократический катехизис. Пять сцен из „Ревизора"». В своем первоначальном варианте эти сцены были помещены Боклевским в № 10 журнала «Иллюстрация» за 1862 г. В альбом 1863 г. они вошли после существенной переработки. В 1864 г. вышло и второе издание альбома «Бюрократический катехизис», но, по требованию цензуры, под измененным заглавием — «Сцены из „Ревизора"». Оригиналы двух рисунков, исполненных карандашом и имеющих пометы цензора, принадлежат ныне Н. П. Смирнову-Сокольскому (см. стр. 569, 571).

«Бюрократический катехизис» — одно из лучших произведений Боклевского. Социальная направленность изображенных «сцен» ясна с первого взгляда, но назвать их в полном смысле слова иллюстрациями нельзя. Скорее это яркое публицистическое выступление, удачная попытка использовать идеи и образы гоголевской комедии в обличительных целях для борьбы с помещичье-бюрократическим режимом. Рисунки озаглавлены: «Философия бюрократов», «Религия бюрократов», «Политика бюрократов», «Поэзия бюрократов», «Общественные отношения бюрократов». Воспроизводились определенные сцены из «Ревизора», но заголовки придавали иллюстрациям более широкое значение, выходящее за пределы толкования определенного литературного текста. Да и сам текст комедии, приводимый под рисунками, порой был слегка изменен художником. Чтобы разоблачить до конца преступный мир продажного чиновничества, Боклевский воспроизводил те места «Ревизора», где городничий и окружающие его люди с наибольшей откровенностью высказывают свои затаенные мысли, обнаруживают свое истинное лицо. Таков, например, лист: «Общественные отношения бюрократов», с изображением городничего, распекающего купцов за жалобы мнимому ревизору. В позе городничего, в злобном оскале его лица художник раскрывает весь отвратительный облик чиновника-самодура, «притеснителя» (говоря словами Гоголя) и грабителя. Не менее характерен и другой лист — «Поэзия бюрократов», изображающий городничего, размечтавшегося о генеральском чине (см. стр. 571).

Работу над иллюстрированием комедии Боклевский не приостанавливал и в последующие годы. На рубеже семидесятых—восьмидесятых годов им была подготовлена к печати новая тетрадь, состоявшая из двенадцати листов. Издана она не была, но до нашего времени дошла, и ныне находится в собрании Н. П. Смирнова-Сокольского. Рисунки выполнены карандашом, с мастерским использованием растушки. Вместо фигур в рост, как в альбоме 1858 г., художник дает здесь поясные изображения. Используя гоголевские ремарки и основываясь на внимательном изучении натуры, Боклевский создает убедительные в своей конкретности реалистические образы действующих лиц. Превосходен Хлестаков, этот никчемный светский щеголь с развязными манерами, «без царя в голове» (см. стр. 573). С подчеркнуто схожим и одинаково бессмысленным выражением лиц изображены Добчинский и Бобчинский (см. стр. 578—579).

И в девяностых годах Боклевский продолжает работать над иллю-

ГЕРОИ «МЕРТВЫХ ДУШ»
Рисунок П. М. Боклевского, 1870—1880-е гг.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва



ГРОБ ПАННОЧКИ НЕСУТ В ЦЕРКОВЬ
Рисунок М. О. Микешина к «Вию», 1872 г.
Литературный музей, Москва

у Ноздрева», «Чичиков у Собакевича». Иллюстрации невыразительны и грубы по выполнению. Лучше — его же четыре карандашных наброска ко второй части «Мертвых душ», хранящиеся в Русском музее [47].

Ряд рисунков к «Мертвым душам» даровитого карикатуриста, сотрудника «Искры» и «Гудка» Н. В. Иевлева был напечатан в различных журналах шестидесятых годов в крайне искаженном (граверами) виде, как, например: «Чичиков у Бетрищева» («Иллюстрация», 1861, № 185). Публикуемый в настоящем томе «Литературного наследства» рисунок Иевлева «Манилов с семейством» из собрания Литературного музея впервые дает возможность правильно судить о качестве иевлевских иллюстраций к «Мертвым душам» и той графической манере, в которой были выполнены оригиналы (см. стр. 785).

К. Е. Маковским в конце шестидесятых годов была исполнена акварель «Чичиков у Плюшкина» (Русский музей).

Видное место в графике пятидесятых-шестидесятых годов занимают рисунки к гоголевским произведениям Павла Петровича Соколова (1826—1905), более известного, однако, в качестве иллюстратора Пушкина. Художник иллюстрирует «Старосветских помещиков» (1853), «Портрет», «Записки сумасшедшего» и несколько позже, в шестидесятых годах,— «Тараса Бульбу» [48].

Рисунки Павла Соколова к «Старосветским помещикам» не издавались вплоть до девяностых годов. Лишь в 1895 г. издательство А. Ф. Маркса выпустило в свет повесть Гоголя с этими рисунками, воспроизведенными в гравюре на дереве [49]. Таким образом, иллюстрации Соколова стали известны спустя сорок с лишним лет после их создания. Оригиналы их сохранились и впервые публикуются (частично) в настоящем томе (см. стр. 627, 851—855)[50].

Сравнение оригинальных рисунков Соколова с их сильно уменьшенными ксилографическими воспроизведениями в издании 1895 г. показывает, что тонкая, изящная манера рисунков в гравюрах сильно огрублена. Кроме того, иллюстрации подверглись и своеобразной «корректуре». Так, в сцене разговора «автора» с Афанасием Ивановичем, в оригинальном рисунке на заднем плане, сквозь приоткрытую дверь, виднеется фигура спящего казачка, что придает характеристике всей обстановки определенный социальный оттенок. При гравировании эта фигура устранена.

Сам художник был крайне недоволен этим изданием. «„Старосветских помещиков“ издал Маркс,— писал он в своих «Воспоминаниях»,—но в та-

ком скверном издании, что, правда, было больно видеть свое произведение в подобном виде», [51].

Оригиналы иллюстраций Соколова украшают собою тетрадь, в которую от руки, повидимому, самим художником вписана вся повесть. Рисунки тесно связаны с текстом не только своей смысловой, но и графически-изобразительной стороной, составляя как бы одно целое с текстом. Часть рисунков носит характер виньеток. Уже начальный лист рукописи обнаруживает в художнике остроумного и изобретательного рисовальщика. Первое слово в заглавии (играющее роль заставки) составлено из разнообразных человеческих фигурок, образующих своими очертаниями буквы. Некоторые из этих фигурок представляют интересные социальные типы. Такова, к примеру, толстая барыня в чепце, колоколообразный наряд которой воспроизводит букву «А» (см. стр. 852).

Подобный метод иллюстрирования, подчеркивающий органическое единство текста и изображения, восходит еще к книжным изданиям сороковых годов типа знаменитого «Тарантаса» В. А. Соллогуба с рисунками Г. Г. Гагарина.

Иллюстрации Соколова подробно воссоздают содержание повести. Неоднократно и в различных сценах художник показывает Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну. Внимания заслуживает рисунок, где изображен сам автор (повесть ведется от первого лица) в беседе с Афанасием Ивановичем, тяжело переживающим утрату Пульхерии Ивановны (см. стр. 853).

Интересно, что в основу изображения Гоголя положена натурная зарисовка, сделанная с него К. Рабусом, известным живописцем и рисовальщиком сороковых-пятидесятых годов; лишь самым незначительным образом изменена поза и несколько смягчена острота характерного гоголевского профиля. Творческой переработкой того же иконографического типа является изображение писателя в заглавном инициале повести. Художник удачно обыгрывает здесь значение буквы «Я» как личного местоимения, подразумевающего по смыслу повести самого автора (см. стр. 851—852).

ПЛЯСКА ХОМЫ БРУТА

Гелиогравюра-офорт с рисунка М. О. Микешина к «Вию», 1872 г.

Собрание А. Ф. Коростина, Москва

Однако общий идиллический тон иллюстраций дает одностороннее истолкование повести. Белинский писал, что «в „Старосветских помещиках" и „Шинели" Гоголь умел в положительной пошлости жизни найти трагическое» [52]. Последнее как раз и не раскрыто художником. Оттого-то в ряде случаев иллюстрации и неубедительны, давая слишком сентиментальную трактовку основным персонажам повести. Кукольными и слащавыми выглядят также у Соколова дворовые девушки.

Наряду с образами действующих лиц, Соколова привлекают и те предметы быта, в окружении которых тускло и монотонно протекала жизнь супругов. Так, на особом рисунке представлен один из тех стульев, о которых выразительно говорится в повести, а сама повесть завершается концовкой, изображающей кисет и трубку, словно осиротевших после смерти хозяина (стр. 854 и 855).

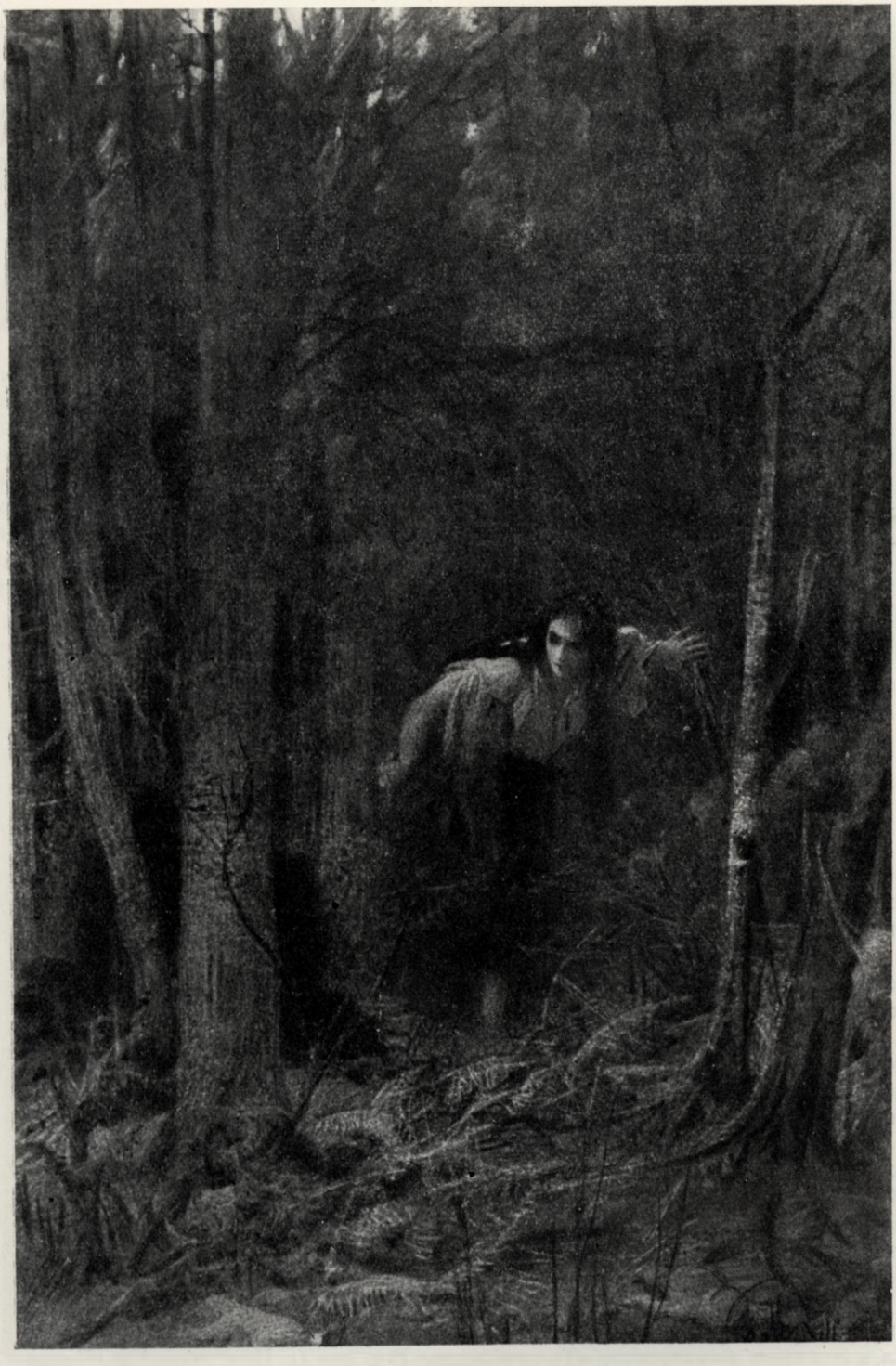
В пятидесятых годах Павел Соколов исполнил также иллюстрации к «Запискам сумасшедшего» и к «Портрету». «Г. Соколов не остановился на тетради ,,Старосветских помещиков'',— свидетельствует Н. А. Рамазанов,— и вновь иллюстрировал чрезвычайно выразительно и мило, и вообще с большим успехом, еще два произведения Гоголя: ,,Портрет'' и ,,Записки сумасшедшего''. Рисунки к этому последнему произведению приобретены г. действительным членом Московского художественного общества, П. С. Шиловским» [53]. О судьбе соколовских иллюстраций к «Запискам сумасшедшего» и к «Портрету» ничего неизвестно; изданы они не были.

В шестидесятых годах Павел Соколов создал шесть рисунков к «Тарасу Бульбе», получивших большую известность. Оригиналы первоначально были исполнены, повидимому, в акварели. В 1869 г. художник сделал по ним шесть автолитографий большого формата, объединенных в альбом, и добавил к ним иллюстрированную обложку с изображением основных героев повести. Литографии альбома были исполнены на камне самим художником, одним черным тоном, но вышли в свет в виде цветных литографий (хромолитографий) [54].

Выбор сюжетов в альбоме специфичен. Встреча Тараса с сыновьями, Андрий у панночки в Киеве, Андрий у нее же в Дубно, Тарас у трупа Андрия, Тарас в доме еврея в Варшаве, смерть Тараса. Из этого перечня можно убедиться, что, создавая свою графическую серию, художник половину иллюстраций посвятил побочным эпизодам, любовной интриге. Это подчеркнуто художником и в рисунке обложки, на котором образы Тараса и Остапа отступают на задний план в сравнении с фигурами Андрия и панночки, на которых сосредоточено все внимание художника.

Раскрытие идейного замысла повести Гоголя подменено в значительной мере мелодраматической трактовкой ряда второстепенных сцен. Даже один из лучших рисунков серии, изображающий Тараса у трупа убитого сына, слишком картинен и психологически поверхностен. Больше подлинного драматизма в иллюстрации, изображающей смерть Тараса. Интенсивное звучание цвета, данного в контрастных сочетаниях яркокрасного с синим, усиливает эмоциональную напряженность сцены. Фигура Тараса, полная внутреннего величия и мощи, является доминирующей во всей композиции. Таким образом, завершая свою серию, Павел Соколов сумел все же в сцене финала должным образом выявить героический пафос повести.

Отмеченные в иллюстрациях Павла Соколова к «Тарасу Бульбе» слабые стороны в еще большей степени проявились в композициях Михаила Александровича Зичи (1829—1906) — «Тарас Бульба, убивший Андрия» и «Свидание Андрия с полькой». Обе композиции были воспроизведены в хромолитографиях, приложенных к журналу «Нива» за 1881 г., и получили значительную известность [55].



КАТЕРИНА

Рисунок И. Н. Крамского к «Страшной мести», 1874 г.
Русский музей, Ленинград

ПОПРИЩИН
«Дома большею частию лежал на кровати...»
Рисунок И. Е. Репина к «Запискам сумасшедшего», 1870 г.
Третьяковская галлерея, Москва

Подводя некоторый предварительный итог сказанному, отметим, что в сороковых-шестидесятых годах основное внимание художников, в соответствии с общей направленностью русского демократического искусства, привлекали «Мертвые души» и «Ревизор». Создавая иллюстрации к этим произведениям, художники стремились выявить их сатирическое содержание, их обличительную силу. Делались также попытки раскрыть героику «Тараса Бульбы».

Однако многие гоголевские произведения оставались еще не иллюстрированными. Поэтому естественным было желание ряда художников второй половины века расширить круг иллюстрируемых произведений великого писателя.

В шестидесятых и, главным образом, в семидесятых годах были созданы многочисленные иллюстрации к украинским повестям Гоголя. В работе над ними художники обращаются к углубленному изучению народного быта Украины. Это соответствовало и растущему интересу со стороны передового русского искусства к национальному своеобразию братского украинского народа, к его нравам и обычаям.

Одним из ранних проявлений этого интереса явились рисунки к «Вию» скульптора и графика Михаила Осиповича Микешина (1836—1896), автора известных памятников «Тысячелетию России» (в Новгороде) и «Богдану Хмельницкому» (в Киеве).

Мысль иллюстрировать «Вия» явилась у Микешина, повидимому, еще в шестидесятые годы, хотя вплотную к этой работе он приступил лишь в семидесятых годах [56]. Произведение Гоголя пленило художника смесью фантастического с реальным, широкой возможностью реалисти-

чески правдиво и вместе с тем не без юмора показать украинский народный быт, столь хорошо знакомый художнику и столь им любимый. Большинство иллюстраций к «Вию», дошедших до нас в самом разнообразном виде — и в оригинальных рисунках автора (сепией, карандашом, а иногда пером и тушью), и в гелиогравюрах (с последующей подгравировкой клише), и в литографиях, и в журнальных гравюрах на дереве, датировано 1872—1877 гг. Иллюстрации эти никогда не были собраны вместе, в одном издании. Поэтому попытка дать хотя бы предварительный перечень их представляет известный интерес.

Рисунков или сцен, включая заглавный лист, оказалось двенадцать [57]. Перечень их в том порядке, в каком развертывается фабула «Вия», показывает, что Микешин сумел отобразить все главные моменты повести.

Серия открывается эффектным заглавным листом, дошедшим до нас в рисунке сепией (хранится в Институте русской литературы АН СССР — ИРЛИ). Рисунок датирован мартом 1872 г.[58] Затем следует заставка с изображением двенадцати персонажей повести, с фигурами панночки и сотника в центре. Заставка известна лишь по гравюре на дереве и датирована 1876 г.[59] Третий лист представляет собой большую многофигурную бытовую сцену — «Бурсаки на киевском базаре», также известную лишь по гравюре, если не считать никогда не воспроизводившегося эскиза к ней, хранящегося в ИРЛИ [60]. Сам Микешин, видимо, особенно ценил эту композицию; недаром именно ее он посвятил Т. Г. Шевченко, которого

ПОПРИЩИН

«Я замечаю, однако же, что он меня особенно любит. Если бы и дочка... Ах, канальство! Ничего, ничего... молчание!...»

Рисунок И. Е. Репина к «Запискам сумасшедшего», 1870 г.

Третьяковская галлерея, Москва

в юности лично знал и глубоко чтил в течение всей своей жизни. На гравюре, справа, надпись: «В память Т. Г. Шевченко. М. Микешин. 1877». Также лишь в гравюре по дереву известен четвертый лист: богослов Халява, философ Хома и ритор Тиберий Горобець в пути [61].

Следующей, пятой иллюстрации, суждено было стать едва ли не самой популярной из всей серии. Лист этот, изображающий «непроизвольный бег» Хомы Брута с ведьмой на плечах, был воспроизведен впервые в 1877 г. цветной литографией и, вероятно, не без участия самого автора. В основе литографии лежит несколькими годами ранее исполненный рисунок, местонахождение которого в настоящее время неизвестно [62]. Этот «фантастический» лист Микешина многократно воспроизводился в журналах, в изданиях сочинений Гоголя и даже на открытках. Шестая иллюстрация переносит нас в Киевскую бурсу. Это остро-ироническая «назидательная» сцена объяснения ректора с юным бурсаком Хомой: «Послушай, dominus Хома ⟨...⟩ тебя никакой чёрт и не спрашивает о том, хочешь ли ты ехать или не хочешь». Чрезвычайно выразительна дородная фигура ректора, повелительным жестом подчеркивающего безапелляционность своего решения. Оборотившись спиной к бурсаку, он вовсе не намерен выслушивать его доводы. В сопоставлении начальственной позы ректора с фигурой Хомы, мнущего в руках шапку, и раскрывается психологический смысл сцены [63].

Седьмая иллюстрация — сотник вводит Хому в светлицу к мертвой дочери (см. стр. 921) — известна и по рисунку сепией, датированному 10 января 1872 г. (хранится в Третьяковской галлерее), и по гелиогравюре-офорту того же года [64]. Восьмой лист иллюстрирует событие того же дня: «Когда солнце стало садиться, мертвую понесли в церковь». Рисунок этот, полный мрачной романтики, впервые воспроизводится нами по вполне законченному эскизу сепией 1872 г., хранящемуся в Литературном музее (см. стр. 858) [65]. Девятый, не датированный лист, исполненный пером и карандашом, показывает «Хому в церкви» и является одним из капитальнейших листов серии. Микешин дал в нем волю своей фантазии в изображении всевозможных чудищ, заполнивших тесное пространство церкви. Рисуя эту сцену, художник сознательно усложнил свою графическую манеру, использовав, наряду с карандашной линией, и острый напряженный штрих пером. Следующий, десятый лист, резко контрастирует с предшествующим: сугубая фантастика сменяется реалистически-выразительной сценкой, тщательно исполненной в карандаше: козак Явтух ловит пытающегося бежать Хому, даже присевшего от неожиданности [66]. Полна неподдельного юмора и следующая за «поимкой Хомы», одиннадцатая, сцена, когда Хома с отчаяния в канун последней ночи пляшет среди двора в кругу обступившей его дворни (см. стр. 859) [67]. Наконец, последняя сцена воспроизводит заключительный эпизод повести: приход под утро священника и дьякона в осквернённый «нечистою силою» храм. Лист этот (перо и тушь), так же как и рисунок «Хома в церкви», не датирован. Судя по характеру и манере исполнения, оба листа созданы одновременно или почти одновременно. По ряду косвенных указаний их можно датировать 1874—1875 гг.[68]

Рисунки Микешина к «Вию» принадлежат, бесспорно, к лучшему, что было сделано им в области иллюстрации. Свойственная художнику способность подчас метко наблюдать и не без острого юмора воспроизводить действительность соединилась в рисунках Микешина с богатой творческой выдумкой. Эти качества помогли художнику достичь подлинной выразительности как в сценах, исполненных напряженного драматизма и фантастики, так и, особенно, в трактовке реально-бытовых подробностей.

Позднее, в девяностых годах, Микешин еще раз обратился к Гоголю и исполнил для альбома «Фантастические повести Гоголя», изданного

ПОПРИЩИН

«Ввечеру, закутавшись в шинель, ходил к подъезду ее пр-ва и поджидал долго, не выйдет ли сесть в карету»...

Рисунок И. Е. Репина к «Запискам сумасшедшего», 1870 г.

Третьяковская галлерея, Москва

журналом «Север» (СПб., 1892), два рисунка к «Страшной мести»: начальный эпизод повести — появление колдуна на свадьбе, и финал — всадника. Оригинал последней иллюстрации (акварель), датированный 1891 г., хранится в Русском музее. Однако две новые композиции Микешина к Гоголю если и привлекают внимание, то лишь чисто внешним мастерством, изощренным, но мертвым техницизмом. Если к иллюстрациям к «Вию» можно вполне приложить слова В. В. Стасова (хотя и сказанные по другому поводу), что у Микешина «виден был талант, живая натура, фантазия, огонь ‹...›», то к двум рисункам к «Страшной мести» применима уже вторая часть характеристики Стасова, справедливо усматривавшего в более поздних произведениях художника «наклонность к мелодраматизму, к французским эффектам ‹...›, к театральности и преувеличению»[69].

В семидесятых годах была почти полностью осуществлена одна из самых примечательных попыток иллюстрировать украинские повести Гоголя. С 1874 по 1876 г. вышли один за другим четыре выпуска альбома «Вечера на хуторе близ Диканьки», состоявшие из тщательно выполненных, в большом формате, автолитографий художников-реалистов, в первую очередь В. Е. Маковского и К. А. Трутовского, давших наибольшее количество работ (Маковский — 11, Трутовский — 10). Украшением альбома служили и две автолитографии И. Н. Крамского к «Страшной мести» Гоголя, особенно «Катерина».

Первый выпуск посвящен был «Пропавшей грамоте» (иллюстраторы В. Е. Маковский, К. А. Трутовский и И. М. Прянишников); второй — «Страшной мести», над иллюстрированием которой трудились, кроме Крамского, еще В. Е. и К. Е. Маковские, Трутовский, Прянишников и Д. Н. Чичагов; третий выпуск — «Сорочинской ярмарке», с большой полнотой проиллюстрированной В. Маковским и Трутовским; четвертый

выпуск — «Вечеру накануне Ивана Купалы» (иллюстраторы — В. Маковский, Трутовский и М. Н. Чичагов). Пятый выпуск, посвященный «Ночи перед Рождеством», к сожалению, издан не был. Однако четыре подготовленных для этого выпуска рисунка В. Маковского сохранились в собрании Русского музея.

Все перечисленные художники, за исключением Трутовского и Крамского, написавшего в 1871 г. на сюжет повести Гоголя картину «Русалки» («Майская ночь. Из Гоголя», как она была названа в каталоге Первой передвижной выставки 1871 г.), впервые приступали к иллюстрированию произведений великого писателя. Видный же участник коллективного труда — Константин Александрович Трутовский (1826—1893) не только по возрасту, но и по «стажу» своей работы над гоголевскими сюжетами, был значительно старше своих сотоварищей. Первые опыты Трутовского в этом роде относятся еще к пятидесятым годам и, следовательно, одновременны ранним рисункам на темы гоголевских произведений Боклевского, Павла Соколова и Микешина.

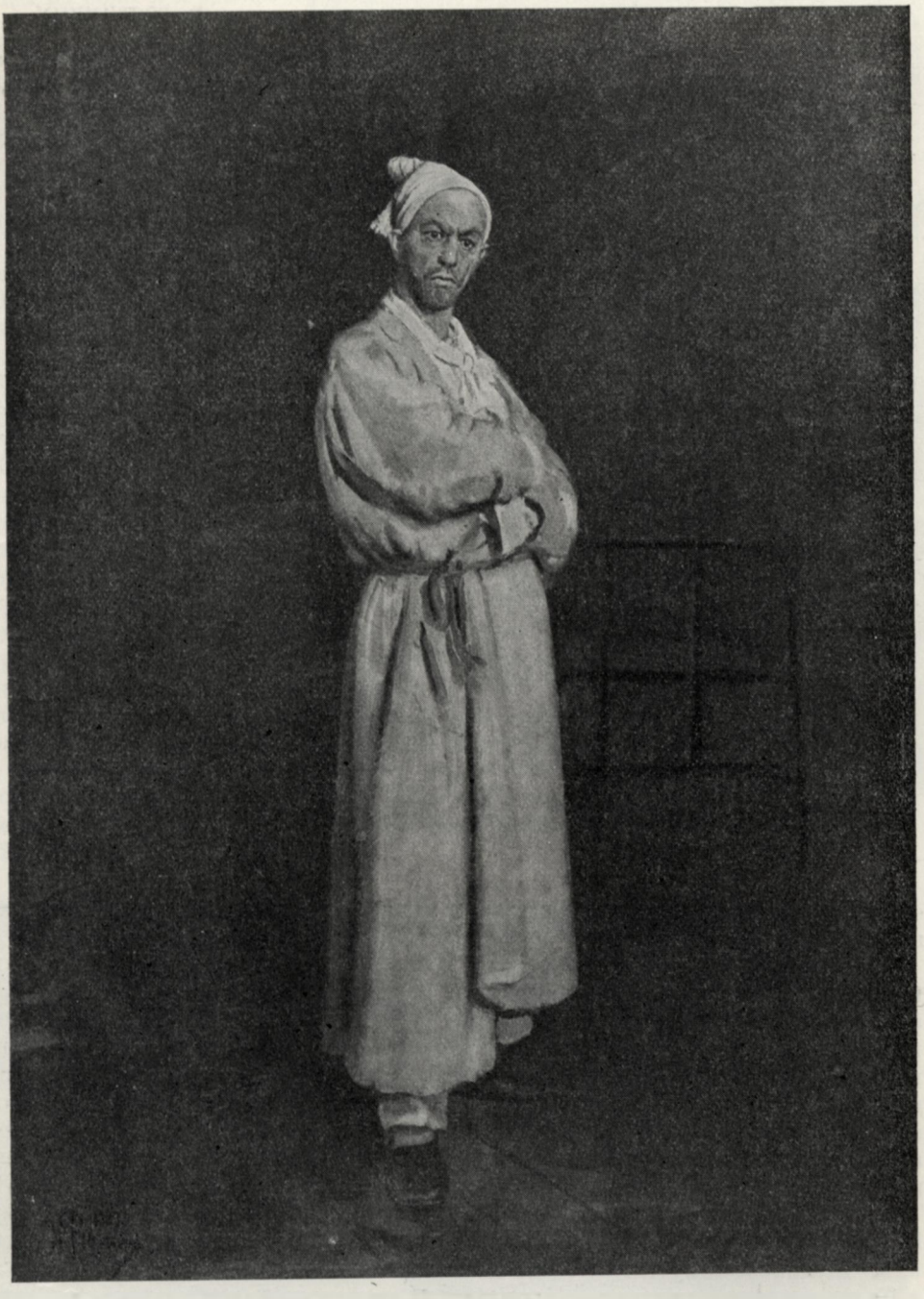
В творчестве Трутовского, живописца и рисовальщика, украинская бытовая тема всегда занимала ведущее положение. Во время своих частых поездок на Украину Трутовский с любовью изучал быт украинского народа. Очень рано возникла у Трутовского и мысль иллюстрировать Гоголя. С. Т. Аксаков глубоко сочувствовал Трутовскому: «Вижу я, как полна душа ваша Гоголем,— писал он художнику еще в 1852 г. 〈...〉,— вы, по преимуществу, художник Гоголя, особенно для сцен, совершающихся на юге России. Я так и думаю и ношу уверенность в душе моей, что ваш талант проявится во всем блеске в малороссийских сценах Гоголя» [70].

Трутовский оправдал ожидания С. Т. Аксакова. И в шестидесятых годах, и в семидесятых, и позже он создает многочисленные рисунки к украинским повестям Гоголя, часто варьируя особенно полюбившиеся ему сюжеты. Так, неоднократно воспроизводит он знаменитую сцену на мосту (из «Сорочинской ярмарки») — сцену перебранки парубков с «дородной щеголихой» Хиврей (см. стр. 901).

Следует отметить, что Трутовский работал не только в качестве рисовальщика и литографа, но нередко брал гоголевские сюжеты темой также и для своих картин маслом. Местонахождение этих картин Трутовского,— таких, как «Сорочинская ярмарка», исполненная в 1872 г., или картина 1882 г. «Оксана»,— неизвестно [71].

Самой значительной работой Трутовского, как бы подытожившей его более чем двадцатилетнюю работу над иллюстрированием Гоголя, следует считать десять автолитографий к альбому 1874—1876 гг. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и частично сохранившиеся подготовительные рисунки к ним в Русском музее. Работа художника для этого альбома протекала в тесном содружестве с В. Е. Маковским. Обычно и молодой Маковский и Трутовский, который был старше Маковского на двадцать лет, работали над иллюстрированием одного и того же произведения — «Сорочинской ярмарки», «Вечера накануне Ивана Купалы». «Пропавшей грамоты». Обоим художникам свойственны и глубокая любовь к Украине, и прекрасное знание бытовых деталей.

Но иллюстрации Маковского отмечены значительно бóльшим разнообразием приемов, более широким охватом изображения народной жизни, а главное, яркой индивидуализацией образов. Хорошо запоминает зритель основных героев «Сорочинской ярмарки», воплощенных в литографиях и рисунках Маковского,— Солопия, Параску, Хиврю, поповича. Полны неподдельного юмора, например, сцена с поповичем, перелезающим плетень (на текст: «Грозная сожительница Черевика ласково ободряла 〈...〉 поповича») или изображение ленивого толстяка Пацюка из повести



ПОПРИЩИН

«Удивляет меня чрезвычайно медленность депутатов. Какие бы причины могли их остановить...»
Картина маслом И. Е. Репина на сюжет «Записок сумасшедшего», 1882 г.
Музей русского искусства, Киев

ПРИЕЗД ЧИЧИКОВА В ГОСТИНИЦУ

Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг.

Третьяковская галлерея, Москва

«Ночь перед Рождеством» (из цикла неизданных иллюстраций Маковского к Гоголю в собрании Русского музея) [72].

Альбом «Вечера на хуторе близ Диканьки» явился первым большим вкладом художников-передвижников в дело иллюстрирования гоголевских творений. Впоследствии передвижники — представители передового и демократического русского изобразительного искусства второй половины XIX в.— неоднократно обращались к творчеству великого писателя. Эта связь между ними и Гоголем не исчерпывается только созданием иллюстраций. Гоголевская тема привлекала их внимание и более широко. Она находила иногда прямо или косвенно выражение в ряде капитальных произведений изобразительного искусства той поры.

С Гоголем связаны интересные страницы творческой биографии И. Н. Крамского (1837—1887). Общеизвестна его картина «Русалки», написанная на тему гоголевской повести «Майская ночь» и находящаяся в Третьяковской галлерее. Крамской первоначально предполагал создать целую серию произведений на сюжет этой повести. Вспоминая о первом знакомстве со своим наставником и учителем, состоявшемся еще в начале шестидесятых годов, Репин отмечает: «Он ⟨Крамской⟩ много читал по ночам, а в свободные минуты сочинял эскизы на свои излюбленные темы. Он обрабатывал в то время несколько эпизодов из „Майской ночи“ Гоголя» [73]. Эти слова Репина указывают на то, что Крамской долго вынашивал замысел «Майской ночи» (как известно, картина написана только в 1871 г.). В конце концов художник остановился на изображении русалок, вышед-

ших из воды и «греющихся на месяце». Крамской стремился здесь передать душевное состояние этих созданных народной фантазией трагически-печальных существ, их грустное томление. Это подчеркивается раздумчивой медленностью движений русалок, поэтическим мотивом безмолвной лунной ночи. Картина была показана в том же 1871 г. на Первой передвижной выставке и пользовалась значительным успехом. В частности, она очень понравилась М. Е. Салтыкову-Щедрину, назвавшему ее «прекрасной» [74]; положительно отнесся к картине и В. В. Стасов (в статье, посвященной выставке).

Вскоре после этого Крамской создал два рисунка к «Страшной мести», ставя себе на этот раз уже непосредственно иллюстрационную задачу. Оба рисунка послужили художнику оригиналами для автолитографий, вошедших в вышеупомянутый альбом «Вечера на хуторе близ Диканьки», изданный в середине семидесятых годов, оба хранятся в Русском музее. В первом из них взят исключительный по драматической остроте и напряженности эпизод — Катерина с ножом в руках бродит по лесу в поисках отца-колдуна (см. стр. 861). Выбор подобной сцены типичен именно для Крамского, всегда стремившегося к изображению глубоких человеческих переживаний, к психологической насыщенности образа. Художник умышленно отказывается здесь от сложной повествовательности. В решении своей задачи он прост и сдержан до скупости. Настороженной, крадущейся походкой пробирается Катерина по глухой лесной чаще. Свет едва пробивается сквозь густые ветви. Полумрак придает всей сцене таинственный, загадочный характер и заставляет сильнее ощутить внутреннее тревожное состояние героини. Бесшумно раздвигая кустарник, преграждающий дорогу, Катерина напряженно всматривается в темноту, стремясь обнаружить убийцу своего ребенка. Трагедия обезумевшей от горя матери раскрывается с большой силой, психологически правдиво [75].

Менее удачен другой рисунок Крамского, с изображением всадника, сбрасывающего в пропасть колдуна. Героический характер фантастических образов этой повести Гоголя передан Крамским недостаточно убедительно.

«ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ БЫЛ ТАК ОСВЕЩЕН, ХОТЬ БЫ И ДЛЯ БАЛА...»
Иллюстрация Петра Соколова (черная акварель) к первой главе «Мертвых душ», начало 1890-х гг.
Собрание А. Ф. Коростина, Москва

Сохранившиеся рисунки Крамского свидетельствуют о том, что художник работал и над иллюстрациями к «Тарасу Бульбе». Помимо нескольких подготовительных набросков с поисками типов, сохранился также эскиз карандашом, изображающий сцену приезда сыновей Тараса к отцу (1874) [76].

В творчестве великого русского художника И. Е. Репина (1844—1930) выступают еще более наглядно те новые черты в подходе к гоголевским произведениям, которые обнаруживаются у Крамского, т. е. прежде всего глубокий психологизм образов. Однако, наряду с этим, Репина привлекает и красочный народный быт и историческая героика.

Гоголь был для Репина одним из любимейших и наиболее близких писателей. «...Я принялся за Гоголя и такого наслаждения еще ни разу не получал от него, особенно от его малороссийских вещиц»,— писал как-то Репин Стасову [77]. Подобное восхищение Гоголем он выражал неоднократно. Репинские статьи и письма показывают, как часто те или иные жизненные наблюдения вызывали у художника в памяти замечательные строки гоголевских произведений, проникновенные и глубокие образы, созданные великим писателем. Эту горячую любовь, этот пристальный интерес к Гоголю Репин проносит через всю свою жизнь. В своем творчестве Репин неоднократно обращается к образам гоголевских произведений, начиная с ранних иллюстраций к «Запискам сумасшедшего» и кончая картиной «Солоха», созданной художником в 1926 г.

Пять карандашных рисунков к «Запискам сумасшедшего» сделаны в 1870 г., т. е. в самом начале творческого пути Репина. Несмотря на это, художник уже здесь обнаруживает чуткость к писательскому замыслу, умение постигнуть и передать высокий гуманизм гоголевской повести. Поприщин для Репина, как и для Гоголя,— человек, сломленный нуждой и социальным бесправием.

В повести, как известно, совершенно отсутствуют непосредственные авторские характеристики и описания. Не сами реальные события, происходившие с этим измученным «маленьким человеком», а воспоминания об этих событиях героя повести, его собственные душевные переживания являются основой сюжетного развития. Подчеркивая эту форму повести,— своеобразного трагического монолога, Репин изображает Поприщина лишь наедине с самим собой — то в тяжкой молчаливой задумчивости, то в состоянии внезапного возбуждения от нахлынувших воспоминаний. Под рисунками Репин приводит, иногда не совсем точно, видимо по памяти, те или иные фразы из дневника Поприщина, позволяющие установить изображенный эпизод. Один из лучших рисунков серии — лист, относящийся к несколько раз повторяющимся в повести словам Поприщина: «Дома большею частию лежал на кровати» (см. стр. 862). Изображена лишь верхняя часть фигуры. Скупыми линиями карандаша ясно намечается поза лежащего, с руками, подложенными под голову. Чрезвычайно выразительны заострившиеся черты лица и взгляд, неподвижно устремленный в одну точку. Психологическая характеристика достигает здесь большой силы.

К «Запискам сумасшедшего» Репин вернулся через двенадцать лет: в 1882 г. он написал картину «Поприщин» («Удивляет меня чрезвычайно медленность депутатов. Какие бы причины могли их остановить...»). Картина, экспонировавшаяся на Одиннадцатой передвижной выставке 1883 г., находится в Киевском музее русского искусства (см. стр. 867). Талантливое исполнение В. Н. Андреевым-Бурлаком и О. А. Правдиным роли Поприщина привлекало к себе большое внимание современников. Друг Репина, художник Н. И. Мурашко, свидетельствует, что Правдин в Москве «читал „Записки сумасшедшего“ и у Репина — он же и позировал перед ним» [78]. Отзываясь с восхищением в одной из своих

ПРИЕЗД ЧИЧИКОВА К ПЛЮШКИНУ
Черная акварель Петра Соколова, 1890 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

статей об игре В. Н. Андреева-Бурлака, Стасов писал в ней же и о репинской картине: «Я не стану сравнивать создание Репина с созданием г. Андреева-Бурлака. Они только встретились в задаче. Репин уже много лет тому назад задумал (и даже набросал) ту сцену, которую теперь, наконец, выполнил — и как дивно выполнил, с каким громадным талантом!»[79] Обычное определение картины как «портрета» В. Н. Андреева-Бурлака в роли «Поприщина», следует признать, конечно, неверным. Стасов был совершенно прав, подчеркивая самостоятельное значение репинской картины для раскрытия гоголевского образа. В этом станковом произведении художник как бы завершал свою раннюю работу над иллюстрациями к повести. Имея на этот раз перед глазами талантливое сценическое воплощение Поприщина, Репин возвысил содержание образа Поприщина в картине до подлинного трагического звучания, еще ярче чем прежде подчеркнул его социальный смысл. Недаром впоследствии тот же Стасов неоднократно вспоминал об этой картине Репина и ставил ее в один ряд с самыми выдающимися произведениями художника [80]. Отметим, кстати, что Репину приходилось иногда самому намечать сценический облик гоголевских персонажей. Так, им было сделано два рисунка грима для актера Н. Ф. Сазонова, выступавшего в роли Ивана Ивановича Перерепенко[81].

Приблизительно к тому же времени, когда художник создал свои рисунки к «Запискам сумасшедшего», относятся и его четыре иллюстрации к «Сорочинской ярмарке» (1871). Примечательно, что эта работа была сделана Репиным для книги, предназначенной для народного чтения и вышедшей в дешевом издании С.-Петербургского комитета грамотности. В иллюстрациях этих привлекает прежде всего сочность бытовых зарисовок, сделанных с прекрасным знанием украинских типов и хорошо передающих яркий колорит повести, замечательное своеобразие гоголевского юмора (см. стр. 699). Рисунки Репина были даны в довольно скверном ксилографическом воспроизведении, позволяющем все же судить о художественной выразительности репинских иллюстраций [82].

Едва ли не больше всех других гоголевских произведений Репин любил «Тараса Бульбу». Величественные образы героической повести не только стояли все время перед глазами художника, когда он создавал своих «Запорожцев», но и бесспорно оказали определенное влияние на его творческий замысел. Работая над полотном, Репин часто вспоминал замечательное творение писателя, прославляющее мощь и величие народа, его вольнолюбие. «...Ну, и народец же!! — писал однажды Репин, рассказывая с воодушевлением о своей работе над образами запорожцев.— Недаром про них Гоголь писал, все это правда! Чертовский народ!.. Никто на всем свете не чувствовал так глубоко с в о б о д ы, р а в е н с т в а и б р а т с т в а» [83].

Репин неоднократно стремился создать иллюстрации к «Тарасу Бульбе». В 1890 г. им был сделан рисунок «Андрий и панночка» (Русский музей). Позже, в начале девяностых годов, получив от одного из издательств предложение проиллюстрировать целиком всю повесть, Репин выразил горячее желание «приобщиться к этому титаническому произведению Гоголя» и вместе с тем опасение, что полностью выполнить эту работу ему окажется не под силу [84]. Так эта работа и не была осуществлена. Однако до нас дошла датированная 1903 г. акварель Репина, изображающая «Отъезд Тараса Бульбы с сыновьями в Сечь» (находится в Русском музее; карандашный набросок на ту же тему в 1951 г. поступил в Третьяковскую галлерею). Иллюстрацию эту нельзя признать вполне удачной: стремление к излишней драматизации внесло в изображение сцены расставания матери с сыновьями ненужную театральность, внешнюю аффектацию [85].

ЧИЧИКОВ У ПЛЮШКИНА

Черная акварель Петра Соколова, 1890 г

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ТЕНТЕТНИКОВ У ОКНА
Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг.
Третьяковская галлерея, Москва

Запорожскую Сечь. В отличие от Павла Соколова он не уделяет внимания любовным эпизодам. Тема одной из иллюстраций художника — «Тарас, едущий с сыновьями по степи в Запорожскую Сечь», станет почти обязательной для всех последующих иллюстраторов «Тараса Бульбы».

В 1901—1902 гг. Васнецов вновь обращается к Гоголю и иллюстрирует «Заколдованное место» и «Портрет». Три рисунка к этой последней повести относятся только ко второй части,— они изображают блестящий успех Чарткова (см. стр. 643) и его трагический конец.

Крамской и Репин не считали себя профессиональными иллюстраторами. И от Гоголя, столь ими любимого, они брали прежде всего то, что в наибольшей степени соответствовало характеру их творчества.

Особенный интерес поэтому представляет обширная работа по иллюстрированию поэмы «Мертвые души» художника-реалиста старшего поколения Петра Петровича Соколова (1821—1899), брата уже упоминавшегося Павла Соколова. В противоположность Павлу Соколову, иллюстратору книжного типа, Петр Соколов был мастером станковой иллюстрации. Еще в шестидесятых-семидесятых годах Петр Соколов выступал успешно как иллюстратор Некрасова и Тургенева, а позднее сосредоточил все свое внимание на «Мертвых душах».

Повидимому в восьмидесятых годах (а быть может и несколько ранее) Петр Соколов исполняет, в качестве первого опыта в создании рисунков к «Мертвым душам», серию акварелей, тронутых гуашью, хранящуюся в Русском музее [88]. В 1891 г. он выпускает двенадцать листов этой серии в виде альбома одноцветных репродукций (исполненных автотипией) [89]. Эти двенадцать листов иллюстрируют только три первые главы поэмы. В 1890 г. Соколов начинает работать уже над новой сюитой, в иной технике, черной акварелью. В новом, более многочисленном варианте, охва-

СЦЕНЫ НА ДВОРЕ УСАДЬБЫ ТЕНТЕТНИКОВА
Черная акварель Петра Соколова, начало 1890-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

тывающем обе части «Мертвых душ», особое значение приобрел прием тончайшей светотеневой проработки изображения, явившийся в руках художника важнейшим средством к достижению образной выразительности.

Цветной вариант, несмотря на ряд удачных листов (например: «Бал у губернатора»), безусловно уступает более позднему, одноцветному. Характерным образцом цветной серии является воспроизводимая в настоящем томе акварель «Чичиков у Манилова» (на текст: «Чичиков не без удовольствия подошел к ее ручке») с несколько схематичным построением всей сцены, мало выразительными лицами и явным преобладанием обстановочной стороны (см. стр. 621). Ни цвет, ни светотень не играют в художественном решении большой роли. Достаточно сравнить эту акварель с аналогичной по сюжету одноцветной иллюстрацией, чтобы убедиться, насколько возросло мастерство Соколова в девяностых годах, в процессе работы над иллюстрированием «Мертвых душ» [90].

Начало девяностых годов — период интенсивной работы Петра Соколова над черным вариантом своих иллюстраций (хранятся ныне частью в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, частью в собрании Третьяковской галлереи) [91].

Соколов работал горячо, самозабвенно. Друзья Соколова побуждали его к этому, указывая, что именно ему, современнику Гоголя (художник стал впервые выставлять свои произведения на выставках еще в 1845 г.), знатоку русской провинции, и надлежит, более чем кому-либо, иллюстрировать поэму Гоголя. Один из них, писатель Сергей Терпигорев (Атава) писал: «Конечно, Соколов взялся за свое дело 〈...〉 по крайней мере, я не знаю, кто же еще из теперешних художников видел своими глазами типы того времени, изображенные Гоголем. А Соколов их видел, мало того,—

имел с ними дело <...> Это огромное и счастливое условие, которого нет ни у кого из наших художников» [92].

Следуя этим настояниям и собственному влечению, Соколов приступил к работе над иллюстрированием «Мертвых душ» лишь в исходе долгого жизненного пути, накопив огромный художественный опыт, будучи не только свидетелем, но и активным участником широкого поступательного движения русского демократического искусства. Соколов не входил в самую передовую художественную группировку эпохи — в Товарищество передвижных выставок, но в основных своих творческих установках примыкал к передвижникам [93]. Это определило более широкий подход Соколова к «Мертвым душам», чем то было возможно в сороковые годы, когда работал Агин. Смысл поэмы раскрывается теперь художником не только через взаимоотношения основных героев, но и во взаимоотношениях их с народом. Впервые в иллюстрациях к «Мертвым душам» основная сюжетная нить развертывается на широком социальном фоне. В этом выразилось глубокое понимание «Мертвых душ» как эпического полотна русской жизни. Соколов непосредственно вводит в свои иллюстрации изображение народа и делает это иной раз даже в тех случаях, когда иллюстрируемый эпизод сам по себе не включает изображения народной жизни. Так, в сцене «Чичиков у шкатулки», где Соколов с большой убедительностью трактует образ главного героя, художник считает нужным показать на заднем плане и возникающие перед мысленным взором Чичикова образы «беглых» душ (см. между стр. 672—673). Вот «беспашпортный» беглец на допросе у капитана-исправника, вот бурлак Абакум Фыров («Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбил ты вольную жизнь, приставши к бурлакам?..) и т. д. Примечательно, что. рисуя бурлацкую ватагу, Петр Соколов лишь повторяет знаменитую картину Репина. Другой пример: художник не ограничивается изображением только встречи Чичикова с Плюшкиным, но включает одновременно в общую композицию листа и вид разоренной дотла плюшкинской деревни (см. между стр. 872—873). Стремление воспроизвести поэму во всей ее полноте и красочности, включая и знаменитые лирические отступления Гоголя, предопределило интерес иллюстратора к пейзажу. Это было также новым словом в графическом истолковании «Мертвых душ». Таков осенний пейзаж, в котором небо почти сплошь затянуто дождевой тучей, с чуть светлеющей полоской у горизонта (иллюстрация «Чичиков в пути»); таков запущенный, вольно разросшийся сад плюшкинской усадьбы, таков, наконец, замечательный вид усадьбы Тентетникова и окружающей окрестности, дающий яркое представление о широком приволье русской земли. Последняя иллюстрация исполнена на текст: «Словом — гость <...> и после какого-нибудь двухчасового созерцания, ничего другого не мог выговорить, как только: „господи, как здесь просторно!“».

Природа в этих иллюстрациях — не условный фон, но реальная среда, в которой протекает повседневная жизнь людей, совершаются события поэмы.

Наряду с этим Соколов показывает себя крупнейшим мастером интерьерных сцен. Один из самых показательных примеров в этом отношении — иллюстрация «Обед у Собакевича» (см. стр. 625). В ней с исключительным мастерством вслед за Гоголем, подчеркивает Соколов соответствие предметов обстановки характеру владельцев. Ведь по Гоголю в доме у Собакевича, похожего, по словам писателя, на «средней величины медведя», «всё было прочно, неуклюже в высочайшей степени, имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома». И нет никаких сомнений, что шкап, на фоне которого Соколов изобразил Собакевича, имеет удивительное сходство с самим Собакевичем, точно так же как тощая фигура Феодулии Ивановны имеет свою чуть приметную аналогию в узких стенных

часах, висящих рядом с ней. Таким образом, Соколов тонко следует принципам образной характеристики писателя. Характерной особенностью многих интерьерных сцен может служить также специфически соколовский, не встречающийся у других иллюстраторов, прием, который можно условно определить как «принцип параллельного действия», т. е. такой прием, когда зритель видит сцены, происходящие одновременно в разных местах. Он видит, например (см. стр. 619), как бы в разрезе, и полуосвещенную гостиную с игроками за ломберным столом (среди которых легко узнает Ноздрева), и блестящую сцену бала в соседнем зале («Вона! пошла писать губерния!»). Тот же принцип «параллельного действия» видим в двух взаимно-связанных по смыслу иллюстрациях к первой главе второй части: Тентетников у окна и две сцены на дворе, открывающиеся

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «КОЛЯСКА»
Рисунок М. П. Клодта, 1901—1902 гг.
Литературный музей, Москва

его взору (см. стр. 874—875). Образ праздно-скучающего помещика «коптителя неба» становится еще выразительнее в сопоставлении с мелкими, пустяшными эпизодами, заполняющими жизнь обитателей усадьбы. Группа иллюстраций, относящаяся к эпизоду пребывания Чичикова в усадьбе Тентетникова, кстати сказать, принадлежит к числу лучших соколовских рисунков ко второй части «Мертвых душ», которые в целом все же менее удались художнику, нежели иллюстрации к первой части.

Эта же глава «Мертвых душ» дала возможность Соколову в одном из рисунков непосредственно свести толпу крестьян-крепостных с их хозяином. В замечательной, правда несколько эскизной, иллюстрации, изображающей приезд Тентетникова в наследственную родовую усадьбу, художник дал живое изображение крестьянской массы, наделив почти каждый крестьянский образ индивидуальными чертами. Центром композиции является не помещик (образ его здесь вообще малозначителен), но могучая фигура стоящего спиной к зрителю крестьянина, светлая рубаха которого выделяет его из общей массы. Эта центральная фигура и определяет, по существу, идейный смысл всей иллюстрации (см. стр. 873).

Крамским, Репиным, В. Васнецовым, В. Маковским, Петром Соколовым не исчерпывается перечень художников, иллюстрировавших Гоголя в 1870-х, 1880-х и в начале 1890-х годов. Эти годы были отмечены широким распространением журнальной иллюстрации. В журналах «Нива», «Родина», «Всемирная иллюстрация» часто появлялись отдельные рисунки к Гоголю и иллюстраторов профессионального типа, таких, как Н. Н. Каразин, П. Ф. Коверзнев, Р. Ф. Штейн, и таких сравнительно мало работавших в области иллюстрации мастеров, как М. В. Нестеров (см., например, его иллюстрацию «Отъезд Тараса с сыновьями в Сечь», стр. 823).

Заметным явлением в графике начала 1890-х гг. явились иллюстрации молодого И. Э. Грабаря (И. Храбров) к ряду украинских повестей Гоголя и к «Тарасу Бульбе».

Произведения Гоголя неоднократно служили также в это время источником, из которого художники черпали сюжеты для своих картин. Однако ни «Русалки» К. Е. Маковского (на сюжет «Майской ночи»), исполненные в 1879 г., ни «Плюшкин» Н. П. Шаховского (1884), ни «Вальс поручика Пирогова с женой Шиллера» — картина малоизвестного К. И. Кеппена (1870-е годы) не представляют собой сколько-нибудь значительного явления в истории иллюстрирования произведений Гоголя.

Исключением является лишь превосходное полотно известного баталиста П. О. Ковалевского — «Встреча Чичикова с губернаторской дочкой в пути» (1891), находящееся в Киевском музее русского искусства.

Петр Соколов работал над своим «одноцветным» циклом иллюстраций к «Мертвым душам» (черная акварель) уже в ту пору, когда, в конце XIX столетия, начинали обнаруживаться черты упадка в русском буржуазном искусстве. Вполне естественно, что эти иллюстрации Петра Соколова не нашли тогда ни надлежащей оценки, ни издателя и оказались прочно забытыми вплоть до наших дней. Однако Петр Соколов не был одинок в своем стремлении к реалистическому воплощению гоголевских образов. Целый ряд художников-передвижников разных поколений (К. А. Савицкий, В. Е. Маковский, М. П. Клодт, С. В. Иванов, С. А. Коровин и др.) и в девяностых и в девятисотых годах, оставаясь верными творческим установкам передвижничества, стремились подойти к иллюстрированию Гоголя с позиций идейного демократического искусства.

Знаменателен в этом отношении и неослабевающий интерес к образам «Тараса Бульбы». Еще в самом начале восьмидесятых годов юноша В. А. Серов, посетивший вместе с Репиным места, где находилась некогда Запорожская Сечь, набрасывает небольшой эскиз — «Тарас Бульба с сыновьями в степи» (масло, Литературный музей). В 1880—1881 гг. С. А. Коровин создает не дошедшую до нас картину «Тарас Бульба» [94]. В позднейшие годы С. В. Иванов делает четыре станковых иллюстрации к повести, сперва — «Тарас Бульба с казаками в степи» (см. стр. 739) и «Тарас Бульба в битве», а несколько позже — «Приезд сыновей к Тарасу Бульбе» и «Смерть Андрия» (см. стр. 739) [95]. Написанные маслом, эти произведения Иванова вызваны скорее желанием дать серию исторических или историко-бытовых картин на темы повести, чем стремлением точно проиллюстрировать определенный литературный текст. Недаром, например, в сцене приезда сыновей к «Тарасу Бульбе» художника интересует не психологическая коллизия данного эпизода, а картина народной украинской жизни, характерное своеобразие типов. Заливающий всю сцену яркий солнечный свет усиливает впечатление жизненной полноты и непосредственности (см. стр. 737).

Внешним поводом к усиленной работе художников над иллюстрациями к Гоголю явилась оживленная деятельность по изданию произведений писателя, развернувшаяся в начале девятисотых годов. Это вызвано было отменой в 1902 г. авторского права на сочинения Гоголя, в связи

с истечением пятидесятилетнего срока со дня смерти писателя. Появляются в печати многочисленные иллюстрированные произведения писателя, изданные как отдельными книжками, так и целыми собраниями сочинений. Во многих случаях над иллюстрациями для этих изданий работали передовые художники-реалисты. К. А. Савицкий иллюстрирует «Ревизора», «Женитьбу», «Театральный разъезд» (см. стр. 663), М. П. Клодт — «Коляску», «Игроков»; Г. Г. Мясоедов — «Нос»; В. М. Васнецов — «Портрет», «Заколдованное место»; С. А. Коровин — «Шинель»; Б. М. Кустодиев — «Тяжбу».

Большинство этих иллюстраций появилось в дешевых изданиях «Народной пользы», выполненных на довольно низком полиграфическом уровне. Лишь по частично сохранившимся оригиналам (в собрании Литературного музея) мы можем составить себе верное представление о подлинном художественном качестве этих иллюстраций.

Многофигурные сцены К. А. Савицкого к «Ревизору» — листы большого формата, исполненные тушью и белилами — тщательно продуманы и проработаны во всех деталях (см. стр. 827). Его же рисунок к «Женитьбе» (разговор свахи с Подколесиным), сохранившийся в собрании Русского музея, является одной из лучших иллюстраций к этому произведению Гоголя (см. стр. 655). Удачно найденная характеристика типов помогает раскрыть смысл ведущегося разговора между лукавой свахой и праздным барином, развалившимся на диване. Живо и непосредственно передают обстановку и весь дух повести иллюстрации М. П. Клодта к «Коляске» (см. стр. 877).

Горячим сочувствием к «маленькому человеку» пронизана серия иллюстраций С. А. Коровина к «Шинели». Художник глубоко воспринял социальный смысл трагедии, показанный Гоголем. Лучшим из рисунков является изображение Акакия Акакиевича, шагающего в старой изношенной шинели по пустынной петербургской площади. Зритель остро ощущает скорбное одиночество героя повести (см. стр. 880). Рисунки С. А. Коровина к «Шинели», исполненные углем, остались неизданными и хранятся в Третьяковской галлерее. Отметим попутно, что С. А. Коровин работал также и над иллюстрациями к «Мертвым душам», о чем свидетельствует, например, превосходный рисунок цветными карандашами «Чичиков в пути» (на тройке лошадей), хранящийся в Литературном музее.

В 1901 г. начинает работать над обширным циклом рисунков к «Мертвым душам» В. Е. Маковский, ранее иллюстрировавший только украинские повести Гоголя (см. выше). Три альбома подготовительных карандашных рисунков Маковского, датируемых 1901—1906 гг., находятся в собрании Русского музея. Характерными примерами этих рисунков могут служить воспроизводимые в настоящем томе листы — «Маниловы» (см. стр. 629) и «Чичиков и Ноздрев» (см. стр. 629). «Книжная фирма ‹„Народная польза“› ‹...›, желая выпустить к юбилею Гоголя собрание сочинений его, пригласила Владимира Егоровича сделать около двухсот иллюстраций к „Мертвым душам“. Трудно найти лучшего толкователя Гоголя в рисунках,— пишет один из биографов Маковского,— ... с увлечением до глубокой ночи работал над рисунками к „Мертвым душам“ Маковский. Интересный труд захватил его всецело, и он смотрел на него как на желанный отдых после дня, посвященного живописи» [96]. Правда, не двести, а лишь 28 иллюстраций к первому и 16 ко второму тому поэмы появились в «Иллюстрированном собрании сочинений Н. В. Гоголя», выпущенном в 1902 г. под редакцией Е. А. Ляцкого издательством «Народная польза» [97].

Тонкое уменье вести подробный сюжетный рассказ, ярко проявившееся в многочисленных картинах бытового жанра Маковского, сказалось и в его иллюстрациях к «Мертвым душам». Для того чтобы судить о худо-

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ

«Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник...»

Рисунок С. А. Коровина к «Шинели», 1901 г.

Третьяковская галлерея, Москва

жественном качестве этих иллюстраций, лучше всего обратиться не к репродукциям, нередко полиграфически скверно выполненным, а к рисункам мастера (в альбомах Русского музея), подготовительным, правда, но обладающим, тем не менее, достаточной завершенностью характеристик. Маковский чрезвычайно внимателен к воссозданию конкретного облика героев поэмы: его Собакевич, Ноздрев, Манилов, Плюшкин, Коробочка характеризованы метко и выпукло, однако без глубокого раскрытия социального содержания этих образов. Воплощенные в рисунках Маковского персонажи «Мертвых душ» по большей части осовременены; создавая их, художник исходил в значительной мере из окружавшей его социальной действительности конца XIX века.

Сатирический смысл поэмы и ее обличительная направленность несколько затемняются также обилием мелких бытовых деталей и подчас незначительностью самих иллюстрируемых эпизодов. При всем том иллюстрации В. Маковского к «Мертвым душам» еще тесно связаны с лучшими традициями русской книжной графики серьезным отношением к иллюстрируемому тексту и крепким реалистическим рисунком, особенно ценным в пору умышленного отказа художников-модернистов от четкости пластической формы, от ясной линии, в угоду пресловутой незаконченности. Все это позволяет считать рисунки Маковского к «Мертвым душам» одним из значительнейших явлений в русской иллюстрационной графике девятисотых годов.

Книжки «Народной пользы» не были исключением. Отметим и некоторые другие издания 1901—1902 гг., рассчитанные на широкого читателя.

Так, в 1902 г. появился дешевый однотомник Гоголя в издании Павленкова со 180 иллюстрациями Н. А. Зубчанинова и Н. В. Пирогова. Иллюстрации эти, не во всем удачные, являются все же добросовестной попыткой истолковать читателю смысл гоголевских произведений. Несмотря на малый размер (по четыре иллюстрации на странице) и плохое воспроизведение рисунков, образы гоголевских героев (в частности героев «Мертвых душ») не лишены иногда острых и выразительных черт. Вятское губернское земство издало в те же 1901—1902 гг. три тома «Избранных сочинений Н. В. Гоголя» с многочисленными рисунками, большей частью перепечатками уже известных оригиналов, но с добавлением ряда работ молодых художников. Так, в этом издании были помещены несколько иллюстраций Б. М. Кустодиева к «Мертвым душам», девять иллюстраций ученика Репина, украинского художника С. Ф. Чуприненко к «Тарасу Бульбе» (почему-то считающиеся в ряде перепечаток работами Б. М. Кустодиева)[98] и не лишенные поэтичности рисунки пейзажиста А. А. Рылова к «Майской ночи». В противоположность дешевым изданиям «Народной пользы», Ф. Ф. Павленкова, Вятского земства и других, в которых в качестве иллюстраторов сотрудничали выдающиеся художники, появились и дорогие издания с совсем иным составом сотрудников. Так, издательство А. Ф. Маркса выпустило в «роскошном» виде «Похождения Чичикова или Мертвые души» с 10 гелиогравюрами и 355 рисунками таких иллюстраторов, как М. М. Далькевич, художник грубо натуралистического склада, и Е. П. Самокиш-Судковская — с обычными для нее иллюстрациями салонно-виньеточного стиля.

Девять типов к «Мертвым душам», исполненные Борисом Михайловичем Кустодиевым (1878—1927) в начале девятисотых годов для

ГОРОДНИЧИЙ

Акварель Д. Н. Кардовского к «Ревизору», 1922 г.

Третьяковская галлерея, Москва

«Избранных сочинений Н. В. Гоголя» в издании Вятского земства (Чичиков, Собакевич, Ноздрев, Бетрищев, Улинька и др.),— работа еще очень молодого художника, лишь приступающего к сложной задаче иллюстрирования гоголевских произведений. Но уже спустя несколько лет Кустодиев исполняет два цикла иллюстраций, обеспечивающих ему почетное место среди тогдашних художников-иллюстраторов Гоголя.

В хорошо известных рисунках к «Шинели» тонко прочувствован и верно передан Кустодиевым образ Петербурга гоголевской поры. Тем самым художник вводит читателя в самую атмосферу повести. Образ города, как и у Гоголя, становится в кустодиевских иллюстрациях не только бытовым, но и социальным фоном, на котором еще острее воспринимается трагедия несчастного Башмачкина. Сочным реализмом и неподдельным юмором отмечены иллюстрации Кустодиева к гоголевской «Коляске» [99].

Высокой культурой рисунка и иллюстрационного мастерства отличаются созданные почти в те же годы, что и кустодиевские рисунки к «Шинели» и «Коляске», иллюстрации Д. Н. Кардовского (1866—1943) к повести «Невский проспект» [100]. Правда, в изысканности линейного ритма этих иллюстраций и композиционном решении отдельных листов легко обнаружить элементы известной стилизации и декоративизма (см., например, изображение толпы гуляющих по Невскому проспекту — стр. 685). Однако в своей основе рисунки Кардовского все же дают убедительное истолкование текста повести. Внимательно изучив эпоху, художник добился большой исторической достоверности в изображении как типов, выведенных в повести, так и обстановки, в которой происходят события.

Говоря о Кустодиеве и Кардовском, мы говорим уже о мастерах, прочно вошедших в историю советского искусства раннего периода, о мастерах, которые, вместе с рядом других художников, в условиях упадка буржуазной культуры, сумели донести реалистические традиции до Октября [101]. Свою работу над произведениями Гоголя оба художника, в особенности Кардовский, продолжили и в советское время. В 1919 г. Б. М. Кустодиев исполняет эскизы декораций и костюмов к постановке «Ревизора» в Большом драматическом театре в Петрограде, а Д. Н. Кардовский в 1922 г. выполняет подобную же работу для постановки «Ревизора» в московском Малом театре. Рисунки Кардовского к «Ревизору» представляют собой значительное достижение художника. «Эскизы костюмов» превращены художником в законченные и верные характеристики персонажей гоголевской комедии и воспринимаются поэтому как превосходные и вполне самостоятельные иллюстрации (см., например, воспроизводимого здесь «Городничего» — стр. 881) [102].

Исключительно важное место занял Гоголь в работах советских иллюстраторов, начиная со скромных книжек госиздатовской «Народной библиотеки», изданных еще в период гражданской войны [103], и вплоть до многочисленных иллюстрационных циклов, созданных в связи с исполнившимся столетием со дня смерти великого писателя.

Усилия мастеров советской графики направлены к тому, чтобы как можно глубже проникнуть в сущность иллюстрируемых произведений Гоголя, полностью уяснив себе их идейный смысл и художественные особенности. Советские художники, иллюстрируя Гоголя, ставят своей первой задачей помочь читателю верно понять и оценить его гениальные творения, раскрыть их огромное прогрессивное значение, все богатство заключающихся в них художественных образов. В работе по иллюстрированию Гоголя приняли и принимают участие лучшие мастера советского искусства, притом не только художники-графики, но и живописцы. Достигнутые ими результаты действительно велики и представляют собой, как уже отмечалось в нашей прессе, «новый этап в иллюстрировании произведений великого русского писателя» [104].

ПЛЮШКИН
Черная акварель А. М. Лаптева
«Мертвые души», издание Детгиза, 1952 г.

Большие результаты были достигнуты ценою больших усилий и, конечно, не сразу. В борьбе с антиреалистическими течениями, в борьбе за развитие советской реалистической иллюстрации решающую роль сыграли постановления партии по вопросам искусства и плакатно-печатной продукции. Организованная в 1936 г. в Москве выставка советской иллюстрации к художественной литературе за пять лет (1931—1936) подвела как бы итог творческим усилиям передовых художников-графиков, продемонстрировав полную победу реалистического метода в области книжной иллюстрации. На выставке были представлены и иллюстрации к Гоголю: три акварели А. М. Каневского к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» и четыре новых рисунка к «Невскому проспекту» Д. Н. Кардовского.

Крупнейшим событием ближайших лет в области иллюстрирования Гоголя явились рисунки к «Мертвым душам» Кукрыниксов (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов), в которых художники, следуя реалистическим традициям русской иллюстрации, глубоко раскрыли обличительную направленность этого великого произведения Гоголя. Иллюстрации были высоко расценены советской общественностью, хотя художников и упрекали за излишнюю подчас гротескность отдельных образов. Не удовлетворясь достигнутым, Кукрыниксы, непрерывно совершенствующие свое мастерство, создали в последние годы не только ряд новых рисунков к «Мертвым душам», но и заслужившие самое широкое признание иллюстрации к «Портрету» и к «Шинели» (см. стр. 537, 542, 543). С еще не виданной полнотой раскрыли Кукрыниксы идейно-художественное содержание и глубокий социальный смысл этих двух «петербургских повестей» Гоголя. В «Шинели» — трагедию забитого маленького человека, в «Портрете» — трагедию художника, не сумевшего противостоять развращающей силе денег и изменившего своему долгу — служению обществу, народу. Восемнадцать иллюстраций Кукрыниксов к «Портрету» и двадцать к «Шинели»

поражают строгим реалистическим мастерством и единством замысла, исключительно полно воссоздавая, вместе с тем, фабулу обеих этих повестей.

Третья «петербургская повесть» — «Невский проспект» — в самое последнее время удачно иллюстрирована ленинградским мастером В. А. Серовым, сумевшим не только передать облик Невского проспекта гоголевских времен, но и создать впечатляющий образ главного героя повести — художника Пискарева.

Обилие работ советских иллюстраторов на темы Гоголя и их разнообразный, разносторонний характер делают затруднительным и даже вообще невозможным сколько-нибудь исчерпывающий их обзор в настоящей краткой статье.

Украинские повести Гоголя нашли неутомимого иллюстратора в лице А. М. Каневского, к лучшим работам которого принадлежат полные жизнерадостного настроения акварельные иллюстрации к «Сорочинской ярмарке» (см. стр. 909) и, особенно, сатирически заостренные рисунки к повестям «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Заслуживают быть особо отмеченными также иллюстрации к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» замечательного украинского мастера М. Г. Дерегуса и таких талантливых молодых художников, как В. И. Ладягин («Майская ночь») и И. Т. Богдеско («Сорочинская ярмарка»).

Значительное место в работах советских иллюстраторов Гоголя занимают иллюстрации к героической эпопее «Тарас Бульба». Широко известны обширный цикл иллюстраций к «Тарасу Бульбе» Е. А. Кибрика (см. стр. 538, 539), созданный в 1945 г., превосходные станковые иллюстрации — почти картины — А. М. Герасимова, воспевающие былинную силу и удаль героев-запорожцев, и, наконец, одна из самых последних работ — иллюстрации М. Г. Дерегуса, среди которых особой силой драматизма выделяется рисунок с изображением Остапа, спокойно и мужественно подымающегося на эшафот.

Из иллюстраторов «Ревизора» должен быть, в первую очередь, отмечен К. И. Рудаков, сосредоточивший все свое внимание и мастерство на создании социально острых и выразительных типов, в основе которых, как всегда, у художника лежит тщательное изучение натуры.

Наконец, одним из важнейших событий в иллюстрировании Гоголя явился обширный цикл (около двухсот иллюстраций) к «Мертвым душам» А. М. Лаптева, с особой выразительностью раскрывающий содержание бессмертной поэмы. Автору удалось воссоздать в новом и убедительном облике основные персонажи «Мертвых душ» (см. стр. 883, 887) и вместе с тем широко показать тот социальный фон, на котором развертывается действие поэмы. В ряде иллюстраций, и в этом состоит одна из несомненных заслуг художника, Лаптев трактует тему, которую иллюстраторы «Мертвых душ» (кроме Петра Соколова) обычно оставляли в тени, — тему народа.

Сделанный обзор, несмотря на всю его краткость, показывает, насколько и многосторонни и значительны достижения советских художников — иллюстраторов Гоголя. Однако подробное рассмотрение их работ не является задачей настоящей статьи и заслуживает самостоятельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наиболее ранний обзор изобразительных материалов по Гоголю принадлежит П. Ефремову — «Портреты Гоголя и рисунки к его сочинениям» («Русская старина», 1878, № 5, стр. 157—158). Дополнения к этой статье даны самим П. Ефремовым («Русская старина», 1879, № 9, стр. 172—176) и Н. Собко («Древняя и новая Россия», 1878, № 7, стр. 259—260). В 1882 г. аналогичный обзор дал С. Пономарев в работе: «Памяти Гоголя. Материалы для библиографии литературы о нем» («Известия Ист.-фил. института кн. Безбородко в Нежине», т. VII,

1882, и в отдельном издании — Киев, 1882, стр. 45—47). Заслуживает внимания по полноте собранных сведений «Указатель иллюстраций к сочинениям Н. В. Гоголя» Ф. Витберга («Лит. вестник», 1902, т. III, кн. 1, стр. 92—103). К. Кузьминскому принадлежит краткий очерк — «Гоголь в живописи» (Гоголь. Соч. Под ред. В. Каллаша, т. 10, изд. Брокгауза-Ефрон <Пг., 1915>, стр. 11). Значительно более обстоятельный характер носит работа А. Ивановой-Артюховой — «Ілюстратори М. В. Гоголя», Киев, 1927 (помещена первоначально в журнале «Бібліологичні вісті» за тот же год). Автором допущен, однако, ряд ошибок. Так, картина Репина «Поприщин» приписана... К. П. Брюллову (стр. 13), и т. д. Ценны статья Л. Динцеса об иллюстраторах Н. В. Гоголя — «Комментарий к иллюстрациям <к Гоголю>» (в сборнике: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования». Под ред. В. Гиппиуса, т. II. М.— Л., 1936, стр. 592—596), и его же статья «Дореволюционная иллюстрация <к Гоголю>» в книге: Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, изд. 2. Л., 1937. Наконец, следует отметить тщательно составленное, под ред. Б. Томашевского, «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома», вып. 1. Н. В. Гоголь. М.— Л., 1951, со специальным разделом, посвященным «Иллюстрациям к произведениям Н. В.Гоголя» (стр. 88—128).

[2] Рисунки К. И. Рабуса к «Ревизору» принадлежали (в 1902 г.) А. А. Бахрушину (см. каталог «Выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского». М., 1902, стр. 51); об иллюстрациях Павла Соколова к «Портрету» и к «Запискам сумасшедшего» см. стр. 860; о композициях И. Е. Репина к «Страшной мести» и к «Вию» см. прим. 85.

[3] Рисунок «Городничий» (гуашь) в восьмидесятых годах ошибочно приписывался самому Пушкину; ныне хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ИРЛИ). На обороте рисунка имеются надписи: вверху — «Принадлежит Александру Алексеевичу Васильчикову», посредине — «Рисунок Пушкина, подаренный Гоголю, для постановления им сцен к к<омедии> „Ревизор“», и ниже, рукой А. А. Васильчикова — «Гоголь подарил этот рисунок профессору Прокоповичу-Антонскому, который или подарил или оставил его по смерти соседу моему по Саратовской губ. ст. сов. Александру Александровичу Комарову, бывшему некогда долгое время русским учителем в разных заведениях Мин<истерства> Народного Просвещения, а также и в Пажеском корпусе. Он был другом Гоголя; знавал и Пушкина. Потом был мировым посредником в Петровском уезде Саратовской губернии и после смерти своей оставил мне портрет этот». В 1880 г. рисунок был экспонирован на юбилейной Пушкинской выставке. Рисунок не вошел в печатный каталог, так как был доставлен на выставку (А. А. Васильчиковым) после его напечатания. О рисунке, однако, появилась краткая заметка в газете: «В отделе рисунков выставки <...> прибавился „Городничий“, акварельный рисунок Пушкина, подаренный им Гоголю для постановки на сцену „Ревизора“. Рисунок этот принадлежит директору имп. Эрмитажа А. А. Васильчикову, по словам которого рисунок подарен Гоголем Прокоповичу, от него перешел к Комарову, а Комаровым завещан А. А. Васильчикову» («Голос», 1880, № 321).

Эти строки в общем совпадают с приведенной выше записью, сделанной А. А. Васильчиковым на обороте рисунка. Однако именно в этой своей записи Васильчиков допустил одну несомненную ошибку. Рисунок был подарен Гоголем, конечно, не старику-профессору, проректору и ректору Московского университета А. А. Антонскому-Прокоповичу (1763—1848), о знакомстве которого с Гоголем нет никаких сведений, а Николаю Яковлевичу Прокоповичу (1813—1857), педагогу и стихотворцу, школьному товарищу и другу Гоголя. Н. Я. Прокопович находился в дружеских отношениях и с А. А. Комаровым. А. А. Комаров, «знакомый Гоголя, Белинского и Прокоповича», как его именует В. И. Шенрок («Письма», т. IV, стр. 503), действительно был знаком с Гоголем, хотя вряд ли был его «другом», как утверждает Васильчиков (см. выше). Одно из писем к Н. Я. Прокоповичу (из Рима, от 22/10 октября 1842 г.) Гоголь оканчивает припиской: «Кланяйся всем помнящим меня <...> Белинскому, Комарову» («Письма», т. II, стр. 220). В свете приводимых данных о первых владельцах рисунка «Городничий» — Прокоповиче и Комарове, лично знавших Гоголя, нет оснований, конечно, сомневаться в верности сообщаемого Васильчиковым предания, что рисунок действительно был подарен Пушкиным Гоголю (хотя об авторстве Пушкина, конечно, не может быть и речи). Александр Александрович Комаров (ум. 1874), поэт и педагог, известен до сих пор главным образом как друг, единомышленник и корреспондент В. Г. Белинского. Данные о нем приведены в статье Ю. Оксмана «Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор» («Лит. наследство», № 56, 1950, стр. 216). Их следует дополнить сведениями, сообщаемыми С. Венгеровым в «Источниках словаря русских писателей», т. III, Пг., 1914, стр. 158—159, и особенно яркой и положительной характеристикой А. А. Комарова, данной Л. Жемчужниковым в его мемуарах — «От кадетского корпуса к Академии Художеств. 1828—1852». М., 1926, стр. 71.

[4] Л. Динцес. Новое изображение первой постановки «Ревизора».— «Рабочий и театр», 1936, № 18.

[5] «Сцена из ком. „Ревизор“. Действие V, явление IX. Рисовал В. Самойлов. Гравировал Эльваль».— «Репертуар Русского театра, изд. Н. Песоцким на 1840 год», т. I. СПб., 1840.

[6] Н. Рамазанов. Материалы для истории художеств в России. М., 1863, стр. 240—241.

[7] Там же, стр. 241.

[8] Рисунок К. А. Зеленцова «Копиист» находился в собрании И. И. Ясинского и воспроизведен в журнале «Живописец», 1903, № 10.

[9] Рисунок исполнен итальянским карандашом, датирован 1859 годом и хранится в Русском музее. Ранее находился в собрании М. К. Тенишевой (см. «Каталог выставки коллекции рисунков и акварелей кн. М. К. Тенишевой». СПб., 1897, № 328-б). Опубликован Л. Динцесом в сборнике: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. II, стр. 16—17. Несколько более поздних и относительно мало удачных иллюстраций Микешина к «Тарасу Бульбе» (исполненных сепией) хранится в подмосковном музее «Абрамцево» АН СССР.

[10] В. Г<орленко>. Картины, рисунки и офорты Шевченко.— «Киевская старина», 1888, № 6, отд. IX, стр. 82.

[11] Например, в книге: Ол. Новицький. Тарас Шевченко як маляр. Львов — Москва, 1914, стр. 75 (№ 565 списка работ Шевченко).

[12] «Лит. наследство», т. 19-21, 1935, стр. 425.

[13] Т. Шевченко. Повна збірка творів, т. III, Киев, 1949, стр. 172.

[14] О Н. Д. Быкове и его коллекции см.: Д. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. I, СПб., 1889, стб. 397; т. IV, приложения, стб. 286—287.

[15] Т. Шевченко. Ук. соч., т. III, стр. 103.

[16] И. Крамской. Письма, т. II, М., 1937, стр. 347.

[17] Э. Ацаркина. П. Федотов (в серии «Русская графика»). М., 1949, стр. 9.

[18] А. Дружинин. Воспоминание о русском художнике Павле Андреевиче Федотове. М., 1918, стр. 43—44.

[19] Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя «Мертвые души». Рисовал А. Агин. Гравировал на дереве Е. Бернардский. СПб., изд. Е. Бернардского, 1846.

[20] Плетнев сообщил об этом Гоголю в письме от 16/28 февраля 1846 г. (см. «Известия Отделения русского языка и словесности», 1900, т. V, кн. 1, стр. 277).

[21] «Письма Н. В. Гоголя». Под ред. В. Шенрока, т. III, стр. 157—158.

[22] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г.», стр. 34—35.

[23] Известно свыше тридцати подлинных подготовительных рисунков Агина. Многие из них опубликованы в однотомнике «Избранных произведений» Н. В. Гоголя, изданном «Детской литературой», под ред. В. В. Гиппиуса (М.— Л., 1937). Некоторые представляют собой варианты гравюр. Как правило, рисунки (большинство из них хранится в Русском музее) исполнялись Агиным в карандаше, реже — пером и тушью. Кроме иллюстраций, Агин выполнил в автолитографии афишу о выходе в свет первых выпусков альбома (см. ее воспроизведение в издании «104 рисунка к „Мертвым душам“». СПб., 1892, а также «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 351).

[24] Интересно сравнить рисунок Агина, изображающий Плюшкина, с соответствующей гравюрой, которая несомненно его превосходит. Очевидно рисунок, сделанный Агиным на доске и гравированный Бернардским, представляет собой наиболее завершенное решение, конечный результат работы художника над образом Плюшкина. Этот рисунок (из собрания Русского музея) воспроизведен в книге: Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, изд. 2. Л., 1937, табл. 1.

[25] Автограф неопубликованной рецензии Короленко на книгу К. Кузьминского «Художник-иллюстратор П. М. Боклевский, его жизнь и творчество» (М., 1910) хранится в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд Короленко, шифр 14/751).

[26] См. воспроизведение этого рисунка в книге: К. Кузьминский. Художник-иллюстратор А. А. Агин, его жизнь и творчество. М., 1923, стр. 140. На самой гравюре, однако, герб все же оказался воспроизведенным.

[27] «Современник», 1847, № 1, «Смесь», стр. 74.

[28] Там же.

[29] «Отеч. записки», 1847, № 2, отд. VI, стр. 71—88.

[30] Там же, стр. 73.

[31] Там же, стр. 82.

[32] «Нива», 1892, № 8, стр. 186—187.

[33] Там же, стр. 187.

[34] Лесков судил о Петре Соколове лишь по изданию двенадцати акварельных рисунков П. Соколова к «Мертвым душам» (СПб., 1891), характеризующим только первую стадию работы художника над иллюстрированием «Мертвых душ».

[35] См. О. Лясковская. Список произведений В. Г. Перова в книге: «В. Г. Перов». Текст А. Федорова-Давыдова. М., 1934, стр. 305 (№ 108), стр. 329 (№ 33 и 34), стр. 331 (№ 54). В «Иллюстрированном каталоге посмертной выставки произведений В. Г. Перова», составленном Н. Собко (СПб., 1882), значится рисунок Перова «Погребение Гоголя его героями», из собр. Попова (стр. 4, № 17). Однако Н. П. Собко датирует его не 1864, а 1870 годом.

[36] Сергей Иванович Г р и б к о в, род. около 1820 г. в г. Касимове Рязанской губ., учился в Московском училище живописи и ваяния и в 1852 г. был удостоен Академией художеств звания неклассного художника (см. С. К о н д а к о в. С.-Петербургская Академия художеств, т. II. Список русских художников. СПб., 1914, стр. 53). Жил и работал в Москве, где, по словам хорошо знавшего его В. А. Гиляровского, «много лет держал живописную мастерскую, расписывал церкви и все-таки продолжал участвовать на выставках ‹в училище живописи и ваяния и в Обществе любителей художеств› и не прерывал дружбы с талантливыми художниками того времени» (Влад. Г и л я р о в с к и й. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М., 1935, стр. 144). В. А. Гиляровский называет друзей художника по именам. Это — Н. В. Неврев,

«РУСЬ»

Черная акварель А. М. Лаптева

«Мертвые души», издание Детгиза, 1952 г.

П. М. Шмельков, В. В. Пукирев, А. К. Саврасов и др. (там же, стр. 145—146). По данным анкеты С. И. Грибкова, хранящейся в бумагах Н. П. Собко в Гос. публичной библиотеке им М. Е. Салтыкова-Щедрина (сообщена нам Н. Д. Эфрос), С. И. Грибков, помимо нескольких произведений на исторические темы, исполнил следующие жанровые картины: «1. Кот и повар. 2. Стрижка овец. 3. Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. 4. Сцена у колодца. 5. Благословение на брак. 6. Кутеж приказчиков. 7. Прощание». «Обед Хлестакова» в анкете не поименован; не указана в анкете и дата рождения художника. Скончался С. И. Грибков в девяностых годах.

[37] Егор Иванович Б е р е с т о в (1826 — 3 мая 1869) происходил из мещан г. Корчевы Тверской губ.; вступил в Академию художеств в 1847 г. и в 1857 г. получил звание «художника живописи портретной XIV класса» (С. К о н д а к о в. Список русских художников. СПб., 1914, стр. 16). В 1852 г. исполнил «Мальчика с бабками», в 1855 г.— «Детей, играющих в саду», в 1857 г.— «Утро горничной». Выставлял свои

произведения на академических выставках в 1851, 1852, 1854, 1855 и 1857 гг. (см. архив Н. П. Собко в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Помимо живописи занимался фотографией. Год рождения художника установила по архивным данным Н. Д. Эфрос.

[38] См. каталог «Выставки картин русских художников второй половины XIX в. из частных собраний г. Ленинграда» ⟨составители Л. Галич и Т. Петрова⟩, Л., 1951, стр. 7.— В настоящее время картина перешла в собственность Литературного музея.

[39] Н. Рамазанов. Материалы по истории художеств в России, стр. 281.

[40] Эти копии Я. П. Полонского хранятся в Литературном музее.

[41] Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, фонд Короленко, шифр 14/751.

[42] К. Кузьминский. Художник-иллюстратор П. М. Боклевский, стр. 51—52.

[43] В журнале «Пчела» за 1875 год были помещены ксилографии с 24 рисунков П. М. Боклевского (типы «Мертвых душ»).

[44] Альбом сразу приобрел популярность и в том же 1858 г. вышел в Москве в издании полулубочного типа (Альбом рисунков к «Ревизору». ⟨Литографировал⟩ Художник Пуговишников». ⟨15 литографий⟩ М., 1858). К альбомам этого же типа примыкает и еще одно московское издание — серия из четырех листов литографий к «Носу» художника Э. Лилье (М., 1863).

[45] «Отеч. записки», 1858, № 7 отд. III, стр. 39 и 41.

[46] Ряд рисунков из серии 1866 г. опубликован Л. Динцесом. См. в сборнике: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. II, стр. 49, 73, 85, и в книге: Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, изд. 2, табл. 8 и 9.

[47] Один из этих набросков Пукирева воспроизведен в книге: Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, изд. 2, табл. 16.

[48] Работу над иллюстрированием Гоголя Павел Соколов продолжал и в более поздние годы. Так, в ИРЛИ хранятся семь рисунков художника к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», исполненных в 1891 г. (см. «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома», вып. 1 — Н. В. Гоголь, стр. 106); в музее «Абрамцево» АН СССР хранится несколько поздних иллюстраций Соколова к «Старосветским помещикам». Иллюстрации эти во многом слабее рисунков 1853 г.

[49] Н. Гоголь. Старосветские помещики. Повесть. Иллюстрированное издание. С 50 рисунками Павла Соколова. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1895.— В 1898 г. вышло второе издание.

[50] В Историческом музее хранится датированная 1853 годом тетрадь-рукопись большого формата с переписанным на семидесяти страницах (чернилами) текстом «Старосветских помещиков» и с подлинными карандашными рисунками П. Соколова в тексте (инв. № 67585).

[51] П. Соколов. Воспоминания. Редакция, вступительная статья и примечания Э. Голлербаха. Л., 1930, стр. 113.

[52] В. Белинский. Ответ Москвитянину.— Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. XI. Пг., 1917, стр. 22.

[53] См. рукопись Н. Рамазанова о П. Соколове в Историческом музее (ф. 366, с. 7).

[54] Издание вышло под названием: «Альбом „Тарас Бульба“ по рисункам академика Павла Соколова, исполненный красками ⟨хромолитографией⟩». Изд. А. Ильина и Н. Флигге. Ценз. разр. 28 марта 1869 г. Цена 30 руб. В Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в Отделе редких книг, хранится, возможно, единственный в литературе до сих пор не отмеченный экземпляр альбома — в пробных отпечатках одним черным тоном, до подписи и дат. Листы этого экземпляра — автолитографии самого Павла Соколова. Тираж альбома состоит из тех же листов, но уже в хромированном виде. Хромирование произведено ремесленным путем. В тиражном виде разные листы альбома носят разные даты: 1861, 1862 и 1867 гг. Очевидно, эти даты указывают время создания не литографий, а самих композиций (в акварелях или в масле). В связи с изложенным интересно отметить, что Н. А. Рамазанов в той же рукописи о П. Соколове из собрания Исторического музея, на которую мы уже ссылались (см. примеч. 53), упоминает об исполненной П. Соколовым в пятидесятых или в начале шестидесятых годов «небольшой картинке» маслом «Тарас Бульба». Помимо того, в Литературном музее хранится картина маслом П. Соколова «Тарас над убитым Андрием».

В заключение отметим, что, вопреки указаниям некоторых библиографов, было только одно издание соколовского альбома «Тарас Бульба» — 1869 г.

[55] Работа М. А. Зичи над иллюстрациями к «Тарасу Бульбе» не ограничивалась, повидимому, только лишь двумя упомянутыми сценами (см. А. Иванова-Артюхова. Ілюстратори М. В. Гоголя, стр. 25). М. А. Зичи принадлежит также «композиция из ряда сцен» к повести «Пропавшая грамота», воспроизведенная в альбоме «Фантастические повести Гоголя», СПб., изд. журнала «Север», 1902.

[56] Вопреки указанию А. Ивановой-Артюховой («Ілюстратори М. В. Гоголя», стр. 20), начало работы М. О. Микешина над иллюстрациями к «Вию» следует отнести к шестидесятым, а не к семидесятым годам. Об этом свидетельствует рисунок заглавной буквы «В» к «Вию» в собрании Русского музея с датой 4 февраля 1864 г.

[57] Мы не учитываем при этом нескольких микешинских виньеток к «Вию», например, виньетки (рисунок сепией) с изображением крылатого чудовища, несущего перо и рейсфедер, с надписью «Вий» (в Русском музее).

[58] «Пчела», 1876, № 28; см. также «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома», вып. 1. Н. В. Гоголь, стр. 103 (№ 645).

[59] «Пчела», 1876, № 43.

[60] «Пчела», 1877, № 50; см. также «Описание рукописей...», стр. 104 (№ 648).

[61] Иллюстрация эта известна по гравюре на дереве Гогенфельдена семидесятых годов. См. «Описание рукописей...», стр. 104 (№ 649).

НА ЧЕЛНАХ

Акварель М. Г. Дерегуса к «Тарасу Бульбе», 1951 г.

Собрание художника, Киев

[62] Литография «Ведьма на Хоме Бруте» исполнена (в литографском заведении Р. Хорна, СПб.) с большим техническим мастерством, но подписи художника-литографа на ней нет. В надписи под изображением указано: «С оригинального рисунка М. О. Микешина...». Рисунок находился в семидесятых годах в собр. К. С. Веселовского в Петербурге («Русская старина», 1878, № 5, стр. 167). В непосредственной связи с данной композицией находится картина Микешина «Ведьма» (в Черниговском музее).

[63] Рисунок пером «Ректор и Хома» воспроизведен в книге: Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, изд. 2, табл. 25.

[64] См. Каталог Третьяковской галлереи, 1917, стр. 244 (№ 3428). Дата рисунка — 10 января 1872 г.

[65] Впервые воспроизводимый нами рисунок сепией Микешина «Гроб панночки несут в церковь» имеет дарственную надпись художника: «... приятелю своему Николаю

Александровичу Александрову» (1840—1907; художественный критик) и дату: «СПб., 5 января 1872 г.», Рисунок происходит из собрания К. А. Сомова. Карандашный вариант этой же композиции с датой «20 июня 1874 г.» хранится в ИРЛИ (см. «Описание рукописей...», стр. 104, № 650). Предварительный набросок сцены — без даты — находится в Русском музее.

[66] Рисунок «Явтух и Хома» хранится в Русском музее. Воспроизведен в книге: Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, табл. 24.

[67] Воспроизводится впервые. Гелиогравюра-офорт «Пляска Хомы» существует в немногих авторизованных оттисках и в большом и малом форматах.

[68] Оба рисунка хранятся в Русском музее и воспроизведены в книге: Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, изд. 2, табл. 26, и в сборнике: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. II, стр. 32.

[69] В. Стасов. Собрание сочинений, т. I. СПб., 1894, отд. 1, стлб. 45.

Помимо перечисленных основных по значению иллюстраций Микешина к «Тарасу Бульбе», «Вию» и «Страшной мести», известны и другие рисунки художника на гоголевские темы: лист набросков на сюжет «Ночи перед Рождеством» в Третьяковской галлерее (с датой «6 июня 1874 г.»), композиция на мотив «Вия» в Киевском музее русского искусства, ранние наброски шестидесятых годов к «Майской ночи» и к «Страшной мести» в ИРЛИ и т. д. Имеются указания также на исполнение М. О. Микешиным в 1892 г. иллюстраций к «Ночи накануне Ивана Купала».

[70] «Русский художественный архив», вып. II, СПб., 1892, стр. 53 (письмо С. Т. Аксакова К. А. Трутовскому от 5 сентября 1852 г.).

[71] Картина К. Трутовского «Сорочинская ярмарка», исполненная в 1872 г., воспроизведена в книге: Н. Собко. 25 лет русского искусства. Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставки в Москве. СПб., 1882, табл. 102.— Публикуемый в настоящем томе (стр. 901) рисунок Трутовского «Сорочинская ярмарка» является предварительным эскизом или может быть карандашным повторением этой картины; картина «Оксана» (1882) экспонировалась в 1902 г. на московской «Выставке в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского» (см. каталог этой выставки —М., 1902, стр. 52). В Литературном музее хранится картина маслом Трутовского «Попович и Солоха».

Картинам Трутовского отчасти близки украинские жанры Харитона Платоновича Платонова (1842—1907), выставлявшего на академической выставке 1886 г. картину «Оксана» (местонахождение неизвестно).

[72] Эта серия рисунков В. Маковского датируется семидесятыми годами.

[73] И. Репин. Далекое-близкое. М.—Л., 1949, стр. 160.

[74] М. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 280.

[75] Художественная выразительность созданного Крамским образа воспринимается особенно наглядно в сравнении с автолитографией на этот же сюжет К. Е. Маковского, помещенной в альбоме «Вечера на хуторе близ Диканьки». К. Е. Маковский трактует сцену театрально, чисто внешним образом.

[76] Экспонировался на юбилейной выставке произведений Крамского в Третьяковской галлерее в 1937 г. (№ 267 по каталогу); хранится в Литературном музее.

[77] «И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», т. I. М.— Л., 1948, стр. 99.

[78] «Заря», Киев, 1883, № 246, 13 ноября (цитируем по статье: И. Зильберштейн. Неизвестные портреты кисти Репина.— «Художественное наследство. Репин», т. I. М.— Л., 1948, стр. 104).— В своей статье Н. И. Мурашко приводит и отзыв Репина о чтении Правдина.

[79] В. Стасов. Собрание сочинений, т. III, СПб., 1894, стлб. 1503—1504 (статья «Иллюстрация к „Запискам сумасшедшего" Гоголя»).— Исполнение В. Н. Андреевым-Бурлаком роли Поприщина было зафиксировано петербургским фотографом Шапиро, заснявшим последовательно многие моменты игры актера. Характерно, что эти снимки, выпущенные в свет в виде альбома в 1883 г., использовались впоследствии при издании гоголевских сочинений в качестве самостоятельных иллюстраций к «Запискам сумасшедшего». См., например, «Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя в одном томе» (М., изд. А. Панафидина, 1902), где воспроизведено около тридцати фотографий.

[80] Так, например, 8 мая 1888 г. В. Стасов писал Репину по поводу картины «Отказ от исповеди»: «Она для меня в первую же секунду вступила в казнохранительницу всего, что только для меня есть дорогого и важного от искусства: „Бурлаки", „Крестный ход", „Поприщин", „Не ждали" и др.» («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», т. II, стр. 128).

[81] Воспроизведены в издании: «Ежегодник имп. театров. Сезон 1894—95 гг.», СПб., 1896, стр. 128—129 и 134—135. Нынешнее местонахождение неизвестно. Под рисунками (акварелями) рукой Репина подписано в первом случае: «Достанется вам за такие богопротивные слова...», и во втором: «Нельзя-с, не такое дело...».

[82] «Сорочинская ярмарка» с четырьмя иллюстрациями И. Репина выдержала два издания: СПб., 1871 и СПб., 1882. В 1892 г. Репин исполнил на сюжет «Сорочинской ярмарки» акварель для альбома «Фантастические повести Гоголя», изд. журнала «Север», СПб., 1892. Подготовительный рисунок к этой акварели — «Парубок и дивчи-

на» — из собрания Б. В. Крылова, экспонировался на юбилейной выставке произведений И. Е. Репина в Третьяковской галлерее в 1944 г. (см. Каталог выставки, стр. 21).

[83] «И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», т. II, стр. 56.

[84] И. Лазаревский. Репин-иллюстратор.— «Художественное наследство. Репин», т. II. М.— Л., 1949, стр. 244.

[85] Помимо упоминавшихся репинских работ, связанных с Гоголем, художник сделал по одной композиции к «Страшной мести» и к «Вию». Об этом мы знаем со слов самого Репина, который писал А. Е. Грузинскому 31 июля 1911 г.: «Сколько могу припомнить, вот что я пытался изобразить к соч<инениям> Гоголя: 1-е) Пан Данило Бурульбаш — по Днепру. 2-е) Хома Брут, на рассвете, с ведьмой (обе вещи едва ли могут быть отысканы)» (см. «И. Е. Репин. Письма к писателям и литературным деятелям». М., 1950, стр. 186). Известно также, что на персональной выставке произведений Репина в Академии художеств в 1891 г. под №47 экспонировался эскиз под названием: «К „Страшной мести" Гоголя» (см. каталог выставки). Возможно, именно эту композицию и имел в виду Репин в цитированном письме к А. Е. Грузинскому. Примечателен интерес Репина не только к своему любимцу — «седоусому вождю» Тарасу Бульбе, но и к его предшественнику, «доброму казаку», храброму Даниле Бурульбашу. Повидимому, иллюстрация Репина изображала Данилу плывущим по Днепру с Катериной и с казаками. Именно это место повести вспоминал художник в одном из своих писем к В. В. Стасову («И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», т. I. М.— Л., 1948, стр. 58).

Быть может, не без влияния Репина его приятель и сверстник по годам учения в Академии художеств Р. С. Левицкий (1840—1940) темой одной из своих картин взял «Шинель» Гоголя. В письме к П. П. Чистякову от 24 января 1879 г. Репин в числе различных московских новостей сообщал: «Левицкий пишет Акакия Акакиевича» («Художественное наследство. Репин», т. II. М.— Л., 1949, стр. 228).

[86] В. Стасов. Виктор Михайлович Васнецов и его работы.— «Искусство и художественная промышленность», 1898, № 1-2, стр. 85.

[87] Три подготовительных рисунка к этим иллюстрациям (из них один — «Площадь в Сечи», датированный 1871 годом) были экспонированы на выставке васнецовских произведений в 1948 г. См. «Каталог выставки произведений В. М. Васнецова (из частных собраний), посвященной столетию со дня рождения художника». М., «Советский художник», 1948, стр. 24.

[88] Эта «цветная» серия соколовских иллюстраций к «Мертвым душам» состоит из девятнадцати листов. См. «Русский музей. Художественный отдел. Каталог». Пг., 1917, стр. 55—56, № 5181—5199. Серия была издана в цветных открытках, получивших большое распространение.

[89] «Рисунки Петра Соколова к первой части „Мертвых душ" Н. В. Гоголя». СПб., 1891.

[90] Иллюстрация «Чичиков у Манилова», исполненная черной акварелью, воспроизведена в книге: А. Ф. Коростин. П. Соколов. (Серия «Русская графика»). М., 1949, табл. 8.

[91] В Отделе редких книг Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится в четырех авторских портфелях несколько десятков «одноцветных» иллюстраций Петра Соколова к «Мертвым душам», часть которых датирована 1890—1891 гг. Портфели поступили в Ленинскую библиотеку из собрания библиотеки Зимнего дворца. Эти иллюстрации, до того неизвестные, были показаны художественной общественности столицы впервые на специальной выставке, организованной в конце 1944 г. Отделом редких книг Ленинской библиотеки. По докладу о творчестве Соколова, сделанному А. Ф. Коростиным, ценные данные о художественном методе Соколова сообщили Г. С. Верейский и лично знавшие художника Е. Е. Лансере и И. И. Лазаревский (автор неизданных воспоминаний о П. П. Соколове). В наиболее полном виде, с присоединением многочисленных иллюстраций, оказавшихся в собрании д-ра В. В. Величко (и тогда же приобретенных Третьяковской галлереей), «черная» сюита соколовских иллюстраций демонстрировалась на персональной выставке произведений Петра Соколова, организованной в июне — июле 1948 г. Московским союзом советских художников и Центральным домом работников искусств СССР (см. Каталог выставки произведений Петра Петровича Соколова из государственных и частных собраний, М., 1948 <составитель Н. В. Власов>, № 34—77). В полном составе иллюстрации до сих пор не изданы. Помимо собраний Гос. библиотеки им. В. И. Ленина и Третьяковской галлереи, отдельные листы «одноцветного» цикла принадлежат музею «Абрамцево» АН СССР («Супруги Маниловы» и «Чичиков у Манилова»), С. В. Герасимову («Возвращение Чичикова в гостиницу»), проф. А. А. Сидорову («Чичиков тушит свечу <у Коробочки>») и А. Ф. Коростину — иллюстрация к первой главе первой части поэмы: «Губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала» (воспроизводится впервые в наст. томе, см. стр. 869).

[92] См. предисловие к альбому «Рисунки Петра Соколова к первой части „Мертвых душ" Н. В. Гоголя», СПб., 1891.

[93] Соколов был всю жизнь чужд академическим кругам; звание академика он получил лишь в самом конце жизни, когда в реформированную Академию вступил ряд художников-передвижников (во главе с Репиным).

[94] Картина была выставлена на Третьей ученической выставке Московского училища живописи, ваяния и зодчества в 1880—1881 гг. (см. Н. Дмитриева. Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М., 1951, стр. 125).

[95] В. и Е. Журавлевы. Художник С. В. Иванов. М.— Л., 1931, стр. 76 и 123.— Последняя из перечисленных иллюстраций С. В. Иванова к «Тарасу Бульбе»— «Смерть Андрия», исполненная маслом, на картоне, экспонировалась в 1951 г. на «Выставке картин русских художников второй половины XIX в. из частных собраний г. Ленинграда» и отмечена в каталоге выставки (стр. 8). Композиция «Тарас Бульба с казаками в степи» была исполнена художником также и акварелью.

[96] Н. Брешко-Брешковский. В. Е. Маковский и его художественная деятельность. СПб., 1902, стр. 15—16.

[97] Сверх того, еще двадцать пять иллюстраций к «Мертвым душам» были исполнены В. Маковским акварелью в том же 1901 г. Эти иллюстрации впервые воспроизведены в издании: Н. В. Гоголь. Мертвые души. Поэма. М. — Л., ГИХЛ, 1948 (18 иллюстраций к 1, 2, 3, 4 и 8-й главам первой части и 7 — к 1 и 2-й главам второй части).

[98] Так, одну из иллюстраций С. Ф. Чуприненко (род. 1870) к «Тарасу Бульбе» — «Казнь Андрия» — воспроизводит как кустодиевскую в своей книге А. Иванова-Артюхова («Ілюстратори М. В. Гоголя», стр. 20). Ошибку А. Ивановой-Артюховой повторяет Л. Динцес (Л. Динцес и П. Корнилов. Герои Гоголя в изо-искусстве, изд. 2, стр. 35). Кстати сказать, псевдо-кустодиевские иллюстрации к «Тарасу Бульбе» снабжены полной подписью Чуприненко. Степан Федорович Чуприненко, окончивший Академию художеств в 1896 г., является автором нескольких картин из жизни Запорожской Сечи. Чуприненко — один из многих украинских художников, иллюстрировавших произведения Гоголя в конце XIX — начале XX в. Так, старейший украинский график И. С. Ижакевич (род. 1864) еще в восьмидесятых годах исполнил рисунок «Оксана» (воспроизведен ксилографией в журнале «Нива», 1889, № 52). Н. К. Пимоненко (1862—1912), А. Д. Кившенко (1851—1895), А. Г. Сластион (1868—1933) являются авторами многочисленных иллюстраций, главным образом к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» и к «Тарасу Бульбе». Следует отметить превосходную акварель «Андрий с панночкою» Г. К. Дядченко (1869—1921), исполненную в 1890 г. и хранящуюся в Музее украинского изобразительного искусства в Киеве. Единственная известная нам акварельная иллюстрация к «Мертвым душам» Д. И. Бесперчего (1825—1913) — «Чичиков, Бетрищев и Улинька», наоборот, крайне слаба (воспроизведена в книге: Д. Гордеев. Материалы для художественной летописи гор. Харькова. Памяти Д. И. Бесперчего. Харьков, 1914). Наконец, С. И. Васильковский (1854—1917) является автором картины «Сорочинская ярмарка» («Нива», 1902, № 26). Подробное исследование работ украинских художников, созданных на темы гоголевских произведений, затрудняемое малой изученностью материала, не является задачей настоящей статьи.

[99] Иллюстрации Б. М. Кустодиева к «Шинели» и к «Коляске», исполненные в 1905—1909 гг., были воспроизведены впервые в «Юбилейном сборнике рисунков известных художников к произведениям Н. В. Гоголя», изд. СПб. Общества грамотности, 1909. Оригиналы иллюстраций к «Шинели» хранятся (почти все) в Русском музее, к «Коляске» — в ИРЛИ (см. «Описание рукописей...», вып. 1.— Н. В. Гоголь. М.— Л., 1951, стр. 109—110, № 687—693).

[100] Невский проспект. Повесть Н. В. Гоголя. Рисунки Д. Н. Кардовского, изд. Кружка любителей русских изящных изданий, СПб., 1905.

[101] Работы художников эстетско-формалистического направления начала XX в. на темы Гоголя немногочисленны. В качестве примера укажем на акварели К. А. Сомова «Невский проспект» (1901) и Л. С. Бакста «Нос» (находятся в Третьяковской галлерее) и на акварель Сомова «Портрет» (в Литературном музее).

[102] «Ревизор». С иллюстрациями Д. Н. Кардовского. М., ГИХЛ, 1935.— Семнадцать акварелей Кардовского к «Ревизору» хранятся в Третьяковской галлерее; превосходный рисунок Кардовского, изображающий Хлестакова, исполненный цветными карандашами, находится в собрании проф. А. А. Сидорова в Москве.

[103] Для «Ревизора», «Мертвых душ», «Сорочинской ярмарки», «Ночи перед Рождеством» и «Вия» в издании «Народной библиотеки» Госиздата (Петроград, 1919—1920) иллюстрации были исполнены И. В. Симаковым (1877—1925). О Симакове, как иллюстраторе, см. книгу: «И. В. Симаков. Сборник статей» <Э. Голлербаха, В. Сварога, М. Соломонова>. Госиздат, Л., 1926. Большинство оригиналов иллюстраций Симакова к Гоголю хранится в Молотовской галлерее (см. «Молотовская художественная галлерея. Живопись, скульптура, рисунки. Каталог», г. Молотов. Изд. Галлереи, 1944, стр. 133—135).

[104] Наталия Соколова. Яркое воплощение литературных образов. Выставка «Н. В. Гоголь в произведениях советских художников» («Советское искусство», 1952, № 30, от 12 апреля).

ГОГОЛЬ В МУЗЫКЕ

Статья А. Гозенпуда

I

Творчество Гоголя оказало большое воздействие на развитие русской музыкальной культуры. Мусоргский, Чайковский и Римский-Корсаков на основе произведений великого писателя создали оперы «Сорочинская ярмарка», «Черевички», «Майская ночь», «Ночь перед рождеством» — оперы, проникнутые народной песенностью, глубоко национальные по всему своему складу.

Столь же большое значение имеет творчество Гоголя и для украинского музыкального театра: Н. Лысенко в своих операх «Рождественская ночь», «Утопленница» и «Тарас Бульба» развивал гоголевскую традицию, получившую яркое воплощение в русской музыке.

Произведения Гоголя принесли в музыкальный театр новые темы и образы.

Белинский писал: «„Ночь перед рождеством...“ есть целая, полная картина домашней жизни народа, его маленьких радостей, его маленьких горестей, словом, тут вся поэзия его жизни» [1]. Характеристику эту можно распространить на все остальные повести, составляющие «Вечера на хуторе близ Диканьки». Гоголь вошел в историю русской музыки как великий поэт народной жизни, как создатель ярких национальных характеров: героических — в «Тарасе Бульбе», простодушно-лукавых — в «Вечерах».

Лиризм, изобилие бытовых картин, юмор, поэтическая фантастика и, наконец, песенная природа гоголевской прозы, проницательно отмеченная Пушкиным,— все это делало задачу музыкального воплощения «Вечеров на хуторе» чрезвычайно заманчивой и увлекательной.

Проникновение образов Гоголя в отечественную музыку в значительной степени определило развитие национальной оперы и тем самым способствовало дальнейшему движению русской музыки по пути реализма.

Воздействие Гоголя сказалось также на произведениях симфонического, инструментального и песенного жанров, даже и не опирающихся на гоголевские темы. Несомненно, оркестровые миниатюры Даргомыжского, «Ночь на Лысой горе» и «Картинки с выставки» Мусоргского вводят слушателя в мир образов, близких Гоголю.

Сатирическая, обличительная направленность многих романсов Даргомыжского и Мусоргского, реалистическая основа этих романсов, тема «маленького человека», бесправного в условиях самодержавно-бюрократического государства, близки теме и духу «Петербургских повестей» Гоголя.

Новое содержание, пришедшее вместе с произведениями Гоголя в русскую музыку, обогатило ее, расширило ее жанровые и тематические границы. Более того: Гоголь указал композиторам одно из средств овладения

новой тематикой — обращение к народному песнетворчеству. «Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов,— писал он.— Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховьев до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песню рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский люд. У Черного моря безбородый, смуглый с смолистыми усами козак, заряжая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывучей льдине русский промышленник бьет острогой кита, затягивая песню. У нас ли не из чего составить своей оперы? Опера Глинки ‹«Иван Сусанин».— *А. Г.*› есть только прекрасное начало» [2].

Проникновение в жизнь народа через народную песню — таков эстетический канон русской реалистической оперы. Б. В. Асафьев писал, что мелодика и песенная стихия в ее разнообразнейших преломлениях «являются самым главным и влиятельным из всех организующих оперное действие музыкальных элементов, своего рода — первоэлементом. Поэтому русские композиторы вправе полагать, что они выполнили завет Гоголя» [3].

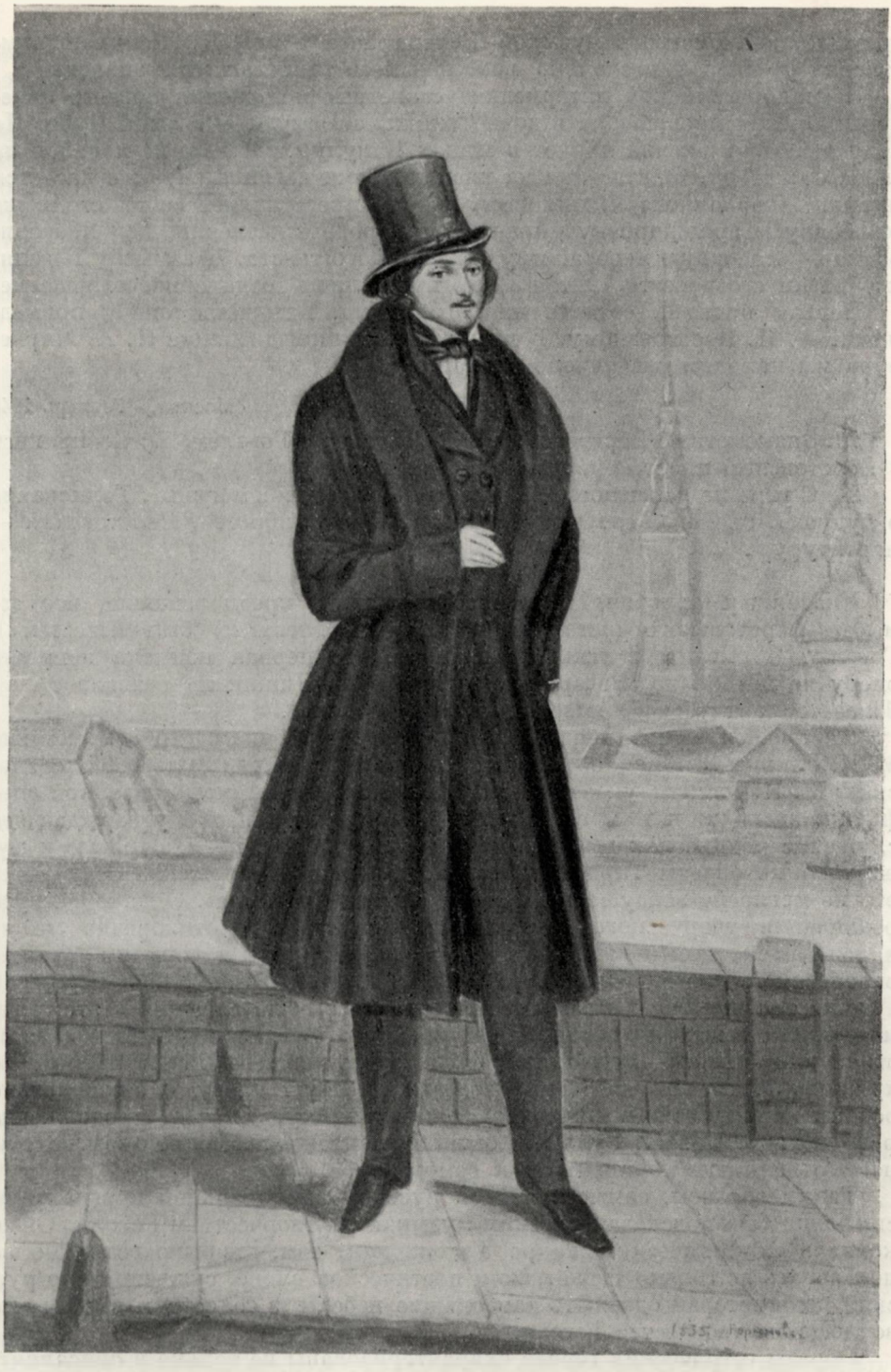
Народная игровая, лирическая и календарная песня — русская и украинская — помогла великим русским музыкантам воплотить национальный характер гоголевских героев, показать бытовую среду, в которой развертывается действие, воссоздать обаяние и красоту украинской природы.

Разное воплощение нашли гоголевские темы и образы в произведениях Чайковского, Мусоргского и Римского-Корсакова. Чайковский с гениальной проникновенностью передал в «Черевичках» лирику молодой любви. Мусоргский создал реалистическую народную комедию, в которой воплощены национальные черты гоголевских героев, их психологический склад. Римский-Корсаков сосредоточил внимание на обрисовке быта и вместе с тем на фантастике, сохранив все богатство содержания «Майской ночи» и «Ночи перед рождеством».

II

Не сразу и не легко пришли русские композиторы к полноценному воплощению образов Гоголя. Первые опыты, относящиеся к тридцатым — сороковым годам прошлого века, были неудачны. А между тем яркая театральность, колоритность образов, богатство речевых характеристик сразу привлекли внимание музыкантов и театральных деятелей к «Вечерам на хуторе близ Диканьки».

Вскоре после того, как книга Гоголя вышла в свет, на сцене петербургского Большого театра в 1833 г. был поставлен спектакль под названием «Вечер на хуторе близ Диканьки» — «малороссийская интермедия, взятая из повестей сего же названия пасечника Рудого Панька с принадлежащими к ней пением и танцами». Музыка этих песен и танцев, как гласила афиша, была «набрана» придворным капельмейстером и композитором Д. Шелиховым, автором известных в свое время опер «Женевьева Брабантская» и «Детоубийца». Заимствовав некоторые сюжетные положения из «Ночи перед рождеством», анонимный автор инсценировки, по верному замечанию С. С. Данилова, разрешил их в «специфической форме комедии-водевиля 1830-х годов». Прибавим только, что инсценировщик использовал и некоторые приемы «украинской комедии-водевиля», в частности, «Казака-стихотворца» А. Шаховского и К. Кавоса. Как



ГОГОЛЬ

Портрет маслом (на меди) Горюнова, 1850-е гг. (?)
Дата «1835», поставленная на портрете, неверна
Институт русской литературы АН СССР Москва

убеждает знакомство с музыкой «Вечера на хуторе», Д. Шелихов заимствовал у Кавоса несколько вокальных и танцевальных эпизодов [4].

В «малороссийской интермедии» сюжетные положения повести изменены: Оксана превращена в дочь Солохи, а Вакула — в сына Чуба. По ходу действия Оксана прячет в мешок Вакулу, чтобы он не попался на глаза ее матери. Фантастика из инсценировки изгнана. Что же касается музыки, «набранной» Шелиховым, то она представляет собой столь же «свободную» аранжировку украинских народных мелодий, как инсценировка — свободную переработку гоголевского текста. К замыслу Гоголя, к образам его повести «интермедия» имеет лишь отдаленное отношение.

Первая попытка создать на гоголевском материале оперу принадлежит А. Н. Верстовскому. В неопубликованном дневнике Н. А. Маркевича мы находим следующие записи:

〈Москва.〉 Генварь 1840

23. Знакомство с Верстовским〈...〉 Разговор с Гоголем〈...〉 Собирались с Верстовским писать оперу «Страшная месть».

24. С утра на репетиции «Вадима» и «Аскольдовой могилы». Толкование о будущей опере: «Страшная месть». Я пишу либретто, Верстовский — партитуру [5].

Указание Маркевича позволяет высказать предположение, что замысел Верстовского (оставшийся неосуществленным) был известен и Гоголю. В высшей степени характерно, что первая попытка написать оперу на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» связана с наиболее «романтической» повестью из всего цикла.

Не прошел мимо произведений Гоголя его гениальный современник М. И. Глинка. Внимание композитора привлек «Тарас Бульба». В «Записках» М. И. Глинки указано, что замысел программной «казацкой симфонии» восходит к 1852 г. Патриотическая идея повести, утверждающей служение родине как высшую цель человеческой жизни, суровые и мужественные образы Тараса и Остапа, картины Запорожской Сечи — все это не могло не воодушевить автора «Ивана Сусанина». Однако на пути реализации творческого замысла Глинки стало противоречие между народным складом повести Гоголя с одной стороны и формами западноевропейской классической симфонии с другой. По крайней мере, сам Глинка так именно и объяснял причины своего охлаждения к этому замыслу. Но можно ли говорить о существовании непреодолимых препятствий для Глинки—художника, смело разрушавшего привычные схемы, художника, создавшего национальную русскую оперу и заложившего основы национального симфонизма? Повидимому, отказ от продолжения работы над «Тарасом Бульбой» был обусловлен повышенной взыскательностью великого композитора к самому себе.

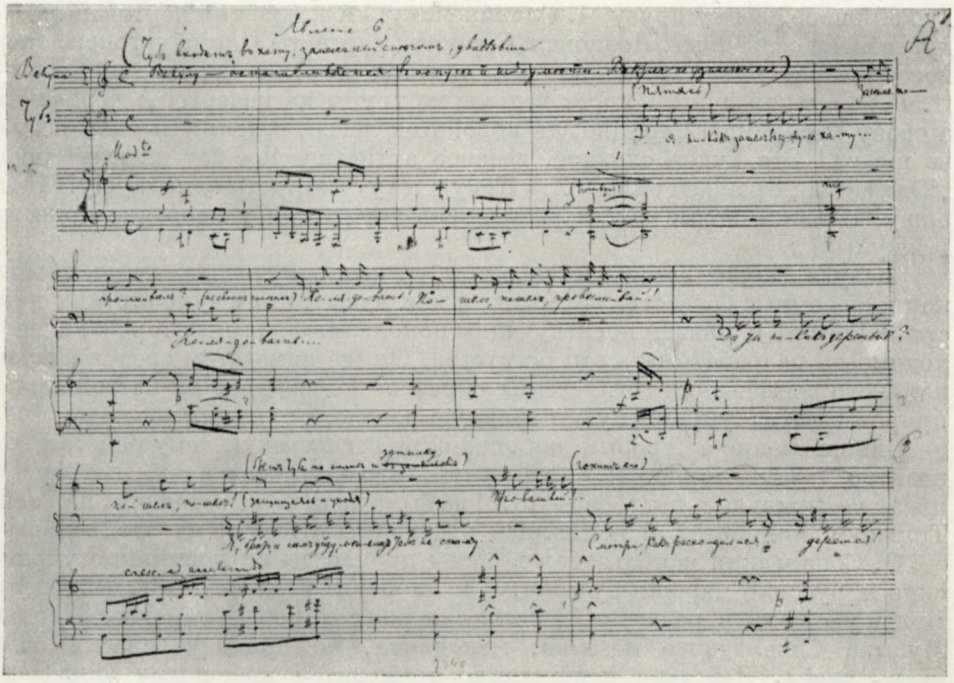
Таким образом, замысел первой русской национальной программной симфонии был подсказан русским музыкантам творчеством Гоголя. Однако не в симфоническом жанре, а в оперном, там, где было возможно использовать не только сюжет, но и поэтическое слово, суждено было русским композиторам одержать наибольшие победы в области музыкального воплощения творчества Гоголя.

Образы гоголевских героев охарактеризованы не только в описаниях, но прежде всего в прямой речи — то лирически песенной, то нарочито-бытовой, то приподнято-патетической, торжественной. Без передачи музыкальными средствами этой речевой стихии создать оперу на материале гоголевских произведений невозможно.

Если для того, чтобы раскрыть образы «Тараса Бульбы» в программной симфонии Глинка должен был выйти из рамок сонатной формы, то

не менее сложную задачу должен был решить и оперный композитор, вдохновленный Гоголем.

А. Н. Серов, пытавшийся найти музыкально-сценическое воплощение «Майской ночи», «Тараса Бульбы» и «Ночи перед рождеством», на собственном опыте убедился, какая это безмерно сложная задача. В конце сороковых — начале пятидесятых годов Серов создал оперу «Майская ночь». Произведение это, за исключением отрывков, до нас не дошло. Сам композитор впоследствии признал свою оперу неудачной и в автобиографии писал: «Сюжет требовал музыки „украинской", форм, следовательно, самостоятельных. Для композитора начинающего это был шаг невозможный, и предприятие осталось в стороне»[6].



НОТНЫЙ АВТОГРАФ (КЛАВИР) ОПЕРЫ П. И. ЧАЙКОВСКОГО «КУЗНЕЦ ВАКУЛА» НА СЮЖЕТ «НОЧИ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ» ГОГОЛЯ, 1874 г.

Вторая картина первого действия

Центральный музей музыкальной культуры, Москва

Между тем некоторые страницы этой оперы заслужили одобрение В. В. Стасова и А. С. Даргомыжского. В письме к Стасову от 2—3 октября 1851 г., рассказывая о своей встрече с М. И. Глинкой, А. Н. Серов передает обращенные к нему слова Глинки: «Поздравляю вас с успехами в нашем деле. Даргомыжский мне уже много говорил об вашей опере.—Это на Гоголеву „Утопленницу"?—Я очень хорошо помню повесть. Сюжет бесподобный. Желаю вам от всей души всего что нужно, чтоб его исполнить» [7].

«Сюжет требовал музыки „украинской"»,— писал Серов в цитированной нами автобиографии. Осознав это, композитор приступил к изучению украинской народной песни. Это изучение прежде всего отразилось в замечательной статье «Музыка южнорусских песен» и в опытах гармонизации украинского песенного фольклора.

Значение этих трудов Серова в истории русской и украинской музыки едва ли можно переоценить. Мимо статьи «Музыка южнорусских

песен» не прошел ни один из композиторов, обращавшихся к украинскому фольклору. Однако довести свои оперные и хореографические замыслы до конца Серову так и не удалось: ни «Тарас Бульба», ни «Ночь перед рождеством» завершены не были. Между тем композитор в последние годы особенно упорно и настойчиво возвращался к мысли о создании гоголевской оперы.

Сюжет «Ночи перед рождеством» («Кузнец Вакула») давно занимал творческое воображение Серова. Но только в последние годы его жизни замысел этот приобрел более конкретные черты. Совместно с поэтом Я. П. Полонским, Серов успел выработать план будущего произведения и сделать ряд музыкальных набросков.

За несколько часов до смерти композитор с увлечением говорил о будущей опере своему другу М. Славинскому: «А какие там чертовщины будут, совсем особенные! Леонова и Сариотти ‹артисты Петербургского оперного театра, предполагаемые исполнители партий Солохи и Беса. — *А. Г.*› — какой дуэт! А полет ведьмы из трубы на кочерге! А черевички, а сразу Петербург! Странно, да ново! Как легко, с каким смаком я буду ее писать! Это будет славное, веселое артистическое far niente* после „Юдифи“ и „Вражьей силы“‹...› Какую я тут фантастику подпущу! Чисто нашу! И какие новые звуки уже теперь копошатся у меня для оркестра „Вакулы“» [8].

Заслуга Серова заключается в том, что он интуитивно почувствовал, какие огромные богатства содержатся для музыканта в «украинских повестях» Гоголя и указал последующим поколениям композиторов на необходимость разрабатывать эти богатства. Он же наметил и средства музыкального воплощения гоголевских образов: воссоздание их национальной природы через украинскую народную песню.

Одновременно с Серовым над оперой на гоголевскую тему работал композитор и фольклорист П. Сокальский. Его «Майская ночь», которую он писал четырнадцать лет (1863—1876) не была издана и поставлена на сцене. Только в концертах исполнялись отдельные отрывки из этой оперы [9].

П. Сокальский использовал в своем произведении подлинные украинские и русские народные песни, а в либретто ввел стихи Т. Шевченко. Большую роль в развитии действия играют хоровые народные сцены. Музыка Сокальского песенна, мелодична, но драматургически опера очень слаба. Действие непрестанно тормозится побочными эпизодами, гоголевский лиризм и юмор утрачены. Озорная шутка парубков превратилась у Сокальского в некий «бунт», для подавления которого Голова вызывает солдат. Повидимому, Сокальский хотел внести в либретто социальные мотивы, но внес их очень неумело и неоправданно. Серов резко отрицательно отозвался о тех отрывках из этой оперы, которые были ему известны.

III

Новый этап развития русской музыки относится к шестидесятым — семидесятым годам. Это был период ее мощного подъема, отражавшего общий подъем русской революционной демократии. Эстетическая программа «могучей кучки» вырабатывалась на основе творческого усвоения взглядов Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Развивая традиции Глинки, композиторы-кучкисты и Чайковский создали оперы по своему характеру глубоко народные и национальные; оперы эти опирались на образы, созданные Пушкиным, Гоголем и другими писателями.

---

* безделье (итал.).

Яростная идейная борьба за и против Гоголя, за Гоголя-реалиста, чье творчество разоблачало самодержавно-бюрократический строй, борьба против всех и всяческих попыток истолковать Гоголя с реакционных позиций, нашла свое отражение и в музыке. Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский и Лысенко в своих операх на гоголевские темы исходили из той трактовки творчества великого писателя, которую дал Белинский. Отсюда их стремление сохранить народность творчества Гоголя, его демократическую направленность. В этом сила и достоинство их опер. В противовес Мусоргскому, Римскому-Корсакову и Чайковскому, композиторы, принадлежавшие к реакционному лагерю,— Н. Ф. Соловьев, В. Кюнер или К. Гертман, в своих операх и опереттах грубо извращали идейное содержание творчества Гоголя, трактуя «Ночь перед Рождеством» как слащавую идиллию, рисующую пейзан, «счастливо живущих под мирным скипетром императрицы» («Вакула» Соловьева) или изображая запорожцев в виде разбойников, воюющих ради грабежа («Тарас Бульба» В. Кюнера).

Реакционная печать поднимала на щит произведения подобного рода, а оперы, созданные классиками русской музыки, объявляла неудачными.

Характерно, что яростный враг русской демократической музыкальной культуры нововременец М. Иванов с ненавистью сопоставлял оперы Мусоргского и Римского-Корсакова (в частности — «Сорочинскую ярмарку» и «Майскую ночь») с произведениями «беллетристов 60-х годов» — Решетникова и Помяловского, усматривая в операх композиторов «могучей кучки» проявления того же «радикализма» и «нигилизма».

Тщетны были попытки реакции остановить победное развитие русской реалистической оперы — той самой реалистической оперы, для создания которой такое большое значение имели образы Гоголя.

В 1874 г. Чайковский сочинил оперу по либретто Я. П. Полонского «Кузнец Вакула». В этом же году Лысенко завершил первую редакцию своей оперы «Різдвяна ніч». В 1875 г. Мусоргский обратился к «Сорочинской ярмарке». В 1877 г. Римский-Корсаков приступил к созданию «Майской ночи».

Обращение к реалистическому методу Гоголя явилось одним из важнейших этапов в развитии русского реалистического музыкального театра.

Обостренный интерес к народному творчеству в шестидесятые годы обусловил расцвет русской и украинской музыкальной фольклористики. В начале семидесятых годов появились первые выпуски сборников украинских народных песен Н. В. Лысенко и А. И. Рубца, сыгравшие значительную роль в развитии отечественной музыки.

Благодаря этим сборникам в русскую музыку вошло много превосходных, подлинно народных песен. Критик Г. Ларош писал: «Оба сборника — чрезвычайно важные вклады в сокровищницу русской музыки. Оба они изобилуют мелодиями в высшей степени оригинальными и нередко поразительно красивыми» [10].

В 1875 г. Н. В. Лысенко организовал в Петербурге в Соляном городке несколько «славянско-этнографических» концертов, на которых были исполнены лучшие образцы украинской песни. На этих концертах (на первом из них выступал замечательный народный певец-кобзарь Остап Вересай) присутствовали композиторы, входившие в состав «могучей кучки». Статьи Серова, концерты Лысенко, появление сборников песен Лысенко и Рубца и многочисленных этнографических трудов, посвященных быту украинского народа, помогли композиторам найти верный путь к музыкальному истолкованию «украинских повестей» Гоголя. Начало гоголевской традиции в опере положил П. И. Чайковский. «Кузнец Вакула»

(в позднейшей редакции—«Черевички») имел для истории русской оперы огромное значение.

Хотя внешним поводом для создания «Кузнеца Вакулы» послужил конкурс Российского музыкального общества, объявленный в 1873 г. в память А. Н. Серова, у Чайковского для работы над этой оперой были иные, более глубокие побудительные причины. Чайковский знал и любил Украину, ее народ, ее поэтическую народную песню. Он неоднократно использовал украинскую песню: в первом фортепианном концерте, во второй симфонии, в опере «Мазепа», в квартетах и т. п. Чайковский знал народную песню не только по сборникам, но и так, «как ее исполняет народ», то есть в живом звучании. Ценя своеобразие украинской народной песни, Чайковский в то же время отмечал ее близость к русскому фольклору. Друг П. И. Чайковского, Н. Д. Кашкин (в статье, посвященной «Кузнецу Вакуле») писал: «Слушая пение малорусского простонародья, он ⟨Чайковский⟩ пришел к убеждению, что действительно старинные народные напевы почти не отличаются по складу от великорусских; такими напевами он пользовался иногда и в своих инструментальных сочинениях. Зная малороссийские песни не через городских любителей пения, а непосредственно из уст народа, он тщательнейшим образом избегал сентиментально-любительского колорита, присущего наиболее ходячим у нас в городах малороссийским песням» [11], то есть подделкам под народное творчество.

Работа над «Кузнецом Вакулой» длилась три месяца: с июня по август 1874 г.

В либретто оперы «Кузнец Вакула», написанном Я. П. Полонским, сохранены главные сюжетные линии повести и образы героев (за исключением Пацюка и нескольких жанровых второстепенных фигур). Гоголь в изобилии вводил в свои повести украинскую лексику; этот прием, хотя и непоследовательно, применен Полонским.

В тексте либретто часто встречаются украинизмы: «мамо», «голубе», «неня», «батько», «карбованци», «дивчина», «парубки», «капелюхи», «вечерници» и т. д. Однако стилистического единства либретто лишено: наряду с «дивчиной» попадается и «молодка», «парубок» соседствует с «детиной»; красивая девушка сравнивается с белой лебедью (образ русской народной поэзии).

В либретто Полонский привнес штампы, чуждые Гоголю. В уста Вакулы вложен условно-балладный монолог, не соответствующий характеру этого персонажа:

Нет, мне не в мочь, теснится грудь,
Дышать нет сил.
Боже, не дай врагу сносить,
Что я сносил и т. д. [12]

Полонскому удались образы Солохи, Беса, Оксаны, но жанровые фигуры — Чуб, Панас — сильно обеднены им. Сюжетно действие развивается в соответствии с повестью Гоголя и охватывает почти весь фабульный материал, только вместо сцены с Пацюком либреттист ввел картину у замерзшей реки, где стонут и плачут русалки, и исключил кражу месяца. Очевидно, этот пропуск обусловлен техническими недостатками сцены оперного театра в семидесятых годах. Это подтверждается неопубликованным письмом П. И. Чайковского (от 4 июня 1876 г.) к Я. П. Полонскому:

Многоуважаемый Яков Петрович!

Я был на днях в Петербурге по делу о постановке моей оперы. Пробыл я там всего полторы суток и несмотря на живейшее желание не поспел

побывать у Вас. Между тем у меня есть к Вам дело. В день моего приезда состоялся в Дирекции театров в квартире Лукашевича Комитет, где между прочим обсуждались различные подробности постановки и по поводу их то я и обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой. Так как либретто печатается под Вашим руководством, то не потрудитесь ли, многоуважаемый Яков Петрович, сделать в нем некоторые маленькие поправки, обусловливаемые требованиями сцены.

1. Во время сцены вылетания из трубы Солохи и Беса, там, где в скобках сказано: «бес вбегает в хату и уже в другом, натуральном виде (?), вылетает и т. д.». Этих подчеркнутых слов не нужно, потому что, по заверению Лукашевича (от которого постановка зависит), весьма сомнительно, чтобы можно было пустить чорта

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СОРОЧИНСКОЙ ЯРМАРКЕ»
Рисунок К. А. Трутовского, 1860—1870-е гг.
Третьяковская галлерея, Москва

в натуральном виде. Право, я хорошенько не помню, почему он и другие напирали на эту подробность, помню только, что они просили настоятельно, чтобы в либретто этого не было.

2. В первой картине третьего действия там, где, по либретто, Вакула, сидя на чорте, подымается вместе с сим последним,— это оказывается на сцене невозможно, так как ни Комиссаржевский, ни Мельников ни за что не согласятся лететь. Поэтому меня просили, чтобы я, в свою очередь, просил Вас изменить это место в либретто таким образом: «Вакула и бес исчезают». На сцене это будет устроено так, что оба действующих лица зайдут за кулисы и уже из-за кулисы вылетят изображающие их куклы [13].

3. Во второй картине того же действия (приемная во дворце) нужно изменить слова: «влетает Вакула на спине беса и соскакивает на пол».

Лукашевич, мне кажется, справедливо замечает, что влететь в приемный покой можно не иначе, как из трубы. В этом смысле и следует сделать изменение.

4. В третьей картине того же действия вместо слова у л е т а ю т опять нужно и с ч е з а ю т.

Очень может быть, что с моей стороны крайне дерзко, не переговорив-ши с Вами, обещать вышеозначенные изменения, но я надеюсь, добрейший Яков Петрович, что Вы простите мою смелость, ввиду того, что необходимо было покончить на Комитете все недоразумения, а также приняв во внимание незначительность и несущественность потребованных от меня уступок.

Пользуюсь сим случаем, чтобы от души поблагодарить Вас за прелестный сборник стихов Ваших, коими я ежедневно наслаждаюсь. Искренне преданный Вам

П. Ч а й к о в с к и й [14]

Опера Чайковского вызвала недоумение части зрителей, привыкших к шаблонам западноевропейской комической оперы. Н. Д. Кашкин писал о премьере «Кузнеца Вакулы»: «Я был на первом представлении и случайно мне пришлось сидеть рядом с Я. П. Полонским, который несколько недоумевал относительно общего характера музыки: он ожидал услышать нечто легкое, игривое, подходящее к типу комических опер итальянских или французских, но Чайковский взял сюжет гораздо глубже и сильнее, так что получилось произведение крупное, серьезное» [15].

Вместо условных масок Чайковский создал образы живых людей. вместо безликого хора вывел на сцену народ, органически сочетал лирику, жанр, фантастику, лукавый юмор,— создал произведение национальное, народное и поэтическое. Вместе с тем, опера «Кузнец Вакула» не была свободна от некоторых недостатков, мешавших слушателю яснее почувствовать выдающиеся достоинства этого новаторского произведения.

Сначала опера не имела успеха и это глубоко огорчило композитора. Под впечатлением холодного приема, оказанного опере на премьере, Чайковский писал С. И. Танееву: «„Вакула“ торжественно провалился... не скрою, что я сильно потрясен и обескуражен» [16]. Высокая взыскательность заставила Чайковского пересмотреть оперу и продолжать работу над ней. Он писал: «В неуспехе оперы виноват я. Она слишком загружена подробностями, слишком густо инструментована, слишком бедна голосовыми эффектами〈...〉 Стиль „Вакулы“ совсем не оперный: нет ширины и размаха» [17].

Неудача «Кузнеца Вакулы» продолжала волновать Чайковского, и он неоднократно возвращался к мысли о необходимости переработать оперу, чтобы вернуть ее на сцену. Первоначально, по совету Э. Ф. Направника, Чайковский внес в оперу некоторые частные изменения, а весной 1885 г. осуществил и полную переработку.

«Работа моя идет не особенно скоро, но как я доволен ею! — сообщал композитор брату, М. И. Чайковскому (4 марта 1885 г.).— Как мне приятно подумать, что мой „Вакула“ вынырнет из реки забвения» [18]. О характере изменений, внесенных в первоначальную редакцию оперы, Чайковский писал певице Э. К. Павловской: «Работаю я с усердием и любовью. Мой „Кузнец Вакула“, поверьте, будет весьма изрядной оперой 〈...〉 Написал совершенно новые сцены; все что было худого выбросил, что хорошо — оставил, облегчил массивность и тяжеловесность гармонии» [19].

В результате была создана новая редакция оперы, включающая дополнительно дуэт Оксаны и Вакулы, песню Вакулы «Слышит ли девица», квинтет Солохи и ее поклонников (второе действие), песенку школьного учителя (дьяка), куплеты светлейшего, хор четвертого действия. Кроме того, Чайковский расширил хоровую сцену третьего действия. Композитор мелодизировал речитативы и придал им большую свободу и выразительность.

Музыкальная драматургия «Черевичек» (так назвал оперу Чайковский) по сравнению с первой редакцией значительно обогатилась. Расширение народных сцен позволило полнее передать своеобразный быт украинского села. В новой редакции еще определеннее проявился национальный характер героев,— так, например, новая ария Вакулы была написана на основе украинской народной песни «Ой не пугай пугаченьку».

Г. Ларош писал, что украинские народные песни, вошедшие в сборник А. Рубца, «по своему чисто-диатоническому складу походят на те коренные великорусские песни, которые я лично слышал в Москве и Петербурге, конечно, не от местного столичного населения, но от чернорабочих, пришедших из далекой глуши, а также на лучшие нумера из сборников гг. Вильбоа и Балакирева» [20]. С этими словами Лароша следует сопоставить приведенные нами выше в записи Кашкина мысли Чайковского, что «действительно старинные народные ⟨украинские⟩ напевы почти не отличаются по складу от великорусских». Справедливо настаивая на родстве между русской и украинской народной песней, Чайковский в то же время отнюдь не стирал своеобразных индивидуальных черт, присущих музыкальному фольклору обоих братских народов. Поэтому в его опере творчески использованы приемы, типичные для украинской народной песни, и мелодические построения, обнаруживающие родство с русской народной песней. Подобно тому, как Гоголь передает украинский колорит средствами русского языка, так и Чайковский достигает украинского колорита средствами русской музыкальной речи. «Украинизмы» «Черевичек» — не стилизация, а гениальное обобщение украинского мелоса при помощи использования метода «попевок», а не буквального цитирования песен.

Музыкальная драматургия «Черевичек» представляет собою своеобразное переосмысление образов Гоголя. История любви Вакулы и Оксаны сильно драматизирована композитором по сравнению с литературным первоисточником,— вспомним хотя бы арию «Чует ли девица» и всю сцену у замерзшей реки, с плачем русалок и сумрачными ответами лешего,— сцену, передающую душевное смятение Вакулы.

Драматизирован и образ Оксаны. В опере он более противоречив и сложен, чем у Гоголя. Оксана у Чайковского страстно любит Вакулу, рвется к нему, но скрывает свое чувство за насмешкой и издевкой. «„Ведь люблю и мучу", поет Оксана, и эти слова ее могут служить эпиграфом ко всей опере»,— писал Б. В. Асафьев [21]. Образ, созданный Чайковским, по силе музыкальной выразительности, по психологической глубине и задушевности является крупным достижением композитора.

«Характеристика Оксаны, сотканная из смен противоречивых настроений,— девичьей тоски и задорного кокетства, до сих пор захватывает своей проникновенной музыкой, своей щедрой мелодикой»,— писал Б. В. Асафьев [22].

Совершенно новым для музыкальной драматургии Чайковского и для всей русской оперы в целом, наиболее гоголевским, несомненно, был образ Солохи. Сцены, в которых она участвует,— лучшие в «Черевичках». Солоха в опере — лукавая, хитрая, неотразимо-привлекательная «сельская кокетка» и в то же время — ведьма. «Человеческая» природа Солохи выступает в напевном ариозо первого действия; для обрисовки образа «ведьмы» Чайковский применил стремительные танцевальные ритмы «бесовского гопака». Из «ведьмы» в человека Солоха превращается в четвертом действии (дуэт с Оксаной, пронизанный интонациями украинских «голосінь» — плачей).

Бес приобрел у Чайковского несколько иные черты, чем те, которыми наделил его Гоголь: в повести это мелкий, глупый чёрт, одураченный человеком. Таким он часто выступает в народных сказках. У Чайков-

ского образ беса двойственный: то он грозный заклинатель сил природы, то лукавый проказник и пылкий «влюбленный», то «верный слуга» Вакулы. С образом беса в опере Чайковского связана вся линия темных сил, борющихся против Вакулы, но бессильно отступающих перед волей человека. Более скупо обрисованы фигуры Чуба и Головы, хотя и они наделены живыми жанровыми чертами. Превосходная песенка школьного учителя (дьяка) сообщает большую жизненность его фигуре, которую можно сравнить с некоторыми комическими персонажами Мусоргского.

В «Черевичках» большое место занимают народные сцены. Вся драма Вакулы и Оксаны, все их ссоры и финальное примирение развертываются при участии народа. Колядка (вторая картина второго действия) — пример исключительного музыкально-драматургического мастерства Чайковского. Хор разбит на несколько групп,— то ведущих диалог, то сливающихся в едином звучании, прославляя наступление праздника. Хоровая колядка предваряет и подготовляет выход Оксаны. Диалог Оксаны и Вакулы и песня о черевичках звучат на фоне хоровой сцены: весь народ принимает участие в столкновении героев. В соответствии с общей концепцией произведения любовная, лирическая линия выдвинута на первый план: жанровые же эпизоды сжаты и играют подчиненную роль. Если бы комическая сцена появления из мешков Чуба, школьного учителя и Головы была развернута — она могла бы отвлечь внимание слушателя от Вакулы и Оксаны.

Примером гениального стилистического чутья Чайковского может служить сцена во дворце. У Гоголя описание Петербурга дано через восприятие Вакулы. «Что за лестница! шептал про себя кузнец: „жаль ногами топтать. Экие украшения!.. Боже ты мой, что за перила! Какая работа! Тут одного железа рублей на пятьдесят пошло“» [23]. К такому же приему прибегает и Чайковский. Интонации и ритмы народной песни и танца пронизывают музыку шестой и седьмой «дворцовых» картин — таким образом, придворная жизнь тоже передана Чайковским, как и Гоголем, через восприятие Вакулы.

К концу оперы действие снова возвращается на Украину. Песнь кобзарей, славящих жениха и невесту, завершает оперу.

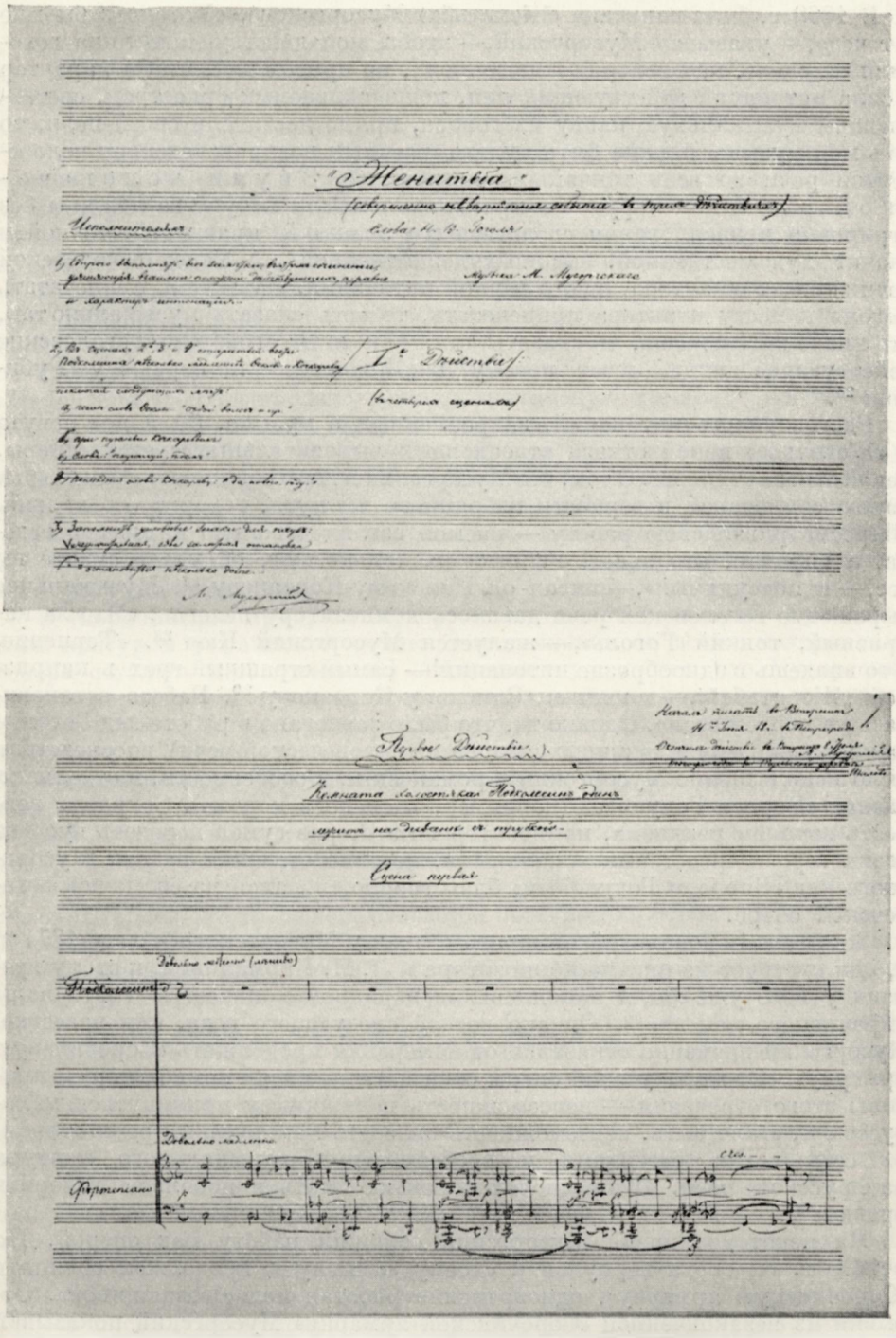
«Черевички» — выдающееся достижение русской музыки. В этой опере главная тема творчества Чайковского — борьба человека за счастье и радость, борьба против темных и мрачных сил — получила оптимистическое, жизнеутверждающее решение.

IV

Гоголь, как и Пушкин, был любимым автором композиторов «могучей кучки». С детства до конца своих дней пронесли эту любовь к Гоголю Мусоргский и Римский-Корсаков. В юношеском письме к матери Римский-Корсаков называет Гоголя великим поэтом, равного которому после Пушкина не было в русской литературе. Стасов пишет в своих воспоминаниях: «Тогдашний восторг от Гоголя — ни с чем не сравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, от роду еще не известный никому юмор — все это действовало просто опьяняющим образом» [24].

На собраниях у Балакирева часто читали Гоголя. В кругу композиторов «могучей кучки» еще в 1858 г. зародилась идея создания оперы на гоголевский сюжет. Сохранилась запись о заседании 25 декабря 1858 г. с изложением программы оперы «Ночь на Иванов день» в трех действиях. («Сюжет заимствован из повести Гоголя») [25].

К образам Гоголя восходит симфоническая картина Н. Н. Римской-Корсаковой «Заколдованное место», посвященная М. П. Мусоргскому.



НОТНЫЙ АВТОГРАФ (КЛАВИР) ОПЕРЫ М. П. МУСОРГСКОГО «ЖЕНИТЬБА» НА СЛОВА ГОГОЛЯ, 1868 г.

Заглавный лист и начало первого действия

Центральный музей музыкальной культуры, Москва

В 1868 г. была написана «Женитьба» Мусоргского. «Хотелось бы мне вот чего,— указывал Мусоргский,— чтобы мои действующие лица говорили на сцене, как говорят живые люди, но притом так, чтобы характер и сила интонаций действующих лиц, поддерживаемых оркестром, составляющим музыкальную канву их говора, прямо достигали своей цели, то есть моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших изгибах ее. Звуки человеческой речи как наружные проявления мысли и чувства должны без утрировки и насилования сделаться музыкой правдивой, точной и значит художественной, высоко художественной〈...〉 Успех гоголевской речи зависит от актера, от его верной интонации. Ну я хочу припечатать Гоголя к месту и актера припечатать, то есть сказать музыкально так, что иначе не скажешь, и сказать так, как хотят говорить гоголевские действующие лица, — вот почему в „Женитьбе" я перехожу Рубикон» [26].

Разговорность интонаций, закрепленных в музыке, была достигнута в «Женитьбе» ценой отказа от основных выразительных средств оперы, ценой отказа от пения. О том, что Мусоргский в пору сочинения «Женитьбы» порою сомневался в верности избранного им пути, говорят его письма. «Пересматривал свою работу — на мой взгляд довольно интересно ведена, а впрочем, кто знает! Работал насколько мог, об удаче судите вы все,— я подсудимый»,— писал он Римскому-Корсакову [27]. Музыкальное выражение гоголевской речи давалось композитору нелегко: «Что за капризный, тонкий Гоголь»,— жалуется Мусоргский Кюи [28]. «Терпение, а то впадешь в однообразие интонаций!— самый страшный грех в капризной „Женитьбе"»,— пишет он Римскому-Корсакову [29]. Работа остановилась на первом этапе. Однако то, что было завоевано в работе над Гоголем (закрепление в музыке живых интонаций человеческой речи), впоследствии было использовано Мусоргским в романсах и, в особенности, в отдельных сценах «Бориса Годунова» (например, в сцене в корчме). Сохранив верность законам реализма, композитор на этот раз сумел передать чувства своих героев средствами вокальными, песенными. Опыт работы Мусоргского над «Борисом Годуновым» благотворно сказался на его новой гоголевской опере.

Замысел «Сорочинской ярмарки» созрел у Мусоргского к лету 1874 г. и, как явствует из письма композитора к Л. И. Кармалиной, к этому времени у него уже были накоплены «в изрядном количестве» «материалы украинского напева» [30]. Однако весной следующего года, как известно, Мусоргский временно отказался от намерения продолжать «Сорочинскую ярмарку». «От малорусской оперы отказался,— писал композитор,— причины этого отречения — невозможность великоруссу прикинуться малоруссом и, стало быть, невозможность овладеть малорусским речитативом, то есть всеми оттенками и особенностями музыкального контура малорусской речи. Я предпочел поменьше лгать и побольше говорить правды» [31].

На некоторое время Мусоргский отложил работу над оперой. Но в 1876 г. он снова вернулся к своему замыслу и продолжал сочинять «Сорочинскую ярмарку», одновременно работая над «Хованщиной». Отрывки из незаконченной «Сорочинской ярмарки» Мусоргский показывал слушателям-украинцам, и известную роль в его возвращении к работе над нею сыграли их благоприятные отзывы.

В середине семидесятых годов Мусоргский нередко встречался с представителями передовой украинской культуры — в частности, к 1875 г. относится его знакомство с Лысенко; об этом свидетельствует, например, найденная нами афиша совместного выступления Мусоргского и Лысенко 15 февраля 1875 г. в концерте, организованном Бородиным в пользу недо-

статочных студентов Медико-хирургической академии в Петербурге [32]. Лысенко в эту пору работал над оперой «Рождественская ночь». Возможно, что композиторы делились друг с другом своими творческими планами. Лысенко любил творчество Мусоргского и деятельно пропагандировал его в своих хоровых концертах.

Впоследствии Мусоргский писал, что музыка «Сорочинской ярмарки» вызывала на Украине полнейшую симпатию; «украинцы и украинки признали характер музыки „Сорочинской" вполне народным, да и сам я убедился в этом, проверив себя в украинских землях» [33]. Были, однако, и другие причины для продолжения работы над оперой. В июне 1876 г. был издан циркуляр за подписью министра внутренних дел Тимашева, запрещавший спектакли на украинском языке, печатание книг и нот с украинской подтекстовкой. В июле 1876 г. Мусоргский сообщил друзьям, что он продолжает работу над «Сорочинской ярмаркой», а год спустя писал: «Малоруссы усердно просят у меня „Сорочинскую ярмарку" поскорее на сцену; почти достоверно, что им моя новинка по сердцу» [34].

Таким образом, работа над «Сорочинской ярмаркой» в сознании Мусоргского с этого времени становилась как бы выражением симпатии и уважения к братскому народу, угнетенному царизмом. Мы не знаем имен тех украинских деятелей, которые так торопили композитора с окончанием его оперы (это могли быть Н. В. Лысенко, Д. Л. Мордовцев и др.), но самый факт многозначителен.

В «Сорочинской ярмарке» Мусоргский полностью овладел «музыкальным контуром украинской речи». Ознакомление со всеми материалами (опера осталась незаконченной) свидетельствует о том, что Мусоргский ставил перед собой определенную и ясную задачу: воплотить в музыке образы повести Гоголя, развернуть яркую картину украинской действительности на основе украинского песенного и танцевального фольклора. Художник-реалист, Мусоргский внимательно изучал народную песню, а во время поездки по Украине знакомился с «натурой», отыскивая образы, близкие Гоголю. Находясь в Полтаве, он по его словам, «заприметил〈...〉 хату, где бы могла быть Парася» [35]. Мусоргский стремился передать не только и не столько фабулу повести, сколько характеры и образы гоголевских героев, все то, из чего слагается поэтическая основа произведения. В письме к Голенищеву-Кутузову Мусоргский писал: «С Гоголем я знаком уже не впервые („Женитьба") и, следовательно, его капризная проза не так уж страшит меня〈...〉 Представь же себе, милый друг мой, что то, что в речах д е й с т в у ю щ и х у Гоголя ты читаешь, мои д е й с т в у ю щ и е со сцены должны передавать нам в музыкальной речи, без и з м е н е н и я против Гоголя. Много пытаний, много томящего чувства от жажды взять приступом твердыню, пугавшую, кажется, всех музыкантов; но зато, когда удастся одолеть хоть бы крошечный люнетик у этой неприступной твердыни,— как-то окрыляешься и на душе веселеет: ведь хочется много, очень много правды поведать людям,— так хоть бы маленький обрывочек этой правды поведать-то успелось! А как велик Гоголь! Наслаждение при музыкальном изложении Пушкина (в „Борисе") возрождается при музыкальном изложении Гоголя (в „Сорочинской"). Пушкин писал в драматической форме „Бориса" не для сцены; Гоголь писал „Сорочинскую ярмарку" в форме рассказа — уж, конечно, не для сцены. Но оба гиганта творческою силою так тонко наметили контуры сценического действия, что только краски наводи. Зато горе тем, кому блажь придет взять Пушкина или Гоголя только как текст 〈...〉 Как только н а с т о я щ а я, ч у т к а я природа художника создаст в области слова, так музыканту предстоять должно 〈...〉 вникнуть в самую суть, в самое с у щ е с т в о того, что намерен воплотить музыкант в музыкальную форму» [36].

Новизна задачи, которую стремился решить Мусоргский, поразила даже его друзей. Не все поняли и далеко не все приняли творческий замысел композитора.

В письме к Голенищеву-Кутузову Мусоргский приводит замечание одного из критиков (повидимому, Ц. Кюи): «В тексте самая обыденная, вседневная проза, ничтожная до смешного, а в музыке все эти люди очень серьезны — какую-то важность придают своим речам. Любопытно, не правда ли,— иронически прибавляет Мусоргский,— в том-то гоголевский комизм и заключается, что ничтожные для нас интересы чумаков да деревенских торговцев воплощены во всей искренней правде. „Сорочинская" — не буффонада, а настоящая комическая опера на почве русской музыки и при том, по нумерации, первая» [37].

В этом споре прав был Мусоргский, глубоко постигший природу гоголевского комизма. Отказавшись от буффонады, свойственной западноевропейской комической опере, он создал произведение народное и реалистическое. Сценарий и либретто составлены Мусоргским с максимальным приближением к Гоголю. Мусоргский первый из русских композиторов — в «Женитьбе» и в «Борисе Годунове» (сцена в корчме) использовал в опере прозу. «Сорочинская ярмарка» явилась развитием этого опыта. Наряду с гоголевской прозой в либретто использованы песенные тексты или же ставшие народными песни Шевченко («Утоптала стежечку») и т. д.[38] Некоторые сюжетные мотивы повести композитор самостоятельно развил. Так, рассказ о красной свитке, являющийся зерном сюжета и вложенный Гоголем в уста безымянного торговца, Мусоргский передал цыгану. Благодаря этому «хват и плут〈...〉 цыган», по определению композитора, сделался персонажем, ведущим и направляющим действие. Вся история красной свитки — его вымысел. Так и в «Борисе Годунове» Мусоргский, передав Пимену рассказ о чуде на могиле царевича Дмитрия (у Пушкина этот рассказ излагает патриарх Иов), сообщил образу летописца большую действенность.

Хотя «Сорочинская ярмарка» осталась незаконченной, ее музыкально-драматургический план вырисовывается с полной ясностью. Ярок реальный фон первого действия — пестрая, оживленная сумятица ярмарки. На этом фоне отчетливо выступают фигуры действующих лиц. Главное внимание композитора отдано индивидуальной характеристике героев. Мусоргский любовно рисует поэтический образ Параси, смелого и в то же время робкого, покоренного первой любовью Грицько, неповоротливого, медлительного Солопия, томную, нежную с Афанасием Ивановичем и сварливую с мужем Хиврю, сластолюбивого и трусливого поповича, плута-цыгана.

Когда слушаешь оперу Мусоргского, то представляется, что иначе передать в музыке гоголевскую повесть невозможно. Убеждающая «единственность» музыкального воплощения «Сорочинской ярмарки» достигнута подлинно творческим проникновением во внутренний мир героев Гоголя. Композитор сумел передать и психологическое содержание образов и их национальную природу. Не только интонации украинской народной песни, но и ее форма, ее строение использованы Мусоргским при создании отдельных номеров и целых сцен. На основе песни Мусоргский создает лирические монологи героев и комедийно-жанровые эпизоды: дуэт Кума и Черевика, песню Хиври и др. Народная песня и танец определяют структуру музыки оперы, весь ее строй. Юмор Мусоргского близок юмору Гоголя. Сцена Хиври с Афанасием Ивановичем — одно из высших завоеваний русской реалистической комической оперы. Мастерски использованы композитором приемы церковной псалмодии для характеристики поповича: комическое рождается из несоответствия торжественных «церковных» интонаций нарочито прозаическому содержанию его речей. С этой

точки зрения песня Мусоргского «Семинарист» является как бы эскизом к «Сорочинской ярмарке».

Близость к Гоголю, мастерство раскрытия типических элементов украинской народной песни, художественная правда делают «Сорочинскую ярмарку» вершиной развития русской классической комической оперы.

Опыт «Сорочинской ярмарки» плодотворно сказался на гоголевских операх Римского-Корсакова. «Майская ночь» создавалась одновременно

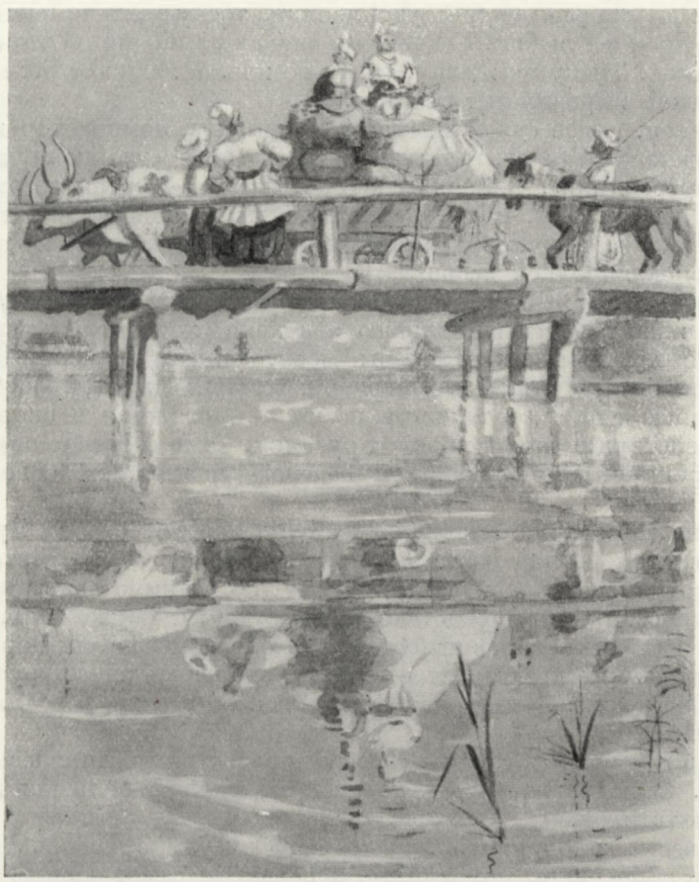


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СОРОЧИНСКОЙ ЯРМАРКЕ»
Акварель А. М. Каневского, 1930-е гг.
Третьяковская галлерея, Москва

с «Сорочинской ярмаркой». История создания «Майской ночи» обстоятельно изложена в «Летописи моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова. Необходимо, однако, прибавить, что намерение, издавна лелеемое композитором, повидимому, получило новый толчок после того как в 1871 г. он посетил выставку передвижников. На выставке была экспонирована картина И. Крамского «Сцена из „Майской ночи" Гоголя», позднее названная «Русалки». Эту картину сочувственно отметил в статье, посвященной выставке, Салтыков-Щедрин, а Стасов писал о ней: «Глушь малороссийскую, мрачную и печальную, нарисовал у себя на холсте г. Крамской, и сверху бросил на всё зеленоватые снопы светящейся бледной луны. В этих лучах, среди нависшей всюду и разостлавшейся по всем направлениям дикой зелени, бродят, сидят, там и сям, тени утопленниц; они носят

свое горе, они объяты старым страданием, иные ломают себе руки в отчаянии. Глушь, запустение, неиссякаемое горе — все слилось в поэтическую, чудно мерцающую картину с серебряными отблесками. Только утопленницы — не совсем малороссиянки»[39]. По свидетельству недавно скончавшегося М. Н. Римского-Корсакова, старшего сына композитора, его отец и мать не пропускали выставок передвижников [40]. Первое издание оперы Римского-Корсакова «Майская ночь» было украшено,— быть может по его собственному желанию,— воспроизведением картины Крамского.

Художник передал скорбь утопленниц, тоскующих по земной жизни, по недоступной им любви. У Гоголя в словах панночки на это есть только слабый намек. Тоску по жизни, тоску по живой любви с большой поэтической силой выразил композитор.

И наконец, самое существенное: повидимому, композитор вполне осознал отмеченный Стасовым недостаток картины: «утопленницы — не совсем малороссиянки». В произведении Римского-Корсакова этой ошибки нет. В опере русалки, подобно украинским девушкам, водят хороводы, завивают венки, причем их музыкальная характеристика приближена к украинской народной песне.

«Майская ночь» Римского-Корсакова передает поэтическую картину народной жизни. Отсюда большое значение хорового и игрового действа. «Все хоровые песни оперы моей,— писал Римский-Корсаков,— имеют обрядовый оттенок или игровой: весенняя игра „просо", троицкая песня „Завью венки", русальные песни — протяжная и скорая — в последнем действии и самый хоровод русалок. Само действие оперы связано мной с троицкой или русальной неделей, называемой зелеными святками» [41].

Римский-Корсаков, используя фабулу Гоголя, строит музыкальную драматургию оперы на сочетании мира реального с миром фантастическим: они не противопоставлены один другому, но взаимно связаны. Реальный и фантастический миры родственны друг другу: образ Ганны соотнесен с образом панночки, образ «головы» — с образом ведьмы; хороводу девушек, их троицкой песне соответствует хороводная песня русалок. Фантастика «Майской ночи» отражается, как небо в воде, в реальных картинах оперы.

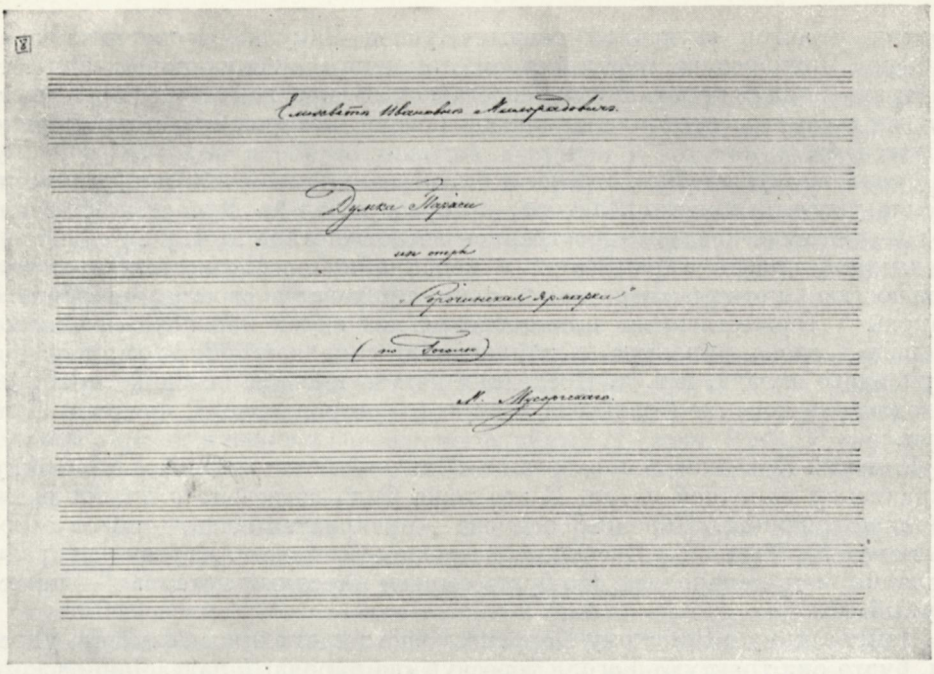
Римский-Корсаков придал своему произведению лирически-песенный характер. Отсюда главенство певучей мелодии и большая выразительность речитативов.

Поэтически проникновенно выражена в музыке любовь Левко и Ганны. Живо обрисованы комедийные персонажи: самовлюбленный, туповатый «голова», сварливая свояченица, разгульный Каленик, винокур и писарь.

Образы весенней природы, картина майской ночи получили гениальное воплощение в музыке Римского-Корсакова (симфоническое вступление к третьему действию, хоровод русалок).

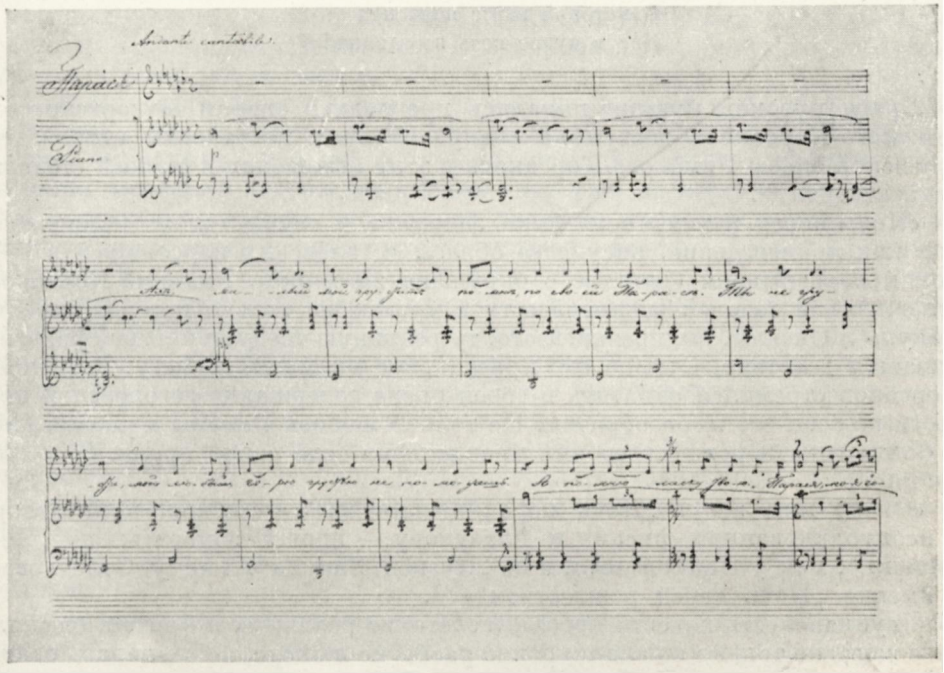
Римский-Корсаков, создавая либретто, держался «в точности сюжета Гоголя», «поскольку возможно сохраняя разговорный текст, имевшийся в изобилии в его повести» [42]. Отклонения от сюжета столь незначительны, что о них можно не упоминать. В отличие от Полонского, Римский-Корсаков бережно и любовно перенес в либретто характерную речь гоголевских героев. Косвенная, описательная речь умело превращена им в прямую. Целые куски прозаического диалога сохранены без изменений (рассуждения Каленика, чтение записок), кое-где при помощи инверсий усилена ритмичность.

Насколько новым и необычным было появление гоголевской прозы на сцене оперного театра видно из рецензий, посвященных первой постановке «Майской ночи». Н. Ф. Соловьев, реакционный музыкальный



АВТОГРАФ ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА «ДУМКИ ПАРАСИ» ИЗ ОПЕРЫ М. П. МУСОРГСКОГО «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА» ПО ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ С ПОСВЯЩЕНИЕМ Е. И. МИЛОРАДОВИЧ

Центральный музей музыкальной культуры, Москва



НОТНЫЙ АВТОГРАФ (КЛАВИР) «ДУМКИ ПАРАСИ» ИЗ ОПЕРЫ М. П. МУСОРГСКОГО «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Центральный музей музыкальной культуры, Москва

критик и автор неудачной оперы «Кузнец Вакула», «соперничавшей» с оперой Чайковского, писал в своем отзыве на «Майскую ночь»: «Либретто страдает одним капитальным недостатком. Напрасно г. Корсаков в очень многих местах воспользовался прозой Гоголя, которая с музыкой трудно вяжется» [43].

Столь же враждебно встречены были реакционной печатью реалистические устремления композитора, который вслед за Мусоргским истолковывал комическое как «обостренное несоответствие между „обыденной, вседневной прозой характеров" и необычайной серьезностью и значительностью, которые персонажи сами придавали своему поведению». Таковы — торжественный выход писаря под звуки нарочито «пышного» «марша», слова винокура о паникадиле, сопровождаемые гармониями церковного склада, и т. д. Последняя деталь вызвала особенно яростное негодование того же Соловьева и другого ретроградного критика, Галлера.

Римский-Корсаков использовал в «Майской ночи» мелодику и ритмику украинской народной песни. И это тоже было встречено в штыки реакционной критикой. «Народный элемент — прекрасная вещь,— писал нововременец М. Иванов.— Очевидно, введены эти песни г. Корсаковым ради желания быть понароднее. Но брать сырьем народный материал — прием грубый» [44].

Чайковскому и Римскому-Корсакову часто приходилось слышать упреки, будто они трактуют Гоголя чересчур «на народный лад». Чайковского обвиняли в том, что главный герой его оперы — кузнец, персонаж небывалый на оперной сцене. Поэт А. Н. Апухтин писал в шуточной балладе «Певец во стане русских композиторов» как бы от имени оперных артистов:

И ты, Чайковский! Говорят,
Что оперу ты ставишь,
В которой вовсе невпопад
Нас в кузне петь заставишь! [45]

Враги русской музыки пытались преградить операм Мусоргского и Римского-Корсакова доступ на сцену. История постановки второй гоголевской оперы Римского-Корсакова в этом отношении в высшей степени показательна [46].

«Ночь перед рождеством» была задумана и осуществлена композитором как произведение, рисующее образы гоголевских персонажей в тесном и неразрывном единстве с окружающим миром. Римский-Корсаков ставил своей задачей воспроизвести в музыке не только историю любви Вакулы и Оксаны, но, прежде всего, ту реальную среду, в которой развертывается действие. Отсюда его пристальное внимание к быту. Римский-Корсаков стремился охватить в своей опере содержание гоголевской повести во всем его многообразии. Не только любовь Вакулы к Оксане, но и фантастика и рождественский праздник на селе равно привлекали его внимание.

«Оперу мою зовут „Ночь перед рождеством",—сообщал композитор в неопубликованном письме к Глазунову,— прошу заметить: не „Черевички", как у Чайковского, и не „Кузнец Вакула", как у Соловьева, а именно „Ночь перед рождеством"» [47].

Двуплановость повести Гоголя (сочетание реальных и фантастических эпизодов) не только нашла широкое развитие в опере, но сделалась основой ее драматургии. Любовь Вакулы к Оксане находит комически-пародийное отражение в ухаживании Чуба, «головы», дьяка и чёрта за Солохой. Чёрт не только поднял метель, украл месяц, натравил друг на друга обитателей Диканьки, но и заморозил сердце Оксаны.

Но вот наступило зимнее солнцестояние, наметился поворот от зимы к весне; пробились первые теплые солнечные лучи и оттаяло скованное льдом сердце Оксаны. И уже не образы чёрта и Солохи становятся в мире фантастическом параллелью образам Вакулы и Оксаны, но светлые силы природы: «Коляда в образе молодой девушки в золотом возке, запряженном вороным коньком, и Овсень — в образе молодого парня на кабане с золотой щетиной, оба в дорогих шубах и шапках выезжают на сцену» [48]. Встреча Коляды и Овсеня не только предваряет, но и обусловливает по Римскому-Корсакову решающую встречу Оксаны и Вакулы. Мотивы народных поверий о Коляде и Овсене были привнесены в оперу композитором: у Гоголя на это нет и намека.

«Ночь перед рождеством» Римского-Корсакова — произведение ярко народное, опирающееся на украинские народные песни — по преимуществу колядки. Песня является основным средством характеристики отдельных героев, в первую очередь комедийных (Голова, Чуб). К народной песне обращается композитор и тогда, когда ему нужно обрисовать народ.

Так, большая хоровая сцена в четвертой картине представляет собою развернутую колядку, мелодия которой заимствована из сборника Рубца («Двести шестнадцать украинских народных песен»).

Фантастические сцены тоже восходят к фольклору. Музыкальный критик Е. М. Петровский отметил, что гоголевскую игру звезд в жмурки композитор охарактеризовал «самыми реальными народными плясками ⟨...⟩ Музыка звезд приняла простые, обычные формы характерных народных танцев хоровода, чардаша, мазурки, не теряя ни на минуту легкости и прозрачности фантастического колорита» [49]. В беседе с В. В. Ястребцевым, которая, как видно из неопубликованной записи, произошла 15 января 1896 г., Римский-Корсаков указал, что «Петровский верно угадал его намерение дать ряд наиболее доступных для понимания Вакулы танцев, о которых он мог где-либо слышать, будучи славянином и находясь по соседству с поляками и венграми. Поэтому звезды пляшут хоровод, мазурку и чардаш, но не вальс» [50].

Картины природы и прежде всего звездного неба в «Ночи перед рождеством» — не самодовлеющие музыкальные изображения, а образы стихии, неразрывно связанной с человеком. Холодное и равнодушное мерцание далеких и недоступных звезд, которым начинается симфоническое вступление к опере, это символ далекой, холодной и недоступной Оксаны. Танец звезд, угрожающее наступление нечисти, бесовская колядка, полет Вакулы, покоряющего, подобно сказочному герою, воздушное пространство, картина возникающего и исчезающего Петербурга, отступление нечистой силы, рассвет, знаменующий окончательную победу светлых сил,— все это представляет развитие образа природы, через которую и раскрывается жизнь героев. Опера завершается торжественным, ликующим гимном в честь Гоголя, гимном, который, по мысли композитора, исполняют представители разных народов Российской империи. Торжественной песне должны вторить гусляры, бандуристы и зурначи. Этим финалом Римский-Корсаков хотел подчеркнуть всенародное значение творчества Гоголя.

Судьба оперы Римского-Корсакова при жизни композитора сложилась печально.

На генеральной репетиции «Ночи перед рождеством» великие князья Владимир и Михаил возмутились тем, что «бабка» их, Екатерина II, появляется на подмостках театра вместе с чёртом, возмутились декорацией, изображавшей Петропавловскую крепость (усыпальницу царей дома Романовых) и «кощунственной» сценой с дьяком, пристающим к Солохе. В дело вмешался Николай II; выход на сцену царицы, ранее

разрешенный им, был заменен теперь выходом светлейшего, что, по ироническому замечанию Римского-Корсакова, выставило в дурацком виде самих высочайших цензоров, так как «Потемкин оказывался хозяином в гардеробе царицы».

Композитор говорил Ястребцеву: «Уж право ⟨...⟩ было бы лучше, если бы одновременно с моей оперой запретили и все сочинения Гоголя. Не было бы по крайней мере соблазна писать на его сюжеты» [51].

Рептильная печать принялась травить оперу. Многие рецензии носили характер прямого доноса.

Н. Соловьев поспешил указать, что изображение на сцене танца звезд в рождественскую ночь недопустимо: оно якобы оскорбляет чувства верующих. Писал он и о неприличии сцены дьяка с Солохой: «В опере славословие, по стилю напоминающее церковный текст, да еще сильно приправленное пением в церковно-служебном характере, совершенно не уместно при эротическом заигрывании дьяка с Солохой ⟨...⟩ Как совместить комету (звезду) с балетом, ухаживание дьяка за Солохой с пением в церковном духе и т. д.» [52].

В таком же роде писали М. Иванов и другие. Опера Римского-Корсакова была снята с постановки; если до революции она и давалась на сцене, то в изуродованном и обезображенном виде: дьяка превращали в бурсака, танец звезд пропускали вообще и т. д.

Композитор решил создать другую оперу на материале гоголевских повестей. Сначала он собирался закончить «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского, отдельные сцены которой приводили его в восхищение, но затем от своего намерения отказался. К этому же периоду (конец 1895 г.) относится мысль Римского-Корсакова создать оригинальную оперу на сюжет «Сорочинской ярмарки». Он сделал сценарий и начал работу над либретто первой картины. Опера была задумана в двух действиях и пяти картинах. Сценарий точно воспроизводит всю последовательность сюжета гоголевской повести [53]. Однако опера не была написана.

На Римском-Корсакове обрывается история усвоения гоголевских образов русской классической оперой.

Неосуществленной осталась попытка С. Танеева написать оперу на сюжет повести Гоголя «Портрет». Композитор хотел показать трагедию художника, погубившего талант в погоне за деньгами. Сохранилась сценарная разработка либретто «Портрета», принадлежащая М. Чайковскому [54].

В дореволюционной русской музыке из всего наследия Гоголя преимущественное внимание композиторов привлекли «Вечера на хуторе» и «Тарас Бульба». Единственная попытка воплотить в музыке лирические страницы «Мертвых душ» принадлежит А. Кастальскому. Его хоры мастерски передают взволнованную патетику гоголевской прозы, проникнутой страстной любовью к родине. Однако опыт Кастальского не получил продолжения.

Оперы композиторов-классиков на гоголевские темы способствовали торжеству реализма в музыкальном театре. Наиболее яркие образы создали в этих операх те артисты, которые, подобно Ф. И. Стравинскому, Ф. И. Шаляпину, Л. В. Собинову, И. В. Ершову, А. В. Неждановой, утверждали единство вокального и драматического начала на оперной сцене.

Голова («Майская ночь» Римского-Корсакова) в исполнении Ф. Стравинского и Ф. Шаляпина, Левко — в исполнении Л. Собинова, Вакула — И. Ершова, Оксана и Парася — А. Неждановой — незабываемые создания русского реалистического музыкально-сценического искусства, определившие сценическую традицию исполнения опер Чайковского, Мусоргского и Римского-Корсакова на гоголевские темы.

V

Вокруг творчества Гоголя на Украине в шестидесятых — семидесятых годах шла ожесточённая борьба. Значение наследия великого русского писателя для украинской литературы, бесспорное для представителей революционной демократии, упорно — хотя и тщетно — пытался преуменьшить буржуазный националист П. Кулиш. Один из ранних редакторов и биографов Гоголя, П. Кулиш с конца пятидесятых годов резко изменил свое отношение к Гоголю — в этом сказалась общая политиче-

УЧАСТНИКИ ПОСТАНОВКИ ОПЕРЫ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «МАЙСКАЯ НОЧЬ» НА СЦЕНЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО МИХАЙЛОВСКОГО ТЕАТРА, 1894 г.

Действие третье

Слева направо: М. М. Чупрынников — Левко, Ф. И. Стравинский — Голова, П. С. Климов 1-й — Писарь, Г. П. Угринович — Винокур, И. К. Гончаров — Каленик

С фотографии

Центральный музей музыкальной культуры, Москва

ская реакционность Кулиша. Он осудил «Вечера на хуторе близ Диканьки» за «искажение» (!) народной жизни. Нападая на Гоголя, Кулиш в то же время нападал на Белинского и Чернышевского.

Передовое украинское искусство пошло не за Кулишем, а за Гоголем. В репертуар дореволюционного украинского театра входили многие музыкально-драматические инсценировки произведений Гоголя — «Тарас Бульба», «Майская ночь», «Сорочинская ярмарка», «Пропавшая грамота», «Вий», принадлежащие М. Старицкому и М. Кропивницкому.

Необходимо выделить в ряду этих переработок музыкальную феерию-оперетту М. Кропивницкого на сюжет «Вия». Ознакомление с рукописной партитурой этого произведения (инструментовка Ф. Воячека) дает воз-

можность установить, что великий украинский актер и драматург был и высокоодаренным композитором. «Вий» Кропивницкого — большое музыкально-драматическое произведение, включающее не только сольные, но и хоровые и ансамблевые сцены.

Композитор широко использовал в своей «феерии» мелодику украинских народных песен [55].

Три оперы Лысенко «Різдвяна ніч», «Утоплена», «Тарас Бульба» — занимают центральное место в украинском музыкальном театре. Первая редакция «Різдвяної ночі» была поставлена в Киеве в 1874 г. Достоинства музыки, ее национальный народно-песенный характер обусловили широкую популярность оперы.

Пребывание Лысенко в Петербурге (1874—1876), где он занимался в классе Римского-Корсакова по инструментовке, встречался с Мусоргским, Бородиным и Стасовым, творчески обогатило композитора. Несомненно, именно в Петербурге, под воздействием бесед с Римским-Корсаковым и под впечатлением знакомства с «Кузнецом Вакулой» Чайковского, зародилась у него мысль о новой, оперной, редакции «Різдвяної ночі» (первая редакция состояла из вокальных номеров и разговорных диалогов). Новая же, оперная, редакция свидетельствовала о том, что Лысенко успешно усвоил традиции русской музыкальной классики. В его произведении органически сочетаются творческие принципы русской оперы и традиции украинского реалистического музыкального театра. Музыка Лысенко подлинно народна. Ее достоинства много выше качеств текста М. Старицкого. Все, что не укладывалось в рамки этнографии, в частности — фантастика, выпало из либретто. Среди действующих лиц нет чёрта; Солоха утратила свои «бесовские» черты, а обжора Пацюк превращен в «последнего рыцаря» Запорожской Сечи, горько оплакивающего ее крушение. Нет и полета Вакулы в Петербург,— кузнецу только снится сон, а черевички ему подсовывает тот же Пацюк. Подобная тенденция «реалистически» истолковывать фантастику характерна и для другого либретто Старицкого: в опере «Утоплена» записку Левко передает не панночка, а писарь, влюбленный в свояченицу.

Как у Чайковского и Римского-Корсакова, большое место в опере Лысенко «Різдвяна ніч» занимают хоровые сцены: они главенствуют в произведении. Быт ярко охарактеризован в музыке и в сценическом действии. В основе музыки мелодика и ритмика колядок. Творческое использование традиций русской классической оперы носит у Лысенко последовательный характер. Композитор стремится показать образы героев в тесном взаимодействии с окружающей средой,— отсюда родственность интонаций, характеризующих отдельных персонажей и хор. Эти же черты отличают вторую оперу Лысенко на гоголевскую тему — «Утоплена». Как и в первой редакции «Різдвяної ночі», в «Утопленой» речитативно-ариозные сцены сочетаются с разговорными диалогами. Либретто Старицкого обнаруживает бóльшую близость к повести, нежели либретто «Різдвяної ночі». Несомненно, Лысенко творчески использовал принципы музыкальной драматургии «Майской ночи» Римского-Корсакова.

Стремясь широко и полно охватить жизнь Украины, композитор в опере «Тарас Бульба» показал героическую борьбу народа за политическую и социальную независимость. Это была наиболее удачная попытка воплотить повесть Гоголя в музыке. Многочисленные оперы на сюжет «Тараса Бульбы», написанные в XIX в. — Вильбоа, Афанасьевым, Кашперовым, Кюнером, как и более поздняя опера Траилина, некоторые произведения иностранных композиторов,— например, аргентинца Артуро Берутти (1895), француза Марселя Руссо (1919) на либретто Луи де Грамон, совершенно искажали Гоголя. В одной французской сценической обработке «Тарас Бульба» был превращен в кровавую мелодраму. Самое патетическое

место этого нелепого произведения — казнь дочери польского воеводы; по приказу «казачьего гетмана» Тараса Бульбы ее привязывают к бешеным лошадям и они, под проклятье обезумевшего Андрия, разрывают девушку на части. В опере Траилина повесть Гоголя тоже подверглась варварскому искажению: Тарас Бульба был превращен в убежденного монархиста, умирающего за «белого царя».

От многочисленных неудачных опер, написанных на сюжет «Тараса Бульбы», выгодно отличается опера П. Сокальского «Осада Дубно». Однако и в этом серьезно задуманном произведении идейный замысел повести передан неполно. В центре оперы стоит не Тарас, а Андрий Бульба. Правда, фигура Андрия лишена романтически-героических черт, которые необоснованно придали ему некоторые композиторы. Однако тема борьбы за свободу родины не получила у Сокальского столь же яркого выражения, как тема Андрия. Образы Тараса и Остапа в музыкальном отношении значительно бледнее, нежели образ Андрия. Драматургически опера Сокальского не совершенна — партитура непомерно велика. Это осознал и сам композитор; после того, как «Осада Дубно» была показана на заседании Оперного комитета в Петербурге, он писал Н. В. Лысенко: «Опера так велика, что из нее надо ц е л у ю т р е т ь выбросить для постановки на сцене, так чтобы осталось страниц триста и того менее (вм. 440) ‹...› В опере моей вы найдете много недостатков. Я сам теперь вижу их, когда уже расстался душою с работою, а смотрю на нее хладнокровно и как посторонний — практично. Больше всего купюр надо делать в бытовой части» [56].

Сокальский так определил замысел своей оперы: «Я не имел в виду сделать малороссийской оперы, а обыкновенную, общерусскую, с местным колоритом временами» [57].

В отличие от Сокальского, Лысенко задумал свою оперу на сюжет «Тараса Бульбы» (1880—1890) как произведение национальное, народное по языку, опирающееся на украинскую народную песню, воспевающее героический подвиг народа, который борется за свою независимость. Зарождение замысла оперы относится еще к семидесятым годам; но только сделавшись зрелым художником и овладев опытом русской классической музыкальной школы, Лысенко сумел реализовать свой замысел. Композитор опирался на принципы русской героико-патриотической оперы, традиции «Ивана Сусанина», «Бориса Годунова» и «Псковитянки». В центре внимания композитора стоит не личная драма Андрия, а судьба народа в один из решающих моментов его истории. Выдающийся знаток украинского фольклора, Лысенко творчески использовал его богатства, пронизал всю музыку своей оперы интонациями украинской народной песни. Композитор построил драматургию своего произведения на сочетании сцен бытовых и патетических, лирических и героических. Так, в первое действие входят и жанровые эпизоды на рынке и патриотическое обращение кобзаря к народу. Сходный принцип построения мы можем найти у Мусоргского в «Борисе Годунове» и «Хованщине», у Римского-Корсакова в «Младе» и т. д. Через жанровые и бытовые сцены первого и второго действий драматургия «Тараса Бульбы» движется к героическим эпизодам кульминационного третьего и последнего действий, создающим мощную картину народного движения. Примечательно, что сцена выборов Кошевого (третий акт), сначала предназначавшаяся для оперы «Маруся Богуславка», а потом перешедшая в «Тараса Бульбу», была задумана Лысенко, по аналогии со знаменитой сценой веча в «Псковитянке» Римского-Корсакова.

Единство героя и народа раскрыто через общность интонаций сольных и хоровых партий. Лысенко использовал в опере мелодику исторических народных песен, повествующих о борьбе украинского народа за свою независимость. Всего ярче в музыке воплощены образы Тараса, Остапа и

жены Тараса — Насти. Наиболее удачны все хоровые сцены, в особенности сцены, изображающие Запорожскую сечь. Яркое раскрытие получила тема казацкого товарищества. Уязвимое место оперы — польские сцены и в особенности — образ Андрия. Либреттист (М. Старицкий) показал Андрия только как влюбленного. Лысенко тоже не нашел вполне убедительного решения этого образа. История любви Андрия к дочери воеводы заняла в опере много места, подменив тему предательства. Эти недостатки, быть может, объясняются тем, что композитор не закончил своей работы над оперой. Изданный после его смерти клавир не дает аутентичной редакции произведения. Не успел Лысенко закончить и инструментовку «Тараса Бульбы».

Из наиболее значительных воплощений образов Гоголя в музыке зарубежных композиторов следует назвать симфоническую рапсодию чешского композитора Леоша Яначека «Тарас Бульба», построенную в форме триптиха — Тарас, Андрий, Остап. Произведение это исполнено большой трагической силы. Определяя идейный замысел своей рапсодии, создававшейся в годы первой мировой войны и законченной в 1918 г., Л. Яначек писал:

«Не из-за убийства собственного сына за измену народу, не из-за мученической смерти второго сына, но из-за слов: „Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу", из-за этих слов, падающих в горячие искры, в огонь костра, на котором окончил свою жизнь прославленный полковник козацкий Тарас Бульба, сочинил я эту рапсодию по повести, написанной Гоголем» [58].

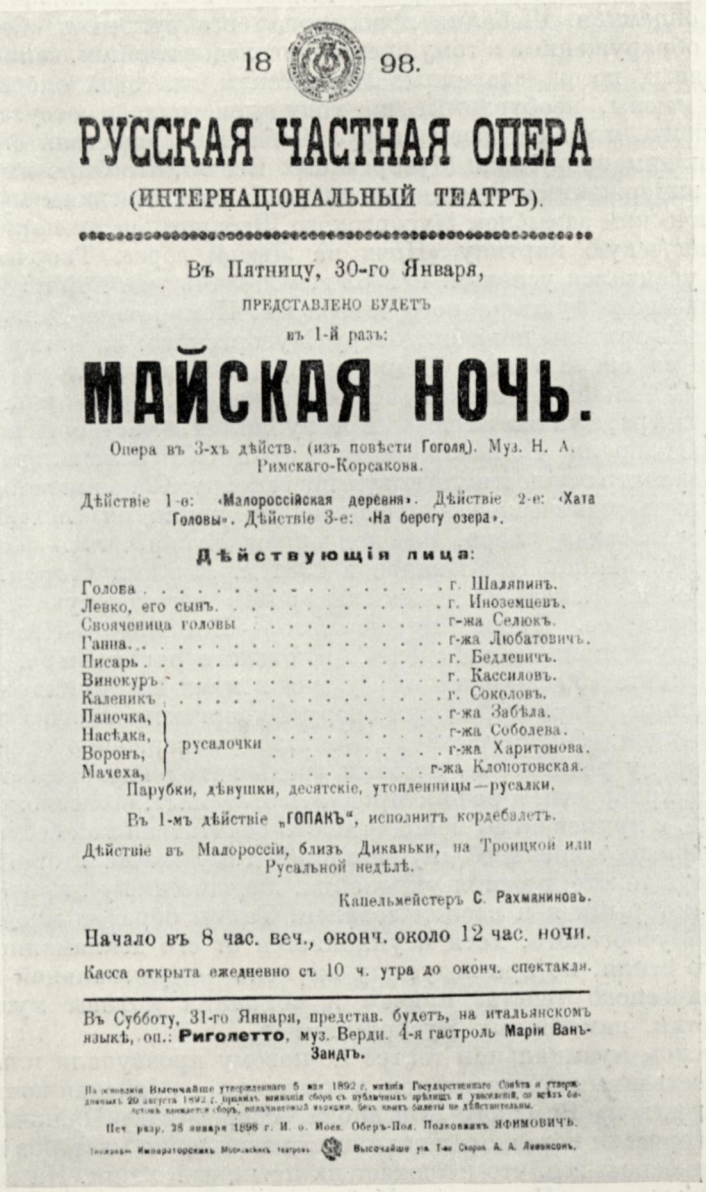
VI

Новая страница в истории музыкально-театрального истолкования образов Гоголя открывается после Великой Октябрьской социалистической революции. Оперы Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова на гоголевские темы не только утвердились в репертуаре советского музыкального театра, но по существу впервые за всю свою сценическую историю получили верное и правдивое сценическое воплощение. Дореволюционный театр, несмотря на наличие великих артистов, был бессилен решить эту задачу в целом. Примером может служить «Сорочинская ярмарка» Мусоргского. «Сорочинская ярмарка», как мы знаем, не была кончена автором. Закончить оперу пытались за него Ц. Кюи, Ю. Сахновский, Н. Черепнин и др. Кюи стремился подчинить «Сорочинскую ярмарку» привычным оперным формам. В музыку Мусоргского он внес фактурные и гармонические изменения, неоправданные, а зачастую и искажавшие стиль подлинника. Главный эпизод второго действия — рассказ о красной свитке, сочиненный Кюи, непомерно растянут и сценически невыразителен.

Еще дальше от оригинала редакция «Сорочинской ярмарки», принадлежащая композитору-модернисту Н. Черепнину. Н. Черепнин обнаружил вопиющее отсутствие вкуса и полное непонимание комической оперы, введя в «Сорочинскую ярмарку» не только романсы Мусоргского, как, например, «По над Доном сад цветет», но даже несколько эпизодов из сцены смерти Бориса Годунова. Редактор совершенно исказил своими «исправлениями» музыку Мусоргского.

«Сорочинская ярмарка» была поставлена до революции режиссером А. Саниным на сцене так называемого «Свободного театра», в музыкальной редакции Ю. Сахновского. Цельность замысла Мусоргского была разрушена. Вокальные номера чередовались с разговорными диалогами. По существу никакого представления о драматургии оперы Мусоргского

слушатель-зритель вынести из этого спектакля не мог. В полном противоречии со всем замыслом композитора находилась и сама постановка, выдержанная в натуралистическом духе.



18 98.

РУССКАЯ ЧАСТНАЯ ОПЕРА

(ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ).

Въ Пятницу, 30-го Января,

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ

въ 1-й разъ:

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Опера въ 3-хъ дѣйств. (изъ повѣсти Гоголя). Муз. Н. А. Римскаго-Корсакова.

Дѣйствіе 1-е: «Малороссійская деревня». Дѣйствіе 2-е: «Хата Головы». Дѣйствіе 3-е: «На берегу озера».

Дѣйствующія лица:

Голова . . . . . г. Шаляпинъ.
Левко, его сынъ . . . . . г. Иноземцевъ.
Свояченица головы . . . . . г-жа Селюкъ.
Ганна . . . . . г-жа Любатовичъ.
Писарь . . . . . г. Бедлевичъ.
Винокуръ . . . . . г. Кассиловъ.
Каленикъ . . . . . г. Соколовъ.
Паночка, } русалочки . . . . . г-жа Забѣла.
Насѣдка, } русалочки . . . . . г-жа Соболева.
Воронъ, } русалочки . . . . . г-жа Харитонова.
Мачеха, } русалочки . . . . . г-жа Клопотовская.

Парубки, дѣвушки, десятскіе, утопленницы—русалки.

Въ 1-мъ дѣйствіе „ГОПАКЪ", исполнитъ кордебалетъ.

Дѣйствіе въ Малороссіи, близъ Диканьки, на Троицкой или Русальной недѣлѣ.

Капельмейстеръ С. Рахманиновъ.

Начало въ 8 час. веч., оконч. около 12 час. ночи.

Касса открыта ежедневно съ 10 ч. утра до оконч. спектакля.

Въ Субботу, 31-го Января, представ. будетъ, на итальянскомъ языкѣ, оп.: **Риголетто**, муз. Верди. 4-я гастроль Маріи Ванъ-Зандтъ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 5 мая 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта и утвержденныхъ 20 августа 1892 г. правилъ взиманія сбора съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній, со всѣхъ билетовъ взимается сборъ, оплачиваемый марками, безъ коихъ билеты не дѣйствительны.

Печ. разр. 28 января 1898 г. И. о. Моск. Оберъ-Пол. Полковникъ ЯФИМОВИЧЪ.

Типографія Императорскихъ Московскихъ театровъ. Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОПЕРЫ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «МАЙСКАЯ НОЧЬ» НА СЦЕНЕ РУССКОЙ ЧАСТНОЙ ОПЕРЫ В МОСКВЕ 30 ЯНВАРЯ 1898 г.

Роль Головы в спектакле исполнял Ф. И. Шаляпин, Панночки — Н. И. Забела, дирижировал оркестром С. В. Рахманинов

Центральный музей музыкальной культуры, Москва

Опера Мусоргского получила полноценное воплощение только в советском театре.

Композитор В. Я. Шебалин успешно осуществил сложную исследовательскую и творческую задачу реконструкции замысла Мусоргского.

Наряду с законченными музыкальными эпизодами, среди рукописей композитора встречаются и черновые наброски, состоящие всего из нескольких тактов. Весь этот разнородный материал предстояло объединить, связать в одно целое, так, чтобы произведение не представлялось склеенным из груды обломков. Шебалин использовал все рукописи «Сорочинской ярмарки», обнаруженные к тому времени исследователями, записи украинских народных песен, сделанные Мусоргским для этой оперы, дописал некоторые сцены, необходимые по ходу действия и отсутствовавшие у Мусоргского, и оркестровал оперу. Шебалин осуществил свою задачу с полным пониманием стиля Мусоргского. Все то, что было им дописано, оказалось выдержанным в духе оригинала. В соответствии с музыкально-драматургическим замыслом Мусоргского Шебалин ввел в партитуру оперы симфоническую картину «Ночь на Лысой горе». Творческий труд Шебалина увенчался успехом. В 1932 г. «Сорочинская ярмарка» была поставлена на сцене музыкального театра им. Немировича-Данченко.

Слушатель-зритель полюбил оперу Мусоргского; за четыре года она выдержала на сцене театра Немировича-Данченко около 150 представлений [59]. С большим успехом «Сорочинская ярмарка» шла на сцене Большого театра, а также в союзных республиках, в частности на Украине. В настоящее время Большой театр Союза ССР и ленинградский Малый оперный театр осуществили новую постановку «Сорочинской ярмарки».

Музыкально-сценическое воплощение получила на советской сцене и другая гоголевская опера, не оконченная Мусоргским,— «Женитьба». Композитор М. Ипполитов-Иванов в 1931 г. сочинил второй, третий и четвертый акты «Женитьбы» (перепланировав гоголевскую комедию) и инструментовал ее. Опера Мусоргского — Ипполитова-Иванова была в том же году исполнена на сцене Московского радиотеатра.

В своей книге «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях» Ипполитов-Иванов так характеризовал оперу Мусоргского и свою работу над ее продолжением: «Мусоргский в „Женитьбе“ совершенно отошел от мелодии в сторону речитатива, местами очень находчивого и остроумного. Набравшись храбрости, я решил продлить этот опыт, но несколько в смягченном виде, с применением мелодического речитатива как более приемлемого для неподготовленного слушателя. К тому же во второй половине „Женитьбы“ в тексте имеются уклонения, дающие пищу лирическому настроению, которыми я и воспользовался. Таким образом мое продолжение оперы Мусоргского, хотя и уклоняется от его декламационного речитативного стиля, но преследует ту же цель — музыкальной иллюстрации прозаического текста, причем я сохранил мотивы музыкальных характеристик, намеченных Мусоргским» [60].

В советском музыкальном театре по-новому прозвучали классические оперы отечественных композиторов, в том числе —«Майская ночь» и «Ночь перед рождеством» Римского-Корсакова, «Черевички» Чайковского.

Театр творчески истолковал великие произведения мастеров прошлого, снял все наносное, все, что искажает их истинный облик. На сцене дореволюционного театра «Черевички» Чайковского часто интерпретировались, как внешне эффектное, помпезное зрелище, а тема любви Оксаны и Вакулы, гениально воплощенная в музыке, не находила в спектакле своего выражения. Советский музыкальный театр сумел глубоко и полно передать вдохновенную поэтичность, правду переживаний героев, жизнеутверждающий характер музыки Чайковского. Из многочисленных постановок «Черевичек», осуществленных на сцене советского театра, наиболее значительной и художественно цельной, несомненно, является постановка Большого театра СССР, отмеченная Сталинской премией. Вокальное и сценическое искусство М. Михайлова (Чуб), Антоновой (Солоха), Алексея Иванова (бес) и других позволило создать театрально-выразительные

образы героев Гоголя — Чайковского. Художник А. Г. Петрицкий передал красоту зимней украинской природы, пышность Петербурга, своеобразие национальных костюмов. Спектакль отличался высокой музыкальной и режиссерской культурой. Впервые за всю сценическую историю «Черевичек» произведение это предстало перед зрителем во всем своем поэтическом очаровании.

Крупным достижением явились также постановки «Ночи перед рождеством», осуществленные под руководством А. М. Пазовского (Театр им. Кирова, Молотов) и Н. С. Голованова (Радиокомитет, Москва).

Интересным, хотя и не во всем удачным опытом перенесения «Черевичек» Чайковского на экран был одноименный фильм, снятый при участии мастеров Большого театра.

ПАННОЧКА, СОТНИК И ХОМА БРУТ
Рисунок М. О. Микешина к «Вию», 1872 г.
Третьяковская галлерея, Москва

На сцене советского оперного театра впервые была осуществлена постановка оперы Н. В. Лысенко «Тарас Бульба».

Поэт М. Рыльский переработал либретто М. Старицкого. Композитор Л. Ревуцкий — ученик Лысенко, расширил музыкально-драматургическую концепцию оперы. В увертюру и в третье действие введена могучая украинская народная песня «Засвистали козаченьки». Ревуцким были дописаны новые эпизоды, углубленно передающие патриотическую идею произведения. Все дописанные им страницы выдержаны в стиле Лысенко. Мастерски инструментовал оперу композитор Б. Н. Лятошинский.

Однако украинский советский оперный театр не сразу нашел верное сценическое решение произведения Лысенко. Постановка «Тараса Бульбы», показанная на сцене Киевского оперного театра в 1938 г., была осуждена партийной печатью. Спектакль завершался сценой казни Тараса и поражением запорожцев. Патриотическая идея повести Гоголя, прослав-

ляющей мужество и доблесть народа, не была воплощена в спектакле. «Правда» в развернутой статье проанализировала идейные пороки постановки и указала конкретные пути к их устранению. Опираясь на критику партийной печати, Киевский оперный театр год спустя осуществил новую постановку «Тараса Бульбы» (режиссер Н. В. Смолич). Мощный, подлинно репинский образ Тараса Бульбы создал в спектакле И. С. Паторжинский. За это исполнение артист был удостоен Сталинской премии. М. И. Литвиненко-Вольгемут правдиво и глубоко передала переживания Насти — жены Тараса. Увертюра к «Тарасу Бульбе» прочно вошла в репертуар симфонических оркестров Советского Союза. Эта музыка, говорящая о несокрушимой силе и энергии народа, исполнялась в Москве на заключительном концерте декады украинского искусства и литературы в 1951 г. Образы гоголевского «Тараса Бульбы» нашли воплощение в произведениях советских композиторов, в балетах В. П. Соловьева-Седого (1940) и Р. М. Глиэра (1951).

История русской дореволюционной музыки не знает фактов хореографического истолкования произведений Гоголя. Замысел балета (пантомимы) «Ночь перед рождеством», волновавший Серова, как мы знаем, осуществлен не был.

Безмерно сложна задача хореографического раскрытия содержания «Тараса Бульбы». Решить ее может только советский балет, нашедший нужные художественно-выразительные средства для передачи образов, созданных Пушкиным, Лермонтовым, Шекспиром, Лопе де Вега.

Несмотря на некоторые недостатки балета Соловьева-Седого (неверное музыкально-драматическое решение образа Андрия), ясная мелодичность музыки, близкой к украинской народной песне, подкупали слушателя. Балет Соловьева-Седого «Тарас Бульба» был поставлен в Ленинграде (театр им. Кирова) и в Москве (Большой театр) в 1940/41 г., а в настоящее время написан композитором заново. Новый вариант балета Соловьева-Седого, как и новый балет Р. М. Глиэра, предположено поставить на сцене в 1952 г.

Фрагменты из «Тараса Бульбы» Р. М. Глиэра, исполненные в его авторских концертах 1952 г. (февраль — апрель) в Москве и Ленинграде, свидетельствуют о том, что композитор создал крупное и значительное произведение, обогащающее советскую музыкальную культуру. Балет этот проникнут мелодикой и ритмами украинской народной музыки и органически развивает реалистические традиции русского музыкального театра.

Попытка создания одночастного квартета на тему «Тараса Бульбы» принадлежит ленинградскому композитору Е. Славинскому. Квартет этот, носящий название «Думка», написан на основе украинских лирических и героических песен.

Б. В. Асафьевым написан балет «Ночь перед рождеством», поставленный в Москве и Ленинграде и поныне сохраняющийся в репертуаре музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Композитор творчески использовал интонации и ритмы украинских народных песен. В балете сохранено многообразие гоголевской повести — быт, фантастика, юмор, лирика. Постановка этого балета была осуществлена Ф. Лопуховым и В. Бурмейстером.

Образы Гоголя оплодотворили не только балет, но и музыкальную комедию. Развивая традиции классического украинского театра, в котором инсценировки Гоголя занимали значительное место, советский украинский композитор Рябов написал оперетты «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь», поставленные на сценах театров Советского Союза. Оперетту «Вий» написал украинский композитор М. Вериковский. Гоголь помог советскому театру музыкальной комедии преодолеть штампы старой оперетты.

На сцене Большого театра и во всех многонациональных театрах страны исполняются произведения отечественных композиторов, вдохновленные гением Гоголя. Музыка этих опер звучит по радио, в концертных залах, в спектаклях художественной самодеятельности, с экрана.

Произведения русских композиторов-классиков, созданные на темы Гоголя, потому и приобрели в наше время подлинно-народную любовь, что в них воплощены лучшие черты русской классической оперы, «отличающейся внутренней содержательностью, богатством мелодий и широтой диапазона, народностью, изящной, красивой, ясной музыкальной формой, сделавшей русскую оперу лучшей оперой в мире» (из Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г.)[61].

Андрей Александрович Жданов в своем выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) указал, что для классической музыки «характерны правдивость и реализм, умение достигать единства блестящей художественной формы и глубокого содержания, сочетать высочайшее мастерство с простотой и доступностью»[62].

Оперы Римского-Корсакова, Мусоргского и Чайковского представляют собой вершину развития русской классической музыки. В своей работе над оперой советские композиторы, обращаясь к современности или к историческому прошлому родного народа, опираясь на произведения художественной литературы, в том числе и на произведения Гоголя, развивают эти драгоценные традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Белинский. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. II. СПб., 1900, стр. 230.

[2] Н. Гоголь. Собр. соч., т. VI. М., ГИХЛ, 1950, стр. 67.

[3] И. Глебов (Б. В. Асафьев). Гоголь и музыка.— «Классики и современные писатели на вечерах художественной литературы». Иваново-Вознесенск, 1927, стр. 22.

[4] С. Данилов. Гоголь и театр. Л., 1936, стр. 119.— Рукописная «валовая партия» музыки «Вечера на хуторе» находится в Гос. музыкальной театральной библиотеке (Ленинград).

[5] Н. Маркевич. Записки.— Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 488, ед. хр. 39, л. 12.

[6] А. Серов. Избранные статьи. Под ред. Г. Н. Хубова, т. I. М., 1950, стр. 69.

[7] Цитирую по подлиннику, находящемуся в Рукописном отделе Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, так как письмо это после смерти В. В. Стасова было опубликовано в «Русской старине» не точно.

[8] М. С〈лавинский〉. Последние три часа жизни Серова.— «Голос», 1871, № 190.

[9] П. Сокальский. Майская ночь.— Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки УССР.

[10] Г. Ларош. Два сборника малороссийских песен.— «Голос», 1873, № 252.

[11] Н. Кашкин. Я. П. Полонский и П. И. Чайковский как авторы одного общего произведения.— «Московские ведомости», 1898, № 329, от 23 ноября.

[12] П. Чайковский. Черевички, изд. П. И. Юргенсона, стр. 56.

[13] Я. П. Полонский не согласился с требованиями конторы императорских театров, и все ремарки в либретто остались без изменений.

[14] Рукописный отдел ИРЛИ. Архив Я. П. Полонского, шифр 12580 LXXб 6. Сборник стихов Полонского, о котором идет речь в письме,— «Озими», 1876 г.

[15] «Московские ведомости», 1898, № 298, от 29 октября.

[16] «П. Чайковский и С. Танеев. Письма». М., 1951, стр. 11.

[17] Там же, стр. 11.

[18] «Дни и годы Чайковского». М., Музгиз, 1940, стр. 341.

[19] «Чайковский на Московской сцене». М., 1940, стр. 322—323.

[20] «Голос», 1873, № 252.

[21] И. Глебов (Б. В. Асафьев). Гоголь и музыка, стр. 23.

[22] Там же.

[23] Н. Гоголь. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. I. М.— Л., 1940, стр. 234—235.

[24] В. Стасов. Собр. соч., т. III. СПб., 1894, стр. 1626.

[25] «М. Мусоргский. Письма и документы». М., 1932, стр. 430.

[26] «М. Мусоргский. Письма и документы»,, стр. 142.
[27] Там же, стр. 145.
[28] Там же, стр. 150.
[29] Там же, стр. 152.
[30] Там же, стр. 306.
[31] Там же, стр. 315.
[32] См. программы хоровых концертов Н. В. Лысенко.
[33] «М. Мусоргский. Письма и документы». стр. 401.
[34] М. Мусоргский. Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову. М., 1939, стр. 73.
[35] «М. Мусоргский. Письма и документы», стр. 383.
[36] М. Мусоргский. Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову, стр. 69—70.
[37] Там же, стр. 73.
[38] Песня Шевченко использована Мусоргским не полностью — только две первые строфы. Да и эти строфы отклоняются от оригинала. Повидимому, композитор воспроизвел песню по памяти или же записал ее так, как она поется в народе.
[39] В. Стасов. Собр. соч., т. I, СПб., 1894, стр. 339.
[40] Рукопись неопубликованных воспоминаний покойного М. Н. Римского-Корсакова была любезно предоставлена мне В. Н. Римским-Корсаковым, которому я и приношу свою признательность.
[41] Н. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1935, стр. 173.
[42] Там же, стр. 160.
[43] «С.-Петербургские ведомости», 1880, № 15, от 15 января.
[44] «Новое время», 1880, № 1893.
[45] А. Апухтин. Избранные стихи. Л., «Сов. писатель», 1936 (Библиотека поэта), стр. 145.
[46] В 1873 г. некие К. Гертман и О. Мальчевский ухитрились превратить гоголевскую «Ночь перед рождеством» в пошлую оперетту «Царицыны башмачки». В музыке этой оперетты сочетаются отголоски оффенбаховского канкана с изуродованными мотивами украинских народных песен. Эта бездарная оперетта продержалась на сцене вплоть до девяностых годов.

В 1881 г. на сцене Малого театра (Москва) была поставлена инсценировка «Майской ночи» с интересной, проникнутой украинской песенностью музыкой Г. Лишина. Клавир и часть партитуры сохранились в Музыкальной библиотеке академических театров (Ленинград). Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить зав. библиотекой С. М. Брока, познакомившего меня с этой рукописью. В печати («Ленинградская правда» и «Вечерняя Москва») уже появлялись заметки об этом произведении, однако они изобиловали неточностями. Лишин превращен в Жилина; о музыке сказано, будто она была сочинена в сороковые годы, вместо восьмидесятых.

[47] Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив А. К. Глазунова.
[48] Н. Римский-Корсаков. Ночь перед рождеством. Изд. М. П. Беляева, стр. 245.
[49] «Русская музыкальная газета», 1896, № 1.
[50] В. Ястребцев. Мои воспоминания о Римском-Корсакове (рукопись). Архив Н. А. Римского-Корсакова.— Институт театра и музыки (Ленинград).
[51] Там же. Запись от 20 ноября 1895 г.
[52] «Биржевые ведомости», 1895, № 330, от 1 декабря.
[53] Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Римского-Корсакова.
[54] Г. Бернандт. С. И. Танеев. М., 1950, стр. 121—122.
[55] Рукопись партитуры «Вий», переписанная известным дирижером украинского театра, ближайшим сподвижником М. Л. Кропивницкого, В. В. Никитиным, принадлежит его жене М. А. Никитиной, которой я приношу глубокую признательность за предоставленную мне возможность, познакомиться с этой редкой партитурой.
[56] Збірник музею діячів науки та мистецтва України, т. I, Київ, 1930, стр. 175.
[57] Там же, стр. 177.
[58] Цитирую по статье Д. Кабалевского: Заметки о музыке в Чехословакии. — «Советская музыка», 1950, № 6, стр. 92.
[59] П. Марков. В. И. Немирович-Данченко и музыкальный театр его имени. М., 1936, стр. 122.
[60] М. Ипполитов-Иванов. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934, стр. 155.
[61] «Об опере „Великая дружба" В. Мурадели». Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г.— «Советская музыка», 1948, № 1, стр. 3.
[62] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М., «Правда», 1948, стр. 136—137.

СООБЩЕНИЯ

ЗАБЫТАЯ РУКОПИСЬ ДИДРО

(БЕСЕДЫ ДИДРО С ЕКАТЕРИНОЙ II)

Статья С. Кузьмина

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него» [1].

Среди великих мыслителей, охарактеризованных в этих словах Энгельса, одно из первых мест принадлежит Дени Дидро, глашатаю передовых идей «третьего сословия», отдавшему свыше двадцати лет напряженного труда созданию «Энциклопедии», сыгравшей такую крупную роль в идеологической подготовке французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

Учение философа-материалиста Дидро было, несомненно, прогрессивным, несмотря на метафизический характер его взглядов на движение и материю, что определялось общим уровнем естественных наук его времени. Все же в учении Дидро имелись элементы диалектики, отмеченные Марксом и Энгельсом.

Однако в своих общественно-политических взглядах Дидро, как и другие французские просветители, оставался на идеалистических позициях. Подобно Вольтеру и другим представителям старшего поколения французских просветителей, Дидро верил в возможность примирения интересов подданных и государя и ждал осуществления прогрессивных реформ от инициативы «просвещенного монарха».

Эти взгляды Дидро нашли выражение в его беседах с Екатериной II. Судьба рукописи Дидро, отразившей эти беседы, является темой настоящей статьи. Этот интересный историко-культурный памятник вскрывает большое разнообразие проблем, которые волновали передовых идеологов французской буржуазии накануне революции.

Этика, религия, эстетика, педагогика, экономика, техника, государственный строй и законодательство — все это и многое другое глубоко интересовало Дидро, рождало различные реформаторские планы.

Перелистывая страницы рукописи Дидро, невольно вспоминаешь отзыв Гёте об этом блестящем представителе французского материализма XVIII века: «Можно было думать о нем как о писателе, что угодно, но друзья и враги соглашались в том, что в устной беседе никто не превосходил его в оживленности, уме, многогранности и очаровании» [2].

Стремительный рост русской культуры и быстрое укрепление международного престижа России в XVIII в. вызывали у деятелей французского просвещения огромный интерес к мало знакомой им стране.

Екатерина II сумела использовать этот интерес. Вольтер, Дидро, Даламбер, Гримм — всем им оказывала внимание русская императрица. Заигрывание Екатерины с французскими мыслителями, ее, как выразился однажды Пушкин, «отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия», не прошло даром. Французские просветители признали Екатерину II идеалом «просвещенного монарха».

Отдавая должное смелости и новизне многих высказываний Дидро, мы не можем не удивляться той политической близорукости, которая сказалась в его оценке Екатерины и ее политики. В указе императрицы о созыве «Комиссии по составлению нового уложения» (с участием выборных делегатов) Дидро готов был усмотреть шаг к введению в России представительного строя. Приписывая Екатерине конституционные намерения, которых у нее, конечно, никогда не было, Дидро непомерно преувеличивал значение этой Комиссии, работы которой начались в 1767 г., а уже в 1768 г. были прерваны по повелению императрицы. Впрочем, подобные иллюзии были тогда иллюзиями не одного Дидро. Не он один считал, что в то время как Людовик XV, уничтожая парламенты, низводит своих подданных до положения рабов, Екатерина делает своих подданных гражданами. В 1772 г. в Париже вышла брошюра адвоката Андре Блонда «Парламент, защищаемый русской императрицей», где проводилась та же мысль. Между тем «Наказ» Екатерины депутатам Комиссии, несмотря на многочисленные заимствования у представителей западноевропейской буржуазной философии, стремился оправдать феодально-абсолютистский порядок правления в России.

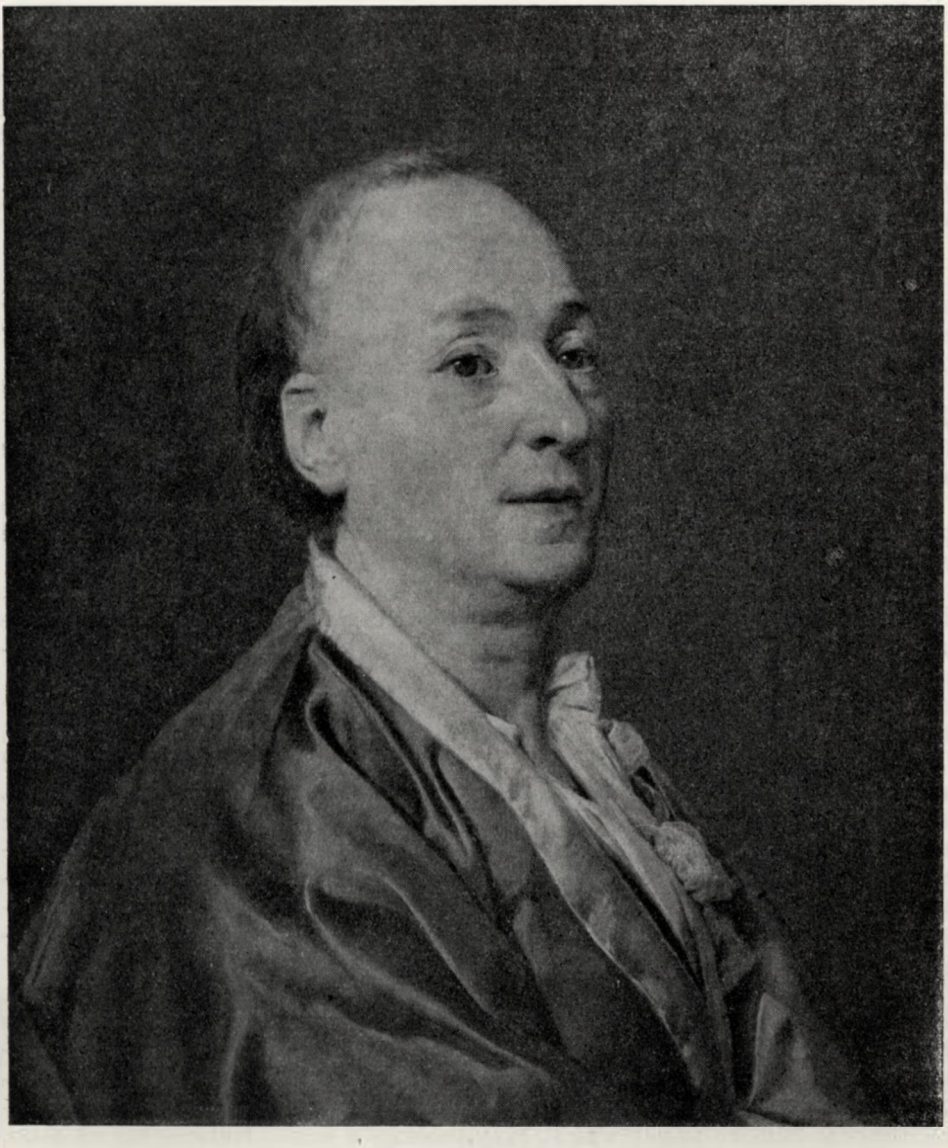
Только крайней идеализацией русской императрицы можно объяснить высказанное Дидро предположение, что она стремится создать в России «третье сословие», в котором сам он видел основу общества и носителя прогресса. То, чего не увидел в екатерининском царствовании Дидро, разглядел гораздо более радикальный и смелый мыслитель А. Н. Радищев, направивший свое внимание не на частные преобразования Российской империи, а на революционную борьбу против абсолютистско-крепостнического строя в России.

Взаимоотношения Дидро и Екатерины II, история приобретения ею библиотеки философа и обстоятельства пребывания Дидро в Петербурге в 1773—1774 гг. неоднократно служили темой специальных публикаций и исследований [3]. Нет поэтому необходимости возвращаться к этим вопросам. Задача настоящего сообщения — осветить историю рукописи Дидро, заключающей его беседы с Екатериной и названной им «Mélanges philosophiques, historiques etc. Année 1773, depuis le 15 oct. jusqu'au 3 décemb. même année».

В 1947 г., в вводном очерке к этим беседам, переведенным им с французского издания 1899 г. и озаглавленным в переводе «Философские, исторические и другие записки различного содержания», П. И. Люблинский писал: «Подлинник „тетради в сафьяне", хранившийся в частной библиотеке царей, исчез бесследно и не разыскан ни в одном из государственных архивов» [4].

Однако, рукопись Дидро, считавшаяся безнадежно утраченной, в действительности не была утрачена, и заявление П. И. Люблинского явилось, очевидно, результатом недостаточной его осведомленности. Она хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве [5].

Известно, что во время пребывания Дидро в Петербурге, в конце 1773 — начале 1774 г., французский философ регулярно посещал императрицу. Но факт существования рукописи Дидро с изложением бесед, которые он вел с Екатериной во время этих встреч, оставался неизвестным свыше столетия. О темах, затронутых в беседах, происходивших, по словам Дидро, с глазу на глаз [6], приходилось гадать, опираясь



ДЕНИ ДИДРО
Портрет маслом Д. Г. Левицкого, 1773 г.
Университетская] библиотека, Женева

на случайные свидетельства современников, в первую очередь корреспондента Екатерины, сотрудника «Энциклопедии» Гримма и французского посла в Петербурге, графа Сегюра. В. А. Бильбасов в своей монографии «Дидро в Петербурге» писал: «Только по кратким известиям, сохраненным современниками, и по намекам в письмах и депешах их, можем мы восстановить более или менее точно ряд вопросов, фактов и предметов, обсуждавшихся во время бесед Екатерины с Дидро» [7].

Между тем рукопись Дидро, посвященная этим беседам, существовала. Об этой рукописи не знали ни дочь, ни друзья Дидро; никому не проговорилась о рукописи и Екатерина. Впоследствии, когда текст рукописи стал достоянием печати, произошло непостижимое недоразумение: все, писавшие об этих «Mélanges»,— беседах Дидро с Екатериной,— единодушно утверждали, что записи Дидро велись под непосредственным впечатлением его встреч с императрицей.

Первый публикатор рукописи француз Морис Турнё, издавший ее в 1899 г., пишет: «Дидро пожелал резюмировать воспоминания о своих беседах в целой серии глав, которые, при кажущемся отсутствии связи между ними, должны были наводить его собеседницу на размышления после их разлуки» [8].

В том же 1899 г. русский исследователь В. А. Тимирязев в статье «Дидро и Екатерина II» говорит о сборнике «отдельных заметок, написанных рукою Дидро, в которых резюмирована вся сущность этих бесед на память Екатерине» [9].

Советский историк А. И. Молок заявляет, что Дидро во время своего пребывания в Петербурге писал эти записки «под свежим впечатлением своих бесед с Екатериной» [10].

Другой советский исследователь, П. И. Люблинский, утверждает: «Записки Дидро <...> являются плодом тех интимных бесед, которые Дидро вел с Екатериной во время своего пребывания в Петербурге» [11].

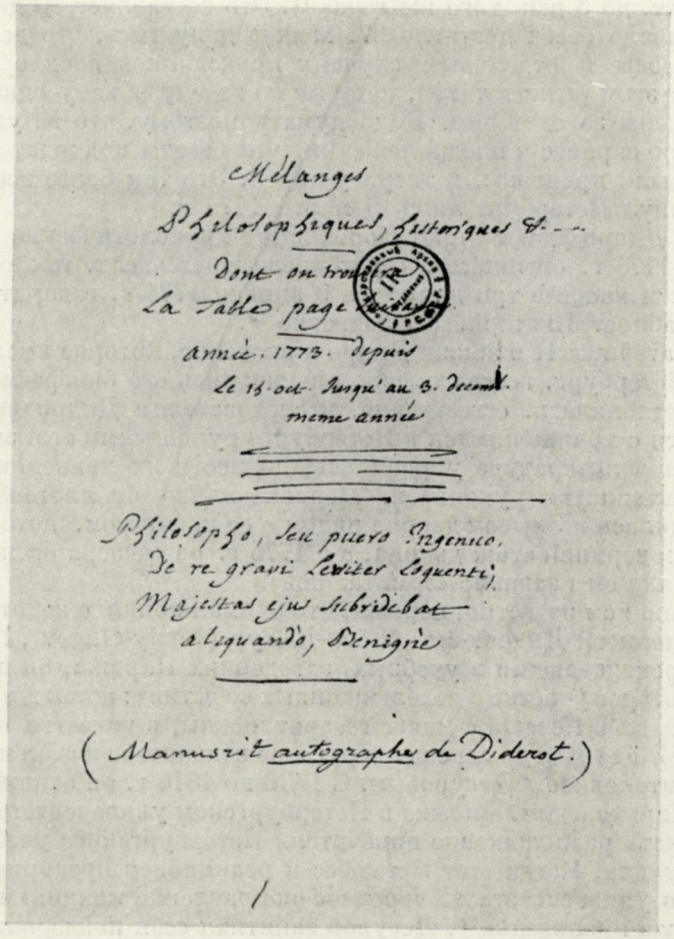
Однако согласиться с названными авторами трудно и в противовес им приходится утверждать иное. Дидро заранее, перед каждой встречей с Екатериной, писал листок на очередную тему, а затем читал его вслух Екатерине, после чего содержание листка подвергалось обсуждению. Выбор тем принадлежал Дидро, использовавшему встречи с Екатериной для пропаганды своих взглядов, преимущественно в области общественно-политических отношений. Круг вопросов, затрагивавшихся Дидро, намечался, повидимому, в беседах с С. К. Нарышкиным [12], который сопровождал его во время путешествия в Россию и у которого он жил в Петербурге.

Основанием для такого утверждения являются следующие слова из так называемого «последнего листка» (в действительности он, как увидим ниже, оказался не последним): «Все наблюдения, заключенные в различных бумагах, чтение которых Ваше императорское величество имели терпение прослушать, являются результатом бесед двух честных путешественников: вашего камергера г. Нарышкина и меня. Каково бы ни было суждение, которое ее императорское величество могла бы вынести о них, они оба будут вознаграждены, свыше всякой надежды, если она удостоит признать их искреннее усердие и их глубокую преданность» [13].

Судя по рукописи, листки бесед Дидро передавал Екатерине после каждой беседы. Переплетчик переплел их потом в одну тетрадь.

Интересно отметить, что до переплета одна из глав — «Листок о способе извлечь пользу из религии и сделать ее к чему-нибудь пригодной» была изъята и заменена копией. На полях этой копии рукою неустановленного лица сделана помета: «J'ai fait présent de l'original à Goethe» («Оригинал подарен мною Гёте»).

Мы знаем, что Гёте высоко ценил Дидро. Гёте принадлежит подробный конспект с переводом многочисленных отрывков из «Опыта о живописи» Дидро. Конспект снабжен предисловием и примечаниями Гёте. Гёте же перевел на немецкий язык диалог Дидро «Племянник Рамо» и опубликовал его в 1805 г. (ранее французского издания) по рукописи, указанной ему, по его словам, Шиллером. Редактор новейшего издания этого перевода Гёте утверждает, что он был выполнен по рукописи, доставленной Гёте из Петербурга[14].


Mélanges
Philosophiques, historiques &c.
dont on trouvera
La table page suivante
année 1773. depuis
le 15 oct. jusqu'au 3. decemb.
meme année

Philosopho, seu puero Ingenuo,
De re gravi Leviter loquenti;
Majestas ejus subridebat
aliquando, Benigne

(Manuscrit autographe de Diderot.)

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ РУКОПИСИ БЕСЕД ДИДРО С ЕКАТЕРИНОЙ II, 1773 г.

Внизу помета А. С. Норова, указывающая, что рукопись является автографом Дидро

Центральный исторический архив, Москва

Как мы уже упоминали, до сих пор неизвестно, кто подарил Гёте главу из рукописи Дидро. Если подарок исходил не от самой Екатерины, то, возможно, что он был прислан Гёте кем-нибудь из ее наследников. Известно, что с 1804 г., когда в. кн. Мария Павловна вышла замуж за наследного принца Саксен-Веймарского, Гёте не только часто общался с ней, но имел также встречи с Александром I и Николаем I, а также с императрицами Марией Федоровной, Елизаветой Алексеевной и Александрой Федоровной[15]. Вполне вероятно, что в числе «высочайших

подарков», полученных Гёте, могла быть и глава из «Mélanges» Дидро. Экспертиза почерка перечисленных лиц позволила бы установить, от кого исходил этот подарок. Решение этого вопроса затруднено еще и тем, что рукопись долгое время находилась вне Эрмитажной библиотеки, о чем подробнее ниже, а дата ее исчезновения из собрания Екатерины II не установлена. Турнё сообщает, что разыскать рукопись главы из записок Дидро в Веймарском музее ему не удалось [16].

Относительно срока бесед и того, насколько часто они происходили, возникает некоторое недоумение. Дидро лично отметил на титуле: «Год 1773 с 15 окт. до 3 дек. того же года» [17]. Это составляет 50 дней. Между тем общее число бесед достигло 67. Можно допустить, что две короткие смежные беседы в отдельных случаях проводились в одно посещение, но наряду с этим были и такие, которые по своему объему едва ли могли быть проведены за один раз. Надо думать поэтому, что титул был заготовлен Дидро заранее в предположении, что беседы подходят к концу, а потом они были продлены, и титул устарел. Это тем более вероятно, что Дидро покинул Петербург лишь 5 марта 1774 г.

Письма Дидро дают противоречивые хронологические указания. 24 декабря 1773 г. он пишет о «трех прелестных часах, так хорошо употреблявшихся каждые три дня» [18], а 9 апреля 1774 г. говорит, что допускался в кабинет Екатерины ежедневно [19].

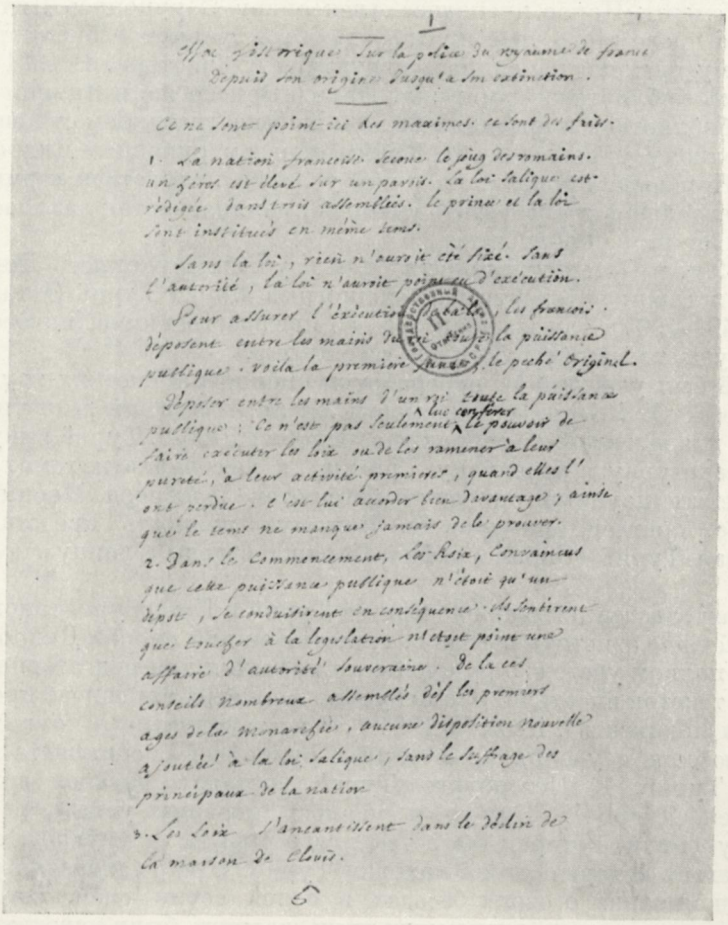
Роль Екатерины II в жизни Дидро и значение, которое имела для него поездка в Петербург, всегда высоко оценивались его биографами. Заманчивой представлялась, естественно, исследователям Дидро возможность ознакомиться с хранившимися в Петербурге рукописями его, за которыми в специальной литературе укрепилось, по месту их хранения, наименование «эрмитажных» рукописей. Первоначально библиотека Екатерины II находилась в Зимнем дворце рядом с ее кабинетом, потом она была перенесена в верхний этаж дворца, а с 1775 г. размещена была в Эрмитаже, что и дало ей название «эрмитажной».

Насколько нам известно, первым, кто снимал копии с некоторых эрмитажных рукописей Дидро, был Жёди-Дюгур (Jeudy-Dugour, 1756—1849). Педагог, преподававший в учебных заведениях Парижа, он в молодости принял некоторое участие в революционных событиях; потом жил в Англии, откуда приехал в Россию с князем Барятинским, в качестве воспитателя в его семью. Жёди-Дюгур перешел в русское подданство и стал именоваться Антоном Антоновичем Дегуровым. С 1806 по 1816 г. он занимал кафедру истории в Харьковском, а позже в Петербургском университетах. Дегуров сумел снискать расположение попечителя Петербургского учебного округа Д. П. Рунича. Когда этот мракобес и реакционер предпринял травлю профессоров университета за «вредное направление лекций» и «противохристианскую проповедь» [20], Дегуров запятнал себя поддержкой Рунича. Рунич выдвинул его в 1825 г. на должность ректора Петербургского университета, которую Дегуров сохранял до 1836 г. Его собрание книг и рукописей, положившее начало Тифлисской публичной библиотеке, приобреталось, повидимому, темными путями [21].

Копии с рукописей Дидро, легко доступных ректору Дегурову, снимались им около 1830 г. Тексты он передал, без всякого на то разрешения и, очевидно, с корыстными целями, парижскому издателю Полену. Вероятно, Дегуров поставил при этом условие, что сделка эта останется тайной, так как тексты были использованы для четырехтомного издания 1830—1831 гг., которому дано было заглавие: «Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot» ‹«Мемуары, переписка и неизданные произведения Дидро»› с подзаголовком: «d'après les manuscrits confiés en mourant par l'auteur à Grimm» ‹«по рукописям, которые автор, умирая, доверил Гримму»› [22].

Неясное происхождение текстов, вошедших в это издание, и позже смущало исследователей [23].

В 1856 г. на коронационные торжества в Россию прибыл в качестве корреспондента парижский журналист Леон Годар (Léon Godard), который неофициальным путем получил доступ к рукописям Дидро и также снял копии с некоторых из них [24]. Эти тексты были использованы в двадцатитомном издании сочинений Дидро, вышедшем в 1875—1877 гг.[25]



ПЕРВЫЙ ЛИСТ РУКОПИСИ БЕСЕД ДИДРО С ЕКАТЕРИНОЙ II, 1773 г.

Автограф записки: «Исторический очерк об общественном порядке во Франции...»

Центральный исторический архив, Москва

Ни Дегуров, ни Годар во время своей работы над рукописями Дидро не подозревали о существовании записи самим Дидро его бесед с Екатериной. Случайно напасть на этот автограф при работе в архиве библиотеки ни тот, ни другой также не могли: рукописи Дидро, лично принадлежавшей Екатерине, в эти годы в Эрмитажной библиотеке уже не было.

История исчезновения этой рукописи из Эрмитажа до сих пор остается невыясненной. Известно лишь, что она была приобретена А. С. Норовым (1795—1869), литератором, страстным библиофилом и собирателем,

бывшим в 1854—1858 гг. министром народного просвещения. До нас не дошло сведений о том, где, когда и при каких обстоятельствах рукопись Дидро к нему перешла. П. И. Люблинский высказал предположение, что Норов «мог приобрести рукопись от одного из приближенных Екатерины, в руки которых после ее смерти попало много ее секретных бумаг и проектов» [26]. Следует, однако, оговорить, что собрание книг и рукописей Норова составлялось в основном во времена Николая I, так что Норов едва ли приобрел рукопись из первых рук. Как бы то ни было, но незадолго до своей смерти Норов преподнес Александру II рукопись Дидро, вновь занявшую после этого свое прежнее место в дворцовой библиотеке.

К этому времени изменилась структура библиотеки. В 1861 г. от нее отделилась библиотека Эрмитажа. Находившиеся же в Зимнем и других дворцах библиотеки и арсеналы были в административном отношении подчинены одному управлению [27]. Таким образом рукопись Дидро, возвращенная Норовым, продолжала лишь условно называться «эрмитажной», а в действительности она с этого времени хранилась в так называемой «собственной е. и. в. библиотеке».

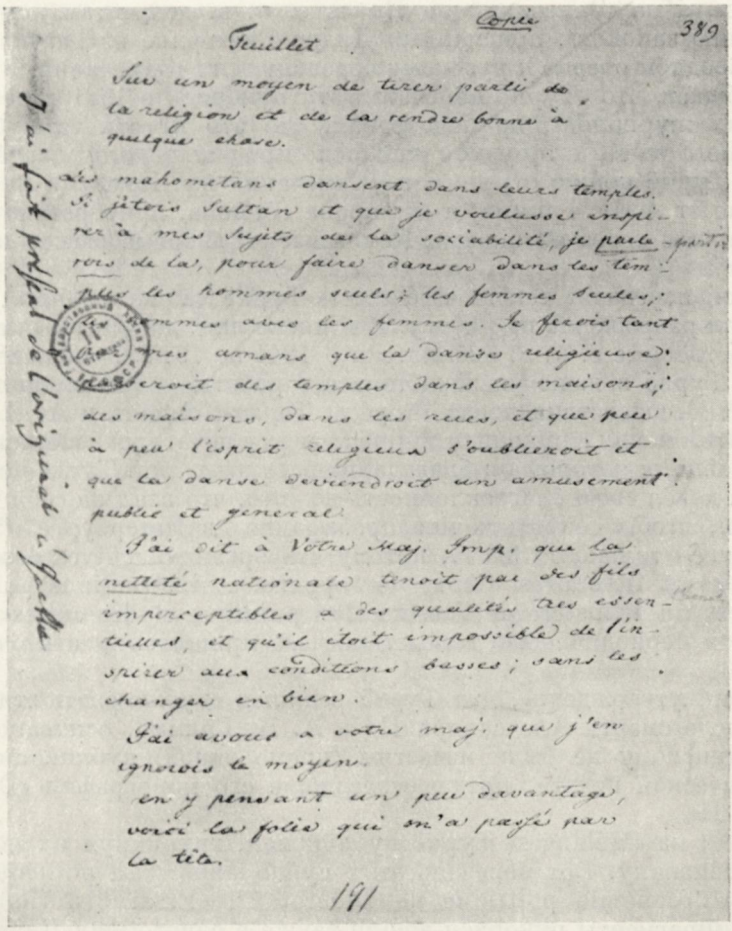
В 1882 г. в Петербург приехал для изучения рукописей Дидро французский историк литературы и библиограф Морис Турнё (Maurice Tourneux, 1849—1907), так же, как оба его предшественника, ничего не знавший о существовании рукописи «Mélanges».

Турнё был участником переработки библиографических трудов Керара и Барбье. В 1876 г., после смерти Жюля Ассеза, он редактировал начатое им двадцатитомное собрание сочинений Дидро. Турнё выпустил также «Литературную переписку Гримма» в шестнадцати томах. Ему же принадлежат научные описания библиотек Проспера Мериме, Теофиля Готье, братьев Гонкуров [28]. Большую ценность представляет составленная Турнё «Библиография Парижа в годы французской революции» [29].

Обстоятельства, вызвавшие приезд Турнё в Петербург, таковы. В связи с решением отметить в 1884 г. столетие со дня смерти Дидро возникла мысль о полном учете его рукописного наследия для подготовки научного издания текстов писателя. Это побудило министра народного просвещения Франции подписать 14 марта 1884 г.[30] постановление о командировании в Россию для изучения эрмитажных рукописей специалиста по Дидро, Мориса Турнё. В Петербурге Турнё составил каталог эрмитажных рукописей Дидро [31]. Ему-то и удалось первому узнать о существовании рукописи, которая была так долго скрыта от научного мира. Вот как излагает историю своей находки Турнё: «Дидро пожелал резюмировать воспоминания о своих беседах в целой серии глав, которые, при кажущемся отсутствии связи между ними, должны были наводить его собеседницу на размышления после их разлуки. Он не сохранил копии с этих „листков", как он сам говорил, и ему можно верить. Что касается императрицы, то она не открыла существования их ни одному из своих корреспондентов. На них не сделано даже ни единого намека в ее письмах к Гримму, бывшему в Петербурге, как и в Париже, доверенным другом философа и скоро ставшему таким же доверенным императрицы. Эта драгоценная тетрадь, о существовании которой, насколько мне известно, никто не сообщал, осталась бы, вероятно, для нас грамотой за семью печатями, если бы не совершенная любезность покойного Александра Гримма, хранителя личной библиотеки императора. Именно он, по своему побуждению, передал рукопись в мои руки, а затем, благодаря высокому вмешательству адмирала Жореса, бывшего тогда послом французской республики при дворе Александра III, и Терно-Компана, первого советника посольства, я имел возможность снять с этой рукописи копию ⟨...⟩ Пусть ревнители славы Дидро не забудут того, что без г. Гримма,— не

правда ли любопытное совпадение имен через столетие? — они сегодня не могли бы прочитать этих строк, из которых некоторые могут сравниться с самыми блестящими и смелыми страницами, вышедшими из-под пера философа» [32].

Приведя эти строки в своем вводном очерке к «Mélanges» Дидро, Н. И. Люблинский замечает: «Турнё не упоминает одного существенного



Copie

Feuillet 389

Sur un moyen de tirer parti de la religion et de la rendre bonne à quelque chose.

Des mahometans dansent dans leurs temples. Si j'étois Sultan et que je voulusse inspirer à mes sujets de la sociabilité, je parle-voirois de las, pour faire danser dans les temples les hommes seuls; les femmes seules; hommes avec les femmes. Je ferois tant des amans que la danse religieuse croit des temples dans les maisons; des maisons, dans les rues, et que peu à peu l'esprit religieux s'oublieroit et que la danse deviendroit un amusement public et general.

J'ai dit à Votre Maj. Imp. que la netteté nationale tenoit par des fils imperceptibles à des qualités très essentielles, et qu'il étoit impossible de les saisir aux conditions basses; sans les changer en bien.

J'ai avoué à votre maj. que j'en ignorois le moyen.

en y pensant un peu davantage, voici les folies qui m'ont passé par la tête.

191

D'après le fait publié par l'original à Paris

КОПИЯ «ЛИСТКА О СПОСОБЕ ИЗВЛЕЧЬ ПОЛЬЗУ ИЗ РЕЛИГИИ». КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ НАДПИСЬ НА ПОЛЯХ, КОПИЯ БЫЛА ВЛОЖЕНА В РУКОПИСЬ БЕСЕД ДИДРО С ЕКАТЕРИНОЙ II, ВЗАМЕН АВТОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА, ПОДАРЕННОГО ГЁТЕ

Кому принадлежит надпись и кем был сделан подарок, самой ли Екатериной, или другим лицом, не установлено

Центральный исторический архив, Москва

обстоятельства. Рукопись с записками Дидро была передана ему Ал. Гриммом еще в 1881 году (см. его отчет: M. Tourneux. Les manuscrits de Diderot, conservés à la bibliothèque de l'Ermitage. Archive des missions scientifiques. 3 série, 1885, t. XII). Передача, повидимому, состоялась тайно от Александра III. Турнё опубликовал эти записки лишь спустя 18 лет, уже после смерти Александра III и Ал. Гримма, чтобы не скомпрометировать последнего». К этим словам Люблинский делает сноску: «Отрывки из этих записок были напечатаны Турнё в „Revue nouvelle“

за 1881 и 1883 гг. См. „Diderot législateur" (1881, sept., pp. 33—52) и „La politique de Diderot" (1883, sept.— oct., pp. 2—23, 239—269)» [33].

Все эти соображения переводчика и комментатора Дидро, П. И. Люблинского, представляют собой запутанный клубок недоразумений, в которых он полностью сам повинен.

Прежде всего, Турнё опубликовал в «Nouvelle Revue» за 1881 г. (а не «Revue nouvelle», как пишет Люблинский), отрывок не из рукописи «Mélanges», а из «Замечаний на Наказ е. и. в. депутатам комиссии по составлению законов», присланных Дидро Екатерине из Гааги в 1774 г. В своем вводном очерке к русскому переводу этих «Замечаний»[34] Люблинский сообщает, что «Турнё напечатал эту рукопись в 1881 г. в одном из парижских журналов», не подозревая, что это и есть та публикация в «Nouvelle Revue», которую он ошибочно признал текстом из «Mélanges». Получил Турнё копию отрывка из «Замечаний на Наказ» (а не всей рукописи) не от А. И. Гримма, а от барона Пишона, приобретшего эту копию в Париже через антиквара. Полный текст впервые вышел в Париже в 1921 г.[35]

«Тайной передачи» текста «Mélanges» Турнё также не было, так как он получил разрешение на работу. В «Списке лиц, допущенных для занятий в Собственные е. и. в. библиотеки с 1845 по 1914 г.» под 1882 г. значится М. Турнё и даже указана тема его работы — «Об энциклопедисте Дидро» [36]. О содействии посла Жореса, Терно-Компана и А. И. Гримма в деле снятия копии с рукописи Турнё заявил в печати уже в отчете о своей командировке, в котором он благодарит всех этих лиц. Тут же он пишет: «г. Гримм довел свою благосклонность до того, что взял на себя часть копирования, чтобы сократить мое пребывание ⟨в Петербурге⟩» [37]. Отчет Турнё вышел только в 1885 г., потому что орган «Archives des missions scientifiques et littéraires. Choix de rapports et instructions publié sous les auspices du Ministère de l'instruction publique et des cultes» не имел правильной периодичности, вследствие чего пришлось ждать очередного выпуска.

Наконец, утверждение, что Турнё решился опубликовать эти записки только после смерти Александра III и А. И. Гримма, основано на том, что Люблинскому не были известны (кроме одной) публикации Турнё в периодической печати, предшествовавшие его монографии «Diderot et Catherine II».

Отрывки из «Mélanges» Турнё публиковал, группируя их по тематическому признаку. Вот перечень этих публикаций: «La politique de Diderot»[38], «L'économie politique de Diderot» [39], «Essai historique sur la police» [40]. Фрагменты рукописи вошли также в однотомник Дидро, выпущенный к столетнему юбилею его смерти [41].

Кроме этих публикаций текстов из «Mélanges», Турнё посвятил петербургскому периоду в биографии Дидро еще следующие статьи: «Diderot et le musée de l'Ermitage» [42], «Premières relations de Diderot et de Catherine II» [43].

Вся эта предварительная работа завершилась изданием в 1899 г. монографии «Diderot et Catherine II», в которой текст бесед Дидро с Екатериной впервые был опубликован полностью.

Александр Иванович Гримм (1819—1884), которому, по свидетельству Турнё, принадлежит честь открытия никому неведомой рукописи, был в молодости переводчиком министерства иностранных дел, состоял с 1860 г. хранителем монетного кабинета Эрмитажа, а с 1876 г. по день своей смерти заведывал «Собственными е. и. в. библиотеками» [44].

Новая рукопись Дидро, обнародованная Турнё, привлекла к его книге широкое внимание. На нее откликнулись в России — В. А. Тимирязев [45] и П. Н. Милюков [46], во Франции — Лансон [47] и Дюпюи [48].

Так как рукопись попрежнему хранилась в библиотеке Зимнего дворца и была поэтому трудно доступна, текст, данный Морисом Турнё, был единственным, увидевшим свет, и приобрел значение первоисточника. Между тем, как будет показано ниже, издание Турнё в текстологическом отношении стоит на чрезвычайно низком уровне. Оно изобилует многочисленными ошибками, неточностями, купюрами, произвольными вставками и другими искажениями подлинника Дидро.

Оба русских перевода были сделаны именно с издания Турнё. Первый из них сделан в 1902 г. К. К. Толстым [49]. Этот перевод давал сильно урезанный (по цензурным условиям) текст и отличался недостаточно точной передачей политических терминов XVIII века. Второй перевод был выполнен П. И. Люблинским в 1947 г.[50] Ошибки, имеющиеся в этом переводе, должны быть целиком отнесены на счет неправильных чтений Турнё. Оригиналом Дидро, как указано, Люблинский не располагал.

Рукопись «Mélanges» пролежала в библиотеке Зимнего дворца вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Еще в 1909 г. директор библиотеки В. В. Щеглов составил опись хранившихся в библиотеке рукописей. В этой описи рукопись бесед Дидро с Екатериной II значится под № 217.

После ликвидации рукописных хранилищ Зимнего и других дворцов, рукопись Дидро в числе многих других была передана на хранение сначала в Центральный государственный архив древних актов СССР, а потом в Центральный государственный исторический архив СССР в Москве.

В СССР, где все памятники культуры прошлого, в том числе библиотеки и архивы, оберегаются советскими законами и предоставлены для изучения всем гражданам Советского Союза, рукопись Дидро доступна для научного исследования. Подлинный текст этого произведения великого философа займет свое место в его наследии.

Ниже дается описание рукописи Дидро и суммарные результаты сличения текста, опубликованного Морисом Турнё, с текстом подлинника [51].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1948, стр. 16.

[2] «Rameau's Neffe. Ein Dialog von Diderot. Aus dem Manuscript übersetzt und mit Anmerkungen begleitet von Goethe». Leipzig, 1805, S. 463—464.

[3] Сборник имп. Русского исторического общества, т. XVII. СПб., 1876; A. Rambaud. Catherine II et ses correspondants français.— «Revue des deux mondes», 1877, 15 janvier et 1 fevrier; «Семь писем Дидро к имп. Екатерине II». Изд. по поручению Русского исторического общества Я. Гротом. СПб., 1881; В. Бильбасов. Дидро в Петербурге. СПб., 1884; Maurice Tourneux. Diderot et Catherine II. P., 1899; René Doumic. Les manuscrits de Diderot.— «Revue des deux mondes», 1902, 15 octobre, pp. 924—936; Diderot. Le voyage de Saint-Pétersbourg. Lettres inédites, communiquées par Paul Ledieu,— «Revue des vivants», 1928, mai, N 5, pp. 933—937; Дени Дидро. Собр. соч., т. X. Перевод, примеч. и вводные очерки П. И. Люблинского. Ред. и вступит. статья А. И. Молока. М., 1947, и др.

[4] Дени Дидро. Собр. соч., т. X. М., 1947, стр. 47.

[5] ЦГИА, ф. № 728, Рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца.

[6] Diderot. Oeuvres. P., 1875—1877, t. XX, pp. 57.

[7] В. Бильбасов. Дидро в Петербурге. СПб., 1898, стр. 86.

[8] M. Tourneux. Diderot et Catherine II. P., 1899, pp. 81—82.

[9] В. Тимирязев. Дидеро и Екатерина II.— «Исторический вестник», 1899, № 7, стр. 220.

[10] А. Молок. Дидро о России.— Дени Дидро. Собр. соч., т. X, стр. 19.

[11] Дени Дидро, Соч., т. X, стр. 43.

[12] Семен Кириллович Нарышкин (1710—1775) — генерал-аншеф и обер-егермейстер; в 1741—1743 гг.— посол в Лондоне; любитель литературы, театра и музыки.

[13] Рукопись «Mélanges» Дидро (арх. л. 168, по пагинации Дидро — стр. 339), изд. Турнё—стр. 455.

[14] «Rameau's Neffe von Denis Diderot. In der Übersetzung und mit den Anmerkungen Goethes. Mit einer Einführung von Victor Klemperer». Weimar, 1949, S. 17.

[15] С. Дурылин. Русские писатели у Гёте в Веймаре, гл. II.— «Лит. наследство», т. 4-6, 1932, стр. 124 и сл.

[16] M. Tourneux. Diderot et Catherine II, p. 219.

[17] Турнё ошибочно прочел: «5 октября»; эта ошибка повторена во всех изданиях рукописи.

[18] Diderot. Oeuvres, t. XX, p. 39.

[19] Diderot. Ibid., p. 57.

[20] «Древняя и новая Россия», т. III, СПб., 1880.

[21] «Журнал Министерства народного просвещения», 1849, № 12 и 1872, № 2; «Вестник Европы», 1876, № 3; «Русский архив», 1868, № 12; 1870, № 9; «Les manuscrits de Diderot, conservés en Russie, catalogue dressé par Maurice Tourneux. Extraits des archives des missions scientifiques et littéraires», 3-me série, t. 12. P., 1885.

[22] M. Tourneux. Les manuscrits de Diderot..., p. 7.

[23] René Doumic. Les manuscrits de Diderot.— «Revue des deux mondes», 15 octobre 1902, p. 131.

[24] M. Tourneux. Diderot et Catherine II, p. 519.

[25] «Oeuvres complètes de Diderot, revues sur les éditions originales, comprenant ce qui a été publié à diverses époques et les manuscrits inédits, conservés à la Bibliothèque de l'Ermitage. Notices, notes, table analytique. Etudes sur Diderot et le mouvement philoshophique au XVIII-e siècle par J. Assézat», vol. 1—20. P.,- 1875—1877. (Начиная с 11-го тома этого издания редактором его вместо Assézat стал Maurice Tourneux).

[26] Дени Дидро. Собр. соч., т. X, стр. 45—46.

[27] В. Щеглов. Собственные е. и. в. библиотеки и арсеналы. Краткий исторический очерк. 1715—1915 гг., Птг., 1917, стр. 60.

[28] G. Vapereau. Dictionnaire universel des contemporains, II, 6-me éd. P., 1893, pp. 1519—1520; H. Maistre. Bibliographie des travaux de Maurice Tourneux. P. Chartres, 1910; P. Lacombe. Maurice Tourneux. P., 1918; Thieme. Bibliographie de la littérature française, II. P., 1933, pp. 908—910; Max Arnim. Internationale Personalbibliographie 1850—1935. Leipzig, 1936, S. 496.

[29] «Советская библиография», № 1 (18), 1940, стр. 33.

[30] M. Tourneux. Les manuscrits de Diderot..., p. 5.

[31] M. Tourneux. Les manuscrits de Diderot, conservés en Russie, catalogue dressé par Maurice Tourneux. P. 1885.

[32] M. Tourneux. Les manuscrits de Diderot, p. 30—31; M. Tourneux. Diderot et Catherine II, p. 81—82; Дени Дидро. Собр. соч., т. X, стр. 45.

[33] Дени Дидро. Собр. соч., т. X, стр. 45—46.

[34] Там же, стр. 412—417.

[35] M. Tourneux. Les manuscrits de Diderot..., pp. 30 et 35; Дени Дидро. Собр. соч., т. X, стр. 413, 414.

[36] В. Щеглов. Ук. соч., стр. 158.

[37] M. Tourneux. Les manuscrits de Diderot..., p. 31.

[38] «Nouvelle Revue», 1883, t. 24, pp. 5—34, 239—270.

[39] «Journal des économistes», 1884, t. 27, pp. 161—195.

[40] «Revue historique», 1884, t. 25, pp. 298—332.

[41] «Oeuvres choisies de Diderot». Ed. du centenaire 30 juillet 1884. P., 1884.

[42] «Gazette des Beaux-Arts», 1898, t. 19, p. 333—344.

[43] «Révolution française», 1898, t. 34, pp. 194—209.

[44] В. Щеглов. Ук. соч., стр. 61.

[45] В. Тимирязев. Дидеро и Екатерина II.— «Исторический вестник», 1899, № 7, стр. 219—235.

[46] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. III, вып. 2. СПб., 1903, стр. 283.

[47] G. Lanson. Maurice Tourneux, Diderot et Catherine II.— «Revue d'histoire littéraire de France», 1899, t. VI, pp. 637—641.

[48] Er. Dupuy. Réplique á Maurice Tourneux sur son Diderot.— «Revue d'histoire littéraire de France», 1902, t. IX, pp. 519—526.

[49] «Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро». С пояснительным очерком и примечаниями Мориса Турнё, в переводе К. К. Толстого. СПб., 1902.

[50] Дени Дидро. Собр. соч., т. X.

[51] Экземпляр книги Турнё «Diderot et Catherine II» (P., 1899) с текстом «Mélanges» Дидро, сверенный с оригиналом сотрудниками редакции «Литературного наследства», хранится в библиотеке Института мировой литературы им. А. М. Горького (Москва).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ

Рукопись представляет собой тетрадь 20×15,7 см, переплетенную в картон, оклеенный бумагой перистого рисунка. Первоначально это были отдельные листки, постепенно передававшиеся Дидро Екатерине II, но потом они были снабжены им общей пагинацией. Позже листки были переплетены в тетрадь. На корешке переплета надпись чернилами: «Diderot. Mélanges. Ms. autographe» ⟨«Дидро. Смесь. Рукопись, автограф»⟩. На внутренней стороне крышки переплета гравированный книжный знак библиотеки А. С. Норова — «Ex biblioth. Abrah. Noroff», с гербом и девизом.

Рукопись вложена в красный сафьяновый футляр на светлосиреневой бумажной подкладке. На крышке футляра тисненый золотом суперэкслибрис Александра II — двуглавый орел, в центре которого вензель Александра II с императорской короной. Вокруг него тисненый орнамент и золотое обрамление. На корешке футляра повторена золотом надпись корешка тетради. В футляр вклеена закладка — лента из красного муара.

Рукопись включает 196 листов архивной пагинации (или 398 страниц пагинации Дидро), из которых — 177 листов заполнены рукой самого Дидро; один лист — копия текста Дидро рукой переписчика с надписью вверху страницы — Copie (копия) и с пометой на полях рукой неизвестного: «J'ai fait présent de l'original à Goethe» ⟨«Оригинал подарен мною Гете»⟩; 17 листов «Réflexion sur les colonies établies à Saratov». ⟨«Размышление о колониях, основанных в Саратове»⟩ — автограф неизвестного автора с вступлением, правкой и пометами Дидро. Кроме того, один лист (см. ниже) написан Норовым. Восемь незаполненных листов в архивную пагинацию не вошли, но в пагинацию Дидро включены. Пагинация Дидро черными чернилами находится вверху страниц; титул и оглавление в нее не вошли. Внизу — охранная пагинация архива (красными чернилами).

Бумага рукописи — белая, с золотым обрезом. Чернила — черные, слегка пожелтевшие от времени.

Текст титульного листа рукой Дидро:

«Mélanges philosophiques, historiques etc. dont on trouvera la table page suivante. Année 1773, depuis le 15 oct. jusqu'au 3 décemb. même année.

Philosopho, seu puero ingenuo,
De re gravi leviter loquenti,
Majestas ejus subridebat
Aliquando, Benigne»

⟨«Смесь философского, исторического и пр. содержания, оглавление которой находится на следующей странице. Год 1773, с 15 окт. по 3 дек. того же года.

Философу, или прямодушному отроку,
Легко беседовавшему о важных делах,
Ваше величество улыбалось
Изредка, благосклонно»⟩.

Приписка на титульном листе рукой А. С. Норова:

«Manuscrit autographe de Diderot». ⟨«Рукопись-автограф Дидро»⟩.

Между датой и эпиграфом следы вытравленного текста, замененного пятью горизонтальными черточками.

На обороте форзаца надпись рукой А. С. Норова: «Ce volume écrit en entier de la main de D i d e r o t, renferme tous les mémoires qu'il a présentés lors de son séjour à St.-Pétersbourg à S. M. l'Impératrice Catherine II» ⟨«Этот том, целиком написанный рукой Дидро, содержит все записки, представленные им во время его пребывания в Санкт-Петербурге е. в. императрице Екатерине II»⟩.

На последнем листе рукописи вписано карандашом, рукой А. С. Норова, продолжение находящегося перед текстом оглавления записок Дидро, им самим незаконченного или утраченного впоследствии. Продолжение это должно было начинаться с нового листа и могло затеряться до переплета.

В оглавлении Дидро «Записки» имеют номера 1—63, причем № 53 отсутствует, но после № 63 вписана незанумерованная беседа «Об энциклопедии»; дополнение Норова включает еще четыре записки №№ 64—67. Таким образом сохранился текст 67 бесед.

II. АНТИНАУЧНЫЕ ПРИЕМЫ РАБОТЫ ТУРНЁ НАД ИЗДАНИЕМ РУКОПИСИ

При сличении публикации записок Дидро, сделанной Морисом Турнё в его книге «Diderot et Catherine II», с текстом подлинника обнаружено свыше шестисот искажений и неисправностей. В это число не включены расхождения в пунктуации, крайне неустойчивой у Дидро, замена прописных букв строчными и обратно, различие между буквенными и цифровыми обозначениями чисел, замена полного написания слова сокращенным и обратно, несоответствие в делении на абзацы. Не учтено и расхождение в орфографии слов, переведенной публикатором на новейшую.

Искажения, допущенные публикатором Морисом Турнё в тексте оригинала, носят различный характер:

1) Неправильное чтение текста, вызванное неясностью почерка в ряде мест рукописи или являющееся следствием невнимательности переписчика; 2) пропуски слов, фраз и даже целых абзацев; 3) сознательное изменение текста в целях модернизации лексики или синтаксиса или «исправления» стиля и содержания, иногда с добавлением или исключением некоторых слов. В отдельных случаях, повидимому, намеренно устранены некоторые слова и выражения.

Кроме того, публикатором сделана оговоренная им перепланировка глав рукописи в целях тематической последовательности. «... если бы я,— пишет он,— напечатал страницы, к которым оно ⟨оглавление⟩ отсылает, в том порядке, или скорее в том беспорядке, какой являет рукопись, я оказал бы довольно плохую услугу автору» (T o u r n e u x, стр. 84). Этим произволом публикатора нарушен хронологический порядок бесед. Переводчик и комментатор т. X собрания сочинений Дени Дидро (М., 1947) П. И. Люблинский, разбирая изменения, внесенные Турнё в план книги, пишет: «Эту попытку систематизации приходится признать мало удавшейся». Действительно, ею нарушена авторская композиция, а тематические повторения тем не менее не избегнуты. Беседам при этом придана несвойственная им академичность, отчасти даже вытеснившая присущую им живость изложения.

При перепланировке текста публикатор устранил авторское деление на главки и на разделы внутри текста некоторых бесед и выкинул соответствующую авторскую нумерацию цифрами или литерами. В отдельных случаях Турнё допускает даже композиционные изменения внутри глав. Так, напр., перестановка абзацев обнаружена в главе «Об общественных школах». Опущены также авторские отсылки к дальнейшим главам, оказавшиеся неточными при новой композиции. Главам даны произвольная нумерация и сокращенные заглавия.

Публикатором изъята записка неизвестного автора о саратовских колониях, которую Дидро включил в свою рукопись, считая ее заслуживающей большого внимания. Рукопись снабжена приведенными ниже примечаниями Дидро, в издании Турнё откинутыми. Таким образом вмешательство публикатора привело к сокращению авторского текста.

Неточности публикации в ряде случаев порождают фактические ошибки. Ошибки начинаются уже с титульного листа, где дата первой беседы Дидро указана публикатором неверно — вместо 15 октября — 5 октября (см. фото). Иногда неверные чтения грубо искажают смысл текста. Так, например, Дидро пишет: «Франция — далеко от России, а Пруссия — ее соседка. Вопреки Версальскому трактату, нашим естественным врагом является австриец. Ваш естественный враг — пруссак. Рано или поздно французская кровь смешается на поле брани с австрийской, а русская кровь — с прусской» (л. 28). У Турнё «с прусской» заменено «с французской». Это извращение поставило в затруднительное положение русского переводчика, отметившего, что «последняя часть фразы неясна» (Л ю б л и н с к и й, стр. 85).

Или в беседе «о роскоши» Дидро говорит: «C'est là qu'on voit le grand seigneur faire sa cour à la courtisane du souverain et ramper». ⟨«Тут-то и видишь, как вельможа ухаживает за любовницей государя и пресмыкается»⟩ (л. 96 об.). Турнё прочел заключительные слова фразы «et ramper», как «étranger»: «C'est là qu'on voit le grand seigneur faire sa cour à la courtisane du souverain étranger» («Тут-то и видишь, как вельможа ухаживает за любовницей иностранного государя»), получив текст с общим содержанием отрывка не увязанный.

Из уничтожающей характеристики Людовика XI, названного Дидро «гнусным убийцей» («l'abominable assassin Louis XI») (л. 11 об.), редактор выкидывает, очевидно покоробившее его, слово «убийца», и т. д.

Подтягивание синтаксиса Дидро к нормам позднейшего французского языка лишает язык Дидро своеобразия и колорита эпохи. Вольное отношение публикатора к тексту проявляется и в том, что он ряд слов Дидро заменяет по своему усмотрению другими, равнозначащими, навязывая автору таким образом свой личный вкус. Так, напр., если Дидро говорит «mes espérances» ⟨мои надежды⟩, Турнё печатает «mon attente» ⟨мое ожидание⟩, слово «ma durée» ⟨мой век⟩ он заменяет «ma vie» ⟨моя жизнь⟩ и т. п. В случаях, кажущихся Турнё неясными, он добавляет в текст или выбрасывает из него отдельные слова или целые фразы. Ни одно из редакторских изменений текста оригинала не обозначено условными знаками. Таким образом читатель лишен возможности отделить оригинальный текст от переработанного. Приходится признать, что подобная подача текста методологически совершенно не удовлетворяет современного исследователя.

От специалиста, посвятившего многие годы изучению творчества Дидро, можно было ожидать более бережного отношения к рукописи знаменитого философа, даже если сделать скидку на общий уровень текстологии в конце XIX века.

Рукопись Дидро еще ждет подлинно научной советской публикации.

Приводим некоторые образцы неточностей и искажений печатного текста.

ПЕРЕВОДЫ
ИЗЪ
ЭНЦИКЛОПЕДІИ.

ЧАСТЬ I.

Печатаны при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1767 года.

* *

ИМЕНА ТРУДЯЩИХСЯ ВЪ ПЕРЕВОДѢ, СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ВЗЯТЫХЪ ИМИ МАТЕРІЙ.

1. Александръ Ильичь Бибиковъ Военную Науку.
2. Сергѣй Матвѣевичь Кузминъ Юриспруденцію.
3. Графъ Андрей Петровичь Шуваловъ Коммерцію и Манифактуры.
4. Степанъ Ѳедоровичь Стрекаловъ Алгебру и вышнюю Математику.
5. Михайло Матвѣевичь Херасковъ Поэзію, Словесныя Науки и Магію.
6. Князь Ѳедоръ Алексѣевичь Козловской Письмена.
7. Семенъ Васильевичь
8. Алексѣй Васильевичь — Нарышкины Нравоученіе.
9. Алексѣй Андреевичь Ржевской Исторію.
10. Сергѣй Герасимовичь Домашневъ Географію.
11. Петръ Дмитріевичь Вениаминовъ
12. Семенъ Герасимовичь Зибелинъ
13. Петръ Ивановичь Погорецкій — Медицину.
14. Антонъ Алексѣевичь Барсовъ Метафизику.
15. Алексѣй Петровичь Мельгуновъ Финансы, или дѣла принадлежащія къ государственнымъ доходамъ.
16. Дмитрей Васильевичь Волковъ описаніе Искусствъ и Художествъ.

17.

17. Михайло Григорьевичь Собакинъ Политику.
18. Графъ Аполлосъ Епафродитовичь Мусинъ-Пушкинъ Минералогію.
19. Князь Николай Никитичь Трубецкой Церковную Исторію.

Естьли кто еще въ толь полезномъ трудѣ участіе принять пожелаетъ, въ такихъ матеріяхъ, которыя еще не разобраны, тотъ можетъ переводы свои присылать къ издателю сихъ листочковъ, Канцеляріи Совѣтнику и Императорскаго Московскаго Университета Директору, господину Хераскову, съ подписаніемъ своего имени, какъ оныя и въ печать изданы будутъ, потому что поправленія въ переводахъ никакого не будетъ; слѣдственно каждой за себя и отвѣтствовать долженъ. Причемъ наблюдать должно, чтобъ артикулы, назначенные переводчикомъ къ напечатанію въ одно время были и присыланы вдругъ, а не по частямъ, переписанные чистымъ и четкимъ письмомъ; а находящіяся при переводимыхъ артикулахъ ссылки на другіе артикулы надлежитъ изображать вопервыхъ Французскими оныхъ артикуловъ званіями, съ переводомъ оныхъ на Россійской, или и безъ переводу.

1. ИСТО-

РУССКОЕ ИЗДАНИЕ «ПЕРЕВОДЫ ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» ДИДРО, ВЫШЕДШЕЕ В СВЕТ ПРИ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ
Титульный лист и страницы книги со списком переводчиков
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

III. ПРИМЕРЫ ИСКАЖЕННОГО ЧТЕНИЯ В ПУБЛИКАЦИИ ТУРНЁ

Пагинация архива (лист)	Пагинация Дидро (стр.)	Пагинация Турнё (стр.)	Текст Дидро	Чтение Турнё
6 об	4	94	...ceux qui vivaient sous les mêmes coutumes...	...ceux qui vivaient sous les mêmes couronnes...
			‹...тех, что подчинялись общим обычаям...›	‹...тех, что подчинялись тем же властителям...›
12	15	107	Rien de si respectable qu'un créancier...	Rien de si respectable qu'un débiteur...
			‹Нет ничего более почтенного, чем заимодавец...›	‹Нет ничего более почтенного, чем должник...›
14 об	20	112	...l'immensité de ses fonctions...	...l'immunité de ses fonctions...
			‹...многообразие его функций...›	‹...неприкосновенность его функций...›
28	47	251	Tôt ou tard le sang français se mêlera sur le champ de bataille avec le sang autrichien et le sang russe avec le sang prussien.	Tôt ou tard le sang français se mêlera sur le champ de bataille avec le sang autrichien et le sang russe avec le sang français.
			‹Рано или поздно французская кровь смешается на поле брани с австрийской, а русская кровь с прусской.›	‹Рано или поздно французская кровь смешается на поле брани с австрийской, а русская кровь с французской.›
53 об	98	164	Il y a une différence infinie entre un corps intact et un corps réhabilité.	Il y a une différence infinie entre un corps intact et un corps débilité.
			‹Существует бесконечная разница между учреждением, не подвергавшимся переустройству, и учреждением восстановленным.›	‹Существует бесконечная разница между учреждением, не подвергавшимся переустройству, и учреждением ослабленным.›
71 об	134	308	...sectes schismatiques qui ne tarderaient pas à être intolérantes sans leur ennemi commun, la superstition.	...sectes schismatiques qui ne tarderaient pas à être intolérantes pour leur ennemi commun, la superstition.
			‹...мелкие секты, которые не преминули бы стать нетерпимыми, не будь у них общего врага — суеверия.›	‹...мелкие секты, которые не преминули бы стать нетерпимыми по отношению к общему врагу — суеверию.›
76 об	144	144	...malheurs aux sujets...	...malheurs aux peuples...
			‹...горе подданным...›	‹...горе народам...›
97 об	190	229	...à sa pauvre nation...	...à sa propre nation...
			‹...своему бедному народу...›	‹...своему собственному народу...›
97 об	190	229	...bonheur général...	...bon-goût général...
			‹...общее благо...›	‹...общественный вкус...›
103 об	202	242	...il ferait précipiter du Pont-Neuf dans la rivière, publiquement le ministre... ce serait une expédition une fois faite pour le reste de son règne.	...il ferait précipiter du Pont-Neuf dans la rivière, publiquement le ministre... ce serait une exécution une fois faite pour le reste de son règne.
			‹...он приказал бы сбросить в реку с Нового моста, в присутствии публики, министра... одной такой прогулки хватило бы до конца царствования.›	‹...он приказал бы сбросить в реку с Нового моста, в присутствии публики, министра... одной такой казни хватило бы до конца царствования.›

IV. ПРОПУСКИ, ДОПУЩЕННЫЕ ТУРНЁ *

Пагинация архива (лист)	Пагинация Дидро (стр.)	Пагинация Турнё (стр.)	Текст Дидро
6	3	94	...jusque sous Charles 7-e 〈...вплоть до царствования Карла VII〉 〈у Турнё: при Карле VII〉
11 об	14	106	...l'abominable assassin Louis XI 〈гнусный убийца Людовик XI〉
21 об	34	126	...était mal cimentée. C'est que le corps de la nation n'était jamais intervenu dans ce pacte 〈...была плохо спаяна, так как основная масса народа никогда не вмешивалась в этот договор.〉
25 об	42	136	...à ses qualités elle réunit encore celles qui flattent les hommes, qui les séduisent, qui les enchaînent. 〈...к своим достоинствам она присоединяет еще те, которые льстят мужчинам, которые их обольщают, которые их закрепощают.〉
27 об	46	250	Elle a pour elle toutes les académies, tous les philosophes, tous les penseurs... 〈На ее стороне все академии, все философы, все мыслители...〉
33—33 об	57—58	194	Celles-ci doivent être renvoyées pardevant un magistrat rapporteur. Le rapporteur doit se tirer au scrutin. C'est ainsi que cela se pratique à Amsterdam. Là point de sollicitations pour obtenir tel ou tel rapporteur 〈Они (дела) должны быть сначала отосланы к судье-докладчику. Докладчик должен быть избран. Именно так практикуется в Амстердаме. Там (не нужно) никаких ходатайств, чтобы добиться того или иного докладчика.〉
42	75	266	...la maîtresse parlera au commis, le commis au ministre, le ministre au roi, et vous arriverez. 〈...любовница скажет секретарю, секретарь — министру, министр — королю, и вы добьетесь успеха.〉
61	113	201	Si l'on peut aller chercher de porte en porte de l'argent à acheter, on suscite la concurrence entre les marchands et la marchandise baisse de prix. Si par des lois on restreint le nombre des commerçants la marchandise hausse de prix. 〈Если бы имелась возможность приобретать деньги в любом месте, это породило бы конкуренцию между торговцами и цена на товар снизилась бы. Если законы ограничивают число торговцев, цена на товар повышается.〉
68	127	301	...l'avantage... de ces lois sur la tolérance... 〈...преимущество ...этих законов о терпимости...〉
68 об	128	302	La première grande action faite par un russe, de quelque condition qu'il fût, ...je l'abandonnerais au ciseau, au pinceau et à l'éloquence de la chaire et du théâtre. Bientôt on la verrait partout. 〈Первый же подвиг, совершенный русским, к какому бы сословию этот русский ни принадлежал... я поручил бы резцу, кисти, красноречию кафедры и театра. Вскоре его (подвиг) увидели бы повсюду.〉

* Даны разрядкой.

Пагинация архива (лист)	Пагинация Дидро (стр.)	Пагинация Турнё (стр.)	Текст Дидро
95 об	186	224	Si l'on est effectivement riche, on montre sa richesse par tous les moyens imaginables. Si l'on n'est pas riche, on veut le devenir par toutes les voies imaginables. 〈Если человек действительно богат, он выставляет свое богатство напоказ всеми возможными способами. Если человек небогат, он хочет им стать всеми возможными путями.〉
116 об	232	276	...grands propriétaires... 〈...крупные собственники...〉
136	273	345	C'est que les enfants... vont quelquefois jusqu'à leur adresser personellement des propos très injurieux qui sont entendus de leurs camarades et dont ils ne peuvent être châtiés par leurs maîtres qui ne peuvent pas même se les faire traduire. 〈Ибо дети ... иногда доходят до того, что говорят им в лицо очень оскорбительные слова, понятные их товарищам, но за которые они не могут быть наказаны своими учителями, которые не могут даже заставить себе перевести эти слова.〉
161 об	326	451	J'abandonne mes ouvrages à la censure la plus amère. 〈Я представляю свои произведения самой желчной цензуре.〉
162	327	445	...il n'a plus d'ambition, il est mêlé avec des grands... 〈у него больше нет честолюбивых помыслов; он вращается среди знатных...〉
164	331	206	...les précédents fastueux se sont ruinés... 〈...расточительные предшественники разорились...〉

V. ГЛАВА, НЕ ВКЛЮЧЕННАЯ В ПУБЛИКАЦИЮ ТУРНЁ

Как указано выше, в публикацию Турнё не включен текст записки неизвестного автора о саратовских колониях, которую Дидро присоединил к своим листкам, переданным Екатерине II, и поместил в оглавлении под №№ 62—63.

Приводим краткое содержание этой записки и вступительные слова Дидро, предпосланные ей.

Записка носит заглавие: «Réflexion sur les colonies établies à Saratow» 〈«Размышление о колониях, основанных в Саратове»〉.

Записка заполняет листы 169—185 об. архивной пагинации или 341—374 страницы пагинации Дидро. На первом листе впереди текста рукою Дидро:

A Sa Maj. Imp.

J'ai entendu parler un français sur vos colonies; ses vues sont profondes; sont-elles saines, c'est à votre maj. Imp. et à votre maj. seule qu'il appartient d'en juger. Quoiqu'il en soit, je me suis procuré son mémoire. S'il est bon, j'aurai occasionné le bien. S'il ne l'est pas, je n'aurai point fait de mal.

〈Ее имп. величеству

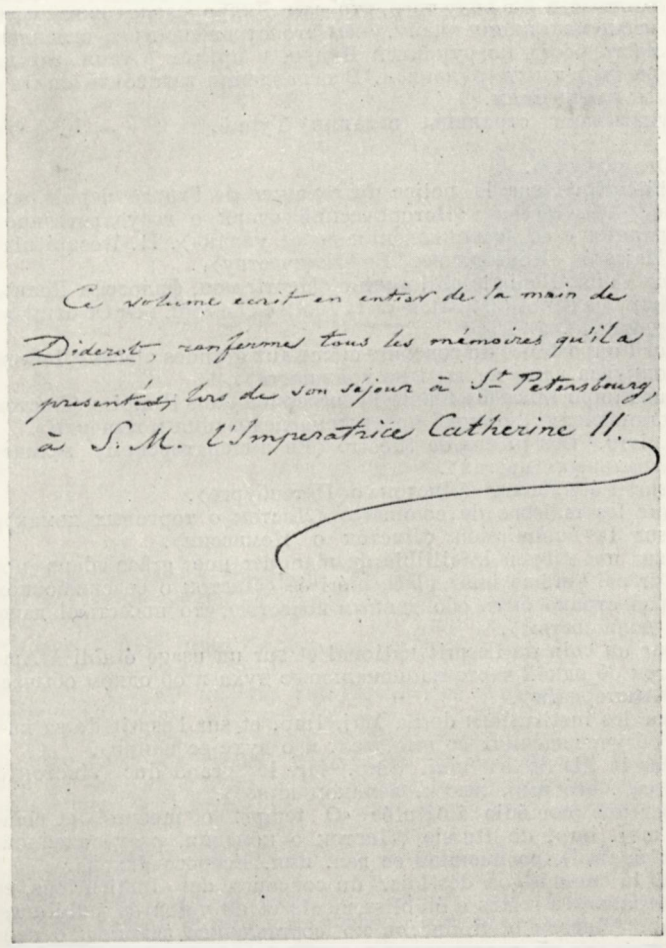
Я слышал рассуждение одного француза о ваших колониях; его взгляды глубоки; здравы ли они — предоставляется судить вашему имп. вел. и только вашему вел. Как бы то ни было, я достал его записку. Если она окажется хорошей, я принесу пользу, если же нет, я не совершу ничего худого.〉

На листах 171 (345), 171 об. (346), 172 об. (348), 176 (355), 179 (361), 185 (373) — незначительные стилистические исправления рукою Дидро; на листе 171 (345) на полях против слов «le travail de la moisson est ordinairement réservé aux femmes,qui ne voyagent guère nulle part» 〈«жатва обычно поручается женщинам, которые никогда никуда не ездят»〉 вставка рукою Дидро: «Cela n'est pas vrai pour la France. Nos moissonneuses s'éloignent de leur pays depuis 60, jusqu'à 100 lieues.

<Для Франции это неверно. Нашим жницам случается удаляться от своих родных мест на 60—100 лье.>

В записке о саратовских колониях говорится об их тяжелом состоянии. Причину этого автор видит не в природных условиях края и не в характере колонистов, а в плохой организации управления колониями.

Основной ошибкой, допущенной администрацией, является, по его мнению, предоставление колонистам денежной помощи от государства в виде вспомоществования, а не в виде поощрительной ссуды, обеспеченной продуктом труда, а также отсутствие заботы о развитии в колониях, помимо существующего там хлебопашества, еще и табаководства, скотоводства, промышленности.



НАДПИСЬ А. С. НОРОВА НА ОБОРОТЕ ФОРЗАЦА РУКОПИСИ БЕСЕД ДИДРО С ЕКАТЕРИНОЙ II

В надписи отмечается, что рукопись содержит текст всех записок, представлявшихся Дидро Екатерине во время пребывания его в Петербурге, и целиком автографична

Центральный исторический архив, Москва

Автор предлагает заменить государственное управление колониями частным, связать колонии с Воспитательным домом, который будет поставлять колонистам учеников и будет в то же время материально заинтересован в хозяйстве колоний.

Проект проникнут мыслью о необходимости развязывания частной инициативы и создания в России «третьего сословия».

Записка подкреплена фактическими справками и цифровыми данными, указывающими на близкое знакомство автора с историей, организацией и экономикой колоний.

Этой запиской Дидро предполагал, очевидно, закончить свои «беседы», так как непосредственно после текста записки следует страница, написанная рукою Дидро,

по содержанию своему явно предназначавшаяся быть заключительной. Позднее рукопись пополнилась еще несколькими листками. Эта заключительная страница произвольно и без указания на действительное ее местонахождение в рукописи перенесена Турнё в конец всех бесед. Русский переводчик, восстанавливая порядок расположения текста, данный Дидро, был лишен таким образом возможности поместить ее там, где ей надлежит быть.]

VI. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ БЕСЕД В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ ДИДРО И ИХ ЗАГЛАВИЯ

В виду того, что Турнё, помещая оглавление Дидро в своей книге, допустил в нем неточности и в виду того, что сам Дидро расположил материал в своей рукописи по несколько иному плану, чем это отражено в его оглавлении, приводим последовательность бесед по рукописи Дидро, и притом с теми заголовками, которыми они снабжены в тексте рукописи. В оглавлении заголовки опять-таки подверглись некоторым изменениям.

Цифры указывают страницы издания Турнё.

Table ⟨Оглавление⟩. 583—587

I. Essai historique sur la police du royaume de France depuis son origine jusqu'a son extinction ⟨Исторический очерк о государственном устройстве Франции с ее возникновения до ее упадка⟩. II. Récapitulation. A sa Majesté ⟨Повторение. Ее величеству⟩. 91—137

Ma Rêverie à moi, Denis le philosophie ⟨Мечты мои, философа Дени⟩. 248—258

A sa maj. imp. De l'administration de la Justice ⟨Ее имп. вел. Об отправлении правосудия⟩. 192—196

Feuillet sur l'importance du concours même aux grandes places ⟨Листок о важности конкурса даже на высшие должности⟩. 398—401

Feuillet sur l'importance de fonder la succession dans l'empire ⟨Листок о важности установления порядка престолонаследования в империи⟩. 181—183

A sa maj. imp. Des pièces de théâtre ⟨Ее императорскому величеству. О театральных пьесах⟩. 403—406

Feuillet sur Pétersbourg ⟨Листок о Петербурге⟩. 284—285

Feuillet sur les maisons de commerce ⟨Листок о торговых домах⟩. 214—216

Feuillet sur la commission ⟨Листок о Комиссии⟩. 186—187

Feuillet sur un moyen infaillible de manquer une grâce dans nos contrées, une grâce! même une place méritée ⟨Листок о безошибочном способе в нашей стране быть обойденным почестью, что почестью! даже заслуженной должностью⟩. 265—266

Feuillet sur un coin de l'esprit national et sur un usage établi à Amsterdam ⟨Листок об одной черте национального духа и об одном обычае, принятом в Амстердаме⟩. 287—291

Feuillet sur les institutions de Sa Maj. Imp. et sur l'esprit de sa nation ⟨Листок об учреждениях ее имп. вел. и о духе ее нации⟩. 174—178

Feuillet sur le fils de sa maj. Imp. Mr. le grand duc ⟨Листок о сыне ее имп. вел. его имп. высоч. великом князе⟩. 170—174

Feuillet sur une comédie intitulée «O temps! o moeurs!» et composée par sa maj. imp. de Russie ⟨Листок о комедии, озаглавленной «О времена! о нравы!», сочиненной ее вел. имп. Всероссийской⟩. 410—416

Feuillet de la commission des lois, du concours, des Institutions, et en général de toutes les sortes d'établissements et de volontés publiques de s. maj. imp. ⟨Листок о Комиссии по составлению законов, о конкурсе (на должности), об учреждениях и вообще о всякого рода установлениях и гласных волеизъявлениях е. и. в.⟩ 160—168

Feuillet sur la maison des jeunes filles ⟨Листок об учебном заведении для девиц⟩. 397

Feuillet sur l'ecole des jeunes demoiselles ⟨Листок о школе для молодых барышень⟩. 385—394

Feuillet de l'usure ⟨Листок о ростовщичестве⟩. 200—203

Projet d'une pièce de théâtre ⟨Проект театральной пьесы⟩. 407—408

Sur la Tolérance ⟨О терпимости⟩. 292—303

A sa maj. imp. 1-re addition sur la tolérance ⟨Ее имп.вел. 1-е добавление о терпимости⟩. 303—311

2-me addition sur les opinions religieuses ⟨2-е добавление о религиозных взглядах⟩. 311—312

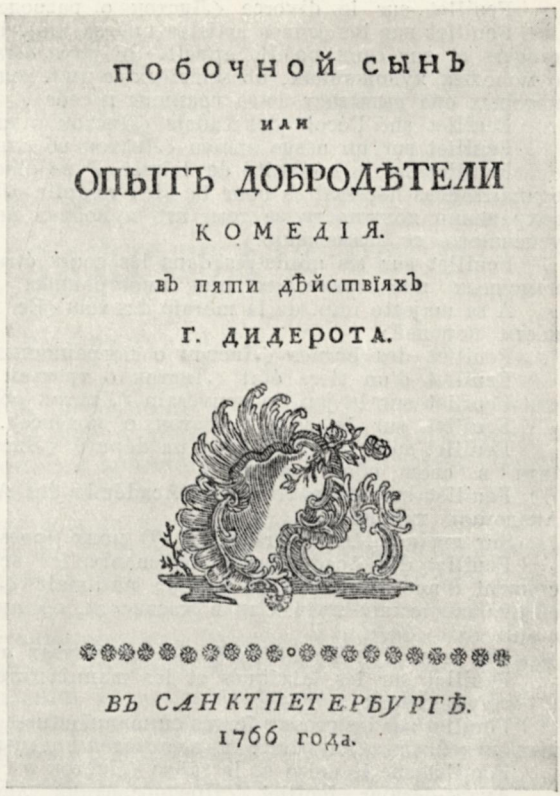
Feuillet des révolutions ⟨Листок о переворотах⟩. Suite du feuillet sur les révolutions ⟨Продолжение листка о переворотах⟩. 179—181

A sa maj. imp. de la commission ⟨Ее имп. вел. о Комиссии⟩. Corollaire ⟨Вывод⟩. 143—158

РУССКОЕ ИЗДАНИЕ КОМЕДИИ ДИДРО «ПОБОЧНЫЙ СЫН», ВЫШЕДШЕЕ В СВЕТ ПРИ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

Титульный лист книги

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва


ПОБОЧНОЙ СЫНЪ

ИЛИ

ОПЫТЪ ДОБРОДѢТЕЛИ

КОМЕДІЯ.

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Г. ДИДЕРОТА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1766 года.

A sa maj. imp. des écoles publiques ⟨Ее имп. вел. об общественных школах⟩. Notes ⟨Примечания (к беседе об общественных школах)*⟩ Notes ⟨Примечания⟩. 363—382
A sa maj. imp. Sur le luxe ⟨Ее имп. вел. О роскоши⟩. 222—244
A sa maj. imp. ⟨Ее имп. вел.⟩. 329—343
A sa maj. imp. par un aveugle qui jugeait des couleurs ⟨Ее имп. вел. от слепца, судившего о красках⟩. 266—283
Feuillet de l'intolérance ⟨Листок о нетерпимости⟩. 312—314
Feuillet. Idée pour rapprocher l'éducation de vos enfants trouvés de l'institution de vos jeunes filles ⟨Листок. Мысль о приближении воспитания подкидышей к воспитанию в институте для молодых девушек⟩. 218—219
Feuillet sur les règlements des enfants trouvés ⟨Листок об уставе дома для подкидышей⟩. 217—218
Feuillet. Histoire générale du despotisme on le postillon de Hamm à Lipstat ⟨Листок. Общая история деспотизма или почтальон, направляющийся из Гамма в Липштадт⟩. 262—263
Feuillet sur notre police ⟨Листок о нашей полиции⟩. 190—192
Feuillet sur les leçons d'anatomie ⟨Листок об уроках анатомии⟩. 395—397
Feuillet sur les gens de lettres de France ⟨Листок о литераторах Франции⟩. 447—448
Feuillet du goût national de la propreté ⟨Листок о национальной склонности к чистоте⟩. 221—222
Feuillet. Faire des rues ⟨Листок. Проложить улицы⟩. 285—287
Feuillet sur une idée peut être systématique de mener une nation au sentiment de la liberté et à l'état civilisé ⟨Листок о мысли, быть может систематической, воспитать в нации чувство свободы и привести ее к цивилизованному состоянию⟩. 159—160
Feuillet. Discours du génie de la France à Pierre 1er sur la frontière ⟨Листок. Речь гения Франции, обращенная к Петру I на границе⟩. 263—265
Feuillet des monnaies ⟨Листок о монетах⟩. 421—423

* Эти пространные примечания, собранные Дидро в отдельную главу, распределены Турне по соответствующим страницам предыдущей главы.

Feuillet sur le divorce ⟨Листок о разводе⟩. 196—199
Feuillet sur les jeunes artistes que sa maj. imp. envoie en pays étrangers et sur ceux qu'elle appelle du pays étranger chez elle ⟨Листок о молодых художниках, посылаемых ее имп. вел. за границу, и о тех, которых она вызывает из-за границы к себе⟩. 424—427
Feuillet sur l'école des cadets ⟨Листок о кадетском корпусе⟩. 343—363
Feuillet sur un usage ancien ⟨Листок об одном древнем обычае⟩. 382—384
Feuillet sur la nécessité de laisser à sa place celui qui a acquis les connaissances nécessaires pour la bien remplir ⟨Листок о необходимости сохранения должности за тем, кто приобрел необходимые знания для успешного ее замещения⟩. 260—262
Feuillet sur les ministres dans les cours étrangères ⟨Листок о полномочных представителях при иностранных дворах⟩. 259—260
A sa majesté imp. de la morale des rois ⟨Ее имп. вел. о нравственности королей⟩. 314—324
Feuillet des bornes ⟨Листок о пограничных знаках⟩. 203—206
Feuillet d'un tiers état ⟨Листок о третьем сословии⟩. 183—184
Feuillet sur le jeu du souverain ⟨Листок об игре государя⟩. 184—185
Feuillet sur le code ⟨Листок о кодексе⟩. 199
Feuillet sur l'inauguration d'un député ⟨Листок о вступлении депутата в свои обязанности⟩. 158—159
Feuillet sur les pâtres de l'Académie des Arts ⟨Листок о слепках Академии художеств⟩. 428—429
Sur ma manière de travailler ⟨О моих приемах работы⟩. 448—452
Feuillet des Académies et des manivelles académiques et particulièrement d'une académie de langue nationale ⟨Листок об академиях, об академических нравах и, в частности, об академии национального языка⟩. 443—446
Des arts et de leur liberté ⟨Об искусствах и об их свободе⟩. 185—186
Feuillet sur les fabriques et les manufactures ⟨Листок о фабриках и мануфактурах⟩. 206—207
Feuillet sur les grosses forges ou manufactures en fer ⟨Листок о крупных литейных мастерских и железоделательных мануфактурах⟩. 208—209
Feuillet sur le colza et le tabac ⟨Листок о сурепице и табаке⟩. 209—210
Avant-dernier feuillet ⟨Предпоследний листок⟩. 452—454
Dernier feuillet à Sa maj. imp. ⟨Последний листок ее имп. вел.⟩. 455—456
Réflexion sur les colonies établies à Saratow ⟨Размышление о колониях, основанных в Саратове; отсутствует у Турнё⟩. —
Feuillet sur l'encyclopédie ⟨Листок об энциклопедии⟩. 430—439
Copie. Feuillet sur un moyen de tirer parti de la religion et de la rendre bonne à quelque chose ⟨Копия. Листок о способе извлечь пользу из религии и сделать ее к чему-нибудь пригодной⟩. 219—221
1er Feuillet sur les commerçants et marchands tant indigènes qu'étrangers ⟨1ый Листок о коммерсантах и купцах, как местных, так и иностранных⟩. 210—214
2e Feuillet. Scène entre un grand seigneur et son créancier ⟨2й листок. Сцена между вельможей и его заимодавцем⟩. 324—325
Feuillet sur notre greffe ⟨Листок о нашей регистратуре⟩. 188—189

АВТОГРАФЫ БАЙРОНА В СССР

Статья М. Алексеева

Рукописное наследие Байрона рассеяно по всему миру, и его изучение не может считаться законченным еще и доныне. История разыскания и опубликования отдельных рукописей великого английского поэта, борца и трибуна, могучий голос которого отозвался во всех европейских странах, сама по себе могла бы составить весьма увлекательную книгу.

Находки рукописей Байрона продолжались в течение всего времени, протекшего со дня его смерти (19 апреля 1824 г.). Написанные его рукой поэтические произведения, письма, документы политического содержания, деловые бумаги и т. д. обнаруживались и в музеях, и в библиотеках, и в частных собраниях, и в семейных архивах, владельцы которых целыми десятилетиями тщательно скрывали их от посторонних взоров. Немало подлинных автографических документов (среди них переписка Байрона, а также фрагменты его поэтических произведений и деловые записи) найдено было в архивах правительственных и дипломатических канцелярий, полицейских управлений, тревожно следивших за его деятельностью, легальных общественных комитетов и тайных революционных организаций многих стран Западной Европы.

Поиски рукописей Байрона считаются, в основном, законченными и не обещающими дальнейших крупных открытий; тем не менее, публикации автографов Байрона все еще изредка появляются в зарубежной печати.

Произведения Байрона, а также его дневники и письма напечатаны полвека назад (1898—1904) под редакцией Эрнеста Кольриджа и Роуленда Протеро в известном тринадцатитомном издании, которое до настоящего времени считается наиболее полным и наиболее исправным [1]. Однако от редакторов этого издания,— как ни стремились они к его полноте и завершенности,— ускользнул ряд автографических текстов Байрона. Иные из них оказались недоступными, так как находились в частных коллекциях, владельцы которых неохотно представляли их для опубликования; другие остались вовсе неразысканными; о существовании многих автографов Байрона (в особенности писем) к моменту выхода в свет издания Э. Кольриджа и Р. Протеро еще не было известно. Число новых рукописных находок, опубликованных в разных странах после указанного издания, довольно велико.

До последнего времени не было известно, имеются ли рукописи Байрона в музеях и архивах СССР. Об этом нет упоминаний в доступных нам исследованиях о Байроне, русских и иностранных [2]. Между тем поиски рукописей великого английского поэта в различных советских архивохранилищах, предпринятые редакцией «Литературного наследства», дали неожиданные результаты. Среди найденных рукописей оказались фрагмент неоконченного и еще не известного лирического произведения, кроме того, первый черновой вариант одного из стихотворений, входящих в цикл

«Еврейских мелодий» («Hebrew Melodies»), отрывок из сатиры «Английские барды и шотландские критики» («English Bards and Scotch Reviewers»), новые письма Байрона разных лет, деловые бумаги. История далеко не каждой из этих рукописей может быть нами рассказана во всех деталях; они имеют разное происхождение и далеко не сходную судьбу. Между тем некоторые из этих рукописей интересны не только сами по себе, но и по своей истории. Значительная их часть очень рано попала в Россию. Так, например, публикуемое ниже письмо Байрона к Джульяни поступило в русское собрание автографов в 1823 г., следовательно еще при жизни поэта. Другие стихотворения и письма Байрона перекочевали в Россию в тридцатых годах прошлого века непосредственно от лиц, близко знавших поэта. Естественно, что эти автографы должны быть изучены не только с текстологической стороны как новые страницы поэтического творчества Байрона и его эпистолярного наследия, но и со стороны их истории, подчас весьма примечательной. К описанию этих автографов и рассказу о их происхождении мы присоединили здесь описание документов, связанных с Байроном или написанных его рукой, хранящихся в Советском Союзе.

1. АВТОГРАФЫ БАЙРОНА ИЗ СОБРАНИЯ Г. В. ОРЛОВА

В русском быту двадцатых-тридцатых годов XIX в. страсть к собиранию рукописей была широко распространена в дворянских семьях. Непосредственные поводы для коллекционерской горячки бывали различны, как различен был и самый размах собирательства, но именно этой «автографической страсти», по выражению П. А. Вяземского, мы обязаны теми обширными рукописными богатствами, которые сохранили до наших дней многие поистине замечательные семейные архивы тех лет.

Прежде всего, автографические записи зарубежных писателей встречаются нередко в русских семейных альбомах двадцатых-тридцатых годов. Документы эти представляют для нас двоякий интерес: как источники для изучения западноевропейских литератур и как данные для истории русского литературного быта. Не подлежит сомнению, что некоторые из подобного рода документов, попадая в собрания русских литераторов и ценителей, продолжали свою литературную жизнь и вызывали ряд откликов в современной русской печати. Напомним, например, о том интересе, который вызвала к себе в русском обществе переписка Вальтера Скотта с русскими писателями, в частности с Денисом Давыдовым. История собирания английских автографов П. А. Вяземским представляет известное значение для определения литературных симпатий и кругозора как его самого, так и его ближайших друзей; интересен и немаловажен, например, тот факт, что Вяземский заботливо собирал автографы Байрона, Т. Мура, В. Скотта, Бульвера и других английских поэтов и прозаиков. Чтение этих документов вызывало интерес к упоминавшимся в них именам, событиям, житейским и литературным отношениям, располагало к чтению, расспросам, справкам о книгах и людях. Интересно, что автографы всех этих писателей, в частности Байрона, оказались в руках Вяземского почти в те самые годы, когда Пушкин задумывал и даже начал писать биографию Байрона, когда аналогичный труд предпринимал и сам Вяземский, собирая о Байроне документальные данные, тщательно занося в свою памятную книжку подробности о Байроне, сообщенные ему непосредственными свидетелями жизни английского поэта. Как показывают неопубликованные страницы дневника А. И. Тургенева и черновые бумаги его архива, около 1830 г. существовал проект, правда, не получивший осуществления (повидимому, из-за цензурных опасений), издать

БАЙРОН

Акварель П. Ф. Соколова, 1824 г.

Музей А. С. Пушкина, Ленинград

труд Томаса Мура «Письма и дневники Байрона с замечаниями о его жизни» в русском переводе одновременно с английским оригиналом (по корректурным листам, которые должны были доставляться в Петербург издателем Мура) или даже ранее. Избранному кругу русских литераторов, Вяземскому, Жуковскому, вероятно и Пушкину, было известно, что А. И. Тургенев в бытность свою в Англии в 1829 г. серьезно обсуждал с Т. Муром вопрос о возможности издать письма и дневники Байрона в России до того, как они увидят свет на родине поэта, и что А. И. Тургенев даже вступил по этому поводу в деловые переговоры с издателем этого труда — Джоном Мёрреем [3].

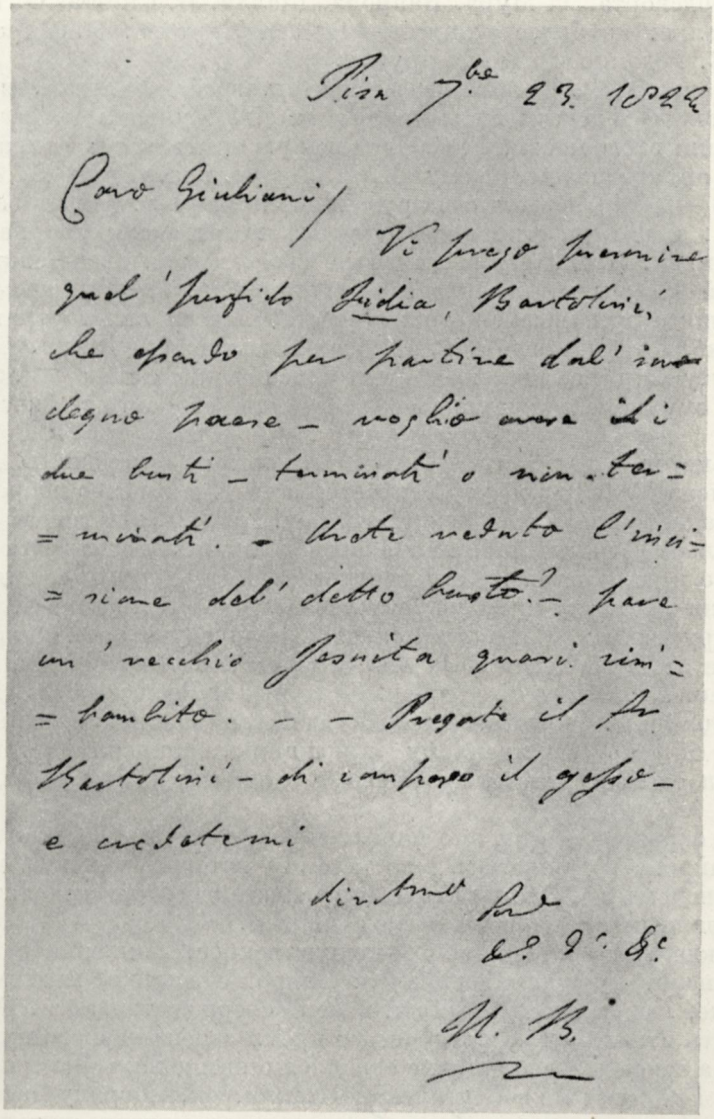
В те же годы существовали у нас и другие автографические собрания западноевропейских рукописей.

Из множества русских собирателей двадцатых-тридцатых годов лишь немногие коллекционировали автографы своих английских знаменитых современников из литературной, художественной и артистической среды. Русские профессионалы-коллекционеры предпочитали производить свои покупки во Франции или Италии. А. Я. Лобанов-Ростовский, знакомец Пушкина, раздобывал материал для своих коллекций, посвященных Марии Стюарт, по преимуществу в Париже; отсюда же он вел переписку с англичанами и шотландцами по поводу новых приобретений и здесь же издавал свои книги документов и иконографических источников о шотландской королеве. Д. П. Бутурлин собирал коллекции в Италии, живя в своей вилле близ Флоренции, и в числе многих редкостей своего собрания обладал редчайшими изданиями Данте и собственноручной рукописью Торквато Тассо. Все подобные коллекции, в конце концов, перевозились в Россию. К тому же типу русских собирателей этого времени принадлежал и граф Григорий Владимирович Орлов (1777—1826).

Г. В. Орлов был сыном графа В. Г. Орлова, некоторое время занимавшего должность директора Академии Наук. Вследствие болезни жены, нуждавшейся в длительном лечении, Г. В. Орлов уехал за границу, где и провел большую часть своей жизни (до смерти жены в 1824 г.), дилетантски знакомясь там с историей, искусством, археологией. Побывав в Италии и в Англии, но живя преимущественно во Франции, он повсюду любил окружать себя литераторами, учеными, художниками, артистами. В Париже Орлов издал на французском языке ряд своих сочинений, в том числе «Опыт истории живописи в Италии» (1823), а также выпустил в свет роскошное издание басен Крылова в переводах на французский и итальянский языки, иллюстрированное первоклассными европейскими рисовальщиками. В нем приняли участие в качестве переводчиков многие известные французские и итальянские литераторы. Это издание вызвало отклики в печати, в том числе известную статью Пушкина («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825), в которой Г. В. Орлову, как издателю, выражалась благодарность за то, что он «избрал истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературой Севера».

Путешествуя по Европе, Г. В. Орлов был сильно увлечен собиранием автографов знаменитостей. Условия для такого собирательства были для него исключительно благоприятны. Богатство, широкие связи в литературно-артистических кругах, исторические интересы — все это содействовало превращению Г. В. Орлова в крупного коллекционера. Его собрание рукописей [4], хранившееся в родовом подмосковном имении «Отрада» и перешедшее потом во владение гр. В. Г. Орлова-Давыдова, превратилось в замечательный семейный архив любопытнейших европейских автографов [5]. Оно было, несомненно, хорошо известно многим русским литераторам. В составе коллекции Г. В. Орлова числилось несколько тысяч автографов крупнейших исторических деятелей Западной Европы, пре-

имущественно XVIII и начала XIX столетий. Доступным для изучения весь «отрадинский» архив сделался лишь после того, как наиболее значительная его часть передана была на хранение в Московский государственный исторический музей.



АВТОГРАФ ПИСЬМА БАЙРОНА (НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ) К ДЖУЛЬЯНИ ОТ 23 СЕНТЯБРЯ 1822 г.
Исторический музей, Москва

Английские фонды собрания Г. В. Орлова представляют лишь незначительную часть его архива, но они очень любопытны. Эта часть собрания Орлова заслуживает специального описания и изучения; мы можем здесь упомянуть лишь о некоторых примечательных экземплярах данного раздела.

В собрании Орлова имеется много автографов крупных английских деятелей XVII и XVIII вв., в том числе автографы Исаака Ньютона,

Беркли, Вильяма Конгрива, Аддисона, Джона Локка; другая группа документов происходит из архива лондонского издательства Лонгмена (Longman and C°); среди них, например, есть письмо Вордсворта и рукописи почти всех замечательных писателей первой четверти XIX в. и предшествующей поры. Так, здесь находятся автографы Кольриджа, Саути, Вордсворта, Т. Мура, Байрона, Шелли, В. Скотта, О. Роджерса, Т. Кемпбелла, из более ранних — Томаса Уортона, Макферсона, Дж. Крабба, В. Годвина и многих других.

В собрании Г. В. Орлова имеются и автографы Байрона, в их числе еще не бывшее в печати письмо Байрона к Джульяни 1822 г. История приобретения этого письма Г. В. Орловым раскрывается из сохранившихся в том же архиве писем к нему Д. П. Бутурлина. Граф Д. П. Бутурлин (1763 — 1829), известный русский библиофил, уехал за границу в 1817 г., когда расстроенное здоровье потребовало его переселения в теплые края. Последнее десятилетие своей жизни он прожил в приобретенной им вилле, невдалеке от Флоренции, занимаясь собиранием редких книг и рукописей, которыми пытался восполнить утрату замечательной библиотеки, погибшей при московском пожаре 1812 г.[6] С Г. В. Орловым Бутурлин находился в приятельских отношениях и, вероятно, оказывал ему немалую помощь в собирании его автографической коллекции.

В письме от 9/21 июня 1823 г., посланном из Флоренции, Д. П. Бутурлин писал Г. В. Орлову: «Вот материалы для Вашего собрания автографов. Падайте ниц и говорите мне аллах! аллах! за автограф Байрона. Мне пришлось устроить настоящий заговор, чтобы зацепить этот автограф. Это письмо к Джульяни и единственное из всех, написанное поэтом по-итальянски»[7]. К этому письму приложен был и самый автограф, на обороте которого рукою Д. П. Бутурлина сделана следующая надпись: «Billet autographe de Lord Byron et la seule fois qu'il a écrit en Italien de son propre aveu. Je le tiens directement de celui qui l'a reçu. C. D. B. ⟨Comte D. Boutourline⟩». (Автографическая записка Байрона, единственная, которую он, по собственному признанию, написал по-итальянски. Я получил ее непосредственно от самого адресата. Г⟨раф⟩ Д. Б⟨утурлин⟩).

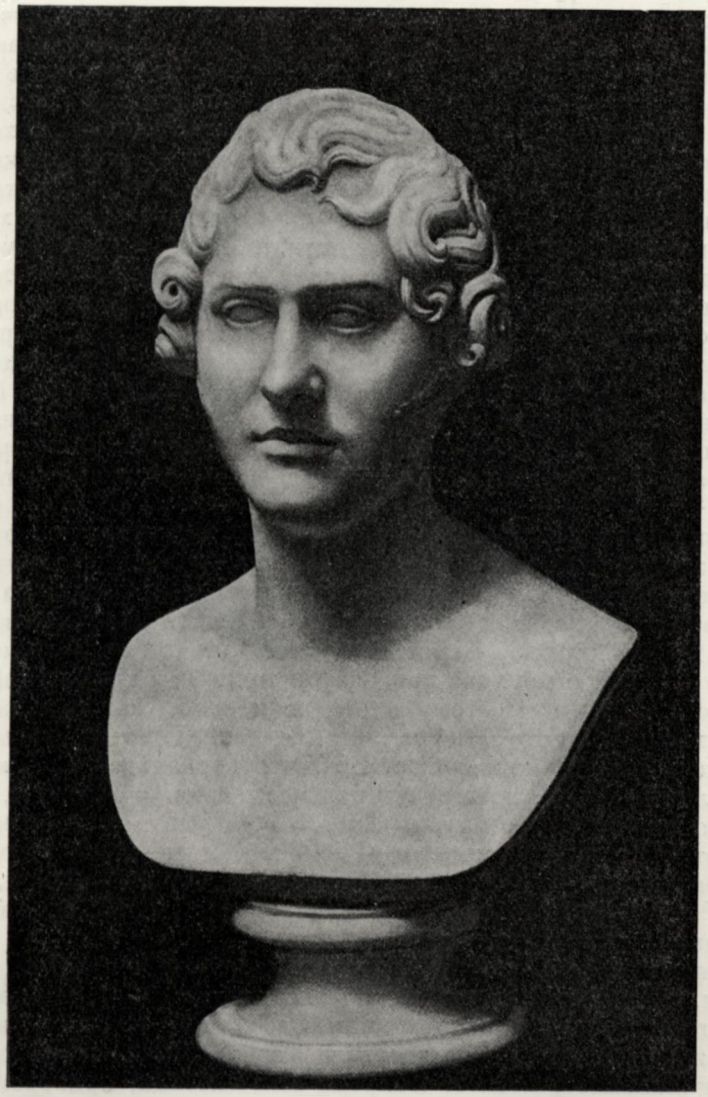
Таким образом, это письмо попало в собрание Г. В. Орлова еще при жизни Байрона и хранилось в составе его автографической коллекции в «отрадинском» семейном архиве, пролежав здесь сто тридцать лет неопубликованным и никем не обследованным.

Утверждая, что это письмо — единственное, написанное Байроном по-итальянски, Бутурлин ошибался: Байрон довольно много писал на этом языке, любил его и всячески в нем совершенствовался. Байрон начал изучать итальянский язык еще во время своего первого путешествия в 1809 г., а через два года он уже освоился с ним довольно хорошо. Когда в 1816 г. Байрон вновь очутился в Италии, он, по ряду свидетельств, мог уже в Милане довольно бегло беседовать с местными жителями на их родном языке. В венецианский период жизни Байрон близко познакомился с местным диалектом, следы которого имеются и в его собственных записях на английском языке. Во время же своего пребывания в Равенне, а затем в Пизе Байрон овладел итальянским языком настолько, что в период непосредственного участия в движении карбонариев и дружбы с Терезой Гвиччьоли он свободно пользовался разговорным итальянским языком [8].

Сохранилось несколько писем Байрона 1820-х гг., собственноручно написанных им по-итальянски; факсимиле одного из них, адресованного Парукка (от 11 марта 1824 г.), приложено было к изданию воспоминаний о Байроне графа Гамбы [9].

Таким образом, впервые публикуемое письмо Байрона к Джульяни может служить характерным образцом его итальянских писаний. Это письмо представляет также интерес и по своему содержанию.

Остановимся прежде всего на обстоятельствах, послуживших поводом к написанию этой записки. Весною 1822 г., когда Байрон жил



БАЙРОН
Бюст (мрамор) работы Лоренцо Бартолини, 1822 г.
Национальная портретная галлерея, Лондон

в Пизе, он получил письмо от флорентийского скульптора Лоренцо Бартолини [10]. Этот известный в то время ваятель был не только хорошим мастером своего дела, но и весьма практичным человеком. Пользуясь наплывом во Флоренцию англичан-туристов, Бартолини извлекал немалые выгоды от продажи им мраморных бюстов их знаменитых соотечественников. Мэтьюз в своем «Дневнике» рассказывает, что Бартолини, получая

регулярно из Лондона гипсовые бюсты англичан, находившие сбыт в Англии, воспроизводил их в мраморе и затем вновь отправлял в Англию. Так, Бартолини исполнил бюсты Фокса, Питта, Нельсона и многих других [11]. Мраморный бюст Байрона Бартолини решил сделать с натуры. В письме к Мёррею Байрон сообщал об этом в марте 1822 г.: «Бартолини, известный скульптор, написал мне о своем желании сделать бюст. Я согласился с условием, что он сделает также бюст графини Гвиччьоли. Он взялся за оба, и я надеюсь, что ее ⟨изображение⟩ будет прекрасно. Я вам подарю оба, чтобы показать, что я не помню зла и в качестве компенсации за все неприятности и ссоры из-за Торвальдсеновского; о своем бюсте мне почти нечего сказать, кроме того, что он, как говорят, похож на мой теперешний облик, который, конечно, отличается от того, каким он был в нашу последнюю встречу. Скульптор этот знаменит, и так как он стал работать по собственной просьбе, то он, вероятно, сделает хорошо» [12].

Из «Записок о лорде Байроне» капитана Медвина мы знаем, как медленно шла работа Бартолини: «Находясь при Байроне безотлучно в то время, когда флорентийский ваятель Бартолини делал его бюст, я имел случай рассмотреть его черты ⟨...⟩ Бюст работы Бартолини чрезвычайно похож или, по крайней мере, так было в алебастре. Я не видел мраморного бюста и не получал бронзовой копии с него, которую Бартолини должен был мне доставить по обещанию Байрона ⟨...⟩ Бартолини несколько раз принимался за работу с начала. Когда он кончил (4 января 1823 г.), Байрон сказал: В последний раз я имею дело с живописцами и ваятелями» [13].

Действительно, как мы знаем и из других свидетельств, работа двигалась на этот раз очень медленно, и Байрон никак не мог получить обоих бюстов, которые были оплачены им вперед. Байрон ждал их в апреле 1822 г., но они еще не были окончены; он добивался их и в сентябре. В это время он писал Мёррею: «Бюст получается не слишком хорошо, хотя, насколько я знаю, он похож, так как он точно напоминает изображение престарелого иезуита. Поэтому я его не пошлю, как был намерен, но отправлю вам ее бюст ⟨то есть графини Гвиччьоли⟩, который много лучше, а вы можете достать копию бюста работы Торвальдсена. Уверяю вас, что Бартолини ужасен, хотя разум подсказывает мне опасение, что я безобразно похож. Если это так, я недолго останусь в этом мире, так как бюст имеет вид старика, которому больше чем семьдесят лет» [14]. Лишь 25 октября 1822 г. Байрон известил Мёррея, что оба бюста, наконец, кончены [15]. Указанная Медвином дата окончания бюста Байрона является, таким образом, неточной.

Оба бюста работы Бартолини, изображающие и Байрона и Терезу Гвиччьоли, многие годы оставались неизвестными и, наконец, вернулись обратно в мастерскую Бартолини. Здесь находились они до тех пор, пока однажды мастерскую не посетила Тереза Гвиччьоли в сопровождении графа Мальмсбёри. Бюст Байрона был опознан, приобретен графом и долго хранился у него. Впоследствии бюст перешел в собственность Национальной портретной галлереи в Лондоне, где находится и поныне [16].

Некоторые новые подробности в эту историю вносит и публикуемое письмо Байрона к Джульяни. Оно подтверждает прежде всего живой интерес Байрона к работе Бартолини. Любопытно, что сравнение с «престарелым иезуитом», употребленное Байроном в письме к Мёррею, повторяется и в публикуемом нами письме с легкой стилистической вариацией. Письмо, отправленное Байроном за полтора месяца до того как бюсты были окончены, написано с нескрываемым раздражением. Это было, по-видимому, одно из последних напоминаний Бартолини, сделанное поэтом через Джульяни.

Pisa. 7-bre 23. 1822

Caro Giuliani,

Vi prego pervenire quel perfido J u d i a, Bartolini, che essendo per partire dal' indegno paese — voglio avere [il] i due busti — terminati o non terminati.— Avete veduto l'incisime del detto busto? — pare un vecchio Jesuita quasi rimbambito.— — Pregate il fr. Bartolini di compiere [17] il gesso e credetemi .

divot^{mo} ser^{e}
etc. etc. etc.
N⟨oel⟩ B⟨y r o n⟩

БАЙРОН

Гравюра Генри Кольбёрна с бюста Байрона работы Лоренцо Бартолини

Из книги: «Записки о лорде Байроне» кап. Медвина. СПб. 1835 г.

П е р е в о д:

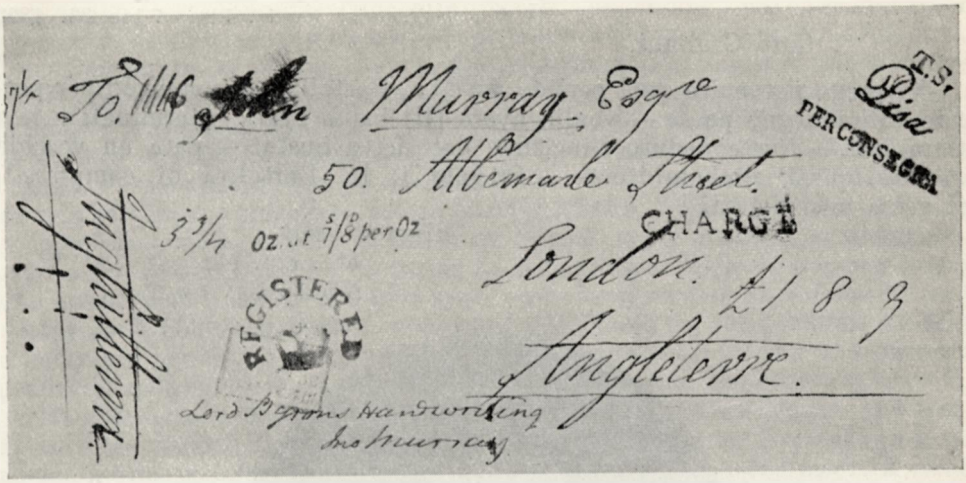
Пиза. 23 сентября 1822 г.

Дорогой Джульяни,

Прошу Вас предупредить этого вероломного И у д у, Бартолини, что, так как я собираюсь уехать из этой недостойной страны,— я хочу иметь оба бюста,— законченные или незаконченные. Видели ли Вы резьбу этого бюста? Похоже на старого иезуита, как бы впавшего в детство. Попросите бр⟨ата?⟩ Бартолини закончить гипс и примите уверения

Вашего преданного слуги
и пр. и пр.
Н⟨оэля⟩ Б ⟨а й р о н а⟩

Письмо это подтверждает, что Байрон неплохо владел итальянским письменным языком. Транскрипция отдельных слов, впрочем, показывает, что письмо написано иностранцем, для которого итальянский язык



КОНВЕРТ ПИСЬМА БАЙРОНА К ДЖОНУ МЁРРЕЮ, НАПИСАННЫЙ РУКОЮ ПОЭТА, 1821—1823 гг.
Исторический музей, Москва

не был родным; так, например, Байрон пишет Jesuita, как подсказывает ему английская орфография, а не Gesuita, как пишется по-итальянски, Judia вместо Giuda.

Что же представлял собою адресат этого письма? В жизнеописаниях Байрона имя Джульяни не упоминается.

Не тот ли это Джульяни, о котором рассказывает в своих «Записках» М. Д. Бутурлин (сын Д. П. Бутурлина, переславшего подлинник письма Байрона Г. В. Орлову)? То был «дворецкий» (maestro di casa), служивший в различных знатных итальянских домах и имевший здесь весьма обширные знакомства. Одно время этот Джульяни занимал должность управляющего виллой Д. П. Бутурлина близ Флоренции. Он был человеком не без образования, «не без эрудиции»,— как отзывается о нем М. Д. Бутурлин,— интересовался искусством, водил знакомство с артистами, музыкантами. Вероятно, именно этот Джульяни сообщил Россини мелодию русской песни, слышанную им в одном из русских аристократических домов, которую Россини и обработал в «Севильском цирюльнике» [18]. Предположение, что именно к нему обращался Байрон, как будто подтверждается также приведенным выше свидетельством Д. П. Бутурлина, что это письмо Байрона он приобрел непосредственно от его адресата; по его словам, ему пришлось даже устраивать целый «заговор», чтобы выудить подлинник у его законного владельца.

В том же собрании Г. В. Орлова сохранился также конверт письма к Джону Мёррею, адрес которого был написан Байроном. Об этом свидетельствует и надпись, сделанная Мёрреем в более поздние годы, уже после смерти Байрона:

Inghilterra To John Murray Esqrere
50 Albemarle Street
London
Angleterre

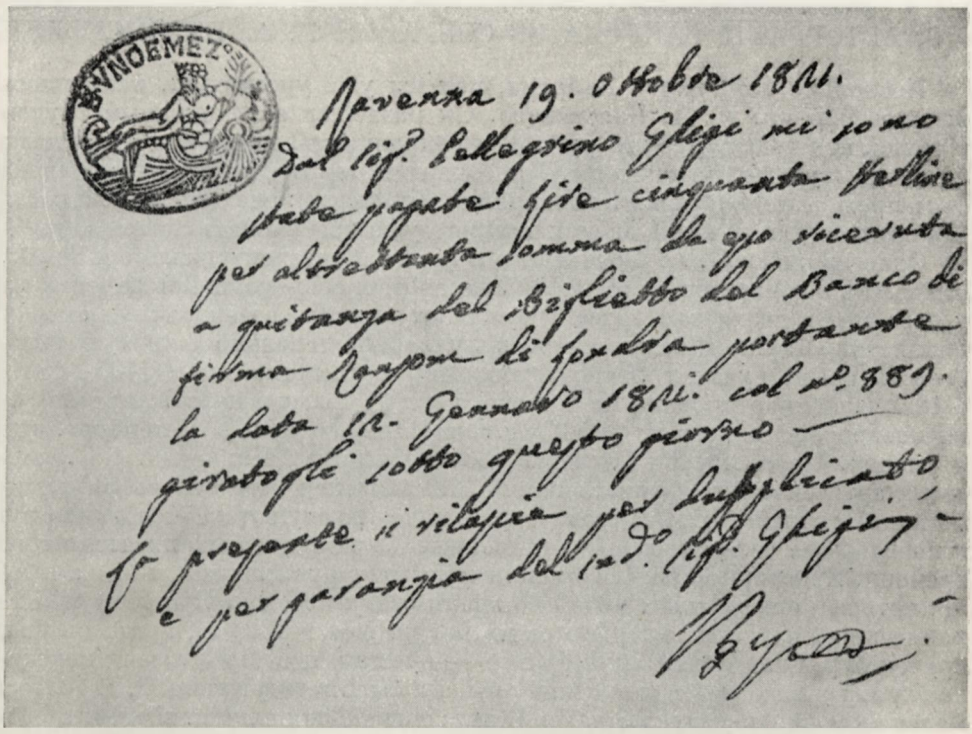
Почтовый штемпель на конверте (T. S. Pisa. Per consegna) удостоверяет, что это заказное письмо послано Байроном из Пизы. Известно, что в этом итальянском городе он жил с поздней осени 1821 г. до лета 1823 г.[19] На этот период приходится как раз оживленная переписка его с Джоном Мёрреем, известным лондонским издателем, выпустившим в свет наи-

большее количество произведений Байрона. В собрании писем Байрона печатается обычно двадцать его пизанских писем к Мёррею, написанных в период с ноября 1821 г. по май 1822 г.[20] В конверт, сохранившийся в собрании Г. В. Орлова, вероятно, и вложено было одно из этих писем.

К Г. В. Орлову этот конверт попал, повидимому, либо через антикваров, либо же непосредственно от Мёррея, располагавшего наибольшим количеством рукописей и писем поэта.

Известно, что после смерти Байрона, в самой Англии, в кругах его почитателей коллекционирование автографов великого поэта было чрезвычайно распространено. В заметке русского журнала (написанной по иностранным источникам) об этом рассказано так: «Один раз издатели какой-то литературной газеты в Англии, года через три после смерти Байрона узнали, что у книгопродавца Мёррея, заведовавшего изданием всех его сочинений, а в отсутствие лорда и некоторыми домашними его делами, хранится, без малейшего употребления, куча писем и записок великого поэта ⟨...⟩ Мёррей отвязался от них, продав им несколько счетов, конвертов, надписанных рукою Байрона, и много листов корректур Корсара и Чайльд Гарольда»[21]. Этот рассказ объясняет происхождение упомянутого конверта в собрании Г. В. Орлова.

Отметим, что в одной из позднейших русских автографических коллекций, П. Л. Вакселя, находящейся ныне в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, сохранился еще один документ, относящийся к итальянскому периоду жизни Байрона,— денежная расписка, выданная поэтом в октябре 1821 г., незадолго до его отъезда из Равенны в Пизу. Пеллегрино Гиджи, которому была



РАСПИСКА БАЙРОНА (НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ) ОТ 19 ОКТЯБРЯ 1821 г.
Написана неизвестной рукой, Байрону принадлежит только подпись
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

вручена эта записка, повидимому, являлся доверенным лицом того лондонского банкирского дома «Рэнсом и Морбэнд», с которым Байрон имел постоянные деловые отношения. Как и откуда попал этот документ в руки П. Л. Вакселя, собравшего довольно значительную автографическую коллекцию в середине XIX в., сведений не сохранилось [22].

Ravenna. 19. Ottobre 1821.

Dal sig. Pellegrino Ghigi mi sono state pagate Lire cinquanta sterline per altrettanta somma da esso ricevuta a quintanza del Biglietto del Banco di firma Ransom di Londra portante la data 12. Gennaro 1821. col. N 889. giratogli sotto questo giorno.

La presente si rilascia per dupplicato, e per garanzia del rev^{do} sig. Ghigi.

Byron

Перевод:

Равенна. 19 октября 1821 г.

Синьором Пеллегрино Гиджи мне уплачены пятьдесят фунтов стерлингов за таковую же сумму, полученную им под расписку по чеку банка фирмы Рэнсом в Лондоне, датированному 12-м января 1821 г. за № 889 и индоссированному ему по настоящий день.

Настоящее выдано в качестве дубликата и для гарантии достопочтенному синьору Гиджи [23].

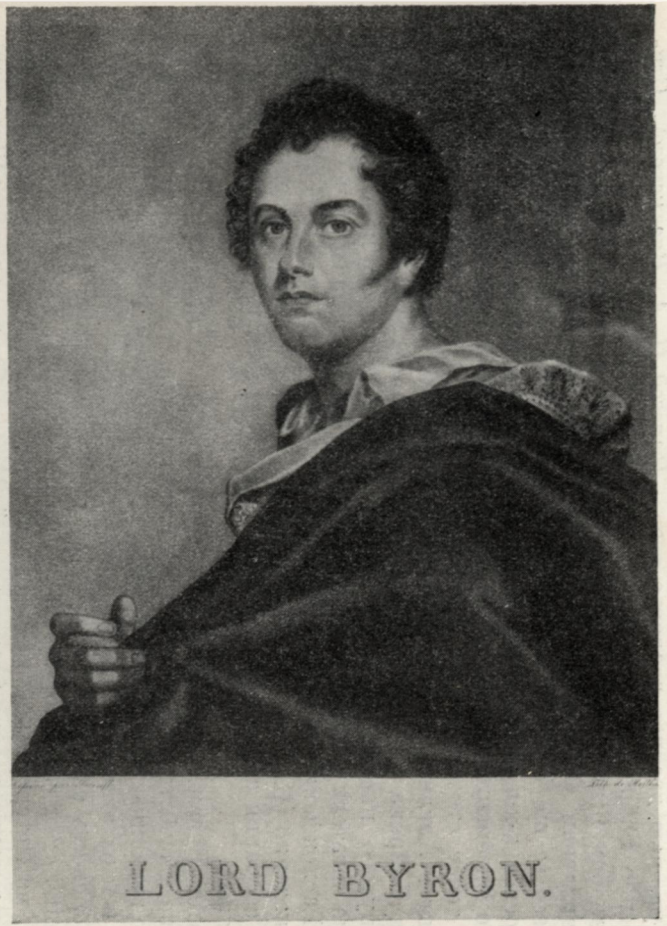
Байрон

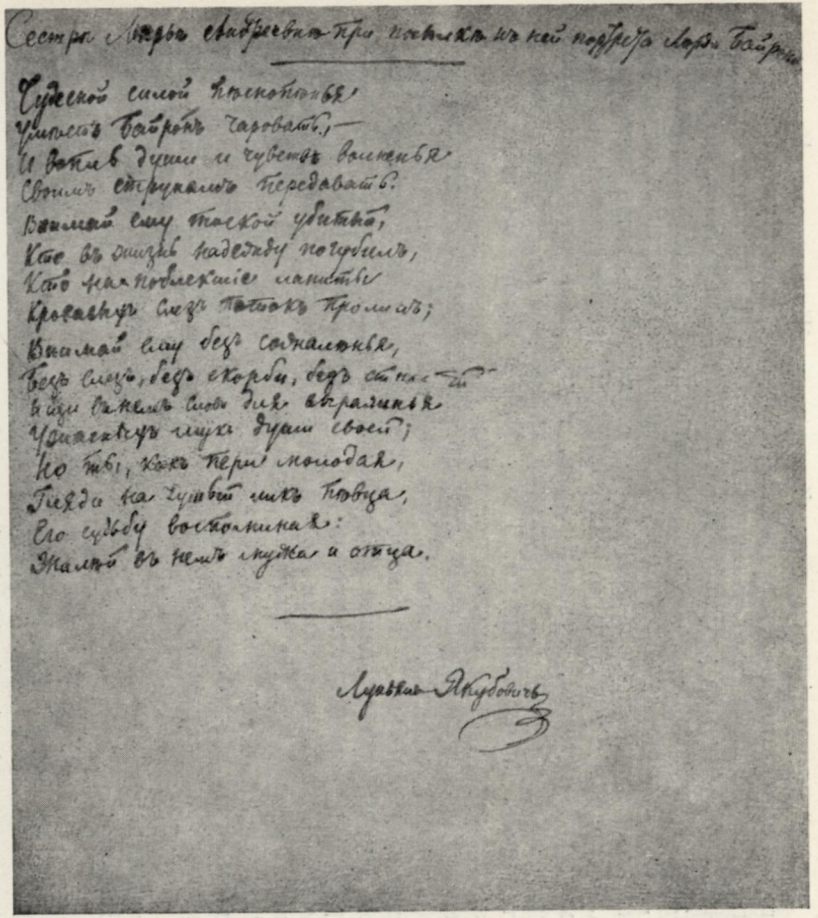
Только подпись сделана рукою Байрона; самая записка написана посторонним человеком опытным канцелярским почерком.

2. АВТОГРАФЫ БАЙРОНА ИЗ СОБРАНИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Несколько автографов Байрона, как мы уже упоминали, находилось во владении кн. П. А. Вяземского. Он раздобыл их с немалым трудом в тридцатых годах. Все эти рукописи сохранились, но до сих пор они не были ни изучены, ни описаны. Характеристике этих документов должна быть предпослана история их собирания Вяземским: она дает возможность снабдить почти каждый из них весьма существенными пояснениями.

Одно из писем П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу свидетельствует, что мысль о собирании автографов знаменитых современников зародилась у него еще в двадцатых годах и что на эту мысль его натолкнул альбом пианистки Марии Шимановской, получивший довольно большую известность среди русских литераторов. Мария Шимановская (1790—1831) с 1822 г. концертировала по Европе, посетив Россию и большинство западноевропейских стран; в 1827 г. она возвратилась в Петербург, где и умерла. На ее дочери Селине в 1834 г. женился Мицкевич. Во время своих артистических странствований Шимановская встречалась со многими выдающимися людьми; среди них в качестве слушателей ее концертов и почитателей ее музыкального дарования были виднейшие писатели того времени. Некоторые из них оставили собственноручные записи в ее альбоме, который она возила с собой во время своих поездок. С альбомом Шимановской Вяземский впервые ознакомился еще в 1823 г., когда он был вручен ему пианисткой «для братии — русских поэтов» и лежал некоторое время у него, пока владелица альбома была в отсутствии [24]. В 1827 г. Вяземский вновь увидел альбом Шимановской, пополнившийся интересными именами, и описал его в специальной статье, помещенной в «Московском телеграфе». «Альбом ее, хранилище собственноручных приписаний первых поэтов и литераторов нашего времени, есть точно драгоценность,— писал он в этой статье.— Счастливое начало было положено





БАЙРОН

Рисунок Зверева, сделанный с портрета Веста 1822 г. и литографированный Эльбахом

На обороте стихотворная надпись поэта Л. А. Якубовича

Литературный музей, Москва

ему в России именами Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Крылова и некоторых других писателей русских». (Известно, что и Пушкин вписал сюда стихи, вошедшие в текст «Каменного гостя»,— «Из наслаждений жизни Одной любви музыка уступает, Но и любовь — мелодия»). «Далее,— продолжал Вяземский,— довольно назвать представителя германской поэзии, Гёте, который, удостоив г-жу Шимановскую нежным и добродушным участием, выразил его в прекрасных стихах. В Париже знакомство ее с Александром Гумбольдтом, Шатобрианом, Казимиром Делавинем, Бенжаменом Констаном, Этьеном Арно, Жуи, Казимиром Бонжуром и другими литераторами ⟨...⟩ обогатило хранилище ее любопытными и замечательными воспоминаниями. Томас Мур и Кемпбелль были в нем представителями от лица английской музы» [25].

Вяземского настолько увлекла эта, по его словам, «живая энциклопедия дарований мертвых и живых известностей», что он привел некоторые страницы из альбома,— в том числе собственноручно вписанное в него Томасом Муром стихотворение Байрона; последнее, видимо, настолько заинтересовало Вяземского, что он даже приложил к своей статье его факсимиле. «Г-жа Шимановская позволила нам списать несколько воспоминаний из ее альбома. На листочке, приложенном к сей книжке „Телеграфа", читатели найдут снимки (fac-simile) одного куплета стихов Байрона, вписанных в альбом, как мы выше упомянули, Томасом Муром, и подписи его». Интерес Вяземского к этому стихотворению Байрона понятен: в 1827 г. оно еще не было напечатано. Это — стихотворение, посланное Байроном в письме к Томасу Муру 10 июля 1817 г. из Ля Мира, близ Венеции:

My boat is on the shore
And my bark is on the sea,
But before I go, Tom Moore,
Here's double health to thee и т. д.

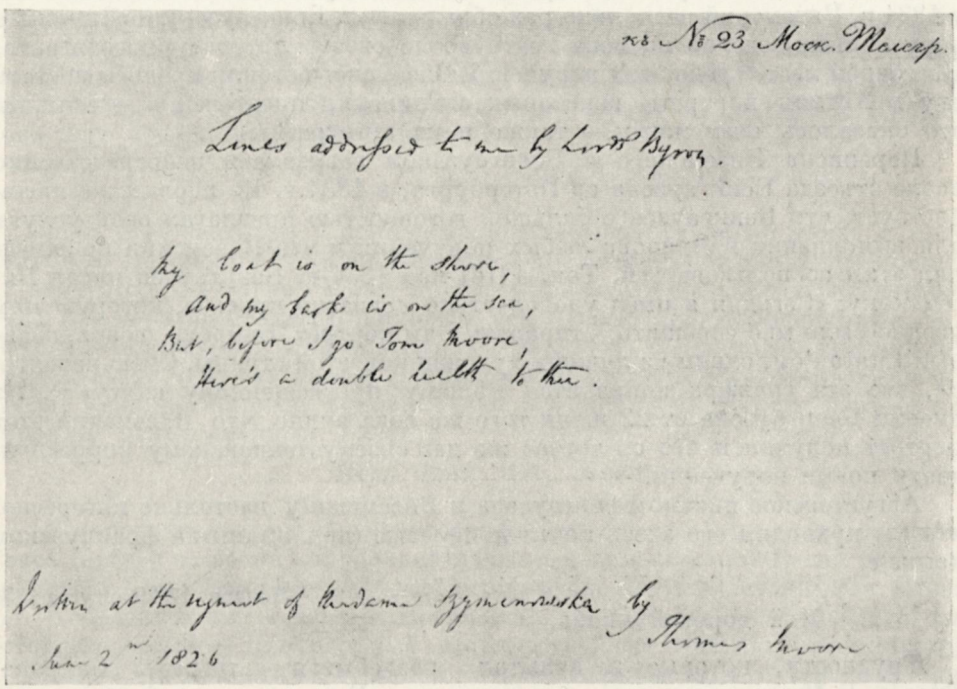
(Моя лодка ждет меня у берега, мой корабль готов, но, не уезжая еще, Том Мур, пью двойное здоровье твое.—*Перевод П. А. Вяземского*). Стихотворение Байрона напечатано полностью.

В альбом Шимановской Томас Мур вписал стихотворение полностью под заглавием «Строки, адресованные мне лордом Байроном» («Lines addressed to me by Lord Byron») и сделал приписку в конце: «Записано по просьбе г-жи Шимановской Томасом Муром, 2-го июня 1826 года». Все это Вяземский тщательно скопировал и привел в своей статье, сопроводив текст стихотворения Байрона русским прозаическим переводом. Впервые в Англии это стихотворение напечатано было Муром в его биографии Байрона («Byron's Life, Letters and Journals») вместе с текстом упомянутого письма 1817 г. Таким образом, благодаря Вяземскому, русские читатели узнали это стихотворение Байрона раньше, чем английские. Расхождений в первопечатных текстах русского (1827) и английского изданий (1830) — нет. В настоящее время это стихотворение входит во все собрания сочинений Байрона и неоднократно переводилось на русский язык.

Статья Вяземского об альбоме Шимановской показывает, что его отношение к «собственноручным приписаниям первых поэтов и литераторов нашего времени» определялось серьезным литературным интересом и к ним самим и к их авторам. Альбом настолько увлек его внимание, что он решил положить основание подобному же собственному автографическому собранию. «Вот еще доброе дело,— писал он А. И. Тургеневу 18 апреля 1828 г. из Петербурга,— собирай для меня автографы живых и мертвых авторов и политических знаменитостей. Меня соблазнил альбом Шимановской, исписанный всеми европейскими чинами» [26].

К автографам Вяземский хотел приложить также собрание портретов литературных и политических знаменитостей своей эпохи. В 1828 г. он писал А. И. Тургеневу, находившемуся тогда в Англии и завязавшему знакомство с Томасом Муром: «Сделай одолжение, узнай от Мура, который из портретов Байрона вернейший, и купи его для меня, даже несколько. Байрон говорит в письме своем к старику Даллесу о портрете, написанном американцем, кажется West, и почитает его лучшим своим портретом» [27].

1 января 1829 г., узнав о широком круге знакомств и интересных встреч А. И. Тургенева с примечательнейшими людьми Англии, Вяземский



ФАКСИМИЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕРВОЙ СТРОФЫ СТИХОТВОРЕНИЯ БАЙРОНА, ЗАПИСАННОГО ТОМАСОМ МУРОМ В АЛЬБОМ МАРИИ ШИМАНОВСКОЙ 2 ИЮНЯ 1826 г.

«Московский телеграф» 1827, № 23

писал ему из Москвы: «Какою тоскою завидовал я тебе в гостях у В⟨альтера⟩ Скотта. Сделай милость, пришли мне образцы рукописания его, Мура, Байрона и кого можешь, Каннинга. Во мне развернулась автографическая страсть» [28].

Трудно было, конечно, найти человека, более подходящего для этой цели, чем «рыскун» А. И. Тургенев, как прозвал его А. Я. Булгаков. Поручения Вяземского он выполнял с увлечением, всегда находя особое удовольствие в посредничествах такого рода. В одном из писем (24 мая 1830 г.) Тургенев сообщал о том, как шел процесс собирания этой заказанной ему автографической коллекции: «Сбирал для Вяземского записочки Вильменя, Арно, Дежерандо, Шатобриана, Жомара, Эйнара и пр. и пр.— и подарил Потоцкой»,— очевидно, увлеченной той же коллекционерской страстью,— но прибавлял тут же: «Скоро будет другая коллекция, ибо эпистолярные мои сношения иногда не уступают прежним» [29]. Действительно, для собрания автографов Вяземского Тургенев доставил многие образцы «рукописаний» парижских светил.

Вяземский пользовался всякой возможностью, чтобы раздобыть из Англии интересовавшие его автографы. В этом смысле особенно интересна переписка Вяземского с Бенкгаузеном, доставившим ему из Лондона наиболее интересные экземпляры для английского фонда его автографической коллекции — письма и различные отрывки рукописей многих английских писателей.

Егор Карлович Бенкгаузен (1797—1844), в Англии носивший имя Джорджа, в тридцатых-сороковых годах, вплоть до своей смерти, состоял русским генеральным консулом в Лондоне [30]. Вяземского, занимавшего в это время должность вице-директора департамента внешней торговли, связывали с Бенкгаузеном прежде всего служебные отношения. Но в 1834 г. Вяземский несколько раз обращался к Бенкгаузену и с личными поручениями, сделав из него нечто вроде своего литературного агента. На первом месте среди этих поручений Вяземского стояли просьбы достать ему в Англии портреты некоторых английских писателей и,— если бы это оказалось возможным,— также и их автографы.

Переписка Вяземского с Бенкгаузеном завязалась непосредственно после отъезда Бенкгаузена из Петербурга, в 1834 г. Из первых же писем явствует, что Бенкгаузен с большой готовностью предлагал свои услуги для выполнения в Лондоне любых поручений и что Вяземский не замедлил этим воспользоваться. Так, 4 (16) мая 1834 г. Бенкгаузен писал Вяземскому: «Сегодня я имел удовольствие согласно просьбе, которую Вам угодно было мне сообщить, отправить Вам портрет Байрона, гравированный Lupton'ом, одним из лучших художников этой страны. Смею надеяться, что эта гравюра понравится Вашему просвещенному вкусу» [31]. Из письма Бенкгаузена от 22 июля того же года видно, что Вяземский этот портрет получил и что он тотчас же дал своему лондонскому корреспонденту новые поручения.

Августовское письмо Бенкгаузена к Вяземскому настолько интересно, что мы приводим его здесь почти полностью (подлинник на французском языке):

Лондон, 17/29 августа 1834

Мой дорогой князь,

Трудности, которые я испытал, раздобывая автографы Байрона, Скотта и Мура, помешали мне отправить Вам раньше портреты двух последних писателей, о которых Вы меня просили и которые я хотел Вам доставить лишь в сопровождении упомянутых автографов.

Теперь, когда мне, наконец, удалось получить их, я пользуюсь курьером, которого императорское посольство посылает сегодня вечером в Петербург, чтобы переслать их Вам вместе с двумя вышеназванными портретами; к ним я присоединил портрет доктора Саути, имя которого столь же знаменито и даже ставится нередко выше имени Мура. Получив портреты поэтического триумвирата, о котором Вы пишете, с помощью лиц, хорошо известных в нашем столетии, я полагал, дорогой князь, что Вам будет приятно получить и их автографы, которые я Вам и отправляю с тем большей охотой, что они могут служить свидетельством подлинности первых.

Таким образом Вы получите подпись и 9 строк, написанных рукой сэра Вальтера Скотта, полученные мною от его зятя, м-ра Локхарта, имя которого хорошо известно в литературном мире, как имя главного редактора «Quarterly Review».

Автограф Мура, который, по правде сказать, является лишь надписью на конверте, я получил от Генри Бульвера (брата Эдварда Литтона Бульвера), которого труд о Франции, имеющий вскоре выйти в свет, произведет, говорят, большую сенсацию. Он получил этот автограф от лэди Блес-

сингтон, чьи «Разговоры с Байроном» произвели недавно столь большой шум. Письмецо лэди Блессингтон, которое м-р Бульвер любезно мне переслал, сопровождает названный выше автограф.

Наконец, два автографа Байрона, получением которых я также обязан м-ру Бульверу, были доставлены г-же Эдвард Литтон Бульвер г-жой Ли, единственной сестрой благородного поэта, который с такой любовью (avec tant d'affection) говорит о ней в своем «Чайльд Гарольде». Я отправляю Вам также два письма этой дамы, адресованные г-же Бульвер; с первым из них она посылает ей подпись Байрона, с другим же — рукопись восьми стихов, которые Вы найдете в конце сатиры, озаглавленной «Английские барды и шотландские критики».

М-р Бульвер обещал мне достать автограф Саути, который я доставлю Вам немедленно по его получении. Я рассчитываю также иметь удовольствие раздобыть для Вас тем же самым путем автограф Перси Биши Шелли, поэта, умершего совсем молодым, произведения которого обещали опасного соперника славе Байрона...

Дж. Бенкгаузен

P. S. 5-го сентября. С большим удовольствием, дорогой князь, я запечатываю это письмо от 29 августа лишь после того, как мог присоединить к нему второй автограф Мура, который, по моему убеждению, представит для Вас гораздо бо́льшую ценность, чем первый. Это корректурный лист «Английских бардов и шотландских критиков», с пометами, сделанными рукою Мура, и на самом деле составляющий достопримечательность своего рода. Сатира Байрона, исправленная в корректуре Муром, это — Рембрандт, подрисованный Гидом...

Весь Ваш Дж. Б⟨енкгаузен⟩

Все перечисленные здесь автографы английских писателей сохранились (вместе со всеми сопроводительными к ним письмами): они находятся ныне в первом томе альбома автографов, комплектовавшемся сыном П. А. Вяземского — Павлом Петровичем (б. Остафьевский архив; в настоящее время — Центральный государственный литературный архив).

Легко представить себе, какой интерес должны были в середине тридцатых годов представить для П. А. Вяземского эти автографы, добытые Бенкгаузеном с помощью Генри Бульвера, старшего брата писателя Эдварда Бульвера (автора известных в то время, в частности именно в кругу Пушкина и Вяземского, романов «Поль Клиффорд», «Пельхем» и др.). С Генри Бульвером Бенкгаузен сблизился прежде всего на общем для них дипломатическом поприще. Бульвер, в свою очередь, получал кое-какие автографы, просимые Бенкгаузеном, от леди Блессингтон. Графиня Маргарет Блессингтон (Blessington, 1789—1849) пользовалась известностью в английских литературных кругах первой трети XIX в.[32] С Байроном Блессингтон познакомилась в апреле 1823 г. в Генуе; дружеские встречи их продолжались вплоть до июня того же года.

«Разговоры с Байроном», изданные Блессингтон, печатались первоначально в журнале «New Monthly Magazine» (т. 35—39, между июлем 1832 и декабрем 1833 гг.; редактором этого журнала был в это время Эдвард Бульвер-Литтон); отдельное же издание «Разговоров» вышло во второй половине 1833 г. и затем переиздавалось не раз. Следовательно, осенью 1834 г., когда Бенкгаузен писал об этой книге Вяземскому, она была еще новинкой, привлекавшей к себе всеобщее внимание.

Однако Блессингтон под благовидным предлогом сначала отказала Бульверу и переслала ему лишь конверт от письма к ней, надписанный Муром. Генри Бульвер отдал записку Блессингтон Бенкгаузену, а тот

переслал ее Вяземскому, в собрании которого она и сохранилась. В записке Блессингтон говорится, что она среди своих бумаг «не имела времени найти такое письмо Мура, которое не носило бы личного характера», что она посылает ему «конверт, который может служить автографом»; к записке приложен был конверт, также сохранившийся у Вяземского.

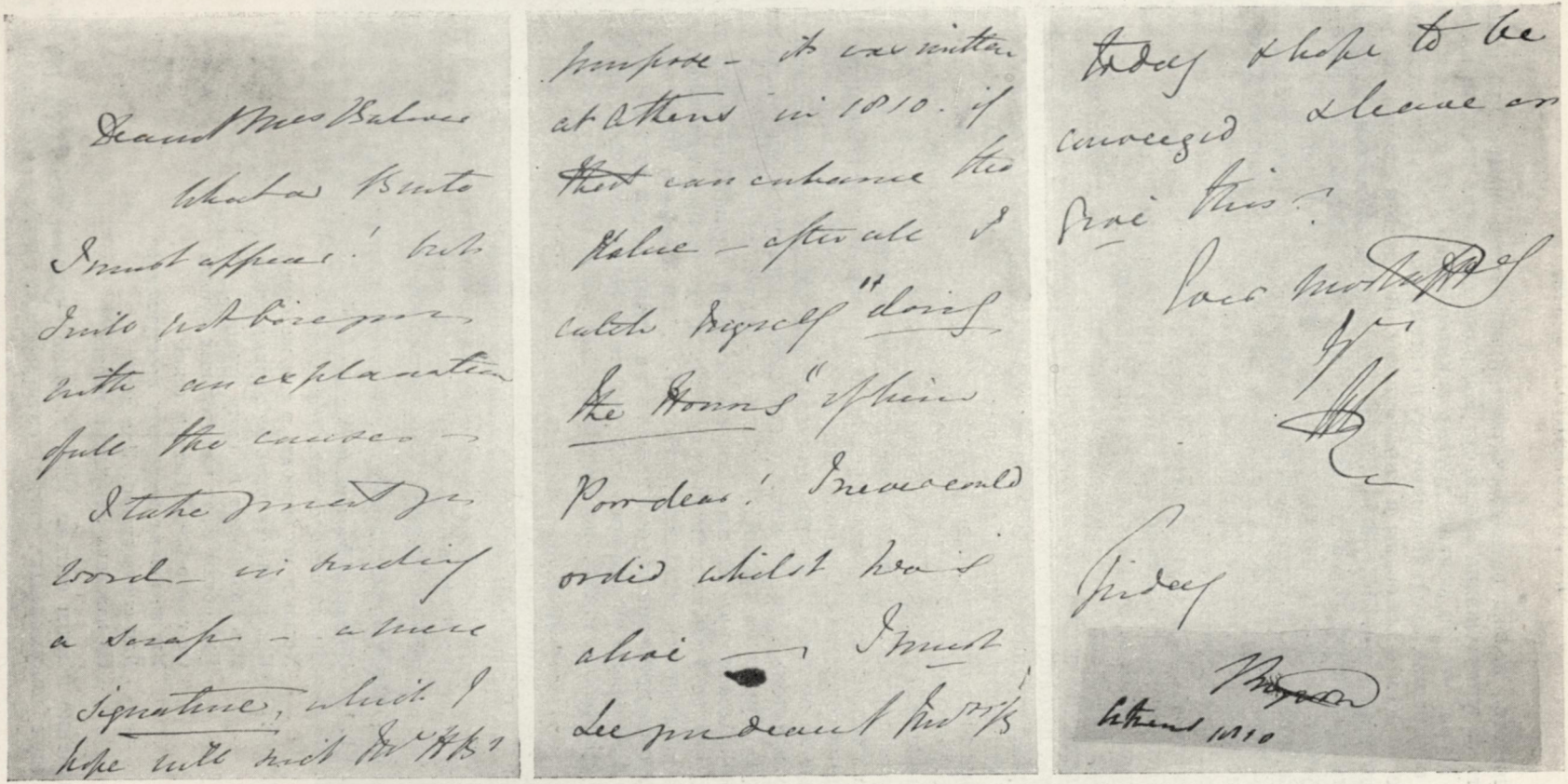
Последующие настойчивые попытки Бенкгаузена в поисках автографов были более удачны. Через посредство тех же лиц, то есть Бульвера и Блессингтон, Бенкгаузен получил и переслал Вяземскому и другой автограф Т. Мура, гораздо более интересный, чем первый, а именно — упомянутую в его письме к Вяземскому корректурную страницу сатиры Байрона «Английские барды и шотландские критики» с замечаниями на ней, сделанными рукою Мура. Бенкгаузен, посылая эту корректурную страницу Вяземскому, остроумно заметил, что «сатира Байрона, исправленная в корректуре Муром, это — Рембрандт, подрисованный Гидом». И действительно, ценность этого документа, заботливо сохраненного в Остафьевском архиве, не подлежит никакому сомнению.

История дружбы Байрона с Муром рассказывалась много раз[33]; однако не всё в их отношениях нам известно до конца, в частности, эпизод сожжения Муром записок Байрона 1818—1820 гг. вскоре после его смерти и замена их через пять лет книгой «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни Томаса Мура» (1830) — все еще не может считаться разъясненным в полной мере. Но как раз именно факт уничтожения записок, доверенных Байроном Муру, и затем публикация отрывков из них вместе с рядом писем Байрона, в высокой степени повысил интерес европейских читателей к истории личных отношений двух поэтов. Интересовались этим и в России.

Байрон передал свои записки Муру с правом располагать ими по его усмотрению после своей смерти. Однако вскоре после смерти Байрона особое совещание, созванное Т. Муром из лиц, близких к Байрону, и членов его семьи, несмотря на протесты некоторых из них, приняло решение уничтожить мемуары; это было исполнено в присутствии шести свидетелей; рукопись и копия с нее были разорваны в клочья и сожжены. Известие об этом сейчас же облетело всю Европу и достигло России.

В статье «Нью-Стедское аббатство», помещенной в «Московском телеграфе» и подписанной В. ⟨Вяземский?⟩, упоминалось, что «своеручные записки Байрона, которые он подарил Т. Муру», «похищены от любопытства современников», причем автор статьи замечал по этому поводу: «Вспомня многие сильные выходки поэта против некоторых событий отечественных и некоторых соотечественников своих, мы, вероятно, разгадаем загадку этих насильственных и преступных утаек»[34].

Все эти толки европейской и русской печати отразились в известных строках письма Пушкина к Вяземскому из Михайловского (в ноябре 1825 г.). Полагая, что упомянутая статья «Московского телеграфа» за подписью В. принадлежит Вяземскому, Пушкин писал ему: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чёрт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо,— а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь за одно с гением. Поступок Мура лучше его Лалла-Рук (в поэтическом отношении)»[35]. Однако, когда через десять лет, в 1835 г., Пушкин задумал написать биографическую статью о Байроне, он, возможно, пожалел об утрате этих записок. На полке его библиотеки стоял пятитомный французский перевод книги Мура «Письма и дневники лорда Байрона», который он читал очень внимательно.



АВТОГРАФИЧЕСКАЯ ПОДПИСЬ БАЙРОНА, АФИНЫ 1810 г.

Наклеена на последнюю страницу письма Августы Ли — сестры поэта к г-же Бульвер, 1834 г.

Центральный литературный архив, Москва

Большинство исследователей считают в настоящее время, что ответственность за уничтожение «Записок» Байрона не лежит всецело на совести Т. Мура, что он меньше других заинтересован был в этом и что, наконец, обвинения, предъявленные ему по этому поводу современниками, далеко не во всем обоснованы и справедливы. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что выпуском книги «Письма и дневники Байрона» Мур не только желал содействовать устранению в английском обществе предрассудков о своем покойном друге, «который уже не мог больше защищать себя сам», но и хотел частично оправдать себя от этих обвинений. Первоначально (около 1827 г.) и сам Мур и Гобхауз предлагали Мёррею издать биографию Байрона, предпослав ее полному собранию его сочинений, заново проверенных по рукописям и снабженных комментариями на основании его писем и других сохранившихся бумаг [36]. Очень возможно, что именно к этому замыслу и относится корректурная страница, которая, в конце концов, оказалась в руках Вяземского.

Не имея под рукой всех английских изданий сочинений Байрона второй половины двадцатых годов, достаточно многочисленных, мы не могли установить, из какого именно издания вырвана доставленная Вяземскому корректурная страница (стр. 257 пятого тома), заключающая в себе стихи 818—832 его сатиры «Английские барды и шотландские критики». Библиография этих изданий, помещенная в «Собрании сочинений Байрона», изданных Кольриджем, дает право высказать лишь догадку, что это — либо издание 1827 г., либо издание следующего года,— и в том и в другом «Английские барды...» помещены именно в пятом томе. Это косвенно подтверждает предположение, что перед нами страница из задуманного Муром собрания сочинений Байрона, для которого он должен был составить основанные на письмах Байрона примечания и которое не состоялось потому, что издатель Мёррей нашел для себя более удобным выпустить написанную Муром биографию Байрона отдельной книгой.

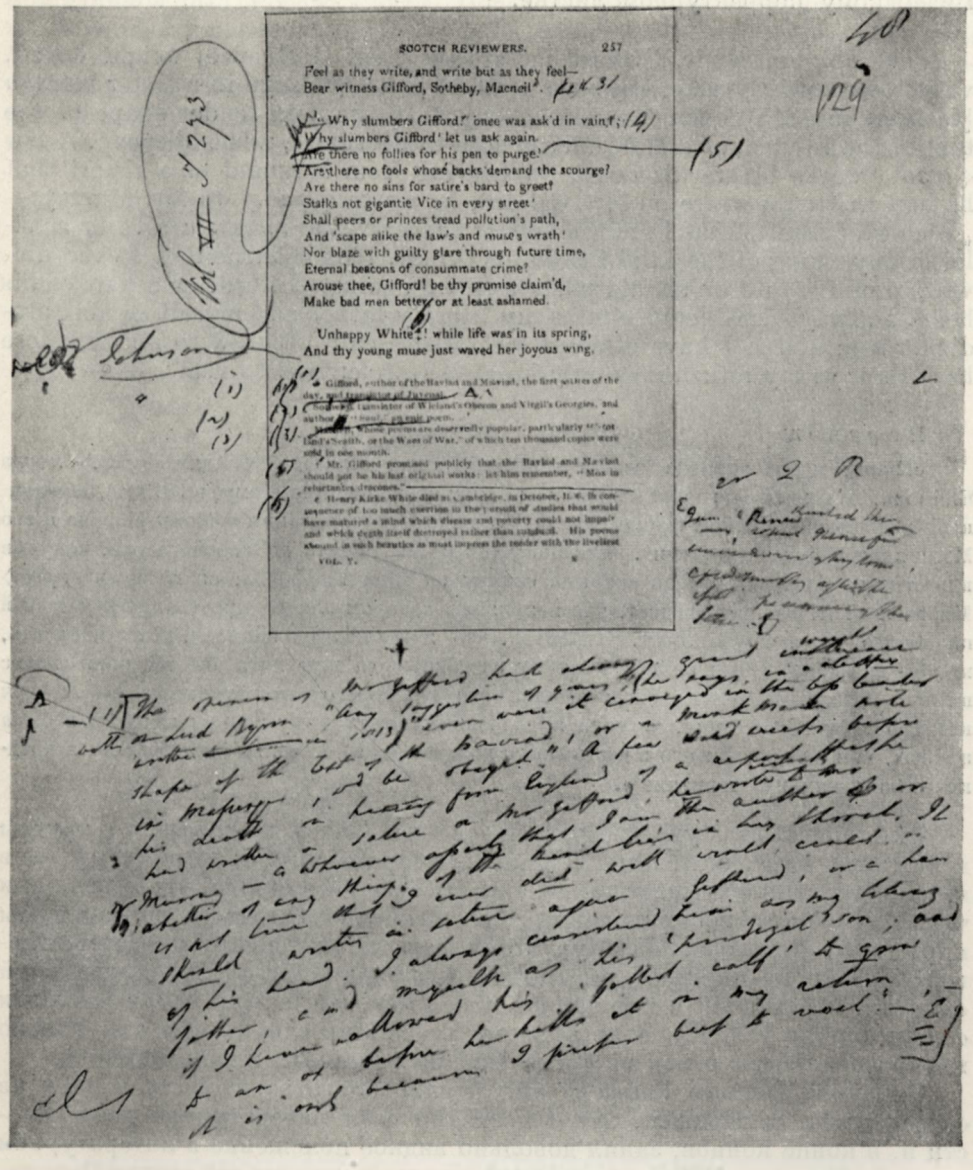
Как показывают рукописные замечания Мура, сделанные внизу этой страницы, его не удовлетворили краткие пояснения прежних издателей сатиры, печатающиеся обычно и доныне. К одной из строф Мур составил проект другого примечания, основанного на цитировании писем Байрона и носившего всецело биографический характер. Внимание Мура на 257-й странице привлекли стихи, посвященные Байроном Вильяму Гиффорду:

«Why slumbers Gifford?» once was ask'd in vain;
Why slumbers Gifford? let us ask again.
Are there no follies for his pen to purge?
Are there no fools whose backs demand the scourge?
Are there no sins for satire's bard to greet?
Stalks not gigantic Vice in every street?

В русском стихотворном переводе эти строки читаются так:

Зачем Гиффорд не пишет ничего?
Мы слышали не раз. Теперь его
Хотим и мы спросить о том же самом.
Иль некого покрыть публичным срамом?
Иль больше нет на свете дураков,
Чьи спины ждут живительных рубцов
От твоего бича? Сатиры гений
Уж не найдет достойных преступлений
Для смеха своего? Или дорóг
Не наводнил ликующий порок? [37]

В пояснение к этим стихам 1809 г. было сказано, что Гиффорд был автором двух популярных тогда сатирических поэм — «Бавиада» и


SCOTCH REVIEWERS. 257

Feel as they write, and write but as they feel—
Bear witness Gifford, Sotheby, Macneil[1].

Why slumbers Gifford? once was ask'd in vain;
Why slumbers Gifford? let us ask again.
Are there no follies for his pen to purge?
Are there no fools whose backs demand the scourge?
Are there no sins for satire's bard to greet?
Stalks not gigantic Vice in every street?
Shall peers or princes tread pollution's path,
And 'scape alike the law's and muse's wrath?
Nor blaze with guilty glare through future time,
Eternal beacons of consummate crime?
Arouse thee, Gifford! be thy promise claim'd,
Make bad men better, or at least ashamed.

Unhappy White[2]! while life was in its spring,
And thy young muse just waved her joyous wing,

[1] Gifford, author of the Baviad and Maviad, the first satires of the day, and translator of Juvenal.

[2] Henry Kirke White died at Cambridge, in October, M.DCC. IX. in consequence of too much exertion in the pursuit of studies that would have matured a mind which disease and poverty could not impair and which death itself destroyed rather than subdued. His poems abound in such beauties as must impress the reader with the liveliest

VOL. V. S

КОРРЕКТУРНАЯ СТРАНИЦА ИЗ САТИРЫ БАЙРОНА «АНГЛИЙСКИЕ БАРДЫ...» С ПРАВКОЙ И ПОМЕТАМИ ТОМАСА МУРА, 1827—1828 гг.

Центральный литературный архив, Москва

«Мэвиада» и что он обещал и другие произведения в том же роде, чего, однако, не выполнил. Т. Мур нашел возможным дополнить это примечание выдержками из двух писем Байрона, которые в тот момент, несомненно, лежали перед ним. Вот что написано Муром на принадлежавшем Вяземскому корректурном листке:

«The opinion of Mr. Gifford had always great [influence] weight ⟨*нрзб.* with?⟩ on Lord Byron. „Any suggestion of yours (he says in a letter written [to him] in 1813) even were it conveyed in the less tender shape of the text of the Baviad, or a Monk Mason note to Massinger, w^d be obeyed". A few ⟨*нрзб.*⟩ weeks before his death on hearing from England of a report that he had written a satire on Mr. Gifford, he wrote ⟨*нрзб.*⟩ to Mr. Murray — „Who ever asserts that I am the author ⟨*зачеркнуто начало слова*⟩ or a teller of any thing of the kind lies in his throat. It is not true that I ever did, will, would, could or should write a satire against Gifford, or a hair of his head. I always considered him as my literary father and myself as his „prodigal" son; and if I have allowed his' fatted calf' to grow to an ox before he kills it in my return it is only because I prefer beef to veal"» — —

Перевод:

«Мнение м-ра Гиффорда всегда имело большой [влияние] вес для ⟨*нрзб.*⟩ лорда Байрона. „Каждый ваш совет (говорит он в письме, написанном [ему] в 1813 г.), переданный в наименее мягкой форме текста Бавиады или замечания о Монк Мазоне в его Мэссинджере будет исполнен". За несколько ⟨*нрзб.*⟩ недель до своей смерти, получив известие из Англии, что он сочинил сатиру на м-ра Гиффорда, он написал ⟨*нрзб.*⟩ Мёррею: „Тот, кто утверждает, что я являюсь автором или распространителем вещей подобного рода, грубо лжет. Неправда, что я когда либо написал, хотел написать, мог бы или должен был написать сатиру на Гиффорда или хотя бы на один волос на его голове. Я всегда рассматривал его как своего литературного отца, а себя как его „блудного" сына, и если я разрешил его тучному тельцу вырасти в быка прежде, чем он зарежет его в честь моего возвращения, то только потому, что я предпочитаю говядину телятине"».

Эти замечания Мура требуют пояснений. Текст их читается с трудом вследствие многочисленных помарок, исправлений, зачеркнутых слов и, наконец, сильно выцветших чернил. Все же несомненно, что перед нами черновик одного из примечаний к «Английским бардам и шотландским критикам», в котором Т. Мур хотел дать характеристику взаимоотношений Байрона и Гиффорда. Вильям Гиффорд (1756—1826), английский сатирик, переводчик и журналист, уже умер, когда Мур набрасывал эти строки (около 1827 г.). В противном случае Мур едва ли бы так охотно цитировал отзывы о нем из тогда еще не изданных писем Байрона.

Самоучка Вильям Гиффорд был послан благотворителями в один из оксфордских колледжей, затем посвятил себя литературной деятельности и, в конце концов, занял довольно видное положение в литературном мире. В «Бавиаде» (1794), написанной в подражание первой сатире Персия, Гиффорд нападал на мелких писателей своего времени и, в частности, осмеивал один из литературных клубов Лондона, созданный по образцу итальянской академии (Della Crusca). Вслед за первой поэмой Гиффордом была написана и другая — «Мэвиада» (1795), также имевшая успех. Эти поэмы, продолжавшие в английской поэзии традиции Попа с его «Дунсиадой» и подготовившие в Англии возрождение сатиры классического типа в начале XIX в., в какой-то мере являются непосредственными предшественницами байроновских «Английских бардов...» (возможно, впрочем, что Байрон мог считать Гиффорда своим «литературным отцом» в связи с той ролью, какую Гиффорд сыграл в публикации «Чайльд-Гарольда»).

Во многих других отношениях Байрон и Гиффорд стояли на противоположных позициях; достаточно сказать, что с 1809 г. Гиффорд (в свое время издававший реакционный журнал «Антиякобинец») стал во главе известного торийского журнала «Quarterly Review», где ближайшим из его помощников был Роберт Саути. Переводы римских сатириков, Персия и Ювенала, комментированные издания драматургов елизаветинской поры (в частности, Филиппа Массинджера, 1805 г., заменившее предшествующее издание Монк Мазона 1779 г., на что намекает и Байрон в приведенном Муром письме) и другие произведения Гиффорда ценились современниками гораздо меньше, чем его критические статьи: однако в последних

БАЙРОН
Рисунок Пушкина, 1835 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

он отличался запальчивостью и часто бывал непоследователен. Отношение его к Байрону также было двойственным: впрочем, он восторженно приветствовал «Чайльд Гарольда» и «Осаду Коринфа»; Байрон всегда считал его в числе своих доброжелателей и верил в его критический авторитет.

Любопытно, что случай сделал Вяземского обладателем и другого отрывка из той же сатиры Байрона «Английские барды и шотландские критики», на этот раз автографического. История его такова. Для того, чтобы разыскать автографы Байрона для Бенкгаузена, настойчиво их добивавшегося, жена Генри Бульвера обратилась к сводной сестре Байрона, Августе Ли (1783—1851), от которой она получила два письма.

Августа Ли занимает исключительно важное место в биографии Байрона. О близости и сердечности их отношений свидетельствует надпись Байрона на поднесенном ей экземпляре «Чайльд Гарольда»: «Августе, моей дорогой сестре и моему лучшему другу, которая всегда любила меня больше, чем я того заслуживал, преподносится эта книга сыном ее отца и нежно любящим братом». К Августе обращены написанные Байроном в 1816—1817 гг. «Стансы» («Stanzas to Augusta») и «Послание к Августе» («Epistle to Augusta»). Все, что мы знаем об Августе Ли, показывает в ней преданного и участливого друга Байрона, всегда готового стать на его защиту.

Два письма Августы Ли к Бульвер, полученные Вяземским, представляют собою небезинтересный документ для истории ее взаимоотношений с Байроном. Они написаны через десять лет после смерти поэта, но полны нежности к его памяти и скрытых опасений, что его драгоценные рукописи попадут в чужие руки; она любит вспоминать о брате но, повидимому, не хотела бы слишком пристального внимания к интимной стороне его жизни. Легко догадаться, что на первую просьбу лэди Бульвер — прислать какой-либо автограф Байрона, Августа Ли ответила почти отказом, послав в ответ лишь автографическую подпись Байрона на одном из его афинских писем 1810 г.

Письма Августы написаны размашистым и трудночитаемым почерком; на обороте второго из них стоит помета: «Excuse haste a such pen and paper» (<«Простите поспешность, такое перо и бумагу»>). Оба письма не имеют даты, но, несомненно, относятся к лету 1834 г.

Dearest Mrs. Bulwer,

What a brute I must appeare! but I will not bore you with an explanation of all the causes.

I take <*нрзб.*> your word in sending a scrap — a mere s i g n a t u r e, which I hope will suit Mr. H. B's purpose.— It was written at Athens in 1810, if that can enhance the value — after all I catch myself «d o i n g t h e H o n o u r s» of him. Poor dear! I never could or did whilst he was alive. I must see you dearest Mrs. B. to-day and hope to be converged and leave or give this.

Ever most affectionately
Yours
A. L.

Friday

Внизу страницы приклеен обрывок письма Байрона с его собственноручной подписью:

Byron
Athens, 1810.

П е р е в о д:

Дорогая миссис Бульвер,

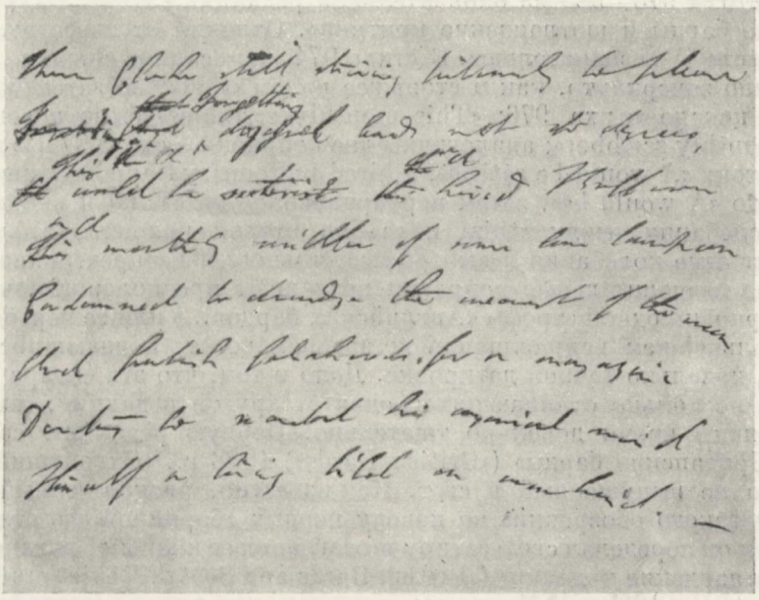
Какой нелюбезной я должна Вам показаться! Но я не буду надоедать Вам объяснением всех причин, вызвавших это. Я принимаю <*нрзб.*> Ваше слово, посылая клочок, только подпись, которая, я надеюсь, устроит м-ра Генри Бульвера. Это было написано в Афинах в 1810 г., если это может повысить значение <этого документа>. В конце концов, я ловлю себя на том, что «воздаю ему почести». Бедный мой! Я никогда не была на это способна, никогда этого не делала, пока он был жив. Мне необходимо повидаться с Вами сегодня, дорогая миссис Б<ульвер>, и я надеюсь, что встречусь с Вами и оставлю или же передам Вам это.

Всегда Вам преданная
А. Л.

Пятница

Повидимому, ответное письмо Августы Ли со вложением подписи Байрона не удовлетворило Генри Бульвера, потому что сохранилось другое письмо, написанное, как следует предполагать, в ответ на новую просьбу, и на этот раз не только относительно автографов Байрона, но также и Томаса Мура:

I am in perfect despair! If you'd but see me dearest Mrs. Bulwer! I hate to send you again a bad specimen — as it always takes me a week to find among his ⟨MS⟩ what I can give without meditations.— I can only hope the enclosed like old Point Lace may be the more valuable for its colour and appearance. — If Mr. H. Bulver will give me more time I try to send



АВТОГРАФ ОТРЫВКА ИЗ САТИРЫ БАЙРОНА «АНГЛИЙСКИЕ БАРДЫ...», 1809 г.
Стихи 973—980
Центральный литературный архив, Москва

something better. I have scarcely... and they are very scarce (genuine ones!!) I have not a scrap of Thomas Moore and often wish I had.

I must see you soon. I am always your grateful sufferer.

A. L.

Перевод:

Я в полном отчаянии! Если бы Вы только видели меня, миссис Бульвер! Мне очень не хочется посылать Вам вновь плохой образчик, а мне всегда требуется неделя, чтобы найти среди его бумаг то, что я могу отдать без колебаний. Я лишь надеюсь, что вложение, как старинное кружево, будет более ценным по своему цвету и внешнему виду.

Если мистер Бульвер предоставит мне больше времени, я постараюсь прислать что-нибудь получше. У меня очень мало... и все они редкие (подлинники!!). У меня нет ни клочка от Томаса Мура, и я часто жалею об этом.

Я должна скоро увидаться с Вами. Остаюсь всегда Вашей благодарной жертвой

А. Л.

К этому письму приложен листок, на котором рукою Байрона написано следующее:

There Clarke, still striving piteously to «please»,
Forgetting doggrel leads not to degrees,
[This] A would-be satirist, a hired buffoon,
A monthly scribbler of some low lampoon,
Condemned to drudge, the meanest of the mean.
And furbish falsehoods for a magazine,
Devotes to scandal his congenial mind;
Himself a living libel on mankind.

Это стихи 973—980 из окончательной редакции сатиры Байрона «Английские барды и шотландские критики». Отличия от известного печатного текста [38] незначительны. В стихе 974 написанное сначала «Forgetting» было зачеркнуто, как и стоявшее рядом «that», но затем восстановлено; в начале стиха 976: «This monthly scribbler» было переправлено на «A monthly scribber»; аналогичны две поправки в стихе 975: в печатном тексте стоит «A would-be satirist, a hired buffoon»; у Байрона первоначально стояло «A would-be», затем переправленное на «This» и вновь на «A»; те же колебания между «this» и «a» во второй половине этого стиха.

Указанные колебания в выборе местоимения и неопределенного члена и другие незначительные поправки позволяют предположить, что перед нами черновик одной строфы «Английских бардов...» или ее перебеленный, но в дальнейшем исправлявшийся автором текст, поддающийся, повидимому, довольно точной датировке. Дело в том, что эта сатира Байрона прошла несколько отличающихся одна от другой редакций, изученных в настоящее время довольно тщательно. Первую редакцию составляет текст «Британские барды» («British Bards») 1808 г., находившийся в печати, но не выпущенный в свет. Как известно, раздраженный статьей «Эдинбургского обозрения» по поводу первых сборников его стихотворений, Байрон переделал свою сатиру и озаглавил ее иначе: «Британские барды и шотландские критики» («British Bards and Scotch Reviewers») и снова напечатал ее в 1809 г.[39] Корректуры первого издания с автографическими поправками Байрона находятся в Британском музее. О значительности разночтений в первых двух изданиях можно судить хотя бы из того, что вместо 696 стихов первой редакции — во второй их 1070. Однако на этом переработка автором текста сатиры не остановилась. Уже давно было обращено внимание на «запутанный клубок» текстологических проблем, которые ставят перед исследователями многочисленные издания этой сатиры, вышедшие при жизни автора. Сохранившиеся рукописные материалы и найденные впоследствии экземпляры этих изданий с поправками Байрона (например, два экземпляра четвертого издания 1811 г.) позволили отличить издания авторизованные от контрафакций, проследить участие автора в каждом из них, вплоть до пятого издания 1816 г., и установить почти все этапы авторской правки и переработки текста [40]. В этом смысле, при отсутствии достаточного числа рукописей этого произведения, всякий автографический отрывок из него представляет безусловный интерес. Приведенный отрывок приобретает особенно важное значение в связи с тем, что перед нами вставная строфа, вошедшая в текст сатиры со второго издания 1809 г. и поместившаяся там между стихами, оставшимися неизмененными, сравнительно с первым изданием. Это и дает нам право считать опубликованные выше стихи черновиком вставки, которая была написана Байроном при подготовке второго издания и, следовательно, датировать ее началом 1809 г. В русском стихотворном переводе С. Ильина указанные стихи сатиры Байрона читаются так:

Вот тратит Кларк свой бесполезный труд,
Чтоб нравиться,— забыв, что не ведут
Его стихи к ученому диплому!
В сатирика играя попустому,
Дает нам шут — что месяц, то памфлет.
Он поставщик скандалов для газет;
Там пасквиль тиснет, слух там пустит ложный.
На род людской сам пасквиль он ничтожный![41].

Хьюзон Кларк (р. 1787 — ум. ок. 1832), которому посвящены эти стихи, был третьеразрядным поэтом. Насмешки Байрона вызваны его поэмой «Искусство быть приятным», в которой современники видели потуги графомана. Байрон находил в этой поэме «мало приятного и еще меньше поэзии», а об авторе ее писал, что «он действует также в качестве ежемесячного стипендиата и собирателя клевет» журнала «Сатирик» («Satirist», 1808—1814). «Мы советуем молодому человеку бросить поэмы и заняться математикой,— писал Байрон,— и думаем, что приобретение ученой степени в Кембридже будет ему полезнее, и, в конце концов, выгоднее, нежели его нынешние недолговечные упражнения». Резкий выпад Байрона против Кларка, который сам автор «Английских бардов...» еще в 1816 г. признал «вполне правильным и вполне заслуженным», объясняется тем, что журнал «Сатирик», в котором сотрудничал Кларк, печатал пародии на Байрона и ядовитые рецензии на его поэтические опыты.

3. АВТОГРАФЫ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПИСЕМ БАЙРОНА В РУССКИХ АРХИВАХ

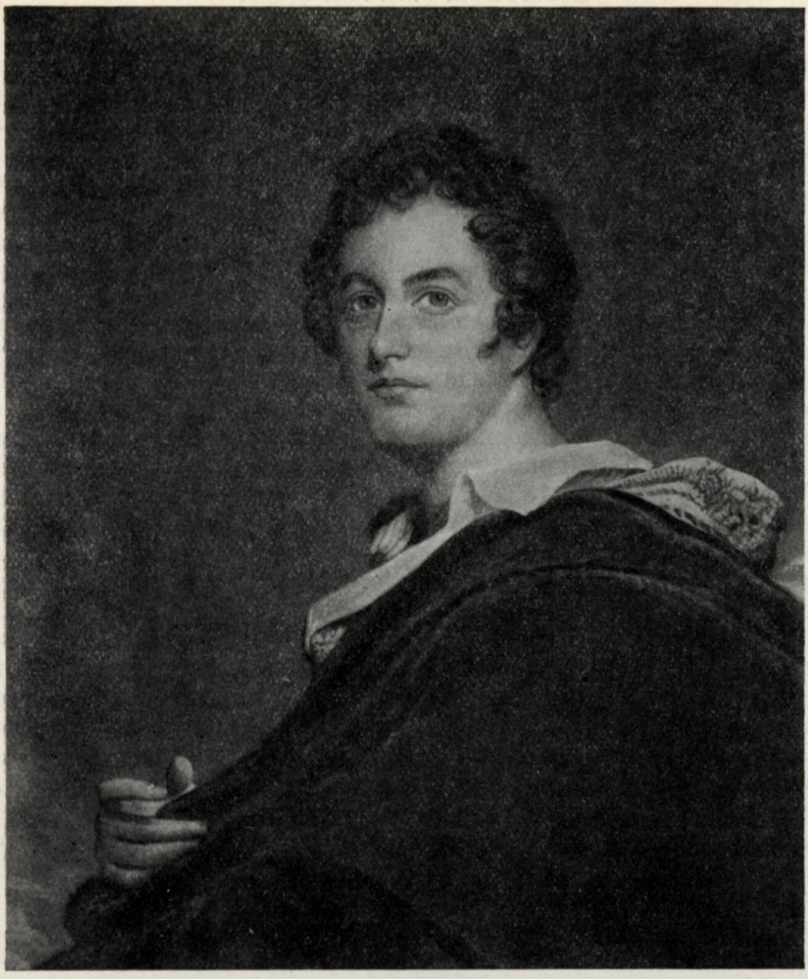
Автографы Байрона в собраниях Г. В. Орлова и П. А. Вяземского были, конечно, не единственными образцами его «рукописаний», хранившимися в русских семейных архивах первой половины XIX в. Несомненно, их было здесь значительно больше. Как попадали они в эти архивы, не всегда легко разгадать: они приобщались к русским бумагам различными способами. Достаточно вспомнить хотя бы о личных встречах Байрона с русскими современниками, с которыми он знакомился и в Англии и на всех путях своих странствований по Европе и Востоку. Правда, об этих встречах Байрона мы располагаем большею частью глухими или отрывочными сведениями, но, тем не менее, их следует принять во внимание и в данном случае, когда речь идет о его рукописях, сохраненных в России.

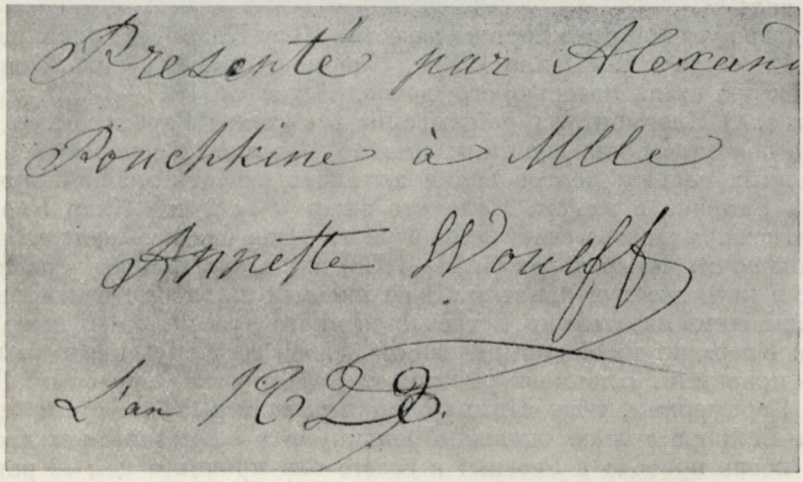
Иные из русских встреч Байрона были памятны и значительны и должны были оставить некоторые следы в его творческой деятельности. Байрон внимательно приглядывался к развертывавшимся в его время в Европе политическим событиям и часто обращал свои взоры на обширную северную империю. Международное значение и политический вес России возрастали на его глазах; к представителям русской культуры он не мог быть невнимательным или равнодушным. Со слов самого Байрона, мы знаем, например, о знакомстве его с кн. П. Б. Козловским (1753—1840), «вольнодумцем», состоявшим в свите Александра I в Лондоне (в 1814 г.), одним из блестящих представителей русской дипломатии и увлекательном собеседнике, которого и Пушкин в посвященном ему стихотворении, конечно, не без оснований, назвал «другом бардов Англии». Байрон не только был знаком с Козловским, но и дорожил его мнением в тот период своей жизни, когда его первые «восточные поэмы» уже вызывали нападки в английской печати и презрительные гримасы в великосветских кругах [42]. Из воспоминаний друга Байрона, Гобхауза, известны кое-какие подроб-

ности о визите к Байрону русского адмирала Павла Васильевича Чичагова (1769—1849), состоявшемся в сентябре 1816 г., когда Байрон вместе с Гобхаузом жил в Швейцарии, в вилле Диодати, на берегу Женевского озера [43]. В литературе о Гёте давно уже пользуется известностью запись его беседы о Байроне «с русским графом С.», то есть с Александром Григорьевичем Строгановым. Строганов, как видно из этого разговора, коротко знал Байрона в Венеции и, по его собственным словам, «неоднократно наслаждался дружественной с ним беседой». Больше того: Байрон оказывал ему «больше доверия, чем любому из тогдашних своих знакомых», и Строганов «познакомился благодаря этому со многими особенностями частной жизни Байрона, сообщение которых воспринято было Гёте с живейшим интересом». «Я сказал Гёте,— пишет Строганов,— что могу дать ему некоторые разъяснения по поводу мнений Байрона о нем, и я дал резюме моей беседы с Байроном об искусстве и литературе, в которых Гёте часто являлся главной темой»[44]. Этот литературный документ не может не показаться примечательным во всех отношениях: Гёте едва ли был единственным собеседником Строганова, которого этот русский путешественник мог заинтересовать рассказами о своих венецианских похождениях совместно с автором «Беппо» и о своих спорах с ним об искусстве и политике.

В течение не одного десятилетия после смерти Байрона в России еще можно было встретить людей, лично знавших поэта или слышавших что-либо о нем от самых близких свидетелей его жизни. Где только не отыскивались эти «знакомцы»! Декабрист В. К. Кюхельбекер встретил, например, одного из них, живя на поселении в сибирской глуши, где, как нередко казалось ему самому, он был вовсе отрезан от всего культурного мира. Запись в баргузинском дневнике Кюхельбекера от 22 июня 1840 г. гласит: «Познакомился с очень милым человеком М. А. Дохтуровым. Это тот самый маленький русский доктор, the little Russian doctor, о котором говорит Байрон, знакомец милорда стихотворца, Трелавнея и теперь мой» [45].

Тех русских людей, которые приходили в соприкосновение с ближайшими друзьями Байрона в Англии, Швейцарии, Италии и Греции, было бы трудно перечислить. О Байроне в России любили расспрашивать приезжавших сюда англичан. Из записей этих рассказов можно было бы составить целую «Русскую книгу о Байроне», источник, не лишенный биографического и литературного значения. Некоторые из относящихся сюда фактов уже были приведены выше; пополним их, для примера, хотя бы несколькими новыми. В сочинениях и письмах П. А. Вяземского и А. И. Тургенева как изданных, так и неизданных, есть немало свидетельств о том интересе, с которым они собирали сведения, относящиеся к биографии Байрона. В «Старой записной книжке» Вяземский отметил, например, свое знакомство в Петербурге с одним из заезжих английских дипломатов, Стратфордом-Каннингом; беседа их коснулась прежде всего Байрона и жизни поэта в Италии и Греции; отзыв Каннинга об его соотечественнике был пристрастен и несправедлив, но он мог все же рассказать Вяземскому кое-что такое, о чем знали лишь ближайшие друзья поэта: «Каннинг сказывал, что читал письмо Байрона, в котором он писал издателю и книгопродавцу своему: чтобы наказать Англию, я учусь итальянскому языку и надеюсь быть через несколько лет в состоянии писать на нем, как на английском. На итальянском языке напишу лучшее свое произведение, и тогда Англия узнает, кого она во мне лишилась...» [46]. Много лет спустя, от лица, также некогда причастного к английским дипломатическим кругам Петербурга, Вяземский вновь слышал рассказы о Байроне и вновь записал их в своем дрезденском дневнике (1853 г.). На этот раз собеседницей Вяземского была Аделаида Форбс,





ПОРТРЕТ БАЙРОНА, ПОДАРЕННЫЙ ПУШКИНЫМ А. Н. ВУЛЬФ

Гравюра

На обороте портрета надпись на французском языке: «Подарен Александром Пушкиным Аннетте Вульф, года 1828».

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

лицо, хорошо известное из биографии Байрона [47]. Т. Муру сам поэт признавался, что был «серьезно влюблен в нее». Имя Аделаиды Форбс несколько раз встречается в письмах Байрона; поэт вспомнил о ней и в «Дон Жуане». «Сестра английского посланника Forbes Аделаида (одна из страстей Байрона),— пишет Вяземский,— говорила мне о каком-то английском романе „Три испанца", который будто бы служил основанием „Гяура" Байрона» [48].

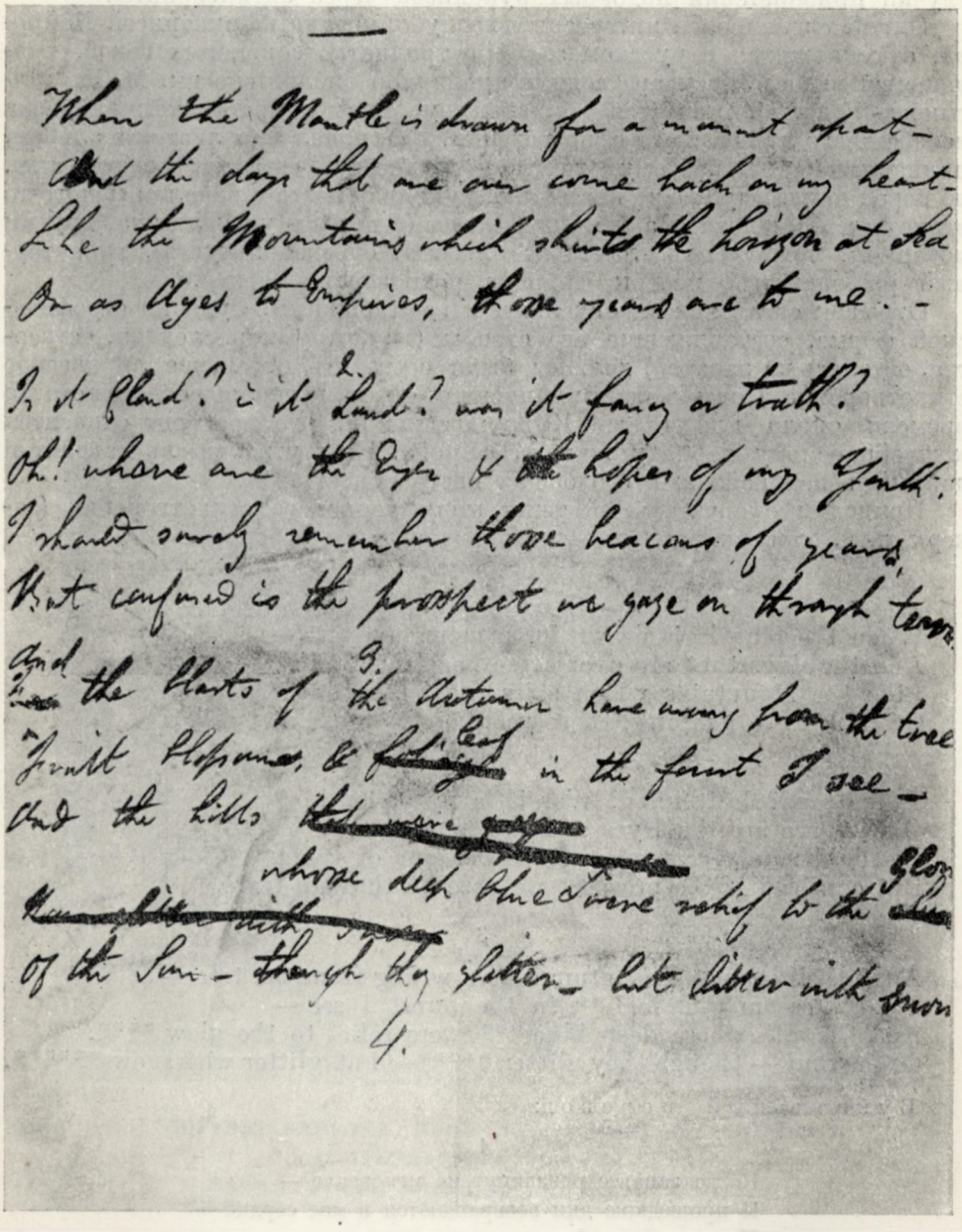
Еще больше данных в письмах и записях неутомимого «странствователя» А. И. Тургенева, о котором даже в посвященном его памяти стихотворении Б. М. Федорова (в «Иллюстрации» 1846 г.) было сказано, что он «знавал друзей Байрона...». Действительно, он знал их немало. Однажды А. И. Тургенев сообщил в письме Вяземскому слышанный им в Париже от г-жи Рекамье анекдот о Шеридане, который пересказан был Байрону; рассказ Тургенева вносит ясность в то место биографии Байрона, написанной Т. Муром, где идет речь об этом случае [49]. Тот же А. И. Тургенев, заехав в 1832 г. в Орлеан, случайно встретился здесь со знаменитой героиней одного из самых сложных жизненных романов Байрона — с графиней Терезой Гвиччьоли и с ее русскими друзьями — графом Ф. А. Толстым, коллекционером и библиофилом, и его дочерью, Аграфеной Федоровной Закревской, воспетой Пушкиным и Баратынским. Рассказывая в одном из своих писем об этой примечательной встрече двух светских красавиц из Равенны и Петербурга, имена которых связаны с английским и русским поэтами, А. И. Тургенев писал: «Возвратился из театра, где сидел в русско-итальянской беседе с Закр ⟨евской⟩ и гр. Guiccioly, урожденной гр. Gamba, которая была в Лондоне, собрала завещанные ей Байроном биографические заметки, стихи и пр. и обещает издать их по подписке» [50].

В числе рукописей, попавших в Ташкент, находится, между прочим, экспертиза почерка Байрона, произведенная братом Гвиччьоли, гр. Гамба, по случаю бракоразводного процесса его сестры [51].

Напомним, что В. А. Жуковский, путешествуя по Швейцарии, занес в свой дневник рассказы о Байроне В. Бонстеттена и его приятельницы — г-жи Сталь [52].

В биографии Байрона хорошо известна Клэр Клэрмонт, приемная дочь Годвина и сестра жены Шелли. С Клэр Клэрмонт Байрон сблизился в Швейцарии, и она стала матерью его дочери Аллегры (1817—1822), умершей в детстве. О Клэрмонт Байрон говорит в «Чайльд Гарольде», ей посвящены его «Стансы для музыки»; именно Клэрмонт, основываясь на ее собственных словах, долгое время пытались считать главной причиной развода Байрона с женой. Мало кто знает у нас, что Клэр Клэрмонт, эта «несчастная жертва счастливой страсти», как она называла себя сама, в течение почти четырех лет (1824—1828) жила в Москве в различных семьях в качестве гувернантки. В ее письмах, плохо комментированных их английскими издателями, встречается много русских имен даже после отъезда Клэрмонт из Москвы; очевидно, связи ее с русскими были довольно крепкими. Клэрмонт упоминает Кайсаровых, Урусовых, Щербатовых, Веркуровых, г-жу Циммерман, музыканта Геништу и других; но имя Байрона только однажды мелькнуло в ее московском дневнике вскоре после приезда в Россию: в газете она прочла о нем «с радостью и надеждой — между известиями о греческих делах — мой дорогой друг был жив и невредим...» [53].

После всего сказанного нетрудно понять, почему в русских семейных архивах могли отыскаться автографические рукописи Байрона. Очень возможно, что еще не все эти рукописи обнаружены, а потому и не могли быть упомянуты в настоящей статье, представляющей лишь первую попытку познакомить читателя с автографами Байрона, находящимися в СССР.



When the Mantle is drawn for a moment apart —
And the days that are over come back on my heart —
Like the Mountains which shirts the horizon at sea
Or as Ages to Empires, those years are to me. —

2.

Is it Cloud? is it Land? was it fancy or truth?
Oh! where are the Eyes & the hopes of my Youth?
I should surely remember those beacons of years,
But confused is the prospect we gaze on through tears.

3.

And the blasts of the Autumn have wrung from the tree
Fruit blossoms, & leaf in the forest I see —
And the hills whose deep blue were relief to the Glow
Of the Sun — though they glitter — but glitter with snow

4.

АВТОГРАФ НЕИЗДАННОГО СТИХОТВОРНОГО ОТРЫВКА БАЙРОНА
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

В начале XIX в. было много поводов для того, чтобы они попадали в эти архивы самым естественным путем; во второй половине века нам известны случаи приобретения подобных рукописей через антиквариаты.

Одной из наиболее интересных неопубликованных рукописей Байрона, отыскавшихся в русском альбоме тридцатых-сороковых годов, хранящемся ныне в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, является черновая рукопись с фрагментом наброска неизвестного лирического произведения. Как попал этот листок в альбом, принадлежавший некоему капитану Андрееву, остается неизвестным, но перед нами безусловно подлинная рукопись поэта с началом какого-то стихотворения; хотя она и не подписана (в правом углу листка, другим почерком, может быть владельца альбома, отмечено: Byron), характерный размашистый почерк Байрона распознается легко.

Отрывок остался незаконченным и неотделанным. Судя по строфической форме, составляющие его строфы (из которых последняя, четвертая, осталась не начатой) должны были составить отдельное лирическое стихотворение. Почерк, каким написан отрывок, позволяет отнести его ко времени около или после 1816 г.; возможно, что фрагмент относится к швейцарскому периоду жизни Байрона. На эту же мысль наводит и данный в нем пейзаж и его общая настроенность.

Приводим окончательный текст этого чернового стихотворения (зачеркнутые слова и разночтения приводятся под строкой).

1

When the Mantle is drawn for a moment apart —
And the days that are over come back on my heart —
Like the Mountains which skirs the horizon at Sea
Or as Ages to Empires, those years are to me.

2

Is it Cloud? Is it Land? Was it fancy or truth?
Oh! Where are the Eyes and the hopes of my Youth!
I should surely remember those beacons of years,
But confined is the prospect we gaze on through tears.

3

And* the blasts of the Autumn have wrung from the tree —
Fruit blossom and leaf ** in the forest I see —
And the hills whose deep blue *** were relief to the glow ****.
Of the Sun — though they glitter *****— but glitter with snow ******.

Буквальный перевод:

1

Когда занавес раздвинут на мгновенье —
И прошедшие дни возвращаются в мое сердце —
Как горы, окаймляющие горизонт моря,
Или как века для царств — для меня эти годы.

---

* And *написано сверху сло́ва, которое стерлось и читается с трудом:* **Far** ⟨?⟩, From ⟨?⟩.

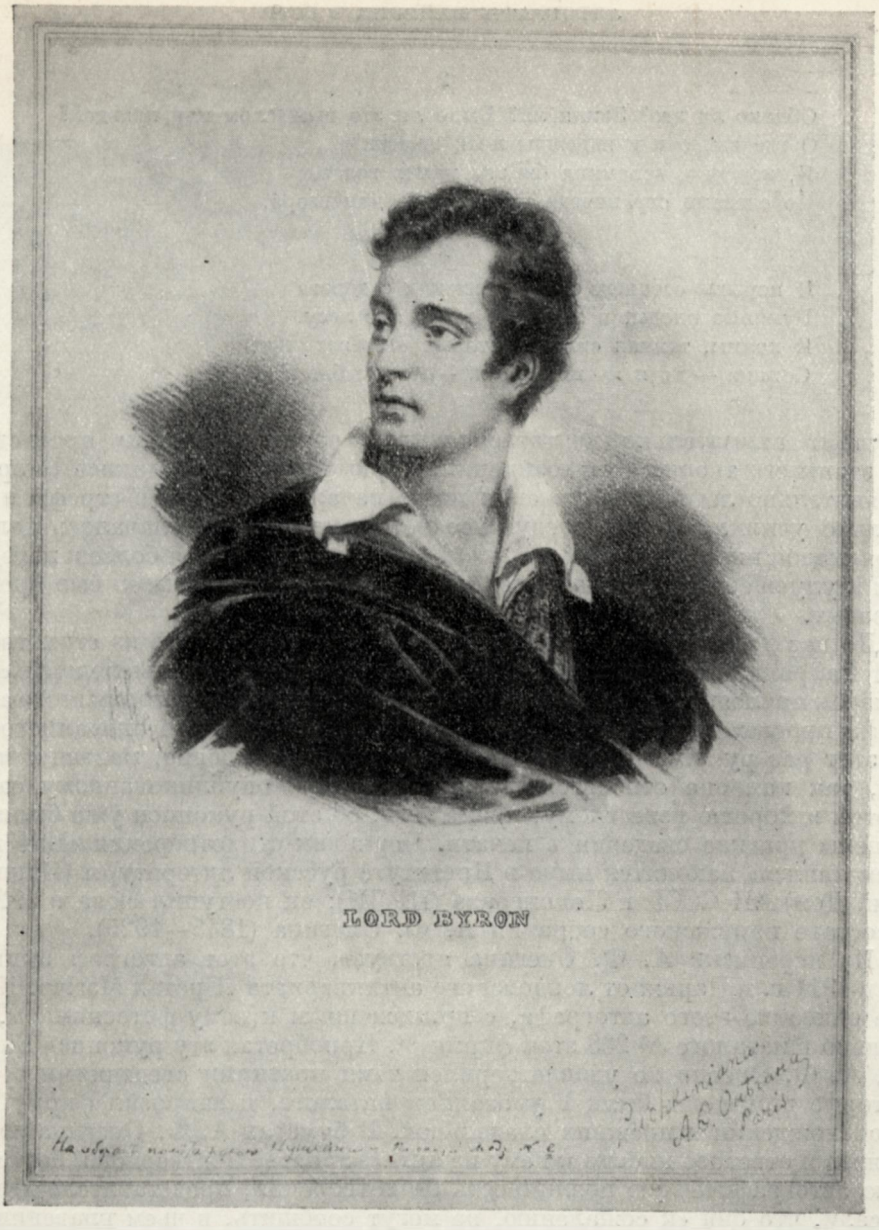
** *Первоначально:* foliage.

*** *Над словами:* whose deep blue *написано несколько слов, густо зачеркнутых; безусловному прочтению поддаются лишь первые два слова:* that were ...

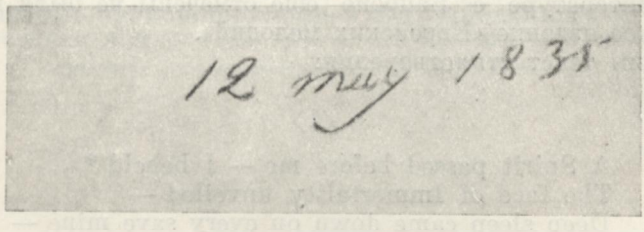
**** *Первоначально:* sun.

***** *Сверху написано и зачеркнуто:* Now ⟨?⟩ glitter with snow.

****** *После 3-й строфы предполагалась следующая, обозначенная в автографе цифрой* 4.



ПОРТРЕТ БАЙРОНА, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ПУШКИНУ
Автолитография Жюльена
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



НАДПИСЬ «12 МАЯ 1835 г.», СДЕЛАННАЯ РУКОЮ ПУШКИНА НА ОБОРОТЕ ПОРТРЕТА

2

Облако ли это? Земля ли? Было ли это вымыслом или правдой?
О где вы, очи и надежды моей юности!
Я, конечно, вспомнил бы эти маяки годов,
Но слезами ограничена перспектива для взора.

3

И порывы осеннего ветра совлекли с дерева
Румяные плоды, и листа не вижу я в лесу.
И холмы, темная синева которых оттеняет блеск
Солнца — хотя и они блестят — но это блеск снега.

Стоит внимательно вчитаться в этот черновик, чтобы проследить все этапы его творческого созидания. Первые две строфы дались Байрону сравнительно легко; затруднения поэта начались с третьей строфы и настолько усилились, что следующее четверостишие обозначалось только порядковой цифрой. Возможно, что Байрон не обращался более к переделкам и улучшениям лежащего перед нами черновика: замысел был брошен и забыт.

До нас дошел также автографический черновик одного из стихотворений Байрона, принадлежащего к циклу его «Еврейских мелодий»: «Мне призрак явился» («A spirit pass'd before me. From Job»). История этого автографа прослеживается несколько лучше, чем только что описанного, но на этот раз рукопись Байрона представляет, безусловно, меньший интерес, так как она относится к стихотворению, опубликованному самим поэтом и хорошо известному; кроме того, об этой рукописи уже были помещены краткие сведения в печати. Черновик стихотворения «Мне призрак явился» находится ныне в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде (ИРЛИ); он поступил сюда в 1928 г. в составе парижского собрания А. Ф. Онегина (1845—1925).

Из переписки А. Ф. Онегина явствует, что этот автограф выписан им в 1911 г. в Париж от лондонского антиквариата «Братья Мэггс». Краткое описание этого автографа, с приложенным к нему фотоснимком, помещено в каталоге № 268 этой фирмы [54]. Приобретая эту рукопись Байрона, А. Ф. Онегин не удовлетворился теми краткими сведениями о ней, которые помещены были в указанном каталоге, и запросил фирму о ее происхождении и прежних владельцах. В бумагах А. Ф. Онегина сохранилось и ответное письмо к нему из антиквариата. Подтверждая безусловную автографическую подлинность стихотворения, представители фирмы писали, что они «к сожалению, не могут сообщить, в чьем владении эта рукопись Байрона находилась ранее»; «она куплена нами на аукционе, но имя ее прежнего владельца не было указано».

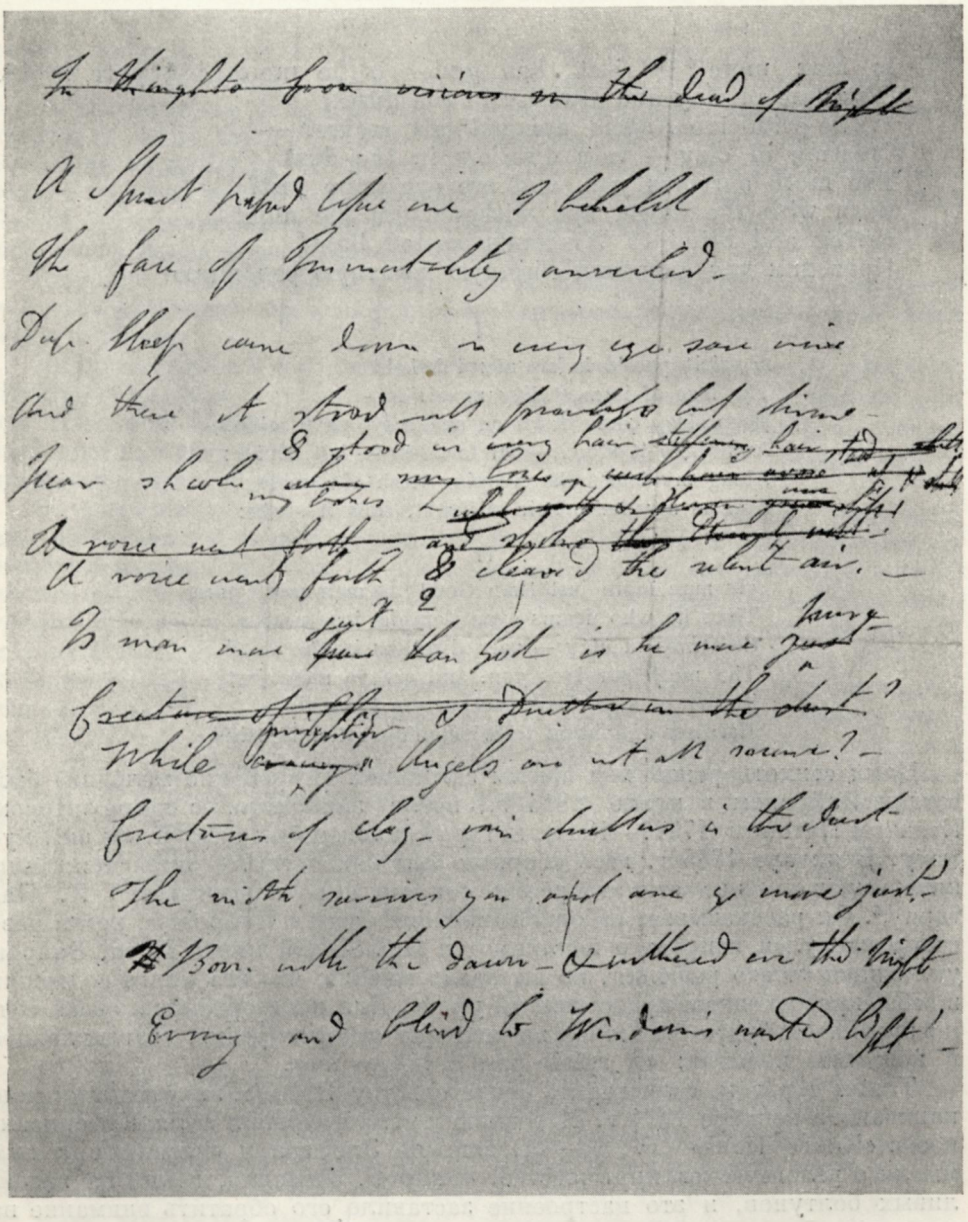
Рукопись представляет собою черновую, первоначальную редакцию стихотворения и не вполне совпадает с обычным печатным текстом; разночтения в литературе о Байроне еще отмечены не были и не введены в критическое издание «Еврейских мелодий».

Приводим текст стихотворения:

⟨1⟩

A Spirit passed before me — I beheld *
The face of Immortality unveiled —
Deep sleep came down on every save mine —
And there it stood, all formless but divine —

* *Перед этой строкой зачеркнуто*: In thoughts from visionsin the dead of night.



АВТОГРАФ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ СТИХОТВОРЕНИЯ БАЙРОНА «МНЕ ПРИЗРАК ЯВИЛСЯ» ИЗ ЦИКЛА «ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ», 1814 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

And stood in every hair *
my bones **
A voice wenth forth and cleaved the silent air.—

⟨2⟩

Is man more *** just than god -- is he more **** pure *****.
[Creature of clay and Dweller in the dust?]
While primitive Angels are not all secure? —
Creature of clay — vain dwellers in the dust
The moth survives you, and are eye more just?
Born with the dawn, and withered ere the night
Erring and blind to Wisdom's wasted light!

Приводим для сличения обычную печатную редакцию:

I

A spirit pass'd before me: I beheld
The face of immortality unveil'd —
Deep sleep came down on every eye save mine —
And there it stood,— all formless — but divine;
Along my bones the creeping flesh did quake;
And as my damp hair stiffen'd, thus it spake:

II

«Is man more just than God? Is man more pure
Than he who deems even Seraphs insecure?
Creatures of clay — vain dwellers in the dust!
The moth survives you, and are ye more just?
Things of a day! you wither ere the night
Heedless and blind to Wisdom's wasted light!»[55]

Цикл стихотворений под общим заглавием «Еврейские мелодии» был создан Байроном в конце 1814 г., после знакомства с композитором Исааком Натаном (1791?—1864), который должен был написать к ним музыку. В январе 1815 г. весь сборник был напечатан. О происхождении интересующего нас стихотворения сохранилось свидетельство И. Натана [56]. Он рассказывает об одной из своих бесед с Байроном, когда разговор коснулся вопроса о подлинности библейской книги Иова. Байрон уклонился от его решения, но высказал мнение, что эта книга содержит в себе «превосходный нравственный урок». Для подтверждения своей точки зрения он будто бы тотчас же написал стихотворение, озаглавленное в печатном издании: «A spirit pass'd before me».

Таким образом, если верить свидетельству Натана, это стихотворение написано в декабре 1814 г. Источником стихотворения является описанное в «Книге Иова» (IV, 13—21) видение Элифаса и связанные с ним мысли о человеческом ничтожестве. «Байрон, очевидно, пенял на назойливых болтунов, и это настроение заставило его обратить внимание на это мрачнейшее место книги Иова»,— замечает один из исследователей этого лирического цикла Байрона [57].

Если взглянуть на описываемый черновик стихотворения, то ряд его особенностей заставит усумниться в достоверности рассказа Натана,

---

* *Далее зачеркнуто*: Stiffering hair stood
Near ⟨*нрзб.*⟩ along my bones or each...
** *Далее зачеркнуто*: while spoke me A voice went forth and spoke the ⟨*нрзб.*⟩
*** *Далее зачеркнуто*: pure
**** *Далее зачеркнуто*: just
***** *Далее зачеркнуто*: erring

обычно цитируемого в комментариях к «Еврейским мелодиям». Характерно, что первый же стих черновой редакции, затем в рукописи зачеркнутый, читался так: «In thoughts from visions in the dead of night», что ближе к вдохновившему Байрона месту из «Книги Иова» (IV, 13: «Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей...»), чем начало общеизвестного текста стихотворения. Другие изменения, которым подвергнута была черновая рукопись (например, колебания в стихе четвертом: «And there it stood, all formless but divine», «and stood in every hair — stiffering hair stood» или густо зачеркнутые последние стихи первой строфы) также подтверждают, что едва ли,— как это утверждал Натан,— стихотворение написано было экспромптом, с большой быстротой, после спора о подлинности «Книги Иова».

Как видно из ленинградского автографа, Байрон, несомненно, трудился над отделкой этого стихотворения и, вероятно, имел перед собою текст «Книги Иова».

Упомянем, кстати, что в архиве Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ) сохранилась английская рукопись неизвестного лица, озаглавленная «Неопубликованная Еврейская мелодия, соч. лорда Байрона», переписанная на бумаге 1823 г. Однако это один из типичных образцов многочисленной «псевдобайронианы» [58].

В советских архивохранилищах обнаружено также несколько еще не бывших в печати подлинных писем Байрона. Происхождение их весьма различно, история их прослеживается с недостаточной полнотой, но все же представляется несомненным, что к русским коллекциям автографов они были приобщены не позже, чем в середине или во второй половине XIX в. Только об одном из них,— неизданном письме Байрона к Джемсу Вебстеру 1813 г.,— можно было бы высказать предположение, что оно попало в русский архив ранее. Это письмо находится ныне в архиве ИРЛИ; оно поступило сюда вместе с другими рукописями собрания кн. Александра Сергеевича Меншикова (1787—1869). Никакими данными о том, когда было приобретено это письмо его прежним владельцем, мы не располагаем.

Тем не менее, есть основания думать, что оно оказалось в руках Меншикова, известного деятеля трех царствований, вольнодумца и остряка, в сравнительно ранние годы его жизни [59].

Приводим самое письмо:

4 Bennet Street
St. James's. July 25, 1813

My dear Webster,

I have but just heard of your present residence.— — — Rushton tells me that you offered him a situation last spring on your Agricultural establishment for which he is well adapted having been educated for that purpose.— If you still wish to have him — though it is eventually my intention to provide for him—it would be a very good thing for him for a few years— as I am now going abroad almost immediately and having parted with Newstead — and not quite arranged my Rochdale concerns. I am rather at a loss for his present employment. On this of course you will act as you think proper.— His own statement led me to write to you on the subject. He is honest — good tempered and has had a very fair education — as far as a country school could give. Will you favour me with an answer when convenient.— — — —

I have been very little in town this year and quite ignorant of all your movements — I hope however that L⟨ady?⟩ F⟨rancis?⟩ has increased your happiness and family and have little doubt of your welfare which I wish very sincerely. If I prolonged this letter I should only talk to you

of myself a topic not very interesting and of which you have too much already — my Egotism therefore shall briefly end in my begging you to believe that I ever am

yours very truly
and affect⟨ionately⟩
Byron

J. W. Webster Esq-re
etc. etc. etc.

Перевод:

Беннет-стрит, 4
Сент-Джеймс. 25 июля 1813 г.

Дорогой Вебстер.

Я только сейчас услышал о Вашем теперешнем местожительстве. Раштон говорит мне, что прошлой весной Вы предлагали ему должность на Вашем сельскохозяйственном участке, для которой он вполне подходит, так как обучался этому делу. Если он Вам еще нужен, то это было бы для него прекрасно, хотя в дальнейшем я и имею в виду обеспечить его сам,— но сейчас, когда я продал Ньюстед и не вполне наладил дело в моем Рочдейльском имении, а сам в ближайшее время уезжаю за границу, я несколько затрудняюсь, как бы я мог им сейчас воспользоваться. В этом вопросе Вы, конечно, поступите так, как найдете нужным. Я пишу Вам по этому поводу только на основании того, что слышал от него. Он честен, добродушен и получил очень приличное образование, насколько его может дать сельская школа. Не откажите сообщить мне Ваш ответ, как только Вам это будет удобно.

Я мало бывал в городе в этом году и ничего не знаю о Вашей жизни. Надеюсь, однако, что л⟨еди?⟩ Ф⟨ренсис?⟩ увеличила Ваше счастье, семейство и почти не сомневаюсь в Вашем благополучии, которого желаю Вам от души. Если я продолжу это письмо, то буду говорить только о себе — тема не очень интересная и уже Вам наскучившая, поэтому мой эготизм будет пресечен тем, что я попрошу Вас принять мои уверения в том, что я остаюсь неизменно преданный и расположенный к Вам

Байрон

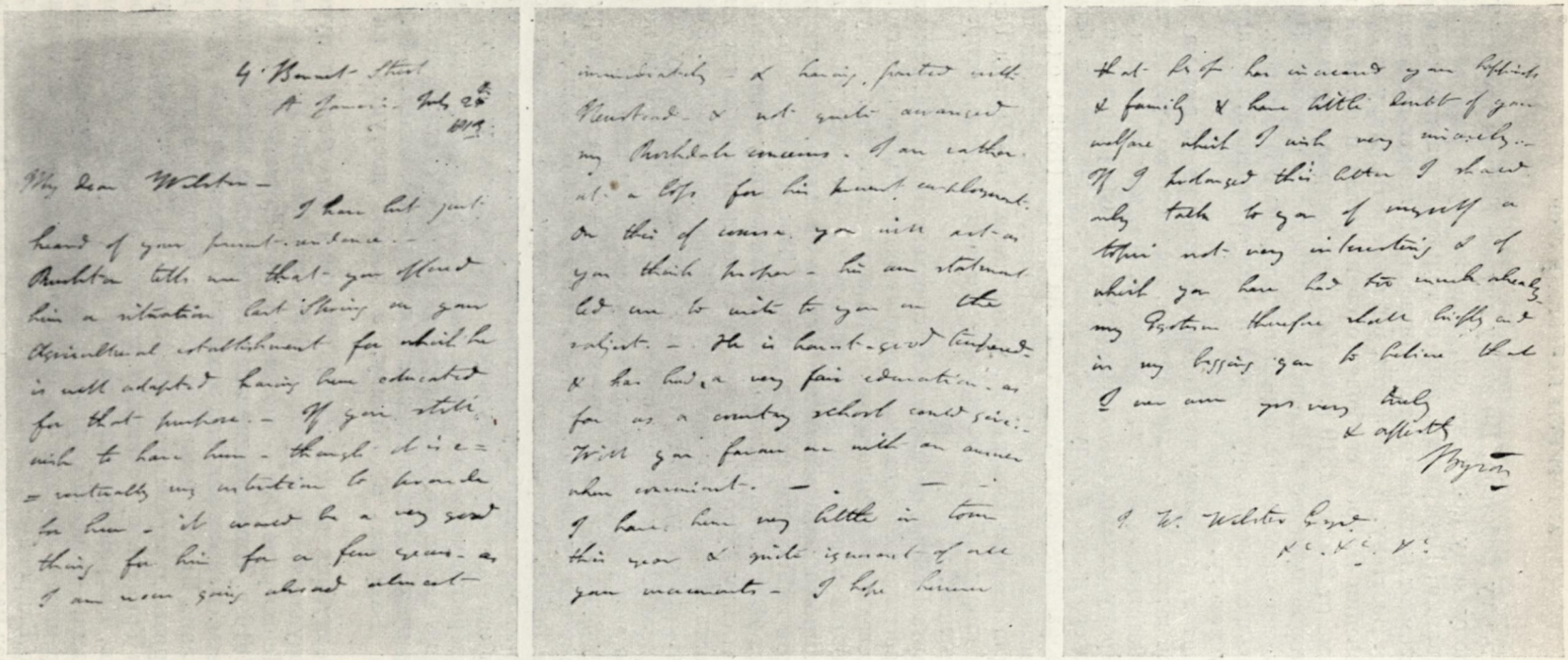
Дж. У. Вебстеру, Эск⟨вай⟩ру
и т. д. и т. д.

Письмо адресовано Джемсу Уеддербёрну Вебстеру (1789—1840), посредственному поэту, хорошо известному по биографии Байрона. Еще в 1810 г. Байрон был вместе с Вебстером в Афинах и затем изредка обменивался с ним письмами. Вебстер был женат на Френсис-Каролине Эннесли (Annesley), с которой Байрон был очень дружен; когда в 1823 г. она рассталась с мужем, Байрон пытался их примирить. Именно леди Френсис Байрон и имеет в виду, выражая надежду в публикуемом письме, что она принесла Вебстеру «и счастье, и увеличение семейства». В 1816 г. Вебстер выпустил в Париже книгу своих стихотворений: «Waterloo and other poems», на титульном листе которой стоит эпиграф из байроновского «Чайльд Гарольда». В предисловии к этой книге Вебстер также упоминает о «гигантских талантах и могущественном гении моего друга лорда Байрона», а в тексте одного из стихотворений того же сборника дает и большой стихотворный «портрет» Байрона, преисполненный высокопарных слов, преувеличений и риторических красот [60].

Однако Байрон невысоко ставил стихотворческие опыты своего приятеля. Перелистав его длиннейшую и бездарнейшую «героическую» поэму о Ватерлоо, Байрон мог только восклицанием выразить свое впечатление от поэмы (в письме к Т. Муру от 25 марта 1817 г.):

«Я пробежал страницы Вебстеровского „Ватерлоо“. О, о!» [61].

Узнав о том, что Вебстер написал эпитафию ему, Байрон в письме к Дж. Мёррею (9 марта 1817 г.) признал, что он предпочел бы написать эпитафию самому Вебстеру, и забавлялся, что в упомянутом сборнике его стихотворений были напечатаны две эпитафии: одна Байрону, другая —



АВТОГРАФ ПИСЬМА БАЙРОНА К ДЖЕМСУ ВЕБСТЕРУ ОТ 25 ИЮЛЯ 1813
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

любимому бульдогу Вебстера. По этому случаю Байрон просил Т. Мура передать злополучному поэту, что он, подобно герою известной свифтовской мистификации, Партриджу, жив не только в настоящее время, но был жив и в момент написания этой эпитафии. В печати известен ряд писем Байрона к Вебстеру. В частности, в письме к Вебстеру от 8 сентября 1818 г. из Венеции Байрон сообщает о своих делах и о жизни в Венеции [62]; в письме от 2 июля 1819 г. из Равенны Байрон выражает сожаление, что Вебстер не приехал в Италию и не повидался с ним [63]. Публикуемое письмо займет свое место в переписке Байрона с Вебстером. Оно подтверждает в общем вполне дружеский тон их отношений, но написано по специальному поводу.

Роберт Раштон, которому посвящена бо́льшая часть письма Байрона, был его слугой и любимцем. Сын фермера, жившего в окрестностях Ньюстедтского аббатства, Роберт, или просто «Боб», как его звали все, приглянулся Байрону однажды, когда поэт увидел его работающим в поле, и Байрон взял его к себе в услужение. Юный Раштон должен был сопровождать Байрона в первом путешествии на восток (1809), однако с ним Байрону пришлось расстаться уже в Гибралтаре [64]. Раштон послужил прототипом для «маленького пажа», упоминаемого в «Чайльд Гарольде». Сохранились письма Байрона, посланные с Робертом, отправленным обратно в Англию.

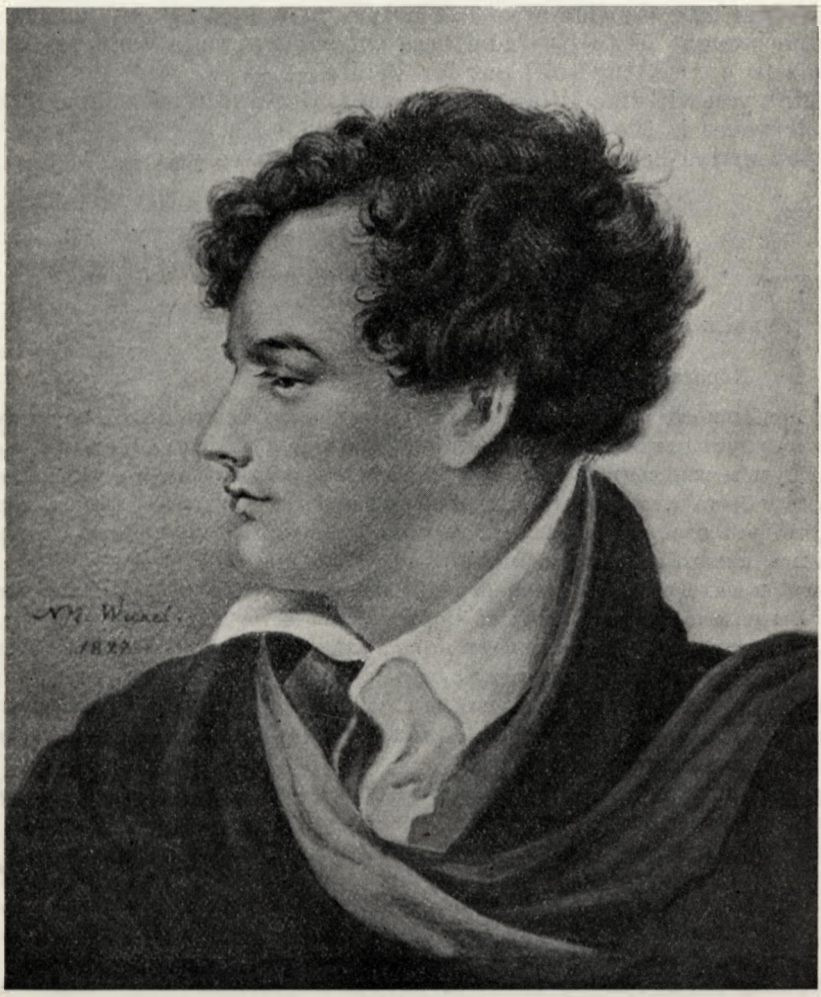
Отцу Роберта Байрон писал, что он отсылает мальчика, так как дальнейшее путешествие небезопасно, и просит вычитать из арендной платы 25 фунтов ежегодно в течение трех лет на его воспитание: «Окружите его всяческой заботой и пошлите его в школу» [65]. В последующих письмах из Турции Байрон не раз вспоминал о своем любимце. Нежную заботливость о Роберте Байрон выражал и позднее. Так, в завещании, написанном 12 августа 1811 г., Байрон предназначал Раштону «пятьдесят фунтов ежегодно» и тысячу фунтов единовременно по достижении им двадцатилетнего возраста. В письме к Раштону от 24 февраля 1813 г. Байрон сообщал ему, что хочет устроить его на какую-нибудь работу до своего отъезда из Англии. Так возник проект предложить Раштона на службу к Вебстеру, о чем рассказывает публикуемое нами письмо.

Из последующих известных в печати писем Байрона к Вебстеру видно, что соглашение между ними относительно Раштона состоялось. В письме от 12 августа 1813 г. Байрон сообщил Вебстеру, что Раштон готов к его услугам, но что он хотел бы удержать его у себя еще на несколько недель — и тут же дает ему следующую характеристику: «В том, что он честен, я уверен; думаю, что он мужественный и скромный человек. На образование его не щадили ни стараний, ни средств; ведение счетов, отчетности и проч. он должен знать и, полагаю, знает...» [66]. Раштон сопровождал Байрона в Женеву, а затем поступил на службу к Вебстеру.

Другое неопубликованное письмо Байрона находится в рукописном отделении Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Это — письмо к Генри Триваньону из Милана от 15 октября 1816 г. Никаких данных о его прежнем местонахождении мы также не имеем. Байрон написал это письмо через три дня после приезда своего в Милан. Первое дошедшее до нас миланское письмо Байрона к Джону Мёррею датировано тем же 15 октября 1816 г. [67], что и публикуемое письмо к Триваньону; очевидно, только в этот день после своего приезда в Милан, Байрон принялся за письма к друзьям. Естественно, что оба эти письма,— известное ранее и впервые публикуемое, написанные почти одновременно, совпадают в некоторых подробностях; тем не менее, новое письмо Байрона сохраняет свое значение первоисточника, дающего живой рассказ как о самом переезде через Альпы и дальнейшем пути мимо

Лаго Маджьоре, с группой его небольших, скалистых борромейских островов, через Арону, Сесто, Ломбардию, в Милан, так и о самом этом городе.

Генри Триваньон — лицо известное в биографии Байрона. Триваньон находился в родстве с Байроном [68], жил с ним в Швейцарии и вскоре вслед за ним собирался ехать в Италию. Письмо Байрона написано для того, чтобы предупредить Триваньона, как лучше совершить путь через



БАЙРОН
Акварель Виккеля, 1824 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Симплон. Триваньон принял его советы к сведению и, как известно из последующих писем Байрона, вскоре присоединился к нему и к его друзьям в Милане.

Приводим письмо:

Milan. Octr 15th 1816

Dear Trevannion.

We arrived here a few days ago after a tedious but undisturbed journey — and many others having passed before, and since — I believe the road may be accounted tolerably safe. Near the frontier or rather on passing Cesto —

it may be as well to take a couple of gens d'armes though perhaps even this is superfluous — nobody having been stopped since the affair of Hope's courier — — — —

The Simplon is in very fair order and a most magnificent route it forms — you can also see the Borromean Islands — the road leading along the Lago Maggiore — they are worth the voyage — which is only a few hours.— Of the inns here I can only speak from report — n o n e v e r y g o o d — our own indifferent — but it is not the best by any means — the vetturino brought us to it — and here we shall remain for the fortnight previous to our setting [off] out for Venice — —

I think you will like Milan — the town is fine and reminds one of Seville which however is the finer of the two.

If you arrive before our departure I hope to see you

Ever yours very truly
B y r o n

На обороте: A Monsieur Monsieur Trevannion. Poste restante. Génève

П е р е в о д:

Милан. 15 октября 1816 г.

Дорогой Триваньон,

Мы прибыли сюда несколько дней тому назад после томительного, но вполне благополучного путешествия, совершенного многими и до и после нас, и отныне, полагаю что этот путь можно считать более или менее безопасным. Близ границы или, вернее, при проезде Сесто [69], может быть, желательно нанять двух-трех жандармов, хотя возможно, что это является излишним, поскольку со времени происшествия с курьером Хопа здесь никого не останавливали...

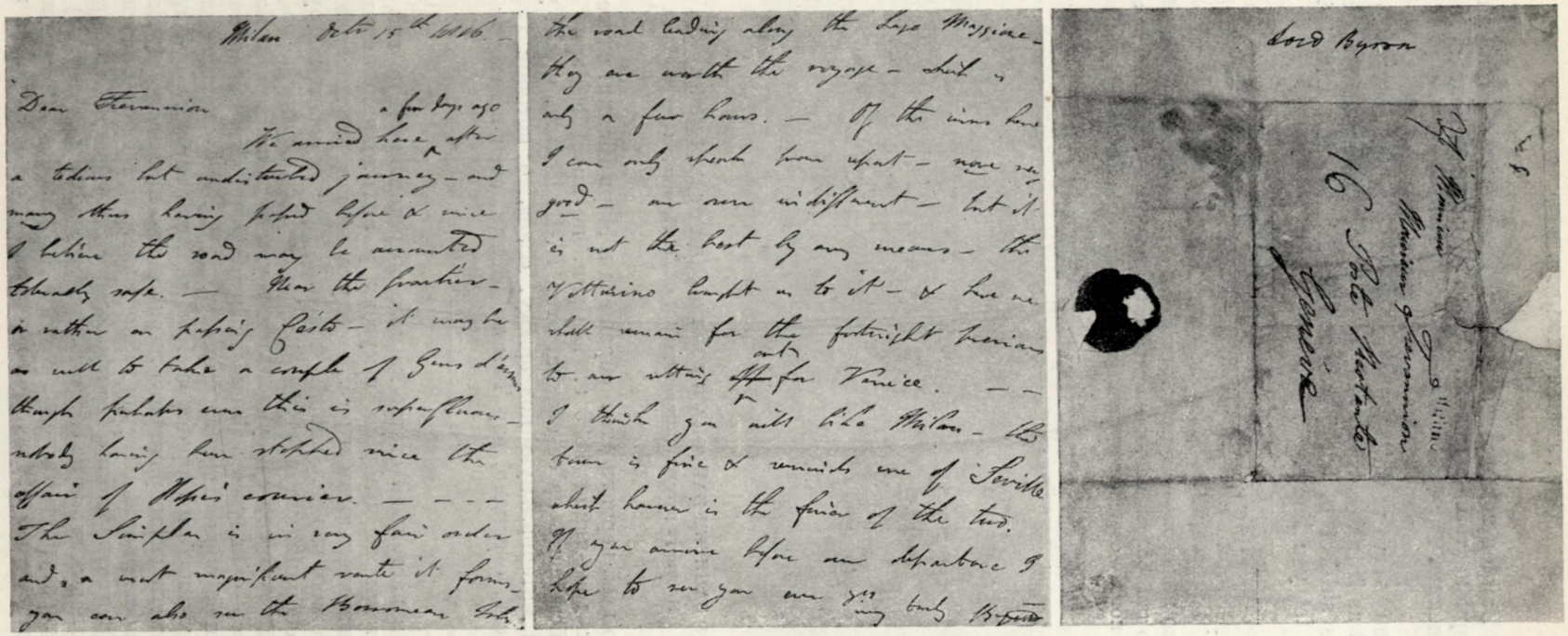
Симплон находится в полном порядке и представляет собою великолепнейший путь,— Вы можете также посмотреть Борромейские острова, так как дорога тянется вдоль Лаго Маджьоре — они вполне стоят прогулки, которая занимает всего несколько часов. О местных гостиницах могу судить только с чужих слов — н и о д н о й х о р о ш е й, — наша ни то ни сё, но она и не считается здесь одной из лучших. Нас доставил сюда веттурино ⟨извозчик. — итал.⟩ и здесь мы предполагаем пробыть две недели, пока не двинемся в Венецию...

Думаю, что Вам Милан понравится — город красив и напоминает Севилью, которая все же красивей.

Если Вы приедете до нашего отъезда, надеюсь с Вами повидаться.

Преданный Вам
Б а й р о н

В архиве Института русской литературы имеется еще одна записка Байрона, написанная на клочке бумаги без водяных знаков. Она поступила сюда из собрания К. К. Романова (поэта К. Р.), куда, в свою очередь, этот автограф попал от Ольги Алексеевны Новиковой (1840—1925), политической деятельницы и публицистки, с семидесятых годов постоянно жившей в Англии и там умершей. В той части архива О. А. Новиковой, которая хранится там же, имеется много автографов английских государственных деятелей, историков, писателей и т. д., адресованных ей лично; среди этой обширной коллекции автографов есть, однако, некоторое количество писем и других документов, относящихся к значительно более раннему времени: вероятно, все эти автографы были подарены О. А. Новиковой ее многочисленными английскими друзьями; среди этих приношений, сделанных не ранее 70-х годов, была несомненно и упомянутая записка Байрона. На автографе неизвестной рукой сделана карандашная помета на английском языке: «Byron to Shelley» (Байрон —



Milan Octr 15th 1816 —

Dear Trevannion

We arrived here a few days ago after a tedious but undisturbed journey — and many others having passed before & since I believe the road may be accounted tolerably safe. — Near the frontier — or rather on passing Cesto — it may be as well to take a couple of Gens d'armes though perhaps even this is superfluous — nobody having been stopped since the affair of Hope's courier. — — —

The Simplon is in very fair order and a most magnificent route it forms — you can also see the Borromean Isles the road leading along the Lago Maggiore — they are worth the voyage — which is only a few hours. — Of the inns here I can only speak from report — none very good — our own indifferent — but it is not the best by any means — the Vetturino brought us to it — & here we shall remain for the fortnight previous to our setting out for Venice. — —

I think you will like Milan — the town is fine & reminds one of Seville which however is the finer of the two.

If you arrive before our departure I hope to see you ever yrs very truly Byron

Lord Byron

Dr Monsieur Trevannion
Monsieur Trevannion
16 Poste Restante
Genève

АВТОГРАФ ПИСЬМА БАЙРОНА К ГЕНРИ ТРИВАНЬОНУ ОТ 15 ОКТЯБРЯ 1816 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Шелли). Хотя Байрон подписался здесь не полным именем, но лишь инициалами, почерк настолько похож, что авторство Байрона не подлежит никакому сомнению.

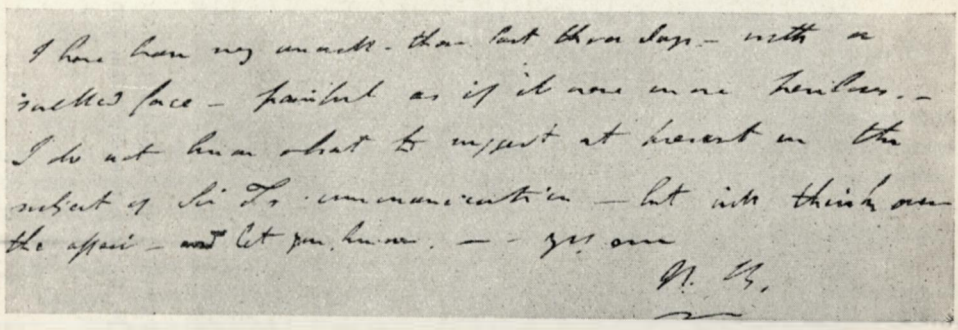
I have been very unwell — these last three days — with a swelled face — painful as if it were in ⟨*нрзб.*⟩ — I do not know what to suggest at present on the subject of Sir T's communication — but will think over the affair and let you know.

Yours N⟨oel⟩ B. ⟨y r o n⟩

Перевод:

Я был сильно нездоров — в течение этих последних трех дней — у меня был флюс; причем это было так болезненно, как будто это было ⟨*нрзб.*⟩. Сейчас я не знаю, что посоветовать по поводу сообщения сэра Т., но я обдумаю это дело и дам вам знать.

Ваш Н⟨оэль⟩ Б⟨а й р о н⟩



АВТОГРАФ ЗАПИСКИ БАЙРОНА К МЭРИ ШЕЛЛИ ОТ МАЯ-ИЮНЯ 1823 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Записка, по всей вероятности, обращена к Мэри Шелли, вдове поэта, и относится к маю-июню 1823 г. Байрон, по просьбе Мэри Шелли, пытался воздействовать на ее свекра, отца П.-Б. Шелли, чтобы убедить его оказать ей материальную поддержку. «Сэр», о котором говорится в записке, и есть, очевидно, сэр Тимоти Шелли, отец поэта [70].

Собранные в настоящей статье данные об оставшихся до сих пор не известными автографах Байрона в музеях и архивохранилищах СССР являются предварительными и не претендуют на исчерпывающую полноту. Очень возможно, что дальнейшие поиски в других советских рукописных фондах и собраниях приведут к открытию новых автографов выдающегося английского поэта-трибуна. Однако уже и те автографы Байрона, которые удалось обнаружить, описать и подвергнуть первоначальной исследовательской обработке, несомненно, представят интерес для исследователей его жизни и творчества. Конечно, как впервые опубликованный здесь фрагмент незавершенного лирического произведения Байрона, так и, в особенности, варианты уже давно известных в печати поэтических его сочинений (стихотворения «Мне призрак явился» из цикла «Еврейских мелодий», нескольких строк из сатиры «Британские барды» и т. д.) займут свое место в литературном наследии поэта и должны быть учтены в общем перечне источников того поэтического текста, который входит в полные

собрания его сочинений. Безусловный интерес для биографии Байрона представляют также впервые печатающиеся здесь по автографам четыре новых письма Байрона 1813—1822 г.: каждое из них дает дополнительные факты для истории жизни поэта, его личных отношений с разными людьми, его дружеских и общественных связей. В публикуемых письмах биограф Байрона найдет новые для себя свидетельства: о переписке поэта с Вебстером и Триваньоном, дополняющей ранее известные данные; о впечатлениях его после первого приезда в Милан в 1816 г.; о сношениях его с Джульяни и скульптором Бартолини и т. д.

Происхождение и дальнейшая история почти всех приведенных в настоящей статье автографов Байрона могли быть прослежены довольно подробно на основании рукописных документов из тех же русских архивов; эти документы, в свою очередь, представляют известный интерес для характеристики ближайшего окружения Байрона и той обстановки, в которой начиналось собирание и изучение его рукописного наследия. Не забудем, что в нашей стране имя Байрона и его «огненное слово» высоко ценилось прогрессивными деятелями русской культуры в то самое время, когда он был жестоко ославлен и ненавидим на своей родине. Некоторые автографы Байрона попали в русские рукописные собрания еще при его жизни; они бережно хранились здесь в течение многих десятилетий и в настоящее время доступны всем исследователям его творчества, вызывающего все больший и больший интерес советских литературоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ernst H. Coleridge and Rowland E. Prothero. The Works of Lord Byron. A new text collated with the original MSS. and revised proofs, with many hitherto unpublished additions. L., 1898—1904. 13 vols. (Poetry — 6 vols. Letters and Journals — 7 vols.) (переиздано в 1918 г. без дополнений).

См. в этом издании хронологический перечень писем Байрона с указанием на источники их текста (т. VI, стр. 459—492). Критика своевременно отмечала ряд недостатков этого издания, в том числе и его неполноту. Ср. в нашей статье «Байрон и английская литература». — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. XV. Л., 1938, стр. 57 и сл.; см. также: «The Ravenna Journal by G. G. Byron... Mainly compiled in 1821 and new for the first time issued in the book form». L., 1928 (The first edition Club); «Seventeenth Letters of G. N. G. Lord Byron to an Unknown Lady, 1811—1817». Ed. with Introduction and Notes by Walter Edwin Peck.» N. Y., 1930.— Это — переиздание писем, уже ранее опубликованных в чрезвычайно редком издании: «The Unpublished Letters of Lord Byron. Ed. with a Critical Essay of Poet's Philosophy and Character. By N. S. Schultess-Young. L., 1872. Ср. ценный двухтомный библиографический труд: T. J. Wise. A. Bibliography of the Writings in Verse and Prose of G. N. G. Lord Byron, vol. II. L., 1933, p. 55—56. См. также «G. G. Byron. A selfportrait. Letters and Diaries with the letters hitherto unpublished. Ed. by Peter Quenell». L., 1950. 2 vols. См. также специальное руководство для определения и изучения автографов Байрона: «A Reference Catalogue of British and Foreign Autographs and Manuscripts», ed. by Thomas Nise, Part VII. G. G. N. Byron. L., 1898.

[2] Предварительное сообщение лишь о двух новонайденных рукописях Байрона (о фрагменте неизвестного стихотворного замысла и о черновике одного из стихотворений цикла «Еврейские мелодии») опубликовано нами в «Научном бюллетене Ленинградского гос. университета», 1945, № 3, стр. 40—42.

[3] Извлекаем эти данные из неопубликованного чернового письма А. И. Тургенева к Томасу Муру (Лондон, 2 апреля 1829 г.), хранящегося в архиве братьев Тургеневых (ИРЛИ АН СССР), а также из находящегося здесь же неопубликованного письма А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому из Лондона от 17 марта 1829 г. В этом письме Тургенев рассказывает о состоявшемся накануне свидании его с издателем Джоном Мёрреем: «Вчера виделся с издателем Муровой биографии Бейрона, книгопродавцем Мурраем, приятелем Бейрона. Хочет ли Вяз<емский> переводить или хотя в извлечении издать на русском биографию Мура и письма к нему и к прочим Бейрона? Автор и издатель готовы в листах доставлять мне книгу их, которой с нетерпением ожидает читающая Европа. Наш перевод не повредит расходу оригинала».

Таков был смелый план этого издательского предприятия А. И. Тургенева, о котором он уже ранее договорился с Т. Муром и теперь условился с Дж. Мёрреем.

В русской издательской практике тех лет появление в печати перевода одновременно с выходом в свет оригинала, ради скорейшего удовлетворения читательского любопытства, было еще новостью; Тургенев хотел попробовать ввести у нас такую практику и, вероятно, имел бы успех.

[4] «Русский архив», 1876, № 2, стр. 471.

[5] «Библиографический очерк гр. В. Г. Орлова, составленный внуком его, гр. В. Орловым-Давыдовым», т. I, СПб., 1878, стр. 253—256.— Архив Орлова хранится в Государственном историческом музее в Москве.

[6] М. Бутурлин. Очерк жизни гр. Д. П. Бутурлина.— «Русский архив», 1867, № 3.

[7] Во французском подлиннике письма несомненная описка: «C'est une lettre à Giuliani et la seule que le poète ait jamais écrit en français». Следовало, конечно, сказать: «en italien». Это письмо не издано и находится в том же собрании Г. В. Орлова (ГИМ).

[8] Byron. Letters and Journals, vol. II, p. 436.

[9] Ibid., vol. VI, p. 350—351.— Факсимиле письма Байрона на итальянском языке к синьору Парукка (Parucca) от 11 марта 1822 г. приложено к воспоминаниям о нем Н. Гамбы: Gamba, Peter, count. A. Narrative of Lord Byron's Last journey to Greece. L., 1825 (между страницами 209—210).— Гамба замечает при этом, что читатели, знающие итальянский язык, найдут в этом автографе Байрона лишь одну незначительную орфографическую ошибку.

[10] Лоренцо Бартолини поселился во Флоренции в 1814 г. и состоял здесь профессором скульптуры в местной Академии. Известны изваянные им бюсты г-жи Сталь, Россини, Керубини и т. д. См. о нем: G. Scartabelli. Biografia di Lorenzo Bartolini. Firenze, 1852; H. Delaborde. Lorenzo Bartolini в его книге: «Etudes sur les Beaux Arts», vol. I. P., 1864, p. 233—486; P. Marmottan. Les arts en Toscane sous Napoléon. P., 1901, p. 33—43, 254—257.

[11] Matthews.Diary of an Invalid,p.56; Цитата приведена в книге: Th. Moore. Byron's Life. Letters and Journals. L., 1860, p. 555.

[12] Byron. Letters and Journals, vol. VI, p. 37 (письмо к Мёррею из Пизы от 6 марта 1822 г.).

[13] Медвин. Записки о лорде Байроне, ч. I. СПб., 1835, стр. 5—6.

[14] Byron. Letters and Journal, vol. VI, p. 117 (письмо от 23 сентября 1822 г.).

[15] Op. cit., t. VI, p. 131 (письмо от 24 октября 1822 г.).

[16] W. A. Shaw. The Authentic Portraits of Byron.— «The Conoisseur», 1911, august, p. 255—256.— При статье опубликованы снимок с оригинала бюста Байрона работы Бартолини в Национальной портретной галлерее в Лондоне (№ XX) и воспроизведение гравюры Генри Кольбёрна (Colburn) 1824 г., изображающей тот же бюст (№ XIX). Именно эта гравюра была воспроизведена и при издании русского перевода книги Медвина «Записки о лорде Байроне» (СПб., 1835).

[17] Отметим также неясность в написании фразы: «Pregate ‹pregato?› il fr. ‹fratello? frate?› Bartolini di compiere...»; последнее слово может читаться и как compare.

[18] М. Бутурлин. Записки.— «Русский архив», 1897, № 4, стр. 590—591.

[19] Felice Tribolati. Lord Byron a Pisa.— «Nuova Antologia», 1874, p. 631—665.

[20] Byron. Letters and Journals, vol. V, №№ 954, 955, 957, 958, 962, 963, 965; vol. VI, №№ 970, 971—972, 984, 989, 992—995, 1000, 1003.

[21] «Современник», 1849, т. XV, Смесь, стр. 221 (разрядка наша.— *М. А.*).

[22] Эта расписка не воспроизводилась; она лишь упомянута в описании коллекции П. Л. Вакселя.— «Столица и усадьба», 1915, № 33, стр. 9—12.

[23] Титул синьора Гиджи (Ghigi), как, впрочем, и его имя (может быть Gligi — Льиджи?) написан неразборчиво: pad[re]? reverendo? venerando?

[24] «Рукою Пушкина». М.— Л., 1935, стр. 647—648; «Летописи Гос. литературного музея», кн. I. Пушкин. М., 1936, стр. 327—352.

[25] П. Вяземский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1884, стр. 62—66.— Первоначально напечатано в «Московском телеграфе», 1827, № 23, стр. 110—127.

[26] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским». Т. I. Пг., 1921, стр. 68.

[27] Там же, стр. 68.— Упоминаемый в письме Charles Dallas (1754—1824), которого Вяземский совершенно правильно называет «стариком», так как он был старше Байрона более чем на тридцать лет,— был с Байроном в приятельских отношениях и написал воспоминания о нем. О портрете Байрона 1822 г. работы американского художника Веста (W. E. West) см. «The Authentic portraits of Lord Byron», в журн. «The Conoisseur», 1911, august, p. 256—258.

[28] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», стр. 76.

[29] «Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, стр. 199.

[30] Е. К. Бенкгаузен умер в Мариенбаде 28 августа 1844 г., 57 лет.— См. «Остафьевский архив», т. III (Примечания). СПб., 1908, стр. 695; ср. там же, т. IV, стр. 229. Интересно отметить, что к Е. К. Бенкгаузену был в это время близок будущий знаменитый поэт Роберт Браунинг. Ранней весной 1834 г. Браунинг, только что вступивший

на литературное поприще, приезжал в Петербург в должности секретаря Бенкгаузена (Mrs S u t h e r l a n d Orr. Life and letters of Rob. Browning. L., 1891, p. 64—65; Francis M. S i m. Rob. Browning, the poet and the man, 1833—1846. L., 1923, p. 33—34).

[31] Все письма Е. К. Бенкгаузена к П. А. Вяземскому написаны на французском языке и приводятся нами в переводе; они хранятся в архиве Вяземских (Центр. гос. литературный архив); изданы не были. Что же касается портретов Байрона, посланных Вяземскому из Лондона, то они встречались и в русских книжных магазинах и служили оригиналами для русских воспроизведений. Рисунок художника Зверева воспроизводит портрет Байрона, писанный Вестом. Пушкин также приобрел себе литографированный, раскрашенный акварелью портрет Байрона работы Жюльена. На обороте Пушкин написал карандашом: «12 may 1835» («Рукою Пушкина». М.— Л., 1935, стр. 345). Известен также портрет Байрона, исполненный в 1824 г. знаменитым русским акварелистом Петром Федоровичем С о к о л о в ы м (1787—1848). В основу этого портрета Соколов положил зарисовку, сделанную Дж. Г. Харлоу в Италии. Однако Соколов во многом отошел от зарисовки Харлоу, внеся в свой рисунок черты, которые казались ему наиболее характерными для облика Байрона (см. И. З и л ь б е р ш т е й н. Неизвестный портрет Байрона.— «Огонек», 1949, № 16, стр. 21). Всевозможные портреты Байрона были у нас широко распространены в двадцатые—шестидесятые годы («Русский архив», 1897, № 5, стр. 73—74; «Старина и новизна», кн. XXII. Пг., 1917, стр. 49); их дарили друзьям, нередко со стихотворными надписями. Одну из таких надписей мы находим, например, на обороте портрета Байрона, подаренного знакомцем Пушкина, второстепенным поэтом этой поры, Лукьяном Андреевичем Якубовичем (ум. 1839). Приводим эту надпись, так как она еще не воспроизводилась:

С е с т р е М а р ь е А н д р е е в н е
п р и п о с ы л к е к н е й п о р т р е т а Л о р д а Б а й р о н а

Чудесной силой песнопенья
Умеет Байрон чаровать,—
И вопль души и чувств волненья
Своим струнам передавать.
Внимай ему тоской убитый,
Кто в жизнь надежду погубил,
Кто на поблекшие ланиты
Кровавых слез поток пролил;
Внимай ему без сожаленья
Без слез, без скорби, без страстей,
Ищи в нем слов для выраженья
Ужасных мук души своей;
Но ты, как пери молодая,
Гляди на чудный лик певца,
Его судьбу воспоминая,
Жалей в нем мужа и отца.

Лукьян Я к у б о в и ч.

[32] См. о ней в книге: M a d d e n. The literary life and correspondence of the Countess of Blessington. L., 1855; Molloy F i t z g e r a l d. The most gorgeous Lady Blessington. L., 1896, 2 vols.

[33] См., например, Edgar D a w s o n. Byron and Moore. Diss. Leipzig, 1902, p. 10—11, 13—24.

[34] «Московский телеграф», 1825, № 20, стр. 345.

[35] П у ш к и н. Полн. собр. соч., изд. АН СССР т. XIII. М.—Л., 1937, стр. 243.

[36] E. D a w s o n. Byron and Moore, p. 37.

[37] Б а й р о н. Библиотека великих писателей. Под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1904, стр. 524.

[38] B y r o n. Works, Poetry, vol. I, p. 373—375.

[39] Ibid., vol. VII, p. 225—230.

[40] Ibid., vol. VII, p. 305,308—310.—Наиболее полное и точное описание всех изданий этой сатиры Байрона дает Th. J. W i s e. A bibliography of the writings in verse and prose of G. G. N. Byron, vol. II, L., 1932, p. 19—49.

[41] Б а й р о н. Соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1904, стр. 526.

[42] Письмо Байрона к Дж. Мёррею от 4 февраля 1814 г. («Letters and Journals», vol. III, p. 23).

Маркиз де Кюстин в своей книге «La Russie en 1839» (Paris, 1843, t. I, p. 173—180. Козловский назван здесь К***), упоминая о совместной поездке морем с П. Б. Козловским в Петербург, приводит его рассказ о прежнем властителе одного из эстонских островов, бароне Унгерн-Штернберге, который, по словам Козловского, «мог послужить прототипом более чем для одного лишь героя лорда Байрона». «Когда кн. Козловский закончил свой рассказ,— сообщает Кюстин,—

все воскликнули, что барон Унгерн-Штернберг был из числа Манфредов и Лар.— „Это так и есть,— отвечал князь, не боявшийся парадоксов, — потому-то Байрон и кажется нам таким маловероятным, что он брал свои модели из действительности“» (ср. W. D o r o w. Fürst Kosloffsky. Leipzig, 1846, s. 132). Близость этого рассказа к сюжету «Лары» Байрона едва ли случайна.

[43] B r o u g h t o n. Lord (John Cam Hobhouse). Recollections of a long life. L., 1909, vol. II, p. 13—14.

[44] С. Д у р ы л и н. Русские писатели у Гёте в Веймаре.— «Лит. наследство», т. 4-6, 1932, стр. 408—409.— Здесь же подробные данные об А. Г. Строганове (1795—1891). Он начал военную службу в гвардейской артиллерийской бригаде и принял участие в войнах 1812—1814 гг.; участвовал в сражениях под Дрезденом и Кульмом и вступил с русскими войсками в Париж. Время его пребывания в Венеции (между 1818—1820 гг.?) остается неизвестным. Об отце А. Г. Строганова, Г. А. Строганове, Байрон мог слышать еще в бытность свою в Испании (1809) и, вероятно, его упоминает он в «Дон Жуане» («Русский архив», 1908, № 10, стр. 294; 1899, № 8, стр. 475; «Дневник Пушкина». Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.— Л., 1923, стр. 150—151).

[45] «Дневник В. К. Кюхельбекера». Под ред. В. Орлова и С. Хмельницкого. Л., 1929, стр. 256—258. Михаил Афанасьевич Д о х т у р о в (сын Афанасия Афанасьевича Дохтурова и графини Варвары Федоровны Толстой) в 1837—1838 гг. служил штаб-лекарем в Одессе и ординатором Одесской городской больницы (В. В. Р у м м е л ь и В. В. Г о л у б ц о в. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886, т. I, стр. 243). Трелоуни (Edward-JohnTrelawney, 1792—1881), английский литератор, друг Байрона и Шелли.

[46] П. В я з е м с к и й. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, стр. 76.— Речь идет о лорде С т р а т ф о р д е, будущем виконте Редклиффе (Stratford Canning, 1788—1880) и о беседе с ним в конце 1824 или начале 1825 г. в Петербурге, куда он ненадолго был назначен послом. Стратфорд цитирует письмо Байрона к Дж. Мёррею из Венеции от 6 апреля 1819 г., которое издано было лишь в 1830 г. Т. Муром.

[47] В 1838 г. П. А. Вяземский ездил в Англию и познакомился здесь с рядом писателей, в том числе с Джейн Портер; племянница ее, как это видно из записи дневника Вяземского от 28 сентября 1838 г., обещала ему «письмо к сестре лорда Байрона» (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 178). В неизданном письме к жене от 4 октября 1838 г. Вяземский пишет: «Спасибо ей за то, что дала она мне письмо к сестре лорда Байрона, которую увижу в Лондоне, и постараюсь быть в New-Stead, любимом замке Байрона. Авось встречусь там с тенью его» (ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 1551). Свидание Вяземского с Августой Ли, повидимому, не состоялось, но поездка его в Нью-Стедское аббатство была осуществлена в начале ноября того же 1838 г. Из неизданного письма Вяземского к жене от 11 ноября 1838 г. мы подробно знаем об обстоятельствах этого посещения: Вяземский хотел все видеть собственными глазами и поклониться праху поэта, который был властителем дум его юных лет. Приводим выдержки из этого любопытного документа:

«На другое утро, в 8 часов, т. е. 7-го числа, сидел я уже в паровой карете и на этот раз sans papa, ni maman, т. е. не взяв с собой ни учителя, ни нянюшки. Митрофанушка эмансипировался. Как по маслу докатился я до местечка, а там пересел в дилижанс до Ноттингама, около 130 миль от Лондона. В 9 часов вечера был в Ноттингаме, там взял chaise de poste и поскакал на свидание с тенью Байрона <...> Я знал, что писано полковнику... <В подлинном тексте письма пропуск; очевидно, Вяземский забыл имя Уайльдмена>, нынешнему владельцу New-Stead, и не боялся приехать слишком поздно. Напротив, ночной приезд, мысль, что может быть прямо попаду в комнату, где жил Байрон, все это было очень поэтически. Н о п о д о ж д е м к о н ц а. Титулярный советник мой не дремал, и когда подъехал я к запертым воротам и кучер мой объявил сонному привратнику, что я приехал к полковнику, раздался страшный: „Not at home“ <нет дома>. Полагая, что тут какой-нибудь mistake <ошибка>, сказываю, что у меня есть письмо к полковнику, ничто не помогает, мои объяснения ничего в ясность не приводят, привратник, соскучась разговором, ругнул меня, прихлопнул окошко и пошел спать. Что тут прикажете делать? Деспотически и повелительно я еще кое-как умею управлять английским языком, скажу что мне нужно, и мне отвечают исполнением. Но конституционное управление языком вовсе не по мне: если встречу возражение, оппозицию, если нужно входить в переговоры, тут я сбиваюсь с толку и теряю голову, как Наполеон в свое стодневное царствование. Таким образом, раба божия повезли обратно в Ноттингам. По счастию, я нашел тут на другой день итальянского refugié <эмигранта>, который дает уроки на всех языках и вызвался быть и мне языком. Полковника, точно, не было, и он еще за несколько дней до извещения о моем приезде поехал куда-то с герцогом Суссекским. Хоть и жалею, что его не застал, ибо он, сказывают, очень милый человек, но, по крайней мере, я не даром съездил: видел New-Stead и в слуге полковника нашел довольно сведущего и начитанного чичероне. Он показывал мне спальню Байрона, комнату, в которой он написал две первые песни Дон-Жуана и читал их пастору-соседу. В комнатах, где жил Байрон, оставлено по возможности все, как было при нем. На стене портрет Фокса и портрет Жаксона, учителя байроновского в науке кулачной. Из окошка видны пригорки, о коих

Байрон говорит в своем «Сновидении» и где жила Mary Chawort, вышедшая после замуж за Musteres, который срубил деревья, воспетые Байроном. Во многих частях замок сохранил свой первобытный вид монастырский, и это смешение старины, новизны, монашеских и поэтических преданий придает ему особенную прелесть. Сад кругом мрачен и угрюм. Перед домом на лугу стоит дуб, посаженный Байроном в детстве: ему теперь сорок лет. Оттуда ездил я за четыре мили в Hucknall Torkard church; бедная деревенская церковь, в которой погребен Байрон и лежат тела его матери и девяти его предков. В книге для записывания имен посетителей — ибо в Англии везде записываются, во дворцах, в замках, в церквах,— писал я свое имя и прибавил: з а с е б я и в п а м я т ь П у ш к и н а ‹...› Нет сомнения, что я первый из русских поклонился праху Байрона. Бедный, думал ли он, что остатки ‹!› его сохранены будут в таком смиренном жилище. Mais l'Angleterre est implacable, и никогда — по крайней мере, доколе Англия то-есть, что она есть — не допустит она их занять приличное им место в Вестминстерских стенах».

[48] Речь, несомненно, идет о романе второстепенного писателя Джорджа У о к е р а (George Walker, 1772—1847): «Три испанца или тайны замка Монтильо» (L., 1800), переведенном также и на французский язык; в этом типичном «готическом» романе есть отдельные мотивы, напоминающие «Гяура» (1813), однако сходство это не дает никаких оснований для того вывода, к которому пришла А. Форбс.

[49] В юности Рекамье бывала в Лондоне и встречала там ряд людей, которых потом хорошо знал и Байрон. Однажды Рекамье представлен был Ричард Шеридан, создатель «Школы злословия». Один из рассказов Рекамье о Шеридане А. И. Тургенев вспомнил, читая только что вышедшую биографию Байрона, написанную Муром. Этот рассказ, комментирующий один из анекдотов, помещенных в книге Мура, Тургенев сообщил в письме к Вяземскому от 24 мая 1830 г.: «В записках Мура о Байроне найдете, что Шеридан что-то сказал Байрону о театре и Рекамье, но загадка не объяснена. Рекамье рассказала мне с прелестною простотою весь случай. В приезд ее в Лондон толпа обожателей окружила ее, но мать стерегла свое нетронутое сокровище и оборонила ее от неугомонных поклонников. Шеридан был тогда au pinacle ‹на вершине› парламентарной и театральной славы своей, и герцогиня Девонширская назначала ему место в своей ложе, чтобы представить его парижской красавице. Но вот беда: английский оратор не умел сказать двух слов по французски, объяснялся через переводчика с красавицей, но обвороженный ее милым лицом, схватил платок ее и спросил у переводчика как сказать For ever [навсегда]. Pour toujours,— отвечал он. Он поцеловал платок страстно и спрятал его, повторив ей слова Pour toujours. Этот анекдот пересказали, вероятно, Байрону» («Остафьевский архив», т. II, стр. 201). А. И. Тургенев имеет в виду то место в книге Т. Мура, где он приводит выдержку из дневника Байрона от 6 марта 1814 г.: «В последний четверг обедал вместе с Роджерсом,— присутствовали мадам де Сталь, Макинтош, Шеридан ‹...› Шеридан рассказал очень хорошую историю о себе самом и носовом платке мадам де Рекамье» (Th. Moore. Letters and Journals of Lord Byron, London, 1860, p. 229).

[50] Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским, т. I. Пг., 1921, стр. 357—358.— Тереза Гвиччьоли, действительно, вместе с братом, графом Пьетро Гамбой, провела зиму 1832/33 г. в Англии, весьма подозрительно и враждебно встреченная английским обществом; ее осудили даже за поездку на могилу Байрона близ Ньюстедтского аббатства. Книга ее воспоминаний о Байроне вышла много лет спустя на французском языке (1868), однако не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

[51] Документ хранится в Ташкентском музее. Экспертиза почерка Байрона произведена Dr. Leonardo Ovioli в 1822 г.; речь идет о том, записан ли адрес: «à Madame la Comtesse Guiccioli» рукою Байрона. См. «Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы», вып. 1. Ташкент, 1926, стр. 265.

[52] «Дневники В. А. Жуковского». СПб., 1903, стр. 137.

[53] План переселения Клэрмонт в Москву созрел уже в 1823 г., но осуществлен был не ранее конца этого или начала следующего года. Из писем, опубликованных Д. Маршаллом в биографии сводной сестры Клэрмонт, Мэри Шелли, можно составить себе довольно ясное представление об условиях, в которых Клэрмонт очутилась в Москве (J. Marshall. The Life and Letters of Mary Wollstonecraft Shelley. Vol. II, London, 1889, p. 64, 120—121, 131, 136, 142—148, 157—164, 236. О Клэрмонт см. также A. C. Gordon, Allegra. The Story of Byron and Miss Clairmont, N. Y. 1926). Клэрмонт тщательно скрывала свое прошлое и, вероятно, жила в Москве под чужим именем. В первые годы после приезда в Москву, куда она явилась не имея ни покровителей, ни друзей, ей, повидимому, жилось тяжело; положение ее улучшилось, когда она поступила в дом просвещенной семьи Кайсаровых, где воспитывала их дочь Наталью. С 1830 г. Клэрмонт несколько раз ездила с Кайсаровыми за границу и подолгу жила там. Опасения Клэрмонт, что ее биография и родственные связи могут повредить ей, были основательны. Как только нескольким лицам в Москве стало известно, что она находится в родстве с опасным вольнодумцем В. Годвином, многие из оказывавших ей поддержку отвернулись от нее. Среди них был некий «московский профессор», преподававший в Московском университете английский язык. Повидимому, это был Томас Эванс (1785 — 1849),

состоявший ректором Московского университета с 1809 по 1826 г. До приезда в Россию Эванс лично знал многих выдающихся английских писателей, но, по словам его биографа, он «долго не мог примириться с Байроном, которого вместе с разными критиками обвинял в безнравственности направления» (Н. Ф. Павлов. Томас Эванс.— «Москвитянин», 1849, № 3, кн. 1, «моск. летопись», стр. 71—78). Естественно, что, придерживаясь весьма консервативного образа мыслей, Эванс ужаснулся, когда узнал о ее родстве с Годвином, тем более, если до него дошел также слух об ее отношениях к Байрону или дружбе с Шелли. Недавно опубликованные выдержки из дневника Клэрмонт, московского периода ее жизни (1824—1828), дают ряд любопытных бытовых деталей, но, к сожалению, они слишком лаконичны (R. G. Grylls. Claire Clairmont, Mother of Byron's Allegra. London, 1939, p. 175—192). Здесь упоминается некий Захар Николаевич (Zachar Nicolaevitch); издатель принял отчество за фамилию и называет семью, в которой она жила в качестве гувернантки — «Николаевичи» (the Nicolaevitchs), с женой Марьей Ивановной и двумя детьми, Иваном и Дуней; они имели собственный дом в Москве. К этой семье был близок некий эмигрант и поэт Гамбс (Hambs), написавший поэму «Моисей», в судьбе которого Клэрмонт принимала некоторое участие; упоминается также какой-то «доктор немец» (Henkin), игравший роль домашнего врача в семье Захара Николаевича и т. д.

[54] Maggs B r o s. Rare Books Prints & Autographs 109 Stand. L., W. C. Catalogue, N° 268, 1911; см. здесь № 285 и приложенный снимок (plate IX).

[55] Русский перевод этого стихотворения см.: Б а й р о н, т. I. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1904, стр. 405.

[56] I. N a t h a n. Fugitive Pieces and Reminiscences of Lord Byron. L., 1829, p. 185.

[57] Karl Adolf B e u t l e r. Über Lord Byron's Hebrew Melodies. Leipzig, 1912, S. 150—154.

[58] «An Unpublished Hebrew Melody. By Lord Byron».— Это псевдо-байроновское стихотворение не является и подражанием «Еврейским мелодиям»: ему присущ ярко выраженный «турецко-магометанский колорит».

[59] Служба А. С. Меншикова началась в 1805 г. при русских посольствах в Берлине и Лондоне, затем он перешел в гвардейскую артиллерию, участвовал в войне с турками, в войне 1812 г., в заграничных походах. В 1817 г. Меншиков произведен был в генерал-адъютанты и сопровождал Александра I на конгрессы в Троппау, Лайбахе и Вероне. Не в эти ли годы, когда Байрон в своих сатирах клеймил «священный союз» как оплот европейской реакции, досталось Меншикову письмо английского поэта? В это время Меншиков уже хорошо знал произведения Байрона и, странствуя по Европе, вероятно немало слышал о нем из уст разнообразных свидетелей его жизни и деятельности. Стоит отметить, что и сам Меншиков прослыл не только злоязычным сатириком, но и опасным вольнодумцем. Известно, что составленный им в 1821 г. проект освобождения крестьян принят был при дворе крайне неблагосклонно, а затем столкновения его с Аракчеевым заставили его вовсе уйти в отставку. Еще Денис Давыдов говорил о Меншикове, что он «умел приспособить свой ум ко всему, но не мог сделать своего ума из разрушающего созидающим», последующие поколения отдавали должное его тонкому уму и разностороннему образованию и начитанности. Библиотека А. С. Меншикова считалась одной из лучших в Петербурге (А. И в а н о в с к и й. Государственный канцлер Н. П. Румянцев. СПб., 1871, стр. 160—161).

[60] B y r o n. Letters and Journals, vol. IV, p. 60—61.

[61] Ibid., vol. IV, p. 79; в приложении к этому тому ответ Вебстера на критику его поэмы, помещенную в «Quarterly Review» (L. J., vol. IV, p. 445).

[62] Ibid., vol. IV, p. 60—61.

[63] Ibid., vol. IV, p. 99.

[64] Ibid., vol. IV, p. 254, 322.

[65] Ibid., vol. I, p. 283.— Письма Байрона к Раштону (от 21 и 25 января 1812 г. и от 24 февраля 1813 г.) напечатаны здесь же, vol. II, p. 93—94, 190—191.

[66] Ibid., vol. II, p. 177.

[67] Ibid., vol. III, p. 375—376.

[68] Дед Байрона, адмирал Джон Байрон, в 1748 г. женился на своей двоюродной сестре, Софии-Триваньон. Генри Триваньон был родным внуком ее брата. После смерти поэта Генри Триваньон сыграл роковую роль в судьбе дочери Байрона, Медоры. См.: E. C. M a y n e. Byron, vol. II. L., 1912, p. 327—328.

[69] В подлиннике письма Байрон написал Cesto, т. е. Често, однако это ошибка: следует Sesto, т. е. Сесто. В одновременно написанном письме к Дж. Мёррею Байрон также упоминает это место: «Sesto или Cesto, я забыл [как оно пишется]» — L. J., vol. III, p. 375.

[70] «Lord Byron's Correspondence chiefly with lady Melbourne, Mr. Hobhouse, the Hon. Douglas Kinnaird and P. B. Shelley». Ed. by John Murray. L., 1922, vol. II, p. 267. Ср. письмо Мэри Шелли к Байрону от июня 1823 г., где она сожалеет о его болезни и надеется, что болезнь пройдет с переменой погоды; см. «Correspondance», vol. II. Ed. by J. Murray, 1922, p. 267.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ КНИГИ

Сообщение Н. Смирнова-Сокольского

Советскому читателю, изучающему великую русскую литературу, интересна не только история литературы и отдельных произведений, не только биография того или другого писателя, но порою и биография той или иной книги.

Биографии некоторых книг не менее интересны, чем биографии их авторов. Многие книги были уничтожены царской цензурой, многие сделались редкостью; наконец, некоторые экземпляры интересны тем, что на них сохранились собственноручные надписи или пометки их авторов. В раздел «необыкновенных» надо отнести также те книги, к которым приложены рисунки, собственноручно исполненные художниками. Немалый интерес представляют собою и экземпляры книг, изданных в ограниченном количестве, или, наоборот, выпущенных когда-то большими тиражами, «для народа», и зачитанных до полного уничтожения: в библиотеках их не хранили.

Вот несколько заметок о необыкновенных книгах из числа тех, которые мне довелось собрать.

I

По сообщению библиографа П. А. Картавова[1], личная библиотека и бумаги директора Публичной библиотеки в Петербурге Алексея Николаевича Оленина (1763—1843) были в 1900 г. приобретены у его наследников известным книгопродавцем В. И. Клочковым. Большинство книг и бумаг Оленина Клочков продал в Публичную библиотеку, но кое-что пустил в продажу по магазинам.

Пройдя через коллекцию еще одного собирателя, на мою долю из этого наследства досталась иллюстрированная книга басен И. А. Крылова издания 1825 г. с дарственной надписью: «Алексею Николаевичу Оленину от сочинителя» и большим, собственноручно написанным стихотворением великого русского баснописца. Стихотворение это посвящено А. Н. Оленину. Начинается оно словами:

«Прими, мой добрый меценат,
Дар благодарности моей и уваженья...»

Вероятно, по настоянию самого «доброго мецената» стихотворение это было напечатано для всеобщего сведения в альманахе «Северные цветы» на 1828 год.

Дарственные автографы И. А. Крылова на книгах столь редки, а книжка его басен, изданная в 1825 г., столь примечательна, что и то и другое заслуживает внимания.

Двойственная роль Оленина, который, под видом самой искренней «дружбы и предстательства», осуществлял в то же время полуофициальное политическое наблюдение над творчеством баснописца, была ясна и

самому Крылову. В басне «Соловьи» он недвусмысленно говорил о своей участи:

А мой бедняжка соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

Дочь Оленина — Варвара Алексеевна, объясняя библиографу В. Ф. Кеневичу скрытый смысл некоторых крыловских басен, сделала против басни «Соловьи» примечание, гласящее, что басня эта написана «для батюшки — А. Н. Оленина»[2]. Соловей в этой басне — сам Крылов, а «батюшка», очевидно, один из тех, кто «стерег» его.

Зато, не кто иной, как А. Н. Оленин, самым деятельным образом помогал Крылову в издании его басен. Роскошно изданная книга 1825 г., на которой Крылов сделал дарственную надпись своему «меценату», явилась не первым иллюстрированным изданием басен Крылова. Еще в 1815 г. столь же роскошно была издана книга басен; чтобы напечатать ее, А. Н. Оленин получил дотацию три тысячи рублей [3].

На второе, более полное иллюстрированное издание 1825 г. Оленин «исхлопотал» для Крылова пособие уже в размере десяти тысяч [4].

Но и помимо денег, Оленин принимал ближайшее участие в издании басен Крылова в 1815 и 1825 гг.

Издание 1815 г. украшено пятью гравюрами на отдельных листах и шестью гравированными картинками в тексте. Рисовал художник И. Иванов, гравировали на меди — М. Иванов, С. Галактионов, Д. Кулибин и А. Петров. В книге басен издания 1825 г.— девять гравюр на меди, рисованных художниками И. Ивановым, А. Зауэрвейдом и сыном А. Н. Оленина — П. А. Олениным (им исполнен портрет Крылова); гравировали — С. Галактионов, И. Фридриц, И. Ческий, Ф. Иордан.

Уже один только список имен художников и граверов, лучших для своего времени, указывает на высокое качество изданий. Все гравюры подписаны также и личной монограммой Оленина («А. О.»), обозначавшей, что работы граверов и художников велись при его участии и под его наблюдением.

Однако оба эти великолепные издания отличались одним крупным недостатком. И та, и другая книга, снабженные оттисками гравюр, отпечатанные на прекрасной бумаге, были изданы в ничтожном количестве экземпляров, всего по 40—50 каждая.

В. А. Верещагин, описывая эти книги, сообщает, что «обе они были изданы, по всей вероятности, в весьма ограниченном числе экземпляров, и в тех, весьма редких случаях, когда они попадаются в продаже, оказываются большей частью переплетенными в современный изданию сафьяновый переплет с золотым обрезом» [5].

Эти «роскошные» экземпляры тщательно хранились в библиотеках, заставляя знатоков восхищаться «олениской широтой». Однако у В. С. Сопикова, при упоминании о книге басен Крылова, выпущенной в 1815 г., указано, что не все издание было роскошным. Книга поступила в продажу в трех видах: «На веленевой бумаге — 25 рублей, на обыкновенной —15 рублей и то ж без картин — 8 рублей».

Мне удалось установить, что не только издание 1815 г., но и издание 1825 г. было выпущено в трех видах.

Издание первого вида, на прекрасной бумаге, в марокене, с гравюрами, было отпечатано в ничтожном количестве экземпляров и предназначалось исключительно для «любителей» и «знатоков».

Издание второго вида — для «полулюбителей». Оно полностью повторяет первый вид, но отпечатано на значительно худшей бумаге, с плохими оттисками гравюр (медные доски не могли выдержать большого

И. А. КРЫЛОВЪ.

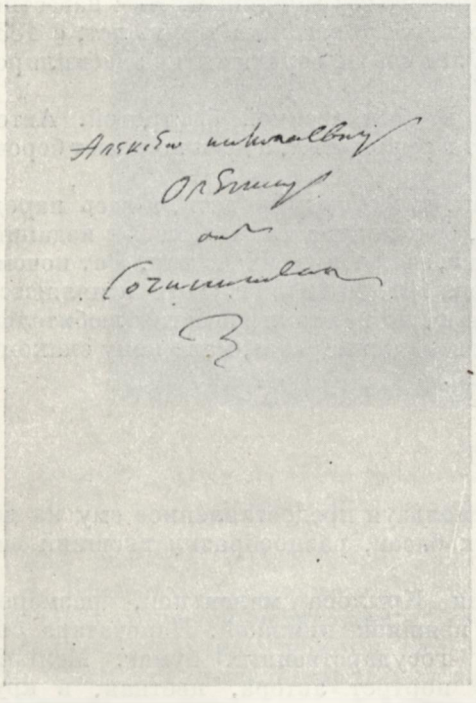
БАСНИ

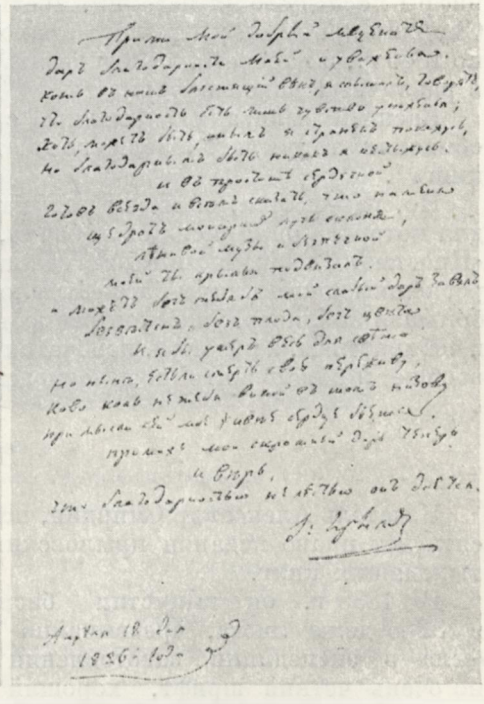
ИВАНА КРЫЛОВА,

ВЪ СЕМИ КНИГАХЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1825.





ЭКЗЕМПЛЯР БАСЕН КРЫЛОВА ИЗДАНИЯ 1825 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ И СТИХОТВОРЕНИЕМ, ПОСВЯЩЕННЫМ БАСНОПИСЦЕМ А. Н. ОЛЕНИНУ

Фронтиспис, титульный лист и два форзаца книги

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

тиража), в простых переплетах. Книга 1825 г. в этом втором ухудшенном виде в точности повторяет вид первый, книга же 1815 г. во втором своем виде кое-чем отличается от первого. Так, например, на странице 47-й ухудшенного издания 1815 г. отсутствует картинка к басне «Квартет» (вероятно, доска с этой картинкой лопнула тогда, когда печатался первый вид). На месте картинки стоит фраза: «Конец первой части». Кроме того, по неизвестной причине, в ухудшенном издании выпало заглавие басни «Волк на псарне». Басня идет просто под номером пятнадцатым, без заглавия. Других различий между первым и вторым видом, кроме качества бумаги и печати,— нет.

Тираж этого второго вида обоих годов издания, по всей вероятности, был тоже невелик.

Ясно, что оба издания — «роскошное» и «полуроскошное» — до рядового читателя не доходили.

В руки рядового читателя попали экземпляры только третьего, так сказать, «массового» вида издания обоих годов. Книги эти ничем не примечательны. В «массовом» издании 1815 г. сохранена одна виньетка на заглавном листе, а к изданию 1825 г. приложен только портрет Крылова и то напечатанный уже не с доски И. Фридрица, а с копии, сделанной гравером И. Степановым. Остальные иллюстрации отсутствуют. Бумага посредственная, обложки простые, печатные [6].

Зато тираж этого издания «для бедных» и в 1815 г. и в 1825 г. был велик. Книга 1815 г. вышла трехтысячным тиражом, количество же печатных экземпляров издания 1825 г.— просто поражающее: десять тысяч экземпляров. Цифра для того времени громадная: перед ней бледнеют даже цифры последующих изданий, предпринятых Смирдиным. Как известно, Смирдин приобрел у Крылова право издания басен на десять лет, с 1830 по 1840 г., и напечатал за эти десять лет свыше сорока тысяч экземпляров в различных видах и форматах.

Басни Крылова раскупались с необыкновенной быстротой. Автор объяснял это тем, что «басни его дают в руки детям, а дети не умеют беречь книг» [7].

Но, разумеется, он и сам понимал, что отнюдь не дети, а весь народ, для которого он и писал свои басни, был покупателем дешевых изданий. «Простые люди» жадно читали его книги, зачитывали их до дыр. Вот почему роскошные экземпляры басен Крылова 1815 и 1825 гг. хотя и являются большой библиографической редкостью, но все-таки известны любителям и собирателям, а издания, напечатанные «для народа», мало кому знакомы вообще, и обнаружить их невозможно.

II

Издатель Александр Смирдин, используя предоставленное ему на десять лет право издания крыловских басен, разнообразил внешний вид выходящих книг.

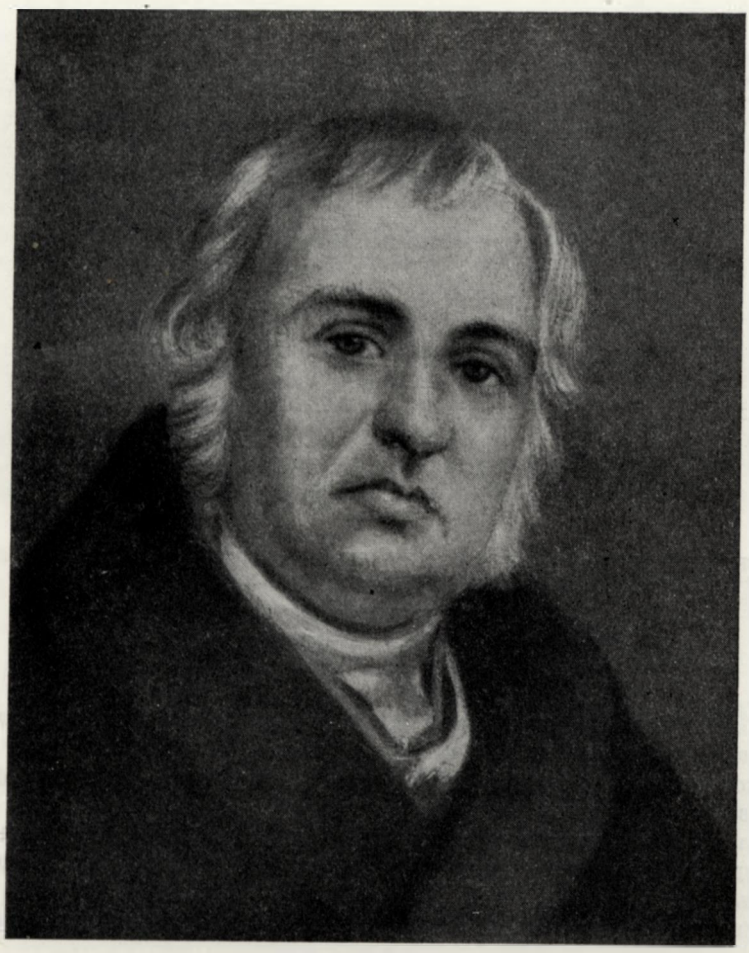
В 1835 г. он выпустил басни Крылова маленькой, размером в 32-ю долю листа, чрезвычайно изящной книжкой. Напечатана она была в экспедиции заготовления государственных бумаг. Мелкий, но очень четкий шрифт, хороший портрет автора, цветная, в кружевном орнаменте обложка — привлекли к этому изданию всеобщий интерес.

Белинский горячо приветствовал изящно изданную книжку.

«Она возбуждает всеобщее удивление и живейшую радость, как доказательство, что у нас распространяется вкус к красивым изданиям, а вместе с ним и успехи книгопечатания»,— писал критик [8].

В 1837 г. А. Ф. Смирдин, распродав это издание, полностью повторил его в том же виде.

На форзацном листе моего экземпляра этого повторного издания, переплетенного в великолепный золототисненный сафьян того времени, имеется дарственная надпись автора: «Доброй Саше и мужу ее доброму К. С. Савельеву на память. И. Крылов. Декабря 5 дня 1837 года».

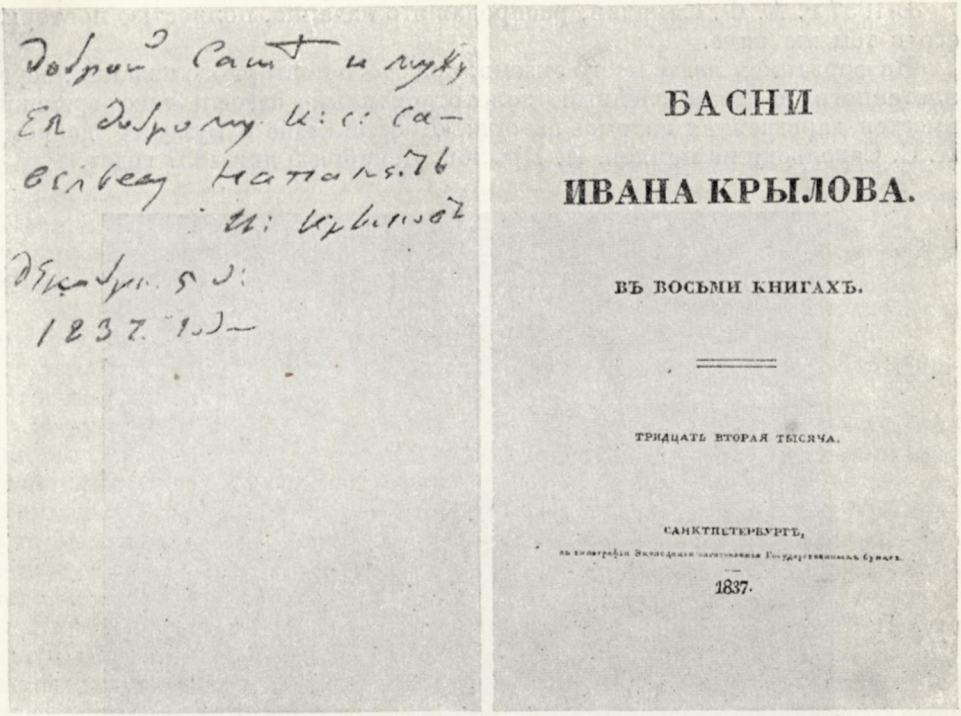


И. А. КРЫЛОВ
Портрет маслом неизвестного художника, 1840-е гг.
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Как известно, семья Савельевых — это единственные родственники И. А. Крылова, прожившего весь свой век холостяком. В 1841 г., выйдя в отставку после тридцатилетней службы в Публичной библиотеке, Крылов из казенной квартиры переехал на Васильевский остров, «усыновив семейство крестницы своей, которое и поместил на квартире с собою» [9].

Этой-то крестнице, «доброй Саше», и мужу ее, «доброму К. С. Савельеву», и подарил он описываемую книжку со своим автографом.

Здесь уместно исправить ошибку писателя И. Сергеева в книге «И. А. Крылов». Автор пишет о Крылове: «...он вспомнил, что когда-то крестил дочь своего давнего знакомого Савельева. Иван Андреевич разыскал крестницу: она жила в нужде, похоронив недавно своего мужа» [10].



Добрая Саша и муж ея Доброму К. С. Савельеву Наталья 76 К. Крылова

Декабря 5 д. 1837 г.

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА.

ВЪ ВОСЬМИ КНИГАХЪ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ТЫСЯЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1837.

ЭКЗЕМПЛЯР БАСЕН КРЫЛОВА ИЗДАНИЯ 1837 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА СВОЕЙ КРЕСТНИЦЕ САШЕ И ЕЕ МУЖУ К. С. САВЕЛЬЕВУ

Форзац и титульный лист книги

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Тут все не верно: крестница Крылова была не дочерью Савельева, а его женой, сам же Савельев к тому времени был жив и через несколько лет похоронил Крылова и сделался единственным официальным наследником всего имущества великого баснописца.

Исследователь жизни и творчества Крылова С. М. Бабинцев обнаружил недавно духовное завещание писателя, составленное за день до его кончины.

Приводим полностью этот документ, публикуемый впервые:

«Тысяча восемьсот сорок четвертого года, ноября восьмого дня, я, нижеподписавшийся, в твердом уме и совершенной памяти, статский советник и кавалер Иван Андреев сын Крылов, не имея никаких родственников, никому не состоя по актам и без актов по сие число должным, и видя всегдашнее полное уважение, преданность, искреннее ко мне и всегдашнее усердие и услуги во всем, до меня относящемся, Штаба его императорского высочества, главного начальника военно-учебных заведений аудитора — Калистрата Савельева, сим моим духовным завещанием завещаю: в вечную его собственность и владение все благоприобретенное мною имение, движимое и недвижимое, состоящее как-то: петербургской части 2 квартала под № 487-м каменный дом, со всем при нем строением и землею, а равно капитал, состоящий в банковых билетах и по каким-либо другим актам и без актов в долгах, все, что окажется; сверх того: находящиеся в квартире моей все вещи, как-то: серебро, всякого рода посуда и все без исключения вещи, экипажи, лошади, а также написанные мною в продолжение жизни басни и прочие сочинения, с пра-

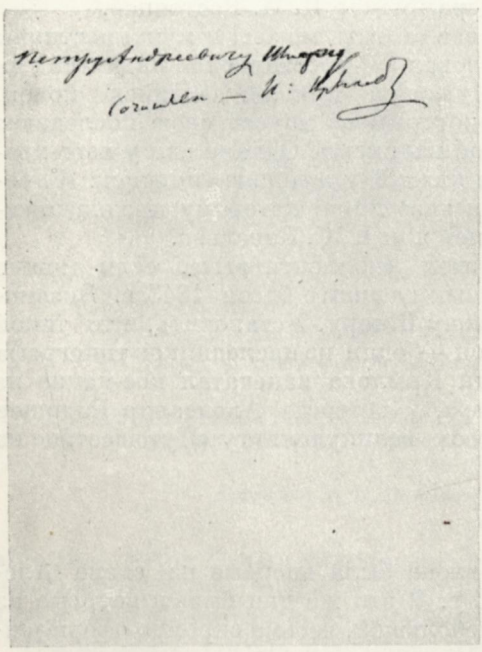
вом издавать в продолжение двадцати пяти лет со дня моей смерти; одним словом все, что состоит в моей собственности и моем владении, я, Иван Крылов, после смерти моей предоставляю в полное распоряжение и вечное владение Калистрата Савельевича Савельева, но при жизни моей, в случаях какого-либо неуважения его ко мне, предоставляю себе право сие мое духовное завещание или изменить, или переменить, или совершенно уничтожить, а после подписи оного духовным моим отцом и свидетелями — прошу хранить оное до смерти моей его превосходительство генерал-майора Якова Ивановича Ростовцева.

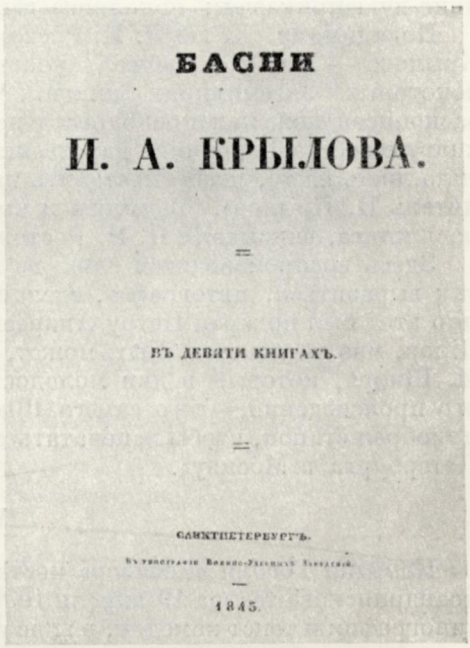
Писал со слов завещателя Белевский купеческий сын Михаил Иванов сын Щукин. Статский Советник и кавалер Иван Андреев сын Крылов.

Что духовное сие завещание писано завещателем Иваном Андреевичем Крыловым в здравом уме, светлой памяти и чувствах, о том свидетельствую—духовный его отец, Морского собора протоиерей Тимофей Никольский.

У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил коллежский советник и кавалер Сергей Сергеев сын Шилов. У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — коллежский асессор и доктор медицины Фердинанд Яковлев сын Галлер. У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — почетный гражданин опочецкой 2-й гильдии купец и кавалер Василий Михайлов Калчин»[11].

Все свое имущество (главную ценность в котором составляло право двадцать пять лет издавать его сочинения) Крылов завещал не крестной дочери своей — Саше, а ее мужу, «аудитору Штаба военно-учебных заведений».




БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

=

ВЪ ДЕВЯТИ КНИГАХЪ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

ЭКЗЕМПЛЯР ПОСЛЕДНЕГО ПРИЖИЗНЕННОГО ИЗДАНИЯ БАСЕН КРЫЛОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА П. А. ШНОРУ

Имя и фамилия Шнора написаны Я. И. Ростовцевым или К. С. Савельевым, Крылову принадлежит только подпись

Форзац и титульный лист книги

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Отношение Крылова к семейству крестницы его Саши Савельевой пока еще не привлекало внимания исследователей. Сейчас, тем же С. М. Бабинцевым в рукописных воспоминаниях М. А. Корфа (в архиве цензора А. В. Никитенко. ИРЛИ) разыскано такое указание: «Крылов никогда не был женат, но имел дочь, которую выдал замуж за служившего в этом Штабе чиновника...»

Речь идет о Штабе военно-учебных заведений, где служил муж Саши — Калистрат Савельевич Савельев, официальный наследник имущества Крылова.

III

Известно, что право издания басен, предоставленное Крыловым Смирдину, кончилось в 1840 г. Следующее издание с приобщением новой, девятой части, Крылов решил выпустить сам. Однако судьба этой книги не очень ясна.

Дата цензурного разрешения — 30 июня 1843 г. Год выпуска, обозначенный на выходном листе,— 1843-й. Умер Крылов 9 ноября 1844 г. Почему, как сообщают биографы Крылова, он «предпринял и закончил, но только не успел выпустить в свет»[12] это издание,— непонятно. Полтора года — с июня 1843 г. по ноябрь 1844 г.— срок для выпуска простой неиллюстрированной книги — более чем достаточный.

Как бы то ни было, но книга, действительно, вышла в свет только в день похорон ее автора. Более тысячи экземпляров было роздано тем, кто присутствовал на похоронах. На траурной обертке каждого экземпляра напечатано: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. СПБ. 9-го ноября, $^{3}/_{4}$ 8 утром». Ведал раздачей и рассылкой книг душеприказчик покойного генерал-майор Я. И. Ростовцев.

Повидимому, тот же Я. И. Ростовцев (а быть может, и муж крестницы Крылова — К. С. Савельев) участвовал в составлении надписей на некоторых экземплярах книги. Чувствуя приближающийся конец, баснописец пожелал преподнести некоторым из друзей свою последнюю книгу с собственноручной дарственной надписью. Однако сил у него хватило лишь на то, чтобы поставить на каждой книге свою подпись: «Сочинитель И. Крылов». Фамилию и имя того лица, которому предназначалась книга, вписывали Я. И. Ростовцев или К. С. Савельев.

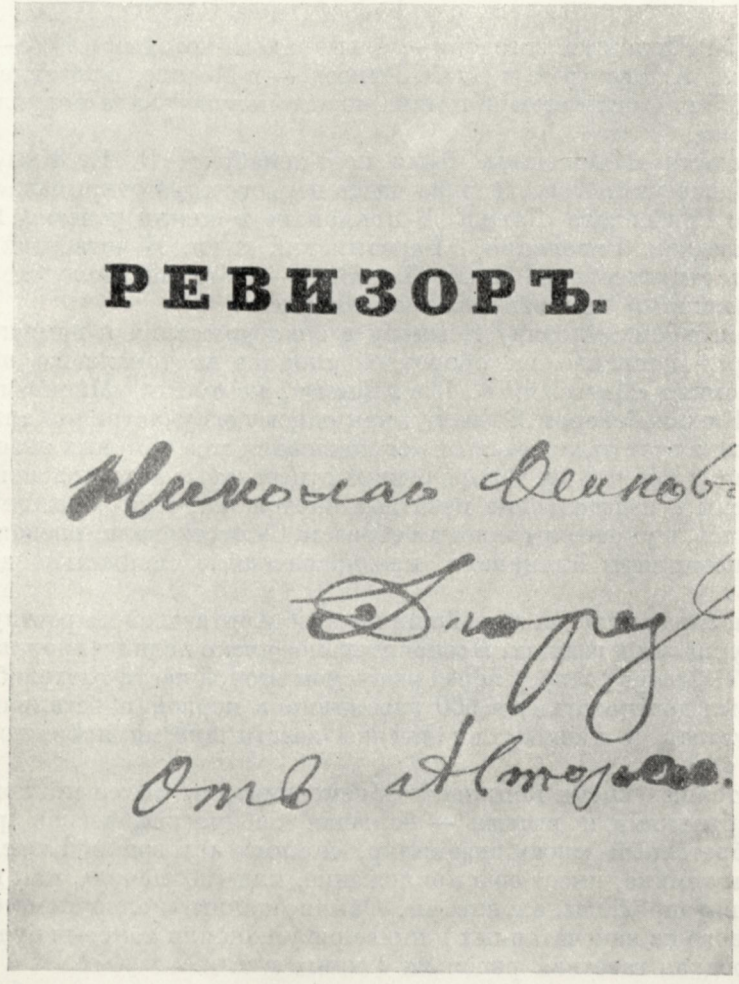
Здесь воспроизводится один из этих «коллективных», если можно так выразиться, автографов, сделанных на книге басен 1843 г. Экземпляр этот был подарен Петру Андреевичу Шнору. Установить, кто такой Шнор, мне не удалось. Быть может, он — один из наследников типографа И. Шнора, который в дни молодости Крылова напечатал кое-какие из его произведений,— того самого Шнора, у которого Александр Радищев приобрел станок, чтобы напечатать свою великую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

IV

Комедия Гоголя «Ревизор» поставлена была впервые на сцене Александринского театра 19 апреля 1836 г. В эти же дни вышел впервые из типографии и текст комедии, в виде небольшой, весьма скромно оформленной книжки.

Изданием ее ведал школьный товарищ и друг Гоголя — Н. Я. Прокопович. Воспоминания П. В. Анненкова содержат следующие любопытные строки: «По окончании спектакля Гоголь явился к Н. Я. Прокоповичу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднесть ему экземпляр „Ревизора“, только что вышедший из печати, со словами: „Полюбуйтесь на сынку“. Гоголь швырнул экземпляр на пол»[13].

Раздражение Гоголя вызвано было главным образом игрой актеров Особенно не понравилась ему игра Николая Осиповича Дюра, исполнявшего роль Хлестакова. В «Отрывке из письма к одному литератору» Гоголь писал: «Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков». Далее, как известно, Гоголь подробно



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОГОЛЯ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «РЕВИЗОРА» ПЕРВОМУ ИСПОЛНИТЕЛЮ РОЛИ ХЛЕСТАКОВА АКТЕРУ И. О. ДЮРУ, 1836 г.

Собрание И. П. Смирнова-Сокольского, Москва

разбирает игру Дюра, находя, что в его исполнении Хлестаков явился «чем-то вроде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров»[14].

Тем не менее Гоголь преподнес Дюру печатный экземпляр «Ревизора» с собственноручной надписью: «Николаю Осиповичу Дюру от автора».

Книга перешла ко мне от наследников известного издателя и книгопродавца И. Т. Лисенкова, близко знакомого с Пушкиным, Крыловым, Гнедичем, Шевченко, а также и с артистом Дюром. Помимо экземпляра «Ревизора», подаренного Дюру Гоголем, у меня хранятся и письма Дюра,— в то время уже тяжело больного, умирающего — к И. Т. Лисенкову.

В большинстве писем Дюр просит издателя прислать ему книг для чтения. Повидимому, когда Дюр умер, родственники его, возвращая Лисенкову взятые покойным книги, отдали и всю небогатую библиотеку артиста, в том числе и экземпляр «Ревизора» с надписью Гоголя [15].

V

Вслед за «Полярной звездой» — альманахом, который в 1823—1825 гг. издавали А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, — в Москве, в течение 1824 — начала 1825 г. вышли четыре томика нового полужурнала-полуальманаха «Мнемозина».

Издателями «Мнемозины» были поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский. Стихотворная часть первого тома открывалась стихотворением Грибоедова «Давид». В альманахе приняли участие Пушкин, Денис Давыдов, Вяземский, Баратынский и др. В четвертой книжке появилось стихотворение Н. М. Языкова — поэта еще молодого, но уже самим Пушкиным признанного «выдающимся».

«Николаю Михайловичу Языкову в знак уважения и памяти — Кюхельбекер»,—написано на оборотной стороне картонажного переплета первого томика «Мнемозины». Повидимому, комплект «Мнемозины» был подарен Кюхельбекером Языкову, как одному из участников альманаха.

Комплект этот отличается от попадавшихся мне обычных экземпляров «Мнемозины» тем, что все четыре томика отпечатаны на прекрасной бумаге, переплетены в издательские печатные картонажи, повторяющие рисунок фронтисписа, и украшены золотым обрезом. Существовали, следовательно, особые экземпляры альманаха, предназначенные специально для «подношений».

«Мнемозина» вызвала живейший интерес у читателей и яростную полемику в журналах и газетах. Незначительное число подписчиков на первую часть (157) быстро росло, и перед выпуском второй части Кюхельбекер вынужден был допечатать еще 600 экземпляров первой, а остальные части сразу пустить в машину по тысяче двести экземпляров, то есть по полному «заводу».

В настоящее время комплект «Мнемозины», со всеми приложенными к ней картинками и нотами — большая библиографическая редкость.

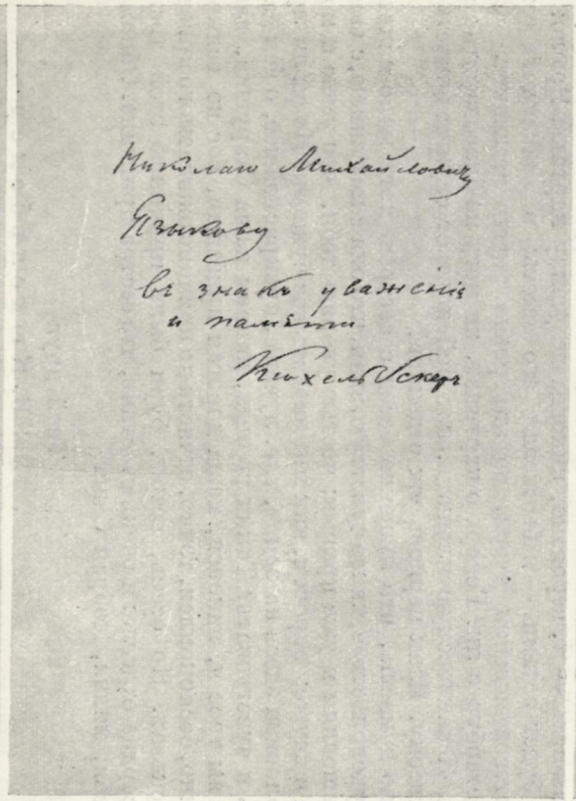
Приобретенный мною экземпляр, помимо автографа Кюхельбекера на первом томике, имеет еще приложение, или «колпачок», как говорили старые книгопродавцы-антиквары. Обычно таким «колпачком» был оригинал одного из напечатанных в книге рисунков или какое-нибудь письмо автора, редкая газетная рецензия о книге и т. д.

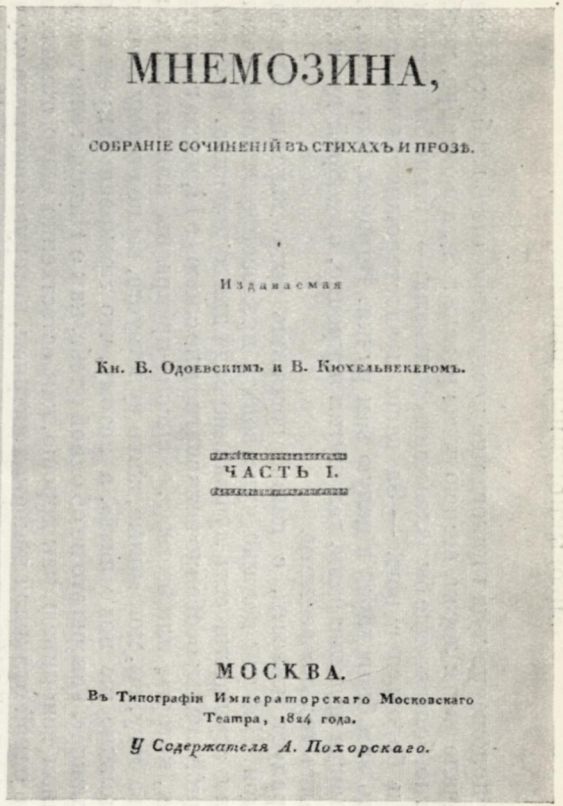
В данном случае в качестве «колпачка» в альманах было вложено собственноручное письмо В. К. Кюхельбекера к племяннице его, Александре Григорьевне Глинке, дочери старшей сестры поэта Юстины Карловны (жены Григория Андреевича Глинки), известной своей верной дружбой к брату-декабристу.

Письмо датировано 13 ноября 1834 г. и написано в Свеаборгской крепости. Там, в каземате, Кюхельбекер, после пребывания в Петропавловской, Шлиссельбургской и Динабургской крепостях, отбывал уже девятый год одиночного заключения. Письмо это опубликовано не было.

13 ноября 1834

Милый друг Саша. Ты тревожишься насчет моей хандры: благодарю тебя, мой милый друг; слава богу, я совершенно теперь поправился; сочиняю, занимаюсь, читаю — и вовсе не скучаю. Истинно я должен быть как нельзя признательнее к милосердию господню, что и самое это


Николаю Михайловичу
Языкову
в знак уважения
и памяти
Кюхельбекер


МНЕМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Издаваемая

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1824 года.
У Содержателя А. Похорскаго.

ЭКЗЕМПЛЯР «МНЕМОЗИНЫ» НА 1824 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ КЮХЕЛЬБЕКЕРА Н. М. ЯЗЫКОВУ
Лицевая и оборотная стороны переплета и титульный лист книги
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

унылое расположение души никогда не посылается мне в глубокую осень или при начале зимы: летом, весною легче развлечься, а в октябре, ноябре etc., вероятно, болезнь еще бы долее меня одолевала;— я бы не был в состоянии даже и бороться с нею. — За ваши предосторожности касательно писем очень вам благодарен и целую вам ручки. Впрочем, верь мне, что и поныне, когда шутил с вами, так шутил искренно, от доброй души, а не прикидывался только веселым.

Душу радует живость, с какою говоришь ты о картине Брюло[16]. Да, друг мой! Вот так должно чувствовать прекрасное и такое участие зрителя или слушателя есть лучшая награда для художника. Терпеть не могу холодной хвалы; особенно ненавистно мне слово j o l i, когда говорится о предметах, которые или beaux (т. е. высоко-прекрасны) или никуда не годятся. Слава богу, вы, мои милые, живо чувствуете, вы не потому хвалите, что «ведь должно же похвалить», а потому, что прекрасный предмет вас сильно поражает. Говорю это не об одной о тебе, как о Наташе: еще теперь с наслаждением вспоминаю, как хорошо, как естественно живо отзывалась она об игре одной отличной немецкой актрисы, которую она имела случай видеть и слышать.— Я, вероятно, никогда не увижу картины Брюло; но если с нее будет эстамп, — я бы желал его иметь; в Библиотеке есть, правда, литографический очерк, но это ровно ничего не значит.— Сам Брюло в Петербурге ли? Говоря о картинах, не могу не благодарить тебя душевно за Исаакиевскую площадь, которой портрет служит виньеткою к письму твоему. Итак церковь уж отделана?

Напрасно думаешь, что лишение бесед с сестрою хотя мало-мальски отравляет удовольствие, какое чувствую, зная, что она с матушкою, с вами. К таким лишениям я уже привык; честью уверяю тебя, что умею и могу радоваться и вчуже; впрочем, как мне назвать вас чужими? Не вы ли лучшая моя половина здесь на земле, т. е. лучшее, прекраснейшее, о чем дано мне думать и чувствовать? Таких родных, каковы наша Старушка, ваша Маминька, вы трое и, наконец, наша дорогая приезжая, бог не всякому дает. Я, точно, беспокоился, точно, отчасти по причине ожидаемого приезда сестры, тосковал. Но осень, ветры, бури были причиною этой тоски. Теперь от сердца отлегло: я очень счастлив, что сестра приехала. Обнимаю и целую тебя, милая, добрая Саша!

Твой друг
В. К ю х е л ь б е к е р

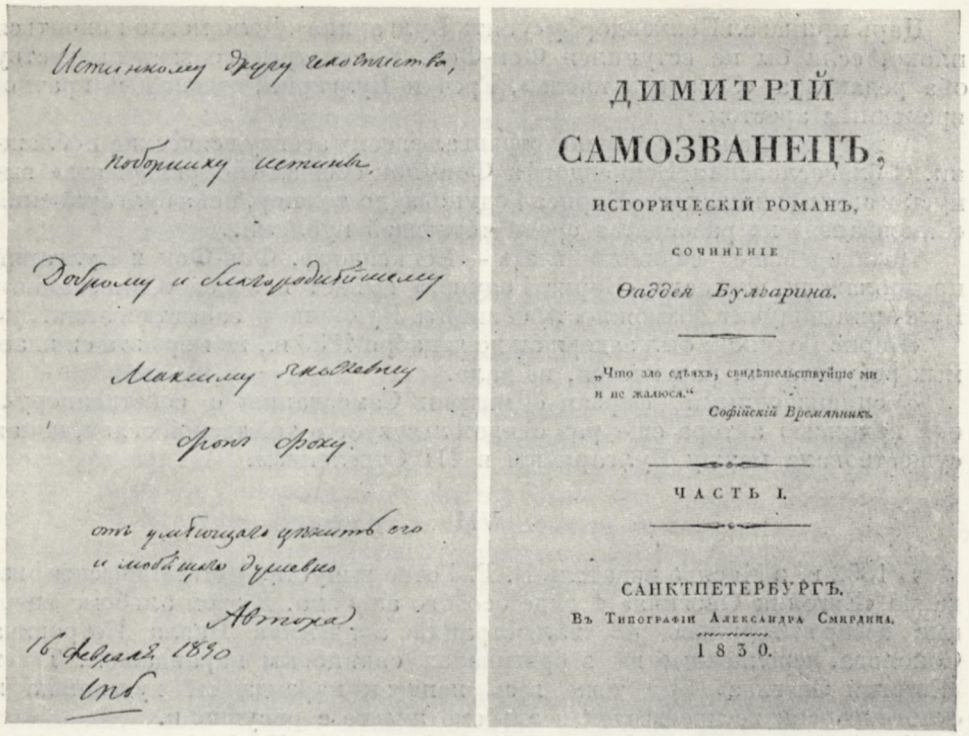
Письмо написано чернилами на четырех страницах почтового листа. Оно свидетельствует о несломленном духе поэта-декабриста, размышляющего об искусстве в каземате крепости.

VI

Управляющим III Отделением и правой рукой Бенкендорфа был Максим Яковлевич Фон-Фок, особенно прославившийся организацией слежки за Пушкиным.

Отдаваясь своей профессии с любовью, даже со страстью, далеко не глупый и хорошо образованный, Фон-Фок сумел с помощью обширного штата шпионов создать действенную агентурную разведку. Как известно, среди агентов III Отделения не последнюю роль играл увековеченный эпиграммами Пушкина Фаддей Булгарин.

Мы воспроизводим здесь титульный лист первой части (а их было всего четыре) «исторического» романа Булгарина «Дмитрий Самозванец», вышедшего в начале 1830 г. На форзаце рукой Булгарина написано:



Истинному другу человечества,
поборнику истины,
доброму и благороднейшему
Максиму Яковлевичу
Фон Фоку.
от умеющего ценить его
и любящего душевно
Автора.
16 Февраля 1830
Спб.

ДИМИТРІЙ
САМОЗВАНЕЦЪ,
ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ,
СОЧИНЕНІЕ
Ѳаддея Булгарина.

„Что зло сдѣяхъ, свидѣтельствуйте ми
и не жалуюся."
Софійскій Временникъ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Александра Смирдина.
1830.

ЭКЗЕМПЛЯР РОМАНА БУЛГАРИНА «ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ОТ 16 ФЕВРАЛЯ 1830 г. УПРАВЛЯЮЩЕМУ III ОТДЕЛЕНИЕМ М. Я. ФОН-ФОКУ

Титульный лист и форзац книги

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

«Истинному другу человечества, поборнику истины, доброму и благороднейшему Максиму Яковлевичу Фон Фоку от умеющего ценить его и любящего душевно Автора. 16 февраля 1830 СПб.».

Надпись была вызвана тем, что «поборник истины», «добрый и благороднейший» Фон-Фок только что выручил своего агента из беды, и кроме того, обещал оказать ему впредь еще одну важную услугу. Дело касалось выпуска в свет именно этого романа Булгарина — «Дмитрий Самозванец».

Завистливый к чужой литературной славе, Булгарин, закончив «Дмитрия Самозванца», был крайне обеспокоен растущим успехом вышедшего из печати исторического романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» и слухами о представленном в цензуру «Борисе Годунове» Пушкина. «Самозванцу» грозил провал. И Булгарин решил принять меры.

Прежде всего «Северная пчела» яростно накинулась на «Юрия Милославского». В трех номерах пером Очкина «Пчела» всячески поносила Загоскина.

«Советуем ему ⟨автору⟩ не верить тем, которые станут в глаза хвалить и уверять, что он рожден для сочинений в сем роде,— поучала Загоскина «Северная пчела».— Советуем ему оставить историю и древности в покое и заняться сочинением романов из нынешнего дворянского, купеческого и более мужицкого быту, да попросить какого-нибудь семинариста выправлять его рукопись до отдачи в типографию»[17].

Здесь Булгарин явно «перегнул палку». «В глаза хвалил и уверял» Загоскина, что «он рожден для сочинений» вроде «Юрия Милославского»— не кто иной, как сам Николай I.

Царь приказал Бенкендорфу «унять Булгарина». Дело могло кончиться плохо, если бы не вступился Фон-Фок. Благодаря его заступничеству оба редактора «Северной пчелы», Греч и Булгарин, отделались кратковременным арестом.

К тому же Фон-Фок охотно устраивал своему агенту всяческие поблажки. С благословения Бенкендорфа Фон-Фок обещал «попридержать» выпуск в свет пушкинского «Бориса Годунова» до тех пор, пока булгаринский «Самозванец» не разойдется среди читающей публики.

Ненавидевшие великого поэта — Бенкендорф, Фон-Фок и Булгарин предполагали, что если «Борис Годунов» выйдет позднее «Самозванца», Булгарин получит возможность обвинить Пушкина в заимствовании.

«Борис Годунов» был задержан до декабря 1830 г., но мера эта ожидаемых результатов, разумеется, не дала.

Воспроизводимый форзац «Дмитрия Самозванца» с собственноручной надписью автора еще раз свидетельствует о той тесной связи, какая существовала между Булгариным и III Отделением.

VII

В 1892 г. в Москве издатель В. Г. Готье выпустил фототипическое издание «Евгения Онегина» в виде особого альбома. В этом альбоме впервые воспроизводились 48 иллюстраций академика Павла Петровича Соколова, исполненные им в оригиналах свинцовым карандашом. Текст «Евгения Онегина» был тоже весь написан карандашом художника и фототипически воспроизведен в альбоме вместе с рисунками.

Альбом имел большой успех, хотя фототипии К. А. Фишера далеко не передавали прелести оригиналов. Напечатан альбом был в количестве всего двухсот двадцати пяти экземпляров и сейчас представляет собой библиографическую редкость.

В предисловии издатель сообщал, что подлинники изданных им рисунков Соколова к «Онегину», которые долгое время считались пропавшими, «любезно предоставила для печати одна дама, принадлежащая к высшему московскому обществу». Ни имени «дамы», ни обстоятельств, при которых рисунки попали к ней, сообщено не было.

Рисунки сделаны Соколовым мастерски и являются первыми по времени сколько-нибудь достойными иллюстрациями к «Евгению Онегину». Выполнены они в 1855—1860 гг. Можно поверить, что подлинниками «восхищались многие современники Пушкина и люди, близкие столь рано погибшему поэту»,— как указано в предисловии к изданию Готье. В кружке А. С. Хомякова художника называли «творцом Татьяны», а ректор Академии художеств П. К. Клодт предлагал даже собственные средства на издание рисунков. Однако издание почему-то затормозилось, и рисунки, как указано, считались утраченными.

В своих «Воспоминаниях» Павел Соколов так рассказывает об этом альбоме: «Нужда не давала мне возможности сосредоточить все эти мои произведения в одном месте или хранить их у себя. Тогда я продавал свои труды за бесценок, а многие пропали даром. Так, например, мои иллюстрации к „Евгению Онегину“ я оставил в Москве у Булгакова ⟨речь идет о Константине Александровиче Булгакове.— *Н. С.-С.*⟩, не желая везти их в Петербург. Булгаков умер, имущество его было описано и продано, в том числе были проданы и мои рисунки»[18].

И тут же сам ставит под сомнение свою гипотезу: «Не могу утверждать, но предполагаю, что Булгаков продал их еще при жизни, на что меня наводит письмо, полученное мною от Л. Майкова 4 января 1894 г., в котором он сообщает мне, что после долгих розысков он, наконец, узнал, где находятся рисунки к „Онегину“, что они были куплены у Булгакова Дмитрием

Аркадьевичем Столыпиным и подарены Марии Афанасьевне Катковой, урожденной Столыпиной, по первому браку княгине Щербатовой, жене Михаила Каткова, сына знаменитого Михаила Никифоровича».

Академик Л. Н. Майков оказался совершенно прав. На первой странице альбома подлинных соколовских рисунков, находящегося ныне у меня, имеется следующая надпись: «Альбом этот продал мне Константин Булгаков за сто рублей; несмотря на мое предложение, он не желал взять более, потому что именно эту сумму заплатил художнику П. Соколову. Дмитрий Столыпин».

В тот год, когда Готье издал альбом соколовских рисунков, сам художник был еще жив, и издателю пришлось обратиться к нему за разрешением напечатать его рисунки, предоставленные Готье М. А. Катковой.

В альбоме 48 рисунков, ровно столько, сколько было издано Готье. Под надписью Д. Столыпина — приписка, сделанная его же рукой: «Лучшая из картинок — Письмо Татьяны — осталась у Булгакова». Этого рисунка, действительно, нет ни в альбоме, изданном Готье, ни в подлинном альбоме Соколова. Любопытно было бы узнать, кому продал рисунок Константин Булгаков и где он теперь находится?

Оригиналы рисунков хорошо сохранились. Некоторые из них воспроизводятся в настоящем томе (см. стр. 313—323).

VIII

При жизни Пушкина число его произведений, вышедших в свет с иллюстрациями, было крайне невелико. Вот перечень этих иллюстраций: одна гравюрка по рисунку И. Иванова, приложенная к первому изданию «Руслана и Людмилы» 1820 г., и четыре гравюрки С. Ф. Галактионова, сделанные им же к «Бахчисарайскому фонтану». Гравюры Галактионова появились в 1827 г. в «Невском альманахе» и почти одновременно во втором отдельном издании «Бахчисарайского фонтана».

К этому надо добавить две гравюрки по рисункам того же И. Иванова к «Кавказскому пленнику» и «Братьям разбойникам», приложенные к «Полярной звезде» (на 1824 и на 1825 гг.), одну гравюрку С. Ф. Галактионова (рисовал он же) к «Борису Годунову» в «Невском альманахе» на 1828 г. и шесть весьма неважно нарисованных картинок Нотбека к «Евгению Онегину», в том же альманахе на 1829 г. На картинки Нотбека сам Пушкин, как известно, отозвался насмешливыми эпиграммами.

Список этот завершает одна-единственная гравюрка в смирдинском «Новоселье» 1833 г. к поэме «Домик в Коломне» по рисунку А. П. Брюллова. Вот и все известные до сих пор иллюстрации к прижизненным публикациям произведений Пушкина.

К этому перечню следует прибавить теперь еще три литографированные картинки. Они были приложены к французскому переводу «Бахчисарайского фонтана», вышедшему отдельным изданием в Париже в 1826 г. Эти три литографии, несомненно, первые по времени иллюстрации к «Бахчисарайскому фонтану». Галактионовские четыре гравюрки появились на свет годом позже.

Перевод «Бахчисарайского фонтана» принадлежит французскому литератору Жан-Мари Шопену, иллюстрации рисовал его брат—художник, а музыку к «Татарской песне», приложенную на складном листе нот, написала жена переводчика.

Издана книжка великолепно. Оттиски литографий сочны, а на красивой печатной обложке дана изящная гравированная виньетка с изображением «Фонтана слез». Кстати, именно так («La Fontaine des pleurs»), а не «Бахчисарайским фонтаном» назвал пушкинскую поэму переводчик. По словам французского рецензента Геро (рецензия его была напечатана

в парижском «Энциклопедическом обозрении» и полностью перепечатана в № 17 «Московского телеграфа», 1826 г.), переводчик вынужден был изменить заглавие — «боясь оскорбить татарским словом французскую привычку к сладкогласию».

Жан-Мари Шопен служил несколько лет секретарем и библиотекарем у русского посла в Париже кн. А. Б. Куракина. В 1812 г. Шопен отправился вместе с ним в Россию и после смерти Куракина в 1813 г. вернулся во Францию.

В качестве переводчика Шопен собирался познакомить французов с лучшими образцами русской поэзии. Из пушкинских произведений в печати появился только «Бахчисарайский фонтан», хотя известно, что Шопен работал над переводами «Цыган», «Кавказского пленника» и «Евгения Онегина». Шопеновский перевод «Бахчисарайского фонтана», по мнению исследователя французских переводов Пушкина, не принадлежит к удачным работам. Но это была первая попытка перевести Пушкина на французский язык стихами. До Шопена существовали только прозаические переложения [19].

Сама книжка —«Бахчисарайский фонтан», вышедшая на французском языке в 1826 г.,— одна из редчайших во всей прижизненной пушкиниане. Повидимому, она попала в Россию в совершенно ничтожном количестве экземпляров.

IX

В 1908 г. издатель А. И. Маслов напечатал в Москве, в типографии А. Поплавского, книгу — «А. С. Пушкин. Стихотворения, не изданные в России». В предисловии издатель писал: «При жизни самого поэта об опубликовании этих произведений не могло быть и речи. Это как нельзя лучше характеризует первую половину прошлого столетия — годы мрачной реакции и боязни всего светлого и живого».

Издатель, очевидно, не понимал, что для годов реакции, последовавшей после революции 1905 г., была характерна не меньшая «боязнь светлого и живого».

Весь тираж книги был арестован еще в типографии и постановлено было ее уничтожить «путем переработки в массу» [20].

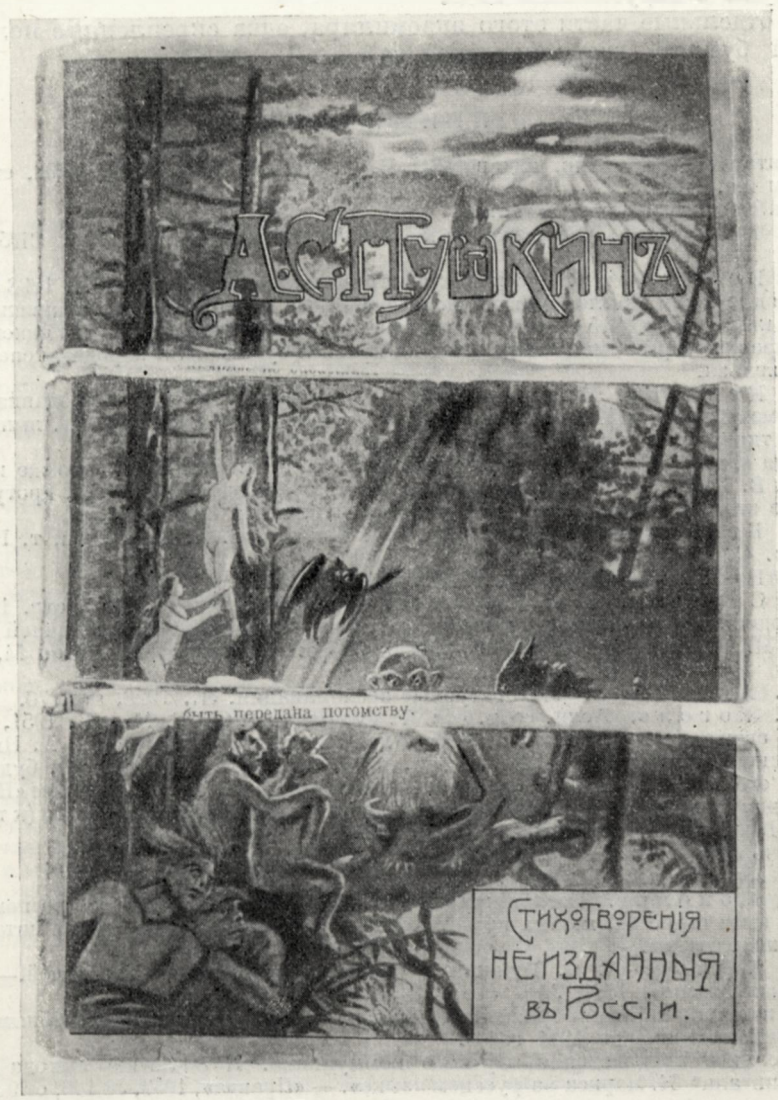
Делалось это таким образом: весь тираж книги пачками закладывали под нож типографской резальной машины и рубили, по крайней мере, на три части. Обрубки складывались в мешки, чины полиции запечатывали их и отправляли на бумажную фабрику. Там, под наблюдением тех же чинов, рабочие вываливали обрубки в котлы.

Однако как ни бдительны были представители царской охранки, но у них, буквально из-под носа, рабочие типографии успевали утаить по нескольку экземпляров казнимых книг, которые потом попадали к собирателям-книголюбам.

Да и не только к собирателям! Товарищ Сталин на совещании пропагандистов, созванном в связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» осенью 1938 г., рассказывал, как «в конце 90-х годов группа молодых марксистов в Тифлисе на короткий срок раздобыла у букиниста за деньги, собранные вскладчину, один из немногих уцелевших экземпляров „Капитала“ и организовала его переписку от руки. Этим рукописным экземпляром пользовались товарищ Сталин и его друзья для пропаганды идей марксизма».

Речь здесь идет о первом томе «Капитала», напечатанном впервые на русском языке в 1872 г. По недосмотру царских цензоров «Капитал» был выпущен сначала в продажу и только потом правительство, спохватившись, стало всячески преследовать гениальный труд Карла Маркса.

Еще более редки книги, которые вовсе не увидели света, а были уничтожены до выпуска их из типографии. Из числа таких книг у меня имеются: Сочинения А. Н. Радищева, под ред. П. А. Ефремова (СПб., 1872); Сочинения Свифта в переводе Г. А. Лопатина — книга редчайшая, сохранившаяся всего в двух экземплярах; «Романы и повести Д. Дидро»



«ИЗРУБЛЕННЫЙ ПУШКИН»

В таком виде сохранился единственный уцелевший экземпляр книги: «А. С. Пушкин. Стихотворения, не изданные в России» 1908 г., Москва. Весь тираж издания по требованию цензуры был пущен под нож типографской ревальной машины

Собрание П. П. Смирнова-Сокольского, Москва

(второй том, СПб., 1872, в переводе В. А. Зайцева); «Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде» (СПб., 1878) — редчайшая и любопытнейшая по своей истории книга о знаменитом «Процессе 193-х», Собрание сочинений Г. З. Елисеева (М., 1894); шестой том Собрания сочинений Н. С. Лескова, уничтоженный по распоряжению мракобеса Победоносцева за разоблачение духовенства, и многие другие.

Все эти книги были спасены из-под лезвия типографской машины в незначительном количестве экземпляров, но в целом, неизуродованном виде. Описываемым «Стихотворениям А. С. Пушкина» в издании А. И. Маслова не повезло. Единственный экземпляр книги, выкраденный из-под ножа самим владельцем типографии А. Поплавским, — попал к нему уже в изрубленном виде.

Три отдельные части этого экземпляра, едва скрепленные полосками клейкой бумаги, воспроизведены здесь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым», СПб., 1902, стр. 73.

[2] Там же, стр. 75.

[3] «Библиографические записки», 1859, стб. 419.

[4] В. Кеневич. Примечания к басням Крылова, изд. 2-е. СПб., 1878, стр. 321.

[5] В. Верещагин. Русские иллюстрированные издания. СПб., 1898 (№ 413).

[6] «Новые басни Крылова», выпущенные в 1816 г. (части 4 и 5) и служившие дополнением к книге басен 1815 г., печатались тоже на бумаге трех сортов. Ни одного из тех экземпляров, которые были напечатаны на простой бумаге «для народа», теперь обнаружить нельзя.

[7] В. Кеневич. Ук. соч., стр. 347.— Интересно отметить, что изданная в промежутке между 1815 и 1825 гг. книга 1819 г., выпущенная «для народа», вышла тоже большим тиражом: в количестве шести тысяч экземпляров.

Книга эта встречается еще реже, чем роскошные экземпляры того же издания. В 1865 г. В. Кеневич поместил в «Русском архиве» благодарность Я. К. Гроту «за доставление этого издания, не имеющегося и в Публичной библиотеке».

[8] В. Белинский. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. II. СПб., 1900, стр. 438.

[9] И. Крылов. Собр. соч., СПб., 1847, стр. 87.

[10] И. Сергеев. И. А. Крылов. М., «Молодая гвардия», 1945, стр. 192.

[11] Подлинник завещания хранится в Отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: Собрание автографов, картон 14, № 32).

[12] В. Кеневич. Ук. соч., стр. 7.

[13] П. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 70.

[14] Н. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 99.

[15] В своих воспоминаниях артист Александринского театра А. А. Нильский («Закулисная хроника 1856—1894», СПб., 1897, стр. 161) утверждает, будто бы в 1881 г. в его руках тоже был экземпляр «Ревизора» 1836 г. с автографом «Николаю Васильевичу Дюру от автора». Вряд ли это соответствует действительности (к тому же, отчество Дюра не «Васильевич», а «Осипович»).

[16] Речь идет о картине К. П. Брюллова «Гибель Помпеи».

[17] «Северная пчела», 1830, № 9.

[18] П. Соколов. Воспоминания. Л., 1930, стр. 112.— Автор (воспоминания писались им в старости) иногда путает имена и отчества. В приводимых цитатах его ошибки исправлены.

[19] В. Шульц. А. С. Пушкин в переводе французских писателей.— «Древняя и новая Россия», 1880, № 6, стр. 308—310.

[20] «Указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден Судебными Установлениями на 1 января 1911 года».

[21] «Великое произведение научного коммунизма. К 80-летию выхода первого тома „Капитала" К. Маркса на русском языке». — «Правда», 1952, № 100, от 9 апреля.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Составила Наталья Э ф р о с

I. ПОРТРЕТЫ

С. Т. Аксаков диктует дочери свои воспоминания. Акв. К. А. Трутовского, 1892 г. ГТГ.—711.

Александр I. Рис. Пушкина 1822—1824 гг., тетр. № 2364, л. 78 об. ИРЛИ.— 173.

Байрон. Бюст (мрамор) работы Лоренцо Бартолини, 1822 г. Национальная портретная галлерея, Лондон.— 955.

Байрон. Рис. Зверева с портрета Веста, 1822 г., литогр. Эольбахом. На обороте стихотворная надпись поэта Л. А. Якубовича. ГЛМ.— 961.

Байрон. Акв. Виккеля, 1824 г. ЛБ.—989.

Байрон. Акв. П. Ф. Соколова, 1824 г. Музей А. С. Пушкина (ИРЛИ).—951.

Байрон. Портрет, подаренный Пушкиным А. Н. Вульф, 1828 г. Англ. грав. с надписью А. И. Вульф (на обороте), подтверждающей получение портрета в подарок от Пушкина. ИРЛИ.— 977.

Байрон. Грав. Генри Кольбёрна с бюста работы Лоренцо Бартолини. Из книги: «Записки о лорде Байроне кап. Медвина». СПб., 1835.—957.

Байрон. Рис. Пушкина, 1835 г., тетр. № 2384, л. 22 об. ИРЛИ.—971.

Байрон. Портрет, принадлежавший Пушкину с его автографической надписью, 1835 г. Автолитогр. Жюльена. ИРЛИ.— 981.

Брюллов К. П.—см. Гоголь и К. П. Брюллов.

Булгаков А. Я. Рис. К. Гампельна, 1820-е гг. Музей-квартира А. С. Пушкина (ИРЛИ).— 51.

Воронцов М. С. Рис. Пушкина, 1824 г., тетр. № 2369, л. 49 об. ИРЛИ.—185.

Вяземская В. Ф. Акв. А. Молинари, 1817 г. Местонахожд. ориг. неизв. Воспр. по негативу. ГЛМ.— 69.

Вяземский П. А. Акв. П. Ф. Соколова, 1821 г. ГЛМ, ранее в собр. А. Г. Миронова, Москва.—309.

Гнедич Н. И. Рис. Пушкина, 1830 г., тетр. № 2387Б, л. 46 об. ИРЛИ.— 91.

Гоголь. Рис. Пушкина, 1833 г., тетр. № 2373, л. нен. ИРЛИ.— 833.

Гоголь. Миниатюра Видаля, 1838 г. Местонахожд. ориг. неизв. Воспр. по репродукции в книге: Александр Шик. Гоголь в Ницце. Paris, 1946.— 567.

Гоголь. Портрет маслом Ф. А. Моллера, 1840 г. Худож. музей, г. Иваново, ранее в ГТГ.— 783.

Гоголь. Портрет маслом Ф. А. Моллера, 1840 г. Местонахожд. ориг. неизв.— 535.

---

*Список условных сокращений:

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва — ЛБ.
Государственная ордена Трудового Красного Знамени публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград — ГПБ.
Государственная Третьяковская галлерея, Москва — ГТГ.
Государственный Исторический музей, Москва — ГИМ.
Государственный Литературный музей, Москва — ГЛМ.
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва — МИИ.
Государственный музей русского искусства, Киев — МРИК.
Государственный Русский музей, Ленинград — РМ.
Государственный Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва — ГТМ.
Государственный Театральный музей, Ленинград — ГТМЛ.
Государственный Эрмитаж, Ленинград — Эрм.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград — ИРЛИ.
Институт украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев — ИУЛ.
Московский государственный ордена Ленина университет им. М. В. Ломоносова — МГУ.
Музей истории и развития Ленинграда — МИРЛ.
Центральный государственный военно-исторический архив, Москва — ЦВИА.
Центральный государственный исторический архив, Москва — ЦГИА.
Центральный государственный исторический архив, Ленинград — ЦГИАЛ.
Центральный государственный литературный архив, Москва — ЦГЛА.
Центральный музей музыкальной культуры, Москва — ЦММК.
Собрание заслуженного артиста РСФСР Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва — См.-Сок.

Гоголь. Портрет маслом Ф. А. Моллера 1840 г. <?> РМ.— 591.
Гоголь. Портрет маслом Ф. А. Моллера, начало 1840-х гг. ГИМ.— Цветная вкладка между стр. 494—495.
Гоголь. Портрет маслом А. А. Иванова, 1841 г. Музей А. С. Пушкина (ИРЛИ).—623.
Гоголь. Рис. неизв. художн. с автографической <?> подписью писателя. Вклеен в экземпляр четвертого тома «Сочинений» Гоголя, изд. 1842 г. ГЛМ.— 653.
Гоголь. Шаржированный рис. неизв. художн. в альбоме Е. М. Хомяковой, 1840-е гг. ГИМ.— 639.
Гоголь. Литогр. с рис. К. Мазера, 1840 г. Сб. «Молодик» на 1844 г.— 669.
Переправа Гоголя через Днепр. Картина маслом Антона Иванова, 1845 г. ГТГ.—775.
Гоголь. Миниатюра (на слоновой кости) неизв. художн. ИРЛИ.— 615.
Посмертная маска Гоголя, снятая Н. А. Рамазановым 21 февраля 1852 г. ИРЛИ.—745.
Гоголь на смертном одре. Рис. В. Еленева, 23 февраля 1852 г. РМ.— 753.
Гоголь на смертном одре. Рис. Е. И. Вишнякова на листе с записанными Н. В. Гербелем стихотворными строфами, посвященными Гоголю, 1852 г. <?>. Альбом Н. В. Гербеля, ГПБ.— 791.
Гоголь и К. П. Брюллов. Два рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова, наклеенные на альбомный лист, 1852 г. <?> ГЛМ.— 705.
Гоголь. Бюст (мрамор) работы Н. А. Рамазанова, 1854 г. ГТГ.— 765.
Гоголь. Грав. Ф. И. Иордана, 1857 г., с портрета маслом Ф. А. Моллера, 1841 г. Авторский оттиск с подписью гравера. ГМИИ.— 799.
Гоголь. Портрет маслом Д. Э. Гагена, 1859 г. ГТМ.— 813.
Гоголь. Портрет маслом (на меди) Горюнова, 1850-е гг. <?>. На портрете художн. поставлена неверная дата — «1835». ИРЛИ.— 895.
Гоголь и Жуковский. Рис. В. А. Серова, 1900-е гг. ГЛМ.— 701.
Гоголь М. И.— мать писателя. Грав. В. В. Матэ, 1889 г., с фото 1860-х гг. РМ.—757.
Голланд К.—см. Новицкая М. Д.
Гончарова Н. Н. Рис. Пушкина, 1830 г. ПД, № 121, л. 1 об. ИРЛИ.— 107.
Горчаков А. М. <?> Рис. Пушкина, 1826 г., тетр. № 2370, л. 64. ИРЛИ.— 41.
Гусева Е. И. в роли Пошлепкиной. Гипс, 1840-е гг. ГТМЛ.— 559.
Давыдов В. Л. Акв. неизв. художн. 1840—1850 гг. ИРЛИ.— 605.
Дидро Дени. Портрет маслом Д. Г. Левицкого, 1773 г. Университетская библиотека, Женева.— 929.
Долгорукий А. Н. Рис. Н. В. Майера, 1839 г. ГПБ.— 483.
Жуковский В. А. Медаль (бронза) работы Ф. П. Толстого, 1843 г. Собр. В. А. Десницкого, Ленинград.— 133.
Иванов А. А. Акв. М. И. Скотти в альбоме П. И. Кривцова. Рим, 1844 г. ГТГ.—809.
Крылов И. А. Портрет маслом неизв. художн. 1840-е гг. См.-Сок.— 1003.
Лермонтов. Портрет маслом Н. П. Ульянова, 1941 г. Собр. В. Е. Ульяновой. Москва.— 461.
Лермонтов. Портрет маслом Б. В. Щербакова, 1949 г. ИРЛИ.— 361.
Назимов М. А. <?>. Дагерротип конца 1840-х гг., вероятно с акварельного портрета. Собр. Ю. Г. Оксмана, Саратов.— 433.
Николай I. Рис. (тушь, белила) К. П. Брюллова, конец 1840-х гг. ИРЛИ.— 423.
Новицкая М. Д. и Голланд К. Литогр. с рис. И. П. Брюлло. Финальная сцена IV акта оперы Обера «Фенелла» в постановке Петербургского Большого театра, 14 января 1834 г. МИИ.— 277.
Оленина А. А. Рис. Пушкина, 1828 г., тетр. № 2371, л. 47. ИРЛИ.— 77.
Павел I. Рис.-карикатура Пушкина, 1819 г. ПД, № 33, л. 1 об. ИРЛИ.— 169.
Полторацкий С. Д. Литогр. Г. Гауптенгеля, 1846 г. ГИМ.— 299.
Пушкин. Миниатюра неизв. художн. по портрету Кипренского, 1830—1840-е гг. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва.— 245.
Пушкин. Портрет маслом (на меди) Горюнова, 1850-е гг. <?>. На портрете художником поставлена неверная дата — «1835». ИРЛИ.— 7.
Пушкин Л. С. Рис. Пушкина, 1835 г., тетр. № 2384, л. 60 об. ИРЛИ.— 249.
Пушкин С. Л. Рис. Пушкина, 1824 г., тетр. № 2370, л. 7 об. ИРЛИ.— 83.
Ростопчина Е. П. Рис. Е. А. Мертваго (рожд. Соймоновой), 1849 г. ГИМ.— 367.
Самойлов В. В. в роли Швохнева («Игроки», 26 апреля 1843 г.). Акв. в альбоме «Репертуар ролей В. В. Самойлова», т. I, 1834—1847 гг. ГПБ.—657.
Самойлов В. В. в роли Растаковского, 1867 г. Акв. в альбоме «Репертуар ролей В. В. Самойлова», т. IV. ГПБ.— 589.
Смирнова А. О. Рис. Пушкина, 1835 г., тетр. 2377А, № 4, л. 6. Воспр. впервые. ИРЛИ.— 125.

Соллогуб В. А. Фото, 1850-е гг. ИРЛИ.— 372.
Сосницкий И. И. в роли городничего, фото 1860-х гг. ГТМЛ.— 558.
Тепляков В. Г. Рис. Пушкина, 1836 г. тетр. № 2386В., л. 23. ИРЛИ.— 147.
Траскин А. С. Рис.-шарж Н. В. Майера <?>, 1839 г. ГПБ.— 417.
Хомякова Е. М. Акв. неизв. художн. с дагерротипа 1840-х гг. ГИМ.— 693.
Языков Н. М. Рис. неизв. художн. в альбоме Е. М. Хомяковой, 1840-е гг. ГИМ.—633.

ГРУППОВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Участники постановки оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь» на сцене Петербургского Михайловского театра, 1894 г. Действие III. Изображены: И. К. Гончаров, Н. С. Климов 1-й, Ф. И. Стравинский, Г. П. Угринович, М. И. Чупрынников. Фото. ЦММК.— 915.

Президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов и академик И. В. Гребенщиков на юбилейных торжествах в честь стопятидесятилетия со дня рождения Пушкина возлагают венок на могилу поэта. Фото, 12 июня 1949 г.— 29.

II. АВТОГРАФЫ

Письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 20 октября 1839 г. с ответной припиской Гоголя, ЦГЛА.— 803.

Отрывок из сатиры Байрона «Английские барды...», 1809 г. ЦГЛА.— 973.

Подпись Байрона 1810 г., вклеенная в письмо Августы Ли — сестры поэта — к г-же Бульвер, 1834 г. ЦГЛА.— 967.

Письмо Байрона к Джемсу Вебстеру от 26 июля 1813 г. ИРЛИ.— 987.

Черновая рукопись стихотворения Байрона «Мне призрак явился» из цикла: «Еврейские мелодии», 1814 г. ИРЛИ.— 983.

Письмо Байрона к Генри Триваньону от 15 октября 1816 г. ГПБ.— 991.

Отрывок неизданного стихотворения Байрона: «Когда занавес раздвинут на мгновенье...», 1816 г. <?> ГПБ.— 979.

Расписка Байрона от 19 октября 1821 г. Написана неизв. рукой на итальянском языке. Байрону принадлежит только подпись. ГПБ.— 959.

Письмо Байрона (на итальянском языке) к Джульяни от 23 сентября 1822 г. ГИМ.— 953.

Записка Байрона к Мэри Шелли от мая—июня 1823 г. ИРЛИ.— 992.

Конверт письма Байрона к Джону Мёррею, написанный рукою поэта, 1821—1823 гг. ГИМ.— 958.

Письмо Гоголя к В. А. Панову от июня 1841 г. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва.— 597.

Титульный лист цензурного экземпляра «Мертвых душ», заполненный рукой Гоголя, 1842 г. Биб-ка МГУ.— 601.

Листы цензурного экземпляра рукописи «Мертвых душ» с текстом «Повести о капитане Копейкине», 1842 г. Писарская копия с авторской правкой Гоголя. Биб-ка МГУ.— 603.

Украинская колыбельная песня, собственноручно записанная Гоголем. ЛБ.—719.

Показания декабриста И. Н. Горсткина от 28 января 1826 г. с упоминанием о встречах с Пушкиным на собраниях у М. А. Долгорукова. ЦГИА.— 160—161.

Заглавный лист рукописи бесед Дидро с Екатериной II, 1773 г. ЦГИА.— 931.

Первый лист рукописи бесед Дидро с Екатериной II, 1773 г. ЦГИА.— 933.

Письмо П. А. Катенина к неустановленному лицу от конца января — начала февраля 1831 г. ЛБ.— 103.

Запись И. В. Киреевского в альбоме Н. А. Маркевича, 1829 г. Собр. Ю. Г. Оксмана, Саратов.— 219.

Эпиграммы Лермонтова на Булгарина, 1837 г. <?> ГПБ.— 363.

Эпиграммы Лермонтова на «Макавея», 1837 г. <?> ГПБ.— 363.

Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», 1837 г. С пометой В. Ф. Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, кот. не могло быть напечатано». ГПБ.— 403.

Записка Лермонтова к А. П. Шувалову, 1838—1839 гг. ЦГИАЛ.— 485.

Стихотворение Лермонтова, посвященное А. О. Смирновой, 1840 г. Альбом М. П. Полуденского. ГИМ.— 467.

Подпись Адама Мицкевича на листочке, вклеенном в альбом Н. С. Голицыной, 1843 г. Собр. А. Б. Гольденвейзера, Москва.— 265.

Факсимильное воспроизведение строфы из стихотворения Байрона, записанного Томасом Муром в альбом Марии Шимановской, 2 июня 1826 г. «Московский телеграф», 1827, № 23.— 963.

Правка и пометы Томаса Мура на корректурной странице из сатиры Байрона «Английские барды», 1827—1828 гг. ЦГЛА.— 969.

Нотный автограф (клавир) оперы М. П. Мусоргского «Женитьба» на слова Гоголя, 1868 г. ЦММК.— 905.

Титульный лист «Думки Параси» из оперы М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка» с посвящением Е. И. Милорадович и нотный автограф (клавир) «Думки», 1876. ЦММК.— 911.

Копия листка «О способе извлечь пользу из религии», вложенная в рукопись бесед Дидро с Екатериной II. На листе помета неизв. рукой на французском языке: «Оригинал подарен мной Гете». ЦГИА.— 935.

Надпись А. С. Норова на форзаце рукописи бесед Дидро с Екатериной II. ЦГИА.—943.

Письмо М. П. Погодина—см. письмо С. А. Соболевского.

Письмо П. Г. Полеводина к неустановленному лицу от 26 июля 1841 г. с сообщением о дуэли и смерти Лермонтова. ГПБ.— 489.

Рукопись «Воображаемого разговора с Александром I» Пушкина, 1824 г., тетр. № 2370, лл. 46—47. ИРЛИ.— 177—179.

Набросок Пушкина «Что ныне называется Малороссией», 1829 г. ИРЛИ.— 213.

Набросок Пушкина на французском языке: «Sous le nom d'Ukraine ou de Petite-Russie l'on entend...» («Под именем Украины или Малороссии разумеют...»), 1831 г. ИРЛИ.— 217.

«Реестр что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске» — документ пугачевского восстания, собственноручно скопированный Пушкиным, 1833 г. Собр. Ю. Г. Оксмана, Саратов.— 237.

Стихотворение Пушкина «В голубом небесном поле», 1833 г. <?>. Альбом М. П. Полуденского. ГИМ.— 283.

Письмо С. А. Соболевского к М. П. Погодину о портрете Пушкина работы В. А. Тропинина, 1860-е гг.; ответ Погодина (на том же листе). ЛБ.— 345.

Стихотворение «О как прохладно и весело нам...», сочиненное совместно Лермонтовым и В. А. Соллогубом и записанное Соллогубом, 1839 г. ГПБ.— 371.

Нотный автограф (клавир) оперы П. И. Чайковского «Кузнец Вакула» на сюжет «Ночи перед Рождеством» Гоголя, 1874 г. ЦММК.— 897.

III. ДОКУМЕНТЫ

ПУШКИН

Обложка дела о крестьянских волнениях в Порховском уезде Псковской губернии 1826 г. Архив Псковской области, Псков.— 201.

Подписной лист на сооружение памятника Н. М. Карамзину с записями Пушкина, Гоголя и др. 1833 г. ЛБ.— 247.

Бюллетени о состоянии здоровья Пушкина; вывешивались на дверях квартиры Пушкина в дни его предсмертной болезни 28—29 января 1837 г. Написаны рукою В. А. Жуковского. ИРЛИ.— 137.

Некролог Пушкина. «Северная пчела», 30 января 1837 г.— 141.

Сообщение о смерти Пушкина. «С.-Петербургские ведомости», 31 января 1837 г.—145.

План пятого тома журнала Пушкина «Современник», изданного после смерти поэта. Февраль — март 1837 г. Написан рукою В. А. Жуковского. ГПБ.— 151.

ЛЕРМОНТОВ

Обложка дела Военного министерства о разрешении осужденным декабристам, направленным в Кавказскую армию, участвовать в военных операциях против горцев, 1835 г. ЦВИА.— 437.

Определение генерал-аудиториата по делу о дуэли Лермонтова с Барантом. На полях документа копия резолюции Николая I от 13 апреля 1840 г. о переводе Лермонтова в Тенгинский полк. ИРЛИ.— 419.

Отпуск отношения дежурного генерала Главного штаба П. А. Клейнмихеля от 30 июня 1841 г. к командиру Отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину, с предписанием Николая I не разрешать Лермонтову отлучаться из Тенгинского полка. ЦВИА.— 413.

Запись в метрической книге церкви села Тархан о бракосочетавшихся в феврале 1849 г., подтверждающая, что Лермонтов отпускал на волю своих крепостных. Архив музея Лермонтова Пензенской области.— 443.

ГОГОЛЬ

Список учеников Нежинской гимназии, слушавших лекции естественного права у проф. Н. Г. Белоусова. В списке за 1825/26 г. значится Гоголь. ЦГИАЛ.— 513.

Протокол допроса Гоголя от 3 ноября 1827 г., по поводу лекций естественного права, читанных проф. Нежинской гимназии Н. Г. Белоусовым, который обвинялся в неблагонадежности. Биб-ка АН УССР, Киев.— 511.

Письмо шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа министру просвещения К. А. Ливену от 31 января 1830 г., сопровождавшее посылку ему для расследования бумаг, «относящихся до преподавания наук в Нежинской гимназии кн. Безбородко». Документ сохранился в подлиннике и копии (ЦГИА). Воспроизводится по подлиннику. ЦГИАЛ — 519.

Доклад министра просвещения К. А. Ливена Николаю I «Об открывшихся беспорядках в гимназии высших наук кн. Безбородко». Лист с резолюцией царя от 26 октября 1830 г., санкционировавшей предлагавшиеся министром репрессии против причастных к делу преподавателей гимназии. Резолюция написана карандашом, на репродукции видны только первые слова. ЦГИАЛ.— 523.

Копия документа, выданного профессору Нежинской гимназии Н. Г. Белоусову 22 ноября 1830 г. при увольнении его от должности и высылке под надзор полиции. ЦГИАЛ.— 525.

Афиша первого представления «Ревизора» на сцене Александринского театра, 19 апреля 1836 г. ГТМЛ.— 557.

Афиша первого представления «Ревизора» на сцене Московского Большого театра, 24 мая 1836 г. ГТМ.— 561.

Семейный портрет кашинского городничего Я. А. Викторова. Масло неизв. художн. 1830-е гг. ИРЛИ.— 553.

Городничий города Устюжны. Акв. неизв. художн., 1830-е гг. ИРЛИ.— 554.

Объявление Гоголя о попутчике для поездки за границу. «Московские ведомости» от 10 апреля 1840 г.— 587.

Афиша представления «Мертвых душ» на сцене Петербургского Большого театра, 15 сентября 1842 г. Инсценировка Н. И. Куликова. ГТМЛ.— 641.

Объявление о поступлении в продажу первого издания «Мертвых душ» и первого «Собрания сочинений» Гоголя. «Московские ведомости» от 28 сентября 1842 г.— 613.

Афиша первого представления «Женитьбы» и «Игроков» Гоголя на сцене Московского Большого театра, 5 февраля 1843 г. ГТМ.— 659.

Альбом, принадлежавший Гоголю, 1844 г. ГПБ.— 671.

Объявление о выходе в свет «Повестей» Гоголя в переводе на французский язык. «Illustration», 10 декабря 1845 г.— 681.

Страницы книги посетителей курорта Карлсбад (теперь Карловы Вары) за 1845 г. В перечне прибывших и отбывших указан Гоголь. С фото. ГЛМ.— 677.

Объявление о поступлении в продажу «Выбранных мест из переписки с друзьями», второго издания «Мертвых душ», «Сочинений» Гоголя, а также «Ста рисунков» А. Агина к «Мертвым душам». «Московские ведомости» от 9 января 1847 г.— 691.

Свидетельство на проезд в Петербург и Москву, выданное Гоголю полтавским гражданским губернатором 17 августа 1848 г. ИУЛ.— 709.

Чиновник и купцы. Акв. неизв. художн., 1840-е гг. ИРЛИ.— 555.

Подорожная на проезд из Одессы до Богуслава, выданная Гоголю 26 марта 1851 г. ИУЛ.— 731.

Подорожная на проезд из Одессы до Москвы, выданная Гоголю 26 марта 1851 г. ИУЛ.— 733.

Подорожная на проезд из Москвы до Полтавы, выданная Гоголю 20 сентября 1851 г. Биб-ка АН УССР, Киев.— 835.

Газета «Московские ведомости» от 13 марта 1852 г., где были помещены статьи С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева о Гоголе.— 749.

Афиша представления оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь» на сцене русской частной оперы в Москве, 30 января 1898 г. ЦММК.— 919.

IV. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ

Аксаков С. Т. Записки об уженье. М., 1847. С дарственной надписью П. А. Вяземскому. Эта книга очень нравилась Гоголю. ЛБ.— 717.

Баратынский Е. А. Стихотворения. М., 1827. С дарственной надписью Н. А. Полевому и пометой С. Д. Полторацкого, свидетельствующей, что он получил книгу в подарок от Полевого. ЛБ.— 301.

Баратынский Е. А. Бал. СПб., 1828. С дарственной надписью С. Л. Энгельгардт. Собр. К. В. Пигарева, Москва.— 87.

«Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя Мертвые души. Рисовал А. Агин, гравировал на дереве Е. Бернардский». СПб., 1846. С дарственной надписью Е. Е. Бернардского А. В. Старчевскому от 14 мая 1856 г. См.-Сок.— 695.

Булгарин Ф. В. Дмитрий Самозванец СПб., 1830. С дарственной надписью М. Я. фон Фоку от 16 февраля 1830 г. См.-Сок.— 1011.

Вяземский П. А. За границею. Карлсруэ, 1850 г. С дарственной надписью Н. И. Тургеневу. Собр. К. В. Пигарева, Москва.— 311.

<Гоголь Н. В.>. Ганц Кюхельгартен. Соч. В. Алова. СПб., 1829. С дарственной надписью М. П. Погодину. Истор. биб-ка, Москва.— 795.

Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. СПб., 1831. С дарственной надписью И. П. Шульгину. Собр. В. А. Десницкого, Ленинград.— 547.

Гоголь Н. В. Отрывок из истории Малороссии. Оттиск из «Журнала министерства народного просвещения», апрель 1834 г. С дарственной надписью Д. В. Дашкову. ИРЛИ.— 551.

Гоголь Н. В. Ревизор. СПб., 1836. С дарственной надписью Н. О. Дюру. См.-Сок.— 1007.

Гоголь Н. В. Ревизор. СПб., 1836. С дарственной надписью М. С. Щепкину. Впоследствии (с 1896 г.) книга принадлежала К. С. Станиславскому. ЛБ.— 563.

Гоголь Н. В. Ревизор. СПб., 1836. С дарственной надписью Ф. Л. Халчинскому. Истор. биб-ка, Москва.— 703.

Гоголь Н. В. Ревизор. С дарственной надписью П. И. Кривцову, 1840-е гг. ЦГЛА.— 811.

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 1847. С дарственной надписью М. П. Погодину, сделанной на отдельном листке и вклеенной в дневник Погодина. ЛБ.— 817.

Дельвиг А. А. «Северные цветы» на 1829 год. С дарственной надписью П. А. Вяземскому. ЛБ.— 255.

Жуковский В. А. Баллады и повести, ч. I. СПб., 1831. С дарственной надписью Е. А. Баратынскому. Собр. К. В. Пигарева, Москва.— 67.

Измайлов А. Е. Басни, изд. 5. 1826. С дарственной надписью Б. М. Федорову. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва.— 49.

Крылов И. А. Басни. СПб., 1825. С дарственной надписью и стихотворением, посвященным А. Н. Оленину. См.-Сок.— 1001.

Крылов И. А. Басни. СПб., 1837. С дарственной надписью крестнице Саше и ее мужу К. С. Савельеву от 5 декабря 1837 г. См.-Сок.— 1004.

Крылов И. А. Басни. СПб., 1843. С дарственной надписью П. А. Шнору. См.-Сок.— 1005.

Кюхельбекер В. К. «Мнемозина» на 1824 год. С дарственной надписью Н. М. Языкову. См.-Сок.— 1009.

«Зрелище вселенныя». СПб., 1793. Детский учебник Лермонтова с его автографическими подписями, начало 1820-х гг. ГПБ.— 445.

Максимович М. А. Третья книга журнала «Киевлянин» на 1850 год. С дарственной надписью М. А. Максимовича Гоголю. ЛБ.— 727.

Пушкин А. С. Стихотворения. Первая часть. СПб., 1829. С дарственной надписью Ек. Н. Ушаковой. ИРЛИ.— 99.

Пушкин А. С. История пугачевского бунта. СПб. 1834. С дарственной надписью И. И. Дмитриеву. ИРЛИ.— 223.

Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. Оттиск из журнала «Москвитянин», 1847. С дарственной надписью Гоголю. ГИМ.— 721.

Сушков Н. В. Бедность и благотворительность. М., 1847. С дарственной надписью Гоголю. ГИМ.— 689.

Языков Н. М. Новые стихотворения. М., 1845. С дарственной надписью Гоголю. ИРЛИ.— 635.

V. РИСУНКИ ПУШКИНА И ГОГОЛЯ

Рисунок Пушкина на полях черновой рукописи поэмы «Цыганы», 1824 г., тетр. № 2370, л. 9 об. Воспр. впервые. ИРЛИ.— 305.

Рисунок Пушкина на полях черновой рукописи главы седьмой «Евгения Онегина», 1827 г., тетр. № 2368, л. 22 об. Воспр. впервые. ИРЛИ.— 131.

Рисунок Пушкина на полях черновой рукописи поэмы «Полтава», 1828 г., тетр. № 2371, л. 46, ИРЛИ.— 121.

Рисунок Пушкина на полях черновой рукописи поэмы «Полтава», 1828 г., тетр. № 2371, л. 42 об. Воспр. впервые. ИРЛИ.— 353.

Рисунок Пушкина на полях черновой рукописи поэмы «Полтава», 1828 г., тетр. № 2371, л. 43. ИРЛИ.— 293.

Рисунок Пушкина на полях черновой рукописи стихотворения «Брадатый староста Авдей», 1828 г., тетр. № 2371, л. 90 об. (в подпись под рисунком следует внести исправление). ИРЛИ.— 303.

Рисунки Пушкина на полях рукописи «Путевых записок», 1829 г., тетр. № 2382, л. 8 об. ИРЛИ.— 257.

Рисунок Пушкина на автографе стихотворения «Делибаш», 1829 г. (в скачущем всаднике Пушкин изобразил себя самого). ИРЛИ.— 335.

Автоиллюстрация к поэме о Тазите — см. раздел VI.

Обложка первого издания «Мертвых душ», сделанная по рис. Гоголя, 1842 г.—607.

VI. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

ПУШКИН

«Бахчисарайский фонтан»

Рис. Г. Г. Гагарина, 1844 г. ГЛМ.— 275.

«Евгений Онегин»

Рис. Пав. П. Соколова из альбома иллюстраций к «Евгению Онегину» 1855—1860 гг. См.-Сок.— 313, 315, 317, 319, 321, 323.

«Кавказский пленник»

Рис. Г. Г. Гагарина, 1844 г. ГЛМ.— 273.

«Полтава»

Рис. Пав. П. Соколова, 1850—1860-е гг. ИРЛИ.— 329.

‹Поэма о Тазите›

Рис.-автоиллюстрация Пушкина, 1829 г., тетр. № 2382, л. 23. ИРЛИ.— 111.

«Пред испанкой благородной»

Акв. Г. Г. Гагарина, 1833 г. РМ.— 271.

«Скупой рыцарь»

Рис. М. С. Башилова, 1850—1860-е гг. ИРЛИ.— 325.

ГОГОЛЬ

«Вий»

«Сотник, Хома Брут и мертвая панночка». Рис. М. О. Микешина, 1872 г. ГТГ.—921.

«Гроб панночки несут в церковь». Рис. М. О. Микешина, 1872 г. ГЛМ.— 858.

«Пляска Хомы Брута». Гелиогравюра-офорт с рис. М. О. Микешина, 1872 г. Собр. А. Ф. Коростина, Москва.— 859.

«Женитьба»

Подколесин и сваха. Рис. К. А. Савицкого. 1901—1902 гг. РМ.— 655.

«Записки сумасшедшего»

Поприщин. Три рис. И. Е. Репина, 1870 г. ГТГ.— 862, 863, 865.

Поприщин. Картина маслом И. Е. Репина, 1882 г. МРИК.— 867.

«Коляска»

Рис. М. П. Клодта, 1901—1902 гг. ГЛМ.— 877.

«Мертвые души»

Плюшкин. Ноздрев. «Вона пошла писать губерния!». Грав. Е. Е. Бернардского с рис. А. А. Агина, 1846 г.— 842, 843, 845.

Ноздрев. Пастель П. М. Боклевского, 1870—1880-е гг. ГИМ.— 661.

Герои «Мертвых душ». Рис. П. М. Боклевского 1870—1880-е гг. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва.— Вкладка между стр. 856—857.

Чичиков. Два рис. П. М. Боклевского, 1892 г. ГЛМ.— 849.

Манилов. Рис. Н. В. Иевлева, 1859 г. ГЛМ.— 785.

Плюшкин. «Русь». Черные акв. А. М. Лаптева. Детгиз, 1952 г.— 883, 887.

Супруги Маниловы. Чичиков у Ноздрева. Рис. В. Е. Маковского, начало 1900-х гг. РМ.— 629.

Манилов подводит Чичикова к ручке г-жи Маниловой. Обед у Манилова. Акв. Петра Соколова, 1870—1880-е гг. РМ.— 621, 819.

Приезд Чичикова к Плюшкину. Черная акв. Петра Соколова, 1890 г. ЛБ.— 871.

Чичиков у Плюшкина. Черная акв. Петра Соколова, 1890 г. ЛБ. Вкладка между стр. 872—873.

Перевернутая бричка Чичикова. Бал у губернатора. Два прыжка Чичикова. Обед у Собакевича. Чичиков у Ноздрева. Приезд Тентетникова к себе в имение. Сцены на дворе усадьбы Тентетникова. Черные акв. Петра Соколова, начало 1890-х гг. ЛБ.—617, 619, 625, 819, 873, 875.

Чичиков перед своей шкатулкой. Черная акв. Петра Соколова, начало 1890-х гг. ЛБ. Вкладка между стр. 672—673.

Приезд Чичикова в гостиницу. Тентетников у окна. Черные акв. Петра Соколова, начало 1890-х гг. ГТГ.— 868, 874.

«Губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала...». Черная акв. Петра Соколова к первой главе «Мертвых душ», начало 1890-х гг. Собр. А. Ф. Коростина, Москва.— 869.

Ноздрев. Статуэтка работы А. Соловьевой (каслинское литье, чугун), 1907 г. ИРЛИ.— 609.

Манилов. Статуэтка работы А. Соловьевой (каслинское литье, чугун), 1898 г. ИРЛИ.— 611.

«Невский проспект»

Рис. Д. Н. Кардовского, 1904 г. МИРЛ.— 685.
Рис. Д. Н. Кардовского, 1904 г. РМ.— 687.

«Ночь перед рождеством»

Солоха и дьяк. Рис. В. Е. Маковского, 1877 г. РМ.— 697.

«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»

Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Картина маслом Е. И. Берестова, 1850—1860-е гг. См.-Сок.—847.

«Портрет»

Рис. В. М. Васнецова, 1901 г. ГЛМ.— 643.

Чартков в картинной лавочке. Чартков у картины своего прежнего товарища. Черные акв. Кукрыниксов. М., Гослитиздат, 1952.— 537.

«Ревизор»

Почтмейстер. Рис. П. М. Боклевского, 1856 г. ГИМ.— 583.

Философия бюрократов. Поэзия бюрократов. Рис. М. П. Боклевского для альбома «Бюрократический катехизис. Пять сцен из „Ревизора"», 1863 г. См.-Сок.— 569, 571.

Хлестаков. Осип. Городничий. Добчинский. Бобчинский. Рис. П. М. Боклевского, 1870-е гг. См.-Сок.— 573, 575, 577, 578, 579.

Марья Антоновна и Анна Андреевна. Бобчинский и Добчинский. Рис. П. М. Боклевского, 1890-е гг. ГИМ.— 581, 849.

Обед Хлестакова. Картина маслом С. И. Грибкова, 1868 г. ГЛМ, ранее в собр. П. Г. Варакосина, Ленинград.— 585.

Купцы. Городничий. Акв. Д. Н. Кардовского, 1922 г. ГТГ.— 831, 881.

Городничий. Рис. неизв. художн. Был по преданию подарен Пушкиным Гоголю. ИРЛИ.— 839.

Финальная сцена. Рис. К. А. Савицкого, 1901—1902 гг. ГЛМ.— 827.

«Сорочинская ярмарка»

Акв. А. М. Каневского, 1930-е гг. ГТГ.— 909.

Грав. с рис. И. Е. Репина в книге: «„Сорочинская ярмарка, или Похождение красной свитки" Николая Васильевича Гоголя». Изд. СПб. Комитета грамотности, 1871 г.— 699.

Рис. К. А. Трутовского, 1860—1870-е гг. ГТГ.— 901.

«Старосветские помещики»

Инициал «Я», открывающий текст повести. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. Автор повести в гостях у Афанасия Ивановича. Рис. Пав. П. Соколова в рукописном экземпляре повести, 1853 г. ГИМ.— 851, 627, 852.

Страница первая, четырнадцатая и последняя рукописного экземпляра повести. Рис. Пав. П. Соколова, 1853 г. ГИМ.— 852, 854, 855.

«Страшная месть»

Катерина. Рис. И. Н. Крамского, 1874 г. РМ.— 861.

«Тарас Бульба»

На челнах. Акв. М. Г. Дерегуса, 1951 г. Собр. художн. Киев.—889.

Возвращение сыновей Тараса из бурсы. Тарас с сыновьями едет в Сечь. Картины маслом С. В. Иванова, 1890-е гг. Местонахожд. ориг. неизв. Воспр. по негативам ГТГ.— 727, 739.

Тарас и Андрий. Картина маслом С. В. Иванова, 1890-е гг. Частное собр., Ленинград.— 739.

Тарас Бульба. Автолитогр. Е. А. Кибрика, 1945 г.— 528.

«...Она все сидела в головах милых сыновей своих». Автолитогр. Е. А. Кибрика, 1945 г.— 539.

Возвращение сыновей Тараса из бурсы. Рис. аквар. и пером А. Д. Кившенко, 1882 г. ГТГ.— 741.

Отъезд Тараса с сыновьями в Сечь. Рис. М. В. Нестерова, 1885 г. ГЛМ.— 823.

Приезд сыновей Тараса из бурсы. Рис. сепией Т. Г. Шевченко, 1842 г. Эрм.— Вкладка между стр. 840—841.

«Театральный разъезд после представления новой комедии»

Рис. К. А. Савицкого, 1901—1902 гг. ГИМ.— 663.

«Тяжба»

Бурдюков. Акв. П. М. Боклевского, 1887 г. ГИМ.— 683.

«Шинель»

Копиист. Рис. К. А. Зеленцова, 1840-е гг. Местонахожд. ориг. неизв. Воспр. по репродукции из журн. «Живописец», 1903, № 10.— 841.

Акакий Акакиевич. Рис. С. А. Коровина, 1901 г. ГТГ.— 880.

Чиновники пьют в честь обновки Акакия Акакиевича. Акакий Акакиевич у «значительного лица». Черные акв. Кукрыниксов. Гослитиздат, 1952 г.— 542, 543.

VII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Дом в музее-усадьбе «Абрамцево», бывшем имении С. Т. Аксакова. В 1849—1851 гг. Гоголь часто гостил в Абрамцеве. Вид со двора и со стороны сада. Фото С. К. Иванова-Аллилуева, 1950 г.— 713.

Комната в музее-усадьбе «Абрамцево». В этой комнате во время своих приездов к Аксаковым жил Гоголь. Фото С. К. Иванова-Аллилуева, 1950 г.— 715.

Река Воря в усадьбе «Абрамцево». Липовая аллея в той же усадьбе. Фото С. К. Иванова-Аллилуева, 1950 г.— 787.

Бахчисарай. Рис. пером Н. Г. Чернецова, 1834 г. ИРЛИ.— 347.

Внутренний вид Бахчисарайского дворца. Картина маслом Н. Г. Чернецова, 1837 г. См.-Сок.— 349.

Дом в Васильевке — имении, принадлежавшем семье Гоголя. Рис. Н. А. Ярошенко, 1876 г. ГТГ.— 707.

Италия. Народные типы. Акв. М. И. Лебедева, 1836 г.— ГТГ.— 593.

Итальянский пейзаж. Картина маслом М. И. Лебедева, 1836 г. Местонахожд. ориг. неизв.— 651.

Итальянский пейзаж. Веранда. Картина маслом М. И. Лебедева, 1830-е гг. Художественный музей, Вильнюс.— 649.

Итальянский пейзаж. Картина маслом В. Е. Раева, 1845. Собр. А. С. Минкина, нград. — 599.

Кавказ. Акв. Н. Г. Чернецова, 1830-е гг. ИРЛИ.— 393.

Русский военный лагерь в Сочи. Русский форт в Туапсе. Литогр. Тирпенна (Tirpenne) и Байо (Bayot), 1841 г. по рис. Дж. Ст. Белля, 1837—1839 гг. Из книги: «Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839. Par James Stanislas Bell. P., 1841.— 415.

Переправа через Сулак под Ахатли. Литогр. по рис. Г. Г. Гагарина, 1840-е гг. ЛБ.— 421.

Военный отряд в степи у Кизляра. Литогр. Байо (Bayot) с рис. Г. Г. Гагарина. 1840-е гг. ЛБ.— 397.

Переправа через Днепр у Киева. Картина маслом В. И. Штернберга, 1839 г. МРИК, ранее в ГТГ.— 777.

Михайловское. Большой пруд. Липовая аллея. Фото М. А. Величко, 1949 г.— 13, 109

Лоскутный ряд в начале Тверской улицы (теперь улица Горького) в Москве. Рис. Н. Мартынова, 1846 г.— 789.

Кабинет А. С. Хомякова в доме, принадлежавшем ему на Собачьей площадке в Москве (теперь ул. Композиторов). Здесь у Хомяковых часто бывал Гоголь в 1848—1852 гг. Курительная комната, т. наз. «говорильня», в том же доме. Фото, 1929 г. Собр. Б. С. Земенкова, Москва.— 724, 725.

Москва. Вид Театральной площади от Большого театра. Акв. Бронина, 1840-е гг. ГИМ.— 805.

Москва. Воздвиженка (теперь улица Калинина). Акв. В. С. Садовникова, 1850-е гг. ГИМ.— 805.

Могила Гоголя на кладбище Даниловского монастыря в Москве в первые месяцы после погребения писателя. Картина маслом Голованова, 1852 г. ГТМ.— 761.

Новый памятник, установленный 9 сентября 1951 г. на могиле Гоголя на Новодевичьем кладбище в Москве. Бюст (мрамор) работы Н. В. Томского. Фото М. Альперта.— 769.

Неаполь. Вид с дороги в Позиллипо. Картина маслом А. А. Иванова, 1838 гг. РМ.—679.

Нежинская гимназия высших наук кн. Безбородко, в которой в 1821—1828 гг. учился Гоголь. Акв. О. Б. Визеля, 1830-е гг. ИРЛИ.— 497.

Здание бывшей Нежинской гимназии, ныне Педагогического института им. Н. В. Гоголя и мемориальная доска на этом здании. Фото М. Альперта, 1951 г.— 506, 507.

Одесса. Акв. М. Н. Воробьева, 1821 г. Музей А. С. Пушкина (ИРЛИ).— 45.

Дом гр. М. С. Воронцова в Одессе. Рис. (сепия) неизв. художн., 1830-е гг. Эрм.—43.

Дом на улице Гоголя (ранее Надеждинской улице) в Одессе. Здесь в 1850—1851 гг. жил Гоголь. Фото, 1948 г. ГЛМ.— 735.

Одесса. Вид с Приморского бульвара. «Русский художественный листок», 1854, № 17.— 729.

Петербург. Вид на Неву. Акв. А. Е. Мартынова, 1809 г. Эрм.— 73.

Невский проспект у Казанского собора. Акв. М. Н. Воробьева, 1817 г. Собр. И. С. Зильберштейна, Москва.— 39.

Зимний дворец. Акв. М. Н. Воробьева, 1817 г. Эрм.— 455.

Панорама Петербурга. Акв. Антонио Тозелли, 1817—1820-е гг. Эрм.— 54—63.

Пассажирский пароход на Неве. Литогр. с грав. С. Карделли, 1822 г. ГИМ.— 81.

«Вид площади между библиотекой и павильоном Аничковского дворца перед новым каменным театром по проекту К. И. Росси, 1828 г.». Акв. неизв. художн. Эрм.—253.

Петербург. Адмиралтейство. Литогр. неизв. художн., 1820-е гг. Эрм.— 165.

Постройка Александровской колонны. Акв. Г. Г. Гагарина, 1832 г. Эрм.— 127.

Дом на улице Гоголя (ранее Малой Морской) в Ленинграде, где в 1833—1836 гг. жил Гоголь. Фото, 1947 г.— 549.

Невский проспект у Аничкова дворца. Акв. В. С. Садовникова, 1839 г. Эрм.—105.

Петербург. Марсово поле. Рис. Г. Г. Чернецова, 1830-е гг. Эрм.— 225.

Арка Главного штаба в Петербурге. Литогр. К. П. Беггрова, 1830-е гг. МИИ.—451.

Станция дилижансов на Исаакиевской площади в Петербурге. Акв. В. С. Садовникова, 1841 г. Эрм.— 565.

Петербург. Вид на Неву. Картина маслом Ф. Перро, 1841 г. Собр. А. С. Минкина, Ленинград.— 631.

Нева у здания биржи. Акв. В. С. Садовникова, 1830—1840-е гг. МИРЛ.— 95.

Кабинет Пушкина в его последней квартире, в доме на Мойке в Петербурге. Музей-квартира Пушкина (ИРЛИ). Фото М. А. Величко, 1949 г.— 228—229.

Гостиная в последней квартире Пушкина в доме на Мойке в Петербурге. Фото М. А. Величко, 1951 г. Музей-квартира Пушкина (ИРЛИ).— 135.

Место дуэли Пушкина. Фото М. А. Величко, 1951 г.— 149.

Пятигорск. Литогр., 1850-е гг. ГЛМ.— 469.

Пятигорск. Балкон дома, в котором жил Лермонтов, и могила поэта. Рис. А. И. Арнольди, воспроизведенные в «Русском художественном листке», 1862, № 7.—471.

Дом Верзилиных в Пятигорске. Акв. Л. О. Премацци, 1883 г. ИРЛИ.— 491.

Дом № 126 на улице Via Sistina (ранее Via Felice) в Риме, в котором в 1838—1842 гг. жил Гоголь, и мемориальная доска на этом доме. Фото, 1947 г. ГЛМ.— 645.

Кафе «Греко» в Риме, где часто бывал Гоголь. Фото, 1947 г. ГЛМ.— 647.

Римская Кампанья. Картина маслом А. А. Иванова, 1830-е гг. РМ.— 667.

Развалины Колизея. Картина маслом Н. Г. Чернецова, 1840 г. РМ.— 595.

Октябрьский праздник в Риме (вариант, одобренный Гоголем). Акв. А. А. Иванова, 1842 г. ГТГ.— 779.

Октябрьский праздник в Риме. Акв. А. А. Иванова, 1842 г. РМ.— 781.

Рим. Мост Ламентано. Рис. М. Н. Воробьева, 1840-е гг. ГТГ.— 637.

Мастерская А. А. Иванова в Риме. Акв. А. А. Иванова, 1840-е гг. ГТГ.— 665.

Могила Пушкина в Святогорском монастыре. Литогр. из издания: «Галлерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым, ч. 1, 1837 г.». ЛБ.— 153.

Могила Пушкина у стен собора Святогорского монастыря. Фото М. А. Величко, 1949 г.— 207.

Дом в Сорочинцах, в котором родился Гоголь. Фото, 1901 г. ГИМ.— 807.

Село Большие Сорочинцы, описанное Гоголем в повести «Сорочинская ярмарка». Фото М. В. Альперта, 1951 г.— 517.

Тригорское. Луга. «Скамья Онегина». Вид на Сороть и Михайловский лес. Большой или верхний пруд. Фото М. А. Величко, 1949 г.— 21, 115, 197, 203.

Украинский базар. Акв. В. И. Штернберга, 1836 г. Эрм.— 501.

Деревенская ярмарка на Украине. Рис. В. И. Штернберга, 1838 г. ГТГ.— 503.

Дом № 168 на улице Присница в Фрейвальдау (теперь г. Есеник, Чехословацкая Силезия). Здесь в августе — сентябре 1845 г. жил Гоголь. Вид с улицы и со двора. Фото, 1936 г. ГЛМ.— 674—675.

Египетские ворота в Царском селе. Живопись на фарфоре по оригиналу В. Е. Галямина, 1835 г. Эрм.— 35.

VIII. ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ, КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕК ПИСАТЕЛЕЙ И ПР.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России, изд. 2, ч. 3, М., 1830. Книга из биб-ки Пушкина. ИРЛИ.— 215.

Béranger. Chansons de P. J. de Béranger. P., 1828 г. (Песни Беранже). В приложении к книге помещены отчеты о судебных процессах, возбуждавшихся против Беранже за его свободолюбивые песни.— 375.

Гоголь Н. В. Учитель. Одно из первых печатных произведений Гоголя, появившееся под псевдонимом «П. Глечик». «Лит. газета», 1831, № 1.— 529.

Дидро. Побочный сын или опыт добродетели. СПб., 1766. Русский перев. комедии. Титульный лист. ЛБ.— 947.

Дидро. Переводы из Энциклопедии. М., 1767. Титульный лист и страница с списком переводчиков. ЛБ.— 941.

Лермонтов М. Ю. Мцыри (Der Novize). Перев. на немецкий язык. Berlin, 1842. Титульный лист.— 479.

Паткуль Р. Письма нещастного графа Ивана Рейнольда Паткуля. М., 1806. Титульный лист и фронтиспис.— 389.

Пушкин А. С. Экземпляр «Повестей Белкина» с цензорским разрешением на выпуск издания в свет. 1831 г. Биб-ка Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова.— 117.

Пушкин А. С. «Кавказский пленник». Перев. на шведский язык. Abo, 1825. Титульный лист и страница первая книги со стихами переводчика, посвященными Пушкину. ГПБ.— 341.

«Изрубленный Пушкин». Единственный уцелевший экземпляр книги: А. С. Пушкин. Стихотворения, не изданные в России. М., 1908. Весь тираж издания был пущен, по требованию цензуры, под нож типографской резальной машины. См.-Сок.— 1015.

«Северная пчела», 17 июля и 5 августа 1830 г. с сообщением о восстании в Албании.— 379.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составил Ю. Масанов

Абрамович, Геркулан Помпеевич — 460.
Абрамович, Дмитрий Иванович — 387—88, 392, 405, 412, 426.
Август II, король польский — 387, 390.
Авдеев, Михаил Васильевич — 738.
Авдулин, Алексей Николаевич — 78.
Авдулина (рожд. Яковлева), Екатерина Сергеевна — 78.
Агафонов, Николай Яковлевич — 139.
Агин, Александр Алексеевич — 691, 695—96, 837, 842—46, 848, 851, 857, 876, 886, 888.
Аддисон, Джозеф — 954.
Аделунг, Карл Федорович — 89.
Адеркас, Борис Антонович — 52, 199—200, 202, 209.
Адеркас, Эммануил Богданович—496, 500, 502, 508—09, 511—12, 514—16, 518, 520—24, 527, 532.
Адлерберг, Александр Владимирович — 467.
Адлерберг, Владимир Федорович — 254, 260.
Азадовский, Марк Константинович — 456.
Аксаков, Александр Николаевич — 735—36.
Аксаков, Аркадий Тимофеевич — 708.
Аксаков, Григорий Сергеевич — 3, 32, 119, 140, 533, 544, 548—49, 551—52, 556, 558, 562, 566, 568, 570, 572, 576, 580—81, 586—88, 608, 708.
Аксаков, Иван Сергеевич — 533, 538—39, 544, 562, 566, 568, 570, 572, 574—76, 580—82, 586—88, 600, 608, 610, 612, 622, 628, 637, 652, 666, 668, 673, 676, 682—84, 686—88, 693, 696—99, 701—03, 706—08, 711—12, 714—16, 718—20, 722—28, 730, 734, 736, 738, 740, 770, 786, 790, 801—04, 806, 818.
Аксаков, Константин Сергеевич — 140, 533, 540, 544, 548—52, 556, 558—60, 562, 567—68, 570, 572, 574, 577, 580—82, 586—88, 590, 592—94, 596, 598, 604, 606, 608, 610, 612, 614—15, 621—22, 624, 626, 642—43, 682, 686, 698, 702, 706—08, 711—12, 714—19, 722—24, 726, 728, 730, 732, 734, 737—38, 740, 755, 788, 797, 802—04, 807.
Аксаков, Михаил Сергеевич — 574, 580, 586—88, 604.
Аксаков, Сергей Тимофеевич — 27, 92, 94—95, 119, 140, 261, 533, 538—39, 541—42, 544, 549—50, 558—60, 562, 564, 566—68, 570, 572, 574—76, 578—80, 582, 584, 587—88, 596, 598, 600, 606, 608, 610, 612—13, 615, 621—22, 626, 634, 637, 642, 644, 647—49, 652, 660, 663, 666, 668, 676, 682—84, 686, 688, 693, 696, 698—99, 702, 706—08, 711—14, 716—20, 723—25, 727—28, 730, 732, 734, 736—38, 740—41, 749, 752, 756, 786, 788, 792, 794, 796—97, 800—01, 803, 806—07, 818, 820, 828, 833, 866, 890.
Аксакова, Анна Степановна — 708.
Аксакова, Вера Сергеевна — 3, 27, 32, 140, 533, 539—42, 544, 550, 564, 572, 574—80, 583—84, 586—88, 608—10, 614—16, 620, 626, 628, 630, 632, 636—37, 641—42, 644, 646—48, 652, 654, 658, 662—63, 666, 668, 670, 672—76, 678—81, 683—84, 696—701, 706—08, 717—20, 724—27, 730, 732—38, 740—42, 744, 746, 751, 755—56, 766, 770—73, 785—86, 788—92.
Аксакова, Любовь Сергеевна — 533, 544, 738.
Аксакова, Мария Сергеевна — 533, 544, 582.
Аксакова, Надежда Сергеевна — 533, 544, 578, 581—82, 722, 724—25, 730, 736—38, 740, 751, 770, 772, 789.
Аксакова, Ольга Семеновна — 3, 32, 140, 533, 538, 544, 564, 572, 574—76, 581—82, 588, 590, 622, 644, 666, 676, 684, 698, 706, 708, 715—16, 718, 720, 726—27, 730, 736, 740, 751—52, 788—90, 806.
Аксакова, Ольга Сергеевна — 727—28, 789.
Аксаковы — 30, 119, 140, 539—41, 543, 549, 552, 558, 564, 566—67, 570, 574, 578, 580—81, 583—84, 586—88, 594, 600, 604, 606, 608, 612, 615, 620, 622, 666, 676, 678, 682, 684, 686, 696, 698, 700, 702, 707—08, 712, 714—15, 718—20, 723—24, 726—28, 730, 732, 734, 736, 738, 743, 746—47, 750, 755—56, 766, 772, 792, 798, 804, 832.
Аладьин, Егор Васильевич — 32, 48, 94, 252, 261.
Александр I — 42, 117, 167—94, 196, 210, 240—41, 304, 310, 324, 326, 336, 521, 931, 975, 998.
Александр II — 427, 527, 934, 939.
Александр III — 934—36.
Александра Федоровна, имп.— 459, 931.
Александров, Николай Александрович—889.
Алексеев, Александр Иванович — 399.
Алексеев, Кирсан — 199.

Алексеев, Константин Сергеевич — см.: Станиславский, К. С.
Алексеев, Михаил Павлович — 152, 274, 278, 297, 306, 326, 949—98.
Алексеев, Николай Степанович — 112.
Алов, В., псевдоним Н. В. Гоголя—795.
Алферовский, домовлад.— 87.
Алымов, домовлад.— 110.
Альбединский — 463.
Альперт, Макс Владимирович — 506 — 07, 517, 769.
Алябьев, Александр Александрович — 453, 486.
Аммосов, Александр Николаевич — 142.
Анакреон — 375.
Анастасевич, Василий Григорьевич — 533, 556.
Андреев — 755.
Андреев, капитан — 980.
Андреев-Бурлак, Василий Николаевич— 870, 872, 890.
Андреев-Кривич, Сергей Алексеевич — 411—30, 476.
Андроников, Ираклий Луарсабович — 380, 400, 420—21.
Андросов, Василий Петрович — 291—92, 296, 546.
Андрущенко, Семен Матвеевич — 498, 509, 524.
Анжу, П. Ф.— 138.
Анненков, Иван Васильевич — 605—06.
Анненков, Павел Васильевич — 8, 144, 162, 210, 221, 290, 300, 302, 307, 333, 348—56, 530, 532—33, 543—44, 549, 586, 598, 605—06, 628, 1006, 1016.
Анненков, Федор Васильевич—605—06.
Анненковы — 606.
Анреп, Иосиф Романович — 412, 414, 416, 427.
Ансело, Жак-Франсуа — 66.
Антонов, Максим — 447.
Антонова, Варвара — 442.
Антонова, Елизавета Ивановна — 920.
Антонский-Прокопович, Антон Антонович — 885.
Апехтина, Александра Андреевна — см.: Фукс (рожд. Апехтина), А. А.
Апраксин, Виктор Владимирович — 533, 693—94.
Апраксин, Николай Александрович — 200—01.
Апраксина (рожд. Толстая), Софья Петровна — 538, 617, 693—94, 698, 704, 755.
Апраксины — 543, 693—94.
Апухтин, Алексей Николаевич — 912, 924.
Араго, Жак — 129.
Аракчеев, Алексей Андреевич — 190, 453, 457, 998.
Аралов, Ф.— 533, 544, 760, 762.
Арина Родионовна, няня Пушкина — 5.
Аристов, Илья Степанович — 222, 239.
Аристотель — 128, 131.
Армфельдт, Александр Осипович — 570, 574, 584.
Арндт, Николай Федорович — 136, 138.
Арно, Этьен — 962—63.
Арнольд, Николай Владимирович — 773—74.
Арнольди, Александр Иванович — 440, 449—76.
Арнольди, Иван Карлович — 449, 456, 465, 476.
Арнольди, Лев Иванович — 456, 481, 533, 637, 701—03, 718, 720, 740.
Арнольди, Наталья Николаевна — 454.
Арнольди, Петр Карлович — 459.
Арнольди (в замуж. Ухтомская), Софья Ивановна — 476.
Арнольди, Софья Карловна — 476.
Арсеньев — 460.
Арсеньев, Василий Сергеевич — 166.
Арсеньев, Ю. К.— 480, 491.
Арсеньева, Елизавета Алексеевна — 429, 441—47, 464.
Артемьев, Александр Иванович — 27—28, 31—32, 141—42, 486.
Архангельская, Вера Константиновна — 128, 333, 340—43.
д'Аршиак, Огюст — 24, 139.
Асафьев, Борис Владимирович — 894, 903, 922—23; см. еще: Глебов, И.
Ассеза, Жюль — 934, 938.
Астраков, Сергей Иванович — 533, 748.
Афанасьев, Александр Николаевич — 720.
Афанасьев, Николай Яковлевич — 916.
Афросимов — 726.
Афросимов, А.— 51.
Ацаркина, Эсфирь Николаевна — 886.
Аш, Б.— 248—49.
Ашукина, Мария Григорьевна — 32, 278, 477—80.

Бабинцев, Серафим Матвеевич — 1004, 1006.
Бабст, Иван Кондратьевич — 742.
Багратион-Имеретинский, Дмитрий Георгиевич — 460—62, 473.
Багреев, Александр Алексеевич — 78.
Багреева — 78.
Базанов, Василий Григорьевич— 532.
Базили, Константин Михайлович — 515.
Байо (см. также Бэйо) — 415.
Байрон, Аллегра — 978
Байрон, Джон — 998.
Байрон, Джордж-Ноэль-Гордон — 8—9, 46, 51, 53, 246, 255, 330, 360, 384, 386, 949—98.
Байрон, Медора — 998.
Бакст, Лев Самойлович — 892.
Бакунин, Михаил Александрович — 608—10, 664, 712.
Бакунина, Александра Александровна — см.: Вульф (рожд. Бакунина), А. А.
Бакунина, Татьяна Александровна — 533, 544, 712.
Бакунины — 543, 582.
Балабуха, Петр — 518.
Балакирев, Милий Алексеевич — 903—04.
Балк-Полев, Петр Федорович — 79—80.
Бальзак, Оноре де — 547.
Бантыш-Каменский, Дмитрий Николаевич — 27, 122, 213—15, 222—24, 226—28, 239—41.
Баранов, Владимир Васильевич — 440, 477, 485—87.
Баранов Иван Николаевич 204.

Барант, Эрнест — 414, 418—19, 432, 440, 474.
Баратынская (рожд. Энгельгардт), Анастасия Львовна — 62, 64.
Баратынский, Евгений Абрамович — 3, 30—32, 40, 42, 49, 61—64, 67, 83—88, 91—92, 94, 98, 100—01, 107—08, 147, 257, 264, 292, 301, 533—34, 545—46, 559—60, 978.
Барбье, Анри-Огюст — 302.
Барбье, Антуан — 934.
Бардин — 344.
Барклай де Толли, Михаил Богданович — 130, 132.
Барри Корноул — 25.
Барсуков, Николай Платонович — 30, 260, 296, 356, 542, 544, 547, 562, 566, 582, 587, 696, 712, 743, 794, 796, 798, 817—18, 822, 828, 834, 836.
Бартенев, Петр Иванович — 47, 80, 85—86, 111, 145, 148, 242, 264, 267, 280, 286, 340, 343, 356, 422, 428, 482, 543, 552, 602, 682, 718, 752, 755, 773—74.
Бартолини, Лоренцо—955—57, 993—94.
Бартолуччи — 79—80.
Барятинская, Мария Ивановна — 274.
Барятинский, Александр Иванович — 274, 276, 483.
Барятинский, Владимир Иванович — 466, 474, 483—84.
Басаргин, Николай Васильевич — 439—40.
Батюшков, Константин Николаевич — 5, 33, 140, 249, 255, 258, 261, 285, 350.
Батюшкова, Софья Николаевна — 47.
Бахметев — 274.
Бахрушин, Алексей Александрович — 885.
Башилов, Михаил Сергеевич — 325.
Беггров, Карл Петрович — 451.
Бедряга — 460.
Безобразов, Александр Михайлович—196.
Безобразов, Александр — 460, 463—64.
Безобразов, Владимир — 460, 463—64.
Безобразов, Сергей Дмитриевич — 465, 468, 472, 474.
Безобразовы — 473.
Безперчий, Дмитрий Иванович — 892.
Белинский, Виссарион Григорьевич — 11—12, 17, 20, 51, 113, 166, 221, 233, 241, 269, 278, 291—92, 294—96, 328, 331—32, 362, 368, 377, 401, 405, 408—10, 439—40, 456, 531, 533, 536, 540—41, 544, 549—50, 552, 560, 570, 573, 580, 583—84, 586, 600, 612, 614, 626, 630, 636, 642, 647—48, 660, 682, 684, 689, 690—91, 695—96, 700—01, 706, 721—22, 747, 793—94, 796—98, 800—02, 804, 822, 825, 841, 843, 846, 848, 860, 885, 888, 893, 898—99, 915, 923, 1002, 1016.
Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич — 325.
Белль, Джемс Станислас — 415.
Белобородов, Иван Наумович — 222—24, 234, 239—40.
Белоусов, Николай Григорьевич — 496, 498—500, 502—15, 518, 520—21, 524—28, 530—31.
Бельчиков, Николай Федорович — 485, 487.
Беляев, Александр Кононович — 491.
Беляев, Александр Петрович — 432, 434, 440, 450—51, 468.
Беляев, Митрофан Петрович — 924.
Беляев, Михаил Дмитриевич — 146, 221.
Беляев, Петр Петрович — 450, 468.
Бем, Иосиф — 76—77.
Бенедиктов, Владимир Григорьевич — 118—19, 295, 404, 676.
Бенкгаузен, Егор (Джордж) Карлович — 964—66, 971, 994—95.
Бенкендорф, Александр Христофорович — 16, 22, 25, 72, 89, 105, 200, 209, 216, 230, 239—40, 291—92, 296, 355, 462, 420—21, 424, 426, 495—96, 499, 516, 518—19, 521, 524, 526—27, 532, 1010, 1012.
Бер — 460.
Бер, Мартин — 105.
Беранже, Пьер-Жан — 320, 324, 373—77.
Берг, Николай Васильевич — 346.
Берг, Роман Борисович — 460.
Берг (рожд. Штенгер), Эрминия Федоровна — 460.
Бергман — 392.
Бередников, Яков Иванович — 122.
Берестов, Егор Иванович — 847—48, 850, 887.
Беркли, Джордж — 954.
Берлиоз, Гектор — 320.
Бернандт, Григорий Борисович — 924.
Бернардский, Евстафий Ефимович — 695—96, 842—46, 886.
Бернгард, Ф.— 310, 325.
Беррийская, герцогиня — 148, 150.
Берутти, Артуро — 916.
Беспалов, Филипп Федорович — 445, 447.
Беспалова, Анна Петровна — 445, 447—48.
Беспалова, Домна Ивановна — 447.
Бессмыслов, псевд. Н. А. Полевого — 400.
Бессонов, Петр Алексеевич — 343, 533, 752, 755.
Бестужев (Марлинский), Александр Александрович — 17, 38, 40—42, 48, 57—59, 107, 148, 150—51, 191, 248, 263, 267, 426, 435, 453, 490, 492, 502, 1008.
Бестужев, Михаил Александрович — 164.
Бестужев-Рюмин, Михаил Алексеевич — 366.
Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович — 165, 522, 530.
Бестужева (рожд. Языкова), Прасковья Михайловна — см.: Языкова, П. М.
Бетховен, Людвиг — 730.
Бецкий, Иван Егорович — 456, 533, 584, 586, 666, 668, 752.
Бианки — 76—77.
Бибиков, Александр Ильич — 226, 229, 236, 238.
Бибиков, Дмитрий Сергеевич — 429, 432.
Бибиков, Матвей Павлович — 533, 544, 596.
Билевич, Михаил Васильевич — 496, 498—500, 502—08, 512—15, 527, 530,

Билинкис, Ольга Борисовна — 46, 333, 338—39.
Бильбасов, Василий Алексеевич — 429, 930, 937.
Бильдерлинг, Александр Александрович — 472.
Бирон (рожд. Мещерская) — 804.
Бируков, Александр Сергеевич — 37, 231.
Благой, Дмитрий Дмитриевич — 3—28, 61, 103—04, 106, 132, 182, 192—93, 195, 208, 400, 534.
Блазер, Анна Соломоновна — 32—33.
Блессингтон, Маргарет — 964—66, 995.
Блинчевская, Мина Яковлевна — 544.
Блонд, Андре — 928.
Блудов, Дмитрий Николаевич — 34, 85, 247, 254, 257—61.
Бобарыкин, Василий Васильевич — 278.
Бобарыкина, Мария Дмитриевна — 256.
Боборыкина, Н. Д.— 256.
Богаевская, Ксения Петровна — 3, 31, 722.
Богданова, Оксана Эрастовна — 281.
Богдеско, Илья Трофимович — 883.
Боде, Вильгельм— 110.
Боде-Колычев — 104.
Бодянский, Осип Максимович — 218, 221, 712, 718, 725—27, 766.
Божко, Андрей Андреевич — 518, 533, 766—67.
Боклевский, Петр Михайлович — 569, 571, 573, 575, 577—79, 581, 583, 661, 683, 837, 846, 849—51, 854—57, 866, 886, 888.
Болдаков, Иннокентий Михайлович — 400.
Бонди, Сергей Михайлович — 167—94, 267.
Бонжур, Казимир — 962.
Бонштеттен, Виктор—121, 123, 152, 978.
Боннэ, Шарль — 123.
Боровкова-Майкова, Мария Семеновна— 30, 46, 76, 78.
Бородин, Александр Порфирьевич — 906, 916.
Бороздин, Константин Матвеевич — 258.
Бороздин, Яков Корнилович — 508, 531.
Борх, Александр Михайлович — 463.
Боткин, Василий Петрович — 408—09, 533, 544, 570, 596, 612, 647, 744, 747, 801.
Боткин, Михаил Петрович — 544, 681.
Боткин, Николай Петрович — 533, 698, 734, 737, 760, 808.
Бочков, Алексей Поликарпович — 3, 31, 53—59.
Бошняк, Александр Карлович — 51, 205—06, 209—10.
Браницкий, Ксаверий — 443.
Брант, Леопольд Васильевич — 702.
Браудо, Евгений Максимович — 274, 278.
Браунинг, Роберт — 994—95.
Брешко-Брешковский, Николай Николаевич — 892.
Бригген, Александр Федорович, фон — 211, 220, 440.
Брискорн, домовлад.— 110.
Бродский, Николай Леонтьевич — 162, 166, 278, 368, 380, 386, 400, 446, 448, 476, 482.
Брок, С. М.— 924.
Броневский, Владимир Богданович — 231, 241.
Бронин — 805.
Бронштейн, Нина — 484.
Брум, полковник — 575.
Бруни, Федор Антонович — 146, 608.
Брылкин, помещик — 209.
Брюллов, Александр Павлович — 1013.
Брюллов, Иван Павлович — 277.
Брюллов, Карл Павлович — 3, 32, 148, 423, 482, 583—84, 608—09, 705, 885, 1010.
Бубнова, Вера Леонидовна — 476.
Будберг-Беннингаузен, Роман, 477— —78, 480.
Будьдобрый, Николай Григорьевич — 533, 688—89.
Булгаков, Александр Яковлевич — 9, 47—49, 51, 82, 144, 148, 492, 543, 753— 54, 760, 963.
Булгаков, Константин Александрович — 242, 1012—13.
Булгаков. Константин Яковлевич — 47.
Булгакова, Екатерина Александровна — см.: Соломирская (рожд. Булгакова), Е. А.
Булгакова, Ольга Александровна — см.: Долгорукова (рожд. Булгакова), О. А.
Булгаковы — 399.
Булгарин, Фаддей Венедиктович — 47, 60, 67—68, 74, 88, 91, 94, 96, 107—08, 110, 122, 246, 252, 254, 256, 260, 312, 359—60, 362—68, 396, 402, 404—05, 492, 562, 690, 702, 752—53, 760, 762, 767, 776, 824, 843, 1010—12.
Бульвер, Генри — 964—66, 971—73.
Бульвер, жена Генри Бульвера — 971— 73.
Бульвер, Эдвард — 950, 964—65.
Буонаротти, Микель-Анджело — 129, 666.
Бурмейстер, — 922.
Буслаев, Федор Иванович — 616.
Буссов, Конрад — 105.
Бутенев, Аполлинарий Петрович — 810.
Буткевич — 235—39, 241.
Буткевичи — 236, 238—39.
Бутков, Петр Григорьевич — 256.
Бутовский, Иван Григорьевич — 3, 22, 31, 124.
Бутурлин, Дмитрий Петрович — 67, 952, 954, 958, 994.
Бутурлин, Михаил Дмитриевич — 958, 994.
Бутырский, Никита Иванович — 327.
Бухштаб, Борис Яковлевич — 373, 406 — 09.
Быков, В. М.— 736.
Быков, Николай Дмитриевич — 841, 886.
Быстров, Иван Павлович — 24, 32, 138.
Быховец, Екатерина — 454, 475, 487— 88.
Бэйо — 397.

В., криптоним П. А. Вяземского (?) — 966.
Вавилов, Сергей Иванович — 29.

Вагнер, Александр — 780.
Вагнер, Елизавета Васильевна — см.: Погодина (рожд. Вагнер), Е. В.
Ваксель, Платон Львович — 278, 959—60, 994.
Валлот, Вильгельм — 281.
Валуев, Дмитрий Александрович — 624, 666.
Валуева (рожд. Вяземская), Мария Петровна — см.: Вяземская, М. П.
Ванькович, Валентин Мельхиорович — 74, 254.
Варакосин, П. Г.— 585.
Варламов, Александр Егорович — 486.
Варнгаген фон Энзе, Карл-Август — см.: Фарнгаген фон Энзе, Карл-Август.
Васильковский, Сергей Иванович — 892.
Васильчиков, худ.— 755.
Васильчиков — 200.
Васильчиков, Александр Алексеевич — 885.
Васильчиков, Александр Илларионович — 428, 434, 436, 440, 454, 466, 470, 472, 476, 484, 487, 490—92.
Васильчиков, Илларион Васильевич — 492.
Васнецов, Виктор Михайлович — 643, 873—74, 878—79, 891.
Васьков, Дмитрий Николаевич — 246, 249—50, 260.
Васьков, Федор Иванович — 788.
Введенский, Арсений Иванович — 486.
Вебстер, Джемс Уеддербёрн — 985—88, 993, 998.
Вегелин, Александр Иванович — 450, 467.
Вейкарт, А.— 36.
Вейкарт, Елизавета — 3, 36.
Великопольский, Иван Ермолаевич — 533, 544, 558—60, 562, 586.
Величко В. В.— 891.
Величко, Михаил Антонович — 13, 21, 109, 115, 135, 149, 197, 203, 207, 228.
Вельгурская, Луиза Карловна — см.: Вьельгорская, Л. К.
Вельгурский — см.: Вьельгорский.
Вельтман, Александр Фомич — 3, 32, 144—45.
Вельяминов, проф. — 126.
Вельяминов, Николай Николаевич — 428.
Вельяминов, Петр Лукич — 266, 268.
Венгеров, Семен Афанасьевич — 113, 278, 368, 410, 456, 544, 885, 888, 923, 995, 998, 1016.
Веневитинов, Алексей Владимирович — 3, 17, 32, 65, 94, 96, 102—06, 533, 544, 547, 691—92, 743.
Веневитинов, Дмитрий Владимирович — 8, 10, 46, 60, 691.
Веневитинова (рожд. Вьельгорская), Анна Михайловна — 691, 712.
Веневитинова, Софья Владимировна — см.: Комаровская (рожд. Веневитинова), С. В.
Веневитиновы — 105, 354, 543, 691.
Венецианов, Алексей Гаврилович — 838.
Веревкин, Николай Николаевич — 490, 492.
Верейский, Георгий Семенович — 891.
Вересаев, Викентий Викентьевич — 16, 50, 52, 534
Верещагин, Василий Андреевич — 1000, 1016.
Верещагина, Александра Михайловна — 399.
Верзилин — 466.
Верзилина — 466.
Верзилина, Надежда Александровна — 466.
Верзилина, Эмилия Александровна — см.: Клингенберг (рожд. Верзилина), Э. А.
Верзилины — 465—66, 472, 475, 489—91.
Веригин, Николай Викторович — 51.
Веридиков, Юст (псевд.) — 338—39.
Вериковский, М.— 922.
Веркуровы — 978.
Верстовский, Алексей Николаевич — 338, 582, 637, 740, 896.
Вертюков, Иван Николаевич — 443—44.
Веселовский, В. Еф.— 247, 249.
Веселовский, Константин Степанович — 889.
Вест, худ.— 961, 963, 994—95.
Вефур — 556.
Вецель — 567.
Виардо, Луи — 672, 674—76.
Виардо, Полина — 674.
Вигель, Филипп Филиппович — 26, 126, 258—59, 262.
Видаль, худ. — 567.
Визель, О. Б.— 497.
Виккель, худ.— 989.
Викторов, Я. А.— 553.
Виллуан, Александр Иванович — 486.
Вильбоа, помещик — 199—200.
Вильбоа, Константин Петрович — 903, 916.
Вильмен, Абель-Франсуа — 327, 963.
Виноградов, Виктор Владимирович — 617.
Винокур, Григорий Осипович — 150.
Висковатов, Павел Александрович — 378, 412, 425—26, 428—30, 432, 435, 439—40, 445, 447—49, 453—54, 473—76.
Висковатов, Степан Иванович — 209—10.
Висконти, Антонио — 648.
Витали, Иван Петрович — 146.
Витберг, Федор Александрович — 885.
Витгенштейн, Петр Христианович — 208.
Витковский — 254.
Витт, Иван Осипович — 205.
Вишняков, Е. И.— 791.
Владимир, в. кн.— 298.
Власов, Николай Васильевич — 891.
Воейков, Александр Федорович — 3, 31, 35—36, 38, 40, 48, 252, 254, 258, 261, 294.
Воейковы — 722.
Войнилович, Казимир — 460, 473.
Волков, Петр Лукич — 516.
Волконская, Анна Михайловна — см.: Прозоровская (рожд. Волконская), А. М.
Волконская (рожд. Белосельская-Белозерская), Зинаида Александровна — 3, 15—16, 30, 32, 52, 66—67, 98, 594—95.
Волконская, Софья Григорьевна — 142.

Волконский, Александр Никитич—52, 98.
Волконский, Михаил Никитич — 118, 241.
Волконский, Михаил Сергеевич — 162—63, 166.
Волконский, Петр Михайлович — 86.
Волконский, Сергей Григорьевич — 8, 30, 162—66, 522.
Волконский, Сергей Михайлович — 166.
Волынский, Павел Иванович — 505—09, 514.
Вольтер, Франсуа-Мари-Аруэ — 78, 147, 266, 295, 382, 386, 389, 502, 514, 927—68.
Вольфзон, Вильгельм — 318, 326.
Вордсворт, Вильям — 954.
Воробьев, Максим Никифорович — 39, 45, 455, 637.
Воронцов, Михаил Семенович — 3, 6, 8, 31, 38, 42—44, 47, 54, 59, 100, 167—69, 185, 191—92, 255, 472.
Воронцов, Семен Романович — 428.
Воронцова, Мария Васильевна — 428.
Воронцова-Дашкова (рожд. Нарышкина), Александра Кирилловна — 370.
Воячек, М.— 915.
Враский, Александр Васильевич — 294, 582.
Враский, Борис Алексеевич — 3, 23, 31, 131, 294, 296.
Вревский, Ипполит Александрович — 432, 434, 436.
Вревский, Павел Александрович — 422.
Времев, помещик — 459, 473.
Всеволожские — 162.
Вульф (рожд. Бакунина), Александра Александровна — 712.
Вульф, Алексей Николаевич — 262
Вульф, Анна Николаевна — 977.
Вульф, Павел Иванович — 82.
Вырыпаев, Петр Андреевич — 441—48.
Высоцкий — 516.
Высоцкий, офицер — 460.
Вьельгорская, Анна Михайловна — см.: Веневитинова (рожд. Вьельгорская), А. М.
Вьельгорская, Луиза Карловна — 533, 544, 670, 692.
Вьельгорский, Матвей Юрьевич — 371, 708.
Вьельгорский, Михаил Юрьевич — 14, 23, 75, 126, 132—34, 371, 533, 544, 614, 691, 708, 755.
Вьельгорские — 543, 694, 708.
Вяземская, Вера Федоровна — 8, 14, 16, 26, 29—30, 46, 69, 71—72, 74—80, 85—86, 88—89, 95, 111, 113, 166, 268, 310, 314, 326, 996.
Вяземская (в замуж. Валуева), Мария Петровна — 113.
Вяземский, Павел Петрович — 260, 428, 452, 533, 554—55, 965.
Вяземский, Петр Андреевич — 3—6, 8—9, 11, 14—16, 18, 20, 22—24, 26—38, 40—42, 44, 46—49, 51—54, 57—67, 70—72, 74—82, 84—92, 94—96, 98, 100—01, 104—08, 110—13, 116, 118—24, 126, 128—30, 132—36, 139—41, 143—48, 150—52, 154, 165—66, 191, 242, 244, 250, 255—57, 260—61, 263—64, 266—68, 287—89, 292, 296—97, 300—01, 304, 306—26, 338, 354, 374—75, 377, 449, 456, 479, 492, 533—34, 545, 554, 622, 644, 648, 670, 682, 696, 717, 734, 950, 952, 960—76, 993—97.
Вяземские — 16, 30—31, 33—37, 40, 42, 46—47, 51—52, 60, 66, 71, 81—82, 84, 88—91, 95, 100, 106, 111—12, 118, 132, 134, 141, 144, 146—47, 150, 152, 154, 166, 260, 306—07, 543, 545, 648, 734, 995.

Габбе, Петр Андреевич — 3, 9, 32, 51, 300—01.
Габленц (рожд. фон-Люцероде), Августа — 31, 138.
Гагарин, Василий Федорович — 310—12, 326.
Гагарин, Григорий Григорьевич — 127, 269—78, 397, 421, 859.
Гагарин, Григорий Иванович — 270.
Гагарин, Евгений Григорьевич — 278.
Гагарин, Иван Сергеевич — 24, 132, 533, 539, 716—17.
Гагарина (рожд. Соймонова), Екатерина Петровна — 269—70, 272, 274, 278.
Гаген, Доминик Эрнестович — 813.
Гаевский, Павел Иванович — 254, 258.
Галаган, Григорий Павлович — 533, 640—641, 810.
Галактионов, Степан Филиппович — 1000, 1013.
Галафеев — 411, 432.
Галахов, Алексей Дмитриевич — 574.
Галахов, Иван Павлович — 533, 673—74, 678—79.
Галич, Любовь Федоровна — 888.
Галле де Кюльтюр, Ашиль — 304—07.
Галлер, Фердинанд Яковлевич — 1005.
Гальберг, Самуил Иванович — 146.
Гальперт, арт.— 592.
Галямин, Валериан Емельянович — 35.
Гамба, Петер — 978, 994, 997.
Гамбс — 998.
Гампельн, Карл — 51.
Ган — 472.
Ганнибал (рожд. Пушкина), Мария Алексеевна — 5—6, 34—35.
Гауптэнгель, Г., литогр. — 299.
Гвиччьоли, Тереза — 954, 956, 978, 997.
Гвоздев, Павел Александрович — 418.
Гевелиус (Гевелий), Иоганн — 288.
Гегель, Георг-Фридрих-Вильгельм — 478, 577, 624.
Гедемин — 213.
Гедеонов, Александр Михайлович — 533, 740—41.
Гедройц — 460.
Гейне, Генрих — 118.
Геккерн, Луи — 25, 138—39.
Гельвеций, Клод-Адриен — 514.
Геништа, Иосиф Иосифович — 978.
Геннади, Григорий Николаевич — 318, 326, 492.
Геннади, Николай Александрович — 250, 261.
Георгиевский, Григорий Петрович — 594.
Герасимов, Александр Михайлович — 884.

Герасимов, Матвей — 447.
Герасимов, Сергей Васильевич — 891.
Гербель, Николай Васильевич — 70, 543, 556, 791.
Герлах — 460.
Герман, полковник — 199—200.
Геро — см.: Эро, Эдм.
Гертман, К.— 899, 924.
Герцен, Александр Иванович — 10, 16, 27, 66, 240, 306, 437—38, 440, 456, 516, 532, 536, 573, 626, 634, 670, 674, 682, 694, 748, 804.
Гершензон, Михаил Осипович — 81.
Герштейн, Эмма Григорьевна — 278, 373, 401—05, 420, 429, 475, 480, 485.
Гессен, Сергей Яковлевич — 37, 154.
Гете, Иоганн-Вольфганг — 70, 107, 123, 167, 258, 408, 567, 570, 927, 930—32, 935, 938, 962, 976, 996.
Гиджи, Пеллегрино — 959—60, 994.
Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом — 123, 327, 402.
Гиляровский, Владимир Алексеевич — 887.
Гиппиус, Василий Васильевич — 534, 544, 886, 888.
Гиффорд, Вильям — 968, 970—71.
Глаголев, Андрей Гаврилович — 352.
Глазунов, Александр Константинович — 912, 924.
Глебов, И., псевд. Б. В. Асафьева — 923.
Глебов, Михаил Павлович — 425, 430, 443, 454, 466, 468, 470, 472, 474—76, 484, 490, 492.
Глечик, П., псевд. Н. В. Гоголя — 530.
Глинка, Александра Григорьевна — 1008.
Глинка, Борис Григорьевич — 114.
Глинка, Григорий Андреевич — 1008.
Глинка, Михаил Иванович — 126, 480, 894, 896—98.
Глинка, Николай Григорьевич — 114.
Глинка, Сергей Николаевич — 91, 262, 268.
Глинка, Федор Николаевич — 3, 30—31, 41, 57, 96—97, 157—58, 348, 533, 550, 826, 828.
Глинка (рожд. Кюхельбекер), Юстина Карловна — 114, 1008.
Глиэр, Рейнгольд Морицевич — 922.
Гнедич, Николай Иванович — 3, 6, 30, 32, 36—37, 91, 93, 482, 1007.
Гобхауз, Д.— 386, 968, 975—76, 998.
Гогенфельден, Егор, гравер — 889.
Гоголь. Анна Васильевна — 533, 566, 578, 580, 586, 678, 763—64, 766, 770—72.
Гоголь, Василий Афанасьевич — 498, 756, 763, 770.
Гоголь (в замуж. Быкова), Елизавета Васильевна — 533, 566, 578, 580, 586, 588, 620, 676, 678, 698, 706, 735—36, 738, 756, 766, 771—72, 788.
Гоголь, Мария Ивановна — 530, 533, 544, 556, 560, 582, 586, 663, 676, 678, 698, 744, 747—48, 756—59, 762—66, 770—72, 778, 815—16, 833.
Гоголь, Николай Васильевич — 11—12, 31, 88, 118—19, 122, 125—26, 140, 220—21, 247, 262, 291—92, 295, 331—32, 404, 449, 493—924, 1006—08, 1016.
Гоголь, Ольга Васильевна — 586, 757.
Годар, Леон — 933.
Годвин, Вильям — 954, 978, 998.
Годунов, Борис Федорович — 101—02, 105, 233, 248, 324, 354—55, 907—08, 917—18.
Гозенпуд, Абрам Акимович — 893—924.
Голенищев-Кутузов, Арсений Аркадьевич — 907—08, 924.
Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич — 77.
Голиков, Иван Иванович — 387, 389, 392.
Голицын, Александр Николаевич — 48, 244.
Голицын, Василий Петрович — 78—79.
Голицын, Владимир Сергеевич — 465, 468—69, 475.
Голицын, Дмитрий Владимирович — 117, 263, 612—14.
Голицын, Дмитрий Михайлович — 828.
Голицын, Николай Борисович — 19.
Голицын, Николай Николаевич — 286.
Голицын, Петр Михайлович — 236.
Голицын, Сергей Федорович — 274, 276.
Голицын, Юрий Николаевич — 451—52, 456.
Голицына (рожд. Кутайсова), Александра Павловна — 3, 31, 84.
Голицына (рожд. Прозоровская), Анна Александровна — 118.
Голицына (рожд. Измайлова), Евдокия Ивановна — 79—80.
Голицына (рожд. Суворова-Рымникская), Мария Аркадьевна — 79—80.
Голицына, Наталья Петровна — 3, 32, 37, 117.
Голицына (рожд. Апраксина), Наталья Степановна — 265.
Голицына (рожд. Шувалова), Прасковья Андреевна — 79—80.
Голицына, Софья Владимировна — см.: Строганова (рожд. Голицына), С. В.
Голланд, К.— 277.
Голлербах, Эрих Федорович — 888, 892.
Голованов, Михаил Ефимович — 761.
Голованов, Николай Семенович — 921.
Головин, Евгений Александрович — 411, 413, 416, 422, 427, 429—30.
Головина, Наталья Ивановна — см.: Куракина (рожд. Головина), Н. И.
Головнин, Василий Михайлович — 80.
Голохвастов, Дмитрий Павлович — 611.
Голуб, помещик — 209.
Голубев, Сергей Николаевич — 427.
Голубцов, Владимир Владимирович — 996.
Гольбейн, Ганс — 828.
Гольденвейзер, Александр Борисович — 265, 482.
Гомер — 70, 249, 266, 268, 572, 679, 684—85, 688, 707, 714—15, 717—18, 753, 806, 821.
Гонкуры, братья Жюль и Эдмон — 934.
Гончаров, Иван Александрович — 732.
Гончаров, Иван Константинович — 915.
Гончарова (в замуж. Дантес), Екатерина Николаевна — 136, 138—39, 141, 143.
Гончарова, Наталья Николаевна — см.: Пушкина (рожд. Гончарова), Н. Н.

Гончаровы — 95, 236.
Горапий Флакк, Квинт — 266.
Горбань, М.— 220.
Горбачевский, Иван Иванович — 164—65.
Горбунов, Кирилл Антонович — 533, 583—84.
Гордеев, Д.— 892.
Гордлевский, Владимир Александрович — 334.
Гордон, Патрик — 105.
Горленко, Василий Петрович — 840—41, 886.
Горонович, Петр Николаевич — 508.
Горсткин, Иван Николаевич — 155—62, 166.
Горсткин, Николай Петрович — 155.
Горсткина (рожд. Озерова), Елизавета Ивановна — 155.
Горчаков, Александр Михайлович — 5, 33—34, 41.
Горчаков, Андрей Иванович — 85.
Горчакова, кж.— 622.
Горчаковы — 586, 615, 722.
Горький, Алексей Максимович — 393, 400.
Горюнов, худ.— 7, 895.
Готовская — 462.
Готовский — 460.
Готье, Владимир Георгиевич — 1012—13.
Готье, Теофиль — 934.
Гофман, Эрнст-Теодор-Вильгельм-Амадей — 270, 281.
Грабарь, Игорь Эммануилович — 878.
Граббе, Павел Христофорович — 276, 416—17, 420, 422—24, 427, 429—30.
Грамон, Луи де — 916.
Грановский, Тимофей Николаевич — 136, 536, 573, 576, 624, 626, 668, 670, 720, 742, 747, 750, 803—04.
Грановские — 543.
Грау, Карл Иванович — 458, 462.
Граффа, И. И.— 3, 31, 131—32.
Гребенка, Евгений Павлович — 499, 518, 532.
Гребенщиков, Илья Васильевич — 29.
Греков, Борис Дмитриевич — 221.
Греч, Николай Иванович — 3 31, 37, 67—68, 118, 252, 254, 256, 267, 533, 536, 545—46, 562, 690, 824, 1012.
Грибков, Сергей Иванович — 585, 848, 850, 887.
Грибоевский, Михаил Кириллович — 159.
Грибоедов, Александр Сергеевич — 14, 54—59, 65, 72, 75—76, 79, 86, 89—90, 140, 156, 158, 162, 366, 453, 486, 499, 502, 516, 518, 1008.
Грибоедова, Наталья Федоровна — 90.
Григорович, Дмитрий Васильевич — 732.
Григорьев, Алексей — 442.
Григорьев, Аполлон Александрович — 533, 720, 740—41, 832.
Григорьев, Василий — 447.
Григорьев, Василий Васильевич — 332.
Григорьев, Михаил — 447.
Григорьев, Наум — 447.
Григорьев, Николай — 442.
Григорьев, Петр Иванович — 533, 548.
Григорьев, Федор — 200.
Гримм, Александр Иванович — 934—36.
Гримм, Фридрих — 928, 930, 932, 934
Гринвальд — 461.
Гродецкий — 458—60.
Грот, Яков Карлович — 268, 296, 688, 937, 1016.
Грузинов И. Р.— 481.
Грузинский, Алексей Евгеньевич — 891.
Губер, Эдуард Иванович — 355.
Гудима, Егор Васильевич (?)— 508, 531.
Гульянов, Иван Александрович — 17.
Гумбольдт, Александр — 962.
Гурьев, А. Д.— 71.
Гус, Михаил Семенович — 297.
Гусева, Елизавета Ивановна — 559.
Гэ, Ш.-О. 281.
Гюго, Виктор — 302, 324, 327, 374.

Д. Р. К., криптоним Н. И. Греча (?) — 267.
Давыдов, Василий Львович — 163—64, 522, 533, 536, 590, 594, 596, 598, 600, 604—05, 681—82.
Давыдов, Владимир Петрович — 3, 24, 31, 124—25.
Давыдов, Денис Васильевич — 30, 62, 64—65, 101, 124, 147—48, 229, 291, 950, 998, 1008.
Давыдова, Александра Ивановна — 594,
Давыдова (в замуж. Переслени), Екатерина Васильевна — 536, 594, 598, 600, 604, 681—82.
Давыдова, Елизавета Васильевна — 533, 536, 543, 594—96, 598, 604, 681—82.
Давыдовы — 543, 594, 598, 604, 681—82.
Даламбер, Жан — 928.
Даллес, Чарльз — 963, 994.
Даль, Владимир Иванович — 3, 31, 145, 150—51, 533, 617—18, 798.
Даль, Паулина Ивановна — см.: Шлейдель (рожд. Даль), П. И.
Далькевич, Мечислав Михайлович— 881.
Даль-Окка, Софья Филипповна — см.: Штауберлекнер (рожд. Даль-Окка), С. Ф.
Данзас, Константин Карлович — 24—25, 139, 412.
Данилевский, Александр Семенович — 515, 520, 530, 533, 544, 555—56, 582, 773—74, 836.
Данилевский, Григорий Петрович — 678, 766, 770, 791.
Данилов, Кирша — 352.
Данилов, Сергей Сергеевич — 637, 894, 923.
Дантан, Жан-Пьер — 146.
Данте, Алигьери — 70, 117, 836, 952.
Дантес, Жорж — 23—28, 136, 138—43, 145-46, 148, 150, 274, 276, 488—89, 492.
Даргомыжский, Александр Сергеевич — 762, 893, 897.
Даурси, псевд. М. А. Зензинова — 651.
Даурский пастух, псевд. М. А. Зензинова — 651.
Дашкевич — 263.
Дашков, Дмитрий Васильевич — 3, 9, 30-31, 42, 46, 85, 551, 574.
Дашков, Павел Яковлевич — 794.

Девитт — 460.
Дегуров, Антон Антонович — 932.
Дежерандо, Жозеф-Мари — 963.
Дейч, Генрих Маркович — 195—210.
Делавинь, Казимир — 261, 281, 374, 402, 962.
Делаво, Ипполит — 305—07.
Делаво, Лекуант — 307.
Делакруа, Эжен — 281.
Делатре, Луиджи — 318.
Делеклюз, Луи-Шарль — 320.
Делль — 496.
Дельвиг, Андрей Иванович — 426.
Дельвиг, Антон Антонович — 3, 12, 14, 30—32, 42, 47—50, 65, 68, 82—84, 87, 92, 94, 98, 106—07, 251—52, 256—58, 261, 486, 499.
Деменский — 318.
Дементьев, Александр Григорьевич — 539.
Де-Пуле, Михаил Федорович — 3, 31, 125—26.
Дервиз, Павел Григорьевич — 485.
Дерегус, Михаил Гордеевич — 883—84, 889.
Державин, Гавриил Романович — 5, 117, 247, 249, 259—60, 264, 266, 268, 720.
Де-Рибас, Александр Михайлович — 299.
Десницкий, Василий Алексеевич — 133, 547.
Детуш, Филипп — 86.
Джульяни — 950, 953—54, 956—58, 993.
Джюлия, корреспондентка В. А. Панова — 533, 598, 600—02.
Дидро, Дени — 514, 927—48.
Диккенс, Чарльз — 670, 672, 740, 780, 785.
Динцес, Лев Адольфович — 838, 885—92.
Дмитревский, Иван Дмитриевич — 454, 466, 470, 472, 475.
Дмитриев, Иван Иванович — 30, 48, 53, 58—59, 64, 91, 223, 231—32, 240, 260, 264, 266, 268, 289, 962.
Дмитриев, Матвей,— 447.
Дмитриев, Михаил Александрович — 46, 338—39, 351, 543, 546, 613, 615, 624.
Дмитриева, Нина Александровна — 891.
Дмитриев-Мамонов, Эммануил Александрович — 705—06, 727, 751—52, 755, 765.
Дмитрий, царевич — 908.
Дмитрий Самозванец — 93, 96, 102, 105, 354
Добровольский, Лев Михайлович — 3, 31, 544.
Добролюбов, Николай Александрович — 423, 786, 848, 898.
Долгорукий, Александр Иванович — 85.
Долгорукий, Александр Николаевич — 432, 483—84.
Долгорукий, Иван Михайлович — 85.
Долгорукие — 828.
Долгоруков, Илья Андреевич — 157—60, 162.
Долгоруков, Николай Александрович — 480—82.
Долгоруков, П. М.— 89.
Долгоруков, Петр Владимирович — 449, 480.
Долгорукова (рожд. Булгакова), Ольга Александровна—3, 28, 31—32, 143—44.
Долинин, Аркадий Семенович — 536.
Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович — 20, 123, 292, 546.
Доницетти, Гаэтано — 281.
Дорохов, Руфин Иванович — 432, 476.
Дорохова — 78.
Достоевский, Федор Михайлович — 533, 675, 680—81.
Дохтуров, Афанасий Афанасьевич — 996.
Дохтуров, Михаил Афанасьевич — 976, 996.
Дохтурова (рожд Толстая), Варвара Федоровна — 996.
Друв — 74.
Дружинин, Александр Васильевич — 842, 886.
Дружинин, Николай Михайлович — 440, 532.
Дубровин, Николай Федорович — 241, 427.
Дудышкин, Степан Семенович — 449, 475—76, 480.
Дурина — 50.
Дурнов, Д. Д.— 481—82.
Дурнов, Иван Трофимович — 558.
Дурново (рожд. Волконская), Александра Петровна — 3, 32, 142.
Дурова, Надежда Андреевна — 22, 132.
Дурылин, Сергей Николаевич — 300—01, 307, 325—26, 440, 534, 539, 766, 772, 938, 996.
Дюдеван, Аврора — см.: Жорж Санд.
Дюма (отец), Александр — 320, 374, 418, 429, 485.
Дюпон — 304, 307, 318, 320, 326—28.
Дюпре де Сен-Мор, Эмиль — 302.
Дюпюи, Э. — 936, 938.
Дюр, Николай Осипович — 1007—08, 1016.
Дюшен, Эжен — 412, 426.
Дядченко Григорий Кононович — 892.

Ежовский — 263.
Екатерина II — 26, 78, 118, 135, 230, 521, 913, 927—48.
Елагин, Василий Алексеевич — 476, 552, 768.
Елагина (рожд. Юшкова), Авдотья Петровна — 108, 344, 346, 533, 584, 586, 604, 610—12, 620, 664, 666, 690—91, 706, 708, 710, 752.
Елагины — 258, 543, 570, 664, 710.
Елена Павловна, в. кн.— 25—26, 32 134—36.
Еленев, В. худ.— 753
Елед, Юлий Лукьянович — 449, 473—74, 476.
Елизавета Алексеевна, имп.— 931.
Елисеев, Григорий Захарович — 1015.
Ениколопов, Иван Константинович — 412, 426.
Ермолов, Алексей Петрович — 417—18, 424.
Ерофеев, Василий Васильевич — 3, 31, 287—89, 296.
Ершов, Иван Васильевич — 914.
Ершов, Петр Павлович — 355.
Есаков, А.— 434.

Есаулов, Андрей Петрович — 145.
Есипов — 556.
Ефремов, Петр Александрович—338—39, 406, 486, 728, 884, 1015.

Жадимировская — 463.
Жаксон — 997.
Жан-Поль, псевд. И.-П. фон Рихтера — 258, 584, 586, 668.
Жандр, Андрей Андреевич — 74, 248.
Жанен, Жюль — 320.
Жданов, Андрей Александрович — 923.
Жеди-Дюгур — см.: Дегуров, А. А.
Желиховская, Вера Петровна — 475, 491.
Жемчужников, Лев Михайлович — 885.
Жерве, Карл Андреевич — 36.
Жерве, Николай Андреевич — 274, 276, 278.
Жернаков, изд.— 656—57, 664, 666.
Живокини, Василий Игнатьевич — 636, 654.
Живон де Руссо — 459—60.
Жирарден, Марк — 322.
Жиряев, Александр Степанович—139—40.
Жоли, врач — 828.
Жомар — 963.
Жорес, Жан — 934, 936.
Жорж Санд — 604, 675—76, 802, 821.
Жуи — 962.
Жуковский, Василий Андреевич — 3—5, 8, 11—12, 14—15, 20, 24—27, 30—34, 36, 38, 40, 42, 44, 46—48, 59—64, 67, 72, 74—76, 84—85, 92—94, 98, 104—08, 110—11, 113, 116—19, 122, 124—26, 128—30, 132—37, 139, 146, 148, 150—52, 154, 167, 191, 239, 244, 247, 250, 252, 258—63, 267, 272, 292, 318, 320, 348, 350—52, 404, 449—50, 456, 492, 536, 538, 540, 543, 554, 570, 576, 582, 586, 594, 611, 632, 660, 662, 666, 668, 670—71, 682—85, 688, 690, 703—04, 708, 710, 712, 714—15, 748, 754—55, 759—60, 765, 778, 806—08, 810, 821—22, 837, 885, 890, 952, 962, 978, 993, 997.
Жуковский, Павел Васильевич — 138.
Журавлев, Василий Васильевич — 892.
Журавлев, П. Н.— 445.
Журавлева, Евгения Александровна — 892.
Журнальный сыщик, псевд. П. А. Вяземского — 377.
Жюльен, худ.— 981, 995.
Жюльен де Пари, Марк-Антуан—300—02, 309—12, 325—26.

Забела, Надежда Ивановна — 919.
Забелин, Иван Егорович — 543, 742.
Заболотский, Петр Ефимович — 476.
Заборова, Роза Борисовна — 3, 31, 369—72, 544.
Завадовская — 199—200.
Завадовский — 162.
Завьялов, Федор Семенович — 716.
Загоскин, Михаил Николаевич — 93—94, 221, 570, 572, 576, 581, 707, 1011.
Загряжская, Екатерина Александровна — см.: Тимашева (рожд. Загряжская), Е. А.
Заикин, Павел Федорович — 533, 636.
Зайцев, Варфоломей Александрович — 1015.
Закревская (рожд. Толстая), Аграфена Федоровна — 78, 83, 978.
Закревская, Прасковья Андреевна — см.: Потемкина (рожд. Закревская), П. А.
Закревский, Арсений Андреевич — 743, 754.
Закревский, П. И. — 249.
Заливкин — 466.
Зарубин — 223.
Засецкая, С.— 326.
Засс, Григорий Христофорович—431—32, 439.
Затворницкий, Николай Митрофанович — 429.
Зауэрвейд, Александр Иванович — 1000.
Захарьин-Якунин, Иван Николаевич — 456.
Зверев — 961, 995.
Згура, Владимир Васильевич — 346.
Здобнов, Николай Васильевич—406—07.
Зеленцов, Каинтон Алексеевич — 838, 841, 886.
Зельднер — 499, 518.
Земенков, Борис Сергеевич — 724—25.
Зенгер, Татьяна Григорьевна — см.: Цявловская, Т. Г.
Зензинов, Михаил Андреевич — 533, 650—51.
Зеньков, Павел Федорович — 533, 668, 673—74, 710—11.
Зильберштейн, Илья Самойлович — 3, 31, 39, 49, 74, 146, 245, 262, 474, 476, 597, 890, 995.
Зингер, Фридрих Иосифович—498, 514—15, 521, 525—26, 530.
Зиссерман, Арнольд Львович — 276, 278.
Зичи, Михаил Александрович — 840, 860, 888.
Змиев, Александр Семенович — 514, 518, 520.
Зотов, Владимир Рафаилович — 449.
Зотов, Рафаил Михайлович — 473, 560, 584.
Зражевская, Александра Васильевна — 3, 32, 113.
Зубков, Василий Петрович — 166.
Зубова-Щербатова — 78.
Зубчанинов, Н. А.— 881.
Зуева, помещица — 209.
Зутис, Ян Яковлевич — 392.

Иван IV (Грозный) — 324, 820.
Иванов — 153.
Иванов, Александр Андреевич — 533, 542—44, 605, 618, 622—23, 632, 638, 640, 641, 651—52, 654—55, 658, 660—62, 665, 667—69, 673—74, 678—79, 681, 692—94, 704, 716, 734, 737, 742, 759—60, 776, 778—82, 797, 807—12, 814, 824, 838.
Иванов, Александр Кононович — 491.
Иванов, Александр Степанович — 259, 262.
Иванов, Алексей — 920.
Иванов, Андрей Иванович — 533, 704, 814.

Иванов, Антон Иванович — 775.
Иванов, Дмитрий Федорович — 447.
Иванов, И.— 1000, 1013.
Иванов, Константин — 447.
Иванов, М.— 1000.
Иванов, Матвей Федорович — 447.
Иванов, Михаил Михайлович — 899, 912, 914.
Иванов, Николай Алексеевич—362, 364.
Иванов, Сергей Андреевич — 668—69, 681, 704, 808, 810.
Иванов, Сергей Васильевич — 737, 739, 837, 878, 892.
Иванов, Федор — 442, 447.
Иванов-Аллилуев, Сергей Кузьмич — 713, 715, 787.
Иванова, Лариса Максимовна — 344 — 46,
Иванова, Ленина Афанасьевна — 333, 431—40, 492.
Иванова (в замуж. Обрескова), Наталья Федоровна — 395.
Иванова, Татьяна Александровна — 392.
Иванова-Артюхова, А.— 888.
Ивановы — 543, 618, 622, 632, 638, 640, 655, 660, 662, 669, 681, 704, 737, 743, 759, 808, 810, 814.
Ивановский, Андрей Андреевич — 3, 32, 53—59, 68.
Ивановский, Антон Доминикович — 998.
Ивашев, Василий Петрович — 634.
Ивелич, Екатерина Марковна — 251, 261.
Игнатович, Инна Ивановна — 208—09.
Иевлев, Николай Васильевич — 785, 857—58.
Иеропес, Христофор Николаевич — 498, 504.
Иеропольский, К.— 440.
Ижакевич, Иван Сидорович — 892.
Измайлов, Александр Ефимович — 3, 6, 9, 11, 30, 32, 35, 41, 47—52, 54, 246.
Измайлов, Владимир Васильевич — 3, 31, 90—91.
Измайлов, Николай Васильевич — 82, 267.
Измайлова, Евдокия Ивановна — см.: Голицына (рожд. Измайлова), Е. И.
Иконников, Владимир Степанович — 208.
Икскуль, Борис Борисович — 478—79.
Икскуль, Борис Васильевич — 478.
Икскуль, Борис Яковлевич — 477—80.
Икскуль, Готгардт-Вильгельм — 478.
Икскуль, Яков Борисович — 478.
Ильин А., изд.— 888.
Ильин, С.— 974.
Ильяшевич — 460, 462.
Ильяшенков — 424—25
Инзов, Иван Никитич — 169, 181, 192, 255, 301, 333, 336—37.
Иннокентий (Борисов), архиепископ — 801, 815, 825—26.
Иноземцев, Федор Иванович — 747, 794—95
Инсарский, Василий Антонович — 474.
Иона, игумен — 205
Иордан, Федор Иванович — 533, 542, 604—05, 641, 652, 704, 737, 759—60, 799, 817—18, 1000.
Иордан, Ян-Петр — 326.
Иофанов, Даниил Михайлович — 495.
Ипполитов-Иванов, Михаил Михайлович — 920, 924.
Ипсиланти, Александр — 333.
Исаев, Матвей — 202.
Ишимова, Александра Осиповна — 24—25.

Кабалевский, Дмитрий Борисович — 924.
Кавелин, Константин Дмитриевич — 803.
Каверин, Петр Павлович — 3, 27, 31, 140—41.
Кавос, Катерино Альбертович—894, 896.
Казанович, Евлалия Павловна — 795, 800.
Казначеев, Александр Иванович — 191.
Кайсарова, Наталия — 997.
Кайсаровы — 978, 997.
Калайдович, Константин Федорович — 287—88.
Калайдович, Николай Константинович — 533, 564, 566, 642—44.
Калаус, Георгий — 334—36.
Калаушин, Матвей Матвеевич — 476.
Каллаш, Владимир Владимирович — 885.
Калчин, Василий Михайлович — 1005.
Каменский, Б.— 239.
Каневский, Аминодав Моисеевич — 883, 909.
Кант, Иммануил — 503—04.
Каплан, Леонид Рафаилович — см. Ланский, Л. Р.
Каппист, Алексей Васильевич — 528, 530.
Каппист, Василий Васильевич — 248, 528, 770.
Капписты — 530.
Каподистрия, Иван Антонович — 181.
Каприца — 336.
Капэ — 442.
Карабанов, Петр Матвеевич — 266, 268.
Каразин, Николай Николаевич — 878.
Карамзин, Александр Николаевич — 80, 122.
Карамзин, Андрей Николаевич — 3, 32, 80, 113, 122, 751.
Карамзин, Владимир Николаевич — 258.
Карамзин, Николай Михайлович — 15, 18, 28, 30, 84, 150, 167, 191, 211, 213—14, 221, 241, 244—45, 247, 251—52, 260—61, 306, 312, 348, 351, 962.
Карамзина, Екатерина Андреевна — 3, 32, 40, 71—72, 84—85, 96, 256, 258.
Карамзина, Екатерина Николаевна — см. Мещерская (рожд. Карамзина), Е. Н.
Карамзина, Софья Николаевна — 3, 16, 32, 71—72, 82, 84, 88—89, 96, 419.
Карамзины — 15—16, 72, 74, 78, 86, 244, 248, 250—52, 255—56, 260, 262, 370—71, 418, 452.
Каратыгин, Василий Андреевич — 102, 533, 548.
Каратыгин, Петр Андреевич — 366, 838.
Карбоньер д'Арсид, Лев Львович — 79.
Карделли, С., грав.— 81.
Кардовский, Дмитрий Николаевич — 685, 687, 831, 881—83, 892.
Карл VII, франц. король — 943.

Карл X, франц. король — 373.
Карл XI, швед. король — 387, 390.
Карл XII, швед. король — 18, 387.
Кармалина, Л. И.— 906.
Картавов, П. А.— 999, 1016.
Картавцов, Илья Михайлович — 166.
Карташевская, Мария Григорьевна — 3, 27, 32, 140, 332, 533, 540—41, 550—51, 576, 579, 583—84, 606, 608—10, 614—16, 620, 626, 628, 630, 632, 636—37, 641—42, 644, 646—48, 652, 654, 658, 662—63, 666, 668, 670, 672—76, 679—81, 683—84, 699—701, 708, 717—19, 732, 735—36, 738, 740—42, 744, 746, 751—52, 755—56.
Карташевская (рожд. Аксакова), Надежда Тимофеевна — 786, 792.
Карташевские — 708.
Карташевский, Григорий Иванович — 251—52.
Карташевский, Николай Григорьевич — 663.
Карцова — 86.
Кастальский, Александр Дмитриевич — 914.
Кастриот, Георг (Скандерберг) — 382, 384, 386.
Катакази, Константин Антонович — 334—37.
Катанская, Любовь Александровна — 3, 32.
Катенин, Павел Александрович — 3, 17, 101—03, 251.
Катков, Михаил Никифорович — 533, 543, 551—52, 570, 573, 602, 636, 718, 752—53, 803, 1013.
Каткова, Мария Афанасьевна — 1013.
Катосов, Д. С. — 205.
Качановский, Михаил Трофимович — 12, 44, 46, 48—49, 63, 90—91, 97, 262, 338—39, 348, 351—53.
Кашкин, Николай Дмитриевич — 900, 902—03, 923.
Кашперов, Владимир Никитич — 916.
Кемпбелл, Томас — 954, 956.
Кеневич, Владислав Феофилович — 1000, 1016.
Кениг, Генрих-Иосиф — 598.
Кеппен, Константин Иванович — 878.
Керар, Жозеф-Мари — 304—05, 307, 934.
Керн, Анна Петровна — 71.
Керубини, Луиджи — 994.
Кетчер, Николай Христофорович — 570, 624, 804.
Кибрик, Евгений Адольфович —538—39, 837, 883.
Кившенко, Алексей Данилович — 741, 891.
Кине, Г. Д.— 611.
Кипренский, Орест Адамович — 76, 245.
Кирджали, Георгий — 333—37.
Киреевская, Мария Васильевна — 706.
Киреевские — 258, 543, 616, 670.
Киреевский, Иван Васильевич — 3, 31, 107—08, 219—20, 258, 262, 292, 344, 346, 545—46, 612, 701, 803—04, 825.
Киреевский, Петр Васильевич — 202, 340, 342—43, 355, 546.
Кирпичников, Александр Иванович — 533, 587.
Киселев, Николай Дмитриевич — 536, 676.
Киселев, Николай Сергеевич — 97.
Киселев, Павел Дмитриевич — 8, 42, 112, 136, 208, 438, 440.
Киселев, Сергей Дмитриевич — 3, 32, 112, 114, 138.
Киселева (рожд. Ушакова). Елизавета Николаевна — 112, 114, 129.
Киселевы — 97, 114, 138.
Кисловский — 460.
Кларк, Хьюзон — 974—75.
Клейнмихель, Петр Андреевич —412—13, 429.
Климов 1-й, Николай Степанович— 915.
Клингенберг (рожд. Верзилина), Эмилия Александровна — 466, 474—76, 484, 487—88.
Клодт — 460.
Клодт, Михаил Петрович — 877—79.
Клодт, Петр Карлович — 1012.
Клочков, В. И.— 999.
Клэрмонт, Клэр — 978, 997—98.
Клюшников, Иван Петрович — 408—09.
Княжевич, Дмитрий Максимович — 3, 32, 140, 533, 566—68, 606, 732.
Княжевич, Мария Дмитриевна — 732.
Кобеляцкий — 516.
Ковалевский, Павел Осипович — 878.
Коверзнев, Петр Федорович — 878.
Кожевников — 227, 240.
Кожин, помещик — 209.
Козицкая, Александра Григорьевна — см. Лаваль (рожд. Козицкая), А. Г.
Козлов, Александр Алексеевич — 146.
Козлов, Иван Иванович — 48—49, 106, 244, 545.
Козлов, Илья — 444.
Козловский, Петр Борисович — 3, 23—24, 31, 32, 132—34, 145—46, 288—89, 975, 995—96.
Кокорев, Иван Тимофеевич — 533, 744.
Кокошкин, Федор Федорович — 3, 31, 36, 86.
Колышкевич, Алексей Иванович — 508, 514, 519.
Кольбе (младший) — 281.
Кольберн, Генри — 957, 994.
Кольридж, Эрнест — 949, 954, 968, 993.
Кольцов, Алексей Васильевич — 24, 124—25, 355, 408—09.
Комаров, А.— 221.
Комаров, Александр Александрович — 885.
Комарович, Василий Леонидович — 239.
Комаровская (рожд. Веневитинова), Софья Владимировна—17, 96, 104—05.
Комаровский, Егор Евграфович — 17, 96, 104—05.
Комовский, Василий Дмитриевич — 486, 548, 630, 632, 640, 654, 710, 732.
Комовский, Сергей Дмитриевич — 250, 261.
Конгрив, Вильям — 954.
Кондаков, Сергей Никодимович—887.
Кони, Федор Алексеевич — 543, 548.
Конисский, Георгий — 211—12, 219—21.
Коновалова, Марфа Максимовна — 446, 448.
Коновницына — 204.

Конради — 466.
Констан, Бенжамен — 92—93, 308, 962.
Константин Николаевич, вел. кн. —27, 138.
Константин Павлович, вел. кн. — 458, 460.
Коншин, Николай Михайлович — 262.
Коншина, Елизавета Николаевна — 3, 32, 333, 344—46, 356.
Конюшевские — 202.
Копп — 611.
Кормилицыны — см.: Шубенины.
Корнилов, П. Е.— 476, 886, 888—90, 892.
Корнилович, Александр Осипович — 57—58.
Коровин, Сергей Алексеевич— 837, 878—80.
Коровкин, Николай Арсеньевич — 456.
Короленко, Владимир Галактионович — 844, 851, 854, 886.
Короставцева, Людмила Ивановна — см.: Риккорд (рожд. Короставцева).
Коростин Алексей Федорович — 837—92.
Корреджио (Антонио Аллегри) — 830.
Корсаков — 200.
Корф, Модест Андреевич — 26—27, 34, 142, 1006.
Корф, Федор Федорович — 456.
Корш, Евгений Федорович — 326, 600.
Косичкин, Феофилакт, псевд. А. С. Пушкина — 362.
Кост, капитан — 334—36.
Костенецкий, Яков Иванович — 259, 474.
Костылев, Александр Николаевич —533, 752—53.
Косяровский, Павел Петрович — 528.
Косяровский, Петр Петрович — 528.
Котляревский, Иван Петрович — 162.
Котляровский, Егор Андреевич—508, 531.
Котляровский, Николай Васильевич — 508, 511—12.
Коцебу, Павел Евстафьевич — 429.
Коцюбинский, С. Д. — 95, 97.
Кочубей, Василий Леонтьевич — 90.
Кочубей, Василий Павлович — 96, 255, 274, 310.
Кошелев, Александр Иванович — 258, 615, 747, 762.
Кошелева (рожд. Петрово-Соловово), Ольга Федоровна — 614 — 615, 741, 747.
Кошелевы — 742.
Крабб, Джон — 954.
Краевский, Андрей Александрович —3, 23—24, 30, 32, 121—22, 124—26, 130, 242, 287, 289—96, 364, 408, 412, 480—82, 543, 562, 582, 684—85, 794.
Крамер — 460.
Крамской, Иван Николаевич — 837, 842, 861, 865—66, 868—70, 874, 878, 886, 890, 909—10.
Краснокутский, Н. А. — 453, 458—59, 464, 473—74.
Красов, Василий Иванович — 407—09.
Крестова, Людмила Васильевна — 456.
Криворотовы — 812.
Кривцов, Николай Иванович — 3, 31, 47, 147—48, 256, 310.
Кривцов, Павел Иванович — 618, 638, 661—62, 808—09, 811.
Крон — 836.
Кропивницкий, Марк Лукич — 915—16, 924.
Кропотов — 460, 462.
Крузе — 281.
Крылов, студент — 755.
Крылов, Александр Лукич — 48, 123, 242.
Крылов, Б. В. — 891.
Крылов, Иван Андреевич — 14, 15, 42, 48, 53, 58—59, 68, 74, 76, 79, 93, 107, 117, 122, 125, 132, 169, 234, 258, 261—62, 298, 482, 952, 962, 999—1007, 1016.
Крылов, Никита Иванович — 533, 600, 610, 612.
Крылов, Порфирий Никитич — 883.
Кувшинников, домовлад. — 87.
Кувшинников — 424—25.
Кудрявцев, Нефед Никитович — 222—23, 239.
Кузен, К. — 377.
Кузнецова, З. И. — 447.
Кузьмин, Сергей Иванович — 927—48.
Кузьминский, Константин Станиславович — 851, 855 — 88.
Кукольник, Нестор Васильевич — 404, 499, 508—09, 512, 522, 556.
Кукрыниксы, псевд. М. В. Куприянова, П. Н. Крылова и Н. А. Соколова — 537, 542—43, 837, 883.
Кулжинский, Иван Григорьевич — 498.
Кулибин, Дмитрий — 1000.
Куликов, Николай Иванович — 576, 637, 641.
Кулиш, Пантелеймон Александрович — 500, 502, 531, 533, 560, 587, 723, 764, 778, 783—84, 915.
Култашев — 199.
Куницын, Александр Петрович — 320.
Куприянов, Михаил Васильевич — 883.
Куракин, Александр Борисович — 332, 1014.
Куракина (рожд. Головина), Наталья Ивановна — 76 — 77.
Курис, Иван Иванович — 340.
Куртина, Дарья Григорьевна — 442, 446—47.
Кустодиев, Борис Михайлович — 879, 881—82, 891—92.
Кутузов, Михаил Илларионович — 18, 106.
Кушелев-Безбородко, Григорий Александрович — 507.
Кырджа Али — 334.
Кюгельхен, Гергард — 465.
Кюи, Цезарь Антонович — 906, 908, 918.
Кюнер, Василий Васильевич — 899, 916.
Кюстин, Адольф де — 320, 322, 326, 995—96.
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович —3, 8, 10, 31, 46, 58, 114, 117, 521, 976, 996, 1008—10.

Лаваль (рожд. Козицкая), Александра Григорьевна — 14, 74, 79—80.
Лаваль, Иван Степанович — 74, 79—80, 104.
Лаваньини, Амалия — 638.
Лаврентьев, Кирилл — 442.

Лавровский, Николай Алексеевич — 495—96, 512, 531.
Лагарп, Жан-Франсуа — 249.
Лагрене, де — 40.
Ладягин, В. И. — 884.
Лажечников, Иван Иванович — 387—89, 392.
Лазарев, Иван Давидович — 412.
Лазарев, Михаил Петрович —325.
Лазаревский, Александр Матвеевич—220.
Лазаревский, Василий Матвеевич — 668.
Лазаревский, Иван Иванович — 890—91.
Лакордер, Жан-Батист-Анри — 120.
Лалан — 305.
Ламартин, Альфонс — 120, 249, 255, 302, 324, 327, 374.
Ламберт, Карл Карлович — 432.
Ламбин, Николай Петрович — 608.
Лангер, Леопольд Федорович — 586.
Ландражин, Иван Яковлевич — 498, 514—15, 518, 521—22, 524—27, 530.
Лансере, Евгений Евгеньевич — 891.
Ланская, Ольга Степановна — см.: Одоевская (рожд. Ланская), О. С.
Ланский, Леонид Рафаилович — 3, 32, 332, 533—34, 541—773, 776, 778, 786, 797.
Ланской, Сергей Степанович — 90.
Лансон, Гюстав — 936 — 938.
Лаптев, Алексей Михайлович — 837—884, 887.
Ларионов, Ефим — 200.
Ларош, Герман Августович — 889, 903, 923.
Лауниц — 460.
Лафонтен, Август — 53.
Лебедев, Михаил Иванович — 148, 593, 649, 651.
Левашов, Василий Васильевич — 526.
Леве-Веймар, Франсуа-Адольф — 126, 128—29, 148, 340.
Левенталь, домовл. — 351.
Левенталь, Федор Иванович — 462.
Левицкий, Дмитрий Григорьевич — 929.
Левицкий, Рафаил Сергеевич — 891.
Лезюр — 221.
Лекс, Михаил Иванович — 3, 31, 44, 333, 337.
Лелевель, Иоахим — 261.
Лемке, Михаил Константинович — 296.
Лемонте, Пьер-Эдуард — 952.
Лентовский, Михаил Валентинович—563.
Леонова, Дарья Михайловна — 898.
Леопольдов, Андрей Филиппович — 399.
Лерминье, Жан-Луи-Эжен — 123.
Лермонтов, Михаил Юрьевич — 28, 110, 118, 126, 142, 269, 274, 276, 278, 331—32, 357—492, 672—73, 922.
Лермонтов, Юрий Петрович — 442, 445—46.
Лермонтова, Мария Михайловна — 446.
Лернер, Николай Осипович — 89, 221, 286, 487.
Лесаж, Аллэн-Рене — 88, 458.
Лесков, Николай Семенович — 846, 848, 886, 1015.
Ли, Августа — 965, 967, 971—73, 996.
Ливен, Карл Андреевич — 496, 502, 509, 519—26, 532.
Лилье, Эбергард — 888.
Линднер, Альберт — 281.
Липранди, Иван Петрович — 36, 333, 337.
Лисаневич, Дмитрий Тихонович — 419.
Лисенков, Иван Тимофеевич — 797, 812, 1007.
Литвиненко-Вольгемут, Мария Ивановна — 922.
Литке, Федор Петрович — 27, 31—32, 138—39.
Лихарев, Владимир Николаевич — 431, 440.
Лихачева — 202.
Лищин, Григорий Андреевич — 924.
Лобанов, Михаил Евстафьевич — 231, 295.
Лобанов, Н. М. — 533, 752.
Лобанов-Ростовский — 211.
Лобанов-Ростовский, Александр Яковлевич — 952.
Лобанов-Ростовский, Михаил Борисович — 460.
Лобкова, домовлад. — 351.
Лозанова, А.—241.
Локк, Джон — 954.
Локхарт — 964.
Ломоносов, Михаил Васильевич — 249, 259, 804.
Ломоносов, Сергей Григорьевич — 71.
Ломтев, Николай Алексеевич — 673—74.
Лонгинов, Михаил Николаевич — 280, 286, 476.
Лонгмен, англ. изд. — 954.
Лопатин, Герман Александрович — 1015.
Лопе де Вега — 922.
Лопухов, Ф. — 922.
Лоренц — 489, 491.
Лорер, Николай Иванович — 428, 431—32, 434—35, 438—40, 449—50, 452—53, 456, 465, 467, 472, 474—75, 491.
Лотрек де Тулуз — 460.
Лугановский — 605.
Лужин — 452.
Лукашевич — 901.
Лукашевич, Аполлон — 524.
Лукашевич, Василий Лукич — 522, 524, 532.
Лукашевич, Платон Акимович — 524.
Лукьяновичева, Надежда — 741—72.
Лукьяновский, Б. Я. — 536.
Луначарский, Анатолий Васильевич—393, 399—400.
Лунин, Михаил Сергеевич — 159, 456, 521, 530.
Лысенко, Николай(Микола) Витальевич—893, 899, 906—07, 916—18, 921, 924.
Лысов — 223.
Львов, А. И. — 205.
Львов, Владимир Владимирович — 702.
Львов, Николай Александрович — 266, 268.
Любич-Романович, Василий Игнатьевич—499.
Люблинский, Петр Исаевич — 928, 930, 934—37, 940.
Любович, Нина Артемьевна — 373—92.
Любощинский, Марк Николаевич — 750.
Любский — 146.
Людгер — 318.

Людовик XI — 940, 943.
Людовик XV — 928.
Людовик XVI — 183.
Людовик-Филипп — 22, 123.
Лясковская, Ольга Антоновна, 886.
Лясковский, Валериан Николаевич —262.
Лятошинский, Б. Н. — 921.
Ляцкий, Евгений Александрович —544, 879.

М. П., криптоним М. П. Погодина — 353, 752.
Магденко, А. П. — 182, 810.
Магомет — 386.
Мазепа, Иван Степанович — 212—13.
Мазер, Карл — 146, 668—69.
Мазон, Монк — 971.
Майер, Николай Васильевич — 417, 431—32, 483—85.
Майков, Аполлон Николаевич — 286, 331—32.
Майков, Валериан Николаевич — 846.
Майков, Леонид Николаевич —34, 97, 145, 162—63, 320—21, 332, 356, 1012—13.
Макаров, Г. — 350.
Маковский, Владимир Егорович — 629, 697, 837, 865—66, 868, 878—80, 889, 891.
Маковский, Константин Егорович — 857—58, 865, 878, 892.
Максимович, Михаил Александрович — 92, 107, 211—12, 220—21, 264, 267, 530, 533, 544, 722—28, 734, 788.
Макферсон, Джемс — 954.
Малевская (рожд. Шимановская), Елена — 74.
Малевский, Франтишек — 72, 74, 263—68.
Малиновский, Иван Васильевич — 3. 27, 142.
Малиновский, Николай — 74, 256, 264.
Малышев — 74.
Мальмсбери, гр. — 956.
Мальтиц — 134.
Мальцов, Иван Сергеевич — 12, 68—70, 89.
Мальчевский, О. — 924.
Мамонов — см.: Дмитриев-Мамонов, Э. А.
Мандрыкина, Людмила Алексеевна — 532.
Мандт — 134.
Мансурова, Екатерина Александровна — см.: Трубецкая (рожд. Мансурова), Е. А.
Мануйлов, Виктор Андроникович — 372, 412, 426, 446—48, 474.
Манцони, Александр — 152, 536, 604.
Марианни, арт. — 593.
Мария-Антуанетта — 74.
Мария Николаевна, в. кн. — 778, 810.
Мария Павловна, в. кн. — 148, 150, 428, 931.
Мария Федоровна, имп. — 86, 931.
Маркевич, Андрей Николаевич — 543, 606, 608, 615—16, 626, 628, 630, 632, 636, 642, 644, 646, 648, 652, 666, 668, 672, 675—76, 679—80, 683, 699, 701, 735, 738, 742, 746, 751, 756.
Маркевич, Болеслав Михайлович — 279, 286, 299, 306, 435—36.
Маркевич, Николай Андреевич — 212, 219—20, 550, 896, 923.
Марков, Павел Александрович — 924.
Марков, Сергей — 682, 533.
Маркс, Адольф Федорович — 858, 881, 888.
Маркс, Карл — 9 20, 927, 1014, 1016.
Маркс, Элеонора — 9.
Маркус, Михаил Антонович — 642—43.
Мармон, Огюст-Фредерик-Людовик — 66.
Мармье, Ксавье — 123, 301—02, 307.
Мартини, Карл-Антон де — 503, 506 512, 514.
Мартос, Петр Иванович — 520, 773—74.
Мартынов, Александр Евстафьевич — 647.
Мартынов, Андрей Ефимович — 73.
Мартынов, Николай Александрович — 789.
Мартынов, Николай Соломонович —276, 418—19, 424—26, 430, 443, 447, 454, 464—66, 468, 470, 472, 474—76, 487—90, 492.
Мартынова, Наталья Соломоновна — 472.
Маршалл, Д. — 997.
Масальский, Константин Петрович—107.
Масанов, Юрий Иванович — 306—07, 1028—59.
Маслов, помещик — 260.
Маслов, А. И. — 1014—15.
Маслов, Василий Иванович — 220
Маслов, Георгий Владимирович — 393—96.
Маслянников, Николай Никитич — 515—16.
Массинжер, Филипп — 971
Массон, А. П. — 266, 268.
Матвеев, Иван — 768.
Матушевич — 496, 499.
Матэ, Василий Васильевич — 757.
Маурер, Людвиг-Вильгельм—76—77, 576.
Мацнев — 467.
Машинский, Семен Осипович — 485—532, 534, 797—802.
Медведева, Ирина Николаевна — 35.
Медвин — 956, 994.
Межаков, П. А. — 48.
Межевич, Василий Степанович — 573, 632.
Мейендорф — 129.
Мейер, А. — 488.
Мейлах, Борис Соломонович — 32.
Мекцинский — 465.
Мельгунов, Николай Александрович — 478, 492, 533, 544, 545—47, 559, 562, 598, 606, 818.
Мельников-Печерский, Павел Иванович— 850.
Мельхиор — 254.
Меншиков, Александр Сергеевич — 985, 998.
Мерзляков, Алексей Федорович — 40, 212, 351, 717—18.
Мериме, Проспер — 118, 302, 767, 934.
Мёррей, Джон — 952, 956, 958—59, 968, 970, 986, 988, 993—96, 998.
Мертваго (рожд. Соймонова), Е А.— 367.
Мерфельд — 460.
Мерцалов — 520.
Местр, Жозеф де — 143.
Местр, Ксавье де — 152.
Меттерних, Клемент-Венцель — 25.
Мещерская (рожд Карамзина), Екатерина Николаевна — 3, 28, 32, 71—72, 77—78, 81.

Мещерский, Петр Иванович — 77—78.
Мещерский, Элим Петрович — 126, 128.
Микешин, Михаил Осипович — 840, 858—59, 862—66, 886, 889—90, 921.
Миклашевский, Андрей Михайлович — 483—84.
Миллер, Федор Богданович — 533, 636.
Миллер (Мюллер), Христиан-Иоганн-Фридрих — 615.
Милонов, Михаил Васильевич — 140.
Милорадович, Елизавета Михайловна — 911.
Милорадович, Михаил Андреевич — 304.
Мильтон, Джон — 314.
Милюков, Павел Николаевич — 936, 938.
Минкин, Анатолий Самойлович — 599, 631.
Миронов, Алексей Григорьевич — 309.
Михаил Павлович, в. кн. — 18, 25—26, 28, 32, 135—36, 139, 326, 425, 491.
Михайлов, Изот — 200.
Михайлов, Лукьян — 447.
Михайлов, Михаил Дормидонтович — 920.
Михайлова, Анна Николаевна — 110, 477, 482—84, 487—92.
Михайловский-Данилевский, Александр Иванович — 66—68.
Михневич, Иосиф Григорьевич — 307.
Михно, Федор — 508.
Мицкевич, Адам — 10, 14—15, 52, 64, 74, 76—79, 90, 152, 243, 254, 260—68, 317, 320, 330, 453—54, 464, 473—74, 670, 960.
Мицкевич, Владислав — 265, 267—68.
Мицкевич (рожд. Шимановская), Селина — 74, 960.
Мнишек, Марина — 354
Могилянский, Александр Петрович — 122, 295—96, 368.
Модзалевский, Борис Львович — 10, 65—66, 113, 138, 143, 166, 209—10, 221, 278, 288, 306—07, 339, 343, 482, 996.
Модзалевский, Лев Борисович — 102, 145, 208, 221, 241, 267—68, 307.
Мойсеев, Кирилл Абрамович — 498, 514—16 520, 522.
Молен, де — 320, 322, 324, 327—28, 330, 332.
Молинари, Александр — 69.
Моллер — 460.
Моллер, Федор Антонович — 533, 535, 542, 591, 602, 618, 622, 626, 632, 638, 654—55, 658, 660—62, 673, 728, 797, 799, 808, 811—12, 814, 841.
Молок, Александр Иванович — 930, 937.
Монтескье, Шарль-Луи — 514.
Моровский, Станислав — 74, 264, 267.
Мордвинов, Александр Николаевич — 89.
Мордвинов, Николай Александрович — 162
Мордовцев, Даниил Лукич — 907.
Мордовченко, Николай Иванович — 405, 409—10, 534, 546.
Моро де Бразе — 218.
Мотин, А. — 456.
Моцарт, Вольфганг — 272, 274, 278.
Мур, Томас — 950, 952, 954, 962—66, 968—71, 973, 978, 986, 988, 993, 996—97.
Муравьев, Александр Михайлович — 156—58, 530.
Муравьев, Андрей Николаевич — 351, 473, 780, 784.
Муравьев, Никита Михайлович — 156, 158, 162, 166, 433—35, 510, 530
Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич — 266, 268.
Муравьев Апостол, Матвей Иванович — 156, 521—22, 530.
Муравьев-Апостол, Сергей Иванович — 156, 521, 530.
Мурад Эффенди (Франц фон Вернер) — 281.
Мурадели, Вано Ильич — 924.
Мурашевский — 444.
Мурашко, Николай Иванович — 870, 890.
Мурзакевич, Николай Никифорович — 834.
Мурзанов, Н. — 480.
Мусин-Пушкин, Алексей Петрович — 463.
Мусин-Пушкин, Василий Валентинович — 93—94.
Мусина-Пушкина, Ида — 466, 469, 472.
Мусина-Пушкина (рожд. Урусова), Мария Александровна — 116, 138.
Мусоргский, Модест Петрович — 893—94, 899, 904—09, 911—12, 914, 916—20, 923—24.
Муханов, Николай Алексеевич — 65, 76—77, 95, 101.
Мухановы — 30.
Мэггс, братья, англ. антиквары — 982.
Мэтьюз — 955.
Мюллер, Иоганн — 123.
Мюссе, Альфред де — 324.
Мягков — 202, 204.
Мясоедов, Григорий Григорьевич — 879.
Мятлев, Иван Петрович — 492.

Н. Д., подпись в «Вестнике Европы» 1824 г. — 339.
Нагорный — 204.
Надеждин, Николай Иванович — 348, 351, 533, 606, 641—42, 647.
Назаревский, Александр Адрианович — 534, 582.
Назарова, Людмила Николаевна — 3, 32.
Назарьев, Валериан Николаевич — 290.
Назимов, Владимир Иванович — 742—43, 762.
Назимов, Михаил Александрович — 431—40, 450, 467, 484.
Найдич, Эрик Эзрович — 32, 269—78, 359—68, 373, 393—400, 477, 480—82.
Найтаки — 465, 467—69, 474
Наливайко — 211, 216.
Нанна, служанка Н. В. Гоголя — 601—02.
Наполеон I — 18, 33, 102, 182—83, 191—92, 302, 310, 322, 326, 526.
Направник, Эдуард Францевич — 902.
Нарышкин, Дмитрий Иванович — 274, 276.
Нарышкин, Иван Александрович — 86.
Нарышкин, Михаил Михайлович — 431, 439.
Нарышкин, Семен Кириллович — 930, 937.
Нарышкина, Александра Кирилловна — см.: Воронцова-Дашкова (рожд. Нарышкина), А. К.
Нарышкина, Зинаида Ивановна — см.: Юсупова (рожд. Нарышкина), З. И.
Натан, Исаак — 984, 998.

Пащокин, Павел Воинович — 3, 28, 32, 146, 154, 232, 258, 533, 545, 570, 572, 582, 752.
Пащокины — 586.
Неврев, Январий Михайлович — 3, 27, 32, 120, 125, 136, 533, 544, 547.
Неврев, Николай Васильевич — 887.
Негруцци, Костаки — 333—34.
Недумов, Сергей Иванович— 3, 32.
Нежданова, Антонина Васильевна — 914.
Нейман, Борис Владимирович — 278, 440.
Некрасов Николай Алексеевич — 533, 675, 732, 766, 804, 874.
Нельсон, Горацио—956.
Немирович-Данченко, Владимир Иванович — 924.
Нессельроде, Карл Васильевич — 8, 25, 42, 139.
Нессельроде, Мария Дмитриевна — 25—26, 126, 128.
Нестеров, Михаил Васильевич — 823.
Нефедьева, Александра Ильинишна—130.
Нефф, Тимофей Андреевич — 465.
Нечаев, Степан Дмитриевич— 79.
Нечаева, Вера Степановна — 3, 32, 51, 113, 166, 243—62, 297, 308—32, 430, 475.
Нечкина, Милица Васильевна — 155—66, 208.
Нибби — 648
Никитенко, Александр Васильевич — 114—20, 292, 296, 406, 533, 536, 543, 545—46, 582, 614, 618, 643, 750—51, 1006.
Никитин, В. В — 924.
Никитин, Зиновей — 442, 447.
Никитин, Федор Зиновьевич — 447.
Никитина, М. А. — 924.
Николай I — 11, 14, 18, 25—26, 28, 52, 66, 72, 105, 113, 136, 138—39, 150, 196, 198—99, 204, 206, 208—09, 222, 228, 236, 239—40, 243, 254, 259, 295, 304, 312, 320, 383, 397, 411—30, 437, 452, 463, 465, 472—73, 495, 499, 518, 521—24, 526—27, 557, 678, 931, 934, 1011.
Николай II — 913.
Николева, Маргарита Федоровна — 412, 426.
Никольский, П. И. — 498, 500, 515.
Нильский, Александр Александрович — 1016.
Нистрем, К.— 491.
Новиков, М. Н. — 521—22.
Новиков, Николай Иванович — 268, 340—43.
Новикова, Ольга Алексеевна — 990.
Новицкая, Мария Дмитриевна — 277.
Новицкий, Алексей Петрович — 886.
Новосильцев, Ардалион — 463.
Новосильцев, Николай Николаевич — 252, 263.
Новохацкий, Александр Михайлович — 504—05, 508—09, 512—13.
Ноинский, Адам Иванович — 196, 198—200, 208—09.
Ноли, С.— 386.
Норман — 446.
Норов, Авраам Сергеевич — 931, 933—34, 939, 945.
Ньютон, Исаак — 953.
Обер, Даниэль-Франсуа-Эспри — 277—78.
Оболенский — 47.
Оболенский, Александр Петрович — 747.
Оболенский, Василий Иванович — 3, 32, 138.
Оболенский, Дмитрий Александрович — 736, 751.
Оболенский, Дмитрий Дмитриевич—371—72.
Оболенский Евгений Петрович — 435.
Оболенский, Михаил Андреевич—344, 346.
Обресков, Александр Михайлович — 77—78.
Обрескова (рожд. Соллогуб), Наталья Львовна — 77—78.
Обручев, Сергей Владимирович — 393—94, 400.
Обуховы — 596, 602, 604.
Овер, Александр Иванович — 727—28, 746—47.
Овчинников, Андрей — 223.
Огарев, Николай Платонович — 573, 674, 478.
Одоевская (рожд. Ланская), Ольга Степановна — 79—80, 692.
Одоевский, Александр Иванович — 246, 248—49, 252, 260, 400, 416, 426, 431—32, 434, 436, 453.
Одоевский, Владимир Федорович — 3, 12, 23, 26, 30—32, 52, 65, 68—70, 80, 92, 108, 121—22, 125—26, 128, 131—33, 145, 150, 242, 258, 267, 272, 278, 287—90, 360, 364—66, 368, 369—72, 403, 484—85, 533, 543, 545—47, 562, 582—83, 614, 620, 690, 692, 1008.
Одоевский, Иван Сергеевич — 249—50.
Озеров, Владислав Александрович — 140, 298.
Озерова, Елизавета Ивановна — см.: Горсткина (рожд. Озерова), Е. И.
Ознобишин, Дмитрий Петрович—487, 491
Оксенов, Иннокентий Александрович—334.
Оксман, Юлиан Григорьевич — 20, 23, 36, 47, 138, 211—42, 286—87, 290—96, 337, 433, 440, 449—76, 885.
Оленин, Алексей Алексеевич — 80—81.
Оленин, Алексей Николаевич — 78, 80, 298—99, 306, 482, 999—1001.
Оленин, Григорий Никанорович — 477, 482—85.
Оленин, Петр Алексеевич — 1000.
Оленина (впоследствии Андро), Анна Алексеевна — 75, 77—78, 80.
Оленина, Варвара Алексеевна,—482—84, 1000.
Оленины — 15, 75, 78, 482—83.
Олин, Валериан Николаевич — 93—94, 258—59, 262.
Олсуфьев — 474.
Олсуфьевы — 594.
Ольга Николаевна, в. кн. — 646, 748.
Ольдекоп, Евстафий Иванович — 47, 302.
Ольхин, изд. — 656.
Ольшевский, Мелетий Яковлевич — 418, 428—29.
Онегин, Александр Федорович — 30, 138, 152, 982.
Опацький, Е. — 220.
Ордынский, Борис Иванович—533, 684—85.

Орлай, Иван Семенович — 498—99, 505, 515—16, 521.
Орлов, Александр Анфимович — 362.
Орлов, Алексей Федорович — 66, 112, 116, 254, 260, 421.
Орлов, Владимир Григорьевич — 952, 994.
Орлов, Владимир Николаевич — 38, 60, 267, 400, 996.
Орлов, Григорий Владимирович — 950, 952—60, 975, 994.
Орлов, Михаил Федорович — 3, 12, 30, 32, 36, 66—67, 163, 572, 748.
Орлов-Давыдов, В. Г. — 952, 994.
Орловский, Александр Осипович — 72, 74.
Осипов, Архип — 427.
Осипова, Прасковья Александровна —52, 84, 206.
Осокин, Григорий — 139.
Осокин, Евграф Григорьевич — 27, 139—40.
Осокин, Николай Григорьевич — 3, 27, 31, 139.
Остолопов, Николай Федорович — 48, 246, 386.
Островский, Александр Николаевич— 732, 850.
Охотников, Константин Алексеевич — 3, 6, 31, 36, 163.
Очкин, Амплий Николаевич — 91.

Павел I — 118, 169—72, 182—84, 189, 192—93, 264, 266—67.
Павленков, Флорентий Федорович — 881.
Павлищев, Николай Иванович — 71.
Павлищева, Ольга Сергеевна — см.: Пушкина (в замуж. Павлищева), О. С.
Павлов, пристав — 334—37.
Павлов, Николай Филиппович — 292, 546, 559, 564, 570, 572, 574, 580, 586, 598, 612, 624, 630, 650, 700—02, 718, 742—43, 998.
Павлова, Каролина Карловна — 564, 577, 579—80, 590, 594, 614—15, 647—48, 651, 701, 752.
Павловская, Эмилия Карловна — 902.
Павловы — 572, 652.
Паганини, Никколо — 76.
Падуров — 223—24.
Пазовский, А. М. — 921.
Пальчиков, Владимир Петрович — 50.
Панаев, Владимир Иванович — 48, 251.
Панаев, Иван Иванович — 126, 570, 572, 582, 600, 610, 642, 732.
Панар — 324.
Панафидин, А. — 890.
Панин, Петр Иванович — 222, 231—32, 234, 241.
Панов, Василий Алексеевич — 533, 586—88, 590, 592—94, 596—98, 600—02, 604, 612, 664, 682, 690, 788, 806—07, 828.
Панчулидзев, Сергей Алексеевич — 278.
Парни, Эварист-Дезире — 312.
Парукка — 994.
Паскевич, Иван Федорович — 402, 462.
Паткуль, Иоганн-Рейнгольд — 387—92.
Паторжинский, Иван Сергеевич — 922.
Паулуччи, Филипп Осипович — 200, 202, 209.
Паульсон, домовлад. — 87.
Пахомов, Николай Павлович — 473.
Пащенко, Иван Григорьевич — 555—56.
Пейкер, Иван Устинович — 608.
Пейкер, Петр Иванович — 533, 608.
Пеликко, Сильвио — 316, 326.
Перевощиков, Дмитрий Матвеевич — 793—94.
Переслени (рожд. Давыдова), Екатерина Васильевна — см.: Давыдова, Е. В.
Перовский (Погорельский), Алексей Алексеевич — 75—76, 79, 258, 276.
Перовский, Борис Алексеевич — 274, 276.
Перовский, Василий Алексеевич — 258.
Перро, Фердинанд — 631.
Персий — 970 — 71.
Перуджино — 810.
Перфильев, Афанасий Петрович —222—23, 239.
Песоцкий, Иван Петрович — 887.
Пестель, Павел Иванович — 157, 164—66, 221, 435, 449, 474, 521, 532.
Петерсон, Дмитрий В. — 481.
Петкович, А. — 307.
Петкович, Михаил — 298, 306—07.
Петр I — 11, 17, 60, 74—75, 105—06, 142, 150, 211—12, 231, 233, 239, 259, 262, 330, 340, 387—89, 392, 608, 947.
Петрарка, Франческо — 102.
Петрицкий, А. Г. — 921.
Петров, Александр Иванович — 1000.
Петров, Василий Григорьевич — 848, 886.
Петрова, Т. — 888.
Петрово-Соловово, Ольга Федоровна — см.: Кошелева (рожд. Петрово-Соловово), О. Ф.
Петровский, Е. М. — 913.
Пещуровы — 34.
Пигарев, Кирилл Васильевич — 32, 67, 87, 267, 311.
Пиксанов, Николай Кириакович — 221.
Пикулин, Павел Лукич — 720.
Пимоненко, Николай Корнилович — 892.
Пиндар — 53.
Пинтуриккио (Бернардино Бетти) — 836.
Пирогов, Николай Васильевич — 881.
Питт, Уильям — 956.
Пишон — 936.
Плавильщиков, Петр Алексеевич — 138.
Планш, Густав — 767—68.
Платен, Август — 341.
Платон, митрополит — 259.
Платонов, Харитон Платонович — 890.
Плетнев, Петр Александрович — 30—31, 47, 50, 76, 89—91, 105, 108, 111, 126, 131—32, 152, 232, 250, 258, 261, 267, 292, 294, 296, 318, 320, 339, 352, 533, 538, 544, 576, 582, 611, 650, 656, 686—88, 691—92, 696, 737—38, 812, 844, 885.
Плещеев, Александр Алексеевич—252, 261.
Плещеевы — 256.
Пнин, Иван Петрович — 248, 260.
Погодин, А. Л. — 260.
Погодин, Григорий Петрович — 826.
Погодин, Дмитрий Михайлович — 826, 828.
Погодин, Иван Михайлович — 826.
Погодин, Михаил Петрович — 3, 11, 14, 29, 31, 48, 60, 65—66, 68, 70, 74, 87, 92, 105—06, 130, 138, 144—46, 211—12,

221, 243, 260, 267, 287—88, 292, 296, 333, 344—46, 348—56, 532, 542—43, 545—46, 550, 558—60, 562, 564, 566—68, 570, 572, 582, 584, 586, 588, 594, 600, 602, 608, 610, 613—14, 616—18, 620, 628, 636, 642—44, 649—51, 666, 668, 673, 679, 694—96, 706, 708, 710—12, 716, 738, 740—41, 743—44, 747—48, 752, 754—56, 759, 762, 764—65, 768, 772—73, 788, 793—802, 808, 815—18, 820—33, 836.
Погодин, Петр — 832.
Погодина, Аграфена Михайловна — 825—26, 833—34.
Погодина (в замуж. Зедергольм), Александра Михайловна — 826, 828.
Погодина (рожд. Вагнер), Елизавета Васильевна — 570, 572, 620, 794, 796, 815—16, 824—25, 830—31.
Подолинский, Андрей Иванович —68, 100.
Полеводин, Петр Тимофеевич <?>— 487—491.
Полевой, Ксенофонт Алексеевич —16, 263, 267, 386, 397, 400.
Полевой, Николай Алексеевич — 11—12, 38, 60, 64, 68, 76, 88, 90—91, 94, 112, 114, 240, 258, 262—64, 266—68, 301, 307, 338—39, 346, 368, 396—97, 400, 562, 582, 668.
Полевой, Петр Николаевич —267.
Полежаев, Александр Иванович — 393—95, 400, 420, 426, 477, 485—87.
Полен, франц. изд.—932.
Полетика, Григорий Андреевич — 220.
Полетика, Петр Иванович — 251, 456.
Поливанов — 459.
Полонский, Яков Петрович — 533, 744, 851, 888, 898—902, 910, 923.
Полторацкий, Сергей Дмитриевич —6, 24, 30, 38, 40—46, 138, 220, 266, 286, 297—307, 326.
Полуворотов — 227, 234.
Полуденский, Михаил Петрович — 281, 286, 467.
Помяловский, Николай Герасимович— 899.
Пономарев, Степан Иванович — 339, 500, 502, 533, 754—55, 774, 885.
Поп, Александр — 970.
Поплавский, А. П., типогр. — 1014—15.
Попов, Александр Николаевич — 533, 542—44, 664, 668—69, 685—86, 688, 690, 701, 707, 723, 751—52, 784.
Портер, Джейн — 996.
Потапов, Алексей Николаевич — 463.
Потемкин, Григорий Александрович— 259, 264, 266, 268, 914.
Потемкина (рожд. Закревская), Прасковья Андреевна — 266, 268.
Петтер, Поль — 778, 784.
Потто, В.— 386.
Правдин, Осип Андреевич — 870, 890.
Премацци, Людвиг Осипович — 491.
Прийма, Федор Яковлевич — 32, 40, 287, 297—307.
Присниц, Винцент — 620.
Прозоровская, Анна Александровна — см.: Голицына (рожд. Прозоровская), А. А.
Прозоровская (рожд. Волконская), Анна Михайловна — 118.
Проколович, Николай Яковлевич — 499—500, 515, 520, 522, 530, 533, 544, 555—56, 622, 626, 628, 649—50, 655—58, 660, 664, 666, 885, 1006.
Протеро, Роуленд — 949, 993.
Протопопов, Матвей Николаевич —586.
Прянишников, Илларион Михайлович — 865.
Пугачев, Емельян Иванович —20, 26, 113—14, 116—18, 126, 208, 211, 222—24, 226—35, 238—40, 355, 441, 456.
Пугачева, Софья Дмитриевна — 114, 227, 240.
Пуговишников, Василий Васильевич — 888.
Пукирев, Василий Владимирович — 857, 887, 888.
Пустовалов —227, 234, 240.
Путята, Николай Васильевич — 3, 6, 32, 38, 40—41, 717—18.
Пушкаревич, Константин Алексеевич— 221.
Пушкин, Александр Александрович—112.
Пушкин, Александр Сергеевич — 1—356, 362, 365, 374, 393—400, 402, 404—05, 426, 428, 431, 449—50, 453, 456, 477 — 78, 482, 485—88, 490, 492, 499, 502, 516, 518, 529, 531—34, 536, 545, 556, 570, 594, 598, 622, 654, 672—73, 676, 754, 768, 773, 793, 795, 823, 830, 832—33, 838—40, 842, 858, 885, 893, 898, 904, 907—08, 922, 928, 950, 952, 962, 965—66, 971, 975, 977—78, 981, 994—97, 1007—08, 1010—11, 1013—15.
Пушкин, Василий Львович — 3, 5, 6, 8, 16, 30, 32, 34—35, 46—47, 52, 64, 85, 89—90, 94, 350.
Пушкин, Лев Сергеевич — 48—49, 52, 64—65, 71, 89, 94—96, 154, 167—68, 249, 251—52, 256, 261, 279—80, 338—39, 353, 432, 466, 475, 488, 490, 533, 734.
Пушкин, Сергей Львович — 34, 47, 71—72, 148, 150, 152, 350.
Пушкина, Мария Алексеевна — см.: Ганнибал (рожд. Пушкина), М. А.
Пушкина, Надежда Осиповна —34—35.
Пушкина (рожд. Гончарова), Наталья Николаевна — 16, 86, 95—96, 98, 100, 104, 107, 111, 113—14, 138—39, 141—42, 144—46, 154, 218, 232, 240, 318, 492, 622, 754.
Пушкина (в замуж. Павлищева), Ольга Сергеевна — 34—35, 71—72, 348, 350.
Пущин, Иван Иванович — 34, 142, 155, 158, 162.
Пущин, Павел Сергеевич — 205—06, 209.
Пыпин, Александр Николаевич — 221.
Пьянов, Д. — 233.

Рабус, Карл Иванович — 837, 859, 885.
Радищев, Александр Николаевич — 155, 230, 232, 234, 240—41, 250, 510, 928, 1006, 1015.
Раев, Василий Егорович — 599.
Раевская, Софья — 596.
Раевская-Волконская, Мария Николаевна — 16.
Раевские — 164, 429, 439, 704.
Раевская, Прасковья Ивановна — 586.
Раевский, Александр Николаевич —38.

Раевский, Владимир Федосеевич — 36.
Раевский, Николай Николаевич (сын) — 38, 163—64, 212, 218—19, 221, 261, 416, 427.
Раевский, Н. П. — 475, 491.
Раевский, Святослав Афанасьевич — 443.
Разин, Степан Тимофеевич — 195, 208, 233, 241, 355.
Разумовский, Кирилл Григорьевич — 213.
Раич, Семен Егорович — 67, 88, 97, 132, 348, 482, 584, 586.
Ракович, Д. В. — 414, 426—47.
Рамазанов, Николай Александрович — 346, 533, 543, 596, 742—45, 760, 762, 765, 768, 838, 841, 851, 860, 886—88.
Рафаэль Санти — 605, 615, 648, 808, 810, 828, 830.
Рахманинов, Сергей Васильевич — 919.
Рахманный, псевд. Н. Н. Веревкина — 492.
Рачинский — 460.
Рачинский, Владимир Александрович — 755.
Раштон, Роберт — 985—86, 988, 998.
Ребров, домовлад. — 472.
Ревуцкий, Л. — 921.
Редкин, Петр Григорьевич — 515.
Рейнар — 708.
Рейнбот, Павел Евгеньевич — 146.
Рейнсдорп — 222, 228, 239.
Рейсер, Соломон Абрамович — 3, 32.
Рекамье, Жюльетта — 314, 978, 997.
Рекке, Шарлотта — 64.
Рембрандт ван Рейн — 110, 965—66.
Ремер — 442.
Реми, Жилле — 298.
Репин, Илья Ефимович — 699, 837, 862—63, 867, 870, 872—74, 876, 878, 885, 890—91.
Репнин, Василий Николаевич — 352, 356.
Репнин, Николай Григорьевич — 774.
Решетников, Федор Михайлович — 899.
Решид-Паша — 382.
Ржевский, Д. С. — 533, 764.
Ригельман, Н. А. — 726.
Риземан — 459.
Риккорд (рожд. Короставцева), Людмила Ивановна — 80.
Риккорд, Петр Иванович — 80.
Римская-Корсакова (Вяземская), Александра Александровна — 81—82, 85.
Римская-Корсакова, Мария Ивановна — 81.
Римские-Корсаковы — 85—86.
Римский-Корсаков, Владимир Николаевич — 924.
Римский-Корсаков, Григорий Александрович — 18, 106, 310—11, 326.
Римский-Корсаков, Михаил Николаевич — 910, 924.
Римский-Корсаков, Николай Андреевич — 893—94, 899, 904, 906, 909—10, 912—20, 923—24.
Риттер — 514.
Рихтер — 466.
Рихтер, Иоганн-Пауль — 586; см. еще: Жан-Поль.
Рихтер, Федор Федорович — 148, 808.
Робер-Флери, Николай — 281.
Робеспьер, Максимилиан — 309.
Ровинский, Дмитрий Алексеевич — 828, 886.
Роджерс, О. — 954, 997.
Родзянко, Николай Петрович — 508.
Родионова, Александра Михайловна — 465—66, 268.
Рожалин, Николай Матвеевич — 70, 339.
Рожер — 466.
Рожнов, Евгений Петрович — 462.
Розберг, Михаил Петрович — 3, 32, 98, 100.
Розен, Андрей Евгеньевич — 431, 435, 440, 480.
Розен, Егор Федорович, — 3, 16, 31—32, 100, 102, 107, 122, 128, 257—58, 262, 355.
Розен, О. Ф. — 478.
Розенберг — 698.
Розенблюм, Николай Германович — 3, 32, 544.
Розини, Джиованни — 152.
Романов, Константин Константинович — 990.
Ромберг, Бернар — 76—77.
Ромье — 376.
Ронкони, Феликс — 593.
Рор, Г. — 533, 694—96, 699—700.
Россет, Александра Осиповна — см.: Смирнова (рожд. Россет), А. О.
Россет, Климент Осипович — 717—18.
Росси, Карл Иванович — 253.
Россини, Джоакино-Антонио — 86, 258, 958, 994.
Ростовцев, Яков Иванович — 102, 1005—06.
Ростопчина, Евдокия Петровна — 359—60, 367—68, 387, 418, 483—85, 488, 752—54.
Рот, Логгин Осипович — 528.
Ротчев, Александр Гаврилович — 3, 32, 92.
Рохлиц, Фридрих — 274.
Рошфор, Анри — 307.
Рудаков, Константин Иванович — 884.
Рубец, А. И. — 899, 903, 913.
Руммель, В. В. — 996.
Румянцев, Николай Петрович — 826, 998.
Рунич, Дмитрий Павлович — 932.
Руско — 254.
Руссо, Жан-Батист — 268.
Руссо, Жан-Жак — 514, 966.
Руссо, Марсель — 916.
Рыбакова, Н. П. — 448.
Рылеев, Кондратий Федорович — 8, 40, 42, 46, 48, 57—58, 140, 162, 211, 220, 231, 246—48, 260—61, 263, 267, 311, 354, 433, 435, 499, 502, 516, 518, 520—21, 525, 1008.
Рылов, Аркадий Александрович — 881.
Рыльский, Максим Фаддеевич — 921.
Рындина, помещица — 209.
Рычков, Петр Иванович — 226—27, 231—32, 240.
Рябов — 922.

С. А., криптоним С. Т. Аксакова — 749.
Сабуров, Александр Иванович — 17, 37—38, 44.

Сабуров, Андрей Иванович — 6, 38, 102—03.
Сабуров, Михаил Иванович — 481.
Сабуров, Яков Иванович — 3, 6, 17, 32, 37—38, 44, 102—03.
Савва, В. И. — 495—96, 512, 531.
Савельев, Калистрат Савельевич — 1003—06.
Савельева, Саша — 1005—06.
Савельевы — 1003.
Савинов, Алексей Николаевич — 269, 278.
Савицкий, Константин Аполлонович — 655, 663, 827, 878—79.
Саводник, Владимир Федорович — 536.
Саврасов, Алексей Кондратьевич — 887.
Сагайдачный — 213—14.
Садовников, Василий Семенович—95, 105, 565, 805.
Садовский, Пров Михайлович — 637, 654.
Сазонов, Николай Федорович — 872.
Саитов, Владимир Иванович — 30—31.
Сакулин, Павел Никитич — 240—41, 364, 368.
Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина), Елизавета Васильевна — 722—23.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович — 869, 890, 909.
Салтыкова, Елизавета Павловна — 20, 116—17.
Сальванди, Нарцисс-Ахилл — 123.
Сальери, Антонио — 272, 274, 278.
Самарин, Иван Васильевич — 570, 572, 636.
Самарин, Юрий Федорович — 418, 429, 543, 577, 580, 586, 622, 624, 626, 642, 666, 686, 696, 712, 714—15, 718, 721, 734, 747—48, 572, 803—04.
Самарины — 543.
Самойлов, Василий Васильевич — 589, 657, 838, 885.
Самокиш-Судковская, Елена Петровна — 881.
Самсонов — 790.
Санин, А. — 918.
Санковский, Павел Степанович—3, 32, 92.
Сариотти, Михаил Иванович — 898.
Сатин, Николай Михайлович — 366, 431, 435, 439—40.
Сассо-Феррато (Сальви, Джованни-Батиста) — 824—25.
Саути, Роберт — 954, 964—65, 971.
Сахаров, Иван Петрович — 340.
Сахновский, Юрий Сергеевич — 918.
Сварицкий-Сварик, П. — 247, 254.
Сварог, Василий Семенович — 892.
Свербеев, Александр Дмитриевич — 723.
Свербеев, Владимир Дмитриевич— 723.
Свербеев, Дмитрий Николаевич — 533, 543—44, 624, 626, 648, 682, 685, 702, 723, 742, 746—48, 750, 752.
Свербеев, Николай Дмитриевич— 533, 682.
Свербеева, Варвара Дмитриевна — 723.
Свербеева, Екатерина Александровна — 533, 544, 620—21, 624, 650, 682, 685—86, 690, 701—03, 706, 723, 742, 746—48.
Свербеева, Ольга Дмитриевна — 723.
Свербеевы — 543, 610, 464—47, 649, 670, 685, 690, 723, 742, 747—48.
Сверчков, Николай Егорович — 673.
Светлова, Мария Константиновна —148.
Свечин — 465.
Свечина (рожд. Соймонова), Софья Петровна — 129—30.
Свинбэрн, Альджернон Чарльз — 281.
Свиньин, Павел Петрович — 3, 30—31, 41, 66—68, 97, 254, 348.
Свифт, Джонатан — 1015.
Северин, Дмитрий Петрович — 251, 533, 554—55.
Сегюр, Луи-Филипп — 930.
Селивановский, Семен Иоанникиевич — 260.
Селинов, Валентин Иванович — 337.
Семевский, Василий Иванович — 440, 522, 532.
Семевский, Михаил Иванович — 452.
Семен, Август Иванович — 40.
Семенов — 74.
Семенов, Арефий — 447.
Семенов, Иван Арефьевич — 447.
Семенов, Леонид Петрович — 412, 426.
Семенов, Максим — 447.
Сен-Жюльен, Шарль де—327—28, 330—32.
Сенковский, Осип Иванович — 3, 32, 74, 114, 119, 122, 256, 290, 366, 404, 562, 640, 663, 773, 843.
Сен-При, Алексис — 298.
Сен-При, Арман (Карл Францевич) — 118, 298.
Сен-Тома, Проспер — 249.
Сент-Бев, Шарль-Огюстэн — 143, 320, 374, 679—80, 767.
Сенявин, Дмитрий Николаевич — 80.
Сербинович, Константин Степанович —3, 31, 74, 118—19, 243—62.
Сергеев, Иван — 1003, 1016.
Сергиевские — 209.
Сергиевский, Иван Васильевич — 533—34, 536, 538—40.
Серебряков, В. А. — 638.
Серов, Александр Николаевич—897—900, 923.
Серов, Валентин Александрович — 701, 878, 884.
Серов, Владимир, Александрович — 884.
Сибиряков, Иван Семенович — 248, 260.
Сиверс, Владимир Карлович — 132.
Сидонский, Федор Федорович — 122.
Сидоров, Алексей Алексеевич — 891—92.
Симаков, Иван Васильевич — 892.
Симановский, Иван Павлович — 556, 592.
Симонов, Иван Михайлович — 310, 325.
Синельникова (рожд. Хударевская), Мария Николаевна — 533, 544, 756—59, 762—63.
Синявский, Николай Александрович — 31, 242.
Сиркур, Адольф де — 152.
Сиркур (рожд. Хлюстина), Анастасия Семеновна — 3, 32, 152, 154.
Сисмонди, Жан-Шарль-Леонард — 152.
Скабичевский, Александр Михайлович — 426.
Скалон (рожд. Каппист), Софья Васильевна — 530, 532.

Скандерберг — см.: Кастриот, Георг.
Скарятин, Владимир Дмитриевич —742.
Скороходов — 518.
Скотт, Вальтер — 81, 950, 954, 963—64.
Скотти, Михаил Иванович — 716, 809.
Славинский, Е. — 922.
Славинский, М. — 898, 923.
Славинский, М. А.—286.
Сластион, Афанасий Георгиевич — 892.
Смаковский — 74.
Смирдин, Александр Филиппович —24, 138, 151—52, 242, 250, 256, 290, 545, 547, 560, 562, 582, 616, 1002—03, 1006.
Смирнов, Николай Михайлович—346,450.
Смирнов-Сокольский, Николай Павлович — 313, 315, 317, 319, 321, 323, 329, 349, 569, 571, 573, 575, 577—79, 695, 847, 850, 856, 999—1114.
Смирнова (рожд. Россет), Александра Осиповна — 3, 31, 78, 96, 104, 118, 125, 258, 432, 449—50, 456, 467, 533, 538, 544, 564, 648—49, 662, 666, 676, 679, 686—87, 690, 698, 701—02, 718, 720, 726—28, 730, 732, 734, 736, 738, 752, 765, 788, 793, 800, 810.
Смирнова, Софья Николаевна — см.: Трубецкая (рожд. Смирнова), С. Н.
Смолич, Н. В. — 922.
Снегирев, Иван Михайлович — 3, 23, 31, 121—22, 268, 291.
Собещанский, А. Г. — 768.
Собизский, И. — 592.
Собинов, Леонид Витальевич — 914.
Собко, Николай Петрович —884, 886, 888, 890.
Соболевский, Сергей Александрович — 3, 16, 29, 31, 52, 65, 68—70, 126, 264, 270, 278, 280, 286, 344—46, 355.
Соймонова, Екатерина Петровна — см.: Гагарина (рожд. Соймонова), Е. П.
Соймонова, Софья Петровна — см.: Свечина (рожд. Соймонова), С. П.
Сокальский, Петр Петрович —898, 917, 923.
Соколов, Абрам Филиппович — 447.
Соколов, Андрей Иванович—442—45, 447.
Соколов, Иван Абрамович — 442—44, 447.
Соколов, Николай Александрович — 883.
Соколов, Павел Петрович — 313, 315, 317, 319, 321, 323, 329, 346, 617, 621, 625, 627, 837, 840, 851—55, 858—60, 866, 874, 885, 888, 1012—13, 1016.
Соколов, Петр Иванович — 249.
Соколов, Петр Петрович — 625, вкл. между стр. 672—73, 819, 837, 846, 848, 868—69, 871, 873—78, 884, 886, 891.
Соколов, Петр Федорович — 309, 951, 995.
Соколова, Наталия Ивановна — 892.
Сократ — 390.
Солдатенков, Кузьма Терентьевич —762.
Соллогуб, Владимир Александрович — 269, 369—72, 408, 418, 429, 554, 712, 773, 803, 859.
Соллогуб, Надежда Львовна — 113—14.
Соллогуб, Наталья Львовна — см.: Обрескова (рожд. Соллогуб), Н. Л.
Соллогуб-Сабуровы — 38, 44, 103.
Соловьев, Николай Феопемтович — 899, 910, 912, 914.
Соловьев, Никита Федорович — 498.
Соловьев, Сергей Михайлович — 388, 392, 600, 664, 724, 803.
Соловьев-Седой, Василий Павлович—922.
Соловьева, А. — 609, 611.
Соловьева, Вера Сергеевна — 724.
Соломирская (рожд. Булгакова), Екатерина Александровна — 3, 32, 144.
Соломирский, Павел Дмитриевич — 144.
Соломонов, М. — 892.
Солоницын, Владимир Аполлонович — 322, 326.
Сомов, Константин Андреевич —810, 890, 892.
Сомов, Орест Михайлович — 3, 31—32, 68, 82, 86—87, 92—93, 108, 246, 256—58.
Сопиков, Василий Степанович — 1000.
Сорен, Бернар-Жозеф — 89.
Сосницкая, Елена Яковлевна — 647.
Сосницкий, Иван Иванович—533, 548—50, 552, 554, 556, 558, 576, 647.
Спасович, Владимир Данилович — 221.
Сперанский, Михаил Михайлович — 36, 78, 244, 263.
Сперанский, Михаил Несторович — 531, 594.
Спиридонов, Василий Спиридонович — 456.
Сребницкий, Иван Афанасьевич — 495, 500, 512, 531.
Срезневский, Измаил Иванович—543, 556.
Стааль фон Гольштейн, Александр Карлович — 459.
Стааль фон Гольштейн (рожд Шатилова), Софья Николаевна —453, 459, 464, 473.
Ставассер, Петр Андреевич — 808, 841.
Сталин, Иосиф Виссарионович — 20, 233—34, 241, 1014.
Сталь, Анна-Луиза-Жермена — 123, 978, 994, 997.
Станиславович, И. — 807—08.
Станиславский, Константин Сергеевич — 563.
Станкевич, Александр Владимирович — 533, 544, 700.
Станкевич, Иван Владимирович — 533, 720, 754.
Станкевич (в замуж. Фролова), Мария Владимировна — 533, 720.
Станкевич, Николай Владимирович — 27, 408, 573, 720.
Станкевичи — 543, 720.
Старицкий, Михаил Петрович — 915—16, 918, 921.
Старчевский, Альберт Викентьевич —695.
Стасов, Владимир Васильевич — 566, 865, 869—70, 872—73, 890—91, 987, 904, 909—10, 916, 923—24.
Стасюлевич, Михаил Матвеевич — 587.
Статфорд-Каннинг—963, 976, 996.
Степанов, И.— 1002.
Степанов, Иван — 200.
Степанов, Николай Степанович — 600.
Стернин, Григорий Юльевич — 837—92.
Столыпин, Алексей Аркадьевич — 454, 466, 470, 472, 474—76, 484.
Столыпин, Афанасий Алексеевич — 444, 447.
Столыпин, Дмитрий Аркадьевич — 432, 1013.

Столыпины — 446.
Столяров, И. Н. — 205.
Стравинский, Федор Игнатьевич—914—15.
Стрекалов — 518.
Строганов — 824, 828.
Строганов, Александр Григорьевич — 196, 976, 996.
Строганов, Александр Павлович — 117.
Строганов, Григорий Александрович — 271, 996.
Строганов, Павел Александрович — 117.
Строганов, Сергей Григорьевич—518, 824, 828.
Строганова (рожд. Голицына), Софья Владимировна — 3, 20, 32, 116—17.
Стройновская — 473.
Струйский, Дмитрий Юрьевич — 108.
Струтт — 595.
Стрэшн — 595—96.
Студитский, Александр Ефимович — 533, 721.
Стурдза, Александр Скарлатович — 143, 554, 732.
Стурдза, Роксандра Скарлатовна — см.: Эдлинг (рожд. Стурдза), Р. С.
Стюарт, Мария — 952.
Суворов, Александр Васильевич — 264, 266, 268, 378, 388.
Суворова-Рымникская, Мария Аркадьевна — см.: Голицына (рожд. Суворова-Рымникская), М. А.
Судаков, Михаил — 470.
Сумароков, А. — 299.
Сумароков, Александр Петрович — 259, 266, 268.
Сусанин, Иван — 93, 247, 894, 986, 917.
Сушков, Дмитрий Петрович — 387.
Сушков, Николай Васильевич — 689.
Сушкова, Екатерина Александровна — 368, 399, 456, 482,
Сю, Евгений — 644, 676, 680.

Т....ъ, криптоним И. С. Тургенева —749.
Тальони, Мария — 146, 463, 576.
Танеев, Сергей Иванович — 902, 914, 923—24.
Тарасенко-Отрешков, Наркиз Иванович — 367.
Тарле, Евгений Викторович — 428.
Тарновский, Василий Васильевич — 530.
Тассо, Торквато — 67, 102, 952.
Татаринов, Василий Иванович — 726—27.
Татищев, Дмитрий Павлович — 116.
Татищев, Ю. В. — 202.
Телегин, Н. Н. — 249.
Телешев, Иван — 256, 262.
Тенишева, Мария Клавдиевна — 886.
Теннер, Джон — 295.
Теньер — 54, 633.
Тепляков, Виктор Григорьевич — 3, 25, 28, 32, 132, 143, 147.
Терентьев, Иван — 447.
Терно-Компан — 934, 936.
Терпигорев, Н. — 261.
Терпигорев, Сергей Николаевич — 875—76.
Тибо — 72.
Тизенгаузен — 460, 463.
Тизенгаузен, Дария Федоровна — см.: Фикельмон (рожд. Тизенгаузен), Д. Ф.
Тик, Людвиг — 258.
Тимашев, Александр Егорович — 907.
Тимашева (рожд. Загряжская), Екатерина Александровна—3, 31, 100—01.
Тимирязев, Василий Аркадьевич — 930, 936, 939.
Тимм, Василий Федорович—449, 472, 848.
Тимофеев, Алексей Васильевич — 404.
Тиран. А. Ф. — 466, 472, 474.
Тирпенн, литогр.—415.
Титов, Владимир Павлович — 3, 12, 16, 31—32, 69—70, 96, 258.
Тихонравов, Николай Саввич — 532, 549, 552, 773—74.
Тозелли, Антонио — 54.
Толмачев, Яков Васильевич — 327.
Толстая, Аграфена Федоровна — см.: Закревская (рожд. Толстая), А. Ф.
Толстая, Варвара Федоровна — см.: Дохтурова (рожд. Толстая), В. Ф.
Толстой, полковник — 222, 239.
Толстой, судья — 205.
Толстой, Александр Петрович — 533, 583—39, 617—18, 693, 696, 698, 704, 715, 718, 743, 746, 755—56, 825.
Толстой, Иван Петрович — 533, 704.
Толстой, К. К. — 937—38.
Толстой, Лев Николаевич — 233, 480, 482, 533.
Толстой, Федор Андреевич — 978.
Толстой, Федор Иванович — 32, 89, 95, 104—05, 248, 251, 260, 261.
Толстой, Федор Петрович — 104, 133, 538, 543, 698—99.
Толстой, Яков Николаевич—3, 31, 65—66, 102, 374, 533, 644.
Толченов, Александр Павлович — 614, 720, 801.
Томашевская, Анна Ивановна — 737.
Томашевский — 707.
Томашевский, Борис Викторович — 194, 221, 380, 400, 885.
Томилов, Алексей Романович — 110.
Томский, Николай Васильевич — 769.
Тон, Константин Андреевич — 808, 810.
Топорнин — 460.
Топорнины — 346.
Торвальдсен, Бертель — 780, 956.
Траилин — 916—17.
Траскин, Александр Семенович—412, 417, 420—26, 429, 468, 483—84.
Тредьяковский, Василий Кириллович—48.
Трелоуни, Эдвард-Джон — 976, 996.
Третьяков, Павел Михайлович — 841.
Триваньон, Генри — 988—90, 993, 998.
Триваньон, София — 998.
Трилунный — см.: Струйский, Д. Ю.
Тройницкий, Александр Григорьевич — 307.
Тройницкий, Н. Г. — 299.
Тропинин, Василий Андреевич — 333, 344—46.
Трохимовский, М. Я. — 763, 795.
Трохимовский, Н. М. — 794—95.
Трощинский, Дмитрий Прокофьевич — 498, 530, 763.
Трубецкая (рожд. Мансурова), Екатерина Александровна — 350.

Трубецкая (рожд. Лаваль), Екатерина Ивановна — 74.
Трубецкая (рожд. Смирнова), Софья Николаевна — 463.
Трубецкие — 274, 276, 832.
Трубецкой, Александр Васильевич —274, 278, 463.
Трубецкой, Андрей Васильевич — 463.
Трубецкой, Борис Алексеевич — 333—37.
Трубецкой, Иван Дмитриевич — 350.
Трубецкой, Петр Петрович — 522.
Трубецкой, Сергей Петрович — 156, 162, 274, 276, 278, 432, 454, 463, 466, 468, 470, 472, 476.
Трубицын, Н. Н. — 340—43.
Трутовский, Константин Александрович — 711, 865—66, 890, 901.
Трушковский, Николай Павлович — 744, 763.
Туманский, Василий Иванович — 98, 100, 263.
Тур, Евгения, псевд. Е. В. Салиас де Турнемир — 742.
Тургенев, Александр Иванович — 3, 5—6, 8—9, 14—15, 18, 20, 22—23, 28, 30—31, 33—34, 37—38, 40, 46, 48—49, 61—64, 80, 85—86, 104—06, 116, 118—24, 126, 128—30, 132, 138, 146, 148, 150, 152, 154, 159, 191, 242, 244, 251, 267, 288—89, 374, 402, 456, 492, 533, 536, 544, 654, 670, 690. 950, 952, 960, 962—63, 976, 978, 993—94, 997.
Тургенев, Иван Сергеевич — 332, 533, 576, 672, 720, 732, 742—44, 749, 846, 848, 874.
Тургенев, Николай Иванович — 64, 118, 230, 240, 244, 311, 521.
Тургеневы — 30, 68, 104, 116, 118—21, 123—24, 128, 130, 148, 250, 543, 670.
Турнё, Морис—930, 932, 943—36, 938—47.
Турнер — 445.
Т...шева, К...а, криптоним Е. А. Тимашевой — 101.
Тынянов, Юрий Николаевич — 117.
Тьер, Луи-Адольф — 123, 402, 675.
Тьерри, Огюстен — 327.
Тютчев, Федор Иванович — 24, 132.
Тюфякин, Петр Иванович — 129.

Уваров, Сергей Семенович — 18—20, 22, 25, 116, 120, 122, 230, 290, 292—96, 614, 690.
Угринович, Григорий Петрович — 915.
Улитин — 486.
Ульянов, Николай Павлович — 461.
Ульянова, Вера Евгеньевна — 461.
Унгерн-Штернберг — 995—96.
Унковские — 676.
Унковский, Федор — 720.
Унтилов — 424—25.
Уокер, Джордж — 997.
Уортон, Томас — 954.
Урусов, Михаил Александрович — 3, 32, 138.
Урусова, Мария Александровна — см.: Мусина-Пушкина (рожд. Урусова), М. А.
Урусова, Софья Александровна — 138.
Урусовы — 116, 978.
Устрялов, Николай Герасимович—105, 221.
Ухтомская, Софья Ивановна — см.: Арнольди, С. И.
Ушаков, Иван Николаевич — 95—97.
Ушакова (в замуж. Наумова), Екатерина Николаевна — 3, 16, 32, 95—99, 112.
Ушакова, Елизавета Николаевна — см.: Киселева (рожд. Ушакова), Е. Н.
Ушаковы — 30, 85, 97.

—Ѳ — подпись И. П. Клюшникова —408.
Фалиери, Марино — 280—81, 286.
Фарнгаген фон Энзе, Карл-Август — 478, 480, 598, 602, 604.
Федоров — 674.
Федоров, Борис Михайлович — 49, 248—49, 256, 260, 262, 486, 978.
Федоров, Дмитрий — 443.
Федоров, М. Ф. — 426.
Федоров, Никита — 202.
Федоров, Николай Борисович — 262.
Федоров-Давыдов, Алексей Александрович — 886.
Федорова, Вера Михайловна — 32.
Федотов, Павел Андреевич — 841—42, 848, 850, 886.
Феоктистов, Евгений Михайлович — 533, 543—44, 743—44.
Феррари, аббат — 595.
Фиески, Жозеф — 22, 123.
Фикельмон (рожд. Тизенгаузен), Дарья Федоровна — 3, 18, 32, 106.
Филатов — 200.
Филатьев, В. И. — 526.
Филатьева, Софья Владимировна — 31—32, 146.
Филимонов, Владимир Сергеевич —15, 75—76, 79.
Филипсон, Григорий Иванович —422, 429.
Филипченко, Ефим Иванович 504—05, 508, 511, 515 — 16, 519—20.
Философов, Алексей Илларионович — 3, 18, 32, 92, 106, 110, 428.
Философова, Екатерина Илларионовна — 3, 32, 108, 110.
Философовы, И. Н. и Т. А. — 106, 108, 110.
Фильдинг, Генри — 668.
Фитингоф — 466.
Фишер, Карл Андреевич — 1012.
Флетчер, Джильз — 712.
Флигге, Н., изд. — 888.
Фокс, Чарльз-Джемс — 956, 997.
Фомин, Трофим — 114.
Фонвизин, Денис Иванович — 229, 259—60, 298, 308.
Фонвизин, Иван Александрович — 533, 716.
Фонвизин, Михаил Александрович — 166, 716.
Фонвизины — 156.
Фон-Фок, Максим Яковлевич — 254, 256, 260, 262, 1010—12.
Фон-Фок, Петр Яковлевич — 74, 262.
Форбс, Аделаида — 976, 978, 997.
Фра-Беато (Джиованни де Фьезоле) — 836.
Франк, Иосиф — 248.
Франц I, австр. имп.— 116.
Фрейман, О. — 456.
Фридлендер, Георгий Михайлович — 195—210, 773, 793, 801.

Фридриц, Иван Павлович — 1000, 1002.
Фролов, Николай Григорьевич — 720.
Фукс (рожд. Апехтина), Александра Андреевна — 3, 32, 116.
Фукс, Е. Б. — 268.
Фукс, Карл Федорович — 116.

Халецкий, Иван Альбертович — 460.
Халчинский, Иван Дмитриевич — 508.
Халчинский, Федор Лаврентьевич —703.
Харбеттель — 596.
Харлоу, Дж. Г. — 995.
Хастатовы — 380.
Хвостов, Дмитрий Иванович — 3, 32, 108, 258, 264, 266, 268.
Хемницер, Иван Иванович — 266, 268.
Херасков, Михаил Матвеевич— 266, 268.
Хитров — 825.
Хитрово, Елизавета Михайловна —3, 18—19, 25, 32, 71, 100, 106, 143, 218, 221, 370—371.
Хлопуша — 222—23, 234, 239.
Хлюпин — 414, 426.
Хлюстин, Семен Семенович — 152.
Хлюстина, Анастасия Семеновна — см.: Сиркур (рожд. Хлюстина), А. С.
Хмелевская, Екатерина Митрофановна — 32, 544.
Хмельницкий, Зиновий - Богдан — 20, 211—14.
Хмельницкий, С. — 996.
Хованская — 634.
Ховрина, Мария Дмитриевна — 626.
Ховрины — 624.
Ходаревская, Екатерина Ивановна — 758.
Ходкевич, А.— 252.
Хомутов, Михаил Григорьевич — 465, 474.
Хомяков, Алексей Степанович — 3, 31—32, 65, 76, 92, 95, 102—104, 292, 352, 546, 548, 559, 612, 620—22, 624, 626, 649, 652, 675, 703, 717—18, 724—25, 728, 730, 734, 743, 747—48, 750, 803—04, 832, 1012.
Хомяков, Николай Алексеевич — 724.
Хомяков, Степан Александрович — 3, 32, 65.
Хомяков, Федор Степанович — 3, 32, 65.
Хомякова (рожд. Языкова), Екатерина Михайловна — 533, 547—48, 598, 609—10, 616, 620—21, 630, 633, 639, 646, 693, 703, 746—47, 778.
Хомяковы — 30, 104, 543, 598, 602, 610, 621, 634, 652, 703, 724, 728.
Хорн, Р. — 889.
Хрущев — 162.
Хубов, Г. Н.— 923.

Цветаев, Федор Фролович — 24—25, 138.
Цейдлер, Михаил Иванович — 452—53, 460, 462—65, 474.
Цеэ, А. Б. — 198—200, 209.
Циммерман — 978.
Циммерман, врач — 704, 811.
Циркур — 670.
Цылов, Н. — 491.
Цявловская, Татьяна Григорьевна — 3, 32, 208, 240, 263—68, 279—86, 307.
Цявловский, Мстислав Александрович — 31, 138, 166, 171—72, 193, 208, 221, 242, 260, 267, 298, 306—07, 333, 340—42, 348—56.

Чаадаев, Петр Яковлевич — 9, 38, 121, 130, 132—33, 163, 536, 545, 624, 670, 742.
Чайковский, Модест Ильич — 902, 914.
Чайковский, Петр Ильич — 268, 594, 893—94, 897—904, 912, 914, 916, 918, 920—21, 923.
Чаплицкий — 212.
Чекан, Алексей Михайлович — 508.
Ченцов, Николай Михайлович — 440.
Черепнин, Николай Николаевич — 908.
Черкасов, Алексей Иванович — 431, 440.
Чернецов, Григорий Григорьевич — 225.
Чернецов, Никанор Григорьевич — 347, 349, 393, 595.
Чернов, Константин Пахомович — 252.
Чернов, Сергей Николаевич — 166.
Чернышев — 224.
Чернышев, Александр Иванович — 412, 414, 416, 420, 422—24, 427, 429.
Чернышев, Василий Ильич — 150.
Чернышевский, Николай Гаврилович — 533, 548, 640, 848, 898, 915.
Черняев, Н. — 241.
Чертков, Александр Дмитриевич — 286, 481, 818.
Чертков, Иван Дмитриевич — 104—105.
Черткова, Елизавета Григорьевна —816, 818.
Чертковы — 572, 816.
Ческий, Иван Васильевич — 1000.
Чижов, Федор Васильевич — 533, 542—43, 640—41, 646, 652, 662, 672—74, 678—79, 681, 692, 703—04, 716, 748, 756, 773, 776, 778, 780, 782—84, 808, 810.
Чика — 222, 239.
Чистяков, Павел Петрович — 890.
Чихачев — 205.
Чичагов, Дмитрий Николаевич—865—66.
Чичагов, Павел Васильевич — 976.
Чичерин, Борис Николаевич — 38, 482, 828.
Чуглина, Татьяна Григорьевна — 441, 447.
Чулков, Михаил Дмитриевич — 340—41, 343.
Чулков, Николай Петрович — 166.
Чумаков — 223.
Чуприненко, Степан Федорович—881, 892.
Чупрынников, Митрофан Михайлович — 915.
Чхеидзе, Анна Ильинична —240.

Шад, Иоганн-Баптист — 503—04.
Шадури, Вано Семенович — 92.
Шаликов, Петр Иванович — 47, 62, 64, 68, 147.
Шаль, Филарет — 767—68.
Шаляпин, Федор Иванович — 914, 919.
Шан-Гирей, Аким Павлович — 428, 443, 447, 456, 476, 481—82.
Шан-Гирей, Эмилия Александровна — см.: Клингенберг (рожд. Верзилина), Э. А.
Шан-Гиреи — 380.

Шапалинский, Казимир Варфоломеевич— 498—500, 502—03, 605—08, 514—15, 520—22, 524—27, 530.
Шапиро, фотогр.— 890.
Шаповалов (Шаповаленко), Иван Савельевич — 533, 595—96, 638, 658, 673—74, 810—11.
Шаржинский, С. Д. — 650.
Шатилов, Николай — 453, 459, 473.
Шатобриан, Франсуа-Рене — 314, 316, 326, 962— 63.
Шафарик, Павел-Иосиф — 559—60, 825—26, 828, 832.
Шафиров, Петр Павлович — 106.
Шаховская (рожд. Щербатова), Наталья Дмитриевна — 71.
Шаховской, Александр Александрович — 3, 32, 48, 93—95, 298, 894.
Шаховской, Николай Павлович — 878.
Шаховской, Федор Петрович — 3, 9, 71, 162.
Швабе, Нина Константиновна — 32.
Шведе, Роберт Евстафьевич — 465, 468, 470, 472, 476.
Швецова, Наталья Владимировна — 32.
Шебалин, Виссарион Яковлевич—919—20.
Шевченко, Тарас Григорьевич—220, 366, 838, 840—42, вкл. между стр. 840 — 41, 863—64, 886—88, 898, 908, 924, 1007.
Шевырев, Степан Петрович — 3, 14, 23—24, 27, 30—32, 52, 60—65, 70, 87, 92, 94, 96, 98, 102, 120, 132, 136, 211, 291—92, 296, 316, 344, 404, 533, 540, 543, 546—47, 550, 560, 562, 566, 572, 598, 612—14, 616, 626, 628, 630, 649—50, 655—58, 664, 666, 670, 679, 687—88, 691—92, 696, 698, 703, 708, 712, 716, 720, 742—44, 747—48, 755—59, 762—64, 766, 768, 770—72, 793—94, 796—98, 801—04, 808, 816—18, 822, 830, 832, 834, 836, 844.
Шекспир, Вильям — 53, 144, 167, 368, 570, 572, 668, 679—80, 922.
Шелихов, Дмитрий Алексеевич—894, 896.
Шелли, Мэри — 992, 997—98.
Шелли, Перси-Биши — 954, 965, 978, 992, 996, 998.
Шелли, Тимоти — 992.
Шеллинг, Фридрих-Вильгельм-Иосиф — 12, 65.
Шелудяков — 222, 239.
Шенрок, Владимир Иванович — 449, 453, 532—33, 544, 556, 587, 602, 606, 610, 646, 660, 759, 773—74, 815, 822, 834, 886, 888.
Шепелев — 72.
Шепелевич, Родислав Иосафатович— 247, 252, 254.
Шереметев, Борис Сергеевич — 3, 32, 138.
Шереметев, Василий Сергеевич — 138.
Шереметева, Варвара Петровна — 138.
Шереметева, Надежда Николаевна —539, 543, 586, 666, 690, 708, 716.
Шерер — 465.
Шеридан, Ричард — 978, 997.
Шеффер, Ари — 377.
Шеффер, Петр Николаевич — 30.
Шигаев — 223.
Шиллер — 931.
Шиллер, Иоган-Фридрих —124, 368, 570.
Шиллинг, Павел Львович — 80—81, 255.
Шилов, Алексей Алексеевич — 209—10.
Шилов, Сергей Сергеевич — 1005.
Шиловский, П. С. — 860.
Шимановская, Елена — см.: Малевская (рожд. Шимановская), Елена.
Шимановская (рожд. Воловская), Мария — 74, 263, 960, 962—63.
Шимановская, Селина — см.: Мицкевич (рожд. Шимановская), Селина.
Шимановские — 72.
Ширай, С. М. — 214.
Ширинский-Шихматов, Сергей Александрович — 48.
Ширяев, Александр Сергеевич — 387.
Шишкин — 294.
Шишков, Александр Ардалионович — 252, 261.
Шишков, Александр Семенович — 48, 245, 248, 250—52, 254, 258, 261.
Шишкова, Мария Александровна — 751.
Шишкова, Юлия Осиповна — 254, 261.
Шлейдель (рожд. Даль), Паулина Ивановна — 150—51.
Шленкур — 129.
Шляпкин, Илья Александрович — 221.
Шмельков, Петр Михайлович — 887.
Шнор, И., типограф — 1006.
Шнор, Петр Андреевич — 1006.
Шопен, Жан-Мари — 249, 261, 327, 1013—14.
Штакельберг, Константин — 460.
Штакельберг, Эдуард — 460.
Штауберлекнер (рожд. Даль-Окка), Софья Филипповна — 79—80.
Штейн, Р. Ф. — 878.
Штенгер, Эрминия Федоровна — см.: Берг (рожд. Штенгер), Э. Ф.
Штернберг, Василий Иванович — 501, 503, 777, 838, 841.
Штрайх, Соломон Яковлевич — 166.
Шубенин, Василий Григорьевич — 441.
Шубенин, Василий Иванович — 441, 447.
Шубенин, Иван Васильевич — 447.
Шубенин Степан Иванович — 441, 447.
Шубенина, Анна Ивановна —441, 447.
Шубенина, Лукерья Алексеевна — 441, 443—44, 447.
Шубенина, Прасковья Ивановна—441, 447.
Шубенина, Татьяна Ивановна — 441.
Шувалов, Андрей Павлович — 485.
Шувалова, Прасковья Андреевна — см.: Голицына (рожд. Шувалова), П. А.
Шуйский, Василий Иванович — 354.
Шульгин, Иван Петрович — 547.
Шульц, В. — 1016.
Шумский, Сергей Васильевич — 740.

Щеглов В. В. — 937—38.
Щеголев, Павел Елисеевич — 24—26, 139, 148, 242, 278, 400, 410, 426—29, 475, 531, 534.
Щедрин, Федосий Федорович — 482.
Щепкин, Дмитрий Михайлович — 570.
Щепкин, Михаил Семенович — 533, 548—52, 554, 556, 558, 561—64, 567, 570, 572, 581—82, 614, 636, 649, 652, 654, 659, 691—92, 700, 720, 732, 740, 742—43, 768, 788.
Щепкин, Николай Михайлович — 700, 720, 754.

Щепкина (рожд. Станкевич), Александра Владимировна — 720, 754.
Щепкина, К. Н. — 693.
Щепкины — 543, 550, 552, 588, 700, 754.
Щербаков, Б. В. — 361.
Щербатов, Александр — 742.
Щербатова, Наталия Дмитриевна — см.: Шаховская (рожд. Щербатова), Н. Д.
Щербатовы — 654, 978.
Щербина, Николай Федорович — 279, 533, 668.
Щукин, Михаил Иванович — 1005.

Эванс, Томас — 998.
Эдлинг (рожд. Стурдза), Роксандра Скарлатовна — 25, 28, 143.
Эйлер, Леонард — 288.
Эйнар, Шарль — 963.
Эйхгоф, Фредерик — 120—21.
Эйхенбаум, Борис Михайлович — 378, 386, 400, 412, 426.
Эйсиендель, Софья — 388.
Эльбах — 961.
Эльваль, грав. — 838, 887.
Элькан, Алексей Львович — 366—67.
Эльснер, Фанни — 146.
Энгель, Федор Иванович — 526.
Энгельгардт, Анастасия Львовна — см.: Баратынская (рожд. Энгельгардт), А. Л.
Энгельгардт, Егор Антонович — 3, 5, 32—34.
Энгельгардт, Лев — 62.
Энгельгардт, Софья Львовна — 87.
Энгельс, Фридрих — 20, 927, 937.
Эннесли, Фрэнсис-Каролина — 986.
Эро, Эдм — 63—64, 302, 325, 1013.
Эссен, Антон Антонович — 458—61.
Эттингер, Павел Давыдович — 74, 267.
Эфрос, Наталья Давыдовна — 544, 584, 887—88, 1017—27.

Ювенал — 971.
Юдин, А. М. — 125.
Юз, Вильям Вильямович — 359.
Юнгмейстер — 628.
Юрага — 460.
Юргенсон, Петр Иванович — 923.
Юркевич, Петр Михайлович — 508.
Юрлов — 626.
Юсупов, Николай Борисович — 94.
Юсупова (рожд. Нарышкина), Зинаида Ивановна — 79—90, 274.
Юшкова, Авдотья Петровна — см.: Елагина (рожд. Юшкова), А. П.
Юшневский, Алексей Петрович — 164, 166.

Я. Я. Я., подпись Л. В. Бранта — 702.
Язвицкий, В.—333, 337.
Языков, Александр Михайлович — 3, 32, 106—07, 112, 232, 486, 533, 548, 610, 616, 630, 632—35, 637—40, 651—52, 654, 658, 660, 664, 710, 718, 732, 742, 747.
Языков, Михаил Александрович — 533, 600, 747.
Языков, Николай Михайлович — 3, 17, 30—32, 48, 68, 82, 86—87, 91—92, 94, 98, 100, 106—08, 112, 116, 257, 292, 340, 342—43, 346, 492, 533 536, 545—48, 560, 562, 590, 594, 598, 606, 609—11, 616, 620—22, 630, 633—41, 644, 646, 648—49, 651—52, 654, 658, 660, 664, 666, 669—70, 674, 678, 682, 685—86, 688, 690—92, 776, 778, 780, 784—85, 788, 800, 804, 1008—09.
Языков, Петр Михайлович — 232, 241, 610, 621, 630, 634.
Языкова (в замуж. Хомякова), Екатерина Михайловна—см.: Хомякова, Е. М.
Языкова, Елизавета Петровна — 634.
Языкова (в замуж. Бестужева), Прасковья Михайловна—536, 547—48, 560, 634, 639, 664, 703.
Языковы — 30, 82, 94, 100, 107—08, 116, 487, 543, 547—48, 560, 562, 598, 606, 610, 616, 630, 634, 636, 638—40, 654, 660, 664, 688, 710, 732.
Яковкина, Елизавета Ивановна — 426.
Яковлев, Леонтий — 447.
Яковлев, Михаил Лукьянович — 291.
Яковлев, Павел Лукьянович — 6, 9, 11, 35, 47—48, 50, 52.
Яковлева, Екатерина Сергеевна — см.: Авдулина (рожд. Яковлева), Е. С.
Якубович, Лукьян Андреевич — 141, 296, 961, 995.
Якубович, Мария Андреевна — 995.
Якушкин, Вячеслав Евгеньевич — 173—74, 193, 240.
Якушкин, Евгений Иванович — 57, 533, 544, 742.
Якушкин, Иван Дмитриевич — 156, 159, 163—64, 166, 742.
Яначек, Леош — 918.
Ясновский, Даниил Емельянович — 496, 500, 502, 508—09, 511—12, 514—15, 519—20, 526.
Ярошенко, Николай Александрович — 707.
Ясинский, Иероним Иеронимович — 886.
Ястребцов, В. В. — 913—14, 924.
Яхонтов, Александр Николаевич — 478, 480.

Arnim, Max — 938.

Besser, Wilhelm — 480.
Beutler, Karl Adolf — 998.
Brambilla — 593.
Broughton — 996.

Chawort, Mary — 997.
Circourt — 152.

Dawson, Edgar — 995.
Delaborde, H. — 994.
Del. — Ratkine, H., псевд. И. Делаво — 306.
Dorow, W.— 996.
Doumic, René — 937—38.
Dukmeyer, Friedrich — 480.

Fitzgerald, Molloy — 995.
Frezzolini — 593.

Gabussi — 593.
Grylls, R. G. — 998.

Kinnaird, Hon. Douglas — 998.
Klemperer. Victor — 939.

Lacombe, P. — 938.
Ledieu, Paul — 937.
Lupton — 964.

Madden — 995.
Maggs, Bros — 998.
Maistre, H. — 938.
Marmottan, P. — 994.
Matthews — 994.
Mayne, E. C. — 998.
Melbourne — 998.
Moore, Th. — 994—95.

N., подпись М. А. Дмитриева — 46.
Nise, Tomas — 993.

Oviole, Leonardo — 997.

Peck, Walter Edwin — 993.
P — y, S., криптоним С. Д. Полторацкого — 298, 300, 302.
P. R. E., криптоним С. Д. Полторацкого (?) — 307.

Quenelle, Peter — 993.

R. E., подпись С. Д. Полторацкого — 302, 307.
Rambaud, A. — 937.

S. P., криптоним С. Д. Полторацкого — 298.
Scartabelli, G.— 994.
Schultess-Loung, N. S. — 993.
Shaw, W. A. — 994.
Sivers — 480.
Sutherland — 995.
Symonds — 826.

Thieme — 938.
Toporowski Marian — 267.
Tribolati, Felice — 994.

Un bibliophile russe, псевд. С. Д. Полторацкого — 304.
Ungher — 593.

Vapereau, G. — 938.

Wise, T. J. — 993, 995.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН

ПУШКИН В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ (1815—1837)

Выдержки из писем В. С., Г. С. и О. С. Аксаковых, Е. А. Баратынского, А. П. Бочкова, К. П. Брюллова, И. Г. Бутовского, Е. Вейкарт, А. Ф. Вельтмана, А. В. Веневитинова, А. Ф. Воейкова, З. А. Волконской, М. С. Воронцова, Б. А. Враского, П. А. Вяземского, П. А. Габбе, Ф. Н. Глинки, Н. И. Гнедича, А. П. и Н. П. Голицыных, И. И. Граффа, Н. И. Греча, В. П. Давыдова, В. И. Даля, Д. В. Дашкова, А. А. Дельвига, М. Ф. Де-Пуле, О. А. Долгоруковой, А. П. Дурново, В. А. Жуковского, А. В. Зражевской, А. А. Ивановского, А. Е. и В. В. Измайловых, П. П. Каверина, А. Н., Е. А., Е. Н. и С. Н. Карамзиных, М. Г. Карташевской, П. А. Катенина, И. В. Киреевского, С. Д. Киселева, Д. М. Княжевича, П. Б. Козловского, Ф. Ф. Кокошкина, А. А. Краевского, Н. И. Кривцова, В. К. Кюхельбекера, М. И. Лекса, И. В. Малиновского, П. В. Нащокина, Я. М. Неверова, В. И. Оболенского, В. Ф. Одоевского, М. Ф. Орлова, Н. Г. Осокина, К. А. Охотникова, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, Н. В. Путяты, В. Л. Пушкина, М. П. Розберга, Е. Ф. Розена, А. Г. Ротчева, Я. И. Сабурова, П. С. Санковского, П. П. Свиньина, О. И. Сенковского, К. С. Сербиновича, А. С. Сиркур, А. О. Смирновой, И. М. Снегирева, С. А. Соболевского, Е. А. Соломирской, О. М. Сомова, С. В. Строгановой, В. Г. Теплякова, Е. А. Тимашевой, В. П. Титова, Ф. И. и Я. Н. Толстых, А. И. Тургенева, М. А. Урусова, Е. А. Ушаковой, Д. Ф. Фикельмон, А. И. и Е. И. Философовых, А. А. Фукс, Д. И. Хвостова, Е. М. Хитрово, А. С., С. А. и Ф. С. Хомяковых, А. А. и Ф. П. Шаховских, С. П. Шевырева, Б. С. Шереметева, Е. А. Энгельгардта, А. М. и Н. М. Языковых

Публикации К. Богаевской, Л. Добровольского, В. Ерофеева, Р. Заборовой, И. Зильберштейна, Л. Катанской, Е. Коншиной, Л. Ланского, Л. Назаровой, С. Недумова, В. Нечаевой, Ф. Приймы, С. Рейсера, Н. Розенблюма, Т. Цявловской

Вступительная статья Д. Благого 3

НОВОЕ О ПУШКИНЕ И ДЕКАБРИСТАХ

Статья М. Нечкиной 155

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ВООБРАЖАЕМОГО РАЗГОВОРА С АЛЕКСАНДРОМ I»

Статья С. Бонди 167

ПУШКИН И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ 1826 года

Статья Г. Дейча и Г. Фридлендера 195

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О ПУШКИНЕ

I. НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ИСТОРИИ УКРАИНЫ. — II. ПУШКИН В РАБОТЕ НАД «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКОЙ»

Статьи Ю. Оксмана 211

ПУШКИН В ДНЕВНИКЕ К. С. СЕРБИНОВИЧА

Публикация В. Нечаевой 243

ПУШКИН В ДНЕВНИКЕ ФРАНТИШКА МАЛЕВСКОГО
Публикация Т. Цявловской 263

ПУШКИН И ХУДОЖНИК Г. Г. ГАГАРИН
ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ
Сообщение Э. Найдича 269

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА «В ГОЛУБОМ НЕБЕСНОМ ПОЛЕ»
Публикация Т. Цявловской 279

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ПУШКИНУ
ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО, К. Ф. КАЛАЙДОВИЧА, А. А. КРАЕВСКОГО и В. Ф. ОДОЕВСКОГО
Публикация В. Ерофеева, Ю. Оксмана и Ф. Приймы 287

ПУШКИН ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ 1820—1840 гг.
I. С. Д. ПОЛТОРАЦКИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ
Статья Ф. Приймы 297

II. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ
Статья В. Нечаевой 308

III. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ИМЕНИ ПУШКИНА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
Статья В. Нечаевой 327

ВОКРУГ ПУШКИНА
I. НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КИРДЖАЛИ
Сообщение Б. Трубецкого 333

II. ОБ ЭПИГРАММЕ ПУШКИНА «ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!»
Сообщение О. Билинкис 338

III. ИСТОЧНИКИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, ПЕРЕВЕДЕННЫХ ПУШКИНЫМ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
Сообщение В. Архангельской 340

IV. О ПОРТРЕТЕ ПУШКИНА РАБОТЫ ТРОПИНИНА
Сообщение Л. Ивановой и Е. Коншиной 344

V. ЗАМЕЧАНИЯ М. П. ПОГОДИНА НА «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА» П. В. АННЕНКОВА
Сообщение М. Цявловского 348

ЛЕРМОНТОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭПИГРАММЫ ЛЕРМОНТОВА
Публикация Э. Найдича 359

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА И В. А. СОЛЛОГУБА
Публикация Р. Заборовой 369

ОТКЛИКИ ЛЕРМОНТОВА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ 1820—1830-х ГОДОВ
I. «ВЕСЕЛЫЙ ЧАС»
Статья Н. Любович 373

II. «10 ИЮЛЯ (1830)»
Статья Н. Любович 378

III. «ИЗ ПАТКУЛЯ»
Статья Н. Любович 387
IV. «К***» («О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТ»)
Статья Э. Найдича 393
V. «ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША»
Статья Э. Герштейн 401
VI. «БЛАГОДАРНОСТЬ»
Статья Б. Бухштаба 406

ДВА РАСПОРЯЖЕНИЯ НИКОЛАЯ I
Статья С. Андреева-Кривича 411

ЛЕРМОНТОВ И ДЕКАБРИСТ М. А. НАЗИМОВ
Статья Ленины Ивановой 431

ЛЕРМОНТОВ И КРЕСТЬЯНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)
Сообщение П. Вырыпаева 441

ЛЕРМОНТОВ В ЗАПИСКАХ А. И. АРНОЛЬДИ
1. ЛЕРМОНТОВ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРОДНЕНСКОМ ГУСАРСКОМ ПОЛКУ В 1837 — 1838 гг.— 2. ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ В 1841 г.
Публикация, введение и примечания Ю. Оксмана 449

ВОКРУГ ЛЕРМОНТОВА
I. ЗАБЫТЫЙ ДРУГ ЛЕРМОНТОВА
Сообщение М. Ашукиной 477
II. УТРАЧЕННЫЕ РУКОПИСИ ЛЕРМОНТОВА
Сообщение Э. Найдича 480
III. АЛЬБОМ Г. Н. ОЛЕНИНА
Сообщение А. Михайловой 482
IV. ОТКЛИК А. И. ПОЛЕЖАЕВА НА СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА»
Сообщение В. Баранова 485
V. НОВОНАЙДЕННОЕ ПИСЬМО О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА
Сообщение А. Михайловой 487

ГОГОЛЬ

ГОГОЛЬ И «ДЕЛО О ВОЛЬНОДУМСТВЕ»
Статья С. Машинского 495

ГОГОЛЬ В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ (1833—1853)
Выдержки из писем В. С., Г. С., И. С., К. С., Л. С., М. С., Н. С., О. С. и С. Т. Аксаковых, В. Г. Анастасевича, П. В. Анненкова, В. В. Апраксина, Ф. Аралова, Л. И. Арнольди, С. И. Астракова, Т. А. Бакуниной, Е. А. Баратынского, П. А. Бессонова, И. Е. Бецкого, М. П. Бибикова, А. А. Божко, В. П. и Н. П. Боткиных, Н. Г. Будьлобро'о, И. Е. Великопольского, А. В. Веневитинова, Л. К. и М. Ю. Вьельгорских, П. А. и П. П. Вяземских, И. С. Гагарина, Г. П. Галагана, И. П. Галахова, А. М. Гедеонова, Ф. Н. Глинки, А. В. и М. И. Гоголь, Е. В. Гоголь (Быковой), К. А. Горбунова, Н. И. Греча, А. А. и П. И. Григорьевых, В. Л. и Е. В. Давыдовых, В. И. Даля, А. С. Данилевского, Джюлии, А. П. Елагиной, П. Ф. Заикина, М. А. Зензинова, П. Ф. Зенькова, А. А. и А. И. Ивановых, Ф. И. Иордана, Н. К. Калайдовича, В. А. Каратыгина, М. Г. Карташевской, М. Н. Каткова, Д. М. Княжевича, И. Т. Кокорева, А. Н. Костылева, Н. И. Крылова, Н. И. Лобанова, М. А. Максимовича, С. Маркова, Н. А. Мельгунова, Ф. Б. Миллера, Ф. А. Моллера, Н. И. Надеждина, П. В. Нащокина, Я. М. Неверова,

А. В. Никитенко, В. Ф. Одоевского, Б. И. Ордынского, В. А. Панова, П. И. Пейкера, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, Я. П. Полонского, С. И. Пономарева, А. Н. Попова, Н. Я. Прокоповича, Л. С. Пушкина, Н. А. Рамазанова, Д. С. Ржевского, Г. Рора, Д. Н., Е. А. и Н. Д. Свербеевых, Д. П. Северина, М. Н. Сивельниковой, А. О. Смирновой, И. И. Сосницкого, А. В., И. В. и М. В. Станкевичей, А. Е. Студитского, А. П., И. П. и Я. Н. Толстых, А. И. и И. С. Тургеневых, Е. М. Феоктистова, И. А. Фонвизина, Е. М. Хомяковой, Ф. В. Чижова, И. С. Шаповалова, С. П. Шевырева, М. С. Щепкина, Н. Ф. Щербины, А. М. и Н. М. Языковых и Е. И. Якушкина

Публикация и комментарии Л. Ланского
Предисловие И. Сергиевского 533

ГОГОЛЬ В НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

ЗАПИСИ П. И. МАРТОСА, Ф. В. ЧИЖОВА, В. С. АКСАКОВОЙ и М. П. ПОГОДИНА

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ШКОЛЬНОГО ТОВАРИЩА ГОГОЛЯ. ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА П. И. МАРТОСА К П. И. БАРТЕНЕВУ 773
II. ЗАПИСИ О ГОГОЛЕ В ДНЕВНИКАХ Ф. В. ЧИЖОВА 776
III. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК В. С. АКСАКОВОЙ 786
IV. ЗАМЕТКА М. П. ПОГОДИНА О ГОГОЛЕ 793

Публикации Н. Арнольда, Леонида Каплана и Г. Фридлендера

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ

ПИСЬМА К. С. и С. Т. АКСАКОВЫХ, А. А. ИВАНОВА, И. Т. ЛИСЕНКОВА, Ф. А. МОЛЛЕРА, М. П. ПОГОДИНА и С. П. ШЕВЫРЕВА

Публикация и комментарии Л. Ланского
Предисловие С. Машинского 797

ГЕРОИ ГОГОЛЯ В РУССКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ XIX ВЕКА

Статья А. Коростина и Г. Стернина 837

ГОГОЛЬ В МУЗЫКЕ

Статья А. Гозенпуда 893

СООБЩЕНИЯ

ЗАБЫТАЯ РУКОПИСЬ ДИДРО

(БЕСЕДЫ ДИДРО С ЕКАТЕРИНОЙ II)

Статья С. Кузьмина 927

АВТОГРАФЫ БАЙРОНА В СССР

1. АВТОГРАФЫ БАЙРОНА ИЗ СОБРАНИЯ Г. В. ОРЛОВА.— 2. АВТОГРАФЫ БАЙРОНА ИЗ СОБРАНИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО.—3. АВТОГРАФЫ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПИСЕМ БАЙРОНА В РУССКИХ АРХИВАХ

Статья М. Алексеева 949

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ КНИГИ

Сообщение Н. Смирнова-Сокольского 999

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составила Наталья Эфрос 1017

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составил Ю. Масанов 1028

В ТОМЕ 434 ИЛЛЮСТРАЦИИ И ПЯТЬ ВКЛАДОК

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редакторы издательства *Н. И. Игнатова* и *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 4901. Т-06512. Изд. № 3291.
Тип. заказ № 1519. Подп. к печ. 30/VII 1952 г.
Формат бум. 70×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 33,25+5 вклеек. Печ. л. 91,1.
Уч.-издат. 98,3+вклейки 0,4. Тираж 10 000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 60 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10